„Вся природа“.

Въ эту серію входятъ слѣдующія сочиненія:

Міровоззаніе — д-ра **Вильгельма Мейера.**
Исторія земли — проф. **М. Неймайра.**
Происхожденіе животнаго міра — проф. **И. Гааке.**
Жизнь животныхъ — **Брэма.**
Жизнь растеній — проф. **Кернера фонъ-Марилауна.**
Человѣкъ — **І. Ранке.**
Народовѣдѣніе — **Фридриха Ратцеля.**
Жизнь природы — д-ра **Вильгельма Мейера.**

Полный переводъ съ нѣмецк., подъ редакціей и съ дополненіями проф. **И. П. Бородина, Ю. Н. Вагнера, Н. А. Гезехуса, С. П. Глазенапа, А. С. Догеля, А. А. Иностранцева, Д. А. Коропчевскаго, П. Ф. Лесгафта.**

8 отдѣловъ въ 231 выпускахъ или 14 томовъ; 11600 страницъ, 8500 рисунковъ въ текстѣ, 215 хромолитографій, 30 картъ въ краскахъ, 165 геліогравюръ и рѣзаныхъ на деревѣ гравюръ.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій пр., с. д. № 75.

Народовѣдѣніе.

Проф. д-ра **Фридриха Ратцеля.**

Переводъ со второго, совершенно переработаннаго нѣмецкаго изданія, съ разрѣшенія издателей подлинника, съ библіографическимъ указателемъ и дополненіями

Д. А. Коропчевскаго.

Второй томъ.

Съ 513 художественно исполненными рисунками въ текстѣ, 15 хромолитографіями, 13 рѣзанными на деревѣ черными картинами и 4 картами въ краскахъ.

Четвертое изданіе со стереотипа.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“

Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

I. Негрскіе народы.

A. Народы южной и восточной Африки.

стр.

1. Общія понятія о неграхъ 3
2. Пастушескіе народы восточной Африки. 95
3. Кафры, зулусы и бечуаны . . . 108
4. Овагереросы (дамары) и горные дамары 151
5. Галласы, масаи и вагумы 169
6. Разсѣянныя негрскія племена восточной Африки 191
7. Народы Замбези и Лунды 221

B. Внутренніе африканцы.

стр.

8. Ваганды и другіе народы, образующіе государства въ области истоковъ Нила 249
9. Негры верхнихъ и среднихъ Нильскихъ странъ 267
10. Народы внутренней Африки . . . 289

C. Западные африканцы.

11. Негры западной Африки 337

II. Культурные народы Стараго Свѣта.

A. Введеніе.

стр.

1. Формы жизни народовъ Стараго Свѣта 393
2. Культура 397
3. Кочевая жизнь пастушескихъ народовъ. 411

B. Африканскіе культурные народы.

4. Обозрѣніе эритрейскаго круга народовъ 425
5. Исламъ 441
6. Внѣшняя жизнь въ арабско-африканской области кочевниковъ . 449
7. Абиссинцы 468
8. Берберы 489
9. Народы Сахары 504
10. Суданъ и суданскіе народы . . . 521
11. Фулахи (фульбе) или феллаты и темные народы Судана . . . 545

C. Азіатскіе культурные народы.

12. Общія свѣдѣнія о монголахъ, тибетцахъ и тюркскихъ народахъ . . 562
13. Монголы и тюркскіе народы . . . 574
14. Тибетцы 599
15. Общія свѣдѣнія о народахъ Индіи . 605

стр

16. Индусы 621
17. Иранцы и родственныя имъ народности 644
18. Индокитайцы и горныя племена восточной Азіи 656
19. Горныя племена восточной Азіи . . 680
20. Историческія данныя о культурѣ Восточной Азіи 687
21. Восточные азіатцы 702
22. Китайцы 714
23. Японцы и корейцы 728
24. Семья, общество и государство преимущественно у китайцевъ . . . 742
25. Фермы вѣрованій и религіозныя системы Азіи 758

D. Западные азіатцы и европейцы.

26. Кавказскіе народы 784
27. Европейцы 795

Дополненія.

Расовая и этническая группировка человѣчества 819
Расы Европы 830
Указатель этнографическихъ именъ и предметовъ 843
Библіографическій указатель русской литературы по народовѣдѣнію . . . 875

Перечень рисунковъ.

Хромолитографіи, рѣзанныя на деревѣ картины и карты въ краскахъ.

	стр.
Африканское оружіе	35
Оружіе и утварь сѣв.-зап. Африки, съ объяснительной таблицей	56
Культурная карта Африки	73
Этнографическая карта Африки	
Кузнецы баріевъ	80
Мѣстность на верхнемъ Нилѣ съ хижинами динковъ	87
Украшенія и утварь юго-вост. Африки, съ объяснительной таблицей	115
Оружіе и предметы украш. гереросовъ	157
Оружіе и утварь восточной Африки, съ объяснительной таблицей	173
Ваганда: мальчикъ. — Динка: дѣвочка	249
Баріи: воинъ и женщина	273
Утварь и предметы украшенія нильскихъ негровъ	275
Негры-шуліи, играющіе на музыкальныхъ инструментахъ	286
Ножи, маска и циновка съ верхняго Конго	289
Воины ньямъ-ньямовъ	299
Оружіе мангбаттовъ	300
Художественныя произведенія народовъ южнаго Конго	314
Лагуна въ сѣверномъ Лоанго (западная Африка)	339
Оружіе и утварь юго-западной Африки, съ объяснительной таблицей	359
Древнеегипетская стѣнная живопись	402
Феллахская деревня близъ Гизеха, въ Нижнемъ Египтѣ	403
Нубійскій воинъ	431
Нубійское оружіе	451
Художественныя ремесла сѣверн. Африки, съ объяснительной таблицей	464
Культурная карта Азіи и Европы	567
Этнографическая карта Азіи и Европы	
Тюркскія и монгольскія ткани и украшенія, съ объяснительной таблицей	590
Индійско-персидскіе доспѣхи и оружіе, съ объяснительной таблицей	626
Главнѣйшія плодовыя деревья на Цейлонѣ: пизангъ, кокосовая пальма и папайя	629
Японское и китайское оружіе, съ объяснительной таблицей	713
Галлереи буддійскаго храма въ Кіото (Японія)	772
Типы народовъ сѣверной и восточной Европы	791

Рисунки въ текстѣ.

	стр.
Мужчина и двѣ женщины съ берега Лоанго	4
Овагереросъ	5
Белла, дѣвушка бечуанка	6
Типъ негра	7
Пѣгій негръ съ берега Лоанго	9
Воины-зулусы	10
Крещеные кафры-хламбе	12
Сандехъ (ніамъ-ніамъ), играющій на арфѣ	14
Плетенный сосудъ для питья изъ западной Африки	15
Шляпа, сплетенная изъ волосъ	16
Музыкальный инструментъ (симба) кафровъ	17
Игла кафровъ для извлеченія колючекъ	18
Палка-трещетка изъ Габуна	19
Арфа негровъ-крусовъ	20
Маримба съ Замбези	21
Негритянка племени абака съ губнымъ украшеніемъ	23
Начальническій знакъ изъ Увинцы	25
Король Томъ Уиль	26
Совѣтники Сандили, кафры-коза	27
Королевское сѣдалище изъ дерева хоссы изъ Ашанти	29
Подушки кресла	30
Жены короля гаиковъ Сандили	31
Ножи-кинжалы изъ Бигэ	33
Мечъ съ ножнами изъ Камеруна	35
Оружіе овагереросовъ	36
Оружіе и утварь средней Африки	37
Бичъ для рабовъ изъ кожи гиппопотама	38
Домашній идолъ фановъ, въ западной Африкѣ	41
Фетишъ неизвѣстнаго назначенія въ Лундѣ	44
Волшебные аппараты, амулеты, кости и пр. кафрскихъ знахарей	46
Идолъ изъ Габуна	47
Талисманъ изъ дерева, околоченный острыми гвоздями	48
Священный волчокъ масанинговъ	49
Волшебная кукла	50
Амулеты изъ Убуджвы	51
Волшебная махалка съ колоколомъ	53
Бинза (колдунъ) сандеховъ (ньямъ-ньямовъ)	54
Фетишъ неизвѣстнаго назначенія въ Лундѣ	55
Раскрашенная деревянная маска изъ Дагомеи	55

стр.

Зулусскій колдунъ 57
Мальчикъ зулусъ съ ассагаями . . 60
Фетишъ ваяйевъ Ньяссы 61
Дольменообразные могильные памятники мадіевъ 63
Плотъ изъ амбоча съ верхняго Нила . 64
Весло людоѣдовъ Арувими 65
Колоколъ глашатая каравана у вакамбовъ 68
Поля баквеновъ 72
Вырѣзанные изъ дерева ложки и ковши кафровъ 73
Ступка бадьоквовъ 74
Приготовленіе соли изъ солончаковой земли въ Уруа 75
Жерновъ 75
Пивной горшокъ западныхъ макалаковъ 76
Табакерка овамбовъ съ ложечкой. . . 76
Табачныя трубки южно-африканскихъ кафровъ 77
Топоръ изъ мѣди 78
Ганда 78
Мутовка кафровъ 79
Глиняные сосуды, гребень и трещетка мангбаттовъ 79
Глиняный сосудъ съ нижняго Нигера 80
Сосуды для нюхательнаго табаку у кафровъ 80
Кафры-коза 81
Ткачъ въ Ишого 82
Негритянка изъ Лоанго 83
Татуированное туловище женщины-монду и мужчины-мангбатту 84
Сумка, сплетенная изъ травы, изъ Калабара 85
Футляръ кафровъ 87
Усаженный бусами передникъ бечуанскихъ женщинъ 88
Планъ хижины въ Муби 89
Планъ укрѣпленной деревни въ Бигэ . 90
Улица въ бечуанскомъ городѣ Куруманѣ 91
Деревня ашировъ 92
Воинъ масай въ полномъ уборѣ . . 96
Воинъ ваньоръ 97
Воинъ шули, въ полномъ вооруженіи . 98
Сумка для жира и рогъ для жира гереросовъ. 99
Деревянные сосуды и ложка бечуановъ 100
Деревянные сосуды кафровъ-зулусовъ . 101
Ложки для ѣды мамбундовъ, зулусовъ и бечуановъ 102
Тыквенный сосудъ кафровъ 105
Молочное ведро, молочная чашка, воронка и ложки овагереросовъ . . . 106
Зулусскіе юноши, упражняющіеся въ фехтованіи 111
Крещеная дѣвушка изъ племени басутовъ 112
Начальникъ и дѣвушка басутовъ. . . 113
Футляръ бечуановъ 114
Травяныя повязки зулусовъ. 115
Ожерелье бечуановъ 116
Боевыя сѣкиры баманговатовъ 117
Кинжалы кафровъ въ ножнахъ. . . . 118
Головная скамейка и головная подушка зулусовъ 119

стр

Деревянная головная скамейка баманговатовъ 120
Деревянный сосудъ зулусовъ въ формѣ черепахи 120
Глиняные сосуды кафровъ и баротсовъ 121
Бечуанскій городъ Шошонгъ 122
Табатерки бечуановъ 123
Домашняя утварь кафровъ 124
Табатерка зулусовъ изъ буйволоваго рога 125
Каменныя табачныя трубки зулусовъ . 126
Жены Кэчвейо 127
Кафрскія орудія. 128
Совѣтники Сандили 129
Воинъ пондо 131
Воины матабели 132
Доска-трещетка вайяевъ 143
Уэнрайтъ (яо) у гроба Ливингстона. 144
Мтута 145
Гитара и деревянная гармоника вайяевъ 146
Трещетки изъ раковинъ вайяевъ . . . 147
Разукрашенный топоръ изъ области манганджей 149
Начальникъ бандьеровъ 152
Начальники гереросовъ Камагереро и Амадама 153
Кожаныя сандаліи овагереросовъ. . . 154
Могила дамаровъ 155
Пороховница овагереросовъ 156
Корзина съ сосудами для воды (изъ тыквы) и корзина, сплетенная изъ травы, овагереросовъ. 157
Сумочка для буху горныхъ дамаровъ . 158
Сосудъ для буху овагереросовъ . . . 159
Утварь горныхъ дамаровъ 160
Овагереросы мужчины 161
Табачная сумка горныхъ дамаровъ . . 162
Мотыка и топоръ овагереросовъ . . 162
Горные дамары. 163
Трубки для дахи горныхъ дамаровъ . 164
Кожаный поясъ горныхъ дамаровъ . . 165
Начальникъ горныхъ дамаровъ и его жена 166
Горный дамаръ. 167
Масаи 170
Серебряный женскій уборъ сомаліевъ . 172
Мѣдное женское украшеніе галласовъ . 173
Рогатый скотъ санга. 175
Сосуды сомаліевъ 176
Кожаные щиты сомаліевъ. 177
Мечъ сомаліевъ. 179
Оправленный мѣдью жезлъ сомальскаго начальника 181
Колѣнное украшеніе воина вакамба. . 184
Ударное желѣзное кольцо вакамбовъ . 185
Молочный сосудъ Кавалли 188
Суагеліи 196
Корзина изъ Унгуу 199
Негръ-мулатъ изъ восточной Африки. Видъ спереди 200
Негръ-мулатъ изъ восточной Африки. Видъ сбоку 201
Мечи вандурумовъ и вазегуговъ . . . 202
Копья вагоговъ. 204
Ручные тиски вагоговъ. 205
Гребень ваньямвезіевъ 206
Мѣшалка ваньямвезіевъ 207
Боевой топоръ и мечъ ваниковъ . . 209
Палицы ваниковъ 210

стр.

Стулъ, барабанъ и скрипка ваниковъ . 211
Чистка мечей у ваджагговъ 212
Воинъ джагга 213
Правитель джагговъ Мареале изъ Марангу 214
Хижина джагговъ 215
Саидъ Баргашъ 216
Латунное носовое кольцо суагеліевъ. . 217
Кукла, сплетенная изъ травы, у суагеліевъ 219
Мужчины овамбы 222
Деревянная посуда овамбовъ 223
Мѣдное ножное кольцо овамбовъ . . . 225
Топоры бассонговъ, лупунговъ и съ Замбези 226
Плетеныя блюда, тарелки и фляжки овамбовъ 227
Желѣзный двойной колокольчикъ. . . 228
Баротсы: калебасса и страусовое яйцо, съ нацарапанными фигурами . . . 230
Кинжалъ баротсовъ 232
Удочка для крокодиловъ у баротсовъ . 233
Гарпуна баротсовъ для бегемотовъ . . 234
Западня лухацей для мелкой дичи . 238
Кимбанды-гангуэллы. 239
Оружіе гангуэлловъ 240
Ящичекъ для трута у лухацей . . 241
Дѣвушка изъ Маланже. 242
Лукокеша съ придворными дамами . . 244
Украшенія и утварь вагандовъ . . . 250
Копье вагандовъ. Ножъ шировъ. Заостренная палица ваньоровъ . . . 252
Домашняя утварь ваньоровъ . . . 254
Блюдо ваньоровъ 255
Капканъ вагандовъ 255
Щитъ ваньоровъ 257
Утварь вагандовъ 261
Нильская станція Мэшра-эль-Декъ съ нубійскимъ торговымъ флотомъ. . . 268
Женщина негровъ шиллуковъ 269
Воинъ и дѣвушка шиллуковъ 270
Татуированный негръ шули, съ оружіемъ 271
Дѣвушка бари 272
Головной вѣнокъ шиллуковъ 273
Женщины морусовъ съ губными украшеніями 274
Вѣера баріевъ 275
Негръ-ланго 276
Мади, съ лукомъ и стрѣлами 277
Лукъ, колчанъ и стрѣлы джуровъ . . 278
Щитъ шуліевъ. Ручной щитъ турканасовъ 279
Копье шиллуковъ. Деревянное копье восточныхъ шуліевъ 280
Женщины мадіевъ. 281
Стулъ баріевъ 282
Табачныя трубки и табачницы нильскихъ негровъ 283
Начальникъ боровъ 286
Сандехъ. 291
Вавиры. Кожаная подушка и губное украшеніе изъ дерева 292
Панцырь вавировъ изъ двойной буйволовой шкуры. 293
Деревянная маска вадумбовъ 294
Топоръ и долото вадумбовъ 295
Рѣзакъ вамбубовъ. 295
Стрѣла валегговъ, съ кожанымъ опереніемъ 296

стр.

Воины макараковъ 297
Негры-макараки. 298
Татуировка негра 303
Щиты итуковъ 304
Мальчикъ-балуба изъ области Кассаи . 307
Ножи башиланговъ, бассималунговъ, бассанговъ, ваккусовъ, лупунговъ, фановъ 308
Желѣзное лобное украшеніе луровъ. Шейное украшеніе лѣсныхъ народовъ. Боевыя кольца латтуковъ . . 310
Стулья балубовъ и бенатуазамбовъ. Кубокъ съ ручкою изъ Санкурру . . . 311
Снарядъ для просверливанія губъ у рабыни племени вагоковъ. 312
Метательное желѣзо луровъ 312
Оружіе, гарпуна и амулетъ изъ Маньемы 313
Копье вакондьевъ 314
Желѣзный кинжалъ 315
Ножи-кинжалы луровъ 316
Ножи вакуссовъ. 317
Щиты центральной Африки 318
Щиты мундуссовъ и макараковъ. . . 319
Щитъ мангбаттовъ 320
Головка трубки. Трубка баира-вакондьевъ 321
Домашняя утварь мангбаттовъ. . . . 322
Деревянный колокольчикъ для собакъ у лендусовъ 323
Удочки съ озера Альберта 323
Деревянные губные кружки женщинъ вавировъ 324
Фетишъ бенекіевъ. Украшеніе изъ перьевъ башаланговъ. Поясъ изъ Убуджве. Плетеная шапка изъ Санкурру. Ножъ для татуированія у балубовъ . . . 326
Орудія мангбаттовъ 327
Головки трубокъ вавумбовъ 328
Арфы сандеховъ 329
Двойной кувшинъ лѣсныхъ вакондьевъ 330
Ложка изъ тыквы у вадумбовъ . . . 331
Деревянный барабанъ мангбаттовъ . . 332
Труба изъ слоновой кости мангбаттовъ 333
Фигура предка у лендусовъ. 334
Масличная пальма 338
Женскіе типы Лоанго 340
Воинъ фанъ, съ женою и ребенкомъ 341
Пороховницы изъ Либеріи 342
Суданскій негръ 343
Негръ-кото съ Нигера 344
Оружіе фановъ 345
Оружіе изъ Либеріи 346
Мечъ и ножны изъ Габуна 347
Барабаны изъ Іорубы, Габуна и джуровъ 348
Трещетка фановъ 351
Корзина, состоящая изъ трехъ частей, и корзинка, усаженная раковинами . . 352
Ткацкій станокъ съ Нигера 353
Ложка съ Западнаго берега 354
Мѣдныя чашки для пива съ нижняго Нигера 355
Рѣзной деревянный сосудъ съ крышкой изъ Гвинеи. 356
Раскрашенные глиняные сосуды съ Нигера 357
Глиняный сосудъ съ Нигера. 358
Мѣдная палка негровъ абоніевъ изъ Лагоса 359
Рѣзные слоновые клыки 360

стр.

Весло изъ Бенина 361
Арфа бакалаевъ 362
Мѣдное ручное кольцо 363
Рѣзные деревянные стулья изъ области Нигеръ-Бенуе 368
Кабинда 376
Типы берега Лоанго 377
Метательный ножъ фановъ 378
Дѣвушка мпонгве изъ Габуна 382
Женщина негровъ крусовъ 385
Пороховница туареговъ 386
Тау 387
Японскія полевыя орудія 398
Сфинксъ близъ Гизеха 402
Пирамиды Гизеха 404
Пилоны Эдфу 405
Такъ называемый деревенскій старшина 407
Верблюжье сѣдло тедовъ 411
Дорожный мѣшокъ для провизіи изъ Тимбукту 412
Путы для верблюдовъ у нубійцевъ . . 413
Изваянія на скалахъ въ Тибести . . . 414
Пастушескій посохъ и палица нубійцевъ 416
Караванный колоколъ изъ Кордофана . 418
Татарская коса 419
Бедуинъ изъ Аравійской пустыни . . 426
Мужчина и дѣвушка изъ Нубіи . . . 427
Египетскій арабъ 428
Мусульманскій ученый изъ Каира . . 432
Коптскій купецъ изъ Каира 434
Бедуинъ 435
Нубійскій панцырный шлемъ 439
Факиръ племени шукурьеховъ 445
Хартумскій кади 447
Хартумская танцовщица 450
Мавританско-арабскіе военные трофеи . 451
Щиты нубовъ изъ Кордофана 452
Западни для газелей изъ области Атбары 453
Заостренная палица съ верхняго Нила и метательный ножъ изъ Кордофана 455
Цѣдилка для пива изъ Кордофана . . 456
Браслетъ изъ слоновой кости изъ Кордофана 457
Арабскій сосудъ для куренія изъ глины 457
Нубійскій мечъ 458
Водонепроницаемыя нубійскія плетеныя издѣлія 459
Нубійская сериба 461
Нубійская табачная трубка изъ слоновой кости 462
Нубійская табачная трубка 463
Нубійская раббаба 464
Деревянный гребень для украшенія изъ Абиссиніи 469
Вращающійся вѣеръ 470
Абиссинскій щитъ изъ кожи Bos caffer 471
Абиссинская церковная утварь 473
Абиссинскія плетенія изъ соломы . . 476
Образцы современнаго абиссинскаго искусства 478
Абиссинская государственная печать . 484
Южно-абиссинская дѣвушка 487
Дахеланецъ 490
Негръ изъ Бени-Меслема 491. 492
Древняя каменная постройка близъ Касръ-Дауана 493
Пороховыя фляжки и сумка для пуль изъ Алжиріи 494

стр.

Кожаныя сумки 495. 496
Серпъ изъ оазиса Дахель 497
Мѣдное блюдо 499
Ландшафтъ оазиса въ Сахарѣ 506
Верблюжье сѣдло тиббусовъ 507
Корзинка для провизіи туареговъ . . 508
Всадникъ изъ тѣлохранителей шейха Борну 509
Ложка туареговъ 510
Метательные ножи тиббусовъ 514
Тобе изъ Борну 516
Колчанъ туареговъ 517
Кинжалъ изъ Кано 518
Метательное деревянное оружіе туареговъ 518
Кожаныя издѣлія туареговъ и гауссовъ 519
Женскія сандаліи изъ Кано 520
Негръ (мулатъ?) изъ Багирми 522
Негръ изъ восточнаго Судана (Нуба?) 523. 524
Сосудъ съ сурьмой изъ Бидды, украшенный кожей 525
Сандаліи и башмаки на подставкахъ изъ западнаго Судана (мандинговъ?) . . 528
Планъ группы хижинъ въ деревнѣ Шарау 529
Плетеныя блюда изъ Куки 530
Панцырный всадникъ изъ Багирми . 532
Щиты изъ Багирми 533
Сумка для наконечниковъ копій и кожаная сумка изъ центральнаго Судана (Багирми?) 535
Негръ-форъ 536. 537
Стилетъ въ ножнахъ и деревянное метательное оружіе изъ Дарфура . . . 538
Борнуанскія кожаныя сумки 540
Доспѣхи, метательныя желѣзныя орудія, боевыя сѣкиры и кинжалы изъ Багирми и Борну 541
Сѣдло, сѣдельная сумка и сумка для наконечниковъ копій правителя Багирми 542
Джолофъ 546
Шлемъ воина-бодинга 547
Военный рогъ изъ слоноваго клыка. Западный Суданъ 548
Алжирскій негръ 550. 551
Колчанъ и стрѣла бамбарскаго начальника 557
Молодой монголъ 563
Турецкій офицеръ 564
Старый монголъ 567
Тангутка 570
Нагрудникъ и кокошникъ башкирскихъ женщинъ 576
Тибетское ружье съ распоркой 577
Стрѣлы и луки башкиръ 578
Земледѣльческія орудія изъ сѣв. Индіи и Малаго Тибета 581
Монгольскій музыкантъ 589
Шаманъ съ барабаномъ 592
Лама изъ Лхассы 600
Тангутка 603
Веддасъ съ Цейлона 606
Тамульскій кули 607
Малединская женщина 609
Бронзовое изображеніе Будды 616
Флейта кхасовъ въ Индокитаѣ 620
Купцы-индусы 622
Индійское оружіе 624

	стр.
Полная панцырная индійская одежда — шлемъ, рубашка, рукавица и башмакъ	626
Щитъ съ панцырными пластинами изъ Буя	627
Цейлонскія суда съ ауслегеромъ	634
Бронзовый чайникъ изъ Кашмира	635
Тарья Топанъ	637
Знатный персіянинъ	646
Насръ Эддинъ	652
Мои изъ горъ юго-зап. Аннами	657
Дѣвушка изъ народа Агонгъ	658. 659
Женщина изъ народа Агонгъ	661
Женщина народа Бенонгъ съ ребенкомъ	663
Молодая сіамка	665
Монгкутъ	677
Оружіе изъ восточныхъ Гималаевъ	685
Старинныя серьги и шейныя украшенія японцевъ	688
Китайская джонка	690
Охотничья лодка айносовъ	691
Лодка для дани	692
Китайскій компасъ	693
Проходъ къ императорскимъ могиламъ близъ Шеголя	694
Деревянные нагруженные камнями якоря айносовъ	695
Хижины айносовъ съ подмостками для сушенія рыбы	697
Лукъ, стрѣлы, колчанъ и охотничій ножъ	698
Палицы айносовъ	700
Молодой китаецъ	703
Молодой японскій ученый	704
Корейцы	705
Японская виртуозка	713
Китайскій мандаринъ изъ Кантона	715
Китаянка съ изуродованными ногами и китайскій ребенокъ	716
Китайская водяная трубка и корейскія трубки	719
Китайскія вещи для роскошнаго и обыденнаго употребленія	721
Японская дѣвушка	729
Татуированный японецъ	730
Охотничьи ножи айносовъ	731
Японская утварь	732
Японская столовая посуда	734
Верхнее платье айносовъ изъ луба	735
Вальки для бѣлья (гера) айносовъ	736
Старинныя японскія бронзовыя вазы	737
Ткацкій станокъ айносовъ съ орудіями для тканья	740
Рѣзныя деревянныя пластинки айносовъ	741
Священныя палки (инабосъ) айносовъ	763
Орудія браминскаго жертвоприношенія и богослуженія	766
Деревянныя обрядовыя маски сингалезовъ	767
Ручной барабанъ (дамару) изъ двухъ дѣтскихъ череповъ	769
Японскій жрецъ	771
Буддійскій колоколъ	772
Буддійскій домашній алтарь изъ Японіи	775
Йу-И — жезлъ изъ краснаго лакированнаго дерева	776
Головное украшеніе тибетскихъ ламъ изъ желтой шерсти	777
Индійскій факиръ	778
Курдка	786
Армянинъ	792
Сирійская дѣвушка изъ Дамаска	796
Маронитскій священникъ	798
Ижовская вотячка	802

Негрскіе народы.

A. Народы южной и восточной Африки.

I. Общія понятія о неграхъ.

„Отношенія между народами въ Африкѣ составляютъ самую интересную сторону ея. Все, что касается нравовъ и обычаевъ, нравственнаго и религіознаго, общественнаго и экономическаго состоянія этихъ расъ, достойно прилежнаго наблюденія, тщательнаго описанія и подробнаго разъясненія.“

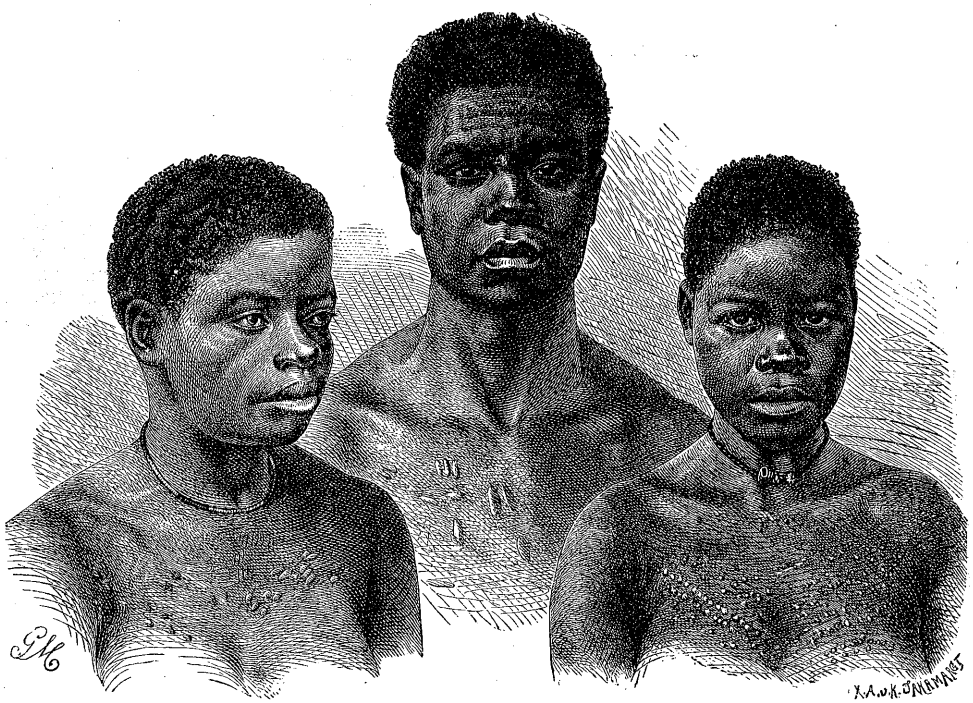
Р. Ф. Бёртонъ.

Содержаніе: Понятіе „негръ“. Физическія свойства. Физіономія. Болѣзни. Рабочая сила. — Умъ и характеръ. — Семья. Любовь къ дѣтямъ. Любовь къ родителямъ. Мужъ и жена. Отцовская власть. — Племя. Патріархальное дѣленіе. Положеніе начальника. Отношенія племенъ между собою. Вліяніе властителей съ выдающимся характеромъ. Внѣшніе признаки начальника. Негръ, какъ воинъ. — Религія. Идеи негровъ о божествѣ. Вѣра въ души и въ духовъ. Погребальные обычаи. Фетишизмъ. Колдуны и врачи. — Матеріальная культура. Неподвижность и отсталость. Судостроеніе и судоходство. Сообщенія. Путевые обычаи. Земледѣліе. Скотоводство. Ремесла. Техника. Хижины и дома. Плотность населенія.

Названіе негръ заключаетъ первоначально одно изъ наименѣе спорныхъ понятій народовѣдѣнія — африканца съ темной кожей, съ такъ называемыми шерстистыми волосами, толстыми губами и носомъ; поэтому нельзя не удивляться при видѣ стараній ученой критики ограничить это понятіе въ Африкѣ, настоящей, древней странѣ негровъ, весьма небольшимъ пространствомъ. Если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Вайтцемъ, что галласы, нубійцы, готтентоты, кафры, народы Конго и мадагассы — не настоящіе негры, если мы также, вмѣстѣ съ Швейнфуртомъ, исключимъ изъ числа ихъ шиллуковъ и бонговъ, то мы должны будемъ признать, что часть свѣта, о которой мы говоримъ, почти на всей своей периферіи обитаема иными народами, а не настоящими неграми; точно также внутри материка, отъ южной оконечности его и далеко заходя за экваторъ, мы находимъ будто бы только свѣтлокожихъ южно-африканцевъ и такъ называемыхъ народовъ банту („кафры“ Вайтца). Для негровъ, при такомъ критическомъ отношеніи къ нимъ, остается лишь „полоса земли не болѣе 10—12 градусовъ широты къ югу отъ линіи, которую можно провести отъ устья Сенегала къ Тимбукту и оттуда до страны Сеннааръ“ (Вайтцъ), причемъ эта значительно урѣзанная раса перемѣшана еще со множествомъ представителей другихъ расъ. По Латаму, настоящая страна негровъ простирается лишь отъ Сенегала до Нигера. Если мы спросимъ, чѣмъ оправдывается такое узкое ограниченіе, то увидимъ, что безобразный типъ негра, который нѣкогда фантазія наблюдателей видѣла во всей Африкѣ, но который въ дѣйствительности можно видѣть только на вывѣскахъ табачныхъ лавокъ (Ливингстонъ), при ближайшемъ изслѣдованіи, ускользаетъ отъ насъ почти во всѣхъ частяхъ Африки, вмѣсто того, чтобы появляться повсюду въ ней. Если мы увидимъ, что крайняя форма принимается за истинную и чистую, то мы все-таки не поймемъ причины ея географическаго ограниченія и прикрѣпленія, такъ какъ вездѣ, гдѣ живутъ эти темные, шерстистоволосые

люди, является и этотъ безобразный типъ. Мы видимъ здѣсь одно изъ искусственныхъ построеній науки, которое передъ безпристрастнымъ взглядомъ устоять не можетъ.

Что касается этого спутаннаго для многихъ понятія, то мы разъ на всегда скажемъ благосклонному читателю, что, по отношенію къ именамъ, мы имѣемъ основательное предубѣжденіе противъ всѣхъ безполезныхъ нововведеній. Вслѣдствіе того, мы и здѣсь удерживаемъ старинное названіе „негровъ“ въ его общераспространенномъ пониманіи, охватывающемъ темныхъ, шерстистоволосыхъ африканцевъ и исключающемъ свѣтлыхъ южно-африканцевъ, такъ же, какъ и болѣе свѣтлыхъ курчаво- или прямоволо-



Мужчина и двѣ женщины съ берега Лоанго. (По фотографіи д-ра Фалькенштейна.)

сыхъ сѣверныхъ и восточныхъ африканцевъ, даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ первыхъ. На самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе негрообразные народы здѣсь настолько перемѣшаны между собою, что о подборѣ „настоящихъ“ негровъ не можетъ быть и рѣчи. Это было-бы напраснымъ трудомъ. „Въ безпримѣрномъ смѣшеніи народовъ“ внутренней Африки, по выраженію Швейнфурта, мы можемъ придти къ этнической картинѣ, близкой къ природѣ, основываясь не столько на проведеніи границъ, сколько на анализѣ, который всегда приводитъ къ невозможности найти элементы тѣла, составныя части котораго обладаютъ чрезвычайной подвижностью.

Цвѣтъ кожи, самое рѣзкое изъ физическихъ свойствъ негра, по преимуществу темно-бурый, который только при поверхностномъ наблюденіи можно принять за черный. Вполнѣ черныхъ народовъ вообще не существуетъ. „Голубоватый отблескъ“, о которомъ говорятъ такъ часто, мы можемъ замѣтить на мѣстахъ, гдѣ просвѣчиваетъ венозная кровь, даже и на нашей собственной кожѣ. Просвѣчивающій красный цвѣтъ ясно замѣчается, главнымъ образомъ, у лицъ, имѣющихъ смѣшанную кровь или индивидуально болѣе свѣтлую окраску. У однихъ народовъ преобладаютъ темные, а у другихъ свѣтлые оттѣнки цвѣта кожи. О

распредѣленіи различныхъ оттѣнковъ среди юго-восточныхъ кафровъ Г. Фритчъ говоритъ: „вполнѣ темныя разновидности цвѣта кожи не такъ часты, какъ болѣе свѣтлыя, въ особенности въ высшихъ степеняхъ. Почти черные индивидуумы оказываются въ измѣнчивомъ количествѣ среди всѣхъ племенъ, причемъ въ южной Африкѣ появленіе ихъ нельзя свести къ опредѣленнымъ особенностямъ мѣстообитанія“. Негритянки часто бываютъ свѣтлѣе, чѣмъ ихъ мужья; это находится въ связи съ тѣмъ, что и негрская кожа на солнцѣ и на открытомъ воздухѣ замѣтно темнѣетъ. У нихъ, какъ и у всѣхъ темнокожихъ людей, ладонь и подошва имѣютъ болѣе свѣтлый пигментъ; и на остальномъ тѣлѣ окрашиванье не вполнѣ равномѣрно, а скорѣе распредѣлено большими пятнами, отличающимися по своимъ оттѣнкамъ другъ отъ друга. Послѣ смерти цвѣтъ становится пепельно-сѣрымъ. Послѣ ѣды, въ большую жару, во время движенія и при психическихъ аффектахъ повсюду, куда кровь проникаетъ въ поверхностную сѣть волосныхъ сосудовъ, цвѣтъ кожи становится темнѣе. Въ болѣзненномъ состояніи, когда кожа теряетъ свой гладкій и блестящій видъ и дѣлается съеженной и вялой, окраска ея бываетъ болѣе темною и грязною. Слизистая оболочка глазъ (Conjunctiva) выказываетъ буроватое окрашиванье: здѣсь цвѣтъ пигмента не претерпѣваетъ измѣненія, какъ на губахъ, вслѣдствіе просвѣчиванья крови, становясь краснова-то-сѣрымъ, что̀ замѣчается и на ногтяхъ. Цвѣтъ кожи новорожденныхъ почти такъ же свѣтелъ, какъ у европейцевъ, вслѣдствіе чего Фалькенштейнъ первыхъ негрскихъ дѣтей, какихъ онъ видѣлъ, принималъ за мулатовъ, пока они черезъ нѣкоторое время не потемнѣли замѣтно, а черезъ шесть недѣль не стали „совершенными“ неграми. Кромѣ цвѣта, и болѣе грубое строеніе кожи отличаетъ этихъ народовъ отъ свѣтлокожихъ. Гардинеру его зулусы казались саламандрами, когда они, повидимому, поджаривали свое тѣло на лагерномъ огнѣ, или сгребали босыми ногами горящія головни, или же пальцами клали себѣ въ ротъ кипящую маисовую кашу. Вслѣдствіе сильнаго выдѣленія пота, кожа кажется прохладной на ощупь. Трудно поддающійся опредѣленію специфическій „запахъ негровъ“ въ различныхъ степеняхъ свойственъ всѣмъ. По мнѣнію Фалькенштейна, онъ сводится къ маслянистой консистенціи пота, въ которомъ при неопрятности легко развиваются пахучія кислоты и которымъ обусловливаются и сильныя отраженія свѣта на кожѣ негра.

Онагерерось. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.)

Волосистость тѣла вообще незначительна. Даже подъ мышками она выражена лишь небольшимъ пучкомъ волосъ. Повсюду, гдѣ она развита сильнѣе, въ особенности, на лобкѣ, на лицѣ и на головѣ, волосы растутъ въ видѣ шерсти или, лучше сказать, войлока. Это свойство волосъ — болѣе постоянный признакъ негровъ, чѣмъ цвѣтъ кожи или строеніе скелета. Понятіе „шерстистый“, въ примѣненіи къ волосамъ этихъ настоя-

щихъ шерстистоволосыхъ, мы старались поставить въ болѣе тѣсныя границы, когда говорили выше о бушменахъ и готтентотахъ (см. т. I, бушмены). Волосы покрываютъ черепъ въ видѣ плотной подушки, которая у многихъ, напр., у южныхъ кафровъ, становится еще плотнѣе вслѣдствіе частой и равномѣрной стрижки всѣхъ головныхъ волосъ. Волосы, разсѣянные въ видѣ островковъ или группъ (см. рис. ниже), встрѣчаются у всевозможныхъ негровъ, даже у нубійцевъ. Разростаніе волосъ въ видѣ гривы, при такомъ свойствѣ ихъ, невозможно, но и подобіе ихъ короткой шерсти также нельзя назвать естественнымъ состояніемъ. И во внутренней Африкѣ можно встрѣтить достаточно „кудрявыхъ“ людей, и пышность ихъ руна располагаетъ къ самымъ разнообразнымъ прическамъ. Ростъ бороды скорѣе можно назвать слабымъ, чѣмъ сильнымъ; бакенбарды выражены лишь отдѣльными пучками, а усы замѣчаются обыкновенно только на углахъ рта. Изъ обитателей Лоанго, по словамъ Фалькенштейна, не болѣе одной трети имѣютъ бороду. Волосы на головѣ и борода въ пожиломъ возрастѣ сѣдѣютъ, но сѣдина никогда не бываетъ такою полною, какъ у европейцевъ. Негровъ съ бѣлыми головами можно видѣть не часто. Лысины попадаются рѣдко, но волосы иногда гладко сбриваются, какъ средство отъ насѣкомыхъ.

Белла, дѣвушка бечуанка, служанка Голуба. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 5.

Средній ростъ негровъ въ особенности преувеличивался у южныхъ кафровъ, такъ какъ у нихъ онъ часто превосходитъ среднюю высоту. Первые значительные ряды научныхъ измѣреній, произведенные Г. Фритчемъ, дали среднюю цифру 172 сант. По измѣреніямъ Фалькенштейна, средняя цифра для негровъ Лоанго оказалась 165—168, а у негритянокъ Лоанго — 150—160 сант. Американская санитарная комиссія, измѣрившая 2020 нормальныхъ, чистыхъ негровъ, также получила 168 сант., какъ среднюю величину ихъ роста. Такимъ образомъ, негръ принадлежитъ къ числу самыхъ рослыхъ людей, уступая въ Африкѣ въ этомъ отношеніи только кабиламъ. Отдѣльные роды, а, быть можетъ, и отдѣльныя племена, находящіяся въ благопріятныхъ условіяхъ, значительно превосходятъ указанную величину; такъ, шесть взрослыхъ мужчинъ изъ семьи начальника гаиковъ, по Г. Фритчу, имѣли среднюю величину роста въ 183 сант. Негры кажутся выше, благодаря также крутому паденію стѣнокъ грудной клѣтки и умѣренному выступанію бедръ, что придаетъ имъ замѣчательную стройность. Голова ихъ вообще выше, шея толще, ширина груди и таза меньше, чѣмъ у европейцевъ, и это одинаково касается обоихъ половъ, вслѣдствіе чего сзади иногда трудно бываетъ отличить мужчину отъ женщины. Мускулатура слабѣе, чѣмъ у нормально развитыхъ европейцевъ, что въ особенности относится къ голенямъ; средній вѣсъ негровъ также значительно меньше. Сильное выступаніе живота является не только слѣдствіемъ часто случающагося переполненія, но зависитъ и отъ наклоненія таза впередъ и отъ связаннаго съ этимъ положеніемъ выгиба поясничной части позвоночнаго столба. Беранже-Феро отмѣчаетъ у дьолофовъ Сенегамбіи замѣчательную легкость, съ какой они работаютъ въ согнутомъ положеніи, поднимаютъ вещи съ земли и проч., и находитъ, что косое положеніе таза, въ особенности у женщинъ, благопріятствуетъ этому свойству. Часто упоминаемыя уродливыя скопленія жира, являющіяся, въ видѣ ожирѣнія сѣда-

лицной части, отличительнымъ признакомъ готтентотовъ, отчасти встрѣчаются и у негровъ. Припомнимъ здѣсь пластическое описаніе Швейнфурта: „Внушительная часть тѣла, для гипертрофическаго развитія которой придумано было техническое выраженіе „стеатопигія“, выдѣляется у женщинъ въ бонго изъ всей ихъ фигуры съ такою силою, что, въ сочетаніи съ длиннымъ хвостомъ изъ лыка, силуэтъ важно выступающей толстой женщины бонго въ высшей степени напоминаетъ фигуру пляшущаго павіана“. Кисти рукъ у негровъ стройны, пальцы съуживаются къ концамъ, ногти узки, и вся форма кисти часто заслуживаетъ названія благородной. Ступни также узки, но нѣсколько обезображены выдающейся пяткой. Плоская нога едва ли встрѣчается чаще, чѣмъ у насъ.

Типъ негра. (По рисунку, сдѣланному отъ руки Ругендой, хранящемуся въ Королевскомъ собраніи гравюръ въ Мюнхенѣ.)

Черепъ, естественно выказывающій и здѣсь самыя характерныя особенности, всего болѣе бросающіяся въ глаза и наиболѣе важныя, въ виду значенія его, какъ вмѣстилища мозга, противоположно другимъ костямъ, имѣетъ массивное строеніе и отличается поразительной длиной при замѣчательной высотѣ. Наибольшая ширина приходится сзади, вслѣдствіе чего, при взглядѣ сверху, черепъ имѣетъ форму, заостряющуюся спереди въ видѣ яйца. Лобъ нерѣдко обладаетъ должною выпуклостью, но чаще западаетъ назадъ, причемъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть рѣчи о широкомъ, красивомъ лбѣ, свойственномъ мыслителямъ. Напротивъ, лицевыя кости сильно выступаютъ впередъ, въ особенности зубной отростокъ челюсти; поэтому лицевой уголъ имѣетъ, въ среднемъ, только $^3/_4$ прямого угла, а въ женскихъ черепахъ еще меньше. Сильное развитіе жевательныхъ частей дополняется крѣпкими, плотными, какъ слоновая кость, зубами. Для лицевой части характерны еще ширина носового отверстія, плоская форма носовыхъ костей и носа и сильное развитіе губъ и ушей. Важная роль, какую играютъ губы и уши въ украшеніи негровъ, имѣетъ поэтому анатомическую основу. Точно также можно сказать, что необыкновенно разнообразныя прически исходятъ лишь изъ роскошнаго матеріала руноподобныхъ, шерстистыхъ волосъ, и что свойственный всѣмъ неграмъ обычай — смазывать и раскрашивать тѣло — могъ пріобрѣсти такое распространеніе, только благодаря удобной для него темной кожѣ.

Общее впечатлѣніе, какое производятъ негры-мужчины, въ своемъ цѣломъ, не можетъ быть названо впечатлѣніемъ силы, превосходящей силу

цивилизованныхъ людей, или полной равномѣрности, нетронутой искусствомъ и выучкой (см. рис., стр. 10). Общее эстетическое впечатлѣніе почти равняется тому, какое производитъ мужчина европеецъ; даже, по мнѣнію Бухнера, негръ-мужчина, въ отношеніи сложенія, стоитъ несомнѣнно выше насъ. Нельзя сказать того же о женщинахъ, положеніе которыхъ, какъ болѣе слабаго и потому угнетеннаго пола, должно быть принято во вниманіе, а также и неизбѣжное при раннемъ развитіи раннее увяданіе, благодаря чему уже у двадцатилѣтнихъ женщинъ замѣчаются старческія черты.

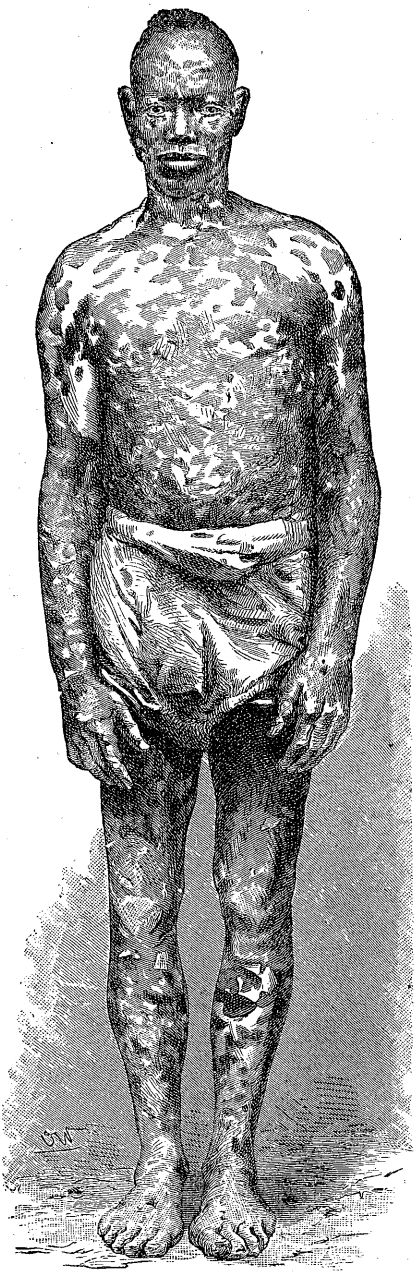
Правда, элементы, преобладающіе въ физіономіи негра, не способствуютъ выраженію въ ней высшей разумности. Но хотя душа негра рѣдко бываетъ способна къ высокому полету, она имѣетъ все-таки достаточно силы, чтобы подчинять себѣ черты лица, и мы не встрѣчаемъ у нихъ недостатка того, что̀ называется одухотвореннымъ лицомъ, которое можно встрѣтить нерѣдко, въ особенности у женщинъ. Съ большой основательностью Швейнфуртъ выраженіе Гердера „народы благороднаго сложенія“ примѣнилъ именно ко многимъ негрскимъ племенамъ. Такъ, шиллуковъ, которыхъ многіе поверхностные наблюдатели сравнивали съ обезьянами, названный путешественникъ причисляетъ къ благороднѣйшимъ расамъ центральной Африки. Сужденія нѣмецкихъ изслѣдователей вообще съ нѣкотораго времени становятся болѣе и болѣе рѣшительными. „Безъ сомнѣнія, европеецъ“, говоритъ Фалькенштейнъ, „въ самой Европѣ чувствовалъ бы отвращеніе къ вдавленнымъ носамъ, выступающимъ скуламъ, полнымъ, вывороченнымъ, но рѣдко толстымъ губамъ; если же онъ находится долгое время среди нихъ, то темный цвѣтъ кожи, выгодный для окружающей ихъ обстановки, и привлекательная легкость движеній, не стѣсненныхъ излишней одеждой, эластическая свѣжесть юности и естественное простодушіе болѣе пожилого возраста заставляютъ его отдавать этой расѣ бо́льшую справедливость. Въ ихъ существѣ, въ ихъ характерѣ, способѣ общенія и выраженія заключается нѣчто первобытное и естественное, что̀ неизбѣжно сближаетъ насъ съ ними.“

Къ этому надо прибавить, что въ негрской физіономіи для насъ является чуждымъ выступающее во многихъ выраженіяхъ ея нѣчто, сближающее ее съ семитическимъ типомъ, что́ можно даже прямо назвать сходствомъ съ евреями. Быть можетъ, не лишено основанія утвержденіе, что въ семитическомъ типѣ евреевъ, арабовъ, сирійцевъ и пр. скрывается и типъ мулатовъ. Если сходство съ евреями, въ особенности у кафровъ, часто преувеличивалось, то это не уничтожаетъ заключающагося въ немъ зерна истины.

Если больной человѣкъ выказываетъ лишь нарушенное отношеніе къ свойствамъ, характернымъ для здороваго, то болѣзни негровъ служатъ лишнимъ доказательствомъ большого внутренняго сходства ихъ природы съ человѣческой природой вообще. Они также страдаютъ отъ болѣзней, какъ и европейцы, и хотя сложеніе ихъ менѣе ослаблено культурной и въ особенности умственной работой, но зато, съ другой стороны, они обладаютъ меньшими средствами охраненія себя. Три врача, которые въ новѣйшее время обнародовали точныя свѣдѣнія объ Африкѣ, Бухнеръ, Фалькенштейнъ и Фелькинъ, сходятся въ этомъ отношеніи. Въ особенности, невосприимчивость негровъ къ лихорадкѣ опредѣляется, какъ чистый вымыселъ. Бухнеръ именно лихорадку называетъ въ числѣ болѣзней, которымъ они подвергаются, а мулаты подвержены маляріи въ высшей степени. Болѣзни вагандовъ составляютъ, по Фелькину, ужасающій рядъ, среди которыхъ встрѣчается большинство недуговъ, извѣстныхъ европейскимъ врачамъ. Оспа принадлежитъ тамъ къ самымъ злѣйшимъ формамъ и уноситъ тысячи жертвъ. Она проявляется съ особымъ ожесточеніемъ и истребляетъ бо́льшую часть подвергшихся заболѣванію; только поэтому тамъ рѣдко встрѣчаются рябыя лица. Сифилисъ, какъ и во всѣхъ жаркихъ странахъ, излѣ-

чивается легко; его часто смѣшиваютъ съ цынгой. Фелькинъ называетъ еще водянку, ревматизмъ, лихорадку, бронхитъ, воспаленіе глазъ, холеру и проказу. По Бухнеру, въ западной Африкѣ встрѣчаются всѣ три формы проказы. Негры подвержены и слоновой болѣзни. Особую накожную болѣзнь представляетъ „кифусса“ въ западной Африкѣ, состоящая во множествѣ синевато-сѣрыхъ прыщей подъ кожей. Негръ подверженъ также странной спячкѣ, которая послѣ постоянной сонливости, продолжающейся нѣсколько мѣсяцевъ, заканчивается смертью. Многіе страдаютъ временнымъ безуміемъ, продолжающимся обыкновенно 3 или 4 дня, но оно никогда не переходитъ въ бѣшенство. Самоубійство почти неизвѣстно. Многіе, въ особенности женщины и дѣвушки, страдаютъ эпилепсіей.

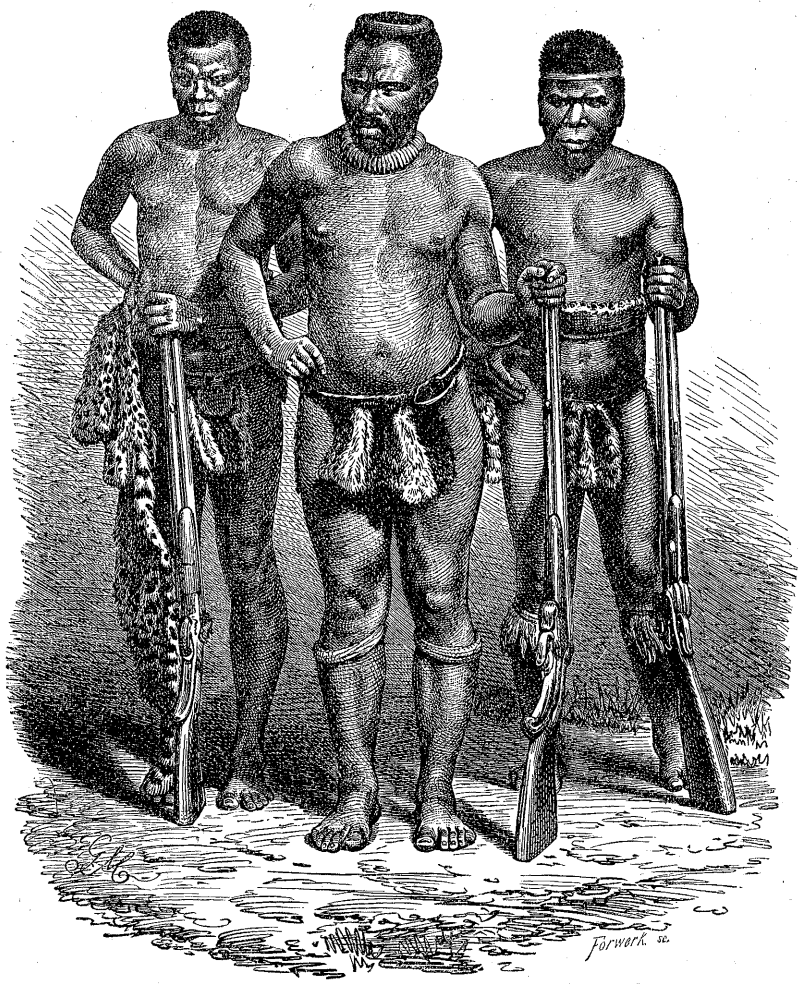
Нерѣдко тамъ приходится видѣть людей съ бѣлыми пятнами на лицѣ, на кистяхъ рукъ и на ногахъ (см. рис. сбоку); альбиносы наблюдались почти въ каждомъ племени. Въ Угандѣ, по мнѣнію Фелькина, они попадались чаще, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ племенъ, видѣнныхъ имъ. Волосы ихъ соломеннаго цвѣта, грубая, шероховатая кожа — красновато-бѣлая, и глаза весьма чувствительны къ свѣту. Преимущественно при дворахъ тамошнихъ властителей можно видѣть и другія уродливости, въ особенности карликовъ; въ качествѣ придворныхъ шутовъ они должны говорить всевозможныя остроты, которыя имъ прощаются, каковы бы онѣ ни были; часто такіе карлики оказываются обладателями большихъ стадъ или другихъ богатствъ. Какъ часто эти калѣки возбуждали и обманывали вниманіе нашихъ ученыхъ путешественниковъ, разыскивающихъ народовъ-пигмеевъ! Вообще, уроды, вслѣдствіе свойственнаго всѣмъ дикимъ народамъ ранняго умиранія ихъ или умерщвленія ихъ тотчасъ же послѣ рожденія, довольно рѣдки. Только къ странамъ Судана, проникнутымъ относительно болѣе гуманными идеями ислама, можетъ быть примѣнено описаніе Массари изъ Кано относительно Гауссы: „Число слѣпыхъ и хромыхъ здѣсь необыкновенно велико; по утрамъ видишь цѣлыя вереницы такихъ бѣдняковъ, отправляющихся на рынокъ просить милостыню, и обитатель Кано рѣдко пройдетъ мимо кого либо изъ этихъ несчастныхъ безъ того, чтобы не дать ему хоть одной маленькой раковины.“



Пѣгій негръ съ берега Лоанго. (По фотографіи, принадлежащей проф. д-ру Пехуэль-Лёше.) Ср. текстъ на этой стр.

Извѣстная неиспорченность выражается въ особенности въ бо́льшей силѣ и свѣжести органовъ чувствъ. Благодаря тому, Швейнфуртъ приписываетъ неграмъ вообще болѣе острое зрѣніе, чѣмъ арабамъ и нубій-

цамъ. Эминъ-паша также удивлялся силѣ зрѣнія своихъ черныхъ спутниковъ. Сюда-же относятся замѣчательно развитое чувство мѣста и искусство отыскиванья воды. Напротивъ, даже тамъ, гдѣ ими владѣетъ сильная страсть къ охотѣ, они вообще плохіе стрѣлки. Извѣстная свѣжесть, свойственная ихъ душѣ, выражается въ наивномъ энтузіазмѣ, кажущемся намъ дѣтскимъ; вслѣдствіе того, негры въ Соединенныхъ Штатахъ присоединялись къ христіанству въ формѣ самыхъ крайнихъ сектъ. Мы



Воины-зулусы. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 7.

должны еще выждать, что можетъ развиться изъ этихъ еще бездѣйствующихъ способностей; въ настоящее время негръ кажется намъ, правда, нецивилизованнымъ, неразвитымъ, но это не значитъ, что онъ неспособенъ къ развитію.

Негры, лѣнивые въ „естественномъ состояніи“, подъ давленіемъ обстоятельствъ развивали въ себѣ большую способность къ физической дѣятельности, позволяя видѣть, какъ много можетъ сдѣлать воспитаніе. Только у аристократическихъ негрскихъ народовъ, обладающихъ многочисленными невольниками, работа сама по себѣ не считается приличной для богатыхъ людей. Большинство работаетъ для себя и для своихъ настолько, насколько это нужно. То обстоятельство, что они не всегда охотно работаютъ для чужихъ, имѣетъ другія причины помимо лѣности; это вытекаетъ изъ формы,

въ какой они производятъ работу. Они хотятъ и въ обязательныхъ отношеніяхъ оставаться свободными. Только немногіе кафры, когда нужда заставляетъ ихъ, нанимаются работниками къ бѣлымъ, и даже въ этомъ положеніи стараются сохранить какъ можно больше свободы. Въ Оранжевой республикѣ они стараются селиться въ собственныхъ краляхъ, вблизи поселеній бѣлыхъ, приходятъ къ нимъ на день, исполняютъ за умѣренную цѣну свои обязательства и вечеромъ возвращаются въ свои хижины. Наемная плата сберегается, пока ея будетъ достаточно для покупки скота, а когда число послѣдняго увеличится, кафръ можетъ думать и о покупкѣ себѣ жены. Этимъ достигается предѣлъ его желаній, и затѣмъ онъ возвращается внутрь страны, не желая болѣе работать на бѣлаго человѣка. Носильщики на торной торговой дорогѣ, какъ, напр., изъ Багамойо въ Уджиджи, достаточно показываютъ, что у нихъ нѣтъ недостатка въ охотѣ и способности къ работѣ. Если пассивный, лишь наблюдающій за своими стадами бечуанъ называетъ энергичнаго, неутомимаго европейца „длиннымъ сердцемъ“, вѣроятно, потому, что на него производитъ впечатлѣніе продолжительность его рабочей дѣятельности, то, наоборотъ, ваньямвезіи, въ качествѣ носильщиковъ, своей работой вызываютъ удивленіе европейцевъ. Путемъ воспитанія, сила и выносливость развиты у нихъ выше нормальнаго уровня негровъ. Отъ тяжести грузовъ, которые они носятъ, у носильщиковъ-ваньямвезіевъ бываютъ мозоли на плечахъ. Ливингстонъ видѣлъ въ Моэро мужчину, который перенесъ пять фразилаховъ (одинъ фразилахъ = $12^1/_2$ кгр.) слоновой кости оттуда до берега моря. Солдаты негры, на обязанности которыхъ въ египетской Экваторіальной провинціи лежитъ доставка почты, выказываютъ замѣчательные примѣры быстроты. „Когда я однажды отправилъ экстренную почту“, разсказываетъ Фелькинъ, „они сдѣлали 285 км. въ $4^1/_2$ дня, хотя дорога мѣстами была очень плоха.“

Въ Америкѣ оказалось, какъ общее правило, что негры менѣе способны къ постоянной, непрерывной работѣ въ сравненіи съ нами; за то они, наоборотъ, превосходятъ насъ въ такихъ дѣйствіяхъ, какія требуютъ быстроты и бурнаго проявленія силы. Судно на Миссисипи съ черными матросами втрое скорѣе нагружается топливомъ, чѣмъ судно съ бѣлыми людьми; но бѣлые рабочіе той-же степени развитія и подъ вліяніемъ тѣхъ-же стимуловъ могутъ нарубить вдвое больше дровъ и обтесать вдвое больше свай или срѣзать больше маиса въ день, чѣмъ черные. Между тѣмъ на плантаціяхъ Кубы и Луизіаны даже и постоянная работа черныхъ невольниковъ значительно превосходитъ мѣру того, что̀ можетъ выполнить европейскій рабочій. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль 12—14-ти часовая тяжелая полевая работа, подъ знойнымъ солнцемъ и въ согнутомъ положеніи, во время жатвы была обычнымъ дѣломъ и выполнялась изъ страха ударовъ бича. Но, и какъ свободные рабочіе, негры въ Америкѣ могутъ удовлетворять такимъ требованіямъ, что въ этомъ отношеніи не уступаютъ никакой другой расѣ. Панамская желѣзная дорога, въ сущности, дѣло ихъ рукъ, и то же самое можно будетъ сказать когда-нибудь и о средне-американскомъ каналѣ. Въ южно- и западно-африканскихъ и арабскихъ пристаняхъ негры (фингусы, мозамбикскіе негры, суагеліи, крусы и веи) — самые энергичные носильщики тяжестей.

Сюда-же относится и бо̀льшая способность сопротивленія относительно спиртныхъ напитковъ, столь опасныхъ для первобытныхъ народовъ. Г. Фритчъ разсказываетъ о кафрскомъ властителѣ Сандили и его свитѣ: „они пили самый крѣпкій коньякъ, какъ легкое пиво, изъ большихъ стакановъ, иногда до трехъ бутылокъ въ день, не испытывая никакого существеннаго вреда, между тѣмъ, какъ вредное вліяніе неумѣреннаго употребленія алкоголя выражается столь ясно на слабомъ поколѣніи готтентотовъ.“ Возможно, что здѣсь дѣло идетъ о прирожденной неподвижности, лѣности души, которая нуждается въ возбужденіи какимъ либо наркотическимъ

средствомъ, тогда какъ у нихъ не существуетъ „утонченныхъ культурныхъ вліяній“, подъ властью которыхъ находится наша нервная система. При сужденіи о психологіи негровъ надо также имѣть въ виду грубость ихъ нервовъ. Фелькинъ разсказываетъ изъ своей врачебной практики: „шуліи замѣчательно стойки передъ болью; я полагаю, что они дѣйствительно чувствуютъ ее не такъ живо, какъ мы, европейцы; часто они шутили и смѣялись въ то время, когда надъ ними производились болѣзненныя операціи“. Возможно также, что здѣсь оказывается культурное и даже расовое различіе, вслѣдствіе котораго дѣйствіе этого космополитическаго возбудителя проявляется еще лишь въ очень ранней стадіи. Водка употребляется не только для того, чтобы подкрѣпить утомленныя силы во время или послѣ работы, но и для того, чтобы вообще поддерживать силы въ бодромъ

Крещеные кафры-хламбе. (По фотографіи, принадлежащей директору миссіи, д-ру Вангеману въ Берлинѣ.)

состояніи. Для многихъ негровъ водка стала уже необходимой, и нѣкоторые европейцы считаютъ ее безусловно полезною въ качествѣ возбуждающаго средства при работѣ.

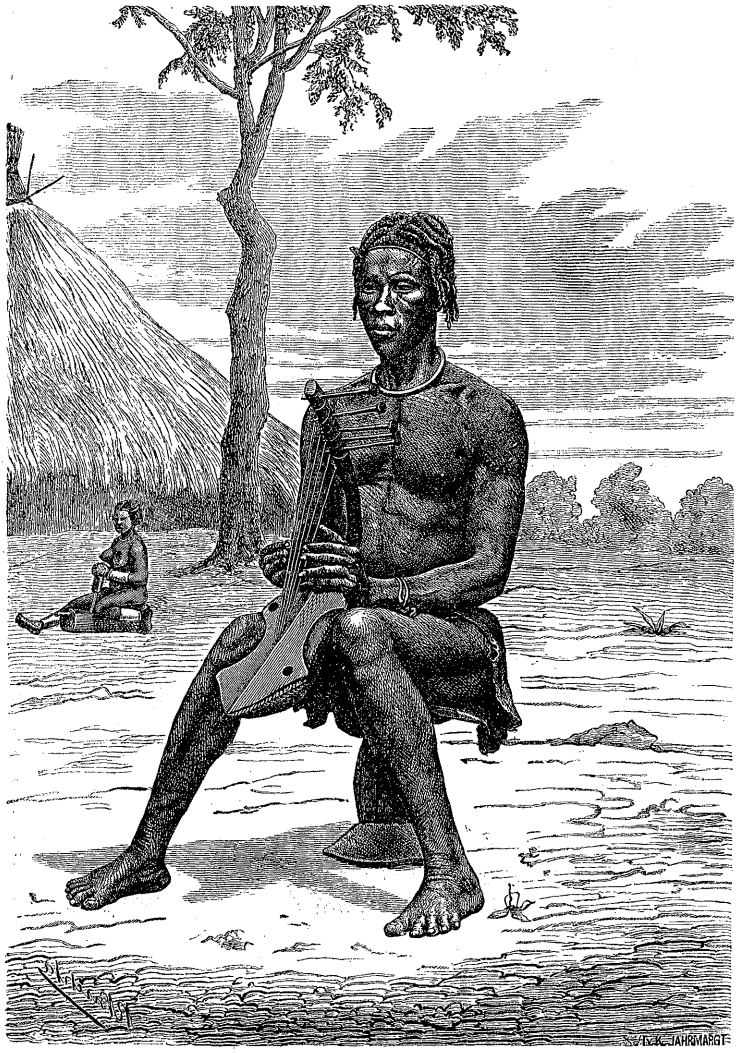
Рабство было адомъ и въ то же время рабочей школой для негровъ. Хотя пребываніе 8 мил. негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ принесло много зла и, безъ сомнѣнія, обѣщаетъ его еще въ большей мѣрѣ на будущія времена, но всѣ безпристрастные наблюдатели согласны, что экономическое положеніе южныхъ штатовъ, изъ которыхъ во многихъ оказалось болѣе 50% населенія изъ бывшихъ невольниковъ, потерпѣло вслѣдствіе уничтоженія рабства гораздо менѣе, чѣмъ можно было опасаться. Негры не совсѣмъ отстали отъ той работы, къ которой они были пріучены. На сахарныхъ плантаціяхъ британской Гвайяны работали негры, индусы и китайцы, причемъ негръ въ полѣ могъ производить вдвое болѣе работы, чѣмъ индусъ, къ которому онъ относится презрительно за его слабость. Китаецъ болѣе развитъ въ умственномъ отношеніи, но онъ бросаетъ полевую работу при первой возможности и ищетъ болѣе выгодной и легкой работы. Когда ничто не вынуждаетъ негра къ работѣ, онъ дѣлаетъ менѣе, чѣмъ китаецъ или индусъ, и при полной свободѣ имѣетъ величайшую способность становиться бездѣльникомъ и бродягой. Въ Африкѣ негръ —

превосходный кузнецъ, рѣзчикъ и кожевникъ; въ этихъ ремеслахъ онъ выказываетъ большую охоту и усердіе. Здѣсь далеко не на всѣхъ наблюдателей онъ производитъ впечатлѣніе лѣнтяя. Воззрѣніе, будто чернокожіе постоянно сидятъ съ открытымъ ртомъ, въ ожиданіи, пока въ него упадутъ готовые дары природы, вообще несправедливо. Въ особенности на морскомъ берегу торговля расширила уже у туземцевъ понятіе о необходимомъ и послужила для нихъ стимуломъ къ усиленной дѣятельности; они воздѣлываютъ больше маніока, маиса и бататовъ, чѣмъ это нужно для поддержанія ихъ собственнаго существованія, и употребляютъ излишекъ для пріобрѣтенія отъ бѣлыхъ неизвѣстныхъ имъ прежде средствъ наслажденія. Въ маніоковыхъ поляхъ Муато-Ямво, величиною въ 35—40 моргеновъ, Погге, опытный въ сельскомъ хозяйствѣ, удивлялся работѣ негровъ, такъ же, какъ и въ обширныхъ расчищенныхъ мѣстахъ Кіоко.

Нѣчто подобное показываетъ намъ и подъемъ горнаго дѣла въ южной Африкѣ. Въ одномъ описаніи мѣдныхъ рудниковъ намаковъ говорится о кафрахъ, фингусахъ, мантатіяхъ и дамарахъ: „одни работаютъ хорошо, другіе плохо, одни лучше обращаются съ заступомъ, другіе съ киркой и т. д. Они пьютъ водку, если у нихъ есть время, а иногда и чаще, и охотно зарабатываютъ нѣсколько грошей помимо работы, на которую нанялись“. Какъ бы хорошо или худо они ни относились къ работѣ, но въ ихъ желаніи работать не можетъ быть сомнѣнія, въ виду того, что они проходятъ большія разстоянія, чтобы тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ скудное существованіе. Извѣстно, какое могущественное вліяніе оказали алмазныя копи на подъемъ благосостоянія туземцевъ южной Африки. Одни басуты въ 1874 году вывезли на собственныхъ повозкахъ маиса и проса на $4^1/_2$ мил. марокъ. То, что тамошніе черные работники басутовъ, батлапиновъ и др., употребляютъ свое скудное вознагражденіе на покупку ружей, едва ли можно ставить имъ въ вину, какъ бы дурно это ни настраивало тамошнихъ бѣлыхъ. Дѣло въ томъ, что негры здѣсь работаютъ добровольно, что̀ прежде отрицалось по отношенію къ нимъ.

Много, даже слишкомъ много говорилось о характерѣ негровъ, но рѣдко обсужденіе какого-либо предмета приводило къ менѣе полезнымъ результатамъ. Трудность сужденія о народѣ возрастаетъ, когда его приходится наблюдать или въ ненормальномъ состояніи рабства, или въ условіяхъ, не могущихъ быть сравниваемыми съ нашими условіями. Рабство заглушало вмѣстѣ съ чувствомъ самостоятельности и отвѣтственности многіе зародыши лучшихъ способностей, между тѣмъ, какъ въ африканской родинѣ не доставало соприкосновенія съ высшими умственными кругами. Тотъ, кто судитъ о неграхъ, долженъ къ этимъ неблагопріятнымъ фактамъ прибавить еще и неблагопріятное вліяніе своего предразсудка. Лучшіе знатоки негровъ, поэтому, всегда держались особой осторожности. Такъ, Ливингстонъ признается откровенно: „во многихъ случаяхъ они совершаютъ замѣчательно добрые поступки, а въ другихъ случаяхъ — совершенно противоположные имъ. Послѣ долгаго наблюденія, я пришелъ къ выводу, что они представляютъ такую-же замѣчательную смѣсь добраго и злого, какъ и всѣ люди. У нихъ нѣтъ никакой склонности къ тому постоянному приливу благосостоянія, которое переходитъ отъ богатаго къ бѣдному, какъ это дѣлается у насъ, и нѣтъ того непрошеннаго любопытства, какое замѣчается даже среди нашихъ бѣдняковъ. Тѣмъ не менѣе, мы часто видали у нихъ примѣры истинной доброты и щедрости, такъ же, какъ и поступки вполнѣ противоположнаго характера. Богатые выказываютъ бѣднымъ свое расположеніе преимущественно въ ожиданіи отъ нихъ услугъ; и бѣдный, если у него нѣтъ близкихъ людей, въ случаѣ болѣзни, иногда не снабжается даже водой, а когда онъ умретъ, вмѣсто погребенія, тѣло его выбрасываютъ, предоставляя его на съѣденіе гіенамъ“. Гораздо менѣе благопріятное сужденіе Погге гласитъ: „негръ трусливъ,

лѣнивъ, недовѣрчивъ, лживъ, безпорядоченъ, легкомысленъ, хитеръ и суевѣренъ; онъ лжетъ, крадетъ и обманываетъ, гдѣ только можетъ. Онъ живетъ лишь для настоящаго и не думаетъ о будущемъ.“ Впрочемъ, это сужденіе относится не къ неграмъ вообще, а лишь къ береговымъ неграмъ Анголы. Мы знаемъ, что въ самой Африкѣ народы дѣлаютъ большія различія между собою. Батеки на экваторіальномъ западѣ и мавитіи въ области Ньяссы могли прослыть злыми только среди народовъ, которые лучше ихъ. При такомъ разнообразіи свойствъ характера, лучше будетъ обратить большее вниманіе на отдѣльныя черты его, которыя особыя обстоятельства дѣлаютъ доступными для нашего сужденія.

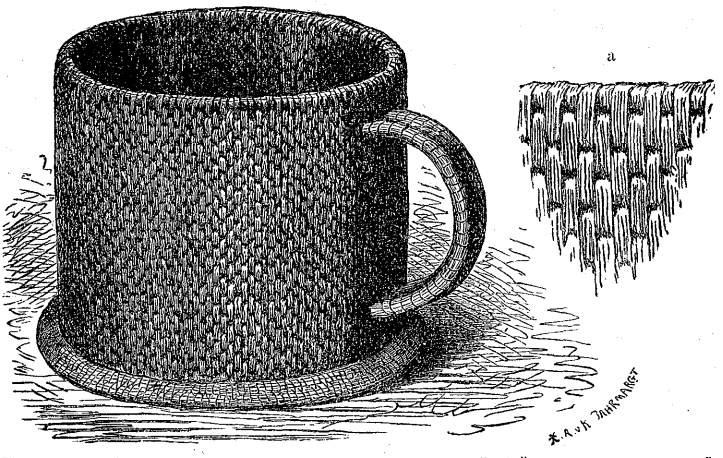


Сандехъ (ніамъ-ніамъ), играющій на арфѣ. (По фотографіи Рихарда Бухты.) Ср. текстъ, стр. 15.

Дѣтскія черты проникаютъ весь характеръ негра и больше всего выказываются въ непринужденности проявленій, которыя мы привыкли держать подъ строгимъ контролемъ. Поэтому у нихъ выступаютъ на свѣтъ глубоко коренящіеся недостатки, изъ числа которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ коренной порокъ ихъ — ложь. Сами они ложь почти не считаютъ порокомъ. Правда, нѣкоторые народы, какъ, напр., мадіи на Верхнемъ Нилѣ, славятся именно своей правдивостью, но истина сама по себѣ не ставится особенно высоко. Тотъ, кто умѣетъ лгать такъ, что ему вѣрятъ, считается ловкимъ человѣкомъ и пользуется общимъ уваженіемъ. Понятіе о различіи между моимъ и твоимъ часто значительно колеблется. Но о той склонности къ воровству, какую выказали полинезійцы по отношенію къ первымъ европейцамъ, посѣтившимъ ихъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Нѣкоторыя негрскія племена могутъ быть названы вполнѣ честными. Такъ, Уильсонъ разсказываетъ о вазонгарахъ: „ежедневно они приходили кучками, смотрѣли на насъ, какъ мы работаемъ, и удивлялись нашимъ инструментамъ. Въ нашей палаткѣ ле-

жали мѣдныя проволоки, гвозди и другія вещи, возбуждающія алчность негра; однако, къ чести нашихъ гостей, надо сказать, что у насъ ничего изъ этого не было украдено.“ Алчность составляетъ главный порокъ негра. Кафры, обладающіе большими стадами, не пропускаютъ случая убить чужую скотину. Послѣ посѣщенія двухъ дѣтей племени Адума, болѣвшихъ оспой, Баллай, лѣчившій ихъ уже нѣсколько дней, попросилъ у ихъ матери немного воды, чтобы вымыть руки; „а что дашь за это“? услышалъ онъ въ отвѣтъ. Человѣческая жизнь цѣнится невысоко, и убійства тамъ не рѣдки. Но вообще получается такое впечатлѣніе, что грубости и безправія встрѣчается больше у болѣе культурныхъ народовъ Африки, каковы абиссинцы, нубійцы и галласы, чѣмъ у самихъ негровъ. У негровъ встрѣчаются и человѣческія жертвоприношенія для религіозныхъ и политико-религіозныхъ цѣлей. Часть этихъ жертвъ поѣдается присутствующими.

Согласно извѣстному мнѣнію, и о неграхъ можно сказать, что нравственность ихъ находится въ обратномъ отношеніи къ полнотѣ костюма: племена, обходящіяся безъ одежды, пока ихъ не коснется чуждое вліяніе, являются самыми чистыми въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ, какъ племена, вполнѣ одѣтыя, оказываются наиболѣе безнравственными.



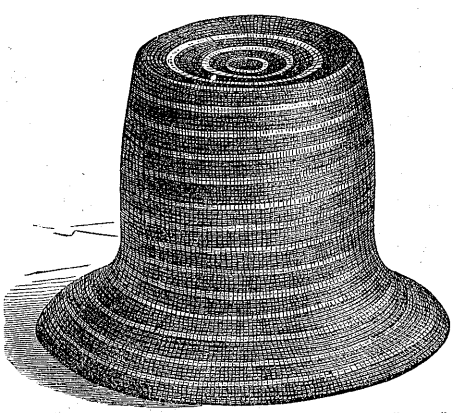
Плетенный сосудъ для питья изъ западной Африки, пропитанный смолою. 1/3 наст. величины. a) Часть плетенія, естеств. велич.
Ср. текстъ, стр. 16.

Тамъ, гдѣ господствуетъ многоженство, находящееся въ непосредственной зависимости отъ благосостоянія и подъема культуры, женщины, естественно, находятся на низшей ступени и считаются простою собственностью мужчины; чѣмъ болѣе женъ имѣетъ мужчина, тѣмъ онъ богаче и тѣмъ больше земли онъ можетъ обрабатывать. Въ такихъ странахъ жены, такъ же, какъ у насъ деньги, распредѣлены весьма неравномѣрно. Независимо отъ такихъ неправильныхъ соціальныхъ отношеній, несомнѣнно, что негръ въ значительной степени склоненъ къ чувственности; самые различные путешественники сообщаютъ намъ о половыхъ излишествахъ у негрскихъ народовъ. Но противоестественные пороки, повидимому, распространились среди нихъ, лишь благодаря чужеземцамъ. Весьма немногія племена примѣняютъ строгія наказанія за потерю цѣломудрія, нарушеніе вѣрностибрака и т. под.

Поверхностность и подвижность служатъ у негровъ причиною многихъ недостатковъ и достоинствъ. Въ сравненіи съ бѣлыми, какъ это легко видѣть въ Сѣверной Америкѣ, они выказываютъ больше тщеславія, желанія нравиться, больше демонстративности и драматичности въ характерѣ, бо́льшую возбудимость и, въ связи съ тѣмъ, меньшую остроту или точность ума и чувственную, но въ то же время грубую природу. Имъ доставляютъ истинное удовольствіе рѣзко отличающіеся другъ отъ друга цвѣта и такая же рѣзкая музыка, для выполненія которой они обладаютъ естественной даровитостью (см. рис., стр. 14). Веселость, которая ни отъ чего не пропадаетъ, объясняетъ многое въ выносливости, какую выказываетъ негръ при самой неблагопріятной судьбѣ. Ливингстонъ раз-

сказываетъ о караванѣ невольниковъ: „Негры не могутъ сдерживать смѣхъ. Какое бы ничтожное обстоятельство ни случилось на пути, если, напр., вѣтка задѣнетъ за грузъ носильщика, или онъ что-нибудь уронитъ, всѣ видящіе это испускаютъ взрывъ хохота; если кто-нибудь, усталый, сядетъ въ сторонѣ, каждый привѣтствуетъ его такимъ же смѣхомъ.“ Такъ они терпѣливо несли рабство и оставались при этомъ веселыми; эта дѣтская способность служила даже однимъ изъ мотивовъ для доказательства того, что природа создала негровъ рабами. Исторія освобожденныхъ негровъ показала, что среди нихъ не было недостатка въ отдѣльныхъ, болѣе глубокихъ и болѣе серьезныхъ натурахъ. Они способны къ большой преданности. Когда въ рабствѣ съ ними обращались справедливо, они выказывали трогательную привязанность къ своимъ хозяевамъ.

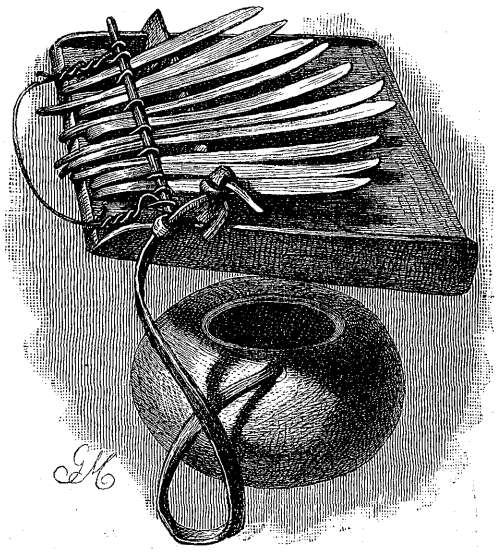
Мы будемъ имѣть случай часто говорить объ умственной даровитости негровъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ проявленій ея, но здѣсь мы предварительно можемъ сказать, что ихъ умъ при той судьбѣ, какая имъ была предназначена, какъ всей расѣ, такъ и отдѣльнымъ народамъ, не могъ дойти до полнаго развитія. Въ этомъ отношеніи будущее еще многому научитъ насъ. Однако, и теперь уже можно указать, какъ фактъ, что негры вообще отличаются немалой даровитостью и поднимутся на еще высшую степень. Отъ нихъ можно ожидать тѣмъ больше, что относительно ихъ можно не бояться, что цивилизація оторветъ ихъ отъ почвы, что̀ случилось со многими другими племенами. Культура, какъ показываетъ намъ Америка, съ ея милліонами свободныхъ негровъ, не оказывается вредной для нихъ. И въ Африкѣ они усвоили всѣ пороки и бо̀льшую часть болѣзней европейцевъ и должны были обладать громадной жизненной силой, чтобы, при постоянной потерѣ людей, происходящей по указаннымъ причинамъ, вслѣдствіе работорговли и постоянныхъ войнъ, все-таки держаться на одномъ и томъ же уровнѣ. То обстоятельство, что въ Сѣверной Америкѣ, несмотря на многія трудности ихъ положенія, численность ихъ увеличивается быстрѣе, чѣмъ самаго зажиточнаго бѣлаго населенія страны, наводитъ на размышленія. Уже въ настоящее время различная высота ихъ культуры указываетъ на извѣстный толчекъ, исходившій отъ нѣкоторыхъ вліяній, которыя дѣйствовали на нихъ въ Суданѣ или въ области верхняго Нила изъ источниковъ, не всегда извѣстныхъ намъ, съ одной стороны, и на пріостановку, вслѣдствіе изолированія, недостатка соприкосновенія съ болѣе подвинувшимися народами, съ другой стороны. Среди ихъ умственныхъ способностей особенно выдается талантъ подражанія, что весьма важно для сужденія какъ о нынѣшнемъ культурномъ состояніи ихъ, такъ и объ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Они въ высокой степени способны къ выучкѣ. Почти всѣ наблюдатели сходятся въ мнѣніи, что они съ замѣчательнымъ искусствомъ подражаютъ европейскимъ произведеніямъ (см. рис. на этой и на 15 стр.). Они быстро усваиваютъ иностранные языки и въ короткое время выучиваются читать. Многія знатныя лица въ Угандѣ говорятъ на языкахъ киганда, кисуагели и арабскомъ. Басуты съ поразительной быстротой научались читать на своемъ языкѣ латинскими буквами. Одинъ изъ миссіонеровъ Church Missionary Society



Шляпа, сплетенная изъ волосъ, кафрской работы. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/5 наст. величины. Ср. текстъ на этой стр.

учредилъ въ Рубагѣ классъ пѣнія, въ которомъ обучались совершенно необразованные школьники, и черезъ два или три мѣсяца они ушли такъ далеко, что могли пѣть простыя мелодіи по нотамъ безъ предварительной подготовки. Впрочемъ, въ этой способности къ обученію существуютъ большія различія. Мы видимъ большой контрастъ между подвижными балубами, которые „сумѣли съ поразительной быстротой сдѣлаться носителями и двигателями европейской цивилизаціи въ Африкѣ“ (Людвигъ Вольфъ), и упорно держащимися старины и замкнутыми въ себѣ бакубами.

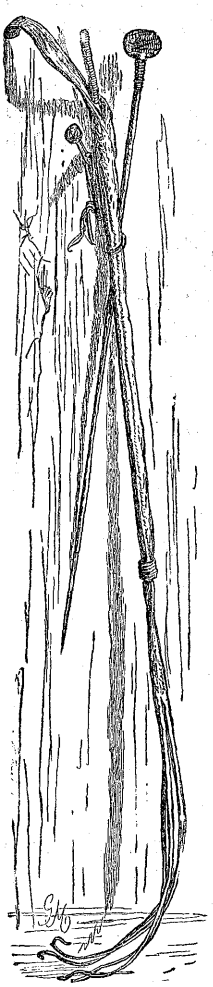
Эта возбужденность, чувствующая стремленіе проявлять себя на различныхъ путяхъ и самыми разнообразными средствами, выражается также во множествѣ пословицъ, басенъ и загадокъ. Негръ выказываетъ здѣсь большую глубину и тонкость, чѣмъ могли бы предположить многіе изъ тѣхъ, которые судятъ о немъ. Онъ носитъ сокровище цѣннаго жизненнаго опыта, отчетливо запечатлѣнной мудрости въ своей памяти, и разсказываетъ это своимъ по вечерамъ, когда они сидятъ скорчившись вокругъ очага. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ эвейскихъ поговорокъ. „Красивый городъ не бываетъ сильнымъ. Вода и огонь не живутъ вмѣстѣ. Ракъ не можетъ сдѣлаться птицей. Своя рука никогда не обманетъ. Съ пустыми руками не ходятъ на рынокъ. Плодъ падаетъ подъ деревомъ. Дурной пальмовый орѣхъ портитъ всѣ орѣхи. Пѣтухъ не поетъ въ одиночествѣ. Дѣтенышъ крокодила не утонетъ. Два короля не усидятъ въ одномъ городѣ. Одинъ человѣкъ не служитъ двумъ людямъ. Платье — человѣкъ. Деньги — человѣкъ. Странникъ — потокъ“. Приведемъ еще нѣсколько поговорокъ племени Чи (Золотой берегъ): „Близко стоящія деревья трутся другъ о друга. Когда два крючка лежатъ въ одномъ сосудѣ, они сталкиваются другъ съ другомъ. Слово — само по себѣ, а мудрость — сама по себѣ. Кто видитъ человѣка въ первый разъ, не скажетъ ему; „ты худощавъ“. Никто не слѣзаетъ съ постели, чтобы спать на полу. Когда кто либо говоритъ, что ты его рабъ, то ты уже принадлежишь ему. У насъ два уха, но мы не можемъ слышать двухъ словъ разомъ. Когда одинъ ротъ работаетъ одновременно съ другимъ, происходитъ несогласіе, но этого не бываетъ, когда работаютъ вмѣстѣ ноги. Надо сказать сперва одинъ, а потомъ уже два. Если ты не спишь, то не можешь видѣть сновъ. Ножъ и въ ножнахъ возбуждаетъ ужасъ. Не всѣ люди знаютъ, что, когда идетъ дождь, они должны идти домой. Золото острѣе ножа. Врачъ не можетъ принимать лѣкарства за больного. Змѣя похожа на веревку, но ея все-таки не берутъ, чтобы что нибудь связать ею“.



Музыкальный инструментъ (симба) кафровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Негры придаютъ большое значеніе числамъ. Ваганды считаютъ очень охотно и, когда берутъ въ руки книгу, они прежде всего пересчитываютъ въ ней листы. Нѣкоторыя негрскія игры требуютъ довольно большой разсчетливости. У многихъ негрскихъ народовъ имѣются собственныя наименованія для всѣхъ чиселъ до тысячи по десятичной системѣ. На языкѣ киганда десять называется кумі, двадцать (два де-

сять) — мукуми абили, сто — кикуми, и тысяча — лукуми. Нѣкоторыя свидѣтельства говорятъ, впрочемъ, что, какъ напр., въ языкѣ Анголы, счетъ можетъ доходить только до пяти. На Западномъ берегу для тысячи чаще употребляется португальское слово. Изъ привычки негровъ запоминать числа съ помощью палочекъ нельзя еще выводить заключеніе, что они не могутъ считать. Такія средства для пособія памяти необходимы при недостаткѣ письменности. Даже Мтеза, при дворѣ котораго было достаточно начальниковъ, владѣвшихъ арабскимъ письмомъ, имѣлъ для контроля своего войска счетную доску, гдѣ каждый отрядъ отмѣчался палочкой, которая при мобилизаціи выдергивалась и служила ближайшимъ выраженіемъ воли повелителя. Въ описаніи судбища передъ судьей Гесси въ Джуръ-Гаттѣ мы читаемъ: „Почернѣвшіе отъ времени пучки соломинокъ и вѣтокъ показывали, сколько женщинъ, дѣтей и коровъ уведено было работорговцами, причемъ коровы, какъ самая цѣнная собственность, обозначались самыми длинными соломинками“.



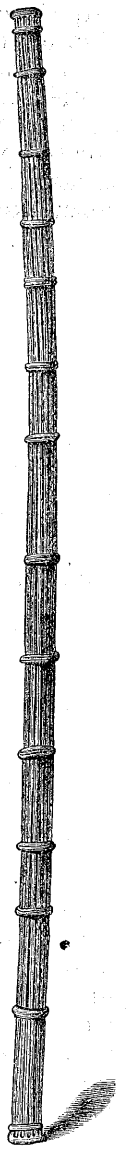
Игла кафровъ для извлеченія колючекъ. (Музей Миссіонерскаго дома въ Берлинѣ.) 1/4 наст велич.

Если колдовство жрецовъ сперва занимаетъ почти всю почву, какую могла бы занять наука, то оно все-таки не исключаетъ безусловно разумнаго отношенія къ естественнымъ явленіямъ и изученія ихъ. Мы сошлемся на то, что у насъ сказано ниже о колдунахъ и знахаряхъ, и напомнимъ сообщеніе врача Фелькина объ удачной ампутаціи, произведенной Ріонгой, начальникомъ и знахаремъ ваньоровъ, надъ рукой собственнаго сына. Объ искусствѣ ихъ въ мелкихъ операціяхъ часто приходится слышать. Такъ, у нихъ есть, напримѣръ, особыя орудія для извлеченія глубоко сидящихъ иглъ колючихъ растеній (см. рис. сбоку). Если у негровъ жизнь на твердой землѣ не вызвала необходимости извѣстныхъ астрономическихъ познаній, столь отчетливыхъ, какъ у мореплавателей полинезійцевъ, то они все-таки, подобно бушменамъ, обозначаютъ извѣстное число созвѣздій особыми именами и опредѣляютъ часы ночи по ихъ положенію, такъ же, какъ по положенію солнца надъ извѣстными мѣстностями и въ извѣстные часы, опредѣляютъ возвращеніе временъ года. Юнкеръ находитъ сообщенія, получавшіяся имъ отъ негровъ и большей части арабовъ, „видѣвшихъ, впрочемъ, многія области“, крайне скудными и часто невѣрными. Сравнительно короткое пребываніе въ ихъ мѣстообитаніяхъ объясняетъ недостаточное знаніе страны: бангалы области Конго ничего не знали объ этой рѣкѣ выше Ямбинги и ниже Чумбири, но имѣли болѣе точныя свѣдѣнія о ближайшихъ областяхъ, напримѣръ, о теченіи Лулонго.

Въ африканскомъ искусствѣ, такъ же, какъ и въ древне-американскомъ, воспроизведеніе человѣка заслоняется множествомъ подробностей. Между тѣмъ, какъ ноги и руки всегда дѣлаются неуклюжими и грубыми, помимо какого либо стиля, прическа, татуировка и украшенія воспроизводятся всегда всего полнѣе. Развитіе болѣе чистаго искусства заимствуется изъ родной почвы. Негръ обладаетъ вкусомъ и даже чувствомъ красоты Ощущеніе красоты природы, часто отрицавшееся у него, доказывается многими попытками садовой культуры и другими украшеніями жилища. Шуліи уже выборомъ мѣстъ для своихъ деревень обнаруживаютъ чувство красоты мѣстоположенія. Въ многочисленныхъ произведеніяхъ художества негровъ недостатокъ художественной техники замѣчается тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе устойчивъ матеріалъ. У нихъ имѣ-

ются недурныя художественныя идеи и намѣренія, но недостаетъ умѣнья для выполненія ихъ. Этотъ пробѣлъ замѣчается всего болѣе въ рѣзьбѣ по дереву (см. изображеніе кубка бакубовъ, т. I, стр. 139), и въ общихъ очертаніяхъ металлическихъ предметовъ: въ орнаментахъ по металлу этотъ недостатокъ доходитъ до полнаго отсутствія гармоніи.

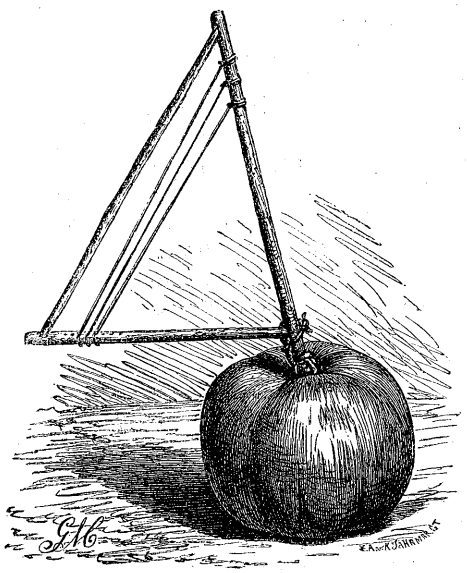
Музыка негровъ кажется европейскимъ судьямъ болѣе громкою, чѣмъ пріятною. Въ ней заключается больше инструментовъ съ звонкимъ, чѣмъ съ нѣжнымъ звукомъ. Швейнфуртъ сравниваетъ музыку бонговъ съ ревомъ разъяренныхъ стихій. Барабаны во всевозможныхъ видахъ составляютъ главную составную часть каждаго оркестра. Барабанъ — вообще первичный и любимый инструментъ негра, и намъ не приходится заходить слишкомъ далеко, желая прослѣдить его происхожденіе. На большихъ праздникахъ бечуановъ барабанъ замѣняется бычачьей кожей, которую держатъ женщины, сидящія въ кругу, и по которой бьютъ длинными палками; подъ эту музыку пляшутъ юноши на празднествѣ возмужалости. При всей своей простотѣ, это орудіе можетъ служить самымъ различнымъ цѣлямъ: имъ могутъ выражаться какъ радость, такъ и горе. Барабанный телеграфъ — также весьма распространенное искусство отъ дуалловъ до мангбаттовъ, и Чекки нашелъ его даже къ югу отъ Шоа. Быть можетъ, струнные инструменты, также распространенные въ большомъ разнообразіи видовъ, исходятъ отъ тыквы, которую прилаженный къ ней лукъ превратилъ въ однострунную гитару. Когда мы видимъ кафра, который на плечѣ, гдѣ нѣкогда висѣлъ лукъ, несетъ ружье и въ то же время заставляетъ зубами звучать лукъ, превратившійся въ музыкальный инструментъ, то мы можемъ предположить, что наглядно видимъ передъ собою происхожденіе струнныхъ инструментовъ. У большинства негрскихъ племенъ встрѣчаются инструменты подобнаго же звука (см. рис., т. I, стр. 84 внизу); напротивъ, инструменты, похожіе на арфу или цитру, встрѣчаются рѣже (см. рис., стр. 20). Самый своеобразный инструментъ — „калебассовое фортепіано“, маримба, доска съ многочисленными резонирующими тыквами (см. рис., стр. 21). Такъ какъ здѣсь не идетъ дѣло о предметѣ, болѣе или менѣе необходимомъ, то географическое распространеніе этого инструмента оказывается замѣчательно неравномѣрнымъ. Особенно причудливымъ кажется намъ отсутствіе струнныхъ инструментовъ у столь искусныхъ въ другихъ отношеніяхъ и богатыхъ мангбаттовъ, тогда какъ у ихъ сосѣдей сандеховъ эти инструменты попадаются необыкновенно часто. Простыя свирѣли и дудки можно найти у негровъ повсюду. Рога изъ раковинъ, столь распространенные у малайцевъ, встрѣчаются рѣдко. Если кочевые народы бѣднѣе музыкальными инструментами, чѣмъ обитатели деревень, то у первыхъ все-таки имѣются военные рога (приготовляемые, по большей части, изъ роговъ антилопъ), въ которыхъ отверстіе для рта находится сбоку. На Западномъ берегу и въ Суданѣ эти рога бываютъ изъ рѣзной слоновой кости, а въ Нильской области они имѣютъ форму свирѣли съ духовымъ отверстіемъ на заднемъ концѣ. Ни у одного дикаго народа мы не встрѣчаемъ такого разнообразія музыкальныхъ инструментовъ. При этомъ можно припомнить замѣчаніе Ливингстона: „Нѣкоторые пощипываютъ свой инструментъ весь день, съ утра до вечера, и когда проснутся ночью, то принимаются тотчасъ же за свое музыкальное упражненіе“. Цивилизованные негры въ Сѣверной Америкѣ часто отличаются музыкальными талан-



Палка-трещетка изъ Габуна. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.)

тами, и Бухнеръ, извѣстный знатокъ, говоритъ съ восхищеніемъ объ искусствѣ, съ какимъ черные горнисты въ Анголѣ разыгрываютъ трудныя духовыя пьесы.

Многочисленныя пляски исходятъ изъ свойственной каждому негру потребности крика и шума и слѣдующаго за ними возбужденія. Но въ извѣстное время въ основу ихъ полагаются опредѣленныя идеи, какъ, напримѣръ, въ пляскѣ дѣвушекъ, достигшихъ возмужалости, въ пророческомъ танцѣ, который мазупіи и др., нанося себѣ раны на языкѣ и на другихъ частяхъ тѣла, выполняютъ передъ большимъ предпріятіемъ короля, чтобы предсказать его исходъ, въ пляскѣ киши съ лицами, прикрытыми масками, изображающими мужчину и женщину и напоминающими замаскированные танцы другихъ народовъ. Танцы принадлежатъ и у негровъ къ представительнымъ обязанностямъ начальниковъ.

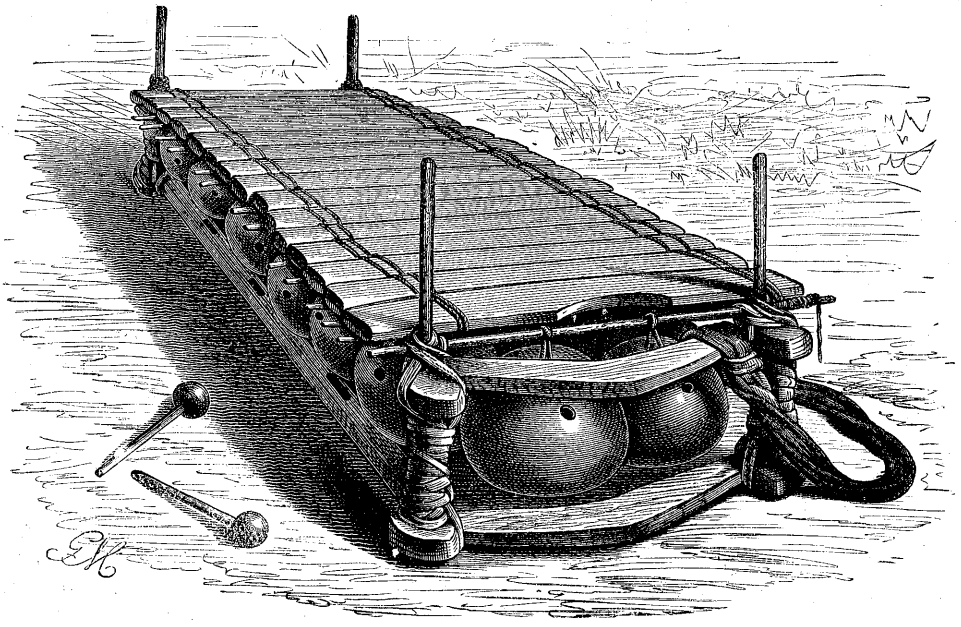


Арфа негровъ-крусовъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) $^1/_{10}$ наст. величины. См. текстъ, стр. 19.

Въ семейной жизни каждый человѣкъ проявляетъ себя всего непринужденнѣе; поэтому она должна намъ дать лучшую возможность судить о душевныхъ задаткахъ негровъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ предположить общность первичной основы различныхъ жизненныхъ формъ народовъ. Извѣстная сумма естественныхъ склонностей, которыя мы считаемъ добрыми и называемъ добродѣтелями, свойственна всѣмъ сферамъ человѣчества, а слѣдовательно, и тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ. Внѣшній обликъ, создаваемый культурой, здѣсь не можетъ обманывать. Соціальныя условія негровъ вовсе не такъ безпорядочны, какъ думаютъ многіе въ Европѣ, представляя себѣ жизнь дикарей. Даже и тамъ, гдѣ всѣ, принадлежащіе къ извѣстной народности, ходятъ почти обнаженными, лишь прикрытые немногими шкурами, вымазанные коровьимъ масломъ и охрой, и ведутъ самый бѣдственный образъ жизни, мы находимъ такія положенія и отношенія, какія намъ извѣстны изъ Ветхаго Завѣта и изъ Гомера. Наши нравственныя понятія и чувства всего болѣе развились подъ вліяніемъ христіанства, и мы не должны этимъ людямъ, отдѣленнымъ отъ насъ большею пропастью, чѣмъ тысячелѣтія, отдѣляющія насъ отъ древняго міра, отказывать въ возможности высшаго развитія тѣхъ зачатковъ, которые заложены въ сердцѣ каждаго человѣка.

Наиболѣе естественное изъ всѣхъ чувствъ есть материнская любовь. О той силѣ, до которой она доходитъ у негритянокъ, разсказывалось такъ много, что мы здѣсь вовсе могли бы не останавливаться на этомъ, если бы нѣкоторые слишкомъ поспѣшные судьи, на основаніи нѣсколькихъ ненормальныхъ случаевъ, не отказывали въ ней бѣднымъ матерямъ негровъ. Спикъ разсказываетъ, что въ Казенджѣ на Танганьикѣ туземныя матери съ легкимъ сердцемъ продавали своихъ дѣтей въ рабство чужеземцамъ за нѣсколько кусковъ ткани, и заключаетъ отсюда, что „матери этихъ дикихъ народовъ обладаютъ безконечно меньшею любовью къ дѣтямъ, чѣмъ многіе дикіе звѣри“. Ливингстонъ, которому три раза пришлось жить подолгу на невольничьемъ рынкѣ, всегда встрѣчалъ арабовъ, которые хотѣли купить рабовъ, но никто не предлагалъ имъ своихъ

близкихъ; торговцы говорили, что имъ предлагались только моики, или дѣти несчастья, у которыхъ верхніе передніе зубы прорѣзались раньше нижнихъ. Для спеціалистовъ по сравнительному народовѣдѣнію во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что ни одинъ изъ дикихъ народовъ не дорожитъ въ такой степени своимъ потомствомъ, какъ негры. Дѣтоубійство, въ сравненіи съ Полинезіей и Меланезіей, здѣсь встрѣчается рѣдко. Многочисленная семья привѣтствуется съ радостью у многихъ негрскихъ племенъ. Негры и въ этомъ отношеніи больше походятъ на насъ, чѣмъ мы расположены это думать. „Какъ болѣе или менѣе всѣ люди, и они радуются счастливому рожденію ребенка“, говоритъ миссіонеръ Даннертъ объ овагереросахъ, и это общечеловѣческое чувство является у нихъ правиломъ. Часто случается, что плѣнныя дѣти продаются, но никакъ не своими



Маримба съ Замбези. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 19

матерями. Правда, голодъ заставляетъ иногда родителей отчуждать своихъ дѣтей, но такіе исключительные случаи бываютъ и среди цивилизованныхъ народовъ. Почти всѣ рабы—военноплѣнные, похищенные изъ другихъ племенъ или осужденные на такое положеніе въ силу закона или произвола своего начальника.

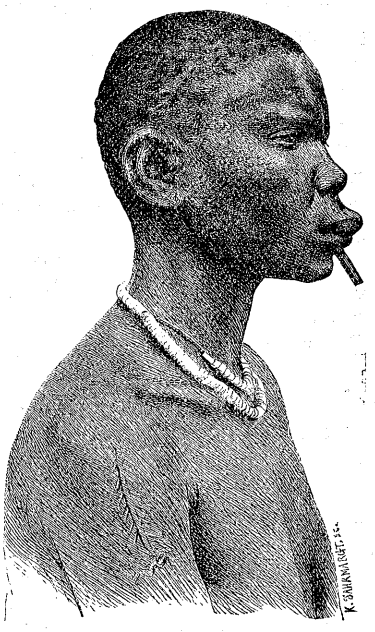
Родильница всюду помѣщается особо; мужу обыкновенно запрещается доступъ въ ея хижину. Родильница, вмѣстѣ съ хижиной, въ первыя недѣли или до тѣхъ поръ, пока у младенца не отпадетъ пуповина, составляетъ предметъ общаго уваженія. У овагереросовъ освященіе молока сопровождается издержками, достающимися въ другихъ случаяхъ на долю начальника, но въ это время падающія на родильницу. Пуповина погребается въ особомъ мѣстѣ, вблизи хижины, или хранится въ высушенномъ состояніи съ извѣстнымъ суевѣрнымъ страхомъ. Кувада рѣдко встрѣчается въ Африкѣ; объ одномъ изъ случаевъ ея, относящемся къ джаггамъ на Конго, сообщаетъ Цуккети. Близнецы считаются вообще весьма счастливымъ признакомъ. Оба пола у мирныхъ народовъ почитаются одинаково, но первенцемъ обыкновенно желаютъ имѣть мальчика; у пастушескихъ народовъ дѣвочки цѣнятся выше, такъ какъ въ будущемъ могутъ быть съ выгодой проданы жениху. Періодъ кормленія продолжается, въ среднемъ, два года. Швейнфуртъ разсказываетъ относительно обращенія

съ дѣтьми у народовъ области Верхняго Нила съ весьма привлекательной стороны. Онъ описываетъ, какъ тамъ грудныхъ дѣтей заботливо укладываютъ въ длинную корзину или колыбель, какой онъ нигдѣ не видалъ у языческихъ негрскихъ народовъ. У нихъ не только съ маленькими дѣтьми обращаются съ той нѣжностью, какую и звѣри выказываютъ не въ меньшей степени, чѣмъ человѣкъ: у джуровъ и старость находится въ почетѣ, и въ деревняхъ повсюду можно встрѣтить стариковъ. Впрочемъ, случаи того же рода, какіе мы видѣли у бушменовъ, когда очень старые, разслабленные люди, сдѣлавшіеся въ тягость своимъ близкимъ, оставляются безъ помощи, могутъ встрѣтиться и у негровъ, но ихъ нельзя назвать общераспространеннымъ обычаемъ. Подозрительно, что именно въ этой жестокости упрекаютъ столь оклеветанныхъ негрскихъ племенъ Нильской области, о которыхъ ихъ смертельные враги, нубійцы, не могутъ выдумать достаточно дурного. Лепсіусу разсказывали въ Мероэ, что обычай погребать стариковъ и разслабленныхъ живыми встрѣчается и у негрскихъ племенъ къ югу отъ Кордофана. Вмѣстѣ съ ними посылаютъ поклоны всѣмъ умершимъ и въ могилу кладутъ меризу, хлѣбъ, мотыку, трубку и двѣ пары сандалій. По другимъ сообщеніямъ, къ этимъ вещамъ присоединяютъ еще оболъ изъ одной или двухъ унцій золота для лодочника, который перевозитъ мертвыхъ черезъ рѣку. Такіе разсказы можно было обобщать лишь въ такія времена, когда существовало недостаточное знакомство съ предметомъ. Приведенному выше можно противопоставить слѣдующій разсказъ Швейнфурта, имѣющій рѣшающее значеніе: „одинъ изъ носильщиковъ динковъ, близко родственныхъ неграмъ, о которыхъ Лепсіусъ слышалъ эти ужасные разсказы, не могъ продолжать путь на родину далѣе сериба Гатты, такъ какъ у него распухли ноги, и онъ не могъ сдѣлать ни одного шага. Тогда явился отецъ его и сына, ростомъ въ 6 фут., несъ 15—16 часовъ на своихъ плечахъ; прочіе туземцы относились къ этому, какъ къ чему то вполнѣ естественному. Миссіонеръ Бюттнеръ разсказываетъ объ овагереросахъ, что у нихъ одинъ ребонокъ былъ названъ „мы ихъ не забудемъ“, съ той цѣлью, чтобы это имя напоминало родителямъ нѣкоторыхъ родственниковъ, умершихъ около времени рожденія ребенка. Всѣ путешествующіе съ караванами разсказываютъ по опыту, что у негровъ, такъ же, какъ и у арабовъ, уваженіе къ старости столь велико, что составленіе каравана безъ участія сѣдобородыхъ людей кажется невозможною вещью. Повсюду, гдѣ кафры находили выгодное занятіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ, какъ, напр., въ Укіепскихъ мѣдныхъ рудникахъ, алмазныхъ копяхъ и т. под., часто приходилось насильственно устранять эксплоатацію ихъ семьи, которая отнимала у нихъ все, что они зарабатывали.

Соотвѣтственно естественнымъ отношеніямъ, мать прежде всего имѣетъ большое вліяніе на своихъ дѣтей. Отъ зулусовъ до вагандовъ мы находимъ матерей въ качествѣ самыхъ вліятельныхъ совѣтницъ при дворахъ жестокихъ властителей, вродѣ Чаки и Мтезы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто ихъ занимаютъ сестры. Такимъ образомъ, узы крови считаются наиболѣе сильными даже у властителей, имѣющихъ сотни женъ. Менѣе тѣсно связанъ отецъ со своей семьей. Онъ, правда, глава семьи и всѣми признается въ этомъ качествѣ, и даже говорятъ, что негръ вообще любитъ дѣтей и потому можетъ быть названъ хорошимъ отцомъ, но нерѣдко онъ и здѣсь властвуетъ скорѣе силой, чѣмъ любовью. Гюббе-Шлейденъ среди учрежденій, которыя знатокъ римскаго права могъ бы найти сходными съ нимъ у мпонгвовъ, называетъ также ихъ домашній и семейный бытъ: „мы находимъ у нихъ понятіе patria potestas столь же всеобъемлющимъ и строгимъ, хотя и проведеннымъ менѣе абстрактно. Pater familias, ога, держитъ подъ своей властью женщинъ, дѣтей и домочадцевъ. Онъ только самъ вполнѣ свободенъ: такой степени самостоятельности женщина мпонгвовъ вообще достигнуть не можетъ. Доказательство

того, что женщина, хотя и достаточно обременена работой, у негровъ сама по себѣ цѣнится не слишкомъ низко, представляютъ многочисленныя негрскія королевы и знахарки, а также участіе въ общественныхъ собраніяхъ, предоставляемое женщинамъ у многихъ негрскихъ народовъ.

Бракъ заключается посредствомъ покупки. Эта черта, оттѣсняя всѣ другія, встрѣчается у тѣхъ племенъ, которыя богатѣютъ отъ обладанія стадами. Впрочемъ, обычай покупки невѣсты господствуетъ и у земледѣльцевъ; богатство мужчины измѣряется числомъ его женъ. Многоженство замѣчается повсюду, гдѣ для него есть достаточно средствъ. Иногда молодой супругъ до рожденія перваго ребенка живетъ въ домѣ своего тестя. Только правящій начальникъ области имѣетъ право требовать дочь каждаго мужчины безъ уплаты обычнаго выкупа, такъ же, какъ дочери начальника могутъ выбирать каждаго мужчину, который, вслѣдствіе того, изъ простого званія повышается до званія начальника. Съ сватовствомъ соединены многія привлекательныя черты: у мадіевъ дочь сперва открывается матери, затѣмъ отцу, который устанавливаетъ цѣну, и молодая чета повинуется безусловно положительному или отрицательному исходу переговоровъ. Свадебныя торжества лишены всякаго религіознаго характера; при этомъ убиваютъ нѣсколько штукъ скота, поютъ пѣсни и пляшутъ. У племенъ, отличающихся хорошею нравственностью, невѣста во все это время не покидаетъ хижины, выстроенной для нея отцомъ, и сидитъ тамъ среди новыхъ деверей и невѣстокъ, которые восхваляютъ ей прелести супружеской жизни. При этомъ она должна что нибудь съѣсть со свадебнаго стола, но такъ, чтобы никто этого не видалъ. Кэмеронъ даетъ слѣдующее описаніе болѣе величественнаго празднества въ царствѣ Казонго. Сперва женихъ плясалъ одинъ въ теченіе получаса, когда онъ кончилъ, невѣсту, 9-ти или 10-ти лѣтнюю дѣвочку, разубранную со всевозможной роскошью, принесла на плечахъ женщина къ мѣсту пляски, причемъ другая женщина поддерживала ее сзади. Женихъ далъ ей нѣсколько табачныхъ листьевъ и бусъ; она бросила ихъ въ толпу танцующихъ. Затѣмъ женихъ продолжалъ плясать, съ крайне неприличными тѣлодвиженіями, въ теченіе 10 минутъ вмѣстѣ съ невѣстою, потомъ поднялъ ее на руки и исчезъ съ нею въ своей хижинѣ. Но пляски, крики и барабанный бой продолжались въ теченіе всей ночи.



Негритянка племени абака, съ губнымъ украшеніемъ (По фотографіи Р. Бухты.)

Расторженіе брака затрудняется не только меркантильными соображеніями, которыми проникнутъ брачный союзъ, но и помимо нихъ ему препятствуетъ цѣлый рядъ законоположеній. У племенъ, ведущихъ спокойную и простую жизнь, расторженіе брака случается рѣдко; и нарушеніе супружеской вѣрности не такъ часто у нихъ, какъ у тѣхъ, которые могутъ накапливать капиталы, обладаютъ многочисленными невольниками и находятся въ близкихъ сношеніяхъ съ арабами или европейцами. Впрочемъ, и у этихъ племенъ бракъ не расторгается безъ всякихъ формальностей, какъ это можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. У разложившихся племенъ Золотого берега только принцессы имѣютъ преимущество расходиться со своими мужьями, не являясь передъ судилищемъ, нѣкоторое количество бѣлой глины, поднесенное мужу, служитъ знакомъ оставленія

его. Простой народъ долженъ, напротивъ, являться передъ начальниками, рѣшающими дѣло. Если начальники позволяютъ женщинѣ оставить мужа, то семья ея удерживаетъ покупную плату, и начальники даютъ женщинѣ кусокъ бѣлой глины, которой она дѣлаетъ замѣтки на деревьяхъ главной улицы, показывающія, что она перестала состоять въ бракѣ. Если разрывъ разрѣшается мужчинѣ, семья жены должна возвратить полученную сумму. Любопытный примѣръ новообразованія въ этой области сообщаетъ Бройонъ въ своемъ описаніи Уньямвези, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ арабы ранѣе того, изъ эгоистическихъ мотивовъ, ввели законъ, въ силу котораго женщина, что либо разбившая у нихъ, становилась ихъ рабою. Негритянки воспользовались этимъ закономъ къ собственной выгодѣ, такъ какъ онѣ, желая отдѣлаться отъ непріятнаго супруга, ломали что нибудь, принадлежавшее начальнику, и, вслѣдствіе того, становились его рабынями.

Въ раздѣленіи труда мужчинѣ достаются работы, требующія болѣе силы, а женщинѣ—требующія болѣе выдержки и ловкости. Мужчина выгоняетъ скотъ въ поле, разыскиваетъ заблудившихся животныхъ, охраняетъ стадо отъ хищныхъ звѣрей, копаетъ колодцы, вытаскиваетъ воду изъ глубины, ходитъ на охоту. Жена тѣмъ временемъ присматриваетъ за дѣтьми, обрабатываетъ поле вмѣстѣ съ младшими дѣтьми, ходитъ за телятами и ягнятами стада, и ловитъ рыбу тамъ, гдѣ это не представляетъ труда, она строитъ и поддерживаетъ съ помощью мужа домъ, заботится о топливѣ и водѣ. Когда вечеромъ мужчина пригоняетъ скотъ, онъ доитъ коровъ, а она готовитъ ужинъ; только у динковъ доятъ женщины. Въ деревнѣ почти никогда не приходится видѣть мужчину съ ребенкомъ на рукахъ; это возможно только во время путешествія. Въ домѣ власть естественно принадлежитъ мужчинѣ. „Если мы ближе ознакомимся съ условіями семейной жизни, мы замѣтимъ, что и тамъ, какъ и вездѣ, мужья находятся подъ башмакомъ жены, и, по большей части, тѣ, которые внѣ дома охотно разыгрываютъ роль властелиновъ. Жены, а также и тетки, при всѣхъ значительныхъ или незначительныхъ случаяхъ всегда вставляютъ свое вѣское слово. Наряду съ признанной гинекократіей существуетъ сильное скрытое вліяніе главной жены начальника. Почти у каждаго короля есть такой женскій тайный совѣтъ, безъ совѣщанія съ которымъ не совершается ничего важнаго.“ (Бюттнеръ.)

Патріархальная система предоставляетъ старшему брату, а если его нѣтъ, дядѣ по отцу, первое мѣсто послѣ отца. Старшій сынъ есть также наслѣдникъ престола и послѣ отца всѣми признается первымъ. Но, кромѣ того, материнское право замѣтно выступаетъ въ законахъ наслѣдства, и, безъ сомнѣнія, именно оно ставитъ предѣлы склонности къ подчиненію женщины. У пастушескихъ племенъ преобладаетъ патріархальный обычай, предоставляющій отцу раздѣленіе наслѣдства. Обыкновенно каждому изъ своихъ „домовъ“, т. е. каждой женѣ, вмѣстѣ съ ея потомствомъ, онъ оставляетъ часть своего имущества, а главной женѣ и ея сыну, главному наслѣднику, нѣсколько бо́льшую часть. Иное мы видимъ у земледѣльческихъ обитателей Западной Африки; здѣсь, даже и въ томъ случаѣ, когда жены продаются или закладываются, дѣти ея считаются родственниками семьи жены; мужчина является принадлежащимъ къ племени матери и пользуется у него особыми преимуществами и тогда, когда между племенами его матери и отца существуютъ враждебныя отношенія. Вслѣдствіе того, при распространеніи обычая экзогаміи, хотя онъ нигдѣ не бываетъ столь принудительнымъ, какъ въ Австраліи или Полинезіи, эти отношенія между племенами принимаютъ политическій характеръ, который по преимуществу выступаетъ въ бракѣ и наслѣдованіи крупныхъ начальниковъ. Послѣдніе обыкновенно по собственному выбору берутъ только первую жену; затѣмъ, при увеличеніи лѣтъ, богатства или власти, они получаютъ все болѣе и болѣе принцессъ, которыя предлагаются имъ въ качествѣ невѣстъ и ко-

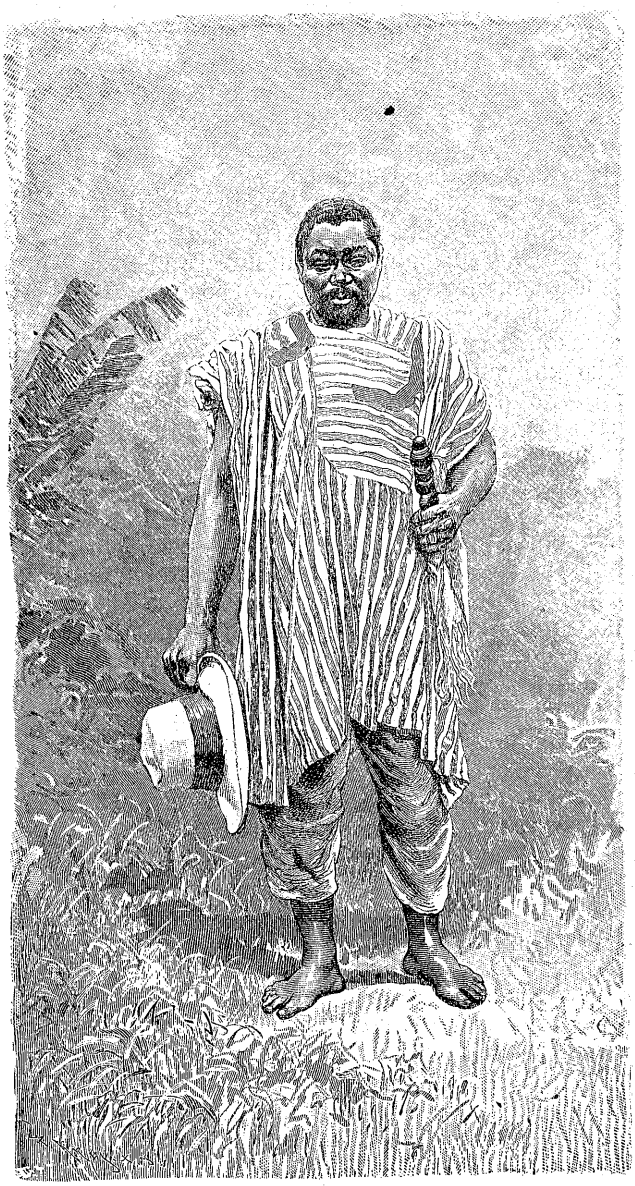
торыхъ они не должны отвергать, чтобы не вызвать опасныхъ столкновеній, а напротивъ, должны предлагать отцамъ ихъ богатые дары. Если послѣдняя жена — самая знатная, она заступаетъ мѣсто главной жены, и сынъ ея становится наслѣдникомъ престола.

И въ другихъ понятіяхъ о родствѣ у негровъ оказывается много общаго съ другими народами, находящимися на сходной степени культуры; въ обозначеніяхъ родства у пастушескихъ племенъ господствуетъ стремленіе къ обобщенію, въ силу котораго выше всего ставится патріархальный порядокъ. Любопытно видѣть, какъ обозначаетъ ближайшія отношенія въ семьѣ языкъ гереросовъ племени съ опредѣленными границами (по Бюттнеру). Отецъ называется у нихъ татэ, а мать — мама, т. е. самыми первичными обозначеніями; но эти слова употребляются исключительно по отношенію къ „моему“ отцу и „моей“ матери, хотя и примѣняются къ членамъ семьи въ восходящей линіи; дѣдъ и бабка, впрочемъ, въ домашнемъ быту называются просто „старый“ (omu-kururume) и „старая“ (oka-kurukaze). Эти слова употребляются и пріемными дѣтьми по отношенію къ усыновившимъ ихъ родителямъ, а также и вообще дѣтьми по отношенію къ ближайшимъ родственникамъ своихъ кровныхъ родителей. Напротивъ, „твой“ отецъ и „твоя “мать (вашъ отецъ, ваша мать) называются совершенно иначе — iho и onyoko; „его“ или „ея“ отецъ и „его“ или „ея“ мать (ихъ отецъ и ихъ мать) — ihe и ina. Настоящихъ словъ для сына и дочери не существуетъ, а только для ребенка, грудного младенца, мальчика, дѣвочки и пр. Эти слова во многихъ языкахъ банту, очевидно, одни и тѣ же; если во многихъ лишь бѣглыхъ перечняхъ словъ нѣкоторыя слова переводятся названіемъ сына и дочери, то это, видимо, только общее обозначеніе ребенка и пр. Точно также существуетъ общее слово для братьевъ и сестеръ, и нѣтъ отдѣльнаго слова для брата и сестры; въ этомъ случаѣ языкъ также выражаетъ собою семейный порядокъ. Братъ называетъ старшаго брата e-rumbi (что вообще считается почетнымъ титуломъ для главы семьи), а младшаго omu-angu (чѣмъ обозначается вообще ниже стоящій, которому много говорить нечего); сестру онъ называетъ omu-tena. Въ свою очередь, сестра называетъ старшую сестру e-rumbi, младшую — omu-angu и брата omu-tena. Тѣ же обозначенія употребляются не только при отношеніяхъ родства, но и свойства. Всѣ, принадлежащіе къ семьѣ, называются ova-kuetu (наши), ova-kuenu (ваши) и ova-kuano. Такъ, туземцы считали лучшимъ переводомъ христіанскаго понятія братья или милые братья — ova-kuetu; приходилось много ломать голову, когда надо было перевести — Петръ, братъ Андрея, такъ какъ для этого надо было рѣшить, кто былъ старшимъ и кто младшимъ братомъ. „Когда мы, миссіонеры“, разсказываетъ Бюттнеръ, „старались объяснить имъ, что эти отношенія съ точностью неизвѣстны, то они всегда предпочитали остановиться на болѣе общемъ словѣ omu-kuetu и т. д“.

Начальническій знакъ изъ Увинцы. (По Кэмерону.)

Временное уединеніе молодыхъ людей подъ руководствомъ пожилыхъ, въ особыхъ деревняхъ, куда женщины не имѣли доступа, встрѣчается нерѣдко. Даже и тамъ, гдѣ не происходитъ никакихъ религіозныхъ церемоній, мальчики живутъ, во всякомъ случаѣ, въ одномъ домѣ, далеко отъ другихъ, по возможности въ лѣсу, гдѣ подвергаются обрѣзанію, имѣющему неправильное, почти прихотливое распространеніе; ножъ, которымъ пользуются при этомъ, старинный, даже иногда каменный, не употребляется ни для какой иной цѣли. Дѣвушекъ, достигающихъ возмужалости, часто отдѣляютъ подобнымъ же образомъ.

Условія счастливой семейной жизни имѣются въ семьѣ съ ея прочнымъ раздѣленіемъ. Нарушеніе ея спокойствія чаще всего приходитъ извнѣ, такъ какъ внѣшнія политическія отношенія настолько же не прочны, насколько устойчива семья. Правда, негръ, при всей непослѣдовательности своего мышленія, имѣетъ общую съ дѣтьми способность къ послушанію, которую онъ выноситъ изъ семьи въ рѣзко выраженной патріархальной общинѣ пастушескихъ племенъ. Наряду съ широкой независимостью во всемъ, что̀ относится къ жизненному порядку и къ личнымъ правамъ, у всѣхъ цвѣтущихъ, не разложившихся народовъ можно видѣть суевѣрное почитаніе ихъ властителей, власть которыхъ на практикѣ довольно близка къ божественному праву. Туземцы не могутъ понять, какимъ образомъ община, какъ бы ни была ограничена ея численность, можетъ распоряжаться своими дѣлами „безъ главы“, какъ выражаются басуты на своемъ языкѣ. Они не понимаютъ и власти по уполномочію или только временной и повинуются лишь дѣйствительной, неоспоримой власти, происхожденіе которой скрывается во мракѣ прошлаго, или которую они, если она исходитъ изъ настоящаго времени, умѣютъ связать съ вѣрою въ сверхчувственное. Существуютъ начальники, которые достигли этого достоинства силою оружія, и мы слыхали о начальникѣ, который разбогатѣлъ, будучи рабомъ (что̀ могло быть, впрочемъ, только у любящихъ торговлю, подвижныхъ батекеховъ на Конго); но большинство ихъ — потомки княжескихъ семействъ племени. Даже наилучшіе правители африканцевъ въ нашемъ смыслѣ должны быть названы деспотами. Если они не хотятъ сами быть деспотами, то ихъ вынуждаютъ къ тому подданные, старающіеся исполнять съ величайшимъ усердіемъ всѣ прихоти властителя. Удобнѣйшей и простѣйшей формой политической лести является подражаніе тому, что̀ дѣлаетъ начальникъ. Сечели описывалъ этотъ обычай своему



Король Томъ Уиль изъ внутренней страны Невольничьяго берега. (По фотографіи Бюттикофера.)

другу Ливингстону, какъ обычай, пришедшій въ упадокъ, говоря при этомъ: „прежде, если начальникъ любилъ охоту, всѣ его люди доставали собакъ и и ходили съ ними на охоту. Если онъ любилъ музыку и танцы, всѣ выражали склонность къ этому удовольствію. Если онъ любилъ пиво, всѣ упивались имъ“. Важные начальники платили своимъ льстецамъ. Такъ, во всѣхъ племенахъ бечуановъ имѣются индивидуумы, обладающіе искусствомъ радовать слухъ своего начальника хвалебными пѣснями въ честь его. Они развиваютъ при этомъ не малую степень краснорѣчія, и къ ихъ услугамъ является всегда большой запасъ образовъ; они искусны въ танцахъ съ военной сѣкирой и тыквой-трещеткой. Начальникъ оплачиваетъ сладкія рѣчи быкомъ или овцой. Подобныя пѣсни, которыя повторяютъ до безконечности одну и ту же тему, занимаютъ, къ сожалѣнію, первое мѣсто въ поэзіи негровъ; высокомѣріе и тщеславіе негрскихъ властителей, часто кажущееся европейцамъ весьма надоѣдливымъ, въ то же время вполнѣ естественно. Начальникъ маньемовъ Мвана Гой, „который держалъ себя очень гордо въ деревнѣ, нося въ рукѣ палку въ видѣ скипетра, и на себѣ множество тонкихъ, сплетенныхъ изъ травы кусковъ ткани, усаженныхъ шнурками, кисточками и бахромою, шляпу, раскрашенную различными цвѣтами, и головной уборъ изъ перьевъ“ (Стэнли), можетъ считаться типомъ многихъ мелкихъ королей.

Совѣтники Саидили, кафры-коза. (По фотографіи.)

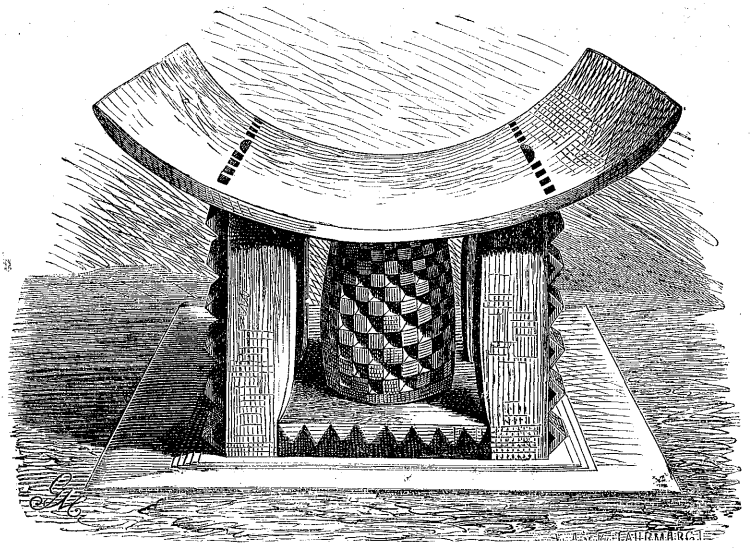
Самыя могущественныя государства — среднія по числу кв. миль и малыя по силѣ своей власти. Большинство во всѣхъ отношеніяхъ — крошечныя, миніатюрныя государства, какъ прежнія германскія имперскія деревни. По исчисленію миссіонера и лексикографа Перрена, подтвержденному Блеекомъ, кафры страны зулусовъ (Зулуланда) въ 1853 г. состояли изъ 78 племенъ, причемъ на каждое племя приходилось, въ среднемъ, 367 хижинъ и менѣе 1500 душъ. Максъ Бухнеръ опредѣлялъ число илоловъ царства Лунды, „изъ которыхъ многія не больше по значенію нашихъ крупныхъ крестьянъ“, въ 300, и Швейнфуртъ опредѣляетъ число душъ всего, неоднократно раздѣлявшагося племени джуровъ въ 20 тыс. Одна изъ величайшихъ причинъ путаницы африканской этнографіи есть смѣшеніе такихъ, иногда случайно выдвинувшихся на первый планъ патріархальныхъ общинъ съ настоящими государствами, т. е. племенными конгломератами, каковы зулусское царство Чаки и его преемниковъ

или царство Себитуане. Эти заблужденія тѣмъ значительнѣе, что даже и болѣе крупныя группировки вообще весьма не долговѣчны. Онѣ противны природѣ негровъ и степени ихъ культуры. Какъ бы уваженіе или страхъ передъ властителемъ, управляющимъ многими племенами, ни были велики, ему лишь рѣдко удается сдѣлать изъ нихъ объединенный народъ. Въ природѣ этихъ мелкихъ африканскихъ государствъ лежитъ, подъ вліяніемъ мирныхъ и способствующихъ къ развитію отношеній, склонность къ раздробленію на безчисленныя части. Начальники всѣ живутъ въ полигаміи и имѣютъ много сыновей, обнаруживающихъ притязанія на землю и стада. Если возрастаніе имущества у Лота и Авраама не позволяло имъ жить въ мирѣ, то легко себѣ представить, какое это можетъ имѣть значеніе для народовъ, которые свои личные интересы всегда ставятъ на первомъ планѣ. Трудно сказать, насколько событія, театромъ которыхъ были южныя негрскія страны въ нашемъ столѣтіи, подвинули кафровъ и бечуановъ, послѣ ихъ войнъ, къ большей сплоченности.

Когда противодѣйствіе туземцевъ европейцамъ, именно въ южной Африкѣ, принимало все болѣе и болѣе опредѣленныя формы и большее распространеніе, какъ это видно изъ сравненія прежнихъ и новѣйшихъ кафрскихъ войнъ, оно все-таки никогда не доходило до такихъ большихъ и крѣпкихъ союзовъ, каковы были „шесть націй“ въ Сѣверной Америкѣ. Сопротивленіе раздѣлу Африки исходило болѣе отъ арабовъ, чѣмъ отъ негровъ. Чувство національности могло заключаться у негровъ лишь въ болѣе узкой, простой и первичной формѣ племеннаго чувства. Въ этомъ видѣ Швейнфуртъ опредѣленно приписывалъ его мангбаттамъ. Понятіе о международномъ въ этихъ узкихъ условіяхъ сжимается въ понятіе о междуплеменномъ. Въ этихъ границахъ проявляется, главнымъ образомъ, стремленіе негровъ къ дипломатіи и разграниченію правъ: существуютъ, напр., безчисленные некодифицированные государственные договоры, разграничивающіе деревенскія государства Африки и „сферы ихъ интересовъ“. Такъ, торговля съ береговыми мѣстами, причина столь многихъ пререканій между надвигающимися племенами внутренней части материка, давала поводъ къ установленіямъ, которыя строго соблюдались извѣстною группою племенъ. Точно также регулировалась торговля съ внутренними странами. Когда Бухгольцъ посѣтилъ рѣку Квакву, онъ встрѣтилъ тамъ рыбаковъ изъ города Аквы, но ни одного изъ людей Белля, къ югу отъ владѣній которыхъ лежала названная рѣка. У каждаго изъ этихъ камерунскихъ племенъ были свои мѣстности („bush countries“), съ которыми люди его вели торговлю и съ которыми они состояли въ родствѣ посредствомъ взаимныхъ браковъ. Такимъ образомъ, экзогамія и здѣсь послужила „связью между народами“. Въ каждомъ африканскомъ народѣ живетъ извѣстное число чужеземцевъ, сперва въ видѣ рабовъ, затѣмъ въ качествѣ торговцевъ или ремесленниковъ, охотниковъ и рыбаковъ и, наконецъ, въ видѣ фермеровъ, которые разъискиваютъ въ лѣсу клочки земли, удобной для обработки.

Политическое раздробленіе имѣетъ глубокую основу въ преувеличеніи своего значенія отдѣльными государствами, вслѣдствіе недостатка какого-либо масштаба для сравненія. Этимъ мотивировалъ Уильсонъ снаряженіе посольства вагандовъ въ Европу. „Начальникамъ и народу недостаетъ именно точнаго пониманія своего положенія по отношенію къ остальному міру и сравнительно невысокаго значенія ихъ страны.“ За отсутствіемъ болѣе полнаго самопознанія, это раздробленіе, даже у членовъ близко родственныхъ племенныхъ группъ, является сильнымъ союзникомъ европейцевъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ въ области разселенія негровъ. И лишь одна сила оказывалась достаточно могущественной, чтобы связать и сдержать всѣ эти элементы, стремящіеся къ разъединенію, — высоко стоящая, самостоятельная личность. „Безъ деспота не могло бы быть царства зулусовъ“ (Г. Фритчъ). Характеры, какъ Себитуане или Ми-

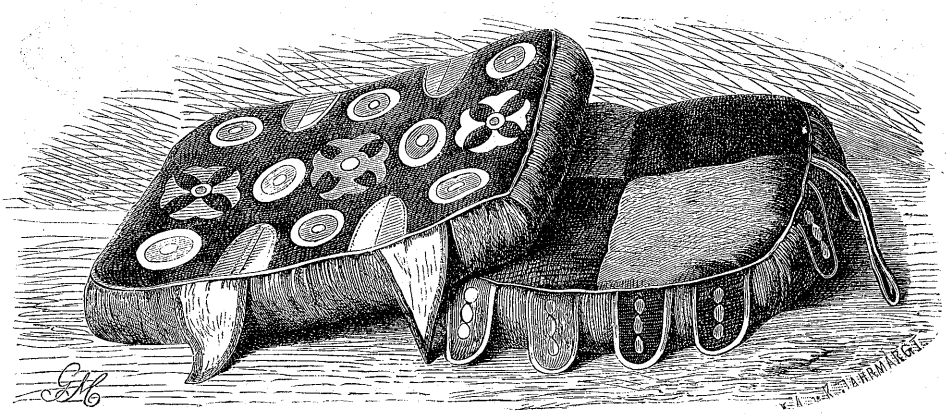
рамбо, Чака или Ндламэ, безпощадные, и именно потому популярные деспоты — таковы орудія, съ какими Африка, насколько она принадлежитъ неграмъ, вступала до настоящаго времени въ историческія движенія. Насколько мало негры предоставляютъ власти своимъ правителямъ внутри и въ мирное время, настолько же эти послѣдніе могутъ безпредѣльно пользоваться силами своего народа внѣ страны и присоединять одно завоеваніе къ другому. Но всякій завоевательный походъ есть въ то же время хищническая экспедиція, изъ которой весь народъ желаетъ извлечь выгоду. Впрочемъ, добычу распредѣляетъ властелинъ, и въ этомъ заключается значительная доля его вліянія. Поэтому для исторіи негрскихъ народовъ, а также и для европейскихъ интересовъ въ Африкѣ, является всегда однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ появленіе выдающихся завоевателей и правителей, которые связываютъ разсѣянныя племена и основываютъ обширныя царства. Очевидно, и работа распространенія цивилизаціи должна облегчаться, когда она сосредоточивается въ извѣстныхъ пунктахъ, откуда исходитъ эта власть. Успѣху изслѣдованій европейскихъ путешественниковъ существенно способствовали такіе люди, какъ Себитуане и Мтеза. Преимущественно на южномъ краѣ Восточной Африки, гдѣ сильныя кафрскія племена въ умѣренномъ климатѣ развиваютъ энергію и духъ предпріимчивости, и потомъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ эти царства наиболѣе часты и наиболѣе могущественны. Развитіе ихъ имѣетъ и особый этнографическій интересъ, если мы сравнимъ рѣдкое проявленіе подобныхъ образованій у другихъ народовъ на одинаковой ступени культуры. Но отыскивая причины этого явленія, мы уже соприкасаемся съ границами негрскаго элемента; дѣйствительно, носители знаменитаго скипетра Уганды и Уньоро и всѣ эти Мунзы, Казембе, Казонго, Муата-Ямво, отчасти съ исторической осязательностью, отчасти въ легендарномъ видѣ, переходятъ уже въ область свѣтлокожихъ и кудряволосыхъ африканцевъ сѣвера и востока. Насколько многозначительно для характера этой исторіи, непривыкшей къ дѣйствіямъ на большихъ разстояніяхъ, что въ негрскихъ сказаніяхъ иммиграція и эмиграція, исчезновеніе извѣстныхъ и выступленіе чуждыхъ людей, составляютъ поворотныя точки историческаго движенія!



Королевское сѣдалище изъ дерева хоссы, изъ Ашанти. (Британскій музей въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 32 и рис., стр. 30.

Если здѣсь можетъ быть рѣчь объ опредѣленной формѣ правленія, то эту форму у негровъ можно назвать олигархической аристократіей или, вѣрнѣе, смѣшеніемъ патріархальнаго и феодальнаго порядка управленія. Община живетъ весьма подвижной жизнью; важные вопросы занимаютъ всѣхъ лицъ мужского пола, и всѣ рѣшаются внутри общины; главный начальникъ вмѣшивается лишь тогда, когда между общинами возникаетъ несогласіе. Могущественные правители зулусовъ и ваган-

довъ никогда не были абсолютными властелинами и ни разу не заключили, въ особенности съ европейцами, какого-либо важнаго договора безъ согласія своихъ старшинъ. Подобный договоръ былъ бы немыслимъ при существующихъ условіяхъ управленія, такъ какъ власть, главнымъ образомъ, находится въ рукахъ начальниковъ. Уильсонъ писалъ изъ Рубаги: „если бы можно было склонить начальниковъ въ пользу европейцевъ, то цивилизація выиграла бы отъ того гораздо больше, чѣмъ отъ благосклонности цѣлаго ряда правителей“. Между тѣмъ, какъ Мтеза по различнымъ причинамъ относился благопріятно къ пребыванію европейцевъ въ его странѣ, начальники были настроены болѣе или менѣе враждебно противъ нихъ. Соотвѣтственно тому, Гардинеръ, при своихъ попыткахъ стать твердой ногой въ землѣ зулусовъ, долженъ былъ хлопотать столько же передъ „генералами“ Чаки, сколько и передъ самимъ Чакой. Начальники, естественно, опасались того, что правитель, съ помощью европейцевъ, сдѣлается слишкомъ самостоятельнымъ. Вообще высшее сосло-

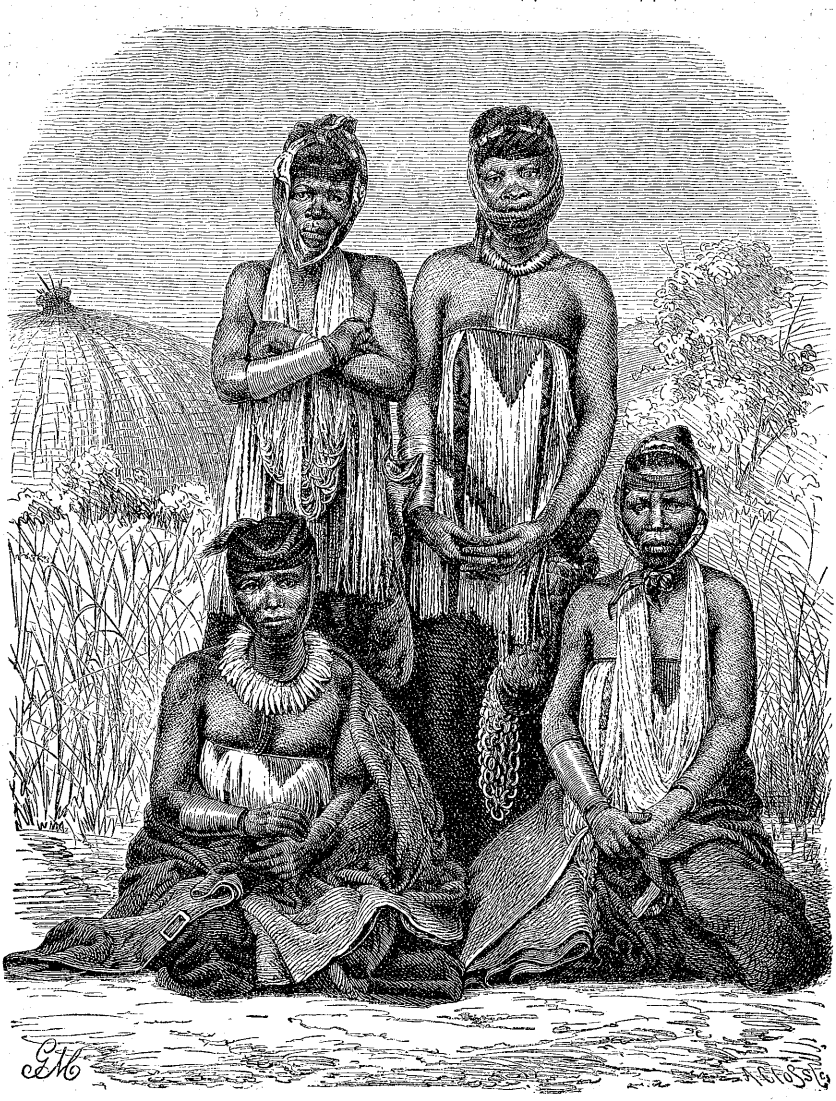


Подушки кресла, изображеннаго на стр. 29.

віе, гдѣ оно существуетъ въ видѣ отдѣльнаго класса, въ особенности на Западномъ берегу (на востокѣ имперіализмъ крупныхъ завоевателей, видимо, оказалъ демократизирующее вліяніе), обыкновенно находилось въ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ правящей фамиліей. Неограниченность деспотизма служитъ существеннымъ противудѣйствіемъ опасности раздробленія племени, сосредоточиваясь въ твердой рукѣ. Страдающіе отъ угнетенія тайно оставляютъ страну и увеличиваютъ силу сосѣднихъ правителей.

Изслѣдователи Африки познакомили насъ, наряду со многими кровожадными деспотами, также и съ доброжелательными и благонамѣренными правителями. Мы припоминаемъ при этомъ не добрыхъ правителей Борну или Сокото, которые, въ качествѣ магометанъ, находятся подъ чуждыми вліяніями, но болѣе мелкихъ властителей, каковы Себитуане или Руманика, настоящихъ негрскихъ королей. Могло быть нѣкоторое преувеличеніе въ томъ, когда другъ туземцевъ въ журналѣ „Cape Monthly“ (1870 г.) приписывалъ Сечели планъ развести кустарники на высотахъ, чтобы воспрепятствовать высыханію своей страны; но фактически предусмотрительность его заходила достаточно далеко, когда онъ, еще задолго до акта Капскаго парламента, обнародовалъ законъ, запрещавшій убивать самокъ страуса. Ливингстонъ, который всегда умѣлъ видѣть доброе въ неграхъ, ознакомилъ насъ ближе со многими подобными правителями; мы укажемъ здѣсь только на правителя маньемовъ Моэнекуса. „Неподвижное состояніе маньемовъ не пріобрѣтаетъ никакого толчка къ движенію отъ при-

мѣра стоящихъ выше ихъ; они упорны, и прогрессъ неизвѣстенъ имъ. Моэнекусъ нанималъ кузнецовъ, чтобы они обучали его сыновей, и эти послѣдніе выучились ковать мѣдь и желѣзо, но онъ не могъ передать имъ своей любви и великодушія по отношенію къ другимъ; когда онъ умеръ, у него не оказалось достойнаго преемника, потому что его сыновья были себялюбивые, низменные и недальновидные люди, безъ всякаго до-



Жены короля гаиковъ Сандили. (По фотографіи проф. Г. Фритча.)

стоинства и чувства чести". Въ этихъ немногихъ словахъ раскрывается тайна застоя африканскаго государственнаго порядка, несмотря на появленіе отдѣльныхъ мудрыхъ и сильныхъ правителей. Они такъ и остаются особнякомъ. Недостатокъ послѣдовательности въ добрѣ и злѣ объясняетъ постоянно повторяющееся пониженіе послѣ достиженія извѣстной высоты. Непрерывно дѣйствующіе стимулы къ улучшенію мы увидимъ далѣе только на поприщѣ матеріальной культуры.

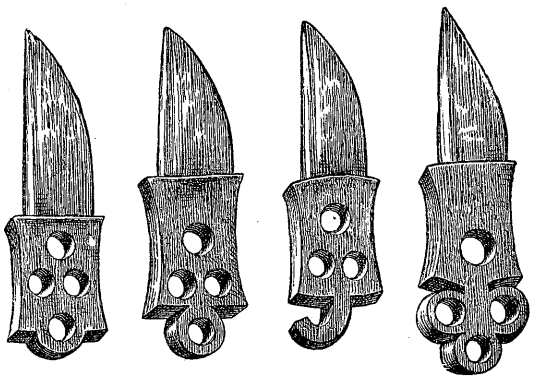
Между областями отдѣльныхъ племенъ существуютъ незаселенныя пограничныя полосы или окраины; но прочное государственное

образованіе невозможно иначе, какъ путемъ появленія отъ времени до времени могущественныхъ властителей, образующихъ и поддерживающихъ стойкіе центры. Нѣчто вродѣ отсутствія границъ находимъ мы и въ самыхъ большихъ негрскихъ царствахъ, гдѣ король въ дѣйствительности управляетъ только въ центрѣ, гдѣ онъ живетъ, между тѣмъ, какъ вліяніе его уменьшается по мѣрѣ того, какъ его подданные чувствуютъ себя дальше отъ него. Поэтому каждое изъ этихъ царствъ окружено сомнительными областями, платящими дань, которыя только ожидаютъ случая, чтобы сдѣлаться независимыми. Въ виду того, мы не должны удивляться, что племена и царства поднимаются на поверхность и затѣмъ исчезаютъ, какъ волны, гонимыя вѣтромъ. Политическая и вмѣстѣ съ тѣмъ этнографическая карта Африки постоянно измѣняется.

Сюда надо присоединить еще мнимые народы, этихъ своеобразныхъ рабовъ, которые услаждаютъ свое бѣдственное, подчиненное состояніе тѣмъ, что подражаютъ воинственной внѣшности своихъ властителей, какъ это было съ ложными вайями на Ровумѣ или подданными Умцилы на нижнемъ Лимпопо, подражателями зулусовъ, которые, будучи лишены свободы и мужества, принимали на себя внушавшее страхъ зулусское обличіе. Не малую путаницу производитъ и то обстоятельство, что племена съ теченіемъ времени принимали названія, которыя имъ совершенно произвольно придавались другими; такъ, различныя бечуанскія племена приняли названіе „мангати“, какое дали имъ зулусы. Въ макололахъ мы находимъ классическій, вполнѣ историческій примѣръ столь частаго новообразованія народовъ около кристаллизаціоннаго ядра, представляемаго могущественной личностью.

Ничто не даетъ болѣе правильнаго понятія о бѣдности низшаго культурнаго состоянія, чѣмъ скромный наружный видъ африканскихъ властителей, и ничто не даетъ въ то же время болѣе полнаго понятія о предметѣ ихъ высшаго желанія, чѣмъ то, что они могутъ доставить себѣ при помощи всей своей власти. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на блескъ и пышность Востока: крупные правители зулусовъ и матабелей, Муато-Ямво, Казембэ, Казонго, всѣ эти высшія личности африканскаго негрскаго міра, показываются въ самомъ простомъ видѣ. Нѣсколько талисмановъ, рѣзной стулъ (см. рис., стр. 29 и 30), нарядное оружіе, нѣсколько лишнихъ желѣзныхъ колецъ или колецъ, скрученныхъ изъ шерсти жирафы, по сравненію съ ихъ подданными, шкура обезьяны и красная куртка составляютъ всѣ ихъ внѣшнія отличія. Доходы начальниковъ, кромѣ торговли, составляютъ суммы, взимаемыя ими за судебныя разбирательства несогласій между деревенскими жителями, штрафы, которые вносятся имъ за преступленія, сдѣланныя въ ихъ резиденціи, и пошлина съ торговли слоновой костью, рабами и лодками. Къ преимуществамъ ихъ положенія принадлежитъ, впрочемъ, обладаніе возможно большимъ количествомъ женъ, неограниченнымъ количествомъ пива и табаку для себя и своего придворнаго штата, и запасъ ружей и продовольствія. Если причислить сюда хижины нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ, то мы исчерпаемъ все, чѣмъ пользуется негрскій король отъ своихъ подданныхъ. Но сюда присоединяется еще нѣчто весьма важное — церемоніальная сторона, сопровожденіе копьеносцами, колдунами и вооруженными женщинами, и шумъ оркестра, въ которомъ въ особенной чести находится барабанъ. Негръ имѣетъ большую склонность къ безсодержательнымъ церемоніямъ. Отсюда и исходитъ значеніе лица, завѣдующаго церемоніями въ варварскомъ придворномъ штатѣ. Съ этимъ связана также склонность негровъ къ дипломатіи, въ основаніи которой лежитъ предпочтеніе состязанію словами, вмѣсто дѣйствій. Важными людьми при негрскихъ дворахъ поэтому бываютъ всегда послы, ловкіе люди, на скромность которыхъ можно вполнѣ положиться. Они стараются выказать тонкое и вѣжливое обращеніе. Тѣмъ, что̀ имъ приходилось видѣть во̀ время путешествій, они превосходятъ

своихъ согражданъ. Для того, чтобы избѣжать обмановъ и безконечныхъ противорѣчій, неизбѣжныхъ при недостаткѣ письменныхъ соглашеній, существуетъ обычай ввѣрять международныя сношенія одному и тому же лицу. Басуты при Мошеше назначали для каждой сосѣдней страны особаго посла. Эта утомительная и мало вознаграждаемая должность, повидимому, нимало не тяготитъ тѣхъ, кто облеченъ ею. Казалисъ, жившій въ качествѣ миссіонера среди басутовъ, разсказываетъ: „мой старый другъ Сеетанэ („Маленькій Башмакъ“) сообщалъ мнѣ ежегодно съ довольной усмѣшкой, что онъ отправляется ко двору зулусскаго начальника Мпанды. Ему приходилось идти до этого мѣста 100 миль пѣшкомъ и столько же назадъ. Я снабжалъ его всякій разъ нѣкоторымъ количествомъ табаку, и съ этимъ запасомъ и съ маленькимъ мѣшкомъ, наполненнымъ поджаренной мукой, онъ шелъ весело и легко, какъ будто рѣчь шла о небольшой прогулкѣ“. Эти послы одарены по большей части изумительной памятью, что̀ легко понять, такъ какъ они передаютъ слово въ слово депеши, сообщенныя имъ устно, и, при недостаткѣ письменности, должны быть живыми архивами. Особенность всѣхъ этихъ деспотовъ заключается въ постоянномъ отправленіи пословъ во всѣ стороны, и къ обычнымъ впечатлѣніямъ европейскихъ путешественниковъ въ этихъ областяхъ принадлежитъ то, что, вскорѣ послѣ ихъ отбытія изъ логовища такого маленькаго льва, ихъ нагоняютъ послы, которые имѣютъ сообщить одно или нѣсколько запоздалыхъ желаній его. Очевидно, вся эта система освѣдомленій и посольствъ тѣсно связана съ потребностью негрскихъ властителей знать обо всемъ, что̀ происходитъ въ предѣлахъ ихъ вліянія. Такъ же, какъ они ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы деревни, служащія имъ резиденціей, оставались средоточіемъ торговли, составляющей ихъ монополію, они считаютъ своимъ призваніемъ быть головой и ушами своего народа. Поэтому шпіонство среди этихъ „дикарей“ развито такъ же высоко, какъ и въ любомъ населеніи цивилизованнаго міра, опасающемся за свое существованіе. Каждый мужчина въ племени чувствуетъ себя обязаннымъ сообщать начальнику все, что онъ узнаетъ; если же его разспрашиваетъ чужеземецъ, онъ намѣренно даетъ или самые глупые отвѣты, или такіе, которые, какъ ему извѣстно, должны понравиться его начальнику. „Я думаю“, говоритъ Ливингстонъ, „что разсказы о ихъ неспособности считать далѣе десяти распространялись такимъ образомъ въ то же самое время, когда отецъ Сечели высчитывалъ, что 1000 штукъ рогатаго скота должны послужить основою домашняго хозяйства его сына.“



Ножи-кинжалы изъ Бигэ. (По Кэмерону.)

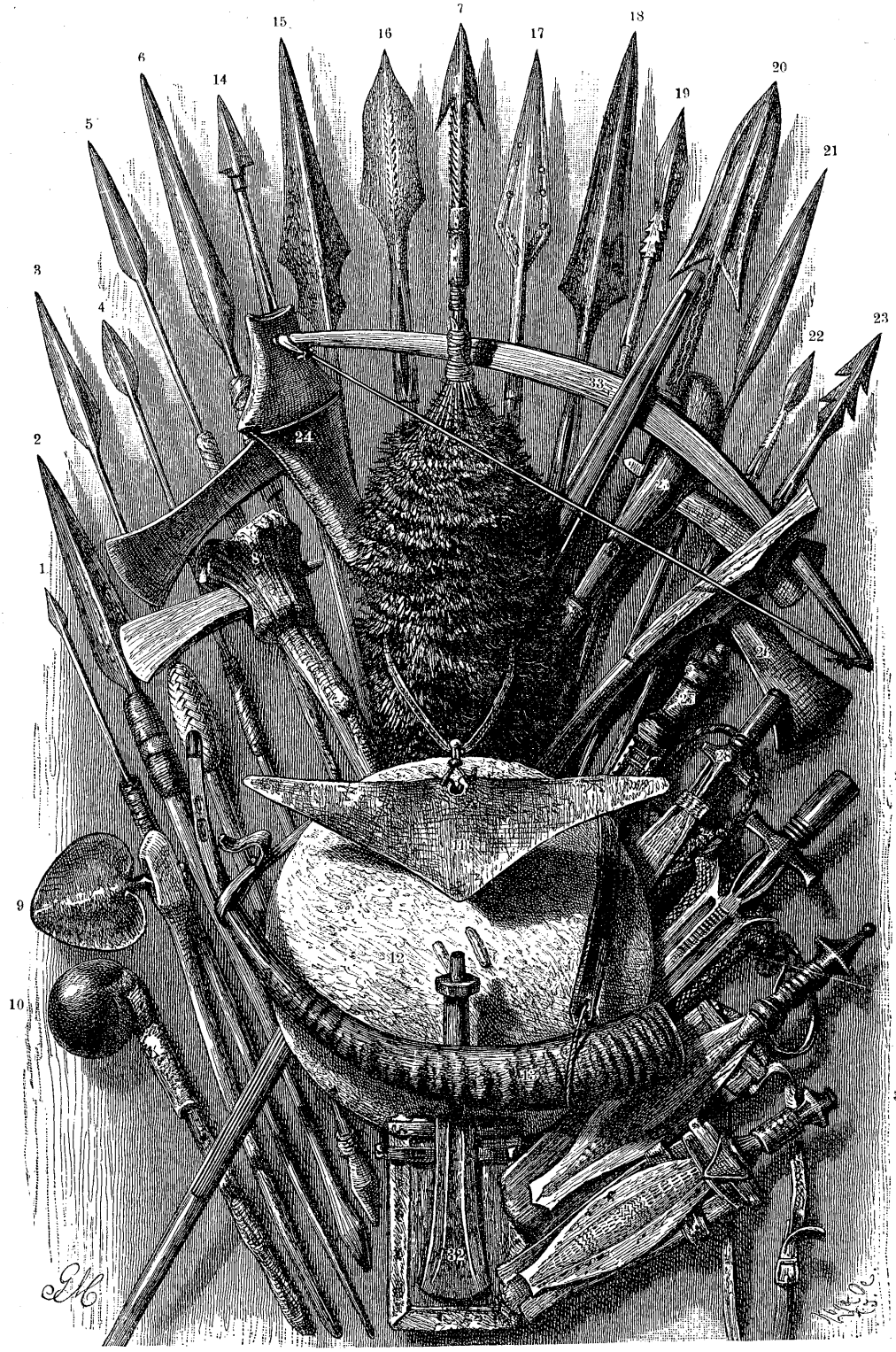
Если мы прибавимъ къ этому, что начальникъ бываетъ всегда главнымъ колдуномъ или центральнымъ „жрецомъ фетишей“ всего народа (чѣмъ онъ славится иногда далеко за предѣлами своихъ владѣній), что онъ — хранитель огня, который гасится послѣ его смерти, чтобы зажечь его вновь посредствомъ тренія, и, что̀ не менѣе важно, онъ — первый купецъ у своего народа, то мы увидимъ въ немъ соединеніе различныхъ сторонъ реальной власти, которой недостаетъ только прочности, чтобы быть вполнѣ внушительной. Окруженный старѣйшинами народа и совѣтниками, въ видѣ парламента, который служитъ передъ нимъ представителемъ народа, негрскій правитель пользуется положеніемъ, которое можно

назвать превосходнымъ, какъ и многое въ жизни негра, но развитіе его часто бываетъ неправильнымъ и безсодержательнымъ. Совѣтники, впрочемъ, умѣютъ нерѣдко вызывать къ себѣ страхъ своими волшебными силами, которыя могутъ быть сильнѣе, чѣмъ у начальника. Вліяніе Умцилы среди туземныхъ племенъ имѣло въ своемъ основаніи, главнымъ образомъ, слухъ, будто у него на службѣ находятся могущественные колдуны, которые, вмѣсто оружія, сражаются съ помощью болѣзней и стихій.

Негръ не такъ воинственно настроенъ, какъ его хамитическіе сосѣди въ землѣ галласовъ и сомалисовъ и какъ многія нубійскія и арабскія племена сѣверной Африки и Судана. Для этого онъ слишкомъ любитъ удовольствія, слишкомъ наивенъ и сангвиниченъ. Вслѣдствіе того, у многихъ начальниковъ, въ особенности западно-африканскихъ негровъ, военное положеніе играетъ второстепенную роль. Напротивъ, у племенъ, исполненныхъ воинственныхъ традицій, существованіе которыхъ основывается на ихъ военной силѣ, начальникъ, естественно, является главнымъ военнымъ вождемъ. Въ этомъ случаѣ званіе начальника принимаетъ тотчасъ же болѣе серьезный и важный характеръ и тѣсно связывается со славою народа. Мы это видимъ въ особенности у зулусовъ. Такія племена выступаютъ изъ оборонительнаго положенія; между тѣмъ оборона является характерной чертой веденія войны у другихъ негровъ, которые вполнѣ сознаютъ свою силу, когда имъ приходится только защищаться. Отсутствіе лошадей у большинства негрскихъ народовъ дѣлаетъ для нихъ нападеніе на войнѣ еще болѣе затруднительнымъ.

Но зулусы, ватуты и другіе доказываютъ, что негры умѣютъ нападать и внѣ каменныхъ стѣнъ и имѣютъ склонность къ тому. Первыя войны кафровъ представляютъ замѣчательные примѣры смѣлыхъ дѣйствій дурно вооруженныхъ чернокожихъ противъ хорошо обученныхъ солдатъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Если нѣкоторые выставляли основными чертами характера негровъ трусость и задорность и поэтому ставили ихъ ниже сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и даже малайцевъ, то такое сужденіе нельзя не признать одностороннимъ. То обстоятельство, что дикое мужество, которое они выказываютъ въ достаточной мѣрѣ, больше всего придаетъ имъ увѣренности, будто они внушаютъ страхъ своимъ врагамъ, не противорѣчитъ существованію у нихъ способности къ смѣлымъ нападеніямъ. Негръ склоненъ къ излишку храбрости и къ хвастовству ею. Только несомнѣнная и послѣдовательная рѣшимость можетъ сдержать его излишнее мужество и устранить опасные взрывы его дикости. Какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, на наемной работѣ въ полѣ и въ политикѣ, всегда оказывалось, что негръ, при малѣйшей умѣренности въ отношеніи къ нему, не только думаетъ объ удовлетвореніи своего желанія, но и способенъ доходить до безграничнаго безстыдства. Это именно характеръ отношенія высшаго къ низшему. Нельзя за это особенно упрекать негра. Если мы привыкли видѣть рука объ руку мужество и скромность, то это, конечно, высшій идеалъ, но то и другое не должно быть непремѣнно неразрывно связано между собою. Упомянутая выше черта принадлежитъ къ инстинктивной дипломатіи человѣческихъ сношеній, которая всегда стремится сообразовать свои требованія съ мѣрою уступчивости, какую она встрѣчаетъ. И негръ, какъ крайній реалистъ, весьма искусенъ въ такой дипломатіи.

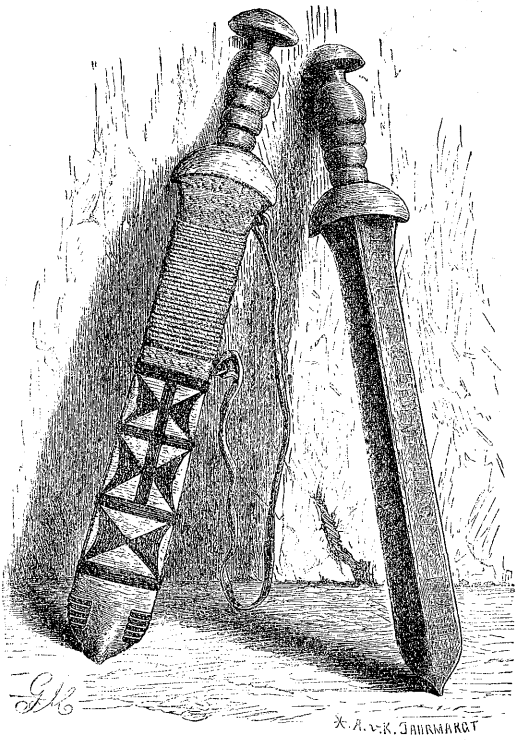
Негръ выказалъ цѣнныя военныя качества на службѣ у бѣлыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Алжирѣ, въ Египтѣ и въ Германской Восточной Африкѣ. При большой физической силѣ и способности переносить утомленіе, онъ легко обучается военному дѣлу, умѣетъ повиноваться и умѣетъ цѣнить свое званіе солдата. Онъ любитъ пестроту въ одеждѣ и свое оружіе. Американцы выработали большое число хорошихъ стрѣлковъ



Африканское оружіе:

1—10, 14—32) Копья, пики, боевыя сѣкиры, метательныя палицы кафровъ, конгскихъ негровъ и среднеафриканцевъ (Музей Берлинскаго миссіонерскаго дома; Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ и Коллекція Кристи въ Лондонѣ); 11—13) нагрудникъ, щитъ и военная труба съ Восточнаго берега (Коллекція Кристи въ Лондонѣ и Музей Берлинскаго миссіонерскаго дома). 33) Лукъ-самострѣлъ фановъ (Коллекція Кристи въ Лондонѣ).

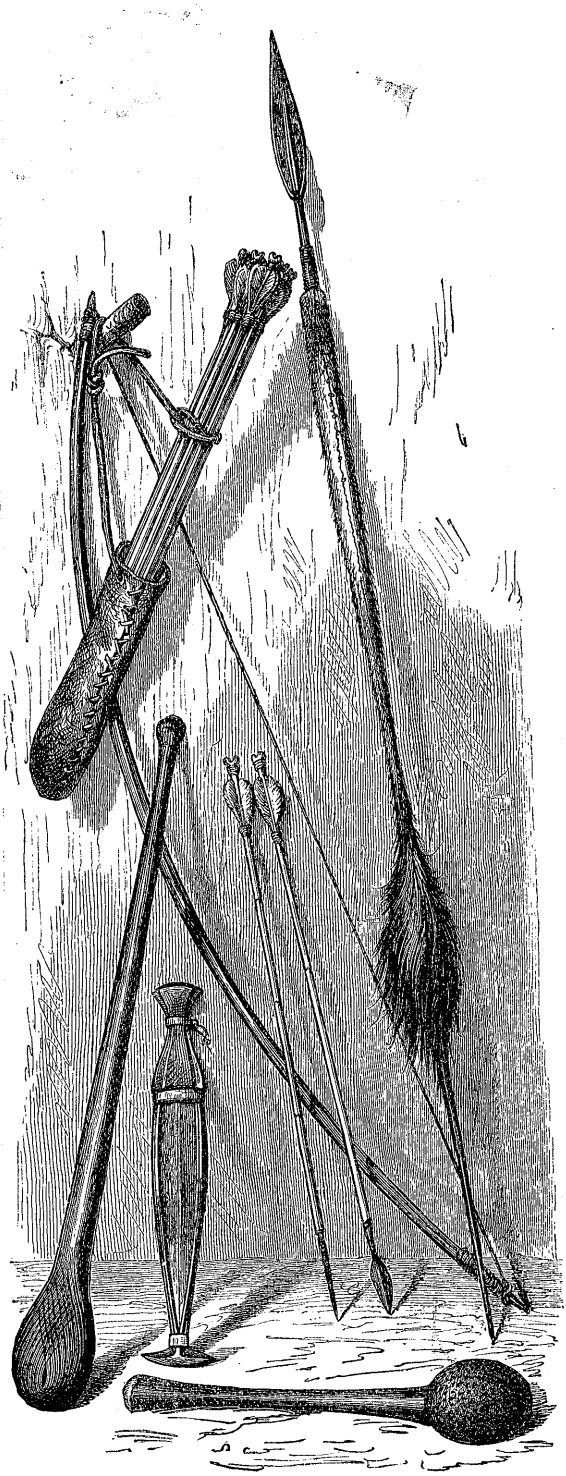
изъ освобожденныхъ негровъ-невольниковъ. Прирожденный сангвиникъ естественно расположенъ къ тому, трудно поддающемуся опредѣленію, настроенію, которое называютъ „порывомъ“, и — что́ въ серьезныхъ случаяхъ, быть можетъ, важнѣе всего — ему свойственно понятіе о болѣе низкой цѣнности человѣческой жизни, чѣмъ бѣлому человѣку. Значительное большинство черныхъ египетскихъ войскъ до англійскаго вторженія состояло изъ динковъ, которымъ ихъ внушительный видъ, высокій ростъ и врожденная храбрость отводили выдающееся мѣсто въ египетской арміи. Ихъ сплоченность, которая соединяла цѣлые округи въ одно многочисленное военное племя, оказывала энергичное сопротивленіе египтянамъ и нубійцамъ. И динки оставались оазисомъ независимыхъ людей среди покоренныхъ народовъ. Такія же военныя качества выказали въ экваторіальныхъ провинціяхъ мадіи и сандехи.



Мечъ съ ножнами изъ Камеруна. (Британскій музей въ Лондонѣ.) $^1/_5$ наст. величины.

Веденіе войны у негровъ, естественно, имѣетъ жестокій характеръ. Не стѣсняемое гуманными соображеніями, оно стремится къ одной цѣли — „къ уничтоженію“ врага. Здѣсь играетъ роль и низкая оцѣнка человѣческой жизни, проникая вообще многія воззрѣнія и поступки негровъ. По описанію Ливингстона, макололы были такими-же дикарями, какъ и ихъ союзники, но вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими племенами великаго кафрскаго народа они могли дѣлать болѣе тонкія различія между справедливымъ и несправедливымъ и имѣли гораздо болѣе прочные обычаи относительно суда и наказанія. Однако, ихъ равнодушіе къ пролитію крови дѣйствовало разрушительнымъ образомъ на это проявленіе высшаго развитія. Одна эта черта уничтожаетъ всѣ цивилизующія дѣйствія, которыя могли-бы развить другія свойства ихъ характера, и они останутся дикими, пока не откажутся отъ этой черты. Манганджи на Ньяссѣ (во времена Коттерилля), раздраженные неудачнымъ штурмомъ, совершенно хладнокровно передъ глазами осажденныхъ убили 80 плѣнныхъ, состоявшихъ исключительно изъ женщинъ и маленькихъ дѣтей; подобнымъ-же образомъ поступило бы во всей Африкѣ большинство негрскихъ народовъ. Но, ради справедливости, мы не должны оставить безъ вниманія историческій фактъ, что въ самыхъ кровавыхъ эпизодахъ кафрской войны кафры часто щадили женщинъ и дѣтей бѣлыхъ поселенцевъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, гораздо больше было умерщвлено ихъ женъ и дѣтей, чѣмъ они умертвили сами. Но это не исключало величайшихъ вѣроломствъ и жестокостей противъ бѣлыхъ.

Вообще оружіе негровъ не отличается той высокой законченностью, какую мы находимъ у менѣе воинственныхъ народовъ острововъ Тихаго океана. У негровъ рѣдко бываетъ нарядное, показное оружіе (см. таб. „Африканское оружіе“). Ихъ копья отличаются достаточнымъ разнообразіемъ формы и величины клинковъ, такъ же, какъ и боевыя сѣкиры, но эти



Оружіе овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

формы колеблются около одного ограниченнаго типа и отличаются всегда относительной простотой. Независимо отъ того, и работа ихъ часто бываетъ не законченной; чистота реберъ, оттачиванье и шлифовка клинковъ заставляютъ желать многаго. Это нисколько не находится въ связи съ общимъ низкимъ уровнемъ того, что́ можно назвать въ Африкѣ художественными ремеслами. Рукоятки какъ копій, такъ и топоровъ, предметы, имѣющіе лишь второстепенное значеніе, не только не имѣютъ обыкновенно никакихъ украшеній, но часто даже остаются въ необдѣланномъ видѣ. Достаточно взглянуть на собраніе полинезійскихъ копій, рядомъ съ такимъ же собраніемъ изъ южной или внутренней Африки, чтобы замѣтить тотчасъ же громадное различіе между тѣми и другими. Тамъ, даже у грубыхъ новокаледонцевъ, все гладко, все блеститъ, все разукрашено, а здѣсь — неровныя, едва выпрямленныя палки. Тамъ, гдѣ у негровъ встрѣчается лукъ, онъ обыкновенно стоитъ гораздо ниже внѣафриканскаго. При этомъ имѣется въ виду только непосредственная цѣль, для какой предназначено это оружіе. Копье и метательная палица представляютъ самые распространенные роды оружія; къ нимъ примыкаютъ боевая сѣкира и ножъ. Впрочемъ, ножъ, повидимому, проникъ сюда изъ арабской культурной области, съ сѣвера и съ востока. Маленькія метательныя стрѣлы, съ глиняными шариками для бо́льшей тяжести, попадаются случайно. Лукъ и стрѣлы, часто отравленныя, также имѣютъ широкое распространеніе, но ими не пользуется большое число африканскихъ племенъ, и это оружіе, повидимому, предоставлено низшимъ, покореннымъ народамъ, какъ менѣе благородное. Поэтому оно болѣе распространено среди менѣе благопріятныхъ мѣстообитаній — въ лѣсу, въ горахъ и степяхъ. Настоящіе африканскіе луки имѣютъ простое, вдавленное закругленіе, не такое, какъ у азіатскихъ луковъ; но часто встрѣ-

1—4, 7) Пики съ верхн. Конго. $^1/_{10}$ наст. велич.

5, 6) Пики маньемовъ. $^1/_{10}$ наст. велич.

8) Гарпуны съ верхн. Конго. $^1/_{10}$ наст. велич

9) Щитъ бассангововъ. $^1/_{11}$ наст. велич.

10) Ножъ изъ Кассаи. $^1/_6$ наст велич.

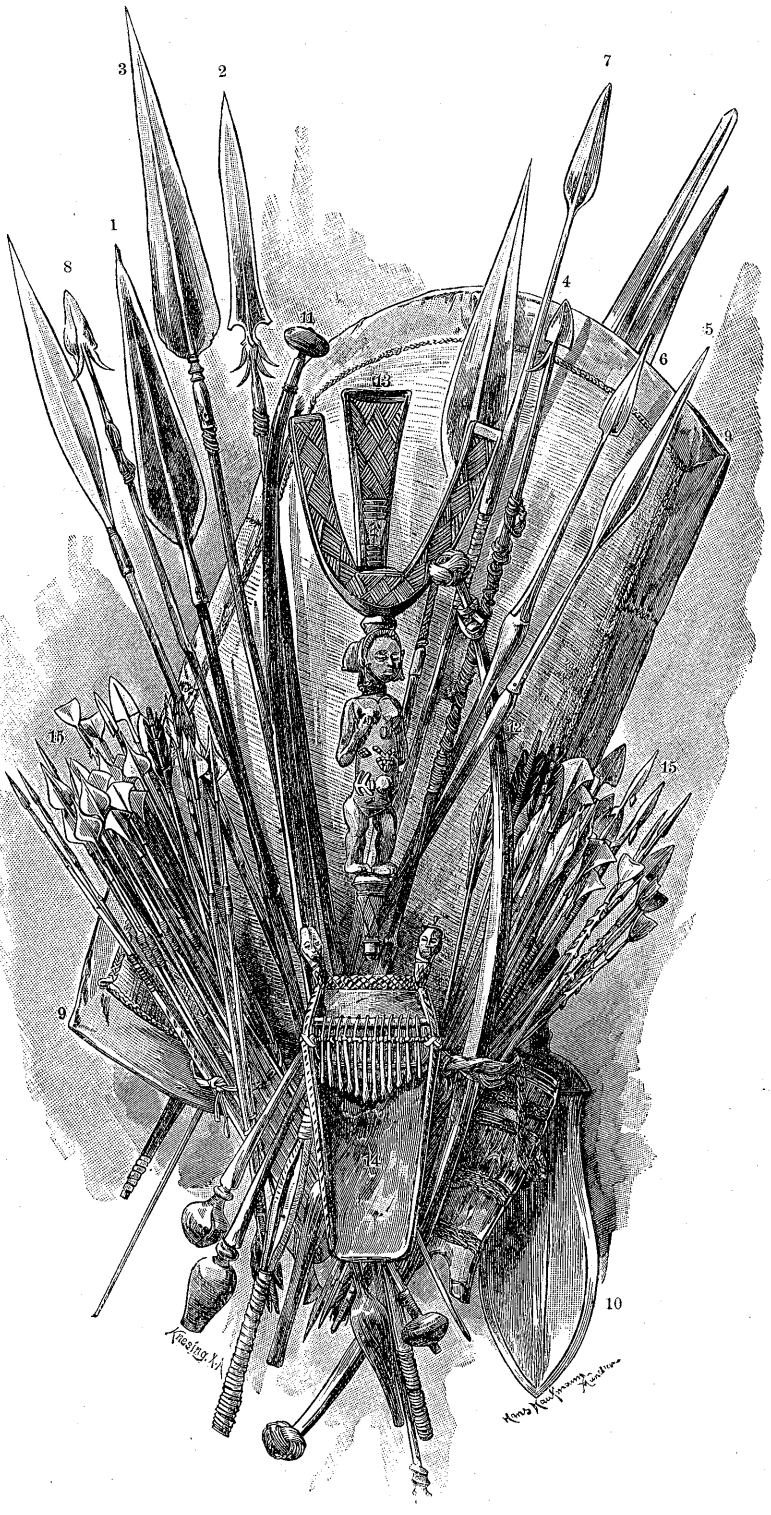
11, 12) Луки съ устья Куанго и изъ Кассаи, балубская форма. $^1/_{11}$ наст. велич.

13) Держатель лука вагуговъ. 0,58 см. выс.

14) Маримба. $^1/_8$ наст. вел.

15) Стрѣлы отъ 0,67 до 0,90 м.

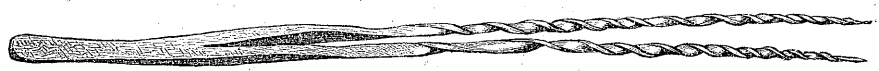
1—8, 10—12, 15) Коллекція Мензе, 9) Коллекція Погге, 13, 14) Коллекція Висмана.



Оружіе и утварь средней Африки. (Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.)

чаются сходства съ тѣми или другими особенностями этихъ послѣднихъ, вродѣ просверливанія, загибанія концовъ и пр. Ружья быстро распространяются. Большія боевыя палицы, приспособленія для метанія копій, духовыя трубы и длинные мечи незнакомы настоящимъ неграмъ. Метательныя желѣзныя орудія или метательные куски дерева встрѣчаются только у сѣверныхъ племенъ.

Къ военному снаряженію негра принадлежатъ и другіе предметы, кромѣ оружія: онъ старается дѣйствовать и устрашеніемъ. Онъ украшаетъ себя на войну, какъ и на праздникъ, расписываньемъ своего тѣла, на которомъ ярко сверкаютъ старательно вычищенные желѣзные и мѣдные орнаменты. Нѣсколько желѣзныхъ цѣпей или выступающее кольцо изъ гривы зебры перекрещиваютъ грудь въ видѣ шарфа. Лицо у масаевъ, зулусовъ и родственныхъ имъ народовъ обрамлено черными, короткими страусовыми перьями, прикрѣпленными къ кружку изъ кожи, между тѣмъ, какъ на макушкѣ развѣваются высоко поднятыя бѣлыя пѣтушиныя перья. Устрашающее впечатлѣніе усиливается, когда военные клики сопровождаются дикой музыкой. Исторія кафрскихъ войнъ показываетъ, что и европейскія войска не всегда оставались равнодушными передъ такимъ выраженіемъ дикой воинственности.



Бичъ для рабовъ изъ кожи гиппопотама. (По Дю-Шалью.)

Ни въ одной части земли рабство не пріобрѣло такого огромнаго значенія, какъ въ Африкѣ. Оно оказывало глубокое вліяніе на всю эту часть свѣта и, кромѣ того, на европейскія и азіатскія, а въ послѣднія столѣтія, главнымъ образомъ, на американскія страны. Нѣкогда повсемѣстно распространенная торговля рабами, оттѣсненная христіанствомъ, все болѣе и болѣе ограничивалась Африкой и прилегающими къ ней съ востока областями; европейцы съ 1442 года здѣсь шли по слѣдамъ арабовъ. Еще ранѣе предложенія Лась-Казаса — замѣнить быстро ослабѣвавшихъ индѣйцевъ въ рудникахъ и плантаціяхъ неграми, негры-невольники ввозились въ Америку. Вслѣдъ затѣмъ, однако, для каждой провинціи было точно установлено нужное для нея число рабовъ, и ввозъ ихъ составлялъ предметъ монополіи. Испанія пріобрѣтала владѣнія въ Африкѣ исключительно для добыванія рабовъ. Главною областью торговли рабами сдѣлался берегъ Верхней Гвинеи, на которомъ постепенно утверждались всѣ державы, нуждавшіяся въ рабахъ, между тѣмъ, какъ изъ Нижней Гвинеи вывозились рабы португальцами, и, главнымъ образомъ, для Бразиліи. Вывозъ рабовъ изъ восточной Африки сперва былъ ограниченъ: португальцы покупали здѣсь такъ называемыхъ кафровъ для Индіи, а французы — для своихъ владѣній на Индійскомъ океанѣ. Затѣмъ появились арабы, которые прежде покрывали свои потребности въ этомъ отношеніи въ Египтѣ; когда съ 1815 г. торговлѣ рабами на западномъ берегу поставлены были нѣкоторыя препятствія, она продолжала процвѣтать въ восточной Африкѣ.

Торговля рабами въ такихъ размѣрахъ была-бы все-таки невозможна, если бы рабство въ Африкѣ не было распространено повсюду. Главнѣйшимъ матеріаломъ его являются военнопленные; но человѣкъ можетъ подпасть рабству за нарушеніе закона и въ видѣ искупленія за неисполненныя долговыя обязательства. Это рабство все-таки далеко отстоитъ отъ машинообразной принудительной работы покупными человѣческими силами, какая производилась въ хлопчатобумажныхъ штатахъ Сѣверной Америки, на Кубѣ и въ Бразиліи. Нельзя отрицать, что самый свободный

негръ въ Африкѣ менѣе свободенъ, чѣмъ бѣднѣйшій гражданинъ Европы. Каждый носитъ ту или иную цѣпь. Только дѣти правителей не могутъ быть рабами; въ то же время рабство строже для всѣхъ, привозимыхъ со стороны, и чрезвычайно мягко для тѣхъ, кто сдѣлались рабами въ силу мѣстныхъ законовъ. Отъ рабовъ, отдѣленныхъ въ собственныхъ деревняхъ отъ дуалловъ, напр. на Мунго, живущихъ тамъ и занимающихся земледѣліемъ и, помимо потери свободы, пользующихся лишь нѣсколько худшей жизнью, чѣмъ ихъ хозяева, мы невольно переносимся мыслью къ обитателямъ оазисовъ центральной Сахары, покореннымъ тиббусами, обрабатывающимъ для своихъ властителей сады финиковыхъ пальмъ и раздѣляющимъ съ ними плоды этихъ садовъ. Мы видимъ въ обитателяхъ невольничьихъ деревень, по всѣхъ вѣроятіямъ, возникшее путемъ завоеванія среднее состояніе между ленной системой и рабствомъ, которое, лишь благодаря работорговлѣ, съ теченіемъ времени скорѣе обострялось, чѣмъ смягчалось. Первоначально дѣти этихъ рабовъ не принадлежали безусловно ихъ хозяевамъ, какъ нынѣ, когда они даже продаются; дѣти невольницы отъ чужеземца лишь въ немногихъ пунктахъ имѣютъ права болѣе ограниченныя, чѣмъ ихъ отецъ. Только невольникамъ присвоивается презрительное наименованіе „ниггеръ“.

Такъ какъ южный бассейнъ Конго принадлежитъ внутри Африки къ областямъ, наименѣе затронутымъ европейскимъ вліяніемъ, то сдѣланныя тамъ въ большомъ числѣ наблюденія надъ рабствомъ и работорговлей имѣютъ двойной интересъ. Рабство тамъ, безспорно, повсемѣстно. Даже въ португальскихъ владѣніяхъ, гдѣ оно формально запрещено, оно продолжаетъ жить, и здѣсь, какъ и прежде, „рабочіе классы“ пополняются покупкой негровъ, преимущественно изъ страны Муато-Ямво. Съ главныхъ рынковъ рабовъ — Мукенге, Чилео (извѣстное мѣсто по своей дешевизнѣ: тамъ за одно ружье можно пріобрѣсти 10 рабовъ) и Кабао — еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ ежегодно тысячи отправлялись на западъ черезъ Кассаи. Среди туземныхъ народовъ кіоки и бангалы занимаются, главнымъ образомъ, торговлей и препровожденіемъ невольничьихъ каравановъ. Женщины и дѣвушки могутъ быть названы въ этой области тѣмъ болѣе ходкимъ товаромъ негрской торговли, что и у жителей Анголы одни племена обмѣниваютъ ихъ у другихъ на слоновую кость. Франсуа разсказываетъ объ одной невольницѣ, которая начальникомъ Тендо была продана Муато-Ямво, этимъ послѣднимъ — въ мѣстечко Иссумби на Луалабѣ, и оттуда — опять на свою родину, совершивъ, такимъ образомъ, цѣлый кругъ. Дань, платимая начальникамъ, состоитъ всегда отчасти изъ рабынь; слабыя племена сильными, какъ напр. балубы бакубами или батуи всѣми другими, называются просто рабами, такъ какъ они всегда должны быть готовы выдать изъ своей среды рабовъ. Когда какой нибудь Каламба или Лукенго, совершивъ по своему царству походъ съ цѣлью взиманія дани, возвращается домой съ сотнями рабынь, охраняемыхъ соотвѣтственнымъ числомъ рабовъ, то рынокъ значительно оживляется, какъ послѣ хорошей жатвы.

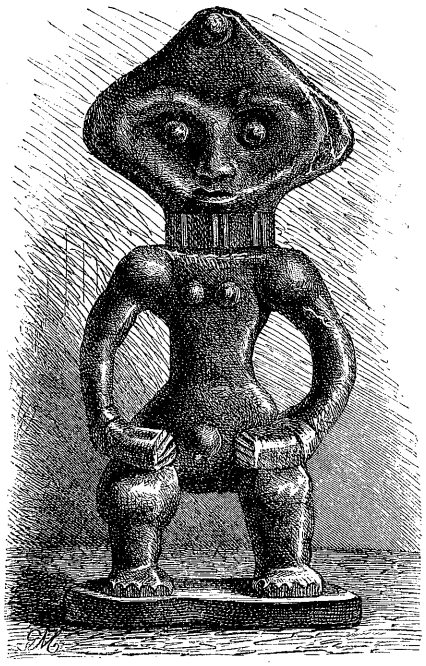
Уже для первыхъ писателей объ африканской работорговлѣ, въ особенности для Уильберфорса, казалось несомнѣннымъ, что войны туземцевъ Африки между собою служатъ самымъ обильнымъ источникомъ этой торговли. „Эти войны производятъ разореніе и вызываютъ, вслѣдствіе того, безконечныя распри, питаютъ духъ вражды и мести, который у начальниковъ переходитъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому“. Сообразно неизмѣнному повторенію простыхъ африканскихъ нравовъ, мы находимъ тамъ даже въ отдѣльныхъ подробностяхъ тѣ же явленія, какія описываютъ намъ новѣйшіе путешественники. Еще не далѣе, какъ 100 и даже 70 лѣтъ тому назадъ, европейскіе торговцы и капитаны судовъ принимали непосредственное участіе въ возбужденіи военныхъ и хищническихъ походовъ. Эта функція въ настоящее время перешла къ арабамъ. Спросъ на рабовъ

поощрялъ походы съ цѣлью завоеванія и даже создавалъ настоящіе завоевательные народы. При отдѣльномъ разсмотрѣніи народовъ Африки мы ознакомимся съ тѣсной связью между европейскими и арабскими работорговцами и африканскими начальниками. Потребность въ рабахъ не одна только обострила „необычайно мягкіе законы негровъ“, какъ увѣряли энтузіасты: рабство явилось наказаніемъ за всякое преступленіе, и эта потребность оказала вліяніе на обычаи и законы негровъ и ослабила нѣкогда столь крѣпкія связи. Уильберфорсъ, которому были знакомы низшая культурная ступень жителей морскихъ и рѣчныхъ береговъ Африки и высшая ступень культуры внутреннихъ странъ, и который называлъ это явленіе противорѣчіемъ всѣмъ законамъ исторіи, приписывалъ его единственно опустошающему вліянію работорговли, что̀ отчасти было справедливо. Та угнетающая тишина, какую описываетъ Стэнли на равнинѣ у южнаго подножья Рувензори, откуда всѣ обитатели выселились, принадлежитъ къ признакамъ „историческаго ландшафта“ Африки работорговцевъ. Работорговля, которая избытокъ населенія превращаетъ въ наилучше оплачиваемый товаръ, служила, правда, причиной, почему непосредственно на западномъ берегу рѣже приносились человѣческія жертвы; но когда охота за рабами увеличивала число людей, непригодныхъ для продажи, она могла только способствовать возрожденію прежнихъ человѣческихъ жертвъ. Мы часто слышимъ объ этомъ въ Бенинѣ и Старомъ Калабарѣ, старинномъ средоточіи вывоза невольниковъ. Работорговля ознакомила береговыхъ негровъ съ отбросами Европы и этимъ много содѣйствовала ихъ разложенію. Ученіе христіанства оставалось безсильнымъ противъ этого зла, и развитіе негровъ могло только идти назадъ. Европа почти ничего не ввозила, кромѣ ружей, пороха и водки, трехъ бичей этой страны. Нѣкогда существовали мелкіе начальники на Золотомъ берегу, которые водку, нужную имъ въ теченіе года для собственнаго употребленія, оплачивали двумя тысячами рабовъ.

Рабство въ Африкѣ и въ другомъ отношеніи является фактомъ политическаго значенія. Выдѣленіе рабовъ въ особый соціальный, рѣзко отграниченный слой превращаетъ ихъ при благопріятныхъ условіяхъ въ отдѣльныя политическія образованія. Обособленное обитаніе рабовъ развиваетъ невольничьи округи. Относительно прославленной деревни дуалловъ Гиккори Таунъ утверждаютъ, что нѣкогда она была невольничьей деревней и называлась Ниггери Таунъ. Поселеніе вазеговъ на Джубѣ, съ которымъ фонъ деръ Деккенъ находился въ соприкосновеніи въ 1865 году, было основано бѣглыми невольниками вазагарами; они владѣли городомъ на рѣкѣ и многими деревнями и были вооружены копьями и луками. Въ дѣйствительности, никогда не соблюдалось различія ступеней между настоящимъ рабствомъ, когда человѣкъ продавался для человѣческой жертвы или другому торговцу, крѣпостничествомъ, политическимъ подчиненіемъ съ обязательной уплатою дани, и, наконецъ, зависимостью охотничьихъ племенъ (къ которымъ принадлежатъ и такъ называемые народы-пигмеи), кузнецовъ и др. Настоящее рабство, которымъ европейцы интересовались всего болѣе, сперва по практическимъ, а потомъ по идеалистическимъ причинамъ, является послѣднимъ отпрыскомъ этого многообразнаго развѣтвленія.

Религія негровъ вовсе не принадлежитъ къ самымъ жестокимъ, такъ какъ вообще негръ по своему характеру неспособенъ приносить чрезмѣрныхъ жертвъ какой-либо духовной потребности; но человѣческія жертвы встрѣчаются у нихъ, хотя не въ такомъ распространеніи, какъ нѣкогда у мексиканцевъ, что̀ больше всего зависитъ отъ мірскихъ причинъ. И людоѣдство практикуется нѣкоторыми народами въ большихъ размѣрахъ. Склонность, въ особенности арабовъ и вообще всѣхъ народовъ, сосѣднихъ съ людоѣдами и живущихъ въ постоянномъ страхѣ отъ

нихъ, преувеличивать этотъ безчеловѣчный обычай распространяетъ легенду о каннибалахъ, которую Горнеманнъ о „ніамъ-ніамахъ“ слышалъ еще въ Мурзукѣ, на всѣ африканскія племена. Она распространяется на всѣ страны свѣта и на всѣ мѣстности. Несомнѣнно, она подтверждается не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ. Извѣстія о бечуанахъ-людоѣдахъ показываютъ, кромѣ того, что это варварство находитъ себѣ мѣсто и тамъ, куда оно не было занесено. Бѣдствія войны съ матабелями превратили въ людоѣдовъ цѣлыя племена въ странѣ машоновъ и макалаковъ. Меренскій сообщаетъ также, какъ юноши матабелей передъ наступленіемъ возмужалости должны были подвергать мученіямъ человѣческую жертву. Когда властитель Дагомеи еще въ 70-хъ годахъ ежегодно приносилъ въ жертву до 500 человѣкъ, для насъ несовсѣмъ ясно — убивалъ-ли онъ ихъ для удовлетворенія своего гнѣва или въ честь своего божества. Впрочемъ, тамъ существовало повѣрье, что колдовство, вызывающее дождь, усиливается человѣческой жертвой. „И въ Сенегамбіи“, говоритъ Бастіанъ, „многія горы напоены кровью мальчика сироты, ради приданія крѣпости стѣнамъ, и изъ каждаго лѣса голосъ вилы требуетъ искупительной жертвы“. Слуги слѣдовали за своими господами, а воины за своими начальниками, когда тѣ сходили въ могилу. „По этой причинѣ ни одинъ начальникъ валунговъ не осмѣливается вступать въ заговоръ противъ жизни своего правителя, такъ какъ онъ этимъ подписалъ-бы свой смертный приговоръ; блюсти съ величайшимъ рвеніемъ за безопасностью своего властелина для него является въ одинаковой степени дѣломъ собственнаго интереса“ (Джозефъ Томсонъ). Женъ также хоронятъ съ умершими мужьями, причемъ въ могилѣ оставляютъ узкое отверстіе, черезъ которое жертва могла-бы дышать. Если черезъ два дня послѣ погребенія она останется живой въ этой ужасной могилѣ, ей разрѣшается жить. На Золотомъ берегу умерщвленіе вдовъ начальниковъ приняло болѣе мягкую форму заключенія ихъ въ тюрьму во время погребенія. Человѣческіе черепа, употребляемые въ качествѣ сосудовъ для питья, доходили до насъ съ Гвинейскаго берега (см. рис. т. I, стр. 127). Кромѣ того, человѣческое мясо служитъ и для различныхъ таинственныхъ дѣйствій. Начальникъ матабелей натирается человѣческимъ жиромъ, чтобы поля были плодороднѣе. Суевѣріе относительно дѣйствія различныхъ частей человѣческаго трупа свойственно всѣмъ неграмъ. Кузнецы кладутъ кусочекъ человѣческаго тѣла въ горнъ; работа колдуновъ всего дѣйствительнѣе, когда она производится надъ какими либо частями тѣла, вслѣдствіе чего живые тщательно прячутъ ногти и волосы. Цѣпи изъ человѣческихъ зубовъ составляютъ въ Дагомеѣ отличительный знакъ королевской власти; человѣческіе черепа и челюсти принадлежатъ тамъ къ любимымъ орнаментамъ. Норрисъ видѣлъ въ комнатѣ Боссы Агади полъ и стѣны плотно устланными ими, такъ же, какъ и дорогу во дворецъ: почти каждое утро онъ видѣлъ новыя головы только что убитыхъ людей лежащими на порогѣ, и однажды число ихъ доходило до двухъ дюжинъ. О поѣданіи сердца врага сообщалось намъ неодно-



Домашній идолъ фановъ, въ западной Африкѣ. (По Дю Шалью.)

кратно изъ Дагомеи и Вайдаха, и при общественныхъ празднествахъ въ Дагомеѣ разрываніе и пожираніе сердца человѣка, пожертвованнаго для этой цѣли королемъ, составляло главное торжество. Тѣмъ не менѣе, эти проявленія людоѣдства были только простыми проявленіями дикости; обыкновенно бо́льшая часть труповъ доставалась животнымъ. Впрочемъ, путешественниками XVI вѣка анцики, господствовавшіе на Конго и внутри материка, описывались какъ людоѣды, но въ то же время какъ честные, искренніе люди, которымъ не доставало только христіанства, чтобы производить еще болѣе благопріятное впечатлѣніе на португальцевъ.

Однимъ изъ самыхъ обычныхъ побужденій къ человѣческимъ жертвамъ является колдовство, производимое надъ больными. Съ помощью или безъ помощи божьяго суда, обвиненный въ такомъ колдовствѣ долженъ искупить свое мнимое преступленіе. На нижнемъ Конго для него приготовляется настой горькой коры нкассы, содержащей ядъ, сильно дѣйствующій на сердце. Когда одинъ изъ сыновей начальника, Уильямъ Бимбіа, на рѣкѣ Камерунѣ умеръ послѣ долгой, изнурительной болѣзни, какой-то совершенно неповинный человѣкъ былъ обвиненъ въ колдовствѣ, слѣдствіемъ котораго была эта смерть. Несчастный былъ повѣшенъ на деревѣ, и послѣ того все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, поспѣшно отправились на берегъ и совершенно раздѣтые вошли въ воду, чтобы искупить и омыть колдовство.

Людоѣдство повсемѣстно распространено въ самой серединѣ Африки; какъ это часто бываетъ, оно свойственно всего больше именно тѣмъ племенамъ, которыя стоятъ выше другихъ. Юнкеръ называетъ ихъ нѣсколько: сандеховъ, мангбаттовъ, народовъ экваторіальнаго Конго и пр.; баріи на Бахръ-эль-Джебелѣ, стоящіе ниже въ другихъ отношеніяхъ, чувствуютъ отвращеніе къ людоѣдству. Это является неразрѣшимой загадкой; предположеніе, что здѣсь можно видѣть экономическія причины, быть можетъ, совершенно чуждыя религіозной области, мы уже высказали выше (т. I, стр. 127 и слѣд.).

Какому богу приносятся эти жертвы? Вѣритъ-ли негръ вообще въ какого-нибудь бога? Правда, мы слышимъ изъ его лепета потребность въ сношеніяхъ съ высшимъ существомъ, но какимъ онъ его представляетъ себѣ, никто до сихъ поръ не объяснилъ намъ. Знаетъ-ли онъ это самъ? Едва-ли. Это — только миѳы и сказки, въ которыхъ выступаютъ личныя и дѣйствующія богоподобныя существа. Кромѣ того, мы слышимъ имена, вродѣ Модимо, Укулункулу, съ которыми, согласно Блееку, родственны Вунго и Млунгу вакамбовъ и вапокомовъ, которыя всѣ переводятся словомъ „старѣйшій“ или „пращуръ“, а также „счастье“ или „судьба“; у кафровъ мы слышимъ о Калунгѣ, у гереросовъ о Мьямби (ср. т. I, стр. 50), у вагандовъ и ваньоровъ — о Катондѣ, у мангбаттовъ — о Норо (Норъ по нубійски значитъ духъ). Динки говорятъ о Дендидѣ, баріи — о Мунѣ, шиллуки — о Никамѣ, какъ о высшемъ существѣ, которое почитается преимущественно какъ творецъ. У сандеховъ, повидимому, нѣтъ никакого самостоятельнаго выраженія для божества, а употребляющееся для него обозначеніе „Сома“ одинаково значитъ счастье и несчастье; Сома употребляется для обозначенія судьбы, такъ же, какъ и высшаго божества, котораго ихъ пришлые угнетатели призываютъ въ своихъ молитвахъ подъ именемъ Аллаха. Употребляется и выраженіе „Сомагобо“, т. е. богъ высшихъ, чтобы обозначить „бога турокъ“. Въ Лоанго мы встрѣчаемъ слово Замбіангунгу, въ Ашанти — Ньянгкупонъ, на Золотомъ берегу — Ньямо, въ Камерунѣ — Ньямбе, которое относится къ божеству. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что имена не всегда остаются одними и тѣми-же, а перемѣщаются; такъ, напримѣръ, на мѣсто Ньямбе въ Камерунѣ въ новѣйшее время появились слова Лоба или Лобе. Во вступительной части I тома

стр. 50, описанное дѣленіе различныхъ божествъ на различныя группы поклоненія встрѣчается въ восточной и западной Африкѣ и, безъ сомнѣнія, создаетъ множество временныхъ божествъ. Къ нимъ могутъ принадлежать дьяволы, какъ, напр., Ченье и Энсоне, въ честь которыхъ негры Конго съ большимъ усердіемъ справляли празднества, которымъ предшествовали строгіе посты.

Нѣкоторыя изъ этихъ именъ можно съ точностью обозначить какъ „небо“, другія — какъ „старѣйшій“ и какъ „творецъ“. Мангбатты обозначаютъ именемъ Норо небо; Ньянгкупонъ (или Янккупонъ) объясняется Бартомъ какъ высокій городъ Ньямэ, т. е. небо. Когда эвейцы говорятъ, что судьба есть неизмѣнное опредѣленіе, то они думаютъ о закрѣпленіи ея съ помощью этого бога, имя котораго означаетъ также погоду и небо и употребляется не иначе, какъ въ единственномъ числѣ. Рядомъ съ нимъ, въ видѣ второго божества, является земля, а третьяго — высшій фетишъ. И въ Лоанго также знаютъ духа земли Нкисси, котораго почитаютъ наряду съ небеснымъ богомъ и у котораго есть особые жрецы; на Золотомъ берегу говорятъ о небѣ, какъ объ отцѣ, и о землѣ, какъ о матери твореній. Чапмэнъ пережилъ въ 1854 году въ городѣ Сечели сильное землетрясеніе, причемъ въ одно мгновеніе всѣ женщины съ палицами и мотыками очутились на улицѣ, произнося угрозы небу и богохульствуя въ самыхъ страшныхъ выраженіяхъ. Просвѣщенный Сечели утверждалъ, однако, вполнѣ спокойно, что гдѣ-то въ другомъ городѣ умеръ большой начальникъ и поручилъ Чапмэну впослѣдствіи дать ему знать, кто былъ этотъ умершій. Дуаллы называютъ именемъ Руби великаго духа и въ то же время солнце; въ Дагомеѣ почитается солнце; безъ сомнѣнія, съ этимъ связано широко распространенное, въ особенности выработанное здѣсь, почитаніе огня. Макалаки клянутся надъ огнемъ, а у гереросовъ его поддерживаютъ только дѣвушки. Акемы имѣли также представленіе, что небо нѣкогда было ближе къ землѣ, чѣмъ теперь. Съ этимъ всемірно распространеннымъ понятіемъ связано мірозданіе, путемъ соединенія обоихъ, и множество сказаній о людяхъ, поднимавшихся на небо и спускавшихся съ него, которые затѣмъ переходили къ небеснымъ деревьямъ гесперидъ.

Луна оказываетъ еще болѣе могущественное впечатлѣніе на умъ негра. Съ возвращеніемъ этого свѣтила связаны также правильно повторяющіяся шумныя ночныя празднества. Затменіе его стараются прогнать пожарами. Тѣнь земли, по мнѣнію матабелей, есть дымъ. По мнѣнію другихъ, лунѣ въ то время угрожаетъ чудовище. Во всякомъ случаѣ, затменіе считается чѣмъ-то дурнымъ, такъ же, какъ время убывающаго мѣсяца неблагопріятнымъ, а прибывающаго, напротивъ, благопріятнымъ. У вагандовъ нѣтъ высшихъ праздничныхъ дней, какъ тѣ дни, когда мѣсяцъ впервые показывается опять; тогда стрѣляютъ изъ ружей и бьютъ въ барабаны. Мтеза придавалъ большое значеніе соблюденію этихъ періодовъ, которое на нѣсколько дней удерживало его въ волшебномъ кругѣ, со всевозможными талисманами и амулетами. Спикъ считаетъ это важнымъ для „разслѣдованія религіознаго состоянія страны“. Въ каждую треть новолунія весь дворъ обриваетъ себѣ черепъ, за исключеніемъ лишь предписанныхъ гребней, пучковъ и пр. Эминъ-паша слышалъ, что вечернюю звѣзду называютъ тамъ возлюбленною мѣсяца.

Третій кругъ суевѣрій фантазія негровъ описываетъ кругомъ воды. Рѣки олицетворяются тамъ въ видѣ большихъ змѣй или русалокъ, завлекающихъ жертвы въ глубину. Источники и ручьи имѣютъ своихъ духовъ; озеро Укереве въ Угандѣ имѣетъ собственную чету жрецовъ, которая въ силѣ уступаетъ только королю. И въ Логоне есть свой жрецъ; въ знакъ того, что и здѣсь сила оказываетъ свое дѣйствіе на негрскую фантазію, начальники батоковъ, когда они еще властвовали на среднемъ Замбези, объявили два островка на краю могучаго водопада священнымъ мѣстомъ.

Болѣе легендарный взглядъ на твореніе связывается съ представленіемъ, что творцомъ было не высшее, а болѣе близкое къ человѣку существо. Такъ, зулусы отъ высшаго существа, Итонго, отдѣляютъ Укулункулу, т. е. Наибольшаго, который играетъ роль при сотвореніи человѣка. Онъ создалъ человѣка изъ болота, изъ котораго вышелъ самъ, и притомъ въ самомъ началѣ. Онъ крикнулъ и проговорилъ: „Пусть выйдутъ оттуда люди!“ Тогда вышло все — собаки и скотъ, кузнечики и деревья, трава и сѣмена. Онъ далъ людямъ покровительствующихъ духовъ, врачей и лѣкарства, приказалъ, чтобы не было браковъ между братьями и сестрами, и посадилъ королей. Когда взрослые въ кралѣ хотятъ отдѣлаться отъ дѣтей, они говорятъ имъ: „пойдите и позовите Укулункулу и попросите его, чтобы онъ вамъ далъ хорошихъ вещей“. Тогда дѣти идутъ, зовутъ и кричатъ, но никто не отвѣчаетъ имъ. Ашантіи разсказываютъ о творцѣ Одоманканѣ, который, сотворивъ людей и научивъ ихъ всему, взошелъ на небо, до котораго они напрасно старались добраться, нагромождая ступки одну на другую. Тогда произошло, какъ въ Вавилонѣ, смѣшеніе языковъ. И на Золотомъ берегу мы слышимъ о творческомъ божествѣ, которое не было первымъ — Ньомгмо, и о помощникахъ его, духахъ, вонгахъ. Бечуаны говорятъ: „Модимо, богъ, живетъ въ пещерѣ, лежащей на сѣверо-востокѣ, откуда вышли всѣ животныя. Тогда горы и скалы были еще мягкими, и вслѣдствіе того слѣды ногъ звѣрей можно видѣть на скалахъ близъ этой пещеры до нынѣшняго дня“.

Фетишъ неизвѣстнаго назначенія въ Лундѣ. (По наброску д-ра Макса Бухнера.) Ср. текстъ, стр. 50.

Чапмэну показывали такую пещеру на рѣкѣ Муи въ Трансваалѣ. Бечуаны говорятъ также: „Богъ живетъ подъ землей и имѣетъ только одну ногу“. Это напоминаетъ по сосѣдству Тсуи Гоана готтентотовъ, а въ болѣе отдаленныхъ странахъ — хромыхъ боговъ огня подъ землею, какъ, напримѣръ, Гефеста-Мауи (см. т. I, стр. 57); даже имя это звучитъ поразительно сходно съ Маву, творцомъ эвейцевъ. У мадіевъ животныя выходятъ изъ огненнаго круга, и дорогу имъ показываютъ ласка и какая то осторожная птичка. Пѣсня динковъ, интересная вслѣдствіе сходства съ легендами о твореніи другихъ племенъ, сохраненная для насъ Кауфманомъ, изображаетъ творца за дѣломъ:

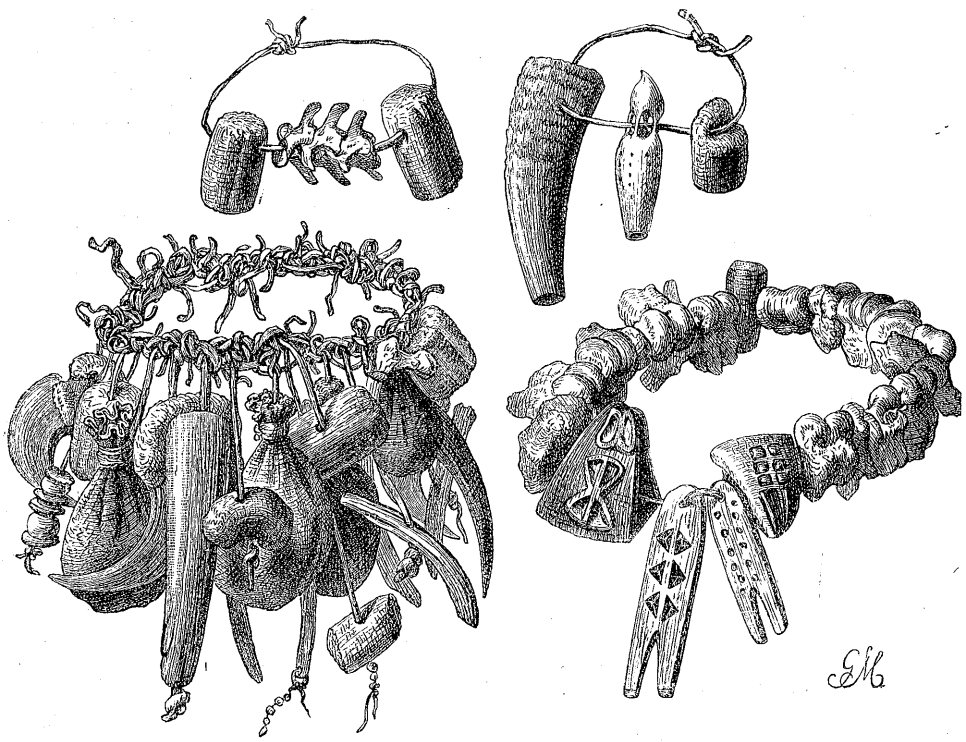
Днемъ, когда богъ сотворилъ всѣ предметы,
Онъ создалъ солнце,
И солнце восходитъ и заходитъ, и возвращается опять;
Онъ создалъ луну,
И луна восходитъ и заходитъ, и возвращается опять;
Онъ создалъ звѣзды,
И звѣзды восходятъ и заходятъ, и возвращаются опять;
Онъ создалъ людей,
И человѣкъ появляется, уходитъ въ землю и никогда не возвращается.

Еще яснѣе выражается родство съ внѣ-африканскими миѳами въ преданіи, что нѣкогда было блаженное состояніе, когда добрые люди могли подниматься на небо по веревкѣ, спущенной богомъ. Веревка разорвалась, или ее разгрызла голубая птица, какъ говорятъ кичи, и такимъ образомъ

была прервана связь людей съ небомъ. Утрата безсмертія и прежняго счастливаго состоянія и въ другихъ мѣстахъ играетъ большую роль въ легендахъ о происхожденіи негровъ. Голубая птица возвращается въ видѣ различныхъ другихъ животныхъ, причемъ она предсказываетъ человѣку конецъ блаженнаго времени и даже сама приноситъ этотъ конецъ. Ваганды и ваньоры говорятъ о высшемъ существѣ, Катондѣ, которое создало міръ и людей; но ему не оказывается никакого поклоненія, такъ какъ оно, по ихъ мнѣнію, стоитъ слишкомъ высоко, чтобы печалиться о людяхъ. Мадіи, первый человѣкъ которыхъ сошелъ съ неба, думаютъ точно также; такое же сочетаніе, перенесенное въ сказочный міръ, мы встрѣчаемъ въ легкомъ напоминаніи о райской легендѣ, которую вакамбы воспроизводятъ въ разсказѣ, что вначалѣ весь сводъ, вмѣстѣ съ солнцемъ, находился въ мирныхъ сношеніяхъ съ землею. Когда однажды солнце подошло слишкомъ близко къ баобабу, и это дерево высохло, вслѣдствіе того, возгорѣлось несогласіе, которое привело къ отдѣленію звѣздъ отъ земли. Это сказаніе поразительно напоминаетъ меланезійскіе и полинезійскіе миѳы и микронезійскія сказанія о деревѣ Денге и т. под.; къ нему примыкаютъ и преданія о происхожденіи цѣлыхъ народовъ изъ дерева (у гереросовъ Quercus africana или Laurus bullata). Въ ихъ вѣтвяхъ негры поселяютъ добрыхъ духовъ и увѣшиваютъ ихъ трофеями, а въ тѣни ихъ хоронятъ умершихъ (см. рис. т. I, стр. 58); поэтому тамъ бываютъ и торжественныя собранія, гдѣ заключаются договоры. Этотъ культъ деревьевъ вдвойнѣ интересенъ, такъ какъ въ немъ проглядываетъ поэзія природы. Самое большое дерево, какое Франкъ Оэтсъ видѣлъ между Наталемъ и Замбези, былъ исполинскій баобабъ на Умвунгу, въ странѣ матабелей. Туземцы признавали нѣчто поэтическое въ этомъ великанѣ; ихъ начальники въ тѣни его въ особыхъ обстоятельствахъ устраивали свои пиршества, и поэтому онъ назывался „деревомъ индуновъ“. У вапокомовъ и большей части западныхъ африканцевъ то же извѣстное исполинское дерево составляетъ предметъ поклоненія. Отъ этихъ деревьевъ мѣстности получаютъ свои названія и становятся извѣстными на большія разстоянія, такъ же, какъ нѣкогда священныя рощи въ Германіи. И хижины фетишей ставятся часто въ самой глубинѣ лѣса. Большія деревья играютъ извѣстную роль и въ сказаніяхъ объ основаніи суданскихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Куки, Массеньи и др. Деревья или банановые кусты, отягченные плодами, и т. под. срубаютъ вмѣсто жертвы. Рядомъ съ деревьями, относительно которыхъ даны извѣстные обѣты, въ шулійскихъ деревняхъ сажаются растенія, служащія для колдовства; эти деревья, стоящія между домами, увѣшиваются черепами, рогами и зубами; по свидѣтельству Эмина-паши, въ одной мадійской деревнѣ на такихъ деревьяхъ можно было видѣть зубы леопардовъ, кошекъ, антилопъ, буйволовъ, свиней и пр.

Негры, такъ же, какъ и другіе народы, въ качествѣ символовъ племенныхъ группъ, предпочтительно выбираютъ животныхъ; этихъ животныхъ почитаютъ, щадятъ и не ѣдятъ (какъ, напримѣръ, батлапины — рыбу, бакалагаріи — льва, маконды и дагомейцы — леопарда, басуты и родственные имъ народы — птицу Scopus umbretta, которую буры называютъ „гаммеркопъ“; баквены — крокодила, бакатлы — обезьяну, бамангваты — Cephalophus mergens, одинъ изъ видовъ антилопы, нѣкоторыя племена ашантіевъ — дикую кошку, другія — буйвола и пр.). Вслѣдствіе того устанавливается множество тѣсныхъ отношеній между племенемъ и животнымъ; къ запрещеніямъ извѣстныхъ кушаній присоединяется особое воздержаніе отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, отъ мяса козъ и куръ. Кромѣ того, и многое другое вытекаетъ изъ дружественныхъ и враждебныхъ отношеній этихъ народовъ къ безчисленнымъ животнымъ, съ которыми они должны дѣлить мѣсто своего обитанія или которыхъ они собираютъ вокругъ своихъ кралей въ качествѣ домашнихъ животныхъ. Масса суевѣрій, вызываемыхъ извѣстнымъ жи-

вотнымъ, возрастаетъ, повидимому, сообразно его значенію: можно было бы наполнить цѣлую главу одними суевѣріями, касающимися слона. Это суевѣріе заходитъ такъ далеко, что даже грязь на клыкахъ только что убитыхъ слоновъ матабели соскабливаютъ и употребляютъ, какъ волшебное средство; прикладывая ее къ носу, они вѣрятъ, что она предохранитъ ихъ отъ носовыхъ кровотеченій въ жаркіе дни. Обыкновенное охотничье волшебное средство, которое должно подводить слоновъ подъ выстрѣлъ, состоитъ въ томъ, чтобы взять попавшуюся на пути черепаху, поплевать на нее, затѣмъ приложить ко лбу и потомъ опять пустить. Изъ хвостовыхъ волосъ слоновъ, жирафъ, а позднѣе изъ конскихъ волосъ изготовлялись чудодѣйствен-

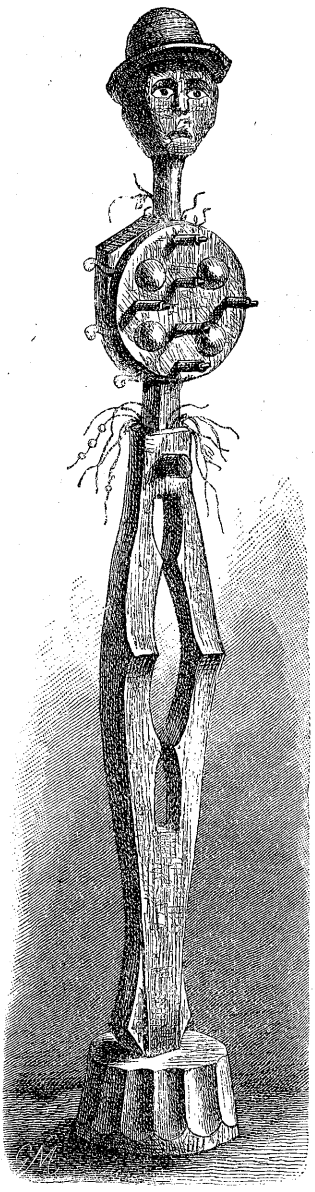


Волшебные аппараты, амулеты, кости и пр кафрскихъ знахарей. (Музей Берлинскаго миссіонерскаго дома.) $^1/_2$ наст. величины. См. текстъ, стр. 51 и т. I, стр. 44.

ныя ожерелья; конскій хвостъ въ XVI стол. въ Анголѣ былъ вымѣненъ на двухъ невольниковъ. Безчисленные обычаи, связанные съ пастьбой и охраной стадъ рогатаго скота, мы находимъ у страстныхъ скотоводовъ восточной Африки, каковы бечуаны, зулусы, вапокомы и динки.

Въ западной Африкѣ въ замѣчательномъ культѣ животныхъ крокодилы (Золотой берегъ), акулы (Бонни), гіены и другія хищныя животныя заступаютъ мѣсто человѣка и въ торжественныхъ случаяхъ постоянно получаютъ свои жертвы. Въ Анголѣ человѣкъ, убившій крокодила, послѣ тяжелаго штрафа, долженъ доставить желчный пузырь его ближайшему начальнику, и тотъ принимаетъ на себя заботы о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ примѣсью извести, разлагающей его, зарыть его въ отдаленномъ мѣстѣ. Въ Лоанго пузырь леопарда также считается ядовитымъ. Такая связь съ живой природой касается даже самыхъ мелкихъ животныхъ. Бухгольцъ часто находилъ на Западномъ берегу у основанія кучи термитовъ глиняныя куклы, представляющія мужа и жену, обложенныя кореньями, угольями и другими предметами.

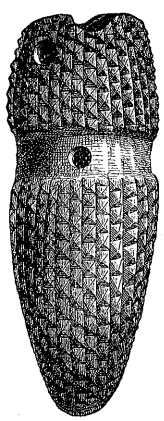
И змѣя принадлежитъ къ числу животныхъ, окутанныхъ легендами и связанныхъ съ суевѣріями. По мнѣнію зулусовъ, души умершихъ живутъ въ змѣяхъ. Если придется убить ядовитую змѣю, то смерть ея надо искупить и скелетъ ея надо повѣсить у воротъ деревни. Когда змѣя вползетъ въ домъ и останется тамъ, это значитъ, что она — итонго, божество дома. Этимъ объясняется то, что динки считаютъ змѣй „братьями“, и появляющихся въ ихъ домѣ называютъ собственными именами и обращаются съ ними, какъ съ друзьями. У галласовъ мы находимъ культъ змѣи въ той же формѣ, и даже абиссинцы до обращенія своего въ христіанство молились большой змѣѣ. У бечуановъ напоминаютъ о томъ же легенда о Мамокебе, змѣѣ, живущей въ рѣкахъ въ качествѣ водяного божества, повѣрье, что тому, кто увидитъ исполинскую змѣю, предстоитъ большое счастье, или легенды, согласно которымъ бѣлыя змѣи представляютъ собою охранителей и распредѣлителей воды въ источникахъ. Точно также среди церемоній, черезъ которыя должны пройти молодыя дѣвушки, чтобы считаться готовыми къ замужеству, у нѣкоторыхъ басутовъ встрѣчается обычай дѣлать изъ глины фигуру змѣи и плясать вокругъ нея. Когда Гейглинъ въ странѣ джуровъ убилъ большую исполинскую змѣю, негры сосѣдней деревни пришли въ большое возбужденіе и говорили, что насильственная смерть ихъ предка принесетъ имъ большое несчастье. Баріи также называютъ змѣю своей бабкой; они кормятъ ее молокомъ или рыбой. Мы видимъ здѣсь нѣкоторое подобіе тотема, когда шиллуки изображаютъ своего бога Никама подъ видомъ змѣи, ящерицы или птицы. Мадіи представляютъ себѣ злыхъ духовъ (оди) съ человѣческими лицами и змѣинымъ тѣломъ. Къ отдѣлу суевѣрій, связанныхъ съ животными, долженъ быть отнесенъ обычай мадіевъ рисовать на внутреннихъ и наружныхъ стѣнахъ хижинъ причудливыя изображенія леопардовъ и т. под.



Идолъ изъ Габуна. (По Дю Шалью). Ср. текстъ, стр. 50.

Старинныхъ боговъ, представлявшихъ самую землю или сросшихся съ землею, напоминаютъ первые люди, надѣленные хвостомъ, которые производятъ луну; солнце обожгло ее, и на ней показались пятна. Обрушившееся небо или заливший ихъ потопъ (см. т. I, стр. 59) служитъ наказаніемъ за ихъ грѣхи (какъ думаютъ негры Конго, болота на нижней части рѣки произошли отъ слезъ бога Унгки, пролитыхъ по поводу опустошенія джагговъ); они погибаютъ, и тогда появляется новый смертный родъ. При этомъ различіе между бѣлыми и неграми объясняется во многихъ забавныхъ варіаціяхъ, по большей части, тѣмъ, что тѣ и другіе первоначально были черными, но одинъ изъ нихъ вымылся раньше другого и побѣлѣлъ, а затѣмъ умѣлъ искуснѣе выбирать профессіи и орудія. Эвейцы разсказываютъ слѣдующее о происхожденіи ихъ собственнаго народа и о началѣ человѣчества: „когда богъ вначалѣ создалъ небо и землю, тогда появился Нодзи, городъ, стоящій и до сихъ поръ на востокѣ (этотъ го-

родъ играетъ роль во всѣхъ сказаніяхъ эвейцевъ, ашантіевъ, дагомейскихъ негровъ и родственныхъ имъ народовъ), и въ этомъ мѣстѣ богъ создалъ человѣка. Онъ создалъ двѣ пары людей — бѣлую и черную. Послѣ того, какъ богъ создалъ сперва черную, а затѣмъ бѣлую пару, онъ опустилъ на землю большую и маленькую покрытую корзину. Затѣмъ людямъ было предложено мирно раздѣлить между собой эти корзины. Черная пара тотчасъ-же ухватилась за большую корзину и предоставила маленькую бѣлой парѣ. Черная пара нашла въ своей корзинѣ мотыку для обрабатыванья поля, хлопокъ для рыболовныхъ сѣтей, лукъ и стрѣлы для охоты и золотой песокъ для торговли. Бѣлая пара нашла въ своей только книгу, но она такъ прилежно читала ее и пріобрѣла оттуда столько мудрости, что бѣлый вскорѣ во всемъ превзошелъ чернаго и сдѣлался гораздо богаче его. За это черный завидовалъ бѣлому и преслѣдовалъ его. Но богъ пришелъ бѣлому на помощь, спустилъ большой канатъ съ неба и протянулъ его черезъ большую воду.“ Развѣ здѣсь не выражается въ значительной степени самосознаніе? Замѣчательна также повторяющаяся въ этомъ новѣйшемъ сказаніи матеріальная связь съ небомъ. Здѣсь лишь въ неясномъ видѣ является представленіе о подземномъ царствѣ мертвыхъ.

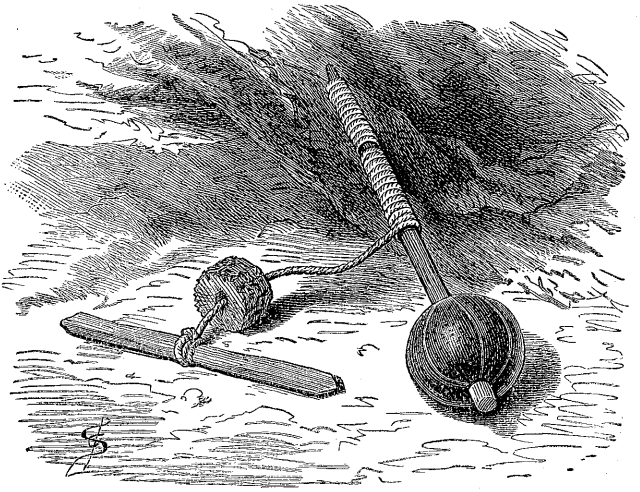


Талисманъ изъ дерева, околоченный острыми гвоздями, который держатъ въ рукахъ, давая клятву. Съ верхняго Нила. (Этнографическій музей въ Вѣнѣ.) Ср. текстъ, стр. 51.

Вся эта миѳологія живетъ въ сказкахъ и легендахъ, миѳическое содержаніе которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія, въ особенности въ крайне разнообразныхъ сказаніяхъ о животныхъ (ср. также главу о готтентотахъ и бушменахъ въ т. I); но ихъ слишкомъ замаскированные боги стоятъ далеко отъ негровъ. Имъ близки только души предковъ (всего ближе души отца и дѣда) и исходящіе отъ нихъ духи и призраки. Несомнѣнно, что у многихъ изъ этой массы не выступаетъ никакого божества. Точно также басуты, какъ и другія племена бечуановъ, обозначаютъ бога, по большей части, во множественномъ числѣ именемъ Бадимо и Аматонго, т. е. боги, и заставляютъ ихъ дѣйствовать на человѣка преимущественно въ сновидѣніяхъ. Отъ нихъ исходятъ счастье и несчастье. У зулусовъ души умершихъ начальниковъ идутъ къ Аматонго. Весь религіозный культъ динковъ и баріевъ Кауфманнъ сводитъ къ жертвамъ: „о молитвѣ богу или дьяволу негры не знаютъ ничего“; динки различаютъ, впрочемъ, добрыхъ духовъ, находящихся около бога, адьоковъ, и злыхъ, находящихся на землѣ — дійоковъ. Лучшіе миссіонеры, дѣйствовавшіе среди гереросовъ, не могли найти у нихъ ничего, стоящаго выше самаго простого культа предковъ. Ихъ главное божество Мукуру, т. е. старѣйшій, есть духъ, и жилище его указывается на далекомъ сѣверѣ. Въ различныхъ мѣстахъ могила его считается священнымъ мѣстомъ. Каждое племя имѣетъ своего Мукуру; къ нему сводятся всѣ суевѣрные обычаи и привычки. Прежде всего онъ посылаетъ дождь и солнечный свѣтъ. Рядомъ съ именемъ Мукуру или Омукуру они употребляютъ для того же понятія слово Обемпо, т. е. дыханіе, духъ, но это не должно означать допущеніе другого духовнаго существа. Уже „могила“ Мукуру указываетъ на важность культа предковъ у этого народа, которая подтверждается и многими другими фактами.

Думаютъ, что душа (дыханіе) человѣка умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, а его духъ (тѣнь и отраженіе) уходитъ подъ землю и можетъ возвращаться оттуда. Вѣрятъ также въ пребываніе души вблизи трупа въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени и въ возвращеніе ея въ могилу. То, что Уокеръ разсказываетъ именно о Старомъ Калабарѣ, будто тамъ вѣрятъ въ дальнѣйшую жизнь душъ, въ видѣ воспроизведенія людей, которымъ онѣ принадлежали, выступаетъ болѣе или менѣе ясно изъ многихъ воз-

зрѣній другихъ племенъ. Эти души внушаютъ страхъ, преимущественно потому, что онѣ могутъ приносить вредъ. Отсюда происходятъ человѣческія жертвы на могилахъ, которыя въ настоящее время отчасти смягчились въ видѣ заключенія жертвъ, жертвы цѣнными вещами, кушаньями и напитками, хижины фетишей надъ могилами и т. под. Души эти неопредѣленное время странствуютъ по свѣту, одушевляютъ, въ видѣ добрыхъ и злыхъ духовъ, природу и вызываютъ усиленныя суевѣрія, поддерживаемыя страхомъ. Подвинувшіеся въ другихъ отношеніяхъ ваганды, вѣрованія которыхъ Спикъ называлъ „уплатою дани извѣстнымъ злымъ духамъ“, почитаютъ демоновъ, лубари (Мтеза переводилъ это словомъ „джинъ“); но представленія о нихъ яснѣе, чѣмъ о многихъ духахъ Африки. Они живутъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и обладаютъ особой властью надъ различными предметами. Высшій и самый страшный изъ нихъ — Мукуза, лубари озера Ньянца, который господствуетъ въ озерѣ, вродѣ Нептуна. Отъ времени до времени онъ поселяется въ какомъ-либо лицѣ, мужчинѣ или женщинѣ, которому тогда, какъ оракулу божества, приписываются сверхестественныя силы. Оно предсказываетъ будущее относительно болѣзней, вызыванія дождя, войны, голода и моровой язвы и, въ видѣ представителя и олицетворенія божества, имѣетъ неограниченное вліяніе на духъ народа и начальниковъ; вслѣдствіе того, власть его въ значительной мѣрѣ проявляется въ управленіи страною. Передъ каждымъ путешествіемъ ваганды приносятъ жертву Мукузѣ, чтобы расположить его въ свою пользу; при этомъ лодки собираются въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, начальникъ поднимается, кладетъ нѣсколько банановъ или другихъ пищевыхъ веществъ на весло и проситъ о добромъ пути и о счастливомъ возвращеніи. Затѣмъ онъ бросаетъ плоды въ воду и упрашиваетъ божество взять ихъ. Другіе демоны называются Чивуга и Ненда; это — боги войны, живущіе на опредѣленныхъ, охраняемыхъ особыми стражами деревьяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Уганды; подъ ними ваганды молятся передъ выступленіемъ на войну и приносятъ въ видѣ жертвы живыхъ животныхъ — козъ, овецъ и рогатый скотъ (всегда чернаго цвѣта), которыхъ охранители дерева принимаютъ во имя боговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны признаются божества рѣкъ, которымъ приносятся человѣческія жертвы. Прежніе короли Уганды почитались также въ качествѣ полубоговъ, и души ихъ жили въ колдунахъ; поддержаніе ихъ могилъ считалось религіознымъ дѣломъ: надъ ними воздвигались зданія, надзоръ за которыми лежалъ на обязанности главныхъ начальниковъ; тамъ приносились человѣческія жертвы, которыя при Мтезѣ доходили до двухъ тысячъ. Посаженныя вокругъ этихъ могилъ деревья охранялись мудрыми женщинами, предсказанія которыхъ признавались правящей властью. Демонъ Ндаула, повидимому, тождественъ съ однимъ изъ прежнихъ королей Уганды. Онъ живетъ на вершинѣ горы Гамбарагары, распространяетъ оспу по всей странѣ и внушаетъ страхъ, какъ олицетвореніе ея. Громъ пользуется также боже-



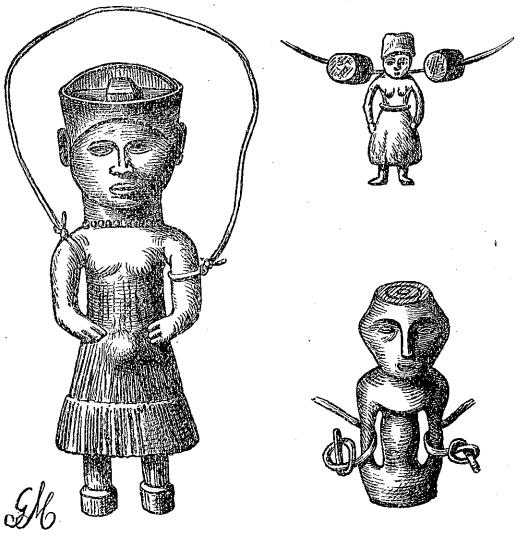
Священный волчокъ масанинговъ (Коллекція д-ра Г. Фишера, Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) 1/5 наст. величины.

скимъ почитаніемъ; тамъ, куда ударила молнія, туземцы воздвигаютъ нѣчто вродѣ арки, подъ которою не долженъ проходить ни одинъ посторонній человѣкъ, или маленькую хижину (см. рис., т. I, стр. 42).

Идолы, о которыхъ такъ много говорилось, почти вездѣ не что иное, какъ изображенія предковъ (см. рис., т. I, стр. 46). Они вообще распредѣлены весьма неравномѣрно. Они часто встрѣчаются въ Западной Африкѣ, гдѣ принимаютъ самые фантастическіе образы (см. рис., стр. 41, 44 и 47, а также т. I, стр. 43), и рѣже въ Восточной Африкѣ. Опытный въ этомъ вопросѣ І. М. Гильдебрандтъ пишетъ: „Воспроизведенія человѣческой фигуры я встрѣтилъ въ восточной Африкѣ только два раза. Одинъ разъ, въ Узарамо, это было довольно удачное рѣзное изображеніе, около 0,2 метра высоты. Хотя, по указанію туземцевъ, оно служило игрушкою для дѣтей, но я думаю, однако, что это былъ идолъ. Я никакъ не могъ пріобрѣсти его въ собственность. Наоборотъ, въ Занзибарѣ мнѣ удалось купить грубо вырѣзанныя мужскую и женскую фигуры въ костюмѣ вайяевъ. Ихъ и здѣсь выдавали (весьма уклончиво) за игрушки“. Хижины фетишей (см. рис., т. I, стр. 42) — часто лишь хижины, построенныя надъ могилами; такова, носомнѣнно, была хижина, видѣнная Бастіаномъ у Шемба-Шембы, — прямоугольникъ, составленный изъ соломенныхъ циновокъ, продольный фасадъ котораго состоялъ изъ деревяннаго сруба съ тремя дверями. На каждой изъ обѣихъ боковыхъ дверей находилась пирамида, на средней — нѣчто вродѣ купола надъ двумя поперечными балками и подпорки, расписанныя наполовину черными, наполовину зелеными фигурами. Внутри находился простой земляной холмъ, изъ котораго торчали трое деревянныхъ вилъ, расписанныхъ красными и бѣлыми полосами. Ливингстонъ видѣлъ такія хижины у манганджей надъ умершими дѣтьми. Въ Западной Африкѣ втыкаютъ три жерди надъ головой, животомъ и ногами похороненнаго въ могилѣ колдуна. Двумя идолами, которыхъ Ливингстонъ видѣлъ близъ Уджиджи въ особой хижинѣ — единственное, имѣвшее отношеніе къ идолопоклонству, найденное имъ въ этой странѣ — пользовались для вызыванія дождя и для лѣченія болѣзней; это была, слѣдовательно, хижина фетишей съ изображеніями душъ. То же самое мы видимъ на могилахъ правителей Мусумбы и близъ города Казембе. Въ опредѣленное время этимъ изображеніямъ приносились пища и питье. Въ нашихъ коллекціяхъ имѣется достаточно грубыхъ деревянныхъ куколъ съ Западнаго берега, носящихъ на себѣ слѣды жертвъ, въ видѣ прилипшихъ къ животу частицъ жеваннаго орѣха-кола. Культъ череповъ естественно примыкаетъ сюда, какъ это видѣлъ Кэмеронъ у Казонго въ хижинѣ, наполненной черепами предковъ, украшенными бусами, представлявшими собой „большое лѣкарство.“ Неграмъ Конго было легко примѣнить для той же цѣли изображенія христіанскихъ святыхъ; дѣйствительно, Бастіанъ въ одной хижинѣ Санъ Сальвадора видѣлъ три деревянныя изображенія святыхъ въ естественную величину, которыя носили въ языческихъ процессіяхъ. Относительно деревянныхъ фигуръ баріевъ, вышиною въ 30—40 сант., Юнкеръ не сомнѣвается, что онѣ должны были представлять собою „пенатовъ“. Онѣ привѣшивались въ хижинахъ подъ крышею. Бонги доходятъ въ количествѣ этихъ фигуръ до настоящей роскоши, обставляя ими, ради охраны, входы въ свои деревни. Мужъ, пережившій жену, ставитъ ея изображеніе въ своей хижинѣ; изображенія убитыхъ родственниковъ пользуются особымъ почитаніемъ, и колдуны употребляютъ ихъ въ качествѣ волшебныхъ куколъ (см. рис. выше). Это — фигуры, грубо и безобразно вырѣзанныя изъ дерева.

Волшебная кукла (изображеніе предковъ) баріевъ. (Вѣнскій этнографическій музей.)

высотою въ футъ, у которыхъ въ области рта вставлено нѣсколько зубовъ, а на мѣстѣ глазъ два красныхъ боба. Въ одномъ изъ описаній Западнаго берега говорится: „Въ кучкѣ людей можно видѣть пестро раскрашеннаго человѣка, бѣгающаго съ громкимъ крикомъ взадъ и впередъ, причемъ онъ потрясаетъ деревянной куклой, увѣшенной пестрыми лоскутками, и стегаетъ ее прутомъ по лицу и по плечамъ. Если спросить, почему все это происходитъ, то можно услышать въ отвѣтъ, что у одного негра украли ножъ, и что онъ, съ цѣлью возвращенія его, обратился къ этому жрецу, обладающему фетишемъ, извѣстнымъ по тому страху, какой онъ наводитъ на воровъ.“ При жертвоприношеніяхъ гереросы употребляютъ священные сучья деревьевъ или кустовъ, посвященныхъ предкамъ; ихъ обмакиваютъ въ молоко, прежде, чѣмъ его пить, и на жертвенныхъ пиршествахъ имъ прежде всего подносятъ жертвенное мясо, такъ какъ они представляютъ собою предковъ. Многіе хранятъ эти палки, служащія, быть можетъ, послѣдними остатками изображеній предковъ, въ пучкахъ, обвѣшенныхъ амулетами, на вѣтвяхъ жертвеннаго куста, макеры, стоящаго на мѣстѣ жертвоприношеній и замѣняющаго жертвенникъ.



Амулеты изъ Убуджвы. (По Кэмерону.)

Мы не скажемъ ничего неожиданнаго, если назовемъ такую фигуру фетишемъ, словомъ, заимствованнымъ изъ португальскаго языка и примѣняемаго предпочтительно къ символамъ вѣрованій или суевѣрій западныхъ африканцевъ, какъ будто въ другихъ частяхъ Африки у тамошнихъ народовъ существуетъ совершенно иной способъ поклоненія божествамъ. Въ своей основѣ, западно-африканскія религіозныя представленія и, считающіяся еще болѣе важными, средства входить въ сношенія съ духами — тѣ же, какъ и у другихъ африканцевъ: различіе заключается только въ отступающей мѣстами формѣ этихъ представленій и средствъ. Безчисленные предметы могутъ быть фетишами. Обыкновенная форма фетиша, которую носятъ, напр., странники или путники, есть красный, кругловатый сверточекъ ткани, къ которому пришито жрецомъ сильное „лѣкарство“, по большей части, кусочекъ растенія. Можно видѣть, какъ люди, чувствуя усталость, нюхаютъ его. Кромѣ того, это — обыкновенные рога антилопы, наполненные волшебнымъ порошкомъ, обычное „лѣкарство“ обитателей Бенгуелы и Анголы, затѣмъ шнурки, завязанные самымъ различнымъ образомъ, корни, шарики изъ помета животныхъ, кости, зубы, желчные камни и все, что можетъ имъ встрѣтиться; всѣмъ этимъ они обвѣшиваютъ себя (см. рис., стр. 46 и т. I, стр. 54). Различныя качества этихъ волшебныхъ предметовъ соотвѣтствуютъ разнообразнымъ цѣлямъ. Чѣмъ болѣе тяжелый грузъ накладываютъ на негра, тѣмъ больше фетишей онъ прибавляетъ къ своимъ, чтобъ уравновѣсить этотъ грузъ. Въ Ніассѣ есть фетишъ съ острова Ликомы — кусокъ шкуры ихневмона, набитый „лѣкарствомъ“, которымъ знахарь пользуется при открытіи преступленій и т. под., разговаривая съ нимъ, заставляя его подпрыгивать и т. под. Одна изъ хижинъ фетишей на Золотомъ берегу описывается слѣдующимъ образомъ: „Подобно всѣмъ святилищамъ этой страны и подобно вообще всѣмъ негрскимъ хижи-

намъ, каковы онѣ были первоначально, до знакомства съ европейцами, эта хижина имѣетъ круглую форму, покрыта жесткою травою, лишена оконъ и снабжена низкимъ входнымъ отверстіемъ. Внутри она имѣетъ весьма скудный видъ. Тамъ лежитъ на полу деревянный обрубокъ или камень, или же рыбій скелетъ, а быть можетъ, и барабанъ или нѣчто другое, не имѣющее ни цѣнности, ни смысла. Но всѣ эти вещи имѣютъ большое значеніе для негра, такъ какъ въ нихъ пребываетъ фетишъ, или „вонгъ“, которому посвящена эта святыня. Въ углахъ навалены всевозможные глиняные черепки, рядомъ съ ними буйволовы и козьи рога, раковины и птичьи перья, служащія волшебными средствами или охраною отъ колдовства въ качествѣ амулетовъ. На стѣнахъ развѣшены различные предметы, не имѣющіе никакой цѣны, и чехлы для фетишей. Безчисленные пауки ткутъ здѣсь свои ткани, и отвратительные гады бродятъ по затхлому, темному пространству, которое служитъ въ то же время спальней жреца. Летучія мыши, гнѣздящіяся подъ травяной крышей, вечеромъ посѣщаютъ священное мѣсто и оживляютъ тѣнистыя лиственныя деревья, окружающія хижину“. Главную сторону фетиша составляетъ не самая вещь, а содержаніе ея или дѣйствіе, приписываемое ей; мы часто замѣчаемъ склонность видѣть нѣчто характерное въ пренебреженіи внѣшняго въ пользу сущности, будемъ ли мы называть ее божествомъ или дьяволомъ. Всѣ эти любимые предметы принадлежатъ духамъ опредѣленнаго, низшаго класса, которыхъ можно, пожалуй, назвать частными духами; у нихъ нѣтъ личности, какъ у высшихъ духовъ, но тѣмъ тѣснѣе связаны они со своимъ обладателемъ.

Кромѣ амулетовъ, носимыхъ на шеѣ, на ногахъ, на рукахъ и т. под., въ домахъ относятся къ нимъ безчисленныя волшебныя средства, находимыя на дорогахъ, въ хижинахъ и въ краляхъ, назначеніе которыхъ довольно неопредѣленно указываетъ на то, что они должны исполнять желанія и отвращать зло или переносить его на другихъ. У баріевъ, которые называютъ ихъ „кугуръ“, Марно описываетъ ихъ точно въ такомъ же видѣ, какъ Бухнеръ описалъ ихъ у балундовъ. „Кромѣ деревьевъ, увѣшенныхъ черепами, на дворахъ встрѣчаются древесныя вѣтви, къ которымъ привѣшено извѣстное число камешковъ или шлаковъ на бичевкахъ; стебли тростника съ травой и пучками перьевъ часто также служатъ „кугурами“. Но и въ открытыхъ мѣстахъ, на всѣхъ дорогахъ, въ полѣ и въ лѣсу попадаются странныя вещи, играющія роль „кугуровъ“. Можно подумать, что здѣсь только что играли дѣти. Это — старые выдолбленные жернова, скрученные усики растенія Cissus, травяные жгуты, вѣтви и пр., сложенные вмѣстѣ; маленькія возвышенія изъ утоптанной земли, украшенныя деревомъ, соломой и камешками; старые кухонные горшки или простые черепки съ продѣтою въ нихъ палкою; вѣтви и пучки листьевъ, скрученные или сплетенные въ видѣ вѣнка; куски старыхъ циновокъ и плетеній, приколоченные къ землѣ маленькими колышками.“ (Марно.) Болѣе мелкіе фетиши или духи, образующіе второй личный классъ и, очевидно, представляющіе не что иное, какъ подражаніе первоначальнымъ большимъ фетишамъ, имѣютъ свое мѣстопребываніе, главнымъ образомъ, въ большихъ деревьяхъ, а иногда и въ деревянной чашкѣ или металлической сковородѣ, наполненной глиной и листьями. Эти мелкіе фетиши имѣютъ своихъ жрецовъ, которые дѣйствуютъ въ качествѣ посредниковъ, сообщаютъ людямъ ихъ волю и пляшутъ публично предъ народомъ. Первый личный классъ состоитъ изъ духовъ, живущихъ въ скалахъ, лѣсахъ и пещерахъ (но не въ деревьяхъ), остающихся, за рѣдкими исключеніями, невидимыми даже для своихъ жрецовъ, но присутствующихъ повсюду или вліяющихъ въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ на жизнь человѣка, вслѣдствіе чего имъ приносятся лучшія жертвы и имъ служатъ самые почетные жрецы. Мы должны особенно отмѣтить то, что

высшее божество не включается въ этотъ отрядъ духовъ и, сообразно тому, не воплощается въ фетишѣ. Поэтому кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что вѣра въ фетишей возникла изъ почитанія душъ внѣ чистой вѣры въ боговъ, такъ-же, какъ у другихъ высшихъ народовъ служеніе идоламъ стоитъ выше болѣе духовныхъ формъ почитанія. Связь съ душою предковъ выражается, очевидно, тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у казонговъ, высшій фетишъ „Кунгве а банца“ является одновременно основателемъ королевской фамиліи и супругомъ сестеръ короля, между тѣмъ, какъ вдова умершаго короля своими сношеніями съ духомъ его превращается въ страшную предсказательницу.

Волшебная махалка съ колоколомъ. (По Дю-Шалью.) Ср. текстъ, стр. 54.

Для того, чтобы эти силы, кажущіяся сверхчувственными, таинственными и въ высшей степени достойными почитанія даже и тогда, когда онѣ пребываютъ въ деревянной куклѣ или въ кускѣ кремня, вымазанномъ охрой, или, какъ у тушилангговъ, въ одуряющемъ дымѣ конопли даха, привести къ должному пользованію ими, необходимы колдуны или, пожалуй, жрецы. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ настраивать благопріятно добрыхъ духовъ и настолько разоблачать причины дѣйствій злыхъ духовъ, чтобы здѣсь возможно было искупленіе или, еще лучше, уплата извѣстной пени. При извѣстныхъ обстоятельствахъ жрецъ долженъ наряжаться дьяволомъ съ рогами и копытами, чтобы прогнать настоящаго чорта. Каждый человѣкъ, не исключая и женщинъ, можетъ сдѣлаться способнымъ къ колдовству и достигнуть большого вліянія. Лицо, которое на Золотомъ берегу избирается однимъ изъ малыхъ фетишей жрецомъ или жрицей, прыгаетъ, какъ лишенное разсудка, избѣгаетъ ѣды и питья, даже разговора, ведетъ себя, какъ дитя, пока старшій жрецъ не найдетъ имени фетиша. Когда открытъ мелкій фетишъ, онъ водворяетъ его въ извѣстномъ жилищѣ, причемъ его кладутъ въ чашку или на сковороду, на которой ему приносятъ жертву. Новопоставленный жрецъ передается въ руки старѣйшему, который три года обучаетъ его своимъ обязанностямъ. Жрецы всегда избираются въ юности и во время обученія не должны вступать въ бракъ. Они обязываются не стричься въ теченіе всей своей жизни. Званіе жреца не наслѣдственное. Когда умираетъ жрецъ или жрица, фетишъ, которому они служили, можетъ избрать имъ преемника изъ каждой семьи, за исключеніемъ королевской. Начальники обладаютъ высшей силой колдовства путемъ наслѣдственности, и къ ихъ обязанностямъ относится, какъ только они вступили въ должность, производить волшебныя дѣйствія къ наибольшей пользѣ для народа. Однако, тамъ, гдѣ существуютъ различные классы фетишей, они заботятся лишь о болѣе крупныхъ, ближайшихъ къ божеству, жрецы которыхъ, гдѣ они существуютъ, часто по своему вліянію стоятъ выше начальника.

Можно сказать, что всякое дѣйствіе, совершаемое на практикѣ, предваряется въ своемъ результатѣ колдовствомъ, стремящимся къ той же цѣли. Прежде, чѣмъ начнется война, врагъ уничтожается волшебствомъ; прежде, чѣмъ посолъ прибудетъ ко двору, тѣмъ же путемъ возвѣщается цѣль его прибытія. Наступающая жатва, добыча охоты, счастливый исходъ торговаго предпріятія и даже хищнической экспедиціи, счастье, необходимое прежде всего въ любовныхъ предпріятіяхъ, однимъ словомъ, удачный конецъ во всѣхъ дѣлахъ сперва обезпечивается колдовствомъ, и только

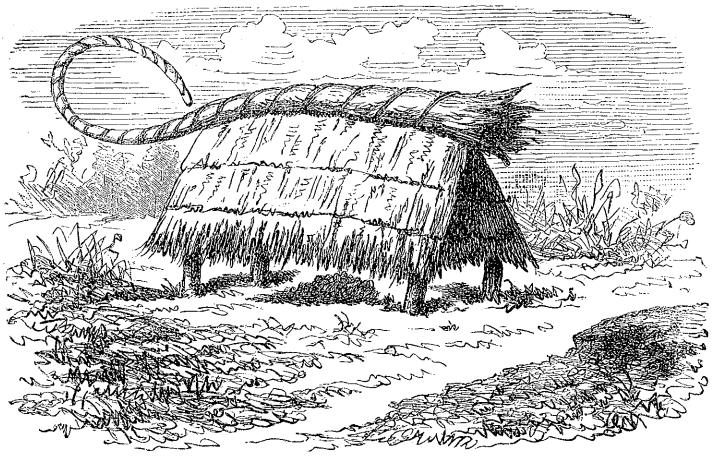
тамъ, гдѣ оно предшествовало дѣлу, голова и руки могутъ добиваться своей цѣли съ надеждою на успѣхъ. Душевно-больные или вообще ненормальные люди предназначаются для этой дѣятельности, благодаря особенной легкости, съ какою они могутъ вступать въ состояніе половинной или полной галлюцинаціи. Какъ весьма рѣдкіе субъекты, альбиносы также считаются надѣленными волшебной силой. У динковъ и баріевъ колдовствомъ обыкновенно занимаются старыя женщины (тіетъ и пунёкъ). У бонговъ есть вѣдьмы, которымъ извѣстны люди, причиняющіе смерть или бѣдствіе, которыя изобличаютъ дѣйствія этихъ послѣднихъ и уничтожаютъ заклинаніями произведенное зло. Гейглинъ познакомился съ одной изъ такихъ женщинъ, производившей весьма ловкіе фокусы.

Бинза (колдунъ) сандеховъ (ньямъ-ньямовъ). (По фотографіи Р. Бухты.)

Благодаря сухости многихъ африканскихъ странъ, „вызыватель дождя“ во многихъ изъ нихъ пользуется необычайнымъ вліяніемъ; нерѣдко въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше начальника, хотя обыкновенно и признаетъ его старшимъ себя, если можно такъ сказать, высшимъ жрецомъ касты. Въ каждомъ племени есть вызыватель дождя и часто даже нѣсколько, которые въ то же время занимаются врачебной практикой. Власть ихъ заходитъ такъ далеко, что они могутъ отмѣнить погребеніе умершаго и приказать, чтобы трупъ его былъ выброшенъ и оставленъ на съѣденіе хищнымъ животнымъ. Когда куруманскіе бечуаны были напуганы многолѣтней засухой, они призвали къ себѣ знаменитаго вызывателя дождя, за 50 миль, изъ племени Багурутсе. Такъ какъ климатъ Зулуланда создаетъ меньшую потребность въ вызывателяхъ дождя, чѣмъ въ странѣ къ востоку отъ цѣпи Катламба, то тамъ вызываютъ дождь бечуаны изъ скудныхъ водою областей.

По внѣшнему виду жрецъ отличается тѣмъ, что онъ обвѣшенъ множествомъ различныхъ волшебныхъ предметовъ, а также лицомъ, раскрашеннымъ бѣлыми полосами, колоколами вокругъ тѣла и на спинѣ и пр. (см. рис. на этой стр., 53 и 57). Въ описаніи Базельскаго миссіонера съ Золотого берега мы читаемъ: „Голова его прикрыта высокимъ беретомъ, сплетеннымъ изъ соломы, присвоеннымъ его званію; по требованію этого званія,

онъ украшаетъ себя тщательно расчесанной бородой, достигающей отъ подбородка до груди. Изъ темной негрской физіономіи выглядываетъ присущее фетишскому жрецу лукавство. На шеѣ его висятъ бѣлыя коралловыя ожерелья, имѣющія значеніе жреческаго украшенія; оттуда при заклинаніи снимается фетишъ. Шелковый, фантастически завязанный пестрый платокъ, на которомъ находятъ себѣ мѣсто всевозможныя волшебныя средства, спускается надъ одеждой жреца. Въ рукѣ онъ держитъ травяную метелку, которою обмахиваетъ фетиша, замѣняя ее иногда коровьимъ или буйволовымъ хвостомъ, что у жрецовъ фетишей считается всегда знакомъ жреческаго званія. Сандаліи изъ красной кожи украшаютъ босыя ноги. Суставы ногъ обвиты нанизанными кораллами. У жреца всегда имѣются двѣ жрицы (дѣвушки - колдуньи, въ качествѣ помощницъ жреца, считаются необхо-



Фетишъ неизвѣстнаго назначенія въ Лундѣ. (По наброску д-ра М. Бухнера.)

Раскрашенная деревянная маска изъ Дагомеи. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 естеств. величины.

димыми на Золотомъ берегу); подобно ему, онѣ украшены коралловыми шнурками и всевозможными амулетами. Лобъ, руки, грудь и ноги безъ всякой претензіи на искусство вымазаны у нихъ бѣлой глиной (всегда въ видѣ двухъ параллельныхъ линій). Это раскрашиваніе производится жрицами въ виду религіозныхъ церемоній; кто въ подобныхъ случаяхъ когда-либо видалъ судорожныя пляски и прыжки этихъ женщинъ, тому казалось, что онъ видитъ сумасшедшихъ, внушаемыхъ демономъ и счи-

тающихъ себя на службѣ у сатаны". Кромѣ острыхъ шапокъ, изготовляемыхъ изъ шкуръ антилопы, жрецы фетишей имѣютъ особые костюмы, въ которыхъ они кажутся вдвойнѣ священными и неуязвимыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малаго Лоанго существуютъ фетишскіе врачи, ганганкисси, которые, когда кто-нибудь умираетъ, надѣваютъ особую одежду. Она состоитъ изъ короны изъ перьевъ, изъ колоссальной маски легкаго дерева и покрывающей все тѣло одежды изъ сѣрыхъ орлиныхъ перьевъ. Трудно представить себѣ болѣе своеобразное впечатлѣніе, когда такой замаскированный, пляшущій, поющій и говорящій, какъ чревовѣщатель, ганга появляется неожиданно (см. знаки фетишей на таблицѣ „Оружіе и утварь сѣверозападной Африки".)

„Дѣвушки-колдуньи" (ондангеры) овагереросовъ, почти всегда дочери первой жены начальника, напоминаютъ римскихъ весталокъ въ томъ отношеніи, что одна изъ ихъ главныхъ обязанностей заключается въ поддержаніи своего рода священнаго огня (омурангеры). Въ хорошую погоду передъ каждой хижиной постоянно поддерживается огонь, у котораго обыкновенно сидятъ обитатели ея; но въ случаѣ дурной погоды, огонь переносятъ въ хижину ондангеръ. Если онъ, къ несчастью, потухнетъ, вся община собирается, чтобы принести искупительную жертву въ видѣ скота; затѣмъ огонь добывается опять съ помощью тренія. Для этого служатъ почетныя деревяшки, унаслѣдованныя начальникомъ отъ своихъ прародителей (см. рис, т. I, стр. 75). Гереросы вѣрятъ, что они получили огонь отъ Мукуру или Обемпо. Если какое-либо племя переходитъ на новое мѣсто обитанія, то ондангера идетъ впереди съ огнемъ; въ случаѣ отдѣленія одного племени отъ другого, знатнѣйшій изъ перваго племени получаетъ отъ него огонь, и въ то же время званіе ондангеры переходитъ къ его дочери. Жертвенныя животныя умерщвляются копьемъ, а предназначенныя въ пищу — посредствомъ удушенія. Когда человѣкъ умираетъ, извѣстная часть его скота избивается палицами. Когда околѣваетъ быкъ въ кралѣ начальника, ондангера дѣлаетъ двойной узелъ на своемъ кожаномъ передникѣ, чтобы не впустить какого-либо „заклятія", кладетъ на спину умершаго животнаго кусокъ дерева и въ то же время молится о долголѣтіи, обиліи скота и пр. Возвращающійся со счастливой охоты набираетъ воды въ ротъ и прыскаетъ ею на свой очагъ и себѣ на ноги.

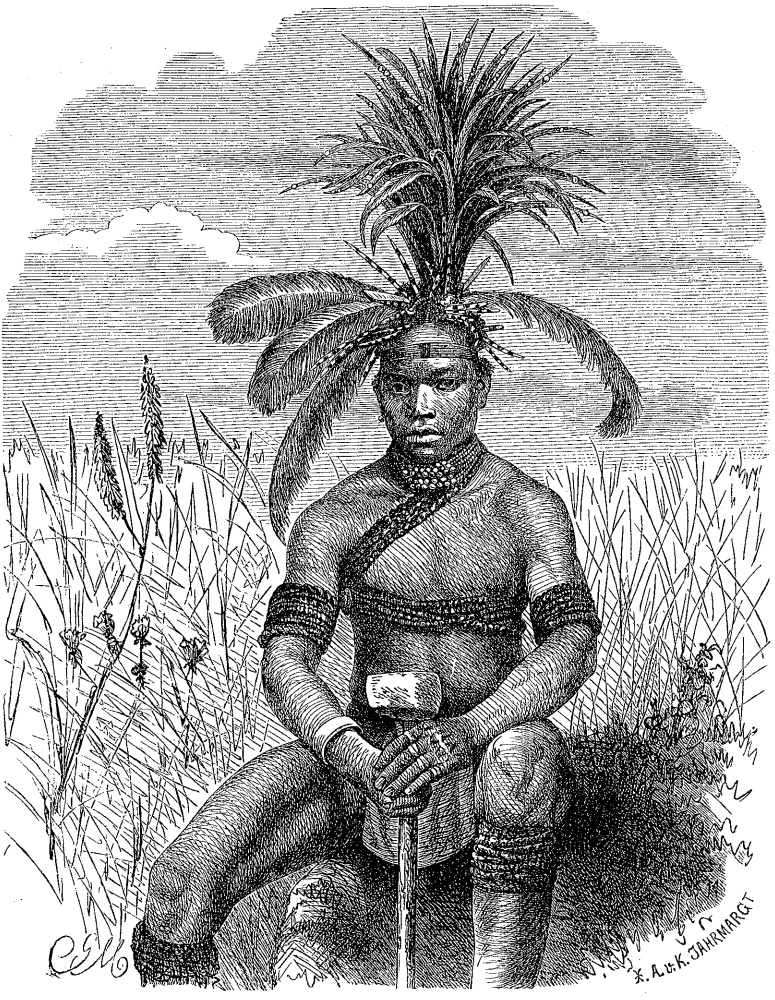
„Школу колдуна" одинъ зулусъ, твердо вѣрившій въ это, описывалъ слѣдующими словами: „бываетъ, что кандидатъ на эту должность болѣетъ до конца года, и затѣмъ онъ подвергается обученію врачебному искусству, съ намѣреніемъ превзойти всѣхъ другихъ врачей. И когда онъ появляется опять, онъ выражаетъ желаніе посѣтить мѣста, гдѣ есть стоячая вода. Возвращаясь оттуда, онъ приноситъ съ собой змѣй и вымазывается бѣлой глиной. И затѣмъ всѣ идутъ къ жрецамъ." Они говорятъ: „Мой другъ, этотъ человѣкъ будетъ жрецомъ." Тогда его берутъ и посылаютъ къ тѣмъ, которые уже сдѣлались жрецами. А когда онъ къ нимъ придетъ, они его берутъ, идутъ съ нимъ и бросаютъ его въ морскую воду; бросивъ его, они его тамъ оставляютъ; его не видятъ ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни. Черезъ нѣсколько дней онъ приходитъ уже жрецомъ и дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать жрецъ. Придя къ себѣ, онъ начинаетъ пѣть и плясать, и народъ прихлопываетъ при этомъ въ ладоши. Онъ убиваетъ коровъ, козъ и другихъ животныхъ, кромѣ овецъ. Причина, по которой онъ не трогаетъ ихъ, заключается въ томъ, что они не кричатъ, когда ихъ убиваютъ, а онъ можетъ убивать только то, что кричитъ. Онъ покрываетъ себѣ голову пузырями и желчными пузырями, пока они свѣшиваются, наконецъ, во всѣхъ направленіяхъ. Онъ идетъ въ болото, наполненное змѣями и аллигаторами, и когда поймаетъ только одну змѣю, онъ уже имѣетъ власть надъ ними, а если поймаетъ алигатора, то имѣетъ власть и надъ нимъ. Когда онъ поймаетъ одного леопарда, онъ имѣетъ власть надъ всѣми леопардами, а

ОРУЖІЕ И УТВАРЬ СѢВЕРОЗАПАДНОЙ АФРИКИ.

если поймаетъ ядовитую змѣю, то получаетъ власть надъ самыми ядовитыми змѣями. Такъ получаетъ онъ свое званіе властителя надъ леопардами, потому что онъ ловитъ леопардовъ, и надъ змѣями, потому что ловитъ змѣй."

Колдовство доставляетъ возможность легкой мести за обиды, какую могъ-бы доставить только прозаическій судебный процессъ, да и то не всегда; оно позволяетъ приносить вредъ врагамъ на большихъ разстояніяхъ и защищаетъ отъ дурныхъ вліяній. И гдѣ слабый можетъ легче найти справедливость, чѣмъ съ помощью колдовства? Только колдовство позволяетъ негру примиряться съ жизнью. Не удивительно поэтому, что онъ придаетъ ему такое высокое значеніе.

Колдовство—*худшій врагъ христіанства*. При основаніи колоніи Британской Кафраріи ничто не оказывалось столь труднымъ, какъ отмѣна суровыхъ наказаній, которыя колдуны налагали на своихъ единоплеменниковъ. Въ этомъ отношеніи кафры всего труднѣе сближались съ цивилизаціей; даже и тогда, когда они принимали христіанство, старая вѣра, какъ крѣпкое растеніе со многими корнями, сплеталась съ новой. Даже у новообращенныхъ не дѣлалось ни одного важнаго дѣла, которое не сопровождалось-бы суевѣрными обычаями. Приверженность къ унаслѣдованной изстари вѣрѣ въ колдовство составляетъ характерную черту кафровъ. Не у всѣхъ негрскихъ народовъ возможны были такіе случаи, чтобы правители предназначали своихъ родителей или дѣтей въ жертву колдунамъ. Исторія говоритъ намъ, что когда умеръ начальникъ гаиковъ Кьяли, Туту, мать начальника Сандили, была объявлена знахарями виновницей этой смерти и была уже назначена подвергнуться казни со всѣми мученіями, обычными для такихъ жертвъ, когда миссіонеры и пограничные чиновники нашли возможность спасти ее. Ея родной



Зулусскій колдунъ.
(По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

старшій сынъ, которому едва минуло 20 лѣтъ, далъ согласіе на то, чтобы осудить ее на мучительную смерть.

Положеніе жрецовъ въ общественной жизни всегда бываетъ весьма вліятельнымъ; вліяніе это тамъ, гдѣ начальники по преимуществу ограничиваются завѣдываніемъ мірскими дѣлами бываетъ больше, нежели тамъ, гдѣ они принимаютъ на себя теократическое званіе, какъ, напр. Муато Ямво, который самъ былъ жрецомъ фетишей. И у нихъ существуютъ различныя степени и, слѣдовательно, различныя силы вліянія. Но, обратно тому, что̀ мы видимъ у фетишей, колдовство лишь въ незначительной степени освящаетъ личность колдуна. Только производимое имъ колдовство внушаетъ уваженіе и страхъ, а не самая личность его. Среди носильщиковъ каравановъ обыкновенно бываютъ колдуны, считающіеся иногда весьма искусными и много зарабатывающіе своимъ искусствомъ. Но никогда ни одинъ товарищъ не предложитъ понести за него тяжесть или облегчить для него какую-либо другую работу.

Выше простыхъ жрецовъ фетишей и колдуновъ стоятъ наслѣдственные жрецы большихъ, невидимыхъ духовъ въ западной Африкѣ, составляющіе особый классъ. Они не пляшутъ публично, какъ жрецы мелкихъ фетишей и не дѣйствуютъ въ качествѣ предсказателей. При вступленіи въ должность, они посвящаются болѣе престарѣлымъ жрецомъ въ присутствіи другихъ. Большому фетишу приносится жертва, и освящающій жрецъ обращается къ нему съ молитвой: „Богъ, земля, большой фетишъ... я посвящаю теперь твоего сына... чтобы онъ былъ твоимъ жрецомъ. Пошли ему большую семью и много благъ! Охрани его и близкихъ его отъ всякаго зла! Благослови его друзей, которые хотятъ ему добра, и прокляни враговъ, желающихъ ему зла! Дай ему краснорѣчія, когда онъ произноситъ молитвы при жертвоприношеніи“. Главная обязанность жрецовъ состоитъ въ томъ, чтобы въ опредѣленные дни недѣли приносить жертвы большимъ фетишамъ, сопровождая ихъ молитвами, которыя должны быть хорошо имъ извѣстны. Животныя, приносимыя въ жертву, должны быть безъ пороковъ и безъ пятенъ, а животныя женскаго пола не должны заключать въ себѣ зародышей. Жертвенныя мѣста для возліяній находятся въ жилищахъ, на дворахъ жрецовъ и вообще на мѣстахъ нахожденія фетишей. Къ этимъ мѣстамъ даже жрецъ не приближается, не принеся жертвы на алтарѣ, воздвигнутомъ изъ неотесанныхъ камней. Затѣмъ онъ долженъ воздерживаться отъ общенія съ женщинами и отъ мясной пищи. Онъ не можетъ вступать въ бракъ со вдовой, и ему строго запрещается касаться мертваго тѣла. Если онъ присутствовалъ при погребеніи друга или родственника, онъ долженъ очиститься вечеромъ съ помощью освященной воды. Онъ освобожденъ отъ обязанности поститься, даже въ случаѣ смерти своего ближайшаго родственника. У этихъ жрецовъ есть своя іерархія, основанная на значеніи ихъ фетишей. Жрецъ высшаго или самаго важнаго фетиша имѣетъ больше власти, чѣмъ начальникъ города или округа, даже во многихъ отношеніяхъ больше, чѣмъ король цѣлой области, такъ какъ неповиновеніе его приказаніямъ равносильно неповиновенію большому фетишу. Повсюду онъ имѣетъ право присвоивать себѣ все, что̀ ему нравится, и собственникъ не только не высказываетъ никакой претензіи за это, но „чувствуетъ себя столько-жо польщеннымъ этимъ, какъ благочестивый индусъ, когда быкъ Сивы на Бенаресскомъ рынкѣ съѣстъ содержимое его корзины“ (Бастіанъ). Въ Лоанго ихъ почитаютъ даже больше, чѣмъ ганговъ, и волосы ихъ дорого продаются въ качествѣ реликвій. Рабы, подвергающіеся дурному обращенію, могутъ получить свободу, обратившись къ одному изъ большихъ фетишей; жрецъ опрыскиваетъ раба освященной водой, и тотъ становится съ этой минуты только рабомъ фетиша.

Наряду съ жертвами и колдовствомъ, на обязанности жреца лежатъ другія, отчасти болѣе мірскія задачи, на которыхъ основывается

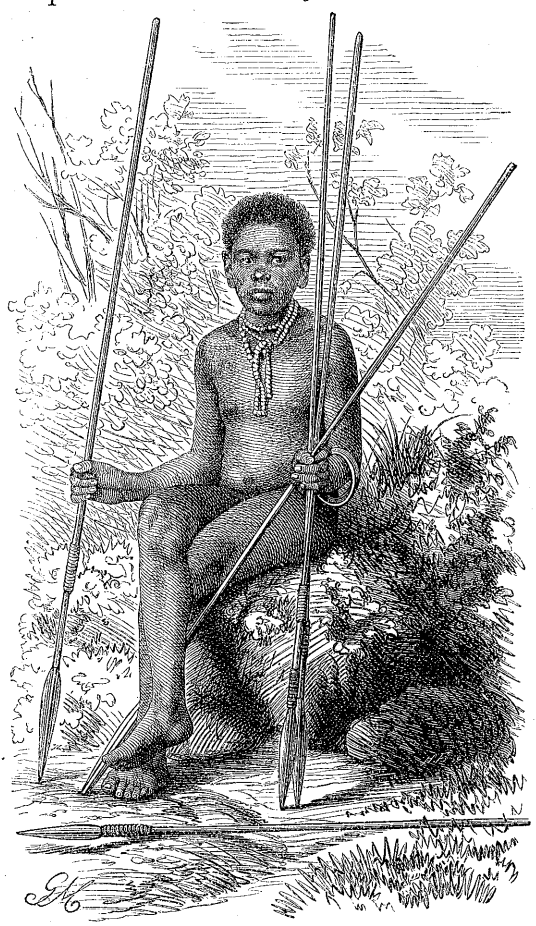
бо́льшая часть его свѣтскаго вліянія. Суды божіе, занимающіе такое обширное мѣсто въ правовой жизни негровъ, по преимуществу подготовляются и исполняются имъ. Правда, тотъ который долженъ найти виновника преступленія, часто бываетъ не тѣмъ, который исполняетъ божій судъ, такъ какъ онъ (на Западномъ берегу) готовитъ горькій, ядовитый напитокъ (у мадіевъ), доставляетъ красное перо, которое должно быть прокушено и въ скоромъ времени должно причинить виновному смерть, и бросаетъ игральныя кости, обличающія виновнаго. Но и то, и другое находится въ рукахъ жрецовъ. И опрыскиванье ребенка водою, нареченіе ему имени, обрѣзаніе и связанное съ нимъ введеніе юноши въ кругъ мужчинъ лежитъ на обязанности жреца; онъ руководитъ праздниками очищенія и жатвы, плясками въ маскахъ и погребальными торжествами. Вмѣстѣ съ тѣмъ не надо забывать и его врачебной дѣятельности. Когда при укушеніи змѣи не получается помощи отъ свѣжеубитой черной курицы, тогда съ большимъ довѣріемъ прибѣгаютъ къ отвару изъ колпака колдуна.

Всѣ эти суевѣрія важны не только сами по себѣ. Мы представляемъ себѣ жизнь этихъ людей слишкомъ простою, если не принимаемъ во вниманіе этого сильнаго, непрерывнаго религіознаго теченія, проходящаго подъ нею. Суевѣріе должно замѣнять многое, что́ культура приноситъ извнѣ, внося въ жизнь богатство и разнообразіе; безсмысленные и чувственные обычаи въ пестромъ хаосѣ окружаютъ эту жизнь, какъ ползучія растенія охватываютъ дерево въ тропическомъ, дѣвственномъ лѣсу, и нерѣдко они ее заглушаютъ и убиваютъ. Тѣмъ не менѣе, есть не мало безсознательной жизненной поэзіи въ этихъ обычаяхъ, которые даже на обыденную жизнь набрасываютъ таинственный блескъ.

Въ жизни бечуана, которую мы, благодаря Казалису, Грюцнеру и др., знаемъ достаточно точно именно съ этой стороны, мы находимъ самые запутанные, затруднительные, отнимающіе много времени обычаи, охватывающіе и стѣсняющіе ее отъ колыбели до могилы. Рождающей женщинѣ помогаютъ старыя, мудрыя женщины краля, первую обязанность которыхъ составляетъ свертывать шею ребенку, выходящему ногами, и дѣтямъ-близнецамъ; такимъ-же способомъ умерщвляются дѣти, у которыхъ раньше прорѣзываются верхніе зубы. Часть околоплодной воды колдунъ или начальникъ сохраняетъ, какъ цѣлебное средство, въ одномъ изъ своихъ волшебныхъ роговъ. Родильница должна въ теченіе трехъ дней пить свою собственную мочу, между тѣмъ, какъ ребенка въ это время кормятъ кашей до пресыщенія. На третій день груди натираются особымъ врачебнымъ корнемъ, и лишь послѣ того ребенокъ можетъ сосать. Мужа пускаютъ къ женѣ только на пятый день. Но обое, мужъ и жена, должны сперва очиститься, для чего они крестообразно садятся другъ противъ друга на кусокъ дерева, считающійся амулетомъ, натираются лѣчебнымъ жиромъ и затѣмъ, перешагнувъ черезъ это дерево, расходятся по противоположнымъ направленіямъ. Это „лефеко“ — брусокъ, длиною отъ одного до двухъ метровъ, который вездѣ, гдѣ есть больной, кладется поперекъ передъ дверью. При этой церемоніи многіе колдуны даютъ еще пить освященную воду, и всѣ увѣрены, что мужчина распухнетъ и умретъ, если безъ этой процедуры придетъ къ своей женѣ. Въ первый мѣсяцъ ребенка нельзя выносить изъ хижины, а во второй нельзя выносить изъ преддверья къ ней. Послѣ перваго мѣсяца колдунъ „помогаетъ“ ему, посыпая ему голову извѣстнымъ образомъ освященнымъ порошкомъ, приговаривая при этомъ: „Модимо (богъ), оставь намъ этого ребенка! Помоги ему!“ Далѣе ему царапаютъ нѣкоторыя части тѣла и натираютъ ихъ лѣчебнымъ жиромъ. Наконецъ, этотъ мудрый человѣкъ привязываетъ кусочекъ дерева къ мѣховой накидкѣ матери. Деревяшка называется „модимо ребенка“ и предохраняетъ отъ колдовства. Часто эти процедуры повторяются даже и тогда, когда ребенокъ совершенно здоровъ. За всѣ эти

дѣйствія врачъ получаетъ въ уплату послѣ брака послѣдняго ребенка семьи штуку скота. Послѣдняя услуга его состоитъ въ томъ, что онъ привязываетъ амулетъ невѣстѣ. Послѣ замужества она должна избрать для себя другого колдуна.

При наступленіи возмужалости, церемоніи обрѣзанія, обученія и обособленія наполняютъ цѣлые мѣсяцы, иногда даже и годы. Вступленіе въ бракъ происходитъ съ помощью посылки свата въ краль невѣсты; вопросы и отвѣты ведутся всегда въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ. Сватъ, обыкновенно отецъ жениха, послѣ долгихъ подступовъ говоритъ: „я пришелъ попросить у васъ щенка“. Отвѣтъ: „сынъ (такой-то), мы бѣдны, у насъ нѣтъ скота; есть-ли скотъ у тебя?“ Затѣмъ слѣдуетъ опять діалогъ о недостаткѣ скота, жалобы на засуху и болѣзни и пр., и, наконецъ, все заключается рѣшеніемъ: „да, скотъ у насъ есть“. Когда сватъ возвращается назадъ, второй посолъ отправляется въ краль невѣсты и несетъ нюхательный табакъ, приготовленный родственниками невѣсты и только употреблявшійся въ семьѣ жениха. Затѣмъ нѣсколько молодыхъ людей, друзей жениха, гонятъ часть условленнаго скота въ краль невѣсты, гдѣ ихъ встрѣчаютъ радостными криками и торжественнымъ угощеніемъ, продолжающимся нѣсколько дней, и гдѣ они вступаютъ уже въ болѣе непосредственныя сношенія съ дѣвушками краля. Черезъ нѣсколько времени является женихъ съ дружкой, опять приводитъ съ собой скотъ и пользуется такимъ же чествованіемъ. Но они не должны брать кушанья изъ блюда, а имъ подаютъ его на палочкахъ. Они остаются тамъ два или три мѣсяца, или эти посѣщенія часто повторяются. Наконецъ, невѣста отводится въ краль своего жениха, именно тѣмъ самымъ дружкой, который приступаетъ къ ней съ словами: „пойдемъ, отведемъ домой невѣсту, пиво сварено.“ Въ этотъ день невѣсту обливаютъ водой, и она съ плачемъ поднимается съ своей постели. При этомъ колютъ скотъ, готовятъ кушанья и варятъ пиво. Но главнаго кушанья, крутой каши, женихъ не ѣстъ, а беретъ небольшой кусокъ ея и бросаетъ передъ хижиной. Вечеромъ приходитъ колдунъ и производитъ свои эволюціи. Женихъ эту ночь проводитъ не съ своей невѣстой, а со всѣми дѣвушками краля. На слѣдующій день обое отправляются на родину жениха, и тамъ послѣ первой ночи колдунъ царапаетъ ихъ на различныхъ частяхъ тѣла и ихъ кровь попеременно втираетъ въ раны.



Мальчикъ зулусъ съ ассагаями, послѣ обрѣзанія. (По фотографіи.)

Гораздо легче представить себѣ европейца безъ священника и врача, чѣмъ негра безъ колдуна. Многія формы суевѣрія, пожалуй, вызываютъ улыбку своей дѣтскою простотой, но они не могутъ не казаться намъ

вредными, когда угрожаютъ жизни и имуществу отдѣльныхъ лицъ. На Нижнемъ Замбези туземцы живутъ цѣлые мѣсяцы плодами манго, но ни одинъ изъ нихъ ни за что не посадитъ такого дерева, хотя, повидимому, это не стоитъ никакого труда: въ нихъ глубоко укоренено повѣрье, что тотъ, кто сажаетъ дерево, вскорѣ долженъ умереть. Когда Ливингстонъ совѣтовалъ макололамъ взять съ собою сѣмянъ манго, чтобы посадить ихъ въ своей странѣ, они прямо заявили ему, что „не желаютъ скоро умирать“. Точно также и среди туземныхъ португальцевъ въ Тетэ существуетъ повѣрье, что человѣкъ, сажающій кофейное дерево, никогда уже не будетъ счастливъ; но они пьютъ кофе и отъ этого только чувствуютъ себя лучше. Вѣра въ вѣдьмъ въ Уньоро и Угандѣ распространена не менѣе, чѣмъ вѣра въ вампировъ, старухъ, принимающихъ видъ гіенъ, или демоническихъ пожирателей людей. Думаютъ, что есть люди, которые по ночамъ оставляютъ свои хижины, убиваютъ путниковъ, поѣдаютъ ихъ мясо или употребляютъ его для всевозможныхъ цѣлей колдовства. Правда, они сохраняютъ человѣческій образъ, но умѣютъ ускользать съ помощью колдовства отъ всякаго преслѣдованія. Удары копья и пули не приносятъ имъ вреда; только извѣстными палками можно ихъ гнать настолько далеко, что, наконецъ, наступаетъ день, и они становятся видимыми. Эта страсть къ человѣческому мясу наслѣдственна въ нѣкоторыхъ семьяхъ, члены которыхъ не годятся ни для вступленія въ бракъ, ни для услуженія, такъ какъ они ѣдятъ не всѣ кушанья и вообще очень упрямы. Кто побылъ съ ними вмѣстѣ, убѣгаетъ отъ нихъ, но никогда не говоритъ, что онъ видѣлъ. Бываютъ и вѣдьмы, которыя взглядомъ отравляютъ кушанья и даютъ ихъ ѣсть другимъ. Лишь тогда, когда найдется подходящая женщина (только женщина способна на такое колдовство) и три раза плюнетъ на больного, страданія его проходятъ. Число предзнаменованій и вѣщихъ животныхъ и предметовъ безконечно велико. Буйволъ, переходящій черезъ дорогу или карликовая антилопа приносятъ вагандамъ несчастье, а Tragelaphus — счастье. Общераспространенной и особенно могущественной, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, является вѣра въ дурной глазъ, который можетъ причинить даже смерть.

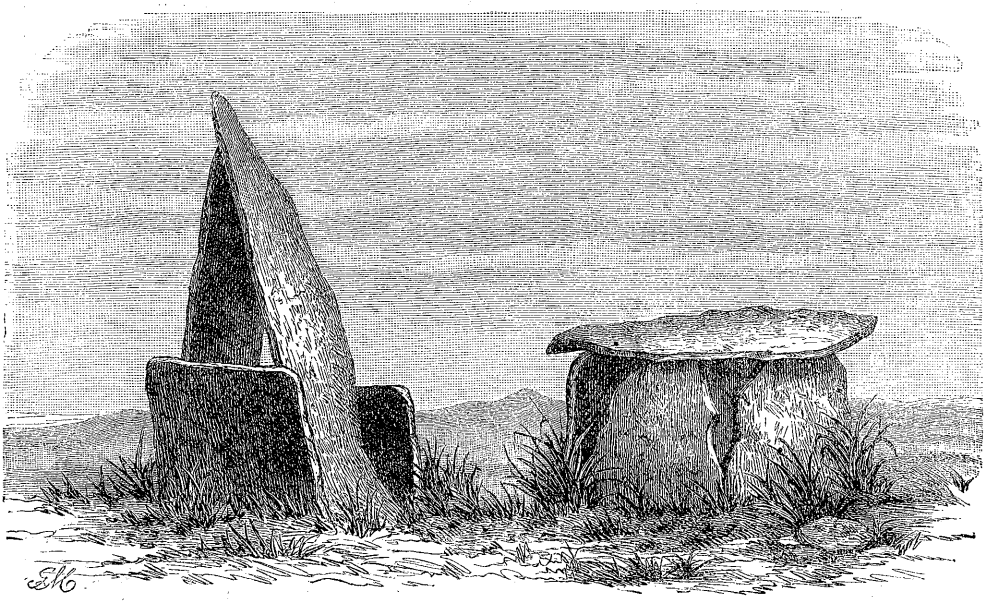
Фетишъ ваяйевъ Ньяссы. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Умершему бечуану подрѣзываютъ колѣнные суставы, а если нужно, и крестцовые позвонки, чтобы трупъ можно было сложить. Поясница обертывается свѣжей козлиной шкурой, а весь трупъ обтягивается свѣжей шкурой рогатаго скота. Могила опрыскивается лечебной водой, а изъ освященнаго рога опрыскиваются даже слѣды носильщиковъ трупа. Горшокъ, въ которомъ была освященная вода, разбивается на могилѣ. Вдовѣ навязывается на лобъ ремешокъ изъ шкуры, въ которую обернутъ трупъ. Родственники становятся у могилы на колѣни, и долгое время тамъ днемъ и вечеромъ слышится громкій плачъ. Въ день смерти совсѣмъ не доятъ коровъ. Несшіе трупъ очищаются тѣмъ, что у нихъ пускаютъ кровь изъ пальцевъ

и натираютъ ихъ лѣкарствомъ; ближайшихъ родственниковъ царапаютъ по всему тѣлу и трутъ имъ ноги намазаннымъ жиромъ деревомъ, что̀ освобождаетъ ихъ отъ нечистоты. Вмѣсто красной глины, горюющіе родственники натираются углемъ. Весь краль обсыпаетъ себѣ лицо пепломъ, съѣдаетъ по одному зерну изъ хлѣба умершаго, вмѣстѣ съ сухимъ коровьимъ позёмомъ, посѣщаетъ его хижину и, при возвращеніи въ свою, влѣзаетъ въ нее ползкомъ, ногами впередъ. Тогда украшенія оставшагося въ живыхъ отца или матери навѣшиваются на младшаго ребенка. Обитатели краля смываютъ подъ конецъ свой трауръ водой и свѣжимъ навозомъ.

Формы погребенія, въ ихъ самыхъ полныхъ выраженіяхъ, какъ и у большинства племенъ, означаютъ желаніе хранить память объ умершемъ и поддерживать съ нимъ связь. Отсюда исходитъ сооруженіе каменнаго холма надъ могилой или около нея, обнесеніе ея оградой изъ череповъ побѣжденныхъ враговъ, слоновыхъ клыковъ и другихъ трофеевъ охоты,— устройство нишеобразныхъ могилъ (см. рис., т. I, стр. 47), чтобы охранить трупъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ землею могильнаго холма,— охраненіе королевскихъ могилъ, окруженныхъ хижинами фетишей у лундовъ и вагандовъ, которыя посѣщаются преемниками съ жертвоприношеніями въ правильные промежутки времени, — обычай овагереросовъ хоронить колдуновъ такъ далеко, чтобы они не могли найти путь домой. Погребеніе происходитъ и въ хижинѣ (у дуалловъ), но иногда хижина, въ которой жилъ умершій, разрушается, или вся деревня, въ случаѣ смерти начальника, переселяется на другое мѣсто. Подобный обычай мы видимъ и у мангандже́й, которые два дня оплакиваютъ своихъ умершихъ, затѣмъ разбиваютъ ихъ горшки и выбрасываютъ запасы. Въ знакъ траура тамъ обертываютъ пальмовыми листьями голову, шею, грудь, руки и ноги, и оставляютъ ихъ такъ, пока они не отпадутъ. Могилы выкапываются на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, вблизи деревень и въ тѣни деревьевъ. Мангандже́ кладутъ утварь, которою умершіе пользовались при жизни, на могилу, а также сажаютъ въ головахъ банановый кустъ. Обращеніе головы къ сѣверу распространено у племенъ Ньяссы. Бонги кладутъ мужчинъ лицомъ къ сѣверу, а женщинъ — къ югу, сандехи — первыхъ къ востоку, а послѣднихъ — къ западу. Покойника въ могилѣ обыкновенно усаживаютъ на корточки. Связанное въ такомъ положеніи тѣло обертываютъ еще мѣшкомъ изъ кожъ и опускаютъ въ очень глубокую могилу, снабженную нишеобразной боковой камерой, чтобы трупъ, какъ это приписывается и исламомъ, не былъ придавленъ землей, служащей для засыпанія могилы. Сандехи погребаютъ въ могильной камерѣ, огражденной сваями, покойника посаженнымъ на стулѣ или положеннымъ въ гробо- (или лодко- ?) образномъ древесномъ стволѣ и, наконецъ, воздвигаютъ надъ плотно утоптанной могилой хижину. Трупы чужеземцевъ попросту выбрасываютъ. Бонги воздвигаютъ надъ могилой большой цилиндрическій, каменный холмъ; посреди каменной кучи ставится кружка для воды. Кладбище, лежащее у самыхъ жилыхъ хижинъ, обозначается высокими деревянными жердями, съ нарѣзками и насѣчками, причемъ вѣтви этихъ жердей въ своихъ естественныхъ раздѣленіяхъ заостряются на подобіе роговъ. Въ основѣ этихъ способовъ погребенія лежитъ вѣра въ продолженіе жизни послѣ смерти. На Камерунскомъ берегу душѣ нужно 9 дней, чтобы достигнуть мѣста вѣчнаго успокоенія; поэтому поминки происходятъ тамъ только черезъ 9 дней послѣ смерти. Каменныя кучи, часто встрѣчающіяся въ восточной и въ южной экваторіальной Африкѣ, представляютъ частью могильные памятники, частью неясные памятные знаки въ честь какого-то духовнаго существа. Ихъ можно видѣть не только въ негрскихъ странахъ, но и у готтентотовъ и галласовъ. Чаще всего онѣ попадаются на горахъ, въ проходахъ, на дорогахъ, короче сказать, на мѣстахъ, которыя должны быть обозначены

по той или другой причинѣ, а всего чаще въ видѣ пограничныхъ или путевыхъ знаковъ; такъ, двѣ изъ нихъ возвышаются на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, при спускѣ изъ Міулэ въ области Ровумы, впервые показывается голубое зеркало озера Ньяссы. Кромѣ того, съ отдѣльными камнями связано поклоненіе чему-то неизвѣстному, а также и со стариннымъ каменнымъ оружіемъ (ср. ниже, стр. 78). Исполинскій гранитный столбъ у Камбалы (Бенгуэла) носитъ названіе Тембалуи, чортова пальца. Крайне своеобразны могильные памятники мадіевъ, состоящіе, по большей части, изъ двухъ узкихъ, прислоненныхъ другъ къ другу камней и двухъ плитъ меньшаго размѣра, замыкающихъ отверстіе между первыми; мы видимъ здѣсь уже правильную каменную кладку. У баянзіевъ встрѣчается обкуриваніе (для изготовленія мумій?). Суданскіе негры отличаются тщатель-



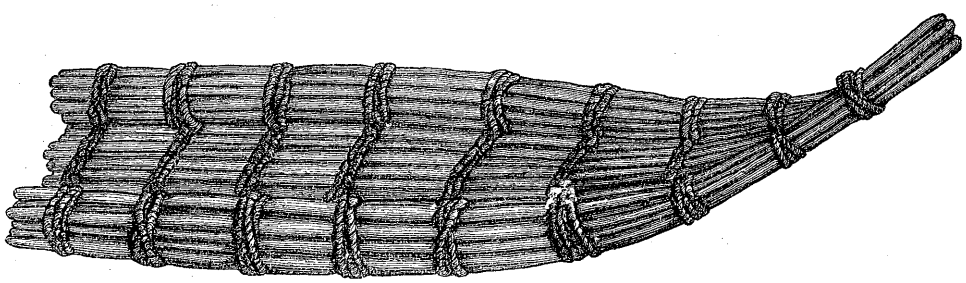
Дольменоообразные могильные памятники мадіевъ. (По Робертсу Фелькину.)

ностью своихъ погребеній. Между тѣмъ, какъ перешедшіе въ исламъ недостаточно защищаютъ свои могилы отъ дикихъ звѣрей, такъ что большинство труповъ въ нѣсколько дней становятся добычею гіенъ, здѣсь можно видѣть памятники съ большими, изящно-закругленными сводами, на вершинѣ которыхъ ставится урна; другіе памятники отличаются двумя положенными поперекъ древесными стволами или жердями.

За погребеніемъ слѣдуютъ празднества, сопровождающіяся величайшей расточительностью. Зулусскихъ правителей сопровождали въ могилу тысяча штукъ рогатаго скота, мясо которыхъ съѣдалось оставшимися. Пальмовое вино, пиво и водка приносятся и употребляются въ громадныхъ количествахъ. Между тѣмъ, какъ въ обыкновенное время рѣдко можно достать мяса, потому что лишь самые зажиточные люди колютъ скотъ помимо праздниковъ, у баквиріевъ, по случаю смерти жены деревенскаго старшины, убивается не менѣе тридцати козъ и, кромѣ того, большое число овецъ. Мѣста погребенія начальниковъ кагномбовъ въ Бигэ обозначаются большими трофеями изъ человѣческихъ и животныхъ череповъ. Знаками траура, какъ и вездѣ, служатъ выбриваніе головы, раскрашиванье тѣла желтой землей, одежда худшаго качества и воздержаніе отъ нѣкоторыхъ кушаній. Въ Дагомеѣ при смерти короля жены его уничтожаютъ всю посуду во дворцѣ; въ прежнее время онѣ убивали по

этому случаю другъ друга сотнями. На могилы, которыя прежде ограждались иногда слоновыми клыками, бросаютъ теперь всевозможную разбитую глиняную посуду (см. рис., т. I, стр. 58). На могилѣ жреца фетишей его товарищи, бросивъ туда горсть песку, водружаютъ три шеста, соотвѣтствующіе головѣ, серединѣ тѣла и ногамъ. Когда на берегу Лоанго трупъ вѣшается, въ видѣ свертка, между двумя сваями, то это указываетъ, быть можетъ, на извѣстный родъ смерти: въ Камерунской области погребаются такимъ образомъ трупы умершихъ въ открытомъ полѣ.

Наиболѣе замѣчательные обычаи сопровождаютъ смерть и погребеніе правителей. Болѣзнь, начинающая становиться опасной, держится въ тайнѣ. Начальникъ замѣщаетъ его мѣсто и объясняетъ, что король отправился на свою плантацію; всѣ люди по близости удерживаются дома. Но нѣкоторые все-таки ускользаютъ и сообщаютъ печальную вѣсть ближайшимъ родственникамъ и друзьямъ, съ величайшей осторожностью говоря при этомъ: „есть опасность“, „большое дерево готовится упасть“, „землетрясеніе приближается“. Это потому, что о смерти короля никогда не слѣдуетъ говорить



Плотъ изъ амбоча съ верхняго Нила. (Вѣнскій этнографическій музей.) 1/20 наст. величины.

въ ясныхъ выраженіяхъ. Даже и объявленіе о смерти дѣлается въ довольно цвѣтистой формѣ. У чіевъ Золотого берега трупу выбриваютъ голову и бороду; затѣмъ убивается человѣкъ, чтобы онъ могъ „служить скамейкой при омовеніи ногъ“. Умершему ежедневно предлагаются его любимыя кушанья, которыя пробуютъ только такъ называемыя „душевныя лица“, имѣвшія еще при жизни отличія, въ видѣ особыхъ золотыхъ украшеній, и, наконецъ, ихъ, съ размозженнымъ затылкомъ, кладутъ въ головахъ и ногахъ могилы. Другимъ, сопровождающимъ умершаго, послѣ погребенія перерѣзываются горла отрядомъ палачей изъ королевскихъ сыновей и внуковъ. Ни одинъ членъ королевской фамиліи съ материнской стороны не долженъ присутствовать при погребеніи, чтобы не потерять своего наслѣдственнаго права. Проводники умершаго въ молчаливомъ согласіи избираются изъ рабовъ и другихъ, которые чѣмъ-либо провинились. За королемъ отправляютъ и нѣкоторыхъ изъ его женъ. Остальная свита его должна воздерживаться отъ лучшихъ кушаній и, въ сущности, довольствоваться только водкой и пальмовымъ виномъ, должна обрить себѣ головы и носить траурныя одежды. Черезъ нѣкоторое время происходитъ нареченіе наслѣдника престола изъ племянниковъ умершаго по матери. Многочисленныя празднества сопровождаютъ вступленіе новаго короля въ его обязанности. Погребеніе покойнаго совершается гораздо позже, и гробъ его до того времени остается выставленнымъ для народа. Тогда палачи, могильщики короля и прибывшіе изъ другихъ мѣстъ для участія въ празднествѣ (въ Лоанго и рабы умершаго) получаютъ разрѣшеніе добывать для себя продовольствіе тамъ, гдѣ они его найдутъ. При этомъ происходятъ непрерывныя пляски, крики и стрѣльба вокругъ куклы, одѣтой въ драгоцѣнныя одежды, представляющей короля и выставленной въ пальмовой хижинѣ. Негры Лоанго сооружаютъ крайне тяжелую погребальную колесницу, кото-

рую подданные тащутъ по направленію къ прославленному въ легендахъ Лубу, на бухтѣ Лоанго, такъ какъ это — единственное мѣсто, гдѣ можетъ быть погребенъ благороднорожденный обитатель Лоанго. Съ этою цѣлью съ большимъ стараніемъ прокладываются широкія дороги, но и это стараніе ослабѣваетъ, и случается, что колесница останавливается, пока суевѣрный деревенскій старшина не заставитъ передвинуть ее далѣе, за предѣлы своихъ владѣній, по направленію къ Лубу. При этомъ происходятъ притворныя битвы, имѣющія цѣлью предоставить трупъ жителямъ привилегированной деревни Лубу для окончательнаго препровожденія его на мѣсто погребенія. Быть можетъ, эти битвы составляютъ замѣну исчезнувшихъ человѣческихъ жертвъ, которыя въ кровожадныхъ царствахъ Дагомеѣ и Ашанти, а также во внутренней и восточной Африкѣ, до сихъ поръ еще гибнутъ массами (см. главу „Негры внутренней Африки“). Десять дѣвушекъ послѣдовали въ могилу за матерью Чаки.

Подъ вліяніемъ иноземцевъ нѣкоторыя негрскія племена сдѣлались искусными матросами; но кили, паруса и весла всегда приходилось привозить имъ изъ другихъ мѣстъ. Ни на одномъ изъ озеръ внутренней Африки, располагающихъ болѣе другихъ къ судоходству, не было парусныхъ су-

Весло людоѣдовъ Арувими. (По Стэнли.)

довъ раньше, чѣмъ арабы и европейцы не привезли ихъ туда. За ничтожными исключеніями, туземныя суда не поднимались выше выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, для которыхъ, впрочемъ, исполинскія деревья экваторіальной Африки доставляли хорошій матеріалъ. Еще 300 лѣтъ тому назадъ, когда Лопесъ составилъ свое описаніе царства Конго, на Конго плавали громадныя лодки съ головами крокодила. Эти исполинскія однодеревки составляли вершину судостроительства негровъ, если не считать лодокъ вагандовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, которыя могли быть заимствованы съ морского берега. Такимъ образомъ, постройка судовъ у негровъ не пропорціональна величинѣ ихъ судоходныхъ водъ. На тихомъ, мелкомъ, обильномъ рыбою Нгами, съ его почти земноводнымъ населеніемъ, можно было бы предположить дѣятельное судоходство, но мы ничего не находимъ тамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ маленькихъ однодеревокъ, на которыхъ туземцы пересѣкаютъ озеро въ тихую погоду. На верхнемъ Замбези Серпа Пинто въ первый разъ видѣлъ лодку въ 10 метровъ. Гораздо бо́льшими размѣрами, но такимъ же простымъ устройствомъ отличаются лодки на Конго и на Большомъ Ньянцѣ. Плоты изъ связокъ тростника или ситника, какіе дѣлаютъ обитатели береговъ Большого Ньянца изъ черенковъ пальмовыхъ листьевъ и шиллуки изъ амбача, губчатой древесины Herminiera (см. рис., стр. 64), перевозятъ на Нгами цѣлыя группы людей.

Уже Лихтенштейнъ замѣчаетъ, что извѣстная водобоязнь свойственна всѣмъ кафрскимъ племенамъ, и всего болѣе — береговымъ жителямъ. „Они не знаютъ“, говоритъ онъ, „никакихъ судовъ и, несмотря на скудость своего существованія, пренебрегаютъ легкимъ способомъ поддерживать его рыбной ловлей. И кафры внутри страны не ѣдятъ никакой рыбы и пьютъ воду только при сильнѣйшей жаждѣ и при полномъ отсутствіи молока и сыворотки. Всѣ негры, носящіе одежду изъ шкуръ, никогда не моютъ ея, а смазываютъ саломъ, какъ и свои тѣла. Только ради своихъ большихъ стадъ, они охотно селятся по близости источниковъ и рѣкъ“. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что развитіе столь рѣзко вы-

раженной особенности возможно было лишь при весьма продолжительномъ пребываніи вдали отъ моря и при пастушеской жизни, которая указываетъ людямъ на сушу, какъ на естественное мѣстообитаніе ихъ и единственный источникъ питанія? Вообще, негры западной Африки, повидимому, раньше освоились съ водою, чѣмъ обитатели восточной части ея. Впрочемъ, и на Нилѣ живутъ превосходные корабельщики и рыбаки: припомнимъ только шиллуковъ. Негры вовсе не такіе страстные любители купанія, какъ ихъ тихоокеанскіе единоплеменники. Въ пасмурные дни они вовсе избѣгаютъ воды. Охоту на водѣ они предоставляютъ кочующимъ охотникамъ или охотникамъ съ западнями, которые образуютъ особыя племена. На всемъ зулусскомъ берегу туземцы едва ли поймаютъ даже одну рыбу.

Полезныя и вредныя естественныя склонности негровъ обнаруживаются въ торговлѣ, которой они предаются старательно и серьезно. Большинство ихъ самой природой предназначено къ торговлѣ, соотвѣтствующей ихъ безпокойному характеру, любопытству и болтливости; они любятъ торговлю больше ради процесса ея, чѣмъ ради прибыли, и она служитъ для нихъ препровожденіемъ времени. У нѣкоторыхъ племенъ она пріобрѣла характеръ вредной страсти, которой они приносятъ въ жертву всякую производительную работу. Негръ приходитъ со слоновымъ клыкомъ въ факторію, обсуждаетъ цѣну, какую ему предлагаютъ, требуетъ больше и, наконецъ, уходитъ, не продавъ; на другой день онъ дѣлаетъ тотъ же опытъ съ другимъ покупателемъ, говоритъ, разсуждаетъ, соображаетъ и уходитъ; тотъ же процессъ повторяетъ онъ ежедневно, пока, наконецъ, не продастъ кому-нибудь драгоцѣнный клыкъ за меньшую цѣну, чѣмъ давалъ ему первый покупатель. Торговля иногда служитъ единственнымъ занятіемъ женщинъ.

Если рынокъ является мѣстомъ, гдѣ негръ чувствуетъ себя всего лучше, безъ котораго онъ не можетъ жить, то основаніемъ этого пристрастія служатъ не столько экономическіе, сколько душевные мотивы. Отъ Рыбной рѣки до Куки и отъ Лагоса до Занзибара рынокъ служитъ средоточіемъ наиболѣе дѣятельной жизни въ негрскихъ общинахъ, и попытки насажденія въ нихъ культуры оказывались наиболѣе дѣйствительными на почвѣ этой склонности. Торговля представляетъ важное орудіе цивилизаціи для Африки. Это столько же справедливо для самой внутренней части ея, куда только изрѣдка проникаютъ европейцы или арабы, какъ и для прибрежныхъ мѣстъ. Въ болѣе крупныхъ мѣстечкахъ, каковы Уджиджи и Ніянгве, можно найти постоянные рынки, имѣющіе болѣе, чѣмъ мѣстное значеніе. Здѣсь все можно купить и продать, начиная отъ самаго простого глиняного горшка до самой красивой дѣвушки изъ Узукумы. Сюда стекается отъ тысячи до трехъ тысячъ туземцевъ обоего пола и самыхъ различныхъ возрастовъ. И насколько этотъ рынокъ, со своимъ шумомъ и смѣшаннымъ гуломъ человѣческихъ голосовъ, походитъ на наши рынки! Здѣсь такое же соревнованіе въ предложеніи товаровъ, сильныя, оживленныя движенія, выразительные жесты, пытливые и недовѣрчивые взгляды, измѣнчивыя выраженія неудовольствія и торжества, озабоченности, радости и удовлетворенія (Стэнли). Впрочемъ, торговые обычаи не вездѣ одинаковы. Если бангаламъ изъ Анголы при какомъ-нибудь торгѣ не даютъ тотчасъ же того, чего они требуютъ, они уходятъ и больше не возвращаются; нерѣдко они стремятся сдѣлаться посредствомъ воровства собственниками желательныхъ для нихъ предметовъ. Другое мы видимъ у сонговъ и кіоковъ, которые торгуются обычнымъ образомъ. Даже для покупки самаго ничтожнаго товара приходится идти на рынокъ: тамъ избѣгаютъ производить торговлю въ другомъ мѣстѣ. Если тамъ сказать кому-нибудь: „продай мнѣ эту курицу или эти плоды“, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно: „иди на рынокъ“. Толпа внушаетъ довѣріе отдѣльнымъ лицамъ, и неприкосновенность посѣтителей рынка и самаго мѣста торговли есть,

повидимому, правовое понятіе, освященное долгой практикой. Развѣ это не напоминаетъ мирные рынки германцевъ?

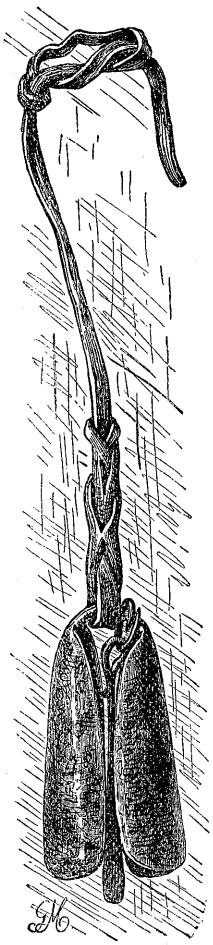
Таково мѣстное общеніе. Для общенія съ другими странами, повидимому, впервые послужило толчкомъ появленіе арабовъ и европейцевъ на морскихъ берегахъ. Искусственныя дороги, одинъ изъ первыхъ признаковъ прогресса, за немногими слабыми исключеніями (Уганда), не встрѣчаются въ негрской Африкѣ. Самыми торными дорогами служатъ козьи тропинки въ одинъ или два фута ширины; ими пользуются люди и животныя во время, удобное для путешествій, но онѣ „вымираютъ“ и заростаютъ въ дождливое время. На открытыхъ и пустынныхъ мѣстахъ тянутся четыре или пять подобныхъ слѣдовъ, одинъ рядомъ съ другимъ, а въ мѣстностяхъ, поросшихъ кустами, образуются туннели изъ кустарниковъ и древесныхъ вѣтвей, затрудняющія носильщикамъ движеніе съ тяжестями. Поля и деревни окружены заборами, вынуждающими къ обходамъ. Въ открытой странѣ пятую часть дороги составляютъ ея извилины, а тамъ, гдѣ встрѣчаются препятствія, — даже половину. Самыя трудныя дороги идутъ черезъ высокую жесткую траву, въ горахъ черезъ русла ручьевъ и, наконецъ, вдоль болотистыхъ рѣчныхъ береговъ, а мѣстами по водѣ. Къ самымъ обычнымъ путевымъ знакамъ принадлежатъ побѣлѣвшія кости и черепа, горшечные черепки и подобія луковъ и стрѣлъ, указывающія на близость воды.

Черезъ рѣки по возможности переправляются вбродъ. Во времена Бёртона между Уджиджи и морскимъ берегомъ только двѣ рѣки имѣли мосты, и рѣку Малагарази переплывали на паромѣ. Мосты эти часто строятся съ большимъ терпѣніемъ; мостъ черезъ Ровубэ, по которому переходилъ Кэмеронъ на обратномъ пути изъ Ніянгве, состоялъ изъ свай вышиною до 10 метровъ. Уильсонъ по дорогѣ изъ Багамойо къ Укереве долженъ былъ перейти черезъ мостъ надъ Вами, построенный изъ двухъ крѣпкихъ ползучихъ растеній, прикрѣпленныхъ по обѣимъ сторонамъ къ большимъ деревьямъ. Эти ползучія растенія были на короткихъ разстояніяхъ соединены съ положенными поперекъ брусками, на которыхъ лежали длинныя балки; третій слой короткихъ жердей былъ положенъ поперекъ и составлялъ полъ моста. Все это опиралось на нѣсколько толстыхъ свай, вколоченныхъ въ рѣчное ложе и связанныхъ растительными канатами; вытянутыя ползучія растенія составляли съ обѣихъ сторонъ перила и, въ свою очередь, содѣйствовали крѣпости постройки. Этотъ мостъ въ новомъ видѣ, вѣроятно, могъ выносить большія тяжести, но тогда онъ былъ уже ветхъ, и вся эта постройка такъ качалась и дрожала, что на ней лишь съ трудомъ можно было сохранить равновѣсіе. Болѣе крупныя мостовыя сооруженія, какія Юнкеръ видѣлъ на рѣкѣ Ассѣ съ ея многочисленными рукавами, встрѣчаются крайне рѣдко; они состоятъ изъ тонкихъ, гибкихъ древесныхъ стволовъ, не представляющихъ большого сопротивленія теченію, съ настланными на нихъ тонкими жердями, а на концахъ они скрѣплены туго натянутыми ліанами. На мѣстахъ переправы весь караванъ собирается вмѣстѣ; на другихъ мѣстахъ онъ идетъ, растянувшись длинной линіей, и вожакъ вынужденъ обозначать всѣ обходы чертами, проведенными копьемъ или сукомъ. На этихъ сборныхъ пунктахъ разбивается лагерь подъ развѣсистыми деревьями, подъ защитой скалъ и пр., а въ дружественной области — въ сосѣдствѣ деревни.

Особаго вниманія требуютъ постоянныя караванныя дороги. Онѣ имѣютъ величайшее значеніе для всей культуры Африки, такъ какъ еще въ прежнее время представляли каналы, по которымъ культурные стимулы изъ другихъ странъ находили путь внутрь материка. Самыя важныя дороги идутъ съ востока, такъ какъ онѣ ведутъ непосредственно внутрь негрскихъ странъ. Югъ и западъ въ этомъ отношеніи находятся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ; здѣсь только португальская дорога къ Казембе получила извѣстное значеніе. Сѣверныя дороги черезъ пустыню въ

Суданъ не приводятъ непосредственно къ неграмъ, а проходятъ сперва черезъ смѣшанныя государства канурiевъ, фулаховъ и арабовъ, сношенія которыхъ съ неграми, живущими южнѣе, къ сожалѣнію, ограничиваются охотой за рабами, какъ это было нѣкогда у древнихъ египтянъ.

На востокѣ, впрочемъ, не чужеземцы, а сами негры дѣятельно вели караванную торговлю. Здѣсь настоящее средоточіе негрской торговли; здѣсь всего болѣе организована система носильщиковъ: въ прежнее время было легче достигнуть изъ Багамойо до Уганды или Уджиджи, чѣмъ до Стэнли-Пуля отъ устьевъ Конго. Ваньямвезіи, даровитые, усердные купцы и колонисты, съ незапамятныхъ временъ проложили свои дороги къ морскому берегу; если война или кровавая месть закрывали одну изъ нихъ, они открывали другую. Тѣмъ не менѣе, настоящіе караваны („сафари“ — на языкѣ кисуагели, „лугендо“ — на языкѣ киньямвези) долгое время состояли изъ наемныхъ носильщиковъ съ берега. Р. Ф. Бёртонъ сообщаетъ, что береговые жители лишь незадолго до его времени стали заниматься этимъ дѣломъ. Эти люди неохотно оставляютъ свои поля между октябремъ и маемъ; поэтому караваны, направляющіеся къ берегу моря, избираютъ обыкновенно для своего путешествія сухое время года. Настроеніе каравана въ значительной степени зависитъ отъ обилія пищи; вслѣдствіе того, распредѣленіе частей туши въ восточно-африканскихъ караванахъ строго совершается по старинному обычаю: голова достается колдуну или писцу, грудина — знаменоносцу, хвостовая часть — главному вожаку, сердце — музыканту, играющему на рогѣ, горло — глашатаю. Эти караваны теряютъ обыкновенно много времени на подготовку и затѣмъ стараются нагнать потерянное время, пока болѣзни или побѣги не вынудятъ ихъ вновь къ медленному движенію впередъ. Путь сокращается пѣніемъ, криками, выкликаніемъ неслыханныхъ прежде словъ; этотъ шумъ удваивается вблизи деревни, гдѣ распускается флагъ и начинаютъ бить въ барабанъ. „Гупа, гупа! Впередъ, впередъ! Мгоголо (остановка). Кормъ! Кормъ! Не уставайте! Здѣсь деревня, родина близко! О, мы увидимъ нашихъ матерей! Мы поѣдимъ!“ Между тѣмъ, даже и въ странахъ, гдѣ деревни зажиточны, не всегда заворачиваютъ въ нихъ, такъ какъ не всѣ народы благопріятно относятся къ караванамъ. Привыкшіе къ общенію съ ними вамримы безъ всякаго опасенія впускаютъ чужеземцевъ въ свои деревни, такъ же, какъ и ваньямвезіи, но вазарамы вовсе не принимаютъ ваньямвезіевъ, и въ Угого, вслѣдствіе недовѣрія къ населенію, всегда останавливаются на открытомъ воздухѣ. Далѣе къ сѣверу, въ странѣ масаевъ, караваны походятъ на военныя экспедиціи. Они идутъ медленно и сомкнувшись плотно, такъ какъ масаи отсталыхъ носильщиковъ хватаютъ и колютъ; какъ только приходятъ на мѣсто стоянки, тотчасъ же устраиваютъ круглую ограду изъ вѣтвей колючаго кустарника.



Колоколъ глашатая каравана у вакамбовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/2 естеств. велич.

Быстрота движенія каравановъ, конечно, весьма различна. Бёртонъ разсказываетъ о караванѣ, находившемся подъ предводительствомъ арабовъ, который проходилъ ежедневно болѣе шести нѣмецкихъ миль, что̀ представляетъ исключительную скорость. Половина нѣмецкой мили въ часъ составляетъ достаточную среднюю норму для длиннаго пути. Ливингстонъ со своими крѣпкими макалолами проходилъ нѣсколько больше, но носиль-

щики Ласерды (въ восточной Африкѣ) удивились предположенію, что они должны дѣлать болѣе двухъ нѣмецкихъ миль въ день, а носильщики Петерика шли по восьми часовъ въ день. Человѣческій матеріалъ, почва и климатъ объясняютъ эти различія. Повидимому, все говоритъ за справедливость того, что̀ Гальтонъ вывелъ изъ многихъ опытовъ. а именно, что $2^1/_4$ нѣм. мили въ день составляютъ хорошую среднюю мѣру и что заслуживаетъ похвалы тотъ, кто черезъ дикую страну въ полтора мѣсяца сдѣлаетъ съ караваномъ 100 нѣмецк. миль.

Караваны съ давнихъ временъ, главнымъ образомъ, изъ исходныхъ пунктовъ Момбаса, Занзибара и Софалы шли внутрь Африки, гдѣ ихъ важнѣйшими пунктами назначенія были области масаевъ и вакамбовъ, вагоговъ и ваньямвезіевъ, макуевъ и вайяевъ, т. е. прежде всего мѣстности, доставлявшія наибольшее число рабовъ. Уже въ началѣ нашего столѣтія караваны проникли до Укереве; отдѣльныхъ торговцевъ Ливингстонъ встрѣчалъ на Замбези. О торговлѣ съ чужеземцами на Западномъ берегу мы ничего не знаемъ до появленія тамъ португальцевъ въ XV вѣкѣ. Египтяне, впрочемъ, вели торговлю съ неграми на верхнемъ Нилѣ, и на экваторіальный восточный берегъ уже въ древности торговцы привозили извѣстія объ озерахъ и снѣжныхъ горахъ внутренней Африки. Торговые люди, проникавшіе съ Восточнаго, а позже и съ Западнаго берега внутрь материка, были обыкновенно не негры, а арабы и мулаты. Негры выказываютъ, правда, торговыя способности въ сношеніяхъ между собою, но имъ недостаетъ правильной оцѣнки товаровъ, вносимой внѣшней торговлей. Насколько негръ вообще не заслуживаетъ названія „человѣка, находящагося въ дѣтскомъ состояніи“, настолько же справедливо, что въ немъ удержались нѣкоторыя дѣтскія наклонности высшихъ расъ. Еще столѣтія тому назадъ Васко де Гама былъ удивленъ тѣмъ, что негръ съ презрѣніемъ оттолкнулъ золото и серебро и, какъ ребенокъ, ухватился за стеклянныя бусы и тому подобныя бездѣлушки. Въ сущности, онъ таковъ же и до сихъ поръ.

Тамъ, гдѣ начинается арабская или европейская торговля, бусы составляютъ принадлежность почти всякой торговой сдѣлки. Они требуются не всегда одинаковаго качества, а въ извѣстной мѣрѣ подчиняются модѣ. Уже въ XVI вѣкѣ у туземцевъ берега Анголы бусы имѣли цѣнность денегъ; старинныя венеціанскія бусы, которыя находятъ въ могилахъ совершенно стершимися, указываютъ еще бо̀льшую древность этой склонности. Но чрезмѣрный привозъ повсюду быстро понизилъ ихъ въ цѣнѣ. Стеклянныя бусы изъ года въ годъ обезцѣнивались болѣе и болѣе, и въ настоящее время служатъ лишь для цѣлей женскаго тщеславія; уже давно ихъ не собираютъ въ качествѣ драгоцѣнныхъ камней и не держатъ зарытыми въ землѣ (Швейнфуртъ). Бо̀льшую долговѣчность обнаруживаетъ пристрастіе къ каури, которые, преимущественно изъ восточной Африки, распространились въ видѣ монетъ, хотя, впрочемъ, уже въ XVI вѣкѣ находились въ употребленіи и на Западномъ берегу. Они, однако, вслѣдствіе своей тяжести, выводятся тамъ, гдѣ они не достигали высокой цѣны. Каури употребляются и вмѣсто игральныхъ костей. Въ Ньянгве уже во времена Кэмерона обращались наравнѣ съ каури невольники и козы. Въ странѣ верхняго Нила ихъ мѣсто замѣнили мѣдь и латунь, обращающіяся какъ деньги въ экваторіальной Африкѣ, въ формѣ колецъ. Кромѣ того, въ томъ же качествѣ тамъ обращаются желѣзные топоры и кольца, а также куски желѣза, въ формѣ подковы или мотыки (см. рис., т. I, стр. 90). На озерѣ Бемба отъ Ливингстона потребовали три желѣзныя мотыки, какъ плату за переправу десяти лицъ. Хлопчатобумажная ткань, въ неудобныхъ для употребленія узкихъ полосахъ, въ странахъ Судана до Адамауи употребляется какъ деньги, а въ Борну деньги принимаютъ даже форму не предназначающихся для употребленія рубашекъ (тобе). Рогатый скотъ, въ видѣ денежной цѣнности, обращается у всѣхъ пастуше-

скихъ народовъ. За исключеніемъ Абиссиніи и многихъ частей Сахары и Судана, гдѣ ведется счетъ на талеры Маріи Терезіи, монеты распространились только въ наиболѣе подвинувшихся, зажиточныхъ областяхъ, каковы Басутоландъ или экваторіальный восточный берегъ.

Вывозная торговля, столь важная для всего развитія культуры въ Африкѣ, до сихъ поръ еще страдаетъ незначительнымъ числомъ предметовъ вывоза. Носомнѣнно, однако, что это послѣднее способно къ возрастанію. Кэмеронъ называлъ предметами, возможными для вывоза, сахарный тростникъ, хлопокъ, масличныя пальмы, кофе, табакъ, кунжутъ, клещевинный кустъ, перецъ, (черный и красный), подѣлочный лѣсъ, рисъ, пшеницу, сорго, маисъ, каучукъ, копаловую смолу, пеньку, слоновую кость, кожи, воскъ, желѣзо, уголь, мѣдь, золото, серебро, киноварь и соль. Рольфсъ прибавлялъ къ этому перечисленію: „Кэмеронъ къ числу приводимыхъ имъ продуктовъ легко могъ бы присоединить еще такое же количество, такъ какъ изъ многихъ опущенныхъ здѣсь я назову только страусовыя перья и земляные орѣхи“. Было бы, впрочемъ, странно, если бы лишь недавно открытая тропическая страна, какъ Африка, не заключала въ себѣ множества невѣдомыхъ сокровищъ. Согласно вычисленію Вестендарпа, Африка въ теченіе 20 лѣтъ, отъ 1857 до 1876 г., въ среднемъ, отправляла ежегодно въ Европу 614,000 килогр. слоновой кости, не говоря о вывозѣ въ Индію и Америку. Рядомъ съ нею получили особенную важность каучукъ, пальмовое масло и копалъ; развитіе земледѣлія и садоводства прибавитъ къ нимъ и другіе предметы вывоза. Кромѣ того, Африка, одна изъ областей, наиболѣе богатыхъ желѣзомъ, содержитъ мощныя каменноугольныя и мѣдныя залежи, обладаетъ алмазами и золотомъ.

Будучи подвижнымъ и любопытнымъ, негръ выработалъ путевые обычаи. Если люди, чужіе между собою, встрѣчаются во время путешествія, они избѣгаютъ приближаться другъ къ другу; новоприбывшіе стараются сидѣть или стоять въ нѣкоторомъ отдаленіи, пока другіе не пожелаютъ освѣдомиться о нихъ. Тогда они сходятся и сообщаютъ въ отвѣтъ на вопросы свои главныя приключенія въ строгой послѣдовательности. У многихъ существуетъ обычай сообщать новости съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ и часто повторяющимися ударами въ ладоши, причемъ одинъ изъ говорящихъ выражается всегда короткими предложеніями, отъ двухъ до четырехъ словъ, которыя другой повторяетъ. Принципіально враждебными за предѣлами этого естественнаго недовѣрія являются только племена, которыя часто видятъ у себя торговцевъ невольниками, и разбойничьи племена. Въ другихъ мѣстахъ чужеземецъ, ѣдущій, какъ купецъ или, по крайней мѣрѣ, съ товарами, считается гостемъ начальника, который, въ качествѣ монополиста торговли, старается извлечь пользу изъ своего посѣтителя. Гостепріимство у многихъ негрскихъ племенъ далеко не такъ чисто и незыблемо, какъ у другихъ народовъ, такъ какъ оно нарушается корыстолюбіемъ. Но каждый путешествующій имѣетъ друзей среди другихъ племенъ; эти „кала“ уступаютъ ему хижины и женъ. Естественно, этотъ обычай имѣетъ обоюдную силу. Обычай кровнаго союза, т. е. обмѣна крови для скрѣпленія дружбы, распространенъ повсемѣстно. Обмѣнъ колецъ изъ шкуры съѣденныхъ сообща жертвенныхъ животныхъ скрѣпляетъ дружбу. Еще болѣе связываютъ клятвы съ вѣрности. У вакамбовъ уполномоченные обѣихъ партій сидятъ на корточкахъ вокругъ грубо сдѣланнаго изъ глины, величиною въ кулакъ, горшочка съ водою. Ораторы берутъ въ руку палочку и говорятъ при постоянномъ постукиваніи по горшочку и одобрительныхъ поощреніяхъ своихъ сторонниковъ, пока кто нибудь не возьметъ горшочекъ въ руку и, проговоривъ: „Если мы нарушимъ дружбу, которую прославляемъ здѣсь теперь, пусть мы будемъ разбиты, какъ этотъ горшокъ“, не броситъ его на землю. Васуагеліи, исповѣдующіе магометанство, вмѣсто

клятвы разбиваютъ кокосовый орѣхъ въ мечети. Вакикуйи душатъ жертвеннаго ягненка, смерть котораго долженъ испытать тотъ, кто нарушитъ клятву въ вѣрности; быть можетъ, это является остаткомъ человѣческой жертвы, которая у негровъ средней Африки скрѣпляетъ союзъ. Клятвы при огнѣ также считаются священными. Несмотря на торжественныя формулы союза, та или другая партія можетъ его нарушить. Она, безъ предупрежденія другой, является на мѣсто, гдѣ состоялся союзъ, убиваетъ овцу и вливаетъ немного крови въ черепокъ союзнаго горшка или опрыскиваетъ ею все это мѣсто. Такъ разрѣшается клятва.

Пожатіе руки въ видѣ привѣтствія употребительно у нѣкоторыхъ племенъ. Фанъ Геле доставляло удовольствіе сердечное пожатіе руки банзіевъ на верхнемъ Убанги. „Сердечное рукопожатіе, когда видишь его со стороны негра, гораздо симпатичнѣе для насъ, чѣмъ арабскій обычай прикосновенія концами пальцевъ. Женщины часто по цѣлымъ минутамъ удерживали руку Гамбари.“ (Юнкеръ). Многія племена привѣтствуютъ другъ друга хлопаньемъ въ ладоши, а бобоки (въ Камерунѣ)—возложеніемъ другъ на друга ладоней. Динки, въ знакъ привѣта, прежде плевали другъ на друга. Распространенный по всему свѣту обычай показывать другъ другу пучекъ травы или вѣтку въ знакъ дружеской встрѣчи, встрѣчается и у негровъ.

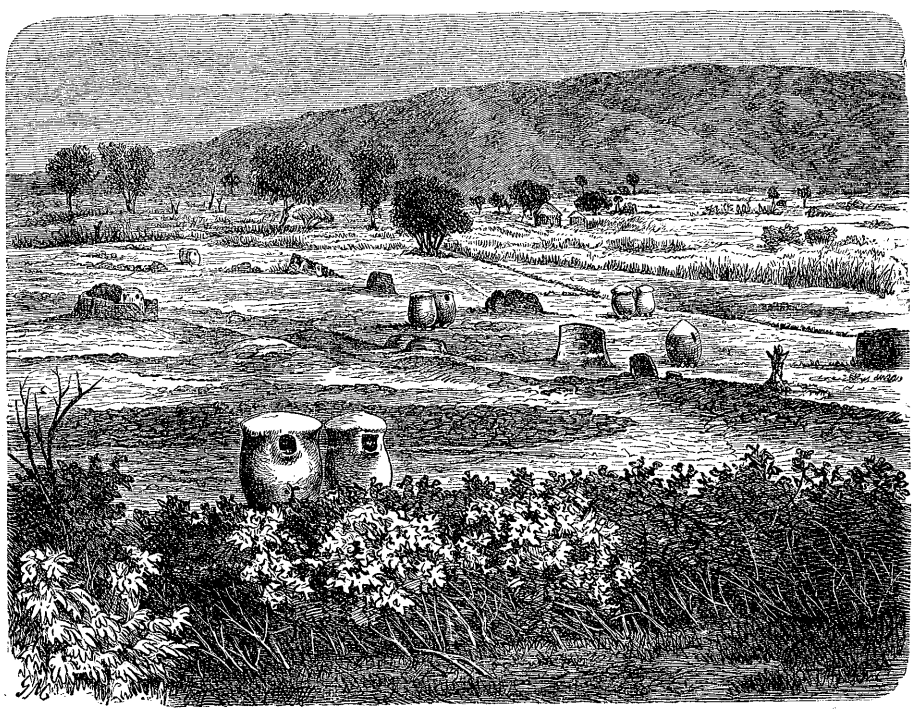
*

Изъ всѣхъ большихъ группъ дикихъ народовъ негры—лучшіе и усерднѣйшіе земледѣльцы. Меньшинство ихъ презираетъ земледѣліе и занимается только скотоводствомъ; многіе одновременно земледѣльцы и скотоводы. Вся жизнь семьи настоящихъ земледѣльцевъ проходитъ въ полевыхъ работахъ. Поэтому мѣсяцы предпочтительно называются по имени тѣхъ работъ, какихъ они требуютъ. Постоянная расчистка почвы превращаетъ лѣса въ поля; земля удобряется золою сожженныхъ кустовъ. Среди полей возвышаются легкія сторожки, откуда сторожъ распугиваетъ зерноядныхъ птицъ и другихъ воровъ. Во время жатвы цѣлыя деревни переносятъ свои жилища въ поля. Безъ житницъ африканскій культурный ландшафтъ былъ бы не полонъ. Быстрота, съ какою распространяются въ средней Африкѣ самыя разнообразныя новыя культуры, свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, какое посвящается этой отрасли хозяйства. Кромѣ того, хорошо извѣстны и тщательно выполняются промыслы, которые можно назвать сельско-хозяйственными, какъ, напримѣръ, приготовленіе муки изъ проса и другихъ плодовъ, а также изъ кассавы, изготовленіе перебродившихъ напитковъ изъ зерновыхъ хлѣбовъ или обработка хлопка.

Мѣсто для обработки очищается огнемъ, мотыкой или маленькимъ топоромъ. На восточномъ берегу для этой цѣли пользуются широкимъ фашиннымъ ножемъ, въ формѣ ланцета, на короткой рукояткѣ. Вообще, наконечники копій или пикъ служатъ и для многихъ мирныхъ цѣлей. Болѣе крупныя деревья умерщвляются сниманіемъ съ нихъ коры. На краяхъ полей кладутъ вѣтки терновника, подъ защитою которыхъ постепенно выростаютъ плотныя живыя изгороди. Почва разрыхляется деревянной, на концѣ широкой и острой лопатой и очищается отъ сорныхъ травъ. Желѣзныя орудія не употребляются у многихъ народовъ для этихъ цѣлей, такъ какъ они отгоняютъ дождь. Послѣ того, какъ въ началѣ дожливаго времени почва такимъ образомъ подготовлена, сѣвецъ отправляется въ поле и, дѣлая шагъ, углубляетъ ногой небольшую ямку, куда бросаетъ изъ горсти нѣсколько зеренъ; ногою же онъ прикрываетъ ихъ. Когда добрый колдунъ низведетъ достаточно дождя и злой не помѣшаетъ ему, тогда до самой жатвы не приходится ничего дѣлать, развѣ только одинъ разъ выполоть сорную траву. Для этого у нѣкоторыхъ народовъ есть особыя орудія, въ видѣ полумѣсяца. Вообще, ихъ работа не глубокая; Ливингстонъ высказываетъ общую истину, когда говоритъ, что работа маньемовъ съ мо-

тыкой — не что иное, какъ царапанье почвы и перерѣзываніе корней годной и негодной травы горизонтальнымъ движеніемъ клинка. Отсюда исходитъ необходимость частой перемѣны почвы. Правда, въ этомъ отношеніи существуютъ и различія: сандехи относятся къ бонгамъ, какъ крупные, но лѣнивые помѣщики къ трудолюбивому крестьянскому населенію. Но вообще это—болѣе продолжительная и разнообразная, чѣмъ упорная работа, и поэтому она предоставляется по преимуществу женщинамъ и дѣтямъ.

Часто поле засѣвается или засаживается не однимъ какимъ либо видомъ плодовъ, а въ промежуткахъ между одними разводятся другіе. Такъ, на востокѣ на поляхъ, засѣянныхъ катьянгомъ (Cajanus) и сорго, которымъ



Поля баквеновъ, съ зернохранилищами. (По проф. Г. Фритчу.) См. текстъ, стр. 71 и 73.

нужно два дождливыхъ времени для созрѣванія, садятся бататы и маніокъ или сѣются бобы, которые, благодаря тому, находятъ для себя поддержку. Мѣстами и тыква, служащая для выдѣлки сосудовъ, извивается гдѣ нибудь на полѣ. Табакъ садится у самыхъ хижинъ, гдѣ онъ хорошо разростается, благодаря удобренію; луковицы, сокомъ которыхъ отравляютъ стрѣлы, сажаютъ передъ домомъ народнаго собранія. Клещевинныя деревья поднимаются на большихъ разстояніяхъ между другими полевыми растеніями. Тамъ цѣлый годъ что нибудь сѣютъ и жнутъ. Сорго, высѣваемое въ осенніе дожди, не растетъ въ сухое время, а въ весенніе дожди быстро поспѣваетъ къ маю. Въ большіе дожди сѣютъ маисъ, стручковыя растенія, тыквы и другія быстро созрѣвающія растенія. Послѣ уборки, на ихъ мѣстѣ сѣютъ Penicillaria. Хлѣбные колосья до выпаденія зерна отдѣльно срѣзываются ножемъ. Ихъ высушиваютъ въ хижинахъ. Иногда ихъ молотятъ на твердой землѣ или гладкой скалѣ длинными, тонкими прутьями, на которыхъ оставлено нѣсколько боковыхъ вѣтвей.

Трудность земледѣлія увеличивается для негровъ простотою ихъ орудій, пренебреженіемъ къ животному удобренію, которое, впрочемъ, замѣняется золою и изрѣдка отбросами, выкидываемыми за черту деревни, и

КУЛЬТУРНАЯ КАРТА АФРИКИ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА АФРИКИ.

Народописные И.

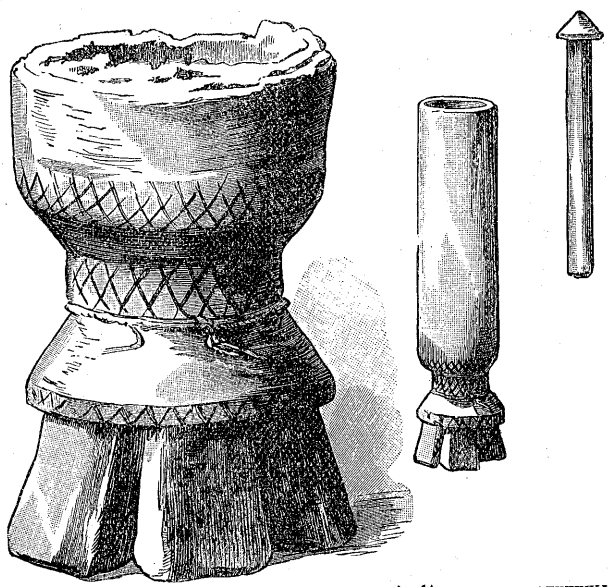
Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

способомъ сохраненія зерна. Негры, въ сущности, до сихъ поръ еще не освоились съ плугомъ. Онъ не встрѣчается къ югу отъ линіи отъ Агадеса до галласовъ (см. „Культурную карту Африки“). Но многіе негры обрабатываютъ свою землю безъ плуга лучше, чѣмъ абиссинцы съ помощью его. Къ земледѣлію негровъ нельзя прилагать европейской мѣрки. При множествѣ плодоносныхъ растеній и возможности многократныхъ посѣвовъ, оно должно болѣе походить на огородничество и, поэтому, во многомъ отличаться отъ нашего земледѣлія, которое у насъ выгодно лишь на большихъ площадяхъ и при самомъ тщательномъ отношеніи къ дѣлу.

Вырѣзанные изъ дерева ложки и ковши кафровъ. (Музей Миссіонерскаго дома въ Берлинѣ.) $^1/_6$ наст. величины. Ср. текстъ, стр. 83.

Во всѣхъ тропическихъ частяхъ Африки сохраненіе урожая является очень труднымъ дѣломъ. Хлѣбный червь съ трудомъ позволяетъ удержать просо даже до слѣдующей жатвы. Сколько бы негръ ни посѣялъ и какъ бы обильна ни была жатва, онъ непремѣнно долженъ весь свой запасъ потребить въ теченіе одного года. Это составляетъ одну изъ причинъ, почему тамъ въ такихъ большихъ количествахъ варятъ пиво. Необходимость потреблять запасы отъ жатвы до жатвы, безъ сомнѣнія, вліяетъ неблагопріятно на всю хозяйственную жизнь этихъ народовъ. Въ предѣлахъ распространенія тропическихъ дождей и бѣлыхъ муравьевъ вездѣ встрѣчаются житницы и другія приспособленія для храненія запасовъ, въ видѣ хижинъ на сваяхъ. На небольшихъ житницахъ кровля дѣлается въ видѣ крышки, которую снимаютъ, чтобы достать то, что тамъ хранится. У бечуановъ глиняныя зернохранилища, похожія по сущности своего строенія на нубійскія, стоятъ въ открытомъ полѣ (см. рис., стр. 72); у баманговатовъ они занимаютъ бо́льшую часть хижинъ, а мусгусы, придающіе имъ форму башенъ, строятъ ихъ на своихъ дворахъ. Бонги имѣютъ обыкновеніе увѣнчивать свои житницы довольно изящно сплетенными со-

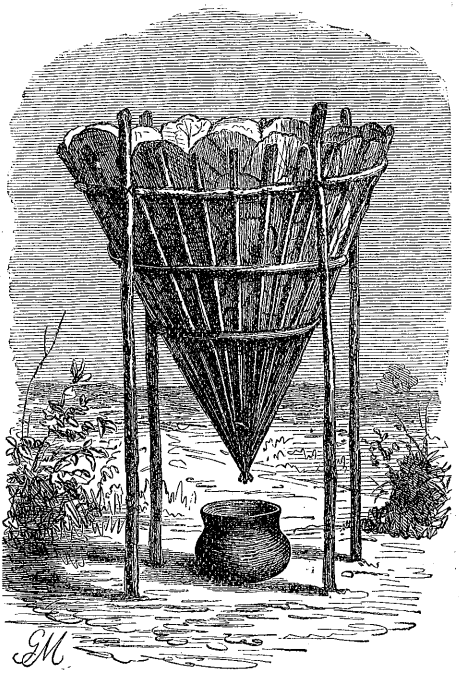
ломенными покрышками, чтобы оттуда имѣть возможность съ удобствомъ обозрѣвать плоскую мѣстность, покрытую высокими хлѣбами или травами. Вокругъ этой крыши выступаютъ рогообразно загнутые концы рѣшетки, что̀ составляетъ характерный признакъ ландшафта въ странѣ бонговъ. Систему съемной конусообразной крыши, кромѣ южныхъ африканцевъ, находимъ мы у сандеховъ, голо̀совъ и креджей. Закромы въ житницѣ по нубійскому образцу обыкновенно дѣлаются изъ глины и иногда ставятся на сваяхъ, что̀ обезпечиваетъ ихъ отъ сырости, термитовъ, крысъ и воровъ. У голо̀совъ мы находимъ такія зернохранилища изъ глины въ формѣ кубковъ, поставленныхъ на центральной сваѣ и поддерживаемыхъ боковыми подпорками, съ конической, съемной крышей; зернохранилища имѣютъ у нихъ также глиняную подставку въ видѣ блюда, которая держится на четырехъ сваяхъ. Корзины или помосты на деревьяхъ охраняютъ маисъ на открытомъ воздухѣ отъ крысъ и мышей, а открытые подмостки для сушки маиса у маньемовъ служатъ и для сохраненія его.



Ступка бадьокковъ. (По Штульману.) 1/5 естеств. величины.

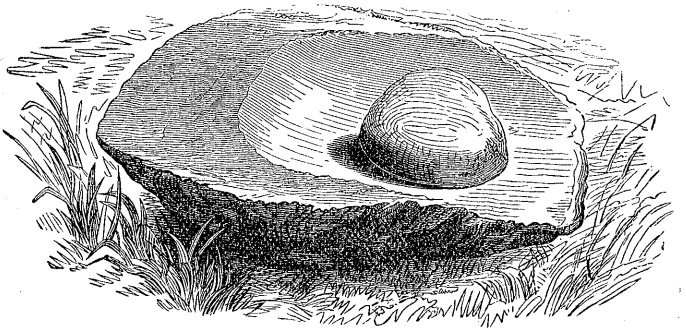
Пища негровъ почти вездѣ смѣшанная изъ растительныхъ и животныхъ веществъ. Только о масаяхъ и галласахъ разсказываютъ, будто они избѣгаютъ всякой растительной пищи. Кулинарное искусство стоитъ на весьма различной высотѣ. Швейнфуртъ отзывается съ похвалой о совершенствѣ его у динковъ, а Гильдебрандтъ нашелъ кухню вакамбовъ на самой низкой ступени. На охотѣ мясо нерѣдко ѣдятъ сырымъ. Непосредственно слѣдующею за этимъ ступенью является поджариванье мяса на острой или въ расщепленной палкѣ. Высушиванье мяса на воздухѣ особенно распространено въ восточной Африкѣ; копченье, повидимому, извѣстно только въ арабской и европейской культурной области. Извѣстный у арабовъ способъ жарить на горячихъ камняхъ или въ нагрѣтыхъ земляныхъ ямахъ встрѣчается и у восточно-африканскихъ негровъ; многіе варятъ мясо и въ водѣ. Кости разбиваются между двумя камнями въ сыромъ видѣ или послѣ того, какъ онѣ были поджарены на огнѣ, и извлеченный изъ нихъ мозгъ употребляется преимущественно для смазыванья копій и мечей; но часто его ѣдятъ предпочтительно передъ мясомъ. Вообще негры ѣдятъ жиръ въ большихъ количествахъ, и въ этомъ отношеніи тропическій климатъ не дѣйствуетъ на нихъ. Мясо и жиръ для всѣхъ негровъ представляютъ совокупное понятіе о самомъ вкусномъ, чего можно желать всего больше. „Мясо и добрая воля идутъ рука объ руку по всей Африкѣ“, пишетъ Горэсъ Уоллеръ въ послѣднемъ дневникѣ Ливингстона. Искусный стрѣлокъ всегда можетъ быть увѣренъ, что̀ найдетъ много желающихъ слѣдовать за нимъ, что̀ было весьма полезно изслѣдователямъ Африки, какъ Погге и Висманъ. Любимымъ кушаньемъ тамъ является каша изъ размолотыхъ сваренныхъ зеренъ проса и сахарнаго проса, а также и маиса. Негры пользуются ручными жерновами (см. рис., стр. 75 внизу); на востокѣ въ Занзибарѣ и прибрежныхъ странахъ можно найти вращающіеся

жернова. Кругловатые камни, величиною съ кулакъ, которые путешественники иногда смѣшиваютъ съ камнями для растиранія, служатъ для оттачиванія желѣзныхъ орудій. Плоскія, прѣсныя лепешки, испеченныя на горячихъ каменныхъ или желѣзныхъ плитахъ, замѣняютъ нашъ хлѣбъ. Въ озерной области преобладающую пищу составляютъ бананы. У западныхъ африканцевъ первое мѣсто занимаетъ маніокъ.



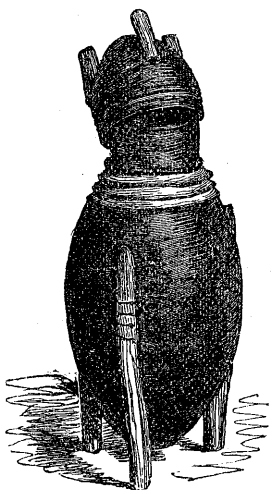
Приготовленіе соли изъ солончаковой земли въ Уруа. (По Кэмерону.)

Среди приправъ соль составляетъ наиболѣе искомый предметъ торговли, одинъ изъ самыхъ важныхъ во внутренней Африкѣ; она замѣняется иногда поташеобразными суррогатами (см. рис. сбоку). Нѣкоторые народы совершенно лишены ея. Испанскій перецъ, одно изъ туземныхъ растеній Африки, употребляется не въ видѣ приправы, а у нѣкоторыхъ племенъ верхняго Нила — вмѣсто яда для стрѣлъ. Нѣкоторыя ароматическія травы пьютъ въ видѣ настоя, какъ чай; порошкомъ ихъ негры часто обсыпаютъ свои натертыя саломъ тѣла. Опьяняющіе напитки негры приготовляютъ въ большомъ числѣ. Пиво изъ проса или маиса варится изъ солодовыхъ сѣмянъ, къ которымъ прибавляются и ароматическія вещества. Опьяняющіе напитки дѣлаются также изъ банановъ, сахарнаго тростника и меда; выпусканіе сока изъ пальмъ различныхъ видовъ извѣстно во всемъ поясѣ пальмъ. Негры не дожидались отъ европейцевъ ихъ водки: почти у всѣхъ изъ нихъ есть бродящіе напитки, и пьянство — такой распространенный порокъ въ Африкѣ, что знатокъ этого материка Висманъ называетъ его существенной опасностью для мирныхъ сношеній съ неграми и совѣтуетъ всѣ переговоры съ начальниками начинать возможно рано, прежде, чѣмъ они начнутъ свои попойки на открытомъ воздухѣ подъ тѣнистымъ деревомъ, что нерѣдко продолжается у нихъ до самой ночи. При этомъ пляшутъ и поютъ подъ звукъ барабана, и на слѣдующій день одинъ изъ гостей (которыхъ приглашаютъ только въ томъ случаѣ, когда они угощаютъ съ своей стороны) зоветъ къ себѣ на новую попойку. На югѣ и сѣверѣ преобладающимъ напиткомъ является пиво, а въ средней экваторіальной части—банановое и пальмовое вино. Изъ вкусовыхъ веществъ преимущественно находятся въ употребленіи табакъ, конопля, кофейные бобы и орѣхи гуру. Табакъ потребляется тамъ съ большою страстностью

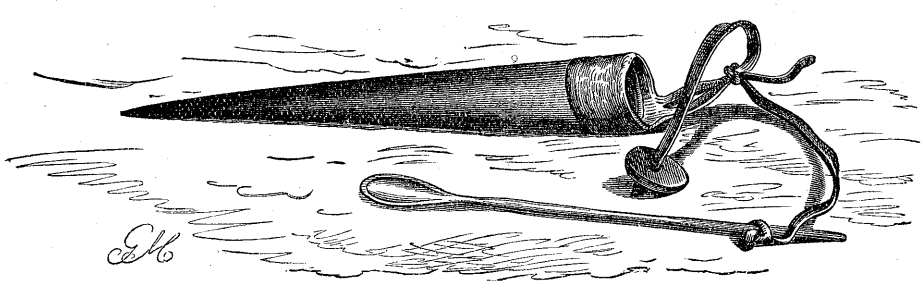


Жерновъ. (Изъ „Missionary Travels“ Ливингстона.)

и въ самыхъ различныхъ формахъ. Въ восточной Африкѣ у язычниковъ преобладаетъ куренье, а у магометанскихъ племенъ — жеванье. Кафры нюхаютъ; табакъ, смѣшанный съ острыми веществами, они насыпаютъ на кусочекъ мѣха и медленно втягиваютъ въ носъ наркотическую, ѣдкую пыль. Изъ табатерокъ нюхаютъ щепотками только зажиточные люди; они носятъ табакъ въ трубкѣ изъ тростнику въ ушныхъ мочкахъ или въ особыхъ сосудахъ изъ тыквы и слоновой кости (см. рис. ниже), которыя вѣшаютъ на шеѣ или къ поясу. Къ снарядамъ для нюханья принадлежитъ у нихъ и ложечка (либеко), миніатюрная лопаточка, длиною отъ 4 до 35 сант., которая служитъ въ то-же время для выскабливанія рукъ послѣ ѣды и для чесанья спины. Еще болѣе распространено куренье, для котораго пользуются самыми различными орудіями — въ южной Африкѣ рогами антилопы, болѣе широкая часть которыхъ служитъ мундштукомъ, — въ экваторіальной области трубками, вмѣщающими до $^1/_2$ кгр. табаку, а въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ — ямкой въ землѣ съ положенными сверху просверленными камнями (см. рис., стр. 77). Втягиваніе собирающейся при этомъ массы, богатой никотиномъ, считается многими высшимъ пунктомъ этого наслажденія. Значеніе, какое негры придаютъ табаку, выражается въ видной роли, которую онъ играетъ въ ихъ обычаяхъ. Предложеніе и принятіе его служитъ не только особенно дружескимъ способомъ привѣтствія, но онъ является и весьма важнымъ символомъ предварительныхъ переговоровъ о свадьбѣ, а въ области Кассаи куренье конопли принадлежитъ къ числу священныхъ дѣйствій. Высушенные листья Cannabis indica и, вѣроятно, также дурмана курятся, подъ названіемъ дахи или банга, отдѣльно или вмѣстѣ съ табакомъ. Европейцы нашли уже этотъ обычай въ южной Африкѣ. Обыкновенно куренье этого рода совершается изъ водяной трубки, тростниковой дудки,



Пивной горшокъ западныхъ макалаковъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.)

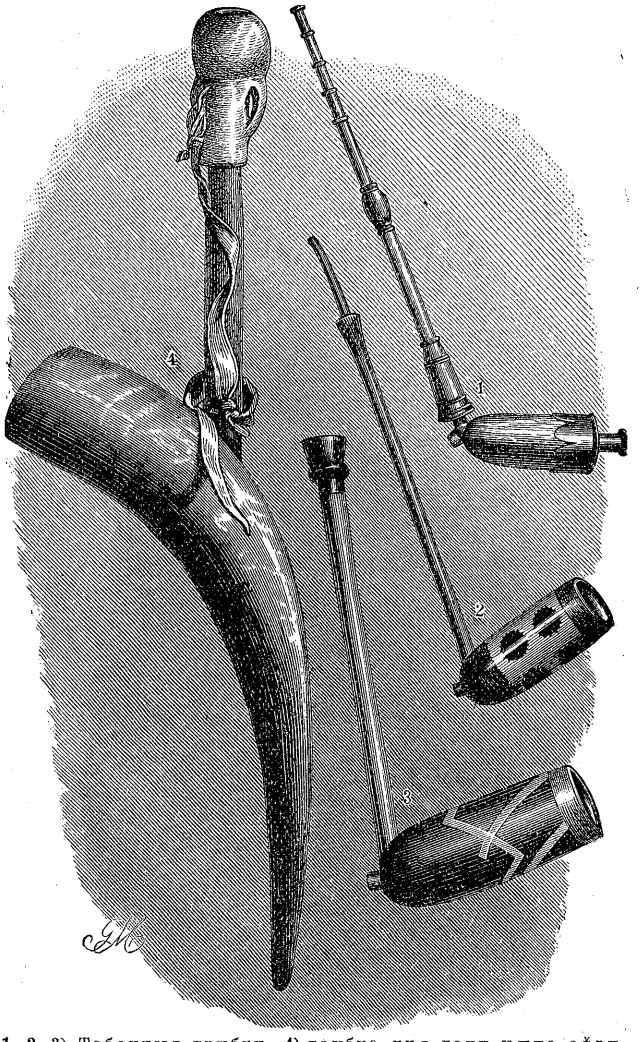


Табатерка овамбовъ, съ ложечкой. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_3$ наст. велич.

на верхнемъ концѣ которой находится пріемникъ, наполненный курительнымъ веществомъ, а на нижнемъ выступаетъ рогъ, отчасти налитый водою (см. рис., стр. 77). Въ другихъ мѣстахъ пріемники дѣлаются изъ глины; на одну сторону ихъ кладется трава, а другая берется въ ротъ, между тѣмъ, какъ въ серединѣ находится вода. Жители береговъ Большого Ньянца употребляютъ кофе, въ видѣ жеванья сырыхъ бобовъ. Въ западномъ Суданѣ и Верхней Гвинеѣ ѣдятъ орѣхи гуру или кола, содержащіе въ себѣ такое-же химическое начало, какъ кофе или чай, и составляющіе одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ торговли въ западномъ Суданѣ и въ странѣ Нигера. Потребленіе ихъ распространено, повидимому, попе-

рекъ всей сѣверной экваторіальной Африки до верхняго бассейна Конго; тамъ-же мы находимъ его и у мангбатовъ, хотя въ незначительномъ количествѣ, какъ будто оно введено еще недавно.

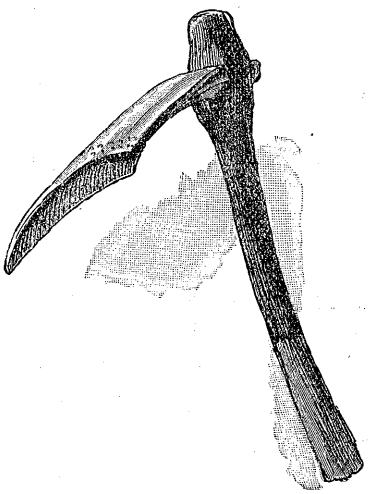
Нѣкоторыя ремесла составляютъ у негровъ предметъ дѣятельности особыхъ рабочихъ, достояніе которыхъ они составляютъ въ силу раздѣленія труда; другія ремесла практикуются обыкновенно наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Кузнечная работа, судостроеніе, рыбная ловля и охота, въ особенности охота за гиппопотамомъ, находятся въ рукахъ людей, которые посвящаютъ себя только этому дѣлу; приготовленіе глиняной посуды составляетъ, по большей части, занятіе женщинъ. Вообще, здѣсь, какъ и вездѣ, земледѣліе своимъ осѣдлымъ характеромъ болѣе благопріятствуетъ ремесламъ, чѣмъ скотоводство, располагающее къ кочевому состоянію. Ливингстонъ предполагаетъ, что большая ловкость баньетіевъ, на среднемъ Замбези, въ обработкѣ желѣза и въ рѣзьбѣ по дереву отчасти сводится къ тому, что муха цеце не позволяла имъ заниматься скотоводствомъ. Вслѣдствіе того, ваганды — лучшіе работники, чѣмъ вагумы, ваньямвезіи — чѣмъ ватуты, и мангбатты — чѣмъ динки. И охота, въ свою очередь, мѣшаетъ развитію промышленности; въ западной Африкѣ, бѣдной животными, процвѣтаетъ обработка хлопка.



1, 2, 3) Табачныя трубки, 4) трубка для дахи южно-африканскихъ кафровъ. (Британскій музей въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 76.

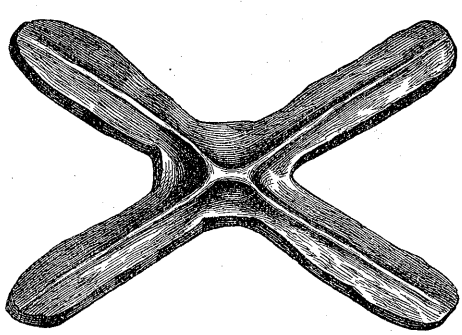
Въ этой области важнѣе всего отмѣтить, что негры въ настоящее время уже вполнѣ вышли изъ того состоянія, которое называютъ „каменнымъ вѣкомъ“. Всѣ ихъ важнѣйшія орудія и оружіе, которыя могли бы быть каменными, въ настоящее время дѣлаются изъ желѣза. Правда, камень вышелъ изъ употребленія еще не во всѣхъ своихъ формахъ: жернова, т. е. удобные для держанія въ рукѣ кремни и принадлежащія къ нимъ гладкія, каменныя пластинки, а также и куски твердаго камня, которыми дѣлаются насѣчки на жерновахъ, употребляются во всей Африкѣ. Для размалыванья маиса и негрскаго проса часто служатъ плоскія, высѣченныя въ скалѣ впадины, въ которыхъ зерно растирается камнемъ, вели-

чиною въ два кулака (см. рис., стр. 75). Точно также изъ камня изготовляются и главнѣйшія кузнечныя орудія. Наковальня — каменная глыба, молотъ — камень, крѣпко привязанный къ рукояткѣ ремнями или веревками, клещи — два куска коры или дерева. Желѣзнымъ бываетъ только продуктъ, изготовленный этими орудіями.



Топоръ изъ мѣди, быть можетъ принадлежащій вамарангамъ. (Коллекція Висмана, 1887 г., Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/6 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 81.

У бушменовъ находятъ просверленныя и кругло отшлифованныя каменныя грузила для палокъ, которыми копаютъ землю, и нерѣдко также каменные наконечники стрѣлъ. Никому не приходилось видѣть, чтобы туземцы сверлили эти камни, и они даже сами считаютъ ихъ дѣломъ предшествовавшихъ поколѣній. Пальгревъ еще въ 1870 году на сѣверѣ Капской колоніи видѣлъ употребляемую у бушменовъ каменную стрѣлу изъ двухъ кусковъ тростника, соединенныхъ, кромѣ того, трубчатой костью. На одномъ концѣ трубки ланцетообразное каменное остріе изъ кристалла было укрѣплено въ узкой щели; на одинъ дюймъ ниже его былъ вставленъ зазубренный крючокъ изъ рога, а черезъ три дюйма далѣе отъ острія былъ насаженъ кусокъ глины, чтобы придать вѣсъ переднему концу и воспрепятствовать раскалыванью тростника. Шинцъ видѣлъ каменныя стрѣлы въ употребленіи у бушменовъ Калагари, между тѣмъ, какъ именно у кафровъ восточной части южной Африки желѣзный промыселъ достигаетъ высокаго развитія. Различныя племена галласовъ (относительно арузіевъ это несомнѣнно доказано) пользуются осколками обсидіана, въ своеобразныхъ ручкахъ въ видѣ рычага, для выскабливанья кожъ; они употребляютъ ихъ и для бритья. Обрѣзаніе совершается каменными или тростниковыми ножами.

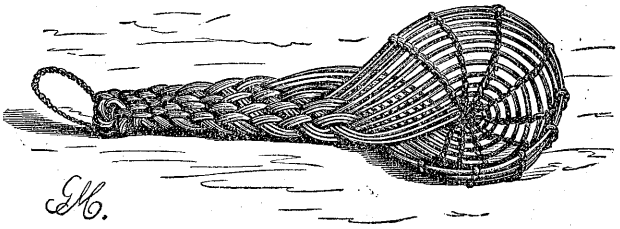


Ганда, употребительная мѣдная форма въ Угугѣ, имѣющая также обращеніе, какъ деньги. (По Кэмерону.) 1/6 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 81.

Каменныя орудія, открытыя въ самыхъ различныхъ частяхъ Африки, сходны по матеріалу и формѣ съ европейскими находками. Появленіе здѣсь нефритовыхъ орудій столь же загадочно, какъ въ Европѣ и Америкѣ. Если мы оставимъ въ сторонѣ мѣста, гдѣ были найдены каменныя орудія, то мы должны будемъ предъявить принадлежность къ каменному вѣку всѣхъ тѣхъ странъ, которыя съ этой точки зрѣнія были изслѣдованы точнѣе; такимъ образомъ, Африка, извѣстная намъ при полномъ обладаніи желѣзомъ, имѣла свой „каменный вѣкъ“ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ земли Сомали до Нигера.

Замѣчательно что этимъ остаткамъ древнѣйшихъ ступеней культуры и въ Африкѣ воздается извѣстное почитаніе. На одной изъ свай воротъ палисада, окружавшаго деревню Понда (на Моэро), въ которой нѣкогда жилъ Типу Типъ, Ливингстонъ замѣтилъ камень изъ краснаго порфира, просверленный въ серединѣ и сплющенный на одномъ концѣ; онъ походилъ на грузило копальной палки бушменовъ. Обитатели видѣли въ немъ волшебное средство, удаляющее все дурное отъ деревни. Подобный-же камень названный путешественникъ нашелъ воткнутымъ на столбѣ воротъ въ

деревнѣ Казонго. Оскаръ Ленцъ сообщаетъ, что каменнымъ орудіямъ туареги приписывали сверхъестественное значеніе, и о томъ-же самомъ приходилось слышать въ западной Африкѣ. Думаютъ, что они упали съ неба, или считаютъ ихъ оружіемъ прежнихъ, болѣе крупныхъ и болѣе сильныхъ людей, или же имъ приписываютъ цѣлебную силу. То же вѣрованіе хранятъ и мангбатты относительно отшлифованныхъ топоровъ и колецъ, изъ чистаго желѣзнаго блеска; не зная теперь способа ихъ приготовленія, они относятся къ нимъ съ большимъ почетомъ. Мы не можемъ видѣть въ этомъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ свидѣтельство глубокой давности желѣзнаго вѣка, но можемъ припомнить только свойственное всѣмъ не-



Мутовка кафровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)
1/3 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 82.

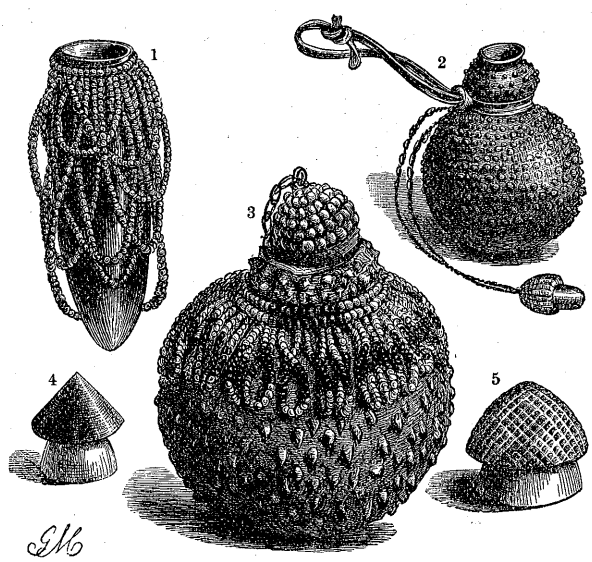
Глиняные сосуды, гребень и трещетка мангбаттовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)
1/6 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 81.

грамъ благоговѣніе передъ наслѣдіемъ старины. Нѣчто старое, давно уже хранящееся въ семьѣ, негръ не легко рѣшится украсть; напротивъ, вновь введенный предметъ, въ особенности европейскаго происхожденія, онъ считаетъ общимъ достояніемъ, потому что тотъ не успѣлъ еще тѣсно срастись съ владѣльцемъ. Во всякомъ случаѣ, каменный вѣкъ лежитъ настолько далеко отъ нашего времени, что, даже при недо-

статкѣ желѣза, не прибѣгаютъ уже больше къ камню. Бечуановъ или батоковъ можно видѣть иногда съ деревянными, но никакъ не съ каменными мотыками для обработки почвы. Если бы желѣзо было чѣмъ-инбудь новымъ, то въ распространеніи его замѣчались бы совершенно иные пробѣлы. Правда, мы знаемъ народы, которые отказываются отъ употребленія желѣза, и другіе, у которыхъ оно замѣчается въ скудномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, луки или щиты рѣдко вооружаются и украшаются желѣзомъ; это дѣлается только на востокѣ и въ странѣ верхняго Нила. Но когда мы слышимъ, что въ самыхъ богатыхъ желѣзомъ и въ самыхъ промышленныхъ странахъ, какъ, напр., въ странѣ батоковъ и на верхнемъ Ровумѣ у манганджей, послѣ охоты за невольниками сотни кузницъ оставались пустыми, мы должны еще удивляться тому, что нить преданія не порвалась уже давно и это ремесло не превратилось въ одно изъ потерянныхъ искусствъ. (См. табл. „Кузнецы баріевъ“.) Ему послужило на пользу то, что оно часто производилось особыми странствующими племенами кузнецовъ, обыкновенно презираемой кастой, какъ мы видимъ это у

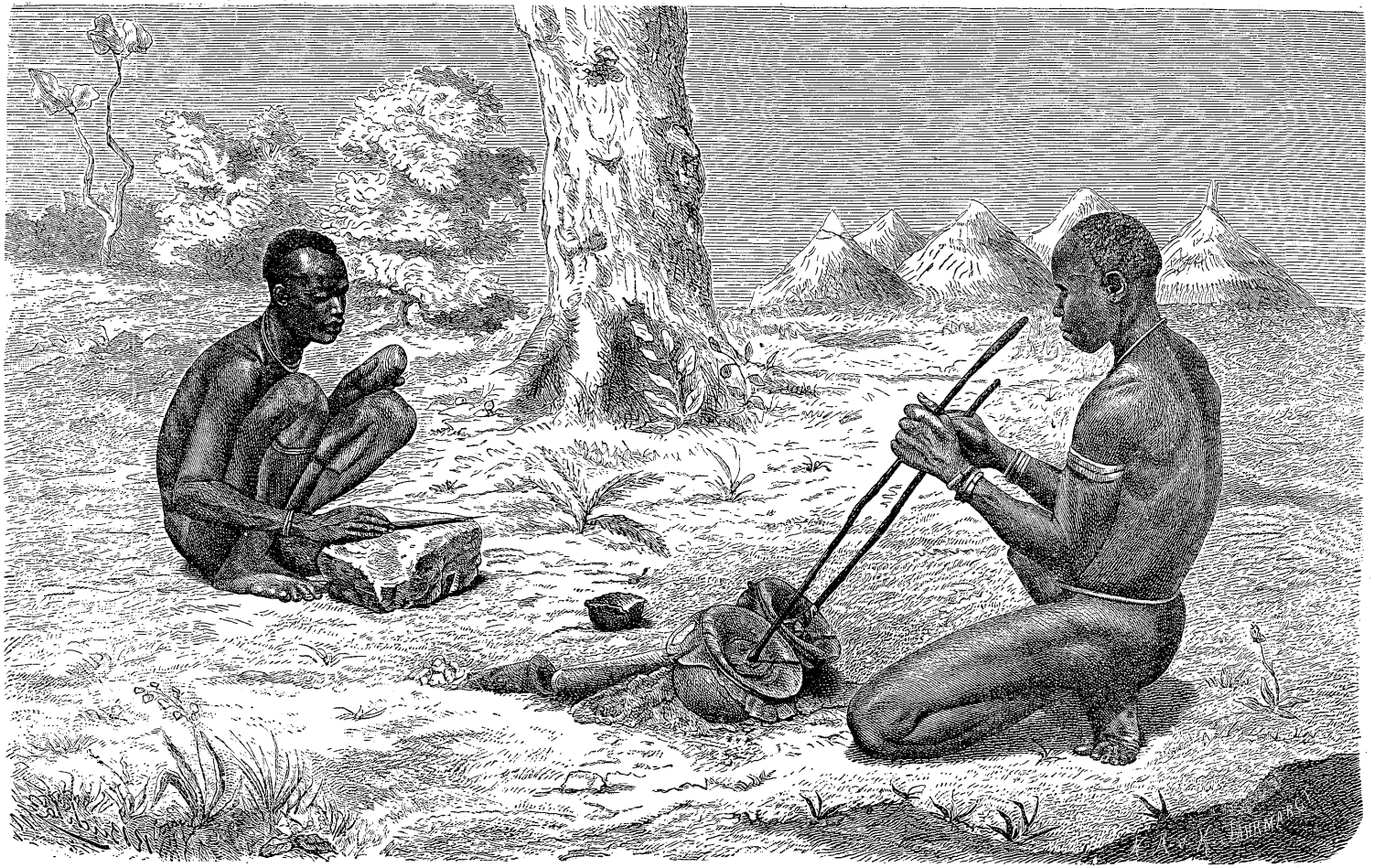
Глиняный сосудъ съ нижняго Нигера. (Музей Church Missionary Society, въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 81.

форовъ, кузнецы которыхъ живутъ въ особыхъ деревняхъ. Въ промышленности съ твердыми преданіями успѣхи замѣчаются всего чаще; такъ, у малинковъ плавильная печь, въ 3 мет. высотою, со многими поддувалами, въ одинъ день, являющійся праздникомъ для всей деревни, наполняется послойно желѣзомъ и древеснымъ углемъ и затѣмъ разжигается съ помощью нѣсколькихъ мѣховъ. И о джаггахъ мы знаемъ, что они умѣютъ ковать превосходное оружіе и даже тянуть проволоку. Желѣзные клинки балубовъ (ср. 10-ю главу), съ насѣчками изъ желтой или красной мѣди, — не только прочныя, но и красивыя издѣлія.



Сосуды для нюхательнаго табаку у кафровъ: 1) изъ рога, 2, 3) изъ крови, соединительной ткани и глины, 4) деревянное остріе, вставляющееся въ уши у зулусовъ, 5) такое-же остріе натальскихъ кафровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_2$ естеств. величины.

Вообще, какъ способъ постановки желѣзной промышленности, такъ и самыя произведенія ея, въ Африкѣ повсюду одинаковы; мы видимъ здѣсь передъ собою искусство, имѣвшее одинъ исходный опредѣленный пунктъ. Гдѣ находился этотъ пунктъ — трудно сказать въ настоящее время. Онъ никакъ не могъ быть въ южной Африкѣ, такъ какъ здѣсь бушменамъ



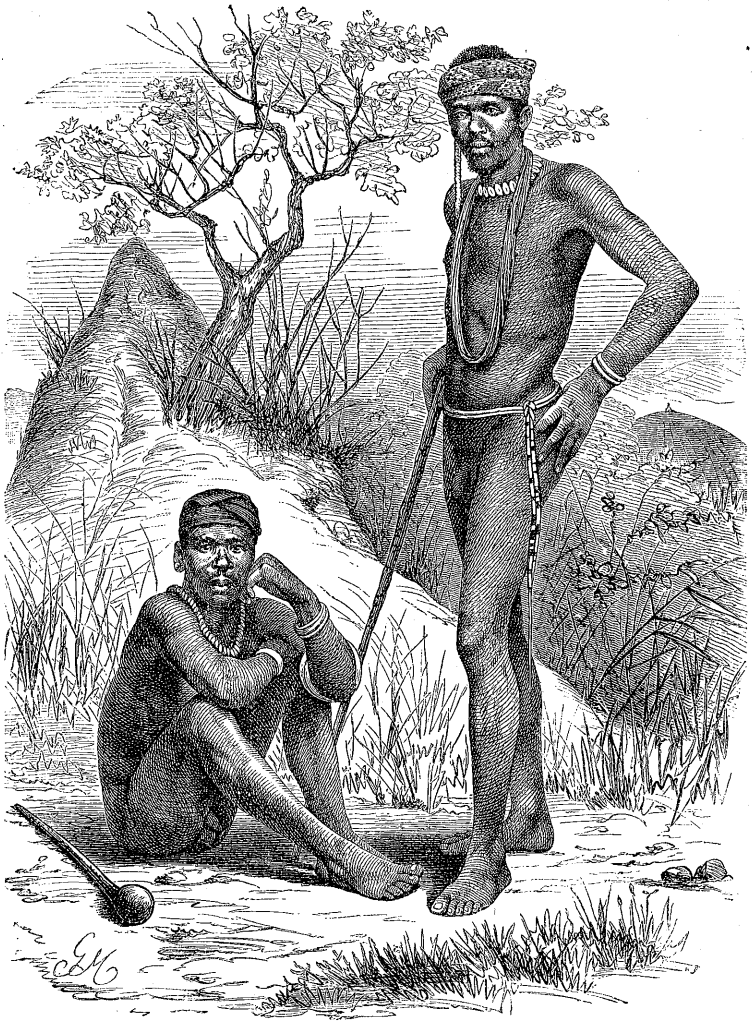
Т-во ‚Просвѣщеніе' въ Спб.

Кузнецы баріевъ.

(Рисунокъ съ натуры Рихарда Бухты.)

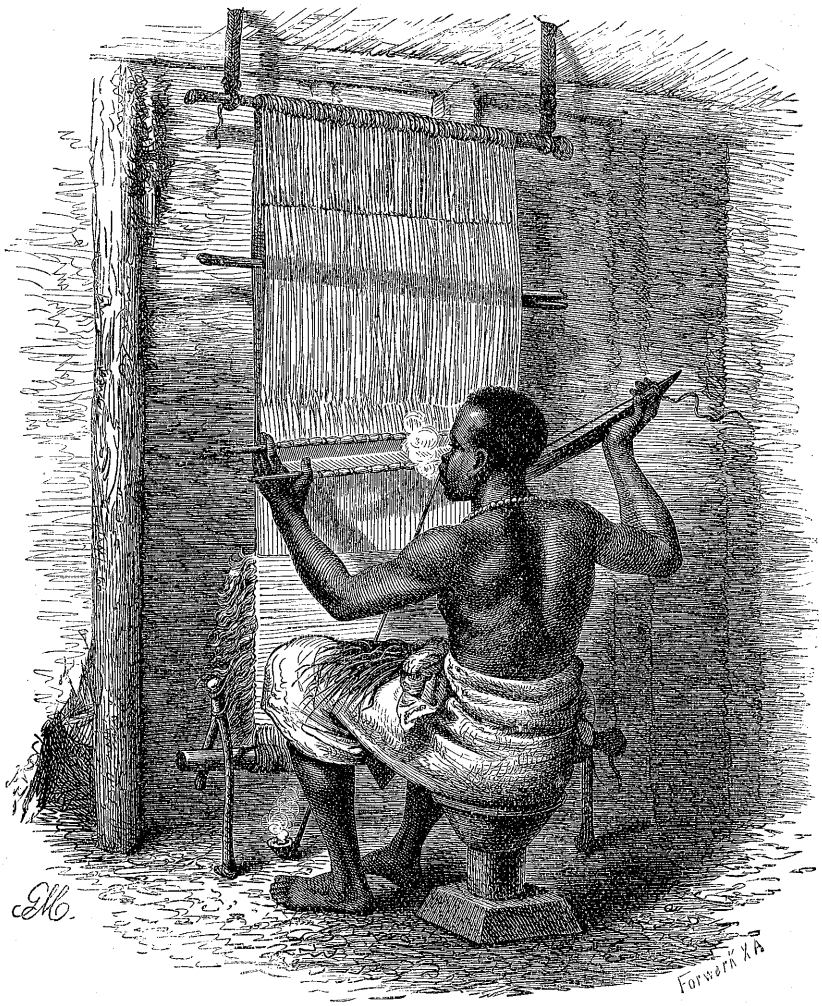
ковка желѣза была неизвѣстна уже въ историческое время. Народы экваторіальной и восточной Африки и верхняго Нила больше всѣхъ подвинулись въ кузнечномъ дѣлѣ, и желѣзо встрѣчается здѣсь въ наибольшихъ количествахъ; въ виду того, это искусство заставляетъ предположить восточное происхожденіе его. Азіатскій характеръ желѣзной утвари указывался нами уже выше, въ I т.

Кромѣ желѣза, негры выплавляютъ только еще одинъ металлъ — мѣдь, но они добываютъ и обрабатываютъ ее лишь въ немногихъ округахъ, откуда она далеко распространяется въ качествѣ предмета торговли и средства обмѣна (ср. рис., стр. 78). Въ сѣверной экваторіальной области Гофрахъ-энъ-Нахасъ, на верхнемъ Бахръ-эль-Газалѣ, а въ южной экваторіальной — Катанга достигли, вслѣдствіе того, большой извѣстности и значительнаго торговаго вліянія. Распространеніе мѣди, тѣмъ не менѣе, осталось ограниченнымъ: во многихъ нарѣчіяхъ одно и то же слово служитъ для обозначенія желѣза и мѣди. Золото негры, къ нашему удивленію, никогда не обрабатывали, хотя и добывали его: золотой песокъ во всѣ тысячелѣтія, когда Африка была извѣстна, составлялъ главнѣйшій предметъ ея вывоза, наряду съ слоновой костью и невольниками. Золотыя украшенія встрѣчаются лишь въ областяхъ, подвергавшихся мавританскому вліянію. Серебро точно также проникаетъ лишь въ области Восточнаго берега, находящіяся подъ несомнѣннымъ арабскимъ и индійскимъ вліяніемъ. Сомаліи, данакили и абиссинцы — единственные народы Африки, которые, стоя близко къ неграмъ, носятъ серебряныя украшенія. Всѣ племена верхняго Нила чуждаются благородныхъ металловъ, несмотря на сравнительную близость богатаго золотомъ Сеннаара и богатой серебромъ Абиссиніи. Когда Верне прибылъ къ баріямъ (въ 1840 г.), они не знали серебра и цѣнили золото не выше мѣди.



Кафры-коза. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

Глиняные сосуды негровъ почти всегда дѣлаются безъ ручекъ. Исключенія составляютъ только изящные сосуды мангбаттовъ, какіе мы видимъ въ Музеѣ народовѣдѣнія въ Берлинѣ, а также глиняные сосуды Судана (см. рис., стр. 79 внизу и 80 вверху). Суданскіе сосуды и сосуды почти античной формы, которые Флегель вывезъ изъ Джена (Бенуэ), несомнѣнно, обязаны своимъ происхожденіемъ арабскому вліянію. Глиняные сосуды съ ручкой встрѣчаются и въ Уджиджи. Украшенія вырѣзываются или выдавливаются на нихъ. Гончарное колесо вообще неизвѣстно. Точно также тамъ не знаютъ и минеральной глазури, а знаютъ только лакъ; такъ, ваньоры умѣютъ придавать своимъ глинянымъ сосудамъ красивый, матово-черный блескъ. Но и онъ неизвѣстенъ другимъ племенамъ, у которыхъ прочность придается частымъ употребленіемъ и неопрятнымъ содержаніемъ сосуда. Обжиганіе вообще слабо.



Ткачъ въ Ишого. (По Дю-Шалью.)

Къ искусствамъ, неизвѣстнымъ обитателямъ внутренней Африки, принадлежитъ умѣнье плотно связывать одинъ кусокъ дерева съ другимъ. Быть можетъ, климатъ противится склеиванью; но отсутствіе связыванья посредствомъ пазовъ, реекъ или гвоздей тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ болѣе времени и труда тратится на рѣзьбу по дереву (см. рис., стр. 73). Рѣзьба производится особыми орудіями. У гереросовъ эта работа находится подъ присмотромъ начальниковъ, и, повидимому, они считаютъ себя отвѣтственными за изготовленіе ведеръ для молока и воды. Въ этой промышленности выдаются деревянныя кольца съ отшлифованными серебряными и мѣдными штифтиками. Высоко развито и искусство плетенія. Обусловливаемое сухостью климата, который дѣлаетъ связыванье наиболѣе практичнымъ способомъ скрѣпленія, это искусство представляетъ такой промыселъ у негровъ,

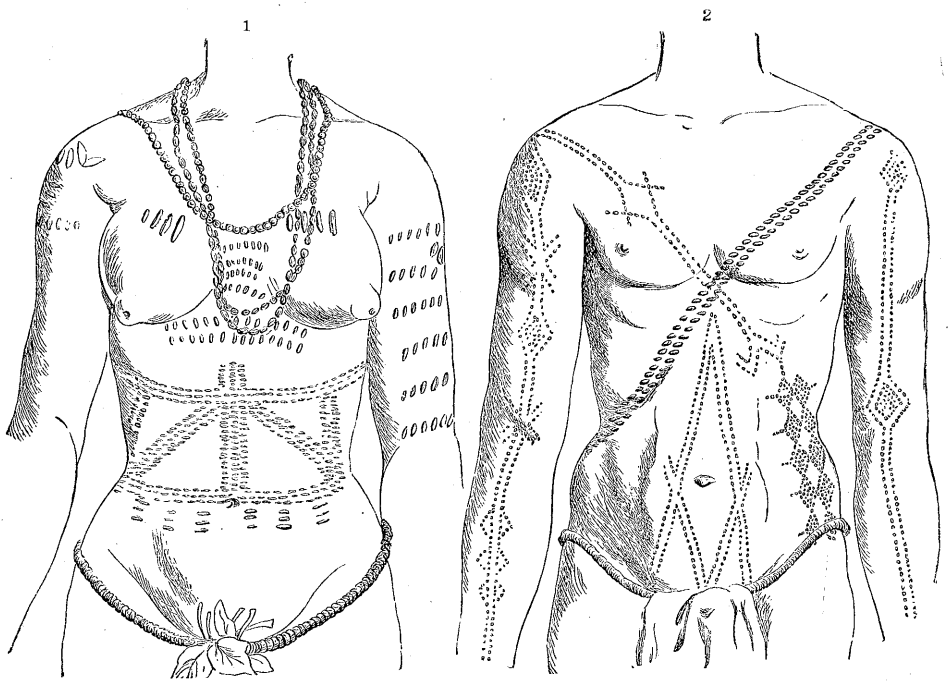
произведенія котораго всего болѣе удивляютъ насъ своей законченностью (см. рис., стр. 79 и 85 и т. I, рис., стр. 104, фиг. 2). Всевозможные шнурки скручиваются изъ сухожилій, волоконъ пальмъ и алоэ, травы и ліанъ. Согласно сообщеніямъ португальскихъ миссіонеровъ XVI вѣка, мы можемъ предположить, что на Западномъ берегу искусство плетенія нѣкогда стояло выше, чѣмъ теперь, подобно тому, какъ и ткацкое искусство нѣкогда доставляло циновки изъ волоконъ Raphia, съ изящными рисунками, бахромою и даже бархатообразнымъ обрѣзомъ, что̀ въ настоящее время можно найти лишь въ самой глубинѣ Африки.

У этихъ народовъ, обладающихъ многочисленными стадами, поражаетъ ихъ незнакомство съ дубленіемъ. Оно встрѣчается только въ областяхъ, находящихся подъ мавританскимъ вліяніемъ, а въ странахъ Гауссы даже процвѣтаетъ. Пастушескіе народы негровъ весьма искусны въ изготовленіи кожъ рогатаго скота для плащей и одѣялъ, которые они, выколачиваніемъ палицами, выскребаніемъ внутренней части и обработкою наружной посредствомъ орудія съ желѣзными остріями, дѣйствующаго на подобіе ворсовальной шишки, умѣютъ дѣлать мягкимъ, какъ сукно. Этимъ умѣньемъ особенно отличаются бечуаны, и еще болѣе вагумы, у которыхъ кожи, обладающія мягкостью перчаточной кожи, служатъ для одежды высшихъ классовъ. Замѣчательно, что именно въ восточной Африкѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ баранья или козья шкура, обернутая вокругъ поясницы, составляетъ національную одежду, гдѣ среди нѣкоторыхъ племенъ кожи употребляются для покрытія хижинъ, населеніе не изобрѣло и даже не заимствовало основъ самаго первобытнаго процесса дубленія. Даже имѣющаяся тамъ въ громадныхъ количествахъ кора мимозы не привела ихъ къ тому.

Негритянка изъ Лоанго. (По фотографіи, принадлежащей проф. Пехуэль-Лёше въ Іеннѣ.) Ср. текстъ, стр. 86.

Хлопокъ воздѣлывается и перерабатывается въ значительной части восточной и западной Африки, странъ Судана и области Замбези. Тамъ можно найти и первобытный ткацкій станокъ, похожій на египетскій и берберскій, на которомъ нити натягиваются вертикально (см. рис., стр. 82 и т. I, стр. 708). Въ тканьѣ узкихъ полосъ бумажной матеріи мандинги выказываютъ умѣнье, удивляющее даже европейцевъ. Тѣмъ не менѣе, негры бо̀льшую часть потребнаго для нихъ количества бумажныхъ тканей получаютъ посредствомъ ввоза; во многихъ мѣстахъ эти ткани они пропитываютъ масломъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими на шкуры или матеріи изъ коры, которыя вытѣсняются ими. Лишь у большинства внутреннихъ африканцевъ главнымъ матеріаломъ для одежды служитъ матерія, вытканная изъ пальмовыхъ волоконъ, и рядомъ съ тѣмъ лубъ широко распространенной смоковницы (Ficus indica), дающій ткань, которую носятъ самые различные негрскіе народы Африки. Ее можно найти на Ньяссѣ и на Укереве, и уже миссіонеры

XVI вѣка видѣли ее на нижнемъ Конго. Полоса коры отрѣзывается и наружная поверхность ея тщательно удаляется; затѣмъ кора кладется на деревянный чурбанъ и обработывается частыми и мѣрными ударами тяжелыхъ молотковъ изъ дерева или слоновой кости, весьма сходныхъ съ молотками полинезійцевъ. Бороздки этихъ колотушекъ придаютъ матеріи тисненый видъ; при расколачиваньи кора растягивается, какъ золото подъ молоткомъ золотобита. Когда она расколочена достаточно тонко (обыкновенно послѣ работы въ теченіе цѣлаго дня), каждое отверстіе, которое произошло отъ ударовъ молотка, задѣлывается обрѣзками краевъ. Это „мбугу“ въ новомъ видѣ имѣетъ желтовато-коричневый цвѣтъ и походитъ на свѣже-выдубленную кожу; нѣкоторые болѣе тонкіе сорта имѣютъ, впрочемъ, темный, крас-



Татуированное туловище: 1) женщины монду, 2) мужчины мангбатту. (По рисунку съ натуры Ричарда Бухты.)

новато-кирпичный оттѣнокъ. Эта матерія бываетъ различныхъ качествъ; лучшіе сорта удивительно мягки (см. рис., т. I, стр. 94). Главный недостатокъ этой матеріи заключается въ томъ, что она легко разрушается дождемъ, но она всегда имѣется въ избыткѣ. Изъ старой, выношенной матеріи изготовляется превосходный трутъ; ваганды скручиваютъ ее на подобіе веревки, которую носятъ при себѣ, находясь въ пути, для закуриванья трубки; въ этомъ состояніи она можетъ тлѣть цѣлые часы. На раны дерева, происшедшія отъ срѣзыванія коры, накладываются и крѣпко привязываются банановые листья, вслѣдствіе чего черезъ нѣкоторое время кора возстановляется.

Переходя къ одеждѣ и украшеніямъ негровъ, мы прежде всего должны напомнить о необычайномъ разнообразіи ихъ прическъ, къ чему располагаютъ ихъ жесткіе, стоячіе волосы (см. рис., т. I, стр. 102). Часто прическа бываетъ выраженіемъ прихоти, юмора или забавы и рѣдко принимаетъ опредѣленный характеръ, какъ, напр., у зулусовъ. Наиболѣе культурныя негрскія племена, каковы ваганды, всего менѣе занимаются прическами. Татуировка (см. рис. выше и т. I, стр. 103) рѣдко встрѣчается въ большомъ распространеніи или покрываетъ все тѣло, какъ у полинезійцевъ; она, какъ и вообще всякое уродованіе тѣла, отсутствуетъ у

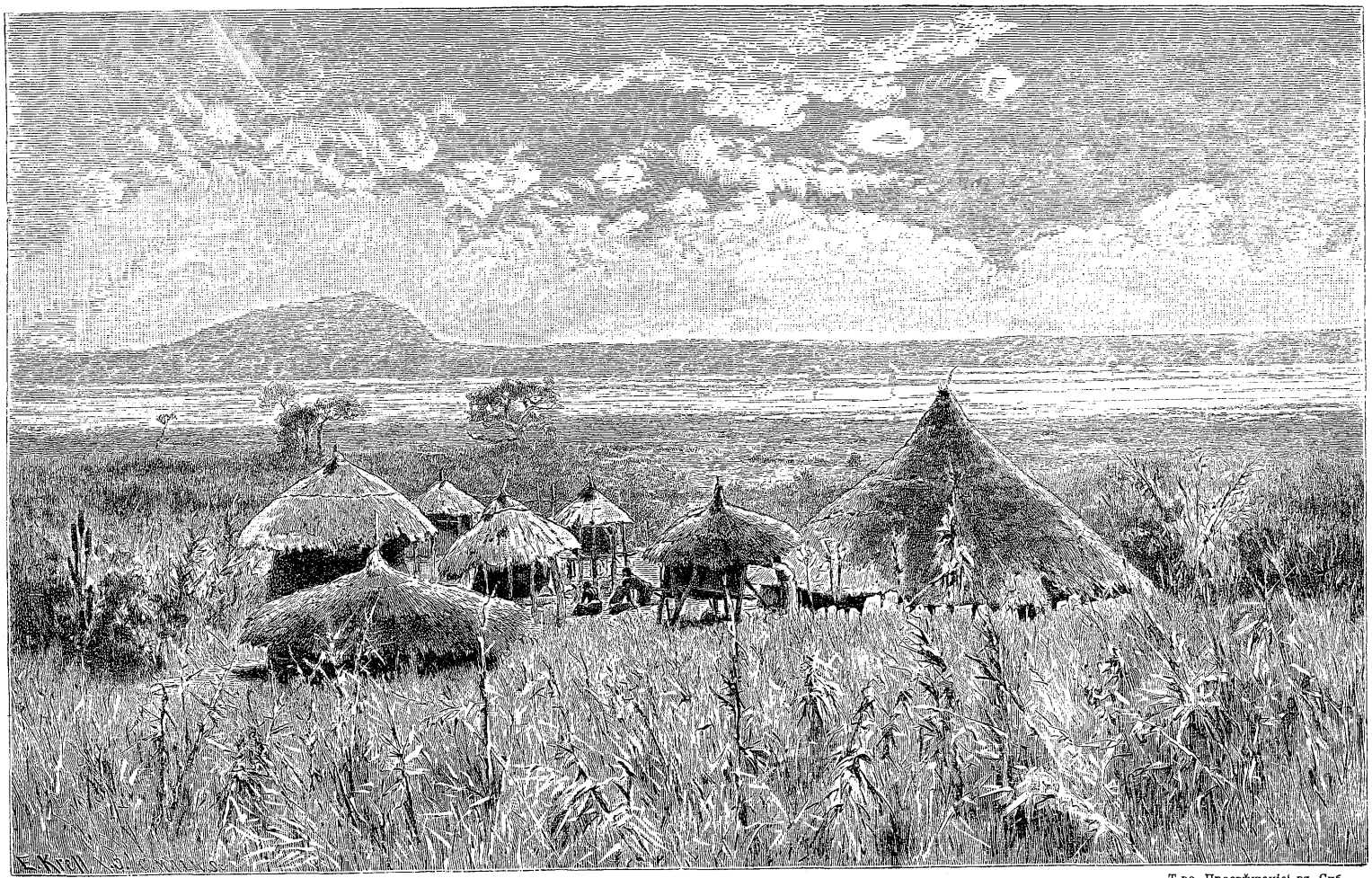
такихъ народовъ, которые, какъ ваганды и форы, находятся въ тѣсномъ общеніи съ галласами и арабами. Только татуировка тушиланговъ сравнивалась съ татуировкою новозеландцевъ; во всякомъ случаѣ, она полнѣе татуировки всѣхъ африканскихъ народовъ. Самый способъ проводить линіи Вирховъ сравнивалъ съ тѣмъ, что́ мы находимъ у маорисовъ. Напротивъ, симметрическіе рубцы на тѣлѣ и на головѣ, часто въ большомъ числѣ, мы находимъ повсюду. Они производятся посредствомъ разрѣзовъ и прижиганій и служатъ часто въ качествѣ племенныхъ знаковъ. Вакамбы носятъ рубцы на вискахъ, а макуи — на щекахъ. Крайнее развитіе этого уродованія мы видимъ въ пуговицеобразно приподнятыхъ рубцахъ, возвышающихся на лицѣ въ видѣ бородавокъ или наростовъ. Эти бородавки идутъ въ видѣ ряда круглыхъ рубцовъ отъ края лба до кончика носа, какъ это можно видѣть на Конго и на Замбези. Раскрашиваніе употребительно во внутренней Африкѣ, какъ, напр., у сандеховъ и мангбаттовъ. Просверливаніе ушей, носовыхъ крыльевъ, носовой перегородки и губъ для продѣванія въ нихъ украшеній, которыхъ иногда, тѣмъ не менѣе, не бываетъ, встрѣчается у племенъ на Замбези и Ньяссѣ и затѣмъ на верхнемъ Нилѣ. Нѣкоторыя племена носятъ въ губахъ искусно отполированные цилиндры известковаго шпата. Множество колецъ изъ слоновой кости, желѣза, красной или желтой мѣди носятъ на голени и предплечьѣ, а другіе — на шеѣ. Шнурки, крѣпко обвязанные вокругъ тѣла, груди и бедръ, носятся такъ же, какъ у малайскихъ и американскихъ народовъ. При этомъ играютъ роль и амулеты, въ особенности высоко цѣнимыя кольца изъ волосъ хвоста слона или жирафы.

Сумка, сплетенная изъ травы, изъ Калабара (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 83.

Обрѣзаніе, почти исключительно совершаемое каменными ножами, составляетъ у многихъ негровъ строго соблюдаемый обычай, но распространено не въ одинаковой степени даже у близко родственныхъ племенъ. Инфибуляція, повидимому, привилась только у нѣкоторыхъ племенъ восточной Африки заимствованная отъ абиссинцевъ и галласовъ. Подпиливаніе зубовъ или выбиваніе и выдергиваніе нѣкоторыхъ переднихъ зубовъ, а иногда — одного или обоихъ клыковъ, распространено у большей части негровъ. Нельзя сказать, чтобы этому обычаю слѣдовали одни пастушескія племена. Многіе народы выбиваютъ передніе зубы даже военноплѣннымъ.

Одежда негровъ довольно разнообразна. Шкуры, матеріи изъ коры, ткани изъ пальмовыхъ волоконъ и мѣстныя или иноземныя бумажныя ткани составляютъ главный матеріалъ для одежды; въ худшемъ случаѣ довольствуются и однимъ пальмовымъ листомъ или древесной вѣтвью. Народовъ, привыкшихъ ходить совершенно обнаженными, мало встрѣчается среди негровъ, и такая нагота ограничивается по большей части мужскимъ поломъ (см. рис., стр. 81), какъ мы видимъ это у динковъ или у нѣкоторыхъ племенъ Ньяссы, и рѣже — женскимъ, какъ у язычниковъ государствъ Гауссы. Мужчины у кафровъ иногда замѣняютъ пальмовый листъ оригинальнымъ футляромъ (см. рис., стр. 87 и 114). Но всѣ дѣти ходятъ нагими до извѣстнаго возраста, и даже взрослые, ради удобства, у себя дома. У негровъ южной и средней Африки, такъ же, какъ и у племенъ на верхнемъ Нилѣ, одежда состоитъ обыкновенно изъ внутренняго и наружнаго передника или только изъ растительнаго листа (см. рис. т. I, стр. 93). Пастушескія племена часто надѣваютъ сверхъ этого мѣховые каросы, искусно сшитые изъ кусковъ различныхъ шкуръ. Народы, изготовляющіе матерію изъ коры, обладаютъ въ ней матеріаломъ, который добывается легко и въ большихъ количествахъ, и поэтому одѣты полнѣе всѣхъ другихъ, чтó въ особенности можно сказать о ваньорахъ и вагандахъ (см. рис., т. I, стр. 94). Тамъ, гдѣ можно дешево получать бумажныя ткани, какъ напр. на Западномъ берегу, мужчины носятъ одежды въ родѣ юбки, а женщины подвязываютъ свою одежду подъ мышками (см. рис., стр. 83). Различныя прикрытія головы носятся на войнѣ, во время танцевъ и религіозныхъ торжествъ. Первобытныя сандаліи общеупотребительны во время экспедицій. Въ общемъ употребленіи находится, а у пастушескихъ племенъ даже въ избыткѣ, смазываніе тѣла и волосъ жиромъ, дополняемое обсыпаніемъ благовонной и цвѣтной мукой или натираніемъ мелко истолченнымъ деревомъ краснаго цвѣта. Къ военному наряду относится украшеніе пестрыми перьями, по большей части, красными и бѣлыми, въ самыхъ причудливыхъ узорахъ. При этомъ употребляются и головные уборы изъ перьевъ. Украшеніе перьями менѣе обильно и законченно, чѣмъ въ Америкѣ и Полинезіи; по большей части, это — просто кисточки и пучки. Личная чистоплотность у многихъ народовъ весьма значительна: тамъ не только моются и купаются, но и чистятъ зубы и выскабливаютъ языкъ, какъ у балубовъ. У мангбаттовъ и вамбубовъ производятся искусственные выкидыши, чему они могли научиться отъ арабовъ.

Жилища негровъ выказываютъ основную черту кочевого образа жизни въ распространенной склонности къ группировкѣ около одного центра, къ обнесенію изгородью и къ преимущественно легкой постройкѣ изъ травы, тростника, стеблей или вѣтвей. Настоящіе номады строятъ временныя хижины изъ хвороста, которыя они покрываютъ сверху циновками или шкурами; этотъ способъ постройки мы видимъ отъ древнихъ ихтіофаговъ Краснаго моря до готтентотовъ. Единственнымъ укрѣпленіемъ для этихъ хижинъ служитъ обнесенный кругомъ ихъ каменный валъ, чтобы дождь не смывалъ песку и вода не проникала въ хижины. Этими хижинами рѣдко пользуются дольше двухъ лѣтъ; часто ихъ покидаютъ еще раньше разрушенія, ради распространившихся въ нихъ насѣкомыхъ и другихъ вредныхъ животныхъ. Вскорѣ онѣ совершенно разрушаются и смываются дождемъ; самое большее, если каменный кругъ, нѣсколько почернѣвшихъ отъ огня камней на очагѣ и куча золы указываютъ, что прежде здѣсь обитали люди. Жилища рѣдко ставятся на томъ же мѣстѣ; даже и пастухи, возвращаясь въ своихъ періодическихъ странствованіяхъ къ прежнему источнику, ищутъ новаго мѣста для жилья. Даже самое названіе деревни у гереросовъ значитъ не что иное, какъ мѣсто, гдѣ доятъ, между тѣмъ, какъ деревни ихъ земледѣльческихъ сосѣдей, овамбовъ означаютъ мѣста, гдѣ нѣчто сохраняется или сберегается. Новыя

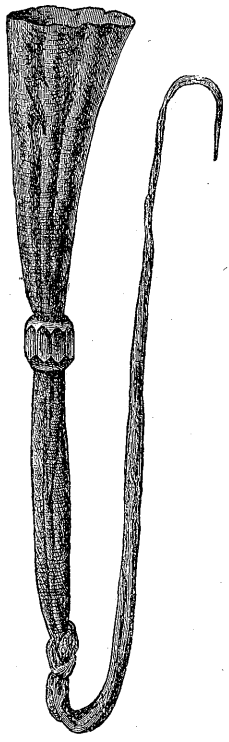


Мѣстность на верхнемъ Нилѣ съ хижинами динковъ.

(По Рихарду Бухтѣ.)

поселенія возникаютъ необычайно быстро. Когда Цинтграффъ, въ февралѣ 1888 г., возвращался изъ Батома, между Комбоне и Баби-ба-Ніусси не было ни одной деревни: лишь нѣсколько человѣкъ заняты были расчисткою мѣста въ первобытномъ лѣсу. Три мѣсяца послѣ того здѣсь уже стояла маленькая деревня, изъ 15 хижинъ, съ достаточнымъ мѣстомъ для посѣва.

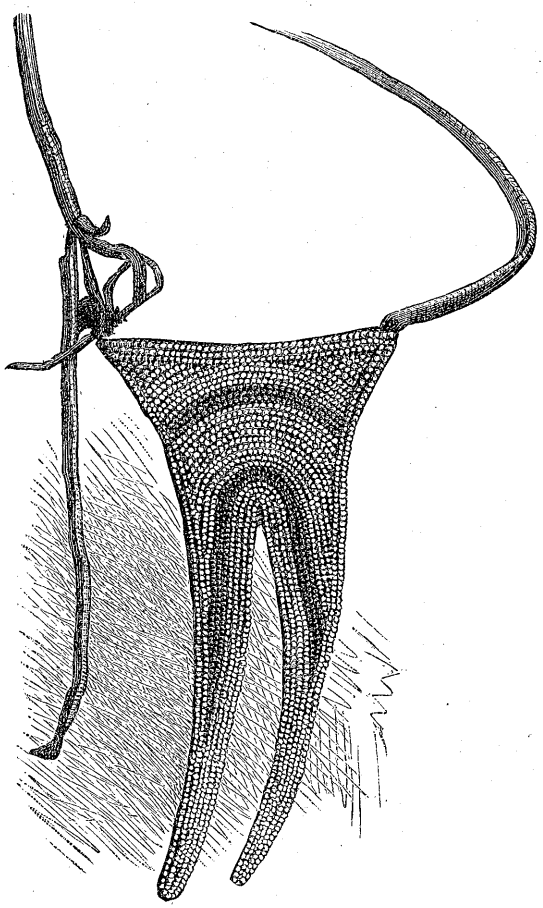
Отдѣльныя хижины у пастушескихъ народовъ ставятся обыкновенно въ кругъ, около свободнаго мѣста, куда на ночь пригоняется стадо. Болѣе обширныя деревни обносятся часто нѣсколькими кругами живой изгороди или свай, для крупнаго и мелкаго скота. Наконецъ, все поселеніе окружается большимъ частоколомъ. Этотъ послѣдній скрѣпляется палисадами, а въ деревняхъ земледѣльцевъ къ нему присоединяется еще ровъ. Такъ укрѣплены всѣ деревни бабембовъ. Но главная задача постройки африканскихъ деревень заключается въ затрудненіи доступа къ нимъ; входъ въ нихъ, какъ и у даяковъ, защищается воткнутыми въ землю отравленными осколками тростника (какъ, напр., у фановъ), а въ крайнемъ случаѣ, примыкаетъ къ лѣсному ручью, въ пескѣ котораго предательскіе слѣды быстро смываются. Потребность защиты вообще обнаруживаются въ значительной степени въ жилищахъ негровъ. Она выказывается въ выборѣ мѣстностей, всего чаще острововъ, полуострововъ, возвышенныхъ мѣстъ въ излучинахъ рѣкъ и горныхъ вершинъ. Но и при этихъ способахъ укрѣпленія постройка домовъ не становится болѣе прочной. Безъ внѣшняго воздѣйствія въ области негровъ никогда не строятся многоэтажные дома. О домѣ Ливингстона въ Колобенгѣ макололы говорили: „это не хижина, а гора со многими пещерами“. Жилища земледѣльцевъ ставятся среди полей, сгруппированныя въ деревни. Для этой цѣли отыскивалось по преимуществу мѣсто, окруженное густою порослью колючихъ растеній. Плотность этой чащи еще увеличивали прибавленіемъ колючихъ вѣтвей, даже палисадовъ. Такимъ образомъ, создавалась весьма дѣйствительная защита отъ наступленія непріятелей, въ особенности тамъ, гдѣ эту живую колючую изгородь нельзя было истребить огнемъ. Съ теченіемъ времени вокругъ деревни она образуетъ настоящее лѣсное кольцо. Единственный входъ ведетъ черезъ рядъ палисадовъ и ночью закрывается воротами. Внутри и около деревни охотно оставляются тѣнистыя деревья. Нерѣдко деревни окружаютъ цѣлыя рощи масличныхъ пальмъ, камедевыхъ деревьевъ (для приготовленія матерій изъ коры), и т. под.



Футляръ кафровъ, изъ хвоста млекопитающаго. (Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.) 2/5 наст. вел.

Почти у всѣхъ негровъ Африки въ строеніи ихъ хижинъ преобладаетъ коническая форма, круглое или овальное очертаніе и коническая или ульеобразная надстройка съ низкимъ входомъ, высотою въ человѣческій ростъ, и поперечникомъ вдвое бо́льшаго размѣра. Всего чаще встрѣчается форма улья. Даже большія, красивыя, похожія на дворцы постройки вагандовъ и ваньоровъ и правильно построенныя хижины племенъ верхняго Нила, въ сущности, принадлежатъ къ тому же типу (см. табл. „Пейзажъ на верхнемъ Нилѣ, съ хижинами динковъ“). Около этого типа группируются хижины отъ Нигера до Нила и отъ Свакопа до Собата. Мы находимъ болѣе просторныя и удобныя хижины преимущественно въ области верхняго Нила, какъ, напр., у бонговъ, хижины которыхъ достигаютъ 7 метр. высоты, и у джуровъ. Какъ бы ни были удобны ихъ внутренніе размѣры, дверь ихъ все-таки остается низкой, и у нихъ нѣтъ оконъ.

Между тѣмъ, какъ съ круглымъ очертаніемъ стиля этихъ построекъ гармонируетъ вообще круглое или разбросанное расположеніе деревень, прямоугольныя хижины вызываютъ расположеніе въ видѣ улицъ (см. рис., стр. 92). Полоса хижинъ прямоугольной постройки тянется отъ Маньемы черезъ сѣверный бассейнъ Конго до Камеруна; здѣсь два ряда жилыхъ хижинъ образуютъ улицу, оба конца которой замыкаются домами для собраній или подобными тому „общественными постройками“. Входъ и выходъ лежатъ на продольныхъ сторонахъ. Такъ какъ хижины одного ряда часто сливаются своими крышами, то происходятъ стоящіе другъ противъ друга длинные дома. Здѣсь возможно признать болѣе древнее состояніе, изъ котораго образовалась прямоугольная форма отдѣльныхъ домовъ. Длинные дома Полинезіи или Америки здѣсь еще болѣе напоминаютъ дома, гдѣ спятъ всѣ холостые мужчины, которые можно видѣть, начиная отъ мадіевъ, къ западу, черезъ всю область прямоугольнаго стиля. Въ западной Африкѣ круглыя, маленькія хижины непосѣдливыхъ бабонговъ стоятъ среди прямоугольныхъ хижинъ фановъ.



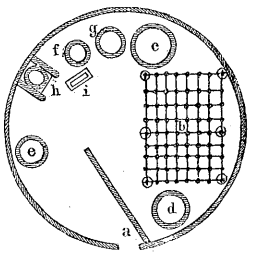
Усаженный бусами передникъ бечуанскихъ женщинъ. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) 1/6 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 86.

Отъ Рыбной рѣки до Уганды и Либеріи стиль постройки и расположеніе домовъ въ Африкѣ, лишенной городовъ, выказывали лишь незначительныя измѣненія, зависѣвшія отчасти отъ строительнаго матеріала и отчасти отъ установившихся привычекъ. Къ югу отъ Замбези строятъ хуже, такъ какъ тамъ имѣется менѣе обильный матеріалъ, а на сѣверо-западѣ строятъ всего лучше; но всѣ эти постройки непрочны, такъ какъ для нихъ по преимуществу употребляются солома, тростникъ и глина. Въ странѣ марутсовъ можно найти болѣе просторныя и тщательнѣе построенныя хижины, чѣмъ у бечуановъ или у зулусовъ. Но среди бечуановъ батлапины и баролонги и прежде выдѣлялись своимъ лучшимъ способомъ постройки. У обитателей Лунды коническая форма переходитъ въ форму, напоминающую хлѣбную печь, такъ какъ кровля изъ длинныхъ стеблей травы достаетъ почти до земли. На нижнемъ Конго даже осѣдлые земледѣльцы строятся такъ не прочно, что въ вооруженныхъ столкновеніяхъ, которыя имѣла съ ними международная ассоціація, впослѣдствіи превратившаяся въ государство Конго, разрушеніе негрской деревни считалось мало чувствительнымъ наказаніемъ. Въ Угандѣ у бонговъ и джуровъ постройки пріобрѣтаютъ бо̀льшіе размѣры и требуютъ большаго техническаго умѣнья; но они все-таки придерживаются конической или ульеобразной формы, дверь ихъ дѣлается столь низкою, что въ нее приходится входить ползкомъ, и въ нихъ точно также нѣтъ оконъ. Дворецъ Мтезы въ Рубагѣ.

имѣвшій, по словамъ Уильсона, 27 метр. длины, все-таки походилъ на амбаръ, будучи сдѣланъ изъ травы и соломы.

Въ томъ, и въ другомъ стилѣ возводятся и болѣе крупныя постройки, играющія роль дворцовъ и домовъ для общественныхъ собраній. Хижины-дворцы правителей вагумовъ, высотою до 10 метр., имѣвшія крытый входъ высотою до 4 метр. и описанный Швейнфуртомъ дворецъ короля мангбаттовъ (16 м. высоты, 20 м. ширины и 50 м. длины) для центральной Африки представляютъ громадныя сооруженія. Хижины для палаверовъ въ западной Африкѣ немногимъ уступаютъ имъ. Помѣщеніе мелкаго начальника въ торговой деревнѣ Уоссо на Сангѣ оказалось, по измѣренію Шоле, въ 40 м. длины и 20 ширины. Такія постройки расписываются красками, по большей части, черной, бѣлой и красной, и украшаются деревянной рѣзьбой. Южная Африка въ этомъ отношеніи отстала отъ экваторіальнаго сѣвера.

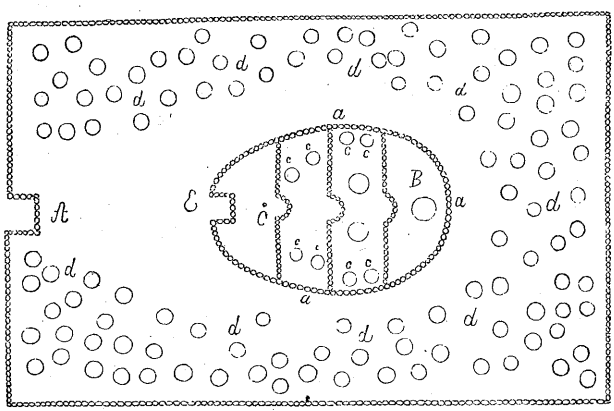
Въ Африкѣ вовсе нѣтъ постоянныхъ древесныхъ жилищъ, какія находятъ въ Суматрѣ и въ Новой Гвинеѣ; но въ ней нѣтъ недостатка во временныхъ укрѣпленіяхъ на вершинахъ исполинскихъ деревьевъ, какъ, напр., на верхнемъ Конго, и даже въ связи съ свайными постройками, каковы свайныя постройки въ наиболѣе выраженной формѣ на востокѣ и западѣ. На небольшомъ озерѣ Моріа, въ области верхней Луалабы, Кэмеронъ нашелъ цѣлое населеніе живущимъ въ небольшихъ четыреугольныхъ хижинахъ, поднимавшихся на невысокихъ сваяхъ. Они ѣздили въ выдолбленныхъ челнокахъ и обрабатывали землю на берегу. Лѣстница хижины замѣнялась наклонно поставленной сваей съ торчащими сучками. Недалеко отъ нихъ другіе жили на плавучихъ островахъ, участкахъ сплетшагося растительнаго покрова, тянущихся по краямъ этихъ мелкихъ озеръ плоскогорій. Такіе участки окружаются сваями, и на нихъ ставятся хижины островитянъ, которые даже сажаютъ тамъ бананы и разводятъ козъ и куръ. Въ то же время они воздѣлываютъ и плодовыя поля на твердой землѣ. Рольфсъ описываетъ также ясно выраженныя свайныя деревни на нижнемъ Бенуэ. И въ области верхняго Нила встрѣчаются свайныя постройки на твердой землѣ, очевидно, для защиты отъ хищниковъ, а, быть можетъ, и вслѣдствіе сырости почвы.



Планъ хижины въ Муби: a) дверное отверстіе и поперечная стѣна, b) мѣсто для постелей, c и d) глиняные сосуды для зернового хлѣба, e) глиняный горшокъ для воды, f и g) глиняныя подставки для горшковъ, h) очагъ, i) скамейка. (По Г. Бартy.) 3½ мет. въ поперечникѣ.

У пастушескихъ народовъ въ степяхъ, скудно надѣленныхъ водою, жилища цѣлаго племени тѣснятся вокругъ изгороди начальника. Близость воды, пастбищъ и дровяного лѣса („каждое племя бечуановъ“, говоритъ Лихтенштейнъ, „всегда выбираетъ мѣсто своего обитанія въ срединѣ большого мимозоваго насажденія, такъ какъ стволы этихъ деревьевъ составляютъ первый и самый необходимый строительный матеріалъ“), потребность въ большомъ кругломъ свободномъ пространствѣ для стадъ и, наконецъ, организація племени заставляютъ соединять жилища въ одномъ благопріятномъ пунктѣ. Въ старинныхъ отчетахъ миссіонеровъ и путешественниковъ мы читаемъ, что, въ особенности, внутри южной Африки имѣются города муролонговъ, матсароковъ и другихъ исчезнувшихъ племенъ, „города, мимо которыхъ нельзя пройти, не замѣтивъ ихъ“. Фрютеръ и Соммервиль приписывали въ 1801 г. городу Литако 15 тыс. жителей. По исчисленію Лихтенштейна, Куруманъ (см. рис., стр. 91) въ 1805 г. имѣлъ 600 домовъ и 5 тыс. жителей. Городъ Секоми, по указанію Чапмэна, въ 1852 г. былъ обитаемъ почти цѣлымъ племенемъ бамангватовъ, въ 12—15 тыс. человѣкъ, и тянулся почти на два километра въ гору.

Насколько мавританское и арабское вліяніе въ Африкѣ не привело къ каменной стройкѣ и при этомъ къ монументальнымъ зданіямъ (такъ, въ восточной Африкѣ находятъ, наполовину подъ землею, большой четыреугольный дворъ, окруженный глиняными хижинами, называемыми тембе, а въ переходныхъ областяхъ, какъ Дарфуръ, мы видимъ каменныя и глиняныя хижины смѣшанными съ коническими), мы находимъ деревни въ Африкѣ, соотвѣтственно меньшей плотности населенія, небольшими и непрочными. Преувеличеніе цифры ея населенія происходитъ, по большей части, оттого, что эти факты оставлялись безъ вниманія. Вмѣсто домовъ или хижинъ считали деревни. „Города“ на Конго, „резиденціи“ на Камерунѣ или на Куанго заключали въ лучшемъ случаѣ до двухъ тысячъ жителей. И это число получается обыкновенно такимъ образомъ, что считается вмѣстѣ нѣсколько деревень. „Большой городъ“ въ Виньяджарѣ на среднемъ Конго, который такъ пышно описываетъ Стэнли, сводится къ ряду деревень, которыя тянутся однообразной линіей по высокому берегу. Въ нѣкоторыхъ областяхъ деревни предпочтительно размѣщаются группами, какъ, напр., у батековъ на Огове. Въ видѣ исключенія, встрѣчаются жилища въ формѣ дворовъ или усадебъ, какъ, напр., въ странѣ баріевъ, гдѣ каждая семья имѣетъ отдѣльную усадьбу, состоящую изъ многихъ круглыхъ хижинъ и серибы, обсаженной молочаями. Такъ же, какъ у арабовъ Судана, у негровъ-скотоводовъ населеніе мѣстами разбивается на извѣстное число маленькихъ усадебъ, образующихъ деревенскую общину. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, рѣдкое населеніе разсѣяно по удобнымъ пастбищамъ этой луговой страны, и это разсѣяніе часто составляетъ лишь переходъ къ кочевому образу жизни.



Планъ укрѣпленной деревни въ Бигэ: A) входъ, B) конусообразныя хижины, гдѣ помѣщаются начальники, C) трофей изъ череповъ, aaa) частоколъ, E) входъ въ жилище начальника, ccc) хижины женъ начальника, ddd) хижины простого народа. (По Серпа Пинто.)

Важный фактъ африканской этнографіи заключается въ связи языковъ, простирающейся отъ южной границы кафровъ до экватора (см. „Этнографическую карту Африки“). Ихъ называютъ языками Банту. Различіе между ними и языками готтентотовъ и бушменовъ весьма значительно. Воззрѣніе, почти одновременно подтверждавшееся Блеекомъ и другими лингвистами и вѣско подкрѣпленное Лепсіусомъ, что готтентотскій языкъ принадлежитъ къ группѣ сѣверо-африканскихъ языковъ, могло бы бросить свѣтъ на связи и различія среди африканскихъ народовъ, но до сихъ поръ его приходится признавать только гипотезой. Что касается сущности языковъ Банту, то мы можемъ привести слѣдующіе признаки, которые одновременно указываютъ многія отличія отъ хамитическихъ языковъ и могутъ считаться самыми главными для этихъ широко распространенныхъ языковъ, въ общемъ причисляемыхъ къ агглютинирующей группѣ. Языки Банту—рѣзко выраженные языки съ префиксами. Каждое существительное имѣетъ передъ своимъ корнемъ префиксъ, и изъ этихъ префиксовъ есть отъ семи до десяти совершенно различныхъ, которые обозначаютъ соотвѣтственное число классовъ наименованій — людей, животныхъ, орудій, растеній и пр. Большинство ихъ имѣетъ опредѣленный передній слогъ

для единственнаго и множественнаго числа. Такъ, на языкѣ вагандовъ lungi означаетъ хорошій и muntu mulungi — хорошій человѣкъ, bantu balungi — хорошіе люди.

И передъ глаголами ставится слогъ, отмѣчающій лицо и время, такъ же, какъ и относительныя мѣстоименія, субъектъ и объектъ; корень глагола ставится послѣ всего, вслѣдствіе чего то, что на нѣмецкомъ языкѣ. составило бы бо́льшую часть предложенія или цѣлое предложеніе, на языкѣ банту выражается однимъ словомъ. Мы это можемъ видѣть на примѣрѣ изъ языка суагеліевъ: онъ, который хочетъ дать ему ножъ = atakayekimpa

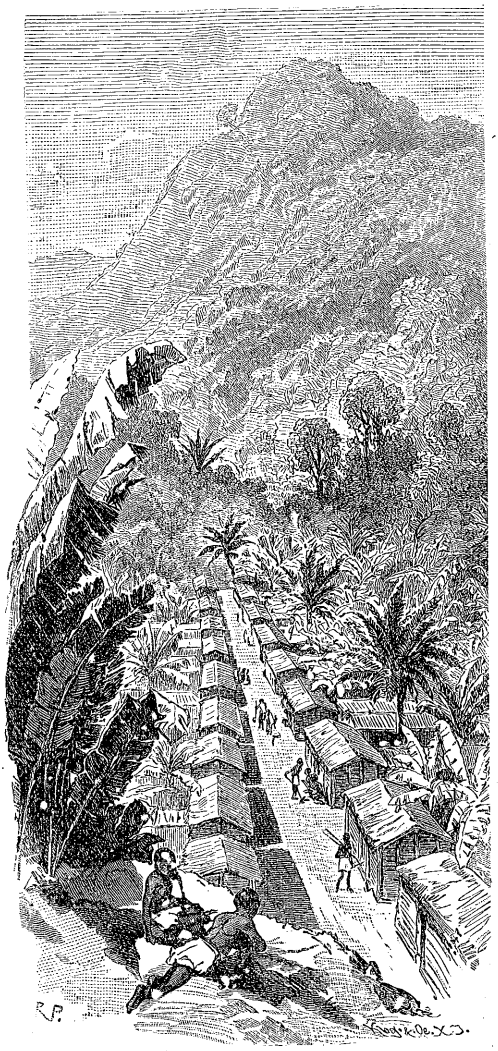
Улица въ бечуанскомъ городѣ Куруманѣ. (По проф. Г. Фритчу.)

kisu; a = онъ, taka = хочетъ, ye = который, ki = его, m = ему, pa = дать, kisu = ножъ.

Между тѣмъ, какъ этими префиксами строго отмѣчаются отличія одушевленнаго отъ неодушевленнаго и еще менѣе значительныя „классовыя различія“, противоположеніе родовъ оставляется безъ вниманія. Правда, есть особыя слова для отца и матери, но ихъ нѣтъ для сына и дочери, брата и сестры (mona можно отчасти перевести словомъ ребенокъ, pange — словомъ братья и сестры), какъ ихъ нѣтъ для дяди и тетки, для племянника и племянницы, для онъ и она. Напротивъ, языки банту имѣютъ преимущество передъ нашими въ томъ, что у нихъ есть особыя слова для старшихъ и младшихъ братьевъ и сестеръ, kota и ndenge; сравненіе дѣлается только этими словами. Согласованіе посредствомъ одинаковыхъ или эйфонически измѣненныхъ префиксовъ играетъ важную роль. Порядокъ словъ въ предложеніи таковъ: подлежащее, глаголъ, дополнененіе, но послѣднее замѣняется сокращеннымъ мѣстоименіемъ передъ глагольнымъ корнемъ. Звуковой характеръ языковъ банту выражается окончаніемъ каждаго слога гласной буквой. Напротивъ, согласная, стоящая въ началѣ, часто расширяется префиксами, въ особенности носовыми. Языкамъ банту свойственна

интонація, обозначающая совершенно различныя понятія однозначущими словами, съ помощью повышенія и пониженія голоса.

При различіи выговора, весьма замѣчательно для этихъ языковъ, лишенныхъ письменности, поразительное однообразіе ихъ въ столь обширной области. Мы имѣемъ теперь достаточныя свѣдѣнія объ языкѣ вагандовъ, чтобъ оцѣнить ихъ близкое сходство съ языками зулусовъ или гереросовъ. По воззрѣнію Блеека, южно-экваторіальные языки банту состоятъ изъ большой средней части, которая охватываетъ почти всѣ извѣстные народы между южнымъ поворотнымъ кругомъ и экваторомъ, и изъ двухъ далѣе уклонившихся вѣтвей, изъ которыхъ одна принадлежитъ юго-востоку, а другая сѣверо-западу. Упомянутый средній отдѣлъ распадается, въ свою очередь, на восточную и западную половины, изъ которыхъ каждая обнимаетъ, по крайней мѣрѣ, два рода языковъ. Точно также дальнѣйшія подраздѣленія представляетъ и юго-восточная вѣтвь. Въ этой вѣтви кафрскій языкъ обладаетъ въ разновидности зулусскаго языка самыми полными и первоначальными формами и наибольшимъ благозвучіемъ. Сичуана — болѣе гортанный языкъ, съ глухими гласными и стертыми согласными; языкъ текеца — болѣе открытый. Въ сичуанѣ мы находимъ болѣе діалектическихъ различій, чѣмъ въ кафрскомъ языкѣ, и крайнія восточныя сичуанскія нарѣчія болѣе сходны съ послѣднимъ, чѣмъ западныя. Но обо всѣхъ этихъ различіяхъ можно, повидимому, сказать только то, что Максъ Бухнеръ говоритъ обо всѣхъ языкахъ, которые онъ слышалъ въ Анголѣ и въ царствѣ Лунда: „можно ли считать эти нарѣчія особыми языками или только нарѣчіями одного и того же языка — вопросъ, не имѣющій значенія. Если можно позволить себѣ сравненіе съ различіемъ европейскихъ языковъ, то я могу утверждать, что обѣ всего лучше извѣстныя мнѣ крайности — ангольскій и лундскій языки — не болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ голландскій и верхненѣмецкій. Языки кіоко, шиншъ и, вѣроятно, также минунго почти тождественны между собой. Между языками Ангола, Бонго и Сонго, такъ же, какъ и между Бенгала, Бондо и Сонго, заключаются на границахъ всевозможные переходы, такъ какъ племена, говорящія ими, давно уже соприкасаются другъ съ другомъ. Между тѣмъ языки кіоко и лунда рѣзко отличаются другъ отъ друга, хотя деревни обоихъ племенъ тѣсно примыкаютъ одна къ другой. Здѣсь говорятъ на языкѣ лунда, а тамъ, можетъ быть, на разстояніи одного километра, на языкѣ кіоко. Кіоки, какъ чуждые пришельцы съ юга, живутъ лишь нѣ-



Деревня ашировъ. (По Дю-Шалью.)
Ср. текстъ, стр. 88.

сколько лѣтъ на землѣ Лунда". Всѣ эти многочисленныя мелкія, отдѣльныя вѣтви, разнообразіе которыхъ въ своемъ родѣ не менѣе характерно, обладаютъ, по словамъ того же изслѣдователя, „поразительнымъ сходствомъ". Этотъ признакъ не уничтожается большими культурными различіями и пространственными разстояніями. Овагереросы — бѣдные скотоводы въ юго-западной Африкѣ, банабіи — зажиточные земледѣльцы въ области средняго Замбези, а макалаки — нѣчто среднее между пастухами и земледѣльцами, на подобіе бечуановъ. Но Чапмэнъ, который послѣ овагереросовъ посѣтилъ макалаковъ и банабіевъ, нашелъ всѣ эти три языка столь сходными между собою, что понимать ихъ всѣ было одинаково легко.

Въ числовой системѣ сто является высшей числовой единицей. Выше считаютъ обыкновенно чужеземными числительными, на верхнемъ Нилѣ — арабскими, въ юго-западной Африкѣ — португальскими, причемъ mil превратилось въ miri. Различныя указанія говорятъ за то, что первоначально считали только до пяти и затѣмъ начинали новый рядъ. Двадцать, тридцать значатъ двадесять, тридесять. Десять имѣетъ значеніе существительнаго: оно не только имѣетъ множественное число, но можетъ играть роль и коллективной единицы, вродѣ нашей дюжины какъ, напр., dikuini dia hombo — десятокъ козъ, причемъ понятія о частяхъ остаются въ единственномъ числѣ.

Вкусовыя ощущенія, кислое, сладкое или горькое, должны быть описаны однимъ и тѣмъ же прилагательнымъ, означающимъ нѣчто пикантное, какъ сахарный тростникъ, соль и пр. То же самое относится къ цвѣтамъ, для которыхъ имѣется только три настоящихъ опредѣленія, а именно — черный (въ то же время и синій), бѣлый (а также желтый и вообще свѣтлый и блестящій) и красный. Отсюда, однако, нисколько не слѣдуетъ, чтобы негры были менѣе воспріимчивы къ извѣстнымъ цвѣтамъ, чѣмъ мы (см. т. I, стр. 34). Независимо отъ различія единственнаго и множественнаго числа, настоящихъ склоненій у нихъ не существуетъ, если не признавать намека на него въ частицѣ a, вообще обозначающей зависимость и по преимуществу соотвѣтствующей формѣ нашего родительнаго падежа. Необычайнымъ богатствомъ звучныхъ модуляцій отличаются междометія. Amá, по Бухнеру отчасти соотвѣтствующее нашему „что такое?", eoa — вродѣ нашего „эй, эй!", aiuä — нѣчто вродѣ „ура", — слышатся тамъ ежедневно и ежечасно. Въ качествѣ подтвержденій, часто приходится слышать „смерть!" и „твоя правда!". Вопросъ выражается интонаціей и не ведетъ за собою перестановки словъ. Сообразно значительной, часто безпомощной простотѣ выраженій, тамъ отсутствуютъ всѣ сложные обороты. Этой простотѣ соотвѣтствуютъ, съ другой стороны, большая правильность и послѣдовательность. Между тѣмъ, какъ у насъ исключенія преобладаютъ настолько, что правила почти не признаются, тамъ происходитъ обратное, вслѣдствіе чего анализъ становится чрезвычайно легкимъ и пріятнымъ.

Распространеніе діалектовъ Банту на такой обширной области есть фактъ величайшаго значенія въ исторіи африканскихъ народовъ. Незначительныя раздѣленія, какія произошли между ними, не позволяютъ допустить продолжительнаго времени послѣ ихъ расхожденія. Каждый изъ болѣе ограниченныхъ въ пространственномъ отношеніи языковъ негрскихъ народовъ Судана отдѣленъ болѣе глубокими различіями отъ сосѣднихъ языковъ, чѣмъ самыя отдаленныя и обширныя нарѣчія Банту. Это допускаетъ возможность заключить объ ограниченности ихъ происхожденія относительно мѣста и времени. Они должны были произойти отъ общаго, тѣсно связаннаго между собою корня, и не могло еще пройти много времени съ тѣхъ поръ, какъ они раздѣлились. Обширное распространеніе языковъ Банту соотвѣтствуетъ распространенію множества этнографическихъ признаковъ въ той же обширной области. Но эти признаки распространены еще

шире, такъ какъ они, по большей части, повторяются у столь различныхъ въ лингвистическомъ отношеніи готтентотовъ и свойственны даже неграмъ Судана, говорящимъ на совершенно иномъ языкѣ: они измѣняются нелегко.

Положеніе и очертанія области распространенія этого семейства языковъ исключаютъ сѣверъ и югъ материка; тамъ господствуютъ другія семейства языковъ, между которыми языки Банту тянутся широкой полосой. Но гдѣ искать ихъ происхожденія—на востокѣ, западѣ или въ срединѣ материка? Исторія народовъ Банту знакомитъ насъ, въ предѣлахъ историческаго періода, со странствованіями ихъ въ сѣверномъ и южномъ направленіи, а также и въ западномъ, но не въ восточномъ. Мы склоняемся къ мнѣнію Швейнфурта, что востокъ Африки порождаетъ народы, а западъ поглощаетъ ихъ. Но нельзя не возразить съ извѣстной основательностью, что періодъ, къ которому относятся указанія путешественниковъ, миссіонеровъ и пр., касающіяся подобныхъ движеній, слишкомъ коротокъ, и что сами эти указанія имѣютъ много пробѣловъ и весьма неравную цѣнность. Болѣе старинные писатели повѣствуютъ изъ непосредственнаго наблюденія только о событіяхъ, происходившихъ на берегу моря. Стимулы, лежавшіе глубже внутри материка, приводятся лишь по слухамъ. Этнографическія свидѣтельства, къ которымъ можно было бы обратиться, не заключаются ни при какихъ обстоятельствахъ въ глубокихъ общихъ различіяхъ, а должны быть отыскиваемы только въ частностяхъ. Но важнѣйшій фактъ состоитъ здѣсь въ томъ, что народы Банту не образуютъ этнографически замкнутой группы, какую они представляютъ въ лингвистическомъ отношеніи, а въ совокупности этнографическихъ фактовъ существенно сходны съ прочими неграми. Искаженія тѣла, одежда, вооруженіе тѣхъ и другихъ существенно одинаковы. Точно также между собою сходны и утварь, и способы охоты и рыбной ловли. Въ постройкѣ хижинъ нѣкоторые представители языковъ Банту различаются между собою болѣе, чѣмъ отъ суданскихъ негровъ. Земледѣліе выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ развитія у различныхъ племенъ негровъ; но его архитектоническій символъ,—глиняное или плетеное зернохранилище—идетъ отъ Нубіи къ басутамъ.

Языки суданскихъ негровъ, которые Лепсіусъ назвалъ смѣшанными негрскими языками, распадаются географически на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна обнимаетъ Гвинейскія племена отъ рѣки Калабара до Сенегала и глубоко вдается въ Суданъ, между тѣмъ, какъ другая размѣщается около верхняго Нила и Конго. Сѣверную вѣтвь составляютъ здѣсь языки шиллуковъ, нуэровъ, динковъ и баріевъ, которые Ф. Мюллеръ разсматриваетъ вмѣстѣ какъ нильскіе языки. Два послѣдніе находятся въ соотношеніи высшей и низшей ступени развитія: языкъ баріевъ представляетъ развитіе языка динковъ. Для нихъ обоихъ характерны безформенность и склонность къ агглютинаціи. Въ языкѣ динковъ глаголъ не имѣетъ залоговъ, временъ и лицъ, между тѣмъ, какъ языкъ баріевъ для понятія продолжительности выработалъ удвоеніе. Въ основѣ именъ числительныхъ лежитъ пятерная система. Языки динковъ и баріевъ оба благозвучны, а объ языкѣ мадіевъ, впрочемъ, еще недостаточно извѣстномъ, Фелькинъ говоритъ, что въ немъ употребляются такіе же щелкающіе звуки, какъ въ южно-африканскихъ языкахъ. Бонги и момфусы, повидимому, принадлежатъ въ лингвистическомъ отношеніи къ нильскимъ народамъ, отъ которыхъ дальнѣйшая линія родства идетъ чрезъ вакуафіевъ къ масаямъ, между языками Банту и Галла. Изъ языковъ мангбатту, асандехъ, абармбо, амади, абангба, кредь и голо Ф. Мюллеръ, составляетъ экваторіальную семью языковъ, къ которой, вѣроятно, примыкаютъ живущія далѣе къ западу, еще недостаточно извѣстныя племена. Это семейство языковъ не находится ни въ какой связи съ языками Банту; впрочемъ, это требуетъ еще болѣе точнаго подтвержденія.

На западномъ берегу отъ устья Нигера до устья Сенегала, языки болѣе мелкихъ негрскихъ племенъ представляютъ переходъ отъ языковъ Банту, которые всего далѣе подвигаются на сѣверъ, къ хамитическимъ идіомамъ сѣверо-западной Африки. Изъ числа ихъ языки ефикъ, ибо и іоруба въ существенныхъ пунктахъ сходны съ языками Банту: подобно послѣднимъ, они прежде всего языки съ префиксами. Къ нимъ примыкаютъ своеобразныя нарѣчія, каковы эве (Ашанти), га (Акра) и оджи; Лепсіусъ считаетъ ихъ связанной между собою группой, которая выработалась въ бѣдный формами языкъ изъ основъ языка Банту. Языки кру и веи сходны съ ними, а языки темне и булломъ изъ Сіерра Ліоне опять, со своими префиксами именъ, ближе стоятъ къ типу Банту. Даже болѣе уклоняющіеся отъ нихъ широко распространенные языки іолофовъ и фулаховъ, повидимому, не совсѣмъ лишены слѣдовъ родства съ языками Банту.

Какъ нынѣшніе негры не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ настоящей письменности, такъ и въ негрскихъ странахъ нельзя найти слѣдовъ какихъ-либо древнихъ письменъ. Барабанный языкъ (см. выше, стр. 19 и т. I, стр. 36) и шнуры для пословъ встрѣчаются и у негровъ. У эбусовъ эти послѣдніе дополняются привязанными къ нимъ предметами; такъ, раковины каури означаютъ „поставленные лицомъ къ лицу“, т. е. дружбу; уголь означаетъ смерть, стрѣла (въ новѣйшее время пуля) — войну. Чернокожіе Тихаго океана, индѣйцы Сѣверной Америки, гиперборейцы своимъ образнымъ письмомъ, служащимъ для обозначенія достопамятныхъ событій, стоятъ выше африканскихъ негровъ: у этихъ послѣднихъ мы видимъ только начала этого письма, въ видѣ бирокъ и мѣтокъ или знаковъ собственности (см. рис., т. I, стр. 36, фиг. 1, а не 2, какъ тамъ обозначено), между тѣмъ, какъ на все писанное тамъ смотрятъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Заимодавецъ и должникъ означаютъ число уплаченныхъ цѣнностей нарѣзами на палкѣ. Точно также торговцы и носильщики въ дорогѣ обозначаютъ число ночевокъ на своемъ посохѣ, а особенно важныя событія — болѣе крупными или нѣсколько иначе сдѣланными нарѣзками. Если гдѣ нибудь выростетъ особенно красивая тыква, обѣщающая сдѣлаться желательнымъ сосудомъ для воды, собственникъ спѣшитъ сохранить ее за собою, вырѣзавъ на ней ножомъ извѣстный знакъ, что̀ не можетъ не напомнить древнегерманскаго обычая. Но здѣсь могутъ играть роль и суевѣрныя чувства. Въ то же время часто цитируемое изобрѣтеніе особаго письма для языка веи неграми этого племени считается доказательствомъ, что даровитость негровъ при извѣстныхъ стимулахъ можетъ возвышаться и до разрѣшенія этой задачи.

---

2. Пастушескіе народы восточной Африки.

„Подвижное начало Стараго Свѣта, приверженный къ стадамъ и къ войнѣ, патріархально дисциплинируемый кочевой бытъ, примѣненный къ негрскому элементу.“ ***

Содержаніе: Пастухи и земледѣльцы. — Политическая роль скотоводовъ и ихъ военная организація. — Скотоводство. — Рогатый скотъ, овцы и козы. — Вліяніе скотоводовъ на собственность и общество. — Молочное хозяйство. — Общія этнографическія совпаденія.

Если задачею описательнаго народовѣдѣнія является возможность, путемъ раздѣленія на расы и группы, обозрѣть безчисленное множество народовъ, то въ Африкѣ труднѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, достигнуть этой цѣли. Если вниманіе будетъ обращено преимущественно на языки, то въ серединѣ материка возможно установить большую — къ сожалѣнію, слишкомъ большую — группу языковъ Банту, и раздѣленіе по физиче-

скимъ особенностямъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ этой группировкой; но вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо напрашивается и другое дѣленіе, вытекающее изъ образа жизни и, въ своей основѣ, опирающееся на свойства почвы и климата. Гораздо рѣзче, чѣмъ границы между сливающимися діалектами африканцевъ или сливающимися признаками анатомическаго строенія, выступаетъ различіе между осѣдлыми и земледѣльцами на западѣ и внутри материка и подвижными скотоводами на югѣ и на востокѣ. Пастушескіе народы этого материка, въ сущности, однородны; ихъ жизнь, дѣятельность, міръ ихъ мыслей и мечтаній развиваются на однородной основѣ; ихъ общее культурное достояніе, какъ предметовъ, такъ и идей, выказываетъ общія черты. Это родство пастушескихъ народовъ выходитъ далеко за предѣлы Африки; у аріійцевъ древняго времени процвѣтаніе ихъ стадъ также составляло средоточіе ихъ интересовъ, какъ у зулусовъ нашего времени, и хорошо знакомые намъ разсказы Библіи выступаютъ на томъ же фонѣ пастушеской жизни, какъ и сказанія кочевого племени галласовъ. Связь этихъ пастушескихъ народовъ въ нѣчто единое является чисто внѣшнею; но кто можетъ сказать, сколько расовыхъ признаковъ, которые мы считаемъ теперь вполнѣ установленными, обязаны своимъ происхожденіемъ мѣстнымъ условіямъ — климату, образу жизни и порождаемому тѣмъ и другимъ міру идей?

Воинъ масай въ полномъ уборѣ. (По фотографіи д-ра Фишера.)

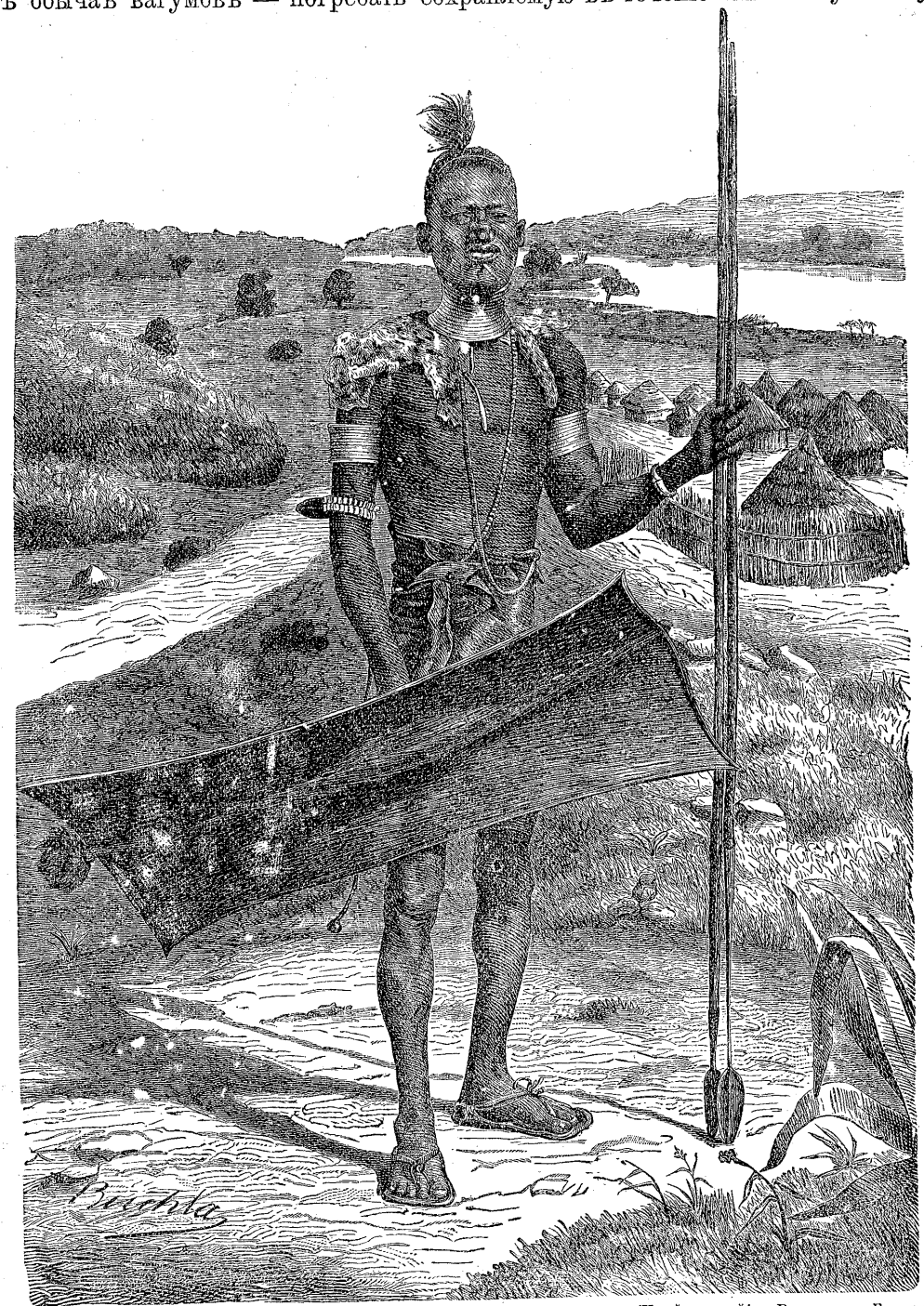
Съ 6^0 южн. шир. къ югу до юго-восточной оконечности Африки народы, принадлежащіе къ семьѣ Банту, являются представителями рѣзко выраб-

таннаго сочетанія пастушескаго и военнаго быта; оттуда до 5° сѣв. шир. живутъ три различныя народныя группы, рядомъ другъ съ другомъ, въ относительно узкихъ областяхъ, и всѣ три представляютъ ту же культурную форму. Это — хамиты-галласы и сомалiи на востокѣ, принадлежащіе къ группѣ масаи-шули (масаи, см. рис., стр. 96), вакуафіи, турканы, суки, ланги, шуліи (см. рис., стр. 98), баріи, динки (на западѣ) и банту (ваньямвезіи, ваганды, ваньоры (см. рис. ниже) на юго-западѣ. Нигдѣ болѣе глубокое этнографическое сходство не встрѣчается въ соединеніи съ такими большими расовыми и лингвистическими различіями. Медленно отъ Индійскаго океана переходитъ оно черезъ арабскіе оттѣнки въ бурый и темно-бурый цвѣта, изъ кавказскаго въ негроидный типъ; языки далеко расходятся между собою и, тѣмъ не менѣе, всѣ эти народы — пастухи одного и того-же типа, и всѣ одинаково — представители сходныхъ военныхъ организацій. Сумма совпаденій между этими народами и неграми такъ велика, что тамъ, гдѣ тѣ и другіе сидятъ рядомъ, различіе часто обозначается только цвѣтомъ и языкомъ. Прежде оно шло глубже. Извѣстныя, повидимому, незначительныя внѣшнія отличія являются признаками болѣе глубокаго сходства. Отъ нубійцевъ до самыхъ южныхъ кафровъ мы видимъ отсутствіе лука и стрѣлъ, рядомъ съ обладаніемъ кожанымъ щитомъ и колющимъ или метательнымъ копьемъ. Это можетъ служить выраженіемъ военной организаціи, выказывающей отъ самыхъ сѣверныхъ галласовъ до самыхъ южныхъ кафровъ поразительныя совпаденія, въ особенности въ выдѣленіи военной касты холостыхъ мужчинъ, которые всевозможными преимуществами вознаграждаютъ тяжесть военной службы, въ способѣ боя и въ боевыхъ украшеніяхъ. Развитіе военной аристократіи изъ сильнаго, грубаго народа сдѣлалось для всей восточной Африки важнѣйшимъ политическимъ и культурнымъ событіемъ. Оно не ограничилось тѣмъ народомъ, у котораго получило свое начало, а привлекло къ завоеванію и грабежу многихъ народовъ, отъ Рыбной рѣки до Голубого Нила. Съ существенно сходными признаками мы встрѣчаемъ его во всей области. Часть мужчинъ извѣстнаго народа выдѣляется на подобіе касты, отказывается вступать въ бракъ, живетъ только мясомъ, кровью и молокомъ и не носитъ никакой или почти никакой одежды, отказываясь отъ всякой другой покрышки, кромѣ вырѣзанной изъ кожи рогатаго скота, пестро раскрашеннаго овальнаго щита и головного убора изъ перьевъ или кусковъ шкуры леопарда. Лука у нихъ не существуетъ: длинное копье, дополняемое иногда пучкомъ метательныхъ копій, соотвѣтствуетъ тактикѣ смѣлаго натиска сомкнутыми массами, что́ свойственно воинамъ всѣхъ этихъ народовъ.

Воинъ ваньоръ. (По фотографіи Рихарда Бухты.)

Мы проходимъ мимо многихъ сходствъ или совпаденій, которыя будутъ видны изъ отдѣльныхъ описаній, и въ заключеніе напомнимъ только о сходствахъ въ погребальныхъ обычаяхъ. У всѣхъ африканскихъ пасту-

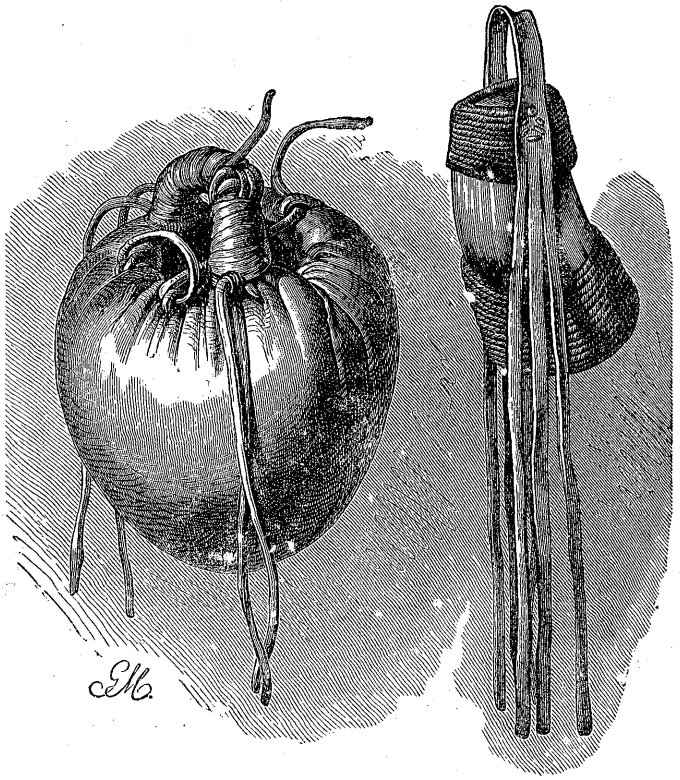
ховъ погребеніе происходитъ въ кралѣ. Спутникъ Спика Бомбей узналъ въ обычаѣ вагумовъ — погребать сохраняемую въ теченіе жизни пуповину



Воинъ шули, въ полномъ вооруженіи, на заднемъ планѣ деревня. (По фотографіи Рихарда Бухты). См. текстъ, стр. 97.

женщины внѣ, а пуповину мужчины внутри хижины — обычаи своего племени Вайяо на Ровумѣ.

Скотоводство негровъ достигаетъ высшаго развитія на востокѣ материка, гдѣ живутъ исключительно пастушескія племена, отъ средняго Нила, около 12° сѣв. шир., до южной оконечности Африки. Главнымъ предметомъ его является рогатый скотъ. За нимъ идутъ всѣ домашнія животныя — козы, свиньи, овцы, собаки и немногочисленныя куры. Въ этомъ общемъ обзорѣ мы не касаемся племенъ, у которыхъ мало развитое скотоводство соединяется съ преобладающимъ земледѣліемъ, и имѣемъ въ виду только тѣхъ, которыя живутъ почти однимъ скотоводствомъ. Эти пастушескія племена, которыя въ Суданѣ занимаютъ поперекъ всю Африку и на восточномъ плоскогорьи простираются отъ динковъ, на верхнемъ Нилѣ, до кафровъ, на нижней оконечности Африки, почти безъ перерывовъ, къ которымъ, кромѣ того, слѣдуетъ причислить гереросовъ на западѣ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже готтентотовъ, представляютъ одно изъ важнѣйшихъ явленій народной жизни Африки. Нѣкоторыя изъ нихъ презираютъ всякое земледѣліе, но даже и у тѣхъ, которыя, наряду со скотоводствомъ, занимаются земледѣліемъ, послѣднее имѣетъ лишь значеніе тягостной необходимости: стада составляютъ у нихъ средоточіе и центръ тяжести всей физической и духовной жизни. У исключительныхъ скотоводовъ скотъ составляетъ 99% всѣхъ разговоровъ. Такъ, Бютнеръ говоритъ о гереросахъ: между тѣмъ, какъ они не нашли необходимымъ установить въ своемъ языкѣ особыя слова для обозначенія цвѣта голубого неба и зеленой травы, каждая масть ихъ любимыхъ коровъ, овецъ и козъ можетъ быть опредѣлена ими самымъ точнымъ образомъ. Обиліе обозначеній мастей рогатаго скота у динковъ было отмѣчено и Швейнфуртомъ. Когда пропадетъ штука скота, ищущій ее пастухъ всѣмъ встрѣчнымъ такъ описываетъ ея масть, походку, величину и форму роговъ, что каждый, знающій дѣло, отличитъ ее изъ тысячи. Когда они веселятся и принаряжаются для танцевъ, то, и танцуя, подражаютъ движеніямъ коровъ. Практикующееся въ огромныхъ размѣрахъ воровство скота заставляетъ ихъ тщательно оберегать право собственности; поэтому каждое стадо носитъ, въ видѣ выжженныхъ или вырѣзанныхъ на ушахъ знаковъ, мѣтку владѣльца. О динкахъ, крупныхъ скотоводахъ на верхнемъ Нилѣ, разсказываютъ, что ихъ любовь къ скоту часто превосходитъ привязанность къ семьѣ; вслѣдствіе того, во время охоты за невольниками, баггарамъ и подобнымъ имъ достаточно было отогнать скотъ, такъ какъ они знали, что собственники послѣдуютъ



Сумка для жира и рогъ для жира гереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 108.

за нимъ. И въ войнахъ кафровъ и бечуановъ съ англичанами и бурами угонъ скота игралъ большую роль, какъ самое сильное средство подчиненія. Въ связи съ этимъ пастушескіе народы неохотно колютъ своихъ животныхъ, чтобы не уменьшать стада. Эта воздержанность удивительна для такихъ крайнихъ любителей мяса и жира. Даже пастухъ, который служитъ за жалованье у чуждаго ему европейца, никогда безъ особаго приказанія не убьетъ лучшихъ животныхъ для стола своего господина: онъ всегда будетъ дожидаться того, что они падутъ или будутъ близки къ смерти.

Деревянные сосуды и ложка бечуановъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 118.

Поэтому въ стадахъ всегда можно видѣть престарѣлыхъ животныхъ, которыя, вслѣдствіе отсутствія зубовъ, въ сухое время погибаютъ самымъ жалкимъ образомъ. Уступка животнаго изъ стада безъ принужденія совершенно выходитъ изъ круга пониманія чернаго скотовода. Когда басуты въ 30-хъ и 40-хъ годахъ впервые нанялись въ Капландѣ въ качествѣ рабочихъ и привели оттуда съ собою скотъ, полученный ими въ видѣ вознагражденія за работу, эта добровольная уступка скота его собственниками, по словамъ Казалиса, показалась начальнику басутовъ столь невѣроятною, что онъ заподозрилъ возвратившихся соплеменниковъ въ воровствѣ и даже боялся, что имъ устроили какую-нибудь западню. Эту собственность, доставшуюся имъ въ разрѣзъ съ его понятіями, онъ не могъ считать пріобрѣтенною вполнѣ законнымъ путемъ. Впрочемъ, быть можетъ, въ основѣ этого опасенія лежало предположеніе, что вліяніе начальника, какъ главнаго собственника всѣхъ стадъ, могло быть поколеблено этимъ пріобрѣ-

теніемъ, совершившимся независимо отъ него. Фактически возрастающая частная собственность оказала у басутовъ именно такого рода дѣйствіе; обладаніе начальника стадами составляетъ главнѣйшій источникъ силы и вліянія, увеличеніе котораго составляетъ предметъ постоянной заботы, даже, въ крайнемъ случаѣ, съ помощью грабежа. Швейнфуртъ думаетъ, что почти религіозную любовь динковъ къ своимъ стадамъ напоминаетъ поклоненіе рогатому скоту у тодовъ, но динки, когда ихъ угощали другіе, ѣли безъ всякаго стѣсненія быковъ, которыхъ боязливо щадили въ своихъ стадахъ. Такимъ образомъ, мы видимъ у нихъ только почитаніе ихъ собственности.

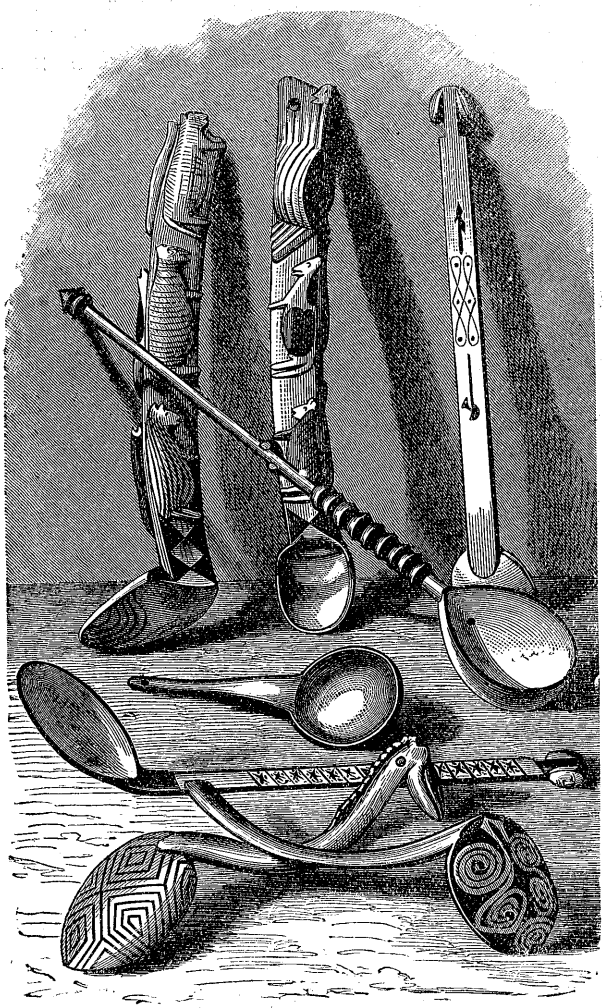
Деревянные сосуды кафровъ-зулусовъ. (Музей Берлинскаго Миссіонерскаго дома.) Ср. текстъ, стр. 118.

Овцу можно назвать убойнымъ животнымъ, хотя и ее также по возможности щадятъ. При жертвоприношеніяхъ обыкновенно убивается овца. По узламъ и железамъ сѣти внутренностей убитаго барана знахарь овагереросовъ дѣлаетъ предсказанія, такъ же, какъ римскіе гадатели. Жирная овца сжигается, какъ всесожженіе, когда во время засухи желаютъ дождя; черный дымъ, поднимающійся къ небу, долженъ образовать облака, которыя разрѣшатся дождемъ. Напротивъ, въ большіе праздники и при торжествахъ по случаю обрѣзанія и погребенія убивается рогатый скотъ.

Третій элементъ негрскихъ стадъ, козы, которыя, такъ же, какъ у насъ, находятся въ нѣкоторомъ пренебреженіи, повидимому, представляетъ нѣчто, появившееся позднѣе. Онѣ необыкновенно быстро распространились только въ сѣверно-экваторіальныхъ областяхъ, гдѣ отъ внутренней страны Камеруна до области верхняго Конго онѣ составляютъ важнѣйшее домашнее животное. Поразительно, однако, что козы вовсе не употребляются для религіозныхъ церемоній. Свинья изъ европейскихъ поселеній глубоко проникла въ различныя стороны внутрь материка: Кэмеронъ

видѣлъ къ западу отъ Ніангве, въ странѣ Кифума, свинью, привязанною почти у каждой хижины. На востокѣ эти животныя вытѣсняются исламомъ.

Ни одинъ изъ языковъ Банту не обладаетъ, повидимому, собственнымъ обозначеніемъ лошади. Этотъ фактъ имѣетъ величайшее историческое значеніе, и часто совершенно справедливо ставился вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что это домашнее животное, лелѣемое уже въ теченіе тысячелѣтій въ западной Азіи, не было ввезено изъ Аравіи, путемъ торговли, на восточный берегъ Африки и не проникло оттуда вглубь материка? Во многихъ странахъ южной Африки формы поверхности и почва весьма благопріятны для разведенія лошадей. Здѣсь, такъ же, какъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, весь образъ жизни и способъ передвиженія туземцевъ, благодаря тому, могъ бы испытать коренныя измѣненія. Можно даже считать вѣроятнымъ, что ихъ способность сопротивленія вторженію бѣлыхъ этимъ была бы усилена такъ же, какъ въ сѣверо-американскихъ степяхъ и южно-американскихъ пампасахъ. Заключается ли причина этого обстоятельства въ мухѣ цеце или въ гриппообразныхъ болѣзняхъ, но въ южно-африканскихъ областяхъ погибаетъ часто до 70% всѣхъ лошадей; какъ бы то ни было, ни одно негрское племя не превратилось въ наѣздниковъ. Хамитическіе конные народы (галласы) съ сѣвера только недавно переступили за экваторъ. Негры не сдѣлались хорошими наѣздниками даже и тамъ, куда къ нимъ въ прежнія времена арабы доставляли лошадей, и гдѣ они заводили коневодство, какъ, напр., въ среднемъ Суданѣ или на берегу Суагели. Многія племена употребляютъ для верховой ѣзды быковъ; но другія племена, въ высшей мѣрѣ занимающіяся скотоводствомъ, какъ, напр., гереросы и динки, не пользуются быками для этой цѣли. Напротивъ, быки служатъ повсюду въ качествѣ вьючныхъ животныхъ. Оселъ прижился только въ области арабской и абиссинской культуры. Ни языкъ, ни преданія негровъ не даютъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о прирученіи африканскаго слона.



Ложки для ѣды: 1, 2) мамбундовъ; 3, 4) зулусовъ; 5, 6) бечуановъ; 7, 8) безъ ближайшаго указанія происхожденія: старые экземпляры изъ коллекціи Лихтенштейна. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 107.

Собака распространена по всей Африкѣ, какъ и по всему свѣту. Она вездѣ сопутствуетъ человѣку, въ домашней жизни и на охотѣ; но даже

у настоящихъ пастушескихъ племенъ она не участвуетъ въ присмотрѣ за стадами и служитъ только къ тому, чтобы не допускать до нихъ хищныхъ животныхъ.“ Собаки негровъ, бродящія въ большомъ числѣ въ каждой деревнѣ, принадлежатъ къ породѣ, трудно поддающейся опредѣленію; по большей части, онѣ некрасивы, лохматы и тощи. Между собаками извѣстныхъ народовъ существуютъ небольшія различія, не являясь, однако, расовыми признаками. Такъ какъ негръ никогда не даетъ своимъ собакамъ достаточно корма, то эти друзья дома въ высшей степени склонны къ воровству и, рядомъ со многими дурными свойствами, имѣютъ лишь одно крайне полезное, а именно, онѣ исполнены злѣйшей вражды къ гіенамъ. Нѣкоторыя негрскія племена, въ особенности внутри материка, разводятъ собакъ для ѣды, какъ это дѣлаютъ малайцы и полинезійцы. Манданды, которые, по указанію Эрскайна, также ѣдятъ собакъ, выставляютъ, какъ причину того, что зулусы хотятъ имѣть не собакъ, а козъ, и что первые, когда держали козъ вмѣсто собакъ, должны были уступить ихъ своимъ притѣснителямъ. Эти племена ѣдятъ и крысъ, которыя тамъ водятся въ большомъ количествѣ; тамъ употребляются въ пищу и другіе мелкія млекопитающія, а также пресмыкающія и насѣкомыя.

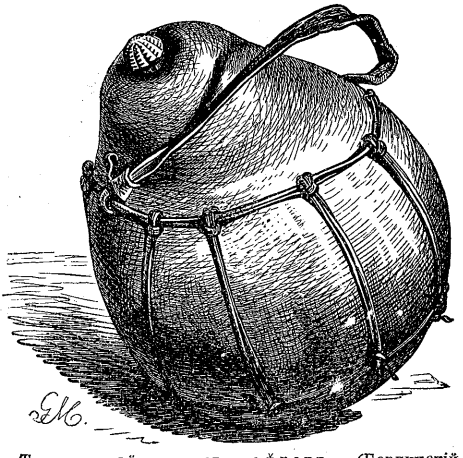
Поле служитъ потребности, стада — роскоши. Тотъ, у кого вовсе нѣтъ скота, — пролетарій, если даже у него много зернового хлѣба и проса: лишь съ помощью скота онъ можетъ покупать вещи, выходящія за предѣлы крайней необходимости. Только тотъ, у кого много скота, можетъ себѣ купить жену и, по мѣрѣ своихъ доходовъ, приноситъ должныя жертвы, лѣчить свои болѣзни и подготовлять себѣ достойное погребеніе. Отсюда исходитъ важная политическая роль скотоводства и воздаваемое ему уваженіе. Король зулусовъ, вагумовъ и пр. завѣдуетъ національнымъ богатствомъ стадъ и, подобно своимъ начальникамъ, считаетъ охраненіе рогатаго скота благороднымъ занятіемъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ его является — принимать каждое утро докладъ о состояніи его стадъ и оказавшихся среди нихъ болѣзняхъ и смертныхъ случаяхъ; при этомъ не бываютъ забыты ни цвѣтъ, ни форма роговъ, и пр. Затѣмъ онъ осматриваетъ стадо и выбираетъ изъ него пищу на этотъ день (отъ 6 до 10 штукъ). Изъ этихъ стадъ берется продовольствіе для войска и матеріалъ для его щитовъ. Цѣлью почти всѣхъ хищническихъ и военныхъ экспедицій зулусовъ бываетъ прежде всего захватъ рогатаго скота; красивыя животныя составляютъ самые желательные и почетные знаки побѣды арміи, возвращающейся домой. Въ кралѣ для скота мы видимъ только мужчину. Онъ доитъ коровъ, пасетъ и поитъ рогатый скотъ, а также овецъ и козъ, весьма охотно исполняя эту работу. Онъ знаетъ каждое животное своего стада и называетъ его по имени.

Часто владѣлецъ стада не ограничивается любовнымъ созерцаніемъ всѣхъ особенностей своихъ животныхъ; подобно тому, какъ онъ стремится выставить въ настоящемъ свѣтѣ собственное тѣло, посредствомъ украшеній и различныхъ грубыхъ уродованій, такъ же искусственно онъ украшаетъ и свои стада. Повидимому, всѣ кафрскія племена имѣютъ пристрастіе къ такимъ праздднымъ забавамъ. Ливингстонъ разсказываетъ о макололахъ: „они употребляютъ много времени на то, чтобы украшать и убирать свой скотъ. У нѣкоторыхъ животныхъ волосы спалены полосами раскаленнымъ желѣзомъ, и это придаетъ имъ видъ зебры; у другихъ головы обвѣшаны кусками кожи, въ нѣсколько дюймовъ длины. Или имъ выскабливаютъ рога съ одной стороны, чтобы выгибать ихъ по произволу. Чѣмъ причудливѣе изгибъ роговъ у коровы или быка, тѣмъ выше цѣнится животное, тѣмъ болѣе считается оно украшеніемъ стада. Однако, пристрастіе этого племени къ своему скоту не ограничивается подобными прихотливыми цѣлями: оно старается по мѣрѣ возможности, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ находится въ соприкосновеніи съ европейцами, улучшать достоинство скота.“

Скотоводство есть также основа жизни и питанія всѣхъ бечуанскихъ племенъ, но въ различной мѣрѣ: живущія по близости горъ на востокѣ, въ хорошо орошенныхъ долинахъ, пользуются случаемъ для обширнаго развитія земледѣлія, а оттѣсненныя къ границѣ пустыни Калагари не могутъ уже держать стадъ рогатаго скота, предоставляютъ заботу о своихъ немногочисленныхъ стадахъ козъ и овецъ своимъ женамъ и съ тѣмъ большею страстью отдаются охотѣ. Но все-таки, хотя бы очень незначительное, стадо остается основою ихъ жизни и главнымъ средствомъ ихъ пропитанія. Стада племенъ, живущихъ въ лучшихъ мѣстностяхъ, часто достигаютъ громадныхъ цифръ; такъ, напр., число головъ скота басутовъ до ихъ послѣдней войны съ англичанами считали въ 200 тысячъ. У южныхъ бечуановъ есть большерогая порода среднихъ размѣровъ, а въ области Замбези встрѣчается еще болѣе мелкая, называемая батокскимъ скотомъ: она была отбита у племени Батока. Описаніями этой любопытной породы мы обязаны Ливингстону и Чапмэну; по ихъ указаніямъ, батокскій скотъ — не выше годовалаго теленка, очень молоченъ, доставляетъ превосходное мясо и очень смиренъ и послушенъ. Но ни одно изъ южно-африканскихъ пастушескихъ племенъ не основало въ такой мѣрѣ всего своего существованія на обладаніи стадами, какъ гереросы въ западной Африкѣ, страна которыхъ всего менѣе противится воздѣлыванію культурныхъ растеній. Ихъ скотъ, такъ называемый дамарскій скотъ, описывается какъ близко родственный бечуанскому, но слабѣе и худощавѣе послѣдняго, съ маленькими и очень твердыми копытами и висящимъ почти до земли кистеобразнымъ пучкомъ волосъ на концѣ хвоста, что̀ до извѣстной степени считается украшеніемъ. Дамарскій скотъ цѣнится въ особенности, какъ верховой. Гереросы ставятъ своихъ быковъ тѣмъ выше, чѣмъ у тѣхъ больше рога. Они любятъ запрягать животныхъ одной масти и, подобно намакамъ, предпочитаютъ бурыхъ, такъ какъ свѣтлый цвѣтъ считается признакомъ слабости. Коровы даютъ мало молока; по свидѣтельству Бэнса, нужно 12 дамарскихъ коровъ, чтобы получить столько молока, сколько даетъ одна европейская корова. На взаимныя отношенія въ средѣ народа стада оказываютъ настоящее принудительное вліяніе: тотъ, у кого нѣтъ скота, не имѣетъ никакого значенія. Чувства и глаза этихъ людей уже съ самой ранней юности пріучаются къ формамъ и мастямъ животныхъ. Самыя маленькія дѣти забываютъ свои игры и вступаютъ въ споръ за достоинство того или другого быка. Главное удовольствіе дѣтей заключается въ воспроизведеніи изъ глины коровъ и быковъ, и они доводятъ эти работы до большого совершенства. Неудивительно, поэтому, что вся сила ихъ воображенія съ ранней юности направляется на эти предметы ихъ поклоненія, и что уходъ за стадами считается занятіемъ, на которое самые почтенные люди смотрятъ съ уваженіемъ. Сыновья самыхъ могущественныхъ начальниковъ должны нѣкоторое время своей жизни провести въ качествѣ простыхъ пастуховъ. Сами начальники возвращаются отъ времени до времени къ занятіямъ своей молодости; это бываетъ въ особенности тогда, когда приходится удаляться на отдаленныя пастбища. Часто бываетъ, что уважаемый начальникъ въ теченіе недѣль беретъ на себя присмотръ за своими стадами, довольствуясь самой простой пищей и еще болѣе скромнымъ жилищемъ. Но отсюда и происходятъ ихъ удивительныя познанія въ этомъ дѣлѣ. Какъ и жизнь ихъ вообще, такъ и ихъ знанія достигаютъ въ этомъ отношеніи высшей ступени. Такъ какъ скотъ не имѣетъ особыхъ знаковъ, и на немъ не дѣлается никакихъ письменныхъ отмѣтокъ, то владѣлецъ всегда долженъ твердо помнить, гдѣ находится его скотъ. Онъ всегда долженъ быть въ движеніи, чтобы повѣрять мѣста остановки скота, и, вслѣдствіе постояннаго упражненія, его память въ распознаваніи скота доходитъ до невѣроятнаго.

Приращеніе стада есть ось, на которой движется вся жизнь гереросa;

безъ этого жизнь его не имѣла бы содержанія. Когда мы видимъ, какъ подобная собственность отдѣльнаго человѣка растетъ все больше и больше, то передъ нами развертывается одна изъ самыхъ замѣчательныхъ картинъ соціальной жизни, во многихъ отношеніяхъ удовлетворительное разрѣшеніе задачи распредѣленія собственности. Подрастающаго ребенка мать скоро научаетъ выпросить у отца или у опекуна козу, а другихъ животныхъ — у дядей и тетокъ; такимъ образомъ, дѣти не только живутъ на счетъ общаго домашняго достоянія, но и пріобрѣтаютъ свой собственный скотъ, на молоко котораго никто не имѣетъ права, кромѣ нихъ. Когда стада вечеромъ возвращаются съ пастбища домой, нужно видѣть, какъ отовсюду дѣти бѣгутъ имъ на встрѣчу, завладѣваютъ своими козами и высасываютъ ихъ молоко. Козлята этихъ козъ также принадлежатъ ребенку, и, такъ какъ ихъ не колютъ, то, вмѣстѣ съ ростомъ ребенка, растетъ и его имущество. Мальчикамъ и дѣвочкамъ отъ времени до времени дарятъ нетелей, и, такимъ образомъ, у нихъ постепенно собирается маленькое стадо. При постоянныхъ передвиженіяхъ, у каждаго сколько-нибудь зажиточнаго мужчины, хотя бы родство съ нимъ было очень отдаленное, всегда что-нибудь выпрашивается; чѣмъ старше и солиднѣе становится человѣкъ, тѣмъ раньше получаетъ онъ въ подарокъ или во временное пользованіе пастбище для скота. Охраняющій этотъ скотъ естественно пользуется молокомъ ввѣренныхъ ему животныхъ, хотя новотельныхъ коровъ и козъ онъ всегда долженъ доставлять хозяину по его требованію. Чѣмъ собственникъ богаче, тѣмъ лучше у него устроенъ присмотръ за скотомъ. Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, когда путемъ наслѣдства оказывается возможность еще болѣе увеличить блескъ своего дома. Если сынъ уже выросъ и самъ сдѣлался зажиточнымъ собственникомъ, то онъ наслѣдуетъ и всю семью своего отца; тогда однимъ разомъ онъ становится въ ряды знатныхъ лицъ. Такъ какъ имущество въ видѣ стадъ имѣетъ склонность накопляться все болѣе и болѣе, то оно въ той же мѣрѣ подчиняется коммунистическому закону, въ силу котораго самый богатый всего менѣе можетъ считаться обезпеченнымъ. Наслѣдники и слуги полагаютъ себя вправѣ заявлять претензіи на имущество, и отъ нихъ приходится откупаться мелкими отступными платежами и этимъ путемъ поддерживать ихъ вѣрность отцу большой семьи.

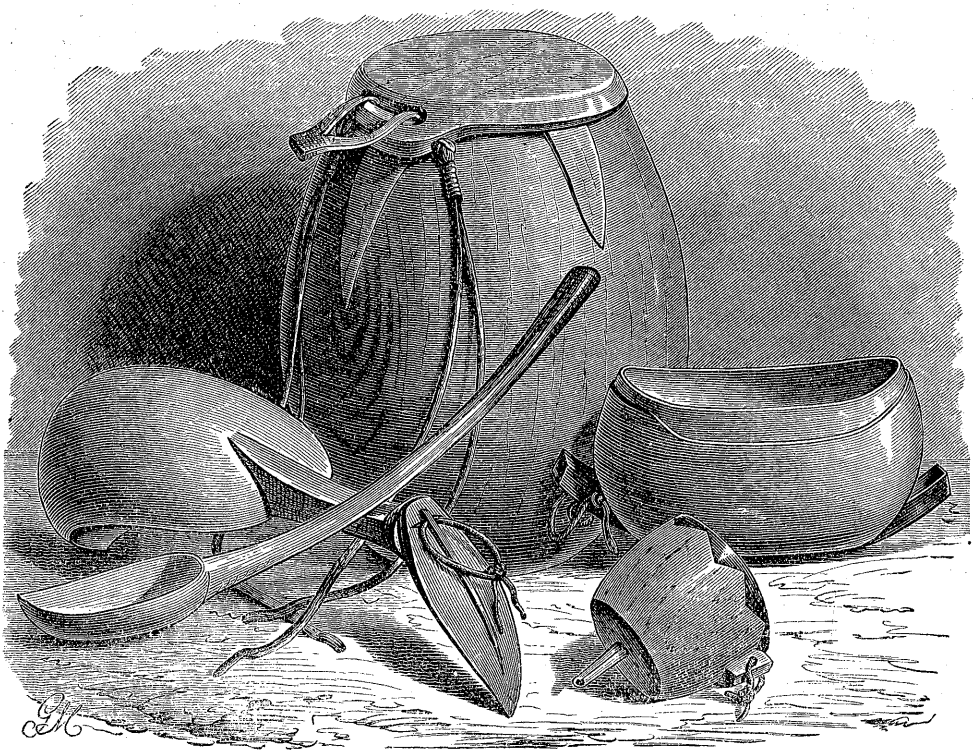


Тыквенный сосудъ кафровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/5 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 107.

Все наслѣдственное право овагереросовъ находится въ тѣсной связи съ скотоводствомъ. Когда кто-либо умираетъ и оставляетъ несовершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ, оставшіеся послѣ него (жена и дѣти), въ сущности, ничего не наслѣдуютъ, а имущество, вмѣстѣ съ семьей въ римскомъ смыслѣ), достается ближайшему сильному человѣку. Только мужчина можетъ держать и увеличивать стада. Скотъ умершаго становится его скотомъ, и, что̀ самое важное, слуги умершаго становятся его слугами; но и жены умершаго становятся его женами, и дѣти этого послѣдняго становятся его дѣтьми. И, повидимому, впослѣдствіи не дѣлается никакого различія между его родными и пріемными дѣтьми; едва-ли и въ языкѣ имѣются слова для обозначенія пріемнаго отца, пріемной матери и пріемныхъ дѣтей. Хотя, въ обширномъ смыслѣ, существуютъ

слова для обозначенія дяди и тетки, племянника и племянницы, но эти слова употребляются по преимуществу, когда говорятъ о болѣе старыхъ и разумныхъ людяхъ. Дѣти и при жизни родителей называютъ братьевъ и сестеръ отца и матери отцами и матерями; точно также дѣти братьевъ и сестеръ всегда не иначе говорятъ другъ о другѣ, какъ о родныхъ братьяхъ и сестрахъ (см. выше, стр. 24).

Это сглаживающее, выравнивающее вліяніе стадъ рогатаго скота и козъ идетъ еще далѣе, и его нельзя назвать неблагопріятнымъ. Такъ какъ растущее стадо не можетъ постоянно оставаться въ одномъ мѣстѣ, то



Молочное ведро, молочная чашка, воронка и ложки овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_6$ наст. величины.

является уравниваніе различій въ собственности и состояніи, вслѣдствіе необходимыхъ измѣненій въ положеніи скота. Каждый болѣе богатый собственникъ вынужденъ имѣть, наряду съ собственными хлѣвами (онганда), еще отдѣльные дворы для скота (озохамбо), за которыми присматриваютъ младшіе братья или другіе близкіе родственники, а за недостаткомъ ихъ, испытанные старые слуги. Кромѣ того, гереросы вообще раздѣляютъ свой скотъ на возможно маленькія партіи, для того, чтобы повальная болѣзнь или внезапный хищническій набѣгъ злыхъ сосѣдей не лишилъ ихъ разомъ всего имущества. Они отдаютъ нѣсколько штукъ знакомымъ и родственникамъ для присмотра, и каждый беретъ, отчасти въ видѣ залога, отчасти за взаимную услугу, отъ друзей и знакомыхъ столько, сколько можетъ взять. Поэтому, на каждомъ такомъ дворѣ можно найти скотъ многихъ владѣльцевъ. Однако, скотъ каждаго отдѣльнаго владѣльца мѣтится въ рѣдкихъ случаяхъ. Вообще каждый собственникъ знаетъ свой скотъ, такъ сказать, лично — по формѣ роговъ, масти и безконечному числу другихъ мелкихъ примѣтъ. Такъ какъ при этомъ каждый, до извѣстной

степени, имѣетъ въ рукахъ скотъ всѣхъ другихъ, въ видѣ залога, то миръ или, по крайней мѣрѣ, внѣшнее согласіе среди всѣхъ гереросовъ болѣе обезпечено, чѣмъ это можно было бы предположить, зная анархическій строй этихъ народовъ.

Нельзя не признать также, что блужданіе и разсѣяніе вмѣстѣ со стадами, непостоянство мѣстообитаній дѣйствуетъ на всю жизнь раздробляющимъ образомъ, выравниваетъ общество въ нежелательномъ смыслѣ и вовсе не благопріятствуетъ спокойному развитію зачатковъ культуры. Именно, стада питаютъ безпрерывныя войны, составляя главную добычу ихъ. Стада вредятъ оздоровляющему земледѣлію, гдѣ оно только что началось, почти въ такой же мѣрѣ, какъ и тучи саранчи. Но прежде всего они придаютъ всей жизни слишкомъ узкую основу.

Такихъ же одностороннихъ, можно сказать, страстныхъ скотоводовъ, какъ южные кафры, гереросы, галласы, масаи, вагумы и др., находимъ мы въ странѣ Нила въ лицѣ динковъ и баріевъ. Только они почти совсѣмъ уходятъ въ скотоводство: мужчины ни одному другому занятію не посвящаютъ столько заботы и труда. Обычаи ихъ, связанные со скотоводствомъ, сходны съ обычаями южно-африканскихъ племенъ. Мужчины занимаются дойкой и пасутъ попеременно стада деревни. Телята помѣщаются вмѣстѣ съ семьей, въ ея жилищѣ. На пастбище, на которомъ коровы ходятъ съ колоколами грубой работы, скотъ выгоняется только тогда, когда съ травы роса уже исчезла, такъ какъ она считается вредной. Коровы и здѣсь убиваются только въ торжественныхъ случаяхъ (у мадіевъ — при началѣ жатвы). Путешественники описываютъ необычайное изобиліе стадъ въ странахъ верхняго Нила, тамъ, гдѣ рѣка протекаетъ въ травянистой Суданской области. У мадіевъ, которыхъ никакъ нельзя назвать чистыми скотоводами, среднее количество скота на каждаго владѣльца равняется 30—40 головамъ; даже у бѣдныхъ бываетъ 3—4 штуки. Во времена Швейнфурта, въ береговыхъ областяхъ на нѣсколько дней пути выше Хартума, „насколько могъ окинуть глазъ, рогатый скотъ былъ разсѣянъ по обоимъ берегамъ“. На многочисленныхъ водопояхъ стада въ 1000—3000 головъ представляли великолѣпное зрѣлище.

Наряду съ хозяйственными, политическими и, если можно такъ сказать, психическими мотивами высокаго положенія, занимаемаго скотоводствомъ, чисто физическій мотивъ пользованія молокомъ образуетъ крѣпкую связь между жизнью пастуха и его стадомъ. Молоко есть основа питанія всѣхъ негрскихъ народовъ, занимающихся скотоводствомъ въ болѣе крупномъ масштабѣ, и многіе изъ нихъ, какъ напр. масаи, кромѣ молока, жира и мяса, не признаютъ никакой другой, напр., растительной пищи. Молоко ѣдятъ почти исключительно въ окисшемъ видѣ; только дѣти сосутъ молоко прямо изъ вымени козъ или коровъ. Молочные сосуды никогда не моютъ, вслѣдствіе чего на деревѣ ихъ вскорѣ образуется кора, и прѣсное молоко, вливаемое въ эти старыя ведра, въ теплѣ окисаетъ весьма быстро. Молоко никогда не должно быть въ соприкосновеніи съ металломъ, такъ какъ отъ этого могутъ произойти вредныя послѣдствія для коровъ. Овагереросы часто отказываются молоко, купленное въ полѣ, вливать въ жестяные сосуды европейцевъ, изъ опасенія, что ихъ коровы могутъ потерять молоко. Черезъ нѣкоторое время молоко взбалтывается въ калебассѣ (см. рис., стр. 105) или въ кожаномъ мѣхѣ. Такъ какъ и эта калебасса рѣдко или никогда не вычищается и въ ней всегда бываетъ остатокъ стараго молока, когда вливаютъ новое, то это послѣднее скоро киснетъ; тѣмъ не менѣе, его болтаютъ въ калебассѣ до тѣхъ поръ, пока казеинъ и сыворотка опять соединятся между собою. Это взбалтываніе составляетъ обыкновенно занятіе женщинъ. Затѣмъ молоко ѣдятъ изъ деревянныхъ ведеръ большими деревянными ложками, которыя часто можно видѣть въ нашихъ музеяхъ, съ ихъ оригинальными украшеніями въ видѣ фигуръ животныхъ (см. рис., стр.

73, 100, 102 и 106). У скотоводовъ, занимающихся вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣліемъ, какъ бечуаны, молоко смѣшиваютъ обыкновенно съ просяной кашей. При взбалтываніи калебассы естественно образуется и масло. По большей части, его не вынимаютъ оттуда, а при постоянномъ добавленіи свѣжаго молока и дальнѣйшемъ взбалтываніи, оставляютъ до тѣхъ поръ, пока сосудъ достаточно наполнится имъ и не можетъ уже много вмѣщать молока. Тогда калебасса выставляется на солнце, и растопленное масло выливается для дальнѣйшаго сбереженія въ особые сосуды, рога и мѣшки (см. рис., стр. 99), предназначенные для сохраненія жира. Это масло, впрочемъ, не идетъ въ пищу, а употребляется только для смазыванія тѣла. Сыръ изготовляется лишь арабами, берберами и абиссинцами; лучшіе скотоводы восточной и западной Африки — феллахи, галласы, динки, бечуаны, овагереросы и др. — незнакомы съ его приготовленіемъ.

Доеніе коровъ считается весьма важнымъ дѣломъ и у большинства негрскихъ народовъ дозволяется только мужчинамъ (см. стр. 103). Такъ какъ коровы, цѣлый день остающіяся на свободѣ, довольно дики, то это, дѣйствительно, не легкое дѣло. Имъ связываютъ заднія ноги ремнемъ, и доильщикъ садится на корточки подъ коровой, держа молочное ведро между колѣнями. Но корова не даетъ доить себя, если не видитъ по близости своего теленка; поэтому его выпускаютъ изъ телячьяго двора и позволяютъ ему высосать нѣсколько глотковъ изъ полнаго вымени; затѣмъ его отгоняютъ въ сторону, и доильщикъ доитъ, отстраняя теленка, если думаетъ, что это не можетъ быть вредно для него: скорѣе люди должны терпѣть недостатокъ въ молокѣ, чѣмъ телята. Для нѣкоторыхъ коровъ, которыя, по мнѣнію овагереросовъ, имѣютъ способность удерживать въ себѣ молоко по желанію такъ, что доильщикъ ничего не можетъ выдавить изъ полнаго вымени, примѣняютъ различныя церемоніи, отчасти для того, чтобы склонить корову добровольно отдать свое молоко, отчасти для того, чтобы не позволить теленку пользоваться исключительно всѣмъ молокомъ.

Наряду съ молокомъ, кровь рогатаго скота служитъ пищею для пастуховъ. При господствующемъ недостаткѣ соли, она можетъ играть и роль приправы. По мнѣнію нѣкоторыхъ, она оказываетъ нѣсколько опьяняющее дѣйствіе и обладаетъ большой питательной силой. Ее выпускаютъ изъ одной изъ большихъ наружныхъ шейныхъ жилъ, которая сперва крѣпко перетягивается ремнемъ. У вакамбовъ употребляется маленькая стрѣла, остріе которой закруглено, какъ у столоваго ножа, чтобы она не проникала слишкомъ глубоко, и плотно обмотано нитками; ее спускаютъ въ жилу съ помощью маленькаго лука. Кровь пьютъ въ чистомъ видѣ или смѣшанною со свѣжимъ молокомъ.

Бычковъ и барашковъ легчатъ въ раннемъ возрастѣ и на племя пускаются только лучшіе экземпляры рогатаго скота и овецъ. Для убоя и разниманія туши пользуются наконечниками копій.

3. Кафры, зулусы и бечуаны.

„Эти туземцы считаютъ войну своей настоящей жизненной задачей; сообразно съ тѣмъ, они располагаютъ и свои ежедневныя занятія.“
Г. Фритчъ.

Содержаніе: Положеніе мѣстообитаній. — Историческое положеніе въ южной и восточной Африкѣ. — Кафры и бечуаны. — Одежда и оружіе. — Постройка домовъ и деревни. — Земледѣліе и скотоводство. — Семья. — Могилы. — Колдуны и знахари. — Начальникъ. Государство и войско. Военная организація зулусовъ. — Правовая жизнь. — Исторія юго-восточныхъ кафровъ. Коза, фингу, понда. Исторія зулусовъ. Исторія бечуановъ. Басуты, маколосы, бамангваты, баквены, бакалагаріи, багурутсы. Сѣверные зулусы. Участіе ихъ въ работорговлѣ.

Спускаясь съ запада, съ внутренняго плоскогорья, черезъ краевыя возвышенности Драконовыхъ горъ, въ низины восточнаго берега, путешественникъ вскорѣ чувствуетъ, что его окружаетъ сильная плодородная

природа и самостоятельное и дѣятельное туземное населеніе. Все въ большемъ и въ большемъ числѣ возвышаются группы ульеобразныхъ, обнесенныхъ четыреугольными заборами кралей натальскихъ кафровъ; ихъ стада повсюду пасутся на лугахъ, и статныя фигуры, появляющіяся для продажи топлива, котораго путешественникъ такъ давно былъ лишенъ, или для какой-нибудь иной торговли, дополняютъ картину, составляющую рѣзкую противоположность того, что̀ позволяла видѣть жизнь туземцевъ въ настоящей Капской колоніи. Тотчасъ же бросается въ глаза, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ расою, которую нельзя назвать бездѣятельной. Опрятная постройка хижинъ, порядокъ, съ какимъ частоколы окружаютъ отдѣльныя группы ихъ, производятъ благопріятное впечатлѣніе. Хотя жители этой страны въ теплую погоду ходятъ почти обнаженными, но пріѣзжій чувствуетъ, что онъ находится между людьми, жизнь которыхъ стоитъ на твердой основѣ, среди пастуховъ, живущихъ обезпеченными имуществомъ и собственной работой, а не случайностями и невѣрными дарами природы. Такова страна наиболѣе значительной въ историческомъ отношеніи, наиболѣе сильной и продолжительной власти, какой до сихъ поръ удалось положить начало кафрамъ,—страна зулусовъ. Но эти зулусы представляютъ только наиболѣе выраженный, наиболѣе своеобразно развитой типъ народной группы, дѣятельность которой, частью разрушительная, частью государствообразовательная, ощущается на востокѣ материка до области великихъ озеръ; эта картина повторяется отъ Рыбной рѣки до экватора, когда мы поднимаемся съ запада на восточное плоскогорье. Повсюду географическій подъемъ связывается здѣсь съ этнографическимъ.

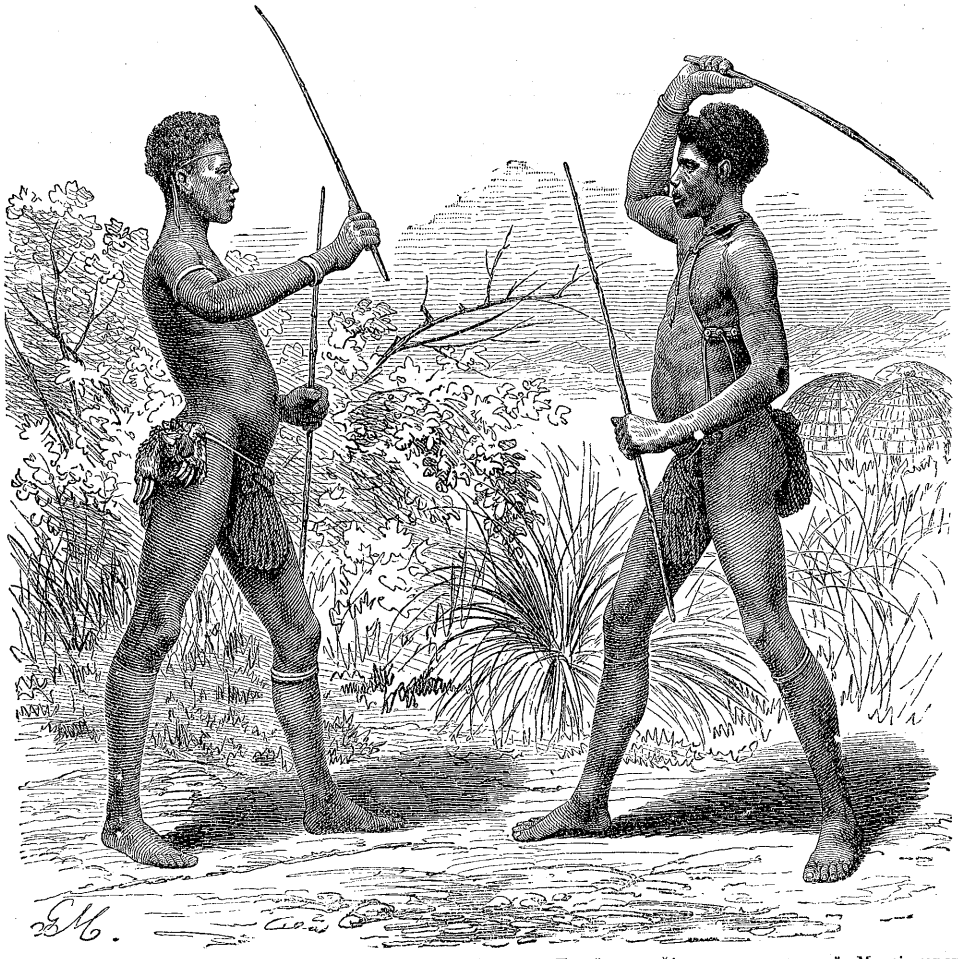
Въ южной Африкѣ съ сѣвера на югъ на восточной сторонѣ, отъ Замбези до южной оконечности, живутъ свазіи, зулусы, понды, пондомизіи, тембусы и козы (см. рис., стр. 13 и т. I, стр. 12, 27 и 30). Уже 200 лѣтъ ихъ называютъ общимъ именемъ кафровъ. Они не отдѣляются рѣзко отъ своихъ сѣверныхъ и западныхъ соплеменниковъ; племена на Замбези и Ніяссѣ, въ особенности, составляютъ соединительное звено между тѣми и другими. Но пространственное обособленіе, воздѣйствіе естественныхъ условій, соприкосновеніе съ свѣтлыми южноафриканцами и южноафриканскими поселенцами европейскаго происхожденія отчасти повліяли на нихъ въ иномъ направленіи, чѣмъ на племена, живущія ближе къ экватору. Въ физическомъ отношеніи они принадлежатъ къ самымъ сильнымъ негрскимъ племенамъ. Среди духовныхъ способностей ихъ выдѣляется энергія, которая ставитъ ихъ наряду съ наиболѣе выдающимися завоевателями и основателями государствъ Африки. Главный этнографическій признакъ ихъ заключается въ томъ, что вся жизнь ихъ наполнена интересами скотоводства. Не отказываясь отъ земледѣлія, они—по преимуществу пастухи, съ образомъ жизни и стремленіями пастушескихъ народовъ, передвигающихся отъ Голубого Нила до Рыбной рѣки по плоскогорьямъ восточной Африки. Если въ искусствахъ осѣдлой жизни они стоятъ ниже племенъ внутренней Африки, то жизнь въ умѣренномъ климатѣ и, по большей части, возвышенныя мѣстообитанія, охватывающія лучшія полосы южной Африки, и соприкосновеніе въ новѣйшее время съ бѣлыми поселенцами содѣйствовали подъему этихъ отпрысковъ негрскихъ народовъ. Столкновеніе съ бѣлыми колонистами повело ко многимъ кровавымъ войнамъ, въ которыхъ кафры оказались опасными противниками, но оно же распространило идеи и обычаи христіанства и высшей культуры и во многихъ отношеніяхъ увеличило благосостояніе.

Къ группѣ кафрскихъ народовъ, въ обширномъ смыслѣ, можно причислить бечуановъ. Они занимаютъ средину южной Африки, гдѣ граничатъ на востокѣ съ зулусами, а на западѣ — съ намаками и овагереросами. Тамъ Драконовы горы образуютъ рѣзкую естественную границу, а здѣсь степь Калагари составляетъ нѣчто вродѣ нейтральной области, гдѣ

отбросы и бездомные изъ числа бечуановъ, бродячіе бакалагаріи встрѣчаются съ бушменами и самыми восточными отраслями намаковъ. На юго-востокѣ вообще Оранжевая рѣка, гдѣ встрѣчаются названія мѣстностей на бечуанскомъ языкѣ, а на юго-западѣ та же степь могутъ считаться границами, между тѣмъ, какъ самую интересную и важную границу, на сѣверѣ, нигдѣ нельзя провести съ точной опредѣленностью. Уже теперь можно сказать, что изъ всѣхъ группъ кафрскихъ народовъ бечуаны наименѣе рѣзко отличаются отъ обитателей экваторіальныхъ странъ. Впрочемъ, ради проведенія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой раздѣльной линіи, Замбези можно вообще принять за сѣверную границу, хотя уже отъ озера Нгами за эту границу проникаютъ части различныхъ другихъ племенъ. Поэтому въ самомъ общемъ видѣ всю внутреннюю южную Африку можно назвать областью обитанія бечуановъ; при этомъ, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что политико-географическое понятіе Бечуаналандъ „страна бечуановъ“, употребительное въ южной Африкѣ, опредѣлятъ ограниченную область между Калагари, республиками буровъ и страною гриковъ (Грикаландомъ). Такъ какъ бечуаны нигдѣ не доходятъ до моря, то они повсюду граничатъ съ другими племенами, и этотъ фактъ слѣдуетъ указать, какъ особенно важный въ ихъ исторіи. То обстоятельство, что мѣстообитанія бечуановъ принадлежатъ къ маловоднымъ, степнымъ, мало располагающимъ къ земледѣлію внутреннимъ областямъ южной Африки, также оказываетъ извѣстное вліяніе; такъ какъ болѣе значительныя массы населенія не могутъ здѣсь находить пропитанія для себя, то здѣсь недостаетъ условія для прочнаго культурнаго развитія, а именно, густого народонаселенія. Общее число бечуановъ не должно превосходить 350 тыс. Въ области, по меньшей мѣрѣ, занимающей 5000 кв. миль, такое рѣдкое населеніе не только является элементомъ слабости въ культурномъ отношеніи, но и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ бечуаны, большимъ политическимъ недостаткомъ; только немногіе изъ ихъ племенъ способны сами по себѣ къ энергичной, воинственной дѣятельности по отношенію къ могущественнымъ сосѣдямъ, которые, въ видѣ восточныхъ кафровъ, занимаютъ ихъ восточную границу. Остальная часть населенія раздроблена и не объединена.

Въ подвижныхъ, воинственныхъ пастушескихъ кафрскихъ народахъ заключается сила распространенія, для которой нужна только заманчивая цѣль, чтобы выказывать мощную энергію и радикально преобразовывать этнологическія отношенія обширныхъ областей. Такую цѣль представляла восточная Африка, дававшая возможность развитія многочисленнымъ мирнымъ земледѣльческимъ народамъ и, въ то же время, не ограничивавшая по климатическимъ условіямъ скотоводства, какъ внутреннія страны материка, и не ослаблявшая въ самомъ началѣ импульсивную силу номадовъ. Подобно опустошительнымъ потокамъ, подвижныя кафрскія племена разливались по плодороднымъ странамъ Замбези до плоскогорій между Танганьикой и морскимъ берегомъ, гдѣ они встрѣтили ватузіевъ, передовые посты идущей съ сѣвера хамитической волны народовъ. Прежніе обитатели этихъ областей отчасти истреблены, отчасти обрабатываютъ для своихъ завоевателей нѣкогда свободную почву своей родины, отчасти, наконецъ, они еще не подчинились въ этой борьбѣ или остаются незатронутыми въ своихъ мѣстахъ обитанія, мимо которыхъ прошелъ стороною шумный потокъ завоеваній. Такъ натискъ кафрскихъ племенъ разсѣивалъ и преобразовывалъ земледѣльческіе народы, значительно превосходившіе своихъ побѣдителей культурою и образованностью; но эта культура, съ своей стороны, въ связи съ неизбѣжнымъ смѣшеніемъ народовъ, начинаетъ незамѣтно преобразовывать характеръ побѣдоносныхъ завоевателей. Съ теченіемъ времени вырабатываются новые народы, и происхожденіе прежнихъ притѣснителей можно узнать лишь по отдѣльнымъ подробностямъ одежды, вооруженія и обычаевъ, точно такъ же, какъ на среднемъ и верх-

немъ теченіи Замбези въ подобныхъ же слѣдахъ мы стараемся открыть остатки прежнихъ народныхъ переселеній. Характеръ и стремленія кафрскихъ народовъ мы поймемъ лишь тогда, когда попытаемся прослѣдить ихъ историческое развитіе, насколько оно извѣстно европейцамъ. Но прежде того, описаніе ихъ физическихъ и духовныхъ свойствъ ихъ культурнаго достоянія и нравовъ должно показать намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ жизнью близко родственныхъ и своеобразныхъ племенъ.

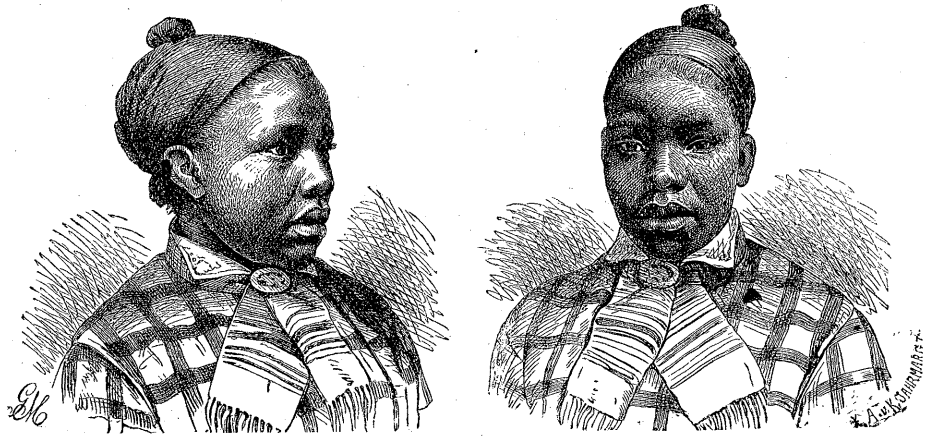


Зулусскіе юноши, упражняющіеся въ фехтованіи. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

Наиболѣе красивыхъ и сильныхъ кафровъ мы должны искать среди юго-восточныхъ племенъ, больше всего среди зулусовъ. Рослые, съ хорошо развитыми мышцами и свѣжимъ, здоровымъ видомъ, зулусы, по крайней мѣрѣ, въ своихъ молодыхъ представителяхъ, нерѣдко заслуживали восторженныя наименованія „моделей для скульпторовъ“ (см. рис. выше и т. I, стр. 115). Съ возрастомъ рыхлая полнота заставляетъ первоначально симпатичныя черты лица у болѣе пожилыхъ людей казаться безобразными и грубыми. Вообще лицо кафра не представляетъ животнаго негрскаго типа, хотя ему не чужды ни вывороченныя губы, ни широкій, плоскій носъ. Подбородокъ у него острый, обросшій рѣдкой и лишь въ немногихъ случаяхъ густой черной бородой, лицо продолговатое, глаза большіе, черные. Цвѣтъ кожи у большинства племенъ темно-бурый, а у басутовъ — скорѣе

темно-сѣрый. Короткіе черные волосы, закручивающіеся пучками, покрываютъ голову.

Зулуса можно назвать кафромъ, надѣленнымъ большею гордостью, болѣе сильной волей и болѣе быстрой рѣшительностью, чѣмъ родственныя ему племена, но онъ все-таки остается кафромъ. Благодаря закаливанью, упражненію въ искусствѣ владѣть оружіемъ, а также болѣе обильному питанію, въ виду возрастанія стадъ, вслѣдствіе грабежей, онъ выше ростомъ, сильнѣе, виднѣе и сообразительнѣе, чѣмъ средній бечуанъ. Скрещиванье вслѣдствіе постояннаго притока новой крови, крови военноплѣнныхъ, участвовало также въ образованіи болѣе благородныхъ чертъ, нерѣдко выступающихъ въ физіономіи зулусовъ. Своеобразность ихъ характера находитъ достаточное объясненіе въ долговременной политической организаціи. Въ средѣ ея онъ горделивѣе и властительнѣе бечуана, но не только склоняется въ прахъ передъ своимъ вла-

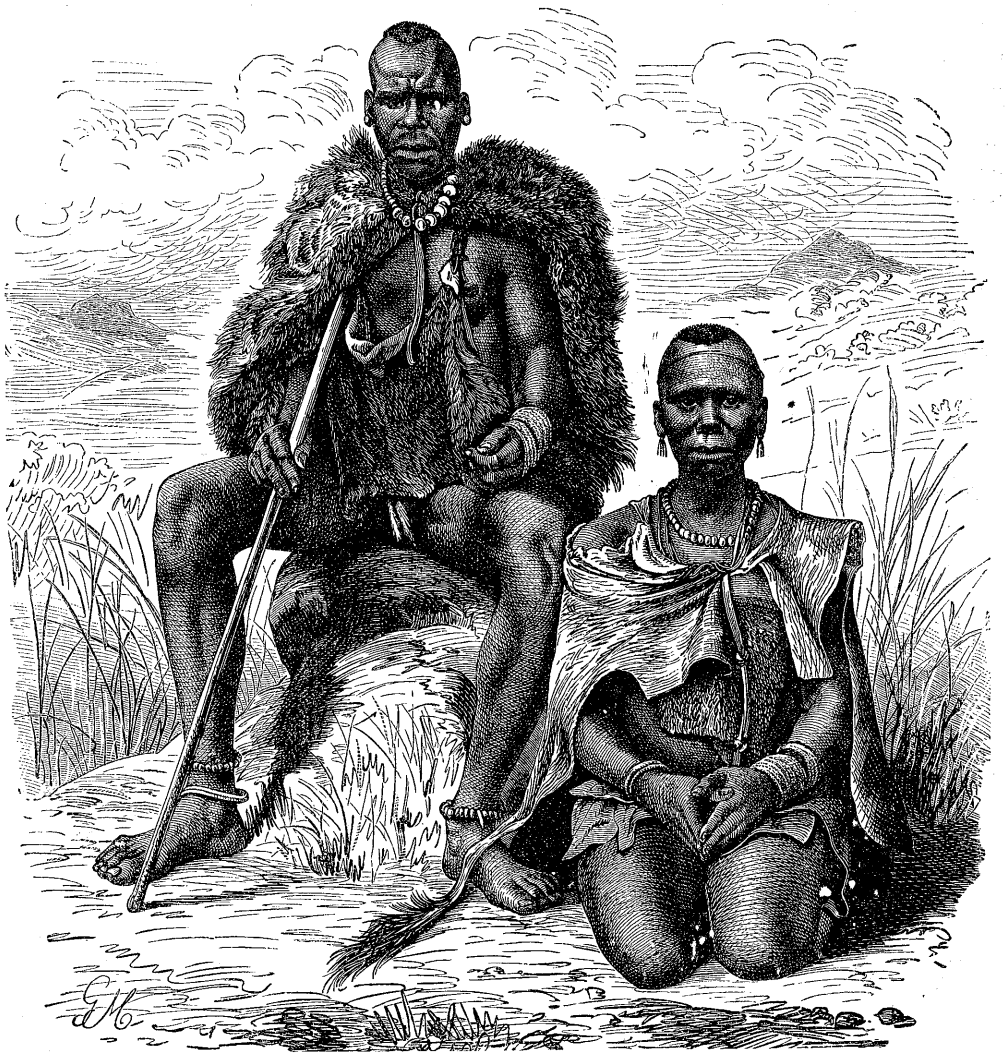


Крещеная дѣвушка изъ племени басутовъ. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

стелиномъ, но и унижается до выпрашиванія табаку у каждаго бѣлаго. Онъ выказываетъ мужество въ темныхъ для него массовыхъ движеніяхъ, предписываемыхъ ему военной организаціей, но, предоставленный самому себѣ, предпочитаетъ нападеніе изъ засады и никогда не могъ подняться въ рѣшительности и выдержкѣ до болѣе сильныхъ въ нравственномъ отношеніи европейцевъ: несмотря на превосходство численности и свою организацію, зулусы ни одной войны съ европейцами не довели до счастливаго конца. Выросши въ средѣ болѣе энергичныхъ, хотя и болѣе грубыхъ, идей, чѣмъ родственныя имъ племена, зулусы быстрѣе и мужественнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но на словахъ они такъ же скрытны и изворотливы, какъ бечуаны или гереросы. Съ другой стороны, миссіонеры находятъ, что гуманныя идеи имъ доступнѣе, чѣмъ многимъ другимъ африканцамъ, и возлагаютъ большія надежды на ихъ обращеніе. Пока его страсти не возбуждены, южный кафръ дѣтски веселъ, безобиденъ, склоненъ къ пѣнію и пляскамъ и „общителенъ, какъ муравей“. При этомъ онъ столько же негръ, сколько и обитатель Нигера или Нила. Но его историческое положеніе часто требовало отъ него болѣе серьезныхъ рѣшеній и налагало на него болѣе тяжелое бремя, чѣмъ это случалось съ названными народами. Способность его выносить самыя тягостныя военныя организаціи, какія только можно вообразить, показываетъ, что негру свойственны сила и выносливость. Рядъ сильныхъ зулусскихъ завоевателей, отъ Чаки до Кечвейо (что́ не является случайностью, такъ какъ и другіе кафры выставляли такихъ же людей, по поводу чего достаточно вспомнить Мпанде

и Макому), повидимому, обезпечиваетъ юго-восточнымъ кафрамъ основное условіе историческаго будущаго, доставляя имъ вождей, которые были бы замѣтны и среди европейцевъ.

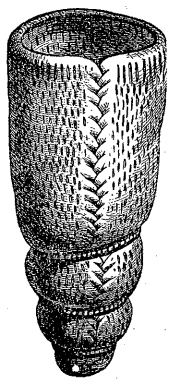
Бечуанъ представляетъ во внѣшней формѣ болѣе мягкое выраженіе кафрскаго типа. Различіе заключается, главнымъ образомъ, въ выраженіи лица, выказывающаго болѣе кротости и услужливости, между тѣмъ, какъ ко-



Начальникъ и дѣвушка басутовъ. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

замъ или зулусамъ свойственно выраженіе упорства, дикости и непокорности. Формы и постановка тѣла у нихъ менѣе массивны и рѣзки, ростъ ихъ, въ среднемъ, меньше, положеніе тѣла нѣсколько согнутое, развитіе мускулатуры умѣренное. Цвѣтъ кожи ихъ вообще темнѣе, чѣмъ у зулусовъ. Бечуаны принадлежатъ къ числу самыхъ подвижныхъ, въ дѣятельномъ и страдательномъ смыслѣ, племенъ, по сравненію съ другими племенами кафрскихъ народовъ. Наряду съ неуклюжимъ, негрообразнымъ складомъ лица, между ними встрѣчается абиссинскій или нубійскій складъ, въ особенности въ дѣтскихъ физіономіяхъ. Образъ жизни и окружающія условія и здѣсь, конечно, играютъ не малую роль: на нижнемъ концѣ этого ряда племенъ.

вершину котораго занимаютъ живущіе въ горахъ сильные и предпріимчивые басуты (см. рис., стр. 6, 112 и 113 и т. I, стр. 97), стоятъ бакалагаріи или балалы, слабые, малорослые, приземистые, несообразительные паріи бечуановъ. Способность къ дѣятельности у бечуановъ меньше, чѣмъ у восточныхъ кафровъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ волевомъ отношеніи. Ихъ можно назвать одною изъ менѣе воинственныхъ вѣтвей кафрскихъ народовъ, хотя нѣкоторые выдающіеся вожди и ихъ заставляли совершать блестящіе подвиги. Насильственно включенные матабелями въ полки этихъ послѣднихъ, бечуаны совершали воинственныя дѣла, которыми гордятся и до сихъ поръ. Но сила ихъ заключается въ мирныхъ занятіяхъ. Они доставляли самыхъ прилежныхъ учениковъ миссіонерамъ, хотя позднѣйшая дѣятельность ихъ часто не соотвѣтствовала ожиданіямъ, возбуждавшимся ихъ усердіемъ къ ученію. Они работаютъ гораздо охотнѣе, чѣмъ зулусы, за плату у колонистовъ и имѣютъ пристрастіе къ европейской одеждѣ, достающейся имъ въ видѣ лохмотьевъ. Они довольно коварны и стремятся къ легкой, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, даже нечестной наживѣ. Безпечная и общительная веселость рѣдко замѣчается у нихъ.



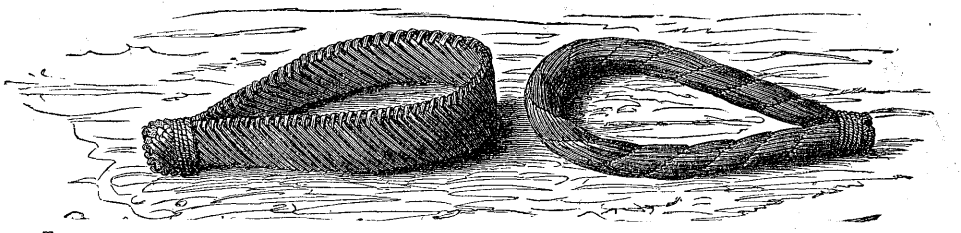
Футляръ бечуановъ (такого-же назначенія, какъ кафрскій, см. рис., стр. 87). (Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.) 1/2 наст. величины.

Относительно одежды всѣ зулусскія племена стоятъ на весьма первобытной ступени, что̀ не можетъ быть объяснено ни климатомъ, ни другими мѣстными условіями ихъ нынѣшнихъ мѣстообитаній; быть можетъ, впрочемъ, преобладающая обнаженность, главная основа ихъ костюма (см. также рис., стр. 81), наряду съ другими фактами, указываетъ на происхожденіе изъ тропической страны. Во всякомъ случаѣ, безъ всякой одежды ходятъ только дѣти до 5 или до 6 лѣтъ. У взрослыхъ кожаный передникъ составляетъ главнѣйшую и нерѣдко единственную одежду обоихъ половъ. Взрослый мужчина носитъ, кромѣ непосредственнаго прикрытія спереди (см. рис., стр. 87 и 111), замѣняющаго въ большія жары всякія другія одежды, кусокъ кожи, свѣшивающійся съ поясницы на ремняхъ, или кусокъ мѣха, шириною отъ 20 до 25 сант., и такой же, болѣе широкій кусокъ сзади. Передній кусокъ, называемый „изинене“, у воиновъ часто замѣняется пучкомъ мохнатыхъ полосокъ шкуры и хвостами быковъ или дикихъ кошекъ (см. рис., стр. 10 и т. I, стр. 129). Взрослыя дѣвушки и женщины также носятъ эти передники, часто съ украшеніями изъ стеклянныхъ или металлическихъ бусъ, а женщины, сверхъ того, обертываютъ вокругъ бедръ половину слегка выдубленной шкуры рогатаго скота такъ, что она ниспадаетъ до колѣнъ. Жены начальниковъ, кромѣ того, обертываютъ себя до самыхъ ногъ въ тогообразную одежду изъ того же матеріала или изъ ткани европейскаго производства. Болѣе одѣты женщины у козовъ: онѣ носятъ верхнюю одежду, скрѣпленную у шеи, похожую на испанскую мантилью; замужнія женщины не должны выходить безъ особаго нагрудника изъ кожи или обдѣланной древесной коры.

У бечуановъ никогда не приходится встрѣчать отталкивающей наготы зулусовъ; они стыдливо прикрываютъ себя спереди кожаной повязкой, которая укрѣплена на широкомъ поясѣ спереди и сзади. Женщины, кромѣ того, носятъ сзади и спереди передники, обыкновенно надѣвая ихъ нѣсколько, одинъ на другой; изъ нихъ внутренніе, украшенные длинной кожаной бахромой, стеклянными бусами и пр., едва доходятъ до начала бедръ, а наружные ниспадаютъ до колѣнъ (см. рис., стр. 88). Дѣвушкамъ до извѣстнаго возраста предоставляется носить только внутренніе передники. Всѣ другія части одежды служатъ лишь для согрѣванія или украшенія и снимаются въ хижинѣ или въ жаркое время. Здѣсь опять главную роль играетъ мѣховой каросъ. Болѣе бѣдные носятъ просто

кусокъ кожи, а болѣе состоятельные — тщательно подобранные мѣха шакаловъ, тушканчиковъ или дикихъ кошекъ, богатыя женщины — мѣхъ серебрянаго шакала, а начальники — леопарда. Только счастливые охотники одѣваются въ мѣхъ гну или антилопы, хвостъ которой распускается сзади въ видѣ трофея. Но во время, болѣе обильное дичью, какимъ было время посѣщенія Лихтенштейномъ бечуановъ, плащи изъ шкуръ антилопы были распространены повсюду. Женскій каросъ часто украшается кружками изъ мѣха, въ видѣ глазковъ, которые, впрочемъ, встрѣчаются иногда и у мужчинъ. На женскихъ плащахъ украшенія изъ кошачьихъ хвостовъ нашиваются, не безъ вкуса, въ видѣ пучковъ на плечахъ.

Въ выборѣ предметовъ украшенія у юго-восточныхъ кафрскихъ племенъ господствуетъ весьма однообразный вкусъ. Они чрезмѣрно обвѣшиваютъ себя бусами, которыя доставляются имъ торговлей въ возрастающемъ количествѣ и разнообразіи; шнурки изъ нанизанныхъ косточекъ плодовъ, пестрыхъ сѣмянъ и раковинъ встрѣчаются теперь лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Извѣстный тяжелый сортъ желѣзныхъ браслетъ давался нѣкоторыми зулусскими королями выдающимся воинамъ въ видѣ знака отличія. Блестящіе перстни и перья въ волосахъ принадлежатъ къ самымъ обыч-



Травяныя повязки зулусовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/2 естеств. величины.

нымъ предметамъ украшенія; наоборотъ, амулеты и предметы украшенія, по большей части, соединенные вмѣстѣ, составляютъ ожерелья. У колдуновъ эти подвѣски принимаютъ фантастическіе размѣры (см. рис., стр. 54 и т. I, стр. 53). Къ любимымъ предметамъ украшенія принадлежитъ желчный пузырь или часть его, наполненная жиромъ и привязанная къ рукѣ; даже простая жировая ткань обертывается около руки или шеи. Раскрашиванье тѣла жиромъ и охрой употребляется на войнѣ и въ танцахъ. Цилиндрическіе куски дерева, пуговицы и табатерки (см. рис., стр. 80 и 123) носятъ въ расширенныхъ ушныхъ мочкахъ. Въ то же время бусы все-таки считаются главнымъ украшеніемъ (см. табл. „Южно-африканскія украшенія и утварь“). Для бечуановъ характерна мазь съ металлическимъ блескомъ, приготовляемая изъ жира и блестящаго порошка (титано-желѣзистой слюды) и иногда употребляемая въ чрезмѣрномъ количествѣ; браслеты изъ слоновой кости, металла, кожи или волосъ у этого народа встрѣчаются особенно часто. Обычай обезображивать грудь рубчатой татуировкой мы находимъ у женщинъ басутовъ. И кафры сѣвера лишь немного измѣнили свою одежду, являющуюся въ то же время отличіемъ ихъ страшнаго племени. У матабелей головной уборъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у зулусовъ; у нихъ можно видѣть шапки изъ шкуры дикихъ кошекъ и зебръ, съ длинными, висящими сзади пучками павлиньихъ или орлиныхъ перьевъ. Другіе носятъ шарообразныя массы изъ перьевъ цесарокъ, съ голову величиною, изъ которыхъ торчитъ большое нарядное перо или хвостъ шакала. Головное украшеніе у южныхъ кафровъ значительно отступаетъ отъ этого. У нихъ даютъ отростать волосамъ до наступленія возмужалости; затѣмъ зулусы такъ выбриваютъ голову юноши, что остается только вѣнчикъ около макушки, а у дѣвушекъ — пучекъ наверху головы. Головы тѣхъ и другихъ обильно смазываются жиромъ и охрой, а вѣнчикъ у мужчины, кромѣ того, получаетъ скрѣпленіе и твердость съ помощью бычачьихъ сухожилій и камеди, смѣшанной

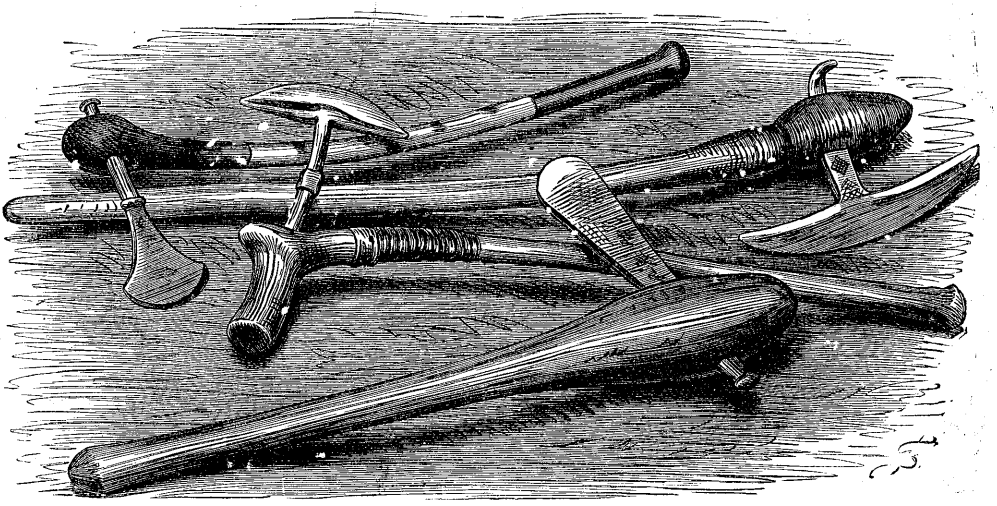
съ углемъ, вслѣдствіе чего онъ становится блестящимъ и крѣпкимъ. Тамъ охотно носятъ также перья и пучки перьевъ въ волосахъ, спускающіеся на лобъ въ видѣ розетокъ (см. рис., стр. 145 и т. I, стр. 129).

Въ области оружія одинаковое достояніе соединяетъ южныхъ и сѣверныхъ кафровъ. Типичными въ этомъ отношеніи мы можемъ считать воинственныхъ зулусовъ. Оружіемъ ихъ служатъ копье, щитъ и пàлица, причемъ двое первыхъ представляютъ главное оружіе, получившее бо̀льшую выработанность и цѣнность, чѣмъ у какого-бы то ни было другого кафрскаго племени. Копье было раньше и теперь еще у племенъ, не входящихъ въ военную организацію южныхъ зулусовъ, остается метательнымъ копьемъ, съ древкомъ до двухъ метровъ длиною, съ насаженнымъ на него узкимъ желѣзнымъ клинкомъ, длиною около 10 см. Это копье, легкость котораго позволяетъ брать его въ битву по нѣсколько штукъ, захватывается въ кулакъ, приводится въ колебательное движеніе и бросается по дугообразной линіи. Лихтенштейнъ видѣлъ изъ тридцати брошенныхъ копій на шестидесяти шагахъ только одно, попавшее въ цѣль въ видѣ доски, въ 2,6 мет. высотою. Чака замѣнилъ это недостаточно мѣткое оружіе, неудобное для дальняго боя, настоящимъ ассагаемъ, на древкѣ котораго, длиною въ 1 м., насаженъ обоюдоострый стальной клинокъ, длиною въ 15 см. и шириною въ 2—3 см. Этимъ колющимъ копьемъ пользуются при наступленіи, какъ штыкомъ, и оно въ исторіи юго-восточной Африки пріобрѣло такое-же значеніе, какъ въ европейской исторіи желѣзный шомполъ или игла ружья центральнаго боя. Но это оружіе не устраняло и пользованія описанными выше метательными копьями для начала боя. Какимъ-то таинственнымъ почитаніемъ, наряду съ ассагаемъ, пользуется военный щитъ (ишилунга), называемый такъ въ отличіе отъ болѣе легкаго щита, употребляемаго въ пляскахъ и играхъ. Военные щиты вырѣзываются по два изъ одной бычачьей шкуры; они имѣютъ овальную форму и достаточную высоту, чтобы прикрыть до самаго рта человѣка средняго роста. Черезъ рядъ небольшихъ нарѣзокъ по продольной линіи пропускается палка, украшенная на верхнемъ концѣ бычачьимъ или леопардовымъ хвостомъ или пучкомъ перьевъ. Снаружи щиты, смотря по тому, къ какимъ полкамъ принадлежатъ щитоносцы, окрашены черной, бѣлой или красной краской, а также черными и бѣлыми полосами или пятнами. Число упомянутыхъ выше нарѣзокъ также обозначаетъ извѣстныя отличія. Когда дождь размягчаетъ кожу, такой щитъ, естественно, теряетъ всякое значеніе, и, въ дѣйствительности, тогда его часто скатываютъ, чтобы легче было нести. Въ то же время и величина его служитъ препятствіемъ при быстромъ бѣгѣ. При бѣгствѣ или преслѣдованіи его бросаютъ; но, во второмъ случаѣ, слѣдующій за войскомъ обозъ заботится о томъ, чтобы подобрать всѣ щиты до послѣдняго, такъ какъ особенная важность придается тому, чтобы всѣ воины вернулись со щитами. Изготовленіе ихъ считается особенно почетнымъ занятіемъ, которое принимаютъ на себя начальники, и со шкурами рогатаго скота обходятся бережно, такъ какъ, по возможности, всѣ онѣ должны служить для этой благородной, воинственной цѣли. Лишиться щита

Ожерелье бечуановъ, изъ бусъ и полированныхъ зубовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

считается безчестіемъ, а получить его — почетомъ. Третье мѣсто въ числѣ оружія занимаютъ палицы (кирри, или тьиндуго) изъ желѣзнаго дерева или рога, съ головкой толщиною въ кулакъ на короткой рукояткѣ, нѣчто вродѣ колотушки, которая употребляется, какъ метательное орудіе, противъ мелкихъ звѣрей, змѣй и т. п. Эта палица не принадлежитъ собственно къ военному оружію, но въ схваткѣ при Изондланѣ повела къ рѣшенію боя.

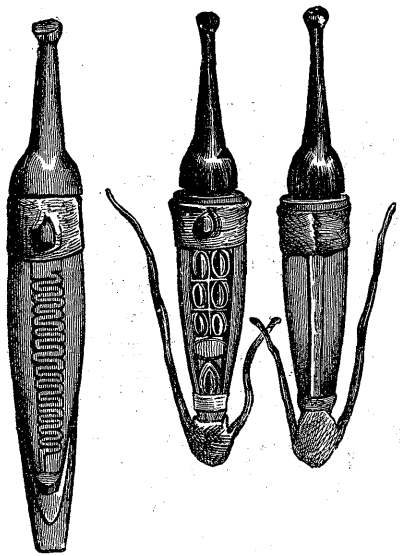
Далеко къ сѣверу по Замбези мы видимъ въ рукахъ воинственныхъ кафрскихъ племенъ оружіе, почти ничѣмъ не отличающееся отъ зулусскаго. Напротивъ, у туземцевъ на устьѣ Замбези и у макуевъ ассагаи снабжены и на нижнемъ концѣ желѣзнымъ остріемъ (какъ копья сакалавовъ на Мадагаскарѣ); далѣе тамъ употребительно обматываніе оружія мѣдной проволокой, съ цѣлью украшенія. Смягченіе воинственнаго кафрскаго характера у племени бечуановъ нигдѣ, быть можетъ, не проявляется такъ замѣтно,



Боевыя сѣкиры бамангватовъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.)

какъ въ той незначительной роли, какую оружіе играетъ у нихъ въ качествѣ военныхъ орудій. У нихъ нѣтъ недостатка въ оружіи, но часто у нихъ оно служитъ только на показъ и не предназначается для ежедневнаго употребленія. И главное оружіе у нихъ составляетъ метательное копье, рѣже употребляющееся въ простой формѣ зулусскаго ассагая, чѣмъ въ различныхъ формахъ, съ широкимъ и плоскимъ клинкомъ, переходящимъ въ загнутый назадъ крючокъ, или съ зазубренною частью, связывающею клинокъ съ древкомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ между тѣмъ и другимъ состоитъ изъ части, образуемой четырьмя рядами длинныхъ зубьевъ, загнутыхъ впередъ и назадъ, придающихъ оружію страшный видъ, хотя вовсе не увеличивающихъ его пригодность къ дѣлу. Зазубренныя метательныя копья бечуановъ не внушаютъ большого страха южно-африканскимъ народамъ и не вызываютъ ужаса въ ихъ притѣснителяхъ, для чего военныя доблести бечуановъ оказываются недостаточными. То же самое можно сказать о боевыхъ сѣкирахъ, которыя, въ качествѣ показного оружія, едва-ли имѣютъ что-нибудь подобное себѣ. Основная идея ихъ построенія всегда одна и та-же: въ толстую часть легкой палицы вставленъ тонкій клинокъ. Этотъ послѣдній можетъ имѣть форму полумѣсяца, топора и даже долота и дѣлается гладкимъ или съ простыми украшеніями, ввидѣ колецъ или бороздокъ. Болѣе практиченъ обоюдоострый кинжалъ (см. рис., стр. 118), обыкновенно въ 15 см. длины и 4 см. ширины. Деревянная рукоятка имѣетъ сверху и снизу выступы, чтобы ее можно было

крѣпче зажать въ кулакъ; ножны состоятъ изъ двухъ кусковъ дерева, связанныхъ между собою кожанымъ чехломъ. Оружіе это носится въ битвѣ на лѣвомъ предплечьѣ, на ремнѣ, или оно привѣшивается къ поясу, съ помощью ремешковъ, придѣланныхъ къ концу ноженъ. Наступательное оружіе бечуановъ составляютъ также палицы, или кирри; и эти послѣднія они умѣютъ украсить изящной рѣзьбой. Нарядным оружіемъ является кирри, толстая часть которой вырѣзана изъ рога носорога. Одно время составляло вопросъ — были-ли лукъ и стрѣлы первоначальнымъ оружіемъ бечуановъ, или они заимствовали ихъ у бушменовъ. Въ новѣйшее время они, несомнѣнно, пользовались ими, и это оружіе составляло часть вооруженія маквановъ, бароковъ и батсоэтловъ. Однако, въ то время, когда Лихтенштейнъ посѣтилъ куруманскихъ бечуановъ, онъ видѣлъ у наслѣдника престола этого племени бушменскій лукъ съ полнымъ колчаномъ и принялъ его за побѣдный трофей. Но ему сказали, что это оружіе сохраняется для того, чтобы употребить его противъ тѣхъ, кто его сдѣлалъ, такъ какъ только нужда можетъ заставить бечуановъ взяться за оружіе, давно уже отвергнутое ими. Ихъ пастухи, вооруженные одними ассагаями, всегда отдавали предпочтеніе самымъ короткимъ, когда имъ приходилось бороться со стрѣлами бушменовъ. Зулусское вооруженіе оттѣснило лукъ въ страну ибосовъ, на Мозамбикскомъ берегу. Щиты (см. табл. „Южно-африканскія украшенія и орудія“) отличаются своей короткой, вырѣзанной формой отъ болѣе практичной и внушительной формы зулусскихъ щитовъ, но изготовляются также изъ бычачьихъ шкуръ, съ продольчой палкой, украшенной перьями или мѣхомъ.

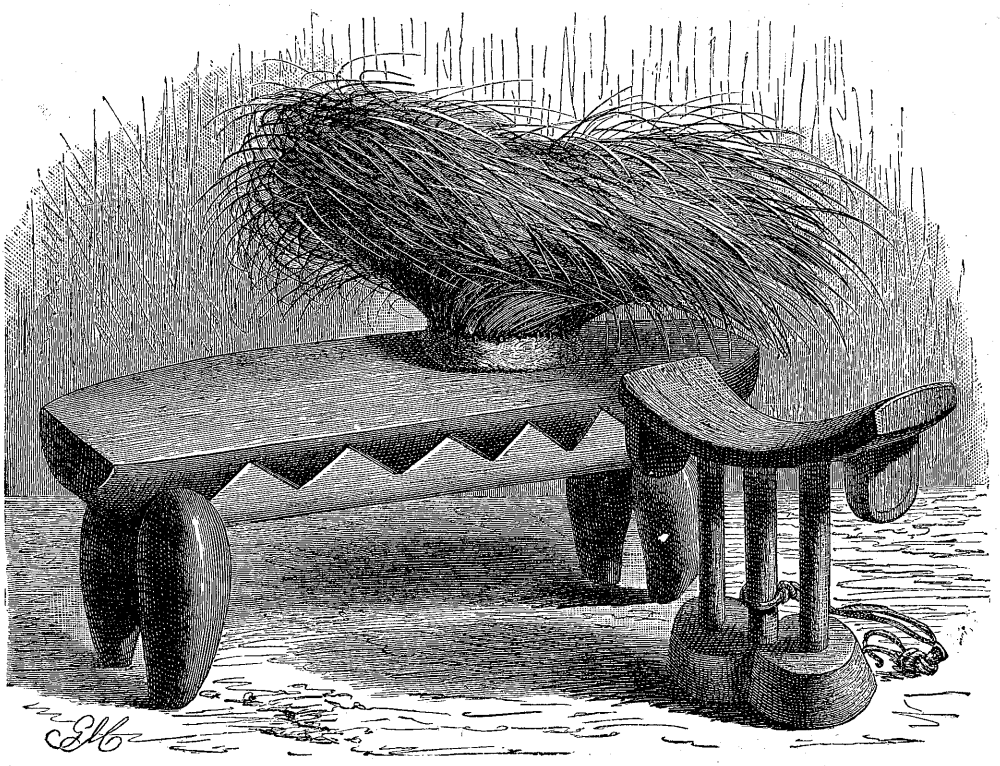


Кинжалы кафровъ въ ножнахъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 117.

Пріятное изобиліе формъ, очевидно происходящее отъ наклонности къ тонкой работѣ, встрѣчается на самыхъ различныхъ орудіяхъ бечуановъ. Ни у одного южно-африканскаго племени мы не находимъ эти предметы въ такомъ множествѣ. Рѣзныя издѣлія изъ дерева, по оригинальности, изяществу и тонкости работы, у бечуановъ превосходятъ все, что̀ даютъ въ этомъ отношеніи другіе кафрскіе народы. Ложки, ручки которыхъ представляютъ самыя различныя формы животныхъ, предпочтительно жирафъ, а углубленія часто украшены красивыми арабесками (см. рис., стр. 73 и 102), кубки съ рѣзными рельефами, ступки для толченія маиса изъ полувыдолбленнаго древеснаго ствола, самыя разнообразныя чашки и блюда и, наконецъ, пивная кружка на трехъ ножкахъ, къ которой придѣланъ въ видѣ крышки сосудъ для питья, представляютъ выборъ изящныхъ, практичныхъ формъ (см. рис., стр. 76). Замѣчательными являются и глиняныя издѣлія ихъ, въ числѣ которыхъ прежде всего слѣдуетъ назвать большой сосудъ для запасовъ, вздутый по серединѣ, стоящій на трехъ низкихъ ножкахъ; онъ достигаетъ высоты человѣческаго роста и прикрывается глиняной чашкой. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ простой способъ прикрытія одного сосуда другимъ особенно часто встрѣчается у бечуановъ. Надъ этими сосудами для запасовъ строятся настоящія хижины изъ вѣтвей, и весь сборъ жатвы проса или маиса прячется въ нихъ. Но у многихъ племенъ они оставляются въ полѣ открытыми (см. рис., стр. 72). Въ плетеніи бечуаны также весьма опытны: они изготовляютъ красивыя циновки и корзины. Широко распространенныя трехногія ска-

мейки съ выдолбленнымъ сидѣньемъ и также всюду встрѣчающіяся деревянныя головныя скамейки (см. рис. ниже) можно найти и у бечуановъ.

Въ сравненіи съ промышленной дѣятельностью бечуановъ, та же дѣятельность у зулусовъ и у юго-восточныхъ кафровъ кажется гораздо болѣе скудной. У нихъ выдаются только металлическія работы (быть можетъ, благодаря прежнему арабскому или европейскому вліянію). Они такіе искусные кузнецы, что натальское желѣзо по качеству, повидимому, превосходитъ англійское; въ особенности славятся копья сѣверныхъ зулусовъ или амасвазіевъ. Интересно и раздѣленіе труда между обоими полами у амакозовъ, о чемъ подробно сообщаетъ Кропфъ. Мужчины занимаются

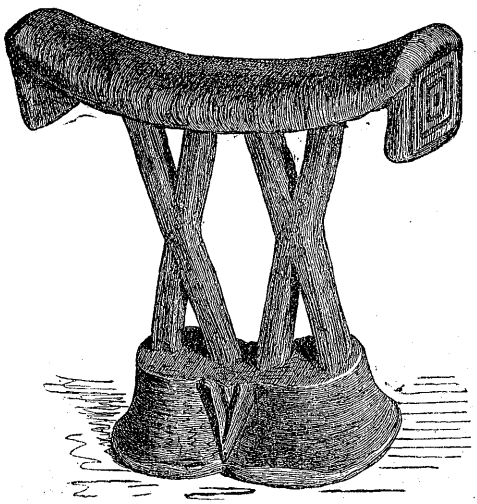


Головная скамейка и головная подушка зулусовъ, употребляющаяся при переноскѣ тяжестей. (Музей Берлинскаго миссіонерскаго дома.) 1/4 наст. величины.

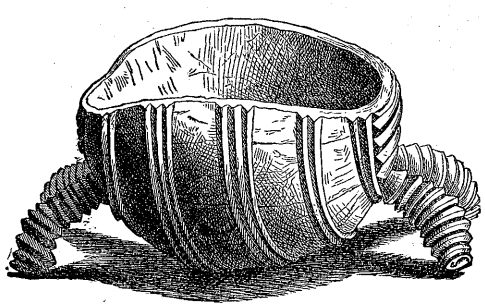
ремеслами оружейниковъ, мѣдниковъ, дубильщиковъ, башмачниковъ и трубочныхъ мастеровъ; дѣломъ женщинъ является портняжество, плетеніе корзинъ и гончарное искусство. Названіе „дубильщикъ“ не вполнѣ вѣрно, такъ какъ изготовленіе кожи заключается только въ обмазываніи коровьимъ навозомъ и въ выскабливаніи.

Въ постройкѣ домовъ замѣчаются значительныя различія. Такъ какъ по закону вся земля принадлежитъ начальнику, то кафръ долженъ получить его разрѣшеніе на постройку. Какъ настоящій номадъ, онъ строитъ прежде всего хлѣвъ для скота (изибайя), обнося круглое мѣсто изгородью или частоколомъ, а въ странахъ, бѣдныхъ деревомъ, — каменнымъ или дерновымъ валомъ. Хижины — одна для мужчины и по одной для каждой изъ его женъ и другихъ взрослыхъ домочадцевъ — ставятся полукругомъ плотно около хлѣва. Мужчина изготовляетъ около 200 заостренныхъ брусьевъ, длиною около 12 фут., и втыкаетъ ихъ по кругу въ землю; женщина связываетъ эти жерди вверху раздѣленными на волокна ліанами, а другія жерди привязываетъ къ нимъ съ боковъ, укрѣпляетъ

сверху траву или тростникъ и законопачиваетъ внутри промежутки между жердями смѣсью земли и коровьяго навоза. Вновь построенныя хижины походятъ на сѣнные стоги. Деревня (умузи) есть кольцо хижинъ, окружающее общіе хлѣвы для скота. Все вмѣстѣ окружено еще колючей изгородью, которая въ военное время настолько укрѣпляется, что взять ее съ помощью зулусскаго оружія является невозможнымъ. Въ этой оградѣ, такъ же, какъ и въ оградѣ хлѣвовъ, дѣлаются только одни ворота. Съ правой стороны, ближе къ входу, живетъ мѣстная аристократія (высшіе индуны въ экандѣ, старшина въ другихъ деревняхъ), и здѣсь же принимаются гости. Отдѣльныя хижины достаточно высоки, чтобы мужчина могъ встать въ серединѣ ихъ; поперечникъ ихъ равняется 4—5 метрамъ. Хижина начальника имѣетъ болѣе крупные размѣры, чѣмъ другія, но построена по тому же основному плану. Хижины бечуановъ имѣютъ круглую форму и коническую крышу, такъ же, какъ у юго-восточныхъ кафровъ, но отличаются отъ хижинъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что на цилиндрическую стѣну небольшого діаметра насажена коническая крыша, тщательно сплетенная изъ тростника и такъ прикрѣпленная къ среднимъ подпоркамъ хижины, что остріе ея имѣетъ эксцентрическое положеніе. Крыша опускается почти до земли, гдѣ она поддерживается подпорками; между ними и стѣною остается крытый ходъ. Такъ какъ эти подпорки связаны между собою низкой стѣною изъ терновника, облѣпленною глиной, то являются концентрическія двойныя стѣны. У сѣверныхъ кафровъ круглая, ульеобразная хижина (вѣроятно, подъ вліяніемъ арабовъ или покоренныхъ племенъ) уступаетъ мѣсто четырехугольной. Южную границу этого новаго архитектурнаго стиля можно указать въ Ингамбане на морскомъ берегу; внутри страны круглая постройка заходитъ гораздо дальше къ сѣверу.



Деревянная головная скамейка бамангватовъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.)



Деревянный сосудъ зулусовъ, въ формѣ черепахи. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.)

Величина деревень весьма различна. Обыкновенныя эканды заключаютъ отъ 500 до 1000 человѣкъ; Ункунгинглове, столица Дингана, вѣроятно, заключала ихъ около 5500; но другія деревни обыкновенно не велики. По большей части, группы хижинъ, соотвѣтствующія величинѣ семьи, стоятъ вмѣстѣ въ общей оградѣ. Эта система сообщаетъ деревнямъ своеобразный характеръ, служащій яснымъ выраженіемъ патріархальности. Такъ какъ отецъ — глава своихъ дѣтей, то отцовская хижина находится въ центрѣ; число хижинъ, группирующихся около нея, опредѣляетъ значеніе отца.

Стѣсненное положеніе многихъ бечуанскихъ племенъ заставило ихъ перенести свои деревни въ пункты, наиболѣе защищенные. Арбуссе, во время своего путешествія въ Голубыя горы, замѣтилъ склонность переносить жилища на высокія мѣста, хотя послѣднія гораздо менѣе плодо-

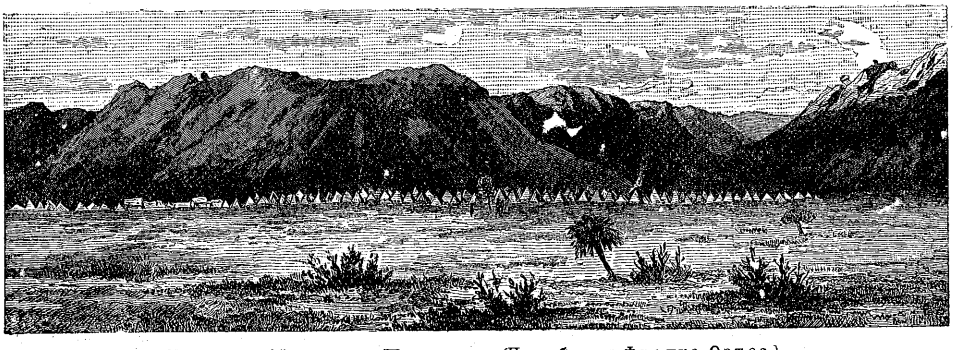
родны и привлекательны, чѣмъ равнины. Мы слышимъ объ этомъ отступленіи въ горы у всѣхъ племенъ, угнетаемыхъ и раздробляемыхъ сосѣдями ихъ матабелями. Прежде, напротивъ, они основывали свои жилища въ лучшихъ, богатыхъ источниками мѣстностяхъ; бечуанскій „городъ“ Куруманъ, впервые посѣщенный европейцами и впослѣдствіи часто посѣщавшійся ими, имѣлъ очаровательное положеніе. Многія мѣста довольно людны (см. выше, стр. 90) и кажутся вдвое болѣе населенными, благодаря способу и порядку ихъ построекъ, требующему большого распространенія. Зная это, легко понять сообщенія прежнихъ путешественниковъ или миссіонеровъ, которые говорятъ о „почти необозримыхъ“ городахъ. Вездѣ,

1—4) Глиняные сосуды кафровъ. (1—3 изъ музея Миссіонерскаго дома, 4 изъ Музея народовѣдѣнія въ Берлинѣ.) 5) Глиняный сосудъ баротсовъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/4 настоящ. величины.

гдѣ это возможно, цѣлое племя тѣснится на одномъ мѣстѣ, и, такимъ образомъ, возникаютъ большія мѣстечки, размѣръ которыхъ не имѣетъ прямого отношенія къ культурной ступени бечуановъ, и всего менѣе — къ ихъ пастушеской жизни.

Хотя скотоводство и составляетъ главное занятіе юго-восточныхъ кафровъ, но они вовсе не пренебрегаютъ земледѣліемъ, которое они могутъ вести въ большихъ размѣрахъ, благодаря климату и почвѣ. Всего первобытнѣе земледѣліе бечуановъ, между тѣмъ, какъ къ сѣверу оно пріобрѣтаетъ все большее значеніе, хотя по преимуществу имъ занимаются покоренные народы для своихъ воинственныхъ завоевателей. Вблизи хижины или нѣсколько далѣе отъ нея лежитъ огородъ или полевой участокъ (инзиму), который обыкновенно также обносится изгородью. Очистка и правильное выжиганіе пустующихъ пространствъ (что у мозамбикскихъ португальцевъ прошлаго столѣтія, на берегу Наталя, носило названіе fumo [дымъ]) есть дѣло мужскихъ членовъ хозяйства, а обработка поля въ собственномъ смыслѣ — женщинъ и дѣвушекъ. Болѣе важныя полевыя работы производятся общими силами. Во время посадки, которое ежегодно устанавливается начальникомъ, все поле перекапываютъ мотыкой; затѣмъ,

послѣ перваго дождя, съ радостными восклицаніями и пѣснями, приступаютъ къ посадкѣ кафрскаго проса или маиса. Кромѣ того, въ невѣроятныхъ количествахъ воздѣлываются табакъ и конопля, употребляемые зулусами для куренія. Конопля широко распространилась еще въ дикомъ состояніи; даже и табакъ, уже много лѣтъ тому назадъ, находили на мѣстахъ, гдѣ нѣкогда стояли деревни. Сторожевыя вышки, сдѣланныя изъ дерева или сплетенныя изъ сучьевъ, ставятся въ поляхъ, и въ нижнемъ помѣщеніи ихъ во время жатвы живетъ вся семья, а въ остальное время — сторожъ, разгоняющій зерноядныхъ птицъ. Въ январѣ происходитъ жатва, самое веселое время года и единственное, когда мужчины, женщины и дѣти прилагаютъ руки къ одной и той же работѣ, и притомъ одинаково охотно. До этого времени запрещается пользоваться зерномъ, и прежде за это полагалась даже смертная казнь. Затѣмъ происходитъ праздникъ жатвы, въ кралѣ начальника или короля, обыкновенно во время полнолунія. При этомъ колютъ быковъ, поджариваютъ мясо на огнѣ и поѣдаютъ его массами, пьютъ учаллу и курятъ. Лишь послѣ того всѣ начинаютъ



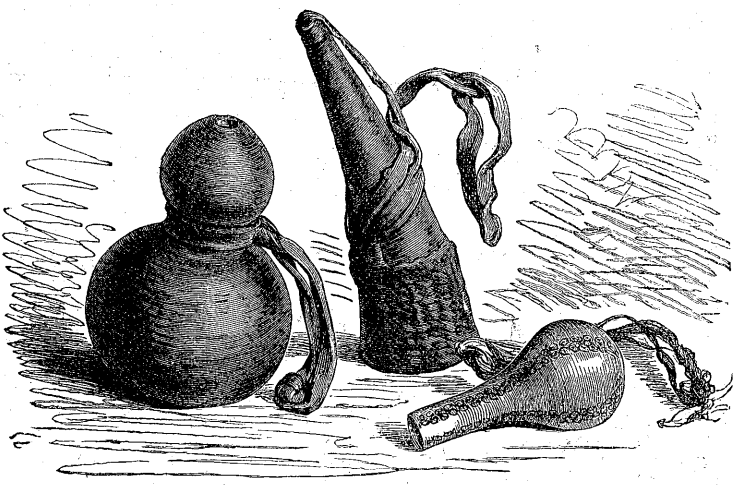
Бечуанскій городъ Шошонгъ. (По наброску Френка Оэтса.)

ѣсть сборъ новой жатвы. Это же время предназначается для исправленія хижинъ и изгородей; тогда-же предпочтительно воины выступаютъ въ свои хищническія экспедиціи. Кафрскому просу достается бо́льшая часть труда, и оно служитъ основой питанія семьи. Его хранятъ въ ямахъ для запасовъ, которыя выкапываются въ хлѣвѣ, въ видѣ просторныхъ углубленій съ узкимъ входомъ; въ нихъ могутъ вмѣщаться большія количества хлѣба. Помимо того, небольшая часть запаса хранится въ яйцеобразномъ, большомъ, плотно оплетенномъ травою сосудѣ, поставленномъ на обрубкѣ дерева на землѣ, но еще чаще въ особой хижинѣ, высотою въ человѣческій ростъ. Пучки колосьевъ нерѣдко подвѣшиваются также къ крышѣ жилой хижины.

Такимъ образомъ, пища кафра заимствуется имъ довольно равномѣрно отъ его полей и стадъ. Основою ея является молоко въ кисломъ видѣ (амази) и раздробленный маисъ (амабеле) или просо (умбила). Для ѣды этого національнаго кушанья, которое служитъ также обычнымъ угощеніемъ гостей, употребляются нѣсколько странныя на видъ, упомянутыя выше деревянныя ложки (см. стр. 107). Мясо ѣдятъ также въ вареномъ или жареномъ видѣ, и ѣдятъ его очень много; по разсчету Гардинера, 4—5 человѣкъ могутъ съѣсть быка, съ внутренностями и жилами, въ полтора дня. Солидный кафръ для двухъ своихъ ежедневныхъ трапезъ, утренней и вечерней, пользуется, кромѣ каши съ амази, овощами, пивомъ, а часто и мясомъ, и въ промежуткахъ потребляетъ много нюхательнаго и курительнаго табаку, а иногда и дахи. Зулусъ, нюхая больше всѣхъ другихъ изъ южно-африканцевъ (см. рис., стр. 80, 123 и 125), куритъ немного менѣе своихъ сосѣдей на югѣ и западѣ; водяная трубка (см. рис., стр. 77 и 126),

сдѣланная изъ рога антилопы, всего чаще куду, и для него составляетъ главный источникъ нервовозбудительныхъ наслажденій. Къ одуряющей коноплѣ (изангу) не всегда примѣшивается табакъ, и часто одной трубки достаточно для одуренія цѣлаго общества курильщиковъ.

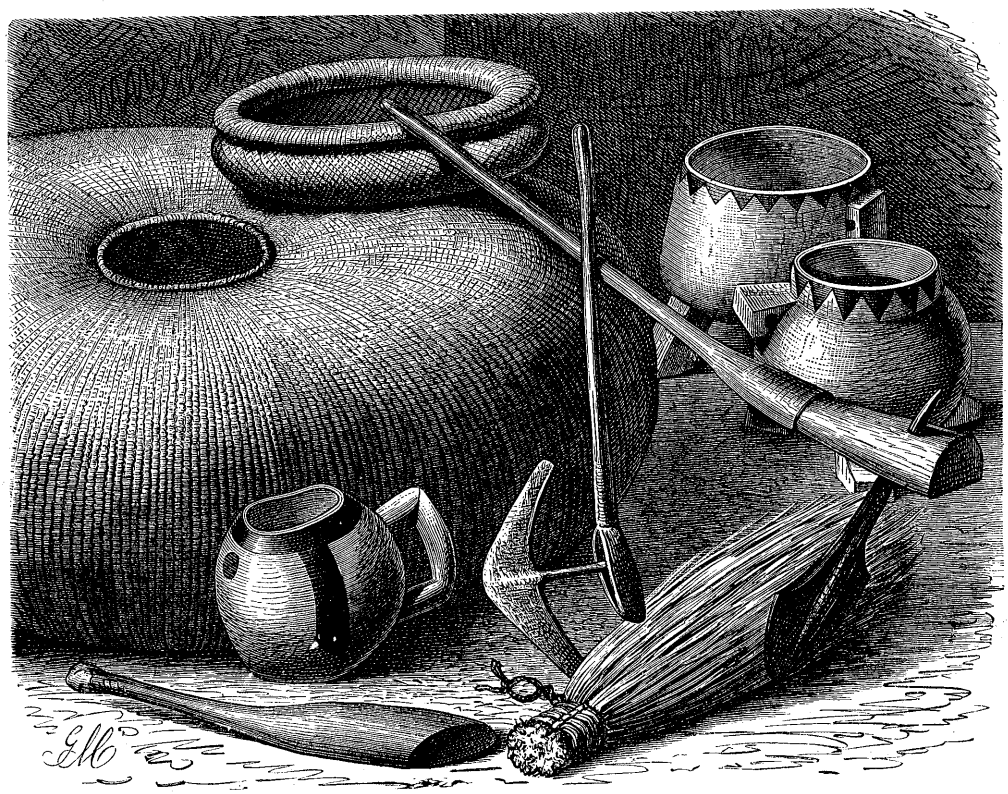
Вліяніе воинственныхъ стремленій на отношенія внутри племени и, въ особенности, на семейную жизнь можно видѣть у зулусовъ въ его крайнемъ проявленіи. Между тѣмъ, какъ у козовъ, несмотря на полигамію, въ настоящее время является правиломъ относительно счастливая, мало нарушаемая внѣшними событіями семейная жизнь, въ прежнія воинственныя времена семья была жертвой государственной организаціи. Она соотвѣтствовала воинственной политикѣ зулусскихъ королей со временъ Чаки, который, ради удержанія мужчинъ подъ своею властью и развитія въ нихъ военнаго духа, позволялъ имъ вступать въ бракъ насколько возможно позже; этотъ король самъ воздерживался отъ брака и ни одного изъ дѣтей не признавалъ своимъ. Позднее основаніе семьи обусловливало скопленіе женщинъ около меньшинства мужчинъ, уже не пригодныхъ для военной службы, и такимъ образомъ придавало многоженству вредное направленіе, превращало дѣтоубійство въ необходимость и національное установленіе и отнимало молодыхъ людей отъ ихъ семействъ, какъ только юноши оказывались въ состояніи быть полезными своимъ роднымъ. Но патріархальная основная черта, которую мы находимъ въ такомъ рѣзкомъ выраженіи у большинства пастушескихъ народовъ, обнаруживается и здѣсь. Отецъ является господиномъ и, по отношенію къ женской части семьи, собственникомъ ея. Точно также и король — отецъ народа, который ожидаетъ отъ него не только управленія, но и участія и помощи во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ. Женщина занимаетъ невысокое положеніе. Жены короля должны были двигаться въ домѣ своего супруга не иначе, какъ на колѣняхъ.



Табатерки бечуановъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/3 наст. величины.

Пріобрѣтеніе женъ покупкою ни у одного кафрскаго племени не проводилось такъ послѣдовательно, какъ у зулусовъ, и ни у кого оно не пустило такихъ глубокихъ корней. Когда англійское правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намѣревалось въ Наталѣ воспротивиться этому обычаю (укулобола) законодательнымъ порядкомъ, то оно встрѣтило болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ для всякой другой реформы. Самые глубокіе корни этотъ обычай пустилъ въ сердцѣ женщинъ, въ глазахъ которыхъ цѣнность ихъ становится тѣмъ выше, чѣмъ больше число штукъ рогатаго скота, которое выплачивается за нихъ. Съ другой стороны, и мужчина, по большей части, едва ли былъ-бы склоненъ получить жену даромъ; это унизило-бы его въ собственныхъ глазахъ. Силу обоюднаго признанія брачный союзъ получаетъ только путемъ покупки. Всѣ южные кафры допускаютъ, что близкое родство служитъ препятствіемъ къ браку:

соотвѣтственно тому, они запрещаютъ бракъ между братьями и сестрами, дядями и племянницами, тетками и племянниками. У нѣкоторыхъ бечуанскихъ племенъ (по Казалису) даже бракъ между двоюродными братьями и сестрами считается кровосмѣшеніемъ. Но у большинства племенъ весьма развитъ развратъ внѣ брака. Послѣ общественныхъ работъ двухъ деревень, послѣ праздниковъ, при посвященіи дѣвушекъ, происходитъ половое смѣшеніе, являющееся насмѣшкой надъ бракомъ. Похищеніе дѣвушекъ въ пользу начальника (что̀ считается почетнымъ для похищенной) случается нерѣдко. Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ тѣмъ измѣна супружеской вѣрности и изнасилованіе строго наказываются, какъ нарушеніе собственности.

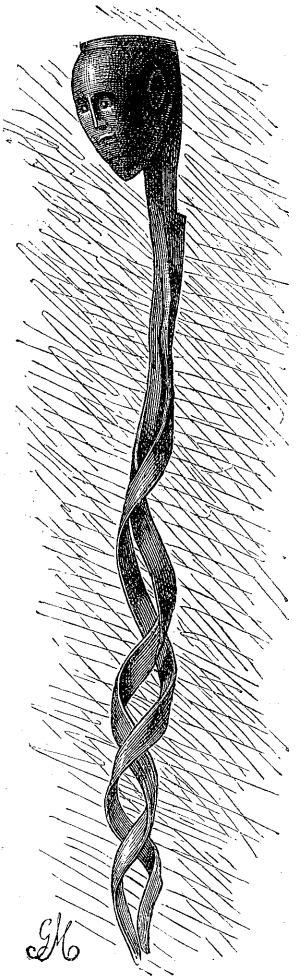


Домашняя утварь кафровъ. (Музей Берлинскаго миссіонерскаго общества.) $^1/_{10}$ наст. величины.

Свадебныя празднества, которыя проходятъ одинаково у всѣхъ южныхъ кафровъ, у зулусовъ состоятъ въ торжественномъ препровожденіи невѣсты въ хижину жениха, причемъ родственники и друзья составляютъ многочисленную свиту. Они приводятъ съ собою двѣ штуки рогатаго скота, изъ которыхъ одна убивается, чтобы склонить высшія силы послать счастье новому домохозяйству, а другая должна положить начало новому стаду въ хлѣвѣ жениха, опустѣвшемъ вслѣдствіе покупки невѣсты. Въ прежнее время невѣстѣ вручались жерновъ, метла и миска, а жениху — пучекъ ассагаевъ и топоръ, что̀ должно было служить символами ихъ будущаго назначенія. У козовъ невѣста выдергиваетъ перо изъ головного украшенія жениха и втыкаетъ его въ свои волосы. Затѣмъ она беретъ копье, торжественно идетъ въ краль для скота и бросаетъ копье за изгородь, такъ, чтобъ оно воткнулось въ землю. Свадебный пиръ приготовляется изъ мяса быка жениха, причемъ этого быка убиваетъ старшина деревни, и изъ мяса другого, котораго женихъ даритъ своей тещѣ. Затѣмъ

у нѣкоторыхъ племенъ слѣдуетъ „омовеніе съ бусами“: изъ тыквеннаго сосуда съ водою и бусами невѣста опрыскиваетъ сперва руки жениха и его друзей, а затѣмъ этотъ послѣдній дѣлаетъ то же самое невѣстѣ и ея друзьямъ, послѣ чего бусы вытряхиваются, и всѣ разбираютъ ихъ. Въ заключеніе, старшины деревни внушаютъ молодой парѣ правила прилежанія и добраго поведенія, не стѣсняясь при этомъ въ выраженіяхъ.

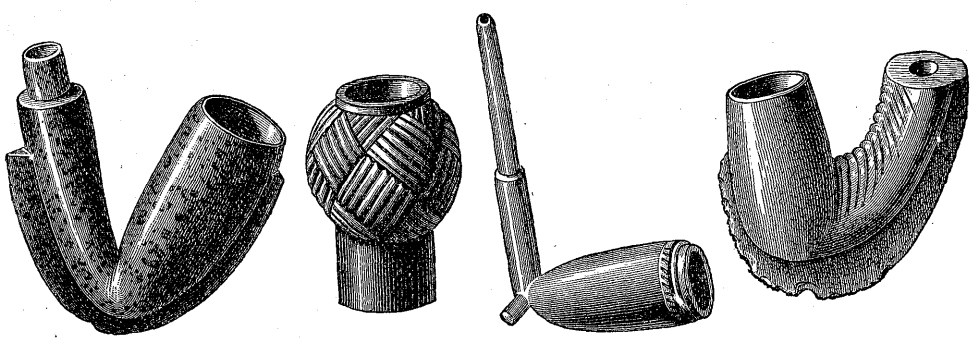
Уродливыя и болѣзненныя дѣти не оставляются въ живыхъ. Болѣе взрослыя дѣти живутъ въ строгомъ патріархальномъ повиновеніи, и тѣсная связь съ родителями составляетъ свѣтлую точку въ жизни зулусовъ, даже въ темной исторіи зулусской династіи. Чака, не относившійся доброжелательно ни къ одному человѣку, былъ такъ преданъ своей матери, что ея вліяніе на него получило политическое значеніе; смерть ея была однимъ изъ немногихъ событій, когда онъ выказалъ человѣческія чувства. Трогателенъ примѣръ одного мелкаго начальника, который съ земными поклонами просилъ, чтобы его наказали вмѣсто нѣкоторыхъ родственныхъ ему дѣтей, которымъ угрожала смерть за бѣгство. Обычай обрѣзанія, совершаемый въ юношескомъ возрастѣ, у зулусовъ, такъ же, какъ и у бечуановъ, связанъ съ перемѣной имени, раскрашиваніемъ тѣла бѣлой краской, погруженіемъ въ рѣку и пр.; точно также дѣвушекъ наставляютъ въ ихъ будущихъ обязанностяхъ пожилыя женщины. Впрочемъ, обрѣзаніе у зулусовъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе исчезаетъ.



Табатерка зулусовъ, изъ буйволоваго рога. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 122.

Королевская власть у зулусовъ представляетъ собою ограниченный деспотизмъ. Въ системѣ управленія ограниченіе заключается во вліятельномъ положеніи обоихъ главныхъ индунъ, соединяющихъ въ одномъ лицѣ министра и главнокомандующаго. Предполагается, что ни одна важная мѣра не можетъ быть принята безъ ихъ вмѣшательства. Гардинеръ находилъ въ первые годы правленія Дингана ихъ вліяніе столь значительнымъ, что онъ называлъ тогда правленіе зулусовъ тріумвиратомъ; не напрасно они хвалились ему, что представляютъ собою очи и уши короля. Дѣлами, въ которыхъ даже болѣе крутые властители, чѣмъ тогдашній Динганъ, ничего не предпринимаютъ, бываютъ объявленіе войны, смертные приговоры и передѣлы земли. Изъ военной добычи королю также достается только часть. Совмѣстно съ индунами, онъ назначаетъ индунъ низшихъ степеней. Высшее отправленіе правосудія также связано съ ними. У другихъ кафрскихъ племенъ выступаетъ совѣтъ умапакатовъ, посредниковъ между правителемъ и народомъ, и нерѣдко стоитъ выше того и другого. „Тиранія нейтрализуется столкновеніями интересовъ тирановъ“ (Наугаусъ). По отношенію къ молодому властителю, они иногда осмѣливаются даже дѣлать постановленія объ его низложеніи, и возводятъ на престолъ кого-либо изъ своей среды. Тѣмъ не менѣе, королю принадлежатъ обширныя права, которыя создаетъ для него положеніе патріархальнаго начальника племени передъ всѣмъ народомъ. Ему принадлежитъ право собственности на всю землю и на все имущество народа; тамъ не существуетъ личной земельной собственности, а лишь извѣстныя права относительно расположенія

деревень и пастбищъ; но король владѣетъ для собственнаго пользованія извѣстнымъ числомъ деревень, такъ же, какъ и высшіе индуны. Такія-же права, хотя и ограниченныя, король имѣетъ надъ жизнью и временемъ своего народа. Конфискованныя имущества составляютъ главный доходъ кафрскаго начальника, и, кромѣ того, болѣе или менѣе добровольные подарки, особенно богатые при объявленіи возмужалости. Ни одинъ изъ подданныхъ не можетъ принять подарокъ безъ разрѣшенія короля. Правда, этотъ послѣдній — не лѣнивый восточный деспотъ, а несетъ на себѣ не малое число довольно трудныхъ обязанностей. Какъ высшій военачальникъ, онъ долженъ кормить солдатъ, вооружать ихъ, награждать, когда это нужно, подбадривать или наказывать. Онъ присматриваетъ за своими стадами, которыя настолько считаются государственной собственностью, что ихъ мясомъ кормятъ армію, а изъ ихъ кожъ вырѣзываютъ щиты Онъ устанавливаетъ начало жатвы и пользованіе каждымъ родомъ плодовъ. Всякій, кто пріѣзжаетъ ко двору, ожидаетъ отъ него щедрыхъ подарковъ:



Каменныя табачныя трубки зулусовъ. (Музей Берлинскаго миссіонерскаго дома.) Ср. текстъ, стр. 122.

безъ щедрости вліяніе его было бы незначительнымъ. Наконецъ, онъ считается главнымъ врачемъ своего народа.

Такъ какъ зулусскому королю, наравнѣ съ большинствомъ другихъ негрскихъ правителей, принадлежала монополія торговли, онъ одинъ только могъ снабжать всѣхъ бусами и оружіемъ, какихъ они могли желать, и требованія на нихъ были дѣйствительно велики. Впрочемъ, эти правители стояли всегда далеко отъ восточной пышности. Скорѣе можно было бы говорить о военной простотѣ, если бы толпы женщинъ и безпредѣльный произволъ прихотей не вмѣшивались въ дѣло. Миссіонеръ, прибывшій въ 1835 г. въ краль Дингана, разсказываетъ, какъ онъ былъ подведенъ младшимъ начальникомъ къ изгороди, окружавшей дворецъ, и здѣсь ждалъ, пока надъ изгородью не появились голова и грудь сильнаго, обнаженнаго человѣка, который долгое время глядѣлъ на него, не говоря ни слова. Только когда былъ пригнанъ быкъ, онъ сказалъ: „это животное я вамъ даю на убой“. Черезъ нѣкоторое время онъ вышелъ изъ воротъ, медленно подошелъ къ миссіонеру и стоялъ передъ нимъ, какъ изваяніе, пока ему не былъ поданъ стулъ. Это былъ Динганъ. Первый вопросъ его былъ о поведеніи проводниковъ, второй — о цѣли прибытія путешественника, а третій — о привезенныхъ подаркахъ.

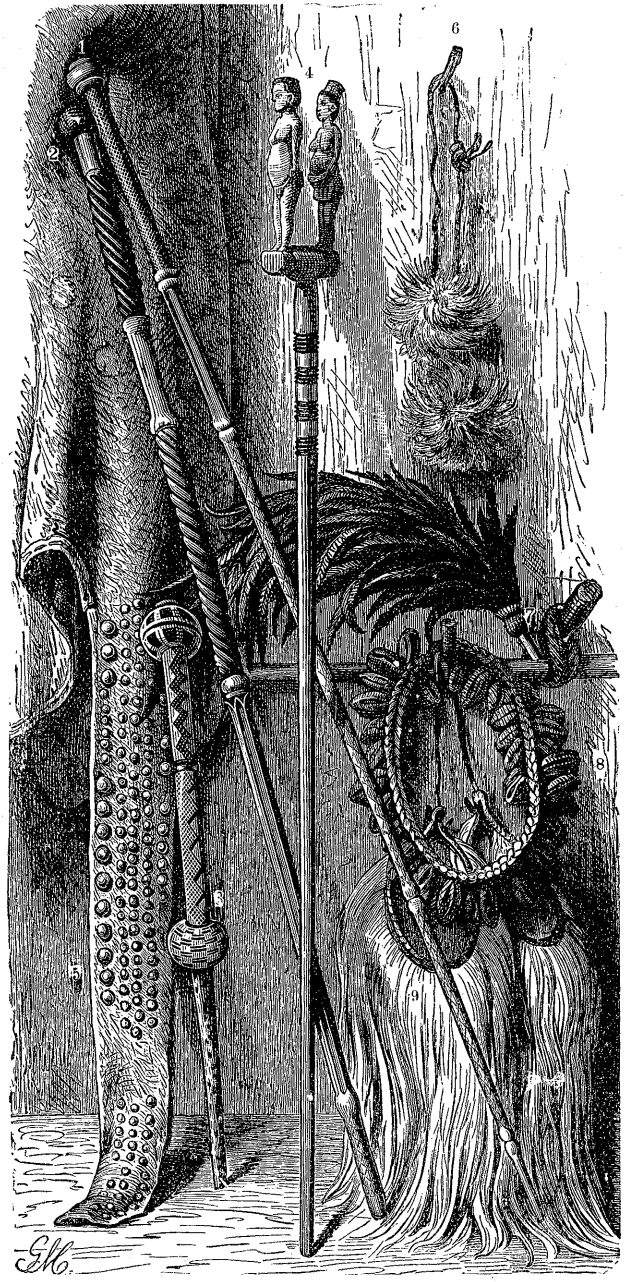
Государственная жизнь бечуановъ имѣетъ менѣе воинственный характеръ, хотя и изъ ихъ среды выходили великіе завоеватели. Власть ихъ начальника также деспотическая, ограниченная совѣтомъ старшинъ (по большей части, двухъ монемотце, т. е. бургомистровъ) и сильнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ томъ, что и у нихъ есть идеалъ благороднаго правителя, насъ убѣждаетъ сказаніе о Мотлуме, правнукѣ Монагина, родоначальника басутовъ, который въ устахъ всѣхъ племенъ этого народа про-

должаетъ еще жить, какъ образецъ правителя. Онъ господствовалъ надъ всѣми племенами, былъ справедливъ, кротокъ и доступенъ; вдовъ и сиротъ онъ бралъ подъ свою особую защиту. Но всего болѣе содѣйствовала усиленію его славы и его власти впервые введенная имъ система давать женъ молодымъ людямъ, которые не въ силахъ были купить ихъ, причемъ эти люди, со всѣми своими семьями, подъ названіемъ батлауковъ (полурабовъ), посвящали себя службѣ королю и составляли свиту самыхъ вѣр-

Жены Кэчвейо. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)

ныхъ и преданныхъ вассаловъ, какихъ только можетъ желать правитель. Мотлуме былъ умѣренъ въ ѣдѣ и пилъ только воду и молоко. Онъ предпочиталъ общество дѣтей обществу взрослыхъ, объясняя, что „маленькіе лучше большихъ“. Ни одинъ мосуто не посѣтилъ столько земель и народовъ, какъ Мотлуме. Онъ былъ даже у сѣверныхъ людоѣдовъ. Въ одномъ изъ своихъ путешествій онъ встрѣтился съ начальникомъ бутабетовъ, Мошешемъ, и далъ ему совѣтъ узнать людей, которыми онъ со временемъ будетъ управлять. По возвращеніи домой, онъ занимался размышленіями и разговорами о сущности міра и людей. Онъ оставилъ нѣсколько изреченій, которыя еще долго послѣ него жили въ устахъ народа. На смертномъ одрѣ въ 1819 г. онъ жаловался, что ему не суждено отвести свой народъ въ такое мѣсто, гдѣ-бы онъ могъ жить въ мирѣ. „Послѣ

моей смерти", возвѣстилъ онъ, умирая, „на востокѣ поднимется красное облако и истребитъ наши племена; отцы будутъ ѣсть своихъ дѣтей. Кланяюсь вамъ и ухожу къ своимъ предкамъ."



Кафрскія орудія: 1, 2) начальническіе жезлы, 3) танцовальная трость, 4) палка съ фетишами, 5) конецъ кароса, 6) махалка отъ мухъ, которую носятъ прикрѣпленною къ головнымъ волосамъ, 7) метелка изъ перьевъ, 8) танцовальное ожерелье, 9) украшеніе для колѣнъ. (Музей Берлинскаго Миссіонерскаго дома.) $^1/_{10}$ наст. величины.

Основою государства зулусовъ является управленіе войскомъ. Армія зулусовъ есть одна изъ самыхъ совершенныхъ, дѣятельныхъ и прочныхъ организацій негровъ. Мужское населеніе съ ранней юности воспитывается прежде всего для военной службы. Зулусскіе крали, въ дѣйствительности, лишь большіе лагери, гдѣ всѣ мужчины, молодые и старые, распредѣлены по тремъ военнымъ категоріямъ — ветерановъ (умпагати), молодыхъ солдатъ (изимпортло, изинзисва) и мальчиковъ, еще не служившихъ (амабуту). Отличительнымъ знакомъ двухъ первыхъ категорій служитъ головное кольцо. Даже и въ мирное время около половины жизни мужчинъ проходитъ въ военныхъ упражненіяхъ и подготовкѣ всякаго рода. При Динганѣ по всей странѣ зулусовъ было разсѣяно 14—16 большихъ и малыхъ экандъ, которыя можно назвать городами бараковъ; въ большихъ стоялъ гарнизономъ полкъ, отъ 600 до 1000 человѣкъ. Въ то время военную силу, какую зулусы могли выставить въ поле, высчитывали въ 50 тыс. человѣкъ (нѣкоторые даже въ 100 т.), и половина ея всегда была готова къ бою. Извѣстное число офицеровъ (индунъ) и унтеръ-офицеровъ командовали полкомъ, а главный индуна считался главнокомандующимъ. Главный городъ страны былъ, въ сущности, не что иное, какъ самая большая изъ этихъ экандъ, и состоялъ подъ начальствомъ двадцати индунъ, изъ которыхъ двое высшихъ были въ то же время первыми совѣтниками короля и маршалами арміи. Полкъ, въ которомъ здѣсь было около 900 человѣкъ, представлялъ собою нѣчто вродѣ гвардіи; въ немъ начальники бо-

лѣе мелкихъ городовъ должны были поочередно служить по году — превосходное средство, чтобы населеніе страны проникалось духомъ, исходящимъ изъ столицы, чтобы имѣть въ рукахъ заложниковъ, въ случаѣ неповиновенія, и самыхъ вліятельныхъ лицъ страны держать въ безопасной близости. Для поддержанія связи этихъ гарнизоновъ съ головою и сердцемъ страны пользовались и другими средствами. Послѣ своихъ эволюцій и танцевъ, причемъ тѣлеснымъ упражненіямъ придавалось большое

Совѣтники Сандили. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.)
См. также рис., стр. 27 и т. I, стр. 131.

значеніе, войска шли въ столицу, гдѣ они должны были быть „представлены“. Они были обязаны пріобрѣтать тамъ новые щиты, такъ какъ лишь въ столицѣ убивалось достаточное количество скота. Врученіе щитовъ въ столицѣ Дингана описывается слѣдующимъ образомъ: когда королю было возвѣщено о прибытіи воиновъ къ главнымъ воротамъ, Динганъ приказалъ впустить ихъ, и они тотчасъ же, съ крикомъ и дикими размахиваніями своихъ палокъ, бросились въ городъ, но остановились въ почтительномъ отдаленіи отъ иссигордло и построились въ одну линію. Динганъ, между тѣмъ, показался на своемъ подножіи, и, при видѣ его, общее восклицаніе „байятэ“ пробѣжало по рядамъ. Вскорѣ послѣ того онъ выступилъ передъ линіей, гдѣ занялъ мѣсто въ полукружіи своихъ генераловъ. Тогда поднялся одинъ изъ обоихъ главныхъ индунъ и обратился къ отряду, который недавно совершилъ безуспѣшный походъ въ страну матабелей, съ рѣчью,

уснащенной многими ироническими выходками, на которую предводитель этихъ воиновъ, лишенныхъ щита, отвѣчалъ не менѣе сильнымъ оправданіемъ самого себя и своихъ людей. Послѣдовалъ горячій діалогъ съ самыми дикими прыжками и жестами, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые унтеръ-офицеры этого отряда. Когда взаимные упреки дошли до наивысшей силы, выступилъ Динганъ съ Соломоновскимъ рѣшеніемъ, громко объявивъ имъ, что они не прежде получатъ щиты, какъ приведутъ къ нему скотъ Мосиликатце. При выраженіяхъ одобренія, вызванныхъ этимъ неожиданнымъ требованіемъ, онъ удалился обратно, и вскорѣ было принесено пиво для солдатъ, которые затѣмъ ушли, чтобы собрать остатокъ своего полка для порученной имъ хищнической экспедиціи. Между тѣмъ, желаніе или приказаніе Дингана было вскорѣ послѣ того взято назадъ, и дней черезъ 10 или 12 возвратился отрядъ, видимо, посланный только для испытанія, и получилъ назадъ свои щиты.

Въ битвахъ зулусовъ, о которыхъ такъ много можетъ разсказать исторія южной Африки, дѣло шло не о шуточномъ фехтованіи, которое дѣлаетъ смѣшными „войны“ многихъ западныхъ африканцевъ, но всегда велось серьезно и не только противъ бѣлыхъ. Очевидецъ описываетъ битву, которая въ 1856 г. произошла на берегахъ Тугелы, между Умбелази и Кечвейо и рѣшила вопросъ о господствѣ въ странѣ зулусовъ. Полкъ ветерановъ съ силой оттѣснилъ 2—3 тысячи человѣкъ, бросился на одинъ изъ молодыхъ полковъ Кечвейо, уничтожилъ его послѣ схватки, покрывшей поле трупами, и съ порѣдѣвшими рядами двинулся дальше; другой полкъ Кечвейо двинулся на мѣсто разбитаго, и завязалась долгая и жестокая битва, пока побѣда не склонилась опять на сторону ветерановъ. Но они дорого заплатили за нее и не были уже въ состояніи продолжать наступленіе; тогда вожди этихъ храбрыхъ отрядовъ собрали остатки ихъ въ одно ядро и сражались, пока ни одного не осталось въ живыхъ. Земля кругомъ покрылась трупами. Этотъ храбрый натискъ мало, однако, принесъ пользы Умбелази, такъ какъ полки Кечвейо все болѣе и болѣе оттѣсняли его воиновъ, до береговъ Тугелы и даже въ самую рѣку. Тысячи пали на полѣ битвы и тысячи погибли въ волнахъ. Въ войнѣ съ дисциплинированными и хорошо вооруженными европейскими войсками зулусы оказывались сильными только въ нападеніи; поэтому худшимъ врагомъ англичанъ во всѣхъ войнахъ съ зулусами являлась ихъ собственная безпечность. Въ открытомъ полѣ зулусы недолго могли выдерживать ружейный огонь. О нихъ можно сказать, что у нихъ достаточно мужества, но нѣтъ стойкости. Даже ветераны Дингана отрядомъ буровъ, числомъ около 200, подъ начальствомъ Преторіуса, въ 1837 г. были разбиты на голову, между тѣмъ, какъ со стороны послѣднихъ не было потерь, достойныхъ вниманія. Только подъ управленіемъ Кечвейо зулусы получили на руки большее число ружей.

Въ безбрачіи зулусскіе властители стояли впереди своихъ солдатъ, подавая имъ примѣръ: ни Чака, ни Динганъ никогда не были женаты, согласно обычаю страны; тѣмъ не менѣе, это не устранило ряда насильственныхъ переворотовъ, которые составляютъ печальное отличіе исторіи зулусовъ. Обыкновенно король давалъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ только старѣйшимъ солдатамъ, которые чаще отличались на войнѣ, и иногда случалось, что онъ давалъ его разомъ особенно заслуженному или счастливому полку. Напротивъ, число наложницъ въ экандѣ было неограниченнымъ. Изъ всѣхъ экандъ, гдѣ не позволялось вступленіе въ бракъ, во времена Чаки только одна эканда могла имѣть дѣтей. Легко понять, насколько постоянные хищническіе походы требовали пополненія рѣдѣвшаго, благодаря имъ, населенія. И дѣйствительно, потребность въ женщинахъ представляла такую же могущественную пружину въ безпрерывныхъ войнахъ зулусовъ, какъ и стремленіе имѣть рогатый скотъ.

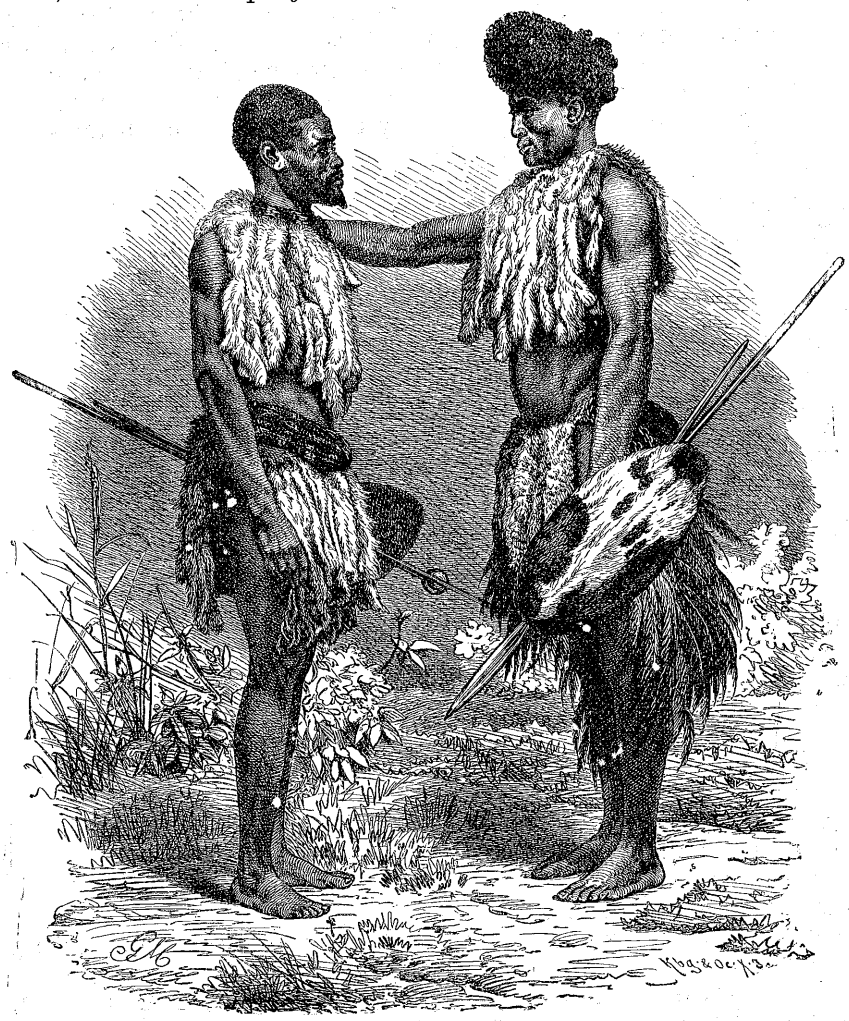
Воины питаются мясомъ и пивомъ на королевскій счетъ. Къ самымъ характернымъ сценамъ зулусской жизни принадлежитъ картина, какъ женщины, длинными рядами и съ однообразнымъ пѣніемъ, каждое утро и вечеръ отправляются къ огороженной площади, мѣсту обѣда воиновъ, держа каждая большой горшокъ пива на головѣ. Въ военное время обозъ (эзибуто), состоящій изъ женщинъ, мальчиковъ и прежнихъ военноплѣнныхъ, гонитъ скотъ, нужный для прокормленія арміи; брать для нихъ полевые плоды является тогда правомъ короля. Этотъ обозъ варитъ и жаритъ пищу для воиновъ, доставляетъ имъ воду и несетъ циновки и одѣяла, такъ что солдатамъ въ походѣ приходится только нести свое оружіе. То, что̀ при военномъ снаряженіи у нихъ должно быть такъ же, какъ и у насъ, а именно — врачи и фельдшера, замѣняется знахарями и колдунами, которые, при выступленіи въ походъ, заставляютъ армію совершать „очищеніе“, причемъ она ставится въ видѣ круга, а передъ битвой они „призываютъ побѣду“. Передъ тѣмъ каждый воинъ долженъ совершить продолжительное лѣченіе, съ рвотными и слабительными средствами; затѣмъ слѣдуетъ укрѣпленіе тѣла, очищеннаго отъ всего дурного, обильнымъ потребленіемъ мяса и пива, и затѣмъ большое очищеніе и посвященіе передъ королемъ и всѣми военачальниками. Тогда у живого быка вырѣзывается кусокъ мяса изъ плеча, поджаривается съ горькими травами на угольяхъ и раздается войскамъ по кусочку. Тотъ, кто выплюнетъ горькій кусокъ, наказывается смертью. Затѣмъ колдуну приносятъ еще какое-то лѣкарство, которымъ онъ опрыскиваетъ воиновъ, съ помощью бычачьяго хвоста. То и другое совершается съ таинственными знаками и бормотаніемъ какихъ то словъ.

Воинъ пондо. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Берлинѣ.) Ср. текстъ, стр. 136.

Въ меньшемъ развитіи, но сходную въ основныхъ чертахъ, находимъ мы эту военную организацію у прочихъ кафрскихъ племенъ востока. Войско козовъ раздѣляется на два большія отдѣленія, въ одно изъ которыхъ входятъ ветераны или герои, а въ другое — молодые воины или круглыя головы; головное украшеніе и знакъ отличія первыхъ составляютъ журавлиныя крылья. Мы слышимъ также и о тѣлохранителяхъ начальниковъ. Главнымъ оружіемъ и здѣсь является метательное копье, вслѣдствіе чего битва бываетъ менѣе правильной, чѣмъ у зулусовъ, нѣчто вродѣ перестрѣлки вразсыпную, имѣющей, тѣмъ не менѣе, во многихъ случаяхъ довольно кровопролитный конецъ.

Изъ всѣхъ учрежденій зулусовъ особенно развита и типична для обычаевъ прочихъ кафровъ правовая жизнь, которую можно поставить вслѣдъ за военной. Она не лишена грубыхъ чертъ, проходящихъ по всей жизни этого народа, но нигдѣ нельзя найти болѣе многочисленныхъ отголосковъ цивилизованныхъ воззрѣній и, повидимому, нигдѣ нельзя встрѣтить болѣе связующихъ точекъ для культурныхъ вліяній. Ихъ правовыя понятія, по нашимъ воззрѣніямъ, часто представляются запутанными, но въ нихъ замѣчается сильная потребность найти правду въ

спорныхъ случаяхъ, и на это тратится много времени и труда. Судьями у нихъ являются начальники и король, которому предоставляется послѣднее и высшее рѣшеніе. При Чакѣ каждое воровство наказывалось смертью, но то же бывало за каждое чиханье и отплевыванье въ присутствіи тирана и за незаплаканные глаза послѣ смерти родственника короля. Кечвейо, напротивъ, оставилъ смертную казнь только для дезертировъ, колдуновъ и



Воины матабели. (По фотографіи.)

отравителей. Когда онъ въ 1872 году наслѣдовалъ своему отцу Мпанде, англійскій резидентъ Шепстонъ убѣдилъ его ввести среди другихъ реформъ также законъ, что никто не можетъ быть умерщвленъ безъ процесса. Формально это было сдѣлано, но именно это наиболѣе человѣчное и естественное нововведеніе никогда не осуществлялось на дѣлѣ, такъ какъ оно затронуло-бы одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ корней королевской власти. Наказанія за болѣе легкіе проступки состоятъ въ пени, взимаемой скотомъ. Похититель скота вынуждается къ уплатѣ двойного, даже десятернаго количества его. Даже оскорбленія искупаются скотомъ, а если родственники этого требуютъ, то и смертной казнью, которая въ мирныя времена должна быть рѣдкимъ явленіемъ. Наугаусъ приводитъ для юго-восточныхъ кафровъ 5 или 6 головъ рогатаго скота, какъ денежную пеню за

убійство. Убійство человѣка, который, по общему мнѣнію, околдовывалъ другихъ, не подлежитъ наказанію. Смертная казнь представляетъ поразительное разнообразіе. Свертываніе шеи, повѣшеніе, задушеніе, раздробленіе затылка, побиваніе палицами, сажаніе на колъ, сверженіе со скалы — принадлежатъ къ самымъ употребительнымъ формамъ. Трупы казненныхъ предоставляются на съѣденіе хищнымъ животнымъ.

Въ судебномъ процессѣ ихъ играетъ роль клятва умершими родителями или начальниками, и принимаются во вниманіе сходные предшествующіе случаи. Судоговореніе ведется съ ораторскими распространеніями. Человѣкъ, задумавшій принести жалобу противъ другого, собираетъ своихъ друзей или сосѣдей, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, отправляются вмѣстѣ съ нимъ къ хижинѣ или деревнѣ обвиняемаго, садятся тамъ на видномъ мѣстѣ и спокойно ждутъ дѣйствія своего прибытія. Вскорѣ собираются, въ такомъ же молчаливомъ ожиданіи, противъ нихъ взрослые мужчины, живущіе по сосѣдству или въ самой этой деревнѣ. Изъ ихъ среды раздается возгласъ, обращенный къ непрошеннымъ пришельцамъ: „скажите намъ вашу новость“. Ораторъ произноситъ точное изложеніе жалобы; его спутники прерываютъ эту рѣчь множествомъ дополненій и исправленій, а противная партія — безконечными перекрестными вопросами. Но этимъ судебное состязаніе еще не кончается. На другой день обвиняемые выставляютъ людей, пользующихся славой искусныхъ діалектиковъ. Они начинаютъ излагать свое воззрѣніе, партія обвинителя вновь приводитъ свои, и противники ея, въ свою очередь, стараются ее опровергнуть придирчивыми и хитрыми пріемами въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ. Если ораторъ утомленъ, то выступаетъ другой и проходитъ опять тотъ-же путь, прибавляя къ сказанному новые аргументы. Когда уже исчерпаны всѣ доводы за и противъ съ обѣихъ сторонъ, жалобщики удаляются; обѣ партіи взвѣшиваютъ выгоды и невыгоды своего положенія. Если одна изъ нихъ чувствуетъ, что не можетъ держаться, то она начинаетъ съ предложенія возможно меньшихъ уступокъ. Если не получается никакого рѣшенія, жалобщики обращаются къ умпакати сосѣдняго округа. Въ его присутствіи весь споръ подробно обсуждается вновь. Интимныя отношенія и въ особенности семейныя несогласія обсуждаются съ особенной охотой. Проходитъ около недѣли прежде, чѣмъ послѣдуетъ рѣшеніе умпакати. Если онъ не въ силахъ постановить рѣшеніе, или какая-либо изъ партій недовольна этимъ послѣднимъ, то жалоба можетъ быть передана начальнику и собранію совѣта. Когда истецъ приближается къ нему, онъ уже издали кричитъ: „я приношу жалобу“. На что слѣдуетъ отвѣтъ: „противъ кого твоя жалоба“? При такомъ обмѣнѣ фразами на разстояніи, истецъ приближается вмѣстѣ со своимъ обществомъ, пока не достигнетъ опредѣленнаго мѣста, шагахъ въ 50 отъ хижины совѣта; тамъ онъ останавливается и спокойно усаживается. Когда кто-либо выходитъ изъ хижины совѣта и проходитъ мимо общества жалобщиковъ, онъ спрашиваетъ: „на кого вы жалуетесь“? И прибывшіе излагаютъ ему дѣло, что̀ можетъ повторяться нѣсколько разъ. И начальникъ проходитъ мимо, не останавливаясь, а спрашиваетъ и отвѣчаетъ на извѣстномъ разстояніи. Отъ доброй воли совѣта зависитъ продолжать этотъ допросъ болѣе или менѣе долго. Затѣмъ дѣло должно быть принято имъ къ разсмотрѣнію; тогда призывается противная партія. Начальникъ сидитъ или лежитъ, повидимому, совершенно равнодушно на своей циновкѣ среди совѣта. Наконецъ, дѣло подготовлено настолько, что онъ можетъ изречь свой приговоръ. Когда это совершится, партія, въ пользу которой состоялся приговоръ, бросается къ его ногамъ, покрываетъ ихъ поцѣлуями и восхваляетъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ его мудрость и справедливость. Но съ „большой площади“ небольшая вооруженная сила приходитъ на помощь побѣдителямъ въ судебномъ спорѣ, чтобы добиться повиновенія рѣшенію начальника и,

главнымъ образомъ, для того, чтобы потребовать участія его во взиманіи наложеннаго штрафа. Этимъ и оканчивается споръ. При отсутствіи средствъ у обвиняемаго, вся семья вступается за него. Долговые процессы возбуждаются иногда по прошествіи десятилѣтій.

Съ грубой суровостью наказываются проступки противъ короля; здѣсь приговоръ направленъ не только противъ преступника, но и противъ всего его имущества; все оно „съѣдается“. Нигдѣ произволъ обвиненія и осужденія не достигаетъ такой степени, какъ здѣсь. Суевѣріе, естественно, играетъ при этомъ главную роль. Въ основаніе ложнаго обвиненія Питера Ретифа и 66-ти его товарищей въ убійствѣ, Динганъ выставилъ, что всѣ они колдуны. И даже передъ ихъ трупами страхъ народа былъ такъ великъ, что буры, черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ покоренія краля Дингана, нашли трупы въ томъ-же видѣ, въ какомъ они были выброшены на съѣденіе коршунамъ. Наугаусъ называетъ обвиненія въ колдовствѣ „кафрской государственной машиной для удаленія непріятныхъ субъектовъ и для конфискаціи ихъ имущества.“

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о характерѣ и дѣйствіяхъ, нравахъ и обычаяхъ кафрскихъ народовъ. Противоположно общей для всѣхъ чертѣ, свойственной всѣмъ племенамъ кафровъ, уклоненія въ отдѣльныхъ подробностяхъ несущественны и незначительны. Эти народы, въ дѣйствительности, раздѣляются между собою положеніемъ своего мѣстообитанія и своей исторіей. Какъ ни малъ промежутокъ, который мы можемъ окинуть взглядомъ назадъ, но онъ содержитъ многое, что̀ можетъ углубить наше пониманіе. Португальцы и голландцы встрѣчали темныя племена на восточномъ и юго-восточномъ берегу Африки и назвали ихъ „кафрами“, то есть, невѣрными, именемъ, какимъ называли ихъ арабы. Они распространялись къ западу, за Большую Рыбную рѣку, но недалеко, такъ что она имъ уже въ 1780 г. была поставлена границей. Она обозначаетъ также и южную границу ихъ распространенія. Связь южныхъ кафровъ, вступавшихъ въ безконечные споры о границахъ съ голландцами, а позднѣе съ англичанами, съ кафрами, наблюдавшимися португальцами далѣе къ сѣверу, вскорѣ была установлена. Тогда съ радостью замѣчали, что во многихъ столкновеніяхъ между собою отдѣльныя племена вытѣсняли или поглощали другихъ.

Въ этой путаницѣ остается незыблемымъ, что козы (амакоза или амаксоза [1]) всегда были самыми южными. Имя ихъ встрѣчается уже въ 1687 г., въ формѣ „магозе“, на юговосточномъ берегу, и именно съ ними европейцы впервые столкнулись въ южной Африкѣ. Отъ Большой Рыбной рѣки и отъ подножья Снѣговыхъ горъ они, во время борьбы съ европейцами, все болѣе и болѣе были оттѣсняемы къ сѣверу и востоку, и область ихъ въ настоящее время имѣетъ границами—на югѣ рѣку Кеи, вмѣстѣ съ ея притокомъ Индве, на сѣверѣ—рѣку Умтанфуну, на востокѣ—море, а на западѣ—Драконовы горы. Здѣсь жили нѣкогда двѣ большія вѣтви этого племени—галеки и гахабы; но изъ нихъ только первые существуютъ въ качествѣ самостоятельнаго племени, а послѣдніе утратили общее названіе и распались на множество мелкихъ племенъ. Къ нимъ принадлежатъ племена Ндламбе, Мбалу, Гвали, Душане, Гаика и др. Число галековъ въ 1856 г. доходило до 70 тысячъ, а общая численность всѣхъ мелкихъ племенъ Коза—до 140 тысячъ.

Когда голландскіе колонисты проникли до Воскресной рѣки, они пришли въ соприкосновеніе съ племенемъ Коза. Немного нужно было времени

[1]) Ама есть префиксъ, означающій — люди, коза (ксоза, куза) относится къ имени начальника: все это вмѣстѣ значитъ „люди Козы“. Наименованіе племени по имени начальника повторяется у большинства негровъ, соотвѣтственно патріархальной системѣ.

для убѣжденія ихъ на опытѣ, что это былъ совершенно другой народъ, чѣмъ племена готтентотовъ, съ которыми они до тѣхъ поръ исключительно имѣли сношенія. Кафры уже съ давняго времени подвигались къ югу и къ западу; и такъ какъ численность ихъ самихъ и ихъ стадъ увеличивалась, то они вынуждались къ расширенію своихъ пастбищъ такой-же необходимостью, какъ и буры. Между тѣми и другими должно было произойти столкновеніе. Оба эти потока странствующихъ народовъ пришли въ соприкосновеніе, угрожавшее опасными послѣдствіями, когда козы, въ серединѣ прошлаго столѣтія, перешли Большую Рыбную рѣку и распространились въ травянистыхъ областяхъ, которыя тогда были оставлены готтентотами племени Гонака, то есть, въ нынѣшнемъ округѣ Альбани. Нѣкоторое время они жили и пасли свои стада въ пестромъ смѣшеніи въ этой полосѣ земли. Но съ той минуты, какъ правительство колоніи присоединило къ своимъ владѣніямъ этотъ округъ, оно сочло себя законнымъ собственникомъ страны и старалось отдѣлаться отъ своихъ черныхъ сосѣдей. Когда въ 1778 г. фонъ Плеттенбергъ объѣзжалъ эту область, случилось въ первый разъ, что губернаторъ Капской колоніи вступилъ въ оффиціальныя сношенія съ начальниками кафровъ; здѣсь впервые была установлена граница, которая оставалась послѣ того въ теченіе десятилѣтій, „не потому, что ее установилъ фонъ Плеттенбергъ, а потому, что на другой сторонѣ ея стояла раса, которая была способна оказать сопротивленіе пришельцамъ.“

Въ это знаменательное время козами предводительствовалъ престарѣлый начальникъ Пало. Сыновья его, Галека и Гахабе, впали въ раздоръ между собою; хотя первый былъ сыномъ главной жены, но онъ былъ менѣе способнымъ. На счастье колонистовъ, народъ Коза раздѣлился на двѣ половины и, послѣ ожесточенной борьбы, часть, находившаяся подъ начальствомъ Гахабе, перешла за Кеи, гдѣ жили тогда готтентоты и отдѣльныя мелкія кафрскія племена въ пестромъ смѣшеніи. Гахабе мудро управлялъ своимъ народомъ и умѣлъ удачно избѣгать большихъ битвъ съ бѣлыми. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ втянутъ, однако, въ войну съ тембусами, одинъ изъ начальниковъ которыхъ получилъ въ жены дочь Гахабе, но коварнымъ образомъ отвѣтилъ на это лишь подаркомъ ста штукъ рогатаго скота. Гахабе палъ на войнѣ; ему наслѣдовали его сынъ Ндламбе и его внукъ Гаика. При нихъ рѣшилась участь козовъ въ войнѣ съ бѣлыми. „Великій сынъ“ Гахабе Моланъ умеръ раньше его и оставилъ десятилѣтняго сына властителемъ всѣхъ козовъ, называвшихся теперь амагахабэ, къ западу отъ Кеи. За него управлялъ младшій сынъ Гахабе Ндламбе, но часть народа его не признала; чтобы избавиться отъ его власти, она направилась къ западу и встрѣтилась тамъ, по ту сторону Большой Рыбной рѣки, съ народами, смѣшанными изъ кафровъ и готтентотовъ, которыхъ колонисты называли Гонака (см. т. I, готтентоты). Козы соединились съ ними и организовали систематическое похищеніе скота, что̀ сдѣлало ихъ бичемъ колонистовъ. Тѣмъ временемъ Гаика выросъ, и, такъ какъ Ндламбе не хотѣлъ вполнѣ отказаться отъ власти, то завязалась новая междоусобная война. Ндламбе въ 1796 г. бѣжалъ со своими приверженцами на западъ и захватилъ всю область отъ Рыбной рѣки до Моссельбая, которую уступили ему колонисты, пораженные паническимъ страхомъ, а также жившія тамъ смѣшанныя племена кафровъ и готтентотовъ.

Когда въ 1797 г. Макартней послалъ своего частнаго секретаря Барроу на восточную границу, для заключенія мира, этотъ послѣдній, введенный въ заблужденіе незнаніемъ обычаевъ кафровъ, призналъ Гаику „королемъ“ всѣхъ племенъ къ западу отъ Кеи и, сообразно тому, Ндламбе и его сообщниковъ — возмутителями, которыхъ, однако, напрасно старались „привести къ повиновенію“, т. е. подъ власть Гаики. Во время этихъ переговоровъ власть Ндламбе возросла еще больше, такъ какъ Гаика своимъ сбли-

женіемъ съ главной женой Ндламбе, своего дяди, совершилъ, въ глазахъ кафровъ, тяжкій проступокъ. Въ 1799 г. стычка у бухты Альгоа окончилась неблагопріятно для англичанъ, и кафры остались владѣтелями самыхъ восточныхъ округовъ колоніи. Лишь въ 1811 г. начались энергическія наступленія Капштадтскаго правительства противъ пришельцевъ. Договоры съ Гаикой, который все болѣе и болѣе терялъ значеніе и въ 1817 г. былъ совершенно разбитъ Ндламбе, не привели ни къ какой цѣли; хотя яростное нападеніе Ндламбе на англійское пограничное укрѣпленіе Грегемстаунъ окончилось пораженіемъ кафровъ, но мирныя сношенія установились только тогда, когда были завязаны переговоры съ Ндламбе, вслѣдствіе которыхъ границами установлены были ненаселенныя полосы на Большой Рыбной рѣкѣ. Наступило одно изъ самыхъ благопріятныхъ временъ, пережитыхъ кафрами въ этихъ областяхъ южной Африки; ихъ благосостояніе росло, и дѣятельность миссіонеровъ замѣтно распространялась среди нихъ. Но уже въ концѣ 20-хъ годовъ начало обнаруживаться вліяніе незамѣтно выросшей военной силы зулусовъ. Народъ, по имени Нгвана, вытѣсненный зулусами изъ ихъ мѣстъ обитанія на нижней Тугелѣ, бросился, подъ предводительствомъ Мативаны, на тембусовъ и угрожалъ даже галекамъ, когда колоніальныя войска выступили противъ „фекани“ (разбойниковъ), какъ они называли эти бездомныя орды, и оттѣснили ихъ назадъ (въ 1828 г.). Галеки и тембусы напали со всѣхъ сторонъ на бѣгущихъ и почти совершенно уничтожили ихъ. Только немногіе спаслись въ странѣ басутовъ; но Мативана былъ ослѣпленъ Динганомъ и умерщвленъ вмѣстѣ со своими сообщниками. Въ 1829 г. умеръ Ндламбе; ему наслѣдовалъ Гаика, а этому послѣднему — его сынъ Макома; Сандили, главный наслѣдникъ Гаики, былъ тогда еще ребенкомъ. Новое сліяніе заставило забыть прошлыя неудачи, и кафры изъ года въ годъ становились смѣлѣе. Когда въ одной хищнической экспедиціи братъ Макомы былъ легко раненъ, это сочтено было кафрами за поводъ къ войнѣ, и Макома прошелъ черезъ пограничную область съ военными силами. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска колоніи могли проникнуть впередъ къ галекамъ. Ихъ начальникъ Гинтса былъ застрѣленъ, и съ его сыномъ заключенъ былъ миръ, который у кафровъ отнималъ всю землю до рѣки Кеи. Въ 1846 г. вспыхнула новая война, въ сторонѣ отъ которой осталась лишь небольшая часть прежняго народа Коза. У англичанъ явились неожиданные союзники, въ лицѣ народа Пондо (см. рис., стр. 131), которые, живя къ востоку отъ галековъ, хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ обогатиться насчетъ ихъ стадъ. Но самую существенную пользу принесъ англичанамъ, такъ сказать, вновь образовавшійся народъ Фингу, который составился изъ прежнихъ невольниковъ народа Коза и другихъ бѣглецовъ и поселился на кафрской границѣ. Послѣ большихъ усилій, удалось взять въ плѣнъ вождей Сандили и Пато. Колоніальная граница выдвинулась до Кейскамы, и изъ страны между рѣкою Кеи и Кейскамой была образована колонія Британская Кафрарія, которой должны были управлять Сандили и другіе вожди его народа, въ качествѣ правительственныхъ уполномоченныхъ. Уже черезъ два года послѣ заключенія мира колдунъ-фанатикъ прошелъ черезъ всю страну кафровъ, проповѣдуя войну противъ бѣлыхъ и обѣщая своимъ соотечественникамъ сверхъестественную помощь. Такъ въ 1850 г. вспыхнула новая война, руководимая Сандили (который, впрочемъ, никогда не предводительствовалъ лично, такъ какъ былъ хромъ на одну ногу (см. рис. т. I, стр. 13, вверху) и его братомъ Антой. И на этотъ разъ война началась небольшими пораженіями англичанъ; конная кафрская полиція, которую не догадались обезоружить, перешла на сторону своихъ соотечественниковъ. Одновременно съ тѣмъ произошло и возстаніе готтентотовъ. Часть тембусовъ также присоединилась къ Сандили, который утвердился въ старинномъ естественномъ укрѣпленіи кафровъ, въ горахъ Аматола; старый Макома въ теченіе 21 мѣсяца

отражалъ всѣ нападенія въ горахъ Крооме. Лишь въ 1853 г. начальники Сандили, Макома и Анта изъявили покорность и получили землю по ту сторону рѣки Кеи. Сила козовъ, казалось, была сломлена. На той почвѣ, гдѣ они нѣкогда процвѣтали, распространился новый, смѣшанный народъ фингусы; немногія кафрскія племена, оставшіяся вѣрными англичанамъ; тембусы, какъ народъ, были почти уничтожены, и бо́льшая часть ихъ страны была предоставлена бѣлымъ поселенцамъ. Въ Британской Кафраріи была, наконецъ, ограничена власть мелкихъ начальниковъ, и миссіонерамъ оказывалась всевозможная поддержка. Но въ 1856—57 гг. кафрская дѣвушка получила извѣщеніе отъ духовъ, что кафры должны выгнать бѣлыхъ изъ своей страны; за нихъ вступятся цѣлыя полчища духовъ, если кафры принесутъ новыя, небывалыя жертвы. Прежде всего должны были быть убиты и съѣдены лучшія животныя изъ ихъ стадъ. И дѣйствительно, это требованіе, противорѣчащее обычаямъ кафровъ, выполнялось на пространствѣ все болѣе и болѣе обширномъ. Темные слухи о предстоящихъ битвахъ, о дняхъ сраженій, когда будутъ свѣтить два красныхъ солнца и т. под., разносились повсюду и возбуждали все населеніе. Сандили, Макома, Сарили и другіе начальники приняли участіе въ движеніи. Тайною пружиною его служило намѣреніе, извѣстное лишь наиболѣе близкимъ, посвященнымъ лицамъ, довести народъ до отчаянія голодомъ и затѣмъ поднять его противъ бѣлыхъ. Однако, этотъ планъ совершенно не удался. Кафры убили 200 тыс. головъ рогатаго скота, почти все, что имѣли, и съѣли свои запасы. Напрасно строили они громадные крали для помѣщенія стадъ бѣлыхъ, которыя должны были явиться къ нимъ въ безчисленномъ множествѣ, какъ звѣзды на небѣ. Вмѣсто обѣщаннаго золотого вѣка, наступилъ годъ неслыханной нужды. Изъ 105,000 человѣкъ, жившихъ въ Кафраріи въ 1857 г., въ концѣ года оставалось только 38,000. Благодаря смертности и бѣгству, племя Сандили уменьшилось съ 31,000 до 3,700, а у Макомы осталось только 1,000 человѣкъ. Старые, прославленные вожди умерли въ изгнаніи, какъ, напримѣръ, Макома на Тюленьемъ островѣ, или вели пріятную, беззаботную жизнь въ своихъ обезпеченныхъ резерваціяхъ, какъ это было съ Сандили (его наслѣдникъ Гонга, подъ именемъ Эдмунда Сандили, сдѣлался христіаниномъ и колоніальнымъ чиновникомъ), или жили разбоями, какъ, напримѣръ, Мгала, младшій сынъ Ндламбе. Всѣ болѣе крупные и бо́льшая часть мелкихъ начальниковъ получаютъ теперь жалованье отъ колоніальнаго правительства, христіанство медленно подвигается впередъ, старые кафрскіе законы постепенно уступаютъ мѣсто законамъ бѣлыхъ, и, независимо отъ миссій, возникаетъ множество школъ, гдѣ обучаются сотни молодыхъ кафровъ на иждивеніи правительства. Къ сожалѣнію, вредныя вліянія водки перевѣшиваютъ всѣ эти цивилизующія стремленія. Галеки, продолжавшіе занимать угрожающее положеніе, были оттѣснены къ морскому берегу, гдѣ остатокъ этого народа занимаетъ лишь небольшую полосу нѣкогда принадлежавшей имъ страны. Кровавая война съ тембусами, которымъ была предоставлена часть земель галековъ, настолько отодвинула ихъ назадъ, что въ 1874 г. они ходатайствовали о принятіи ихъ въ число подданныхъ колоніи. Въ другихъ частяхъ страны галековъ поселились фингусы, и обезлюденье этой области было такъ велико, что поступили прошенія объ открытіи еще 1500 фермъ для европейскихъ поселенцевъ. Вслѣдствіе того, подняться вновь для народа Коза стало уже невозможно. Тѣснимые все болѣе и болѣе, они должны были вступить на путь фингусовъ, изъ которыхъ выработались земледѣльцы во вкусѣ бѣлыхъ и которые послѣдовательно, придерживаясь мирной и дружественной европейцамъ политики, значительно увеличились въ числѣ, между тѣмъ, какъ всѣ другіе кафры уменьшились въ численности, за исключеніемъ басутовъ, причисляемыхъ къ бечуанамъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о фингусахъ. Въ

двадцатыхъ годахъ, благодаря завоевательнымъ походамъ Чаки, остатки нѣкогда могущественныхъ кафрскихъ племенъ, осѣвшихъ, подъ названіемъ Амангване и Цици, на Тугелѣ, были оттѣснены въ большомъ числѣ къ югу и жили, въ качествѣ невольниковъ, среди козовъ. Между ними находились и разсѣянные „фекани“. Они пасли скотъ и обработывали поля своихъ властителей; новое названіе Фингу имѣло одинаковое значеніе съ собакой. Въ войнѣ 1835 г. 16 тыс. изъ числа этихъ людей оставили страну Коза и были поселены англичанами къ востоку отъ Большой Рыбной рѣки, гдѣ они, пользуясь спокойствіемъ и миромъ, сдѣлали замѣтные успѣхи. Въ 1875 г. въ колоніи насчитывалось 73,500 фингусовъ. Тогда Тиль набросалъ слѣдующее описаніе ихъ: „Въ 1874 г. число народныхъ школъ въ территоріи равнялось 46, число торговыхъ станцій — 45, и цѣнность ежегоднаго ввоза и вывоза, при самомъ низкомъ исчисленіи, доходила до 150,000 ф. стерлинговъ. Народъ, по большей части, живетъ и одѣвается по европейски. Онъ пользуется плугомъ и изготовляетъ большія количества хлѣба для продажи. Красивыя стада, шкуры которыхъ въ лавкахъ обмѣниваются на полезныя мануфактурныя издѣлія, пасутся на ихъ лугахъ. Почти у каждаго есть лошадь съ хорошимъ сѣдломъ, и многіе имѣютъ удобныя перевозочныя повозки съ запряжкой изъ быковъ. Они провели улицы и построили церкви и школы, хотя не всѣ приняли христіанство. Въ послѣдніе три года они собрали добровольными взносами около 3000 фунтовъ стерлинговъ для постройки промышленной школы. Нѣкоторые изъ ихъ юношей, которые провели учебное время въ какой-либо мастерской въ колоніи, въ настоящее время занимаются ремеслами, и число ихъ постоянно увеличивается. Подать, въ размѣрѣ 10 шиллинговъ на каждую хижину, собираемая безъ всякаго принужденія, покрываетъ издержки ихъ управленія, механизмъ котораго, конечно, весьма простъ, но въ то же время дѣйствителенъ“. Замѣчаніе Г. Фритча отмѣчаетъ поразительное приближеніе этихъ цивилизованныхъ кафровъ къ бѣлымъ и въ физическомъ отношеніи: форма лица фингусовъ производитъ впечатлѣніе „сильнаго смѣшенія своимъ приближеніемъ къ европейскому типу.“ Въ особенности отъ кафровъ восточной части колоніи и Британской Кафраріи они отличаются болѣе широкимъ носомъ и сильно развитымъ лбомъ.

Къ южнымъ кафрскимъ племенамъ, нѣкогда разсѣяннымъ Чакой, принадлежатъ также понды (Пондо) (см. рис., стр. 131); имъ удалось больше, чѣмъ фингусамъ, удержать, по крайней мѣрѣ, отчасти, прежнія мѣстообитанія своего племени. Въ прежнее время они были раздѣлены, и одна половина, подъ властью воинственнаго и жестокаго вождя Факу, составляла предметъ ужаса другой, сосѣдней половины племени пондомизіевъ; въ настоящее время они вынуждены жить между страною кафровъ и Наталемъ и съ 1894 г. вошли въ составъ Капской колоніи. Число пондовъ можно считать теперь приблизительно въ 150,000 человѣкъ; поэтому они разселены плотнѣе, чѣмъ зулусы въ Наталѣ.

Болѣе жестокую борьбу, чѣмъ съ южными кафрами, колонисты и управленіе Капской колоніи должны были выдержать съ кафрскимъ племенемъ, которое лишь позднѣе появилось на ихъ горизонтѣ,—съ зулусами. Воспоминанія зулусовъ о прежнемъ времени восходятъ къ тому періоду, когда ихъ народъ жилъ, ввидѣ маленькаго племени, на Умволози, подъ начальствомъ Упунги. Еще раньше упоминается миѳическій начальникъ Зулу, именемъ котораго называется это племя. Правда, у нихъ существуютъ преданія о переселеніи изъ областей, лежащихъ на западѣ или на сѣверозападѣ внутри страны, такъ же, какъ и у другихъ восточныхъ кафрскихъ племенъ, но это лежитъ за предѣлами ихъ опредѣленныхъ воспоминаній. Исторически выдающемуся положенію зулусовъ положилъ начало Чака, сынъ Сенцангаконы, правителя, извѣстнаго своимъ богатствомъ, имѣвшаго 25 женъ; до него преданіе называетъ только трехъ начальниковъ. Мать

Чаки поссорилась со своимъ супругомъ, который, по преданію, ревниво относился къ своему сыну, и убѣжала къ Дингисвейо, начальнику сосѣдняго племени Тетва. Этотъ послѣдній поручилъ Чаку одному изъ своихъ индунъ и отпустилъ его, когда его отецъ умеръ, въ возрастѣ около 30 лѣтъ, на его родину. Тамъ онъ побѣдилъ одного изъ своихъ братьевъ, занявшаго престолъ, послѣ короткой борьбы. Чака покорилъ одно сосѣднее племя за другимъ, распредѣлилъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, въ своемъ войскѣ, а ихъ семьи по всей странѣ, и сумѣлъ такъ умно организовать и поддержать свою возростающую власть что въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ считался властителемъ всей страны между рѣкою Умцимвубу, нынѣшней южной границей Наталя, и Ингамбане и отъ морского берега до центра южной Африки. На вершинѣ своего могущества, онъ палъ въ 1828 г. подъ ударами заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ его братъ Динганъ, который и наслѣдовалъ его власть. При Чакѣ началось, впервые въ большомъ масштабѣ, при нынѣшнемъ Портъ-Дурбанѣ, основаніе европейскихъ факторій, имѣвшее большое значеніе; нѣкоторые европейцы и мулаты окружили себя большой свитой изъ кафровъ и даже сами, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, стали походить на кафровъ. Они пріобрѣли большое вліяніе и при Чакѣ, и многія изъ его военныхъ и другихъ реформъ исходили изъ европейскихъ стимуловъ. Динганъ также не устранялся отъ европейскихъ вліяній, съ привлекательною стороною которыхъ познакомили его купцы Наталя, жившіе подъ его покровительствомъ, но по возможности далеко отъ его резиденціи. Разбойническія экспедиціи его воиновъ доставляли богатую добычу въ его краль; особые отряды охотниковъ добывали ему слоновую кость, и вся страна, отъ бухты Делагоа до Умцимвубу, повиновалась его приказаніямъ. Это положеніе дѣлъ испытало неожиданное потрясеніе, которое должно было рѣшить вопросъ объ участи всей власти зулусовъ: буры спустились, подъ предводительствомъ Ретифа, въ 1837 г. черезъ Драконовы горы въ Наталь и пожелали, путемъ мирныхъ переговоровъ, пріобрѣсти отъ Дингана участокъ земли. Они получили его и съ своей стороны исполнили то, что̀ ему обѣщали; но Динганъ 5-го февраля 1838 г. предводителя буровъ съ 66-ю лучшими изъ его сотоварищей велѣлъ умертвить измѣнническимъ образомъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ того на ихъ главную стоянку въ Наталѣ напало большое войско зулусовъ; однако, ему не удалось взять штурмомъ лагерь, состоявшій изъ повозокъ храбрыхъ пришельцевъ. Еще въ декабрѣ того-же года, буры, подъ начальствомъ Преторіуса, настолько сокрушили силы Дингана, что онъ предоставилъ свой главный краль на жертву пламени и искалъ спасенія въ лѣсахъ на Умволози, а въ самомъ концѣ этого года англичане завладѣли Наталемъ. Въ 1840 г. братъ Дингана Мпанде убѣжалъ къ бурамъ и съ ихъ помощью окончательно разбилъ своего брата; съ того времени сила зулусовъ никогда уже не оправлялась.

Когда Мпанде умеръ въ 1872 г., Кечвейо сдѣлался его преемникомъ, послѣ того, какъ онъ уже цѣлые годы правилъ неограниченно при жизни своего отца. Законы колоніи, вліяніе которыхъ было все-таки достаточно ощутительно и которые противорѣчили духу зулусовъ, по мнѣнію Кечвейо, стѣсняли его самостоятельность, и онъ выразилъ свое неудовольствіе насильственными дѣйствіями противъ тѣхъ кафровъ, которые отдались подъ покровительство европейцевъ. Кечвейо еще въ 1873 г., при своемъ вступленіи во власть, торжественно признанный Англіей, открыто приготовлялся къ войнѣ, доведя свою армію до 40,000 человѣкъ и превосходно обучивъ ее по зулусскому способу. Въ 1878 г. Англія обратилась къ зулусскому правителю съ требованіями о распущеніи этого войска и о выдачѣ нѣкоторыхъ нарушителей спокойствія; когда эти требованія не были исполнены, въ 1879 г. англійскія войска передвинулись за Тугелу. Несмотря на несчастную битву при Изандланѣ и всѣ послѣдующія пораженія, англичане про-

бились впередъ и взяли въ плѣнъ Кечвейо въ лѣсу Нгоме, на Черномъ Умволози. Онъ былъ привезенъ въ Капштадтъ, и его страна раздѣлена была на 13 округовъ, подъ верховнымъ управленіемъ англійскаго резидента. Но это установленіе не упрочилось; начальники, не привыкшіе къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, воевали другъ съ другомъ и ослабляли націю. Такимъ образомъ, англичане уже въ 1882 г. пришли къ убѣжденію, что будетъ лучше вновь отдать страну подъ власть сильнаго правителя, который одинъ только въ состояніи умиротворить кафровъ, исполненныхъ въ душѣ склонности къ монархіи (ср. Sievers, „Africa“, S. 287). Наряду съ фактомъ, что подъ защитой цивилизованнаго правительства въ Наталѣ развился новый центръ зулусскаго населенія, это обстоятельство не лишено значенія. Уже въ настоящее время населеніе Наталя на 48 тыс. кв. килом. равняется 540 тыс. душъ, и поэтому оно въ шесть разъ плотнѣе населенія Капской колоніи и въ семь разъ плотнѣе населенія Оранжевой республики. Въ немъ замѣчается лишь небольшая примѣсь бѣлой крови: число настоящихъ кафровъ равняется 500 тыс. и занимаютъ обособленное положеніе наряду съ бѣлыми.

Бечуаны распадаются на большое число племенъ, которыя, по географическому положенію и племенному родству, можно соединить въ естественныя группы. Обыкновенно ихъ всѣхъ раздѣляютъ на два большіе географическіе отдѣла: на западныхъ и восточныхъ бечуановъ; впрочемъ, между ними живетъ еще средняя и связывающая ихъ группа, по обоимъ берегамъ Лимпопо до его истоковъ.

Исторія бечуановъ, соотвѣтственно разселенію среди воинственныхъ племенъ, внутри страны, довольно запутана; она никогда не доходила до прочной кристаллизаціи вокругъ какой нибудь династіи или властвующаго племени. Уже обширность области ихъ обитанія вызывала большое раздробленіе. Племенныя преданія и сказанія о странствованіяхъ указываютъ на переселеніе съ сѣвера. Новѣйшая исторія говоритъ о переселеніяхъ съ той же стороны; на самомъ дѣлѣ, несмотря на свою сравнительно высокую матеріальную культуру, народъ бечуановъ ясно выказываетъ кочевой характеръ. Дорога къ сѣверу была одна открыта ему въ послѣдніе 100 лѣтъ; и если не его происхожденіе, то историческія передвиженія его говорятъ объ этомъ направленіи. Весьма наглядны интересные, какъ сами по себѣ, такъ и по тому свѣту, какой они бросаютъ на передвиженія народовъ внутренней Африки, наиболѣе привлекательные эпизоды исторіи бечуановъ: развитіе басутовъ, самаго богатаго, сильнаго и наилучше вооруженнаго племени этого народа, и подъемъ, а затѣмъ трагическая гибель въ теченіе менѣе двухъ поколѣній, макололовъ, проникшихъ, въ качествѣ завоевателей, за Замбези. Часть баквеновъ (людей крокодила) въ двадцатыхъ годахъ была оттѣснена зулусскимъ начальникомъ Мосиликатце съ рѣки Вааля въ Драконовы горы. При единствѣ и рѣшимости, превосходному числу бечуановъ легко было противостоять нападающимъ. Но противоположно усиліямъ одного лишь начальника Мошеша, который старался поддержать согласіе въ своемъ народѣ, оправдалась поговорка бечуановъ: мелкіе начальники — дурные подданные. Мосиликатце встрѣтилъ въ народѣ отсутствіе единства и власти начальниковъ, убивалъ и грабилъ, и оставшіеся въ живыхъ выселились, подъ названіемъ басутовъ, т. е. нищихъ, въ горы. Здѣсь Мошешъ въ 1831 г. соединилъ этихъ распавшихся людей въ одинъ народъ, который, отъ присоединенія бѣглыхъ береговыхъ кафровъ, сталъ нѣсколько сильнѣе. Они сумѣли еще болѣе увеличить выгоды своей страны съ прекрасными пастбищами, посредствомъ обширнаго похищенія рогатаго скота и лошадей изъ стадъ Оранжевыхъ буровъ. Но они не отставали и въ другихъ отношеніяхъ (см. стр. 12); у нихъ было до 18 тыс. всадниковъ и въ 1879 г. они обладали приблизительно

15—20 тыс. ружей. Сознавая свою силу, они отказали въ 1879 г. Капскому правительству въ уплатѣ подати; война закончилась потомъ, въ сущности, торжествомъ басутовъ. Возможно, что имъ предназначено основать впервые въ центрѣ Африки сильное бечуанское государство.

Къ племени басутовъ принадлежалъ первоначально совершенно другой, отдаленный народъ, въ исторіи котораго мы встрѣчаемъ противоположный процессъ: это — макололы, народный аггрегатъ, ядро котораго составилось изъ нѣкотораго числа басутовъ. Когда они, подъ предводительствомъ смѣлаго вождя Себитуане, направились къ сѣверу, они захватили съ собою молодежь побѣжденныхъ ими бечуанскихъ племенъ. То-же самое случилось съ покоренными позднѣе макалаками, мѣсто обитанія которыхъ макололы заняли въ началѣ 50-хъ годовъ, вынужденные къ тому большой смертностью, испытанной ими въ болотистыхъ странахъ Замбези и Чобэ. Наконецъ, въ составъ племени была принята и извѣстная часть народа Баротсе. Съ рѣки Дилы, или Моцумы, они были оттѣснены матабелями на западъ къ Чобэ. Здѣсь, между Замбези и Чобэ, макололы жили, какъ на естественномъ островѣ, окруженные болотистыми, низменными берегами этихъ глубокихъ рѣкъ, въ защитѣ отъ своихъ враговъ, но тѣмъ болѣе подверженные смертельнымъ болотнымъ лихорадкамъ. Настоящихъ басутовъ всегда можно было узнать по ихъ трудолюбію. Ихъ видали идущими съ мотыкой въ рукѣ, рядомъ съ женами, въ поле. „Этого зрѣлища“, говоритъ Ливингстонъ, „не могутъ доставить мужчины ни въ какомъ другомъ кафрскомъ или бечуанскомъ племени“. Но ихъ потомки, которые рано почувствовали себя властителями, держали себя, какъ аристократы, среди покоренныхъ макалаковъ, и умный Себитуане нашелъ себя вынужденнымъ отнять у нихъ нѣкоторыя преимущества. Основную причину установленнаго имъ равенства онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „всѣ — дѣти начальника“. Себитуане, правитель макололовъ, человѣкъ весьма даровитый, умеръ въ 1851 г. „Никогда до этого времени смерть цвѣтного человѣка такъ не огорчала меня“, говоритъ Ливингстонъ. Его преемникъ Секелету не былъ равенъ своему отцу ни наружными, ни умственными качествами. Борьба за престолъ разоряла народъ и страну; малярія также ослабляла силы этого завоевательнаго народа, и баротсы въ кровавомъ возстаніи свергли власть своихъ покорителей: отъ ядра макололовъ между Чобэ и Замбези, какъ говорятъ, остались только двое мужчинъ, и одинъ мальчикъ. Еще худшій жребій выпалъ на долю двухъ тысячъ мужчинъ макололовъ, жившихъ къ югу отъ Чобэ, искавшихъ защиты, въ качествѣ соплеменниковъ, у западныхъ баманг'ватовъ. Король этихъ послѣднихъ, Летчулатебе, сдѣлалъ видъ, что онъ очень радъ ихъ прибытію, и велѣлъ пригласить ихъ безоружныхъ въ свое мѣстопребываніе Котлу. Но когда они вступили туда въ полномъ составѣ, всѣ выходы были заграждены, и ни одинъ макололъ не избѣгъ смерти. Затѣмъ „побѣдители“ взяли женъ и дѣтей убитыхъ. Вмѣсто дома Себитуане господствовалъ правитель баротсовъ Сепопо, которому путемъ наслѣдства досталась позднѣе лежащая оттуда къ сѣверу страна Мабунда. Такимъ образомъ, къ сѣверу отъ Замбези возникло царство Баротсе-Мабунда.

И баманг'ваты (баманг'вато) лишь въ 30-хъ или 40-хъ годахъ переселились въ область озера Нгами. Первоначально они жили гораздо далѣе къ юго-востоку. Подъ властью могущественнаго начальника Матебе господство ихъ распространялось, быть можетъ, до самаго озера; но, вслѣдствіе раздоровъ между обоими сыновьями его, одна половина племени, подъ именемъ батоановъ (батовано), переселилась къ восточному концу Нгами, гдѣ они основали свое средоточіе при истокѣ Ботлетле; это мѣсто наносилось на карты подъ именемъ города батоановъ, а позднѣе города Лечулатебе. Сынъ ихъ начальника, Лечулатебе, попалъ въ

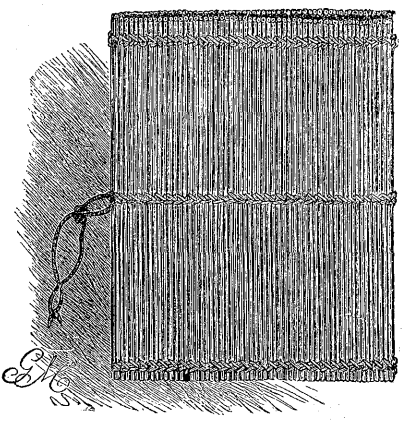
плѣнъ къ макололамъ. Оттуда его вывелъ дядя его, Магалокое, который, переодѣтый, проникъ къ макололамъ, воспиталъ его и возвратилъ его народу. Онъ царствовалъ и надъ покоренными баейями (баейе) и бушменами, въ то время, когда первые европейцы прибыли къ Нгами, подъ названіемъ „Властителя озера“. Сперва молодой начальникъ почиталъ и уважалъ своего дядю, но впослѣдствіи сталъ подозрительно относиться къ нему и пожелалъ отъ него отдѣлаться. Черезъ посредство своей любимой жены, дочери Сечели, Лечулатебе поддерживалъ связь съ южными бечуанами, между тѣмъ, какъ отношенія его къ сѣвернымъ соплеменникамъ, макололамъ, были натянутыми. Другая вѣтвь бамангватовъ, оставшаяся на старомъ мѣстѣ, подъ властью младшаго брата, Камы, восточные бамангваты, группировалась около главнаго города, представлявшаго, подъ названіемъ города Секоми, у подножія Бамангватскихъ горъ, самое большое скопленіе людей въ этой странѣ. Правитель ихъ, Секоми считался въ 50-хъ годахъ высшимъ начальникомъ племени, но вліяніе его не простиралось на батоановъ Нгами. Ему снискала большой почетъ побѣда надъ макололами и надъ отрядомъ матабелей, высланнымъ Мосиликатсе; онъ наслаждался вмѣстѣ со своимъ народомъ цѣлымъ рядомъ мирныхъ лѣтъ, и въ это время его новая столица Шошонгъ (см. рис., стр. 22) стала самымъ многолюднымъ и торговымъ туземнымъ городомъ къ югу отъ Замбези. Уваженіе, которымъ пользовался онъ самъ и его народъ, было такъ велико, что народы, покоренные матабелями, макалаки, багурутсы, мапаленги и др., приходили и селились подъ защитой бамангватовъ. Но въ лицѣ его сыновей, принявшихъ христіанство, Кхама и Кхамане, появился новый врагъ, и возроставшему вліянію ихъ въ народѣ Секоми старался противодѣйствовать покушеніями на жизнь этихъ принцевъ и ихъ сторонниковъ, но былъ изгнанъ, и Кхама занялъ его мѣсто. Такъ какъ этотъ послѣдній былъ настолько добросердеченъ, что призвалъ обратно своего отца Секоми, то спокойствіе еще не скоро наступило въ странѣ бамангватовъ. Подъ конецъ Кхама съ большею частью населенія переселился изъ Шошонга къ сѣверу, въ страну западныхъ бамангватовъ, на рѣку Цугу. Но здѣсь ему было не лучше, чѣмъ макололамъ на Замбези: лихорадка истребляла его народъ. Тогда онъ вернулся съ остаткомъ его въ Шошонгъ и завоевалъ его; Секоми бѣжалъ къ Сечели. Когда Голубъ находился здѣсь въ 1875—76 гг., бо́льшая часть населенія примкнула къ христіанину Кхамѣ, который настолько водворилъ здѣсь порядокъ и безопасность, что населеніе Шошонга утроилось. Всего лучше подѣйствовало запрещеніе Кхамы продавать водку.

Племя бечуановъ, подвинувшееся далѣе къ сѣверу, жило, подъ именемъ баквеновъ, къ югу отъ бамангватовъ. Ихъ правитель Сечели, который игралъ такую видную роль въ предпріятіяхъ Ливингстона, жилъ въ 40-хъ годахъ въ Колобенгѣ. Изгнанный бурами, онъ переселился въ Литейянэ и затѣмъ въ Молополе, гдѣ и въ настоящее время находится столица племени. И это племя уменьшилось отъ междоусобныхъ войнъ и внѣшнихъ столкновеній: въ серединѣ 70-хъ годовъ въ немъ было, собственно, только 32—35 тыс. человѣкъ, наряду съ 18—20 тыс. живущихъ въ странѣ, въ качествѣ чуждыхъ пришельцевъ, батлоковъ, бакатловъ и макозіевъ. Сечели, правда, бывалъ въ церкви и крестилъ своихъ дѣтей, но онъ оставался тогда, какъ и прежде, прирожденнымъ верховнымъ жрецомъ своихъ баквеновъ, бывшихъ въ большинствѣ язычниками. Тѣмъ временемъ встрѣчи съ миссіонерами и торговцами ознакомили Сечели, по крайней мѣрѣ, съ матеріальными выгодами культуры, которыя, видимо, болѣе удовлетворяли его, чѣмъ христіанская религія. Къ югу къ баквенамъ примыкаетъ родственное племя Бангвакетсе.

Гибкая, приспособляющаяся природа бечуановъ легче можетъ пользоваться хозяйственными выгодами культуры, чѣмъ восточные кафры, которые зато успѣшнѣе умѣли сохранить для себя свою страну. И другія племена,

кромѣ басутовъ и баманговатовъ, сумѣли извлечь пользу отъ соприкосновенія съ бѣлыми, отъ котораго не могли уклониться. Батлапины, когда ихъ открыли, были незначительнымъ, грязнымъ народомъ. Но такъ какъ они жили близко отъ европейской колоніи, они получили возможность вступать въ торговыя сношенія съ нею, и, такъ какъ въ то же время вліяніе миссіонеровъ удерживало ихъ отъ войнъ, они скоро оказались въ состояніи развести большое количество скота. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ росло и ихъ высокомѣріе. Съ того времени они опять ослабѣли отъ столкновеній съ бурами.

Къ этой картинѣ исторіи бечуановъ, наряду съ процвѣтающими и погибающими племенами, надо отнести и разсѣянныя племена, которыя или блуждали, не зная родины, или нашли себѣ пріютъ на вершинахъ горъ и въ болотахъ. Бакалагаріями называютъ разсѣянныя въ степи части баквеновъ и другихъ бечуанскихъ племенъ, которыя часто смѣшивались съ бушменами. „Живя въ однѣхъ степяхъ съ бушменами, подвергаясь одинаковымъ климатическимъ условіямъ, терпя ту же жажду, питаясь въ теченіе столѣтій одной и той же пищей, бакалагаріи представляютъ лучшее доказательство того, что мѣстность не всегда можетъ объяснить расовыя различія. Бакалагаріи съ неистощимой силой держатся за земледѣліе и за разведеніе домашнихъ животныхъ, пристрастіе къ которымъ свойственно всѣмъ бечуанамъ. Они ежегодно вскапываютъ свои огороды, хотя часто всю прибыль ихъ составляютъ нѣсколько тыквъ или дынь. Они тщательно берегутъ и пасутъ маленькія стада козъ, хотя доставать для нихъ воду приходится изъ маленькихъ колодцевъ обломками страусовыхъ яицъ“. (Ливингстонъ.) Впрочемъ, во всякомъ случаѣ бакалагаріи остались еще связанными съ живущими къ нимъ всего ближе племенами бечуановъ и тщательно поддерживаютъ вассальныя отношенія, въ какихъ они стоятъ къ ихъ начальникамъ.

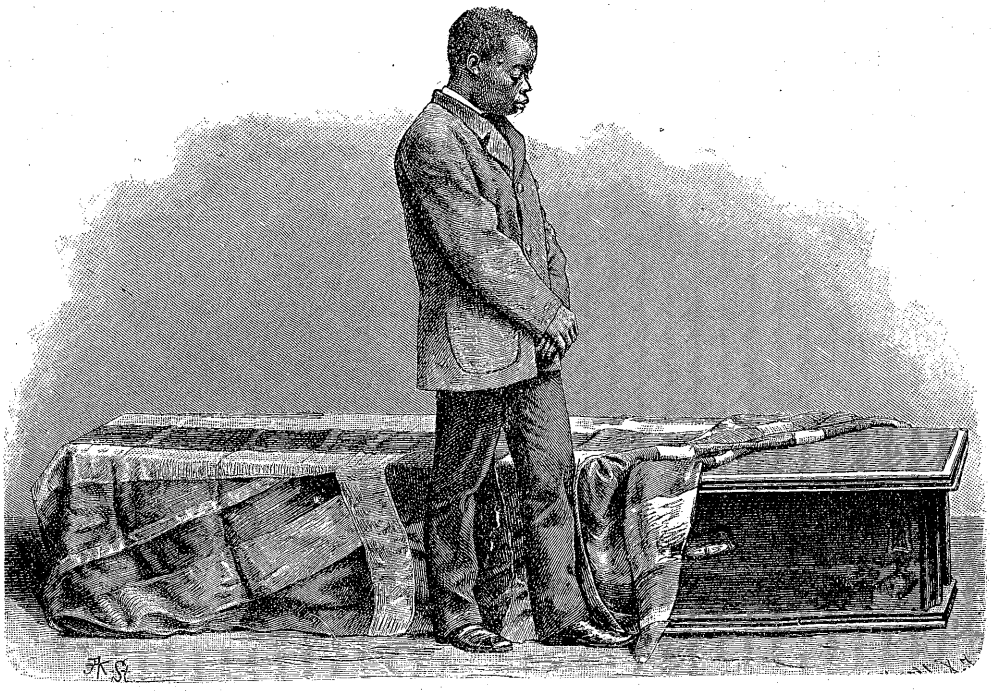


Доска-трещетка вайяевъ; встрѣчается и на Мадагаскарѣ. (Британскій музей въ Лондонѣ.) $^1/_{10}$ наст. величины.

Нѣсколько болѣе благопріятный примѣръ представляетъ племя багурутсовъ, живущее теперь на Ботлетле и на озерѣ Кумадау, нѣсколько къ юго-востоку отъ Нгами. Прежде это было одно изъ сильнѣйшихъ племенъ, но, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, оно раздѣлилось на нѣсколько вѣтвей, которыя постоянно враждовали между собою, пока Мосиликатце не разсѣялъ ихъ. Тогда одно изъ племенъ ушло на рѣку Шашу, гдѣ оно раздѣлилось вновь и выдѣлило вѣтвь къ рѣкѣ Ботлетле. Эта послѣдняя вѣтвь, подъ верховной властью баманговатовъ и подъ защитою болотъ и озеръ, вскорѣ опять усилилась. Она уже почти слилась съ ботлетле, и здѣсь основались цѣлыя деревни бѣглыхъ макалаковъ, бакалагаріевъ и бушменовъ; довольные своей плодородной страной, своими большими стадами овецъ и козъ, они почти не покидаютъ своихъ болотъ, трудно проходимыхъ для чужеземцевъ.

Для большей части сѣверныхъ кафровъ достаточно будетъ краткихъ замѣчаній: завоевательныя и истребительныя войны племенъ, бѣдныхъ культурою, слишкомъ сходны между собой. Кромѣ того, принадлежность къ племени кафровъ не можетъ быть доказана съ точностью для всѣхъ восточныхъ завоевательныхъ народовъ до Уньямвези, не говоря уже о глубокихъ народныхъ смѣшеніяхъ, которыя происходили тамъ повсемѣстно.

Наименьшее сомнѣніе изъ этихъ народовъ возбуждаютъ матабели (въ новѣйшихъ договорахъ, напр., въ покровительственномъ договорѣ Лобенгулы 1888 г., они называются амандабеле), характерный военный и разбойничій народъ южнаго происхожденія. Къ сѣверо-востоку отъ зулусовъ, они образуютъ лишь болѣе крупное и болѣе близкое къ главному племени звено въ цѣпи зулусообразныхъ народовъ отъ Наталя до экватора. Преданія и легенды, такъ же, какъ и сходство обычаевъ, свидѣтельствуютъ, что отдѣленіе ихъ отъ зулусовъ произошло въ недавнее время. Мосиликатсе — настоящій творецъ этого новаго народа. О немъ единогласно разсказываютъ, что онъ при королѣ Чакѣ былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ зулусовъ въ хищническую экспедицію на сѣверъ и собственной



Уэнрайтъ (яо) у гроба Ливингстона. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 151.

властью остался въ этой странѣ, принадлежащей къ самымъ красивымъ и плодороднымъ странамъ южной Африки. Онъ подражалъ своему властителю въ склонности къ грабежу и войнѣ настолько же, насколько сами матабели походили на зулусовъ въ отношеніи воинственности и жестокости. Военная организація зулусовъ была ими сохранена. Вслѣдствіе того, до нынѣшняго дня матабели представляютъ вѣрное отраженіе зулусовъ (см. рис., стр. 132).

Мосиликатсе давно уже умеръ. У его сына Лобенгулы была своя резиденція Губулевайо, посѣщавшаяся многочисленными бѣлыми торговцами, близъ того мѣста, которое называлось нѣкогда городомъ Мосиликатсе. Когда, вмѣстѣ съ властью зулусовъ, въ 1879 г. пали его крѣпкія стѣны, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ заключить съ англичанами въ 1888 г. договоръ о покровительствѣ, который, однако, не защитилъ его при нападеніи изъ Капской колоніи любителей чужого золота и чужой земли. Въ 1893 г. онъ палъ, вмѣстѣ съ его нѣкогда страшною властью, въ войнѣ, въ которой было сдѣлано многое противъ совѣсти, даже противъ столь уважаемой кафрами неприкосновенности пословъ. Матабели, тѣмъ не менѣе, остались тѣмъ, чѣмъ были ихъ отцы, хотя пространственное раздѣленіе вы-

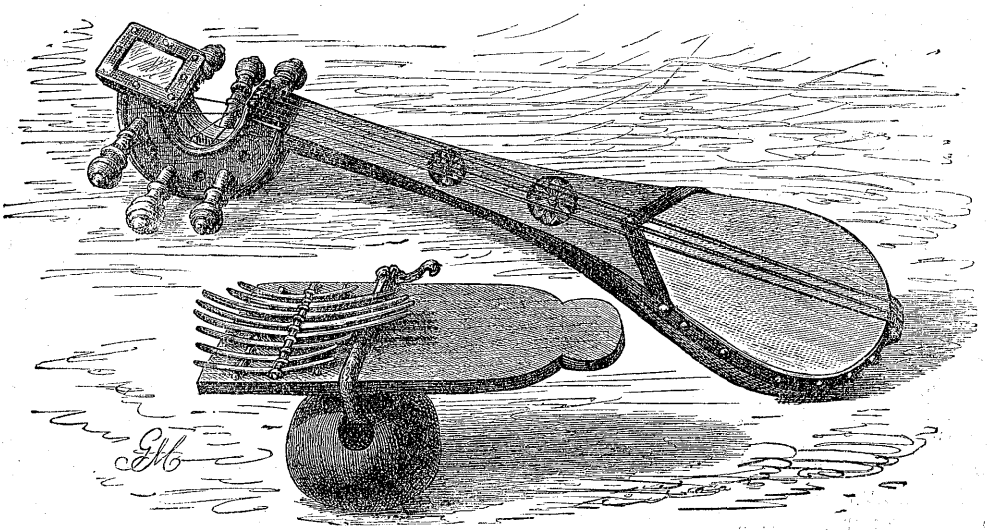
звало въ нихъ нѣкоторыя измѣненія съ внѣшней стороны. Не стѣсняемые естественными границами и давленіемъ бѣлыхъ сосѣдей, воинственные, дикіе инстинкты матабелей чрезвычайно развились насчетъ жившихъ по близости ихъ трусливыхъ земледѣльческихъ народовъ. Ихъ неистовства по отношенію къ машонамъ, батокамъ и макалакамъ, ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, трудолюбивымъ, зажиточнымъ, но, къ сожалѣнію, менѣе воинственнымъ племенамъ, составляютъ одну изъ темныхъ страницъ африканской исторіи. „Когда они въ своихъ, почти ежегодно повторяющихся хищническихъ набѣгахъ посѣщаютъ деревни къ югу отъ Замбези, они убиваютъ старыхъ мужчинъ и женщинъ, а всѣхъ болѣе молодыхъ уводятъ въ неволю. Нельзя себѣ представить ничего болѣе жестокаго, какъ ихъ чисто животное отношеніе къ человѣческой жизни. Все стремленіе и честолюбіе матабеля состоитъ въ томъ, чтобы убить свою первую жертву; этимъ измѣряются его честь и слава“. (Чапмэнъ.) Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что подобное презрѣніе къ человѣческой жизни могло сопровождаться и людоѣдствомъ. Именно, въ областяхъ обитанія и грабежей матабелей были находимы пещеры съ остатками трапезы людоѣдовъ. Скалистыя стѣны самыхъ большихъ изъ нихъ еще въ 1869 г. были закопчены дымомъ, и земля въ нихъ была покрыта человѣческими костями, частью сложенными въ груды, частью разбросанными. Черепа были особенно многочисленны, принадлежали, по большей части, дѣтямъ или молодымъ особямъ и были, повидимому, разбиты тупыми топорами или острыми камнями. Мозговыя кости раздѣлены были на маленькіе кусочки, и даже круглыя суставныя части были раздроблены.

Мтута. (По Стэнли.) Ср. текстъ, стр. 116.

Многія болѣе мелкія части народа матабелей создали себѣ, вдали отъ главной части ихъ, особое существованіе въ замкнутыхъ горныхъ мѣстообитаніяхъ. Одна часть ихъ бѣжала, чтобы избавиться отъ тираніи Чаки, въ возвышенныя долины горъ Малути, гдѣ они назвались матлапатлапами (матлапатлапа), по имени своего предводителя. Преемникъ его былъ вынужденъ матабелями въ 1837 г. искать защиты у басутовъ; но когда ихъ начальникъ Секоньела палъ въ военной экспедиціи противъ Дингана, этотъ послѣдній уничтожилъ бо́льшую часть матлапатлаповъ. Остатокъ ихъ, численностью отъ 7 до 8 тыс. человѣкъ, велъ бѣдственную, бродячую, разбой-

ничью жизнь въ своихъ прежнихъ областяхъ. Въ тѣхъ же горахъ жили бамаваканы (бамавакана), союзники матлапатлаповъ; они заняли лѣтъ 15 тому назадъ эти, повидимому, безопасныя мѣста обитанія и завели большія стада. Но однажды ночью на нихъ совершенно неожиданно напалъ отрядъ матабелей, умертвилъ начальника и часть его народа, сжегъ хижины и угналъ стада. Остальныя десять деревень жили, по большей части, разбоемъ, и ихъ обитатели, во времена Арбуссе, считались людоѣдами. Одни добывали желѣзо и ковали мотыки, другіе разводили овецъ и козъ, а третьи воздѣлывали табакъ на склонахъ горъ Малути.

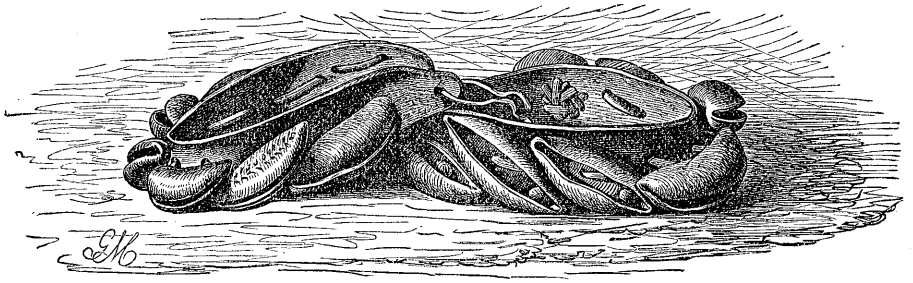
Когда эти народцы выбрасываются, какъ черепки, за предѣлы обитанія главнаго племени, то это — черепки отъ ударовъ молота, падающаго съ силой на наковальню невоинственныхъ племенъ, по произволу разбивая ихъ или соединяя болѣе мелкія изъ нихъ. Безпокойные бродячіе народы



Гитара и деревянная гармоника вайяевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/7 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 151.

составляютъ естественныя послѣдствія этихъ ударовъ молота, создающихъ такое состояніе, когда рука каждаго поднимается противъ другого. Въ области между нижнимъ Замбези и Лимпопо, съ нѣкотораго времени почти періодически подвергающейся набѣгамъ матабелей съ запада и зулусовъ Софалы съ востока, мы встрѣчаемъ еще большее число подобныхъ племенъ, которыхъ можно назвать цыганами или паріями тамошняго населенія. Тамъ живутъ бароэквы (бароэква), выродившаяся вѣтвь батонговъ (батонга), поддерживающіе свое существованіе на сѣверныхъ притокахъ Лимпопо грабежомъ и воровствомъ и охотящіеся съ отравленными стрѣлами, — настоящій придорожный народъ. Въ сосѣдствѣ съ ними живутъ бароки (барока), состоящіе изъ людей различныхъ племенъ, которымъ по какой-либо причинѣ удалось ускользнуть изъ предѣловъ власти ихъ начальника. Они живутъ въ разсѣянномъ видѣ въ отдѣльныхъ хижинахъ, скудно питаются рыбою, черепахами, дичью, отбитой у хищныхъ животныхъ, дикими ягодами, плодами, кореньями и тыквами. Быть можетъ, еще презрѣннѣе балемпы (балемпа), живущіе въ болѣе обширныхъ деревняхъ, мало соприкасающіеся съ прочимъ населеніемъ, придерживающіеся обычая обрѣзанія, питающіеся только мясомъ животныхъ, убитыхъ по ихъ способу, отказывающіеся ѣсть изъ одного горшка съ другими и занимающіеся, главнымъ образомъ, торговлей. Они одни умѣютъ тянуть проволоку, которою они, на подобіе филиграна, обматываютъ палки или древки копій. Въ ихъ

воспоминаніяхъ о развалинахъ Зимбабійе, нѣчто вродѣ ихъ Офира, Карлъ Маухъ, такъ же, какъ и въ ихъ чертахъ лица, видѣлъ „поразительное сходство съ еврейскимъ типомъ“, сходство, въ которомъ даже не было недостатка въ „золотушно-воспаленныхъ глазахъ“. Но всего болѣе заслуживаетъ сожалѣнія угнетенное и раздробленное состояніе племени машоновъ (машона), которое вынуждено было матабелями поселиться къ западу между ними и бамангватами. Восточные крали этого народа въ теченіе десятилѣтій служили любимой цѣлью разбойничьихъ набѣговъ, въ особенности западныхъ матабелей, вслѣдствіе чего нѣкогда зажиточные машоны почти совершенно лишились своихъ стадъ, почти совсѣмъ были вытѣснены изъ своихъ плодородныхъ долинъ на возвышенности, и тамъ строили себѣ укрѣпленныя деревни между скалами или просто искали убѣжища въ скалистыхъ пещерахъ. Тѣмъ не менѣе, они до сихъ поръ еще сохраняютъ славу туземцевъ, наиболѣе искусныхъ во всякой работѣ, къ югу отъ Замбези. Такъ какъ они состоятъ изъ весьма небольшихъ общинъ, никогда не соединяющихся противъ общаго врага, то разореніе страны и народа,



Трещетки изъ раковинъ вайяевъ, употребляемыя при изгнаніи злого духа. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/2 естеств. величины.

вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ, идетъ все далѣе и далѣе, причемъ мужчинъ убиваютъ, какъ „горныхъ козловъ“, а болѣе молодыхъ женщинъ и дѣтей обращаютъ въ рабство. При Лобенгуле матабели были признаны европейцами „покровителями машоновъ и макалаковъ“.

Если мы направимся къ Замбези, мы встрѣтимъ ландиновъ (ландинъ), также вѣтвь зулусовъ, нѣкогда господствовавшую на правомъ берегу. Господствующее положеніе этого задорнаго племени создано было португальцами, которые платили ему ежегодную дань. Чтобы, въ случаѣ нужды, вытребовать эту дань силою, ландины приходили каждый годъ въ Сенну и Шупангу. Богатые португальскіе торговцы, кромѣ опредѣленной подати бусами и мѣдной проволокой, выдавали имъ ежегодно 200 кусковъ ситца по 16 локтей.

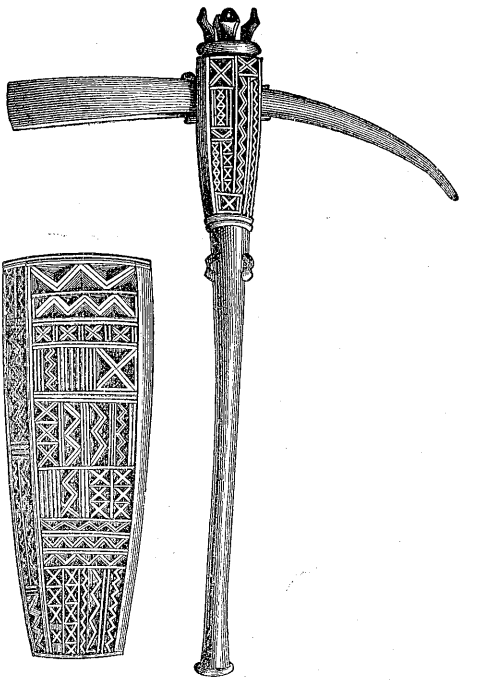
Одинаковое происхожденіе съ матабелями легенда приписываетъ другому племени, ведущему борьбу въ еще болѣе обширномъ округѣ и господствующему путемъ насилія; это племя, называющее себя Мавити или Мазиту, нѣкогда держало въ подчиненіи живущій на плоскогорьи къ западу отъ Ньяссы земледѣльческій народъ Мангандже или Маравн. Мазиты — не что иное, какъ зулусское племя, и лишь незначительными частностями отличается отъ племени Яо (Вайяо), живущаго восточнѣе, въ сторону морского берега и Ровумы. Оба названныя племени осѣли къ сѣверу отъ весьма сходнаго съ ними народа ватутовъ (ватута), играющихъ видную роль въ современной исторіи экваторіальной восточной Африки. Подъ этими наименованіями не слѣдуетъ подразумѣвать замкнутыхъ племенъ. Они имѣютъ отчасти лишь генерическое значеніе, обозначая въ общемъ народовъ непостояннаго, воинственнаго и хищническаго характера и съ опредѣленными наружными чертами, въ особенности въ вооруженіи и военныхъ обычаяхъ. Въ образѣ жизни этихъ народовъ все указываетъ

на высшую степень внутренней измѣнчивости. Съ быстрымъ подъемомъ и упадкомъ ихъ исторіи, поднимаются и падаютъ численность, благосостояніе и возможность политическаго самостоятельнаго существованія. Исторія африканскихъ народовъ разсказываетъ о такихъ народахъ, которые были совершенно истреблены, и о другихъ, которые, въ теченіе жизни одного поколѣнія, изъ неизвѣстности поднимались до большого могущества. Мирные народы иногда неожиданно выступаютъ на военный путь, подъ видомъ ватутовъ или мазитовъ, сперва въ смѣшномъ подражаніи, вродѣ овецъ въ волчьей шкурѣ, а затѣмъ съ полной кровавой серьезностью. Не малое число такихъ „мнимыхъ зулусовъ“ извѣстно между Ниломъ и Замбези. Благодаря этимъ толчкамъ, обширная область экваторіальнаго востока походитъ на постоянно волнующееся море. Одна волна подгоняетъ другую, и многія племена, уже въ теченіе десятилѣтій, переходятъ съ мѣста на мѣсто, гонимыя болѣе сильнымъ племенемъ. Въ настоящее время тамъ происходитъ „періодъ переселенія народовъ“. Смѣлый завоеватель, какъ, напр., Мирамбо, по происхожденію ваньямвези, со своими ватутами дѣйствовалъ въ этой народной массѣ, какъ сильный ферментъ: онъ безпокоилъ всѣхъ, заставлялъ многихъ мѣнять свои мѣста обитанія и не давалъ имъ успокоиться до самой своей смерти. Многочисленные, нѣкогда жившіе въ благосостояніи туземцы плоскогорья между морскимъ берегомъ и Танганьикой, были настолько тѣснимы нападеніями вагеговъ съ сѣвера и вавумбовъ съ юга, что они покинули плодородную страну и искали защиты на горныхъ вершинахъ. И страна Кабого, на Танганьики, нѣкогда была плотно населена, но разбойническое населеніе Ндезеха вызвало здѣсь почти общее выселеніе; такимъ же образомъ, вавумбы своими хищническими набѣгами вынудили къ переселенію и другіе народы, къ востоку отъ области озеръ. Это положеніе вещей встрѣчается далеко на западъ.

Ватуты (ватута), или вангоніи, извѣстны болѣе всѣхъ этихъ воинственныхъ народовъ; вліяніе ихъ всего значительнѣе именно въ этой области, между Индійскимъ океаномъ и большими озерами, которая своими торговыми путями въ Европу и Индію пріобрѣла большую важность, въ качествѣ политическаго владѣнія Германіи. Ватуты, обособившееся племя мазитовъ, отдѣлились отъ нихъ лѣтъ около 50 тому назадъ, во время одной хищнической экспедиціи, направленной далеко на сѣверъ. Двигаясь отъ сѣверо-западнаго конца Ньяссы, они натолкнулись на варорiевъ, обладавшихъ большими стадами рогатаго скота. Но съ ними они не могли справиться, обошли краемъ области Урори и проникли на сѣверо-западъ до Уджиджи. Старѣйшіе арабскіе обитатели Уджиджи еще и теперь помнятъ, какъ внезапно появились ватуты и принудили ихъ искать спасенія на островѣ Бангве. Они напали также на Угу и Урунди, но здѣсь усомнились въ успѣхѣ своего предпріятія, прошли черезъ Увинзу, все опустошая на своемъ пути, свернули въ Уньямвези и черезъ Узинджу достигли Укереве; тамъ, послѣ своихъ смѣлыхъ походовъ, они оставались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Затѣмъ они вернулись въ Узамбару. Начальникъ ихъ просилъ, изъ политическихъ видовъ, руки дочери начальника ватутовъ и получилъ свою страну обратно, въ видѣ приданаго, между тѣмъ, какъ ватуты, передвинувшіеся далѣе къ югу, были задержаны въ хорошо орошенныхъ и богатыхъ лугами Угомбе и Угаллѣ правителемъ ваньямвезіевъ Мирамбо, устроившимъ свое войско по зулусскому образцу. Такимъ образомъ, ватуты изъ бродячаго народа сдѣлались народомъ государствообразовательнымъ, опровергая предсказанія тѣхъ, которые возвѣщали скорое наступленіе времени, когда эти насильственно связанныя разбойничьи орды опять должны будутъ разбѣжаться. Правда, ватуты не совсѣмъ еще отказались отъ своихъ воинственныхъ привычекъ и иногда грабятъ за свой собственный страхъ. Въ ихъ правителѣ Мирамбо нѣмецкіе изслѣдователи Кайзеръ и Бёмъ нашли настоящаго властителя, болѣе чѣмъ въ цѣ-

лой дюжинѣ обыкновенныхъ негрскихъ правителей. Висманъ называлъ его „самымъ значительнымъ негромъ, какого онъ встрѣчалъ въ Африкѣ“, и было время, когда миссіонеры искали опоры у нѣкогда презираемаго предводителя разбойничьихъ шаекъ.

Если ватуты, а также и вагеги, показываютъ историческій путь, какимъ возникаютъ „настоящіе“ воинственные, разбойничьи народы, то два слѣдующіе примѣра могутъ разъяснить вкратцѣ, какимъ образомъ другіе своеобразнымъ, забавнымъ путемъ подражанія, въ качествѣ „мнимыхъ зулусовъ“, могутъ увеличивать собою число враговъ всякаго спокойнаго развитія, всякаго ненарушеннаго мира. Въ долинѣ Ровумы племя, по имени Магинджи (Магиндже), называется также Мавити. Эти ровумскіе мавитіи — въ дѣйствительности, бѣглецы племени Гиндо, сходство которыхъ съ мавитіями озерной области является лишь внутреннимъ и заключается въ разбойничьихъ привычкахъ; но они, тѣмъ не менѣе, приводятъ въ безпредѣльный ужасъ всѣ мирныя племена. По выраженію Томсона, „у нихъ съ зулусами не болѣе родства, чѣмъ у осла въ львиной шкурѣ со львомъ; это — шайка жалкихъ трусовъ“. Ихъ замѣчательная подражательность, касающаяся не только одежды и оружія, но и пѣсень, плясокъ и всѣхъ военныхъ пріемовъ, приписывается тому обстоятельству, что они долгое время жили на берегахъ Ньяссы вмѣстѣ съ зулусами. Согласно предположенію миссіонера Мэпля, они для этой „новой жизни“ отказались даже отъ земледѣлія, отъ всѣхъ своихъ мирныхъ занятій. Достоп. У. П. Джонсонъ писалъ еще въ 1884 г., что многіе изъ обитателей горъ, къ юго-востоку отъ Ньяссы, приняли „щитъ Ангони“. Въ концѣ 70-хъ годовъ шакунды (шакунда), состоявшіе, главнымъ образомъ, изъ бѣглыхъ невольниковъ португальцевъ, опустошили земли батонговъ на среднемъ Замбези, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ зулусы.



Разукрашенный топоръ, изъ области мангандже́й, повидимому, исходящій отъ вайяевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/6 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 151.

Напротивъ, валунги (валунгу) со своего, впрочемъ, не слишкомъ высокаго положенія въ качествѣ воинственнаго народа уже значительно опустились. Около 20 лѣтъ тому назадъ ихъ безпокоили нападенія мазитовъ или мавитіевъ; старшій сынъ начальника ихъ былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ качествѣ военноплѣннаго. Черезъ долгое время онъ вернулся въ свою страну. Тамъ онъ началъ обучать валунговъ военному дѣлу, по способу ватутовъ, и заставилъ ихъ принять ту же одежду, то же оружіе, тѣ же военные клики и тѣ же движенья, и вскорѣ они появились въ видѣ настоящихъ ватутовъ. Для трусливыхъ земледѣльческихъ народовъ на Танганьикѣ и Руфиджи достаточно было одного вида этого вооруженія и этихъ военныхъ кликовъ, чтобы отказаться отъ всякаго сопротивленія, и эти „поддѣльные“ ватуты опустошили всю страну. Но когда виновникъ ихъ превращенія умеръ, вся его военная система распалась: народъ вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ, оружію и одеждѣ, пересталъ называться ватутами и является теперь совершенно безвреднымъ.

Впрочемъ, Томсонъ находилъ еще въ каждой хижинѣ щитъ изъ бычачьей кожи, остатокъ прежнихъ, воинственныхъ временъ. Однако, преобразованія и новообразованія воинственныхъ племенъ въ этой области еще не закончились; отъ времени до времени появляются новыя имена. Въ качествѣ опустошителей береговой страны, къ югу отъ германской восточной Африки, наряду съ магинджами или вацвангарами, выступаютъ вамачонды и амазоты. „Мавити“ служитъ теперь собирательнымъ именемъ для всѣхъ этихъ кафрскихъ народовъ и смѣшанныхъ племенъ, такъ же, какъ далѣе на югѣ — „Ангони“ или Вангони.

Вполнѣ понятенъ страхъ, какой имена этихъ народовъ внушаютъ мирнымъ земледѣльцамъ. Ливингстонъ разсказываетъ, что въ племени Макуа дѣтей пугаютъ именемъ мазитовъ. Уже одна боязнь ихъ заставляетъ цѣлыя племена мѣнять свои мѣстообитанія. Деревни строятся въ лѣсной чащѣ и охраняются скрытыми тропинками и даже западнями. Европейскіе путешественники не разъ вызывали къ себѣ непріязненныя дѣйствія, только благодаря тому, что ихъ принимали за предводителей шаекъ ватутовъ. Бѣглыя общины, отыскивая, по возможности, отдаленныя мѣста жительства, населяли такія области, которыя иначе навсегда остались-бы пустынными; когда населенныя страны пустѣли, въ то же время другія (напримѣръ, плодородныя низины на Шире) наполнялись бѣглецами, создававшими изъ безлюдныхъ мѣстъ цвѣтущія земледѣльческія страны. Среди этой прекрасно расположенной, плодородной, хорошо орошенной береговой страны можно вдругъ попасть на широкую полосу, совершенно лишенную жителей, но гдѣ мѣста очаговъ, мѣста расположенія деревень и пахотныя поля указываютъ на прежнее существованіе здѣсь густого населенія.

Мы не упомянули еще о важной сторонѣ опустошительнаго дѣйствія этихъ воиновъ-разбойниковъ, объ ихъ участіи въ торговлѣ невольниками. Само собою разумѣется, что повсюду, гдѣ такая шайка нападаетъ на мирныхъ обитателей, является множество „товара“ для работорговли. Процвѣтаніе этой послѣдней въ мѣстахъ экваторіальнаго восточнаго берега отъ Софалы до Занзибара сводится въ значительной степени къ тому, что военныя экспедиціи этихъ разбойничьихъ шаекъ доставляютъ торговцамъ матеріалъ во всякое время въ желательномъ обиліи для формированія ихъ невольничьихъ каравановъ. Такъ, народъ Яо былъ „самымъ дѣятельнымъ агентомъ работорговцевъ“. Сношенія съ этими послѣдними также не мало содѣйствовали превосходству вооруженія этого воинственнаго народа. Ливингстонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту торговлю: „вожди каравановъ изъ Кильвы приходятъ въ какую-нибудь деревню вайяевъ, показываютъ товары, получаютъ щедрыя угощенія отъ старшинъ деревни, которые ихъ просятъ подождать нѣкоторое время и расположиться какъ можно удобнѣе; имъ доставятъ достаточно невольниковъ, чтобы купить у нихъ эти товары. Затѣмъ организуется военная экспедиція противъ манганджей, не имѣющихъ огнестрѣльнаго оружія. Нѣкоторые изъ низшихъ береговыхъ арабовъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ вайяевъ, обыкновенно сопровождаютъ эту хищническую экспедицію и дѣлаютъ тамъ дѣла за собственный счетъ“. Впрочемъ, эти хищническіе походы не ограничиваются такими нападеніями: вайяи часто нападаютъ и другъ на друга. Нѣкоторымъ проницательнымъ начальникамъ пагубность такого положенія вещей вполнѣ ясна. Но быть можетъ, пробуждающійся въ этомъ постоянномъ военномъ положеніи духъ мужества и выносливости именно среди этихъ вайяевъ подготовитъ лучшую почву для культуры, чѣмъ у подавленныхъ, запуганныхъ манганджей. Наблюденія миссіонеровъ въ области Ровумы нельзя назвать неблагопріятными; однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ явленій въ мрачной галлереѣ выдающихся африканцевъ можетъ быть названъ начальникъ Матола изъ Невалы, служившій важной опорой дѣятельности англійской

миссіи. Нѣкоторыя племена научились отъ искусныхъ въ техникѣ народовъ, покоренныхъ ими, изготовленію орудій (см. рис., стр. 146 и 149), откуда видно, какіе глубокіе корни пустили уже и мирныя искусства. Такъ называемые ангоніи въ странѣ Ньяссы перешли уже отъ изготовленія оружія къ земледѣлію; быстрота этого перехода весьма знаменательна. Для оцѣнки вайяевъ, о которыхъ говорилось такъ много дурного, нельзя упускать изъ виду, что ихъ страсть къ путешествіямъ и выказываемая при этомъ ловкость не разъ уже могла быть обращена на пользу европейскихъ изслѣдователей. Бомбей, который былъ вождемъ всѣхъ экспедицій, исходившихъ изъ Занзибара, отъ Бёртона и Спика до Стэнли, такъ же, какъ Чума и Уэнрайтъ (см. рис., стр. 144), которые въ 1874 г. доставили тѣло Ливингстона на берегъ моря, принадлежали къ племени Яо и по справедливости заслужили большія похвалы. Въ караванахъ, идущихъ изъ Багамойо, встрѣчается большое число носильщиковъ, принадлежащихъ къ этому племени.

4. Овагереросы [1] (дамары) и горные дамары.

„Извѣстно, что среди негрскихъ племенъ внутренней Африки происходитъ постоянная борьба, постоянное вытѣсненіе, можно сказать, постоянное переселеніе народовъ; при этомъ отдѣльныя націи часто теряютъ свое національное существованіе и вполнѣ исчезаютъ съ лица земли, или часто мѣняютъ безпрестанно мѣста своего обитанія, пока не вынырнутъ, наконецъ, за сотни миль отъ своей прежней родины, какъ будто гонимые бурей, изъ волнъ великаго народнаго моря, и на нѣкоторое время опять прочно утвердятся тамъ. Наряду съ своими сосѣдями, эти народы кажутся загадочнымъ явленіемъ: никто не знаетъ, откуда они пришли и не болѣе того, они сами. Иногда появляются темныя догадки, неопредѣленныя воспоминанія объ ихъ битвахъ, странствованіяхъ, о многихъ народностяхъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе; эти воспоминанія выступаютъ въ ихъ суевѣріяхъ, въ темныхъ преданіяхъ, легендахъ и разсказахъ, лишенныя всякой исторической окраски и точности. Къ числу такихъ загадочныхъ народовъ принадлежатъ овагереросы.“

Іосафатъ Ганъ.

Содержаніе: Мѣстообитанія и происхожденіе. — Характеръ. Физическое строеніе. — Одежда и украшеніе. Оружіе. Утварь. — Музыка. Танцы. — Пища. — Торговля. — Вліяніе миссіонеровъ. — Отсутствіе земледѣлія. Другія культурныя потери. Скотоводство. Кочевая жизнь. Коммунизмъ. — Семья. Многоженство. Смерть и погребеніе. — Политическія отношенія. — Правовыя понятія. — Общественное дѣленіе. Религіозныя воззрѣнія. Колдуны и дѣвы огня. Жертвы. — Горные дамары.

Овагереросы, согласно собственнымъ преданіямъ, пришли въ свое нынѣшнее мѣстообитаніе съ сѣвера или съ сѣверо-востока и поселились тамъ не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Родство овагереросовъ съ народами, живущими около Танганьики, въ особенности съ ваньямвезіями, выражается не только въ имени Вашимба, какимъ они себя называютъ, но и въ нравахъ и обычаяхъ — поклоненіи огню, употребленіи одинаковыхъ бусъ и сходствѣ въ формѣ копья. Въ одной изъ легендъ о происхожденіи ихъ разсказывается: первые люди, т. е. первые дамары, и животныя этой страны произошли изъ дерева, стоявшаго среди общаго мрака. Тогда одинъ дамара зажегъ огонь; это испугало зебру, жирафу, гну и всѣхъ другихъ животныхъ пустыни настолько, что они убѣжали, не желая оставаться вблизи человѣка, а домашнія животныя, быкъ, овца и собака, безбоязненно собрались вокругъ костра. Народъ называетъ мѣсто, гдѣ росло его племенное дерево, Омаруру, и многіе думаютъ, что это то самое дерево, какое они называютъ именемъ Омумборомбонга. Это дерево Андерсонъ нашелъ въ

[1] Овагереро́, множественное отъ Гереро́, имя, которое даетъ самъ себѣ этотъ народъ, означаетъ, по І. Гану, „веселый народъ“; по Шинцу, имя ихъ выводится отъ „ĥega“ (бросать копье въ военной игрѣ), между тѣмъ, какъ смыслъ названія Дамара, происходящаго изъ языка Нама, является довольно темнымъ.

большихъ рощахъ къ востоку отъ нынѣшнихъ мѣстъ обитанія овагереросовъ, въ сторону озера Нгами. Въ этомъ направленіи живутъ пастушескіе народы, сходные по образу жизни съ овагереросами, не знающими земледѣлія, а на сѣверѣ встрѣчаются исключительно земледѣльческія племена; поэтому переселеніе овагереросовъ съ востока кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ съ сѣвера. Незадолго до ихъ переселенія въ нынѣшнія мѣстообитанія, они жили на обоихъ берегахъ Кунене. Раньше разсѣянные и вытѣсненные въ настоящее время бушмены и племена, которыя Андерсонъ называетъ „горными дамарами“ (см. стр. 168), повидимому, обитали въ странѣ дамаровъ (Дамараландѣ); несомнѣнно, южную часть этой страны прежде занимали намаки. Въ то-же время, когда сюда пришли дамары, одноплеменные имъ бандьеры пришли съ сѣвера къ озеру Нгами. Однако, новые переселенцы не могли ни тамъ, ни здѣсь долго удержаться въ господствующемъ положеніи. Другіе народы, проникнувъ такимъ образомъ, въ качествѣ побѣдителей, нашли бы въ этомъ основу для твердой взаимной связи среди побѣжденныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первую ступень къ высшей побѣдоносной карьерѣ; между тѣмъ, дамары и бандьеры, вскорѣ послѣ того, какъ они осѣли въ пространствѣ между 24° и 20° ю. ш. и между Нгами и Атлантическимъ океаномъ, распались на множество мелкихъ племенъ, которыя управлялись такимъ же числомъ самовластныхъ начальниковъ. Немного было нужно времени, чтобы ихъ сосѣди воспользовались этой разрозненностью. На востокѣ бандьеры вступили въ борьбу съ бакобами и батованами, впослѣдствіи покоренными матабелями, и послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ битвъ были вытѣснены изъ окрестностей Нгами. Слѣды ихъ, въ видѣ колодцевъ, расширенныхъ для водопоя скота, встрѣчаются и теперь въ почти безлюдномъ пространствѣ между озеромъ Нгами и Танобисомъ. На югѣ передъ овагереросами явился злѣйшій врагъ, въ видѣ готтентотовъ-намака, которые, будучи оттѣснены въ началѣ, въ теченіе 40 лѣтъ сдѣлались равноправной, быстро подвигающейся впередъ и завоевательной силой въ этой области. Племя бандьеровъ (бандьеру) (см. рис. выше), первоначально наименѣе отличавшееся отъ овагереросовъ въ діалектическомъ отношеніи, было почти совершенно истреблено, такъ что мы лишь съ этого времени получаемъ право называть весь народъ именемъ гереросовъ.

Начальникъ бандьеровъ. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.)

Несмотря на миръ, заключенный въ 1842 г., при посредствѣ рейнскихъ миссіонеровъ, овагереросы продолжали регрессировать, пока, въ серединѣ 50-хъ годовъ, они не были покорены почти во всей своей странѣ. Внутреннія несогласія много содѣйствовали этому печальному результату. Только на крайнемъ сѣверѣ племена въ горахъ на 18° широты удержали свою независимость и, что одно и то-же, свои стада. Съ 1863 г. они опять

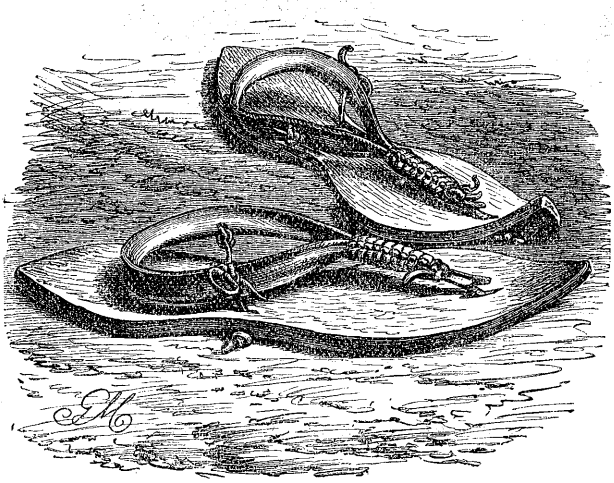
двинулись впередъ. Во главѣ ихъ стоялъ смѣлый вождь Камагереро, и на помощь ему явились извѣстные охотники за слонами Андерсонъ и Гринъ. Но еще болѣе помогъ имъ своими совѣтами миссіонеръ Гуго Ганъ, около котораго они сосредоточились въ 1865 г. въ Отьимбинге. На Отьимбинге четыре раза наступали большіе отряды намаковъ, и на послѣднемъ приступѣ погибло около 1500 намаковъ. Наконецъ, въ 1868 г. миръ былъ возстановленъ, и съ того времени овагереросы быстро оправились и, подъ руководствомъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлали успѣхи. Но съ 1881 г. опять вспыхнула война, какъ будто навсегда остаются въ силѣ слова, нѣкогда сказанныя Камагереро намакамъ: „повсюду мы лежимъ и ходимъ на костяхъ нашихъ родителей, дѣтей, братьевъ

Начальники гереросовъ Камагереро и Амадама. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.)

и друзей, умерщвленныхъ вами, намаками". Дѣйствительно, весь Дамараландъ напоенъ кровью. Общество выселяющихся буровъ (трекбуровъ) направилось въ 1874 г. изъ Трансвааля черезъ Калагари въ Дамараландъ и основалось вдоль цѣпи холмовъ, у подножія которыхъ находится нѣсколько источниковъ, подъ 18° ю. широты. Къ счастью для овагереросовъ, а быть можетъ, и для германскаго вліянія, эта новая республика буровъ, Упингтонія, просуществовала недолго: остатокъ буровъ, вынужденный въ 1886 г. въ Гроотфонтенѣ отдаться подъ покровительство Германіи, въ 1891 г. выселился въ португальскую область.

Безъ сомнѣнія, характеръ гереросовъ много пострадалъ отъ этой печальной судьбы, и потребуется продолжительнаго мира въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, который можетъ наступить только при укрѣпленіи власти Германіи, чтобы овагереросы могли подняться подъ руководствомъ своихъ достойныхъ миссіонеровъ. Еще недавно они казались передъ своими врагами стадомъ безъ пастыря. Этой потерей энергіи объясняется, почему путешественники Андерсонъ, Гальтонъ, Чапмэнъ и Гринъ, цѣлыми годами находившіеся въ общеніи съ ними, называютъ ихъ прежде всего трусливыми, лживыми и недовѣрчивыми въ высшей степени. Мис-

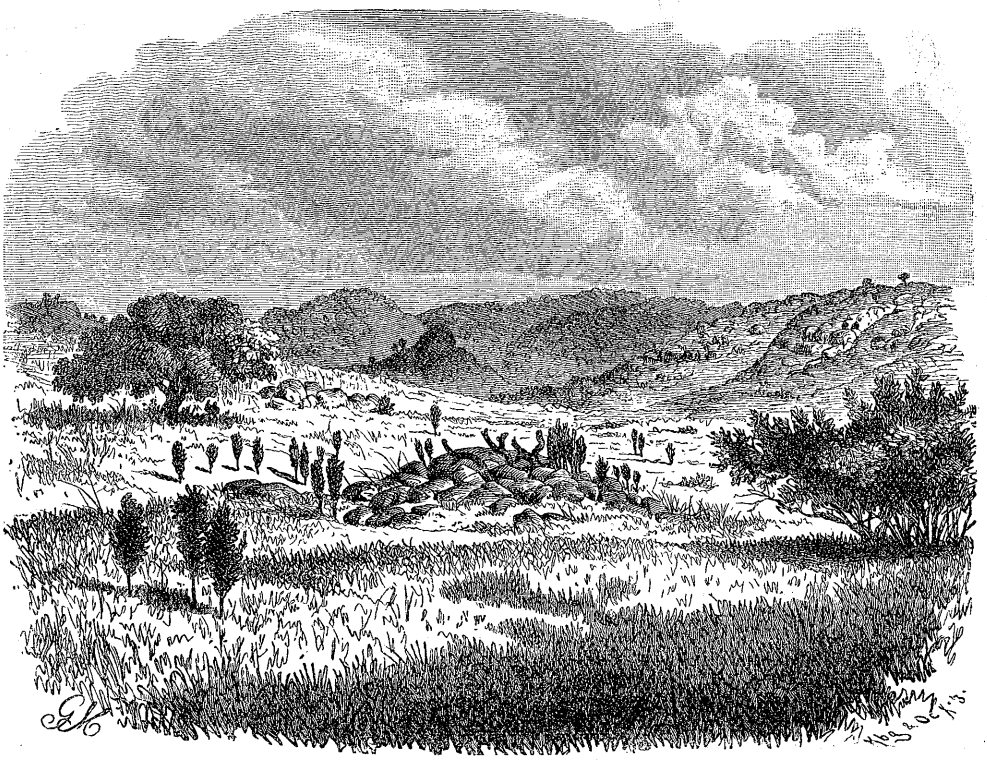
сіонеры жили нѣсколько лѣтъ въ Барменѣ и Шмеленсъ Гопе, прежде чѣмъ узнали о нѣкоторыхъ важныхъ источникахъ въ ихъ сосѣдствѣ, давно уже извѣстныхъ овагереросамъ. Переѣздъ отъ Отьимбинге до Оманбонди занимаетъ 2—3 недѣли, но когда Гальтонъ спросилъ у одного гереросо о длинѣ этого пути, тотъ отвѣтилъ ему, что, какъ бы скоро ни ѣхать, состаришься прежде, чѣмъ туда доѣдешь. Умственныя способности овагереросовъ менѣе развиты, чѣмъ у кафровъ. Ганъ, называющій ихъ тупоумными, прибавляетъ: „быть можетъ, недостаетъ только того, чтобы ихъ кто нибудь разбудилъ. Въ нихъ есть извѣстная сила, такъ какъ иначе они погибли бы при невыразимыхъ притѣсненіяхъ и грубыхъ насиліяхъ намаковъ. Выдающаяся черта народнаго характера ихъ — упрямство и меланхолія“. Этотъ народъ обладаетъ, наряду съ другими неграми, способностью къ пѣнію. Ганъ рисуетъ намъ привлекательную сцену, разсказывая, какъ ученики его миссіи, во время отдыха послѣ унылаго путешествія по пустынѣ, сдѣлали ему сюрпризъ, исполнивъ передъ его хижиной въ четыре голоса священные гимны „Ein' feste Burg“ и Nun danket alle Gott“. При анализѣ этихъ сужденій, необходимо указать, что, при всѣхъ недостаткахъ гереросовъ, у нихъ преобладаютъ свойства, которыя при должномъ воспитаніи обѣщаютъ имъ благопріятное будущее. Гереросъ устойчивъ, а сосѣдъ его, готтентотъ, измѣнчивъ. Гереросъ менѣе общителенъ, труднѣе поддается убѣжденію и обращенію: онъ не столько человѣкъ чувства, сколько разума; но онъ крѣпко держится за то, что онъ воспринялъ. Миссіонеры, хорошо знающіе его, всегда говорятъ объ этомъ качествѣ и признаютъ въ немъ орудіе благопріятнаго успѣха ихъ стремленій.



Кожаныя сандаліи овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Относительно душевной жизни овагереросовъ, во времена ихъ бѣдности и униженія, высказывались слишкомъ поспѣшныя и невыгодныя сужденія, на основаніи лишь поверхностныхъ наблюденій. Безъ всякаго сомнѣнія, они не стоятъ ниже своихъ сосѣдей на востокѣ. Мать носитъ ребенка въ шкурѣ или кожѣ, обернутой вокругъ шеи и поясницы, тщательно натираетъ его жиромъ и вытягиваетъ и выправляетъ ему члены утромъ и вечеромъ, чтобы сдѣлать ихъ прямыми. Имена дѣтей заимствуются отъ важныхъ событій среди ихъ племени; если такія событія повторялись въ ихъ юности, они носятъ нѣсколько именъ. Мальчики подвергаются обрѣзанію, обыкновенно между 6-мъ и 8-мъ годомъ; иногда нѣсколькихъ обрѣзываютъ вмѣстѣ, и они на всю жизнь становятся otakuru, т. е. товарищами. Это торжество празднуется поѣданіемъ нѣсколькихъ быковъ и овецъ. Подпиливаніе верхнихъ рѣзцовъ, въ видѣ ласточкина хвоста, и выбиваніе трехъ или четырехъ нижнихъ происходитъ у обоихъ половъ въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, у дѣвушекъ нѣсколько раньше, чѣмъ у юношей; обыкновенно сперва выпиливаются верхніе, а позднѣе выбиваются нижніе зубы, что́ также сопровождается торжественными пиршествами. Къ той же категоріи относится перетягиваніе голени ремнями, концы которыхъ свѣшиваются напередъ, въ видѣ кисточекъ. Дѣвушка, къ которой уже посватались, надѣваетъ на голову

уборъ съ тремя ушами и нѣкоторое время закрываетъ лицо кусочкомъ кожи, прикрѣпленнымъ къ краю лба, вродѣ вуали. Изъ женъ начальника одна, избранная мужемъ, считается главной женой, а старшій сынъ ея назначается преемникомъ своего отца. Положеніе женщины во многихъ случаяхъ имѣетъ видъ особенно тяжелаго угнетенія, такъ какъ бѣдственныя условія жизни многихъ гереросовъ сами по себѣ возлагаютъ большую тяжесть на плечи женщины. Но эта послѣдняя нерѣдко превосходитъ мужчину своею рѣшимостью. „Часто онѣ совершаютъ самыя отчаянныя вещи на войнѣ и на охотѣ, чтобы ободрить или пристыдить своихъ мужей (Чапмэнъ). Іосафатъ Галъ разсказываетъ, что въ одной изъ первыхъ боль-

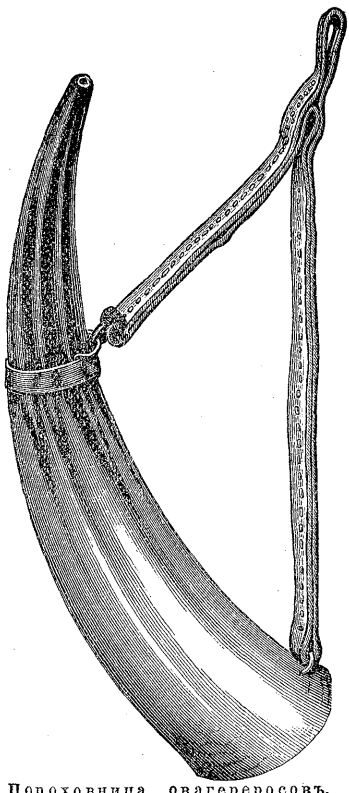


Могила дамаровъ. (По Андерсону.)

шихъ стычекъ съ намаками въ 20-хъ годахъ, только благодаря вмѣшательству женщинъ и дѣвушекъ гереросовъ, поспѣшившихъ на помощь своимъ мужьямъ въ рѣшительную минуту, эти послѣдніе могли одержать побѣду.

При каждомъ смертномъ случаѣ населеніе деревни поднимаетъ громкій и жалобный крикъ, и женщины плачутъ надъ тѣломъ, сколько имъ позволяютъ силы: чѣмъ больше слезъ упадетъ на трупъ, тѣмъ это лучше для умершаго; слезы считаются благопріятнымъ знаменіемъ. Чапмэнъ описываетъ смерть одного изъ сопровождавшихъ его дамаровъ, какъ нѣчто потрясающее: „женщины передъ смертью вынесли его изъ хижины въ кусты, гдѣ онѣ, усѣвшись вокругъ него на корточки, подняли печальное, меланхолическое завываніе. Голова умирающаго лежала на колѣняхъ его жены. Часто это громкое завываніе приводитъ полумертваго въ себя; но оно, повидимому, имѣетъ не эту цѣль, а обращено къ отлетающей душѣ“. Трупъ погребается обернутымъ въ кожу, и на могилу накладывается много камней (см. рис. выше). Могилы начальниковъ ограждаются, кромѣ того, изгородью изъ терновника и обозначаются деревомъ или сваей, на которыя навѣшивается оружіе

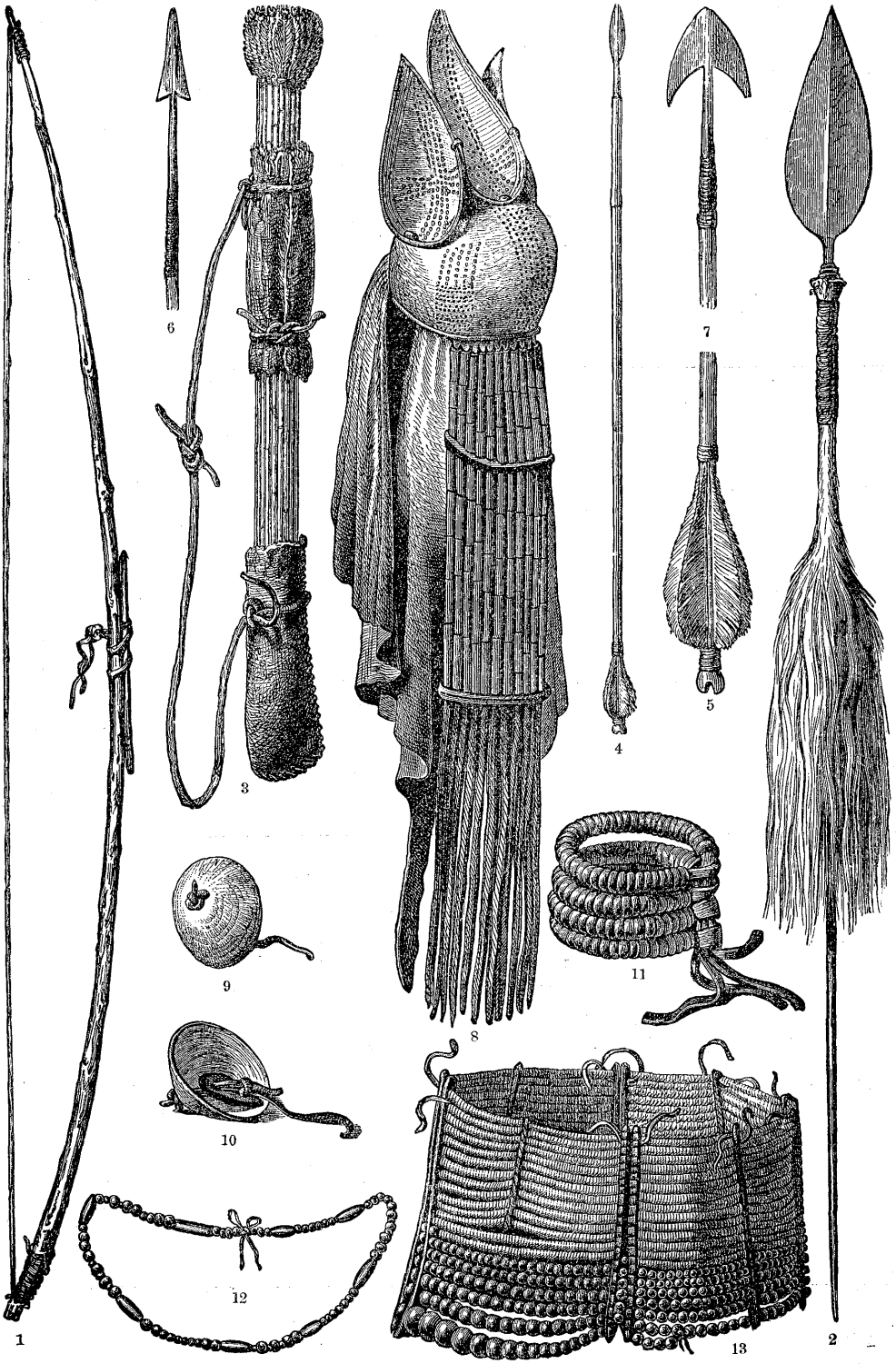
умершаго вмѣстѣ съ черепами быковъ, убитыхъ для погребальнаго пира. Андерсонъ разсказываетъ, что одинъ начальникъ, по его желанію, вовсе не былъ погребенъ, а поставленъ на возвышеніи, посреди своей хижины, въ наклоненномъ положеніи, причемъ оставшіеся воздвигли кругомъ крѣпкій частоколъ. Если смерть случится далеко отъ родины, то трупъ, изъ опасенія преслѣдованія духовъ, не погребается, а выбрасывается дикимъ звѣрямъ. Прежде существовалъ обычай разрубать недавно умершему позвоночный столбъ, съ цѣлью умертвить сидящаго тамъ червя „отьируру“, который послѣ смерти можетъ сдѣлаться злымъ привидѣніемъ (Бринкеръ).



Пороховница овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 159.

Во всякомъ случаѣ, деревня, въ которой умеръ начальникъ, на нѣкоторое время переносится на другое мѣсто. Но черезъ нѣкоторое время ее опять переносятъ туда же, гдѣ она была, и начальникъ опускается на колѣни на могилѣ своего предшественника, сообщаетъ шепотомъ, что онъ пришелъ назадъ, съ родственниками и оставшимися стадами умершаго, и проситъ о долгой жизни и умноженіи своихъ стадъ. Послѣ исполненія этого долга, деревня опять выстраивается на томъ же мѣстѣ, и по возможности, каждая семья выстраивается тамъ же, гдѣ стояла прежде ея хижина. Замѣчателенъ обычай повторенія изъ года въ годъ плача по умершемъ при возвращеніи дня его смерти. Это благочестивое отношеніе къ нему не есть одна пустая формальность. Когда отецъ семейства становится старымъ и слабымъ, весьма естественно, что главенство въ домѣ и управленіе стадами должно перейти въ руки болѣе крѣпкихъ сыновей его. Тѣмъ не менѣе, на старика смотрятъ, какъ на настоящаго хозяина, и, пока еще онъ сохраняетъ умственныя способности, къ нему приносятъ сосуды съ молокомъ и куски мяса, чтобы онъ могъ освятить ихъ своими словами. Чѣмъ съ большимъ ожиданіемъ смотрятъ на него наслѣдники, тѣмъ болѣе возрастаетъ уваженіе къ нему. Единственное благословеніе, какое признаютъ гереросы, заключается въ томъ, какое даетъ имъ отецъ на смертномъ одрѣ, что́, конечно, говоритъ объ ихъ семейной добродѣтели. Это уваженіе къ старшему въ родѣ не прекращается съ его смертью: могила его остается священной. Если не самъ старикъ, устами оракула, то ревъ скота у его могилы показываетъ, что дѣти его не должны жить вблизи этой могилы. Только со страхомъ и жертвою въ рукахъ наслѣдникъ приближается къ могилѣ, чтобы узнать будущее или испросить помощь въ большой бѣдѣ.

Овагереросы по величинѣ и крѣпости тѣла не уступаютъ своимъ воинственнымъ соплеменникамъ на юго-восточномъ берегу, т. е. кафрамъ въ собственномъ смыслѣ слова, а въ формѣ ихъ лица нѣсколько увлекавшійся Іосафатъ Ганъ видѣлъ черты, „поразительно сходныя съ кавказскимъ типомъ“. Болѣе хладнокровные наблюдатели признаютъ, по крайней мѣрѣ, что „приближеніе къ кавказскому типу встрѣчается у гереросовъ чаще, чѣмъ у большинства другихъ южно-африканцевъ, не исключая амазулусовъ“. (Г. Фритчъ). Наши рисунки (стр. 153 и 161) подтверждаютъ замѣчаніе, что это приближеніе основывается на лучшемъ развитіи



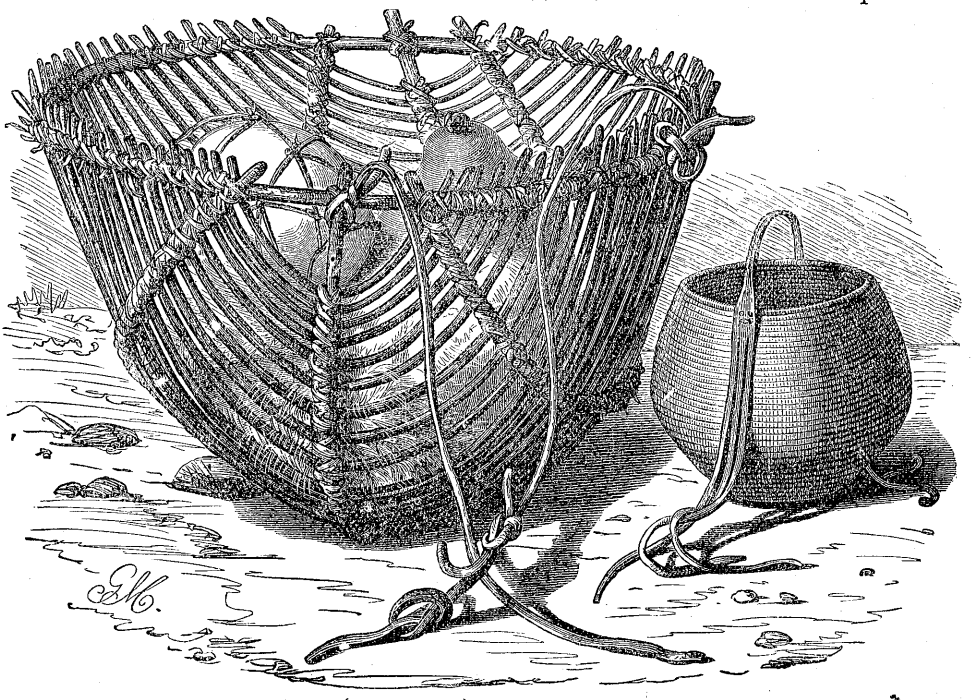
Оружіе и предметы украшенія гереро̀совъ.

1) Лукъ. 2) Копье. 3) Колчанъ. 4) Стрѣла. 5) Опереніе стрѣлы. 6 и 7) Наконечники стрѣлъ. 8) Головное украшеніе. 9 и 10) Головное украшеніе мужчинъ. 11) Ножныя кольца женщинъ. 12) Шейная повязка. 13) Передникъ.

(Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.) 1/7 наст. величины.

носа, болѣе высокой формѣ головы, менѣе развитыхъ скулахъ и лишь умѣренно вывернутыхъ губахъ. Происхожденія этихъ уклоненій отъ негрскаго типа мы объяснить не можемъ. Дѣйствіе особыхъ климатическихъ условій въ такое короткое время, какое протекло со времени переселенія овагереросовъ въ эти страны, и примѣсь крови бушменовъ и намаковъ не могли вызвать такого результата. Можно сказать вообще, что у гереросовъ черепъ долихоцефалическій, съ слабымъ прогнатизмомъ. Шерстистые волосы, густого чернаго цвѣта, достигаютъ 10 см. длины; шоколадный цвѣтъ кожи у бандьеровъ часто переходитъ въ темно-бурый.

Одежда овагереросовъ, какъ это и слѣдуетъ пастушескому народу, почти вполнѣ состоитъ изъ кожи и походитъ, за исключеніемъ оригиналь-



Корзина съ сосудами для воды (изъ тыквы) и корзина, сплетенная изъ травы, овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 161.

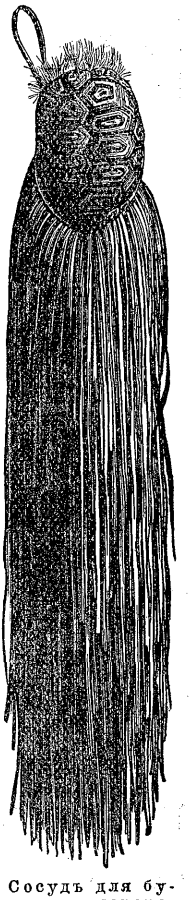
наго головного украшенія женщинъ, на одежду намаковъ. Полная нагота для взрослыхъ считается позорной. Одна изъ ихъ легендъ разсказываетъ о нѣсколькихъ женщинахъ, что, по несчастію, ихъ передники были унесены водою рѣки, и онѣ должны были возвратиться домой безъ всякой одежды; рѣка эта до сихъ поръ носитъ имя Нагой, указывающее на это событіе. Мужчины и женщины, ввидѣ главной части одежды, носятъ одну или двѣ козьи или овечьи шкуры вокругъ поясницы. Женщины прибавляютъ къ этому еще нарядный передникъ изъ безчисленныхъ полосокъ кожи, на которыя нанизаны кусочки скорлупы страусовыхъ яицъ, а у зажиточныхъ и бусы (см. табл. „Оружіе и украшенія гереросовъ“); мужчины носятъ безконечныя тонкія полосы кожи, ввидѣ свободнаго пояса, обернутаго вокругъ поясницы, къ которому привѣшиваются кирри, а, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и другія орудія. Длина этого кожанаго пояса указываетъ на зажиточность обладателя. Упомянутыя шкуры, какъ и сами гереросы, по большей части, смазываются толстыми слоями охры и сала; но настоящее раскрашиванье или татуированіе тѣла у нихъ не употребительны. „Это смазываньe саломъ и охрой“, говоритъ Іосафатъ Ганъ, „хотя оно и кажется намъ страннымъ и неопрятнымъ, нельзя назвать дур-

ной привычкой, такъ какъ оно необходимо для этого климата. Кожа остается, вслѣдствіе того, постоянно упругой и не раздражается пылью, что́ иначе легко вызывало-бы отталкивающія и не безопасныя болѣзни кожи, сыпи и т. п. Кромѣ того, это предохраняетъ отъ внезапнаго охлажденія пота". Ввидѣ прикрытія головы, мужчины только въ дурную погоду носятъ кусокъ мѣха, которому они умѣютъ придавать самыя различныя формы, а также носятъ въ волосахъ и раковины (см. рис., стр. 161); за то женщины представляютъ въ своемъ обычномъ головномъ уборѣ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ нарядовъ южной Африки. Послѣ брака онѣ носятъ кожаный уборъ, ввидѣ шлема, украшенный нитками бусъ или раковинъ, на задней части котораго прямо поднимается вверхъ три конца, ввидѣ ослиныхъ ушей. Нитки бусъ изъ слоновой кости и изъ желѣза, вѣсомъ до 10 кгр., висятъ сзади до самыхъ пятокъ. Замужнихъ женщинъ почти нельзя видѣть безъ этого головного украшенія. Большіе кожаные плащи, закрывающіе спину, носятся преимущественно женщинами. Мужчинамъ свойственны кожаныя повязки подъ самыми колѣнями, отъ которыхъ до ступней свѣшиваются кожаныя полоски. Нарядъ этотъ дополняется кожаными сандаліями, которыя носятъ дома и, по восточному обычаю, снимаютъ передъ входомъ въ чужой домъ (см. рис., стр. 154). Женщины отличаются большимъ числомъ мѣдныхъ и желѣзныхъ колецъ на предплечьѣ и голени. Нитки изъ бусъ (всего чаще желѣзныхъ) оба пола носятъ на шеѣ и, кромѣ того, обвѣшиваютъ грудь самыми различными предметами — кусочками желѣза, раковинами и пр. Гальтонъ разсказываетъ объ одномъ гереросѣ, который развѣшивалъ шнурокъ гладко обдѣланныхъ бусъ изъ слоновой кости, величиною отъ билліарднаго шара до лѣсного орѣха, до самыхъ пятокъ. Золоту или желтой мѣди овагереросы не придаютъ никакого значенія. Они смазываютъ тѣло жиромъ, къ которому примѣшанъ красный желѣзнякъ, и этой краской, такъ-же, какъ и сильно пахнущимъ порошкомъ буху (ср. рис. выше и рис. на стр. 159) готтентотовъ они обсыпаютъ себѣ волосы. Волосы они носятъ тугими, крѣпко смазанными жиромъ косичками, спускающимися внизъ; женщины вплетаютъ въ нихъ полоски кожи и волокна растеній. Голова дѣтей мужского пола чаще всего гладко обстригается, а у дѣвочекъ оставляется пучекъ на макушкѣ. Какъ мы уже говорили, и зубы подвергаются у нихъ украшенію, которое состоитъ въ выбиваніи четырехъ нижнихъ переднихъ рѣзцовъ и въ подпиливаніи, ввидѣ ласточкина хвоста, двухъ верхнихъ среднихъ. Подпиливаніе совершается острыми камнями. Своихъ плѣнниковъ и рабовъ они „мѣтятъ" также выбиваніемъ нѣсколькихъ зубовъ. Какъ причину этого уродованія, которое совершается при наступленіи возмужалости, они, на вопросы нѣкоторыхъ путешественниковъ, выставляли облегченіе, которое при этомъ получается, для тихаго шопота, требуемаго ихъ языкомъ. Настоящая причина, однако, неизвѣстна имъ самимъ. Одна гора въ Дамараландѣ, Итуамено, носитъ свое имя отъ празднества выбиванія зубовъ, совершавшагося тамъ въ болѣе счастливые дни.

Сумочка для буху горныхъ дамаровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 естеств. велич.

Оружіе гереросовъ состоитъ изъ ассагаевъ, кирри, луковъ и стрѣлъ (см. табл. „Оружіе и утварь восточной Африки"). Всего дѣйствительнѣе изъ нихъ кирри, это распространенное среди всѣхъ кафрскихъ племенъ оружіе, составляющее нѣчто среднее между метательнымъ или ударнымъ копьемъ и палицей. При метаніи они убиваютъ имъ съ большой мѣткостью мелкихъ животныхъ и

въ то же время хорошо намѣченнымъ ударомъ могутъ свалить крѣпкаго человѣка. Каждый гереросъ носитъ ихъ за поясомъ по нѣсколько штукъ. Ассагаи производятъ впечатлѣніе скорѣе показного оружія и употребляются преимущественно въ качествѣ ножей. Ввиду того, клинки изъ мягкаго желѣза дѣлаются широкими и длинными; шлифовка и оттачиванье ихъ составляютъ одно изъ обычныхъ занятій гереросовъ. Древко ихъ дѣлается изъ твердаго дерева, часто даже изъ желѣза, и на серединѣ или на концѣ его прикрѣпляется пушистый бычачій хвостъ. Ширина клинка затрудняетъ его употребленіе въ качествѣ колющаго оружія, а тяжесть древка — метаніе вдаль. Кинжалъ, который почти каждый гереросъ носитъ въ кожаныхъ ножнахъ на поясѣ, служитъ главнымъ оружіемъ для рѣзанія, для убоя скота и пр. и рѣдко употребляется ввидѣ оружія. Лукъ и стрѣлы они прежде всегда носили съ собою, не пріобрѣтая, однако, большого искусства въ его употребленіи. По указанію Андерсона, мѣткіе выстрѣлы ихъ не заходятъ далѣе 10—12 шаговъ. Въ то же время, къ нашему удивленію, они недурно стрѣляютъ изъ ружей, откуда можно заключить, что ихъ луки, уже и по виду весьма грубые, обладали весьма плохой конструкціей. Форму пороховницы (см. рис., стр. 156) они заимствовали у буровъ. Съ увеличеніемъ числа ружей ихъ воинственный духъ, пришедшій въ глубокій упадокъ, значительно поднялся, и въ настоящее время ихъ вооруженіе — одно изъ лучшихъ въ этихъ областяхъ. Уже не къ вооруженію, а къ походному снаряженію принадлежитъ палка для копанья, которую дамары, подобно бушменамъ, часто носятъ вмѣстѣ со стрѣлами въ колчанѣ. „Въ настоящее время“, писалъ Бютнеръ въ 1882 г., „рѣдко можно увидѣть мужчину внѣ своей деревни безъ ружья. Благодаря охотѣ, пріобрѣтается искусство владѣть оружіемъ. Участіе въ войнѣ вполнѣ добровольно; такъ какъ гереросы дѣйствуютъ только по практическимъ, а не по идеальнымъ мотивамъ, то никто не берется за оружіе, если не видитъ въ томъ прямой личной выгоды. Когда правитель снаряжаетъ своихъ въ походъ, съ цѣлью мести или грабежа, то въ немъ прежде всего должны принимать участіе младшіе братья, домочадцы и всѣ способные носить оружіе среди ближайшихъ родственниковъ. Чѣмъ могущественнѣе и богаче врагъ, тѣмъ на бо́льшую добычу можно надѣяться; поэтому вскорѣ находятся и многіе другіе, охотно примыкающіе къ походу, чтобы воспользоваться частью добычи; предприниматель похода охотно снабжаетъ этихъ участниковъ оружіемъ и провіантомъ. Чѣмъ меньшая опасность угрожаетъ экспедиціи, тѣмъ болѣе разростается отрядъ. Люди въ походѣ распредѣляются по родственнымъ и дружескимъ связямъ; самые знатные молодые люди принимаютъ на себя предводительство отдѣльными отрядами и сражаются впереди всѣхъ. Пока всѣ заинтересованные въ дѣлѣ храбро устремляются на врага, натискъ производится дружно, чтобы, какъ можно скорѣе, захватить добычу. Но если передовые бойцы падутъ при наступленіи, то экспедиція кончается тотчасъ-же, и каждый думаетъ только о спасеніи своей жизни“. Совершенно иначе происходитъ дѣло, когда нападаетъ непріятель. Правда, собственникъ и его ближайшіе родственники готовы защищать его имущество; но бо́льшая часть слугъ, которымъ скотъ не принадлежитъ, въ собственномъ смыслѣ слова, смотрятъ совершенно спокойно на ходъ сраженія. И когда побѣдитель угоняетъ весь скотъ побѣжденнаго, слуги естественно остаются при молочныхъ горшкахъ



Сосудъ для буху овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. вел. Ср. текстъ, стр. 158.

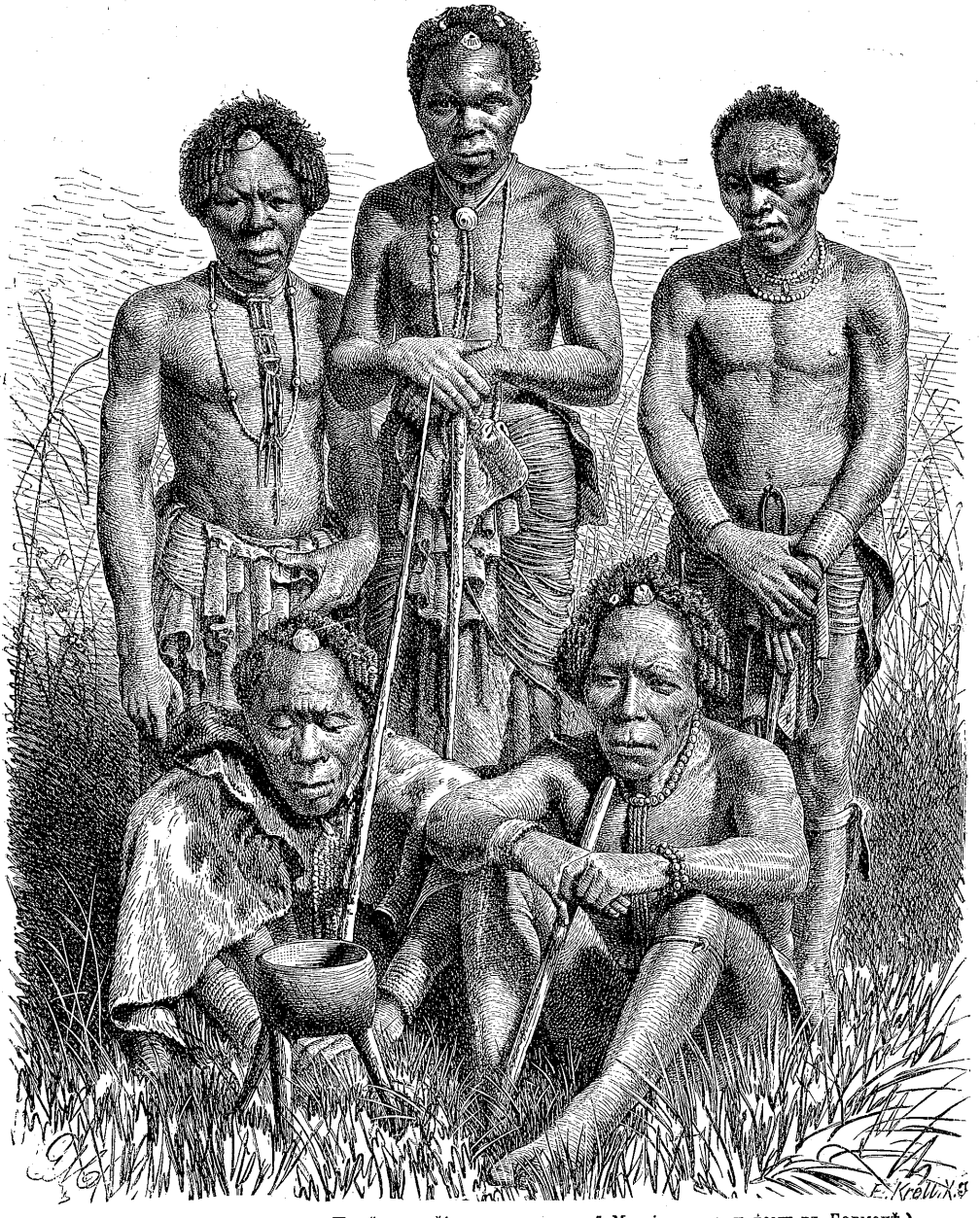
и охотно слѣдуютъ за похищенными коровами. Все находится въ зависимости отъ стадъ. Если мало надежды на побѣду, то даже хозяева добровольно отдаютъ самихъ себя и свои стада чужеземцамъ, чтобы, хотя ввидѣ слугъ, стеречь стада своихъ отцовъ. Судьба національнаго героя Кагичене ясно показываетъ, какъ велась война до введенія огнестрѣльнаго оружія. Въ войнѣ его съ намаками въ 40-хъ годахъ, въ одну и ту же ночь было совершено тайное нападеніе на всѣ его деревни. Кигичене, который на Окагандьи былъ окруженъ Іонкеромъ Африканеромъ, отважно бросился съ небольшимъ отрядомъ въ ряды непріятелей и только одинъ пробилъ себѣ дорогу. Онъ не предполагалъ, что въ ту же ночь все его племя было истре-

Утварь горныхъ дамаровъ: 1) деревянная чашка для очищенія травяныхъ сѣмянъ, 2) глиняный горшокъ, 3) ложка, 4) воронка. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_6$ наст. величины. Ср. текстъ, стр. 168.

блено, а жена и дѣти попали въ плѣнъ. Когда онъ получилъ извѣстіе о томъ, онъ собралъ своихъ послѣднихъ людей и напалъ съ небольшимъ отрядомъ на враговъ. Но во время битвы воины оставили его, и онъ палъ со своимъ храбрымъ сыномъ послѣ геройскаго сопротивленія. Такъ рѣшилась судьба овагереросовъ до выступленія Камагереро.

Хижины овагереросовъ напоминаютъ отчасти хижины готтентотовъ, а отчасти бушменовъ. У нихъ онѣ въ гораздо большей степени хижины кочевниковъ, чѣмъ у бечуановъ. Все легко, непрочно и приспособлено къ переноскѣ. Въ дождливое время ульеобразныя постройки покрываютъ шкурами. Для каждой деревни священный огонь (ср. стр. 56) представляетъ идеальный центръ общины, и на кучѣ золы, которая составляетъ также священное мѣсто, лежатъ большіе рога быковъ, убитыхъ въ торжественныхъ случаяхъ; этимъ пепломъ старѣйшина при священныхъ дѣйствіяхъ посыпаетъ себѣ виски и рѣсницы. Ни одинъ гереросъ не выходитъ ночью безъ горящей головни, отчасти изъ страха, отчасти для того, чтобы пользоваться свѣтомъ и тепломъ; случается, что онъ такой головней отбиваетъ у льва его добычу. Обстановка хижины состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ

сосудовъ, глинянаго горшка для варки, часто такой величины, что онъ не входитъ въ дверь, кожаной сумки съ жиромъ (см. рис., стр. 99), другой — съ различными предметами украшенія (краснымъ желѣзнякомъ и бусами) и наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ желѣзнаго ножа для рѣзьбы.

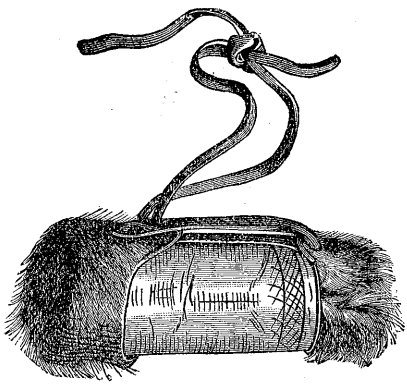


Овагереросы мужчины. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.)

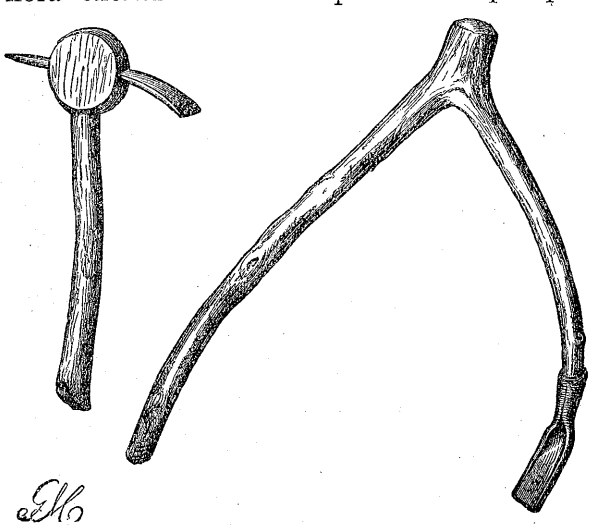
Плетенія у нихъ встрѣчается мало, уже потому, что пальмы попадаются лишь въ странѣ овамбовъ, но оно довольно искусно (см. рис., стр. 157).

Соотвѣтственно ихъ занятіямъ и образу жизни, пища гереросовъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молока и изъ дичи и съѣдобныхъ растеній, доставляемыхъ степью. Тамъ, гдѣ стада сохранились во всемъ своемъ изобиліи, взрослые выпиваютъ ежедневно отъ 5 до 9 литровъ кислаго мо

лока и при этомъ ѣдятъ только земляные орѣхи. Они вовсе не бьютъ скота для одной только ѣды. Какое-либо животное изъ стада умерщвляется лишь тогда, когда въ деревнѣ появляется чужеземецъ или когда празднуется торжество въ видѣ выбиванія зубовъ или свадьбы. Въ этомъ принимаетъ участіе вся деревня и съѣдаетъ, съ прожорливостью, получившей извѣстность, въ невѣроятно короткое время нѣсколько штукъ рогатаго скота, съ кожей и внутренностями. Каждое умершее животное, которое можетъ идти въ пищу, если даже оно пало, составляетъ общее достояніе; поэтому легко понятно, что за мертваго быка не всегда можно купить живую овцу. Но и въ этомъ случаѣ многочисленныя суевѣрныя мнѣнія ограничиваютъ потребленіе всякаго рода пищи: ни у одного народа нѣтъ столько предразсудковъ относительно кушаньевъ. Когда дамары были вытѣснены намаками изъ своихъ лучшихъ охотничьихъ мѣстностей, среди нихъ оказались очень бѣдные, которые не могли сравняться съ бушменами въ охотничьемъ искусствѣ и должны были по преимуществу довольствоваться растительной пищей, хотя они въ нуждѣ не пренебрегали даже гіенами и леопардами. Но они соперничаютъ съ бушменами въ познаніи и добываніи многочисленныхъ съѣдобныхъ корней и клубней. Въ случаѣ необходимости, они жуютъ древесину дерева Sterculia. Даже изъ помета слоновъ они выбираютъ непереваренный миндаль и съ аппетитомъ съѣдаютъ его. Суевѣріе не позволяетъ имъ ѣсть сырого мяса; но достаточно слегка поджарить его, чтобы оно казалось уже годнымъ къ употребленію.



Табачная сумка горныхъ дамаровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/2 наст. величины



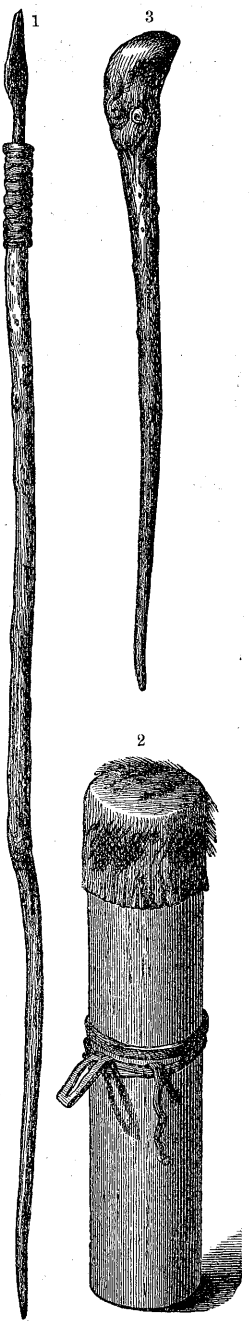
Мотыка и топоръ овагереросовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Внѣшняя торговля гереросовъ, повидимому, до начала торговли съ европейцами, которая лѣтъ сорокъ тому назадъ была совсѣмъ ничтожна, велась преимущественно черезъ посредство ихъ сѣверныхъ сосѣдей овамбовъ. Желѣзные и мѣдные товары и португальскія бусы, главнымъ образомъ, вымѣнивались на скотъ. Стеклянныя бусы, которыми, уже въ началѣ 30-хъ годовъ, торговали бакобы (мкаба) на озерѣ Нгами, шли черезъ Старую Монопотапу вверхъ по Замбези. У гереросовъ нѣтъ своихъ кузнецовъ, но желѣзныя издѣлья они добываютъ черезъ посредство странствующихъ торговцевъ изъ страны Овамбо. До появленія европейцевъ желѣзо цѣнилось здѣсь выше, чѣмъ у насъ серебро, такъ какъ кузнецамъ овамбамъ требовалось 15—20 дней пути, чтобы придти сюда изъ своей страны. Не только преданія гереросовъ разсказываютъ о шитьѣ иглами изъ терновника и срубаніи деревьевъ каменными топорами, но они даже пускаютъ кровь острыми камнями. Частое посѣщеніе югозападнаго берега Африки европейскими кораблями и здѣсь вызвало пере-

мѣны, которымъ способствовалъ политическій подъемъ гереросовъ. Въ настоящее время они являются посредниками въ торговлѣ между морскимъ берегомъ и областью Нгами.

Пока они жили спокойно, жизнь ихъ сосредоточивалась, съ односторонностью, удивительной даже для южной Африки, вокругъ скотоводства. Въ военныя времена оно содѣйствовало ихъ быстрому регрессу, такъ какъ потеря стада вела къ неизбѣжному обѣднѣнію его владѣльцевъ. Скотъ дамаровъ и въ настоящее время составляетъ главный предметъ торговли съ Капской колоніей. Тамошняя порода овецъ обладаетъ жирнымъ хвостомъ, но не шерстью. Кромѣ нихъ содержатся и козы. Порода собакъ такъ же некрасива, какъ и у другихъ южно-африканскихъ племенъ, но объ овагереросахъ разсказываютъ съ похвалой, что они обращаются съ собаками лучше, чѣмъ намаки.

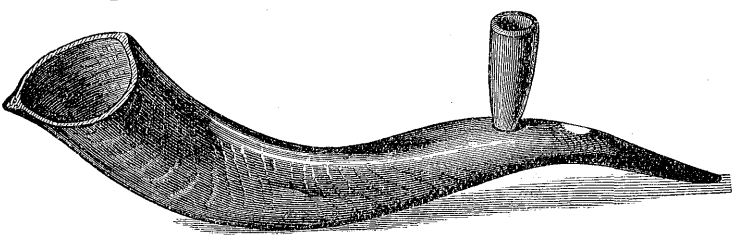
Такъ какъ овагереросы исключительно пастухи и охотники, то у нихъ нѣтъ прочной привязанности къ мѣсту, составляющей основу личнаго владѣнія, и можно считать лишь вполнѣ естественнымъ, что они всю землю считаютъ общей собственностью. Но право на нее строго поддерживается, вслѣдствіе чего тотъ, кто первый поселяется на опредѣленномъ мѣстѣ, остается хозяиномъ его, пока ему заблагоразсудится; въ мирное время другой никогда не рѣшится поить или кормить тамъ свои стада, не получивъ формальнаго разрѣшенія. Интересный примѣръ того представляетъ исторія отношеній между начальникомъ Кагичене и нѣмецкими миссіонерами изъ Рихтерфельда. Тѣснимый намаками, первый пожелалъ поселиться близъ Рихтерфельда, но не сдѣлалъ этого, неославъ нѣсколькихъ своихъ старшинъ къ миссіонеру Рату съ запросомъ — понравится ли ему это намѣреніе. Тотъ отвѣчалъ, что Кагичене можетъ поступать, какъ хочетъ, такъ какъ миссіонеръ, въ качествѣ чужого человѣка, не можетъ имѣть никакого притязанія на землю. Но послы не удовлетворились этимъ „уклончивымъ“ отвѣтомъ и увѣряли, что начальникъ никогда не поселится здѣсь безъ особаго разрѣшенія. Изъ всѣхъ южно-африканскихъ кафрскихъ народовъ гереросы — единственный народъ, который въ прежнее время вовсе не зналъ земледѣлія. Идетъ ли здѣсь дѣло о культурной утратѣ или мы видимъ передъ собою первоначально чистый пастушескій народъ? Односторонность гереросовъ, живущихъ лишь пастушеской жизнью, безъ всякихъ другихъ занятій, вызывала уже предположенія, что они составляютъ часть другого народа, занимавшуюся скотоводствомъ, отдѣлившуюся отъ остальной и изолировавшуюся. Вѣроятіе говоритъ за первое предположеніе. Если мы будемъ стоять за переселеніе изъ страны, лежащей къ сѣверу или къ сѣверо-востоку отъ нынѣшнихъ мѣстообитаній овагереросовъ, то тамъ живутъ народы, которые принадлежатъ къ лучшимъ земледѣльцамъ во всей Африкѣ. Если гереросы переселились оттуда лишь недавно, какъ это и слѣдуетъ предположить, то они должны были тамъ принимать участіе въ успѣшно развивавшемся земледѣліи. Они отказались



Горные дамары: 1) копье, 2) барабанъ, 3) палица. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/8 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 168.

отъ него уже позднѣе, или на пути, или въ новомъ мѣстообитаніи. У этого народа отсутствіе земледѣлія идетъ рядомъ съ незнакомствомъ съ табакомъ, который они узнали только отъ намаковъ, послѣ того, какъ подвинулись къ сѣверу. Съ тѣхъ поръ, какъ они, побуждаемые миссіонерами, стали заниматься земледѣліемъ, они приняли мотыку намаковъ.

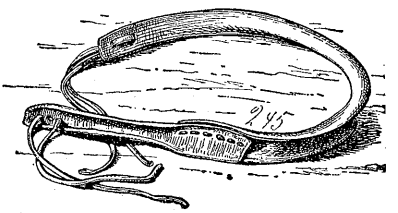
То обстоятельство, что овагереросы на человѣческой памяти не основали сильнаго политическаго союза, происходитъ отчасти отъ свойствъ ихъ страны, благопріятствующей многочисленнымъ мелкимъ, но никакъ не крупнымъ скопленіямъ, а отчасти отъ непрочности всѣхъ отношеній, вслѣдствіе долгихъ, опустошительныхъ и почти всегда неудачныхъ войнъ. По словамъ Андерсона, начальникъ пользуется лишь номинальной властью надъ своимъ племенемъ; если бы онъ сдѣлалъ попытку наказать за тяжкое преступленіе, то виновные отдались бы подъ покровительство другого начальника. Когда ему оказываютъ привычное повиновеніе, это зависитъ не столько отъ политической власти его, сколько отъ занимаемаго имъ положенія жреца: онъ благословляетъ рогатый скотъ и, черезъ посредство одной изъ своихъ дочерей (см. стр. 167), ежедневно опрыскиваетъ его водою при выходѣ изъ краля, чтобы колдовство было безсильно надъ нимъ. Однако, Гальтонъ въ то же время отмѣтилъ въ начальникѣ Кагичене качества прирожденнаго властелина, съ несомнѣнно большимъ вліяніемъ; Гальтонъ получилъ отъ него не только всѣхъ украденныхъ быковъ, но и четверо изъ шести воровъ были забиты палицами на смерть. Воровство скота наказывается также казнью черезъ повѣшеніе. Если слабый ищетъ покровительства у сильнаго, этотъ послѣдній не долженъ слишкомъ круто проявлять свою власть; иначе подчиненные отпадутъ отъ него, и онъ, при всемъ своемъ величіи, останется одинъ. Даже рабы, имѣющіе право убѣжать отъ своего господина, обезпечиваются этимъ отъ дурного обращенія. Мы не можемъ не удивляться болѣе крупнымъ властителямъ, которые весьма хитро умѣютъ склонять къ подчиненію и повиновенію себѣ, не оказывая никакого насилія. По большей части, непокорныхъ, путемъ всевозможныхъ стѣсненій вблизи своей резиденціи, они умѣютъ заставить переселиться на далекую чужбину. Но какъ только другіе начальники замѣчаютъ, что чужой подданный не пользуется ничьимъ покровительствомъ, съ нимъ начинаютъ обращаться такъ дурно и такъ обираютъ и обкрадываютъ его, что въ концѣ концовъ онъ долженъ предоставить себя милости или немилости своего собственнаго начальника. Съ другой стороны, начальникъ охотно защищаетъ вѣрнаго слугу. Въ этомъ народѣ во многомъ способствуетъ увѣковѣченію политическаго безсилія непривычка къ опредѣленнымъ границамъ. Когда, послѣ девятилѣтней борьбы съ овагереросами, предводитель союзныхъ племенъ намаковъ, Янъ Африканеръ, нашелся вынужденнымъ воспользоваться посредствомъ миссіонеровъ для заключенія мирнаго договора, миссіонеры напрасно пытались подѣйствовать на вождей обѣихъ партій, чтобы согласить ихъ относительно границъ ихъ областей. Обѣ стороны заявили, что они хотятъ сдѣлаться друзьями, но въ своей странѣ желаютъ обитать сообща. Послѣ десяти лѣтъ, прожитыхъ обоими племенами въ относительно мирномъ согласіи, миръ былъ опять нарушенъ. При продолжительности такой системы, политическія отношенія всегда бываютъ напряженными.



Трубка для дачи горныхъ дамаровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 естеств. величины.

и крѣпкая связь въ народѣ для защиты и нападенія становится совершенно немыслимой.

Несовершенство государства дѣлаетъ общественные союзы тѣмъ болѣе важными, разнообразными и соотвѣтствующими положенію. Иногда этотъ комунизмъ движимаго имущества (стр. 106) превращается въ систему, такъ какъ извѣстныя лица составляютъ между собою особый союзъ, въ силу котораго у нихъ все должно быть общимъ. Товарищи юношескихъ игръ (oma-kura: тѣ, которые выросли вмѣстѣ; см. выше, стр. 70 и 154) и въ позднѣйшемъ возрастѣ не легко отказываются отъ исполненія просьбы другого; они, повидимому, склонны считать свои вещи общей собственностью. Еще тѣснѣе общность oma-panga, находящихся въ союзѣ между собою; эта общность владѣнія отчасти простирается и на женъ. „Скрѣпляется ли подобный союзъ извѣстными церемоніями", говоритъ Бютнеръ, „мнѣ не удалось узнать; возможно, что всѣ, стоящіе на одинаковой общественной ступени, естественно смотрятъ на себя, какъ на oma-panga." Эти союзы указываютъ каждому гереросу его общественную ступень, обнаруживающуюся уже на водопоѣ скота, гдѣ высшій стоитъ на бревнѣ, служащемъ лѣстницей, а низшій черпаетъ воду въ колодцѣ и поднимаетъ ее вверхъ. У гереросовъ есть и родъ высшаго сословія, выражающагося въ своеобразномъ явленіи извѣстнаго родового или кастоваго обособленія, не совпадающаго съ племеннымъ дѣленіемъ. Народъ распадается на шесть или на семь родовыхъ группъ, вѣроятно, первоначально различнаго происхожденія, охватывающихъ мужчинъ различныхъ племенъ. „Существуютъ два рода высшаго сословія: права одного изъ нихъ переходятъ отъ отца къ сыновьямъ, а другого — отъ матери къ дочерямъ, хотя дѣти, конечно, охотно хвалятся высокимъ происхожденіемъ обоихъ родителей. Первый видъ называется oru-zo, происхожденіе, а послѣдній — e-anda (этимологія неизвѣстна). Принадлежащими къ этому сословію соблюдаются извѣстныя церемоніи, сохранившіяся отъ старины: для собственнаго употребленія и для жертвоприношеній они всего охотнѣе пріобрѣтаютъ скотъ особаго цвѣта, а скотъ извѣстныхъ цвѣтовъ не держатъ и не ѣдятъ. Такъ, семья Oru-e-sembi (хамелеонъ, esembi священный) не трогаетъ хамелеона и обращается къ нему со словами — Tate mukuru-rume (нашъ старый дѣдъ); они держатъ всего охотнѣе скотъ бурой масти, съ пятнами опредѣленнаго вида. Ova-kueneyuva, двоюродные братья солнца, не ѣдятъ мяса скота сивой масти и предпочитаютъ безрогій скотъ. Oru-oma-koti держатъ всего охотнѣе желтый или свѣтло-бурый скотъ, и, когда его убиваютъ, отбрасываютъ желудокъ. Oru-horongo (отъ кудду, ohorongo) не держатъ скота или овецъ безъ роговъ и ушей или съ искривленными рогами, и не ѣдятъ его, а для жертвъ и колдовства употребляютъ кудду. Къ этой семьѣ принадлежалъ Камагереро. Поэтому на могилѣ его отца Катьямуага въ Окогандьи лежатъ рога кудду". (Бютнеръ.) Это извѣстное дѣленіе на тотемы, при пестромъ составѣ стадъ какого-либо собственника (см. стр. 106), имѣетъ побочную выгоду распредѣленія составныхъ частей; безъ такого родового раздѣленія, обладаніе разнообразными стадами было-бы запутаннымъ и хаотическимъ. Повидимому, вездѣ распространенъ обычай — послѣ умерщвленія льва извлечь изъ себя нѣсколько капель крови, ввидѣ искупленія, такъ же, какъ послѣ убійства человѣка.



Кожаный поясъ горныхъ дамаровъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Подобно всѣмъ неграмъ, овагереросы любятъ музыку, танцы и пѣніе. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ немного. Они обертываютъ вокругъ тетивы и древка лука кусочекъ кожанаго ремня, вслѣдствіе чего тетива

туго натягивается; держа лукъ въ отвѣсномъ положеніи въ зубахъ, они ударяютъ по натянутой тетивѣ маленькой палочкой. Съ помощью этого крайне простого инструмента, ихъ искусные музыканты достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ. Родъ гитары, какую видѣлъ у нихъ Гальтонъ, вѣроятно, былъ занесенъ къ нимъ отъ овамбовъ. Ихъ пѣніе состоитъ изъ соло, съ правильно вступающимъ хоромъ. Пляски ихъ отличаются простотою; главною составною частью ихъ служитъ подражаніе движеніямъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи бушмены были ихъ учителями, но гереросы далеко превзошли ихъ. Гальтонъ разсказываетъ объ одномъ изъ нихъ, который такъ искусно представлялъ бегемота, что тотчасъ же можно было

Начальникъ горныхъ дамаровъ и его жена. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.) Ср. текстъ, стр. 168.

узнать характерныя движенія этого животнаго. Верхомъ комизма считается подражаніе неуклюжей походкѣ павіана, являющееся самымъ важнымъ номеромъ въ программѣ каждаго музыкальнаго увеселенія гереросовъ. Болтовня ихъ, со вздохами и смѣхомъ, не имѣетъ конца. Они также усердные разсказчики, хотя запасомъ разсказовъ они уступаютъ бушменамъ и готтентотамъ. Больше всего гереросъ любитъ исторіи съ свободнымъ вымысломъ, которыя, въ интимныхъ вечернихъ собраніяхъ, передаются разсказчикомъ съ различными вступленіями и отступленіями. При передачѣ сказокъ бываетъ, что разсказчикъ занимаетъ все время, въ теченіе часа или даже двухъ, но затѣмъ нить разсказа обыкновенно теряется, такъ какъ фантазія разсказывающаго изсякаетъ, и онъ забываетъ, съ чего онъ началъ.

Гереросъ гостепріименъ, но его гостепріимство, такъ же, какъ и всѣхъ негровъ, окружено формальностями. Чужеземецъ остается за предѣлами ограды, окружающей деревню, и стоитъ, опершись на свой длинный лукъ или ассагай. Черезъ нѣкоторое время, нерѣдко по прошествіи часа и болѣе, приходитъ начальникъ или другой обитатель деревни и начинаетъ съ приличнаго случаю торжественнаго привѣтствія; при этомъ позволяется стоять или сидѣть, по желанію. Начальникъ обра-

щается къ пришедшему съ словомъ „kóra!“ (многіе: „koree!“), т. е. „разсказывай“. Иностранецъ отвѣчаетъ: indé („нѣтъ“). Начальникъ: „kóra!“—Чужеземецъ: „indé indé“. — Начальникъ: „kóra“. — Чужеземецъ: „indé vanga“ (нѣтъ, низачто“). — Начальникъ: „kór'omámbo“ (разсказывай слова или исторіи“). — Чужеземецъ: „hiŋ' omámbo“ или „hiŋ'omámb'“ („я не знаю никакихъ исторій“). Если чужеземецъ остается непреклоннымъ, то въ заключеніе слѣдуетъ требованіе начальника: „kor'-ovizezé“ („разсказывай ложь“), что́ имѣетъ значеніе анекдотовъ, слуховъ. Наконецъ, разсказываются новости; все должно быть выложено, что́ случилось въ онгандѣ вновь прибывшаго или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, причемъ не обращаютъ вниманія — правда это или выдумка. Тогда въ вопросахъ и отвѣтахъ мѣняются роли, и подъ конецъ приносится сосудъ съ молокомъ. Затѣмъ чужеземца ведутъ въ онганду, его принимаютъ нѣсколько воиновъ передъ жилищемъ начальника, и вскорѣ онъ спокойно закуриваетъ трубку. Послѣ того, какъ онъ отъ времени до времени показывалъ на свой пустой желудокъ, пригоняютъ овцу, колютъ ее, и гость чувствуетъ себя какъ дома. Къ пиршествамъ около очага долженъ быть допущенъ каждый чужеземецъ. Ни одно проклятіе не считается болѣе тяжкимъ, какъ проклятіе дурно принятаго чужеземца, котораго не допустили къ очагу.

Горный дамаръ. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.)

Овагереросы усиленно вѣрятъ въ колдовство. Колдуны имѣютъ большое вліяніе; они окружаютъ больного безсмысленными символами и заклинаніями, и главнымъ средствомъ ихъ лѣченія служитъ натираніе его рта и лба испражненіями гіены. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя достать знахаря, употребляется для лѣченія коровій навозъ, и лицо и грудь обвязываются кожаными ремнями. Наряду съ колдунами, колдовствомъ занимаются и дѣвушки (ондангеры), обыкновенно дочери первой жены.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о развитомъ поклоненіи деревьямъ у гереросовъ. Эта вѣра, напоминающая подобные же древесные миѳы другихъ негрскихъ народовъ (см. стр. 45), есть только отпрыскъ культа предковъ, такъ какъ она исходитъ изъ вѣрованія, что овагереросы, бушмены, быки и зебры произошли отъ священнаго дерева. Первые тотчасъ же развели огонь; бушмены и зебры испугались его, и съ тѣхъ поръ вмѣстѣ бродятъ по пустынѣ, между тѣмъ, какъ овагереросы, со своими быками, завладѣли страной. И всѣ другія существа произошли изъ того же дерева. Поклоненіе воздается въ особенности Татэ-Мукуруме или Омумборо-Мбонга, могучему, крѣпкому дереву, съ рѣдкой, сѣровато-зеленой листвой и серебристо-бѣлой, глубоко изборожденной корой, „имѣющему такой допотопный видъ, какъ будто нынѣшнее поколѣніе ему совершенно чуждо“. Оно стоитъ среди другихъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Прежде

извѣстнымъ деревьямъ этого вида приносились жертвы, и овагереросы, уже при видѣ его издалека, восклицали: „U zera tate mukururume!“ („Ты святъ, праотецъ!“) Они выказываютъ вообще поэтическое чувство по отношенію къ особенностямъ нѣкоторыхъ деревьевъ; такъ они любятъ больше всего верблюжье дерево (Acacia Giraffae), похожее на дубъ: они называютъ его omuhivirikoa (достойное хвалы). Отъ дряблаго вида и мало замѣтной, темной коры этого дерева въ замѣчательной степени отличается нѣжная зелень листвы и золотистая желтизна безчисленныхъ благоухающихъ цвѣтовъ. Мы научаемся понимать поклоненіе деревьямъ въ безлѣсной степи, гдѣ каждая древесная особь рѣзкими чертами рисуется, какъ желанный островъ, на горизонтѣ.

* * *

Особое мѣсто въ области гереросовъ занимаютъ такъ называемые горные дамары, которые сами себя называютъ Haukoin, т. е. настоящіе люди, между тѣмъ, какъ намаки, бывшіе сперва ихъ союзниками, а впослѣдствіи властителями, обозначаютъ ихъ неприличнымъ именемъ Ghu damup или daman. Они, по образу жизни, — бушмены, по языку — нѣсколько грубѣе готтентотовъ, а по цвѣту — чернѣе, чѣмъ большинство дамаровъ (см. рис. стр. 166 и 167). Іосафатъ Ганъ утверждаетъ безъ достаточнаго основанія, по какимъ то „несомнѣннымъ признакамъ“, что горные дамары до соприкосновенія съ намаками говорили на негрскомъ языкѣ.

Въ небольшомъ числѣ (около 35.000) они разсѣяны по горамъ, гдѣ они строютъ жилища въ трудно доступныхъ мѣстахъ. Многіе слѣды указываютъ, что они нѣкогда были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Гальтонъ посѣтилъ одно изъ ихъ поселеній на трудно доступной, крутой скалистой горѣ Эронго, къ сѣверу отъ рѣки Свакопъ, и нашелъ ихъ существованіе уже не столь низменнымъ, какъ это можетъ казаться при случайной встрѣчѣ съ ними на равнинѣ. Хижина одного начальника состояла изъ нѣсколькихъ помѣщеній, которыя были выстроены такъ подъ группой деревьевъ, что вѣтви деревьевъ, сплетенныя вмѣстѣ, составляли крышу, а ихъ стволы внутри раздѣляли комнаты. Тамъ было большое обиліе сосудовъ — деревянныхъ молочныхъ чашекъ, трубокъ и т. под. Не малымъ казалось и обиліе скота, овецъ и козъ, хотя обитатели изъ недовѣрчивости отрицали его. Рейнскій миссіонеръ Гуго Ганъ въ 1871 г. тѣхъ же горныхъ обитателей нашелъ собранными, въ числѣ отъ 400 до 500, на станціи миссіи Окомбаге. „Можно было видѣть“, говоритъ онъ, „что они пользовались относительной свободой, такъ какъ это выражалось во всѣхъ ихъ позахъ.“ Эти горные дамары воздѣлываютъ, какъ и настоящіе готтентоты, даху и со страстью курятъ ее изъ водяныхъ трубокъ (см. рис., стр. 164) съ цѣлью наркотизаціи. Они со страстью употребляютъ и табакъ, въ особенности нюхательный (см. рис., стр. 162 вверху). Утварь и оружіе горныхъ дамаровъ вообще такія же, какъ у гереросовъ, но ихъ меньше, и они еще безъискусственнѣе (см. рис., стр. 160). У нихъ имѣется барабанъ, отсутствующій у гереросовъ, что́ заслуживаетъ особаго вниманія. Замѣчательны скромность и безпритязательность этого народа (см. рис., т. I, стр. 17) и легкость, съ какою они привыкаютъ къ работѣ; со временемъ это должно будетъ имѣть большое значеніе для германскихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ.

Замѣчательно также, что подобныхъ же людей мы находимъ на нижней Оморамбѣ, къ юго-востоку отъ овамбовъ; они не всѣ понимаютъ по готтентотски, занимаются, между прочимъ, и земледѣліемъ и ведутъ торговлю съ овамбами и др. Положеніе живущихъ въ Дамараландѣ ниже всѣхъ другихъ народовъ. Гереросы и намаки, даже бушмены, относятся къ нимъ презрительно и обращаются съ ними дурно. Обычная шутка по отношенію къ нимъ состоитъ въ томъ, что имъ приписываютъ происхожденіе отъ павіановъ.

5. Галласы, масаи и вагумы.

„Воинственный, дикій народъ, который, соединенный подъ властью одного вождя, могъ бы покорить не только Абиссинію, но и всю Африку.“ Крапфъ.

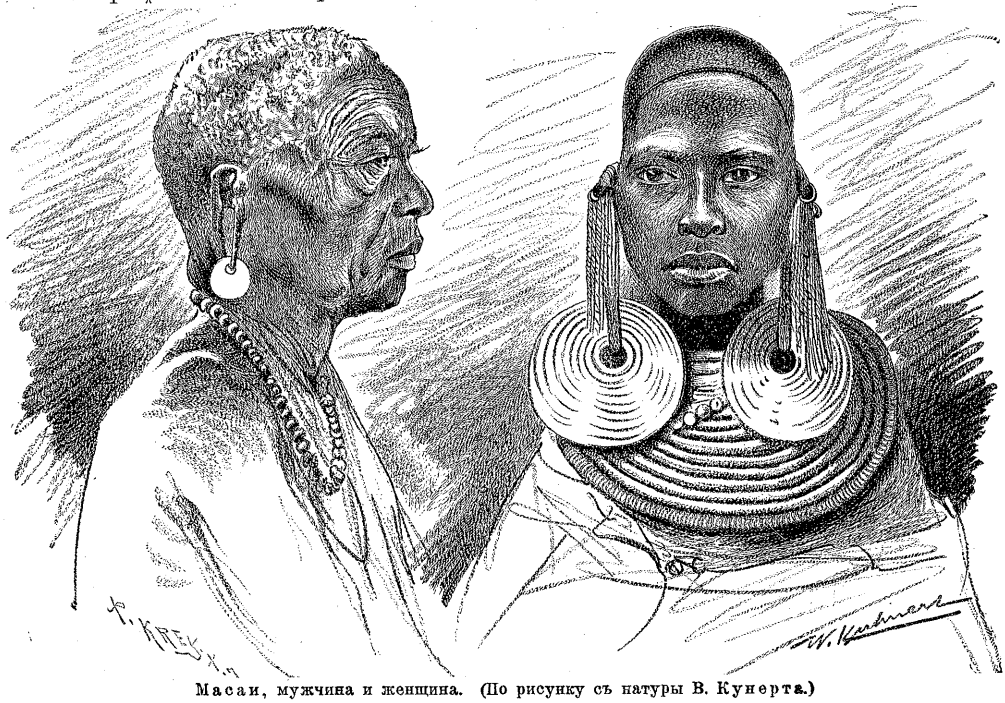
Содержаніе: Географическое распространеніе и срединное положеніе. — Хамиты и негрскія смѣшанныя расы. — Характеръ, одежда и украшенія. Образъ жизни. — Племя и начальникъ. — Военная каста. — Правовой порядокъ. — Положеніе женщины. — Чуждые элементы: ахдамъ, тумалодъ (кузнецы), рами (охотники), покоренные земледѣльцы. — Сказаніе о происхожденіи. — Отношенія къ арабамъ и абиссинцамъ. — Галласскія племена Борана и Арузи. Масаи, сомаліи, данакилы и шоги. — Положеніе вагумовъ по отношенію къ неграмъ. — Распространеніе и исторія. — Ланги.

Подвижные, сильно смѣшанные народы занимаютъ весь восточный выступъ Африки, отъ сѣверной границы суагеліевъ до Абиссиніи, и заходятъ во внутреннюю Африку до границы плоскогорья. Изъ нихъ галласы имѣли большое вліяніе на судьбу Абиссиніи, и отчасти береговыхъ арабовъ, и съ этой стороны пріобрѣли историческое значеніе. Географически отдѣлены отъ галласовъ родственные имъ сомаліи въ сѣверо-восточномъ углу Африки, масаи,[1] распространяющіеся къ югу, за 5° ю. ш., и проникшіе въ самую середину Африки пастушескіе народы вагумы и другіе родственные имъ народы, покорившіе обширныя негрскія страны въ области озеръ — истоковъ Нила. Они повсюду смѣшивались съ неграми, гдѣ соприкасались съ ними болѣе продолжительное время, и кромѣ того, всѣ пастушескія племена юго-восточной Африки, до самыхъ южныхъ кафровъ, имѣютъ съ ними большое этнографическое сходство. Вслѣдствіе того, границы ихъ часто трудно бываетъ опредѣлить. Мы понимаемъ, почему Крапфъ въ ватутахъ, въ области Ньяссы и Танганьики, видѣлъ также описываемые народы: на самомъ дѣлѣ, вліяніе ихъ далеко выходитъ за ихъ предѣлы. Можно сказать, однако, что настоящіе галласскіе народы лишь временно проникали къ югу за широту Мпвапвы и Таборы, хотя ихъ вліяніе, какъ мы видѣли выше, простирается до юго-восточнаго конца Африки; въ то же время на сѣверѣ магометанскіе галласы, вдавшіеся клиномъ между Шоа и настоящей Абиссиніей, представляютъ сѣверо-восточную вѣтвь этого народа на широтѣ Бабъ-Эль-Мандеба. Племя Азабо является здѣсь самымъ сѣвернымъ изъ настоящихъ галласскихъ племенъ. Шоги (шого), причисляемые къ нимъ Мунцингеромъ, образуютъ на сѣверо-восточной границѣ Абиссиніи такую же галласообразную группу, какъ живущіе между Абиссиніей и верхнимъ Ниломъ и нѣкогда подчиненные Египту ланги (ланго), латтуки (латтука), иренги (иренга) и т. под., обитающіе до Бени-Шонгула и Фамаки на Голубомъ Нилѣ. Скуверъ, которому мы обязаны послѣдними подробными извѣстіями о нихъ, просто считаетъ ихъ галласами, и, дѣйствительно, они выдѣляются съ чисто этнографической точки зрѣнія на темномъ фонѣ негровъ съ тѣми же очертаніями, какъ настоящіе галласы на Джубѣ. Но вся восточная половина племенъ верхняго Нила, насколько распространена здѣсь пастушеская жизнь, проникнута вліяніемъ этихъ сѣверныхъ галласовъ и родственныхъ имъ

[1] Названіе галласовъ обозначаетъ, по Крапфу, переселенцевъ, а въ устахъ арабовъ — вообще невѣрныхъ, варваровъ. Они сами называютъ себя орма, или ромо (Крапфъ), что значитъ — люди, мужчины, дѣти человѣка. Изенбергъ, во время своего продолжительнаго пребыванія въ Цейлѣ и окрестностяхъ ея, не могъ узнать смысла слова сомаліи; новѣйшіе путешественники пытались, съ сомнительнымъ успѣхомъ, придать этому слову значеніе Сом-али, т. е. потомки или страна Али. І. М. Гильденбрандтъ выводитъ слово масаи отъ masa (обладаніе). Ойгобъ, или Орлойгобъ, названіе, какимъ они и вакуафіи обозначаютъ себя, значитъ то же, что сильный властитель. Наконецъ, вакуафи выводится отъ слова kafi на языкѣ кисуагели, что значитъ — лодочное весло, такъ какъ ихъ копья съ широкимъ клинкомъ имѣютъ форму веселъ.

народовъ; они незамѣтно переходятъ на сѣверѣ, черезъ посредство агановъ, бертатовъ и т. под., въ пастушескіе народы Нубіи, которые сходны съ ними даже въ частностяхъ вооруженія. Въ сторону Абиссиніи, напротивъ, раздѣленіе, вслѣдствіе національнаго и религіознаго контраста, такъ рѣзко, что именно тамъ народъ Лега мы можемъ признать за одинъ изъ самыхъ чистыхъ типовъ большой народности галласовъ.

Галласы, масаи и родственные имъ народы не имѣютъ *однообразнаго этническаго типа*. Ихъ можно напередъ признать *смѣшаннымъ народомъ*, еще съ большимъ правомъ, чѣмъ абиссинцевъ, съ которыми многіе изъ нихъ имѣютъ такъ много сходства. Общія черты ихъ относятся къ этнографическимъ признакамъ, связующая сила которыхъ простирается



Масаи, мужчина и женщина. (По рисунку съ натуры В. Кунерта.)

на сѣверъ, западъ и югъ, далеко за ихъ замкнутыя области въ негрскихъ странахъ (ср. 2-ю главу этого тома, стр. 96). Гильдебрандтъ ставилъ ихъ „между арійцами и африканцами“ и писалъ въ землѣ Сомали: „хотя я много лѣтъ имѣлъ дѣло съ этимъ комплексомъ народовъ, мнѣ всегда было трудно узнать съ перваго взгляда — принадлежитъ ли извѣстный индивидуумъ къ темнымъ арабамъ-гадрами, сомаліямъ, галласамъ, данакиламъ, беджасамъ, къ масаямъ, никамбамъ или м'джаггамъ.“

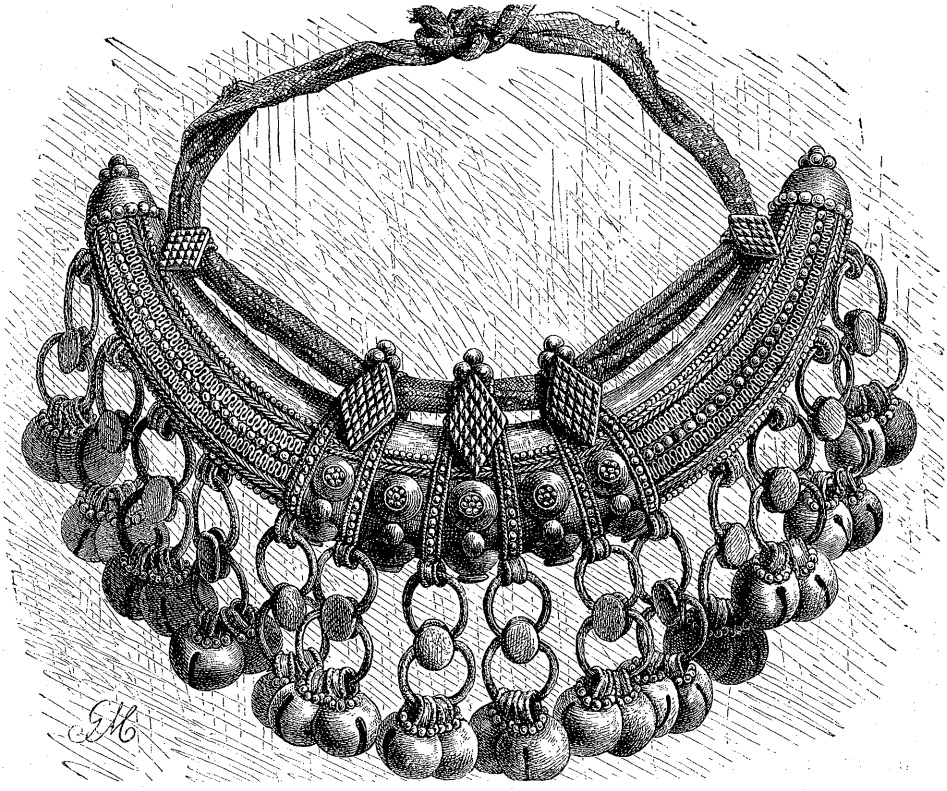
Женщины, которыя высоко цѣнятся въ гаремахъ и кофейняхъ Египта и Нубіи, подъ названіемъ абиссинокъ, часто происходятъ отъ благородной галласской крови. И въ Занзибарѣ дѣвушкамъ-галласкамъ оказывается предпочтеніе передъ европеянками и индусками. „Единственный признакъ, которымъ отличается почти каждый членъ этихъ пастушескихъ и разбойничьихъ племенъ, состоитъ во множествѣ рубцовъ“, говоритъ Гаггемахеръ. Абиссинскій или арабскій типъ, съ узкимъ лицомъ, орлинымъ носомъ, тонкимъ ртомъ, плотно сжатыми губами и курчавыми, мягкими, какъ шелкъ, волосами, встрѣчается бокъ о бокъ съ тупыми носами, вздутыми губами и широкими скулами, часто въ одной и той же семьѣ. Фонъ деръ Деккенъ находилъ южныхъ галласовъ, противоположно неграмъ, исполинскаго роста, могущими служить прототипами муж-

ской силы, и при этомъ довольно стройными. Фишеръ отмѣчаетъ у вакуафіевъ большую худощавость; у масаевъ онъ находилъ людей съ европейски пріятнымъ выраженіемъ лица рядомъ съ звѣрообразными негрскими лицами. Будучи темнобураго цвѣта, масаи обладаютъ, однако, болѣе тонкимъ строеніемъ, чѣмъ негры; благородныя фигуры всего чаще можно видѣть среди молодыхъ людей. Правда, береговые галласы держатся довольно строго въ сторонѣ отъ иностранцевъ; такъ же, какъ внутри материка, природа страны или безусловное различіе въ нравахъ и обычаяхъ отдѣляетъ ихъ отъ негровъ. Но могучія переселенческія волны оттѣсняли ихъ не разъ внутрь этихъ народовъ, даже въ историческія времена, и они сами распространялись во всѣ стороны и восприняли большое число негровъ въ свою среду. Поэтому неудивительно, что цвѣтъ ихъ тѣла представляетъ различные оттѣнки, отъ свѣтлаго, молочно-кофейнаго до темно-бураго, волосы — отъ шерстистыхъ до кудрявыхъ, и типъ лица — отъ кавказскаго до самаго „темнаго и безобразнаго“ негрскаго типа. Но малайскій типъ, который Лонгъ желалъ бы приписать вагумамъ Уганды, не встрѣчается во всѣхъ этихъ оттѣнкахъ. У болѣе чистыхъ галласовъ въ цвѣтѣ кожи преобладаетъ свѣтлый цвѣтъ, и, вѣроятно, даже въ Абиссиніи можно узнать галласскихъ невольниковъ по ихъ болѣе свѣтлому цвѣту кожи. Вообще на югѣ негрскаго элемента встрѣчается больше, чѣмъ на сѣверѣ. У масаевъ и вакуафіевъ преобладаетъ уже темно-бурый цвѣтъ, рѣдко свѣтлый, между тѣмъ, какъ фонъ деръ Деккенъ даже южныхъ галласовъ называетъ лишь весьма мало негрообразными, а самыхъ сѣверныхъ галласовъ, которые отъ своихъ сосѣдей въ области верхняго Нила отличаются повсюду болѣе благороднымъ строеніемъ, Скуверъ, по свѣтлому цвѣту кожи, ставитъ выше мѣстныхъ арабовъ.

Смѣсью жестокости и великодушія, хищничества и гостепріимства, лживости и мужественности, галласъ напоминаетъ арабовъ до эпохи ислама. Магометане волло-галласы, находящіеся въ постоянномъ враждебномъ соприкосновеніи съ абиссинцами, по описаніямъ, отличаются фанатизмомъ, вѣроломствомъ и стремленіемъ къ грабежамъ, а южные галласы язычники — вѣрностью, откровенностью и честностью. Новѣйшіе наблюдатели, какъ фонъ деръ Деккенъ и Кинцельбахъ, были поражены, не найдя у южныхъ галласовъ приписывавшихся имъ на берегу дурныхъ свойствъ и разсказываютъ, что они производили на нихъ пріятное и выгодное впечатлѣніе.

Первоначальная одежда повсюду — кусокъ тонкой черной кожи, обернутый вокругъ бедръ, къ которому часто присоединяется накидка для плечъ, въ лучшемъ случаѣ, плащъ изъ той же матеріи. Слѣдуетъ видѣть вліяніе торговыхъ сношеній въ томъ, что въ настоящее время люди съ большими претензіями часто обертываютъ себя широкимъ кускомъ ткани изъ хлопка, изъ верблюжьей или козьей шерсти, причемъ верхняя часть тѣла и ноги ниже колѣнъ остаются открытыми. Обыкновенно подъ этой одеждой носятъ еще хлопчатобумажную ткань. Женщины употребляютъ ее въ видѣ одежды, которая свѣшивается отъ бедръ до лодыжекъ. Женщины пастушескихъ галласовъ носятъ кожаное платье вокругъ бедръ или, подъ только что описанной тогой, кожаный передникъ. Грудь прикрываютъ онѣ кускомъ ткани, завязаннымъ надъ лѣвымъ плечомъ. Голова остается непокрытой, но шерстяная конусообразная шапочка изъ Абиссиніи проникла на сѣверъ, а замужнія женщины сомаліевъ прикрываютъ себѣ голову голубымъ тюрбаномъ. Мужчины сомаліи втираютъ себѣ разведенную известь въ волосы, отчего они окрашиваются въ красновато-желтый цвѣтъ. Искусственныя прически галласы и масаи заимствовали у негровъ. Женщины внутри страны отпускаютъ себѣ волосы, а у сомаліевъ заплетаютъ ихъ въ маленькія косички до выхода въ замужество, а послѣ того прикрываютъ ихъ; женщины масаевъ брѣютъ себѣ го-

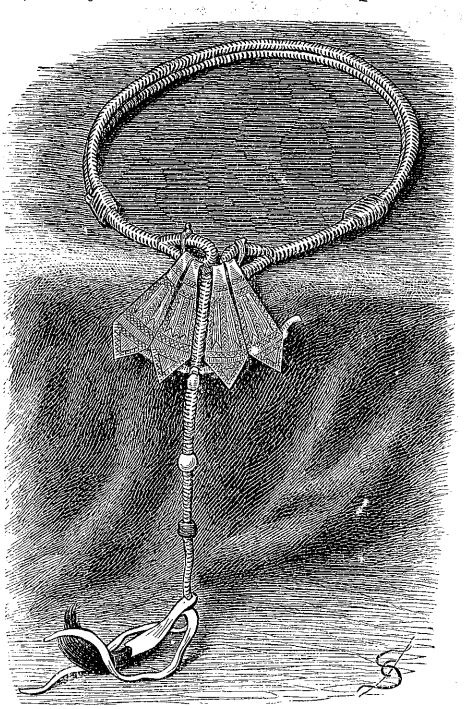
лову и уничтожаютъ повсюду волосы на тѣлѣ. Мужчины галласовъ магометанъ, отправляясь на войну, гладко выбриваютъ себѣ голову, а воины язычники вставляютъ себѣ въ волосы обильныя военныя украшенія изъ перьевъ и носятъ на плечахъ леопардовыя шкуры (см. рис., стр. 96). Бѣдные одѣваются въ невыдѣланныя звѣриныя шкуры. Дубленая козья шкура надѣвается на плечи во время молитвы. Тѣло, а у пастушескихъ галласовъ и платье, вымазывается овечьимъ саломъ; посыпаніе тѣла благоуханіями не ослабляетъ являющихся при этомъ невыносимыхъ испареній. Объ одеждѣ вагумовъ мы говоримъ ниже (стр. 190).



Серебряный женскій уборъ сомаліевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Наст. величина. Ср. текстъ на этой стр.

У внутреннихъ галласовъ часто встрѣчается, въ видѣ украшенія, кольцо изъ слоновой кости на правомъ предплечьѣ; на той же рукѣ можно увидать и многочисленныя мѣдныя и желѣзныя кольца, такъ какъ вообще въ украшеніи преслѣдуется по преимуществу масса разныхъ привѣсокъ, вѣсъ которыхъ у нѣкоторыхъ женщинъ доходитъ до $2^1/_2$ или до 3 кгр. На морскомъ берегу серебро распространено повсюду и пользуется предпочтеніемъ. Здѣсь уже обнаруживается индійское вліяніе. Украшеніями для ушей служатъ большія серебряныя кольца, розетки и цѣпочки. Внутри страны эти вещи носятъ изъ мѣди, и онѣ часто бываютъ такъ тяжелы, что ихъ приходится поддерживать съ помощью ремня, надѣваемаго на макушку. На пальцахъ, сочлененіи руки съ кистью и предплечьѣ (но не на ногахъ и не въ носу) носятъ серебряныя кольца или пряжки (см. рис. выше и на стр. 173). Галласки внутренней части страны часто, подобно негритянкамъ, прикрываютъ всю нижнюю часть руки плотно обмотанной спиральной проволокой. Употребительны также разноцвѣтныя бусы и серебряные амулеты на шеѣ. Бусы у внутреннихъ галласовъ составляютъ до

сихъ поръ одинъ изъ любимыхъ предметовъ обмѣна. Сомаліи носятъ на шеѣ кожаную сумочку на ремнѣ со стихомъ корана. Мужчина никогда не появляется безъ оружія, которое бываетъ всего богаче и разнообразнѣе у сомаліевъ, благодаря оживленнымъ сношеніямъ съ арабами; на правой сторонѣ они носятъ большой ножъ, вродѣ кинжала, на лѣвомъ плечѣ — два копья, длиною около двухъ метровъ, съ длиннымъ, почти веслообразнымъ клинкомъ, и на рукѣ — круглый щитъ изъ кожи носорога или буйвола (см. рис., стр. 177 и 179). Даже женщины и дѣти носятъ оружіе. Воины мазаевъ носятъ овальные щиты изъ шкуръ, похожіе на зулусскіе, расписанные яркими красками (см. рис., стр. 96). Ружья и до сихъ поръ еще распространены въ небольшомъ числѣ. Лукъ и стрѣлы предоставляются людямъ стараго поколѣнія, дѣтямъ, въ видѣ игрушки, и покореннымъ племенамъ, но, въ простой, восточно-африканской формѣ, находятся еще въ общемъ употребленіи у многихъ внутреннихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у фуга-галласовъ, юго-восточныхъ масаевъ и др. Встрѣчаются и отравленныя стрѣлы. За поясомъ обыкновенно заткнуты кинжалъ и метательная палица. У южныхъ галласовъ можно видѣть желѣзное ударное кольцо, съ двумя полулунными лезвіями или шипами, длиною въ полдюйма; рубцы отъ ранъ, нанесенныхъ этимъ оружіемъ въ борьбѣ или военной пляскѣ, украшаютъ грудь многихъ мужчинъ (см. также табл. „Оружіе и утварь восточной Африки“). Весьма своеобразно распространеніе обрѣзанія, безъ всякой ясной связи съ другими признаками. У сѣверныхъ галласовъ, вагумовъ и сродныхъ народовъ оно не производится, какъ и всякое другое уродованіе тѣла, а у масаевъ — лишь не вполнѣ. Но оно производится у многихъ негрскихъ народовъ, живущихъ между ними. Обычай сохраненія пуповины, которая носится также, какъ фетишеобразное украшеніе, распространенъ отъ сомаліевъ до восточныхъ ваѣвировъ, а также у вагандовъ и ваньоровъ.



Мѣдное женское украшеніе галласовъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/4 наст. величины.

Въ земледѣльческихъ работахъ и въ скотоводствѣ, а также и въ промышленности, отъ которой исходятъ всѣ эти украшенія и оружіе, всего усерднѣе и искуснѣе галласы на границѣ Абиссиніи и сомаліи приморскихъ городовъ. У западныхъ галласовъ употребляется простой деревянный плугъ, который тащитъ быкъ подъ ярмомъ. Всего болѣе распространено воздѣлываніе дурры. Хлопокъ воздѣлывается галласами и сомаліями. Галласы въ Энареѣ превосходятъ шоанцевъ усердіемъ, съ какимъ они ухаживаютъ за кофейными плантаціями, и искусствомъ изготовленія художественныхъ кинжаловъ, съ рукоятками изъ слоновой кости, выложенными серебромъ. Къ югу отъ Шоа плантаціи банановъ, окруженныя кипарисами, покрываютъ, на подобіе садовъ, страны соддовъ и родственныхъ имъ племенъ. Искусство плотнаго плетенія, производящее даже дорожныя фляжки для молока и для воды, распространено и у галласовъ; Скуверъ разсказываетъ, что водонепроницаемыя циновки, сшитыя въ конусообразной формѣ, употребляются вмѣсто дождевыхъ зонтиковъ. Такъ же развита у нихъ и рѣзьба по дереву. Чисто кочевыя племена, напро-

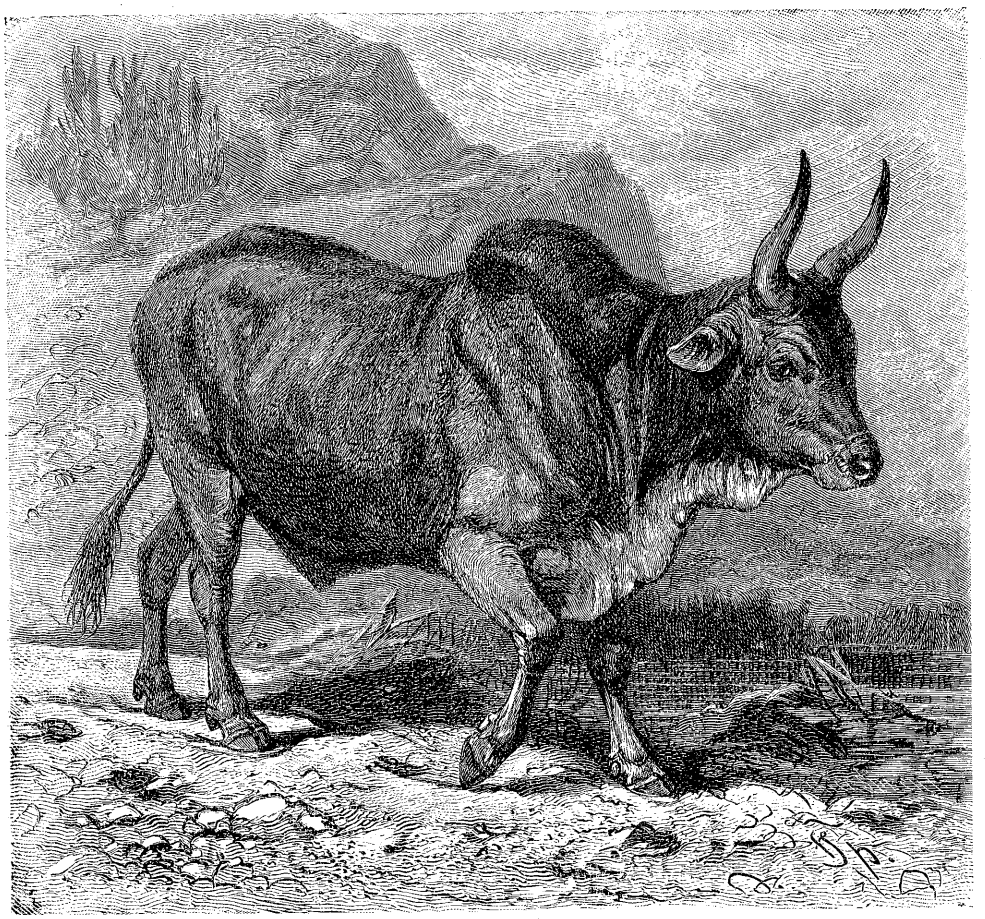
ОРУЖІЕ И УТВАРЬ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ.

тивъ, не дѣлаютъ сами почти никакой утвари, а вымѣниваютъ все у земледѣльческихъ народовъ на продукты скотоводства. Строго придерживаясь старины, масаи до сихъ поръ еще носятъ одежду изъ кожи, хотя уже цѣлыя десятилѣтія въ ихъ страну приходятъ караваны со всевозможными товарами. Еще Изенбергъ говорилъ вообще о галласахъ: „скотоводство у нихъ поставлено лучше, чѣмъ у абиссинцевъ“. И среди сомаліевъ, которые почти всѣ ведутъ кочевую жизнь, существуютъ земледѣльческія группы, и индиго образуетъ предметъ вывоза изъ Бендеръ Марайи. Вывозъ на сѣверномъ берегу страны Сомали состоитъ изъ камеди, благоуханій, индиго, плодовъ пальмы думъ и циновокъ, торговля находится, по большей части, въ арабскихъ и частью въ индусскихъ рукахъ. Южные галласы, масаи и вакуафіи, въ качествѣ настоящихъ номадовъ, употребляютъ только животную пищу и теплую кровь (въ особенности при празднованіи полнолунія) или кровь, смѣшанную съ молокомъ, въ видѣ напитка. Кипятить молоко считается у нихъ преступленіемъ. Воины ихъ презираютъ всякую растительную пищу и, если они напились молока, то прежде, чѣмъ ввести въ желудокъ кровь или мясо, очищаютъ его рвотнымъ средствомъ (см. выше, стр. 131). Приготовленіе коровьяго масла извѣстно лишь въ пограничныхъ областяхъ, подвергающихся нубійскому или арабскому вліянію. Стада тамъ такъ многочисленны, что у многихъ племенъ приходится 7—8 штукъ рогатаго скота на каждаго. Главную составную часть стадъ пастушескихъ народовъ, отъ абиссинцевъ и галласовъ до вагумовъ, образуетъ рогатый скотъ санга (см. рис., стр. 175). Овцы съ курдюками также весьма многочисленны. Тамъ разводятся еще страусы и цибетовыя виверры, послѣднія въ особенности въ Каффѣ. Для верховой ѣзды употребляются быки, которыхъ сѣдлаютъ и которыми правятъ съ помощью кольца, продѣтаго въ носу, а также лошади и мулы, постепенно убывающіе отъ сѣвера къ югу, но не верблюды, хотя послѣдніе встрѣчаются до Сабаки, а внутри у аруза-галласовъ. Ослы принимаютъ участіе въ караванахъ галласовъ и сомаліевъ, по преимуществу, для перевозки мѣховъ съ водою. Охота — любимое занятіе галласовъ; оружіемъ для нея служитъ копье, вѣроятно, отравленное въ извѣстныхъ случаяхъ. Сѣверные галласы почти всегда охотятся верхомъ на лошади. Масаи предоставляютъ охоту вандороббамъ.

И города раздѣляютъ непостоянство образа жизни всего народа. Бендеръ-Марайя, главный городъ меджертинскихъ сомаліевъ, въ глухое время заключаетъ въ своихъ 200 домахъ отъ 600 до 700 жителей, число которыхъ удвоивается въ торговое время, когда здѣсь сходятся караваны, нагруженные камедью и другими продуктами изъ внутренней части страны, и арабскіе купцы съ аравійскаго берега. Когда въ 70-хъ годахъ галласы отступили передъ сомаліями изъ Джуба, тотчасъ же образовалось множество новыхъ поселеній на участкѣ Ози-Ламу, такъ же, какъ и на береговой линіи Ози-Малинди. Въ 1867 г. галласы разрушили поселеніе на Расъ Гомани, а въ 1876 г. оно уже вновь было отстроено. Въ областяхъ, часто опустошаемыхъ войною, на Танѣ и Сабаки, деревни строятся на мысахъ и рѣчныхъ островахъ. Рука объ руку съ различіемъ осѣдлой и кочевой жизни, идетъ плотное и рѣдкое населеніе. Передвиженія со скотомъ происходятъ въ опредѣленныхъ границахъ, нарушаемыхъ только хищническими вторженіями, и происходятъ въ зависимости отъ потребностей стадъ, такъ что извѣстная часть страны почти пустѣетъ, а другая въ это время переполнена населеніемъ. Хижины, въ видѣ ульевъ, изъ согнутыхъ кругомъ вѣтвей и кожъ, обмазанныхъ коровьимъ навозомъ, весьма непрочны и стоятъ близко другъ къ другу, на подобіе сотъ, по кругу, заключающему въ себѣ стадо. Хижины сѣверныхъ галласовъ изъ соломы, съ острыми, конусообразными крышами, съ поперечникомъ въ 6 или 7 метровъ, раздѣленныя внутри тонкими тростниковыми стѣнками, весьма

сходны съ хижинами негровъ на верхнемъ Нилѣ. О постройкахъ вагумовъ мы говоримъ ниже (на стр. 191).

Хотя имущественныя различія довольно значительны, но тамъ мало встрѣчается рабовъ, въ качествѣ служащаго класса. Ихъ замѣняютъ ниже стоящіе народы, которые живутъ на извѣстномъ, ограниченномъ пространствѣ (см. стр. 180). Скотоводство есть основа семьи и государства и въ то-же время начало политическихъ движеній. Въ этой обширной области, между Шоа и предшествующими ему южными странами съ одной, и



Рогатый скотъ-санга (Bos africanus). Ср. текстъ, стр. 174 и 191.

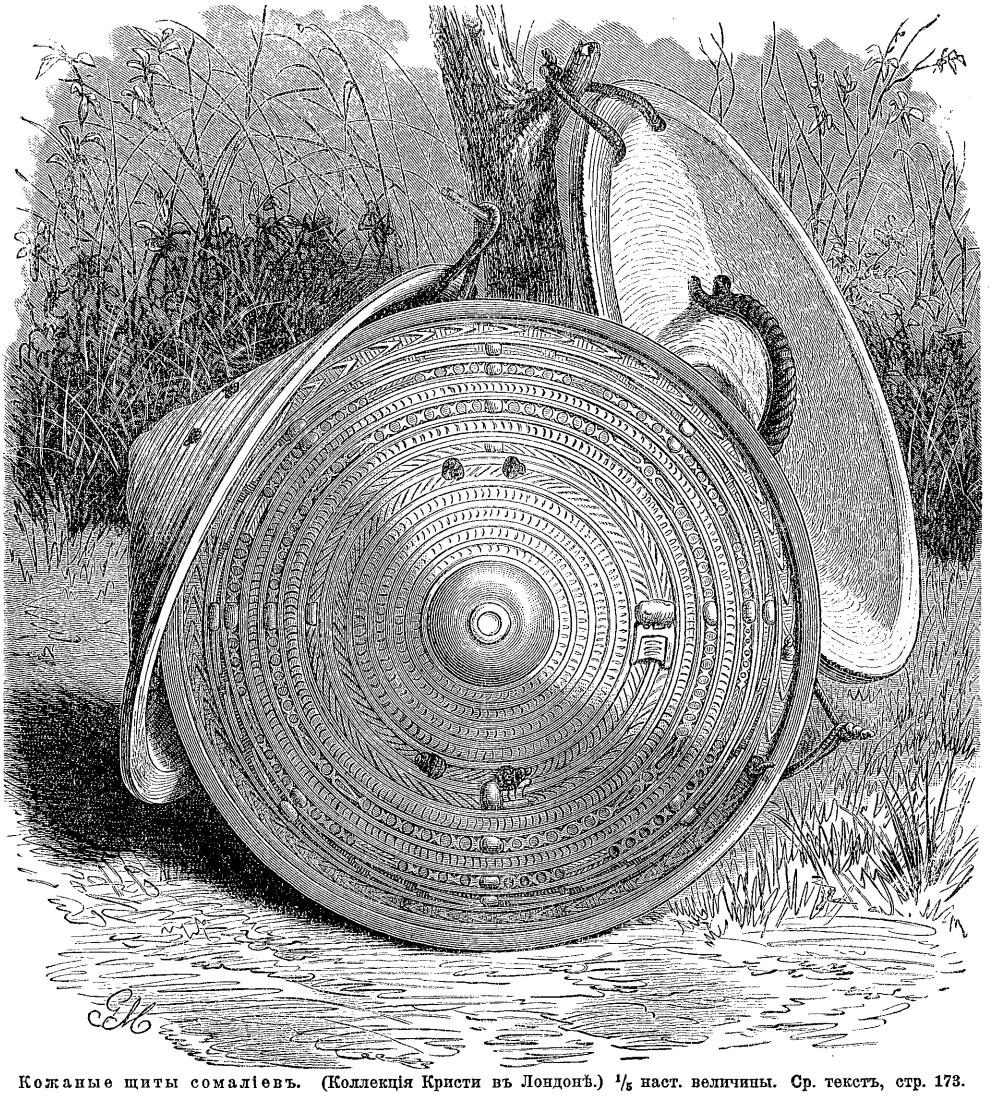
Занзибаромъ, съ другой стороны, не существуетъ твердой политической власти, несмотря на высоко развитое соціальное дѣленіе. Мы не будемъ говорить здѣсь объ охотничьихъ номадахъ, которые, какъ, напримѣръ, вабоны, не имѣютъ опредѣленныхъ вождей, а признаютъ власть старѣйшаго въ ихъ временномъ поселеніи. Эти племена не многочисленны и, хотя они часто живутъ отдѣльно отъ племенъ галласовъ, сомаліевъ и пр., но они входятъ въ ихъ организацію, въ качествѣ подданныхъ или почти рабовъ. Мы не придаемъ никакого значенія и отрицательнымъ указаніямъ, вродѣ указанія командора Гиссинга, будто „ватейты не имѣютъ ни начальниковъ, ни законовъ“, и т. под. Положительнымъ является лишь недостатокъ какого бы то ни было высшаго развитія, связывающаго народъ, несмотря на племенныя раздѣленія. Галласы, масаи и отчасти сомаліи приближаются въ своей организаціи къ республиканской государствен-

ной формѣ болѣе другихъ народовъ какой то ни было части Африки. Племя есть основанное на кровномъ родствѣ сообщество самостоятельныхъ, независимыхъ мужчинъ, неравенство которыхъ заключается не въ отношеніи къ верховному главѣ, а въ соціальной организаціи; высшее мѣсто занимаетъ въ немъ избранный представитель („гейю“, по Изенбергу, и „гейичъ“, по Керстену). Глава племени долженъ заботиться объ удовлетвореніи потребностей военнаго и мирнаго времени и долженъ быть человѣкомъ мужественнымъ, хитрымъ и краснорѣчивымъ; еще болѣе помогаетъ ему слава искуснаго колдуна. Власть его признается не болѣе, чѣмъ это безусловно необходимо; когда вѣра въ него проходитъ, его просто устраняютъ. Соціальное раздѣленіе масаевъ и южныхъ галласовъ не допускаетъ, чтобы глава племени высоко поднимался надъ нимъ. Этотъ порядокъ значи-

Сосуды сомалiевъ: 1) горшокъ для огня, 2) горшокъ съ ручкой, 3) закрытый сосудъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_2$ наст. величины.

тельно ограничиваетъ отдѣльное лицо, но не на пользу всего общества, а къ выгодѣ его класса. Народъ раздѣляется на воиновъ (моранъ) и не-воиновъ (мòруа), чтó является въ то же время раздѣленіемъ на холостыхъ и женатыхъ: между ними находится переходный классъ левелè, т. е. людей, хотя и женатыхъ, но еще участвующихъ въ войнахъ. Воины раздѣляются, въ свою очередь, на четыре класса, изъ которыхъ первый и старѣйшій стоитъ во главѣ другихъ, а не-воины — на три класса. У каждаго класса есть свой ораторъ (лейгвенанъ), который можетъ пріобрѣтать большое вліяніе. Кромѣ того, въ каждомъ племени въ общественныхъ событіяхъ выступаютъ одинъ или нѣсколько колдуновъ, которые должны посылать племени счастье въ войнѣ, охрану отъ повальныхъ болѣзней и пр. Фишеръ называлъ, въ качествѣ самаго вліятельнаго, наиболѣе сильнаго своимъ колдовствомъ и богатаго человѣка во всей странѣ масаевъ, Мбатіана, съ которымъ даже вакуафіи совѣтовались передъ отправленіемъ въ походъ. Очевидно, этотъ верховный жрецъ можетъ казаться иногда главою масаевъ, такъ же, какъ, съ другой стороны, вожди и ораторы различныхъ военныхъ и не военныхъ классовъ могутъ признаваться главами племени. Этимъ въ особенности объясняются указанія о существованіи 50-ти „почти независимыхъ другъ отъ друга“ галласскихъ племенъ, 12-ти неуловимыхъ племенъ южныхъ галласовъ, 30-ти племенъ меджертинскихъ

сомаліевъ и т. под. Тамъ, гдѣ признается верховный глава, онъ, само собою, является и торговымъ посредникомъ своего племени: никто изъ его подданныхъ не долженъ поддерживать торговыхъ сношеній съ иностранцами. Гейю всегда бываетъ крупнымъ землевладѣльцемъ; онъ держитъ въ зависимости отъ себя сотни семействъ, живущихъ на его землѣ, и у сомаліевъ можно чувствовать себя перенесеннымъ въ средневѣковые феодальные



Кожаные щиты сомаліевъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/5 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 173.

порядки. Крапфъ нашелъ у галласовъ въ Вакаунгу раздѣленіе на 7 племенъ, съ двумя гейю, однимъ „большимъ“, и другимъ „малымъ“, которые избирались вновь каждые 7 лѣтъ. Ниже ихъ обоихъ стоятъ еще два начальника, называемые „мора“, изъ которыхъ одинъ исполняетъ приказанія большого, а другой — малаго гейю, и наряду съ ними стоитъ общественный ораторъ для народныхъ собраній, „ласкари“, такъ какъ начальники не говорятъ сами. До вторженія египтянъ и галласскія племена въ Харарѣ управлялись такимъ образомъ, что каждое дѣленіе племени подчинялось въ теченіе 8 лѣтъ начальнику, отчасти наслѣдственному, а отчасти опредѣлявшемуся выборомъ. Онъ носилъ титулъ„ боку“. Въ его распоряженіи были два чинов-

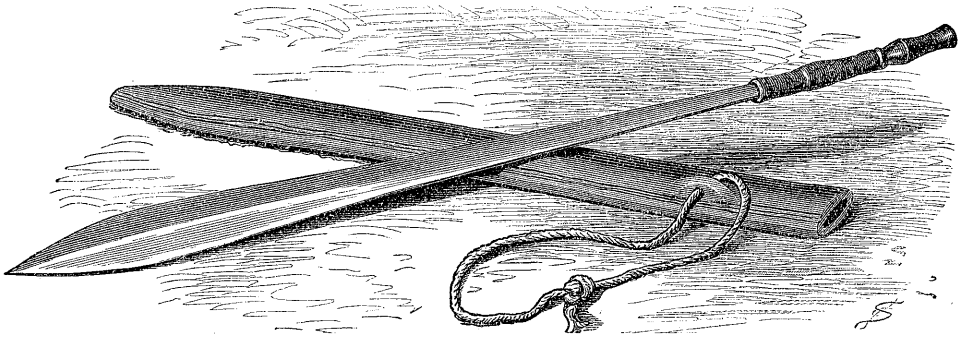
ника низшей степени, называвшіеся у племенъ Ала „дори“ и„ раба“. Обыкновенно боку начальствовалъ только въ мирныхъ временахъ и обстоятельствахъ. Ревуаль слышалъ о точномъ разграниченіи и раздѣленіи земельной собственности въ горныхъ мѣстностяхъ страны Сомали, доставляющихъ благоуханныя смолы; кто собираетъ эти смолы, камедь и т. под. на чужой землѣ, тотъ подвергается наказанію. Сомаліи платятъ поземельныя повинности султану, между тѣмъ, какъ чужеземцы должны платить поголовную подать (ашуръ).

Такъ называемые короли магометанскихъ племенъ сомаліевъ, иза и гадобурси, носятъ, въ видѣ короны, желтую кожаную шапку съ лучеобразными бороздами, сходящимися къ серединѣ; эта шапка украшена золотой пуговкой и жгутомъ на концѣ и обернута тюрбаномъ. Эти короли носятъ и красную мантію, но власть ихъ не соотвѣтствуетъ внѣшнему блеску. Начальники сѣверныхъ галласовъ имѣютъ головное украшеніе, въ видѣ діадемы, изъ листовой мѣди. Упомянутые короли находились въ нѣкоторой, хотя и формальной, зависимости отъ эмира Харарскаго. Меджертинскіе сомаліи, извѣстное лучше другихъ и самое многочисленное племя сомаліевъ, имѣютъ общаго главу „богхора“; главенство его также можетъ быть названо лишь теоретическимъ, такъ какъ подъ его властью находится не менѣе 30-ти отдѣловъ племени, у каждаго изъ которыхъ есть особый начальникъ, а также жители прибрежныхъ деревень, которые, въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, почти не признаютъ надъ собою никакой власти; сюда же надо отнести и номадовъ, значительно отличающихся другъ отъ друга, вслѣдствіе различія ихъ образа жизни. Слѣды гинекократіи, весьма рѣдкой у пастушескихъ народовъ, встрѣчаются въ семьяхъ правителей вагумовъ въ негрскихъ странахъ, такъ же, какъ и женщины-правительницы у галласовъ. Въ Уньоро королева-мать пользуется такимъ же, если не бо̀льшимъ, уваженіемъ, чѣмъ самъ король; она живетъ въ собственномъ городѣ, имѣетъ министровъ, чиновниковъ, высшихъ начальниковъ и, кромѣ того, большія стада рогатаго скота. Во время войны прежде всего стараются скрыть ее въ безопасномъ мѣстѣ, потому что взятіе ея въ плѣнъ лишитъ короля всякаго уваженія въ глазахъ его подданныхъ. Отсутствіе политической власти въ землѣ сомаліевъ возложило на прибрежныя племена обязательство заботиться о безопасности рынковъ. Въ обоихъ важнѣйшихъ торговыхъ мѣстахъ — Берберѣ и Булхарѣ, до египетскаго завладѣнія въ 1873 г., управленіе и присмотръ на рынкахъ исполнялись племенами Айялъ-Ахметъ и Айялъ-Юнисъ, а въ Цейлѣ — султаномъ южныхъ данàкиловъ, съ помощью небольшого турецкаго гарнизона. Для большей безопасности, каждый вновь прибывшій купецъ выбиралъ себѣ охранителя изъ этихъ племенъ — „аббана“, который въ то-же время дѣйствовалъ какъ маклеръ.

Веденіе войны, главной цѣлью которой служитъ похищеніе скота, раздѣлъ похищеннаго и заключеніе мира составляютъ важнѣйшія задачи этихъ правителей или начальниковъ. У племенъ, сохранившихъ воинственный характеръ, изъ всего народа выдѣляются воины, которые не женятся, не курятъ, не пьютъ водки и живутъ на границахъ и на торговыхъ дорогахъ. Часто отвращеніе къ войнѣ или, у богатыхъ, равнодушіе къ пріобрѣтенію новаго скота рѣшаетъ вопросъ о вступленіи въ классъ невоиновъ. Обыкновенно галласы дерутся на войнѣ хорошо и мужественно, но испытываютъ суевѣрный страхъ передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и, какъ скоро видятъ, что нѣкоторые изъ нихъ пали, обращаются въ бѣгство. Новѣйшія экспедиціи показали, насколько преувеличено было высокое мнѣніе о военныхъ доблестяхъ масаевъ, насколько мало ихъ плотныя военныя полчища могли противостоять кучкѣ хорошо вооруженныхъ людей, повинующихся начальнику съ твердой волей. Неудачи, постигавшія торговые караваны арабовъ, въ которыхъ насчитывалось до 2000 мужчинъ, вооруженныхъ ружьями, и большія экспедиціи, вродѣ Бёртона

и фонъ деръ Деккена, повели къ преувеличенію ихъ силы. Когда врагъ падетъ въ битвѣ, трупъ его обыкновенно подвергается уродованію. Нѣкоторыя части его тѣла жестокіе непріятели уносятъ домой, ввидѣ трофеевъ, и хранятъ ихъ тамъ, для того, чтобы сами они и жены ихъ могли носить ихъ, ввидѣ украшенія, на шеѣ. У нѣкоторыхъ племенъ число колецъ изъ слоновой кости, носимыхъ мужчиной, означаетъ число убитыхъ имъ враговъ, и ни одинъ юноша не считается мужчиной, пока не убьетъ чужеземца. Области, повидимому, разграничиваются незаселенными пограничными пространствами, которыя во многихъ случаяхъ служатъ мѣстами обитанія подчиненныхъ охотничьихъ племенъ. Подобное значеніе имѣетъ Кикуйю, являющееся прогалиной въ лѣсномъ кольцѣ, шириною въ 40 км., служащемъ защитой въ сторону Найваши. Такимъ же образомъ, Сотикъ на югѣ, востокѣ и сѣверѣ окруженъ лѣсомъ, въ которомъ вандороббы охотятся за слонами.

Правовые порядки у галласовъ таковы, каковы они бываютъ у разбойничьихъ и пастушескихъ народовъ: они просты и жестоки. Убійцу



Мечъ сомаліевъ, вѣроятно, арабскаго происхожденія. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/5 наст. величины.

выдаютъ родственникамъ убитаго, которые могутъ дѣлать съ нимъ все, что хотятъ. Если у убитаго нѣтъ родственниковъ, убійцу передаютъ королю, который приказываетъ умертвить его тѣмъ же орудіемъ, какимъ совершено убійство. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, долженъ уплатить вдвойнѣ стоимость украденнаго имущества. Если онъ укралъ лишь для утоленія голода, то его отпускаютъ на свободу. Воръ, пойманный на дѣлѣ на базарѣ, приводится въ середину толпы, и его совершенно раздѣваютъ; затѣмъ нѣсколько человѣкъ водятъ его по всему рынку, обращаясь къ толпѣ съ требованіемъ — бить пойманнаго бичами и кулаками. Когда галласы даютъ клятву, они вырываютъ яму, втыкаютъ туда нѣсколько копій и восклицаютъ: „если клятва наша окажется ложной, пусть насъ бросятъ въ эту яму“. Или клянущійся долженъ вычистить листьями извѣстнаго растенія хлѣвъ своего скота и сказать при этомъ: „Какъ я удаляю эту нечистоту, такъ пусть Вака вычиститъ (т. е. уничтожитъ) мое имя и мой домъ, если я говорю неправду“. (Ср. также выше, стр. 70). Племя Абеджо, по убѣжденію галласовъ, погибло потому, что ихъ родоначальникъ далъ ложную клятву. (Крапфъ.) Кровное родство соблюдается свято.

Положеніе женщины нельзя назвать приниженнымъ. Молодая дѣвушка, такъ же, какъ и юноша, при наступленіи возмужалости, отдѣляется отъ другихъ, вмѣстѣ со своими сверстницами; въ это время совершается и обрѣзаніе (см. стр. 173). Затѣмъ они живутъ, онъ — въ качествѣ воина, а она — его подруги, свободной, дикой жизнью, вдали отъ родителей и семей, въ кругъ которыхъ они возвращаются лишь тогда, когда юноша перестаетъ быть воиномъ. Отчужденіе молодыхъ дѣвушекъ

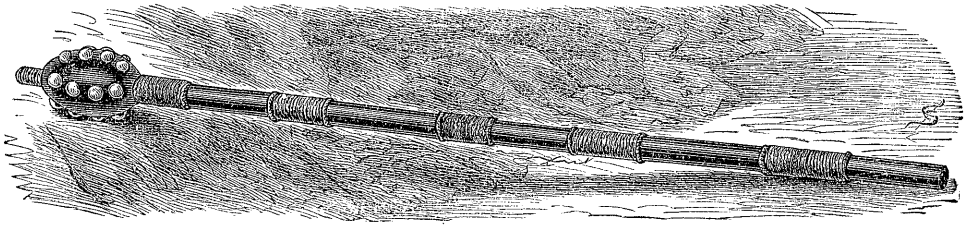
отъ мужчинъ встрѣчается лишь тамъ, гдѣ усилилось магометанское вліяніе. Относительно покупки женъ сообщенія путешественниковъ ничего не говорятъ намъ. Когда галласы женятся, женщина получаетъ приданое отъ своего отца; расходясь съ своимъ мужемъ, она приданое это оставляетъ ему. Это вполнѣ противоположно обычаю, господствующему у негровъ. Абадула, или старшина деревни, освящаетъ браки. Послѣ смерти мужа, вдова его должна выйти за его брата. Полигамія распространена среди богатыхъ.

Общественныя отношенія галласовъ пріобрѣтаютъ своеобразное усложненіе, благодаря извѣстнымъ группамъ чуждыхъ элементовъ, примѣшанныхъ къ нимъ и, повидимому, уже тѣсно смѣшавшихся съ ними. Рядомъ съ храбрыми, хищническими галласами живутъ трусливые, мирно поддерживающіе свое существованіе вапокомы, отличающіеся смиреніемъ передъ гордыми галласами: властелину нужно, чтобы слуги его были вблизи его. Это правило въ поразительной степени напоминаетъ соціальное дѣленіе южныхъ арабовъ. Съ сомаліями живутъ ахдамы, служащіе имъ и платящіе имъ дань, съ другими законами, профессіями и привычками. Мы не можемъ сказать съ увѣренностью — отличаются ли эти племена парій какими-либо физическими различіями отъ своихъ властителей. Своимъ соціальнымъ положеніемъ, но не расовыми признаками, они напоминаютъ бушменовъ и народовъ-пигмеевъ. Вандороббовъ Кустъ хотѣлъ отнести къ бушменамъ, но мы знаемъ отъ Гёнеля, что они говорятъ по масайски такъ же, какъ ихъ властители. Еще ниже ахдамовъ стоятъ тумалоды. Это — этническая смѣсь, составившаяся изъ всѣхъ племенъ этой страны и рабовъ сосѣднихъ земель, занимающаяся въ то же время кузнечнымъ ремесломъ. Они платятъ дань тому племени, въ которомъ живутъ, и подчинены его правосудію. Ни одинъ свободный сомалій не войдетъ въ кузницу и не привѣтствуетъ кузнеца пожатіемъ руки; никто изъ нихъ не беретъ себѣ женъ изъ этого племени и не отдаетъ туда своихъ дочерей. Тумалоды распространены по всей странѣ; всѣ они кузнецы, и неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы кто-либо изъ нихъ отказался отъ этого ремесла. Еще ниже ихъ и бѣднѣе рами, охотники сомаліевъ, которымъ не позволяется охотиться на лошади. На войнѣ они служатъ въ качествѣ наемниковъ. Они стрѣляютъ легкими, длинными отравленными стрѣлами изъ луковъ, изъ набаковаго дерева, съ тетивами изъ верблюжьихъ сухсжилій. Племена или касты кузнецовъ иногда пользуются полу-независимостью и оказываютъ вліяніе на торговыя сношенія. У масаевъ всегда имѣются, по Гёнелю, по крайней мѣрѣ, двѣ дюжины кузнецовъ (элькононо), разсѣянныхъ въ большихъ краляхъ. Но Ликононо, средоточіе зависящаго отъ вакуафовъ племени кузнецовъ, благодаря кузнечнымъ товарамъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ торговыхъ мѣстъ. И въ сѣверной области галласовъ, сьенетьи, о которыхъ говоритъ Скуверъ, имѣютъ значеніе изолированнаго горнаго населенія страны Лега, колоніи ткачей и кузнецовъ; во всякомъ случаѣ, они — единственные ткачи и кузнецы въ этой странѣ. Для охотничьихъ народовъ галласовъ и масаевъ (Вабони, Вассаніэ, Вандороббо и т. п.) нельзя указать никакихъ опредѣленныхъ мѣстообитаній, такъ какъ они постоянно мѣняютъ ихъ; впрочемъ, нѣкоторыя мѣстности, повидимому, принадлежатъ имъ уже потому, что они тѣсно связаны съ границами ихъ властителей.

Къ юго-западу отъ Берберы и къ югу отъ 10^0 с. ш. лежитъ богатая дичью мѣстность Гербатиръ, постоянное мѣстообитаніе подчиненнаго охотничьяго народа Рами. Цыганами сомальской земли являются іиберы, которые, вѣроятно, переселившись изъ Аравіи, ходятъ цѣлыми семьями, выпрашивая милостыню, съ мѣста на мѣсто, не смѣя входить въ домъ или даже за ограду жилища сомалія и прикасаться къ какой-либо изъ

принадлежащихъ ему вещей. Сомаліи цѣнятъ ихъ лѣчебное искусство, смотрятъ на ихъ фокусы и танцы и не отказываютъ имъ въ ѣдѣ или питьѣ. И въ этой области существуетъ сказаніе о карликахъ, такъ какъ тамъ общественныя условія въ достаточной мѣрѣ могли дать начало несчастному, выродившемуся отъ подчиненія народу, развившемуся въ соціальную расу. Среди земледѣльческаго народа Суку, къ западу отъ Баринго живутъ, какъ слышалъ Фишеръ, карлики въ пещерахъ; Томсонъ находилъ пещеры къ сѣверо-востоку отъ Кавиронго, но безъ карликовъ. О пигмеяхъ Каффы была уже рѣчь въ томѣ I.

На рѣкахъ страны масаевъ, галласовъ и сомаліевъ, въ оазисѣ Аусса страны Афаръ обѣднѣвшія вѣтви этихъ народовъ занимаются земледѣліемъ. Они пользуются общимъ презрѣніемъ. Настоящій масай, галласъ и вакуафи цѣнитъ, пока онъ воинъ, только животную пищу. Первые относятся къ послѣднимъ такъ же, какъ обитатели оазисовъ Боргу къ тедамъ или жители Бильмы къ туарегамъ, съ той разницей, что они еще безсильнѣе. То обстоятельство, что они не истреблены, показываетъ, что господствующіе народы пожелали сохранить ихъ для себя. Земледѣльцы вакуафы



Оправленный мѣдью жезлъ сомальскаго начальника. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/5 наст. величины.

въ Нгуруманѣ, земледѣльцы того же племени въ области у озеръ Найваши и Баринго, прежде обитавшейся вакуафами, а теперь покоренной масаями, и галласы, поселившіеся близъ Такаунгу, принадлежатъ къ этимъ опустившимся племенамъ.

Галласы примѣшиваютъ къ легендѣ о своемъ происхожденіи элементы миѳологическіе и перешедшіе къ нимъ отъ арабовъ. Они называютъ себя потомками Волаба и разсказываютъ, что перешли черезъ широкое водное пространство прежде, чѣмъ вступили въ свое нынѣшнее мѣстообитаніе. Или они выводятъ свое происхожденіе отъ Исава. Когда сомаліи первымъ обитателемъ своей страны называютъ сына Ноя, то здѣсь выступаютъ уже историческіе элементы, связывающіе восточную Африку съ Аравіей. У сомаліевъ мы находимъ царей Савскихъ въ качествѣ верховныхъ правителей, и сомаліи любятъ — со времени своего обращенія въ исламъ — считать себя настоящими арабами, увѣряя, что ихъ родоначальникъ Дародъ былъ сыномъ великаго Измаила Джеберти, покровителя Сомальской страны, погребеннаго между Меккой и Джеддой. Еще въ настоящее время сомаліи увѣряютъ, что нѣкоторые дома Мекки построены ихъ прародителемъ. Дародъ прибылъ чудеснымъ образомъ, послѣ того, какъ онъ былъ покинутъ въ пустынѣ, на Сомальскій берегъ, женился на пастушкѣ и распространилъ ученіе Магомета. Съ этимъ полу-миѳическимъ представителемъ арабскаго переселенія въ особенности стремилась связать себя сѣверная группа сомаліевъ — меджертины; они отрицаютъ всякое предположеніе происхожденія ихъ отъ галласовъ. Многократно повторяется исторія объ арабахъ, попавшихъ въ эту страну вслѣдствіе кораблекрушенія и давшихъ начало тому или другому племени, такъ какъ они женились на мѣстныхъ дѣвушкахъ. Ихъ можно найти и въ видѣ мѣстныхъ святыхъ, какъ, напримѣръ, Исаака Бенъ Ахмета изъ Гадрамаута, въ которомъ

многія племена видятъ своего родоначальника. Это — все арабскія вѣтви на галласскомъ стволѣ. Тому же соотвѣтствуютъ и многочисленныя арабскія слова въ восточныхъ сомальскихъ и галласскихъ діалектахъ и постоянно оживленное, по преимуществу, зависящее отъ арабовъ сообщеніе между гаванями Сомальскаго берега и южной Аравіи. Съ нѣкоторымъ подобіемъ исторической правды, сомаліи разсказываютъ, что 200 лѣтъ спустя послѣ Геджры произошло первое большое арабское переселеніе, хотя уже и прежде арабы, въ качествѣ купцовъ, жили на берегу. Другое сказаніе говоритъ о переселеніи парсовъ въ 500 г. по Р. Х., которые взяли въ свои руки торговлю всей страны. Имъ приписываютъ множество разсѣянныхъ по странѣ могильныхъ памятниковъ, развалинъ укрѣпленныхъ поселеній, водопроводовъ, цистернъ и искусственныхъ скалистыхъ пещеръ. Нельзя сомнѣваться и во вліяніи индусовъ. Вполнѣ достовѣрно, что когда Васко да Гама со своими португальцами прибылъ на Сомальскій берегъ, господство какого-то ревностнаго магометанина простиралось отъ мыса Гвардафуй до Таджурры въ царствѣ Адаль.

Арабское происхожденіе, быть можетъ, еще сильнѣе выступаетъ въ сказаніяхъ данакиловъ. Въ нихъ не только признается тѣсное общеніе съ Іеменомъ, но преданіе говоритъ еще опредѣленнѣе объ арабскомъ переселеніи, чѣмъ въ Сомальской землѣ. Нѣкоторыя племена выводятъ свое происхожденіе изъ Іемена, а гадаремы — изъ Гадрамаута. Они сидѣли на Красномъ морѣ, занимали Таджурру, Байлуль, Рахеиту и Адаль и проникли оттуда къ сѣверу, въ ихъ нынѣшнія мѣста обитанія. Данакилы, сѣверную границу которыхъ составляетъ бассейнъ Аррхо, находились прежде въ зависимыхъ отношеніяхъ къ великому шейху Мекки, черезъ посредство наиба въ Аркико. Когда они, послѣ покоренія египтянами Джедды и Мекки, подпали подъ власть египтянъ въ Массовѣ, „они удержали нѣчто вродѣ дружеской дѣловой зависимости“ отъ Меккскаго шерифа и, въ меньшей степени, отъ турецкаго губернатора города.

Галласы внутренней страны остались незатронутыми этими вліяніями И они разсказываютъ о переселеніяхъ и примѣшиваютъ туда миѳологію; но для насъ они принадлежатъ къ народамъ, внезапно появляющимся на исторической сценѣ, которые, послѣ того, какъ они образовали могучія историческія волны, точно утомленные, скрываются въ какое нибудь незамѣтное мѣсто. По сказаніямъ галласовъ, они переселились въ свое нынѣшнее мѣстопребываніе лѣтъ около 300 тому назадъ. Въ фактѣ переселенія никто не сомнѣвается; даже ихъ имя говоритъ за него. Уже Брюсъ упоминаетъ о преданіи галласовъ, что они до переселенія жили глубоко внутри материка и оттуда проложили себѣ путь черезъ большія озера. Лудольфъ даже съ точностью указываетъ 1537 годъ, какъ такой, когда галласы вторглись въ Абиссинію изъ страны баріевъ.

Исторической стороной земли галласовъ является Абиссинія. Здѣсь они, лѣтъ около 300 тому назадъ, вдвинулись, на подобіе клина, въ древнее царство между Гондаромъ и Шоа и сдѣлались чрезвычайно важнымъ историческимъ факторомъ, Они окружаютъ Абиссинію отъ запада до юго-востока, ввидѣ самаго опаснаго врага. Но тамъ, гдѣ они достигаютъ берега, ихъ политическое и культурное состоянія покрыты густымъ лакомъ заноснаго арабскаго элемента; единственный открытый въ высшей мѣрѣ для сношенія съ цивилизованнымъ міромъ — сѣверный берегъ, настоящій Сомальскій берегъ, для поверхностнаго наблюдателя кажется лишь отраженіемъ Омана или Гаурана. Мало того, и самихъ сомаліевъ можно считать всего вѣрнѣе прибрежной формой великаго галласскаго народа, въ которой, благодаря арабскому вліянію, произошло такое же новообразованіе въ нравахъ, стремленіяхъ и даже въ языкѣ, какъ у суагеліевъ или у такъ называемыхъ арабовъ страны восточнаго Нила. Этому предположенію не противорѣчитъ смертельная вражда, раздѣляющая галласовъ и сома-

ліевъ, такъ какъ и племена сомаліевъ живутъ въ постоянныхъ раздорахъ. Къ сожалѣнію, намъ недостаетъ собственныхъ показаній галласовъ. Мы не знаемъ, какъ и когда галласы освоились съ маленькими лошадками, которыя съ ордами конныхъ галласовъ уже въ наше время перешли за экваторъ. У всѣхъ галласовъ распространено арабское названіе лошади „фарасъ“. А между тѣмъ это — важнѣйшее по своимъ послѣдствіямъ событіе ихъ новѣйшей исторіи. Сравнительное языкознаніе со временемъ, быть можетъ, болѣе будетъ въ состояніи, чѣмъ теперь, просвѣтить насъ относительно вопросовъ, которые преданіе не разрѣшаетъ даже намекомъ. Уже въ настоящее время оно показываетъ намъ, какъ основной фактъ исторіи великаго племени галласовъ, что оно находится въ широкой взаимной связи съ хамитами Нильской области и восточной Африки, что только семитическій клинъ народовъ Геезъ нарушаетъ эту связь и что сомальскій языкъ менѣе близко стоитъ къ данакильскому, чѣмъ къ галласскому. На этой основѣ мы, быть можетъ, признаемъ галласовъ, какъ народную группу, центръ тяжести которой нѣкогда лежалъ гораздо сѣвернѣе, чѣмъ теперь, даже къ сѣверу, а, быть можетъ, и къ западу отъ Абиссиніи, и исторія котораго, разсматриваемая въ цѣломъ, выказываетъ, какъ главную черту, непреодолимое распространеніе къ югу, уже цѣлыя столѣтія происходившее при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ у вагумовъ, масаевъ и вакуафовъ. Возвраты къ сѣверу не исключаются въ этомъ движеніи волнъ. Мазаи, вѣроятно, только въ послѣднія десятилѣтія проникли за линію Пангани-Угого къ сѣверу и отбросили назадъ вакуафовъ, стремившихся къ югу. Тѣ и другіе тѣмъ сильнѣе старались протѣсниться къ югу.

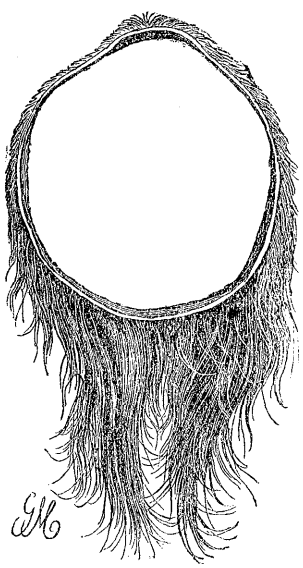
Самое могущественное племя галласовъ — борани или беворапы (беворана), имя которыхъ зналъ уже Лобо. Его область простирается отъ нижняго Джуба до Абаи и Хаваша и въ страну Конзо, а на западѣ ограничивается травянистой страной Серо или Серто („Запрещенная земля“), вѣроятно, безлюдной пограничной полосой, отъ негровъ шиллукскаго племени. Бораніи распадаются на чистый пастушескій народъ Іа, на сѣверо-западѣ, и Іалъ (Іабъ?), который отчасти занимается земледѣліемъ. Бараретты (вардаи) также имѣютъ притязаніе на кровное родство съ бораніями.

Ближе всего къ нимъ стоятъ арузы (арузи). Пинчардъ описываетъ галласовъ-арузи (ардози, арузіа), какъ могущественное племя, глава которыхъ На-Ріа-Кхару живетъ въ резиденціи, состоящей изъ 20 прилегающихъ другъ къ другу деревень. На сѣверѣ ихъ область простирается до Хаваша, на западѣ — до озера Цувай. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ардозами Уекфильда, отъ которыхъ они отдѣлены Герирой и въ то же время отдѣлены Джубомъ отъ бораніевъ. Эти ароозы называются родоначальнымъ племенемъ всѣхъ галласовъ. Торговля ихъ направляется, главнымъ образомъ, къ Джубу. Рядомъ съ арузами живетъ племя иту-галласовъ, которое на сѣверной границѣ всего галласскаго народа, на южномъ берегу Хаваша, соприкасается съ афарами.

Сабы или раганвины, — также довольно крупный народъ, занимающій большое пространство между нижними теченіями Вебби и Джуба. Его уже нельзя назвать чистыми галласами. Кинцельбахъ приписываетъ его происхожденіе отцамъ сомаліямъ и матерямъ рабынямъ, между тѣмъ, какъ сомаліи не считаютъ его принадлежащимъ къ нимъ. Двѣнадцать южныхъ галласскихъ племенъ Крапфа раздѣляются только различіями, которыя, по Фишеру, идутъ не далѣе различій суагеліевъ отъ ламусовъ, малиндовъ или момбасовъ. Галласы-бараретты жили по обоимъ берегамъ Сабаки. Къ нимъ примыкаетъ племя Вассаніэ, весьма сходное съ галласами, но въ то же время подчиненное имъ; оно живетъ отъ праваго берега Сабаки на границѣ вакамбовъ, до верхней Таны. На Танѣ оно занимается земледѣліемъ, но въ остальной части области ведетъ образъ жизни галласовъ. Да-

лѣе, въ этой южной области сходны съ галласами живущіе къ сѣверу отъ Ози, въ странѣ вапокомовъ и за предѣлами Виту — вабоны, а еще сѣвернѣе — ватуи (ватуа); тѣ и другіе — кочевые охотники, живущіе скудно, но по языку напоминающіе болѣе галласовъ, чѣмъ негровъ.

Другой, по внѣшнему виду цыганообразный, пастушескій народъ, въ стадахъ котораго появляются уже лошади и верблюды, а въ языкѣ котораго встрѣчается множество сомальскихъ словъ, — рандили (рандиле) въ восточной части области Самбуру. Въ низинахъ, на сѣверномъ концѣ озера Рудольфа, живутъ решіаты, земледѣльцы и пастухи, которые ежегодно, при разливахъ озера, переносятъ свои жилища на возвышенности; они болѣе негроподобны и по виду, и по языку. Женщины ихъ просверливаютъ нижнюю губу и носятъ кожаныя короткія юбки, со множествомъ складокъ.



Колѣнное украшеніе воина вакамба, подражаніе колѣнному украшенію масаевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. величины.

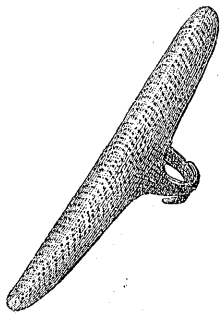
Къ востоку отъ решіатовъ живутъ въ горахъ аммары, въ странѣ, богатой желѣзомъ, изъ которой вывозится оружіе и весьма употребительныя здѣсь, какъ и въ странахъ верхняго Нила, желѣзныя украшенія. На сѣверномъ концѣ озера Стефаніи живутъ марлехи, занимающіеся торговлей. Всѣ эти народы и болѣе мелкіе, которыхъ извѣстны только имена, примыкаютъ на востокѣ къ бораніямъ, находясь съ ними въ лингвистическомъ родствѣ; въ торговомъ отношеніи они, повидимому, связаны съ сомаліями.

Граница между галласами и сомаліями постоянно измѣнялась, насколько это намъ извѣстно. Галласы и сомаліи относятся враждебно другъ къ другу, какъ масаи къ вакуафамъ, и, соотвѣтственно тому, непрочны и ихъ пограничныя отношенія. Еще во времена Бреннера, Джубъ могъ считаться границей между сомаліями и галласами, но уже съ 1870 г. эта граница отодвинулась до Таны. Ози, Тана и область вапокомовъ, которыя Фишеръ въ 1877 г. указывалъ, какъ границу, причемъ къ западу отъ мѣстообитанія вапокомовъ существуетъ связь между южными галласами и галласами-борани, въ сущности, служатъ границей и до сихъ поръ. Въ послѣдніе годы движеніе, повидимому, направилось болѣе къ западу, къ озеру Рудольфа.

Въ лингвистическомъ отношеніи тѣсно связанные съ галласскими народами, въ географическомъ и этнографическомъ, напротивъ, примыкающіе къ Нильскимъ неграмъ, и въ особенности къ шуліямъ, а къ галласамъ относящіеся такъ же, какъ осѣдлые вакуафы къ кочевымъ, ланги (ланго или вакиди), вдающіеся съ юго-востока, образуютъ лишь небольшіе островки народовъ, въ качествѣ отпрысковъ великой семьи кочевыхъ пастушескихъ народовъ восточной экваторіальной Африки. На востокѣ они сами ведутъ кочевую жизнь; въ Узогѣ они живутъ уже въ крѣпкихъ деревняхъ, почти образующихъ городки. Самое большое изъ ихъ государствъ называется Умиро. Языки латтуковъ, иренговъ, аккаровъ — всѣ составляютъ діалекты группы Ланго, которая, съ своей стороны, принадлежитъ къ галласскимъ языкамъ. Въ представителяхъ ихъ, впрочемъ, такая большая примѣсь негрской крови, что они сами кажутся темнѣе шуліевъ, не говоря уже о ваньорахъ. Высокіе, стройные (средняя величина тѣла, по указанію Эмина паши, 1,70—1,75 м.), съ удлиненнымъ лицомъ, открытымъ взглядомъ, воинственные, ревниво отстаивающіе свою независимость, они на своей западной границѣ свободно и отчасти враждебно относятся даже къ сильнымъ государствамъ вагумовъ. Они отличаются головнымъ уборомъ съ широкими

крыльями и украшеніями изъ каури, цѣнность которыхъ сильно убываетъ съ приближеніемъ къ Нилу. Среди шуліевъ живутъ латтуки (латтука), замкнувшіеся въ горахъ, къ востоку отъ Ладо, богатые пастухи и земледѣльцы, въ большихъ многолюдныхъ деревняхъ (въ самой большой изъ нихъ — Таранголѣ заключается 4000 хижинъ), вокругъ которыхъ разставлена стража на высокихъ мѣстахъ. Съ ними сходны ихъ сосѣди оббы (оббо). По преданію латтуковъ, прежнею областью обитанія ихъ былъ Джебель Кильяминъ, къ сѣверо-востоку отъ ихъ нынѣшняго мѣстопребыванія. Лиріи (лиріа), нѣкогда своими хищническими экспедиціями славившіеся до Бехра и Кири, представляютъ собою вдвинувшуюся вѣтвь баріевъ, находящуюся въ родственныхъ отношеніяхъ съ вакуафами.

Сомаліи — вѣтвь галласскихъ народовъ, наиболѣе затронутая чуждыми вліяніями и смѣшанная съ чуждыми элементами. По своему положенію, они должны были находиться въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Аравіей, особенно тѣсно примкнули къ исламу и посвятили себя береговой торговлѣ и мореплаванію по арабскому образцу. Бо́льшая часть ихъ — рѣзко выраженная прибрежная народная форма, но большинство сомаліевъ — пастухи, мало отличающіеся отъ галласскаго типа. Въ прежнее время они, вѣроятно, болѣе уклонялись отъ него, чѣмъ въ нынѣшнее, такъ какъ внутри страны, въ особенности, въ обитаемой нынѣ галласами области Хараръ, они были самостоятельнѣе. Тогда въ этой странѣ процвѣтала болѣе высокая культура; развалины городовъ говорятъ о болѣе густомъ населеніи и болѣе развитомъ земледѣліи, съ искусственнымъ орошеніемъ. Такъ какъ сомаліи оттѣснены галласами къ востоку, то существуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и такія группы сомаліевъ, которыя, подобно масаямъ, предпринимаютъ организованные хищническіе походы за скотомъ и слоновою костью въ области галласовъ и масаевъ. Чекки собралъ въ Энареѣ свѣдѣнія объ южныхъ странахъ, принадлежащихъ къ тѣмъ странамъ, куда сомаліи совершаютъ свои походы, распространяющіеся до Лейкипіи. Въ діалектическомъ отношеніи сомаліи мало различаются между собой. Среди живущихъ на сѣверномъ берегу можно назвать самыхъ западныхъ — эйсовъ (эйса); во внутренней части страны выступаетъ племенная группа огадѣновъ, на сѣверѣ — хавійевъ, считающая себя лучшею и старѣйшею изъ сомаліевъ.



Ударное желѣзное кольцо вакамбовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/2 естеств. величины

Афары или данакилы распадаются, какъ и ихъ южные сосѣди, на внутреннюю (пастушескую) группу и на береговыхъ жителей. Кромѣ того, насчитывается еще нѣсколько главныхъ племенъ и многочисленныя патріархальныя группы семействъ. Среди береговыхъ жителей, какъ и среди пастуховъ, существуетъ высшее сословіе, называющее себя „красными людьми“, и подчиненное, или „бѣлые люди“. Тамъ нѣтъ настоящаго городского населенія. Изъ торговыхъ мѣстечекъ берега, Эдъ состоитъ изъ сотни хижинъ, двухъ каменныхъ мечетей и двухъ молитвенныхъ домовъ. Отсюда шейхъ на пяти самбукахъ (открытыхъ баркахъ) ведетъ торговлю съ Іеменомъ.

Масаи, какъ средоточіе своего мѣстообитанія, занимаютъ пространство между Килиманджаро и Кеніей; они составляютъ западный и сѣверо-западный отдѣлъ этихъ пастушескихъ племенъ. Если считать, вмѣстѣ съ Томсономъ, вакуафовъ лишь за одинъ изъ клановъ масаевъ, область распространенія первыхъ должна быть расширена на западъ до Укереве. Такъ какъ лингвистическія сходства позволяютъ признать ланговъ и латтуковъ верхняго Нила за переходную форму отъ масаевъ къ баріямъ и динкамъ, то область народовъ, родственныхъ масаямъ, простирается до прежнихъ мѣстъ обитанія шиллуковъ, границею которыхъ нѣкогда была страна, гдѣ нынѣ находится Хартумъ. Къ востоку граница масаевъ имѣетъ измѣнчивый харак-

теръ, вслѣдствіе осѣдлаго, болѣе плотнаго земледѣльческаго и торговаго населенія, въ зависимости отъ положенія и характера береговой полосы. Входъ въ страну самостоятельныхъ, хищническихъ масаевъ лежитъ на западномъ склонѣ Килиманджаро. Они часто прорываются черезъ эти ворота, что̀ доказывается, между прочимъ, фактомъ, указаннымъ І. М. Гильдебрандтомъ въ 1877 г.: онъ находилъ, что набѣги ойгобовъ (масаевъ или вакуафовъ) простирались до окрестностей Момбаса, гдѣ войска Занзибарскаго султана не рѣшались выступать противъ нихъ въ открытомъ полѣ. Поэтому границу вообще можно провести отъ верхняго Пангани, вокругъ сѣвернаго подножія Килиманджаро до Кимангельи и по западному подножію Кеніи, въ общемъ, на 35° 40′ в. д. Масаи давно уже распространялись болѣе и болѣе къ югу. Ранѣе имъ принадлежала только полоса между правымъ берегомъ Пангани и Угого, и отсюда они вытѣснили вакуафовъ къ западу; изъ послѣднихъ лишь нѣкоторыя племена перешли къ земледѣлію и остались въ прежней области, а кочевыя, по большей части, были оттѣснены въ область между Самбуру, Баринго и Кеніей; небольшая часть ихъ кочевала къ востоку отъ Укереве, а другую Фишеръ встрѣтилъ у масаевъ на Найвашѣ. Нѣкоторыя оказались въ разсѣянномъ видѣ въ Кикуйю. Гёнель опредѣляетъ, какъ сѣверную границу масаевъ, линію, проведенную отъ устья Гуассо Нарòкъ къ Гуассо Ниро, къ юго-западу. Самые южные, передовые посты масаевъ представляютъ вагумбы (вагумба), которые пасутъ свои стада въ Угого, переходя за караванную дорогу изъ Мпвапвы въ Табору. Численность ихъ незначительна, и воинственная организація слаба (нѣмцамъ стоило небольшого труда выгнать ихъ); четвероугольныя хижины ихъ изъ хвороста, съ промежутками, задѣланными коровьимъ навозомъ, также имѣютъ жалкій видъ. Даже у Таборы они пасутъ стада арабовъ. Нравы ихъ такъ же, какъ и имя, повидимому, указываютъ, что вагумы, кочующіе далѣе къ западу, не могутъ быть рѣзко отдѣлены отъ масаевъ, что оба понятія совпадаютъ другъ съ другомъ. Уже Ливингстонъ собиралъ въ Уджиджи отъ арабовъ и ихъ рабовъ слова языка масаевъ, имѣя въ виду, въ послѣдніе годы своей жизни, проникнуть въ ту область, которую Фишеръ и Томсонъ изслѣдовали 12 лѣтъ спустя. На сѣверѣ мы находимъ, однако, народовъ, родственныхъ масаямъ въ лингвистическомъ и отчасти бытовомъ отношеніи, также въ пастушескихъ, но отчасти и земледѣльческихъ, плотнѣе скученныхъ и менѣе воинственныхъ баріяхъ и динкахъ; мы разсмотримъ ихъ вмѣстѣ съ другими обитателями Верхняго Нила въ 9-й главѣ.

Еще до того времени, когда европейскія экспедиціи прошли поперекъ области масаевъ, убавивъ ихъ военной славы, основанной скорѣе на дерзости, чѣмъ на смѣлости, а всего болѣе на страхѣ, внушенномъ сосѣдямъ, масаи, вслѣдствіе повальной болѣзни скота, значительно пошли назадъ, что̀ случилось приблизительно лѣтъ около 20 передъ тѣмъ и поколебало основы ихъ своеобразной жизни. Овцы, служившія прежде только пищею женщинъ, теперь требовались повсюду, такъ какъ онѣ оказались не поддающимися моровой язвѣ. Похищеніе рогатаго скота, составлявшее главный мотивъ ихъ экспедицій, потеряло свою заманчивость; „вообще, все идетъ внизъ у этого интереснаго народа“ (фонъ-Гёнель), который съ замѣчательнымъ упорствомъ, въ силу своей замкнутой организаціи, держался въ сторонѣ отъ чуждыхъ, разлагающихъ вліяній. Немного лѣтъ тому назадъ одежда изъ козьихъ шкуръ не была еще вытѣснена хлопчатобумажной тканью, и оригинальное военное вооруженіе не уступило еще мѣста огнестрѣльному оружію. Они, впрочемъ, мало развили въ себѣ техническаго умѣнія, предоставляли желѣзныя работы элькононамъ, а щиты и луки покупали у вандороббовъ и найберовъ; поэтому, по всей вѣроятности, они вскорѣ перестанутъ быть однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ народовъ Африки. Повсюду, гдѣ представлялась возможность, они, подобно вагумамъ запада, стада которыхъ были уничтожены той же моровой язвой, незадолго до прибытія Эмина паши и Штульмана, по-неволѣ обращались къ земледѣлію.

Вакуафы (мбаравуи), разсѣянное, по большей части осѣдлое племя, родственное масаямъ, нѣкогда жили тою же пастушескою жизнью, пока сила ихъ не была сломлена въ борьбѣ съ масаями; тогда нѣкоторое число ихъ отдѣловъ направилось къ западу и сѣверу, чтобы послѣ потери своихъ стадъ посвятить себя тамъ земледѣлію. Въ серединѣ 70-хъ годовъ дѣло дошло до новой войны, въ которой сѣверные вакуафы, лейкопы, были разбиты масаями на-голову. Въ настоящее время встрѣчаются вакуафы, которые вообще сходны съ масаями, но выказываютъ слѣды болѣе бѣдственной и скудной жизни, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ становятся такими же дерзкими и еще болѣе вѣроломными, на Килиманджаро, на Меру въ верхнемъ Арушѣ, въ бо̀льшихъ количествахъ на Баринго въ Лейкипіи, въ области Гуассо Нгишу, подъ именемъ вакикуйевъ и бургенеджей. Это — сѣверные родичи масаевъ, кочующіе въ области Самбуру, къ востоку отъ озера Рудольфа, до 5° с. ш., и связанные извѣстнымъ образомъ съ барава-сомаліями; отъ нихъ они заимствовали грубую ткань изъ овечьей шерсти для своихъ плащеобразныхъ накидокъ, а женщины ихъ, такъ же, какъ и у масаевъ, носятъ кожаные плащи.

Группа неимущихъ членовъ этого племени, подъ именемъ Эльмоло, занимается рыбной ловлей въ озерѣ Рудольфа, и многочисленныхъ женщинъ бургенеджей можно найти въ добровольномъ рабствѣ у сосѣднихъ племенъ. И суки, живущіе между 0° 50′ и 1° 50′ с. ш. въ области того же имени, и сосѣдніе нанди и камассіи (камассія) принадлежатъ къ группѣ масаевъ, и между ними также встрѣчаются скотоводы и осѣдлые. Одежда ихъ (изъ кожи) кажется болѣе бѣдною; у нихъ замѣчается просверливаніе нижней губы, въ которой они носятъ мѣдныя пластинки, длиною въ 15 см., въ краяхъ ушей ихъ торчитъ мѣдная проволока, волосы ихъ склеиваются глиной и носятся въ видѣ естественной сѣтки изъ волосъ; среди прочаго оружія выдается ручное кольцо съ лезвіями вродѣ ножей: все это напоминаетъ нильскіе народы, кочующіе и живущіе къ сѣверо-западу отсюда. Наконецъ, къ нимъ примыкаютъ обитающіе къ западу отъ озера Рудольфа до 5° с. ш. турканасы (туркана̀), или эльгумы, появившіеся въ своихъ нынѣшнихъ мѣстообитаніяхъ съ запада лѣтъ около 60 тому назадъ; это — рѣзко выраженный негрскій народъ, у котораго совпаденіе съ негрскими племенами, проявляющееся уже у суковъ, сходныхъ въ физическомъ отношеніи съ масаями, доходитъ до такой степени, что ихъ хочется отнести вполнѣ къ баріямъ или, еще болѣе, къ шуліямъ. Болѣе сильное и широкое строеніе, болѣе темный цвѣтъ, шерстистые волосы, торчащее украшеніе изъ желѣзной проволоки на шеѣ, привѣшанная къ нижней губѣ мѣдная пластинка, головныя покрышки изъ сбитыхъ войлокомъ человѣческихъ волосъ, украшенныхъ каури, кожаный браслетъ на верхней части руки, украшенный иногда коровьимъ хвостомъ, головная скамейка, которую они повсюду носятъ съ собою, и отсутствіе лука — все это признаки негровъ съ верхняго Нила. Но они отличаются отъ послѣднихъ несовершенствомъ своихъ жилищъ, представляющихъ нѣсколько сучьевъ, воткнутыхъ въ землю. Въ ихъ стадахъ мы уже находимъ верблюдовъ въ довольно большомъ числѣ. Совершенно сходны съ ними живущіе западнѣе карамойосы (карамойò) и живущіе къ сѣверу дòньоры (дòньоро), женщины которыхъ вставляютъ въ нижнюю губу большіе куски бычачьяго рога, что̀ придаетъ имъ отталкивающій видъ. Начиная отъ турканасовъ, стеклянныя бусы становятся рѣдкими и замѣняются бусами изъ скорлупы страусовыхъ яицъ.

Наиболѣе западныя вѣтви галласовъ въ экваторіальной области, которыя мы называемъ общимъ именемъ вагумовъ (вагума), пріобрѣли особое значеніе господствомъ надъ богатыми странами и даровитыми негрскими народами въ области озеръ, служащихъ истоками Нила. Мы опять коснемся ихъ тамъ, а здѣсь только взглянемъ на нихъ въ связи

съ ихъ ближайшими родичами. Въ ихъ географическомъ положеніи, физическомъ строеніи, характерѣ и образѣ жизни ясно замѣчается связь съ галласами, которая, несмотря на недостающую до сихъ поръ лингвистическую подкладку, бросалась въ глаза всѣмъ наблюдателямъ, отъ Спика до Эмина паши и Баумана. Часто приходится слышать о противоположности этихъ расъ, болѣе свѣтлокожихъ и болѣе благороднаго строенія, съ одной стороны, и негровъ, надъ которыми онѣ господствуютъ, съ другой. „Мы почувствовали и увидали тотчасъ же“, говорилъ уже Спикъ, описывая свое первое вступленіе въ хижину Руманики, замѣнявшую дворецъ. „что мы находились въ присутствіи людей въ высшей степени несходныхъ съ обыкновенными классами туземцевъ въ сосѣднихъ округахъ. У нихъ были красивыя, овальныя лица, большіе глаза и высокіе носы; казалось, въ ихъ жилахъ течетъ лучшая кровь Абиссиніи.“ Именно, населеніе Карагве заключаетъ въ себѣ чисто негрскіе элементы, и его оживленность и шумность рѣзко отличались отъ сдержанности (Спикъ называетъ ее флегматичностью) вагумовъ. Замѣчательно, что сами вагумы не придаютъ главнаго значенія своей свѣтлой кожѣ, узкимъ лицамъ, прямымъ носамъ и пр., но съ аристократической причудливостью считаютъ расовымъ и сословнымъ признакомъ лишь большія, далеко отстоящія уши. Повсюду замѣчаемое, отличительное для женщинъ болѣе свѣтлое окрашиваніе кожи является здѣсь, повидимому, болѣе, чѣмъ соціальнымъ признакомъ, такъ какъ темная масса населенія стремится имѣть женъ съ свѣтлой окраской. Гаремъ Мтезы заключалъ самыхъ красивыхъ свѣтлыхъ вагумокъ, и Уильсонъ подтверждаетъ, что начальники вагандовъ предпочтительно выбирали себѣ женъ изъ числа вагумокъ. Всего болѣе желательными считались женщины племенъ Тору, Нколе и Руанда, проникшихъ всего далѣе на западъ, какъ самыя свѣтлыя и стройныя. У вагумовъ женщины занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ у негровъ, и бережно охраняются мужьями, что́, конечно, должно было затруднять смѣшеніе. Масса вагандовъ и теперь еще не была бы настоящимъ негрскимъ племенемъ, съ „темно-шоколаднымъ цвѣтомъ кожи и короткими шерстистыми волосами“, если бы оба народа, въ качествѣ земледѣльцевъ и пастуховъ, покоренныхъ и покорителей, презираемыхъ и почитаемыхъ, не стояли въ рѣзкой противоположности другъ къ другу, несмотря на отношенія, связывающія ихъ высшіе классы. Въ этомъ изолированномъ положеніи они представляютъ типичное явленіе, которое вездѣ легко отличить. Даже и тогда, когда Стэнли не могъ обозначить съ точностью своеобразный молочный сосудъ Кавалли (см. рис. выше), какъ молочный сосудъ вагумовъ, достаточно было присутствія кочевыхъ пастуховъ со стадами рогатаго скота и господствующимъ положеніемъ въ странѣ, чтобы сходство этихъ пастуховъ въ странѣ къ западу отъ озера Альберта съ вагумами на восточномъ берегу оказалось внѣ всякаго сомнѣнія. „Правда, они живутъ въ странѣ вавировъ, но не въ ихъ деревняхъ, обмѣниваютъ произведенія своихъ стадъ на хлѣбъ и овощи земледѣльцевъ, но отдаютъ своихъ дочерей только прирожденному мгумѣ“. То есть, мы видимъ здѣсь такое же отношеніе, какъ въ

Молочный сосудъ Кавалли, начальника западныхъ вагумовъ. (По Стэнли.) См. текстъ, стр. 190.

Угандѣ, Уньоро и пр., что̀ видно также изъ жалобы начальника ва̀вировъ на высокомѣрное обращеніе этихъ вагумовъ.

Собственныя преданія вагумовъ и зачатки исторіи Уганды и Уньоро, извѣстные намъ, черезъ всѣ баснословныя видоизмѣненія темы показываютъ, что предположеніе происхожденія отъ свѣтлокожихъ людей столь же постоянно въ этихъ преданіяхъ, какъ и происхожденіе съ сѣвера, сѣверо-востока или востока. Это не исключаетъ, конечно, странныхъ уклоненій въ этихъ преданіяхъ. Въ семьѣ властителей Уньоро господствуетъ убѣжденіе, что ихъ предки были наполовину бѣлые, наполовину черные, и что Африка нѣкогда принадлежала бѣлымъ; они считаютъ себя остаткомъ этихъ бѣлыхъ. Поэтому они думали, когда первые европейцы, Спикъ и Грантъ, приближались къ Уньоро, что это были бѣлые, желавшіе вновь завладѣть страною; тому же вѣрованію Бауманъ обязанъ тріумфальнымъ вступленіемъ своимъ въ Урунди. Замѣчательно также, что властители Уньоро называютъ себя „вавиту“, то есть людьми изъ страны Виту, которую они предполагаютъ на сѣверѣ. Эминъ паша слышалъ также въ Уньоро слѣдующій разсказъ объ исторіи этихъ странъ: „Уньоро нѣкогда составляла вмѣстѣ съ Угандой, Усогой, Удду и Карагве большую страну, въ которой обитали вичвезіи. Тогда съ сѣверо-востока пришли въ большомъ числѣ свѣтлокожіе люди, людоѣды (валіабанту); когда они переправились черезъ Нилъ, вичвезіи бѣжали. Въ мѣстности Матьюмэ, которое и теперь еще можно найти къ юго-востоку отъ Мруди, пришельцы собрались и раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна проникла въ Уганду, а другая въ Уньоро. Остатокъ вичвезіевъ былъ обращенъ въ рабство. Пришельцы называли себя вавиту (люди изъ Виту), между тѣмъ, какъ туземцы называли ихъ также вагума (люди съ сѣвера), въ Угандѣ — валинди, въ Карагве — вагинда. Они были пастухи, и остались ими до сихъ поръ, а вичвезіи были, какъ тогда, такъ и теперь, земледѣльцами. Тамъ, гдѣ пришельцы воздерживались отъ смѣшенія, они и теперь еще бѣлые, а тамъ, гдѣ они смѣшивались съ вичвезіями, произошла свѣтлокожая смѣшанная раса, теперь еще по преимуществу встрѣчающаяся въ этихъ странахъ; чистые вичвезіи, цвѣтъ которыхъ совершенно черный, и въ настояще время ходятъ по всей странѣ въ качествѣ странствующихъ пѣвцовъ и колдуновъ. Названіе вичвези въ Уньоро до сихъ поръ еще имѣетъ одинаковое значеніе съ крѣпостнымъ.“

По аналогіи историческихъ народныхъ движеній въ сосѣднихъ областяхъ галласовъ и ихъ родичей, мы можемъ предположить, что воинственные пастушескіе народы восточно-африканскаго плоскогорья изъ своихъ мѣстообитаній совершали походы, съ цѣлью грабежа и похищенія невольниковъ, общеупотребительные у всѣхъ воинственныхъ африканцевъ, къ западу, югу и сѣверу, и что при этомъ болѣе молодые и предпріимчивые члены семействъ властителей отдѣлялись отъ родного племени и основывали собственныя царства. Мы можемъ допустить, вмѣстѣ съ Спикомъ, что сперва галласы возникли непосредственно къ югу отъ абиссинцевъ, а затѣмъ сомаліи, причемъ самая южная вѣтвь распространилась до Джуба, но отступила, при нападеніи на Момбасъ, внутрь страны, перешла тамъ черезъ Нилъ и спустилась въ богатыя пастбища Большой Ніанцы. Тамъ были покорены земледѣльческіе туземцы и было основано большое царство Киттара, которое распалось вскорѣ на нынѣшнія царства вагумовъ. Быть можетъ, въ послѣднія десятилѣтія произошло новое распространеніе ихъ къ западу и къ югу. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ свидѣтельства о проникновеніи изъ Уньоро и распространеніи языка киньоро до Узиньи и Руанды. То же самое говорятъ и преданія. Одно изъ царствъ, происшедшихъ отъ Уньоро, повидимому, простиралось отъ Усуи до Руанды еще на памяти нынѣ живущихъ людей. Вагумы въ странахъ къ западу отъ озера Альберта походятъ во всѣхъ частностяхъ на уньорскихъ вагумовъ.

Тамошніе вагумы, какъ говорятъ, вышли со своими стадами еще нѣсколько поколѣній тому назадъ изъ страны Уньоро. Они сами и ихъ стада подвергались постояннымъ измѣненіямъ, благодаря войнѣ и грабежу. На пространствѣ 50 кв. миль Эминъ паша исчисляетъ количество рогатаго скота въ четыре тысячи. Начальникъ Кавалли, напримѣръ, въ то время, когда у него находился Стэнли, имѣлъ только 80 штукъ скота. Показаніе начальниковъ вагумовъ, будто ихъ подданные земледѣльцы и ихъ сосѣди, негрскій народъ вавиры, лишь послѣ нихъ и съ ихъ разрѣшенія переселились сюда, не заслуживаетъ вниманія. То, что большія передвиженія продолжаются и до сихъ поръ, мы можемъ заключить изъ замѣчанія Стэнли относительно равнины между Русесе и Катвэ, у южнаго подножія Рувенсори: безмолвіе этой равнины есть послѣдствіе выселенія племени въ большомъ размѣрѣ. Слухъ о существованіи бѣлыхъ людей въ горахъ Гамбаррагары въ своей основѣ имѣетъ, безъ сомнѣнія, этихъ свѣтло-бурыхъ пастуховъ. Распространеніе вагумовъ къ югу еще не вполнѣ установлено, такъ какъ сходство ихъ, въ отношеніи образа жизни, съ масаями затрудняетъ болѣе точныя опредѣленія. Узиндья, самое южное изъ царствъ, основанныхъ вагумами, достигающее почти 3° южной широты, еще вовсе не составляетъ южную границу этого народа. Ватузіи въ Угѣ на Танганьикѣ, которые пасутъ свои стада въ Уньямвези и, въ качествѣ пастуховъ, служатъ арабамъ Таборы, несомнѣнно вагумы. Если ихъ народное имя подверглось измѣненію, то они все-таки, какъ въ Карагве, называютъ своихъ властителей вагиндами. Точно такъ же вапоки изъ Фипы, на озерѣ Ривва, причисляются къ вагумамъ. Населеніе на югѣ тамъ вполнѣ походитъ на ваньямвезіевъ, а на гористомъ сѣверѣ оно сильнѣе и дѣятельнѣе. Оно управляется двумя вагумскими начальниками, и кочевые скотоводы того же племени передвигаются по всей странѣ. Но мелкіе начальники ихъ — потомки тѣхъ, кто царствовали здѣсь до вторженія вагумовъ. Въ Уньоро Спикъ узналъ впервые отъ вагумовъ о существованіи на востокѣ этой страны племени, которое питается только мясомъ и молокомъ. Это указываетъ на ланговъ или сосѣдніе съ ними народы.

Характерную часть одежды вагумовъ составляетъ черная дубленая кожа рогатаго скота; кромѣ того, они носятъ многочисленныя кольца на голени, браслеты изъ желтой или красной мѣди и нѣсколько амулетовъ. Женщины даже на западѣ носили плащи, составленные изъ ромбическихъ кусочковъ шкуры, и, кромѣ того, кусокъ матеріи изъ коры на головѣ; болѣе полное одѣяніе вагандовъ и ближайшихъ къ нимъ племенъ (см. т. I, стр. 93), по всѣмъ вѣроятіямъ, должно быть приписано ихъ вліянію. Даже и пастухи вооружены копьями во время пастьбы скота. Вагумы во многомъ слѣдуютъ мѣстнымъ обычаямъ. Такъ, въ Уньоро они выбиваютъ нижніе рѣзцы и не дѣлаютъ этого въ Угандѣ и Карагве. Въ Уньоро они употребляютъ на войнѣ только копье, а въ Карагве отличаются искусствомъ стрѣльбы изъ лука, достигающаго размѣровъ до 2 метровъ; въ Уньоро встрѣчаются луки формы верхняго Нила. На сваяхъ, служившихъ подпорками хижины брата короля, Спикъ видѣлъ цѣлую коллекцію висѣвшихъ тамъ луковъ, въ величину человѣческаго роста, и среди нихъ пучки копій съ наконечниками изъ желѣза или руды (мѣди?), на подобіе ассагаевъ.

Произведенія земледѣлія и промышленности, по большей части, вымѣниваются у осѣдлыхъ сосѣдей. Впрочемъ, и утварь самихъ вагумовъ (см. рис., стр. 188) выказываетъ извѣстное искусство въ рѣзьбѣ по дереву. Обработка металловъ у нихъ, повидимому, не въ употребленіи и ни къ чему не примѣняется, за исключеніемъ ихъ превосходныхъ, большихъ желѣзныхъ наконечниковъ копій, снабженныхъ желобкомъ для стока крови. На западѣ оригинальные серпообразные ножи они заимствовали отъ негровъ. Одностороннее, почти страстное отношеніе къ скотоводству (порода ихъ рогатаго скота

есть порода санга, см. рис., стр. 175), по сущности и формѣ, таково же, какъ у галласовъ. Въ Угандѣ и Уньоро оно также тѣсно сплетается съ высшими интересами государства. Руманика обладалъ знаменитымъ стадомъ рогатаго скота, исчислявшимся тысячами головъ, на рѣкѣ Китангуле, молоко котораго служило главной пищей; Спикъ рисуетъ оригинальную семейную картину изъ жизни знатныхъ лицъ въ Карагве, при своемъ посѣщеніи одного изъ старшихъ братьевъ Руманики, какъ тотъ, въ качествѣ заботливаго отца, съ прутомъ въ рукахъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы его 16-тилѣтняя дочь (съ пріятными чертами лица, но съ тѣломъ круглымъ, какъ шаръ) достаточно напилась молока. Во многихъ отношеніяхъ вагумы тамъ, гдѣ они находятся въ меньшинствѣ, какъ здѣсь въ негрскихъ странахъ, примыкаютъ къ мѣстнымъ обычаямъ, но менѣе всего нечистотою жилищъ, связанною съ ихъ положеніемъ пастуховъ. Опрятность и порядокъ соблюдаются въ Угандѣ прежде всего. Описаніе Эмина жилища вагума: „высокая ограда изъ терновника окружаетъ множество полукруглыхъ хижинъ для людей и скота; кругомъ все грязно, но внутренность хижинъ содержится въ большой чистотѣ“, — вполнѣ напоминаетъ хижины альпійскихъ пастуховъ. Даже хижины начальниковъ напоминаютъ тамъ другія хижины и отличаются только величиною и нѣсколько бо̀льшимъ количествомъ содержащагося въ нихъ оружія. Для временныхъ стоянокъ служитъ кожа, натянутая на деревянные колья. Какъ пастухи, они, естественно, отличаются всего болѣе способомъ питанія. Молоко составляетъ главную пищу, а коровье масло употребляется для натиранія тѣла. Потребленіе пива и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ внутри материка, такъ значительно, что во многихъ странахъ пьянство составляетъ общее и частое явленіе. Король пользуется болѣе крѣпкимъ пивомъ, чѣмъ его подданные, и угощаетъ имъ своихъ гостей. Въ то же время предписаніе, въ силу котораго кабрега въ Уньоро долженъ ѣсть только мясо темнобурыхъ телятъ съ бѣлой звѣздочкой на лбу, показываетъ, что онъ все-таки остается пастушескимъ царемъ.

---

6. Разсѣянныя негрскія племена восточной Африки.

„Осколки съ наковальни народовъ.“

* * *

Содержаніе: Вторженіе зулусообразныхъ народовъ въ области Замбези и Ньяссы и раздробленіе осѣдлыхъ негровъ. — Мангандже. Пелеле. Земледѣліе. Поселенія. Политическая раздробленность. Племена на нижнемъ Замбези, соприкасающіяся съ португальцами. — Племена германской восточной Африки. Народы, разоренные масаями и ихъ союзниками. — Арабскія вліянія на морскомъ берегу: суагеліи, вангваны и вамримы.

Прошло не болѣе столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ страшные передовые отряды зулусовъ начали приводить въ смятеніе восточную часть южной Африки. Эти удары не были первыми, но спокойная работа культуры вновь создавала мирныя и относительно удобныя условія существованія. Когда Шпильбергъ въ 1602 г. посѣтилъ Софалу, онъ нашелъ тамъ негровъ, вооруженныхъ луками; оружіемъ зулусовъ служили копья. Гораздо южнѣе Саби выдвигались первые форпосты спокойнаго и трудолюбиваго населенія, для котораго обработка полей не была побочнымъ дѣломъ: это были племена Тонга страны Газы. Они и теперь еще живутъ въ своей прежней родинѣ, но въ разсѣянномъ видѣ или въ подчиненіи у небольшого числа воинственныхъ зулусовъ. Той же участи подверглась вмѣстѣ съ ними бо̀льшая часть народовъ на нижнемъ Замбези и Ньяссѣ, которые до послѣднихъ лѣтъ, до образованія бечуанскаго царства Баротсе, представляли крайнюю политическую раздробленность. Въ замѣчательномъ договорѣ между Англіей и королемъ Капеллой въ Тембѣ въ 1823 г. было съ точностью

обозначено, что на одной кв. милѣ (легуа) не должно быть болѣе одного начальника. Соединяя всѣ эти племена въ особую группу и отдѣляя ихъ отъ западныхъ племенъ Замбези, мы дѣлаемъ это потому, что у послѣднихъ уже въ прежнее время происходили смѣшенія между земледѣльцами и завоевателями, которыя должны были приводить къ возникновенію большихъ и до извѣстной степени прочныхъ государственныхъ образованій; на востокѣ, напротивъ, все находится въ броженіи, изъ котораго могутъ выработаться упорядоченныя условія лишь съ помощью европейскихъ колоніальныхъ властей.

Самыя южныя жертвы зулусовъ, тонги (тонга), представляющіе вмѣстѣ отъ 30 до 40 тысячъ душъ, вслѣдствіе этого раздробленія и своего мирнаго характера, явились для зулусовъ легкой добычей, когда они около 60 лѣтъ тому назадъ вторглись въ Газаландъ. Это новое владычество было всего пагубнѣе для цвѣтущаго скотоводства тонговъ, которое неудержимо возбуждало алчность завоевателей; нѣкоторыя племена разводятъ теперь собакъ вмѣсто рогатаго скота. Въ томъ, что мы дѣйствительно здѣсь имѣемъ дѣло съ народомъ, который всѣмъ своимъ образомъ жизни существенно отличается отъ кафровъ, насъ убѣждаетъ слѣдующее: тонги — самый южный народъ, у котораго можно найти одежду изъ древесной коры, какую мы вновь встрѣчаемъ на сѣверѣ почти у всѣхъ земледѣльцевъ восточной Африки. Въ особенности эта одежда (а также и языкъ) указываетъ на культурное родство съ болѣе крупнымъ народомъ манганджей.

Манганджи (манганджа), или ваньясы (ваньяса), образуютъ нѣсколько племенъ на озерѣ Ширвѣ и на южномъ и западномъ берегу Ньяссы. Ихъ политическая сила и экономическое процвѣтаніе были уничтожены, главнымъ образомъ, завоевательными походами зулусовъ (здѣсь мазитовъ). Въ прежнее время, разсказываетъ Ливингстонъ, всѣ манганджи были соединены, подъ властью ихъ главнаго начальника Унди, отъ озера Ширвы до рѣки Лоангвы. Согласно преданію, они пришли съ запада или сѣверо-запада, на что, повидимому, указываетъ и ихъ имя „марави“, что̀ на ихъ языкѣ означаетъ сѣверо-западъ. Въ лингвистическомъ отношеніи они принадлежатъ къ одной группѣ съ тонгами и магинджами. Это — темнокожій народъ, повидимому, болѣе темный въ прибрежной низинѣ Ньяссы, чѣмъ на окружающихъ плоскихъ возвышенностяхъ, и хорошо сложенный. Ливингстонъ указываетъ у нѣкоторыхъ настоящій греческій профиль. Они мало воинственны, трудолюбивы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ племенъ низины на Ньяссѣ), искусны въ земледѣліи и ремеслахъ и извѣстны своей церемоніальной вѣжливостью. Манганджи пользуются одинаковымъ презрѣніемъ мазитовъ и арабовъ. Кромѣ мужества и чувства самостоятельности, во многихъ мѣстахъ, подъ давленіемъ завоеванія, они утратили и хозяйственную энергію (см. стр. 144).

Области обитанія манганджей тянутся въ настоящее время по лѣвому берегу Замбези, отъ устья Шире къ сѣверу, почти до 12° с. ш. Въ долинѣ Шире и его притоковъ, около озера Ширвы и затѣмъ на западномъ берегу Ньяссы, они живутъ въ качествѣ старѣйшихъ изъ нынѣшнихъ обитателей. Болѣе крупныя племенныя дѣленія представляютъ настоящіе манганджи на югѣ, маравіи на юго-западѣ, по ту сторону Киркскихъ горъ, малимбы (малимба) и матумбоки (матумбока), на западномъ берегу Ньяссы, и мачевы (мачева), къ западу отъ послѣднихъ до Лоангве и къ югу до Замбези. Извнѣ въ эти мѣстообитанія съ востока и юго-востока проникли вайяи (ваяйо), съ юга — баньяйи и съ сѣвера — бабизы (бабиза), и отчасти сдѣлались осѣдлыми, отчасти же, какъ большинство вайяевъ, завладѣли, въ качествѣ номадовъ, частью страны. Когда Ливингстонъ впервые прибылъ въ эту область, манганджи, почти еще въ несмѣшанномъ видѣ, жили только на плоской возвышенной Децы, приблизительно между 14 и 15° ю. ш. Мачевы держались почти въ независимомъ положеніи на югѣ и

на западѣ своей прежней области; около Казунгу, въ 4 дняхъ пути къ западу отъ южнаго конца Ньяссы, они были особенно многочисленны. Всѣ эти народы, вмѣстѣ съ болѣе южными макуями, въ новѣйшее время называются общимъ географическимъ обозначеніемъ ваньясовъ.

Манганджи одѣваются въ шкуры, по бо́льшей части, козьи, которыя обертываются вокругъ бедръ, а женщины ихъ — въ ткань изъ хлопка, или буаце, собственнаго приготовленія, которою они покрываютъ себя, начиная отъ груди, со времени же появленія торговли невольниками — въ бумажныя ткани европейскаго производства; въ большомъ употребленіи здѣсь и матеріи изъ коры. Мужчины особенно гордятся своими прическами, разнообразіе которыхъ заслуживаетъ удивленія. Въ этихъ прическахъ всего охотнѣе воспроизводятся буйволовые рога по обѣимъ сторонамъ головы, лучи, скрѣпляемые длинными, гибкими полосами коры, расходящіеся во всѣ стороны, длинныя косички, ниспадающія на спину, и т. д. Нѣкоторые удлиняютъ свои волосы, вплетая въ нихъ кору или лубъ, другіе гладко выбриваютъ ихъ, а у иныхъ племенъ выше Тете мы находимъ даже черные парики изъ ифе (Sanseviera). Приближаясь съ юга, мы здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ пелеле, или губное кольцо, которое, въ видѣ деревяннаго кольца, съ вставленной въ него оловянной чашечкой съ діаметромъ, доходящимъ до 6 см., носятъ въ верхней губѣ. Женщина никогда не показывается публично безъ пелеле, за исключеніемъ времени траура по умершемъ. На Ровумѣ это странное украшеніе мы встрѣчаемъ и у мужчинъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дополненіемъ кольца верхней губы служитъ цилиндрическое остріе, втыкаемое въ нижнюю губу у самой десны. Кольца въ верхней и нижней губѣ встрѣчаются и у племенъ вблизи Цумбо, на Замбези. Въ нѣкоторыхъ странахъ уже много лѣтъ тому назадъ примѣръ вайяевъ заставилъ исчезнуть губное украшеніе. Кромѣ того, манганджи носятъ до сихъ поръ желѣзныя или мѣдныя кольца на шеѣ, рукахъ и ногахъ. Одно племя на Луйѣ носитъ единственную мѣдную серьгу, отъ 6 до 10 см. въ діаметрѣ, на подобіе египтянъ. Тамъ часто можно видѣть длинные рубцы татуировки. У мужчинъ и женщинъ встрѣчаются короткія поперечныя линіи надъ самымъ носомъ, на лбу и на щекахъ. Отдѣльныя племена татуируются остроугольными фигурами, различными у разныхъ племенъ, отъ головы до ногъ; другія покрываютъ себѣ все лицо, и въ особенности носъ, бородавкообразными рубцами. Нѣкоторые такъ подпиливаютъ верхніе передніе зубы, что они напоминаютъ зубы крокодила; другіе вырѣзываютъ ихъ, съ помощью кремней, въ видѣ полумѣсяца; третьи выбиваютъ въ нихъ треугольные промежутки. Нужны крѣпкіе зубы негровъ, чтобы, при такомъ уродованіи, сохранить ихъ въ такомъ здоровомъ видѣ, чтобы къ нимъ, когда они постепенно сотрутся до самаго корня, можно было примѣнить поговорку относительно стариковъ: „онъ жилъ такъ долго, что зубы и десны у него сравнялись“.

Такъ какъ манганджи въ этническомъ дуализмѣ, рѣзко выступающемъ именно въ ихъ мѣстахъ обитанія, представляютъ осѣдлый, мирный и страдательный элементъ, оружіе въ практическомъ смыслѣ не играетъ у нихъ большой роли; но, будучи искусными кузнецами, они въ настоящихъ областяхъ желѣза снабжены оружіемъ гораздо больше, чѣмъ ихъ болѣе воинственные, кочевые сосѣди. Главное оружіе и у этихъ народовъ составляютъ копья, луки и стрѣлы и, кромѣ того, изящно украшенные ножи. Копья ихъ, такъ же, какъ у народовъ Замбези, отличаются тяжестью, вслѣдствіе того, что наконечники ихъ состоятъ изъ большихъ, многогранныхъ клинковъ, и древки охвачены желѣзными кольцами. Луки ихъ принадлежатъ къ простымъ, восточно-африканскимъ формамъ и достигаютъ двухъ метровъ высоты. Нѣкоторыя племена возбуждаютъ страхъ отравленными, зазубренными стрѣлами; къ нимъ принадлежатъ обитатели Ширэ, по близости

Момбы. Манганджи въ прежнее время показывались не иначе, какъ съ лукомъ и стрѣлами.

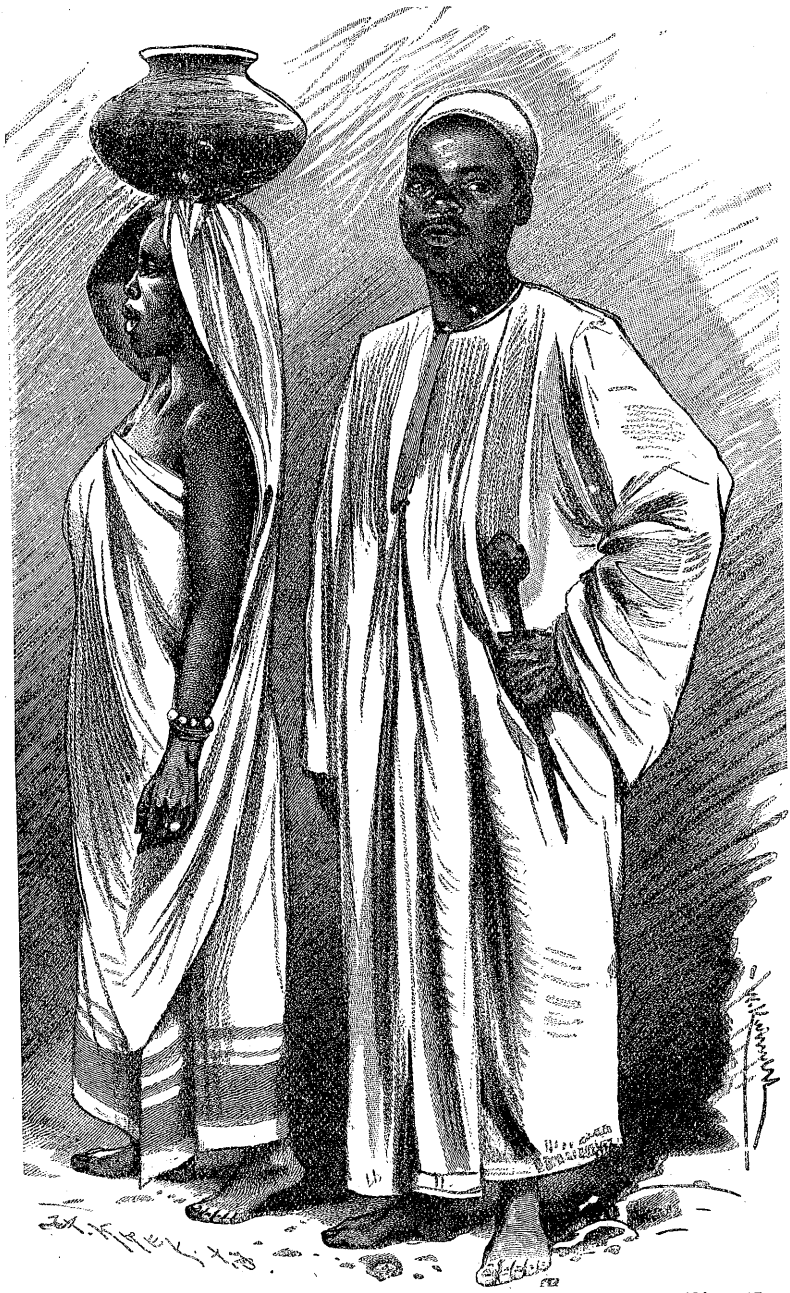
Манганджи, какъ земледѣльцы, занимаютъ одно изъ передовыхъ мѣстъ среди народовъ внутренней Африки. На ихъ способности и склонности къ земледѣлію основываются надежды на благопріятное развитіе плоскихъ возвышенностей на Ньяссѣ, Кафуе и Лоангвѣ, которыя могутъ быть доступны и для бѣлыхъ. Окрестности англійскаго поселенія Блэнтайръ на Ньяссѣ, съ тѣхъ поръ, какъ для негровъ явилась возможность спокойнаго труда, производятъ пріятное впечатлѣніе полей европейской деревни. Манганджи чрезвычайно привержены къ своему участку земли, вслѣдствіе чего путешественники жалуются на ихъ крайне недостаточное знаніе проѣзжихъ дорогъ. Всѣ жители деревни выходятъ вмѣстѣ на полевыя работы, и тамъ часто можно видѣть мужчинъ, женщинъ и дѣтей, занятыхъ дѣломъ, между тѣмъ, какъ грудныя дѣти, одинъ около другого, лежатъ подъ тѣнью куста; нерѣдко односельчане работаютъ всѣмъ своимъ составомъ на полѣ третьяго лица или начальника за угощеніе пивомъ. Когда пріѣзжаетъ кто-нибудь чужой, начальника зовутъ домой съ полевой работы. Ливингстонъ находилъ на западномъ берегу Ньяссы въ первобытномъ лѣсу расчищенныя мѣста, занимавшія отъ двухъ до трехъ кв. километровъ. Даже сосѣдство страшныхъ мазитовъ не отвлекаетъ отъ работы трудолюбивыхъ мачевовъ; они разставляютъ стражу въ то время, когда обрабатываютъ въ долинахъ свои плантаціи, готовые при первомъ предостерегающемъ крикѣ бѣжать въ горы, въ свои укрѣпленныя деревни. Приближаясь съ юга, здѣсь въ первый разъ приходится видѣть воздѣлываніе хлопчатника. Ливингстонъ, видѣлъ поля, занятыя этимъ растеніемъ въ $1^1/_2$ моргена, и, по его словамъ каждая зажиточная семья владѣетъ участкомъ хлопковаго поля. Въ области Ширэ въ мирныя времена едва ли можно найти деревню, гдѣ нѣсколько человѣкъ не занимались бы очисткой, пряжей и тканьемъ хлопка. Впрочемъ, со времени распространенія торговли рабами въ области Ньяссы и Ровумы, вдоль торговыхъ путей воздѣлываніе хлопка сдѣлало шагъ назадъ такъ какъ арабы наводнили страну дешевыми тканями. Извѣстную изобрѣтательность обнаруживаютъ обитатели долины Ширэ: они обрабатываютъ маисъ въ глубокомъ илѣ, причемъ сперва въ каждую ямку всыпаютъ песокъ, кладутъ туда сѣмена и опять прикрываютъ ихъ пескомъ. Въ сухое время можно видѣть, какъ женщины поливаютъ плантаціи изъ тыквенныхъ сосудовъ, и мужчины настолько обрѣзаютъ вѣтви тѣнистыхъ деревьевъ на поляхъ, что они немного отнимаютъ свѣта отъ растеній. При первомъ взглядѣ на поля въ области Ширэ, епископъ Мекензи высказалъ: „я думалъ въ Англіи, что я, между прочимъ, могу научить этихъ людей полевому хозяйству, но теперь я вижу, что они понимаютъ въ немъ гораздо больше, чѣмъ я“. Нѣтъ возможности удержать носильщиковъ или проводниковъ изъ этого народа, какъ только выпадутъ первыя капли дождливаго времени (въ концѣ октября), такъ какъ въ это время они должны обрабатывать свои плантаціи. Нѣкоторые изъ нихъ проходятъ по странѣ вдоль и поперекъ, отыскивая дикій медъ, причемъ часто руководителемъ имъ служитъ медовая птица. Другіе собираютъ въ лѣсу длинные, крѣпкіе отпрыски куста Securidaca longepedunculata, изъ которыхъ добывается волокно буаце; преимущественно женщины прядутъ его и приготовляютъ изъ него грубую ткань, употребляемую для одежды. Изъ коры дикой смоковницы они приготовляютъ матерію, а изъ ея сока — каучукъ. Подчиненіе мазитамъ привело для манганджей потерю большей части ихъ стадъ. Они вовсе не доятъ коровъ, потому что молоко не употребляютъ въ пищу. Они не ѣдятъ и яицъ, и поэтому мало держатъ куръ. Но у племени матумбоковъ, отличающемся отъ нихъ во многихъ отношеніяхъ, часто встрѣчаются куры и голуби, похожіе на египетскихъ. Вмѣстѣ съ чер-

ными курдючными овцами манганджи держатъ и козъ. Настоящими скотоводами ихъ страны являются тѣ, кому они подчинены. Охота также доставляетъ имъ немного, но они не разборчивы въ пищѣ и въ голодное время ѣдятъ даже во множествѣ мышей. Мужчины пьютъ много пива, приготовленіе котораго лежитъ на обязанности женщинъ. Быстрое броженіе понуждаетъ къ скорому истребленію его. Въ сезонъ пальмоваго вина цѣлыя семьи отправляются въ лѣсъ, чтобы провести „осень“ подъ своими пальмами. Манганджи добываютъ соли гораздо болѣе, чѣмъ нужно для удовлетворенія ихъ потребностей, въ соляныхъ болотахъ Ширэ, гдѣ цѣлыя племена поселяются временно для выщелачиванія ила. Цѣлыя флотиліи выдолбленныхъ лодокъ занимаются рыбной ловлей, и въ особенности жители Ньяссы отличаются искусствомъ судостроенія. Сушеная рыба имѣетъ большое распространеніе, какъ предметъ торговли. Ливингстонъ пожелалъ однажды купить рыбы въ одной изъ бухтъ Ньяссы и обращался ко многимъ рыбакамъ во время лова, но всѣ они отправляли его къ владѣльцамъ, которымъ принадлежала рыба.

Деревни манганджей ограждены столбообразными молочаями (молочаи препятствуютъ росту травы и противятся огню), бамбуками или дикими смоковницами; онѣ обыкновенно не велики и тамъ, гдѣ война не слишкомъ разрѣдила населеніе, лежатъ не далѣе одного километра одна отъ другой. Хижины дѣлаются круглыми. По близости Замбези пытаются строить четырехугольныя хижины съ глиняными стѣнами по португальскому образцу. Тѣнистая площадь на концѣ деревни служитъ мѣстомъ совѣщанія для ея жителей. По близости деревни отдѣляютъ обыкновенно трудно доступное или окруженное частоколомъ мѣсто, въ видѣ убѣжища на случай опасности; тамъ устраиваются и помѣщенія для запасовъ. Чаще, чѣмъ вслѣдствіе болѣзни и смерти или по причинѣ истощенія почвы, деревни покидаются ради разоренія отъ войны и переносятся въ самыя неприступныя мѣста. На Ньяссѣ встрѣчаются деревни на сваяхъ съ сотнею хижинъ на одномъ помостѣ. Ливингстонъ разсказываетъ: „когда мы ѣхали внизъ по Ширэ, мы нашли въ широкомъ поясѣ папируса, кругомъ озера Памаломбе, въ которое расширяется рѣка, нѣсколько скрытыхъ тамъ семействъ манганджей, изгнанныхъ изъ мѣстъ своего обитанія нападеніями вайяевъ. Папирусъ росъ такъ плотно, что онъ, будучи пригнутъ, могъ держать ихъ маленькія временныя хижины, хотя онъ поднимался и опускался подъ ногами, какъ тонкій ледъ. Тому, кто проѣзжалъ мимо, никогда бы не пришло въ голову, что здѣсь живутъ человѣческія существа“. Когда въ 1860 г. вайяи широкимъ потокомъ проникли къ югу, вытѣсненные манганджи разбѣжались по островамъ и болотистымъ берегамъ озера Ширвы или поселились, подъ защитою вновь появившихся тамъ макололовъ, на нижнемъ Ширэ. Побѣдоносные вайяи, въ свою очередь, были отброшены въ болотистыя земли верхняго Ширэ зулусскимъ отрядомъ, который въ 1865 г. перешелъ черезъ эту рѣку. Независимые мачевы живутъ на горахъ, между тѣмъ, какъ плантаціи ихъ находятся въ долинѣ.

Манганджи искусны и въ ремеслахъ и во множествѣ изготовляютъ для продажи мотыки, ножи и наконечники копій и стрѣлъ. Между тѣмъ, какъ они устраиваютъ плавильныя печи предпочтительно въ муравьиныхъ кучахъ, и заброшенныя печи такого рода вмѣстѣ съ кучами окалинъ часто виднѣются къ западу отъ Ньяссы, у матумбоковъ, на западномъ берегу этого озера, въ каждой третьей или четвертой деревнѣ можно найти печь, имѣющую форму бутылки, около 2 метровъ высоты, предназначенную для плавленія желѣза. Въ желѣзныхъ работахъ мачевы искуснѣе другихъ. Кузнецы часто бываютъ старшинами деревни. Пряденіе и тканье хлопка весьма распространено и на Ширэ, и на Ньяссѣ. На озерѣ Ширвѣ въ большомъ количествѣ выдѣлывается глиняная посуда съ различными украшеніями. Мѣстное населеніе искусно также и въ плетеніи водонепро-

ницаемыхъ корзинъ, циновокъ, находящихся по нѣскольку въ каждой хижинѣ, и сѣтей. Торговля этими произведеніями мѣстной промышленности была отодвинута на задній планъ торговлей рабами, которую производили португальцы на Ширэ и на Замбези, а арабы еще энергичнѣе на Ровумѣ. Въ то время, какъ войны между манганджами и вайями выродились подъ конецъ въ охоту за невольниками, причемъ первые играли страдательную роль, мѣстная торговля пала, и страна была наводнена европейскими товарами. Оживленную, самостоятельную торговую дѣятельность проявляютъ женщины западныхъ манганджей или базенговъ. Мѣстами замѣчаются слѣды гинекократіи и материнскаго права: даже среди ваньямвезіевъ братъ матери рѣшаетъ, какое имя должно быть дано ребенку.



Суагелiи. (Рисунокъ съ натуры, В. Куперта.) Ср. текстъ, стр. 204 и 217.

Начальники деревень являются единственными представителями политической организаціи, единственными властителями и судьями. Обыкновенно только обработанная земля признается чьей-либо собственностью, а необработанная считается ничьею; впрочемъ, маравіи на Тетэ добровольно признали право португальцевъ на извѣстные участки ихъ области, которые были давно уже пріобрѣтены ими и которыми они не пользовались. Вслѣдствіе без-

силія этихъ мелкихъ властителей, они часто скрываютъ свое званіе отъ чужеземцевъ, чтобы избѣжать ихъ требованій, а другіе вовсе не пускаютъ чужеземцевъ въ свою деревню. Манганджи — столько же преданный, сколько вѣжливый, народъ. Каждаго начальника на деревенской площади „подданные“ его привѣтствуютъ громкимъ хлопаньемъ въ ладоши. Тѣмъ не менѣе, эти властители продавали во множествѣ преданныхъ имъ людей вайямъ за два или за три локтя матеріи за каждаго. Званіе начальника переходитъ по прямому наслѣдству, и лишь въ случаяхъ сомнѣнія оно передается потомку его сестры. Часть мачевовъ, подчиненная вангонамъ, получаетъ начальниковъ отъ вангонскаго властителя, живущаго около двухъ дней пути къ югу отъ юго-западной оконечности Ньяссы.

Слова Ливингстона относительно манганджей на западномъ берегу Ньяссы, что они вообще хорошо знаютъ рѣки и притоки, но плохо знаютъ ихъ обитателей, могутъ быть примѣнены ко многимъ дикимъ народамъ, такъ какъ природа нейтральна, а люди враждебно настроены другъ противъ друга. Тѣмъ не менѣе, не многіе чувствуютъ себя въ такой степени подъ постоянной угрозой враговъ, лишенными защиты и спокойнаго жизненнаго равновѣсія, какъ эти безсильные осколки народовъ, живущіе между вторгшимися къ нимъ разбойниками и работорговцами, какъ между молотомъ и наковальней. Замѣчательно, что къ наименѣе тѣснимымъ племенамъ принадлежало племя въ долинѣ верхняго Ширэ, которое во времена Ливингстона управлялось женщиной Ньянго. Впрочемъ, женщины у манганджей вообще не лишены извѣстнаго вліянія, что̀ зависитъ отчасти отъ сравнительной малочисленности ихъ: хищническія экспедиціи и охота за невольниками по преимуществу похищаютъ женскую часть молодежи. Большинство 20,000 туземцевъ, которые, по разсчету Юнга, ежегодно выводились изъ страны около Ньяссы, состояло, главнымъ образомъ, изъ женщинъ и дѣтей.

На нижнемъ Замбези сосѣдство португальцевъ оказывало благопріятное вліяніе на туземцевъ; путешественникъ, подвигающійся съ юга, неизбѣжно приходитъ къ этому заключенію. Относительно культурными слѣдуетъ въ особенности назвать племена на Цумбо, каковы базенги и бапенди на сѣверномъ берегу, матанди къ югу отъ рѣки, между тѣмъ, какъ баленги составляютъ безпокойный элементъ населенія и еще въ 1888 г. совершили набѣгъ на Цумбо, въ количествѣ 2000 человѣкъ. На дельтѣ Замбези, напротивъ, насильственное вторженіе „культуры“ вмѣстѣ съ работорговлей оказало скорѣе разрушительное вліяніе; прежнія народныя ремесла, ткацкое и кузнечное, здѣсь почти забыты.

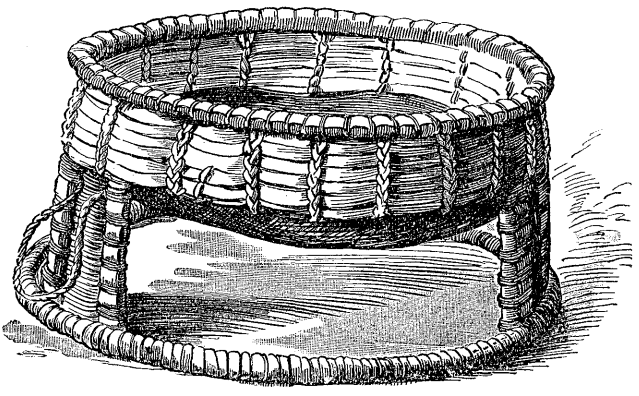
Ливингстонъ указываетъ народъ бадемовъ (бадема), живущій въ разсѣянномъ видѣ среди южныхъ манганджей. Они занимаются и земледѣліемъ, но больше рыбной ловлей, охотятся за дичью въ ущельяхъ своей страны, окруженныхъ переплетшимися баобабами, и подозрительно относятся къ чужеземцамъ. Они, повидимому, находятся въ извѣстномъ подчиненіи у манганджей, занимая такое же положеніе, какъ пигмеи внутри материка. Ближе всего стоятъ къ манганджамъ баньяи, или банабіи (банабіа), на южномъ берегу Замбези и на Умзангани, къ которымъ принадлежатъ бамбиры, чаще описываемые, какъ отдѣльное племя. Мѣста ихъ обитанія тянутся отъ устья Кафуе до Тетэ, и они связаны, въ качествѣ южнаго и западнаго отростка, со своими соплеменниками на Ньяссѣ. Къ баньямъ принадлежатъ и, такъ называемые, шидимы (шидима) у Тетэ. По всѣмъ вѣроятіямъ, къ нимъ принадлежатъ также и банайои (банайоа), живущіе въ свайныхъ хижинахъ на нижнемъ Мабабэ, платящіе дань баманґватамъ. Цвѣтъ кожи баньяевъ часто бываетъ свѣтло-бурый, и португальцы считаютъ ихъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ и сильныхъ народовъ Африки. Женщины ихъ носятъ пелеле, впрочемъ, небольшое и сдѣ-

ланное изъ олова, и выпиливаютъ отверстіе въ верхнихъ переднихъ зубахъ. Баньяи—усердные земледѣльцы, кузнецы и искатели золота. Они не лишены воинственности и, нѣкогда употребляли большіе луки, ядовитыя стрѣлы и тяжелыя копья. Хижины ихъ часто ставятся на сваяхъ. Они вполнѣ приняли языкъ машоновъ, играющій роль обиходнаго языка у сосѣднихъ племенъ. Между тѣмъ, какъ ихъ соплеменники, живущіе къ сѣверу и къ востоку, утратили всякую политическую самостоятельность, они сохранили нѣчто вродѣ республиканскаго феодализма. Начальникъ выбирается изъ потомковъ сестры умершаго начальника. Нерѣдко довольно продолжительное время между смертью послѣдняго и выборомъ новаго бываетъ временемъ беззаконія, и тогда въ особенности чужеземцы оказываются безъ всякой охраны. Новый начальникъ получаетъ все имущество прежняго, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Дѣти и родственники начальника не могутъ быть продаваемы въ рабство. Дѣти прежняго начальника часто покидаютъ родную деревню и становятся властителями на своей новой родинѣ. Главнымъ среди такихъ мелкихъ начальниковъ былъ прославившійся своимъ богатствомъ „императоръ Мономотапы", потомки котораго въ настоящее время занимаютъ мѣста мелкихъ начальниковъ католозовъ (одного изъ племенъ бамбировъ). Имя его, Мотапэ, вмѣстѣ съ словомъ моно (муэне, мана и пр.), т. е. начальникъ, составило это названіе, получившее незаслуженную извѣстность, значеніе которой можетъ быть понято, если на нее смотрѣть съ южно-африканской точки зрѣнія: такъ, Мономотапа заслонялъ собой всю внутреннюю Африку. Португальцы долго платили дань начальнику каталозовъ за право торговли въ его области и въ то же время должны были платить ее мелкимъ начальникамъ, которые безъ всякаго стѣсненія повышали ее у самаго Тетэ.

Связь между племенами, живущими на Ньяссѣ, и береговымъ населеніемъ, испытавшимъ многочисленныя смѣшенія, поддерживается племенами внутри страны Келимане, Мозамбика и Кильвы, сильно порѣдѣвшими отъ хищническихъ набѣговъ южныхъ кафровъ. Эти племена тѣсно примыкаютъ къ племенамъ Ньяссы. Мверы (мвера), повидимому, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ были гораздо далѣе, чѣмъ нынѣ, распространены къ югу, чрезъ Мазази до Ровумы. Часто повторявшіяся нападенія южныхъ сосѣдей оттѣснили ихъ такъ же, какъ распространявшихся еще далѣе макуевъ (макуа [1]), живущихъ къ югу отъ мверовъ. Правда, они гораздо многочисленнѣе, чѣмъ ихъ сѣверные сосѣди, но сила ихъ была гораздо больше нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, они все еще господствуютъ на пространствѣ въ пять градусовъ широты и долготы, на берегахъ Ровумы. На этомъ пространствѣ существуетъ нѣсколько подраздѣленій, или вѣтвей макуевъ, изъ которыхъ самые важные—восточные макуи (ломве, медо и мана), отличающіеся особою татуировкою; въ то же время имъ всѣмъ свойственны рубецъ на лбу, въ видѣ полумѣсяца, и общій языкъ, съ незначительными діалектическими различіями. Макуи были всего болѣе ослаблены въ послѣднія десятилѣтія вторженіемъ въ ихъ среду вайяевъ. Чтобы избавиться отъ гнета правительства Маканджилы, они предоставили вайямъ, искавшимъ въ небольшомъ числѣ мѣста для поселенія, часть своей земли, удерживая на нее право собственности, какъ и на ту землю, которую они предоставили англійскому миссіонерскому посту освобожденныхъ рабовъ въ Мазази; однако, вайяи хитростью и наглостью сумѣли превратиться постепенно изъ людей зависимыхъ въ властителей. Въ описаніяхъ макуевъ отмѣчается развитіе чувства семейственности и охраненіе чести ихъ женъ и дочерей. Но они нѣсколько тяжеловаты и

[1] Бродящихъ повсюду охотниковъ за слонами, которыхъ можно узнать по ихъ смѣлому взгляду, называютъ въ восточной Африкѣ также „макуа", нисколько не связывая ихъ съ одноименнымъ народомъ въ Мозамбикѣ.

слишкомъ привержены къ своей землѣ, хотя по трудолюбію не уступаютъ вайяямъ, представляющимъ полную противоположность макуямъ, такъ какъ они считаютъ своихъ женъ почти общей собственностью и, вслѣдствіе того, обладаютъ мало развитымъ чувствомъ семейственности, но въ то же время дѣятельны и подвижны. Въ управленіи ихъ нѣтъ такой патріархальной довѣрчивости, какъ у макуевъ: оно сплошь проникнуто деспотическимъ характеромъ. Отличительную особенность тѣхъ и другихъ составляетъ то, что почти всѣ макуи говорятъ на языкѣ вайяевъ, тогда какъ послѣдніе весьма рѣдко пользуются языкомъ макуевъ. Почти легендарнымъ представляется народъ мавіевъ (мавіа), къ югу отъ Ровумы, между среднимъ теченіемъ этой рѣки и Мозамбикскимъ берегомъ. Ихъ изображаютъ въ видѣ горныхъ жителей, ходящихъ въ своей странѣ безъ всякой одежды и надѣвающихъ только короткій передникъ, когда они отправляются къ другимъ племенамъ; ихъ описывали также въ высшей степени замкнутыми и негостепріимными, отказывающими чужеземцамъ въ пищѣ и питьѣ. У нихъ женщины и мужчины носятъ губное кольцо.



Корзина изъ Унгуу. (Коллекція Штульмана, въ Берлинскомъ музеѣ народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 202.

Чтобы дорисовать картину народовъ въ области Ньяссы и его притоковъ, мы должны коснуться еще нѣсколькихъ мелкихъ племенъ, живущихъ подъ защитою горъ, окружающихъ озеро съ сѣвера. Въ странѣ Конди, прилегающей къ сѣверо-западному углу Ньяссы, замкнутой въ краяхъ плоскогорья, поднимающихся отъ 2000 до 2500 м. и открытыхъ только къ востоку, все населеніе состоитъ изъ вакинговъ (вакинга), которые, по причинѣ внутреннихъ несогласій, спустились сюда съ горъ. Отъ западной границы ихъ начинается крутой подъемъ къ высоколежащей странѣ Ньикѣ, гористой области, почти не обработанной, съ пастбищами для козъ и небольшихъ количествъ рогатаго скота. Населеніе ея представляетъ отважный, грубый горный народъ, безъ всякой внутренней связи; каждый мелкій начальникъ деревни является королемъ и собственной властью разрѣшаетъ споры съ грабящими мерерами. По ту сторону горъ Чингамбо начинается страна Иньямванга, лѣсистая область, съ немногими открытыми мѣстами, вполнѣ самостоятельная. Мкализа составляетъ границу ея со страною Мамбве, въ которой травянистыя пространства и лѣсистые хребты перемежаются между собою, и главное мѣстечко которой, Муличучу, лежитъ почти на 1500 метр. высоты. Отсюда спускаются въ плодородную страну Улунгу, на южномъ берегу Танганьики, гдѣ населеніе настолько разрѣжено опустошеніями разбойничьихъ племенъ, что оно могло удержать лишь небольшія поселенія въ наиболѣе защищенныхъ мѣстахъ. Въ Итавѣ Томсонъ нашелъ обитателей только на устьяхъ рѣкъ.

Мы обращаемся въ заключеніе къ группѣ народовъ, которая въ пространственномъ, а отчасти и въ этническомъ отношеніи примыкаетъ къ племенамъ Ньяссы и, съ другой стороны, образуетъ переходъ къ обитателямъ южной экваторіальной части внутренней Африки; въ то же время, по своей подчиненности и ослабленности воинственными племенами зулусовъ, эти народы примыкаютъ къ манганджамъ, макуямъ и подобнымъ имъ.

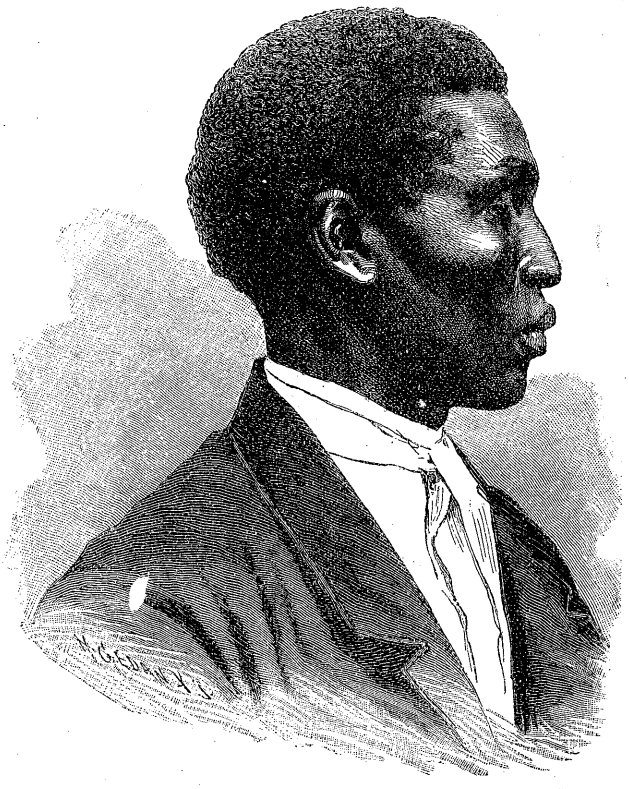
Въ пространствѣ между западнымъ берегомъ Ньяссы и Бангвеоло, отъ Локушвы до южнаго берега Танганьики, живетъ значительно разсѣянный, своеобразный во многихъ отношеніяхъ народъ бабизы (бабиза), который, по словамъ Ливингстона, имѣетъ такой видъ, „какъ будто къ нему примѣшана кровь бушменовъ; многіе изъ нихъ могли бы сойти за бушменовъ или готтентотовъ“. Они одѣваются въ ткань изъ коры, подпиливаютъ остріями свои зубы и носятъ волосы собранными въ сѣтку на затылкѣ. Мелко истолченной древесиной темно-краснаго дерева (моломбва) они обсыпаютъ себѣ волосы и платье. Бабизовъ можно узнать по татуировкѣ на лбу и подбородкѣ. Ихъ упрекаютъ въ скрытности, себялюбіи и завистливости. Область обитанія ихъ принадлежитъ къ странамъ, подчиненнымъ мазитамъ, вслѣдствіе чего они живутъ въ крайней бѣдности и угнетеніи. Въ странахъ, находящихся подъ угрозой вторженія, они обрабатываютъ черезъ большіе промежутки небольшія, круглыя площадки въ лѣсу. Когда Ливингстонъ, въ своемъ послѣднемъ путешествіи 1873 г., прибылъ въ деревню Ишитамбо, онъ нашелъ ее почти пустою. Жатва поспѣла, и, по старому обычаю, жители построили себѣ шалаши изъ крышъ своихъ хижинъ. Всего скуднѣе живутъ дикими плодами, кореньями, листьями и грибами бабизы, подвластные бабемпамъ. Скотоводство ихъ повсюду ничтожно; только начальники ихъ имѣютъ, повидимому, по нѣсколько штукъ рогатаго скота, овецъ и козъ. Болѣе крупныя деревни окружены палисадами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сухими рвами. О техническомъ искусствѣ бабизовъ мы знаемъ только, что они изготовляютъ платья изъ древесной коры или луба и циновки изъ стеблей Raphia. Ихъ торговая дѣятельность, съ тѣхъ поръ, какъ они были оттѣснены мазитами, ограничивается участіемъ въ торговлѣ рабами. Привѣтствіе ихъ состоитъ въ хлопаньи въ ладоши и въ откидываніи себя сидящими назадъ, такъ что спина почти касается земли. Начальники, впрочемъ, мало имѣющіе власти, окружаютъ себя женщинами, которыя, съ топорами въ рукахъ и съ вымазанными лицами, исполняютъ пляски по образцу мужчинъ. Въ праздничные дни мужчины выходятъ безъ ружей, только съ лукомъ, стрѣлами и копьями.

Негръ-мулатъ изъ восточной Африки, вѣроятно, съ Сомальскаго берега. Видъ спереди. (По фотографіи изъ коллекціи Прунеръ Бея.)

Въ защитѣ болотистыхъ мѣстностей около Бангвеоло и Моэро живутъ такъ называемые болотные бабизы, смѣшанный народъ изъ различныхъ

бѣглецовъ, въ которомъ есть нѣчто общее лишь вслѣдствіе его образа жизни на подобіе амфибій.

Бабизы строятъ свои жилища на возвышенныхъ мѣстахъ, уединенныхъ, благодаря окружающимъ ихъ водѣ и болотамъ. Подобно манганджамъ, пользующимся муравьиными кучами въ качествѣ сторожевыхъ башенъ, они также пользуются этими естественными возвышеніями, которыя въ дождливое время часто представляютъ единственныя твердыя и сухія мѣста въ морѣ наводненія, засѣвая ихъ дурроі и маисомъ. Описываемые бабизы усердно разыскиваютъ клубни растенія лотоса и сердцевину папирусоваго кустарника. Для многихъ рыбная ловля служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія. Ихъ маленькія лодки годятся только для того, чтобы двигаться, съ помощью шестовъ, по затопленнымъ лугамъ. Въ этомъ отношеніи лучше снабжены бабизы Бангвеоло, мбогвы (мбогва). Четыре самыхъ большихъ острова этого озера населены довольно искусными рыбаками, обладающими лодками, вполнѣ удобными для плаванія.

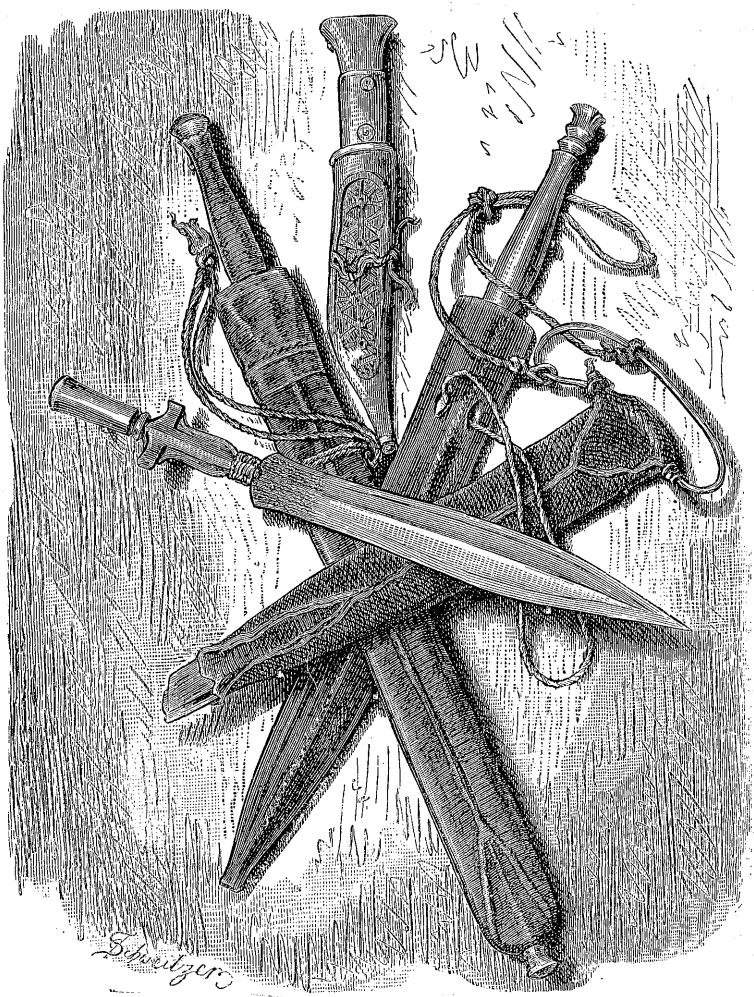


Негръ-мулатъ изъ восточной Африки, вѣроятно, съ Сомальскаго берега. Видъ сбоку. (По фотографіи изъ коллекціи Прунеръ Бея.)

Отъ сосѣднихъ племенъ эти люди отличаются головными украшеніями, съ выступами изъ мѣха, въ видѣ ушей, имѣющими нѣкоторое сходство съ головными уборами гереросовъ. Въ характерѣ болотныхъ бабизовъ также замѣчается нѣчто своеобразное: „островитяне всегда имѣютъ склонность оставаться на мѣстѣ, чувствуя себя безопасными въ своихъ естественныхъ укрѣпленіяхъ.“ (Ливингстонъ.) Въ эти труднодоступныя болота они были вытѣснены мазитами. Опытъ научилъ ихъ, что гораздо лучше не приходить въ слишкомъ тѣсное соприкосновеніе съ другими. Когда Ливингстонъ, отыскивая истоки Нила, за нѣсколько дней до своей смерти, разспрашивалъ многихъ бабизовъ — извѣстно ли имъ что нибудь о горѣ, откуда вытекаютъ четыре источника, онъ получилъ отвѣтъ, что всѣ, кому прежде случалось ходить далеко, уже умерли. Въ прошлыя времена, какъ разсказываютъ, городъ Маленга былъ сборнымъ пунктомъ бабизовъ, занимающихся торговлей, но они были изгнаны оттуда мазитами, и сами удалились въ эти болота. Между тѣмъ, какъ болотные бабизы живутъ на восточномъ берегу озера, болѣе сухой и плодородный южный берегъ укрываетъ другіе немногочисленные остатки того же племени, представляющіе собою по преимуществу земледѣльцевъ. Они тщательно оберегаютъ свои посѣвы и во всякую минуту готовы къ бѣгству.

* * *

Широкая, постепенно ниспадающая холмистыми ступенями береговая страна составляетъ особенность восточной Африки. Такъ какъ она занимаетъ болѣе широкія обитаемыя пространства передъ плоскогорьемъ, то она сообщаетъ востоку культурное преимущество передъ западомъ, гдѣ нѣтъ ни Наталя, ни Занзибара. Именно, съ востока сдѣланы были самые успѣшные шаги къ знакомству съ внутренней частью материка. И перспектива ближайшаго будущаго, относительно связи морскихъ береговъ со внутренней Африкой, соединяется съ восточной стороной ея. Если какая либо часть Африки можетъ способствовать усиленному развитію зародыша культуры, заложеннаго въ ея народахъ, то именно эта, и мы испытываемъ нѣкоторое разочарованіе, видя въ осѣдлыхъ составныхъ частяхъ восточно-африканскихъ населеній болѣе высокое развитіе культуры и болѣе сильную государственность лишь въ далекомъ разстояніи отъ берега. Помимо арабскихъ поселеній, берегъ въ этомъ отношеніи бѣднѣе внутренней части. Чѣмъ объясняется это непропорціональное отношеніе, господствующее настолько, насколько негрскіе народы касаются восточнаго края Африки, между тѣмъ, какъ ничего подобнаго нельзя найти у хамитическихъ и семитическихъ племенъ? Попадающіяся мѣстами работы изъ Унгуу, Уньямвези и пр (см. рис., стр. 199) доказываютъ, что нѣкогда здѣсь существовалъ болѣе высокій культурный уровень. Прежде всего арабскіе работорговцы, затѣмъ воинственныя орды кафровъ, приводящія югъ въ неспокойное состояніе, и, наконецъ, проникшіе съ сѣвера кочевые народы—галласы, сомаліи, масаи и пр. все опустошавшіе и грабившіе, распространяли полную необезпеченность среди вообще въ Африкѣ болѣе слабыхъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ, а лѣтъ около 15 тому назадъ они, въ видѣ конныхъ отрядовъ, появились и къ югу отъ экватора. Осѣдлому населенію, очутившемуся между этими жерновами, лишь при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ предстоять лучшая

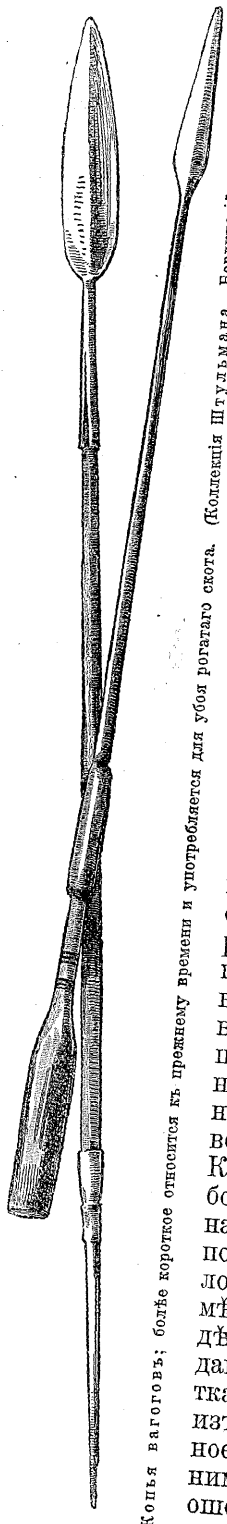


Мечи вандурумовъ и вазегуговъ, по арабскимъ образцамъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.) $^1/_5$ наст. величины.

доля, чѣмъ ихъ родичамъ на Ньяссѣ и на Ровумѣ. Эти племена восприняли многіе этнографическіе признаки пастушескихъ народовъ, въ особенности въ вооруженіи (см. рис., стр. 202). Но, несомнѣнно, болѣе всего повредила имъ работорговля, настоящей областью которой являются страны, лежащія за береговой полосой, и отъ которой народы, терзаемые ею, искали защиты даже у галласовъ и масаевъ. При всѣхъ успѣхахъ, которыми обязано имъ береговое населеніе, арабы были все-таки проклятіемъ этихъ странъ. Рѣдко бывали случаи сознательнаго благопріятнаго дѣйствія этихъ властителей береговой полосы на туземцевъ, какъ, напримѣръ, насильственное прикрѣпленіе хищническихъ „мнимыхъ зулусовъ“, мазитовъ или мавитовъ на Ровумѣ, по приказанію занзибарскаго султана. Въ настоящее время эпоха господства арабовъ уже прошла, и вмѣстѣ съ нею торговля рабами на морскомъ берегу идетъ къ своему угасанію. До самаго Угого вліяніе арабовъ и суагеліевъ измѣнило съ внѣшней стороны прежніе нравы негровъ. До этихъ предѣловъ мы не находимъ ни рогатаго скота, ни кожъ, а только ввозныя бумажныя матеріи для одеждъ, и арабскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ, болѣе короткій и широкій спереди, вмѣстѣ съ простыми луками восточно-африканской формы и стрѣлами въ кожаномъ или деревянномъ колчанѣ. Фантастическія прически все болѣе и болѣе исчезаютъ, и голова гладко выстригается. Просверливаніе губъ исчезаетъ повсюду, а ушей — уже у многихъ; напротивъ, бусы и многочисленныя мѣдныя кольца и даже цѣлыя связки нанизанныхъ бусъ тамъ носятъ на поясѣ.

Части Уньямвези и въ особенности Уньяньембе, прилегающія всего ближе къ дорогамъ, ведущимъ черезъ Казехъ или Табору къ Танганьикѣ и Укереве, выказываютъ въ своемъ развитіи черты, типичныя для африканскихъ странъ, находящихся подъ арабскимъ вліяніемъ. Обитателямъ этихъ странъ приходится много терпѣть отъ занзибарскихъ арабовъ. Когда Спикъ въ 1857 г. въ качествѣ перваго европейца путешествовалъ по этой дорогѣ, арабскіе купцы жили въ странѣ чужеземцами; когда онъ въ 1861 г. вновь оказался на той же дорогѣ, арабы были уже крупными мѣстными землевладѣльцами и вели войну съ туземнымъ властителемъ страны. Этотъ процессъ, повторявшійся и во многихъ другихъ странахъ внутренней Африки, необходимо вытекаетъ изъ существующихъ условій. Чужеземные купцы, арабы и суагеліи, просятъ о разрѣшеніи пройти черезъ страну, внося за это пошлину, основываютъ товарные склады, приходящіеся по сердцу начальникамъ, такъ какъ они отвѣчаютъ ихъ стремленіямъ къ вымогательству и къ тщеславію. Затѣмъ пришельцы обогащаются и заводятъ связи, вслѣдствіе чего навлекаютъ на себя подозрѣнія, подвергаются притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ и отказываются платить поборы, возвышающіеся съ ихъ благосостояніемъ; наконецъ, при какомъ либо изъ неизбѣжныхъ споровъ о наслѣдствѣ престола арабы берутъ сторону одного изъ претендентовъ, обѣщающаго имъ быть податливымъ, и этимъ вовлекаются во внутренніе раздоры страны, и часто въ безконечныя войны. Такъ, Мирамбо свое враждебное отношеніе къ арабамъ объяснялъ въ одномъ изъ свиданій со Стэнли невыносимымъ высокомѣріемъ этихъ послѣднихъ. Тамъ встрѣчается нерѣдко и женское управленіе; администраціи германскихъ владѣній восточной Африки чаще всего приходилось имѣть дѣло съ женщинами правительницами. Спикъ разсказываетъ даже, что преемницей одной начальницы явилась ея служанка. По свѣдѣніямъ Баумана, первые ваньямвезіи прибыли на морской берегъ 70 или 80 лѣтъ тому назадъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ болѣе слабая раса испытала общую участь слабыхъ въ неравной борьбѣ: она была вытѣснена въ менѣе благопріятныя мѣстности, обѣднѣла, опустилась и стала неспособной къ образованію болѣе крупныхъ государствъ. Отдѣльныя мелкія племена удержались на высшей ступени преимущественно тамъ, гдѣ природа ихъ мѣ-



Копья вагоговъ; болѣе короткое относится къ прежнему времени и употребляется для убоя рогатаго скота. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

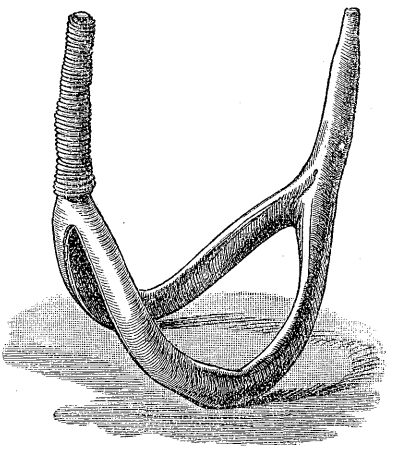
стообитаній доставляла имъ защиту, какъ это было съ вазагарами или джаггами на горныхъ высотахъ, или тамъ, гдѣ они могли принимать участіе въ арабской торговлѣ, какъ, напримѣръ, маконды (маконде), повидимому, сходные съ макуями.

Слѣдуя по караваннымъ дорогамъ, ведущимъ къ большимъ озерамъ и прежде всего въ Уджиджи, по которымъ въ настоящее время, среднимъ числомъ, проходитъ ежегодно до 100 тысячъ негровъ и обитатели которыхъ поэтому стали извѣстны раньше и лучше другихъ, мы попадаемъ сначала въ выступающую всего дальше къ берегу страну Узарамо. Она составляетъ первый подъемъ къ краевымъ горамъ восточно-африканскаго озернаго плоскогорья, а также и границу его; она покрыта плоскими холмами, обильной травой и лѣсомъ, но, какъ всѣ области, откуда вывозятся невольники, имѣетъ рѣдкое населеніе. Деревни въ ней не многочисленны и не велики. Прежде, чѣмъ они стали извѣстны, благодаря торговлѣ, вазарамы внушали страхъ въ качествѣ придорожныхъ разбойниковъ, причемъ боялись не столько ихъ самихъ, сколько ихъ отравленныхъ стрѣлъ; однако, когда проникли въ ихъ область, они оказались крайне слабыми, покинули сами свои лѣсныя убѣжища, завели поля и деревни, и среди нихъ можно было путешествовать безъ оружія. Вазарамы (вазарамо) кормятся продажей своихъ козъ и своего хлѣба въ прибрежныхъ мѣстечкахъ, одѣваются въ бумажныя ткани, почти такъ же, какъ и суагеліи (см. рис., стр. 196), смазываютъ себя саломъ и охрой и строятъ четвероугольные дома, между тѣмъ, какъ вазегуги живутъ до сихъ поръ въ круглыхъ хижинахъ.

Узагара простирается отъ сферы вліянія Мгеты въ Кингани, на востокѣ, до края плоской возвышенности внутри материка и представляетъ горную страну, въ которой горы, тамъ, гдѣ культура не расчистила ихъ съ помощью огня и топора, покрыты обильной кустарной и древесной растительностью. Несмотря на красоту этой страны и благопріятное положеніе ея вблизи отъ Занзибара, жители ея, вазагары (вазагара) — жалкія и робкія созданія; они живутъ, по большей части, на трудно доступныхъ горныхъ вершинахъ, въ круглыхъ травяныхъ хижинахъ. Четвероугольныя, большія глиняныя хижины (тембе) встрѣчаются отдѣльно только въ направленіи къ Угого. Вазагары наполовину ведутъ кочевую жизнь, наполовину занимаются земледѣліемъ. Когда приближались караваны, они предпочитали, боясь работорговцевъ, скрываться въ свои горныя деревни. „Блѣднаго цвѣта, лишенные мужества, боязливые и робкіе, они постоянно боятся нападенія въ этой странѣ, гдѣ каждое человѣческое существо имѣетъ рыночную цѣнность“. Это замѣчаніе Спика напоминаетъ намъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ притѣсненныхъ, слабыхъ и подавленныхъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ куски ткани на поясницѣ, а другіе прикрываются только передникомъ изъ травы. Кэмеронъ описываетъ видѣнное здѣсь странное шейное украшеніе изъ рядовъ мѣдной проволоки, поднимающееся вертикально отъ шеи, на подобіе желѣзнаго ошейника масаевъ (см. рис., стр. 170). Мѣдь, въ видѣ ручныхъ и шейныхъ колецъ масаевъ и негровъ, украшенія палицъ

сомаліевъ и въ новѣйшее время украшенія ружей, можетъ быть названа характернымъ металломъ экваторіальной Африки. Узагара въ политическомъ отношеніи состояла изъ нѣсколькихъ независимыхъ округовъ. Послѣ того, какъ сюда съ запада проникли хищники вадириги (вадириго, см. ниже) и утвердились на удобныхъ мѣстахъ, здѣсь совершается такое же смѣшеніе народовъ, какъ и повсюду, въ мѣстахъ обитаніяхъ болѣе слабыхъ расъ.

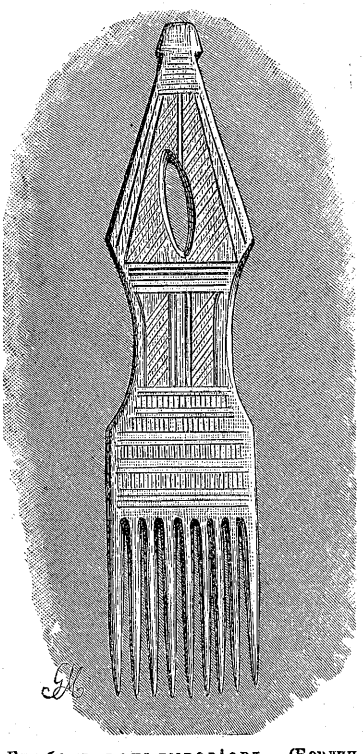
Южнѣе живутъ вазегуги (вазегуга), которые лѣтъ около 10 тому назадъ управлялись королевой, супругомъ которой былъ одинъ изъ мелкихъ начальниковъ, а наслѣдникомъ—ея младшій братъ. Языкъ здѣсь тотъ же, что и въ области Узарамо, но политической связи между обѣими областями не существуетъ. Непосредственно къ востоку отъ описываемой области живутъ вадои (вадоэ), которые строятъ свои деревни, по большей части, на горахъ или въ другихъ трудно доступныхъ мѣстахъ. Страна ихъ раздѣлена на четыре части, и каждая изъ нихъ находится подъ управленіемъ начальника (мвене), которому, въ свою очередь, подчинены деревенскіе старшины. Ненавидимые сосѣдями за свое людоѣдство и похищеніе людей, они, несмотря на многія нападенія, удержались до сихъ поръ въ своихъ крѣпкихъ позиціяхъ. Патеръ Бауръ передаетъ маловѣроятное преданіе о „старѣйшинахъ“, которые переселились сюда изъ Маньемы, и полагаетъ, что это происхожденіе доказывается, помимо общаго обычая людоѣдства, также и языкомъ. Многочисленныя мелкія племена на Руфиджи не образуютъ политическаго союза. Въ діалектическомъ отношеніи вазарамы соединяются съ вадоями въ одну родственную группу, такъ же, какъ вазегуги съ жителями Унгуу и вазагары съ вакамами.



Ручные тиски вагоговъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^2/_5$ наст. величины.

Къ этой странѣ примыкаетъ на западѣ Угого, волнистая равнина, далеко простирающаяся за предѣлы политическаго понятія, связаннаго съ этимъ именемъ. Страна Угого, при незначительномъ объемѣ распадается на многочисленные, независимые округи, состоящіе изъ нѣсколькихъ деревень; правители этихъ округовъ проявляли прежде свою власть въ вымоганіи „гонго“, дорожной пошлины, взимаемой съ путешественниковъ. И среди вагоговъ живетъ еще извѣстное число хищническихъ вадириговъ въ особыхъ деревняхъ. Сила вагоговъ въ новѣйшее время почти исчезла; между тѣмъ, какъ прежде они ассимилировали племена ваньямвезіевъ и отчасти вакимбовъ, теперь они приняли многіе нравы и обычаи своихъ притѣснителей-масаевъ и, между прочимъ, вѣроятно, сдѣлавшіеся впервые извѣстными имъ черезъ вакамбовъ, тиски для верхней части руки, съ цѣлью укрѣпленія ея мышцъ (см. рис. выше). Мпвапва, на западномъ склонѣ горъ Узагары, на краю лѣсной области, отрѣзывающей этотъ округъ отъ плоской возвышенности Угого, мѣстечко, часто посѣщавшееся миссіонерами и купцами, въ настоящее время является важнымъ опорнымъ пунктомъ германскаго вліянія. Имѣющіе совершенно неафриканскій характеръ глиняные дома, тембе, здѣсь выступаютъ впервые, какъ преобладающія жилища, и затѣмъ почти на всемъ протяженіи области безъ истока служатъ обычными жилищами всего осѣдлаго населенія. Угого есть средоточіе тембе; въ Уньямвези строятъ круглыя хижины. Боковая длина тембе можетъ доходить до 100 метровъ. Они состоятъ изъ остова изъ брусьевъ, стѣны котораго, высотою не болѣе 2 метровъ, покрыты

глиною; плотнымъ слоемъ глины покрыта и плоская крыша для защиты отъ дождя. Тембе окружаютъ, въ видѣ четвероугольника, внутреннее пространство, въ которомъ стада проводятъ ночь. Одно или два входныхъ отверстія въ наружной стѣнѣ запираются крѣпкими деревянными дверями; различныя комнаты и постройки, ради большей безопасности отъ непріятельскихъ нападеній, имѣютъ выходы только на дворъ; кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ наружныя стѣны снабжены бойницами. У ваньятуровъ (ваньятура) и другихъ народовъ области Маньяры съ тембе соединены подземныя убѣжища. Тембе являются особенно неудобнымъ жилищемъ въ дождливое время, когда они наполняются сыростью и плѣсенью.

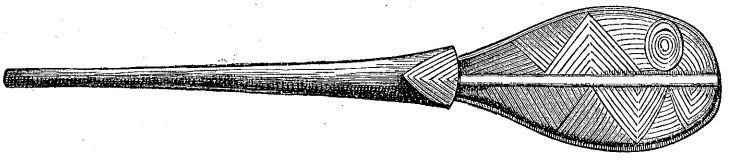


Гребень ваньямвезіевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/6 наст. величины.

Мпвапва, какъ пограничная область Угого, имѣетъ населеніе, состоящее изъ представителей различныхъ племенъ (по преимуществу, вагоговъ, вазагаровъ, вакуевъ, арабовъ и суагеліевъ) и обладаетъ международнымъ характеромъ; поэтому Уньямвези, страна Лунныхъ горъ и истоковъ Нила, самая оживленная и важная торговая страна внутренней Африки, вслѣдствіе пересѣченія въ ней караванныхъ дорогъ, ведущихъ къ Танганьикѣ и къ Укереве, повидимому, не разъ была провинціей береговыхъ арабовъ. Уньямвези облегаетъ узелъ этихъ дорогъ, Казехъ или Табору, сдѣлавшуюся политическимъ центромъ и подъ германскимъ управленіемъ. Уньямвези (лунная страна) была нѣкогда однимъ изъ самыхъ большихъ царствъ въ Африкѣ и равнялась, по разсчету Спика, по своему пространству, Англіи, но въ теченіе своей новѣйшей исторіи распалась на нѣсколько мелкихъ государствъ. Большая часть ея лежитъ на плоской возвышенности, высотою отъ 1000 до 1200 метровъ, служащей водораздѣломъ между Укереве, Танганьикой и Луфиджи. На сѣверѣ она понижается къ Укереве, южный край котораго лежитъ въ ея предѣлахъ, и здѣсь она заключаетъ въ себѣ плодородныя мѣстности Уманды и Узанды. Эта сѣверная часть называется туземцами Узукума (полуночная страна), противоположно южной, Утакамѣ (полуденная страна). Эта область вообще одна изъ самыхъ плодородныхъ и населенныхъ на экваторіальномъ востокѣ. Обитатели ея, ваньямвезіи (ваньямвези[1]), болѣе многихъ другихъ племенъ этихъ странъ способны и склонны пользоваться такими преимуществами. Цвѣтъ кожи ваньямвезіевъ темнѣе, чѣмъ у ихъ сосѣдей въ Угого и Узарамо. Вообще, они отличаются тонкимъ строеніемъ костей и часто рѣзкими чертами лица. Мужчины дома носятъ двѣ шкуры на поясѣ или, вмѣсто нихъ, матерію изъ древеснаго луба (зани), а на полевыхъ работахъ или въ дорогѣ надѣваютъ козьи шкуры черезъ плечо, поперекъ тѣла. Женщины носятъ лубяныя или бумажныя матеріи на поясѣ и кусокъ ткани, прикрывающій грудь, но обыкновенно это замѣняется шнуркомъ, къ которому куски ткани должны быть прикрѣплены. Оба пола выбиваютъ треугольное отверстіе между двумя внутренними рѣзцами верхняго ряда; оба носятъ бусы на шеѣ и кольца изъ хвостовыхъ волосъ жирафы

[1] Названіе ваньямвези, по свѣдѣніямъ О. Баумана, есть лишь собирательное имя, употребляемое арабами и другими береговыми жителями.

(замбо) на рукахъ и на ногахъ; кромѣ того, женщины носятъ спирали изъ проволоки желтой или красной мѣди, а мужчины — тяжелыя мѣдныя кольца на нижней части руки. Обрѣзаніе у нихъ неупотребительно, такъ же, какъ у вазегуговъ и вазагаровъ. Мужчины и женщины курятъ табакъ или коноплю и много пьютъ; но они — усердные работники и, подъ присмотромъ своихъ начальниковъ (мтеми), хорошо обрабатываютъ землю. Въ качествѣ колонистовъ въ новой странѣ, они превосходятъ всѣ другіе негрскіе народы и, благодаря этому свойству, имъ предстоитъ, вѣроятно, важное значеніе въ разработкѣ обширныхъ, пустыхъ пространствъ внутренней части восточной Африки. Въ видѣ торговцевъ или носильщиковъ, ихъ можно встрѣтить повсюду между Занзибаромъ и Уджиджи. Маисъ широко распространенъ среди нихъ; тамъ можно найти и рисъ, но туземцы не любятъ его, и арабы уже потому предпочитаютъ воздѣлываніе его, что его у нихъ меньше крадутъ. Ваньямвезіи на собственныхъ ткацкихъ станкахъ ткутъ бумажныя ткани, которыя, конечно, не могутъ выдержать конкурренціи съ ввозными матеріями. Здѣсь и еще болѣе въ прилегающей съ сѣверо-востока сосѣдней странѣ Узинджѣ выковываются сердцеобразныя мотыки, покупаемые караванами; здѣсь тянутъ также тонкую желѣзную и мѣдную проволоку и изготовляютъ изящныя желѣзныя трубки, приспособляемыя къ табачнымъ трубкамъ. Скотоводство, несмотря на пристрастіе народа къ мясной пищѣ, мало развито, между тѣмъ, какъ пчеловодство, какъ почти повсюду въ этихъ областяхъ, ведется съ большимъ усердіемъ.



Мѣшалка ваньямвезіевъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Настоящая величина.

Ваньямвезіи распадаются на нѣсколько племенъ, которыя отчасти и внѣшнимъ образомъ отличаются другъ отъ друга. Самые значительные изъ нихъ вагараганцы (вагараганца), живущіе далѣе всѣхъ на востокѣ, затѣмъ вазунги (вазунга) на западѣ, ватакамы (ватакама) на юго-западѣ, вакононги (вакононго) на югѣ и составляющіе переходъ къ народамъ озерной области вазинджи (вазинджа) и вазукумы (вазукума) на сѣверѣ. Въ видѣ пастушескаго народа, среди нихъ живетъ племя ватузи, вѣтвь вагумовъ, которые мимоходомъ завладѣли этой страной. О нихъ см. выше, стр. 187 и слѣд.

Ваньямвезіи, вслѣдствіе общенія съ арабами, продолжающагося уже многіе десятки лѣтъ, въ экономическомъ отношеніи настолько вступили на ихъ путь, что не малая часть ихъ, быть можетъ, цѣлая треть мужчинъ, ежегодно беретъ дорожный посохъ и посвящаетъ себя торговлѣ рабами и слоновой костью и службѣ въ качествѣ носильщиковъ между Занзибаромъ и Уджиджи. На юго-восточномъ берегу Танганьики лѣтъ около 10 тому назадъ переселенецъ изъ Уньямвези, съ помощью нѣсколькихъ колонистовъ такого же безпокойнаго характера, основалъ настоящую разбойничью деревню, мѣсто сбора и убѣжища для работорговцевъ, гдѣ всегда множество рабовъ находилось подъ рукою для обмѣна на порохъ и огнестрѣльное оружіе. Сословіе профессіональныхъ разбойниковъ (руга-руга) получило въ Уньямвези выдающееся развитіе, и искусные предводители шаекъ пользуются даже нѣкоторой популярностью. Прежде, чѣмъ они были разбиты нѣмцами и вынуждены къ постоянному пребыванію въ Уссуи, вангоны (ватуты) распространяли свои разбойничьи набѣги до южнаго берега Большой Ніянцы и въ западную часть Уньямвези. Они находились послѣдовательно то въ союзѣ, то во враждебныхъ отношеніяхъ съ Мирамбо (см. выше, стр. 148) и другими начальниками ваньямвезіевъ.

Уньямвези своими областями Увинза, Кавенде и Уконинго простирается до рѣдко населеннаго восточнаго берега Танганьики. На юго-восточномъ берегу къ нему примыкаетъ страна вафиповъ (вафипа), съ болѣе густымъ населеніемъ. Мирные вафипы, цвѣтъ кожи которыхъ колеблется между свѣтлымъ и самымъ темнымъ бурымъ цвѣтомъ, — земледѣльцы, съ незначительнымъ скотоводствомъ, и искусные ткачи бумажныхъ матерій. У нихъ нѣтъ рабства, но они стараются подкрѣпить свой народъ бѣглыми невольниками. На озерѣ Риква можно упомянуть охотничій народъ Марaунгу, находящійся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Уньямвези.

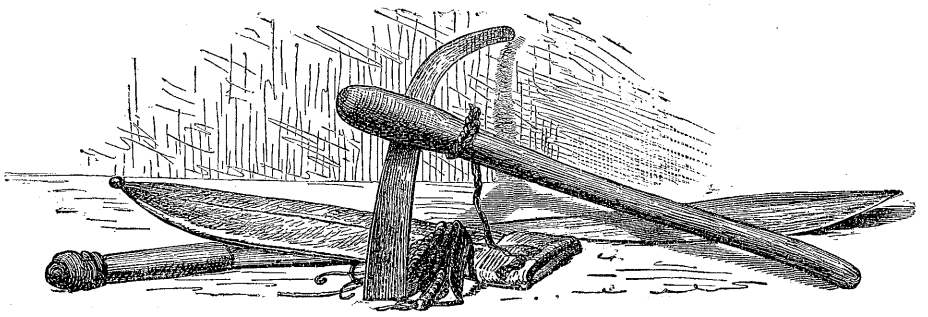
По дорогѣ изъ Занзибара въ Уджиджи мы видѣли негровъ преимущественно подъ вліяніемъ арабовъ; поэтому намъ интересно будетъ взглянуть на тѣ племена, которыя къ сѣверу отъ этой дороги испытываютъ еще большія притѣсненія масаевъ и галласовъ, не допускавшихъ никакой прочной политической организаціи между Абиссиніей и Занзибаромъ. Племена эти, подобно вагогамъ и ваньямвезіямъ, подвергались антропологическому и этнологическому разложенію, въ высшей степени поучительному для насъ. Здѣсь мы по преимуществу имѣемъ въ виду вакамбовъ (вакамба) и ваниковъ (ваника [1]). Вакамбы живутъ къ югу отъ экватора, приблизительно, между $1^1/_2$ и 3°, и на западѣ гористый склонъ озернаго плоскогорья служитъ для нихъ границею, но не защитой. На востокѣ они такъ глубоко врѣзались въ область живущихъ по направленію внутрь страны и къ югу отъ Момбаса ваниковъ, жилища которыхъ начинаются отъ миссіонерской станціи Раббаи, что могли установить непосредственное сношеніе съ берегомъ. Но для нихъ, такъ же, какъ и для ихъ сосѣдей, ваниковъ и вапокомовъ, не открывается свободнаго пути внутрь материка, потому что между ними и государствами вагумовъ на Укереве врѣзались кочевыя орды масаевъ и вакуафовъ. Поэтому караваны часто имѣютъ при себѣ до 2000 мужчинъ, вооруженныхъ ружьями. Эти караваны отличаются величайшимъ порядкомъ и повиновеніемъ, но, тѣмъ не менѣе, въ прежнія времена многіе изъ нихъ отступали передъ копьями масаевъ.

Вакамбы и ваники — настоящія племена Банту, имѣющія большое сходство съ вазагарами, вазамбарами и ихъ соплеменниками. Но воинственные сосѣди сдѣлали ихъ болѣе мирными. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ на границѣ степи и земледѣльческой области, въ мѣстности съ неправильными осадками, стоятъ въ культурномъ отношеніи ниже своихъ сосѣдей. Вакамбы обладаютъ большими стадами рогатаго скота, козъ и пр., но отчасти занимаются земледѣліемъ и лишь въ сухіе годы совершенно переходятъ къ пастушеской жизни. Они изготовляютъ желѣзные, обоюдоострые мечи арабскаго типа и продуктами своего земледѣлія, въ особенности табакомъ, и продуктами скотоводства ведутъ оживленную мѣновую торговлю съ береговыми магометанами, при чемъ принимаютъ отъ нихъ и деньги въ видѣ монетъ. Они оставляютъ на затылкѣ, по кафрскому обычаю, пучекъ волосъ, въ родѣ вѣнчика. Главное оружіе ихъ составляютъ лукъ и стрѣлы, тогда какъ копье и щитъ употребляются исключительно ихъ притѣснителями. Сѣверная часть Укамбы носитъ названіе Китуи. Ваники живутъ уже въ хижинахъ съ двухскатной кровлей, по арабскому образцу, а вакамбы сохранили еще конусообразную постройку. Они находятся подъ властью нѣсколькихъ деревенскихъ старшинъ, пользующихся чисто личнымъ уваженіемъ. Средоточіе религіозной и политической жизни ваниковъ составляетъ „муанза“, доступная только начальнику, въ честь которой справляются шумныя празднества; этотъ таинственный предметъ представляетъ деревянный инструментъ, похожій на волчокъ и издающій своеобразные, гудящіе звуки (см. рис., стр. 49). Обрѣзаніе у ваниковъ также

[1] Описательныя имена: вакамба — путники, странники, ваника — люди пустыни.

празднуется особенно торжественно. Гіена считается у нихъ родоначальникомъ всего народа, и поэтому умерщвленіе этого животнаго признается большимъ преступленіемъ. Вакамбы не погребаютъ умершихъ, а только бросаютъ ихъ въ кусты. Къ тому же кругу принадлежатъ и вадиги (вадиго), племя, занимающееся врачеваніемъ и колдовствомъ и живущее внутри страны по направленію отъ Момбаса. Вадиги носятъ соломенныя повязки на верхней части руки и на колѣнѣ, а на лодыжкахъ — кольца изъ мѣшечковъ, наполненныхъ горохомъ и издающихъ шумъ вродѣ трещотки.

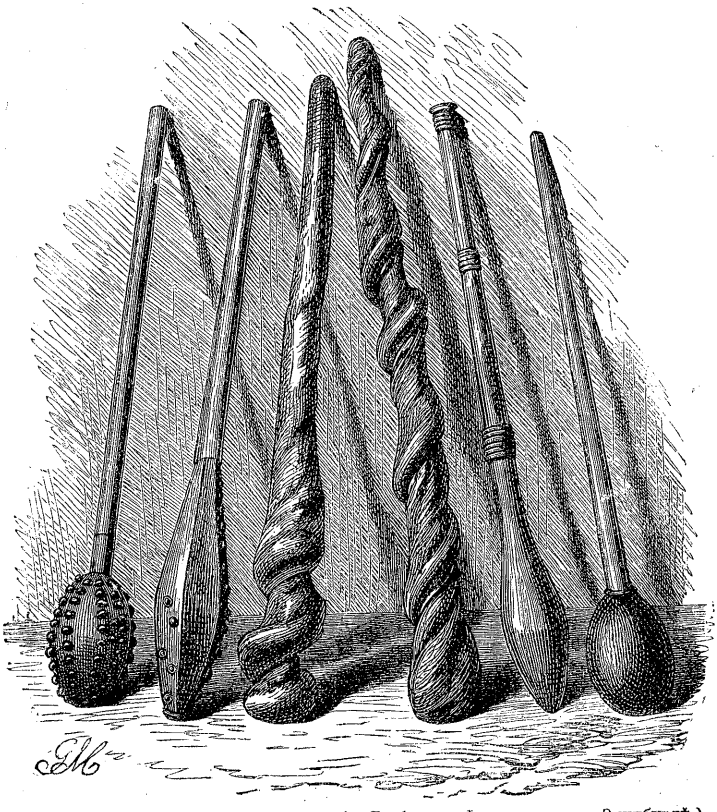
Новый этническій кругъ открывается этими разсѣянными земледѣльцами, оказывающимися обломками, раскиданными волнами галласовъ, масаевъ и вакуафовъ, нахлынувшими съ сѣвера. Смѣшеніе съ хамитической кровью придало этой расѣ болѣе благородный характеръ, весьма выгодно выступающій въ томъ образѣ, какой даетъ Гансъ Мейеръ, въ своемъ симпатичномъ описаніи правителя джагговъ, Мареаля изъ Марангу (см. рис., стр. 214). Но въ политическомъ и экономическомъ отношеніи это вліяніе сдѣлало народъ этотъ слабымъ и бѣднымъ тамъ, гдѣ не было защищенныхъ



Боевой топоръ и мечъ ваниковъ. (Изъ коллекціи Роберта Фелькина въ Эдинбургѣ.)

мѣстъ, какъ, напримѣръ, на склонахъ Килиманджаро, дававшихъ имъ возможность свободнаго развитія. Съ внѣшней стороны они во многомъ подражаютъ своимъ хищническимъ угнетателямъ. Вслѣдствіе того возникло странное смѣшеніе туземнаго и чужеземнаго, прежде всего въ скотоводствѣ. Въ качествѣ кочевыхъ скотоводовъ, они не могутъ пользоваться рабами, потому что они увеличиваютъ ихъ обозъ; поэтому конечной цѣлью ихъ является похищеніе скота. Охоту за рабами здѣсь замѣняютъ набѣги на стада рогатаго скота, и тамъ, гдѣ они угрожаютъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, скотоводство незначительно, какъ мы видимъ это у западныхъ вакамбовъ, и оно увеличивается лишь къ востоку, вмѣстѣ съ большей безопасностью. „Страхъ грабежа имѣетъ опредѣленное значеніе во всей восточной Африкѣ, какъ препятствіе для культурнаго развитія“ (Гансъ Мейеръ); дѣйствіе его простирается не только на рогатый скотъ, но и на желѣзныя орудія и пр. Въ сравненіи съ масаями и ихъ соплеменниками, вакамбовъ нельзя назвать настоящими пастухами; присматриваясь къ нравамъ этихъ полу-скотоводовъ въ отношеніи ихъ къ своимъ стадамъ, мы получаемъ такое впечатлѣніе, что происхожденіе этихъ обычаевъ надо искать у настоящихъ скотоводовъ, презирающихъ земледѣліе и ведущихъ кочевую жизнь къ западу отъ мѣстообитанія вакамбовъ. Эти послѣдніе позволяютъ женщинамъ принимать участіе въ уходѣ за скотомъ, тогда какъ у первыхъ въ основѣ всѣхъ обычаевъ относительно стадъ лежитъ устраненіе женщинъ, которыя не смѣли даже войти въ краль и. тѣмъ менѣе, доить коровъ. Масаи, умерщвляя скотъ, колютъ его въ затылокъ, а вакамбы душатъ его. Вакамбы не держатъ лошадей и верблюдовъ и даже не пользуются осломъ въ качествѣ вьючнаго животнаго, а, повидимому, только откармливаютъ его для убоя. При своемъ свободномъ, бро-

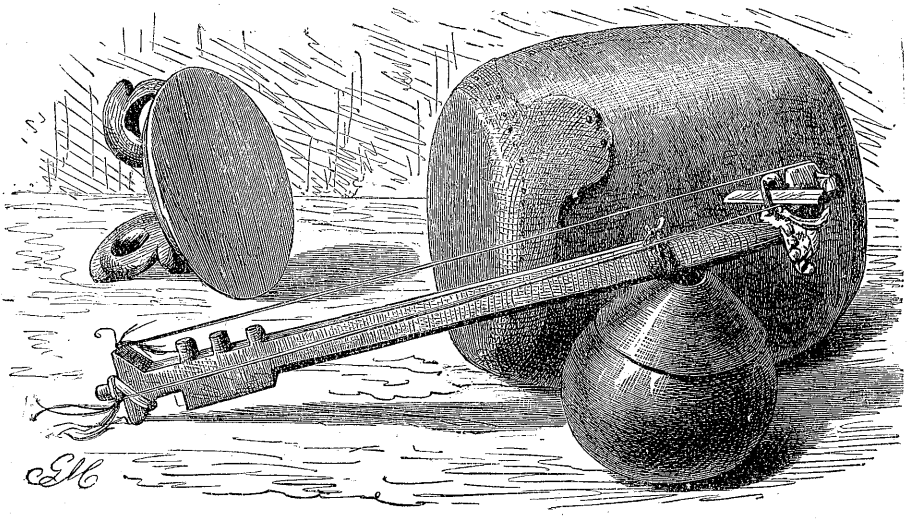
дячемъ образѣ жизни, масаи и вакуафы — воинственные народы, съ законченной организаціей, между тѣмъ, какъ осѣдлые вакамбы боятся битвы въ открытомъ полѣ. Наоборотъ, вакамбы и ихъ соплеменники стоятъ выше своихъ безпокойныхъ сосѣдей во всемъ, что̀ требуетъ осѣдлой, устойчивой и постоянной работы. Всего болѣе занимаются они земледѣліемъ, позволяющимъ имъ пользоваться болѣе разнообразной пищей; земледѣлію они предаются съ такой страстью, что она удивляетъ даже европейцевъ. Замѣчательнѣе всего ихъ искусственное орошеніе полей. И самая жизнь ихъ въ прочныхъ, плотныхъ хижинахъ изъ глины и хвороста удобнѣе, чѣмъ жизнь номадовъ въ легкихъ шалашахъ изъ вѣтвей, и болѣе безопасна отъ хищныхъ животныхъ и непріятелей, хотя это не мѣшаетъ имъ чувствовать страхъ за своими изгородями изъ колючихъ растеній, съ запирающимися дверями. Они вывозятъ свой табакъ на берегъ моря, и вообще занимаются ремеслами и торговлей. При видѣ этихъ столь противоположныхъ народовъ, невольно приходитъ въ голову, что соединеніе ихъ въ одно государственное цѣлое послужило бы къ благу тѣхъ и другихъ. Тогда явилось бы такое положеніе, какое мы видимъ въ Угандѣ и Уньоро, гдѣ плодовитость спокойной работы земледѣльца, вмѣстѣ съ подвижностью и способностью къ управленію кочевыхъ скотоводовъ, создаетъ самыя цвѣтущія государства средней Африки.



Пàлицы ваниковъ. (Изъ коллекціи Роберта Фелькина въ Эдинбургѣ.)

Вліянія пастуховъ на многіе внѣшніе признаки этихъ негрскихъ народцевъ порождаетъ среди нихъ, даже подъ сильнымъ гнетомъ, живѣйшее стремленіе къ подражанію своимъ притѣснителямъ, что̀ ведетъ къ самому забавному обезьянству: такъ, напримѣръ, большіе щиты и копья мало подходятъ къ ихъ не-воинственному характеру. Женщины свои мѣдныя и желѣзныя спирали на шеѣ, рукахъ и ногахъ и шкуры вокругъ бедръ, а мужчины свое недостаточное одѣяніе и окрашиваніе красной краской заимствовали отъ воинственныхъ масаевъ. Весьма своеобразны татуировки, которыя у вакамбовъ состоятъ въ кругломъ пятнѣ посрединѣ лба, а у вагуеновъ — въ черной полосѣ, идущей черезъ лобъ до корня носа, а также огромные деревянные отрѣзки, украшенные желѣзомъ, въ ушахъ, растягивающіе мочки до 8 см., и столь же большія, украшенныя бусами серьги. Подпиливаніе остріями верхнихъ и выбиваніе среднихъ рѣзцовъ встрѣчается у вазамбаровъ и вагуеновъ.

Къ этимъ остаткамъ народовъ, потерявшимъ самостоятельность, принадлежатъ вапокомы (вапокомо), къ врагамъ которыхъ принадлежитъ и султанъ Виту. Стѣсненное положеніе всего болѣе сдѣлало вапокомовъ трусливыми; ихъ копья, длиною въ 3 метра, такъ же не страшны въ ихъ рукахъ, какъ и лукъ съ отравленными стрѣлами, которыя они вымѣниваютъ у вабоновъ. Зато они усердно занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ и судоходствомъ, а отчасти и охотой въ лѣсахъ на Танѣ. Даже галласы, у которыхъ къ сѣверу отъ Таны сомаліи отняли стада и заставили ихъ быть пастухами чужихъ стадъ, а на Сабаки даже земледѣльцами, смотрятъ съ презрѣніемъ на подчиненныхъ имъ, похожихъ на суагеліевъ, земледѣльцевъ вапокомовъ; они менѣе презираютъ похожихъ на галласовъ и платящихъ имъ дань охотничьихъ народовъ Вабони, Вассаніа и Валангуло (Арьянгуло). Вабоны — бродячій, охотничій народъ на сѣверѣ страны



Стулъ, барабанъ и скрипка ваниковъ. (Мюнхенскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 209.

Виту; они не знакомы съ земледѣліемъ и, вслѣдствіе того, преимущественно должны питаться кореньями и дикими плодами лѣсовъ. Съ ними сходны родственные имъ, живущіе южнѣе, ваты (вату).

Кромѣ того, достойны упоминанія жители Узамбары. Главное племя, вазамбары, или, какъ они сами себя называютъ, вашамбасы (вашамбà),— средняго роста и крѣпкаго сложенія. Племеннымъ знакомъ ихъ служитъ небольшой, углубленный рубецъ посреди̇нѣ лба. Ихъ первоначальная одежда изъ кожи почти совершенно вытѣснена ввозными бумажными тканями. Въ качествѣ оружія, у нихъ встрѣчаются мечи, копья и небольшіе луки со стрѣлами, наконечники которыхъ сдѣланы изъ желѣза или изъ отравленнаго дерева. На сѣверѣ распространена метательная палица. У нихъ уже въ значительномъ числѣ можно найти огнестрѣльное оружіе, а щиты болѣе не употребляются. Земледѣліе ведется у нихъ съ большимъ стараніемъ, въ особенности воздѣлываніе бобовъ.

Пастушеское племя вамбуговъ (вамбугу), на сѣверо-западѣ страны, также принадлежитъ къ народамъ Банту, но съ сильною хамитическою примѣсью. Отчасти они находятся въ услуженіи у правителей вазамбаровъ, въ видѣ пастуховъ. Ихъ болѣе утонченныя черты лица, такъ же, какъ и кожаная одежда, приближаютъ ихъ къ масаямъ. Надъ вазамбарами господствуетъ немногочисленное чужеземное племя, которое, согласно преданію, переселилось изъ Нгуру или Джагги, вакилинды (вакилинди). До 1867 года правящая семья жила въ Вугѣ, а затѣмъ въ Вазиндѣ. Народъ не-

навидитъ ихъ и уже поэтому склоненъ къ дружбѣ съ иноземными властями, и болѣе всего съ арабами. Паденіе арабскаго могущества измѣнило это положеніе, и, между прочимъ, въ этомъ случаѣ германская колонизація содѣйствовала перевороту, который, надо надѣяться, установитъ болѣе прочно и благопріятно участь этихъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ въ восточной Африкѣ.

На плодородныхъ и здоровыхъ склонахъ Килиманджаро, въ хорошо орошенномъ поясѣ, между 1000 и 2000 метр. высоты, ваджагги (ваджагга)

Чистка мечей у ваджагговъ. (По фотографіи д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ.)

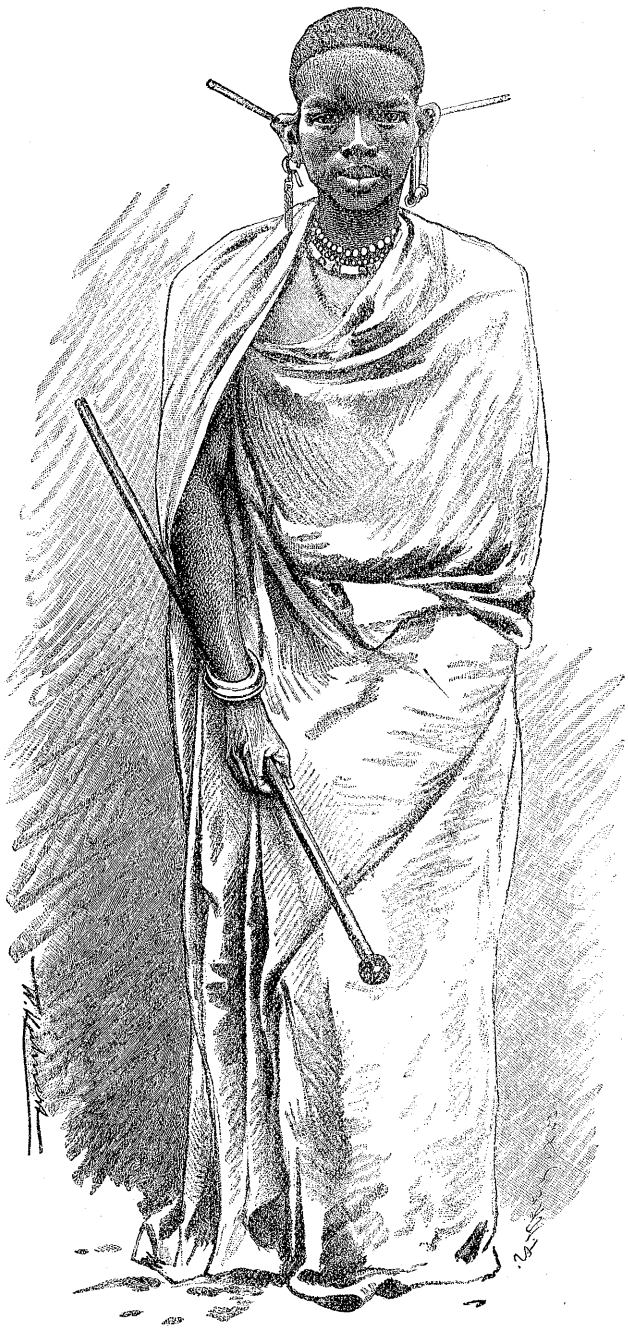
сохранили свое независимое положеніе. Какъ настоящій горный народъ, они раздѣляются на многочисленныя мелкія племена, которыя Гансъ Мейеръ исчисляетъ въ 20, съ областями, въ среднемъ, въ $^4/_5$ кв. мили, и съ общимъ населеніемъ въ 46 тысячъ. Оружіе ваджагговъ состоитъ изъ превосходныхъ копій, которыя употребляются только, какъ колющее оружіе, и вывозятся торговцами къ сосѣднимъ народамъ. Многія изъ копій масаевъ, съ широкими клинками, въ нашихъ коллекціяхъ вышли изъ кузницъ ваджагговъ, арушей и ихъ соплеменниковъ. Поразительно длинные клинки прежде были шире и только съ 1887 г., какъ сообщаетъ Гансъ Мейеръ, стали дѣлаться уже, вслѣдствіе новой моды. Впрочемъ, обѣ формы появились лишь послѣ ввоза европейской желѣзной проволоки, значительно содѣйствовавшаго развитію желѣзной промышленности; прежнія копья, съ короткими клинками, сохранились и до настоящаго времени

въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Килиманджаро. Къ упомянутому оружію надо прибавить еще длинные мечи въ красныхъ кожаныхъ ножнахъ и щиты такой же формы, какъ у масаевъ. Одежда изъ шкуръ существуетъ и теперь; дѣвушки носятъ нитки изъ бусъ на поясѣ, откуда спадаетъ лоскутокъ изъ кожи или другой ткани, величиной съ игральную карту; одежда замужнихъ женщинъ гораздо полнѣе. Отдѣльныя, незначительныя мѣстечки составляютъ владѣнія начальниковъ, имущество которыхъ состоитъ только изъ одного скота. Поэтому главною цѣлью безчисленныхъ раздоровъ является похищеніе скота; въ то же время поля подчиненныхъ намѣренно не опустошаются. Границы тамъ, гдѣ переходъ всего легче, защищены рвами. Къ ваджаггамъ принадлежатъ разсѣянные по южному склону Меру, живущіе среди своихъ полей вамеры (вамеру), находящіеся въ ближайшемъ родствѣ съ арушами.

Воинъ джагга. (По фотографіи д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ.)

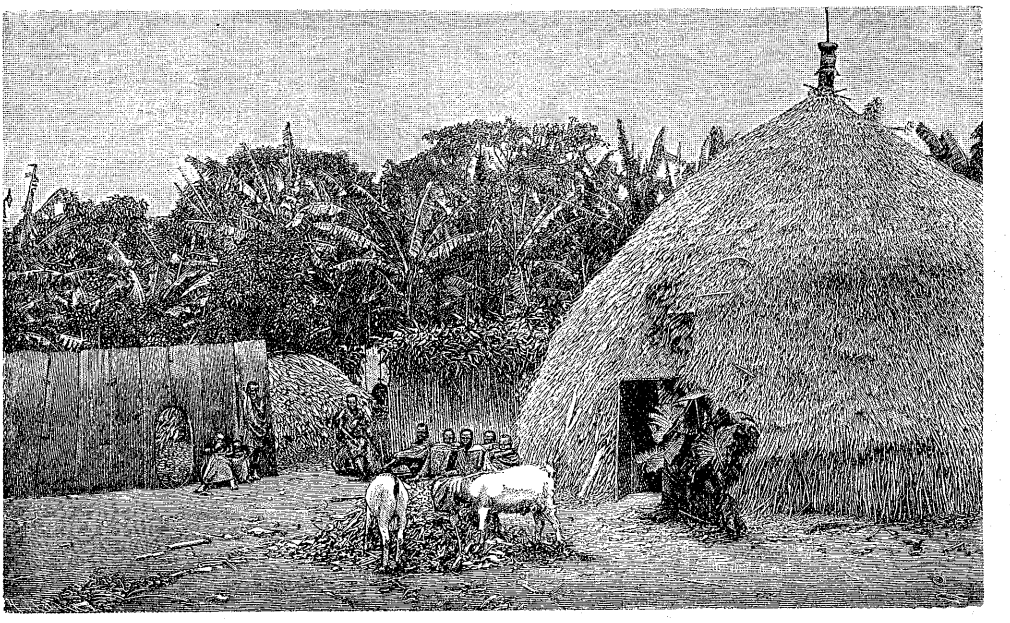
Вагуэны (вагуэно) и вапары (вапаре), какъ въ пространственномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи, занимаютъ среднее мѣсто между ваджаггами и вазамбарами; отъ тѣхъ и другихъ они отличаются тѣмъ, что вліяніе масаевъ на нихъ было болѣе глубокимъ. Ихъ прославленная желѣзная промышленность (кузнецы и здѣсь занимаютъ

особое положеніе въ народѣ) уступаетъ той же промышленности у джагговъ. Вслѣдствіе нападеній этихъ послѣднихъ, красивая горная страна ихъ оскудѣла и отчасти обезлюдѣла. Въ качествѣ культурной группы, которая своимъ мирнымъ, трудолюбивымъ и зажиточнымъ состояніемъ привлекала къ себѣ не одинъ разъ джагговъ, ватаветы (ватавета), обитатели превосходнаго культурнаго оазиса на Килиманджаро, стоятъ отдѣльно и въ лингвистическомъ отношеніи, такъ какъ говорятъ нарѣчіемъ вагуэновъ и вапаровъ. Поселенія вакуафовъ (вакуафи), пастушескаго племени, похожихъ на масаевъ, которому побѣдоносными соплеменниками его была навязана осѣдлая жизнь, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ на Килиманджаро, въ особенности въ Арушѣ; въ Таветѣ вакуафы живутъ подъ властью ваджагговъ. Вандороббы (вандороббо), бродячіе охотники, вынуждаемые необходимостью служить масаямъ, живутъ во временныхъ хижинахъ близъ Узери, на восточномъ склонѣ Килиманджаро. Вмѣстѣ съ родственными имъ племенами Мидгу и Валангуло (см. стр. 180 и слѣд.), подчиненными сомаліямъ и масаямъ, ихъ считаютъ послѣднимъ остаткомъ настоящаго африканскаго первичнаго населенія, которое должно было подчиниться завоевателямъ, пришедшимъ съ сѣверо-востока. (Гильдебрандъ.) Но слѣдуетъ-ли избирать такую возвышенную точку зрѣнія при сужденіи о народахъ, мѣняющихъ мѣста своего обитанія по столь многимъ причинамъ? Прежде всего надо отмѣтить, что „вандороббо“ въ устахъ масаевъ есть общее выраженіе для охотничьихъ племенъ, незави-



Правитель джагговъ Мареале изъ Марангу. (По фотографіи д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ.) Ср. текстъ, стр. 209.

симо отъ ихъ происхожденія, и затѣмъ слѣдуетъ припомнить, какъ широко распространены въ этихъ странахъ отдѣльныя земледѣльческія и промышленныя колоніи негровъ. Фишеръ встрѣтилъ по близости озера Найваши земледѣльческихъ вазегуйевъ (вазегуйю) того же племени, какое жило близъ Танги на морскомъ берегу. „Повидимому, оно много лѣтъ тому назадъ появилось здѣсь, гонимое сильнымъ голодомъ.“ Точно такъ-же Гёнель объясняетъ настоящее положеніе вандороббовъ [1] „неурожаями или подобными причинами“, которыя нѣсколько десятилѣтій тому назадъ вытѣснили ихъ изъ мѣстообитанія ихъ къ западу отъ Баринго. Они говорятъ на языкѣ масаевъ (см. стр. 181), и какова-бы ни была ихъ политическая зависимость, во всякомъ случаѣ, въ значительной степени зависятъ отъ нихъ экономически, такъ какъ они не могли-бы прожить одной охотой и



Хижина джагговъ, на первомъ планѣ козы. (По фотографіи д-ра Ганса Мейера въ Лейпцигѣ.)

разыскиваніемъ дикаго меда (они охотятся за слонами съ метательными копьями, ввидѣ гарпунъ, отравленными сгущеннымъ сокомъ дерева моріо) и по временамъ вынуждены покупать скотъ у масаевъ. Вслѣдствіе того, они никогда не встрѣчаются далеко отъ послѣднихъ. Нѣкоторые вандороббы, впрочемъ, освободились отъ этой зависимости, занимаясь торговлей или состоя въ услуженіи у осѣдлыхъ племенъ.

О. Бауманъ въ послѣдніе годы открылъ еще другіе народы съ подобнымъ же положеніемъ въ области между Килиманджаро и истоками Нила. Вафіомы (вафіоми), съ языкомъ, повидимому, совершенно своеобразнымъ, который не принадлежитъ ни къ группѣ Банту, ни къ Нильской (масайской) группѣ, и вамбугвы (вамбугве), говорящіе на одномъ изъ нарѣчій Банту, занимаются земледѣліемъ и живутъ къ югу отъ озера Маньяра въ глиняныхъ хижинахъ (тембе). Въ сторону Угого, къ югу отъ нихъ, живутъ такъ же говорящіе на діалектѣ Банту ваньятуры (ваньятуру), которые, противоположно крѣпкимъ и трудолюбивымъ вамбугвамъ,

---

[1] Ндороббо значитъ, на языкѣ масаевъ, „лишенные скота“, т. е. неимущіе люди, бѣдняки, обозначая такимъ образомъ соціальное различіе, вполнѣ соотвѣтствующее этнографическому положенію.

находятся въ упадкѣ. Ванеги (ванеге) — охотничій народъ, бродящій между Ираку и Узукумой, а близко родственные имъ васандауи — вѣтвь ихъ, сдѣлавшаяся осѣдлой; тѣ и другіе говорятъ на своеобразномъ языкѣ съ щелкающими звуками.

Въ экваторіальной части восточнаго берега арабскій элементъ имѣетъ многочисленныхъ представителей, но онъ не создалъ такихъ прочныхъ образованій вмѣстѣ съ осѣдлыми африканцами, какъ въ Египтѣ, Нубіи и Абиссиніи. Вліянія его болѣе разсѣяны, и положеніе сборныхъ пунктовъ арабскихъ торговыхъ и завоевательныхъ экспедицій часто измѣнялось. Арабы, пока они были еще язычниками, не основывали въ восточной Африкѣ настоящихъ государствъ, не устанавливали законовъ и не выступали въ качествѣ завоевателей и колонизаторовъ; они основывали только торговые дома. Въ самой Аравіи они не обладали политическимъ единствомъ и были раздѣлены на многія племена, находившіяся въ несогласіи между собою. Только тогда, когда они стали магометанами, торговыя отношенія ихъ приняли политическій характеръ; въ то же время утвердились они болѣе прочно на этихъ берегахъ, съ которыми, впрочемъ, давно уже были знакомы. Могдишу, Килоа (основанный въ 365 г. Геджры) и Софала были уже прочными поселеніями, когда португальцы въ 1498 году достигли этихъ береговъ и Васко да Гама отплылъ въ Индію съ арабскими лоцманами съ берега Суагели; арабы еще раньше селились на Коморенахъ и въ Мадагаскарѣ. Въ концѣ XVII вѣка имамы маскатскіе предприняли завоевательное движеніе къ этимъ берегамъ, въ 1698 году взяли Момбасъ, а позднѣе, вмѣстѣ съ Занзибаромъ, пріобрѣли господство до Мозамбикскаго берега. Съ того времени страна между экваторомъ и мысомъ Дельгадо стала подчиненной Маскату, пока въ 1858 г., при раздѣлѣ наслѣдства, не образовалось особое Занзибарское султанство, подъ властью Саидъ Меджида, получившаго извѣстность въ исторіи открытія Нильскихъ озеръ. Средоточіемъ этого господства былъ островъ Занзибаръ, величиною въ 130 кв. миль и съ 210 тыс. жителей; болѣе двухъ третей ихъ составляютъ свободные и обязанные службой негры, и около 6000 индусовъ, которые большую часть торговли держатъ въ своихъ рукахъ. Остальная часть состоитъ изъ арабовъ въ довольно пестромъ смѣшеніи, господствующихъ здѣсь и на противоположной бере-

Саидъ Баргашъ, умершій въ 1888 г. султанъ Занзибара. (По фотографіи.)

говой полосѣ, важной для этого счастливаго острова въ качествѣ опорной и исходной точки коммерческихъ, а затѣмъ политическихъ предпріятій, благодаря которымъ арабскіе торговцы и исламъ достигли Нильскихъ озеръ гораздо раньше европейцевъ. Достаточно напомнить, что прямое вліяніе Занзибарскаго султана распространялось до Танганьики! Занзибаръ превзошелъ всѣ другія мѣста, между бухтой Альгоа и мысомъ Гвардафуй, какъ торговый городъ и исходный пунктъ значительнаго политическаго и нравственнаго вліянія. Вліяніе арабовъ на берегу и внутри основывалось прежде всего на ихъ оживленной торговлѣ, а затѣмъ на ихъ личныхъ и культурныхъ преимуществахъ. Сношенія съ Аравіей и Индіей поддерживали двухмачтовыя суда, по большей части, арабскаго производства и съ арабскимъ экипажемъ, уходившія съ сѣверо-восточнымъ муссономъ и возвращавшіяся съ юго-западнымъ. Въ предшествующіе вѣка эти сношенія охватывали болѣе обширные круги, какъ показываютъ многочисленныя старинныя китайскія фарфоровыя вещи, которыя Ленцъ видѣлъ въ арабскихъ домахъ Ламу. Между островомъ Занзибаромъ и материкомъ пользовались только туземными барками, которыя привозили на островъ слоновую кость, копаловый лакъ и каучукъ, и въ особенности рабовъ, а отсюда эти товары отправлялись въ Индію, Аравію и Египетъ.

Латунное носовое кольцо суагеліевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Въ чужеземномъ населеніи Занзибара по преимуществу выдаются арабы, индусы, баньяны, персы, негры, суагеліи, мадагассы и коморенцы. Арабы, хозяева острова, часто обладаютъ большими имѣніями, обширными плантаціями и многочисленными рабами. Въ ихъ рукахъ находилась, главнымъ образомъ, торговля съ внутренней частью материка, и ежегодно многіе изъ нихъ отправлялись туда съ большими караванами и значительной свитой, останавливались въ Таборѣ, Уджиджи или другихъ торговыхъ центрахъ и посылали лучшихъ рабовъ за покупкою слоновой кости и новыхъ невольниковъ. Все купленное собиралось въ ихъ главныхъ квартирахъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ они возвращались въ Занзибаръ, чтобы распродать свои товары и сдѣлать новый запасъ для дальнѣйшей торговли. Нерѣдко случалось и случается, что такіе высшіе рабы, посылаемые арабами, съ помощью своихъ господъ становятся самостоятельными и основываютъ конторы занзибарскихъ домовъ глубоко внутри материка. Бываетъ также, что они растрачиваютъ ввѣренные имъ товары или теряютъ въ одномъ изъ многихъ и частыхъ переворотовъ торговли и затѣмъ уже не рѣшаются вернуться въ Занзибаръ. Они поселяются тамъ, гдѣ ихъ застанетъ этотъ моментъ, и подобныя колоніи встрѣчаются въ Карагве, Угандѣ, даже въ области Конго (Типпу Типпъ). Именно въ Угандѣ вліяніе ихъ особенно чувствительно въ политическомъ и религіозномъ отношеніи.

Арабское вліяніе во внутреннихъ странахъ не всегда основывается на богатствѣ и могуществѣ. Нерѣдко корни многихъ торговыхъ королей этихъ странъ глубоко лежатъ въ почвѣ. Не всѣ ихъ караваны — большіе торговые караваны, находящіеся въ распоряженіи вліятельныхъ купцовъ, хорошо вооруженные и богато снабженные товарами. Охота къ странствованіямъ и стремленіе къ наживѣ заставляютъ и другихъ людей подвергаться трудностямъ этого далекаго пути. Кэмеронъ встрѣтилъ въ Узагарѣ маленькій караванъ кузнеца, который направлялся въ Уньяньембе, чтобы тамъ, по исправленіи огнестрѣльнаго оружія, попытать счастья въ борьбѣ съ Мирамбо. Кромѣ того, „это была смѣшанная масса, соединившаяся для взаимной защиты; она состояла изъ мелкихъ отрядовъ, руководимыхъ арабскими рабами и бѣдными свободными людьми, которые могли

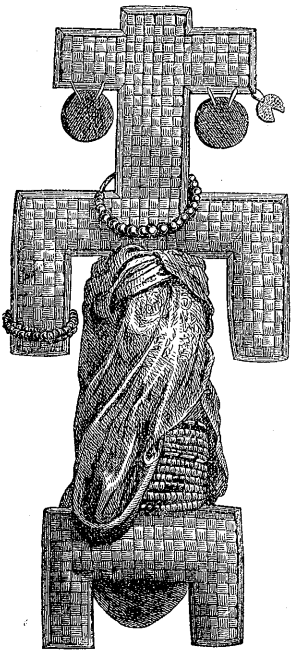
собрать лишь два или три груза и столько же рабовъ для переноски, но, полные надежды, стремились въ страны баснословнаго богатства, гдѣ, по ихъ мнѣнію, слоновая кость употребляется для огораживанья свиныхъ хлѣвовъ и для изготовленія дверныхъ косяковъ."

Цѣлыя двѣ трети населенія состоятъ изъ негровъ. Къ нимъ принадлежатъ прежде всего такъ называемые вангваны (вангвана), составляющіе неизбѣжную составную часть каждаго каравана. Имя вангвана означаетъ господъ, въ отличіе отъ рабовъ на плантаціяхъ. Эти вангваны родились, быть можетъ, не въ Занзибарѣ, но въ видѣ рабовъ прибыли изъ внутреннихъ странъ, натурализовались здѣсь и выучились языку кисуагели. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли свободу, но большинство ихъ — рабы, которые своимъ господамъ отдаютъ часть заработка за разрѣшеніе вступать на службу къ европейскимъ путешественникамъ. Они обращены въ магометанство или, по крайней мѣрѣ, должны были подвергаться обрѣзанію, чтобы быть „чистыми", т. е. чтобъ имѣть возможность убивать животныхъ для своихъ господъ. Большинство ихъ имѣетъ, однако, очень мало понятія объ ученіи своей религіи и рѣдко или никогда не читаютъ предписанныхъ молитвъ. „Болѣе двухъ лѣтъ", говоритъ Уильсонъ, „многіе изъ нихъ находились у меня въ услуженіи, и я никогда не видалъ, чтобы изъ нихъ кто-нибудь молился, за исключеніемъ одного раза, когда насъ застигла страшная буря на озерѣ Викторіи и едва не опрокинула нашу лодку." Хотя они почти всѣ — выходцы изъ внутренней Африки, но они смотрятъ съ величественнымъ презрѣніемъ на своихъ черныхъ братьевъ и называютъ ихъ „вашенци" или дикари. Но у нихъ самихъ характеръ настолько негрскій, что именно при сравненіи съ арабами выражается вполнѣ ихъ племенное родство. Когда вангванъ возвращается съ полными карманами изъ внутреннихъ странъ, онъ покупаетъ себѣ новый костюмъ и тросточку и нѣкоторое время разыгрываетъ изъ себя щеголя; онъ ѣстъ и пьетъ, какъ нельзя лучше, и кутитъ цѣлыя ночи съ пріятелями. Когда онъ истратитъ всѣ деньги, что̀ случается обыкновенно черезъ нѣсколько недѣль, онъ продаетъ свое платье, опять надѣваетъ лохмотья и радъ, когда его кто-нибудь возьметъ на службу въ новое путешествіе.

Ватудимы (ватудиму) или рабочіе люди, по всѣмъ вѣроятіямъ, коренные жители Занзибара, которымъ принадлежалъ этотъ островъ до завоеванія его арабами. Они живутъ въ маленькихъ деревняхъ, разсѣянныхъ по острову, и говорятъ нарѣчіемъ, существенно отличающимся отъ городского. Они находятся въ извѣстной зависимости отъ арабовъ, которую нельзя, однако, назвать рабствомъ, и уже не выдѣляются въ физическомъ отношеніи. Прежде, вѣроятно, было иначе, а въ настоящее время они въ расовомъ отношеніи столь же мало своеобразны, какъ и классъ ремесленниковъ, напоминая болѣе ремесленныя касты западной Африки, чѣмъ самостоятельное этническое племя, за какое ихъ принимаютъ лишь поверхностные наблюдатели.

Не обособленіе, а смѣшеніе составляетъ этнографическую примѣту узкихъ острововъ у береговъ Занзибара. То же самое можно сказать о прибрежной области. Здѣсь мы встрѣчаемся съ характернымъ собирательнымъ понятіемъ Суагели, происхожденіе и сущность котораго Отто Керстенъ изображаетъ слѣдующими словами: благодаря тысячелѣтнему смѣшенію арабовъ съ негрскими береговыми племенами, а также продолжающемуся въ теченіе столѣтій ввозу рабовъ почти изъ всѣхъ племенъ восточной Африки, въ особенности съ юга, произошло постепенно такое смѣшанное населеніе, что подъ конецъ нельзя уже было держаться строгихъ различій разныхъ составныхъ частей, тѣмъ болѣе, что привезенные издалека негры въ короткое время принимали здѣшній языкъ и обычаи, забывали свое происхожденіе и родину и одинаково называли себя суагеліями, какъ будто ихъ предки давно уже обитали въ этой странѣ. Среди тѣхъ, которые называютъ себя суагеліями, мы находимъ, вслѣдствіе того, всѣ оттѣнки цвѣта

кожи и всѣ посредствующія ступени физическихъ свойствъ, отъ предполагаемыхъ коренныхъ обитателей до переселившихся сюда арабовъ; такъ какъ и среди послѣднихъ рѣдко встрѣчаются представители чистой крови, то и среди осѣдлыхъ уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній негровъ можно найти лишь немного несмѣшанныхъ семействъ. Слѣды этого смѣшенія ясно можно замѣтить не только въ физическихъ признакахъ, но и въ языкѣ и во всемъ образѣ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа. Вліяніе высшей расы на низшую не во всѣхъ отношеніяхъ было благопріятнымъ: народъ суагеліевъ еще не достаточно однороденъ, чтобы обнаружить положительныя качества настоящаго смѣшаннаго народа, совершенно слившагося между собою, вслѣдствіе совмѣстнаго жительства въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, безъ дальнѣйшаго притока чуждой крови. Суагеліи — вообще сильнаго и красиваго сложенія, скорѣе полны, чѣмъ худощавы, и обладаютъ пріятными, даже изящными лицами, съ несомнѣнными семитическими чертами (см. рис., стр. 196). Но въ этнографическомъ отношеніи они во многомъ примыкаютъ къ арабамъ. По крайней мѣрѣ, зажиточные, т. е. обладающіе не менѣе, какъ четырьмя рабами, и не зависящіе отъ своей личной работы суагеліи могутъ быть причислены къ арабамъ. Этотъ смѣшанный народъ свой языкъ, представляющій нарѣчіе Банту, съ примѣсью арабскихъ и индійскихъ словъ, а въ послѣднее время нѣмецкихъ и англійскихъ, сдѣлалъ обиходнымъ языкомъ въ значительной части восточной Африки. Штульманъ находилъ языкъ и костюмъ суагеліевъ даже у вакусовъ, въ области Ньянгве. Суагеліи, по своему торговому духу, отвращенію отъ тяжелой работы и приспособляемости, доходящей до трусости, могутъ назваться настоящимъ торговымъ народомъ; поэтому ихъ, такъ же, какъ евреевъ или армянъ, можно найти, ввидѣ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ, во всякой деревнѣ, у каждаго правителя, преслѣдующихъ торговыя цѣли, которыя прежде заключались, главнымъ образомъ, въ разыскиваніи невольниковъ. Подъ внѣшнимъ лоскомъ мусульманства, они остались настоящими неграми, какъ это показываютъ въ особенности ихъ сказки и поговорки.



Кукла (или идолъ?), сплетенная изъ травы, у суагеліевъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Между ними и племенами, причисляемыми еще въ культурномъ отношеніи къ неграмъ, стоятъ сильно смѣшанныя съ арабами и тѣсно связанныя съ ними и въ политическомъ отношеніи береговыя племена типа вамримовъ (вамрима), которыя, противоположно другимъ племенамъ, смѣшаннымъ съ арабами, въ соціальномъ, а въ прежнее время и въ политическомъ отношеніи, вполнѣ отдѣлены отъ арабовъ и поэтому еще скорѣе превращаются въ негровъ. Оманы называютъ ихъ не родственниками, а „аайямъ“, соплеменниками. Они образуютъ узкую полосу на берегу, гдѣ ими нѣкогда управляли собственные начальники, подъ верховной властью занзибарскаго султана, ведутъ лѣнивую жизнь среди своихъ плантацій, продуктами которыхъ снабжаютъ островъ Занзибаръ и моряковъ и которыя они заставляютъ обрабатывать женъ и рабовъ. Главнымъ предметомъ наживы для нихъ нѣкогда былъ грабежъ каравановъ, проходившихъ черезъ ихъ область, въ особенности, изъ внутреннихъ странъ, со слоновой костью и рабами. Этимъ объясняется непропорціонально большое число мелкихъ гаваней на этомъ берегу, изъ которыхъ каждый начальникъ хотя одну старался присвоить себѣ, главнымъ образомъ, конечно, въ интересахъ болѣе

легкаго вывоза рабовъ. „Деревня состоитъ изъ 2—3 дюжинъ глиняныхъ хижинъ, съ хорошо провѣтриваемыми, поднимающимися на сваяхъ крышами; она соединена узкой тропинкой съ берегомъ, и каждая хижина окружена высокимъ заборомъ, заключающимъ въ себѣ дворъ и жилище женщинъ, дѣтей и домашнихъ животныхъ. Нѣкоторые надстраиваютъ надъ хижинами нѣчто вродѣ второго этажа изъ хвороста и досокъ, служащаго складомъ для товаровъ или спальней. Къ этому сочетанію хижинъ примыкаютъ мѣстами группы ульеобразныхъ жилищъ рабовъ и бѣдняковъ“. (Бёртонъ.) Только болѣе богатые вамримы ведутъ такой же образъ жизни, какъ арабы, а болѣе бѣдные живутъ, какъ негры. Мрима рѣдко появляется въ обществѣ безъ копья или палки. Женщины закрываютъ себѣ лицо только въ исключительныхъ случаяхъ и вкладываютъ серебряную или мѣдную запонку, а, за недостаткомъ ея, даже кусочекъ маньока въ лѣвую ноздрю и растягиваютъ, съ помощью кусочка дерева или копала или же бетелеваго орѣха, свои уши до безобразной величины. Ихъ прически весьма разнообразны; нѣкоторые брѣютъ волосы надъ ушами и лбомъ, а другіе располагаютъ ихъ свитками, такъ что голова имѣетъ видъ дыни; твердыя пряди, стоящія какъ рога, встрѣчаются и здѣсь. Нѣсколько шерстистые волосы соотвѣтствуютъ этому чисто африканскому стремленію къ оригинальнымъ прическамъ.

И между арабами восточной Африки чистокровные потомки переселенцевъ изъ Омана становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Даже въ семьѣ правителей часто можно замѣтить сильно выраженный типъ мулатовъ. Вслѣдствіе процесса смѣшенія, и арабы позднѣйшаго переселенія быстро утрачиваютъ прекрасный цвѣтъ и красивыя черты лица, а потомковъ первыхъ переселенцевъ, на берегу, трудно уже отличить отъ коренныхъ жителей. Нельзя считать общимъ правиломъ, чтобы арабы-мулаты на этомъ берегу представляли упадокъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи. Но дѣйствительно, третьи поколѣнія такого смѣшенія такъ же негрообразны, какъ и темныя племена внутренней части материка. Лобъ, глаза и волосы часто еще носятъ на себѣ признаки болѣе благородной расы, между тѣмъ, какъ скулы, толстыя губы и скошенный назадъ подбородокъ обнаруживаютъ негрскія примѣты. Впрочемъ, даже болѣе чистокровные креолы, родившіеся на островѣ или на берегу Занзибара, замѣняютъ энергичный темпераментъ арабовъ болѣе мягкимъ, какъ это свойственно и баньянамъ на этомъ берегу. По описаніямъ, они лѣнивы и разсѣянны, хотя смышлены и хитры, и исторія не противорѣчитъ этой характеристикѣ. Образованность арабовъ на восточномъ берегу Африки носитъ такой же колоніальный отпечатокъ. Съ 7—8 лѣтъ, при трехгодичномъ обученіи, онъ научается читать коранъ и писать старомоднымъ почеркомъ, „менѣе совершеннымъ, чѣмъ куфическій“. Кромѣ того, его выучиваютъ нѣсколькимъ молитвамъ и пѣснямъ. Затѣмъ онъ начинаетъ помогать отцу въ его дѣлахъ или на плантаціи и въ то же время предается пьянству и любовнымъ похожденіямъ. Сюда проникло изъ Индіи и куреніе опіума. Когда онъ, въ возрастѣ отъ 17 до 18 лѣтъ, начинаетъ чувствовать дѣйствіе такой развращенной жизни, онъ женится и совершенно предается своимъ дѣламъ и своей семьѣ; онъ рѣдко посѣщаетъ Занзибаръ, гдѣ его раздражаютъ стѣсненія, полуцивилизаціи, восточнаго общества и пренебреженіе, съ какимъ относятся къ черному цвѣту кожи. Но онъ не перестаетъ носить тюрбанъ и длинную желтую одежду, какъ знакъ своего арабскаго происхожденія.

Роль арабовъ въ основанныхъ, въ сущности, ими, хотя и съ широкой помощью вангвановъ и, въ особенности, ваньямвезіевъ, торговыхъ мѣстечкахъ, каковы Табора, Уджиджи, Ньянгве и др., вытекаетъ изъ ихъ торговыхъ отношеній. Едва ли кто либо изъ арабовъ во внутреннихъ странахъ пришелъ туда съ намѣреніемъ основать колонію. Всѣ они — только странствующіе купцы, которые по различнымъ причинамъ остались жить во внутреннихъ торговыхъ мѣстечкахъ. Среди этихъ эмигрантовъ мы нахо-

димъ банкротовъ, бѣглыхъ преступниковъ, политическихъ бѣглецовъ и другихъ, имѣющихъ основательныя причины держаться подальше отъ Занзибара и морского берега. Другіе остаются во внутреннихъ странахъ изъ стремленія къ наживѣ. Торговля является общимъ занятіемъ для нихъ и, предпочтительно, нѣкогда тѣсно связанныя между собою отрасли торговли рабами и слоновой костью. Но между арабами, поселившимися въ пастушескихъ мѣстностяхъ, нѣкоторые обладаютъ большими стадами рогатаго скота и обширными пахотными землями. Они оказываютъ немаловажное вліяніе на культуру внутренней Африки. Тамъ, гдѣ они поселились, они всегда пытаются воздѣлывать свои овощи и плоды. Такъ они ввели туда дынныя деревья, сладкіе бананы, манго и лимоны, ананасы, гранаты и, въ особенности, пшеницу и рисъ. Въ ихъ главныхъ мѣстопребываніяхъ они господствуютъ, какъ неограниченные правители, и нѣкоторые держатъ сотни рабовъ; Типпу Типпъ выступилъ во время пребыванія Стэнли въ Ньянгве съ 700 вооруженныхъ людей. Дома такихъ властителей укрѣплены. Уджиджи и Ньянгве лежатъ въ центрѣ первоначальныхъ скопленій такихъ укрѣпленныхъ арабскихъ усадьбъ. Въ Угандѣ еще 25 лѣтъ тому назадъ они составляли небольшую колонію, по близости резиденціи Мтезы, и христіанская миссія можетъ многое разсказать объ ихъ вліяніи.

Въ виду незначительныхъ силъ ихъ, они выказали поразительно быстрое распространеніе. Въ 1871 г. они начали селиться въ Каремѣ, на юго-восточномъ берегу, у вафиповъ, а уже черезъ 10 лѣтъ играли тамъ значительную политическую роль. Спикъ между первымъ и вторымъ посѣщеніемъ Уньямвези (въ 1857 и въ 1861 г.) нашелъ большую перемѣну. Тогда арабы были купцами, а теперь они уже были землевладѣльцами, съ большими имѣньями и хорошо вооруженными отрядами рабовъ. Ихъ неизбѣжное вмѣшательство въ политическія дѣла оказывало преобладающее вліяніе въ теченіе двухъ десятилѣтій на исторію такой обширной страны, какъ Уньямвези, и болѣе или менѣе на всю область между Индійскимъ океаномъ и верхнимъ Конго. И возстаніе 1888—89 гг. показало, какъ они смѣлы и какое вліяніе оказываютъ на населеніе. Политика ихъ заключается въ томъ, чтобы сѣять раздоры и извлекать изъ нихъ свои выгоды. Когда имъ удается вызвать ссору, они пользуются своимъ преимуществомъ, заключающимся въ высшемъ умственномъ развитіи и лучшемъ вооруженіи.

---

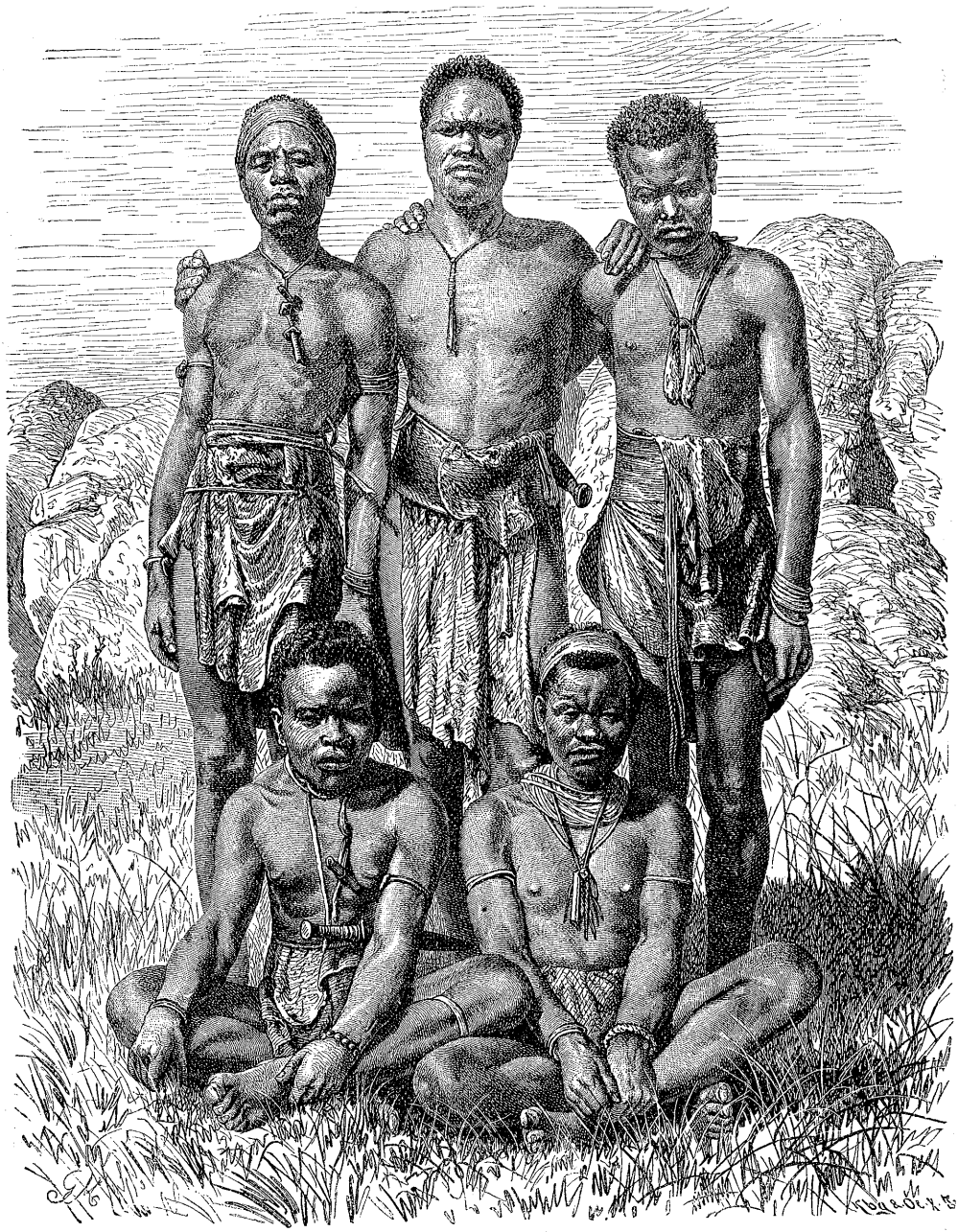
7. Народы Замбези и Лунды.

„И человѣкъ въ этихъ областяхъ болѣе развитъ, чѣмъ обитатель странъ къ югу отъ Замбези.“ Голубъ.

Содержаніе: Различія между южными и внутренними африканцами. Историческое положеніе области Замбези. — Переходные народы: овамбы, макалаки, бакубы Тіоге и башапатаны. — Байеи. — Царство баротсовъ. — Батоки. Ихъ раздробленіе силами макололовъ. — Гангуэллы. — Переходъ къ западнымъ народамъ. — Лухацы. — Амбуэллы: Незначительное скотоводство. Желѣзная промышленность. — Лунды и царство Муаты Ямво. — Лукокеша. Сказанія о происхожденіи царства лундовъ. Народное собраніе. Страна Казембе.

Замбези не только служитъ границею умѣренной и тропической южной Африки; своей нижней половиной онъ составляетъ раздѣльную линію между южно-африканскими и внутренне-африканскими народами. Какъ бы ни были велики различія между сѣверными и южными бечуанами, какими бы своеобразными ни казались намъ юго-восточные кафры, у южныхъ африканцевъ всегда имѣются нѣкоторыя общія черты, которыя противополагаютъ ихъ обитателямъ всей экваторіальной Африки. Зулусскія племена составляютъ переходъ лишь въ ограниченной области, въ качествѣ хищни-

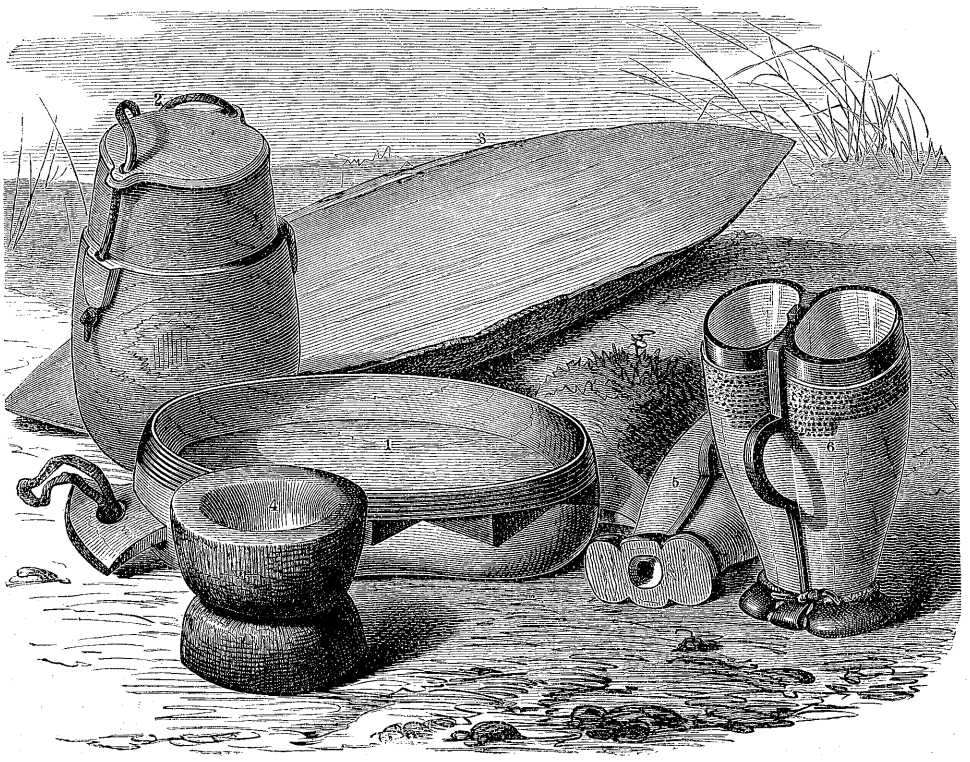
ковъ и скотоводовъ-кочевниковъ. Этотъ фактъ не нарушаетъ правила, въ силу котораго южные и экваторіальные африканцы являются отпрысками одного и того же племени, но во многихъ важныхъ сторонахъ различаются



Мужчины овамбы. (По фотографіи, принадлежащей Миссіонерскому дому въ Барменѣ.) Ср. текстъ, стр. 227.

между собою. Многое обусловливается различными внѣшними отношеніями. Земледѣліе заступаетъ мѣсто скотоводства. Большое различіе существуетъ между кафрскимъ правителемъ, высшей задачей котораго является присмотръ за стадами рогатаго скота въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ, и Муа-

той Ямво, который тщательно, какъ величайшую драгоцѣнность, воспитываетъ нѣсколько подаренныхъ ему коровъ и быковъ. Такое же различіе въ образѣ жизни мы видимъ между бамангватами, къ югу отъ Замбези, которые наполовину питаются молокомъ, и манганджами, къ сѣверу отъ этой рѣки, которые вообще не пьютъ молока. И, тѣмъ не менѣе, мы здѣсь видимъ одну общую черту. Въ тепломъ климатѣ болѣе благопріятныя условія способствуютъ воздѣлыванію маніока, хлопка, тропическихъ плодовъ, а на востокѣ и риса. Земляной орѣхъ попадается все чаще и чаще. Превосходство внутренне-африканцевъ надъ ихъ собратьями, живущими къ



Деревянная посуда овамбовъ: 1) чашка, 2) горшокъ, 3) совокъ, 4) курительная чашка, 5 и 6) двойной кубокъ для пива. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/8 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 226.

югу отъ Замбези, боящимися воды, въ судостроеніи и рыболовствѣ является уже неоспоримымъ. Но они подвинулись дальше и почти во всѣхъ ремеслахъ, чему отчасти содѣйствуютъ ихъ мирныя наклонности и еще болѣе — близость стараго, давно уже остававшагося нетронутымъ центра всѣхъ искусствъ и ремеслъ въ бассейнѣ Конго. Такъ какъ суровая военная организація далѣе къ сѣверу ослабѣваетъ, то щитъ и копье перестаютъ уже быть характернымъ вооруженіемъ и замѣняются красивыми луками съ утолщенными концами (см. рис., стр. 37). Благодаря рѣзьбѣ, палицы получаютъ болѣе разнообразныя формы. Особенно замѣтный у бечуановъ и зулусовъ, принадлежащій, главнымъ образомъ, восточно-африканскому плоскогорью, кожаный щитъ почти совсѣмъ отсутствуетъ. Въ постройкахъ на Замбези впервые появляются прямоугольныя хижины, отступающія отъ типической для Африки конусообразной формы, и эти народы вообще, благодаря прекрасному матеріалу, искуснѣе въ постройкахъ, чѣмъ южно-африканцы. Изъ разнообразія утвари выдѣляются въ особенности различные музыкальные инструменты. Маримба (см. рис., стр. 21), двойной колокольчикъ (см. рис.

стр. 228) и деревянный барабанъ встрѣчаются здѣсь въ первый разъ. Въ одеждѣ кожа и мѣхъ исчезаютъ все болѣе и болѣе и замѣняются матеріями изъ древесной коры и тканями изъ туземныхъ прядильныхъ растеній. Короче сказать, мы стоимъ на порогѣ средней Африки.

Когда Ливингстонъ проникъ въ эту область съ юга, въ качествѣ перваго путешественника съ научными цѣлями, культурная граница была передвинута къ сѣверу, вслѣдствіе недавняго завоеванія макололовъ; но это была та же граница, какую мы видимъ въ настоящее время на Замбези. Изъ описаній названнаго путешественника мы можемъ заключить, что въ странѣ Лунда онъ перешелъ черезъ самую важную этническую границу изъ всѣхъ, съ какими онъ ознакомился въ своихъ путешествіяхъ. Уже въ физическомъ строеніи его поразилъ сильнѣе выраженный негрскій характеръ. Онъ называетъ „балундовъ настоящими неграми, на головѣ и на тѣлѣ которыхъ гораздо больше шерсти, чѣмъ у бечуанскихъ или кафрскихъ племенъ.“ Среди нихъ можно найти болѣе темныхъ и болѣе свѣтлыхъ. „Но“, прибавляетъ онъ (мы въ особенности указываемъ на это наблюденіе, такъ какъ уже въ этомъ мѣстѣ оно опровергаетъ допущеніе значительнаго физическаго различія между кафрами и болѣе сѣверными неграми), „если они и имѣютъ общее сходство съ типическимъ негромъ, то я не могъ убѣдиться, что нашъ идеальный негръ является настоящимъ типомъ. Между ними встрѣчаются внушительныя, красивыя головы и фигуры.“ Если Замбези можетъ служить культурной границей на востокѣ, то на западѣ отступленія отъ южно-африканскаго типа начинаются уже гораздо южнѣе. Здѣсь, какъ и повсюду, существуютъ постепенные переходы. Выше мы назвали отличительнымъ признакомъ культурной границы преобладаніе земледѣлія надъ скотоводствомъ, и на западѣ эту отличительную этническую грань мы находимъ на границѣ настоящей степи уже непосредственно къ сѣверу отъ страны дамаровъ. Обитатели страны овамбовъ приводятъ насъ незамѣтно къ племенамъ бассейна Замбези.

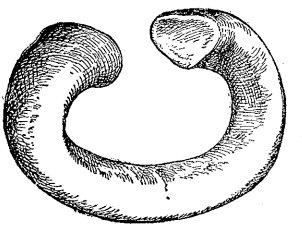
Направляясь къ сѣверу, черезъ степи Дамараланда, почти до самаго 18-го градуса широты, мы спускаемся прямо изъ кустарниковъ колючей мимозы въ волнистыя, засѣянныя хлѣбомъ равнины. Этотъ рѣзкій контрастъ производитъ пріятное впечатлѣніе. „Напраснымъ стараніемъ было бы“, восклицаетъ Андерсонъ, „описать наше восхищеніе. Достаточно сказать, что вмѣсто безконечной кустарной степи, гдѣ каждую минуту иглы мимозы угрожали вырвать насъ изъ сѣдла, пейзажъ представлялъ теперь, повидимому, безграничное поле желтаго хлѣба, усѣянное многочисленными мирными хижинами и залитое теплымъ свѣтомъ тропическаго солнца. При этомъ поднимались мѣстами исполинскія, раскидистыя, темнолиственныя плодовыя деревья и многочисленныя вѣерообразныя пальмы, отдѣльно или группами. Это казалось намъ элизіумомъ.“ Такова страна овамбовъ. Вся область ея плодородна, хотя и не отличается избыткомъ воды. Она принадлежитъ къ степнымъ мѣстностямъ, съ дождливымъ временемъ, достаточнымъ для хлѣбныхъ посѣвовъ. Овамбы относятся къ водѣ съ величайшимъ почетомъ.

Овамбами называютъ жителей полосы земли, заключающейся между Кунене, Окаванго и приблизительно 19° ю. ш. Имя „овамбо“ употребительно у гереросовъ, но, повидимому, это — лишь видоизмѣненіе слова „аайямба“ или „овайямба“ (богатые), какимъ называютъ себя сами овамбы. Кунене въ лучшемъ случаѣ играетъ роль политической границы, такъ какъ живущіе оттуда къ сѣверу уумбандьи должны быть родственны съ племенами Амбо. Къ сѣверу границу между Кунене и Окаванго, какъ кажется, образуетъ лѣсистая полоса, вовсе не населенная, по утвержденію овамбовъ. Сами овамбы распадаются на 11 болѣе или менѣе значительныхъ племенъ. Они — не первый земледѣльческій народъ, встрѣчающійся въ западной Африкѣ съ юга, но вообще среди земледѣльческихъ народовъ Африки это — одинъ изъ

самыхъ мирныхъ и дѣятельныхъ. Соотвѣтственно тому, они живутъ относительно довольно плотно. Гальтонъ сообщаетъ, что онъ, въ среднемъ, на 5 км. могъ насчитать до 30 поселковъ, хотя холмистое строеніе мѣстности не позволяло видѣть на далекія разстоянія; онъ полагаетъ, что на каждый поселокъ приходилось 30—40 душъ. Болѣе обширныхъ поселеній не встрѣчается въ Амболандѣ, а лишь группы небольшого числа поселковъ, такъ какъ населеніе живетъ повсюду среди своихъ полей.

Овамбы представляютъ несущественныя различія отъ гереросовъ по физическому строенію и цвѣту кожи, но, быть можетъ, стоятъ еще ближе къ горнымъ дамарамъ: это — некрасивые, костистые люди, съ рѣзкими чертами, весьма мускулистые. Языкъ ихъ лишь діалектически отличается отъ нарѣчія гереросовъ: „принеси огня“ у овамбовъ „ella omulilo“, у гереросовъ — „et omuriro“. Эти народы, однако, съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Земледѣліе, господствующая черта въ жизни этихъ племенъ, опирается главнымъ образомъ на два вида проса — дурру и Eleusine. Бобы также воздѣлываются повсюду, а маисъ встрѣчается рѣдко; южная граница маиса проходитъ отъ Кунене и Окаванго до озера Нгами. Поля этого хлѣба часто тянутся, прерываемыя лишь пѣшеходными тропинками, на цѣлыя мили. Весьма замѣчательно, что овамбы употребляютъ навозъ для удобренія своихъ полей. Собранный хлѣбъ хранится въ особыхъ плетенкахъ, въ видѣ ульевъ, съ діаметромъ нѣсколько больше одного метра, поставленныхъ въ грубо сдѣланныхъ треножникахъ, острымъ концомъ внизъ. Эти зернохранилища прикрываются крышами, сплетенными изъ вѣтвей. Рядами такихъ хранилищъ тамъ измѣряется богатство, такъ же, какъ у насъ величиною амбаровъ. Кромѣ хлѣба, важнѣйшимъ продуктомъ земледѣлія является табакъ. Часть его отдается правителю, въ видѣ подати, и въ то же время онъ представляетъ у овамбовъ обращающееся повсюду средство обмѣна. Его размельчаютъ въ деревянныхъ сосудахъ, и, повидимому, онъ не высокаго качества. Здѣсь воздѣлываются также мѣстныя разновидности тыквъ и арбузовъ. Значительно и разведеніе рогатаго скота, который, однако, за недостаткомъ выгоновъ, приходится гонять на пастбища, удаленныя на нѣсколько дней пути, откуда онъ возвращается уже послѣ жатвы и затѣмъ кормится на жнивьѣ. Весь скотъ считается собственностью правителя, и въ этомъ заключается объясненіе, почему народъ отдается скотоводству лишь съ небольшимъ усердіемъ.



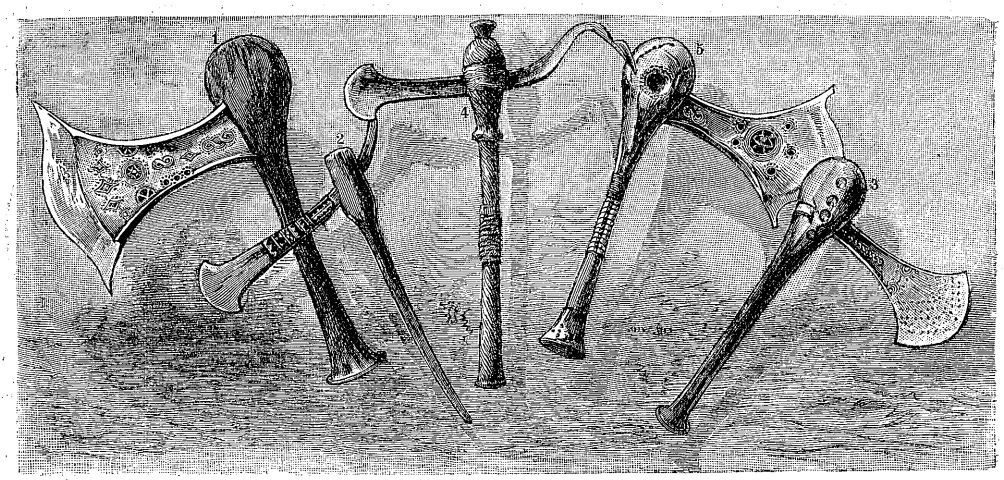
Мѣдное ножное кольцо овамбовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 227.

Пища овамбовъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ густой просяной каши и молока. Они всегда въ свою пищу прибавляютъ соль, противоположно гереросамъ, которые никогда этого не дѣлаютъ. Въ ихъ области встрѣчаются залежи соли. Питьемъ служитъ для нихъ пиво изъ проса, опьяняющее лишь весьма мало, и жидкость, похожая на водку, которая добывается изъ плодовъ Sclerocarya Schweinfurthiana. Этотъ напитокъ преимущественно потребляется въ апрѣлѣ, когда „туземцы кажутся настоящими чертями и для европейцевъ пребываніе среди постоянно пьяной толпы становится адомъ“ (Шинцъ).

Жилища окружены палисадами, внутри которыхъ скучены хижины, житницы, дворы, хлѣва и пр. Только одни ворота вводятъ въ это скопленіе хижинъ, похожее на деревню. Мѣстожительство правителя или короля, которое во времена Гальтона и Андерсона распространялось на пространствѣ съ поперечникомъ около ста метровъ, уподоблялось садовому лабиринту отъ множества огороженныхъ дорогъ, которыя шли во всѣ сто-

роны. Открытое пространство, съ легкимъ навѣсомъ отъ солнца, служитъ мѣстомъ игръ для молодежи. Жилыя хижины имѣютъ круглую форму.

Утварь и оружіе овамбовъ (см. рис., стр. 223) сдѣланы очень тщательно. Изъ дерева выдѣлываются блюда, ложки и сосуды для питья. Въ видѣ земледѣльческаго орудія, у нихъ употребляется только короткая мотыка. Изъ ихъ оружія особенно замѣчательны кинжалообразные ножи, съ рукояткой и ножнами изъ дерева и кожи, отчасти украшенные мѣдными бляхами или плоской отдѣлкой изъ мѣдной проволоки. Ихъ постоянное вооруженіе состоитъ изъ ассагаевъ и кирри. Лукъ и стрѣлы, встрѣчающіеся теперь довольно рѣдко, походятъ на подобное же оружіе гереросовъ, имѣютъ полтора метра длины и изготовляются изъ гибкихъ листовыхъ черешковъ Hyphaene ventricosa. Стрѣлы снабжаются костяными или желѣзными наконечниками и, по свидѣтельству Шинца, неизмѣнно отравляются млечнымъ сокомъ Аросупасее. Колчанъ овамбы носятъ подъ лѣвой рукою на ремнѣ, прохо-

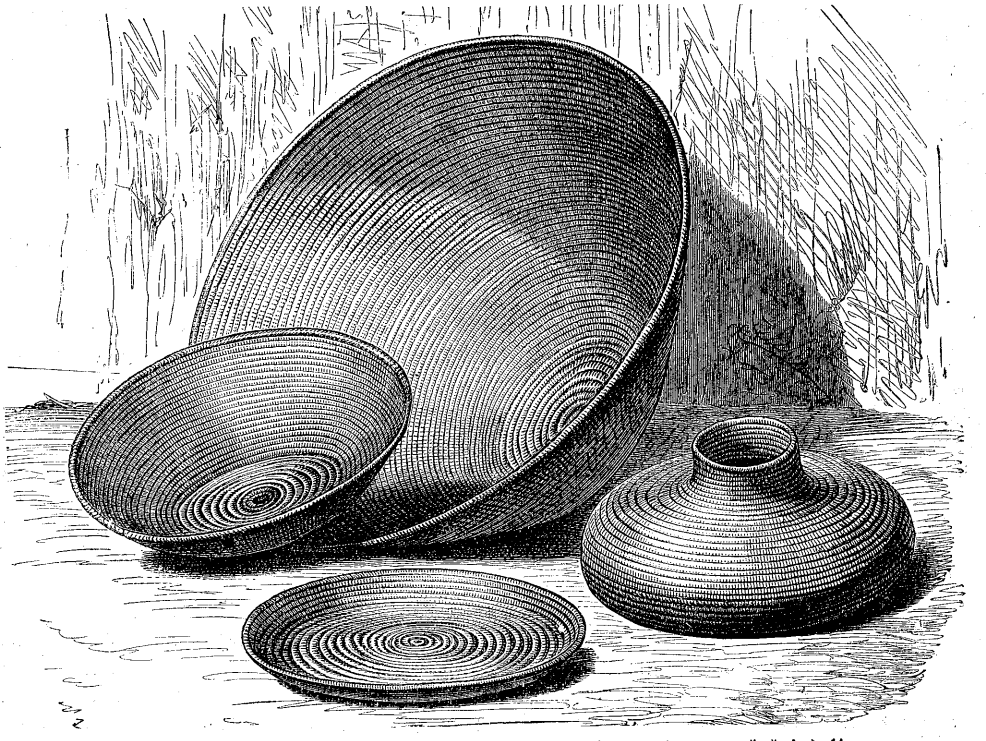


Топоры: 1—2) бассонговъ, 3) лупунговъ, 4 и 5) — съ Замбези. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1—3: 1/8, 4 и 5: 1/10 настоящей величины. Ср. текстъ, стр. 240.

дящемъ черезъ правое плечо, а кинжалъ виситъ у нихъ на поясѣ, или на ремнѣ на верхней части руки; стрѣлы они носятъ по большей части просто въ рукѣ. Копье, длиною болѣе двухъ метровъ, имѣетъ значеніе скорѣе колющаго, чѣмъ метательнаго оружія. И женщины носятъ оружіе, въ видѣ ножа, похожаго на кинжалъ, которое служитъ исключительно для обороны. Хотя въ этой странѣ не встрѣчается ни желѣзной, ни мѣдной руды, но овамбы добываютъ оба металла, получая руду отъ бушменовъ, живущихъ въ горахъ. Изъ желѣза и мѣди они изготовляютъ главные предметы своей торговли: изъ перваго — ножи и наконечники копій и стрѣлъ, а изъ послѣдней — кольца и бусы. Во время пути они несутъ эти предметы въ плетеныхъ корзинкахъ, на обоихъ концахъ длинныхъ палокъ. Не совсѣмъ обдѣланный клинокъ ассагая или локоть нанизанныхъ желѣзныхъ бусъ при Андерсонѣ оплачивался цѣлымъ быкомъ. Главнѣйшимъ предметомъ ихъ внѣшней торговли была прежде слоновая кость. На другомъ берегу Кунене они сходятся съ черными торговцами, говорящими по португальски, и вымѣниваютъ слоновую кость на бусы, желѣзо, мѣдь, раковины и каури. То, что изъ вымѣненныхъ товаровъ не нужно имъ самимъ, они распродаютъ на югъ и на востокъ. Кромѣ скота, наибольшую цѣнность представляли для нихъ бусы. Въ ихъ собственную страну въ прежнее время чужеземные торговцы являлись только изъ ближней страны дамаровъ. Къ каравану Андерсона и Гальтона присоединилось отъ 70 до 80 дамарскихъ женщинъ, которыя

всѣ отправлялись къ овамбамъ — однѣ, чтобы найти себѣ работу, другія — намѣреваясь тамъ выйти замужъ, а третьи — съ цѣлью распродать свои пояса изъ раковинъ. Онѣ вымѣнивали на нихъ хлѣбъ, табакъ, бусы, и пр.

Одежда овамбовъ выдѣляется нѣсколькими замѣчательными особенностями отъ одежды сосѣднихъ племенъ и выказываетъ всего болѣе сходства съ костюмомъ дамаровъ. Широкій кожаный поясъ, съ котораго свѣшивается спереди двойной, клинообразный передникъ изъ дубленой брюшной бычачьей кожи, охватываетъ бедра мужчинъ (см. рис., стр. 222). Сзади насажены двѣ твердыя, выступающія кожаныя шишки. Женщины



Плетеныя блюда, тарелки и фляжки овамбовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/7 наст. величины.

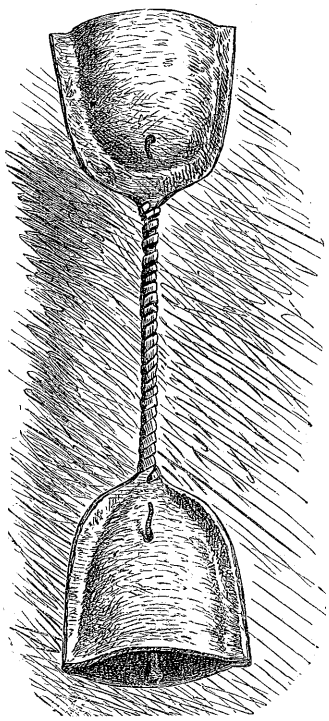
носятъ передникъ изъ кожи, но сверхъ него ниспадаютъ многочисленныя полоски, въ видѣ вѣера, съ нанизанными осколками скорлупы страусовыхъ яицъ. Мужчины и женщины, достигнувъ состоянія возмужалости, выбиваютъ себѣ передній зубъ въ серединѣ нижней челюсти. Женщины носятъ волосы возможно длинными и увеличиваютъ массу ихъ втираніемъ жира и красной земли. На рукахъ и ногахъ онѣ носятъ мѣдныя кольца, изъ которыхъ многія вѣсятъ отъ 1 до $1^1/_2$ кгр. (см. рис., стр. 225). Мѣдные браслеты составляютъ отличіе женъ правителя.

Овамбы любятъ музыку и танцы. Какъ только начинаетъ смеркаться, населеніе собирается для плясокъ на дворѣ правителя; факелы изъ пальмовыхъ вѣтвей придаютъ этой сценѣ нѣчто особенно живописное. Любимымъ зрѣлищемъ являются и пляски бушменовъ, которые составляютъ нѣчто вродѣ тѣлохранителей правящаго лица; пользуясь своимъ замѣчательнымъ даромъ подражанія, они, по большей части, воспроизводятъ движенія какого-нибудь животнаго.

О характерѣ овамбовъ приходится слышать не совсѣмъ выгодные отзывы. Шинцъ называетъ ихъ покорными и подобострастными не-

редъ болѣе сильными, гордыми и высокомѣрными передъ подчиненными; названный авторъ приписываетъ имъ эти черты вмѣстѣ съ упорной приверженностью къ стариннымъ формамъ деспотическаго управленія. Онъ ни въ чемъ не могъ замѣтить ихъ честности, которую хвалятъ Андерсонъ и Гальтонъ; только строгость законовъ подавляетъ въ нихъ склонность къ воровству; тѣмъ болѣе безпристрастной является похвала его ихъ цѣломудрію и семейной жизни. Кромѣ того, овамбы вѣжливѣе, чѣмъ, напримѣръ, гереросы.

У правителя Нангоро было 106 женъ. Женщины оплачиваются рогатымъ скотомъ. Въ домѣ правителя престолъ наслѣдуется сыномъ или дочерью первой жены. О другихъ политическихъ отношеніяхъ и въ особенности объ исторіи овамбовъ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Мы знаемъ только что, вслѣдствіе ихъ богатства и могущества, для гереросовъ они служатъ предметомъ уваженія и страха, и тѣ не осмѣливаются мѣшать ихъ торговлѣ. Гальтонъ встрѣтилъ нѣсколькихъ гереросовъ изъ Омаруру на возвратномъ пути изъ земли овамбовъ, куда они ходили, съ цѣлью принести извиненіе за нѣсколько случаевъ кражи. Среди овамбовъ попадаются различные чужеземцы, которые, повидимому, находятся отчасти въ положеніи рабовъ. Гереросами овамбы пользуются какъ пастухами, а бушмены, отличающіеся богатыми украшеніями и взимающіе на юго-востокѣ дань съ гереросовъ, составляютъ нѣчто вродѣ постоянной арміи. Между тѣмъ, какъ къ первымъ относятся съ презрѣніемъ, такъ что ни одна женщина изъ овамбовъ не выйдетъ замужъ за гереросa и не покинетъ своей страны, послѣдніе стоятъ на равной ногѣ съ овамбами и, по выраженію Гальтона, могутъ назваться „натурализованными“. Но они не кажутся вполнѣ независимыми. Андерсонъ говоритъ: „большое число бушменовъ живетъ среди овамбовъ, къ которымъ они находятся въ нѣкоторомъ родѣ въ состояніи подчиненія и родства“. Этими словами онъ указываетъ на тѣ условія, которыя были разъяснены нами выше въ I томѣ.



Желѣзный двойной колокольчикъ, изъ неизвѣстной страны внутренней Африки. (Коллекція церковнаго миссіонерскаго общества, Лондонъ.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 223.

Въ дополненіе мы упомянемъ о племени бакубовъ (бакуба), принадлежащемъ также къ переходной области между южной и средней Африкой; они живутъ къ сѣверо-западу отъ Нгами, у Тіоге, признаютъ свое родство съ племенами на упомянутомъ озерѣ, но считаютъ себя гораздо выше ихъ. Они строго отдѣляютъ себя отъ бечуановъ и не хотятъ, чтобы ихъ называли бакобами, т. е. „рабами“ на языкѣ сичуане, а называютъ себя и своихъ соплеменниковъ бакубами. Ихъ сосѣди на озерѣ Нгами называютъ ихъ бавеками (бавеко). Они живутъ довольно плотно, и главное мѣстечко ихъ, обозначаемое на картахъ, какъ „городъ Лелебе“, по имени начальника Лелебе, правившаго тамъ лѣтъ около 30 тому назадъ, лежитъ почти на 18-мъ градусѣ южной широты. Они занимаются земледѣліемъ и мало промышляютъ охотой, хотя страна ихъ изобилуетъ дичью; по крайней мѣрѣ, первыхъ европейцевъ всего настоятельнѣе просили о томъ, чтобы они стрѣляли слоновъ и бегемотовъ для туземцевъ. Такъ какъ бакубы, черезъ посредство торговаго народа мамбаріевъ, находятся, повидимому, въ частыхъ сношеніяхъ съ португальцами

на западномъ берегу, у нихъ достаточно огнестрѣльнаго оружія, и они даже дѣлятся порохомъ съ племенами на озерѣ Нгами. Единственными предметами ихъ вывозной торговли служатъ слоновая кость и рабы. Вѣроятно, они заимствуютъ отъ овамбовъ множество массивныхъ мѣдныхъ колецъ (см. рис., стр. 225), которыми они обременяютъ члены своего тѣла. Бавеки рѣдко покидаютъ свою страну, но внутреннія сношенія ихъ весьма оживленны. Они принадлежатъ къ самымъ страстнымъ курильщикамъ; ихъ почти всегда приходится видѣть съ трубками, длиною болѣе метра, и они такъ дорожатъ ими, что, по мнѣнію Грина, скорѣе разстанутся съ одною изъ женъ, чѣмъ съ трубкой. Изъ ихъ техническихъ произведеній особенно высоко ставится рѣзьба по дереву; удачные образцы этого искусства представляютъ рѣзныя человѣческія головы или фигуры животныхъ на табачныхъ трубкахъ и палицы (кирри).

Чѣмъ ближе подходимъ мы съ юга къ болѣе богатымъ дождями полямъ бассейна Замбези, тѣмъ интенсивнѣе становится земледѣліе и тѣмъ замѣтнѣе должно быть его вліяніе на характеръ и образъ жизни населенія. Если это теоретическое положеніе не вездѣ соотвѣтствуетъ фактамъ, то причины такого уклоненія выясняются намъ изъ отношенія племенъ Ньяссы къ завоевателямъ зулусамъ; отсюда же мы видимъ, почему здѣсь, на окраинѣ степи должны были возникать болѣе крупныя царства, такъ же, какъ на южной границѣ Сахары. Народъ, смѣшанный изъ завоевателей и покоренныхъ, обитаетъ въ рѣчной области Замбези, и, если мы еще мѣстами, какъ, напримѣръ, при покореніи баротсовъ макололами, видимъ, что завоеваніе не прекратилось и въ наше время, то въ другихъ мѣстахъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, съ помощью этихъ наблюденій, дѣлать заключенія о подобныхъ же процессахъ въ прошедшія времена. Ничто не говоритъ намъ о новыхъ завоевательныхъ экспедиціяхъ, но все говоритъ о томъ, что исторія и здѣсь повторяется съ утомительнымъ однообразіемъ.

Среди нѣкоторыхъ народовъ области Замбези можно замѣтить съ особою ясностью остатки прежнихъ вторженій и передвиженій, такъ какъ у нихъ встрѣчается тѣсное смѣшеніе южныхъ и средне-африканскихъ нравовъ, съ преобладаніемъ этихъ послѣднихъ. Сюда относятся макалаки (макалака), которые въ земледѣліи не уступаютъ ни одному изъ племенъ Замбези и въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше своихъ прежнихъ властителей — макололовъ. Скотоводство ихъ, напротивъ, незначительно; кромѣ того, той части народа, которая подчинена матабелямъ, эти послѣдніе запрещаютъ держать скотъ. Они выкапываютъ и выплавляютъ много желѣза и могутъ назваться хорошими кузнецами. Главнымъ оружіемъ ихъ служатъ копья, которыхъ они всегда носятъ въ рукѣ по 4 и по 5, и большіе щиты. Одежда ихъ отчасти состоитъ изъ шкуръ, отчасти изъ матеріи, изготовленной изъ коры баобаба: это — первая матерія изъ коры, какую мы встрѣчаемъ на югѣ. Они рѣзко отличаются отъ своихъ восточныхъ сосѣдей неприкосновенностью зубовъ и отсутствіемъ прободенія губъ и носа. Женщины брѣютъ себѣ голову, оставляя только часть волосъ на темени, въ видѣ шапки. Они отличаются также искусствомъ управленія своими выдолбленными лодками, длина которыхъ доходитъ до четырехъ метровъ. Постройка хижинъ ихъ нѣкогда была лучше; въ настоящее время они живутъ въ разсѣянномъ видѣ между матабелями и баротсами и настолько обѣднѣли, что значительная часть ихъ въ этомъ отношеніи не превосходитъ бушменовъ. Замѣчательно, что и въ этомъ положеніи они отличаются опрятностью. Рано утромъ они моютъ себѣ руки и лицо и въ полдень купаются. И объ опрятности, и объ удобствахъ они имѣютъ болѣе высокое представленіе, чѣмъ бечуаны; кромѣ того, приходится слышать похвалы объ искусствѣ ихъ въ изготовленіи предметовъ украшенія. Форма привѣтствія ихъ заключается въ мѣрномъ хлопаньи въ ладоши, что́ сопровождается такими-же торжественными

словами и длится около минуты. Ихъ обычаи при сватовствѣ и свадьбѣ близко напоминаютъ тѣ-же обычаи у бечуановъ. Если они несправедливо обвиняются въ воровствѣ, они клянутся въ своей невинности надъ огнемъ. Противоположно своимъ сосѣдямъ, мужчины при постройкѣ хижинъ и обработкѣ поля берутъ на себя болѣе труда, чѣмъ женщины. Ливингстонъ противополагаетъ высокое уваженіе дѣтей макалаковъ къ своимъ матерямъ меньшему развитію этого чувства у макололовъ.

Макалаки живутъ по обѣимъ сторонамъ Замбези, а къ югу отъ этой рѣки въ горахъ около устья Квагги, встрѣчаются остатки народа, котораго Чапмэнъ называетъ башапатанами (башапатани), а о. Терёрде

Баротсы: калебасса и страусовое яйцо, съ нацарапанными фигурами. (Мюнхенскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 235.

манансами, или басапатанами; очевидно, это — вѣтвь макалаковъ, съ которыми у нихъ является общимъ бритье головы, женская одежда изъ шкуръ, пристрастіе къ земледѣлію, почти полное отсутствіе скотоводства, постоянное сопровожденіе рѣчи хлопаньемъ въ ладоши и любовь къ музыкѣ. И они не выходятъ изъ хижины безъ пучка копій и, кромѣ того, еще носятъ съ собой боевой топоръ. Но они уже подражаютъ своимъ сосѣдямъ въ выпиливаніи верхнихъ зубовъ и, подобно имъ, носятъ палочку, унизанную бусами, въ носовой перегородкѣ. Въ нравственномъ отношеніи они, быть можетъ, стоятъ ниже всѣхъ въ этой области.

Противоположно этимъ южнымъ африканцамъ, передвинувшимся къ сѣверу, байеи (байейе), на озерѣ Нгами, очевидно, являются остатками народа, оттѣсненнаго къ югу или оставшагося на этомъ мѣстѣ и въ настоящее время окруженнаго и покореннаго бечуанами; этотъ народъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ готтентотовъ и бушменовъ. Байеи (называемые также бакобами или макобами) живутъ на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ берегу Нгами и по сѣти его притоковъ вверхъ до Чобе. Названіе байеи

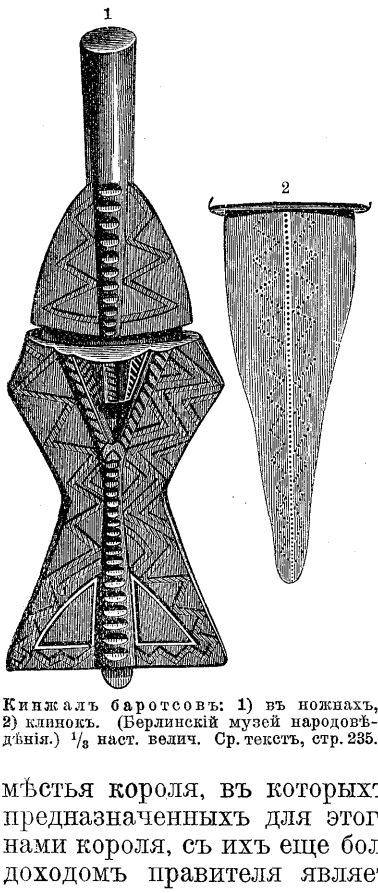
(люди) они присвоиваютъ себѣ сами, а господствующіе надъ ними баманг-ваты примѣняютъ къ нимъ наименованіе бакобовъ или макобовъ, т. е. рабовъ или слугъ. По внѣшности они напоминаютъ овамбовъ, а по языку сходны съ гереросами. Нѣкоторые щелкающіе звуки произошли, вѣроятно, отъ долговременнаго сосѣдства байеевъ съ бушменами. Положеніе ихъ среди другихъ народовъ, группирующихся около озернаго бассейна, указываетъ, что они давно уже поселились здѣсь; на самомъ дѣлѣ, они — настоящій озерный и рѣчной народъ, который, въ защитѣ своихъ озеръ и протоковъ, разучился сражаться и впервые не отъ бечуановъ получилъ свое невоинственное названіе бакобовъ. Согласно преданію, ихъ предки изготовляли луки изъ стеблей клещевины, и, когда эти стебли изломались, они отказались вообще отъ изготовленія луковъ; щиты они заимствовали уже отъ бечуановъ, приписывая свое покореніе лишь первоначальному отсутствію этого оружія. Короткія копья съ зазубринами представляютъ единственное оружіе, которымъ они умѣютъ владѣть. Ливингстонъ называлъ ихъ „квакерами Африки“. Во времена Лечулатебе одинъ изъ начальниковъ баманг-ватовъ былъ намѣстникомъ правителя надъ всѣми бакобами; они не только платили дань, но по отношенію къ начальникамъ своихъ властителей не пользовались никакимъ покровительствомъ законовъ. Сѣверный отдѣлъ ихъ въ это время эксплуатировался такимъ же образомъ макололами (см. выше, стр. 142).

Байеи строятся всегда на берегахъ или островахъ; въ ихъ странѣ это означаетъ, что жилища ихъ бо́льшую часть года находятся въ водѣ. Но они, повидимому, давно уже привыкли къ сырости. Отъ постояннаго хожденія въ водѣ подошвы ихъ стали такъ мягки, что имъ трудно идти продолжительное время по твердой почвѣ. Только часть ихъ занимается земледѣліемъ, которое предоставляется женщинамъ. Мужчины ихъ тѣмъ искуснѣе въ управленіи своими однодеревками. Они проводятъ въ нихъ больше времени, чѣмъ въ своихъ хижинахъ, почти постоянно поддерживаютъ огонь, готовятъ пищу и ѣдятъ. Они также искусны въ рыбной ловлѣ, какъ удочками, такъ и вершами или сѣтями изъ волоконъ Hibiscus. Для лёсъ служитъ имъ родъ льна ифе (Sanseviera), растущаго массами вблизи рѣчного берега. Они весьма опытны въ лученьѣ рыбы и въ охотѣ за бегемотами; они выкапываютъ для дичи, идущей на водопой, много скрытыхъ западней, такъ что не безопасно ходить вблизи ихъ деревень. Много пищи даетъ имъ и вода въ своихъ растеніяхъ: они ѣдятъ корень, стебель, листья, цвѣты и сѣмена лотоса, сѣмена и корни нѣкоторыхъ видовъ ситника и въ особенности корни тсетлы (Juncus serratus), которые въ голодные годы служатъ главной пищей и для бечуановъ. Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ женщины ихъ ныряютъ за этими корнями въ водахъ, кишащихъ крокодилами. Дурными годами для байеевъ бываютъ тѣ, въ которые воды поднимаются, и эти источники пищи лежатъ слишкомъ глубоко. До покоренія ихъ бечуанами, у нихъ были повидимому, большія стада, а теперь имѣются только козы и куры.

Хижины байеевъ имѣютъ форму ульевъ и покрыты циновками. Мужчины еще въ 50-хъ годахъ переняли одежду бечуановъ, а женщины носятъ пояса изъ бусъ гереросовъ. Они придерживаются обрѣзанія наравнѣ со своими властителями.

Формальный переходъ изъ южной въ среднюю Африку обозначается границей царства Баротсе, исторію котораго мы изложили при описаніи макололовъ, одного изъ племенъ басутовъ, до вступленія на престолъ Сепопо (см. стр. 141). Прибавимъ къ этому, что „царство Баротсе“ съ 1892 г., въ силу договора, открыло свою область Южно-африканскому обществу. Это — первое изъ большихъ царствъ внутренней Африки, въ какое мы попадаемъ при переходѣ изъ умѣренной въ жаркую

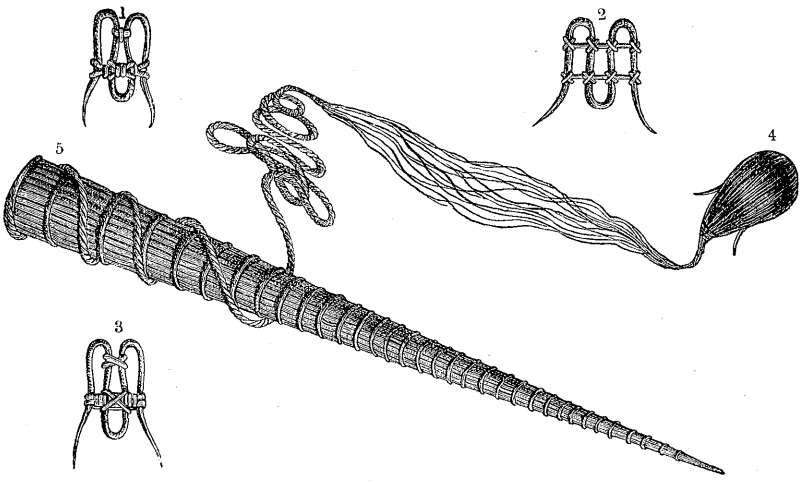
часть материка. Это — уже не военныя, деспотическія царства юго-востока. Хотя деспотизмъ также лежитъ въ основѣ ихъ, но онъ уже не опирается на народъ закаленныхъ и обученныхъ воиновъ, а только на трусость и подчиненность племенъ, надъ которыми начальникъ, съ неустановленнымъ наслѣдованіемъ своего достоинства, держитъ бичъ и сѣкиру господствующаго произвола. Населеніе этихъ государствъ отличается отсутствіемъ внутренней связи, и, говоря о нихъ, не можетъ быть рѣчи о крѣпкой, сплоченной силѣ. По указанію Голуба, въ царствѣ, которое онъ называетъ Марутсе-Мабунда, живутъ 18 болѣе крупныхъ племенъ, раздѣляющихся на 83 болѣе мелкія племени. Каждое племя, сильное или слабое, можетъ сегодня или завтра сдѣлаться господствующимъ; въ дѣйствительности, ни одно изъ нихъ не имѣетъ надъ другимъ существеннаго превосходства въ отношеніи культуры или внутренней силы. Ничто въ такой степени не выказываетъ недостатка настоящей силы у этихъ племенъ, какъ фактъ, что временное господство макололовъ оставило самые глубокіе слѣды въ языкѣ и обычаяхъ покоренныхъ. Съ того времени сисуто, языкъ басутовъ, сдѣлался правительственнымъ языкомъ въ каждомъ царствѣ; тѣ, которые нѣкогда подчинены были имъ, гордятся теперь хотя бы каплей крови басутовъ, текущей въ ихъ жилахъ. По своему отношенію къ государству населеніе состоитъ изъ господствующаго класса, рабовъ и платящихъ дань. Господствующими являются только баротсы по обѣимъ сторонамъ Замбези, въ плодородныхъ низинахъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ нихъ живутъ мабунды (мабунда). Тѣ и другіе считаютъ большинство другихъ народовъ царства подчиненными себѣ. Къ королю, какъ неограниченному властителю и обладателю страны и ея обитателей, стекаются всѣ подати и сборы. Другими источниками доходовъ служатъ, кромѣ конфискованныхъ имуществъ, помѣстья короля, въ которыхъ хозяйство ведется отчасти цѣлыми колоніями предназначенныхъ для этого подданныхъ, а отчасти многочисленными женами короля, съ ихъ еще болѣе многочисленной свитой. Наконецъ, вѣрнымъ доходомъ правителя является его строго соблюдаемое право — быть единственнымъ купцомъ въ своей странѣ. Сепопо часто покупалъ у бѣлыхъ торговцевъ цѣлыя повозки товаровъ, стоимостью отъ 3 до 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Будучи первымъ торговцемъ своего народа, начальникъ въ то же время является единственнымъ продавцемъ для него, и въ этомъ заключается обильный источникъ политическаго вліянія. Всѣ эти столь желанные бусы, ружья, порохъ и свинецъ, ножи, водка, разноцвѣтныя бумажныя ткани проходятъ черезъ его руки, и онъ даритъ или даетъ на подержаніе то, чѣмъ не пользуется самъ. Такое временное пользованье всегда касается огнестрѣльнаго оружія, которое остается вѣчной собственностью короля. Поэтому завѣдующій арсеналомъ играетъ роль одного изъ главныхъ лицъ въ числѣ окружающихъ короля; онъ же бываетъ обыкновенно, одновременно съ тѣмъ, начальникомъ всѣхъ обрабатывающихъ металлы, что́ напоминаетъ ремесленныя касты сѣверо-западной Африки. Вся торговля съ западнымъ берегомъ и съ югомъ значительно



Кинжалъ баротсовъ: 1) въ ножнахъ, 2) клинокъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 235.

поднялась въ послѣдніе 40 лѣтъ (Ливингстонъ совершилъ свое достопамятное путешествіе изъ Шешеке въ Лоанду съ главною цѣлью открытія прямого торговаго пути къ Атлантическому океану), и съ давняго времени мамбаріи, туземцы западнаго берега, ежегодно являющіеся на Чобэ и Замбези для закупки рабовъ и слоновой кости, по порученію своихъ португальскихъ хозяевъ, пользуются большимъ вліяніемъ у правителей между Бенгуэллой и Мозамбикомъ.

Серпа Пинто отмѣчаетъ въ царствѣ Луи, какъ онъ называетъ царство Баротсе, министерство военное и иностранныхъ дѣлъ, а Голубъ приводитъ цѣлую іерархію придворныхъ и чиновниковъ съ различными классами. Короля окружаетъ интимный совѣтъ, состоящій изъ палача, шести врачей (колдуновъ), надсмотрщиковъ надъ лодками, надсмотрщиковъ надъ оружіемъ и нѣсколькихъ полицейскихъ, а совѣтъ въ болѣе обширномъ смыслѣ составляется изъ придворныхъ сановниковъ и живущихъ по близости старшихъ и низшихъ начальниковъ. Но подъ этими чинами не слѣдуетъ представлять себѣ отдѣльныхъ должностей съ установленной компетенціей, какъ это, повидимому, сдѣлалъ Серпа Пинто: такой деспотъ, какъ Сепопо, напримѣръ, велѣлъ постепенно умертвить всѣхъ членовъ второго изъ названныхъ совѣтовъ. Интимный совѣтъ есть скорѣе табачная коллегія или пивное общество въ африканскомъ духѣ, чѣмъ государственный совѣтъ.



Удочка для крокодиловъ у баротсовъ: 1—3) крючки удочекъ различной формы, 4) удочка съ приманкой, 5) поплавокъ. (По Голубу.)

Вмѣшательства произвола въ судопроизводство можно ожидать, конечно, лишь въ непосредственной близости отъ деспота; въ большей части царства тяжелая рука его чувствуется гораздо менѣе. Тамъ выступаютъ старшины обществъ, козаны — судьи. Впрочемъ, при Сепопо, если только позволяло разстояніе, всѣ болѣе тяжкія преступленія подлежали суду его самого и его совѣта. При незначительной цѣнѣ человѣческой жизни, смерть при этомъ всегда была недалеко, и палачъ не по одной только формѣ является однимъ изъ первыхъ сановниковъ при дворѣ. Убійство, бѣгство изъ царства, заговоръ съ врагами, продажа меда и слоновой кости, кража королевскаго имущества и, въ особенности, подозрѣніе въ колдовствѣ неминуемо навлекаютъ смерть, которой въ послѣднемъ случаѣ для формы предшествуетъ шуточное подобіе божьяго суда. Обвиненный считаетъ себя осужденнымъ, если только при дворѣ есть какое нибудь основаніе для неблагопріятнаго отношенія къ нему. Поэтому многіе старались, какъ только получали предостереженіе о возможности обвиненія, спастись бѣгствомъ на югъ черезъ обѣ рѣки. Другіе умерщвляли себя, когда видѣли, что, несмотря на свою невинность, доказанную тѣмъ, что ядъ извергался рвотой, они все-таки были обвинены и

дятся въ употребленіи. Въ желѣзныхъ работахъ въ царствѣ Баротсе прежде выше другихъ стояли батоки; въ настоящее время двѣ вѣтви племени баротсе, матотели и мангеты, замѣнили ихъ, и сами батоки пріобрѣтаютъ отъ нихъ желѣзныя орудія.

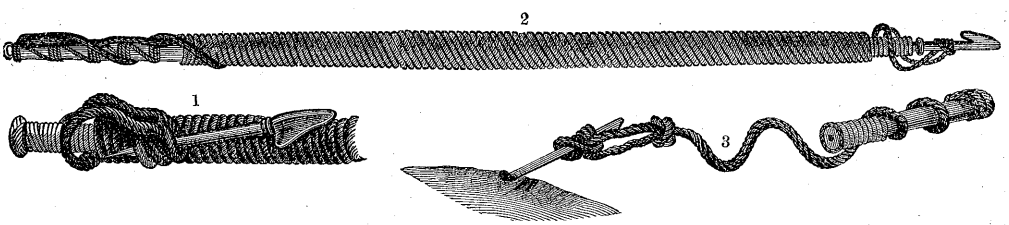
Плетеныя работы жителей царства Баротсе-Мабунда заслуживаютъ величайшей похвалы. Къ самымъ простымъ принадлежатъ шарообразные мѣшки для зернового хлѣба, изготовляемые изъ травы или изъ коры баобаба, и затѣмъ корзины ввидѣ цилиндрической трубки, снабженной деревянной или кожаной ручкой у отверстія, наглухо закрытой внизу, сдѣланной изъ коры и сшитой лыкомъ. Плетеныя работы, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, представляютъ корзины-макулуа, изготовляемыя изъ листовыхъ частей вѣерообразной пальмы. Онѣ имѣютъ причудливыя, разнообразныя формы и, со своей плотно закрывающейся крышкой, вполнѣ соотвѣтствуютъ назначенію запирающихся ящиковъ или ларцовъ. Къ лучшимъ ручнымъ работамъ принадлежатъ корзины макенке, которыя баротсы плетутъ изъ трудно поддающихся обработкѣ корневыхъ волоконъ куста, похожаго на кленъ; одинъ изъ ихъ видовъ снабженъ плотной, входящей въ выемку крышкой. Украшенія дѣлаются съ помощью вплетаемыхъ волоконъ съ темной окраской. Среди кухонной утвари первое мѣсто занимаютъ сосуды изъ глины безъ ручекъ, простой, но весьма правильной формы. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются болѣе темными и болѣе свѣтлыми украшеніями, а другіе—тѣмъ, что они отшлифованы, но не глазированы. Глиняные сосуды въ видѣ урнъ, употребляемые для храненія хлѣба, имѣютъ исполинскіе размѣры. Между тѣмъ, какъ глиняные сосуды являются, по большей части, работою женщинъ, деревянные сосуды выдѣлываются мужчинами, преимущественно мабундами. Всѣ деревянные сосуды внутри и снаружи выжигаются желѣзными инструментами и имѣютъ густой черный цвѣтъ. Высушенная корка различныхъ видовъ тыквы, часто превращаемая въ сосуды, также снабжается иногда выжженными рисунками (см. рис., стр. 230).

Въ вооруженіи обнаруживается здѣсь большее разнообразіе, чѣмъ въ южной Африкѣ, въ виду чего, при извѣстномъ консерватизмѣ этихъ народовъ, можно предположить различныя дѣйствія пестраго этническаго смѣшенія. Между тѣмъ, какъ деревянная палица служитъ для нападенія, деревянная палка, длиною въ два и болѣе метра, обмотанная на обоихъ концахъ спиралью желѣзной проволокой, служитъ для обороны. Щиты, изготовляемые изъ крѣпкихъ кожъ рогатаго скота, вѣроятно, введены были впервые макололами, такъ какъ имѣютъ форму бечуанскаго щита и до настоящаго времени еще мало распространены. Главнымъ оружіемъ южныхъ племенъ царства являются метательныя и колющія копья, которыя стоятъ гораздо выше копій бечуановъ и макалаковъ. Ассагаи начальниковъ, длиною отъ $1^1/_2$ до 2 метр., считаются знакомъ высшихъ сановниковъ. Ручной ассагай отличается отполированнымъ до половины, продольнымъ возвышеніемъ на поверхности лезвія и короткой, крѣпкой рукояткой, нижній конецъ которой нагруженъ желѣзной полосой толщиною въ палецъ. Боевой ассагай, длиною отъ $1^3/_4$ до $2^1/_2$ метр., легокъ, снабженъ длиннымъ древкомъ и употребляется, какъ метательное оружіе. Употребительны также короткія и длинныя охотничьи копья съ зазубринами. Копье для слоновъ все состоитъ изъ желѣза, на нижнемъ концѣ имѣетъ утолщеніе или расширеніе и снабжено на серединѣ короткимъ кожанымъ чехломъ. Кинжалы баротсовъ (см. рис., стр. 232) выдаются своей изящной работой; ножны и рукоятки ихъ сдѣланы изъ твердаго дерева, покрыты рѣзьбою и вычернены, на подобіе чернаго дерева, посредствомъ выжиганія. Большой трудъ затрачивается на накладныя украшенія, которыми покрываются широкія поверхности тонкаго клинка. Боевые топоры (см. рис., стр. 226) выказываютъ у разныхъ племенъ царства весьма

приговорены къ сожженію. Пойманные во время бѣгства отчасти падали подъ ударами преслѣдователей, отчасти приводились обратно для казни. Осужденные, которые пытались спастись бѣгствомъ, а затѣмъ возвращались добровольно и, при ходатайствѣ бѣлыхъ или кого-нибудь изъ уважаемыхъ начальниковъ, просили о снисхожденіи, при своемъ прибытіи въ Шешеке встрѣчали милостивое обхожденіе, но черезъ нѣсколько дней послѣ того опять подвергались осужденію. Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ произволомъ является снисходительное отношеніе къ кражѣ. Воръ наказывается только тогда, когда онъ сознается или когда бываютъ свидѣтели кражи, и при этомъ забота представить обвиняемаго на судъ возлагается на обокраденнаго. Драки съ пораненіями и другіе болѣе легкіе проступки наказываются принудительными работами на королевскихъ поляхъ или рабствомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда король не имѣетъ какого-либо особаго интереса или недоброжелательства по отношенію къ обвиняемому, онъ предоставляетъ судъ надъ нимъ своему совѣту.

*

Обращаясь къ частной жизни народовъ этого царства, мы должны оговориться, что описанія касаются по преимуществу болѣе извѣстныхъ



Гарпуна баротсовъ для бегемотовъ: 1) свернутая, 2) готовая для метанія, 3) попавшая въ цѣль. (По Ливингстону.)

племенъ южной половины его. Мало извѣстныя до сихъ поръ сѣверныя племена должны, впрочемъ, во многомъ имѣть сходныя черты съ народами Лунды. Къ батокамъ и родственнымъ имъ племенамъ мы вернемся нѣсколько ниже (стр. 236); о макалакахъ мы уже говорили (стр. 229).

Одежда баротсовъ примыкаетъ болѣе къ южнымъ, чѣмъ къ сѣвернымъ племенамъ. Мужчины носятъ обыкновенно кожаные передники или мелкія шкуры на поясѣ. Бумажныя ткани европейскаго происхожденія употребляются только племенами, чаще соприкасающимися съ бѣлыми. Своими плащами, вродѣ каросовъ, племена, населяющія царство Баротсе, значительно отличаются отъ большинства племенъ, живущихъ къ югу отъ Замбези. Они любятъ круглую форму испанскаго плаща, доходящаго до бедръ. Замужнія женщины носятъ плащъ, доходящій до колѣнъ, и юбку изъ шкуры рогатаго скота, шерстью внутрь, наружная сторона которой натирается корою благовоннаго дерева. Значительная часть потребности въ украшеніи удовлетворяется амулетами, носимыми на тѣлѣ. Попадая туда съ юга, въ первый разъ приходится видѣть въ большомъ числѣ одно надъ другимъ кольца изъ желѣза, желтой и (рѣже) красной мѣди на рукахъ и на ногахъ. Матеріалъ для этихъ украшеній, по преимуществу, желтая и красная мѣдная проволока, привозится изъ другихъ мѣстъ. Эти кольца встрѣчаются всего чаще въ самомъ Шешеке у баротсовъ и макалаковъ, а къ сѣверу и къ сѣверо-востоку они попадаются все меньше и меньше, и надъ ними берутъ перевѣсъ желѣзныя кольца собственнаго производства. Изъ слоновой кости вырѣзываются кольца, толщиною въ палецъ, многочисленные мелкіе цилиндрическіе сосуды, палочки и пластинки, прикрѣпляемые къ волосамъ. Головныя шпильки изъ зубовъ бегемота и длинныя деревянныя гребенки для волосъ также нахо-

различныя формы. Они удобнѣе и легче, тѣмъ топоры къ югу отъ Замбези, и лучше сдѣланы. Между тѣмъ, какъ на топорахъ бечуановъ, кафровъ, макалаковъ и матабелей тонкіе клинки часто неплотно вставлены въ рукоятку, описанные топоры плотно пригнаны къ топорищу изъ твердаго дерева.

Такъ-же, какъ разнообразіе этихъ военныхъ орудій, для всѣхъ, привыкшихъ къ однообразію южной Африки, кажется изумительнымъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ, служащихъ отчасти военнымъ, отчасти мирнымъ цѣлямъ и составляющихъ у племенъ Замбези цѣлые оркестры.

Народы этой области представляютъ нѣчто выдающееся и въ постройкѣ своихъ хижинъ (см. также стр. 89). Безъ сомнѣнія, это относится только къ племенамъ съ прочными мѣстообитаніями, но не къ тѣмъ, которыя держатся лишь короткое время избранныхъ ими самими или указанныхъ имъ мѣстъ періодически, ради жатвы, рыбной ловли или охоты. Деревни, настолько близко, насколько позволяютъ ежегодныя наводненія, строятся у рѣки и обыкновенно окружены кольцомъ хижинъ; въ нихъ живутъ рабы, которые должны въ ближайшей окрестности обрабатывать поля своихъ господъ, воздѣлывать хлѣба или стеречь стада. Деревни, кромѣ того, здѣсь содержатся гораздо чище къ югу отъ Замбези, ближайшею причиною чего является, помимо большей личной опрятности, избытокъ воды. Королевскія жилища окружены эллиптической изгородью и охвачены снаружи двумя концентрическими кругами, изъ которыхъ въ каждомъ насчитывается отъ 6 до 8 хижинъ, съ отдѣльными дворами, занимаемыхъ главными женами. Въ слѣдующемъ кругу находятся королевская кладовая, кухня, хижина для оркестра, а въ четвертомъ, наружномъ кругѣ стоятъ домъ для совѣщаній, устроенный въ европейскомъ вкусѣ, и хижины для служителей и служанокъ. Начальники живутъ въ обширномъ концентрическомъ кругу, охватывающемъ всѣ королевскія жилища, причемъ каждому начальнику съ точностью отмѣрено мѣсто его жительства.

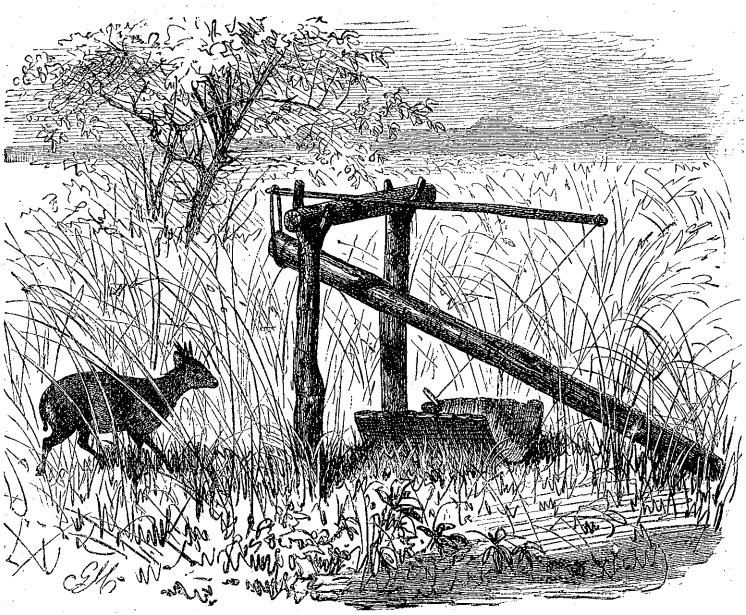
Главнымъ занятіемъ здѣсь является земледѣліе, наиболѣе прибыльное въ плодородной низинѣ средняго Замбези, внутренней дельтѣ, которая, подобно Нильской дельтѣ, ежегодно затопляется водою и покрывается вновь тучнымъ иломъ. Во время наводненія, баротсы выселяются на пограничныя возвышенности, а послѣ спада воды спускаются съ нихъ, проводятъ борозды для спуска водъ и сѣютъ или сажаютъ. Главными работницами являются женщины, за что имъ и достается опредѣленная часть урожая. Главный хлѣбъ составляетъ кафрское просо; кромѣ того, воздѣлываются обыкновенное просо, маисъ, дыни и тыквы, земляной орѣхъ, два вида бобовъ, сахарный тростникъ (который тамъ только жуютъ для утоленія жажды) и табакъ; изъ послѣдняго дѣлаютъ твердые комки, въ видѣ ковриги хлѣба или сахарной головы, и эти комки просверливаются и нанизываются на бичевки. Хлопокъ воздѣлывается и обрабатывается только на востокѣ. По исчисленію Голуба, семья изъ пяти человѣкъ для своей потребности занимаетъ два или три земельныхъ участка, отъ 2500 до 3000 кв. м. Скотоводство, вслѣдствіе распространенія мухи цеце, невозможно почти въ цѣлой трети страны на югѣ. Рыбная ловля производится, въ особенности на Замбези, въ обширныхъ размѣрахъ, а для охоты на водяную антилопу Сепопо держалъ на рѣкѣ плотъ, который двигался съ помощью 40 гребцовъ.

Такъ же, какъ на югѣ макалаки, на востокѣ батоки (батонги), населяющіе оба берега и острова Замбези, отъ водопадовъ внизъ до Кафуе, отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ баротсовъ и близко родственныхъ имъ бундовъ и представляютъ естественный переходъ къ племенамъ на Ньяссѣ и Танганьикѣ. Цвѣтъ кожи ихъ тамъ, гдѣ нельзя предположить никакой примѣси, оказывается весьма темнымъ. Потерпѣвъ у

водопадовъ Замбези сильное пораженіе отъ макололовъ, на пути ихъ на сѣверъ, батоки раздѣлились на двѣ части; западные батоки остались подчиненными макололамъ, а восточные освободились отъ этой зависимости. Ливингстонъ оба эти отдѣла нашелъ раздѣленными необитаемой, широкой полосой земли, въ 6 дней пути, на которой было много слѣдовъ раззоренныхъ деревень и избитыхъ стадъ. Еще ранѣе макололовъ они подверглись грабежу и истребленію отъ Синголы, завоевателя, пришедшаго съ сѣверо-востока. Легенда разсказываетъ о немъ, что онъ привезъ съ собою множество кузнечныхъ мѣховъ, и этимъ способомъ наконечники стрѣлъ накалялись передъ выстрѣломъ. Послѣ того, какъ батоки въ 60-хъ годахъ были вытѣснены матабелями, они сами въ 70-хъ годахъ оттѣснили шакундовъ, разбойничье племя бѣглыхъ португальскихъ рабовъ: Зелоусъ нашелъ въ 1877 г. ихъ страну совершенно опустошенной этими послѣдними. Такимъ образомъ, каждое десятилѣтіе являлся новый врагъ. Вслѣдствіе сходства ихъ языка съ нарѣчіемъ мозамбикскихъ негровъ, обитавшіе на южномъ берегу рѣки и на рѣкѣ Квагѣ получили названіе „мозбикцевъ“ отъ проникавшихъ туда европейскихъ торговцевъ и охотниковъ; Чапмэнъ, наоборотъ, нашелъ большое сходство между ихъ языкомъ и языкомъ гереросовъ.

Мужчины у батоковъ прикрываются спереди узкой кожаной полосой, а женщины одѣты въ кожи или ткани, усаженныя бусами и раковинами, въ видѣ красивыхъ, по преимуществу, треугольныхъ узоровъ. Небольшіе плащи изъ шкуръ, вродѣ воротниковъ, надѣваютъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Женщины украшаютъ носовой хрящъ палочкой съ бусами, а мужчины носятъ кольца въ ушахъ. Выбиваніе верхнихъ переднихъ зубовъ при наступленіи возмужалости является обычаемъ, котораго Себитуане не могъ уничтожить, несмотря на самыя строгія наказанія: они желаютъ походить на быковъ, между тѣмъ какъ походили только на зебръ, пока зубы у нихъ были всѣ сполна. Головные уборы разнообразны: волосы сплетаются вмѣстѣ съ волосами животныхъ то въ высокій узелъ или пучекъ на темени, то въ видѣ кисти, висящей съ одной стороны надъ ухомъ, на подобіе остроконечной шапки. Прежде всѣ батоки заплетали свои волосы такъ, что они стояли, въ видѣ гребня шлема, на темени. На востокѣ выбриваютъ кругомъ нижнюю часть головы и оставляютъ въ срединѣ нѣчто вродѣ круглой шапки, окрашенной въ красный цвѣтъ. Въ числѣ ихъ оружія упоминаются короткія деревянныя, отравленныя метательныя копья, тяжесть которыхъ увеличена насаженными на концѣ древка шарами изъ глины и буйволоваго навоза. Батоки прилагаютъ много труда къ своимъ полямъ, которыя окружены западнями отъ буйволовъ и слоновъ. Прежнее богатство скота, существовавшее до нападеній макалоловъ и матабелей, теперь совершенно исчезло: остались только куры и собаки. Отъ того времени, когда распространено было скотоводство, у батоковъ сохранилось, впрочемъ, искусство дубленія съ помощью древесной коры. Они добываютъ соль и ведутъ ею торговлю внизъ по рѣкѣ, вымѣнивая ее по преимуществу на такіе товары, которые португальцы привозятъ съ Восточнаго берега. Они были также искусными кузнецами и, находясь подъ властью макололовъ, всю свою дань уплачивали въ видѣ мотыкъ; такимъ образомъ, всѣ мотыки, которыми тогда пользовались въ Линьянти, исходили отъ батокскихъ кузнецовъ. Въ настоящее время промышленныя искусства ихъ находятся въ упадкѣ; даже постройка хижинъ крайне первобытна. Только въ гончарномъ дѣлѣ они выказываютъ еще довольно много сноровки и умѣютъ изготовлять ткани изъ дико растущаго хлопка. Вѣроятно, въ лучшіе дни они были успѣшными охотниками за слонами. Ливингстонъ видѣлъ на могилѣ начальника батоковъ, Секоте, ограду изъ 70-ти слоновыхъ клыковъ, съ остріями, обращенными внутрь, и, кромѣ того, 30 такихъ клыковъ на могилахъ его родственниковъ. Одновременно

съ этимъ онъ видѣлъ деревенскую изгородь, унизанную 54 черепами матабелей. Форма привѣтствія батоковъ напоминаетъ употребительную далѣе на западѣ: они бросаются на спину, катаются изъ стороны въ сторону и при этомъ хлопаютъ себя по бедрамъ и кричатъ „кина бомба“. Въ политическомъ отношеніи различныя непріятельскія вторженія сильно раздробили ихъ; всѣ ихъ большія деревни распались на мелкія, гдѣ они считаютъ себя безопаснѣе, и многіе осколки ихъ племенъ окончательно удалились въ горы. Отдѣльныя жилища, совершенно необычныя для туземцевъ этихъ странъ, сдѣлались у нихъ, по указаннымъ причинамъ, весьма частыми. Замѣчательно, что Замбези образуетъ мѣстами границу между баротсами и матабелями, но не съ батоками: изъ подданныхъ начальника батоковъ Сичори, которому принадлежатъ деревни на обоихъ берегахъ, живущіе южнѣе платятъ дань матабелямъ, а сѣверные — баротсамъ.

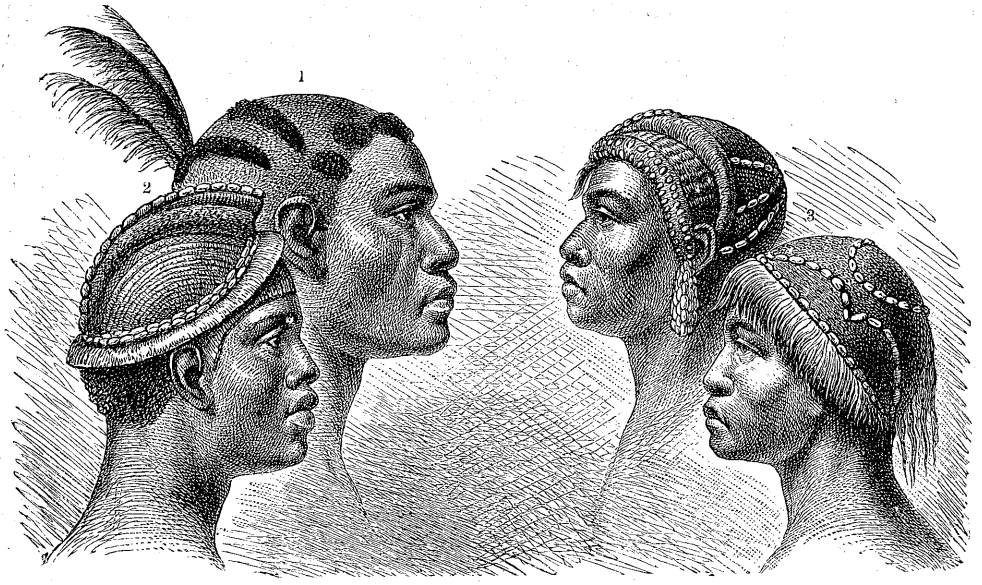


Западня лухацей для мелкой дичи. (По Серпа Пинто.) Ср. текстъ, стр. 239.

На востокѣ царство Баротсе не отдѣляется никакими естественными границами отъ своихъ сосѣдей. Здѣсь къ области покоренныхъ батоковъ подступаетъ полоса, гдѣ батоки сохранили независимость подъ властью собственныхъ начальниковъ; къ сѣверу отъ нихъ живутъ самые энергичные враги баротсовъ — машукулумбы, о которыхъ Голубъ сообщилъ намъ весьма цѣнныя подробности. Въ машукулумбахъ (машукулумбе) мы можемъ видѣть смѣшанный народъ: главныя составныя части его почти совсѣмъ слились, но въ немъ ясно еще можно распознать свойства пастушескаго народа. Небольшое число его живетъ къ югу отъ Лумге, главная масса — къ сѣверу, приблизительно между 27 и 29° в. д. Собранія хижинъ машукулумбовъ, группирующихся кругомъ загородки для рогатаго скота, близко напоминаютъ деревни зулусовъ. Большія стада рогатаго скота доставляютъ не только главную часть пищи, но и одежды: мужчины ходятъ совершенно обнаженными, а женщины носятъ мѣхъ вокругъ бедръ и рѣже, вмѣстѣ съ тѣмъ, плащъ изъ древесной коры; дѣвушки моложе 12 лѣтъ довольствуются поясомъ изъ коры, съ котораго свѣшиваются ремни въ видѣ бахромы. Характерны громадные острые шиньоны мужчинъ, для которыхъ употребляются волосы женщинъ и рабовъ; эти сооруженія, доходящія до 110 см., въ среднемъ, имѣютъ 30—40 см., длины. Главнымъ оружіемъ служитъ метательное копье, длиною въ $2^1/_2$ метр. — Въ политическомъ отношеніи господствуетъ полное раздробленіе: каждая деревня находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ сосѣдними деревнями. Этимъ объясняется недовѣрчивый и непріязненный характеръ машукулумбовъ, который можетъ оказаться роковымъ для каждаго пришельца въ ихъ область. На войнѣ убиваютъ предпочтительно женщинъ, для того, чтобы

ослабленіе враждебнаго племени было болѣе продолжительнымъ. Деревья, украшенныя черепами, служатъ примѣтами хижинъ начальниковъ, около которыхъ они стоятъ. Несмотря на все это, и здѣсь существуютъ извѣстныя торговыя сношенія; такъ, деревня Дилука, напримѣръ, является значительнымъ рынкомъ для шкуръ дикихъ животныхъ, часто попадающихся въ западни (см. рис., стр. 238).

Въ политическомъ отношеніи къ царству Баротсе-Мабунда принадлежали нѣсколько лѣтъ тому назадъ и нѣкоторые народы запада, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько они платили дань Сепопо. Въ отсталомъ состояніи скотоводства, въ усиленномъ развитіи желѣзной промышленности, въ оживленной торговлѣ, въ четвероугольной формѣ хижинъ у нихъ уже можно видѣть переходъ къ западнымъ береговымъ племенамъ. Съ другой

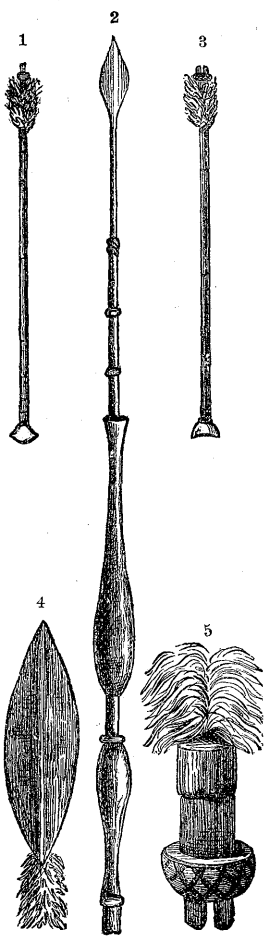


Кимбанды-гангуэллы: 1) мужчина, 2) женщина, 3) дѣвушки. (По Серпа Пинто.)

стороны, нѣкоторыя частности, напримѣръ, формы луковъ, какія Фетъ привезъ изъ внутренней страны Бенгуеллы, напоминаютъ народовъ Кассаи. Самые значительные изъ нихъ — гангуеллы (см. рис. выше), лухацы и амбуеллы.

Въ составъ гангуеллювъ входятъ нѣсколько племенъ на югѣ и на востокѣ отъ Бигѐ. На западѣ они вдвигаются въ область верхняго Кубанго, гдѣ Серпа Пинто встрѣтилъ первую гангуелльскую деревню въ странѣ Самбо. Къ востоку отъ Бигѐ въ ихъ власти находятся всѣ переправы черезъ Куанзу, но главная область ихъ лежитъ къ югу оттуда. Языкъ и нравы ихъ повсюду одинаковы, и они различаются только политическими формами и племенными названіями; мы находимъ союзы племенъ, подъ названіемъ Нгемба, Кимбанде (см. рис., выше), Массака, Гонзелло, выше Кунене до границъ овамбовъ. Эти племена описываются какъ преданныя земледѣлію при маломъ развитіи скотоводства, какъ искусные кузнецы и отчасти какъ торговцы, которыхъ, по ловкости и искусству, можно сравнить съ бигеньосами. Кимбанды, какъ говорятъ, воздѣлываютъ и прядутъ хлопокъ, подобно живущимъ къ востоку отъ нихъ лухацамъ (лухаце), одежда которыхъ часто изготовляется также изъ древесной коры; среди мужчинъ этого племени распространенъ обычай выпиливать треугольное пространство между двумя верхними рѣзцами. У кимбандовъ мы находимъ раскрашиваніе лица зеленой краской поперечными и продольными полосами на лбу и щекахъ. Прически различаются у раз-

ныхъ народовъ, и наиболѣе оригинальными являются поперечныя и продольныя возвышенія у кимбандовъ, дѣлающихъ изъ своихъ волосъ подобіе то гребней шлемовъ, то фантастическихъ дамскихъ шляпъ. Огнестрѣльное оружіе распространено уже у большей части этихъ племенъ. Боевые топоры изъ желѣза (см. рис., стр. 226) и разукрашенныя палицы, отчасти приближающіяся къ стилю кіоковъ (см. табл. „Оружіе и утварь юго-западной Африки“, фиг. 2), принадлежатъ, на ряду со стрѣлами, луками и копьями, къ вооруженію ихъ воиновъ. Совершенно обособленное положеніе занимаетъ видѣнный Серпа Пинто овальный зулусскій щитъ, проникшій въ область Ньяссы. Лухацы употребляютъ камень и сталь для добыванія огня и получаютъ кремни отъ живущихъ къ сѣверу отъ нихъ кіоковъ, съ которыми имѣютъ много общаго.



Оружіе гангуелловъ: 1) копье, 2) и 3) стрѣлы, 4) наконечникъ стрѣлы, 5) конецъ стрѣлы. (По Серпа Пинто.)

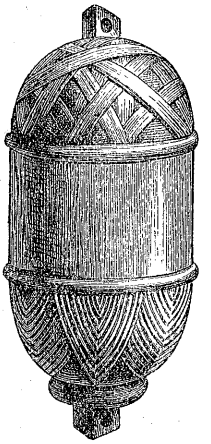
Къ лухацамъ примыкаютъ на востокѣ амбуеллы (амбуелла), гдѣ они занимаютъ всю область верхняго Куандо, часто смѣшиваясь съ лухацами. Они говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и гангуеллы. Нѣкоторыя особенности позволяютъ видѣть въ нихъ переходную группу къ народамъ Замбези. Они въ гораздо большей степени земледѣльцы, чѣмъ всѣ ихъ западные соплеменники. Подвигаясь съ запада, въ ихъ области впервые приходится встрѣчать обширныя площади посѣвовъ, и не въ лѣсу, а на открытыхъ мѣстахъ. Съ этимъ связано и болѣе плотное населеніе ея. Скотоводство, напротивъ, развито у нихъ еще менѣе, чѣмъ у лухацей, которые, по крайней мѣрѣ, держатъ козъ, тогда какъ у амбуелловъ можно видѣть только собакъ и куръ; это объясняется, какъ и у нѣкоторыхъ племенъ макалаковъ, частыми непріятельскими нашествіями. Многія деревни амбуелловъ построены на сваяхъ въ болотахъ; хижины ихъ малы, четвероугольны, съ острой крышей. Амбуеллы искусны въ судоходствѣ и въ рыбной ловлѣ. Желѣзные наконечники своихъ копій и стрѣлъ они изготовляютъ сами и сами ткутъ на ткацкихъ станкахъ пряжу изъ разводимаго ими хлопка. Привѣтствіе ихъ заключается въ громкомъ хлопаньѣ по груди.

* * *

Въ царствѣ Баротсе мы видѣли политическое образованіе, въ которомъ сила южныхъ завоевателей соединилась съ мирной культурой тропическихъ земледѣльцевъ. Подобныя же условія могутъ объяснить намъ происхожденіе того царства, которое нѣкогда занимало бо̀льшую часть внутренней Африки, на южной окраинѣ области средняго Конго. Это — царство Муаты Ямво, о существованіи котораго португальскіе торговцы въ Анголѣ знали уже въ концѣ XVI в., когда на морской берегъ привозились рабы, разсказывавшіе о народѣ Матіамъ, сильномъ властителѣ и столичномъ городѣ, приблизительно, въ 100 дняхъ пути внутри материка. Въ 1846 г. португальскій торговецъ Родригесъ Граса въ первый разъ прошелъ по дорогѣ въ Мусумбу, знаменитую столицу и резиденцію короля, дорогѣ, которую купцы изъ корыстныхъ цѣлей описывали крайне опасной. За нимъ послѣдовали въ 1870 г. Лопесъ до-Карвальо, а въ 1875 г. — докторъ Погге, которому мы обязаны первымъ подробнымъ описаніемъ замѣчательнаго негрскаго двора. Максъ Бух-

неръ въ 1880 г. имѣлъ возможность существенно пополнить эти сообщенія и описанія. На западѣ это царство, съ нѣкоторыми вассальными государствами, простирается почти до Куанго, а на югѣ — до 12° ю. ш. На востокѣ отношенія къ царствамъ Муаты Казембе и Касонго не совсѣмъ опредѣленны; тотъ и другой властители считаются родственными по крови царствующей семьѣ Лунды. Неясность эта еще больше на сѣверѣ, гдѣ граница 1880 г. (необходимо точнѣе опредѣлять время, потому что границы эти „подвижны“) въ восточной половинѣ доходила почти до 8°, а въ западной — до 5° ю. ш., и гдѣ, какъ мы знаемъ теперь изъ указаній Висмана, Л. Вольфа и др., болѣе густо населенныя области ставили предѣлъ стремленіямъ къ расширенію правителей Лунды.

Среди многочисленныхъ народовъ царства Лунды, повидимому, мы видимъ только представителей такъ называемаго элемента Банту. „Пигмеи“ живутъ гораздо сѣвернѣе. Никто изъ лицъ, посѣщавшихъ Мусумбу, не видалъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся люди изъ всѣхъ частей царства, народовъ существенно иной расы или культуры. Бухнеру, когда онъ разспрашивалъ о карликахъ, показали горбатаго калѣку. Изъ всѣхъ этихъ народовъ лишь настоящій народъ Лунды, лунды [1] (лунда) — самый распространенный и вліятельный, такъ какъ всѣ остальные подчинены ему. Ливингстонъ указываетъ въ немъ свѣтлые элементы; Муату Ямво Погге нашелъ свѣтлобурымъ, а Лукокешу — еще свѣтлѣе, „вродѣ мулатки“. Лунды путешественникамъ, пріѣзжающимъ съ морского берега, кажутся вообще красивыми, рослыми, съ мало вывороченными губами. Наряду съ лундами самымъ значительнымъ народомъ являются кіоки (кіоко), которые въ послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ. Переселившись сюда съ запада, въ качествѣ искусныхъ охотниковъ, кузнецовъ и торговцевъ, они въ послѣдніе годы, повидимому, нарушили политическую связь царства и даже раздробили его.



Ящичекъ для трута у лухацей. (По Серпа Пинто.)

Одежда у болѣе бѣдныхъ состоитъ изъ куска шкуры или мѣстнаго плетенія, обвязаннаго вокругъ бедръ, а болѣе зажиточные носятъ только фасенду (бумажную матерію), привозимую съ берега, которая облекаетъ мужчинъ отъ пояса до колѣнъ или икръ; у женщинъ эта покрышка гораздо короче, настолько, что Ливингстону онѣ казались почти обнаженными. У богатыхъ дамъ полоса фасенды виситъ сзади, какъ шлейфъ, который носитъ за ней невольница. Эти дамы, скорѣе съ цѣлью украшенія, чѣмъ прикрытія, носятъ кусокъ леопардовой шкуры или фасенды на груди. Пояса изъ черной кожи цѣнятся довольно высоко. У женщинъ выпиливаются оба верхнихъ среднихъ рѣзца въ видѣ полукружія и выбиваются соотвѣтственные нижніе. Татуировка, которая у нихъ болѣе употребительна, чѣмъ у кіоковъ или конговъ, распространяется на грудь, руки и животъ; расписываніе всего тѣла, по большей части, четвероугольными фигурами изъ бѣлой глины или бѣлыми точками и крестами, встрѣчается во всей области Лунда. Въ торжественныхъ случаяхъ тѣло натирается и растительнымъ масломъ. У мужчинъ фантастическія прически представляютъ все, что̀ можно придумать въ этомъ отношеніи. Знатныя лица носятъ, въ видѣ косъ или роговъ торчащіе назадъ и напередъ, парики изъ бусъ, которымъ придается особенная цѣнность, и Муата Ямво даритъ ихъ своимъ начальникамъ. Въ его собственномъ парикѣ воткнуто красное перо

[1] Лунды называютъ себя Карундъ, во множественномъ Арундъ (Кіоко Марундъ). Форма единственнаго числа Калунда, какъ названіе народа, неправильно употребляется въ нѣмецкой литературѣ объ Африкѣ. (Максъ Бухнеръ.)

попугая. Подобно тому, какъ лунды на Лулуа для украшенія своей прически втыкаютъ въ нее на затылкѣ палку, длиною въ футъ, съ пучкомъ изъ перьевъ, въ бороду вплетаются соломинки, придающія ей такую же длину. Женщины стригутъ себѣ волосы и, кромѣ того, выстригаютъ на серединѣ, надъ лбомъ, треугольникъ, вершина котораго лежитъ на темени; въ торжественныхъ случаяхъ они вплетаютъ въ волосы бусы (см. рис. ниже). Такъ же, какъ у женщинъ, у рабовъ волосы коротко острижены. Обычай втыкать въ носовую перегородку или въ ушную мочку кусочки тростника нельзя назвать общераспространеннымъ; точно также употребительныя въ странѣ Касаи мѣдныя и желѣзныя кольца на рукахъ и голеняхъ въ Лундѣ встрѣчаются рѣже. Важную роль, отчасти даже политическаго характера, здѣсь играетъ лукано, браслетъ, обмотанный слоновыми сухожиліями (см. стр. 245 и 247). Шнурки изъ бусъ на шеѣ, а также рога и другіе талисманы приходится видѣть часто; мужчины нерѣдко носятъ на головѣ деревянные полумѣсяцы, на подобіе діадемы.

Дѣвушка изъ Маланже. (По фотографіи проф. д-ра Макса Бухнера.)

Помимо ружей, которыя еще лѣтъ 10 тому назадъ позволялось имѣть только знатнымъ лицамъ, оружіе лундовъ составляютъ болѣе крупныя, изъ цѣльнаго желѣза, метательныя копья, затѣмъ небольшія пики, съ деревянной рукояткой и зазубреннымъ наконечникомъ, и стрѣлы, съ желѣзнымъ, разнообразной формы или съ четырехграннымъ и желобчатымъ наконечникомъ, нерѣдко также отравленнымъ. Лунды утверждаютъ, что ихъ ядъ не такъ силенъ, какъ ядъ ихъ сѣверныхъ сосѣдей-людоѣдовъ, и въ битвахъ несутъ бо̀льшія потери, причиняя себѣ уколы ногъ отравленными шипами терновника. Лукъ принадлежитъ еще къ южно- и восточно-африканской формѣ, но уже съ сѣвера проникаетъ форма Касаи. Къ военному снаряженію лундовъ принадлежитъ также извѣстное среднее оружіе между мечемъ и ножемъ, которое носятъ въ кожаныхъ или деревянныхъ ножнахъ, на шнуркѣ, перекинутомъ черезъ плечо. Парадньмъ оружіемъ является небольшой топоръ, носимый также черезъ плечо, по преимуществу въ западной Лундѣ и у кіоковъ. Для рѣзанья и другой ручной работы служатъ кинжалообразные, односторонніе ножи, которые торчатъ между поясомъ и кожей, съ остріемъ, направленнымъ вверхъ.

Лунды не страдаютъ избыткомъ утвари. Въ ихъ хижинахъ встрѣчаются циновки, головныя скамейки, горшки изъ глины, изъ которыхъ самый большой, „куфе“, служитъ для броженія пальмоваго вина, калебассы и земледѣльческія орудія, а у богатыхъ — и нѣсколько плетеныхъ корзинъ. Въ плетеньѣ они менѣе искусны и взимаютъ съ сѣверныхъ подданныхъ, въ видѣ дани, простыя циновки. Масса европейскихъ тканей, вѣроятно, заглушила ткацкое искусство у лундовъ. Тупенды (тупенде) и балубы занимаются еще этимъ искусствомъ. Какъ кузнецы, они уступаютъ кіокамъ, изъ которыхъ Муата Ямво выбираетъ своихъ придворныхъ кузнецовъ. Кромѣ желѣза, употребляется для украшенія красная и желтая мѣдь, самый благородный металлъ лундовъ, получаемый ими съ Западнаго

берега; отчасти они сами перерабатываютъ этотъ металлъ, а отчасти кузнецы выдѣлываютъ тонкую мѣдную проволоку для обматыванья застежекъ. Кромѣ того, у нихъ можно видѣть искусно вырѣзанные палицы и начальническіе жезлы изъ дерева (см. рис., т. I, стр. 70) и разныя мелочи изъ слоновой кости.

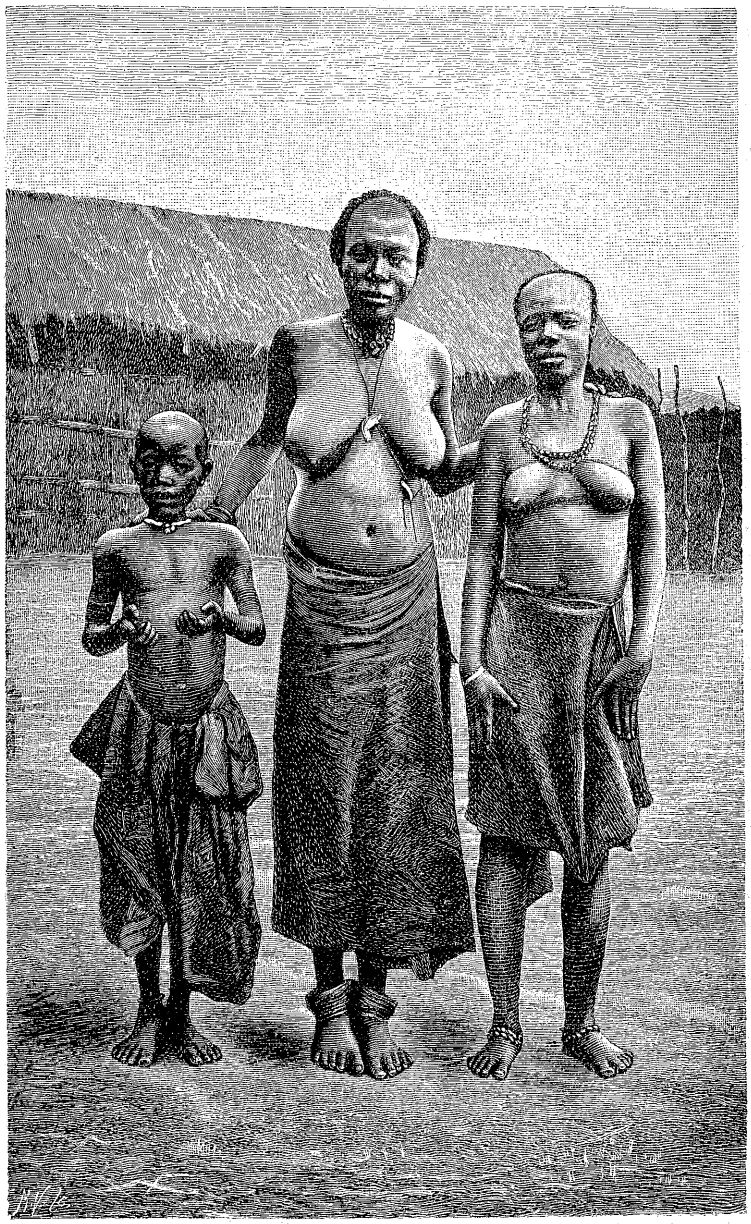
Музыкальными инструментами являются маримба или негрское фортепіано, негрская цитра, барабанъ и кингуву. Кингуву [1], узкій деревянный барабанъ, выдолбленный изъ одного куска, съ продольной щелью, по которому бьютъ каучуковыми палочками, представляетъ собою инструментъ, съ помощью котораго совершаются оффиціальныя сообщенія. Оркестры изъ двухъ музыкантовъ на маримбахъ и одного на кингуву, предшествующіе правителю и другимъ знатнымъ особамъ съ музыкой или дающіе высокопоставленнымъ лицамъ серенады, Погге находилъ „вовсе не дурными“. Формой привѣтствія служитъ хлопанье въ ладоши; передъ знатными особами слѣдуетъ, кромѣ того, бросаться на землю и посыпать себя пылью. Выраженіе почета и радости при видѣ почетныхъ и дружественныхъ лицъ обозначается у народа свистомъ и завываніемъ. Относительно Муаты Ямво эта почтительность заходитъ очень далеко; его придворные до-суха вытираютъ мѣста, на которыя онъ плюнулъ, и чиханье властителя привѣтствуется окружающими криками, свистаніемъ въ пальцы и т. д.

Обитатели Лунды — почти чистые земледѣльцы. Хотя обыкновенно однѣ женщины обрабатываютъ почву желѣзными мотыками съ короткой рукояткой, но и мужчины отъ времени до времени отправляются на поля, чтобы пособить имъ или за чѣмъ-нибудь присмотрѣть. Важнѣйшіе продукты ихъ земледѣлія — прежде всего, маніокъ, затѣмъ бататы, земляные орѣхи, ямсъ, бобы, маисъ, просо, бананы (пока еще довольно рѣдкіе), сахарный тростникъ, ананасы табакъ, хлопокъ и пенька. Тамъ пользуются плодами масличной и винной пальмы, но не воздѣлываютъ ихъ. Сбереженіе полевыхъ плодовъ, къ удивленію, здѣсь почти не производится или лишь въ небольшихъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ это дѣлается весьма тщательно далѣе къ западу у сонговъ, кіоковъ и другихъ народовъ. Самое большее, нѣсколько початковъ маиса или земляныхъ орѣховъ подвѣшивается подъ крышею хижины. Скота здѣсь нѣтъ. Погге разсказываетъ, что у покойнаго Муаты Ямво было стадо въ нѣсколько сотъ головъ; во время анархіи, между его смертью и избраніемъ его преемника, народъ перебилъ ихъ. Преемникъ его очень желалъ возобновить стадо, но не могъ этого достигнуть, хотя Лунда, благодаря своимъ превосходнымъ пастбищамъ, лежащимъ къ востоку отъ Лулуа, вполнѣ пригодна для скотоводства. Знатныя лица заставляютъ невольниковъ носить себя на плечахъ, и даже женщины не пренебрегаютъ этимъ способомъ передвиженія. Тамъ можно найти козъ, куръ, собакъ, рѣже — черныхъ овецъ и свиней. Такъ же, какъ дальше на югѣ, и здѣсь любимую пищу составляютъ мелкія млекопитающія, и прежде всего, мыши и крысы, такъ какъ крупная охота, при скудности животныхъ въ странѣ, мало приноситъ прибыли. Кромѣ рыбы, лунды ѣдятъ еще гусеницъ и кузнечиковъ. Тамъ повсюду пьютъ пиво изъ проса (гарапа) и пальмовое вино, которыми по правилу угощаютъ гостей. Маисъ не употребляется для варки пива; табакъ воздѣлывается обыкновенно лишь для собственнаго употребленія, и его курятъ изъ водяной трубки (мутопа), состоящей изъ маленькой тыквы, наполненной водою, и глиняной трубки.

Хижины лундовъ, имѣющія форму хлѣбной печи, съ плоской кровлей, такъ низко спускающейся къ землѣ, что она какъ будто лежитъ на ней, состоятъ изъ кампиновой травы, покрывающей остовъ изъ пальмовыхъ

[1] Ки — префиксъ, означающій увеличеніе или уваженіе, такъ какъ этотъ барабанъ составляетъ собственность правителя. (Максъ Бухнеръ.)

стеблей; хижины эти, по большей части, не выше 2-хъ метровъ. Хижины Муаты Ямво и его придворныхъ раздѣлены перегородками на небольшія помѣщенія. Бѣдные люди довольствуются одной хижиной, а богатые обладаютъ цѣлыми комплексами ихъ — для самихъ себя, для своихъ женъ, для запасовъ, для рабовъ и пр.; обыкновенно все это окружается общей четвероугольной изгородью изъ живыхъ растеній. Дворецъ Муаты Ямво образуетъ среди „Мусумбы“ маленькій отдѣльный городокъ. Деревни въ Лундѣ часто отличаются относительно большимъ порядкомъ, такъ какъ онѣ построены болѣе или менѣе связно и правильно; широкая, прямая дорога перерѣзываетъ ихъ, въ видѣ главной улицы, передъ входомъ которой часто ставится четвероугольное первобытное сооруженіе изъ дерева, въ качествѣ воротъ и жилища фетиша.



Лукокеша съ придворными дамами. (По фотографіи проф. д-ра Макса Бухнера.) Ср. текстъ стр. 245.

Царство Лунда есть абсолютное ленное государство. Начальники (муата, моно, муэне) могутъ во всѣхъ внутреннихъ обстоятельствахъ поступать самостоятельно, пока это позволяетъ Муата Ямво. Обыкновенно, наиболѣе важные и далеко живущіе начальники одинъ разъ въ годъ посылаютъ караваны съ данью въ Мусумбу; живущіе особенно далеко оттягиваютъ на болѣе продолжительное время уплату дани, а болѣе мелкіе начальники, живущіе вблизи столицы, посылаютъ ее по нѣсколько разъ въ годъ. Нѣкоторые присылаютъ слоновую кость, Казембе — соль и мѣдь, сѣверныя области — плетеные товары, другіе начальники — рабовъ и

шкуры, а живущіе ближе къ берегу — ткани (фасенда) и порохъ. Кромѣ дани, требуется и войско. Пока это исполняется, Муата Ямво не заботится самъ о замѣщеніи ихъ престоловъ, что производится въ различныхъ частяхъ царства Лунды на различныхъ основаніяхъ. Для того, чтобы эти отношенія не становились слишкомъ свободными, онъ удерживаетъ сыновей или родственниковъ начальниковъ, платящихъ ему дань, при своемъ дворѣ, и, кромѣ того, въ его полиціи, всѣмъ внушающей страхъ, имѣются средства для наказанія непокорныхъ.

Рядомъ съ Муатой Ямво занимаетъ мѣсто, въ качествѣ высшей сановницы, Лукокеша, незамужняя женщина (см. рис., стр. 244). Она имѣетъ рѣшающій голосъ при выборѣ новаго Муаты Ямво, считается матерью всѣхъ представителей этого званія и ближайшихъ къ нимъ лицъ, имѣетъ особый дворъ и владѣетъ извѣстными округами, которые только ей платятъ дань. Какъ Муата Ямво, такъ и Лукокеша должны происходить отъ одной изъ двухъ главныхъ женъ предшествующаго Муаты Ямво, Амари или Теменъ (материнское право); тотъ и другая избираются четырьмя высшими совѣтниками государства, и если выборъ Муаты Ямво долженъ быть утвержденъ Лукокешей, то и выборъ послѣдней утверждается первымъ. Бухнеръ очень удачно назвалъ эти замѣчательныя отношенія формальнымъ сплетеніемъ двухъ государствъ и государственныхъ властей въ одной странѣ. О происхожденіи этого порядка и вообще царства Лунды одинъ изъ прежнихъ Муатъ Ямво разсказывалъ слѣдующее: въ Лундѣ жилъ начальникъ Ямво, съ двумя сыновьями и дочерью. Народъ его былъ неискусенъ въ ремеслахъ и слабъ, а онъ умѣлъ приготовлять пальмовое вино и плести циновки. Когда однажды онъ плелъ циновку и поставилъ передъ собой горшокъ съ водой, нужный при этой работѣ, пришли оба сына его, подумали, что въ этомъ сосудѣ вино, и потребовали его для себя; когда онъ имъ далъ воду, они разсердились, возникла ссора, и они убѣжали. Послѣ того, Ямво отвергъ обоихъ сыновей и передалъ „лукано“ (см. стр. 242) своей дочери (называвшейся, по Бухнеру, Луешъ-а-Нкунтъ). Она не вышла замужъ и послѣ его смерти вступила въ управленіе. Въ это же время жилъ на востокѣ важный начальникъ Томбо-Мокуло; у него было четыре сына, и изъ нихъ старшій и младшій, „сынъ государства“ и „сынъ оружія“, отправились на сѣверъ и образовали тамъ царства, которыя назвались, по ихъ именамъ, Каньика и Майю. Третій сынъ Кибинда, охотникъ, не имѣвшій ни титула, ни званія, пришелъ въ Лунду, получилъ руку царствовавшей тамъ принцессы и управлялъ страною подъ именемъ ея отца, къ которому послѣ многихъ счастливыхъ войнъ прибавлено было имя Муата, т. е. великій отецъ.

Отсюда можно заключить во всякомъ случаѣ, что царство Лунда, имѣвшее тогда меньшіе размѣры, было гинекократіей прежде, чѣмъ этотъ чужеземецъ пришелъ съ востока. Съ этимъ временемъ связывается настоящая историческая эпоха настолько, по крайней мѣрѣ, что братъ Луешъ-а-Нкунтъ поссорился съ чужеземцемъ и отправился на западъ черезъ Куанго, гдѣ и основалъ царство Касандже. Это движеніе, согласно съ извѣстіями изъ исторіи Анголы, вызвало столкновеніе съ знаменитой королевой Шингой, которая крестилась въ 1622 г. Поэтому у обитателей Лунды и Касандже, по Бухнеру, существовали одинаковыя преданія о происхожденіи ихъ государствъ и о своемъ взаимномъ родствѣ; своеобразное званіе Лукокеши, повидимому, установилось для поддержанія интересовъ ея самой и ея друзей. Съ тѣхъ поръ въ государствѣ бралъ перевѣсъ то характеръ гинекократіи, то андрократіи, смотря потому, кто стоялъ выше изъ двухъ лицъ царствующей пары. Этому учрежденію было не чуждымъ стремленіе къ смягченію превышеній власти главы государства: Бухнеръ разсказываетъ случай, когда тогдашняя Лукокеша съ успѣхомъ противо-

дѣйствовала наклонности Муаты Ямво къ казнямъ, и, по сообщеніямъ конца 80-хъ годовъ, Муата Ямво былъ умерщвленъ по происканъ Лукокеши, которая, однако, также, повидимому, пала жертвой внутренней неурядицы.

Муата Ямво обладаетъ многочисленными женами, между тѣмъ, какъ у Лукокеши есть только одинъ „спутникъ“, котораго она обвѣшиваетъ всевозможными украшеніями, будучи сама одѣта очень просто. Въ этомъ „шамоана“, какъ его называютъ, очевидно, можно предположить фикцію первоначальнаго верховнаго положенія Лукокеши, такъ какъ его называютъ женскимъ именемъ. Бухнеру этотъ „мужчина съ могучими формами“ рекомендовался въ характерныхъ словахъ: „смотри, я только жена, но я жена важной особы.“ Правящая пара окружена придворнымъ штатомъ сановниковъ, „каннапумба“, и аристократіей свободныхъ туземцевъ, „килоло“. Четыре каннапумбы, главные сановники, благодаря тому, что имъ предоставленъ выборъ Муаты Ямво и Лукокеши, пользуются значительнымъ вліяніемъ и совѣщаются по всѣмъ важнымъ вопросамъ съ правящей парой. Правитель можетъ передать этотъ санъ только сыновьямъ прежнихъ каннапумбъ отъ свободныхъ женщинъ. Изъ аристократіи или килоловъ назначаются послы и чиновники, представители исполнительной власти, полицейскіе (лукуата), вожди партіи охотниковъ за слонами (кибинда) и начальники округовъ. Къ этимъ килоламъ принадлежатъ всѣ сыновья Муаты Ямво отъ свободныхъ женщинъ; извѣстное число ихъ постоянно сопровождаетъ правителя, преимущественно для того, чтобы онъ не пилъ и не курилъ, такъ какъ въ состояніи невмѣняемости онъ можетъ совершить много жестокостей. Отдѣльные килолы имѣютъ хижину въ оградѣ дворца и исполняютъ придворную службу; но при назначеніи смертной казни ни они, ни кто-либо другой не должны видѣть, какъ правитель ѣстъ или пьетъ. Къ низшему придворному штату принадлежатъ жрецы фетишей, кузнецы, парикмахеры, кухарки, музыканты и т. п.; въ числѣ ихъ занимаетъ свое мѣсто и палачъ, не достигая, однако, выдающагося положенія, какъ въ другихъ негрскихъ царствахъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе Погге усами, которыхъ нельзя было видѣть ни у кого другого въ Мусумбѣ. Наконецъ, къ придворному штату принадлежатъ сильные рабы, которые носятъ правителя на своихъ плечахъ, а также и тѣ, которые носятъ его носилки.

На послѣднемъ мѣстѣ можно назвать самую обширную, хотя не самую дѣйствительную часть государственной машины Лунды, народное собраніе, въ которомъ каждый килоло можетъ свободно высказывать свое мнѣніе; къ этимъ собраніямъ большинство правителей относится съ уваженіемъ. Муата Ямво появляется въ этомъ собраніи и извѣщаетъ его о своихъ рѣшеніяхъ, когда онъ думаетъ, напримѣръ, предпринять походъ. Государственныя учрежденія заботятся на первомъ мѣстѣ о благѣ и спокойствіи Мусумбы, о предупрежденіи злого и споспѣшествованіи доброжелательнаго колдовства, о надзорѣ за поведеніемъ замужнихъ женщинъ, о наказаніи за преступленія противъ короля и высшихъ лицъ, объ охраненіи нравственности и собственности, о веденіи торговли съ западомъ, войнахъ, хищническихъ экспедиціяхъ и охотѣ за невольниками. Три послѣднія цѣли тѣсно связаны между собою и составляютъ бо́льшую часть „внѣшней политики“. Но, къ сожалѣнію, они принадлежатъ извѣстной частью своею и внутренней политикѣ, такъ какъ постоянно дѣйствующія экспедиціи, состоящія обыкновенно изъ 200—400 молодыхъ людей изъ Мусумбы, свободныхъ и рабовъ, не всегда направляютъ свое оружіе противъ деревень чуждыхъ племенъ, а дѣлаютъ это и въ границахъ своего царства; ежегодная экспедиція, прибыль которой составляетъ правильную статью бюджета, всегда недалеко отходитъ отъ столицы. Лукокеша, такъ же, какъ и властитель, котораго несутъ на носилкахъ, снаряжаютъ этотъ походъ съ большимъ торжествомъ, какъ бы поддерживая постоянное поло-

женіе войны и грабежа. То, что добудутъ невольники въ этихъ походахъ, вполнѣ принадлежитъ правителю, и при этомъ еще — половина плѣнныхъ, взятыхъ свободными людьми, что́ при извѣстныхъ обстоятельствахъ представляетъ значительный доходъ. Разрушенные бараки для рабовъ въ Кимбунду и теперь еще позволяютъ видѣть размѣры, въ какихъ эти экспедиціи поддерживали торговлю рабами.

Къ сношеніямъ съ иностранцами относится и обращеніе съ торговыми караванами, приходящими въ Мусумбу; дворъ заботится о нихъ, отводитъ имъ мѣста для стоянокъ и вообще принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, не допуская примѣненія къ нимъ всей тяжести мѣстныхъ законовъ. Все, что дѣлается при этомъ, находится подъ непосредственнымъ надзоромъ Муаты Ямво.

Когда Муата Ямво заболѣваетъ, народу предъявляется требованіе, чтобы онъ колдовствомъ отгонялъ злыхъ духовъ отъ ложа властителя. Когда онъ близокъ къ смерти, его преемникъ, относительно котораго обыкновенно уже раньше состоялось соглашеніе, отправляется въ обществѣ четырехъ высшихъ сановниковъ къ Лукокешѣ, чтобы получить ея согласіе. Во время погребенія прежняго властителя новому торжественно вручаются знаки его достоинства: лукано, браслетъ изъ слоновой кости, обтянутый слоновыми сухожиліями, который, впрочемъ, можетъ быть даваемъ въ видѣ ордена и который также носитъ Лукокеша, большой пучекъ красныхъ перьевъ попугая, серповидный скипетръ изъ желѣза и коверъ. Новый властитель присутствуетъ при погребеніи; торжественно разукрашеннаго покойника несутъ на носилкахъ къ рѣкѣ Каланги. Многочисленные провожатые совершаютъ на рѣкѣ всевозможные обряды и волшебныя дѣйствія, причемъ добывается новый огонь треніемъ дерева и раздается по всей Мусумбѣ. Затѣмъ трупъ несутъ къ священному мѣсту Энцаи, гдѣ всѣ 12 Муатъ Ямво похоронены въ кругу, и опускаютъ его въ сидячемъ положеніи въ четырехугольную яму, которая покрывается пальмовыми листьями и сверху засыпается землею. Во время церемоніи умерщвляютъ у входа мальчика и дѣвочку. Новый правитель проводитъ затѣмъ ночь на открытомъ воздухѣ и въ теченіе слѣдующихъ восьми дней оплакиваетъ въ особыхъ хижинахъ своего предшественника. На девятый день Лукокеша и сановники отводятъ его въ „кипангу“ (изгородь, воздвигаемую на мѣстѣ прежней, которую уже сожгли за это время); тамъ поселяется Лукокеша и весь дворъ, такъ что при каждой перемѣнѣ правителя мѣняется и столица. Но столицы или Мусумбы властителей основывались недалеко другъ отъ друга на плодородной равнинѣ, между рѣками Каланги и Луиса. У Казембе столицы переносились послѣ смерти и другихъ замѣчательныхъ людей, напримѣръ, Ласерды.

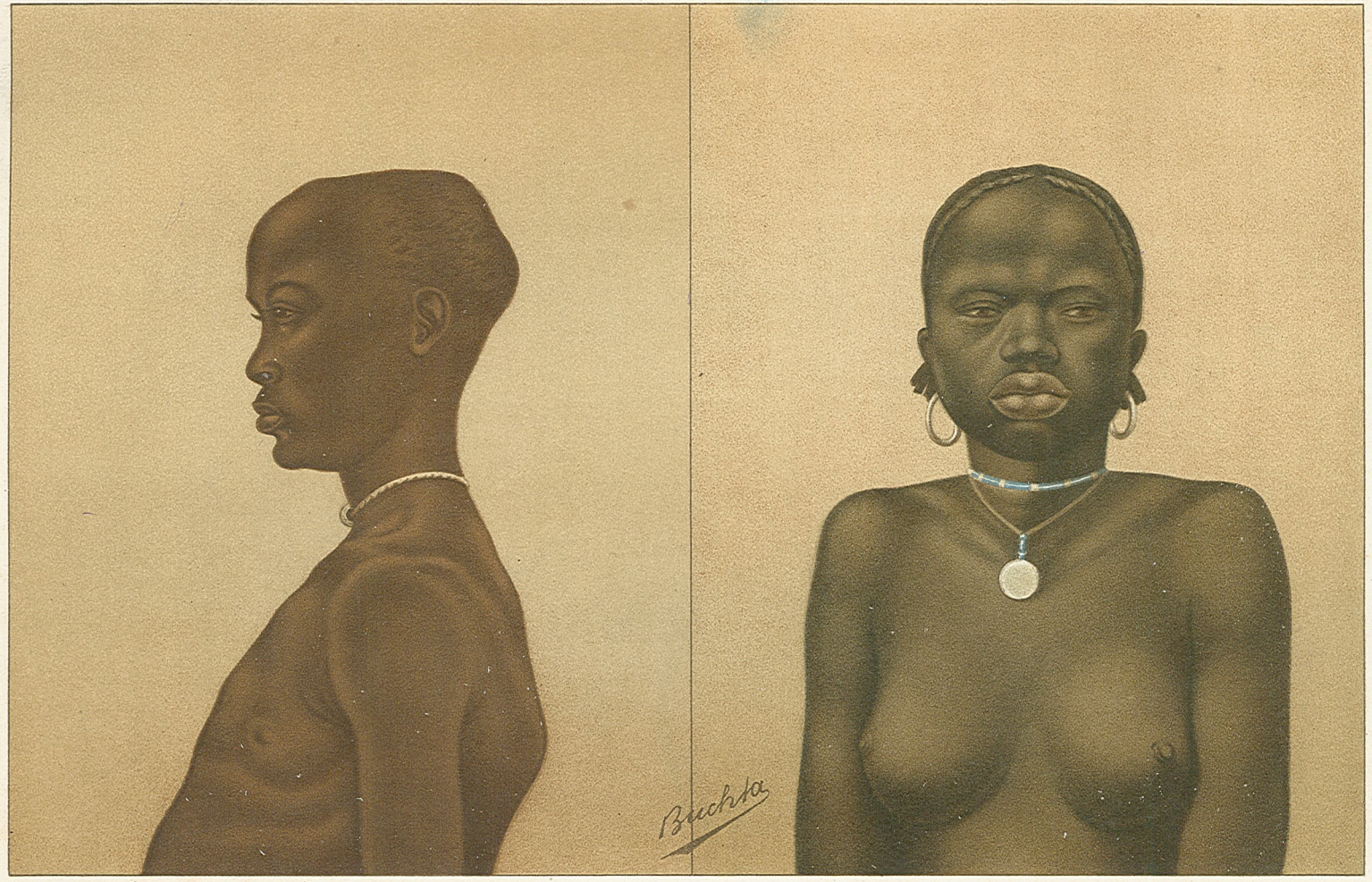
*

Царство Лунда — самое большое въ ряду мелкихъ негрскихъ государствъ, живущихъ вполнѣ по его образцу и въ болѣе или менѣе замѣтной зависимости отъ него. Между Муатой Кумбана и Муатой Ямво мы находимъ полную аналогію. Первый охотно позволяетъ называть себя Муата Ямво и также носитъ лукано, браслетъ, толщиною въ 4 см., изъ человѣческихъ сухожилій; но у самой его деревни живетъ начальникъ, подчиненный настоящему Муату Ямво, являющійся его представителемъ и, съ помощью находящихся при немъ килоловъ, собирающій дань для Мусумбы. Самый значительный и самый отдаленный изъ этихъ правителей — Казембе, властитель самаго восточнаго изъ государствъ, платящихъ дань Лундѣ; оно уподобляется своей организаціей этому послѣднему и имѣетъ своимъ центромъ мѣстечко, называемое на старинныхъ картахъ просто „Казембе“, лежащее между озерами Моэро и Бангвеоло, въ низинѣ, шириною около 15 км., гдѣ въ настоящее время возникаетъ уже седьмая сто-

лица. На пространствѣ нѣсколькихъ кв. километровъ разсѣяны безъ всякаго порядка хижины около тысячи жителей, окруженныя четвероугольными изгородями. „Дворецъ“ Казембе обнесенъ тростниковой изгородью, на сваяхъ воротъ которой можно видѣть множество человѣческихъ череповъ.

Самъ Казембе представляетъ собою нѣчто вродѣ Муаты Ямво въ уменьшенномъ видѣ. Когда Казембе принималъ Ливингстона, онъ сидѣлъ передъ своей хижиной на четвероугольной скамейкѣ, подъ которой были подостланы шкуры леопардовъ и львовъ. Онъ былъ въ одеждѣ изъ бѣлой и голубой бумажной ткани, съ красной обшивкой, что напоминало женскій костюмъ. На рукахъ, на ногахъ и на головѣ у него были вышивки изъ бусъ; на головѣ его возвышалась еще корона изъ желтыхъ перьевъ. Всѣ начальники пришли подъ прикрытіемъ огромныхъ зонтиковъ и усѣлись направо и налѣво отъ него, такъ же, какъ и нѣсколько группъ музыкантовъ. Палачъ, съ широкимъ мечомъ и орудіемъ, вродѣ ножницъ для обрѣзыванія ушей, на спинѣ, также находился тамъ, и, кромѣ того, тамъ были еще карликъ и придворный шутъ, неопредѣленнаго, сѣвернаго происхожденія. Безухій совѣтникъ изложилъ поступки и желанія путешественника; затѣмъ Казембе удалился съ достоинствомъ, чтобы осмотрѣть подарки, причемъ два пажа несли его шлейфъ. Многочисленные придворные были безъ ушей и безъ кистей рукъ, свидѣтельствуя о прихотяхъ этого властителя, который, однако, имѣлъ такъ мало силы, что арабы въ его присутствіи вмѣстѣ съ нимъ подшучивали надъ его слабостью. Жестокости этого Казембе съ начала 60-хъ годовъ повели къ тому, что его густо населенная страна вскорѣ стала безлюдной. Неудивительно поэтому, что, между тѣмъ, какъ Перейра говорилъ (нѣсколько преувеличивая) о 20 тыс. воиновъ, Ливингстонъ въ 1867 г. сомнѣвался, чтобы Казембе могъ поставить на ноги тысячу человѣкъ. Онъ вообще сталъ бѣднѣе, такъ какъ и охотники за слонами оставили его, потому что онъ не хотѣлъ дѣлиться съ ними прибылью ни при какихъ условіяхъ. Онъ былъ несчастливъ и въ душевномъ отношеніи: совѣсть мучила его, и когда онъ кого-либо видѣлъ во снѣ два или три раза, онъ удалялъ его со своей дороги. Дворъ его отличался пышностью; извѣстное число мужчинъ одѣты были въ леопардовыя шкуры и при этомъ носили большія деревянныя маски.

Зависимость Казембе отъ царства Муаты Ямво многимъ казалась сомнительной. Тамъ случались неправильности въ уплатѣ дани, о которыхъ мы знаемъ и отъ новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ и другія государства, платящія дань Лундѣ. Послѣ того, какъ Казембе три года подрядъ не платилъ никакой дани, онъ въ декабрѣ 1875 г. въ первый разъ послалъ караванъ съ невольниками, мѣдью и солью въ Мусумбу. Какъ говорятъ, это произошло вслѣдствіе нападеній на городъ Казембе хищныхъ звѣрей, разрывавшихъ людей; по объясненію знахарей, это было наказаніемъ за неповиновеніе Казембе Муатѣ Ямво. Но въ Мусумбѣ Погге слышалъ объ этомъ слѣдующій разсказъ. Одинъ изъ Муатъ Ямво послалъ большую экспедицію, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ лицъ, на востокъ, на поиски соли; она, дѣйствительно, нашла большое количество ея. По возвращеніи на родину, посланные, однако, обманули своего господина, боясь, что если они откроютъ ему о существованіи страны, богатой солью, то онъ заставитъ ихъ идти туда вмѣстѣ съ нимъ, а имъ не хотѣлось покидать свою страну. Но одинъ изъ невольниковъ, находившихся при нихъ, разсказалъ Муатѣ Ямво о странѣ съ солью, и тотъ назначилъ его предводителемъ военной экспедиціи; онъ завоевалъ эту страну и управлялъ ею въ качествѣ начальника, платящаго дань Муатѣ Ямво.



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

МАЛЬЧИКЪ ВАГАНДОВЪ.

ДѢВУШКА ДИНКОВЪ.

B. Внутренніе африканцы.

8. Ваганды и другіе народы, образующіе государства въ области истоковъ Нила.

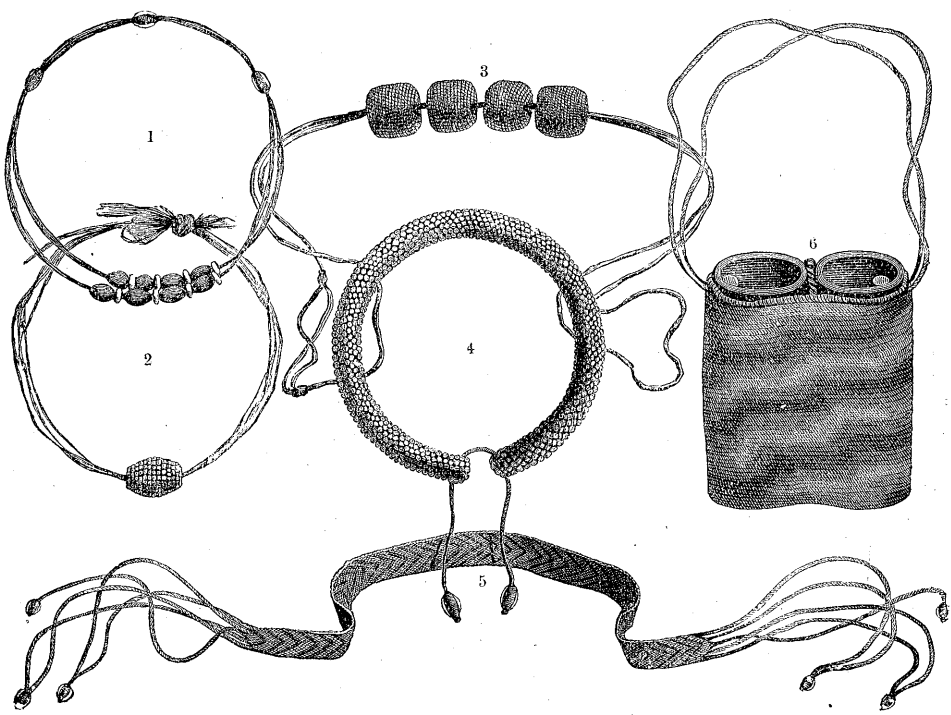
„Вѣглый взглядъ, какой мы могли бросить на обычаи и нравы вагандовъ, вызвалъ въ насъ сознаніе, что мы стояли на пути ознакомленія съ выдающимся народомъ."
Стэнли.

Содержаніе: Отношенія къ восточно-африканскимъ пастушескимъ народамъ. — Этническое смѣшеніе въ Угандѣ. — Ваганды, ваньоры и родственные имъ народы. — Вагумы. — Очеркъ вагумскихъ государствъ: Уньоро, Уганда Карагве, Узиндья, Руанда.

Въ населеніи странъ около озеръ, служащихъ истоками Нила, которое въ лингвистическомъ отношеніи раздѣляется на вагандовъ (ваганда), ваньоровъ (ваньоро, вазиндья) и варундовъ (варунди), между Мвутаномъ и сѣверо-восточнымъ берегомъ Танганьики, выступаетъ антропологическое различіе, которое своимъ совпаденіемъ съ этническимъ пріобрѣтаетъ двойное значеніе. По культурному состоянію, этотъ контрастъ примыкаетъ къ тому, какой замѣчается между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ, какъ и въ болѣе южныхъ странахъ восточной Африки. Но антропологическая основа его болѣе ясна, такъ какъ уже первые путешественники, посѣтившіе область озеръ, служащихъ истоками Нила, видѣли въ осѣдлыхъ жителяхъ другую расу, чѣмъ въ кочевавшихъ среди нихъ и державшихъ ихъ подъ своею властью пастушескихъ народахъ. Первые ближе стоятъ къ настоящимъ неграмъ, чѣмъ послѣдніе, но въ своемъ цѣломъ отличались отъ болѣе темныхъ негрскихъ народовъ, какъ болѣе свѣтлая по цвѣту и болѣе благородная по физическому строенію раса, являющаяся результатомъ особенно благопріятнаго расоваго смѣшенія.

Поэтому изъ описаній наиболѣе безпристрастныхъ наблюдателей мы получаемъ здѣсь впечатлѣніе болѣе благороднаго человѣческаго типа, и изображенія ихъ вызываютъ въ насъ такое чувство, что мы вступаемъ здѣсь въ пограничную область настоящихъ негроидныхъ народовъ. Уже указанія относительно цвѣта кожи рисуютъ ихъ въ болѣе свѣтлыхъ тонахъ. Стэнли говоритъ по поводу вагандовъ о чистой расѣ бронзоваго цвѣта или темнаго, красновато-бураго, а у нѣкоторыхъ женщинъ — о цвѣтѣ, „свѣтло-красно-золотистомъ, который у иныхъ приближался къ бѣлому" (см. табл. „Мальчикъ вагандовъ — дѣвушка динковъ"). О скотоводахъ вагумахъ онъ говоритъ: „цвѣтъ кожи ихъ похожъ на цвѣтного человѣка, рожденнаго отъ мулатки и бѣлаго: носы у нихъ прямые, губы тонкія и глаза большіе и блестящіе. И въ другихъ мѣстахъ они отличались привлекательностью красивыхъ формъ". Можно сказать вообще, что южно- и средне-африканское строеніе тѣла исчезаетъ здѣсь, и приходится чувствовать себя въ области, переходной къ восточной и сѣверной областямъ Африки, находящимся подъ вліяніемъ Азіи. Въ Угандѣ, важнѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ странѣ истоковъ Нила, это этническое

смѣшеніе развито всего болѣе и во всякомъ случаѣ изучено всего подробнѣе. Основу населенія составляютъ здѣсь ваганды; къ нимъ можно причислить также островитянъ (базессе), живущихъ на островахъ вдоль берега Уганды, того-же происхожденія, говорящихъ на діалектѣ того-же языка. Тѣ и другіе — негры, темно-шоколаднаго цвѣта кожи, съ короткими шерстистыми волосами, болѣе, чѣмъ средняго роста, хорошо сложенные и сильные. Вагумы, называемые на югѣ ватузіями, по численности занимающіе второе, а въ качествѣ властителей первое мѣсто, представляютъ, какъ и повсюду, гдѣ мы ихъ видимъ, своеобразное племя, съ какимъ мы ознакомились въ пятомъ отдѣлѣ: это — люди высокаго роста, съ овальной формой лица, узкими губами и прямымъ носомъ и при этомъ не съ



Украшенія и утварь вагандовъ: 1, 2, 3 и 4) шейное украшеніе, 5) поясъ, 6) двойной сосудъ. (Вѣнскій этнографическій музей.)

кудрявыми, а съ шерстистыми волосами; женщины ихъ такого свѣтлаго цвѣта и такъ красивы, что начальники вагандовъ предпочтительно выбираютъ изъ нихъ женъ, и даже гораздо далѣе на западъ, въ Руандѣ, арабы женятся на нихъ, какъ на равныхъ себѣ. Повсюду, гдѣ ихъ можно найти, вагумы — пастухи, питающіеся, главнымъ образомъ, молокомъ и мясомъ. Они строго обособляются отъ другихъ племенъ, живутъ въ деревняхъ, лежащихъ въ сторонѣ, по большей части, у опушки лѣса, и не легко смѣшиваются съ окружающими племенами. Мудды (мудду) въ Угандѣ и вичвезіи въ Уньоро представляютъ собою темныя покоренныя племена, обыкновенно занимающія положеніе рабовъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, это — прежніе обитатели страны, которымъ часто приписывается особая волшебная сила. Съ ними сходно племя вазоговъ (вазога). Эти послѣдніе переселились изъ страны Узого въ восточную Уганду, но, при всей своей храбрости и воинственности, были постепенно покорены вагандами, причемъ была покорена большая часть Узоги; цвѣтъ ихъ гораздо темнѣе, чѣмъ у вагандовъ.

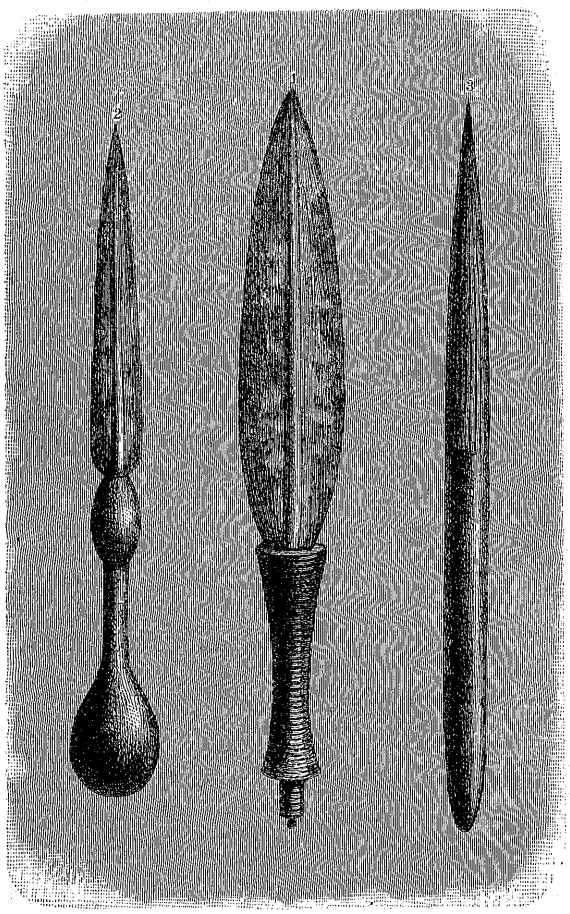
*

Ваганды и ваньоры отличаются отъ всѣхъ окружающихъ племенъ своей одеждой; это — единственные негры, которые, не подражая арабамъ или европейцамъ, одѣты съ ногъ до головы и производятъ этимъ такое странное впечатлѣніе, что обнаженныя племена верхней области Нила называютъ ихъ женщинами. Спикъ приводитъ по этому случаю слышанный имъ, вѣроятно, у ніамъ-ніамовъ, разсказъ о народѣ, состоящемъ изъ женщинъ. Законы относительно одежды весьма строги, и кто-бы то ни было, мужчина или женщина, показавшись на улицѣ неприлично одѣтымъ, подлежитъ смертной казни. Эти законы вообще исходятъ изъ преданія. Одинъ изъ безсмысленныхъ приказовъ Мтезы требовалъ, чтобы каждый мужчина носилъ шнурокъ изъ бусъ на сочлененіи кисти руки, а каждая женщина — такой-же шнурокъ на поясѣ, и, при неисполненіи этого приказанія, первому отрѣзали кисть руки, а вторую разрѣзывали на двое. Дома этотъ обычай не соблюдается съ такою строгостью: молодыя женщины часто тамъ снимаютъ съ себя всякую одежду. Точно также мужчины идутъ въ битву, имѣя на себѣ только кусокъ ткани, обернутый кругомъ бедръ. Національная одежда дѣлается изъ „мбугу“, матеріи изъ коры, которая у мужчинъ ниспадаетъ свободно и волнуется на ходу. Одежда эта застегивается на плечѣ, оставляя обѣ руки свободными, и спускается до ступней. У женщинъ она плотно прикрѣпляется подъ мышками. Сверхъ мбугу начальники часто носятъ красивую одежду изъ дубленыхъ шкуръ, для чего употребляется или цѣлая бычачья шкура, или двѣ сшитыя козьи шкуры; самые дорогіе мѣха состоятъ изъ блестящихъ темно-бурыхъ шкуръ мелкой породы антилопы, которыхъ для такой одежды требуется отъ 20 до 40. Въ Уньоро и Узогѣ мѣховая одежда болѣе употребительна, чѣмъ въ Угандѣ; вагумы также оказываютъ предпочтеніе одеждамъ изъ мѣха. Въ новѣйшее время въ народъ постепенно проникаетъ чужеземный костюмъ, послѣ того, какъ самъ король Мтеза промѣнялъ туземное мбугу на арабскую одежду. Въ Усуи и Узиндьѣ бумажныя матеріи вытѣснили старинныя мѣстныя козьи шкуры и матеріи изъ коры. Вашаши, на восточномъ берегу Ньянцы, обертываютъ себѣ тѣло, подобно ваньятурамъ, полосами луба. Въ видѣ украшенія, носятъ множество волшебныхъ предметовъ, соотвѣтственно сильно распространенному тамъ суевѣрію. Главную роль играютъ при этомъ рога, наполняемые какимъ-либо волшебнымъ веществомъ, и носимыя знатными лицами ожерелья изъ волосъ хвоста жирафы, которымъ приписываютъ волшебную силу. Тамъ часто можно видѣть сандаліи изъ буйволовой кожи, фантастическія головныя украшенія, тюрбаны изъ бумажныхъ матерій или цвѣтныхъ платковъ и шапки, сплетенныя изъ шнурковъ.

Путешественниковъ, при первомъ взглядѣ на вагандовъ, больше всего удивляетъ полное отсутствіе всякой татуировки и всякихъ искаженій тѣла. У нихъ нѣтъ даже обычая вырыванія и подпиливанія зубовъ. Всякія уродованія, если они не производятся въ видѣ наказанія, запрещаются и наказываются смертью. Въ этомъ отношеніи ваганды стоятъ выше ваньоровъ, племенными знаками которыхъ служатъ два выжженныхъ рубца на каждомъ вискѣ и у которыхъ, у дѣвочекъ и мальчиковъ, по достиженіи возмужалости, выбиваются два нижніе рѣзца и, вѣроятно, также клыки. И у варундовъ не существуетъ ни просверливанья ушей, ни уродованія зубовъ. Зубы, напротивъ, подвергаются тщательному уходу. Обрѣзаніе употребляется лишь у обитателей Ланду, переселившихся, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ запада, а также у вашашей, къ востоку отъ Ніанцы, уродующихъ уши и зубы по способу масаевъ. У нихъ встрѣчается инфибуляція. Ваганды очень опрятны, часто моются и не смазываютъ своего тѣла жиромъ. Волосы ихъ, по большей части, плотно обстрижены.

Въ постройкѣ хижинъ, въ которой у этихъ народовъ вездѣ

преобладаетъ коническая форма, вслѣдствіе большей тщательности, получаются не только болѣе изящныя и прочныя, но и болѣе обширныя помѣщенія. Болѣе обширныя входныя отверстія и архитектурныя украшенія возвышаютъ наружный видъ ихъ. Вмѣсто господствующихъ еще въ Уньямвези цилиндрическихъ глиняныхъ хижинъ, съ конусообразными крышами, здѣсь появляются ульеобразныя хижины, опрятно обложенныя травою. Этотъ видъ болѣе красивыхъ и просторныхъ построекъ достигаетъ до плоскогорій у озеръ Альберта и Альберта Эдуарда. Эминъ паша жилъ въ Мукунгу въ травяной хижинѣ, въ 6 метр. высоты и 8 метр. въ поперечникѣ. Торговцы арабы и суагеліи вполнѣ привыкли къ этимъ хижинамъ. Въ широкой двери конусообразной хижины, окруженной двойнымъ заборомъ, заключающимъ въ себѣ два двора, король Мтеза принималъ своихъ гостей. Дворецъ этого правителя — постройка въ видѣ амбара, болѣе 30 м. длины, состоящая только изъ тростника и соломы; однако, „по крайней мѣрѣ, своимъ протяженіемъ всѣ эти помѣщенія производятъ впечатлѣніе, какое должны производить дворцы“ (Стэнли). Зданіе это опирается на громадные столбы изъ древесныхъ стволовъ. Одна зала занимаетъ около $^2/_3$ общей длины всего зданія; по обѣимъ сторонамъ ея находятся длинные, узкіе проходы, а на задней сторонѣ идетъ одна за другою нѣсколько болѣе мелкихъ, четвероугольныхъ комнатъ, откуда открывается выходъ въ дворцовые сады. Хижины ваньоровъ также обыкновенно имѣютъ форму округленной юбки, безъ надстройки, и внутри дѣлятся на двѣ части. Изгороди ихъ, какъ и въ деревняхъ богатаго лѣсомъ Уньоро, гдѣ много львовъ, дѣлаются изъ толстаго терновника. На вновь расчищенныхъ мѣстахъ въ первобытныхъ лѣсахъ Уньоро хижины стоятъ группами, по три и по четыре, между полями, засаженными бананами, а иногда маисомъ или виргинскимъ табакомъ; хижины эти — полукруглыя, съ травяной крышей, спускающейся почти до земли; надъ дверью онѣ подперты сваями и представляютъ временныя постройки, которыя нерѣдко покидаются послѣ жатвы. Тамъ, гдѣ все спокойно, какъ, напримѣръ, въ Урунди, живутъ въ отдѣльныхъ хижинахъ, а гдѣ часто бываютъ войны, какъ въ Угѣ, — въ деревняхъ до 120 хижинъ. Круглыя хижины вагумовъ ставятся по нѣсколько въ оградѣ изъ терновника, скрѣпляемой изнутри оплотомъ изъ коровьяго навоза въ $1^1/_2$ метр. высоты; ихъ можно узнать издали по отсутствію банановыхъ рощъ и дру-



1) Копье вагандовъ для охоты на слоновъ; 2) ножъ шировъ; 3) заостренная палица ваньоровъ, встрѣчается также у боровъ, ангаровъ и динковъ. (По Бэкеру.) Ср. текстъ, стр. 279.

гихъ зеленыхъ насажденій, окружающихъ деревни земледѣльцевъ. Возникающія повсюду сами по себѣ кучи навоза правильной формы еще долгое время обозначаютъ мѣсто, гдѣ стояло такое поселеніе. Деревни пастуховъ состоятъ обыкновенно изъ многихъ подобныхъ изгородей. Впрочемъ, склонность негровъ къ перемѣнѣ мѣстообитаній и здѣсь противится основанію прочныхъ жилищъ. Старинная столица Банда, въ которой Спикъ и Грантъ видѣли Мтезу, оставлена и совершенно исчезла; одинъ или два другихъ города подверглись той-же участи. На ихъ мѣсто Мтезой построены двѣ другихъ столицы — Рубага и Небула-галла. Городъ соли, Катве, на озерѣ Альберта Эдуарда, въ странѣ Анкоре, имѣетъ, вѣроятно, около 2 тыс. жителей.

Промышленность этихъ народовъ выказываетъ стремленіе подняться выше негрскаго уровня въ отдѣльныхъ предметахъ, но безъ какихъ либо новыхъ цѣлей или формъ. Въ отношеніи оригинальности, ея произведенія стоятъ, однако, ниже произведеній внутренней части средней Африки; мы видимъ въ нихъ тотъ же духъ, то же направленіе вкуса, пробовавшее свои силы на одинаковыхъ матеріалахъ, но достигшее бо́льшаго развитія, благодаря большему спокойствію въ средѣ болѣе прочнаго благосостоянія. Спикъ упоминаетъ однажды о деревнѣ горшечниковъ въ Угандѣ, что́ уже указываетъ на раздѣленіе труда. Естественный, унаслѣдованный вкусъ проявляется въ краскахъ и формахъ и, преждо всего, не страдаетъ никакими излишествами. Глиняные сосуды ваньоровъ, тонкіе, простой, почти круглой формы, снабженные на верхнемъ краѣ лишь легкимъ рельефомъ, вычерненные снаружи и внутри, какъ-бы покрытые лакомъ, вслѣдствіе подвѣшиванья въ дыму, при всей своей простотѣ, могутъ быть названы превосходными. Тамъ находятся въ употребленіи двѣ формы трубокъ: одна съ круглой головкой, въ которую входитъ лишь немного табаку, и другая съ конусообразной головкой, которая можетъ вмѣстить его цѣлую горсть или болѣе. Оба рода трубокъ и сосуды для питья украшаются также расписываньемъ бѣлой или красной глиной. Если принять во вниманіе, что всѣ эти глиняныя издѣлія изготовляются безъ помощи гончарнаго круга, то правильныя формы ихъ не могутъ не вызывать удивленія (см. рис., стр. 254 и 255).

Искусство плетенія достигаетъ высокой степени совершенства. Ленты и шнуры изъ тонкихъ волоконъ, которыя сплетаются пестрыми узорами, сдѣлали-бы честь любой высоко-развитой промышленности и самому тонкому вкусу. Особенно красивы четырехгранные шнурки, которыми заканчиваются эти ленты, и черные и красные зигзагообразные узоры, покрывающіе многіе плетеные сосуды, какъ, напримѣръ, двойные цилиндры, служащіе для сбереженія мелкихъ вещей. Не менѣе заслуживаютъ вниманія ихъ разукрашенныя корзинки и подставки подъ горшки. Они изготовляютъ изъ травы большія плоскія, круглыя корзины, непроницаемыя для воды, служащія для перенесенія кушаньевъ. Изъ узкихъ молодыхъ листьевъ дикихъ финиковыхъ пальмъ выдѣлываются маленькія корзиночки съ крышками для кофейныхъ бобовъ. Для изготовленія плетеныхъ цилиндровъ, изъ которыхъ пьютъ мѣстное пиво, берется выдолбленная, согнутая деревяшка, съ плотно прилегающимъ къ ней плетеніемъ изъ листьевъ финиковой пальмы различной окраски, а на нижнемъ концѣ дѣлается рѣшетообразное плетеніе изъ пестрыхъ травъ. Съ художественной точки зрѣнія такое издѣліе можно назвать изящнымъ и даже заслуживающимъ удивленія. Циновки, составляющія принадлежность каждаго хозяйства, плетутся изъ полосъ молодыхъ листьевъ финиковой пальмы и отличаются большой гибкостью. Даже отдаленныя племена, какъ, напримѣръ, живущіе на островахъ вакеревы, плетутъ корзинки съ красивыми узорами (см. рис., стр. 250 и 254).

Работы изъ бусъ отличаются такимъ же вкусомъ по формѣ и подбору цвѣтовъ. Толстые, плотно усаженные бусами пояса, шнурки изъ луба или волоконъ, украшенные одной крупной бусиной, гладкіе плоды, усаженные съ одной стороны бусами, нанизанными на одну нитку, — все это выказываетъ высоко развитый вкусъ (см. рис., стр. 250). Только рѣзьба по дереву у ваньоровъ не стоитъ на высотѣ ихъ остальной промышленности. Изящная полировка рѣзного дерева, какую можно найти у народовъ, сосредоточивающихъ, за недостаткомъ желѣза, все свое вниманіе на деревѣ, здѣсь отсутствуетъ, какъ и почти повсюду въ Африкѣ. Знатныя лица въ Угандѣ носятъ трости, вырѣзанныя изъ твердаго бѣлаго де-

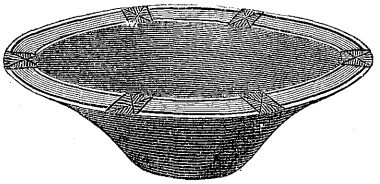
Домашняя утварь ваньоровъ: 1 и 2) горшки, 3 и 4) деревянныя блюда, 5) подставка, 6) корзинка для кушаньевъ. (Вѣнскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 253.

рева, съ красивымъ закругленіемъ и полировкой. Король особенно важнымъ посѣтителямъ посылаетъ, въ видѣ привѣтствія, на встрѣчу свою трость, такъ же, какъ это дѣлаетъ король Дагомеи (см. рис., стр. 261, фиг. 3).

О выдѣлкѣ мбугу, матеріи изъ коры, мы уже говорили выше (ср. стр. 84, 251 и т. I, стр. 96; см. рис., т. I, стр. 94). Мы прибавимъ здѣсь, что они раскрашиваютъ ее различными узорами, обыкновенно черными тисненными или нарисованными квадратами. Черная краска добывается изъ сажи благовоннаго дерева. Большія смоковницы съ зеленой листвой, доставляющія кору для матеріи и, въ случаѣ необходимости, топливо, разсаживаются вокругъ деревень. Эти народы не менѣе замѣчательны изготовленіемъ кожи, путемъ выскабливанія и пропитыванія жиромъ, вслѣдствіе чего она дѣлается мягкой и гибкой, какъ перчаточная кожа. Въ металлическихъ работахъ кузнецы Уганды настолько стоятъ выше кузнецовъ Уньоро, насколько эти послѣдніе превосходятъ своихъ сосѣдей; въ Усуи и Узиндьѣ всѣ металлическія работы принадлежатъ народу кузнецовъ, варонгамъ (варонго), напоминающимъ элькононовъ (см. стр. 180). Они добываютъ желѣзо изъ мѣстной руды. Стали сами по себѣ они не знали. Копья, колокольчики и кольца они изготовляютъ изъ мѣди, ко-

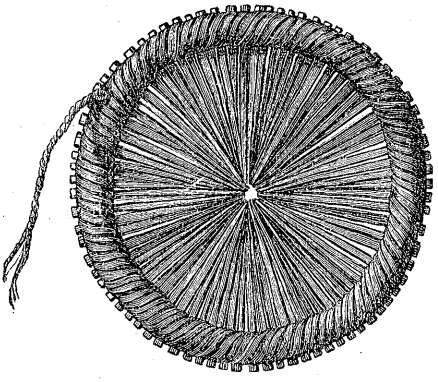
торая привозится въ эту страну изъ Занзибара. Они весьма искусны и въ подражаніяхъ произведеніямъ европейской промышленности и передѣлываютъ, напримѣръ, фитильныя ружья на пистонныя. Уильсонъ видѣлъ литыя латунныя гильзы, сдѣланныя замѣчательно аккуратно и превосходно отполированныя. Балула изъ Фатико, хромой оружейникъ уньорскаго короля, находясь въ плѣну въ Дуфилехѣ, починилъ всѣ ружья египтянъ.

Немногочисленныя орудія ихъ весьма просты; для обработки почвы служитъ вообще мотыка (нкумбе), орудіе въ формѣ сердца, съ длиннымъ остріемъ на широкомъ концѣ, прикрѣпленное къ изогнутой рукояткѣ, длиной около метра. Папирусъ расчищается съ помощью серпообразной сѣчки. Въ отдаленныхъ странахъ, у ваньятуровъ и вакаровъ, мы находимъ мотыку съ деревяннымъ клинкомъ, въ видѣ лопаты. Земледѣліе лежитъ, главнымъ образомъ, на обязанности женщинъ, и мужчины помогаютъ имъ только въ случаѣ необходимости. Въ болѣе густо заселенной Угандѣ, лучше обработанной, чѣмъ Уньоро, сады отдѣляются отъ улицъ высокими заборами и содержатся съ необыкновенной опрятностью. Отдѣльныя растенія высѣваются въ различныя гряды и тщательно очищаются отъ сорной травы. Табакъ плотно сѣется въ маленькихъ грядкахъ, и затѣмъ поднявшіеся ростки выкапываются и пересаживаются рядами. Тыква, изъ которой изготовляются сосуды, покрываетъ на деревянныхъ шпалерахъ стѣны хижинъ.



Блюдо ваньоровъ, изъ глины. (Вѣнскій этнографическій музей.)

Ваганды, въ особенности низшихъ классовъ, питаются преимущественно растеніями, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ бананы. Бананъ растетъ повсюду, и къ нему не прилагается большихъ заботъ; онъ, вѣроятно, введенъ здѣсь уже съ давняго времени. Различные сорта имѣютъ разныя наименованія; многіе варятся, другіе жарятся, и изъ нѣкоторыхъ добывается вино; ихъ рѣжутъ также на куски, сушатъ на солнцѣ и берегутъ для голоднаго времени или для путевого провіанта. Наряду съ бананомъ, воздѣлываемый также въ большихъ количествахъ сладкій картофель составляетъ главное пищевое средство туземцевъ. Кромѣ этихъ растеній, ваганды разводятъ еще Colocasia antiquorum, Helmia bulbifera, различные виды бобовъ, два или три сорта тыквъ, видъ Solanum, сахарный тростникъ, видъ краснаго шпината, кассаву, маисъ, просо, кунжутъ, рисъ и виноградную лозу. Кофейное дерево воздѣлывается въ обширныхъ размѣрахъ, но бобы его очень мелки. Угайя, отдѣленная глубокой долиной отъ Карагве, лежащаго западнѣе, славится, какъ главная область производства табаку и кофе. Табакъ вывозится во множествѣ вагайями въ Карагве, Уганду и даже до Кича; мы находимъ этихъ торговцевъ во всѣхъ странахъ около Укереве. Арабы, кромѣ того, ввели здѣсь лукъ, райскія яблоки, гвайявы, гранаты и макъ, а изъ Египта сюда перенесены рѣдька и Hibiscus esculentus, арабская бамія. Между тѣмъ, какъ домашнюю птицу и яйца ѣдятъ довольно рѣдко, въ Уньоро идетъ въ пищу даже мясо тигровой кошки (оселота). На Ніанцѣ и на островахъ главнымъ средствомъ пропитанія служатъ многіе виды

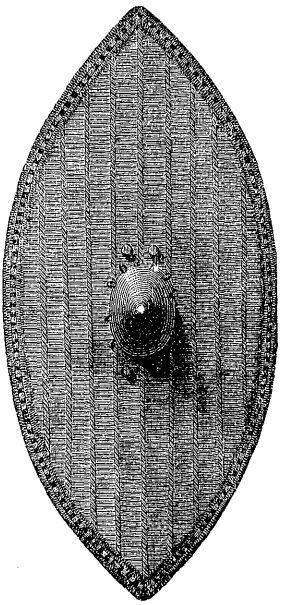


Капканъ ваганд овъ; встрѣчается также у шуліевъ и (въ качествѣ капкана для газелей) въ Аравійской пустынѣ. (Вѣнскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 281.

озерныхъ рыбъ, начиная съ крошечной мукени, рыбки, величиной съ ельца, до мощной камбари, достигающей иногда вѣса въ 50 и болѣе кгр. Нѣкоторые виды высушиваются и обмѣниваются на кофе и другіе продукты. У вагандовъ употребляется довольно остроумный способъ варки пищи. При варкѣ банановъ они кладутъ большой листъ растенія на воду въ горшкѣ, а плоды сверху, такъ что бананы варятся въ пару; мясо и рыбу они плотно заворачиваютъ въ молодой банановый листъ, и тогда достаточно подержать ихъ нѣсколько минутъ надъ огнемъ, чтобъ они стали мягкими. Хорошая соль составляетъ большую рѣдкость въ Угандѣ; та, какою пользуются обыкновенно, грязно-сѣрая и горькая, между тѣмъ, какъ въ Уньоро, къ западу отъ озера Люта Нзиге, встрѣчается соль гораздо лучшаго качества. До и послѣ обѣда моютъ себѣ руки; затѣмъ всѣмъ раздаются трубки и кофейные бобы для жеванія. Въ Угандѣ у каждаго, знающаго приличія, бываетъ съ собою нѣкоторое количество кофейныхъ бобовъ, и онъ при встрѣчѣ предлагаетъ ихъ знакомымъ для упомянутаго назначенія. Во время обѣда ваганды никогда не пьютъ, но по окончаніи его они пьютъ воду или пизанговое вино, приготовленное изъ спѣлыхъ банановъ, большими глотками. Питье, сохраняемое въ большихъ сосудахъ изъ тыквы, въ не перебродившемъ видѣ называется „мубизи“, въ перебродившемъ — „мвенги“, смѣшанное съ варенымъ просомъ — „мальва“. „Мламба“ — слабое пиво, приготовленное такимъ-же образомъ. Изготовленіе банановаго вина составляетъ всегда первую заботу, какъ только разбитъ лагерь и собралось общество. Вино это легкое, и поэтому его употребляютъ въ большихъ количествахъ; такъ какъ самое приготовленіе его не трудно, то и бѣднѣйшіе люди могутъ имѣть его въ избыткѣ. Спикъ назвалъ Уганду „страной, пьющей помбе“; при его пріемѣ во дворцѣ Мтезы, королева и сановники пили изъ корыта, такъ какъ имъ сосуды для питья были принесены недостаточно быстро. Пьянство особенно распространено въ высшихъ классахъ. Неумѣренность въ ѣдѣ составляетъ также общераспространенный порокъ. Фелькину показывали мужчинъ, которые могли съѣсть цѣлую козу за одинъ присѣстъ. До такихъ-же преувеличеній они доходятъ и въ куреніи; женщины въ этомъ отношеніи не уступаютъ мужчинамъ. Табакъ хорошаго качества изъ Уганды всегда употребляется въ чистомъ видѣ, безъ примѣси постороннихъ веществъ; при этомъ его не прессуютъ въ комки, а прямо берутся его листья.

Домашнихъ животныхъ въ Угандѣ представляютъ рогатый скотъ, овцы, козы, собаки и кошки. Вагумы, настоящіе обладатели рогатаго скота, разводятъ крѣпко сложенную породу, ту самую, какую мы находимъ въ Абиссиніи и у галласовъ, и которая происходитъ отъ скота санга (см. рис., стр. 175); животныя эти, по большей части, бурой или желѣзно-сѣрой масти. Природа надѣлила ихъ большими рогами, но часто ихъ приходится видѣть вовсе безъ рогъ, такъ какъ имъ выжигаютъ рога, какъ только они пробиваются, чтобы облегчить возможность хожденія въ высокой травѣ и въ густомъ кустарникѣ. На Укереве впервые встрѣчается настоящая, восточно-африканская порода зебу. Для подарковъ употребляютъ, напротивъ, животныхъ съ особенно большими рогами; стадо короля Кабреги, численность котораго Эминъ паша опредѣлялъ въ 1500 штукъ, также состояло изъ большерогихъ животныхъ. Доить тамъ могутъ одни мужчины; ни одна женщина не должна касаться вымени коровы. Овцы (сомальская порода) встрѣчаются тамъ въ небольшомъ количествѣ; козы, напротивъ, попадаются часто. Куры имѣютъ жалкій видъ, потому что ихъ совсѣмъ не кормятъ. Собакъ держатъ, главнымъ образомъ, для охоты за антилопами. Ваганды — ревностные охотники; для многихъ изъ нихъ охота на слоновъ является привычною. Съ этою цѣлью соединяются трое или четверо охотниковъ, которые со своими копьями (см. рис., стр. 252, фиг. 1) смѣло и хладнокровно нападаютъ на животныхъ, хотя этотъ способъ охоты требуетъ многочисленныхъ жертвъ. Буйволовъ, которыхъ въ Уньоро счи-

таютъ священными и потому неохотно бьютъ, ловятъ съ помощью круга изъ терновыхъ вѣтвей, прикрѣпленнаго веревкой къ тяжелому деревянному чурбану и проламывающагося подъ давленіемъ наступающей на него ноги, вслѣдствіе чего животное, стѣсненное въ своихъ движеніяхъ, не можетъ уже ускользнуть отъ охотника (см. рис., стр. 255 внизу). Болѣе мелкихъ антилопъ ловятъ часто цѣлой деревенской общиной, которая загоняетъ ихъ къ крѣпкой сѣти, высотою въ метръ. Дикихъ гусей на Большой Ніанцѣ ловятъ силками. Рыбной ловлей усердно занимаются островные и береговые жители. Обыкновенно они ловятъ удочками; крючки ихъ не велики и безъ зазубринъ, а тонкія и крѣпкія лесы дѣлаются изъ волоконъ одного изъ видовъ алоэ. Здѣсь примѣняются и такъ называемые самоловы, или закидныя удочки. Кромѣ того, употребляются и верши, которыя связываются по 8-ми или по 10-ти, завозятся въ озеро и нагружаются камнями. Черезъ нѣкоторое время ихъ вытягиваютъ на землю длинными веревками, причемъ самыя корзины закрываются вѣтвями, чтобы рыба не могла уйти въ болѣе мелкой водѣ.



Щитъ ваньоровъ. (Вѣнскій этнографическій музей.)

Ваганды и ваньоры вполнѣ хорошо вооружены (см. рис., стр. 252, фиг. 3). Оружіе ихъ составляютъ копья тщательной работы, съ длинными наконечниками, имѣющими разную форму въ различныхъ странахъ, и съ прекрасно отполированнымъ длиннымъ древкомъ. На югѣ употребительны легкія метательныя копья, которыя въ Угѣ заимствованы отъ зулусообразныхъ вангоновъ. Они носятъ длинные, овальные щиты, сдѣланные изъ легкаго дерева, нѣсколько вогнутые, неплотно оплетенные тонкими вѣтвями ползучаго растенія, вполнѣ прикрывающіе тѣло. Въ срединѣ щиты выпуклы и, чтобы уменьшить ихъ вѣсъ, внутри выдолблены; на задней сторонѣ придѣлана ручка изъ ивовыхъ вѣтвей, которой иногда придается форма ящерицы или какого либо другого животнаго. Кромѣ копій, ваганды рѣдко, а ваньоры часто употребляютъ лукъ и стрѣлы. Довольно большіе луки, напоминающіе форму верхняго Нила, сгибаются съ трудомъ; стрѣлы имѣютъ длину около 1 м., часто снабжены острыми зазубринами и отравлены. Наряду съ растительными ядами, тамъ извѣстно отравленіе костями умершихъ и частями разлагающихся труповъ. Стрѣлы носятъ въ колчанахъ изъ кожи и бамбука, а также и въ продолговатыхъ калебассахъ. Искусные стрѣлки могутъ попасть въ цѣль безъ промаха болѣе, чѣмъ на разстояніи 30 м. Кромѣ своего мѣстнаго оружія, ваганды и ваньоры обладаютъ теперь значительнымъ числомъ ружей.

Здѣсь можно сказать нѣсколько словъ вообще о различныхъ формахъ щитовъ, встрѣчающихся въ тѣсномъ пространствѣ на верхнемъ Нилѣ и въ области экваторіальныхъ озеръ. Они дѣлятся на двѣ большія группы: a) плетеные и b) кожаные. Образцомъ первыхъ можетъ служить щитъ сандеховъ, а послѣднихъ — щитъ зулусовъ. Первые плетутся изъ чернаго и бѣлаго тростника, въ который съ краю для скрѣпленія вкладывается заплетаемая въ него палка. Бѣлыя полосы плетенія образуютъ геометрическія фигуры на внутренней и на наружной сторонѣ. На внутренней сторонѣ придѣлывается, съ помощью тростниковыхъ полосъ, прямоугольная черная ручка съ переплетомъ изъ бѣлаго тростника. Сходны съ этими, но грубѣе ихъ — усаженные по краямъ мѣхомъ щиты западныхъ сандеховъ. Щитъ изъ Уньоро — заостренный, эллиптическій, плоско выпуклый деревянный щитъ, съ острой, конусообразной ручкой, об-

тянутый съ наружной и съ внутренней стороны тростникомъ и обложенный по краямъ мѣхомъ. На другомъ концѣ этого ряда стоитъ щитъ шуліевъ, который, будучи усовершенствованнымъ зулусскимъ щитомъ, состоитъ изъ куска толстой кожи; онъ — прямоугольный, слегка вытянутый и вздутый на продольныхъ сторонахъ, а на задней сторонѣ проходитъ по немъ палка, украшенная пучкомъ перьевъ, обвитая полосками мѣха, укрѣпленная желѣзными скобками и часто усаженная желѣзными кольцами. Щитъ турканасовъ (см. рис., стр. 279, фиг. 2) также дѣлается по образцу щита зулусовъ или шуліевъ — толстая кожа, прямоугольная, вытянутая по сторонамъ, палка, обитая мѣхомъ, съ двумя также сплетенными изъ мѣха ручками на задней сторонѣ, и все украшено на верхнемъ концѣ желѣзными кольцами. Одна изъ этихъ двухъ основныхъ формъ проходитъ черезъ всю восточную Африку, отъ верхняго Нила до юго-восточной оконечности, а другая, повидимому, связана съ верхнимъ Конго и Суданомъ.

Значеніе вагандовъ, какъ націи, основывается, главнымъ образомъ, на ихъ военныхъ учрежденіяхъ. Каждый мужчина, умѣющій владѣть щитомъ и копьемъ, считается воиномъ. Когда король вмѣстѣ съ совѣтомъ назначилъ выступленіе въ походъ, бьютъ въ большой военный барабанъ, и на слѣдующее утро кучки воиновъ въ боевомъ снаряженіи собираются передъ дворцомъ. Они уже сняли съ себя обыденное платье, кромѣ куска ткани вокругъ бедръ, и выкрасили себѣ лица бѣлой или красной краской. Въ Уньоро воины, въ видѣ военнаго знака, носятъ на лбу банановый листъ или кусокъ ткани изъ коры. Король стоитъ передъ воротами дворца, вооруженный щитомъ и двумя мѣдными копьями, какія могутъ носить только король и знатнѣйшіе начальники; его окружаютъ сановники. Каждый отрядъ подходитъ съ плясками и криками къ королю и съ угрожающими жестами клянется ему въ вѣрности и обѣщаетъ отомстить непріятелю. Такимъ образомъ, вокругъ короля собирается постепенно сильное войско. Затѣмъ король призываетъ начальниковъ, которые должны предводительствовать военной силой, и даетъ имъ различныя порученія. Послѣ того многочисленное собраніе расходится. Теперь вожди приказываютъ придти различнымъ „бутонголи“, которые должны распредѣлять боевыя силы; устанавливается, сколько будетъ находиться подъ властью каждаго изъ нихъ, когда и гдѣ онъ долженъ встрѣтиться съ другими; отдѣльныя части войска уходятъ, и такъ постепенно собирается все войско на военной площади. Во время боя у каждаго мужчины бываетъ два или три копья; безпорядочными массами наступаютъ воины на враговъ, съ плясками и рѣзкими криками; приблизившись къ нимъ, они мечутъ въ нихъ одно или два копья и третьимъ бьются съ ними въ рукопашную. Плѣнные, разумѣется, становятся рабами, если только каждый плѣнный не умерщвляется; кромѣ нихъ, добыча состоитъ изъ однихъ стадъ. Помимо этого ландвера, полиція образуетъ постоянное войско, которое въ Уньоро достигаетъ численности 1000 человѣкъ, въ мирное время окружаетъ короля, живетъ грабежемъ и охотно принимаетъ въ свои ряды всѣхъ бѣглыхъ рабовъ, преступниковъ или неисправныхъ должниковъ. Стэнли на возвратномъ пути находилъ эти войска, какъ на западномъ берегу озера Альберта, такъ и на сѣверо-восточномъ берегу озера Альберта Эдуарда, въ обоихъ случаяхъ — въ качествѣ хищническихъ, страшныхъ для всѣхъ, пограничныхъ жителей, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ варазуровъ. Онъ даетъ намъ замѣчательное описаніе военной экспедиціи короля Мтезы. Сперва шли вспомогательныя войска, затѣмъ избранные воины, съ военнымъ крикомъ „Kavya, Kavya!“ (мукавіа, ср. ниже, стр. 265), и, наконецъ, тѣлохранители, среди которыхъ шли король Мтеза и его первый министръ. Среди позднѣе слѣдовавшихъ войскъ находился и небольшой гаремъ Мтезы. Каждый отдѣльный отрядъ узнавался по особому барабанному бою; они шли очень быстро: „у нихъ вошло въ привычку двигаться всегда бѣглымъ

шагомъ, когда они выступаютъ на какое-либо военное предпріятіе". Въ этомъ походѣ Мтеза окрасилъ свое лицо въ огненно-красный цвѣтъ. Чтобы успокоить страшныхъ музимовъ, или злыхъ духовъ, и расположить ихъ къ себѣ, тамъ существуетъ обычай — передъ началомъ битвы приносить къ монарху всѣ самые сильные волшебные напитки или волшебныя средства Уганды, чтобы онъ своимъ указательнымъ пальцемъ коснулся ихъ или, по крайней мѣрѣ, указалъ на нихъ. Во время битвы колдуны и колдуньи поютъ заклинанія и свои волшебныя средства высоко поднимаютъ передъ врагомъ. Стэнли исчислялъ армію, двинутую противъ вазоговъ, въ 150 тыс. мужчинъ и въ 100 тыс. женщинъ и дѣтей, вѣроятно, преувеличивая эти цифры, по своему обыкновенію.

Ваганды обладаютъ большимъ флотомъ военныхъ лодокъ, которыя распредѣлены по многочисленнымъ островамъ вблизи берега Уганды такъ, что начальникъ каждаго острова имѣетъ ихъ по двѣ и болѣе подъ своей командой. Нѣкоторыя изъ этихъ лодокъ могутъ вмѣстить до 40 человѣкъ; всѣ онѣ безъ исключенія построены крѣпко. Въ каждой находится извѣстное число сражающихся и обыкновенно столько же гребцовъ, прикрытыхъ щитами. Къ военнымъ лодкамъ придѣлывается носовая часть, украшенная на концѣ нѣсколькими рогами антилопъ, откуда бахрома изъ травы тянется къ кормѣ. Многія изъ этихъ судовъ напоминаютъ малайско-полинезійскія. Рулемъ правятъ два послѣднихъ гребца на кормѣ. У вагандовъ въ лучшія времена бывало до 500 лодокъ, изъ которыхъ самая большая имѣла 20 м. длины; экипажъ ихъ въ совокупности доходилъ до 8600 гребцовъ и матросовъ, но могъ доставить для дессанта отъ 16 до 20 тыс. человѣкъ. Спикъ находилъ у ваньоровъ только однодеревки. Эминъ паша описываетъ небольшія суда съ аутригерами, которыя онъ видѣлъ при Рубагѣ. На носу придѣлывается длинный, треугольный выступъ, вѣроятно, для того, чтобы легче было проникать въ тростниковыя заросли.

Въ свойствахъ характера, какъ и въ другихъ умственныхъ способностяхъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ бо́льшимъ развитіемъ, чѣмъ у многихъ другихъ африканцевъ; однако, разстояніе это не такъ велико, чтобъ его можно было выразить въ краткихъ и ясныхъ словахъ. Можно сказать, только, что эта высота общей культуры, эта склонность къ порядку и опрятности, безсознательно стремящаяся къ возвышенію человѣческаго достоинства, болѣе тщательное управленіе, лучшее войско и многое другое не могло вырости на чисто умственной основѣ, но отчасти еще болѣе зависѣло отъ силы и устойчивости характеровъ. Но все это легче познается по результатамъ, чѣмъ выражается словами.

Высокое развитіе чувства общественности, какое замѣчается у этихъ народовъ, поддерживается ихъ страстью къ музыкѣ. Быть можетъ, они въ художественномъ отношеніи и не превосходятъ другихъ африканцевъ, но они занимаются музыкой въ бо́льшихъ размѣрахъ и болѣе разнообразными средствами. У нихъ есть правильные оркестры; на пріемѣ Мтезы играли 12 флейтистовъ и 5 барабанщиковъ. Важнѣйшій инструментъ вагандовъ — арфа (нанга), съ резонирующей доской изъ дерева; на этой доскѣ изогнутой формы натянута кожа и сверхъ нея 6—8 струнъ изъ кишекъ. На этомъ инструментѣ играютъ пальцами. Нѣкоторые большіе барабаны особенно пріятнаго тона, отчасти представляющіе работу прежнихъ королей, составляютъ собственность правителей. Каждый такой барабанъ имѣетъ собственное имя, тщательно сберегается и употребляется лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Мадинда, на которой играютъ только мальчики, есть маримба безъ тыквы, служащей для резонанса. Другими любимыми инструментами являются флейты, сдѣланныя изъ камыша или стебля зонтичнаго растенія, и рога изъ роговъ рогатаго скота и антилопъ, въ которые дуютъ сбоку. Кромѣ этихъ музыкальныхъ инстру-

ментовъ, издаютъ звонъ во время пляски маленькіе желѣзные колокольчики, прикрѣпленные на запястьѣ или на сочлененіи стопы. Плоскія тыквы, наполненныя сухимъ горохомъ, принадлежатъ, въ качествѣ трещетки, къ снарядамъ знахарей. Въ особыхъ обстоятельствахъ поются или играются опредѣленныя мелодіи.

Для сопровожденія пѣнія у вагандовъ служитъ обыкновенно нанга или арфа. Тамъ есть профессіональные пѣвцы, которыхъ король и начальники держатъ при своемъ дворѣ. Въ ихъ пѣніи случаются импровизированные намеки на событія дня или присутствующихъ лицъ. Многія пѣсни прославляютъ короля или важныхъ начальниковъ, другія представляютъ собою военныя пѣсни, третьи — плачъ по умершимъ. Мы заимствуемъ у Уильсона два образца ихъ: пѣсню въ прославленіе Мтезы и плачъ по умершемъ начальникѣ.

I.

Твои ноги — молоты,
Ты — сынъ лѣса [1];
Великъ страхъ передъ тобою,
Великъ твой гнѣвъ;
Великъ твой миръ,
Велика твоя власть.

II.

О, ты, раздѣляющая людей! [2]
О, Сематимба!
Они приносили въ жертву козъ,
Они напрасно приносили въ жертву козъ
за него.

Сынъ короля,
Онъ не гордъ,
Онъ щедро одѣляетъ пальмовымъ виномъ.

Лубинга, Лубинга!
Онъ, о комъ я говорю,
Онъ не гордъ,
Ибо онъ щедро одѣляетъ пальмовымъ
виномъ.

Мквенда, Мквенда!
Онъ находится въ Хиконги [3]
Онъ, о комъ я говорю,
Онъ не гордъ,
Ибо онъ щедро одѣляетъ пальмовымъ
виномъ.

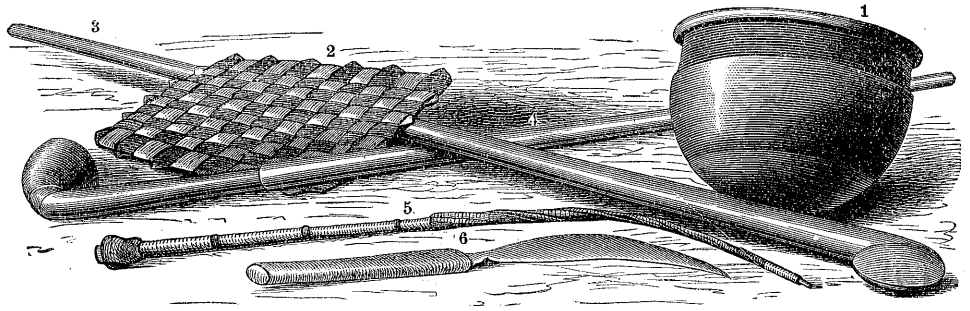
Молодые люди изъ Уганды искусны въ единоборствѣ. Они начинаютъ всегда съ того, что хватаютъ противника правой рукой, держа лѣвую за спиною, пока не удастся крѣпко ухватить его; тогда и лѣвая пускается въ дѣло. Военныя пляски съ копьемъ и щитомъ напоминаютъ пляски зулусовъ.

Въ числовой системѣ цифры до 1000 имѣютъ особое названіе (см. стр. 17). Послы и разсказчики у вагандовъ помогаютъ своей памяти складываніемъ палочекъ и т. п. Когда Спикъ приближался къ столицѣ Уганды, молодые служители короля вышли къ нему съ тремя палками, изъ которыхъ каждая обозначала какое-нибудь желаніе короля. Первая обозначала тревогу отъ видѣннаго во снѣ духа умершаго, другая — желаніе сильнаго возбуждающаго средства, а третья — желаніе такого средства, которое держало бы подданныхъ въ страхѣ. Такимъ же образомъ исчисляла свои жалобы на трехъ палкахъ и королева-мать.

Въ правленіи вагандовъ и ваньоровъ теоретически король единственный собственникъ земли, но вся эта система только мнимая, такъ какъ на дѣлѣ земля принадлежитъ высшимъ начальникамъ царства. Во времена Мтезы эти начальники олицетворяли противодѣйствіе народа чужеземнымъ вліяніямъ, и Муанга боялся ихъ, когда хотѣлъ ввести что-либо новое. Хотя царская власть въ дѣйствительности тамъ ограничена, но она пользуется внушительнымъ положеніемъ съ внѣшней и формальной стороны. По отношенію къ массѣ народа правитель является неограниченнымъ властелиномъ, такъ какъ онъ свободно распоряжается жизнью и смертью всѣхъ и чувствуетъ себя связаннымъ лишь въ узкомъ кругѣ высшихъ сановниковъ. Эта зависимость, которая бываетъ болѣе или менѣе тѣсною, смотря по характеру правителя, нисколько не отнимаетъ у правящихъ этими странами сознанія своего достоинства, даже и тогда, когда они

[1] Сынъ лѣса — левъ, символъ королевскаго достоинства. [2] Иносказаніе смерти. [3] Хиконги — мѣсто погребенія Мквенды.

бываютъ подкуплены европейцами. Справедливо говорилъ арабъ Назибъ Спику: „эти вагумскіе короли — не такіе, какъ тѣ, которыхъ вы видѣли въ Уньямвези и въ другихъ мѣстахъ; у нихъ есть офицеры и солдаты, какъ у Занзибарскаго султана“. Этому высокому положенію королевской власти соотвѣтствуетъ апологетическій характеръ ея легендарной или, лучше сказать, сказочной исторіи, доходящей до того, что даже умный король Руманика изъ Карагве говорилъ о своемъ отцѣ и непосредственномъ предшественникѣ въ самомъ фантастическомъ и баснословномъ видѣ. Даже о самомъ себѣ Руманика разсказывалъ удивительныя вещи. Такъ, будто-бы передъ нимъ и двумя его братьями, послѣ смерти ихъ отца, появился крошечный волшебный барабанъ, самъ по себѣ легкій, какъ перо, но настолько наполненный чарами, что его могъ приподнять только тотъ, на кого духи хотѣли указать, какъ на законнаго наслѣдника. Руманика, конечно, поднялъ его мизинцемъ, между тѣмъ, какъ это никакъ не удавалось его братьямъ. Далѣе онъ разсказывалъ, что каждый наслѣдникъ престола до вступленія



Утварь вагандовъ: 1) глиняный горшокъ; 2) циновка; 3) начальническій жезлъ; 4) трубка; 5) плетеный сифонъ для вина; 6) ножъ. (Коллекція Роберта Фелькина въ Эдинбургѣ.) Ср. текстъ, стр. 254.

на царство садится на опредѣленномъ мѣстѣ на землю, которая тамъ, затѣмъ поднимается въ видѣ столба. Если онъ законный наслѣдникъ, она опять медленно опускается внизъ; въ противномъ случаѣ, она обрушивается на него и давитъ его.

Придворный церемоніалъ, какъ въ Угандѣ, такъ и въ Уньоро, занимаетъ преувеличенное мѣсто. Соотвѣтственно характеру олигократіи, народъ можетъ приближаться къ королю лишь въ особыхъ обстоятельствахъ; но изъ высшихъ сановниковъ нѣкоторые постоянно окружаютъ его, и извѣстная часть начальниковъ вынуждена даже жить при дворѣ. Если король нисходитъ до того, чтобы допустить чужеземцевъ къ лицезрѣнію его, то это совершается съ большой пышностью. „Когда я прошелъ черезъ первый дворъ“, писалъ Спикъ о своемъ пріемѣ у короля Мтезы,“ я былъ удивленъ необычайными церемоніями. Придворные высокаго положенія, одѣтые самымъ тщательнымъ образомъ, выступили впередъ, чтобы привѣтствовать меня. Я видѣлъ, какъ проходили мужчины, женщины, собаки и козы, которыхъ вели на веревкахъ. Мужчины несли пѣтуховъ и куръ на рукахъ; маленькіе пажи, въ шапкахъ изъ бичевокъ, бѣгали кругомъ съ разными порученіями, что̀ они выполняли съ такимъ рвеніемъ, какъ будто отъ быстроты движеній зависѣла ихъ жизнь, и всѣ придерживали свои плащи изъ шкуръ плотно у тѣла, чтобы не показать случайно обнаженныя ноги“. Пляшущіе музыканты ввели затѣмъ процессію въ залъ, гдѣ король сидѣлъ на тронѣ, окруженный съ трехъ сторонъ придворными, сидѣвшими въ пыли на корточкахъ; въ непосредственной близости отъ него находились довѣренные сановники, нѣсколько колдуній и символъ Уганды: женщина, собака, копье и щитъ. Передъ нимъ были разостланы леопардовыя шкуры, знаки королевскаго достоинства, и стояли на виду самые драгоцѣнные барабаны дворца. Бѣлый человѣкъ просидѣлъ цѣлый часъ, разглядывая

другихъ и подвергаясь разсматриванію всѣхъ, когда, наконецъ, король поднялся съ вопросомъ — видѣлъ-ли онъ его, и затѣмъ удалился, „раскачивающейся походкой, перенятой у льва, которая въ Угандѣ считается величественной“, но которая Спику показалась простымъ пошатываньемъ. Слѣдующая аудіенція была украшена сотнями королевскихъ женъ, отъ прелестей которыхъ, впрочемъ, всѣ подданные Уганды должны были тщательно отвращать взоры. На другой день утромъ Спикъ нашелъ въ своей хижинѣ 20 коровъ и 10 козъ, въ видѣ подарка короля, который при этомъ велѣлъ сказать, что чужеземецъ ему очень понравился. Волшебный кругъ, въ которомъ живутъ всѣ ваганды, съ двойною силою охватываетъ короля, который живетъ и дѣйствуетъ въ туманѣ безсмыслицы. Колдовство снимается со всего, до чего должны коснуться его руки. Несущій эти предметы снимаетъ колдовство обтираніемъ ихъ руками и лицомъ. Подношеніе ихъ при такихъ церемоніяхъ является, поэтому, важнымъ дѣломъ, и на аудіенціяхъ тѣснятся въ кучѣ женщины, коровы, козы, куры, чашки съ рыбой, корзины съ мелкими антилопами, дикобразы, особаго рода крысы, пойманныя его охотниками, свертки мбугу, приготовленные особыми мастерами, земля для окраски, палки и другія волшебныя средства его колдуновъ, все, съ чего должно быть снято колдовство и что̀ должно быть поднесено ему.

Придворный штатъ и совѣтъ короля состоятъ почти исключительно изъ „вакунгу“, или благородныхъ. Званія трехъ главныхъ вакунгу наслѣдственны. Впрочемъ, первый чиновникъ государства послѣ короля есть „катикиро“, или канцлеръ, который назначается королемъ и удерживаетъ свою должность до тѣхъ поръ, пока это угодно королю. Онъ занимаетъ мѣсто впереди другихъ сановниковъ и въ совѣтѣ сидитъ рядомъ съ королемъ. Кромѣ этихъ особъ, при дворѣ есть еще два важныхъ лица — первый пивоваръ и главный поваръ. Они занимаютъ выдающееся положеніе при дворѣ, сидятъ близко отъ короля и принимаютъ участіе въ большомъ совѣтѣ. Этотъ большой совѣтъ, „лухико“, есть настоящая правящая власть въ государствѣ. Онъ состоитъ изъ короля, катикиро, вакунговъ и высшихъ ватонголи, далѣе — изъ главнаго повара, который можетъ возвыситься до званія катикиро, пивовара и одного или двухъ другихъ придворныхъ креатуръ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ совѣтъ собирается ежедневно и проводитъ нѣсколько часовъ въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Начальники имѣютъ право требовать его созыва. Хотя въ менѣе значительныхъ вещахъ король можетъ дѣйствовать по своему произволу, но въ болѣе важныхъ онъ долженъ спрашивать мнѣніе совѣта, и, если начальники и совѣтъ вмѣстѣ чего-нибудь хотятъ, ни одинъ король не отважится воспротивиться имъ. Всѣ начальники должны одинъ за другимъ проводить по три мѣсяца вблизи короля; остальные девять мѣсяцевъ въ году они должны жить въ своихъ помѣстьяхъ. Однако, большинство вакунговъ и высшихъ ватонголи живутъ постоянно въ столицѣ, если они не заняты внѣшнею войною.

Въ политическомъ отношеніи вагандовъ можно раздѣлить на четыре класса: на рабовъ, вакопи или крестьянъ, основу населенія, ватонголи, или начальниковъ второго порядка, и вакунгу, начальниковъ перваго порядка. Вакопи — во многихъ отношеніяхъ самый важный классъ, отчасти потому, что они всѣхъ многочисленнѣе, отчасти потому, что они составляютъ войско, всѣмъ внушающее страхъ. Изъ ихъ рядовъ набирается второй классъ начальниковъ, и сыновья ватонголи, такъ какъ званіе ихъ не наслѣдственно, опять становятся вакопи. Ватонголи, начальники второго порядка, управляютъ провинціями подъ главенствомъ вакунгу, и въ военное время должны выставлять опредѣленное число солдатъ. Этой іерархіей чиновниковъ, или придворныхъ, постоянно находящихся въ движеніи, въ сторону резиденціи и обратно, скрѣпляется внутренняя связь въ управленіи страною. Король или его совѣтники знаютъ, что̀ происходитъ въ

странѣ, и имѣютъ средства оказывать энергичное вліяніе до самыхъ предѣловъ ея. „Въ Угандѣ ничего не теряется“, говоритъ Эминъ паша, и, дѣйствительно, онъ получилъ обратно всѣ свои вещи, которыхъ не досчитывался въ Рубагѣ и по оставленіи ея, еще прежде, чѣмъ покинулъ владѣнія Мтезы. Европейцы и египтяне подвергались въ Угандѣ и въ Уньоро такому надзору, который можетъ показаться невѣроятнымъ. Эминъ бей въ 1876 г. находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Стэнли и Мэсона, и никто изъ нихъ ничего не зналъ другъ о другѣ. Юнкеръ и Вита Гассанъ, находившіеся въ Уньоро, не знали о приближеніи войны между Уньоро и Угандой. Торговля въ Уньоро такъ урегулирована, что когда Вита заплатилъ за курицу пятью раковинами дороже обычной цѣны, Кабрега велѣлъ ему сказать, что онъ не долженъ платить выше стоимости, чтобы не производить безпорядка на рынкѣ. Всѣ эти начальники, благодаря своему положенію, являются судьями въ своихъ областяхъ, но наиболѣе важные случаи переносятся на разсмотрѣніе высшихъ вакунгу или самого короля, которому обвиненный можетъ принести апелляцію. У начальниковъ есть особый судья, а безчисленные процессы низшихъ лицъ рѣшаются чиновниками, подчиненными катикиро. Безъ сомнѣнія, тамъ нѣтъ никакого уложенія, по которому рѣшались бы спорные вопросы, но существуютъ извѣстные законы, согласно которымъ произносится рѣшеніе. Осужденныхъ наказываютъ палками, калѣчатъ или умерщвляютъ. Первое наказаніе употребляется при мелкихъ проступкахъ, при незначительныхъ кражахъ и непокорности женъ и рабовъ. Кража наказывается часто лишеніемъ кистей рукъ, носа, ушей и (что всего отвратительнѣе) губъ. Нарушеніе супружеской вѣрности наказывается смертью, и той же карѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ подвергаются убійцы, но въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно довольствуются денежнымъ штрафомъ. У вагандовъ существуютъ различные виды казней. Изъ нихъ самыя обыкновенныя — перерѣзыванье горла и повѣшеніе; у человѣческихъ жертвъ всегда отрубается голова. За самыя тяжкія преступленія назначается казнь, состоящая въ томъ, что жертва медленно истекаетъ кровью; тогда тѣлу наносятся глубокія раны острыми осколками камыша, причемъ тщательно избѣгаются болѣе крупные сосуды. Болѣе значительные правители держатъ маленькій отрядъ палачей; изъ нихъ нѣкоторые всегда находятся въ ихъ свитѣ. Отличіемъ ихъ служитъ веревка или растрепанный вѣнокъ изъ травы на головѣ; когда они отыскиваютъ свою жертву, они закрываютъ себѣ лицо плетенымъ капюшономъ.

Жестокость — слишкомъ выдающаяся черта въ правительственныхъ началахъ Уганды, чтобы ею не омрачались всѣ надежды на высшее развитіе. Ею нарушаются всегда и повсюду перспективы высшей культуры, основы которыхъ какъ будто замѣчаются отъ времени до времени. Безцѣльныя избіенія, исходящія лишь отъ желанія правителя, чтобы въ опредѣленное время ежедневно падало столько-то жертвъ, или умерщвленіе на похоронномъ торжествѣ 2000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, почти исключительно бѣдныхъ и беззащитныхъ, схваченныхъ на дорогѣ, или убійства христіанъ пятнали всѣ правительства, о которыхъ до насъ доходили извѣстія. Характерно изображаетъ Эминъ паша контрастъ вслѣдствіе уничтоженія человѣческихъ жизней среди мирной природы, когда онъ пишетъ на пути изъ Рубаги къ Укереве: „точно черезъ садъ шли мы туда между банановыми лѣсами и домами; если человѣкъ гдѣ-нибудь оставилъ пустое мѣсто, то мать природа тѣмъ дѣятельнѣе позаботилась о заполненіи его величественной травяной растительностью и изящными, стройными деревьями. Постоянно смѣняются искусственные и естественные сады, но первые, съ бананами и сладкими бататами, не могутъ сравниться съ послѣдними ни по живописной красотѣ, ни по разнообразію частей. Это — красивая, благословенная страна, со своей красной почвой, зелеными садами, привлекательными

горами, темными, укромными долинами. Только человѣкъ нарушаетъ гармонію такихъ картинъ. Трупы посреди дороги заставляютъ насъ сворачивать съ нея; шумя крыльями, мелкіе коршуны Уганды оставляютъ при нашемъ приближеніи свою ужасную трапезу. Тамъ лежатъ четыре трупа, молодые и старые, одновременно захваченные палачомъ: у одного съ размаха перерѣзано горло до позвоночнаго столба, у другого сильнымъ ударомъ размозженъ затылокъ. И каждый день, и каждый часъ передъ нами проходятъ люди, которымъ, быть можетъ, вскорѣ предстоитъ подобная-же участь".

Ваганды выказали себя достаточно благопріятно по отношенію къ чужеземнымъ вліяніямъ. Чужеземцы могли присутствовать въ совѣтѣ, и ихъ мнѣнія часто спрашивали въ различныхъ соціальныхъ и политическихъ дѣлахъ; имъ строго воспрещено только всякое участіе во всемъ, касающемся престолонаслѣдія. Уже въ 1882 г. сообщеніе миссіонера Уильсона обнаружило, что чужеземцы начинаютъ оказывать вліяніе на народъ и что въ этомъ отношеніи виденъ замѣтный успѣхъ со временъ Спика. Арабы, находящіеся всего дольше въ странѣ, естественно оказывали здѣсь наибольшее вліяніе. 30 лѣтъ тому назадъ здѣсь всѣ еще носили матерію изъ коры, мбугу, и никто, за исключеніемъ членовъ королевской фамиліи, не долженъ былъ имѣть никакой другой матеріи; но уже Мтеза, въ послѣдніе годы жизни, носилъ, какъ и большинство его начальниковъ арабскій костюмъ, и тюрбанъ и шаровары изъ бѣлой бумажной матеріи быстро пріобрѣли господство. Кожаные пояса съ пряжками распространились съ быстротой, которая можетъ показаться забавной. Количество огнестрѣльнаго оружія увеличивается съ каждымъ годомъ. Ввозные плоды и овощи разводятся все болѣе и болѣе. Многіе начальники пользуются стульями и скамейками, между тѣмъ, какъ прежде всѣ сидѣли на землѣ. Немногія европейскія орудія, каковы пилы, винты и пр., проложившія себѣ дорогу въ Уганду, искусно примѣняются ремесленниками, и построенный Маккеемъ четырехугольный домъ, съ вертикальными стѣнами и двускатной кровлей, скоро вызвалъ подражанія у начальниковъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. За сношеніемъ съ Занзибаромъ послѣдовало введеніе языка суагели; правда, народныя массы еще не понимаютъ его, но въ каждой деревнѣ можно найти двухъ или трехъ лицъ, которыя говорятъ на немъ. Многіе знатные люди владѣютъ имъ, какъ роднымъ языкомъ, и бо́льшая часть сановниковъ царства понимаетъ его, вслѣдствіе чего путешественникъ, пріѣзжающій съ Восточнаго берега въ Уганду, можетъ непосредственно сноситься съ народомъ. И это — результатъ сношеній, продолжающихся, самое бо́льшее, въ теченіе двухъ человѣческихъ поколѣній! Чужеземныя религіи, хотя вначалѣ лишь съ внѣшней стороны, также оказали свое вліяніе на вагандовъ. Магометане не распространили своего вѣроученія, такъ какъ обращеніе Мтезы въ магометанство произошло только по имени, и сами арабы не считаютъ его мусульманиномъ. Онъ не пожелалъ подвергнуться обрѣзанію, и сто мальчиковъ и юношей, которые были подвергнуты этому обряду, были всѣ сожжены по приказанію Мтезы. Обрѣзаніе было, повидимому, главной причиной, почему это ученіе не нашло доступа къ вагандамъ. Христіанство, напротивъ, хотя обращеніе Мтезы было только шуточнымъ, быстро пріобрѣло тамъ почву.

Королевская фамилія исходитъ не изъ вагандовъ, а принадлежитъ къ семьѣ вагумовъ, о происхожденіи которой мы говорили въ 5-ой главѣ (стр. 187 и слѣд.). Хотя она, быть можетъ, и смѣшивалась съ неграми, но въ ней настолько еще уцѣлѣло характерныхъ признаковъ упомянутаго племени, что можно было отличить Мтезу какъ чужеземца среди его подданныхъ. Относительно престолонаслѣдія тамъ существуютъ странные законы. Когда король умираетъ, три первыхъ вакунгу избираютъ преемника изъ дѣтей умершаго. Въ этомъ случаѣ всегда избирается ребенокъ. Во время его малолѣтства управляетъ мать съ тремя сановниками, а молодой ко-

роль воспитывается въ традиціяхъ своихъ предковъ. И впослѣдствіи его мать оказываетъ нѣкоторое вліяніе: когда Муанга совершалъ кровожадныя неистовства, королева-мать велѣла передать ему черезъ катикиро, что онъ долженъ умерщвлять только непокорныхъ. О слѣдахъ гинекократіи въ Уньоро мы упоминали на стр. 178. Если три главныхъ начальника не могутъ согласиться въ выборѣ преемника короля, то они вступаютъ въ борьбу между собою, и побѣдитель сажаетъ избраннаго имъ мальчика на престолъ. Братья избраннаго короля во время его малолѣтства содержатся въ заключеніи и, при вступленіи его на престолъ, сжигаются, за исключеніемъ двухъ или трехъ, оставляемыхъ для продолженія племени, на случай, если молодой король умретъ бездѣтнымъ. Дѣти короля не занимаютъ никакого особаго положенія въ обществѣ, и не всѣ принцессы могутъ выходить замужъ.

Многоженство, поддерживаемое большимъ избыткомъ женскаго населенія, распространено во всей Угандѣ, начиная отъ короля, который прежде долженъ былъ имѣть 7000 женъ (при первомъ пріемѣ Спика, Мтеза извинялся, что не можетъ предложить ему хижины въ своемъ дворцѣ, „такъ какъ всѣ онѣ полны женами“), до мкопи, который можетъ собрать достаточно средствъ, чтобы купить себѣ другую жену. То обстоятельство, что въ низшихъ классахъ многіе не могутъ имѣть ни одной жены, ведетъ къ большой безнравственности. Обыкновенная цѣна женщины тамъ была — 3 или 4 быка, и 6 швейныхъ иголокъ, или маленькая коробка съ пистонами. Спикъ видѣлъ, какъ двѣ изъ женъ короля Уганды предлагали ему своихъ сестеръ дѣвушекъ. Первый выразилъ свое согласіе тѣмъ, что сѣлъ сперва на колѣни одной, потомъ другой дѣвушки, обнялъ ее и положилъ ей голову сперва на правое, затѣмъ на лѣвое плечо. Этимъ, очевидно, закончилась брачная церемонія. Женщины требуются также и въ видѣ наказанія за извѣстные проступки, что, конечно, открываетъ полный просторъ произволу, а съ другой стороны, мужчина можетъ продавать въ рабство женъ за ихъ проступки. Къ поддержанію вліянія или популярности короля служитъ то, что онъ снабжаетъ женами своихъ вакунгу. Бракъ между близкими родственниками не запрещенъ закономъ и случается не рѣдко. Когда умираетъ мужчина, старшій сынъ наслѣдуетъ всѣхъ его женъ, за исключеніемъ своей матери. Женщины рѣдко имѣютъ болѣе двухъ или трехъ дѣтей, и, согласно закону, допускаемому полигаміей, мать послѣ рожденія ребенка должна въ теченіе двухъ лѣтъ жить отдѣльно отъ своего мужа; у короля и начальниковъ есть въ странѣ особое учрежденіе, куда на это время отправляютъ женщинъ. Рожденіе близнецовъ привѣтствуется съ большой радостью. Пуповина сохраняется и, если отецъ принадлежитъ къ числу начальниковъ, украшается бусами и т. п.

Трупъ короля погребается въ громадномъ сверткѣ матеріи изъ коры, начальника — въ деревянномъ гробѣ, невольника — просто выбрасывается въ кусты, а казненнаго преступника — оставляется на большой дорогѣ.

У вагандовъ есть большой выборъ именъ. Нѣкоторыя изъ нихъ они особенно любятъ, какъ, напримѣръ, Мукасса, имя бога Ніанцы; на самомъ дѣлѣ, они не видятъ никакого неудобства носить имена божествъ. Людямъ даютъ также названія звѣрей и насѣкомыхъ. Многія имена имѣютъ опредѣленное значеніе: такъ, Мтеза означаетъ того, кто разбираетъ или рѣшаетъ споры; Мкавіа или Мукавіа, другое изъ именъ Мтезы, которое онъ принялъ по случаю одержанной имъ большой побѣды надъ вазогами, означаетъ: тотъ, кто заставляетъ плакать. (Уильсонъ.)

*

Самыя большія изъ политическихъ образованій, на которыя распадается эта группа народовъ, имѣютъ значеніе и для ихъ этнографическихъ отношеній къ сосѣднимъ народамъ. Это — Уньора и Уганда. Эминъ

паша называлъ киньоро самымъ древнимъ, всего лучше сохранившимся языкомъ, между тѣмъ, какъ киганда, „вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія“ съ Занзибаромъ, значительно видоизмѣнился и продолжаетъ еще измѣняться. Въ Карагве и на восточномъ берегу Большой Ніанцы, до области вашашей, такъ же, какъ и на большомъ островѣ Укереве, говорятъ языкомъ, болѣе близкимъ къ киньоро, чѣмъ къ киганда. Вообще, Уганда кажется клиномъ, вдвинутымъ въ первоначальную область, говорящую языкомъ киньоро, охватывающую Уньоро, Карагве, Узиндью и Урунди и достигающую до Уньямвези. Согласно преданіямъ, нѣкогда простиралась одна большая область Киттара на мѣстѣ этого царства, ядро котораго, повидимому, составляла Уньоро. Киттара, какъ общее названіе, въ настоящее время выводится изъ употребленія и прилагается обыкновенно только къ западному остатку прежняго царства. Отъ этого перваго государства постепенно отдѣлились Нколе на западѣ и Карагве и Узиндья на югѣ, гдѣ, быть можетъ, вокругъ ядра Узиндьи нѣкогда существовало обширное царство. Уньоро лежитъ къ западу и къ сѣверу отъ Уганды, но не касается Укереве, хотя и достигаетъ лѣваго берега Нила и праваго берега Мвута Нзиге. Не проявляя твердой верховной власти, Уньоро держитъ въ зависимости кичей, вазоговъ, ганіевъ (шуліевъ), улеговъ и другія племена на верхнемъ Бѣломъ Нилѣ. Область эта менѣе плодородна, чѣмъ южныя области, будучи характерною страною степей и пастбищъ. Обработка въ ней менѣе тщательна, чѣмъ въ Угандѣ, и все управленіе страною, весь внутренній порядокъ и пути сообщенія тамъ стоятъ ниже. Исторія послѣднихъ десятилѣтій разсказываетъ о большомъ числѣ столкновеній между вагандами и ваньорами и о недовѣріи первыхъ къ послѣднимъ. На сѣверѣ Уганды можно найти многочисленныхъ поселенцевъ ваньоровъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ правителемъ Уганды и приведенныхъ имъ съ собою.

Уганда лежитъ, въ формѣ полумѣсяца около сѣверной части Укереве. Эта богатая страна прокармливаетъ густое населеніе. Если мы и не повѣримъ Стэнли на слово, будто крестьянинъ Уганды „олицетворяетъ идеалъ счастья, къ которому стремятся всѣ люди“, то все-таки обильныя и правильныя жатвы, повидимому, вознаграждаютъ его труды. Въ Карагве раздѣленіе господствующихъ вагумовъ отъ земледѣльцевъ ваньямбовъ, быть можетъ, проходитъ еще рѣзче, чѣмъ въ Угандѣ. Культура вообще стоитъ ниже. Карагве поколѣній 20 тому назадъ, повидимому, было основано слѣдующимъ образомъ: Заговорщикъ Рогинда бѣжалъ изъ Киттары въ Карагве съ большимъ числомъ вагумовъ. Тогда Ноно былъ королемъ ваньямбовъ, осѣдлыхъ обитателей этой страны. Рогинда съумѣлъ лестью пріобрѣсти довѣріе короля, убилъ его на пиру и сѣлъ на его престолъ. Съ тѣхъ поръ вагумы держатъ въ рукахъ скипетръ Карагве. Изъ ссоры братьевъ въ правящей семьѣ Карагве произошло, какъ говорятъ, основаніе вагумскаго царства Узиндьи.

Экспедиціи послѣднихъ лѣтъ познакомили насъ съ обширнымъ негрскимъ царствомъ, управляемымъ вагумами, — Кавиронго, на восточномъ берегу Укереве, темные обитатели котораго принадлежатъ уже къ Нильскому племени. Затѣмъ мы слышали отъ Стэнли о странѣ Ундуссумѣ, простирающейся отъ западнаго берега озера Альберта на два дня пути, а отъ Штульмана — о рядѣ странъ на западъ отъ истоковъ Нила, гдѣ господствуютъ вагумы или же кочуютъ и отчасти ясно помнятъ свое происхожденіе изъ Уньоро. Сюда преимущественно относится Руанда, на плоскихъ возвышенностяхъ которой, граничащихъ съ большими лѣсами внутренней Африки, особенно чистое вагумское населеніе пасетъ свои стада. Здѣсь господствуютъ воинственные вазимбоны, вооруженные щитами, какъ ваганды, копьями, какъ въ Карагве, Уге и Урунди, луками, длиною въ 1,7 метр., и стрѣлами, длиною въ 70 см., родственные народамъ на верхнемъ Бѣломъ

Нилѣ и на озерѣ Альберта. Имъ подчинены средне-африканцы племени ва-вировъ. Хотя твердая военная и политическая организація государствъ вагумовъ и, въ особенности, сосѣдняго Уньоро не достигаетъ до этихъ странъ, но нравы и обычаи указываютъ на то, что въ нихъ также живутъ вагумы.

9. Негры верхнихъ и среднихъ Нильскихъ странъ.

„Если негръ могъ прожить тысячелѣтія на порогѣ высокой культуры хамитовъ, не пріобрѣтя отъ нея стимула къ прогрессу, то различіе всѣхъ жизненныхъ основъ должно было быть громаднымъ.“

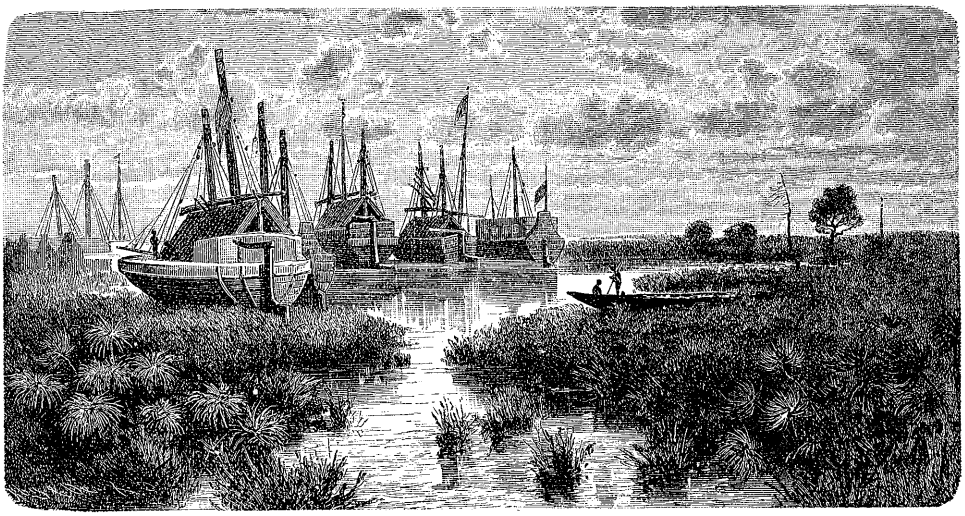
* * *

Содержаніе: Отношенія къ востоку и западу. — Отдѣльныя группы: шиллукъ-джуръ-шуліи, динка-нуэры, мади-митты, баріи-ньямъбары, латтуки. — Украшенія и одежда. Желѣзные передники. Оружіе. Западни. Челноки. Постройка хижинъ. Размѣры деревень. Земледѣліе и скотоводство. Пагубное вліяніе похищенія скота. — Ремесла. Желѣзная промышленность джуровъ и бонговъ. Глиняныя и плетеныя работы. — Музыка. Сигнальные рога. Пляски. — Семья и община. — Политическое раздробленіе и регрессъ.

Большинство притоковъ Нила въ его верхнемъ теченіи — широкіе и мелкіе потоки, съ медленнымъ движеніемъ. Они на большихъ протяженіяхъ запруживаются растительностью папирусовъ и другихъ водяныхъ растеній. Область, по которой они протекаютъ, — сплошная болотная страна: „отвратительныя испаренія надъ водою, одуряющій запахъ тропическихъ болотныхъ растеній, москиты, которые тысячами летаютъ вокругъ головы, трудность сохранять равновѣсіе при неровностяхъ почвы, многочисленныя препятствія на пути, ползучія растенія, повалившіеся стволы, глубокія впадины отъ слоновыхъ ногъ въ почвѣ“ — все это дѣлаетъ описываемыя болотныя пространства трудно проходимыми. Они, по большей части, необитаемы и, самое бо̀льшее, служатъ поприщемъ для пограничныхъ войнъ между ваньорами и живущими къ сѣверу отъ нихъ нильскими племенами. Для многихъ странъ сухое время года — единственное, когда можно сообщаться по сухому пути. Проникнуть отъ страны бонговъ черезъ рѣки и болота въ страны, обитаемыя наиболѣе южными баггарами, возможно только въ совершенно сухое время. Тамъ, гдѣ мѣстность повышается, является на обширныхъ пространствахъ недостатокъ опредѣленнаго склона, порождая цѣлыя сѣти рѣкъ, составляющихъ не меньшее препятствіе для сообщеній; это въ особенности можно сказать про области Бахръ эль Газаля. При этомъ, однако, обиліе воды, за исключеніемъ рѣкъ, въ сухое время скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ велико. Пересѣченіе рѣкъ и образованіе болотъ достигаетъ высшаго развитія въ озерѣ. Но, лабиринты протоковъ котораго и растительныя заграждения съ давнихъ временъ препятствовали проникновенію въ область озеръ. Съ лѣнивымъ теченіемъ, поросшая камышемъ и травами впадаетъ здѣсь рѣка Газелей; съ востока течетъ Собатъ, съ юга — уже мощный Бахръ эль Джебель. Затрудненія для судоходства выражаются тѣмъ, что здѣсь не выработалось настоящаго судоходнаго народа, какъ на главныхъ и второстепенныхъ притокахъ Конго. Здѣшніе жители — настоящіе обитатели болотъ, приспособившіеся къ мокрой стихіи. Поэтому и мѣста густого заселенія на Нилѣ и его притокахъ болѣе ограничены, что̀ было и въ тѣ времена, когда египтяне и нубійцы еще не вмѣшивались въ жизнь этихъ народовъ, нарушая и разрушая ее.

Отношеніе этихъ народовъ къ рѣкѣ, около которой они живутъ настолько своеобразно, насколько оба берега заселены крупными группами. Этнографическія различія сосредоточиваются, однако, по обѣимъ сторонамъ, соотвѣтственно положенію большой группы галласовъ и семитовъ на одной

и средне-африканскихъ негровъ, центръ тяжести которыхъ лежитъ по ту сторону водораздѣла Нила, въ бассейнѣ Конго, на другой сторонѣ. Восточная сторона, впрочемъ, беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ западной, въ которой далеко въ области Бахръ эль Газаля можно видѣть кочующихъ пастуховъ, съ тѣми же стадами и нравами, какъ и на востокѣ; точно также біогеографическая граница между лѣсомъ и степью, въ сущности, обусловливаемая климатомъ, тянется дальше на югъ, чѣмъ на западъ. Характерная для страны Нила пальма думъ (Hyphaene thebaica) перестаетъ расти на западномъ берегу на 5° 20′ с. ш., между тѣмъ, какъ на востокѣ она образуетъ рощи еще въ Латтукѣ; животныя открытой страны — слоны, жирафы, зебры, страусы и др. сопровождаютъ долину Нила на востокѣ до озеръ, а на западѣ, по большей части, не заходятъ къ югу далѣе 4° с. ш. Степи и ихъ народы охватываютъ, такимъ образомъ, страну Нила на востокѣ и на юго-востокѣ.

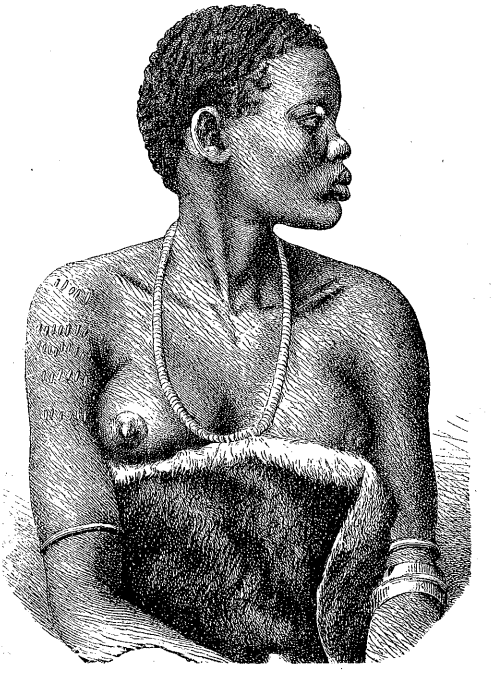


Нильская станція Мэшра-Эль-Рекъ, съ нубійскимъ торговымъ флотомъ. (По Хейглину.)

Цѣпь настоящихъ негрскихъ народовъ тянется между болѣе свѣтлыми народами Абиссиніи и свѣтлыми сандехами и мангбаттами въ Нильской долинѣ внизъ до того мѣста, гдѣ Голубой Нилъ смѣшиваетъ свои воды съ мутными волнами Бѣлаго. Окрестные обитатели большихъ озеръ поддерживаютъ связь этихъ нильскихъ негровъ съ семействомъ Банту, а негры Нуба изъ Кордофана и форы, живущіе въ горныхъ мѣстностяхъ южнаго Дарфура, — съ суданскими неграми. Большинство принадлежитъ къ характернымъ пастушескимъ племенамъ и сходно съ восточно- и южноафриканскими пастушескими народами (см. стр. 95) не только породами скота, но и способами ухода за нимъ и обычаями. Столь же близко стоятъ земледѣльческія племена къ земледѣльцамъ внутренней Африки.

Въ одномъ изъ прежнихъ отдѣловъ, въ пятомъ, мы прослѣдили родичей галласовъ и масаевъ до этихъ областей; къ нимъ принадлежатъ болѣе крупныя народности верхняго Нила, хотя и чистые негры, но связанные образомъ жизни (а съ масаями и языкомъ) и постепенными переходами съ хамитами крайняго востока Африки. И физическіе, и этнографическіе признаки указываютъ съ одинаковой опредѣленностью на пастушескихъ народовъ, живущихъ къ востоку и къ югу, глубоко врѣзывающихся своими колоніями. Здѣсь на негроидную основу посажены хамитическіе отводки. Въ скотоводствѣ, вооруженіи, постройкѣ хижинъ (хижины сѣверныхъ и южныхъ группъ существенно сходны) обнаруживается сходство, достигая выс-

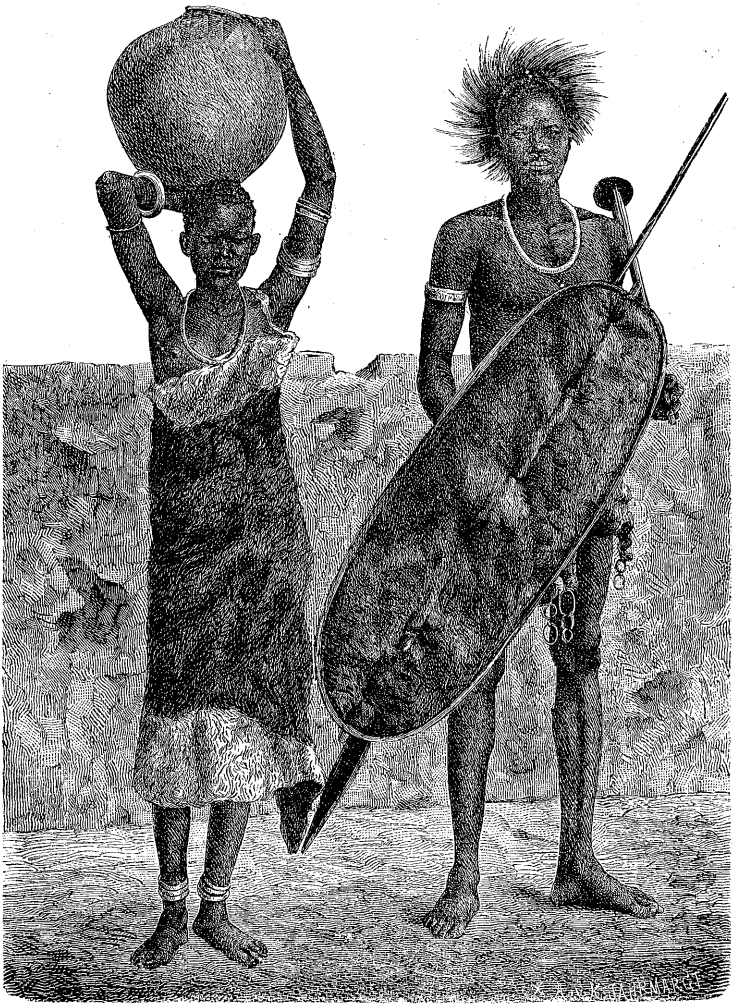
шей точки у южныхъ шиллуковъ или шуліевъ, которые географически всего тѣснѣе соприкасаются съ представителями свѣтлыхъ латтуковъ и ваньоровъ. Менѣе замѣтны вліянія соприкосновенія съ западными сосѣдями, въ области которыхъ точно также распредѣлены въ видѣ колоній большія и малыя группы нашихъ племенъ, какъ, напримѣръ, баріи въ странѣ макараковъ или шиллуки въ области Бахръ эль Газаль. Незначительныя физическія различія не вызываютъ здѣсь такихъ рѣзко выраженныхъ переходовъ. Въ одеждѣ къ западу беретъ перевѣсъ прикрытіе листьями; мѣхъ и кожа замѣняются матеріей изъ коры; здѣсь выступаютъ впередъ лукъ и стрѣлы, а кожаные щиты отходятъ назадъ. Наиболѣе типичный переходный народъ представляютъ собою бонги. Въ физическомъ отношеніи эти народы занимаютъ мѣсто между настоящими неграми и ихъ болѣе свѣтлыми и болѣе изящно сложенными сосѣдями на востокѣ и на сѣверѣ. Отчасти они произошли непосредственно отъ тѣхъ и другихъ, а отчасти въ нихъ замѣчается нѣкоторая примѣсь ихъ крови. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ шиллукахъ видѣли лишь самыхъ безобразныхъ и темныхъ, обезьяноподобныхъ негровъ, и затѣмъ высокихъ, стройныхъ людей свѣтлаго цвѣта, съ красивымъ профилемъ. Швейнфуртъ высказалъ о нихъ болѣе благопріятное сужденіе, и Фелькинъ нашелъ шиллукскаго начальника Кайкума „необычайно одареннымъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи“ (ср. выше, стр. 7). Эстетическое чувство шуліевъ, которое выражается и въ выборѣ мѣстъ для постройки деревень, въ особенности восхваляетъ Эминъ паша. Динки, правда, поразительно длинны и тощи, такъ что ихъ сравнивали съ водяными птицами ихъ болотистой родины, но они по преимуществу темнокожи, подобно баріямъ, у которыхъ Юнкеръ отмѣчаетъ, какъ ихъ особенность, сѣроватый оттѣнокъ кожи; динки, тѣмъ не менѣе, довольно крѣпкаго сложенія. Шуліи и мадіи не только рослы и сильны, но и свѣтлѣе баріевъ и динковъ.



Женщина негровъ шиллуковъ. (По фотографіи Рихарда Бухты.) По мнѣнію д-ра Штульмана, эта негритянка можетъ служить также типомъ ваньоровъ.

О положеніи и границахъ болѣе крупныхъ этническихъ областей на верхнемъ Нилѣ достаточно сказать вкратцѣ слѣдующее. Самый сѣверный негрскій народъ здѣсь шиллуки (см. рис. на этой и 270 стр.); они образуютъ обширное семейство вмѣстѣ съ лурами и шуліями, живущими — первые на западномъ, а вторые на восточномъ берегу Нила — къ югу отъ нихъ. Эминъ паша первый обратилъ вниманіе на сходство народныхъ именъ Луохъ и Шиллукъ. Точно такъ же, въ видѣ посредствующихъ членовъ между самыми сѣверными и самыми южными представителями шиллуковъ, стоятъ беланды и джуры. Шуліи проникаютъ на востокъ, въ область Ланго или Кичъ, а на югѣ для нихъ служитъ границею Нилъ, вытекающій изъ Викторіи; выше ихъ проникаютъ лишь небольшія группы, которыя въ Уньоро называются шефалусами. Границею луровъ служатъ на востокѣ озеро Альберта и Бахръ эль Джебель, на западномъ берегу котораго они живутъ до 3^0 10′ с. ш. Съ западной стороны они почти совершенно замкнуты мадіями.

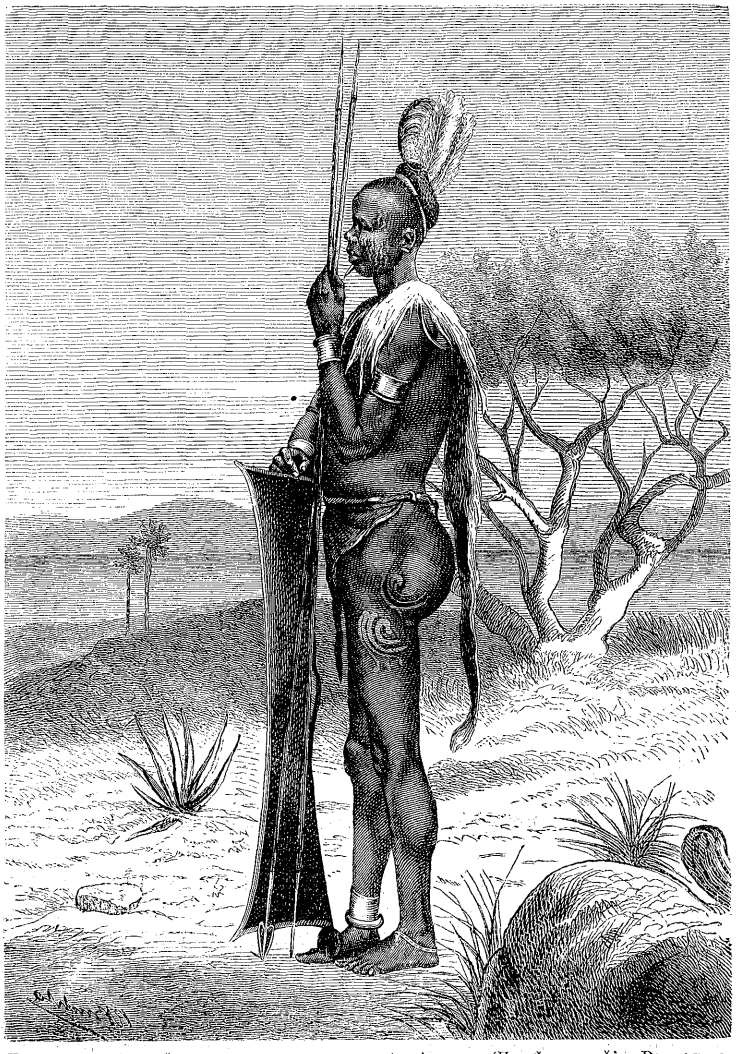
Итакъ, мы различаемъ три болѣе крупныя области шиллуковъ. Въ сѣверной, болѣе обширной, живутъ до рѣки Газелей настоящіе шиллуки, которые до сихъ поръ носятъ это имя. Спускаясь съ сѣвера по Нилу, мы встрѣчаемъ ихъ мѣстообитанія и можемъ прослѣдить ихъ въ видѣ разсѣянной этнической группы, которая, помимо восточной отрасли въ области Собата, гдѣ она живетъ на разстояніи одного дня пути отъ устья, занимаетъ западный берегъ Бѣлаго Нила и нѣкоторые изъ его притоковъ, между (приблизительно) 12 и 6° с. ш. Нѣкогда они проникали въ область Хартума, но, со времени основанія этого средоточія средней области Нила, они отодвигались все дальше и дальше. Когда Швейнфуртъ въ 1869 г. ѣхалъ вверхъ по Бахръ эль Абіаду, они встрѣчались не выше 12° 30′ с. ш., въ своихъ тамариндовыхъ челнокахъ. На сѣверѣ ихъ мѣста обитанія лежатъ не такъ далеко. У настоящихъ шиллуковъ, по мнѣнію Брёнъ-Ролле, можно найти сказаніе, что они нѣкогда жили на Собатѣ (около 5° с. ш.), что ихъ оттуда вытѣснили галласы и что они двигались внизъ по Нилу; они появились тамъ подъ именемъ людей изъ Джолла, т. е. съ рѣки Собатъ, и оттѣснили динковъ. Въ этомъ преданіи, въ которомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, заключается болѣе простое объясненіе распространенія шиллукскаго языка до экватора, чѣмъ въ гипотезѣ большаго переселенія ихъ къ югу, предложенной Эминомъ пашей. Шиллуки стояли тогда почти внѣ закона: „во-первыхъ, они язычники, во-вторыхъ, они вымещаютъ сдѣланное имъ зло нападеніями съ лодокъ и, въ третьихъ (что самое главное), ихъ многочисленныя стада рогатаго скота представляютъ чрезвычайно желательную добычу.“



Воинъ и дѣвушка шиллуковъ. (По фотографіи Рихарда Бухты.) Ср. текстъ, стр. 269 и 279.

Съ сѣверными шиллуками всего болѣе сходны джуры и дембы (дембо), живущіе на Бахръ эль Газалѣ и Тондьѣ, врѣзывающіеся въ народъ динковъ, и болѣе южные беланды, отдѣляемые отъ джуровъ всею

страною бонговъ и почти граничащіе съ сандехами. Многое говоритъ за допущеніе того, что мы здѣсь видимъ передъ собою сравнительно новыхъ переселенцевъ; мы видимъ переселенія, вызываемыя распространеніемъ скотоводства, все еще происходящія на нашихъ глазахъ. И эти народы нѣкогда были воинственными и такъ же, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ, тѣснили своихъ сосѣдей, благодаря своей болѣе крѣпкой государственной организаціи. Съ своей стороны, они были раньше всего оттѣснены вторженіемъ египтянъ и нубійцевъ и доведены до края гибели. Самые сѣверные изъ разсѣянныхъ представителей шиллуковъ, джуры, сходны съ ними во всѣхъ отношеніяхъ. Они болѣе всего удержали многосторонность шиллуковъ въ способахъ пріобрѣтенія средствъ къ поддержанію жизни; они усердно занимаются охотой, рыбной ловлей, и тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствуютъ, ихъ жены прилежно обрабатываютъ почву; большую цѣну они придаютъ и скоту. Полный курятникъ и собака необходимы для домашняго удобства семьи джуровъ.

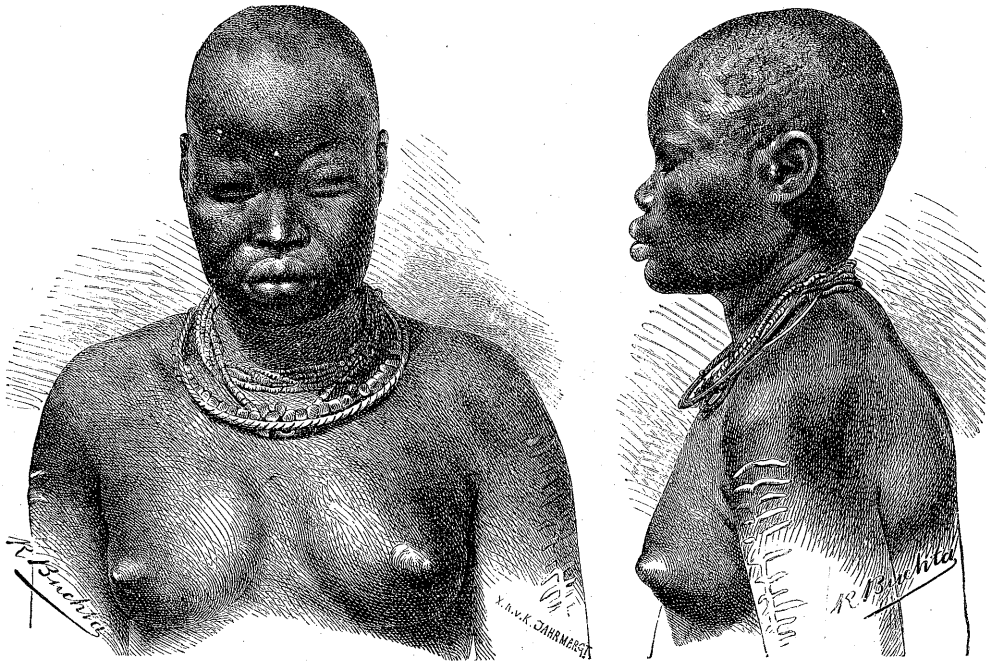


Татуированный негръ шули, съ оружіемъ. (По фотографіи Рихарда Бухты.) Ср. текстъ на этой стр.

Шули (ваньоры называютъ ихъ ганіями; см. рис., сбоку), — на лингвистическое сходство которыхъ съ шиллуками вниманіе Эмина паши впервые обращено было туземцами, — географически, какъ къ югу, такъ и къ востоку, всего глубже примыкаютъ къ своимъ хамитическимъ сосѣдямъ; часть ихъ, шефалусы, живетъ въ одной странѣ съ ваньорами, и шулійскіе начальники высказываютъ притязаніе на происхожденіе отъ тѣхъ же вавитовъ, отъ которыхъ ведутъ свой родъ правители вагумовъ (см. стр. 190).

Мѣстообитанія динковъ имѣютъ почти такое же протяженіе, какъ и шиллуковъ, простираясь по правому берегу Бѣлаго Нила до его устья и по правому берегу рѣки Газелей. Быть можетъ, и дьенгехи средняго Собата представляютъ собою отдѣлившійся народецъ динковъ; съ динками

весьма сходны и амамы, на Голубомъ Нилѣ, „патагонцы восточной Африки“ (Матеуччи). Динки также подверглись вытѣсненію со стороны нубійцевъ, но, будучи такимъ же исключительно пастушескимъ народомъ, они уступаютъ имъ въ воинственности. Хотя область ихъ столь обширна, что существованіе ихъ обезпечено надолго въ пестрыхъ народныхъ волнахъ Африки и хотя въ отношеніи расы, образа жизни и нравовъ нельзя сомнѣваться въ ихъ національномъ единствѣ, имъ все-таки недостаетъ политической связи. Многочисленныя племена ихъ часто воюютъ между собою. Поэтому и судьба ихъ весьма различна: сѣверные динки нѣкогда были необычайно богаты скотомъ, а среди южныхъ, напротивъ, встрѣчаются бѣдствующіе обитатели болотъ Полная обнаженность всего чаще встрѣчается у племенъ этого на-



Лѣвушка бари, спереди и сбоку. (По фотографіи Рихарда Бухты.)

рода и у бариевъ (см. рис. выше). Въ постройкѣ хижинъ и обработкѣ желѣза они стоятъ ниже своихъ сосѣдей, вслѣдствіе чего искусныхъ въ послѣднемъ ремеслѣ джуровъ они долго держали въ нѣкоторомъ подчиненіи. Главныя племена ихъ — настоящіе динки, на нижнемъ Бѣломъ Нилѣ, бохры и кичи, выше рѣки Газелей, рехки, въ области ея устья, и агары, на Ролѣ. Альваджи (алюади Швейнфурта), вооруженные лукомъ и стрѣлами, — обитатели лѣсовъ, образующіе среди динковъ-скотоводовъ Бахръ эль Газаля нѣчто вродѣ острова, въ густомъ лѣсномъ оазисѣ плоской, почти безлѣсной страны. Всѣ они лингвистически близко связаны между собою, между тѣмъ, какъ нуэры и атоты говорятъ на особомъ діалектѣ. Нуэры живутъ на верхнемъ Нилѣ, между Бахръ эль Газалемъ и Собатомъ, но не достигаютъ до Собата, такъ какъ изъ своихъ прежнихъ мѣстообитаній они были изгнаны динками. Это — воинственный пастушескій народъ, во многихъ отношеніяхъ сходный съ шиллуками и динками. У нихъ уже является прободеніе губъ.

Мадіи[1] живутъ къ сѣверу и къ западу отъ южныхъ шиллуковъ или,

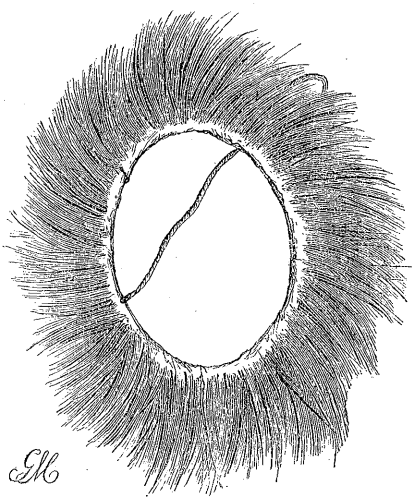
[1] Это названіе получили отъ арабовъ многіе народы; поэтому мы находимъ мадіевъ къ востоку и къ зап. отъ Нила. Мы держимся номенклатуры Эмина паши, Фелькина и др.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

ВОИНЪ и ЖЕНЩИНА БАРІЕВЪ.

(Рис. съ натуры Рихарда Бухты.)

говоря вообще, къ западу отъ Ладо. По преданію, они пришли съ сѣверо-запада; они принадлежатъ къ тѣмъ племенамъ, которыя своимъ выступленіемъ на Нилъ отдѣлили сѣверныхъ шиллуковъ отъ южныхъ. Остатки шуліевъ, удержавшіеся въ менѣе доступныхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ горахъ Лабила, свидѣтельствуютъ о такомъ же разрывѣ народовъ: такъ, существуютъ шуліи, которые считаются мадіями, какъ, напримѣръ, „мадіи изъ Дуфилеха“, и въ нравахъ тѣхъ и другихъ во многомъ существуетъ большое сходство. Лингвистическія родственныя черты указываютъ, впрочемъ, скорѣе на западъ. Эминъ паша предложилъ, поэтому, мадіевъ Бахръ-эль-Джебеля, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ лубаріями, калликàсами, логгами (логго), брерами (на Кибали), абукайями и джодьжріями, противопоставить, какъ западную народную группу, сѣверной группѣ динковъ. Эти племена принадлежатъ къ болѣе свѣтлымъ (свѣтло-шоколадно-бураго цвѣта) и болѣе рослымъ племенамъ (см. рис., стр. 281), съ болѣе благородными чертами лица. Къ нимъ же, повидимому, принадлежатъ и митты (митту, кедеру), хотя діалектически и отличаются отъ нихъ. Морусы (моруу) этнографически, но не лингвистически, сходны съ миттами.

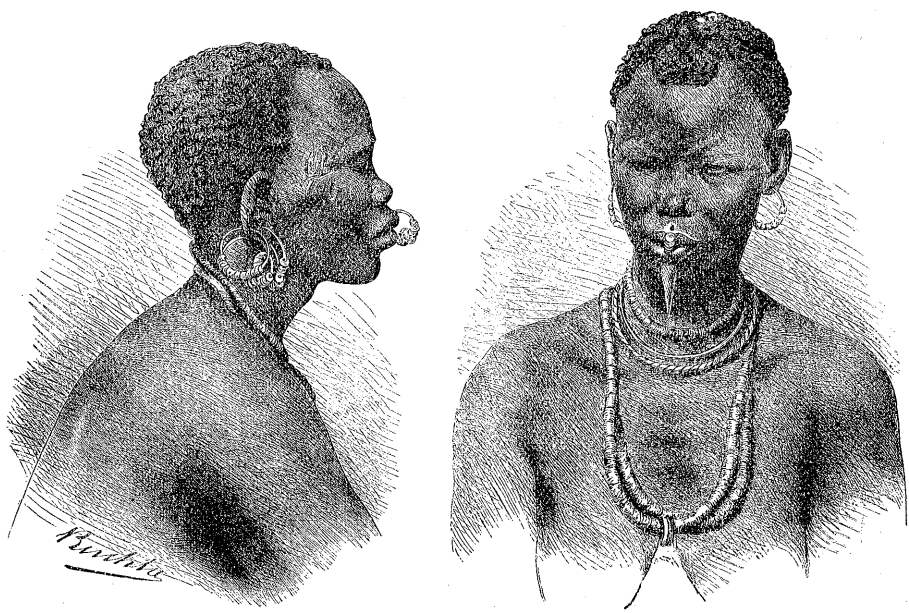


Головной вѣнокъ шиллуковъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

Баріи, живущіе по обѣимъ сторонамъ верхняго Нила, отъ 6 до 2° с. ш., сильный, темнокожій, рослый народъ (см. табл. „Воинъ и женщина баріевъ“), изъ которыхъ набирается большая часть египетской арміи, исключительные, страстные скотоводы, ограничиваются съ сѣвера динками, съ юга и запада (морусами) мадіями, а съ востока — галласами. Какъ говорятъ, они уже нѣсколько поколѣній тому назадъ переселились изъ южныхъ мѣстообитаній, вытѣсненные оттуда войной и перенаселеніемъ, на Луфири и изъ своей нынѣшней области выгнали своихъ предшественниковъ, бериевъ. Разсказываютъ, что по умственному развитію они превосходятъ сосѣдніе народы, но миссія въ Гондокоро не нашла возможнымъ проложить среди нихъ путь къ христіанству и имѣла случай ознакомиться съ дикимъ настроеніемъ этого народа, который въ 1859 г. умертвилъ своего правителя и вызывателя дождя Нигилу за то, что онъ не могъ избавить ихъ отъ голода. Западную вѣтвь баріевъ составляютъ янбаріи (ньямбары), которые не стригутъ волосъ и не смазываютъ тѣла. Подобно тому, какъ мы находимъ небольшія колоніи баріевъ разсѣянными въ странѣ макараковъ, далѣе къ западу и къ югу распространены другія, нѣсколько отличающіяся отъ описанныхъ выше, группы того же племени: фадьелусы, какуаки, лиггіи и мандаріи; въ область ихъ проникли племена сандеховъ съ юго-запада, которые эти народы оттѣснили къ востоку или разрознили, изолировали или покорили своей власти. Лиггіи и ньямбары (ньямбара) образуютъ южную, мандаріи — сѣверную группу, а какуаки и фадьелусы оттѣснены къ востоку, въ горы. Весьма небольшую группу или, лучше сказать, далеко отброшенный обломокъ племени баріевъ составляютъ живущіе около Римо маршіи (маршіа), искусные въ желѣзныхъ работахъ. Эминъ паша полагаетъ, что отличительною чертою всѣхъ племенъ баріевъ является крышеобразный черепъ и вдавленныя височныя кости; во всякомъ случаѣ, въ языкѣ ихъ существуютъ лишь діалектическія различія, а нравы и обычаи живущихъ далѣе къ западу потерпѣли измѣненія, благодаря вліянію сандеховъ.

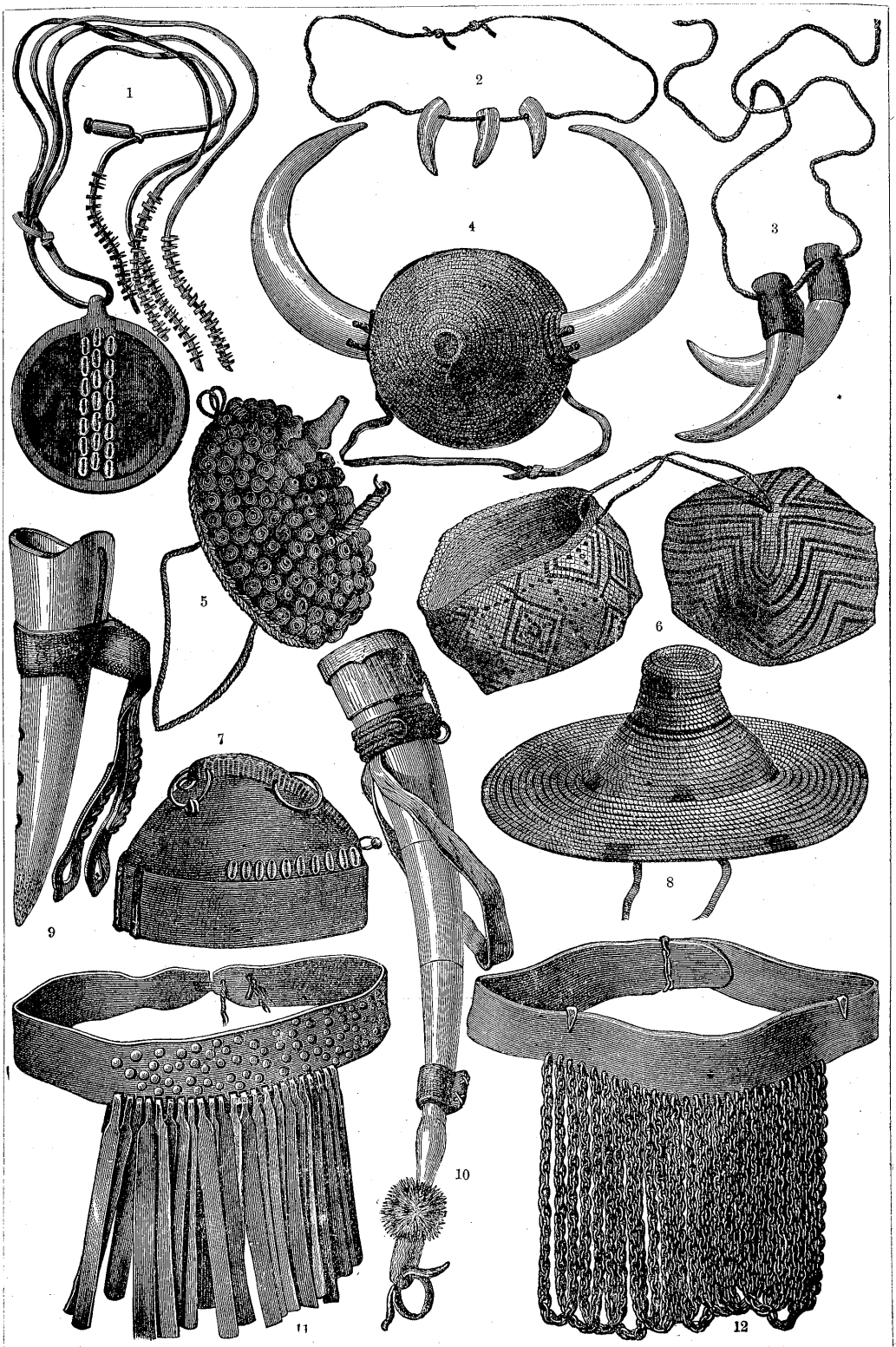
Къ баріямъ примыкаютъ на востокѣ близко родственные имъ въ лингвистическомъ отношеніи латтуки (латтука), которые, вѣроятно, въ то же время родственны и масаямъ, такъ какъ, подобно имъ, вооружены копьями и кожаными щитами; впрочемъ, воздѣлываніемъ дурры и пріемами скотоводства они тѣсно соприкасаются съ нильскими пастухами. Искусство ковки желѣза и у нихъ можно назвать мѣстнымъ. Предполагавшееся прежде Эминомъ пашей сходство ихъ съ галласами могло быть доказано лишь во внѣшнихъ предметахъ, напримѣръ, въ одеждѣ, въ которой, однако, многое напоминаетъ сосѣднихъ ландовъ (ландо), въ особенности примѣненіе шкуръ и своеобразные головные покровы.

Уродованіе собственнаго тѣла, самое первобытное украшеніе, производится у нильскихъ негровъ въ большомъ масштабѣ. Баріи, у которыхъ



Женщины морусовъ съ губными украшеніями. (По фотографіи Рихарда Бухты.)
Ср. текстъ, стр. 275.

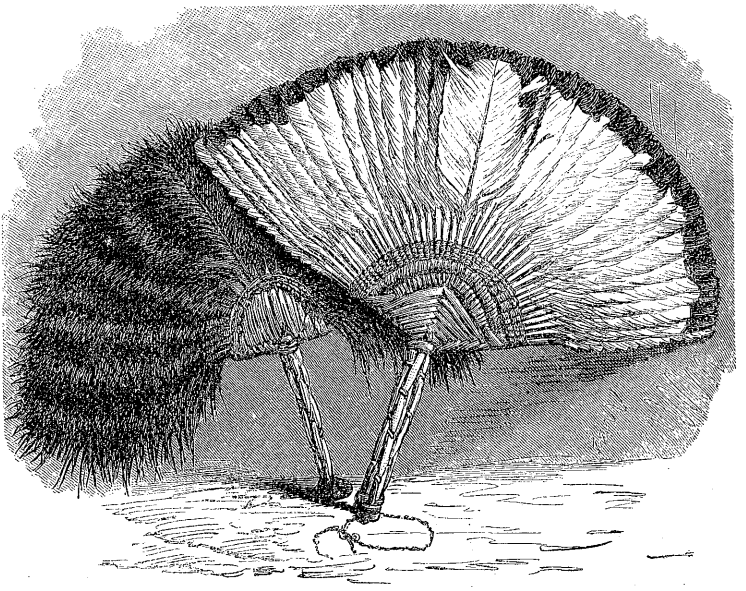
мало украшеній изъ бусъ, татуируются, такъ же, какъ тщеславные шуліи и мадіи, часто весьма красивыми узорами. Болѣзненная операція совершается въ возрастѣ физической возмужалости. Лучеобразные рубцы на лбу служатъ племенными знаками динковъ и нуэровъ. Шиллуки и джуры вовсе не татуируются; лишь нѣкоторые пограничные жители воспроизводятъ на своихъ лицахъ рубцы динковъ. У морусовъ можно видѣть характерную пунктирную татуировку лба и висковъ, а ньямбары татуируютъ узоръ, напоминающій бородку пера, на вискахъ. Эминъ паша описываетъ у шуліевъ раскрашиванье лица пурпурно-красной и пепельно-сѣрой краской. Выбиваніе нѣкоторыхъ переднихъ зубовъ, по бо́льшей части, двухъ среднихъ въ нижней челюсти, къ которымъ нерѣдко присоединяются и четыре верхнихъ, встрѣчается у всѣхъ нильскихъ негровъ. Признакомъ, отличающимъ западныя племена отъ другихъ, служитъ обычай носить въ губахъ кусочекъ полированнаго кварца, длиною отъ 8 до 10 см. Шуліи носятъ его въ нижней губѣ, и при разговорѣ онъ раскачивается во всѣ стороны, отчего ихъ рѣчь, которая и безъ того страдаетъ отъ выбиванія нижнихъ рѣзцовъ, становится совершенно невнятной. Хейглинъ оправдываетъ этимъ отсутствіе словаря дорскаго языка въ



Утварь и предметы украшенія нильскихъ негровъ.

1—3) Шейныя повязки. 4—8) Прикрытія головы у латтуковъ, ланговъ и шуліевъ. 9) Сигнальный свистокъ мадіевъ. 10) Сигнальный рогъ латтуковъ. 11 и 12) Передники женщинъ баріевъ. (Этнографическій музей въ Вѣнѣ.)

своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Палочки, въ формѣ пастельныхъ карандашей, тупой конецъ которыхъ окруженъ маленькимъ желѣзнымъ кольцомъ (см. рис., т. I, стр. 100, фиг. 1 и 2), какія носятъ джуры и янбаріи въ обѣихъ губахъ, а нуэры—въ верхней губѣ, дѣлаются изъ прозрачнаго кварца. У мадіевъ женщины носятъ въ верхней губѣ деревянный кружочекъ или мѣдный обручикъ съ нѣсколькими бусами, а морусы укрѣпляютъ, не только, какъ шуліи, въ нижней губѣ, но и въ верхней, камешекъ, который при разговорѣ ударяется о зубы (см. рис., стр. 274). Скотоводы джиббы, въ неизслѣдованныхъ еще странахъ къ югу отъ Собата, какъ разсказываютъ, вставляютъ въ нижнюю губу кружочекъ изъ слоновой кости. Мужчины у баріевъ часто носятъ цвѣты въ видѣ украшенія или на поясѣ, или въ серьгахъ, а также въ видѣ гирляндъ на шеѣ. Смазываніе жиромъ и окрашиваніе тѣла встрѣчается у всѣхъ нильскихъ негровъ.

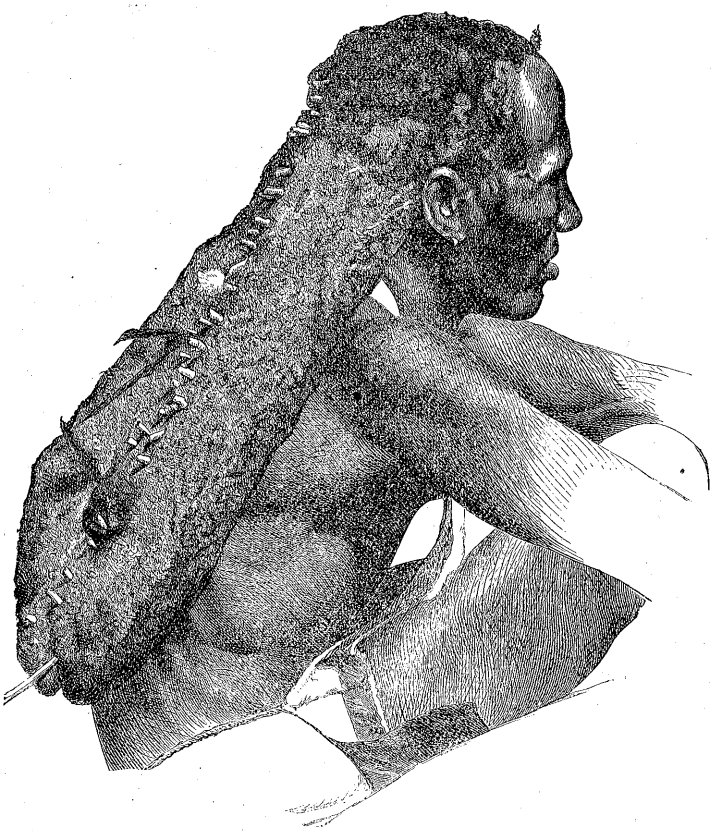


Вѣера баріевъ. (Изъ коллекціи Роберта Фелькина въ Эдинбургѣ.)

Основной формой другихъ украшеній является кольцо на рукахъ, ногахъ и шеѣ. Отличительнымъ признакомъ отъ другихъ негровъ служатъ предпочтеніе, отдаваемое желѣзу, и разнообразныя измѣненія основного типа. Между тѣмъ, какъ у баріевъ мы видимъ шейныя кольца (см. табл. „Воинъ и женщина баріевъ"), обыкновенно, простые желѣзные обручи, расщепленные или раздѣленные на отдѣльные круги, у мадіевъ замѣчаются головные обручи, съ круглымъ удлиненіемъ на лбу. У шуліевъ находятся въ употребленіи тяжелыя желѣзныя кольца на рукахъ и на ногахъ, препятствующія ходьбѣ. У мадіевъ ручныя кольца развились въ опасное ударное оружіе, усаженное шипами въ 5—7 см. И джуры носятъ красивое кольцо на рукѣ, раздѣляющееся на два острыхъ, вилообразныхъ острія, такъ что его одновременно можно употреблять и въ видѣ оружія (см. рис., т. I, стр. 100, фиг. 4); у иренговъ острыя ручныя кольца изъ кругообразно-согнутой желѣзной пластинки имѣютъ наружное лезвее, которое въ мирное время прикрывается предохранительной полоской изъ кожи, а на войнѣ, при удаленіи послѣдней, представляетъ опасное ударное оружіе (см. рис., т. I, стр. 101); у баріевъ могъ носить его только тотъ, кто умертвилъ человѣка или слона безъ чужой помощи. Въ прежнія времена кольца изъ слоновой кости имѣли огромное распространеніе. Но это скоро измѣнилось: кольца изъ слоновой кости, бывшія въ употребленіи у джуровъ при Хейглинѣ, Юнкеръ встрѣтилъ впервые на Убанги. Кожаныя кольца на верхней части руки и амулеты также встрѣчаются здѣсь. Часто попадающіяся на западѣ серьги здѣсь можно видѣть рѣдко. Кабаньи зубы, которые мадіи носятъ на шеѣ, такъ же, какъ и ожерелья изъ собачьихъ, овечьихъ и человѣческихъ зубовъ, считаются амулетами (см. фиг. 2 и 3 на табл. „Утварь

и украшенія нильскихъ негровъ“). У шуліевъ, соперничающихъ съ мадіями по обилію украшеній, мужчины и женщины носятъ на тѣлѣ на длинныхъ шнуркахъ кружки, вырѣзанные изъ раковинъ улитокъ, которые, какъ и у баріевъ, употребляются въ видѣ монетъ, а также шнурки изъ желѣзныхъ бусъ, на которые навѣшиваются въ большомъ числѣ двойные кружочки и двойныя спирали небольшого размѣра, украшенные точками и черточками (см. фиг. 1, на только что названной табл.).

Красная и желтая мѣдь, до распространенія торговли въ этихъ областяхъ, играли извѣстную роль лишь въ западныхъ странахъ. Хейглинъ находилъ раньше у джуровъ ручныя кольца, почти въ дюймъ толщиною, изъ латуни или блѣдно-желтой мѣди, которыя изготовлялись у хомръ-баггаровъ. Но уже 25 лѣтъ тому назадъ мѣдныя спирали изъ Занзибара проникли къ лиріямъ и баріямъ и сдѣлались любимымъ украшеніемъ.

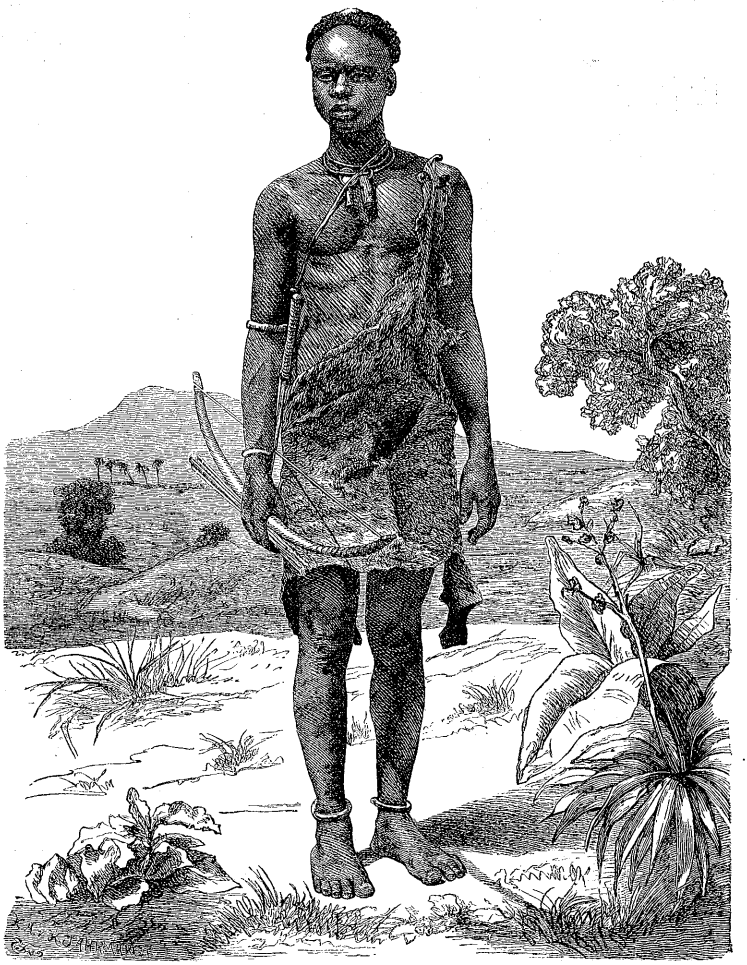


Негръ-лапго. (По фотографіи Рихарда Бухты.) Ср. текстъ на этой стр.

Для украшенія головы также употребляется желѣзо, причемъ однимъ изъ способовъ этого примѣненія является превращеніе волосъ головы въ твердую массу, легко принимающую всякія формы, а другимъ — надѣваніе желѣзнаго кольца съ цѣлью украшенія. Развитіе особыхъ, весьма искусно выдѣланныхъ головныхъ уборовъ идетъ рука объ руку съ указанными выше способами. Такъ, мужчины лангова въ области верхняго Нила носятъ искусственный головной уборъ изъ раковинъ и бусъ, который иногда поднимается на $^1/_2$ метр. надъ головой, или тонкую, круглую желѣзную пластинку по обѣимъ сторонамъ головы, — обычай, встрѣчающійся гораздо сѣвернѣе, на Бахръ эль Газалѣ. Женщины лангова заботятся о головномъ уборѣ своихъ мужей и часто употребляютъ нѣсколько лѣтъ на одинъ такой уборъ, который, впрочемъ, своимъ удивительнымъ видомъ вполнѣ вознаграждаетъ ихъ труды (см. рис. выше). У латтуковъ онъ низко спускается на спину. Прически шиллуковъ, джуровъ и нуэровъ превращаются по тому же способу, какъ у кафровъ, съ помощью глины, коровьяго назема и камеди, въ пластическую массу. Только женщины обыкновенно носятъ волосы въ видѣ короткой шерсти. Баріи и отчасти мадіи изъ всѣхъ нильскихъ негровъ имѣютъ самые соразмѣрные головные уборы, такъ какъ они гладко выстригаютъ волосы, за исключеніемъ одного пучка. Начальники носятъ тонкую желѣзную пластинку на лбу, а

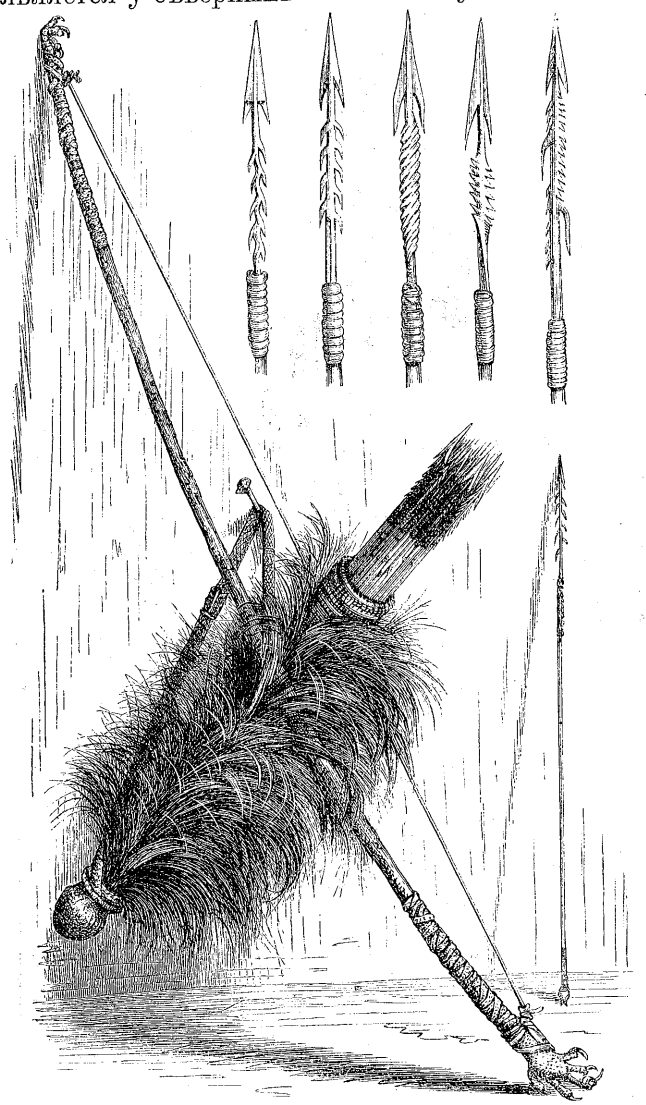
другіе мужчины пропускаютъ пучекъ волосъ черезъ пробуравленную желѣзную пластинку. Многіе, въ особенности шиллуки, уничтожаютъ волосы на всемъ тѣлѣ, за исключеніемъ головы.

Среди безконечно разнообразныхъ по формѣ прикрытій головы у этихъ народовъ мы назовемъ также прикрытіе западныхъ ланговъ, всего ближе примыкающее къ природѣ, такъ какъ оно, въ сущности, не что иное, какъ парикъ, являющійся интересной антропологической иллюстраціей или карикатурой (см. фиг. 5, табл. „Утварь и украшенія нильскихъ негровъ"), такъ какъ, посредствомъ плотно приставленныхъ другъ къ другу пуговокъ изъ пальмоваго луба, онъ воспроизводитъ негрскіе волосы, похожіе на „перечныя зерна". Головное прикрытіе баріевъ, присланное Эминомъ пашей въ Вѣнскій этнографическій музей, представляетъ сплетенную изъ тростника шапочку съ двумя зубцами, насаженными въ видѣ роговъ (см. фиг. 4 только что указанной табл.), съ подкладкой изъ человѣческихъ волосъ. Другія головныя прикрытія шуліевъ и ланговъ состоятъ изъ крѣпкаго плетенія, изъ скрученныхъ волоконъ луба, плотно усаженныхъ концентрическими рядами каури; къ нимъ придѣлывается плетеный тупой отростокъ, имѣющій форму плоской, конусообразной шапки или шлема, охватывающаго голову и свѣшивающагося на затылокъ (см. рис., т. I, стр. 100, фиг. 7). У латтуковъ и родственныхъ имъ племенъ, въ видѣ головныхъ прикрытій, употребляются тяжелые шлемы изъ толстаго плетенія, съ загнутыми краями и съ гребнемъ, напоминающимъ греческія формы. Въ эти гребни вставляется обыкновенно нѣсколько желѣзныхъ колецъ, а каури образуютъ огибающій ихъ вѣнецъ и насаживаются на передней части, такъ-же, какъ и полоски изъ листовой мѣди (см. фиг. 7, табл. назв. выше). Здѣсь встрѣчаются также плотно сплетенныя изъ соломы шляпы съ камышевой подкладкой, имѣющія видъ снимковъ съ маленькихъ сомальскихъ или занзибарскихъ щитовъ изъ кожи носорога (см. фиг. 8, той же табл.).



Мади, съ лукомъ и стрѣлами (По фотографіи Рихарда Бухты.)
См. текстъ, стр. 279.

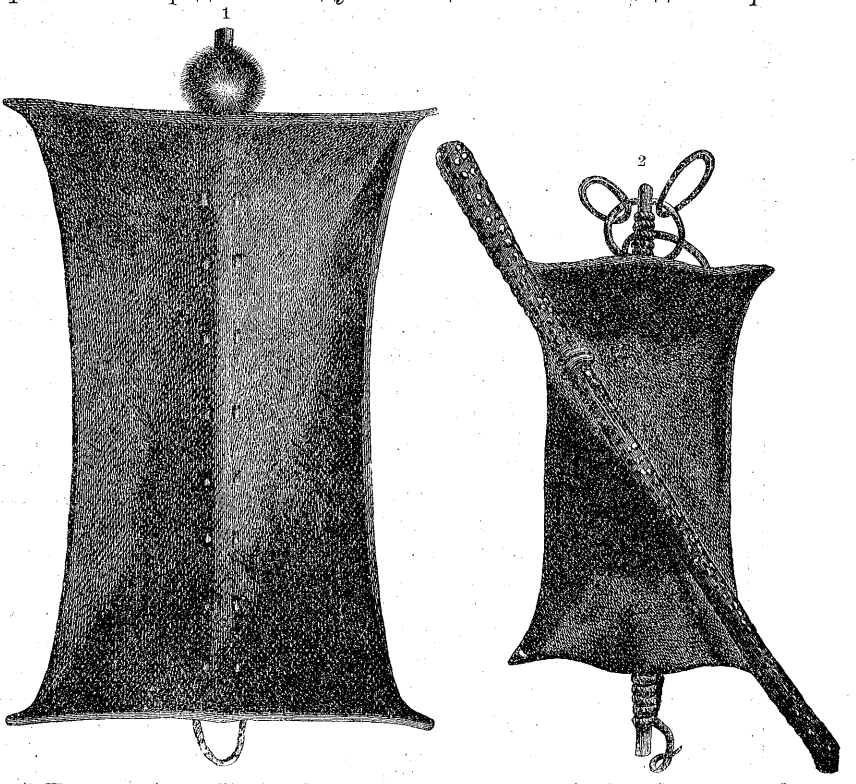
Женщины и у этихъ народовъ вообще менѣе одѣты, чѣмъ мужчины, а у лоанговъ ходятъ почти совсѣмъ обнаженными. То же самое сообщаютъ, впрочемъ, о мужчинахъ шиллуковъ, джуровъ, нуэровъ и баріевъ. Главнымъ матеріаломъ для одежды служатъ шкуры и кожи. Прикрытіе спереди шкурами является у сѣверныхъ племенъ случайнымъ, а у нѣкоторыхъ южныхъ общераспространеннымъ. Но ни большія мѣховыя одежды вагумовъ, ни тонкія ткани изъ коры вагандовъ или сандеховъ не распространились до этихъ народовъ. Сообразно съ тѣмъ, у нихъ нѣтъ и ремеслъ, имѣющихъ цѣлью изготовленіе одежды. Лишь возвышающаяся надо всѣмъ желѣзная промышленность въ обширномъ видѣ удовлетворяетъ и этой потребности. Усаженные желѣзомъ кожаные передники часто попадаются въ области верхняго Нила. Тотъ же передникъ встрѣчается въ сравнительно простыхъ формахъ у боровъ, въ видѣ вырѣзанной зубцами и усаженной нитками желѣзныхъ бусъ сырой козьей шкуры. У баріевъ онъ принимаетъ болѣе усовершенствованный видъ — пояса изъ гладкой или тисненой кожи, увѣшаннаго продолговатыми желѣзными пластинками плотными рядами или тонкими желѣзными цѣпочками (см. табл. „Воинъ и женщ. баріевъ“ и „Утварь и пр. нильскихъ негровъ“). У восточныхъ мадіевъ передникъ принимаетъ форму фрака, а у мадіевъ на верхнемъ Уэллѣ поясъ суживается, усаживается плоскими желѣзными колокольчиками или превращается въ „простой поясной шнурокъ“ изъ желѣзныхъ бусъ (см. рис., стр. 281). Другое превращеніе представляетъ узкій кожаный ремень морусовъ, на которомъ въ отверстіяхъ навѣшаны рядами многочисленныя желѣзныя кольца, съ висящими на нихъ погремушками. Хвостъ женщинъ шуліевъ изъ бумажныхъ нитокъ напоминаетъ бонговъ. Амамы на Голубомъ Нилѣ носятъ два толстыхъ травяныхъ жгута, свѣшивающихся съ кожанаго пояса спереди и сзади, обертываютъ лодыжки крѣпкими усиками дикой виноградной лозы, а въ дождь прикрываются большимъ тростниковымъ плащемъ, съ воротникомъ изъ болѣе тонкой травы.



Лукъ, колчанъ и стрѣлы джуровъ, обвитыя кожею ящерицы и разукрашенные. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/10 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 280.

Подъ вліяніемъ нубійцевъ и, еще болѣе, египтянъ, нильскіе негры подвинулись впередъ въ прикрытіи своего тѣла; они даже дѣлаютъ себѣ платья египетскаго покроя. И здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ культурныхъ заимствованій: сперва украшенія и вкусовыя вещества, затѣмъ оружіе и, наконецъ, одежду. Вообще разнообразіе оружія этихъ народовъ гораздо меньше, чѣмъ у болѣе западныхъ, живущихъ на той-же широтѣ, у которыхъ бонги вымѣниваютъ разукрашенные ножи, метательные ножи и клинки копій. На войнѣ и на охотѣ надѣваютъ желѣзныя украшенія и расписываютъ себѣ лицо.

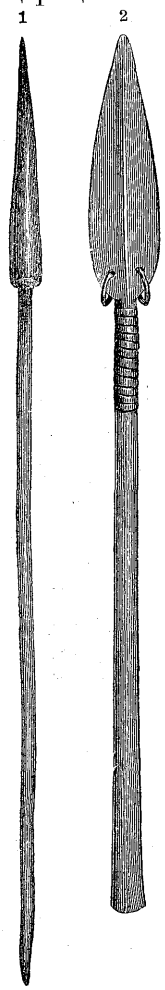
Оружіе шиллуковъ и динковъ, въ сущности, одно и то же — палка, длиною въ 1 метръ, нѣчто среднее между палицей и палкой для парированія, сопровождаетъ ихъ всегда, вслѣдствіе чего они имѣютъ такой видъ, какъ будто несутъ громадный гвоздь (см. рис., стр. 270); кромѣ того, у нихъ есть высокія, насаженныя длинными желѣзными наконечниками копья, превосходно выкованныя, такъ же, какъ у шуліевъ. Нубійскій обычай — никогда не выходить изъ дому безъ двухъ копій въ рукахъ — встрѣчается у ланговъ и латтуковъ. Оружіе шуліевъ (см. рис., стр. 271) уступаетъ качественно оружію группы шиллуковъ-динковъ (см. рис., стр. 270), и къ западу становится болѣе малочисленнымъ. Копья шиллуковъ, съ рогомъ антилопы въ видѣ наконечника (см. рис., стр. 280, фиг. 1), представляютъ интересный остатокъ болѣе древняго вооруженія; деревянное копье восточныхъ шуліевъ (см. фиг. 2 того-же рис.), съ притупленнымъ концомъ и привѣшенными кольцами, не имѣетъ значенія военнаго оружія.



1) Щитъ шуліевъ; 2) ручной щитъ турканасовъ, съ обитой желѣзомъ ударной палкой. (Вѣнскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 281 и 287.

Луки (см. рис., стр. 277 и 278) напоминаютъ восточно-африканскіе, у народовъ верхняго Нила, въ областяхъ водораздѣла Нила и Конго, а также озеръ Викторіи и Альберта, отчасти примѣненіемъ сухожилій животныхъ, одинаковостью концовъ и обертываніемъ различными шкурами; если они, по большей части, выше и шире, а также нѣсколько площе, то концы ихъ почти всегда нѣсколько выгнуты кверху. Болѣе близкія сношенія съ западомъ, съ верхнимъ Конго, замѣчаются у западныхъ нильскихъ негровъ. Самую замкнутую группу образуютъ на экваторіальномъ Нилѣ и на озерѣ Альберта большіе плоскіе, изогнутые луки, по боль-

шей части, съ плоско-овальнымъ или веретенообразнымъ разрѣзомъ, которые, безъ зарубки или другихъ приспособленій, снабжены, въ качествѣ тетивы, крѣпкой бичевкой изъ животныхъ волоконъ и, лишь въ видѣ исключенія, изъ луба, и которые обернуты характернымъ образомъ кожею ящерицы и желѣзными полосками. Кожа Varanus и змѣиная, натянутая въ сыромъ состояніи на дерево, держится необычайно крѣпко, какъ желѣзный обручъ (Юнкеръ); она способствуетъ даже скрѣпленію ружейныхъ ложъ. Дерево въ большинствѣ случаевъ бываетъ изъ бамбука (abyssinica?). Нѣкоторые луки баріевъ, имѣющіе высоту до двухъ метровъ, снабжены сплетенными изъ кожи кольцами, для подвѣшиванья и болѣе удобнаго скрѣпленія, на третьей части длины. Эти кольца плетутся посредствомъ скручиванья. Обдѣлка желѣзомъ такого лука довольно значительна. На одномъ изъ нихъ, находящемся въ Берлинскомъ музеѣ, по всей длинѣ чередуются желѣзо и кожа ящерицы, а концы обернуты однимъ желѣзомъ на протяженіи 15 см.



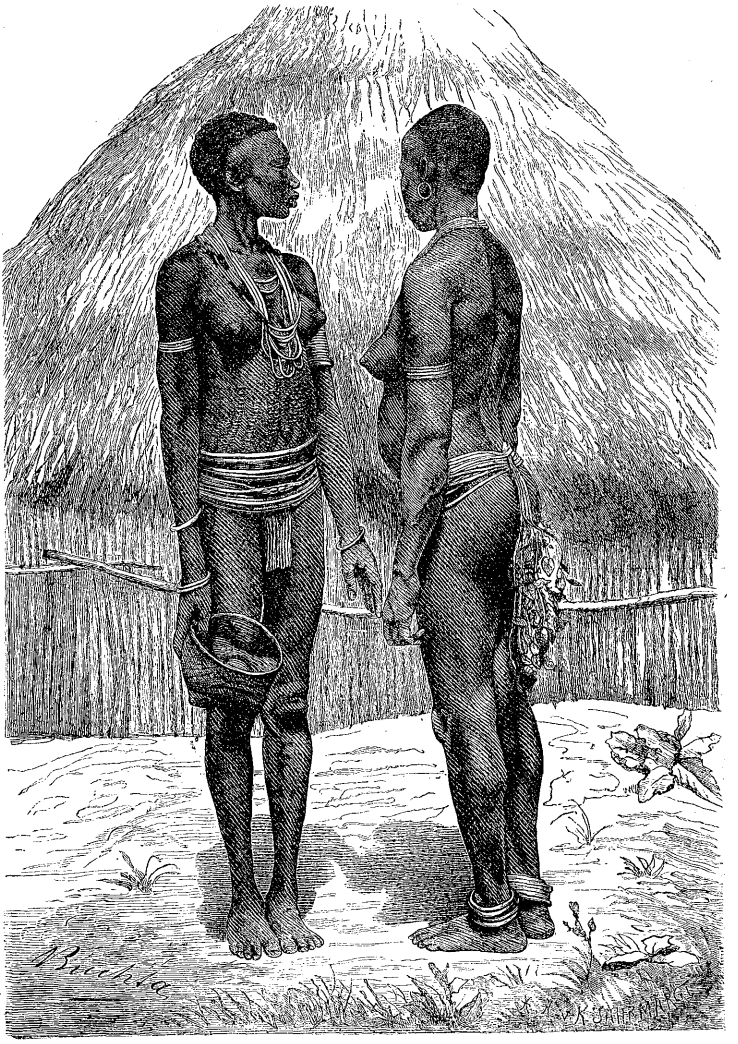
1) Копье шиллуковъ, съ наконечникомъ изъ рога антилопы. 2) Деревянное копье восточныхъ шуліевъ, съ желѣзными кольцами. (Вѣнскій этнографическій музей.)

Отъ этихъ луковъ, принадлежащихъ къ самымъ крупнымъ формамъ Африки, мы переходимъ къ весьма мелкимъ формамъ, если направляемся къ западу. Одновременно появляются тетивы изъ ротанга и болѣе сильное сгибаніе, т. е. укороченіе стягиваніемъ тетивою. Сообщенія португальцевъ прежнихъ временъ позволяютъ предположить, что народы, съ луками, обмотанными змѣиной кожей (къ нимъ принадлежатъ также часто упоминаемые анцики нижняго Конго), сперва жили далѣе къ западу. Въ настоящее время къ западу отъ только что названныхъ мы находимъ родственныя съ ними, но обмотанныя шкурами формы верхняго Конго. Уже у ваньоровъ, мондусовъ и мадіевъ встрѣчаются болѣе короткія формы. По рисунку Бухты (стр. 277) можно заключить, что у мадіевъ встрѣчаются еще болѣе короткіе и болѣе согнутые луки. Луки макараковъ (100—120 см.) также коротки и выгнуты просто изъ узловатаго дерева, причемъ верхушка ихъ плоска, а концы согнуты довольно сильно, или они ровнѣе и глаже, съ тетивою, оттянутою къ одной сторонѣ, и обмотаны на большей части дерева. Опереніе стрѣлъ вообще неизвѣстно у племенъ верхняго Нила, между тѣмъ, какъ у восточныхъ и западныхъ африканцевъ мы находимъ на стрѣлахъ перья, а у лѣсныхъ народовъ — просто вставленные листья растеній или куски кожи.

Къ этой группѣ принадлежатъ далѣе луки бонговъ, сандеховъ и бакумовъ, оттѣсненныхъ вагенами отъ Стэнли Пуля: — короткія, сильно изогнутыя, круглыя, гладкія палки, тупые концы которыхъ имѣютъ зарубки для ротанговой тетивы. Луки „ньямъ-ньямъ“ Хейглинъ описываетъ имѣющими не болѣе 2—$2^1/_2$ фут. длины, сдѣланными изъ ротанга, съ тетивой изъ куска ротанговой коры. Колчанъ состоитъ обыкновенно изъ кожи животнаго безъ шва и содержитъ множество, часто болѣе ста маленькихъ стрѣлъ, съ отравленными желѣзными наконечниками. Хотя вообще луки съ ротанговыми тетивами не хуже, чѣмъ съ животными тетивами, но въ этой области, гдѣ копье преобладаетъ и лукъ отступаетъ на второй планъ, мы видимъ этотъ послѣдній въ менѣе развитыхъ формахъ. Широкія ротанговыя тетивы, повидимому, вообще укорачиваютъ лукъ. Сюда-же относятся и превосходные луки джуровъ (см. рис., стр. 278) отличающіеся значительной длиной, тщательной работой и хорошо подобран-

ными украшеніями. Палка на обоихъ концахъ обвита полосками кожи ящерицы; конецъ лука входитъ въ кожу ноги этого животнаго. Сходные по формѣ, величинѣ и тетивѣ, но, по большей части, ничѣмъ не обернутые находимъ мы луки кичей, ямбаріевъ и луровъ.

Щиты племенъ верхняго Нила принадлежатъ къ зулусской формѣ, т. е. вырѣзываются также изъ кожи, въ видѣ овала или прямоугольника, и сдерживаются палкой, продѣтой сквозь поперечный разрѣзъ (см. рис., стр. 279, фиг. 1). И щитъ для парированія имѣетъ у турканасовъ такую-же форму (см. рис., стр. 279, фиг. 2), а у другихъ онъ суживается почти до толщины палки, какъ, напримѣръ, у мондусовъ.

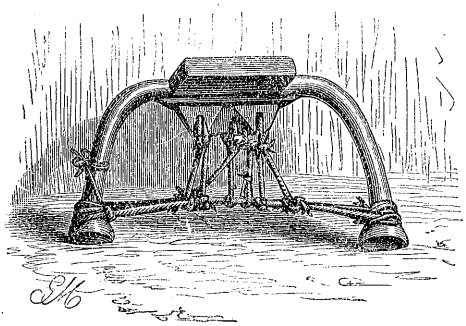


Женщины мадіевъ; на заднемъ планѣ хижина, обнесенная изгородью. (По фотографіи Рихарда Бухты.) Ср. текстъ, стр. 272 и 278.

Охота производится съ помощью остроумныхъ западней (см. рис., стр. 255) и луковъ-самострѣловъ, охота съ загонщиками — посредствомъ большихъ сѣтей, а охота на бегемотовъ — съ особенно крѣпкихъ лодокъ. Фелькинъ видѣлъ охотничью лодку изъ согнутаго древеснаго ствола. Когда шиллуки обладали еще силой, они, въ качествѣ торговцевъ и пиратовъ, плавали по Нилу въ большихъ лодкахъ, вмѣщавшихъ отъ 40 до 50 человѣкъ. Но вообще судостроеніе и судоходство на верхнемъ Нилѣ мало развито. Для рыбной ловли у шуліевъ имѣются гарпуны. Многіе племена пренебрегаютъ рыбной пищей; плоты изъ удерживающихся на водѣ вѣтвей амбача (см. рис., стр. 64), которые такъ легки, что одинъ человѣкъ можетъ поднять три такихъ плота, между тѣмъ, какъ каждый плотъ можетъ поднять трехъ человѣкъ, употребляются по преимуществу рыбаками.

Въ постройкѣ хижинъ господствуетъ до самыхъ мангбаттовъ конусовидный стиль, не достигающій высоты, какую мы видимъ у вагандовъ. Уже у ланговъ хижины меньше и грязнѣе, чѣмъ у ваньоровъ. Естественно вмѣстѣ съ политическими формами приходятъ въ упа-

докъ и дворцовыя постройки. Напротивъ, у мадіевъ плетеныя хижины замѣнили травяныя. Плетеныя стѣны, высотою отъ 1 до 2 метр., съ колоколообразной крышей, характерны для хижинъ мадіевъ, баріевъ и шуліевъ. Хижины шиллуковъ, благодаря выступающей соломенной крышѣ, имѣютъ форму гриба; хижины динковъ массивнѣе и обладаютъ пристройкой у входа. У джуровъ кровля вытянута длиннымъ шпицемъ, который у мадіевъ увѣнчивается страусовымъ яйцомъ; у хижины бонговъ на этомъ остріѣ находится пучекъ соломы, а шуліи, обладающіе чувствомъ изящнаго, унизываютъ заборы своихъ деревень тыквами и цвѣтами кавалерской звѣзды. Отъ баріевъ, дворы и деревни которыхъ содержатся очень чисто, переходя къ востоку къ шуліямъ, лиріямъ и лангамъ, мы встрѣчаемъ все меньшую и меньшую опрятность. Плетеныя житницы, опоражниваемыя сверху, обложенныя глиной и коровьимъ наземомъ, стоятъ на глиняныхъ подставкахъ или сваяхъ, для предохраненія отъ крысъ. У мадіевъ нижнюю часть занимаетъ кухня; они воздвигаютъ большія, косыя сооруженія, гдѣ развѣшивается для просушки кунжутъ, и почти у каждой семьи есть хижина для гостей. Здѣсь, какъ и у шуліевъ, можно найти почти въ каждой деревнѣ особыя хижины для мальчиковъ и другія для дѣвочекъ, а также и общія — для питья пива. На деревенской площади можно видѣть хижины, куда сходятся поболтать, сторожевыя вышки и ручные жернова, вмазанные въ глину. На свободной площади среди деревни у баріевъ стоитъ просторная хижина, гдѣ живутъ молодыя брачныя пары, пока не приблизится рожденіе перваго ребенка; лишь тогда эта чета получаетъ особую хижину. Кромѣ роговъ, защищающихъ отъ колдовства, на изгороди и на воротахъ, можно найти въ серединѣ деревни содержимую въ большомъ почетѣ площадь, гдѣ стоитъ дерево или пень, украшенный рогами антилопъ и буйволовъ и черепами львовъ, леопардовъ и дикихъ кошекъ. Небольшія священныя хижины встрѣчаются особенно часто въ деревняхъ шуліевъ. Передъ хижинами начальника стоятъ обыкновенно знаки его достоинства: нѣсколько большихъ ногараховъ (деревянныхъ барабановъ) и другіе военно-музыкальные инструменты.

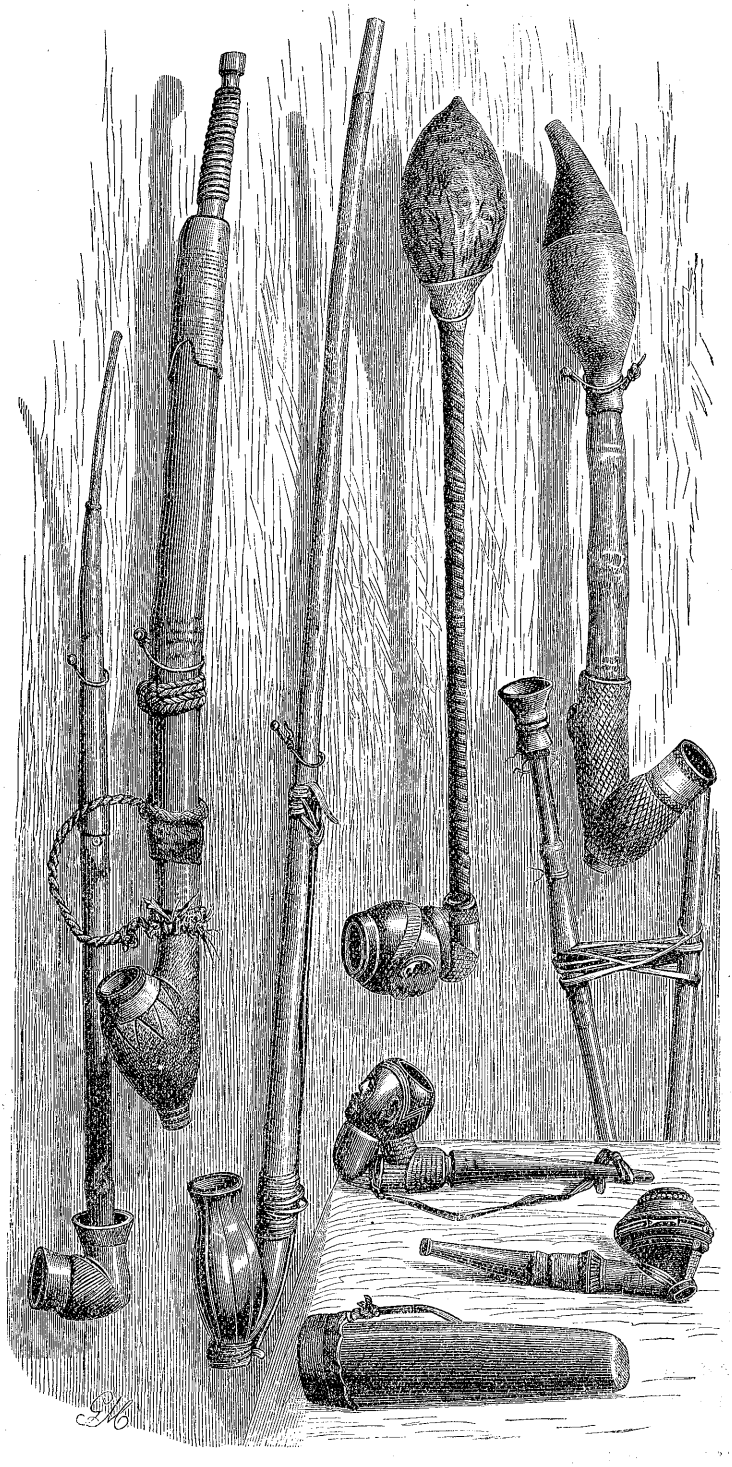


Стулъ баріевъ. (Изъ коллекціи Роберта Фелькина, Эдинбургъ.)

Величина деревень бываетъ весьма различной. Настоящихъ столицъ, гдѣ сосредоточивается бо́льшая часть племени вокругъ своего начальника, при значительномъ политическомъ раздробленіи болѣе уже не встрѣчается: большая шиллукская деревня Денабъ давно уже разрушена баггарами. Южныя племена, менѣе разсѣянныя охотою за невольниками, и теперь еще имѣютъ болѣе значительные центры населенія, какъ это можно видѣть у мадіевъ и тарранголей. Вообще, можно указать, какъ правило, что у пастушескихъ народовъ деревни больше, чѣмъ у земледѣльцевъ. У мадіевъ, шуліевъ и бонговъ, такъ-же, какъ и у всѣхъ народностей, живущихъ исключительно земледѣліемъ, деревни имѣютъ лишь небольшіе размѣры. У бонговъ Хейглинъ не видалъ ни одной, въ которой насчитывалось-бы болѣе 30 хижинъ. Но зато такіе поселки встрѣчаются часто въ большомъ количествѣ въ небольшомъ округѣ. Вообще, здѣсь господствуетъ бо́льшая устойчивость въ положеніи деревень, чѣмъ на западѣ или югѣ. Страны верхняго Нила, до опустошенія ихъ работорговцами, принадлежали, впрочемъ, къ самымъ населеннымъ частямъ Африки, и отчасти онѣ таковы и теперь. Точно также и связанная съ ними область шиллуковъ, на западномъ берегу Бѣлаго Нила, и лежащія отъ нихъ къ

югу мѣстообитанія шиллуковъ среди джуровъ и дембовъ представляютъ примѣры очень плотнаго населенія, какое мы находимъ обыкновенно въ непосредственной близости большихъ рѣкъ (см. выше, стр. 90). Послѣ покоренія шиллуковъ въ 1871 г., египетское правительство произвело перепись въ области настоящихъ шиллуковъ, что̀ привело къ обнаруженію около 3 тыс. деревень.

Нѣкоторыя изъ племенъ верхняго Нила стоятъ высоко въ земледѣльческомъ отношеніи. Единственное полевое орудіе, вмѣстѣ съ палкой, для просверливанія ямокъ для сѣмянъ, представляетъ небольшая мотыка, съ клинкомъ въ формѣ полумѣсяца (см. рис., т. I, стр. 90), рукоятка которой у шуліевъ заканчивается вилообразно, а у бонговъ покрыта рѣзьбою. Тѣмъ не менѣе, состояніе полей часто бываетъ вполнѣ удовлетворительнымъ, жатва — обильной и разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній довольно значительнымъ. Часто цѣлая семья работаетъ въ полѣ: женщины и дѣти внимательно вкладываютъ сѣмена въ ямки, мужчины на колѣняхъ разбиваютъ комки и собираютъ въ кучи су-



Табачныя трубки и табачницы нильскихъ негровъ. (Британскій музей въ Лондонѣ.) 1/5 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 285.

хія травы и вѣтви, чтобы потомъ сжечь ихъ. Кромѣ полей, узкія полосы которыхъ у мадіевъ раздѣляются пограничными камнями, вокругъ хижинъ можно найти огороды, засаженные дынями, тыквами, табакомъ и цвѣтами; здѣсь не забыты и ядовитыя луковицы для отравленія стрѣлъ. Главнымъ растеніемъ является хлѣбъ; какъ символъ своей работы, замужнія женщины морусовъ всегда носятъ за поясомъ ножъ для срѣзыванія колосьевъ.

О скотоводствѣ этихъ народовъ мы говорили уже во 2-ой главѣ. Шиллуки, латтуки и морусы занимаются имъ наравнѣ съ земледѣліемъ. Но динки и баріи — такіе же страстные скотоводы, какъ и бечуаны или масаи, и стада ихъ нѣкогда были громадными. Здѣсь разводятъ и овецъ, и въ прежнее время нерѣдко можно было видѣть въ области шиллуковъ, какъ овечьи пастухи переправляли свои стада на большихъ лодкахъ отъ одного мѣста берега къ другому, причемъ собаки терпѣливо плыли за ними. Впрочемъ, козы и овцы, въ качествѣ домашнихъ животныхъ, стоятъ на заднемъ планѣ въ сравненіи съ рогатымъ скотомъ. Лошади и ослы ни изъ Абиссиніи, ни изъ Нубіи не проложили себѣ дороги къ негрскимъ народамъ къ западу отъ Нила, между тѣмъ, какъ къ латтукамъ верблюды и ослы доставляются изъ восточной сосѣдней области Аккары. Изъ домашнихъ птицъ на дворахъ можно видѣть только куръ, но зато у нѣкоторыхъ народовъ, (бонговъ и шиллуковъ) — въ большомъ множествѣ. Обыкновенно ихъ ѣдятъ только дѣти и старики. Къ людоѣдству здѣсь относятся съ отвращеніемъ.

Въ теченіе всего дня тщательно собираемый пометъ коровъ разбрасывается и высушивается на солнцѣ. Большіе запасы распредѣляются равномѣрно въ маленькія кучи внутри изгороди. Когда стада возвращаются, подъ каждой кучей раскладывается небольшой огонь; при этомъ вскорѣ распространяется густое облако дыма, отгоняющаго отъ скота жалящихъ насѣкомыхъ. Запертыя въ изгороди животныя, повидимому, очень довольны этимъ. Тонкая зола въ теченіе дня также собирается въ кучи, вечеромъ ровно разбрасывается по всей площадкѣ и служитъ подстилкою и предохраненіемъ скота отъ мухъ. Подъ конецъ, коровы и ихъ хозяева могутъ спокойно улечься въ мягкомъ, тонкомъ ложѣ изъ пепла (Хейглинъ). Шиллуки, обсыпающіе себя этой золой, пріобрѣтаютъ сѣрый или красный оттѣнокъ (красный — болѣе богатые, такъ какъ они обсыпаютъ себя только золой коровьяго назема!) и, при тонкости своихъ конечностей и спокойствіи движеній, походятъ на муміи.

Страсть, съ какою пастухи въ Африкѣ относятся къ своимъ стадамъ, здѣсь, въ Нильской области, такъ же, какъ и въ отдаленной области Замбези, способствовала только покоренію ихъ. Здѣсь прежде всего обнаружилась рано сознанная нубійскими работорговцами необходимость предлагать любимое средство обмѣна — рогатый скотъ; такимъ образомъ, его отнимали у однихъ, чтобы вести торговлю съ другими. Обладаніе скотомъ стало проклятіемъ для пастуховъ. Кромѣ того, похищеніе скота и въ чисто политическомъ смыслѣ оказывалось самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ покоренія. „Съ давнихъ временъ“, замѣчаетъ Швейнфуртъ, „въ этой части Африки похищеніе скота въ большомъ размѣрѣ было настоящей основой, на которую опирались всѣ предпріятія, требовавшія для своего успѣха значительной вооруженной силы. Даже филантропическія цѣли, какія люди, вродѣ Бэкера и Гордона, начертали на знамени своихъ величественно задуманныхъ культурныхъ экспедицій, оказались безсильными передъ задачей — замѣнить это чѣмъ либо другимъ... я долженъ высказать убѣжденіе, что исторія Африки не обойдетъ этихъ этаповъ современныхъ стремленій цивилизаціи и отмѣтитъ ихъ, какъ мѣста, гдѣ незаконно проливалась кровь животныхъ“.

Нельзя не удивляться тому, какъ мало эти народы въ своей промышленной дѣятельности заимствовали отъ Египта и Нубіи. Они замѣтно превосходятъ другіе негрскіе народы лишь работами изъ желѣза;

вообще они особенно возвышаются надъ африканскимъ негрскимъ уровнемъ, повидимому, лишь въ сдѣланныхъ ими успѣхахъ въ дубленіи кожи, которыхъ мы не замѣчаемъ ни у динковъ, ни у баріевъ, ни у бонговъ, стоящихъ ближе къ сандехамъ; дубильнымъ средствомъ служитъ для нихъ кора сикоморы или акаціи. Нигдѣ въ Африкѣ нельзя найти лучшихъ кузнецовъ, чѣмъ среди джуровъ и бонговъ, и нигдѣ потребленіе желѣза не поднималось такъ высоко. Въ этомъ отношеніи большимъ искусствомъ отличаются и латтуки. Желѣзо замѣняетъ здѣсь всѣ другіе металлы и въ особенности благородные. Въ видѣ мотыки или круглыхъ кружковъ, отъ раздѣленія которыхъ могутъ произойти двѣ мотыки, желѣзо въ тамошнемъ обращеніи всего ближе подходитъ къ нашимъ деньгамъ (см. рис., т. I, стр. 90). То, что говорилось о динкахъ, будто они живутъ вполнѣ въ желѣзномъ вѣкѣ, т. е. въ такомъ, когда желѣзо пріобрѣтаетъ наибольшую цѣнность, можно сказать и о баріяхъ (см. табл. „Кузнецы баріевъ“). Швейнфуртъ говоритъ о шиллукахъ: „жены богатыхъ людей часто такъ обременены желѣзомъ, что, говоря безъ преувеличенія, нѣкоторыя носили на себѣ до полювины центнера, въ видѣ колецъ и другихъ украшеній.“ Желтая и красная мѣдь цѣнится ниже. Оба эти металла встрѣчаются чаще и употребляются охотнѣе лишь на западѣ отъ области верхняго Нила, гдѣ они, въ особенности у доровъ, играютъ роль въ торговлѣ, всегда въ небольшихъ кускахъ, около $^1/_2$ кгр. вѣсомъ, служащихъ средствомъ обмѣна у сандеховъ и фертитовъ. Бонги выковываютъ ручныя кольца и другія мелкія украшенія изъ мѣди и тянутъ проволоку изъ того-же металла. Въ искусствѣ обработкѣ желѣза рядомъ съ джурами, пожалуй, можно поставить мадіевъ, а бонговъ — выше тѣхъ и другихъ; динки, несмотря на свое богатство желѣзомъ, въ меньшей мѣрѣ освоились съ кузнечной работой. Напротивъ, въ прежнія времена они держали джуровъ, которые должны были доставлять имъ всѣ работы такого рода, въ извѣстной принудительной зависимости, такъ же, какъ впослѣдствіи джуры должны были исполнять тѣ же работы для нубійцевъ. Сдѣланныя ими вещи изъ желѣза знатоки приравнивали къ работамъ средняго качества англійскаго сельскаго кузнеца. Въ странѣ джуровъ и бонговъ въ особенности желѣзная руда встрѣчается въ изобиліи, въ видѣ бураго желѣзняка. Въ странѣ шуліевъ въ рѣчныхъ ложахъ находятъ много графита, которымъ покрываютъ стѣны хижинъ снаружи и внутри. Соль во всей этой области не встрѣчается въ минеральномъ состояніи. Ее пытаются замѣнить золою нѣкоторыхъ растеній, которую выщелачиваютъ и жуютъ въ смѣси съ табакомъ. Хорошая соль ввозится арабами южнаго Кордофана и Дарфура въ страну бонговъ небольшими количествами, но потребленіе ея все еще считается роскошью.

Выдѣлка глиняныхъ товаровъ лежитъ, по большей части, на обязанности женщинъ. Всего искуснѣе въ этомъ отношеніи шуліи, горшки которыхъ проникаютъ даже въ страну латтуковъ. Раздутыя табачныя трубки расширяются у устья вставкою грушевидной калебассы, куда вводятся льняные шарики, предназначенные для поглощенія табачнаго сока и для послѣдующаго жеванія. И головки, и чубуки этихъ трубокъ имѣютъ массивный характеръ, какъ будто вредное удовольствіе, доставляемое ими, иначе не можетъ быть достаточно быстрымъ и полнымъ. Чубукъ часто бываетъ толщиною почти въ руку, а головка легко вмѣщаетъ въ себѣ $^1/_4$ ф. табаку. Работа ихъ обыкновенно грубая, и отдѣльныя части связываются кожей, съ помощью шва или обвязыванья бичевкой. Воспроизведенія человѣческихъ лицъ въ табачныхъ головкахъ, напротивъ, часто не лишены таланта (см. рис., стр. 283). Большіе глиняные горшки для зернового хлѣба и горшки меньшихъ размѣровъ для воды можно видѣть почти въ каждой хижинѣ. У мадіевъ большое число не употреблявшихся въ дѣло горшковъ и корзинокъ служитъ для украшенія хижинъ, а у южныхъ племенъ пиво изъ дурры сохраняется въ большихъ горшкахъ въ особыхъ хижинахъ.

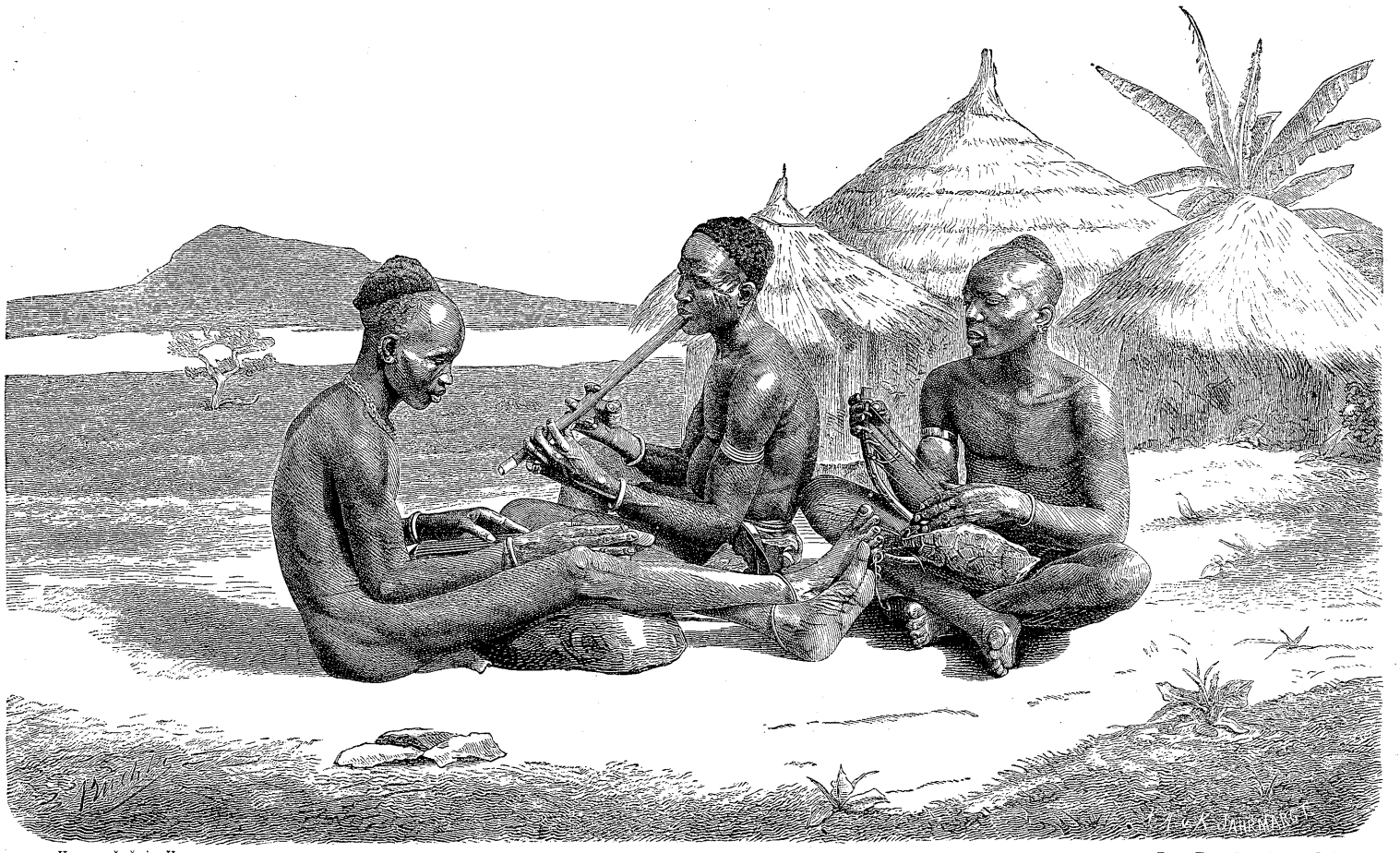
Изъ рѣзныхъ деревянныхъ вещей весьма изящны небольшіе стулья и скамейки для спанья, сдѣланные изъ одного куска дерева. Тамъ можно видѣть блюда и чашки изъ тяжелаго, твердаго дерева, преимущественно изъ Dalbergia; но въ этомъ искусствѣ сандехи и фертиты стоятъ выше, и подобныя блюда ихъ работы ввозятся къ бонгамъ. Тростниковыя кровати, съ шестью деревянными ножками, встрѣчаются уже у морусовъ (мадіевъ). Мы уже упоминали выше, что оживленный ввозъ оружія направляется съ запада, и этотъ обмѣнъ съ народами, живущими въ западномъ направленіи, является вдвойнѣ замѣчательнымъ, если принять во вниманіе гораздо меньшее число египетскихъ, абиссинскихъ и нубійскихъ элементовъ въ культурной сокровищницѣ племенъ верхняго Нила.

Начальникъ боровъ. (По рисунку съ натуры Рихарда Бухты.) Ср. текстъ, стр. 288.

Эти сношенія распространяются и на музыкальные инструменты (см. табл. „Шуліи музыканты“). Они разнообразнѣе на западѣ, чѣмъ на востокѣ. Особенная тщательность отдѣлки прилагается къ сигнальнымъ рогамъ для войны и колдовства. У мадіевъ они дѣлаются прямыми и покрываются кожей или шкурой ящерицы, а у латтуковъ — изъ слоновой кости, въ формѣ рога, съ гладкимъ духовымъ отверстіемъ, и тщательно покрываются чехломъ. Сигнальныя трубки, сдѣланныя изъ дерева и покрытыя мѣхомъ или кожей, встрѣчаются и у латтуковъ. Оркестръ, состоящій изъ дембовъ, который слышалъ Фелькинъ у одного египетскаго чиновника въ провинціи Бахръ эль Газаль, состоялъ изъ пяти человѣкъ, которые играли на тростниковыхъ дудкахъ, и двухъ мальчиковъ, которые въ тактъ встряхивали тыквами, наполненными бусами. Большіе и малые деревянные барабаны употребительны и въ области верхняго Нила; одинъ или нѣсколько громко звучащихъ барабановъ, которые вѣшаются передъ жилищемъ начальника или въ тѣни священнаго дерева деревни, внушаютъ къ себѣ извѣстнаго рода благоговѣніе.

О священныхъ мѣстахъ въ деревняхъ негровъ верхняго Нила мы говорили уже выше, такъ же, какъ и о могилахъ, внѣшніе знаки которыхъ показываютъ, что и эти народы не считаютъ прерванными вмѣстѣ со смертью и погребеніемъ всѣ отношенія къ умершему. Баріи погребаютъ своихъ мертвыхъ просто въ сидячемъ положеніи и дѣлаютъ высокія насыпи надъ могилами. У мадіевъ, напротивъ, ставятся въ правильномъ порядкѣ камни, напоминающіе дольмены берберовъ (см. рис., стр. 63). О человѣческихъ жертвахъ при погребеніи у шиллуковъ сообщаютъ наблюдатели прежняго времени. Широкое распространеніе имѣетъ вѣрованіе въ дождевые камни, которые можно найти и у вагумовъ: рѣдко попадающіеся или странные на видъ камни кладутъ въ воду, чтобы привлечь дождь.

Жизнь въ семьяхъ и общинахъ у этихъ народовъ мало представляетъ новаго; это — то же, что у негровъ, но съ прибавленіемъ высшихъ



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Негры-шуліи, играющіе на музыкальныхъ инструментахъ.

(Рисунокъ съ натуры Рихарда Бухты.)

формъ развитія, въ особенности въ положеніи женщины. Охота, производившаяся нубійцами на рабовъ, подѣйствовала такъ разрушительно на оба названныя учрежденія, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ ихъ здороваго состоянія, если у нихъ не появилось возврата полнаго беззаконія. У мадіевъ каждая деревня заключаетъ нѣсколько тѣсныхъ дружескихъ союзовъ, члены которыхъ живутъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, совершаютъ сообща свои трапезы, поддерживаютъ другъ друга въ обработкѣ земли и помогаютъ одинъ другому въ пріобрѣтеніи болѣе крупной частной собственности, такъ какъ обработка земли ведетъ къ обладанію ею. Племена распадаются на товарищества, которыя первоначально различались по числу камней, носимыхъ ими, хотя этихъ камней въ дѣйствительности не существуетъ. „Сколько камней ты носишь?“ — первый вопросъ при встрѣчѣ двухъ мадіевъ. Одинаковое число камней означаетъ, что они принадлежатъ къ одному товариществу. У шуліевъ, противоположно распространенному обычаю, женщины имѣютъ голосъ при выборѣ супруга и занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ у прочихъ сосѣднихъ племенъ, за исключеніемъ восточныхъ мадіевъ, латтуковъ, вагуговъ и въ особенности мангбаттовъ; у шиллуковъ мы находимъ слѣды наслѣдованія племянниками. У морусовъ экзогамія обязательна, и подобный же обычай господствуетъ у мадіевъ и шуліевъ. Среди домовъ деревни разсѣяны въ нѣсколькихъ мѣстахъ отдѣльныя постройки, возвышающіяся надъ землею, похожія на большія зернохранилища, гладко вымазанныя глиной, съ овальнымъ входнымъ отверстіемъ на передней сторонѣ; передъ ними стоитъ обыкновенно, для удобства входа, деревянная скамейка. Въ этихъ домахъ спятъ дѣвушки, приближаясь ко времени возмужалости, и къ нимъ безпрепятственно присоединяются всѣ мальчики такого же возраста. Если одна изъ дѣвушекъ сдѣлается беременной, то виновникъ этого обязанъ на ней жениться и уплатить ея отцу обычный выкупъ за невѣсту. Подобное же сообщаетъ Бёртонъ о народахъ, живущихъ къ югу отъ экватора. Если уже въ этомъ можно видѣть болѣе свободное положеніе женщины или дѣвушки, которая можетъ выбирать спутника жизни по своему вкусу, то у мадіевъ преимущество женщины выражается въ томъ, что ее никогда не бьютъ и даже совѣтуются съ ней. Когда мади получаетъ подарокъ, онъ не упускаетъ случая выпросить такой-же для своихъ женъ. Многоженство неограниченно, если только есть возможность покупать женъ; на женщинахъ лежитъ лишь домашняя работа, а обработка полей — на мужчинахъ и мальчикахъ. Бренъ-Ролле разсказываетъ объ южныхъ динкахъ, что когда вдова у нихъ дѣлается женою мужчины, который не въ состояніи заплатить за нее, дѣти, родившіяся отъ этого брака, носятъ имя умершаго супруга. Близкое родство, повидимому, не представляетъ препятствія къ браку, если главный рѣшающій вопросъ, имущественный, заставляетъ его желать. Правительница динковъ прежняго времени, которая управляла въ лабиринтѣ острововъ Мешра на Бахръ эль Газалѣ, о которой говоритъ Швейнфуртъ, хорошо разъяснила эти семейныя отношенія: она вышла за сына своего перваго мужа, который ничего не имѣлъ, между тѣмъ, какъ она владѣла богатствомъ въ видѣ скота, цѣпей, колецъ и проч., баснословнымъ для этихъ странъ. Но мужъ могъ только пользоваться имъ вмѣстѣ съ нею; она сама твердо держала это имущество въ своихъ рукахъ.

Обиліе дѣтей бываетъ обыкновенно значительнымъ, и отношенія между дѣтьми и родителями, даже у такого разсѣяннаго и тѣснимаго племени, какъ джуры, настолько хороши, что, если бы Швейнфуртъ не стоялъ выше подозрѣнія въ прикрасахъ, то его картина деревенской семейной жизни джуровъ могла-бы показаться идилліей, въ духѣ Сенъ-Пьерра или Форстера. Кромѣ того, Фелькинъ набросалъ для насъ благопріятную картину брачныхъ порядковъ мадіевъ. У этихъ послѣднихъ собираются

иногда всѣ члены семьи, до правнуковъ, причемъ глава ея, патріархъ, вспоминаетъ объ умершихъ и внушаетъ живымъ семейныя обязанности. Каждая семья джуровъ имѣетъ многочисленныхъ дѣтей. Морусы, у которыхъ Фелькинъ опредѣляетъ, въ среднемъ, число дѣтей равнымъ четыремъ, наблюдаютъ за цѣломудріемъ своихъ дѣвушекъ и наказываютъ нарушеніе брачной вѣрности.

Еще болѣе, чѣмъ семейная жизнь, терпитъ жизнь общины и племени отъ угнетенія, которое создавали одно за другимъ нубійскіе работорговцы, египетскіе чиновники и люди, повиновавшіеся Махди. Когда нубійцы грабили, бонги внѣдрялись насильственно или по принужденію среди динковъ; ихъ страна опустѣла, и племя разсѣялось. Джуры отказались повсюду отъ прочнаго землевладѣнія и обрабатывали землю сегодня здѣсь, завтра тамъ, смотря по тому, кто давалъ имъ мѣсто и обѣщалъ защиту; поэтому они сѣяли свои растенія въ странахъ, стоявшихъ внѣ хищническихъ походовъ, — обыкновенно на расчищенныхъ мѣстахъ въ густомъ лѣсу. Вблизи жилищъ они держали лишь маленькія поля и садики. Шиллуки (численность которыхъ, по Кауфману, еще въ 1861 г. доходила до полумилліона), бывшіе нѣкогда самымъ крупнымъ народомъ этихъ странъ, ежегодно теряли почву, отодвигались къ югу, утративъ свою столицу и свои священныя рощи. Динковъ Швейнфуртъ назвалъ въ заключеніе народомъ безъ начальниковъ и безъ границъ. Нубы были разорены махдистами, которымъ они сперва отваживались сопротивляться. Мадіи, шуліи и родственные имъ народы выказываютъ извѣстную демократическую черту въ большой личной независимости. Жрецы, устроители божьихъ судовъ и судьи, имѣютъ у нихъ почти такое же вліяніе, какъ начальники, которые и здѣсь, по возможности, соединяютъ въ себѣ всѣ эти функціи. Когда мы слышимъ, что одинъ изъ правителей мадіевъ Такъ-Фаррэ, котораго посѣтилъ Фелькинъ, имѣлъ подъ своей властью, кромѣ своего племени, еще 5 тыс. душъ, то мы удивляемся размѣрамъ этого государства; онъ правитъ только въ военное время и соединяется съ сосѣдями лишь въ виду опасностей, а также для искорененія вредныхъ звѣрей. Начальникъ племени Оббо, самаго сѣвернаго изъ племенъ шуліевъ, — старикъ, знаменитый колдунъ и вызыватель дождя, высоко цѣнимый, какъ могущественный чародѣй, всѣми пограничными племенами. Онъ играетъ на сдѣланной изъ рога антилопы свирѣли, которой приписывается сила вызыванія дождя. Старый начальникъ Катехиба имѣетъ 116 дѣтей въ живыхъ, и всѣ его деревни управляются его сыновьями. Когда онъ взимаетъ подать съ какого-нибудь округа, онъ всегда разъѣзжаетъ верхомъ на спинѣ человѣка въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. При этомъ одна изъ его женъ должна нести кружку пива, для освѣженія всадника и носильщиковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не платятъ дани, онъ околдовываетъ козъ и домашнихъ птицъ своихъ подданныхъ или угрожаетъ отвести отъ нихъ дождь.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Ножи, маска и циновка съ верхняго Конго.

Ножи: 1) батековъ; 2) съ средняго Конго; 3) бангаловъ; 4) изъ Ломами; 5) баянзіевъ; 6) бапотовъ; 7) употребит. на верхнемъ Конго; 8) бенеккіевъ (съ мѣдной насѣчкой); 9) лупунговъ; 10) бангаловъ; 11) бенеккіевъ. 1/7—1/8 наст. величины. 12) Маска бакубовъ. 1/10 наст. величины. 13) Циновка съ верхняго Конго. 1/10 наст. величины.

(1—7 и 10 коллекція Мензе, 8, 9, 11, 12 и 13 коллекція Висмана, въ Музеѣ народовѣдѣнія въ Берлинѣ.)

10. Народы внутренней Африки.

„Народы настоящаго сердца Африки."
Стэнли.

Содержаніе: Возрастаніе культуры внутрь материка. — Проникновеніе европейцевъ. — Границы и родственныя связи. — Типъ мангбаттовъ. — Роль Конго. — Этнографическіе признаки. — Сильные и слабые народы. — Внутреннія переселенія. — Сандехи, мангбатты. — Момфусы, бонги и др. — Народы Конго. — Народы Кассаи. — Татуировка и раскрашиванье. Уродованія. Украшенія. Матерія изъ коры. Оружіе. Луки. Метательные ножи и топоры. Щиты. Домъ и архитектурный стиль. Деревни. Земледѣліе. Пища. Охота. — Судовщики и рыболовы. Торговцы. Земноводные народы. — Кузнецы и другіе ремесленники. — Рабство и охота за людьми. Людоѣдство. Политическая раздробленность.

Первое впечатлѣніе, какое производили народы „средины Африки", открытые лишь немного лѣтъ назадъ, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: отсутствіе существенныхъ физическихъ отличій отъ прочихъ негровъ (хотя въ отдаленныхъ областяхъ встрѣчаются болѣе свѣтлыя фигуры болѣе благороднаго образованія, а въ другихъ — бушменообразные, малорослые люди), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно значительныя особенности въ этнографическомъ отношеніи и въ языкахъ. По всему широкому протяженію между водораздѣломъ Замбези и Нила, мы видимъ преобладаніе земледѣлія, мѣстами плотное населеніе и распространеніе въ разсѣянномъ видѣ малорослыхъ, охотничьихъ народовъ. Людоѣдство широко распространено. Въ желѣзныхъ и деревянныхъ работахъ и въ кораблестроеніи замѣчается уже достаточно искусства, а въ постройкѣ хижинъ четвероугольная основная форма замѣняетъ круглую. Повсюду, гдѣ путешественники проникали съ периферіи въ центръ Африки, они прежде всего испытывали отчетливое впечатлѣніе того, что они вступаютъ въ кругъ высшей культуры. Швейнфуртъ испыталъ это впечатлѣніе, знакомясь съ сандехами, бонгами и, еще болѣе, съ мангбаттами, такъ же, какъ впослѣдствіи путешественники по Конго, когда они достигли, какъ Бухнеръ, батекеховъ, когда онъ коснулся сѣверной границы царства Лунды, или какъ Висманъ, когда онъ проникъ въ область Кассаи. Всѣ они могли сказать: „мы съ радостью отмѣчаемъ, что здѣсь, куда никогда еще не проникало свѣдѣніе о существованіи бѣлаго человѣка, мы нашли народъ, культура котораго стояла выше всѣхъ негрскихъ племенъ, о какихъ мы до сихъ поръ слышали или читали" (Висманъ). На Кассаи Вольфъ видѣлъ въ „тщательно сдѣланномъ лукѣ, въ стрѣлахъ, украшенныхъ съ большимъ вкусомъ перьями, въ гладкихъ, какъ зеркало, чеканныхъ наконечникахъ копій выше человѣческаго роста, въ искусно выкованныхъ кинжалообразныхъ ножахъ, которые висѣли безъ ноженъ сзади на поясномъ шнуркѣ съ правой стороны", доказательства высокой внутренне-африканской культурной ступени, которая, не подвергаясь вліянію торговыхъ посредниковъ, не утратила еще своей первобытности. Копья и ножи, выложенные красной или желтой мѣдью, служившіе болѣе знаками достоинства, чѣмъ оружіемъ, которые носили лукенги, свойственны этой области, близкой съ страною мѣди, Катангой. Подобную же законченность, въ особенности желѣзныхъ издѣлій, Вернеръ встрѣтилъ въ 1886 г. у народовъ на Арувими, передъ самымъ началомъ арабскихъ опустошеній: „они выказываютъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ высшую умственную способность, чѣмъ какое-бы то ни было изъ другихъ племенъ Конго." Далѣе къ югу Франсуа отзывался съ такой-же похвалой о нголахъ. Въ особенности вызываетъ удивленіе цѣлесообразное, изящное изготовленіе желѣзнаго оружія (см. табл. „Ножи, маски и циновки верхняго Конго"); въ одномъ засѣданіи Лондонскаго географическаго общества они были

поставлены на одномъ уровнѣ съ произведеніями Шеффильдскихъ мастерскихъ. Но это служитъ только знакомъ разнообразно выражающейся технической умѣлости. Такъ, въ полосѣ, шириною почти въ 200 миль, отъ 5° с. ш. до 5° ю. ш., встрѣчаются многіе народы съ выдающейся матеріальной культурой, которые до арабскаго вторженія выказывали и политическую сплоченность, порукою которой могутъ служить для насъ мангбатты и бакубы. Выраженіе, какимъ Стэнли, въ своей книгѣ о Конго, назвалъ этотъ широкій, ровный, хорошо орошенный лѣсистый уступъ между береговымъ возвышеніемъ и горнымъ хребтомъ, а именно — „настоящее сердце Африки", можетъ быть принято и въ этнографическомъ смыслѣ, такъ какъ мы здѣсь находимся на одинаковомъ отдаленіи отъ арабскихъ и европейскихъ вліяній восточнаго и западнаго берега, хотя, впрочемъ, и въ такомъ-же разстояніи отъ нѣкогда воображаемой „первичной цивилизаціи" (Рюппель) негровъ.

Только разысканіе пути по Конго (1876—77 г.) и примыкающія къ нему открытія нѣмцевъ въ южномъ, а французовъ и бельгійцевъ — въ сѣверномъ бассейнѣ Конго, проложили черезъ области этихъ народовъ пути сообщенія, по которымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро двинулись арабы, тогда только что начинавшіе выдвигать изъ Ньянгве свои форпосты къ западу и къ сѣверу. И европейское вліяніе съ Западнаго берега въ это время было еще только поверхностнымъ и проникало лишь въ узкую полосу, въ область, давно и спокойно развивавшуюся. У начальника Рубанги, выше водопадовъ Стэнли, Стэнли съ радостью услыхалъ наконецъ названіе, какое это рѣка носитъ у европейцевъ, а у туземцевъ въ нижнемъ теченіи, — Ikutu ya Kongo; тамъ четыре старыхъ португальскихъ мушкета, первые, которые онъ, начиная отъ Ньянгве, видѣлъ въ рукахъ туземцевъ, обозначали границу европейскаго вліянія. Когда черезъ десять лѣтъ послѣ того экспедиція Висмана вблизи впаденія Куанго въ Кассаи нашла европейскія ткани и, со времени оставленія области балубовъ, — первое огнестрѣльное оружіе, она опять достигла границы, которая была покинута ею на 4 градуса долготы далѣе къ востоку. Выше Стэнли-Пуля появилась занесенная съ морского берега песчаная блоха. Но здѣсь путешественники перешли въ область высшаго развитія своеобразнаго искусства и техники туземцевъ. Въ настоящее время объ этой области нетронутыхъ народовъ нельзя уже говорить, какъ о цѣломъ. Она стѣснена со всѣхъ сторонъ, и ея могучія рѣки предназначены сдѣлаться вскорѣ простыми путями сообщенія. Какая-то сила природы двигаетъ обладателя огнестрѣльнаго оружія къ тѣмъ областямъ, гдѣ жители, вооруженные лукомъ, а также неорганизованные носители копій легко могутъ быть покорены. Каламба, правитель балубовъ, наложилъ запретъ на старинное оружіе и заставилъ уничтожить его, чтобы принудить своихъ подданныхъ возможно скорѣе завести огнестрѣльное оружіе. То, что въ 1874 г. Ленцъ писалъ изъ страны Оканде: „ружья и порохъ здѣсь въ Африкѣ имѣли болѣе успѣха, чѣмъ путешественники, и я почти съ увѣренностью могу сказать, что, направляясь изъ Оканде въ сѣверо-восточномъ направленіи, можно повсюду встрѣтить племена, имѣющія огнестрѣльное оружіе, до самой Нильской области", исполнилось 18 лѣтъ спустя: тогда Дыбовскій нашелъ ввезенныя, вѣроятно, изъ Вадаи пистонныя ружья уже близъ Уадды, на верхнемъ Убанги.

Если мы взглянемъ на крупныя черты распредѣленія народовъ во внутренней Африкѣ, то найдемъ на сѣверо-востокѣ впервые обособленную въ лингвистическомъ отношеніи группу мангбаттовъ, сандеховъ, бармбовъ, мадіевъ, майго-мундусовъ, креджей и головъ, которыхъ Ф. Мюллеръ объединяетъ какъ экваторіальное семейство языковъ. Эта группа должна была глубже вдаваться къ западу, въ область Убанги, чѣмъ мы это знаемъ о ней въ настоящее время; Юнкеръ слышалъ сандехскій языкъ у бандійевъ, которымъ родственны сакары на Мбому. Къ нимъ на юго-востокѣ примыкаютъ племена верхняго Нила, которыя, вмѣстѣ съ высе-

лившимися на западъ представителями семейства вагумовъ, достигаютъ до экватора. Все, что обитаетъ къ западу и къ югу отсюда, принадлежитъ въ лингвистическомъ отношеніи къ семейству Банту, но раздѣлено расой и культурнымъ достояніемъ на нѣсколько глубоко раздробленныхъ группъ, разсѣянные мелкіе охотничьи народы которыхъ мы разсмотрѣли уже выше, въ I томѣ. Европейскія вліянія дѣйствовали здѣсь съ Западнаго берега, а суданскія — съ сѣвера. Помимо нихъ и, вѣроятно, задолго до нихъ, на основѣ естественныхъ отношеній, большихъ внутреннихъ переселеній и замѣтнаго повсюду въ Африкѣ контраста спокойно развивающихся и воинственныхъ неспокойныхъ народовъ, выработались значительныя этнографическія различія.

Сандехъ. (По рисунку съ натуры Рихарда Бухты.)
Ср. текстъ, стр. 299 и 310.

Бо́льшая часть внутренней Африки есть лѣсная страна, темно-зеленые оазисы въ болѣе свѣтлой, желтой области саваннъ. Тропическій первобытный лѣсъ идетъ отъ западнаго склона восточно-африканскаго плоскогорія до устья Убанги, отъ Нильскаго водораздѣла до Ньянгве и до 5° ю. ш. Передовые выступы его мы встрѣчаемъ уже на Западномъ берегу, напримѣръ, въ Камерунской области; но лѣсъ прерывается менѣе обширными прогалинами, и болѣе обширными саваннами. Ни одна изъ чертъ внутренне-африканскаго ландшафта не имѣетъ такого значенія. Лѣсъ и саванны — особыя культурныя области, но ихъ разъединяющее дѣйствіе идетъ далѣе этихъ предѣловъ. Лѣсъ на обширныхъ протяженіяхъ вовсе необитаемъ, а въ другихъ скрываетъ въ себѣ малорослые народцы. Въ Камерунѣ, на границѣ между тѣми и другими, проходитъ большая пограничная линія языковъ негровъ Банту и негровъ Судана. Обитатели лѣса, силою обстоятельствъ своей жизни и мѣстообитанія, сдѣлались самостоятельнымъ населеніемъ, выказывающимъ много сходнаго между собою. Штульманъ говоритъ о „первобытно-лѣсномъ типѣ негровъ“, который, напримѣръ, ясно выражается въ отличіи болѣе темныхъ и менѣе одѣтыхъ лѣсныхъ ва́вировъ отъ ихъ сосѣдей въ травянистой странѣ. Расовое различіе лѣсныхъ негровъ и лѣсныхъ пигмеевъ не исключаетъ значительныхъ этнографическихъ совпаденій. Впрочемъ, эти группы не остались безъ смѣшенія, отъ котораго, быть можетъ, исходятъ полумалорослые и полусвѣтлые лѣсные негры, какъ, напримѣръ, момфусы. Тамъ, гдѣ лѣсные негры встрѣчаются съ степными неграми, тотчасъ-же обозначается глубокое различіе, которое не изглаживается переходами между народами, живущими въ обѣихъ областяхъ, каковы вакіи или вамбубы. Лѣсные негры менѣе одѣты, но обильнѣе украшены; здѣсь особенно часты просверливанія губъ и желѣзныя украшенія (шейное кольцо, см. рис., стр. 310); татуировка встрѣчается рѣже. Хижины ихъ имѣютъ круглую форму и стоятъ

всегда группами, по возможности, на возвышенныхъ прогалинахъ. Въ сыромъ лѣсу бананы и маисъ растутъ въ теченіе цѣлаго года; поэтому житницы тамъ не нужны; и нѣтъ надобности въ запасахъ. Покидая лѣсъ, мы оказываемся тотчасъ-же въ прекрасныхъ поляхъ травянистой страны. Въ видѣ оружія, мы находимъ тамъ короткій лукъ, по большей части, съ ротанговой тетивой, ядовитыя стрѣлы въ плетеномъ колчанѣ, кожаный панцырь, поясъ изъ шкуръ и тростниковый щитъ. Рогатаго скота тамъ нѣтъ, а козы часто попадаются въ большомъ числѣ; многія племена откармливаютъ собакъ для убоя. Людоѣдство употребительно въ различныхъ степеняхъ, и лишь съ большой осторожностью можно допустить предположеніе, что его вовсе нѣтъ у нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ, какъ, напримѣръ, у маньемовъ. Обрѣзаніе шире распространено у лѣсныхъ народовъ, чѣмъ у ихъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей; лѣсные ва́вири примѣняютъ, а ихъ восточные

Ва́виры: 1) Кожаная подушка, предохраняющая руку при натягиваніи тетивы лука. Около 1/3 наст. велич.; 2) губное украшеніе изъ дерева, усаженное раковинными бусами. 4/5 наст. велич. То и другое употребляются и другими лѣсными неграми. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 302, 306, 312 и 315.

вѣтви въ степной странѣ отвергаютъ его. Но существуютъ и исключенія; въ особенности, о пигмеяхъ можно сказать, что они лишь отчасти пользуются имъ. Столь-же широко распространено заостреніе, посредствомъ подпиливанія, всѣхъ рѣзцовъ, но у маньемовъ, вакусовъ и др. оно ограничивается промежуткомъ между средними верхними рѣзцами. Болѣе крупныя государственныя образованія останавливаются также на краю лѣса. Тамъ каждая деревня есть сама по себѣ цѣлый міръ. Насколько тяжелый, сырой воздухъ лѣса дѣйствуетъ на человѣческій организмъ, мы съ опредѣленностью сказать не можемъ. Зобы у лѣсныхъ негровъ, повидимому, встрѣчаются особенно часто. Европеецъ, во всякомъ случаѣ, вздыхаетъ свободнѣе, когда онъ вступаетъ опять въ открытую степь.

Если мы попытаемся провести границу для этихъ народовъ, то на востокѣ естественнымъ предѣломъ ихъ несомнѣнно является бассейнъ Конго. Находясь всего ближе къ старинной области вліянія арабовъ, эта граница, конечно, изгладилась всего ранѣе; но мы помѣщаемъ маньемовъ въ эту область и прослѣдимъ по сѣверо-западному направленію водораздѣлъ Нила и Конго,

на краю плоскогорья большихъ озеръ, между тѣмъ, какъ на юго-востокѣ мы должны остановиться на Луалабѣ. Въ области Конго границу образуетъ приблизительно 18° в. д. отъ Гринвича или точка пересѣченія Конго съ экваторомъ; тамъ живутъ до 30° народы, этнографическій типъ которыхъ впервые намъ сталъ извѣстенъ изъ описанія Швейнфурта мангбаттовъ и сандеховъ. Отпрыски ихъ идутъ по Конго до Стэнли-Пуля, но къ сѣверу отъ Конго заходятъ еще далѣе къ западу. Уже отъ восточнаго изгиба Убанги, почти на 4° с. ш., живутъ, въ богатой пастбищами странѣ, народы съ прекрасными стадами рогатаго скота, въ четвероугольныхъ домахъ, окруженныхъ маисовыми и банановыми полями; они стригутъ волосы, оставляя только пучекъ на затылкѣ, не татуируютъ себѣ лица, носятъ не болѣе одного кольца въ носу и вообще мало украшаютъ себя.

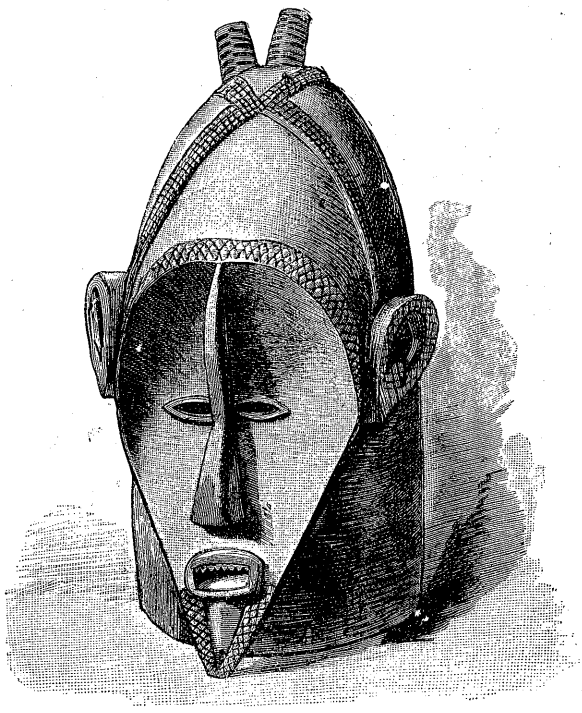
Панцырь ва́вировъ, изъ двойной буйволовой шкуры. Употребляется и другими лѣсными неграми. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/5 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 306.

И эта внутренняя область была тѣснима хамитическими и нильскими народами отъ сѣвера къ югу. Изъ мѣстностей, лежащихъ около озера Альберта, происходили переселенія (ср. стр. 268). Вслѣдствіе того, въ этой области, между верхнимъ Ниломъ и озерами, служащими его истоками, возникали замѣчательныя переходныя отношенія, выраженія которыхъ мы можемъ найти въ лурахъ и лендусахъ. Луры, ближайшіе родственники шули-шиллуковъ (ср. выше стр. 269), вышли изъ страны Боки, у сѣверной оконечности озера Альберта, два поколѣнія тому назадъ, и медленно передвинулись къ юго-западу; но они сохранили связь съ своей родиной, лежащей на одинъ градусъ восточнѣе. Нравы, вродѣ выбиванія нижнихъ рѣзцовъ, передники изъ проволочныхъ колецъ, желѣзное головное украшеніе, корзиночки, носимыя ва̀вирами на лобной повязкѣ, круглыя вверху и четвероугольныя внизу, достигли этимъ путемъ области верхняго Конго. Бо̀льшею массою, нѣсколькими волнами проникли къ югу и западу вагумы и распространили свою власть, свое скотоводство и обычаи до Урунди и Руанды (ср. стр. 187 и слѣд. и 268). Наоборотъ, ва̀виры проникли въ Ундусуму и въ сосѣднія области съ запада и вытѣснили въ горы ленду-валегговъ. Затѣмъ пришли съ востока ваньоры и покорили страну. Кромѣ того, ва̀виры, повидимому, смѣшались съ ваграндами, такъ какъ отказались отъ обрѣзанія, просверливанія губъ и мн. др.

Когда прежде допускали распространеніе признаковъ свѣтлыхъ народовъ на верхнемъ Нилѣ къ западу, можно было указать только на появленіе отдѣльныхъ сходныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, метательныхъ ножей фановъ Западнаго берега, хижинъ прямоугольнаго очертанія, и затѣмъ, въ области Камеруна и по всей линіи отъ морского берега до Луалабы, физическія сходства, которыя уже Барта заставляли допускать восточное происхожденіе феллаховъ, а Швейнфурта—предполагать у мангбаттовъ берберо-негроидную

примѣсь. Больше всего они напоминаютъ мусгусовъ южнаго Борну, подобно которымъ они меньше обезображиваютъ свое тѣло и раздѣляютъ съ ними способъ постройки домовъ и житницъ, родъ оружія и способъ погребенія. На распространеніе мангбаттовъ по Арувими указываютъ также имена рѣкъ, какъ, напримѣръ, Нѣвоа и Новелле; Штульманъ полагалъ, что онъ встрѣтилъ мангбаттовъ и на рѣкѣ Линдэ.

У народовъ водораздѣла Убанги и Шари мы находимъ метательные ножи, плетеные изъ тростника щиты, лютни, съ лукообразной шейкой, и многое другое, что̀ мы видимъ у мангбаттовъ и сандеховъ. Множество болѣе мелкихъ совпаденій обнаруживаетъ болѣе близкое знакомство съ народами экваторіальнаго Конго: вырываніе рѣсницъ и бровей у бангаловъ (см. стр. 304 и 310) и дуалловъ и барабанный языкъ (см. т. I, стр. 36), распространенный отъ Нила до Камеруна, обычай женщинъ во время траура снимать съ себя одежду, прикрываясь только спереди вѣткой, или даже замѣчаніе фанъ Геле, напоминающее о превосходныхъ сандехскихъ солдатахъ, что страна Ба-Ати представляетъ округъ, особенно удобный для набора рекрутъ.



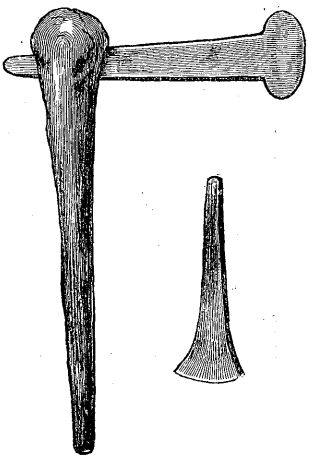
Деревянная маска вадумбовъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/5 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 327.

Первоначально эти признаки, несомнѣнно, во многихъ мѣстахъ доходили до берега западной Африки, къ югу отъ Нигера. Въ старинныхъ сообщеніяхъ мѣстами встрѣчаются замѣчательныя указанія. Маленькій, обвитый кожею ящерицы лукъ анциковъ, появившійся въ началѣ XVI-го в. на нижнемъ Конго, въ настоящее время встрѣчается только въ лѣсахъ области верхняго Конго. Прическа женщинъ ишоговъ была во времена Дю-Шалью совершенно такою-же, какую нашелъ Швейнфуртъ у мужчинъ мангбаттовъ. Щиты того и другого народа, въ сущности, также одинаковы. Давно уже дѣйствующее европейское вліяніе создало, однако, на Западномъ берегу болѣе или менѣе широкую полосу, которая все болѣе и болѣе отличалась отъ своеобразности внутренней области. Вообще, это сліяніе на западномъ и восточномъ крылѣ, вслѣдствіе давленія, оказываемаго суданцами отъ Бенуэ и Нила, оттѣснено назадъ, но оно доходитъ въ направленіи къ южному Борну и южному Багирми до 10° с. ш.; прибавимъ, что даръ-банды Нахтигаля походятъ на сандеховъ. Оно стало болѣе ограниченнымъ только въ послѣдніе годы отъ вторженія вадайцевъ съ сѣвера, которыхъ Крампель встрѣтилъ въ 1891 г. подъ 7° с. ш.

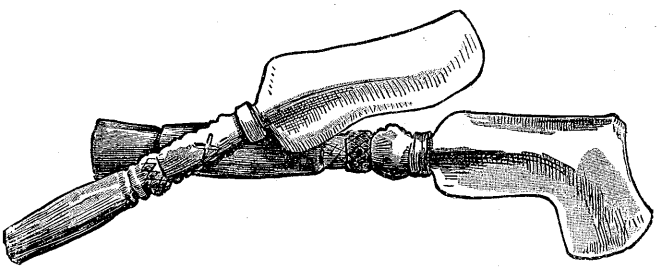
Въ этой области, обитателей которой мы можемъ отличить этнографически обозначеніемъ „типа Мангбатту“, проходитъ широкая полоса другихъ народовъ съ юго-запада къ югу, типъ Лунда. Онъ останавливается вообще у 5° ю. ш. Въ техническомъ отношеніи онъ является отсталымъ и цѣлымъ рядомъ признаковъ, въ вооруженіи, способѣ постройки и др., напоминаетъ болѣе южную и восточную Африку. Эти названія, имѣющія

только временное значеніе, мы намѣренно примѣняемъ лишь въ границахъ бассейна Конго, хотя эти типы выступаютъ за предѣлы его. Не всѣ обитатели Конго и Арувими принадлежатъ къ типу Мангбатту, но оживленная торговля распространяетъ произведенія его техники.

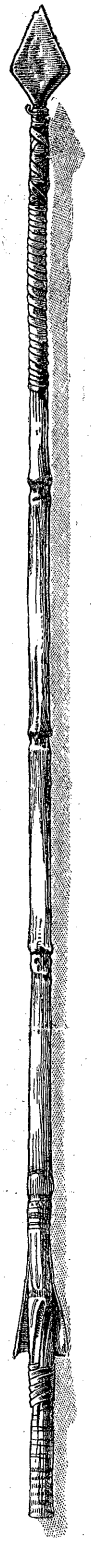
Могучая рѣка и ея мощные притоки играютъ въ жизни народовъ роль, соотвѣтственную своей величинѣ. Можно подумать, что эта водяная сѣть разлагаетъ страну на острова, которые, подобно океаническимъ островамъ, по краямъ полны жизни и движенія, между тѣмъ, какъ покрытая лѣсами внутренняя часть ихъ имѣетъ рѣдкое населеніе и является родиной мелкихъ, жалкихъ, зависимыхъ племенъ. Большія деревни и группы деревень лежатъ всѣ у края воды или даже стоятъ на сваяхъ въ водѣ. Свайныя постройки можно найти на сѣверныхъ и южныхъ притокахъ Конго; Сангу они перегораживаютъ настолько, что остается лишь проходъ шириною въ 12 метр. Водяное сообщеніе весьма значительно и оказываетъ глубокое вліяніе на жизнь народовъ. Появленіе бѣлыхъ и ихъ товаровъ поддержало лишь прежнее движеніе къ рѣчнымъ берегамъ, а также и къ морю. Годистеръ былъ свидѣтелемъ снаряженія около 5 тыс. судовъ въ области папуріевъ. Такъ же, какъ въ политическомъ, эта область и въ этнографическомъ отношеніи нуждается въ сплоченности, въ объединеніи. Юнкеръ о конгломератѣ народовъ области макараковъ говоритъ, что едва ли можно найти въ Африкѣ нѣчто подобное въ такой относительно ограниченной области: онъ называетъ это „пестрой смѣсью обломковъ различныхъ народностей, которые находились во враждебномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ до того времени, когда въ странѣ появились первые торговцы слоновой костью и невольниками, что́, съ другой стороны, облегчило возможность магометанскимъ пришельцамъ стать здѣсь твердою ногою и заставить туземцевъ служить себѣ“. Но внутренняя Африка выказываетъ и на западѣ такое же пестрое смѣшеніе. Лигги, фадьелусы, абукайи, абаки (см. рис., стр. 23), мундусы (см. рис., стр. 84), морусы (см. рис., стр. 274) и какуаки принадлежатъ къ этимъ „включеніямъ“ (см. стр. 274 и 302). Ихъ раздробленіе есть вообще не только историческій фактъ, но нѣчто постоянно совершающееся. Оно обозначаетъ путь, по которому движеніе идетъ безпрерывно, хотя бы и къ гибели. При движеніи торговли впередъ, основанія центровъ для складовъ и обмѣна слоновой кости и рабовъ и все болѣе и болѣе мирное настроеніе повели къ тому, что границы областей постепенно сгладились, и народы еще болѣе смѣшались между собою. Позднѣе вблизи правительственныхъ станцій образовались колоніи почти всѣхъ упомянутыхъ племенъ. Даже баріи и ньямбары (ср. выше, стр. 274) примыкали въ голодные годы къ возвращавшимся отрядамъ носильщиковъ въ Ладо́ или Ньямбару или были пере-



Топоръ и долото вадумбовъ (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 306 и 316.



Рѣзакъ вамбубовъ (употребляемый также пигмеями). 1/4 наст. велич. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 306.



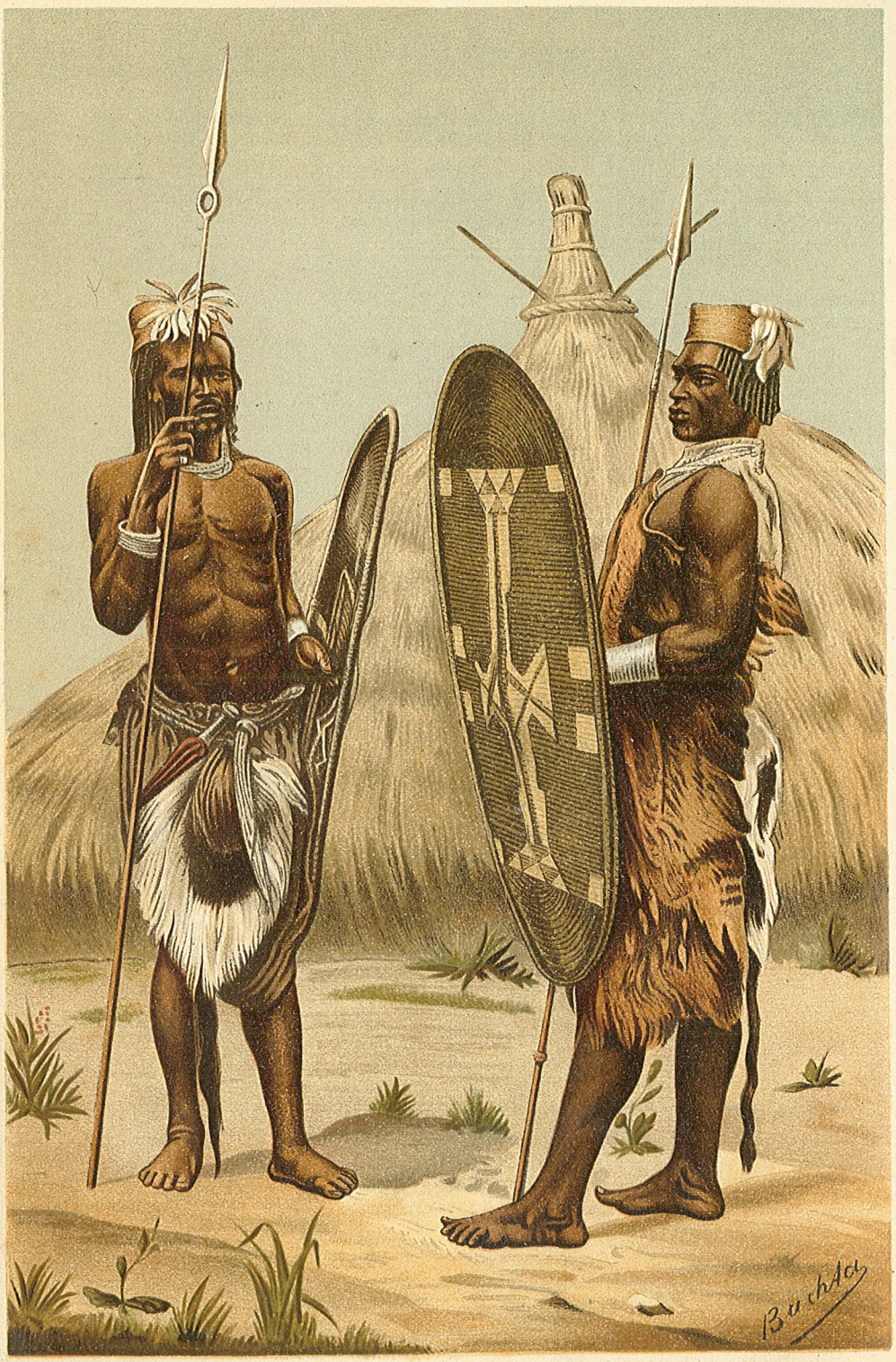
Стрѣла валлеговъ, съ кожанымъ опереніемъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 306.

селяемы чиновниками съ цѣлями колонизаціи. Вслѣдствіе того, мозаика народовъ стала еще пестрѣе.

Подобное явленіе, какое мы встрѣчаемъ на всемъ протяженіи страны Конго, вызвало вначалѣ далеко расходящіяся между собой мнѣнія о жителяхъ этой страны. Кромѣ малорослыхъ людей, которые всего болѣе заслуживаютъ наименованія пигмеевъ, въ области Конго существуютъ еще слабые, худощавые, невзрачные на взглядъ люди, значительно отличающіеся отъ болѣе свѣтлыхъ, горделивыхъ расъ. Всѣ обитатели свайныхъ построекъ, не занимающіеся ни охотой, ни земледѣліемъ, а питающіеся только кореньями и рыбой, дурно помѣщены и дурно питаются. Они одинаковы, какъ на Монгалѣ, такъ и на Чуапѣ. Съ ними сходны рыболовы, обитающіе на мелкихъ островахъ, въ болотистой Ріанцѣ, между Конго и Ломами. Маленькіе бородатые бакои (бакоа) стоятъ всего ближе къ батуямъ (батуа). Сюда же принадлежатъ, напримѣръ, обитатели нижней Монгалы; имъ противополагаются похожіе на бронзовыя статуи обитатели верхней части рѣки, начиная отъ Моньямбули, которые свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, тонкими губами, орлинымъ носомъ и манерой свободно держать себя производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто мы очутились „непосредственно передъ совершенно новымъ типомъ“. Это — по физическому строенію и нравамъ, типъ сандеховъ (см. стр. 299 и рис., стр. 291). Здѣсь можно припомнить и поразительно многочисленныхъ альбиносообразныхъ мангбаттовъ Швейнфурта.

Фактъ такого смѣшенія разнообразныхъ народовъ обыченъ въ негрской Африкѣ; но историческія сообщенія о большихъ народныхъ движеніяхъ указываютъ именно на эту страну и этимъ обѣщаютъ намъ ключъ, который откроетъ ее. Когда въ 1490 г. португальское посольство прибыло къ королю области нижняго Конго, изнутри страны пришло ужасающее извѣстіе о нашествіи большого, воинственнаго народа, называвшагося Мундекете, жившаго на озерахъ, откуда вытекаетъ Конго. Тогда Мани Конго крестился съ тысячами своихъ подданныхъ, выступилъ противъ пришельцевъ и разбилъ ихъ. Затѣмъ онъ отпразилъ португальцевъ, въ сопровожденіи туземцевъ, внутрь страны, и тѣ, вѣроятно, открыли озера въ области верхняго Конго. Кромѣ мундекетовъ, къ этимъ непріятелямъ прилагается также имя джагговъ; этимъ же словомъ юго-восточные кафры обозначаютъ солдатъ или отряды молодыхъ людей. По описаніямъ того времени они — людоѣды, приносятъ въ жертву дѣтей, бальзамируютъ своихъ мертвецовъ, хоронятъ вмѣстѣ съ умершими мужьями женъ, оставшихся въ живыхъ, подпили ваютъ себѣ зубы остріями и пр. Подобно зулусамъ и амтабелямъ нашего времени, они принимали молодыхъ людей изъ числа побѣжденныхъ въ свои ряды и этимъ поддерживали свою силу. Повидимому, они впослѣдствіи не появлялись уже болѣе на Конго, но тѣснили другіе народы изнутри. Это было, впрочемъ, не послѣднее изъ движеній, съ которыми этимъ народамъ послѣдовательно пришлось встрѣтиться и которыя проникли въ нихъ, раздробивъ ихъ столь замѣчательнымъ образомъ. Буквально повсюду, за исключеніемъ лишь болѣе отдаленныхъ лѣсовъ, принадлежащихъ мелкимъ охотничьимъ народамъ, мы нападаемъ на слѣды подобныхъ, отчасти болѣе мирныхъ передвиженій.

Повсюду мы видимъ ту же противоположность народовъ, жившихъ тамъ раньше и пришедшихъ вновь. На экваторіальномъ Конго разсказываютъ о мобекахъ, что они нѣкогда жили



ВОИНЫ НЬЯМЪ-НЬЯМОВЪ.

(Рис. съ натуры Рихарда Бухты.)

хами, пришедшими съ сѣвера и запада, проникли въ ихъ область. Подобно тому, и мангбатты вспоминаютъ, что они пришли съ сѣверо-запада и жили нѣкоторое время по ту сторону Кибали, прежде чѣмъ подвинулись къ югу и къ востоку и натолкнулись на пришедшихъ съ запада сандеховъ. Въ лѣсной области сказанія о западномъ и южномъ происхожденіи распространены въ поразительной степени; Штульманъ предполагаетъ здѣсь большое, непрерывное движеніе людей съ юга. И эти перемѣщенія продолжаются еще на нашихъ глазахъ. Къ бонгамъ подвинулись тѣ части шиллуковъ, какихъ мы знаемъ подъ именемъ джуровъ; среди самихъ бонговъ охота за невольниками произвела такія похищенія, что Швейнфуртъ лѣтъ около двадцати тому назадъ писалъ: „во всѣхъ мусульманскихъ странахъ можно встрѣтить въ это время еще многихъ бонговъ среди домашнихъ рабовъ знатныхъ лицъ“. Съ другой стороны, во время опустошеній арабовъ, сила сандеховъ увеличивалась переселеніемъ бѣглыхъ миттовъ и другихъ племенъ; ихъ начальникъ Мбіо могъ въ концѣ 70-хъ годовъ достигнуть значительной власти. Но вскорѣ хозяева этой страны, египтяне, убѣдились, что сандехи доставляютъ превосходныхъ солдатъ, и большая часть ихъ была перемѣщена въ бараки на Нилѣ, гдѣ, вслѣдствіе того, возникли новыя колоніи свѣтлыхъ негровъ.

*

Подъ 4—6° с. ш., въ области истоковъ рѣки Газелей и водораздѣла между нею и водами, текущими къ западу и къ югу, къ Конго, живетъ свѣтлокожій народъ сандехи или асандехи, которыхъ нубійцы называютъ ньямъ-ньямами; повидимому, онъ находится скорѣе въ родственныхъ отношеніяхъ съ свѣтлыми народами восточной Африки, чѣмъ съ своими темными сосѣдями. Непосредственно передъ тѣмъ временемъ, когда его посѣтили первые европейцы, онъ распространился къ сѣверу, покорилъ или оттѣснилъ негрскія племена, съ которыми встрѣтился, и окружилъ себя кольцомъ родственныхъ народовъ, болѣе смѣшанныхъ съ неграми, каковы креджи и бонги. Настоящіе сандехи живутъ то плотнѣе, то болѣе разсѣянно, на пространствѣ пяти градусовъ широты, отъ Макараки до Багбиннэ, отдаленнаго пункта, достигнутаго Юнкеромъ на Уэлле, и еще южнѣе за этой рѣкой.

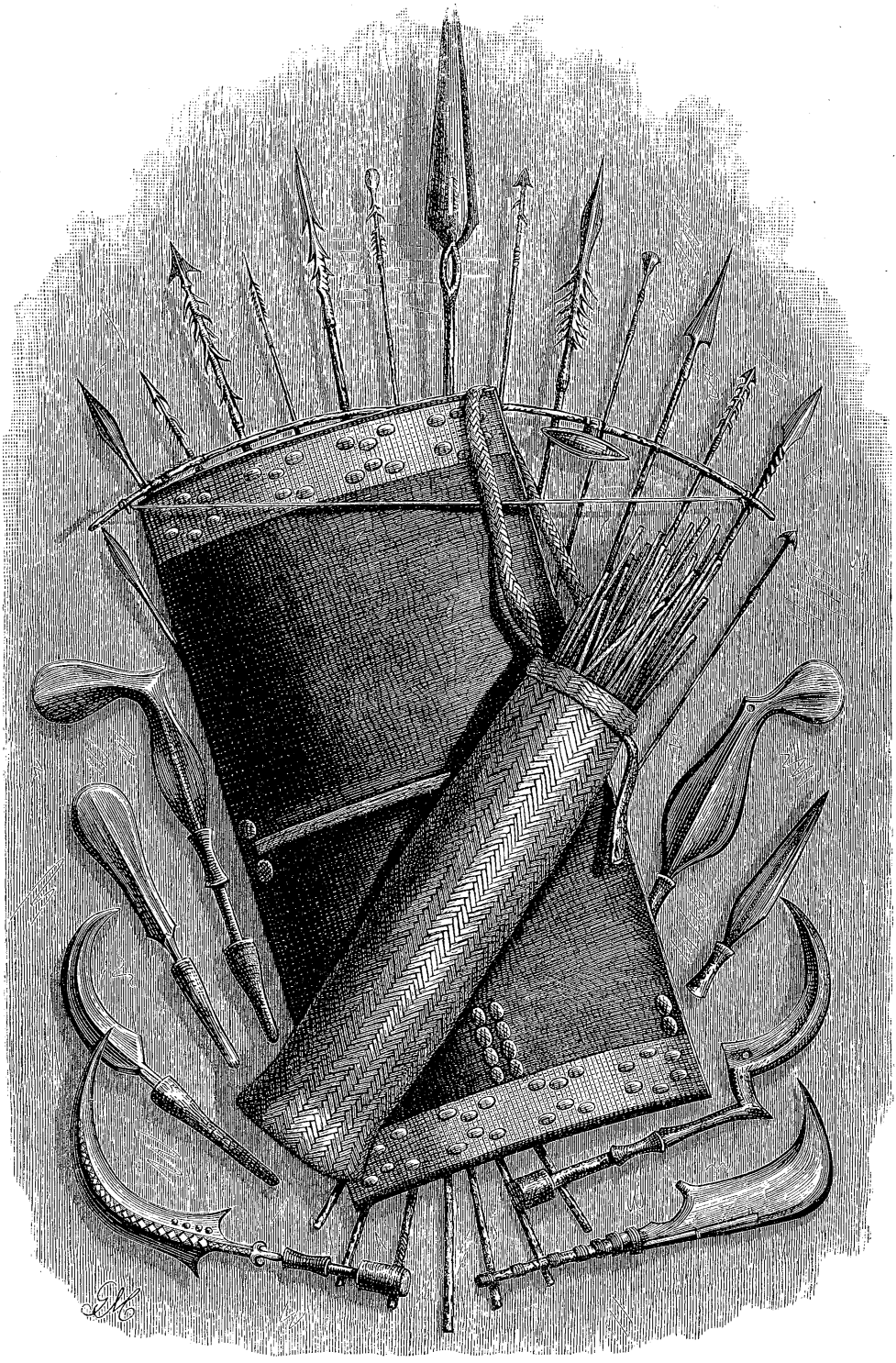
Мужчины и женщины этой народной группы сильны, но не такъ рослы, какъ окружающія ихъ племена. Самый высокій ростъ, измѣренный Швейнфуртомъ у ньямъ-ньямовъ, равнялся 1,8 метр., а Фелькинъ даетъ для бонговъ среднюю мѣру въ 1,76 метр. Часто встрѣчающіеся толстые животы у ньямъ-ньямовъ представляютъ поразительный контрастъ съ худощавыми динками. Волосы растутъ у нихъ съ большой силою; косички и косы, свѣшивающіяся ниже плечъ и до средины живота, покрываютъ круглую, широкую голову. Величина и открытый разрѣзъ миндалевидныхъ, нѣсколько косо поставленныхъ глазъ, отѣненныхъ толстыми, рѣзко очерченными бровями, далеко разставленныхъ одинъ отъ другого, сообщаютъ выраженію лица дикость, рѣшительность и открытость. Полныя губы усиливаютъ массивность всего строенія лица. Цвѣтъ кожи свѣтлый, болѣе красноватый, чѣмъ бронзовый (см. табл. „Воины ньямъ-ньямовъ“). Въ описаніи Юнкера Ндорумы, правителя сандеховъ, мы читаемъ: „рѣзкія, энергическія черты, большіе оживленные глаза, сильно выдающіяся скулы, высокій ростъ, спокойная, полная достоинства осанка, вмѣстѣ съ разумностью и правильностью сужденій“. Аристократическая раса, господствовавшая почти вездѣ, гдѣ она поселялась, она, раньше своихъ сосѣдей и подданныхъ, заимствовала у нубо-арабовъ способы управленія и эксплоатаціи покоренныхъ, а также и одежду; во времена господства египтянъ она доставляла превосходный матеріалъ для войска.

Племя, близко родственное сандехамъ, представляютъ живущіе далѣе

къ западу, между Мбили и Мбому, бандійи, выказывающіе мало физическихъ и лингвистическихъ различій, но обнаруживающіе нѣкоторое этнографическое оскудѣніе, такъ какъ они менѣе тщательно относятся къ украшеніямъ и оружію и носятъ щиты меньшаго размѣра. Болѣе отступаютъ отъ сандеховъ, замѣтно отличаясь отъ нихъ и въ діалектическомъ отношеніи, племена ихъ, живущія, подъ именемъ макараковъ (см. рис., стр. 297 и 298), далѣе къ востоку, въ сторону къ Нилу, куда они, вѣроятно, поколѣнія четыре тому назадъ, проникли съ юго-запада. Преданіе называетъ четыре племени, изъ которыхъ сохранились — Идіо и Бонгбе, или Бомбехъ. Макараки сами называютъ себя Идіо; тѣмъ же именемъ называютъ ихъ и западные сандехи. Противоположно настоящимъ сандехамъ, они, въ качествѣ усердныхъ земледѣльцевъ, одни только воздѣлываютъ принесенные съ запада Colocasia и маньокъ. Въ той работѣ, какую они несли въ качествѣ солдатъ для египтянъ (ср. стр. 299), они сохранили сильный характеръ сандеховъ, удержали и многіе внѣшніе признаки своего происхожденія, но, къ несчастью, политически еще болѣе раздроблены, чѣмъ настоящіе, южные сандехи.

Мангбатты (мангбатту) (Швейнфуртъ, первый ученый, открывшій ихъ, пишетъ это слово монбутту), народъ, живущій въ большинствѣ непосредственно къ югу отъ Уэлле и разсѣянный до Нѣпоко, представляютъ нѣсколько болѣе негроидную разновидность свѣтлыхъ народовъ бассейна восточнаго Конго, которые встрѣчаются среди нихъ въ видѣ отдѣльныхъ желтоватыхъ индивидуумовъ; Швейнфуртъ называетъ ихъ цвѣтъ цвѣтомъ молотаго кофе. Они обладаютъ также менѣе развитой мускулатурой, чѣмъ сандехи, но борода у нихъ растетъ сильнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Сходство ихъ чертъ съ семитическими отмѣчали всѣ наблюдатели. Характеръ ихъ болѣе негрообразный, хотя они смотрятъ на сандеховъ нѣсколько свысока. Юнкеръ порицаетъ ихъ льстивый, назойливый, легкомысленный характеръ.

Общее превосходство надъ другими негрскими племенами у мангбаттовъ отмѣчается еще рѣзче, чѣмъ у сандеховъ, въ особенности, относительно ихъ техники (см. табл. „Оружіе мангбаттовъ“) и болѣе высокаго положенія женщины. Мы уже выше (стр. 79 и 290) представили примѣры того, какъ они далеко подвинулись впередъ въ изготовленіи художественной утвари изъ дерева, плетенія, глины и желѣза. Ихъ хижины, съ высокими, острыми кровлями, не только больше по размѣрамъ и построены красивѣе, но и содержатся опрятнѣе, чѣмъ у ихъ сосѣдей. По художественнымъ способностямъ сандехи, быть можетъ, стоятъ выше ихъ, но стремленіе къ украшенію своего существованія у нихъ развито еще болѣе. „Какъ далеко заходитъ ихъ чувство симметріи, доказывается тѣмъ, что запасы дровъ, укладываемые во время дождей слоями внутри хижинъ, передъ тѣмъ разрубаются вполнѣ равномѣрно, и совершенно гладкія плоскости разрѣзовъ украшаются всевозможными красками.“ (Эминъ паша.) Что касается семейной жизни, то здѣсь можно напомнить черту, которую отмѣтилъ тотъ-же путешественникъ на своемъ пути въ Мудирьехъ-Роль (1882 г.): жена благороднаго мангбатту, Гамбари, который былъ уведенъ данаглами въ рабство, прошла тогда длинный путь отъ страны мангбаттовъ до Ладо, чтобы добиться освобожденія своего мужа. Когда она услышала дорогой, что онъ находится въ свитѣ Эмина паши и совершенно свободенъ, она поспѣшила черезъ страну сандеховъ въ Буфи, чтобы поблагодарить генералъ-губернатора. Всѣ были удивлены самостоятельностью ея дѣйствій, что соотвѣтствуетъ, впрочемъ, болѣе высокому положенію женщины въ странѣ мангбаттовъ. Страна эта, подъ разлагающимъ вліяніемъ нубійцевъ и арабовъ, такъ-же раздроблена, какъ и сосѣдняя страна сандеховъ. Распалось не только миѳическое древнее царство этого народа, прежде, чѣмъ какіе бы то ни было чужеземцы съ сѣвера и съ востока при-



Оружіе мангбаттовъ.

(По Швейнфурту.)

1—8) Метательное оружіе. 9—23) Копья и стрѣлы. 24) Колчанъ со стрѣлами. 25) Щитъ. 26) Лукъ.

шли въ эту страну, но не существуетъ уже и того положенія вещей, которое изображалъ Швейнфуртъ въ привлекательныхъ картинахъ. Пышность и величіе Мунзы такъ-же исчезли, какъ и его соправителей, раздѣлявшихъ съ нимъ господство надъ страною. Когда Юнкеръ въ концѣ 1880 г. посѣтилъ мѣсто, гдѣ стоялъ королевскій дворецъ, „на склонѣ слегка покатаго холма волновалось травяное море.“ Самъ Мунза палъ отъ пули базингера (такъ называются нубійскіе солдаты, находившіеся первоначально на египетской службѣ). Мы видимъ здѣсь непрерывное паденіе, все ту-же однообразно печальную негрскую исторію.

Большая часть сѣверо-восточной области Конго обнаруживаетъ сходныя черты съ мангбаттами; при болѣе подробныхъ изслѣдованіяхъ, они должны оказаться подвинувшимися далеко къ западу, до южнаго средняго Судана, а также и къ югу. Политическое положеніе ихъ, однако, не могло измѣниться: къ самымъ непримиримымъ врагамъ мангбаттовъ принадлежали нѣкогда близко родственные имъ абангбы (бамбы), которые, подъ властью извѣстнаго начальника Гамбари, старались надъ искорененіемъ династій мангбаттовъ. Это — народъ, подвинувшійся во многихъ искусствахъ, выдающійся по своей любви къ порядку и тщательности въ постройкѣ и расположеніи деревень. Родственные мангбаттамъ майгосы (майгò) живутъ далѣе, въ углу между Нѐпоко и Обà, колоніями среди момфусовъ. Абабуи (абабуа), при истокѣ Бомоканди, отдѣляютъ восточныхъ и западныхъ сандеховъ къ югу отъ Уэлле-Макуа. Юнкеръ считаетъ возможнымъ, что это названіе есть собирательное имя различныхъ племенъ. Ихъ высокіе, плетеные головные уборы, ихъ красивые копья и ножи напоминаютъ мангбаттовъ; они умѣютъ и ткать. Стэнли слышалъ это имя на Арувими, какъ названіе народа, отъ котораго исходитъ художественное желѣзное оружіе. Въ другомъ направленіи далеко отдѣлилась вѣтвь бабукуровъ области Бахръ-эль-Газаля и западныхъ макараковъ; они сами называютъ себя майянгами. Вмѣстѣ съ мундусами (мунду) страны макараковъ (см. рис., стр. 84; см. также стр. 295 внизу) они образуютъ сѣверную отрасль этой этнической группы, между тѣмъ, какъ бабуи, по всѣмъ вѣроятіямъ, заходятъ всего далѣе на югъ. Именемъ мундусовъ извѣстная часть бонговъ называетъ сандеховъ, другая — маленькій народецъ, называющій себя самъ бабукурами.

Мабоди (мабодэ), крупный народъ, съ многочисленными второстепенными племенами, выдаются къ югу еще за Нѐпоко; такъ-же, какъ между южными момфусами, среди нихъ живутъ абангбы, представляющіе господствующую расу и классъ населенія. Среди нихъ живетъ и другое племя мангбаттовъ, мадьосы. Въ физическомъ отношеніи они стоятъ ближе къ момфусамъ, чѣмъ къ мангбаттамъ, которыми они были оттѣснены и покорены. И у нихъ можно найти нѣчто своеобразное: лобныя повязки тонкаго плетенія, изящно вырѣзанные браслеты изъ листового желѣза и большія плетеныя циновки, какихъ Юнкеръ не видалъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, они приготовляютъ изъ болотной травы соль лучшаго качества и въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ сосѣди, и ведутъ ею обширную мѣновую торговлю. Многочисленные вочуи (ср. т. I) кочуютъ въ области мабодей, между тѣмъ, какъ они осторожно и даже боязливо избѣгаютъ области мангбаттовъ; они принадлежатъ къ болѣе темнымъ, болѣе курчаволосымъ, — короче, къ болѣе негрскимъ племенамъ, — у которыхъ Юнкеръ отмѣчаетъ короткоголовость, какъ особый признакъ, — живущимъ между свѣтлыми племенами, по большей части, въ качествѣ покоренныхъ и эксплуатируемыхъ племенъ. Они не лишены, впрочемъ, нѣкоторой технической ловкости, хотя она и не развивается у нихъ. Нѣкогда они были богаты стадами и поэтому давно уже подверглись набѣгамъ нубо-арабовъ, сдѣлавшись легкою жертвою ихъ, вслѣдствіе своей разъединенности. Вездѣ до области момфусовъ они выказываютъ пристрастіе къ разнообраз-

нымъ тяжелымъ желѣзнымъ украшеніямъ. Сравненіе языковъ должно было нѣкогда выказывать болѣе глубокое различіе между ними и ихъ властителями; момфусы принадлежатъ, повидимому, въ лингвистическомъ отношеніи къ нильскимъ народамъ. По отношенію къ нимъ и вочуямъ, предположеніе о смѣшеніи ихъ съ народами-пигмеями, являющимися ихъ сосѣдями и отчасти раздѣляющими ихъ участь, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ не лишено основанія.

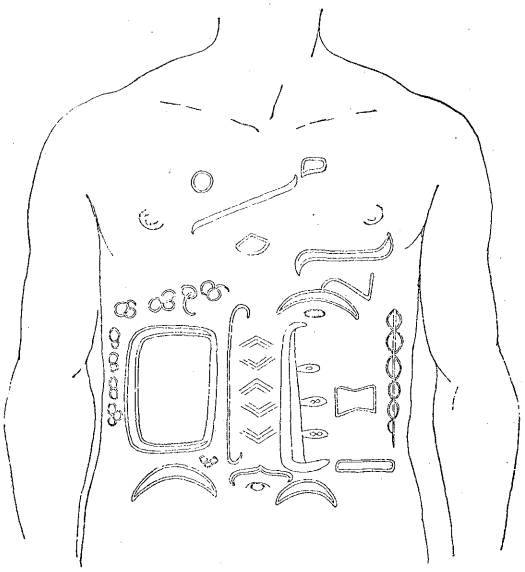
Момфусы (момфу̀) обитаютъ въ волнистой странѣ, пронизанной полосами лѣсовъ, на верхнемъ Бомоканди, къ сѣверу до Юббо, южнаго притока Кибали, а къ югу, вѣроятно, до пути, какимъ шелъ Стэнли въ первобытномъ лѣсу. Болѣе темный цвѣтъ и болѣе малый ростъ позволяютъ легко отличить ихъ отъ ихъ властителей. Будучи чрезвычайно раздробленнымъ, лишеннымъ единства народомъ, они на сѣверѣ вполнѣ подпали подъ власть колоніи мангбаллей, рѣзко ограниченнаго включенія на верхнемъ Бомоканди. Прежде мангбатты, при Мунзѣ, пріобрѣли здѣсь вліяніе, и вслѣдъ за ними послѣдовали сюда небольшія колоніи абангбовъ. Въ сторону Нéпоко они самостоятельны и сами господствуютъ надъ племенами мабодей. Въ настоящее время, они въ страхѣ и угнетеніи, живутъ далеко отъ большой дороги и удалились въ горы, гдѣ хижины ихъ запрятаны въ лабиринтѣ скалъ. Ихъ оригинальные, тяжелые ножи, съ широкимъ, слегка изогнутымъ клинкомъ, короткія копья, пускаемыя ладонью, точно метательной доской, разнообразные наконечники стрѣлъ [1] тонкой работы, и плетеные щиты, похожіе на бумажные змѣи, показываютъ, какъ самостоятельно они развивались нѣкогда рядомъ съ мангбаттами. Акали (акалэ), по свидѣтельству Юнкера, — единственный народъ, не разсѣявшійся, не образовавшій никакихъ колоній внѣ своей страны. Стоя гораздо ниже сандеховъ, своихъ властителей, они живутъ въ маленькихъ хижинахъ, хранятъ небольшіе запасы зернового хлѣба въ вмѣстилищахъ, напоминающихъ гнѣзда, на высокихъ деревьяхъ, и своимъ людоѣдствомъ превосходятъ даже сандеховъ, хотя не приносятъ человѣческихъ жертвъ. Калликасы (каллика̀), средніе члены этой группы, примыкаютъ черезъ посредство лу̀барей (лу̀бари) на востокѣ къ родственнымъ имъ мадіямъ Бахръ-эль-Джебеля („мадіи изъ Дуфилеха“ Эмина паши; ср. выше, стр. 273); далѣе, къ нимъ принадлежатъ еще логги (логго) и абукайи (абукайя). Къ этимъ покореннымъ племенамъ принадлежатъ и кредджи (собственное имя ихъ адья); они достигаютъ на западѣ до области форовъ. Хотя они многое получаютъ изъ Судана и, подобно форамъ, воздѣлываютъ хлопокъ, ткутъ бумажныя ткани и ведутъ ими торговлю, они все-таки остаются настоящими неграми. „Красно-бурый народъ„ бонги (бонго) во многихъ отношеніяхъ негрообразнѣе сандеховъ, какъ это заставляетъ предвидѣть уже ихъ географическое положеніе. Нравы ихъ представляютъ замѣчательную смѣсь. Уродованіе лица достигаетъ у женщинъ бонговъ высшей степени. Кромѣ цилиндрическихъ украшеній, вставляемыхъ въ губы (см. стр. 313), они вдѣваютъ еще мѣдныя кольца въ носовую перегородку, соломинки въ носовыя крылья, мѣдныя скобочки въ углы рта и многочисленныя кольца въ уши. Въ этой странѣ можно найти женщинъ, тѣло которыхъ, повидимому, пронизано болѣе, чѣмъ въ ста мѣстахъ (Швейнфуртъ). Именно у этого народа скопились такія уродованія, иноземное происхожденіе которыхъ нерѣдко легко распознать. Такъ, сѣверные бонги заимствовали отъ пограничныхъ джуровъ и динковъ обычай вырыванія нижнихъ рѣзцовъ, имѣютъ общій съ племенами, живущими къ западу отъ нихъ, обычай обезображиванія нижней губы и въ недостаткѣ одежды удаляются даже отъ сандеховъ, съ которыми имѣютъ во многихъ

[1] Юнкеръ указываетъ, что въ музеяхъ они часто приписываются „аккамъ“.

отношеніяхъ столь много общаго. Тамъ, гдѣ въ южной части своего обитанія они граничатъ съ сандехами, они носятъ косы и косички, а на сѣверѣ, по обычаю динковъ, коротко стригутъ себѣ волосы.

*

Начиная отъ Стэнли-Пуля, на Конго мѣняются и люди, и вещи. Вмѣсто тщедушныхъ и безобразныхъ баконговъ и родственныхъ имъ племенъ, появляются сильные, съ выразительными чертами, властно смотрящіе на свѣтъ негры, „похожіе на бронзовыя статуи". Тотъ-же рядъ, какой начался на правомъ берегу Кассаи у балубовъ, на Конго появляется у батекеховъ; на Убанги, за областью Баати, почти на 3° с. ш., языкъ внезапно измѣняется: появляются орудія изъ слоновой кости, ступки, рога, и вмѣстѣ съ ними люди, которыхъ можно прослѣдить до верхняго Нила чрезъ водораздѣлъ. Если мы окинемъ взглядомъ важнѣйшихъ народовъ долины Конго, то увидимъ, въ качествѣ старѣйшихъ жителей страны, къ югу отъ Стэнли-Пуля вамбундовъ (вамбунду), на южномъ берегу Конго, отъ рѣки Инкисси до горы Мангѐле. Усердные земледѣльцы, которые поставляютъ своимъ сосѣдямъ даже маніоковый хлѣбъ (Chicuanga), и предпріимчивые желѣзные торговцы, они въ лингвистическомъ отношеніи стоятъ ближе къ баконгамъ, чѣмъ къ переселившемуся туда торговому народу — батекехамъ. Эти послѣдніе начинаютъ собою внутренне-африканскій рядъ. Они, придя изъ области Алимы, протѣснились между первыми и Пулемъ, подобно тому, какъ они, вмѣстѣ съ вабаріями съ сѣвернаго берега, такимъ-же образомъ задержали балаловъ. Эти вабаріи сходны съ баянзіями, которые, съ своей стороны, стоятъ ближе къ батекехамъ. Послѣдніе далѣе на востокѣ своими прирѣчными поселеніями и торговыми дорогами примыкаютъ также къ вампфунамъ (вампфунэ), или вампфунингамъ (поензе) съ Конго, Кассаи и Куанго.

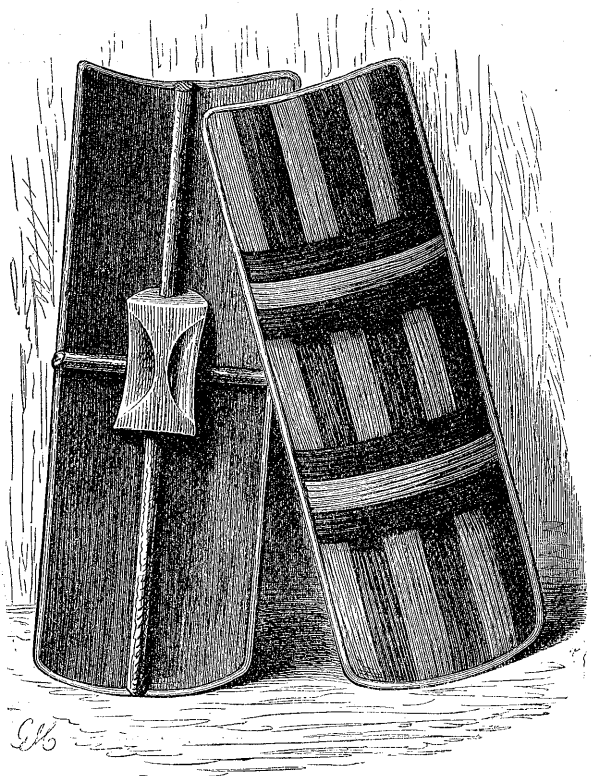


Татуировка негра, вѣроятно, изъ лѣсной страны Іомбэ. (Снято на берегу Лоанго проф. др-мъ Пехуэлемъ Лёше.) Фьоты называютъ эту татуировку, посредствомъ надрѣзовъ, „Самба". Ср. текстъ, стр. 309.

На среднемъ Конго батекехи образуютъ большую этническую группу, отъ области истоковъ Огове на сѣверѣ, вдоль сѣвернаго берега Конго до Алимы; далѣе, они живутъ къ востоку отъ Стэнли-Пуля до нижняго Кассаи, и колоніи ихъ можно найти и позади Болобо. На лѣвомъ берегу Конго Киншаша и Кинтамо принадлежатъ къ ихъ поселеніямъ, но здѣсь они являются лишь въ разсѣянномъ видѣ, въ качествѣ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе, вліяніе и примѣсь ихъ можно прослѣдить и дальше. Такъ, балалы у Линцоло, на сѣверномъ берегу Конго, считаются смѣшаннымъ народомъ изъ баконговъ и батекеховъ. Съ другой стороны, въ области батекеховъ, лежащей далѣе вверхъ по рѣкѣ, разсѣяны колоніи баянзіевъ. Выше Чумбири на лѣвомъ берегу живутъ баянзіи, а на правомъ преобладаютъ батекехи. Батекехи отличаются отъ живущихъ ниже по Конго баконговъ: они представляютъ рослыя, сильныя фигуры, съ длинными, привлекательными чертами лица (Бауманъ). Умственное развитіе, техническая умѣлость, опрятность и располагающее къ нимъ спокойное и

серьезное обращеніе напоминаютъ отдаленныхъ отъ нихъ обитателей сѣверо-восточнаго бассейна Конго. Ихъ вырѣзанныя мѣдныя шейныя кольца, легкіе ножи съ рукоятками, обмотанными мѣдной проволокой, и красивыя циновки доказываютъ высокое состояніе промышленности.

Бололы — внутренній народъ на большихъ южныхъ притокахъ Чуапы и Луонго до Ломами. Вмѣстѣ съ племенемъ бакути они придвигаются вблизи экватора къ Конго. Несмотря на сильную смѣсь съ баянзіями, они стоятъ въ физическомъ отношеніи ниже ихъ, будучи меньше, худощавѣе и темнѣе. Самосознаніе ихъ также слабѣе; они раньше, чѣмъ ихъ болѣе крѣпкіе сосѣди, готовы были поступить на службу бѣлыхъ.



Щиты итуковъ, на среднемъ Конго. (По Стэнли.) Ср. текстъ, стр. 316.

Бангалы (бангала), „люди съ маленькой рѣки“ (по Кокилья), живутъ плотнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, на южномъ и среднемъ Конго, между Бокомерой и Монгалой. Они красивы и сильны. Относительно особенностей ихъ одежды и татуировки ср. стр. 294 и 310. Ихъ нравы и обычаи почти тѣ-же, что и у баянзіевъ, но они стоятъ нѣсколько ниже ихъ; они отстали и въ воинственномъ отношеніи. Людоѣдство ихъ — несомнѣнный, извѣстный по единичнымъ случаямъ фактъ. У нихъ есть плетеные щиты и серпообразные ножи; они искусны въ метаніи копій, употребляютъ своеобразные деревянные колокола, умѣютъ хорошо грести и искусны въ рыболовствѣ. Мы знаемъ, что бангалы недавно живутъ въ своихъ нынѣшнихъ мѣстообитаніяхъ: до нихъ, вѣроятно, жили здѣсь мобеки (ср. выше, стр. 298), которые обитаютъ теперь по среднему теченію Монгалы. Въ областяхъ бангаловъ живетъ торговый народъ марунджи (марунджа), которыхъ первые называютъ нгомбехами, т. е. лѣсными людьми, производящіе торговлю слоновой костью до Упото и Ямбинги. О племенахъ, живущихъ далѣе и выше, мы имѣемъ мало свѣдѣній, вплоть до мабодей и родственныхъ имъ племенъ. Стэнли, посѣтивъ ихъ въ первый разъ, только на Конго и на нижнемъ теченіи его притоковъ нашелъ народы, занятія которыхъ привязываютъ ихъ къ рѣкѣ и которые поэтому нисколько не распространяются внутрь страны. Такъ, веніи (веніа), рыболовный народъ, живущій на островахъ вблизи водопадовъ Стэнли, ведутъ оживленную торговлю копченой рыбой. Они живутъ въ этой области, несомнѣнно, уже въ теченіе многихъ поколѣній и давно уже пріобрѣли привычку — проводить большую часть дня и даже ночи въ лодкахъ. Поэтому, при мощномъ развитіи груди и рукъ, ноги у нихъ не развиты. Относительно ихъ недостаточной одежды и украшеній ср. стр. 314. Оружіе ихъ составляютъ копье и ножъ. Они живутъ почти исключительно рыбной ловлей и тор-

говлей. Вслѣдствіе большей силы и практичности, они пользуются лучшимъ обращеніемъ со стороны арабовъ, чѣмъ другіе народы Конго. Болѣе скудную жизнь ведутъ баянзіи (баянзи), на среднемъ Конго, отъ устья Кассаи до Убанги; они ведутъ торговлю болѣе на судахъ, чѣмъ на сушѣ, и, кромѣ того, питаются рыбной ловлей и охотой. Цвѣтъ ихъ свѣтло-бурый; они красивы, сильны и рослы. Ихъ прически напоминаютъ прически бангаловъ; татуировка распространена не повсемѣстно; оружіемъ для нихъ служатъ копье и ножъ. Третьимъ въ этой группѣ является на Конго торговый народъ вабумы (вабуму), который вывозитъ съ нижняго Кассаи сушеную рыбу и свои гончарныя издѣлія, простые, красивые сосуды изъ бѣлой глины.

О племенахъ, живущихъ выше по рѣкѣ, мы не знаемъ почти ничего точнаго. Имена, вродѣ Бакуту, Упото, Баринго и пр., сами по себѣ говорятъ немного, но вообще эти племена примыкаютъ къ типу сандеховъ. Рогатаго скота у нихъ нѣтъ, и они держатъ овецъ, козъ и куръ. Одно племя, быть можетъ, имѣетъ пристрастіе къ маніоку, но всѣ остальныя воздѣлываютъ бананы. Одеждою служитъ у всѣхъ одинаково матерія изъ коры. Головныя украшенія повсюду сходны, хотя у одного племени они могутъ быть искуснѣе, чѣмъ у другого. Почти всѣ примѣняютъ обрѣзаніе и ѣдятъ мясо непріятелей. Оружіе ихъ составляютъ широкое, острое, какъ ножъ, копье, обоюдоострый, съ тонкимъ остріемъ кинжалъ, оригинальный (метательный) ножъ, съ двумя и четырьмя клинками, кривой мечъ, маленькій лукъ и короткія стрѣлы. У нихъ сходны также рѣзные стулья, скамейки и кресла, серьги, ожерелья, ручныя и ножныя кольца, большія военныя трубы и маленькіе барабаны, военные рога и орудія кузнецовъ и плотниковъ. Наконецъ, какъ дальнѣйшее, болѣе глубокое сходство, можно указать вообще болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи, который едва-ли, какъ думаетъ Стэнли, зависитъ отъ того, что эти племена живутъ въ самыхъ лѣсистыхъ частяхъ Африки; на самомъ дѣлѣ, этотъ цвѣтъ кожи столько-же отличаетъ сандеховъ на сѣверѣ отъ окружающихъ ихъ болѣе темныхъ негровъ, какъ и балубовъ на югѣ, между тѣмъ тѣ и другіе живутъ въ лѣсистыхъ саваннахъ. Къ удивленію, мы находимъ въ сѣверныхъ пограничныхъ областяхъ, ближе къ Судану, болѣе темныя и менѣе крѣпкія расы, которыя, вслѣдствіе соприкосновенія съ высшей мавританской культурой и опустошительной охоты за невольниками, бѣднѣе въ этнографическомъ отношеніи. Маргіи и музгусы Барта, такъ-же, какъ и уадды (уадда) Крампеля, стоятъ ниже ихъ западныхъ сосѣдей, не затронутыхъ чуждыми вліяніями.

Но, во всякомъ случаѣ, бо́льшая часть приведенныхъ здѣсь признаковъ составляетъ признаки и настоящихъ лѣсныхъ негровъ (ср. стр. 291): только здѣсь они выступаютъ въ уменьшенномъ и въ ограниченномъ видѣ. Спускаясь съ плоскогорья между лѣсными племенами и народами восточно-африканскаго плоскогорья, находящимися подъ властью вагумовъ или ватузіевъ, мы встрѣчаемъ племена Банту, которыя стоятъ ближе къ лѣснымъ племенамъ, но въ то-же время испытали и восточныя вліянія. Самые распространенные — вакондьи (вакондьо), на сѣверо-западномъ берегу Танганьики, до озеръ Альберта и Альберта Эдуарда. Узкій передникъ изъ матеріи, сдѣланной изъ древесной коры, на поясѣ, бусы изъ раковинъ, кольца въ верхней и нижней губахъ, заостренные зубы, маленькіе луки съ тетивою изъ ротанга, стрѣлы съ опереніемъ изъ листьевъ, хижины съ низко спускающейся травяной крышей, — выказываютъ соединеніе свойствъ жителей плоскогорья и лѣсныхъ племенъ. Среди нихъ живутъ народы, обнаруживающіе болѣе замѣтные лѣсные признаки, въ особенности, въ своихъ конусообразныхъ хижинахъ съ вертикальными стѣнами. Это всего болѣе можно сказать о вавумбахъ (вавумба). Къ сѣверу, въ сторону Итури, появляются пигмеи и пигмееобразные народы. Тамъ Штульманъ среди лѣсныхъ вавумбовъ нашелъ вамбубовъ, валес-

совъ (валессе) и вагоковъ (вагоко), говорящихъ на другомъ языкѣ, чѣмъ окружающія ихъ племена Банту, переселившихся сюда, приблизительно, четыре поколѣнія тому назадъ, съ запада и стоящихъ близко къ мелкимъ охотничьимъ племенамъ. Типичный лѣсной народъ, какой мы описали на стр. 292, представляютъ вàвиры верхняго Итури, которые распространены въ нѣсколько различающихся между собою боковыхъ вѣтвяхъ на верхнемъ теченіи Конго, отъ Ньянгве до водопадовъ Стэнли. Темно-бурые, сильные люди, маскирующіе цвѣтъ своей кожи втираніемъ жира и порошка дерева краснаго цвѣта (Pterocarpus sp.), они украшаютъ себя кольцами, кружками и цилиндриками въ верхней губѣ, мѣдной проволокой или такими-же цилиндрами въ ушныхъ мочкахъ. Кромѣ того, для украшенія служатъ желѣзныя и раковинныя бусы и надѣтыя на плечи цѣпи изъ желѣзныхъ колецъ, а также нашитыя на кожу раковины каури. На груди и на животѣ дѣлается рѣдкая рубчатая татуировка. Обрѣзаніе, повидимому, встрѣчается у западныхъ племенъ, но не у восточныхъ. Вооруженіе ихъ составляютъ маленькіе луки съ тетивами изъ ротанга, оперенныя листьями стрѣлы въ мѣшкообразномъ колчанѣ, кожаная подушечка на сочлененіи руки, предохраняющая отъ скользящей тетивы и нерѣдко панцырь изъ буйволовой шкуры (см. рис., стр. 292 и 293). Они (см. рис., стр. 295) строятъ конусообразныя хижины, воздѣлываютъ бананы, занимаются немного желѣзной промышленностью и получаютъ желѣзные товары отъ вадумбовъ. Согласно ихъ собственному преданію, они переселились въ свое настоящее мѣстообитаніе лишь два поколѣнія тому назадъ съ юго-запада; поэтому, Штульманъ предполагаетъ племенное родство между ними и бакубами.

Валегги (валегга) и лендусы (ленду, ср. выше, стр. 291; они сами называютъ себя другу), на травянистыхъ плоскихъ возвышенностяхъ къ западу отъ озера Альберта, представляютъ единственный народъ, отличающійся по языку отъ всѣхъ своихъ сосѣдей; ихъ просверливанье губъ, маленькіе луки и стрѣлы (см. рис., стр. 296), передники изъ матеріи изъ коры и конусообразныя хижины напоминаютъ лѣсныхъ обитателей, въ особенности на западѣ, гдѣ они соприкасаются съ ними. Съ другой стороны, скотоводство сближаетъ ихъ съ лурами, ихъ восточными сосѣдями, и, кромѣ того, у нихъ больше встрѣчается желѣза, чѣмъ у лѣсныхъ племенъ. Такимъ образомъ, они производятъ впечатлѣніе лѣсного народа, съ переходомъ въ ограниченной степени къ скотоводству.

Маньемы (маньема), благодаря своимъ воинственнымъ свойствамъ, являются могущественнымъ народомъ въ южномъ и восточномъ бассейнѣ Конго и до самыхъ озеръ. Къ нимъ примкнули другіе лѣсные народы, которыхъ только поверхностные наблюдатели называютъ маньемами, въ особенности вакуссы, жившіе первоначально между верхнимъ Конго и Ломами и въ этнографическомъ отношеніи составляющіе переходъ отъ мангбаттовъ къ народамъ Кассаи, такъ-же, какъ вагуи и варубы были такой-же переходной формой къ ближе стоящимъ маньемамъ. Вакуссы (вакуссу) на нижней Луалабѣ, къ сѣверу отъ Ньянгве до Ломами, бурые люди, съ широкими, выразительными лицами, рослые, вооруженные лукомъ и щитомъ и одѣтые въ передникъ изъ пальмовыхъ волоконъ, въ лингвистическомъ отношеніи принадлежатъ къ банту, но въ промышленномъ отношеніи ближе стоятъ къ сандехамъ. Штульманъ называетъ ихъ оружіе, выложенное мѣдью (см. рис., стр. 307, фиг. 5, и стр. 317), „самымъ красивымъ, какое можно найти въ Африкѣ“. Особенности ихъ языка, ихъ танцовальныя маски, частыя воспроизведенія человѣческихъ фигуръ могутъ служить указаніями на болѣе близкія отношенія къ фанамъ и другимъ народамъ во внутренней части Камеруна.

Балубы образуютъ большую этническую группу, распространенную до Кассаи, служащаго также фито- и зоо-географической границей, до Танганьики и отъ границы лундовъ до сѣверныхъ батекеховъ и бакубовъ.

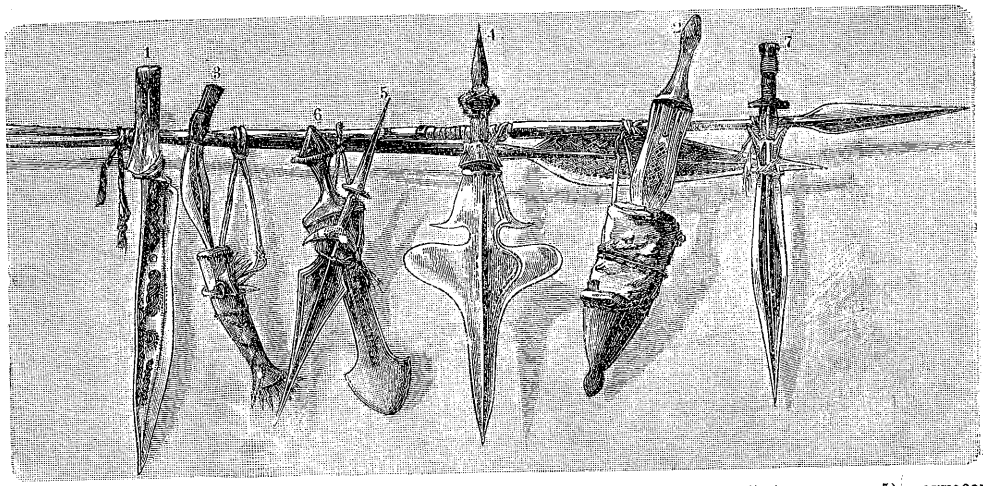
Они составляютъ господствующій народъ въ южномъ бассейнѣ Конго, почти не прерывающійся въ своей области. Общимъ для нихъ является ихъ нарѣчіе и „характеръ единенія“, котораго не могли уничтожить разнообразныя смѣшенія западныхъ балубовъ. Западные балубы описываются вообще какъ безобразные, непривлекательные, тщедушные люди; впрочемъ, между ними встрѣчаются иногда рослыя и крѣпкія женщины. Живописныя татуировки составляютъ ихъ особенно выдающійся признакъ. Деревни становятся больше и правильнѣе, хижины также больше и лучше, и все этнографическое состояніе богаче по направленію къ востоку.

Западные балубы, или башиланги (башиланге), утверждаютъ, что они переселились въ свое настоящее мѣсто обитанія съ юго-востока, откуда ихъ вытѣснили южные сосѣди. Если башиланги охотно называютъ себя балубами, то это потому, что таково названіе проникшаго въ страну въ качествѣ завоевателей, господствующаго надъ ними народа. Висманъ считаетъ ихъ смѣсью балубовъ и батуевъ; Л. Вольфъ просто называетъ ихъ балубами. Здѣсь на Кассаи каламбамъ - мукенгамъ впервые удалось посредствомъ культа Рьямбы, т. е. почитанія листьевъ конопли и куренія ихъ, занявшаго мѣсто служенія фетишамъ, найти общее покровительствующее и волшебное средство, а также символъ мира и дружбы и, благодаря союзу съ кіоками (ср. стр. 241 и 308) образовать изъ небольшихъ независимыхъ племенъ крупное царство, связность котораго, впрочемъ, до сихъ поръ еще весьма слаба. Непосредственно къ сѣверу примыкаетъ отдѣленная рѣчкой Куссулой область независимыхъ балубовъ, которые, „подъ именемъ чипулумбовъ, не повинуются никакому главному вождю и замыкаются отъ всякихъ внѣшнихъ сношеній; они не продаютъ никого изъ своихъ въ рабство“. Успѣхъ путешествія Висмана былъ существенно обусловленъ участіемъ его въ походѣ, предпринятомъ правителемъ балубовъ Каламбой, съ цѣлью принудить къ повиновенію одного изъ сомнительныхъ вассаловъ. Уплата дани (предпочтительно рабынями) свидѣтельствуетъ о подчиненности; сопротивленіе ей равносильно объявленію независимости.

Мальчикъ-балуба изъ области Кассаи, спутникъ д-ра Людвига Вольфа. (По фотографіи полковника Клинга.) Ср. текстъ, стр. 324.

Если традиціи и сходство политическихъ учрежденій почти не позволяютъ сомнѣваться, что въ области балубовъ основывались государства изъ царства Лунда, то въ послѣднее десятилѣтіе въ этой роли являлся замѣчательно распространенный и все еще продолжающій упорно подвигаться къ сѣверу и западу народъ кіоки (кіоко, кіоке, кибокве). Уже Бухнеръ говоритъ о могущественныхъ правителяхъ кіоковъ въ царствѣ Лунда, и мы упоминали объ ихъ участіи въ политическихъ превращеніяхъ въ этомъ царствѣ (ср. стр. 241). Къ сѣверу и къ югу отъ балубовъ живутъ бакеты (бакете), сходные съ бакубами, вѣроятно, отдѣлившіеся отъ балубовъ при движеніи ихъ съ юго-востока; этотъ народъ выказываетъ притязаніе на превосходство надъ своими сѣверными представителями, лукенгами, какъ надъ „рабами“. Обѣ части ихъ, живущія на различныхъ участкахъ берега Кассаи, раздѣлены пространствомъ отъ 30 до 40 миль, которое исключительно занимаютъ балубы.

Бакубы живутъ далѣе вверхъ по Кассаи, и западной границей ихъ служитъ Лулуа, ниже Кассаи; однако, независимыя поселенія балубовъ находятся на правомъ берегу Лулуи. Ядро ихъ политическаго могущества составляетъ царство Лукенго, имѣющее, по Л. Вольфу, 500 кв. миль между 4^0 и 5^0 10′ ю. ш., 21^0 10′ и 22^0 20′ в. д. Оно хорошо воздѣлано и густо населено. Туда, впрочемъ, проникли еще бакеты; Л. Вольфъ перешелъ границу между этими народами среди деревень Муаника и Мундонго, почти на 5^0 5′ ю. ш., Бакубы, противоположно балубамъ, описываются какъ сильные, широкоплечіе люди, выше средняго роста; ихъ луки и стрѣлы тщательной работы, ихъ копья, выше роста человѣка, съ чеканными наконечниками, ихъ художественные ножи безъ ноженъ, которые носятъ съ правой стороны на поясномъ шнуркѣ, выказываютъ обиліе оружія и умѣнье изготовлять его. Изящные пальмовые домики расположены въ видѣ деревень съ прямыми улицами. Отличіе отъ балубовъ Л. Вольфъ находилъ



Ножи: 1, 2) башиланговъ, 3) бассималунговъ (съ ножнами изъ слоновой кожи), 4) бассанговъ, 5) вакуссовъ, 6) лупунговъ, 7) фановъ съ Габуна. (1—6 изъ коллекціи Виссмана, 7 — Гирова; Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Почти $^1/_{10}$ наст. величины.

столь значительнымъ, что онъ бакубами начинаетъ „новый расовый рядъ“ по направленію къ сѣверу. Бакубы увѣряютъ, что они переселились съ сѣверо-востока; слѣдовательно, они должны были натолкнуться на балубовъ, передвинувшихся съ юго-востока. По крайней мѣрѣ, здѣсь слѣдовало-бы провести границу двухъ большихъ переселеній народовъ. Лукенго, названіе правителя бакубовъ, прилагаютъ къ себѣ и болѣе мелкіе вожди, но о настоящемъ Лукенго независимыхъ бакубовъ всегда говорятъ со страхомъ. Ядромъ бакубовъ называютъ бена-бусонговъ (бусонге), которые, согласно преданію, были основателями царства Лукенго; они доставляютъ Лукенго лучшихъ воиновъ. Много поколѣній тому назадъ, когда еще страна была покрыта первобытнымъ лѣсомъ, они жили на лѣвомъ берегу Лулуи въ видѣ небольшого племени, подъ властью начальника Лукенго вмѣстѣ съ бикенгами, другимъ племенемъ бакубовъ. Лукенго овладѣлъ имъ хитростью, причемъ одна изъ женщинъ бикенговъ оказала ему такія услуги, что побѣдоносный Лукенго постановилъ: только Лукенго и его родственники могутъ неограниченно выбирать себѣ женъ изъ женщинъ бакубовъ; всѣ прочіе бакубы должны наполнять свой гаремъ рабынями. Положеніе женщинъ у бакубовъ вліятельнѣе, чѣмъ у балубовъ, а различіе между ними и рабынями, напротивъ, гораздо рѣзче.

Кристаллизовавшись въ различныхъ государствахъ, части большой этнической группы балубовъ (балуба, которыхъ Погге и Бухнеръ

называютъ лубами) выступаютъ отъ Кассаи до Танганьики и къ югу до Лунды. Живущіе на Кассаи бакуты (бакуту, бассонгомино) появляются сперва подъ 3° ю. ш., какъ типъ внутренне-африканскаго завоевательнаго народа. О нихъ, какъ о дикаряхъ и людоѣдахъ, приходится слышать на большомъ пространствѣ. Франсуа о нихъ говорили уже на верхней Чуапѣ, тогда какъ о балубахъ и ихъ главномъ вождѣ Качичѣ ничего не было слышно; позднѣе онъ узналъ на Буссерѣ, что они живутъ на 20 дней пути южнѣе, въ серединѣ страны, и искусно владѣютъ лукомъ. Съ юга извѣстія касались только ихъ области, а далѣе все уже было Terra incognita. И о нихъ самихъ свѣдѣнія весьма не точны. Они вдвинулись, какъ клинъ, среди мирныхъ народовъ, изолировали и довели до оскудѣнія всѣхъ слабыхъ сосѣдей, чтó можно сказать, напримѣръ, о бадингахъ. Бангодіи вынуждены вести торговлю на востокѣ и югѣ, а не на сѣверѣ и западѣ. Висманъ описываетъ бакутовъ какъ чрезвычайно воинственныхъ людей, ищущихъ случая вступить въ битву. Барабанные сигналы, военныя тревоги и военный кличъ „Ньяма, ньяма“ (мясо) звучали по всему его пути, чтобы призвать къ битвѣ противъ пришельцевъ, осмѣлившихся нарушить границы. Племенное имя ихъ, басонгомино, исходитъ отъ остро подпиленныхъ зубовъ (мино = зубы: Л. Вольфъ). Злобныя физіономіи, внушающія недовѣріе, безстыдная манера держать себя, тщательное отношеніе къ лукамъ, стрѣламъ и ножамъ, отличающееся отъ грязнаго состоянія жилищъ, дополняютъ картину этого внутренне-африканскаго разбойничьяго народа.

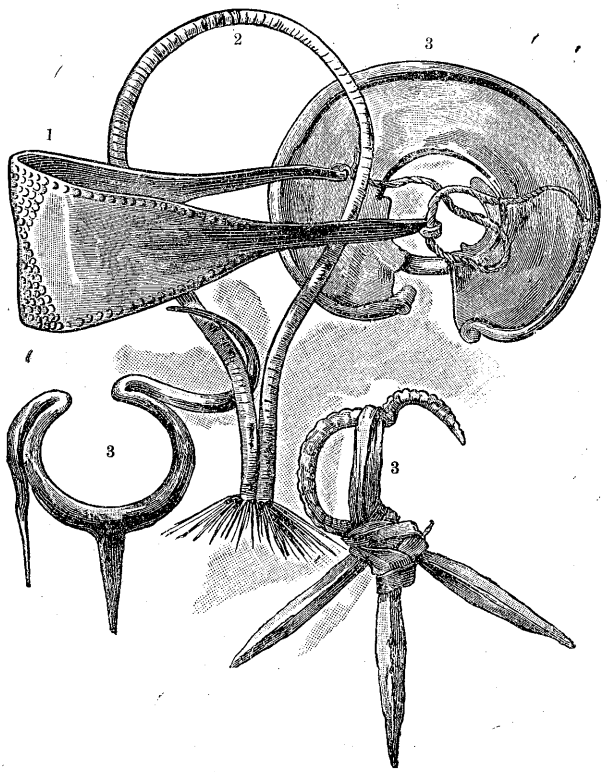
Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ торговыхъ народовъ были тупенды (тупенде [1]), пока переправы у Кикассы были въ ихъ рукахъ. Распространеніе кіоковъ заставило ихъ утратить это положеніе. Еще раньше они были изгнаны съ Куанго южными бангалами; Л. Вольфъ встрѣтилъ ихъ первую болѣе значительную деревню въ Касанже I (называемомъ такъ въ отличіе отъ Касанже II, лежащаго ближе къ Кассаи.) Они оказывались особенно услужливыми по отношенію къ чужеземцамъ, пришедшимъ съ запада, такъ какъ сами пришли оттуда. Какъ отсталый торговый народъ, они лѣнивы, небрежны къ земледѣлію, считаются коварными и хитрыми, и, вѣроятно, людоѣды. Муата Камбана сообщилъ Гансу Миллеру, что тупенды жили также къ сѣверу отъ сліянія Лоанге и Лушико, и ихъ главный начальникъ Комбо имѣлъ мѣстопребываніе на Ловуо. Южную границу Миллеръ позволяетъ угадывать въ указаніи, что онъ встрѣтилъ въ Малоккѣ смѣшанное населеніе изъ тупендовъ и лундовъ, а въ Мпаффу нашелъ уже чистыхъ лундовъ. Малокка лежитъ на половинѣ дороги между Луове и Лоанге, приблизительно на 6° 20′ с. ш., а Мпаффу нѣсколько восточнѣе.

* * *

Въ наружномъ видѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ заслуживаетъ вниманія большая законченность и обиліе татуировки, которая у башиланговъ, или обитателей средняго Конго, идетъ „отъ корня волосъ до колѣнъ“. Она производится всего чаще въ возрастѣ возмужалости (татуировальный ножъ балубовъ, см. рис., стр. 326, фиг. 5), часто служитъ племеннымъ признакомъ и несомнѣнно часто производится лишь изъ любви къ украшенію. Юнкеръ разсказываетъ, что мужья сандехи своихъ любимыхъ женъ татуируютъ понемногу все болѣе и болѣе, въ знакъ расположенія къ нимъ. Обычай этотъ естественно является измѣнчивымъ. Обрѣзаніе, повидимому, встрѣчается именно тамъ, гдѣ всего болѣе развита татуировка, т. е. у мангбаттовъ и далѣе къ западу; его нѣтъ у сандеховъ и у болѣе сѣверныхъ, менѣе татуированныхъ негровъ. Когда Висманъ прибылъ въ Лубуку, башиланги отказались отъ та-

[1] Кіоки называютъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей тубинди. Это — не особое народное имя, а общее обозначеніе низко стоящаго народа. (Висманъ.)

туированія уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; но часто еще можно было видѣть чрезвычайно красивые рисунки, южной границы которыхъ Бухнеръ коснулся въ сѣверномъ царствѣ Лунды. Самое обширное распространеніе въ бассейнѣ Конго находитъ татуированіе рубцами, даже чаще, чѣмъ татуированіе шишечками, которое производится разрѣзами и прижиганіями. „Гороховидные рубцы“ по всему лицу, въ особенности на спинкѣ носа, продолжающіеся и на лбу, встрѣчаются отъ нижняго Конго до Упото. Болѣе слабые надрѣзы, въ видѣ линій, на щекахъ попадаются у батекеховъ и въ Монгалѣ. Далѣе на сѣверѣ существуетъ татуировка выбритыхъ головъ, между тѣмъ, какъ лица свободны отъ нея. Бангалы, которые принадлежатъ къ наиболѣе уродующимъ себя народамъ, соединяютъ оба вида татуировки: они дѣлаютъ себѣ три листообразныхъ рисунка, вродѣ оспинъ, между ухомъ и вискомъ, вертикальную линію изъ такихъ-же узоровъ на срединѣ лба, рубецъ отъ одного виска до другого и, кромѣ того, вертикальный средній рубецъ на груди. Нгомбехи, наоборотъ, проводятъ всѣ рубцы въ видѣ горошинъ и располагаютъ ихъ дугообразными линіями около глазъ, подбородка или скулъ. На Мобелѣ живутъ люди, которые дѣлаютъ себѣ на спинѣ татуировку въ два ряда, отъ бедръ до лопатокъ; это уже переходъ къ татуировкѣ тѣла, встрѣчающейся въ столь различныхъ видахъ у мангбаттовъ и ихъ сосѣдей (см. рис., стр. 84) и, къ счастью, обыкновенно оставляющей лицо свободнымъ. Въ видѣ племенного признака у сандеховъ, мы находимъ три или четыре квадрата, похожіе на рубцы отъ надрѣзовъ кровяныхъ банокъ, на лбу, вискахъ и щекахъ (см. рис., стр. 291), и далѣе фигуру въ видѣ X подъ грудной полостью. Въ видѣ исключенія, и у нихъ встрѣчаются искусныя татуировки всего туловища. Отдѣльныя группы, какъ, напримѣръ, эмбеліи, отличаются татуировкою надъ корнемъ носа.



1) Желѣзное лобное украшеніе луровъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. велич. 2) Шейное украшеніе лѣсныхъ народовъ, изъ луба съ кабаньей щетиной. (По Штульману.) 3) Боевыя кольца латтуковъ. (Коллекція Эмина паши, Вѣнскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 276, 291 и 312 и рис., т. I, стр. 101, сверху.

Расписыванье тѣла достигаетъ высшей ступени у женщинъ мангбаттовъ; въ этомъ отношеніи съ ними могутъ сравниться только карибскія племена Южной Америки. Все тѣло ихъ расписано различными фигурами, исполненными чернымъ сокомъ растенія „блиппо“ (Randia malleifera) возможно разнообразными узорами. Звѣзды и мальтійскіе кресты, пчелы и цвѣты — все избирается для узоровъ; иногда все тѣло бываетъ покрыто полосами, какъ у зебры, а въ другомъ случаѣ — какъ бы леопардовой шкурой съ неправильными пятнами. Узоръ держится около двухъ

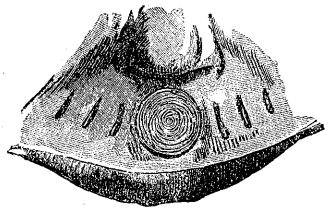
дней, затѣмъ тщательно смывается и замѣняется новымъ. У сандеховъ не замѣчается такихъ правильныхъ узоровъ, какіе удаются этому среднеафриканскому художественному народу. Мужчины смазываютъ все тѣло смѣсью истолченнаго въ порошокъ краснаго дерева и жира. Это проходитъ черезъ весь бассейнъ Конго до внутренней страны Камеруна; здѣсь, по словамъ Вейсенборна, оно представляетъ затрудненіе для точнаго опредѣленія цвѣта кожи. Порошокъ краснаго дерева является самымъ ходкимъ предметомъ торговли отъ Уэлле до Камеруна. Расписыванье тѣла или только груди и рукъ бѣлымъ, желтымъ и чернымъ встрѣчается на Конго уже у батекеховъ.

Въ видѣ украшенія баянзіи употребляютъ мѣдныя кольца, вѣсъ которыхъ доходитъ до 13 кгр. (по Бауману). Бѣдныя женщины, на шеѣ которыхъ они заклепываются, подкладываютъ подъ нихъ пучки травы, чтобы они не растирали имъ плечъ до крови. Эти кольца часто красиво разрисованы. Кольца изъ гематита могли служить только для обмѣна и для жертвъ, будучи больше, чѣмъ нынѣшнія кольца для рукъ, ногъ и шеи; ихъ находятъ въ землѣ въ странѣ мангбаттовъ и, что всего замѣчательнѣе, въ одномъ мѣстѣ у горы Тена, къ югу отъ деревни Гамбари. Вверхъ отъ Упото на Конго находятъ пучки бусъ или плетеныя повязки для лба. Бусы изъ рѣчныхъ раковинъ встрѣчаются во внутренней Африкѣ. Онѣ походятъ на полинезійскія и замѣняютъ распространенныя въ восточной и южной Африкѣ полированныя бусы изъ скорлупы яицъ страуса. Приготовленіе въ обоихъ случаяхъ одинаково.

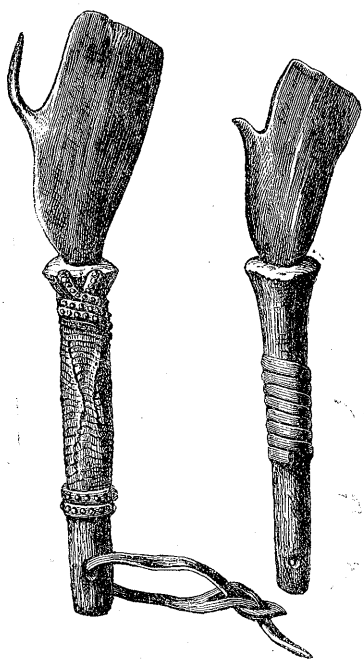
Стулья: 1) балубовъ, 2, 3, 4) бенатуазамбовъ, 5) Кубокъ съ ручкою изъ Санкурру. (Коллекція Висмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 327.

Прически этихъ народовъ необычайно разнообразны, и, по своей причудливости, многія изъ нихъ превосходятъ все, что можно найти въ Африкѣ. Сандехи прежде носили большіе парики, вродѣ нашихъ париковъ съ буклями. Юнкеръ видѣлъ еще такіе парики на пожилыхъ людяхъ. Швейнфуртъ нарисовалъ встрѣчающіяся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ (ср.

выше, стр. 115) Африки, прически мангбаттовъ, окружающія голову наподобіе стоящимъ вѣнчикомъ. Волосы заплетаются такъ, что стоятъ надъ всей боковой периферіей головы и укрѣпляются обручемъ, украшеннымъ ракообразными винами каури. Въ прическахъ, хотя онѣ заключаютъ въ себѣ болѣе произвола, заключается почти столько же этническихъ различій, какъ и въ татуировкѣ. Такъ, близко родственные народы, каковы сандехи и бандійи, различаются тѣмъ, что у послѣднихъ женщины до-гола выбриваютъ себѣ затылокъ, чего у первыхъ никогда не дѣлается. Батекехи на Конго носятъ волосы связанными на затылкѣ, гдѣ они укрѣплены въ видѣ большого пучка, направленнаго наискось назадъ и вверхъ, что́ служитъ также признакомъ и для мангбаттовъ. Марундьи прибавляютъ къ этому еще два валика по обѣимъ сторонамъ головы. Употребительное у мангбаттовъ головное украшеніе въ его крайнемъ развитіи, т. е. поднимающееся наискось отъ затылка и часто заканчивающееся искусственными локонами, спускающимися низко, встрѣчается на среднемъ Убанги, почти у 19° вост. долг. Баянзіевъ можно узнать по ихъ косамъ, которыя въ большомъ числѣ ниспадаютъ на плечи, тогда какъ у бангаловъ косы торчатъ спереди въ видѣ роговъ. Нгомбехи дѣлаютъ изъ своихъ волосъ, обсыпанныхъ угольной пылью, комочки, величиною въ орѣхъ и болѣе. Напротивъ, дѣятельные вагеніи, живущіе у воды, выстригаютъ волосы кругообразно, начиная снизу. Въ особенности на сѣверѣ свѣтлокожіе люди на верхней Монгалѣ выбриваютъ треугольникомъ всю переднюю часть головы и дѣлаютъ на ней и на лбу большіе рубцы. Собственныхъ волосъ не хватаетъ для этихъ фантастическихъ причесокъ, и поэтому пользуются волосами павшихъ на войнѣ или покупаютъ ихъ на рынкѣ. На эти шиньоны мангбатты и сандехи надѣваютъ соломенныя шляпы безъ полей, съ четырехъугольной тульей, и украшаютъ ихъ перьями красныхъ попугаевъ или орлиными и соколиными перьями (см. рис., т. I, стр. 93). Женщины украшаютъ свои волосы гребенками изъ щетины дикобраза и головными шпильками изъ слоновой кости, составляющими любимый подарокъ для гостей. На Конго встрѣчаются головныя покрышки, отчасти странной формы, напримѣръ, цилиндрическія у бангаловъ, изъ шкуръ лемуровъ и обезьянъ; желѣзное лобное украшеніе луровъ (см. рис., стр. 310, фиг. 1), напоминаетъ украшенія ихъ родичей на Нилѣ (см. выше, стр. 276). Аристократы носятъ непомѣрно длинные ногти на рукахъ; можно видѣть щеголей мангбаттовъ съ ногтями въ нѣсколько дюймовъ длины.



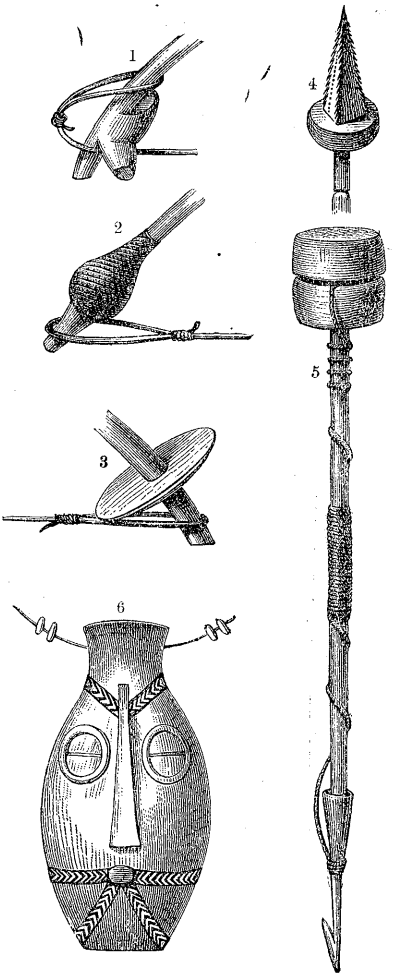
Снарядъ для просверливанія губы у рабыни племени вагоковъ, у которой первоначально было 7 просверленныхъ отверстій въ губахъ и которая впослѣдствіи наложеніемъ деревяннаго кружка превратилась въ женщину вавировъ. (По д-ру Ф. Штульману.) Ср. текстъ, стр. 313.



Метательное желѣзо луровъ, живущихъ къ югу отъ макараковъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 316.

Уродованія зубовъ широко распространены. Заостреніе зубовъ, которое и здѣсь безъ всякаго основанія приводится въ связь съ людоѣдствомъ, идетъ отъ сандеховъ и южныхъ бонговъ до басонгоминовъ на Кассаи. Въ то же время оно свойственно батекехамъ на Алимѣ и достигаетъ у одной изъ

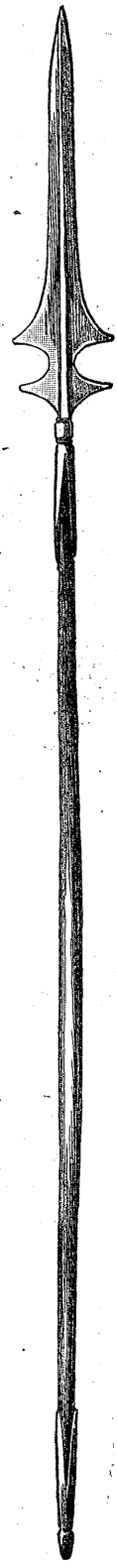
экваторіальныхъ вѣтвей, фановъ или пагуиновъ, западнаго берега. Выбиваніе зубовъ нижней челюсти можно найти у большого числа обитателей Конго и у большинства разнородныхъ племенъ Бахръ-эль-Газаля. При этомъ, какъ, напримѣръ, у бонговъ, выпиливается промежутокъ между верхними рѣзцами, а также дѣлаются и боковые надрѣзы. По всей области попадаются и другія уродованія. Въ обрѣзаніи мангбатты видятъ знакъ превосходства надъ другими негрскими народами, но до сихъ поръ еще не установлено съ точностью — далеко ли оно простирается на западъ. Прободеніе ушей, часто въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ цѣлью привѣшиванія къ нимъ бусъ на тонкой проволокѣ, широко распространено. У мангбаттовъ мы находимъ отверстія, но безъ привѣшенныхъ къ нимъ украшеній, а деревянный цилиндрикъ, усаженный на обѣихъ концахъ каури, который ва̀виры носятъ въ ушахъ, въ царствѣ Лунда является амулетомъ, надѣваемымъ на шнуркѣ на шею. Прободеніе верхней губы, съ цѣлью вставленія зубовъ животныхъ, употребительно у вагеніевъ, а носовой перегородки — у всѣхъ лѣсныхъ племенъ. Ва̀виры вставляютъ большіе деревянные кружки въ верхнюю губу (см. рис. стр. 292, 312 вверху и стр. 324). Губное украшеніе женщинъ бонговъ занесено къ нимъ извнѣ; лишь въ окрестностяхъ станціи Бизелли онѣ носятъ деревянные цилиндрики, отъ 3 до 4 см. въ діаметрѣ и отъ 2 до 3 см. высоты, въ нижней губѣ. Нѣкогда правители сандеховъ не хотѣли носить украшающихъ предметовъ и стояли и въ этихъ внѣшнихъ вещахъ ближе къ нубійцамъ и другимъ обитателямъ Судана.



Оружіе, гарпуна и амулетъ изъ Маньемы. 1, 2, 3) Тетивы лука (форма балубовъ), 4) наконечникъ стрѣлы, 5) рыбная гарпуна, 6) амулетъ. (По Кэмерону.) Ср. текстъ, стр. 315.

Черепа жителей Ялунди, на экваторіальномъ Конго, казались Бауману столь неестественно изогнутыми назадъ и сплющенными на лбу, что онъ предположилъ искусственное преобразованіе ихъ. Несомнѣнно, мангбатты высшихъ сословій придаютъ головѣ удлиненную форму съ помощью шнурковъ, которая согласуется съ ихъ преувеличенными прическами и головными украшеніями.

Бо̀льшая часть области, которой мы касаемся теперь, находится въ области тканей изъ пальмовыхъ волоконъ и матерій изъ коры. Матеріи изъ коры сильно распространены и на востокѣ; одежда изъ шкуръ лишь немного проникаетъ на сѣверъ и на востокъ. Мангбатты, которымъ тканье совершенно неизвѣстно, пользуются корою смоковницы (Urostigma Kotschyana), естественный сѣрый цвѣтъ которой окрашиваніемъ древесной краской превращается въ буро-красный. Въ Маньемѣ одежда почти исключительно состоитъ изъ этой матеріи. Мужчины бонговъ протягиваютъ небольшой кусокъ матеріи изъ коры между ногами и растягиваютъ его на поясѣ, на которомъ все это держится. Къ удивленію, женщины не пользуются этой матеріей или только въ возможно меньшемъ распространеніи; онѣ недостаточно прикрываются спереди, привѣшивая къ шнурку, обвивающему



Копье вакондьевъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 315. Около 1/10 наст. велич.

поясницу, банановый листъ или кусокъ матеріи изъ коры, величиною въ кисть руки. Женщины бонговъ каждое утро приносятъ себѣ свѣжій туалетъ изъ лѣсу; вѣтка или пучекъ травы прикрѣпляется къ поясному шнурку спереди и сзади. Часто тамъ употребляется еще длинный хвостъ изъ луба Sanseviera, который ниспадаетъ на подобіе чернаго конскаго хвоста. Всѣ прочія части тѣла у обоихъ половъ остаются непокрытыми; голова украшается перьями лишь на празднествахъ. Очевидно, бонги въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, составляютъ связующее звено нравовъ и обычаевъ своихъ сосѣдей. Различіе съ сандехами всего поразительнѣе, такъ какъ эти послѣдніе, даже прежде, чѣмъ они начали подражать одеждѣ арабовъ, носили гораздо болѣе полную одежду. Нижній и средній бассейнъ Конго обнимаетъ самую большую область матеріи изъ пальмовыхъ волоконъ во всей Африкѣ; эта матерія ткется изъ длинныхъ волоконъ молодыхъ пальмовыхъ отпрысковъ различными красивыми узорами (см. табл. „Художественныя произведенія народовъ южнаго Конго“, фиг. 9). Женщины бакубовъ вышиваютъ на этихъ тканяхъ черными, желтыми и красно-бурыми нитками, которыя затѣмъ подрѣзываются на подобіе бархата, геометрическіе узоры. Однако, одежда, вслѣдствіе того, не становится обильнѣе и полнѣе. На экваторіальномъ Конго мужчины, какъ, напримѣръ, у вагеніевъ, носятъ передникъ изъ банановыхъ волоконъ, а женщины — нѣсколько вѣтокъ или листьевъ. Богатые и горделивые бангалы одѣты не болѣе того; женщины ихъ носятъ лишь передники изъ волоконъ. Только на войнѣ мужчины прикрываютъ себя бо̀льшимъ количествомъ матеріи и расписываютъ тѣло болѣе толстымъ слоемъ красной краски. Матеріи, собранныя въ домѣ начальника, иногда исполняютъ свое назначеніе лишь тогда, когда владѣлецъ ихъ умретъ: его обертываютъ ими безчисленное число разъ и подстилаютъ ихъ въ гробъ. До Упото и далѣе, на Конго можно встрѣтить совершенно обнаженныхъ людей, даже женщинъ, которыя, впрочемъ, въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше одѣтыхъ лучше ихъ на нижнемъ теченіи рѣки. Къ западу впервые у батекеховъ появляются болѣе полныя одѣянія баконговъ. Передники изъ желѣзныхъ бусъ, напоминающіе верхній Нилъ, и изъ желѣзныхъ колецъ, въ видѣ кольчуги, прикрѣпленныхъ къ растительной ткани, встрѣчаются у могуалловъ на верхнемъ Конго, между Руби (Итимбири) и Арувими.

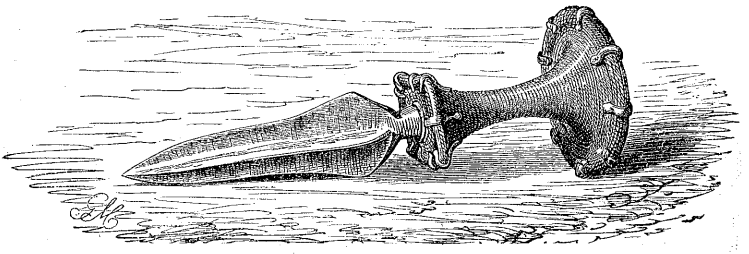
Въ этой обширной области повсюду живутъ воинственные народы. Ни одна европейская экспедиція не прошла здѣсь, не будучи осыпана стрѣлами, не встрѣтивъ сопротивленія. Можно сказать, что все Ломами, насколько оно изслѣдовано, окружено воинственными народами, и то же самое относится и къ Кассаи. Вездѣ встрѣчаются народцы, состоящіе изъ опасныхъ рѣчныхъ пиратовъ, какихъ фанъ-Геле видѣлъ на Убанги. Похищеніе людей производится ими отчасти для того, чтобы добыть мяса. Здѣсь особенно выдаются качество, количество и красота оружія. Когда Нахтигаль пріѣхалъ въ военный лагерь бѣжавшаго короля Багирми Абу Секкима, гдѣ была собрана 15-тысячная армія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ языческихъ южныхъ вассальныхъ народовъ, онъ нашелъ, какъ необходимое оружіе, метательное желѣзо, котораго у иныхъ было по нѣсколько экземпляровъ, даже

Художественныя произведенія народовъ южнаго Конго.

1) Рѣзной фетишъ балубовъ. 1/5 наст. велич. 2 и 3) Вырѣзанные изъ дерева кубки беналусамбовъ, 4) балубовъ, 5) балетеловъ. 6) Двойной кубокъ изъ Санкуру (Бассонго Мино). 7) Корзина съ крышкой бакубовъ. 8) Рѣзной ларецъ балубовъ. 9) Плетеная циновка балубовъ. 1/4—1/5 наст. велич.

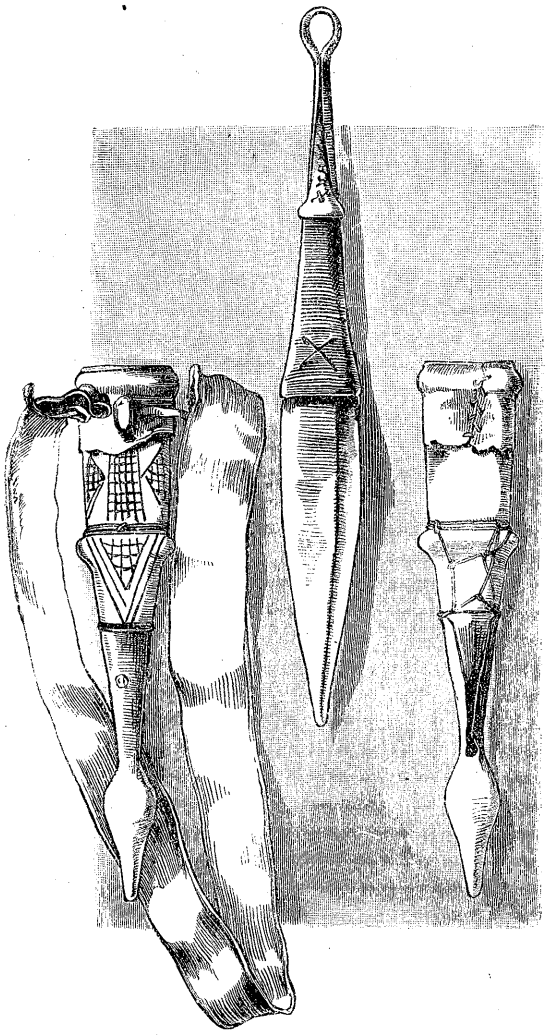
(Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ.)

до пяти, въ мѣховыхъ ножнахъ. Копья были не такъ многочисленны, хотя они были у всѣхъ, и еще менѣе были распространены ножи въ видѣ кинжаловъ, изготовленіе которыхъ у этихъ племенъ не достигло еще такой степени совершенства, какъ далѣе на югѣ. Одно весьма замѣчательное оружіе было у тѣхъ габеріевъ, которые въ военное время устраиваютъ себѣ жилища на высокихъ деревьяхъ. Это были дротики, длиною около полуметра, изъ крѣпкаго тростника, обрѣзанные на одномъ концѣ остріемъ, на подобіе писчаго пера, а на другомъ нагруженные веретенообразнымъ комкомъ глины. У нѣкоторыхъ буевъ (буа) на нижней части руки имѣлся полый цилиндръ изъ слоновой кости, съ цѣлью парированія ударовъ. Такое же обиліе оружія мы видимъ у мангбаттовъ; вмѣстѣ съ копьемъ, щитомъ и лукомъ, они носятъ кинжалообразные или серповидно изогнутые ножи весьма разнообразной формы (см. табл. „Оружіе мангбаттовъ), хотя у нихъ нѣтъ настоящихъ метательныхъ ножей сандеховъ. Торговля оружіемъ была очень оживленною и до ввоза огнестрѣльнаго оружія. Сандехи поставляли бонгамъ метательные ножи, кинжалы и короткіе мечи съ однимъ лезвіемъ. Вообще, въ областяхъ саваннъ лукъ и стрѣлы отступаютъ передъ копьемъ, которое, повидимому, преобладаетъ всюду, гдѣ возникаетъ болѣе сильная военная организація, какъ, напримѣръ, въ странѣ Лукенго. У восточныхъ лендусовъ встрѣчаются особенно тяжелыя ударныя копья, съ колбообразно утолщенными концами, которыми прокалываютъ хижины съ цѣлью умерщвленія спрятавшихся тамъ враговъ. Замѣчательно искусными въ метаніи копій Бауманъ называетъ бангаловъ. Съ другой стороны, въ лѣсу лукъ, и даже въ мелкой формѣ, вмѣстѣ съ ядовитыми стрѣлами, получаетъ преобладаніе, хотя его можно найти и у креджей. Клинокъ наконечниковъ копій принадлежитъ преимущественно къ вытянутой треугольной формѣ (см. рис., стр. 314), между тѣмъ, какъ наконечники стрѣлъ по преимуществу расширяются или дѣлаются въ видѣ лопатки, чтобы наносить болѣе широкія раны. На томъ и другомъ оружіи есть желобки и зазубрины. Древко стрѣлъ изготовляется изъ тростника и оперяется банановыми листьями или мѣхомъ. Тетива состоитъ изъ расщепленнаго испанскаго тростника, и узкій кусокъ дерева или мѣховая подушечка защищаетъ большой палецъ отъ отскакиванья тетивы (см. рис., стр. 292). Этотъ кусокъ дерева у мангбаттовъ дѣлается полымъ и содержитъ ядъ, въ который обмакиваются наконечники стрѣлъ. Лукъ дѣлается короткимъ, съ круто загнутыми концами, обматывается ротангомъ или кусочкомъ обезьяньей шкуры и снабженъ тетивой изъ ротанга или скрученнаго растительнаго волокна; или онъ дѣлается длиннѣе, сгибается болѣе равномѣрно и плоско, имѣетъ желобокъ на нижней сторонѣ, а на обоихъ концахъ — двѣ красиво сплетенныя кнопки для прикрѣпленія тетивы (см. рис., стр. 313). Первая форма, вмѣстѣ съ особенно ядовитыми стрѣлами, въ лѣсу распространена почти повсемѣстно, а у батекеховъ даже на самомъ Конго; послѣдняя всего чаще попадается на Кассаи и достигаетъ наилучшей выработки у басонгоминовъ, въ ихъ желобчатыхъ лукахъ изъ пальмоваго дерева, длиною въ 150 — 160 см. На Конго такіе же луки имѣютъ янкаи и бакумы. Мы знаемъ луки съ Куанго и Санкурру, ротанговыя тетивы которыхъ прикрѣпляются деревянными шариками.



Желѣзный кинжалъ, употребительный у сандеховъ и туареговъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 316.

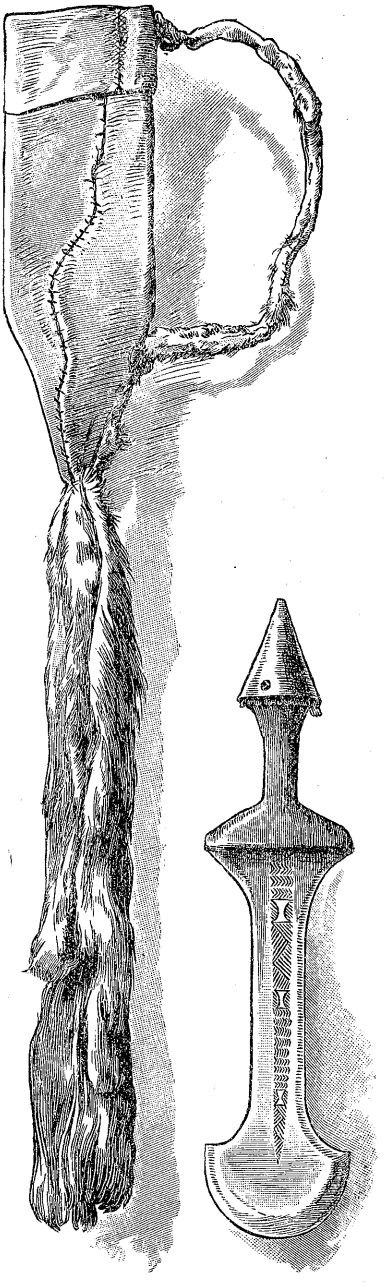
Метательные ножи принадлежатъ къ тѣмъ, какіе употребляются народами типа мангбаттовъ, къ сѣверу отъ Конго. Южнѣе ихъ видѣлъ въ одной лишь узкой полосѣ между Куанго и Кассаи только одинъ наблюдатель. Напротивъ, на сѣверѣ мы можемъ прослѣдить ихъ до Судана и отъ бонговъ и сандеховъ черезъ племена Убанги до фановъ Западнаго берега. Это вполнѣ своеобразное оружіе имѣетъ длину отъ 15 до 20 дюймовъ, рукоятку, обмотанную бичевками, и состоитъ изъ куска желѣза, на которомъ спереди на короткомъ клинкѣ насажено одинъ или нѣсколько косо поставленныхъ ножей, остро отточенныхъ (см. рис., стр. 312). Оружіе это бросается горизонтально такъ, что оно на лету вращается около своей оси, но въ большинствѣ случаевъ служитъ лишь для украшенія и простой угрозы; всего болѣе оно развито у мангбаттовъ (см. табл. „Оружіе мангбаттовъ“).



Ножи-кинжалы луровъ, носимые на шеѣ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 314.

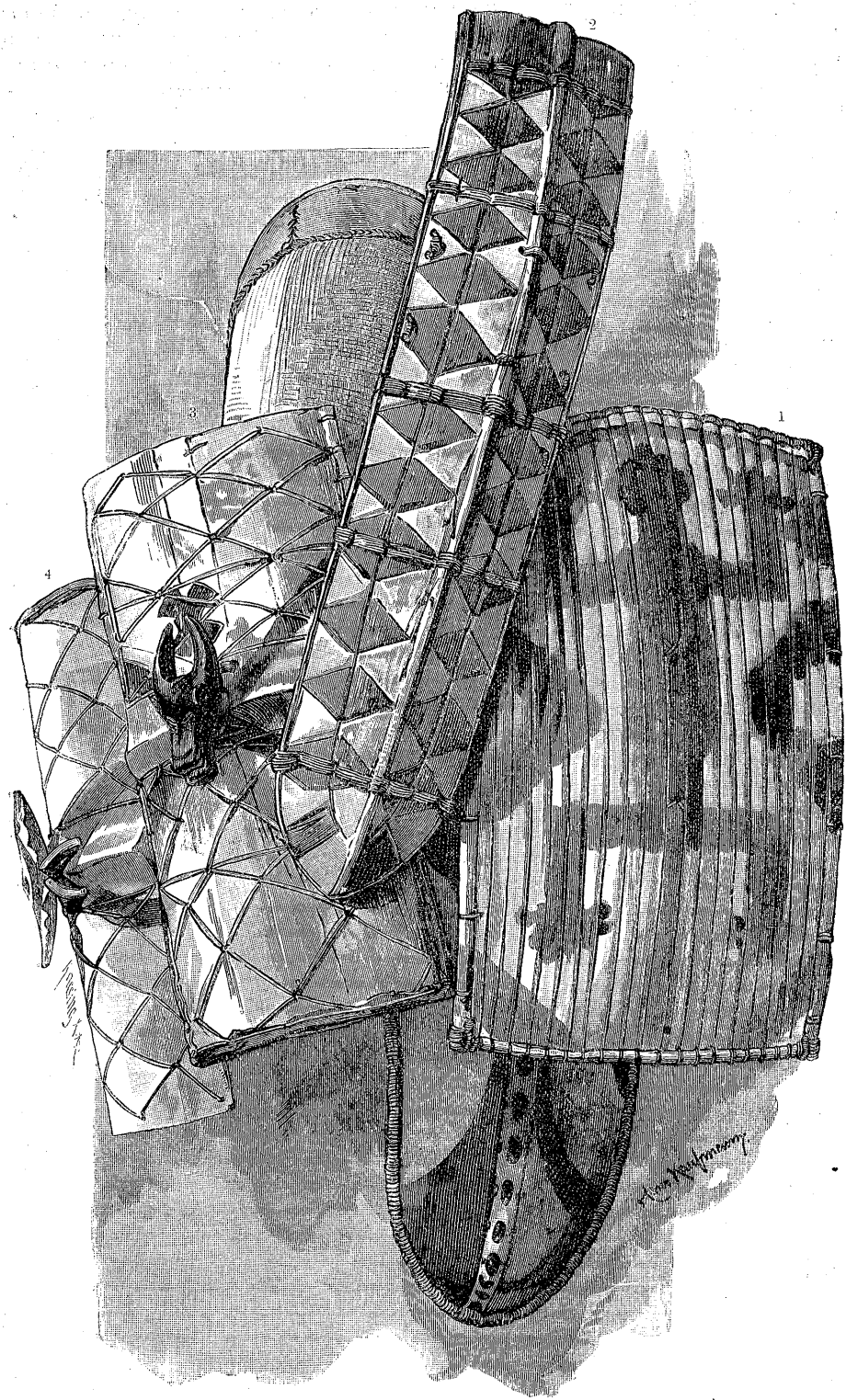
На югѣ предпочитаютъ топоры. Они являются на третьемъ мѣстѣ послѣ копья и лука, хотя часто служатъ лишь для украшенія (ср. рис., стр. 226). Съ ними связывается представленіе о власти. Каламба не хотѣлъ успокоиться, пока не пріобрѣлъ себѣ страшный боевый топоръ Чилунгомезо. У мона-тендовъ главное оружіе составляютъ копье и палица, и Франсуа видѣлъ тамъ особенно красивый топоръ. Небольшіе топоры наряду съ лукомъ являются главнымъ оружіемъ западныхъ балубовъ. Далѣе на востокѣ получаютъ преобладаніе ножи; ихъ носятъ въ деревянныхъ ножнахъ или просто на поясѣ; широкія формы ихъ и вытянутыя острія напоминаютъ болѣе простые метательные ножи. Бакеты также вооружены ножами, и широкіе ножи встрѣчаются у басонгоминовъ (см. рис., стр. 308). Близъ устья Куанго, напротивъ, ножи замѣняются наконечниками копій, снабженными рукояткой. Своеобразны также желѣзные кинжалы сандеховъ, которые въ томъ же видѣ встрѣчаются у туареговъ (см. рис., стр. 315). Древки ударныхъ копій часто покрыты красивой рѣзьбой и, когда ломаются, такъ же, какъ у мараевъ на Уэлле, употребляются въ видѣ нарядного оружія; наоборотъ, метательныя копья меньшей величины у сандеховъ столь же просты, какъ у зулусовъ. Сражающіеся копьями во всей области носятъ щиты (см. рис., стр. 318—320), но рѣдко изъ кожи, какъ на востокѣ и западѣ у нильскихъ народовъ (см. выше, стр. 281) и у фановъ, а деревянные или плетеные. Лишь у племенъ южнаго Багирми попадаются и кожаные щиты. Буи носили иногда мѣховыя куртки безъ

рукавовъ, скорѣе походившія на панцырь, чѣмъ на одежду, съ шерстью, обращенною наружу. Вслѣдствіе того, ихъ четвероугольные, плоскіе щиты изъ буйволовой шкуры, шерстью вверхъ, отличаются тѣмъ бо́льшимъ несовершенствомъ работы. Изъ другихъ племенъ бо́льшая часть носитъ овальные, плосковыпуклые щиты изъ корзиночнаго плетенія или буйволовой кожи, высотою въ два метра, но столь узкіе, что они пригоднѣе для парированія, чѣмъ для прикрытія. Поразительно узкіе щиты, примѣняющіеся только для парированія, встрѣчаются и у мундусовъ (см. рис., стр. 319, фиг. 1). Изъ плетеныхъ щитовъ сандеховъ мы изображаемъ здѣсь самую простую и самую совершенную формы (см. рис., стр. 319, фиг. 2 и т. I, стр. 139, фиг. 2). Крестообразный рисунокъ ихъ Швейнфуртъ считаетъ доказательствомъ соприкосновенія сандеховъ съ Западнымъ берегомъ; тамъ у ишоговъ онъ также выплетается на щитѣ. Но мы можемъ думать, что крестъ и здѣсь могъ произойти самъ собою, при отыскиваніи геометрическаго орнамента. Нѣсколько шире сплетенные изъ луба щиты батекеховъ, а у бангаловъ они походятъ на щиты сандеховъ. У мангбаттовъ и у народовъ сѣвернаго Конго на щиты обращается особое вниманіе; они вырубаются топоромъ изъ самыхъ толстыхъ стволовъ и представляютъ довольно широкія, плоскія, прямоугольныя доски, высотою въ $^2/_3$ человѣческаго роста; посрединѣ, снаружи, поперекъ его, проходитъ связывающая перекладина. Кромѣ того, они скрѣпляются параллельными поперечными полосами ротанга на обоихъ концахъ и на верхнемъ и нижнемъ краѣ (ср. рис., стр. 320). Каждая трещина стягивается тотчасъ же желѣзными или мѣдными скобками. Всѣ щиты выкрашены въ черный цвѣтъ и для украшенія обвѣшиваются иногда хвостами болотной свиньи (Potamochoerus). Пластинка, въ формѣ трапеціи, изъ тростниковаго плетенія вѣшается васонгорами, ради защиты, на шнуркѣ на шею за спиною.



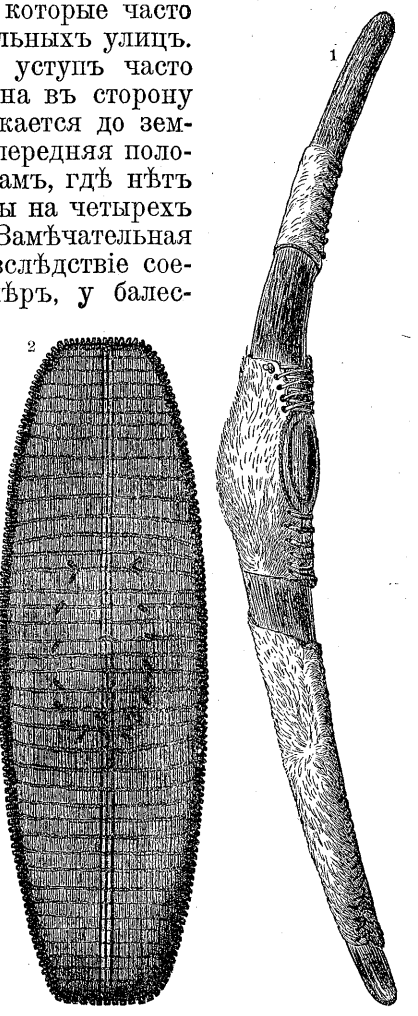
Ножи вакуссовъ, съ рукояткой, украшенной мѣдью, и ножнами. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 306. Около $^1/_5$ наст. велич.

Уже въ первыхъ деревняхъ Маньемы показывается четвероугольный основной планъ дома и вмѣстѣ съ тѣмъ новый стиль постройки. Стэнли писалъ о восточной пограничной деревнѣ Маньемы, Риба-Риба: „вмѣсто конусообразныхъ хижинъ здѣсь появляются четвероугольныя, съ косой кровлей, съ обрѣшеткой и плетеньемъ, иногда весьма опрятно покрытымъ глиной“. Разстояніе этихъ хижинъ, болѣе напоминающихъ наши дома, отъ восточно-африканскихъ построекъ другихъ мѣстъ выражается крайней конусообразной формой, какую мы находимъ еще въ Угомбо, на границѣ Маньемы. Вмѣстѣ съ новымъ способомъ постройки появляется и новый



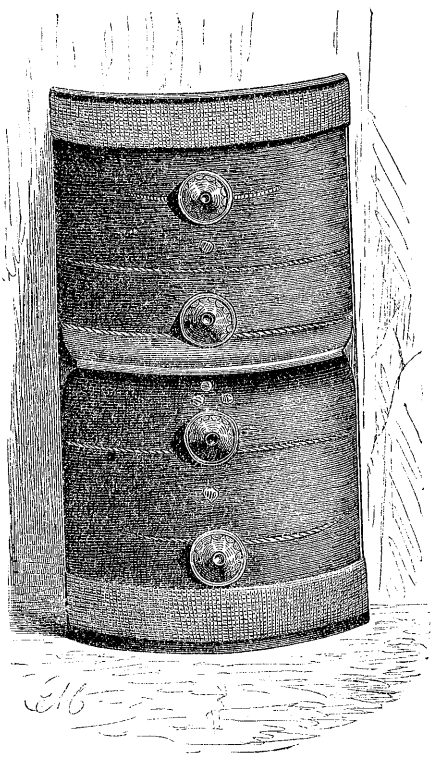
Щиты центральной Африки: 1) изъ восточнаго Башиланге, 2) изъ Маньемы, 3) изъ Бассималунги, 4) изъ Убудже. (1: коллекція Погге, 2—4: коллекція Висмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^{1}/_{12}$—$^{1}/_{13}$ наст. величины. Ср. текстъ, стр. 316 и 317.

видъ расположенія деревень: вмѣсто кольцеобразной группировки около одного центра, можно видѣть одну или нѣсколько правильныхъ улицъ, шириною отъ 30 до 45 метр., по сторонамъ которыхъ довольно прямыми линіями тянутся низкія, четвероугольныя хижины (см. характерное изображеніе деревни ашировъ на стр. 92). На одномъ концѣ этой улицы, или по обѣимъ сторонамъ, стоитъ домъ, служащій для совѣщаній или для общественныхъ бесѣдъ, откуда можно обозрѣвать всю деревенскую улицу. Небольшіе входы въ деревню, которые часто трудно отыскать, лежатъ между домами продольныхъ улицъ. Стѣны дома состоятъ изъ глины; глиняный уступъ часто образуетъ фундаментъ; задняя стѣна обращена въ сторону вѣтра, и кровля съ этой стороны часто спускается до земли, между тѣмъ, какъ выступающая впередъ передняя половина ея покоится на деревянныхъ сваяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой веранды, можно найти небольшіе навѣсы на четырехъ столбахъ для пребыванія во время дня. Замѣчательная разновидность этихъ построекъ возникаетъ вслѣдствіе соединенія домовъ одного ряда, какъ, напримѣръ, у балессовъ, у которыхъ хижина къ хижинѣ по обѣимъ сторонамъ улицы, длиною въ 60—120 км., стоятъ такъ плотно другъ къ другу, что деревня походитъ на два зданія съ косой крышей, переднія стѣны которыхъ, высотою въ $2^3/_4$ метр., обращены другъ къ другу, а заднія, въ $1^1/_2$ м. высоты, — къ лѣсу или къ прогалинѣ. Тотъ же способъ постройки встрѣчается и на сѣверныхъ притокахъ Конго. Смотря по мѣстности, улица, составленная изъ двухъ „длинныхъ домовъ“, идетъ параллельно или вертикально къ рѣкѣ. Батекехи заботятся о томъ, чтобы задняя сторона деревни, лежащей у рѣки, была прикрыта плотной, непроходимой стѣной лѣса. Рыболовные народы и бѣглецы живутъ въ свайныхъ постройкахъ, которыя попадаются во множествѣ на сѣверныхъ и южныхъ притокахъ Конго (Чуапѣ, Монгалѣ и др.). Расположеніе всюду соотвѣтствуетъ описанному выше, стр. 89. На хлопчатникахъ средняго Убанги фанъ Геле видѣлъ наблюдательные посты, сколоченные изъ досокъ, напоминавшіе жилища на деревьяхъ на югѣ Багирми. Граница съ круглыми хижинами востока лежитъ на краю степной страны. Но уже по ту сторону 25° в. д., въ области бакутовъ, мы слышимъ объ огражденіи 210 конусообразными хижинами и двумя четвероугольными строеніями — домомъ для собранія и кузницею, что̀ указываетъ на смѣшанный стиль. Лендусы живутъ также въ конусообразныхъ хижинахъ, и у мангбаттовъ подобныя хижины попадаются между преобладающими четвероугольными. На западѣ лежитъ граница въ области баконговъ, которые въ восточной части страны строятъ четвероугольныя, а въ западной — круглыя хижины. На югѣ мы находимъ у бакубовъ четвероугольный основный планъ, который въ Лундѣ переходитъ въ круглый. У болѣе значительныхъ правителей можно встрѣтить громадныя помѣщенія, мбанги (см. стр. 89), наполовину дворецъ, наполовину домъ для собранія, дли-



1) Щитъ мундусовъ, 2) щитъ макраковъ. (Вѣнскій этнографическій музей.) $^1/_{10}$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 317.

ною до 40 м. Деревянныя части вырѣзаны тамъ въ видѣ фигуръ людей и животныхъ, которыя выкрашены черной и бѣлой краской на красномъ фонѣ. Такая зала у правителя Мунзы имѣла почти 50 м. въ длину и 16 въ вышину. И у начальниковъ балубовъ дворцы состоятъ изъ одной залы, длиною въ 40 м., которая въ то же время служитъ мѣстомъ для танцевъ. Но монументальна только величина этихъ построекъ, а не ихъ прочность: дворецъ Мунзы черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ на него съ удивленіемъ смотрѣлъ Швейнфуртъ, былъ разрушенъ землетрясеніемъ. „Городъ долженъ быть очень стариннымъ, потому что тамъ и здѣсь поднимается могучее тѣнистое дерево надъ верхушками пальмъ", говоритъ Висманъ о главномъ мѣстечкѣ бенековъ. А между тѣмъ, деревья въ Африкѣ растутъ быстро.



Щитъ мангбаттовъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/20 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 317.

Проникая далѣе на сѣверъ, по правымъ притокамъ Конго, и на востокъ, мы встрѣчаемъ хижины съ круглымъ очертаніемъ. На верхнемъ Убанги отъ 20° и на Арувими отъ 23° в. д. и далѣе въ области сандеховъ господствуетъ конусообразный стиль. Но именно эти хижины выказываютъ наибольшее разнообразіе и несомнѣнно принадлежатъ къ лучшимъ постройкамъ въ Африкѣ. Въ этомъ мы убѣждаемся еще очевиднѣе, сравнивая ихъ постройки съ жалкими жилищами покоренныхъ народовъ. Проходя черезъ область макараковъ на югъ, приходится видѣть съ удивленіемъ хижины фадьелусовъ, которыя своими небольшими размѣрами и убогимъ видомъ значительно отличаются отъ просторныхъ жилищъ ихъ сѣверныхъ сосѣдей. Контрастъ кажется еще больше, когда мы слышимъ отъ Фелькина, что хижины бонговъ послѣ хижинъ Уганды были лучшими, какія онъ видѣлъ въ Африкѣ. Хижины бонговъ сверху сплющены, и этотъ признакъ сплющенія придаетъ архитектурному стилю ихъ національный отпечатокъ. Не малыя различія обнаруживаются въ области четвероугольныхъ хижинъ, соотвѣтственно общему культурному состоянію. Въ деревняхъ балубовъ видно съ перваго взгляда менѣе порядка, тщательности и опрятности (Висманъ), и то же самое говорятъ о бангалахъ. Бакубы, напротивъ, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ постройкѣ хижинъ выказываютъ высшій уровень, и деревни мангбаттовъ сіяютъ всюду чистотой и привѣтливостью. Въ плодородныхъ, политически охраняемыхъ странахъ часто одна деревня слѣдуетъ за другой, и это не только на берегахъ рѣкъ. Висманъ нашелъ и въ области саваннъ, къ востоку отъ Санкурру, ряды деревень, не прерывавшіеся въ теченіе цѣлыхъ часовъ.

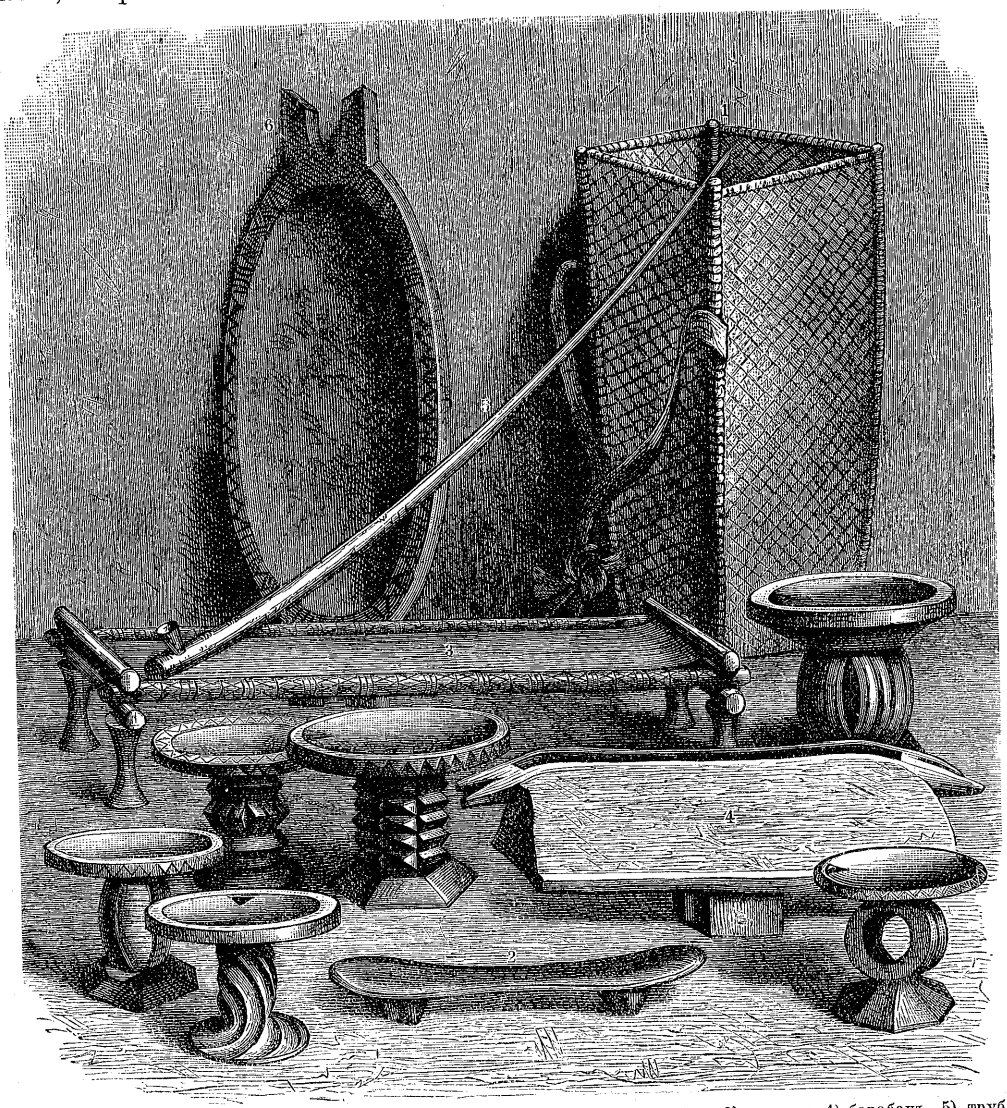
Помимо охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ, которые покупаютъ даже самое необходимое пищевое средство народовъ Конго, маньоковый хлѣбъ или болѣе прочный, высушенный на огнѣ и прокопченый маньоковый корень, тамъ всѣ болѣе или менѣе земледѣльцы, даже по преимуществу земледѣльцы. Разведеніе козъ, овецъ, куръ, а на сѣверѣ отчасти рогатаго скота является побочнымъ дѣломъ. Страна эта вполнѣ пригодна для земле-

дѣлія: она принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ и наилучше орошеннымъ областямъ Африки. Все, что растетъ въ области Нила, встрѣчается и здѣсь, и даже многое другое. Почва всего лучше производитъ „телабунъ“ (Eleusine), кустарный маисъ, кунжутъ, земляные орѣхи, тыквы, табакъ и пр.; въ дикомъ видѣ растутъ, между прочимъ, бананы, плоды которыхъ, какъ говорятъ, доходятъ до длины одного фута, бататы и масличная пальма, съ плодами, величиною съ обыкновенный бананъ. Масляное дерево распространено повсюду. Въ странѣ мангбаттовъ Эминъ паша шелъ по узкой тропинкѣ между сплошными стѣнами растеній, въ которыхъ соперничали въ пышности настоящія дѣти лѣсовъ съ культурными растеніями, одичавшимъ бананомъ и маньокомъ, выросшимъ до размѣровъ дерева. Въ виду такого плодородія, тѣмъ болѣе поражаетъ извѣстная скудость или, вѣрнѣе, однообразіе земледѣлія у нѣкоторыхъ народовъ на сѣверѣ, въ особенности у сандеховъ. Наименѣе значительное хлѣбное растеніе, Eleusine coracana, составляетъ именно здѣсь главный предметъ культуры; съ другой стороны, сорго вполнѣ отсутствуетъ въ большинствѣ странъ области сандеховъ, а маисъ воздѣлывается лишь въ незначительныхъ размѣрахъ; этотъ послѣдній, напротивъ, во многихъ восточныхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Маньемѣ и Мангбатту, предпочитается прочимъ хлѣбнымъ растеніямъ. Здѣсь, повидимому повторяется отношеніе господствующей расы въ Суданѣ къ покореннымъ неграмъ, лучшимъ земледѣльцамъ, чѣмъ ихъ властители. Здѣсь нѣкоторые народы мало придаютъ значенія земледѣлію и относятся къ своимъ сосѣдямъ, какъ крупные, но лѣнивые землевладѣльцы къ прилежнымъ фермерамъ. Повидимому, въ земледѣліи здѣсь стоятъ выше всѣхъ покоренные калликасы, страна которыхъ (къ югу отъ области макараковъ подъ 3° с. ш.) произвела на Юнкера впечатлѣніе одной изъ богатѣйшихъ странъ, видѣнныхъ имъ въ Африкѣ. „Эту страну съ перваго взгляда можно сравнить съ обработанной мѣстностью въ Европѣ, благодаря обширнымъ обработаннымъ полямъ, со стеблями дурры, гораздо выше человѣческаго роста, между которыми прятались туземцы, и небольшимъ участкамъ, засѣяннымъ лубіей, различными породами бобовъ, тыквъ, сладкихъ бататовъ и пр. Этому впечатлѣнію содѣйствовали луга на пологихъ холмахъ, по которымъ протекали во всѣхъ направленіяхъ небольшіе потоки, ручьи и глубокія канавы, сопровождавшіеся роскошной древесной растительностью, въ видѣ узкихъ зеленыхъ полосъ. Съ культурныхъ полей поднимались небольшія, заключавшія лишь нѣсколько дюжинъ деревьевъ рощи, высокіе стволы которыхъ окружены были плотной сѣтью кустарниковъ и ползучихъ растеній; отдѣльныя деревья, занимающія мѣсто нашихъ деревенскихъ липъ, представляли мирные, тѣнистые уголки. Здѣсь во многихъ мѣстахъ можно встрѣтить распредѣленныя по всей странѣ небольшія группы жилищъ; съ другой стороны, пальма делебъ и бананы вездѣ попадаются лишь отдѣльно“. Въ бассейнѣ Конго преобладаетъ маньокъ; вступая сюда съ востока, масличную

1) Головка трубки, 2) трубка баира-вакондьевъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1: $^3/_8$ наст. велич.

пальму приходится видѣть впервые у мангбаттовъ, и рядомъ съ нею бананы.

Обитатели бассейна Конго вообще питаются болѣе растеніями, чѣмъ мясомъ; ихъ главную пищу составляетъ маньокъ, въ верхней части — бананы, на рѣкѣ — копченая рыба, а въ лѣсу — насѣкомыя; главнымъ напит-

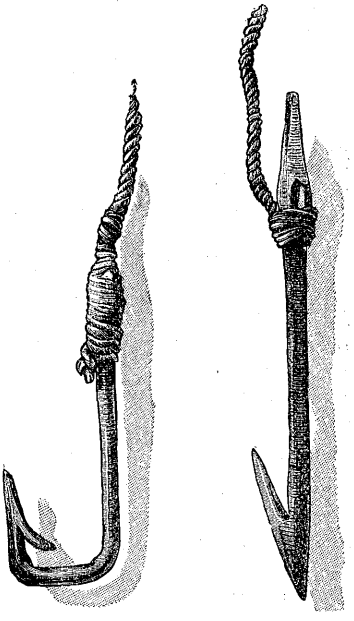


Домашняя утварь мангбаттовъ: 1) Корзина для переноски, 2) скамейка, 3) кровать, 4) барабанъ, 5) трубка, 6) подносъ; сюда присоединяются различные стулья. (По Швейнфурту.) 1/20 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 328.

комъ служитъ пальмовое вино. Соотвѣтственно высокому уровню матеріальной культуры, у многихъ народовъ и приготовленіе кушаній довольно разнообразно. Юнкеръ хвалитъ поленту изъ молочныхъ маисовыхъ зеренъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они много пьютъ и курятъ. Мангбатты не ѣдятъ мяса слона, льва и змѣи; напротивъ, обитатели экваторіальнаго Конго ѣдятъ слоновъ, бегемотовъ, буйволовъ, кабановъ, леопардовъ, цибетовыхъ виверръ, антилопъ, мышей, крысъ, летучихъ мышей, крокодиловъ, змѣй, игуановъ, термитовъ и различныхъ птицъ, улитокъ, насѣкомыхъ,— и людей; впрочемъ, объ этомъ будетъ сказано ниже. При этомъ они дер-

жатъ, хотя и въ небольшомъ количествѣ, козъ, овецъ, гусей и куръ. Суданская соль, повидимому, не проникаетъ сюда, такъ какъ мы знаемъ о приготовленіи суррогата ея изъ часто встрѣчающагося растенія Pistia stratiotes и другихъ болотныхъ растеній. Въ Мангбатту мы встрѣчаемъ въ первый разъ орѣхъ колу, который любятъ жевать даже властители сандеховъ. О значительномъ потребленіи вина изъ пальмъ, банановъ, сахарнаго тростника и пр. мы уже говорили выше. Тамъ, куда съ сѣвера проникло сорго, область распространенія котораго простирается отъ Судана до страны сандеховъ на востокѣ и на западѣ достигаетъ сѣверныхъ областей Камеруна, встрѣчается и Merissa, которую можно сравнить съ пивомъ изъ Eleusine страны сандеховъ. Мѣриломъ потребленія табака можетъ служить обширное распространеніе воздѣлыванія этого растенія. Сандехи — самые большіе курильщики и самые крупные табаководы Африки. Тамъ нельзя найти ни одной хижины безъ табачной гряды, посаженной возможно ближе къ дому, чтобы уберечь ее отъ расхищенія. На ихъ языкѣ въ этой области существуетъ одно только слово для этого культурнаго растенія — „гундехъ“. Они курятъ табакъ изъ короткихъ глиняныхъ трубокъ безъ чубука, а мангбатты пользуются поразительно длинными трубками (см. рис., стр. 322, фиг. 5 и т. I, стр. 83); жеваніе табаку находится въ употребленіи у бонговъ. У нихъ табакъ (вѣроятно, смѣшанный, съ коровьимъ навозомъ) складывается въ комки, твердые, какъ камень, разбивается съ трудомъ и растирается между камнями; этотъ „мепиръ“ такъ крѣпокъ, что непривычные курильщики могутъ употреблять его только въ смѣси съ листьями легкаго табаку. Лишь состоятельные люди обладаютъ большими запасами его, вслѣдствіе высокой цѣны его. Табачные листья, даже за предѣлами внутренней страны Камеруна, играютъ роль одного изъ самыхъ желательныхъ подарковъ и средствъ обмѣна. Племена Конго очевидно были знакомы съ табакомъ задолго до прибытія европейцевъ; они курятъ его изъ трубокъ съ чубукомъ (см. рис., стр. 321). Употребленіе въ пищу земли въ бассейнѣ Конго въ новѣйшее время наблюдалось на Локебо, гдѣ люди нездороваго вида, вѣроятно, вслѣдствіе страданія желудка, погибаютъ отъ него. Кромѣ яда для отравленія стрѣлъ, ядъ употребляется и при судоговореніи. Мангбатты ведутъ своимъ ядомъ бенге значительную торговлю. Тамъ, гдѣ просо или маисъ употребляются въ кушанья, посрединѣ деревни устроена платформа, съ плотно утоптанной глиной; на нее кладется тяжелое бревно, въ которомъ выдалбливаются различныя углубленія. Эти ступки, напоминающія корыто (см. рис., стр. 74), встрѣчаются на среднемъ Конго по одиночкѣ или по двѣ передъ хижинами. Глиняныя круглыя, стоящія на подставкахъ, плетеныя зернохранилища здѣсь исчезаютъ и уступаютъ мѣсто длиннымъ жердямъ, къ которымъ прикрѣплено около дюжины горизонтальныхъ шнурковъ изъ ліанъ или ползучихъ растеній, на одинаковомъ

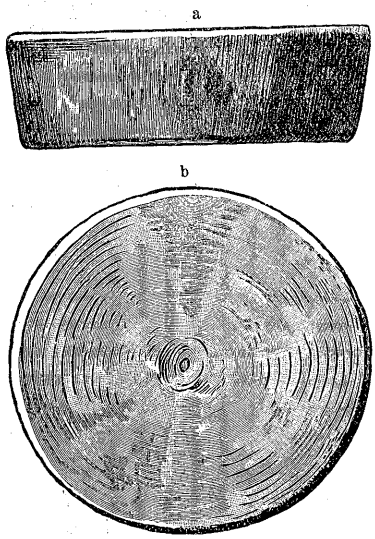
Деревянный колокольчикъ для собакъ у лендусовъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Около 1/4 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 329.



Удочки съ озера Альберта. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 2/3 наст. величины. Ср. текстъ, стр. 257 и 325.

разстояніи сверху внизъ. На этихъ шнуркахъ вѣшается маисъ, острымъ концомъ внизъ. Если здѣсь обрабатывается сортъ маиса съ крючкообразно изогнутыми початками, какой Ливингстонъ видѣлъ въ Маньемѣ, то онъ просто развѣшивается на своихъ крючкахъ. Въ видѣ кучъ изъ раковинъ и костей, собраны во множествѣ мѣстъ Конго остатки трапезъ предшествовавшихъ поколѣній.

Изъ домашнихъ животныхъ собака и овца на Конго вполнѣ походятъ на своихъ родичей въ странѣ Мангбатту, съ которыми впервые ознакомился Швейнфуртъ. Овца, имѣющая въ Африкѣ представителей двухъ породъ, является главнымъ домашнимъ животнымъ отъ Уэлле до внутренней области Камеруна. Разведеніе домашняго скота разомъ уменьшается отъ Нила къ западу; джуры — послѣдніе усердные скотоводы, и рядомъ съ ними можно назвать еще логговъ (логго), живущихъ къ западу отъ калликасовъ. Сандехамъ, мангбаттамъ, бармбамъ и др. коровы и козы извѣстны большею частью по наслышкѣ. Сандехи, напротивъ, такъ же, какъ и „всеядные“ бонги — большіе любители собакъ (см. рис., стр. 307). Животныя ихъ чрезвычайно наклонны къ ожиренію, которому еще способствуютъ хозяева, такъ какъ собачье мясо составляетъ одно изъ ихъ главныхъ лакомствъ. Собакъ откармливаютъ и ѣдятъ нѣкоторые народы и въ бассейнѣ Конго, и ихъ кровью опрыскиваютъ себя при заключеніи кровнаго союза. Отсутствіе стадъ рогатаго скота послужило этимъ народамъ на пользу въ первыя времена египетскаго вторженія, которое не нашло здѣсь заманчивой добычи. Собаки и куры — единственныя домашнія животныя мангбаттовъ, если не считать случайно попадающуюся болотную свинью (Potamochoerus). Обладателями большихъ стадъ овецъ и козъ по преимуществу являются мабоди на своихъ обширныхъ равнинахъ.



Деревянные губные кружки женщинъ вавировъ: a) сбоку, b) сверху. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/6 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 313.

Охота обыкновенно предоставляется небольшимъ разсѣяннымъ охотничьимъ племенамъ, которыя добычу ея вымѣниваютъ у сосѣдей на продукты земледѣлія и промышленности. Нѣкоторые участки области саваннъ бѣднѣе животными, чѣмъ у насъ охотничьи мѣстности среднихъ размѣровъ, и у лендусовъ даже усердно ловятъ крысъ въ западни, напоминающія верши. Тѣмъ не менѣе, охотничьи семьи или племена встрѣчаются повсюду. Тамъ можно видѣть лодки, занятыя каждая семействомъ и сворой собакъ: это — охотники, обильно снабженные сѣтями и копьями. Нѣкоторые народы извѣстны, какъ охотники за слонами; они уходятъ на большія разстоянія. Кокильяя сообщаетъ, что нгомбехи бродятъ по странѣ отъ Мобунги до Лулонго, охотясь за слонами. Въ лѣсу малорослыя племена могутъ быть названы профессіональными охотниками, но въ открытыхъ мѣстахъ охота съ сѣтями и съ западнями составляетъ занятіе господъ: мужчины сандеховъ только этой охотѣ отдаются съ извѣстнымъ увлеченіемъ. Сообразно своему положенію властителей надъ темными покоренными племенами, они охотятся въ большихъ размѣрахъ и запасаютъ, въ особенности послѣ сжиганія травы, большія количества сушенаго мяса. Для охоты они приручаютъ какое-то небольшое хищное животное, быть можетъ, Rhyzaena. Рядомъ съ многочисленными видами птицъ, тамъ можно встрѣтить въ прирученномъ видѣ и попугая (Psittacus erithacus) съ краснымъ хвостомъ; его часто вы-

учиваютъ говорить. Оригинальнымъ охотничьимъ оружіемъ является короткое гарпунное копье, съ клинкомъ, усаженнымъ зазубринами, которое употребляется на охотѣ за кабанами. Тамъ замѣчается больше склонности къ рыбной ловлѣ, которая, быть можетъ, нигдѣ во всей Африкѣ не производится въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ у водопадовъ Стэнли. Удочки предоставляются дѣтямъ; взрослые ставятъ верши (рыбныя верши баатовъ на Убанги такъ тяжелы, что ихъ могутъ перевозить только двѣ связанныя между собою лодки) и загоняютъ, плавая при этомъ и производя шумъ съ помощью барабана, рыбу къ вбитымъ въ дно сваямъ. Эти загородки они ставятъ въ самыхъ бурныхъ водоворотахъ и стремнинахъ, мѣстами такъ часто, что ихъ можно назвать цѣлымъ лѣсомъ свай. Рыбу ловятъ и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Вагеніи, самые усердные рыболовы, въ обширныхъ размѣрахъ пользуются барабаннымъ телеграфомъ для переговоровъ между собою. Сушеная рыба составляетъ предметъ торговли, который съ нижняго Касаи и отъ водопадовъ Стэнли развозится торговыми народами на большія разстоянія.

Обитатели Конго и его притоковъ искусны въ строеніи лодокъ и управленіи ими. Въ этомъ смыслѣ о нихъ еще въ прежнія времена съ похвалою отзывались португальцы. Стэнли на Конго нашелъ еще болѣе крупныя лодки, чѣмъ на озерѣ Викторіи. Длина одной изъ лодокъ, отнятыхъ у Мвана Тапы, доходила до 26 метр., а фанъ Ронслѐ говоритъ о лодкахъ почти такой-же длины у водопадовъ Стэнли. У рубунговъ Стэнли встрѣтилъ многочисленныя лодки безукоризненной формы, съ прекрасной рѣзьбой; гребцы подвигали ихъ, стоя, съ помощью веселъ, почти въ 2 метр. длиною, половину которыхъ занимало заостренное расширеніе. Съ большою смѣлостью они гребли надъ самыми стремнинами, гдѣ кратковременный упадокъ силъ могъ бы повести ихъ къ гибели. Лодки составляютъ цѣнное достояніе, и постройка ихъ, такъ же, какъ и рѣзьба веселъ, доступна не каждому лицу или не каждому народу. Вагеніи, столь искусные въ судоходствѣ, добываютъ лодки гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ у бангаловъ, у ваманговъ на Линди. Ихъ по возможности прячутъ тамъ, гдѣ устье ручья или естественная бухта представляетъ для нихъ защиту, въ искусственныхъ боковыхъ каналахъ отъ 3 до 10 метр., облегчающихъ въ то же время рыбную ловлю. Ихъ хранятъ и подъ водою, гдѣ онѣ держатся еще лучше. Вверху на Уэлле, въ Абасанго, живетъ народъ на островахъ, обладающій обиліемъ лодокъ, а на Логонѣ Ба́ртъ видѣлъ въ одно время около полусотни судовъ, длиною отъ 8 до 10 м., съ большими носовыми частями, скользившихъ по рѣкѣ. Бассамы въ Бенуэ обладаютъ судами, носы которыхъ имѣютъ форму головы крокодиловъ, а широкія весла украшены выжженными узорами и привязаны къ гибкимъ жердямъ. Сандехи и бандіи рѣдко спускаются на воду; у баатовъ на Момобанги можно видѣть, однако, каждое утро женщинъ и дѣтей, ѣдущихъ на работу, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ воиновъ, въ 200—300 лодкахъ. Въ странѣ, богатой водою, существованіе естественно становится земноводнымъ: это можно сказать о рыбакахъ, которые больше живутъ на водѣ, чѣмъ на сушѣ, и о пиратахъ, которые удаляются на нѣсколько дней пути отъ своей родины съ цѣлью грабежа.

Работы изъ желѣза нѣкоторыхъ народовъ нашей области многочисленны и красивы и выказываютъ то, что Юнкеръ у амубенговъ на Уэлле называетъ „чувствомъ художественной техники“; но далеко не всѣ занимаются этими работами въ большомъ масштабѣ. Нечего и говорить, что мы находимъ превосходныхъ кузнецовъ на богатомъ желѣзомъ востокѣ. Къ нимъ принадлежатъ бонги, которые нѣкогда изготовляли большія количества доброкачественнаго желѣзнаго товара, въ особенности тонкія кольца для украшенія, которыя носили по 20—30 на нижней части руки, и клинки для копій съ зазубринами. Выплавка руды происходитъ у нихъ и у манг-

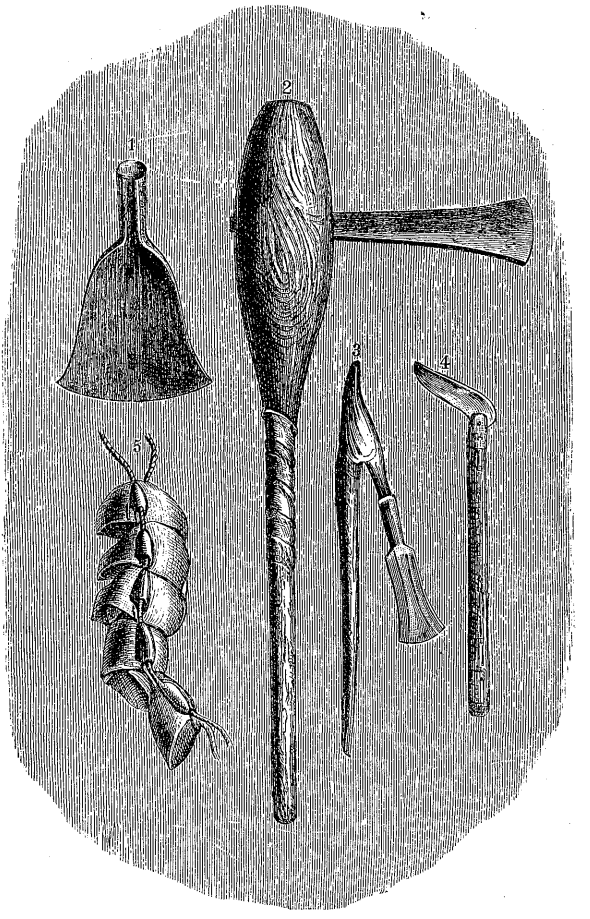
баттовъ такъ же, какъ и у другихъ обитателей внутренней Африки, съ помощью мѣховъ, состоящихъ изъ глинянаго цилиндра прикрытаго двумя размягченными банановыми листами. Какъ по быстротѣ работы, такъ и по изяществу продуктовъ, кузнецы мангбаттовъ стоятъ еще выше кузнецовъ бонговъ (ср. выше, стр. 289). Кокилья въ особенности отмѣчаетъ сходство между кузнецами бангаловъ и кузнецами мангбаттовъ, описанными Швейнфуртомъ. Какъ средоточіе обработки желѣза, славится мѣстечко

1) Фетишъ бенекіевъ. 2) Украшеніе изъ перьевъ башиланговъ. 3) Поясъ изъ Убудже. 4) Плетеная шапка изъ Санкурру. 5) Ножъ для татуированья у балубовъ. (1—4 коллекція Висмана, 5) коллекція Л. Вольфа, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Около $^1/_3$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 309 и 327.

нгомбеховъ Икунгу, на экваторіальномъ Конго. У южныхъ кузнецовъ въ области балубовъ существуютъ вполнѣ своеобразные методы изготовленія желѣзныхъ украшеній и оружія: такъ, напримѣръ, они скручиваютъ винтообразно желѣзныя полосы въ раскаленномъ состояніи. Такимъ способомъ изготовляются шейныя кольца. Они скручиваютъ такимъ образомъ и по нѣсколько полосъ вмѣстѣ и оттачиваютъ изъ скованной массы топоры. У балубовъ часто встрѣчаются хорошо выдѣланные, широкіе ножи, на которыхъ передъ послѣдней закалкой выбиваются твердымъ пунсономъ геометрическіе узоры; кромѣ того, на нихъ дѣлается рѣзьба и мѣдныя насѣчки. Видно, что именно здѣсь, въ противоположномъ углу нашей области, замѣчается то „упражненіе глаза въ правильности и симметріи“, развитіе кото-

раго Юнкеръ находилъ у мангбаттовъ въ большей степени, чѣмъ у какого-либо иного негрскаго народа.

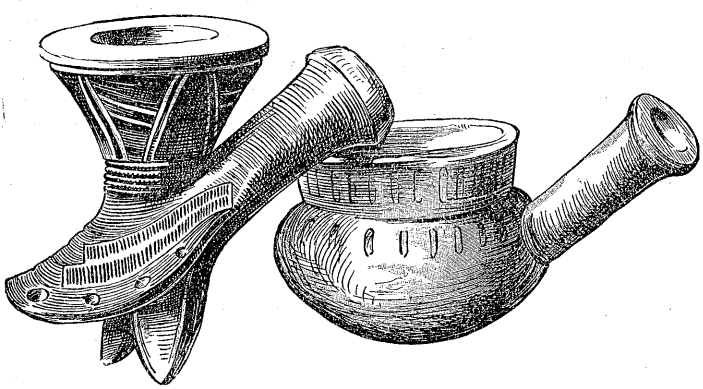
Желтая и красная мѣдь здѣсь играютъ такую роль, какъ нигдѣ въ Африкѣ въ другомъ мѣстѣ. Послѣдняя привозится на востокъ изъ Гофры энъ Нагасъ, а на западѣ центромъ ея распространенія является, повидимому, Маньянга. И желтая, и красная мѣдь, въ видѣ полосъ, проволоки и колецъ (см. рис., стр. 363), принадлежатъ къ самымъ ходкимъ, цѣннымъ предметамъ торговли и имѣютъ широкое распространіе въ качествѣ денегъ. У сандеховъ можно найти цѣльныя мѣдныя копья, безъ сомнѣнія, служащія только для украшенія. Но мѣдь предпочтительно употребляется въ небольшихъ количествахъ для украшенія и охотно, съ большимъ вкусомъ, вкрапливается въ желѣзо. Балубы покрываютъ деревянныя вещи, напримѣръ, рукоятки топоровъ, тонко расплющенной листовой мѣдью, вмѣсто крокодиловой кожи, употребляющейся въ другихъ мѣстахъ. Мангбатты, напротивъ, тянутъ изъ мѣди проволоку, которой они обматываютъ луки, древки копій, рукоятки ножей и т. под. (см. рис., т. I, стр. 83). Мѣдью обиваются щиты и палочки для ушей, ею связываются кольца изъ буйволовой кожи и обдѣлывается бахрома поясовъ. Вплетаемой мѣдной проволокой украшаются изящные кинжалы макараковъ, съ блюдцеобразной рукояткой. Здѣсь мѣдь имѣетъ цѣну, приближающуюся къ нашей цѣнѣ золота, а желѣзо — серебра. На экваторіальномъ Конго мы находимъ примѣненіе желтой и красной мѣди въ большемъ количествѣ, даже для ружейныхъ пуль.



Орудія мангбаттовъ: 1) заступъ, 2 и 3) топоры, 4) ножъ, 5) трещетка. (По Швейнфурту.) 1/6 наст. велич.

Рѣзьба по дереву высоко развита. Въ томъ видѣ, въ какомъ Швейнфуртъ описывалъ ее у сандеховъ и мангбаттовъ, мы находимъ ее и къ югу отъ Конго. Изъ мощныхъ Rubiaceae, которыя они съ большимъ трудомъ рубятъ съ помощью своихъ маленькихъ топоровъ и обрабатываютъ орудіемъ, похожимъ на долото, выдѣлываются ими не только исполинскія лодки и щиты, барабаны, стулья и доски, но и болѣе мелкіе продукты въ своемъ родѣ высоко развитаго художественнаго ремесла. Они работаютъ эти тонкія рѣзныя вещи особымъ орудіемъ, съ одностороннимъ лезвіемъ. Разнообразіе ихъ рѣзныхъ подносовъ необычайно; нѣкоторые изъ нихъ снабжены кольцеобразными ручками, а другіе — четырьмя ножками. Вообще, придѣлываніе ножекъ ко всей ихъ деревянной утвари весьма распространено. Кромѣ круглыхъ табуретокъ для женщинъ, они дѣлаютъ еще скамейки на че-

тырехъ ножкахъ для мужчинъ, съ отдѣльными частями не склеенными и не сколоченными гвоздями, а сшитыми тонкими полосками испанскаго тростника. Замѣчательна также кровать, напоминающая древне-египетскую, изъ бамбуковыхъ палокъ и тростника (см. рис., стр. 322, фиг. 3), которую, впрочемъ, можно прослѣдить до южныхъ областей вагумовъ. Сандехи и бонги также искусны въ рѣзьбѣ по дереву. Эминъ паша вообще первымъ отдаетъ предпочтеніе въ чисто художественномъ отношеніи. Они украшаютъ ножки стульевъ богатой рѣзьбой, вырѣзываютъ и человѣческія фигуры и дѣлаютъ изящныя деревянныя ложки. Красивыя арфы, шейки которыхъ заканчиваются рѣзными головками людей или животныхъ и которыя вывозятся сандехами къ бонгамъ и другимъ сосѣднимъ народамъ, показываютъ, съ какимъ вкусомъ и утонченностью они могутъ работать (см. рис., стр. 13 и 329). У бонговъ эта отрасль искусства, благодаря множеству человѣческихъ фигуръ, какими они украшаютъ свои деревни, ворота и гробницы, достигаетъ высокаго развитія. Тамъ въ деревняхъ часто можно встрѣтить цѣлые ряды вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ, при входѣ въ ограду изъ свай или вблизи хижинъ старшинъ, — изображенія душъ, быть можетъ, также памятники выдающихся личностей или, какъ, напримѣръ, въ поляхъ лендусовъ, рѣзныя палки для отвращенія дурного глаза (см. рис., стр. 334). Подобное тому можно найти, однако, и въ Угугѣ и въ Убуджве (см. рис., т. I, стр. 46). Съ другой стороны тотъ-же стиль, то же пристрастіе къ воспроизведенію человѣка, въ связи съ, быть можетъ, еще большею умѣлостью, находимъ мы и на югѣ. Балубы изготовляютъ кубки изъ дерева, съ весьма характерными воспроизведеніями человѣческихъ фигуръ и лицъ (см. табл. „Художественныя произведенія народовъ южнаго Конго“), вырѣзываютъ на рукояткахъ ножей и даже на древкахъ копій человѣческія черты и части тѣла и къ стульямъ придѣлываютъ подставки, изображающія обремененныя тяжестью человѣческія фигуры (см. рис., стр. 311).



Головки трубокъ вавумбовъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Нѣсколько болѣе 1/2 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 306.

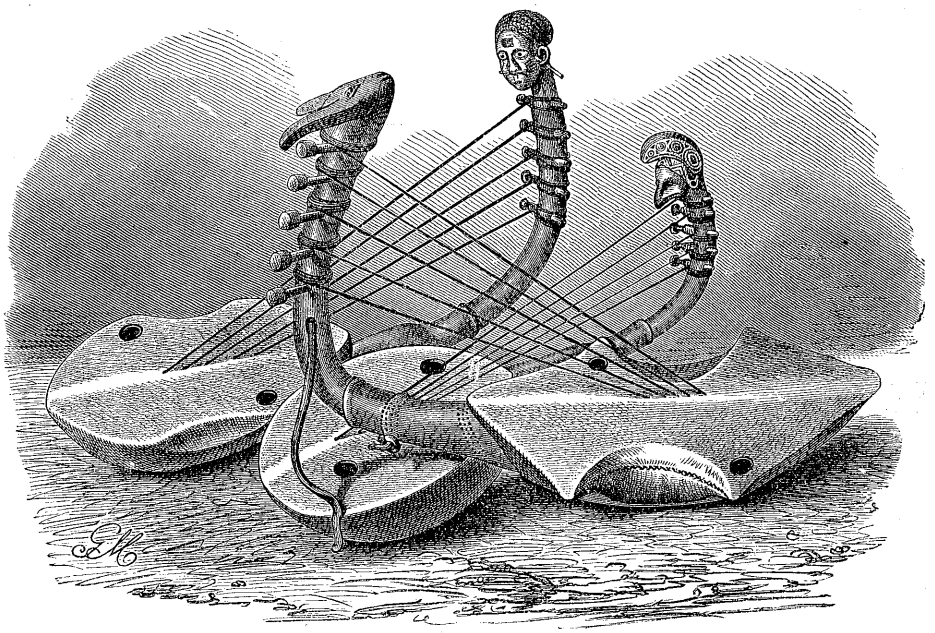
Гончарное искусство, какъ и повсюду, распространено неравномѣрно. Оно даетъ многочисленные продукты въ Маньемѣ, гдѣ 20—30 глиняныхъ горшковъ на особыхъ подставкахъ привѣшиваются къ потолку хижинъ, и достигаетъ высшей ступени на востокѣ, гдѣ мангбатты выдѣлываютъ глиняныя вещи, лучшія во всей средней Африкѣ. (см. рис., стр. 79). Они превосходятъ въ этомъ отношеніи какъ бонговъ, такъ и западно-африканскихъ горшечниковъ, работающихъ по мавританскимъ образцамъ. Хотя они работаютъ изъ грубаго матеріала и незнакомы съ гончарнымъ кругомъ, но они выдѣлываютъ сосуды, замѣчательные по своей симметричности и поражающіе вкусомъ своихъ простыхъ украшеній. Въ свои лучшіе сосуды они вводятъ уже ручки, не встрѣчающіяся въ африканскихъ глиняныхъ издѣліяхъ другихъ мѣстъ. Ихъ кувшины для воды напоминаютъ египетскія формы, а сосуды для масла снабжены многочисленными украшеніями.

иняные сосуды сандеховъ также замѣчательны. Въ плетеныхъ работахъ до самой глубины лѣсной области господствуетъ своеобразный стиль

народовъ верхняго Нила, состоящій въ томъ, что всѣ круглыя блюда, тарелки и пр. имѣютъ четвероугольное основаніе.

Поразительна и характерна небольшая польза, какую извлекаютъ изъ каучука народы, живущіе между камедевыми деревьями. Они его употребляютъ только случайно, въ видѣ мастики, и для изготовленія барабанныхъ палочекъ.

У нихъ можно найти и нѣкоторые оригинальные музыкальные инструменты. Между тѣмъ, какъ у мангбаттовъ, къ нашему удивленію, мы не находимъ никакихъ струнныхъ инструментовъ и даже маримба (см. рис., стр. 37, фиг. 14), имъ неизвѣстна, рога и трубы (см. рис., стр. 333), ихъ достаточно употребительны во всей Африкѣ, а полукруглые, плоскіе

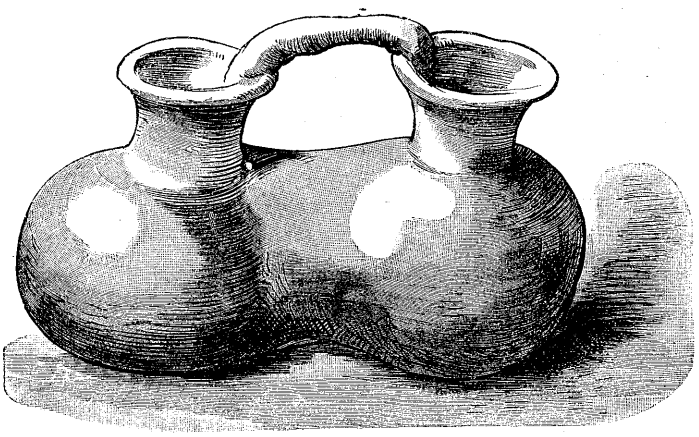


Арфы сандеховъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 328; ср. также рис., стр. 13.

барабаны (см. рис., стр. 332) представляютъ примѣръ увеличеннаго воспроизведенія мелкой формы изъ другого матеріала и для другихъ цѣлей. Въ сущности, это — лишь увеличенные плоскіе колокольчики области Конго; они узки, выдолблены изъ одного куска дерева и имѣютъ на узкомъ концѣ двѣ рукоятки, за которыя ихъ можно держать прямо и бить по нимъ снаружи каучуковой колотушкой. Они похожи на дифумы Лунды. На охотничьихъ собакъ здѣсь навѣшиваютъ небольшіе деревянные колокольчики (см. рис., стр. 323).

По всей этой области ходятъ мѣстные торговцы, предоставляя другъ другу опредѣленныя мѣстности, такъ что каждая болѣе крупная группа народовъ имѣетъ своихъ торговыхъ людей. Нигдѣ въ негрской Африкѣ торговля не занимаетъ такого высокаго положенія: нигдѣ она не оказываетъ такого вліянія, нигдѣ въ такой степени не признается государствомъ и не подчиняется извѣстнымъ правиламъ. Кундъ указываетъ, что ему во внутренней странѣ Камеруна, несмотря на тамошнія оживленныя сношенія, никогда не встрѣчались караваны, состоявшіе изъ сотни лицъ, какъ на верхнемъ Конго, а, напротивъ, часто лишь изъ одной семьи. Торговля ведетъ за собою любопытное раздѣленіе труда и создаетъ вполнѣ своеобразныя политическія отношенія. Живущіе на верхнемъ Конго,

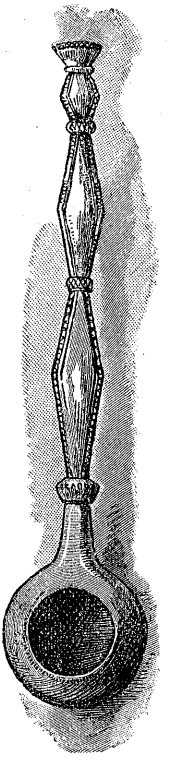
вдоль Стэнли Пуля, батекехи, имѣющіе вліяніе въ качествѣ торговцевъ, обмѣнивающіе по преимуществу слоновую кость на кольца изъ красной и желтой мѣди (Стэнли называетъ ихъ маклерами слоновой кости), въ своемъ продовольствіи вполнѣ зависятъ отъ окружающихъ, среди которыхъ живутъ ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ради торговыхъ дѣлъ. Они сами не обрабатываютъ земли, такъ какъ поселенія ихъ принадлежатъ къ числу немногихъ, лежащихъ у самой рѣки, и получаютъ пищу черезъ посредство начальниковъ мѣстностей, гдѣ они находятся. Имъ и магубаріямъ, точно также живущимъ исключительно торговлею, мамбунды буквально доставляютъ насущный хлѣбъ, т. е. приготовленный маньокъ (Chicuanga). Подобно купцамъ, живущимъ въ Сангѣ на островахъ, называющимся басангами, платящимъ начальнику пошлину со своей торговли, они служатъ ему также кузнецами, дѣлаютъ для него лодки и весла и за это пользуются его покровительствомъ. До нихъ доходятъ прямыя сношенія съ морскимъ берегомъ, и у нихъ можно найти товары, достигшіе изъ Огове сухимъ путемъ. Въ области Кассаи тупенды занимали нѣкогда еще болѣе вліятельное положеніе, но значительно опустились послѣ того, какъ кіоки отняли у нихъ переправу на Кикасси.



Двойной кувшинъ лѣсныхъ вакондьевъ. (Коллекція Штульмана Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/3 наст. величины.

Рынки принадлежатъ къ самымъ извѣстнымъ мѣстамъ всей области. Они считаются нейтральной почвой, на которую не имѣетъ притязанія ни одинъ начальникъ, и за пользованіе которой никто не въ правѣ требовать какого либо преимущества или дани. Многіе изъ нихъ представляютъ обширныя травяныя площади, лежащія въ тѣни громадныхъ деревьевъ. На рынокъ на равнинѣ Мбуга, на правомъ берегу Луалабы (въ Маньемѣ), приходили правильно каждое утро отъ 50 до 60 лодокъ съ другой стороны рѣки. Среди нейтральныхъ рынковъ въ бассейнѣ южнаго Конго Кабао, рынокъ для слоновой кости батекеховъ и бакубовъ, является, повидимому, однимъ изъ самыхъ важныхъ. И это мѣсто могутъ посѣщать всѣ чужеземцы, но никто изъ нихъ не долженъ выходить за его предѣлы; дальнѣйшему движенію Сильвы Порто бакубы воспротивились силою оружія. Кабао именно лежитъ въ пограничной области между двумя названными народами. Точно также нейтральный рынокъ Китанда лежитъ на границѣ балубовъ и бакетовъ, среди первобытнаго лѣса, на прогалинѣ, шириною отъ 20 до 40 метр. Чилео — нейтральный рынокъ, гдѣ сходятся области балубовъ, бабиндовъ и балунговъ и гдѣ происходитъ, вѣроятно, оживленный торгъ между племенами востока и запада, причемъ главные предметы обмѣна составляютъ женщины, огнестрѣльное оружіе, порохъ, слоновая кость и камедь, по цѣнѣ, вдесятеро меньшей, чѣмъ на морскомъ берегу. Предметы торговли на Конго, которые привозятся судами болобовъ и нгомбеховъ къ бангаламъ, состоятъ изъ копченой рыбы, затѣмъ изъ тонкаго порошка краснаго дерева, которому приписываются врачебныя свойства и который привозится изъ Руки (см. выше, стр. 311), далѣе, мѣдныхъ колецъ изъ Убанги и Иребу, замѣняющихъ деньги, для изготовленія которыхъ привозятся мѣдныя по-

лосы изъ Маньянги. Эти кольца совершенно подобны тѣмъ, которыя находятся въ обращеніи во внутренней странѣ Камеруна. Предметами обмѣна служатъ также желѣзные наконечники копій, употребительные у макараковъ, и козы, которыя отъ средняго Конго до Маньемы играютъ приблизительно ту же роль, какъ рогатый скотъ на востокѣ. Десять козъ представляютъ цѣнность молодой дѣвушки. Вполнѣ своеобразнымъ является примѣненіе желѣзныхъ мотыкъ, обращающихся на верхнемъ Нилѣ въ видѣ денегъ у вавировъ, которые, какъ говоритъ Штульманъ, при объявленіи войны, такія мотыки посылаютъ непріятелю и при заключеніи мира возвращаютъ ихъ назадъ; въ обоихъ случаяхъ это лежитъ на обязанности женщинъ.

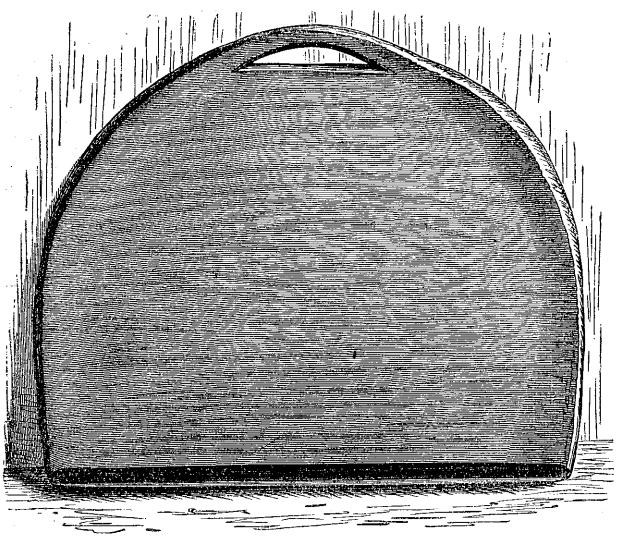


Ложка изъ тыквы у вадумбовъ. (По Штульману.)

Двойное значеніе рабовъ, какъ орудія власти и какъ денежной цѣнности, почти во всей внутренней Африкѣ придаетъ работорговлѣ высокую политическую важность. Лишь немногіе народы чуждаются ея и связаннаго съ нею похищенія людей, такъ какъ они убѣдились въ ослабляющемъ, деморализирующемъ вліяніи ея на народныя массы. Рабство, однако, у этихъ негрскихъ народовъ глубоко связано со всѣми другими учрежденіями, изъ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ ужасающія человѣческія жертвы и людоѣдство. То, что было сказано о политическихъ послѣдствіяхъ работорговли у африканцевъ (на стр. 38 и слѣд.), относится вполнѣ къ этимъ народамъ; вслѣдствіе того, внѣшняя торговля этимъ наиболѣе дорогимъ изъ всѣхъ товаровъ, тамъ, гдѣ онъ, напримѣръ, ввозился съ верхняго Нила нубійцами, быстро приняла столь огромные, опустошительные размѣры. Денгэмъ описывалъ охоту за людьми въ странѣ музгусовъ, а Нахтигаль еще подробнѣе — въ областяхъ къ югу отъ Багирми. На краю этой внутренней части средней Африки едва-ли можно найти область, гдѣ не производилась бы ловля людей, если даже при этомъ и не всегда дѣйствовала такая система, какъ въ странахъ къ югу отъ Дарфура, въ особенности Даръ Фертитѣ, затѣмъ Маньемѣ и областяхъ, граничащихъ съ запада съ государствами вагумовъ. Тамъ, куда не проникали арабы, суданцы, португальцы и т. под., негры сами хватали подобныхъ себѣ, чтобы заработать деньги; такъ дѣлали, повидимому, всего болѣе лунды, которые, подобно вайямъ восточнаго берега, были дѣятельными агентами работорговцевъ. Часто могли повторяться печальныя картины, какія Стэнли описывалъ на среднемъ Конго: „многія деревни лежали вблизи мѣста главной пристани, въ густой тѣни тамариндовъ, хлопчатниковъ, тековыхъ и желѣзныхъ деревьевъ и масличныхъ пальмъ, но онѣ были оставлены жителями. Челноки были брошены на мѣстѣ высадки, плоды банановъ и пизанговъ висѣли на стебляхъ, и пучки красныхъ пальмовыхъ орѣховъ и тамъ, и здѣсь качались надъ нашими головами“. Лишь въ немногія мѣстности проникало правильное воззрѣніе, какъ у башиланговъ, которые не продавали никого изъ своихъ соплеменниковъ, или у бадинговъ на нижнемъ Кассаи, которые жили въ бѣдности, безъ желѣзныхъ колецъ и слоновой кости, чтобъ уклониться отъ вторженія къ нимъ опасной торговли.

Людоѣдство распространено во всей этой обширной области, но — какъ и всегда — мѣстами. Сандехи, мангбатты, обитатели Убанги и Монгалы, бангалы и нгомбехи, обитатели Лулонго и Нгхири принадлежатъ къ людоѣдамъ. Бауманъ выражалъ сомнѣніе въ этомъ смыслѣ относительно вагеніевъ, но Винни убѣжденъ, что сомнѣнія здѣсь быть не можетъ. Недаромъ по всей окружности центральной области ходятъ объ этомъ самые

ужасные слухи. Имя сандеховъ „ньямъ-ньямъ“, основанное на этомъ обвиненіи, по словамъ Горнемана, достигло Мурзука черезъ посредство арабовъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и задолго до изслѣдованія Конго было слышно о людоѣдствѣ во внутренней части западной Африки. Въ особенности, лунды увѣряли, будто вся страна къ сѣверу отъ нихъ населена людоѣдами. Часто, впрочемъ, дѣло касалось здѣсь одной изъ формъ примѣненія различныхъ частей человѣческаго тѣла ко всевозможнымъ видамъ колдовства. Согласно Ливингстону, у мтамбовъ на Луалабѣ бываетъ, что ссора между супругами заканчивается смертью жены, сердце которой затѣмъ съѣдаетъ мужъ. Человѣческіе пальцы играютъ иногда роль волшебнаго средства. Черепъ мудраго начальника Мёнекуса (см. т. I, стр. 133) въ Бамбарре хранится его приближенными въ горшкѣ и выносится при обсужденіи всѣхъ общественныхъ событій. Уже массовыя человѣческія жертвы подтверждаютъ это подозрѣніе. Когда предшественникъ нынѣшняго начальника мобековъ, Маквата, умеръ, вслѣдъ за нимъ было отправлено 300 человѣкъ. Для удовлетворенія такой потребности, происходитъ усиленный торгъ невольниками, и деревни въ особыхъ случаяхъ другъ передъ другомъ стараются выставить людей для жертвы, которую приноситъ начальникъ. Фанъ Геле и Кокилья были свидѣтелями того, что послѣ смерти начальника вангатовъ, вблизи станціи Экваторъ, его семья скупала мужчинъ-рабовъ въ сосѣднихъ округахъ; имъ отрѣзывали головы такимъ образомъ, что голова жертвы укрѣплялась на пригнутомъ книзу стволѣ небольшаго дерева, и въ ту минуту, какъ бангальскій ножъ отдѣлялъ ее отъ тѣла, она взлетала вверхъ. Тѣло зрители разсѣкали на части, но, повидимому, не ѣли его; черепъ бѣлѣлъ на крышѣ хижины умершаго. Въ могилу были брошены четыре задушенныхъ существа женскаго пола, отъ зрѣлаго до дѣтскаго возраста, вмѣстѣ съ кусками ткани и кольцами, въ видѣ подстилки для трупа; двѣ другія женщины были убиты при послѣдовавшемъ затѣмъ смертельномъ боѣ: женщина представляла непріятеля, за которымъ гнались и котораго пронзили копьями. Когда баянзіи двухъ деревень вели переговоры о заключеніи мира, они вырывали на половинѣ пути своей области могилу и бросали туда живого раба со сломанными членами.

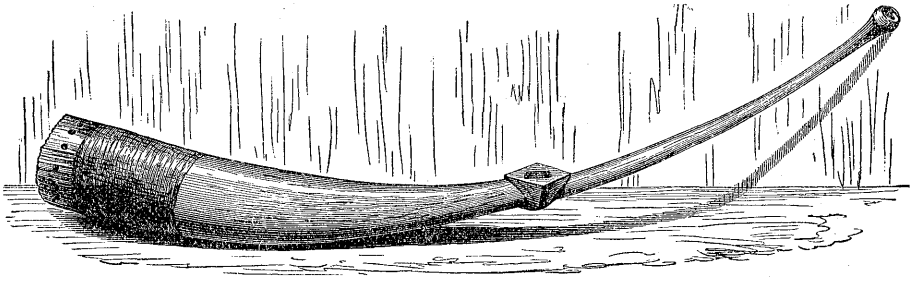


Деревянный барабанъ мангбаттовъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 329.

Нѣчто совершенно иное представляетъ пользованіе человѣческимъ мясомъ, какъ обыденной пищей. Когда Ливингстонъ, находясь въ Бамбарре, былъ пораженъ отсутствіемъ могилъ, онъ неохотно повѣрилъ тому, что обитатели этой страны съѣдали трупы, вмѣсто того, чтобы хоронить ихъ. Но теперь мы знаемъ отъ Юнкера, что у мамбанговъ не хоронятъ ни одного трупа, и, въ виду отвращенія къ употребленію въ пищу кровныхъ родственниковъ, трупы продаютъ постороннимъ людямъ. Кромѣ того, съѣдаются всѣ жертвы, которыя оракулъ, вопрошаемый послѣ каждаго смертнаго случая, указалъ, какъ виновниковъ смерти. Поѣданіе человѣ-

ческаго мяса происходитъ съ прибавкою мучного кушанья, обыкновенно въ видѣ веселаго пира, и правители мангбаттовъ своимъ пристрастіемъ къ человѣческому мясу пріобрѣли нѣкоторую ужасную извѣстность. „Вообще“, говоритъ Юнкеръ о племенахъ Уэлле, „ихъ можно съ увѣренностью назвать народомъ людоѣдовъ, и тамъ, гдѣ это имъ свойственно, они отдаются тому вполнѣ, нисколько не скрываясь“. Людоѣды хвалятся тамъ сами передъ цѣлымъ свѣтомъ своей дикой жадностью, носятъ зубы съѣденныхъ ими въ видѣ бусъ, нанизанныхъ на шнуркахъ на шеѣ, и вѣшаютъ черепа своихъ жертвъ, въ видѣ охотничьихъ трофеевъ, на столбахъ. Чаще всего употребляется въ пищу человѣческій жиръ. На войнѣ ѣдятъ людей всѣхъ возрастовъ, и старыхъ чаще, чѣмъ молодыхъ, такъ какъ безпомощность при нападеніи на нихъ дѣлаетъ ихъ легкой добычей; далѣе ѣдятъ людей, умершихъ внезапной смертью, и жившихъ одиноко. Превосходные въ другихъ отношеніяхъ солдаты-макараки Гесси паши поѣдали, какъ извѣстно, своихъ враговъ.

„Когда я сообщаю, что воины ньямъ-ньямовъ съѣдали павшихъ, не слѣдуетъ предполагать, что это происходило только въ голодное время и



Труба изъ слоновой кости мангбаттовъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 329.

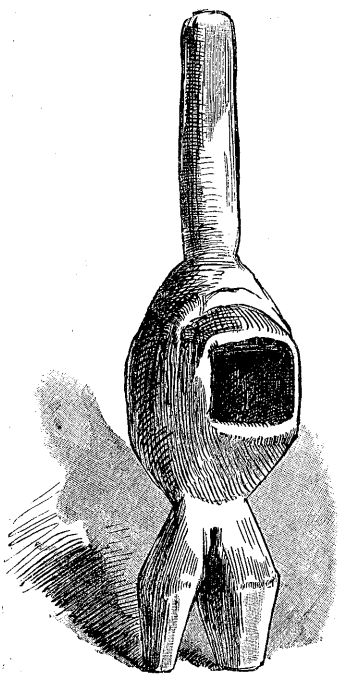
на войнѣ. Употребленіе человѣческаго мяса у нихъ распространено вездѣ, и нерѣдко они убиваютъ дѣтей, чтобы родственники и друзья могли удовлетворить этой нечеловѣческой склонности.“ (Фелькинъ.)

Висманъ разсказываетъ о калебуяхъ, что они съѣдали смертельно больныхъ, и подобные-же слухи доходили до него изъ Маньемы. Басонги, высоко стоящіе въ другихъ отношеніяхъ, — людоѣды, а у бангаловъ и ихъ соплеменниковъ на экваторіальномъ Конго этотъ обычай достигаетъ своего высшаго пункта. Тамъ бываютъ такіе дома начальниковъ, гдѣ ежедневно умерщвляются двѣ человѣческія жертвы, какъ разсказываетъ миссіонеръ фанъ Ронсле о мобекахъ, племени, сосѣднемъ съ бангалами, гдѣ рабы, предназначенные для ѣды, замѣняютъ убойный скотъ. Ихъ называютъ моболи, а козъ, служащихъ для той-же цѣли, — мболи. Главной причиной хищническихъ походовъ воинственныхъ народовъ Мобанги является, несомнѣнно, добываніе человѣческаго мяса.

Къ сѣверу въ этомъ отношеніи замѣчаются нѣкоторыя измѣненія. Швейнфуртъ называетъ, по личнымъ свѣдѣніямъ, начальниковъ сандеховъ, которые чувствовали отвращеніе къ человѣческому мясу и даже не хотѣли ѣсть шимпанзе, хотя тамъ вообще любятъ жареныхъ обезьянъ. Юнкеръ нашелъ къ югу отъ Уэлле этотъ обычай въ большемъ развитіи: тамъ ѣли людей собственнаго племени и всѣхъ приговоренныхъ къ смерти; съ другой стороны, амадіевъ онъ называетъ только случайными людоѣдами. Противоположно сѣвернымъ макаракамъ, бомби приравниваются Юнкеромъ къ „людоѣдамъ ньямъ-ньямамъ“. У бангаловъ по близости станціи того-же имени, по словамъ Кокилья, происходилъ пиръ антропофаговъ три раза въ пять мѣсяцевъ, но раньше, какъ ему говорили, не проходило ни одной недѣли безъ нападенія на какую-либо деревню или плывущую

мимо лодку, для добыванія человѣческаго мяса. Такъ какъ недостатокъ жизненныхъ средствъ не могъ быть причиной происхожденія этого обычая, то увеличеніе ввоза не могло навести къ его уменьшенію или исчезновенію (см. т. I, стр. 127).

Болѣе строгое упорядоченіе семьи и общества замѣчается у тѣхъ аристократическихъ народовъ, которые, на основѣ ручного труда множества рабовъ и крѣпостныхъ, могли создать себѣ болѣе удобную жизнь. Фелькинъ упоминаетъ о бонгахъ, что у нихъ впервые дѣти спятъ не съ родителями, а въ своихъ хижинахъ, „чего не бываетъ ни у одного племени между этимъ мѣстомъ и Ладо“. И у сандеховъ и мадіевъ строятся особые дома для мальчиковъ. Браки заключаются здѣсь не такъ рано, какъ у другихъ племенъ, лишь на 15-мъ—17-мъ году невѣсты, и, вѣроятно, по этой причинѣ обильнѣе дѣтьми. Женщины баатовъ и мангбаттовъ носятъ дѣтей постоянно въ длинныхъ корзинкахъ, которыя онѣ вѣшаютъ на себя. У сандеховъ большое число дѣтей признается желаннымъ знакомъ счастья и благополучія, и рожденіе близнецовъ считается счастливымъ предзнаменованіемъ. И у нихъ сватовство не затрудняется требованіями уплаты со стороны отца невѣсты. Тотъ, кто хочетъ жениться, обращается обыкновенно къ правителямъ или къ одному изъ второстепенныхъ начальниковъ, которые скоро доставляютъ ему жену по его вкусу. Женщины сандеховъ отличаются своей сдержанностью, между тѣмъ, какъ „нсангахи“, по большей части, бездѣтныя вдовы, держатъ себя вполнѣ свободно. Подобныя-же условія замѣчаются у мангбаттовъ, у которыхъ обиліе дѣтей бросается въ глаза каждому наблюдателю. У нихъ, такъ-же, какъ у сандеховъ и макараковъ, женщины пользуются бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ у многихъ негрскихъ племенъ. При вступленіи въ какую-либо деревню, прежде всего приходится видѣть, по большей части, высокія, сильныя женскія фигуры, и вскорѣ приходится убѣждаться, что онѣ руководятъ даже и деревенскими дѣлами. Онѣ, вообще, хорошія и прилежныя работницы и очень привязаны къ своимъ мужьямъ. Благодаря чужеземнымъ женщинамъ, живущимъ у нихъ въ качествѣ рабынь, вошло въ обычай, чтобы женщины принимали чужеземцевъ и служили имъ переводчицами. Полигамія, въ связи съ похищеніемъ людей, достигаетъ большихъ размѣровъ и, путемъ женитьбы на дочеряхъ второстепенныхъ начальниковъ, является политическимъ орудіемъ. Такъ, нѣкогда мангбатты по сю и по ту сторону Кибали связали свое прежнее племенное родство женитьбой одного изъ начальниковъ.



Фигура предка у лендусовъ. (Коллекція Штульмана, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Немного болѣе 1/3 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 328.

За исключеніемъ единственнаго племени мангбаттовъ, мадьосовъ, сжигающихъ своихъ мертвецовъ, у всѣхъ трупы, не предназначенные къ съѣденію, предаются погребенію. Въ могилахъ устраивается особая ниша, куда трупъ помѣщается въ скорченномъ положеніи; при этомъ у сандеховъ лицо мужчинъ обращается на востокъ, у бонговъ — на сѣверъ, а лица женщинъ — въ противоположномъ направленіи. Но всѣ наблюдатели видѣли у мангбаттовъ немного могилъ. Даже и тамъ, гдѣ трупы погребаются, ихъ выкапываютъ изъ могилъ для антропофагическихъ цѣлей. На западѣ,

какъ, напримѣръ, у батекеховъ, находятъ могилы, куда положены горшки, слоновые клыки, даже дождевые зонтики. Человѣческія жертвы были доказаны при погребеніи правителей бангаловъ (см. выше, стр. 332, а также стр. 65).

Раздѣленіе сословій настолько рѣзко, насколько этого можно ожидать въ виду происхожденія этихъ обществъ путемъ вторженія и покоренія. Мангбатты въ этомъ отношеніи мягче сандеховъ, у которыхъ воинственное, мало трудящееся благородное сословіе, занимающееся пьянствомъ и игрой, въ числѣ котораго многіе, какъ сыновья правителя, ставятъ слово „мата“ передъ своимъ именемъ, составляютъ настоящую аристократію. Но и тамъ на различныхъ ступеняхъ, каковы рабы, крѣпостные, покоренные и полуподчиненные охотничьи народы, создается правящій классъ, который во многихъ случаяхъ опирается на дѣйствительное происхожденіе съ отцовской стороны. Такое положеніе вещей, какое господствовало въ Мангбатту во времена Эмина и Юнкера, когда Гамбари, сынъ кузнеца, сдѣлался преемникомъ Мунзы, между тѣмъ, какъ его законные наслѣдники превратились въ частныхъ людей, могло быть терпимо только въ смутное время египетскаго нашествія. Повидимому, дѣленіе на „мукунци“ и „нсоми“, какое можно найти у бангаловъ, имѣетъ чисто имущественную основу; къ первымъ принадлежитъ каждый обладатель нѣсколькихъ женъ, нѣсколькихъ мужчинъ рабовъ и полнаго хозяйства, а послѣдніе состоятъ, напротивъ, изъ свободныхъ людей, не имѣющихъ никакого имущества. Въ болѣе крупныхъ дѣленіяхъ несомнѣнно выступаетъ „соціальная раса“; такъ, среди малорослыхъ охотниковъ и ихъ властителей, а также воиновъ бронзоваго цвѣта бангаловъ, сандеховъ или балубовъ, многіе не принадлежатъ къ негрской расѣ, хотя они живутъ въ самыхъ центральныхъ странахъ африканскаго материка. Поэтому здѣсь вообще этнографическое дѣленіе, какъ въ Суданѣ, хотя и въ болѣе сглаженномъ видѣ, совпадаетъ съ соціальнымъ.

Въ политическомъ отношеніи господствуетъ большое раздробленіе. Каждый народъ распадается на многочисленныя племена. Болѣе ста наслѣдственныхъ султановъ, или князей, или, еще лучше, бароновъ, правятъ въ небольшой странѣ сандеховъ, и нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ значительной силой и довольно обширной областью. То-же самое мы находимъ у бонговъ. Уганда и Уньоро не видятъ къ западу отъ своихъ границъ никакой равносильной державы, но лишь небольшія области, предназначенныя къ разграбленію. Ихъ примѣру слѣдовали и арабы, поддерживаемые воинственными маньемами, а послѣ отъѣзда Эмина паши, и суданцы, которые жестоко хозяйничали, особенно среди лендусовъ. Царство лундовъ, въ качествѣ страны значительнаго протяженія, не имѣетъ равнаго себѣ въ области южнаго Конго. И по всей длинѣ страны Конго европейцы не наталкивались ни на одно большое государство. Правитель бакубовъ Лукенго принадлежитъ также къ числу мелкихъ. Когда въ 1856 г. первые хартумцы вступили въ страну бонговъ, они нашли всю область раздѣленною на множество мелкихъ округовъ и совершенно независимыхъ другъ отъ друга общинъ. „Здѣсь господствовала нормальная анархія африканскихъ миніатюрныхъ республикъ.“ (Швейнфуртъ). Такой сплоченности, какъ у динковъ, соединявшей цѣлые округи въ племя, внушительное многочисленностью своихъ воиновъ, здѣсь нигдѣ нельзя было найти. Самый крупный правитель бангаловъ держитъ подъ своей властью болѣе или менѣе крѣпко не болѣе дюжины деревень и можетъ быть названъ только primus inter pares. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ вліяніе старшины деревни поддерживается связанной съ его именемъ славой колдуна. Но это раздробленіе, повидимому, существовало не всегда; по крайней мѣрѣ, ему не соотвѣтствуетъ этническое раздѣленіе, какъ мы можемъ видѣть изъ того, что языкъ сандеховъ, несмотря на значительное распространеніе его, не выказываетъ никакихъ поразительныхъ діалектическихъ различій. У не

кочевыхъ народовъ это свидѣтельствуетъ о прежней, болѣе тѣсной связи. Высокое положеніе матеріальной культуры говоритъ о томъ-же. При такихъ выдающихся дарахъ природы и такихъ счастливыхъ свойствахъ страны, политическое спокойствіе должно неизбѣжно сопровождаться подъемомъ общей культуры; насколько раздробленіе этихъ народовъ можетъ служить признакомъ упадка, его можно допустить почти съ увѣренностью у нѣкоторыхъ народовъ, каковы бангалы, и оно, къ сожалѣнію, является фактомъ для бонговъ, сандеховъ и мангбаттовъ. Крупные правители сажаютъ братьевъ и сыновей въ отдаленные округи, и, такимъ образомъ, являются широко развѣтвленныя династіи; противъ нихъ у постороннихъ имъ, второстепенныхъ начальниковъ накапливается неудовольствіе, взрывы котораго часто бываютъ довольно опасны. Ни сандеховъ, ни мангбаттовъ эта система не предохранила отъ политическаго раздробленія и отъ послѣдствій — его слабости и подчиненности.

C. Западные африканцы.

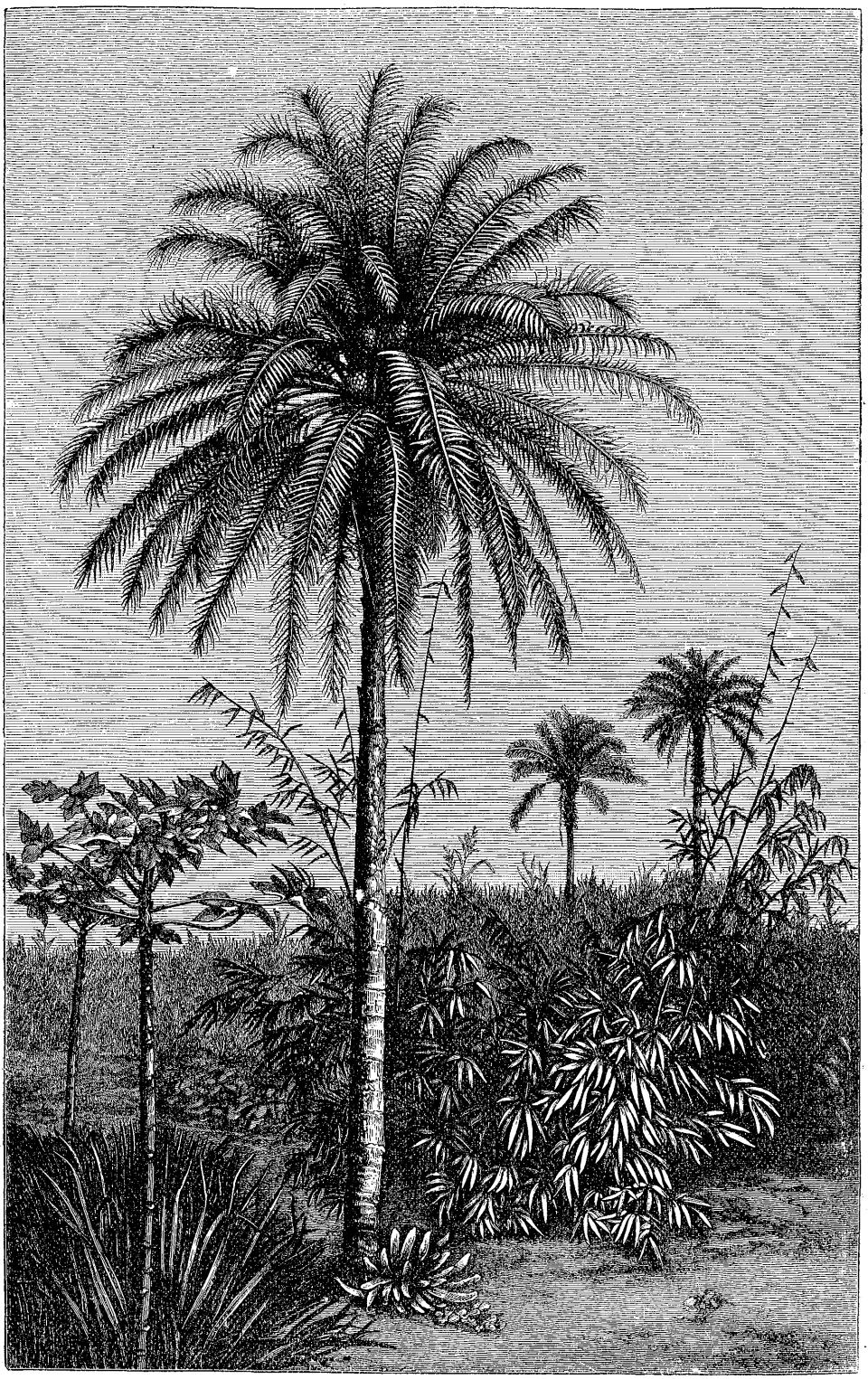
II. Негры западной Африки.

„Народы тѣснили другіе народы, и постоянная смѣна внѣшнихъ жизненныхъ условій, такъ-же, какъ смѣшеніе и покореніе, производили пестрый результатъ народной смѣси, которая на нашихъ глазахъ, подобно дѣленію клѣтокъ до безконечности, постоянно вступаетъ въ новыя фазы."

Георгъ Швейнфуртъ.

Содержаніе: Западные и восточные африканцы. Европейскія и мусульманскія вліянія. Пониженіе культурнаго уровня на морскомъ берегу. — Торговые народы: дуаллы, кіоки. — Народы Нижней Гвинеи. Группа Бунда. Португальскія вліянія. Христіанскія вліянія. Батекехи. Фаны. Народы Камерунской области. — Народы Верхней Гвинеи. Іорубы. Эвейцы. Народы страны Того. Оджи. Инты. Ашантіи. Крусы и гребы. Либерія и Сіерра Леоне.

Нижній уступъ, которымъ заканчивается въ сущности однообразный спускъ Африки къ Атлантическому океану, отъ Кунене до Сахары, представляетъ западно-африканскую береговую страну, плоскую или волнистую, шириною отъ 6 до 20 миль. За нею слѣдуетъ болѣе узкая переходная ступень, въ видѣ горной области, высотою до 1000 метр.; при выходѣ изъ нея находятся самые нижніе пороги прибрежныхъ рѣкъ. Позади нея простираются къ востоку необозримыя плоскогорья внутренней части материка. Такимъ образомъ, въ западной Африкѣ берегъ не можетъ быть мѣстностью, предназначенною къ самостоятельному развитію, какъ по величинѣ, такъ и по обособленности положенія; онъ всегда оставался выдвинутою впередъ частью внутренней Африки. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ береговая полоса совершенно исчезаетъ, и возвышенности подступаютъ къ самому морю, какъ, напримѣръ, въ темныхъ лѣсныхъ полосахъ Золотого берега, въ Сьерра Леоне, въ вулканической горной области Камеруна и на возвышенномъ берегу Бенгуэллы. Наоборотъ, передъ побережьемъ лежатъ плоскія полосы дюнъ и лагунъ, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу и къ югу отъ угла Нигера; это — болотистыя мѣста, едва возвышающіяся надъ моремъ, на длинныхъ, спокойныхъ лагунахъ котораго происходитъ безпрепятственное сообщеніе между отдаленными мѣстами берега, каковы Акасса и Лагосъ. На устьяхъ большихъ и малыхъ рѣкъ — Вольты, Нигера, Масляной, Камерунъ, Огове, большіе наплывы дельты увеличиваютъ эти плоскія полосы. Дельта Нигера, мощная наносная область, постоянно растущая отъ частыхъ наводненій, образуетъ одновременно ворота въ Суданъ и въ сѣверную часть центральной Африки. До самаго озера Чадъ не приходится переходить ни одной возвышенности болѣе 300 метровъ. Не такъ просторны ворота Конго, гдѣ уже ниже устья Куанго попадаются 42 порога (водопады Ливингстона), ведущіе изъ плато средняго теченія Конго въ относительно небольшой отдѣлъ низменности, которую они цѣлыя столѣтія отрѣзывали, по крайней мѣрѣ, для европейцевъ, отъ внутренней страны. Выше своего расширенія, Конго течетъ въ узкой долинѣ, съ крутыми стѣнами, столь мало доступной, что Стэнли свое знаменитое первое путешествіе по этой рѣкѣ долженъ былъ отклонять часто на цѣлыя мили въ сторону отъ рѣки. На обширныхъ протяженіяхъ нѣтъ мѣста даже



Масличная пальма, слѣва папайя, направо маньокъ. Ср. текстъ, стр. 339 и 355.

тропинкѣ для мула. Многочисленные притоки не только врѣзываются въ видѣ каналовъ и затрудняютъ сообщеніе, но своей густой растительностью представляютъ туземцамъ опорные пункты для нападенія на торговые караваны. Такимъ образомъ, помимо нижняго теченія, въ береговой странѣ западной Африки значеніе Конго для сообщенія и разселенія не велико; поэтому онъ не могъ и не можетъ сдѣлаться Ниломъ западной Африки.

Острова, лежащіе передъ западнымъ берегомъ, вообще мало расчлененнымъ, рѣдко бываютъ настолько велики и многочисленны, чтобъ населеніе ихъ могло вступать въ полезное общеніе съ материкомъ. То обстоятельство, что всѣ острова, лежащіе не совсѣмъ близко къ берегу, не были обитаемы во времена, предшествовавшія европейцамъ, доказываетъ слабое развитіе прибрежной жизни, которой вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало самостоятельности и плодотворныхъ контрастовъ.

Въ климатѣ, по большей части жаркомъ и влажномъ (нѣкоторыя пространства западнаго берега принадлежатъ къ самымъ обильнымъ дождями областямъ материка), развились нѣкоторыя весьма плодородныя мѣстности (см. табл. „Лагуны въ сѣверномъ Лоанго“). На рынкѣ Фритауна можно встрѣтить изъ года въ годъ самые красивые и разнообразные тропическіе плоды. Береговыя пространства, какъ, напримѣръ, въ Акимѣ и Фанти, самыя плодородныя на Гвинейскомъ берегу, изобилующія гаванями и водою, гдѣ существуетъ въ избыткѣ корабельный лѣсъ, показываютъ, что природа не вездѣ отказала африканскому человѣчеству въ возможности развитія судоходства. Здѣсь отъ временъ перваго поселенія были скучены европейскіе факторіи и форты. На сѣверѣ и югѣ, въ Сенегамбіи и Лоандѣ, лежатъ очень жаркія области, и саванна здѣсь подходитъ къ самому берегу. Для развитія европейско-африканскихъ отношеній имѣетъ значеніе нездоровый характеръ, проистекающій отъ противоположностей климата болотистыхъ береговыхъ пространствъ. Нѣкоторыя торговыя станціи европейцевъ, каковы Грандъ Бассамъ, Ассини и Дабонъ, покинуты по этой причинѣ, а другія, каковы Лагосъ и Акасса, ежегодно теряютъ много людей отъ опасныхъ лихорадокъ. Эти лихорадки не щадятъ и негровъ, но такъ какъ они на берегу лучше питаются, то, несмотря на это обстоятельство, они нерѣдко превосходятъ физической силой и красотою своихъ собратьевъ внутри материка. Расовое смѣшеніе, вѣроятно, имѣетъ при этомъ нѣкоторое значеніе. Берегъ въ тѣсномъ смыслѣ часто остается незаселеннымъ, и поселенія лежатъ всего чаще на границѣ прилива. Въ Того, какъ и въ сѣверной Камерунской области, берега гуще заселены, чѣмъ склонъ плоскогорья, но часть берега Батанги остается пустынной. Какъ и повсюду на землѣ, населеніе скучивается здѣсь близъ устьевъ рѣкъ.

Господствующее направленіе вѣтра, юго-западное, кромѣ пассатовъ обоихъ полушарій, въ то время, когда солнце стоитъ къ сѣверу отъ экватора, проявляющееся на сушѣ въ видѣ сильнаго муссона, не можетъ поощрять негровъ пускаться въ открытое море въ ихъ челнокахъ, похожихъ на орѣховыя скорлупы.

Въ растительномъ мірѣ, роскошномъ при достаточной влажности на берегу и въ глубже лежащихъ мѣстностяхъ внутренней страны, обиліе полезныхъ растеній достаточно велико, хотя уже на первыхъ возвышенностяхъ плоскогорья, около Конго и Огове, проявляется характеръ саванны, поддерживаемый и въ то же время распространяемый обычнымъ выжиганіемъ. Оба туземныхъ полезныхъ растенія въ Африкѣ, самыя важныя въ торговлѣ, масличная пальма (см. рис., стр. 338) и кофейное дерево, встрѣчаются въ дикомъ видѣ въ этихъ областяхъ; первая („другъ негра“, со времени прекращенія работорговли наиболѣе развивающійся предметъ вывоза западной Африки), по преимуществу въ странѣ нижняго Нигера, образуетъ лѣса и на Конго покрываетъ цѣлые острова. Масличная пальма

растетъ не только во всей этой области, но встрѣчается во всей странѣ Конго до Уэлле и поднимается вверхъ по Нигеру и Бенуэ; но несомнѣнно здѣсь на берегу, гдѣ она распространена повсюду отъ Сенегамбіи до Анголы, находится главное мѣсто ея развитія, и здѣсь она по преимуществу употребляется въ дѣло. Западно-африканскій видъ кофейнаго дерева (Coffea liberica), повидимому, гораздо выше арабскаго или восточно-африканскаго. Въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ произрастаетъ въ видѣ дерева весьма важный для суданской торговли орѣхъ гуру (Sterculia), и каучуковыя ліаны имѣютъ широкое распространеніе во влажныхъ лѣсахъ.

Животный міръ западной Африки бѣденъ въ сравненіи съ южно- и восточно-африканскимъ, въ особенности въ южно-экваторіальной части. На тамошнихъ рынкахъ вяленыя крысы образуютъ предметъ торговли, и шкуры антилопъ продаются по дорогой цѣнѣ, доступной только для богатыхъ. Области Гвинеи и Сенегала богаче въ этомъ отношеніи, но слонъ и здѣсь оттѣсненъ настолько далеко, что Западный берегъ потерялъ уже много своего прежняго значенія для торговли слоновой костью. Юго-западный берегъ богатъ рыбой; Мосамедесъ снабжаетъ сушеной рыбой нижній Конго и Габунъ.

Женскіе типы Лоанго. (По фотографіи д-ра Фалькенштейна.) Ср. текстъ, стр. 347.

На вытянутомъ вдоль берегъ на сѣверѣ и на югѣ широкія, подступающія къ морю пустыни составляютъ естественныя границы, которыя вообще могутъ быть обозначены Сенегаломъ на сѣверѣ и Кунене на югѣ. Негры, занимающіеся земледѣліемъ и торговлей, повсюду между этими мѣстами приближаются къ морю, ограничиваемые съ сѣвера и съ юга кочевыми обитателями степей и пустынь, часто въ типическомъ распредѣленіи. Они разселены плотно на берегу, довольно рѣдко у самаго края его и опять плотнѣе въ болѣе отдаленной внутренней странѣ; такъ они живутъ преимущественно въ Того и въ Камерунѣ. Болѣе всего раздѣляетъ ихъ на этомъ длинномъ протяженіи Гвинейскій заливъ, въ углу береговой линіи, направляющейся по меридіану и по кругу широты. На этомъ мѣстѣ находится большая лингвистическая граница семейства Банту, и отъ Ріо-дель-Рей къ сѣверу группируются разнообразные во многихъ отношеніяхъ негрскіе языки въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Смѣшеніе языковъ въ Верхней Гвинеѣ, противоположно лингвистическому единству Банту, является почти неразрѣшимымъ. Въ Сьерра Леоне, гдѣ, правда, поселеніе освобожденныхъ рабовъ создаетъ величайшее разнообразіе народовъ, встрѣчаются вмѣстѣ представители 200 различныхъ негрскихъ племенъ и 150 различныхъ языковъ. Къ этому присоединяются своеобразно искажаемые неграми европейскіе языки, и, кромѣ того, языки фулахскій и арабскій. Если даже то, что̀ связываетъ ихъ помимо общности языка, особенно типично для

Все, что касается происхожденія и родства, на Западномъ берегу указываетъ на востокъ. Нѣтъ никакихъ признаковъ, которые говорили бы о западныхъ, атлантическихъ или за-атлантическихъ отношеніяхъ до прибытія европейцевъ. Начиная отъ овагереросовъ и овамбовъ, ближайшихъ родственниковъ которыхъ надо искать въ области Ньяссы, до родственниковъ степныхъ фулаховъ и мандинговъ (дьолофовъ, сереровъ, веевъ и ихъ соплеменниковъ), выступающихъ на берегу у Сенегала и на мысѣ Пальмъ, мы повсюду видимъ востокъ двигающимся къ западу. Это стремленіе часто подтверждается исторически и выражалось на нашихъ глазахъ въ замѣчательныхъ передвиженіяхъ народовъ.

Фаны (пагуины или мпонгве) лишь въ послѣднія 60 лѣтъ достигли морского берега и распространились тамъ съ такой быстротою, что уже теперь имъ принадлежитъ рядъ поселеній между Габуномъ и мысомъ Лопесъ, между тѣмъ, какъ береговыя племена, между которыми они вдвинулись, оказываются сильно раздробленными. „Въ виду такихъ активныхъ характеровъ“, говоритъ Ленцъ, „различныя мелкія народности на лѣвомъ, южномъ берегу Оговѐ не играютъ никакой роли, и даже многочисленные и сильные акелли, или бакалаи, воинственный лѣсной народъ, отступаютъ передъ фанами. Обитавшіе прежде на этомъ берегу окоты, апинги и оканды уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ были вытѣснены на острова Оговѐ или на лѣвый берегъ рѣки; сознавая свое безсиліе, они не пытаются оказывать какое-либо сопротивленіе, позволяютъ своимъ собственнымъ начальникамъ продавать себя въ качествѣ рабовъ и едва осмѣливаются появляться въ своихъ прежнихъ мѣстообитаніяхъ.“ На вопросы о томъ, откуда пришли фаны, получается отвѣтъ, что они вышли изъ страны Ндуа и съ озера Тэмъ, откуда постоянныя войны вынудили ихъ къ выселенію. Имъ понадобилось отъ 5 до 11 мѣсяцевъ, чтобы дойти оттуда до Габуна, при чемъ они три дня шли и два дня отдыхали. Всѣ племена между Габуномъ и мысомъ Катарины, мпонгвы, орунги и коммы, говорящія однимъ языкомъ, жили прежде гораздо далѣе внутри материка. Король Кенгуэца показывалъ Дю Шалью прежнія мѣстообитанія своего народа, около 9 нѣм. миль выше по Фернандо Васу. Точно также ишоги подвигаются къ западу, какъ и другіе народы. П. Делормъ въ концѣ 1880 г. на Оговѐ нашелъ бакалаевъ повсюду оттѣсненными на лѣвый рѣчной берегъ, между тѣмъ, какъ фаны заняли правый и готовы были покорить всю эту область, такъ же, какъ они сдѣлали это на Рембо и въ странѣ Комо (Комми). Они представляютъ собою болѣе сильный народъ, свободный отъ поро-

Суданскій негръ.
(По фотографіи изъ коллекціи д-ра Пруперъ Бея.)

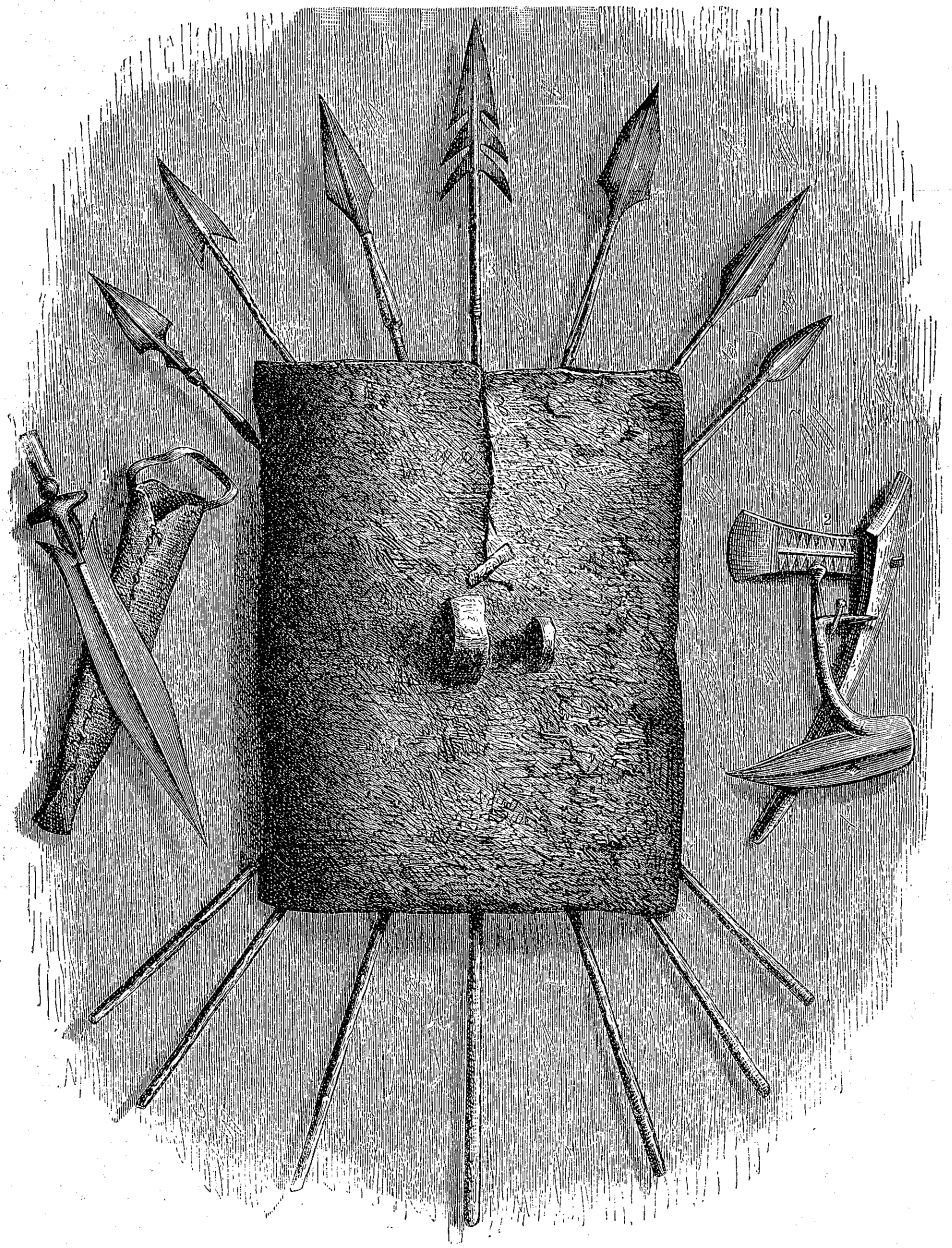
ковъ, не знающій рабства и человѣческихъ жертвъ. Окоты на Оговѣ жили раньше въ большемъ числѣ на правомъ берегу Оканде, еще за 10 лѣтъ до того времени, когда о нихъ писалъ Ленцъ (въ 1874 г.), что они всѣ отступили на лѣвый берегъ передъ мпонгвами. О вторженіи фановъ въ Камерунскую область ср. стр. 379.

Уже во внутренней странѣ Камеруна, ограничиваемые приблизительно Саннагой, другіе народы воспринимаютъ новую культуру, и новый въ этихъ странахъ фанатически проповѣдуемый исламъ представляетъ то же движеніе къ морскому берегу, отчасти въ иныхъ формахъ, не какъ грубое массовое движеніе, покоряющее и вытѣсняющее, но какъ могучее культурное и религіозное вліяніе. И здѣсь мы часто встрѣчаемся съ проникающими впередъ негрскими народами и съ преданіями о прежнихъ мѣстообитаніяхъ, лежащихъ гораздо далѣе внутри материка. Но или первые сдѣлались уже носителями этого вліянія, или исламъ, пользуясь оставляемыми ими пробѣлами, быстро слѣдуетъ за ними. Такъ первоначально галлины, во внутренней части Либеріи, тѣснились къ берегу, отыскивая тамъ землю, а теперь они всѣ принадлежатъ къ носителямъ ислама, который, съ помощью ихъ, несмотря на видимо усердную пропаганду христіанства въ Либеріи, прокладываетъ себѣ путь къ морскому берегу. Усиленіе культуры по направленію внутрь страны на южной половинѣ прибрежья такъ же пассивно и менѣе значительно сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы видимъ въ сѣверной половинѣ, т. е. отъ Либеріи или Сьерра Леоне къ сѣверу. Тамъ все растетъ и улучшается, начиная отъ табака, болѣе крѣпкаго скота мандинговъ, красивыхъ кожаныхъ работъ (см. рис., стр. 346) до улучшенія хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній, прямымъ вліяніемъ мавританства и ислама, носителями котораго являются даровитые, съ весьма смѣшанной кровью гаусы, мандинги, дьолофы и ихъ соплеменники. Мусульмане, которые впервые въ началѣ истекающаго столѣтія прибыли въ Ашанти въ качествѣ торговцевъ, достигли уже многихъ мѣстъ морского берега. И здѣсь христіанство встрѣчается съ исламомъ, и теперь уже получается такое впечатлѣніе, что, подобно мавританскому вліянію на промышленность мандинговъ, и умственное воздѣйствіе этихъ народовъ, вліяющихъ изнутри страны, возвышается надъ мало самостоятельными приверженцами христіанской культуры въ Либеріи, Сьерра Леоне и пр., несмотря на производившіяся ими опустошенія въ безконечныхъ войнахъ.

Негръ-кото съ Нигера. (По фотографіи, принадлежащей д-ру Г. Рольфсу.) Ср. текстъ, стр. 350.

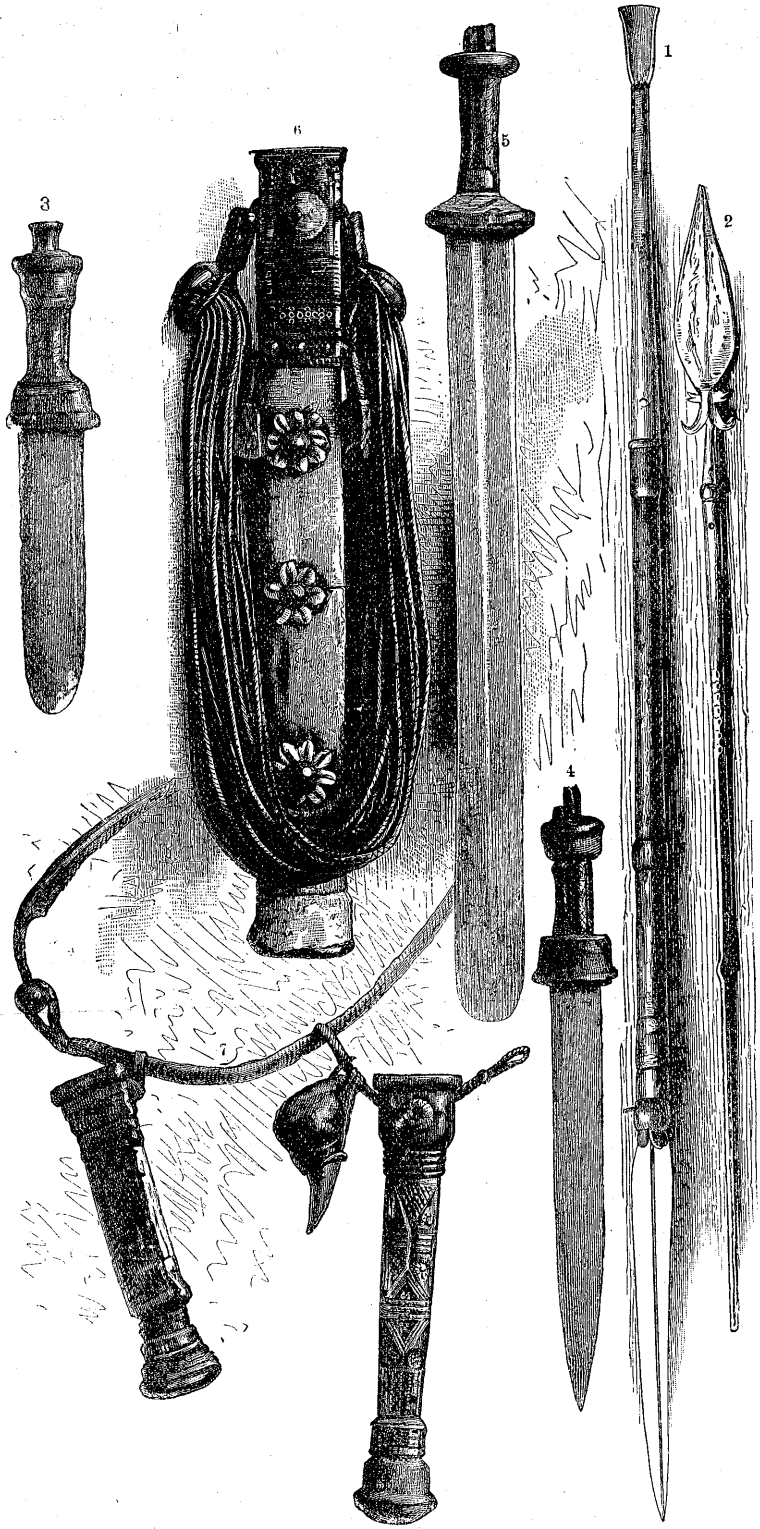
Западнымъ африканцамъ предсказывали лучшую участь послѣ ихъ соприкосновенія съ европейцами. Но здѣсь обнаруживается слабость ихъ характера. Негры, находившіеся въ сношеніи съ европейцами на берегу моря, подвергались не меньшей порчѣ вслѣдствіе различныхъ и новыхъ для

нихъ соблазновъ, являвшихся для нихъ тамъ, чѣмъ вслѣдствіе несправедливаго и безправнаго обращенія. Имъ, видимо, недоставало способности удерживать и упрочивать лучшее изъ того, что они получали. Печальныя слова Бастіана о потомкахъ христіанскихъ королей Конго оправдываются на



Оружіе фановъ: 1) ножъ, 2) метательный ножъ и боевой топоръ, 3) щитъ и копье. (По Дю Шалью.)
Ср. текстъ, стр. 351 и 352.

всемъ Западномъ берегу: „къ моему разочарованію, я долженъ былъ замѣтить, что дыханіе цивилизаціи, которое нѣкогда могло повѣять на обитателей Конго, прошло безслѣдно, и что они давно уже вернулись къ тому же равнодушію, лишенному энергіи, въ которомъ темная раса вообще проводитъ свою жизнь.“ Португальцы нашли въ туземцахъ народы, живущіе

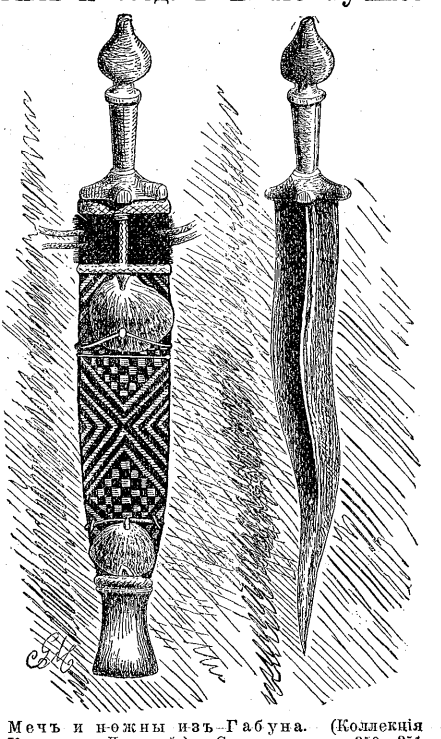


Оружіе изъ Либеріи: 1, 2) желѣзныя пики (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ); 3, 4, 5) мечи; 6, 7) ножны и перевязи. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 351.

рыбной ловлей, охотой и земледѣліемъ, опытные въ нѣкоторыхъ искусствахъ, но грубые по своимъ нравамъ, деспотическіе по формамъ правленія, низко стоящіе по религіознымъ воззрѣніямъ и обычаямъ. Цивилизующее вліяніе, которое казалось легкимъ на этой ступени, европейцы оказали уже впослѣдствіи. За путешественниками, которые открывали новыя страны, слѣдовали эксплуататоры, и исканіе золота, а впослѣдствіи еще болѣе прибыльный вывозъ уроженцевъ этой страны въ Америку всего болѣе создали оживленныя сношенія съ западно-африканскимъ берегомъ. Европа долгое время только пересаживала дикіе отпрыски своей культуры въ западно-африканскую народную жизнь. Все благородное должно было погибать подъ сорными травами. Туземцы не видѣли никакой разницы между нравами пришельцевъ и своими собственными; прежде у туземцевъ право гостепріимства, преданность и вѣрность считались священны-

ми, а христіанскіе торговцы искореняли это противоположнымъ образомъ дѣйствій, и грубость продолжала оставаться господствующей силой. Только ослѣпительныя сокровища Европы, плѣняющія дѣтей, и европейскія манеры находили добровольныхъ подражателей, и туземные пріемы въ работѣ и искусствѣ исчезли. Такъ продолжалось и въ слѣдующіе вѣка, и теперь, когда торговля рабами прекратилась, деморализующее значеніе оказываетъ громадный привозъ спирта. Для новыхъ державъ, выступающихъ здѣсь колонизаторами, безъ всякихъ традицій и упрековъ совѣсти, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, для Германіи и Бельгіи, представляется превосходный случай — избѣжать прежнихъ ошибокъ другихъ и создать нѣчто лучшее собственными способами.

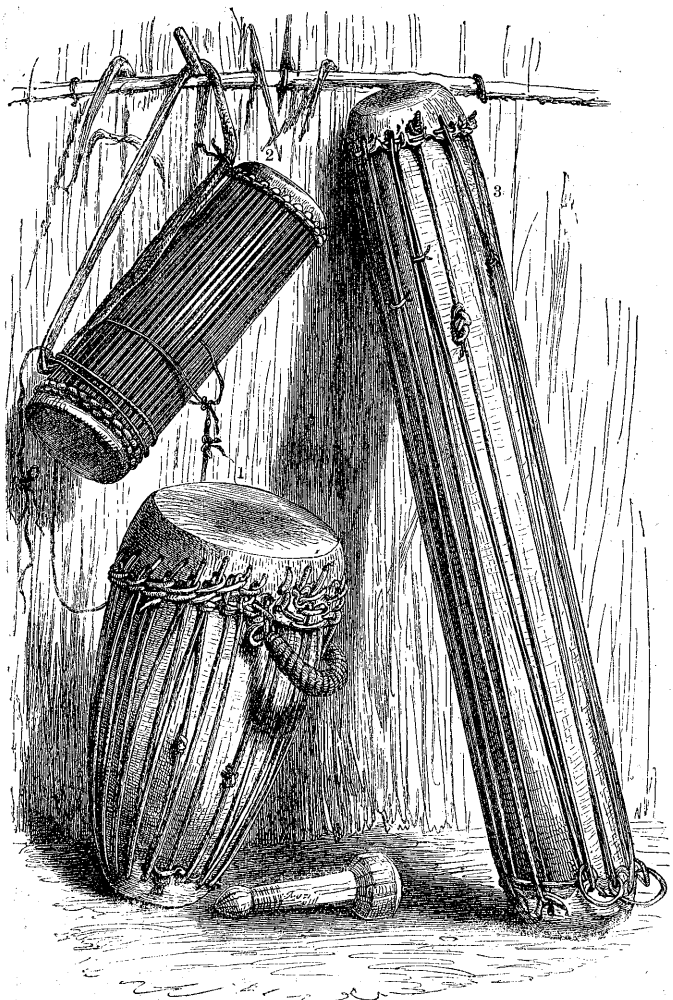
Пониженіе культурнаго уровня по направленію къ морскому берегу обнаруживается не только въ поразительномъ различіи между береговыми неграми и магометанами внутренней страны (напримѣръ, обитателями Золотого берега и мандингами); оно выступаетъ и у языческихъ народовъ, далекихъ еще отъ ислама и непосредственнаго вліянія арабовъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ внутреннимъ странамъ и по матеріальной культурѣ не уступаютъ своимъ мусульманскимъ сосѣдямъ; сравнительно съ послѣдними береговые негры стоятъ такъ-же низко, какъ и по отношенію къ первымъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ давней противоположностью. Исламъ въ долинѣ Нигера и на плоскогоріи мандинговъ не первый вызвалъ расцвѣтъ высшей культуры: онъ способствовалъ только разростанію ея въ почвѣ, которая давно уже подвергалась обработкѣ дѣйствовавшими съ сѣвера вліяніями берберскаго, финикійскаго, греко-римскаго и христіанскаго происхожденія.



Мечъ и ножны изъ Габуна. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 350—351 и рис., стр. 35.

Неграмъ Западнаго берега гораздо дольше, чѣмъ неграмъ востока, „кафрамъ“, въ обширномъ смыслѣ, приписывали настоящіе негрскіе признаки. Тогда существовало стремленіе какую либо часть Африки предоставить „настоящимъ“, т. е. обезьяноподобнымъ неграмъ. Можно съ увѣренностью сказать только, что восточные африканцы заключаютъ въ своихъ жилахъ больше азіатскихъ составныхъ частей или, въ расовомъ смыслѣ, больше благородной крови, чѣмъ болѣе удаленные отъ этихъ вліяній западные африканцы. Но и эти послѣдніе давно уже не походятъ на тѣ каррикатуры, какими ихъ представляли во времена плохихъ этнографическихъ изображеній. Бастіанъ высказался почти уже 40 лѣтъ тому назадъ о невозможности найти условный негрскій типъ, что было результатомъ его западно-африканскихъ изслѣдованій; въ то же время описанія образованныхъ и много видѣвшихъ наблюдателей и путешественниковъ показываютъ намъ все менѣе и менѣе отклоненій отъ общаго негрскаго типа, и притомъ отклоненій, которыхъ нельзя назвать неблагопріятными. Даже въ болотахъ дельты Нигера живутъ негры болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ крусы или дьолофы. Гюсфельдъ резюмируетъ свои впечатлѣнія о лоангахъ и родственныхъ имъ племенахъ въ слѣдующихъ словахъ: „строеніе ихъ тѣла, по большей части, оказывается весьма выгоднымъ для нихъ; черты ихъ лица

часто обнаруживаютъ интеллигентность, прогнатизмъ мало развитъ, поражающая длинноголовость встрѣчается рѣдко, и весьма вѣроятно, что большая часть череповъ держится на границѣ между средне- и длинно-головыми. Цвѣтъ кожи ихъ темнобронзовый, и уклоненіе въ сторону болѣе свѣтлыхъ оттѣнковъ замѣчается чаще, чѣмъ въ сторону болѣе темныхъ. (Ср. также выше, стр. 4 и слѣд.). Попытку установить особую западно-африканскую негрскую расу можно считать безнадежною съ еще большей увѣренностью, чѣмъ въ то время, когда мы высказывались противъ нея въ первомъ изданіи этой книги. Значительныя различія образа жизни между обитателями побережья и внутренней страны, правда, порождаютъ различія внѣшняго вида, но ихъ никакъ нельзя признать расовыми. Во внутренней странѣ Батанги дѣйствительно живутъ въ лѣсу малорослые люди свѣтлаго цвѣта, не имѣющіе прочныхъ поселеній и существующіе только охотой. Разсказываютъ, что они проторили первыя тропинки черезъ лѣсъ. Это — бѣглецы разсмотрѣнныхъ въ I томъ народцевъ Аккоа или Окоа. Во всякомъ случаѣ, береговыя племена, находящіяся въ сношеніи съ европейцами, часто производятъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ бѣдные лѣсные обитатели. Но это заключается въ образѣ жизни и смѣшеніи и поэтому не имѣетъ общаго распространенія. Живущіе на берегу эвейцы, при болѣе обильномъ мясномъ питаніи и работѣ на морѣ, становятся сильнѣе и выше своихъ соплеменниковъ внутри страны. Дуаллы темнѣе, чѣмъ соплеменники ихъ баквиріи, живущіе далѣе внутри, такъ же, какъ и береговыя племена въ Акемѣ. Если береговые обитатели въ общемъ живутъ лучше, то они болѣе страдаютъ отъ занесенныхъ къ нимъ и мѣстныхъ болѣзней. Смѣшеніе дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ, въ особенности, въ старыхъ португальскихъ колоніяхъ, гдѣ, при большомъ числѣ мулатовъ, негръ, чувствующій себя ближе къ португальцамъ, различаетъ черныхъ, португальцевъ и бѣлыхъ.



Барабаны: 1) изъ Іорубы, 2) изъ Габуна, 3) джуровъ. (Church Missionary Society, Британскій музей и коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/11 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 353.

Въ настоящее время надо довольно далеко углубиться внутрь, чтобы найти одежду, которая лѣтъ 400 тому назадъ считалась мѣстною и на

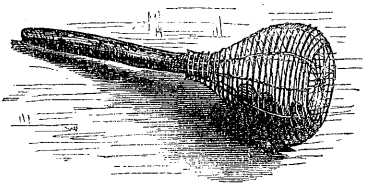
оерегу моря, но затѣмъ, вслѣдствіе усиленнаго ввоза тканей, готоваго платья и украшеній и всемогущаго стремленія къ подражанію, все болѣе и болѣе исчезала у туземцевъ. Португальскіе миссіонеры приписывали себѣ заслугу введенія одежды изъ пальмовыхъ матерій среди конгскихъ негровъ; но выдѣлка этихъ тканей заходитъ далеко за предѣлы сферы ихъ вліянія. Внутри страны единственной общей основой одежды является прикрытіе спереди матеріей изъ коры или шкурой, или даже листкомъ или вѣткой; мужчины вообще тамъ болѣе одѣты, чѣмъ женщины. Воинственныя племена, каковы фаны, дольше держались скудной одежды, чѣмъ торговыя на морскомъ берегу. Среди этихъ послѣднихъ кабинды и теперь еще снимаютъ одежду, идя въ битву. Лопесъ въ числѣ промысловъ народовъ царства Конго упоминаетъ изготовленіе матеріи изъ коры дерева энсада (безъ сомнѣнія, одного изъ видовъ смоковницы) и затѣмъ выдѣлку кожъ съ помощью мангловыхъ или мангрововыхъ корней. Оба эти промысла въ настоящее время у западныхъ африканцевъ находятся въ упадкѣ. Хлопчатобумажныя матеріи вытѣснили туземныя издѣлія и способствовали болѣе полному прикрытію. Въ Анголѣ Бухнеръ находилъ дѣвушекъ съ непокрытою верхнею частью тѣла только по эту сторону Конго. Одежда состоитъ въ настоящее время у типичныхъ негровъ Лоанго изъ довольно длиннаго, со множествомъ складокъ, передника около бедръ, на который идетъ такъ много ткани, что онъ ночью, будучи развернутъ, можетъ прикрывать все тѣло. Выходить неодѣтымъ здѣсь едва-ли считается менѣе неприличнымъ, чѣмъ у насъ. Только дѣтей просто опоясываютъ шнуркомъ. Торговля постепенно ввела здѣсь чулки всѣхъ цвѣтовъ, куртки, мундиры и ливреи. Камерунскіе негры носили даже высокіе, бѣлые женскіе чулки. Такіе предметы въ особыхъ случаяхъ, напримѣръ, при встрѣчахъ съ бѣлыми, часто надѣваются одинъ на другой, какъ-бы это ни было неудобно. Къ женскому туалету у только что названныхъ и другихъ цивилизованныхъ дамъ морского берега относится подушка, накладывающаяся сзади, служащая для грудного ребенка, котораго рѣдко не бываетъ у нихъ, и въ то-же время играющая роль украшенія. Этотъ почти неизбѣжный спутникъ своей матери обертывается въ кусокъ ткани, который, связанный спереди, удерживаетъ его на этомъ сидѣньи. Довольно загадочною является цѣль встрѣчающихся въ разныхъ мѣстахъ (ср. т. I, стр. 223 и 525) шнурковъ, обвивающихъ, на подобіе чулокъ, ноги женщинъ Невольничьяго берега.

Прикрытія головы играютъ видную роль. На берегу Лоанго ткутъ заканчивающіяся остріемъ шапки изъ растительныхъ волоконъ, часто съ красивыми выпуклыми рисунками; носить эти шапки имѣютъ право только знатныя лица. Далѣе къ сѣверу появляются острыя шапки изъ шкуры антилопы, связанныя съ высокимъ общественнымъ положеніемъ или нравственною жизнью. Почетныя шапки начальниковъ нерѣдко густо покрываются бусами. Крайне обильное, безвкусное употребленіе бусъ или, лучше сказать, злоупотребленіе ими, вообще является признакомъ западно-африканской художественной промышленности. Отличіе женщинъ бангаловъ составляетъ тонкая полоска желтой мѣди на лбу. Прически просты у женщинъ камерунскихъ негровъ, которыя коротко стригутъ волосы, и сложнѣе у бангаловъ, выбривающихъ себѣ части черепа; у басунтовъ, „самыхъ привлекательныхъ изъ этихъ народностей къ сѣверу отъ Конго“ (Пехуэль Лёше), волосы, съ помощью угля, сажи и масла земляного орѣха, скручиваются въ маленькіе отдѣльные комочки, вслѣдствіе чего голова получаетъ видъ виноградной лозы, густо усаженной ягодами. Большая головная шпилька ашировъ напоминаетъ головное украшеніе сандеховъ. Для той-же цѣли употребляются иглы дикобраза. Коса составляетъ принадлежность военнаго убранства воиновъ фановъ (см. рис., т. I, стр. 85). Негритянки въ Лоанго обертываютъ себѣ голову кускомъ ткани въ видѣ тюрбана (см. рис., т. I, стр. 88).

Натираніе всего тѣла растительнымъ масломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обсыпаніе красящими веществами, употребляются повсюду. Такъ, иногда можно видѣть басунтовъ, правая половина тѣла которыхъ окрашена въ черный, а лѣвая — въ ярко-красный цвѣтъ. На морскомъ берегу пестрое раскрашиваніе масокъ (см. табл. „Оружіе и утварь с.-зап. Африки“, фиг. 17), быть можетъ, является воспоминаніемъ расписыванія и татуированія лицъ. Кромѣ того, басунты любятъ украшать все тѣло красными и голубыми бусами. Въ большомъ городѣ западной Африки, какъ, напримѣръ, въ Абеокутѣ, населенномъ различными племенами, каждое изъ нихъ можно отличить по татуировкамъ, такъ какъ каждое племя, а въ племенахъ каждый кланъ и даже каждый родъ обладаетъ своимъ узоромъ, или гербомъ, изображаемымъ на кожѣ. Эгбы узнаются по тремъ параллельнымъ чертамъ на каждой щекѣ; ёмбы проводятъ вертикальныя полосы отъ висковъ къ челюстямъ (см. также рис., стр. 344). У свободно-рожденныхъ женщинъ бываютъ двѣ или три линіи или шнурообразные рубцы, которые идутъ отъ кулака на тыльной части руки вверхъ и огибаютъ заднюю часть шеи на подобіе шейной повязки; они называются „силками для мужей“. Нерѣдко случается, что женщины татуируютъ околососковый кружокъ темносинимъ цвѣтомъ. Апосы въ Того дѣлаютъ себѣ на груди шишкообразные рубцы. Еще оригинальнѣе украшенія бречіевъ, которыя именуются словомъ, означающимъ на языкѣ ибо „благородно-рожденный“. Они отдѣляютъ кусокъ кожи на лбу, которая ниспадаетъ на подобіе кровли надъ бровями и носомъ. Это частное скальпированье многимъ стоитъ жизни, но тотъ, кому удалось это „облагороженіе“ физіономіи, пользуется высшимъ почетомъ. Расписыванье тѣла красной краской есть признакъ воинственныхъ намѣреній и служитъ отличительнымъ знакомъ для женщинъ, недавно разрѣшившихся отъ бремени. Легкая татуировка на вискахъ, лбу, плечахъ, груди или животѣ употребительна у всѣхъ не слишкомъ цивилизованныхъ западныхъ африканцевъ; у нѣкоторыхъ татуировка незначительна, а другіе, какъ, напримѣръ, негры-дуаллы, татуируютъ себѣ лицо и грудь самыми разнообразными способами. Кромѣ того, они выщипываютъ себѣ рѣсницы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, онѣ препятствуютъ остротѣ зрѣнія и легко вызываютъ воспаленіе глазъ. По глазамъ, лишеннымъ рѣсницъ, дуалловъ не трудно отличить отъ крусовъ, сходныхъ съ ними въ другихъ отношеніяхъ. Во время танцевъ они особенно охотно обвѣшиваютъ себя хлопающими и звенящими привѣсками, въ видѣ колецъ на рукахъ и на ногахъ, нитокъ бусъ, колокольчиковъ и т. под. Жены фановъ носятъ колокольчики ниже пояса, что, вмѣстѣ съ прическами, заставляетъ думать объ ихъ происхожденіи съ востока. Свое сравнительное благосостояніе онѣ вообще любятъ выставлять напоказъ. Молодыя дѣвушки, въ возрастѣ невѣстъ, часто появляются обвѣшенными такимъ множествомъ бусъ, что едва могутъ двигаться. Проволока изъ желтой или красной мѣди не играетъ здѣсь такой важной роли, какъ въ восточной Африкѣ, но примѣняется въ видѣ браслетъ спиральной формы во внутренней части береговъ Невольничьяго и Батанги. Бусы, колокольчики и другія побрякушки и хлопушки, повидимому, здѣсь болѣе въ модѣ, хотя нерѣдко еще можно найти болѣе старинныя и солидныя металлическія украшенія. Изъ предметовъ украшенія на берегу Лоанго настоящіе кораллы цѣнятся всего выше, золото совсѣмъ не цѣнится, а серебро и, еще чаще, мѣдныя и желѣзныя кольца имѣютъ значеніе фетишей. Благодаря торговлѣ, преувеличенная оцѣнка бездѣлушекъ, служащихъ для украшенія, значительно уменьшилась: береговой негръ предпочитаетъ предметы практическаго значенія стекляннымъ бусамъ. Если онъ и разыскиваетъ ихъ, то, по большей части, съ намѣреніемъ поднести въ видѣ подарка какой-либо наивной красавицѣ.

Одежда ангольцевъ нѣкогда напоминала одежду негровъ верхняго Нила (она состояла изъ перекрещивающихся на груди и плечахъ желѣз-

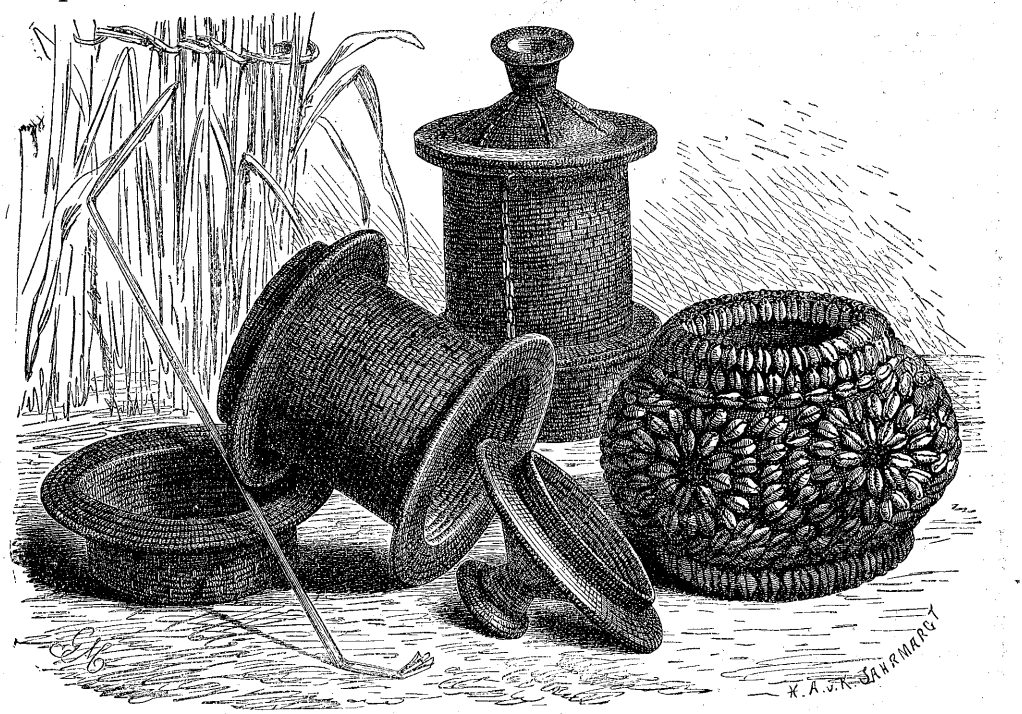
ныхъ цѣпей, изъ головного украшенія въ видѣ перьевъ и длинной одежды отъ пояса до ступней); подобно тому, въ настоящее время въ этихъ странахъ только у фановъ можно найти въ общемъ употребленіи кожаный щитъ (см. рис., стр. 345, фиг. 3). Лопесъ приписываетъ обитателямъ Конго длинные щиты, почти вполнѣ прикрывающіе человѣка, изъ твердой кожи, и метательныя копья. Копье, лукъ и стрѣлы были главнымъ оружіемъ; вмѣстѣ съ ними носили и желѣзный ножъ. Названный писатель противопоставляетъ имъ вооруженіе людоѣдовъ анциковъ — короткіе луки, обмотанные змѣиной кожей, съ тетивами изъ травяныхъ стеблей, маленькія стрѣлы, которыя они носили въ рукѣ, короткіе кинжалы въ ножнахъ изъ змѣиной кожи и боевые топоры. На тѣлѣ они носили широкіе кожаные ремни. Благодаря вліянію торговли на племена Западнаго берега, многія изъ нихъ не изготовляютъ сами никакого оружія, и въ этомъ отношеніи стоятъ ниже внутреннихъ племенъ. Оружіемъ ихъ является почти исключительно кремневое ружье. Ударныя и метательныя копья, луки, стрѣлы и щиты, въ качествѣ обычнаго оружія, почти неизвѣстны на морскомъ берегу. Европейскіе торговцы заключили между собой молчаливое соглашеніе не ввозить туда никакого огнестрѣльнаго оружія, кромѣ кремневыхъ ружей, такъ какъ оружіе лучшаго качества нужно для ихъ собственной безопасности. Для этихъ ружей продается порохъ самаго обыкновеннаго сорта, который носятъ въ сумкахъ или рогахъ (ср. рис., стр. 342). Снаряды для стрѣльбы приготовляются на мѣстѣ: туземцы сами куютъ желѣзныя пули, но наряду съ ними употребляютъ мѣдь, желѣзнякъ и маленькіе кусочки камня, которые на близкомъ разстояніи наносятъ тяжелыя раны. Обыкновенно въ эти ружья кладется слишкомъ большой зарядъ, такъ какъ громкій звукъ выстрѣла считается очень важнымъ. Въ числѣ оружія у западныхъ африканцевъ характерное значеніе получаетъ кинжалъ, изъ котораго образовался короткій мечъ (см. рис., стр. 35 и 345—347 и т. I, стр. 101, внизу, фиг. 2). Начиная отъ Габуна, это оружіе, неизвѣстное во многихъ странахъ Африки, попадается все чаще и чаще, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ сѣверу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ вѣроятному „центру“ мавританской культуры. Художественность западно-африканцевъ примѣняется и къ этому оружію, и они самымъ разнообразнымъ образомъ украшаютъ клинки, рукоятки и ножны. Обыкновенно клинокъ бываетъ широкій, въ 20—30 см. длины, иногда въ видѣ пламени, заостряющійся къ концу, обоюдоострый, съ желобкомъ для крови или пучкомъ выпуклыхъ реберъ и желобковъ, сходящихся на концѣ. Иногда онъ бываетъ узкій, рѣже — изогнутый; въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ одно лезвіе, и спинка его просверлена, зазубрена или украшена какимъ-либо инымъ способомъ. Рукоятка чаще всего вырѣзывается изъ дерева въ формѣ креста и украшена рѣзьбою, желѣзной или мѣдной проволокой. Ножны на Габунѣ дѣлаются обыкновенно изъ змѣиной кожи, а въ другихъ мѣстахъ — изъ кожи или изъ дерева, и бываютъ обыкновенно внизу такой-же или нѣсколько большей ширины, чѣмъ вверху; но встрѣчается и болѣе простой видъ, а именно — плоскій кусокъ дерева, обтянутый двумя или тремя проволоками, куда вставляется оружіе. Нигдѣ въ Африкѣ это оружіе, среднее между кинжаломъ и мечомъ, не имѣло такого широкаго распространенія, какъ тамъ, гдѣ было сильно арабское вліяніе; оно часто попадается и въ восточной Африкѣ, гдѣ постепенно принимаетъ болѣе скромную форму ножа, какой кафры носятъ обыкновенно на верхней части руки. А мечеобразный кинжалъ, напротивъ, чаще носятъ на поясѣ или на сѣдлѣ (см. рис., стр. 347). Щиты отступаютъ передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ;



Трещетка фановъ. (По Дю-Шалью.) Ср. текстъ, стр. 354.

у фановъ, отвергающихъ лукъ, они встрѣчаются въ формахъ, сходныхъ съ формами нильскихъ копьеносцевъ (см. рис., стр. 345). Круглый щитъ, часто съ діаметромъ до $1^1/_2$ метр., покрывающій всадника, исходитъ вмѣстѣ съ суданскимъ вліяніемъ, изъ внутренней части материка.

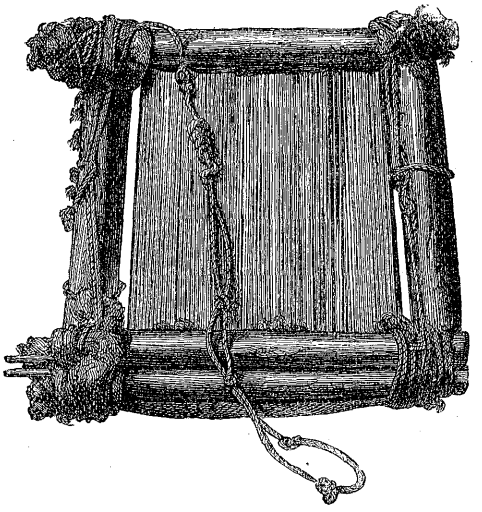
Въ странѣ между Нигеромъ и моремъ мы встрѣчаемъ простые луки, умѣренной величины и грубой работы, безъ всякихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ колецъ ротанга или полосокъ изъ шкуръ; о нихъ можно сказать, что они отчасти напоминаютъ азіатскую форму. Луки, которые Флегель вывезъ съ Бенуэ, меньшей тщательностью выдѣлки также отличаются отъ прочихъ издѣлій этой области. Они кажутся до нѣкоторой степени



Корзина, состоящая изъ трехъ частей (закрытый и открытый экземпляръ), и корзинка, усаженная раковинами, изъ внутренней части западной Африки. (Музей Church Missionary Society, Лондонъ.) $^1/_4$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 361.

выродившимися. Если мы оставимъ въ сторонѣ отрицательное свойство несовершенной работы и слѣды срединнаго выгиба, тогда на всѣхъ этихъ лукахъ области Нигера и Бенуэ и принадлежащаго къ ней побережья замѣчается идея прикрѣпленія тетивы посредствомъ просверливанія или зарубки, чуждая настоящему африканскому луку въ другихъ мѣстахъ. Эта прихотливость, эта безформенность, въ сравненіи съ строгими правилами укрѣпленія тетивы у восточно- и внутренне-африканскаго лука, производитъ впечатлѣніе какого-то оскудѣнія; мы можемъ это видѣть даже на лукѣ съ Золотого берега въ Берлинскомъ музеѣ, гдѣ тетива изъ кожи связана на одномъ концѣ съ лукомъ желѣзной полосой. Луки гаусовъ Мюнхенскаго музея, привезенные губернаторомъ Циммереромъ съ Невольничьяго берега, выказываютъ правильно повторяющееся, но вполнѣ своеобразное прикрѣпленіе тетивы. На дерево не обращено никакого вниманія; оно слегка согнуто на той сторонѣ, гдѣ прикрѣплена тетива. Къ концу прилегаютъ крѣпко кусочки кожи, какъ бы приклеенные къ нему. Къ нѣкоторымъ придѣланы петли для подвѣшиванія, изъ той же красной кожи, какую мы видимъ въ нашихъ музеяхъ

на красивыхъ кожаныхъ сумкахъ и ножнахъ изъ области мандинговъ. Тетива представляетъ скрученную полоску кожи и твердо держится на постепенно суживающемся концѣ, между тѣмъ, какъ къ другому она привѣшена въ глубокомъ боковомъ надрѣзѣ. Этотъ необычный способъ прикрѣпленія тетивы, вмѣстѣ съ изгибомъ лука, очевидно, заимствованъ отъ азіатскихъ формъ; подражаніе здѣсь выступаетъ ясно. Одинъ конецъ тетивы обыкновенно для запаса далеко заматывается назадъ. Относящаяся сюда форма, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно напоминающая югъ, стала извѣстна намъ, благодаря экспедиціи старшаго лейтенанта Моргена въ Вути, во внутренней странѣ Камеруна. При различной высотѣ, между 193 и 152 см., луки эти сдѣланы изъ темнаго дерева, гладко выстроганы и на одномъ концѣ имѣютъ сильно отогнутое книзу остріе, длиною до 3 см., а на другомъ концѣ просверлены, на разстояніи 2 см. отъ него, и снабжены сильно скрученной тетивой изъ кожи, концы которой по большей части замотаны назадъ. Нѣсколько сплющенный, полукруглый разрѣзъ выказываетъ на нижней сторонѣ болѣе или менѣе широкое, плоское углубленіе, такое же, какъ у луковъ съ Кассаи. Охрана для руки и снарядъ для натягиванія тетивы обнаруживаютъ еще яснѣе, выражающееся уже въ усаженномъ бахромою кожаномъ колчанѣ, мавританское вліяніе.

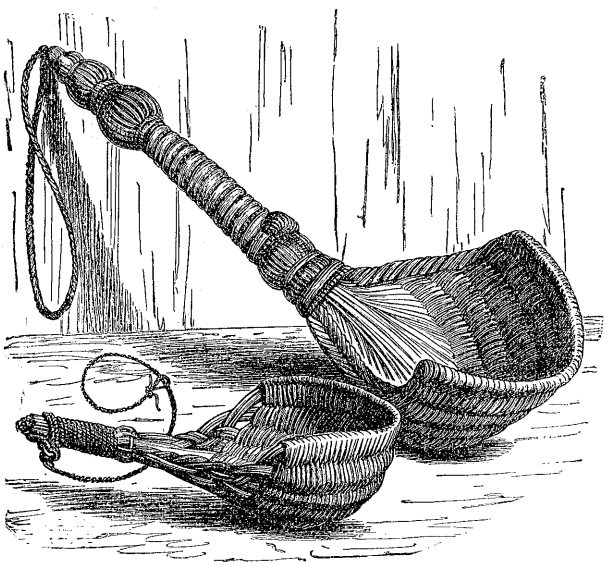


Ткацкій станокъ съ Нигера. (Берлинскій этнографическій музей.) $^1/_5$ наст. величины. Ср. текстъ, стр. 361.

Барабанъ (см. рис., стр. 348) есть основной и главный инструментъ и, поэтому, употребляется начальниками для сигналовъ. Камерунскіе негры на своемъ сигнальномъ барабанѣ „элимбе“, эллиптическомъ, выдолбленномъ кускѣ дерева, длиною въ $^1/_2$ метр., съ желобообразнымъ отверстіемъ на узкой сторонѣ, могутъ давать сигналы, представляющіе настоящую телеграфную систему. Кромѣ деревянныхъ барабановъ, у нихъ есть барабаны, обтянутые шкурой. Въ числѣ струнныхъ инструментовъ тамъ можно найти какъ арфообразные (см. рис., стр. 20 и 362), такъ и лирообразные. На одномъ часто встрѣчающемся струнномъ инструментѣ пять струнъ, сдѣланныхъ изъ волоконъ пальмоваго листа, помѣщаются надъ резонансной декой. Маримбы, состоящія изъ палочекъ, подвергаются здѣсь разнообразнымъ превращеніямъ; палочки передвигаются надъ резонаснымъ ящикомъ въ разныя стороны, вслѣдствіе чего измѣняется высота ихъ тона; число ихъ неопредѣленно и можетъ доходить отъ 5 до 30. Бренчать на маримбѣ можетъ каждый, но, такъ же, какъ и на нашемъ фортепіано, лишь немногіе играютъ на ней съ извѣстнымъ искусствомъ. Среди духовыхъ инструментовъ можно найти дудки, вырѣзанныя изъ дерева, а также сдѣланныя изъ какого-то круглаго плода, буйволовые рога, съ очень громкимъ звукомъ, и извѣстные всего болѣе полые слоновьи клыки, съ боковымъ отверстіемъ для надуванія на концѣ (см. рис., стр. 360). Но всего интереснѣе такъ называемыя „пунги“: четыре слоновыхъ клыка, обдѣланные въ видѣ роговъ, различной величины, на которыхъ всегда играютъ вмѣстѣ. Лопесъ описываетъ военные музыкальные инструменты анголъцевъ — деревянныя свирѣли, обтянутыя кожей, треугольныя желѣзныя пластинки, по которымъ бьютъ прутьями, и, наконецъ, дудки изъ слоновыхъ клыковъ. Далѣе, достойна упоминанія витая палка, по которой дви-

жется взадъ и впередъ маленькая, полая, просверленная во многихъ мѣстахъ тыквенная чашка и которая употребляется въ качествѣ „барабана фетишей“ при процессіяхъ. Другія трещетки изображены нами на стр. 19 и 351. Двойные колокольчики, распространенные и здѣсь въ видѣ знаковъ начальниковъ (см. рис., стр. 228), по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся внутрь (М. Бухнеръ называетъ ихъ „самымъ характернымъ инструментомъ лундовъ“), пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе художественныя украшенія, часто въ значительномъ количествѣ.

Деревни, хотя и торговыя, не велики: „города“ на Конго, „резиденціи“ на Гвинейскомъ берегу — лишь болѣе крупныя деревни, въ которыхъ бываетъ болѣе 2 тыс. жителей только въ томъ случаѣ, когда на нихъ отражается суданское вліяніе. Даже въ такомъ благопріятномъ положеніи, какъ на Стэнли Пулѣ, болѣе значительныя мѣстечки попадаются лишь въ весьма маломъ числѣ. Нкунга и Мбангу на восточномъ краю, группа деревень въ округѣ, называемомъ Ншаша, при входѣ съ запада, Кинтамо (Леопольдвиль) съ 1500 жит., Мфва, группа изъ 4 или 5 небольшихъ деревень противъ Браццавиля, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего начальника, — все, что̀ заслуживаетъ быть названнымъ почти на 30 миляхъ береговой линіи. Въ южномъ направленіи внутрь страны лежитъ еще Лема, извѣстный рынокъ слоновой кости. Тамъ, гдѣ хижины отдѣльныхъ лицъ лежатъ среди плантацій, на подобіе мызъ, какъ, напримѣръ, у баньянговъ, или во многихъ мирныхъ мѣстностяхъ Верхней Гвинеи, группа хижинъ тѣснится всегда около хижины начальника или торговой площади. Способъ постройки по большей части весьма непроченъ; въ государствѣ Конго оправдалось вскорѣ наблюденіе португальцевъ въ Анголѣ, что разрушеніе деревни не служитъ чувствительнымъ или продолжительнымъ наказаніемъ. Дома для собраній, являющіеся въ то же время помѣщеніемъ торговцевъ, гдѣ всегда горитъ огонь, стоятъ посреди камерунскихъ деревень на площади, отличающейся часто тѣнистымъ деревомъ. На нижнемъ Конго, въ странѣ миніатюрныхъ королей, хижины начальниковъ выдаются своими низко спускающимися крышами, образующими нѣчто вродѣ веранды, и искусно сплетенными тростниковыми стѣнами.

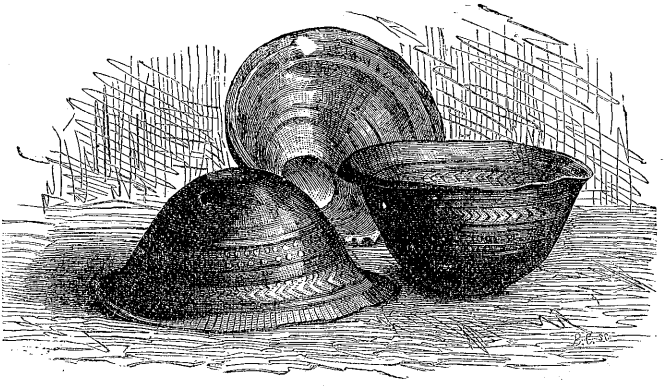


Ложка съ Западнаго берега, сплетенная изъ травы. (Лондонскій Британскій музей.) $^2/_5$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 361.

На Западномъ берегу можно найти и прямоугольный, и круглый стиль построекъ. Первый господствуетъ вдоль Конго, затѣмъ въ области Оговѐ, Габуна и Камеруна и поддается значительному развитію въ отношеніи размѣровъ и удобства. Благодаря ему, возможно прямое расположеніе улицъ, т. е. дома стоятъ одинъ около другого вдоль широкаго прохода (см. рис., стр. 92), между тѣмъ, какъ коническій стиль ведетъ къ расположенію по кругу или къ разсѣяннымъ постройкамъ. Планъ всегда одинъ и тотъ же — прямоугольникъ, раздѣленный промежуточными стѣнами, такъ что образуются кухня, комната для женщинъ, комната для

мужчинъ и хлѣвъ для скота. Эти помѣщенія открываются всѣ особыми дверями на общій дворъ, гдѣ стоятъ корыта для приготовленія пальмоваго масла, а въ большихъ хозяйствахъ — открытые сараи и хлѣва. Многія жилыя помѣщенія покрыты красиво сплетенными циновками. Конической стиль жилищъ, въ которомъ повторяются извѣстныя формы, встрѣчается у южныхъ племенъ — въ Бенгуэллѣ, въ Анголѣ и, къ нашему удивленію, также у племенъ Верхней Гвинеи. Хижины деревни крусовъ близъ Монровіи — четвероугольныя, красиво сплетенныя изъ бамбука и пальмоваго луба; почти у самой этой деревни лежитъ городъ веевъ съ круглыми хижинами изъ глины. Такъ, четвероугольный стиль господствуетъ въ Трибу, а круглый — въ Адели (Того). О немъ почти только и можно сказать, что онъ съ небольшими измѣненіями повторяетъ собою извѣстныя формы отъ ульеобразныхъ хижинъ кіоковъ до круглыхъ глиняныхъ хижинъ ашантіевъ.

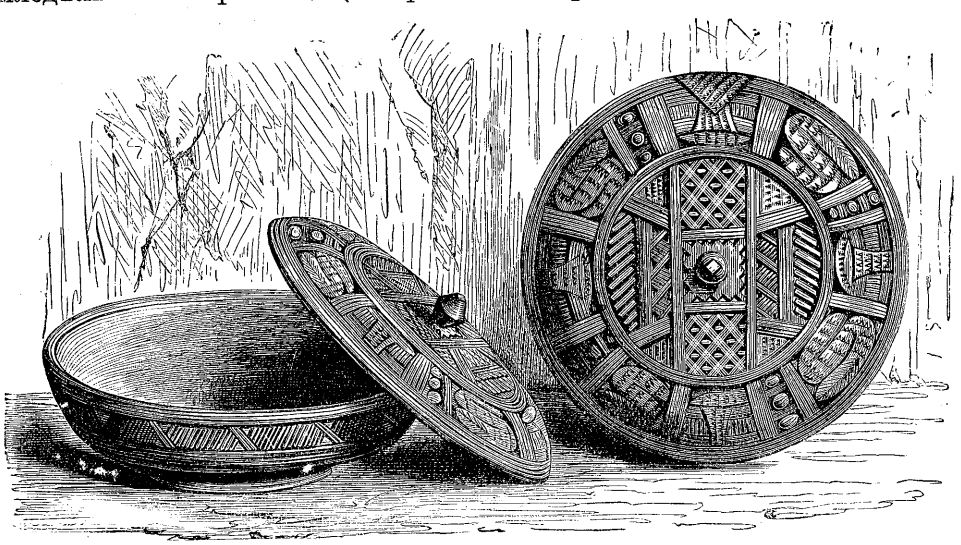
Деревни на морскомъ берегу часто оставляютъ впечатлѣніе зажиточности, которое придаетъ имъ торговое посредничество; величина ихъ (на берегу Дагомеи Вайдахъ, Агомэ и Агомэ-Сива имѣютъ болѣе 5 тыс. жителей) часто бываетъ значительной и положеніе ихъ привлекательнымъ. Изящныя хижины Кингъ-Бельсъ-Тауна лежатъ въ тѣни лѣса изъ банановъ, кокосовыхъ пальмъ, манговыхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ и образуютъ широкія, далеко развѣтляющіяся улицы и площади. Онѣ длинны и прямоугольной формы: только фундаментъ, подставка высотою въ метръ, дѣлается изъ глины, а стѣны самихъ хижинъ состоятъ изъ циновокъ, чрезвычайно красиво сплетенныхъ изъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ. Опрятныя и изящныя кровли состоятъ изъ листьевъ перистой пальмы, вложенныхъ другъ въ друга на подобіе черепицъ. Менѣе отрадный прогрессъ въ этихъ хижинахъ представляютъ крѣпкіе, выступающіе замки дверей. На Камерунскихъ горахъ можно найти длинные дома на 100 человѣкъ. Видоизмѣненіе этихъ построекъ во внутреннихъ саваннахъ обусловливается недостаткомъ пальмовыхъ листьевъ; тамъ кроютъ травою, и изогнутая крыша служитъ обычнымъ мѣстопребываніемъ куръ, кошекъ и козъ. Въ странахъ, гдѣ часто происходятъ столкновенія, не бываетъ недостатка въ заборахъ и рвахъ; деревни располагаются тогда на горныхъ вершинахъ или на другихъ трудно доступныхъ мѣстахъ. Въ прибрежныхъ горахъ Бенгуэллы Кэмеронъ нашелъ деревню съ тройнымъ загражденіемъ. Обмазыванье стѣнъ и половъ навозомъ перенесено изъ Судана на берегъ Верхней Гвинеи, и съ этой цѣлью коровій и конскій навозъ продаются на рынкѣ въ Абеокутѣ. Черепа животныхъ, въ видѣ охотничьихъ трофеевъ, прикрѣпляются къ коньку крышъ.



Мѣдныя чашки для пива съ нижняго Нигера. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/3 наст. велич.

Земледѣліе свойственно всѣмъ западно-африканскимъ народамъ и заключается, главнымъ образомъ, въ воздѣлываніи маньока (см. рис., стр. 338), манса, ямса, земляныхъ орѣховъ, коко (Caladium esculentum) и нгонды, вида тыквы, сѣмена которой толкутся и варятся. На добываніе масла, но не на воздѣлыванье масличной пальмы, обращено большое вниманіе. Первое ограничивается необходимымъ у торговыхъ народовъ на берегахъ

Батанги и Камеруна, между тѣмъ, какъ оно стоитъ замѣчательно высоко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Верхней Гвинеи, напримѣръ, на Невольничьемъ берегу, гдѣ пользуются для него каждой пядью земли и гдѣ продажа земли запрещена подъ страхомъ смертной казни. Но это процвѣтаніе имѣетъ ограниченный характеръ. Такого распространеннаго и трудолюбиваго земледѣлія, какъ у многихъ народовъ внутренней части этого материка, нельзя найти въ разлагающихся условіяхъ и на гораздо менѣе плодородной почвѣ береговой области. Обширныя пространства остаются не расчищенными или покрытыми дикимъ кустарникомъ: Стэнли, во время пребыванія на нижнемъ Конго, долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать почти все свое продовольствіе изъ Европы. Незначительное разрыхленіе земли для посадки маньока является здѣсь единственной земледѣльческой работой (см. рис., т. I, стр. 88). Страхъ расхищенія въ

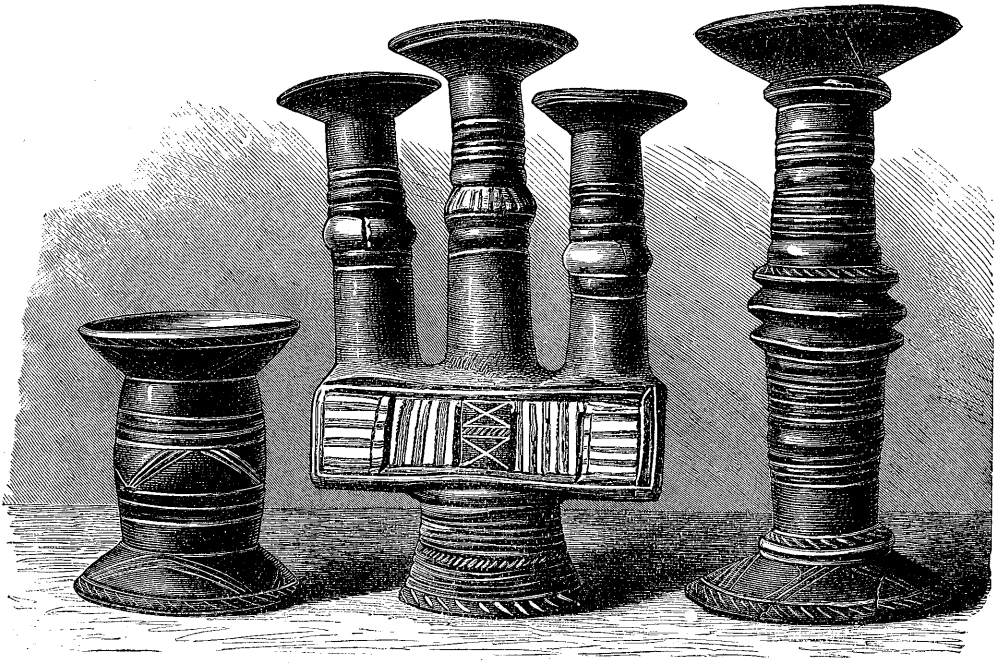


Рѣзной деревянный сосудъ съ крышкой изъ Гвинеи. (Британскій музей въ Лондонѣ.) 1/7 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 359.

этихъ политически не обезпеченныхъ странахъ препятствуетъ болѣе производительной работѣ. Земледѣльческимъ орудіемъ служитъ двухконечная мотыка, ввозимая изъ Европы или встрѣчающаяся въ странѣ верхняго Нила. Многіе предметы земледѣлія ввозятся изъ другихъ странъ. Бастіанъ разсказываетъ о Санъ-Сальвадорѣ, что онъ славится качествомъ и количествомъ своей капусты, которая, вѣроятно, подобно гороху и бобамъ, происходитъ изъ огородовъ прежнихъ миссіонеровъ.

Свиньи и куры доставляютъ бо́льшую часть мясной пищи. Въ Аньянгѣ, во внутренней части Того, разводится множество свиней, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ ея ихъ нѣтъ, вслѣдствіе вліянія ислама. Свиньи весьма распространены также въ Бенгуэллѣ и Кимбунду. Рогатый скотъ можно встрѣтить лишь мѣстами — болѣе въ Верхней Гвинеѣ, гдѣ онъ разводится мандингами и гауссами, чѣмъ далѣе на югѣ. Безспорно, внутреннія страны благопріятнѣе для разведенія рогатаго скота, чѣмъ морской берегъ; въ Анголѣ оно прекращается на португальской границѣ. Скотоводами являются здѣсь бангалы и бонды. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, во внутренней части Камеруна, коза — самое распространенное домашнее животное. Весьма знаменательный фактъ заключается въ томъ, что на западно-африканскомъ побережьи не ведется ни одно изъ вьючныхъ животныхъ, употребительныхъ въ другихъ странахъ. Мулы, которыхъ привозили, вскорѣ умирали. Лошади распространяются на берегу изъ страны Гауссы,

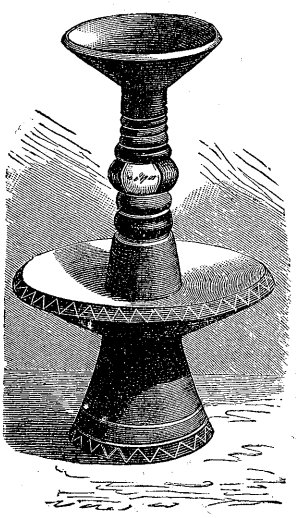
но не достигаютъ настоящаго процвѣтанія. Нѣсколько конскихъ заводовъ можно встрѣтить на плоскихъ возвышенностяхъ Анголы, но порода эта мелка и слабосильна. Быки, разводящіеся какъ нельзя лучше на жирныхъ пастбищахъ Амбаки, и въ возвышенныхъ мѣстностяхъ берега употребляемые для верховой ѣзды, пригоняются на берегъ лишь тогда, когда они предназначены на убой, такъ какъ тамъ ихъ удается сохранить живыми только самое короткое время. Вѣроятно, причина того заключается въ кормовыхъ травахъ, которыя измѣняются уже на небольшихъ разстояніяхъ до такой степени, что перемѣщеніе животныхъ изъ одного округа въ другой всегда вызываетъ болѣзни. Верблюды, которыхъ пытались ввозить съ Канарскихъ острововъ, выдерживали здѣсь весьма непро-



Раскрашенные глиняные сосуды съ Нигера. (Британскій музей въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 361.

должительное время. По прежнимъ извѣстіямъ, ангольцы откармливали и ѣли собакъ. Въ Верхней Гвинеѣ вмѣстѣ съ другими курами можно найти цесарокъ. Пчеловодствомъ занимаются здѣсь такъ же, какъ въ области верхняго Нила; для этого употребляются искусственныя колоды, въ видѣ цилиндровъ изъ коры, около $1^1/_2$ метр. высоты. Эти колоды кладутся въ горизонтальномъ положеніи на высокихъ деревьяхъ, къ которымъ привязывается волшебное средство для охраненія отъ воровъ. Такимъ способомъ добывается воскъ, вывозимый изъ Бенгуэллы и Лоанды. Въ питаніи негровъ Конго и Анголы самую видную роль играютъ жареные ломти маньока, жженые земляные орѣхи, сухая фаринья или приготовленная изъ нея каша. Для изготовленія этой муки служатъ деревянныя ступки, стоящія передъ каждымъ домомъ, и обыкновенно дѣти занимаются толченіемъ корня кассавы. Таніока, получаемая при этомъ, какъ побочный продуктъ, употребляется почти исключительно европейцами. Въ дельтѣ Нигера приготовляютъ, такъ называемый, палаверовый соусъ изъ свѣжаго пальмоваго масла, а въ Конго, напротивъ, пальмовые орѣхи ѣдятъ сырыми. На нижнемъ Конго къ этимъ пищевымъ веществамъ распространенное рыболовство прибавляетъ еще продукты, которые высушиваются и разсылаются въ другія мѣста.

Отдѣльныя племена со страстью отдаются охотѣ; охота на слоновъ и буйволовъ внутри страны и въ настоящее время производится съ успѣхомъ. Но въ Камерунскихъ горахъ считается торжествомъ, когда большое общество охотниковъ принесетъ домой дикобраза, антилопу или дикую свинью. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ берега главную роль въ питаніи играютъ устрицы, и въ Лагосѣ существуетъ особый классъ, вѣроятно, низшій изъ всѣхъ рабочихъ, который занимается ловлей устрицъ. Тамъ ѣдятъ другихъ слизняковъ и крабовъ. Извѣстныя прихотливыя особенности въ выборѣ кушаньевъ коренятся, быть можетъ, столько же въ забытыхъ племенныхъ запретахъ, сколько и въ утраченномъ христіанствѣ, которое на этихъ берегахъ въ XVI в. основывало многочисленныя миссіи. Кушанья поѣдаются не безпорядочнымъ образомъ, а соотвѣтственно опредѣленнымъ, твердо установленнымъ обычаямъ и правиламъ. На берегу Лоанго женщина, когда она варитъ маньокъ, беретъ отдѣльные куски не рукою, а съ помощью зеленаго листа. Умыванье рукъ и полосканье рта послѣ ѣды распространены повсемѣстно. Всегда, когда это возможно, тамъ ѣдятъ на циновкѣ. Съ величайшей готовностью негры раздѣляютъ ѣду другъ съ другомъ. Приправы изъ пряныхъ травъ къ супамъ и кашицамъ и пристрастіе къ стручкамъ испанскаго перца показываютъ, что эти негры знакомы съ пряностями больше многихъ другихъ. Они не страдаютъ также отъ недостатка соли. Вблизи прежней германской станціи Чинчочо изготовленіе соли производилось въ большихъ размѣрахъ путемъ фильтрованія и выпариванія воды соляной лагуны. На сѣверѣ оно еще проще: тамъ до Ньонга тянется рядъ соляныхъ камеръ, въ которыхъ прямо вываривается морская вода въ плоскихъ, доставляемыхъ торговлей мѣдныхъ чашахъ. Глубже внутри материка, напримѣръ, въ области истоковъ Огове, соль добывается изъ внутреннихъ озеръ, составляя важный предметъ торговли батекеховъ и апфуровъ.

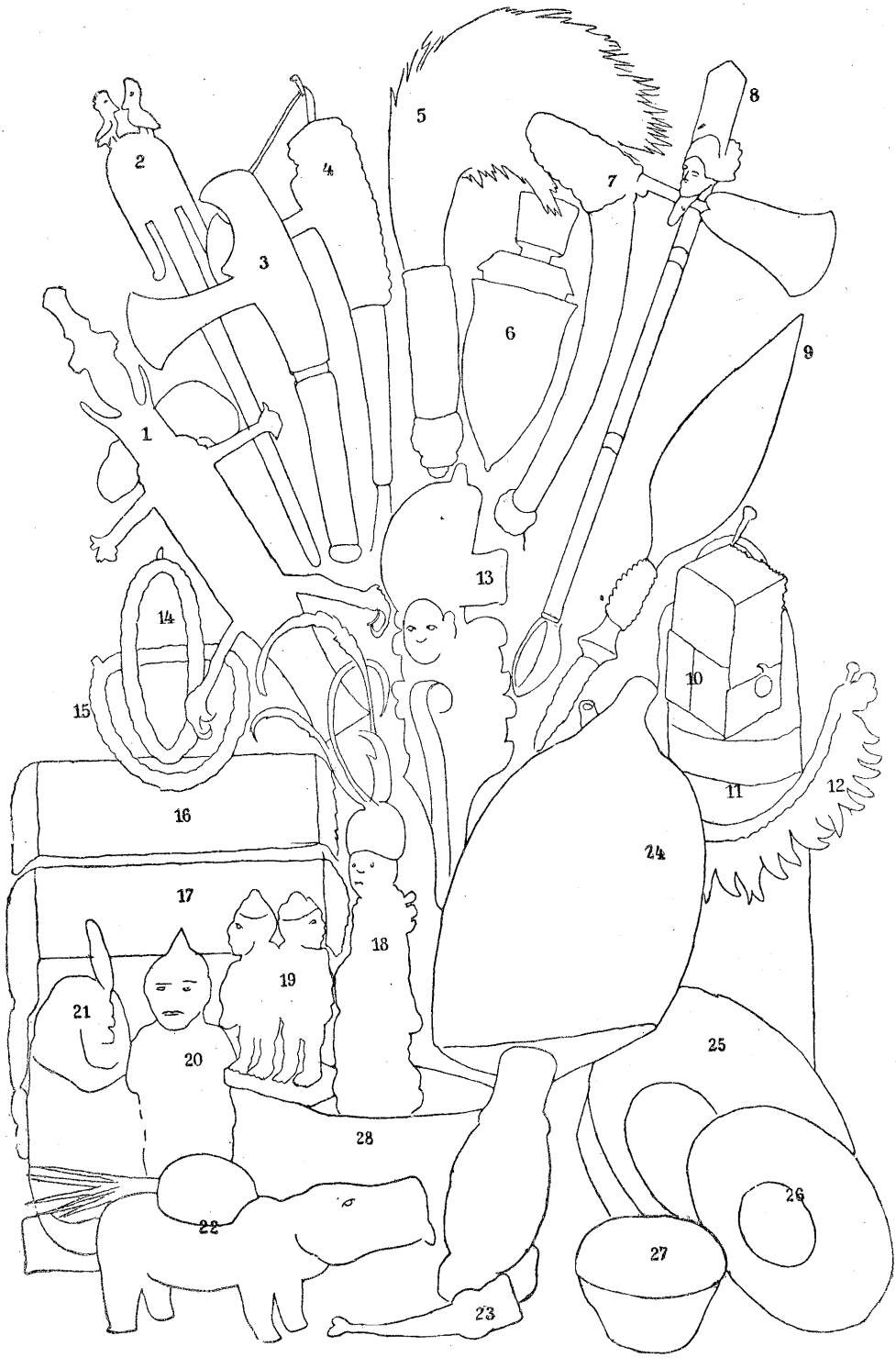


Глиняный сосудъ съ Нигера. (Британскій музей въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 361.

Въ Гвинейской области господствуютъ, въ сущности, тѣ же обычаи относительно кушаньевъ, хотя здѣсь привились уже многіе европейскіе обычаи. Фаянсовыя чашки принадлежатъ уже къ домашней посудѣ, и столовые ножи, вилки и ложки составляютъ предметы роскоши, встрѣчающіеся у нѣкоторыхъ туземцевъ, подражающихъ европейцамъ. Единственный опьяняющій напитокъ, какой эти народы варятъ сами, представляетъ пальмовое вино, но водка, губительная по количеству и качеству, ввозится сюда европейцами. Едва-ли въ какой-либо другой части Африки она распространена въ такой степени, какъ здѣсь; Западный берегъ, находящійся подъ вліяніемъ христіанскихъ народовъ, въ этомъ отношеніи невыгодно отличается отъ мусульманскаго Восточнаго берега.

Коноплю и табакъ курятъ здѣсь изъ широкихъ калебассъ, превращаемыхъ въ трубки съ помощью воткнутаго въ нихъ тростника. Негры Лоанго употребляютъ для этой цѣли короткія трубки; длинныя трубки, съ чубукомъ изъ высверленнаго банановаго стебля, встрѣчаются лишь далѣе къ сѣверу. У первыхъ можетъ показаться, что женщины курятъ больше мужчинъ. Маленькія калебассы, въ видѣ табачницъ, употребительны здѣсь такъ же, какъ и въ южной Африкѣ. Во внутренней области Камеруна употребительно быстро оглушающее втягиваніе дыма, заключеннаго въ растительной трубкѣ.

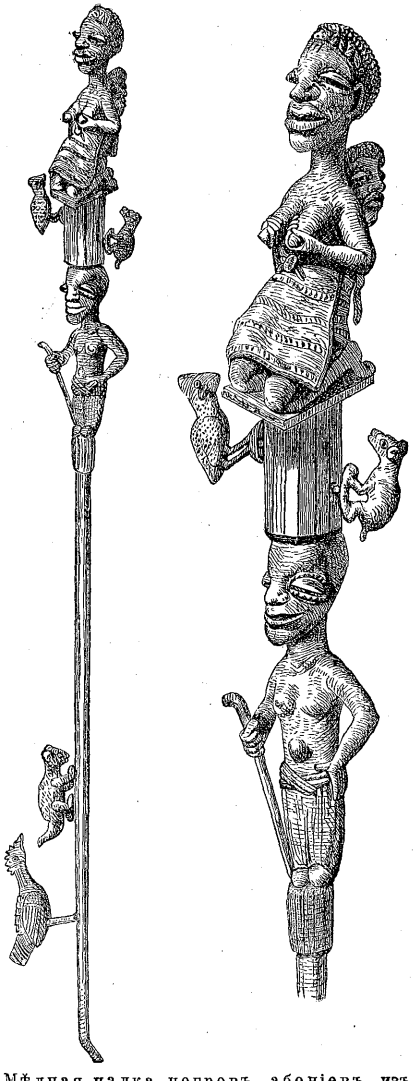
ОРУЖІЕ И УТВАРЬ ЮГОЗАПАДНОЙ АФРИКИ.



1. *Мечъ фановъ (Габунъ).*
2. *Начальническій жезлъ (Конго).*
3. *Украшенныя сѣкиры (Оговѣ).*
4. *Украшенныя сѣкиры (Оговѣ).*
5. *Махалка отъ мухъ (Бангала).*
6. *Кинжалъ фановъ (Габунъ).*
7. *Сѣкира изъ западной Африки.*
8. *Ложка для пальмоваго вина (Лунда).*
9. *Мечъ фановъ (Габунъ).*
10. *Патронная сумка (Лунда).*
11. *Сумка для копій (Лунда).*
12. *Ожерелье изъ львиныхъ зубовъ (Габунъ).*
13. *Рѣзной фетишъ (Балуба).*
14. *Ожерелье изъ бусъ (Габунъ).*
15. „ „ „ „
16. *Повязка изъ бусъ (Габунъ).*
17. „ „ „ „
18. *Идолъ (Амбрицъ).*
19. *Идолъ (Конго).*
20. „ *(Вома).*
21. „ *(Лоанго).*
22. „ *(Массабе).*
23. *Головное украшеніе начальника (Лунда).*
24. *Знакъ начальника (Балуба).*
25. *Плетеная тарелка (Ангола).*
26. „ „ „
27. „ *корзинка* „
28. *Корзинка съ крышкой (Ангола).*

№ 1—6, 9—28 *Музей народовѣдѣнія въ Берлинѣ;* № 7 *Британскій музей въ Лондонѣ;* № 8 *Коллекція д-ра Погге.*

Важнѣйшій предметъ вывоза въ Западной Африкѣ въ настоящее время представляетъ безспорно пальмовое масло, которое выжимается туземцами изъ раздавленной мякоти пальмовыхъ орѣховъ, правда, безъ особаго труда, но зато такъ небрежно, что часто получается только одна треть заключающагося въ нихъ масла. Существуютъ различные способы добыванія его — самый тщательный, вѣроятно, на берегу Лоанго, а самый небрежный у бассовъ на нижнемъ Нигерѣ. Готовое масло въ чашахъ изъ тыквы и глиняныхъ кружкахъ относится на берегъ и тамъ вымѣнивается на деньги и товары въ факторіяхъ. Мѣсто продажи его отличается величайшимъ оживленіемъ и обладаетъ своеобразной физіономіей, представляя собою биржу въ африканскомъ духѣ. Толпы негрскихъ женщинъ среди крика и визга ставятъ на землю тяжелые горшки съ масломъ, торгуются съ жестами, смѣхомъ и бранью съ покупателями и, при удовлетворительномъ соглашеніи, вмѣстѣ разыскиваютъ горючій матеріалъ, чтобы растопить масло. Настоящее воздѣлываніе этого полезнаго дерева, доставляющаго также волокна для плетенія, матеріалъ для крышъ, пальмовое вино и, наконецъ, съѣдобныхъ гусеницъ, до сихъ поръ еще встрѣчается рѣдко. На многихъ деревенскихъ площадяхъ это дерево образуетъ правильныя рощи; еще чаще попадается оно, ввидѣ живой культурной руины, на опустѣлыхъ мѣстахъ прежнихъ деревень.



Мѣдная палка негровъ абоніевъ изъ Лагоса. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 360.

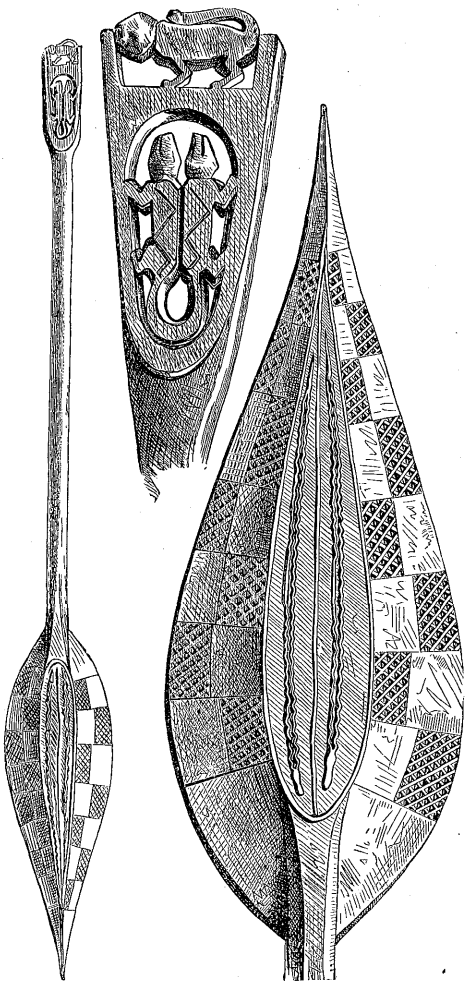
Промышленность западныхъ африканцевъ, которая въ упорядоченныхъ государствахъ по западносуданскому образцу распредѣляется по кастамъ или цехамъ (въ Абеокутѣ есть пять главныхъ цеховъ — кузнецы, плотники, ткачи, красильщики и горшечники), находится въ сѣверной части до самаго берега моря, подъ восточными, высшими вліяніями и сохранила своеобразный негрскій характеръ только въ узкихъ полосахъ, тогда какъ въ южной части, дѣйствіемъ европейскихъ вліяній, она много утратила своей оригинальности. Превосходныя качества выказываетъ желѣзная промышленность яундовъ во внутренней области Камеруна, плавильни которыхъ можно узнать издали по остроконечнымъ крышамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ промышленность эта выдается особой выдѣлкой художественныхъ украшеній, тогда какъ въ другихъ она стоитъ довольно низко. Тамъ можно говорить о настоящей художественной промышленности, такъ какъ большое число употребительныхъ предметовъ всегда бываютъ украшены деревянной рѣзьбой (см. рис., стр. 356 и 368), вышивками изъ бусъ, литыми и коваными издѣліями. Кожаныя работы мавританскаго стиля проникли сюда изъ внутренней страны, но изготовляются уже въ весьма красивомъ видѣ въ Абеокутѣ и другихъ негрскихъ городахъ (см. рис., стр. 342 и 346 и табл. „Оружіе и утварь юго-западной Африки“).

Скудные зачатки искусства часто бываютъ довольно странными. На такихъ мѣстахъ, гдѣ почва совершенно обнажена, бабвенды на Конго дѣлаютъ продолговатыя углубленія, вродѣ трещинъ, имѣющія форму круговъ или извѣстныхъ предметовъ, напримѣръ, колесъ, повозокъ, судовъ и т. п. Стэнли впервые ознакомился съ ними, проѣзжая черезъ эти страны. Въ эти трещины они кладутъ камни, часто принося ихъ издалека, такъ какъ скалы у нихъ, по большей части, покрыты рыхлой массой латерита. Художники береговъ Конго и Лоанго съ особымъ пристрастіемъ занимаются изображеніемъ грубыхъ рисунковъ на стѣнахъ, исполняемыхъ обыкновенно самыми яркими красками. Вблизи берега они изображаютъ суда, морскихъ птицъ, пароходы и т. п., а внутри страны — плящущія или вытянутыя фигуры, господъ, окруженныхъ рабами, пальмы и т. п. Въ изображеніи безобразнаго ни одинъ народъ не превосходитъ западныхъ африканцевъ, которые такъ любятъ скульптуру, что не довольствуются карикатурными изображеніями и, противоположно восточнымъ африканцамъ, съ особенной охотой изображаютъ человѣческія фигуры, ввидѣ изваяній предковъ и пугалъ, горшковъ, трубокъ и т. п. (см. рис., стр. 41 и 47). Не говоря уже о присущей имъ непристойности, они, по большей части, грубо воспроизводятъ природу или вдаются въ безобразное преувеличеніе. Къ этому надо прибавить неискусную работу, въ особенности, въ изготовленіи идоловъ. Вставленіе вмѣсто глазъ блестящихъ бѣлыхъ каури или осколковъ фарфоровыхъ блюдечекъ, помѣщеніе на животѣ четыреугольнаго кусочка зеркала представляютъ такія дѣтскія искаженія, что надъ ними можно было-бы только посмѣяться, если-бы дѣло не шло о богахъ этихъ людей.

Рѣзные слоновые клыки: 1) изъ Габуна (Британскій музей въ Лондонѣ); 2) изъ храма въ Западной Африкѣ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 353.

Это искусство всего болѣе достигаетъ своей цѣли, когда оно выказываетъ тщательность подражанія или смѣлость стиля, какъ, напримѣръ, во многихъ изображеніяхъ животныхъ. Мы имѣемъ право предположить европейское вліяніе въ большихъ группахъ, со множествомъ фигуръ, изображенныхъ на слоновой кости (см.

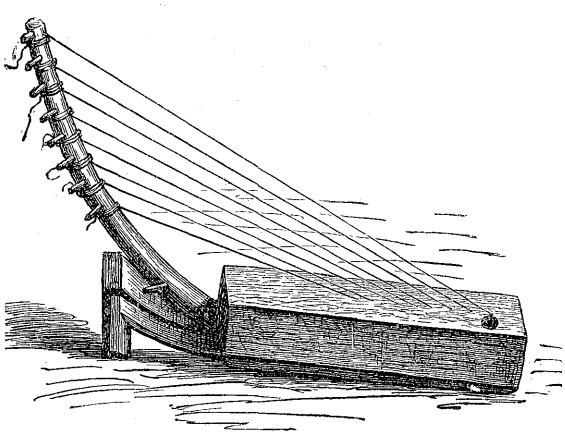
рис., стр. 360), которыя, по преимуществу обитатели береговъ Лоанго и Камеруна нѣкогда выполняли съ помощью одного лишь остраго гвоздя. Карикатурность прикрывается здѣсь стремленіемъ къ естественности, и мы видимъ, что художники изъ Конго и Габуна въ своей грубой, обыденной работѣ пріобрѣли достаточно умѣнья, чтобы съ успѣхомъ выполнять заказы европейцевъ (за фигуры, вырѣзанныя на слоновыхъ клыкахъ, платится по одному шиллингу). Вырѣзанныя изъ слоновой кости отдѣльныя фигуры и болѣе геометрическіе орнаменты на музыкальныхъ рогахъ, кубкахъ, ложкахъ и т. под. выказываютъ иногда не малую техническую ловкость и еще большее воображеніе. Любимыми мотивами являются ящерицы и змѣи, имѣющія безъ сомнѣнія и нѣкоторое религіозное значеніе (см. рис., т. I, стр. 72). И на оружіи, преимущественно на рукояткахъ боевыхъ топоровъ, встрѣчаются разнообразныя украшенія, показывающія, что здѣсь въ дѣйствительности изъ грубаго художественнаго стремленія развилось нѣсколько вѣтвей промышленности. Часто украшеніе далеко заходитъ за предѣлы своей цѣли, какъ, напримѣръ, на боевыхъ топорахъ, украшенныхъ бусами и нанизанными раковинами. На изображенной на стр. 359, отлитой изъ мѣди палкѣ члена тайнаго общества негровъ абоніевъ (см. стр. 373) металлическая промышленность выказывается съ художественной стороны. Сюда-же относятся простыя арабески, высѣченныя или вдѣланныя въ клинки боевыхъ топоровъ, и широкіе ножи, которые позволяютъ видѣть искусство ковки этихъ западныхъ африканцевъ въ благопріятномъ свѣтѣ. То-же самое можно сказать объ ихъ кинжалахъ. Ихъ глиняныя издѣлія также обнаруживаютъ извѣстную художественность (см. рис., стр. 357), но представляютъ, очевидно, самые слабые продукты ихъ промышленности вездѣ, гдѣ на нихъ не дѣйствовало облагораживающимъ образомъ мавританское вліяніе; напротивъ, ихъ плетеныя работы (см. рис., стр. 352 и 354) и ткани (см. табл. „Оружіе и утварь сѣверо-западной Африки“, фиг. 11) часто бываютъ и красивы, и крѣпки. Растенія, доставляющія матеріалъ для тканья, которымъ занимаются только мужчины, и для плетенія, имѣютъ на берегу многочисленныхъ и разнообразныхъ представителей. По преимуществу употребляются въ дѣло волокна масличной и бамбуковой пальмы, пандануса и ананаса, а на Золотомъ берегу — и дико растущаго хлопчатника. Туземцы смотрятъ на набивныя и бѣлыя ткани, доставляемыя къ нимъ торговцами, какъ на нѣчто чуждое, хотя почти всегда носятъ ихъ; они держатся обычая являться на собранія (палаверы) особаго значенія исключительно въ африканскихъ растительныхъ тканяхъ, изготовленіе которыхъ нѣкогда стояло гораздо выше, чѣмъ теперь. Лопесъ даетъ поразі-



Весло изъ Бенина. (Берлинскій городской музей.)

тельное описаніе тканей анциковъ, которыя они изготовляли изъ пальмовыхъ нитей, и сравниваетъ ихъ съ бархатомъ и камчатными тканями. Эта промышленность отступила во внутрь материка (см. выше текстъ и табл. „Художественныя произведенія народовъ южнаго Конго“) и въ настоящее время ограничивается производствомъ шапокъ для торжественныхъ случаевъ и циновокъ. Матерію изъ коры носятъ часто, между прочимъ, во внутренней части Батанги, гдѣ изъ луба изготовляютъ шнурки и веревки.

Независимо отъ случаевъ, когда оказывается недостатокъ въ матеріалѣ, какъ, напримѣръ, для рѣзьбы по слоновой кости, нѣкогда особенно процвѣтавшей у дуалловъ, мы видимъ ослабленіе настоящей творческой силы въ искусствѣ. Европейское вліяніе ничѣмъ не замѣстило утрату своеобразнаго, исконнаго, настоящаго. Бастіанъ противопоставляетъ „каррикатурныхъ, лишенныхъ стиля идоловъ изъ береговой области, гдѣ туземцы, вслѣдствіе сношеній съ европейцами, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій превратились въ жалкій сбродъ нищихъ“, идолу изъ царства Лунды, съ головнымъ украшеніемъ, который напоминаетъ идола, носящаго названіе „Атефъ“, и др. рѣзнымъ издѣліямъ въ „отчасти египетскомъ стилѣ“.

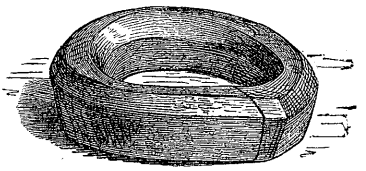


Арфа бакалаевъ. (По Дю Шалью.) См. текстъ, стр. 353.

Изъ всѣхъ промысловъ судостроеніе и кораблевожденіе у морскихъ береговъ и на рѣкахъ Западной Африки являются, быть можетъ, единственными, которые существенно развились подъ вліяніемъ бѣлыхъ, такъ какъ береговое волненіе на многихъ протяженіяхъ не допускаетъ возможности плаванія на мелкихъ судахъ. Правда, Лопесъ уже говоритъ о лодкахъ на Конго, вмѣщающихъ до 200 человѣкъ, но отмѣчаетъ первобытное искусство гребли и отсутствіе руля. Прежнее развитіе судостроенія, въ дельтѣ Конго, связано съ работорговлей. Обитатели нижняго Конго, по свидѣтельству Владислава Мадьяра, были превосходные судостроители, несмотря на простоту своихъ инструментовъ: „уже многіе изъ построенныхъ ими кораблей, нагруженные 400—500 рабовъ, ходили въ Бразилію и на Антильскіе острова“. Область устья Конго еще немного лѣтъ тому назадъ была не безопасна, благодаря муссорнгамъ, народу рѣчныхъ пиратовъ, не пропускавшихъ безпрепятственно ни одного невооруженнаго судна. Изобрѣтеніе, повидимому, вполнѣ принадлежащее этимъ береговымъ племенамъ, представляетъ употребительная на Ангольскомъ берегу двойная лодка, состоящая изъ двухъ лодокъ, связанныхъ между собою, и съ находящимся между ними полымъ пространствомъ, такъ что она, какъ буй или бакенъ, держится на поверхности и никогда не можетъ перевернуться. Когда наступаетъ благопріятный моментъ, ее быстро сталкиваютъ въ море и быстрой греблей выводятъ изъ области волненія, прежде, чѣмъ ее захватитъ ближайшая волна. Въ нее надо садиться съ подогнутыми ногами, въ углубленіе между изгибами обоихъ килей, передъ негромъ, который гребетъ и правитъ съ помощью широкаго, лопатообразнаго весла. Обитатели Камеруна строятъ разукрашенныя (см. табл. „Оружіе и утварь сѣверо-западной Африки“, фиг. 18) однодеревки на 100 человѣкъ. Искусные въ мореплаваніи крусы Верхне-Гвинейскаго берега дѣлаютъ на простыхъ лодкахъ далекія поѣздки у береговъ, но правильное береговое плаванье въ настоящее время, какъ и 300 лѣтъ тому назадъ, повсюду производится европейцами съ помощью чернаго экипажа, среди котораго крусы являются особенно искусными и даже необходимыми.

Лодки жителей внутреннихъ плоскихъ возвышенностей, скудныхъ водою или прорѣзанныхъ только быстро несущимися рѣками — довольно жалки, и переправъ тамъ встрѣчается мало.

Уже часто указывавшійся выше торговый талантъ негра широко обнаруживается на длинныхъ протяженіяхъ берега. Первый культурный успѣхъ Стэнли и его спутниковъ на нижнемъ Конго заключался въ привлеченіи туземцевъ къ обмѣну и къ исполненію услугъ носильщиковъ. Такой знатокъ, какъ Монтейро, утверждаетъ относительно береговыхъ пространствъ, принадлежащихъ португальцамъ, что торговля оказывалась, несмотря на усилія всѣхъ миссіонеровъ и другихъ друзей человѣчества, единственнымъ орудіемъ культуры. Отъ Бенгуэллы до Сенегамбіи повсюду извѣстныя народныя группы являются представителями этой дѣятельности, причемъ часто торговля на внутреннихъ рынкахъ предоставляется женщинамъ; въ Дагомеѣ вообще торгуютъ только женщины, такъ-же, какъ и въ нѣкоторыхъ областяхъ внутренней части Того. Тамъ, гдѣ появляются гауссы, торговля достигаетъ высшаго расцвѣта и значенія, и ею занимаются богатые люди и правители. Бигеньосы изъ Бенгуэллы снаряжаютъ цѣлые караваны: нѣкоторые въ одинъ разъ отправляютъ товара тысячъ на 20 марокъ. На сѣверѣ караваны меньше и разстояніе короче; изъ Камеруна и Батанги рѣдко выходитъ болѣе 12 лицъ, обыкновенно членовъ одной семьи. Ограниченія работорговли положили конецъ большому торговому движенію, которое, почти безъ исключенія, было весьма прибыльно; нѣкогда знаменитыя торговыя мѣста, какъ Бонни или Кимбунду, пришли въ упадокъ, и возникли новыя, какъ Лагосъ и Нунъ (Акасса). Уменьшеніе числа слоновъ, быстрое истребленіе каучука, истощеніе залежей золота внесли сюда свою долю, но зато тѣмъ болѣе расцвѣла розничная торговля, въ которой негры принимаютъ болѣе самостоятельное участіе. Португальскіе торговцы въ Кассанже и Маланже, амбакисты, лингвисты и всѣ торговые посредники другихъ наименованій тяжело испытываютъ на себѣ послѣдствія обычая тамошнихъ негровъ — носить свои товары даже за сотни миль на берегъ, чтобы тамъ торговать ими за свой счетъ. Дѣйствующіе здѣсь бангалы (бангала) принадлежатъ къ лучшимъ торговцамъ среди негровъ, такъ-же, какъ далѣе на сѣверѣ обитатели Батанги, Камеруна, Стараго Калабара и Бонни. Не всѣ одинаково хорошо приспособляются здѣсь; германская экспедиція на Лоанго встрѣтила главное препятствіе болѣе быстраго движенія впередъ въ невозможности найти носильщиковъ. Нигдѣ торговля не входитъ такъ глубоко, какъ здѣсь, въ жизнь народовъ, въ особенности, въ ихъ общественное и государственное развитіе. Король Белль изъ Камеруна, настоящій торговый царь, который поддерживалъ торговыя станціи по всему теченію Мунго и этимъ способомъ управлялъ страною въ коммерческомъ и политическомъ отношеніи, — настоящее явленіе западно-африканской жизни. Въ Салагѣ торговля процвѣтала болѣе, чѣмъ въ столь-же удачно расположенномъ и населенномъ Іенди, такъ какъ тамъ купцы меньше должны были платить поборовъ. Пока процвѣтала работорговля, существовали тѣсныя и прочныя отношенія между негрскими правителями и торговцами или капитанами судовъ. Въ каждой негрской деревнѣ былъ маклеръ, который, какъ только приходилъ корабль, появлялся тотчасъ-же на его бортѣ, для переговоровъ относительно рабовъ, золота и слоновой кости. Корабль этотъ переходилъ у берега изъ одного мѣста въ другое, пока не забиралъ полный грузъ, который вездѣ подготовлялся для него. Такъ возникли званія торговаго вице-короля, торговаго перваго министра и т. под.



Мѣдное ручное кольцо, по всѣмъ вѣроятіямъ, мѣновой знакъ. Съ берега Западной Африки. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 330.

Типичными береговыми торговцами являются дуаллы (дуалла), которые передъ многими обитателями этихъ береговъ отличаются большимъ преимуществомъ — умѣньемъ работать и зарабатывать, и притомъ съ достаточной выдержкой. Въ этомъ отношеніи они походятъ на крусовъ. Они не только облагали сборами торговлю изнутри и внутрь страны, насколько она проходитъ по ихъ берегу, но сумѣли взять ее въ свои руки и ведутъ ее съ ревностью, которая боязливо и всевозможными средствами устраняетъ всякій слѣдъ конкурренціи. Это — нація торговцевъ, выказывающая въ узкой области такую-же безпощадность и стремленіе къ монополіи, какъ и міровыя торговыя націи. Правда, отъ своихъ сосѣдей они отличаются благосостояніемъ, но въ маломъ видѣ выказываютъ такое-же пренебреженіе къ земледѣлію и такую-же сильную потребность въ обладаніи безчисленными рабами, какъ нѣкогда финикіяне и карѳагеняне. Съ помощью женъ и рабовъ, они съ трудомъ производятъ потребное для нихъ количество банановъ и ямса, и берегъ ихъ славится дороговизною жизненныхъ припасовъ. О болѣе притязательныхъ культурахъ, каковы культуры маиса, кофе и хлопчатника, у нихъ не можетъ быть и рѣчи. Почти всѣ вымѣниваемые ими товары они получаютъ изнутри страны. Склонность къ монополіи свойственна имъ всѣмъ. Такъ-же, какъ прежде южные бангалы старались загородить дороги къ Кассаи, дуаллы дѣлали то-же съ дорогами къ Бенуэ, — первые посредствомъ силы, а послѣдніе разными хитростями и ложными слухами. Фурно встрѣтилъ на Оговѣ такую искусственно возбужденную панику, что онъ находилъ лишь покинутыя деревни, а Кунда старались задержать въ Камерунѣ, увѣряя, что проѣхать тамъ можно лишь въ сухое время. На Бенуэ оказалось, что жители береговъ рѣки старались загородить доступъ чужимъ судамъ съ помощью сѣтей. Флегель справедливо видѣлъ важное значеніе Бенуэ въ томъ, что эта рѣка нарушаетъ монополію. Народы внутренней страны или вынуждены были такимъ образомъ къ окольнымъ путямъ, подобно тому, какъ окваи, до пріобрѣтенія ими независимости, должны были проходить черезъ Кумази, или вынуждены были платить пошлины; когда они отказывали въ нихъ, имъ приходилось вступать въ борьбу, такъ-же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ баны внутренней части Камеруна боролись съ іеноями. Въ Дагомеѣ еще въ недавніе годы запрещался въѣздъ чужеземцамъ и изученіе ими мѣстнаго языка. Тотъ, кто уничтожаетъ поборы, какъ мудрый правитель Салаги, всего вѣрнѣе способствуетъ процвѣтанію торговли. Нѣкоторыя племена сумѣли достигнуть извѣстной неуязвимости страхомъ, внушаемымъ ихъ волшебными фетишами. „Отъ нихъ“, говоритъ Бастіанъ, „конечно, нельзя надѣяться получить какія-либо свѣдѣнія, такъ какъ вся ихъ политика направлена къ тому, чтобы сношенія свои держать по возможности въ тѣни.“ Слѣдовательно, и въ этомъ они походятъ на древнихъ финикіянъ. Къ тому-же относятся, безъ сомнѣнія, и разсказы о людоѣдахъ.

Главныя сношенія внутреннихъ племенъ происходятъ по случаю недѣльныхъ базаровъ. На нижнемъ Конго, гдѣ недѣля состоитъ изъ четырехъ дней, каждый день въ извѣстномъ пунктѣ происходитъ торгъ, на которомъ нѣтъ недостатка въ торговцахъ и покупателяхъ. Посѣтители просто вымѣниваютъ свои товары или пользуются голубыми бусами въ качествѣ платежнаго средства. На морскомъ берегу эти дѣтскіе предметы обмѣна — бусы, ручныя зеркальца и т. под. — давно уже потеряли цѣнность, и вмѣсто нихъ тамъ требуются водка, ружья и бумажныя ткани. Повсюду, гдѣ господствуютъ усиленныя сношенія съ европейцами, обращается и чеканная монета. Каури, цѣнившіеся прежде на Конго, тамъ уже болѣе не ходятъ, между тѣмъ, какъ въ области Нигера они образуютъ общераспространенную монету. Самъ король Конго заставлялъ прежде собирать каури на берегу Анголы. Въ Бонни и во внутренней части Камеруна въ видѣ платежныхъ

средствъ употребляютъ подковообразныя мѣдныя кольца, похожія на нубійскіе браслеты, но непригодныя даже для дѣтской руки; на нижнемъ Нигерѣ употреблялись нѣкогда треугольныя желѣзныя пластинки. Иногда встрѣчаются законы относительно числа козъ и рогатаго скота, какимъ можетъ обладать богатый человѣкъ, такъ-же, какъ въ другихъ мѣстахъ правительство старается регулировать монетное обращеніе. Къ сожалѣнію, въ увеличивающейся массѣ водки, какую европейцы употребляютъ всего чаще въ видѣ средства обмѣна съ племенами, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе, является цѣнность, соотвѣтственная всему, что негры могутъ доставить. Нормой для многихъ видовъ западно-африканской торговли, въ особенности, слоновой костью, является полоса, номинально принятая мѣра, которая, быть можетъ, вначалѣ была дѣйствительно желѣзной полосой опредѣленной длины, а теперь составляется изъ различныхъ товаровъ, по соглашенію между обѣими сторонами. Точно также въ португальской области „реça“, бывшая первоначально кускомъ бумажной ткани, находится въ извѣстномъ соотношеніи съ водкой, порохомъ и другими товарами.

Торговый духъ проникаетъ и въ семью, и покупка женъ здѣсь еще болѣе торговое дѣло, чѣмъ у другихъ африканцевъ. Средняя цѣна женщины у дуалловъ 900—1200 марокъ, а часто и дороже, если отецъ ея занимаетъ видное положеніе. Жены считаются полною собственностью мужей, которые могутъ ихъ дарить, ссужать и продавать. Но такъ какъ онѣ составляютъ самый дорогой предметъ торговли, то это случается лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при заключеніи мира между враждующими племенами или въ видѣ выкупа за убійство. При нарушеніи супружеской вѣрности, возмездіе заключается въ томъ, что соблазнитель долженъ уплатить извѣстную сумму; если-же онъ не въ состояніи этого сдѣлать, то онъ становится рабомъ оскорбленнаго супруга. Сожженіе женъ начальниковъ, нарушившихъ свой долгъ, вмѣстѣ съ ихъ соблазнителями, повидимому, встрѣчалось въ Лоанго.

Хозяйственный элементъ настолько проходитъ черезъ всѣ фазы семейной жизни этихъ негровъ, что нужно пристально всматриваться въ нее для убѣжденія въ томъ, что основаніе семьи не имѣетъ у нихъ другой цѣли, кромѣ умноженія собственности. Молодой человѣкъ, вступающій въ работоспособный возрастъ, нанимается на службу и старается различными способами (кабинды или крусы — мореплаваніемъ, дуаллы и бангалы — торговлей) обезпечить свое существованіе, причемъ онъ бываетъ, какъ нельзя болѣе, бережливъ. Какъ скоро у него окажется достаточно имущества, онъ покупаетъ себѣ жену и, чѣмъ болѣе богатѣетъ, тѣмъ болѣе пополняетъ свой гаремъ. Каждая изъ этихъ женъ должна расчистить въ лѣсу извѣстное мѣсто и посадить тамъ маньокъ или земляные орѣхи, за которыми она не только сама должна ухаживать, но и носить ихъ на рынокъ и продавать тамъ. Не каждый супругъ проходитъ безнаказанно подъ сѣнью такого обширнаго семейнаго счастья. „Въ Околломѣ“, разсказываетъ Бастіанъ, „мой хозяинъ провелъ меня съ печальнымъ видомъ чрезъ извилистые и перекрещивающіеся ходы своего жилища, во внутреннемъ покоѣ котораго онъ спалъ. Онъ имѣлъ основаніе такъ тщательно ограждать себя, такъ какъ 20 раздраженныхъ непріятельницъ жили на его дворѣ, и онъ справедливо могъ проклинать тотъ часъ, когда богатство расположило его окружить себя ими.“

Лицамъ семействъ правителей и въ этомъ отношеніи предоставляются значительныя выгоды. Въ Лоанго принцъ могъ жениться на каждой женщинѣ, вручивъ ей кольцо изъ слоновой кости, и даже малолѣтнихъ дѣвочекъ обезпечить для себя такимъ-же способомъ на будущее время. Точно также и принцесса могла выбрать себѣ мужа, если онъ только не былъ принцемъ или бѣлымъ и не проливалъ человѣческой крови. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ былъ рабомъ, дѣти принцессы становились прин-

цами. Тѣ же права имѣли принцессы въ Акемѣ. Онѣ могли своимъ выборомъ простыхъ землепашцевъ возводить въ начальники и заставлять своихъ супруговъ отправлять къ родителямъ прежнихъ женъ.

Въ учрежденіяхъ Западнаго берега заключаются еще многіе остатки материнскаго права. Дѣти принадлежатъ матери, которая почти всегда воспитываетъ ихъ; если она умираетъ, мужъ долженъ заплатить родителямъ жены, чтобы получить право удержать при себѣ дѣтей. Правящія лица женскаго пола встрѣчаются часто. Лишь у немногихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у ибовъ, узаконено мужское наслѣдованіе, хотя женщина въ другихъ отношеніяхъ занимаетъ тамъ высокое положеніе. Королева фантіевъ вступила въ споръ за право наслѣдованія престола, желая положить основаніе собственному народу. Джагги также управляются королевами. Своеобразное положеніе Лукокеши, рядомъ съ Муатой-Ямво, повидимому, распространяется и къ западу. Знаменательно, что сказаніе лундовъ объ основаніи царства пришедшимъ откуда-то изъ чужой страны охотникомъ, сумѣвшимъ снискать любовь царствующей королевы, повторяется во многихъ странахъ, между прочимъ, и у бигеньосовъ. Положеніе женщинъ возвышается еще болѣе поддерживающимся во многихъ случаяхъ правомъ наслѣдованія по женской линіи. Даже престолъ королевства Конго, въ которомъ миссіонеры могли лишь на короткое время ввести другой порядокъ наслѣдованія, переходилъ къ сыну сестры короля. И въ прославленныхъ амазонкахъ Дагомеи сохранился остатокъ гинекократіи. Дѣло не ограничивается знаменитой гвардіей, которой командуетъ королева Дада, солдаты которой смотрятъ на себя, какъ на мужчинъ, и одѣваются такъ-же, какъ и они, но женщины помогаютъ управлять царствомъ, совѣтуются съ первымъ министромъ, минго, и королева по отношенію къ женщинамъ имѣетъ право жизни и смерти; только ея сыновья могутъ называться принцами, и всѣмъ другимъ сыновьямъ короля запрещено, подъ страхомъ смертной казни, открывать ихъ происхожденіе.

Въ тѣсной связи съ бракомъ находится обособленіе мальчиковъ и дѣвочекъ, приближающихся къ возрасту возмужалости, въ хижинахъ среди лѣса (на берегу Слоновой кости — въ волшебномъ лѣсу или „гри-гри“), гдѣ они со своими сверстниками получаютъ окончательное воспитаніе и гдѣ обрученныя дѣвушки часто остаются до самой свадьбы. Мальчики сперва содержатся очень строго, но затѣмъ посвящаются въ развлеченія мужчинъ, получаютъ новыя имена, питаются, по большей части, обкрадываньемъ полей и садовъ, что̀ они производятъ подъ руководствомъ своего вождя, и представляютъ собою, какъ будто они были убиты лѣснымъ духомъ и затѣмъ ожили. Если они еще не были обрѣзаны, это происходитъ при вступленіи ихъ въ лѣсъ. Вожди ихъ, такъ-же, какъ фетишскіе знахари и пляшущіе на похоронахъ, носятъ плащи изъ листьевъ и маски, (см. рис., стр. 55 внизу и табл. „Оружіе и утварь с.-зап. Африки“, фиг. 17), совершенно такъ-же, какъ дукъ-дуки у меланезійцевъ (см. т. I, стр. 276), а въ Лоангѣ — плащи изъ перьевъ, принадлежащіе къ интереснымъ остаткамъ старинной художественной промышленности.

Рабы у всѣхъ западныхъ африканцевъ составляютъ существенную составную часть домашняго хозяйства, а у начальниковъ — основу ихъ власти; они исполняютъ въ особенности ту часть работы, которая не касается торговли. Часто они живутъ въ особыхъ деревняхъ (деревни нинга въ Камерунѣ) и обыкновенно не испытываютъ жестокаго обращенія. Но ихъ качество „вещи“ понимается ихъ господами съ такой послѣдовательностью, что въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость человѣческой жертвы, ихъ хладнокровно убиваютъ. Путешественники разсказываютъ, что начальники, когда имъ не удается похитить людей ихъ чужого племени, тайно заставляютъ отрубать головы своимъ рабамъ, чтобы выставить ихъ въ видѣ трофеевъ. На самомъ дѣлѣ, упрекъ „ты не убилъ человѣка,

ты — дитя" — самый тяжелый, какой можетъ быть обращенъ къ нимъ. При этомъ стремленіи не щадить и безобидныхъ чужеземцевъ, убиваютъ даже калѣкъ. Большія охоты за рабами до сихъ поръ составляютъ въ Дагомеѣ прочно поддерживаемое учрежденіе, такъ сказать, выраженіе жизни государства, и рабы до послѣдняго времени вывозились отсюда.

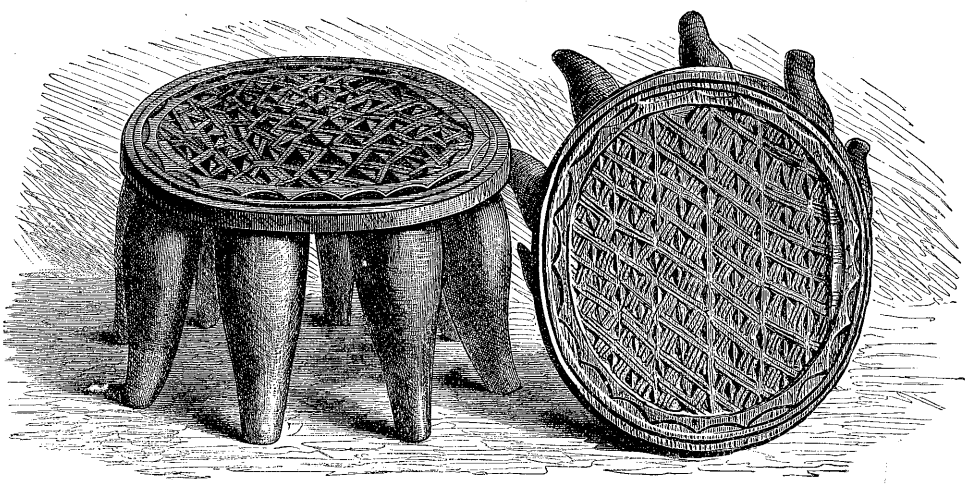
Образованіе государствъ въ наше время въ этой области гораздо рѣже, чѣмъ на востокѣ Африки, принимало значительный и прочный характеръ. Въ отдѣльныхъ благопріятныхъ мѣстахъ завоеватели становились властителями обширныхъ областей, но власть ихъ всегда была преходящей; еще и теперь смѣлые разбойники занимаютъ какую-либо деревню на торномъ торговомъ пути и распространяютъ оттуда свою власть, на подобіе рыцарей-грабителей. Какъ удивились французы, когда они въ страшной Мургулѣ, которая высасывала соки изъ всей мѣстности Бирго, нашли жалкое разбойничье гнѣздо. Вѣроятно, дѣло было нѣсколько иначе въ эпоху, предшествовавшую европейцамъ, отъ которой сохранились остатки гораздо болѣе могущественныхъ политическихъ и соціальныхъ организацій, чѣмъ мы видимъ это въ настоящее время. Пышныя и жестокія негрскія царства, каковы Бенинъ, Дагомея или Ашанти, окружены политически разложившимися племенами и въ этомъ отношеніи представляютъ много сходныхъ чертъ съ древними Перу и Мексикой. Строго обособленное, наслѣдственное высшее сословіе мфумовъ, на которомъ, главнымъ образомъ, лежало управленіе округами, и затѣмъ личное дворянство, болѣе преходящаго характера, составлявшееся изъ дѣтей и внуковъ принцевъ, заслуженныхъ или пользовавшихся расположеніемъ правителя придворныхъ чиновниковъ, причемъ оба эти сословія пользовались твердо установленными привилегіями, представляли въ Лоанго сильную опору правительства. Даже династическая традиція своей неопредѣленностью обнаруживаетъ нынѣшнюю шаткость государственной идеи. Поддержанію преданія мало содѣйствуетъ обычай клясться именами великихъ предковъ или коронованіе вайдахскихъ королей въ прежнемъ мѣстообитаніи своего племени, даже и тогда, когда оно уже было утрачено.

Такъ-же, какъ завоеванія джагговъ на юго-западномъ берегу должны были пройти почти безъ слѣда, такъ какъ они не опирались на какую-либо сильную и прочную организацію, и другія народныя волны послѣ краткаго подъема опять опускались: послѣ нихъ исчезли и тѣ христіанскіе короли Конго, цѣлыя династіи которыхъ приводились португальцами прежняго времени. Экспедиція капитана Эллиота 1883 г. въ область Куйлу Ніади не встрѣтила никакой болѣе или менѣе крупной политической организаціи; такимъ образомъ, вся провинція могла быть пріобрѣтена безъ всякой борьбы, съ незначительными пожертвованіями на подарки, и во всемъ бассейнѣ Конго, въ сущности, только чужеземцы, всего болѣе арабы, оказали стойкое сопротивленіе основанію европейской колоніи.

До времени болѣе обширныхъ захватовъ европейцевъ на Гвинейскомъ берегу и прежде, чѣмъ изнутри болѣе обширныя царства, въ особенности Дагомея, выдвинулись къ берегу, географы перечисляли на немъ цѣлый рядъ королевствъ и республикъ, по большей части, съ самыми незначительными владѣніями. Эти царства повторяли собою въ меньшемъ масштабѣ государства берега Лоанго и, еще въ большей степени, чѣмъ эти послѣднія, находились подъ вліяніемъ торговли. Можно сказать даже, что они въ большинствѣ случаевъ возникали соотвѣтственно нѣсколько преждевременно выражавшемуся желанію европейцевъ принимать участіе въ торговлѣ независимо отъ сосѣдей съ правой и съ лѣвой стороны и на берегу. Исторія Золотого и Невольничьяго берега учитъ насъ, что европейскія державы часто находили въ своихъ интересахъ поддерживать эти притязанія; такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, 40 фортовъ и укрѣпленныхъ факторій голландцевъ, англичанъ, датчанъ и португальцевъ стояли одни на Золотомъ

берегу, безъ собственныхъ владѣній, пользуясь только дружбой ближайшихъ мелкихъ властителей.

Главнымъ аттрибутомъ начальника считается тронъ (см. рис., стр. 28). При первомъ пріемѣ португальцевъ (1491 г.) у короля Конго въ его столицѣ находился тронъ изъ слоновой кости, украшенный деревянной рѣзьбой на ручкахъ и поставленный на высокомъ помостѣ, такъ что его отовсюду можно было видѣть при самомъ многолюдномъ собраніи. На плечахъ короля висѣлъ конскій хвостъ, знакъ королевскаго достоинства, и голову его прикрывала сплетенная изъ тонкаго пальмоваго луба шапочка, похожая на митру. Рядомъ съ этимъ, тамъ существуютъ многія монополіи на одежду и украшенія. Нерѣдко только правителямъ и принцамъ принадлежитъ право пользоваться зонтиками и гамаками, въ видѣ носилокъ, а также ходить въ башмакахъ. Высшее сословіе въ Лоанго исключительно присвоивало себѣ украшенія изъ слоновой кости, одежду, прикрывавшую плечи,



Рѣзные деревянные стулья изъ области Нигеръ-Бенуе. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/6 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 361.

тонкія циновки и шапки. Только оно могло пользоваться одной изъ разновидностей испанскаго перца. Въ Дагомеѣ народу не дозволено было употребленіе стульевъ и деревянныхъ дверей. Король Акры еще теперь носитъ на празднествахъ присвоенную только ему острую шляпу изъ шкуры антилопы, съ перомъ поверхъ нея; жрецы носятъ подобную-же шляпу изъ шкуры рогатаго скота, къ которой прикрѣпленъ кусочекъ шкуры той же антилопы. Въ Лоанго еще и въ настоящее время „высшіе“ обитатели страны говорятъ мѣстнымъ языкомъ, съ примѣсью особыхъ словъ и съ особыми удареніями. Мы не должны оставить безъ вниманія и одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ аттрибутовъ западно-африканскаго правителя — палку, вооруженный которою правитель Акема ходитъ ночью по улицамъ, чтобы загонять домой запоздавшихъ подданныхъ. Совершенно иной видъ представляетъ появленіе этихъ королей при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Въ настоящее время короли предпочтительно украшаются отбросами европейскихъ ветошниковъ, и остатки знаковъ ихъ достоинства находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи со скудостью ихъ обстановки. Сравнительно исполненъ достоинства выходъ одного изъ отпрысковъ Конгскихъ королей въ Санъ Сальвадорѣ, который, кромѣ низко спускающагося передника, надѣваетъ бѣлую рубашку для прикрытія верхней части тѣла, носитъ на шеѣ серебряный крестъ и въ рукѣ держитъ мечъ. Спутникъ Бастіана привѣтствовалъ этого человѣка, согласно придворному церемоніалу, какъ принца королевской крови: онъ сталъ на колѣни, три раза коснулся лбомъ земли и обсыпалъ себѣ лицо

и голову пылью, прежде, чѣмъ перевелъ привѣтствіе. Употреблявшееся прежде лизаніе подошвъ ногъ теперь отмѣнено.

На югѣ въ легендахъ и нравахъ династій слышится традиція Лунды, а съ другой стороны — новая власть европейскихъ колоній. Основаніе царства Бигэ и португальскаго владычества разсказывается слѣдующимъ образомъ. Въ прекрасную дочь начальника Бамбы (въ этой области употребителенъ обобщенный португальцами титулъ „соба“) влюбился пріѣхавшій на охоту Бигэ, женился на ней, покорилъ окрестный народъ и положилъ основаніе этому мѣсту, называющемуся до сихъ поръ его именемъ. Часть народа Бамбы переселилась туда, Бигэ и самъ имѣлъ съ собой большую свиту, и, такимъ образомъ, возникъ новый народъ. Одинъ изъ преемниковъ Бигэ продалъ своего брата Кангомби въ Лоанду, гдѣ этотъ послѣдній сдѣлался любимымъ рабомъ губернатора. Вслѣдствіе того, часть народа Бигэ возмутилась и послала въ Лоанду выкупить Кангомби. Но господинъ его отказался отъ всякаго выкупа и отправилъ его съ подарками и португальской свитой на родину. Такъ португальцы попали въ Бигэ. Кангомби свергъ своего брата и, когда тотъ потомъ еще разъ хотѣлъ проникнуть въ страну, отдалъ его гангуэлламъ на съѣденіе. Какъ разсказываютъ, это произошло три или четыре поколѣнія тому назадъ.

Начальника окружаетъ совѣтъ, члены котораго назначаются изъ лицъ благороднаго сословія или деревенскихъ старшинъ. Многихъ начальниковъ окружаютъ благородныя лица, которыя должны собирать и выносить его слюну, особое лицо, носящее его стулъ, и шутъ, на обязанности котораго лежитъ поддержаніе чистоты вокругъ хижины, представляющей собою дворецъ. Всего болѣе начальника обременяетъ цѣпь „чины“, напоминающая высокое положеніе, связанное съ полинезійскимъ табу, въ силу которой въ Лоанго даже лица благороднаго сословія не могутъ спать на мѣстѣ, окруженномъ водой, — все равно, островъ ли это, или корабль, — или переходить черезъ извѣстныя рѣки. Многіе начальники могли оставлять свое жилище только ночью и не должны были видѣть ни моря, ни лошади, ни бѣлаго человѣка. Такой начальникъ былъ несчастнымъ плѣнникомъ, съ которымъ имѣли право сноситься лишь его видимый замѣститель и трое изъ старшинъ, оборачиваясь къ нему спиною. Какъ и въ другихъ мѣстахъ у негровъ, здѣсь не сообщаютъ народу о смерти начальника; трупъ его истлѣваетъ въ хижинѣ, и затѣмъ кости погребаются въ самой хижинѣ или около нея. Затѣмъ наступаетъ междуцарствіе, о какомъ мы уже говорили выше (см. стр. 63), когда прекращается дѣйствіе всякихъ законовъ. Колдуны всегда находятъ того, кто причинилъ волшебствомъ смерть покойному, и этого преступника, конечно, умерщвляютъ. Старѣйшины тѣмъ временемъ отыскиваютъ правоспособнаго наслѣдника престола; при этомъ одинъ отрядъ на одной сторонѣ охотится за антилопой, у которой отсѣкается голова, а другой такъ же отрубаетъ голову первому человѣку, какого онъ встрѣтитъ. Обѣ головы служатъ знахарямъ для волхованія, чтобъ освятить начало новаго правленія. Главной женѣ у многихъ племенъ принадлежитъ право наслѣдованія престола; у другихъ она занимаетъ такое же положеніе, какъ Лукокеша въ Лундѣ.

Гвинейскій берегъ съ 1445 г. всего чаще посѣщался европейскими кораблями, и потому извѣстія о тамошнемъ политическомъ положеніи были особенно обильны. Несмотря на то, что человѣческія жизни уничтожались тамъ войною, работорговлей и жертвоприношеніями, тамъ нигдѣ не проявлялось неограниченнаго деспотизма. Ашанти при первыхъ короляхъ пользовалось такой свободой, что, по свидѣтельству Бауднча, деспотическая Дагомея избѣгала ближайшихъ сношеній съ Ашанти, чтобы ея подданные не могли ознакомиться съ вольностью, господствовавшей тамъ. По преданіямъ Ашанти, основатель царства Саи-Тото сосредоточилъ свою власть въ Кумасси и сосѣднихъ городахъ и управленіе послѣдними поручилъ

начальникамъ, обязаннымъ лишь присутствовать въ столицѣ на извѣстныхъ празднествахъ. Впослѣдствіи при дворѣ Ашанти большое число придворныхъ занимало положеніе намѣстниковъ и правителей покоренныхъ округовъ, которые они посѣщали, по большей части, лишь для взиманія дани. При этомъ они были до извѣстной степени отвѣтственны за взносы управлявшихъ въ дѣйствительности мѣстныхъ начальниковъ. Баудичъ указываетъ на сходство этой системы съ древне-персидской, какъ ее описываетъ Геродотъ. Рядомъ съ этими придворными, самыя важныя мѣста занимали начальники шпіоновъ и тайной полиціи. Когда передъ возстаніемъ магометанъ въ Дагомеѣ, угрожавшимъ въ 1855 г., въ короткое время были устранены 3000 лицъ, то это произошло дѣятельностью страшныхъ „королевскихъ людей“, лазутчиковъ и тайныхъ убійцъ, основывавшихъ свою неутомимую и безпощадную работу для пользы государства на проникающемъ всюду шпіонствѣ. Извѣстно, что въ Дагомеѣ при каждомъ представителѣ короля, называемомъ обыкновенно „авогадо“, состоятъ нѣсколько шпіоновъ. Шпіоны наблюдаютъ за сношеніями между европейцами и мѣстными жителями, и купцы въ Вайдахѣ (Уайдахѣ), береговомъ пунктѣ Дагомеи, остерегаются брать къ себѣ на службу подданныхъ короля. Негръ, по легкомыслію и въ минуты возбужденія, часто проговаривается бранными словами даже по отношенію къ высшимъ, а въ Дагомеѣ всякій, кто скажетъ или предприметъ что-либо противъ короля, долженъ считать себя безвозвратно погибшимъ. Такимъ путемъ удавалось здѣсь поддерживать въ теченіе столѣтій прочную власть, не имѣющую подобной себѣ во всей западной Африкѣ, отъ Сенегала до Кунене; между тѣмъ, въ Камерунской области, гдѣ, еще лѣтъ 10 тому назадъ, только два торговыхъ князька, Белль и Аккуа, управляли всѣми дуаллами, въ короткое время цѣлый рядъ младшихъ начальниковъ поднялся на высоту, „на которой стоятъ правители“.

Повсюду народъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣшивался въ дѣла правленія, а въ большинствѣ государствъ участіе его въ этихъ дѣлахъ было даже обычнымъ. Эвейцы управляются королемъ, власть котораго ограничивается совѣтомъ старшинъ его столицы. Законы должны быть предварительно представлены на разсмотрѣніе старшинъ другихъ городовъ и, въ концѣ концовъ, — всего народа. Въ городахъ существуетъ полная административная и судебная коллегія, съ начальникомъ во главѣ, а въ деревняхъ только одинъ старшина, изъ той семьи, на землѣ которой построена деревня. Амаку на Золотомъ берегу, гдѣ въ 1787 г. французы основали поселеніе, показываетъ примѣръ того, что̀ тамъ называли республикой: весь народъ рѣшалъ общія и внѣшнія дѣла на большихъ палаверахъ, между тѣмъ, какъ мѣстныя дѣла разсматривались кабоширами, или наслѣдственными начальниками деревень, обыкновенно наживавшимися отъ торговли и зависѣвшими отъ купцовъ. Король былъ только историческимъ и религіознымъ почетнымъ лицомъ. Кабоширы одни устроили въ 1786 г. уступку земли Франціи. Когда король ашантіевъ Саи-Куамина не вернулся по желанію начальниковъ въ свое царство, а остался въ сосѣднемъ Двабинѣ, онъ былъ смѣщенъ по опредѣленной формѣ, имѣвшей видъ закона, братъ его посаженъ „на стулъ“, а первому были отправлены жены и рабы, съ которыми онъ долженъ былъ удалиться въ лѣсъ и тамъ построить уединенную деревню. Впрочемъ, братъ его царствовалъ лишь нѣсколько дней. Когда островныя государства биссагосовъ описываются вполнѣ монархическими, противоположно олигархіямъ сосѣднихъ народовъ, то здѣсь можно представить себѣ лишь пріобрѣтенныя преимущества временнаго характера; такъ, главный кабоширъ въ Амаку обладалъ своимъ достоинствомъ, создававшимъ ему почетное положеніе въ его деревнѣ, благодаря тому, что это мѣсто покорено было его предками. Существовали области, какъ, напримѣръ, распавшаяся на нѣсколько округовъ страна Тиммене, позади Сьерра Леоне, гдѣ вообще не было извѣстно никакой

власти. Майоссо, гдѣ Фозе въ 1882 г. участвовалъ въ палаверѣ вмѣстѣ съ начальниками, было, повидимому, историческимъ мѣстомъ, а не политическимъ центромъ.

Авторитетъ правителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическая связь этихъ странъ, естественно, ослабѣваютъ съ распространеніемъ законной торговли; вслѣдствіе того, становится возможнымъ для каждаго частнаго человѣка пріобрѣсти богатство и вліяніе. Въ настоящее время каждый, имѣющій возможность доставать порохъ и огнестрѣльное оружіе, считаетъ себя независимымъ, и королевская власть еще болѣе потеряетъ значеніе, когда никто ее не захочетъ принимать на себя, чтобы не подвергаться тягостнымъ церемоніямъ.

Безконечно повторяющіеся переговоры и совѣщанія начальника и его сановниковъ носятъ на берегу прославленное имя палавера. Палаверомъ называется здѣсь каждое совѣщаніе между нѣсколькими лицами, вмѣстѣ съ тѣми спорами, какими оно сопровождается. Всего опаснѣе считается волшебный палаверъ, на которомъ разсматриваются частые процессы вѣдьмъ, и всего болѣе тамъ любятъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, палаверы съ потребленіемъ водки.

При неподвижной соціальной организаціи, какая прежде была въ странѣ Конго, безъисходные споры между двумя благородными лицами разрѣшались поединкомъ; послѣ того между ними ставился факелъ, который сгоралъ, и этимъ исчерпывалось время искупленія вины.

При частыхъ денежныхъ штрафахъ и алчности этихъ народовъ, среди нихъ распространенъ обычай съ извѣстнымъ произволомъ обращать въ подлежащія наказанію преступленія множество мелкихъ проступковъ или недосмотровъ. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у бигеньосовъ и кіоковъ, этотъ обычай, называемый мукано и милонга, сдѣлался крайне обременительнымъ, въ особенности для чужеземцевъ. Въ отыскиваніи основаній для мукано фантазія негровъ неистощима. Штрафъ по произволу переносится на другихъ лицъ, такъ что вождь каравана долженъ иногда платиться за неискупленныя мукано своихъ предшественниковъ. Если умираетъ кто-либо, на комъ тяготѣло мукано, то на лицо, беззаботно вступающее въ жилище умершаго, переносится мукано послѣдняго. Самыми частыми случаями для мукано являются дѣйствительныя или мнимыя нарушенія супружеской вѣрности, къ которымъ развращенные негры подстрекаютъ своихъ женъ на торговыхъ дорогахъ Бигэ и Кимбунду, чтобы имѣть основанія для вымогательствъ.

Государственные доходы со времени прекращенія работорговли сводятся на незначительныя пошлины и наемную плату за мѣста (европейскіе торговцы на рѣкѣ Камерунѣ платятъ негрскимъ начальникамъ области, гдѣ они живутъ, ежегодный сборъ), а тамъ, гдѣ находятся торговые дома, — на штрафныя деньги. У охотничьихъ и земледѣльческихъ народовъ внутри страны начальникъ обыкновенно получаетъ отъ своихъ подданныхъ пиво и пальмовое вино, слоновые клыки, львиныя и леопардовыя шкуры и правую заднюю часть каждой дичи.

Экзогамія выступаетъ въ видѣ отдѣльныхъ примѣровъ или слѣдовъ; въ Лоанго она касается только высшихъ лицъ, такъ какъ тамъ всѣ принцы и принцессы считались братьями и сестрами и могли жениться лишь внѣ своей страны. Она проявляется, какъ ясно выраженный народный обычай, между мпонгвами Габуна и орунгами на мысѣ Лопесъ. Ограниченіе опредѣленной торговой области первобытными торговыми договорами можно отмѣтить у дуалловъ. Тангваны южной Камерунской области не должны были доходить до Саннаги, а только до страны начальника Чинги. Стэнли встрѣчалъ еще въ области Конго союзы съ агрессивными цѣлями. Войны не всегда вспыхиваютъ разомъ. Часто имъ предшествуютъ переговоры, причемъ стороны, чтобы, разгорячившись, не броситься другъ на друга, кла-

дутъ въ промежуткѣ линію изъ древесныхъ вѣтокъ, черезъ которую нельзя переходить. Посылка горящаго факела у лоанговъ служила знакомъ войны. Обширныя пограничныя пустыни, необитаемые лѣса, въ 6—10 миль шириною, изолируютъ и охраняютъ государство и доставляютъ обильную охоту.

Уваженіе, оказываемое извѣстнымъ животнымъ, напримѣръ, игуанѣ въ Бонни и акулѣ, которой прежде приносились въ жертву дѣти, въ Старомъ Калабарѣ, указываетъ на старинные тотемы. Такимъ образомъ, племена ашантіевъ, фантіевъ, варсаевъ, акимовъ, ассиновъ и аквапимовъ не только связаны общностью языка, которая, по словамъ Баудича, превосходитъ сходство нарѣчій древней Греціи: столь же тѣсно охватываетъ ихъ связь общей, племенной организаціи, указывающая на первоначальную общность владѣнія этихъ племенъ и подтверждаемая настоящимъ положеніемъ вещей. Существуетъ 12 племенныхъ фамилій, члены которыхъ пестро разсѣяны среди этихъ племенъ, будучи отдѣлены другъ отъ друга и въ пространственномъ, и въ политическомъ отношеніи. Эти семьи называются аквонна (буйволъ), аброттy (хлѣбный стебель), аббради (пизангъ), эссонна (дикая кошка), аннёна (попугай), іоко (красная земля), инчва (собака), абади (?), аппіади (слуга), чвидамъ (пантера), агуна (роща масличныхъ пальмъ), думина (?) Въ отдѣльныхъ семьяхъ можно найти ашантіевъ рядомъ съ фантіями, акимами или представителями другихъ племенъ. Быть можетъ, въ основѣ ихъ не всегда лежитъ общее происхожденіе, но служащіе должны принадлежать къ одному подчиненному классу, такъ же, какъ семья масличной пальмы состоитъ изъ торговцевъ; въ нее принимались и португальцы. Четыре рода — аквонна, эссонна, инчва и чвидамъ — считались старинными и благородными. Въ Анголѣ убившій крокодила долженъ былъ доставить желчный пузырь ближайшему начальнику, который, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ извести, зарывалъ его въ уединенномъ мѣстѣ. Въ Лоанго и пузырь леопарда считается ядовитымъ, а въ Дагомеѣ это животное признается священнымъ. Племена дагомеевъ и ашантіевъ называютъ себя по именамъ животныхъ, какъ племена бечуановъ. И эта связь съ живой природой нисходитъ до мельчайшихъ животныхъ. Бухгольцъ часто находилъ на Золотомъ берегу у подножья термитовыхъ холмовъ глиняныя куколки самца и самки, обложенныя особыми кореньями, углемъ и другими предметами (см. выше, стр. 46).

Западно-африканскіе суды божьи своимъ широкимъ распространеніемъ и примѣненіемъ сильныхъ ядовитыхъ веществъ пріобрѣли печальную извѣстность. Чтобы снять клятву, жрецъ заставляетъ стороны пить горькую воду, которая должна убить клятвопреступника. Эта горькая вода содержитъ на нижнемъ Конго экстрактъ коры нкассы, съ очень сильнымъ ядомъ, дѣйствующимъ на сердце. Растеніе это принадлежитъ, вѣроятно, къ семейству Asklepiadeae. Неравномѣрное дѣйствіе его объясняется тѣмъ, что оно быстро вызываетъ рвоту, и желудокъ вмѣстѣ съ нею освобождается отъ ядовитаго вещества. Противная партія часто бросалась на жертву уже при первыхъ содроганіяхъ, чтобы изрубить ее ножами. Племена Анголы пронизываютъ трупъ острымъ коломъ. Для усиленія божьяго суда служитъ клятва, которая дается только въ этомъ случаѣ и имѣетъ силу или только для семьи дающаго ее, или для всего народа. Чтобы воспрепятствовать самоубійству проглатываніемъ языка, дагомейцы просверливаютъ своимъ плѣннымъ щеки сзади или привязываютъ къ языку деревянный крестъ.

При этихъ клятвахъ и другихъ важныхъ случаяхъ, требующихъ участія жрецовъ, производится и ворожба съ частями человѣческаго тѣла, которая незамѣтно приводится къ людоѣдству. Серпа Пинто разсказываетъ объ одномъ празднествѣ, которое отъ времени до времени устраиваетъ начальникъ Биге и на которомъ съѣдаются тѣла пяти человѣкъ

безъ головъ, вмѣстѣ съ бычачьимъ мясомъ, частью въ жареномъ, частью въ вареномъ видѣ. Въ старинныхъ описаніяхъ португальцевъ, у Цуккелли и у другихъ, всѣ обитатели Бенгуэллы и Анголы представлены людоѣдами, причемъ упоминаются даже деревянныя вилки для человѣческаго мяса, но въ особенности съ этимъ качествомъ изображаются „гіаги“, которыхъ узнаютъ по голой макушкѣ, подпиленнымъ зубамъ и тремъ рубцамъ на щекахъ. Людоѣдство приписывается также киссамамъ, къ югу отъ Коанцы. Относительно людоѣдства обитателей нижняго Конго существовали многія утвержденія, но они никогда не были доказаны; впрочемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что во внутренней части западной Африки людоѣдство продолжаетъ еще существовать. Хотя въ новѣйшее время нельзя отмѣтить строго провѣренныхъ случаевъ каннибализма среди этихъ народовъ, но соотвѣтственные ему обычаи указываютъ, что втайнѣ онъ еще держится. Напомнимъ, что у камерунскихъ племенъ новый начальникъ, наслѣдуя званіе своего предшественника, по большей части, отца, считается облеченнымъ въ свое достоинство не ранѣе того, какъ онъ открыто или обманомъ умертвитъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ и отдѣльныя части тѣла ихъ, даже внутренности, раздѣлитъ между родственниками и сосѣдними начальниками. Черепа несчастныхъ жертвъ сохраняются и играютъ роль на поминкахъ, въ качествѣ украшенія могилъ или сосудовъ для питья (см. рис., т. I, стр. 127). У мпонгвовъ въ миніатюрныхъ домахъ, между жилыми домами или позади ихъ, сохраняется нѣсколько ящиковъ съ известью или охрой; владѣлецъ для предохраненія отъ опасности натираетъ себѣ ими кожу, отправляясь на охоту, рыбную ловлю или въ путешествіе; но обыкновенно въ этихъ ящикахъ хранятся также черепа предковъ или родственниковъ. Когда въ домъ пріѣзжаетъ гость, владѣлецъ соскребаетъ немного земли съ черепа и примѣшиваетъ ее къ пищѣ, предлагаемой гостю, въ увѣренности, что ему будетъ полезно воспринять въ себя часть вещества предковъ хозяина. Человѣческіе черепа и челюсти составляютъ самые любимые орнаменты.

Тайные союзы и на берегу Верхней Гвинеи, и на югѣ играютъ важную роль. Мы уже встрѣчаемъ ихъ въ старинныхъ преданіяхъ бундовъ, которые положили конецъ опустошительному людоѣдству союзомъ охотниковъ за буйволами (Empacasseiros португальцевъ), изъ котораго возникъ цѣлый народъ. Въ прошломъ столѣтіи въ Бенинѣ игралъ видную роль союзъ абоніевъ или огбоніевъ (ср. стр. 361), который при посвященіи членовъ заставлялъ ихъ пить человѣческую кровь, связывалъ ихъ страшными клятвами, запрещалъ всякое проникновеніе постороннихъ лицъ, подъ страхомъ смерти, и своими смертными приговорами, которые его члены слѣпо исполняли, пріобрѣлъ настоящую террористическую власть. Мы можемъ это считать откликомъ обычаевъ ньенго, когда на празднествахъ парра-парра у дуалловъ происходитъ рядъ единоборствъ между двумя общинами, причемъ борцы появляются въ костюмѣ „ньенго“, охраняющемъ ихъ отъ всякаго непріязненнаго обращенія; онъ состоитъ изъ далеко отступающаго пояса изъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ и прически, соединяющей всѣ волосы въ одну вертикально стоящую косу. Единоборство происходитъ по опредѣленнымъ правиламъ подъ наблюденіемъ секундантовъ, которые вмѣшиваются при малѣйшемъ нарушеніи правилъ борьбы. Женщины, которымъ нѣтъ мѣста въ союзахъ мужчинъ, образуютъ свои тайные союзы; женское „франмассонство“ Ньемба противополагается мужскому союзу Нда.

Народы западно-африканскаго берега, между готтентотами и обитателями великой пустыни, принадлежатъ къ двумъ большимъ группамъ негрскихъ языковъ. Отъ 21°, или устья рѣки Нгабъ, до точки пересѣченія параллели 4° съ внутреннимъ угломъ Гвинейскаго залива живутъ представители языка Банту, а отсюда на западъ до Сенегала пестрые ряды

„суданскихъ негровъ“. Мы познакомились уже съ скотоводами - овагереросами, на крайнемъ югѣ (см. стр. 151), единственнымъ изъ западноафриканскихъ негрскихъ народовъ, которые ведутъ скотоводство на берегу чисто восточно - африканскимъ способомъ. Мы перешли ихъ сѣверную границу (см. стр. 224), которая служитъ въ то же время южной границей преобладающаго далѣе къ сѣверу населенія, и въ овамбахъ видѣли самый южный изъ западно - африканскихъ земледѣльческихъ народовъ. Овамбы и овагереросы выказываютъ близкую связь съ своими восточными родственниками; позади обоихъ бушмены занимаютъ обширныя пространства. Перейдя черезъ Кунене, мы видимъ себя среди народовъ, выказывающихъ до своей сѣверной границы сумму общихъ признаковъ, которые можно назвать средне - африканскими. Здѣсь мы встрѣчаемъ татуировку, кожаная одежда исчезаетъ вмѣстѣ съ скотоводствомъ, появляется земледѣліе и обнаруживающееся уже у овамбовъ высшее развитіе ремеслъ, воплощающееся въ ткацкомъ станкѣ, въ болѣе тщательной постройкѣ хижинъ, въ болѣе тонкой выработкѣ различныхъ предметовъ, въ особенности луковъ и стрѣлъ; но все это развивается вполнѣ свободно лишь внутри материка, такъ какъ на берегу подвергается разложенію отъ соприкосновенія съ высшей культурой. И вскорѣ, въ Анголѣ и на Конго мы встрѣчаемся съ болѣе крупными государственными образованіями, которыя, впрочемъ, отчасти развились лишь подъ вліяніемъ оживленной работорговли.

Значительное діалектическое родство, въ предѣлахъ общей принадлежности къ Банту, обнимаетъ племена португальскихъ провинцій — Бенгуэллы, Мосамедеса и Анголы, и обитателей бассейна нижняго Конго до Дандеха. Это — члены группы Бунда. Ее называютъ также группой Анголы, такъ какъ въ Анголѣ языкъ кимбунда сдѣлался Lingua Geral: уже около трехъ столѣтій словари его издаются въ Лиссабонѣ, и онъ сталъ языкомъ миссіонеровъ и купцовъ во всей западной португальской Африкѣ. Языкъ Бунда раздѣляется на южный и сѣверный отъ Коанцы. Вдоль всего берега разлагающія вліянія сильно измѣнили негровъ этого семейства; они приняли христіанство, говорятъ на португальскомъ языкѣ или на смѣси этого языка съ бундой и называютъ себя претосами; негросами они съ презрительной двусмысленностью называютъ тѣхъ, кто остались въ сторонѣ отъ ихъ движенія. Въ торговомъ населеніи, зависящемъ отъ Лоанды и Бенгуэллы, Маланже и Бигэ, особое значеніе имѣютъ двѣ группы — амбакисты, бывшіе первоначально обитателями округа Амбака, въ бассейнѣ Лукаллы, и бигеньосы, обитатели Бигэ на водораздѣлѣ Коанца-Кунене, нѣчто вродѣ касты купцовъ, вожаковъ каравановъ и носильщиковъ. На нихъ оказывали вліяніе не одни европейцы, но и подвижные кабинды (кабинда) (см. рис., стр. 376), съ нижняго Конго, которые прежде ввозились массами и теперь еще переселяются сюда; точно также негры рабы, различнаго происхожденія и смѣшенія, привозившіеся или переселявшіеся сюда изъ Бразиліи, и довольно многочисленные переселенцы изъ Мадеры и Гоа, вслѣдствіе происхожденія ихъ съ Канарскаго берега, называются канарійцами. Климатъ Анголы и Бенгуэллы не даетъ португальцамъ возможности продолжительнаго пребыванія тамъ и основанія семьи; вслѣдствіе того, тѣмъ болѣе процвѣтаютъ тамъсмѣшанные потомки бундовъ и кабиндовъ. Многіе негрскіе нравы случайно обнаруживаютъ болѣе глубокое происхожденіе, какъ, напримѣръ, упоминаемое Мадьяромъ и Луксомъ открытое предложеніе Jus primae noctis бѣдными дѣвушками, чтобы пріобрѣсти выкупъ для брака; португалецъ идетъ столь же далеко въ приспособленіи къ негрскимъ нравамъ, и такимъ образомъ развилось болѣе тѣсное единеніе обѣихъ расъ, чѣмъ въ какой либо другой африканской колоніальной области. Со времени прекращенія работорговли, которая обезлюдила Анголу и Бенгуэллу, численность населенія значительно увеличилась; съ тѣхъ поръ, какъ въ 1878 г. рабство формально уничтожено, образованіе смѣшан-

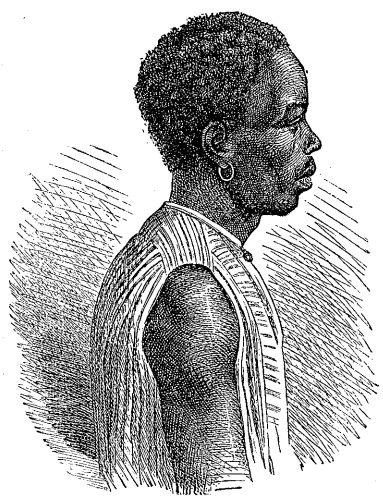
ной расы быстрыми шагами идетъ впередъ. Въ самой южной колоніи Мосамедесѣ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ, португальскій элементъ поддерживается въ болѣе чистомъ видѣ; здѣсь можно видѣть даже португальскихъ рыболововъ на необычайно богатыхъ рыбою берегахъ.

Къ сѣверу отъ Кунене баньянеки (баньянека) и банкомбы образуютъ извѣстное число небольшихъ племенъ, ведущихъ свое происхожденіе съ верхней Коанцы; по ихъ словамъ, они были вытѣснены оттуда бананами (банано), жителями горъ. Хотя они, по большей части, занимаются земледѣліемъ, но вся ихъ жизнь, вплоть до погребенія въ шкурѣ рогатаго скота, выказываетъ слѣды связи съ ихъ стадами, напоминающіе южные народы. Наряду съ другими бундами, обрѣзаніе считается у нихъ важнымъ, торжественнымъ событіемъ. На правомъ берегу Кунене живутъ басимбы (басимбо), или симбебы. Къ сѣверу отъ Мосамедеса живутъ на морскомъ берегу бакуанды (бакуандо) и бакуиссехи, а въ береговыхъ горахъ баканкалы (баканкала), которымъ Ногейра приписываетъ частью смѣшанные, частью чистые бушменскіе признаки. Вообще, во всей южной Анголѣ меньшій ростъ, болѣе свѣтлый цвѣтъ и болѣе широкія лица указываютъ на сильную примѣсь этихъ народовъ, о сплоченномъ распространеніи которыхъ далеко внутрь материка мы уже упоминали выше, въ I томѣ. Рядомъ съ ними живутъ мундомбы (мундомбе), сильный пастушескій народъ, полукруглыя хижины которыхъ, кожаная одежда и сандаліи во многомъ напоминаютъ скотоводовъ, живущихъ далѣе къ югу. Названіе амбуеллювъ (амбуелла), народа, живущаго сѣвернѣе, встрѣчалось намъ уже на верхнемъ Кубанго (см. выше, стр. 240), напоминая значительныя движенія этихъ народовъ, одинъ изъ членовъ которыхъ былъ оттѣсненъ до самаго морского берега. Къ югу отъ Либоллы попадаются малорослые, грязные киссамы (киссама), которые еще въ 40-хъ годахъ были людоѣдами, а въ настоящее время занимаются добываніемъ соли и доставляютъ для внутренней торговли столь важныя соляныя плиты; несмотря на тѣсное общеніе съ португальцами, они сохраняютъ еще нѣкоторую независимость. Въ одеждѣ ихъ кожа соединяется съ матеріей изъ коры; въ волосы они вплетаютъ попеременно нитки бусъ и волокна растеній. Наконецъ, по ту сторону Коанцы мы находимъ ядро этого семейства — настоящихъ мбундовъ (мбунда), рослыхъ, поддающихся образованію людей, которые нѣкогда своимъ воинственнымъ характеромъ производили впечатлѣніе на европейцевъ, а въ настоящее время предпринимаютъ смѣлыя торговыя экспедиціи въ качествѣ помбейровъ (помбе—кусты, сертано португальцевъ). Въ близкомъ родствѣ съ ними находятся сонги (сонго), между Коанцей и Куанго, и живущіе далѣе на юго-западѣ внутри страны гангуеллы (ср. стр. 239).

Сказанія бундовъ о сѣверо-восточномъ происхожденіи, которое отодвигается къ XVI в., связываютъ народы къ югу отъ Дандеха съ обитателями нижняго Конго, за черту котораго они во времена прибытія португальцевъ оттѣснили внутренніе народы, пришедшіе, вѣроятно, изъ окрестностей великихъ озеръ. Тотъ, кто замѣчаетъ непрерывныя народныя передвиженія внутри материка, найдетъ естественнымъ, что они распространились до морскихъ береговъ и могли наполнить обширныя области народами одинаковаго происхожденія. Всего легче при этомъ вспомнить о фанахъ, которые въ сѣверной части занимающей насъ области уже въ историческое время дѣйствительно нашли дорогу къ морскому берегу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и стремились проложить ее въ другихъ. Какъ и можно ожидать, при своеобразности діалекта, связывающаго народы между Дандехомъ и Ріо дель Рей, лежитъ множество этнографическихъ совпаденій, которыя къ югу и къ сѣверу отъ Конго указываютъ на востокъ. Уже Карлъ Риттеръ, по поводу обтянутыхъ змѣиной кожей луковъ анциковъ, вспоминалъ племена верхняго Нила; вооруженіе фановъ напоминаетъ также о бассейнѣ Конго, а въ одеждѣ и строеніи хижинъ существуетъ дальнѣйшее сходство между

верхнимъ Конго и береговой страной къ сѣверу и къ югу отъ рѣки (ср. стр. 294).

Если обитатели нижняго Конго, мушиконги и баконги южнаго и муссоронги сѣвернаго берега и далѣе лоанги, не испытали вліянія европейскихъ торговцевъ и миссіонеровъ такъ-же глубоко, какъ ангольскіе негры (настоящей колонизаціи здѣсь не было), то прежняя самостоятельность ихъ давно уже уничтожена. Царство Конго есть лишь политическая тѣнь, какъ и всякое другое негрское царство, и „король въ Санъ Сальвадорѣ“ не имѣетъ власти даже надъ сосѣдними деревнями, куда онъ, по увѣренію Вольфа, не показывается изъ боязни подвергнуться побоямъ. У устья Конго нѣкогда стоялъ городъ Бома, жалкія хижины котораго, вмѣщавшія до 500 человѣкъ, уже сильно разочаровали Тёккея, самый большой невольничій рынокъ, посѣщавшійся преимущественно торговцами изъ Ливерпуля. Это мѣсто окружено было остатками старыхъ плантацій, въ видѣ одичалыхъ кустовъ хлопчатника. Но уже въ Ноки слѣды европейскаго вліянія становились менѣе замѣтны, и никто не зналъ тогда о народахъ на югѣ и на сѣверѣ, о „лѣсныхъ людяхъ“, привозившихъ рабовъ. Здѣсь былъ найденъ первый изъ самостоятельныхъ мелкихъ начальниковъ, которые называли себя чину (тьену или хину), сидѣли на львиныхъ или леопардовыхъ шкурахъ, неприкосновенныхъ ни для кого подъ страхомъ смертной казни, и кощунственно обратили крестъ въ фетиша.

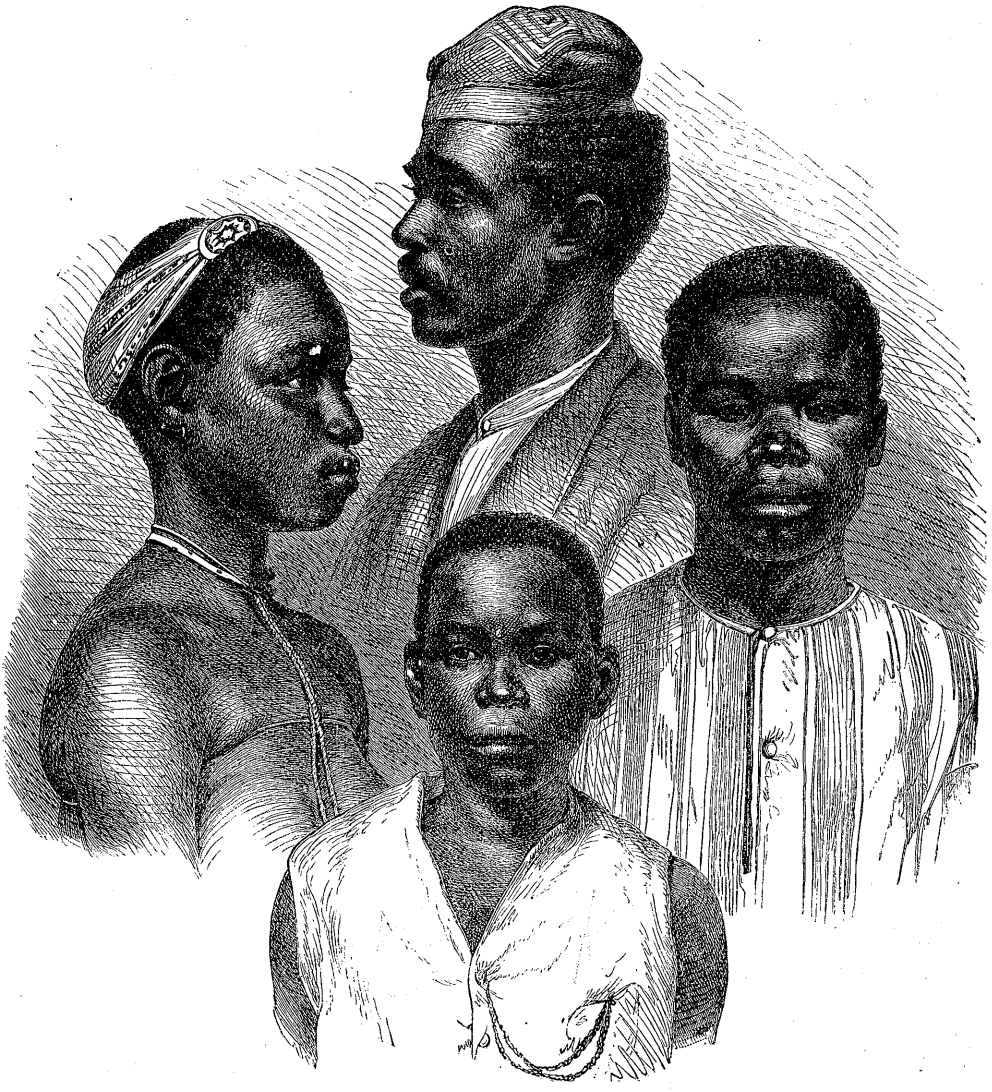


Кабинда. (По фотографіи д-ра Фалькенштейна.) Ср. текстъ, стр. 374 и ниже на этой стр.

Можно сомнѣваться въ томъ — составляли-ли когда-нибудь Конго съ Лоандой и Лоанго большое царство; во всякомъ случаѣ, португальцы отмѣтили здѣсь, какъ совершившійся фактъ, распаденіе его на мелкія государства. Безуспѣшность чисто церковной миссіи нигдѣ не была доказана такъ наглядно, какъ въ вырожденіи христіанства на нижнемъ Конго. Фетиши, обвѣшанные крестами, считаются у негровъ священными, и нигдѣ судъ божій съ помощью ядовитой коры (ср. стр. 372), называемый ѣденіемъ каске, не пустилъ такихъ глубокихъ корней. Сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, естественно, было здѣсь вліяніе массъ рабовъ, приводившихся изнутри материка. Вѣроятно, часть сильныхъ и красивыхъ фигуръ, въ особенности среди мушиконговъ, можетъ быть сведена къ этой примѣси. Весьма темные, почти синевато-черные негры, съ замѣчательно складчатой кожей, живутъ на нѣкоторыхъ островахъ нижней части рѣки. Къ сѣверу отъ Конго сидятъ кабинды (см. рис. выше), самое промышленное изъ всѣхъ племенъ Конго, которыхъ можно видѣть до Бенгуэллы во всѣхъ португальскихъ приморскихъ мѣстахъ занимающимися различнаго рода службой, въ особенности въ качествѣ искусныхъ матросовъ. Близко родственны имъ прославившіеся въ качествѣ горшечниковъ и кузнецовъ мавумбы, которымъ приписывается еврейское происхожденіе. Евреи, изгнанные изъ Португаліи, поселились, вѣроятно, въ Сан-Томэ и отправили туда одинъ изъ своихъ отпрысковъ. Какъ говорятъ, Лоанго, въ видѣ провинціи царства Конго, достигало до Куилу, столицы его, которая въ настоящее время состоитъ изъ нѣсколькихъ „шимбековъ“ (негрскихъ хижинъ и факторій); въ ней насчитывалось до 15 тыс. жителей. Лоангскіе негры, вмѣстѣ съ кабиндами, принадлежатъ къ группѣ бафіотовъ, близко родственной обитателямъ Конго. Три приморскія государства ея давно уже исчезли, христіанство ея такъ исказилось, что за крещеніемъ слѣдуетъ обрѣзаніе, и

не многіе изъ нихъ восприняли высокія хозяйственныя качества своихъ южныхъ сосѣдей. Напротивъ, ихъ жизнь, какъ видно изъ нашего общаго обзора, показываетъ, что у нихъ еще много старинныхъ, странныхъ обычаевъ.

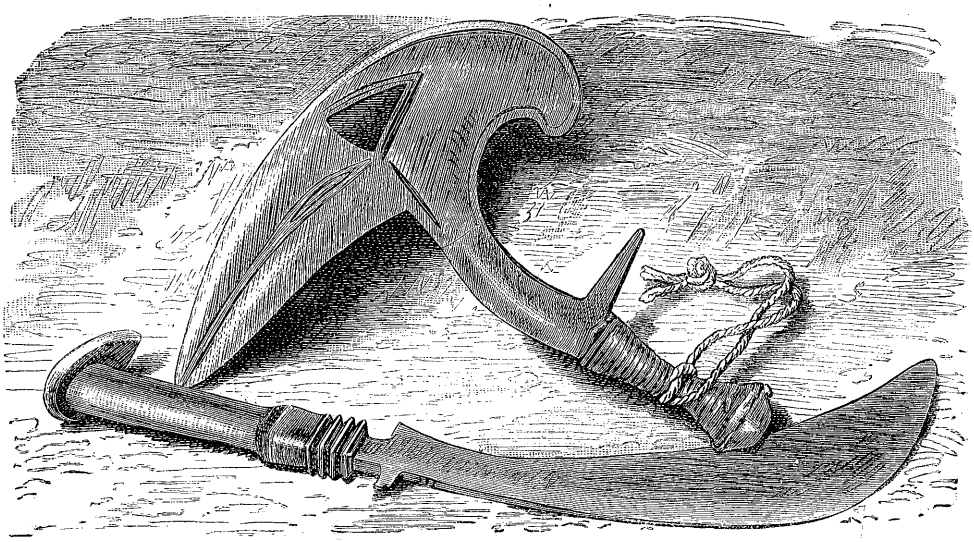
Позади нихъ, ближе къ сѣверу, обитаютъ западные батекехи въ сухой, песчаной, высоко лежащей области, образующей къ западу отъ Франс-



Типы берега Лоанго. (По фотографіи д-ра Фалькенштейна.)

виля водораздѣлъ между Конго и Оговé, и въ верхней области Алимы. Лебаи Нгонко, притокъ Ликоны, на сѣверѣ является крайнимъ пунктомъ, до какого простирается область батекеховъ. Здѣсь населеніе такъ рѣдко, что во многихъ мѣстахъ приходится ѣхать цѣлый день, не встрѣчая человѣческихъ жилищъ. Дома построены по четыреугольному плану, и деревни не велики. Здѣшній діалектъ Банту, повидимому, всего болѣе походитъ на нарѣчіе верхняго Оговé, т. е. Адумы. Главнымъ пищевымъ средствомъ и важнѣйшимъ предметомъ земледѣлія является маньокъ. Ору-

жіе народовъ верхняго Огове составляютъ простой африканскій лукъ, стрѣлы, которыя носятъ въ колчанѣ изъ шкуръ, съ крышкой, копья съ зазубринами и узкій, прямоугольный, съ закругленными концами кожаный щитъ. Боевой топоръ и короткая сабля съ изогнутымъ концомъ встрѣчаются рѣже; метательныхъ ножей вовсе нѣтъ. По ту сторону Куилу мы находимъ, рядомъ со многими разложившимися, старыми и все-таки не созрѣвшими народами, молодой народъ, единственный, который въ этой обширной области создалъ нѣчто похожее на политическую власть, или въ нынѣшнемъ положеніи котораго заключается зародышъ политическаго образованія болѣе или менѣе важнаго значенія. Это — фаны (фанги[1]), мпонгвы (см. рис., стр. 382 и т. I, стр. 85). Въ настоящее время это — народъ, наиболѣе внушающій страха между Нигеромъ и Кунене. Несмотря



Метательный ножъ фановъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ ниже на этой стр.

на свою молодость, онъ сумѣлъ оставить такое сильное впечатлѣніе. Фаны вытѣснили многіе народы изъ ихъ мѣстообитаній, заняли ихъ мѣсто и покорили ихъ сосѣдей. Они одни оказывали европейцамъ стойкое сопротивленіе; французы могутъ многое разсказать объ этомъ. Хотя ихъ сходство въ физическомъ строеніи, характерѣ, языкѣ и нравахъ съ окружающими племенами негровъ Банту исключаетъ возможность коренного различія, но достаточно того, что они обладаютъ воинственной организаціей и лучше вооружены, чтобы казаться сосѣдямъ высоко организованнымъ народомъ. Отъ Габуна до Браццавиля всѣ туземцы мирны и кротки, за исключеніемъ вѣчно задорныхъ пагуиновъ (Боллей). Почти обнаженные, съ заостренно подпиленными передними зубами, часто съ (какъ французы говорятъ, помусульмански) обритой головой, обвѣшенные, въ видѣ украшенія, шкурами леопардовъ и дикихъ кошекъ, всегда съ оружіемъ въ рукахъ (прежде всегда съ копьемъ и метательнымъ ножемъ, см. рис. выше) и съ коротким мечомъ, по арабскому образцу, на шеѣ, они, поразительно напоминая зулусовъ, выступаютъ противъ негровъ, вооруженныхъ лукомъ и копьемъ, между Камеруномъ, Габуномъ и Огове; уже своими военными плясками, дикими угрожающими и боевыми кликами они составляютъ предметъ

[1] Кундъ говоритъ, что онъ всегда слышалъ это имя произносимымъ, какъ фангъ или фанкъ.

страха и удивленія, такъ же, какъ и охотники за слонами, и, по возможности, подражанія. Къ счастью, они нигдѣ еще не дошли до политической сплоченности и теперь едва-ли уже дойдутъ до нея, такъ какъ повсюду морской берегъ закрытъ для нихъ европейскими владѣніями, и вскорѣ будутъ проложены дороги черезъ ихъ области. Они раздроблены на множество деревенскихъ владѣній, изъ которыхъ каждое само по себѣ не опасно; между ними не бываетъ недостатка въ раздорахъ. Но, безъ сомнѣнія, у нихъ есть нѣчто вродѣ національнаго чувства, свойства, крайне рѣдкаго въ Африкѣ, сохранившагося, благодаря глубоко залегающей традиціи. Какъ будто руководимые одной и той же идеей, они тѣснятся къ западному и сѣверо-западному берегу, не однимъ лишь путемъ грубыхъ завоеваній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и путемъ колонизаціи. Именно это сочетаніе придаетъ прочность ихъ успѣхамъ и сообщаетъ ихъ завоеваніямъ рѣдкую устойчивость. Видимъ-ли мы въ этомъ народѣ завоевателей и колонизаторовъ обломокъ болѣе значительныхъ народныхъ массъ, которыя нѣкогда занимали морской берегъ, или фаны составляютъ продуктъ ограниченнаго военнаго духа въ одномъ племени, или, что еще вѣроятнѣе, военной касты, — всѣмъ имъ одинаково свойственно преданіе о переселеніи съ востока. То обстоятельство, что фаны являются ближайшими сосѣдями германской колоніи въ Камерунѣ, придаетъ ихъ успѣхамъ особый интересъ. Кромѣ Оговé, гдѣ они занимаютъ уже морской берегъ, они ближе всего подходятъ къ нему противъ островка Элоби, гдѣ первая деревня ихъ лежитъ на рѣкѣ Муни, при впаденіи Конгуе, затѣмъ на рѣкѣ Икуку, гдѣ они въ деревнѣ того-же имени пока живутъ лишь временно и занимаютъ особый кварталъ, въ видѣ длинной, грязной улицы. Въ Баттѣ Целлеръ слышалъ, что усердный пѣшеходъ можетъ дойти въ 6—7 дневныхъ переходовъ до границы фановъ; такъ какъ негрскіе переходы не велики, то этимъ обозначается разстояніе въ 12—15 миль. Но и здѣсь они живутъ во временныхъ хижинахъ, постройка которыхъ разрѣшена имъ властителями страны; поэтому они такъ часто встрѣчаются на берегу въ качествѣ носильщиковъ. На Нтембе Крампель столкнулся уже съ противодѣйствіемъ фановъ, а на правомъ берегу они еще въ 1890 г. приблизились къ берегу. Имъ вообще свойственна извѣстная подвижность, полезная для ихъ предпріятій, такъ какъ въ Африкѣ политическая и торговая энергія идутъ рука объ руку. Уже въ Баттѣ появились люди, жившіе на Муни, Габунѣ и Оговé. Фаны распространяются, впрочемъ, не только благодаря соединенію воинственныхъ и хозяйственныхъ качествъ, но и благодаря своему быстрому размноженію, „вслѣдствіе того, что молодымъ дѣвушкамъ въ дѣтскомъ возрастѣ оказывается необходимое бережное отношеніе“.

По ту сторону лѣсистаго и, поэтому, на ширинѣ 8—10 миль населеннаго очень рѣдко и даже вовсе не населеннаго крутого ската плоскогорья, на самой плоской возвышенности внутренней части живетъ населеніе, которое до Саннаги и во внутренней странѣ южной Камерунской области, въ сущности, одинаково; насъ ознакомили съ нимъ путешествія Брауцы и Крампеля къ югу отъ Нтембе. Подъ различными именами (мы назовемъ только племена, которыхъ Кундъ считаетъ особенно важными, — Бане, Іеундо, Тинга, Булеи) опять скрываются фаны. Но это общее названіе такъ же неизвѣстно имъ, какъ мпонгвы или пагуины. Они — рослые, сильные люди темно-бронзоваго цвѣта, часто съ правильными чертами лица; мужчины одѣваются въ матерію изъ коры, женщины старательно прикрываются спереди банановымъ листомъ, а сзади — красно-бурымъ хвостомъ изъ волоконъ, напоминая въ этомъ нарядѣ женщинъ бонговъ или сандеховъ на верхнемъ Нилѣ и Уэлле. Родство фановъ заходитъ далѣе на сѣверъ, чѣмъ ихъ имя. Такой важный признакъ, какъ отсутствіе лука, столь высоко развитаго у ихъ восточныхъ сосѣдей, выступаетъ какъ у фановъ, такъ и у іеундовъ, которыхъ можно видѣть почти всегда только съ копьемъ во внутренней части Батанги. Ближайшее родство съ фанами открывается не въ однихъ

діалектахъ различныхъ камерунскихъ племенъ, и преданіе о переселеніи съ юга можно найти у касьюевъ (касьюа), внутри южной Камерунской области. И нгамбы, живущіе позади устья Крибы, на краю плоскогорья, такъ же смотрятъ на свое происхожденіе. Они — уже ближайшіе сосѣди наступающихъ на нихъ съ рѣки Кампосъ, или Нтембе, булеевъ, принадлежащихъ уже къ фанамъ. Къ сѣверу отъ нихъ живутъ бакоки (бакоко), или мвелли, родственные обитателямъ Камеруна, во внутренней странѣ Батанги, въ области между Саннагой и Ньонгомъ, гдѣ они весьма неравномѣрно распредѣлены въ первобытныхъ лѣсахъ до края берега, на который они не выступаютъ. Лишь къ югу отъ Ньонга живутъ на берегу сходные съ дуаллами обитатели Батанги, бапуки и банаки, которые, по ихъ словамъ, также пришли съ юга. Кундъ вынесъ впечатлѣніе, будто все населеніе къ западу отъ внутренней плоской возвышенности свидѣтельствуетъ о недавнемъ переселеніи.

Къ сѣверу эта полоса расширяется; такъ какъ мы уже на Саннагѣ и Ньонгѣ находили болѣе плотныя населенія, то и на развѣтвляющейся бухтѣ устья рѣки Камеруна мы встрѣчаемъ торговый народъ дуалловъ (дуалла), близко стоящій къ бакокамъ. Они сами говорятъ, что нѣкогда жили на сѣверо-западной сторонѣ Камерунскихъ горъ. Въ концѣ XVII в. здѣсь процвѣтала работорговля, которая, повидимому, привела ихъ къ морскому берегу, такъ какъ въ это время мы въ первый разъ слышимъ объ ихъ имени. По аналогіи съ фанами и другими внутренними народами, тѣснящимися къ берегу, этотъ процессъ долженъ былъ слѣдовать медленно за движеніемъ торговли и колонизаціи. Болѣе глубокое сходство между этими торговцами и воинственными, сильно расширяющимися племенами, въ особенности въ развитіи мужества и жестокости, а также и въ физіономіи, повидимому, благопріятствуетъ подобной связи. По мнѣнію Цёллера, нарѣчія дуалловъ и фановъ различаются между собою приблизительно такъ же, какъ нѣмецкій и голландскій языки. Когда нѣмцы положили основаніе своему господству въ Камерунской области, численность дуалловъ насчитывалась въ 26 тыс.; они находились подъ управленіемъ многочисленныхъ мелкихъ начальниковъ, которые, по большей части, управляли одной деревней, между тѣмъ, какъ два болѣе крупныхъ начальника, Белль и Аккуа, были, повидимому, ограниченными во многомъ вождями, каждый одной половины народа. Къ дуалламъ стоятъ всего ближе живущія вблизи горъ племена — бимбіи (бимбіа), далѣе, баквири, т. е. лѣсные люди, самое многочисленное горное племя, поселенія которыхъ остаются почти безъ измѣненія въ первобытномъ лѣсу. Самое большое изъ этихъ поселеній — Буэа, деревня, которая можетъ выставить 400 вооруженныхъ людей. Переселившіеся съ Фернандо По люди Викторіи — отрѣзываютъ баквиріевъ отъ берега. Эти переселенцы принадлежатъ къ оскудѣвшимъ въ этнографическомъ смыслѣ, оттѣсненнымъ испанцами и португальцами внутрь ихъ острова бубамъ съ Фернандо По, которые, вѣроятно, такъ же мало могутъ назваться коренными жителями своего острова, какъ и извѣстные подъ именемъ англояросовъ, давно уже сдѣлавшіеся самостоятельными обитатели Санъ Томэ, происходящіе отъ кораблекрушенія португальскаго невольничьяго корабля.

Къ сѣверу отъ рѣки Камеруна, черезъ нѣсколько дней пути по ту сторону станціи Баромби, на Слоновомъ озерѣ, мы попадаемъ въ область, не затронутую ни береговой, ни внутренней торговлей, батомовъ и мабумовъ, на рѣкѣ Мунго; они до сихъ поръ еще носятъ передникъ изъ матеріи изъ коры, обильно татуируютъ себя продолговатыми рубцами на плечахъ, спинѣ и животѣ и подпиливаютъ себѣ верхніе рѣзцы. Среди нихъ живутъ многочисленные невольники изъ внутреннихъ странъ, байонги, высокіе, мало татуированные люди, которые, подобно фанамъ, подпиливаютъ, въ видѣ острія, два среднихъ рѣзца и курятъ табакъ черезъ полые стебли растенія коко.

За батомами и мабумами живутъ на Мунго баньянги, трудолюбивый земледѣльческій народъ; ихъ опрятныя прямоугольныя хижины стоятъ отдѣльно на плантаціяхъ, а тамъ, гдѣ живетъ начальникъ, соединяются въ прямоугольники, узкія стороны которыхъ замыкаются домами для собраній. У нихъ можно встрѣтить ткани изъ внутреннихъ странъ; матерія изъ коры превратилась лишь въ поясъ или лоскутъ, величиною съ носовой платокъ. Отъ Саннаги къ сѣверу рѣшительно господствуютъ исходящія отъ Бенуэ западно-суданскія вліянія. Конные гауссы достигаютъ уже этихъ мѣстъ; ихъ каури можно найти даже къ югу отсюда. Голубые и бѣлые бурнусы изъ суданскихъ и европейскихъ тканей попадаются все чаще и чаще; уже къ сѣверу отъ Дьонга можно найти ульеобразныя хижины и воздѣлыванье сорго. Вооруженіе состоитъ здѣсь изъ луковъ прекрасной работы, сильно напоминающихъ азіатскую форму (см. выше, стр. 352), исполинскихъ щитовъ изъ буйволовой кожи и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ многочисленныхъ копій. Баронды (баронде) и бакунды (бакунду), родственные дуалламъ, — послѣднія племена Банту къ юго-востоку отъ безлюднаго пограничнаго лѣса, лежащаго между Ріо дель Рей и Калабаромъ, между названными и первыми племенами ибосовъ.

Народы сѣвернаго и западнаго Гвинейскаго берега связываетъ, противоположно остальнымъ неграмъ, отрицательная черта отличія отъ единства языковъ Банту, а также и ихъ краевое распространеніе между внутреннимъ плоскогорьемъ и моремъ, между внутренними магометанско-мавританскими и береговыми европейскими и сѣверо-американскими вліяніями. Оттѣсненные между пастушескими народами и моремъ земледѣльцы на Гвинейскомъ берегу, между Зеленымъ мысомъ и Нигеромъ, занимаютъ передовое положеніе, которое, помимо пользованія преимуществами морского берега, благодаря судоходству, является только окраиннымъ положеніемъ и не могло создать ничего своеобразнаго. Въ настоящее время ихъ, конечно, нельзя представить себѣ ни въ политическомъ, ни въ этническомъ отношеніи безъ чуждыхъ вліяній, которыя тѣсно сплелись со всѣмъ ихъ существомъ. Первоначальные элементы обнаруживаются лишь въ видѣ остатка. Открытіе этихъ береговъ португальцами — важнѣйшее событіе въ исторіи этихъ народовъ, но немногимъ уступаютъ ему и позднѣйшія событія исторіи мусульманскаго вліянія. Въ 1807 г. „мавры“ впервые выступаютъ въ политикѣ ашантіевъ съ просьбою о помощи. Въ 1816 г. первые мавры показываются въ Лагосѣ. Но вообще на этихъ берегахъ преобладало европейское вліяніе, хотя нигдѣ не проникало далеко вглубь материка. Законъ политическаго развитія, благодаря торговлѣ, создалъ множество мелкихъ береговыхъ царствъ, которыя вошли въ сношенія съ европейцами и въ то же время, для удовлетворенія спроса на рабовъ, пытались распространиться внутрь страны, но затѣмъ постепенно стали жертвою надвигающагося колоніальнаго расширенія.

Между Камеруномъ и Нигеромъ прежде всего живутъ эфики, уже въ теченіе многихъ десятилѣтій посѣщаемые миссіонерами, а ранѣе того славившіеся своимъ каннибализмомъ. Подобно аквамъ, которыхъ они, при переселеніи изъ Калабара, всосали въ себя и которые живутъ среди нихъ въ качествѣ илотовъ, они принадлежатъ къ группѣ Ибо. Многое говоритъ объ ихъ появленіи въ сѣверномъ или восточномъ направленіи; несомнѣнно только, что ихъ нравы, способъ постройки и многое другое находится подъ вліяніемъ, идущимъ съ Нигера. Члены того же большого семейства ибосовъ (ибо), связаннаго общностью языка, они живутъ отъ Стараго Калабара до Іорубы, будучи въ особенности господствующими племенами нижняго Нигера. Названіе это имѣетъ нѣсколько большее значеніе, чѣмъ многія другія африканскія собирательныя имена. Нѣкогда въ Америкѣ всѣ рабы, происходившіе изъ странъ Нигера и сосѣднихъ мѣстностей, назывались „ибо“; языкъ

ибо, употребительный въ торговлѣ, Lingua franca средней части Верхней Гвинеи, представляетъ собою нарѣчіе ибосовъ нижняго Нигера. Въ дельтѣ Нигера существуетъ нѣсколько включеній ибосовъ; но на Нунѣ говорятъ на языкѣ акасса, вѣтви языка эйо, или идіу, далѣе къ востоку — на языкѣ немпе, или брассъ, вѣтви того же языка, которому купцы и миссіонеры придали большое распространеніе до самой области Бонни. Сюда примыкаетъ область широко распространеннаго внутри языка эфика, который, въ качествѣ перехода къ начинающемуся къ востоку отъ Ріо дель Рей языка Банту камерунцевъ, представляетъ извѣстный интересъ для нѣмцевъ. Свѣдѣнія прежняго времени позволяютъ предположить, что раньше многіе изъ низменныхъ болотистыхъ или песчаныхъ, изрѣзанныхъ лагунами и водяными потоками береговъ были мало обитаемы. Торговля, очевидно, и сюда привлекла народы къ морю изнутри материка, и, подъ вліяніемъ нѣкогда процвѣтавшей работорговли, здѣсь образовались настоящіе торговые народы. Но полосы, непосредственно граничащія съ моремъ, и теперь еще пусты, и торговля начинается тамъ, гдѣ прекращается крупное судоходство. Татуировка и подпиливаніе зубовъ почти исчезли; первая нѣкогда указывала у ибосовъ строгія сословныя различія, которыя на высшей ступени обозначались также повязками, съ маленькими колокольчиками, вокругъ колѣна. Въ настоящее время у жителей Акассы употребительно обозначеніе первенства звѣздочкой, татуированной на лбу. Обрѣзаніе ограничивается рабами; воздѣлываніе земли превратилось въ садоводство, и, кромѣ того, продовольствіе поддерживается рыбной ловлей. Только торговлей, въ которой считаются особенно искусными обитатели Бонни и эфики съ Стараго Калабара, тамъ занимаются со страстью. Гётчинсонъ разсказываетъ, что еще въ 1857 г. при входѣ въ Старый Калабаръ въ море торже-

Дѣвушка мпонгве изъ Габуна. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 878.

ственно бросали раба, чтобы обезпечить или облегчить прибытіе европейскихъ кораблей.

Отъ Нигера до Вольты простирается плоскій Невольничій берегъ, доступъ къ которому затрудняется сильнымъ прибоемъ; но зато многочисленныя лагуны позади песчаныхъ косъ облегчали торговлю, именемъ которой названъ этотъ берегъ. Двѣ этническія группы подвигаются здѣсь къ морю. Отправляясь съ востока, мы встрѣчаемъ іорубовъ (іоруба), съ которыми обитатели нѣкогда весьма извѣстнаго государства Бенина, самаго восточнаго изъ болѣе крупныхъ негрскихъ государствъ Гвинейскаго берега, согласно преданію, состоятъ въ родствѣ, хотя по языку и отличаются отъ нихъ. Родичей ихъ мы находимъ въ мелкихъ группахъ въ области Нигера, во внутреннихъ странахъ до Дагомеи. Эгбы, эбы, икты, эйи — таковы нѣкоторыя изъ именъ, какими называютъ себя вѣтви этого семейства языковъ, носящаго общее названіе Наго. Негры по наружности, но уже нѣсколько облагороженной суданскимъ вліяніемъ, они по характеру и склонностямъ болѣе походятъ на выше стоящихъ народовъ внутреннихъ странъ, чѣмъ на береговыхъ негровъ. Подвижные, трудолюбивые, искусные земледѣльцы и ремесленники, они охотно скучиваются въ большихъ городахъ (Ибаданъ 150 тыс., Илоринъ — 100 тыс., Ойо — 80 тыс.) и напоминаютъ гауссовъ, имѣвшихъ, очевидно, большое вліяніе на нихъ, но нравы ихъ болѣе мягки. Во многихъ описаніяхъ они изображаются образцовымъ народомъ. Съ того времени, какъ фулахи въ 1830 г. основали Илоринъ, они находятся подъ ихъ вліяніемъ и на сѣверѣ, на Муссѣ, которая противъ Раббы впадаетъ въ Нигеръ, они соприкасаются съ областью Сегу. На берегу моря была нѣкогда самая значительная страна съ населеніемъ этой группы — Бенинъ, которая заходила за дельту Нигера и считалась остаткомъ еще болѣе крупнаго внутренняго государства между Калабаромъ и Вольтой. Жители его, употреблявшіе въ пищу откормленныхъ собакъ и носившіе различныя татуировки въ видѣ племенныхъ знаковъ, вели самую оживленную работорговлю во всей Верхней Гвинеѣ. Этимъ объясняются встрѣчающіеся у нихъ слѣды португальскаго языка и христіанства. Далѣе къ западу лежитъ еще болѣе крупный центръ европейскаго вліянія и торговли на берегу, Лагосъ, на островѣ близъ Бадагри, прежней метрополіи работорговли, гдѣ Ричардъ Лендѐръ, чтобы доказать безвредность своихъ намѣреній, въ 1830 г. выпилъ сосудъ съ ядомъ, къ счастью, безъ всякихъ послѣдствій. Лагосъ, благодаря притоку изнутри, съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе сборнымъ пунктомъ черныхъ мусульманъ, которыхъ здѣсь просто называютъ общимъ именемъ гауссовъ; въ послѣднія 20 лѣтъ число ихъ возросло почти въ 30 разъ.

Старинное королевство Вайдахъ (Фидахъ) нѣкогда простиралось отъ рѣки Вольты и близко подходило къ нынѣшнему Лагосу. Съ внутренней стороны оно граничило съ Дагомеей. Въ 1723 г. Ардрахъ, находившійся сперва въ союзѣ съ Вайдахомъ, а въ 1727 г. самъ Вайдахъ, были покорены Дагомеей. Впослѣдствіи главнымъ торговымъ пунктомъ была Айюда, гдѣ имѣлъ пребываніе и старшина бѣлыхъ, явоканъ; въ настоящее время здѣсь находятся французскія владѣнія. Къ западу оттуда Дагомея подступаетъ къ морю; дорога къ главному городу ея Абоме проходитъ черезъ развалины Аллады, которая 200 лѣтъ тому назадъ была однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ западной Африки. На Огунѣ, которая на востокъ отъ этой области вливается въ море, лежитъ замѣчательный вольный городъ эгбовъ Абеокута, одинъ изъ величайшихъ городовъ внутренней Африки, населеніе котораго нѣкоторыми исчисляется въ 120 тыс., между тѣмъ, какъ объемъ его наружныхъ стѣнъ занимаетъ 4 нѣмецкія мили. Городъ находится на томъ мѣстѣ, на которомъ въ 20-хъ годахъ его основали негры, бѣжавшіе изъ невольничьихъ каравановъ и собравшіеся здѣсь во множествѣ; но ядро его носитъ названіе Акэ, старинной столицы эгбовъ. Его

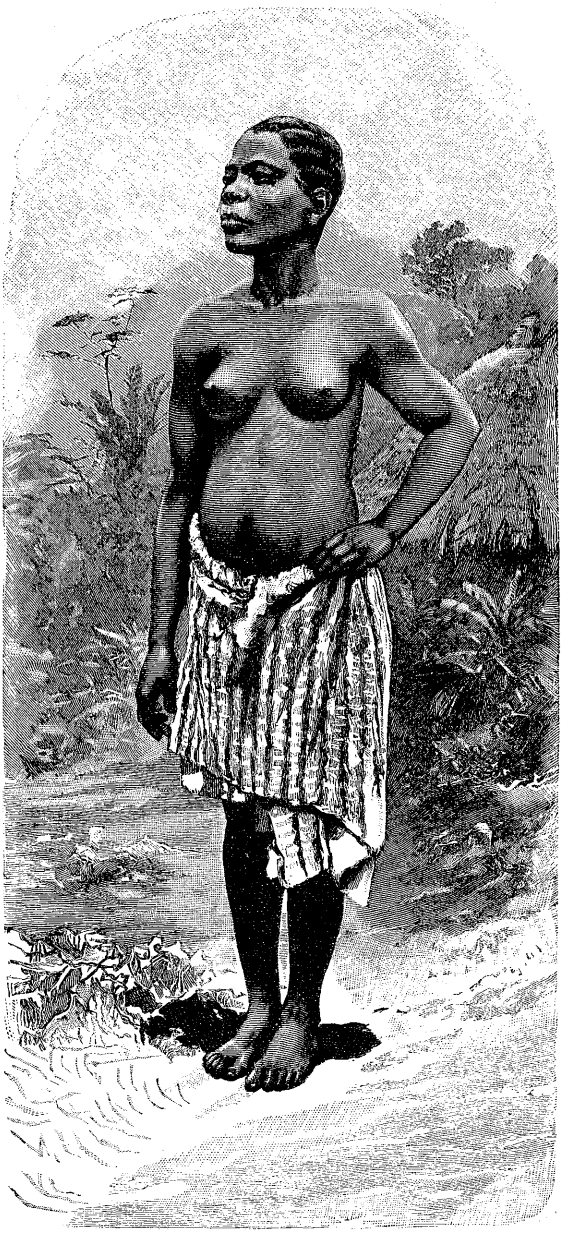
можно считать самымъ выдвинутымъ изъ городовъ іорубовъ, которые вполнѣ сходны съ нимъ по внутреннему управленію и по внѣшнему виду, будучи такими же неправильными собраніями домовъ.

Около области Вольты группируется выдающееся семейство западноафриканскихъ негровъ, группа Чи, или Вольта, заключающая въ себѣ нарѣчія Чи, Аква, Эве, Гуанъ и Аватимэ. По внутреннему направленію она достигаетъ до Нигера. Прежде всего къ западу отъ Огуна живетъ большой народъ эвеевъ, эвейцевъ, или ассигеховъ, которые, какъ предполагаютъ, переселились съ сѣверо-востока, изъ области близъ Нигера. Тамъ мабіи говорятъ, вѣроятно, самымъ чистымъ нарѣчіемъ; наряду съ ними слѣдуетъ въ особенности отличать вѣтви дагомейцевъ и крепіевъ. Эвейцы — не очень темная, рослая разновидность негровъ, которые нѣкогда за свою понятливость, вѣжливость и опрятность высоко цѣнились въ качествѣ рабовъ; возвращаясь изъ Португаліи и Бразиліи, гдѣ ихъ называли минами, они пріобрѣтали большое вліяніе на родномъ берегу и, наоборотъ, переносили въ Америку свои мѣстные нравы и всего болѣе — своихъ жрецовъ фетишей, воду-новъ. Фоны, извѣстные съ XVII в. подъ именемъ дагомейцевъ, — въ историческомъ отношеніи самая значительная вѣтвь этого народа. До своего крушенія въ 1893 г., ихъ сильно централизованное и во многихъ отношеніяхъ, а именно, въ отношеніи торговли и путей сообщенія, хорошо управлявшееся государство, остававшееся, впрочемъ, строго замкнутымъ, подобно Ашанти, воздавало божескія почести своему королю, „двоюродному брату леопарда“, и истребляло множество человѣческихъ жизней. Самою извѣстною особенностью его были амазонки, окружавшія короля.

Въ холмистой странѣ Того, между береговой полосой и Вольтой, живетъ плотное населеніе невоинственнаго, дѣятельнаго племени (крепи) эвейцевъ; наряду съ торговымъ посредничествомъ, ткацкимъ, гончарнымъ и кузнечнымъ ремесломъ, оно отчасти успѣшно занимается земледѣліемъ, основу котораго составляетъ воздѣлываніе маиса и ямса. Начиная отъ верхней Вольты, скотоводство становится повсемѣстнымъ. Стада въ сотню коровъ, которыхъ доятъ ежедневно, встрѣчаются довольно часто. Выдѣлка сыра свидѣтельствуетъ о суданскомъ происхожденіи скотоводства въ этихъ областяхъ. Непосредственно позади морского берега населеніе такъ густо, что неурожай неизбѣжно ведетъ за собою голодъ. Каждый участокъ земли тщательно обрабатывается, съ примѣненіемъ плодоперемѣнной системы и выпалыванья сорныхъ травъ; цѣны на землю дошли до преувеличенныхъ размѣровъ, и во многихъ мѣстахъ продажа земли запрещена подъ страхомъ смертной казни (Франсуа). По достиженіи холмистой мѣстности, мы видимъ, вмѣсто этихъ трудолюбивыхъ, мирныхъ людей, болѣе задорныхъ и подвижныхъ, которые, по Л. Вольфу, „по ихъ внѣшности и обращенію, болѣе производили впечатлѣніе дикарей, чѣмъ обитатели нижняго Конго до Леопольдвиля или обитатели Анголы до Куанго“. Цвѣтущее земледѣліе здѣсь кончилось, а вмѣстѣ съ нимъ и густое населеніе, доходившее, вѣроятно, до тысячи жителей на 1 кв. милю; невольничьи экспедиціи ашантіевъ, которымъ они были подчинены (послѣдствія особенно опустошительныхъ набѣговъ 1869—73 гг. чувствуются еще до сихъ поръ) подѣйствовали здѣсь опустошительно. Клингъ изъ Бисмаркбурга въ Капу ѣхалъ два дня по безлюдной мѣстности. Правда, здѣсь попадаются большія деревни, которыя свидѣтельствуютъ объ оживленныхъ сношеніяхъ, но между ними есть неземледѣльческія поселенія, служащія только для торговли и сбора пошлинъ; впрочемъ, здѣшніе властители часто пытались извлекать прибыль простыми притѣсненіями и грабежами каравановъ.

Холмистая мѣстность Адели, въ береговой холмистой странѣ Того, оказываетъ вліяніе своими могущественными фетишами, для которыхъ существуетъ правильный культъ въ прославленномъ священномъ мѣстѣ Переу. Сосѣднія племена являются сюда для разбора своихъ ссоръ и подчиняются состояв-

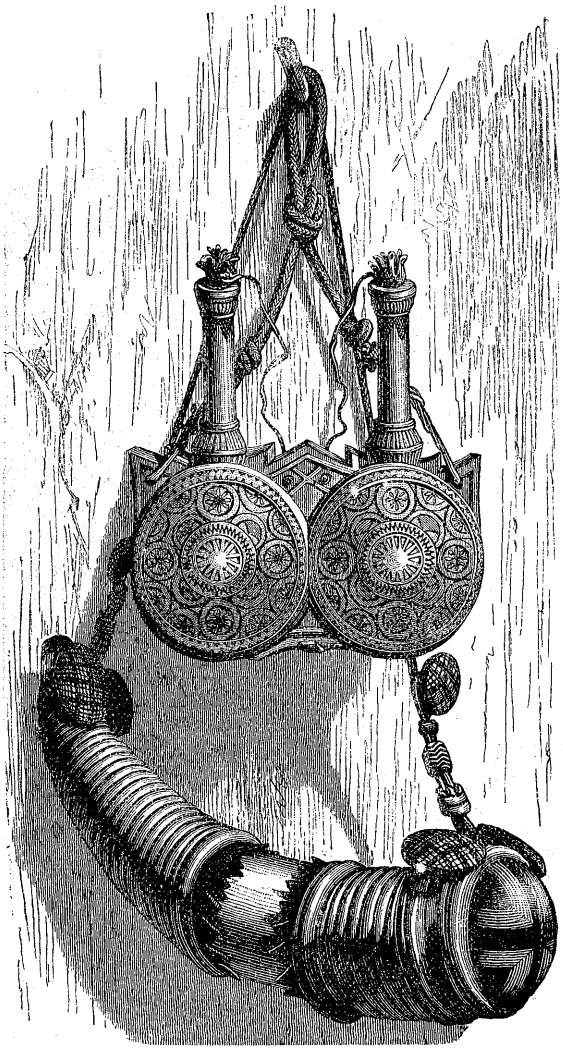
шемуся рѣшенію. Въ этой области Л. Вольфъ могъ основать станцію Бисмаркбургъ. Кебу и Баноссо — мѣстности, сосѣднія съ Адели; съ сѣвера примыкаетъ къ нему небольшая область Тиннэ. Исламъ, выдвинувшій своихъ проповѣдниковъ уже до береговой равнины и подчинившій своему вліянію въ области верхней Вольты почти всѣхъ правящихъ и знатныхъ лицъ, нашелъ для себя весьма важный центръ въ Салагѣ, въ названной области. Салага, благодаря своему положенію на побережьи и въ верхней дугѣ Нигера, въ точкѣ пересѣченія дорогъ изъ Сегу, Бандьягары, Тимбукту, Сая и Кироташи, и мудрой политикѣ своего правителя, является однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ торговыхъ мѣстъ западнаго Судана, въ особенности по торговлѣ рабами, которыхъ здѣсь продается ежегодно до 15 тыс. Въ то же время это — одинъ изъ наиболѣе неправильно построенныхъ и грязныхъ городовъ; Клингъ насчитываетъ въ немъ до 6 тыс. хижинъ, а Бингеръ — по меньшей мѣрѣ, 6 тыс. жителей. Къ юго-востоку отъ Салаги лежитъ торговая мѣстность Кратьжи, съ оживленнымъ гаусскимъ городомъ Кете. Далѣе къ сѣверу живутъ бѣдные и дикіе груссіи, женщины которыхъ ходятъ обнаженными, изолированный народъ, напуганный охотами за невольниками, распространявшимися въ особенности къ сѣверу и къ сѣверо-западу, и сдѣлавшійся настолько недовѣрчивымъ, что проходъ черезъ его страну оказывается затруднительнымъ. Наряду съ луками съ мочальными тетивами, здѣсь встрѣчаются ножи съ изогнутой рукояткой и ударныя кольца.



Женщина негровъ крусовъ. (По фотографіи І. Бюттикофера.) Ср. текстъ, стр. 387.

Къ западу отъ Вольты мы вступаемъ въ область Золотого берега, гдѣ прежде всего встрѣчаемъ большую народную группу Оджи или Га, вѣтви которой — фантіи, асимы, акимы, васаи (васау), данкиры (данкира) — живутъ до Тануе. Къ самымъ многочисленнымъ туземнымъ государствамъ примыкаютъ во множествѣ колоніи европейцевъ, не пріобрѣтая въ нихъ вліянія, какъ въ другихъ пунктахъ Гвинеи. Уже въ XVII в. изъ внутреннихъ странъ, вѣроятно, съ Нигера, появились инты (инта),

народъ, основавшій могущественныя государства въ Верхней Гвинеѣ, въ особенности Ашанти, которое въ теченіе извѣстнаго времени охватывало почти весь Золотой берегъ, вмѣстѣ съ глубокой внутренней областью. Несмотря на различія діалекта, которымъ въ восточной части Золотого берега говорятъ въ Аккрѣ и Аквапимѣ, нѣкогда самостоятельныхъ свободныхъ государствъ, аккры сходны съ интами обычаемъ обрѣзанія, и фантіями также причисляются къ послѣднимъ. Живущіе на сѣверо-западѣ и вытѣсненные ашантіями въ горы бронги, или потозы (варвары), въ лингвистическомъ отношеніи принадлежатъ къ группѣ Оджи. По своимъ собственнымъ преданіямъ, ашантіи — настоящій народъ завоевателей; по мнѣнію европейцевъ, они принадлежатъ къ лучшимъ народностямъ Гвинеи: они понятливы, трудолюбивы и мужественны. Въ свое нынѣшнее мѣсто обитанія они переселились изъ страны, лежавшей близко у моря, и основали свое царство, покоривъ западныхъ интовъ и нѣкоторыхъ мелкихъ народовъ. Баудичъ считаетъ вѣроятнымъ, что это выселеніе заключало нѣсколько недовольныхъ семействъ, которыя затѣмъ примкнули къ родной странѣ; они должны были прійти съ юго-востока, гдѣ находились города Думпасси и другіе значительной величины. Нѣкоторыя данныя указываютъ на повторныя выселенія. Предводителемъ выселенія называютъ Саи-Тоту или Саи-Туту (Саи повторялся въ правящей фамиліи Ашанти такъ же часто, какъ Юнана въ той же семьѣ Дагвумбы) — національный герой, который лишился жизни въ борьбѣ съ однимъ изъ акимовъ, и именемъ котораго до сихъ поръ клянутся въ Ашанти. Ему приписывается основаніе Кумасси. Объ его способностяхъ разсказываются необычайныя вещи. Одновременно съ тѣмъ, сыномъ сестры этого героя, по имени Бойтинне, основано сосѣднее царство Двабинъ, тѣсно связанное съ Ашанти и, быть можетъ, сперва бывшее наиболѣе значительнымъ. Бойтинне завладѣлъ самымъ большимъ изъ существовавшихъ тогда городовъ, Двабиномъ, между тѣмъ, какъ Саи-Тоту предоставлено было основать Кумасси. Все это произошло въ началѣ XVIII столѣтія. Преемникъ Саи-Тоту понудилъ сосѣднія страны — Гаманъ, Конгъ и Дагвумбу — къ уплатѣ ему дани. Васау, Асимъ, Аквамба и



Пороховница туареговъ, встрѣчающаяся также въ западномъ Суданѣ. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.)

Аквапимъ были покорены позднѣе; Аккра, называющаяся свободнымъ государствомъ, также находилась подъ покровительствомъ Ашанти. Съ конца прошлаго вѣка, въ теченіе котораго одни акимы восемь разъ возмущались противъ ашантіевъ, эти завоеванія распадались на мелкія части. Въ настоящее время Ашанти, составляющее только пятую часть прежняго, съ поверхностью около 1500 нѣм. кв. миль, занимаетъ лишь внутреннюю часть восточнаго Золотого берега. Ашанти, вслѣдствіе открытія независимаго рынка Кантамбо, утратило на морскомъ берегу монополію торговаго посредничества, и власть его настолько ослабѣла, что, по словамъ Брандона, приказанія короля исполняются только въ округѣ въ 12 миляхъ около столицы. Нынѣшній властитель Куако Дуахъ обращается къ англійскому губернатору за разрѣшеніемъ внутреннихъ несогласій.

Тау, типъ негра круса. Ср. текстъ, стр. 362.

На берегу Слоновой кости лингвисты различаютъ двѣ группы языковъ: Мандэ (Веи, Песси, Коссо) и Кру (Басса, Кру и Гребо, Дехъ). Географы прежняго времени называли здѣсь небольшое королевство Басса, на западномъ берегу рѣки Иссини, королевство Иссини, на рѣкѣ того же имени и у моря, съ главнымъ городомъ Ассоко, и маленькое королевство Гіомере, между этимъ послѣднимъ и мысомъ Аполлонія. Названіе „берега злыхъ людей“, тянущагося къ западу отъ Пальмоваго мыса, къ которому по ту сторону рѣки Андреа примыкаетъ „берегъ добрыхъ людей“, указываетъ, повидимому, состоянія полнаго беззаконія. Самостоятельныхъ областей, впрочемъ, ни на томъ, ни на другомъ берегу не существуетъ. Сильный народъ крусы живутъ на западной половинѣ этого берега, а мало извѣстные авеквомы, или авикомы (куа-куа), — на восточной, являясь усердными посредниками и носильщиками, ведущими въ большихъ размѣрахъ и самостоятельную торговлю своими продуктами, преимущественно, пальмовымъ масломъ. Крусы (Кру[1]), или гребы (гребо) (см. рис. выше и на стр. 385), живущіе на восточной и западной сторонѣ мыса Пальмъ, благодаря искуснымъ матросамъ и рабочимъ, которыхъ они поставляютъ европейцамъ, занимающимся мореплаваніемъ и торговлей въ западной Африкѣ, сдѣлались однимъ изъ самыхъ важныхъ народовъ этой стороны материка. Къ удивленію, они не принадлежатъ къ неграмъ болѣе благороднаго типа: физіономія ихъ безусловно грубѣе, чѣмъ у ихъ болѣе мягкихъ сосѣдей веевъ, находящихся подъ вліяніемъ живущихъ около нихъ мандинговъ и, вслѣдствіе того, болѣе цивилизованныхъ и усерднѣе предающихся ремесламъ и

[1] Это часто употребляемое имя невѣрно выводится отъ англійскаго crew (судовый экипажъ). Уже въ XVII в. оно употреблялось Даппером и другими въ такомъ смыслѣ, что можно предположить происхожденіе употребляемаго kruboy юнгакру отъ Гребо или Крао, названія небольшого племени гребовъ. Замѣчательно, что crumanos по-португальски означаетъ въ западной Африкѣ несвободныхъ, а croo-men по-англійски — свободныхъ рабочихъ изъ Либеріи.

земледѣлію. Но физическое строеніе крусовъ плотно, сильно, манера держать себя отличается сознательностью, и ихъ пристрастіе къ морю, съ которымъ на своей родинѣ они имѣютъ дѣло въ качествѣ рыболововъ и береговыхъ разбойниковъ, выказываетъ ихъ мужество, тѣмъ болѣе, что берегъ ихъ окруженъ кольцомъ опаснаго волненія. Безъ крусовъ въ топкахъ и трюмахъ кораблей и въ складахъ факторій западно-африканская торговля совершенно немыслима. Они не только ради этого занятія переселяются на берегъ, но и основали тамъ цѣлый рядъ поселеній. Сьерра Леоне, Грандъ Басса и Монровія имѣютъ свои „города крусовъ“. Подобно тому, какъ нѣкогда работорговля щадила ихъ ради приносимой ими пользы, въ настоящее время они обогащаются законной торговлей, становятся зажиточными и все болѣе и болѣе распространяются. Веи и бассы въ послѣдніе годы также выселялись въ качествѣ рабочихъ; они, вмѣстѣ съ крусами, работали на Конгской желѣзной дорогѣ и на Панамскомъ каналѣ.

На Хлѣбномъ или Перечномъ берегу географы прошлаго вѣка знали племена Фольжа, или Квольжа, и царство Месурадо. Хотя тамъ и теперь еще живутъ негры, но они представляютъ уже совершенно другую картину. Голахи, отъ которыхъ можно вывести прежнее племенное названіе и которые живутъ на среднемъ, несудоходномъ теченіи рѣки Св. Павла, представляютъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ грубыхъ народовъ, замыкающійся отъ всякихъ сношеній, воинственный, хищническій, никогда не покидающій оружія. Зависимыми отъ себя считаетъ ихъ новый народъ либерійцевъ, состоящій изъ настоящихъ, вернувшихся изъ Америки негровъ и изъ „конгосовъ“, т. е. черныхъ, отбитыхъ съ невольничьихъ кораблей. Тѣ и другіе держатъ себя въ извѣстномъ обособленіи; послѣдніе выдаются въ качествѣ охотниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1820 г. первая экспедиція освобожденныхъ рабовъ высадилась на мысѣ Месурадо (въ теченіе года ихъ могло высадиться до 30 тыс. человѣкъ), тысячи негровъ выселились сюда изъ Соединенныхъ Штатовъ, привозя съ собой христіанство, англійскій языкъ и лоскъ европейскихъ нравовъ съ американскимъ оттѣнкомъ. Свободное государство Либерія образовалось здѣсь, и область его выдвинулась внутрь, въ сторону живши́хъ до самаго берега черныхъ братьевъ, частью мирнымъ путемъ, частью съ помощью той же грубой силы, какую по отношенію къ нимъ употребляли бѣлые. О мало удовлетворительныхъ условіяхъ этого искусственнаго государства мы говорили уже выше, на стр. 344. Галлины (галлина), къ западу отъ рѣки Манны, походятъ на веевъ, и племена ихъ, выдвинувшіяся къ морскому берегу, говорятъ на языкѣ этихъ послѣднихъ. По направленію внутрь материка живутъ многочисленныя мелкія племена, изъ которыхъ самое крупное Бузи, или Тома. Къ сѣверу, въ мѣстности, лежащей внутрь отъ Шерборо, живутъ мендіи, въ области, которая, по свидѣтельству Менциса, раздѣляется на 12 большихъ округовъ, гдѣ будто бы есть города съ 3—4 тыс. жителей. Напротивъ, на берегу моря договоры о присоединеніи, заключенные съ Англіей въ 1883 г., обнаружили лишь мелкихъ начальниковъ. Вѣроятно, къ этому племени относятся свѣдѣнія недавняго времени о похищеніи людей и людоѣдствѣ во внутренней области Шерборо.

Мы уже говорили о прежнемъ поселеніи освобожденныхъ рабовъ на берегу Сьерра Леоне. Здѣсь жили нѣкогда племена Темнехъ и Буллома, состоящія изъ сильныхъ, частью красивыхъ негровъ, болѣе походившихъ по благороднымъ чертамъ лица на сузовъ и родственныхъ имъ племенъ, чѣмъ болѣе южныя племена. Темнехи заставили булломовъ раздѣлиться на южную и сѣверную половины, и распространеніе ихъ могло указывать, что и здѣсь произошло движеніе изнутри къ берегу моря: первое изъ нихъ живетъ въ Шерборо, а послѣднее достигаетъ до залива Сьерра Леоне. Здѣсь англійскіе друзья человѣчества въ 1787 г. пріобрѣли отъ

темнеховъ полуостровъ Сіерра Леоне и поселили тамъ бѣглыхъ рабовъ или отбитыхъ на морѣ съ невольничьихъ кораблей. Эта колонія, распространившаяся постепенно по всей области между французскими владѣніями и Либеріей, въ настоящее время представляетъ самую пеструю этническую смѣсь. Отсюда вышли извѣстные во всей сѣверо-западной Африкѣ, говорящіе на негро-англійскомъ языкѣ „сіерралеонцы“, искусные ремесленники и купцы, игравшіе роль и въ экспедиціяхъ европейцевъ. Фритаунъ вообще оставляетъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Монровія. Эти преимущества зависятъ не столько отъ пестраго смѣшенія, сколько отъ суданскаго вліянія, выражающагося въ красивыхъ длинныхъ голубыхъ талархъ женщинъ и въ количествѣ 4 тысячъ магометанъ, обитающихъ въ одномъ Фритаунѣ.

II.

Културные народы Стараго Свѣта.

A. Введеніе.

I. Формы жизни народовъ Стараго Свѣта.

Содержаніе: Два великихъ контраста кочевой и осѣдлой жизни въ Старомъ Свѣтѣ. — Устойчивость культуры. — Ея естественная основа. — Области подвижной и спокойной жизни. — Поясъ культуры.

Въ слѣдующихъ главахъ мы находимся уже на той освященной почвѣ, которая въ теченіе тысячелѣтій производила высшія формы культуры, съ такою полнотою, что отъ юго-восточнаго угла Средиземнаго моря до Тихаго Океана одна культурная область прилегала къ другой, образуя непрерывный, величественный поясъ. Гранича другъ съ другомъ и вступая другъ въ друга, степь и пахатная земля умѣреннаго климата соединяли здѣсь свои силы, способствовавшія подъему культуры.

Природа странъ Стараго Свѣта принимала большое участіе во всемъ устойчивомъ въ силахъ и стремленіяхъ народовъ Азіи, Африки и Европы. Внѣшнія условія запечатлѣвались въ исходѣ и направленіи историческихъ движеній, и эти свойства, вслѣдствіе данной природою прочности условій, сохранялись и повторялись. Этотъ фактъ позволяетъ дѣлать заключенія отъ исторически установленнаго къ тому, что́ совершалось во мракѣ доисторическаго времени, въ силу необходимости. Природа обладаетъ однообразно повторяющейся жизнью, въ которой незамѣтно дѣйствуютъ силы прогресса и регресса, между тѣмъ, какъ народы быстро появляются и исчезаютъ. Контрастамъ жизни народовъ свойственна даже въ ихъ естественной основѣ устойчивость, повторяемость.

Поверхность Стараго Свѣта характеризуется степнымъ поясомъ, идущимъ отъ Атлантическаго къ Тихому океану, ограниченнымъ съ обѣихъ сторонъ плодородными возвышенностями и низинами; поэтому по всей его исторіи проходитъ борьба кочевыхъ и осѣдлыхъ народовъ, пастуховъ и земледѣльцевъ. Оба эти выраженія высшей культуры замѣчаются не только у различныхъ народовъ, но въ эту форму одинаково отлились большія этническія группы. Въ столкновеніи арійцевъ и урало-алтайцевъ съ большими группами осѣдлыхъ и кочевыхъ народовъ въ западной и центральной Азіи, въ качествѣ стимула, проявляется народообразовательная сила соціальныхъ отношеній. Одновременно съ тѣмъ, именно въ этомъ сочетаніи лежитъ нѣчто усиливающее противоположности культурныхъ формъ. Мы не знаемъ, насколько жизненныя привычки запечатлѣваются въ организмѣ, такъ, что его мельчайшія частицы могутъ переносить воспринятое на чуждые зачатки, или, что они, другими словами, могутъ становиться наслѣдственными. Возможность этого можно считать вѣроятной. Мы видимъ большую простоту распредѣленія функцій въ исторической жизни Стараго Свѣта и выводимъ отсюда наши заключенія. Древность знала, вѣроятно, арійскихъ номадовъ; новѣйшее время видѣло только осѣдлыхъ народовъ этого племени. Съ другой стороны, теперь нельзя назвать ни одного тюркскаго племени, вполнѣ осѣдлаго или даже полу-кочевого. Османы могутъ указать юрюковъ, близъ Бруссы, и туркменовъ, близъ Сиваса; изъ

персидскихъ представителей тюрковъ осѣдлы только адербиджанцы, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ они въ теченіе 200 лѣтъ все еще ведутъ кочевую жизнь. Эрзаріи, на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, и іомуды, къ юго-западу отъ Хивы, — слабые полу-номады. Даже узбеки во многихъ чертахъ сохраняютъ характеръ осѣдлыхъ противъ желанія, а киргискайсаки, живущіе на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, лишь въ немногихъ мѣстахъ приняли полу-кочевые нравы. Вынуждаемые бѣдностью и притѣсненіями, курамы на Чирчикѣ смѣшались съ сартами и перешли къ земледѣлію; такова-же, повидимому, была исторія полу-кайсаковъ въ Ташкентѣ. Часть каракалпаковъ отдалась земледѣлію, а остальная часть осталась кочевою. Земледѣльцы, носящіе имя татаръ, такъ-же, какъ и обитатели южнаго берега Крыма, по происхожденію не имѣютъ ничего общаго съ тюрками. Устойчивость въ образѣ жизни номадовъ принадлежитъ къ самымъ поразительнымъ явленіямъ народной жизни Стараго Свѣта. Ею восполняется свойство, какое мы только что отмѣтили. Скиѳы, саки, гунны, тюрки и монголы появляются передъ нами, въ видѣ одного народа въ различныя эпохи. Образовательныя стремленія ихъ великихъ правителей не оказывали глубокихъ вліяній, такъ-же, какъ и стремленія христіанскихъ миссіонеровъ; первые вызывали неудовольствіе, а послѣдніе — открытое сопротивленіе. Тамъ, гдѣ не было никакого понужденія путемъ покоренія, которое рѣдко бывало прочнымъ, или путемъ единственнаго дѣйствительнаго средства — географической среды, номады лишь медленно сливались съ осѣдлыми народами; тамъ, гдѣ они это дѣлали, они оставались всегда „воинствующей націей“ (natio militans), которая оставляла за собою власть, но въ качествѣ военной касты. Такъ появились арабы въ сѣверной Африкѣ и западной Азіи, и монголы на сѣверѣ и востокѣ Стараго Свѣта дошли до середины Индостана. Сознательно проводившаяся въ теченіе столѣтій политика вытѣсненія и колонизаціи величайшей державы Стараго Свѣта, Китая, съ которымъ впослѣдствіи эту задачу раздѣляла Россія, только въ наше время могла отнять почву у номадовъ и рѣшительно ослабить ихъ власть, но то, что̀ остается въ степи, имѣетъ въ сущности характеръ прежнихъ гиксовъ и гіунгну.

Естественныя условія культуры сами по себѣ шире и разнообразнѣе; но она долго коренится въ почвѣ, какую она заняла однажды. Связь съ почвою составляетъ ея главнѣйшій признакъ. Почему въ Америкѣ Калифорнія, во многихъ отношеніяхъ счастливѣе надѣленная природой, не заступила мѣста Мексики? Почему въ долгіе вѣка тѣснаго соприкосновенія Нубія не сдѣлалась частью Египта? Важное поученіе исторіи заключается въ томъ, что культура крѣпко держится на той почвѣ, гдѣ она однажды появилась, хотя-бы надъ ней пронеслись потоки народовъ, или что она послѣ короткаго отсутствія вновь возвращается туда. Культура сгущаетъ населенія, и плотно живущія всегда бываютъ болѣе осѣдлыми. Безъ сомнѣнія, существуютъ пространства земли, природа которыхъ не только манитъ человѣка оставаться въ нихъ, но извѣстнымъ регулированьемъ всѣхъ проявленій его дѣятельности успокоиваетъ все его существо, вводитъ въ извѣстные предѣлы и, вслѣдствіе того, даетъ перевѣсъ болѣе устойчивымъ элементамъ его характера. Историки отмѣчали, какъ „Евфратъ и Нилъ изъ года въ годъ давали тѣ-же выгоды своимъ обитателямъ и регулировали ихъ занятія, благодаря постоянному однообразію которыхъ надъ страною могутъ проходить вѣка и въ жизненныхъ условіяхъ не измѣняется ничего существеннаго; въ долинѣ Нила культура застыла, какъ мумія въ гробу.“ (Эрнстъ Курціусъ.) Мемфисъ, Римъ, Аѳины, въ своемъ постоянномъ возобновленіи послѣ разрушенія и упадка, служатъ символомъ этой черты прочности, которая лишь отчасти зависитъ отъ благопріятныхъ естественныхъ условій. Неопредѣленное дыханіе, носящееся надъ освященными мѣстами, дѣйствуетъ оживляющимъ, возста-

навливающимъ образомъ. Только благодаря ему, Іерусалимъ могъ возникнуть вновь, или надъ Скамандромъ могъ отстраиваться на старомъ пожарищѣ и развалинахъ часто разрушавшійся Иліонъ. По той-же причинѣ на опасныхъ узловыхъ точкахъ волнъ землетрясенія могли вновь возставать города, какъ, напримѣръ, Санъ-Сальвадоръ, Мендоса и др.

Культура растетъ, однако, не отъ спокойствія, а отъ работы. Она требуетъ стимуловъ и толчковъ, которые тѣмъ болѣе должны исходить извнѣ, что въ мирной работѣ лежитъ склонность къ замкнутости. Рядомъ съ странами, манящими къ отдыху, находятся такія, которыя за ихъ предѣлами возбуждаютъ къ странствованію. Такимъ образомъ, побужденіе къ обособленному развитію встрѣчается вмѣстѣ съ побужденіемъ къ связи съ другими народами и къ смѣшенію съ ними. Первое мы должны искать всего чаще въ хорошо защищенныхъ, плодородныхъ низинахъ, или на плоскихъ возвышенностяхъ, могущихъ прокормить многочисленное населеніе, или-же въ широкихъ горныхъ долинахъ, однимъ словомъ, въ такихъ областяхъ, въ которыхъ жить удобно и пищу доставать легко и которыя все-таки не такъ узки, чтобы въ нихъ задерживалось самое скромное стремленіе къ расширенію. Послѣднее, напротивъ, мы должны предполагать въ менѣе плодородныхъ странахъ, къ выселенію въ которыя влекутъ или вездѣсущее море или безграничныя равнины, или въ суровыхъ горахъ, пропитывающихъ лишь немногихъ обитателей.

Какъ расположены культурныя области земли у пояса странствующихъ народовъ, у нѣдръ народныхъ переселеній? На сколько онѣ связаны между собою, онѣ образуютъ относительно узкій поясъ, который лишь въ многообразной Европѣ получаетъ болѣе обширное распространеніе. Европа замыкаетъ этотъ поясъ на западѣ, Японія, Корея и Китай — на востокѣ. Предназначенные многочленнымъ строеніемъ къ самостоятельному развитію, западная половина Европы и полуострова и архипелаги восточной Азіи, на противуположныхъ концахъ культурнаго пояса, сходны между собою способностями и функціями спокойнаго развитія и сильнаго вліянія на окружающее. Европа представляетъ атлантическій, а восточная Азія — тихоокеанскій конецъ этого пояса. Перенесеніе культуры черезъ океанъ странамъ восточно-азіатской периферіи, повидимому, удалось гораздо раньше, чѣмъ западно- и сѣверно-европейскимъ, которыя позднѣе, по большей части, лишь одно тысячелѣтіе тому назадъ, примкнули къ культурному поясу. Мы встрѣчаемъ въ Океаніи и Америкѣ слѣды древней тихо-океанской культурной области на восточно-азіатскомъ берегу, которая опередила передвиженіе культуры къ атлантическому берегу. Между ними, однако, лежатъ страны, отрѣзанныя отъ моря и, вслѣдствіе того, лишенныя охраны его сосѣдства, находящіяся въ тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ съ вѣчно волнующимся множествомъ внутреннихъ народовъ. При этомъ обнаруживается связь между самостоятельностью отдѣльныхъ культурныхъ областей и развитіемъ ихъ культуры. Южная Аравія и Сирія, представляющія обѣ узкія окраины области арабскихъ кочевниковъ, ведутъ неудачную борьбу съ натискомъ и захватомъ этихъ послѣднихъ; онѣ никогда не достигали прочнаго, самостоятельнаго культурнаго значенія. Месопотамія и Персія были счастливѣе, но и онѣ должны были опираться другъ на друга. Характерно, что болѣе ранніе цвѣты ассирійской культуры расцвѣли на сѣверѣ этой области. Область затишья Индіи лежитъ на востокѣ, въ особенности, въ области Ганга, а поприще возмущеній и безпорядковъ, вторженій и прохожденій номадовъ, а также стимуловъ къ усиленію власти и образованію большихъ государствъ — на западѣ, по преимуществу, въ области Инда. Культурныя мѣста Индо-Китая, остатки которыхъ въ сказочномъ великолѣпіи поднимаются изъ тьмы первобытныхъ лѣсовъ, лежатъ въ странѣ хмеровъ, въ

Сіамѣ, въ Бирмѣ, удаленныхъ отъ сѣвера, насыщеннаго постоянно приливающими къ нему внутренно-азіатскими элементами.

Во всѣ-ли времена было то же самое? Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что распространеніе пастушескихъ народовъ, которые уже въ началѣ историческаго періода наполняли обширныя части Азіи и Африки и вынуждали земледѣльческіе культурные народы къ постоянной борьбѣ, принимало видное участіе въ оттѣсненіи и раздробленіи послѣднихъ. Ихъ значительный пространственный перевѣсъ является, быть можетъ, сравнительно новымъ фактомъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ замѣчается въ сѣверной Африкѣ, куда лошади и, вѣроятно, также рогатый скотъ были ввезены изъ Азіи. Актъ всемірной исторіи, непосредственно предшествовавшій тому, которымъ для насъ начинаются историческія времена, быть можетъ, былъ свидѣтелемъ меньшаго распространенія этихъ элементовъ, враждебныхъ высшей культурѣ, и болѣе связнаго распространенія культуры осѣдлыхъ народовъ. Сходство самыхъ отдаленныхъ культурныхъ процессовъ Стараго Свѣта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть понято безъ допущенія нѣкогда существовавшихъ оживленныхъ сношеній, хотя бы лишь черезъ посредство цѣпей острововъ и оазисовъ.

Кочевое состояніе не всегда дѣйствовало разрушающимъ образомъ на осѣдлую культуру; объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ, что мы не всегда имѣемъ дѣло только съ племенами, но и съ государствами, и даже весьма могущественными. Въ воинственномъ характерѣ кочевниковъ лежитъ большая государствообразовательная сила (ср. т. I, введеніе, стр. 130), которая, быть можетъ, еще яснѣе, чѣмъ въ управлявшихся династіями и арміями кочевниковъ большихъ государствахъ Азіи (въ Персіи, управлявшейся тюрками, въ Китаѣ, покоренномъ монголами и манджурами, въ монгольскихъ и раджпутскихъ государствахъ Индіи), выражается на окраинѣ Судана, гдѣ сліяніе нѣкогда враждебныхъ, а впослѣдствіи соединившихся въ плодотворномъ взаимодѣйствіи элементовъ не зашло еще такъ далеко. Нигдѣ не выказывается такъ ясно, какъ здѣсь, на границѣ кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ, что великія вліянія способствующихъ культурѣ стимуловъ, исходящихъ отъ номадовъ, зависятъ не отъ мирной культурной дѣятельности, а, въ качествѣ воинственныхъ стремленій, сперва противодѣйствуютъ и даже вредятъ мирнымъ стремленіямъ. Значеніе ихъ заключается въ способности номадовъ — энергично сплачивать осѣдлые и легко распадающіеся народы. Но это не исключаетъ возможности того, что они многому могутъ научиться отъ покоренныхъ ими народовъ, какъ научились римляне отъ грековъ, германцы отъ римлянъ, турки отъ таджиковъ и славянъ. Такъ, племена Басса и Афа превосходятъ всѣхъ въ изготовленіи циновокъ и посуды для ѣды и питья, хижины мусгусовъ стоятъ выше хижинъ народовъ Борну, слабое, проникнутое старинными мѣстными элементами Багирми доставляетъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и вообще представителей культуры воинственному, широко распространяющемуся Вадаи, а въ Дарфурѣ форы въ земледѣліи и ремеслахъ стоятъ выше своихъ арабскихъ властителей. Но эти трудолюбивые и искусные люди не имѣютъ и не могутъ имѣть воли и силы для управленія, воинственнаго духа и характера для государственнаго порядка и подчиненія. Поэтому рожденные въ пустынѣ властители Суданскихъ государствъ стоятъ выше своихъ негрскихъ народовъ, такъ же, какъ манджуры выше своихъ китайцевъ. Но развѣ здѣсь исполняется что-либо другое, какъ не тотъ законъ, который дѣйствуетъ отъ Тимбукту до Пекина, въ силу котораго выдающіяся государственныя образованія возникаютъ на границахъ широкихъ степей, въ богатыхъ земледѣльческихъ странахъ, гдѣ высокая матеріальная культура осѣдлыхъ народовъ привлекается насильственно къ служенію энергичнымъ, властнымъ, воинственнымъ степнымъ обитателямъ?

2. Культура.

„Воспитаніе нашего поколѣнія совершается въ двоякомъ смыслѣ: генетическомъ и органическомъ — генетическомъ чрезъ сообщеніе, органическомъ чрезъ воспріятіе и примѣненіе сообщеннаго. Быть можетъ, этотъ второй генезисъ человѣка можно назвать культурой, заимствуя это слово отъ обработки почвы, или просвѣщеніемъ, на подобіе дѣйствія свѣта.“

Гердеръ.

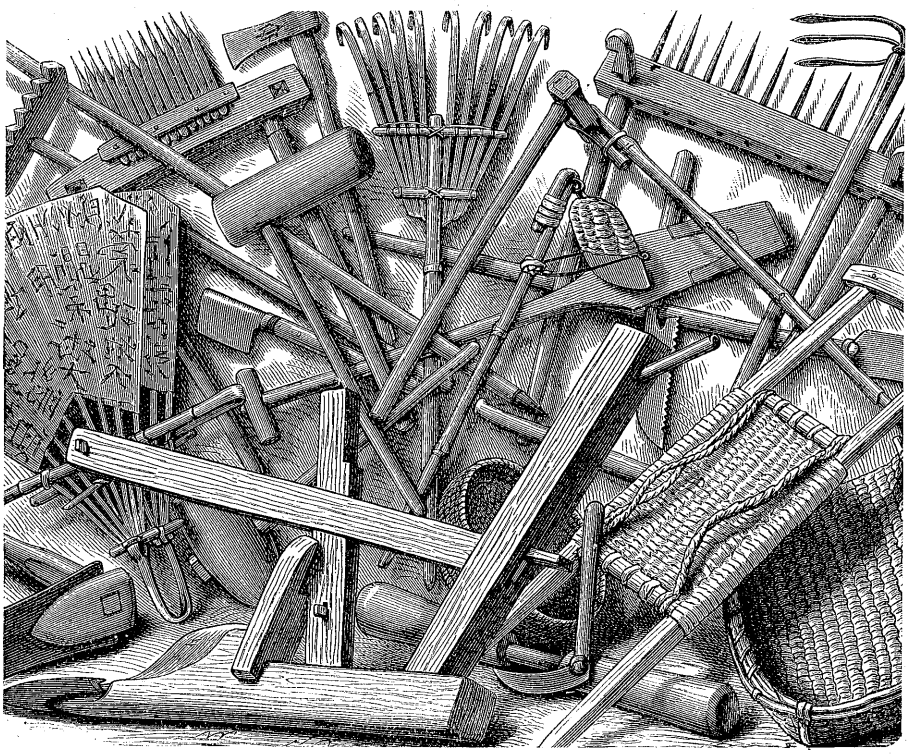
Содержаніе: Условія развитія культуры. — Работа, земледѣліе, осѣдлость. — Увеличеніе населенія. — Движеніе культуры по земному шару. — Свобода и связанность духа. — Наука. — Полукультура. — Письменность и традиція. — Упадокъ культуры. — Начала культуры. — Каменные остатки. — Древній Египетъ. — Азіатскія связи. — Китай и западный міръ.

Относительно условій развитія и наличности культуры можно сказать: все, что̀ подвижного человѣка прикрѣпляетъ къ мѣсту, способствуетъ культурѣ. Далѣе, прикрѣпляющимъ образомъ дѣйствуетъ плодородіе почвы, въ сочетаніи съ умѣреннымъ климатомъ. Человѣкъ въ этомъ случаѣ прилагаетъ къ природѣ совершенно иной масштабъ, чѣмъ къ своему временному мѣстообитанію; онъ спрашиваетъ: гдѣ я найду ручательства прочности моего пребыванія? Добрицгоферъ говоритъ о Чако: „испанцы считаютъ ее за сборное мѣсто всевозможныхъ бѣдствій, а дикари, напротивъ, — за обѣтованное мѣсто, за райскую землю.“ Европейцы, выселявшіеся въ Америку, не ставили сперва на дѣвственной почвѣ палатки и шалаши, а строили каменные дома и города. Въ 1521 г. городъ Мексико былъ взятъ Кортесомъ, и въ томъ же году заложенъ тамъ каменный соборъ. Это говоритъ о намѣреніи поселиться тамъ. Человѣчество въ это время давно уже знало, на какой почвѣ культура могла быть насаждаема съ успѣхомъ: только Мексика, которая на своемъ плоскогорьи производитъ пшеницу, такъ же, какъ Кастилія, получила почетное наименованіе Новой Испаніи. Въ умѣренно-тепломъ климатѣ, на хорошей пахотной землѣ надѣялись увидѣть укоренившійся всего раньше отростокъ старой испанской культуры. Такъ, культура, въ соотвѣтствіи съ благопріятной почвой, или, точнѣе, пахотной землей, все глубже и глубже, почти инстинктивно разросталась по новой землѣ.

Прежде умственной жизни народовъ матеріальная дѣятельность освободилась отъ того несвободнаго состоянія, въ которомъ ее удерживали лѣность, необезпеченность, недостатокъ потребностей и сношеній. Цѣлый рядъ изобрѣтеній образуетъ основу того, что̀ мы называемъ полукультурой. Оружіе и орудія болѣе сложнаго строенія, каковы самострѣлъ, подвижной панцырь, гарпуна, плугъ, борона, повозка, буравъ, гончарный кругъ, руль, лодка съ парусомъ и аутригеромъ, — проникаютъ въ болѣе глубокіе слои. Всѣ они требуютъ больше работы, и работа придаетъ имъ цѣнность. Жакмонъ предсказывалъ испано-индѣйской Америкѣ тропическаго пояса упадокъ ниже уровня 1492 г.: „это будетъ страна безъ населенія, безъ всякаго изобилія, потому что ей недостаетъ труда.“ Каждая культура идетъ назадъ, когда трудъ ослабѣваетъ. Выраженіе „работа облагораживаетъ“ имѣетъ значеніе наиболѣе общепримѣнимой истины. Да, работа создала благородство человѣчества. Самый трудолюбивый изъ полукультурныхъ народовъ, китайцы, въ этомъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ азіатцевъ. Послѣ работы раздѣленіе труда само по себѣ есть несомнѣнно важнѣйшее условіе культурнаго прогресса. Но раздѣленіе труда прежде всего заключается въ расчлененіи однообразной массы по соціальнымъ функціямъ.

На тѣсную связь культуры съ земледѣліемъ было уже указано выше (см. т. I, стр. 26), и здѣсь остается сказать только о значеніи его

для культурныхъ народовъ. Отъ Японіи до Египта оно доставляетъ основу народнаго продовольствія и цѣнится такъ высоко, что плугъ считается даже достойнымъ руки императора. Спасеніе пахотной земли отъ наплыва кочевниковъ составляетъ цѣль безконечной борьбы между земледѣльцами и пастухами. Стремленія культурныхъ государствъ направлены къ тому, чтобы они могли сами доставлять пищу своему народу и, вслѣдствіе того, могли сохранять свою независимость. Въ Китаѣ высшая похвала императору заключается въ томъ, что онъ свой народъ кормилъ въ мирѣ. Для земледѣлія культурныхъ народовъ повсюду прежде всего является характерной лучшая обработка почвы. Мы находимъ у нихъ плодосмѣну, удобреніе,



Японскія полевыя орудія. (Мюнхенскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 399.

обработку террасами, искусственное орошеніе, плугъ, борону. Эти орудія, очевидно, обозначаютъ культурную границу. Плугъ указываетъ вообще на иную хозяйственную систему, на крупное хозяйство съ рабами и рабочимъ скотомъ; онъ становится необходимъ въ тотъ моментъ, когда въ обработку поступаютъ обширные участки. Еще и теперь въ восточной Европѣ степь обладаетъ лучшими и болѣе тяжелыми плугами и умѣетъ лучше пользоваться ими, чѣмъ лѣсная страна. У всѣхъ народовъ, обладающихъ плугомъ, встрѣчается и садовая обработка мотыкой или заступомъ. Но выборъ полезныхъ растеній здѣсь уже другой. Перевѣсъ берутъ болѣе прочные виды хлѣбовъ — въ восточной Азіи рисъ, въ Индіи просо, въ западной Азіи пшеница, и стручковые плоды проходятъ черезъ всѣ области. Банант, о которомъ такъ же, какъ о маннѣ израильтянъ, можно сказать: ad quod quisque volebat, convertebatur, вообще все семейство легко и обильно плодящихся, но мало питательныхъ плодовъ и корней замѣтно отступаетъ назадъ. Эти хлѣбные злаки происходятъ изъ естественныхъ травянистыхъ странъ Азіи; луга, на которыхъ они разви-

лись, служили пастбищемъ для предковъ рогатаго скота и лошади. Самыя важныя домашнія животныя и полезныя растенія культуры заимствованы отъ степи. Вообще, въ Старомъ Свѣтѣ заключались самыя благопріятныя условія для выбора культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ, и въ этомъ случаѣ Азія опять могла доставить важнѣйшихъ изъ этихъ растеній и животныхъ.

Земледѣліе, противоположно кочевому состоянію, уже само по себѣ надѣлено отчасти силой устойчивости, которая еще въ бо́льшей мѣрѣ свойственна высшей осѣдлой культурѣ. Чѣмъ бо́льшій капиталъ труда скрывается въ почвѣ, на которой находятся хлѣбныя поля или выстроенные съ трудомъ хижины и дома, храмы и стѣны укрѣпленій, тѣмъ крѣпче держится за нее человѣкъ, сперва тѣлесно, а затѣмъ и духовно. Въ сагѣ Фліотсглидинги отважный Гуннаръ отказывается покинуть свою страну, потому что „блѣдныя поля“ спѣлаго хлѣба пріятны его сердцу. Кочевникъ, даже и тогда, когда онъ странствуетъ въ узкихъ границахъ, по крайней мѣрѣ, въ каждое время года находится въ новой родинѣ; между тѣмъ, столѣтія смѣняются, а земледѣлецъ все держится своей. Тогда какъ номадъ отъ зимы до лѣта пройдетъ 20 нѣм. миль, земледѣлецъ, самое бо́льшее, прибавитъ новое поле къ старому. Съ твердымъ положеніемъ появляются и прочныя границы. Насколько тѣсно разграниченіе участковъ связано съ земледѣліемъ! Горацій, восхваляя жизнь въ деревнѣ, не забываетъ боговъ пограничныхъ знаковъ.

Земледѣліе служитъ ближайшей потребности и предоставляетъ выработку цѣнностей обмѣна и предметовъ роскоши скотоводству, охотѣ и рыбной ловлѣ. Скотоводство есть первый способъ накопленія капитала: стадо — вѣчно перемѣщающееся имущество. Земледѣліе доставляетъ важнѣйшія составныя части продовольствія, но не для одного только ежедневнаго потребленія. Принадлежно́стью земледѣлія культурныхъ народовъ является, какъ плугъ (см. рис., стр. 398), такъ и житница, — будетъ ли это поставленная на сваяхъ кладовая, какую мы можемъ видѣть отъ Нигера до айносовъ (см. рис., стр. 72 и т. I, стр. 19), глиняная урна кафровъ или выжженная земляная яма Аравіи и Тибета. Полевые плоды не должны исчезать такъ быстро, какъ просо негровъ, изъ котораго варятъ пиво, чтобы какъ-нибудь воспользоваться имъ. Особенность всѣхъ хлѣбныхъ растеній тропическихъ странъ состоитъ въ томъ, что изъ ихъ муки нельзя печь хлѣба въ нашемъ смыслѣ; только арабскія „киссере“, кожеобразныя, крѣпкія лепешки, которыя, какъ наши блины, поджариваются на желѣзной сковородѣ, можно печь изъ перебродившаго тѣста. Хлѣбъ въ европейскомъ смыслѣ вообще неизвѣстенъ ни одному азіатскому народу. Мѣсто его какъ общей основы питанія, въ восточной и южной Азіи заступаетъ рисъ въ мокромъ и полу-сухомъ видѣ. Однако, несмотря на все его преобладаніе, культурныхъ народовъ, питающихся исключительно рисомъ или растительной пищей, не существуетъ. Мясо и рыба, кромѣ другихъ азотистыхъ пищевыхъ веществъ, напр. бобовъ, занимаютъ мѣсто наряду съ рисомъ. Впрочемъ, у всѣхъ культурныхъ народовъ разнообразіе блюдъ весьма велико, хотя вкусъ ихъ вездѣ можетъ опускаться и довольно низко. Употребленіе въ пищу насѣкомыхъ и червей вовсе не служитъ признакомъ низшей культуры. Не только у арабизированныхъ племенъ негровъ саранча, водяные жуки и личинки составляютъ искомое лакомство: нѣчто подобное можно найти и въ Индіи, и въ Китаѣ. У арабовъ есть пословица — „одна саранча въ рукахъ лучше шести въ воздухѣ“. Прихоти древне-римскаго и ново-европейскаго вкуса отчасти заходятъ еще далѣе.

Творящая въ тишинѣ культурная дѣятельность измѣряется не увеличеніемъ числа миль, а возрастаніемъ численности всего живого, живущаго постоянно на узкомъ пространствѣ. На жирной почвѣ, при

усиленной работѣ, развиваются густыя населенія, а культурѣ нужны именно такія. Великіе факты распространенія людей по землѣ съ большей или меньшей сплоченностью находятся, какъ причины и слѣдствія, въ тѣсной зависимости отъ культурнаго развитія. Тамъ, гдѣ на обширныхъ пространствахъ населеніе распредѣлено рѣдко, культура стоитъ не высоко. Степной поясъ Стараго Свѣта повсюду рѣдко населенъ, а страны вокругъ Средиземнаго моря, Египетъ, Южная Аравія, Индія, Китай и Японія — очень плотно. Шесть седьмыхъ населенія земли принадлежатъ въ настоящее время культурнымъ странамъ. Китай и Индія насчитываютъ 700 мил. человѣкъ, а соотвѣтственное пространство внутренно-азіатской области кочевниковъ, Монголіи, Тибета и восточныхъ тюркскихъ народовъ, — менѣе $^1/_{60}$. Способъ распространенія соотвѣтствуетъ уровню культуры. Европейцамъ не только ихъ превосходство во всѣхъ культурныхъ отношеніяхъ, но и численность, и быстрое размноженіе позволили быстро распространиться по цѣлымъ частямъ свѣта; желаніе обладать страною безъ всякихъ пробѣловъ сдѣлалось ихъ политическимъ принципомъ. Мѣшавшіе имъ туземцы были просто устраняемы. Даже самый грубый дикій народъ не былъ въ состояніи обезлюдить и снабдить новымъ населеніемъ въ теченіе немногихъ поколѣній такую страну, какъ Куба; культура сдѣлала это быстро.

Культура захватываетъ свои области иначе, чѣмъ военное завоеваніе. Она занимаетъ медленно, но съ прочнымъ успѣхомъ, участокъ за участкомъ, а послѣднее быстро раздвигаетъ границы. Первая идетъ шагъ за шагомъ, послѣднее быстро переносится чрезъ обширныя пространства. Поэтому, первая увѣрена въ своихъ успѣхахъ, если только ей предоставляется время, а послѣднее непрочно или, по крайней мѣрѣ, неразсчетливо. Средняя скорость, съ какою бѣлые подвигались въ Сѣверной Америкѣ къ западу, прежде, чѣмъ, они сдѣлали громадный прыжокъ отъ Миссури къ Тихому океану, равнялась 4 нѣм. геогр. милямъ въ годъ. Китай въ три столѣтія пріобрѣлъ для культуры страну внѣ Великой стѣны, бывшей нѣкогда оградой отъ опасныхъ полчищъ кочевниковъ; Россія въ то же время протянула культурный поясъ черезъ сѣверную Азію до Тихаго океана. Передъ такимъ медленнымъ, но вѣрнымъ движеніемъ впередъ отступаютъ не только дикіе народы, но подъ конецъ и кочевники. Лучшая почва отнимается у нихъ колоніями земледѣльцевъ; вода, безъ которой они не могутъ обойтись, попадаетъ въ руки осѣдлыхъ, которые ею оплодотворяютъ и сдерживаютъ песокъ; кочевникъ вытѣсняется изъ травянистой страны въ кустарную степь, а изъ нея — въ пустыню. Тамъ онъ бѣднѣетъ и гибнетъ. Какъ и гдѣ онъ приспособился къ осѣдлости, мы скажемъ ниже.

По закону культурнаго развитія, начала его тѣмъ темнѣе, чѣмъ выше оно поднялось само. Оно постоянно перекапываетъ свою собственную почву, и новая жизнь разрушаетъ остатки старой, изъ которыхъ она произошла. Въ почвѣ Стараго свѣта только каменныя орудія свидѣтельствуютъ о прежнихъ культурныхъ состояніяхъ. Но мы не знаемъ возраста находимыхъ въ землѣ орудій и оружія изъ камня и состояній тѣхъ, кто пользовался ими. Они не даютъ яснаго отвѣта на вопросъ о древности культуры. Живые слѣды каменнаго вѣка позволяютъ, по крайней мѣрѣ, видѣть, что не слѣдуетъ предполагать слишкомъ большимъ промежутокъ и ступень, отдѣляющіе обладаніе желѣзомъ отъ пользованія камнемъ. И въ настоящее время у нубійскихъ арабовъ каменный ножъ не только считается особенно удобнымъ для обрѣзанія, но и для бритья головы. Плиній говоритъ, что бальзамъ добывается изъ бальзамнаго дерева въ Сиріи каменными, костяными или стеклянными ножами, такъ какъ стволъ отъ употребленія желѣзныхъ орудій засыхаетъ. Мнѣніе Швейнфурта, будто небольшое, мало употреблявшееся каменное оружіе, какое Ленцъ и

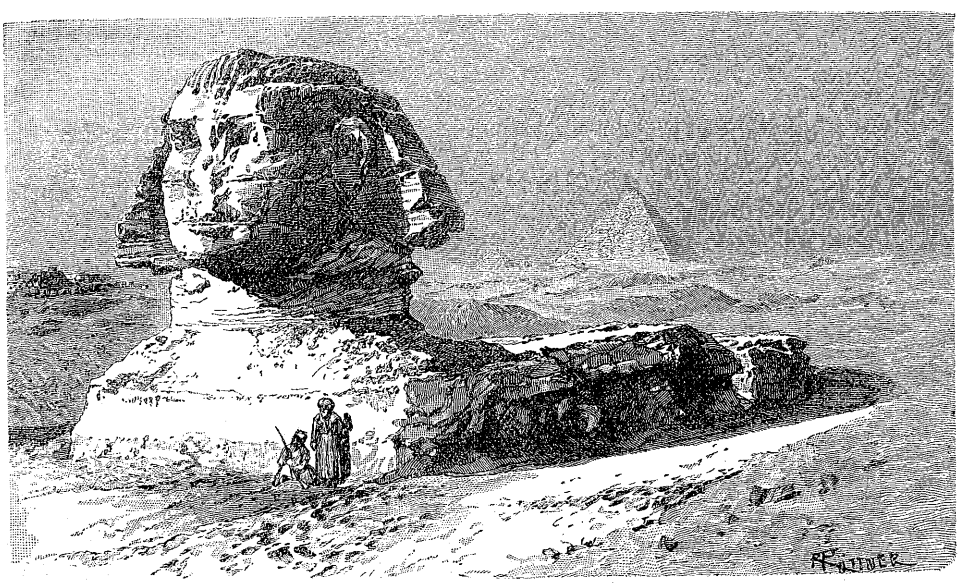
др. находили въ Сахарѣ, изготовлялось лишь позднѣе для обрядовыхъ или суевѣрныхъ цѣлей, отчасти разъясняетъ этотъ вопросъ. Находки камней въ Индіи и Японіи указываютъ, что тамъ употребленіе каменнаго оружія и желѣзной утвари угасло еще весьма недавно. И въ почвѣ Египта въ большомъ числѣ заключены превосходныя каменныя орудія; поэтому тамъ съ увѣренностью можно допустить существованіе „каменнаго вѣка“ Переходъ отъ него къ культурной эпохѣ ведетъ чрезъ скудость желѣза въ древнемъ Египтѣ.

Мы склонны ставить слишкомъ высоко культурные стимулы металловъ или ихъ культурную цѣнность. Перу и Мексика показываютъ, чего можно было достигнуть при незначительномъ пользованіи бронзой и мѣдью, при полномъ незнаніи желѣза. Мы цѣнимъ слишкомъ низко до-металлическія каменныя, костяныя и деревянныя орудія, потому что видимъ ихъ только въ рукахъ обѣднѣвшихъ и опустившихся дикихъ народовъ. Высокая ступень соціальнаго и религіознаго развитія океанійцевъ достигнута при полномъ отсутствіи металловъ, а въ еще высшихъ культурахъ древней Мексики и древняго Перу металлы были только украшеніями, а не пружинами прогресса. Мы не должны, поэтому, подчиняться представленію, будто изобрѣтеніе плавленія и ковки желѣза составляетъ эпоху. Безъ сомнѣнія, вѣкъ стали служитъ показателемъ многихъ великихъ вещей, которыя не были-бы возможны безъ желѣза, но умственныя основы нашей культуры не нуждаются въ стальныхъ подпоркахъ. „Иліада“ есть произведеніе времени, бѣднаго желѣзомъ, и великіе вавилонскіе цари писали свои клинообразныя письмена деревяннымъ остріемъ въ мягкой глинѣ.

Культура отодвигается дальше, гораздо дальше этихъ и другихъ изобрѣтеній. Лишь вполнѣ ложная перспектива можетъ показывать намъ Вавилонъ за 6000 лѣтъ „на порогѣ исторіи“. Было бы банальнымъ и поверхностнымъ въ томъ древнѣйшемъ времени, о которомъ намъ даютъ понятіе памятники Египта, видѣть непремѣнно „зарю исторіи человѣчества“. По какому праву? Развѣ въ древнѣйшую историческую эпоху Египта передъ нами выступаютъ начальныя стадіи съ ихъ естественными несовершенствами? То обстоятельство, что египтяне приписывали сами происхожденіе ихъ культуры баснословнымъ слугамъ Горуса, нисколько не болѣе доказательно, чѣмъ сказанія объ Ираклѣ и Тезеѣ у грековъ. Рѣдко встрѣчаются опредѣленныя данныя, похожія на воспоминанія о фактахъ. Къ нимъ принадлежитъ, быть можетъ, сообщеніе въ надписяхъ Дендераха, что первый планъ храма былъ начертанъ на кожѣ газели, которую нашли черезъ много столѣтій послѣ того; историческіе египтяне писали на папирусѣ. Храмъ безъ надписей, вблизи великаго сфинкса, изъ мощныхъ сіенскихъ гранитныхъ глыбъ и восточнаго алебастра, на столбахъ изъ квадратныхъ монолитовъ, безъ украшеній и безъ гіероглифовъ, кажется переходомъ отъ мегалитическихъ памятниковъ къ египетской архитектурѣ. Царь Хеопсъ говоритъ въ своей надписи на немъ, что происхожденіе этого храма теряется во мракѣ временъ; онъ былъ погребенъ въ пескахъ пустыни и въ его царствованіе найденъ лишь случайно. О самомъ великомъ сфинксѣ мы должны предположить, что онъ старше великихъ пирамидъ, стражемъ которыхъ онъ былъ; мы знаемъ, что этотъ мощный монолитъ нуждался въ исправленіяхъ уже во времена Хеопса. Изъ второй династіи до насъ дошла пирамида, въ видѣ лѣстницы, въ Саккарахъ и статуи, въ которыхъ археолога поражаетъ „неуклюжій и нерѣшительный“ стиль. Послѣ 455-лѣтняго царствованія первой и второй династій въ могильныхъ камерахъ третьей династіи мы видимъ вполнѣ развитую египетскую жизнь, со всѣми признаками долговременнаго существованія; даже „гіероглифическія письмена въ памятникахъ первой династіи выступаютъ передъ нами съ той же сложностью, какъ и въ свои послѣдніе дни“ (Ленорманъ). Если мы примемъ во вниманіе, что имъ предшество-

вало, во первыхъ, чисто образное письмо и затѣмъ продолжительная выработка, когда символическое обозначеніе распространило и установило то, что̀ это письмо могло выразить, мы видимъ дѣятельность многихъ поколѣній и столѣтій раньше времени этихъ памятниковъ.

Высшаго пункта архитектоническаго искусства Египетъ достигъ еще при четвертой династіи, когда Хеопсъ своей пирамидой воздвигъ самое массивное произведеніе, которое когда-либо создавали люди. Она оставила исполинскія произведенія такой тонкости и законченности, какія и теперь еще вызываютъ удивленіе. Одновременно съ тѣмъ пластическое искусство достигаетъ высшаго совершенства. Не будетъ большой смѣлостью, если мы скажемъ, что въ искусствѣ вершина развитія лежитъ ближе къ древнему времени царства, чѣмъ къ новому (см. рис., стр. 405 и 407 и табл. „Древнеегипетская стѣнная живопись въ одной изъ Ѳивскихъ гробницъ“).



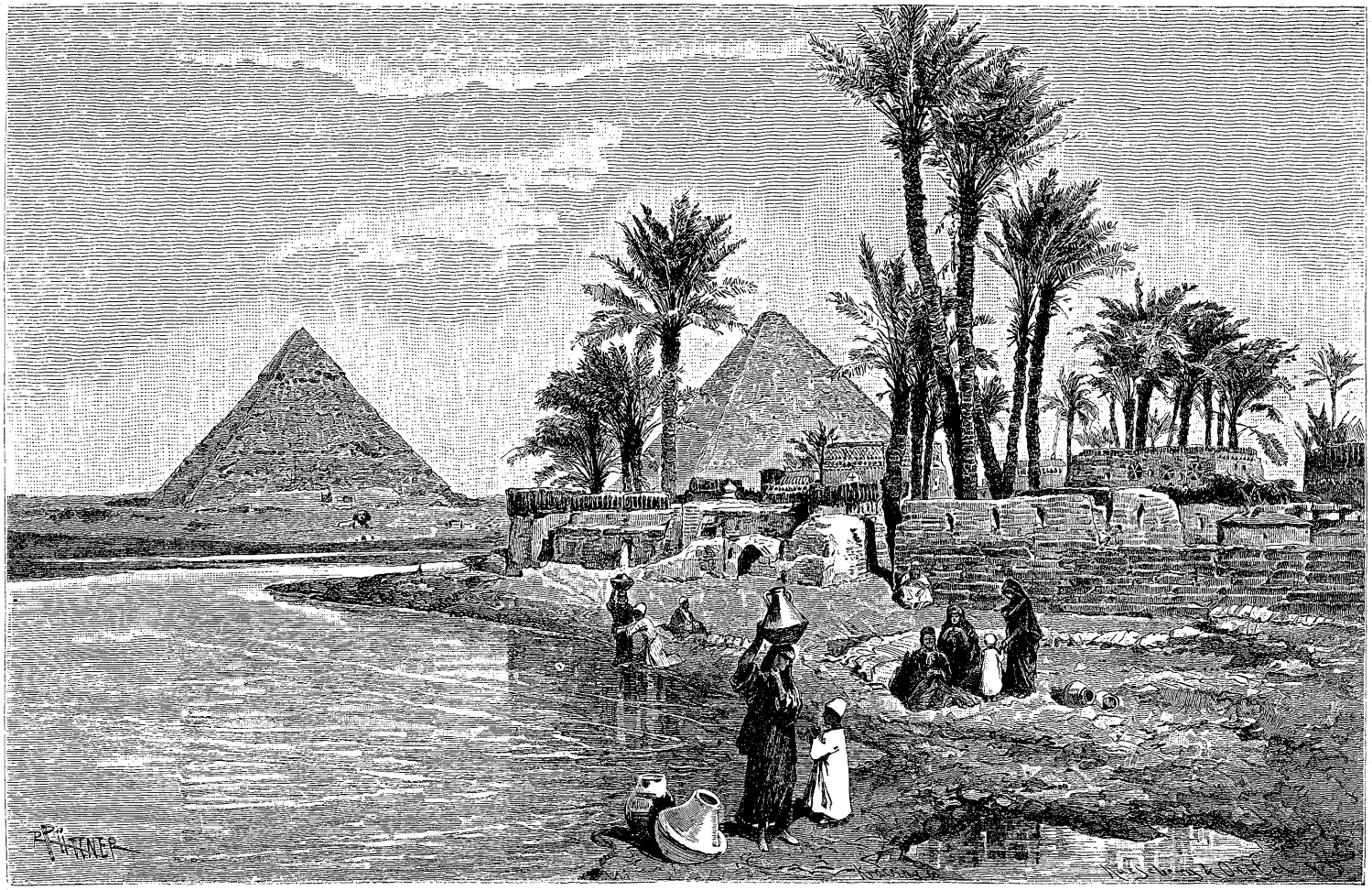
Сфинксъ близъ Гизеха. (По фотографіи.)

Въ ежедневной работѣ земледѣльца, ремесленника, чиновника и воина, въ познаніяхъ жрецовъ и въ поступкахъ царей древнѣйшій Египетъ вовсе не стоялъ настолько позади позднѣйшаго, какъ этого можно было-бы ожидать, судя по числу протекшихъ тысячелѣтій. Изъ гробницъ древнѣйшаго времени пирамидъ, возстаютъ картины культуры, которыя во многихъ отношеніяхъ превосходятъ позднѣйшія тысячелѣтія, до самаго соприкосновенія съ Греціей и Римомъ. Религія, вмѣстѣ съ ея наукой, находилась тогда на высшей точкѣ. Жречество включало въ себѣ чиновничество, и вся жизнь была проникнута религіей. Ученіе о богахъ было крайне богатымъ; на звѣздномъ небѣ читали раздѣленіе времени, и каждая сторона пирамидъ расположена съ такою точностью по отношенію странъ свѣта, что можно видѣть, какъ архитекторъ и астрономъ работали рука объ руку. Вся страна была измѣрена и раздѣлена на опредѣленные округи. Царь („высокія ворота“: перау, фараонъ) былъ сыномъ и очеловѣченіемъ солнечнаго бога. Въ его придворномъ штатѣ находились тайные совѣтники, камергеры, казначеи, начальники войска, женскаго дома, работниковъ, житницъ, хора пѣвцовъ, гардероба и купаленъ. Даровитые мальчики изъ знатныхъ домовъ воспитывались вмѣстѣ съ царскими сыновьями и доходили до высшихъ положеній. Основою семьи былъ моногамическій бракъ:

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ СТѢННАЯ ЖИВОПИСЬ.

(По Лепсіусу.)



Феллахская деревня близъ Гизеха, въ Нижнемъ Египтѣ.

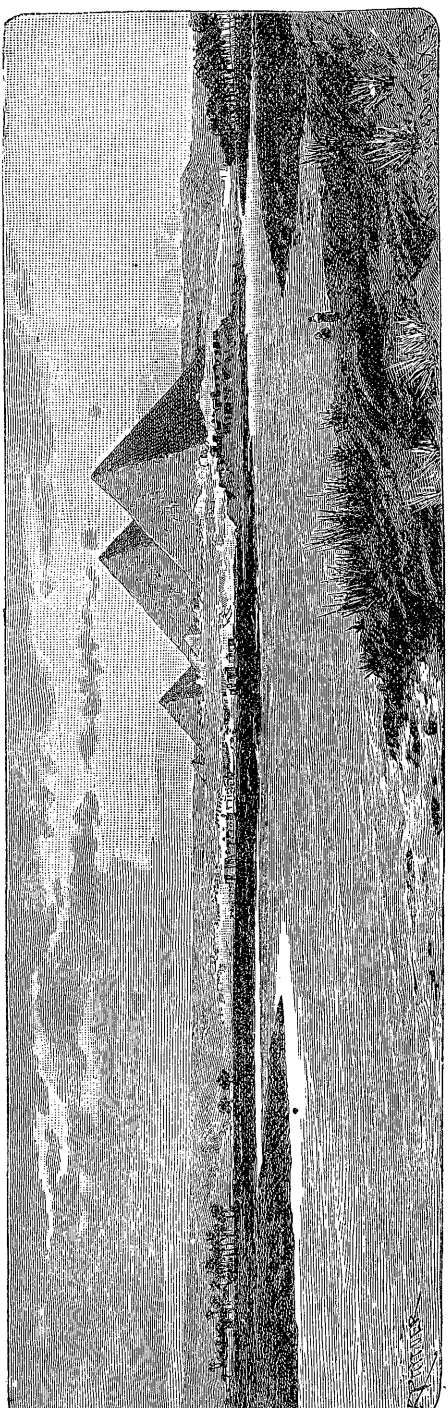
(По фотографіи.)

даже престолъ и гробницу короля раздѣляла только одна царица. Женщина называлась „госпожей дома“; изображенія покьзываютъ тѣсную семейную жизнь, и надписи содержатъ многія ласкательныя имена, восхваляющія привлекательность супруги. Дѣти прежде всего называютъ себя по имени матери и уже затѣмъ по имени отца; женщина наслѣдуетъ мужчинѣ при отсутствіи сыновей, и даже корона можетъ перейти къ дочери. Египтяне строили для живыхъ только непрочные дома. Въ домахъ зажиточныхъ лицъ, бывшихъ, противоположно тяжелымъ храмамъ, легкими и изящными, было по нѣсколько этажей и употребительныя до настоящаго времени галлереи и террасы. Простой народъ жилъ въ глиняныхъ хижинахъ, какъ и теперь (см. табл. „Деревня феллаховъ близъ Гизеха“), а пастухи — подъ временной кровлей изъ вѣтвей и хвороста. Къ нашему удивленію, кожаная палатка съ золотымъ тисненіемъ принадлежитъ къ самымъ драгоцѣннымъ остаткамъ древне-египетской промышленности. Денегъ тогда не знали вовсе. Знатные люди были землевладѣльцами; богатство состояло въ поляхъ, лугахъ, зарослях папируса, стадахъ, плодовыхъ деревьяхъ и подчиненныхъ людяхъ. Поля разрыхлялись плугомъ, въ видѣ мотыки, и затѣмъ засѣвались. Молотьба производилась съ помощью скота, который топталъ колосья. Винодѣліе составляло главную часть земледѣлія. Ремесла были въ рукахъ профессіональныхъ лицъ — столяровъ, горшечниковъ, выдувальщиковъ стекла, ткачей, мастеровъ по выдѣлкѣ папируса, промыванія золота, обработкѣ металловъ и проч. У каждой группы рабочихъ былъ старшина, съ длинной палкой, который въ то же время занимался счетоводствомъ; въ помѣщеніяхъ для письма находились цѣлыя толпы писцовъ. Эта жизнь была настолько сильна въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, что переходила за предѣлы государства. Считается установленнымъ, что разработка Синайскихъ мѣдныхъ рудниковъ началась уже во времена Снефру и Хуфу, и отъ временъ Аменемхи (24-е столѣтіе до Р. Х.) уцѣлѣлъ столбъ, на которомъ говорится о золотыхъ рудникахъ въ Нубіи.

Высокая древность литературы доказывается фактомъ, что уже въ одной изъ гробницъ шестой династіи встрѣчается „завѣдующій книжнымъ домомъ“. Хронологія предполагаетъ наблюденія звѣздъ, въ особенности видимыхъ звѣздъ (преимущественно Сиріуса), и отмѣтки этихъ наблюденій. До насъ дошли геометрическіе, медицинскіе и философскіе трактаты. Поэтическая литература была по преимуществу религіозною и возвышенною. То же можно сказать и объ историческихъ повѣствованіяхъ. Сказаніе о Рамзесѣ II (Сезострисѣ), которому больше 3200 лѣтъ, древнѣйшее изъ цѣльныхъ произведеній эпическаго творчества, напоминаетъ Библію по величественности выраженія и по религіозному духу. И раздѣленіе на параллельно расчлененные стихи напоминаетъ эпосъ древнихъ евреевъ.

Вмѣстѣ съ идеей вѣчности, глубоко внѣдрившейся въ существо египтянъ, соединялось чувство пониманія установленнаго преданія. И они, какъ нельзя лучше, достигли своей цѣли: ихъ города мертвыхъ сохранились, а города живыхъ превратились въ прахъ. Въ округѣ древняго Мемфиса 80 пирамидъ смотрятъ на развалины города мертвыхъ, покрывающаго полосу земли протяженіемъ въ 75 км. Но самый городъ разрушенъ такъ, что отъ него остались лишь жалкія развалины, и мы ничего не знаемъ о томъ, какъ и когда онъ разрушился. Какою неподвижною должна была быть эта тысячелѣтняя резиденція фараоновъ, любившихъ памятники! И, однако, что въ Мемфисѣ живыхъ могло производить такое глубокое впечатлѣніе на всѣ поколѣнія, какъ гигантскія пирамиды? Гёте сказалъ, когда онъ въ 1787 г. увидалъ въ Римѣ первый набросокъ реставрированной пирамиды: „этотъ рисунокъ — громаднѣйшая архитектурная идея, какую я видѣлъ въ своей жизни, и я не думаю, чтобы можно было идти дальше.“ Трудно выразить теоретически значеніе этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ построекъ. Это — убѣдительнѣйшіе символы прочности

преходящаго; они одиноки во времени, какъ и въ пространствѣ. Тысячелѣтія, лежащія между ими и нами, незначительны въ сравненіи съ тысячелѣтіями, лежащими позади нихъ. Не только нѣсколько поддающихся счисленію тысячелѣтій со времени ихъ построенія, но и неисчисленныя прежнія, какія были нужны, чтобы дойти до этого величія пониманія и исполненія, смотрятъ на насъ съ ихъ вершинъ (см. назв. табл. и рис. сбоку). Онѣ выказываютъ въ болѣе величественномъ видѣ, чѣмъ какой-либо другой памятникъ, заботу о памяти умершихъ, вѣру въ будущую жизнь и, вообще, уваженіе къ прочности вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ прошлому. Онѣ не были единичными. Къ большимъ пирамидамъ не только примыкаютъ многочисленныя малыя, содержащія остатки царскихъ сыновей и дочерей, но къ востоку отъ каждыхъ наиболѣе величественныхъ развалинъ мы видимъ развалины храмовъ Изиды, гдѣ приносились жертвы душѣ усопшаго царя.



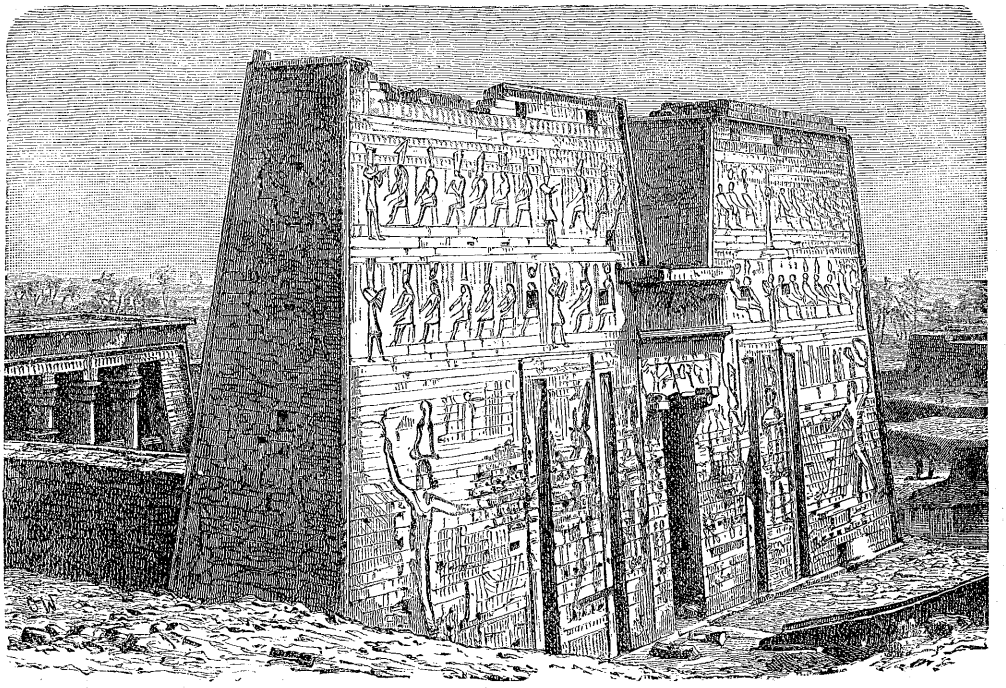
Пирамиды Гизеха. (По фотографіи.)

Живая передача мыслей отъ одного поколѣнія къ другому есть самый естественный путь къ распространенію идей. Но что могло болѣе упрочить такія не утрачивающіяся основныя мысли, чѣмъ эти могучіе, возбуждающіе благоговѣніе, прочные памятники. Впрочемъ, въ нихъ заключалось нѣчто еще большее. Въ ихъ прочное оріентированіе по странамъ свѣта, въ ихъ опредѣленныя относительныя числа жрецы вкладывали значительную часть своихъ знаній. Если справедливо высказывалось, что календарь можетъ считаться знаменитѣйшимъ остаткомъ древнѣйшихъ временъ, то мы имѣемъ передъ собою нѣкоторыя изъ основныхъ чиселъ вавилонско-египетскаго лѣтосчисленія въ этихъ памятникахъ, столь простыхъ въ геометрическомъ отношеніи и столь красивыхъ по плану.

Но въ чемъ-же заключалась мораль такой искренней вѣры и ея могучаго выраженія за 3000 лѣтъ до Р. Х.? Награда и наказаніе вѣчнаго судьи представляютъ великія нравственныя силы, которыя приводятся въ движеніе святостью жертвы и выполненіемъ предписаній. Книга, относящаяся къ пятой династіи — Библія кажется очень молодой въ сравненіи съ нею — проповѣдуетъ мораль древ-

няго народа. Выше всего она ставитъ повиновеніе правительству, которое надѣляетъ отеческимъ авторитетомъ. „Послушный сынъ будетъ счастливъ отъ своего послушанія; онъ достигнетъ преклоннаго возраста; онъ пріобрѣтетъ расположеніе всѣхъ.“ Можно-ли предполагать, что общество, которое смотритъ на себя такъ спокойно и ясно, возникло только при Менесѣ? Можно-ли считать случайностью, что такое же нравственное ученіе повторяется и у Конфуція? Позади этого „порога“ культуры лежатъ юный и зрѣлый возрасты.

Могла-ли эта культура произойти въ другомъ мѣстѣ? Вникая въ сущность египетской культуры, мы видимъ ясно, что на нее нельзя смотрѣть какъ на изолированное явленіе. Какъ-бы ни были своеобразны выра-



Пилоны Эдфу. Ср. текстъ, стр. 402.

женія ея, основныя идеи сходны съ тѣмъ, что̀ мы видимъ далѣе къ востоку — въ Передней и Южной Азіи. Письменность, религіозныя представленія, астрономическія и математическія знанія и техническіе пріемы, теократическое правленіе, раздѣленіе на касты, основныя формы архитектуры и скульптуры — все это лежитъ также и въ основѣ месопотамскихъ, восточно- и южно-азіатскихъ культуръ.

Доказательства происхожденія египтянъ внѣ Африки доставляются тремя группами фактовъ. Прежде всего, физическіе признаки указываютъ на связь съ народами западной Азіи и южной Европы; египтяне выдѣлялись своими постройками изъ всѣхъ прочихъ африканцевъ — раскрашивали-ли они ихъ въ черный цвѣтъ (обитатели юга), въ сѣрый (болѣе древніе) или въ бѣлый и красноватый (новѣйшіе ливійцы). Во вторыхъ, египетскій языкъ ни на памятникахъ древнѣйшей эпохи, ни въ позднѣйшихъ христіанскихъ рукописяхъ коптовъ не выказываетъ слѣдовъ родства съ африканскими языками; напротивъ, „почти невозможно не признать тѣсныхъ отношеній, какія нѣкогда существовали между египтянами и, такъ называемыми, индо-германскими и семитическими народами“ (Бругшъ). Наконецъ, ихъ древнѣйшія культурныя мѣстности лежатъ въ дельтѣ

Нила, въ расположенномъ периферически, въ сторону Аравіи, Финикіи и Палестины, короче, въ выдвигающемся къ западной Азіи и Средиземному морю, Нижнемъ Египтѣ, переходной странѣ между Азіей и Африкой. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся къ югу и вверхъ по Нилу, тѣмъ болѣе на памятникахъ исчезаетъ отпечатокъ древности, тѣмъ болѣе обозначается упадокъ стиля, красоты, техническаго искусства. Когда мы проникаемъ, наконецъ, въ Эѳіопію, гдѣ, по мнѣнію древнихъ, надо искать колыбель египетскаго народа, мы видимъ „самое безпомощное подражаніе египетскимъ знаніямъ во всемъ, что касается науки и искусства, и такова высшая точка умственныхъ способностей и художественнаго развитія эѳіоповъ“ (Бругшъ). Только Азія указываетъ въ различныхъ благопріятныхъ мѣстахъ раннія культурныя формы, между тѣмъ, какъ Африка, при самомъ усердномъ изученіи, выказываетъ лишь дополненія, первичность которыхъ остается сомнительной.

Трудность этого вопроса о происхожденіи заключается въ томъ, что египтяне, въ тотъ моментъ, когда они появляются въ исторіи, уже такъ рѣшительно связаны со своей почвой, что ихъ собственныя преданія, будто они коренные жители своей страны, находятъ практическое подтвержденіе. Отъ подвижности переселенцевъ не осталось уже никакого слѣда. Но эмиграціи и иммиграціи должны, конечно, касаться не цѣлыхъ народовъ, а лишь отдѣльныхъ частей его, сохраняющихъ старинный мѣстный характеръ, на которыхъ онѣ налагаютъ свой отпечатокъ, смотря по своей численности и силѣ. Это — то, что можно назвать колонизаціей. И здѣсь напрашивается выводъ, что народу, уже осѣдлому, распространившемуся по значительной части сѣверной и восточной Африки, сѣмена или ростки его культуры были занесены извнѣ, путемъ переселенія. Вопросъ о происхожденіи, слѣдовательно, долженъ былъ бы разрѣшиться такимъ образомъ: для большей части египетскаго народа чуждое происхожденіе доказано быть не можетъ. Но связь съ другими культурами предполагаетъ частныя переселенія изъ Азіи и продолжительныя сношенія съ нею. Такъ какъ въ древнія времена богатые культурные элементы перемѣщались только вмѣстѣ съ людьми, то и для этого народа можно считать несомнѣнной примѣсь азіатской крови.

Поѣздки египтянъ въ бальзамическую страну Пунтъ, откуда они сами выводили свое происхожденіе, на цѣлыя столѣтія предшествовали экспедиціямъ Соломона въ Офиръ. Египетъ не всегда былъ замкнутъ въ культурномъ отношеніи. Къ сѣверо-востоку отъ него находился наиболѣе легко распространявшійся народъ того времени — финикіяне, а къ сѣверу и западу — финикійскія колоніи. Относительно южной Аравіи не можетъ быть сомнѣнія, что не всегда пастухи степной части этого полуострова оказывали вліяніе, придававшее этой странѣ пассивный характеръ. Нѣкогда здѣсь могли свободнѣе заявлять себя плодородіе почвы, благопріятное положеніе для торговли и судоходства и болѣе густое населеніе. Кахтаниты южной Аравіи, быть можетъ, имѣли нѣкогда наибольшее сходство съ жителями географически лежавшей къ нимъ всего ближе Месопотаміи. Они обладали сложнымъ культомъ, религіозными памятниками въ изображеніяхъ и письменахъ, государственными учрежденіями, цвѣтущими городами. Надписи показываютъ намъ не мало высшихъ титуловъ правителей и болѣе мелкихъ начальниковъ, и кастообразное, исключительное положеніе отдѣльныхъ частей народа въ южной Аравіи было весьма древнимъ. На берегу южной Аравіи нѣкогда находились склады индійскихъ и восточно-африканскихъ товаровъ.

Но исторія взаимодѣйствій Египта и сосѣднихъ народовъ темна именно въ тѣхъ отдѣлахъ, которые особенно важны для нашего пониманія хода всемірной исторіи. Египетъ сталкивался съ государствами Месопотаміи, которыя мы должны представлять себѣ въ давней связи полученія и возвра-

щенія изъ общей культурной сокровищницы, исторически лишь въ сравнительно недавнее время. Но происхожденіе его культуры и его народа указываютъ на Азію. Внѣшнее звено въ цѣпи культуръ Стараго свѣта не можетъ просто примыкать къ остальнымъ; объясненіе его сущности всего скорѣе возможно лишь при такомъ предположеніи. На другомъ концѣ мы находимъ такую же замкнутую область столь же древней и, быть можетъ, еще древнѣйшей культуры въ Китаѣ и порожденныхъ имъ государствахъ — Японіи и Кореѣ. Энгельбертъ Кемпферъ, который въ Буддѣ видѣлъ бѣглаго жреца Изиды, по своей наивности, не сомнѣвался, что Египетъ и Китай были связаны тѣсными узами. Другіе видѣли въ Китаѣ совершенно самостоятельную форму развитія. Первое мнѣніе баснословно по внѣшнему выраженію, но справедливо по сущности; послѣднее, выразившееся въ оцѣнкѣ Пешеля, который считалъ китайцевъ автодидактами, противоположно европейцамъ, „воспитанникамъ исторически-похороненныхъ націй“, является не только не историческимъ, но и, что особенно важно, не географическимъ.

Такъ называемый деревенскій старшина, древне-египетская деревянная статуэтка въ Гизехскомъ музеѣ. Ср. текстъ, стр. 402.

Поразительно сходной съ Египтомъ оказывается страна между двумя рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, большой оазисъ, окруженный пустынями, но ограниченный съ сѣвера и востока возвышенностями, съ сходнымъ климатомъ, такой-же „даръ рѣки“, въ

двоякомъ смыслѣ, какъ наносная земля и какъ земля, плодородіе которой должно быть возбуждаемо наводненіями и искусственнымъ орошеніемъ, также съ помощью водочерпательныхъ колесъ. Сходство между обѣими странами такъ велико, что невольно напрашивается мысль о родствѣ. И здѣсь культура поднималась вверхъ по рѣкѣ, послѣ того, какъ она, въ дѣйствительности и въ миѳѣ, возникла изъ воды. Въ древнѣйшее время, лежащее даже позади древнѣйшаго Египта, мѣстопребываніемъ ея была Вавилонія и лишь позднѣе Ассирія, которая относится къ первой, какъ Верхній Египетъ къ Нижнему. Уже въ древнѣйшихъ слѣдахъ выступаетъ передъ нами высоко развитая, односторонне развившаяся клинообразная письменность, похожая на египетскіе іероглифы, происшедшіе изъ символическихъ изображеній. Вмѣстѣ съ ней мы видимъ такую же охоту къ рисунку, такую-же заботу о преданіи, также и монументальному, строющую пирамиды, чтобы сверху ихъ помѣщать храмы, но не столь прочные, какъ египетскіе, такъ какъ культура Месопотаміи работаетъ изъ глины, а египетская изъ камня. Вникая въ содержаніе этой культуры, мы встрѣчаемъ такую же власть многочисленнаго жреческаго сословія, къ которому, въ извѣстномъ смыслѣ, принадлежитъ и царь, словообильныя извѣстія котораго о побѣдахъ и тріумфальныхъ избіеніяхъ даже своимъ стилемъ напоминаютъ историческія таблицы фараоновъ. Не только религія, распространяющаяся на многія силы и явленія природы, среди которыхъ выше всего стояло солнце, но и высоко развитая астрономія, числительное и измѣрительное искусство были дѣломъ жрецовъ, отъ астрологіи и магіи которыхъ наука такъ же не могла освободиться, какъ и въ Египтѣ, хотя она и двинулась дальше въ области наблюденія.

Относительно древне-вавилонскаго искусства мы не имѣемъ такихъ точныхъ свѣдѣній, какъ о древне-египетскомъ; но мы знаемъ, что и здѣсь самыя совершенныя произведенія не были самыми поздними. Въ умственной даровитости вавилоняне и ассиріяне значительно уступали египтянамъ; ихъ необычайная роскошь болѣе благопріятствовала мелкому искусству. Спеціалистамъ историкамъ должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса объ аккадійцахъ и сумерійцахъ, которые, вѣроятно, были туранскими предшественниками и творцами вавилонско-ассирійской культуры. И для гиксовъ (см. ниже) средне-азіатское происхожденіе считается вѣроятнымъ. Вполнѣ ясны для насъ только семиты, какъ осѣдлые вавилоняне и ассиріяне и какъ халдеи, которые, въ видѣ номадовъ, вторгаются, покоряютъ и развиваютъ дальше богатыя сокровища творческихъ предшественниковъ.

Азія на югѣ и востокѣ взростила и другія культуры — индійскую и китайскую; представителями первой были арійцы, а послѣдней — народы монгольской расы. Тѣ и другіе не вымерли. Китайская культура по своей древности подходитъ всего ближе къ культурамъ хамитовъ и семитовъ, и многое въ ея глубокихъ слояхъ, въ слѣдахъ, носящихъ видимость извѣстной оригинальности, напоминаетъ Вавилонъ и Мемфисъ. Мы пришли бы къ ложному заключенію, если бы главный признакъ политической и культурной исторіи китайцевъ, такъ же, какъ и египтянъ, видѣли въ ихъ замкнутости; не слѣдуетъ обозначать слишкомъ рѣзко контрастъ между китайцами и обитателями периферическихъ странъ на западѣ и югѣ материка. Говорятъ обыкновенно: по ту сторону Белуртага все, сношенія и завоеванія, стремится къ западу, какъ мы это видимъ въ исторіи финикіянъ, Навуходоносора и Кира; по эту сторону довольствуются собою, и поэтому культура, благопріятствуемая природой, развивается здѣсь несравненно раньше, богаче и законченнѣе, но, безъ соперничества и опасностей, остается неподвижной. По поводу раздѣленія и возсоединенія арійской, халдейской и египетской культуръ, плодотворнаго обмѣна, которымъ вплетены были самыя богатыя нити въ ткань нашихъ культуръ, не можетъ

быть рѣчи о восточной сторонѣ Азіи. Китайцы не видѣли рядомъ съ собою ни одного народа, котораго могли-бы считать равнымъ себѣ и надъ которымъ не чувствовали-бы своего превосходства, благодаря тому, что было пріобрѣтено ими. Японія и Корея были только отростками китайской культуры. И на западѣ, а именно въ Египтѣ, по временамъ происходило нѣчто подобное; но здѣсь замкнутость не могла продолжаться такъ долго. Китайцы, японцы и корейцы — единственные народы, у которыхъ замкнутость длилась почти до настоящаго времени. Безспорно, она имѣла глубокое вліяніе на то, что сдѣлали китайцы, и отчасти на то, что они представляютъ собою.

Но они замкнулись не съ самаго начала и не съ сознательнымъ намѣреніемъ. Было время оживленнаго сношенія ихъ съ западомъ и съ востокомъ, которое принадлежитъ не только до-исторической эпохѣ. Великія силы вступали извнѣ въ китайскую жизнь, хотя безъ блеска и шума. Но, тѣмъ не менѣе, онѣ вмѣшивались въ нее. Въ замкнутой странѣ мы видимъ усиливающіеся буддизмъ и исламъ; еще могущественнѣе проявляло себя христіанство въ Несторіанскія времена и затѣмъ опять въ началѣ Манджурской династіи, благодаря торжествующимъ миссіонерамъ-іезуитамъ. Проникая въ сущность дѣла, самое важное въ культурѣ китайцевъ мы видимъ не обособленіе, а связь съ другими культурами. Впечатлѣніе, какое она оставляетъ сохраненіемъ унаслѣдованныхъ отъ давняго времени культурныхъ пріобрѣтеній или сообщеніемъ своихъ результатовъ другимъ народамъ, кажется намъ болѣе важнымъ, чѣмъ разъясненіе дѣйствій изолирующихъ вліяній, какія представляютъ намъ историческія тысячелѣтія Китая. Китай послѣднихъ тысячелѣтій живетъ въ молчаливой замкнутости, но общія основныя идеи древнихъ культуръ въ своемъ сочетаніи пріобрѣли извѣстное величіе. Онѣ принадлежатъ времени, которое столь отдалено отъ насъ, что исторія культурныхъ народовъ не достигаетъ до него, но повтореніе ихъ въ скудныхъ искаженныхъ достояніяхъ дикихъ народовъ показываетъ на древнія связи ихъ (см. т. I, стр. 18 и слѣд.). Не только въ этомъ случаѣ, но и въ изученіи каждаго культурнаго круга, даже и египетскаго, среди великихъ проблемъ высшее мѣсто всегда занимаетъ вопросъ объ его связяхъ и отношеніяхъ, о томъ, что онъ получалъ и отдавалъ въ приливахъ и отливахъ культурныхъ и умственныхъ теченій. Здѣсь спеціально-историческій интересъ становится человѣчно-историческимъ. Всѣ другіе вопросы имѣютъ для насъ только подготовительное значеніе.

Изъ тѣхъ культурныхъ средствъ, пріобрѣтеніе которыхъ китайское преданіе приписываетъ императору Хвангъ Ти, многія указываютъ на западную Азію. Этотъ миѳическій властитель, подобно сузіанскому божеству Накхунте, установилъ двѣнадцатилѣтній циклъ и раздѣлилъ годъ на 360 дней и 12 мѣсяцевъ, прибавивъ къ нимъ еще дополнительный мѣсяцъ. Названія мѣсяцевъ имѣютъ такое-же значеніе, какъ и въ древней Вавилоніи. Построенная имъ обсерваторія напоминаетъ подобныя же постройки вавилонянъ. Съ этими свѣдущими въ астрономіи западными азіатцами древній Китай раздѣляетъ не только предпочтеніе астроскопіи всѣмъ другимъ наукамъ, но и вплетеніе ея, въ видѣ астрологіи, во всѣ обстоятельства жизни. Изъ всѣхъ народовъ настоящаго времени одинъ китайскій поддерживаетъ то тягостное преобладаніе, какое принадлежало въ древности этой суевѣрной наукѣ въ Месопотаміи. И китайцы знаютъ пять планетъ, изъ которыхъ четыре носятъ имена, какія имъ съ такимъ-же значеніемъ придавались въ Вавилонѣ, и отсюда образовалась ткань примѣтъ и предсказаній, въ свою очередь, напоминающая западную Азію. При разсмотрѣніи общаго культурнаго достоянія справедливо придавали важное значеніе замѣчательному сходству астрономическихъ представленій, связывающему восточную, южную и западную Азію. Въ общемъ раздѣленіи зоны планетныхъ путей на 27 или 28 частей, которыя, по отношенію къ за-

путаннымъ путямъ луны, называются лунными остановками или стоянками, заключается ясное доказательство прежняго обмѣна идей. Звѣздный міръ этого пояса, правда, оставляетъ полный просторъ произволу въ выборѣ созвѣздій; тѣмъ не менѣе, раздѣленіе его у трехъ народовъ такъ сходно, что невозможно допустить первоначальнаго различія. Арабскій лунный кругъ, который въ немногихъ случаяхъ отступаетъ отъ другихъ, упоминается въ коранѣ, какъ общеизвѣстный. У индусовъ, лунный кругъ которыхъ выказываетъ наибольшія особенности, онъ восходитъ не далѣе 1150 лѣтъ до Р. Х. У китайцевъ онъ во всей древнѣйшей литературѣ предполагается общеизвѣстнымъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ существовалъ тамъ уже за 2300 лѣтъ до Р. Х. Должны-ли мы вмѣстѣ съ Рихтгофеномъ допустить общее происхожденіе этихъ фактовъ во внутренне-азіатскихъ первобытныхъ мѣстообитаніяхъ? Въ настоящую минуту мы можемъ только отмѣтить, что названный ученый, хорошо изучившій этотъ вопросъ, ищетъ первыя начала китайской культуры, за исключеніемъ несовершенной обработки земли и шелководства, не на китайской почвѣ. Вопросъ — откуда? находитъ отвѣтъ только на западѣ, и, такимъ образомъ, происхожденіе этой, повидимому, вполнѣ своеобразной культуры сближается съ корнями культуры западно-азіатской. Мы имѣемъ немного свѣдѣній о религіи, но выступленіе Шангти въ видѣ высшаго существа, наряду съ которымъ жертвы приносятся „шести почитаемымъ, горамъ и рѣкамъ и цѣлому полчищу духовъ“, напоминаетъ намъ, что въ сузіанскихъ текстахъ ниже высшаго божества стояли 6 меньшихъ божествъ. Если разсказъ о великомъ потопѣ можетъ быть сведенъ къ разливу Хоангхо, то во многихъ воспоминаніяхъ нельзя не признать месопотамско-библейское сказаніе о потопѣ. Но великій Ю, который вводитъ воды въ ихъ русла, при чемъ онъ, безъ отдыху проходя по странѣ, три раза минуетъ свою дверь, не входя въ нее, соотвѣтствуетъ основному представленію о божествѣ второй степени, которое заканчиваетъ твореніе и вновь приводитъ въ порядокъ вещи, уклонившіяся со своего пути.

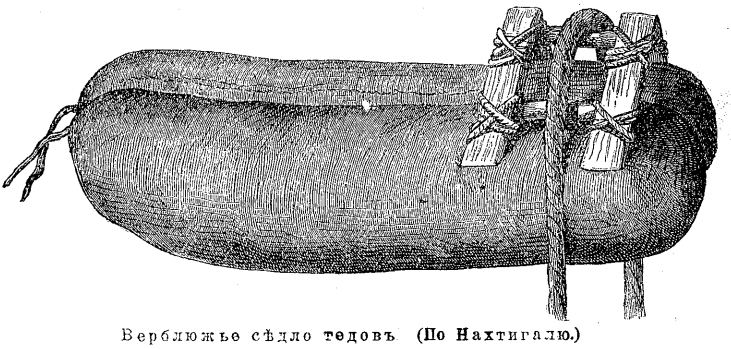
Китайцы, какъ земледѣльческій народъ, по исключительности и усердію, съ какимъ они предаются этому занятію, не имѣютъ соперниковъ. Ихъ древнія хроники часто упоминаютъ о „шести полевыхъ плодахъ“, основѣ земледѣлія. Подъ ними подразумѣваются три вида проса, рисъ, ячмень и бобы; родину большей части изъ нихъ ботаники видятъ въ западныхъ или южныхъ странахъ Азіи. Другіе виды хлѣбныхъ растеній, воздѣлываемые въ настоящее время въ Китаѣ, или введены были позднѣе, какъ, напр., маисъ и гречиха, или встрѣчаются лишь въ ограниченномъ распространеніи, благодаря позднѣйшему переселенію, что̀ можно сказать объ овсѣ въ сѣверномъ Китаѣ. Китайцы, повидимому, вообще согласны въ томъ, что въ упомянутыхъ „шести полевыхъ плодахъ“ слѣдуетъ видѣть первоначальное достояніе ихъ предковъ по отношенію къ видамъ хлѣбныхъ растеній. Нѣкоторые элементы китайской письменности указываютъ и на другой видъ земледѣлія, какой оно имѣло въ лѣсовыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго Китая и въ низинѣ Янтсе, орошаемой тропическими лѣтними дождями. Въ древнѣйшихъ идеографическихъ письменныхъ знакахъ, выражающихъ обыкновенные предметы, мы видимъ отношеніе къ водѣ, къ канавамъ, къ орошенію; отсюда выводились заключенія, что вода въ прежнихъ степныхъ мѣстообитаніяхъ, которыя должны были находиться къ западу отъ восточной Азіи, имѣла важное значеніе.

3. Кочевая жизнь пастушескихъ народовъ.

„И Измаилъ росъ, жилъ въ пустынѣ и становился хорошимъ стрѣлкомъ.“
Книга Бытія, XXI.

Содержаніе: Поясъ степей.—Соприкосновеніе областей кочевыхъ и культурныхъ народовъ.—Естественная почва кочевника. Ея постепенные переходы.—Переселенія и распространеніе. Насильственныя перемѣщенія цѣлыхъ народовъ. — Родина и границы. — Быстрое измѣненіе численности населенія. — Смѣшенія. — Хозяйство номадовъ. Богатство и бѣдность. Война и грабежъ. — Бѣглецы культуры. — Степная политика. — Переходъ къ осѣдлости. — Кочевое состояніе и культура.

Въ поясѣ, который тянется наискось всего Стараго Свѣта, отъ 10^0 до 60^0 с. ш. и отъ Атлантическаго до Тихаго океана, лежатъ пустыни и степи, къ которымъ древнія культурныя области прилегаютъ на подобіе оазисовъ. Тамъ живутъ народы, широко распространяющіеся, крайне подвижные, оказывающіе большое вліяніе на своихъ сосѣдей; въ области послѣднихъ они постоянно вторгаются, нарушаютъ ихъ границы и проникаютъ въ ихъ среду, поселяясь среди нихъ, покоряя ихъ, возмущая и разрушая ихъ культуру, между тѣмъ, какъ сами они при этомъ медленно пріобрѣтаютъ культурность. Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ для воспитанія человѣчества было то, что области пастушескихъ народовъ такъ тѣсно соприкасались въ Старомъ свѣтѣ съ областями народовъ культурныхъ, что исторія тѣхъ и другихъ совершенно неразрывна. Въ этихъ степяхъ переселеніе народовъ происходитъ постоянно. Это — страны пастбищъ, по которымъ проходятъ въ разныхъ направленіяхъ кочевыя орды, безъ прочныхъ мѣстъ обитанія, и, въ виду необходимости взаимной связи, имѣютъ тѣмъ болѣе крѣпкую организацію. Припомнимъ равнины юго-восточной Европы, гдѣ постоянно одинъ народъ тѣснилъ другой, гдѣ скиѳы гнали передъ собой кимерійцевъ, куда приходили сарматы послѣ скиѳовъ, авары послѣ сарматовъ, гунны послѣ аваровъ, татары послѣ гунновъ, турки послѣ татаръ. Присматриваясь къ этимъ приливамъ и отливамъ, мы припоминаемъ слова Генриха Барта въ виду развалинъ Гарò, древней столицы сонргаевъ: „я былъ глубоко потрясенъ зрѣлищемъ этихъ удивительныхъ и таинственныхъ народныхъ волнъ, которыя неудержимо слѣдовали одна за другою и исчезали, едва оставляя слѣдъ своего пребыванія, не отмѣчая, повидимому, никакого прогресса въ общей жизни“.

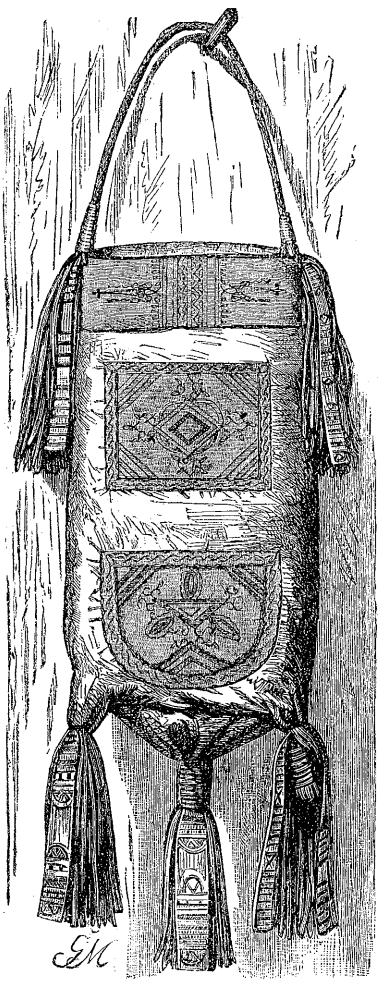


Верблюжье сѣдло тедовъ (По Нахтигалю.)

Мы уже выше (т. I, стр. 131) бѣгло коснулись проблемы кочевничества и отмѣтили болѣе ясное пониманіе его роли въ томъ, что ему предназначена была необходимая задача въ развитіи большихъ политическихъ силъ.

Подъ словомъ „кочевая жизнь“ подразумѣвается не одно и тоже. Перемѣна мѣстъ охотничьей бушменской орды отличается отъ пастушеской жизни масаевъ и арабовъ; тегуэльчи южной Патагоніи, несмотря на обладаніе лошадьми, вполнѣ отличаются отъ странствующихъ абипонцевъ и еще болѣе

отъ киргизовъ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только богатыхъ стадами кочевниковъ — великую двигательную силу въ исторіи Стараго Свѣта. Это — пастушескіе народы, значительная численность которыхъ увеличивается ихъ подвижностью, съ добродѣтелями и пороками закаленныхъ воинственныхъ племенъ; хотя они и пользуются существенными элементами культурной сокровищницы своей эпохи, но это не мѣшаетъ имъ, когда ихъ понуждаетъ бичъ нужды, переходить свои границы и опустошать культурную почву, подобно летучему песку ихъ степей.



Дорожный мѣшокъ для провизіи (козья шкура) изъ Тимбукту. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/12 наст. велич.

Такъ какъ подъ давленіемъ необходимости, даже въ лучшихъ странахъ стоянка черезъ каждыя двѣ-три недѣли перемѣщается на 1—2 мили, и кочевникъ бываетъ болѣе или менѣе подвижнымъ, въ зависимости отъ богатства мѣстности, то онъ вполнѣ нигдѣ не прикрѣпленъ къ землѣ. Часто захваты другихъ племенъ заставляютъ его покидать богатыя пастбища или, по меньшей мѣрѣ, препятствуютъ полному пользованію ими. У арабовъ-гассаньэ въ Сеннаарѣ, обладающихъ самыми роскошными пастбищами по рѣчному берегу и разводящихъ козъ, овецъ, коровъ и верблюдовъ въ такомъ количествѣ, что самыя благородныя породы лошадей и верблюдовъ до третьяго года жизни питаются только молокомъ, въ нѣкоторые годы многочисленные арабы-кабабишъ изъ западныхъ странъ въ короткое время вытравляютъ всю страну. Случается нерѣдко, что для отдѣльныхъ группъ кочевниковъ, благодаря враждебнымъ племенамъ, возможность пастушеской жизни становится совершенно немыслимой. Племя абабдеховъ, живущее между Ниломъ и Краснымъ моремъ, въ Верхнемъ Египтѣ, Сеннаарѣ и Таккѣ, прежде поставляло верблюдовъ между Кенехомъ и Кузеромъ, Короско и Абу Гаммедомъ, Деббе и Хартумомъ. Остатки его въ настоящее время на Красномъ морѣ занимаются рыбной ловлей и сами разносятъ соленую рыбу по внутреннимъ странамъ; другіе бродятъ тамъ въ видѣ мелкихъ торговцевъ. Ведущіе осѣдлую жизнь въ Нильской долинѣ живутъ вмѣстѣ въ деревняхъ и занимаются земледѣліемъ. Нѣкоторые промышляютъ выжиганіемъ угольевъ, собираніемъ сучьевъ и степныхъ лѣкарственныхъ травъ. Изъ нихъ осѣдлые жители городовъ существуютъ ремеслами и торговлей. Многіе, наконецъ, служатъ на телеграфѣ въ Аравійской пустынѣ.

Только сильное умноженіе стадъ дѣлаетъ кочевую жизнь возможной въ хозяйственномъ отношеніи. Въ сущности, это — плохое хозяйство: оно поглощаетъ много времени, заставляетъ тратить силы на безполезныя движенія и уничтожаетъ полезныя вещи. Пустынныя и луговыя страны вполнѣ различны по своей способности прокармливать населеніе; но и наибольшее богатство пастбищъ пастухи умѣютъ тѣмъ менѣе полагать въ основу обезпеченнаго состоянія, что они живутъ среди при-

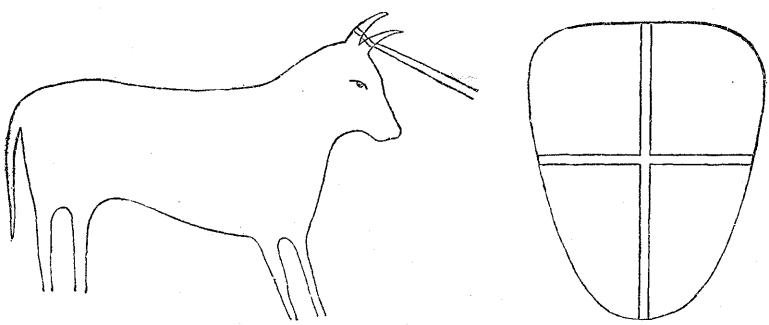
роды, которая слѣпо уничтожаетъ человѣческія произведенія, если не противопоставить ей терпѣливой работы. Пастуха повсюду отличаетъ извѣстная небрежность, противоположная трудолюбію земледѣльца. Фатализмъ ислама исходитъ изъ пастушескихъ шатровъ Аравіи. Безъ сомнѣнія, множество культурной работы уничтожается безпечностью или задорностью народовъ. Между тѣмъ, природа властвуетъ по прежнему. Во многихъ мѣстахъ внутренней Азіи и сѣверной Африки поясъ летучаго песку замѣтно подвигается впередъ. По дорогѣ Карши-Бурадаликъ песокъ постепенно покрываетъ страну, и всей культурѣ на правомъ берегу Аму въ недалекомъ будущемъ грозитъ полное уничтоженіе: могучіе тополи и высокіе тамарисковые кусты наполовину уже засыпаны пескомъ.

Человѣкъ первобытной культуры не могъ обитать въ пустыняхъ и степяхъ. Въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ степь представляетъ плодородную почву, она требуетъ доставки извнѣ растеній, которыя дали бы возможность пользоваться этимъ плодородіемъ для цѣлей человѣка, требуетъ искусственнаго орошенія, усиленной обработки, однимъ словомъ, — подвинувшагося земледѣлія и оживленныхъ сношеній. Но тамъ, гдѣ степь выступаетъ въ пустынномъ, безплодномъ видѣ, исключается возможность жизни для человѣка, если онъ еще не сумѣлъ подчинить себѣ выносливость верблюда или быстроту лошади. Она и въ настоящее время представляетъ еще пространство, совершенно лишенное дорогъ, и во многихъ частяхъ во всякое время въ самомъ сухомъ періодѣ доступна только наѣздникамъ верблюдовъ, снабженнымъ всѣмъ необходимымъ. У насъ нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о продолжительности заселенія Сахары. Но такъ какъ лошадь и верблюдъ произошли внѣ Африки, то оно стало возможнымъ лишь тогда, когда оживленныя сношенія съ Азіей доставили кораблей пустыни. Древнѣйшій египетскій памятникъ въ Ливійской пустынѣ приписывается Тутмозису II, а до египтянъ здѣсь жили берберы; впрочемъ, это — одна изъ самыхъ доступныхъ частей пустыни. Римляне нашли Феццанъ и, быть можетъ, Тибести уже обитаемыми, и карѳагеняне пополняли свою кавалерію изъ племенъ пустыни. Такимъ образомъ, всѣ эти данныя указываютъ на доисторическое время. Находки каменныхъ орудій, несомнѣнно, были сдѣланы въ пустынѣ, въ различныхъ частяхъ ея и въ большомъ числѣ. Множество обтесанныхъ кремневыхъ осколковъ встрѣчалось во впадинѣ между Атласомъ и Хаггарскими горами, а Циттель находилъ ихъ внутри Ливійской пустыни. Каменныя орудія указывались отъ шоттовъ и отъ окрестностей Тлемсена на сѣверѣ до 27° с. ш., отъ Дахеля и Куфры на востокѣ до западнаго Марокко. На протяженіи отъ Бискры черезъ Туггуртъ до Варглы Рабурденъ нашелъ въ 18 раскопкахъ, между 32° и 27° с. ш., 367 кремневыхъ орудій. Но мы знаемъ шлифованныя каменныя вещи изъ Таудени. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ Сахара представляетъ полную пустыню, находятся другіе слѣды постояннаго обитанія. Въ Сахарѣ извѣстны передовыя укрѣпленія, сторожевыя башни, замки римскихъ временъ, а при Варглѣ и Вади Мійѣ открыты были развалины городовъ берберской, до-арабской эпохи. Французы достаточно доказали, какихъ успѣховъ можно достигнуть среди пустыни прорытіемъ колодцевъ. И въ прежнія тысячелѣтія въ Киренаикѣ и Тунисѣ культура была несомнѣнно интенсивнѣе; опустошеніе лѣсовъ и уничтоженіе древнихъ водопроводовъ повели къ уменьшенію пространства страны, годнаго для

Путы для верблюдовъ у нубійцевъ. (Коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.) 1/8 наст. величины.

земледѣлія. Извѣстное значеніе имѣютъ, вѣроятно, и многочисленныя изваянія на скалахъ, которыя указываютъ на существованіе горбатаго и обыкновеннаго рогатаго скота, а также страусовъ и слоновъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя нынѣ ничего не знаютъ объ этихъ животныхъ. Г. Бартъ находилъ такія изваянія въ большомъ числѣ въ западномъ Феццанѣ, по дорогѣ изъ Мурзука въ страну Аиръ. Изображенія на скалахъ съ рогатымъ скотомъ и Нахтигаль изобразилъ съ точностью въ средоточіи страны тиббусовъ, въ Тибести (см. рис. ниже). Мы не будемъ выводить отсюда поспѣшнаго заключенія, что рогатый скотъ здѣсь въ древнее время служилъ исключительно вьючнымъ животнымъ, вмѣсто верблюда (верблюда нѣтъ во всѣхъ этихъ каменныхъ изображеніяхъ, такъ же, какъ и въ древне-египетскихъ), но хотимъ указать только, что прежнее пребываніе рогатаго скота заставляетъ предполагать здѣсь другой климатъ и другія жизненныя условія.

Стада сѣверныхъ оленей, рогатаго скота, лошадей и пр. быстро увеличиваются и столь-же быстро убываютъ отъ чумы и голода. Этимъ объясняется порывистость въ исторіи кочевыхъ пастушескихъ народовъ. Америка въ до-европейскую эпоху не знала пастушескихъ народовъ, а уже въ началѣ прошлаго столѣтія равнины области Ла-Платы, по описаніямъ, кишѣли лошадьми. Быстрое размноженіе дикихъ лошадей заставляло народы завладѣвать ими. Тотъ, кто хотѣлъ увеличить количество своего скота, высылалъ наѣздниковъ, которые въ короткое время пригоняли нѣсколько тысячъ лошадей. Добрицгоферъ видѣлъ, какъ табунъ въ 2000 лошадей былъ проданъ за кусокъ бумажной ткани. И въ Сѣверной Америкѣ съ начала нашего вѣка, гдѣ изъ племенъ около Плетъ Райвера лошадей имѣли только паунисы, пользованіе лошадьми распространилось необычайно быстро.



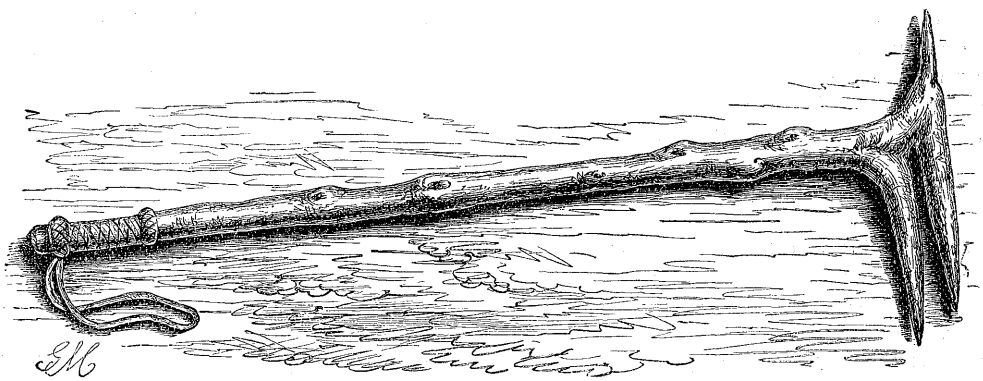
Изваянія на скалахъ въ Тибести. (По Нахтигалю.)

Мясо и молоко составляютъ, въ сущности, пищу пастуховъ. Рядомъ съ тѣмъ, въ Африкѣ и западной Азіи во многихъ оазисахъ въ изобиліи растутъ финики, которые, впрочемъ, иногда достаются не тѣмъ, кто ихъ воздѣлываетъ, а хищнымъ сосѣдямъ. Во внутренней Азіи собираютъ жатву съ скудныхъ полей проса и ячменя. Голодовки и большая убыль населенія встрѣчаются слишкомъ часто. Великимъ стимуломъ всѣхъ этихъ передвиженій въ концѣ концовъ бываетъ всегда недостаточность продовольствія, постоянная или временная, общераспространенная или мѣстная. Въ пустынѣ люди, почти такъ же, какъ и растенія, осуждены на скудное существованіе. Не только для ихъ благосостоянія, но и для пропитанія, существуютъ узкія границы. Все зависитъ отъ скудной влажности. Земледѣлецъ въ Сахарѣ связанъ съ опредѣленнымъ количествомъ воды, какое доставляетъ его источникъ или колодезь. Дождь не всегда приноситъ ему непосредственную пользу; онъ слишкомъ неправиленъ для того, чтобы на немъ можно было основывать какіе-либо разсчеты, и иногда является даже нежелательнымъ. Дождь можетъ размыть глиняныя хижины и оросительныя плотины, а также повредить культурѣ финиковыхъ пальмъ, растворяя соли почвы и принося ихъ въ концентрированномъ видѣ

къ корнямъ. Отсюда легко понять, почему жители пустыни дождевую воду называютъ мертвой, а колодезную — живой. Количество воды, какое можно извлечь изъ нѣдръ земли, не является неограниченнымъ; оно колеблется, смотря по притоку, доставляемому дождями или горными ручьями, и смотря по заботливости человѣка. Порча или уничтоженіе колодца можетъ нарушить существованіе цѣлаго селенія. Цѣпь, связывающая все человѣчество съ природой, нигдѣ не тяготѣетъ надъ нимъ въ такой степени, какъ въ пустынѣ. По исчисленію Пржевальскаго, населеніе въ 550 семействъ въ области Лобъ-Нора понизилось до 70 семействъ, съ 300 душъ въ 11 деревняхъ. Но и при этомъ уменьшенномъ числѣ плодовитость семействъ невелика, вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Многочисленные дѣти и внуки библейскихъ патріарховъ рѣдко встрѣчаются и при благопріятныхъ обстоятельствахъ; скорѣе искусственныя ограниченія численности населенія принадлежатъ къ первичнымъ государственнымъ мѣрамъ у обитателей пустыни. Они рѣдко выступаютъ съ такой ясностью, какъ въ Ливійскомъ оазисѣ Фарафра, гдѣ, согласно Рольфсу, мужское населеніе никогда не превышаетъ 80 человѣкъ, „такъ какъ это опредѣлено ихъ шейхомъ Мурзукомъ“. Легко понять, что въ тѣсныхъ округахъ взглядъ изощряется относительно соразмѣрности или несоразмѣрности между почвой и численностью населенія. А для тѣхъ, кто передвигается въ обширныхъ границахъ, предѣлы ставятся скудостью вспомогательныхъ средствъ; этимъ объясняются незначительное число дѣтей у тюркскихъ племенъ, быстрый упадокъ монголовъ и, быть можетъ, также легкость, съ какою установилось безбрачіе у кочевниковъ буддистовъ, чему, впрочемъ, способствуютъ и китайцы изъ политическихъ причинъ. Продолжительныя внутреннія войны, безъ сомнѣнія, также содѣйствуютъ убыли населенія.

Къ внутреннимъ передвиженіямъ присоединяется чисто механическое, быстрое измѣненіе численности населенія. Мервскіе текинцы насчитывали до покоренія ихъ Россіей 50 тыс. кибитокъ, т. е. 250 тыс. душъ. Въ 30-хъ годахъ говорили только о 10 тыс. кибитокъ. Съ тѣхъ поръ салыры, съ 2 тыс. семействъ, были вынуждены примкнуть къ нимъ, и произошелъ приливъ многочисленныхъ туркменъ изъ Ахала. Несмотря на свою опытность въ степной политикѣ, русскіе были поражены ихъ численностью. Примѣръ крайне быстраго уменьшенія представляетъ исторія области Или. Когда китайцы завоевали ее въ срединѣ прошлаго столѣтія, они нашли ее почти безлюдной. Они приступили съ особой энергіей къ ея колонизаціи, которая въ короткое время создала здѣсь такую пеструю смѣсь людей, какая рѣдко можетъ быть создана искусственно въ другомъ мѣстѣ. Въ укрѣпленіяхъ были помѣщены манджурскіе и китайскіе гарнизоны; изъ Восточнаго Туркестана были приведены земледѣльцы татары, которые здѣсь извѣстны подъ именемъ „таранчей“; затѣмъ были выведены сюда шибеи и солоны (тунгусы) изъ сѣверной Манджуріи, образовавшіе военную границу, подъ командою манджуровъ. Многочисленные преступники высылались сюда изъ Китая, а также сдѣлавшіеся впослѣдствіи опасными дунганы, т. е. китайцы-магометане. Самымъ презрѣннымъ элементомъ были чампаны, ссыльные южно-китайскаго происхожденія. Въ 1865 г., во второй разъ въ теченіе одного столѣтія, китайское населеніе подверглось избіенію тысячами. За возстаніемъ дунганъ послѣдовало въ 1871 г. возстаніе таранчей, во время котораго въ самой Кульджѣ и вокругъ нея въ одну ночь было умерщвлено до 2 тыс. дунганъ. Сравнивая русскія данныя о населеніи 1871 г. съ исчисленіемъ Радлова 1862 г., мы видимъ убыль населенія на одну десятую. Такимъ же перемѣнамъ Восточный Туркестанъ подвергался нѣсколько разъ въ послѣднія десятилѣтія. Въ 60-хъ годахъ освобожденіе отъ Китая началось массовымъ избіеніемъ китайскихъ колонистовъ, и, послѣ обратнаго китайскаго завоеванія въ срединѣ 70-хъ годовъ, тамъ оставались сотни безлюдныхъ татарскихъ деревень.

Пустыни и степи не совсѣмъ недоступны и для отдѣльныхъ лицъ. Торговецъ, гонецъ, разбойникъ и т. п. проѣзжаютъ черезъ пустыню на быстрой лошади или верблюдѣ. Но эти сношенія затруднительны, и дорогъ, проложенныхъ ими по пустынѣ, немного. Даже и для такихъ людей нѣкоторыя части пустыни являются препятствіями, которыя потомъ кажутся другимъ непреодолимыми. Вспомнимъ о песчаномъ пространствѣ между Ливійской пустыней и дорогой изъ Триполи въ Мурзукъ или о Таримской степи, которою только въ послѣдніе годы проѣзжаютъ смѣлые путешественники. Противоположность съ этимъ осторожнымъ движеніемъ составляютъ экспедиціи большихъ кочевыхъ ордъ, страшную силу которыхъ по преимуществу внутренняя Азія распространяла на всѣ сосѣднія страны. Номады этой области, какъ, напр., Аравіи и Сѣверной Африки, соединяются подвижностью своего образа жизни въ организацію, направляющуюся къ одной цѣли. Именно кочевое состояніе отличается легкостью, съ которою изъ патріархальной племенной связи развивается



Пастушескій посохъ и палица нубійцевъ. (Хагенбековская коллекція въ Гамбургѣ.) $^1/_{10}$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 419.

деспотическое правленіе, власть котораго распространяется на обширное пространство. Отсюда исходятъ массовыя движенія, которыя относятся къ другимъ движеніямъ, происходящимъ въ человѣчествѣ, какъ вздувшіеся потоки къ постояннымъ, но раздробленнымъ струямъ какого-либо источника. Ихъ историческое значеніе выступаетъ изъ исторіи Китая, Индіи и Персіи съ не меньшею ясностью, чѣмъ изъ исторіи Европы. Такъ же, какъ кочевники бродили по своимъ пастбищамъ съ женами и дѣтьми, рабами, повозками, стадами и всѣмъ своимъ добромъ, они проникали и въ сосѣднія страны; если этотъ балластъ ограничивалъ ихъ быстроту, то онъ увеличивалъ ихъ массу. Это заставляло бѣжать отъ нихъ испуганныхъ туземцевъ, и они, какъ лавина, катились по покореннымъ странамъ, опустошая ихъ. Такъ какъ все имущество у нихъ было съ собою, то они вмѣстѣ съ нимъ осаживались на новомъ мѣстѣ; мѣста ихъ прикрѣпленія пріобрѣтали, вслѣдствіе того, этнографическое значеніе. Припомнимъ вторженіе мадьяровъ въ Венгрію, манджуровъ въ Китай или тюркскихъ народовъ въ область отъ Персіи до Адріи.

Передвиженія въ ту и другую сторону въ обычномъ кругѣ по старому обычаю могли продолжаться долго, пока привычка къ перемѣщенію не направлялась разомъ къ новой цѣли. Что касается дѣйствующей при этомъ причины, то достаточно указать только, какъ часто лучшія страны бывали цѣлью опустошительныхъ переселеній. Такъ, черноземныя степи южной Россіи служили цѣлью для номадовъ, расположенныхъ далѣе къ востоку, въ солончаковыхъ степяхъ, или плодородныя равнины Китая, — для обитателей суровой внутренней Азіи, или же Индія — для арійцевъ и

туранцевъ запада или, наконецъ, солнечныя долины Греціи и Италіи — для сѣверныхъ народовъ галльскаго, германскаго или славянскаго племени. Нѣкоторые случаи быстраго перемѣщенія исторія позволяетъ видѣть довольно ясно. 50 лѣтъ тому назадъ мервскіе текинцы жили на Герирудѣ; когда они были вытѣснены персами за свои разбойничьи нападенія, центръ тяжести ихъ передвинулся къ Сараксу, а въ концѣ 50-хъ годовъ они отступили и бросились отсюда на ослабѣвшихъ именно въ это время мервскихъ сарыковъ, разогнали, уничтожили или поглотили ихъ и прочно утвердились въ Мервѣ. Но довольно вѣроятно, что они здѣсь однажды жили и прежде. Мервъ подобныя перемѣны видалъ уже часто. Когда онъ еще принадлежалъ Персіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, все населеніе было уведено въ Бухару, и сарыки, которые потомъ усѣлись тамъ, были изгнаны текинцами еще изъ прежнихъ мѣстъ обитанія, а тѣ, въ свою очередь, въ началѣ 70-хъ годовъ увеличили свою силу съ помощью салыровъ и затѣмъ этими послѣдними вынуждены были вновь переселиться въ Мервъ. Такія принудительныя перемѣщенія были всегда сильнымъ орудіемъ властителей на степныхъ границахъ. И Хива въ прежнее время старалась привязать къ землѣ часть каракалпаковъ на островахъ Аральскаго моря и позднѣе въ дельтѣ Аму. Нѣчто подобное тому произошло, когда, послѣ возвращенія Кульджи Китаю (въ 1881 г.), русскіе выбрали изъ оренбургскихъ и сибирскихъ казацкихъ отрядовъ 800 семействъ и поселили ихъ, на разстояніи 2000 верстъ, на новой границѣ.

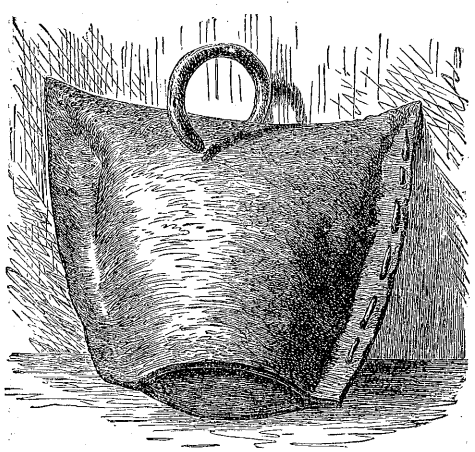
Причины толчка часто могутъ исходить издалека; появленію кочевыхъ ордъ на западной границѣ степной области могутъ соотвѣтствовать перемѣщенія на дальнемъ востокѣ, производящія, такимъ образомъ, давленіе на обширномъ разстояніи. Трудно было-бы понять, какимъ образомъ подобный толчокъ приводитъ въ сотрясеніе звенья всей цѣпи народностей между Амуромъ и Волгой, если-бы вся внутренне-азіатская область была обитаема ими. Въ такомъ случаѣ, толчокъ съ дальняго востока являлся бы ударомъ по сосуду, откуда струи разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ. Но кочевники внутренней Азіи населяютъ плотно только цѣпи мѣстностей, раздѣленныхъ пустынями, горами и культурными оазисами, и такъ какъ давленіе происходитъ, главнымъ образомъ, между югомъ и сѣверомъ, то легко объяснить распространеніе въ восточно-западномъ направленіи.

Исторія внутренне-азіатскихъ номадовъ показываетъ, что собственное желаніе рѣже, чѣмъ посторонній толчокъ, вело къ переходу черезъ границы, которыя, во всякомъ случаѣ, проводились чрезмѣрно широко. Однимъ изъ послѣдствій этого передвиженія черезъ другіе народы съ теченіемъ времени должно было явиться пестрое смѣшеніе расъ. Тамъ, гдѣ эндогамическіе обычаи не преобладаютъ, какъ, напримѣръ, у гальчей, смѣшенія такъ многочисленны и распространены, что наблюдатели съ болѣе проницательнымъ взглядомъ давно уже отчаявались встрѣтить здѣсь чистыя расы. Среди такъ называемыхъ „чистыхъ башкировъ“ мы находимъ тептерей, въ отдѣльныхъ группахъ которыхъ перевѣшиваетъ то башкирская, то тюркско-татарская кровь. Такое сравнительно небольшое мѣсто, какъ область Или, заключаетъ, наряду съ китайцами, монголами и киргизами, не менѣе трехъ смѣшанныхъ расъ — таранчей (татаръ и арійцевъ), дунганъ (вѣроятно, уйгуровъ и китайцевъ) и себесовъ (монголовъ и китайцевъ). Кромѣ того, тамошніе каракиргизы имѣютъ вполнѣ монгольскую внѣшность. Всѣ тюркскіе народы выказываютъ слѣды смѣшенія. Похищеніе женщинъ, съ своей стороны, содѣйствуетъ сглаживанію расовыхъ различій, которыя сами по себѣ вовсе не глубоки.

Съ основательнымъ воззрѣніемъ, въ силу котораго степь на всемъ своемъ пространствѣ является родиной номадовъ, никакъ не должно быть связываемо отрицаніе сознанія соотвѣтствующаго понятія о

родинѣ осѣдлыхъ людей. Покореніе или происхожденіе отводило для отдѣльныхъ племенъ, группъ или семействъ луговыя пространства, по которымъ они кочуютъ изъ года въ годъ, гдѣ они находятъ свои пастбища, пахотныя земли, мѣстности съ источниками, сборныя мѣста, охотничьи участки, области для грабежа и во многихъ случаяхъ мѣста убѣжища. Даже свободолюбивые степные туркмены должны были признать силу общихъ интересовъ въ пользованіи приспособленіями для орошенія и питаемой ими культурной мѣстностью. Тѣмъ не менѣе, вода, это первое условіе жизни въ пустынѣ, остается предметомъ частыхъ столкновеній.

Киргизъ-кайсаки не распространяли своихъ странствованій далѣе Алтая на сѣверѣ, Алая на юго-востокѣ и рѣки Урала на западѣ. Довольно точную южную границу составляли степные холмы на сѣверѣ Коканда и Бухары. У монголовъ болѣе крупныя группы улусовъ имѣютъ опредѣленныя области, гдѣ небольшіе отдѣлы кочуютъ по пастбищамъ, давно уже принадлежащимъ имъ; но при этомъ лѣтнія и зимнія пастбища могутъ отстоять другъ отъ друга на 30 миль и болѣе. Такъ, не только племя каракиргизовъ сидитъ съ XVI в. на Иссикулѣ, но отдѣльные роды со времени нѣсколькихъ десятилѣтій пользуются одними и тѣми же лугами. Рѣзко опредѣленными и прочными эти границы были, конечно, тогда, когда природа подняла гребные хребты и создала широкія рѣки или ряды дюнъ.

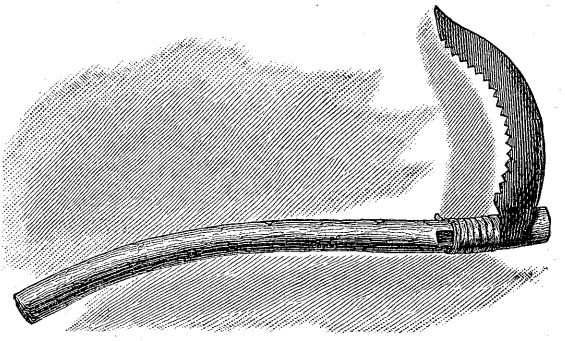


Караванный колоколъ изъ Кордофана. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/5 наст. велич.

Кочевникъ, въ качествѣ пастуха, есть экономическое, а въ качествѣ воина — политическое понятіе. Ему всегда легко отъ любой дѣятельности перейти къ дѣятельности воина или разбойника. Все въ жизни имѣетъ для него мирную и воинственную, честную и хищническую сторону; смотря по обстоятельствамъ, онъ берется за ту или за другую. Даже рыболовство и мореходство превратились въ рукахъ восточно-каспійскихъ туркменъ въ морское разбойничество. Каждая область пастбищъ туркменскаго племени граничила нѣкогда съ широкой полосой, которую можно было назвать областью его разбоевъ. Весь сѣверъ и востокъ Хорассана въ теченіе десятилѣтій принадлежалъ болѣе туркменамъ, іомудамъ, гокланамъ и другимъ племенамъ пограничныхъ степей, чѣмъ персіянамъ, господство которыхъ было только номинальнымъ. Точно также пограничныя области Хивы и Бухары были удѣломъ разбойничьихъ экспедицій текинцевъ, пока не удалось другія туркменскія племена силой или подкупомъ поселить въ этомъ промежуткѣ въ видѣ буферовъ. Исторія цѣпи оазисовъ, связывающей восточную и западную Азію черезъ степи центральной Азіи, гдѣ съ древнихъ временъ китайцы господствовали, благодаря обладанію всемірно-историческими мѣстами, вродѣ оазиса Хами, представляетъ безчисленные примѣры того же явленія. Всегда номады съ юга и съ сѣвера пытались укрѣпиться на островахъ плодородной земли, которые могли казаться имъ „островами блаженныхъ“, причемъ каждой ордѣ, удалялась-ли она послѣ успѣшнаго нападенія или бѣжала, будучи разбитой, открывалась охранявшая ее степь. Если даже самая опасная угроза устранялась упорно продолжавшимся ослабленіемъ монголовъ и фактическимъ покореніемъ Тибета, то послѣднее возстаніе дунганъ (см. стр. 415) показало, какъ легко волны подвижныхъ народовъ сталкиваются надъ этими культурными островами.

Только уничтоженіе кочевничества, которое невозможно, пока въ центральной Азіи будутъ существовать степи, могло бы вполнѣ обезпечить существованіе этихъ острововъ.

Ходъ, повидимому, мирнаго пастушескаго существованія опредѣляетъ и ходъ войны; пастушескій посохъ (см. рис., стр. 416) становится оружіемъ. Осенью, когда лошади возвращаются, укрѣпившись на пастбищѣ, и вторая стрижка овецъ окончена, кочевникъ обдумываетъ, какой походъ, съ цѣлью мести или грабежа (баранта, буквально—дѣлать скотъ, похищать скотъ), онъ откладываетъ до тѣхъ поръ. Это — выраженіе кулачнаго права, которое въ правовыхъ спорахъ, въ честной торговлѣ и въ кровавой мести требовало задатковъ и залоговъ самымъ цѣннымъ имуществомъ, какимъ обладалъ непріятель, а именно — его стадами. Молодые люди, не участвовавшіе ни въ одной барантѣ, должны сперва пріобрѣсти себѣ имя батыря, героя, и право на почетъ и уваженіе. Къ удовольствію приключенія присоединяется наслажденіе обладанія, и такимъ образомъ развивается тройной рядъ ступеней, ведущій книзу, — мстителя, героя и разбойника. Несомнѣнно, на низшей ступени стоятъ аламаны туркменовъ, организованныя разбойничьи экспедиціи въ персидскія пограничныя области; эти аламаны, въ видѣ отпрысковъ прошлыхъ тысячелѣтій, напоминаютъ намъ старинную кровавую вражду между Ираномъ и Тураномъ. Историческая роль самыхъ воинственныхъ и подвижныхъ тюркскихъ племенъ почти вполнѣ выразилась въ попыткахъ разрушить иранскій культурный кругъ. Экспедиціи сдѣлались менѣе значительными, но похищеніе людей и воровство еще болѣе выступили на первый планъ. Между тѣмъ, какъ баранты имѣли, въ видѣ болѣе глубокой основы, сравнительно благородный мотивъ, аламаны, какъ всѣ нравы кочевниковъ на культурной границѣ, которая манитъ ихъ возможностью грабежа, выказывали склонность къ вырожденію въ низшія формы. Если можно сказать, что между Каспійскимъ моремъ и сѣверно-персидскими пограничными горами, между замкнутыми силами Россіи, Персіи и ханствъ, позади многочисленной и воинственной массы киргизовъ великой степи, положеніе туркменъ въ одномъ изъ самыхъ скудныхъ угловъ центральной Азіи было отчаяннымъ, то нельзя сказать того-же о разбойничьихъ сосѣдяхъ Китая, которымъ по ту сторону древнихъ границъ имперіи, передъ знаменитой стѣною, принадлежали превосходныя пастбища. Заманчивость богатствъ въ культурной странѣ, съ одной, лѣность и фантастическая страсть къ приключеніямъ, съ другой стороны, на всѣхъ этихъ пограничныхъ линіяхъ превращали номадовъ въ обыкновенныхъ разбойниковъ.



Татарская коса. (Музей народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.)

Въ степи направляются и культурные бѣглецы, имѣющіе основательныя причины покидать свою родину. Они увеличиваютъ число кочевниковъ часто до опасныхъ размѣровъ. Тамъ рѣдко случаются благопріятныя переселенія, несущія съ собой культуру, вродѣ переселенія русскихъ старообрядцевъ, которые, отыскивая свою обѣтованную землю—Бѣлыя Воды, въ 1861 г. дошли до Тарима. Китайскіе производители и курильщики опіума въ Монголіи, послѣ запрещенія изготовленія его въ Китаѣ, содѣйствовали увеличенію волны переселенія, направлявшагося къ западу. Но именно къ переселенію китайскихъ земледѣльцевъ примыкаютъ многочисленные менѣе благопріятные элементы или исходятъ изъ него. Бродячіе китайцы,

люди, не имѣющіе родины, дезертиры, бѣглые преступники приходятъ толпами каждую осень къ Далай-Нору, чтобъ наловить себѣ тамъ запасъ рыбы на зиму. Прокаженные составляютъ небольшія общества, связанныя одинаковостью судьбы, которая не позволяетъ имъ вступать въ города и ходить по общественнымъ дорогамъ.

Песчаныя и солончаковыя степи лежатъ въ срединѣ кольца болѣе удобныхъ земель; отступленіе къ нимъ обезпечивается, такимъ образомъ, самой природой. Источники силы кочевничества и его прочности лежали и лежатъ еще и теперь по направленію этихъ свободныхъ, внутреннихъ странъ и областей отступленія. Въ Азіи для него нѣкогда былъ открытъ весь сѣверъ материка, пока русскіе не поселились въ плодородныхъ низинахъ Оби и Енисея. Бѣдные, разсѣянные охотники и оленеводы тунгусскаго и тюркскаго племени не могли противупоставить никакого сопротивленія обратному движенію этихъ волнъ; поэтому позади нихъ чувствовалась полная свобода. Ходъ исторіи Стараго Свѣта, вслѣдствіе покоренія Сибири Россіей, измѣнился не болѣе, чѣмъ отъ завоеванія и колонизаціи Монголіи Китаемъ. Европа, быть можетъ, пріобрѣла столько-же отъ перваго, сколько южная Азія отъ послѣдняго обузданія неисчислимой силы. Вторженія гунновъ, монголовъ и турокъ уже 200 лѣтъ, какъ вычеркнуты изъ исторіи Европы. Въ Африкѣ и западной Азіи, на сѣверъ отъ Средиземнаго моря, разросшіяся отъ его края внутрь материка государственныя образованія помѣшали распространенію кочевниковъ; напротивъ, на югѣ охраняющая ихъ степь значительно расширяется, и слабые, лишенные государственности народы дѣлались добычею ихъ завоеваній. На нихъ они набрасывались съ большою силою, пока тамъ ихъ собственныя созданія, широкій поясъ Суданскихъ государствъ, не оказывались все болѣе и болѣе сильными противниками.

Въ обратномъ дѣйствіи временнаго политическаго перевѣса степныхъ народовъ на свою собственную историческую роль и культурное положеніе заключается глубокій смыслъ. Монголы побѣдили и завоевали Китай и были, въ свою очередь, побѣждены китайской культурой. Культура усиливаетъ того, кто ей служитъ, и ослабляетъ того, кто ей противодѣйствуетъ. Послѣдній не можетъ обойтись безъ ея наслажденій, если онъ однажды познакомился съ ними, но ему недостаетъ противовѣса ихъ, правильной работы, при исполненіи задачъ культурной жизни. Колонизація Монголіи получила самый сильный толчокъ отъ господствующаго положенія, какое монголы заняли въ Китаѣ, съ того времени, какъ они покорили Сѣверное царство, до паденія династіи Юэнъ (отъ 1234 до 1368 г.). Кублай Ханъ, основатель этой династіи, былъ такимъ-же истиннымъ сторонникомъ китайской культуры, какъ впослѣдствіи Кангхи, великій манджурскій императоръ, и, подобно послѣднему, старался распространить ее среди своихъ грубыхъ соотечественниковъ. Изъ этого стремленія образовалась систематическая политика ассимиляціи, на которой Кангхи построилъ дѣйствующій и теперь кодексъ степной политики. Основныя черты ея мы можемъ очертить здѣсь словами современнаго свидѣтеля патера Жербильона: „манджуры надѣлили самыхъ могущественныхъ монгольскихъ князей почетными званіями и титулами; каждому начальнику, имѣющему знамя, они положили жалованье, опредѣлили его границы и дали ему законы. Они учредили верховное судилище, гдѣ можно было аппелировать на приговоры этихъ князей. И всѣ монголы, какъ князья, такъ и простые люди, обязаны являться въ этотъ судъ, когда онъ вызываетъ ихъ. Князь, который, такимъ образомъ, соединялъ подъ своимъ скипетромъ китайцевъ и монголовъ, приносилъ болѣе пользы безопасности Китая, чѣмъ императоръ, построившій великую стѣну“. Подъ это роковое вліяніе всего болѣе и всего рѣшительнѣе подпали монголы. Культура, въ соприкосновеніе съ которой они пришли, была столь-же могущественна,

какъ и вредна, и безпощадна. Въ первыхъ стадіяхъ своего воздѣйствія она была болѣе деморализующею, чѣмъ цивилизующею. Мнѣніе, будто окитаившійся монголъ не выказываетъ ни монгольской прямоты, ни китайскаго трудолюбія, относится къ переходному состоянію. Можно, пожалуй, допустить, что монголъ со временемъ съ такой-же пользой воспримет китайскую культуру, съ какою узбекъ воспринялъ иранскую, но тогда уже онъ будетъ не монголомъ, а китайцемъ.

И въ духовномъ отношеніи воспитаніе, какое пустыня даетъ своимъ обитателямъ, глубоко и значительно. Глазъ и ухо ихъ необычайно тонки; чувства зрѣнія и слуха являются для нихъ самыми надежными стражами. Ихъ умственная дѣятельность направляется только на ближе лежащіе предметы ихъ односторонней жизни, и, вслѣдствіе того, они обладаютъ опредѣленностью воли и быстротою рѣшеній. Пріученные природой къ большимъ напряженіямъ, они дѣятельнѣе своихъ родичей въ болѣе мягкомъ климатѣ и на болѣе плодородной почвѣ. При этомъ возможно, однако, что противоположность бѣдности и силы настолько-же расширяетъ русло ихъ фантазіи, насколько она суживаетъ ихъ умственную дѣятельность. Три великія монотеистическія религіи связаны въ своемъ развитіи съ пустынями Аравіи и Сиріи. Пустыня есть страна духовныхъ городовъ. Странные образы пустынныхъ горъ или уединенныхъ скалистыхъ группъ могли, конечно, имѣть на фантазію туземцевъ свое дѣйствіе, создававшее легенды и призраки, и, въ виду обитающихъ въ нихъ злыхъ духовъ, могли считаться недоступными, хотя за ихъ скалистыми стѣнами можно угадывать прохладные луга и богатыя пальмовыя рощи. Возбужденіе и затѣмъ ограниченіе фантазіи создавали многія послѣдствія въ развитіи религіозныхъ чувствъ обитателей пустыни. Пустыня воспитываетъ политическую силу и самостоятельность. Въ ней есть господа и рабы, и нѣтъ ничего промежуточнаго между ними. Губернаторъ Гата говорилъ: „Сахара — страна, полная шейхами.“ Народы пустыни раздроблены въ необычайной степени на политическія партіи, не способствующія появленію сильной власти. Въ сравнительно небольшомъ городѣ Гатѣ во времена Ричардсона было три партіи, старинное соперничество которыхъ было могущественнымъ двигателемъ того, что̀ можно назвать внутренней политической жизнью этихъ народовъ. Но ихъ всего болѣе раздѣляютъ личные или племенные раздоры. Личная свобода членовъ народа, призванныхъ къ свободѣ рожденіемъ, на практикѣ мало ограничена, а тѣ, которые не предназначены для свободы, не имѣютъ даже побужденія стремиться къ ней. Обладаніе многочисленными рабами затрудняется трудностью ихъ прокормленія. Поэтому тамъ держатъ цѣлыя населенія въ подчиненіи, отнимая у нихъ все, что не является необходимымъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Цѣлые оазисы превращены въ поземельныя имущества, посѣщаемыя во время жатвы, чтобы грабить ихъ жителей, — настоящее управленіе пустыни. Вслѣдствіе того, обитатели оазиса Борку, несмотря на прославленное плодородіе его, бѣднѣе, чѣмъ ихъ соплеменники на сѣверѣ, живущіе въ горахъ. Кромѣ этихъ населеній, находящихся въ постоянномъ подчиненіи, караваны и отдѣльные торговцы составляютъ источникъ дохода для алчныхъ властителей пустыни. Какъ ни малы прибыли отъ дорожныхъ поборовъ, но онѣ являются весьма важными для шейховъ туареговъ, тиббусовъ или арабовъ. Изъ за нихъ происходятъ самыя ожесточенныя столкновенія: Бар и въ 1876 г. нашелъ весь народъ туареговъ въ движеніи вслѣдствіе подобнаго спора.

Пока кочевники представляли политическую опасность даже для Европы, въ интересѣ всѣхъ осѣдлыхъ народовъ было поставить имъ предѣлы. Въ настоящее время эта задача раздѣляется, главнымъ образомъ, между Китаемъ и Россіей. „Между тѣмъ, какъ мы сами сдерживаемъ племена тюркской расы“, говоритъ Венюковъ, „мы должны предоставить китайцамъ нести возложенное на нихъ исторіей бремя монголовъ.“ Практическое основ-

ное правило степной политики, проводимое русскими энергично, а китайцами украдкой, заключается въ вынужденіи бродячихъ племенъ довольствоваться все болѣе и болѣе тѣснымъ пространствомъ, отчего сперва у нихъ отнимаются области ихъ грабежей, и, наконецъ, ихъ пастбища настолько ограничиваются, что имъ не остается ничего, кромѣ выселенія или перехода къ осѣдлой жизни. Со времени занятія Красноводска и Чикишлара, каспійскіе іомуды, живущіе между русскими и персами, вынуждены были отказаться отъ своего прежняго образа жизни. Грабить они уже болѣе не могутъ и должны обратиться къ земледѣлію и скотоводству. Гокланы, очутившіеся между ахалтекинцами и іомудами, еще раньше сознали необходимость дружественнаго сближенія съ персами и отчасти сдѣлались земледѣльцами. Страна Ордосъ въ теченіе столѣтій была убѣжищемъ непримиримыхъ и неискоренимыхъ враговъ китайскаго царства. Въ настоящее время Китай властвуетъ надъ всею дугою, которою Желтая рѣка охватываетъ эту степную область. Теперь китайскіе поселенцы живутъ на самомъ берегу Ургунъ-Нора, воздѣлываютъ опіумъ, добываютъ соль, дѣлаютъ денежныя дѣла при дворахъ мелкихъ правителей, и о самостоятельномъ монгольскомъ элементѣ, несмотря на преобладаніе степной природы, нѣтъ уже и рѣчи.

На той почвѣ, какая можетъ служить для земледѣлія, кочевникъ въ настоящемъ смыслѣ можетъ являться только узурпаторомъ. Тамъ, гдѣ онъ не переходитъ добровольно къ земледѣлію, исполняется жестокое предсказаніе: „единственными убѣжищами истиннаго номада будутъ только тѣ мѣста степи, гдѣ сыпучій песокъ или безводная пустыня противятся попыткамъ культурнаго человѣка; на этой проклятой Богомъ почвѣ послѣдній номадъ, съ робкимъ взглядомъ, подобнымъ тому, какой бросаютъ тѣснимые и преслѣдуемые имъ онагръ и антилопа, закончитъ свое жалкое существованіе.“ (Вамбери.) Въ качествѣ сильнѣйшаго представителя этого оттѣсняющаго начала, земледѣліе кочевнику является врагомъ, который, энергично и поддерживаемый иногда чуждой національностью, старается проникнуть къ нему и который въ состязаніи за почву оказывается побѣдителемъ. Въ настоящее время старый процессъ вытѣсненія пастушескаго хозяйства, опирающагося на обширномъ обладаніи землей, тѣснѣе ограниченнымъ, но крѣпче привязаннымъ къ почвѣ земледѣліемъ мы видимъ въ той обширной странѣ запада, гдѣ въ долинахъ Санъ Хоакинъ и Сакраменто, со времени завладѣнія Калифорніей Соединенными штатами, развилось большое скотоводство, въ особенности овцеводство, примкнувъ къ утвердившемуся тамъ фермерскому хозяйству испанцевъ. Когда съ 60-хъ годовъ и земледѣліе утвердилось на этихъ равнинахъ, тотчасъ-же выступилъ на свѣтъ старинный споръ: земледѣльцы старались „огородить“ какъ можно больше земли, чтобы охранить ее отъ стадъ; обладатели стадъ, напротивъ, удерживали за собою вліяніе своей громадной земельной собственности. Но втихомолку непобѣдимый врагъ медленно пробирается впередъ — увеличивающаяся рента земледѣльца. Въ сущности, такова же борьба и въ степяхъ центральной Азіи. Плугъ и быкъ слабо и съ трудомъ противятся копью, стрѣлѣ и лошади кочевника. Пастухи всегда насильственно переходятъ за свои границы, степи, а когда разростается культура, они часто должны будутъ опять покорять страну, предназначенную имъ природой. Въ этой борьбѣ номадъ, однако, съ вѣрнымъ инстинктомъ видитъ борьбу за существованіе. Онъ достаточно хорошо знаетъ, что рѣдко опять дѣлается пастбищемъ то, что̀ однажды было пахотной землей. И онъ борется тѣмъ ожесточеннѣе, что онъ въ концѣ концовъ повсюду остается въ убыткѣ, если не переходитъ добровольно къ земледѣлію. Проникновеніе китайцевъ въ Монголію въ настоящее время имѣетъ, по большей части, мирныя формы, и все-таки огоньки столкновенія двухъ культурныхъ формъ продолжаютъ вспыхивать заново во многихъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе и ското-

водство соприкасаются между собою. „Но тщетно лѣнивые номады во внутренней Азіи борются съ подавляющимъ ихъ населеніемъ Китая. Эта страна становится безлюднѣе со дня на день, вслѣдствіе нищеты и множества безбрачныхъ ламъ. Китайцамъ предназначено опять населить ее, воспринявъ въ себя при этомъ остатки монгольскаго населенія.“ (Аббе Давидъ.)

Переходъ отъ кочевого состоянія къ осѣдлому всегда совершался только тремя путями. Или бродячій народъ бывалъ вынужденъ ограничиться такой тѣсной областью, что о пастушеской жизни, съ свободнымъ передвиженіемъ, не могло уже быть и рѣчи, или онъ утрачивалъ въ столкновеніяхъ свои стада, или, наконецъ, жилъ такъ близко къ области болѣе стойкой, слѣдовательно, высшей культуры, что онъ добровольно отказывался отъ свободной, но полной лишенія жизни, чтобы промѣнять ее на спокойствіе и удовольствія болѣе прочнаго существованія. Процессъ этотъ совершается медленно, но основательно. Онъ начинается склонностью къ наслажденіямъ культуры. Чай, опіумъ, водка, украшенія и оружіе подкупаютъ даже самыхъ твердыхъ изъ номадовъ. Торговля играетъ въ степи большую роль. Она становится факторомъ политики и, наконецъ, культуры, удовлетворяя однимъ потребностямъ, вновь возбуждая ихъ и создавая новыя, пока кочевникъ, какъ односторонній пастухъ, не выростетъ изъ своего платья и не предоставитъ женамъ и дочерямъ заниматься земледѣліемъ или промышленностью. Китайцы, которыхъ и въ политической области можно назвать прирожденными купцами, пользовались торговлей, какъ могущественнымъ политическимъ орудіемъ, съ величайшимъ успѣхомъ. Торговлю, какъ культурную силу, только тотъ можетъ оцѣнить вполнѣ, кто наблюдалъ ее въ степи. Даже и въ томъ случаѣ, если бы мечъ Китая одерживалъ болѣе побѣдъ надъ степными ордами, Китай не достигъ бы столь многаго и столь прочнаго, какъ тогда, когда онъ довелъ монголовъ до оскудѣнія и отчасти сдѣлалъ ихъ прилежнѣе и подвижнѣе. И въ такихъ частяхъ Монголіи, гдѣ Китай управляетъ безъ оффиціальныхъ представителей, китайскіе купцы — первыя и самыя вліятельныя лица послѣ амбаня при дворѣ и въ правительствѣ; номадъ доволенъ, когда ему есть что перевозить на спинѣ его верблюдовъ, такъ же, какъ тѣ честные киргизы, которые доставляютъ товары изъ Самарканда въ Троицкъ и пр., медленнымъ передвиженіемъ, продолжающимся отъ осени до лѣта. Тамъ, гдѣ номадъ добровольно приспособляется къ осѣдлой жизни, первымъ шагомъ его бываетъ постройка хижины для запасовъ, которая, какъ символъ начинающагося прикрѣпленія къ почвѣ, стоитъ рядомъ съ его шатромъ. Женщина пользуется этой хижиной раньше, чѣмъ мужчина, отлучающійся со своими стадами. Хижина эта со временемъ становится постояннымъ зимнимъ жильемъ; лѣтній шатеръ дѣлается еще болѣе временнымъ и служитъ только во время краткаго перерыва осѣдлаго житья. Удачный примѣръ для того, что̀ называютъ полу-кочевой жизнью, представляютъ башкиры южной части Уральской области. Башкиры не всегда жили въ Уральской холмистой странѣ, а обитали нѣкогда въ степяхъ нижней Волги. Вытѣсненные въ горы, они приспособили образъ своей жизни къ новымъ условіямъ, не отказываясь, однако, отъ своего прежняго характера. Уже острота зрѣнія отличаетъ этихъ прежнихъ степныхъ кочевниковъ отъ давно осѣдлыхъ сосѣдей. Земледѣліе не перешло еще имъ въ плоть и кровь. Даже тамъ, гдѣ оно можетъ быть прибыльно, оно имѣетъ второстепенное значеніе. Башкиры Верхнеуральска, несмотря на болѣе долговременное поселеніе, остались плохими, жалкими земледѣльцами и въ этомъ отношеніи вообще стоятъ гораздо ниже своихъ сосѣдей чувашей. Ихъ соплеменники, занимающіеся коневодствомъ, стоятъ выше. Сравнивая новѣйшія описанія съ описаніями Палласа, мы видимъ, какъ мало они измѣнились въ этомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ они въ предгорьяхъ южнаго Урала бродятъ лѣтомъ съ большими конскими табунами, причемъ животныя даже

и въ суровую зиму остаются на свободѣ и отыскиваютъ себѣ пищу подъ снѣгомъ, они неизмѣнно сохранили тотъ-же характеръ и тѣ же нравы, такъ же, какъ и охотники, и рыболовы. Всѣ они возвращаются теперь въ постоянныя зимнія квартиры, представляющія нѣкоторые успѣхи въ способѣ постройки и меблировки, но все-таки остающіяся самыми простыми и тѣсными деревянными хижинами. И малоазіатскіе тахтаджи (чепни турокъ), — о которыхъ Гуманъ говоритъ: „они занимаютъ середину между цыганами и юрюками“, — могутъ служить примѣромъ настоящихъ полу-номадовъ, которые зимою живутъ въ прочныхъ хижинахъ, а лѣтомъ, какъ и чисто кочевые юрюки, въ шатрахъ.

B. Африканскіе культурные народы.

4. Обозрѣніе эритрейскаго круга народовъ.

„Часто повторяющееся внѣдреніе одного народа въ средину другого, какъ мы это видимъ въ движеніяхъ обитателей Аравійскаго полуострова въ противолежащую Африку, обращаетъ, въ сущности, обѣ эти области въ одну.“

* * *

Содержаніе: Народы вокругъ Краснаго моря. — Понятіе Нуба. — Египтяне. — Типъ феллаха. — Темный элементъ въ Абиссиніи. — Чуждыя примѣси. — Семиты; городскія и сельскія расы въ Египтѣ. Турецкія и другія примѣси. Связь Нубіи съ Египтомъ. — Египетскія искусство и культура въ нубійскомъ превращеніи. Мероэ. Барка. Послѣдній расцвѣтъ и упадокъ. — Болѣе мелкія самостоятельныя государственныя образованія. — Переходъ къ настоящему времени. — Абиссинія. Греческія вліянія. Замкнутость, благодаря магометанству. — Арабы въ экваторіальной восточной Африкѣ. Работорговля. Расовое смѣшеніе. Арабы — колонисты и завоеватели.

Восточная Африка, отъ Суэцкаго перешейка до южнаго поворотнаго круга, представляетъ область азіатско-африканскихъ взаимно-отношеній. Восточное побережье Африки своимъ положеніемъ и разстояніемъ предназначено быть берегомъ, о который разбиваются выливающіяся изъ Азіи народныя волны. Вторженіе гиксовъ въ Египетъ — старое звено, а экспедиціи арабовъ въ Ньяссу — новое звено цѣпи, которая тянется почти отъ сѣвернаго до южнаго конца материка и отъ второго тысячелѣтія до Р. Х. до настоящаго времени. Особую судьбу испытали вторженія семитовъ въ нѣкоторыхъ особенно благопріятныхъ мѣстахъ — въ Египтѣ, Нубіи, Абиссиніи и Занзибарѣ; но наряду съ ними можно указать сотни болѣе мелкихъ пунктовъ, къ которымъ прилагались тѣ же силы. Мы согласны съ Бругшемъ, что склонность египетскаго духа къ семитизму объясняется лишь долгой совмѣстной жизнью и ранними взаимоотношеніями хамитическаго и семитическаго племенъ. Прежде всего, при этомъ не надо упускать изъ виду торговыя сношенія отъ Нила до Евфрата, которыя до греческой эпохи переступали за экваторъ на восточномъ берегу. И толчки, которые направлялись къ странамъ на этомъ краю Африки, не останавливались здѣсь: въ обширной области пустыни они находили достаточно простора, чтобы распространяться до озера Чада и Нигера. Глубоко обоснованное естественное родство Аравійскаго полуострова и сѣверно-африканской полосы пустынь содѣйствовало обмѣну народовъ; но, повидимому, въ Африкѣ онъ и прежде былъ по преимуществу пассивнымъ. То обстоятельство, что средиземно-морской край Аравійскаго полуострова выдвигается передъ Африкой въ видѣ финикійско-сирійскаго берега, и съ сѣвера поддерживало сліяніе этническихъ элементовъ. Если чужеземцы проникали отсюда, то еще въ большей степени они проникали съ юга: это были приливы негрскихъ народовъ, притекавшихъ все въ большемъ и большемъ распространеніи къ народному морю, которое мы по мѣсту его наибольшихъ и наиболѣе обильныхъ послѣдствіями движеній, называемъ Эритрейскимъ; при этомъ мы не забываемъ, насколько велико было нѣкогда торговое значеніе этого узкаго бассейна, черезъ который флоты изъ Офира искали путей къ соединенію Египта и Финикіи съ Индіей, южной Аравіей и восточной Африкой.

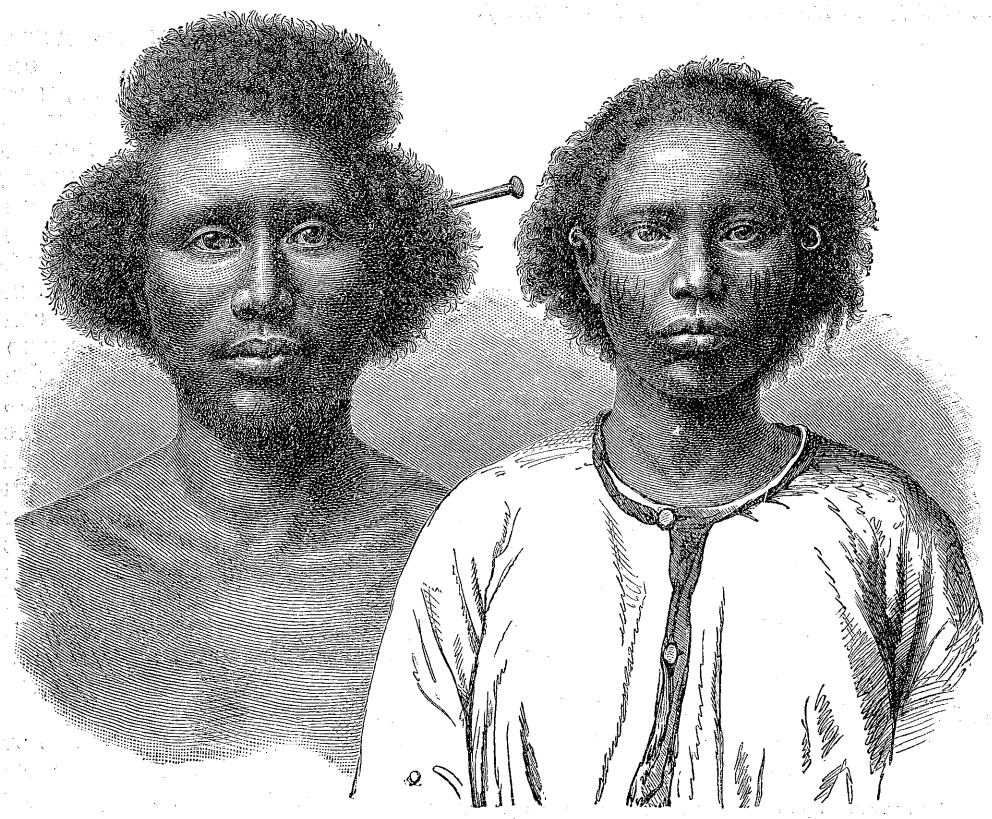
Въ этой области живутъ рядомъ и вмѣстѣ двѣ большія народныя группы, которыя въ физическомъ отношеніи часто нельзя различить между собою и которыя родственны по умственнымъ свойствамъ не менѣе, чѣмъ по языку, — хамиты и семиты. Области, въ которыхъ семитическіе народы сохранились въ чистомъ видѣ, лежатъ значительно позади областей смѣшенія: отступленіе ихъ можно было видѣть еще въ историческое время, въ особенности въ сѣверной Африкѣ. Если мы прослѣдимъ ихъ первоначальное положеніе и распространеніе, то хамиты оказываются всегда въ сѣверной и восточной Африкѣ, къ западу отъ семитовъ, которые живутъ въ Аравіи, Сиріи и Месопотаміи. Въ прежнее время и семиты появлялись на африканской почвѣ, но лишь въ качествѣ переселенцевъ. Нѣкогда хамиты составляли этническую преграду между семитами и неграми, и они должны были оказывать глубокое вліяніе на негровъ, какъ впослѣдствіи семиты. Но хамиты по происхожденію африканцы, и даже въ настоящее время во многихъ мѣстахъ ихъ нельзя строго отдѣлить отъ негровъ. Географическое положеніе прежнихъ мѣстообитаній обѣихъ народныхъ группъ позволяетъ предположить перемѣщеніе хамитическихъ областей къ востоку, причемъ Красное море служило границею. Но существуютъ указанія, которыя ведутъ насъ дальше. Египтяне, древнѣйшіе хамиты исторіи, переносятъ мѣсто своего происхожденія къ юго-востоку, гдѣ ищутъ и ихъ часто описываемый Пунтъ. Во всякомъ случаѣ, Красное море вполнѣ лежало въ кругѣ ихъ зрѣнія, и невѣроятно, чтобы только греки вывели ихъ за Бабъ-эль-Мандебъ. То, что древніе писатели разсказываютъ о троглодитахъ на Красномъ морѣ, напоминаетъ болѣе галласовъ или нубійцевъ, чѣмъ арабовъ. Месопотамія и, быть можетъ, даже южная Аравія выказываютъ слѣды древней, не семитической культуры.

Бедуинъ изъ Аравійской пустыни. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 429 и 430.

Тѣсное и продолжительное соприкосновеніе съ неграми въ столь многихъ случаяхъ физически измѣняло хамитовъ, что, съ устраненіемъ мулатообразныхъ признаковъ (ср. т. I, стр. 704), нельзя ничего сказать о первоначальномъ расовомъ характерѣ ихъ. Первичные хамиты могли быть гораздо болѣе свѣтлой расой, чѣмъ древніе египтяне; вѣроятно, они такими и были. Подчеркиваемое Робертомъ Гартманомъ усиленіе негрскихъ признаковъ въ Нильской области, съ удаленіемъ отъ Средиземнаго моря, столь постепенное, что „откровенный путешественникъ не знаетъ уже, гдѣ

начинаются настоящіе негры“ (В. Мунцингеръ), показываетъ притокъ темной крови, который медленно, въ теченіе тысячелѣтій, пролагалъ себѣ дорогу къ сѣверу и не прекратился еще и теперь. Въ ограниченныхъ областяхъ, какъ, напр., въ ливійскихъ оазисахъ, мы видимъ, что населеніе съ каждымъ поколѣніемъ становится темнѣе. Слѣдуетъ предположить, что оно нѣкогда повсюду въ сѣверной и восточной Африкѣ было свѣтлѣе.

Относительно глубоко обоснованнаго родства хамитическихъ и семитическихъ языковъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И въ умственныхъ способностяхъ здѣсь замѣчается фамильная черта, которая ни въ чемъ не



Мужчина и дѣвушка изъ Нубіи. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 431.

обнаруживается яснѣе, какъ въ процвѣтаніи семитическихъ прививокъ на хамитическихъ стволахъ. Въ Нубіи нубійцы арабизировались послѣ принятія ислама. Правда, они вообще болѣе массивныя и сильныя натуры, предпріимчивы до фантастичности и усердные солдаты, но въ этомъ заключается дѣйствіе тѣснаго соприкосновенія съ семитскимъ элементомъ еще задолго до ислама. У древнихъ египтянъ была сходная религіозная черта съ вавилонянами, но могущественная любовь къ формѣ развила болѣе пластическое чувство полноты, чѣмъ духовное чувство сущности; трудно найти бо́льшую противоположность, чѣмъ между египетскимъ пластическимъ искусствомъ и арабскимъ запрещеніемъ изображеній при богослуженіи.

Хамитическія племена сѣверной Африки должны были, соотвѣтственно природѣ страны, испытывать другія вліянія на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. Тамъ они, подъ именемъ египтянъ (гіероглифическихъ рету), позднѣе, коптовъ на востокѣ и берберовъ на западѣ, были предназначены къ болѣе видной судьбѣ, но въ исторической работѣ они подверглись также коренному преобразованію; здѣсь туареги и тиббусы, настоящія дѣти пустыни,

барабры и беджасы, такъ же, какъ и многочисленныя болѣе мелкія пастушескія племена въ области верхняго Нила, были затронуты менѣе глубоко и остались болѣе вѣрными своему прежнему состоянію. Арабы и турки превратили прибрежныхъ обитателей сѣверной Африки въ мавровъ и египтянъ, относящихся точно такъ же къ племенамъ юга. Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Триполи и Египетъ всегда считали не труднымъ дѣломъ, при удобномъ случаѣ, налагать легкое иго на своихъ южныхъ кочующихъ родичей въ степи или пустынѣ; но они испытывали всегда, какъ трудно прочное господство въ пустынѣ. На короткое время болѣе сильные кочевники проникали даже къ сѣверу внизъ по Нилу.

Египетскій арабъ (негроидный типъ.) (По фотографіи.)
Ср. текстъ, стр. 431.

Семиты въ двухъ большихъ группахъ, евреевъ и арабовъ, и въ настоящее время являются дѣятельными членами человѣчества, между тѣмъ, какъ соотвѣтствующіе имъ сирійцы и абиссинцы ведутъ замкнутую жизнь, безъ живыхъ культурныхъ связей; участіе вавилонянъ, ассиріянъ и финикіянъ въ работѣ культуры вполнѣ принадлежитъ прошлому. Семиты, подобно хамитамъ, въ физическомъ отношеніи относятся къ мулатообразнымъ переходнымъ формамъ между бѣлыми и черными, между которыми лежатъ также ихъ древнія и нынѣшнія мѣстообитанія. Въ умственномъ и въ душевномъ отношеніи они весьма даровиты: имъ принадлежатъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ историческихъ успѣховъ. Съ семитами связано важное историческое явленіе монотеизма; три великія монотеистическія религіи, іудейство, христіанство и исламъ, возникли на семитической почвѣ. Еврея отличаетъ отъ араба болѣе глубокая искренность и болѣе богатая фантазія; тотъ и другой, въ сравненіи съ хамитами и индо-германцами, обладаютъ большей энергіей или, пожалуй, односторонностью религіознаго чувства. Насильственность и исключительность или, короче, фанатизмъ принадлежитъ болѣе другимъ вѣтвямъ этого племени, но въ общемъ онъ отличаетъ семитовъ. Религіозныя преувеличенія, до человѣческихъ жертвъ включительно, нигдѣ не распространены въ такой степени. Даже полководецъ Махди, покорившій Сеннааръ, заставлялъ жарить живыхъ плѣнниковъ въ котлахъ. Духовный космополитизмъ, свойственный христіанству, принадлежитъ болѣе греческому, чѣмъ семитическому элементу. Семитъ — индивидуалистъ и держится болѣе своей вѣры и семьи, чѣмъ государства. Если древнѣйшія великія державы земли были хамитическія и семитическія, то имъ удавалось сдерживать связь между племенами лишь безграничнымъ деспотизмомъ. Семитъ не даетъ

хорошихъ воиновъ, и ему приходилось одерживать свои побѣды съ помощью чуждыхъ наемниковъ: это было слабымъ мѣстомъ процвѣтанія Финикіи и Карѳагена. Величайшую храбрость семиты обнаруживали всегда лишь въ религіозной борьбѣ. У араба пустыни (см. рис. стр. 426) выступаютъ аристократическія черты, причиною которыхъ должны были быть кочевая жизнь и патріархальность. Въ научномъ отношеніи семиты, быть можетъ, сдѣлали всего болѣе въ древнѣйшія времена, въ Вавилоніи и Ассиріи, хотя и возможно, что астрономія, счисленіе и измѣрительное искусство вавилонянъ были чуждаго происхожденія; впослѣдствіи въ этой области они стояли далеко позади арійскихъ народовъ. Высшіе результаты ихъ дѣятельности и здѣсь заключаются въ религіозной области. Библія и коранъ — наиболѣе читаемыя книги послѣдняго тысячелѣтія. Въ пластическомъ искусствѣ можно выдвинуть только дѣятельность народовъ Месопотаміи. И финикіяне поднялись до высокихъ проявленій въ искусствѣ: многія до-греческія произведенія Средиземно-морской области должны быть сведены къ нимъ. У нихъ такъ-же, какъ у евреевъ и арабовъ, въ поэзіи выступаетъ большая страстность и искренность.

Въ раздробленной исторіи Аравіи ничто не напоминаетъ исторіи Египта или Ассиріи. Спокойствія и устойчивости, условія развитія высокой культуры, не могло быть въ той странѣ, три четверти которой недоступны для постояннаго обитанія. По временамъ это было возможно въ южной Аравіи, но она постоянно вновь попадала въ руки болѣе энергичныхъ сѣверныхъ и центральныхъ арабовъ, и когда какой-либо цѣльный арабскій государственный и культурный организмъ начиналъ развиваться, это происходило лишь на развалинахъ самостоятельныхъ формъ развитія болѣе богатой и счастливой культурной почвы южной Аравіи. То, что съ силой выступало наружу, была не эта культура, постоянно угрожаемая и нарушаемая, а сильный вѣрою и воинственный бѣдный, любящій независимость народъ Аравіи, находившейся въ кочевомъ состояніи. Со времени появленія ислама, который всего рѣшительнѣе выдвинулъ вліяніе внутренней Аравіи, названная выше страна стала менѣе извѣстной, чѣмъ въ древности. Турецкое нашествіе изъ всѣхъ странъ западной Азіи менѣе всего коснулось Аравіи. Аравія даже долго не покорялась государству турокъ въ Стамбулѣ, которое, съ своей стороны, держалось противъ своихъ кочевыхъ подданныхъ лишь потому, что оно было военной монархіей. Нынѣшніе южные арабы настолько находятся подъ вліяніемъ внутренне-арабскаго элемента и фанатическихъ взглядовъ корана, что они отрицаютъ свое собственное происхожденіе и находятъ забавную гордость въ томъ, чтобы приписывать себѣ происхожденіе изъ центральной Аравіи.

Арабъ, правда, есть историческая величина и этнографическое понятіе, но онъ не поддается антропологическому опредѣленію. Въ такой странѣ въ теченіе столѣтій отдѣльныя части населенія могли держаться вдалекѣ отъ всякаго смѣшенія и могли развиться въ замкнутый типъ; такимъ мы его и видимъ повсюду, гдѣ арабъ отдѣляется отъ другихъ народовъ соціальными и религіозными преградами, что, во всякомъ случаѣ, облегчается его аристократическимъ образомъ мыслей. Между тѣмъ, какъ во всѣхъ арабскихъ городахъ пестрое смѣшеніе расъ превращаетъ населеніе въ неразрѣшимый антропологическій клубокъ, въ которомъ особенно сильно выступаетъ негрская кровь, у бедуиновъ, т. е. у кочующихъ арабовъ, смѣшеніе до сихъ поръ принадлежитъ къ исключеніямъ. Оно считается позорнымъ даже тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ Янбо, портовомъ городѣ Медины, зерно городского населенія состоитъ изъ временно осѣдлыхъ бедуиновъ. Когда французскіе писатели настойчиво указываютъ затрудненія колоніальнаго управленія, вслѣдствіе недостатка смѣшанной расы, которая облегчала бы сближеніе между колонистами и туземцами, то мы должны припомнить,

что, въ сущности, арабское населеніе Алжиріи состоитъ изъ номадовъ. Такъ называемое мавританское городское населеніе Африки не выказывало этой недоступности по отношенію къ чуждымъ расовымъ элементамъ; это — одно изъ самыхъ смѣшанныхъ населеній, какія намъ извѣстны. Много берберскаго перешло съ теченіемъ времени въ сѣверо-африканскихъ арабовъ. Припомнимъ только измѣнчивую антропологическую картину такъ называемыхъ арабовъ области средняго Нила. Многіе хабабы напоминаютъ шоговъ, другіе — беджасовъ, третьи выказываютъ рѣшительно арабскія и іеменскія черты, при свѣтло-кофейномъ окрашиваніи кожи, и лишь немногіе напоминаютъ родственныхъ имъ по языку абиссинцевъ. При этихъ обстоятельствахъ раздѣленіе арабовъ на свѣтлыхъ и темныхъ является вполнѣ основательнымъ.

Темный цвѣтъ кожи южныхъ арабовъ составляетъ правило, за немногими исключеніями, проникшими съ сѣвера. Въ Іеменѣ многіе напоминаютъ южно-итальянскіе типы; но существуетъ почти черное бедуинское племя въ горахъ внутри Ходеиды. Обитатели южнаго берега обладаютъ темнымъ цвѣтомъ, но все-таки они не такъ темны, какъ многіе сомаліи, которые по темной окраскѣ часто приближаются къ неграмъ. Красивыя черты лица гиміаровъ, повторяющіяся у сабейцевъ въ болѣе грубомъ выраженіи, напоминаютъ характеристику бедуевъ Мунцингера: „по цвѣту африканцы, по физіономіи кавказцы, по языку семиты.“ Это опредѣленіе можетъ быть примѣнено и къ весьма многимъ обитателямъ Аравіи. Въ самой странѣ различаютъ красныхъ — турокъ и европейцевъ, темно-красныхъ — туземцевъ, и черныхъ. Мунцингеръ предполагалъ здѣсь даже греческую примѣсь, такъ какъ греки нѣкогда поддерживали ось на этихъ берегахъ цвѣтущія торговыя колоніи. Обитатели верхней Мензы хвалились тѣмъ, что они — дѣти франковъ. Лишь выраженія глазъ и рта смущали даже этого страстнаго сторонника восточно-африканцевъ: „физіономія остается, но глаза и голосъ мѣняютъ свое выраженіе съ пониженіемъ человѣка или народа.“ Населеніе Сокотры, менѣе затронутое континентальными вліяніями, приближается (по Г. Швейнфурту) въ лингвистическомъ и физическомъ отношеніи къ махрамъ южной Аравіи, но, повидимому, испытало и малайскія, и негрскія примѣси.

Другой арабскій типъ представляетъ большинство кочевыхъ арабовъ, т. е. бедуиновъ (см. рис., стр. 435), на сѣверѣ и въ серединѣ полуострова и въ сѣверной Африкѣ, въ областяхъ, гдѣ природа побуждаетъ человѣка къ иному образу жизни и занятію и гдѣ является меньше возможности смѣшенія. Настоящіе семиты пустыни — люди средняго роста, сухощаваго сложенія, съ маленькими руками и ногами, узкой головой, умѣренно вывороченными губами, красиво-изогнутымъ носомъ, большими огненными глазами, кожей бронзоваго цвѣта, темно-каштановыми кудрявыми волосами и скудной бородой (см. рис., стр. 216, 426 и 447).

Таковы свѣтлый и темный человѣкъ этой области, которые повсюду попадаются въ измѣнчивомъ сопоставленіи или смѣшеніи. Мы находимъ ихъ въ двойномъ типѣ расъ Абиссиніи, гдѣ Рюппель, наряду съ кавказскимъ типомъ, находитъ „въ то же время арабскій“ или эѳіопскій типъ, съ овальнымъ лицомъ, большими глазами, нѣсколько вывороченными губами, незначительной бородой и мало изогнутымъ носомъ (см. рис., стр. 450). Это — типъ, повторяющійся у беджасовъ и донголавовъ и напоминающій намъ воззрѣнія арабовъ на абиссинское происхожденіе беджасовъ. Худощавое сложеніе, которое англичанамъ въ походѣ 1868 г. напоминало индусовъ, можно прибавить здѣсь, какъ общую характерную черту. Рольфсъ говоритъ о рукахъ абиссинцевъ, что онѣ вообще слишкомъ малы, чтобъ ихъ можно было назвать красивыми. „Причина ихъ малой величины, ихъ недоразвитія, лежитъ въ недостаткѣ упражненія, въ отсутствіи работы.“ Къ этимъ настоящимъ абиссинцамъ Рюппель причис-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

НУБІЙСКІЙ ВОИНЪ.

(Рис. съ натуры Пигльгейна.)

ляетъ бо́льшую часть обитателей высокихъ горъ Симена, обитателей окрестности озера Тане, фалашей, язычниковъ гамантовъ и агаевъ. Къ эѳіопской группѣ принадлежатъ обитатели побережья и жители провинціи Гамазена. Негрскимй физіономіями обладаютъ невольники шангаллы, привозимые съ запада. Рюппель отличаетъ и третій типъ народностей — галласовъ (см. выше, стр. 169 и слѣд.), къ которымъ онъ причисляетъ шоговъ (шого), рѣзко отдѣляемыхъ имъ отъ бедуиновъ; ихъ черты, „вообще, мало привлекательныя“, напоминающія негровъ, встрѣчаются довольно часто у обитателей провинціи Тигрѐ. Этимъ тремъ группамъ одинаково свойственны различія цвѣта кожи, отъ свѣтлаго, буровато-желтаго, до темнаго, буровато-чернаго.

Тамъ отмѣчаются физіономіи, сходныя и съ арабами, и съ евреями, и (см. рис., стр. 432 и 434) съ египтянами. Надъ всѣми попытками классификаціи, раздѣленія, въ особенности, въ этомъ случаѣ, надо поставить признаніе необычнаго смѣшенія. Положеніе и исторія Абиссиніи не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Относительно перваго Мунцингеръ говоритъ: „Абиссинія окружена со всѣхъ сторонъ, какъ роза, шипами. На сѣверѣ живутъ мусульманскіе народы, по бо́льшей части, возмутившіеся потомки плоскогорья, свѣтлокожіе хабабы, обитатели Барки; за ними далѣе къ сѣверу слѣдуютъ ведущіе изстари кочевую жизнь, говорящіе на чуждомъ языкѣ хадендои. На западѣ Абиссинію ограничиваетъ страна Нила, подчиненная власти турокъ, на югѣ — на половину исповѣдующій исламъ, наполовину молящійся дьяволу конный народъ галласовъ.“ Абиссинія во всѣхъ своихъ частяхъ никогда не была предоставлена самой себѣ. На томъ или на другомъ концѣ она должна была во всѣ времена испытывать дружескія или вражескія вліянія.

Нубійцы (см. рис., стр. 703 и т. I, стр. 427) примыкаютъ, какъ „болѣе благородная разновидность человѣческаго рода“, къ арабамъ и абиссинцамъ. Многіе номады Нубіи — арабскаго происхожденія; у другихъ несомнѣнно родство съ югомъ, какъ у хадендоевъ и бишарьеховъ, по наружности сильно напоминающихъ абиссинцевъ, съ которыми они находились въ тѣсной связи до наступившаго впослѣдствіи религіознаго различія. Рюппель полагалъ возможнымъ отличить у нихъ въ отдѣльности древнія національныя черты лица, которыя ихъ предки изображали на колоссальныхъ статуяхъ и барельефахъ ихъ храмовъ и гробницъ, — удлиненно-овальное лицо, красиво изогнутый, на концѣ нѣсколько закругленный носъ, толстыя, но не безобразно выпяченныя губы, отступающій назадъ подбородокъ, скудную бороду, оживленные глаза, сильно курчавые, но не шерстистые волосы на головѣ, идеально красивое тѣлосложеніе, средній ростъ, бронзовый цвѣтъ кожи. „Это — портретъ настоящаго донголава, и такія же черты лица встрѣчаются вообще у абабдеховъ, бишарьеховъ, части обитателей провинціи Шенди и отчасти также у абиссинцевъ.“ Если мы сравнимъ ихъ съ арабами, то должны будемъ сказать, что эти послѣдніе менѣе, а нубійцы болѣе смѣшаны съ негрской кровью. Что касается цвѣта кожи, то среди бишарьеховъ встрѣчаются буровато-черные люди, а съ другой стороны, мы видимъ бѣлокурыхъ бедуиновъ даже и въ Нубіи (потомки турецко-боснійскихъ солдатъ?); но преобладающимъ оттѣнкомъ является красновато-бурый. Это — „красный цвѣтъ“, который арабы противопоставляютъ черному (см. табл. „Нубійскій воинъ“). На происхожденіе такихъ смѣшанныхъ типовъ (см. рис., стр. 428 и т. I, стр. 701) бросаетъ любопытный свѣтъ нынѣшній процессъ смѣшенія арабовъ и негровъ. Мы можемъ сослаться при этомъ на замѣчаніе Нахтигаля о смѣшеніяхъ шоа, т. е. туземныхъ арабовъ Борну, въ 10-й главѣ.

Исторія Нубіи показываетъ соединеніе сѣверо-африканскихъ народовъ и настоящихъ негровъ за общей работой, самая трудная часть которой приходится обыкновенно на долю негровъ, а руководство ею въ политическомъ и умственномъ отношеніи — на долю сѣверо-африканцевъ. Историческое

явленіе фунджей, основывающихъ государства въ Сеннаарѣ, напоминаетъ гауссовъ, тогда какъ и египтяне, и арабы скорѣе играютъ роль фулаховъ. Наибольшее сходство мы видимъ въ вытѣсненіи негрскихъ народовъ на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ нубійцами и соотвѣтственную эксплуатацію ихъ южныхъ языческихъ странъ государствами Судана; и всего характернѣе кажется намъ слѣпая поддержка, какую часть негровъ-нуба и динковъ оказывали Махди, боевой кликъ котораго „Fissibil Allah“ („За дѣло Божіе“) былъ направленъ противъ нихъ, язычниковъ. Нубія, благодаря Нилу, крѣпче связана съ Египтомъ, чѣмъ упомянутыя Суданскія государства оазисами пустыни — съ сѣверной Африкой. Нубія, пограничная область между египтянами, абиссинцами и неграми, проходная область для торговли неграми-невольниками, главные рынки которой находились въ Нубіи, и въ то же время область завоеванія и грабежа египтянъ и турокъ, можетъ похвастаться расовой чистотой еще менѣе, чѣмъ западныя страны Судана. Нубійско-египетская смѣсь (новаллиды), въ сущности, принадлежитъ къ весьма давнему времени. Даже этническое понятіе нуба, первоначально ограничивавшееся темными обитателями горной страны южнаго Кордофана, въ самой Нубіи сдѣлалось по преимуществу соціальнымъ; оно связывалось съ представленіемъ о низшемъ происхожденіи и рабской зависимости, вслѣдствіе чего нубійцы теперь охотно называютъ себя барабрами и отказываются отъ своего языка. Во времена Буркхардта въ Шенди всѣ рабы, привозившіеся изъ странъ, лежащихъ къ югу отъ Сеннаара, назывались нубами. Понятіе нубійцевъ имѣетъ только географическое значеніе, которое опирается на возможно точное обозначеніе области языка нубійцевъ. Нравы, обычаи, утварь и оружіе всѣхъ нубійскихъ народовъ выказываютъ много сходства между собою, а одновременно съ тѣмъ и съ чуждыми, въ особенности, арабскими, элементами, вслѣдствіе чего въ научныхъ путешествіяхъ выраженіе „арабы“ распространяется и на баггаровъ.

Мусульманскій ученый изъ Каира. (По фотографіи.)
Ср. текстъ, стр. 431 и 433.

Въ области нубійскаго языка арабскій языкъ давно уже все болѣе и болѣе подвигается впередъ. „Въ настоящее время во всей этой странѣ говорятъ только по арабски; но воспоминаніе о прежнемъ нубійскомъ населеніи сохранилось съ полной опредѣленностью, такъ какъ и теперь извѣстное число деревень отличается отъ прочихъ, какъ мѣста обитанія нубовъ.“ (Лепсіусъ.) Часто это воспоминаніе заслоняется желаніемъ, свойственнымъ

всѣмъ африканцамъ-магометанамъ, — выводить свою родословную отъ самыхъ благородныхъ родовъ Аравіи, если уже не отъ самихъ джиновъ. Изъ подробнаго описанія беджасовъ, принадлежащаго Макризи, ясно выступаютъ до-арабскія черты. Беджасы распространялись, по его мнѣнію, отъ изумрудныхъ копей, между Θивами и Коптосомъ, на сѣверѣ до Абиссиніи на югѣ и отъ Нила на западѣ до Краснаго моря на востокѣ. Это — номады, живущіе въ кожаныхъ шатрахъ. У каждаго племени есть свой шейхъ, но общаго главы у нихъ нѣтъ. Родословная ведется по женской линіи. Они разводятъ лошадей благородной породы и превосходныхъ верблюдовъ, длиннорогій пятнистый рогатый скотъ, такихъ-же овецъ и козъ. Они живутъ, главнымъ образомъ, мясомъ и молокомъ, очень быстры на ходу и сражаются верхомъ на конѣ или на верблюдѣ. Оружіемъ имъ служатъ копья, которыя изготовляются женщинами въ такомъ мѣстѣ, куда мужчины могутъ являться только для покупки копій, большіе луки арабской формы, изъ дерева сидра (Zizyphus), съ отравленными стрѣлами, щиты изъ бычачьей или буйволовой кожи или кожи морского животнаго (Halicore?). Они весьма гостепріимны. Юношамъ вырѣзывается правое ядро; дѣвушки подвергаются инфибуляціи. Одно изъ ихъ племенъ выбиваетъ рѣзцы. Беджасы отличаются воинственнымъ характеромъ и часто вступали въ войну съ египтянами. У каждаго племени есть жрецъ, которому для молитвы разбивается кожаный шатеръ, куда онъ входитъ безъ одежды и задомъ. Онъ выходитъ оттуда какъ будто пораженный безуміемъ, приноситъ привѣтствія отъ дьявола и предсказываетъ.

И арабы-баггары, которые живутъ на берегу Нила, на всемъ протяженіи его между областями шиллуковъ и динковъ и Кордофаномъ, и принадлежатъ къ самымъ дѣятельнымъ, способнымъ и потому особенно широко-распространяющимся народамъ Судана, представляютъ собою древнее племя нубійцевъ. Они, главнымъ образомъ, насчетъ нубовъ и шиллуковъ, быстро распространились по степямъ южнаго Судана и, въ качествѣ охранителей и проводниковъ хартумскихъ каравановъ, глубоко проникли, какъ отдѣльныя лица, внутрь материка. Они — настоящіе скотоводы и поэтому ведутъ вполнѣ кочевую жизнь; имя ихъ означаетъ „коровьи пастухи.“ Въ то же время они — весьма искусные и смѣлые охотники, охотящіеся за слономъ съ мечомъ и копьемъ, и, соотвѣтственно тому, безпощадные разбойники. Къ нимъ, быть можетъ, относится то, что разсказывали грекамъ на Красномъ морѣ, — будто тамъ есть охотники, которые въ одиночку подкрадываются къ слонамъ и перерѣзываютъ имъ мечомъ сухожилія заднихъ ногъ. Баггары прежде всѣхъ подпали подъ вліяніе Махди и, повидимому, до настоящаго времени служатъ самой крѣпкой опорой его послѣдователей. Швейнфуртъ называетъ ихъ самыми красивыми изъ номадовъ страны Нила; въ ихъ наружности мало замѣтно семитическаго; довольно многіе изъ нихъ напоминали ему старыхъ знакомыхъ на его родинѣ. Замѣчательна ихъ любовь къ украшеніямъ и пестрымъ одеждамъ. Масса носитъ индиго-синюю рубашку феллаховъ, но всѣ болѣе зажиточные носятъ ткани ярко-краснаго цвѣта или съ пестрымъ рисункомъ.

Въ Египтѣ тамъ, куда не проникало или гдѣ уже сгладилось арабское смѣшеніе, выступаетъ другой физическій типъ, не имѣющій, впрочемъ, глубокихъ отличій (см. рис., стр. 432 и 434). Египетскій феллахъ — средняго роста, съ сильнымъ строеніемъ костей и мускулистымъ тѣломъ. Развивающіяся дѣвушки своей стройностью часто напоминаютъ соразмѣрность античныхъ статуй. Лицо феллаховъ широко, кругло, съ сильно развитымъ подбородкомъ, толстыми губами, широкими зубами, большими глазами удлиненнаго вырѣза; кисти рукъ и ступни ихъ скорѣе можно назвать большими. Къ желтовато-бурому и желтовато-красному цвѣту кожи почти всегда примѣшивается красноватый оттѣнокъ. Отличіе отъ болѣе нѣжнаго и худощаваго типа арабовъ весьма замѣтно (см. т. I, стр. 704). Арабъ, ведущій жизнь пастуха, кочевника, наѣздника или разбойника, съ теченіемъ вре-

мени пріобрѣтаетъ члены другого строенія, чѣмъ египтянинъ, который уже многія тысячелѣтія носитъ тяжести, разрыхляетъ мотыкой или пашетъ землю и поднимаетъ воду изъ рѣки. Тѣ и другіе стоятъ на дорогѣ, которая ведетъ отъ европейцевъ къ неграмъ. Вмѣстѣ съ ними на этой расовой границѣ находятся хамитическіе и лингвистическіе соплеменники египтянъ, семитическіе соплеменники арабовъ и многіе другіе „мулатообразные“ типы въ западной и южной Азіи и сѣверной Африкѣ.

Въ Египтѣ древніе египтяне жили между семитами на востокѣ и ливійцами, или максійцами, на западѣ, отдѣляемые только внѣшними рукавами потоковъ дельты. Изъ этихъ сосѣдей семиты всего глубже проникли въ народный организмъ. Памятники, гробы и свитки папирусовъ, находимые въ мѣстахъ погребенія древняго Египта, выказываютъ присутствіе лицъ семитическаго происхожденія, которыя въ Нильской долинѣ также получили право гражданства. Но въ сплоченномъ видѣ мы встрѣчаемъ ихъ на восточной сторонѣ области дельты, въ городахъ и укрѣпленіяхъ съ семитическими именами. Не случайно гиксы, которые вторглись въ страну дельты изъ Эдома, заняли здѣсь мѣстообитанія близъ своихъ соплеменниковъ. Въ этомъ освѣщеніи вторженіе ихъ является только усиленіемъ давно уже притекавшаго потока.

Коптскій купецъ изъ Каира. (По фотографіи.)
Ср. текстъ, стр. 430 и 433.

Въ ходѣ нашихъ изслѣдованій мы уже столько разъ видѣли мирныхъ земледѣльцевъ, теряющихъ свободу и собственность подъ натискомъ быстрыхъ и смѣлыхъ пастуховъ,—были-ли это ватуты или галласы, вагумы или фулахи — что намъ прежнее вторженіе, за которымъ послѣдовало, по крайней мѣрѣ, 500-лѣтнее подчиненіе Египта пастушескимъ племенамъ восточныхъ и сѣверныхъ пустынь, кажется только повтореніемъ борьбы осѣдлыхъ и кочевыхъ народовъ, почти безпрерывно потрясающей всю восточную Африку, отъ Замбези до Средиземнаго моря. Эти пастухи были семиты, и эпизодъ гиксовъ тѣмъ лучше укладывается въ рамки исторіи народовъ восточной Африки. На самомъ дѣлѣ, эти народы, отъ которыхъ Манеѳонъ выводитъ евреевъ и которымъ приписываетъ основаніе Іерусалима, которыхъ уже въ древности называли финикіянами или арабами, по всѣмъ вѣроятіямъ, были предшественниками сабейцевъ и арабовъ, которые позднѣе съ болѣе прочнымъ успѣхомъ покорили сѣверо-восточную Африку. Пустыня и культурная страна въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ не могутъ находиться въ спокойномъ состояніи, безъ борьбы, но эта борьба однообразна и полна повтореній. Чѣмъ заняты были три столѣтія между концомъ древняго и началомъ средняго царства? Маріеттъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь произошло наводненіе царства варварами. Далѣе, развѣ

нельзя предположить, что неизвѣстный хаосъ, изъ котораго Менесъ поднялъ свое царство, исходилъ отъ нашествія номадовъ?

Гиксы около 500 лѣтъ властвовали надъ Египтомъ. Въ теченіе этого времени образованность и цивилизація Египта должны были оказать свое вліяніе на эти первобытныя племена, хотя бы они египтянамъ и казались столь-же нечистыми, какъ мѣстные пастухи. Это вторженіе не было единственнымъ. За гиксами послѣдовали евреи, на которыхъ египтяне произвели глубокое умственное вліяніе и которые, въ свою очередь, повліяли на нихъ. Іосифъ появился въ Египтѣ при послѣднихъ царяхъ гиксовъ, нашелъ у единоплеменнаго ему царя, жившаго на египетскій ладъ, хорошій пріемъ и, по желанію фараона, призвалъ свой народъ въ эту страну. Но израильтяне должны были оставаться въ восточной пограничной области. „И ты долженъ жить въ странѣ Гозенъ и быть близко около меня, ты и твои сыновья и сыновья твоихъ сыновей, и твои овцы, и твой рогатый скотъ, и все, что твое.“ Когда Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, вмѣстѣ съ ними ушелъ весь народъ, мужчины, женщины и дѣти: всѣ они исчезли изъ Египта. Можемъ ли мы приписать большее вліяніе эѳіопамъ, ассиріянамъ, персамъ и грекамъ? Какъ-бы ни замыкался Египетъ, эти слѣдовавшія другъ за другомъ вторженія каплю за каплей вносили чуждую кровь, и по необходимости должно было происходить медленное измѣненіе, которое, однако, въ постоянно повторявшіеся вѣка спокойствія, сосредоточенности и замкнутости народа придавало ему еще болѣе своеобразности. Такимъ образомъ, противоположно другимъ народамъ древности, онъ былъ дѣйствительно единымъ народомъ, который, съ гордостью сознавая свою связь, любилъ свою страну, какъ собственную и какъ родину своихъ боговъ.

Бедуинъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 430.

Только исламъ растворилъ цементъ древней націи. Братство, полная равноправность всѣхъ правовѣрныхъ, которую ученіе пророка устанавливаетъ среди всѣхъ мусульманъ, естественно привела къ смѣшенію коптскихъ мусульманъ съ ихъ арабскими единовѣрцами. Но все-таки въ

жилахъ большинства нынѣшнихъ египтянъ, феллаховъ (отъ арабскаго falach, плугъ), крестьянъ, течетъ гораздо болѣе древне-египетской крови, чѣмъ въ жилахъ горожанъ. И такъ-же, какъ феллахъ заимствовалъ много физическихъ и душевныхъ свойствъ своихъ предковъ, онъ унаслѣдовалъ, къ сожалѣнію, и ихъ жизненный жребій, который, какъ законъ природы, тяготѣетъ на египетскомъ землепашцѣ отъ одного тысячелѣтія до другого. Какъ ни многочисленны были вторгавшіеся арабы, они были поглощаемы египетской кровью, быть можетъ, болѣе сильной въ расовомъ отношеніи. Въ городахъ и деревняхъ Верхняго Египта, гдѣ копты жили плотнѣе, первоначальное населеніе осталось почти несмѣшаннымъ; путешественникъ тамъ часто встрѣчаетъ фигуры, въ которыхъ онъ видитъ живыми статуи или портреты временъ фараоновъ. По преимуществу добродушное, но въ то же время туповатое выраженіе лица напоминаетъ древнихъ египтянъ и рѣзко отличается отъ хитраго или дикаго выраженія араба. Въ современномъ Египтѣ коптъ чувствуетъ себя свободнѣе. Онъ тамъ необходимъ въ качествѣ торговца и низшаго чиновника. Черный тюрбанъ, бывшій нѣкогда позорнымъ знакомъ христіанъ, коптъ, который вообще любитъ одѣваться въ темныя ткани, носитъ охотно и добровольно. И коптскія женщины понемногу освобождаются отъ покрывала и гаремной жизни. Въ нынѣшнихъ египтянахъ мы видимъ самостоятельный народъ, происходящій по прямой линіи отъ древнихъ египтянъ, хотя по языку и религіи онъ самъ себя называетъ арабами (такъ какъ онъ охотно причисляетъ себя къ племени, давшему пророка, слѣдовательно, въ собственныхъ глазахъ стоитъ выше турокъ, захватившихъ силой калифатъ). Кочующихъ арабовъ въ предѣлахъ Египетскаго царства, а именно, на Синайскомъ полуостровѣ, въ Ливійской и Египетско-арабской пустынѣ, насчитывается не болѣе 300 тысячъ. При этомъ къ нимъ причисляются древне-эфіопскія племена — абабдехи, бишарьехи и хадендои. Къ нимъ относятся и тысячи такъ называемыхъ берберинцевъ, въ служащихъ классахъ и въ войскѣ. Нынѣшніе правители и многія знатныя лица — турки; вмѣстѣ съ армянами, евреями и другими чужеземцами, среди которыхъ особенно замѣтно выступаютъ греки и итальянцы, они, какъ пришлый элементъ, противополагаются 5 милліонамъ феллаховъ и коптовъ. Они настолько чужды народу, что въ лагерѣ Махди каждаго иностранца, даже нѣмца, называли туркомъ. Между тѣмъ, феллахи, которые не только привязаны къ своей землѣ, но всѣми нитями срослись съ нею, являются, какъ нельзя болѣе, дѣтьми своей страны. Въ этомъ заключается сила устойчивости и сопротивленія феллаха. Онъ живетъ и работаетъ въ условіяхъ, лишь немного измѣнившихся въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ жили и работали подданные Менеса. Только его работа и умѣренность сохранили въ странѣ остатокъ древняго порядка. Превращеніе древне-египетскаго землепашца въ поклонника Аллаха является не столь существеннымъ измѣненіемъ въ жизни Египта, какъ полное разложеніе верхнихъ слоевъ при незначительной перемѣнѣ характера нижнихъ. Знатныя лица, жрецы, торговцы, всѣ горожане измѣнились кореннымъ образомъ. Египетская раса, въ особенности, въ коптской вѣтви, потерпѣла измѣненія отъ усиленнаго ввоза негровъ-рабовъ. Только феллахъ въ теченіе 5000 лѣтъ остался существенно тѣмъ-же самымъ. Въ настоящее время Египетъ, какъ будто въ Нильской долинѣ сохранился остатокъ древняго искусства чтенія и письма, изъ всѣхъ арабскихъ странъ является страною лучшихъ высшихъ школъ (мечеть Эль-Азаръ — первый университетъ и вообще умственный центръ ислама) и наиболѣе дѣятельной прессы, вообще, самаго оживленнаго обмѣна мыслей. Арабско-мавританское искусство подъ пирамидами древняго царства въ Каирѣ выростило свои самые яркіе цвѣты. Когда дѣло касается древняго Египта, слѣдуетъ спуститься въ глиняную хижину феллаха, къ поднимающимъ воду колесамъ, въ поля,

засѣянныя дуррой. Далеко внизу проходитъ нить, неразрывно связывающая старое съ новымъ. Разсматриваемый съ этой стороны Египетъ оказывается важнѣйшимъ членомъ въ ряду магометанскихъ царствъ на сѣверномъ краю Африки. Арабскій и мусульманскій элементы, съ свойственной имъ обоимъ исключительностью, устранили слѣды греческаго и римскаго вліянія и послѣдующей христіанской культуры, съ большей силой, чѣмъ эти вліянія могли подѣйствовать на древне-египетскую культуру, и это обстоятельство обусловливаетъ величайшій поворотъ въ исторіи Египта. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ гиксы достигли своей цѣли, присоединивъ къ грубой власти полчища номадовъ фанатизмъ новой, монотеистической вѣры, которою должно было замѣниться многобожіе древнихъ.

* *
*

Исторію Нубіи нельзя отдѣлить отъ исторіи Египта: одно и то же племя выступаетъ передъ нами, и одна граница охватываетъ Египетъ и Нубію, какъ культурную область. Нубія занимаетъ при этомъ, во всякомъ случаѣ, второе мѣсто; она медленно слѣдуетъ за Египтомъ, когда онъ подвигается впередъ, повинуется ему, когда онъ становится могущественнымъ. и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами побѣдоносныхъ завоевателей. Хамитическій типъ языка связываетъ всѣ народы на сѣверномъ краѣ Африки и въ Нильской долинѣ, до подножія Абиссинскихъ горъ. Различіе историческаго развитія этихъ племенъ не всегда было такъ значительно, какъ нынѣ. Нубія не всегда была такъ несамостоятельна: въ ней заключалась извѣстная доля культурнаго избытка Египта. Она только не была самостоятельной культурной страной. Изъ всѣхъ памятниковъ, храмовъ, статуй, надписей можно лишь заключить, что Кушъ, или Кешъ, египтянъ, Эѳіопія грековъ, была провинціей Египетскаго царства, границы которой постепенно раздвигались къ югу. Несмотря на сопротивленіе негрскихъ народовъ темно-бураго цвѣта (нагази памятниковъ), къ которымъ давно уже присоединялись проникавшія отъ Краснаго моря болѣе свѣтлыя племена семитическаго происхожденія, въ горныхъ мѣстностяхъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, владычество фараоновъ высоко поднималось по Нилу. Надписи на скалистыхъ глыбахъ, между 20^0 и 19^0 с. ш., сохранили воспоминаніе о великихъ подвигахъ Тутмозиса I. Когда Египетъ палъ, поднялась болѣе юная Эѳіопія, и въ VII в. мы находимъ эѳіопскихъ царей, правящихъ Египтомъ. Древнѣйшіе памятники, сохранившіеся въ развалинахъ Напаты, принадлежатъ времени Рамзеса II; они — чисто египетскіе, подобные позднѣйшимъ произведеніямъ мѣстныхъ царей. Уклоненія являются ослабленіемъ или указываютъ на вліяніе варваровъ. Часто выступаютъ и черныя богини. Извѣстное предпочтеніе женскаго элемента, которое, быть можетъ, находится съ этимъ въ связи, вообще замѣчается въ древней Нубіи и даже вмѣшивается въ условія престолонаслѣдія царства Мероэ. Культура и языкъ Греціи пустили здѣсь прочные корни. Христіанство въ мусульманской Африкѣ въ теченіе столѣтій нигдѣ не пріобрѣло болѣе обезпеченнаго положенія. Нубія служила убѣжищемъ христіанъ, подвергавшихся преслѣдованію въ Египтѣ. Христіанское ученіе монофизитовъ насчитывало непрерывный рядъ своихъ поклонниковъ отъ Нижняго Египта до Абиссиніи включительно. По крайней мѣрѣ, часть беджасовъ, подъ вліяніемъ христіанскаго царства Алоа, слѣдовала, повидимому, монофизическому ученію, и между ними до сихъ поръ еще, вѣроятно, можно найти христіанъ.

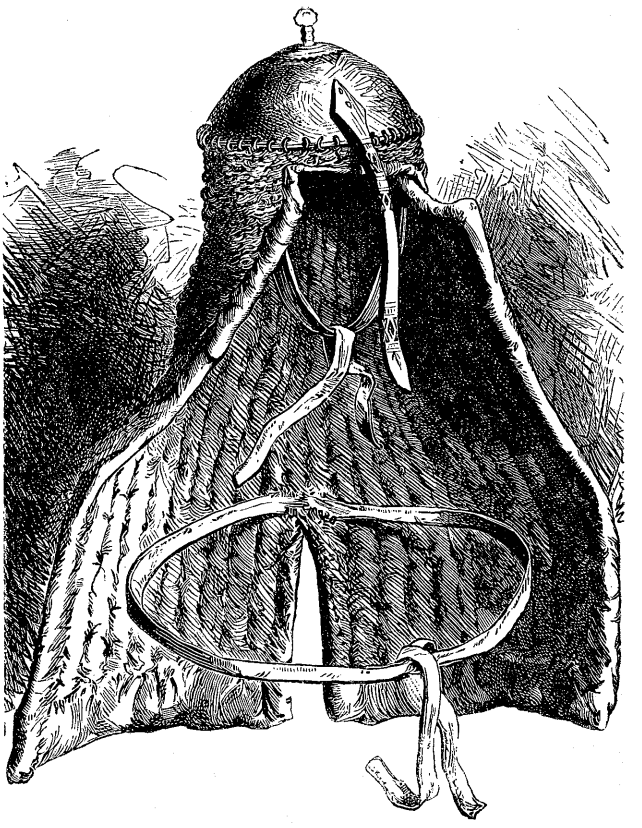
Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, исламъ оказалъ опустошающее дѣйствіе. Нубія — лишь слабая тѣнь того, чѣмъ она была нѣкогда. Не только исчезло египетское величіе, но и цвѣтокъ, распустившійся на его развалинахъ, засохъ жалкимъ образомъ. Кто можетъ подумать при видѣ знаменитой древней столицы Судана, Сеннаара, царь которой властвовалъ

до Вади Гальфы, что она недавно еще была резиденціей могущественныхъ правителей? 600—700 тукеле, хижинъ, съ острыми соломенными крышами, окружаютъ кучу развалинъ изъ красныхъ обожженныхъ кирпичей, гдѣ нѣкогда стояло жилище царей. То, что возникло въ новѣйшихъ городахъ, каковы Хартумъ или Суакинъ, является лишь скудной замѣной прежняго. Эѳіопія, нѣкогда пользовавшаяся громкой славой, была забыта даже по имени, и путешествія Буркхардта, Бельцони и Рюппеля, въ началѣ нашего столѣтія, произвели впечатлѣніе новыхъ открытій. Подобно Месопотаміи, Нубія была пастушеской страной. Тамъ, гдѣ Нилъ поднималъ прежде свою оплодотворяющую воду выше береговъ, въ настоящее время пустыня засыпаетъ своимъ летучимъ пескомъ и летучими народами культурныя полосы и оазисы вдоль рѣки. Для Нубіи наступилъ второй періодъ гиксовъ. Подобно сабейцамъ Абиссиніи и гиксамъ Египта, береговыя племена переселились изъ Аравіи еще до зарожденія ислама. Часть могущественнаго арабскаго племени тибетіеховъ, называвшаяся Гетемъ, переселилась нѣсколько десятилѣтій тому назадъ изъ страны Мойлахъ въ Сахель, подъ охраною правительства страны, не уплативъ никакого вознагражденія бени-амерамъ и хабабамъ за пользованіе пастбищами и водопоями (Хейглинъ). Названіе арабовъ предпочтительно, по справедливости, носятъ шейкіэ, имѣющіе точныя преданія о томъ, что они выселились изъ настоящей Аравіи, когда магометанское ученіе еще не было распространено. Этихъ переселившихся арабовъ теперь, какъ и тогда, характеризуетъ всего болѣе ясно выраженный воинственный духъ: еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія они сильно враждовали съ мелкими властителями нубійскихъ государствъ. Прежде они занимали среди обитателей Судана и Нубіи особое положеніе тѣмъ, что были единственными отправлявшими постоянную военную службу. Въ Донголѣ эти арабы съ военной организаціей достигли господства. Шейкіэ, впрочемъ, отличались и въ мирныхъ искусствахъ. Буркхардтъ видѣлъ рукописи, исходившія изъ ихъ школъ въ Мераве, которыя превосходили лучшія рукописи Каира. Изгнанные изъ Египта мамелюки основали собственное царство въ Донголѣ, съ которымъ съ тѣхъ поръ шейкіэ находились въ почти непрерывавшейся враждѣ. Въ этомъ новомъ, недолговѣчномъ царствѣ были посѣяны многія дурныя сѣмена, которыя взошли въ новѣйшей исторіи Нубіи, составившей дурную славу джллабамъ и донголавамъ (первоначально „люди изъ Донголы), въ качествѣ притѣснителей негровъ, охотниковъ за рабами, работорговцевъ и самовольныхъ чиновниковъ. Царству Махди они, повидимому, такъ же вредили, какъ прежде царству хедива.

Въ южной Нубіи послѣ арабскаго завоеванія исторія приняла совершенно иное направленіе, вслѣдствіе вторженія въ началѣ XVI в. негрскаго народа фунджей (фундьи, фунги) изъ Дарфура. Не держась строго ислама (Брюсъ нашелъ еще многочисленныхъ колдуновъ при короляхъ фунджей), они принимали эту вѣру и постепенно теряли свой негрскій характеръ, но настолько еще сохраняли варварство, что самый знаменитый изъ королей фунджей, Малекъ эль Гаманъ, всѣмъ другимъ кушаньямъ предпочиталъ человѣческую печень. Фунджи устремились на Кордофанъ и расширили свое господство къ югу за Фазогль. Какъ всѣ настоящіе негрскіе короли, они довольствовались тѣмъ, что налагали дань на мѣстныхъ начальниковъ и предоставляли имъ распоряжаться во всемъ остальномъ. Въ этой легкой формѣ данниками королей фунджей изъ Сеннаара бывали иногда даже шендіи, берберы и донголы. Когда Брюсъ посѣтилъ царство фунджей въ Сеннаарѣ, онъ нашелъ его защищеннымъ военной границей, на которой воины-земледѣльцы изъ племени фунджей обрабатывали землю. Эти язычники, поклонники луны, любители свиного мяса носили толстыя мѣдныя кольца на запястьяхъ и на лодыжкахъ. Брюсъ восхищался порядкомъ въ лагерѣ, лошадьми и вооруженіемъ ихъ войскъ —

стальной кольчугой, мѣднымъ шлемомъ (см. рис. ниже) и большимъ широкимъ мечомъ, въ красныхъ кожаныхъ ножнахъ.

Если арабы въ Египтѣ и въ пустыняхъ и степяхъ по ту сторону Нила находили случай къ дальнѣйшему распространенію и оказывались въ постоянномъ движеніи, то, съ другой стороны, выходцы изъ Аравіи въ Абиссинію, плоскогорье которой возвышается, какъ островъ, въ восточной Африкѣ, при всѣхъ смѣнахъ временъ оставались прочно прикрѣпленными къ мѣсту. Вмѣсто того, чтобы искать распространенія, семитическая колонія въ Абиссинскихъ горахъ и лѣсахъ не двигалась съ мѣста и ни разу не достигала до Нила, у истоковъ и верхняго теченія самаго обильнаго рукава котораго она живетъ. Вслѣдствіе того, великая историческая возможность достиженія отъ египтянъ, смѣшанныхъ съ семитами, у устья Нила до семитовъ восточнаго истока Нила осталась неосуществленной. Во внѣшнихъ отношеніяхъ Абиссиніи положеніе относительно Аравіи имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ отношеніе къ Африкѣ. У обитателей южнаго берега Краснаго моря существуетъ характерное сказаніе, будто Аравія прежде составляла съ Абиссиніей одну страну, которая была раздѣлена землетрясеніемъ и отрѣзана Краснымъ моремъ; это событіе нѣкоторые относятъ ко временамъ Магомета. Во всякомъ случаѣ, исламъ разорвалъ связь абиссинцевъ съ арабской родиной. Въ качествѣ дальше всего выдвинувшейся къ сѣверу и къ морю части восточно-африканскаго плоскогорья, богато надѣленнаго полезными растеніями и животными, Абиссинія уже въ древности посѣщалась торговыми народами Азіи и Европы. Благодаря тому и благодаря сосѣдству съ южной Аравіей, Абиссинія раньше другихъ средне-африканскихъ странъ вступила въ культурныя отношенія съ Азіей и Средиземнымъ моремъ.



Нубійскій панцырный шлемъ. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.)

Въ миѳическо-историческихъ преданіяхъ абиссинцевъ, въ которыхъ пестро перемѣшаны библейскій и языческій, семитическій и африканскій элементы, выступаетъ прославленная царица Савская, которая, согласно абиссинской легендѣ, царствовала въ Аксумѣ. Ея сынъ Менилекъ, называвшій себя Давидомъ, былъ рожденъ ею отъ Соломона въ Іерусалимѣ. Такимъ образомъ, абиссинская династія, съ которой всѣ позднѣйшіе властители старались связать себя, ведетъ свое начало отъ Соломона. Въ IV в. нашего лѣтосчисленія здѣсь было введено христіанство. Въ

этихъ преданіяхъ заключаются три историческихъ связи. Царица Савская означаетъ связь между Абиссиніей и южной Аравіей, несомнѣнно доказываемую связью языковъ. Народы Геезъ жили въ Абиссиніи уже въ началѣ нашей эры; своеобразность абиссинскихъ нарѣчій заставляетъ предполагать давнее отдѣленіе ихъ отъ южно-арабскихъ. Живой языкъ геезъ простъ по конструкціи, легокъ и пріятенъ для слуха. Въ Гамазенѣ онъ уже испорченъ, въ настоящемъ Тигрѣ онъ образуетъ почти новый діалектъ (тигрина), а амгарина удаленъ отъ него всего болѣе. Самый чистый геезъ можно найти, безъ сомнѣнія, въ Мензѣ и у хабабовъ. Во всякомъ случаѣ, въ южно-арабскомъ населеніи Абиссиніи мы находимъ продуктъ не единовременныхъ большихъ переселеній, а, напротивъ, непрерывнаго просачиванія, дѣйствіе котораго мы замѣчаемъ и на всемъ остальномъ восточномъ берегу Африки. Вмѣшательство Соломона выражаетъ связь съ еврейскимъ культурнымъ кругомъ, вслѣдствіе пребыванія многочисленныхъ евреевъ (фалаша) въ Абиссиніи и сильныхъ еврейскихъ элементовъ въ абиссинскомъ христіанствѣ. Несомнѣнно, что здѣсь нѣкогда произошло значительное еврейское переселеніе, такъ же, какъ и въ южной Аравіи, но когда именно — объ этомъ нельзя сказать съ точностью. Послѣдній гиміаритскій правитель Абиссиніи относился дружественно къ евреямъ. Въ то же время еврейскіе цари царствовали въ южной Аравіи и христіане греки жили въ гаваняхъ Аксума. Въ VI в. на Абиссинію смотрѣли уже какъ на покровительницу христіанъ въ области Краснаго моря, и въ южной Аравіи одинъ изъ абиссинскихъ царей разбилъ гиміаритовъ, исповѣдовавшихъ язычество и іудейство.

Часто упоминающіеся обелиски въ Аксумѣ нельзя объяснить связью съ древнимъ Египтомъ, считавшейся прежде несомнѣнной. Эти обелиски частью весьма малы, а частью доходятъ до 25 метр. высоты. Одни изъ нихъ обтесаны грубо, а другіе правильно. На передней сторонѣ вытянутаго прямоугольнаго основанія одного изъ нихъ вставлена дверь съ замкомъ, а на другой извивается виноградная лоза. Вѣроятно, они были работою позднѣйшихъ египетско-греческихъ мастеровъ. Такого-же происхожденія была, быть можетъ, сфинксообразная фигура, высѣченная изъ скалы на краю озера Энчаро. Наоборотъ, въ различныхъ мѣстахъ Абиссиніи попадаются массивныя каменныя постройки, съ толстыми стѣнами, сложенными безъ цемента изъ большихъ камней, — дома на возвышенностяхъ, стѣны, сѣдалища, какъ будто для собраній, поразительно напоминающіе подобныя-же сооруженія, извѣстныя изъ южной Аравіи. Церкви въ скалахъ также напоминаютъ сирійскія и арабскія произведенія.

Точныя свѣдѣнія объ Абиссиніи достигли до насъ отъ греческихъ мореплавателей, которые вели торговлю вблизи нынѣшняго устья Барки, затѣмъ Массовы или Аркико, и основывали города. Изъ Адуле, близъ нынѣшней Зуллы, греки и римляне вывозили слоновую кость, рога носороговъ и черепаховые щиты. Отъ IV в. по Р. Х. до насъ дошли абиссинскія монеты съ греческими письменами. Развитіе мусульманства вокругъ границъ превратило отдаленную страну въ островъ христіанства въ мусульманскомъ океанѣ. Исламъ никогда не занималъ передового мѣста въ исторіи царства до того времени, когда галласы-магометане вторглись въ страну съ юга, между тѣмъ, какъ турки въ XVI в. окружили ее съ моря, вслѣдствіе чего вновь завязавшіяся тогда сношенія съ христіанской Европой имѣли лишь небольшое практическое значеніе.

Отношеній болѣе южныхъ восточно-африканскихъ странъ къ Аравіи и вообще къ Азіи мы касались уже въ предыдущихъ отдѣлахъ (см. въ особенности выше, стр. 216).

5. Исламъ.

„Исламъ быстро захватываетъ почву, такъ какъ онъ практиченъ, простъ и легко понятенъ и удовлетворяетъ склонности человѣка къ формамъ.“ Мунцингеръ.

Содержаніе: Распространеніе ислама. Мѣстное ограниченіе. — Христіанскіе, еврейскіе и языческіе слѣды. — Суевѣріе. — Мѣстныя различія. — Азіатскіе приверженцы. — Духовенство и дервиши. Странствующіе люди божьи. Монастыри, братства и хаджи. — Исламъ, какъ носитель арабской культуры. Его цивилизующая сила во внутренней Африкѣ. — Завоевательныя движенія ислама. — Арабское ученіе и наука. Право. Государство божіе.

Происхожденіе ислама относится къ пустынѣ, южнѣе и восточнѣе мѣста происхожденія еврейства и христіанства, выросшихъ на самой плодородной почвѣ древности, въ Израилѣ, Египтѣ, Греціи и Римѣ. Первое было съ самаго начала проникнуто восточной культурой, вслѣдствіе многосторонняго общенія съ нею, а послѣднему эта культура была совершенно чужда. Исламъ страдаетъ отъ слишкомъ узкой, мѣстной основы. Онъ исполненъ обычаевъ, указывающихъ на арабскую мѣстную религію, и это вліяніе глубоко чувствуется въ немъ. Монотеизмъ Магомета исходитъ изъ жизни араба, исполненной фантазій, что̀ опредѣляется безграничнымъ и величественнымъ однообразіемъ пустыни. Онъ былъ мощнымъ шагомъ къ религіи духа, взамѣнъ многобожія силъ природы и поклоненія звѣздамъ, но для способности къ развитію въ нравственномъ и умственномъ направленіи ему, несмотря на всѣ преимущества, не доставало космополитической человѣчности.

Нельзя допустить, чтобы мусульманская культура была лишь агломератомъ образованности тѣхъ народовъ, которыхъ арабы въ столь изумительно короткое время покорили своей власти, ввиду столь необычайнаго распространенія арабскаго языка. Блестящія и плодотворныя для культуры стороны прежняго магометанскаго развитія восходятъ, во всякомъ случаѣ, къ персидскимъ вліяніямъ. Эти слѣды выказываются въ умственной подвижности абассидовъ: „въ Мамунѣ билась, безъ сомнѣнія, жила персидской свободы духа“ (Ранке). Индія присоединяла сюда буддійскія идеи. Подобно тому, исламъ въ Малой Азіи имѣетъ турецкую и греческую окраску, а въ Египтѣ заключаетъ другіе элементы, чѣмъ въ Марокко. Мавры, обитавшіе нѣкогда въ Испаніи и въ сѣверной Африкѣ до Египта, своимъ искусствомъ, рыцарскимъ духомъ и промышленностью существенно отличаются отъ умственнаго достоянія и направленія азіатцевъ. Эта противоположность признавалась уже давно. Мусульманскій міръ въ эпоху своего расцвѣта былъ свидѣтелемъ великаго спора за умственное превосходство между двумя главными отдѣлами — магребиновъ (обитателей запада) и машрикиновъ — (жителей востока). Въ результатѣ этого спора за восточными странами признано было превосходство въ риторикѣ и поэзіи, а за западными — въ искусствѣ и наукѣ. Первыя всегда оставались, конечно, ограниченнымъ, въ отношеніи пространства и отчасти времени, отпрыскомъ на древнемъ великомъ деревѣ восточной вѣры и восточнаго характера.

Чистый монотеизмъ для человѣчества вообще слишкомъ абстрактенъ, и восточные народы должны были охранять его отъ постороннихъ примѣсей. Въ исламѣ быстро и односторонне развились вліянія существовавшихъ уже монотеистическихъ религій, въ сознательномъ противоположеніи тогдашнему политическому убѣжищу христіанства — восточной римской имперіи. Магометъ осудилъ святыхъ христіанскаго неба и еще болѣе Троицу, которая ему, не нуждавшемуся въ рѣзкихъ контрастахъ и въ какомъ-либо примиреніи, казалась чистымъ многобожіемъ. Но его бли-

жайшіе друзья и родственники образуютъ, вмѣстѣ съ безчисленными отдаленными производителями чудесъ, цѣлый рай, полный святыхъ, находящихъ болѣе страстныхъ поклонниковъ, чѣмъ святые христіанъ. По всей области ислама разсѣяны тысячами чудодѣйственныя гробницы, и тѣ часовни, гдѣ погребены арабскіе марабуты, подъ ихъ ложами, закрытыми зеленымъ занавѣсомъ, въ Куббахѣ. Такіе святые считаются покровителями странъ, городовъ и профессіональныхъ классовъ, такъ-же, какъ у насъ. Каждая корпорація въ мусульманскихъ странахъ имѣетъ своего патрона, который миѳически связанъ съ ея работами. Въ отдаленныхъ странахъ, какъ, напр., на дорогѣ изъ Семипалатинска въ Сергіополь, ничто такъ не радуетъ взгляда, какъ благородныя и художественныя формы татарскихъ гробницъ. Холмы увѣнчаны часовнями, гдѣ покоятся тѣла святыхъ людей, и для мечетей также выбираются возвышенныя положенія. Всѣмъ извѣстны расколы, вызванные различными взглядами на роль преемниковъ Магомета въ исламѣ.

Преобразовательный духъ первоначальнаго ислама противился служенію идоламъ и звѣздамъ, торжественнымъ зрѣлищамъ въ храмахъ, напоминавшимъ служеніе Астартѣ, умерщвленію дѣвочекъ и т. п. Но слѣды древняго служенія звѣздамъ никогда не исчезали. Почитаніе звѣздъ племенами восточнаго Іордана представляетъ остатки его. Широко распространенное почитаніе гробницъ, — причемъ племя не ограничивается памятниками своихъ предковъ, но и могильные камни другихъ покрываетъ поцѣлуями и восклицаетъ: „Простите, вы, благословенные!“ — напоминаетъ поклоненіе предкамъ и служеніе камнямъ, которое могло удержаться въ почитаніи чернаго камня Каабы даже въ центрѣ ислама. Когда Лепсіусъ поднялся на Сербаль, въ Каменистой Аравіи, онъ нашелъ, что бедуины складывали небольшіе полевые камни въ видѣ кругообразнаго огражденія, къ которому они приближались съ религіознымъ благоговѣніемъ, въ которомъ произносили молитвы и, въ знакъ признательности, приносили въ жертву овецъ. Предполагаемые слѣды ногъ на камняхъ ведутъ къ почитанію ихъ. Магометъ хотѣлъ остановиться въ Дамаскѣ и уже одной ногой ступилъ на землю, когда Архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ ему, что, если онъ вступитъ въ земной рай, онъ вынужденъ будетъ отказаться отъ загробнаго. Быстро пророкъ сѣлъ опять на своего коня; но тамъ, гдѣ онъ коснулся скалистой почвы, слѣдъ его ноги виденъ и теперь, вблизи воротъ, на дорогѣ въ Хауранъ. Къ выгодамъ, которыя пріобрѣлъ Махди своей остановкой у подошвы Джебель Гедира, принадлежитъ вліяніе священнаго камня, которымъ тамъ владѣли тагаллы. Арабы думаютъ, что души умершихъ продолжаютъ жить въ зеленыхъ птицахъ; въ ихъ сказаніяхъ орелъ достигаетъ глубокой старости, и порталы ихъ могильныхъ камеръ увѣнчиваются птицей. Ни одна религія единобожія не противится столько, какъ исламъ, вѣрѣ въ призраки низшихъ религій; джины мусульманъ извѣстны даже въ отдаленныхъ странахъ, гдѣ эта религія имѣетъ немногихъ представителей, такъ же, какъ сатана (шайтанъ) распространенъ исламомъ по всей землѣ.

У татаръ и киргизовъ муллы заимствовали отъ шамановъ цѣлый рядъ суевѣрныхъ обычаевъ, связанныхъ съ обоготвореніемъ огня, съ клятвой надъ водою, которую пьютъ клянущіеся, и т. п. И поминальныя пиршества, на 40-й день послѣ смерти и въ годовой день кончины, въ сущности, языческіе обычаи.

Въ исламѣ удержались и христіанскіе слѣды, всего болѣе въ Нубіи, гдѣ они выступаютъ изъ болѣе древняго христіанскаго слоя. У нубійскихъ беджасовъ суббота называется малымъ, а воскресенье — большимъ шабашемъ, и они знаютъ Рождество и Пасху такъ же хорошо, какъ мы, хотя едва-ли читаютъ календарь. Когда татары Уфимской губерніи были еще христіанами, они уже почитали магометанскихъ святыхъ; въ настоящее время происходитъ обратное явленіе. Исламъ рано испыталъ христіанскія вліянія, но онъ въ большей

степени развился изъ іудейства, наиболѣе семитической изъ двухъ тогдашнихъ религій единобожія. Богъ Магомета находится въ ближайшемъ родствѣ съ Іеговой. Исламъ возросъ въ открытой борьбѣ съ политеистическимъ идолослуженіемъ и въ молчаливомъ противоположеніи съ іудействомъ и христіанствомъ. Во времена его роста, Мекка, какъ большой торговый городъ, имѣла самыя разностороннія сношенія и въ особенности съ восточно-римскимъ христіанскимъ царствомъ, которое охватывало тогда Сирію и Египетъ.

Въ успѣхахъ ислама въ Африкѣ нельзя не видѣть глубокихъ отношеній между до-исламическими, древне-арабскими и африканскими религіозными идеями. Африка вовсе не чуждая почва для арабскихъ идей, даже и тогда, когда онѣ выступаютъ въ одеждѣ ислама. Обрѣзаніе, запрещеніе различныхъ яствъ и полигамія были здѣсь давними мѣстными обычаями. Вся народная и суевѣрная основа ислама извѣстна или родственна каждому негру. Это преимущество обнаруживается повсюду, гдѣ исламъ сталкивается съ не совсѣмъ новымъ христіанствомъ, какъ, напр., въ Сенегамбіи. Здѣсь магометане занимаются такими-же работами, какъ и христіане, но арабская культура лучше приспособилась къ потребностямъ и вкусамъ негра. Этотъ послѣдній гораздо тѣснѣе сливается съ арабской одеждой и арабскими нравами, чѣмъ съ европейскими, и съ большимъ внѣшнимъ успѣхомъ.

Границу распространенія ислама въ Африкѣ мы начертили въ „Культурной картѣ Африки“. Въ Азіи можно отъ водораздѣла между Индомъ и Аму-Дарьей проѣхать до Константинополя въ области магометанства. Къ востоку оттуда можно уже найти исламъ лишь въ болѣе или менѣе значительныхъ группахъ. Здѣсь, по большей части, живутъ шіиты, къ которымъ принадлежатъ бадахшанцы, наибольшее число балтовъ, дарды въ Асторѣ и Гильгитѣ и кашмирцы. Здѣсь буддизмъ долженъ былъ уступить почву исламу. Въ Индіи 40 мил. магометанъ, которые нѣкогда занимали господствующее положеніе надъ индусами, составляютъ небольшой отдѣльный міръ — наиболѣе сильную въ политическомъ отношеніи, одушевленную единымъ духомъ, наиболѣе уважаемую составную часть индобританскаго царства. Воспоминаніе о послѣднемъ блестящемъ періодѣ Индіи, подъ владычествомъ магометанъ, не такъ легко вымираетъ въ долинѣ Инда и Ганга.

Къ самымъ фанатическимъ мусульманамъ принадлежатъ болѣе цивилизованные обитатели западной и внутренней Азіи. Несмотря на свою привѣтливость, персіяне часто оказываются болѣе замкнутыми по отношенію къ христіанамъ, чѣмъ арабы, и еще болѣе это можно сказать про афганцевъ. Персидскихъ торговцевъ можно видѣть на рубкахъ каспійскихъ и волжскихъ пароходовъ, возсылающихъ молитвы къ Меккѣ, и тамъ для нихъ существуютъ особыя кухни, избавляющія ихъ отъ необходимости раздѣлять пищу христіанъ. Въ этомъ имъ подражаютъ татары, какъ будто близость христіанства дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ на исламъ, который въ послѣдніе годы пріобрѣлъ сотни послѣдователей среди татаръ и чувашей, принявшихъ уже христіанство. Черезъ весь Туркестанъ и всю пограничную область между Европой и Азіей, на Волгѣ магометанскій культъ находитъ сильное внѣшнее представительство. Почти въ каждой башкирской деревнѣ есть маленькая мечеть и лежащее у самой дороги кладбище, окруженное изгородью или деревьями и содержащее могилы самаго простого вида — иногда лишь правильно сложенныя кучи камней, вышиною въ метръ, но всего чаще земляные холмы, на которыхъ стоятъ небольшія деревянныя сваи. Многія мечети, не рѣдко увѣнчанныя китайскими острыми кровлями, принадлежатъ, наряду съ греческой церковью, къ монументальнымъ постройкамъ туркестанскихъ городовъ и естественно превосходятъ всѣ другія великолѣпіемъ, величиною и древностью. Религіозный фанатизмъ по временамъ принимаетъ политическія формы, а затѣмъ возвращается назадъ къ своему мистическому равновѣсію. Духъ

Али, просвѣтителя среднеазіатцевъ, кроваваго проповѣдника новой вѣры, могила котораго въ мѣстечкѣ Мазара-Шерифъ (священная могила), близъ Балха, составляетъ пунктъ для богомолья всѣхъ мусульманъ средней Азіи, до сихъ поръ вліяетъ на всѣ эти области. Здѣсь и далѣе, до границъ Китая, у джунгаровъ, дунганъ, таранчей, пантаевъ и другихъ магометанскихъ группъ отдаленной внутренней Азіи противоположность буддизму, а быть можетъ, и національный контрастъ между тюрками и монголами должны дѣйствовать на вѣру укрѣпляющимъ образомъ.

У ислама есть духовныя лица высшаго и низшаго порядка; у нѣкоторыхъ народовъ они имѣютъ менѣе значительное вліяніе, какъ, напр., у персіянъ и туркменъ, а у другихъ — гораздо большее, какъ у египтянъ и магребинцевъ. Великолѣпіе храмовъ въ болѣе видныхъ мѣстахъ, молитвы, омовенія, поклоны, проповѣдь и призывы муэззиновъ образуютъ привлекательныя формы богослуженія. Молитвы Махди, причемъ тысячи его приверженцевъ стояли рядами и молились вмѣстѣ съ нимъ, оказывали одушевляющее дѣйствіе. Но въ мусульманскихъ духовныхъ лицъ перешло многое изъ шаманства, и они служатъ суевѣрію не меньше, чѣмъ знахари негровъ (см. рис., стр. 53 и 55 и т. I, стр. 53). Сумасшедшіе, тупоумные и вообще психически больные мужчины и женщины пользуются у магометанъ благоговѣйнымъ уваженіемъ: самъ Магометъ подвергался экстатическимъ припадкамъ, въ которыхъ онъ получалъ внушенія, казавшіяся ему откровеніемъ свыше. Это отношеніе глубоко залегаетъ въ религіяхъ природы. На женщинъ во время родовъ вѣшаютъ зашитые въ кожаномъ мѣшкѣ волосы какого либо святого, или имъ даютъ пить воду изъ колодца Земземъ, или же посыпаютъ имъ голову пылью изъ храма въ Меккѣ. У магометанскихъ дьолоффовъ кожаныя сумочки съ изреченіями корана, которыя они вѣшаютъ на шею вмѣстѣ съ волшебными рогами, такъ же распространены, какъ у крещеныхъ — фетиши, гри-гри, которые они носятъ въ видѣ ожерелій, браслетъ или ножныхъ колецъ, стихи изъ корана, зубы акулъ или шакаловъ, кости или дерево въ металлической коробочкѣ, которую они носятъ на груди. Не только дервиши и каландары, вродѣ тѣхъ, которые въ средне-азіатскихъ городахъ живутъ на кладбищахъ, среди фруктовыхъ садовъ, пристраивая къ гробницамъ свои простыя глиняныя хижины, причисляются къ духовному классу, но въ кругъ религіозныхъ дѣйствій входятъ и фокусы со змѣями. Послѣдніе доходятъ до того, что фокусники съѣдаютъ змѣй, лишенныхъ ядовитыхъ железокъ, начиная съ хвоста, причемъ змѣя покрываетъ ихъ тѣло ранами, пока они не съѣдятъ и голову. Если это даже вырожденіе широко распространеннаго представленія (и у ислама есть свой эскулапъ, въ лицѣ шейха Шериди, который совершаетъ чудеса, съ помощью змѣи, излѣчивающей всѣ болѣзни), то здѣсь все-таки выказывается ясно выраженная склонность къ самому матеріальному извращенію идеи.

И въ исламѣ есть свои представители формъ и хранители существующаго порядка, относящіеся враждебно ко всѣмъ нововводителямъ и преобразователямъ. Прелаты и сановники церкви считаютъ тамъ всякаго человѣка, одушевленнаго идеями реформъ, неудобнымъ, какъ и повсюду. Противоположно имъ, этому дѣлу служатъ по своему убѣжденію вдохновенные аскеты, которымъ нерѣдко удавалось въ историческіе моменты поднимать народъ, предававшійся однимъ наслажденіямъ. Въ сѣверной Африкѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ орденъ братьевъ Сенусси приступилъ къ религіозной реформаціи, имѣвшей политическія послѣдствія. Онъ обложилъ пожертвованіями населеніе, но оно все-таки оказалось на его сторонѣ, настолько, что производило для него всевозможныя работы, и за него оказывалась судебная власть, когда нужно было понуждать къ подобнымъ же случаямъ. Подобно ордену іезуитовъ, сенусси овладѣли школами. Они вступили въ борьбу съ любимыми удовольствіями народа: такъ, они смотрѣли

неблагопріятно на употребленіе кофе, между тѣмъ, какъ уроженцы Марокко считали чай совершенно безвреднымъ. Они не хотѣли допустить и куреніе табаку. Они отказываютъ женщинамъ въ доступѣ въ мѣста ихъ богослуженія и хотѣли бы ихъ исключить изъ годовыхъ праздниковъ святыхъ, что̀ не можетъ быть пріятно мужчинамъ, забота объ угощеніи которыхъ въ религіозныхъ народныхъ празднествахъ лежитъ на женщинахъ. Когда основатель Сенуссіи захотѣлъ проповѣдывать въ Каирѣ, шейхъ Ханикъ наложилъ на него анаѳему и заключилъ его въ тюрьму. Въ странѣ пустынниковъ, въ Египтѣ и Нубіи, всегда существовали цѣлыя деревни факировъ. Тамъ живутъ только факиры, люди, которыхъ народъ считаетъ святыми, духовныя лица, на которыхъ не возлагается никакихъ обязанностей; они могутъ читать и писать, не допускаютъ ни музыки, ни плясокъ, ни празднествъ въ своей средѣ и за это пользуются славой большой праведности. Шейхъ въ такой деревнѣ считается главнѣйшимъ факиромъ всего округа. Всѣ вѣрятъ въ него, какъ въ пророка. Кромѣ того, репутація святости присвоивается и многочисленнымъ частнымъ лицамъ. Въ столѣтія упадка магометанской власти это глубокое проникновеніе религіи въ нѣдра народа выразилось въ сочетаніи исходившихъ отъ него политическихъ и религіозныхъ мотивовъ, и въ ихъ тѣсномъ взаимодѣйствіи политическіе мотивы часто выступали наружу. Махдизмъ выросъ на этой почвѣ. Первымъ махди былъ бѣдный дервишъ изъ небольшой деревни Аба, на Бѣломъ Нилѣ; его послѣдователями были факиры и горожане, имѣвшіе значеніе и вліяніе благочестивыхъ людей. Французы утверждаютъ, что въ каждомъ возстаніи алжирскихъ арабовъ, съ 1830 года, они чувствовали подъ религіозной оболочкой руку тайныхъ обществъ этихъ политическихъ заговорщиковъ.

Факиръ племени шукурьеховъ. (По снимку Рихарда Бухты.)

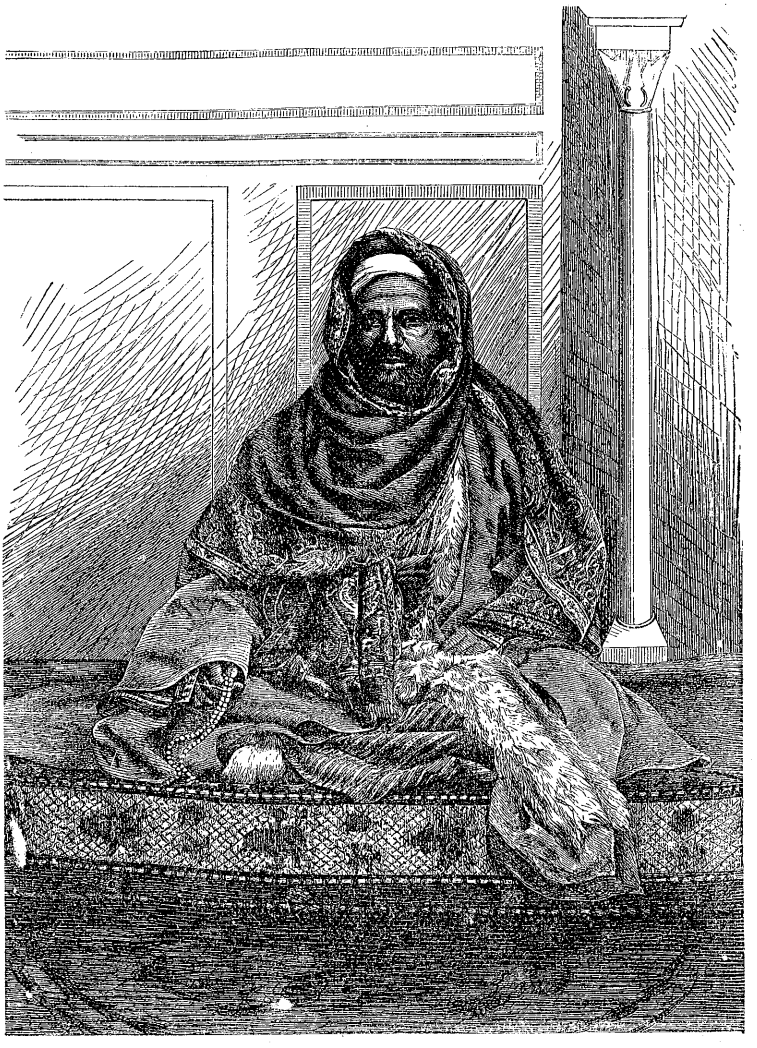
Политическія движенія восточныхъ народовъ проявляются на подобіе эпидемій; они имѣютъ характеръ какой-то положительности. Въ своихъ политическихъ надеждахъ и попыткахъ, въ особенности, арабы отличаются общностью возвышенныхъ идеаловъ, замѣняющею недостатокъ практическаго единства. Большое значеніе имѣютъ при этомъ общія мѣста паломничества, преимущественно, Мекка, являющаяся центромъ религіознаго сознанія, какимъ въ такой мѣрѣ никогда не были ни Іерусалимъ, ни Римъ. Мекка ежегодно посѣщается тысячами паломниковъ, въ числѣ которыхъ прибывающіе изъ весьма далекихъ краевъ могутъ вернуться на свою родину лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Множество „хаджей“, видѣв-

шихъ величіе ислама въ его священныхъ мѣстахъ, тысячами расходятся по свѣту, какъ провозвѣстники его. Они испытываютъ практически вліяніе вѣры, собирающей въ одно мѣсто людей съ Нигера и Селебеса, изъ Ѳракіи и Индіи, и дающей имъ нѣчто общее; испытать это имѣетъ большее значеніе, чѣмъ тѣ пять вещей (благочестивое намѣреніе, пребываніе на горѣ Арафѣ, одежда паломника, семь обходовъ кругомъ Битъ Аллаха (дома Божьяго), проходъ между холмами Стаффа и Маруа), благодаря которымъ мусульманинъ становится хаджой. Паломничество въ Медину есть благочестивое дѣло, но блаженство можетъ быть достигнуто и безъ него. Исламъ—практическая религія. По происхожденію и развитію, онъ основанъ на пропагандѣ и потому всегда сопровождался успѣхомъ.

Оживленная дѣятельность миссіи и агитаціи все далѣе и далѣе разноситъ исламъ въ Африкѣ и Азіи. Ливингстонъ могъ еще высказать въ своемъ послѣднемъ дневникѣ: магометане центральной Африки учатъ, правда, своихъ дѣтей читать коранъ, но они только это и дѣлаютъ, и коранъ никогда не былъ переведенъ. Многіе слуги принимаютъ мусульманскіе обычаи относительно ѣды, но не читаютъ никакихъ молитвъ, хотя и подвергаются обрѣзанію, чтобы имѣть право убивать скотъ для своихъ господъ. Теперь все это существенно измѣнилось. Странствующія духовныя лица, нищенствующіе монахи и дервиши составляютъ старинныя учрежденія ислама. Въ видѣ образованнаго пролетаріата, имѣющаго нѣчто общее съ бродягами, они проходятъ по всему магометанскому міру, далеко разнося идеи, вынесенныя ими изъ высшихъ школъ. Изъ средоточія Мекки муллы отправляются въ Индію и Африку для сбора подаяній на священныя мѣста, для торговли амулетами, для пріобрѣтенія послѣдователей, для собиранія свѣдѣній и для соглядатайства; они хорошо знакомы съ техникой заклинаній, и своими тайными союзами подрывали цѣлыя царства. Положеніе этихъ божьихъ людей въ мусульманскомъ обществѣ колеблется между добровольно переносимымъ презрѣніемъ и вынужденнымъ религіознымъ уваженіемъ. Повидимому, чаще всего они считаются излишними и тягостными, но никто не рѣшается совершенно устранить ихъ. У народовъ, пропитанныхъ фанатизмомъ, каковы арабы пустыни, эти странные праведники считаются неизбѣжными, хотя ихъ ученіе грубѣе и теологическія познанія ниже, чѣмъ у шейховъ, обитающихъ въ шатрахъ.

Въ новой религіи между восточнымъ Римомъ и Персіей быстро развились политическія тенденціи, и, когда Аравія посылала въ міръ однихъ людей за другими, умѣвшихъ побѣждать подъ знаменемъ полумѣсяца, это ученіе выдвинуло арабскую культуру далеко за предѣлы полуострова, и, пользуясь словами А. фонъ Кремера, „возникла цивилизація, въ которой религіозное чувство преобладаетъ надъ всѣмъ“. Послѣдователи ислама чувствовали превосходство этой культуры, хотя она матеріально стояла ниже многихъ, надъ которыми она поднималась побѣдоносными силами вѣры и меча. Въ теченіе столѣтій Африка и большая часть Азіи не знали болѣе сильной власти, чѣмъ власть мусульманскихъ государствъ. Первые не довольствовались обращеніемъ въ исламъ, а хотѣли быть настоящими арабами; они держали себя такъ же, какъ они, и носили ихъ оружіе. До настоящаго времени даже господствующія племена африканской пустыни и Судана, не исключая далекаго Багирми, желали вывести свое происхожденіе отъ обитателей Мекки или Іемена. Даже кабардинцы считали себя потомками арабовъ. Въ Африкѣ это не всегда бываетъ дѣломъ воображенія. Ибнъ Батута утверждаетъ, что нѣкоторыя арабскія племена Мавританіи, между прочимъ, санхадьяды, происходятъ изъ южной Аравіи и принадлежатъ къ группѣ гиміяритовъ, и онъ даже сравниваетъ ихъ по одеждѣ и постройкѣ хижинъ съ обитателями Магреба. Чисто внѣшніе признаки превращаютъ послѣдователей ислама въ великое братство, члены котораго повсюду узнаютъ другъ друга. Четки изъ сандаловаго дерева

меккскихъ пилигримовъ, всѣ мелкіе обряды молитвъ и жертвоприношеній, паломничествъ и церковныхъ праздниковъ, тюрбаны различныхъ цвѣтовъ, широкія и складчатыя одежды, мелкія примѣты въ болѣе тѣсныхъ областяхъ, каковы магребинскій бурнусъ или даже голубая полоса покрывала мусульманскихъ абиссинцевъ, на высшей ступени общность языка, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ формулахъ дѣйствующіе, какъ отличительные знаки, содѣйствуютъ чувству солидарности, въ которой политически раздробленный Востокъ такъ же нуждается, какъ нуждалась средневѣковая Европа въ римскомъ объединеніи. „Гордость, свойственная каждому мусульманскому народу, порождается единствомъ, чувствомъ взаимной связи. Умагометанъ есть религіозный патріотизмъ, идущій дальше дружбы и семьи“. (Мунцингеръ). Безчисленные мелкіе обычаи и различія окружающей жизни составляютъ разнообразіе въ жизни мусульманина. Именно въ нихъ онъ находитъ всего легче отличія отъ невѣрныхъ.



Хартумскій кади. (По фотографіи Рихарда Бухты.)
Ср. текстъ, стр. 430 и 448.

Единственный разъ, когда Вамбери подвергался опасности быть узнаннымъ подъ своей одеждой нищенскаго дервиша, случился, когда одинъ изъ молившихся вмѣстѣ съ нимъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что волосы на его рукахъ не располагались ни назадъ, ни напередъ, какъ у суннитовъ и шіитовъ, которые при омовеніи моютъ руки или отъ локтя къ запястью, или отъ запястья къ локтю. Буркхардтъ подвергался такой-же опасности, когда, находясь среди бедуиновъ, взялъ глотокъ воды, чтобы ополоснуть ротъ, послѣ, а не прежде кофе.

Арабы, какъ народъ, никогда не приходили въ состояніе покоя, нужнаго для самостоятельной переработки всего, что̀ приходило къ нимъ извнѣ. Дѣятельность ихъ воплощалась въ завоеваніи и распространеніи. Даже и тогда, когда сила распространенія народа, въ пер-

вое столѣтіе послѣ Магомета, энергично проявлялась во всѣхъ направленіяхъ, приходя въ соприкосновеніе какъ съ восточной, такъ и съ западной цивилизаціей, при незначительной продолжительности этого трепія, почти ничего не приносилось домой. Жизни племенъ въ теченіе извѣстнаго времени было придано новое содержаніе, силы ихъ, благодаря единенію, возросли до громадныхъ массъ, извѣстныя отрасли литературы дошли до цвѣтущаго состоянія, таланты самаго различнаго рода оживились и стали проявлять себя. Но задача вскорѣ оказалась непосильной для искреннихъ, истинныхъ приверженцевъ Магомета, для храбрыхъ измаилитовъ, не привыкшихъ къ осѣдлой культурѣ, дѣтей пустыни. Они придали величіе исламу, но они же содѣйствовали его регрессу. Тамъ, гдѣ они становились осѣдлыми, они вскорѣ впадали въ лѣность или подчинялись культурѣ, которую побѣдили силою оружія а не духа. Лучшіе цвѣты ислама развернулись въ неарабскихъ странахъ. Арабовъ необходимо отдѣлять отъ нубійцевъ, египтянъ и мавровъ, облеченныхъ въ одежду арабской культуры. Но это раздѣленіе нельзя провести повсюду. Въ Египтѣ, исторія котораго извѣстна нѣсколько лучше, чѣмъ другихъ частей сѣверной Африки, арабами называютъ жителей, которые, какъ можно предположить, лишь позднѣе поселились въ Нильской долинѣ и съ извѣстными лицами, имѣвшими право на то, основывали деревни. Они, благодаря своему свободному происхожденію и мужественному характеру, довольно опредѣленно отличаются отъ феллаховъ, исконныхъ землепашцевъ, приниженныхъ тысячелѣтнимъ рабствомъ. Бедуиномъ называютъ только всегда свободнаго сына пустыни, который, впрочемъ, бродитъ и въ прибрежной области.

Языкъ способствуетъ этимъ отличіямъ. Магребинскій діалектъ сѣверозападной Африки выказываетъ отступленія отъ чисто-арабскаго преимущественно въ томъ, что марокккскіе арабы усвоили многочисленныя берберскія и романскія выраженія, заимствуя даже цѣлыя конструкціи изъ этихъ языковъ. Между тѣмъ, это — только остатокъ чуждыхъ примѣсей, которыя этотъ языкъ заключалъ на испанской почвѣ, гдѣ съ настоящими арабами испанскіе „мавры“ едва-ли имѣли что-либо общее, кромѣ языка, и даже этотъ языкъ въ устахъ андалузцевъ выродился въ вульгарное нарѣчіе. Настоящій арабъ подразумѣваетъ теперь подъ магребинцами марокканцевъ, алжирцевъ и тунисцевъ. Среди остальныхъ арабовъ ихъ распознаютъ уже по бурнусу. Въ видѣ живого остатка ислама въ большой части бассейна Средиземнаго моря, можно признать только мальтійскій языкъ, искаженіе арабскаго, утвердившееся на островѣ со времена господства сарацинъ. Въ настоящее время на этомъ арабскомъ языкѣ, съ примѣсью итальянскихъ, нѣмецкихъ и провансальскихъ элементовъ, преимущественно говорятъ на внутренней равнинѣ, тогда какъ въ мальтійскихъ городахъ безусловно господствуетъ итальянскій языкъ. Своимъ множествомъ чуждыхъ элементовъ мальтійскій языкъ сходенъ съ языками Абиссиніи и съ вымершимъ языкомъ „мозарабъ“ южной Испаніи.

Исламъ не знаетъ никакого свѣтскаго права. Мулла — въ сущности, и судья (см. рис. стр. 447), и мечеть есть мѣсто убѣжища. Съ давняго времени въ Аравіи существуютъ старинные правовые обычаи — испытаніе огнемъ и т. п. Многія изъ этихъ жестокихъ установленій перешли въ коранъ. Но коранъ не хочетъ быть на сторонѣ какихъ-либо государственныхъ соображеній, а хочетъ стоять выше ихъ. Каждое мусульманское государство, въ сущности, теократично. Кромѣ того, въ немъ замѣтно, что судьбы его въ первомъ столѣтіи находились въ рукахъ военной касты, которая не знала частной собственности, но распредѣляла пріобрѣтенное войною между всѣми участниками ея и правовѣрными. Соціалистическая черта, воспрещавшая взиманіе всякихъ процентовъ со ссуды, безъ сомнѣнія, не могла проникнуть глубоко, по крайней мѣрѣ, у такихъ торговыхъ народовъ, какъ мавры и

персы (персидская поговорка гласитъ: „Безъ торговли нѣтъ имущества"), но живетъ въ отдѣльныхъ лицахъ.

Аллахъ — грозный Богъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ получилъ внушеніе, что и война можетъ служить для распространенія правой вѣры, онъ позволялъ своимъ избраннымъ служить ему также путемъ гнѣва, ярости и жестокости. Этимъ была установлена основная черта своеобразнаго нравственнаго ученія. Только отдѣльныя дурныя побужденія долженъ былъ подавлять человѣкъ; другимъ онъ могъ предоставить развиваться свободно. Фатализмъ могъ заставить думать, что истолкованіе звѣздъ и символовъ перешло въ арабское суевѣріе ихъ халдейской эпохи. Трудно и представить себѣ, какимъ образомъ, благодаря ему, отягчались ослабляющими узами, повидимому, наиболѣе свободныя проявленія воли и умерщвлялись прекраснѣйшіе цвѣты духа. Какъ религія борьбы и насильственныхъ обращеній, исламъ не сохранилъ высшихъ идеаловъ, предоставивъ націи наслѣдіе грубой силы, сдѣлавшейся важнымъ элементомъ въ распространеніи, а отчасти и внутреннемъ укрѣпленіи этой религіи. Всѣ міровыя религіи прошли чрезъ кровавое крещеніе, но лишь эта послѣдняя вышла изъ него. Въ *походахъ фанатизированныхъ массъ* отражались кочевыя наклонности, непрочность всѣхъ жизненныхъ условій, и эти походы постоянно повторялись. Возстаніе Махди противъ египтянъ и европейцевъ въ Нубіи не такъ необычно, какъ многіе думали. Въ концѣ 1856 г. Фула Ибрагимъ Шерифъ-эдъ-Динъ прибылъ, на пути изъ странъ Нигера въ Мекку, въ область Борну, съ репутаціей праведнаго человѣка и съ множествомъ послѣдователей, которые вѣрили, что онъ обладаетъ сверхестественными силами. Онъ никогда не садился верхомъ, носилъ только сандаліи и одѣвался въ самую бѣдную одежду. Между тѣмъ, какъ онъ медленно подвигался впередъ, чтобы дать время семьямъ освободиться отъ племенныхъ узъ и примкнуть къ нему, число его спутниковъ непрерывно и сильно возростало. Факиръ незамѣтно превратился въ политическую силу, столь же опасную своимъ фанатизмомъ, какъ и подвижнымъ характеромъ полчища, которое было и арміей, и партіей паломниковъ. Ядро этой религіозной арміи составляли фулахи съ запада, вооруженные луками и стрѣлами, окружавшіе факира на подобіе тѣлохранителей.

---

6. Внѣшняя жизнь въ арабско-африканской области кочевниковъ.

„Своеобразнѣйшей, единственной и глубочайшей темой человѣческой исторіи остается столкновеніе безвѣрія съ вѣрою."
Гёте.

Содержаніе: Одежда. Украшенія. Вооруженіе. — Жилища. Скотоводство и кочевая жизнь. Арабское происхожденіе восточно-африканскихъ домашнихъ животныхъ. Южноарабское и нубійское земледѣліе. Пища. — Ремесла. Касты ремесленниковъ южной Аравіи. Нубійская промышленность. Арабы какъ мореплаватели и торговцы. Нубійская торговля. Хозяйство серибовъ. — Характеръ и умственныя способности. Ограниченія. Арабское искусство. — Положеніе женщины. Семья. Многоженство. — Племя и государство. Политическій регрессъ.

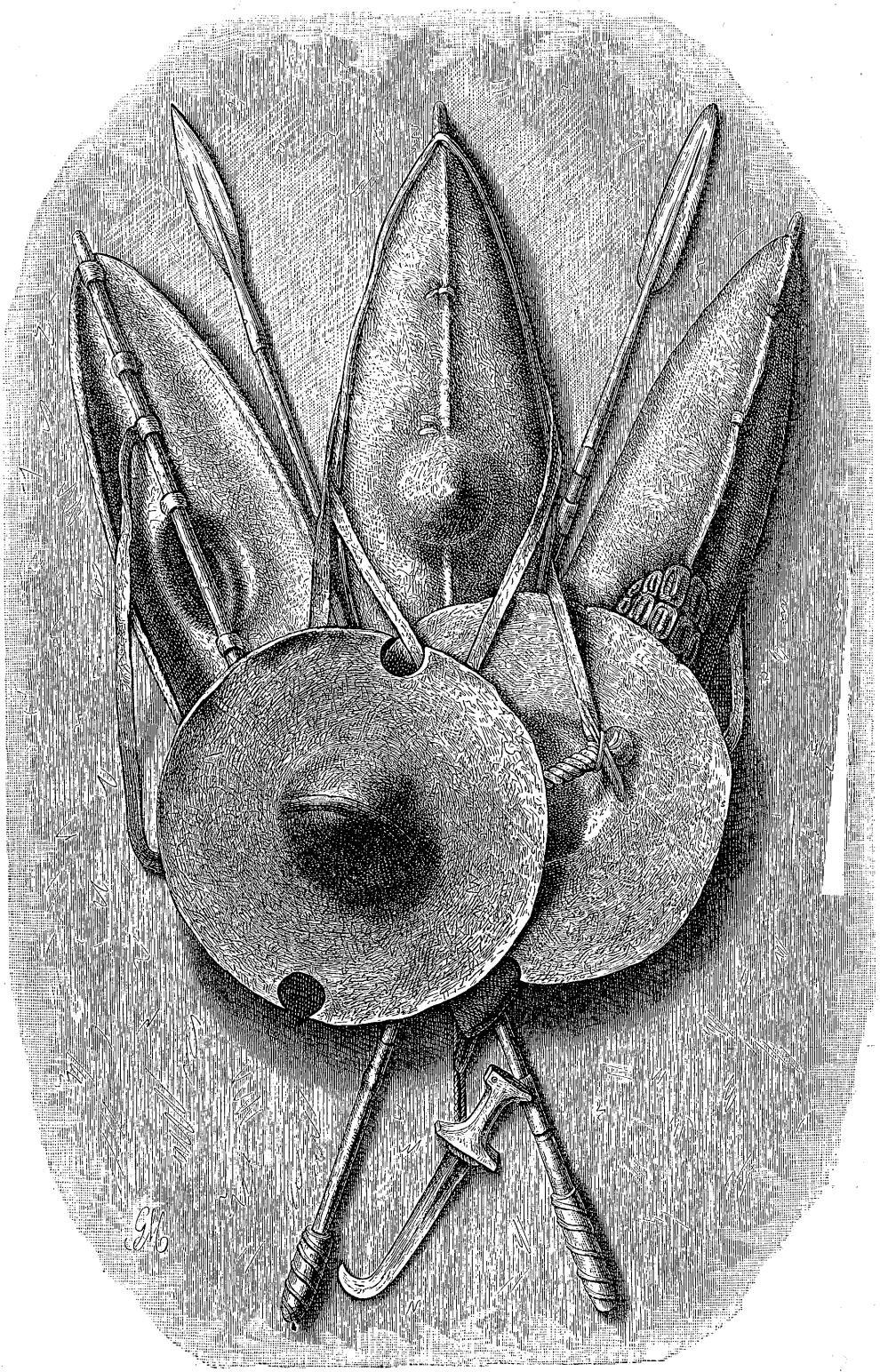
Одежда кочевого араба такъ проста и удобна, что она давно уже была такою и такою же останется на будущее время. У обитателей средней и сѣверной Аравіи внѣшняя простота одежды никогда не унижала достоинства человѣка. Магометъ и его преемникъ Омаръ презирали всякое украшеніе, и первый самъ чинилъ свои сандаліи. Длинная бѣлая рубашка обхватывается грубымъ кожанымъ поясомъ; къ ней присоединяется бурый или бѣлый съ черными полосами плащъ, и, сверхъ того, на болѣе прохладномъ сѣверѣ (уже въ странѣ Іордана) въ зимнее время надѣваютъ выкрашенную снаружи въ красный цвѣтъ куртку изъ овечьей шкуры.

бѣлый или пестрый тюрбанъ изъ бумажной или шелковой матеріи, величиною съ квадратный локоть, съ бахромою по обѣимъ сторонамъ. Онъ сдерживается черной веревкою изъ волосъ, которая два раза обертывается вокругъ лба и головы и сзади лежитъ на затылкѣ. Эта головная покрышка чрезвычайно удобна и практична; веревка на вискахъ защищаетъ отъ солнечнаго удара, и концы платка могутъ опускаться на лицо, для защиты глазъ. У нубійцевъ одежда ограничивается тогой изъ бумажной матеріи. Сандаліи, ремни которыхъ пропускаются между большимъ и вторымъ пальцемъ ногъ, вырѣзываются изъ одного куска кожи. Еще проще одежда женщинъ, которыя ходятъ въ широкой, длинной голубой рубашкѣ, съ рукавами длиною въ 2 метра, замѣняющими головное покрытіе и верхнюю одежду. Болѣе богатыя носятъ сверху одежду въ видѣ плаща. Платокъ прикрываетъ нижнюю часть лица, оставляя открытыми только носъ и глаза. Одежда арабскихъ горожанъ и земледѣльцевъ южной Аравіи состоитъ у мужчинъ изъ голубой рубашки, съ длинными, широкими рукавами, концы которыхъ связываются сзади, на затылкѣ, такъ, что руки остаются свободными, изъ бѣлаго передника и голубой головной повязки, вокругъ которой обвивается желтый шнуръ. Женщины носятъ пестрые полосатыя шаровары и рубашки и нѣчто вродѣ чепчика, связаннаго изъ головного платка, сверхъ котораго онѣ надѣваютъ еще соломенную шляпу съ широкими полями, и не закрываютъ лица. Ближе къ жаркимъ береговымъ мѣстностямъ одежда мужчинъ ограничивается передникомъ, а богатые, кромѣ того, надѣваютъ узкую куртку, напоминающую малайскую одежду. Здѣсь часто можно видѣть татуировку, распространенную даже у тунисскихъ арабовъ.

Хартумская танцовщица, абиссинскаго происхожденія? (По снимку Ричарда Бухты.) Ср. текстъ, стр. 430.

Мужчины охотно надѣваютъ на верхнюю часть лѣвой руки козій рогъ, наполненный сильными пахучими веществами, по преимуществу, крокодиловымъ мускусомъ, вмѣстѣ съ маленькими желѣзными клещами, для вытаскиванія занозъ, и сумочкой съ изреченіями изъ корана; у женщинъ къ этому прибавляются серебряныя кольца въ ушахъ и въ носу, рѣже золотыя, серебряные обручи на рукахъ и ногахъ, а нерѣдко и колокольчики и кораллы на концахъ головныхъ косичекъ (см. рис. выше). Серебряные перстни съ сердоликомъ, шнурокъ съ кусочками сердолика, наконецъ, ожерелья изъ бусъ или янтаря показываютъ, что нубійцы принадлежатъ къ наиболѣе разукрашеннымъ народамъ Африки. Высокая цѣнность, придаваемая нѣкоторымъ камнямъ, напримѣръ, отшлифованному въ видѣ удлиненныхъ палочекъ черному агату съ бѣлыми полосами, которыя нубійцы особенно охотно носятъ на шеѣ, напоминаетъ древне-египетскія украшенія.

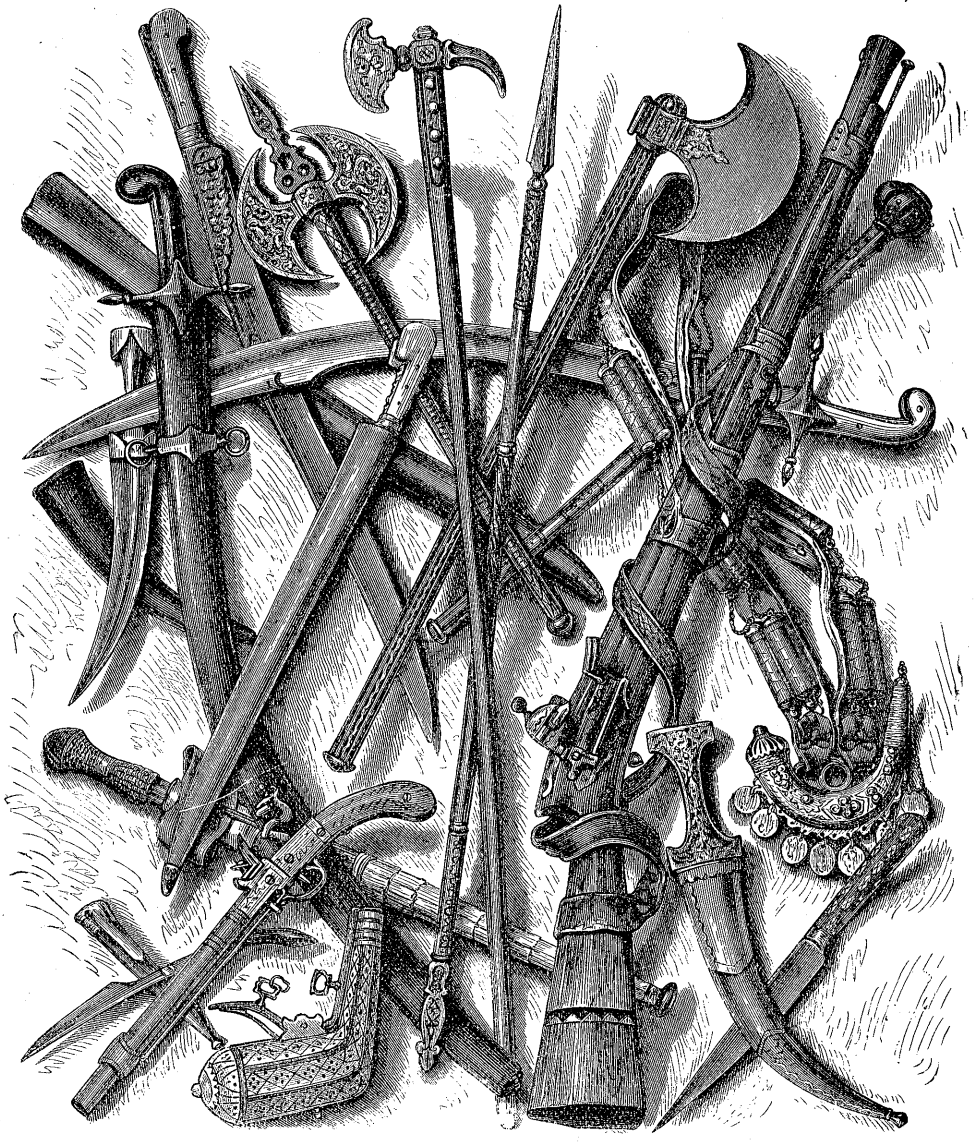
Въ видѣ прически, у бедуиновъ встрѣчаются свѣшивающіеся съ обѣихъ сторонъ локоны или косички на вискахъ. Нубійцы-мужчины носятъ волосы въ видѣ высоко поднимающейся гривы. Туалетъ ихъ дополняется тѣмъ, что густые волосы расчесываются и обсыпаются приготовленнымъ особымъ способомъ масломъ, въ видѣ тонкихъ хлопьевъ; вслѣдствіе того, когда оно таетъ, всѣ волосы испещрены безчисленными крапинками, и отъ нихъ задняя часть шеи и плечи покрываются поверхностью, кажущеюся блестящей на темно-бурой кожѣ, что хорошо сложеннымъ фигурамъ придаетъ подобіе античныхъ бронзовыхъ статуй. Кромѣ того, къ головному украшенію мужчинъ принадлежитъ длинная шпилька, игла дикобраза или деревянная палочка, служащая для расчесыванія и разглаживанія волосъ



Нубійское оружіе.

(Коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.)

(см. рис., т. I, стр. 703 и табл. „Нубійскій воинъ“). Женщины заплетаютъ свои волосы въ тонкія косички. Женщины татуируютъ себѣ кисти руки, ступни, лицо и грудь, а мужчины только кисти руки. Окрашиваніе вѣкъ въ черный цвѣтъ, нижней губы въ голубой и щекъ въ желто-красный встрѣчается у женщинъ. Смазыванье тѣла жиромъ повсемѣстно распространено

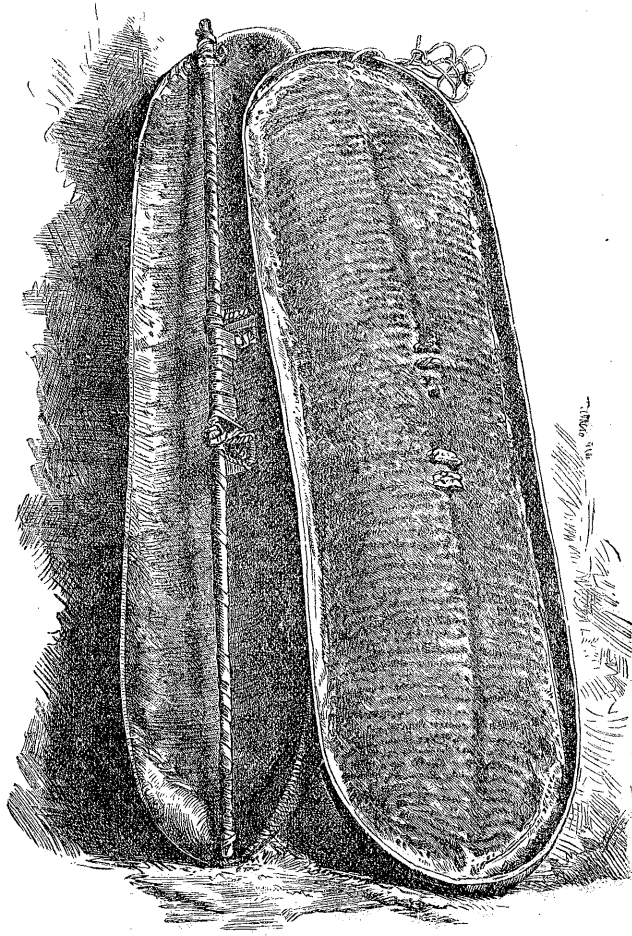


Мавританско-арабскіе военные трофеи. (Мюнхенскій этнографическій музей.)

у арабовъ и нубійцевъ; широкое примѣненіе находитъ себѣ также окрашиваніе вѣкъ въ темный цвѣтъ свинцовымъ блескомъ или сурьмой; „краску для глазъ“ можно встрѣтить почти на каждомъ базарѣ: она попадается уже среди вещей, которыя египтяне клали въ гробъ.

Арабъ вооруженъ короткимъ, прямымъ мечомъ или кинжаломъ, копьемъ и длиннымъ, выложеннымъ желтой мѣдью кремневымъ ружьемъ, съ пороховницей, въ видѣ бараньяго рога, прикрѣпленною къ поясу.

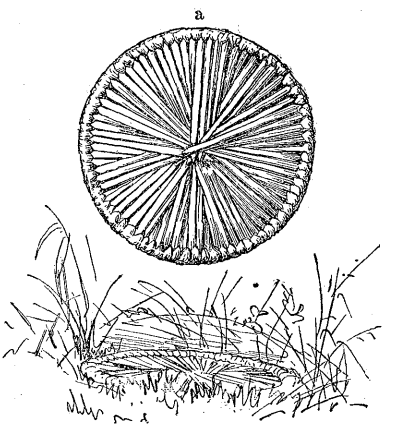
Главнымъ оружіемъ до настоящаго времени во внутренней Аравіи является копье, которое не было вытѣснено фитильнымъ ружьемъ; бѣдный бедуинъ, ходящій пѣшкомъ, носитъ копье бо́льшихъ размѣровъ вмѣсто палки и меньшаго размѣра — въ видѣ оружія. Лукъ, вслѣдствіе введенія огнестрѣльнаго оружія, почти уступилъ ему мѣсто, а шлемъ и панцырь до сихъ поръ еще находятся въ употребленіи у внутреннихъ племенъ и въ Нубіи. Для арáба оружіе служитъ одновременно украшеніемъ и сословнымъ знакомъ. Чужеземные купцы и другіе „неблагородные“ въ Янбо не должны отваживаться, не боясь подвергнуться оскорбленіямъ, носить кинжалъ бедуиновъ; поэтому они вооружены палкой. Наши собиратели коллекцій знаютъ и цѣнятъ арабское нарядное оружіе, въ которомъ нельзя не замѣтить персидскаго и индійскаго вліянія. Въ южной Аравіи употребительны серебряныя насѣчки, иногда высокой цѣнности. На самомъ дѣлѣ, на черной кожѣ ничего не можетъ быть красивѣе оружія съ серебряными украшеніями. Нубійцы мужчины рѣдко выходятъ безъ оружія. Картина, набросанная Лепсіусомъ въ пустынѣ Короско, стоитъ, какъ живая, передъ нашими глазами: „вожаки шли передъ нами въ простыхъ одеждахъ, наброшенныхъ на плечи и бедра, съ однимъ или двумя копьями въ рукѣ, изъ легкаго, крѣпкаго дерева, съ желѣзными наконечниками на остріѣ и на концѣ древка; обнаженную спину прикрывалъ круглый или слегка вырѣзанный щитъ изъ шкуры жирафы, съ высоко поднимавшимся возвышеніемъ посерединѣ (см. табл. „Нубійское оружіе“). Длинный, прямой мечъ для всадника, по большей части, съ солингенскимъ клинкомъ (см. рис., стр. 458; особенно хорошо дамаскированный клинокъ, „френги“, относимый къ сарацинамъ, теперь встрѣчается рѣдко) они носятъ въ красныхъ кожаныхъ ножнахъ на короткомъ ремнѣ черезъ плечо или на рукѣ, а также, въ виду того, что онъ слишкомъ длиненъ для опоясыванья, вмѣстѣ съ ножнами прямо въ рукѣ. Въ самостоятельныхъ царствахъ, существовавшихъ въ Нубіи до подчиненія ихъ власти египетскихъ пашей, были войска, снабженныя такъ же, какъ въ центральномъ Суданѣ, панцырной рубашкой (см. рис., стр. 439). На охотѣ употребляется метательное деревянное оружіе.



Щиты нубовъ изъ Кордофана. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.) 1/9 наст. велич. Ср. текстъ на этой стр.

Жилища зависятъ отъ образа жизни. Тамъ, гдѣ временно помѣща-

ются бѣдные кочевники, они живутъ въ шалашахъ, воздвигнутыхъ безъ всякаго труда изъ легкаго матеріала (хвороста, соломы); такъ строятъ свои жилища временные обитатели низинъ Евфрата, въ самой простой формѣ, изъ свѣжихъ вѣтвей тамариска, причемъ надъ ними протягивается кусокъ полотна, или живутъ въ настоящихъ палаткахъ; между тѣмъ осѣдлые воздвигаютъ болѣе прочныя жилища изъ необожженнаго кирпича съ деревяннымъ остовомъ. Впрочемъ, и у этихъ послѣднихъ встрѣчаются недолговѣчныя хижины, въ подражаніе номадамъ и вслѣдствіе разрушенія глиняныхъ хижинъ при непріятельскихъ нападеніяхъ; у нихъ есть обычай не селиться вновь въ покинутыхъ однажды хижинахъ, предоставляя ихъ термитамъ. Такъ, мы можемъ встрѣтить тамъ многочисленныя развалины нѣкогда болѣе крѣпкихъ жилищъ на мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время обитаемы только хижины изъ соломы и хвороста. Среди болѣе легкихъ пастушескихъ построекъ въ Нубіи особенно распространены такъ называемые ш о к а б ы, хижины, которыя можно разбирать, какъ палатки, и навьючивать на верблюдовъ. Стѣны ихъ состоятъ изъ тонкихъ прутьевъ, сплетенныхъ на подобіе циновки и поддающихся свертыванію. Эти циновки укрѣпляются на нѣсколькихъ кольяхъ, и на двухъ или трехъ поперечныхъ перекладинахъ устанавливается черная кровля, изъ ткани, сдѣланной изъ козьей шерсти. Въ теченіе сухого времени года эти хижины-палатки передвигаются съ возвышенностей къ Нилу въ лѣсистыя мѣста. Каждая группа носитъ имя своего шейха, судьи и начальника. Далѣе на югѣ хижины строятся изъ листьевъ пальмы-думъ; страна Барка доставляетъ эти листья на обширное пространство. Тамъ, гдѣ въ Сеннаарѣ и Кордофанѣ встрѣчаются постоянныя жилища, они представляютъ островерхія соломенныя хижины (тукеле), настоящую мѣстную постройку; мы находимъ ихъ почти исключительно по направленію къ югу. У бертовъ на кругообразной подставкѣ изъ булыжника, съ поперечникомъ до 10 метр., поднимается житница, въ видѣ башни, и между нею и стѣною, служащею оградой, лежитъ жилое пространство. Въ новыхъ городахъ, напримѣръ, въ Хартумѣ, всѣ дома строились изъ необожженнаго кирпича; Эль Обеидъ, напротивъ, былъ выстроенъ, по большей части, въ „негрскомъ стилѣ“; въ настоящее время и тотъ, и другой находятся въ развалинахъ. Халифъ не только разрушилъ Хартумъ, намѣреваясь выстроить въ Омдурманѣ новую столицу новаго махдійскаго царства, но и новый Берберъ возникъ рядомъ съ старымъ, уже покинутымъ; большое число болѣе мелкихъ нубійскихъ мѣстечекъ разрушено, а немногія новыя выстроились на мѣсто ихъ.



Западня для газелей, изъ области Атбары. а) видъ сверху. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/7 наст. велич.

Аравія — с т р а н а р а з в а л и н ъ. Климатъ, каменныя постройки, потребность въ защитѣ, страсть къ разрушенію безчисленныхъ враговъ усѣяли страну развалинами укрѣпленій и стѣнъ, и въ настоящее время въ южной Аравіи довольно значительная часть населенія живетъ въ разрушенныхъ жилищахъ предковъ. Въ дѣйствительности, тамъ едва-ли можно встрѣтить какую-либо возвышенность, на которой не было-бы остатковъ прежнихъ построекъ; одиночные или стоящіе группами дома въ Іеменѣ и теперь еще скорѣе напоминаютъ замки, чѣмъ обыкновенныя жилища. Въ прежнія безпокойныя времена, гдѣ почти каждая семья должна была защищаться сама, старались доставить себѣ безопасное положеніе постройкою жилищъ вродѣ крѣпостей на крутыхъ скалахъ. Цѣлыя мѣстечки, какъ Хадіэ, сре-

доточіе Джебель Ремы, состоятъ изъ домовъ, разбросанныхъ по склонамъ. Только рынки, встрѣчающіеся на каждыхъ 2—3 миляхъ, представляютъ двойные ряды небольшихъ лавокъ, въ которыхъ окрестные торговцы въ рыночные дни предлагаютъ свои товары, но которые въ другое время стоятъ пустыми. Основаніе домовъ состоитъ по большей части изъ булыжника, а верхняя часть—изъ грубой извести. Арабскіе города обыкновенно построены тѣсно, смѣло поднимаясь по склонамъ горъ; дома, чтобы воспользоваться пространствомъ внутри стѣнъ со многими башнями, имѣютъ отъ 5 до 6 этажей. Неправильные выступы и башенки, часто красиво вырѣзанныя изъ дерева или сплетенныя изъ камыша, придаютъ улицамъ чрезвычайно живописный видъ. Вмѣсто дорогихъ оконныхъ стеколъ употребляется сильно просвѣчивающій, тонко расколотый алебастръ. Окна украшаютъ цвѣтами. Узкія улицы покрыты сводами или просто досками, циновками или парусиной, вслѣдствіе чего онѣ темны, но лѣтомъ прохладны; въ срединѣ ихъ идетъ желобъ, по которому двигаются вьючныя животныя, а по обѣимъ сторонамъ тянутся небольшіе мостки. Мѣстами лежатъ цѣлыя горы нечистотъ. Любимыя положенія восточныхъ людей, сидѣнье на корточкахъ и лежанье, устраняютъ необходимость столовъ и стульевъ даже въ зажиточныхъ домахъ. Даже въ Алжирѣ диваны можно найти только у европейцевъ. Столики, по большей части осьмиугольные, вродѣ скамеекъ, служатъ для питья кофе. Мѣсто шкафовъ и ларей занимаютъ сундуки, съ красными полосами и золотыми арабесками. На глиняныхъ или гипсовыхъ полахъ восточныхъ домовъ циновки лѣтомъ и ковры зимою гораздо нужнѣе, чѣмъ у насъ. Они замѣняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ деревянный полъ. Раскладывать и чистить ихъ въ Персіи составляло нѣкогда обязанность феррашей (фершъ — коверъ).

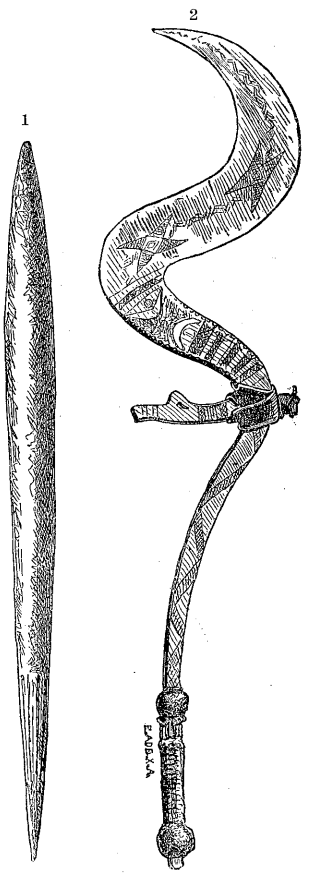
Буйволы многочисленны въ болотистыхъ, покрытыхъ кустарникомъ низинахъ; въ Месопотаміи, напримѣръ, арабы-афудли совсѣмъ не держатъ овецъ, весьма немного коровъ, но большое число буйволовъ. Важнѣйшими животными арабскихъ стадъ являются лошадь и въ новѣйшее время еще въ большей мѣрѣ—верблюдъ. Хотя вывозъ лошадей изъ Аравіи доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ въ годъ, но онъ не такъ выгоденъ, какъ прежде; верблюдъ даже въ Неджедѣ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, какъ верховое животное. Средоточія коневодства представляютъ политическіе центры, гдѣ богатые шейхи держатъ свои табуны; тамъ можно найти до сотни животныхъ, между тѣмъ, какъ нѣсколько сотъ пасется у сосѣднихъ племенъ. Прежде такую роль игралъ Ріадъ, резиденція вагабитовъ, а теперь она принадлежитъ Хаилю, мѣстопребыванію эмира шаммарскаго, самаго могущественнаго правителя во всей сѣверной и средней Аравіи. Къ западу отъ Іордана лошади становятся рѣдки, а живущіе къ востоку отъ него гордятся своими табунами. Въ южной Аравіи удачно занимаются разведеніемъ быстроходныхъ ословъ. Въ Африкѣ, тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, на сѣверѣ и востокѣ Дарфура, климатъ благопріятствуетъ травяной растительности, скотоводство достигаетъ значительнаго развитія, какимъ оно рѣдко бываетъ на аравійской родинѣ. Въ сѣверномъ Дарфурѣ пасутся сотни тысячъ верблюдовъ арабскихъ переселенцевъ. Даже стада рогатаго скота и овецъ являются для нихъ роскошью, такъ какъ верблюжье молоко вполнѣ удовлетворяетъ ихъ потребности въ пищѣ. Мэсонъ опредѣлялъ число животныхъ, которыхъ можно было видѣть въ большой стоянкѣ арабовъ-хомръ, въ 30 тыс. головъ. Нубійскіе баггары носятъ свое имя оттого, что они, главнымъ образомъ, занимаются разведеніемъ рогатаго скота. Цогавы разводятъ овецъ съ длинной, курчавой шерстью.

У нубійскихъ пастуховъ рѣже можно видѣть лошадей и муловъ, и болѣе въ сѣверной Нубіи, чѣмъ у хабабовъ и гановъ; въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ встрѣчается, напротивъ, много ословъ. Попадающаяся въ Верхнемъ Египтѣ быстрая донгольская лошадь болѣе походитъ на арабскую,

чѣмъ на тяжелую нижне-египетскую. Нубійцы ѣздятъ верхомъ почти такъ же, какъ арабы, и, повидимому, получили лошадь и верблюда только изъ Аравіи. Во всемъ восточномъ Суданѣ и въ Нубіи распространенъ горбатый скотъ, безспорно родственный индійскимъ и южно-арабскимъ зебу. Болѣе мелкій, безгорбый и короткорогій египетскій быкъ нѣкогда часто встрѣчался здѣсь, но почти совершенно вымеръ вслѣдствіе чумы. Того же происхожденія, вѣроятно, своеобразная порода собакъ, въ особенности похожія на борзыхъ охотничьи собаки, которыхъ гассаніэ и другія арабизированныя племена употребляютъ для охоты на газелей и цѣнятъ чрезвычайно высоко.

Земледѣліе бедуиновъ незначительно, но оазисы сѣверной Аравіи даютъ хлѣбъ, въ особенности пшеницу, ячмень и, въ новѣйшее время въ увеличивающемся количествѣ, маисъ. Въ странѣ восточнаго Іордана нѣкоторыя мѣстности занимаются винодѣліемъ въ большихъ размѣрахъ для заготовленія изюма. Въ меньшихъ количествахъ винная лоза воздѣлывается и въ Іеменѣ, который можно назвать вообще настоящей земледѣльческой страной; здѣсь сельское хозяйство обширно и интенсивно, и искусственное орошеніе пріобрѣтаетъ величественные размѣры. Самые высокіе склоны, на которые не могутъ взобраться ни быкъ, ни оселъ, обрабатываются ручной мотыкой, въ формѣ серпа. Дурра и просо (духнъ) весьма кустисты и достигаютъ высоты 5—6 метр При обильномъ притокѣ воды и тепломъ климатѣ, тамъ жнутъ и сѣютъ въ теченіе всего года. Оригиналенъ обычай, существующій въ южномъ Іеменѣ, — сохранять сжатый хлѣбъ, укладывая его въ снопахъ между вѣтвями деревьевъ, стоящихъ въ полѣ.

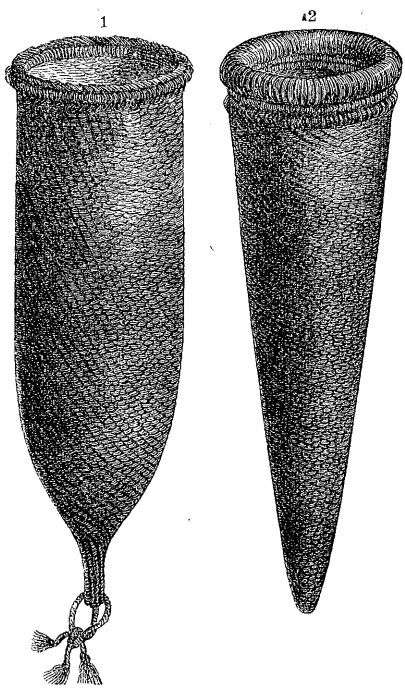
Земледѣліе Нубіи ограничивается узкими полосами, доступными искусственному орошенію, что̀ составляетъ въ общемъ не болѣе 40 кв. нѣм. миль, но здѣсь оно ведется почти также интенсивно, какъ въ Египтѣ, хотя оно и не располагаетъ голубинымъ пометомъ, иломъ каналовъ и богатыми солью отбросами (sebakh) старинныхъ городовъ, образующими удобреніе истощенныхъ полей Нижняго Египта. Несмотря на незначительность обрабатываемой полосы, численность земледѣльческаго населенія Нубіи замѣтно превышаетъ численность кочевого. Приспособленія для орошенія оживляютъ нубійскіе берега Нила такъ же, какъ ниже египетскіе. Тамъ можно видѣть свѣжевспаханныя поля, перерѣзанныя канавами, въ которыя вода поднимается колесами съ черпаками. Проведеніе, отпираніе и запираніе канавъ здѣсь, какъ и въ Египтѣ, составляетъ главную работу крестьянъ. Дурровыя поля Кордофана окружены валами, для воспрепятствованія стоку дождевой воды. Обработка легкой почвы не затруднительна: ее разрыхляютъ сверху мотыкой и затѣмъ полютъ, когда это нужно. Орвальдеръ видѣлъ только разъ плугъ, которымъ, къ его большому изумленію, одинъ египтянинъ работалъ близъ Хартума. Въ Кордофанѣ сорная трава полей духна выпалывается съ помощью желѣзныхъ клинковъ полулунной формы, насаженныхъ на длинную палку. Такіе клинки обращаются въ странѣ, какъ деньги (см. рис. т. I, стр. 90). Для удобренія привозится въ степь лёсообразная земля изъ низинъ. Предметъ



1) Заостренная палица съ верхняго Нила. 1/8 наст. велич. 2) Метательный ножъ изъ Кордофана. 1/8 наст. велич. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.)

земледѣлія и въ Нубіи составляютъ на первомъ планѣ дурра, духнъ и маисъ (Aish er rif, египетскій хлѣбъ), пшеница и ячмень. Бобы и лупины выращиваются безъ искусственнаго орошенія на краяхъ берега. Полученное зерно сохраняется въ герметически закрытыхъ глиняныхъ цилиндрахъ, которые, для предохраненія отъ вредныхъ животныхъ, ставятся на высокихъ камняхъ; въ этомъ мы видимъ прообразы тѣхъ измѣненій зернохранилищъ, какія мы находимъ у всѣхъ африканскихъ земледѣльцевъ.

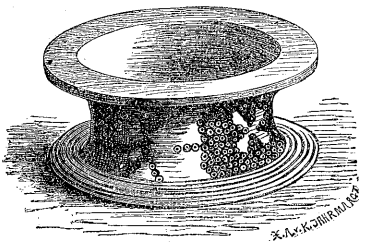
Характеръ нубійца, любящаго приключенія, усиливающееся въ мирныя времена увеличеніе населенія и желаніе избавиться отъ гнета египтянъ заставляли его все болѣе и болѣе подвигаться къ югу. Узкая земледѣльческая полоса, какъ, напримѣръ, между Абу Хаммедомъ и Берберомъ, должна была переполняться очень быстро. Люди, которые придали нубійскимъ нравамъ варварскія формы, не были по преимуществу мирными людьми, но событія отчасти способствовали плодотворному распространенію мирныхъ элементовъ. Между тѣмъ, какъ пригодныя для земледѣлія пространства въ Нубіи оставались въ запустѣніи, такъ какъ населеніе ихъ передвинулось далѣе къ югу, даже небольшіе острова на верхнемъ Нилѣ покрывались обработанными площадями; еще задолго до того, какъ египтяне распространили свое господство къ югу, за Эль-Аисъ, нубійскіе переселенцы воздѣлывали нильскіе берега въ странѣ шиллукскихъ острововъ.



Цѣдилка для пива изъ Кордофана. (1. Коллекція Кристи въ Лондонѣ; 2. коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.) 1/6 наст. вел.

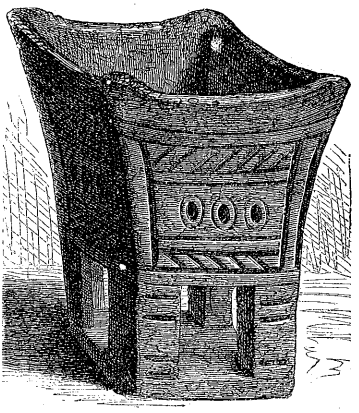
Хозяйственное положеніе нубійцевъ, независимо отъ горожанъ, находится на равномѣрно низкомъ уровнѣ. На такомъ уровнѣ поддерживаетъ земледѣльца высокая подать, а пастуха — отдаленіе отъ источниковъ всякой помощи и привычка къ простотѣ жизни. Коровье масло, благодаря сильной жарѣ, привозится на рынки въ жидкомъ видѣ въ козьихъ шкурахъ, и нубійцы пьютъ его въ большихъ количествахъ. Сыры вовсе не выдѣлываются. Обыкновенною пищею пастуховъ бываетъ молоко и дурра съ коровьимъ масломъ. Маисовую поленту ѣдятъ въ южной Аравіи. Хлѣбъ внутри страны попадается рѣдко; дурру мелютъ и дѣлаютъ изъ нея кашицу на водѣ. Мясо ѣдятъ только въ торжественныхъ случаяхъ; рисъ, финики и кофе считаются роскошью. Напиткомъ служитъ извѣстный сортъ пива, приготовляемый изъ дурры или овса, съ весьма кислымъ вкусомъ; хабабы и богосы, кромѣ того, приготовляютъ вино изъ меда, такое же, какъ и абиссинцы. Люди, строго придерживающіеся корана, пьютъ не перебродившую медовую воду, которою пользуются и абиссинскіе мусульмане. Для ѣды женщины мелютъ зерна на небольшихъ ручныхъ мельницахъ. Большую роль играютъ и финики. Саранчу ѣдятъ массами бѣдные люди, а въ голодное время и всѣ остальные. Не настоящій кофе, который въ странѣ арабскаго кофе пьютъ только въ горахъ, но легкій кишеръ, отваръ свѣжихъ кофейныхъ бобовъ, ароматъ котораго долженъ быть тоньше аромата кофе, наряду съ водою, составляетъ главный напитокъ арабовъ. Настоящій кофе пьютъ иногда въ честь святыхъ, какъ, напримѣръ, въ торжественную первую ночь, которую богомольцы, отправляющіеся водою въ Мекку, проводятъ на морѣ. Хотя въ арабскихъ прибрежныхъ мѣстахъ торговля водкой, производимая, по большей

части, греками, въ теченіе многихъ лѣтъ составляетъ одно изъ самыхъ прибыльныхъ занятій, незначительное распространеніе водки въ экваторіальной восточной Африкѣ показываетъ, что запретъ крѣпкихъ напитковъ, заключающійся въ коранѣ, имѣетъ еще достаточно силы, чтобы арабское вліяніе даже въ негрской странѣ могло оказываться полезнымъ. Махдистамъ стоило самаго большого труда обложить податью потребленіе пива, къ которому нубійцы имѣютъ большое пристрастіе.



Браслетъ изъ слоновой кости изъ Кордофана. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) Ср. текстъ, стр. 458.

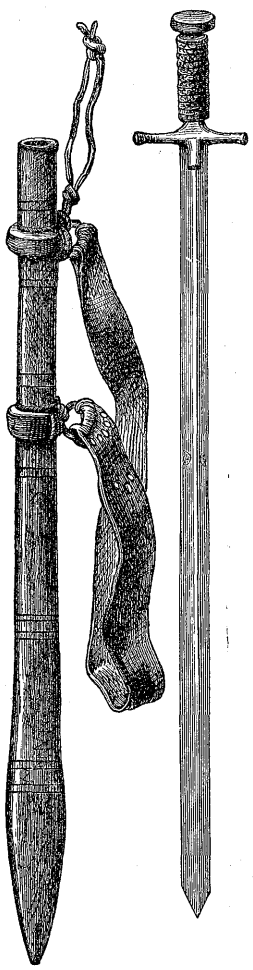
У арабовъ отличаютъ обыкновенно три класса: 1) горожанъ, по большей части, купцовъ и промышленниковъ, самый мирный и образованный классъ изъ всего племени; 2) арабовъ-дирэ, полукочевыхъ арабовъ, обитающихъ на краю пустыни въ палаткахъ или жалкихъ глиняныхъ хижинахъ, и 3) арабовъ-беду, бедуиновъ, которые такъ же, какъ и тысячелѣтія тому назадъ, живутъ самымъ первобытнымъ образомъ, блуждая по степи. Въ этомъ раздѣленіи заключается столько-же антропологическое, сколько и этнографическое, и экономическое ядро. Бедуинъ старается приспособиться къ жизни въ городахъ, но онъ никогда не становится настоящимъ горожаниномъ. Янбо, портовый городъ Медины, — настоящій городъ бедуиновъ; обитатели его имѣютъ видъ сельскихъ жителей, которые временно остановились въ городѣ. Они носятъ бедуинскій плащъ, головной платокъ и кинжалъ. Они живутъ по преимуществу своими пальмовыми садами, не позволяютъ ни одному невѣрному селиться въ городѣ и презираютъ торговлю, которая, вслѣдствіе того, находится въ рукахъ индусовъ и египтянъ. Такъ какъ бедуины презираютъ и ремесла и даже на морскихъ берегахъ предоставляютъ другимъ рыбную ловлю и мореходство, то они вблизи городовъ играютъ роль бѣдныхъ аристократовъ, довольствующихся рисомъ, хлѣбомъ, рыбой и финиками. Убоемъ скота и продажей мяса въ Янбо занимаются переселенцы изъ Мекки, египтяне и вагабиты; негры выдѣлываютъ переносные глиняные очаги, которые возятъ съ собою паломники, чтобы имѣть во всякое время теплые напитки. На всемъ арабскомъ берегу Краснаго моря самый важный рыбный промыселъ находится въ рукахъ Этъ Теми; это — народецъ дикаго вида, болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ арабы, презираемый сельскими и городскими бедуинами и подозрѣваемый во всевозможныхъ порокахъ. Онъ одѣвается въ длинныя, складчатыя, голубыя или бѣлыя, бумажныя рубашки, на подобіе египетскихъ феллаховъ, носитъ сандаліи изъ кожи манати и живетъ въ хижинахъ изъ хвороста или въ войлочныхъ палаткахъ. Только близъ Джидды живетъ народецъ туали, занимающійся рыбной ловлей, принадлежащій къ бедуинамъ, одноименное, родственное племя котораго обитаетъ внутри страны. Будучи рыболовами, они, тѣмъ не менѣе, презираютъ отъ всей души этъ-теміевъ, хотя ничѣмъ не отличаются отъ нихъ, кромѣ гордости. Это презрѣніе къ ремеслу оказало вредное вліяніе. Нѣкогда арабъ принесъ самопрялку въ Марокко, а теперь базары Алжира, Туниса, Каира и Смирны переполнены произведеніями европейской промышленности.



Арабскій сосудъ для куренія изъ глины. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. велич.

Въ Нубіи товары горшечниковъ, выказывающіе прямую связь съ тра-

диціями египетскаго ремесла, составляютъ предметы торговли, имѣющіе большой спросъ. Въ особенности до самаго Верхняго Египта въ большомъ спросѣ пористыя глиняныя водяныя кружки (аулле), изъ тонкаго нильскаго ила, въ которыхъ, благодаря испаренію черезъ стѣнки, вода остается холодной. Солевары составляютъ родъ болѣе бѣдной ремесленной касты. Изъ тонкихъ корней мимозъ плетутся коническія корзинки, изъ которыхъ каждая наполняется солью, цѣнностью на 5 піастровъ. Эта соль составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ внутренней торговли Кордофана. Лучшее оружіе, въ особенности большіе мечи, ввозится сюда. Столь часто употреблявшіеся прежде доспѣхи были также иноземной работы. И въ болѣе простыхъ кузнечныхъ работахъ нѣкоторые нильскіе негры стоятъ выше нубійцевъ; эти послѣдніе долгое время держали искусныхъ въ желѣзныхъ работахъ джуровъ въ промышленномъ рабствѣ, именно за ихъ искусство. Нубійская промышленность, а также и торговля, глубоко проникаетъ въ негрскія страны. Въ Демъ Сулейманѣ, гдѣ есть золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, нубійцы выдѣлываютъ изъ слоновой кости обручи и трубки (см. рис., стр. 457 вверху и 462) и рукоятки мечей и кинжаловъ, съ достаточнымъ искусствомъ, въ арабскомъ стилѣ.



Нубійскій мечъ; солингенскій клинокъ, съ кожаными ножнами и перевязью. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_{10}$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 451.

Настоящее судоходство арабовъ со времени оживленныхъ сношеній съ обѣими Индіями едва ли подвинулось впередъ. „Канджа“ арабовъ—открытое судно, поднимающее не болѣе 80—100 тоннъ, съ двумя мачтами, изъ которыхъ одна гораздо меньше другой. У каждой мачты есть рея, сдѣланная изъ одного ствола, съ латинскимъ парусомъ. Будучи натянуты, оба паруса перекрещиваются между собой. Пассажировъ всегда удивляютъ замѣчательныя таинственныя пѣсни, изъ обрывистыхъ короткихъ стиховъ, которые начинаетъ пѣть одинъ пѣвецъ, а за нимъ подхватываютъ другіе, между тѣмъ, какъ остальные издаютъ глухіе звуки съ равными интервалами, въ видѣ аккомпанимента. Раисъ (капитанъ) на возвышенномъ мѣстѣ самъ правитъ рулемъ; нерѣдко эту должность исполняетъ негръ. Арабы употребляли компасъ еще раньше европейцевъ, но въ настоящее время они употребляютъ только компасы европейской фабрикаціи. Хотя для береговыхъ мѣстъ Краснаго моря доступенъ индійскій лѣсъ и самое кораблестроеніе, повидимому, исходитъ изъ Индіи, но въ Суданѣ не было другого лѣса, годнаго для распилки на доски, кромѣ акаціи-сунтъ (Acacia nilotica), и даже она рѣдко даетъ доски болѣе 3 метр. длины. При этомъ дерево такъ твердо, что его надо разрѣзывать въ свѣжемъ видѣ; поэтому распиливаніе — мало знакомое искусство въ Суданѣ. Доски подбираются по ихъ формѣ и скрѣпляются большими желѣзными гвоздями; такимъ образомъ, получается нѣчто вродѣ циклопической постройки изъ дерева, несокрушимой ни для пороговъ, ни для бегемотовъ. Въ прежнее время въ Хартумѣ судостроеніе велось такъ оживленно, что лѣса акаціи-сунтъ были уничтожены далеко вверхъ по Нилу. Судоходство на Бѣломъ Нилѣ и его притокахъ представляется довольно труднымъ и даже опаснымъ. Скопленія изъ тростника и травъ, преграждающія верхній Нилъ до 8° с. ш., а также и его притоки (см. рис., стр. 268), настолько, что весь экипажъ долженъ цѣлыя мили тащить

судно въ водѣ, населенной крокодилами, запирали цѣлыя флотиліи и обрекали ихъ экипажъ на голодную смерть. Къ этому надо присоединить бури, песчаныя мели, бегемотовъ и, въ не меньшей степени, стремленіе туземцевъ къ наживѣ. Съ другой стороны, — и это содѣйствовало всего болѣе быстрому оживленію и развитію сообщенія по Нилу въ нашемъ столѣтіи еще до временъ пароходства, — судоходству на Бѣломъ Нилѣ весьма благопріятствуетъ правильность воздушныхъ теченій. Вполнѣ своеобразенъ извѣстный всѣмъ корабельщикамъ Судана фактъ, что эти вѣтры, какъ-бы они ни были сильны, лишь медленно подвигаются далѣе къ югу. Поэтому торговыя суда не спѣшатъ выйти съ первымъ появленіемъ сѣвернаго вѣтра. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля устанавливаются южные вѣтры, и вмѣстѣ съ ними барки опять направляются къ сѣверу.

Колодцы, съ готовыми сосудами для питья и маленькими кофейнями, гдѣ, въ случаѣ надобности, можно получить и хлѣбъ изъ дурры, облегчаютъ

Водонепроницаемыя нубійскія плетеныя издѣлія. (Коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.) 1/6 наст. велич.

сообщенія на южно-арабскихъ дорогахъ, которыя нѣкогда, какъ показываетъ сохранившаяся мостовая, содержались въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, здѣсь употребляются преимущественно быстроходные ослы изъ Іемена (маскатская порода также извѣстна во всей восточной Африкѣ) и наряду съ ними верблюды. Важнѣйшія дороги Аравіи — караванные пути, направляющіеся въ Мекку, Медину, Сану и въ береговыя мѣста. На нихъ лежатъ нейтральныя мѣста для отдыха и торговли, каковы, напримѣръ, Аль Хиджръ, пестрая колонія изъ торговцевъ и, въ особенности, евреевъ, въ Вади-аль-Корѣ, или Ріадъ, черезъ который прежде проходили въ Мекку персидскіе караваны, численностью отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ, въ настоящее время идущіе черезъ Хаиль.

Доказательства того, что Нубія вела торговлю съ негрскими странами уже во времена древнихъ египтянъ, представляютъ черные рабы и слоновая кость на древне-египетскихъ рынкахъ. Въ столѣтія упадка и запустѣнія Нубіи это сообщеніе настолько уменьшилось, что, когда въ нашемъ столѣтіи Бѣлый Нилъ открылся вновь, высоко цѣнимая слоновая кость оказалась въ большомъ количествѣ у прибрежныхъ жителей, которые слоновъ, водившихся огромными стадами въ болотахъ и дѣвственныхъ лѣсахъ, убивали только ради ихъ мяса и почти совсѣмъ не пользовались ихъ клыками. Это накопившееся богатство было въ скоромъ времени приведено въ движеніе. Когда Швейнфуртъ, въ своемъ второмъ путешествіи 1868 г., прибылъ

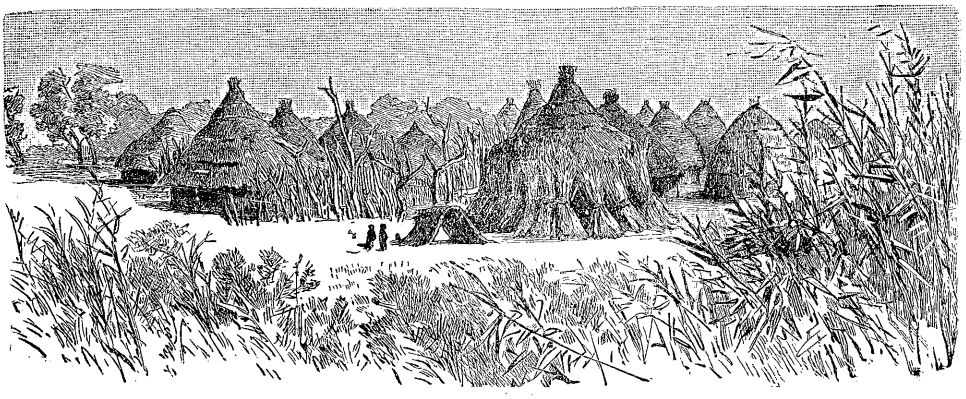
въ Хартумъ, сумма вывоза слоновой кости достигла полумилліона таллеровъ Маріи Терезіи, между тѣмъ, какъ торговцы годъ за годомъ все далѣе проникали внутрь. Экспедиціи регулярныхъ работорговцевъ только позднѣе извлекли пользу изъ дорогъ и станцій торговцевъ слоновой костью и безъ ихъ помощи не могли-бы такъ быстро и далеко распространить внутрь свои хищническія экспедиціи.

Лишь послѣ истощенія избытка слоновой кости и доставленія на рынки Нубіи и Египта избытка людей, торговля превратилась въ войну. Взявшее перевѣсъ похищеніе людей вызывало кровавыя столкновенія съ безобидными туземцами, которые старались силою не допустить барки до своихъ поселеній. Торговцы нашли съ тѣхъ поръ необходимымъ брать на бортъ корабля вооруженную команду и, вмѣсто отдѣльныхъ барокъ, отправлять ихъ по двѣ и по три. На такой флотиліи было отъ 40 до 100 солдатъ, которые для черныхъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами, представляли внушительную боевую силу. Негры стали требовать вскорѣ за слоновъ и рабовъ гораздо болѣе цѣнные предметы обмѣна — мѣдныхъ браслетъ, водки и, въ особенности, коровъ, которыя были для нихъ высшимъ богатствомъ, а по временамъ соли и зернового хлѣба. Обыкновенно входили въ соглашеніе съ какимъ-либо племенемъ, подъ его руководствомъ нападали на сосѣдей и старались захватить тамъ какъ можно больше плѣнныхъ. Въ то же время похищали и скотъ, который тамъ находился, и имъ отчасти удовлетворяли дружественныхъ черныхъ, а отчасти пользовались для новаго обмѣна товаровъ. Бо́льшая часть предпринимателей основывали въ дружественныхъ имъ, благодаря общимъ похищеніямъ скота, округахъ прочныя поселенія съ постояннымъ гарнизономъ — серибы, изъ которыхъ производились набѣги внутрь страны. Такимъ образомъ, арабы и нубійцы превратились въ эгоистичныхъ и недальновидныхъ властителей большой части области верхняго Нила. Подготовленное такимъ образомъ египетское господство до самаго конца носило клеймо тѣсной связи съ интересами работорговцевъ и охотниковъ за рабами. Именемъ Джеллабаха, нубійско-арабскаго торговца, у негровъ пугали дѣтей; Фелькинъ, во время своего путешествія по Судану, слышалъ однажды вечеромъ, какъ женщины при размалываніи зерна пѣли слѣдующую пѣсню:

„Работайте и мелите проворно, потому что джеллабахи сильны;
Если мы не работаемъ, они бьютъ насъ палками,
А если у нихъ нѣтъ палокъ, они стрѣляютъ изъ ружей;
Работайте и мелите изо всѣхъ силъ!“

Воинственное племя баггаровъ (баггара) доставляло наемниковъ этимъ предводителямъ разбойниковъ. Многія такъ называемыя торговыя суда, которыя въ позднюю пору года плыли вверхъ по рѣкѣ, везли только необходимое количество вооруженныхъ людей, а не товары для обмѣна. У баггаровъ, которые не только ведутъ идиллическую пастушескую жизнь, но и являются смѣлыми охотниками за слонами и разбойниками, предприниматели собирали „участниковъ предпріятія“, которые, по возможности, должны были обладать нѣсколькими хорошими лошадьми и быть вооружены мушкетами. Если экспедиція оканчивалась благопріятно, баггары получали долю прибыли. Ядро первыхъ войскъ Махди составляли привыкшіе къ боямъ прежніе работорговцы и ихъ баггарскіе наемники. Такъ возникла система серибовъ (см. рис., стр. 461) (сериба [сирбъ] называется въ Суданѣ и въ Аравіи каждая деревенская изгородь или палисадъ), разсѣянныхъ нубійскихъ поселеній въ области верхняго Нила, которыя на одну треть являются торговыми складами, на другую — арсеналами, и на третью — плантаціями. На ихъ долю досталась не только случайная роль въ покореніи и открытіи этихъ обширныхъ странъ, но около нихъ установились новыя прочныя мѣстечки, какъ Демъ Сулейманъ, Джуръ Гаттасъ и другія.

Точно такъ же арабы проникли съ юго-востока въ середину материка, съ тѣми же средствами и съ тѣмъ же успѣхомъ. Мы знаемъ, что они только въ 1876 г. начали впервые подвигаться отъ Ньянгве къ западу и сѣверу. Стэнли, во время своего изслѣдованія области верхняго Конго, въ 1883 г., встрѣтилъ ихъ уже на экваторѣ, гдѣ они въ своей стоянкѣ, близъ устья Чофу, собрали 2300 невольниковъ. Около 1886 г. опустошенія должны были начаться на нижнемъ Арувими. Почти всѣ мѣстечки, замѣченныя Стэнли на нижнемъ Арувими, и видѣнныя въ томъ же году Кокилья и Вернеромъ большія деревни на сосѣднихъ береговыхъ протяженіяхъ Конго, въ 1889 г. находились уже въ развалинахъ. При этомъ незамѣтно было, что они вскорѣ могутъ возстать изъ пепла; населеніе значительно пошло назадъ и отчасти усвоило кочевыя привычки, такъ какъ ютилось на лодкахъ или подъ временными крышами изъ листьевъ, а не въ хижинахъ. Маіоръ Бартело сообщалъ, будто Типпу-Типъ отдалъ распоряженіе, чтобы ни одинъ негръ не основывалъ прочнаго жилища и,

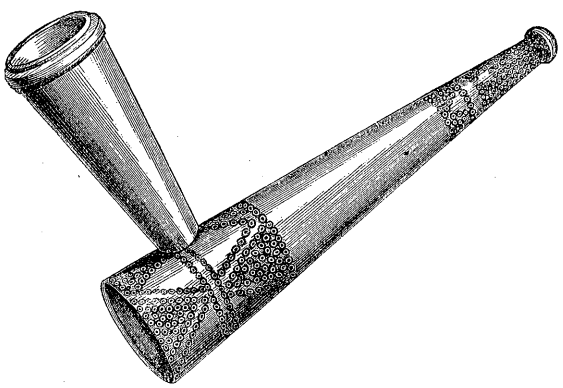


Нубійская сериба. (По Хейглину.) Ср. текстъ, стр. 460.

такимъ образомъ, былъ готовъ во всякое время примкнуть къ новымъ хищническимъ экспедиціямъ, а также и для того, чтобы отнять у него заботу объ охранѣ его деревенскихъ огражденій. Положеніе области Арувими представляетъ со времени этихъ измѣненій поразительное сходство, почти тождество, съ положеніемъ маньемовъ и мангбаттовъ 15 или 20 лѣтъ тому назадъ. Она вполнѣ примыкаетъ къ цѣпи хищническихъ областей арабовъ. Стэнли на сѣверѣ и Висманъ на югѣ въ лѣсной странѣ почти повсюду наталкивались на ихъ слѣды. И они подвигались впередъ не какъ искатели приключеній, идущіе безъ всякаго плана. Угаррова, бывшій нѣкогда слугою Спика, выслалъ патрули маньемовъ въ 50 человѣкъ на нѣсколько дней пути, чтобы доказать возможность соединенія между Арувими и водопадами Стэнли; главная стоянка его находилась вблизи 28°, на среднемъ Арувими, и онъ разсказывалъ о походѣ, который онъ сдѣлалъ съ 600 человѣкъ, отъ Кибонге на Луалабѣ въ сѣверовосточномъ направленіи до Арувими, и о непомѣрныхъ трудностяхъ и потерѣ человѣческихъ жизней во время большихъ переходовъ. Вокругъ ихъ станцій лежатъ сады и поля арабовъ, и Стэнли могъ найти рисъ уже на среднемъ Арувими. Они строятъ большіе дома съ длинными стѣнами и окружаютъ ихъ палисадами. Кругомъ кишатъ подчиненные имъ люди и, ради безопасности, никого не допускаютъ въ страну на большомъ пространствѣ кругомъ поселенія. Въ Ипото Стэнли встрѣтилъ, подъ предводительствомъ араба Килонго-Лонга, другой отрядъ маньемовъ, охотящійся за невольниками и за слонами, который отъ постоянныхъ битвъ въ $7^1/_2$ мѣсяцевъ уменьшился болѣе, чѣмъ на половину. „Въ странѣ Туру и Ленда почти всякое поселеніе было сожжено

до тла, и ярость разрушителей направлялась даже на банановыя рощи; каждый челнокъ на рѣкѣ былъ разбитъ на мелкіе куски, каждый островъ былъ обысканъ вдоль и поперекъ." Стэнли исчисляетъ опустошенную такимъ образомъ область въ 2000 кв. миль и думаетъ, что и каждому изъ крупныхъ арабскихъ начальниковъ можетъ быть приписанъ такой же кругъ вліянія и разрушенія. „Полдюжины рѣшительныхъ людей съ помощью нѣсколькихъ сотъ бандитовъ, подѣлили между собой около $^3/_4$ громаднаго лѣса на верхнемъ Конго."

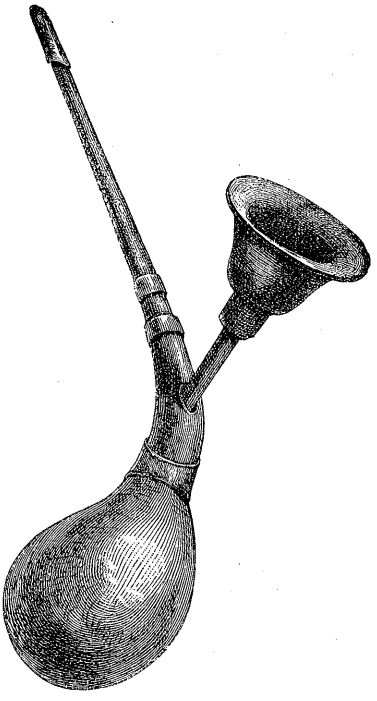
Арабскіе святоши показываютъ, до какой степени самообладанія арабъ можетъ поднимать нравственный законъ, и въ арабскихъ городахъ замкнутость женщинъ не допускаетъ уличной безнравственности. Но дѣло заключается здѣсь не въ безнравственности, а въ недостаткѣ нравственнаго сознанія. Люди эти не порочнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но здѣсь не чувствуется гнета порока. Нравственный законъ можно постигать только разсудкомъ. Это идетъ параллельно съ недостаткомъ опрятности, для которой недостаетъ болѣе утонченнаго чувства. Совѣсть здѣсь дѣйствуетъ вяло. Легкость сердца, съ какою „цивилизованные" мусульмане Египта прощаютъ вору, не лишая его своего расположенія и даже своего общества, обнаруживаетъ низкую ступень нравственныхъ понятій. Изнѣженность и безнравственность на Востокѣ вовсе не идутъ рука объ руку. Многіе, въ особенности въ населенномъ и истощенномъ Египтѣ, изъ бѣдности или скупости живутъ самымъ жалкимъ образомъ и, одновременно съ тѣмъ, предаются порокамъ, которые у насъ называются пороками роскоши и большихъ городовъ. Чувственная природа естественно выступаетъ при этомъ и не находитъ сдерживающаго начала въ правильной работѣ духа или тѣла. Характеры съ большимъ развитіемъ духовнаго начала, какимъ былъ махди 1882 г., обыкновенно не находятъ послѣдователей. У араба и у нубійца уже во внѣшней осанкѣ замѣчается сочетаніе восточнаго спокойствія съ естественной силой, что всегда производитъ впечатлѣніе на художественныя натуры. Благородная осанка заключается у нихъ уже въ самомъ строеніи тѣла. (См. табл. „Нубійскій воинъ".) Тѣмъ не менѣе, было бы ошибкою предполагать, что въ этой свободной, благородной манерѣ держать себя, въ этомъ непоколебимомъ спокойствіи не выражается ничего, кромѣ гордаго чувства собственнаго достоинства. Она таетъ, какъ воскъ на солнцѣ, въ виду малѣйшей денежной наживы. Еще удивительнѣе видѣть въ этой смѣси болѣе благородныя свойства, чѣмъ упомянутые внѣшніе признаки: „свободные и смѣлые, открытые, горячіе друзья, жестокіе враги", говоритъ Буркхардтъ о шерифахъ, которыхъ онъ зналъ, распространяя эту квалификацію на всѣхъ извѣстныхъ ему настоящихъ арабовъ. Воздержность и вытекающее изъ нея отсутствіе гордости положеніемъ и богатствомъ отличительны для бедуиновъ пустыни. Аттрибутомъ портрета арабскаго военнаго героя является незамѣтная внѣшность довольной собою бѣдности. Арабамъ всегда было свойственно чувство политической независимости; религіозный фанатизмъ еще болѣе поднималъ его. Бартъ высказалъ, что въ сѣверной Африкѣ, чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ жители воинственнѣе и мужественнѣе, такъ что наиболь-



Нубійская табачная трубка изъ слоновой кости. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) $^1/_5$ наст. велич. Ср. текстъ, стр. 458.

шій духъ независимости встрѣчается въ Марокко. Атласъ питаетъ свободолюбивыхъ кабиловъ, но и нубійскіе арабы съ не меньшимъ презрѣніемъ къ смерти бились съ англичанами, и пастушескія племена Киренаики до сихъ поръ еще не вполнѣ покорены турками.

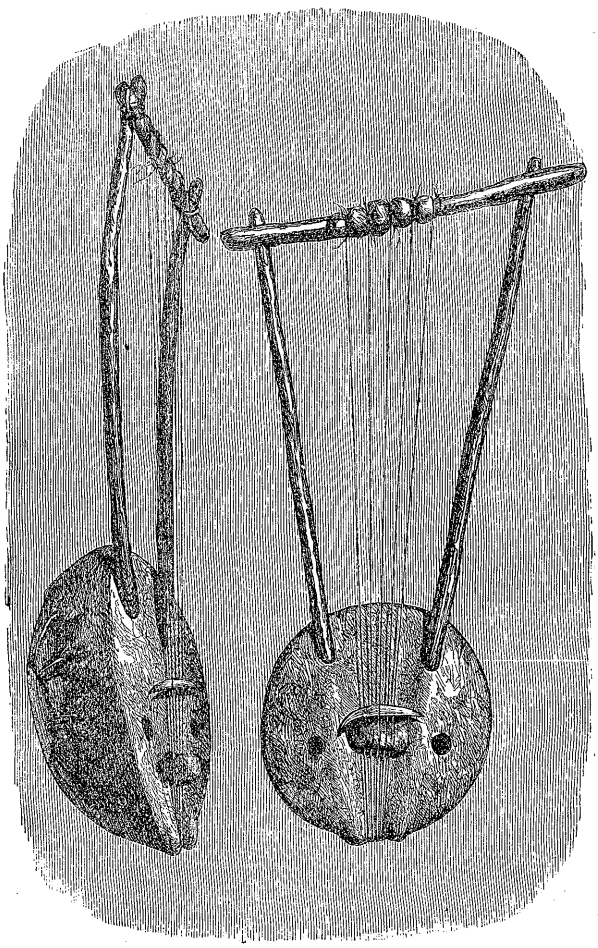
Вѣковой опытъ исторіи показалъ, что, въ среднемъ, европеецъ физической силой превосходитъ араба. И арабу пустыни, несмотря на его свободу и дикость, недостаетъ тѣхъ стальныхъ нервовъ, какіе должны быть у мужчины. Поэтому у него нѣтъ и спокойной выдержки; онъ скорѣе выказываетъ черты женской причудливости. У французовъ сложилась пословица, что алжирскихъ арабовъ легко вести за собою, но трудно управлять ими: ихъ чувствительность, ихъ пристрастіе къ извѣстнымъ формамъ и тонкость чувства по отношенію къ несправедливости дѣлаетъ это труднымъ. Арабъ не случайно оказался во главѣ великаго движенія ислама. Въ его умѣ есть и философская сила. Вамбери говоритъ, противопоставляя араба турку: „турокъ — только чувствующій, а арабъ въ то же время и мыслящій религіозный человѣкъ“. Но этому умозрительному духу недостаетъ стремленія къ критикѣ. Смотри на всѣ новости, какъ на хорошія и истинныя, хотя-бы онѣ и оказались ложными, говоритъ нубійская поговорка. Наука арабовъ никогда не выходила вполнѣ изъ путъ суевѣрія и вымысла. Много говорятъ объ астрономіи и математикѣ арабовъ, но если бы даже съ астрономіей они и не связывали одновременно астрологическихъ цѣлей, то и тогда въ этой области изслѣдованія ихъ не привели-бы ни къ чему цѣнному. Понятіе о наукѣ для послѣдователей ислама, какъ того, такъ и нашего времени, связывалось, по преимуществу, съ теологіей, философіей, грамматикой, логикой и краснорѣчіемъ. Арабской учености, т. е. игрѣ ума, какъ ее можно назвать, свойственно описывать предметы, не называя ихъ. Поэтому ей нельзя отказать въ естественномъ интересѣ къ видимымъ предметамъ. Э. Кареттъ ставитъ очень высоко „практическій геній“ арабовъ, „этихъ паломниковъ-географовъ, которыхъ религія понуждаетъ путешествовать, этихъ мыслящихъ магнитовъ, которые должны пять разъ въ день обращаться къ той же точкѣ розы вѣтровъ, этихъ проницательныхъ наблюдателей, для которыхъ воспоминаніе о видѣнномъ является охраной и защитой.“ Если, съ другой стороны, имъ ставили въ вину неопредѣленность географической номенклатуры, то при этомъ надо вспомнить о привычкѣ номадовъ — твердо хранить имя племени и называть по немъ мѣстность. Во всей подвижности араба есть нѣчто внѣшнее; духъ его не идетъ впередъ вмѣстѣ съ его завоеваніями политическаго и умственнаго имущества. Въ результатѣ того получается смѣшанная культура безъ глубины и оригинальности. Арабскій умъ не обогатилъ міръ ни одной новой истиной.



Нубійская табачная трубка. (Коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.) 1/5 наст. велич.

Объ арабскомъ искусствѣ нельзя говорить въ томъ же духѣ, какъ объ египетскомъ или греческомъ. Арабское искусство есть искусство народовъ, покоренныхъ исламомъ: стѣсненное запретомъ пророка воспроизводить живыя существа, оно развило въ величественномъ изобиліи плоскія украшенія съ геометрическими и графическими, рѣже растительными мо-

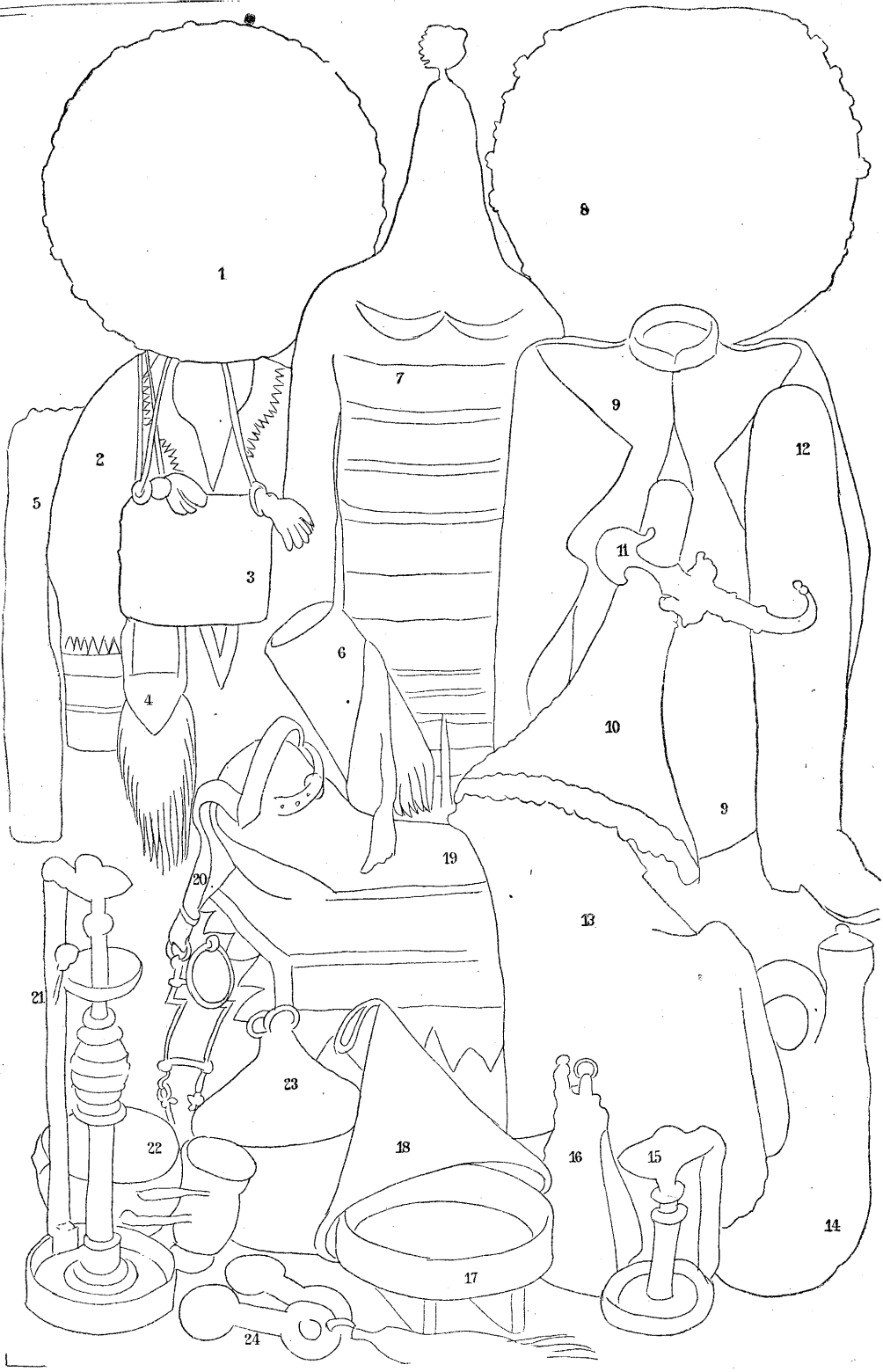
тивами; это — узкая поверхность ковра, надъ которой оно почти не поднимается. Керамика и металлическая промышленность пользуются узорами ковровъ; въ болѣе крупномъ стилѣ то же дѣлаетъ архитектура, отодвигая на второй планъ живопись и пластику. Геометрическая мысль является основной, которой причудливо извивающіяся буквы священныхъ словъ подчиняются такъ же, какъ скудные растительные мотивы, выступающіе чаще лишь въ пограничныхъ областяхъ — Персіи, Испаніи и Сициліи. Разнообразіе въ этой простотѣ, фантастичность, довольствующаяся столь простыми средствами, смѣлость распредѣленія красокъ въ связности основныхъ линій, гармонія этихъ противоположностей составляютъ тайну очарованія арабскаго искусства, которое, какъ всякое истинное искусство, не пренебрегаетъ украшеніями и мелкихъ вещей (см. табл. „Сѣверно-африканская художественная промышленность“). Раскрашенныя глиняныя издѣлія и деревянные сосуды, сандаліи и другіе кожаные товары выказываютъ чувство красокъ не менѣе, чѣмъ ковры. Значительнаго развитія достигаютъ и глиняные сосуды. Многочисленные сосуды для воды изъ пористой глины (запасъ воды хранится также въ бочкообразныхъ глиняныхъ сосудахъ), кружки и чашки для кофе, изъ зеленой глазированной глины, глиняные сосуды для куренья и очаги для угольевъ принадлежатъ къ утвари арабскаго дома. Вещи изъ глины имѣютъ часто весьма изящную форму.



Нубійская раббаба. (Коллекція Хагенбека въ Гамбургѣ.) 1/8 наст. велич.

Въ музыкальномъ искусствѣ (см. рис. сбоку) Востокъ идетъ иными путями въ сравненіи съ Европой. Гармоническаго сочетанія нѣсколькихъ мелодій здѣсь, повидимому, не существуетъ. „Музыка состоитъ изъ разнообразной, вычурной, безпрерывно повторяющейся мелодіи“ (Лепсіусъ). Арабъ богато одаренъ поэтическимъ талантомъ. Военныя пѣсни, любовные гимны и духовныя пѣснопѣнія еще до Магомета были любимы арабами, литература которыхъ обогатилась именно современниками пророка, какъ сторонниками, такъ и противниками его. Относительно Магомета даже приверженцы его находились въ сомнѣніи — должны ли они считать этого необыкновеннаго человѣка поэтомъ, волшебникомъ или прорицателемъ.

Самое важное въ образованіи для каждаго магометанина есть изученіе корана. Подъ изученіемъ здѣсь надо подразумѣвать заучиванье наизусть, такъ какъ не слѣдуетъ думать о пониманіи корана, прежде, чѣмъ



1. *Щитъ изъ кожи съ металлич. оправой (Абиссинія).*
2. *Вышитая женская рубашка (Абиссинія).*
3. *Сумка съ перевязью (Марокко).*
4. *Сумка съ амулетами, кожан. съ обезьяньей шкурой (Гереца, Абиссинія).*
5. *Вышитые женскіе рейтузы (Абиссинія).*
6. *Кожаная сумка для копій изъ Гауссы.*
7. *Костюмъ для маскированія и танцевъ (Ибо, Гвинея).*
8. *Соломенная шляпа (Марокко).*
9. *Аба, шелковый плащъ.*
10. *Домашнія украшенія, вышиваем. послѣ свадебн. процессіи (Абиссинія).*
11. *Кинжалъ изъ долины Вади-Сусъ (Марокко).*
12. *Сапогъ изъ области Нигеръ-Бечуэ.*
13. *Шаль съ тунисскимъ узоромъ.*
14. *Фляжка для воды изъ глины „Оржа-дель-Ма“ (Могадоръ, Марокко).*
15. *Свѣтильникъ (лампа) изъ глазированной глины (Марокко).*
16. *Кожаный мѣхъ для воды (Марокко).*
17. *Деревянн. обѣденный столикъ (Марокко).*
18. *Крышка къ нему соломенн. плет. (Марок.).*
19. *Конск. сѣдло изъ Абисс., изъ крашен. кожи.*
20. *Конская узда (Абиссинія).*
21. *Мѣдная лампа (Марокко).*
22. *Глинян. двойной бубенъ (Фесъ, Марокко).*
23. *Корзина съ крышкой изъ Абиссиніи (суданской работы).*
24. *Каррѣба, желѣзная погремушка секты Генауа (Марокко).*

1/10 настоящей величины.

Всѣ предметы изъ Музея народовѣдѣнія въ Берлинѣ.

Народовѣдѣніе II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

СѢВЕРО-АФРИКАНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

онъ не будетъ выученъ слово въ слово. Дальнѣйшей цѣлью элементарнаго образованія является письмо. Для ислама оказались полезны простоты и практичности этихъ требованій; вслѣдствіе того, даже у народовъ отдаленныхъ горъ и пустынь начатки чтенія и письма широко распространены. Для пониманія корана нужно, по старому обычаю, усвоить грамматику. Она составляетъ вѣнецъ мусульманскаго образованія; изученіе ея разрѣшается только талебу, ученому, который можетъ засвидѣтельствовать о своей учености безошибочной передачей всего корана. Поэтому въ нашемъ смыслѣ здѣсь не существуетъ никакого образованія. Правда, въ наиболѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ Аравіи путешественники хвалятъ болѣе подвинувшееся образованіе юношества, въ особенности въ мѣстности, обитаемой вагабитами, гдѣ ученіе и письмо извѣстно и помимо вѣроученія; но зато въ Африкѣ арабы, несмотря на коранъ и сношенія съ другими народами, почти столь же невѣжественны, какъ и негры. Бартъ во всемъ Суданѣ едва ли встрѣтилъ даже одного араба, который что либо зналъ о господствѣ своихъ единоплеменниковъ на восточномъ берегу материка; лишь одинъ ученый человѣкъ зналъ оттуда одно названіе — Софала. Образованіе отдѣльныхъ лицъ относилось ко всей массѣ такъ же, какъ пышныя постройки султановъ Испагани, Самарканда и Агры ко множеству жалкихъ глиняныхъ хижинъ.

Если можно подтвердить вліяніе, какое женщины оказывали на самого Магомета, то нельзя отрицать, что сфера женщины во всей области ислама лежитъ гораздо ниже сферы мужчины, и эта послѣдняя нисколько ее не поднимаетъ, но скорѣе понижаетъ. Въ гаремахъ и теперь еще господствуетъ жизненная философія старыхъ суевѣрныхъ матронъ и ввезенныхъ изъ Африки негритянокъ. Жены знатнаго и богатаго турка или перса, въ какія бы роскошныя матеріи европейской промышленности онѣ ни одѣвались, хотя бы мужья ихъ стояли во главѣ государства, по своему образованію, мало отличаются отъ своихъ соплеменницъ въ степяхъ отдаленной Азіи. Гаремъ осмѣиваетъ, вышучиваетъ и искажаетъ каждый шагъ, какой дѣлаютъ мужчины на поприщѣ нововведеній. Только тамъ, куда глубоко проникло европейское образованіе, — что бываетъ рѣдко — женщины выказываютъ недовольство гаремомъ и покрывалами. Въ рабочихъ классахъ жизненная задача распредѣляется правильнѣе. Представленіе, будто жена у араба имѣетъ значеніе только служанки, простого орудія, основывается на поверхностномъ воззрѣніи. Дѣломъ женщины считаются работа въ домѣ и легкія обязанности внѣ его, между тѣмъ, какъ мужчины обработываютъ поле, охраняютъ стада, колютъ скотъ, словомъ, исполняютъ многія тяжелыя работы.

Покупка невѣстъ распространена повсюду и, вслѣдствіе обмѣна дѣвушекъ, является мѣновой торговлей. Для свадебъ всѣ дни, кромѣ среды и воскресенья, считаются несчастными. У бедуиновъ свадьбѣ въ теченіе цѣлой недѣли предшествуютъ ежедневные вечерніе танцы сверстниковъ брачущихся, причемъ мужчина, находящійся внутри круга пляшущихъ, старается прорвать его. Отъѣздъ невѣсты и жениха сопровождается пантомимами, напоминающими похищеніе невѣсты. Три дня проходятъ въ забавахъ гостей и играхъ прежде, чѣмъ новобрачные могутъ принадлежать другъ другу. Полигамія имѣетъ древне-семитическое происхожденіе; въ болѣе давнихъ, простыхъ условіяхъ она ограничивалась обстоятельствами; при благосостояніи обогатившихся завоевателей она сдѣлалась червемъ въ зернѣ народовъ Магомета. Многіе просвѣщенные турки или египтяне въ настоящее время передъ вступленіемъ въ бракъ даютъ своей женѣ обѣщаніе — не брать, кромѣ нея, другихъ женъ. Замкнутости женщинъ содѣйствуетъ то обстоятельство, что ей поручается домъ, между тѣмъ, какъ на всемъ Востокѣ занятія мужчинъ происходятъ на глазахъ у всѣхъ. Передъ болѣе зажиточными домами можно найти длинныя скамьи изъ камня или глины; друзья прихо-

дятъ, произносятъ короткія привѣтствія, усаживаются почти незамѣченными, и занятія идутъ своимъ чередомъ. Болѣе почетнымъ гостямъ приносятъ кофе или глиняную трубку; рабы стоятъ вокругъ, подстерегая малѣйшій знакъ. На улицахъ совершается значительная часть жизни Востока.

Къ семьѣ причисляются рабы. Магометъ лично былъ противникомъ рабства. Онъ далъ свободу рабу Саиду, который подарилъ ему Хадиджу, и Саидъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ твердыхъ и убѣжденныхъ послѣдователей его. И позднѣе Магометъ невольниковъ, доставшихся ему, отпускалъ на свободу. Рабы часто одѣваются такъ же, какъ и ихъ господа, имѣютъ собственность, скапливаютъ себѣ состояніе и могутъ выкупиться на свои сбереженія. Многіе изъ нихъ достигаютъ высокихъ положеній въ государствѣ. При такомъ обращеніи, мягкость котораго доходитъ иногда до слабости, они вовсе не такъ приниженны, какъ нѣкогда рабы, принадлежавшіе европейскимъ плантаторамъ. Когда въ Алжирѣ было уничтожено рабство, многіе предпочитали оставаться рабами.

Въ южной Аравіи образовалось раздѣленіе на касты, съ рѣзкостью вполнѣ своеобразной, въ основѣ котораго лежатъ столько же этнографическіе и религіозные, сколько политическіе и экономическіе мотивы. Такъ же, какъ въ другихъ областяхъ ислама, здѣсь отличаютъ шерифовъ, какъ предполагаемыхъ потомковъ пророка, затѣмъ господствующія семьи, а за ними бедуиновъ, которые, какъ воины, всегда ставились выше осѣдлаго населенія, крестьянъ. Сюда надо еще присоединить ахдамовъ, понятіе, которое всего точнѣе можно перевести „подозрительными классами“. Множество ремеслъ презираются гордыми бедуинами, и ими занимаются только ахдамы. Они занимаются дубленіемъ кожъ, стиркой бѣлья, изготовленіемъ горшковъ, убоемъ скота, что должно осквернять ихъ, хотя они и не считаются настолько нечистыми, чтобы предметы, выходящіе изъ ихъ рукъ, не могли быть въ употребленіи у другихъ. Ахдамы могутъ входить въ мечети, но не въ дома арабовъ. Они живутъ всегда въ сторонѣ, обыкновенно за чертой городовъ и мѣстечекъ, не платятъ никакихъ податей, а для ихъ правителя считается позорнымъ привлекать ихъ къ какимъ-бы то ни было общественнымъ обязанностямъ. Даже въ Аденѣ, гдѣ кастовыя понятія не признавались оффиціально, ахдамы живутъ въ особомъ кварталѣ, но, въ большинствѣ случаевъ, ведутъ менѣе осѣдлую жизнь, чѣмъ другія части населенія, вслѣдствіе чего Нибуръ сравнилъ ихъ съ цыганами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ ахдамовъ выдѣляются цирульники, какъ особая каста, съ такимъ же общественнымъ положеніемъ. Въ Іеменѣ, однако, еще ниже стоятъ двѣ касты настоящихъ паріевъ (шумръ и шафеди), исполняющихъ всѣ наиболѣе отталкивающія работы; къ этимъ кастамъ, такъ же, какъ въ Индіи, причисляются музыканты, пѣвцы и фокусники, и имъ воспрещается посѣщеніе мечетей. Въ странахъ аулаговъ и вагидовъ ихъ называютъ ткачами, потому что они занимаются ткацкимъ ремесломъ. Въ Гадрамаутѣ, напротивъ, они — мясники, и отъ этого ремесла паріи заимствовали свое имя. (Ср. сказанное выше о кастѣ паріевъ у сомаліевъ.)

Роды во времена Магомета были единственными политическими единицами, съ которыми ему приходилось считаться. Чувство родства слишкомъ интенсивно, чтобы оно не отразилось въ политикѣ, обнаруживаясь тѣмъ, что патріархальная связь практически признается даже съ самыми отдаленными членами рода. Магометъ пользовался недовольными элементами, переходившими на его сторону, для ослабленія враждебныхъ племенъ, но уничтоженіе ихъ организаціи казалось ему дѣломъ недостойнымъ. Первымъ ядромъ новой міровой державы явился союзъ племенъ. Первичная исторія ислама показываетъ, какимъ образомъ религіозная идея заняла мѣсто исключительно господствовавшей прежде племенной идеи.

восполнивъ тѣмъ недостатокъ національнаго чувства у арабовъ. Исламъ своимъ демократическимъ настроеніемъ, какое онъ обнаружилъ при самомъ возникновеніи, столь же мало могъ оттѣснить аристократію въ этихъ племенныхъ раздѣленіяхъ, какъ республика не могла одолѣть начальниковъ племенъ Мекки. Оба столпа власти древнихъ родовъ, почитаніе патріархальныхъ и аристократическихъ основъ, стоятъ такъ же твердо, какъ и тогда. Сыновья бедуиновъ Янбо, гордыхъ лимбаувовъ, для поддержанія своего высокаго происхожденія, женятся почти всегда въ средѣ собственнаго племени. Если кто-нибудь изъ нихъ возьметъ, въ видѣ исключенія, обитательницу Мекки, то дѣти его не считаются равными съ нимъ по рожденію. Поддерживаемое аристократической гордостью и кастовымъ обособленіемъ, племенное самосознаніе достигаетъ неразумной остроты. Кабилы считаютъ равными себѣ только кабиловъ; всѣ не кровные арабы кажутся имъ собаками, нечистыми подлежащими искорененію. Кровавая месть углубляетъ эти раздѣленія, и въ южной Аравіи усиленію турецкаго господства существенно содѣйствовало то, что каждый, стремившійся избавиться отъ кровавой мести, искалъ защиты у ближайшаго турецкаго поста; вслѣдствіе того, у выдвинутыхъ постовъ турокъ образовались цѣлыя новыя деревни. Такимъ образомъ, между племенами проникаютъ враждебные имъ элементы. И у кочевыхъ племенъ рѣзко опредѣлены границы, а также права собственности, загадочные знаки которой, похожіе на буквы (весмъ), часто находятъ, глубоко врѣзанными въ камень, на воротахъ и стѣнахъ древнихъ покинутыхъ городовъ, на столбахъ, на гладкихъ стѣнахъ скалъ, у колодцевъ и цистернъ.

Хотя достоинство шейха также наслѣдственно, но ему повинуются только по мѣрѣ его умственныхъ качествъ, характера и богатства. Преемникъ Магомета, Омаръ, первый „правитель правовѣрныхъ“, простой, справедливый, строгій и преданный своимъ обязанностямъ, является образцомъ настоящаго арабскаго правителя, развившагося въ школѣ управленія племенемъ и на почвѣ аристократическихъ преданій. Въ его рукахъ заключается жизнь и смерть, война и миръ. Въ договорахъ съ другими племенами, улаживаніи несогласій и посредничествѣ въ заключеніи браковъ ему помогаютъ старшины. Хорошее управленіе облегчается врожденнымъ тактомъ для господства и посредничества, какимъ эти правители бываютъ иногда надѣлены въ изумительной степени. Примѣромъ могутъ служить эмиры шаммарскіе, объ области которыхъ Блёнтъ высказался весьма вѣско: „эмиръ живетъ въ мирѣ съ сосѣдями, за исключеніемъ племенъ Руалла и Себаа. Подати въ Шаммарѣ не велики, военная служба добровольна, и управленіе популярно. Нигдѣ въ Азіи нѣтъ болѣе счастливой общины, чѣмъ Джебель Шаммаръ.“ Но о болѣе глубокихъ корняхъ величія націй, проникающихъ въ подпочву соціальныхъ условій, искусство правленія на Востокѣ не имѣетъ никакого понятія. Какимъ образомъ у какого-либо народа могла-бы явиться культура, достойная подражанія, если этотъ народъ не слѣдуетъ корану, образцу всякой мудрости? Повсюду, гдѣ въ магометанской Азіи слышно было о величіи Европы, держались воззрѣнія, что перевѣсъ могущества Запада заключается только въ регулярномъ войскѣ. Поэтому восточныя державы тратили огромныя суммы на обученіе войскъ по европейскому образцу, истощая въ то же время источники народнаго благосостоянія. О вялости восточныхъ правительствъ, въ особенности въ хозяйственной области, лучше всего позволяетъ судить нужда въ деньгахъ, удручающая ихъ всѣхъ.

Ничто не выясняетъ въ такой степени недостатокъ энергіи восточныхъ народовъ, какъ легкость, съ какой они выпускаютъ изъ рукъ нить своего экономическаго развитія. Высыханіе источника, обвалъ ирригаціонной канавы или прихоть правителя нерѣдко переносятъ культуру изъ одной страны въ другую. Перестраивать что-либо, пришедшее въ

упадокъ, повидимому, труднѣе, чѣмъ строить вновь. Сюда же должно быть причислено произвольное перенесеніе правительственныхъ резиденцій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путей сообщенія и центровъ населенія. Въ Испагани цѣлыя предмѣстья лежатъ заброшенными, и цѣлые ряды базаровъ находятся въ развалинахъ, а съ другой стороны, изъ деревеньки Рей разрослась каджарская резиденція Тегеранъ, насчитывающая въ настоящее время болѣе 200 тыс. жителей.

Пользованіе даже наиболѣе легко эксплуатируемыми естественными богатствами тамъ весьма недостаточно. Востокъ заключаетъ нѣсколько областей нѣкогда сказочнаго богатства, и, кромѣ дельты Египта, всѣ онѣ далеки отъ того, чѣмъ могли-бы быть. Цѣпь полей, луговъ и садовъ, тянущаяся безъ перерыва во многихъ странахъ Европы, почти совершенно неизвѣстна мусульманской Азіи. Блидахская равнина, которая въ среднихъ вѣкахъ называлась „лучшей изъ всѣхъ равнинъ“ и еще въ началѣ нашего столѣтія заключала до 150 тыс. земледѣльцевъ, въ 50-хъ годахъ принадлежала къ правительственнымъ землямъ Туниса съ самымъ рѣдкимъ населеніемъ. Насколько культура регрессируетъ, благодаря человѣку, а не почвѣ, утомленной долгой эксплуатаціей, мы видимъ изъ прогресса древнѣйшей и наиболѣе эксплуатировавшейся культурной странѣ Востока, Египта.

---

7. Абиссинцы [1].

„Объ Абиссиніи, по сравненію съ прочей Африкой, судятъ очень хорошо и очень дурно.“ Вернеръ Мунцингеръ.

Содержаніе: Природа страны. Высокія горы и укрѣпленія. Отношеніе къ Красному морю и Аравіи. Пейзажъ. — Одежда. Украшенія. Оружіе. — Жилища. Города. Церкви. — Земледѣліе. Охота. Промыслы. Торговля. — Общественныя отношенія. Теченіе жизни. Бракъ. — Правительство. Рабство. — Христіанство Абиссиніи. Абиссинская литература. — Магометане. Евреи. Язычники. — Арабскія, еврейскія, египетскія и восточныя вліянія.

Путешественникъ, оставившій за собою на Красномъ морѣ поворотный кругъ, видитъ поднимающуюся передъ нимъ голубую стѣну съ серебряными зубцами, рѣзко выступающую на сѣверѣ и круто спускающуюся къ жаркому морскому берегу. Это — горная страна Абиссинія, богато расчлененная, съ скалистыми массивами, похожими на крѣпости, на стѣны которыхъ можно вскарабкаться лишь съ помощью веревки и лѣстницы. Вулканическіе конусы и доломитовые кряжи чередуются другъ съ другомъ Единственной выдающейся чертой и спокойнымъ мѣстомъ является большое голубое озеро Тана, съ площадью въ 80 кв. миль. Окружающая его мѣстность Дембеа съ XVII в. считается средоточіемъ царства; это — самая населенная и обработанная провинція, гдѣ, по крайней мѣрѣ, въ дождливое, т. е. спокойное время, соединяется вокругъ свѣтскаго и духовнаго центра все высшее въ этой странѣ.

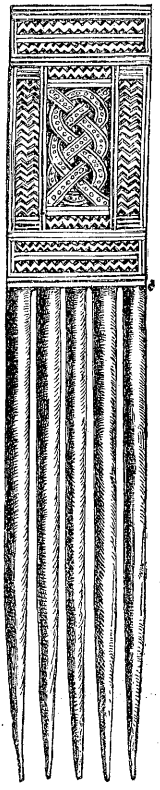
Строеніе поверхности Абиссиніи имѣетъ ту особенность, что многоводные притоки Атбары и Голубого Нила текутъ къ западу, между тѣмъ, какъ къ востоку изливаются только незначительные, скоро пересыхающіе водяные потоки. Иною была-бы судьба Абиссиніи, если бы у нея были такіе водные пути къ востоку, къ морю, къ арабскимъ и индійскимъ сосѣдямъ. И все-таки стремленіе въ ту сторону такъ велико, что Абиссинія постоянно по-

---

[1] Названіе Хабашъ, или Хабешъ, не употребляется самими абиссинцами, но примѣняется къ нимъ арабами. Нѣкоторые находятъ его въ именахъ народовъ южной Аравіи и считаютъ его названіемъ переселившихся въ Абиссинію гиміаритовъ.

сѣщается болѣе съ крутой, обращенной къ морю восточной стороны, чѣмъ съ болѣе пологой, западной и сѣверной. Не только сношенія съ Азіей, но даже историческія сношенія съ Египтомъ завязывались и поддерживались со стороны моря. Тамъ, гдѣ Абиссинія, въ своемъ своеобразномъ строеніи страны горъ и плоскогорій, всего далѣе вытягивается въ сторону моря, находится единственное мѣсто, гдѣ всего дольше оставался открытымъ путь къ морю, — въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Массовѣ.

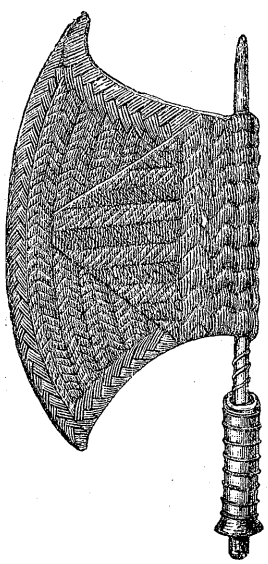
Тому, кто проникаетъ въ эти горныя твердыни, приходится подниматься съ плоскаго, жаркаго песчанаго и коралловаго берега, черезъ узкую холмистую страну, въ область прохладныхъ ручьевъ, тѣнистыхъ тамариндовыхъ лѣсовъ, сочныхъ луговъ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сухое время служитъ пастбищемъ скотоводовъ кочевниковъ и разбойниковъ, перебирающихся сюда ежегодно со своими стадами изъ сухой береговой полосы. Поднимаясь еще выше, мы попадаемъ въ лѣса кедровъ и деревьевъ вара, похожихъ на ивы, пока на краю первой ступени плоской возвышенности не появятся канделяброобразные молочаи, походящіе на кактусы, которыхъ туземцы называютъ „кольквалль“. Отъ этого уступа приходится переваливать чрезъ высокіе хребты и долинообразныя плоскія возвышенности, въ виду высокихъ горъ запада и юго-запада, увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Самое обширное изъ гористыхъ плоскогорій этой ступени — знаменитая страна Тигрѣ, изъ которой горные проходы почти въ области снѣговъ, скалистыя, недоступныя даже для муловъ тропинки ведутъ въ центральныя мѣстности Дембеи и Симена. При этой замкнутости настоящаго ядра страны, легко понять трудность поддержанія единства странъ, раздѣленныхъ подобными горами. Самыя различныя естественныя вліянія господствуютъ рядомъ другъ съ другомъ. Стѣна горъ доставляетъ защиту отдѣльнымъ, обособленнымъ областямъ: Сименъ рѣдко являлся сценою опустошительныхъ абиссинскихъ междоусобныхъ войнъ, между тѣмъ, какъ близкая къ нему Воггера, несмотря на свое плодородіе, въ 30-хъ годахъ оказалась почти безлюдною. Пропитанные избыткомъ влаги болѣе низкіе склоны и низины дѣйствуютъ разслабляющимъ образомъ и вызываютъ лихорадки; но невдалекѣ отъ вѣчнаго снѣга и тамъ, гдѣ пшеничныя и ячменныя поля напоминаютъ сѣверъ, воинственный характеръ горныхъ народовъ чувствуется и въ Абиссиніи.



Деревянный гребень для украшенія изъ Абиссиніи (Шоа). (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.) Ср. текстъ, стр. 470.

Въ одеждѣ и украшеніяхъ абиссинцевъ много арабскаго. Основныя черты абиссинской одежды — узкія панталоны, просторная накидка, съ широкимъ, цвѣтнымъ краемъ, состоящая у знатныхъ лицъ изъ шелковой ткани и одинаково употребляемая обоими полами, и повязка, которою прикрѣпляются панталоны, спускающіяся ниже колѣнъ. Накидку иногда носятъ на подобіе тоги. Ступни и голова у абиссинцевъ-христіанъ часто остаются непокрытыми, противоположно магометанамъ, которые носятъ тюрбанъ и кожаныя сандаліи. Одежда женщинъ состоитъ изъ длинной рубашки, съ широкими сверху и суживающимися у сочлененія кисти рукавами; у богатыхъ она украшена вышивками. Лишь среди магометанскаго населенія можно найти женщинъ, одѣтыхъ въ кожаный передникъ. У христіанъ такое недостаточное одѣяніе носятъ только очень молодыя дѣвушки. Когда женщины выѣзжаютъ верхомъ, онѣ надѣваютъ шаровары и башмаки съ загнутыми носками. Многочисленныя духовныя лица и, въ подражаніе имъ, многіе міряне изъ высшихъ классовъ носятъ бѣлую куртку съ широ-

кими рукавами, платокъ въ видѣ тюрбана и, какъ особую примѣту, башмаки съ загнутыми носками и выступающими сзади подошвами. Пустынники провинціи Вальдуббы одѣваются въ одежду цвѣта охры, между тѣмъ, какъ священники другой секты облекаются въ красную дубленую кожу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ морского побережья и у мужчинъ длинная арабская рубашка замѣняетъ панталоны, по которымъ можно узнать абиссинца внутренней части страны. Платье изготовляется изъ бумажныхъ тканей. Знатныя лица носятъ, въ видѣ исключенія, шелковыя одежды, которыя получаютъ отъ императора, въ качествѣ почетныхъ подарковъ. Получившій такую награду имѣетъ право появляться передъ правителемъ страны въ этой рубашкѣ, а не съ обнаженными плечами, какъ всѣ прочіе сограждане его; онъ принимается ко двору и, находясь въ пути, можетъ вездѣ требовать хлѣба для себя и для своихъ слугъ. Въ знакъ почтенія, абиссинецъ сбрасываетъ часть одежды, покрывающую плечи, и передъ правителемъ является лишь опоясаннымъ, т. е. снимаетъ часть одежды, прикрывающей верхнее тѣло, надъ поясомъ; съ другой стороны, высокопоставленное лицо появляется передъ подчиненными закутаннымъ до самаго рта. Въ прохладныхъ горныхъ мѣстностяхъ сверхъ накидки набрасывается косматая шкура, вмѣстѣ съ ногами и хвостомъ, по большей части, овечья; шкура тонкошерстой девелоской овцы особенно цѣнится въ виду этого назначенія. Волосы мужчины стригутъ коротко или заплетаютъ въ короткія, прилегающія одна къ другой косички. Натираніе тѣла коровьимъ масломъ является повсемѣстнымъ обычаемъ. Прическа абиссинокъ обыкновенно состоитъ изъ плотно прилегающихъ одна къ другой, короткихъ косичекъ. Кромѣ того, неизбѣжными составными частями абиссинскаго туалета служитъ еще шейная повязка, съ зашитыми въ кожаные мѣшечки полосками пергамента, иногда длинными свитками, исписанными цѣлебными изреченіями, образующими цѣпь, свѣшивающуюся иногда до живота, и голубой шелковый шнурокъ, также надѣваемый на шею, отличающій христіанъ отъ магометанъ. Въ теплое время нельзя встрѣтить ни одного абиссинца безъ сплетеннаго изъ тростника вѣера, по формѣ напоминающаго флагъ (см. рис. выше). Священники носятъ, кромѣ того, на шеѣ вѣеръ, принесенный имъ богомольцами изъ Іерусалима, а въ рукѣ маленькое металлическое распятіе, къ которому прикладываются проходящіе мимо, и иногда еще волосяную махалку отъ мухъ.

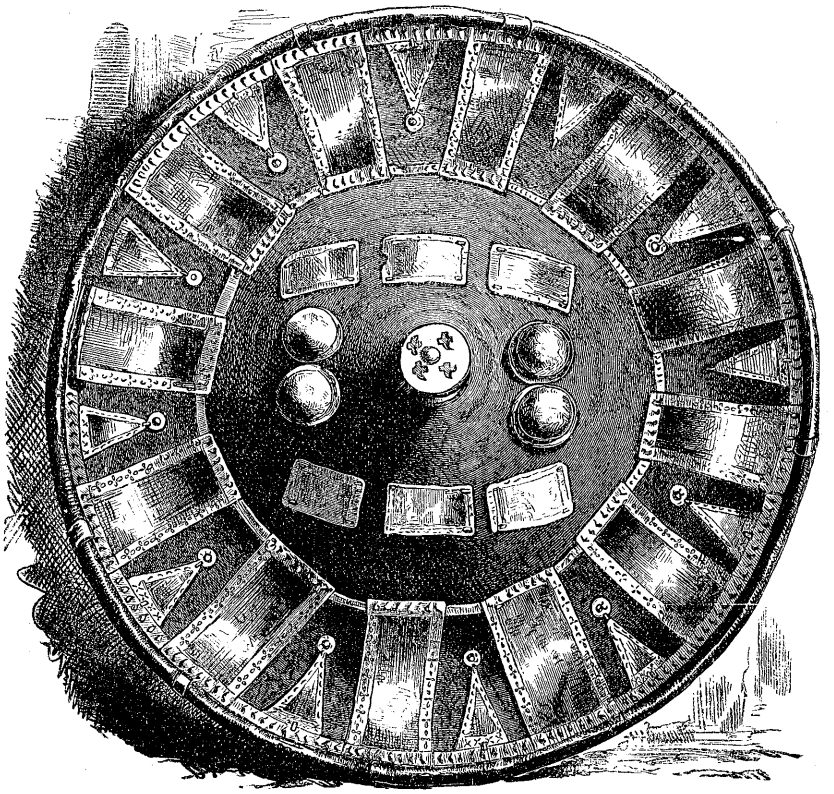


Вращающійся вѣеръ, употребительный въ Нубіи и Абиссиніи. (Хагенбековская коллекція, Гамбургъ.) 1/5 наст. вел.

Въ видѣ украшенія, женщины (см. рис., стр. 469) носятъ серебряныя кольца надъ лодыжками ногъ, нерѣдко съ привѣшенными къ нимъ колокольчиками, въ болѣе зажиточныхъ мѣстахъ расположенными въ нѣсколько рядовъ. Иногда приходится видѣть и серебряныя шейныя цѣпочки съ колокольчиками. Розетки, въ видѣ цвѣтка, изъ серебра или золота, въ ушныхъ мочкахъ встрѣчаются довольно часто. Стеклянныя бусы и пряжки цѣнятся только невольниками изъ негровъ. Раковины каури нашиваются на шкуры, которыя носятъ сверхъ накидокъ.

Абиссинецъ рѣдко разстается съ длиннымъ кривымъ ножемъ, въ видѣ сабли, который онъ носитъ на правомъ бедрѣ. Вооруженіе это часто дополняется копьемъ и щитомъ. Послѣдній изготовляется по преимуществу изъ буйволовой кожи и прежде чаще всего украшался яркими, черно-бѣлыми шкурками Colobus Guereza. Щиты лицъ благороднаго сословія выкладываются серебромъ (см. рис., стр. 471). Изъ огнестрѣльнаго оружія предпочтеніе

отдается до сихъ поръ фитильному ружью, и даже среди глубокаго мира, такъ же, какъ въ Аравіи, можно видѣть команды, сопровождающія караваны, съ зажженными фитилями. На охотѣ за слонами употребляются ружья съ желѣзными пулями, въ четверть фунта вѣсу. Къ числу охотничьихъ снарядовъ, не заслуживающихъ имени оружія, можно причислить грубыя дубины, которыми бросаютъ въ стадо антилопъ и раздробляютъ имъ конечности. Часто употребляются еще и пращи. Ночные сторожа умѣютъ въ каждый кустъ или туда, гдѣ они предполагаютъ засаду воровъ и разбойниковъ, бросать эти пращи съ большимъ искусствомъ. Въ прежнія



Абиссинскій щитъ изъ кожи Bos caffer. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.)
1/6 наст. велич.

времена огнестрѣльное оружіе изготовлялось и исправлялось почти исключительно переселившимися сюда египтянами и греками. Стрѣляютъ изъ нихъ почти всегда желѣзными пулями, такъ какъ свинцовыя расплющиваются, ударяясь въ щиты изъ буйволовой кожи. Абиссинскій порохъ, впрочемъ, довольно плохого качества, такъ какъ стрѣлки приготовляютъ его сами изъ мѣстной сѣры и селитры, выщелачиваемой изъ различныхъ отбросовъ.

Вступая въ Абиссинію съ юга, тамъ впервые приходится видѣть на значительныхъ протяженіяхъ постройки изъ камня и извести. Но такимъ прогрессомъ не обусловливается ни искусство, ни тщательность. Во всей Абиссиніи едва-ли можно встрѣтить дома такой постройки, какъ въ Угандѣ, и въ употребляемой предпочтительно круговой формѣ, концентрическомъ огражденіи и т. п. замѣчается сходство съ основнымъ планомъ, проникающимъ внутрь материка до южной Африки. Въ низинѣ можно найти деревни, хижины которыхъ построены изъ хвороста. Въ наружномъ кругѣ стѣнъ дѣлаются одно, а во внутреннемъ четыре дверныхъ отверстія.

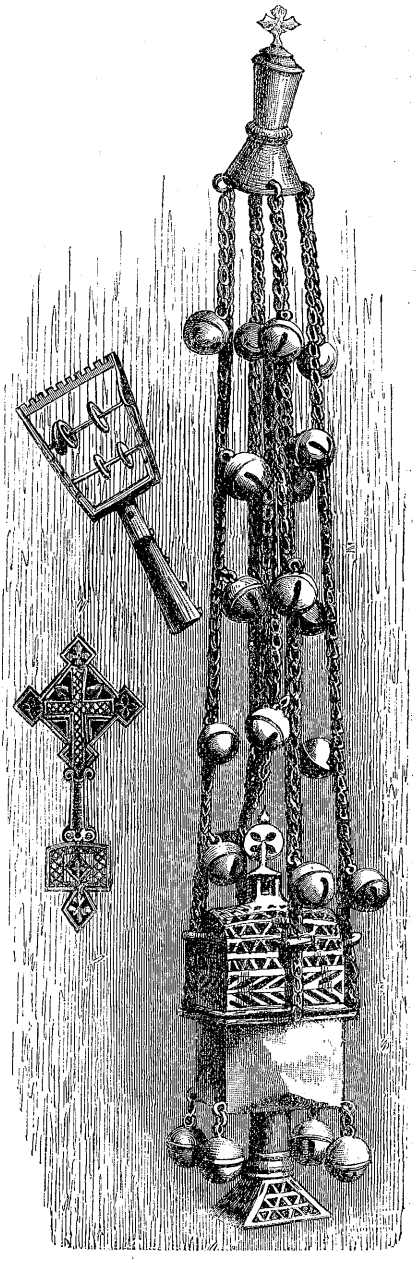
Въ срединѣ внутренняго пространства находится очагъ, а рядомъ съ нимъ камень для растиранія зеренъ. Нерѣдко лошади или мулы привязываются въ комнатахъ даже знатныхъ лицъ, чтобы имѣть ихъ при себѣ ночью, и для нихъ отдѣляются также особыя ниши. Въ горной странѣ Сименъ хижины имѣютъ простую, кругообразную форму, сдѣланы изъ соломы и обнесены высокой изгородью изъ терновника. Замѣчательны описанныя Сальтомъ на горныхъ террасахъ, къ сѣверу отъ Массовы, хижины съ плоскими кровлями, которыя лежатъ на одной линіи съ горнымъ склономъ и снабжены окномъ или дымовой трубой, въ формѣ горшка съ пробитымъ дномъ. Такая постройка напоминаетъ тембе восточной Африки, тогда какъ, напримѣръ, у Санафе, построенныя изъ камня хижины имѣютъ прямоугольную форму, со столбами, огораживающими дворъ для скота, и въ задней половинѣ содержатъ нѣсколько комнатъ для человѣческаго жилья, освѣщающихся упомянутыми выше горшками. Стѣны облѣплены кучками навоза для просушки. Абиссинское плоскогорье богато пещерами, которыя нерѣдко бываютъ обитаемы; Брюсъ, несмотря на возбуждавшіяся сомнѣнія, былъ совершенно правъ, когда говорилъ объ абиссинскихъ троглодитахъ.

Рѣдкое населеніе, незначительныя сношенія и раздробленная поверхность не благопріятствуютъ возникновенію большихъ городовъ. Альваресъ, жившій въ Абиссиніи въ 1520—26 гг., говоритъ: „во всей странѣ нѣтъ ни одного города, въ которомъ было бы болѣе 1600 жителей, и даже такихъ городовъ немного; тамъ вовсе нѣтъ окруженныхъ стѣнами или укрѣпленныхъ городовъ, но безчисленное множество деревень“. Во всей провинціи Сименѣ повсюду встрѣчаются только группы въ 20—30 хижинъ; Ангеткатъ образуется шестью группами такихъ хижинъ, лежащими далеко другъ отъ друга. Гондаръ, о которомъ такъ часто приходилось слышать и который много разъ былъ предметомъ борьбы, старинная столица, насчитывающая себѣ около 250 лѣтъ, состоитъ лишь изъ группы разсѣянныхъ домовъ, раздѣленныхъ пространствами развалинъ. Огражденій или стѣнъ нигдѣ не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города круглыя хижины съ конической кровлей стоятъ ближе другъ къ другу, причемъ тамъ образуются узкія, извилистыя улицы, которыя могутъ запираться особыми воротами. Развалины составляютъ постоянныхъ спутниковъ новаго, еще не разрушеннаго. Во времена Рюппеля рыночная и дворцовая площадь были почти сплошь окружены необитаемыми домами, отчасти совершенно развалившимися. То же было съ самой большой и красивой церковью Гондара, въ которомъ Хейглинъ насчиталъ 44 церкви и 1200 духовныхъ лицъ. Отдѣльные кварталы магометанъ, которые часто содержатся всего лучше, а также и евреевъ, еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе безпорядка, оставляемое абиссинскими городами. Попытки улучшенія относятся ко времени сильнаго португальскаго вліянія въ XVI и XVII вв.; къ этой же эпохѣ принадлежитъ величественный водопроводъ, снабжающій водою церковь Фасильдаса близъ Гондара или тамошній дворецъ (гемпъ), „который, рядомъ съ жалкими, покрытыми соломой домами, производитъ, дѣйствительно, величественное впечатлѣніе“.

„Первосвященникъ Іоаннъ (императоръ) не имѣетъ прочной резиденціи; онъ постоянно переѣзжаетъ по странѣ съ палатками, и въ его лагерѣ всегда имѣется 5 или 6 хорошихъ палатокъ вмѣстѣ съ обыкновенными“, писалъ Альваресъ. Подобнымъ образомъ еще въ наше время жилъ императоръ Ѳеодоръ, полевой лагерь котораго во время его правленія былъ, по большей части, его резиденціей; вслѣдствіе того, происходили частыя смѣны между Гондаромъ, Дебра-Таборомъ, Магдалой и пр.

Болѣе старинныя церкви весьма походятъ на старинныя церкви другихъ странъ, въ особенности тѣмъ, что въ нихъ — простой, открытый главный алтарь, тогда какъ въ новѣйшихъ алтарь отдѣляется стѣной отъ

другихъ частей церкви. И здѣсь можно признать еврейское вліяніе, преобразовавшее абиссинское христіанство. Самыя простыя церкви, встрѣчающіяся въ горахъ, отличаются отъ хижинъ нѣсколькими плоскими, звонкими камнями, въ которые бьютъ, вмѣсто колоколовъ, на ближнемъ старомъ, тѣнистомъ деревѣ или на особомъ помостѣ, посредствомъ колотушки. Церковь въ Лалибалѣ, по описанію Г. Рольфса, окружена масличными деревьями, вывезенными изъ Іерусалима. Колокола въ боковыхъ пристройкахъ находятся лишь въ особенно богатыхъ церквахъ. Даже и большія церкви, болѣе новаго происхожденія, бываютъ не что иное, какъ круглыя, покрытыя соломой хижины, подобныя большинству жилыхъ домовъ. У небольшихъ церквей дѣлаются почти вездѣ двое воротъ рядомъ на западной сторонѣ, съ дверями, къ которымъ прикладываются благочестивые люди. Большія церкви строятся предпочтительно въ формѣ креста съ равными концами. Ряды колоннъ снаружи и подставки, въ видѣ колоннъ, внутри встрѣчаются не рѣдко. Монолитовыя церкви въ различныхъ частяхъ Абиссиніи высѣкаются изъ скалы; церковь св. Эммануила близъ Лалибалы, еще не самый крупный образецъ этого результата безграничнаго терпѣнія, имѣетъ 12 метр. высоты, 24 шага длины и 16 ширины. Подобныя постройки насчитываютъ себѣ нѣсколько вѣковъ, но, такъ какъ онѣ дѣлаются изъ мягкаго камня, то въ настоящее время разрушаются довольно быстро. Для болѣе крупныхъ абиссинскихъ построекъ характерны также небольшія окна, въ которыхъ вставленъ каменный крестъ. Въ большихъ, богато убранныхъ церквахъ съ плоскимъ основаніемъ, можно найти драгоцѣнную утварь, которая могла бы послужить украшеніемъ любой католической церкви въ Европѣ (см. рис. сбоку). Тамъ всего выше поставлено кресло, въ видѣ трона, на которомъ происходитъ благословеніе хлѣба и вина; повсюду въ Абиссиніи оно служитъ предметомъ величайшаго почитанія, и до него могутъ касаться лишь посвященныя духовныя лица. На важнѣйшихъ церковныхъ праздникахъ священники надѣваютъ шлемообразные вѣнцы изъ листоваго золота и серебра; абиссинскіе императоры часто дарили или завѣщали церквамъ свои короны, которыя, такимъ образомъ, служили украшеніемъ для священниковъ; надъ самыми значительными изъ нихъ носятъ, кромѣ того, бархатные зонтики.



Абиссинская церковная утварь. (По Г. Рольфсу.)

Стѣны, двери и поперечныя балки церквей часто покрыты фигурной и орнаментальной живописью (см. рис., стр. 478), и, кромѣ того, на дверяхъ всегда помѣщаются изображенія ангеловъ въ человѣческій ростъ, къ кото-

рымъ вѣрующій съ благоговѣніемъ прикладывается. Эти изображенія напоминаютъ наиболѣе грубую византійскую работу. Въ нѣкоторыхъ, особенно почитаемыхъ церквахъ можно найти изразцовую отдѣлку стѣнъ, мѣдныя и стеклянныя лампады — неугасимая лампада, такъ же, какъ и купель съ святой водой, составляетъ принадлежность всѣхъ абиссинскихъ церквей, — но эти вещи представляютъ издѣлія египетскихъ, левантинскихъ и даже европейскихъ мастеровъ, которые прежде состояли иногда на службѣ абиссинскихъ властителей, любившихъ пышность.

Абиссинцы — земледѣльческій, а во многихъ областяхъ, по преимуществу, пастушескій народъ. Но земледѣліе имѣетъ тамъ ограниченное распространеніе; изъ лѣности и изъ опасенія неудачи тамъ обрабатывается лишь такое количество земли, какое нужно каждому для содержанія семьи. Поэтому въ Абиссиніи благосостояніе не основано на земледѣліи, и въ этомъ отношеніи многіе средне-африканскіе негрскіе народы находятся въ лучшихъ условіяхъ. Работа тамъ также производится первобытнымъ способомъ, хотя какъ большой культурный успѣхъ абиссинцевъ, и указываютъ, ихъ плугъ (ахрасъ), представляющій длинную жердь, съ двумя вертикальными, обитыми желѣзомъ зубьями, для разрыхленія земли, и небольшимъ дышломъ, къ которому припрягаются два быка. Хлѣбныя поля разбросаны по странѣ какъ бы случайно. Даже въ самыхъ каменистыхъ мѣстностяхъ поля не очищаются отъ камня. Удобреніе также неизвѣстно; поэтому поля мѣняются ежегодно, и въ годъ собирается не болѣе одной жатвы. Пахота составляетъ дѣло мужчинъ, а дѣвушки и женщины жнутъ и молотятъ. Онѣ тщательно ощипываютъ спѣлый хлѣбъ и обколачиваютъ его небольшими палками на току. Для жатвы тамъ употребляется зубчатый серпъ (см. рис., стр. 497). На плоскогорьи главнымъ хлѣбомъ является ячмень; но здѣсь воздѣлывается и пшеница. Правители пытались много разъ собирать запасы отдѣльныхъ лицъ въ магазины, но имъ не удалось искоренить голодовокъ. Печальный конецъ имѣла попытка Ѳеодора — собрать запасы продовольствія въ Магдалѣ, хотя онъ въ теченіе многихъ лѣтъ свозилъ туда зерно и сгонялъ скотъ: если бы для него не оказалось гибельнымъ пораженіе при Аговэ, то ему черезъ недолгое время не осталось бы другого выбора, какъ умереть сражаясь или сдаться отъ голода (Рольфсъ). Правда, абиссинская земледѣльческая утварь и способъ обработки земли напоминаютъ Египетъ, но указанная выше беззаботность составляетъ большой регрессъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ существовало въ Египтѣ уже 4000 лѣтъ тому назадъ.

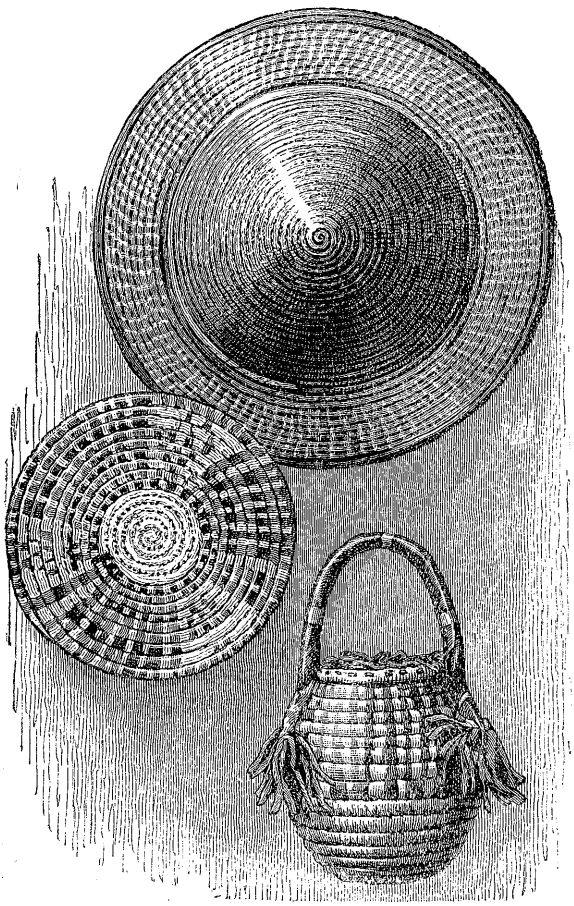
Несмотря на великолѣпные альпійскіе луга съ питательнымъ клеверомъ, скотоводство, по отношенію къ естественному богатству страны, играетъ незначительную роль. Самымъ распространеннымъ домашнимъ животнымъ является рогатый скотъ породы санга. Быковъ употребляютъ для пашни, а въ самыхъ гористыхъ мѣстахъ — для перевозки тяжестей; коровъ держатъ только для молока и мяса.Ословъ обыкновенно не употребляютъ для верховой ѣзды. Значительную часть мясной пищи доставляютъ бараны; стада козъ и овецъ являются принадлежностью болѣе высокихъ мѣстностей. Замѣчательно, что горные абиссинцы, несмотря на обиліе овецъ, не носятъ шерстяныхъ тканей. Тонкорунныя овцы разводятся преимущественно въ Девело. Домашнія собаки походятъ на полудикихъ собакъ Египта. Въ качествѣ домашней кошки, тамъ держатъ маленькую, изящную породу. Единственную домашнюю птицу составляетъ курица. Пѣтуховъ часто держатъ въ церквахъ, чтобы они возвѣщали наступленіе утренней молитвы. Пчеловодство ведется съ большимъ успѣхомъ помѣщеніемъ дикихъ роевъ во всевозможные улья, всего чаще глиняные, а иногда и плетеные, въ видѣ корзины. Прирученіе дикихъ животныхъ составляетъ особое искусство абиссинцевъ; обыкновенно двору императора принадлежатъ нѣсколько ручныхъ львовъ. Они ходятъ на

свободѣ, получаютъ обильную пищу, но холодный горный воздухъ и ливни вызываютъ въ нихъ ворчливость и раздражительность. Тамъ, гдѣ въ болѣе отдаленныхъ частяхъ страны скотоводство встрѣчаетъ затрудненіе. въ рѣзко ограниченныхъ періодахъ засухъ, когда всѣ пастбища высыхаютъ, никому, конечно, не приходитъ на умъ принимать мѣры противъ этого, дѣлая запасы сѣна; кочевники считаютъ болѣе удобнымъ для себя перегонять стада изъ болѣе низкихъ въ болѣе высокія мѣстности, по мѣрѣ того, какъ подвигаются дожди. Въ этихъ ежегодно повторяющихся передвиженіяхъ, захватывающихъ значительныя протяженія, принимаютъ участіе и земледѣльцы. Скотоводство составляетъ, главнымъ образомъ, заботу мужчинъ. Мальчики гоняютъ стада на пастбища, и дойка лежитъ исключительно на обязанности мужчинъ, такъ же, какъ и убой скота. Мясо коровъ предпочитается бычачьему. Сыра тамъ вовсе не дѣлаютъ.

Изъ религіознаго суевѣрія абиссинцы избѣгаютъ свиного мяса, хотя не во всѣхъ мѣстностяхъ, а также и заячьяго. Во многихъ мѣстахъ запрещается употребленіе въ пищу дичи, какъ, напримѣръ, всякой водяной дичи. Абиссинцы не ѣдятъ и саранчи; впрочемъ, бѣдные магометане не брезгаютъ ею. Всего болѣе тамъ любятъ сырое мясо рогатаго скота, и только магометане ѣдятъ его въ приготовленномъ видѣ. Праздникъ абиссинскаго Рождества внутри страны ознаменовывается тѣмъ, что вся деревня съѣдаетъ сырымъ мясо только что убитаго быка. Вообще, *большія пиршества*, въ составъ которыхъ входитъ и избытокъ національнаго пива, составляютъ у всѣхъ сословій вершину всѣхъ празднествъ и вѣнецъ гостепріимства. Тамъ, гдѣ не существуетъ полной скудости, пиршество открывается умерщвленіемъ козы или овцы или, по крайней мѣрѣ, курицы, мясо которыхъ съѣдается тотчасъ же сырымъ или только слегка поджареннымъ. Когда участниками пира являются и христіане, и магометане, то для первыхъ убиваетъ животныхъ христіанинъ, а для послѣднихъ магометанинъ. Наряду съ мясомъ, тонкія хлѣбныя лепешки, которыя можно свертывать, изъ перебродившаго теффа (Poa Abyssinica), составляютъ основу пищи, причемъ кашица изъ краснаго перца играетъ роль необходимой приправы и къ мясу, и къ хлѣбу. Хлѣбъ, такъ же, какъ и въ Аравіи, изготовляется растираніемъ зеренъ на камняхъ и поджариваньемъ грубаго тѣста, что̀ лежитъ на обязанности женщинъ. Во время ѣды сидятъ на корточкахъ, и, по правиламъ, всѣ обѣдающіе вмѣстѣ должны служить другъ другу. За ѣдой ничего не пьютъ, а непосредственно послѣ нея чаши съ перебродившей медовой водой обходятъ присутствующихъ, причемъ хозяинъ иногда часть ея отливаетъ себѣ въ горсть и проглатываетъ, для доказательства, что въ ней нѣтъ ни отравы, ни нечистоты. Когда господа насытятся, слуги тотчасъ же занимаютъ ихъ мѣсто, все съѣдаютъ и допиваютъ ячменное пиво, такъ какъ вѣжливость требуетъ, чтобы ничего не оставалось. Передъ наступленіемъ постовъ стараются наполнить желудокъ возможно большими количествами мяса.

Оба пола, старые и молодые, проводятъ дни и ночи за *попойками*, на которыхъ течъ и мерисса, настоящіе національные напитки, играютъ видную роль. Напротивъ, къ нашему удивленію, потребленіе кофе распространено только у магометанъ; христіане мало пьютъ его. На попойкахъ, завершающихъ пирушки, соблюдаются особые обычаи, составляющіе странный контрастъ съ безпорядочностью, господствующей именно въ этихъ случаяхъ. Хозяинъ каждый разъ указываетъ слугамъ, кому они должны налить напитокъ; тотъ, на кого онъ обратилъ вниманіе, приподнимается и благодаритъ его за это почтительнымъ поклономъ. Уходящій громко заявляетъ хозяину свое намѣреніе уйти — обычай употребительный и при обыкновенныхъ посѣщеніяхъ. Въ Абиссиніи уже 300 лѣтъ тому назадъ вино служило подаркомъ для гостей и почетныхъ лицъ. Только священники не должны пить ни вина, ни меда.

Благодаря изобилію дичи въ Абиссиніи, охота является серьезнымъ дѣломъ, которому предаются не только съ усердіемъ, но и съ достойнымъ вниманія мужествомъ. Охота на антилопъ съ гепардами и охота на жирафовъ и страусовъ съ лошадьми и борзыми собаками принадлежатъ къ препровожденію времени абиссинскихъ знатныхъ лицъ, которыя, впрочемъ, не знаютъ соколиной охоты. Во всемъ остальномъ пріемы охоты заимствованы изъ Нубіи. Въ хижинахъ Симена можно найти хвосты буйволовъ и высушенные хоботы слоновъ, развѣшенные въ видѣ трофеевъ, которыми могутъ похвастаться охотники; у многихъ нѣтъ другого оружія, кромѣ копья, съ которымъ они выступаютъ противъ этихъ великановъ, вѣря, что сила ихъ увеличивается отъ извѣстныхъ молитвъ, заклинаній и принесенія въ жертву бурой овцы. Львиныя шкуры предоставляются императору, но счастливый охотникъ получаетъ изъ нихъ полоску для украшенія своего щита.



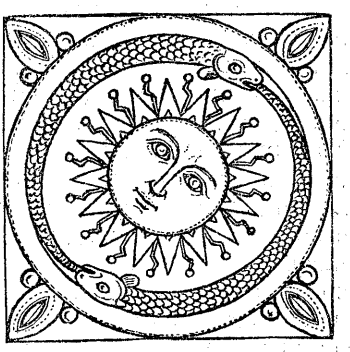
Абиссинскія плетенія изъ соломы. (По Г. Рольфсу.)

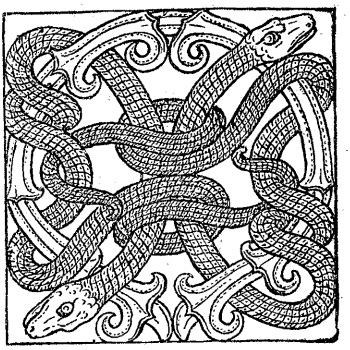
Береговая рыбная ловля, благодаря доставляемымъ ею жемчугу и перламутру, уже давно имѣла значеніе въ торговлѣ Абиссиніи; ею занимаются данакилы, которые употребляютъ для нея плотъ изъ пяти бревенъ, похожій на нубійскій амбачъ (см. рис., стр. 64). На срединѣ его мальчикъ искусно и быстро управляетъ этимъ простымъ судномъ, съ помощью шеста, съ лопастеобразными расширеніями на концахъ. Въ теченіе одного часа онъ далеко на немъ выѣзжаетъ въ море. Въ качествѣ водолазовъ, ловцы жемчуга абиссинскихъ береговъ употребляютъ негровъ-рабовъ, которые покупаются мальчиками и спеціально обучаются нырять, съ камнемъ на ногѣ и сигнальной веревкой на рукѣ.

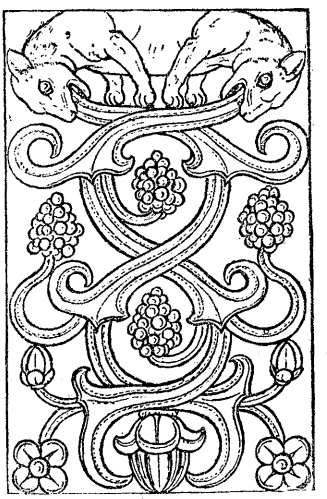
Промышленность Абиссиніи производила нѣкогда красивыя издѣлія, благодаря образцамъ и руководителямъ, которые она получала изъ западной Азіи и Египта, а отчасти изъ Европы. На рынкахъ восточнаго Судана ткани Абиссиніи до сихъ поръ цѣнятся всего выше, и лишь на второмъ мѣстѣ ставятся дарфурскія. Но развитіе абиссинской промышленности давно уже остановилось, и во многихъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, въ серебряномъ и золотомъ дѣлѣ, она пошла назадъ. Лѣность составляетъ національное бѣдствіе. Уже въ оживленной и нѣсколько цивилизованной Массовѣ праздность абиссинцевъ бросается въ глаза. Самыя выгодныя работы исполняются чужеземцами. Всѣ ремесленники и болѣе крупные торговцы — иностранцы; на долю абиссинцевъ остается только мелкое ба-

рышничество, которымъ они вяло, съ соннымъ видомъ, занимаются цѣлый день, въ лавкахъ базарной площади, въ кофейняхъ и на пристаняхъ. При этомъ и жены ихъ, не такъ, какъ у другихъ полуварваровъ, не обременены работой, а почти цѣлый день лежатъ на скамейкахъ, сплетенныхъ изъ кожаныхъ ремней. Дѣвушки занимаются иногда плетеніемъ циновокъ, плоскихъ блюдъ, водонепроницаемыхъ корзинъ (см. рис., стр. 476) и небольшихъ опахалъ, которыя они изготовляютъ изъ сухихъ листьевъ іеменскихъ пальмъ. Размолъ муки и печеніе хлѣба они представляютъ рабынямъ-негритянкамъ. Правда, не вездѣ такъ бываетъ, но и для горожанъ выше лежащихъ областей праздность можетъ назваться обычной, по крайней мѣрѣ, для христіанъ; среди нихъ всего болѣе распространена мелкая торговля, соединенная съ обманомъ, а всякая настоящая производительная дѣятельность, за немногими исключеніями, у нихъ почти отсутствуетъ. Торговля имѣетъ слишкомъ большое распространеніе въ такой бѣдной капиталами и мало производительной странѣ, которая, къ тому же, не имѣетъ хорошихъ дорогъ и въ теченіе десятилѣтій лишена была общественной безопасности. Ни одинъ торговецъ не рѣшается перевозить большихъ запасовъ, такъ какъ разбойничьи нападенія, грабежи и поджоги составляютъ обычное явленіе. Война часто прерываетъ связь между провинціями и главными мѣстечками, вслѣдствіе чего наступаетъ нужда въ самыхъ обыденныхъ рыночныхъ товарахъ; цѣны колеблются тогда на 100 и болѣе въ теченіе одной недѣли. Покупка и перепродажа въ такихъ обстоятельствахъ является азартной игрой. Нерѣдко единственнымъ капиталомъ, какой бѣднякъ ставитъ въ этой игрѣ, перевозя товары изъ одной провинціи въ другую, служитъ его собственная жизнь и жизнь двухъ или трехъ вьючныхъословъ его. Это въ особенности можно сказать о соляной торговлѣ. Но сырой хлопокъ изъ провинціи Квары, лежащей вблизи Сеннаара, и желѣзо изъ Годжама приходится добывать какой-бы то ни было цѣною. Этимъ объясняется репутація Гондара, будто каждый обитатель этого города живетъ прибылью отъ торговли, исключая священниковъ, питающихся церковными доходами, и солдатъ, живущихъ добычей. Абиссинія добываетъ мало металловъ, золото привозится въ нее изъ земель галласовъ, желѣзо съ запада и юга. Соляная торговля морского берега съ внутренней частью страны довольно значительна.

Ремесла абиссинцевъ-христіанъ состоятъ, главнымъ образомъ, въ выдѣлкѣ изъ желѣза ножей, плужныхъ лемеховъ и наконечниковъ копій и даже ножницъ и бритвъ (необходимые для металлическихъ работъ напильники, къ нашему удивленію, ввозятся изъ Шоа и отличаются очень грубой работой), въ дубленіи буйволовыхъ кожъ и производствѣ изъ нихъ щитовъ, въ выдѣлкѣ изъ серебра мелкихъ цѣпочекъ, колецъ и украшеній для оружія (причемъ часто благородный металлъ безстыдно фальсифицируется оловомъ и цинкомъ), въ обработкѣ золота, привозимаго въ небольшихъ количествахъ съ юго-запада, въ переписываніи, разрисовываніи и переплетѣ книгъ. Въ особенности выдаются своей тонкой работой и еще болѣе богатствомъ фантазіи розетки и цвѣты изъ филиграна. „Всѣ абиссинскія филигранныя работы“, разсказываетъ Рольфсъ, „имѣютъ тотъ же характеръ, но ни одна изъ нихъ не походитъ на другую. Нельзя найти ни одной головной шпильки, ни одного шейнаго украшенія, ни одного браслета, ни одного украшеннаго филиграномъ щита, для которыхъ можно было-бы указать образецъ. Повсюду встрѣчается оригинальность и разнообразіе, и нигдѣ не бываетъ однообразія въ исполненіи.“ Достойны упоминанія и клинки копій, выложенные серебромъ. Тотъ-же путешественникъ особенно хвалитъ мѣдныя работы абиссинцевъ, признавая въ то же время, что въ плетеныхъ работахъ и сосудахъ изъ дерева, глины и рога они стоятъ не выше многихъ народовъ внутренней Африки. Главныя ремесла магометанъ состоятъ въ обработкѣ хлопка. Въ Абиссиніи носятъ почти







Образцы современнаго абиссинскаго искусства. (По Г. Рольфсу.) Ср. текстъ, стр. 473 и 479.

исключительно бумажныя ткани, изготовленіе которыхъ, естественно, занимаетъ многія руки. Производство ихъ до нельзя просто. Сырой хлопокъ, вмѣстѣ съ сѣменами, покупается обыкновенно за равный вѣсъ соли. Затѣмъ работница тщательно удаляетъ сѣмена накатываніемъ на желѣзную палочку, выколачиваетъ хлопокъ упругимъ лукомъ и прядетъ его съ помощью ручного веретена. Изъ пряжи трудолюбивая женщина можетъ въ теченіе года выткать столько ткани, сколько можно продать ея за 20 серебряныхъ монетъ, цѣнностью около 2 руб., причемъ она вырабатываетъ половину этой суммы, что̀ очень немного даже для абиссинскихъ условій существованія. Бумажныя матерія для пестрой каймы накидокъ пріобрѣтается изъ Индіи за высокую цѣну. Значительная часть индійско-абиссинской торговли заключается въ ввозѣ этой пестрой ткани. При существующемъ тамъ раздѣленіи труда по вѣроисповѣданіямъ, на долю евреевъ приходится производство глиняныхъ товаровъ и всѣхъ каменныхъ работъ.

Живопись (см. рис., стр. 478) не ограничивалась грубымъ расписываньемъ дверей и стѣнъ въ церквахъ, но поднялась до украшенія дорогихъ книгъ евангелія и молитвенниковъ. Въ XVI ст., повидимому, подъ руководствомъ византійскихъ миніатюристовъ, священные пергаменты украшались довольно сносными рисунками. Нынѣшніе рисунки неуклюжи и грубоваты. Этому искусству неблагопріятно было абиссинское повѣрье, будто въ профиль можно рисовать только евреевъ и злыхъ духовъ. Искусство въ Абиссиніи совершенно не знаетъ перспективы.

О музыкѣ абиссинцевъ Франсиско Альваресъ даетъ слѣдующее точное описаніе: „тамъ есть трубы, но онѣ не хороши; тамъ есть много и мѣдныхъ барабановъ, привозимыхъ изъ Каира, и деревянныхъ, съ кожей на обѣихъ сторонахъ. Тамъ есть тамбурины, какъ у насъ, и большія цимбалы, въ которыя они бьютъ. Есть и флейты, и нѣкоторые струнные инструменты, похожіе на четыреугольныя арфы, называемыя давидовыми арфами. На нихъ играютъ предъ первосвященникомъ (Іоанномъ), но не хорошо.“ И новѣйшіе наблюдатели описываютъ въ особенности музыку, какъ мало услаждающую душу. Рольфсъ даетъ описаніе нѣкотораго рода дудки, обтянутой кожей, въ $1^1/_2$ мет. длиною, похожей на альпійскій рожокъ.

Рынки представляютъ важнѣйшія мѣста для торговли. Рольфсъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ рынокъ въ Адуѣ: „все, сообразно предметамъ, распредѣлено въ маленькихъ переулкахъ. Здѣсь стоитъ скотъ — лошади, рогатый скотъ, овцы и козы, а также куры и дичь. Затѣмъ идетъ другая улица, по обѣимъ сторонамъ которой мужчины, дѣвушки и женщины сидятъ на корточкахъ, позади мѣшковъ съ хлѣбомъ, пшеницей и ячменемъ, бобами и горохомъ. Большія кучи свѣжаго и сушенаго краснаго перца свидѣтельствуютъ о значительномъ потребленіи этой приправы. Ряды горшковъ съ медомъ и коровьимъ масломъ, множество горшковъ съ медомъ и пивомъ, разложенные на большихъ кускахъ ткани, маленькія зеркальца, бусы изъ Венеціи и Богеміи, флаконы съ плохими эссенціями, стаканы для питья, фаянсовая посуда, плохіе ножи и ножницы, писчая бумага, черныя, бѣлыя и красныя нитки, миткаль двухъ сортовъ (самый лучшій, бѣлый,— довольно хорошаго качества, самый худшій, почти сѣрый,— сильно проклеенный), пестрые носовые платки, плохія шелковыя матеріи, сукна дурного качества, краснаго, желтаго и голубого цвѣта, зеркальца и мѣстами ящикъ съ коньякомъ низкаго сорта и еще болѣе ядовитымъ абсентомъ — это почти все, что̀ тамъ можно купить изъ европейскихъ товаровъ. Настоящія абиссинскія матеріи представляютъ собою роскошные женскіе шаровары, вышитые пестрыми шелками „шама“, различной доброты и величины, и нѣкоторые замѣчательные „маргефы“, цѣна которыхъ можетъ показаться значительной и для насъ. Но если мы разсмотримъ тщательно выдѣланныя бумажныя ткани, кажущіяся смѣсью шерсти и шелка, и, кромѣ

того, вышитыя на обоихъ концахъ замѣчательно красивыми красками, съ каймой, въ 4 см. шириною, то цѣна за такую ткань въ 150—200 марокъ не покажется слишкомъ высокой. Оружія—копій, сабель, старинныхъ ружей, пистолетовъ, щитовъ изъ шкуръ буйвола и носорога, лука и стрѣлъ, — мы напрасно стали бы искать въ Абиссиніи. Даже естественно историческіе предметы — шкуры львовъ и пантеръ, кожи мелкихъ хищныхъ животныхъ, змѣй и пр. — можно найти среди нихъ. Въ другой улицѣ находятся красныя, высушенныя и выдубленныя въ красный цвѣтъ шкуры быковъ и козъ.“ Здѣсь такъ же, какъ и на суданскихъ рынкахъ, можно найти базарнаго судью: Настоящая торговля начинается лишь тогда, когда дѣло касается предметовъ, стоящихъ не менѣе талера. При незначительныхъ предметахъ происходитъ обмѣнъ. Только въ извѣстныхъ провинціяхъ Абиссиніи, преимущественно въ амгарскихъ, куски соли (амоле) являются средствомъ обмѣна; эта соль исходитъ изъ низины Арро, „государственнаго сокровища Абиссиніи“ (Шимперъ). Повсюду въ Абиссиніи извѣстенъ и служитъ для обмѣна талеръ Маріи Терезіи 1780 г. Такъ какъ за одинъ талеръ даютъ 48 амоле, то эти куски соли служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и размѣнной монетой.

Уже Лудольфъ приводитъ сужденіе Тельеса объ абиссинскомъ характерѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Mobiles ingenio et punicae fidei, inconstantes atque periuros, nec non crudeles et vindictae cupidissimos esse ait“, и Рюппель называетъ главными чертами его всѣ видоизмѣненія пороковъ, начиная отъ лѣни и легкомыслія, продолжая пьянствомъ, суевѣріями, неблагодарностью, безстыдствомъ въ выпрашиваніи подарковъ, большою ловкостью въ притворствѣ и кончая „лживостью, вошедшею въ пословицу“, тупымъ высокомѣріемъ, величайшей хвастливостью, невѣрностью и склонностью къ воровству. Между этими пороками остается только мѣсто для добродѣтелей слабости. По своей болтливости, абиссинцы превосходятъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Въ умственной развитости обыкновенно не отказываютъ абиссинцамъ и высказываютъ только сожалѣніе, что „обычныя на востокѣ формы категорическаго императива“ (Хейглинъ) не находятъ болѣе настоятельнаго примѣненія для развитія и укрѣпленія ихъ способностей. Бо̀льшая часть этихъ пороковъ находитъ рѣзкое отраженіе въ дикомъ беззаконіи, подъ которымъ такъ долго состояла эта несчастная страна. Но на нихъ возможно и болѣе мягкое воззрѣніе, и мы не должны забывать, что каждый отдѣльный путешественникъ по Абиссиніи, какъ бы ни были неблагопріятны его общія наблюденія, передавалъ намъ черты благородства того или другого абиссинца: такъ отзывается даже и Рюппель о своемъ другѣ, благородномъ и умномъ судьѣ Ликъ Альтумѣ, въ Гондарѣ. Рольфсъ старался смягчить свое сужденіе объ абиссинцахъ и съ этой цѣлью приводитъ факты; на насъ производитъ особенно пріятное впечатлѣніе, когда онъ отмѣчаетъ честность своихъ абиссинскихъ слугъ. Это опять противорѣчитъ разсказамъ Рюппеля, будто даже знатныя лица царства въ Гондарѣ крали у него вещи со стола. Впрочемъ, между тѣмъ и другимъ сужденіемъ лежитъ промежутокъ цѣлаго поколѣнія. Если мы соединимъ вмѣстѣ болѣе постоянныя черты характера и поведенія абиссинца, то мы получимъ слѣдующее опредѣленіе: восточная основа съ примѣсью негрской или мулатской живости и измѣнчивости характера.

Абиссинія до сихъ поръ еще находится на ступени III или IV вѣка по Р. Х. Такъ какъ церковь ея устояла, то и знанія ея ограничиваются пророчествами и горизонтъ ея церковныхъ и монастырскихъ оградъ ограждаетъ ея знакомство съ міромъ и міровоззрѣніе. Абиссинцы вѣрятъ, что существуетъ три міра: Эѳіопія, Европія и Туркія, далѣе, что Европія почти такой же величины, какъ Эѳіопія, но у нея нѣтъ негуса негести (царя царей). Русскаго императора они считаютъ, по крайней мѣрѣ, столь же

могущественнымъ, какъ и правителя Тигре. Послѣдній негусъ нѣкоторое время твердо вѣрилъ въ сообщенное ему однимъ грекомъ свѣдѣніе, будто Греція — могущественнѣйшая страна земли. Къ этой неполнотѣ представленій присоединяется еще то, что абиссинцы крайне мало выѣзжаютъ изъ своей страны. Ихъ счисленіе времени примыкаетъ къ древне-христіанско-восточному. Подобно евреямъ, годъ у нихъ начинается въ сентябрѣ. Каждый годъ високоснаго цикла называется по имени одного изъ четырехъ евангелистовъ — годъ Іоанна, Матѳея и т. д. Названія мѣсяцевъ у нихъ коптскаго и византійскаго происхожденія.

То обстоятельство, что Абиссинія, какъ христіанская твердыня, поднимается, подобно маяку, надъ исламомъ и язычествомъ Африки, особенно располагаетъ насъ къ этой странѣ. Благодаря своему христіанству, она намъ ближе и выше всей Африки. И это христіанство, при всей своей отсталости, не является только словомъ и формой: оно избавляетъ Абиссинію отъ фетишизма, колдовства и человѣческихъ жертвъ остальной Африки. „Если народы и вступаютъ въ борьбу между собою, то жертвами являются только солдаты и имущество; при этомъ щадятъ женъ и дѣтей. Рабство простирается на однихъ черныхъ, приведенныхъ извнѣ. Работорговля запрещена христіанамъ подъ страхомъ смерти.“ (Мунцингеръ.) Абиссинія болѣе 1500 лѣтъ сохраняла свое христіанство, но не развивала его. Изъ живого растенія оно превратилось въ неподвижное, съ неправильнымъ образованіемъ, въ которомъ листья и цвѣты, существенное и несущественное, догматъ и ученіе получили одинаковую важность, вслѣдствіе чего жизнь народа не могла уже проникаться собственной духовной жизнью. Оно представляетъ собою нѣчто вполнѣ изолированное въ жизни этой пестрой народной смѣси. Въ основѣ его не лежитъ высокой общей культуры, и у него нѣтъ друзей или враговъ, въ видѣ науки и искусства. Такъ объясняются духъ формы, приданіе значенія обычаямъ и внѣшнимъ дѣламъ, безсмысленное проведеніе различія между чистымъ и нечистымъ, обрѣзаніе, приверженность къ буквѣ, какъ продуктъ близорукаго восточнаго, фарисейско-іудейскаго образа мысли. Недостатокъ теологической науки, избытокъ монаховъ, безпорядочныхъ и безнравственныхъ, брачныя отношенія, доходящія до полигаміи, наглая симонія, продажа святыхъ даровъ, чрезмѣрно многочисленные праздники, безконечные поверхностные посты и исповѣди, суевѣрное поклоненіе кресту и образамъ, крайнее развитіе почитанія святыхъ представляютъ собою одинаково понижающія обстоятельства. Ко всему этому присоединяются суевѣрные обычаи, по меньшей мѣрѣ, не запрещаемые церковью, а въ большинствѣ случаевъ даже поддерживаемые ею. Если мы прибавимъ, что санъ священника по древне египетскому обычаю переходитъ въ семьяхъ отъ отца къ сыну, что монахини и монахи предаются бездѣйствію, что абиссинская церковь требуетъ отъ своихъ служителей лишь весьма невысокую степень образованія, то мы поймемъ, какъ этотъ христіанскій народъ долженъ быть бѣденъ культурою. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на указанную уже выше неразумную гордость, настоящее семитическое наслѣдіе всѣхъ полу-культуръ, замыкающуюся отъ всякаго образованія, и которую въ этомъ обособленіи христіанство могло лишь поддерживать.

Подобно коптамъ, абиссинцы — монофизиты, и еще въ настоящее время первосвященникъ абиссинской церкви избирается изъ рядовъ коптскихъ монаховъ. Но когда египетское христіанство было придавлено исламомъ, исчезла почти всякая связь между обѣими африканскими родственными церквами, и абиссинское христіанство погрузилось въ прежнюю тьму, чуждую исторіи, откуда оно начало выступать только въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ. Точныя свѣдѣнія о немъ доставили лишь послы, отправленные королемъ Іоанномъ II португальскимъ въ концѣ XV в. въ отдаленное христіанское царство. Нѣкоторое время португалецъ занималъ

вліятельное положеніе патріарха (абуна) абиссинской церкви. Попытки обратить абиссинцевъ въ католицизмъ только ослабляли европейское вліяніе. Позднѣйшія старанія миссіонеровъ оставались незначительными и раздробленными. Исходящая изъ такого корня и испытавшая такую судьбу абиссинская церковь, по своему ученію, стоитъ всего ближе къ православной сирійской церкви. У нея есть глубокіе корни въ народѣ, который сохраненіемъ своей независимости обязанъ еще болѣе тѣсному сплетенію всѣхъ своихъ интересовъ съ христіанствомъ, чѣмъ изолирующей и охраняющей природѣ страны. Эта церковь не имѣетъ даже недостатка въ широтѣ основанія, такъ какъ, по Хейглину, она заключаетъ 12 тыс. духовныхъ лицъ въ безчисленныхъ церквахъ и монастыряхъ, обладаетъ значительной частью лучшей земли и выказываетъ притязаніе на даровую обработку ея крестьянами.

Абиссинское богослуженіе не лишено извѣстной пышности, хотя и кажется нѣсколько неполнымъ и трудно доступнымъ. Въ процессіяхъ надъ самыми важными духовными лицами несутъ бархатные зонтики. Они сами въ это время машутъ кадилами и колокольчиками или держатъ высокіе крючкообразные посохи съ греческими крестами въ одной рукѣ, египетскія трещетки, называемыя саназелъ (двухзубчатыя вилки, прикрытыя сверху поперечными палочками, къ которымъ придѣлано множество колецъ, см. стр. 473), въ другой; въ то время, какъ они свое заунывное пѣніе сопровождаютъ звукомъ трещетокъ, другіе бьютъ въ большіе барабаны, которые въ богатыхъ церквахъ дѣлаются изъ листоваго серебра. Высшія духовныя лица надѣваютъ ризы изъ тисненаго бархата, уцѣлѣвшія отъ лучшихъ временъ. Наконецъ, они носятъ на шеѣ на шнуркѣ одну изъ тѣхъ священныхъ книгъ, въ которыхъ фантазія путешественниковъ по Востоку часто предполагала величайшее сокровище абиссинскихъ церквей, пока не стало извѣстно, что въ этихъ пергаментахъ, дошедшихъ отъ первыхъ временъ христіанства, написанныхъ эѳіопскими буквами, длиною въ палецъ и богато украшенныхъ рисунками, едва ли можно найти что-нибудь, кромѣ историческихъ чиселъ и хроникъ абиссинскихъ властителей. Пожары, весьма частые въ Абиссиніи, и небрежное отношеніе уничтожили многія изъ этихъ книгъ. Самыя цѣнныя изъ нихъ вѣшаются на шнуркахъ для предохраненія отъ мышей. Подобно другимъ искусствамъ, производство пергамента и искусство письма въ нынѣшней Абиссиніи пошли назадъ; въ настоящее время можно найти не много новыхъ книгъ, которыя равнялись бы старинымъ по величинѣ и изяществу. Украшенія, вытисненныя раскаленнымъ желѣзомъ на кожаныхъ переплетахъ, часто не лишены вкуса.

Огороженныя пространства церквей служатъ кладбищами; но, къ нашему удивленію, въ Абиссиніи нѣтъ надгробныхъ памятниковъ, вслѣдствіе чего эти мѣста смерти производятъ впечатлѣніе пустоты или пустынности. Въ той же оградѣ находятся хижины священниковъ. Даже въ безлѣсныхъ мѣстахъ плоскогорья онѣ пользуются тѣнью нѣкоторыхъ старыхъ деревьевъ, хотя бы это былъ только узкій, мрачный кипарисъ. Изъ этихъ пустынныхъ кладбищъ кости знатныхъ лицъ черезъ 50 лѣтъ переносятся въ самую церковь и погребаются тамъ въ расписанныхъ деревянныхъ гробахъ. Пространство вокругъ церкви считается священнымъ мѣстомъ, гдѣ и владѣніе мертвыхъ должно находиться въ безопасности. Поэтому въ жилищахъ священниковъ можно найти множество цѣнностей другихъ лицъ. Право убѣжища въ этихъ пространствахъ для людей уважается даже и во время междоусобныхъ войнъ. Въ Гондарѣ весь кварталъ, гдѣ живетъ глава абиссинскихъ христіанъ, обладаетъ такимъ правомъ убѣжища; когда Рюппель тамъ жилъ, имъ невозбранно пользовался разбойникъ съ 50 сотоварищами, наводившій прежде ужасъ на всю провинцію.

Внѣшніе интересы государства и церкви совпадаютъ въ борьбѣ съ иновѣрцами, и рѣдко бываетъ, чтобы церковь, какъ это случилось при

Θеодорѣ, стала на сторону партіи, враждебной властителю. Уже Θеодоръ быстро расправился съ подобными попытками. Рольфсъ считаетъ исторически достовѣрнымъ разсказъ, будто Θеодоръ, проклятый и объявленный внѣ закона соборомъ, подъ предсѣдательствомъ абуны, направилъ на него пистолетъ, сказавъ при этомъ: „Святой отецъ, прошу твоего благословенія".

Историческая жизнь Абиссиніи не имѣетъ ничего равнаго религіозному и національному фанатизму, въ качествѣ двигательной силы. Въ абиссинской исторіи заключается нѣсколько эпизодовъ, напоминающихъ преслѣдованія монофизитовъ въ Египтѣ. Когда негусъ настолько пошелъ навстрѣчу іезуитамъ, что обращеніе Абиссиніи въ католицизмъ, повидимому, дѣлало большіе успѣхи, когда для іезуитовъ строились дворцы и имъ отданы были въ руки семинаріи для юношей, предназначавшихся въ абиссинскіе священники (1624 г.), тогда разразились самыя кровавыя религіозныя войны; самъ императоръ допустилъ повѣшеніе своего зятя и своей дочери, въ качествѣ еретиковъ. Къ религіознымъ и національнымъ несогласіямъ (наслѣдственные враги Абиссиніи, галласы, исповѣдуютъ магометанство) присоединились еще соціальныя. Не только всѣ не-христіане подвергаются извѣстнымъ ограниченіямъ; здѣсь замѣчается нѣчто вродѣ экономическаго раздѣленія труда, тѣмъ болѣе, что вообще магометане въ Абиссиніи трудолюбивѣе и предпріимчивѣе христіанъ.

Число языческихъ обитателей Абиссиніи ограничивается ваитами (ваито), живущими на озерѣ Танѣ, и частью агаевъ (агау), живущихъ въ западной Абиссиніи. Но, кромѣ того, тамъ нерѣдко встрѣчаются языческіе обычаи, хотя лишь въ видѣ отдѣльныхъ остатковъ болѣе древняго почитанія природы. Рюппель разсказываетъ о Гарематѣ: „Женщины этой мѣстности отправлялись въ большомъ числѣ къ обильному водой источнику, подъ одной изъ красивыхъ древесныхъ группъ, мыли себѣ руки и ноги и затѣмъ соскакивали на землю съ грубо обтесанной, кубообразной песчаниковой глыбы, съ двумя эллиптическими углубленіями." Другіе наблюдатели приводили ясныя свидѣтельства въ пользу служенія змѣямъ.

При двухъ послѣднихъ императорахъ абиссинское христіанство сдѣлало большіе внѣшніе успѣхи насильственнымъ вытѣсненіемъ магометанства и язычества; но при тамошнихъ условіяхъ внутреннее развитіе его не могло, конечно, исходить изъ нѣдръ церкви, а должно было быть принесено извнѣ соціальными силами. Вполнѣ основателенъ совѣтъ Рольфса: „отъ обращенія Абиссиніи въ другое вѣроученіе слѣдуетъ отказаться, но тѣмъ ревностнѣе надо стараться о воспитаніи дѣтей". Исторія Абиссиніи отчетливо выказываетъ безплодность вынужденныхъ обращеній. Настоящей задачей миссіи тамъ должно быть развитіе дарованія народа путемъ воспитанія.

Императорская власть Абиссиніи, опирающаяся на личность императора, отъ котораго народъ всего ожидаетъ и все терпитъ, была могущественнымъ учрежденіемъ лишь при немногихъ сильныхъ властителяхъ. Правительственная дѣятельность Θеодора въ этомъ столѣтіи всего ближе подходила къ абиссинскому идеалу: „отъ самыхъ раннихъ утреннихъ сумерекъ до поздней ночи отъ негуса требовали участія въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, а также въ военномъ совѣтѣ и духовныхъ дѣлахъ. Всѣ правительственныя занятія лежали на немъ самомъ. Десятки просителей собираются задолго до солнечнаго восхода передъ цѣпью тѣлохранителей, окружающихъ его палатку, и восклицаютъ: „Абетъ-Абетъ" или „Дзанхой" („господинъ, господинъ, выслушай насъ!"). Изъ лагеря отзывается императоръ, встаетъ, выслушиваетъ желанія и жалобы, произноситъ рѣшенія и жалуетъ разными милостями и подарками. Затѣмъ слѣдуютъ донесенія и пріемъ пословъ; патрули приводятъ иногда нарушителей ночного покоя, воровъ или шпіоновъ, процессъ и наказаніе которыхъ происходятъ тутъ же, безъ дальнѣйшихъ рѣчей и околичностей"

(Хейглинъ). Карьера этого выдающагося человѣка среди абиссинскихъ императоровъ выказываетъ безплодность всякой дѣятельности при условіяхъ, открывающихъ для правителя два пути, — бездѣйствіе или деспотизмъ, и невозможность постояннаго развитія страны и народа, за отсутствіемъ культурной почвы. Послѣ отреченія императора Теклы Гайманота (въ 1778 г.) до 1833 г. 14 различныхъ правителей 22 раза занимали императорскій престолъ въ Гондарѣ. По старинному обычаю, императоръ избирается изъ такъ называемыхъ большихъ чиновъ царства, изъ одной древней княжеской фамиліи, и назначаетъ намѣстниковъ въ провинціи. Но въ странѣ, столь бѣдной путями сообщенія, какъ Абиссинія, зависимость намѣстниковъ была простой фикціей. Поэтому исторія Абиссиніи распадается на исторію ея намѣстниковъ и провинцій. Внѣдреніе галласовъ между Абиссиніей и Шоа довершило это положеніе вещей; послѣдняя провинція долго была вполнѣ отдѣлена отъ главной страны. Въ это время императоръ въ Гондарѣ былъ простой тѣнью. При Рюппелѣ доходъ его состоялъ изъ 300 спеціесъталеровъ (около 600 рублей), поголовной подати съ гондарскихъ магометанъ. Вздохамъ, которые императоръ испускалъ въ одной аудіенціи по поводу упадка его сана, соотвѣтствовалъ жалкій характеръ его обстановки — полуразрушенность дворца и обнаженность его покоевъ. Доведенный до невозможности содержать дворъ на получаемую имъ сумму и лишенный другихъ вспомогательныхъ источниковъ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ штрафныхъ денегъ, этотъ мнимый императоръ обнаружилъ притязанія на извѣстную часть церковныхъ доходовъ, но этимъ такъ раздражилъ духовенство, что оно заперло церкви и понудило одного изъ намѣстниковъ смѣстить императора. Расъ-Али указалъ своему императору небольшую деревню на озерѣ Танѣ для жительства, причемъ онъ долженъ былъ содержать себя на доходы съ нея. Этотъ императоръ царствовалъ всего $4^1/2$ мѣсяца, и легко понять, что послѣ его смѣщенія потребность въ новомъ правителѣ была такъ невелика, что долгое время никого не избирали. При такихъ обстоятельствахъ нельзя и говорить о центральномъ управленіи царства: каждый намѣстникъ управляетъ своею провинціею или эксплуатируетъ ее и сносится непосредственно съ иноземными властями, какъ въ послѣдніе годы Расъ-Алула сносился съ Италіей. Кромѣ десятой доли урожая, какъ основной подати, онъ требуетъ еще подати быками и овцами, а нерѣдко также и коровьимъ масломъ и медомъ. Къ этому присоединяется еще угощеніе путешествующихъ знатныхъ лицъ и ихъ гостей, а также и другихъ путешественниковъ. Наконецъ, намѣстникъ взимаетъ пошлину съ торговли, которую обыкновенно получаетъ въ видѣ бумажныхъ матерій, имѣющихъ мѣновую цѣнность и составляющихъ прямой денежный источникъ правительства. Сюда же относится и поголовная подать, платимая магометанами и евреями. Но если всего этого для намѣстника мало, онъ конфискуетъ столько имущества, сколько ему нужно, точно такъ же, какъ его чиновники и солдаты берутъ то, что могутъ найти. Въ военное время абиссинское управленіе превращается въ систематическій грабежъ.

Абиссинская государственная печать. (По Г. Рольфсу.) Подпись означаетъ 1) эѳіопскими письменами: negusa negest Juhannas sa ethiopie, 2) арабскими: Juhanne melik muluk el habaša, т. е. Іоаннъ, царь царей Эѳіопіи (Габешъ).

Изъ класса этихъ мелкихъ правителей-намѣстниковъ вышло также обновленіе абиссинской императорской власти. Каза изъ Саны послѣ многихъ столкновеній остался единственнымъ могущественнымъ, повсюду побѣдоноснымъ изъ абиссинскихъ правителей и, по необходимости, несмотря на прежнее отлученіе отъ церкви (1855 г.), сдѣлался императоромъ, подъ именемъ Θеодора. Θеодоръ прежде всего выказалъ себя воиномъ. Всего величественнѣе и внушительнѣе дѣйствовали его вооруженные отряды, его быстрые переходы и внезапныя нападенія, его личныя рекогносцировки во вражеской странѣ, его отчаянное мужество. Орудіемъ его было насиліе, и столь же насильственными были его рѣшенія — искоренить исламъ, окрестить евреевъ, распространить границы Абиссиніи отъ Краснаго моря до Нила. „Θеодоръ хочетъ преобразовать всю страну ужасомъ и кровью“, писалъ въ 1863 г. Мунцингеръ, который въ то время еще превозносилъ этого императора. Но онъ долженъ былъ прибавить: „въ Абиссиніи нѣтъ ни одной уважаемой семьи, которая бы не осиротѣла. Сколько правящихъ лицъ умерли медленной смертью злоумышленниковъ! Счастливы тѣ, которые пали на полѣ битвы, какъ мужчины. Прежніе властители народа находятся въ заточеніи въ горныхъ укрѣпленіяхъ.“ Возмущенія и гражданскія войны не прекращались. Почти всѣ второстепенные правители пали не столько отъ оружія, сколько отъ массоваго давленія императорскаго войска, наступавшаго сотнями тысячъ, съ женами и дѣтьми, опустошавшаго страну, на подобіе полчища саранчи. Когда съ теченіемъ времени вся Абиссинія превратилась въ пустыню, опять произошло нѣчто вродѣ взрыва воинственнаго безумія этого неустрашимаго воина, закончившагося тѣмъ, что европейцы были закованы въ цѣпи, пока не выразили готовности отливать пушки, и подготовившаго ему достойный его жизни конецъ подъ развалинами Магдалы (1868 г.). Императоръ Іоаннъ изъ положенія правителя провинціи Тигре удачными войнами поднялся такъ высоко, что въ 1872 г. могъ заставить короновать себя въ Аксумѣ. Самостоятельный до тѣхъ поръ царь Менилекъ въ Шоа, когда въ 1879 г. императоръ Іоаннъ выступилъ противъ него, мирно подчинился ему; онъ коснулся лбомъ земли и былъ утвержденъ царемъ, подвластнымъ Іоанну. Іоаннъ ввелъ болѣе человѣчное обращеніе со своими противниками, какое нѣкогда было въ употребленіи въ Абиссиніи; когда онъ въ 1889 г. палъ въ крестовомъ походѣ противъ махдистовъ, ему наслѣдовалъ Менилекъ; такимъ образомъ, наконецъ, Абиссинія и Шоа вновь составили одно цѣлое.

Послѣднія десятилѣтія Шоа была представительницей мирной стороны абиссинскаго владычества. И здѣсь царь — единственный господинъ и хозяинъ страны, но управляетъ ею мирно и пользуется разумно доходами царства изъ высокихъ пошлинъ и натуральныхъ повинностей земледѣльцевъ. Во время войны каждый правитель долженъ былъ выставлять свой отрядъ войска, и все войско могло доходить тогда отъ 30 до 50 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ около 1000 вооружены ружьями, а другіе — копьями, мечами и щитами. Къ населенію Шоа принадлежатъ нѣкоторые пограничные народы, составляющіе военную границу. Чачи, адабаи и джаммы образуютъ естественный оплотъ отъ нападенія галласовъ съ юга, которые поэтому никогда не могли вполнѣ подчинить себѣ шоанское царство, а могли только отъ времени до времени наводнять его. Шоанцы вообще пользуются славой хорошихъ воиновъ. Особенно выдающейся считается ихъ кавалерія; закутанные въ свои черные шерстяные плащи, на легкихъ, сильныхъ, неподкованныхъ лошадяхъ, головы которыхъ украшены металлическими пластинками, они уже съ внѣшней стороны производятъ благопріятное впечатлѣніе. Они носятъ, по большей части, только короткія, широкія сабли и копья, небрежно держа ихъ на плечѣ.

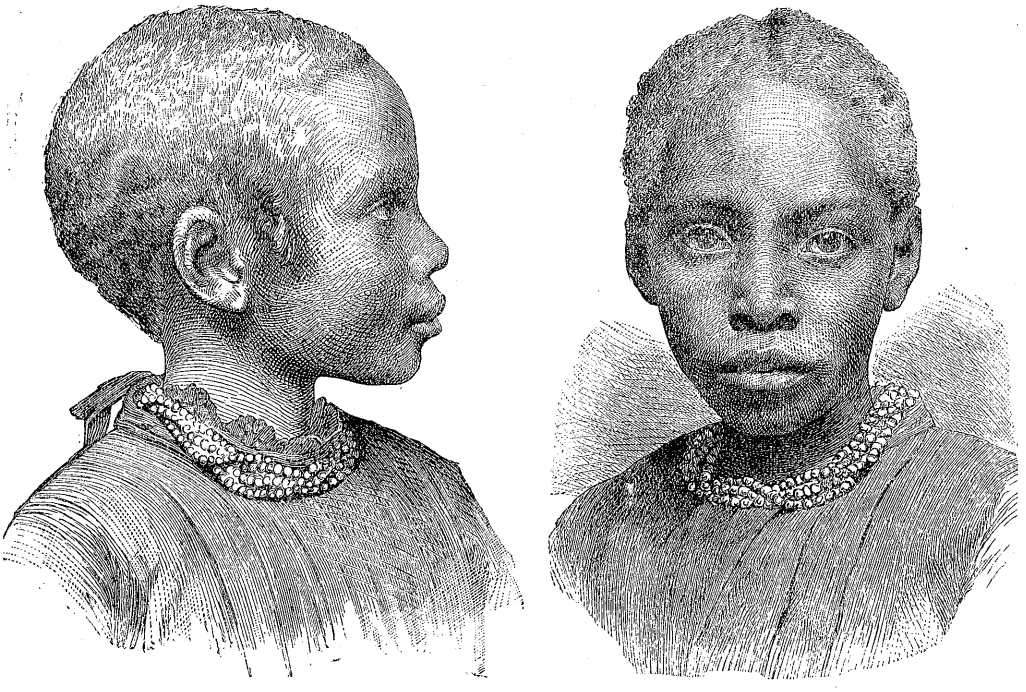
Абиссинія, уже благодаря своему положенію, всегда была воинственнымъ государствомъ. Къ сожалѣнію, армія ея — орудіе весьма несовер-

шенное. Рольфсъ писалъ въ 1881 г.: „отнюдь не надо вѣрить, будто солдаты Абиссиніи могутъ выдержать какое-либо сравненіе съ нашими регулярными арміями, даже съ египетскими и, пожалуй, даже съ марокканскими войсками. Абиссинскій солдатъ никогда не получаетъ никакого жалованья, и офицеръ — никакой платы. Наброшенная на плечи овечья или козья шкура, съ бахромой, длиною болѣе 1/2 метра, или, вмѣсто нея, шкура льва или пантеры для наиболѣе храбрыхъ — таково украшеніе воина. Къ нему присоединяется длинная кривая сабля на правомъ боку. Въ такой амуниціи выступаетъ абиссинскій солдатъ. Онъ гордо взираетъ на каждаго: ему принадлежитъ земля, крестьянинъ долженъ на него работать.“ При ея громадномъ обозѣ, такая армія составляетъ для страны большую тягость; она выказываетъ исключительныя притязанія на обширныя области, поглощаетъ работы многихъ тысячъ человѣкъ. Такъ же, какъ Асмара, гдѣ Расъ-Алула обыкновенно стоялъ съ пограничной арміей, въ настоящее время Дебра Таборъ представляетъ округъ, населенный почти исключительно солдатами, придворными и чиновниками. Горожане и крестьяне находятся здѣсь въ томъ или другомъ отношеніи къ арміи, въ качествѣ покупателей или продавцевъ. Армія въ рѣдко населенной странѣ есть сама по себѣ народъ, движеніе котораго является народнымъ переселеніемъ. До сихъ поръ еще остается въ силѣ старинное замѣчаніе португальцевъ: у императора Абиссиніи нѣтъ опредѣленнаго мѣста обитанія; онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, съ многочисленными палатками и свитой, въ 50 тысячъ и болѣе человѣкъ. Съ какой рѣзкостью выступаютъ въ этихъ мѣстностяхъ африканская основная черта непостоянства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коренная бѣдность культуры.

Императоръ еженедѣльно даетъ публичныя аудіенціи въ своемъ дворцѣ, доступныя каждому подданному; онъ выслушиваетъ жалобы, оправданія и свидѣтельскія показанія, совѣтуется со своими приближенными и изрекаетъ приговоры. Но императоръ не лично говоритъ со сторонами, а черезъ посредство довѣреннаго лица, называющагося „уста негуса“. На долю вали, на обязанности котораго, вмѣстѣ съ его солдатами, лежитъ исполненіе судебныхъ приговоровъ, при могущественныхъ властителяхъ, какимъ былъ Ѳеодоръ, достается не мало кровавой работы. Но подкупъ лицъ, которымъ довѣрено исполненіе рѣшеній, практикуется въ большихъ размѣрахъ. Въ дѣйствительности, стороны часто сами удовлетворяютъ себя, приходя къ соглашенію предоставить свое дѣло третьему лицу и сообразоваться съ его рѣшеніемъ. Въ запутанныхъ случаяхъ обращаются къ Книгѣ Законовъ, Огета Негустъ, т. е. руководство правителя, которое, вѣроятно, есть не что иное, какъ переработка институтовъ Юстиніана, сдѣланная въ XVII в. нѣмецкимъ миссіонеромъ Петеромъ Гейлингомъ изъ Любека. Внутри страны, по древнему обычаю, правосудіе совершается на возвышенности, подъ открытымъ небомъ, при содѣйствіи старшинъ. Истецъ и отвѣтчикъ высказываютъ свои доводы изустно, причемъ окружающіе дѣлаютъ свои замѣчанія. Послѣ продолжительныхъ преній, судья, наконецъ, требуетъ молчанія и произноситъ свое рѣшеніе.

Безнравіе, особенно усилившееся въ нашемъ столѣтіи, создало нѣкоторые обычаи, которыми народъ старался помочь себѣ самъ. Если подозрительное лицо связано съ одной изъ жалующихся сторонъ, то оно обязывается оставаться на мѣстѣ до рѣшенія жалобы; въ противномъ случаѣ, это считается признаніемъ вины. Иногда устанавливались даже формальные союзы, съ цѣлью самозащиты. Большая часть провинціи Гамазенъ, граничащая съ Агамé, составляла въ 30-хъ годахъ федеративную республику, всѣ жители которой разрѣшали свои споры съ помощью собственнаго судьи, избирали сами мѣстныя власти и иногда съ успѣхомъ уклонялись отъ уплаты податей, которыми должны были оплачивать свою независимость намѣстнику Адауи.

Общественныя условія абиссинцевъ показываютъ, съ какими незначительными культурными элементами можетъ уживаться религія высокаго происхожденія. Во многихъ отношеніяхъ магометане, быть можетъ, даже евреи, не уступаютъ своимъ христіанскимъ соотечественникамъ. Каково бы ни было уравнивающее дѣйствіе исчисляемаго нѣсколькими тысячами духовенства, вышедшаго изъ народа, но полукультура, невѣжество, давленіе стѣснительныхъ условій еще болѣе содѣйствуютъ этому нивеллированію. Именно потому, что въ этомъ населеніи живетъ еще духъ ранней эпохи среднихъ вѣковъ, воинъ, купецъ, землевладѣлецъ и пахарь пользуются здѣсь одинаковымъ уваженіемъ; здѣсь не существуетъ почти никакой раз-



Южно-абиссинская дѣвушка. (По фотографіи.)

ницы образованія, вслѣдствіе чего господинъ и слуга могутъ стоять на дружеской ногѣ. Рѣдкое населеніе на благопріятной почвѣ не допускаетъ также большихъ неравенствъ во владѣніи. Сюда надо присоединить еще особый видъ рабства, имѣющаго въ Абиссиніи очень мягкія формы. Весьма рѣдко рабы подвергаются суровому наказанію; самое большее, если имъ сковываютъ ноги. Для участія въ работорговлѣ абиссинскіе христіане вступаютъ въ тайныя товарищества съ магометанами. Бо́льшая часть рабовъ — галласы съ юга или негры, которые приводятся черезъ Фацогль и Сеннааръ, подъ именемъ шангалласовъ.

Церковь креститъ мальчика на 40-й, а дѣвочку на 10-й день послѣ рожденія. Мvропомазаніе совершается позднѣе, за небольшое вознагражденіе. Обрѣзаніе, которому подвергаются оба пола, есть древній народный обычай, такъ же, какъ и празднества при наступленіи возмужалости, причемъ вступающій въ нее со многими товарищами приходитъ передъ разсвѣтомъ къ дому своего дяди по матери, который выбриваетъ ему переднюю часть головы, даетъ свое благословеніе и даритъ копье и молодую корову. Бракъ не всегда бываетъ церковнымъ. Согласіе роди-

телей замѣняетъ въ этомъ случаѣ благословеніе церкви. На практикѣ у знатныхъ лицъ господствуетъ полигамія.

* * *

Къ сѣверу отъ Абиссиніи живутъ до Бени Амера (а нѣкогда жили до Атбары) пастушескіе народы, которые въ сказаніяхъ, языкѣ, и вѣрѣ выказываютъ несомнѣнные слѣды прежней связи съ абиссинцами. У всѣхъ пограничныхъ народовъ Абиссиніи сохраняются слѣды христіанства, какъ на югѣ, далеко за предѣлами Шоа, такъ, въ особенности, у богосовъ и мензъ. Этотъ остатокъ прежней вѣры настолько вошелъ въ народное сознаніе, что отсутствіе его отмѣчается сознательно, какъ, напримѣръ, относительно бареевъ и канамовъ. Мунцингеръ разсказываетъ, что бидели, живущіе въ Баркѣ, обращенные въ магометанство, но говорящіе на языкѣ Тигре, въ процессіяхъ, когда молятся о дождѣ, вмѣсто Аллаха призываютъ христіанскаго Бога.

Живущіе непосредственно къ сѣверу отъ Абиссиніи богосы, пастушескій народъ абиссинскаго происхожденія, который прежде находился непосредственно подъ властью императора и посылалъ ко двору въ Гондаръ незначительную подать въ 60 коровъ. Когда императоръ умиралъ, всѣ богосы брили себѣ головы, какъ будто потеряли родственника. Богосы составляли аристократію, которая управляла собою сама, на основахъ собственнаго права и собственной крови. Подобно восточнымъ монархамъ стараго и новаго времени, не заботившимся о внутреннемъ порядкѣ и отправленіи правосудія у покоренныхъ народовъ, абиссинцы, главнымъ образомъ, заботились о дани. Богосы были сильный народъ, внушавшій уваженіе; они принесли съ своей родины извѣстную культуру, духовенство и богослуженіе. Тѣснимая съ одной стороны абиссинцами, а съ другой—турками, прежняя культура совсѣмъ исчезла, хотя слѣды лучшаго прошлаго еще остались. Мензы (менза) и такны (такне) близко родственны богосамъ. Далѣе къ сѣверу живутъ бедуаны (единств. бедуй), обѣднѣвшая, подавленная вѣтвь, производящая впечатлѣніе отцвѣтшаго, отжившаго народа (Мунцингеръ). Названіе бедуй сдѣлалось браннымъ словомъ. Въ ихъ сосѣдствѣ пасутъ свои стада хабабы, живущіе лѣтомъ за цѣпью возвышенностей Келанъ, а зимою спускающіеся въ Сахель. Подобно бедуанамъ, они причисляютъ себя къ мусульманамъ; однако, многія племена, семьи и лица до сихъ поръ еще носятъ имена, употребительныя въ Абиссиніи. Языкъ ихъ почти чистый геезъ. Между тѣмъ, какъ въ христіанской Абиссиніи онъ сохранился только въ христіанскихъ книгахъ, среди пастуховъ онъ живетъ въ столь неиспорченномъ видѣ, что абиссинскіе богословы справляются съ народнымъ языкомъ хабабовъ, чтобы возстановить утраченный смыслъ какого нибудь стариннаго слова.

Бени-амеры, пасущіе свои стада въ Баркѣ, представляютъ народъ въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, къ которому причисляются родственныя вѣтви въ Баркѣ, каковы хелькоты (хелькота или хейкота) и менны (менна) на Хоръ эль Гашѣ. Воинственный и разбойничій народъ этотъ внушаетъ страхъ своимъ сосѣдямъ, и въ этомъ отношеніи его превосходятъ, быть можетъ, только родственные ему барки (барка). Стада рогатаго скота составляютъ богатство этихъ номадовъ, мало занимающихся земледѣліемъ. Благодаря разбойничьимъ набѣгамъ на богосовъ, бассовъ и другія племена, они владѣютъ многочисленными невольниками. Союзы лицъ господствующаго класса съ рабынями измѣнили весь составъ народа. Невольничье племя бени-амеровъ, „кижендои“ (кижендоа), состоитъ изъ родившихся на мѣстѣ рабовъ, управляющихся собственнымъ начальникомъ. Нравы, обычаи и право указываютъ народность преимущественно арабскаго происхожденія. Кромѣ высшаго и низшаго сословій и рабовъ, у бени-амеровъ есть еще семейства шейховъ, чуждый элементъ въ народѣ.

Въ высшемъ сословіи уцѣлѣла болѣе старинная группа, вѣроятно, арабскаго племени, въ прежнія времена правившая народомъ. Между тѣмъ, какъ лица высшаго сословія, вслѣдствіе прежняго свойства, чувствуютъ себя одной семьей, низшее сословіе, живущее вмѣстѣ съ ними или въ отдѣльныхъ стоянкахъ, распадается на нѣсколько племенъ. Рабомъ не можетъ сдѣлаться ни одинъ бени-амеръ: только ввезенные изъ другихъ странъ — настоящіе рабы; родившіеся въ самомъ племени могутъ считаться лишь крѣпостными. Названія племенъ и поселеній исходятъ отъ именъ благородныхъ фамилій. Различіе языка, раздѣляющее бени-амеровъ на гассовъ и беданіевъ, касается и лицъ высшаго сословія, принадлежащихъ къ одной лингвистической группѣ со своими подчиненными. Весь народъ, какъ въ этническомъ, такъ и въ пространственномъ отношеніи, представляетъ среднюю форму между абиссинцами и нубійцами.

---

8. Берберы [1].

„Двѣ расы бураго цвѣта, одна и европейская и одна саxарская, обѣ глубоко отличныя отъ негровъ, сходятся въ области Атласа.“
Тиссо.

Содержаніе: Первичный народъ сѣверной Африки. — Осѣдлые и номады. — Нынѣшніе берберы. Смѣшеніе. Берберы и арабы. — Одежда и вооруженіе. — Были-ли берберы строителями городовъ? Деревни кабиловъ [2]. Казбахъ. — Земледѣліе, промыслы и торговля. — Положеніе женщины. — Политическая жизнь. Джемаи. Независимость кабиловъ. — Религія. — Сравненіе между берберами и арабами.

Населеніе сѣверной Африки принадлежитъ въ настоящее время къ двумъ большимъ семействамъ народовъ — къ семитамъ и хамитамъ. Хамиты — болѣе древніе, вообще для насъ самые ранніе обитатели этой страны. До VII в. по Р. Х. они владѣли ею, за исключеніемъ узкой береговой полосы. Египтянамъ, какъ это видно изъ ихъ изображеній, физическое строеніе народовъ на краю Средиземнаго моря казалось болѣе благороднымъ, цвѣтъ кожи болѣе свѣтлымъ, чѣмъ у другихъ сосѣдей, а нравы и религія сходными съ ихъ собственными, и они примѣняли къ нимъ названіе „тегенно“, т. е. свѣтлые. Языкъ ихъ тотъ-же, какимъ говорятъ и теперь отъ оазиса Сивахъ до склоновъ западнаго Атласа. Жалкіе остатки языка гуанчей, первичныхъ обитателей Канарскихъ острововъ, также выказываютъ связь съ берберами. Уже Горнеманъ, установившій первое сравненіе языковъ между народами Ливійской пустыни и Марокко, нашелъ одинъ и тотъ же языкъ въ обширной области сѣверной Африки и сѣверо-восточной Сахары. „Во всякомъ случаѣ, различія разныхъ діалектовъ этого языка значительны, но не настолько, чтобы затруднять пониманіе другъ друга разныхъ народовъ, говорящихъ на берберскомъ языкѣ. Когда, много лѣтъ тому назадъ, нѣсколько шейховъ туареговъ посѣтили Алжиръ, имъ не трудно было понимать берберовъ Джурджурскихъ горъ.“ (Рольфсъ).

Къ единству языка, распространеннаго въ четвертой части Африки, присоединяется разрушительное и реформирующее вліяніе большихъ историческихъ движеній. Отъ финикіянъ, карѳагенянъ и грековъ сѣверная

---

[1] Названіе берберовъ, происшедшее изъ барбари, арабы встрѣтили въ Марокко; кромѣ того, черезъ ихъ посредство, появилось имя Шулу или Шлу, какъ бранное слово (бродяги). Амазиргъ, или точнѣе Амазиръ, есть форма единственнаго числа отъ народнаго названія имазиры и мазиры берберовъ и туареговъ, отъ діалектическаго видоизмѣненія которыхъ магиръ или могеръ Ветцштейнъ производитъ названіе мавровъ.

[2] Кабилъ — арабское слово, означающее племя. Французы невѣрно примѣняютъ его къ берберамъ Атласа; впрочемъ, приходится слышать о берберскихъ и арабскихъ кабилахъ.

Африка перешла къ римлянамъ. Христіанство, сперва глубоко укоренившееся, было потомъ уничтожено. Волны переселенія народовъ переливались сюда изъ западной Европы. Затѣмъ арабы превратили всѣ мѣстности, удобныя для кочевой жизни, въ арену своей пастушеской жизни и заняли города, основанные ихъ предшественниками. Большая часть сѣверной Африки съ теченіемъ времени сдѣлалась настолько же арабскою, какъ сама Аравія, и въ Алжиріи на арабскомъ языкѣ въ настоящее время говоритъ вдвое больше число людей, чѣмъ по берберски. По распространенію языковъ, около половины Марокко — область арабскаго языка, хотя несмѣшанные арабы живутъ только въ сѣверной и средней трети Атлантическаго берега. Арабскій языкъ господствуетъ отъ Алжирской границы до Гибралтарскаго пролива и внутрь страны до Феца и до линіи Могадоръ-Марракешъ. Три большія группы берберскаго населенія представляютъ обитатели Рифа на сѣверѣ, бреберы на Атласѣ и шёхи отъ Большого до Малаго Атласа. Негры, происходящіе изъ западнаго и центральнаго Судана, прибывали сюда во множествѣ и въ особенности оказали вліяніе на марокккское городское населеніе (см. рис. стр., 491 и 492). Большимъ, смѣшаннымъ населеніемъ берберовъ и негровъ являются харатины, къ югу отъ Малаго Атласа, номады пустыни. Подъ конецъ, появились турки и за ними европейцы, и въ настоящее время сѣверная Африка недалека отъ того, чтобы вновь присоединиться къ европейскому культурному движенію, такъ же тѣсно, какъ во времена Рима.

Дахеланецъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 506.

Если сѣверная Африка благопріятствуетъ чуждымъ вліяніямъ, то, съ другой стороны, она представляетъ и задерживающее средство противъ сильныхъ столкновеній различныхъ племенъ. Пустынная внутренняя часть ея есть область отступленія, куда осѣдлые народы никогда не слѣдуютъ добровольно за номадами, и Атласъ вовсе не способствуетъ проникновенію чуждыхъ полчищъ. Берберы Кабиліи въ 1857 г. были впервые оттѣснены чужеземцами, Если мы исключимъ арабовъ, которые, благодаря религіозной пропагандѣ, достигли могущественнаго вліянія, то мы должны будемъ признать, что большая часть берберовъ не много получила крови отъ финикіянъ или отъ грековъ, римлянъ и сѣверныхъ народовъ. Когда черезъ 300 лѣтъ послѣ начала римскаго господства, родившійся въ Лептисѣ, на Большомъ Сиртѣ, впослѣдствіи императоръ, Александръ Северъ прибылъ въ Римъ, онъ долженъ былъ учиться латинскому языку. Колонисты выстроили для себя города, а берберы жили въ открытой странѣ, отчасти, вѣроятно, въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ настоящее время, преимущественно въ кочевомъ состояніи. Настоящіе города начали впервые строиться при Массиниссѣ, городъ котораго (Сирта) носилъ его родовое имя. Изъ всѣхъ этихъ болѣе крупныхъ берберскихъ мѣстностей не сохранилось ни одной.

Только позднѣйшія, трудно поддающіяся повѣркѣ извѣстія указываютъ на насильственное смѣшеніе, которому подвергались сѣверные африканцы въ доисторическія времена. Форма доисторическихъ памятниковъ и гробницъ Европы, извѣстныхъ каменныхъ столовъ, по кельтски — дольменовъ (см. рис., стр. 493), такъ часто попадается въ мѣстахъ обитанія берберовъ, что въ ней видѣли свидѣтельство этнографической связи древняго сѣверо-африканскаго и европейскаго населенія.

Множество чуждыхъ развалинъ придаетъ этой безмолвной странѣ видъ какого-то страннаго кладбища, тѣмъ болѣе, что онѣ сохранились почти невредимыми въ этихъ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, обитатели которыхъ исполнены глубочайшаго благоговѣнія ко всѣмъ мѣстамъ погребенія и священнаго страха передъ всѣмъ необычнымъ. Тамъ можно видѣть могильныя насыпи, съ тремя или четырьмя каменными кругами на склонахъ и съ высокимъ, удлиненнымъ камнемъ на вершинѣ, каменные круги, глыбы которыхъ соединены между собою циклопическими стѣнами, ряды камней, идущіе другъ къ другу въ видѣ сѣтей, и большія четырехугольныя каменныя ограды вокругъ гораздо менѣе значительныхъ каменныхъ круговъ. По большей части, это — мѣста погребенія, гдѣ мертвые погребались сидя. Утварь чаще попадалась тамъ изъ желѣза, чѣмъ изъ другой руды. Генералъ Федербъ нашелъ и въ Марокко, въ области независимыхъ берберскихъ племенъ, четыре болѣе крупныя группы, настоящія кладбища.

Негръ изъ Бени-Меслема. (По фотографіи изъ коллекціи Пруперъ Бея.) Ср. текстъ, стр. 490.

Близъ Рокніи, въ провинціи Константинѣ, онъ насчиталъ одинъ около 3000 могильныхъ камеръ изъ камня, соединенныхъ въ четыреугольникъ и, „на подобіе дольменовъ“, прикрытыхъ каменной плитой; чаще всего онѣ были окружены каменными кругами. Изъ утвари здѣсь находятъ горшки, украшенія изъ мѣди и бронзы, а также и предметы изъ желѣза. Далѣе, и въ восточной Алжиріи находили многочисленные каменные памятники, и на одной плоской возвышенности ихъ видѣли, по меньшей мѣрѣ, до 10,000. Доказательствомъ того, что здѣсь хоронили уже въ историческое время, служитъ найденная въ одной могильной камерѣ монета Фаустины, въ другой — кусокъ античной колонны, а въ третьей — кирпичи съ римскимъ штемпелемъ; въ то же время Летурнё сообщаетъ изъ восточной Алжиріи надпись могильной камеры на діалектѣ, близко родственномъ языку нынѣшнихъ туареговъ.

Указанія въ другомъ направленіи даютъ гигантскіе памятники, ближайшія родственныя формы которыхъ слѣдуетъ искать въ Египтѣ. Такъ называемая могила Христины, именуемая единственнымъ древнимъ авторомъ, который о ней упоминаетъ, Monumentum commune regiae gentis, есть остатокъ пирамиды на многоугольномъ основаніи, съ колоннами, имѣющими сходство съ іонійскими и дорійскими, пилястрами и тремя

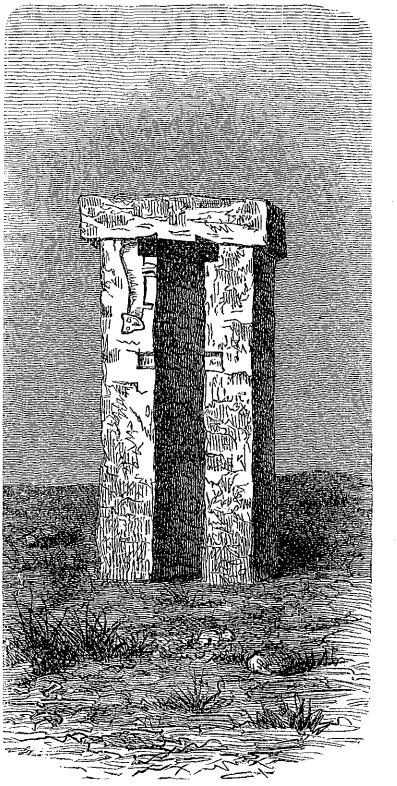
фальшивыми воротами, одни изъ которыхъ представляютъ монолитъ, въ 4 метр. высоты; этотъ памятникъ находится въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ Алжира. Высота его 40, а поперечникъ — около 60 метровъ. Съ нимъ сходенъ памятникъ древняго властителя Нумидіи, гробница Сифакса, близъ древней Силы, на многоугольномъ основаніи ступенчатой пирамиды египетскаго типа, украшенномъ 60-ю полуколоннами; колонны основанія напоминаютъ древнѣйшія неуклюжія колонны дорійскаго стиля. Доказательство того, что мы видимъ здѣсь надгробный памятникъ, представляютъ, повидимому, незаконченныя раскопки Карбуччіи. Рольфсъ разсказываетъ о кругломъ, построенномъ въ видѣ стѣны кругѣ, съ круглыми правильными углубленіями (для вставленія колоннъ) въ области Бени Мхиля, въ Марокканскомъ Атласѣ. Онъ слышалъ, что это мѣсто называли „христіанскимъ рынкомъ“. Французы уже въ 40-хъ годахъ нашли въ Шершелѣ остатки египетскихъ изваяній, и далеко оттуда, въ центрѣ страны туареговъ, Дюверье прослѣдилъ слѣды египетскаго вліянія въ развалинахъ памятниковъ. Позднѣйшей эпохѣ принадлежатъ разрушенныя массы городовъ, дворцовъ и мечетей, открытіемъ которыхъ въ долинѣ Вади Мга мы обязаны Ларжо и Тарри. Тамъ, гдѣ въ настоящее время бѣдное населеніе, подчиненное арабамъ, воздѣлываетъ финиковыя пальмы своихъ господъ, во время второго нашествія арабовъ возвышались цвѣтущіе города, съ дворцами, мечетями и великолѣпными водопроводами. Въ настоящее время они засыпаны пескомъ.

Негръ изъ Бени-Меслема. (По фотографіи изъ коллекціи д-ра Пруннеръ Бея.) Ср. текстъ, стр. 490.

О другихъ нравахъ и о другихъ народахъ говорятъ пещеры въ тѣснинѣ Аинъ Тарсиля (Марокко), подъ самымъ верхнимъ краемъ почти вертикальныхъ боковыхъ стѣнъ ея, высотою до 10 метр. — несомнѣнно произведенія человѣка, представляющія длинный рядъ углубленій въ известнякѣ. Внутреннее пространство пещеръ, какъ говорятъ, имѣетъ значительную величину. Мы не знаемъ — были ли здѣсь найдены каменныя орудія, оправдывающія положеніе Гукера, будто это были древнія жилища. Но мы можемъ припомнить, что на сосѣднихъ Канарскихъ островахъ гуанчи бальзамировали свои трупы и хоронили ихъ тысячами въ своихъ пещерахъ.

Бо́льшая часть берберскаго населенія въ настоящее время сдѣлалась арабскою по языку и вѣрѣ. Здѣсь мы можемъ найти доказательства способности арабскаго языка къ ассимиляціи. Въ Алжиріи берберскій языкъ настолько упалъ, что превратился въ діалектъ арабскаго. Придвинувшись

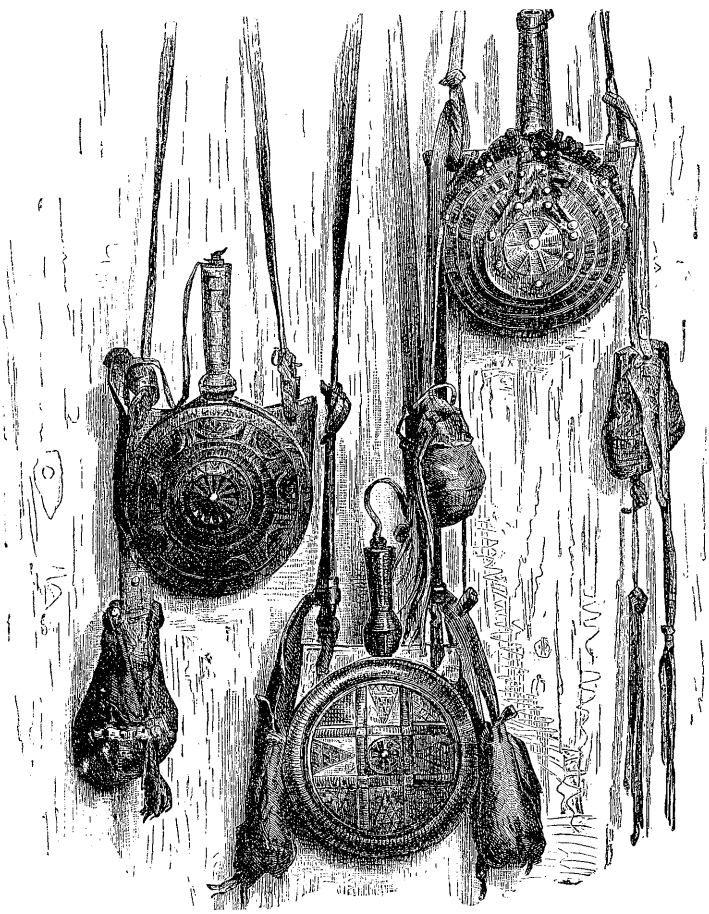
къ своимъ завоевателямъ по языку и религіи, берберы въ настоящее время стоятъ на пути къ утратѣ своей національности. Различіе, какое дѣлаютъ арабы въ названіи своихъ племенъ между Уладомъ и Бени, характерно въ этомъ отношеніи. Первыя — благородныя и воинственныя племена, происходящія отъ завоевателей; послѣднія стоятъ ниже и только внѣшнимъ образомъ примыкаютъ къ первымъ. Поэтому имя Бени, предшествующее наименованію племени, встрѣчается почти у всѣхъ арабизированныхъ берберовъ, тогда какъ Уладъ, главнымъ образомъ, относится къ кочевымъ арабскимъ племенамъ. Историческіе факты, говорящіе о сильномъ смѣшеніи, были многочисленны и несомнѣнны уже во времена Ибнъ Халдуна. Настоящія арабскія привилегированныя, такъ называемыя, „марабутскія“ деревни, обитатели которыхъ ведутъ свое происхожденіе отъ пророка, можно найти среди чистыхъ кабильскихъ округовъ. Такъ называемое маврское населеніе городовъ, куда уже многія столѣтія стекались всевозможные элементы, въ томъ числѣ и западные, не представляетъ ни одного мѣста, гдѣ антропологъ могъ бы отмѣтить опредѣленные типы; то же самое можно сказать о населеніи на большихъ путяхъ сообщеній и завоеваній, какъ, напримѣръ, Константина-Бискра, и въ долинахъ, раздѣляющихъ обѣ Кабиліи. Ни въ одномъ изъ арабскихъ и берберскихъ племенъ не встрѣчается какого-либо единаго типа. Топинаръ отсюда вынесъ только впечатлѣніе, что берберы всегда представляютъ болѣе простое сочетаніе, чѣмъ арабы. Не касаясь уже противоположности блондиновъ, съ одной, и несомнѣнной помѣси съ неграми, съ другой стороны, онъ находилъ всего чаще, среди всѣхъ повторяющихся формъ, индивидуумовъ съ удлиненнымъ, овальнымъ лицомъ, вертикальнымъ профилемъ, высокимъ, широкимъ лбомъ, сильно втянутыми щеками подъ скулами, узкимъ, тонкаго строенія, рѣзко отдѣляющимся отъ лба носомъ и небольшими, плотными зубами. У этого типа лица часто бываетъ холодное, строгое, сдержанное выраженіе. Онъ всего шире распространенъ въ Алжиріи, въ городахъ и деревняхъ, на морскомъ берегу и внутри страны и, быть можетъ, усиливается по направленію къ Марокканской границѣ. Вѣроятно, мы видимъ въ немъ древнѣйшій типъ Алжиріи. Второй типъ — благородный арабскій. Топинаръ всего чаще находилъ его въ уединенныхъ „марабутскихъ“ деревняхъ и у западныхъ арабскихъ племенъ; Абдъ эль Кадеръ былъ довольно типичнымъ представителемъ его. Третій типъ: орлиный носъ, изгибъ котораго заходитъ и на нижнюю сторону носа, лобъ не широкій, круглый, покатый, нижняя половина лица нѣсколько отодвинутая назадъ, вслѣдствіе чего носъ настолько выступаетъ впередъ, что Федербъ справедливо выразился по этому поводу: „Le visage arabe est tout en nez.“ На самомъ дѣлѣ, это — семитическая форма лица, которая въ чистомъ видѣ встрѣчается только у арабовъ. Четвертый типъ: короткое, овальное лицо, сплющенное въ скуловой области, короткій, тупой носъ, склонный къ сплющенію, часто даже вогнутый, съ широкими крыльями, маленькіе глаза, круглый подбородокъ.



Древняя каменная постройка близъ Касръ Дауана. (По Барту.) Ср. текстъ, стр. 491.

два средніе верхніе передніе зуба часто выдаются надъ другими. Это — безусловно господствующій типъ въ кабильскомъ населеніи; онъ рѣдко встрѣчается среди арабовъ и всего чаще въ Большой Кабиліи. Къ нему примыкаетъ столь же несомнѣнно кабильскій пятый типъ: круглое, полное лицо, острая нижняя челюсть, выдающіяся скулы; быть можетъ, онъ чище, менѣе смѣшанъ, чѣмъ четвертый.

Много разъ приходилось слышать о бѣлокурыхъ берберахъ. Должны ли они оказывать вліяніе на этнографическое положеніе берберовъ? Рольфсъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Никто не ѣздилъ такъ много по Марокко во всѣхъ направленіяхъ, какъ я, и только однажды я видѣлъ человѣка съ свѣтлыми глазами и бѣлокурыми волосами.“ Среди населенія, въ которомъ преобладаютъ черные волосы и черные глаза, немногочисленные индивидуумы съ свѣтлыми глазами и бѣлокурыми волосами у арабовъ рѣже встрѣчаются, чѣмъ у берберовъ. Даже въ семьяхъ съ черноволосыми и черноглазыми родителями можно видѣть дѣтей съ свѣтлыми глазами и бѣлокурыми волосами; въ Алжиріи здѣсь сказывается вліяніе германской колонизаціи.



Пороховыя фляжки и сумки для пуль изъ Алжиріи. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 499.

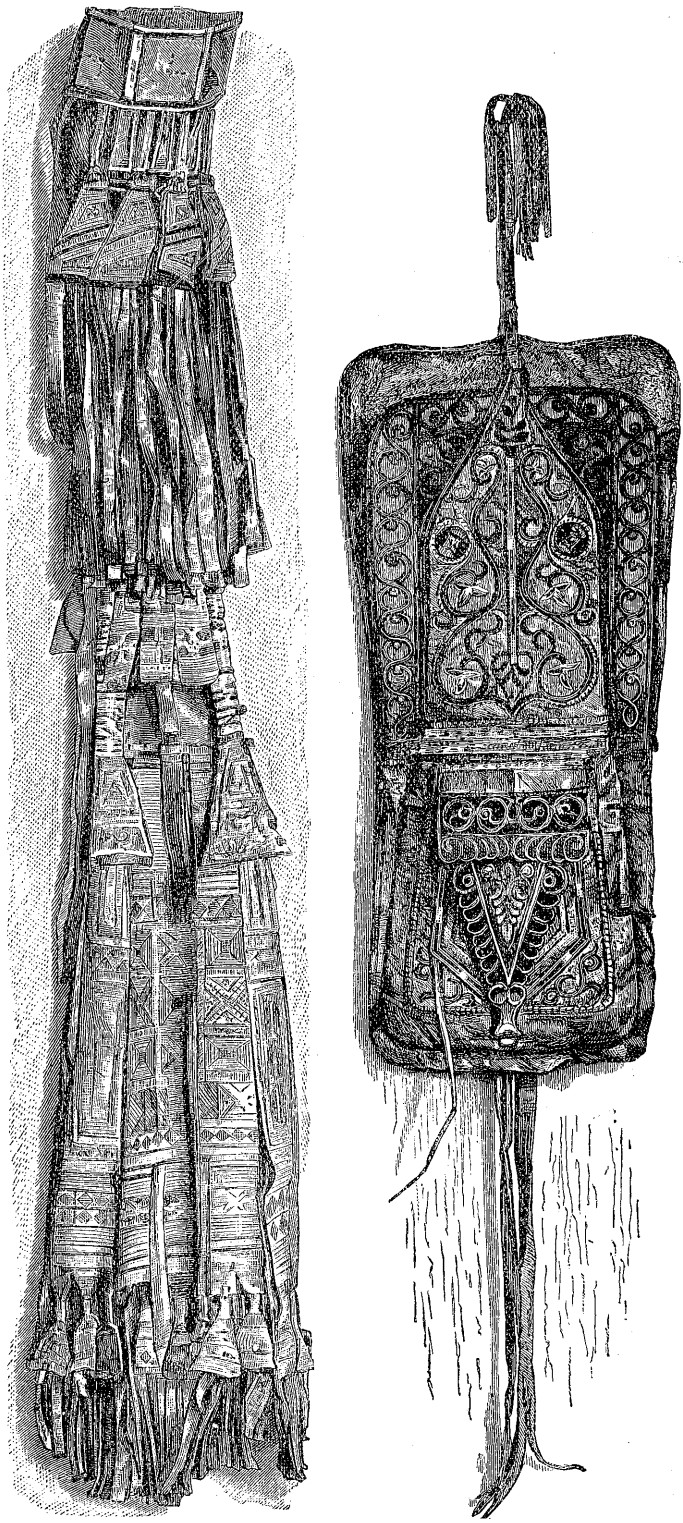
Въ такой пестрой смѣси, различія въ концѣ всего только тамъ сохранились въ замѣтныхъ проявленіяхъ, гдѣ они находили защиту въ естественныхъ или соціальныхъ условіяхъ. Берберскіе номады арабизировались, а земледѣльцы того же племени удержали свой языкъ и нравы. Сѣверная Африка никогда не была предназначена къ тому, чтобы заключать исключительно земледѣльческое населеніе. Завоеватели, правда, называли одинаково всѣхъ жителей сѣверной Африки берберами, но изъ ихъ описаній повсюду ясно выступаетъ, что уже тогда существовали рядомъ два основные элемента, осѣдлый и кочевой. То, что Плиній говоритъ о нумидійцахъ, отчетливо рисуетъ кочевые народы: „Они мѣняютъ безпрерывно мѣста своихъ пастбищъ и перевозятъ съ собой свои палатки.“ Общее географическое дѣленіе сѣверной Африки на двѣ части опредѣлялось границею близъ Lacus Tritonis. Къ востоку оттуда лежала область

кочевыхъ, и къ западу — осѣдлыхъ народовъ. Извѣстно также, что арабы наводнили страну не только въ качествѣ номадовъ, но уже вначалѣ, главнымъ образомъ, заняли города. Поэтому надо остерегаться видѣть различіе берберовъ отъ арабовъ только въ противоположеніи осѣдлыхъ и кочевниковъ. Первые гораздо древнѣе вторыхъ.

Только съ такой оговоркой можно вмѣстѣ съ Топинаромъ говорить о рѣзкой противоположности между арабами и берберами: арабъ — пастухъ и кочевникъ. Онъ живетъ въ палаткѣ. Онъ — прирожденный наѣзникъ. По характеру, онъ мало подвиженъ, равнодушенъ, склоненъ къ созерцанію, лѣнивъ; выраженіе лица его однообразное, взглядъ не открытый, осанка прямая. Онъ — послѣдователь духа и буквы корана. Онъ подчиняется только силѣ; на всѣхъ ступеняхъ его соціальной лѣстницы можно встрѣтить абсолютный авторитетъ. Ему противоположенъ берберъ, какъ земледѣлецъ, ремесленникъ или торговецъ. Осѣдлый, трудолюбивый, онъ живетъ въ домѣ, обрабатываетъ садъ и поле. У него въ высшей степени развиты духъ мѣстнаго патріотизма, любовь къ личной независимости и къ общественной свободѣ. Въ войскѣ онъ всегда пѣхотинецъ. Онъ могъ десять разъ мѣнять вѣру: въ настоящее время онъ магометанинъ, но безъ убѣжденія. Справедливымъ отношеніемъ отъ него можно добиться всего больше. Выраженіе лица его открытое, ласковое и оживленное. Его можно видѣть повсюду. Онъ всѣмъ интересуется, охотно болтаетъ и отличается добродушіемъ. Онъ держитъ себя серьезно, но естественно. Въ основѣ его характера лежитъ честность. Мы видимъ, насколько эти признаки, приведенные здѣсь въ видѣ контраста, болѣе соціальные, чѣмъ антропологическіе. Точно также Яннашу берберы, съ которыми онъ ознакомился въ Марокко, казались трудолюбивыми пчелами, а арабами — трутнями. Разсудительный, вдумчивый, стойкій характеръ отражается и въ воззрѣніи берберовъ на будущихъ представителей культуры въ Марокко, дѣлаетъ ихъ доступнѣе для попытокъ обращенія и образованія. Арабъ дѣйствуетъ быстрѣе по внушенію минуты, остается непостояннымъ, любитъ и уважаетъ насильственныя дѣйствія.

Кожаныя сумки алжирской работы. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 499.

Одежда берберовъ первоначально изготовлялась изъ домотканныхъ тканей. Тканье шерстяныхъ матерій и теперь еще составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ занятій хозяйки дома. У мужчинъ одежда имѣетъ видъ



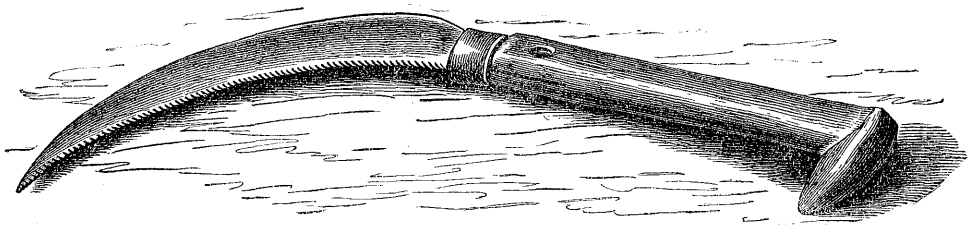
Кожаныя сумки алжирской работы. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.) Ср. текстъ, стр. 499.

туники, доходящей до колѣнъ, у женщинъ — болѣе длинной рубашки. Сверхъ того мужчина для тяжелой работы надѣваетъ кожаный передникъ, а въ суровую погоду и во время путешествій, и бурнусъ, обыкновенно составлявшій фамильную одежду нѣсколькихъ поколѣній, съ дырами и лохмотьями. Женщины носятъ на плечахъ цвѣтной платокъ. Мужчины коротко стригутъ волосы и послѣ возраста возмужалости, т. е. обыкновенно съ 25 года, отпускаютъ бороду. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются извѣстныя мелкія особенности, какъ, напр., небольшіе серебряные перстни, которые въ Дьофрѣ носятъ въ носу.

Оба народа раздѣляютъ странный предразсудокъ противъ металлическихъ работъ; у арабовъ это выражается еще рѣзче, такъ какъ ремесла они вообще цѣнятъ ниже. Случилось даже, что начальникъ берберскаго племени былъ въ то же время лучшимъ его кузнецомъ, и не только онъ самъ, но и восемь его сыновей. Все племя бени-слимановъ занимается обработкой и продажей желѣза. Съ другой стороны, марабуту не позволяютъ заниматься металлическими работами. Отвращеніе къ металламъ, не исключая золота, принимаетъ суевѣрный характеръ. Кочевой арабъ, тѣмъ не менѣе, пользуется желѣзомъ, но

онъ покупаетъ свое оружіе въ городѣ, а кабилъ считаетъ счастьемъ имѣть въ своей деревнѣ кузнеца, исправляющаго его полевыя орудія. Когда берберы говорятъ о какой-нибудь деревнѣ, кузнецы составляютъ первое, о чемъ они разспрашиваютъ. Нѣкоторыя племена отличаются особеннымъ искусствомъ въ выдѣлкѣ оружія и извлекаютъ отсюда значительную прибыль. Бени-аббесы выдѣлывали оружіе еще до того времени, какъ французы появились въ ихъ странѣ. По разсказамъ, въ главномъ мѣстечкѣ бени-фраузеновъ даже высверливались пушки. Оружіе у берберовъ теперь въ общемъ такое же, какъ и у арабовъ, — длинный прямой мечъ, слегка изогнутый, по возможности, богато украшенный ханджаръ и длинное ружье.

Берберы никогда не были настоящими строителями городовъ. Первые берберы, появившіеся до Амру-бенъ-Аса, завоеватели Кабиліи, были извѣстны, какъ люди, которые много занимаются лошадьми и вовсе не имѣютъ городовъ. Рольфсъ высказалъ даже однажды положеніе, берберскихъ городовъ вовсе не существуетъ; но онъ заходитъ уже слишкомъ далеко. Мы часто видимъ, что города римлянъ и грековъ, которые были разрушены арабскимъ нашествіемъ, отчасти съ помощью берберовъ, были



Серпъ изъ оазиса Дахель. (Мюнхенскій этнографическій музей.) 1/3 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 474.

возстановлены только арабами. Въ этихъ городахъ рано получилъ перевѣсъ арабскій элементъ; берберскія племена не находили тамъ защиты своей народности, какъ въ своихъ горныхъ деревняхъ и укрѣпленіяхъ. Въ деревняхъ берберовъ, съ ихъ укрѣпленіями и часто выстроенными изъ одного камня двухъэтажными домами, есть что-то городское. У нихъ есть большія и маленькія мѣстечки, состоящія изъ домовъ и хижинъ, и лишь незначительная часть ихъ живетъ въ палаткахъ, тогда какъ арабы живутъ въ поселкахъ, состоящихъ изъ палатокъ, или въ городахъ. Деревни, по возможности, расположены на вершинахъ и склонахъ горъ и, съ помощью валовъ, каменныхъ стѣнъ или, по крайней мѣрѣ, изгородей, приспособлены для защиты. Тамъ встрѣчаются хижины изъ дерна и хижины изъ необожженнаго кирпича, связаннаго цементомъ изъ извести, глины или коровьяго назема. Покатая кровля покрыта камышемъ, соломой или камнями. Внутри, направо находится помѣщеніе для семьи, налѣво — хлѣвъ. Это жилище окружено садомъ или небольшимъ хлѣбнымъ полемъ. Между тѣмъ, какъ въ кабильскихъ деревняхъ второй этажъ обыкновенно надстраивается только тогда, когда сынъ женится, въ деревняхъ западнаго Атласа, въ противорѣчіи съ суровой погодой горной страны, бо́льшая часть верхняго этажа составляетъ родъ грубой веранды. Ни одна дверь не имѣетъ здѣсь болѣе $1^1/_3$ метр. высоты. Зиму мѣстные жители проводятъ въ погребообразныхъ ямахъ подъ домами; отчасти ради тепла, отчасти ради защиты, домъ и деревня строятся какъ можно тѣснѣе, и часто производятъ вполнѣ впечатлѣніе замка. Разсѣянные по всему Атласу замки („казбахъ“) намѣстниковъ и другихъ представителей власти строятся иначе: высокая, крѣпкая стѣна окружаетъ просторный дворъ, по сторонамъ котораго находятся небольшія зданія для прислуги и для стражи, между тѣмъ, какъ въ серединѣ возвышается жилой домъ для намѣстника и его семьи.

50—60 тысячъ душъ сильнаго племени бени-мзабовъ въ южной Алжиріи, всего менѣе подвергшихся чуждой примѣси, одни только живутъ въ большихъ городахъ и были обитателями городовъ еще до принятія ислама. Изъ городовъ мзабовъ въ настоящее время самый важный — Бенъ-Изгенъ. Стѣна изъ тесанаго камня, съ башнями, бастіонами и брустверами окружаетъ городъ. Въ башнѣ надъ воротами устроено помѣщеніе для стражи и зала собранія для должностныхъ лицъ. Ни одному чужеземцу здѣсь не позволяется имѣть собственности. Когда пребываніе чужеземцевъ въ Бенъ-Изгенѣ повело къ несогласіямъ, джемаи рѣшились предложить имъ вознагражденіе за то, чтобъ они оставили городъ. Въ настоящее время Марокко, кромѣ прибрежныхъ городовъ и трехъ резиденцій султана, Феца, Мекинеса и Марокко, обладаетъ лишь немногими *большими*, *многолюдными городами*, и всѣ они утратили блескъ и великолѣпіе, какими обладали въ цвѣтущія времена царства. Отъ знаменитаго Аль-Казара, славившагося уже въ XIII в., какъ разсадникъ арабской культуры, отъ блестящихъ куполовъ и изящныхъ аркадъ, отъ богатой библіотеки, отъ пріюта паломниковъ, отъ ученой школы, отъ большой больницы и безчисленныхъ мечетей въ настоящее время уцѣлѣло лишь обширное пространство развалинъ, гдѣ въ жалкихъ глиняныхъ хижинахъ, пристроенныхъ къ старымъ стѣнамъ, живутъ потомки этихъ высокообразованныхъ людей. Когда приходится слышать, что минаретъ, высотою въ 70 метр., представляетъ единственную архитектурную постройку въ городѣ Марокко, гдѣ вообще низкіе дома состоятъ изъ глины, смѣшанной съ соломой, и въ лучшемъ случаѣ дома въ нѣсколько этажей строятся изъ обожженнаго кирпича, то легко признать, что эти города стоятъ гораздо ниже Кордовы или Гренады. Что касается жителей, то большее число негровъ, болѣе темный оттѣнокъ самихъ арабовъ и болѣе низкая ступень общей культуры городскихъ арабовъ Марокко показываютъ, что здѣсь мы находимся далеко отъ средоточій чистаго арабскаго элемента — Мекки и Каира.

Земледѣліе, которымъ занимаются на устроенныхъ съ большимъ трудомъ террасахъ даже по скатамъ горъ, испытало здѣсь съ самаго древняго времени лишь немного измѣненій. Плугъ, которымъ одна и та же глыба часто переворачивается два раза, — тотъ же самый, изображеніе котораго мы видимъ на памятникахъ древняго Египта, и тщательное орошеніе напоминаетъ, въ свою очередь, египетскій образецъ; серпъ (см. рис. стр. 497) представляетъ орудіе, похожее на пилу, которой можно работать лишь весьма медленно. За немногими исключеніями, и воздѣлываемые плоды остались тѣ-же, — ячмень, пшеница, чечевица, кормовой горохъ, ленъ и тыква. Табакъ, маисъ и картофель были ввезены изъ другихъ странъ, такъ же, какъ, быть можетъ, и красный перецъ. Агава, индѣйская смоковница и христіанская смоковница мароканцевъ измѣнили во многихъ мѣстахъ первоначальный характеръ пейзажа. Огурцы, тыквы, арбузы и лукъ составляютъ главную часть продовольствія. Важную роль въ домашней экономіи туземцевъ играетъ небольшой артишокъ (Cynara humilis), дико растущій на окраинахъ полей; каждое утро большія кучи колючаго растенія выставляются у воротъ Танжера на продажу. Хлѣбъ молотятъ съ помощью быковъ и сохраняютъ его въ широкихъ снизу и узкихъ сверху ивовыхъ корзинахъ. Кабилы умѣютъ прививать деревья и многіе изъ нихъ владѣютъ прекрасными плодовыми садами. У нихъ можно найти и винную лозу. Племя бени-аббесовъ въ алжирскомъ Атласѣ славится своимъ богатствомъ орѣшниками. У нихъ есть и пчелиные улья, воскъ которыхъ составляетъ важный предметъ торговли. Сильно подслащенный отваръ зеленаго чаю и мяты служитъ напиткомъ, который пьютъ передъ обѣдомъ и послѣ него. Потребленіе чая утвердилось въ Марокко, вѣроятно, лишь въ началѣ нашего столѣтія; кофе появился тамъ изъ Алжира и медленно распространяется черезъ посредство алжирцевъ въ городахъ. На парадныхъ обѣдахъ кушанья приносятъ на большихъ глиняныхъ блю-

дахъ съ высокими, плетеными крышками, имѣющими форму нашихъ раёвокъ, но вдвое превышающими ихъ высотою.

Промышленность берберовъ довольно разнообразна. Они удовлетворяютъ собственнымъ потребностямъ и, кромѣ того, производятъ различныя издѣлія на продажу, обрабатывая желѣзную, свинцовую и мѣдную руду, плавятъ, паяютъ и куютъ металлы и покрываютъ ихъ классическими арабскими орнаментами (см. рис. ниже), выжимаютъ оливки, посредствомъ мельницы собственной конструкціи, имѣютъ мукомольныя мельницы и собственныя ломки жернововъ и даже уходятъ въ арабскія области для постройки мельницъ ара-

Мѣдное блюдо алжирской работы. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.)

бамъ, обжигаютъ кирпичи и известь и знакомы съ употребленіемъ цемента, дѣлаютъ черное мыло изъ растительнаго масла и щелочной земли, прядутъ на прялкѣ съ колесомъ, принесенной арабами въ Марокко, плетутъ, ткутъ, рѣжутъ на деревѣ и работаютъ гончарныя издѣлія. Въ Кабиліи бѣдные арабы собираютъ дубильную кору, которая потомъ зажиточными берберами примѣняется для дубленія. Племена въ благопріятномъ торговомъ положеніи, каковы бени-мзабы, обладаютъ весьма развитой промышленностью. Они занимаются выдѣлкою пороха въ большихъ размѣрахъ и имѣютъ около 5000 ткацкихъ станковъ, на которыхъ женщины выдѣлываютъ матеріи, грубаго, но высоко цѣнимаго, крѣпкаго тканья; бурнусы и ковры бени-мзабовъ распространены во всей сѣверной Африкѣ. Промышленность марокскихъ городовъ славится золотыми и серебряными вышивками и кожаными работами (см. рис., стр. 494—6), а также глазированными и не глазированными глиняными издѣліями, которыя въ менѣе красивомъ видѣ выдѣлываются и въ Алжи-

ріи и находятъ хорошій сбытъ даже въ Европѣ, подъ названіемъ гончарныхъ издѣлій изъ Феца. Они имѣютъ изящную форму и раскрашены голубой и зеленой краской въ видѣ самыхъ простыхъ геометрическихъ узоровъ, впечатлѣніе которыхъ часто усиливается выпуклыми круглыми пятнами свѣтящагося краснаго лака. Металлическія вышивки, по большей части, потребляются мѣстными богатыми евреями и арабами. Въ особенности арабы изобильно увѣшиваютъ своихъ женъ и дѣтей красивымъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Въ Марокко обработка благородныхъ металловъ находится въ рукахъ евреевъ. Всею своею промышленностью берберское племя возвышается и надъ своими древними африканскими сосѣдями на югѣ, и надъ арабами (см. табл. „Сѣверо-африканскія художественныя ремесла"), и только замкнутость Марокко помѣшала ему еще болѣе проявить свои силы. Оно напоминаетъ въ этомъ отношеніи южно-европейскія населенія, въ которыхъ живетъ еще древне-римская культура. Еще тѣснѣе, чѣмъ дольмены и каменныя орудія, высокій уровень промышленности и земледѣльческой дѣятельности связываетъ его съ Европой.

Настоящимъ торговымъ народомъ можно назвать бени-мзабовъ, у которыхъ всѣ взрослые мужчины занимаются торговлей. Они поддерживаютъ связь съ оазисами Сахары; сообщеніе ихъ съ Туатомъ и Тидикельтомъ особенно оживлено. Бенъ-Изгенъ представляетъ торговый городъ, значительный даже и по европейскимъ понятіямъ. При такой дѣятельности, многія части древняго берберскаго народа нельзя назвать бѣдными. Въ Кабиліи, съ ея жалкими деревнями и жителями, ведущими самый простой образъ жизни, огромныя контрибуціи французскимъ офицерамъ выплачивались почти немедленно. Со времени европейскаго управленія въ Алжиріи и Тунисѣ, кабилы, крумиры и т. п. направляются въ города, гдѣ они, въ качествѣ работниковъ всякаго рода и слугъ, оказываются весьма полезными. По возвращеніи домой со своимъ заработкомъ, они пріобрѣтаютъ ружье, жену, землю для жилища и для пропитанія и считаютъ себя счастливыми. Повсюду, гдѣ кабилы владѣютъ имуществами на равнинѣ, къ которой они всегда стремились ради лучшей почвы, они давно уже были покорены. Крѣпкая связь съ родной землей есть ихъ отличительный признакъ. Прочность и опредѣленность обыкновенно точно ограниченной личной собственности выставлялась какъ причина болѣе глубокаго сходства между берберами и европейцами.

Въ работѣ женщина занимаетъ выдающееся положеніе. Въ цвѣтущемъ промыслѣ тканья бурнусовъ бени-аббесовъ задача мужчинъ заключается въ доставленіи и очищеніи шерсти и въ сшиваніи тканей, выдѣланныхъ женщинами. И между тѣмъ, какъ мужъ предается болѣе тяжелому земледѣльческому труду, женщина ухаживаетъ за оливковыми садами и виноградниками, имѣющими значеніе во всей области Атласа. Мужчина воздѣлываетъ ленъ, а женщина прядетъ и ткетъ его. Плетеніе, преимущественно изъ гальфы, составляетъ занятіе женщинъ и стариковъ. Разносной торговлей занимаются мужчины. Объясняется ли это естественной способностью или семитическимъ вліяніемъ, но берберы и въ торговлѣ вовсе не лѣнивы. Когда въ полевыхъ работахъ наступаетъ затишье, они охотно, по двое и по трое уходятъ, по торговымъ дѣламъ. Если кабиловъ, противоположно арабамъ, называютъ вообще осѣдлыми, это не исключаетъ того, что многіе изъ нихъ ревностно исполняютъ обязанности разносчиковъ. Они торгуютъ всевозможными мелочами, между прочимъ, и европейскими, и изъ своихъ далекихъ поѣздокъ привозятъ обыкновенно множество шерсти, которую они вымѣняли. Уже въ отдаленныя времена четвертаго царскаго дома небольшія группы западныхъ народовъ переселялись въ Египетъ, чтобы принимать участіе, въ качествѣ плясуновъ, фехтовальщиковъ и гимнастовъ, въ открытыхъ представленіяхъ, какъ это дѣлаютъ и теперь еще магребины, выступающіе въ видѣ фокусниковъ въ Египтѣ: это — берберы.

происходящіе, по большей части, изъ юго-западнаго Марокко и распадающіеся на многія корпораціи, говорящія на собственномъ жаргонѣ.

И въ прочей жизни берберовъ положеніе женщины, несмотря на большое обремененіе, какое ей приходится нести, лучше, чѣмъ у арабовъ. Многіе обычаи, правда, мало позволяютъ замѣтить это высшее положеніе. Мужъ покупаетъ жену и можетъ ее отослать обратно, безъ того, чтобы она имѣла право воспротивиться этому. Мужчина охотно взваливаетъ самую тяжелую работу на плечи женщины, но женщина имѣетъ право голоса въ общественныхъ дѣлахъ, имѣетъ право наслѣдованія, и женщины, считающіяся святыми, почитаются у берберовъ почти въ такой же степени, какъ въ христіанскихъ странахъ; до настоящаго времени женщина не допускала полигаміи въ хижинахъ берберовъ, и кабильскія женщины стояли бокъ-о-бокъ со своими мужьями въ битвахъ. Характерно, что берберы не раздѣляютъ пристрастія арабовъ къ толстымъ женщинамъ: они цѣнятъ не только глаза, но и стройность газели. У многихъ берберскихъ племенъ наслѣдованіе имѣетъ такой порядокъ, что имущество достается сыну старшей дочери. Къ югу отъ настоящаго Марокко Рольфсъ видѣлъ среди берберовъ, что Сауйя Картасъ, религіозная корпорація и духовная высшая власть для всего Вади Гира, управлялась не мужскимъ начальникомъ, а женою его, вѣдавшею духовныя дѣла. Болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, мужчины сообразуются здѣсь съ мнѣніями женъ. Только одна женщина презирается во всей деревнѣ — „куата“ (сваха), хотя она устраиваетъ одни лишь брачные союзы и вездѣ является необходимымъ лицомъ.

Основою политическаго строя берберовъ служитъ община — „джемаа“, маленькая, самостоятельная республика. Самостоятельность этихъ политическихъ единицъ они отстаиваютъ съ настоящей страстью. Въ имени, оставшемся за ними съ древнихъ временъ, — максіесъ, мазигъ, заключается тотъ-же смыслъ, какъ и въ имени франковъ. Болѣе проницательные французы, поэтому, послѣ іюльской революціи видѣли въ нихъ своихъ родственниковъ по имени и направленію. Причина многолѣтнихъ войнъ кабиловъ съ французами заключалась, въ сущности, въ томъ, что эти послѣдніе не хотѣли признать указанной мѣстной автономіи. Деревня замѣняетъ берберу государство. Собраніе всѣхъ взрослыхъ мужчинъ деревни составляетъ правительство, называющее себя джемаа. Отъ него зависитъ управленіе и судопроизводство, война и миръ, законодательство и взиманіе податей. Для исполненія постановленій джемаа, назначается „амина“, нѣчто вродѣ бургомистра, избираемый совершеннолѣтними односельчанами изъ вліятельной семьи, въ которой это достоинство нерѣдко въ теченіе долгаго времени бываетъ наслѣдственнымъ. Но джемаа, этотъ политическій элементарный организмъ, въ свою очередь, ограничивается въ своемъ самоуправленіи религіозными постановленіями, затѣмъ вендеттой (rebka), устраняющей всякое другое право, далѣе „анайей“, охраной, обѣщанной кому-либо отдѣльнымъ лицомъ или всей деревней, подтвержденной подаркомъ и поэтому считающейся священной, еще далѣе — отдѣльнымъ правомъ базаровъ и, наконецъ, всего болѣе и всего дѣйствительнѣе, — появляющимися подъ множествомъ формъ добровольными союзами, „софами“. Работникъ съ сильными руками соединяется съ собственникомъ; нѣкоторые землепашцы соединяются между собою ради воздѣлыванія извѣстнаго растенія, а женщины — съ цѣлью разведенія куръ или утокъ. Но существуютъ и софы съ политическими цѣлями. Такъ какъ они принимаютъ участіе въ кровавой мести, то образуются партіи, раздробляющія цѣлыя племена въ теченіе цѣлой человѣческой жизни. Пользуясь своей силой, такой союзъ можетъ воспротивиться приговорамъ джемаа, если они непріятны для его сочленовъ. Подобно тому, какъ трещины раздробляютъ камень, и тѣло этого общества разъединяется такой враждой. Часто случается, что въ болѣе

мелкихъ общинахъ два софа въ джемаа дѣлятъ ее такъ равномѣрно, что она совершенно нейтрализируется. Джемаа собирается въ открытомъ помѣщеніи съ каменными сидѣньями, посрединѣ деревни; софъ такъ глубоко проникъ въ деревенскую жизнь, что нерѣдко, такъ же, какъ въ нашихъ парламентахъ, правыя и лѣвыя сидѣнья занимаются двумя различными софами, которые изъ года въ годъ состязаются между собою съ однихъ и тѣхъ же мѣстъ.

Но такъ какъ вліяніе этихъ софъ выходитъ за предѣлы деревни, то изъ нихъ образовались сообщества, дѣйствовавшія болѣе плодотворно на положеніе берберскихъ народовъ, выступавшія на встрѣчу завоевателямъ, когда сопротивленіе отдѣльныхъ деревень оказывалось недостаточнымъ. Такъ крумиры, которые въ 1781 г. доставили французамъ перевѣсъ въ Туниссскомъ походѣ, образовали конфедерацію изъ четырехъ группъ, выставившую болѣе 12,400 ружей. Арабы испытали независимый духъ этихъ народовъ, несмотря на успѣхъ своей религіозной пропаганды. Турки покорили горныхъ кабиловъ, лишь воспользовавшись ихъ внутренними несогласіями. Нѣкоторыя кабильскія племена оставались независимыми до вторженія французовъ въ Кабилію. У другихъ турки добились только права инвеституры, а отъ нѣкоторыхъ они подъ конецъ получали лишь номинальную дань. Какъ мало, однако, во всѣхъ этихъ превращеніяхъ измѣнялась племенная организація, показываетъ фактъ, что изъ пяти главныхъ племенъ кабиловъ Амміана Марцеллина — Tendenses, Massinenses, Isaflenses, Jubaleni и Jesalenses — три уцѣлѣли до сихъ поръ въ имзиссахъ, ифлиссахъ (флиссахъ) и бени-юбарахъ нынѣшней Алжиріи. Сосѣдями этихъ племенъ Юлій Гонорій называетъ бауресовъ и абеннесовъ: это — баборы и айтабы нашего времени.

Арабское завоеваніе придало этой коренной политической организаціи сѣверо-африканскихъ странъ нѣкоторый поверхностный кочевой оттѣнокъ. Въ Тунисѣ, гдѣ осѣдлое населеніе выступаетъ въ такой значительной мѣрѣ, въ основѣ административнаго дѣленія страны лежитъ уже не округъ, а племя. Властитель страны ставитъ каида во главѣ племени. Каидъ — мелкій правитель, самостоятельность котораго менѣе ограничивается собственниками земли, чѣмъ шейхами подгруппъ, марабутами и сауйями, представителями религіознаго вліянія. Въ этой племенной организаціи, столь же крѣпкой, какъ у чисто кочевыхъ арабовъ, у полу-кочевыхъ крумировъ, макновъ и другихъ кабильскихъ племенъ, заключались наибольшія затрудненія для чуждыхъ властителей страны. Алжирскій дей и туниссскій бей имѣли въ горахъ и пустыняхъ лишь номинальное вліяніе. Туниссскій бей, кромѣ побережья, правилъ, въ сущности, лишь равниной Меджерты. На югѣ, напротивъ, авторитетъ намѣстника Кайруана былъ больше, чѣмъ самого бея, такъ какъ кочевыя племена непосредственно были подчинены ему. Но съ тѣхъ поръ, какъ они слились въ два большихъ союза, во главѣ которыхъ стояли ургеммы, на границѣ Триполи и Бени Зида, къ юго-западу отъ Габеса, они опредѣляютъ степень своей зависимости по собственному желанію.

Берберы — воинственная раса; доказательствомъ того служитъ фактъ, что они никогда не подчинялись добровольно и вполнѣ чужеземному игу. Римляне много разъ вели большія войны съ берберскими племенами, которыхъ они называли „самыми непокорными народами Мавританіи, охраняемыми горами, составляющими ихъ естественныя укрѣпленія“. При завоеваніи Алжиріи французы покорили сперва турокъ, затѣмъ арабовъ, а кабилы все еще оставались независимыми, пока ихъ не заставила подчиниться долгая и трудная борьба. Когда мальчики достигаютъ 16 лѣтъ, ихъ приводятъ въ джемаа и вручаютъ оружіе, которое они должны носить до 60 лѣтъ. Помимо ночныхъ хищническихъ экспедицій противъ враждебныхъ племенъ, война объявляется особыми послами.

Обмѣномъ палокъ или ружей перемиріе становится ненарушимымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ французскіе суды, по возможности, содѣйствовали устраненію открытыхъ столкновеній, послѣдніе замѣнились скрытными убійствами. Прежде опредѣлялось мѣсто и время битвы: деревень надо было избѣгать, и, кромѣ пятницы, въ нѣкоторые другіе дни недѣли также назначался „Божій миръ“.

Интересна организація зажиточныхъ мзабовъ, которые сами по себѣ болѣе склонны къ мирной, чѣмъ къ воинственной жизни. Живя одиноко среди пустыни, они должны были охранять себя отъ нападеній туареговъ. Въ каждой мечети находится доска, на которой написаны всѣ имена мужчинъ, пригодныхъ для военной службы. Каждый обязанъ имѣть ружье, пистолетъ, саблю и извѣстное количество пороху и пуль. Каждый городъ окруженъ тщательно построенными стѣнами, на башняхъ которыхъ находится постоянно нѣсколько вооруженныхъ жителей въ видѣ стражей. Кромѣ того, партіи бени-мзабовъ часто нанимали кочевыя племена пустыни для поддержанія себя во внутренней борьбѣ.

Берберы сдѣлались настоящими мусульманами. Это показываетъ силу магометанскаго вліянія, такъ какъ еще въ 50-хъ годахъ французская администрація, къ сожалѣнію, не отличала кабиловъ отъ арабовъ, что́ было большой ошибкой; отсюда видно, насколько арабизировались здѣсь и нравы, и одежда. Святые мужского и женскаго пола у берберовъ почитаются съ большей преданностью, чѣмъ у арабовъ. У могилы святого поселяется все его потомство, привлекаемое его высокою праведностью; такъ возникаютъ священныя деревни довольно значительныхъ размѣровъ. Гукеръ разсказываетъ, какъ въ марокскомъ Атласѣ, при спускѣ въ долину Аидъ Мезанъ, его провожатые привѣтствовали громкими молитвами видъ высокихъ стѣнъ священной гробницы Мулея-Ибрагима, самой прославленной святыни горной страны. Почти у каждой деревни есть свой святой, почитаніе котораго, хотя и ограниченное этимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе усиливается мѣстнымъ патріотизмомъ. Споры о святости и чудесахъ марабута вызываютъ кровавую вражду между деревнями.

Вліяніе арабскихъ марабутовъ ослабляется у берберовъ всемогуществомъ джемаа. Наслѣдственныя духовныя лица живутъ съ семьями и приверженцами въ своихъ деревняхъ, не подлежащихъ власти джемаа. Власть ихъ ограничивается также членами братствъ, куановъ, повторяющихъ на религіозной почвѣ систему софовъ. У нихъ обнаруживается соревнованіе съ марабутами, какъ у софовъ — за политическое вліяніе съ джемаа. Тѣмъ не менѣе, въ возстаніяхъ кабиловъ марабуты нерѣдко играли такую же руководящую роль, какъ и въ возстаніяхъ арабовъ. Они заставляли даже церкви принимать въ нихъ участіе. Въ одной изъ деревень Кабиліи Каретъ нашелъ двухъэтажную мечеть, внизу которой толкли порохъ, а вверху молились. Притязанія марабутовъ отчасти заключаются въ томъ, что они воплощаютъ въ себѣ послѣдованіе закона въ такомъ обществѣ, которое вообще не слѣдуетъ въ точности повелѣніямъ Магомета. Берберъ менѣе араба заботится объ исполненіи предписанныхъ омовеній; часто во время Рамазана онъ нарушаетъ постъ до захожденія солнца; онъ ѣстъ безъ стѣсненія дикихъ свиней, опустошающихъ поля, и со страстью наслаждается водкой изъ винныхъ ягодъ, очистка которой стоитъ ему большого труда. За это онъ воздѣлываетъ для марабута, лишающаго себя всѣхъ наслажденій, его поле, строитъ ему домъ, кормитъ и одѣваетъ его, если это нужно, и позволяетъ ему всякія порицанія. Марабутъ въ народныхъ собраніяхъ часто занимаетъ почетное мѣсто посрединѣ, откуда онъ укрощаетъ волны противорѣчивыхъ мнѣній. Такимъ образомъ, праведный человѣкъ пріобрѣтаетъ выдающееся положеніе, основывающееся, въ большей степени, чѣмъ у арабовъ, на нравственномъ превосходствѣ. Наблюдатели, изучавшіе одновременно берберовъ и арабовъ, отмѣчаютъ вообще меньшую религіозность берберовъ. Тѣмъ не менѣе, у

нихъ не мало суевѣрій. Каждому дню недѣли они приписываютъ иное, хорошее или дурное значеніе, не выходятъ изъ дому, не произнеся заклинаній противъ злыхъ духовъ; заяцъ или ворона предвѣщаетъ имъ несчастье, а двѣ вороны — счастье, такъ же, какъ и шакалъ, и пр. Было бы интересно изслѣдовать, насколько остатки прежнихъ вѣрованій сохранились у этого народа, религіозная исторія котораго была столь измѣнчивой. У берберовъ, такъ же, какъ у туареговъ, крестъ поразительно часто встрѣчается въ татуировкахъ, амулетахъ и т. п. (см. рис., стр. 414). О бени-юбарахъ Марморль говоритъ: „жители принадлежатъ къ тѣмъ азуагена, которые дѣлаютъ себѣ кресты на лицѣ и рукахъ“. Когда произошло арабское нашествіе въ 643 г., весь Магребъ былъ занятъ христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ. А въ настоящее время, за исключеніемъ немногихъ евреевъ, въ западной части сѣверной Африки можно найти только мусульманъ. Уже въ IV вѣкѣ африканскіе христіане въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ неоднократно были раздѣлены аріанизмомъ. Въ такихъ условіяхъ налетѣвшая буря магометанства подѣйствовала на нихъ опустошительно. Мзабы не принадлежатъ ни къ одному изъ четырехъ большихъ отдѣловъ мусульманъ; настоящихъ правовѣрныхъ они обозначаютъ именемъ еретиковъ. Въ дѣйствительности, они сохранили обычаи христіанства и іудейства. Ученость берберовъ также не высоко цѣнится. Отчасти потому, что онъ дурно говоритъ по арабски, а отчасти вслѣдствіе извѣстной тяжеловатости, магребинскій ученый не имѣетъ большого значенія въ Каирѣ. Тѣмъ не менѣе, берберы, какъ практическіе люди, извлекаютъ больше пользы, чѣмъ арабы, изъ школъ, заведенныхъ французами. Предпріимчивые бени-мзабы, несмотря на раннее пользованіе работою дѣтей, не пренебрегаютъ обученіемъ мальчиковъ, пользуясь для него арабскимъ языкомъ, хотя между собой говорятъ по берберски.

Что же можно сказать о будущемъ этихъ счастливо одаренныхъ и до настоящаго времени столь пассивныхъ въ историческомъ отношеніи народовъ? Мы знаемъ слишкомъ мало о марокскихъ берберахъ, и можемъ говорить здѣсь только объ алжирскихъ, которые достаточно выказали себя. Между тѣмъ, какъ арабы устойчивѣе, не идутъ навстрѣчу культурѣ и отступаютъ передъ нею, берберы подвижнѣе, воспріимчивѣе, хотя и болѣе подавлены многовѣковымъ подчиненіемъ. Франціи, вѣроятно, удастся сдѣлать со временемъ изъ берберовъ ядро энергичнаго, самостоятельно прогрессирующаго алжирско-тунисскаго населенія и союзниковъ своей культурной работы въ Африкѣ.

---

9. Народы Сахары.

„Ихъ худощавое, жилистое тѣло, ихъ дикіе нравы, ихъ необузданная любовь свободы представляютъ отраженіе ихъ безпощадной родины.“
ф. Бари.

Содержаніе: Отношенія между Сахарой и Суданомъ. Народы пустыни въ Суданѣ. Древнѣйшія свидѣтельства. — Земледѣліе и скотоводство. — Полезныя и вредныя дѣйствія нужды. Выселеніе. Духъ торговли. Духъ хищничества. Убійство и война. — Сношенія и торговля. Ремесла. Соляная торговля. — Города. — Духовныя дѣйствія пустыни. Острота чувствъ. Суевѣріе. Независимость. — Политическія учрежденія. — Религіозныя представленія. — Къ исторіи народовъ Сахары. — Тиббусы. Распространеніе. Особые признаки. Тибести. Борку. Эннеди. Каваръ. — Туареги. Распространеніе. Особые признаки. Гадъ, Азгаръ и Аиръ (Келови).

Сахару и Суданъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга съ этнографической точки зрѣнія. Прежде всего это — сосѣднія области, которыя по всей своей ширинѣ прилегаютъ одна къ другой, раздѣляясь между собой только климатической границей, и, вслѣдствіе того, вынуждены взаимно обмѣниваться населеніями, вдвигаться другъ въ друга. Первая изъ нихъ — пустыня, второй — по большей части, степь или переходъ отъ степи къ земле-

дѣльческой странѣ. Отсюда исходитъ подвижность ихъ народовъ, мощныя народныя движенія изъ Сахары въ Суданъ, который, съ своей стороны, доставляетъ достаточно возможности для бродячей жизни.

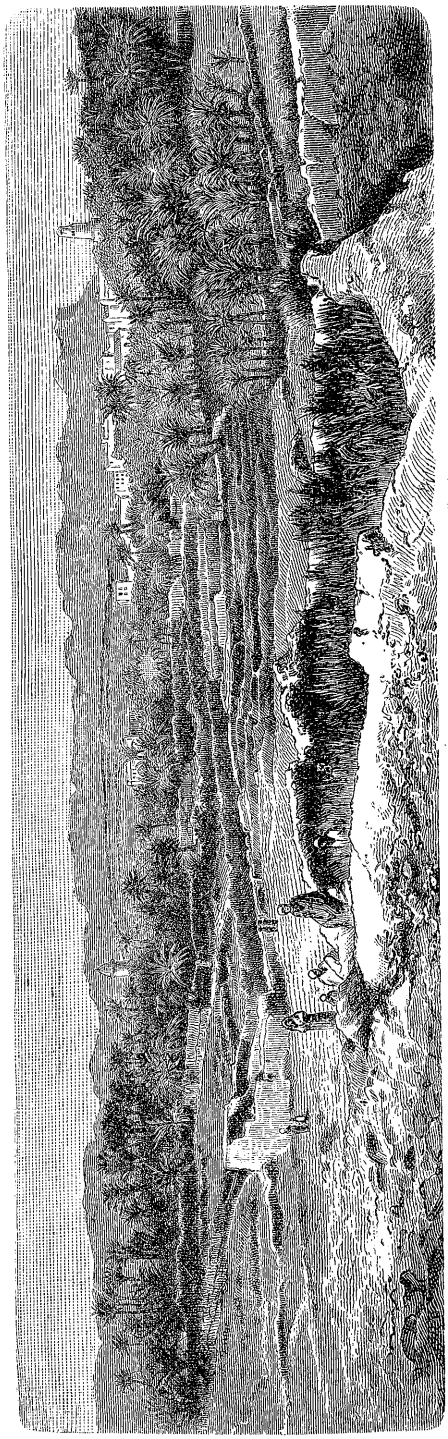
Въ центральной Сахарѣ и въ ближайшихъ мѣстностяхъ Судана живутъ большія племена туареговъ [1] и тиббусовъ [2], говорящія нарѣчіемъ берберскаго языка, проникнутаго чуждыми элементами. Изъ этихъ языковъ самымъ вліятельнымъ былъ арабскій, какъ языкъ новой вѣры, властителей, торговли, наконецъ, того народа, который, по своимъ нравамъ и обычаямъ, стоялъ всего ближе къ этимъ обитателямъ пустыни. Оба народа обмѣнивались какъ нравами, такъ и элементами языка. Арабы мешагры одѣваются такъ же, какъ туареги, и платятъ дань туарегскимъ правителямъ. Но гораздо большее число туареговъ арабизировалось, и арабскій элементъ выдвигается въ пустынѣ все дальше и дальше. Съ другой стороны, проникали съ юга негрскіе языки, въ особенности усвоенный торговлей языкъ гаусса. Келовіи фонъ Бари говорили только на этомъ языкѣ, и эти келовіи пришли изъ страны между Синдеромъ и Кукой. Даже обитатели деревни Гури (между Гатомъ и Аджиромъ) были „болѣе негры, чѣмъ туареги, всѣ говорили по гаусски, и лишь немногіе изъ нихъ понимали языкъ тарги“. Женщины ихъ были безобразны, дѣти ходили совершенно обнаженными, хижины ихъ имѣли ульеобразную форму, но они, тѣмъ не менѣе, были фанатическими мусульманами. Къ этому присоединяется ввозъ негровъ для рабства и работорговли, который въ настоящее время ничтоженъ, въ сравненіи съ тѣми временами, когда Варварійскія владѣнія вели открытую торговлю невольниками. Всѣ эти вліянія дѣйствуютъ на широко разсѣянныхъ, малочисленныхъ народовъ: для всѣхъ тиббусовъ и туареговъ можно принять общую численность не болѣе, какъ въ 1 милліонъ.

Не говоря уже о турецкомъ нашествіи, волны котораго распространились до Феццана, мы должны принять во вниманіе и собственную подвижность этихъ воинственныхъ народовъ. Теды Тибести распространяютъ свою власть хищническими экспедиціями въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Назначеніе для нихъ вождей есть главное право правителя. По слѣдамъ грабежей и опустошеній, кругъ распространенія тедовъ простирается къ сѣверу до Медрузы и къ югу отъ Катруна по дорогѣ въ Теджерри. Эту Медрузу Нахтигаль въ 1870 г. нашелъ оставленной вслѣдствіе частыхъ нападеній тедовъ. На западѣ этотъ народъ въ оазисѣ Ятъ имѣлъ историческое право собиранія пошлины за проходъ черезъ его владѣнія. Каваръ — самый большой изъ западныхъ оазисовъ тедовъ, хотя Джебадо и Аграмъ, съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ тедовъ и борнуанцевъ, лежатъ еще далѣе къ западу. Такимъ образомъ, западная граница тиббусовъ достигаетъ вообще 12° в. д. Тамъ, гдѣ туареги и тиббусы граничатъ между собой, отдѣльныя части ихъ почти безпрерывно предпринимаютъ хищническія экспедиціи другъ противъ друга. Туареги изъ Арджижо нападаютъ безъ всякой достойной вниманія причины на тиббусовъ изъ Або, отбиваютъ у нихъ всѣхъ верблюдовъ, оставляя имъ, впрочемъ, рабовъ и дѣтей, такъ какъ имѣютъ отъ шейха приказаніе никого не умерщвлять. Прекрасный отвѣтъ далъ шейхъ Брагимъ-уль-Сиди, ученый туарегъ, когда его спросили о происхожденіи различныхъ племенъ туареговъ:

---

[1] Туарегъ, собственно таварикъ и туарикъ, коллективная форма единственнаго tarki, есть арабское слово, происходящее отъ terek, отказываться, и имѣетъ въ виду или отказъ отъ христіанства, или отреченіе отъ мавританской родины.

[2] Горнеманъ писалъ тиббо, позднѣе — тиббу, Магометъ эль Тунизи, подобно магометанскимъ историкамъ XVI в., — тубу. Эта форма и теперь еще употребительна въ Вадаи. Бартъ, который въ Суданѣ слышалъ названіе тебу, первый обратилъ вниманіе на то, что настоящее имя этого народа теда. Встрѣчающееся у древнихъ названіе гарамантовъ, затѣмъ у Эдризи — зогавы, наконецъ, у Льва Африканскаго — кораны, исходятъ, очевидно, отъ отдѣльныхъ подраздѣленій: зогавы и теперь еще одно изъ племенъ тедовъ, кочующее къ сѣверу отъ Дарфура.



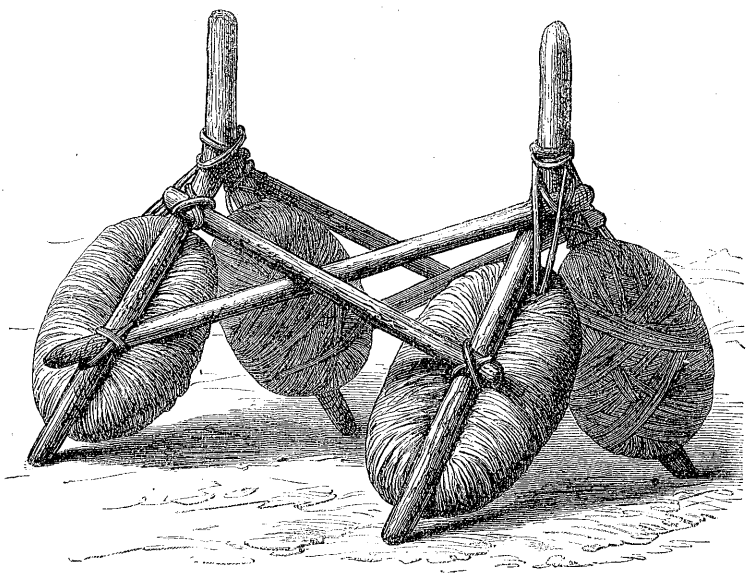
Ландшафтъ оазиса въ Сахарѣ. (По фотографіи).

„мы всѣ связаны и перемѣшаны между собою, какъ ткань палатки, въ которой верблюжій волосъ и шерсть соединены вмѣстѣ“. Относительно многихъ племенъ пустыни исторія показываетъ, что они болѣе недавняго и случайнаго происхожденія. „Туземцы“, говоритъ Нахтигаль о Борку, „не имѣющіе уже болѣе верблюдовъ, что́ дѣлало бы возможнымъ кочевую жизнь, бѣглые убійцы, военноплѣнные, которые не были обращены въ рабство изъ за религіозныхъ соображеній, но и не были отпущены на свободу, а, быть можетъ, и отпущенные рабы могли гдѣ-нибудь поселиться, постепенно пріобрѣсти небольшую собственность, вступать въ бракъ между собой, а иногда и съ кочевниками и, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени образовать новое племя, которое находилось въ большемъ или меньшемъ презрѣніи у чистыхъ номадовъ“.

Въ самой восточной части пустыни, граничащей съ древнѣйшей исторической областью, возможно прослѣдить населеніе гораздо далѣе въ глубь временъ. Это — древнѣйшее населеніе оазисовъ берберскаго происхожденія (ср. выше, стр. 490). Въ Сивахѣ и теперь еще говорятъ на берберскомъ нарѣчіи, а въ Маломъ Оазисѣ есть колонія сиванцевъ, сохранившихъ свой берберскій діалектъ. Берберскія названія мѣстностей можно найти въ областяхъ, говорящихъ въ настоящее время по арабски. Въ историческое время сюда прибыли египетскіе колонисты, воздвигавшіе величественные храмы, какъ памятники своего пребыванія. Въ оазисѣ Харгехъ можно найти храмъ съ именемъ персидскаго царя Дарія. Тамъ находили и египетскія названія мѣстностей. Нынѣшнее населеніе, главнымъ образомъ, раздѣляется на египетскіе и берберскіе типы: въ одномъ мѣстѣ мы видимъ миндалевидные, узкіе глаза и толстыя губы, въ другомъ — большіе, открытые глаза и носъ, не расширяющійся на концѣ и не имѣющій сильно изогнутой спинки, напоминая здѣсь, какъ и въ Атласѣ, европейскія формы (см. рис. 490, стр. и т. I, стр. 701). Бѣлокурые и голубоглазые люди здѣсь встрѣчаются не рѣдко. Въ видѣ третьяго элемента, уступающаго своей численностью, являются здѣсь арабы, какъ временные посѣтители на пути съ своихъ пастбищъ на берегу Нила и въ Атлантической области.

Гораздо большее вліяніе на составъ населенія оказываютъ негры, привозимые въ качествѣ рабовъ, для постояннаго пребыванія, въ особенности женщины. По мнѣнію Рольфса, отъ нихъ будетъ исходить все большее и большее превращеніе населенія ливійскихъ оазисовъ въ негровъ. Наконецъ, здѣсь встрѣчаются цыгане, которыхъ называютъ именемъ раджаріевъ, употребительнымъ въ Нильской долинѣ, но которые, тѣмъ не менѣе, говорятъ по арабски. Своей неусидчивостью, занятіями мелкой кузнечной работой и починкой котловъ и распущеннымъ образомъ жизни молодыхъ женщинъ, они напоминаютъ своихъ соплеменниковъ въ другихъ мѣстахъ и у богатыхъ обитателей оазисовъ находятся въ подчиненномъ положеніи.

Во всей исторіи народовъ Сахары важнымъ пунктомъ является связь съ Суданомъ, наиболѣе многолюдной областью, съ какой соприкасается Сахара, наряду съ гораздо менѣе доступной Нильской долиной. Между отдѣльными областями должны были происходить безчисленные этническіе обмѣны. Тѣсныя сношенія между народами тиббу восточной Сахары, въ особенности Тибести, и господствующей расой области озера Чадъ принадлежатъ къ основнымъ фактамъ народовѣдѣнія Африки.



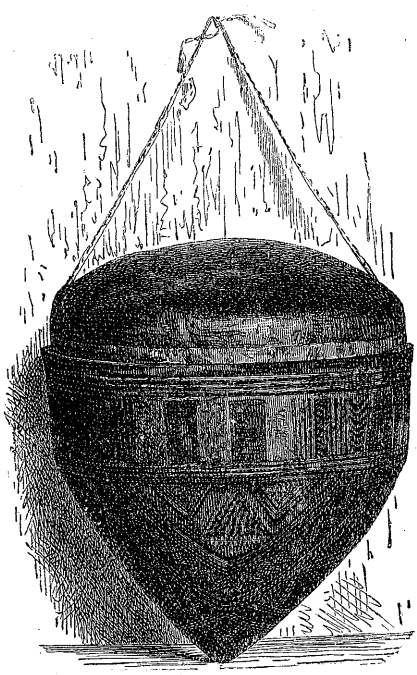
Верблюжье сѣдло тиббусовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 509.

Исходной точкой изученія исторіи центральнаго Судана долженъ быть народъ тиббу, который самъ по себѣ въ политическомъ отношеніи игралъ небольшую, а въ этнографическомъ — весьма важную роль. Левъ Африканскій упоминаетъ о народѣ Бардоа, границы страны котораго онъ описываетъ такъ опредѣленно, что въ ней можно видѣть нынѣшнюю страну тиббусовъ, и выводитъ происхожденіе короля Борну отъ этого народа, котораго онъ считалъ ливійскимъ или берберскимъ. И въ наше время долина Бардай, обитатели которой могутъ быть названы бардевами, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ областей Тибести. Келовіи и теперь еще называютъ правителя Борну „султаномъ тиббусовъ“. Насколько тѣсно связаны тиббусы съ канурiями, господствующимъ народомъ центральнаго Судана, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Распредѣленіе населенія, такъ же, какъ и сообщенія, отмѣчаются разсѣяніемъ небольшихъ плодородныхъ областей по безплодной степи. Согласно характеру пустыни, отдѣльныя жилища встрѣчаются рѣже, чѣмъ скопленіе ихъ на оживотворяющихъ оазисахъ, вокругъ источниковъ и колодцевъ. Это — островная жизнь, и если среди сѣверныхъ африканцевъ распространено представленіе, что европейцы живутъ на маленькихъ, разбросанныхъ по океану островахъ, то въ немъ отражается лишь ихъ собственный способъ распространенія: безгранично обширная пустыня, съ одной стороны,

даетъ большой пространственный масштабъ, а съ другой — скучиваетъ жизнь на узкихъ пространствахъ.

Условія осѣдлой жизни встрѣчаются въ бо́льшихъ размѣрахъ только въ горныхъ странахъ. Тамъ, гдѣ въ долинахъ и впадинахъ собирается достаточно земли и воды для образованія оазисовъ, гдѣ ежегодно выпадающіе на краю пустыни дожди достаточно увлажняютъ почву для произрастанія корма, которымъ могутъ прокормиться немногочисленныя и нетребовательныя стада, собираются племена въ постоянныхъ деревняхъ легкой постройки или въ пастушескихъ стоянкахъ. Для первыхъ и въ этихъ частяхъ пустыни самымъ замѣтнымъ и важнымъ изъ всѣхъ культурныхъ растеній является финиковая пальма; изъ хлѣбныхъ растеній на ряду съ нею стоятъ пшеница, духнъ и дурра.



Корзинка для провизіи туареговъ. (Этнографическая коллекція въ Стокгольмѣ.)

Кочевые тиббусы и туареги живутъ въ такихъ-же палаткахъ, какъ и арабы, а также въ кожаныхъ или на скоро построенныхъ хижинахъ изъ травы или хвороста, обычныхъ жилищахъ рабовъ. Въ постоянныхъ мѣстахъ обитанія мы находимъ, напротивъ, дома или хижины изъ камня и глины, уже не выказывающіе великолѣпія берберской и египетской архитектуры, оставившей свои слѣды во многихъ мѣстахъ пустыни. Они едва отдѣляются отъ почвы; повсюду это — тѣ же низкія, сѣрыя, мрачныя логовища, безъ оконъ, съ плоской крышей. Въ самомъ Мурзукѣ, правда, есть чрезмѣрно широкая улица, но дома, выстроенные изъ глины, имѣютъ жалкій видъ, хотя многіе изъ нихъ въ два этажа и окна ихъ снабжены ставнями. Въ Гатѣ лѣтъ 30 тому назадъ было около 250 домовъ и кругомъ нихъ хижины изъ пальмовыхъ вѣтвей. Рабы живутъ въ особомъ городѣ Баракатѣ, къ югу отъ Гата. Жизненными артеріями Гата служатъ сообщенія черезъ пустыню и подземные ручьи съ ближайшихъ горъ, у подножія которыхъ, въ песчаныхъ холмахъ, лежитъ городъ; такую же двойную жизненную основу имѣютъ и всѣ города пустыни. Въ пустынѣ, долго сохраняющей неразрушающіеся остатки, развалины прежнихъ каменныхъ домовъ весьма многочисленны; въ Аирѣ ими усѣяны цѣлыя плоскія возвышенности.

Тиббусы принадлежатъ къ лучшимъ наѣзднікамъ на верблюдахъ во всей Сахарѣ; въ этомъ случаѣ ихъ выдающіяся качества соединяются съ самыми благопріятными свойствами ихъ верховыхъ животныхъ, отчего получаются поразительные результаты. Денгемъ писалъ 60 лѣтъ тому назадъ: „Отъ времени до времени отправляются курьеры между Борну и Мурзукомъ. Тиббусы — единственный народъ, отбывающій эту крайне тяжелую службу. Два курьера, встрѣтившіе насъ близъ Агадема, ѣхали на великолѣпныхъ верблюдахъ и утверждали, что отсюда до Мурзука имъ нужно не больше 30 дней пути. Мѣшокъ зерна и одинъ или два мѣха съ водою, вмѣстѣ съ деревянной и металлической чашками, откуда они ѣли и пили, составляли весь ихъ багажъ“ (см. рис., стр. 412). И отъ много путешествовавшаго тунисца Магомета мы слышимъ выраженія величайшаго удивленія передъ заботливостью тиббусовъ объ ихъ лошадяхъ и верблюдахъ. Они отбрасываютъ малѣйшій грузъ, превышающій твердо установленную мѣру съ боль-

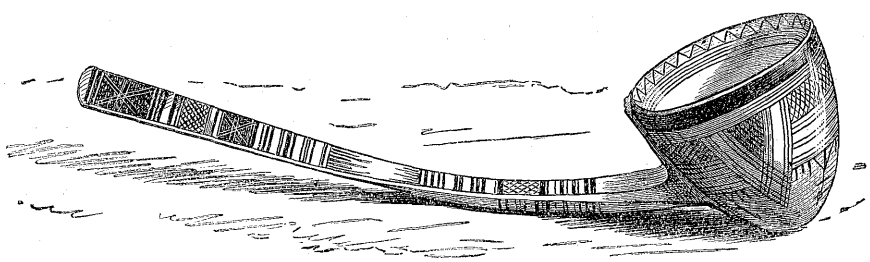
шой опредѣленностью, и съ неослабнымъ стараніемъ заботятся о благосостояніи своихъ животныхъ. „Какъ только караванъ оставлялъ мѣсто стоянки, мой тиббусъ хваталъ поводъ своего верблюда и шелъ все утро, срывая, не останавливаясь по дорогѣ травы, которыя тамъ можно было найти,

Всадникъ изъ тѣлохранителей шейха Борну. (По Денгему.) Ср. текстъ, стр. 543.

чтобы покормить ими своего верблюда. Какъ только мы дѣлали привалъ онъ уже былъ на мѣстѣ съ пучкомъ растеній, сорванныхъ на ходу, заставлялъ верблюда встать на колѣни и протягивалъ ему траву. Благодаря этой заботливости, верблюды тиббусовъ, несмотря на длинные переходы, сильны и здоровы.“ Не менѣе заботятся они о своихъ лошадяхъ, порода и сбруя которыхъ обнаруживаютъ арабское происхожденіе. Ихъ сѣдла (см. рис., стр. 411,

507 и 542) сдѣланы изъ дерева, невелики и легки; деревянныя части, связанныя кожаными ремнями, подушка изъ плетенаго верблюжьяго волоса, поясъ и держатель стремени изъ плетеныхъ ремней, небольшія, легкія стремена изъ желѣза, въ которыя вставляютъ только четыре пальца, кромѣ большаго, для котораго въ башмакѣ стремени отдѣлено особое мѣсто. Они ставятъ лѣвую ногу въ стремя и вскакиваютъ на сѣдло съ помощью копья.

Нужда, вызывающая такую изобрѣтательность у этихъ дѣтей пустыни, заставляетъ ихъ въ то же время оставлять въ сторонѣ и законы, и совѣсть при выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. „Состязаніе всѣхъ въ пріобрѣтеніи жалкой собственности дѣлаетъ отдѣльныхъ лицъ безпощадными, подозрительными и лживыми. Каждый старается вредить другимъ, и всѣ преграждаютъ другъ другу путь въ этомъ мірѣ нужды. Каждый живетъ для себя, и какая бы то ни была мысль о соплеменникахъ, или какое бы то ни было сознаніе общей жизни народа, или стремленіе къ общему благу далеко отъ него. Не общая работа и безобидная общественная жизнь, но только общая опасность извнѣ или совмѣстные хищническіе набѣги соединяютъ здѣсь людей. Этой ра-



Ложка туареговъ. (Коллекція Барта, Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

боты и этой жизни почти не существуетъ. Серьезная сторона жизни отняла отъ нея все безобидное. Ихъ народныя собранія представляютъ мѣста для упражненія въ софистической аргументаціи и въ самыхъ хитрыхъ извращеніяхъ закона и иногда оканчиваются кровавыми столкновеніями.“ (Нахтигаль.) Ни одинъ тиббусъ или туарегъ не ходитъ безъ оружія, даже въ родной деревнѣ. И женщины носятъ кинжалъ подъ одеждой съ боку и кистень изъ кожаныхъ ремней. Намъ можетъ показаться ироніей, когда мы читаемъ объ этомъ оружіи у прежнихъ путешественниковъ, ставящихъ его въ связь съ любовными интригами тиббусскихъ женщинъ. Нахтигаль нашелъ женщинъ столь же задорными и корыстолюбивыми, жестокими и коварными, какъ и ихъ мужья; тѣмъ не менѣе, эти люди исполнены чувства собственнаго достоинства; они могутъ быть нищими, но они—не паріи. При такихъ обстоятельствахъ, многіе народы были бы болѣе жалкими и подавленными, но въ характерѣ тиббусовъ есть что то стальное. Они столь же пригодны быть воинами и правителями, какъ и разбойниками. Даже ихъ система хищничества, при всемъ сходствѣ съ повадкой шакаловъ, имѣетъ въ себѣ что то внушительное. „Эти одѣтые въ лохмотья тиббусы, борющіеся съ крайней бѣдностью и постояннымъ голодомъ, выказываютъ самыя безстыдныя притязанія съ видимой или дѣйствительной вѣрой въ свое право.“ Право шакала, въ силу котораго имущество чужеземцевъ считается общимъ достояніемъ, охраняетъ алчныхъ людей отъ лишеній. Необезпеченность почти непрерывнаго военнаго положенія еще болѣе придаетъ жизни нѣчто понудительное и настойчивое въ выполненіи того, что̀ считается нужнымъ.

Необезпеченность нигдѣ не бываетъ такъ велика, какъ въ пустынѣ, и нигдѣ участь человѣческой жизни, покидающей защиту стѣнъ или оружія, не бываетъ въ такой мѣрѣ подвержена всевозможнымъ

случайностямъ. Участь Нахтигаля и дѣвицы Тинне служитъ доказательствомъ того. Несчастная голландка, одновременно съ Нахтигалемъ оставившая Мурзукъ, чтобы отправиться къ живущимъ далѣе къ западу туарегамъ, которые, повидимому, твердо держались вѣрности слова и вѣры и святости договоровъ, была убита и ограблена. Нахтигаль отправился на родину прославленнаго насиліями племени тиббусовъ и вернулся физически невредимымъ, но отягченнымъ страданіями и униженіями. Для туарега человѣческая жизнь, очевидно, не имѣетъ значенія. Э. ф. Бари полагаетъ, что у туареговъ жизнь сама по себѣ не играетъ большой роли. Это доказываютъ случаи съ французами Дурно, Дюперэ и Жуберъ, массовое умерщвленіе экспедиціи Флаттера и, быть можетъ, загадочная смерть Э. ф. Бари. Три миссіонера алжирскаго общества, которые въ концѣ 1881 г. были умерщвлены на разстояніи лишь одного дня пути къ югу отъ Гадамеса, послѣ того, какъ они въ этомъ городѣ пріобрѣли, повидимому, величайшую популярность, послужили новымъ доказательствомъ того, какъ мало можно полагаться на туареговъ. Впрочемъ, и въ войнахъ этихъ народовъ между собою благородныя рыцарскія свойства выступаютъ весьма рѣдко. Съ холодной безпощадностью выполняется набѣгъ съ грабежемъ и убійствомъ. Война, которая въ 1877 г. свирѣпствовала между двумя туарегскими народами, азгарами и хаггарами, велась въ видѣ разбойничьихъ нападеній то хаггаровъ на караванъ азгаровъ, то наоборотъ. Недовѣріе есть основное правило ихъ. Закутываніе лица, употребительное у тиббусовъ и у туареговъ, способствуетъ еще большему усиленію этого недовѣрія. Способъ привѣтствія двухъ встрѣчныхъ, въ видѣ спокойнаго сидѣнія другъ противъ друга въ теченіе часа съ вертикально поднятымъ копьемъ, представляетъ обычай, вызванный чувствомъ недовѣрія. Встрѣча съ другими караванами происходитъ между передовыми стражами обѣихъ сторонъ, между тѣмъ, какъ оба каравана останавливаются. Длинныя ружья заряжаются, замки ихъ обнажаются отъ обертывающихъ ихъ лохмотьевъ, и оружіе поднимается обѣими руками высоко надъ головою. Наконецъ, дѣло доходитъ до окликовъ и обмѣна словъ. Обѣ стороны узнаютъ себя, увѣряютъ другъ друга въ самыхъ мирныхъ намѣреніяхъ и разстаются съ лучшими пожеланіями взаимнаго благополучія. Подозрительныя люди, которые внѣ караванныхъ путей носятся по пустынѣ на быстрыхъ дромадерахъ, задерживаются болѣе сильными противниками и подвергаются побоямъ, а иногда и казни, по закону Линча, причемъ бѣднымъ бедуинамъ иногда приходится разставаться со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Караваны требуютъ большихъ прикрытій и двигаются медленно; не удивительно, поэтому, что даже мѣста, лежащія ближе къ средиземно-морскому краю материка, представляютъ такъ мало слѣдовъ дѣйствія сношеній. Увеличеніе цѣны, вслѣдствіе такихъ сообщеній, дѣлаетъ товары, привозимые изъ чужихъ странъ, доступными только для людей состоятельныхъ. Разница въ цѣнѣ товаровъ между Триполи и Гатомъ доходитъ до 100%. Сюда надо присоединить еще недостатокъ собственнаго вывоза. Съ тѣхъ поръ, какъ работорговля уменьшилась, и западный Суданъ сообщается прямо съ Атлантическимъ океаномъ, торговые города пустыни стали приходить въ упадокъ. Кромѣ продуктовъ нѣкоторыхъ натронныхъ озеръ, ни одно произведеніе Феццана не вознаграждаетъ длинной перевозки къ морскому берегу. Богатство здѣсь исчезло, нѣкогда зажиточныя семьи обѣднѣли или выселились, и немногія другія могли лишь при величайшей подвижности (случалось, что три брата одной семьи постоянно находились въ пути) достигать самыхъ скромныхъ результатовъ. Въ Гадамесѣ, самомъ значительномъ торговомъ мѣстѣ Сахары, въ настоящее время въ теченіе года перебываетъ не болѣе 2,500 верблюдовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно понизились и ремесла.

Караваны пустыни, „омнибусы“, которые принимаютъ и высаживаютъ

отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя общества по всему своему пути, являются не единственнымъ способомъ сообщенія. Паломники и искатели приключеній отваживаются и по-одиночкѣ пускаться въ обширную, безлюдную пустыню. Тамъ, гдѣ такъ мало дано для жизни, надо двигаться, чтобы можно было жить. Поэтому тиббусы и туареги, по крайней мѣрѣ, осѣвшіе вдоль большихъ путей сообщенія, представляютъ собою предпріимчивыхъ переселенцевъ и торговцевъ. Сообщенія черезъ восточную Сахару настолько же находятся въ рукахъ тиббусовъ, насколько сообщенія черезъ западную — въ рукахъ туареговъ. Они ведутъ торговлю частью за собственный счетъ, частью въ складчину, и частью водятъ караваны или отдаютъ имъ въ наемъ верблюдовъ. Величайшее значеніе имѣли тиббусы на прежнихъ проѣзжихъ дорогахъ изъ Борну черезъ Бильму въ Феццанъ; они ведутъ оживленную торговлю и между Вадаи и Феццаномъ. Напротивъ, прямое сообщеніе между Вадаи и сѣвернымъ морскимъ берегомъ, открывшееся только въ нашемъ столѣтіи, поддерживается преимущественно арабами. Они уже съ древнихъ временъ находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ вандалами (мандарами) на югѣ Борну. Бартъ встрѣтилъ тиббуса, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ въ городъ Саранъ, въ сѣверной Адамауѣ; тиббускіе купцы доходятъ съ соляными караванами келовіевъ до Кано. Одинъ изъ тиббусовъ проѣхалъ совершенно одинъ, на одномъ верблюдѣ, изъ Гадамеса въ Гатъ — подвигъ, который даже туарегамъ показался очень смѣлымъ. Въ Борну существуетъ убѣжденіе, что тиббусы имѣютъ удачу въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ другіе ничѣмъ не могутъ поживиться. Главныя линіи туарегскихъ торговцевъ — Гатъ-Аиръ-Бильма и Туатъ Таудени-Тимбукту. Эннеди, Бильма и Таудени обозначаютъ нѣкоторыя изъ немногихъ мѣстечекъ внутренней Сахары, имѣющихъ многочисленныя сношенія, и представляютъ соляные рынки.

По мнѣнію Рольфса, тиббусы до извѣстной степени образуютъ переходъ къ деспотической государственной формѣ большихъ негрскихъ царствъ къ сѣверу отъ экватора и отъ свободныхъ и независимыхъ туареговъ, арабовъ и берберовъ, которые къ югу отъ Большого Атласа частью кочуютъ, частью имѣютъ прочныя мѣста жительства. Вопросъ о томъ, отъ этого-ли зависитъ презрѣніе, съ какимъ на нихъ смотрятъ независимые туареги, мы должны оставить безъ разрѣшенія. Обитатели Тибести не образуютъ прочнаго государства. Избранный правитель (дардай) предсѣдательствуетъ на сѣверѣ страны въ собраніи лицъ высшаго сословія. Онъ избирается поперемѣнно изъ названнаго сословія четырехъ различныхъ племенъ. Хотя во всѣхъ важныхъ дѣлахъ принято спрашивать его совѣта, но этотъ совѣтъ часто не исполняется; онъ самъ гораздо болѣе зависитъ отъ согласія собранія. Подобное же положеніе занимаетъ на югѣ правитель изъ многочисленнаго племени Аринда.

Рѣзкое племенное расчлененіе, какое мы видимъ у туареговъ, мы можемъ, въ видѣ слѣдовъ, найти и у тиббусовъ. Мы можемъ признать его въ своеобразномъ порядкѣ наслѣдованія у народца каваровъ, прославившагося соляной торговлей, гдѣ въ наслѣдствѣ участвуютъ два родственные дома. Вполнѣ противоположно тому, что́ мы видимъ у настоящихъ негрскихъ народовъ, правитель не имѣетъ права надъ жизнью и смертью и не взимаетъ ни малѣйшихъ податей и сборовъ. Онъ — высшій судья во внутреннихъ несогласіяхъ и вождь противъ внѣшнихъ враговъ. Въ общественномъ раздѣленіи тиббусы, при недостаткѣ большихъ городовъ и ремесленной дѣятельности, стоятъ гораздо ниже жителей Борну и Гауссы. Кузнецы и серебреники считаются отверженной кастой. Ни одинъ тиббусъ не можетъ жениться на дочери кузнеца, и ни одному кузнецу не можетъ достаться дочь свободнаго тиббуса. Оскорбить кузнеца признается трусостью. Но ни по языку, ни по волосамъ, ни по сложенію, ни по цвѣту кожи эти презираемые люди не отличаются отъ прочихъ тедовъ.

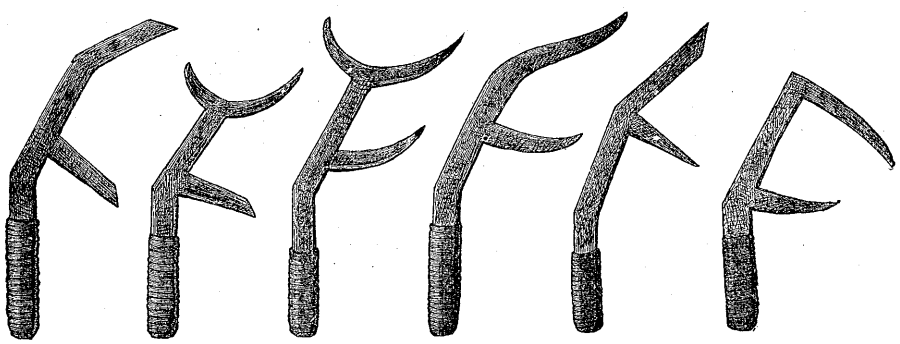
Тиббусамъ принадлежитъ настоящая середина Сахары: Тибести, Борку, Вадьянга, Каваръ и нѣкоторые другіе мелкіе оазисы составляютъ ихъ владѣнія, а на югѣ они распространяются черезъ Канемъ до восточнаго берега озера Чадъ и достигаютъ почти до Багирми.

Первое впечатлѣніе физическаго характера этого народа есть впечатлѣніе хорошо сложенной человѣческой породы. Они — средняго роста, изящны, пропорціональны, и руки, и ноги ихъ еще меньше, чѣмъ это позволяетъ ихъ изящная фигура. Большая худоба, послѣдствіе климата и образа жизни, при такомъ строеніи, не кажется непріятной, содѣйствуя впечатлѣнію упругости и подвижности; въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, находятся ихъ подвиги въ бѣганьѣ, прыганьѣ, выносливости, перенесеніи голода и жажды. Въ среднемъ, будучи гораздо свѣтлѣе большинства обитателей Судана, но темнѣе многихъ жителей Борну, тиббусы имѣютъ темно-бурый цвѣтъ кожи, доходящій до мѣдно-краснаго. Всего чаще встрѣчается бронзовый оттѣнокъ, переходящій въ густой бронзово-бурый цвѣтъ. Ихъ вытянутое въ длину лицо выказываетъ серьезность и понятливость. О тедахъ Тибести Нахтигаль говоритъ: „Черты лица, съ ихъ преобладающей правильностью и изяществомъ, можно было-бы назвать пріятными и привлекательными, если бы первое благопріятное впечатлѣніе не портилъ мрачный, ревнивый, фальшивый взглядъ.“ Тиббусы, которыхъ ф. Бари видѣлъ въ Гатѣ, противоположно окружавшимъ его туарегамъ, были безобразнѣе, чернѣе, съ болѣе крупнымъ ртомъ и болѣе мелкаго роста. Повидимому, въ физическомъ отношеніи выше всѣхъ стоятъ теды Тибести и Борку. Болѣе молодые имѣютъ гордую, свободную осанку, а тиббусскія дѣвушки часто весьма привлекательны. Какъ только юношеская округлость исчезнетъ, жилистый, сухой характеръ ихъ основного строенія придаетъ имъ нѣчто угловатое, жесткое, мужское. Волосы тиббусовъ, будучи менѣе шерстистыми, производятъ впечатлѣніе большей длины, чѣмъ у настоящихъ негровъ. Борода у нихъ растетъ скудно.

Въ одеждѣ и украшеніяхъ они раздѣляютъ съ туарегами татуировку лица тремя или четырьмя длинными, рубчатыми надрѣзами отъ висковъ до скуловой дуги, къ которымъ иные прибавляютъ еще поперечные надрѣзы, въ знакъ траура по близкимъ людямъ; надо прибавить еще надрѣзы подъ глазами, склонность къ закутыванію головы и, прежде всего, лица, оригинальный способъ привѣтствія присѣданіемъ на корточки и вооруженіе. Серебряные обручи для рукъ и ногъ, рѣдкіе въ остальной Африкѣ, и красные кораллы для крыльевъ носа въ украшеніи женщинъ позволяютъ заключить о близкомъ сношеніи съ арабами. Тиббусы уже своей мало развитой промышленной дѣятельностью вынуждаются къ заимствованію многихъ предметовъ извнѣ. Такъ, ихъ женщины до Бильмы носятъ на плечахъ платки изъ Гауссы, а мужчины вездѣ, гдѣ могутъ достать, — „тобе“ изъ Борну (см. рис., стр. 516). Бѣдные теды Тибести, находящіеся внѣ сношеній съ міромъ, не носятъ ничего, кромѣ овечьей шкуры вокругъ поясницы. Простота тедовъ отличается отъ любви негровъ къ украшеніямъ. Хижины изъ циновокъ тедовъ соотвѣтствуютъ болѣе нубійско-арабскому, чѣмъ негрскому способу построекъ. Если баэли строятъ свои хижины изъ циновокъ круглыми, то у обитателей южнаго Феццана онѣ имѣютъ четыреугольную форму. Эти послѣдніе живутъ почти вездѣ отдѣльно, а баэли Борку и Эннеди въ небольшихъ деревняхъ. Въ числѣ оружія лукъ и стрѣлы встрѣчаются рѣдко, а копье и метательный ножъ (см. рис., стр. 514) довольно часто. Огнестрѣльное оружіе еще мало распространено. Тамъ, гдѣ имѣются верблюды или лошади, сѣдла (см. рис., стр. 411) и сбруя выказываютъ арабское происхожденіе. Ихъ верховые верблюды причисляются къ лучшимъ въ Сахарѣ и далеко вывозятся на племя. Осѣдлое населеніе встрѣчается повсюду, гдѣ почва допускаетъ земледѣліе, но земледѣльцы всегда терпятъ отъ номадовъ, которымъ уступаютъ и въ соціаль-

номъ отношеніи. Нерѣдко осѣдлые, уже какъ смѣшанный народъ новѣйшаго происхожденія, что̀ можно сказать о жителяхъ страны Борку, стоятъ ниже чистыхъ тиббусовъ.

Такъ же, какъ туареги въ Хаггарскихъ горахъ, тиббусы въ горной странѣ Тибести обладаютъ средоточіемъ своего міра, охраною своей свободы и въ извѣстной степени также источникомъ, откуда постоянно притекаетъ обогащеніе людямъ ихъ племенъ. Эта скалистая и горная страна Ту (что значитъ, вѣроятно, скала) посреди пустыни заключала для древнихъ народъ, описаніе котораго у Геродота (см. т. I, стр. 3) подходитъ къ нынѣшнимъ тедамъ. Замѣчательно, что этотъ древній историкъ не причисляетъ ихъ къ ливійцамъ, а отчетливо называетъ эѳіопами. Мы знаемъ объ этихъ тедахъ только отъ европейскихъ путешественниковъ, направляющихся въ Суданъ, которые видятъ издали ихъ скалистое мѣстечко и собираютъ о нихъ свѣдѣнія въ Мурзукѣ и Борну. При такой замкнутости, народъ этихъ горъ составляетъ самобытное образованіе, единое во во всѣхъ своихъ свойствахъ. „Въ Тибести мы встрѣчаемъ однородное на-



Метательные ножи тиббусовъ. (По Нахтигалю. $^1/_{10}$ наст. велич.

селеніе. Во всемъ Ту не селилось ни одного араба или тарика, или же свободнаго борнуанца. Здѣсь каждый — тедету, и всѣ — теды. Если у нихъ и замѣчаются индивидуальныя различія, то существенныя, рѣдко отсутствующія психическія или физическія свойства придаютъ имъ характерный отпечатокъ.“ (Нахтигаль.) Такія страны создаютъ народы съ рѣзко обозначенной физіономіей, между прочимъ, и въ исторіи.

Къ югу отъ горной страны Тибести лежитъ группа впадинъ, страна Борку (Боргу). Въ этой области разсѣянныхъ оазисовъ характерныя черты Феццана повторяются въ болѣе сплоченномъ видѣ и съ нѣсколько менѣе пустынной окраской. На здѣшней почвѣ не только развивается превосходно финиковая пальма, но и хорошо разростается любящая воду пальма думъ, плодами которой должны жить обитатели Борку, когда арабы, какъ это случается во время сбора плодовъ, отнимутъ у нихъ финики. Подобно тому, какъ страна дѣлится на питающую номадовъ полу-пустыню, и сады и пальмовыя рощи, такъ и населеніе ея дѣлится на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Тѣ и другіе приблизительно уравновѣшиваютъ другъ друга относительно численности: всѣхъ вмѣстѣ ихъ можетъ быть отъ 10 до 12 тысячъ; но первые, конечно, господствуютъ надъ послѣдними. Осѣдлыя составныя части населенія Борку, донгозы, или дозы, своимъ бронзовымъ цвѣтомъ и, еще болѣе, нѣжнымъ и равномѣрнымъ строеніемъ конечностей, худощавостью и правильными чертами лица составляютъ противоположность болѣе темнымъ, грубымъ и массивнымъ обитателямъ Борну или Канема. Жители Тигги и Будду вырываютъ у себя клыки изъ косметическихъ соображеній. И здѣсь нерѣдко одежда женщинъ и взрослыхъ дѣвушекъ ограничивается шкурой вокругъ бедръ. Жилищемъ почти исключительно слу-

жатъ хижины изъ циновокъ номадовъ Тибести, которыя здѣсь даже осѣдлымъ населеніемъ предпочитаются жилищамъ изъ пальмовыхъ листьевъ Феццана.

Во всемъ Борку исламъ господствуетъ, по крайней мѣрѣ, по формѣ, и только его юго-восточные сосѣди, баэли области Эннеди, не всѣ еще обращены въ магометанство. Король Вадаи Али на удостовѣреніе Нахтигаля, что кораны — настоящіе магометане, обѣщалъ снисходительнѣе обойтись съ ними. Теперь, повидимому, Вадаи пріобрѣлъ господство и надъ Борку.

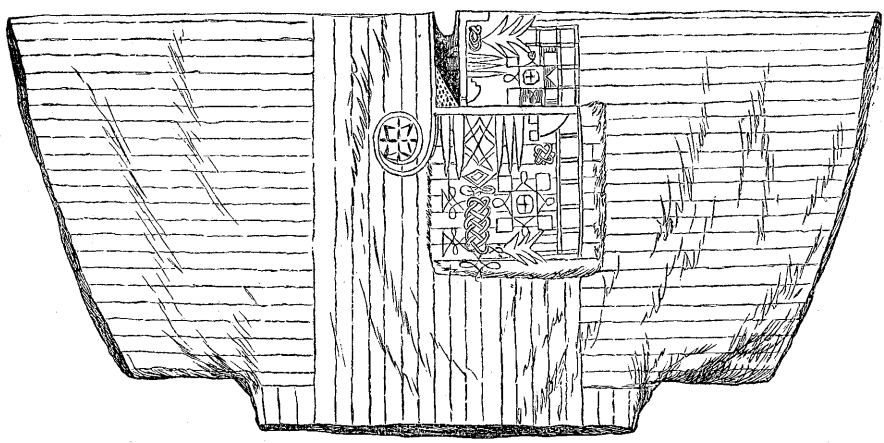
Баэли, въ грушѣ оазисовъ Эннеди, считаютъ своей землею страну къ сѣверу до Ваньянги и къ западу до дороги въ Вадаи. Къ югу и къ востоку баэли незамѣтно переходятъ въ племена зогавовъ или заговъ. Долины составляютъ средоточіе земледѣлія, а степи, богатыя кормовыми травами, питаютъ многочисленныя стада баэлей. На сѣверѣ страны добывается любимая въ восточномъ Суданѣ красная соль, которая вымѣнивается на хлѣбъ и одежду изъ Дарфура и Вадаи и во всей окружающей мѣстности стала обычнымъ мѣриломъ цѣнности. Скотоводство баэлей заключено въ узкіе предѣлы, такъ какъ разбойничьи арабскія племена, здѣсь въ особенности Ауладъ Солиманъ, давно уже сдѣлали небезопасными болѣе отдаленныя пастбища. Ради превосходныхъ верблюдовъ Эннеди даже юго-восточные туареги распространяютъ (болѣе, чѣмъ за 1000 км.) свои набѣги. Посредниками внѣшней торговли служатъ зогавы. Одежда и вооруженіе здѣсь вполнѣ сходны съ тѣмъ, что̀ мы видимъ у тедовъ.

Каваръ (Кауаръ), или Хендери-Теге (первое — арабское, второе — тиббуское названіе), есть небольшое владѣніе тиббусовъ въ пустынѣ, которое всего болѣе посѣщается туарегами, а въ настоящее время даже покорено ими. Средоточіемъ его является прославленная солью Бильма, и солью Бильмы опредѣляется политическая судьба Кавара. Въ немъ нѣтъ недостатка въ орошеніи, но населеніе Кавара, вслѣдствіе принудительныхъ правилъ господствующихъ здѣсь туареговъ, отвыкло отъ усердной обработки земли. Бильма, со своими низкими, неправильными домами, построенными изъ треугольныхъ глыбъ соли, производитъ отталкивающее впечатлѣніе. (Рольфсъ.) Общее осѣдлое населеніе, почти исключительно состоящее изъ тедовъ и кануріевъ, опредѣляется въ 3000.

Туареги живутъ отъ большой песчаной равнины Эль Эргъ, или Арегъ, на сѣверѣ, съ Гадамесомъ въ видѣ пограничнаго пункта, до знаменитыхъ колодцевъ Азинъ, на половинѣ пути между Хаггарскимъ плоскогорьемъ и Асбенскими горами на югѣ; къ западу они простираются до Туата и къ востоку до оазисовъ Вади-Эль-Гарби въ Феццанѣ. Средоточіемъ этой области, твердыней и источникомъ плодородія страны туареговъ служитъ Хаггарское плато. Туареговъ лучшіе наблюдатели считаютъ самыми чистыми изъ берберскихъ племенъ, хотя они вмѣстѣ съ исламомъ приняли арабскіе нравы и утратили многое изъ родной старины. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ въ особенности указать, что люди темнаго цвѣта рѣже встрѣчаются у нихъ, а у нѣкоторыхъ покрытыя части тѣла такъ же бѣлы, какъ у насъ. У туареговъ сѣверная группа въ горныхъ твердыняхъ сохранилась въ болѣе чистомъ видѣ. Преобладающій цвѣтъ кожи — красновато-желтый, цвѣтъ южныхъ европейцевъ; только не покрытыя части тѣла темнѣе отъ солнца и пыли. По строенію тѣла и образованію лица, они многими наблюдателями считаются прямо красивѣйшей человѣческой породой въ Африкѣ. Мышцы ихъ сильно развиты, и этому соотвѣтствуетъ энергія въ выраженіи лица. Шейхи туареговъ обыкновенно отличаются высокимъ ростомъ и сильнымъ сложеніемъ. Отчасти это можно приписать тому обстоятельству, что они, оттѣсняя темное населеніе, строго воздерживались отъ смѣшенія съ низшимъ народомъ. Среди западныхъ туареговъ встрѣчаются, тѣмъ не ме-

нѣе, вполнѣ негроидные или, по крайней мѣрѣ, мулатообразные шейхи, какъ, напримѣръ, въ Арджижо. Черты лица ихъ болѣе сходны съ европейскими, чѣмъ съ арабскими. Свѣтлые глаза встрѣчаются у нихъ, но рѣдко.

Въ одеждѣ туареговъ повсюду болѣе всего поражаетъ тщательность, съ какой они заботятся о постоянномъ полномъ прикрытіи всего тѣла, за исключеніемъ кистей рукъ, ступней и кончика носа. Кромѣ обитателей самыхъ холодныхъ странъ, не многіе народы одѣваются съ такой полнотой и съ такимъ постоянствомъ. Одною изъ причинъ того является, быть можетъ, измѣнчивый климатъ. Элементами ихъ одежды служатъ тобе, шаровары и литамъ. Литамъ — платокъ, который два раза обертывается вокругъ лица, такъ, что ротъ, подбородокъ и верхняя часть лица прикрываются имъ, и выглядываетъ только кончикъ носа; такъ какъ онъ въ то же время обертываетъ голову и виски и прикрѣпляется на затылкѣ узломъ, то онъ



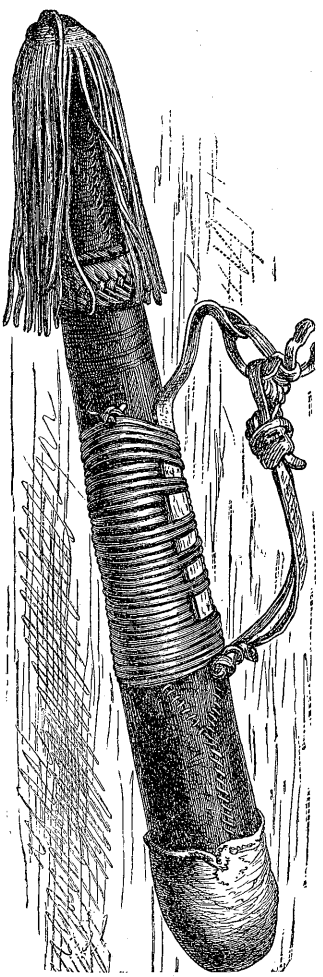
Тобе изъ Борну. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 517, 528 и 543.

образуетъ полное прикрытіе головы. Эти платки бываютъ синяго и бѣлаго цвѣта; высшее сословіе носитъ по преимуществу первые, а низшее — послѣдніе, и отсюда исходитъ выраженіе „черные“ и „бѣлые туареги“, которое часто приходится слышать. Это закутываніе лица, которое въ той или другой формѣ встрѣчается у другихъ племенъ пустыни и даже далеко въ Суданѣ у фулаховъ и канурiевъ, но которое только здѣсь стало общераспространеннымъ, имѣетъ, вѣроятно, религіозную цѣль прикрытія рта; но можно предположить, что этому практически предшествовала защита лица отъ тонкой пыли пустыни, вызывающей воспаленіе, и отъ вѣтра пустыни. Какъ бы то ни было, туарегъ возможно рѣдко снимаетъ платокъ съ лица и головы. Это соотвѣтствуетъ его характеру. Даже на чужбинѣ онъ не открываетъ лица; туареги, пріѣзжавшіе въ Парижъ, постоянно носили этотъ платокъ. Онъ составляетъ отличительный признакъ этого народа, который арабы называли всегда покрытыми или людьми покрывала. При меньшей необходимости въ защитѣ въ ихъ замкнутой жизни, легко объяснить, что женщины туареговъ не покрываютъ своего лица, и что этотъ обычай не былъ принесенъ къ нимъ магометанствомъ. И вообще ихъ положеніе гораздо свободнѣе, чѣмъ у арабовъ или у другихъ послѣдователей ислама; такъ, они свободно вмѣшиваются въ разговоры и дѣла своихъ мужей, не злоупотребляя этой свободой у племенъ болѣе чистой крови.

Что касается остальной одежды, то богатые и бѣдные и, можно сказать даже, мужчины и женщины носятъ одинъ и тотъ же родъ одежды, которая различается больше количествомъ употребленной на нее бумажной матеріи, чѣмъ вкусомъ или происхожденіемъ: бѣлой или темно-голубой

матеріи изъ Кано надо приписать то, что въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ странами Гауссы, носятъ бѣлыя складчатыя рубашки (тобе) и шаровары, а у восточныхъ племенъ одежда гораздо уже. Волосы на темени стригутся коротко, а по бокамъ заплетаются въ одну или двѣ косы, между тѣмъ, какъ у мальчиковъ они выстригаются на подобіе пѣтушьяго гребня. Двѣ или три длинныя бумажныя рубашки женщинъ сдерживаются вокругъ бедръ краснымъ льнянымъ поясомъ. Простая бѣлая, красная или съ красными полосами ткань надъ этой нижней одеждой прикрываетъ и драпируетъ верхнюю часть тѣла. Богатые люди обоихъ половъ заимствуютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе роскошные фантастическіе костюмы у арабовъ. Обувь состоитъ изъ крѣпкихъ сандалій, приготовляемыхъ въ Кано (см. рис., стр. 520 и 528).

Предметы украшенія скудны и представляютъ достояніе женщинъ. Тамъ можно найти перстни, стеклянные и серебряные браслеты и стеклянныя бусы. Каменныя кольца для верхней части руки у мужчинъ ауеллимидовъ наполовину можно отнести сюда, такъ же, какъ и глиняныя, сдѣланныя изъ тонкой земли ручныя кольца западныхъ туареговъ.



Колчанъ туареговъ.
(Берлинскій музей народовѣдѣнія.)
См. также рис., стр. 557.

Оружіе вполнѣ входитъ въ составъ обыденной одежды. Оружіе туареговъ — мечъ, копье и кинжалъ — одинаково имѣетъ въ себѣ нѣчто сильное, массивное. Мечъ — прямой, съ широкимъ клинкомъ и длинный. Копье или все состоитъ изъ желѣза, или длинный клинокъ вдѣланъ въ рукоятку изъ дерева корны. Кинжалъ, наконецъ, также обыкновенно бываетъ весь изъ желѣза; короткая рукоятка его обмотана спиральной проволокой (см. рис., стр. 315) и прикрѣпляется къ сочлененію лѣвой руки такимъ образомъ, что рукоятка, обращенная впередъ, прилегаетъ къ предплечью. Этотъ способъ носить кинжалъ распространенъ и въ западномъ Суданѣ (см. рис., стр. 518 вверху). Ружья имѣютъ широкое распространеніе; никто изъ знатныхъ или свободныхъ людей не обходится безъ этого оружія. Кромѣ того, они носятъ еще кожаные щиты. На охотѣ употребляются въ Дарфурѣ метательныя деревянныя орудія, вродѣ бумеранга (см. рис., стр. 518 внизу). Лукъ и стрѣлы встрѣчаются въ видѣ единственнаго оружія у живущихъ въ горахъ низшихъ племенъ, причисляемыхъ къ крѣпостнымъ горнымъ племенамъ Хаггара. У нихъ считается оружіемъ каменное ручное кольцо, которое мы скорѣе приняли бы за украшеніе; мужчины носятъ его на верхней части правой руки, какъ только становятся способными къ ношенію оружія, вѣроятно, для отраженія ударовъ. Оно дѣлается изъ зеленаго серпентина, широко, хорошо отполировано и вывозится изъ страны азгаровъ и ауеллимидовъ. Всѣ туареги, за исключеніемъ марабутовъ, носятъ эти кольца и ставятъ ихъ высоко, между тѣмъ, какъ эти послѣднія не встрѣчаются ни у кого изъ ихъ сосѣдей. Такъ же, какъ у арабовъ, у туареговъ общественное раздѣленіе и въ мирное время разсчитано на военное.

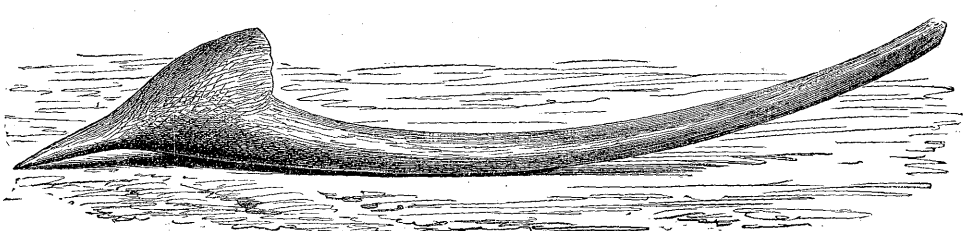
У туареговъ наслѣдованіе по женской линіи не ограничивается правителями, а глубоко проникаетъ всю жизнь населенія: въ Гатѣ большая

часть домовъ принадлежитъ женщинамъ, которыя получили ихъ въ подарокъ въ день свадьбы отъ друзей или родственниковъ или получили по наслѣдству. Этотъ порядокъ уже самъ по себѣ объясняетъ многое въ томъ, почему положеніе женщины здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ магометанскихъ странахъ. Ибнъ Батута, описывая такой обычай наслѣдованія по женской линіи, прибавляетъ: „я нигдѣ не встрѣчалъ прежде этого обычая, за исключеніемъ язычниковъ Малабара въ Индіи.“ Но мы знаемъ его не только у родственныхъ туарегамъ тиббусовъ, но и находимъ его у нубійцевъ и берберовъ (см. выше, стр. 501) и слѣды его встрѣчаемъ во всей Африкѣ.

Кинжалъ изъ Кано, для ношенія на рукѣ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 517.

Большинство самыхъ значительныхъ городовъ пустыни принадлежитъ туарегамъ. Въ восточной Сахарѣ, помимо Феццана, ихъ не много. Но и эти большіе города не превратили туареговъ въ городскихъ жителей, какъ гауссовъ. Гатскій оазисъ, заключающій всѣ туарегскіе города, наиболѣе достойные вниманія, имѣетъ въ окружности меньше нѣмецкой мили. Дома, несмотря на обиліе камня въ окрестностяхъ, построены изъ глины; строевой лѣсъ, котораго тамъ вообще не много, заимствуется отъ финиковой пальмы. Блестящая штукатурка наружной стороны прибрежныхъ городовъ здѣсь не встрѣчается; дома сохраняютъ естественный цвѣтъ сухой глины. Одного сильнаго дождя достаточно бы было, чтобы ихъ размыть. Лишь единственная башня мечети заслуживаетъ названія минарета. Городскія стѣны не выше 3 метр., и ихъ шесть воротъ не крѣпко запираются. На южной сторонѣ лежитъ предмѣстье, имѣющее около 60 глиняныхъ домовъ, а на западной — деревня, съ разбросанными хижинами изъ пальмовой соломы. По срединѣ города находится четырехугольная базарная площадь.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля и сообщенія глубоко повліяли на жизнь обитателей, чтеніе и письмо имѣютъ широкое распространеніе. Въ городахъ пустыни съ этою цѣлью устроены даже вечернія школы, и вечеромъ нельзя пройти по улицамъ, не услышавъ громкаго, монотоннаго чтенія скученныхъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ дѣтей, заучивающихъ хоромъ свой коранъ.



Метательное деревянное оружіе туареговъ. (Коллекція Кристи въ Лондонѣ.) 1/7 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 452 и 517.

О политическомъ строѣ туареговъ Рольфсъ говоритъ: „туареги въ политическомъ отношеніи не представляютъ націи; у нихъ нѣтъ политическаго главы, и они образуютъ только этнографически связанныя племена, взаимная связь которыхъ, однако, такъ слаба, что было-бы настоящимъ ослѣпленіемъ предполагать, будто съ ними можно заключать договоры, имѣющіе законную силу. Возможно заключить договоръ съ отдѣльнымъ тарги и возможно, что онъ поручится за вѣрность ему своего племени, но ни одинъ тарги не можетъ заключить договоръ за всю націю туареговъ.“

Но туареги вовсе не лишены сознанія взаимной связи своего народа; нерѣдко болѣе просвѣщенные изъ нихъ высказывали европейцамъ сожалѣніе по поводу междоусобныхъ войнъ, раздробляющихъ племена, къ удовольствію турокъ, арабовъ и тиббусовъ.

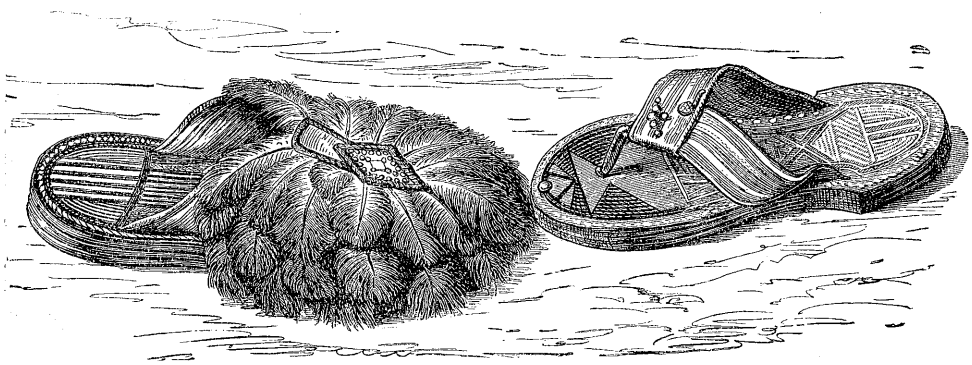
Туареги распадаются на азгаровъ (аздьеровъ) на востокѣ, хаггаровъ (хоггаровъ) на западѣ и келовіевъ или келуевъ на югѣ. У каждой изъ этихъ племенныхъ группъ есть свое естественное средоточіе: у

Кожаныя издѣлія туареговъ и гауссовъ. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 558.

хаггаровъ — ядро одноименныхъ съ ними горъ, у азгаровъ — южная часть послѣднихъ и лежащіе передъ ними оазисы, у келовіевъ — горная страна Аиръ. Келовіи заходятъ всего дальше: область ихъ идетъ отъ Амагара на востокѣ до колодца Энгишанъ на западѣ. Въ настоящее время они господствуютъ и надъ Бильмой. Они отличаются отъ обоихъ названныхъ выше племенъ гораздо болѣе, чѣмъ эти послѣднія между собой. Гатскіе азгары, по общему мнѣнію, всего лучше представляютъ характеръ своей расы смѣлостью, закаленностью, краткостью рѣчи, рыцарственностью и въ то же время способностью къ торговлѣ. Аирскіе келовіи имѣютъ болѣе мягкіе нравы, отчасти вслѣдствіе сильнаго смѣшенія съ кровью суданскихъ негровъ. Они считаются лучшими торговцами Сахары и, вслѣдствіе своей подвижности и

находчивости, превосходными вожаками карановъ. Туареги Тимбукту пользуются славой самыхъ вѣроломныхъ и жестокихъ разбойниковъ. Но расчлененіе племенъ заходитъ гораздо дальше этого тройственнаго дѣленія и, повидимому, основывается также на характерѣ мѣстъ обитанія. Изъ одного только племени хаггаровъ, кель-агамеллей, сдѣлалось 14; даже обитатели Гата признаютъ въ своей средѣ два различныхъ племени. Азгары называютъ себя имохагами, хаггары и ауеллимиды — имохарами, аирцы — имаджирхенами; свой языкъ они называютъ темахакъ или темахекъ. Тѣ же имена встрѣчаются и у марокскихъ берберовъ.

Племя азгаровъ, въ южной части страны Хаггаръ, образуетъ военную аристократію, которая могла бы выставить въ поле не болѣе 500 вооруженныхъ людей, но которая, тѣмъ менѣе, господствуетъ въ области въ нѣсколько тысячъ кв. миль. Самый большій отдѣлъ его составляютъ ураги: во времена Барта, у нихъ было около 150 главъ семьи. Часть ихъ живетъ на сѣверномъ берегу и на островахъ Нигера, а другая вѣтвь осѣла близъ Гата. Гораздо бѣднѣе и незначительнѣе второй отдѣлъ — имананги, члены



Женскія сандаліи изъ Кано. (Берлинскій музей Народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 517, 528 и 558.

котораго и теперь еще называются царскими, хотя они опустились до крайней бѣдности. Даже и народная пѣсня не забыла красоты ихъ женщинъ, которая воспѣвается такъ же охотно, какъ богатство Туниса, мудрость суковъ и кони Туата. Два послѣдніе отдѣла, ифоги (ифога) и хаданары (хаданара), разсѣяны по всей пустынѣ и отчуждены отъ совокупности настоящихъ азгаровъ. Ифоги, по большей части, селились среди келовіевъ, а хаданары занимали мѣста среди имрадовъ и сдѣлались бродячими искателями наживы. Эти имрады представляютъ служащій классъ азгаровъ, которые живутъ на ихъ счетъ, между тѣмъ, какъ первые могли-бы выставить вдесятеро больше боевыхъ силъ; ихъ взаимное положеніе приблизительно то же, какъ спартанцевъ и илотовъ, но разстояніе это уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ господа сдѣлались осѣдлыми, смѣнили кожаную палатку тростниковой хижиной и, вслѣдствіе того, утратили перевѣсъ, какой кочевничество доставляетъ господствующей расѣ. Кромѣ работы этихъ подчиненныхъ имъ людей, азгары живутъ еще данью, взимаемою ими съ карановъ, которая, вслѣдствіе значенія Гата, какъ одного изъ самыхъ большихъ рынковъ западной Сахары, является довольно значительнымъ источникомъ дохода.

Нынѣшніе обитатели Аира, или Асбена, „альпійской страны Сахары“, обнаруживаютъ примѣсь негрской крови, вмѣстѣ съ заимствованіемъ множества словъ гауссовъ, вслѣдствіе чего область языка послѣднихъ именно здѣсь далеко вдается въ пустыню. Съ другой стороны, ни у одного изъ остальныхъ племенъ туареговъ не сохранилось столько остатковъ болѣе древней, чистой эпохи. Будущія изслѣдованія прежде всего здѣсь будутъ искать матеріалъ для изученія исторіи народовъ Сахары. Страна эта

переполнена остатками каменнаго вѣка, древними необитаемыми каменными постройками и многочисленными надписями на скалахъ. У келовіевъ Арджижо можно видѣть „настоящихъ бѣлыхъ“ женщинъ. По берберскому обычаю, нѣкоторые келовіи такъ связываютъ волосы, что по бокамъ у нихъ ниспадаютъ двѣ пряди. Эти народы и теперь еще строятъ курганы съ каменными кругами изъ вертикально стоящихъ плитъ. Загадочные дома, построенные изъ галекъ и глины, по незначительной величинѣ которыхъ ихъ можно было принять за курганы, Бари находилъ близъ Арджижо обитаемыми. Этотъ пограничный народъ представляетъ замѣчательную вѣтвь туареговъ, которая, съ одной стороны, принадлежитъ древней берберской эпохѣ, а съ другой — матеріально высококультурному негрскому элементу гауссовъ, живущихъ на Нигерѣ.

---

10. Суданъ и суданскіе народы.

„Народныя движенія центральной Африки имѣютъ свою исторію, и только тогда, когда они войдутъ въ общую картину исторіи человѣчества, эта послѣдняя будетъ близка къ своему завершенію.“ Бартъ.

Содержаніе: Особый міръ центральнаго Судана. Страна и климатъ. Озеро Чадъ. Саванна. — Переходъ къ пустынѣ. Животный міръ. — Негры. — Негрообразныя черты подъ лоскомъ ислама. — Свѣтлые завоевательные народы. — Борну и кануріи. — Болѣе мелкія туземныя племена. — Багирми. — Мабы и тюнджуры Вадаи. — Форы и тюнджуры въ Дарфурѣ. — Тамы.

Лишь отдаленный откликъ волнующихъ міръ событій, неустанной работы и чудесныхъ результатовъ ея проникаетъ во внутренній Суданъ. Но этотъ новый міръ надвигается уже сюда отъ Нигера и Конго. До настоящаго времени, даже послѣ пребыванія цѣлаго ряда отважныхъ и образованныхъ европейцевъ въ Борну, Багирми и Вадаи, отъ Ліона до Нахтигаля, сообщившихъ много поучительнаго, суданцы изъ всѣхъ державъ средиземноморскаго-атлантическаго историческаго круга имѣли понятіе только о Турціи, такъ какъ эта послѣдняя, въ Мурзукѣ и Куфрѣ, находится на пути между Суданомъ и сѣверно-африканскимъ берегомъ. Но и при этой связи центральный Суданъ остается обособленнымъ въ политическомъ и культурномъ отношеніи физической пустыней на сѣверѣ и политическомъ на югѣ отъ остальной Африки, отъ западныхъ и восточныхъ державъ — страхомъ и подозрительностью. Несмотря на всѣ случайно и насильственно возникавшія сношенія, Борну, Багирми и Вадаи составляютъ своеобразный, небольшой африканско-магометанскій міръ, отдѣльныя области котораго выказываютъ извѣстную сумму чертъ сходства или подобія на основахъ одинаковаго развитія.

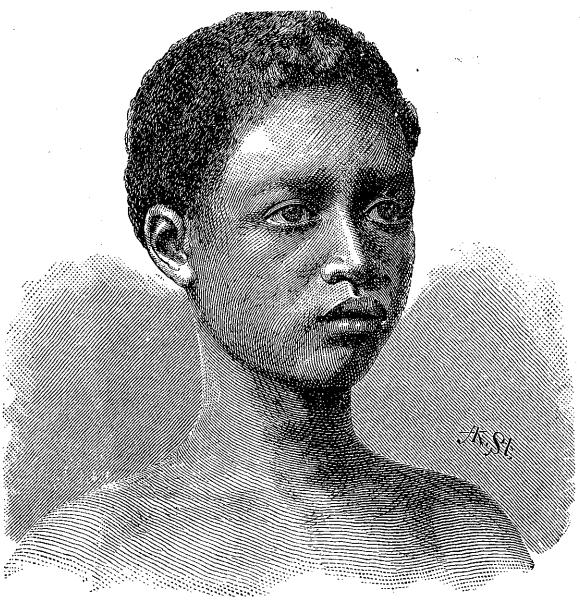
На южномъ краѣ великой пустыни тянется рядъ возвышенныхъ и низменныхъ областей, отъ Атлантическаго берега, между экваторомъ и 20° с. ш., до Краснаго моря. Наименованіе Суданъ[1] охватываетъ все разнообразіе средне-африканскихъ областей въ указанномъ поясѣ. Границу его съ Сахарой можно установить только съ климатической и растительно-географической точки зрѣнія. Время дождей здѣсь также суживается болѣе продолжительными и болѣе рѣзко выраженными періодами засухъ. Хотя внезапно выпадающіе дожди въ странѣ Нигера и въ области Чада напол-

---

[1] Слово Суданъ производится отъ арабскаго assud, черный, и относится къ темному цвѣту обитателей. Въ настоящее время арабы къ югу отъ Сахары обыкновенно примѣняютъ его лишь къ странамъ Нигера, за исключеніемъ Тимбукту, между тѣмъ, какъ въ Египтѣ даже Нубія входитъ въ понятіе Судана („Египетскій Суданъ“).

няютъ многія высохшія рѣчныя ложа огромными количествами воды, и озерныя и болотныя низины быстро покрываются водою, угрожающею жизни людей, но многія озера скоро опять высыхаютъ, какъ только съ сухого сѣверо-востока доносятся ясный воздухъ и засуха.

Эта обширная область заключаетъ только три большія и постоянно текущія рѣки, опредѣляющія характеръ цѣлыхъ областей, — Нигеръ, Бенуэ и Шари. Между тѣмъ, какъ Нигеръ своей обращенной къ сѣверу дугою орошаетъ южный край пустыни, Бенуэ идетъ съ богатаго дождями юга. Первый своимъ длиннымъ теченіемъ, при маломъ количествѣ притоковъ, заслужилъ названіе „великой рѣки“ — Джолибы (у мандинговъ) и Гоубби (у гауссовъ). Среди притоковъ озера Чадъ, многоводенъ только текущій съ юга Шари, а всѣ болѣе мелкіе притоки этого озера въ сухое время превращаются въ лужи. Точно такъ же поверхность озера Чадъ — далеко не открытая водная поверхность; около одной трети ея занято архипелагомъ острововъ, и на западѣ тянутся болотистые берега, поросшіе тростникомъ, далеко внутрь озера, напоминающаго собою неглубоко затопленную мѣстность, съ постояннымъ содержаніемъ воды лишь въ среднемъ пространствѣ. Тотъ, кто захотѣлъ бы получить свѣдѣнія о какомъ либо изъ острововъ, услышитъ не объ ихъ положеніи на озерѣ, а о множествѣ водяныхъ рукавовъ, которые надо проѣхать, чтобы достичь до нихъ. Уровень воды необычайно измѣнчивъ, и озеро, принимая само измѣнчивую форму, принуждаетъ окрестныхъ жителей вести образъ жизни амфибій: сегодня они выселяются, такъ какъ озеро отняло у нихъ почву изъ подъ ногъ, а завтра останавливаются на дышащей лихорадками новой землѣ, которую озеро, отступая, покрыло плодороднымъ иломъ.



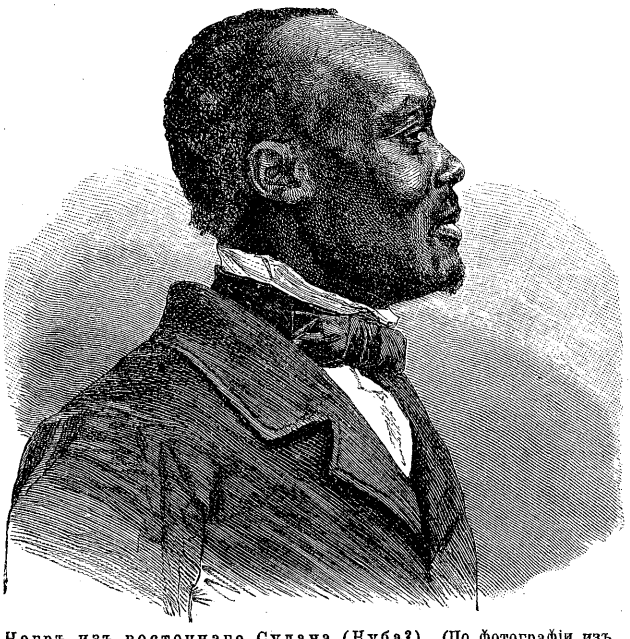
Негръ (мулатъ?) изъ Багирми. (По фотографіи.)

Въ безчисленныхъ впадинахъ этихъ странъ собирающаяся въ нихъ и испаряющаяся вода образовала залежи соли. Это богатство солью составляетъ одинъ изъ источниковъ благосостоянія странъ Судана. Знаменитая прибыльность разведенія финиковъ зависитъ отъ него, и роскошные луга, которые оно превращаетъ въ любимыя мѣста сборищъ богатыхъ стадами номадовъ, развиваются, благодаря ему. О богатомъ человѣкѣ въ Суданѣ говорятъ: онъ можетъ до-сыта наѣсться солью. Значительныя скопленія населенія, большіе пути сообщенія зависятъ только отъ соли; она придаетъ извѣстнымъ народамъ значеніе, на какое они при другихъ условіяхъ не могли бы имѣть притязанія.

Плотная трава покрываетъ страну, начиная отъ скудныхъ пучковъ травы Сахарской переходной области, до высокихъ травъ Сенегамбіи или Сеннаара, изъ необозримыхъ полянъ которыхъ даже жирафы могутъ выставить лишь часть своей шеи. Въ Кордофанѣ болѣе мелкія травы ростутъ такъ плотно, что можно подумать, будто видишь передъ собою „необозримое, густо засѣянное хлѣбное поле“. Баобабъ, акація и другія деревья съ

зонтикообразной вершиной, по мѣрѣ движенія къ югу, попадаются все чаще и чаще. Для прибывающаго изъ пустыни кажется что-то поражающее въ изобиліи, примыкающемъ такъ тѣсно къ полной скудости; въ стремленіи дѣтей пустыни въ Суданъ заключается такая же притягательная сила богатства природы, какъ и въ стремленіи варваровъ въ прекрасную Италію. Къ такимъ контрастамъ даже и сынъ степей не остается равнодушенъ, что̀ объясняется, быть можетъ, осязательнымъ богатствомъ этого заманчиваго зеленаго царства.

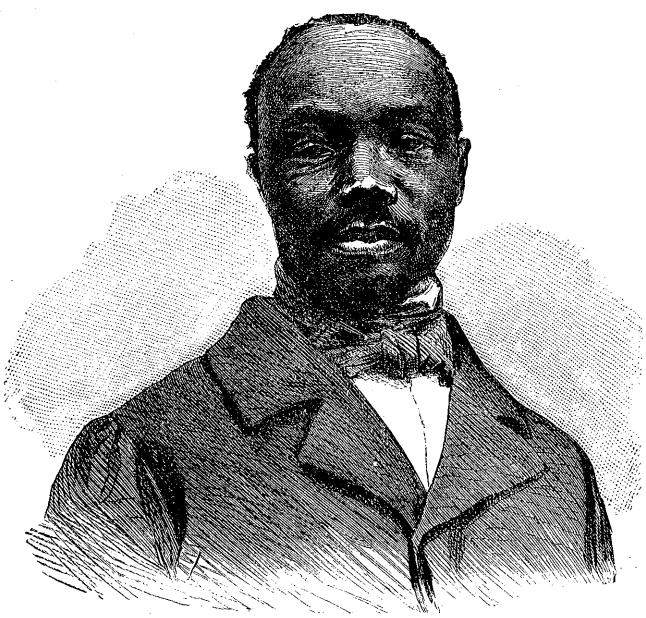
На востокѣ лежитъ болѣе широкій переходный поясъ между пустыней и богато орошаемой дождями земледѣльческой страной. Суданъ съ своими пастухами и стадами не такъ внезапно выступаетъ здѣсь, какъ на западѣ и въ средней части, гдѣ негръ-земледѣлецъ переходитъ даже за южную границу Судана, но сами негры переняли здѣсь пастушескую жизнь и развили типъ баггаровъ, т. е. пастуховъ рогатаго скота; поэтому суданскія условія мы находимъ до экватора и далѣе (ср. выше, гл. 2, 8 и 9). Тѣмъ рѣзче выдѣляется граница между пастухами верблюдовъ и рогатаго скота, съ одной стороны, арабами, а съ другой — нубійцами и неграми; ее можно провести приблизительно до 13° с. ш. Слоны до сихъ поръ еще не сдѣлались необычными составными частями суданскаго ландшафта. На озерѣ Чадъ и въ прилегающихъ къ нему водахъ кишатъ стаями бегемоты и еще болѣе крокодилы. Большія хищныя животныя попадаются всего чаще въ мало населенныхъ пограничныхъ областяхъ, между пустыней и Суданомъ.



Негръ изъ восточнаго Судана (Нуба?). (По фотографіи изъ коллекціи д-ра Прунеръ Бея.) Ср. текстъ, стр. 524.

Населеніе Судана можетъ быть раздѣлено, внѣ всякаго сомнѣнія, на туземцевъ и переселенцевъ. Мы знаемъ исторію странъ Судана лучше, чѣмъ другихъ частей Африки, и даже то время, когда онъ получилъ вліятельную, арабскую часть своего населенія, а также хронологію передвиженія господствующихъ въ западномъ Суданѣ фулаховъ къ югу и востоку. Но это раздѣленіе мы не должны представлять себѣ вполнѣ простымъ. Переселенія, о которыхъ мы случайно узнали, не были единственными. Въ общемъ введеніи (т. I, стр. 27, а также стр. 703), мы пытались показать, какимъ образомъ природа въ странствованіяхъ народовъ Африки предназначила Судану важную роль, какъ пограничной полосѣ между самыми обширными убѣжищами кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ. Въ Суданѣ лежитъ широкій поясъ соприкосновенія двухъ наибольшихъ африканскихъ этническихъ группъ — хамито-семитической и негроидной, и большіе, ясно выступающіе здѣсь процессы смѣшенія служатъ для объясненія подобныхъ же, лишь менѣе отчетливыхъ процессовъ въ остальной Африкѣ. Поэтому

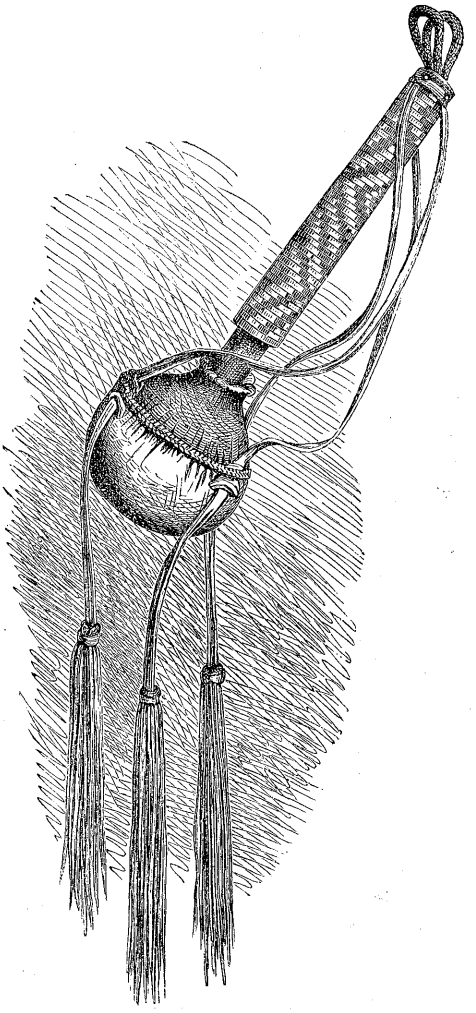
и здѣсь мы не представляемъ себѣ прежде всего мандинговъ, первичный народъ мандаровъ, гауссовъ, форовъ, нубовъ и пр., съ прочной осѣдлостью, противоположно фулахамъ и арабамъ, а, наряду съ несомнѣнными пришельцами, признаемъ только сомнительно осѣдлыхъ, но не коренныхъ жителей. Суданъ былъ издавна одной изъ самыхъ открытыхъ странъ земли, и поэтому мы должны ожидать, что здѣсь осаживались многіе народы. Сказанія въ западномъ Суданѣ приписываютъ крупнымъ народамъ восточное происхожденіе, тогда какъ въ среднемъ они чаще указываютъ на сѣверъ. Исторія значительнаго народа, каковы іорубы, подтверждаетъ происхожденіе или, по крайней мѣрѣ, стимулы съ востока. Фактически всѣ сношенія между восточными негрскими областями и Египтомъ уже съ XI в. по Р. Х. происходили черезъ Ауджилу. Какъ глубоко, еще задолго до арабскаго вторженія, могли дѣйствовать на народности Судана вліянія сѣвера и востока! Даже и въ настоящее время культура господствующей расы является высшей далеко не во всемъ Суданѣ; ее во многомъ превосходятъ остатки туземной культуры тамъ, гдѣ они могли сохраниться самостоятельно. Уже область Борну, заключающая болѣе дюжины языковъ, производитъ впечатлѣніе смѣшенія или развалинъ народовъ. Въ такой небольшой странѣ, какъ Логонъ, обиліе языковъ заходитъ такъ далеко, что, хотя народный языкъ логонцевъ близко родственъ мусгу, Денгемъ такъ часто слышалъ языкъ багримма, что онъ счелъ его языкомъ обитателей Логона; Г. Бартъ объяснялся съ правителемъ страны на языкѣ канури. Наконецъ, осѣдлые арабы также вносятъ свой языкъ въ обращеніе и въ народную рѣчь.



Негръ изъ восточнаго Судана (Нуба?). (По фотографіи изъ коллекціи д-ра Прунеръ Бея.)

Итакъ, мы находимъ здѣсь представителей кавказскаго и негроиднаго физическаго типа на одной и той же почвѣ. Въ языческихъ племенахъ Дарфура, Багирми и Гауссы передъ нами выступаютъ представители негроиднаго типа (см. рис., стр. 523 и выше), а въ лучшихъ экземплярахъ „красныхъ“ фулаховъ и арабовъ — кавказскаго. Однако, тѣ и другіе малочисленны въ сравненіи съ тою мулато-образною, смѣшанною народною массою, съ преобладаніемъ негро-подобнаго типа, какая лежитъ между ними. Типомъ этого смѣшенія мы вполнѣ можемъ признать преобладающее населеніе Борну (которое Рольфсъ всего лучше характеризуетъ словами: „физическое строеніе ихъ занимаетъ приблизительно середину между полными пластическими формами негровъ Гауссы и жилистой худощавостью тиббусовъ“). Ужъ это населеніе не называется настоящими неграми. Бартъ, въ свою очередь, отличаетъ отъ борнуанцевъ, съ широкими, безобразными лицами, живущее сѣвернѣе населеніе Канема, какъ разновидность болѣе пріятныхъ, правильныхъ, стройныхъ формъ. Но всѣмъ имъ одинаково

свойственны курчавые волосы, темная кожа и мясистые носы съ широкимъ отверстіемъ. Когда Ричардсонъ въ Синдерѣ нашелъ болѣе привлекательныя физіономіи, болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи, онъ думалъ о берберской примѣси. Сознательно или безсознательно, всѣ, не исключая и Нахтигаля, видятъ въ смѣшеніи объясненіе этого сочетанія противорѣчивыхъ элементовъ. Шагъ отъ арабскихъ мулатовъ къ неграмъ на югѣ Багирми вовсе не такъ великъ, такъ же, какъ не замѣчается какой-либо непреодолимой пропасти между лѣнивыми и боязливыми борнуанцами и несчастными жертвами ихъ работорговли. Рольфсъ нашелъ жителей Багирми еще темнѣе по цвѣту, чѣмъ разсѣянныхъ негровъ племени Боло въ царствѣ Баучи. Языческія племена, доставляющія бо́льшую часть рабовъ для Багирми, цѣльнѣе чѣмъ эти помѣси. Сравненіе между ними и ихъ врагами часто оказывалось въ ихъ пользу. Недостатокъ дружнаго сопротивленія противъ общаго врага, преслѣдованіямъ котораго они подвергались въ теченіе столѣтій, — чисто негрскій и заключается въ политическихъ учрежденіяхъ всѣхъ негрскихъ странъ. Потерпѣвшій тамъ долженъ самъ заботиться о возстановленіи своего права. Когда необходима клятва, она дается надъ листьями акаціи (Acacia albida) и считается столь же священной, какъ магометанская клятва на коранѣ.



Сосудъ съ сурьмой изъ Бидды, украшенный кожей. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 559.

Татуировка употребительна не у всѣхъ этихъ племенъ. Надрѣзы то идутъ по три отъ виска длиною отъ 5 см. къ щекѣ, то окружаютъ короткими рубцами съ маленькими промежутками всю нижнюю часть лба отъ одного виска до другого, то одинъ широкій рубецъ проходитъ отъ границы волосъ до корня носа посрединѣ лба, или тотъ же рубецъ, какъ у форовъ, перерѣзываетъ щеки. Габеріи и сонрхаи удаляютъ по одному рѣзцу сверху и снизу, а сары — по два. Просверливаніе губъ здѣсь не встрѣчается. Украшенія носятъ въ крыльяхъ носа, но не въ носовой перегородкѣ. Насколько настоящій негрскій элементъ нерѣдко ясно выступаетъ въ магометанскихъ государствахъ, можетъ показать разсказъ Барта о томъ, какъ на рѣкѣ Логонѣ къ нему подошелъ старикъ и строго приказалъ тотчасъ же удалиться. „Это нѣсколько удивило меня, но мой спутникъ сообщилъ мнѣ, что передо мной „Маралега“, царь водъ, которому принадлежитъ неограниченная власть надъ всей рѣкой.“ Подобное тому могло произойти именно въ Угандѣ или на Замбези, такъ какъ негры признаютъ тамъ повсюду рѣчныхъ или морскихъ царей. Исламъ покрылъ только нѣкоторымъ лоскомъ негрскій народный духъ суданцевъ, но главныя черты прежней вѣры въ фетишей еще не исчезли. И борнуанцы помнятъ, что они прежде

почитали лѣсного и водяного бѣса. Рольфсъ говоритъ, что боги у нихъ не имѣютъ собственныхъ именъ: Ремáнде, слово, которымъ они обозначаютъ Аллаха, значитъ у нихъ только господинъ, въ гражданскомъ смыслѣ. Религіозные праздники магометанъ они связали съ событіями природы, важными для всѣхъ негровъ, каковы полнолуніе, наступленіе времени дождей и пр. Арабскихъ молитвъ они не понимаютъ. Форы, которымъ трудно связать своего негрскаго бога Молу съ Аллахомъ новой вѣры, смѣшиваютъ послѣдняго съ меккскимъ шерифомъ.

Исторія Борну, до нѣкоторой степени извѣстная намъ, ясно указываетъ происхожденіе господствующаго государство-образовательнаго народа съ сѣвера, связь его съ племенами пустыни. Къ какому племени принадлежали основатели царской власти въ Канемѣ, откуда впослѣдствіи произошло Борну? Мы имѣемъ указаніе Льва Африканскаго, согласно которому цари Борну происходятъ отъ ливійскаго племени Бардоа. Это замѣчаніе получаетъ ближайшее разъясненіе отъ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ болѣе древнихъ извѣстій. Въ хроникѣ, которой пользовался Бартъ, находится указаніе, что до короля Сельмы, царствовавшаго въ 581 г. Геджры, всѣ короли, подобно арабамъ, имѣли красный цвѣтъ кожи, а Сельма былъ первымъ чернымъ королемъ. Ибнъ Батута сообщаетъ, что эти короли прикрывали лицо платкомъ и что никогда нельзя было видѣть ихъ рта, въ чемъ мы видимъ извѣстный обычай тиббусовъ. Образъ правленія и обычай — въ имени придавать большее значеніе племени матери — напоминаютъ берберовъ. Но языкъ еще неопровержимѣе свидѣтельствуетъ о племенной связи основателей государствъ на сѣверномъ и западномъ берегу озера Чадъ съ племенами пустыни къ сѣверу оттуда.

Настоящее содержаніе исторіи Борну состоитъ въ слѣдующемъ: прежде всего не совсѣмъ темное происхожденіе изъ южныхъ областей Сахары, Бердоа, Борку и другихъ мѣстообитаній тиббусовъ, и осѣдлость въ Канемѣ. Выступающій при этомъ сынъ гиміаритскаго царя можетъ быть воспоминаніемъ объ участіи какой-либо отдѣлившейся группы арабовъ въ основаніи Канемскаго царства. Первое распространеніе новой власти на оазисы тиббусовъ показываетъ достаточно ясно, что связь между переселенцами и ихъ прежнимъ мѣстообитаніемъ тогда еще продолжала существовать. Затѣмъ, благодаря толчку, данному исламомъ въ началѣ XII в., слѣдуетъ широкое распространеніе власти Борну надъ Феццаномъ и тѣсное соприкосновеніе съ Египтомъ и Триполи. Мы отмѣтимъ здѣсь только нашествіе фулаховъ въ началѣ столѣтія и избавленіе отъ нихъ, благодаря арабскому факиру, Магомету эль Аминъ эль Канеми, основателю нынѣ царствующей династіи. Типичныя черты этой исторіи повторяются и въ другихъ странахъ, съ тою разницей, что, вмѣсто тиббусовъ, выступаетъ какой-либо иной политическій ферментъ. Сила арабскаго элемента, повидимому, возрастаетъ къ востоку: она значительна въ Вадаи и всего значительнѣе въ Дарфурѣ. Исторія Дарфура есть исторія вліянія арабовъ на форовъ. Важнѣйшія составныя части населенія Дарфура — тюнджуры и зогавы. Тюнджуры, по ихъ словамъ, происходятъ отъ древне-арабскаго племени Бени-Хилалъ; зогавы — кочевой народъ, близко родственный обитателямъ Эннеди. Всего ближе къ арабскому элементу чувствуютъ себя джеллабы, происходящіе изъ самыхъ различныхъ частей Нильской области, отъ верхняго Египта до Сеннаара, которые первоначально прибывали въ эту страну въ качествѣ странствующихъ торговцевъ и въ отдѣльныхъ мѣстахъ селились въ большомъ числѣ. Изъ всѣхъ чужеземцевъ ихъ ненавидятъ всего болѣе; имя ихъ считается браннымъ словомъ.

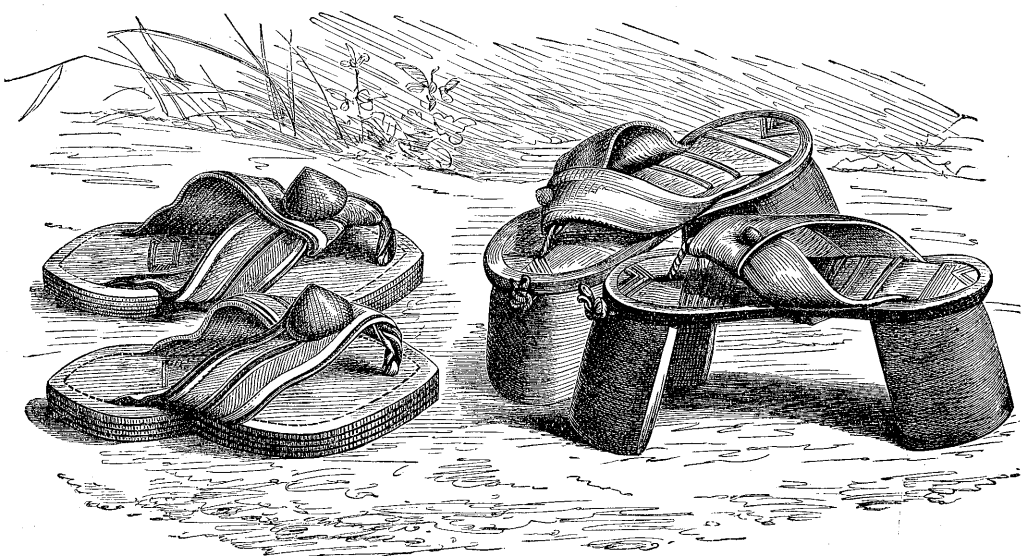
Всѣ суданскія государства арабизированы. Это проявляется съ внѣшней стороны въ арабскомъ придворномъ и государственномъ языкѣ, а съ внутренней — въ общемъ распространеніи и поднимающемся до фанатизма почитаніи ислама. Во всѣхъ этихъ странахъ язычникъ считается вра-

гомъ. Арабскій элементъ не исчезъ въ кровавой работѣ распространенія своей вѣры и вліянія, благодаря которому многія изъ его племенъ оказывались на краю гибели. Онъ обновился, размножился и проникалъ все далѣе и далѣе.

Арабы Канема, принадлежащіе къ племени Ауладъ Солиманъ, которое еще въ 30-хъ годахъ кочевало между Сиртомъ и оазисами Феццана, затѣмъ господствовало надъ Феццаномъ, покорило Борку и, наконецъ, осѣло на сѣверномъ берегу Чада, — самые позднѣйшіе, внушительные и значительные представители этихъ движеній. Когда они покорили Феццанъ, они едва могли насчитать въ своей средѣ тысячу всадниковъ, и съ половиною ихъ, преслѣдуемые и побиваемые турками, они вступили въ Канемъ. На пространствѣ, площадь котораго приблизительно равняется Германіи, между озеромъ Чадъ и Тибести, между дорогами въ Борну и Вадаи, они отвоевали себѣ мѣста обитанія и на пространствѣ еще большемъ грабили собственниковъ всякаго рода. Черезъ короткое время здѣсь произошелъ извѣстный процессъ, въ силу котораго народы этой области оказались бѣднѣе, въ особенности количествомъ необходимыхъ верблюдовъ, а пришельцы — въ той же мѣрѣ богаче ихъ. Въ немногіе годы, какъ разсказываютъ, они похитили до 50 тыс. верблюдовъ. Отъ почти полнаго уничтоженія туарегами ихъ спасъ союзъ съ Борну, который хотѣлъ ими воспользоваться, какъ пограничной стражей отъ Вадаи. Они еще разъ испытали пораженіе, когда выступили союзниками одного претендента на вадайскій престолъ, но Нахтигаль видѣлъ, что ихъ такъ же боятся и ненавидятъ, какъ прежде, что они такъ же грабятъ и опустошаютъ обширныя области и что даже въ самомъ Борну они внушаютъ страхъ. Ихъ главной квартирой была богатая водой и кормомъ Биръ-эль-Барга въ сѣверо-восточномъ Канемѣ. Съ того времени Вадаи, съ помощью ауладъ-солимановъ, покорилъ Канемъ, и миссіонеры сенусіевъ вполнѣ ввели арабовъ въ кругъ правовѣрныхъ.

Способъ, какимъ эти завоеватели подвигаются впередъ въ негрскихъ странахъ, вполнѣ объясняетъ смѣшеніе, быстро совершающееся вмѣстѣ съ завоеваніемъ, а иногда даже предшествующее ему (ср. ниже, стр. 530). Охота за рабами и торговля ими представляютъ прочныя учрежденія этихъ странъ. Когда Офервегъ въ воодушевленной рѣчи убѣждалъ шейха Борну уничтожить работорговлю, послѣдній хладнокровно отвѣтилъ ему, что онъ не можетъ получить огнестрѣльнаго оружія иначе, какъ въ обмѣнъ на рабовъ, и поэтому такая торговля необходима. Лишь послѣ того, какъ какой-либо негрскій округъ станетъ безлюднымъ вслѣдствіе охоты за рабами, является настоящее покореніе, медленное политическое и этническое перевариваніе. Относительно области Булы на Бенуэ, которая въ настоящее время находится въ болѣе поздней стадіи, Флегель говоритъ: „Въ булахъ и бассамахъ я вижу послѣдніе свободные остатки народностей, которымъ до нашествія фулаховъ принадлежали всѣ плодородныя мѣстности по берегамъ Бенуэ. Ихъ нѣкогда обширная область перешла во владѣніе фулаховъ, и они сами ограничиваются этой болотистой низменностью; правда, они еще свободны, сильны и, благодаря своей значительной численности и единенію въ ненависти противъ общаго врага, способны защищаться отъ него, но, какъ дичь на облавѣ, окружены отовсюду нападающими на нихъ.“ На востокѣ и западѣ между тѣми и другими лежитъ нѣчто вродѣ нейтральной страны, а также, вѣроятно, и на югѣ, въ сторону Кончи; эта страна, вполнѣ невоздѣланная и необитаемая, представляетъ поразительный контрастъ съ ихъ страною и съ областями фулаховъ, и они не смѣютъ выйти за предѣлы ея. Народъ завоевателей, какъ полипъ, протягиваетъ во всѣ стороны многочисленныя щупальца между ошеломленными туземцами, отсутствіе единенія у которыхъ открываетъ множество мѣстъ, куда можетъ проникнуть врагъ. Такъ фулахи медленно вливаются въ страны Бенуэ и постепенно захватываютъ ихъ. По-

этому новѣйшіе наблюдатели справедливо избѣгаютъ указанія опредѣленныхъ границъ. Существуетъ много разсѣянныхъ фулахскихъ мѣстностей, въ которыхъ опредѣленное мѣсто считается средоточіемъ и даже центромъ власти. Такъ, Мури — передовое и главное мѣстечко многочисленныхъ фулахскихъ поселеній, разсѣянныхъ на среднемъ Бенуэ, и таково же положеніе Іолы въ области Адамауи. Настоящихъ царствъ, съ прочными границами между собою и независимыми племенами, тамъ еще до сихъ поръ не существуетъ. Даже эти главныя мѣстечки далеко еще не могутъ быть названы прочными. Здѣсь всегда приходится повторять глубоко основательное предостереженіе, какимъ Бартъ начинаетъ разсмотрѣніе „націи Гауссы“: „Если я могу позволить себѣ выраженіе „нація“ для невыработанныхъ народныхъ отношеній, каковы отношенія внутренней Африки...“ То же отношеніе господствуетъ далѣе на востокѣ, съ тою разницею, что здѣсь высту-

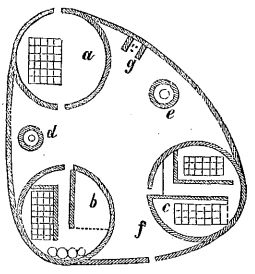


Сандаліи и башмаки съ подставками изъ Западнаго Судана (мандинговъ?). (Британскій музей и коллекція Church Missionary Society.) См. рис. стр., 517 и 558.

паетъ болѣе сильная власть, дѣйствующая съ бо̀льшею сосредоточенностью. Послушаемъ, какую картину положенія небольшого народа мусгусовъ среди этихъ суданскихъ народныхъ волнъ набрасываетъ Бартъ: „На сѣверѣ мало энергичные, но страшные своей многочисленной конницей и преимуществами пороха и свинца кануріи, на западѣ и юго-западѣ — безпокойные, безпрерывно подвигающіеся впередъ фулахи, на сѣверо-востокѣ — родственные, но враждебные, вслѣдствіе различія религіи, логонцы, на востокѣ — дикіе багриммы, преслѣдующіе ихъ въ фанатизмѣ мнимаго ислама и ради алчности въ добываніи рабовъ; ежегодно на нихъ нападаютъ со всѣхъ сторонъ и похищаютъ сотни, даже тысячи ихъ соотечественниковъ, наиболѣе способныхъ къ размноженію, — при этомъ для такого несчастнаго племени въ будущемъ не предстоитъ ничего, кромѣ уничтоженія.“

Вытекающій отсюда, какъ необходимость, смѣшанный характеръ суданскаго населенія отражается не менѣе того въ замѣчательномъ перемѣщеніи ихъ культурныхъ состояній. Припомнимъ только совпадающія отчасти съ исламомъ и язычествомъ различія одежды и жилищъ. Повсюду, куда проникла культура, одеждою суданскаго населенія является арабско-маврская, съ немногими измѣненіями; основу ея составляютъ складчатыя, широкія шаровары, на которыя иногда идетъ до 20 метр. бумажной матеріи, въ $^1/_2$ метр. шириною, и просторное тобе. Пышность, роскошь обнаружи-

ваются не въ большемъ разнообразіи надѣваемыхъ одеждъ, а въ мало остроумномъ обычаѣ — надѣвать на себя нѣсколько тобе, одно на другое, пока обременительность и некрасивость этой сложной одежды не положитъ этому предѣлъ. Въ основѣ своей, тобе — не что иное, какъ широкая рубашка, съ особенно широкими рукавами, сшитая обыкновенно изъ узкихъ, не шире ладони, полосъ бумажной ткани, дальше которой не идетъ ткацкое искусство Судана. Вышивка грудного кармана и ворота служитъ украшеніемъ этого платья, простого по цвѣту, бѣлаго или индиго-синяго, свѣтло-голубого и темно-синяго. Украшенія бываютъ обыкновенно бѣлаго цвѣта. Въ западномъ Суданѣ, гдѣ красильное искусство стоитъ выше, чѣмъ въ Борну, замѣчается большое разнообразіе цвѣтовъ; наиболѣе цѣнимыя тобе привозятся изъ Нупе и Кано, каково, напр. тобе, составляющее одежду знатныхъ лицъ, изображенное на рис., стр. 516, а также сильно пропитанныя индиго темно-синія, разглаженныя между валами, твердыя и блестящія тобе кororобжи. Цѣны между бумажными и шелковыми тобе колеблются отъ $2^1/_2$ до 50 талеровъ Маріи Терезіи. Особеннымъ богатствомъ работы и украшеній отличаются небольшія, вышитыя шелкомъ рубашки богатыхъ женщинъ. Но элементами женской одежды всѣхъ сословій являются шаль, обернутая вокругъ бедръ, и накидка, прикрывающая верхнюю часть тѣла. Для обѣихъ примѣняется блестящая, крѣпко прокатанная матерія тобе кororобжи; женскія рубашки дѣлаются также изъ голубой матеріи. Для обуви (см. рис., стр. 520 и 528) служатъ у богатыхъ башмаки мавританскаго образца изъ красной или желтой козловой кожи, которые еще украшаются шелковыми вышивками. Бѣдные ходятъ босикомъ или носятъ простыя сандаліи изъ буйволовой кожи; серебряныя кольца для рукъ и лодыжекъ, ожерелья изъ настоящаго и фальшиваго жемчуга, янтаря и агата, серебряныя кольца, съ вдѣланными въ нихъ жемчужинами или благородными кораллами, въ одномъ изъ крыльевъ носа, составляютъ самые обычные предметы украшенія. Мужчины ходятъ обыкновенно съ непокрытой головой; только у канембовъ есть тюрбанообразное головное прикрытіе. Природа негровъ позволяетъ имъ подвергать безнаказанно гладко выбритый черепъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣйствію солнечныхъ лучей. Женщины кануріевъ носятъ волосы, располагая ихъ различнымъ образомъ въ видѣ небольшихъ, прилегающихъ другъ къ другу растрепанныхъ на концахъ косичекъ, причемъ лобъ и виски высоко выбриваются. Такова же прическа и женщинъ канембовъ. У женъ состоятельныхъ людей украшеніе волосъ завершается серебряной пластинкой въ видѣ полумѣсяца.

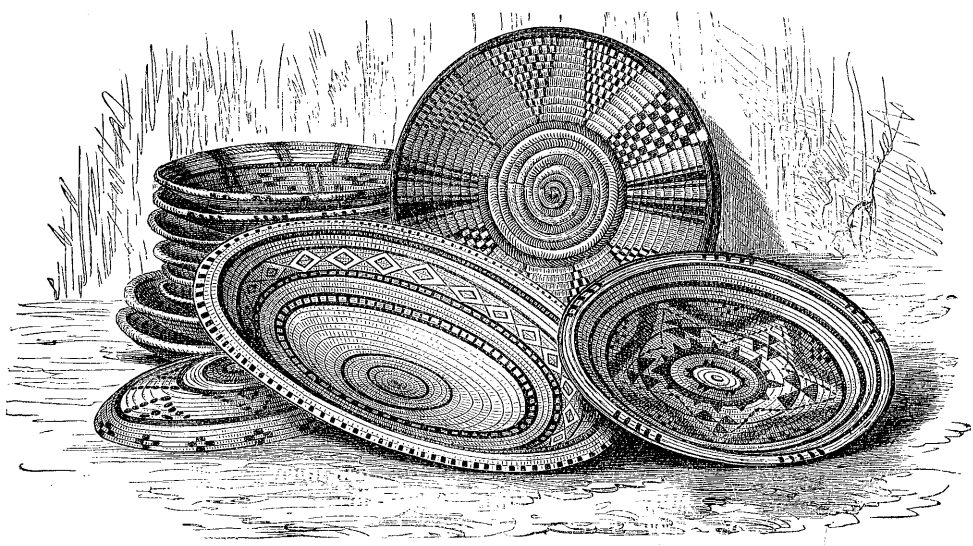


Планъ группы хижинъ въ деревнѣ Шарау (Адамауа): a) входная хижина, b) жилая хижина, c) хижина жены, d) водяная урна, e) хлѣбная урна, f) задняя дверь, g) мѣсто для очага. (По Барту.) Ср. текстъ, стр. 559.

Ульеобразныя хижины въ Дарфурѣ всего далѣе проникаютъ на сѣверъ, но въ общемъ здѣсь преобладаетъ постройка изъ глины и камня. Постройки возводятся не выше того, насколько это возможно безъ остова. Въ расположеніи городовъ Судана и ихъ постройкѣ, при всей широтѣ распространенія, заключается больше африканскаго, чѣмъ арабско-мавританскаго. Здѣсь такъ мало монументальнаго, что, приближаясь по торной дорогѣ съ сѣвера, мы видѣли вершины деревьевъ, возвѣщающихъ о рощѣ съ тѣнистыми деревьями, и подъ ними тянутся глиняные дома Куки, башенъ или дворцовъ которой совершенно не видно. Сѣрыя глиняныя стѣны обоихъ недавно разрушенныхъ махдистами городовъ Куки, королевскаго и общаго для всѣхъ, между которыми проходитъ широкое, по большей части, пустое пространство, едва можно отличить отъ земли; Нахтигаль называетъ впечатлѣніе, которое издали производитъ Кука, мертвымъ и однообразнымъ

выше всякаго описанія. Абеше, столица Вадаи, насчитывающая 10—15 тыс. жителей, расположенная въ широкой долинѣ, на отлогой возвышенности, кажется привлекательнѣе на взглядъ, но внутреннее расположеніе ея крайне безпорядочно. Въ этихъ городахъ нѣтъ настоящей сѣти улицъ; тропинки, кривыя и угловатыя, идутъ между хижинами, и самое большее, если извилистая улица приводитъ къ дому короля, передъ которымъ она расширяется въ открытую площадь.

Арабское вліяніе, ощущающееся въ значительной степени въ одеждѣ и во всѣхъ важнѣйшихъ видахъ промышленности, служащихъ ей, оставило быть можетъ, наименѣе глубокіе слѣды въ земледѣліи, которое, въ сущности, осталось негрскимъ. Хотя хлопокъ, индиго и другія хозяйственныя растенія носятъ арабское названіе, но это не говоритъ непосредственно объ ихъ арабскомъ происхожденіи: это послѣднее скорѣе можно предполо-



Плетеныя блюда изъ Куки. (Коллекція Нахтигаля, Берлинскій музей народовѣдѣнія.)

жить въ своеобразномъ распространеніи воздѣлыванія риса, оказывающемся въ западномъ и отсутствующемъ въ среднемъ Суданѣ. Высоко развитое земледѣліе подъ государство- и общество-образовательнымъ вліяніемъ ислама, несмотря на смѣшеніе населенія съ кочевыми элементами, сдѣлалось основою вообще высоко стоящей экономической жизни въ богато одаренныхъ природою среднихъ и западныхъ частяхъ Судана. Болѣе плотное и оживленное населеніе, болѣе крупные города и лучшая обработка придаютъ Судану къ западу отъ озера Чадъ ясно выраженный культурный характеръ. Нахтигаль отмѣчаетъ контрастъ, какой и въ этомъ отношеніи представляетъ Борну съ большинствомъ тропическихъ областей, прелести природы которыхъ не вызываютъ у насъ чувства родины: „привлекательная страна, обитаемая добродушнымъ народомъ, въ которой и въ природѣ, и въ человѣческой дѣятельности господствуетъ разнообразіе и полнота жизни“. Одинаково съ прежними путешественниками, онъ выдѣляетъ среднюю часть страны съ его плотнымъ населеніемъ, какъ привилегированный уголокъ земли, гдѣ путешественникъ получаетъ выгодное понятіе о трудолюбіи и ловкости скромнаго борнуанца и о богатыхъ рессурсахъ его страны. „Куда бы ни вела его дорога отъ столицы — къ западу или къ сѣверу, повсюду на своемъ пути онъ встрѣчаетъ купцовъ и торговцевъ; вблизи деревень пасущіяся стада или полевыя работы привлекаютъ его вниманіе, а въ мѣстечкахъ онъ убѣждается, какъ шагъ за шагомъ распространяется и ста-

новится все болѣе и болѣе прибыльной разумная домашняя промышленность". При этомъ, земледѣліе, скотоводство и торговля одинаково распространены, и въ питаніи уравновѣшиваются наиболѣе обычныя дурра и молоко. Если отдѣльные элементы населенія посвящаютъ себя болѣе тому или другому занятію, смотря по національной склонности или мѣстнымъ условіямъ, то все-таки раздѣленіе труда, свойственное высшей цивилизаціи, еще недалеко подвинулось, и преобладающая часть населенія выказываетъ одинаковую ловкость во всѣхъ полевыхъ работахъ. Здѣсь чувствуется вліяніе сверху, стремящееся усилить нравственныя основы работы и процвѣтанія. Безпорядочная жизнь была запрещена неграмъ, пока Борну было упорядоченнымъ государствомъ, и неумѣренность влекла за собою наказаніе. Этотъ процессъ достигаетъ высшей точки между Нигеромъ и Чадомъ, гдѣ царство Сокото (ср. стр. 553) представляетъ картину большого экономическаго расцвѣта.

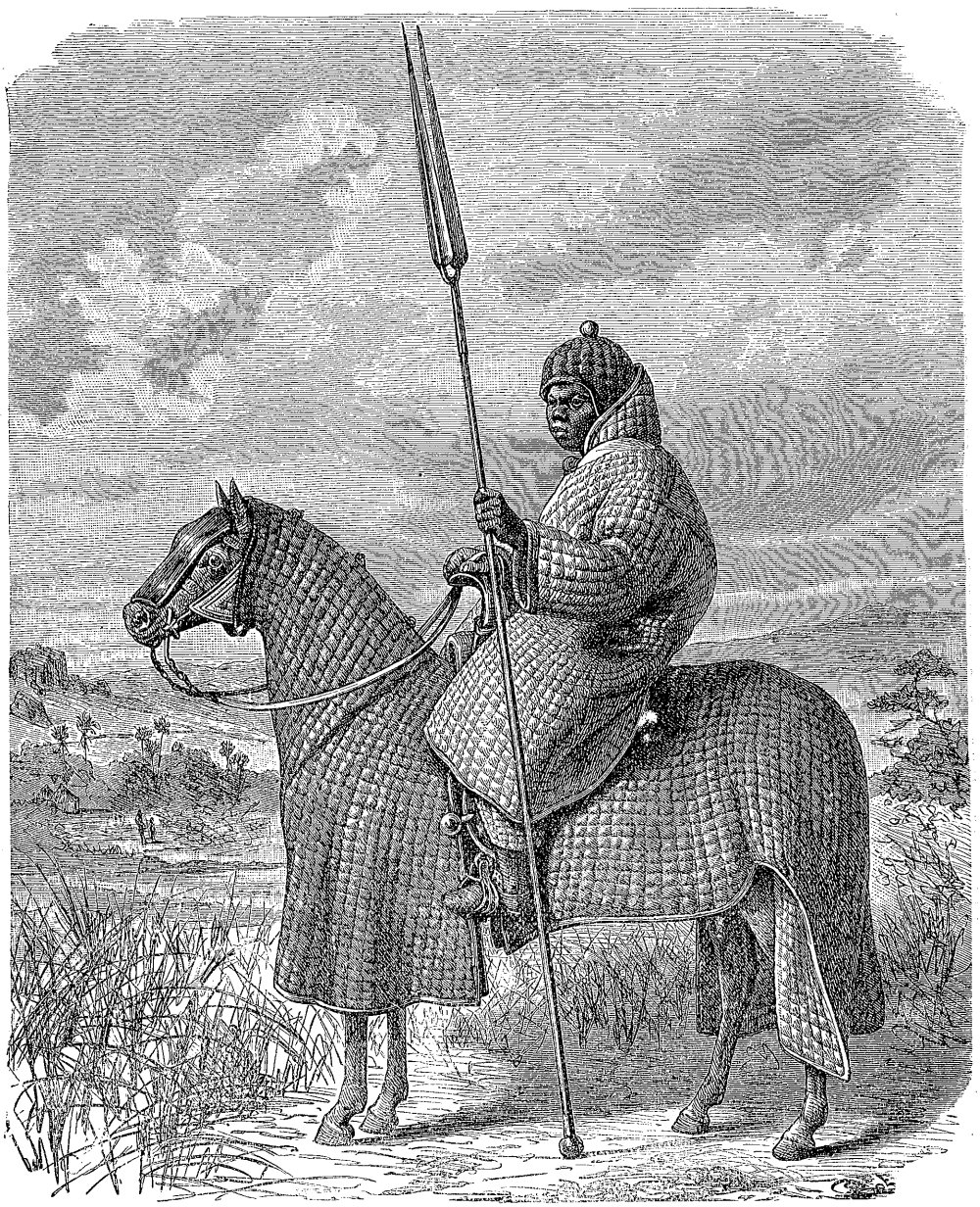
Исламъ принесъ въ эти страны болѣе, чѣмъ только новую вѣру. Быть можетъ, представители его оказались важнѣе его самого, и пригодность человѣческаго матеріала Судана для удачнаго смѣшенія явилась еще болѣе богатою послѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, матеріальная культура, какая была принесена имъ, имѣла большое вліяніе. Но, какъ показываетъ исторія отдѣльныхъ суданскихъ странъ, важнѣе всего были политическія новообразованія, размѣры и прочность которыхъ столь значительно превосходили внутренне-африканскій масштабъ.

Канурiи, господствующая и преобладающая часть народа Борну настоящаго времени, не представляетъ яснаго этнографическаго понятія [1]. Это — сборное имя для группъ, изъ которыхъ предстоитъ еще образоваться націи. По Нахтигалю, дѣйствительно, существуетъ „смѣшанный народъ Канури, но не первичное племя этого имени. Цѣльная нація Канури могла или можетъ постепенно выработаться только основательнымъ сліяніемъ, общей исторіей и тѣсной политической связью." Въ канурiяхъ мы видимъ потомковъ обитателей Канема, которые въ XIII и XIV в. проникли въ Борну въ качествѣ завоевателей. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего свѣтлокожее племя Магоми, поселенія котораго разсѣяны въ небольшихъ округахъ или отдѣльныхъ мѣстностяхъ по всей странѣ. Это племя приписываетъ себѣ благородное происхожденіе: изъ его среды выходили прежде короли Борну. Съ этими завоевателями пришли тиббусы различныхъ вѣтвей, которые не причисляются къ канурiямъ только потому, что живутъ въ болѣе крупныхъ сообществахъ и, подобно многимъ своимъ соплеменникамъ, занимаются разведеніемъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Болѣе слились съ канурiями туры (тура), племя тедовъ, первоначальной родиной которыхъ былъ Ту или Тибести. Вмѣстѣ съ первыми переселенцами они, вѣроятно, пришли въ страну въ большомъ числѣ. Отдѣльныя части ихъ въ небольшихъ количествахъ распредѣлены по всему Борну. О своемъ происхожденіи они не сохранили яснаго воспоминанія и раздѣляютъ общность языка и образа жизни съ остальными составными частями канурiевъ. Однако, и до настоящаго времени происхожденіе ихъ характеризуется тѣмъ, что они всегда поддерживали связь съ дирками въ Каварѣ, племенемъ, живущимъ въ области тедовъ. Томагеры (томагера) были первоначально тедами. Общины ихъ встрѣчаются преимущественно на периферiи царства. И настоящія племена канембовъ (канемба) перешли во множествѣ въ смѣшанный народъ канурiевъ; бо́льшая часть ихъ осталась въ Канемѣ разсѣянной.

Другіе элементы канурiевъ произошли отъ смѣшенія завоевателей съ

[1] Нѣкоторые объясняютъ слово Канури изъ арабскаго нуръ — свѣтъ, какъ „распространитель свѣта", т. е. ислама; другіе понятнѣе истолковываютъ его, какъ „обитатели Канема".

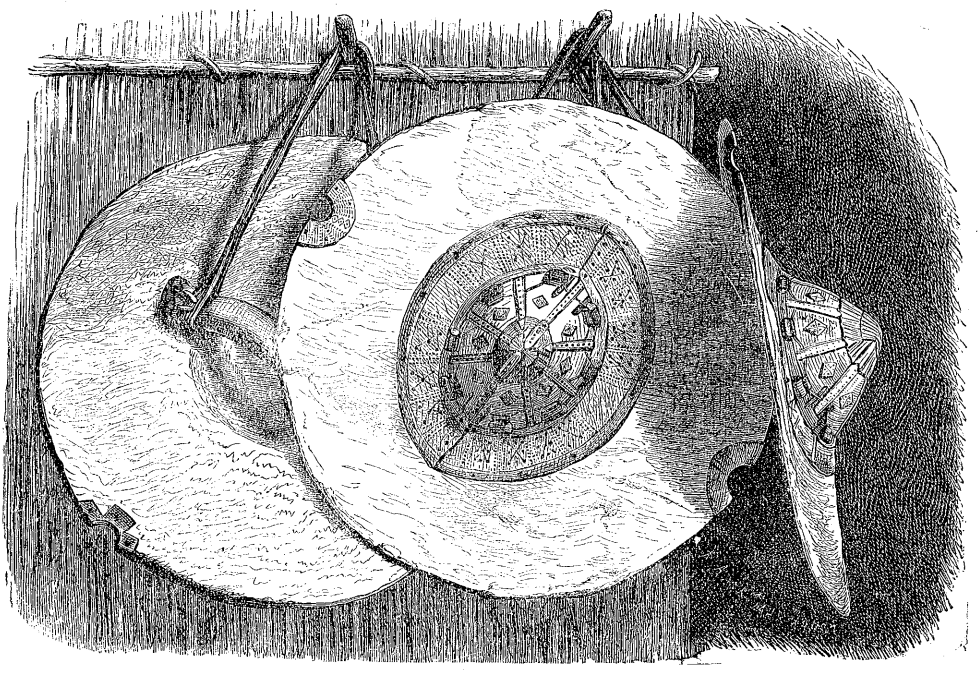
туземцами, причемъ часто, повидимому, преобладающимъ было вліяніе послѣднихъ. Таковы нгомы (нгома), кавы (кава) и нгазиры. Тиббусское происхожденіе одного изъ элементовъ этого смѣшенія указывается ихъ именемъ и традиціей: кава — тиббусское названіе.



Панцырный всадникъ изъ Багирми. (По Денгему.) Ср. текстъ, стр. 543.

Кануріи живутъ спорадически до Нигера и Бенуе. Буррибурри въ Якобѣ вся заселена кануріями, которые сохранили тамъ свой родной языкъ. Нѣкоторыя болѣе крупныя группы, живущія замкнуто, могли удержать извѣстныя особенности. Но хотя кануріи не могутъ имѣть притязанія на національное единство, имъ всѣмъ свойственно большее или меньшее смѣшеніе съ туземцами. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что не всѣ за-

воеватели превращались въ канурiевъ; арабы, которые пришли вмѣстѣ съ ними, нигдѣ не представляютъ такого сліянія съ ними, чтобъ ихъ можно было причислить къ нимъ. Правда, въ Борну они менѣе многочисленны, чѣмъ въ Вадаи или Дарфурѣ, но, какъ достаточно показываетъ обозрѣніе исторіи Борну, составляютъ весьма важный элементъ населенія. Повидимому, они происходятъ, по большей части, изъ восточнаго Судана. Давно осѣдлые вассиліи рѣзко отличаются отъ шоевъ (шоа), появляющихся отъ времени до времени въ качествѣ купцовъ или воиновъ. Для многихъ можно доказать еще связь съ племенами восточнаго Судана. Вообще, жаркій, сырой климатъ Борну менѣе благопріятенъ для нихъ, чѣмъ болѣе сухой восточнаго Судана; помѣси ихъ развиваются лучше, но и тѣ встрѣчаются въ порази-



Щиты изъ Багирми. (Британскій музей въ Лондонѣ.) 1/8 наст. велич.

тельно маломъ числѣ. Здѣсь возникло, такимъ образомъ, новое поколѣніе, которое въ отдѣльныхъ чертахъ напоминаетъ свои первоначальныя составныя части, но въ общемъ мало походитъ на нихъ, хотя и не пріобрѣло еще цѣльнаго характера. Въ физическомъ отношеніи это превращеніе не было выгоднымъ, такъ какъ канурiевъ, въ среднемъ, приходится назвать некрасивымъ народомъ. Въ особенности женщины много утратили благородства фигуры и привлекательныхъ чертъ чистыхъ тиббусовъ и канембовъ. Результатъ смѣшенія весьма напоминаетъ туареговъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ гауссами.

Тамъ, гдѣ первоначальные обитатели своей численностью или храбростью могли оказать стойкое сопротивленіе пришельцамъ, они, несмотря на поселенія канурiевъ, разсѣянныя между ними, имѣли возможность сохранить цѣльность наружныхъ чертъ, языка и нравовъ. Они и теперь еще въ различныхъ частяхъ царства, и въ особенности въ периферическихъ мѣстностяхъ юга и запада, составляютъ плотное населеніе, которое, правда, не отвергаетъ власти короля Борну, но въ дѣйствительности мало подчинено ему. Макарiи или котоки (котоко), на южномъ берегу озера Чадъ, какъ говорятъ, переселились съ средняго Шари, отчасти вытѣснивъ, от-

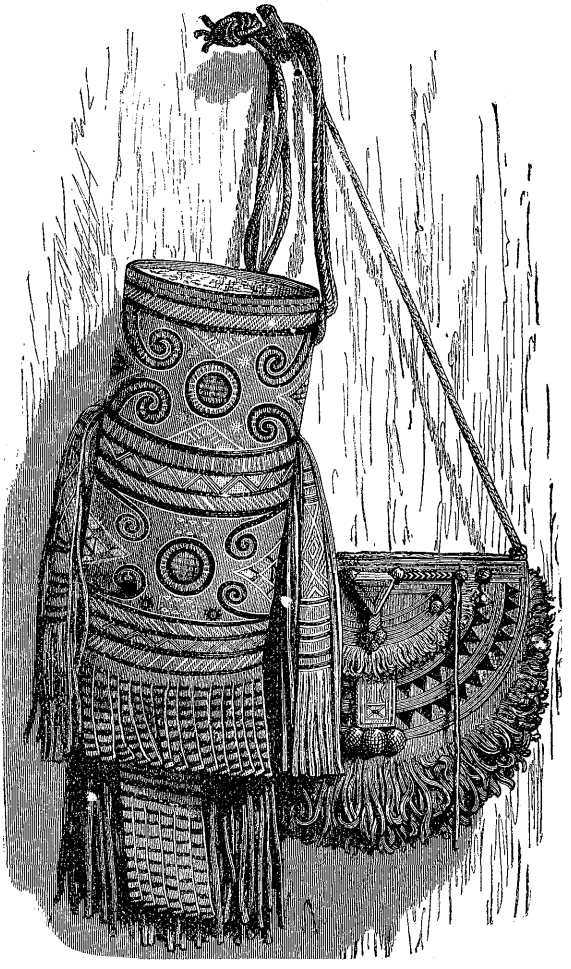
части поглотивъ жившій здѣсь прежде народъ Со. Повидимому, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что манги (манга), на сѣверо-западѣ страны, переселились изъ Канема. Буддумы (буддума) озерныхъ острововъ, почти независимый народецъ, только внѣшнимъ образомъ обращенный въ исламъ, по разсказамъ, всего болѣе сходенъ съ макаріями. Въ новѣйшее время сугурты (сугуртіи), одно изъ многочисленныхъ подраздѣленій канембовъ, переселились изъ своихъ коренныхъ мѣстообитаній въ области озернаго прибрежья Борну, вытѣсненные нападеніями туареговъ и преобладаніемъ арабовъ. Этническая группа керибиновъ (керибина), представляющая, согласно преданію, остатокъ народа Со, „коренныхъ жителей“, занимаетъ своеобразное положеніе, такъ какъ почти исключительно живетъ охотой, что̀ въ Борну не пользуется особымъ уваженіемъ; поэтому они вынуждены жить, по большей части, въ разсѣянномъ видѣ, бродя съ мѣста на мѣсто. Одно изъ ихъ подраздѣленій говоритъ на логоннскомъ языкѣ. Болѣе сильный отпечатокъ негрскаго характера — повидимому, единственное свойство, общее этимъ племенамъ, обитавшимъ раньше другихъ въ этой странѣ. Нахтигаль описываетъ фигуры макаріевъ какъ неуклюжія, склонныя къ ожирѣнію; по его указанію, цвѣтъ кожи ихъ темный, черты лица неправильныя, и они мало подвижны въ умственной и физической дѣятельности. Съ ними сходны манги и мусгусы, единственные обитатели Борну, пользующіеся луками отчасти африканской, отчасти азіатской формы.

Багирмы образуютъ $^3/_4$ населенія своего государства, остальная часть котораго состоитъ изъ арабовъ, фулаховъ, борнуанцевъ, куковъ и булаловъ. И въ нихъ мы видимъ политическую смѣшанную расу. Названіе багирмовъ впервые появилось тогда, когда произошло образованіе одноименнаго государства. Безъ сомнѣнія, подъ этимъ именемъ никогда не подразумѣвались арабы и фулахи, хотя они и составляли существенныя части государства. Именемъ багирмовъ, бармовъ называлось только осѣдлое населеніе. Вмѣстѣ съ распространеніемъ ислама увеличивалось различіе съ языческими, хотя и родственными сосѣдями, которые не просто сливались съ побѣдителями, а продавались ими. Однако, смѣшеніе крови, вслѣдствіе большого числа ввозимыхъ ежегодно съ юга женщинъ и дѣвушекъ, идетъ непрерывнымъ ходомъ. Багирми въ продажѣ рабовъ на сѣверъ игралъ нѣкогда первую роль и даже пользовался извѣстностью поставкою евнуховъ для гаремовъ. Другими словами, изъ всѣхъ суданскихъ государствъ Багирми всего болѣе подвергается вліяніямъ съ юга, всего болѣе проникнутъ негрскимъ элементомъ и, вслѣдствіе того, представляетъ ясно выраженный переходъ отъ суданскихъ государствъ къ внутренней Африкѣ.

Съ антропологической точки зрѣнія багирмы отличаются отъ многихъ изъ своихъ сосѣдей прекраснымъ ростомъ и привлекательными чертами лица. Бартъ женщинъ этого народа ставитъ выше всѣхъ женщинъ Судана. „Правда“, говоритъ онъ, „фулахи или феллаты превосходятъ ихъ стройностью и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, но они, въ свою очередь, превосходятъ послѣднихъ высокимъ ростомъ и симметричными конечностями изящнаго строенія; блескъ и чернота ихъ глазъ славятся во всемъ Суданѣ.“ Долгая привычка къ воинственной, разбойничьей жизни отвлекла багирмовъ отъ мирныхъ занятій. Изъ своихъ хищническихъ экспедицій они вынесли власть, богатство и почетъ, которыхъ ихъ страна, при своемъ благопріятномъ положеніи, не могла бы имъ дать на почвѣ мирнаго труда. Но ихъ хорошіе задатки не были вполнѣ уничтожены. Хотя ткацкое и красильное искусства и производство кожаныхъ издѣлій въ Багирми находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ переселившихся туда канурiевъ и макаріевъ, но, тѣмъ не менѣе, въ Кукѣ рабы, происходящіе изъ Масеньи, цѣнятся преимущественно какъ ткачи. Король Али изъ Вадаи послѣ счастливо окончившагося похода, переселилъ нѣсколько тысячъ жителей

Багирми въ свою страну, съ ясно намѣченной цѣлью — содѣйствовать развитію среди своихъ подданныхъ земледѣлія, ремеслъ и строительнаго искусства. Этимъ доказывается, что багирмы въ указанныхъ отношеніяхъ пользовались хорошей славой и стояли выше своихъ восточныхъ сосѣдей.

Кромѣ арабовъ, изъ чуждыхъ элементовъ здѣсь многочисленны и широко распространены канурiи. Имъ свойственны усиленное стремленіе къ передвиженію и духъ предпріимчивости. Фулахи (фульбе), въ качествѣ пастуховъ рогатаго скота и кочевниковъ, много разъ проникали въ юго-восточныя языческія страны; но и внутри страны находятся болѣе мелкія группы, часто находящіяся подъ властью религіозныхъ вождей, „такъ какъ это замѣчательное племя, кромѣ скотоводства, занимается, главнымъ образомъ, религіозными изученіями.“ Булалы (булала), тѣсно связанные съ прежней исторіей Багирми, будучи наслѣдственными врагами ея, рѣдко показываются въ странѣ; мѣста обитанія ихъ лежатъ между областью Фитри и озеромъ Чадъ.

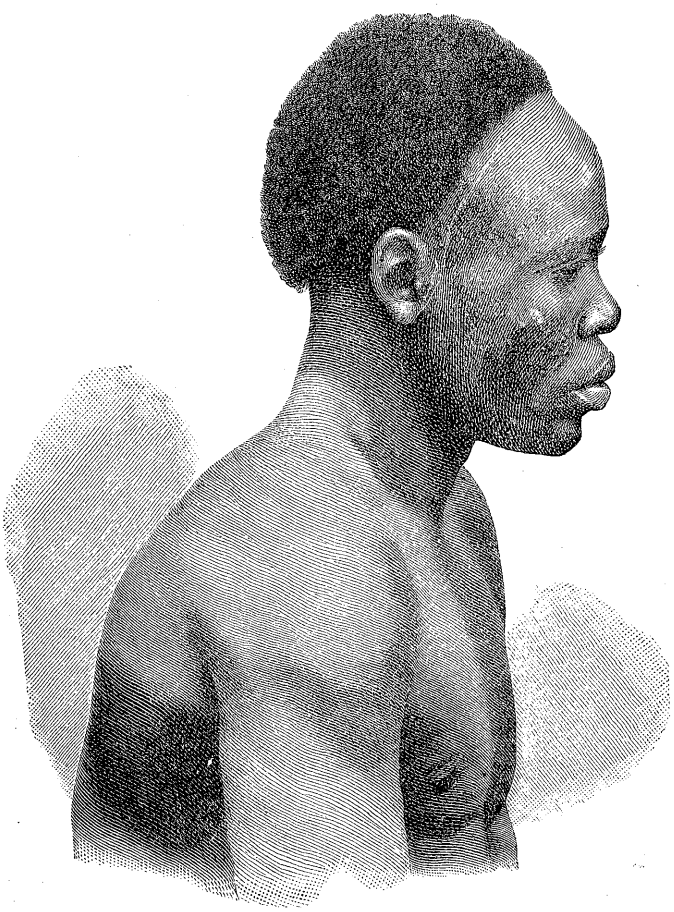


Сумка для наконечниковъ копій и кожаная сумка изъ центральнаго Судана (Багирми?). (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) $^1/_6$ наст. велич.

Населеніе Вадаи состоитъ, повидимому, изъ трехъ главныхъ элементовъ, которые еще легко распознать, — коренныхъ осѣдлыхъ негрскихъ народовъ, переселившихся арабовъ и фулаховъ. Къ нимъ присоединяется не поддающаяся опредѣленію часть тиббусовъ. И нынѣшнее ядро населенія, въ срединѣ котораго лежитъ главный городъ, мабы (маба), воспріняло свои составныя части изъ всѣхъ поименованныхъ народовъ. Эта группа, заключающая „самыхъ честныхъ, трезвыхъ, простыхъ и храбрыхъ, но въ то же время самыхъ своеобычныхъ и упрямыхъ изъ всѣхъ обитателей Вадаи“ (Нахтигаль), состоитъ по преимуществу изъ людей бронзоваго цвѣта, среди которыхъ, однако, пользуются большимъ уваженіемъ болѣе свѣтлые оттѣнки, какъ признаки благороднаго происхожденія. Но среди нихъ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ живутъ болѣе темные люди, отличающіеся отъ нихъ и по нравамъ, и по языку. Смѣшеніе здѣсь должно быть весьма пестрымъ, такъ какъ, по политическимъ причинамъ, слишкомъ самостоятельныя племена разсѣивались по всей странѣ. Сходство политическаго положенія ставитъ это племя на одну линію съ фулахами, канурiями и арабами; вслѣдствіе того, физическіе признаки и свойства характера господствующаго народа менѣе негрообразны, чѣмъ народа, живущаго на сторонѣ болѣе свѣтлыхъ племенъ

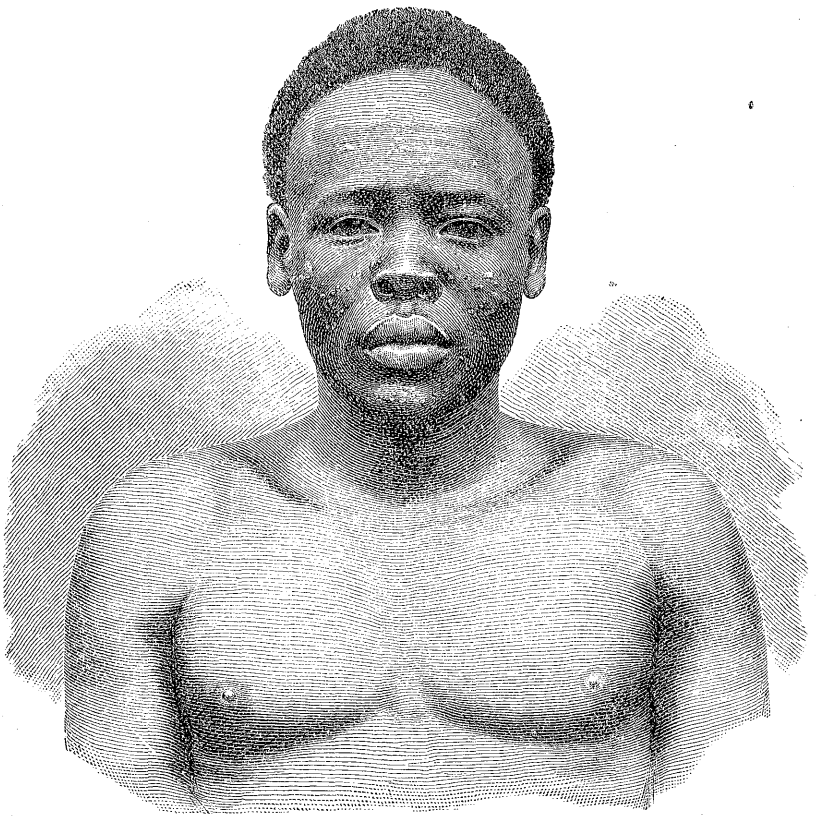
сѣвернаго Судана. Очевидно, мы находимъ здѣсь одинъ изъ государство-образовательныхъ элементовъ суданскихъ странъ, который, переселившись съ сѣвера, образовалъ особый этническій слой надъ темными туземцами, но позднѣе смѣшался съ ними и воспринялъ въ себя части пришедшихъ впослѣдствіи болѣе свѣтлыхъ народовъ, каковы фулахи и арабы.

Въ исторіи Вадаи государство-образовательнымъ элементомъ выступаетъ сперва языческій народъ тюнджуры изъ Донголы. Господство его Абдъ-эль-Керимъ свергнулъ съ помощью фулаховъ въ восточномъ Багирми; эта борьба была въ то же время пропагандой ислама. „Принятіе ислама имѣло затѣмъ опредѣляющее значеніе для дальнѣйшей группировки. То племя, которое съ самаго начала высказалось за Абдъ-эль-Керима, исламъ и новый порядокъ вещей, сдѣлалось настоящими вадавіями, хозяевами земли, а тѣ племена, которыя были подчинены силой власти новой религіи, до настоящаго времени не считаются равноправными съ ними. Наконецъ, всѣ тѣ, которые лишь въ новѣйшее время выступили изъ мрака язычества, до сихъ поръ считаются болѣе рабами, чѣмъ свободными“ (Нахтигаль). Едва ли можно опредѣлить съ большей ясностью государство- и народо-образовательную власть идеи. Вѣтвь столь же значительной въ историческомъ отношеніи этнической группы зогавовъ занимается кузнечнымъ ремесломъ и, вслѣдствіе того, пользуется общимъ презрѣніемъ. Извѣстныя группы крѣпостныхъ короля, благодаря общности мѣстообитанія и занятія, сдѣлались почти особыми племенами, какъ это произошло съ королевскими пчеловодами и пастухами рогатаго скота и верблюдовъ. Всѣ эти племена занимаютъ болѣе или менѣе подчиненное положеніе, и властители ихъ исходятъ изъ опредѣленныхъ группъ мабовъ, изъ „королевскихъ племенъ“, женщины которыхъ однѣ могутъ давать королю потомство, имѣющее право вступленія на престолъ. Провинціи царства Вадаи управляются намѣстниками, принадлежащими къ тѣмъ же королевскимъ племенамъ. Наряду съ ними наибольшимъ могуществомъ обладаютъ арабы, имѣющіе собственное управленіе и судопроизводство. Посольства короля Вадаи, приходившія въ Дарфуръ и Таму, насчитывали изъ пяти лицъ двухъ арабскихъ шейховъ.



Негръ-форъ. (По фотографіи.)

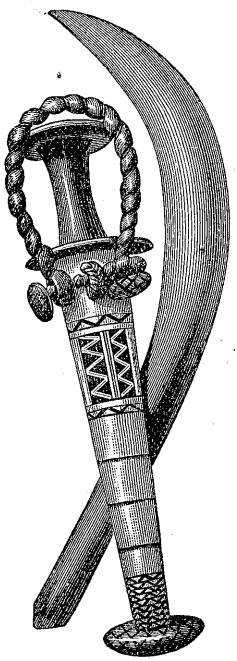
Языкъ и нравы арабовъ въ Вадаи распространены, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Суданѣ; тѣмъ не менѣе вадаіи не строго придерживаются мусульманскихъ обычаевъ. Женщины не закрываютъ лица при видѣ приближающагося мужчины, но всегда становятся на колѣни въ присутствіи свободныхъ людей и ползаютъ передъ ними на четверенькахъ. Мужчины настолько же мужественны, насколько склонны къ насилію; они одѣваются въ бѣлую арабскую рубашку и въ широкія шаровары, стригутъ себѣ волосы и дѣлаютъ себѣ татуировку въ видѣ вертикальныхъ надрѣзовъ въ области затылка. Женщины оборачиваются въ большіе куски ткани, волочащіеся по землѣ; онѣ отпускаютъ волосы до естественной длины или удлиняютъ ихъ черной овечьей шерстью, а также заплетаютъ ихъ въ маленькія косички. Ихъ обезображиваетъ большой кусокъ коралла, вставленный въ правое носовое крыло; на шеѣ и на бедрахъ они носятъ украшенія изъ стеклянныхъ бусъ Оружіемъ большинству населенія служатъ пики, метательное копье, ножъ и большой кинжалъ, къ которымъ у богатыхъ людей присоединяется еще ружье или револьверъ и мечъ; здѣсь также употребляются ватныя одѣяла для прикрытія коня и всадника. Вадаи считается гораздо воинственнѣе Борну.



Негръ-форъ. (По фотографіи.)

У вадаіевъ торговля не получила еще такого развитія, какъ у борнуанцевъ или фулаховъ, и промышленная дѣятельность ихъ также еще незначительна. Поэтому, кромѣ столицы, у нихъ нѣтъ большихъ городовъ. Вадаи населенъ рѣже всѣхъ другихъ суданскихъ царствъ, и для развитія его пришлось переселить насильственно въ его предѣлы пограничные народы Дарфура, Тамы и Багирми. Вслѣдствіе миссіонерской дѣятельности строго магометанскаго ордена сенуссіевъ, который съ нѣкотораго времени пріобрѣлъ большую власть надъ Куфрой въ Вадаи, религіозный фанатизмъ поддерживается здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Суданѣ; результатомъ того является не только устраненіе европейскаго вліянія, но и сопротивленіе распространенію махдизма, а раньше — египетскаго владычества.

Населеніе Дарфура, которое въ 1880 г. передъ возстаніемъ исчислялось въ $1^1/_2$ мил., распадается на двѣ половины, различающіяся между собою и въ этнографическомъ отношеніи, и по мѣсту обитанія. Средоточіе одной изъ нихъ — гористая, населенная гуще всѣхъ другихъ округовъ Дарфура часть страны, вмѣстѣ съ влажнымъ югомъ; другая группа обитаетъ въ степныхъ областяхъ. Первые — осѣдлое, земледѣльческое, негрское населеніе форовъ, а послѣдніе — переселившіеся арабы, пастушеская, неусидчивая часть населенія, вытѣснившая и подавившая первыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ признающая за собою выдающееся положеніе, вслѣдствіе чистоты своего происхожденія.



Стилетъ въ ножнахъ и деревянное метательное оружіе изъ Дарфура. (Вѣнскій этнографическій музей.) Ср. текстъ, стр. 452.

Форы не только благочестивы и даже фанатичны, но и обучаютъ своихъ дѣтей чтенію, а часто и письму, съ помощью факировъ, живущихъ во множествѣ въ ихъ деревняхъ. Форы весьма искусны въ ремеслахъ; благодаря тому чужеземные товары привозятся только для султана и знатныхъ лицъ. Кромѣ бумажныхъ тканей, отчасти изготовляемыхъ на мѣстѣ, народъ носитъ немного привозныхъ матерій; даже ножи, топоры, копья и всевозможныя металлическія украшенія и стеклянные товары (по Мэсону) выдѣлываются въ самой странѣ, не говоря уже о гончарныхъ издѣліяхъ, безъ помощи гончарнаго круга, и превосходныхъ плетеныхъ и кожаныхъ работахъ. Въ воздѣлываніи пшеницы и риса и во многихъ нравахъ и обычаяхъ форовъ замѣтны восточныя и сѣверныя вліянія. Прежде большіе караваны отправлялись изъ Египта въ Дарфуръ, и тогда эта страна была богаче мѣновыми произведеніями, въ особенности, слоновой костью и рабами. Это значитъ, что изъ Дарфура ежегодно караваны въ 10 тыс. лицъ, т. е. цѣлые отряды, выступали въ Даръ-Фертитъ на охоту за людьми. Когда Массари и Маттеуччи, 15 лѣтъ тому назадъ, прибыли въ Дарфуръ, тамъ можно было купить красиваго мальчика за 40—50 франковъ. Прибыль отъ охоты за рабами на югѣ составляла законную статью въ бюджетѣ прихода Дарфура, наряду съ пошлинами и повинностями. Работорговля подавляла всѣ прочія отрасли промышленности. И во времена Фелькина большая часть населенія Дарфура продолжала заниматься изготовленіемъ всего нужнаго для невольничьихъ каравановъ, доставленіемъ имъ пищи и воды.

Какъ ни мало, по указанію Фелькина, форы смѣшивались съ арабами, но они представляютъ поразительныя уклоненія отъ южныхъ негровъ, т. е. приближенія къ арабскимъ и нубійскимъ сосѣдямъ. Они не производятъ никакихъ уродованій своего тѣла, не выбиваютъ себѣ зубовъ, не татуируются, живутъ, по большей части, въ конусообразныхъ хижинахъ изъ глины, хотя у нихъ иногда встрѣчаются и ульеобразныя изъ травы, удобряютъ поля, пекутъ хлѣбъ въ видѣ лепешекъ, держатъ лошадей и верблюдовъ, наружно придерживаются ислама, духовныя лица котораго играютъ у нихъ роль настоящихъ негрскихъ знахарей, и подъ лоскомъ котораго продолжаетъ существовать старая африканская вѣра въ бога Молу, производящаго бурю своимъ дуновеніемъ. Согласно воспоминаніямъ старой вѣры, у нихъ бываетъ большое празднество съ бубнами, національное празднество весны и новаго года. При этомъ въ память умершаго властителя избивается безчисленное множество рогатаго скота; король ищетъ всегда животное бѣлой или соловой масти и кожей его обтягиваетъ новый бубенъ. Посредствомъ распахиванья и посѣва здѣсь олицетворяется и значеніе земледѣлія.

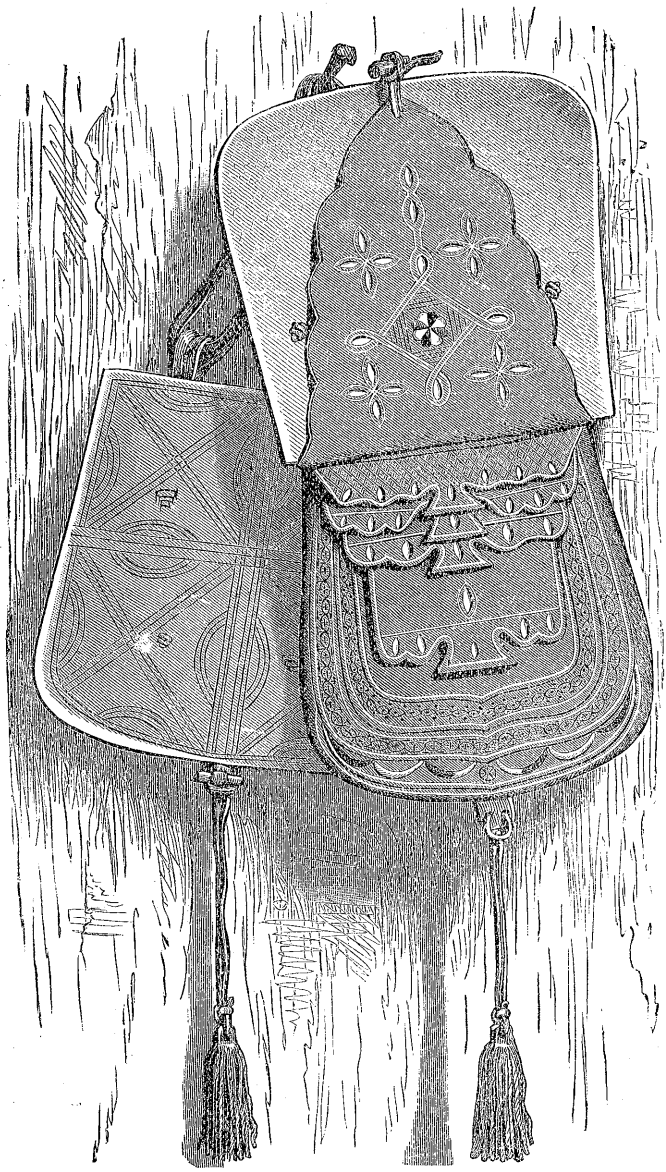
Надъ форами горъ Марры господствовало прежде арабское племя тюнджуровъ. Хотя эти тюнджуры, наряду съ форами, держали въ своемъ подчиненіи и арабовъ, но происхожденіе и исламъ постепенно пришли у нихъ въ забвеніе. Старинные законы страны значительно уклоняются отъ основныхъ положеній корана. Лишь въ XVII в. было положено начало возстановленію ислама, и въ то же время, въ видахъ распространенія цивилизаціи, введено въ страну большое число чужеземцевъ. Всѣ фулахи, борнуанцы и багирмы, живущіе въ Дарфурѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ этого времени. Послѣдній самостоятельный правитель Дарфура палъ осенью 1874 г. въ битвѣ съ Зиберомъ пашей, къ югу отъ Тендельти, и Дарфуръ сдѣлался частью египетскаго Судана. Въ концѣ 1883 г. онъ подпалъ власти махди, но, повидимому, пріобрѣтаетъ теперь обособленное положеніе.

Ту же участь почти одновременно испытало маленькое государство Тама, яблоко раздора между Дарфуромъ и Вадаи, которое уцѣлѣло, замкнувшись въ своихъ горахъ, но, уступая притягательному дѣйствію болѣе сильной власти, подъ конецъ болѣе сблизилось съ Вадаи. Грубая рубашка арабовъ служитъ одеждою мужчинъ; одежду женщинъ составляютъ два куска голубой бумажной ткани, изъ которыхъ одинъ опоясываетъ бедра, а другой покрываетъ плечи. Оружіемъ служатъ пика и дротикъ, а въ оружейной комнатѣ короля можно найти нѣсколько двуствольныхъ ружей въ плохомъ состояніи, револьверъ, заряжающійся съ дула и нѣсколько желѣзныхъ латъ. Пища такъ же, какъ и въ Дарфурѣ, состоитъ изъ крутой каши, которая рѣдко готовится на бульонѣ изъ сушенаго мяса и чаще приправляется сухими травами, истолченными и сваренными, а при недостаткѣ соли—щелочной водой. Маленькія бѣлыя венеціанскія бусы, которыя продаются нанизанными, служатъ монетами, и ту же роль исполняютъ европейскія бумажныя ткани.

Царство Борну представляетъ лучшій примѣръ своеобразныхъ политическихъ формъ, которыя развили эти государства, сходныя между собою и въ этомъ отношеніи, и по происхожденію. Настоящее правленіе царства Борну есть продуктъ разложенія стараго аристократическаго порядка, введеннаго, съ помощью ислама и рабства, основателями государствъ, пришедшими съ сѣвера. Ежедневно собирающійся около правителя совѣтъ (нокена) сохраняетъ формы того времени, когда властители терпѣли при себѣ, въ качествѣ законныхъ совѣтниковъ, представителей выдающихся племенъ или семействъ, въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ обычай принесли съ собой обитатели пустыни; но сущность его уже исчезла. Свободные люди не утратили сознанія своего свободнаго происхожденія въ сношеніяхъ съ рабами шейха, но правители питаютъ къ рабамъ болѣе довѣрія, чѣмъ къ собственнымъ родственникамъ и свободнымъ единоплеменникамъ, и разсчитываютъ на преданность первыхъ. Не только придворныя должности, но и защита страны изстари по преимуществу ввѣрялась рабамъ. Правитель на своихъ братьевъ, а также на честолюбивыхъ и энергичныхъ сыновей смотритъ подозрительно; между тѣмъ, какъ важнѣйшія придворныя должности находятся въ рукахъ рабовъ, посты вдали отъ правительственной резиденціи поручаются принцамъ. Доходы должностей и провинцій служатъ для уплаты жалованья. Лишь „неоффиціально“ отдѣльные члены знаменитыхъ семействъ, потомки заслуженныхъ военныхъ или государственныхъ людей, пользуются нѣкоторымъ значеніемъ, такъ какъ тамъ не рѣшаются игнорировать извѣстныя традиціонныя величины. Совѣтъ короля состоитъ изъ членовъ его семьи и изъ совѣтниковъ, военачальниковъ рабскаго происхожденія (двое изъ нихъ кануріи, трое—канембы и тиббусы и пятеро—арабы).

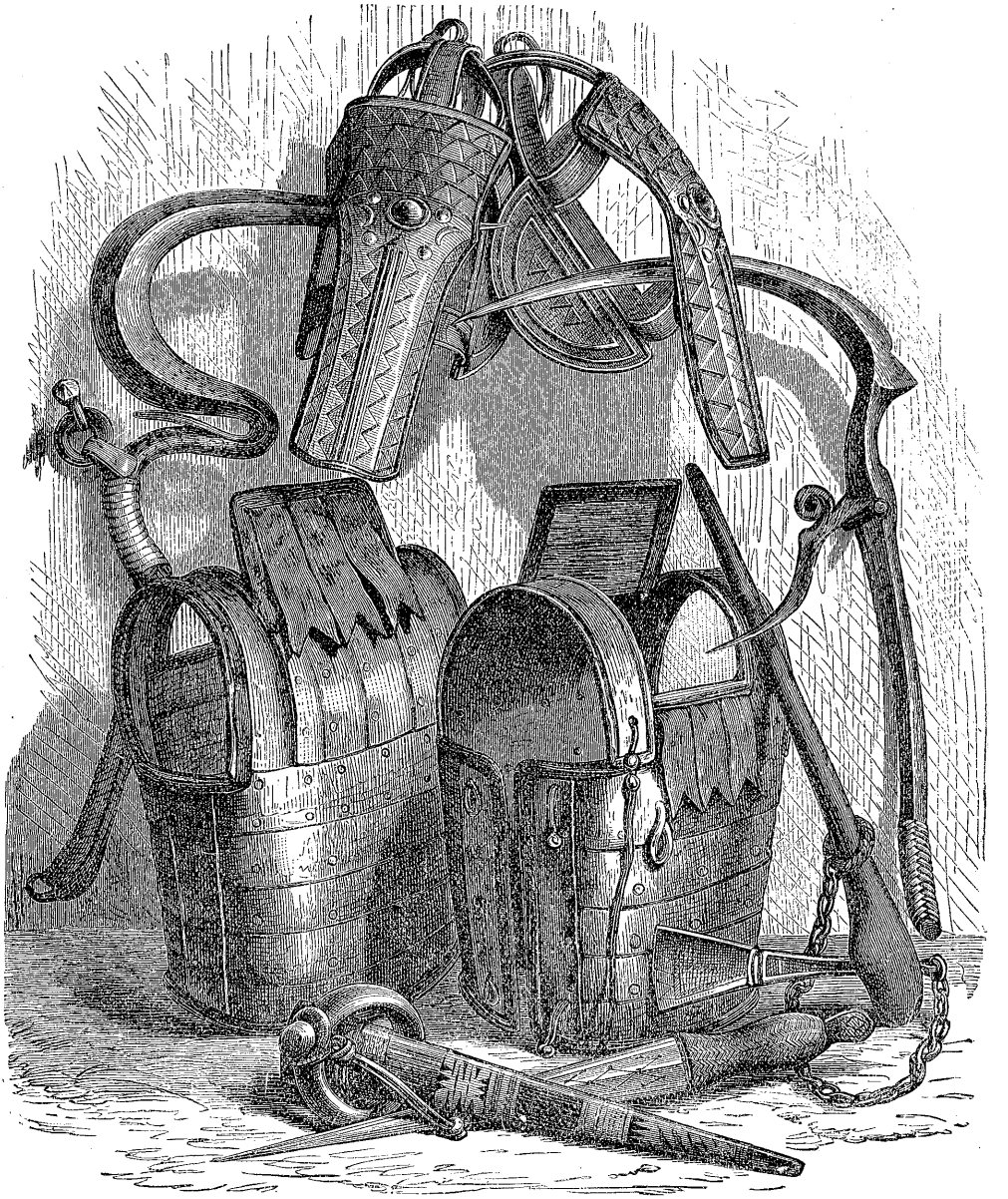
Самымъ важнымъ чиновникомъ стараго царства Борну былъ высшій военачальникъ (кайгамма), который всегда происходилъ отъ рабовъ.

Такъ какъ воинственныя стремленія естественно всегда направлялись на югъ, къ языческимъ странамъ, то главная дѣятельность его и область управленія заключалась въ южныхъ пограничныхъ округахъ — отъ царства Сокото до Логона. Въ настоящее время даже титулъ кайгаммы почти забытъ, и сановникъ, всего болѣе соотвѣтствующій ему „кашелла билалъ“, управляетъ округами на востокѣ и на юго-востокѣ страны. За этимъ главнымъ сановникомъ слѣдовалъ іерима, свободнорожденный сынъ принцессы и глава магоміевъ, заключающихъ въ себѣ царскіе роды. Іеримѣ былъ подчиненъ весь сѣверо-западъ царства, и онъ въ особенности долженъ былъ наблюдать за юго-восточными туарегами. Въ настоящее время носитель этого титула сдѣлался однимъ изъ самыхъ незначительныхъ чиновниковъ. Третьимъ въ старинной борнуанской іерархіи считался наслѣдникъ престола, сынъ или братъ короля. Нѣкоторыя пограничныя области и до сихъ поръ еще находятся подъ надзоромъ наслѣдника престола. Рабъ, которому довѣрена охрана личной безопасности правителя, носитъ титулъ джермы, и въ то же время на немъ лежитъ надзоръ за придворной конюшней. Своеобразное положеніе занимаетъ галадима, котораго мы встрѣчаемъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ западнаго Судана (см. ниже, стр. 554). Онъ болѣе вассалъ, чѣмъ чиновникъ, и хотя долженъ отъ времени до времени проводить нѣсколько мѣсяцевъ при дворѣ, но совершенно независимо управляетъ округами на западъ настоящаго Борну. Должность дигмы, раба, бывшаго нѣкогда простымъ тайнымъ писцомъ правителя, а также посредникомъ въ сношеніяхъ его съ чужеземцами, прежде была самой вліятельной государственной должностью, такъ какъ занимавшій ее управлялъ большими округами, съ которыхъ самъ взималъ



Борнуанскія кожаныя сумки. (Коллекція Г. Барта, Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/8 наст. велич.

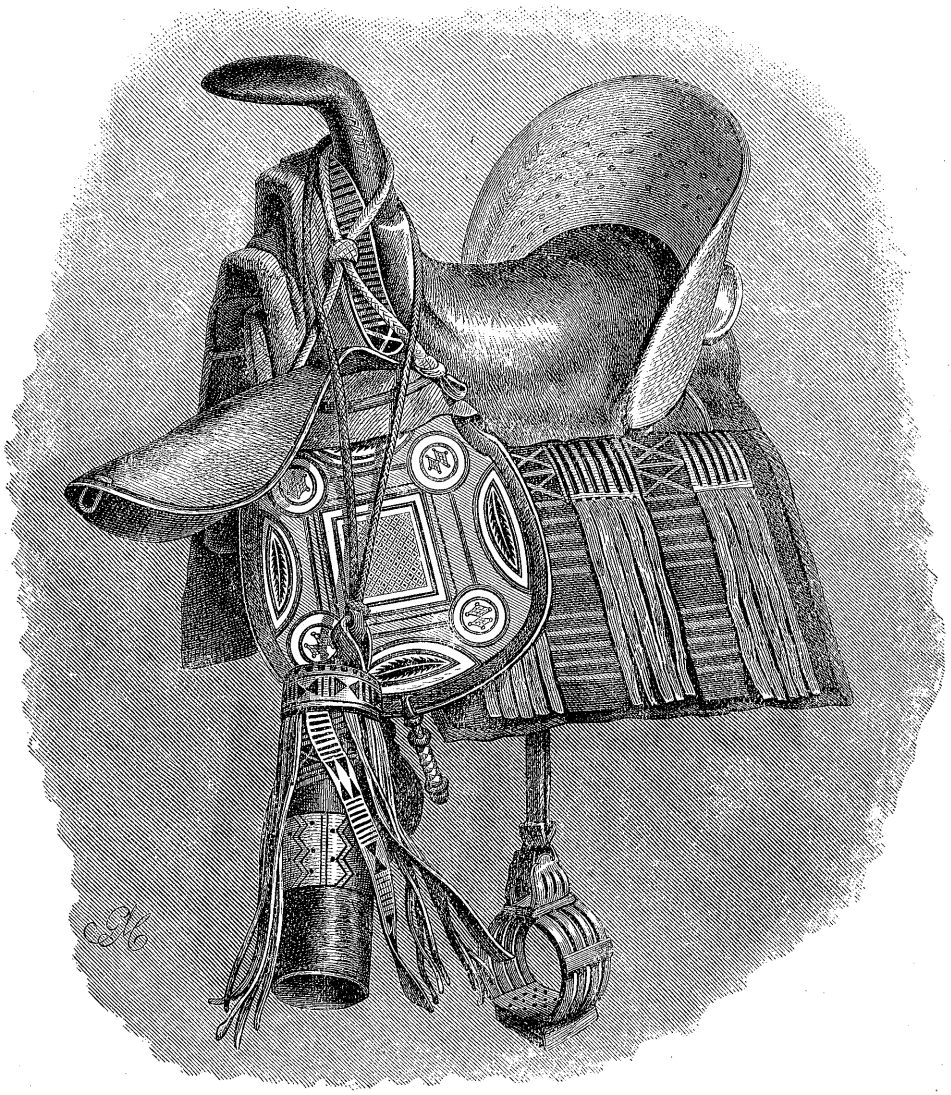
доходы. Къ рабамъ перешли многія важныя должности пограничныхъ провинцій сѣверо-запада — знаменоносца и королевскаго посла; къ рабамъ принадлежатъ и вліятельные чиновники, которые должны наблюдать надъ королевскими запасами хлѣба, дерева, угля, масла, меда и другихъ жиз-



Доспѣхи, метательныя желѣзныя орудія, боевыя сѣкиры и кинжалы изъ Багирми и Борну. (По Денгему.)

ненныхъ припасовъ. Еще бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ многіе изъ нихъ, пользовались евнухи, какъ смотрители гарема и дворца; они вполнѣ сохранили блескъ своего прежняго положенія. Къ ихъ вліянію часто присоединяется вліяніе женщинъ, довольно значительное въ магометанскихъ негрскихъ царствахъ. Обыкновенно наибольшая власть принадлежитъ магирѣ, матери короля, хотя она въ Борну никогда не играла такой выдающейся

роли, какъ въ Багирми, Вадаи и Дарфурѣ. Болѣе отъ личности, чѣмъ отъ положенія, зависитъ значеніе гумзо, главной жены правителя; нѣкоторыя принцессы пріобрѣтаютъ вліяніе своими любовными похожденіями, которымъ онѣ предаются съ откровенностью, мало соотвѣтствующей придворному этикету.



Сѣдло, сѣдельная сумка и сумка для наконечниковъ копій правителя Багирми. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) Ср. текстъ, стр. 509.

Изъ этого іерархическаго порядка мы видимъ, что военная сила въ Борну, какъ и во всѣхъ завоевательныхъ государствахъ Судана, нѣкогда занимала въ странѣ первое мѣсто, но стала слабѣе, когда государство пришло въ спокойное состояніе и правители стали менѣе энергичными. Впрочемъ, Борну и теперь еще, какъ великая держава Судана, отчасти опирается на войско, къ которому въ военное время примыкаютъ притоки изъ другихъ племенъ страны. Представителями арміи являются кашеллавы (единств. кашелла), военачальники, изъ которыхъ самые зна-

лавы, которымъ подчинены отряды постояннаго войска изъ панцырныхъ или обыкновенныхъ всадниковъ, вооруженныхъ пиками, и небольшое число конницы или пѣхоты, вооруженной ружьями, а также незначительное число воиновъ, поставленное надъ язычниками, вооруженными луками и копьями. Сюда же относятся конные тѣлохранители (см. рис. стр. 509) и небольшой пѣхотный отрядъ, окружающій шейха. Въ общемъ, постоянное войско Борну должно быть равно приблизительно 3 тыс. человѣкъ. Изъ нихъ шейхъ заботится только о тѣлохранителяхъ, тогда какъ другія войска набираются военачальниками; старинная слава и прежнія сношенія обезпечиваютъ значительный приливъ ихъ. Г. Бартъ описываетъ прохожденіе арміи въ области Володже, по просѣкѣ, на которой возвышались пальмы думъ: „Тяжелая кавалерія, въ ея толстыхъ ватныхъ кафтанахъ или панцырныхъ рубашкахъ и кольчугахъ, въ шлемахъ, сверкающихъ на солнцѣ, почти изнемогающая подъ собственной тяжестью; легко одѣтые шоа на тощихъ, но закаленныхъ лошадяхъ, вооруженные лишь нѣсколькими дротиками; высокомѣрные, самодовольные придворные рабы въ своихъ шелковыхъ тобе; полуобнаженные копейщики канембы, со щитомъ и копьемъ, въ полуразорванномъ передникѣ и берберскомъ головномъ уборѣ, вдали вереница верблюдовъ и вьючныхъ быковъ — все, исполненное мужества и стремящееся въ юго-восточныя области, въ ожиданіи богатой добычи.“

Но этимъ еще не исчерпывается вся сила Борну. Каждый принцъ, чиновникъ и придворный держитъ, чтобы поднять свое значеніе въ глазахъ правителя и народа, полки и отряды, которые находятся въ распоряженіи властителя. Среди этого войска особенно выдѣляется тяжелая кавалерія, въ своихъ длинныхъ кафтанахъ на толстой ватѣ (см. стр. 532), сверхъ которыхъ надѣто нѣсколько тобе (см. рис., стр. 516) различнаго цвѣта и со всевозможными украшеніями, въ шлемахъ изъ легкаго металла, разукрашенныхъ развѣвающимися перьями, на боевыхъ коняхъ, одѣтыхъ въ „либеди“, толстыя одѣяла изъ разноцвѣтной полосатой ткани. Голова лошади покрыта спереди металлической пластинкой. При Рольфсѣ (1866 г.) начали въ Кукѣ отливать небольшія орудія.

Этой военной силы достаточно было бы для поддержанія порядка въ странѣ и для охраненія границъ, если бы военный духъ не находился въ упадкѣ. Исканіе наслажденій и изнѣженность охватывали его въ нашемъ столѣтіи все болѣе и болѣе, и молодое царство Вадаи сдѣлалось опаснымъ соперникомъ Борну, между тѣмъ, какъ полу-покоренныя, платящія дань языческія племена западной границы все болѣе и болѣе уклонялись отъ дани или, какъ вассальный правитель Синдера въ сѣверо-западной части царства, пытались образовать независимыя области. Пророчества о близкомъ паденіи столь мало воинственной династіи султана Омара въ царствѣ Борну, быть можетъ, уже исполнились въ настоящее время. Борну былъ защищенъ своимъ положеніемъ отъ распространенія махдійскаго движенія къ западу и въ послѣдніе годы вступилъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ турками. Но съ тѣхъ поръ, какъ Вадаи побѣдилъ Багирми, Борну, какъ политическая сила, сталъ ниже его, ослабѣлъ отъ внутреннихъ несогласій и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ въ экономическомъ отношеніи вслѣдствіе отклоненія западно- и внутренне-суданской торговли къ Нигеру и Бенуэ. Въ новѣйшее время Борну, какъ слышно, былъ покоренъ и опустошенъ Рабахомъ, предводителемъ шаекъ, вышедшихъ изъ Дарфура.

Въ хозяйственномъ отношеніи главнымъ признакомъ этихъ странъ является переходъ отъ степей восточнаго Судана и ихъ кочевой жизни къ земледѣлію, въ западномъ Суданѣ выступающему, вслѣдствіе лучшаго орошенія, все болѣе и болѣе на первый планъ, отъ низшей и болѣе раздробленной къ высшей и болѣе интенсивной дѣятельности въ промышлен-

ности и торговлѣ, отъ незначительныхъ къ развитымъ сношеніямъ, отъ рѣдкаго къ плотному населенію. Несмотря на первичную лѣсную растительность на берегахъ озера и въ глубокихъ долинахъ, Борну, въ сущности, степная страна. Впадина въ 270 метр. вмѣстѣ съ большимъ озеромъ есть наполовину покрытое водою пространство. Въ центрѣ и на югѣ страны болота не позволяютъ разводить по желанію ни садовыхъ плодовъ, ни земляныхъ орѣховъ, ни хлопка; на сѣверѣ лѣтніе дожди лишь мимоходомъ придаютъ сѣрой, однообразной картинѣ прозрачныхъ рощъ, акацій и зарослей пальмы, думъ весеннюю прелесть. Здѣсь попадаются богатыя натромъ мѣста; здѣсь развивается еще финиковая пальма. Вмѣстѣ съ ними рыхлый песокъ почвы возвѣщаетъ приближеніе пустыни. Пальма думъ образуетъ цѣлые лѣса на западѣ царства. Только въ „коренной странѣ“ Борну степной характеръ становится существенно богаче. Здѣсь проходитъ сѣверная граница пальмы делебъ, и на западѣ царства внушительно выступаетъ баобабъ. На югѣ замѣчается въ отдѣльности масличная пальма, и появляются сказочно-обильное хлопчато-бумажное дерево (Eriodendron) и дынное дерево. Природа Судана достигаетъ здѣсь своего высшаго развитія. Земледѣліе, которое не вездѣ пользуется плугомъ и бороной и даже мотыкой, обращаетъ свое вниманіе прежде всего на воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній — духна, сорго и маиса. Хлопокъ (калькуттонъ) и индиго (алинъ или нила), которые уже своими названіями показываютъ, что они были ввезены арабами, два вида земляныхъ орѣховъ, кунжутъ, бобы и дыни — важнѣйшія изъ прочихъ культурныхъ растеній. Рѣдко отдается преимущество воздѣлыванію пшеницы и ячменя, такъ какъ необходимое для нихъ искусственное орошеніе требуетъ много работы. Молотьба производится съ помощью рогатаго скота или руками. Обработка поля является одновременно работой мужчины и женщины, но на женщинѣ лежитъ еще много тяжелыхъ работъ, которыя послѣ времени жатвы исполняются дома, — приготовленіе масла изъ кунжута и земляныхъ орѣховъ, обработка ядеръ плода геджлиджа и плодовъ пальмы курно и думъ, очистка и пряденіе хлопка, выдѣлка плетеныхъ издѣлій (водонепроницаемыхъ блюдъ и корзинъ), затѣмъ дойка, молотье, варка пищи и сбиванье коровьяго масла. Мужчины, напротивъ, исправляютъ полевыя орудія и другую утварь, дѣлаютъ сосуды изъ дерева и глины, ткутъ, шьютъ, заготовляютъ древесный уголь и соль. При такомъ множествѣ работы (только кузнечное дѣло предоставлено и здѣсь особымъ ремесленникамъ), даже менѣе зажиточнымъ требуется помощь нѣсколькихъ рабовъ и рабынь. Какъ только поле и лугъ достаточно просохнутъ послѣ періода дождей, начинается время поѣздокъ, когда крупные и мелкіе торговцы ѣздятъ въ странѣ по всѣмъ направленіямъ, привозятъ мѣстные продукты на рынки Куки и другихъ болѣе значительныхъ мѣстъ, и въ то же время, благодаря имъ, прокладываютъ себѣ путь въ страну произведенія промышленности, въ томъ числѣ и европейской.

Торговля центральнаго Судана еще немного лѣтъ тому назадъ сосредоточивалась въ Кукѣ. То обстоятельство, что рынокъ въ Кукѣ могъ соперничать съ болѣе промышленнымъ и трудолюбивымъ Кано, между тѣмъ, какъ Борну стоитъ вообще въ хозяйственномъ отношеніи гораздо ниже странъ западнаго Судана, имѣло свою причину въ превосходномъ положеніи этой столицы на конечномъ пунктѣ караванной дороги, ведущей изъ Триполи черезъ Мурзукъ и Бильму, которая до того времени, какъ открылось сообщеніе съ Суданомъ изъ Гвинейскаго залива, была одной изъ самыхъ оживленныхъ въ Африкѣ, а также въ большой свободѣ торговли. „Ни одно ремесло не подлежитъ подати; всѣ товары ввозятся безпошлинно. Даже большіе караваны изъ Судана, изъ Триполи и прочихъ берберскихъ государствъ должны уплачивать вмѣсто пошлинъ лишь небольшую сумму привратнику города... Даже подарки султану и его чинов-

никамъ выходятъ здѣсь изъ употребленій.“ Рольфсъ, изъ отчета котораго мы заимствуемъ эти данныя, принималъ у себя въ Кукѣ купцовъ изъ Триполи, Мурзука, Массара, Мекки и Кано и описываетъ обиліе чужеземныхъ, между прочимъ, и европейскихъ товаровъ на рынкѣ Куки.

II. Фулахи (фульбе) или феллаты[1] и темные народы западнаго Судана.

„Фулы — племя загадочнаго происхожденія, которое въ своемъ чистомъ, первичномъ типѣ далеко отстоитъ отъ негра.“
Г. Бартъ.

„Населеніе странъ Гауссы слагается изъ самыхъ различныхъ племенъ. По большей части, отдѣльныя народности настолько слились между собою, что представляется невозможнымъ выдѣлить нити запутаннаго клубка.“
Штаудингеръ.

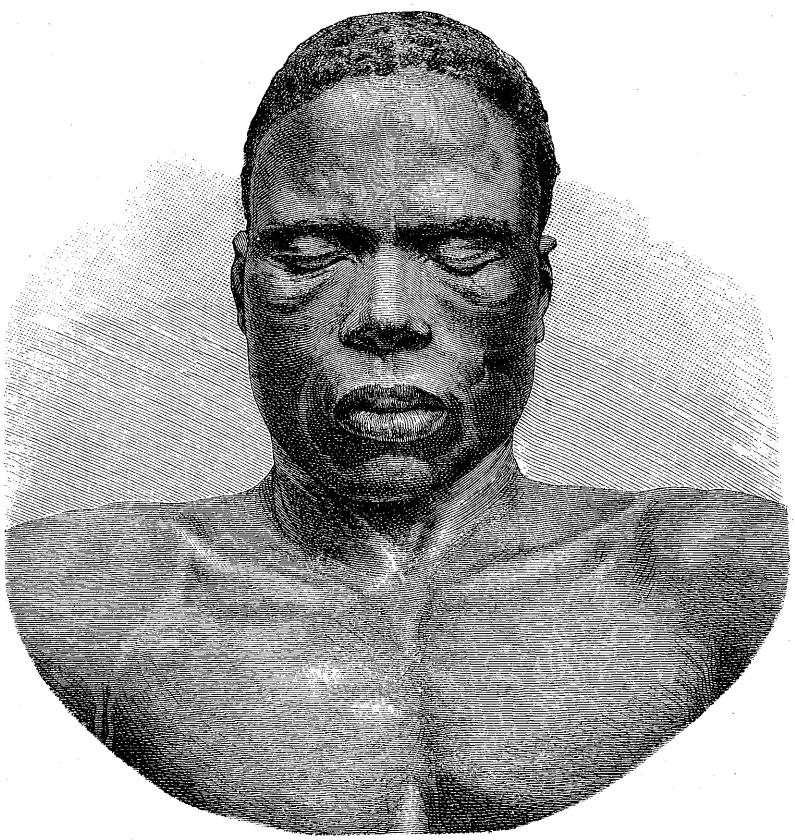
Содержаніе: Положеніе и распространеніе фулаховъ въ Суданѣ. — Взглядъ на ихъ исторію. — Ихъ смѣшеніе съ неграми. Гауссы, мандинги, джолофы. Сереры. Разсѣянныя племена Сенегамбіи. — Черные и красные фулахи. — Физическіе и умственные признаки. — Вѣроятное происхожденіе. — Языкъ. — Основаніе государствъ. — Царство Сокото. Военная система. Вооруженіе. Управленіе. — Основаніе царства Баучи, или Якобы. — Экономическая жизнь. Общество. Одежда. Жилища. Художественный стиль. — Пастушеская жизнь. — Денежная система. Торговля. Ремесленныя касты. — Большіе города.

Мѣсто элемента населенія, отличающагося въ физическомъ и умственномъ отношеніи какъ отъ негровъ, такъ и отъ арабовъ, которое въ среднемъ и восточномъ Суданѣ принадлежитъ канурiямъ и нубійцамъ, въ западномъ Суданѣ занято въ настоящее время народомъ, распространеннымъ между Сенегаломъ и Бенуэ и между Атлантическимъ океаномъ и мѣстностями, прилегающими къ Нилу, въ области, значительно превышающей половину поверхности Европы. Этотъ народъ не заполняетъ самъ ни одной части этой области, но господствуетъ надъ многими и во многихъ мѣстахъ выдѣляется чисто кавказскими расовыми признаками. Въ Сенегамбіи и въ странахъ къ югу отъ него, которыя подходятъ къ Атлантическому океану, фулахи всего далѣе подвинулись къ западу; здѣсь лежатъ также страны ихъ наиболѣе плотнаго распространенія. Въ странѣ Фута-Джалонѣ они образуютъ главную составную часть населенія. Далѣе къ востоку, на обоихъ берегахъ верхняго Нигера, къ юго-западу отъ Тимбукту, они владѣютъ царствомъ Массина и около двухъ десятилѣтій тому назадъ завладѣли баманскимъ царствомъ Сегу. Области между Массиной и среднимъ теченіемъ Нигера также заключаютъ въ себѣ фулахское населеніе. Фулахи въ отдѣльности доходятъ до Туата, и фулахскія дѣвушки продаются въ Марокко въ гаремы. Къ востоку и западу отъ Нигера находятся царства Гандо и Сокото, подчиненныя фулахамъ. Фулахи живутъ и въ Борну, Багирми, Вадаи и Дарфурѣ, но въ этихъ странахъ имъ не удалось еще пріобрѣсти преобладающаго политическаго и религіознаго вліянія. Въ Адамауѣ (Фумбинѣ), напротивъ, по обѣимъ сторонамъ Бенуэ они всего далѣе проникли къ югу и распространяютъ изъ года въ годъ свое царство, полузависимое отъ Сокото, путемъ безпощадныхъ и непрерывныхъ войнъ съ языческими и негрскими народами этой полосы. Если бы имъ не мѣшала европейская

[1] Фульбе, или фулахи (единств. пулло, пёль), есть имя, какимъ называютъ этотъ народъ мандинги; гауссы называютъ ихъ фѣллани, канурiи — феллàта, арабы — фулланы, народы Бенуэ — фульды. Эти названія имѣютъ, повидимому, значеніе „бѣлыхъ“ (абате“), какъ ихъ называютъ въ Коророфѣ, для обозначенія ихъ болѣе свѣтлаго цвѣта кожи отъ цвѣта негровъ. Темныхъ, смѣшанныхъ фулаховъ французы называютъ тукулёрами, свѣтлыхъ португальцы называютъ фута-фулами.

колонизація, они въ нѣсколько десятилѣтій могли бы достичь съ одной стороны средняго теченія Конго, а съ другой — Гвинейскаго залива. Въ этой обширной зонѣ распространенія фулахи живутъ всего плотнѣе на сѣверѣ и западѣ и всего рѣже на востокѣ и югѣ: здѣсь они являются мирными пастухами своихъ стадъ, а тамъ — властителями племенъ, покоренныхъ ихъ оружіемъ, причемъ въ ихъ области лежатъ страны съ преобладаніемъ густого населенія и весьма многолюдные города.

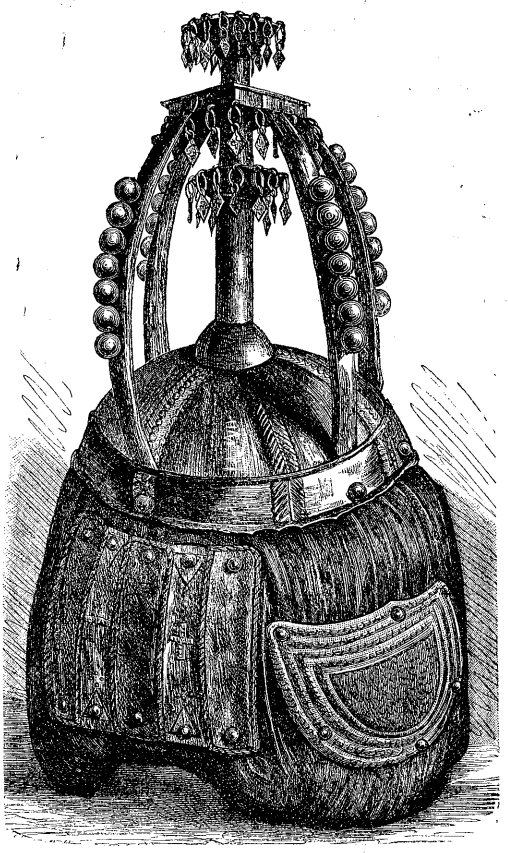
По своему физическому характеру, фулахи не представляютъ единства. Какъ завоевательное племя, распространившееся по обширной



Джолофъ. (Съ личной маски Jardin des plantes, Парижъ.) Ср. текстъ, стр. 551.

полосѣ, они принимали въ себя совершенно различные этническіе элементы. Въ видѣ поразительнаго примѣра, Бартъ приводитъ отдѣлъ племени вакоровъ, которые, сдѣлавшись осѣдлыми въ Гауссѣ, смѣнили свой первоначальный языкъ языкомъ фулаховъ. Въ настоящее время въ Сенегамбіи джолофомъ называютъ чернаго, а фулахомъ (пулло) краснаго человѣка. Но еще въ тѣ времена, когда Ахметъ-Баба писалъ свою исторію Судана, джолофы считались частью великаго народа фулаховъ. Отъ смѣшенія этого элемента съ настоящей фулахской кровью произошла важная составная часть населенія — торобы (торобе, единств. тороде), которые въ Суданскихъ царствахъ, основанныхъ фулахами, занимаютъ мѣсто высшаго сословія, но отличаются тяжелымъ, крупнымъ строеніемъ и совершенно темнымъ цвѣтомъ кожи. Другія народности, поглощенныя фулахами, исчезли среди своихъ покорителей. Въ настоящее время въ фулахскихъ провинціяхъ Гауссѣ и Себби можно найти цехъ маклеровъ, называемыхъ джанамбами (джанамбе); въ XVI в. они составляли особое племя на юго-во-

сточной сторонѣ верхней Джолибы. Это племя, находящееся теперь въ упадкѣ, всего болѣе содѣйствовало ниспроверженію могущественнаго царства сонрхаевъ. Поэтому, если фулахи въ областяхъ, гдѣ лучше сохранился ихъ первоначальный типъ, далеко стоятъ отъ негровъ, то въ своемъ необычайномъ распространеніи, которое можно прослѣдить съ XV в. отъ Сенегала къ востоку, воспринятіемъ чуждыхъ элементовъ, въ особенности въ восточныхъ областяхъ они выработали негро-подобный типъ. Поэтому противополагаютъ свѣтлыхъ и темныхъ или красныхъ и черныхъ фулаховъ, причемъ первые совпадаютъ съ западной, а послѣдніе — съ восточной и южной областями ихъ мѣстообитанія; но не вездѣ такъ бываетъ. И въ Фута-Джалонѣ свѣтлое меньшинство господствуетъ надъ темной массой, а между тѣмъ тѣ и другіе — фулахи. Темные представляютъ признаки смѣшанной расы, трудно поддающейся опредѣленію, а свѣтлые — расу, которая легко можетъ быть описана. Красные или бурые фулахи — тѣ худощавые, свѣтлые люди, которыхъ Рольфсъ называетъ самыми красивыми изъ всѣхъ средне-африканцевъ, а другіе сравниваютъ ихъ съ берберами и абиссинцами. Они славятся живостью пониманія и серьезностью характера. Черные фулахи — мясистые люди, которыхъ Рольфсъ, когда онъ встрѣтилъ ихъ, перейдя черезъ границу Борну, едва могъ отличить отъ негровъ. Другіе различаютъ три вида измѣненія: коренныхъ обитателей, фулаховъ и смѣшанный типъ, какъ мы видимъ это даже въ Фута-Торо, предполагаемой первичной родинѣ фулаховъ. И такъ какъ смѣшеніе съ темными сосѣдями происходитъ быстро, то темные фулахи не только уже теперь образуютъ большинство въ этихъ областяхъ западной Африки, но имъ преимущественно передъ другими принадлежитъ будущее.

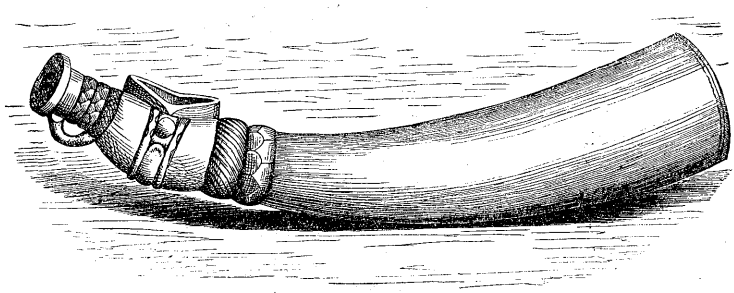


Шлемъ воина-бодинга. (Берлинскій музей народовѣдѣнія.) 1/5 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 558.

Настоящіе фулахи и умственными свойствами отличаются отъ негровъ. Всѣмъ европейцамъ всего болѣе бросаются въ глаза ихъ живость и остроуміе. Ни одинъ народъ Африки не сравнится съ фулахами по преданности своей вѣрѣ и даровитости. Они доставляютъ „праведниковъ“ до самаго Дарфура. Замѣчательно, что фулахи выставляютъ себя передъ неграми въ видѣ бѣлыхъ и даже считаютъ себя выше бѣлыхъ. „Въ физическомъ развитіи джолофы во всякомъ случаѣ стоятъ выше ихъ, но именно ихъ высшее умственное развитіе даетъ болѣе выраженія чертамъ фулаха и не позволяетъ имъ принимать ту однообразную правильность, какую мы видимъ у другихъ племенъ.“ (Бартъ.)

Около XIII и XIV вв. фулахи выступаютъ въ видѣ пастушескаго народа, который, вслѣдствіе того, долженъ былъ обитать въ странѣ, непригодной для земледѣлія, въ областяхъ степей или пустынь. Подобно тому,

какъ родину канурiевъ мы ищемъ въ Тибести, родину фулаховъ мы должны искать въ большихъ горныхъ оазисахъ страны туареговъ. Ихъ языкъ въ своихъ первыхъ зачаткахъ сходенъ съ хамито-семитическими языками. Въ Мелле они приняли магометанскую вѣру; властители Сонрхая сдерживали ихъ силой, пока обладали ею. Изъ ихъ первыхъ (для насъ) мѣстообитаній на нижнемъ Сенегалѣ они уже въ XVI в. переселились къ востоку, на обширномъ разстоянiи, въ довольно большомъ числѣ, и выступили, какъ народъ съ историческимъ значенiемъ, къ востоку отъ Нигера; уже въ началѣ XVII в. фулахскiя племена встрѣчаются въ Багирми. Любопытно видѣть, какъ вначалѣ этотъ народъ старался найти себѣ мѣсто между подчиненными, а не между господствующими. Но, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ обширной области, въ которой онъ жилъ въ раздробленномъ видѣ, онъ незамѣтно разростался; его первое болѣе могущественное выступленiе въ началѣ нашего вѣка поддерживалось уже побѣдоносной силой. Прежде всего въ продолжительное время, когда фулахи еще не имѣли исторiи, исламъ долженъ былъ пустить среди нихъ глубокiе корни; мы видимъ, что религiозный фанатизмъ, при первомъ появленiи ихъ, былъ мощнымъ двигателемъ завоеванiя и покоренiя. Когда въ 1802 г. фулахи своимъ возстанiемъ противъ правителя Гобера подали сигналъ къ большимъ движенiямъ, потрясавшимъ западный Суданъ еще цѣлыя десятилѣтiя, они поднялись вслѣдствiе оскорбленiя ихъ имама, шейха Отмана, который первый былъ ихъ удачнымъ вождемъ и дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, подъ вліянiемъ религiозной ревности. Духовными пѣснями онъ возбуждалъ энергiю своихъ приверженцевъ послѣ каждаго изъ пораженiй, которыхъ имъ приходилось много терпѣть. Отманъ вышелъ изъ борьбы съ язычниками основателемъ большого царства и окончилъ жизнь въ религiозномъ безумiи. Слѣпое почитанiе, какимъ онъ пользовался, доставлялось ему не достоинствами героя или правителя, а его религiознымъ воодушевленiемъ. Одинъ изъ его преемниковъ, воинственный Магометъ Белло еще болѣе расширилъ границы царства, а братъ его Атика съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать царство на высотѣ, на какую поднялъ его основатель. Но уже при Алинѣ, сынѣ Белло, оно начало падать, вслѣдствiе ослабленiя связи между отдѣльными провинцiями, между тѣмъ, какъ одновременно съ тѣмъ уменьшались государственные доходы и военная сила. Тѣмъ не менѣе, это царство держится еще до настоящаго времени, въ видѣ союзнаго государства большихъ и малыхъ княжествъ.



Военный рогъ, изъ слоноваго клыка. Западный Суданъ. (Коллекцiя Church Missionary Society, Лондонъ.) 1/5 наст. велич.

Историческое положенiе фулаховъ основывается на завоеванiи и основанiи государствъ. Ихъ воинственный характеръ не позволяетъ сомнѣваться, какъ это показали ихъ правители, что они умѣютъ властвовать. Фулахи появились на исторической сценѣ не какъ готовый культурный народъ, а какъ простые пастухи, съ подъемомъ и распространенiемъ которыхъ шелъ одновременно процессъ физическаго регресса, вслѣдствiе смѣшенiя съ коренными, темными народами: въ настоящее время нельзя найти уже ни одного чистаго фулаха. При первомъ появленiи они были номады, безъ взаимной связи, съ полуварварскими нравами, на верху

своего могущества они были меньшинствомъ среди покоренныхъ племенъ, вступавшихъ съ ними въ самыя тѣсныя сношенія, и въ упадкѣ были почти поглощены этимъ большинствомъ. Поэтому фулаховъ нельзя судить по образцу римлянъ, которые среди равныхъ поднялись до господства надъ равными, а скорѣе ихъ можно сравнить съ испанцами Южной и Средней Америки, которые сперва покорили индѣйцевъ и подняли ихъ до извѣстной культурной высоты, а затѣмъ медленно поглощались и отчасти принижались ими. Не основаніе государствъ составляетъ ихъ конечную цѣль, а сліяніе съ покоренными народами, среди которыхъ они являются бродиломъ, обусловливающимъ высшее умственное и физическое развитіе. Недаромъ Бартъ называетъ фулаховъ самымъ интеллигентнымъ изъ всѣхъ племенъ Африки.

Какъ нѣкогда предки фулаховъ, такъ кочуютъ въ настоящее время арабскія пастушескія племена въ западной Сахарѣ, но туареги вдвигаются, какъ стѣна, между ними и страною Нигеръ-Бенуэ. Они никогда не представляли тамъ политической силы, между тѣмъ, какъ туарегамъ недостаетъ теперь только численности, чтобы сдѣлаться единственнымъ, опаснымъ врагомъ фулаховъ. Въ Кано арабовъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ западнаго Судана, и къ нимъ надо причислить еще мавровъ изъ прибрежныхъ городовъ сѣверной Африки; этотъ городъ, какъ средоточіе арабскаго элемента на западѣ Судана, можно сравнить съ столицею Вадаи на востокѣ. Этническимъ признакомъ западнаго Судана служитъ слабое представительство арабскаго элемента, что̀ создаетъ иныя условія для дѣятельности фулаховъ. Вліяніе кочующихъ арабскихъ племенъ на центральныя заключаетъ въ себѣ одно изъ главныхъ отличій отъ западнаго Судана.

Тотъ, кто въ западной Африкѣ направляется внутрь страны, не сразу наталкивается на этихъ свѣтлыхъ людей, составляющихъ меньшинство, а на негрскіе народы, съ великимъ прошлымъ. Гауссы, мандинги и джолофы являются здѣсь представителями значительныхъ, хотя и быстро исчезнувшихъ, формъ историческаго развитія. Здѣсь намъ вспоминаются страны вагумовъ въ области истоковъ Нила. Эти негрообразные народы, при ихъ культурномъ преобладающемъ положеніи, своими языческими обычаями и вѣрованіями вдвойнѣ рѣзко отличаются отъ своихъ властителей и отъ магометанскихъ царствъ Судана по ту сторону границъ. Тамъ, гдѣ эти негры были всего безпощаднѣе оттѣснены и покорены, какъ, напр., въ Фута-Джалонѣ, возникали самыя прочныя государства, оказывавшія наибольшее сопротивленіе европейцамъ. Намъ приходится признать здѣсь множество внутреннихъ различій, но было-бы напраснымъ трудомъ доискиваться общей причины, по которой въ теченіе столѣтій одна народная волна съ большею силою катилась за другой. Здѣсь лишь оправдывается заключеніе — чѣмъ пестрѣе этнографическая картина, тѣмъ моложе исторія этихъ движеній; чѣмъ цѣльнѣе характеръ населенія, тѣмъ дольше его элементы были предоставлены взаимному вліянію. Общепризнаннымъ фактомъ является наиболѣе пестрое и быстрое смѣшеніе въ городахъ. Сарія, бывшая во времена Клаппертона молодымъ фулахскимъ городомъ, произвела на Штаудингера впечатлѣніе чистаго гауссскаго города. Мы видимъ здѣсь передъ собою негровъ, но такихъ, которые, отчасти преобладаніемъ у нихъ благородныхъ чертъ, отчасти своей исторической культурной дѣятельностью, выказываютъ дѣйствія чуждыхъ вліяній. Эти вліянія мы не можемъ представить себѣ безъ физическаго смѣшенія. Высокодаровитые мандинги принадлежатъ къ самымъ некрасивымъ неграмъ. Какъ показываетъ полоса отсталыхъ негровъ на морскомъ берегу, здѣсь происходило медленное расовое разложеніе и развитіе изнутри страны; поэтому народы пустыни такъ же, какъ и въ центральномъ Суданѣ, вѣроятно, оказывали на нихъ стимулирую-

щее дѣйствіе. Въ особенности экономическія дарованія и формы развитія темныхъ народовъ этой области надо поставить высоко надъ свѣтлыми народами, вторгавшимися туда, какъ арабами, такъ и фулахами. Мандинги и родственные имъ народы — карѳагеняне, а фулахи — римляне западнаго Судана (Дёльтеръ). Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ стоятъ на низшей ступени и что уровень культуры вообще понижается къ западу. Существенное преимущество фулаховъ и арабовъ передъ исторически выработанными и высоко стоящими въ экономическомъ отношеніи гауссами и мандингами состоитъ только въ способности образованія и поддержаніи государствъ, которая быстро ослабѣваетъ въ хаосѣ негрской раздробленности и боязливости. И гауссы, и мандинги считаются теперь трусливыми людьми, и, хотя провинціи царства фулаховъ часто должны были склоняться передъ возстаніями слабыхъ народцевъ, разрывавшихъ даже связь между главными городами Сокото, Ганду, Сарія и др., это сводится къ неспособности темной массы къ самозащитѣ. „Гауссы“, которыхъ примѣняютъ въ европейскихъ колоніяхъ западной Африки въ качествѣ полицейскихъ и вербуютъ по преимуществу въ Лагосѣ, по большей части, — не настоящіе гауссы, а лишь говорящіе по гаусски горные негры и т. п.; внутренніе гауссы — племя не воинственное.

Алжирскій негръ, родомъ изъ западнаго Судана. (По фотографіи изъ коллекціи д-ра Прунеръ Бея.)

Гауссы, бывшіе нѣкогда господствующимъ народомъ и теперь еще вліятельные въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, принимаютъ къ себѣ примыкающихъ къ нимъ извнѣ фулаховъ, какъ въ прежнее время ихъ предки, стоявшіе еще ближе къ неграмъ, воспринимали народныя волны съ сѣвера и съ востока. Отношенія къ туарегамъ составляютъ старый, твердо обоснованный фактъ, и уже Бартъ указывалъ родство съ берберами благородныхъ фамилій въ Гобирри, родинѣ гауссовъ. Насколько распространился исламъ, распространяется и здѣсь новѣйшая примѣсь болѣе свѣтлыхъ элементовъ. Языческіе народы, по большей части, вытѣсненные въ горы или къ западу, сохранились въ болѣе грубомъ и болѣе чистомъ видѣ, но мы знаемъ ихъ слишкомъ мало. Несомнѣнно, что ихъ всѣхъ никакъ нельзя назвать очень темными и негрообразными; акполы по цвѣту кожи даже подходятъ близко къ фулахамъ. Къ нимъ примыкаютъ на западѣ, въ большинствѣ, также языческіе народы, близко родственные имъ, — іорубы (іоруба) и нупеи (нупе), которые въ пространственномъ отношеніи представляютъ переходъ къ береговымъ племенамъ, самымъ негрообразнымъ

изъ всѣхъ; быть можетъ, они немного темнѣе и при этомъ искуснѣе и дѣятельнѣе гауссовъ. Ни Кано, ни Сарія не доставляютъ такихъ тонкихъ тканей, какъ іорубскій городъ Илоринъ. На берегу, т. е. на окраинѣ, вмѣстѣ съ стариннымъ язычествомъ удержалось многое старинное въ обычаяхъ и даже въ расѣ, болѣе, чѣмъ внутри западнаго Судана.

Мандинги (мандинго) — самый распространенный и наиболѣе развитой въ культурномъ отношеніи изъ народовъ западнаго Судана. Ихъ негрообразная внѣшность при высокомъ ростѣ не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно ихъ даровитости; болѣе всякаго другого народа этой области, они примкнули къ европейцамъ и поселились въ европейскихъ колоніяхъ. Они занимаютъ область между Сенегаломъ, Нигеромъ, Сьеррой Леоне и Гамбіей и достигаютъ во внутренней части Золотого берега до берегового склона Мандингской плоской возвышенности. Отъ ихъ ядра, отъ страны Мандингъ, на водораздѣлѣ между Нигеромъ и Сенегаломъ, ранѣе завоевательныхъ движеній фулаховъ, здѣсь распространялось обширное царство, доходившее на востокѣ до Нигера. Оно было раздроблено еще прежде, чѣмъ фулахи вошли, какъ клинья, въ его свободные промежутки, и процессъ распаденія и новообразованія былъ здѣсь такой-же, какъ и у гауссовъ.

Алжирскій негръ, родомъ изъ западнаго Судана. (По фотографіи изъ коллекціи д-ра Прунеръ Бея.)

Этнографическая картина нигдѣ не представляетъ такихъ рѣзкихъ контрастовъ, какъ въ западномъ и среднемъ Суданѣ. Рядомъ съ почти обнаженными биссагосами и флупами, мы видимъ художественныхъ мандинговъ и властныхъ фулаховъ, рядомъ съ низко стоящими по своей лѣни папелями — дѣятельныхъ гауссовъ. Въ восточномъ Суданѣ выравниванье пошло гораздо дальше; этнографическая картина тамъ производитъ впечатлѣніе чего-то болѣе давняго. По ту сторону Сьерры Леоны выступаютъ народы внутренней части страны, которые также стремятся массами къ берегу: здѣсь Суданъ доходитъ до моря; при этомъ соединяются сѣверныя и восточныя вліянія. Арабизированныя берберскія племена, тцарцы и ихъ родственники, подступающіе съ сѣвера къ нижнему Сенегалу и переходящіе за него, на $^{19}/_{20}$ обратились въ негровъ; но они гордятся своимъ сѣвернымъ происхожденіемъ, считаютъ себя подданными Марокскаго султана и принадлежатъ къ фанатическимъ послѣдователямъ ислама. Джолофы, относящіеся къ самымъ темнымъ неграмъ (см. рис., стр. 546), но въ то же время заключающіе въ себѣ много сильныхъ, хорошо сложенныхъ людей съ интелли-

гентными лицами (большинство принадлежащихъ къ нимъ лаптотовъ, вѣроятно, испорченное matelot, считаются превосходными солдатами и такими же ревностными мусульманами), нѣкогда выступали за Сенегалъ, но были оттѣснены маврами. Въ ихъ обширной области, между Сенегаломъ, Фалемэ и Гамбіей, джолофы — почти безъ исключенія мусульмане. Христіанство имѣло немного успѣха между ними. Ихъ смѣшеніе съ маврами и на лѣвомъ берегу Сенегала послужило поводомъ къ образованію небольшихъ смѣшанныхъ народцевъ; въ ихъ языкъ перешли арабскія слова, такъ же, какъ мандингскія и фулахскія. Ихъ южные сосѣди, рослые сереры, барбасины португальцевъ, являются ихъ ближайшими родственниками по языку, но они въ большей мѣрѣ подверглись вліянію мандинговъ и фулаховъ, которые въ XV в., вѣроятно, вытѣснили ихъ сюда изъ области верхней Казаманки. Они и въ настоящее время управляются фулахскимъ духовнымъ лицомъ; тѣмъ не менѣе, въ массѣ сохранилось язычество подъ покровомъ ислама. Обрѣзаніе было у нихъ, повидимому, стариннымъ обычаемъ. Болѣе свѣтлокожіе сараколеты (сараколехи), или сонинки, принадлежатъ къ мандингскому семейству; главное мѣстопребываніе ихъ находится на среднемъ Сенегалѣ, но они разсѣяны по всей Сенегамбіи. Къ нимъ ближе всего стоятъ касонки (касонке), обладающіе сомнительнымъ преимуществомъ доставлять „гріотовъ“ (см. ниже, стр. 555) для цѣлой страны. И въ Сенегамбіи низшія племена оттѣснены къ морскому берегу, къ которому медленно подвигаются изнутри племена болѣе развитыя. Папели и флупы — почти обнаженныя, отчасти живущія весьма скудно племена, изъ которыхъ первые болѣе занимаются торговлей, а послѣдніе земледѣліемъ и скотоводствомъ. Къ флупамъ примыкаютъ баланты (баланта). Флупы живутъ къ югу отъ рѣки Казаманки до рѣки Доминго, папели — далѣе къ югу, а къ востоку отъ нихъ баланты. Они принадлежатъ къ тѣмъ настоящимъ неграмъ, которыхъ обыкновенно противопоставляютъ мандингамъ, гауссамъ и джолофамъ, какъ коренныхъ жителей, каковы біафады на Ріо-Глеба, налусы на Ріо-Нуньесъ и биссагосы на островахъ того же имени и противолежащемъ материкѣ, наконецъ, малочисленные манджаги на островахъ Болама и Галинья и при истокѣ Ріо-Гранде, которые, болѣе тѣсно примыкая къ европейцамъ, поднялись на высшую ступень въ сравненіи съ другими и сдѣлались до извѣстной степени полезными.

Въ политическомъ отношеніи признакомъ негрскихъ народовъ этой области служатъ раздробленность и слабость между тѣмъ, какъ болѣе свѣтлые народы, сплачиваясь между собою, завоевываютъ ихъ и господствуютъ надъ ними; даже ихъ отбросы стараются создать изъ легко подчиняющихся черныхъ матеріалъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Первая цѣль маврскаго или фулахскаго предпринимателя заключается въ пріобрѣтеніи для услугъ ему самому и людямъ одной партіи съ нимъ извѣстнаго количества рабовъ изъ покореннаго народа. Это служило началомъ большихъ государствъ, но и большихъ пустынь. Байоль проѣхалъ между Корехомъ и Бафулабехомъ пустыню въ 85 км. шириною. Уже 200 лѣтъ, какъ въ фулахскихъ странахъ господствуетъ военное положеніе. Сложилась поговорка, что въ западномъ Суданѣ каждый отдѣльный переселяющійся фулахъ является зародышемъ будущаго господства надъ его темными сосѣдями. Вначалѣ скромный, даже презираемый, онъ поднимаетъ голову, какъ скоро чувствуетъ за собой поддержку нѣсколькихъ соплеменниковъ, и увеличеніе числа ихъ на каждомъ мѣстѣ такъ же прочно, какъ и ихъ взаимная связь. Только небольшія части населенія, удаляющіяся въ неприступныя естественныя крѣпости, остаются свободными отъ распаденія; крѣпкое политическое расчлененіе небольшихъ негрскихъ государствъ запада можно замѣтить только въ видѣ остатковъ. Правленіе джолофовъ, во главѣ котораго въ Кайорѣ стоитъ дамель, а въ Уало — бракъ, вообще довольно слабо. Власть находится въ рукахъ начальниковъ, которые управляютъ нѣсколькими, а

иногда и одной деревней, и „король“ проявляетъ свою верховную власть только въ исключительныхъ случаяхъ.

При вторженіи фулаховъ здѣсь развились отношенія, трудно понятныя европейцу — крѣпостничество, близко подходящее къ рабству. Крѣпостные живутъ въ особыхъ деревняхъ, обработываютъ, наряду съ полемъ своего господина, свое собственное, могутъ свободно вступать въ бракъ, но привязаны къ мѣсту. Эта система вмѣстѣ съ настоящимъ рабствомъ встрѣчается въ Фута-Джалонѣ. Прежде, чѣмъ здѣсь проявились смѣшенія и заимствованія языка, этому misera plebs предоставлялись вполнѣ не только земледѣліе, но и ремесла, и торговля. Выдающееся положеніе, какъ нигдѣ въ другихъ негрскихъ странахъ, занимаютъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніи города въ фулахскихъ странахъ, центры власти, во главѣ которыхъ стоятъ принцы правящей фамиліи или избранные горожане знатнаго положенія, и изъ которыхъ медленно распространяется политическое и экономическое вліяніе на окружающія области.

Этотъ ходъ развитія выказываетъ вполнѣ ясно небольшое царство Баучи, главный городъ котораго Гаро-н-Баучи извѣстенъ болѣе подъ арабскимъ именемъ Якобы. Якоба происходилъ отъ княжеской семьи въ горахъ Іоли, которая владѣла тамъ небольшимъ негрскимъ царствомъ, рано прибылъ въ Сокото и былъ обращенъ въ исламъ. Такъ какъ въ Сокото онъ представилъ доказательства большого рвенія къ исламу, султанъ отдалъ ему въ ленное владѣніе область къ югу отъ Кано до Бенуэ, гдѣ вновь основанная столица, свободная отъ таможенныхъ пошлинъ, быстро сдѣлалась любимымъ рынкомъ гадамесцевъ. Якоба подчинилъ себѣ мелкія окрестныя владѣнія и заключилъ даже съ языческими фулахами и другими невѣрными договоры, въ которыхъ за ихъ подчиненіе онъ обезпечивалъ имъ неприкосновенность отъ рабства. „Такимъ образомъ, здѣсь внутри Африки мы находимъ примѣръ формальнаго Habeas Corpus Act.“ (Г. Рольфсъ.) Если вся эта исторія развитія выказываетъ государствообразовательную силу туземцевъ, то вдвойнѣ интересно видѣть, какъ туземный элементъ быстро отступилъ на второй планъ и допустилъ свободное образованіе изъ Якобы фулахскаго государства, которое наряду съ Адамауей, Зегзегомъ и пр. заняло мѣсто въ числѣ государствъ, платящихъ дань Сокото. Противоположеніе между красными властителями и черными подданными было неизбѣжно, какъ и повсюду въ фулахскихъ царствахъ. Если династія была мѣстною, то своимъ подчиненіемъ власти Сокото, своими связями съ фулахами, способомъ правленія, заимствованнымъ отъ фулаховъ, она вполнѣ могла бы считаться фулахскимъ правительствомъ. Вообще, едва только Якоба установилась, фулахи стали наводнять новое царство и получать при поддержкѣ Сокото лучшія мѣста, между тѣмъ, какъ въ то же время стоявшіе выше въ экономическомъ отношеніи гауссы стали доставлять господство своему языку даже при дворѣ Якобы.

До настоящаго времени фулахи — властители западнаго Судана, и связь между этими государствами, которая будто-бы перестала существовать, до сихъ поръ еще вызываетъ удивленіе европейцевъ. Руководящее и господствующее государство Сокото по величинѣ и силѣ уступаетъ Адамауѣ, Зегзегу и Якобѣ, и въ Сокото фулахи такъ же находятся въ меньшинствѣ, какъ и въ названныхъ царствахъ, за единственнымъ исключеніемъ Адамауи. Съ внѣшней стороны двигательнымъ элементомъ въ исторіи фулаховъ является исламъ, которому они преданы фанатически, который они освободили отъ идолопоклонническихъ примѣсей гауссовъ и который они еще въ наше время путемъ кровавыхъ походовъ распространили и въ языческихъ странахъ. Вслѣдствіе того, Магометъ-эль-Тунизи могъ объяснить себѣ весь подъемъ фулаховъ въ нашемъ столѣтіи, какъ дѣло религіозной реформы, и Рольфсъ, Флегель и Штаудингеръ видѣли конечную связь этихъ государствъ въ религіозной сплоченности. Несо-

мнѣнно также, что въ относительно чистыхъ фулахскихъ странахъ, каковы Фута-Джалонъ и Фута-Торо, господствуетъ теократическое правленіе. При всей воинственности и всей жестокости способа веденія войны, съ самаго начала въ этихъ основаніяхъ государствъ чувствовалось убѣжденіе. При религіозныхъ наклонностяхъ фулаховъ, преходящая сила меча не была единственной государствообразовательной силой. Фулахскія государства, подобно другимъ, среди спокойствія мира утрачивали воинственный духъ и, тѣмъ не менѣе, держались крѣпко. Въ этихъ странахъ, впрочемъ, надо считаться и съ экономическимъ развитіемъ. Рабочіе люди Кано или Бидды умѣютъ лучше, чѣмъ средне-африканскіе народы, цѣнить счастье мира. Вообще фулаховъ нельзя назвать воинственными въ смыслѣ зулусовъ или вагандовъ; на это указываютъ уже первичная простота и скудость ихъ вооруженія: лукъ и стрѣлы составляютъ у нихъ до сихъ поръ единственное, но превосходно употребляемое оружіе. Основатели государствъ естественно почувствовали вскорѣ потребность въ болѣе крѣпкой, вооруженной силѣ, и поэтому въ Сокото, такъ же, какъ въ Борну, мы находимъ отряды панцырныхъ всадниковъ, вооруженныхъ мечомъ, копьемъ и щитомъ и составляющихъ главное войско. Короткій, кинжалообразный мечъ западныхъ африканцевъ, и помимо рядовъ войска, выступаетъ тамъ въ разнообразныхъ, ярко разукрашенныхъ формахъ. Къ худшему для себя, свободные люди держатся далеко отъ военной службы, между тѣмъ, какъ постоянныя войска, панцырные всадники и стрѣлки изъ лука, не исключая и вождей, состоятъ изъ рабовъ. Это, правда, смягчаетъ ихъ участь, но веденіе войны бываетъ недостаточно энергичнымъ. Въ военное время можетъ быть призванъ къ оружію каждый, способный носить его.

Фулахскія правительства во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ правительствъ другихъ магометанъ въ Суданѣ, причемъ ясно выступаютъ различія ихъ основъ. Положеніе правителя свободнѣе, отвѣтственнѣе и, поэтому, вліятельнѣе. У фулаховъ предоставляется даже самымъ низшимъ обращаться къ султану (Гаусса-Серики) со своими дѣлами. По новѣйшимъ свидѣтельствамъ, правитель Сокото до сихъ поръ имѣетъ видъ простого человѣка, управляющаго своимъ имѣньемъ. Въ противоположеніи съ этой простотой отношеній является придворная пышность съ мѣстами и титулами, доходящая въ Якобѣ или Адамауѣ до такихъ же большихъ размѣровъ, какъ и въ церемоніальномъ Борну. На первомъ мѣстѣ стоитъ наслѣдникъ престола, и за нимъ „галадима“, который бываетъ при всѣхъ этихъ дворахъ; обыкновенно ему предоставляютъ сношенія съ подчиненными султанами. Третье мѣсто занимаетъ казначей. За нимъ идутъ главнокомандующій войска, тайный совѣтникъ султана, управитель дворца и глава гаремныхъ евнуховъ. Къ нимъ относится еще маламъ, прочитывающій и пишущій письма, и судья. При дворѣ Якобы Рольфсъ отводитъ четвертое мѣсто завѣдующему цехомъ кузнецовъ. Это выдающееся положеніе основывается на общественной системѣ фулаховъ, которая признаетъ также завѣдующихъ рынками, портными, мясниками и т. д. Особымъ положеніемъ пользуются главные представители извѣстныхъ національныхъ группъ отдаленныхъ провинцій. Такъ, при дворѣ Якобы находится сановникъ, именуемый „сеннoа“, который поставленъ надъ всѣми не-фулахами и къ которому должны обращаться со своими дѣлами всѣ послѣдующіе переселенцы. Евнуховъ рѣже можно найти при здѣшнихъ дворахъ, чѣмъ въ восточныхъ странахъ Судана.

Остальное управленіе страны состоитъ, въ сущности, въ собираніи дани и въ судоговореніи, причемъ верхними инстанціями являются главный судья и король. Въ этихъ предметахъ выказывается различіе между іерархическимъ порядкомъ свободныхъ фулахскихъ государствъ, съ ихъ ступенями деревенскаго старшины, имама и правителя (который въ то же время марабутъ), и чистымъ деспотизмомъ основаннаго на за-

воеваніи государства, какъ Сокото. Здѣсь, впрочемъ, употребительна и покупка мѣстъ, что̀ естественно ведетъ къ возможной эксплуатаціи народа его намѣстниками. Дань, платимая Якобой Сокото, состоитъ въ ежегодной отправкѣ рабовъ, сурьмы, соли и раковинъ. Кромѣ того, верховный властитель налагаетъ иногда произвольные поборы довольно страннаго характера. Если онъ кому-нибудь долженъ или хочетъ кому-либо сдѣлать подарокъ, то онъ посылаетъ къ своимъ данникамъ требованіе внести эту сумму. Къ государственнымъ доходамъ принадлежатъ также и пограничныя пошлины, которыя взимаются натурой или раковинами. Главные предметы ввоза составляютъ скотъ и соль: на самомъ дѣлѣ, западные фулахи въ своей новой южной родинѣ запустили скотоводство, и соль, добываемая изъ коры дерева руно, далеко уступаетъ соли пустыни и сѣвернаго Борну.

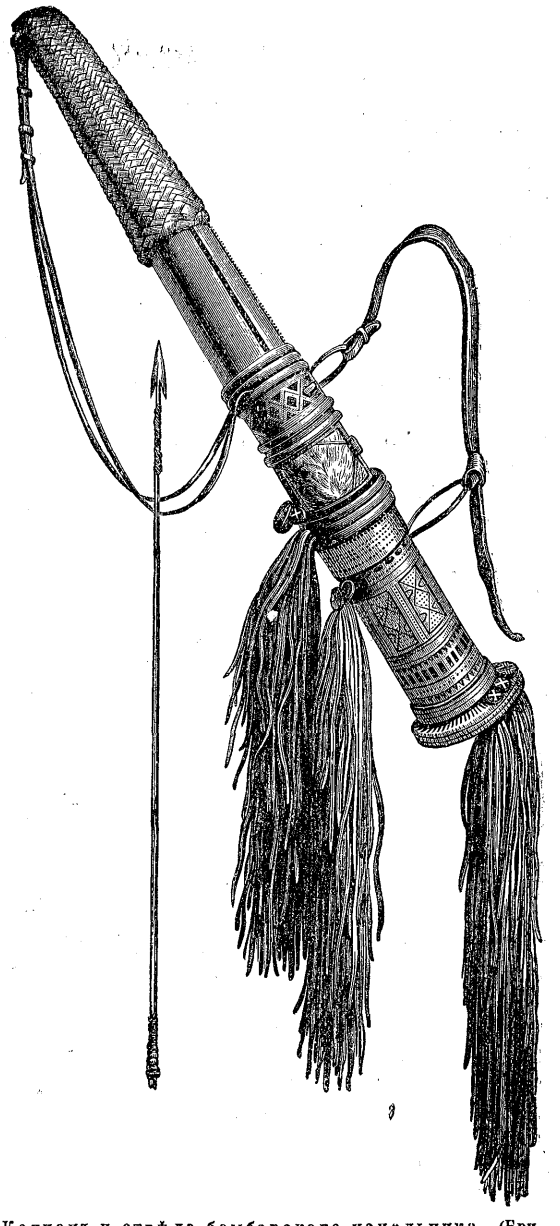
Общество у всѣхъ этихъ народовъ дѣлится на князей, начальниковъ, обыкновенныхъ людей и рабовъ. Большую роль играютъ рабы короля, занимающіе мѣста солдатъ и чиновниковъ и заявляющіе притязаніе на высшія мѣста въ государствѣ. Если рабство имѣетъ здѣсь мягкій характеръ, то тѣмъ болѣе жестокій имѣютъ охота за рабами и торговля ими. Здѣсь, какъ въ Борну или Багирми, предпринимаются большіе походы съ цѣлью похищенія рабовъ. Впрочемъ, на сѣверѣ для этого уже мало простора, и многіе языческіе народы оставляются въ покоѣ въ силу договоровъ, но изъ Нупе, Баучи, Мури и въ особенности Адамауи ловля людей производится въ большомъ размѣрѣ. Положеніе женщинъ и здѣсь, въ особенности благодаря ихъ оживленной дѣятельности, не вполнѣ приниженное. Нравственность у свѣтлыхъ фулаховъ выше, чѣмъ у ихъ темныхъ подданныхъ, но магометанскіе джолофы, мандинги и герры не всегда стоятъ въ этомъ отношеніи выше язычниковъ. Слѣды материнскаго права особенно замѣтны въ порядкѣ наслѣдованія правящихъ домовъ.

Исламъ разростается по направленію отъ сѣвера къ югу. Впрочемъ, настоящими магометанами можно назвать только жителей городовъ и переселяющихся съ сѣвера фулаховъ и мандинговъ; среди нихъ достаточно распространено и знакомство съ арабскимъ языкомъ. Негры, въ особенности гауссы, болѣе равнодушны къ вѣрѣ, чѣмъ ихъ свѣтлокожіе властители. А. Раффенель дѣлитъ народы въ Сенегамбіи на a) религіозныхъ: мавры, фулахи изъ Фута, Бонду и Фута-Джалона, серраколеты; b) равнодушныхъ: мандинги изъ Бамбука, Воолли и Тенды, фулахи изъ Кассона; c) не религіозныхъ: бамбарры и нѣкоторыя племена мандинговъ къ востоку отъ Фалемэ. Рольфсъ въ странѣ между Бенуэ и Нигеромъ считаетъ магометанами треть населенія; мандинги всѣ исповѣдуютъ магометанскую вѣру только въ царствѣ Малинке, по ту сторону водораздѣла Нигера и Гамбіи. Прежде всего исламъ является двигателемъ и средствомъ для вторженій и войнъ съ язычниками: обращеніе означаетъ покореніе. И для покоренныхъ онъ вскорѣ представляется средствомъ пріобрѣтенія власти. Наиболѣе аскетическіе и нетерпимые негры всегда бываютъ самыми властолюбивыми. Несомнѣнно, впрочемъ, что исламъ поднимаетъ нравственный уровень: на этомъ народномъ полѣ онъ уничтожилъ много сорныхъ травъ. Это въ особенности можно сказать объ искорененіи часто столь безсмысленной вѣры въ фетишей, съ ея человѣческими жертвами и другими неистовствами. Характерно, что почитатель фетиша на Золотомъ берегу Сенегамбіи превратился въ гріота, т. е. шута, площаднаго пѣвца, фокусника и лѣкаря-шарлатана. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того вліяніе благочестивыхъ мусульманъ тѣмъ болѣе поднимается. Поэтому не легко въ нравахъ и обычаяхъ этихъ народовъ выдѣлить магометанскій элементъ, насколько онъ отразился въ сказаніяхъ и поговоркахъ, и гораздо легче, напротивъ, отмѣтить негрскія черты: къ послѣднимъ принадлежатъ жертвоприношенія рогатаго скота на могилѣ джолофовъ, разрѣшеніе, какое у этого народа

дается каждому, высказывать передъ трупомъ всякую правду объ умершемъ, и ихъ сохраняющаяся до сихъ поръ, несмотря на приниженное положеніе гріотовъ, глубоко коренящаяся вѣра въ колдовство. Исламъ измѣняетъ жизнь негровъ съ внѣшней стороны, какъ, напримѣръ, въ одеждѣ. У негровъ Сенегамбіи мы находимъ самую отвратительную грязь, такъ какъ они нагружаютъ себя тяжелыми кафтанами и нерѣдко носятъ на себѣ все свое имущество. Политическое вліяніе мусульманскаго духовенства особенно велико при дворахъ, гдѣ они необходимы, какъ толкователи корана и знатоки священнаго писанія. Въ школахъ, куда дѣти бѣгаютъ со своими деревянными досками, эти духовныя лица развиваютъ полезную, хотя и ограниченную дѣятельность. Странствующіе марабуты разносятъ энергичную пропаганду въ глубину языческихъ странъ; это легко удается имъ, потому что они почти всегда, подъ предлогомъ торговли, являются представителями матеріальнаго прогресса.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ мы находимъ большую простоту одежды и образа жизни. Весьма распространено доходящее до колѣнъ тобе (гаусская „рига“; см. рис., стр. 516), которое распространено и во внутреннемъ Суданѣ, и при этомъ бѣлыя шаровары; но въ непосредственной близости къ Баучи выступаетъ опять то же прикрытіе спереди древесными листьями, какъ въ Уэлле. Туземцевъ на верхнемъ Бенуэ, въ странѣ дженовъ и дультовъ, находящихся до сихъ поръ подъ управленіемъ фулахскаго губернатора въ Мури, Флегель описываетъ какъ почти первобытныхъ дикарей. Они носятъ вокругъ бедръ кусокъ шкуры или ткани, вооружены копьемъ и ножемъ, въ видѣ кинжала, въ ножнахъ, который они прикрѣпляютъ кожанымъ ремнемъ къ нижней части руки и, кромѣ того, двухили трехконечными бичами изъ кожи айю (манати), съ рукояткой, обтянутой крокодиловой кожей. Женщины и дѣти часто ходятъ совершенно обнаженными. Они носятъ на поясѣ или на верхней части руки плетенье изъ соломы, шириною въ палецъ, желтаго и краснаго цвѣта. Изъ другихъ предметовъ украшенія можно отмѣтить головныя шпильки и браслеты изъ желѣза или слоновой кости, кожаные шнурки съ когтями пантеры, небольшіе рога антилопы въ видѣ амулетовъ, маленькіе кошельки съ мускусомъ, кожаныя сумочки съ изреченіями корана, которыя они носятъ на шеѣ, вмѣстѣ съ волшебными рогами. Но эта скудость уже не такъ велика въ оазисахъ, лежащихъ въ областяхъ съ развитыми путями сообщенія. Произведенія промышленности Кано распространяются до самаго морского берега. Чѣмъ болѣе развита торговля, тѣмъ болѣе является бумажныхъ тканей и тѣмъ обильнѣе одежда. При тяжелой работѣ, она во всякомъ случаѣ снимается или заворачивается, такъ что остается только треугольное прикрытіе спереди. Эта одежда распространилась уже далеко на югъ. Даже пословъ правителя Бассамы на Бенуэ Флегель описываетъ, какъ имѣющихъ наполовину мусульманскій видъ. Его вниманіе обратилъ на себя короткій, закругленный внизу мечъ, украшенный кожей или кисточками, который носятъ на кожаномъ поясѣ при бедрѣ (см. рис., стр. 458); желѣзные щипчики въ кожаномъ футлярѣ, называемые „чадде“ (для извлеченія иглъ колючихъ растеній), составляютъ необходимую принадлежность костюма. Матеріи для одежды, по преимуществу не бѣленыя, синія или свѣтло-голубыя съ клѣтками, почти всегда туземныя произведенія, и гауссы, отказываясь отъ пестрыхъ ситцевъ европейскаго производства, свидѣтельствуютъ этимъ о своемъ хорошемъ вкусѣ. Въ качествѣ прикрытія головы, широко распространенъ тюрбанъ изъ бѣлой кисеи, нѣсколько полосъ которой во время путешествій, въ подражаніе туарегамъ, набрасываются на лицо. На сѣверѣ, въ особенности въ странѣ Кано, а также и въ Нупе, носятъ черныя и желтыя соломенныя шляпы, оригинальной, вздутой формы.

Рабы съ короткими шерстистыми волосами стригутъ или брѣютъ ихъ на всевозможные лады; фулахи съ кудрявыми волосами часто выбриваютъ, по арабскому обычаю, всю голову и оставляютъ только „прядь пророка“. Сѣверные фулахи любятъ заплетать волосы въ многочисленныя мелкія косички, къ которымъ привѣшиваютъ раковины или металлическія пластинки. Кромѣ того, у нихъ встрѣчаются слѣды подпиливанья зубовъ, которое они, быть можетъ, заимствовали у мандинговъ. Нѣкоторыя языческія племена носятъ костяныя пластинки или бусы въ верхней и нижней губѣ. Татуировка рубцами на вискахъ замѣчается у самыхъ различныхъ племенъ. Стеклянныя бусы не высоко цѣнятся, но искусственныя янтарныя бусы — въ модѣ у сѣверныхъ фулаховъ. Ножныя и ручныя кольца изъ мѣди и бронзы, вродѣ запястій, напоминающихъ до-историческія формы Европы, особенно любятъ мандинги.



Колчанъ и стрѣла бамбарскаго начальника. (Британскій музей въ Лондонѣ.) 1/7 наст. велич. См. также рис., стр. 517.

Жилища кочующихъ фулаховъ, а отчасти мандинговъ и бамбарровъ, носятъ на себѣ печать кочевого образа жизни; напротивъ, лучшія негрскія деревни представляютъ отрадную картину удобной и даже въ извѣстной степени промышленной жизни. Болѣе обширныя хижины и стѣны въ области завоеванія мандинговъ допускаются только для знатныхъ лицъ; всѣ остальные живутъ въ открытыхъ деревняхъ. Употребительная форма и глиняныхъ, и тростниковыхъ хижинъ въ гаусскихъ странахъ бываетъ круглая, съ конической крышей; тростниковыя хижины тщательно сплетены и прочнѣе глиняныхъ; входъ достаточенъ, чтобы въ него можно было войти наклонившись. Въ область нижняго Нигера проникаютъ съ юга прямоугольныя постройки. Большая тщательность примѣняется къ устройству плотнаго и гладкаго пола. Въ гаусскихъ странахъ строительные мастера могутъ строить дворцы и мечети, вмѣстѣ съ башнями, изъ камня; но большія постройки, которыя фулахи воздвигли, находясь на вершинѣ своего могущества, въ Саріи и въ другихъ мѣстахъ, теперь находятся въ развалинахъ. Скучиваніе людей въ большихъ городахъ есть одинъ изъ выдающихся признаковъ гаусскихъ и фулахскихъ странъ. Города, какъ Кано и

въ меньшемъ видѣ, Конгъ или Салага, производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они созданы торговлей: всѣ узкія, извилистыя улицы сходятся на базарной площади. Они составляютъ извѣстную часть дѣятельности и стремленій господствующихъ народовъ, отъ которыхъ побужденіе къ постройкѣ городовъ глубоко распространяется въ негрскія области. Въ сѣверной части западной Африки городская жизнь безъ всякаго стимула со стороны европейцевъ дошла до значительнаго процвѣтанія силою мавританскаго вліянія, черезъ посредство мандинговъ и гауссовъ. Эти скопленія одноэтажныхъ построекъ въ просторныхъ стѣнахъ составляютъ одну изъ достопримѣчательностей Африки: въ безконечномъ распространеніи тянутся красныя и сѣрыя глиняныя стѣны дворовъ и домовъ, увѣнчанныхъ острыми соломенными крышами. Мощныя сикоморы, прерываемыя граціозными финиковыми пальмами, доставляютъ тѣнь безчисленнымъ общественнымъ площадямъ и обширнымъ дворамъ. Рѣчка протекаетъ черезъ городъ, широкія улицы содержатся опрятно, весь городъ обнесенъ массивной глиняной стѣной, черезъ которую проходятъ съ помощью одиннадцати воротъ. Въ такомъ видѣ ф. Путткамеръ описываетъ Бидду, городъ съ 50,000 жителей въ странѣ Нупе.

Самымъ внушительнымъ оружіемъ является прямой мечъ, длиною въ 60—100 см., суживающійся къ закругленному острію. Илоринскій мечъ короче, такъ же, какъ и мечъ келовіевъ. Гауссы вовсе не знаютъ кинжала. Языческія племена носятъ ножъ, въ просверленную овальную рукоятку котораго вкладываются пальцы. Короткое метательное копье встрѣчается рѣдко, а пика длиною отъ $2^1/_2$ до 3 метр. съ простымъ клинкомъ — напротивъ, часто; наконечники копій, украшенные зазубринами, широко распространены у языческихъ народовъ Судана. Боевая сѣкира считается фулахскимъ оружіемъ. Метательное желѣзное оружіе, повидимому, проникло въ Адамауа изъ Багирми. Фулахскіе пастухи, земледѣльцы, мелкіе путешественники и языческія племена пользуются до сихъ поръ, какъ главнымъ оружіемъ, лукомъ и стрѣлами; у послѣднихъ стрѣлы нерѣдко бываютъ отравлены. Формы лука ясно выказываютъ вліяніе арабскаго двухколѣнчатаго лука, какъ въ наружномъ видѣ, такъ и въ прикрѣпленіи тетивы (см. рис., т. I, стр. 710); луки, высотою болѣе 2 метр., употребляются стрѣлками королевскихъ тѣлохранителей. Копья и мечи выказываютъ, наоборотъ, сходство съ оружіемъ туареговъ. Келовіи пускаютъ свои желѣзныя копья въ продажу. Ружья съ морского берега и съ Нигера быстро проникаютъ внутрь страны; повидимому, они особенно распространены у обитателей Нупе. Щиты изъ кожи рогатаго скота, плетеные щиты и тяжеловѣсные ватные доспѣхи для человѣка и лошади служатъ и здѣсь предохранительнымъ вооруженіемъ.

Мавританскій стиль господствуетъ безусловно, и сходства съ мавританскими издѣліями замѣчаются и въ глиняной посудѣ, и въ кожаныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ товарахъ. Мы находимъ черныя, тяжелыя кружки съ ручками для молитвенныхъ омовеній, пеструю посуду съ блестящей глазурью, къ которой, вѣроятно, прибавляется слюда, дубленую и окрашенную кожу съ украшеніями, посредствомъ выдавливанія, вышиванія и срѣзыванія окрашенной верхней стороны (см. фиг. 9, табл. „Оружіе и утварь Сѣверной Африки“). Кано снабжаетъ половину Сахары и Судана сандаліями (см. рис., стр. 520 и 528). Собственная техническая умѣлость негровъ, стоящихъ далеко отъ этихъ вліяній, выдается въ особенности въ рѣзьбѣ по дереву у нупеевъ и іорубовъ, тогда какъ гауссы мало искусны въ ней. Даже въ кожаныхъ работахъ (см. рис., стр. 519) нупеи производятъ больше, чѣмъ гауссы. У афовъ и бассовъ въ области нижняго Нигера Рольфсъ находилъ самыя красивыя циновки и посуду для ѣды и питья. Кружки для воды, горшки для кушанья, циновки и прочая утварь фулаховъ выказываютъ искусство и цвѣтовое чувство своихъ мастеровъ. Рольфсъ видѣлъ въ южномъ Борну

циновки, высотою въ человѣческій ростъ, изящнаго плетенія, съ красками, подобранными съ большимъ вкусомъ, которыя оплачивались 4—5 тыс. раковинъ или талеромъ Маріи Терезіи. Тамъ, гдѣ фулахи вышли изъ бѣдности и грубости кочевниковъ, ихъ успѣхи, подъ вліяніемъ гауссовъ, мандинговъ и пр., обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ, ихъ способность къ воспріимчивости. Часть заслуги прогресса западнаго Судана, именно, въ экономическомъ отношеніи, съ гауссовъ и мандинговъ во всякомъ случаѣ должна быть перенесена на фулаховъ. Преимущественно подъ ихъ покровительствомъ процвѣтаетъ промышленная жизнь, которую въ такомъ развитіи нигдѣ нельзя найти во всей остальной внутренней Африкѣ. Грубыя бумажныя ткани странъ Фута имѣютъ широкую извѣстность. Красильни фулаховъ въ Кано славятся по всей центральной Африкѣ. Въ фулахскихъ рукахъ находятся и дубильни Катсены. Кузнецы Фута-Джалона выдѣлываютъ превосходныя издѣлія, даже ружейные замки. Въ Борну фулахи принадлежатъ къ лучшимъ ткачамъ, красильщикамъ и дубильщикамъ. Рольфсъ на пути изъ Борну не нашелъ, правда, въ первой фулахской деревнѣ гостепріимства кануріевъ, но тѣмъ пріятнѣе подѣйствовалъ на него духъ торговли, благодаря которому приносились товары всякаго рода и со всѣхъ концовъ, чтобы предложить ихъ чужеземцамъ по дешевымъ цѣнамъ. Загадочное положеніе извѣстныхъ ремесленныхъ кастъ свидѣтельствуетъ о значеніи, какое народъ придаетъ работѣ. Работники по дереву, ткачи, башмачники, портные, пѣвцы у нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ фулаховъ оказываются строго раздѣленными на кастообразные союзы. Между ними подвергаются презрѣнію лабы или лаобы, говорящіе всѣ по фулахски и занимающіеся работами по дереву; на нихъ лежитъ проклятіе братской измѣны и они бродятъ по странѣ, на подобіе цыганъ. Кузнецы высоко почитаются у фулаховъ. Желѣзо и золото добываются въ самой странѣ; мѣдь, такъ же, какъ и олово и издѣлія изъ бронзы, привозится, повидимому, извнѣ. Сурьма употребляется для подкрашиванья глазъ (см. рис., стр. 525). Желѣзная промышленность сонинковъ стоитъ выше негрскаго уровня, и мы не находимъ ея въ такомъ видѣ ни у мандинговъ, ни у гауссовъ, ни даже у сѣверныхъ фулаховъ; она пользуется плавильными печами въ 3 метр. высоты, которыя приводятся въ дѣйствіе одновременно извѣстнымъ числомъ кузнецовъ, и различными клещами, подпилками и даже ножницами для рѣзанія листового желѣза, не напоминающими европейскихъ образцовъ.

Земледѣліе не достигаетъ такого высокаго уровня. Плугъ не переходитъ за Агадесъ (см. „Культурную карту Африки“); гауссы тщательно размельчаютъ земляныя глыбы на поляхъ и сгребаютъ ихъ въ борозды такими же мотыками и лопатами, какія мы находимъ въ остальной Африкѣ. Приспособленія для искусственнаго орошенія встрѣчаются рѣдко; почва доставляетъ всегда лишь небольшую часть того, что она можетъ дать. Тамъ распространено воздѣлываніе маиса, а на сѣверѣ — также риса и земляного орѣха, важнаго предмета вывоза сѣверныхъ фулахскихъ странъ, гдѣ мужчины больше занимаются земледѣліемъ, чѣмъ на югѣ.

Скотоводство является дѣломъ бродячихъ пастушескихъ племенъ, чему благопріятствуетъ еще значительный на сѣверѣ степной характеръ страны. Будучи страстными наѣздниками, сѣверные фулахи въ особенности занимаются разведеніемъ небольшихъ, коренастыхъ, но выносливыхъ лошадей. Наряду съ ними, тамъ разводятся крупныя, такъ называемыя военныя лошади. Гауссскіе правители даютъ аудіенціи въ конюшнѣ, которая вообще часто сливается съ жильемъ. „Ньямъ-ньямы“ встрѣчаются и въ области Бенуэ, и Бари видѣлъ, что дурная слава ихъ достигла даже аирскихъ туареговъ. На Бенуэ Робертъ Флегель видѣлъ губовъ горъ Мури, имѣвшихъ славу людоѣдовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ здѣсь плотность населенія, указывавшую на высшую культуру, чѣмъ та, какая могла исходить отъ ихъ покорителей-фулаховъ. При первомъ появленіи

и при условіяхъ, благопріятствующихъ сохраненію старыхъ обычаевъ, мы всегда находимъ фулаховъ въ видѣ пастуховъ, предоставляющихъ всѣ ремесла рабамъ и подчиненнымъ и предпочтительно предающихся военному ремеслу. На верхнемъ Нигерѣ, на Гамбіи, въ Адамауѣ и Дарфурѣ они по преимуществу занимаются скотоводствомъ. Въ Борну, Багирми и Дарфурѣ они дѣлятъ пастбища съ арабами. Поэтому мы должны представлять себѣ всѣхъ фулаховъ первоначально кочевымъ пастушескимъ народомъ, вродѣ вагумовъ и галласовъ, которые, быть можетъ, научились земледѣлію только въ своихъ нынѣшнихъ мѣстообитаніяхъ. Въ этомъ отношеніи, такъ же, какъ и другихъ работахъ, они нерѣдко превосходили своихъ учителей, и даже воздѣлываютъ пшеницу. Рядомъ съ этимъ, они и въ своей южной области отчасти занимаются разведеніемъ рогатаго скота; въ Адамауѣ скотъ носитъ фулахскія имена. Они приготовляютъ хорошее коровье масло, но не дошли еще до приготовленія сыра. Тамъ, гдѣ они остались чистыми номадами, они живутъ въ круглыхъ хижинахъ изъ хвороста; въ другихъ мѣстахъ они перешли къ болѣе прочнымъ постройкамъ негровъ (см. рис. стр. 529), и хижины ихъ, такъ же, какъ у гауссовъ, состоятъ изъ глиняныхъ стѣнъ съ ульеобразной кровлей.

Большое распространеніе раковинной денежной системы, которая въ среднемъ Суданѣ только теперь вытѣсняетъ менѣе практичныя полосы бумажной ткани, показываетъ, что здѣсь, на западѣ, мы находимся въ странѣ оживленной торговли и усиленной жизни. Деньги, въ особенности раковины, распространены повсюду, и здѣсь понимаютъ ихъ цѣнность; здѣсь можно не только вымѣнивать, но и покупать. Припомнимъ характерное восклицаніе Массари: „Въ какой странѣ міра можно найти на большихъ дорогахъ за нѣсколько раковинъ все, что̀ нужно, чтобы быть сытымъ!“ Счетчикъ каури, достопримѣчательность торговыхъ мѣстъ западнаго Судана сосчитываетъ 250—300 тыс. этихъ мелкихъ размѣнныхъ монетъ въ одинъ день. Раковины укладываются въ мѣшки по 50 тыс., и этими мѣшками расплачиваются въ оптовой торговлѣ. Но незначительное количество этихъ денегъ создаетъ постоянное затрудненіе въ торговыхъ дѣлахъ; тѣмъ болѣе, и высшія сферы, напримѣръ, въ Кано самъ король, строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы торговля велась на чистыя деньги. Поэтому, рядомъ съ ними, болѣе крупными платежными средствами являются рабы и слоновая кость

Вывозъ окрашенныхъ и простыхъ хлопчатобумажныхъ товаровъ изъ Кано въ Тимбукту Бартъ оцѣнивалъ въ 350 мил. каури (по цѣнамъ, существующимъ въ Кано); такъ какъ хлопокъ и индиго добываются въ самой странѣ, то все населеніе принимаетъ участіе въ ихъ прибыляхъ. Кожаныя издѣлія, въ особенности сандаліи приготовляются арабскими башмачниками въ Кано и вывозятся даже въ сѣверную Африку; глиняные сосуды мавританскаго образца и дубленыя кожи вывозятся въ большомъ количествѣ до Триполи. Столь важные предметы торговли, какъ рабы, слоновая кость и орѣхи гуру, оживляютъ рынки въ фулахскихъ странахъ. Натръ и соль ввозятся изъ Борну черезъ Кано. Торговцы рабами, слоновой костью и орѣхами кола бываютъ крупными капиталистами и предпринимаютъ экспедиціи, продолжающіяся по нѣсколько лѣтъ. Меньшимъ почетомъ пользуются „патаки“, мелкіе торговые посредники. Европейцамъ особенно бросается въ глаза то, что самые цвѣтущіе промыслы производятся не въ огромныхъ фабрикахъ, какъ въ Европѣ, но каждая семья вноситъ въ нихъ свой вкладъ, не жертвуя своей частной жизнью.

Какимъ образомъ случилось, что именно Кано пріобрѣлъ такой значительный подъемъ въ промышленности и торговлѣ? Кано нельзя назвать старымъ и время его экономическаго процвѣтанія лежитъ недалеко позади. Между тѣмъ, какъ царство Сонрхаи предшествовало даже царству

Катсена, его жители должны были удовлетворять свои потребности съ помощью Кано, который занялъ мѣсто Катсены лишь извѣстное число десятилѣтій тому назадъ. Во времена Льва Африканскаго обитатели Кано и Катсены были полунагими варварами, а рынокъ Гаро или Гого былъ полонъ золотомъ и торговымъ оживленіемъ; въ настоящее время Кано — огромный городъ, полный жизни и промышленности, снабжающій большую часть Африки мануфактурными издѣліями. Такое же отношеніе, какъ Кано къ Катсенѣ, занимаетъ городъ Бидда (ср. стр. 558), лежащій далѣе къ западу, вблизи Нигера, къ нигерскому городу Раббѣ. Тотъ и другой находятся въ странѣ Нупе (Нифе). Когда работорговля процвѣтала еще на Гвинейскомъ берегу, Рабба былъ главнымъ торговымъ мѣстомъ, но когда Рольфсъ посѣтилъ его въ 1867 г., нѣкогда прекрасно воздѣланная окрестность этого города была уже пустынной. Напротивъ, съ Кано соперничала тогда Бидда, главный городъ Нупе. „Населеніе въ Биддѣ еще искуснѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ въ Кано. Изъ хлопка тамъ ткутъ замѣчательно красивыя ткани, около 5 см. ширины, или совершенно бѣлыя, или съ голубыми и бѣлыми полосами или клѣтками, или же съ красными шелковыми промежутками между голубыми и бѣлыми бумажными полосами. Изъ многихъ, сшитыхъ другъ съ другомъ полосъ изготовляются тобе съ подходящими къ нимъ шароварами, которыя распространяются отсюда до далекаго Абушера. Искусство въ выдѣлкѣ мѣди здѣсь весьма развито. Въ городѣ существуетъ много рынковъ.“ (Массари.) Возрастающее соперничество между мѣстной и европейской торговлей представляетъ большой интересъ; въ прежнее время эта послѣдняя на главномъ рынкѣ Кано не могла продавать даже европейскихъ товаровъ такъ дешево, какъ продавали мавры, привозившіе ихъ съ сѣвернаго берега и черезъ пустыню. Преимущество этой африканской промышленности заключается въ дешевизнѣ жизни и невысокомъ уровнѣ потребностей, но также и въ прочности ея продуктовъ.

C. Азіатскіе культурные народы.

12. Общія свѣдѣнія о монголахъ, тибетцахъ и тюркскихъ народахъ.

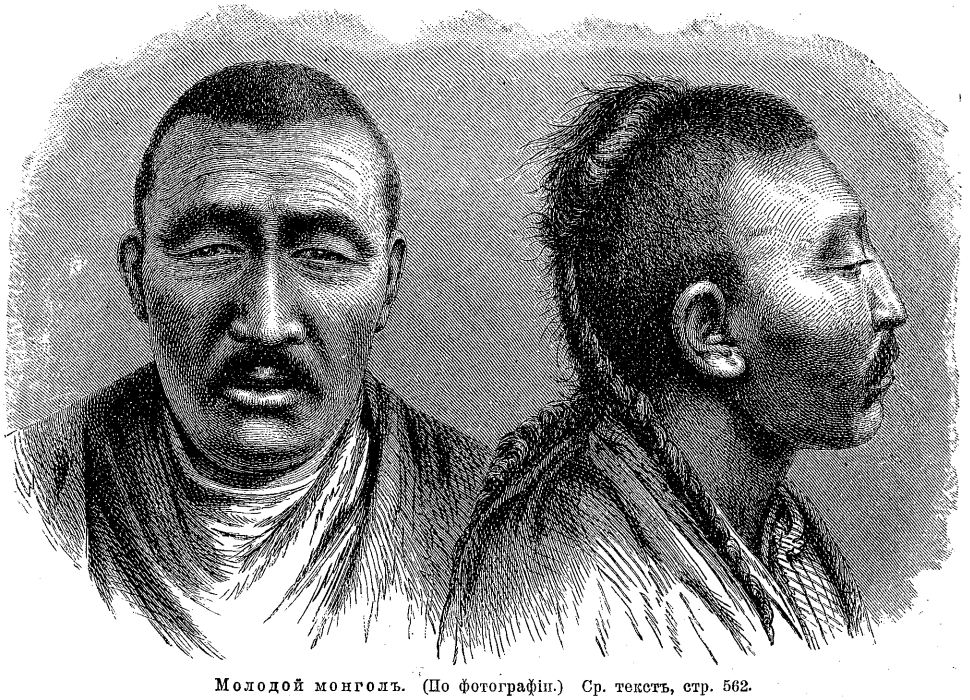
„Турокъ и узбековъ можно съ полнымъ правомъ назвать гранью многихъ націй, нѣдрами храбрыхъ героевъ, родословнымъ деревомъ великихъ монарховъ.“

Энгельбертъ Кемпферъ.

Содержаніе: Монгольская раса. — Монголы. — Тибетцы. — Тюрки. — Изолированныя племена. — Характерные признаки трехъ этническихъ группъ. — Вопросъ о происхожденіи. Неудовлетворительное положеніе мѣстной исторіографіи. — Нынѣшнее географическое распространеніе. Тюркская, монгольская и тибетская области. Точки пересѣченія. — Новѣйшія перемѣщенія. — Сказанія о происхожденіи. Лингвистическія указанія на первичную родину. — Могилы исчезнувшихъ народовъ въ Сибири. Мѣдный вѣкъ области Иртыша. Чудскіе рудники.

Монгольская раса, признаки которой мы видѣли уже у полинезійцевъ, малайцевъ, мадагассовъ, американцевъ и гиперборейцевъ, господствуетъ въ большей части внутренней Азіи. Эти признаки являются лишь болѣе чистыми на востокѣ и на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ и на юго-западѣ: наиболѣе монгольскими можно назвать монголовъ и въ меньшей степени тюркскихъ народовъ и тибетцевъ. Вообще и въ центральной Азіи номады сохранились въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ невѣроятно перемѣшанные жители городовъ. Настоящихъ монголовъ уже со временъ Блуменбаха считали истинными типами монголоидной расы. Средній ростъ мужчинъ отъ 1,635 м., свѣтлый, кожаный цвѣтъ кожи, который на непокрытыхъ частяхъ можетъ переходить въ темный красновато-бурый, темно-каріе глаза, грубые, прямые, черные, какъ смоль, волосы, съ почти круглымъ поперечнымъ разрѣзомъ (бѣлокурые волосы замѣчались у бурятъ и еще чаще у мещеряковъ Оренбургской и Уфимской губ., а волосы калмыцкихъ дѣтей часто оказывались каштановыми), незначительная волосистость остального тѣла, въ особенности лица, короткія и часто кривыя ноги, большая и въ двухъ третяхъ всѣхъ случаевъ короткая голова, широкое лицо, съ плоско-выступающими впередъ скулами, широкимъ и приплюснутымъ носомъ, малоокругленнымъ лбомъ, разрѣзанной наискось, узкой глазной щелью, выдающейся нижней челюстью и крѣпкими зубами — таковы признаки, понудившіе Блуменбаха признать именно монголовъ типомъ его желтой расы (см. рис., стр. 563 и 567). Своей физической силой, мало уступающей силѣ европейцевъ, малой чувствительностью къ климатическимъ вліяніямъ и физическимъ страданіямъ и остротою чувствъ эта раса принадлежитъ къ числу наиболѣе энергичныхъ. Движеніе на открытомъ воздухѣ и простое укрѣпляющее питаніе молокомъ или кумысомъ придаютъ этимъ странствующимъ пастухамъ широкую грудь и развитыя мышцы. Болѣе значительныя уклоненія мы находимъ прежде всего на югѣ. Тибетцевъ и настоящихъ монголовъ трудно разграничить другъ отъ друга въ географическомъ смыслѣ лишь въ сѣверномъ Тибетѣ. Тибетцы, кочующіе къ югу отъ цѣпи Танлы, считаются болѣе „настоящими“, чѣмъ сѣверные, стоящіе ближе къ тангутамъ: у нихъ болѣе слабое строеніе и болѣе темный цвѣтъ кожи. Носъ у нихъ часто прямой и тонкій, и скулы меньше выступаютъ

впередъ. Глаза у нихъ большіе и черные. Тангуты сѣвернаго Тибета болѣе похожи на монголовъ; лицо у нихъ угловатое и некрасивое; длинные, прямые, черные, содержимые въ безпорядкѣ волосы висятъ у нихъ до плечъ; скудная борода пробивается на губахъ и щекахъ, и цвѣтъ кожи — темный, грязно-бурый. Физіономія далдовъ нѣсколько приближается къ китайской. И въ описаніяхъ гималайскихъ народовъ мы находимъ повсюду некрасивую угловатость лица и часто также темное окрашиваніе, — короче сказать, смягченныя монгольскія черты; ладаки и балты, считающіеся чистыми монголами, хотя во многихъ отношеніяхъ и могутъ быть сравниваемы съ кашмирцами, но не въ отношеніи красоты: „Насколько обычна красота женщинъ въ Кашмирѣ, настолько же рѣдка она въ Балти.“



Молодой монголъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 562.

(Винь.) Граница между индусообразными и монгольскими обитателями предполагается на линіи, отдѣляющей Кулу отъ Лагуля и Спити: съ одной стороны, мы видимъ сходство съ индусами, а съ другой — монгольскій типъ. Желтый военный народъ гурки славятся мощнымъ ростомъ и извѣстной массивностью и грубостью въ образованіи и выраженіи головы. Сходные, вѣроятно, съ тибетцами лимбы южнаго Непала и Сиккима отличаются болѣе темной окраской отъ своихъ сосѣдей ближайшей равнины. О родственныхъ имъ лепчахъ извѣстно, напротивъ, что они малорослы, сильны, жилисты и лишены „отталкивающихъ формъ“ тибетцевъ. Не только въ лингвистическомъ, но и въ расовомъ отношеніи съ тибетцами родственны жители возвышенныхъ мѣстностей въ Сиккимѣ, Непалѣ и Бутанѣ, затѣмъ живущіе относительно высоко, въ долинахъ до 3000 м. высоты, горцы Лоба-Дафлы, которые находятся уже къ востоку отъ большой религіозной и культурной границы 92° вост. долг. отъ Гринвича. Въ балтахъ заключаются, повидимому, многочисленныя арійскія составныя части. Колоніи тибетцевъ обитаютъ въ настоящемъ Кашмирѣ, и слѣды доарійскаго населенія, родственнаго тибетцамъ, можно прослѣдить до предгорій западныхъ Гималаевъ, даже до лѣсистыхъ горъ юго-западнаго края Бенгаліи. Подъ выраженіемъ „тибетская раса“ подразумѣвается только вѣтвь „великой

монгольской расы". Ихъ физіономіи, напоминающія цыганъ, казались Пржевальскому смѣсью монгольскихъ и индійскихъ чертъ. И когда мы читаемъ о кара-тангутахъ сѣверо-западнаго оазиса Гуидуи, что они отличаются отъ тибетцевъ болѣе широкимъ лицомъ, отстающими ушами и косо поставленными глазами, то можно допустить съ полной опредѣленностью, что на югѣ Тибета выступаютъ болѣе индійскія, а на сѣверѣ болѣе монгольскія черты. Нѣкоторыя физическія особенности сводятся къ внѣшнимъ условіямъ. Обитатели переполненныхъ по отношенію къ средствамъ существованія областей Ладакъ и Балтистанъ, представляютъ малорослую расу, и именно балты описываются, какъ съ особенно слабымъ сложеніемъ. Если на высотѣ 4300 м., гдѣ лежатъ самыя возвышенныя деревни Ладака, скудость природы препятствуетъ сильному развитію, то, уже начиная съ 3000 м. внизъ, здоровью вредятъ лихорадочныя испаренія. Даже въ Сиккимѣ какое бы то ни было человѣческое жилище устраняется изъ основаній долинъ Гималаевъ вслѣдствіе міазмовъ. Немногія хижины лежатъ, по большей части, начиная съ высоты 2200 м. Здѣсь можно ѣхать недѣлю, не встрѣчая ни одного человѣческаго существа. Лишь на высотахъ горныхъ гребней, откуда открываются обширные виды, помѣстились буддійскіе монастыри, изъ залъ которыхъ можно наслаждаться прекрасными видами на снѣговыя цѣпи.

Турецкій офицеръ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 565.

Физическій характеръ тюркскихъ народовъ нельзя вполнѣ объяснить ей, не представляя измѣненія прежняго болѣе чистаго типа путемъ примѣси. Но этотъ чистый типъ принадлежалъ, очевидно, монгольской расѣ въ тѣсномъ смыслѣ, между тѣмъ, какъ примѣси почти вездѣ сводятся къ западно-азіатскимъ и часто европейскимъ вліяніямъ. Финскія примѣси, нерѣдко встрѣчающіяся у западно-сибирскихъ татаръ, башкиръ и другихъ народовъ азіатскаго сѣверо-запада, отчасти остаются въ кругѣ монгольскихъ расовыхъ признаковъ, т е. дѣй-

ствуютъ не слишкомъ измѣняющимъ образомъ. Даже въ странѣ Аксу и Кучи, гдѣ Потанину казалось, что онъ нашелъ самый чистый тюркскій типъ, „болѣе чистый, чѣмъ въ Кашгарѣ и Яркандѣ", нельзя и думать о такихъ рѣзко выраженныхъ признакахъ, какъ у монголовъ. Киргизы, которые, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ прочности обитанія въ извѣстной области и къ образу жизни представляютъ самыхъ стойкихъ и давнихъ тюрковъ, описываются надѣленными небольшимъ ростомъ, съ приземистымъ, ширококостнымъ тѣлосложеніемъ, большой широкой головой, маленькими глазами, низкимъ лбомъ, плоскимъ носомъ и скудной растительностью на лицѣ. Подобно тому и южно-алтайцы — „средняго роста, худощавы, съ плоскимъ лицомъ, небольшимъ лбомъ, выступающими скулами, черными и прямыми волосами и бровями, глубокими глазами, значительнымъ промежуткомъ между ними и скудной бородой". Большія группы тюркскихъ народовъ, начиная отъ кайсаковъ къ западу и сѣверу, далеко отошли отъ этого монгольскаго типа. Въ Урало-Алтайской группѣ тюркскій типъ, безъ сомнѣнія, всего ближе къ монгольскому, а финскій всего дальше отъ него, но направленіе, въ которомъ тюркскіе народы отдаляются отъ монгольскаго типа, характеризуется, въ сущности, болѣе высокимъ ростомъ, болѣе длиннымъ лицомъ („лошадиныя лица" китайскихъ лѣтописцевъ относятся сюда), болѣе сильной бородатостью, менѣе приплюснутымъ носомъ, менѣе широкимъ ртомъ и менѣе толстыми губами. Такъ возникаетъ типъ узбековъ съ овальнымъ лицомъ, длинными глазами, толстымъ носомъ, круглымъ подбородкомъ и свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Западные тюрки, крымскіе и бакинскіе татары вообще не выказываютъ монголоидныхъ признаковъ: они говорятъ тюркскими нарѣчіями, но по расѣ скорѣе арійцы. Османлисы (см. рис., стр. 564) — смѣшанный народъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова; когда Вамбери считаетъ туркменъ, которые, по крайней мѣрѣ, уже нѣсколько столѣтій занимаются похищеніемъ людей изъ Персіи, за самыхъ чистыхъ представителей тюркскаго племени, то это относится болѣе къ нравамъ, чѣмъ къ крови. Между каракиргизами одна треть отличается сильнымъ развитіемъ бороды, у татаръ Европейской Россіи часто встрѣчаются каштановые волосы, а сѣрые и каріе глаза настолько преобладаютъ, что изъ 30 касимовскихъ татаръ ни у одного нельзя было найти черныхъ глазъ. Цвѣтъ кожи тюрковъ, правда, можетъ переходить въ темный, бронзовый оттѣнокъ, но за то и бѣлыя лица тюркскихъ женщинъ вошли въ поговорку. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глаза не имѣютъ безусловно косого положенія, зрачки кажутся больше, цвѣтъ глазъ переходитъ въ болѣе мягкій карій, почти отсутствующія брови становятся густыми, борода — болѣе пышною, и крѣпкіе бѣлые зубы менѣе косыми. Такъ возникаетъ красивый тюркскій типъ Чернаго моря, Малой Азіи и Персіи и даже среди томскихъ татаръ. Это — тотъ тюркскій типъ, который произвелъ на Гейфельдера впечатлѣніе „храбраго еврея"; у болѣе смахивающей на монголовъ, значительно смѣшанной башкирской разновидности поражаетъ сходство съ шеклерами Седмиградіи. Женская половина идетъ по этому пути не такъ быстро. Ихъ лицо даже послѣ долгаго смѣшенія все еще испорчено выступаніемъ скулъ, а ихъ фигура — некрасивой, коренастой малорослостью. Для нихъ самихъ, впрочемъ, это не представляетъ никакой бѣды, такъ какъ повсюду, гдѣ тюркскіе народы живутъ по сосѣдству съ монголами, они выказываютъ замѣчательное пристрастіе къ первичному типу, предпочитая вступать въ бракъ съ монголками.

Всего далѣе отъ монголовъ стоятъ узбеки, воспринявшіе иранскіе образовательные элементы и иранскую кровь, вслѣдствіе чего они сильно напоминаютъ таджиковъ. Каракалпакъ высокъ ростомъ, бородатъ, съ открытымъ взглядомъ: безъ сомнѣнія, все это — послѣдствія болѣе благопріятныхъ условій жизни и смѣшенія. Среди іомудовъ и текке-туркменъ можно видѣть вполнѣ европейскія лица, въ особенности ближе къ

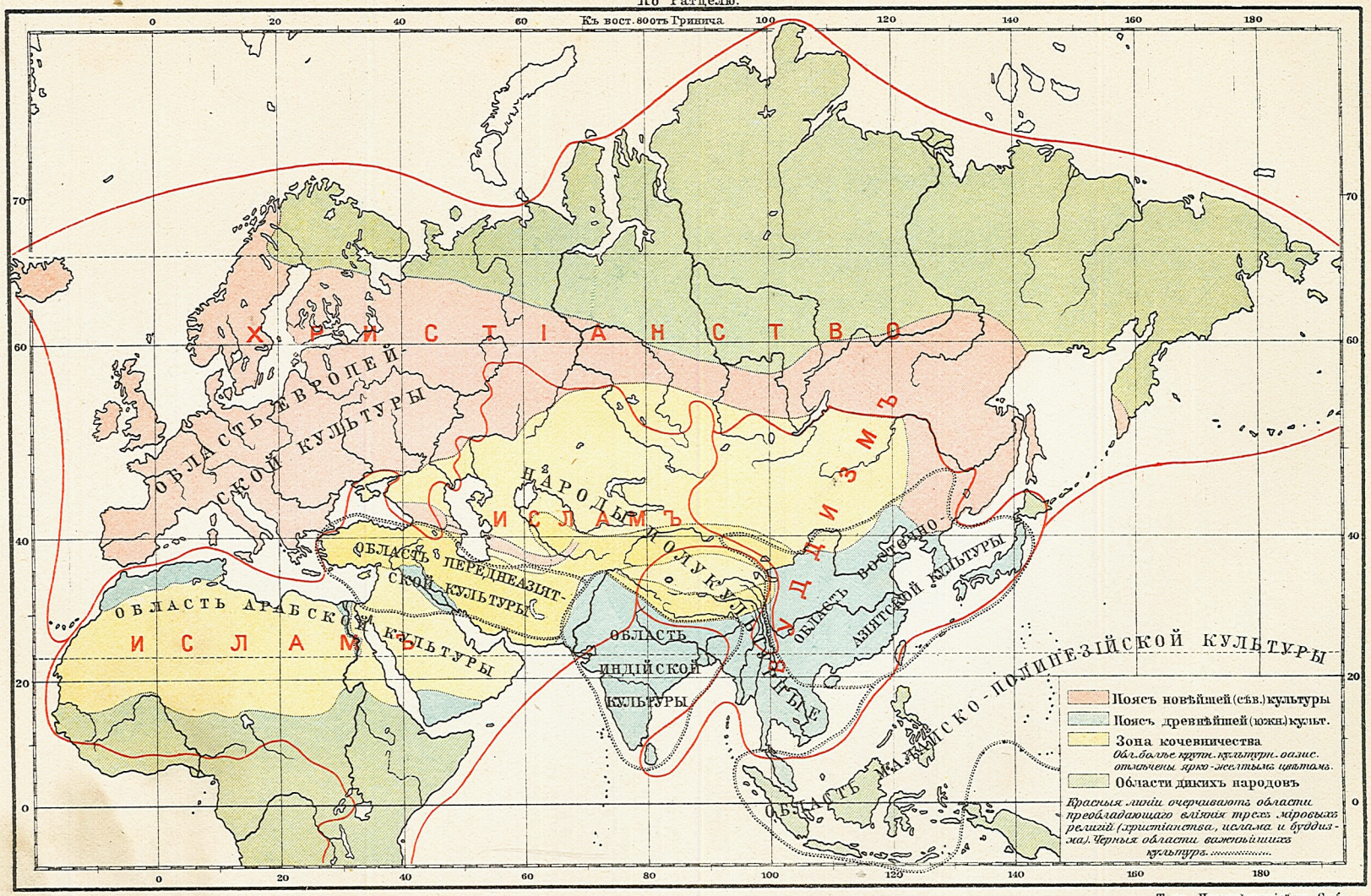
югу, къ границѣ Ирана. Къ переселившимся на Таримъ съ Лобъ-Нора постоянно присоединяются бѣглые, а также изгнанники изъ восточнаго Туркестана. Отсюда произошли нынѣшнія таримцы, отличающіеся крайнимъ разнообразіемъ своихъ физіономій. Среди нихъ можно найти типы киргизъ, сартовъ, даже тангутовъ; между прочимъ показывается иногда вполнѣ европейское лицо и изрѣдка монгольское. Пржевальскій приписывалъ блондиновъ, которыхъ онъ находилъ здѣсь, пребыванію русскихъ старовѣровъ. Уклоняющимися формами являются племена и народцы однообразныхъ и бѣдныхъ областей. Каракурчинцы Лобъ-Нора и Тарима отличающіеся среднимъ или малымъ ростомъ, слабымъ сложеніемъ, впалой грудью, небольшой головой, выдающимися скулами и острымъ подбородкомъ, скудной бородой, вывороченными губами, блестяще-бѣлыми зубами и темнымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ кожи, представляютъ выродившееся, вымирающее племя.

Истинный характеръ внутренне-азіатскихъ пастушескихъ народовъ заключаетъ въ себѣ тяжеловѣсную болтливость, откровенность, грубое добродушіе, гордость и въ то же время лѣность, вмѣстѣ съ легкой возбудимостью и склонностью къ мстительности. Уже въ физіономіи ихъ замѣчается достаточная доля искренности въ связи съ привлекательной наивностью. Только частыя сношенія съ китайцами съ одной, и индусами и персами съ другой стороны, развили въ нихъ лукавство, лживость и суетность. Тамъ, гдѣ земледѣліе замѣстило кочевничество, прилежаніе и опрятность возросли, но честности стало меньше. Мужество имѣетъ здѣсь скорѣе характеръ вспыхивающаго стремленія къ борьбѣ, чѣмъ хладнокровной смѣлости. Религіозный фанатизмъ первоначально не былъ значителенъ. Гостепріимство, составляющее священный долгъ у неиспорченныхъ киргизъ, оказывается повсюду. Спокойный, сдержанный способъ общенія въ Туркестанѣ рѣзко отличается отъ шумнаго способа арійскихъ сосѣдей, бесѣды которыхъ восточному человѣку всегда напоминаютъ ссору. Даже и русскіе въ общемъ оказали скорѣе неблагопріятное вліяніе на характеръ киргизъ, которые въ Оренбургской области превосходятъ своихъ учителей умственной возбужденностью и трудолюбіемъ. Настоящіе монголы казались всѣмъ болѣе симпатичными и простыми, чѣмъ китайцы. Подъ русской и китайской властью они свой воинственный, грубый, хищническій характеръ утратили въ большей мѣрѣ, чѣмъ тюрки, которые въ большей части своей области не имѣли такихъ сильныхъ сосѣдей. Возстанія не монголовъ, а дунганъ и пантаевъ въ послѣднее время всего серьезнѣе угрожали древнему царству.

Характеръ тибетцевъ не можетъ представлять единства. Намъ припоминается классическое описаніе Нахтигаля голодныхъ хищниковъ горъ Тибести (ср. выше, стр. 513), когда Пржевальскій изображаетъ тангутъ, какъ людей мрачнаго и ворчливаго характера, трусливыхъ, но въ то же время страшныхъ для всѣхъ сосѣдей, никогда не смѣющихся и не улыбающихся и дѣти которыхъ никогда не играютъ и не рѣзвятся. „Въ нихъ нѣтъ ни слѣда совѣсти; они — самые безстыдные лгуны и обманщики.“ Онъ вѣрилъ монголамъ, которые увѣряли его, что во всемъ Тибетѣ люди не лучше ихъ: „ихъ души черны, какъ сажа“. Мы можемъ не придавать слишкомъ большого значенія сужденію путешественника, который ознакомился лишь съ частью страны, а также и словамъ монголовъ, живущихъ подъ постояннымъ страхомъ тангутовъ, и должны припомнить слова аббата Дегодена, который говоритъ о тибетцахъ въ Татсіанлу на западной китайской границѣ: „Не только своимъ внушительнымъ видомъ, но и серьезнымъ спокойствіемъ, поддержаніемъ образцоваго порядка въ хаосѣ крикливаго и шумливаго китайскаго городского населенія, они дѣлали этотъ контрастъ чрезвычайно рѣзкимъ. Эти крѣпкія, мускулистыя фигуры съ потемнѣвшими отъ непогоды, изборожденными, худощавыми, серьезными лицами, были люди, которыхъ китайцы называли „дикарями“! Съ иной стороны также являются намъ осѣдлыя племена на югѣ и юго-западѣ.

КУЛЬТУРНАЯ КАРТА АЗІИ И ЕВРОПЫ.

По Ратцелю.



Народовѣдные. П.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА АЗІИ И ЕВРОПЫ.

По Ратцелю.

Ладаки считаются мирными, упорно трудящимися людьми, у которыхъ убійства, грабежъ и насиліе почти неизвѣстны; балты извѣстны также своей веселостью и добродушіемъ.

У кочевниковъ внутренней Азіи нѣтъ историческаго труда, который заходилъ бы далѣе трехъ вѣковъ, и свѣдѣнія ихъ уже вскорѣ послѣ того, какъ они сложатся, начинаютъ дѣлаться недостовѣрными. Ни у одного тюркскаго племени нѣтъ преданія, которое можно было бы прослѣдить далѣе немногихъ столѣтій. Ихъ выдающійся историкъ, — монголъ, Санангъ Сеченъ изъ племени Чингисхана, жившій въ XVII вѣкѣ, заставляетъ своего предка Чингисхана обратиться въ феникса, а короля тангутовъ — въ льва. Абель-Ремюза держится того мнѣнія объ этомъ историкѣ, что онъ собиралъ легенды и генеалогіи и взгляды его, вслѣдствіе индійскаго вліянія, стали

Старый монголъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 562 и 569.

еще болѣе неясными и неопредѣленными. Монголы, впрочемъ, не ранѣе, какъ черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Чингисхана, т.-е. въ 1247 г. заимствовали письменность изъ уйгурскаго языка; въ Тибетѣ они появились, вѣроятно, въ началѣ VII-го столѣтія по Р. Х., повидимому, одновременно съ буддизмомъ. Мы видимъ отсюда насколько юно происхожденіе тибетской культуры, которую историки-философы, склонные къ фантазіямъ, считали современною построенію Вавилонской башни. Но вмѣстѣ съ писменностью у монголовъ вовсе не развилось болѣе серьезнаго взгляда на исторіографію. Съ тѣхъ поръ только считалось необходимымъ приписывать каждому ряду правителей индійское или тибетское происхожденіе. Поэтому ихъ историческія сочиненія представляютъ скорѣе сборники буддійскихъ легендъ, чѣмъ перечисленіе историческихъ фактовъ. То же можно сказать и о тюркскихъ народахъ съ тою разницею, что притязанія буддизма перешли у нихъ къ исламу.

Въ виду такихъ невѣрныхъ источниковъ, посмотримъ лучше на нынѣшнія условія распространенія монголовъ. Кромѣ многочисленныхъ случаевъ сліянія обѣихъ большихъ группъ, причины котораго отчасти легко распознать въ политической исторіи послѣднихъ столѣтій можно установить слѣдующія основныя черты распространенія (см. „Этнографическую карту Азіи“). Сѣверная граница монголовъ и тюрковъ въ центральной Азіи про-

ходитъ приблизительно близъ 55° сѣв. ш.; большинство ихъ заключается въ степномъ поясѣ между 35° и 50°. На югѣ тибетцы наполняютъ остальное плоскогорье внутренней Азіи до Гималаевъ. На западѣ границею служатъ Каспійское море и рѣка Уралъ, на востокъ пограничныя горы Китая и интересная геологическая грань между земледѣліемъ и скотоводствомъ въ Гоби. Представителями тюрковъ въ Таль-Норѣ (въ 3—4 дняхъ пути къ западу отъ Кобдо) являются кизейцы, киргизское племя, которое переселилось лѣтъ 18 тому назадъ на восточный склонъ Алтая и распространилось въ долинѣ Кобдо и его на востокъ притоковъ. На южномъ склонѣ Алтая пасутъ свои стада алтайскіе калмыки, называемые „двоеданцами“, потому что они платятъ дань одновременно Россіи и Китаю. На сѣверномъ склонѣ Алтая мы опять видимъ тюркскіе народы, представляющіе здѣсь одинъ изъ ихъ своихъ самыхъ сѣверныхъ форпостовъ, выдвинутый къ Чулыму. Они говорятъ на тюркскомъ языкѣ съ примѣсью финскаго: очевидно, они — татары, сильно смѣшанные съ финскими и самоѣдскими элементами; въ настоящее время они постепенно подпадаютъ русскому вліянію. Является сомнительнымъ — принадлежатъ ли алтайскіе телеуты или командинцы, живущіе на Біи, къ финскому или къ тюркскому племени. Они занимаются земледѣліемъ и смѣшиваются съ русскими. Интересный пунктъ соприкосновенія представляютъ Памиры — „крыша міра“, великій водораздѣлъ западной части внутренней Азіи. У сѣвернаго подножія его живетъ настоящій ферментъ народовъ въ лицѣ каракиргизскаго племени кипчаковъ, которое славится необычайной храбростью во всей средней Азіи. Оно поселилось въ Кокандѣ, но и послѣ своего прикрѣпленія не утратило воинственныхъ наклонностей и принимало самое живѣйшее участіе во всѣхъ новѣйшихъ переворотахъ въ Средней Азіи. Въ углу между Персіей, ханствами и Каспійскимъ моремъ, въ самой бѣдной по природѣ странѣ внутренней Азіи, туркмены ведутъ весьма подвижную жизнь. Большая часть ихъ поселилась на персидской почвѣ, но оставшіеся независимыми находятся въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ своими пограничными сосѣдями. Текинцы поселились въ Ахалѣ въ началѣ прошлаго вѣка и оттуда производили набѣги на сѣверную Персію. Часть ихъ вслѣдствіе недостатка мѣста передвинулась на Герирудъ и оттуда тревожила Хорасанъ, была оттѣснена и вернулась въ Ахалъ, гдѣ слишкомъ малое пространство вынудило ее вновь переселиться въ Сараксъ. Отсюда они дѣлали набѣги на Хиву, Бухару, Мервъ и Хорасанъ, пока Россія не наложила на нихъ узду, которую имъ не легко будетъ сбросить съ себя.

Таковы точки пересѣченія народныхъ потоковъ, въ которыхъ возникаютъ водовороты и волненія, сближающіе самые противоположные элементы. Аббатъ Дегоденъ въ своемъ домѣ въ мѣстности около Атенце часто слышалъ одновременно шесть нарѣчій, представители которыхъ живутъ всѣ недалеко отъ береговъ Лантсангъ-Кіанга, — китайцы, тибетцы, лаосы, моссы, лиссы, минкіи; къ нимъ присоединяются еще бѣглецы изъ Юннана, нерѣдко происходящіе изъ Бхамо и Кіангтунга. Къ сѣверу оттуда монголы, проникшіе въ древнюю страну тангутовъ (см. рис., стр. 570), прежнихъ обладателей отчасти уничтожили, отчасти разсѣяли. Безъ того значенія, какое придаетъ тангутскому языку въ глазахъ внутреннихъ азіатцевъ начертаніе основныхъ буддійскихъ сочиненій его звуками, объ этихъ нѣкогда могучихъ сѣверныхъ тибетцахъ не было бы ничего слышно. Вмѣстѣ съ дунганами они образуютъ дрожжи въ смѣси народовъ. Дунганы нѣкогда были сильны и энергичны, часто поднимались противъ китайцевъ и вынудили ихъ подъ конецъ къ отступленію изъ страны Или. Сами они были, однако, побѣждены Якубъ-Бекомъ, правителемъ Кашгара, вслѣдствіе чего уменьшились въ численности и были вновь покорены китайцами. Кромѣ нихъ, въ полосѣ оазисовъ живутъ еще монголы и тибетцы въ довольно большомъ числѣ, отчасти насильственно поселенные здѣсь китайскими императорами ради охраненія границъ (къ нимъ принадлежатъ и далды);

далѣе къ Куку-Нору опять встрѣчаются тангуты. Отъ IV до X вѣка потоки тюркскихъ кочевыхъ народовъ постоянно изливались изъ Алтая, пока не дошли до сердца Европы и не оставили, какъ результатъ завоевательныхъ походовъ Чингисхана и Тимура, военныхъ поселеній вдоль линіи своего движенія, а впослѣдствіи еще болѣе распространились и утвердились тамъ. Замѣщеніе греко-варварскаго населенія Малой Азіи турками, турецкія примѣси въ Сиріи и Месопотаміи, вытѣсненіе большой части населенія арійскаго Ирана представляютъ нѣкоторыя изъ великихъ послѣдствій этого движенія.

Среди народовъ, подвинувшихся къ европейской границѣ и далѣе нея, живутъ башкиры, миляхъ въ 3 къ югу отъ Верхнеуральска. Они уже въ 925 г. отмѣчены въ описаніи Ибнъ-Фослана живущими въ степи къ востоку отъ Волги. Отатарившееся племя, обращенное въ исламъ, сперва находившееся подъ покровительствомъ Россіи, потомъ возмутившееся противъ нея, далѣе вошедшее въ составъ русской арміи подъ именемъ башкирскаго казачьяго войска, принадлежащее теперь къ русскому крестьянству и насчитывающее около 755,000 душъ, уже цѣлое тысячелѣтіе крѣпко держится на той же почвѣ на восточномъ склонѣ и въ долинахъ южнаго Урала, и лишь въ настоящее время вступаетъ въ переходное состояніе отъ кочевничества къ осѣдлости и находится въ процессѣ сліянія съ русской націей. Мещеряки, число которыхъ доходитъ до 137,000, дѣлятся на русскую и татарскую части, смотря по тому, смѣшивались-ли они съ тѣми или съ другими, и сами себя называютъ башкирами, такъ какъ они заимствовали у нихъ языкъ, религію и нравы. Ногайцы, выдвинувшіеся еще далѣе башкировъ, въ видѣ клина, на сѣверный берегъ Чернаго моря, не такъ скоро пришли въ спокойное состояніе, и еще менѣе — подвинувшіеся далѣе въ Европу и давно уже осѣдлые османы. Еще въ послѣднія десятилѣтія ногайцы, которые въ Крымскую войну относились слишкомъ дружелюбно къ войскамъ союзниковъ, покинули Крымъ и переселились въ Добруджу; черкесы двинулись въ Болгарію, болгарскіе и румелійскіе турки и теперь еще переселяются въ Малую Азію, а болгары заняли мѣсто ногайцевъ въ Крыму.

Если мы посмотримъ на монголовъ (см. рис., стр. 563 и 567), на восточное родственное племя, то намъ покажется, что и они не всегда жили въ своемъ настоящемъ мѣстообитаніи. Имя ихъ появляется только въ XIII в. Утвержденіе, будто предками ихъ были извѣстные уже раньше, живущіе на Байкалѣ биды, можетъ считаться лишь предположительнымъ. Въ китайскихъ хроникахъ выступаютъ народы съ красными волосами, зелеными глазами и бѣлыми лицами: одни считаютъ ихъ тюрками, а другіе — индогерманцами. Нельзя, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ томъ, что племя этого народа первоначально жило на верхнемъ Енисеѣ и на Байкалѣ, что другое племя, гіунгну осѣло въ Ордосѣ и что торговля китайцевъ направлялась въ страны къ западу отъ пустыни, гдѣ ее часто тревожили, пока не образовалась цѣпь военныхъ колоній до Памира, поворотнаго пункта древней китайской западной торговли. Тюркское племя Шато въ эпоху династіи Тангъ охраняло границу на сѣверѣ Шенси и Шанси. Послѣ раздробленія царства тангутовъ, оно въ IX в. проникло въ Тибетъ къ югу на неизвѣстное намъ разстояніе.

Монголы живутъ въ настоящее время вообще къ востоку отъ тюркскихъ народовъ въ трехъ большихъ группахъ — монголовъ или восточныхъ монголовъ, бурятъ Забайкальской области и, въ южной части Иркутской губ., калмыковъ или западныхъ монголовъ. Подгруппы калмыковъ представляютъ волжскіе монголы или калмыки въ тѣсномъ смыслѣ, джунгары въ восточномъ Туркестанѣ и Кульджѣ, наконецъ, цайдамскіе и алашанскіе монголы. Болѣе крупными, самостоятельными и несмѣшанными группами восточныхъ монголовъ являются сѣверные монголы или халхи, распространяющіеся отъ Алтая до Амура и къ югу оттуда до Скумида въ пустынѣ Гоби и

затѣмъ жувущіе на южномъ краѣ Гоби монголы-цахары, въ южной области которыхъ находится уже довольно плотное земледѣльческое китайское населеніе. По ту сторону цахаровъ живутъ ойроты, отъ восточнаго склона Сумахадскихъ горъ; они сохранили монгольскій характеръ въ наибольшей чистотѣ, тогда какъ тсуниты, обитающіе близъ Кукухото, живутъ уже въ однихъ деревняхъ съ китайцами. Граница китайской культуры медленно подвигается впередъ, никогда не отступая, и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ уже достигаетъ предѣловъ, какіе ставятъ ей почва и климатъ. Рихтгофенъ, впервые изслѣдовавшій эти части Монголіи въ геологическомъ отношеніи въ концѣ 60-хъ годовъ, обратилъ вниманіе на то, какъ граница китайской культуры повсюду совпадаетъ съ водораздѣломъ и съ границей геологическихъ формацій. Повсюду, гдѣ начинается гнейсъ, ручьи текутъ къ рѣкамъ Китая; напротивъ, воды плоскогорья собираются во впадинахъ вулканическаго покрова въ неглубокихъ и соленыхъ озерахъ или болотахъ, не имѣющихъ стока; они образуютъ почву, настолько же благопріятную для произростанія травы, насколько она неблагопріятна для земледѣлія, вслѣдствіе чего она естественно оказывается страной монголовъ, такъ же какъ первая — страной китайцевъ. Эта культурная граница лежитъ далеко по ту сторону Великой Стѣны, которая 2 тысячи лѣтъ тому назадъ представляла этническую границу; это прославленное архитектурное сооруженіе, такимъ образомъ, стало практически безполезнымъ и потеряло всякое значеніе. Многіе милліоны китайцевъ живутъ уже передъ воротами стѣны. Китайская политика нашла съ тѣхъ поръ другія средства сдѣлать безвредными монголовъ, нѣкогда самыхъ страшныхъ враговъ Китая (см. ниже стр. 597). Еще далѣе монголы отодвинулись отъ запада: послѣ смерти

Тангутка. (По фотографіи Потанина.) Ср. текстъ, стр. 568.

Чингисхана они распространились почти до европейскаго Средиземнаго моря, а въ настоящее время за предѣлами Монголіи можно найти только калмыковъ и небольшое племя въ Гурскихъ горахъ (къ югу отъ Герата). Рѣдкія монгольскія названія къ западу отъ Аму-Дарьи указываютъ на непродолжительное пребываніе ихъ въ Западной Азіи.

Тибетскіе народы живутъ на границѣ съ индусами и тюркскими народами; подвинувшіеся всего далѣе на западъ балты населяютъ южныя боковыя долины Инда, нижнюю долину Суру, главную долину Инда до самаго устья Суру и выше Картакшо до Тулу, а на сѣверѣ нижнія долины Шайока и Шигара до высоты 1800 м. Они живутъ среди арійскихъ дардовъ, вмѣстѣ съ ладаками на Индѣ отъ Санджака до Мароля. Спити считается областью чистаго тибетскаго населенія. Къ югу оттуда Лаголь, напротивъ, заключаетъ народъ, который признается индійско-тибетскимъ смѣшеніемъ, канетъ, встрѣчающимися въ разсѣянномъ видѣ и въ Киштварѣ. Въ Рупчу живутъ чампы (чампа), также тибетцы. Многочисленныя колоніи этихъ народовъ далеко выступаютъ за предѣлы первоначальныхъ областей и, хотя въ началѣ между староосѣдлыми и вновь переселившимися соблюдается строгое раздѣленіе, какъ, напр., между балтами и дардами въ Бонду, Драсѣ и др. мѣстахъ, но подконецъ возникаютъ смѣшанныя расы, происхожденіе которыхъ легче объясняется условіями болѣе индуизированной области предгорій Гималая и Кашмира. Такъ какъ западные Гималаи плотнѣе населены, чѣмъ восточные, то переселенцы здѣсь легче превращаются въ осѣдлыхъ. Далѣе къ востоку, среди новой и новѣйшей тибетской иммиграціи, въ пустынныхъ центральныхъ областяхъ Бутана, Сиккима и Непала, живетъ скотоводствомъ и скуднымъ заработкомъ носильщиковъ продуктъ болѣе древняго тибетскаго переселенія въ видѣ лепчей (лепча) и лимбовъ (лимбу), мало смѣшанныхъ съ индусами; въ различныхъ долинахъ они говорятъ на весьма различныхъ діалектахъ, которые, по большей части, исходятъ отъ тибетскаго корня. Все, что сообщается о тибетскихъ остаткахъ въ горныхъ народахъ, такъ называемомъ первичномъ населеніи Индіи — не что иное, какъ гипотеза. Но родичей тибетцевъ можно указать еще за восточными Гималаями (ср. стр. 598). Смѣшенію народовъ соотвѣтствуетъ и разнообразіе языковъ. Въ Лаголѣ существуетъ рядомъ не менѣе четырехъ различныхъ языковъ — тибетскій, бунангъ (полутибетскій съ собственной грамматикой), манхатъ (смѣсь тибетскаго, индустанскаго и мѣстнаго нарѣчія) и наконецъ, синане, въ которомъ попадаются тибетскія, манхатскія, синанскія и даже нѣкоторыя индустанскія и персидскія слова. Въ Спити говорятъ только по тибетски, въ Ладакѣ и Тсанскхарѣ по ладакски, въ Балти — по балтски, по арійски въ Асторѣ (близъ Гильгита) и нѣкоторыхъ частяхъ Балти (языкъ дарди), въ Падарѣ и Киштварѣ (нарѣчіе пагари) и въ Кашмирѣ (нарѣчіе кашмири и чибали). Тибетскій языкъ происходитъ изъ индійскаго источника. Арабскій языкъ употребителенъ до самаго Кашмира.

Сказаніе о происхожденіи тюрковъ приписываетъ Ною восемь сыновей, къ которымъ принадлежали родоначальники турокъ, китайцевъ, русскихъ и хазаръ подъ именемъ Туркъ, Чинъ, Русъ и Хазаръ. Изъ четырехъ сыновей Турка первый, Тютекъ произвелъ близнецовъ Татара и Могула; отъ нихъ произошли татары и монголы. Къ удивленію, обѣ группы не отдѣлены одна отъ другой генеалогически, а остаются въ пестромъ смѣшеніи. Эти указанія сводятся, впрочемъ, къ политическимъ и соціальнымъ отношеніямъ, въ которыхъ тюрки и монголы находились во времена потомковъ Чингисхана, когда эти преданія были закрѣплены письменно. Монголы оторвали отъ первыхъ двѣ большихъ орды, которыя остались и впослѣдствіи подъ ихъ властью. Но природа областей обитанія и различіе историческихъ вліяній всегда разъединяли большія массы народовъ средней Азіи даже среди самаго тѣснаго политическаго союза. И это раздѣленіе остается въ силѣ до

нашего времени: тюрки подпали русскому, а монголы китайскому владычеству. Еще прежде того послѣдніе были обращены въ буддизмъ, а первые въ исламъ, и поэтому религіозная граница, по большей части, совпадаетъ съ этнографической (см. „Культурную карту Азіи“). Въ этой пограничной области произошла рѣшительная битва за господство буддизма или ислама въ Азіи при Янгигиссарѣ. Кромѣ того, монголы съ самаго начала тѣсно связали свою судьбу съ судьбой Тибета; тамъ, даже въ видѣ предположенія, можно провести этнографическую границу только съ большимъ трудомъ съ тѣхъ поръ, какъ она отступила отъ Холангшана (къ западу отъ Нингіи), до котораго простиралась власть тангутовъ во времена ихъ процвѣтанія въ VIII и IX вв. Сказаніе о происхожденіи тибетцевъ вовсе не знаетъ тюрковъ. Въ началѣ человѣкъ съ тремя сыновьями безъ отдыха бродилъ по плоскогорью. Страна эта была тогда не пустынна, не бѣдна и не холодна. Деревья производили великолѣпные плоды, рисъ росъ самъ по себѣ и чайное растеніе разрасталось на тѣхъ поляхъ, которыя впослѣдствіи Будда обратилъ въ каменистыя пространства. Тогда умеръ отецъ. Каждый сынъ хотѣлъ взять трупъ, чтобы похоронить его по своему. Отсюда произошло первое несогласіе между ними. Старшій получилъ голову, отправился на востокъ и сдѣлался родоначальникомъ потерпѣвшихъ пораженіе китайцевъ. Второй сынъ удовольствовался конечностями умершаго, покинулъ свою родину и поселился тамъ, гдѣ громадныя пустыни представляютъ достаточно простора для движенія его потомкамъ, монголамъ. Младшій сынъ получилъ грудь и желудокъ; отъ него происходитъ тибетскій народъ, отличающійся въ обычныхъ сношеніяхъ добродушіемъ, откровенностью и сердечностью, а въ бою стойкостью и храбростью.

Пользуясь методомъ, который доставилъ цѣнные результаты для арійскихъ народовъ, Вамбери пытается извлечь изъ тюркскихъ языковъ указанія ихъ прежняго культурнаго состоянія. Если тюркское слово, означающее зиму, происходитъ отъ метели, если холодъ и вѣтеръ произошли отъ одного и того же корня и первоначально существовали слова для обозначенія лыжъ и лося, то первоначальную родину тюрковъ мы не можетъ отодвигать къ югу. Вамбери ищетъ ее въ сосѣдствѣ области истоковъ Ангары и Енисея, Иртыша и Оби. Море и теченіе въ тюркскихъ языкахъ не существуетъ. Главной пищей тогда было мясо и главнымъ хлѣбомъ — просо; рисъ и сорго обозначаются заимствованными словами. Вѣроятно, обработка металловъ не была знакома древнимъ тюркамъ; быть можетъ, они получили о ней свѣдѣнія отъ финно-угрскихъ алтайцевъ, къ которымъ сводятся такъ называемые чудскіе рудники (ср. стр. 573 и т. I, стр. 678), названіе свинца и бронзы заимствовано у монголовъ.

Коренное племя тюркскихъ народовъ, въ первый разъ, когда мы видимъ его, оказывается между финско-угрскими племенами на сѣверѣ и персидскимъ вліяніемъ на югѣ, но далѣе на сѣверъ, чѣмъ позднѣйшее время. Имя киргизовъ выступаетъ передъ нами въ болѣе, чѣмъ 1000-лѣтнихъ китайскихъ извѣстіяхъ изъ угла южной Сибири на Енисеѣ, откуда они въ XVII в. переселились на Иси-Куль и Балкашъ. Вслѣдствіе сліянія съ бурятами, кайсаками и остатками другихъ племенъ, а также силою собственнаго роста, они сдѣлались 3-хъ милліоннымъ народомъ, покрывающимъ степи отъ памирской до сибирской границы и отъ Урала до границы Монголіи. Возможно, что сношенія, происходившія въ первомъ тысячелѣтіи изъ Перми вверхъ по Иртышу и лежавшими за нимъ степями (рядомъ съ торговымъ путемъ черезъ Каспійскія ворота народовъ и черезъ Страну Двухъ Рѣкъ, идетъ другой надъ среднимъ Ураломъ по Пермскому проходу и по ту сторону изгибается надъ Алтаемъ къ югу), принесли съ собой угрскіе культурные элементы, между тѣмъ, какъ иранскія вліянія выразились даже въ названіяхъ бога, святыхъ, духа, волшебства и проч. Позднѣйшія воздѣйствія тюркскихъ народовъ на персовъ выказываются въ словахъ ихъ языка, относящихся къ ско-

товодству, войнѣ и верховой ѣздѣ. Тѣ и другія отношенія сводятся не къ однимъ лишь соприкосновеніямъ персовъ и турокъ послѣ временъ Магомета. Иранскіе слѣды встрѣчаются въ языкѣ раньше отдѣлившихся мадьяровъ, такъ же, какъ и отдѣльныя тюркскія слова въ древне-иранскомъ языкѣ. Турки явились передъ византійцами въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ теперь киргизъ или туркменъ — воинственнаго народа кочевниковъ и наѣздниковъ, раздѣленнаго на роды и племена, закаленнаго и простого. Если мы прибавимъ къ этому свидѣтельства изъ современной намъ жизни и исторической дѣятельности тюркскихъ народовъ, то увидимъ вполнѣ кочевой народъ, огромное большинство котораго съ незапамятныхъ временъ бродило со своими стадами лошадей, овецъ и верблюдовъ по низинамъ западной Азіи, покрытымъ травою и тростникомъ, отъ Алтая до Волги, питаясь только молокомъ, мясомъ и жиромъ и одѣваясь лишь въ кожи животныхъ. Увлекаемый своей охотой къ переселеніямъ, главнымъ образомъ, къ югу, этотъ безпокойный народъ, сталкиваясь постоянно съ осѣдлыми иранцами, пытался неоднократно прорвать поясъ степей. Мы въ правѣ поставить вопросъ — не эта ли западная вѣтвь урало-алтайскаго племени впервые оказала могущественное дѣйствіе на передвиженіе народовъ до глубинъ Европы? Въ томъ же видѣ мы представляемъ себѣ монголовъ на сѣверо-востокѣ той же полосы: связанные сперва болѣе тѣсно съ тюркскими народами, проникая вмѣстѣ съ ними изъ упомянутыхъ выше или изъ лежащихъ къ сѣверу и далѣе къ востоку мѣстообитаній, отдѣлившись отъ нихъ послѣ долгаго общенія, и они передвинулись къ югу.

Два факта содѣйствуютъ характеристикѣ народовъ, нѣкогда жившихъ здѣсь: способъ погребенія и металлическія издѣлія такъ называемыхъ чудскихъ могилъ. Уже Палласъ замѣтилъ сходство каменныхъ гробницъ на Енисеѣ съ языческими погребеніями Германіи. Это — дольмены и каменные круги, а на Иртышѣ только кучи камней. Тамъ находили въ большомъ количествѣ предметы изъ мѣди — наконечники стрѣлъ, кинжалы, сѣкиры, ножи и домашнюю утварь, а также желѣзные наконечники копій, золотыя украшенія, въ особенности на Иртышѣ, и все это въ громадныхъ массахъ. И на Енисеѣ встрѣчаются оружіе и утварь изъ мѣди, весьма сходныя съ иртышскими. Но имъ вообще свойственъ болѣе художественный характеръ. Впрочемъ, главный корень этой промышленности лежитъ болѣе къ западу: „чудскіе“ рудники неизвѣстныхъ народовъ внутри и вблизи Алтайскихъ горъ. Они указываютъ на первобытное, но распространенное и оживленное горное дѣло. Золото и мѣдь чудскихъ могилъ на Иртышѣ здѣсь могло быть добываемо всего легче. Желѣзо было неизвѣстно. Ихъ клинообразныя мотыки состояли изъ мѣди, а рудокопные молоты изъ длинныхъ, круглыхъ, очень твердыхъ камней съ желобкомъ, въ которомъ кожаный ремень прикрѣплялъ камень къ деревянной рукояткѣ. Найденъ былъ скелетъ рудокопа и рядомъ съ нимъ кожаный мѣшокъ съ золотосодержащей охрой. Въ рыхлой горной породѣ въ шахтѣ углублялись на 5 и на 6 лахтеровъ.

Въ курганахъ юго-западной Сибири не находятъ погребенія въ каменныхъ могилахъ: трупъ прикрытъ только грубо или вовсе необдѣланными березовыми стволами по бокамъ и сверху. Скелеты обращены головою къ востоку. Съ ними всегда клали въ гробъ части жертвенной овцы, со взрослыми кусокъ хвоста, а съ дѣтьми — лопатку; они лежали у головы, на груди, съ правой или съ лѣвой стороны трупа. Случайно находимыя оружія и украшенія довольно скудны; оружіе сдѣлано изъ кости или желѣза, а предметы украшенія — изъ кости, полированнаго кварца, цвѣтнаго стекла или мѣди. Остатки глиняныхъ сосудовъ попадаются рѣдко; однажды былъ найденъ горшокъ изъ березоваго дерева. Встрѣчаются и остатки тканей. Вещи сдѣланы изъ расплавленной мѣди; бронзы нѣтъ нигдѣ. Холмы имѣютъ круглую форму, поперечникъ отъ 6 до 10 м. и

обыкновенно лишь отъ $^1/_2$ до 1 м. высоты и насыпаны изъ одной земли. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ возвышаются каменныя фигуры (бабы), одежда которыхъ, повидимому, монгольская. Уже Палласъ прослѣдилъ распространеніе каменныхъ изображеній монгольскаго типа, съ горшечкомъ въ обѣихъ рукахъ передъ животомъ, отъ Днѣпра и Донца до Кубани и Терека; они рѣдки въ Поволжьѣ, становятся чаще на Иртышѣ и многочисленны на Енисеѣ. Близъ Змѣиногорска найденъ былъ восьмиугольный курганъ съ трупомъ лошади, рядомъ съ прямоугольнымъ, заключавшимъ трупъ человѣка; оба эти кургана были окружены каменными кругами.

---

13. Монголы и тюркскіе народы.

„Народы величайшаго географическаго распространенія необузданная страсть къ передвиженію и воинственный духъ которыхъ вызвали въ исторіи Азіи и Европы наиболѣе значительныя измѣненія и въ рамкѣ народовъ Стараго Свѣта создали много интересныхъ этнологическихъ загадокъ.“

Вамберн.

Содержаніе: Одежда, украшенія и оружіе. — Скотоводство. Земледѣліе. Орошеніе. — Охота. Рыбная ловля. — Пища. — Палатка, домъ и городъ. — Ремесла. Торговые центры и торговыя дороги. — Положеніе женщины. Калымъ. Полигамія. Поліандрія. Безбрачіе. Воспитаніе дѣтей. — Распредѣленіе собственности. — Родъ и племя. Орда. Условія независимости. — Власть правителя. — Зависимые монголы. — Китайская политика въ Монголіи, персидская — въ Тюркской области.

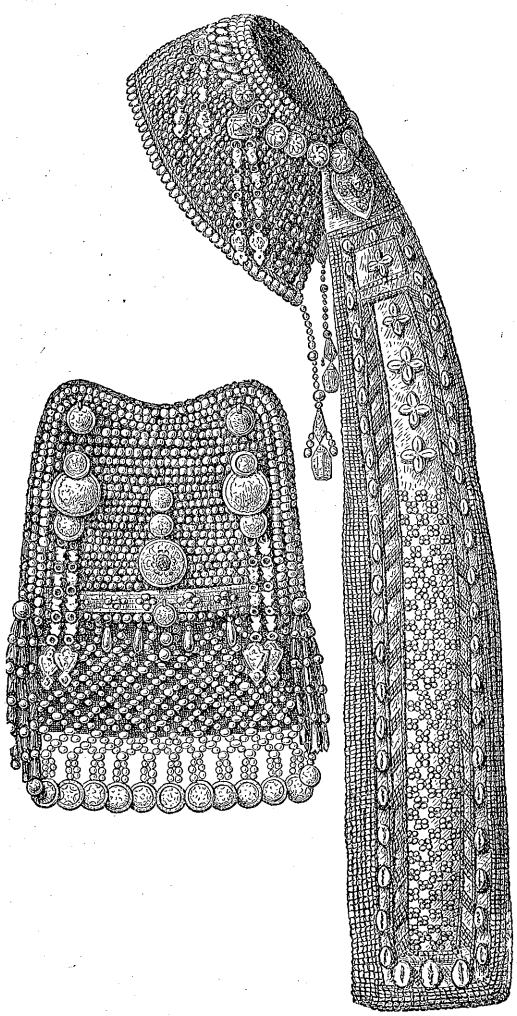
Монголы и тюрки заимствовали первоначально матеріалъ для своей одежды отъ своихъ стадъ. Впослѣдствіи торговля все болѣе и болѣе доставляла имъ тканыхъ матерій, собственная промышленность научилась имъ подражать, и китайская мода, съ одной, и персидская, съ другой стороны, произвели могущественныя измѣненія. Только у консервативныхъ племенъ, каковы киргизъ-кайсаки, употребляется и теперь, въ качествѣ верхней одежды блестящая кожа жеребенка, съ оставленнымъ на ней хвостомъ, и почти также простъ таларъ изъ войлока, который у цайдамскихъ монголовъ мужчины и женщины носятъ прямо на тѣлѣ, дополняя этотъ нарядъ только зимою какой-нибудь шкурой; кожаные шаровары распространены здѣсь повсюду, а у туркменъ встрѣчаются рѣдко. Первоначально одежда номадовъ выказывала мало ступеней: богатые и бѣдные носили одинаковую одежду изъ одинаковой матеріи. Одинаковая одежда, нѣчто въ родѣ мундира цѣлаго племени, какъ, напр., у каракиргизовъ, создаетъ извѣстную замкнутость и съ внѣшней стороны кажется внушительной. Какъ ни сходенъ узбекъ во многихъ отношеніяхъ со своимъ арійскимъ сосѣдомъ, но онъ все еще крѣпко держится болѣе грубыхъ и жесткихъ тканей, хотя уже далъ увлечь себя яркими красками тамъ, гдѣ кара-калпакъ довольствуется однообразнымъ коричневымъ цвѣтомъ. Такимъ образомъ, конный кочевникъ придерживается болѣе узкаго платья, тогда какъ осѣдлый склоняется къ просторнымъ развѣвающимся одеждамъ, поощряемый магометанскимъ обычаемъ.

Халатъ и высокая, конусообразная овчинная шапка распространены по всей центральной Азіи. Халатъ-кафтанъ, похожій на шлафрокъ, изготовляемый для лѣта изъ полотна, для зимы изъ мѣха съ прокладкою изъ ваты или войлока; зимніе халаты богатыхъ людей дѣлаются обыкновенно изъ бѣлаго войлока и обшиваются дорогимъ мѣхомъ. И женщины, выходя изъ дома, надѣваютъ халатъ, но не подпоясываютъ его, какъ мужчины; косынкой онѣ прикрываютъ себѣ лицо. Въ знакъ траура, одежду они носятъ внутренней стороной наружу. Правую руку и правую сторону груди тибетцы, тангуты и цайдамскіе монголы оставляютъ непокрытыми, несмотря на суровый климатъ; это служитъ внѣшнимъ выраженіемъ стремленія ихъ

уподобиться Буддѣ. Бѣдные зимой вмѣсто халата носятъ шубу съ рукавами прямо на тѣлѣ, а лѣтомъ широкую куртку, напоминающую верхнюю рубашку китайцевъ, повсюду, куда проникла торговля китайцевъ и распространила ихъ голубыя бумажныя ткани. Съ халатомъ сходенъ чапанъ туркменъ, изготовляемый, по большей части, изъ тонкихъ полосатыхъ матерій Хивы и Бухары. Для войны онъ дѣлается только до колѣнъ, а зимой ихъ носятъ по два и по три одинъ на другомъ; мы находимъ его даже и у башкиръ. Въ теплое время года женщины ходятъ въ однѣхъ длинныхъ рубашкахъ и босикомъ. Оригинальна женская одежда южныхъ алтайцевъ, называемая „чегедекъ“, которую лѣтомъ носятъ вмѣсто рубашки, а зимой поверхъ шубы. Она шьется, по большей части, изъ голубой матеріи и въ своемъ покроѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ фракомъ. Подъ рукавами, которые пришиваются только для вида, сдѣланы два отверстія, чтобы продѣвать въ нихъ руки. Одежда эта оторочена кругомъ красной лентой и скрѣпляется на шеѣ двумя красными стеклянными пуговицами. Алтайскими можно назвать и кожаные дождевые плащи. Войлочные чулки принадлежатъ къ зимней одеждѣ; сверхъ того нижняя часть ноги оборачивается онучами. Войлочныя шляпы, по большей части, безъ полей, носятъ лѣтомъ вмѣсто овчинныхъ шапокъ, употребляемыхъ, вслѣдствіе ихъ величины, въ качествѣ головныхъ подушекъ. У полу- или вполнѣ осѣдлыхъ племенъ Крыма одежда мужчинъ — или малорусская, или черкесская. Они отличаются только высокими шапками, набитыми вверху хлопкомъ. Женщины носятъ сверхъ рубашки, открытой спереди, достигающей до лодыжекъ, широкіе шаровары, открытый спереди длинный кафтанъ и турецкую куртку съ короткими рукавами. Поясъ съ тяжелой пряжкой дополняетъ нарядъ, который въ совершенно сходномъ видѣ можно найти у турецкаго населенія Малой Азіи и Сиріи. Въ качествѣ матеріи для верхняго платья, охотно отдается предпочтеніе мѣстной полосатой матеріи: здѣсь особенно любятъ тяжелыя матеріи, затканныя золотомъ. Мусульманскіе народы центральной Азіи застегиваютъ верхнюю одежду справа налѣво, а буддійскіе, напротивъ, слѣва на право.

Тамъ, гдѣ мужчины брѣютъ себѣ всю голову (у магометанъ длинные волосы считаются признакомъ нетвердости въ вѣрѣ), головные уборы являются естественно весьма простыми. Зеленую головную повязку эмира и бѣлый тюрбанъ хаджи можно видѣть и у кочевниковъ, въ особенности въ Малой Азіи и въ мѣстностяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Въ головномъ уборѣ часто заключается единственное отличіе, по которому женщину въ зимней одеждѣ можно узнать рядомъ съ мужчиной. У нѣкоторыхъ племенъ женщина отличается двумя косами отъ дѣвушки, которая носитъ только одну косу. Женщины осѣдлыхъ татаръ хвастаютъ множествомъ косичекъ, ниспадающихъ на спину, и такъ какъ покупная цѣна невѣсты часто превращается въ украшенія, то женщины вообще украшены тамъ болѣе дѣвушекъ. Киргизки украшаютъ косы бусами, раковинами и мѣдными пуговицами. Концы косъ должны свѣшиваться ниже пояса; поэтому къ нимъ привязывается лошадиный волосъ и въ заключеніе еще привѣшиваются ключи. Тамъ носятъ и серьги, которыя у богатыхъ туркменокъ величиною превосходятъ браслеты. Монголы носятъ свои серебряныя чайныя чашки на груди, а также и серебряные сосуды съ амулетами. Для украшенія волосъ служатъ красныя бархатныя шапочки, усаженныя блестящимъ металломъ или бусами и принимающія, вслѣдствіе крючкообразныхъ или крылообразныхъ выступовъ, фантастическія формы. Туркменки для той же цѣли употребляютъ серебряныя гребенки съ красными агатовыми пуговками. И у бѣдныхъ женщинъ есть свои головныя украшенія и нерѣдко еще нагрудникъ, усаженный бусами или мѣдными пуговицами. Особенно охотно носятъ мужчины подъ халатомъ длинныя цѣпи изъ монетъ, которыя у бѣдныхъ замѣняются пришитыми мѣдными пуговицами.

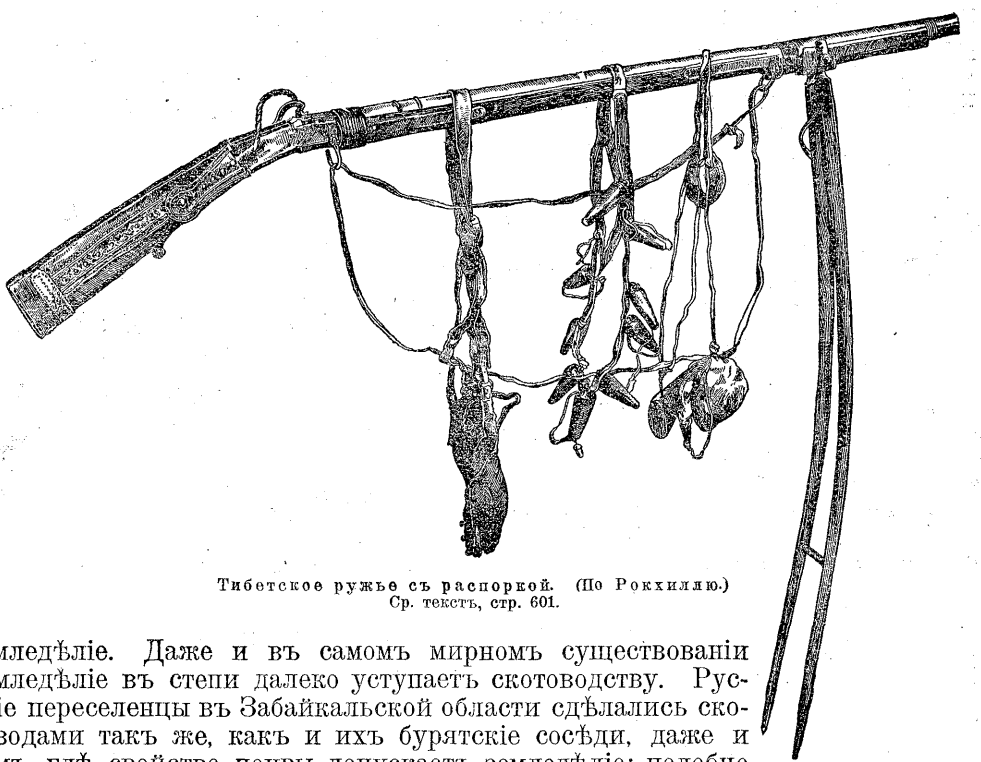
„Почетная шапка“, конусообразный, усаженный бусами головной уборъ, сохранилась у туркменокъ въ видѣ свадебнаго украшенія. Необыкновенно богаты бываютъ часто костюмы невѣстъ изъ затканныхъ золотомъ и серебромъ шелковыхъ матерій большой цѣнности. Притиранья, предпочтительно бѣлыя; генна изъ жженаго свинца для окрашиванія ногтей на рукахъ и на ногахъ и краска для бровей проникли изъ гаремовъ въ шалаши. Прикрытіе лица даже у магометанокъ далеко не повсемѣстно; въ Туркестанѣ для этой цѣли употребляются грубыя покрывала изъ конскихъ волосъ. У монголовъ существуетъ своеобразный обычай прокалывать новорожденнымъ дѣтямъ носовую перегородку и ушныя мочки для предохраненія отъ дурныхъ вліяній. Относительно нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностей крымскихъ горныхъ татаръ сообщаютъ, что они сплющиваютъ дѣтямъ черепъ съ обѣихъ сторонъ, вслѣдствіе чего лица ихъ становятся несоразмѣрно длинными, головы высокими и носы увеличенными.



Нагрудникъ и кокошникъ башкирскихъ женщинъ. (По Уйфальви.)

Кочевникъ — ведетъ ли онъ войну или производитъ хищническій набѣгъ — передвигается всегда въ видѣ вооруженнаго всадника. Почти такъ же, какъ своего коня, онъ любитъ свое оружіе. Наслѣдственное и добытое на войнѣ оружіе высоко цѣнится. При взятіи Геокъ-Тепе было найдено много стариннаго оружія — алебарды, персидскіе желѣзные шлемы и доспѣхи, старинные аркебузы вмѣстѣ съ пушками персидской отливки и новѣйшія магазинныя ружья. До нашего времени лукъ (см. рис., стр. 578) употребляется въ видѣ настоящаго оружія номадовъ. Парѳянскія стрѣлы также относятся сюда, какъ и башкирскіе луконосцы въ Лейпцигской битвѣ народовъ. Уже около 40 лѣтъ, какъ наиболѣе дальніе народы, въ родѣ каракиргизъ, постепенно мѣняютъ лукъ на фитильныя ружья по образцу XV и XVI в. Преимущество лука заключалось всегда въ коварной безшумности его выстрѣла и, ради того, номады, даже обладающіе ружьями, сохранили лукъ въ качествѣ охотничьяго оружія. Еще въ 1770 году русское правительство запретило башкирамъ пріобрѣтеніе ружей. Копье въ не меньшей степени можно назвать оружіемъ номадовъ. Фирдуси зналъ кайсаковъ, какъ хищническій народъ, вооруженный копьями. Туркмены устраиваютъ праздничныя единоборства, подобныя средневѣковымъ турнирамъ, причемъ противники сражаются верхомъ тупыми копьями; нѣсколько костюмовъ, надѣтыхъ одинъ на другой, и панцырныя рубашки дѣлаютъ ихъ нечувствительными для ударовъ. Уланы и казаки — отпрыски настоящихъ степ-

ныхъ войскъ. Желѣзныя боевыя сѣкиры въ формѣ топора и кирки, употреблявшіяся, какъ рѣжущее и метательное оружіе, часто находятъ въ землѣ въ юго-восточной Россіи, по которой проносились безчисленные волны татаръ. На ряду съ лукомъ, какъ оружіе дальняго боя, праща предпочтительно употребляется ёграями сѣвернаго Тибета. Ружье монголовъ и тибетцевъ (см. рис. ниже) представляетъ оружіе, вышедшее изъ китайскихъ рукъ. Огонь извлекается изъ пороха фитилемъ, рѣже кремнемъ, и составную часть ружья представляетъ распорка, на которую оно кладется, часто изъ рогъ антилопы. Такъ какъ скотоводство понуждаетъ къ передвиженію, то оно для кочевниковъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ обладало такой привлекательностью, какую не могло для нихъ имѣть

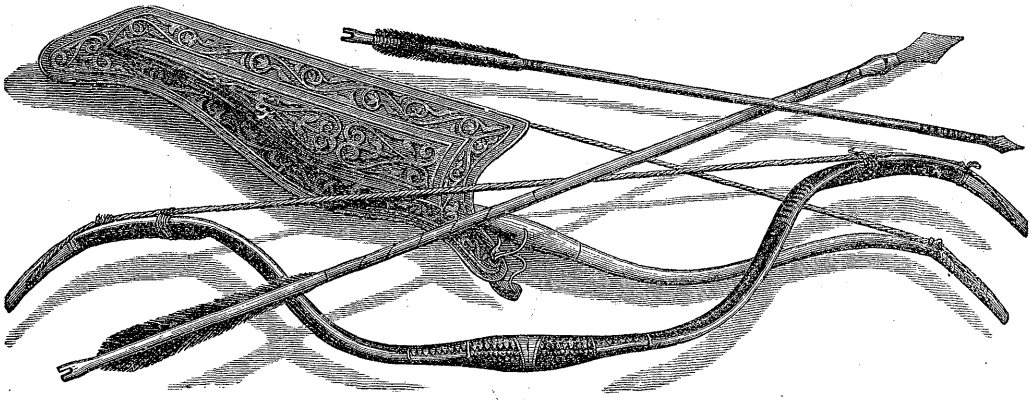


Тибетское ружье съ распоркой. (По Рокхиллю.)
Ср. текстъ, стр. 601.

земледѣліе. Даже и въ самомъ мирномъ существованіи земледѣліе въ степи далеко уступаетъ скотоводству. Русскіе переселенцы въ Забайкальской области сдѣлались скотоводами такъ же, какъ и ихъ бурятскіе сосѣди, даже и тамъ, гдѣ свойство почвы допускаетъ земледѣліе; подобно имъ, они уже любятъ переходить съ мѣста на мѣсто. Скотоводство благопріятствуетъ безпокойной жизни въ другомъ отношеніи: кража скота является главной причиной племенной вражды. Предметомъ наибольшихъ трудовъ и заботъ кочевника бываетъ его скотъ. Поэтому при встрѣчѣ справляются сперва о здоровьи скота и уже затѣмъ о благосостояніи владѣльца — по киргизской формулѣ: „какъ чувствуетъ себя скотъ и какъ живется?“ Домашнія животныя представляютъ даже оборотный капиталъ. Богатый скотомъ киргизъ верхняго Иртыша ссужаетъ, т. е. отдаетъ въ ростъ свой скотъ за 100 процентовъ. Стада, не имѣющія хозяина и даже одичавшія, представляютъ обратную сторону этой жизни. Когда Пржевальскій въ началѣ 70-хъ годовъ находился къ югу отъ Желтой рѣки, тамъ были многочисленныя стада одичавшихъ верблюдовъ, коровъ и овецъ, хозяева которыхъ два года тому назадъ пали въ дунганскомъ возстаніи. Отказъ отъ скотоводства запечатлѣлъ гибель сибирскихъ племенъ. И горы внутренней Азіи — также по преимуществу мѣста пастбищъ, куда даже земледѣльцы во время засухи устремляются со своими стадами. Воздѣлыватели риса въ Мазандеранѣ переселяются лѣтомъ къ подошвѣ Демавенда, а земледѣльцы Лаара — на

возвышенныя равнины Уджана. Отсутствіе снѣга позволяетъ пастухамъ высоко подниматься вверхъ; животныя даже на Памирѣ зимою находятъ кормъ. Но тамъ, гдѣ обратный путь въ болѣе теплыя низины отрѣзанъ другими племенами, среди памирскихъ киргизъ господствуетъ иногда жестокая бѣдность. Ихъ стада изъ яковъ и овецъ едва даютъ возможность прокормленія и изготовленія одежды этому бѣдному, хотя отчасти и хищническому киргизскому населенію.

Сильныя лошади съ длинными шеями водятся въ степныхъ областяхъ въ громадныхъ количествахъ. Верховая ѣзда для монголовъ и туркменъ не представляетъ какой либо роскоши; у монголовъ овечьи пастухи стерегутъ свои стада верхомъ. Ребенокъ съ ранняго дѣтства пріучается къ верховой ѣздѣ; на дѣтскомъ сѣдлѣ, предохраняющемъ его, трехлѣтній мальчикъ проходитъ первые уроки верховой ѣзды съ быстрымъ успѣхомъ. У текинцевъ употребляются широкіе шерстяные чепраки съ особымъ прикрытіемъ головы изъ шерсти или шелка. Въ русскихъ правительственныхъ



Стрѣлы и луки башкиръ, вѣроятно, собр. на Лейпцигскомъ боевомъ полѣ. (Музей народовѣд. въ Лейпцигѣ.) 1/8 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 57 .

отчетахъ количество скота въ 15 лошадей, 3 коровъ и 28 овецъ считается минимальнымъ для поддержанія киргизской семьи въ 5 человѣкъ. Правда, нѣкоторые кочевники бѣднѣе, въ особенности въ Семипалатинской области, но количество лошадей не можетъ быть уменьшено ниже этой цифры. Обычай, въ силу котораго бѣдные нанимаютъ скотъ у богатыхъ, всего болѣе и всего чаще касается лошадей. Въ восточномъ Туркестанѣ верблюдъ отступаетъ на второй планъ, но лошадь вполнѣ отсутствуетъ только въ Таримской области. Калмыки южнаго Поволжья гонятъ весною на рынки табуны по 1000 лошадей. Табуны кобылицъ съ жеребятами въ виду приготовленія кумыса также необходимы каждой киргизской семьѣ, какъ монголу — его верховая лошадь; поэтому лошадямъ представляются пастбища, впервые появляющіяся съ исчезновеніемъ снѣгового покрова, а впослѣдствіи только наилучшія. Злаки и травы, пригодные для лошадей въ длинныхъ спискахъ луговыхъ растеній, высоко цѣнимыхъ номадами, занимаютъ только небольшое мѣсто, но заключаютъ зато самыя избранныя. Большая смертность рогатаго скота происходитъ нерѣдко отъ того, что лучшіе луга были вытоптаны копытами лошадей. Предпочтеніе, оказываемое лошадямъ, имѣетъ полное основаніе, такъ какъ въ степи жизнь безъ лошади была бы невозможна. Чтобы пронестись по обширнымъ пространствамъ пустыни безъ воды, быстрая и выносливая лошадь оказывается способнѣе, чѣмъ тяжеловѣсный, чаще нуждающійся въ покоѣ верблюдъ. Другое преимущество лошади въ степи заключается въ томъ, что она легко привыкаетъ къ горькосоленой водѣ. Туркмены, граничащіе

съ Персіей, разводятъ породистыхъ лошадей, которыя вслѣдствіе продолжительнаго подбора пріобрѣли узкое тѣло, длинныя ноги и маленькую голову и сдѣлались выносливыми и быстрыми. Легенда разсказываетъ о быстрой лошади Чингисхана, на которой герой проѣхалъ въ 24 часа отъ Ордоса до Куку-Нора. Лошадь доставляетъ номаду нѣкоторыя страстно любимыя имъ удовольствія. Уже ловля арканомъ есть спортъ, которому предаются самые предпріимчивые люди. Если изъ табуна надо взять извѣстную лошадь, то ѣздокъ отправляется на свѣжей лошади съ веревочной петлей въ рукѣ въ табунъ, заключающій отъ 200 до 500, даже до 1000 головъ; лошади разбѣгаются отъ него, и животное, которое онъ имѣетъ въ виду, старается спрятаться въ табунѣ, лишь только угадываетъ его намѣреніе, но подъ конецъ уступаетъ ему. Калмыкъ по возможности близко подходитъ къ своей добычѣ. Гонка происходитъ по холмамъ и по доламъ, по кустамъ и оврагамъ. Наконецъ, бѣглецъ настигнутъ, и петля наброшена ему на шею, но онъ далекъ еще отъ того, чтобы считать себя пойманнымъ. Нерѣдко онъ вырываетъ арканъ изъ рукъ калмыка, и тотъ на полномъ скаку долженъ нагибаться до земли, чтобы поднять волочащуюся веревку. Когда подъ конецъ преслѣдуемое животное настолько утомлено, что оно останавливается, калмыкъ соскакиваетъ съ лошади, садится на землю и старается приманить непокорное животное. Тѣмъ временемъ подъѣзжаютъ другіе наѣздники, осторожно подходятъ съ обѣихъ сторонъ пѣшкомъ и пытаются одновременно схватить лошадь за уши. Если это удастся, то на нее уже можно надѣть узду безъ большого труда. Конскія скачки вездѣ пользуются большимъ расположеніемъ. Текинскіе туркмены устраиваютъ такія скачки отъ Геокъ-Тепе до Кизилъ-Арвата, т. е. въ одинъ переѣздъ на протяженіи болѣе 150 клм. Прибывшій первымъ получаетъ 12, вторымъ — 8 верблюдовъ и т. д.

Отрасли скотоводства распредѣлены неодинаково, сообразно съ распредѣленіемъ почвы и климата, а также съ племенемъ и происхожденіемъ его. Мы видимъ, что у кара-калпаковъ къ сѣверу отъ Кунграта предпочитается коневодство, на Сыръ-Дарьѣ и въ дельтѣ Аму — разведеніе рогатаго скота, а у киргизъ по сосѣдству — овцеводство. Киргизы богаче стадами, чѣмъ туркмены въ отношеніи 50, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже 100 къ 1. 25 овецъ на кибитку составляютъ у нихъ обычное количество, къ которому прибавляется еще 2—3 лошади, 1 штука рогатаго скота и 1 верблюдъ. Число лошадей незначительно у тибетскихъ пастуховъ, у которыхъ верблюдъ и рогатый скотъ также уступаютъ мѣсто яку и овцѣ.

Рогатый скотъ повсюду, гдѣ бываетъ суровая зима, держится хуже, чѣмъ другія домашнія травоядныя степи, потому что ему труднѣе добывать себѣ кормъ изъ подъ снѣга. И въ отношеніи способности обходиться безъ воды онъ уступаетъ верблюду, лошади и овцѣ. Главная польза, доставляемая имъ, кромѣ мяса, состоитъ въ томъ, что онъ, подобно верблюду, служитъ для перевозки тяжестей. Караваны изъ быковъ составляютъ средство перевозки, которое сохранилось въ волжскихъ степяхъ даже рядомъ съ паровозомъ. Коровье молоко тамъ не любятъ; поэтому настоящій кумысъ не приготовляется изъ него. Разведеніе рогатаго скота находится въ лучшемъ состояніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стада лѣтомъ перегоняются въ горы, какъ, напр., въ Когистанѣ, на Алтаѣ и на башкирскомъ Уралѣ. Коровье масло приготовляется монголами и тибетцами такимъ образомъ, что этотъ продуктъ непригоденъ для европейцевъ. Масло за нѣсколько дней собирается со всѣми нечистотами и укладывается вмѣстѣ, вслѣдствіе чего оно сразу становится прогорклымъ. Ему не идетъ на пользу то обстоятельство, что оно служитъ предметомъ торговли, а у тибетцевъ даже обмѣна, подобно кирпичному чаю; оно проходитъ черезъ много рукъ прежде, чѣмъ попадетъ къ потребителю. Но и потребленіе бываетъ соотвѣтственнымъ его качеству. „Наши тибетскіе погоньщики

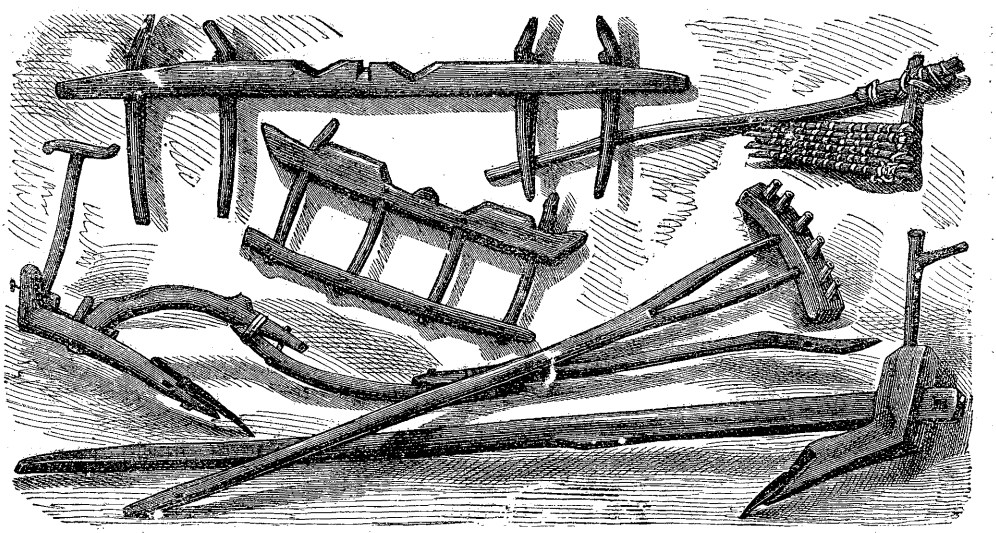
муловъ носили нерѣдко свой запасъ масла въ волосистыхъ карманахъ своихъ дорожныхъ шубъ. Когда останавливались у гостинницы, они просто опускали руку въ карманъ и бросали горсть клейкаго масла въ дымящійся чай." (Крейтнеръ.) Сыръ, сохраняемый въ видѣ небольшихъ высушенныхъ шаровъ, особенно любимъ тюркскими народами.

Овца доставляетъ самую важную часть одежды и пропитанія и превосходитъ числомъ головъ всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ кочевника. Стада овецъ въ 2000 штукъ, принадлежащія одному лицу, — вовсе не рѣдкость въ южной туркменской степи. Въ Тибетѣ и Монголіи во многихъ мѣстностяхъ на пастбищахъ можно видѣть только стада овецъ. Стадо убойныхъ овецъ составляетъ необходимую принадлежность каждой киргизской общины. На тучныхъ пастбищахъ у овцы развивается большой жирный хвостъ — лакомое блюдо каждаго киргизскаго пира; въ болѣе тощихъ мѣстностяхъ животное мельче, но руно его нѣсколько лучше. Тибетская овца отличается величиною, большими рогами и грубой шерстью. Нагруженная тяжестью въ 12 кгр., она можетъ проходить большія протяженія. Пандитъ Наинъ Сингъ въ 1873 г. перевезъ изъ Ладака въ Лхассу весь свой багажъ на 25 овцахъ.

Настоящимъ вьючнымъ животнымъ азіатскихъ степей является, однако, двугорбый или бактрійскій верблюдъ, самое цѣнное животное азіатскаго номада, которое, становясь болѣе многочисленнымъ, всегда служитъ признакомъ благосостоянія. На востокѣ, въ особенности въ Дауріи, вслѣдствіе болѣе продолжительной зимы и худшихъ пастбищъ, верблюдъ мельче, чѣмъ на западѣ. Онъ не попадается въ Тибетѣ и встрѣчается рѣже въ восточной, чѣмъ въ западной Монголіи; онъ имѣетъ немногихъ представителей и въ восточномъ Туркестанѣ. Онъ не только служитъ вьючнымъ, но и упряжнымъ животнымъ. Повозки, запряженныя верблюдами, перевозятъ путешественниковъ изъ Урги въ Калганъ и Улясутай. Верблюжій волосъ употребляется для плетенія веревокъ, которыми обвязываются палатки и прикрѣпляются вьюки. Въ зимнюю шерсть верблюдовъ, необычайно нѣжный естественный войлокъ, киргизки завертываютъ маленькихъ дѣтей. Въ Китаѣ внутри Великой Стѣны только монголы пользуются верблюдомъ въ качествѣ вьючнаго или верхового животнаго. Пчеловодство составляетъ главный промыселъ башкиръ въ области южнаго Урала и калмыковъ на нижней Волгѣ; Кастренъ выводитъ отъ него названіе башкиръ.

Если земледѣліе и скотоводство въ степи обусловливаютъ совершенно различный родъ и образъ жизни, то даже у туркменъ забота о хлѣбѣ привела къ раздѣленію труда между членами семьи: и тамъ проходитъ вездѣ раздѣленіе на чомру (осѣдлыхъ) и чорва (кочующихъ). Утрата стадъ рогатаго скота превращаетъ туркмена въ земледѣльца, рѣже пріобрѣтеніе большихъ стадъ рогатаго скота и верблюдовъ земледѣльца — въ скотовода. При этомъ члены одного рода, даже единокровные братья часто принадлежатъ къ различнымъ профессіямъ. Скотоводство въ болѣе бѣдныхъ округахъ зиждется на непрочномъ основаніи и нужда заставляетъ кочевника обращаться къ другой поддержкѣ, къ земледѣлію. Глубокое отвращеніе киргиза къ земледѣлію и осѣдлости давно уже незнакомо туркмену. Онъ уже давно освоился съ раздѣленіемъ своего народа на скотоводовъ и земледѣльцевъ. Бѣдный занимается земледѣліемъ, богатый — скотоводствомъ. Тамъ, гдѣ скотъ находитъ только камышъ и терновникъ, какъ, напр., на Таримѣ, само собою возникаетъ земледѣліе, зачатки котораго существовали еще раньше, и преодолѣваетъ даже тяжелыя условія. Такъ лобнорцы, которыхъ не могутъ прокармливать ихъ мелкіе овцы, воздѣлываютъ немного пшеницы близъ Чархалыка, отстоящаго болѣе, чѣмъ на одинъ день пути отъ Лобъ-Нора. Плугъ распространился изъ Россіи и Китая, а быть можетъ, также изъ Персіи. Прочія земледѣльческія орудія состоятъ изъ дерева и отличаются простымъ устройствомъ (см. рис., стр. 581).

Единственный небольшой желѣзный плужокъ Гайфельдеръ нашелъ въ развалинахъ Дингиль-Тепе. Окрестности Геокъ-Тепе приводили русскихъ въ изумленіе своей тщательной обработкой въ видѣ террасъ и оросительными приспособленіями. Мѣстность вокругъ туркменскихъ поселеній на большомъ пространствѣ была засѣяна и окружена хорошо содержавшимися виноградниками и плодовыми садами и насажденіями шелковичнаго дерева. Узбекъ, съ тѣмъ же важнымъ видомъ, съ какимъ онъ основалъ свое господство въ Хивѣ, и несмотря на множество персидскихъ рабовъ, которыхъ онъ заставляетъ работать на себя, ходитъ за плугомъ и продаетъ излишній хлѣбъ. Кульджинскіе киргизы подъ вліяніемъ Китая сдѣлались усердными хлопководами. Въ восточномъ Туркестанѣ преобладающее тюркское сельское населеніе считается искуснымъ въ земледѣліи. Джатаки, т. е. бѣдные киргизы освоились съ земледѣліемъ и сдѣлались послушными



Земледѣльческія орудія изъ сѣв. Индіи и Малаго Тибета. (Изъ коллекціи Шлагинтвейта, въ Этнографическомъ музеѣ въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 580.

поденщиками русскихъ крестьянъ. Даже и въ Монголіи земледѣліе расцвѣло впервые въ пограничныхъ мѣстностяхъ и оазисахъ не только со времени проникновенія китайцевъ, пользующихся съ заботливымъ трудолюбіемъ каждой возможностью завести хозяйство. Китайскія лѣтописи, всегда неблагопріятно относящіяся къ монголамъ, еще въ давнія времена упоминаютъ объ образованныхъ или ручныхъ монголахъ, воздѣлывающихъ просо. Давнее употребленіе дзамбы (ср. стр. 584) предполагаетъ хлѣбные злаки, которые воздѣлывались рабами или бѣдняками на землѣ монгольскихъ правителей, даже при искусственномъ орошеніи. Если бы плоды трудолюбивой работы не приходилось охранять отъ разбойниковъ, которые умѣютъ находить наиболѣе искусно прикрытыя земляныя ямы, то это мелкое земледѣліе встрѣчалось бы чаще. Возстаніе дунганъ понудило многихъ цайдамскихъ монголовъ къ земледѣлію, такъ какъ оно на долгое время пріостановило подвозъ хлѣба. Но сильный и продолжительный подъемъ сообщило ему только переселеніе китайцевъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, воздѣлываются пшеница, овесъ и просо, и весьма распространенъ также макъ. Хотя земледѣліе въ сѣв. Монголіи становится уже затруднительнымъ, такъ какъ вслѣдствіе позднихъ весеннихъ морозовъ посѣвъ можетъ начинаться только въ концѣ мая или даже въ началѣ іюня, и хотя жатва нерѣдко страдаетъ отъ осеннихъ морозовъ, но земледѣліе распространилось

уже къ западу отъ дороги изъ Кяхты въ Калганъ. Въ скудно орошенной мѣстности въ пользованіе земледѣльцевъ перешли колодцы, которые монголы нѣкогда выкапывали для своихъ стадъ.

Плодородные округи за предѣлами горъ во всей центральной Азіи находятся только тамъ, гдѣ возможно искусственное орошеніе. Такимъ образомъ, трудолюбіе и изобрѣтательность человѣка превратили цѣлыя страны, какъ, напр., равнины средняго Зерафшана въ цвѣтущій садъ. Между Пендшкендомъ и озеромъ Каракуль насчитывается до 85 главныхъ каналовъ съ общей длиною болѣе 2500 килом., помимо безчисленныхъ боковыхъ канавъ. Тамъ, куда проводится оплодотворяющая влага, почва въ высшей степени производительна. Во всей туркменской области земледѣліе существуетъ лишь настолько, насколько достаетъ влаги Атрека и Гургени; тамъ, гдѣ пробуютъ заниматься имъ за предѣлами этой счастливой полосы, оно приноситъ лишь измѣнчивые урожаи. Съ боязливымъ вниманіемъ слѣдятъ за глубиною снѣгового покрова зимою и за обиліемъ весеннихъ дождей въ „Дождливой странѣ“. Отъ этого зависитъ — будетъ ли господствовать избытокъ или наступитъ голодъ. Почти въ каждомъ человѣческомъ поколѣніи бываютъ опустошительныя голодовки, уносящія тысячи жертвъ. Щедро орошены природою только горныя страны, и поэтому на верхнемъ Зерафшанѣ долина Вашана въ изобиліи покрыта полями и лугами. Хорошо обработаны и нѣкоторыя части Алтая. Выкопанные колодцы, около которыхъ нерѣдко тѣснятся необозримыя стада, встрѣчаются уже внутри Ордоса и затѣмъ между этой страной и Далай-Номомъ. Номады посѣщаютъ ихъ въ опредѣленныя времена при правильныхъ передвиженіяхъ между зимними квартирами и лѣтними пастбищами. Многія учрежденія этого рода, исходящія отъ лучшихъ временъ, выказываютъ заботливое устройство и охраненіе: сардоба Чиль-гумбецъ на дорогѣ изъ Каржи и Бурдалыка въ Мервъ, изъ временъ высшаго процвѣтанія бухарскаго господства въ XVI вѣкѣ, представляетъ куполообразную постройку съ цистерной изъ обожженныхъ кирпичей, окруженной глиняной стѣнкой, чтобы туда не падали животныя. Каждую зиму кочующіе въ степи иллибайскіе туркмены наполняютъ сардобу до верху снѣгомъ, и снѣговая вода поддерживается все лѣто и осень въ свѣжемъ состояніи.

Лѣсоистребленіе есть необходимое послѣдствіе степной жизни. Степь не всегда представляла непрерывныя луговыя пространства, какъ въ наше время. На обширныхъ пространствахъ аргалъ, навозъ верблюдовъ, въ особенности рогатаго скота служитъ единственнымъ горючимъ матеріаломъ. Между тѣмъ старинныя карты русскаго Главнаго Штаба показывали въ степяхъ Оренбургской губерніи лѣсныя площади, тянувшіяся на цѣлыя мили. Кочевникъ ту рощу, въ которой онъ отдыхалъ, оставляетъ, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ, не мѣшая ей расти. Земледѣлецъ при постоянномъ пребываніи тамъ идетъ дальше; китаецъ, удобряющій золой, строящій изъ дерева и отапливающійся имъ, прилагая ко всему этому свое безпощадное, безпокойное усердіе, является величайшимъ врагомъ степного лѣса.

Охота и тамъ, гдѣ, по предписаніямъ ислама, добыча ея не должна служить пищею, производится въ качествѣ возбуждающаго удовольствія, главнымъ образомъ, на сѣверѣ среднеазіатскихъ ханствъ по образцу персовъ; въ рукахъ болѣе сильныхъ тюрковъ она пріобрѣла характеръ закаляющаго упражненія для войны. Туркмены держатъ множество длинношерстыхъ персидскихъ борзыхъ, и передъ многими домами можно видѣть сокола, сидящаго на жердочкѣ. Въ Дингиль-Тепѣ они держатъ около своихъ жилищъ и совъ, привязанныхъ на веревкѣ. Трудная выучка охотничьихъ птицъ есть прибыльное занятіе бѣдняковъ; хорошо обученнаго орла или сокола туркменъ часто оплачиваетъ двумя лошадьми или шестью верблюдами. Башкиры славятся, какъ дрессировщики охотничьихъ соколовъ,

ястребовъ, даже царскихъ орловъ, которыхъ они продаютъ киргизамъ за высокую цѣну. Пржевальскій убѣдился въ томъ, что охота составляетъ любимое занятіе монгольскихъ князей въ Алашанскихъ горахъ, гдѣ монгольскій амбань оставлялъ за собою охоту за оленемъ въ обширной области. Охота доставляетъ также нѣкоторые цѣнные предметы торговли: мускусъ и рога молодыхъ оленей привозятся въ большомъ количествѣ изъ сѣверной и западной Монголіи въ Калганъ, такъ какъ играютъ важную роль въ китайской фармакопеѣ. Бѣдные люди выкапываютъ также ревень, солодковый корень, попадающійся даже въ песчаной солончаковой пустынѣ Кузупчи, и другіе коренья, находящіе себѣ мѣсто среди многочисленныхъ лѣкарствъ ихъ знахарей и китайцевъ.

Обитатели Лобъ-Нора въ такой же мѣрѣ зависятъ отъ рыбной ловли, какъ и многіе гиперборейцы. У нихъ все благополучно, когда рыбная ловля лѣтомъ была обильна, и оказалось возможнымъ собрать достаточный запасъ и на зиму; но если этого не случилось, зимою люди умираютъ отъ голода. При этомъ ихъ пріемы для такого необходимаго промысла крайне просты, часто даже неудовлетворительны. На озерѣ Зайсанъ киргизы съ значительнымъ успѣхомъ занимаются ловлей рыбы сѣтями. Каракалпаки на нижнемъ Аму и на Аральскомъ озерѣ питаются, главнымъ образомъ, рыбной ловлей, производя ее на огромныхъ лодкахъ, поднимающихъ иногда до 200 центн. Въ тихую погоду рыбной ловлей занимаются нѣкоторыя туркменскія племена у Каспійскихъ береговъ, въ особенности въ Киндерлинскомъ заливѣ и въ Александровской бухтѣ. Здѣсь употребляютъ удочки и гарпуны; приготовляемая здѣсь икра — невысокаго качества. Эти береговые туркмены обезпечиваютъ себя на зиму запасами рыбы, которую они солятъ, сушатъ, вываривающъ въ рыбьемъ жирѣ или обтягиваютъ рыбьимъ пузыремъ и закапываютъ въ землю. Замѣчательно перемѣнное хозяйство обитателей Тарима: они вылавливаютъ рыбу изъ своихъ поемныхъ мѣстъ, затѣмъ высушиваютъ ихъ или спускаютъ съ нихъ воду и выпускаютъ на быстро выростающій тростникъ стада овецъ. Настоящіе кочевники въ области Урала и Embы почти не пользовались самыми рыбными рѣками, вслѣдствіе чего казаки могли спокойно завладѣть водами и прилегающими къ нимъ мѣстностями, откуда можно было видѣть рѣку. Суда встрѣчаются, конечно, въ весьма ограниченныхъ областяхъ; на Лобъ-Норѣ и Таримѣ выдалбливаются узкія однодеревки изъ стволовъ тополя. „Лодки“ киргизовъ Зайсанскаго озера, вдвое большей величины, обитыя досками, увеличивающими ихъ въ высоту, вѣроятно, произошли подъ вліяніемъ русскихъ; суда туркменовъ-рыболововъ на Каспійскомъ озерѣ построены по персидскимъ образцамъ.

Въ питаніи мясо далеко не играетъ той роли, какую позволяетъ предположить обладаніе избыткомъ скота. Киргизскій „сокумъ“ — пиршество, справляемое въ позднюю пору года при убоѣ скота для зимнихъ запасовъ, причемъ съѣдаются большія количества мяса, не можетъ служить мѣриломъ для повседневной жизни номадовъ, которые предпочитаютъ довольствоваться палымъ и краденнымъ скотомъ, чтобы не уменьшать численности своихъ стадъ. Мясо варятъ и парятъ, рѣдко жарятъ. Тамъ извѣстно и копченье. У туркменъ мясо ѣдятъ, по большей части, только по праздникамъ. По мнѣнію Вамбери, арабъ скорѣе можетъ быть названъ мясоѣднымъ, чѣмъ турокъ, хотя послѣдній у всѣхъ своихъ сосѣдей славится неумѣренностью въ пищѣ. У него нѣтъ такого концентрированнаго пищевого средства, какъ финики у арабовъ. Кромѣ того, жизнь въ степи сама по себѣ порождаетъ голодъ. Въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ мясо, употребляются продукты молочнаго хозяйства, не столько въ видѣ прѣснаго молока, сколько въ видѣ сыворотки, сыра и (въ особенности у монголовъ и тибетцевъ) масла. Іогуртъ и айранъ или арагъ — различные сорта сильно окисшаго молока и пахтанья вмѣстѣ съ жировыми частицами,

курутъ — маленькіе шарики высушеннаго молока, служащіе иногда единственнымъ средствомъ, чтобы придать вкусъ горькосоленой водѣ и доставляющій вмѣстѣ съ кусочками мяса употребительный даже у волжскихъ татаръ — баламикъ, распространены отъ Гималаевъ до Малой Азіи. Сюда же относится извѣстный и въ Тибетѣ, презираемый туркменами и каракалпаками кумысъ, чиганъ монголовъ. Нѣкоторые неосновательно считали кумысъ столь характерной принадлежностью тюрковъ, что достаточно было упоминанія его у гунновъ, чтобы приписать имъ несомнѣнное тюркское происхожденіе. Изъ растительнаго міра потребляется преимущественно просо, которое растетъ и на скудной почвѣ; торговля присоединяетъ къ нему на югѣ рисъ, на сѣверѣ пшеницу. Въ особенности туркмены, живущіе по близости къ Персіи, давно уже привыкли къ мукѣ и пекутъ похожіе на мацу, прѣсные хлѣбы, а также лепешки на салѣ, предназначенныя для храненія въ прокъ. Національная дзамба монголовъ есть крутое тѣсто изъ поджареннаго и грубо размолотаго зернового хлѣба. Въ области китайской культуры, т. е. въ особенности у монголовъ и тибетцевъ, чай сдѣлался необходимостью въ формѣ кирпичнаго чая, циркулирующаго здѣсь въ качествѣ денегъ, цѣна котораго, когда онъ доходитъ изъ Китая до Балти и Ладака, для многихъ является недоступной. Его варятъ съ коровьимъ масломъ и солью, и онъ скорѣе представляетъ супъ, чѣмъ напитокъ. Индія дѣлаетъ успѣшныя попытки доставлять свой чай въ такомъ же видѣ на центральный азіатскій рынокъ. Ко многимъ кушаньямъ при мѣшиваются дикорастущіе коренья и плоды, собираемые во множествѣ женщинами и дѣтьми. Ягоды хармика (Nitraria *Schoberi*) составляютъ почти ежедневную пищу цайдамскихъ монголовъ.

Куреніе опіума имѣло въ Монголіи тѣмъ болѣе обширное распространеніе, чѣмъ болѣе переселялись туда китайскіе переселенцы, чтобы уйти отъ запрещенія воздѣлыванія мака и изготовленія опіума. Табакъ монголы жуютъ и курятъ изъ маленькихъ китайскихъ трубокъ, а волжскіе калмыки — изъ европейскихъ, крышка которыхъ удерживаетъ огонь даже въ степныя бури.

*

Домомъ кочевника является шатеръ. Въ тюркскихъ нарѣчіяхъ шатеръ и домъ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Мѣняется мѣсто, а форма, матеріалъ и устройство остаются постоянными. Мы не зашли бы слишкомъ далеко, если бы сказали, что одинаковое съ незапамятныхъ временъ устройство шатра играетъ роль одной изъ дисциплинирующихъ силъ въ жизни номадовъ. Каждый имѣетъ здѣсь прочное, издавна опредѣленное мѣсто, отчего и зависитъ быстрота и порядокъ въ установкѣ и разборкѣ стараго и устройствѣ и обряженіи новаго шатра. Отсюда же исходитъ и поразительная помѣстительность, удивлявшая европейцевъ, въ особенности въ тюркскихъ шатрахъ. Въ киргизской кибиткѣ среднихъ размѣровъ днемъ помѣщается 40, а ночью 20 человѣкъ, и при этомъ кругомъ по стѣнамъ и жердямъ развѣшаны и разложены утварь, оружіе и запасы. Подъ отверстіемъ шатра, гдѣ охраняются очагъ, запасы и оружіе, помѣщаются мужчины, слѣва отъ входа женщины и дѣти, а противъ нихъ прислуга мужского пола. Неслыханно, чтобы кто нибудь безъ приказанія или настоятельной необходимости перемѣнилъ свое мѣсто. Только благодаря этому порядку, шатеръ со всѣмъ своимъ содержимымъ можно разложить и навьючить въ одинъ часъ.

Твердую часть шатра тамъ, гдѣ можно достать лѣсу, составляетъ деревянный остовъ, разнимающійся на нѣсколько частей. На открытомъ концѣ изъ балясинъ ставятся нѣсколько жердей, сходящихся между собою, какъ спицы колеса. Такъ какъ эти стропила въ монгольской палаткѣ имѣютъ прямую, а въ киргизской — параболическую форму, то первыя считаются менѣе поддающимися дѣйствію вѣтра. Весь остовъ оберты-

вается тканой, часто красиво разрисованной узкой матеріей, крѣпко связывающей отдѣльныя части, и затѣмъ покровомъ изъ нѣсколькихъ штукъ войлока, которыя на концахъ натягиваются другъ на друга и связываются веревками изъ верблюжьей шерсти. Эта оболочка у бѣдныхъ замѣняется покрышкой изъ вываренной березовой коры, къ чему присоединяются еще снаружи камышевыя циновки, въ свою очередь, обертываемыя и скрѣпляемыя полосою тканой матеріи. Дверью служитъ деревянная рама, на которую навѣшаны деревянныя створки. Часто коверъ замѣняетъ дверь или служитъ вторымъ прикрытіемъ входа. Раздвигая покрышку палатки, впускаютъ воздухъ и свѣтъ и открываютъ проходъ для дыма. Наружный покровъ палатки у туркменъ, по большей части, краснаго, а у тибетцевъ — чернаго цвѣта. Это различіе наружнаго цвѣта палатки не имѣетъ ничего общаго съ приставкою кара (черный) къ названіямъ народовъ — каратангуты, кара-киргизы и проч. У настоящихъ номадовъ большее благосостояніе выказывается не въ лучшемъ обряженіи, а въ большемъ числѣ шатровъ. Но у бѣдныхъ скотомъ татаръ области верхняго Ійу шатеръ приближается къ юртѣ изъ коры, а зимой — къ земляной хижинѣ сѣверноазіатскихъ народовъ. У очень бѣдныхъ народовъ, каковы алтайскіе калмыки, нижній остовъ шатра вовсе отсутствуетъ: обитатели живутъ подъ одной крышей, которая кое какъ защищаетъ ихъ, вродѣ зачатка большого шатра. У бѣдныхъ жителей Тарима камышевая хижина настолько удерживаетъ нѣкоторое сходство съ шатромъ, насколько промежутки между угловыми сваями неплотно заполнены камышемъ, на подобіе покрова шатра, причемъ не можетъ быть и рѣчи о каменныхъ стѣнахъ или болѣе плотной постройкѣ всей хижины. Таковы же и деревянныя зимнія юрты кочующихъ лѣтомъ татаръ племени Кизилъ на верхнемъ Чулымѣ. Кочующіе тибетцы живутъ въ четырехугольной, черной войлочной юртѣ изъ шерсти яка. Спятъ тамъ на шкурахъ. Чѣмъ менѣе обезпечено существованіе, тѣмъ жилища болѣе жалки: у тѣхъ тангутовъ, которые свое имущество и запасы прячутъ въ землѣ, они содержатъ почти исключительно шкуры и навозъ.

Въ различіяхъ покрова шатровъ отражаются различія временъ года. Радость весны, быть можетъ, только обитателями области полярнаго круга ощущается въ такой же мѣрѣ, какъ обитателями степей. При температурѣ, остающейся цѣлые мѣсяцы ниже точки замерзанія, юрты съ ихъ войлочнымъ покровомъ весьма прохладны, и въ нихъ, даже при пылающемъ огнѣ и въ шубахъ, съ трудомъ можно согрѣться. Поэтому текинскіе туркмены устраиваютъ рядомъ съ шатрами подземелья, въ которыхъ зимою, благодаря обдѣлкѣ войлоками или коврами и небольшому огню, довольно тепло, а лѣтомъ прохладно. Во время зимнихъ бурановъ, огонь на очагѣ среди шатра гасится, и тогда колья, которые ставятъ въ бурю, и обвитыя вдвойнѣ веревки изъ верблюжей шерсти едва могутъ сдержать шатеръ. Въ періодъ отъ половины марта до половины апрѣля, получившій свое названіе отъ того, что тогда ягнятся овцы и жеребятся кобылы, постепенно снимаются наружные покровы кибитки. За этимъ слѣдуютъ вскорѣ разборка и нагрузка ея, составляющія преимущественно работу женщинъ. Къ концу октября зимній шатеръ возобновляется обвиваніемъ крѣпкими веревками изъ верблюжей шерсти и удвоеніемъ войлочнаго покрова.

Насколько великъ порядокъ въ юртахъ, настолько же недостаточна въ нихъ опрятность. Кочевники вообще нечистоплотны и въ особенности въ холодныхъ и скудныхъ водою мѣстностяхъ, гдѣ получаетъ значеніе поговорка, что Богъ немилостивъ къ человѣку, на которомъ нѣтъ никакихъ насѣкомыхъ.

Переходъ отъ шатра къ дому совершается черезъ посредство средней формы — жалкой земляной хижины, которую строитъ себѣ монголъ, слишкомъ бѣдный, чтобы имѣть стада, вблизи своего поля, а затѣмъ че-

резъ посредство прочныхъ хижинъ для запасовъ и для зимовья полукочевниковъ. На самомъ дѣлѣ, когда богатый или знатный монголъ или киргизъ строитъ себѣ домъ по русскому или китайскому образцу рядомъ съ своей кибиткой, то въ этомъ есть нѣчто неорганическое, внѣшнее. Въ Монголіи и Тибетѣ прочно осѣвшія племена строятъ уже четыреугольные дома изъ высушенныхъ кирпичей съ небольшими, пещерообразными жилыми помѣщеніями въ идущихъ уступами этажахъ, съ плоскими крышами. Лишь начиная отъ лѣсистой области южнаго Ладака и Балтистана, встрѣчаются дома съ косыми кровлями. Замѣчательно сохраненіе округлости кибитки въ шестиугольной постройкѣ хижинъ алтайскихъ калмыковъ, сдѣлавшихся осѣдлыми. Плоскіе тибетскіе дома съ неправильно распредѣленными по стѣнамъ оконными отверстіями, однообразнаго сѣраго цвѣта, въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ окруженные кучами навоза, вполнѣ подходятъ къ обнаженному ландшафту; деревню часто бываетъ трудно отличить отъ кучи растрескавшихся скалъ. Мѣстечки естественно встрѣчаются здѣсь рѣже, чѣмъ отдѣльные дворы. На плоской крышѣ тибетцы раскладываютъ свой урожай для просушки и просятъ у небольшого изваянія Будды благословенія своей семьѣ и собственности. Въ зимнее время на ней грѣются на солнцѣ. Мѣсто для огня выкапывается посрединѣ земляного пола. Только зажиточные люди обладаютъ низкими столиками и вблизи очага двумя или тремя небольшими кожаными тюфяками, на которыхъ сидятъ женщины. Стулья и скамейки тамъ неизвѣстны. У небольшихъ кочевыхъ племенъ, постоянно опасающихся нападенія враговъ, лучшая часть ихъ имущества вмѣстѣ съ провіантомъ скрыты въ землѣ, отчего они кажутся еще бѣднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Древніе разсказывали о кочевникахъ, живущихъ въ повозкахъ на скиѳскихъ равнинахъ, ачатирсахъ и савроматахъ, которые называли себя гамаксабіотами. Палласъ въ концѣ прошлаго столѣтія засталъ кундуровскихъ татаръ, восточную вѣтвь ногайцевъ, готовившимися обмѣнить на сложныя кибитки киргизъ и калмыковъ свои корзинообразные войлочные шатры, которые при передвиженіяхъ нагружались на двухколесныя повозки-арбы и перевозились мелкими, легкими, быстрыми быками (даже рысью).

Монгольскія юрты часто стоятъ отдѣльно или разсѣянными группами, между тѣмъ, какъ киргизы повсюду устраиваются не иначе, какъ въ видѣ аула; такимъ же образомъ странствуютъ и живутъ маленькими ордами около 10 шатровъ даже рѣдко разселенные сѣверные тибетцы. Болѣе крупные постоянные мѣстечки и города естественно можно найти лишь у полуосѣдлыхъ номадовъ. Такъ живутъ кара-калпаки, по временамъ въ Чимбаи въ дельтѣ Аму, постоянное населеніе которыхъ состоитъ изъ торговцевъ, духовныхъ лицъ и ремесленниковъ. Прославленныя съ древнихъ временъ названія городовъ области Аму-Дарьи — иранскаго происхожденія, но существуютъ и тюркскія имена болѣе мелкихъ мѣстечекъ этой области, указывающія, что тюрки давно уже селились среди иранскаго населенія. Подобныя названія сводятся отчасти къ стариннымъ резиденціямъ правителей племени, какія мы находимъ у монголовъ до настоящаго времени. Мѣстечки, какъ, напр. Урга, установились, по крайней мѣрѣ, на долгое время; ихъ нельзя назвать городами въ нашемъ смыслѣ, но, какъ выражается Регель о Шихо въ области Или, „они представляютъ собою скопленія поселеній, базаровъ и укрѣпленій.“

Къ числу отличительныхъ признаковъ степи принадлежатъ безчисленныя развалины городовъ, отчасти значительнаго протяженія. Посреди песчаной Кузупчи лежатъ развалины города въ квадратѣ изъ стѣнъ, длиною болѣе 8 клм. и высотою до 10 м. По всему среднему теченію Черченъ-Дарьи, на разстояніи отъ 5—15 км. къ западу отъ его нынѣшняго ложа, находятъ слѣды старинныхъ городовъ и поселеній. Еще

въ наше время случалось, что жители городовъ, предоставивъ наступающимъ номадамъ поля, пастбища и лѣса, подконецъ очищали и города; такъ поступили каракалинцы, тѣснимые ахалтекинскими туркменами, которые, безъ сомнѣнія, не знали, что имъ дѣлать съ покинутымъ городомъ. Гейфельдеръ тотчасъ же послѣ паденія Ахалъ-Теке нашелъ Каракали въ видѣ современной Помпеи. „Укрѣпленія, валы, стѣны, башни, каналы, мосты, жилища (съ глиняными стѣнами), виллы съ садами, амбары, дворы, конюшни, колодца, церкви, погреба, ясли, корыта, обширные водопроводы и орошеніе вполнѣ сохранились, но совершенно безлюдны. Не видно ни одного сторожа, ни одного домашняго животнаго.“ Выселеніе татаръ и евреевъ послѣ русскаго завоеванія оставило въ Крыму цѣлые города пустыми. Маайкопъ оставался безъ населенія еще въ 1800 г.

Стѣны и валы замыкали нѣкогда важные проходы и переходы, какъ, напр. у Перекопа. Небольшіе форты изъ фашинъ и земляного вала находятся вблизи каждой монгольской стоянки въ Цайдамѣ, чтобы давать убѣжище стадамъ при нападеніи кара-тангутовъ. Покинутыя укрѣпленія этого рода напоминаютъ германскіе круглые валы: таково укрѣпленіе горныхъ калмыковъ на отдѣльномъ холмѣ при устьѣ Челы. Длинные земляные валы разсказываютъ во всѣхъ степныхъ областяхъ о битвахъ номадовъ между собою и съ осѣдлыми народами. Одна изъ самыхъ сѣверныхъ границъ проходитъ отъ Симбирска черезъ Курскъ, другая отъ Пензы тянется къ Тамбову; обѣ были предназначены для защиты Москвы отъ татарскихъ вторженій. Самое знаменитое сооруженіе этого рода представляетъ Китайская стѣна, которая охраняла старый Китай отъ верхняго Хоангъ-Хо до моря; въ настоящее время мѣсто ея занимаетъ широкій поясъ земледѣльцевъ, выселившихся изъ Китая, который гораздо дѣйствительнѣе защищаетъ китайскія сѣверныя провинціи, вытѣсняя монголовъ изъ самыхъ плодородныхъ мѣстообитаній, уменьшая ихъ численность и ослабляя ихъ организацію и, прежде всего, духъ предпріимчивости.

Нынѣшнимъ обитателямъ уже чужды такія трудныя каменныя постройки. Высѣченная въ скалѣ дорога въ долинѣ Вашансая принадлежитъ прошлымъ поколѣніямъ. Мѣстечко Ташкупринкъ на Зерафшанѣ называется „каменнымъ мостомъ“, тогда какъ въ настоящее время тамъ проходятъ по деревянному мосту. Каменные мосты, сохранившіеся отъ старинныхъ временъ, часто оказываются въ лучшемъ состояніи, чѣмъ нынѣшніе деревянные. Легенды объ Искандерѣ (Александрѣ), окружающія столь многія произведенія древности, превышающія выполненіемъ и замысломъ силы нынѣшнихъ обитателей этихъ мѣстностей, связаны и съ остатками каменныхъ мостовъ при незначительныхъ въ настоящее время мѣстечкахъ, каковъ, напр., Термецъ на Аму.

Рядомъ съ скотоводствомъ, торговля является важнѣйшей хозяйственной дѣятельностью въ степи. Скотоводство, охота, отыскиваніе каменьевъ и кореньевъ и незначительный промыселъ туркменокъ, ткущихъ ковры, доставляютъ продукты для продажи. Уже въ древности было извѣстно, что скиѳы торговали мѣхами съ незапамятныхъ временъ. И у номада есть свои потребности, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ кирпичный чай, а за нимъ уже табакъ и опіумъ, зерновой хлѣбъ или мука, матеріи для одежды, оружіе и другіе военные снаряды. Вслѣдствіе того, въ наиболѣе выдвинувшихся постахъ встрѣчаются торговые люди, въ особенности китайцы, которые отчасти разносятъ свои товары, отчасти торгуютъ въ прочныхъ поселеніяхъ (русскихъ слободахъ), доходя до Туркестана, гдѣ встрѣчаются съ индусами и арабами. Отдѣльныя племена находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ опредѣленными мѣстами, отчего впослѣдствіи образовывались болѣе тѣсныя связи. Такъ шугнанскіе татары снабжаютъ припасами памирскихъ кара-киргизовъ въ лѣтнее время, а тѣ осенью появляются въ Шугнанѣ, для обмѣна соли на зерновой хлѣбъ.

До сихъ поръ еще во всей Монголіи сохраняется характеръ колоніи, такъ какъ большіе, настоящіе китайскіе эмпоріумы, играющіе сверхъ того роль крѣпостей, находятся у самой границы и служатъ для защиты внутренней страны и для сношеній съ нею. Другіе кажутся болѣе, чѣмъ передовыми постами, которые легко могутъ быть оставлены, чтобы возникнуть вновь на болѣе благопріятныхъ мѣстахъ. Пять пограничныхъ эмпоріумовъ образуютъ родъ пояса укрѣпленій по сѣверной и западной границѣ Китая и могутъ считаться операціоннымъ базисомъ торговли въ степи и за предѣлами ея. Изъ нихъ по постройкамъ и населенію Калганъ — чисто китайскій городъ а Хухукото — типичный среднеазіатскій. Шехоль, уже вслѣдствіе частаго пребыванія китайскаго двора, имѣетъ также болѣе китайскій характеръ. Изъ Калгана дорога идетъ въ Ургу въ сѣверной Монголіи и изъ Хухукото въ Кобдо въ сѣверо-западной Монголіи. На прежней западной границѣ имперіи, къ югу, въ Нингхіи, на верхнемъ Хоангхо въ защищенномъ положеніи въ исходномъ пунктѣ оживленной колонизаціи, въ „Странѣ Входовъ“, мы находимъ замѣчательную полосу оазисовъ, между Гималаями и Алтаемъ, составлявшую естественный путь поперекъ Азіи и, вслѣдствіе того, бывшую съ древнѣйшихъ временъ ложемъ главнѣйшихъ потоковъ народныхъ переселеній и сообщеній и уже за 200 лѣтъ до Р. Хр. усаженную военными колоніями. Изъ нихъ уже во времена Марко Поло возникали величественные китайскіе торговые города, распространявшіе китайскую культуру до Алтая и Памира. То же значеніе, какое Нингхія имѣетъ для запада, Синингфу имѣетъ для юга. Онъ служитъ посредникомъ сношеній съ Тибетомъ и Индіей, и торговля его была нѣкогда больше, чѣмъ торговля Нингхіи. Въ прошломъ вѣкѣ іезуиты нашли тамъ армянъ католическаго вѣроисповѣданія; слава этого города достигаетъ до базаровъ восточнаго Туркестана. Въ этихъ колоніальныхъ городахъ разрослись самые разнообразные виды промышленности.

Вмѣстѣ съ дорогами, лежащія на нихъ мѣстечки естественно подвергаются непредвидѣннымъ колебаніямъ торговли. Караванная дорога изъ Калгана въ Кяхту черезъ пустыню Гоби, важная для мирныхъ сношеній монголовъ съ европейцами и для китайско-европейскихъ сообщеній и бывшая весьма оживленною до половины нынѣшняго вѣка, утратила это оживленіе съ тѣхъ поръ, какъ русскіе все болѣе и болѣе перевозятъ чай моремъ въ Одессу и изъ Ханькоу въ Тянь-тзинъ и оттуда сухимъ путемъ въ Иркутскъ, куда перенесена таможня изъ Кяхты. Китайскій Маймачинъ и русская Кяхта останутся, тѣмъ не менѣе, навсегда важными пунктами торговыхъ сношеній даже и тогда, когда новая болѣе короткая караванная дорога пройдетъ чрезъ Монголію отъ Чинданта въ Забайкальскую область прямо на Дола-Норъ. Вообще дорога черезъ Гоби страдаетъ и отъ возвышенности положенія, и отъ суровости климата. Въ нѣкоторыя зимы переѣздъ черезъ пустыню Гоби затрудняется еще и тѣмъ, что монголы, поддерживающіе почтовое сообщеніе, вслѣдствіе недостатка корма, должны переселяться далеко въ сторону отъ обыкновенной дороги со всѣми своими животными.

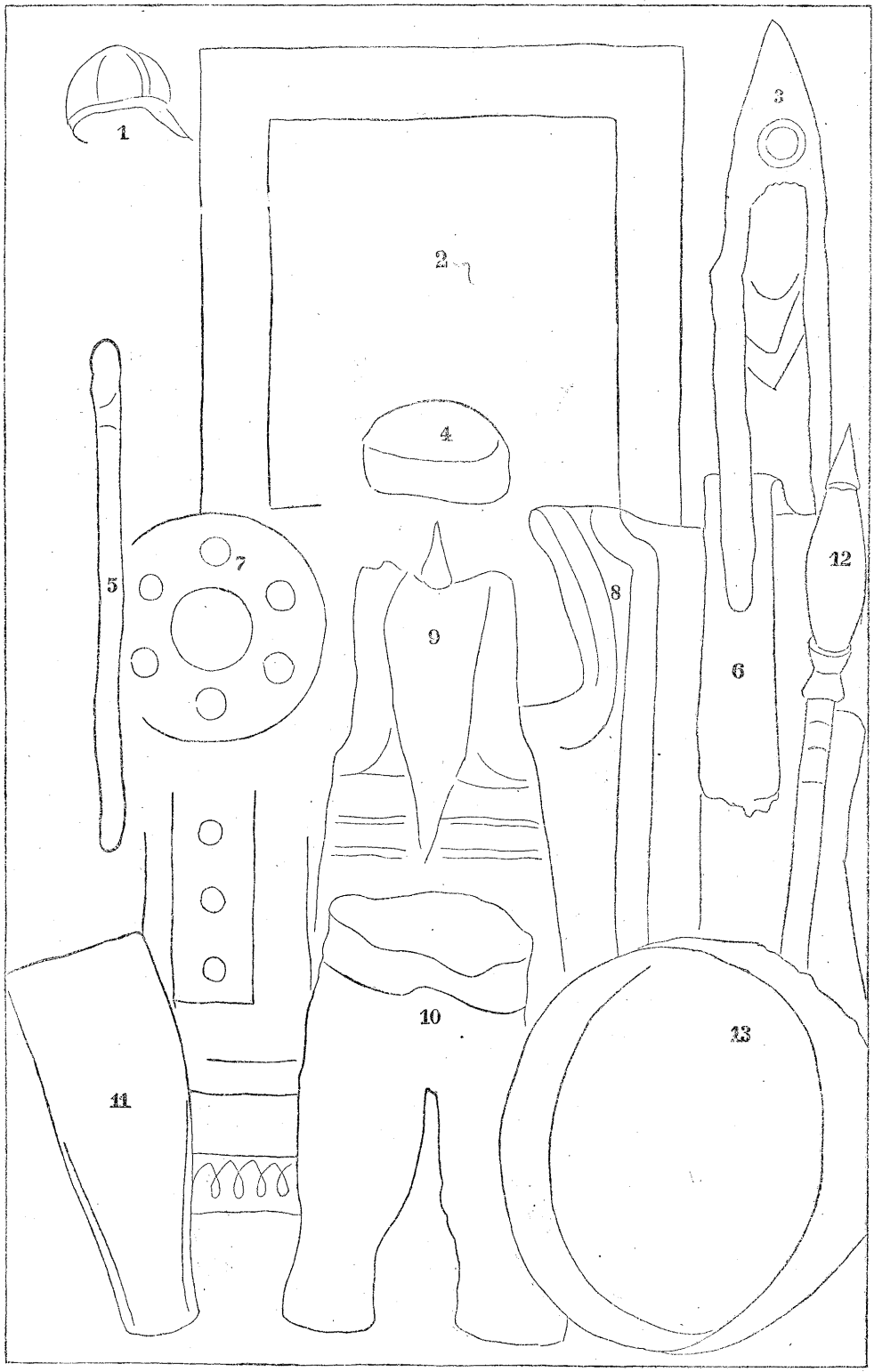
У отдаленныхъ племенъ мы и въ настоящее время находимъ энергичную многостороннюю домашнюю промышленность. Даже бѣдные обитатели Тарима прядутъ и ткутъ овечью шерсть и даже добываютъ прядильныя волокна изъ стеблей растенія кондырь, которое они обдѣлываютъ на подобіе льна; женщины прядутъ его на особой прялкѣ и изъ пряжи выдѣлываютъ на простомъ ткацкомъ станкѣ крѣпкое полотно. Насколько просты орудія этого промысла — веретено въ видѣ палочки съ прикрѣпленнымъ къ ней камешкомъ и соотвѣтственный тому ткацкій станокъ — настолько у болѣе подвинувшихся племенъ разнообразны продукты подобной промышленности. Полотно нѣсколько рѣдкаго тканья, но превосходной отбѣлки, носовые платки съ красными узорами на концахъ, шерстяныя матеріи и кра-

сивыя, вышитыя шелкомъ праздничныя одежды даютъ намъ высокое понятіе о прилежаніи и искусствѣ текинскихъ женщинъ; пестрые ковры и верблюжьи сумки ихъ, въ которыхъ недостаетъ только бѣлаго и фіолетоваго цвѣтовъ, составляютъ въ настоящее время предметы значительной торговли. Туркменки ткутъ также шелковистую матерію агари изъ крайне мягкихъ волосъ верблюжатъ, которая въ Персіи цѣнится на вѣсъ золота. Вышиваніе перчатокъ имъ также знакомо, какъ и изготовленіе войлоковъ. Въ этомъ отношеніи монголки стоятъ значительно ниже своихъ западныхъ соплеменницъ. Способъ, какимъ онѣ изготовляютъ безъ челнока пестрыя ленты изъ шелковыхъ нитей, заслуживаетъ болѣе названія плетенья, чѣмъ тканья. Кочевнику свойственно обширное примѣненіе войлока изъ верблюжьей и овечьей шерсти, которая раскладывается слоями, смачивается, скатывается руками и затѣмъ валяется ногами. Такимъ образомъ, изготовляютъ войлокъ бѣлый, натуральнаго цвѣта и узорчатый, который во множествѣ употребляется для прикрытія палатокъ, для шапокъ, чулокъ, а у болѣе бѣдныхъ для одежды. Кожа у богатыхъ стадами киргизскихъ племенъ составляетъ предметъ крупнаго вывоза въ Россію и въ ханства; изготовленіе ея, за недостаткомъ настоящаго дубильнаго матеріала, довольно несовершенно. Кожи размачиваются въ жидкости, въ которой распущенъ высушенный сыръ, вмѣстѣ съ мукою и солью. Каждый сортъ шкуры и кожи имѣетъ опредѣленное примѣненіе. Мѣха для воды изготовляются изъ козьихъ, а для кумыса изъ лошадиныхъ кожъ; яргакъ (гладкая овечья кожа) служитъ для одежды, такъ же, какъ кожи жеребятъ или верблюжатъ съ мягкими волосами. Для своихъ большихъ кумысныхъ мѣховъ, смазываемыхъ для прочности жиромъ, киргизы употребляютъ четыре лошадиныхъ кожи. Тамъ, гдѣ пастухъ находитъ лѣсъ, онъ выдѣлываетъ изъ него различные предметы для своего обихода. Предпочтеніе въ этомъ отношеніи отдается такъ называемому дикому масличному дереву

Монгольскій музыкантъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 590.

(Elaeagnus). Два необходимыхъ предмета изъ дерева, жерди для палатки и деревянная часть сѣдла, вмѣстѣ съ большими деревянными блюдами и сундуками, образуютъ предметы торговли, между тѣмъ, какъ ложки, чашки для кумыса и даже шумовки, лѣтъ сто тому назадъ изготовлявшіяся у киргизъ преимущественно изъ дерева, въ настоящее время почти всюду изъ желѣза, и ввозъ ихъ дѣятельно производится соперничающими между собою русскими и китайскими торговцами. Старинныя запрещенія китайскихъ правителей снабжать монголовъ желѣзомъ давно уже забыты. Наибольшій спросъ существуетъ на большіе чугунные горшки, въ которыхъ приготовляется пища семьи кочевниковъ надъ треножникомъ; выдѣлкою ихъ занимается большой китайскій чугунно-литейный заводъ въ Банту (въ восточной Монголіи). Кузнецовъ тамъ можно найти лишь въ ограниченномъ числѣ. Кузнецъ вмѣстѣ съ музыкантомъ (см. рис., стр. 589 и 592) занимаютъ самое низменное положеніе среди сословій Ладака. У киргизъ, напротивъ, онъ играетъ роль помощника бакши у шамановъ; въ связи съ тѣмъ киргизы молятся около тигля, наполненнаго свинцовой рудой и углемъ, чтобы показался металлъ. Горнъ, состоящій изъ доски, покрытой слоемъ глины, наковальня въ видѣ камня и соотвѣтственные тому молоты и щипцы — таковы орудія киргизскаго и монгольскаго кузнеца; легко понять, что съ помощью ихъ можно изготовлять только весьма простыя издѣлія. И въ этомъ отношеніи западъ ушелъ дальше востока. Туркмены воспроизводятъ тонкіе предметы украшенія персидской работы, изготовляютъ фитильныя ружья и выдѣлываютъ сами рельефные штемпеля своихъ серебряныхъ денегъ. Каспійскіе туркмены также искусны въ различныхъ промыслахъ. Близъ Красноводска они добываютъ соль, на островѣ Челекенѣ — нефть. Будучи изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ наиболѣе склонны къ торговлѣ, они привозятъ эти продукты на Астрабадскій рейдъ. Мы можемъ припомнить здѣсь и чудское горное дѣло (см. выше, стр. 573). Между тѣмъ, какъ буддійскимъ монголамъ всѣ изображенія Будды и художественные предметы культа привозятся изъ Тибета, исламъ запрещаетъ тюркскимъ народамъ, исповѣдующимъ его ученіе, изготовленіе подобныхъ вещей; зато они стоятъ выше въ украшеніи женскихъ одеждъ цвѣтными нитями, шнурками и бусами, въ выдѣлкѣ оружія и въ особенности пестрыхъ тканей, вѣроятно, благодаря персидскому и индусскому вліянію. Кочевые тюркскіе народы Персіи доставляютъ много поступающихъ въ продажу ковровъ болѣе простого приготовленія (см. табл. „Тюркскія и монгольскія ткани и украшенія“).

Работа въ домѣ или въ кибиткѣ на большинствѣ монголокъ и киргизокъ лежитъ столь же тяжелымъ бременемъ, какъ и на рабахъ. При большой лѣности мужчинъ, даже у туркменъ не можетъ быть рѣчи о справедливомъ раздѣленіи труда. Всѣ работы внутри шатра возложены на женщину; но она принимаетъ участіе и въ разбивкѣ его, должна изготовить для него войлокъ и веревки и заботиться о горючемъ матеріалѣ. Тамъ, гдѣ существуетъ земледѣліе, женщина пашетъ, сѣетъ и коситъ; нерѣдко ей даже приходится сѣдлать и взнуздывать лошадей, внимательно наблюдать за сѣдломъ и оружіемъ и даже приготовлять водку, какою одуряетъ себя ея господинъ и повелитель. Мужской работой считается охраненіе стадъ, война и разбой. Киргизскія дѣвушки даже стерегутъ овецъ ночью, когда это считается легкимъ дѣломъ, но не днемъ; женщина, жалуясь на своего мужа, говоритъ: „Онъ дурно обращается со мной: онъ заставляетъ меня стеречь овецъ днемъ.“ На женщинахъ лежатъ также заботы о больныхъ животныхъ, въ особенности о телятахъ. Къ этому матеріальному обремененію присоединяется и нравственная приниженность. „Совѣтъ женщины годится только для женщины“, говоритъ киргизская поговорка. Новорожденный мальчикъ встрѣчается съ гордостью и радостью;



1. *Шапка шамана у бурятъ изъ желѣзныхъ обручей, мѣха и лентъ.*
2. *Войлочный коверъ (киргизы).*
3. *Шапка для замужнихъ женщинъ (киргизы).*
4. *Шапка изъ козьей шкуры (киргизы).*
5. *Перевязь для ножа у остяковъ.*
6. *Шейн. украшеніе знатн. женщины остяковъ.*
7. *„Калатъ", вышитая одежда ташкентскихъ туркменъ.*
8. *Бархатная верхняя одежда, надѣваемая поверхъ шубы женщинами и дѣвушками калмыковъ.*
9. *Верхняя одежда женщинъ бурятъ съ серебряными бляхами.*
10. *Шаровары бурятъ.*
11. *Чехолъ для лука у бурятъ.*
12. *Мѣшалка для кумыса (киргизы).*
13. *Барабанъ шамановъ у калмыковъ (фиг. на немъ изобр. главн. изъ злыхъ духовъ).*

Всѣ предметы изъ Музея народовѣдѣнія въ Берлинѣ.

ТЮРКСКІЯ и МОНГОЛЬСКІЯ ТКАНИ и УКРАШЕНІЯ.

а появленіе на свѣтъ дѣвочки считается бременемъ, почти несчастьемъ. Выраженія уйгурской пѣсни:

„Лучше, если дочь не родится или не остается въ живыхъ;
„Если она родится, лучше будетъ, если она очутится подъ землей,
„Когда поминки совпадутъ съ рожденьемъ,“

содержатъ жестокую истину, но вполнѣ основательную съ точки зрѣнія большинства азіатцевъ.

Не многія племена кочевниковъ настолько слѣдуютъ исламу, что проводятъ у себя отдѣленіе женщинъ отъ общества мужчинъ. Непокрытыя лица составляютъ обычное, а покрытыя — исключительное явленіе. Подъ покровомъ извѣстныхъ формъ и формальностей, незамужнія женщины нерѣдко пользуются свободой, которая можетъ заходить очень далеко, пока не обнаружатся послѣдствія общенія съ молодыми людьми племени или пока, что считается гораздо худшимъ, эти сношенія не выйдутъ за предѣлы аула. Примѣненіе снадобій, убивающихъ плодъ, значительно распространено и терпимо. Этотъ безнравственный обычай, наряду съ безбрачіемъ ламъ, содѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, незначительному увеличенію численности столь многихъ средне-азіатскихъ народовъ. Экзогамія твердо поддерживается у киргизовъ; они привозятъ себѣ невѣстъ изъ другой общины, часто за 700 верстъ и далѣе.

Обрученіе совершается задолго до наступленія возраста возмужалости. Калымъ, подарокъ невѣстѣ, считается подаркомъ, но въ дѣйствительности представляетъ покупную цѣну ея; это всего яснѣе видно изъ того, что у монголовъ бѣдняки, не могущіе внести калымъ, должны заработать себѣ невѣсту способомъ Іакова. Обрученія. когда женихъ и невѣста еще лежатъ въ колыбели, и теперь еще встрѣчаются у киргизовъ; при этомъ формальности, какія отецъ жениха соблюдаетъ по отношенію къ отцу невѣсты, таковы же, какъ и при сватовствѣ взрослыхъ. И здѣсь отецъ жениха отправляется со своими ближайшими родственниками въ улусъ невѣсты и разговариваетъ съ ея отцомъ о посторонннихъ вещахъ, пока, наконецъ, не приступитъ къ нему съ чашкой водки и съ набитой трубкой и не изложитъ цѣли своего прихода. У племени Кизилъ томскихъ киргизовъ, которые особенно крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, отецъ жениха говорилъ еще лѣтъ 20 тому назадъ слѣдующія слова: „Когда вода будетъ заливать твое жилище, я буду крѣпкой плотиной; когда вѣтеръ будетъ дуть въ твое жилище, я буду охранительной стѣной; когда ты позовешь меня, я прибѣгу, какъ собака; когда ты ударишь меня по головѣ, я войду въ твой домъ и сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ.“ Когда водка принимается и выпивается, а трубка выкуривается, это означаетъ согласіе. Все общество переходитъ затѣмъ къ разсужденію о калымѣ, и какъ-бы ни были малолѣтни дѣти, о бракосочетаніи которыхъ идетъ рѣчь, весьма горячо разсматривается вопросъ и о времени свадьбы. Покупная цѣна естественно устанавливается въ видѣ головъ рогатаго скота и преимущественно лошадей, причемъ верблюдъ идетъ за пять кобылицъ, 1—3 верблюда за одного скакуна и пр., и въ придачу даются еще ружья и охотничьи орлы. Сто кобылицъ составляютъ значительный калымъ, но ни одинъ не заключаетъ менѣе 27. Согласно строгому обычаю, кромѣ того, молодой женихъ, при каждомъ посѣщеніи невѣсты, одѣляетъ ее многочисленными подарками. Въ 1868 г. русское правительство разрѣшило киргизскимъ невѣстамъ отказываться отъ брачнаго союза съ женихомъ, обрученнымъ съ ними въ ранней юности. Въ такомъ случаѣ родители должны возвратить калымъ жениху, съ придачею 9 штукъ рогатаго скота въ видѣ пени. Киргизы долгое время скрывали этотъ законъ отъ женщинъ; когда онъ, наконецъ, былъ обнародованъ, уже на первомъ собраніи волостного суда въ Усть-Каменогорскомъ округѣ (Семипалатинской области) 11 дѣвушекъ явились

передъ судомъ съ заявленіемъ, что онѣ не желаютъ вступать въ бракъ съ своими женихами. Въ прежнее время, если женщина хотѣла освободиться отъ своего мужа, она должна была три раза убѣжать отъ него. Когда путемъ разслѣдованія устанавливалось, что мужъ дурно обращался съ женой, бракъ расторгался. Всего свободнѣе браки у таримцевъ, живущихъ въ унизительной бѣдности.

Шаманъ съ барабаномъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 590.

Тамъ, гдѣ для этого имѣются средства, при сватовствѣ взрослыхъ невѣстъ, празднества получаютъ еще большее распространеніе. Сваты, которыми бываютъ родственники жениха, угощаются въ теченіе нѣсколькихъ дней и въ послѣдній день получаютъ кусокъ бараньей грудины изъ особой чашки, въ знакъ ненарушимости договора. На этихъ пиршествахъ надъ сватами совершаются всевозможныя продѣлки; имъ даже не даютъ уѣхать, для чего женщины аула портятъ сбрую, подсовываютъ кости подъ сѣдло или привязываютъ къ хвосту лошади. Многое, даже обычай, въ силу котораго младшій изъ сватовъ долженъ украсть чашку и привезти ее домой, напоминаетъ похищеніе невѣсты. Тѣ же попойки, со сходными играми и шутками, повторяются при отвѣтномъ посѣщеніи родственниковъ деревни жениха. Такъ-же, какъ тамъ невѣста, здѣсь женихъ остается

невидимымъ. Эти посѣщенія повторяются при постепенной уплатѣ калыма, пока не будетъ внесена условленная сумма. Тогда сваты въ послѣдній разъ отправляются въ аулъ невѣсты, причемъ женихъ сопровождаетъ ихъ, хотя и на нѣкоторомъ разстояніи, часто оставаясь въ палаткѣ, пока еще нельзя видѣть невѣсту. Затѣмъ всю ночь продолжаются поперемѣнно пѣсни мужской и женской молодежи аула. Первая находится снаружи юрты отца невѣсты, а послѣдняя внутри. Лишь тогда, когда составятся двѣ партіи, изъ которыхъ одна старается освободить невѣсту изъ ея убѣжища, а другая — удержать ее тамъ, и послѣдняя окажется побѣжденной въ притворной схваткѣ, и невѣста будетъ принесена на ковръ въ юрту ея отца, нѣсколько женщинъ приглашаютъ жениха посѣтить свою невѣсту. Одѣляя обильными подарками женщинъ аула, женихъ вступаетъ въ юрту невѣсты и остается съ нею нѣсколько дней вдвоемъ, видя ее при этомъ случаѣ, быть можетъ, въ первый разъ. Возвращаясь тайно къ своимъ, онъ находитъ подарки отца невѣсты, которые слѣдуетъ распредѣлить между сватами; наконецъ, онъ является въ торжественной процессіи и гонитъ передъ собой скотъ, чтобы привезти невѣсту въ свой родной аулъ. Во время пиршества, для котораго убиваютъ пригнанный имъ скотъ, появляются женщины въ нарядныхъ одеждахъ невѣсты, въ числѣ которыхъ высокія мѣховыя шапки, украшенныя каменьями, жемчугомъ и монетами, достигаютъ иногда цѣнности отъ двухъ до двухъ съ половиной тысячъ рублей. Отправленіе невѣсты въ юрту жениха обставляется также многочисленными формальностями; томскіе татары несутъ занавѣсь между двумя молодыми березками, скрывающую юрту жениха отъ глазъ невѣсты до послѣдней минуты.

Женатые члены большой семейной общины живутъ каждый самъ по себѣ въ собственной юртѣ, и каждый обработываетъ свое поле для собственнаго прокормленія. Всѣ другіе доходы должны доставляться главѣ семьи. Вдова удерживаетъ за собою только поле и, вслѣдствіе того, становится рабою свекра, который ее купилъ и который новому покупателю не уступитъ ни одной копѣйки. Насколько калымъ не представляетъ въ дѣйствительности подарка, насколько онъ связываетъ женщину, очевиднѣе всего слѣдуетъ изъ того, что она, какъ часть наслѣдства, переходитъ къ ближайшему по старшинству родственнику умершаго, независимо отъ того — старъ онъ, или молодъ. Черезъ годъ послѣ смерти мужа, вдова должна была отправляться къ его „преемнику“; если онъ былъ еще ребенкомъ, она должна была дожидаться его совершеннолѣтія. Русскіе законы положили конецъ этому рабству своего рода, но обычай до сихъ поръ еще поддерживаетъ подчиненное положеніе купленной женщины.

Многоженство у монголовъ-буддистовъ встрѣчается рѣдко, но оно не часто и у тюркскихъ народовъ: число женщинъ у кочующихъ племенъ, численность которыхъ во многихъ случаяхъ убываетъ, не можетъ быть особенно большимъ. Правило, въ силу котораго, у народовъ, уменьшающихся въ численности, женская половина исчезаетъ быстрѣе мужской, оправдывается и здѣсь. Система калыма отпугиваетъ отъ брака, и здѣсь вообще не любятъ большого количества дѣтей. Убійство дѣтей женскаго пола можно предполагать даже у русскихъ калмыковъ, общая численность которыхъ уменьшается; число женскихъ индивидуумовъ съ 1862 до 1869 г. убыло на 3,4%.

Многомужество распространено въ Тибетѣ преимущественно въ той формѣ, что жена старшаго брата становится женою прочихъ братьевъ. Двое, трое, и даже четверо кровныхъ родственниковъ обладаютъ тамъ иногда одной женой. Въ этихъ бракахъ несогласія происходятъ рѣдко, и тогда преимущественно по вопросу о принадлежности дѣтей. Въ такихъ случаяхъ вопросъ рѣшается или сходствомъ чертъ лица, или властнымъ словомъ бабки. Обычай этотъ встрѣчается на сѣверѣ даже у тангутовъ; и въ Маломъ Тибетѣ нерѣдко можно видѣть, что четыре брата живутъ съ

одной женой, причемъ младшіе занимаютъ подчиненное положеніе, что̀ легко понять изъ значенія самаго обычая. На старшемъ братѣ лежитъ забота о дѣтяхъ, которыя говорятъ о „старшихъ“ и „младшихъ“ отцахъ. Давно уже эти отношенія объясняются недостаткомъ плодородной почвы въ странѣ, и поліандрія сводится къ той же причинѣ, какъ и широко распространенное безбрачіе. Съ этимъ согласуется обстоятельство, что у карагангутовъ кочевники придерживаются моногаміи, а осѣдлые — поліандріи. Возможно, что этотъ обычай поощряется и государствомъ, которое въ сосѣднемъ Китаѣ видитъ передъ собою опасности перенаселенія. Относительно Тибета мы слышимъ, что тамъ за каждую женщину уплачивается подать. У тибетцевъ она считается политической мѣрой китайскаго правительства. Хотя китайское господство надъ Тибетомъ можетъ быть названо недавнимъ, но нельзя того же сказать объ описываемомъ обычаѣ, который Цезарь нашелъ уже у древнихъ британцевъ, а первые испанцы, посѣтившіе Канарскіе острова, нашли у гуанчей; уже въ китайской географіи Вейтсанга говорится: „Въ Тибетѣ женщины сильнѣе слабыхъ мужчинъ, и поэтому часто три или четыре брата берутъ одну жену.“ Балты, которые съ принятіемъ магометанства должны были отказаться отъ поліандріи, представляютъ примѣръ экономическихъ видовъ и послѣдствій этой системы, будучи при усиливающемся размноженіи принуждаемы къ постоянному выселенію — въ Яркандъ, Кашмиръ, Джему, даже въ предгорья Индіи; магараджа Джему имѣлъ возможность составить особый полкъ изъ балтовъ. Во всякомъ случаѣ, тибетская политика замкнутости, противящаяся проникновенію чужеземцевъ и оставленію родной страны, въ поліандріи и безбрачіи видитъ сильныхъ союзниковъ. Меньшее число женщинъ не всегда бываетъ основою этого обычая; въ Лхассѣ женщинъ даже болѣе, чѣмъ мужчинъ. И въ пограничныхъ областяхъ можно найти достаточное число тибетокъ, готовыхъ соединиться съ китайцами, тогда какъ обратное замѣчается рѣдко. Возможно, что этотъ обычай былъ подготовленъ умерщвленіемъ новорожденныхъ дѣвочекъ. Множество ламъ, живущихъ въ безбрачіи, вносятъ большую порчу въ народъ.

Роды происходятъ въ присутствіи старыхъ женщинъ племени или аула, старающихся противодѣйствовать волшебными средствами враждебнымъ силамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ имѣютъ свѣдѣнія въ родовспомогательномъ искусствѣ; это не мѣшаетъ, однако, героическому обращенію съ женщиной въ этомъ положеніи, добровольно подчиняющейся обычаю, въ силу котораго она не покидаетъ домашней работы до наступленія родовыхъ болей. О семипалатинскихъ киргизахъ разсказываютъ, что они въ крайнемъ случаѣ сажаютъ родильницу на лошадь вмѣстѣ съ сѣдокомъ, чтобы бѣшеной скачкой вызвать въ ней движенія, въ которыхъ ей отказываетъ природа. „Иногда это помогаетъ, а иногда женщина умираетъ“. Свѣже-убитый ягненокъ или овца играютъ у киргизъ во все время родовъ видную роль. Часть его мяса бросается въ огонь и сжигается для умиротворенія злыхъ духовъ, а изъ другой варится единственная пища родильницы — супъ, въ пѣнѣ котораго купаютъ новорожденнаго. Завернутый въ теплую шкуру только что убитаго животнаго ребенокъ, если онъ мальчикъ, кладется въ верхней, а дѣвочка въ нижней части шатра. Шейный позвонокъ животнаго вѣшается надъ ребенкомъ, чтобы шея его укрѣплялась. Три дня ребенокъ остается вблизи матери, и затѣмъ его обмываютъ въ водѣ, въ которую кладутъ для счастья золотыя и серебряныя монеты. Мать не должна кормить его въ теченіе этого времени. Черезъ три дня его укладываютъ въ колыбель, которою бываетъ или кусокъ полотна, растянутый на четырехъ подпоркахъ, гдѣ ребенокъ лежитъ на остриженной весною шерсти или на плотной, войлокообразной зимней шерсти верблюда, или же сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ подставка, похожая на маленькую кровать, которую носятъ на палкѣ, какъ корзину съ ручкой,

и ставятъ на лошадь передъ наѣздницей. У монголовъ, по возможности вскорѣ затѣмъ, совершается при чтеніи молитвъ „крещеніе“ новорожденнаго троекратнымъ погруженіемъ въ тазъ съ соленой водой. Затѣмъ ребенку даютъ имя. Послѣ каждой ванны онъ завертывается въ ту же простыню, принадлежащую ему съ самаго рожденія, которая подъ конецъ, пропитанная жиромъ, или бросается собакамъ, съѣдающимъ при этомъ и зародыши всѣхъ болѣзней, или служитъ цѣлебнымъ средствомъ, которое больные носятъ на тѣлѣ.

Тамъ встрѣчаются имена, вродѣ „жеребецъ“, „молодая собака“ и т. п. Когда у монголовъ приглашается буддійскій жрецъ, имена выбираются сообразно созвѣздію, году, мѣсяцу и дню. Тамъ бываютъ имена, вродѣ Дорджи, власть, или Очиръ, сосудъ буддійскаго богослуженія. Въ возрастѣ 3—4 лѣтъ, монгольскій ребенокъ получаетъ шелковый шнурокъ съ кожаными амулетными сумочками, содержащими писанныя молитвенныя формулы. Съ того времени онъ носитъ это въ теченіе всей жизни и увеличиваетъ покупкою другихъ амулетовъ. У тюрковъ мальчику въ раннемъ возрастѣ дарятъ жеребца, который родился въ одномъ году съ нимъ отъ любимой кобылицы.

Земельное владѣніе въ рѣзко ограниченномъ смыслѣ осѣдлаго населенія знакомо, безъ сомнѣнія, лишь такимъ племенамъ, у которыхъ, какъ у каракалпаковъ, кочевая жизнь отступаетъ передъ земледѣліемъ. У этого народа, перемѣнившаго мѣсто своего обитанія только по принужденію, пахотная земля распредѣлена между родами; пришельцы должны покупать право на пользованіе ею. Пастбища составляютъ общую собственность аула у монголовъ хотона. Мирный пришелецъ можетъ утвердиться только въ зависимости отъ обладателей почвы. Такъ, тептери области башкиръ не представляютъ собою первоначально отдѣлившагося народа, а только низшій слой пришельцевъ, смѣсь татаръ и башкиръ, крѣпко осѣвшую съ теченіемъ времени. Слово „тептеря“ означаетъ собственно пришедшаго послѣ всѣхъ, вновь переселившагося. Кочующіе башкиры относятся къ нимъ презрительно. Оставляя въ сторонѣ стада, движимое имущество кочевниковъ, живущихъ въ простыхъ условіяхъ, каковы, напримѣръ, юго-восточные и сѣверные монголы, распредѣлено такъ равномѣрно, что у нихъ отсутствуютъ соціальныя крайности неравнаго раздѣленія собственности. Этимъ именно и было вызвано восклицаніе Пржевальскаго: „Они лишены трехъ атрибутовъ современной цивилизаціи — пролетаріата, нищенства и проституціи.“ У племенъ, ведущихъ войну и пріобрѣтающихъ добычу, существуютъ большія различія, выражающіяся въ обладаніи рабами, женщинами, оружіемъ и благородными верховыми животными. Но чѣмъ болѣе номада можно назвать мирнымъ, первобытнымъ, настоящимъ, тѣмъ менѣе замѣчается у него ощутительнаго имущественнаго различія. Съ трогательной радостью старый правитель цайдамскихъ монголовъ принималъ приносимую ему дань — горсть табаку, кусокъ сахару и 25 коп. деньгами.

Высшее сословіе у туркменъ и каракалпаковъ пришло въ упадокъ и только у киргизскихъ племенъ сохраняетъ выдающееся положеніе. Когда волжскіе калмыки появились въ Россіи, раздѣленіе на господствующій классъ („бѣлая кость“) и подчиненный („черная кость“) держалось еще крѣпко. Къ первымъ принадлежалъ „банъ“ (по тюркски — ванъ), управлявшій подраздѣленіями улуса съ помощью своихъ друзей и родственниковъ. Киргизъ-кайсаки „бѣлой кости“ считали себя гораздо выше своихъ соплеменниковъ „черной кости“, такъ какъ они хвалились непосредственнымъ происхожденіемъ отъ какого-либо султана, бея или знаменитаго героя. Передъ этимъ отступало даже на второй планъ уваженіе, какое воздается ходжѣ, знатоку священнаго писанія, происходящему отъ пророка. Эти ходжи весьма часто были подозрительными людьми, которые ничего не могли предъявить, кромѣ зеленаго тюрбана, и въ глазахъ гордящагося семей-

ными преданіями киргиза, который даже въ простомъ званіи насчитываетъ не менѣе „семи отцовъ“, они не могли выдерживать сравненія съ первыми.

Политическое раздѣленіе глубоко коренится въ патріархальныхъ учрежденіяхъ пастушеской жизни. Семьи, генеалогическую связь которыхъ даже неученый человѣкъ можетъ прослѣдить въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ поколѣній, соединяются въ роды (сьокъ у тюрковъ, аймакъ у монголовъ); они составляютъ твердое ядро всѣхъ политическихъ образованій высшаго порядка, развивающихся изъ сосѣдства по шатрамъ семействъ въ пять или шесть человѣкъ, которыя, съ своей стороны, соединяются подъ властью дѣда или старѣйшины въ хотонъ, или аулъ. Многіе хотоны, пасущіе стада рядомъ, связаны кровнымъ родствомъ, но когда въ нихъ соединяется не менѣе 18 семействъ, это воспоминаніе ослабѣваетъ. Такіе болѣе крупные комплексы носятъ у монголовъ особое имя „анги“, которое русскіе переводятъ словомъ орда; настоящее значеніе его есть племя. Обязанность части рода, уцѣлѣвшей послѣ войны или моровой язвы, — заботиться объ оставшихся и о стадахъ погибшихъ — показываетъ, что здѣсь существуетъ связь болѣе тѣсная, чѣмъ устанавливаемая простыми политическими соображеніями. Здѣсь предполагается происхожденіе отъ общаго корня, доказательствомъ чего служитъ стремленіе выбирать себѣ жену внѣ предѣловъ рода. Придерживающіеся старины каракиргизы считали это прежде всего кровосмѣшеніемъ и допускали такіе браки лишь въ видѣ исключенія для своихъ правителей (см. выше, стр. 591). Древность родовъ доказывается между прочимъ и фактомъ, что имена ихъ часто приходится слышать въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, настоящей древности они достигаютъ лишь тогда, когда сохранились въ полномъ составѣ среди старинныхъ нравовъ и обычаевъ. Какъ скоро кочевой бытъ начинаетъ исчезать, и родовая система не поддерживается уже въ прежнемъ чистомъ видѣ. Туркмены племени Эрзари, какъ полу-номады, не придаютъ уже своимъ родамъ такого важнаго значенія, какъ ихъ вполнѣ кочевые степные собратья. Такъ, крымскіе татары, адербиджанцы и османы совершенно забыли свои родовыя имена. Легко понять, что при этомъ и само по себѣ трудное сдерживаніе связи семействъ и родовъ часто становится невозможнымъ, и встрѣчаются большія различія въ указаніяхъ числа родовъ. Изъ родовъ и племенъ развивается народность — улусъ монголовъ, урюкъ тюрковъ. Своеобразныя условія подчиненія раздробляютъ племена, которыя прежде, быть можетъ, составляли одно цѣлое. Такъ ёграи и голыки сѣвернаго Тибета образуютъ одно подраздѣленіе тангутовъ, но живутъ въ раздѣльныхъ областяхъ, причемъ первые признаютъ властителемъ не кого либо изъ своей крови, а главу голыковъ. Съ бѣдными джатакскими киргизами соплеменники ихъ, до сихъ поръ еще живущіе въ степи, обращаются, по старымъ законамъ, какъ съ крѣпостными; похищеніе джатакскихъ дѣвушекъ степными киргизами прежде было обычнымъ дѣломъ.

Насколько дѣленіе на роды важно для общественной связи, настолько же невелико ихъ значеніе въ политическомъ отношеніи. Низверженіе правителей племени и возведеніе чужеземцевъ въ это высокое положеніе случается нерѣдко, между тѣмъ, какъ родовые старѣйшины остаются незыблемыми. Правители родовъ служили нѣкогда правителю племени какъ первому между равными. Каракиргизы, самый патріархальный и монархическій изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ, признаютъ ага-манапа, т. е. верховнаго правителя, который собираетъ правителей родовъ, или манаповъ, для совѣта въ дѣлахъ общенародной важности. Сходное положеніе съ нимъ занимаетъ султанъ кайсаковъ, но пользуется меньшимъ вліяніемъ. Отъ калмыцкаго племени Волжской степи въ концѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе угасанія главной линіи его наслѣдственныхъ правителей, отдѣлился народъ дербетовъ, съ 4900 кибитокъ, и примкнулъ къ донскимъ казакамъ между Дономъ и Еемъ. Подъ чуждымъ владычествомъ власть правителя племени

естественно ослабѣла въ пользу правителей родовъ; это было понято всего лучше китайцами, которые пользовались родами, чтобы болѣе и болѣе раздроблять монголовъ. Во главѣ племени въ военное время становится вождь (сердарь, бекъ). Туркмены и кайсаки въ мирное время мало признаютъ власть этихъ правителей; киргизы, напротивъ, заводятъ свое подчиненіе такъ далеко, что называютъ себя рабами своего манапа, считаютъ принадлежащимъ ему все свое добро и признаютъ за нимъ неограниченное право суда. Правда, за это они и съ его стороны требуютъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Въ важныхъ случаяхъ онъ совѣтуется со стариками рода. Изъ числа старѣйшинъ тамъ, гдѣ это нужно, выбираются надсмотрщики за орошеніемъ, за пользованіемъ землей и вообще представители общихъ интересовъ, въ духѣ обычнаго права (адата).

Выраженія орда, крыло, куча, совпадающія съ словами, означающими сотню, десять тысячъ и т. д., извѣстны каждому, знакомому съ исторіей монголовъ или тюрковъ. Это — остатки большихъ военныхъ организацій, которыя эти народы нѣкогда водили сплоченными массами противъ великихъ державъ своего времени. Такъ, киргизъ-кайсаки распались на Малую, Среднюю и Большую орды, изъ которыхъ первая содержитъ 3, вторая 4 и послѣдняя 2 рода. Для общихъ военныхъ экспедицій естественно соединяются между собой и такія племена, которыя стоятъ далеко другъ отъ друга; союзы ихъ настолько же измѣнчивы, насколько они сами подвижны. Живущіе къ югу отъ Аму-Дарьи туркмены Эрзари, номинально принадлежащіе Бухарѣ и совершавшіе прежде вмѣстѣ съ мервскими текинцами набѣги на персидскія области, въ 1879 г. бухарскимъ бекомъ Чарджуя легко могли быть подвинуты къ походу противъ своихъ старинныхъ союзниковъ.

Множество народныхъ именъ составляютъ бремя для этнографовъ, занимающихся исторіей внутренне-азіатскихъ номадовъ. Болѣе мелкія подраздѣленія племени и часто самое племя называются по имени своего начальника. Извѣстныя во всемъ мірѣ имена, каковы османы, сельджуки, чагатайцы, имѣютъ подобное происхожденіе. Вслѣдствіе того, имена эти мѣняются вмѣстѣ съ предводителями. Названія крупныхъ группъ, каковы киргизы, кайсаки и пр., имѣютъ болѣе широкое распространеніе, а слѣдовательно, и бо́льшую прочность. При этомъ значеніе ихъ обыкновенно настолько изгладилось, что съ ними нельзя связывать опредѣленныхъ историческихъ отношеній: такъ, киргизъ означаетъ — странствующій по полямъ, кайсакъ — бродяга, узбекъ — настоящій князь. Киргизъ въ устахъ русскихъ сдѣлался собирательнымъ именемъ, которое обнимаетъ гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности, а татаринъ означаетъ безразлично и монгола и тюрка. Характерно, впрочемъ, различіе происхожденія этихъ именъ. Родовыя имена имѣютъ чисто тюркское происхожденіе, между тѣмъ, какъ у киргизъ, каракалпаковъ, каракиргизъ и узбековъ сохранились монгольскія племенныя имена отъ временъ монгольскаго вліянія въ XIII в. Тамъ встрѣчаются и персидскія имена. Раздѣленіе и раздробленіе часто относится къ новѣйшему времени, и тамъ можно найти отчетливыя преданія о прежней связи племенъ, распавшихся нынѣ на орды, далеко держащіяся другъ отъ друга. Историческія судьбы поднимали иногда мелкое подраздѣленіе изъ общей массы и возводили его на высшую ступень. Кипчаки были лишь родомъ каракиргизъ, которому, вслѣдствіе вмѣшательства въ исторію Коканда, выпала на долю честь считаться самостоятельнымъ народомъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о политическомъ управленіи зависимыхъ кочевыхъ племенъ (см. стр. 399). Монголія для китайскихъ правительственныхъ лицъ дѣлится въ политическомъ отношеніи на двѣ совершенно неравныя половины. Одна обнимаетъ „внутреннихъ монголовъ“, которые, въ свою очередь, раздѣляются на 49 знаменъ, въ по-

граничныхъ полосахъ вдоль Манджуріи и Китая до Тибета. Къ нимъ принадлежатъ ордосскіе монголы. Напротивъ, къ отдѣлу „кочующихъ пастуховъ“ присоединяется все кочевое населеніе области „внутреннихъ монголовъ“. „Внѣшніе монголы“ охватываютъ халкскихъ и западныхъ монголовъ, или калмыковъ. Халки распадаются на 83 знамени. Восточная столица ихъ — Урга, западная — Улясутай; здѣсь живутъ китайскіе намѣстники и среди нихъ четыре хана. Каждый ханъ долженъ ежегодно представить императору, въ видѣ дани, восемь бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда. Калмыки, или элёты, живутъ къ югу и къ западу отъ халковъ, до страны Или и до Куку-Нора. Къ нимъ принадлежатъ монголы Тангутской области и Алашаня въ 29 хошунатахъ, управляемые изъ Синина. Все монгольское населеніе раздѣляется далѣе на группы изъ 10 семействъ, находящихся подъ властью лицъ, которыхъ можно сравнить съ декуріонами; эти послѣднія, въ свою очередь, образуютъ членовъ военной іерархіи. Во главѣ ихъ стоятъ три военныхъ генералъ-губернатора въ Шехолѣ, Калганѣ и Урумтси. Кромѣ того, высшіе военные сановники, назначаемые мѣстными правителями, имѣютъ свое пребываніе въ Ургѣ, Улясутаѣ, Тарбагатаѣ, Турфанѣ, Кульджѣ и Яркандѣ. Мѣстами встрѣчаются отдѣльные слѣды племенной связи изъ временъ нѣзависимости. Такъ, страну Ордосъ китайцы дѣлятъ на три княжества — Тунгъ-Кунгъ, Чунгъ-Кунгъ и Си-Кунгъ (восточное, среднее и западное царства), и каждая изъ этихъ областей управляется туземными правителями, подъ верховной властью Китая; ежегодно съ такими же зависимыми правителями пограничныхъ странъ Мао-Минъ-Нганъ и Таргамъ-Пеи-Ли они собираются на совѣщанія по общимъ дѣламъ. Каждые три года они должны чествовать въ Пекинѣ императора.

До настоящаго времени китайцы спокойно предоставляютъ управленіе мѣстнымъ князьямъ Монголіи, желающимъ подчиняться ихъ власти. Китайскій чиновникъ, обыкновенно манджуръ, стоитъ во главѣ, а ниже его мѣстные монгольскіе правители, окитаившіеся и получающіе жалованье отъ китайцевъ. Болѣе крупные монгольскіе правители женятся на китаянкахъ императорской крови. Уже Канги поставилъ выше этихъ правителей особое монгольское судилище въ Пекинѣ, отнявшее у нихъ право на жизнь и смерть ихъ подданныхъ. Кромѣ того, въ столицѣ находится особое государственное учрежденіе по монгольскимъ дѣламъ, характерно называемое также управленіемъ колоній; его вѣдѣнію подлежатъ всѣ вопросы, достигающіе до центра, въ громадныхъ китайскихъ владѣніяхъ между Россіей и Индіей. Наконецъ, китайцы заинтересовываютъ въ свою пользу правителей номадовъ такимъ образомъ, что они при своихъ поселеніяхъ по тому же способу, который принесъ имъ полезные результаты въ Манджуріи, отдаютъ на откупъ землю монгольской знати и даютъ ей ссуды деньгами или товарами, благодаря чему становятся вскорѣ собственниками земли. Соображеніе, въ силу котораго дѣятельное, быстро растущее китайское населеніе можетъ выплачивать болѣе крупныя подати, чѣмъ рѣдкое и лѣнивое монгольское населеніе, располагаетъ еще болѣе въ сторону перваго. Тамъ, гдѣ китайцы не имѣютъ представителей въ видѣ мирныхъ поселенцевъ, какъ, напримѣръ, въ степи къ югу отъ Алашаня и въ странѣ тангутовъ, ихъ политическое значеніе не велико. Въ сѣверной Монголіи нѣсколько правителей согласились между собой положить предѣлъ распространенію китайцевъ запрещеніемъ имъ основывать семьи, которое не могло быть нарушено тѣмъ, что китайцы вступали въ неупорядоченныя связи съ монголками. Даже въ Ургѣ, гдѣ они имѣютъ рѣшительное политическое преобладаніе, купцы живутъ въ особой, китайской части города.

Подобнымъ же образомъ слагались отношенія туркменъ къ Персіи и средне-азіатскимъ ханствамъ, пока у нихъ была политическая власть. Значительную часть кочевниковъ удалось сдѣлать осѣдлыми и вмѣстѣ съ

тѣмъ мирными. Такую же задачу Россія преслѣдовала съ еще большей энергіей относительно всѣхъ тюркскихъ племенъ къ сѣверу отъ Атрека и отъ верхней Аму-Дарьи и этимъ содѣйствовала всего больше обузданію внутренне-азіатскихъ номадовъ, нѣкогда угрожавшихъ всей Европѣ и западной Азіи. Она воспользовалась съ большимъ разсчетомъ старинной враждой между монголами и тюрками, принявъ въ свое подданство калмыковъ и обративъ ихъ противъ татаръ.

---

14. Тибетцы [1].

„Страна Будды. Царство снѣга."
Мѣстныя опредѣленія Тибета.

Содержаніе: Одежда. Украшенія. Оружіе. — Пища. Скотоводство. Земледѣліе. — Способность Тибета къ культурѣ. — Пути сообщенія. — Различныя племена: тангуты (голыки и ёграи), далды. — Правленіе. Китайскій надзоръ въ Тибетѣ.

Оба пола тибетцевъ носятъ, подпоясывая его на поясницѣ, длинный кафтанъ съ рукавами, лѣтомъ изъ шерстяной матеріи, а зимой изъ овчины, покрытой цвѣтной тканью. Шуба свѣшивается надъ поясомъ въ видѣ мѣшка. Правый рукавъ мужчины часто не надѣваютъ, и рука и часть груди остаются у нихъ непокрытыми даже въ сильный морозъ (см. стр. 574). Вмѣсто шароваръ, носятъ наколѣнники изъ овчины. Кочевые тибетцы не знаютъ рубашки и спятъ въ своихъ шатрахъ обнаженными, на войлочной подстилкѣ, прикрываясь кафтаномъ съ рукавами. Обувь составляютъ высокіе сапоги изъ грубой шерстяной ткани, съ кожаными подошвами, превосходно предохраняющіе отъ холода. Оба пола носятъ шапки изъ бараньяго или лисьяго мѣха, а иногда и головныя повязки изъ красной шерстяной матеріи. Къ поясу привѣшиваются различныя мелкія орудія, и у мужчинъ сабля. Лоскутъ, украшенный кораллами или бирюзою, на правомъ плечѣ представляетъ амулетъ, покупаемый тибетцами у ламъ. Желтое платье ламъ, вслѣдствіе трудности доставать желтыя матеріи, все болѣе вытѣсняется краснымъ. У болѣе южныхъ народовъ на тѣлѣ носятъ одежду, вытканную изъ шерсти, тогда какъ шуба служитъ только накидкой. Такъ, въ Ладакѣ мужчины носятъ запахиваемую спереди длинную шерстяную накидку съ поясомъ, а женщины — подобную же одежду болѣе свѣтлаго, голубого или краснаго цвѣта, и при этомъ шерстяныя шаровары и тибетскіе шерстяные или войлочные сапоги. Въ Спити предпочитаются темные цвѣта. Такъ же одѣваются и балты, но ихъ шерстяные кафтаны короче. Подобную же одежду, всегда свѣтло-сѣрую, носятъ находящіеся подъ индійскимъ вліяніемъ пагаріи, горцы Лаголя, принадлежащіе къ смѣшанной расѣ канетовъ; короткій тибетскій шерстяной кафтанъ встрѣчается и у таванскихъ моновъ. Въ Бутанѣ и Непалѣ его можно найти только у кочевниковъ высокихъ горъ; въ городахъ средней высоты куртка и шаровары дѣлаются изъ хлопчатобумажной ткани, а у лепчасовъ даже изъ шелковой, которую они прядутъ изъ коконовъ клещевиннаго шелковичнаго червя. Здѣсь уже замѣчается комическое различіе между индусами, застегивающими куртку на правую, и магометанами, застегивающими ее на лѣвую сторону. Сильный, дикій лоба-дафла опоясывается шерстянымъ одѣяломъ, причемъ поясъ служитъ ему колчаномъ. Повсюду, куда проникаетъ индійское вліяніе, шерстяное платье считается одеждою массы, между тѣмъ, какъ болѣе богатые стараются выдѣлиться хлопчатобумажными одеждами; въ Дардистанѣ,

---

[1] Наименованіе Тибетъ для страны между Гималаями, Куень-Лунемъ и Куку-Норомъ, мы употребляемъ со временъ Марко Поло. Мѣстные жители называютъ ее Бодъюль, китайцы, причисляющіе ее къ своему царству, — Тсангъ.

гдѣ это соціальное различіе рѣзко выражено, эти одежды добываются по высокимъ цѣнамъ изъ низменной части страны. Одежду далдскихъ женщинъ — короткій кафтанъ съ рукавами и сверхъ него другой безъ рукавовъ, все это, сдерживаемое поясомъ, — такъ-же, какъ и головной уборъ, скорѣе можно назвать тибетскими, чѣмъ китайскими. По китайскому обычаю, высшіе сановники Тибета одѣваются въ богатыя собольи шубы и любятъ оторочки изъ леопардовой шкуры. На китайской границѣ народъ носитъ также китайскія широкія, голубыя шаровары и загнутые кверху башмаки. Но, съ другой стороны, тибетскій костюмъ проникъ даже и къ цайдамскимъ монголамъ, которые носятъ его на подобіе тангутовъ: они хотятъ, чтобы ихъ принимали за этихъ разбойниковъ.

Лама изъ Лхассы. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 604.

У мужчинъ китайская коса доходитъ до самой Индіи. Племена сѣвернаго Тибета носятъ нѣсколько косичекъ на затылкѣ, связывая ихъ въ одну. Магометане коротко стригутъ себѣ волосы и прикрываютъ голову тюрбаномъ; вслѣдствіе того, коса считается тамъ признакомъ послѣдователей буддизма. Въ Кансу, упоминая о жителяхъ Ярканда, всегда отмѣчаютъ, что они носятъ тюрбанъ. Мы находимъ косу при коротко остриженныхъ спереди волосахъ, въ видѣ кошелька, у ладаковъ, между тѣмъ, какъ балты, перешедшіе въ исламъ и уже подвергшіеся вліянію запада, гладко выстригаютъ голову, оставляя лишь двѣ длинныя пряди по бокамъ. Такъ женосятъ волосы лаголь скіе канеты, живущіе съ мусульманами, но выставляютъ прядь на лбу изъ подъ небольшого тюрбана. Горки коротко выстригаютъ волосы на затылкѣ и спереди выбриваютъ четыреугольникъ. Женщины въ Тибетѣ заплетаютъ волосы то на двѣ косы, то на безчисленное число мелкихъ косичекъ, которыя онѣ сзади соединяютъ въ одну, удлиняя ихъ лентами, при чемъ заплетенные такимъ образомъ волосы свѣшиваются у нихъ на спинѣ, на подобіе небольшого плаща, или онѣ нацѣпляютъ на нихъ множество колецъ. У далдовъ женщина прибавляетъ къ этому платокъ, прикрѣпленный къ рогообразному головному украшенію, широко ниспадающій на спинѣ и, вмѣстѣ съ тяжелымъ головнымъ уборомъ, дѣлающій фигуру приземистой. Нѣкоторыя женщины тамъ надѣваютъ на голову

колоссальное плетеніе изъ волосъ яка, чтобы волосы ихъ казались болѣе обильными, а другія прикрѣпляютъ къ волосамъ, въ видѣ украшенія, маленькія серебряныя чашки, которыя въ Лаголѣ осыпаются драгоцѣнными камнями. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ волосахъ или на груди не бываетъ цѣпочекъ изъ серебряныхъ монетъ, по большей части, рупій. Излишекъ украшеній на головѣ можно найти и въ Кулу. и въ Спити. Женщины ладаковъ носятъ просто боковыя косички; головное украшеніе ихъ состоитъ изъ широкой повязки, накладываемой отъ лба до затылка, украшенной раковинами, необдѣланной бирюзой или бусами. Часто тамъ можно видѣть круглую шапочку, надѣваемую на темя, которая распространилась, какъ головное украшеніе китайцевъ и монголовъ. Для холоднаго времени она снабжается наушниками, которые лѣтомъ поднимаются вверхъ. Деревенскіе старшины балтовъ уже сверху ихъ надѣваютъ тюрбаны. Цилиндрическія, соломенныя шапки безъ полей, какъ, напримѣръ, у лобадафловъ, говорятъ о заимствованіи изъ Бирмы и Шана. Въ широкихъ шерстяныхъ шапкахъ ладаковъ предчувствуется уже своеобразная шляпа дардовъ: кусокъ ткани, приблизительно въ поллоктя, свертывается такимъ образомъ, что въ серединѣ образуется углубленіе, а кругомъ широкій край. Тамъ, гдѣ живутъ дарды, если они не буддисты, они носятъ этотъ характерный головной уборъ. Въ Спити преобладаетъ мѣшкообразная шапка. Замѣчательно выжженное мѣсто, величиною въ пятидесятипфенниговую монету, которую у большинства балтовъ можно видѣть на темени. Индійское раскрашиваніе лица употребительно у ладакскихъ женщинъ.

На груди каждый тибетецъ носитъ коробочку изъ золота, серебра или мѣди, въ видѣ амулета отъ злыхъ демоновъ, съ различными формулами заклинаній; часто она обильно усажена бирюзой, обычнымъ тамъ камнемъ, служащимъ для украшеній. На восточной границѣ Тибета тибетки, своими предметами украшенія изъ золота, серебра, коралловъ и бирюзы, въ видѣ серегъ, ожерелій и браслетъ, берутъ верхъ надъ китаянками. И въ производствѣ этихъ предметовъ въ Тибетѣ сталкиваются индійскій и китайскій вкусъ; въ новѣйшее время послѣдній получаетъ преобладаніе, но въ прежніе вѣка дѣло было иначе, когда, очевидно, богатство было болѣе распространено. Малый Тибетъ нѣкогда, повидимому, блисталъ художественными металлическими работами не менѣе прославленнаго Кашмира. Въ настоящее время вмѣстѣ съ благосостояніемъ исчезла и бо́льшая часть ихъ искусствъ; посѣтителямъ Ладака и Балтистана попадается всего болѣе лишь необдѣланная бирюза, встрѣчающаяся въ украшеніяхъ въ значительныхъ количествахъ и величинахъ. Въ Балтистанъ проникла индійская любовь къ роскоши; здѣсь чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, встрѣчаются золотыя и серебряныя издѣлія Индіи и Персіи.

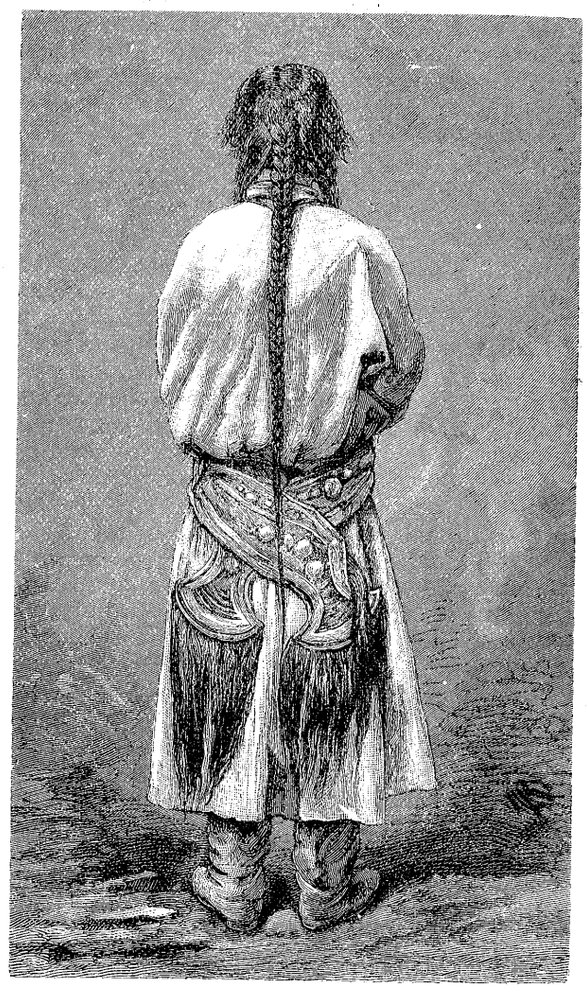
Мужчины кочевыхъ племенъ всегда вооружены. Каждый носитъ, по меньшей мѣрѣ, мечъ за поясомъ и копье, а гдѣ возможно, и ружье: китайскія фитильныя ружья (см. рис., стр. 576) распространены до границы Индіи. По китайскому образцу, къ ружью прикладывается, въ видѣ шомпола, распорка, на которую оно кладется во время стрѣльбы. Мечи часто бываютъ прекрасной китайской работы; рукоятка ихъ заканчивается краснымъ коралломъ или бирюзой. Между тѣмъ, какъ прежніе наблюдатели, и въ особенности миссіонеры, описывали тибетцевъ значительно превосходящими китайцевъ силою, выносливостью и воинственностью, русскіе путешественники нашли ихъ такими же трусами, какъ и другихъ азіатцевъ: они небрежно обращаются съ оружіемъ и, за неимѣніемъ свинца, стрѣляютъ кремнями. Это напоминаетъ привычку тибетскихъ пастуховъ подгонять скотъ, бросая въ него камнями; они дѣйствую пращами тамъ, гдѣ у нихъ нѣтъ ружей. Безъ сомнѣнія, они кажутся страшными дурно вооруженнымъ и робкимъ вожакамъ монгольскихъ каравановъ, которые при всякомъ переходѣ черезъ тибетскую границу подвергаются ограбленію или

вымогательствамъ со стороны тангутовъ и, вслѣдствіе того, всего болѣе содѣйствовали распространенію воинственной славы тибетцевъ.

Во всей области распространенія яка, въ качествѣ домашняго и вьючнаго животнаго, распространены и народы съ пріемами работы, нравами и одеждою тибетцевъ. Стихіей яка долженъ быть признанъ рѣдкій и чистый воздухъ высокихъ долинъ; пища его произрастаетъ на пастбищахъ Гималая и Куэнлуня съ короткимъ дерномъ; вмѣстѣ съ нимъ пастушескіе народы тибетскаго плоскогорья спустились въ горы къ югу и перешли черезъ хребетъ, на которомъ они оказались невдалекѣ отъ пришедшихъ съ юга, привычныхъ къ подтропическому теплу жителей Индіи. Обладатели стадъ яковъ бываютъ обыкновенно только пастухами; но въ Ладакѣ якъ тянетъ и плугъ, даже вмѣстѣ съ коровами, и живущіе отчасти извозомъ ладаки запрягаютъ его въ свои грузовыя повозки. Мясо яка и барана составляетъ главную пищу, часто въ сыромъ видѣ. Слѣдующее мѣсто занимаетъ истолченный въ каменной ступкѣ и сваренный въ мѣдномъ котлѣ чай, съ прибавкою молока и большого количества коровьяго масла. Кромѣ того, любимую ѣду составляютъ выщелушенный ячмень и тарыкъ — кипяченое, закисшее молоко. Пандитъ Наинъ Сингъ видѣлъ въ Хорсанѣ (на 4400 м.) большія каменныя блюда, въ которыхъ чампы приготовляютъ мучной супъ, составляющій вмѣстѣ съ молокомъ, сыромъ и коровьимъ масломъ ихъ главную пищу. Спиртные напитки приготовляются изъ перебродившаго молока и ячменнаго отвара. На пастбищахъ невдалекѣ отъ Лхассы держатъ 300 заводскихъ кобылицъ, изъ молока которыхъ приготовляется спиртный напитокъ, предназначаемый для Далай Ламы. Для ладаковъ понадобился особый законъ противъ употребленія водки. Ихъ кисловатое пиво безъ хмеля носитъ названіе „чангъ“.

Только въ южномъ Тибетѣ, несмотря на возвышенное положеніе, можно еще найти земледѣліе. По словамъ Наинъ Синга, воздѣлываніе ячменя въ Тибетѣ восходитъ до 4560 м. Вступая въ Чангтангъ („сѣверная равнина“), мы видимъ себя окруженными номадами; далѣе къ сѣверу, большая часть страны остается необитаемой. Лишь въ области Куку-Нора вновь появляется земледѣліе. Пандитъ, проѣхавшій изъ Лхассы къ хребту Танлы, въ первой половинѣ пути проѣхалъ мимо приблизительно 7000 шатровъ, а во второй, въ Чангтангѣ, страна была совершенно безлюдна; пять всадниковъ, вѣроятно, разбойниковъ, и караванъ изъ Монголіи въ Лхассу, были единственными людьми, которыхъ онъ встрѣтилъ. И Пржевальскій отмѣчаетъ полное безлюдье полосы шириною въ 800 км. на высотѣ 4200 — 5000 м. Общее населеніе страны во всякомъ случаѣ очень рѣдкое и едва достигаетъ 2 милліоновъ.

Тибетцы превосходно умѣютъ дубить кожи, которыя они выскребаютъ камнями. Изъ привозной мѣди они дѣлали въ большомъ количествѣ чайные котлы и чайныя чашки. Къ металлическимъ частямъ ружей, доставляемымъ китайцами, они придѣлываютъ ложа. Залежи цѣнныхъ камней, составляющія, вмѣстѣ съ стадами, богатство Тибета, даже на крайнемъ юго-западѣ, на границѣ восточнаго Туркестана, разрабатываются китайцами, такъ же, какъ и залежи ядеита въ долинѣ Каракаша. При замкнутости страны, торговля почти вся находится въ рукахъ китайцевъ, которые прежде всего удовлетворяютъ значительному спросу на чай и японскія бездѣлки, привозя товары даже на монастырскіе рынки внутренняго Тибета. Твердому положенію китайцевъ въ Тибетѣ существенно содѣйствуетъ потребность тибетцевъ въ кирпичномъ чаѣ. Кромѣ того, они вездѣ являются необходимыми въ качествѣ банкировъ и ростовщиковъ. Джиль называетъ китайцевъ „единственными людьми въ странѣ, имѣющими деньги“. Это преувеличено: и ламы въ сѣверномъ Тибетѣ ссужаютъ деньгами за два процента въ мѣсяцъ. Вывозъ изъ Тибета въ новѣйшее время отчасти направляется черезъ западную Монголію въ русскій Туркестанъ; въ торговлѣ на китайско-тибетской границѣ замѣчается уже упадокъ. Несмотря на старанія англичанъ, торговля Тибета съ Индіей мало подвигается впередъ, и даже индійскаго чая лишь весьма немного идетъ въ Тибетъ. Непальскіе купцы, напротивъ, ведутъ торговлю тканями и металлическими товарами съ Лхассой, откуда они прежде возили кирпичный чай до Кашмира. Караваны даже въ сосѣдствѣ Лхассы идутъ подъ прикрытіемъ; на сѣверной границѣ разбои тангутовъ и ёграевъ по цѣлымъ годамъ мѣшаютъ сообщеніямъ. Тибетъ пользуется китайской размѣнной монетой, получая оттуда серебряные пезосы, такъ же, какъ и рупіи отъ Непала до Батанга, и переплавляетъ ихъ съ прибавкою третьей части мѣди въ тибетскіе рупіи; съ конца семидесятыхъ годовъ по всей странѣ ходятъ и русскіе рубли. На базарахъ Ладака и Балтистана можно найти старинную ладакскую серебряную монету, джадъ или джао, наряду съ рупіями и китайскими мѣдными деньгами. Отъ главнаго города Тибета ведетъ въ Пекинъ болѣе легкій путь, который долженъ быть доступенъ во всѣ времена года, чрезъ Тсіамдо и Батангъ въ Сечуанъ, и другой, болѣе трудный, доступный только лѣтомъ, черезъ Цайдамъ и Куку-Норъ. Тамъ ѣздятъ на якахъ, которые въ качествѣ верховыхъ животныхъ проходятъ 30 км. въ день, а съ грузомъ только половину этого протяженія. Въ Непалъ ведутъ дороги, перекрещивающіяся въ базарномъ мѣстечкѣ Шигатце близъ Тешилумбо; Сангпо переходятъ по узкому мосту на желѣзныхъ цѣпяхъ.



Тангутка. (По фотографіи Потанина.) Ср. текстъ ниже.

Кочующіе тибетцы распадаются на большое число племенъ. Сѣверо-восточная группа носитъ мѣстное названіе „Сокпа“, сѣверо-западная — „Дрокпа“. Къ ней принадлежатъ обитатели цѣпи Танлы, полунезависимые отъ Лхассы ёграи и голыки. Слова тангутъ (см. изображеніе тангутки, выше), введенное Пржевальскимъ, — монгольскаго происхожденія и въ устахъ западныхъ китайцевъ служитъ для обозначенія всѣхъ тибетцевъ. Тибетцы на Куку-Норѣ китайцами называются фантца; они подчинены китайскому намѣстнику провинціи Кансу и, подобно монголамъ, съ которыми они смѣшались, управляются туземными начальниками. Далай-Ламу они назы-

вымогательствамъ со стороны тангутовъ и, вслѣдствіе того, всего болѣе содѣйствовали распространенію воинственной славы тибетцевъ.

Во всей области распространенія яка, въ качествѣ домашняго и вьючнаго животнаго, распространены и народы съ пріемами работы, нравами и одеждою тибетцевъ. Стихіей яка долженъ быть признанъ рѣдкій и чистый воздухъ высокихъ долинъ; пища его произрастаетъ на пастбищахъ Гималая и Куэнлуня съ короткимъ дерномъ; вмѣстѣ съ нимъ пастушескіе народы тибетскаго плоскогорья спустились въ горы къ югу и перешли черезъ хребетъ, на которомъ они оказались невдалекѣ отъ пришедшихъ съ юга, привычныхъ къ подтропическому теплу жителей Индіи. Обладатели стадъ яковъ бываютъ обыкновенно только пастухами; но въ Ладакѣ якъ тянетъ и плугъ, даже вмѣстѣ съ коровами, и живущіе отчасти извозомъ ладаки запрягаютъ его въ свои грузовыя повозки. Мясо яка и барана составляетъ главную пищу, часто въ сыромъ видѣ. Слѣдующее мѣсто занимаетъ истолченный въ каменной ступкѣ и сваренный въ мѣдномъ котлѣ чай, съ прибавкою молока и большого количества коровьяго масла. Кромѣ того, любимую ѣду составляютъ вышелушенный ячмень и тарыкъ — кипяченое, закисшее молоко. Пандитъ Наинъ Сингъ видѣлъ въ Хорсанѣ (на 4400 м.) большія каменныя блюда, въ которыхъ чампы приготовляютъ мучной супъ, составляющій вмѣстѣ съ молокомъ, сыромъ и коровьимъ масломъ ихъ главную пищу. Спиртные напитки приготовляются изъ перебродившаго молока и ячменнаго отвара. На пастбищахъ невдалекѣ отъ Лхассы держатъ 300 заводскихъ кобылицъ, изъ молока которыхъ приготовляется спиртный напитокъ, предназначаемый для Далай Ламы. Для ладаковъ понадобился особый законъ противъ употребленія водки. Ихъ кисловатое пиво безъ хмеля носитъ названіе „чангъ“.

Только въ южномъ Тибетѣ, несмотря на возвышенное положеніе, можно еще найти земледѣліе. По словамъ Наинъ Синга, воздѣлываніе ячменя въ Тибетѣ восходитъ до 4560 м. Вступая въ Чангтангъ („сѣверная равнина“), мы видимъ себя окруженными номадами; далѣе къ сѣверу, большая часть страны остается необитаемой. Лишь въ области Куку-Нора вновь появляется земледѣліе. Пандитъ, проѣхавшій изъ Лхассы къ хребту Танлы, въ первой половинѣ пути проѣхалъ мимо приблизительно 7000 шатровъ, а во второй, въ Чангтангѣ, страна была совершенно безлюдна; пять всадниковъ, вѣроятно, разбойниковъ, и караванъ изъ Монголіи въ Лхассу, были единственными людьми, которыхъ онъ встрѣтилъ. И Пржевальскій отмѣчаетъ полное безлюдье полосы шириною въ 800 км. на высотѣ 4200 — 5000 м. Общее населеніе страны во всякомъ случаѣ очень рѣдкое и едва достигаетъ 2 милліоновъ.

Тибетцы превосходно умѣютъ дубить кожи, которыя они выскребаютъ камнями. Изъ привозной мѣди они дѣлали въ большомъ количествѣ чайные котлы и чайныя чашки. Къ металлическимъ частямъ ружей, доставляемымъ китайцами, они придѣлываютъ ложа. Залежи цѣнныхъ камней, составляющія, вмѣстѣ съ стадами, богатство Тибета, даже на крайнемъ юго-западѣ, на границѣ восточнаго Туркестана, разрабатываются китайцами, такъ же, какъ и залежи ядеита въ долинѣ Каракаша. При замкнутости страны, торговля почти вся находится въ рукахъ китайцевъ, которые прежде всего удовлетворяютъ значительному спросу на чай и японскія бездѣлки, привозя товары даже на монастырскіе рынки внутренняго Тибета. Твердому положенію китайцевъ въ Тибетѣ существенно содѣйствуетъ потребность тибетцевъ въ кирпичномъ чаѣ. Кромѣ того, они вездѣ являются необходимыми въ качествѣ банкировъ и ростовщиковъ. Джиль называетъ китайцевъ „единственными людьми въ странѣ, имѣющими деньги“. Это преувеличено: и ламы въ сѣверномъ Тибетѣ ссужаютъ деньгами за два процента въ мѣсяцъ. Вывозъ изъ Тибета въ новѣйшее время отчасти направляется черезъ западную Монголію въ рус-

скій Туркестанъ; въ торговлѣ на китайско - тибетской границѣ замѣчается уже упадокъ. Несмотря на старанія англичанъ, торговля Тибета съ Индіей мало подвигается впередъ, и даже индійскаго чая лишь весьма немного идетъ въ Тибетъ. Непальскіе купцы, напротивъ, ведутъ торговлю тканями и металлическими товарами съ Лхассой, откуда они прежде возили кирпичный чай до Кашмира. Караваны даже въ сосѣдствѣ Лхассы идутъ подъ прикрытіемъ; на сѣверной границѣ разбои тангутовъ и ёграевъ по цѣлымъ годамъ мѣшаютъ сообщеніямъ. Тибетъ пользуется китайской размѣнной монетой, получая оттуда серебряные пезосы, такъ же, какъ и рупіи отъ Непала до Батанга, и переплавляетъ ихъ съ прибавкою третьей части мѣди въ тибетскіе рупіи; съ конца семидесятыхъ годовъ по всей странѣ ходятъ и русскіе рубли. На базарахъ Ладака и Балтистана можно найти старинную ладакскую серебряную монету, джадъ или джао, на ряду съ рупіями и китайскими мѣдными деньгами. Отъ главнаго города Тибета ведетъ въ Пекинъ болѣе легкій путь, который долженъ быть доступенъ во всѣ времена года, чрезъ Тсіамдо и Батангъ въ Сечуанъ, и другой, болѣе трудный, доступный только лѣтомъ, черезъ Цайдамъ и Куку-Норъ. Тамъ ѣздятъ на якахъ, которые въ качествѣ верховыхъ животныхъ проходятъ 30 км. въ день, а съ грузомъ только половину этого протяженія. Въ Непалъ ведутъ дороги, перекрещивающіяся въ базарномъ мѣстечкѣ Шигатце близъ Тешилумбо; Сангпо переходятъ по узкому мосту на желѣзныхъ цѣпяхъ.

Тангутка. (По фотографіи Потанина.) Ср. текстъ ниже.

Кочующіе тибетцы распадаются на большое число племенъ. Сѣверо-восточная группа носитъ мѣстное названіе „Сокпа“, сѣверо-западная — „Дрокпа“. Къ ней принадлежатъ обитатели цѣпи Танлы, полунезависимые отъ Лхассы ёграи и голыки. Слова тангутъ (см. изображеніе тангутки, выше), введенное Пржевальскимъ, — монгольскаго происхожденія и въ устахъ западныхъ китайцевъ служитъ для обозначенія всѣхъ тибетцевъ. Тибетцы на Куку-Норѣ китайцами называются фантца; они подчинены китайскому намѣстнику провинціи Кансу и, подобно монголамъ, съ которыми они смѣшались, управляются туземными начальниками. Далай-Ламу они назы-

ваютъ своимъ прирожденнымъ властелиномъ. Тибетцы живутъ и въ провинціи Цайдамъ. Вблизи ламаитскаго монастыря въ Шейбсенѣ китайцы, смѣшанные съ тангутами, занимаются земледѣліемъ, а къ западу оттуда лежатъ настоящія китайскія деревни на южномъ краю пустыни Гоби. Въ провинціи Кансу мы находимъ окитаившійся, подобно дунганамъ, народъ далды, смѣсь тибетцевъ, монголовъ и тюрковъ; они занимаются земледѣліемъ и, по большей части, усвоили китайскій костюмъ и китайскій языкъ. Противоположно имъ, настоящіе тибетцы западнаго Китая, хотя они и живутъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ китайцами и подъ ихъ властью, мало восприняли китайскихъ обычаевъ. Въ экономическомъ отношеніи они, правда, зависятъ отъ китайцевъ; послѣдніе эксплуатируютъ ихъ каменноугольныя залежи и соляныя озера и перерабатываютъ въ сукна пряжу, какую прядутъ изъ шерсти яка кочевые тибетцы, изготовляющіе свое платье изъ этого сукна; кромѣ того, китайцы ведутъ прибыльную торговлю ревенемъ.

Правленіе Тибета формально находится въ рукахъ двухъ высшихъ ламъ — Далай-Ламы и Паншенъ-Ламы, которымъ помогаютъ четыре министра. Но верховное руководство дѣлами принадлежитъ двумъ китайскимъ резидентамъ въ Лхассѣ, высшимъ военнымъ чинамъ манджурскихъ знаменъ. Администрація Тибета тѣсно связана съ управленіемъ Сечуана, доставляющаго солдатъ и деньги для китайскаго правительства въ Тибетѣ. Какія мелкія, полунезависимыя управленія встрѣчаются еще въ этой обширной странѣ — трудно сказать съ точностью; для насъ не ясно, какое значеніе слѣдуетъ придавать замѣткамъ, вродѣ слѣдующей: „Монастырь въ Таванѣ независимъ отъ Лхассы; его 600 ламъ (см. рис., стр. 600) хорошо вооружены ружьями и луками“, и другимъ подобнымъ указаніямъ пандитовъ. Большое пространство, рѣдкое населеніе и политическая слабость этого буддійскаго духовнаго государства позволяютъ предположить весьма не крѣпкую связь между болѣе мелкими политическими единицами. Повидимому, исчезли уже всѣ слѣды царства женщинъ (Ну-Куо), которое, согласно китайскимъ лѣтописямъ, обнимало сѣверный Тибетъ и управлялось большой и малой королевами, но въ которомъ воины, впрочемъ, были мужчинами, хотя сыновья носили имя матери.

Такимъ образомъ, Тибетъ въ политическомъ смыслѣ долженъ считаться частью Китайской имперіи. Далай-Лама назначается лишь съ согласія китайскаго императора, и каждые два года въ видѣ легкой дани посылаются дары изъ Лхассы въ Пекинъ. Еще въ прошломъ вѣкѣ китайскіе солдаты стояли на границахъ Бенгальскихъ владѣній Остъ-Индской Компаніи для охраненія Тибета отъ вторженія непальцевъ. Китаю, на ряду съ политическимъ господствомъ, принадлежитъ и экономическое преобладаніе. Несмотря на трудности сообщенія (на переѣздъ изъ Синингa въ Лхассу требуется три мѣсяца), онъ сумѣлъ вытѣснить всѣ другія державы съ тибетскаго рынка. Въ пограничной полосѣ Сечуана встрѣчается многочисленное смѣшанное китайско-тибетское населеніе, относящееся презрительно къ чистымъ тибетцамъ. Тибетскія женщины охотно вступаютъ въ бракъ съ китайскими торговцами и солдатами. Тибетскіе мандарины въ Батангѣ одѣваются и бѣгло говорятъ по китайски; китайскій языкъ, какъ культурный и торговый, господствуетъ во всей пограничной области, несмотря на численное превосходство тибетцевъ въ болѣе крупныхъ пограничныхъ городахъ, вродѣ Татсіанлу. Напротивъ, настоящее переселеніе китайцевъ въ Тибетъ не было до сихъ поръ столь же свободнымъ, какъ въ Монголію, и, повидимому, китайскія власти ставятъ затрудненія для перемѣщенія большихъ массъ. У самихъ тибетцевъ нѣтъ недостатка въ чувствѣ собственнаго достоинства, которое поддерживается обладаніемъ священнаго города буддизма. Поэтому, хотя они и представляютъ собою скорѣе подданныхъ, чѣмъ союзниковъ Китая, ревниво слѣдятъ за вліяніемъ этой державы и даже

смотрятъ на китайцевъ, какъ на нечистыхъ, или, скорѣе, какъ на пришельцевъ съ Востока, которые только теперь пытаются открыть дороги въ Тибетъ для своей торговли и для его изученія. Изслѣдованіе этническихъ отношеній внутренней Азіи, Индіи, и Индо-Китая не можетъ считаться законченнымъ до тѣхъ поръ, пока обширныя области, въ которыхъ перекрещивается столько нитей происхожденія азіатскихъ народовъ и столько путей ихъ передвиженія остаются во мракѣ неизвѣстности.

---

15. Общія свѣдѣнія о народахъ Индіи.

„Этнографію народовъ Индіи можно обрисовать лишь въ самыхъ общихъ чертахъ." Мантегацца.

Содержаніе: Особой индійской расы не существуетъ. — До-дравидскіе элементы. — Дравиды. — Монголы. — Индусы. — Смѣшенія. — Этнографическое и религіозное значеніе расовыхъ различій. — Древніе южные азіатцы. — Доисторическіе памятники. — Отношенія къ внутренней Азіи и къ Малайскому архипелагу. — Индійскій народный характеръ. — Мягкость и жесткость. — Санскритская литература. — Ваяніе. — Зодчество. — Живопись. — Промышленное искусство.

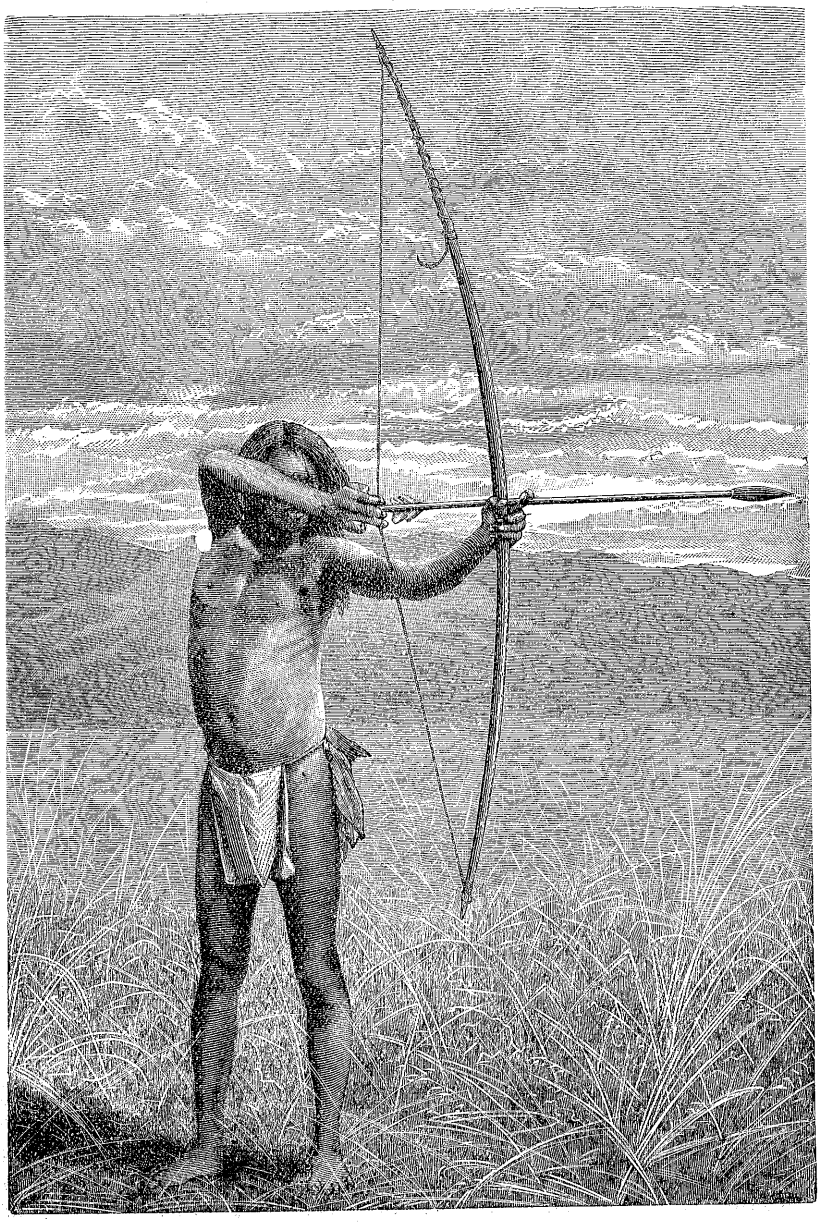
Когда при народной переписи въ Индіи въ 1871 г., была сдѣлана попытка сгруппировать расы полуострова по ихъ численному значенію, отмѣчено было 110 милліоновъ смѣшаннаго населенія, 41 милліонъ магометанъ, 18 милліоновъ коренныхъ племенъ и неарійскихъ народовъ и 16 милліоновъ чистыхъ арійцевъ, всего 185 милліоновъ [1]. Эта пестрая классификація показываетъ, какъ трудно отдѣлить одну отъ другой расы въ странѣ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій народы собирались изъ различныхъ странъ, перемѣшивались между собой и измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій. Если магометанъ ставить на ряду съ расами въ видѣ большой этнической группы, то мы видимъ невозможность выдѣлить ихъ расовые элементы. То же самое доказывается многочисленностью смѣшаннаго населенія. Простая гипотеза, въ силу которой первоначальныя темныя, негроидныя племена подверглись сперва арійскому, а затѣмъ отчасти монгольско-магометанскому вторженію, которое частью отодвинуло этихъ коренныхъ обитателей къ югу и къ западу, а частью создало смѣшанныя расы, не имѣетъ въ виду подобныхъ затрудненій. Но каждая попытка выйти изъ нихъ приводитъ къ задачѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія различій, какъ это сдѣлалъ Мантегацца, отличавшій индусовъ съ арійскимъ (кавказскимъ), малайскимъ и семитическимъ типомъ, монголовъ, евреевъ, парсовъ, мусульманъ, подъ которыми скрываются туранцы, и, наконецъ, первичныя племена.

„До-дравидскій" типъ такъ называемыхъ коренныхъ, горныхъ, или дикихъ племенъ выказываетъ негроидные элементы (см. томъ I, стр. 211), въ видѣ плоскаго носа, вздутыхъ губъ, прогнатической верхней челюсти, рѣдкой, только на подбородкѣ нѣсколько болѣе обильной бороды, между тѣмъ, какъ свойство смѣшанной расы проявляется въ полушелковистыхъ, волнистыхъ, густыхъ волосахъ. Ростъ обыкновенно бываетъ не высокъ; сюда относятся и „пигмеи" Индіи. Въ западныхъ Гатахъ и на Цейлонѣ можно найти бурыхъ и желтыхъ людей, ростомъ въ $1^1/_2$ метра, — лѣсныя племена, состоящія изъ немногихъ семействъ, которыя только случайно приносятъ въ поселенія медъ, воскъ и сандаловое дерево. Отсюда еще нельзя заключить, что мы видимъ въ нихъ низшую ступень человѣчества. Если мы слышимъ ужасающія описанія веддасовъ внутренней

---

[1] Перепись 1881 г. даетъ исчисленіе по религіямъ, отмѣчающее 188 милліон. индусовъ, 50 милліон. магометанъ, 6,4 милліон. коренныхъ обитателей, 3,4 милліон. буддистовъ, 1,8 милл. христіанъ и столько же сикховъ.

части Цейлона (см. рис. ниже), то мы должны спросить — не является ли ихъ жалкій образъ жизни причиною того, что ихъ ростъ нѣсколько меньше, выраженіе лица болѣе безсмысленно или дико и склонности болѣе низменны? Достойно вниманія въ этомъ отношеніи старинное тамульское



Веддасъ съ Цейлона, стрѣляющій изъ лука. (По фотографіи проф. Эмиля Шмидта въ Лейпцигѣ.)

понятіе о куравахъ, которое всѣмъ горцамъ приписываетъ слѣдующія занятія: собираніе меду, охрана полей, засѣянныхъ просомъ, выкапываніе кореньевъ, приготовленіе опьяняющихъ напитковъ, продажа растенія генны. Въ махарахъ сѣвернаго Конкана видятъ „низшій типъ человѣческой расы на западномъ берегу Индіи“; но это — не что иное, какъ сборище отверженцевъ, которымъ предоставляются нечистыя работы сниманія шкуръ

съ палаго скота и очищенія нечистотъ. Повидимому, еще ниже стоятъ кхунды, къ западу отъ Гондваны, которые, вѣроятно, всего ближе подходятъ къ неграмъ, такъ какъ они „всѣхъ чернѣе и меньше“. Характерно, что всѣ эти племена осуждаются за ихъ страшную худощавость и грязную, нерѣдко покрытую сыпью, кожу. Но къ нимъ принадлежатъ и осѣдлыя, болѣе крѣпкія племена, каковы билы центральной Индіи, пулайи или пулеары Траванкора, мхаиры Аравалійскихъ горъ, колуши въ долинѣ Нарбады и въ южномъ Берарѣ, дханги сѣверной части западныхъ Гатъ и куры, которые живутъ среди гондовъ, на плоскогорьяхъ области средней Нарбады.

Тамульскій кули. (По фотографіи.)

Всѣ особенности большаго числа коренныхъ племенъ Индіи, которыхъ обозначаютъ общимъ названіемъ коларійскихъ племенъ, нельзя приписывать расовымъ различіямъ; нѣкоторыя изъ нихъ исходятъ отъ вліянія соціальныхъ и религіозныхъ раздѣленій, столь рѣзкихъ именно въ Индіи. Прежде всего пестрое смѣшеніе и вырожденіе различныхъ степеней служатъ причиною поразительнаго разнообразія „первичныхъ расъ“.

Ихъ слѣдуетъ разсматривать отдѣльно отъ дравидовъ, съ которыми прежде смѣшивали безразлично эти народы. Названіе дравидскихъ народовъ подходитъ только къ тамуламъ, телугамъ и канарезамъ южной Индіи, отдаленнымъ родственникамъ темнаго первичнаго населенія, которымъ арійскіе переселенцы принесли браманизмъ, высшій общественный порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толчокъ къ обширному смѣшенію. Выборъ этого слова примыкаетъ къ его употребленію въ священныхъ книгахъ древнихъ индусовъ: тамъ названы судрами понизившіеся кшатріи на морскомъ берегу въ восточной части Декана. Но дравидскимъ обыкновенно называется все не арійское и не семитическое, говорящее на агглютинирующемъ (тамульскомъ или дравидскомъ) языкѣ. Расовыми признаками дравидовъ считаются: темный цвѣтъ кожи, монгольскія черты и гладкіе волосы. Ядро древняго тамульскаго народа, по опредѣленію Грауля, „предано кочевой жизни, основѣ туранскаго характера“; но гипотеза тѣсной связи съ тибетскимъ населеніемъ никогда не поднималась на ступень на-

учной истины. Лишь нѣкоторыя гималайскія племена Индіи, которыя и географически ближе къ обширнымъ сосѣднимъ областямъ тибетцевъ, могутъ быть безусловно причислены къ монгольской расѣ, но они далеко отступаютъ отъ нея по языку и нравамъ. (Ср. стр. 601.)

Монгольскіе элементы могутъ встрѣчаться, впрочемъ, въ остальной Индіи, которая въ историческое время часто наводнялась монгольскими ордами; но эти элементы болѣе распространены, чѣмъ это можетъ быть доказано историческими вліяніями, и, такимъ образомъ, мы наталкиваемся на туранцевъ доисторической эпохи Индіи. Въ маратахъ мы видимъ несомнѣнно сильный монголоидный народъ, занимающій господствующее положеніе. Маратъ — средняго, скорѣе малаго, чѣмъ большого роста; лицо его плоско, скулы умѣренно выступаютъ, глаза малы, темны, носъ короткій, часто приподнятый, съ широко открытыми ноздрями, борода длинная, но рѣдкая, кожа бронзоваго цвѣта. Монголоидныя свойства выступаетъ и въ маратскихъ женщинахъ, которыя гораздо меньше, нѣжнѣе и несравненно свѣтлѣе мужчинъ того же племени. Дханги, родственные маратамъ въ лингвистическомъ отношеніи, физически стоятъ близко къ биламъ, у которыхъ исторія выясняетъ не менѣе туранскихъ вліяній, чѣмъ у родственныхъ имъ мхаировъ, миновъ и рамузіевъ, уже сильно монголоидныхъ. Значительной монгольской примѣси нельзя оспаривать и у группы джатовъ, столь активно выступающей въ исторіи, такъ же, какъ у сонталовъ, которые, впрочемъ, принимаются другими за остатокъ придвинутаго къ горамъ Виндія, дравидскаго первичнаго населенія нижней Бенгаліи. Горки и сикхи, принадлежащіе къ той же народности, доставляютъ отборныя индійскія войска: нѣкогда они были самыми стойкими противниками ихъ; съ тѣхъ поръ, какъ было признано, что они болѣе полезны въ арміи, чѣмъ отпрыски высшихъ кастъ, ради нихъ военная мѣра роста была понижена до чисто монгольскаго уровня — 1,525 м.

Индусы арійскаго типа — темно-, даже кофейно-бураго цвѣта, причемъ нижнія касты бываютъ обыкновенно темнѣе высшихъ, средняго роста, съ гладкими черными волосами, красивымъ, овальнымъ лицомъ, узкимъ, слегка изогнутымъ носомъ, съ бородой и волосами менѣе густыми, чѣмъ у европейцевъ. Глаза у нихъ большіе, миндалевидные, губы довольно толсты, подбородокъ не великъ. Формы тѣла, въ особенности у женщинъ, часто очень красивыя, но отъ постояннаго сидѣнья на корточкахъ ноги слабы. Черепъ имѣетъ красивую овальную форму; величина его небольшая или средняя, лобъ мало выдается. Индусы высшихъ кастъ въ европейской одеждѣ всего болѣе напоминаютъ грековъ и южныхъ итальянцевъ. Довольно трудно рѣзко выдѣлить этотъ типъ: незамѣтно, вслѣдствіе неизвѣстныхъ смѣшеній, онъ приближается то къ семитическому, то къ малайскому и малайско-монголоидному типу. Дарды, народъ области верхняго Инда, до водораздѣла Аму-Дарьи и рѣки Гильгитъ, выказываютъ, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ чистыхъ отпечатковъ племенъ, переселеніе которыхъ дало начало индусамъ. Они породисты, съ пропорціональнымъ сложеніемъ, хорошіе ходоки по горамъ, сильные носильщики тяжестей, свободолюбивы, откровенны, съ румяными щеками, карими глазами и черными или каштановыми волосами. Ихъ кастовый строй и языкъ, близкій къ языку догри, выказываютъ ново-индійскія вліянія.

Для европейцевъ цыганъ, когда кровь его не слишкомъ смѣшана, является лучшимъ представителемъ средняго, смѣшаннаго индуса, образующаго народную массу. Въ индійскомъ населеніи замѣчаются и болѣе свѣтлые элементы (альбиносы тамъ не рѣдки и вызываютъ отвращеніе индусовъ), но нѣтъ такихъ, которые напоминали бы европейскихъ „ксантохройныхъ“ народовъ. На основаніи не совсѣмъ вѣрно понятаго индо-германскаго сродства языковъ, древнихъ арійцевъ, спустившихся въ низину Инда и Ганга, представляли себѣ слишкомъ похожими на гер-

манцевъ. Сами они, безъ сомнѣнія, отмѣчали свои различія отъ болѣе темныхъ туземцевъ; даже и теперь, вступающій изъ бассейна Инда въ Деканъ или Бенгалію замѣчаетъ усиленіе темныхъ оттѣнковъ. Наиболѣе свѣтлые и горделивые индусы живутъ на сѣверо-западѣ. Тамъ дѣти и женщины раджпутовъ, если имъ удается защититься отъ дѣйствія солнца, выказываютъ такой свѣтлый цвѣтъ кожи, что могли бы посрамить многихъ южныхъ итальянцевъ; у этихъ внушительныхъ фигуръ съ орлиными носами можно видѣть свѣтло-каріе и сѣрые глаза, густую шелковистую бороду и каштановые волосы. Многіе приближаются къ физіономіи, преобладающей у сикховъ, съ болѣе толстымъ носомъ, глазами меньшей величины и нѣсколько болѣе выдающимися скулами, къ типу, отчасти напоминающему монгольскій, который пытались установить подъ именемъ „джатской расы“. Въ сѣверо-западной Индіи всего менѣе можно удивляться тому, что въ жилахъ ея обитателей течетъ туранская кровь. Выдающимися характерными свойствами, которыя въ особенности народу сикховъ придавали такое важное значеніе въ исторіи Индіи и, быть можетъ, будутъ придавать и въ будущемъ, болѣе всего своей храбростью и честностью и статностью своихъ женщинъ, сѣверо-западный индусъ напоминаетъ самыя благородныя вѣтви тюркскаго племени. Положеніе сикховъ надъ бенгальцами равносильно высотѣ, съ какой туркменъ смотритъ на таджика и даже на перса.

Маледивская женщина. (По фотографіи.)

Посреди многочисленныхъ смѣшеній можно провести съ увѣренностью только одну линію, отдѣляющую различающіеся между собою народы отъ болѣе крѣпкихъ, тѣснѣе смѣшанныхъ, давно уже слившихся другъ съ другомъ. На крайнемъ сѣверѣ даже непальцы не представляютъ одного племени, а отличаются большимъ разнообразіемъ въ физіономіи и характерѣ; оттѣсненное пастушеское племя тодовъ заключаетъ въ себѣ между прочимъ болѣе свѣтлые типы, чѣмъ мы находимъ обыкновенно среди индусовъ, съ густой бородой и большой шапкой волосъ на непокрытой головѣ. Вообще сплошные типы попадаются болѣе въ области Инда и Ганга и на востокѣ, а болѣе расходящіеся между собою — въ Гималаяхъ, въ горахъ запада и на югѣ (см. рис. выше). Большее удобство сообщенія способствовало сліянію. Ни одинъ изъ крупныхъ народовъ Азіи не былъ такъ раздробленъ и разрушенъ завоеваніями, какъ индійскій; ни у одного не стерлась въ такой степени печать самостоятельности. При такомъ перемѣшеніи и оттѣсненіи, Индія не развила ни одной преобладающей національности. Только потому, что 300 милл. обитателей англо-индійскаго царства распадаются на тысячи этническихъ, соціальныхъ и религіозныхъ составныхъ частей, британское владычество могло распространиться и утвердиться такъ быстро.

Историческіе примѣры участія этнографическихъ элементовъ въ кастовомъ дѣленіи показываютъ намъ, что соціальное дѣленіе и образованіе расъ находятся въ извѣстномъ соотношеніи между собою. Когда раджпуты въ IV или V вѣкѣ покорили джатовъ въ нынѣшней Раджпутанѣ, несмотря на свою малочисленность, они встрѣтили лишь слабое сопротивленіе со стороны земледѣльческихъ населеній. Эти послѣднія уступили имъ землю и признали тѣмъ ихъ верховную власть. Касты кшатріевъ и вайсіевъ такъ же, какъ касты смѣшаннаго населенія, Баранъ Санкаръ, съ теченіемъ времени становились доступными для покоренныхъ, но для нихъ самихъ входъ въ касту брамановъ былъ закрытъ. Арійцы болѣе давнихъ вторженій должны были восполнять свою слабость энергіей и высшимъ умственнымъ развитіемъ. Такъ какъ сильныхъ народностей они истребить не могли, то они слились съ ними, принявъ ихъ воиновъ въ свою вторую касту, а остатокъ населенія — въ слѣдовавшія за нею касты. Но утверждать, будто они сами по себѣ образовали двѣ касты — вайсіевъ и судръ („для туранцевъ и для дравидовъ"), значило бы смѣшивать причину съ слѣдствіемъ. Замѣчательный примѣръ подобнаго развитія въ тѣсномъ пространствѣ представляетъ раса, народъ или даже сословіе баньяріевъ, многочисленной группы центральной Индіи, которая называетъ себя „гохуръ" и единственнымъ занятіемъ которой служитъ перевозка хлѣбныхъ запасовъ на быкахъ. Эти баньяріи прокармливаютъ такимъ образомъ всѣ провинціи центральной Индіи и поэтому въ голодное и военное время давно уже ограждаются отъ всякаго стѣсненія ихъ дѣятельности участіемъ, какимъ они пользуются ради общественнаго интереса. Сообразно со своей работой, они настоящіе номады: лѣтомъ они живутъ на открытомъ воздухѣ, зимою — въ хижинахъ изъ вѣтвей. Точно также они считаютъ Раджестанъ, въ особенности восточный Меваръ, своей родиной, и имъ принадлежатъ тамъ нѣсколько деревень, куда они отправляютъ своихъ стариковъ и инвалидовъ. Согласно ихъ преданіямъ, они около VI в. изгнаны были изъ этой страны вторженіемъ раджпутовъ. Въ физическомъ отношеніи баньяріи походятъ на цыганъ, и ихъ считали кореннымъ племенемъ послѣднихъ. Но они храбры, горды и честны въ своихъ дѣлахъ.

И безъ историческихъ примѣровъ вторженія свѣтлокожихъ людей съ сѣверо-запада внутрь передне-индійскаго полуострова мы могли бы допустить, ввиду положенія передней Индіи по отношенію къ внутренне-азіатскому поясу степей, частое наводненіе, по крайней мѣрѣ, сѣверо-западной Индіи тюркскими или монгольскими пастушескими народами (см. выше, стр. 395 и 608). Арійцы, согласно намекамъ, заключающимся въ ихъ языкѣ, пришли изъ такого климата, гдѣ время разсчитывалось не по дождливымъ періодамъ, а по зимамъ: слово haimantik (зимній плодъ), которымъ въ Бенгаліи и теперь еще называютъ ноябрьскій рисъ, выводится изъ того же корня, какъ и hiems. Эти народы питались мясомъ и молокомъ и пасли большія стада на обширныхъ травяныхъ равнинахъ. Дорогу къ Инду они, повидимому, нашли черезъ Афганистанъ и медленно распространялись у подножія горъ до верхняго Ганга. Это переселеніе — фактъ не единственный, а повторявшійся неоднократно. Въ VII в. до Р. Х. произошло вторженіе номадовъ въ Индію, которое носитъ названіе „скиѳскаго". Возможно, что эти индоскиѳы, идя той же дорогой, какъ нѣкогда арійскіе переселенцы, дошли до области Ганга; было высказано мнѣніе, что династія Будды въ Капилавасту была скиѳскимъ отпрыскомъ. Возрастающее вліяніе скиѳскаго элемента въ Индіи идетъ параллельно съ успѣхами буддизма и позволяетъ понять, когда Будда по ту сторону индійской границы является въ видѣ скиѳа, какимъ образомъ съ начала нашего счисленія времени перемѣщающаяся вновь во внутреннюю Азію сѣверная форма буддизма борется за вліяніе въ самой Индіи съ первоначальной индійской формой. Скиѳскія переселенія, повидимому, постоянно повторялись, и царства ихъ осно-

вывались до самой центральной Индіи. Извѣстно также, что греко-бактрійскія поселенія во II в. до Р. Х. должны были бороться съ нашествіями скиѳовъ, которые осѣли въ Пенджабѣ. Первые шесть вѣковъ нашего лѣтосчисленія мы видимъ въ сѣверной Индіи, какъ тамъ рядомъ и одна за другою поднимались и падали скиѳскія и индійскія силы. Саки, гунны, гупты и пр. выступаютъ въ качествѣ основателей государствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе мелкія группы этихъ пришельцевъ можно прослѣдить въ теченіе многихъ вѣковъ въ ограниченной области, на которой они стойко держались. Послѣ первыхъ попытокъ арабскихъ натисковъ на берегъ Бомбея и на границу Синда, мы находимъ въ концѣ X вѣка тюркскихъ властителей Афганистана, газневидовъ, въ Пенджабѣ, куда Махмудъ Газневидъ приводилъ, вѣроятно, не менѣе 17 экспедицій. „Династія рабовъ“, которая въ XIII в. царствовала въ Дели, была тюркскаго происхожденія. Она должна была терпѣть отъ первыхъ нападеній монголовъ, которыя начались, вѣроятно, съ вторженія этихъ номадовъ изъ Тибета въ сѣверо-восточную Бенгалію (1245 г.). При переходѣ изъ XIII въ XIV вѣкъ намъ разсказываютъ о монгольскихъ нашествіяхъ цѣлыми десятками, и магометанскіе короли Дели держали у себя на жалованьѣ цѣлыя бригады монгольскихъ воиновъ. Тимуръ появился изъ Афганистана и вернулся во внутреннюю Азію между грудами труповъ и опустошенныхъ городовъ. Въ 1526 году Баберъ изъ Ферганы окончательно установилъ монгольскую династію въ Индіи; тѣмъ временемъ остатки царства Дели оставались подъ властью афганцевъ. Акбаръ, достигшій власти въ 1556 г., сдѣлалъ изъ Индіи до горъ Виндія одно государство. Характерно, что тюрки играли тогда видную роль, какъ друзья и недруги, и что самое стойкое сопротивленіе сосредоточивалось тамъ, гдѣ усѣлись всего плотнѣе орды, выселившіяся изъ внутренней Азіи. Въ видѣ джатовъ и раджпутовъ, они, благодаря своимъ военнымъ и государствообразовательнымъ способностямъ, считаются до настоящаго дня самыми сильными представителями ислама. Двѣ единственныя большія военныя державы, съ которыми Англіи приходилось имѣть дѣло, мараты въ центральной Индіи и сикхи въ Пенджабѣ, происходятъ отъ этого чуждаго племени, которое долго сохраняло свою силу на новой почвѣ.

Въ противоположности между сѣверомъ и югомъ, и западомъ и востокомъ, управляющей исторіей и распространеніемъ народовъ Индіи, заключаются въ особенности большія различія въ свойствахъ почвы и климата. Когда арійцы, переселившіеся съ сѣверо-запада изъ болѣе сухихъ и выше лежащихъ странъ въ восточно-индійскую низменность, подъ вліяніемъ разслабляющаго климата тропической низины, перестали вскорѣ быть „достойными“ или „властвующими“, то это зависѣло отчасти отъ дѣйствія климатическихъ вліяній, которое черезъ нѣсколько поколѣній отразилось и въ физическомъ типѣ. Климатъ низины способствовалъ также сильному смѣшенію вайсіевъ или переселившихся соплеменниковъ ихъ съ осѣдлыми судрами, которое въ обширной области Ганга не задерживалось никакими естественными границами и которому не мѣшали никакія раздѣленія на касты или „цвѣта“. Напротивъ, въ горныхъ долинахъ, гдѣ предгорья раздѣляющихъ народы Гималаевъ естественно обособляютъ небольшія этническія области, арійская кровь, а въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ полуострова темная кровь оттѣсненныхъ туземцевъ сохранились чище, чѣмъ гдѣ-либо въ окружности. Примѣрами первыхъ могутъ служить нхаши и дазы (дазу) Гималаевъ, а послѣднихъ — пагаріи Раджмахальскаго хребта. Наконецъ, мы наблюдаемъ и глубокое измѣненіе нравовъ и воззрѣній народовъ, которые обмѣнивали свое положеніе въ высокихъ, прохладныхъ, скудныхъ мѣстностяхъ на низкія, жаркія, богатыя долинныя мѣстности большихъ рѣкъ. Пастухи превращались въ земледѣльцевъ, относительно нетребовательныя племена — въ народъ съ пышными власти-

телями надъ безчисленными неимущими подданными, малочисленный народъ, ростущій — въ чрезмѣрно быстро, съ совершенно новыми общественными дѣленіями. Происхожденіе крупныхъ религіозныхъ, соціальныхъ, политическихъ, даже этническихъ различій индійскаго населенія, которыя противополагаютъ другъ другу въ особенности сѣверо-западъ, сѣверо-востокъ и югъ, въ качествѣ трехъ историческихъ и этнографическихъ провинцій, зависитъ, по большей части, отъ переселеній извнѣ. Въ сохраненіи ихъ главное участіе принадлежитъ природѣ страны. Мы не можемъ усмотрѣть — долго ли продолжались эти перемѣщенія, такъ какъ они происходили небольшими передвиженіями, о которыхъ исторія сообщаетъ мало. Отдѣльные случаи даютъ возможность угадать значеніе всего этого движенія въ цѣломъ. Переселеніе джатовъ въ началѣ прошлаго вѣка изъ Мултана въ сѣверный Индостанъ и образованіе новыхъ поселеній ихъ на Джумнѣ и на Гангѣ, въ Дуабѣ показываетъ, насколько отчасти новы перемѣщенія съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Такъ называемая система кочевого земледѣлія, которую британцы нашли въ Бенгаліи рядомъ съ осѣдлой, служитъ дальнѣйшимъ доказательствомъ того же: она поддерживаетъ извѣстную часть населенія въ постоянномъ движеніи.

Такимъ образомъ, сѣверная Индія является страной переселеній съ сѣверо-запада и арійско-монгольскихъ примѣсей. Большого тибетскаго вторженія исторія Индіи не знаетъ; относительно распространенія тибетскаго сродства языковъ см. выше стр. 571. Историческое положеніе Непала, который подвергался вліяніямъ изъ Тибета и Китая и постоянно выдвигался въ Индію, даетъ ключъ къ пониманію того, какое участіе сѣверные пограничные народы принимали вообще въ исторіи Индіи (ср. выше, стр. 563 и 610). Это проникновеніе дѣйствовало на индійское населеніе только посредствующимъ образомъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствовало сильно; было бы невѣрнымъ утверждать, будто Тибетъ и Индія никогда не вступали въ этнографическія взаимоотношенія. Большая естественная преграда затрудняла обмѣнъ, но не препятствовала ему. Раса становится рѣшительно монголоидною у малорослыхъ неваровъ и у болѣе крупныхъ горкховъ Непала, но индійское вліяніе у послѣднихъ уже чувствуется сильнѣе, чѣмъ у первыхъ. Оно беретъ перевѣсъ у высшихъ кастъ Кашмира, среди которыхъ остатки тибетскихъ народовъ заключаются въ подчиненныхъ кастахъ баталовъ, думовъ, бемовъ и др. Смѣсь обоихъ слоевъ можно видѣть въ креминахъ Кашмира, занимающихся, по большей части, ремеслами. При этомъ нельзя не вспомнить объ этнографическомъ обособленіи Кашмира. Кашмиръ — область развалинъ величественныхъ грекобактрійскихъ и монгольскихъ сооруженій, гдѣ обработка металловъ напоминаютъ персо-арабское, индійское и китайское искусства и національное художественное направленіе съ помощью заимствованныхъ формъ составило новыя образцовыя произведенія. Кашмиръ — въ то же время исходный пунктъ преобразованія буддизма въ теолого-философскую систему: здѣсь находились университеты Такшасилы и Наланды. Черезъ Кашмиръ буддизмъ, потерявшій почву въ Индіи, перемѣстился въ Тибетъ и пріобрѣлъ тамъ новые исходные пункты.

Волны движеній, наступавшія съ запада, часто поворачивали къ востоку и изливались сперва въ низину Ганга; но онѣ никогда не достигали юга въ полной силѣ, и даже Деканъ не потрясали настолько, насколько часто дѣлали это съ Бенгаліей. Южная Индія долго была отдѣльнымъ міромъ. Клинообразная форма затрудняла проникновеніе во внутреннюю страну. Движенія арійцевъ оказали, правда, глубокое вліяніе на населеніе центральной Индіи, но они, такъ же, какъ и послѣдующія за ними движенія, задерживались цѣпью Виндія. И на западѣ мы находимъ равнины, населенныя въ меньшинствѣ индусами, раджпутами и туранскими джатами, которые предшествовали имъ, а горы — билами и другими

народами того же племени, вѣроятно, древними обитателями равнины и продуктами смѣшенія туранцевъ съ первичной расой, наиболѣе чистый типъ которой мы находимъ въ вараліяхъ Конкана. Въ средней части центральной Индіи и на востокѣ мы видимъ на возвышенностяхъ гундовъ, кхондовъ, сонталовъ и др., которые должны были произойти изъ смѣшенія желтыхъ людей съ болѣе темными, прежними обитателями страны. Къ югу отъ этой великой центрально-индійской этнической преграды господствуютъ уже дравидскіе народы, основывавшіе царства до арійскаго вторженія и, повидимому, развившіе высокую культуру. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тамульскія названія всѣхъ металловъ (кромѣ свинца, олова и цинка), болѣе крупныхъ морскихъ судовъ, земледѣлія, пряжи, тканья, нѣкоторыхъ планетъ и многаго другого. Высокая культура доказывается также раскопками могилъ, въ особенности многочисленными глиняными сосудами въ каменныхъ кладкахъ южной Индіи. Въ округахъ Коимбатура и Курга (въ Мадрасѣ) находили превосходные по тонкости матеріала и украшеній глиняные сосуды, изъ тонко растертой красной глины, на которую посредствомъ тренія наводилась высокая степень полировки, напоминавшей глазурь. Въ узкихъ урнахъ, вышиною въ метръ, стоящихъ на трехъ или четырехъ ножкахъ, лежатъ сожженныя человѣческія кости. Ничего подобнаго нельзя найти теперь въ употребленіи у этого народа; даже простой пріемъ снабженія сосудовъ ножками утраченъ вмѣстѣ съ другими изобрѣтеніями. Остатки желѣза въ этихъ могилахъ указываютъ формы, отличающіяся отъ употребляемыхъ нынѣ. Въ хорошо орошенной низинѣ востока дравиды подвергались болѣе сильнымъ вліяніямъ съ сѣвера, чѣмъ на скудномъ западѣ; въ особенности Малабаръ сдѣлался раемъ брамановъ.

Каменные памятники, подобные металитическимъ остаткамъ доисторическихъ народовъ Европы, можно найти въ различныхъ частяхъ Индіи. Нѣкоторые изъ нихъ вывѣтрились, а другіе кажутся настолько новыми, что они какъ будто воздвигнуты нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ ними не связано никакого опредѣленнаго преданія. Обитателямъ областей, въ которыхъ особенно много подобныхъ памятниковъ, гаррамъ (гарро), таинтіямъ, нагамъ и пр., сооруженіе подобныхъ столбовъ и жертвенниковъ совершенно неизвѣстно. Только какой то неопредѣленный страхъ не позволяетъ разрушать ихъ и объясняетъ многочисленность остатковъ. Эти камни, повидимому, никогда не употреблялись для новыхъ памятниковъ или вообще для строительныхъ цѣлей. Даже вѣра въ ихъ вліяніе на крѣпость совершенныхъ надъ ними договоровъ осталась непоколебимой. Менгиры, кромлехи и дольмены встрѣчаются и въ горахъ Кассія, и въ Коимбатурѣ. Всего чаще дольмены соединены съ каменными кругами. И сожженіе труповъ всегда производится вдали отъ нихъ. Если дольмены могли служить жертвенниками, то многочисленные, отдѣльно стоящіе каменные столбы заставляютъ предположить поклоненіе камнямъ. Шлагинтвейтъ описываетъ въ гранитной области горъ Кассія столбъ съ квадратной плитой, приблизительно въ 1 метръ боковой длины, просверленной въ серединѣ и надѣтой на одинъ изъ самыхъ высокихъ каменныхъ столбовъ, въ 4 метра вышиною, такъ, что этотъ послѣдній возвышался надъ этой плитой еще на цѣлый метръ. Повидимому, еще въ 1873 г. былъ воздвигнутъ каменный столбъ въ честь одного англійскаго чиновника. Для постановки ихъ предпочтительно выбирали открытыя и высокія мѣста и перекрестки дорогъ. Большинство каменныхъ памятниковъ южной Индіи возвышается надъ кладбищами. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о нихъ въ округѣ Коимбатуръ, въ Мадрасской провинціи, гдѣ они встрѣчаются тысячами въ отдѣльности или группами, по два, по три, даже сотнями. Каменные круги и каменные столбы здѣсь соединены съ могилами. Большинство дольменообразныхъ каменныхъ сооруженій содержало глиняные сосуды тонкой работы и желѣзные остатки.

Эти работы не носятъ отпечатка населенія съ первобытными нравами. Безъ сомнѣнія, сообщеніе съ внѣ-индійскими странами было возможно морскимъ путемъ. Но это нисколько не оправдываетъ попытокъ соединять лишенныхъ кастъ народовъ южной Индіи въ одно съ австралійцами (ср. т. I, стр. 213). Всего менѣе возраженій можетъ встрѣтить допущеніе сношеній южно-индійскихъ народовъ съ малайцами. Малайскія и индійскія мѣста обитанія, управленія и сообщенія такъ тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, что для нихъ не можетъ быть рѣчи о рѣзкомъ разграниченіи. Прежде всего мы видимъ, конечно, только слѣды индійскаго воздѣйствія на малайцевъ (ср. т. I, стр. 384). Въ томъ, что мы называемъ теперь малайцами и индусами, мы находимъ продукты новѣйшихъ столѣтій и тысячелѣтій, даже и въ физическомъ отношеніи. Если, какъ показываетъ исторія, индусы въ столѣтія послѣ Рождества Христова переселялись на Суматру, Яву и Бали, то болѣе древнія населенія большого архипелага могли направляться на западъ, въ Индію, отправляясь въ свою большую колонію Мадагаскаръ. Населеніе острововъ Бенгальскаго залива указываетъ, впрочемъ, и на другіе пути, о которыхъ мы говорили выше (ср. т. I, стр. 441).

Европейскій элементъ въ Индіи никогда не былъ значительнымъ; численность его никогда не находилась въ прямомъ отношеніи къ его культурнымъ вліяніямъ. Греко-бактрійскія вліянія еще продолжали дѣйствовать, когда всякій слѣдъ ихъ представителей уже исчезъ. И въ наше время европейское населеніе Индіи невѣроятно мало: перепись 1881 г. указала для британской Индіи населеніе европейскаго происхожденія лишь около 84 тыс. человѣкъ. Въ сравненіи съ ихъ вліяніемъ, численность ихъ совершенно ничтожна. Она покажется еще меньше, если мы припомнимъ, что количество смѣшеній европейцевъ съ туземцами не велико и вліяніе ихъ не поддерживаетъ вліянія европейцевъ. Ихъ систематически отодвигаютъ на второй планъ. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ евразійцы заботились о представительствѣ въ комиссіи для выработки новаго закона объ обученіи, число ихъ оказалось поразительно малымъ. И число христіанъ въ 1891 г. равнялось лишь 2,2 мил. Евреи и сирійскіе христіане составляютъ двѣ большія общины на Малабарскомъ берегу, гдѣ первые вмѣстѣ съ мѣстными примѣсями произвели замѣчательную смѣшанную расу „черныхъ евреевъ“.

Историческія судьбы Индіи обнаруживаютъ въ характерѣ большинства ея народовъ вялость, подчиняющуюся, приспособляющуюся и убивающую всякую энергію. Какая разница съ китайцами, которые въ Азіи раздѣляютъ съ индусами преимущество древней образованности! Когда Кроуфордъ увидалъ китайцевъ Сингапура, онъ замѣтилъ: „для насъ было пріятнымъ зрѣлищемъ, противоположнымъ тому, къ какому мы привыкли въ Индіи, видѣть многочисленную, мускулистую, и, очевидно, закаленную человѣческую породу, работавшую съ такой степенью силы и настойчивости, которая уже ихъ физическому характеру придавала совсѣмъ особый отпечатокъ и выказывала ихъ, по сравненію съ состояніемъ сосѣднихъ націй, въ крайне благопріятномъ свѣтѣ. Способъ, какимъ они пользовались своими инструментами, вовсе не похожій на дѣтскіе пріемы индійскихъ ремесленниковъ, заключалъ въ себѣ уже много европейской ловкости.“ Черта лѣности и вялости возрастаетъ къ востоку и югу до апатіи. Обитатели Индіи имѣютъ болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ качествъ. Преимущества ихъ склоняются въ сторону выносливости и способности переносить лишенія и вообще мягкости, не исключающей, впрочемъ, взрывовъ жестокости; утонченная жестокость и деспотическая суровость по отношенію къ людямъ находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ милосердіемъ къ животнымъ, предписываемымъ религіей. Съ ними весьма сходны сѣверные собратья ихъ, но они суровѣе и воинственнѣе. Въ сѣ-

верной Индіи, въ особенности на западѣ, повсюду встрѣчаются воинственные народы. И въ южной Индіи нѣкогда существовала воинственная и рыцарственная каста дравидскихъ наировъ, которые въ настоящее время настолько понизились, что изъ нихъ вербуются полицейскіе служители. Карнатикскіе каллеры унаслѣдовали свойства смѣлыхъ разбойниковъ и воиновъ; часть ихъ, называвшая себя „охранителями городовъ“, отличалась вѣрностью своимъ обязательствамъ; именно они даютъ брачное обѣщаніе на мечѣ. И „коренныя племена“ не всѣ опустились до низшей ступени отсутствія чувства собственнаго достоинства и силы сопротивленія. Горнымъ народамъ сѣвера и смѣшаннымъ съ туранцами народамъ сѣверо-западной и средней части свойственна величайшая воинственность, выраженная въ страсти къ оружію и къ битвамъ. Раджпуты, сикхи, мараты и гхорки были сначала самыми опасными врагами, а впослѣдствіи самыми цѣнными солдатами англичанъ. Перевѣсъ магометанъ въ британско-индійской арміи, который оказался столь опаснымъ въ 1857 г., имѣлъ свою основательную причину. Тамъ есть поговорка: „Когда ты встрѣтишь магометанина, онъ посмотритъ на твое оружіе, а когда встрѣтишь индуса, онъ спроситъ о цѣнахъ на жизненные припасы“. Еще рѣзче въ Персіи и Афганистанѣ тюрки (кизилбаши, узбеки, туркмены и пр.) отдѣляются отъ персовъ; первые — прирожденные солдаты, а послѣдніе считаются настолько трусливыми, что почти всѣ солдаты персидской арміи принадлежатъ къ тюркамъ. Весьма характерно, что изъ всѣхъ независимыхъ государствъ, Непалъ, съ полутибетскимъ населеніемъ, внушаетъ своей военной силой наибольшее уваженіе англичанамъ.

Древнѣйшія пѣсни Ведъ представляютъ также и древнѣйшія литературныя произведенія арійскихъ народовъ и Индіи. Замѣчательно, что впервые онѣ возникли на границѣ Индіи на сѣверо-западѣ, откуда медленно происходило передвиженіе на юго-востокъ. Въ нихъ нельзя еще найти слѣдовъ кастоваго строя, догматовъ и ритуала; всѣ предметы и идеи въ нихъ слишкомъ юны и еще не отлились въ твердыя формы. Когда, вмѣстѣ съ распространеніемъ по солнечнымъ, плодороднымъ, низменнымъ странамъ, сословіе жрецовъ все болѣе и болѣе обособлялось и становилось болѣе гордымъ и могущественнымъ, росла и умственная работа. Возникла богатая литература, оставшаяся чуждою внѣ-индійскому міру, когда онъ могъ бы воспользоваться ею. Ее открыли лишь тогда, когда она уже перестала быть живою. Въ рукописяхъ имѣются, быть можетъ, до 10,000 санскритскихъ произведеній. Греки и не угадывали, что въ Индіи существуетъ древняя литература, превосходящая своимъ богатствомъ все, чѣмъ когда-либо владѣла Грецiя! Остатки древней литературы, сказанія, религіозныя и гражданскія постановленія и богатый языкъ показываютъ, какъ высоко одаренъ былъ этотъ народъ. Эта даровитость обнаруживала прекрасные задатки ума и характера. Въ Ведахъ, собраніи молитвъ, пѣсенъ и религіозныхъ постановленій, выступаетъ народъ съ чистой нравственностью и сильнымъ духомъ. Онъ остается тѣмъ-же во многихъ отдѣлахъ двухъ великихъ эпическихъ поэмъ, причемъ, однако, вліянія древняго, настоящаго индійскаго духа темныхъ туземцевъ чрезмѣрной фантастичностью уничтожили соразмѣрность и простоту. Поэтическая литература Индіи также отличается богатствомъ и глубиною, но и она цвѣла почти только для одной Индіи. Быть можетъ, впрочемъ, при своемъ ростѣ она извлекала пищу изъ чужбины, что̀ въ особенности оказалось полезнымъ для драмы.

Во II томѣ „Космоса“ мы читаемъ: „крайне богатая поэтическая литература Индіи учитъ, что между и вблизи тропиковъ, къ югу отъ Гималайской цѣпи, вѣчно зеленые и вѣчно цвѣтущіе лѣса издавна живо возбуждали воображеніе восточно-арійскихъ народовъ, и что эти народы чувствовали еще бо̀льшую склонность къ поэзіи, описывающей природу, чѣмъ распространенныя на негостепріимномъ сѣверѣ до Исландіи, настоящія герман-

скія племена.“ Въ глубокомъ чувствѣ природы, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать великимъ поэтическимъ произведеніямъ индусовъ, но богатство образовъ въ нихъ никакъ не больше, чѣмъ въ произведеніяхъ сѣверныхъ поэтовъ. Созерцательное направленіе уже въ древнѣйшей индійской поэзіи могло имѣть нѣкоторые корни въ постоянномъ наблюденіи этой вѣчно новой, богатой природы; но безпечная легкость существованія еще болѣе должна была развить склонность къ задумчивому созерцанію, чѣмъ видъ богатой природы, одуряющей и притупляющей. Когда санскритъ превратился въ мертвый языкъ, древняя прекрасная литература естественно была отнята у народа и сдѣлалась достояніемъ „классически“ образованнаго меньшинства. Множество производныхъ языковъ отъ древне-индійскаго (въ Бенгаліи — бенгали, далѣе къ западу урійя, на востокѣ ассамскій языкъ, въ сѣверо-зап. провинціяхъ инди и смѣшанный съ арабскими и персидскими элементами урдали индустани, далѣе пенджаби, синди, гуджерати, марати и проч.) отдѣлились отъ него и сдѣлались особыми письменными языками, не развивъ, однако, въ литературѣ ничего сходнаго съ произведеніями санскрита. И дравидскіе языки, каковы канарезскій, тамульскій, телугу, малайяламъ, тода, гонда и др., заимствовавшіе письменность отъ санскрита, не развили большой своеобразной литературы даже въ возбуждающихъ удивленіе изреченіяхъ мудрости тамуловъ.

Бронзовое изображеніе Будды. (Этнолог. муз. въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 617.

При громадномъ богатствѣ образовъ и воображенія и не меньшемъ вкусѣ и техническомъ умѣньи, классическому искусству индусовъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и законченности не достаетъ того, что̀ придавало величіе египетскому и еще болѣе греческому искусству, — проникновеннаго изученія природы и человѣческаго тѣла. Южно-индійское искусство въ этомъ отношеніи стоитъ еще ниже сѣверно-индійскаго. Въ ихъ фигурахъ всегда есть нѣчто схематическое; дальнѣйшее движеніе его вызываетъ утомленіе, не исключая извѣстнаго общей законченности. Въ лицахъ довольствуются впечатлѣніемъ общаго выраженія, не задаваясь вопросомъ объ игрѣ мускуловъ. Въ конечностяхъ недостаетъ выработки главныхъ частей мышцъ. Схематическая мягкость и полнота соотвѣтствуютъ индійскому типу, въ особенности у женскихъ фигуръ, но повтореніе ихъ приводитъ къ плоскимъ, безсодержательнымъ формамъ. Украшеніе тѣла воспроизводится гораздо тщательнѣе, чѣмъ оно само. Это замѣчательное направленіе мы видѣли уже въ древне-американскихъ изваяніяхъ (см. т. I, стр. 660). Этотъ родъ скульптуры нашелъ свое высшее назначеніе въ созданіи пестро сгруппированныхъ массъ и фантастическихъ чудовищъ; первыя превосходно удаются ему, хотя положеніе отдѣльныхъ людей кажется неестественнымъ. При этомъ слѣдуетъ припомнить, что актеры, которые въ настоящее время носятъ тѣ же костюмы, какъ на этихъ изваяніяхъ, производятъ также самыя неестественныя тѣлодвиженія. Въ изображеніи столь непластическихъ идей, какъ многочисленныя руки Рамайяны или молніи, вылетающія изъ третьяго глаза Сивы, можно замѣтить стремленіе къ подавленію фантастическаго декоративной обработкой нагроможденнаго, неестественнаго; но это все-таки

не привело къ изображенію чистаго человѣческаго образа. Быкъ Сивы въ 5 м. длиною въ Танджурской пагодѣ, сдѣланный изъ одной глыбы чернаго гранита, стоитъ гораздо ближе къ лучшимъ египетскимъ изваяніямъ, чѣмъ всѣ человѣческія фигуры индійскихъ храмовъ.

Полнота образовъ и мотивовъ и неутомимость въ выработкѣ ихъ вызываютъ наше изумленіе и въ южно-азіатской архитектурѣ, между тѣмъ, какъ, при всемъ этомъ богатствѣ, здѣсь недостаетъ изображенія красивой человѣческой фигуры: она какъ будто заглушена и задушена тропическими ползучими растеніями. Въ этихъ постройкахъ тѣснятся дворики, галлереи, лѣстницы и высокія башни. Основную черту ихъ составляютъ суженныя перспективы. Символическія съ самаго начала, скульптурныя украшенія вскорѣ, преимущественно снаружи зданій, приняли художественный характеръ. Четырехликая голова Брамы съ огромными глазами, или цилиндрическій символъ Сивы остались наиболѣе священными; и индійскіе, и индокитайскіе эпигоны до сихъ поръ еще изображаютъ ихъ въ древнѣйшей первичной формѣ. Но внѣшнія украшенія зданій подверглись иному преобразованію. Здѣсь появился слонъ, наполовину выступая изъ основанія массивныхъ построекъ, какъ опора стѣнъ. Змѣя Ананта, безконечная, доставляетъ превосходный мотивъ для изгибовъ безконечныхъ балюстрадъ. Грифы съ распростертыми крыльями являются въ видѣ каріатидъ. Львы и вооруженные палицами великаны стоятъ на стражѣ у входовъ въ ворота и на ступеняхъ пирамидъ. У главныхъ воротъ къ нимъ присоединялась вооруженная лукомъ героическая пара Рама и Лакшмана, или Вишну съ мечемъ. Къ колоннамъ монастырскихъ сводовъ приставлялись изваянія молящихся святыхъ. Всѣ деревянныя и многія каменныя скульптуры раскрашивались. Переходъ отъ болѣе строгой символики къ болѣе легкой художественной обработкѣ поощрялся буддизмомъ, который вниманіе благочестиваго поклонника направлялъ на одну человѣческую фигуру съ однимъ лицомъ, вмѣсто многообразныхъ и многоголовыхъ божествъ. Изъ четырехъ воротъ Преазата трое были закрыты; только въ восточные должны были проникать солнечные лучи и люди, чтобы созерцать кроткое, сіяющее лицо Будды (см. рис., стр. 616).

Къ мѣстамъ поклоненія присоединялись всегда жилища духовенства, школы и пріюты для паломниковъ. Храмъ въ Ангкоръ-Ватѣ занимаетъ еще бо́льшую площадь, чѣмъ храмъ въ Карнакѣ; мадурскій храмъ покрываетъ приблизительно $^1/_{10}$ км., и это еще не самый большой. Значительныхъ скопленій развалинъ найдено было по настоящее время болѣе пятидесяти, а въ Камбоджѣ ихъ находили сотнями; когда всѣ зданія и изваянія узкаго культурнаго круга кмеровъ будутъ нанесены на карту, тогда окажется, что цѣлыя квадратныя мили покрыты развалинами. Несмотря на недостаточныя вспомогательныя средства механики, матеріалъ обрабатывался съ изумительной силой. Делапортъ нашелъ въ пирамидѣ Ка-Кео глыбы въ 4 м. длины, $1^1/_2$ м. высоты и 1 м. ширины. Еще болѣе крупныя глыбы найдены въ зданіяхъ Ангкора. Найдены были также большія, твердыя черепицы изъ чистой глины; впослѣдствіи онѣ сдѣлались мельче и грубѣе. Изъ металловъ примѣнялся въ большомъ распространеніи свинецъ для кровель; Гергардъ фонъ Вюстгофъ въ 1641 г. видѣлъ въ Нижнемъ Лаосѣ храмъ въ видѣ колокола, покрытый сплошь вызолоченными свинцовыми листами. Въ свинецъ вставлялись желѣзные скобки и болты. Повидимому, существовали пагоды, которыя были сплошь обшиты мѣдью. Строевой лѣсъ, которымъ Индія и Индокитай, страны тиковаго дерева, достаточно богаты, также находилъ обширное примѣненіе. Ко многимъ дворцовымъ зданіямъ присоединялись храмы, и нерѣдко храмъ возвышается надъ большою среднею частью дворцовъ и другихъ гражданскихъ построекъ. Можно найти также храмы, которые служили укрѣпленіями. Оба рода построекъ окружались валами или стѣнами, съ гребнями въ видѣ зубцовъ или пикъ,

или съ башенками по бокамъ. Внутрь ведутъ крытые ходы для безопасности защитниковъ, и снаружи выкопаны широкіе рвы для усиленія охраны. Мосты вели къ богато украшеннымъ воротамъ съ тремя дверями. На сваяхъ мостовъ находились всевозможныя изваянія, и нѣкоторые мосты, какъ тріумфальный путь, вели вверхъ къ воротамъ. Мосты съ узкими пролетами строились такъ плотно, что они и теперь еще держатся при половодьи. Самый большой изъ нихъ имѣетъ 145 м. длины и 34 м. ширины, а мосты, ведущіе къ укрѣпленіямъ, имѣютъ часто болѣе 40 м. ширины. Богато украшенныя террасы, на которыхъ возвышаются храмы и дворцы, предпочтительно поднимались изъ воды; были даже постройки, совершенно стоявшія въ водѣ, напоминавшія свайныя постройки Индокитая. Колоннады, какъ, напр., въ Шалимарскомъ дворцѣ близъ Гупикара, почти непосредственно поднимаются изъ озеръ. „Висячіе сады“ изъ временъ монгольскихъ императоровъ, вмѣстѣ съ своими многовѣковыми платанами, принадлежатъ къ самымъ привлекательнымъ остаткамъ средней Индіи. Крытыя колоннады, часто съ тремя фасадами и съ сводчатой кровлей, оказываются любимыми мотивами индійскихъ архитекторовъ. Въ нихъ двигаются священныя процессіи, которыя въ узловыхъ точкахъ находятъ изображенія боговъ и капеллы. Такіе ходы часто пересѣкались и строились надъ углами храма. Въ такомъ случаѣ они строго располагались по странамъ свѣта. Водоемы (священные пруды) по обѣимъ сторонамъ главнаго входа давали поводъ къ постройкѣ входной галлереи въ формѣ моста или террасы. Башни возвышаются по угламъ галлерей. Обыкновенно къ этимъ же постройкамъ принадлежитъ паркъ, аллеи котораго представляютъ удлиненные главные подходы къ дверямъ храма. Среди нихъ разбросаны монастыри и пышныя жилища правителей. Часто паркъ окружала еще стѣна съ рвами, на углахъ которыхъ возвышались иногда болѣе обширные храмы, и все вмѣстѣ составляло ядро города. Съ наружной стороны стѣнъ тѣснились легкія деревянныя хижины простого народа, лавки и т. п. Особую группу построекъ составляли ступенчатыя пирамиды, отъ величины простого холмика до мощнаго каменнаго зданія. Первичный типъ ихъ представляютъ искусственные холмы, которые и теперь еще насыпаются при религіозныхъ празднествахъ для того, чтобы на вершинѣ ихъ водружать знамя и зажигать огонь. Верхняя площадка служила подножіемъ статуи или для какихъ либо религіозныхъ цѣлей. Съ четырехъ сторонъ къ ней ведутъ лѣстницы, и онѣ часто расходятся такъ, что основное очертаніе ихъ представляетъ приблизительно осьмиконечную звѣзду. По измѣренію Делапорта, одна сторона такой квадратной постройки въ Камбоджѣ оказалась равной 130 м. Изъ сочетанія расположенныхъ на плоскости храмовъ и ступенчатыхъ пирамидъ возникаютъ самыя изумительныя произведенія индійскаго священнаго зодчества, поднимающіяся уступами ярусныя постройки съ башнями по угламъ и лѣстницамъ, увѣнчанныя на вершинѣ великолѣпными священными зданіями. Многочисленныя башни индійскихъ строителей можно назвать медленно возвышающимися пирамидами. Настоящихъ куполовъ не встрѣчается, и рѣдко можно видѣть своды, хотя они и извѣстны въ основныхъ чертахъ.

Нельзя сказать, чтобы эти художники вовсе не были знакомы съ тонкостями перспективы. Такъ большіе подъемы ихъ пирамидъ суживались къ верху и уменьшали фигуры стерегущихъ львовъ на ступеняхъ по восходящей линіи. Разнообразіе просвѣтовъ часто бываетъ удивительное. Вкусъ выказывается и въ расположеніи, и въ освѣщеніи стѣнныхъ украшеній. Въ громадныхъ постройкахъ, общій видъ которыхъ можно наблюдать лишь на извѣстныхъ точкахъ, чувствуется забота объ общемъ впечатлѣніи. Но, къ удивленію, индійская архитектура въ глубинѣ своего характера противится ясности и правильности постройки. Какъ будто для доказательства того, что изъ человѣческихъ рукъ не можетъ выйти ничего совершен-

наго, она перемѣщаетъ оси своихъ зданій изъ срединной линіи основного плана. Нѣкоторые зодчіе дѣлали это такъ соразмѣрно, что лишь точныя измѣренія могли обнаружить эту неправильность; но можно сказать съ увѣренностью, что здѣсь нельзя найти безусловной симметріи. Нѣкоторыя величественныя индомавританскія постройки выполнены безъ плана и измѣрительныхъ инструментовъ, и знаменитые индійскіе зодчіе строятъ такимъ образомъ и до сихъ поръ (Гюбнеръ). Ядро всѣхъ индійскихъ храмовыхъ построекъ представляетъ святая святыхъ (преазатъ) — кубическій покой съ четырьмя входами и простой или ступенчатой крышей изогнутаго очертанія. Эта темная внутренняя часть своей темнотой и тѣснотой окружающихъ ходовъ напоминаетъ пещерные храмы. Индіи. Но къ ней примыкаютъ цѣлыя постройки, величественныя, плотныя, массивныя зданія, всѣ части которыхъ тѣснятся другъ къ другу, какъ будто хотятъ слиться между собой.

Съ распространеніемъ буддизма въ Индіи ясно связаны ростъ чуждыхъ вліяній, въ особенности туранскихъ и греко-бактрійскихъ, и регрессъ мѣстныхъ силъ. Примѣненіе камня къ постройкѣ храмовъ, вѣроятно, получило начало въ царствѣ Асоки. Мы не видимъ никакихъ слѣдовъ каменныхъ зданій въ Индіи прежнихъ временъ, и первыя развалины изъ временъ царствованія Асоки представляютъ воспроизведенія прочныхъ деревянныхъ жилищъ. Изъ пустынножительствъ буддійскихъ монаховъ возникли величественные пещерные храмы Индіи. Первые пещерные храмы брамановъ были точными возсозданіями буддійскихъ „вихаръ“ или монастырей; позднѣе кельи монаховъ были замѣнены нишами, содержавшими статую божества или рельефныя изображенія одного изъ многочисленныхъ браманскихъ миѳовъ. Вполнѣ самостоятельное мѣсто занимаетъ храмъ Эллары, высшій пунктъ браманскаго зодчества въ Индіи. По сообщенію Фергюссона, въ Индіи существуетъ около 1000 пещеръ, бо́льшаго или меньшаго архитектоническаго значенія, преимущественно на западѣ; многія изъ нихъ находятся въ величайшемъ запустѣніи и забвеніи. Именно тамъ, гдѣ сохраняются величественнѣйшія произведенія буддійскаго искусства, напр., храмы въ скалахъ Аянты съ ихъ стѣнной живописью, благодаря тиграмъ и разбойникамъ, мѣстность является особенно опасной.

Въ области живописи въ Египтѣ и восточной Азіи какъ чувство колорита, такъ и вѣрность воспроизведенія природы и тонкость исполненія стоятъ несравненно выше, чѣмъ въ Индіи. Индійская живопись достигаетъ наибольшей высоты въ своихъ первыхъ крупныхъ произведеніяхъ, стѣнныхъ картинахъ на штукатуркѣ буддійскихъ храмовъ въ скалахъ; быть можетъ здѣсь, какъ и въ архитектурѣ, дѣло не обошлось безъ греческихъ вліяній. Внѣшними стимулами служили новыя формы, какъ, напр., миніатюрная живопись по персидскому образцу, изъ которой, въ видѣ боковой вѣтви, развилась живопись на слоновой кости. Народы Индіи, несмотря на исламъ, остались любителями изображеній, и дома ихъ богато раскрашены внутри и снаружи, но почти безъ всякой художественности. Религіозная живопись въ Индіи настолько же пострадала подъ вліяніемъ буддизма, насколько выиграли отъ него зодчество и ваяніе. Многочисленныя изображенія буддійскихъ святыхъ, которыя служатъ въ храмахъ для религіознаго созерцанія или для принесенія клятвъ, въ качествѣ олицетворенія сверхестественныхъ силъ, изготовляются по твердо установленнымъ схемамъ. Рисунки вмѣстѣ со священными формулами дѣлаются китайской тушью въ видѣ контура и затѣмъ промежутки просто закрашиваются краской. Пропорціи тѣла и краски тѣла и одеждъ предписываются опредѣленными законами. Подъ такимъ же запретомъ находится и изготовленіе молитвенныхъ знаменъ и другихъ орудій буддійскаго культа. Исламъ научилъ пользоваться буквами и цѣлыми изреченіями въ видѣ орнамента; преимущественно арабскія и персидскія изреченія тамъ можно

видѣть въ остроумныхъ сплетеніяхъ, въ видѣ украшенія зданій, оружія и сосудовъ.

Мотивы индійскаго промышленнаго искусства заимствуются предпочтительно изъ растительнаго царства, но проводятся въ извѣстномъ строгомъ стилѣ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе отдѣльныхъ частей отступаетъ передъ пестрымъ сочетаніемъ извивающихся и переплетающихся очертаній (см. рис., стр. 627). Характерны цѣлые букеты съ геометрической правильностью листьевъ и цвѣтовъ. Въ симметріи, всегда проявляющейся среди изобилія, заключается отличительный признакъ индійской орнаментики. Персо-арабскіе письменные орнаменты, обильно переплетенные растительными усиками, отличительны для вещей, исходящихъ изъ сѣверной Индіи. Мотивъ китайскаго дракона развился въ произведеніяхъ Кашмира. Фигурные мотивы буддійскаго происхожденія исходятъ изъ Тибета. Часто можно встрѣтить нѣчто, напоминающее смѣсь тонкихъ формъ персидскаго орнамента съ монгольской неподвижностью въ восточномъ Туркестанѣ; самыя изящныя произведенія этого рода можно видѣть на рынкахъ Ходжента. Мѣдные сосуды, въ особенности кофейники и чайники (см. ниже стр. 635), потерявшіе полуду и поломанные, идутъ изъ Хотана, Кашгара и Ярканда до сѣверо-западной Индіи. Съ другой стороны, индійскія вліянія доходятъ изъ Кашмира до Кашгара и Ярканда. Обходъ большого музея, въ родѣ Кен-

Флейта кхасовъ въ Индокитаѣ. (По Гармонду.) Ср. текстъ, стр. 621.

сингтонскаго въ Лондонѣ, въ которомъ соединены самыя изящныя произведенія мастерскихъ Индіи и Персіи, не оставляетъ того удовлетвореннаго чувства отъ созерцанія своеобразнаго и законченнаго, какъ обозрѣніе японскихъ и китайскихъ залъ. Прежде всего мы тамъ не видимъ фарфора, но зато находимъ персидскій, прозрачный съ голубой глазурью фаянсъ съ прелестными орнаментами. Ковры съ мелкими, пестрыми, по большей части, полосатыми узорами выказываютъ чувство красокъ и геометрическаго орнамента. Индійскіе металлическіе товары ищутъ славы болѣе въ тонкости выгравированныхъ и накладныхъ узоровъ, чѣмъ въ законченномъ воспроизведеніи природы или въ высшемъ совершенствѣ исполненія. Произведенія изъ слоновой кости и тонкой мозаики, такъ наз. ширазская работа, искусная деревянная рѣзьба и лакированные товары стремятся къ тому же, — къ мелкой и тонкой отдѣлкѣ. Главная прелесть ихъ заключается въ миніатюрности исполненія. Въ сравненіи съ законченностью китайскихъ и японскихъ вещей, въ индійскихъ и персидскихъ художественныхъ предметахъ часто нельзя отрицать черты варварства. Отчасти это зависитъ отъ вліянія ислама, препятствующаго воспроизведенію природы, а отчасти отъ меньшей привычности рукъ и отъ меньшей силы творчества и чувства красоты.

Въ Маломъ Тибетѣ, гдѣ правители держали прежде при своихъ дворахъ арабскихъ художниковъ, въ настоящее время не выдѣлываютъ никакихъ украшеній вслѣдствіе бѣдности и незнакомства съ пріемами производства. У изобрѣтательнаго народа Кашмирской долины стремленіе къ подражанію выработалось въ поразительной степени и всего болѣе въ художественной области. На границѣ индійскаго, персидскаго и китайскаго искусства оно выдѣлываетъ произведенія, отличающіяся ловкостью и технической тщательностью исполненія. Сринагаръ, главный городъ Кашмира, обладаетъ исполненными вкуса мѣдными и бронзовыми вещами XV, XVI и XVII вв. „Народъ, который варитъ въ посудѣ, украшенной съ рѣдкой роскошью самыми разнообразными узорами и снабженной изящными персидскими надписями, чайники и кофейники котораго покрыты великолѣпной чеканкой и отличаются стара-

тельностью отдѣлки и привлекательностью формъ, который пользуется блюдами, тарелками, чашками, ложками и даже плевательницами съ эмалью и гравировкой, — безъ сомнѣнія, имѣетъ право называться народомъ съ художественными задатками“ (Уйфальви). Ручки посуды, приготовляемой въ Кашмирѣ (см. рис., стр. 635), представляютъ даже китайскую саламандру во множествѣ варіацій. Мѣдныя вещи изъ Малаго Тибета тяжелѣе кашмирскихъ, что́ не мѣшаетъ находить и тамъ пріятныя для глазъ формы не совсѣмъ обыденной законченности. Это можно сказать и о литыхъ сосудахъ Ярканда и Туркестана; хотя они и стройнѣе тибетскихъ, но ихъ нельзя сравнить съ кашмирскими. И въ южной Индіи есть своеобразная металлическая промышленность, какъ это показываютъ оригинальныя инкрустаціи серебромъ или оловомъ по мѣди, которыми славятся танджуры.

Музыкальные инструменты менѣе культурныхъ народовъ Индіи и Индокитая напоминаютъ малайскіе и въ Гималайскую область проникаютъ волынкообразные инструменты и барабаны изъ внутренней Азіи, но индійская музыка необыкновенно богата ударными инструментами всякаго рода. Музыка бирманцевъ и сіамцевъ исходитъ изъ Индіи. Многіе изъ инструментовъ, появившіеся вмѣстѣ съ буддизмомъ, напоминаютъ цейлонскіе. Китайскій гонгъ также во множествѣ воспроизводится въ Бирмѣ. Изъ музыки туземцевъ заимствованъ родъ бамбуковой цѣвницы громадныхъ размѣровъ и т. п. (см. рис., стр. 620). Кромѣ того, разнообразные литавры, барабаны, гонги, гобои и гармоники, съ дощечками изъ сухого дерева, флейты и гитары придаютъ индійскому или индокитайскому оркестру разнородныя средства выраженія, которыя, однако, представляютъ лишь смѣшеніе рѣзкихъ тоновъ. Многіе настоящіе индусы, подобно цыганамъ, обладаютъ выдающимися музыкальными способностями; индійцы монгольскаго происхожденія, на ряду съ своими восточно-азіатскими соплеменниками, лишены этой способности. Миссіонеръ Іешке описалъ въ занимательной формѣ свои тщетныя старанія научить дѣтей въ Ладакѣ и Ченабѣ самымъ простымъ церковнымъ мелодіямъ.

---

16. Индусы.

„Ни одинъ народъ не превосходитъ ихъ терпѣливымъ спокойствіемъ и кроткой душевной покорностью. Если индусъ, тѣмъ не менѣе, въ ученіи и обычаяхъ не слѣдуетъ за каждымъ чужеземцемъ, т это, очевидно, происходитъ отъ того, что учрежденіе брамановъ настолько завладѣло его душей и его жизнью, что не оставляетъ мѣста ни для чего другого.“

Гердеръ.

Содержаніе: Одежда. Украшенія. Оружіе. — Домъ и деревня. Города и сообщенія. — Земледѣліе и скотоводство. — Ремесла. Промышленное искусство индусовъ и его мотивы. Процвѣтаніе искусства въ Индіи и Персіи. — Положеніе женщины. Семья. Полигамія и поліандрія. — Касты. Происхожденіе и значеніе ихъ. Люди, находящіеся внѣ кастъ, и паріи. — Образованіе государствъ и политическая раздробленность. Государство и законы. Деспотизмъ. Законы Индіи. — Покровительствуемыя государства.

Простѣйшую одежду составляетъ полоса ткани, ввидѣ повязки вокругъ бедръ, т. е. самое необходимое прикрытіе. Эту одежду, безъ всякаго другого прикрытія, за исключеніемъ узкой головной повязки или даже только шнурка, послѣдняго остатка тюрбана, носятъ низко стоящія племена, каковы гонды, махары, кхунды, а также билы и бо́льшая часть живущаго въ жаркихъ низинахъ простого народа бенгальцевъ и ассамцевъ Здѣсь нѣтъ и рѣчи о какой-либо обуви. Соотвѣтствующая одежда у женщинъ состоитъ изъ куска ткани, которой обертывается вокругъ бедръ и скрѣпляется на плечѣ, причемъ одна грудь остается открытой. Многія женщины носятъ, кромѣ того, на рукахъ и на ногахъ мѣдныя кольца, часто

отъ сочлененія кисти до локтя и отъ лодыжки до колѣна. Это тяжелое обремененіе конечностей напоминаетъ нѣчто африканское. Еще проще и грубѣе одежда восточныхъ пулайевъ, которые прикрываютъ наготу древесными вѣтвями, и тундскихъ пулайевъ, женщины которыхъ употребляютъ для этой цѣли плетеніе изъ длинной травы. Гораздо выше стоитъ простой костюмъ тодовъ — у мужчинъ тогообразный плащъ изъ небѣленаго хлопка, у женщинъ тотъ же плащъ, изъ такой же матеріи, прикрывающій оба плеча. Мужчины носятъ серебряныя кольца на лодыжкахъ, женщины — серебряные или мѣдные браслеты. Женщины низко стоящихъ кадеровъ прикрываютъ себя, подобно тамулкамъ и сингалезкамъ, хлопчатобумажной накидкой, ввидѣ тоги, однообразнаго бѣлаго, коричневаго или карминнаго цвѣта и рѣдко показываются безъ колецъ на ногахъ или на рукахъ. Въ странахъ средняго Ганга, въ средоточіи браманизма, мы наталкиваемся на болѣе сильное и зажиточное населеніе, которое одѣвается лучше уже потому, что должно одѣваться теплѣе. Голову оно прикрываетъ тюрбаномъ, верхнюю часть тѣла — плотно прилегающей курткой, а верхнюю часть ногъ — широкой, искусно обернутой тканью. Здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ вообще употребляется матерія для одежды, преобладаетъ хлопокъ; только въ Ассамѣ и Бирмѣ употребителенъ также шелкъ.

Купцы-индусы. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 624.

Одежда цивилизованныхъ индусовъ существенно различна на западѣ и на востокѣ. Тамъ, гдѣ магометане имѣютъ перевѣсъ, оба пола носятъ широкія шаровары, а на востокѣ и на югѣ женщины носятъ по преимуществу складчатую юбку, доходящую до колѣнъ. Изящный сарри, прикрывающій голову и плечи, распространенъ по всей Индіи; индійскія женщины художественно драпируются въ его живописныя складки. Въ центральной Индіи, въ странѣ Дели и въ особенности вблизи Кашмира, можно видѣть знакомыя намъ шали даже у женщинъ среднихъ сословій.

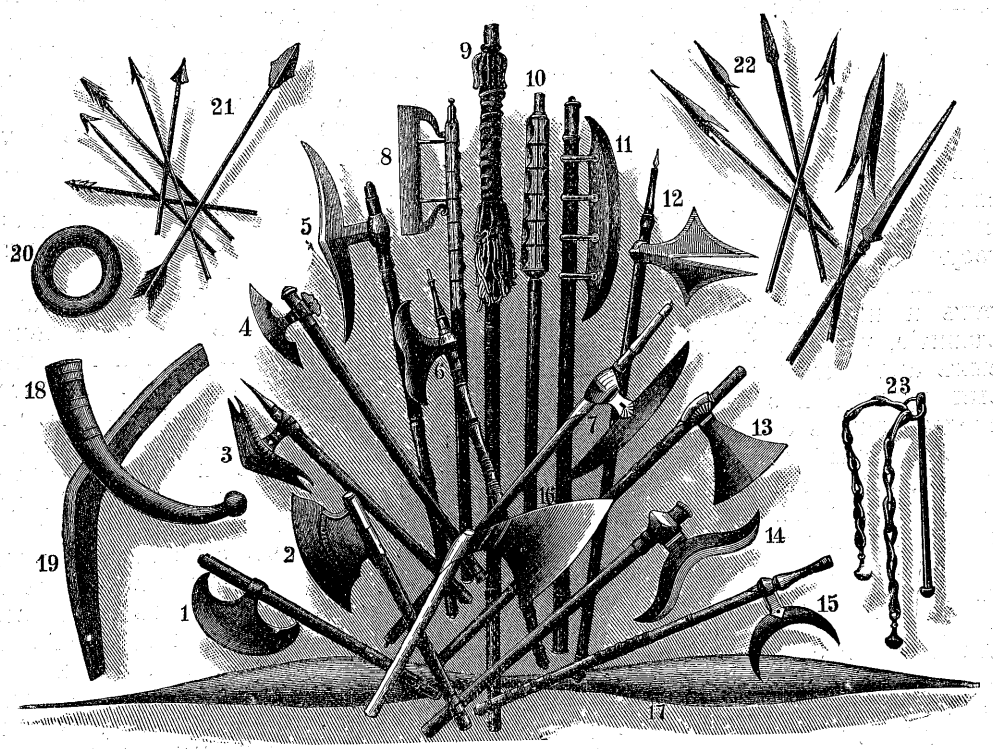
Индусскія женщины, подобно женщинамъ парсовъ, противоположно магометанкамъ, любятъ цвѣтныя одежды. Мужчины-магометане застегиваютъ свои куртки налѣво, а индусы—направо. Мужчины носятъ предпочтительно бѣлую одежду, въ особенности на сѣверо-западѣ, что рѣзче всего обозначается у брамановъ. Ихъ узнаютъ, кромѣ того, по хлопчато-бумажному шнурку, идущему отъ лѣваго плеча черезъ грудь. Въ бѣлое одѣваются и сейеданы, нищенствующія отшельницы магометанской Индіи, выдающія себя за потомковъ пророка. Одежда раджпутовъ, и въ то же время коловъ и баньяріевъ,—бѣлая, съ пестрымъ шарфомъ для прикрѣпленія оружія. Индусы и парсы носятъ бѣлую хлопчатобумажную верхнюю одежду и ткань того же цвѣта, обертывающую ноги и поясницу. Покрой остается однимъ и тѣмъ же даже и тогда, когда матеріаломъ служитъ самая тонкая, затканная золотомъ кисея. Цвѣтной поясъ нерѣдко обвѣшивается пестрыми кисточками и лоскутками. Шелкъ носятъ, по большей части, на сѣверо-западѣ; извѣстныя изстари цвѣтныя и затканныя золотомъ ткани для тюрбановъ и верхнихъ одеждъ выдѣлываются по преимуществу въ Мултанѣ. Простыя голубыя одежды характерны для сикховъ, которые носятъ ихъ по предписанію своего родоначальника. Но принцы Лагора поверхъ своихъ панцырныхъ рубашекъ охотно надѣваютъ желтые и голубые шелковые камзолы, и ихъ войска въ послѣднія времена самостоятельности государства сикховъ имѣли красные и голубые мундиры.

Высокій тюрбанъ составляетъ существенную принадлежность магометанъ и парсовъ (см. рис., стр. 637). Онъ представляетъ монументальное развитіе, увѣнчивая голову богатыхъ купцовъ-парсовъ Бомбея и горделивыхъ правителей афганской и тюркской крови на сѣверо-западѣ. Нѣкоторыя группы профессіональныхъ лицъ формой и цвѣтомъ своего костюма представляютъ своего рода вывѣску: такъ, хлѣбные торговцы Бомбея носятъ красный тюрбанъ. Цилиндрическая шляпа безъ полей, загнутая вверху, белуджей распространилась и въ крестьянскомъ населеніи Синда. Розовые и небесно-голубые тюрбаны, съ алмазными застежками и пучками перьевъ, украшаютъ голову правителей. Любопытно, что сапожники всегда работаютъ съ непокрытой головой. Крестьяне на сѣверо-западѣ выходятъ въ поле, прикрывая себѣ голову зонтикомъ изъ пальмовыхъ листьевъ, заостреннымъ надъ головой и широко спускающимся съ плечъ. Тамъ, гдѣ носятъ башмаки, мы находимъ китайскую моду. Индусы и парсы обыкновенно оставляютъ только усы, а магометане—и бороду, расчесывая ее отъ середины къ сторонамъ. Наникъ, родоначальникъ сикховъ, велѣлъ отращивать своимъ приверженцамъ волосы и бороду, такъ какъ онъ появился среди мусульманъ, которые коротко стригли голову. Сингалезы своими искусно взбитыми и скрѣпленными гребнемъ волосами производятъ впечатлѣніе женщинъ. Горделивые наиры военной касты южной Индіи кокетливо носятъ прядь волосъ ввидѣ локона на лѣвой сторонѣ.

Оба пола носятъ кольца въ ушахъ—женщины постоянно, мужчины часто. Къ маленькому кольцу въ ушной мочкѣ привѣшивается большое, которое накладывается на верхнюю часть уха. Свертки пальмовыхъ листьевъ, деревянные обрѣзки, свинцовыя кольца расширяютъ отверстіе въ ушной мочкѣ до величины ладони, въ особенности въ южной Индіи. Здѣсь встрѣчается и прободеніе края уха нѣсколькими отверстіями. Даже воинственные правители не пренебрегали ожерельями съ необычайно крупными алмазами, и за рѣдкіе драгоцѣнные камни индійская знать платила колоссальныя суммы. Нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя найти болѣе богатыхъ запасовъ драгоцѣнныхъ камней, чѣмъ у ювелировъ большихъ городовъ Индіи. Носовыя кольца, куски коралловъ въ одномъ крылѣ носа и даже кольца въ верхней губѣ можно видѣть въ изобиліи у дѣвушекъ и женщинъ, въ особенности у баядерокъ. Индусамъ всѣхъ классовъ свойственна большая любовь къ украшеніямъ, и британское правительство при-

нимаетъ это во вниманіе, награждая знаками отличія свои войска. Туземные офицеры рѣдко снимаютъ золотыя шейныя цѣпи; памятныя монеты на груди неразлучны съ ихъ собственникомъ. Послѣ смерти его, кольца и цѣпи украшаютъ хранилища реликвій въ храмахъ.

Татуировка груди и конечностей часто встрѣчается у женщинъ южной Индіи. Магометане не татуируются. Тѣмъ пестрѣе раскрашиванье женскаго пола съ цѣлью украшенія; у мужского красныя полосы на лицѣ брамановъ и разноцвѣтныя краски, безобразящія лица факировъ должны возбуждать почтительное и благоговѣйное чувство. Подкрашиванье губъ, черненіе бровей и вѣкъ сурьмой, приданіе блеска глазамъ впусканіемъ

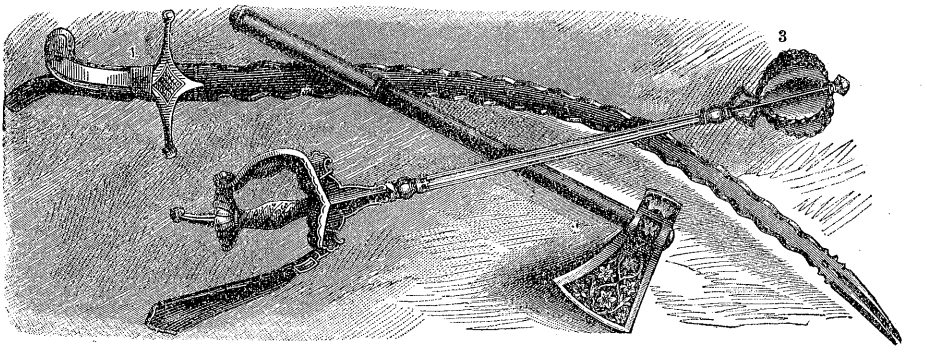


Индійское оружіе: 1, 2, 4—8, 11—13, 15) боевые топоры изъ Хоты Нагпура; 3) изъ Каттска; 9) звѣздчатая палица изъ Индора; 10) ударная палка изъ Тинневели; 14) боевая сѣкира изъ Визіанаграма; 16) боевая сѣкира изъ Ганьяма; 17) лукъ андаманцевъ; 18, 19) метательные куски дерева изъ Гуджерата; 20) стальное метательное оружіе (койтъ); 21) стрѣлы горныхъ племенъ; 22) изъ Кандеша; 23) боевыя цѣпи изъ Визіанаграма. (По Эджертону.)

беладонны давно извѣстны. „Нама“, знакъ секты, нарисованный на лбу, на груди или на рукахъ, служитъ отличительнымъ знакомъ индусовъ. Нѣкоторые дѣлаютъ себѣ точку надъ корнемъ носа (см. рис., стр. 622), а поклонники Вишну въ центральной Индіи — ярко красную полосу, проведенную отъ одной брови къ другой и перекрещивающуюся съ линіей, идущей вертикально отъ корней волосъ. Поклонники Сивы дѣлаютъ себѣ горизонтальныя линіи на лбу. По дорогамъ часто можно видѣть людей съ глиной на тарелкѣ, предлагающихъ ее прохожимъ, чтобы тѣ могли возобновить священные знаки.

У болѣе простыхъ народовъ Индіи мы встрѣчаемъ и простыя формы оружія, прежде всего лукъ африканскаго типа, т. е. безъ срединнаго выгиба или утолщенія (см. рис., стр. 606). Эджертонъ называетъ его древнеиндійскимъ; сложный лукъ, вѣроятно, появился здѣсь изъ Персіи или внутренней Азіи. Въ прежнее время, повидимому, главнымъ оружіемъ индійской

пѣхоты былъ лукъ ввидѣ простой бамбуковой палки. При первомъ выступленіи жителей Индіи въ войнѣ съ европейцами, они явились одѣтыми въ бумажныя ткани, стрѣлками изъ лука, съ бамбуковыми стрѣлами, заостренными желѣзомъ. Биловъ почти никогда нельзя видѣть безъ лука, который остроумно изготовляется изъ двухъ гибкихъ кусковъ бамбука, причемъ тонкій заступаетъ мѣсто тетивы; стрѣлы дѣлаются изъ легкаго тростника, съ опереніемъ. Они стрѣляютъ ими на 60 метр.; съ этимъ оружіемъ они даже охотятся на тигра, но при этомъ отравляютъ стрѣлы. Такъ какъ выдающимся оружіемъ древне-индійской арміи были боевыя колесницы и слоны, то лукъ съ теченіемъ времени могъ сдѣлаться достояніемъ массы народа, ходившей пѣшкомъ. При болѣе и болѣе частыхъ нападеніяхъ номадовъ сѣверо-запада, стрѣлки изъ лука появлялись на вражеской сторонѣ въ подавляющихъ количествахъ. На ряду съ войсками, вооруженными фитильными ружьями, въ туземной арміи Индіи можно и теперь еще найти стрѣлковъ изъ лука; и въ настоящее время поднесеніе лука, стрѣлы и меча служитъ привѣтствіемъ подданныхъ индійскимъ пра-



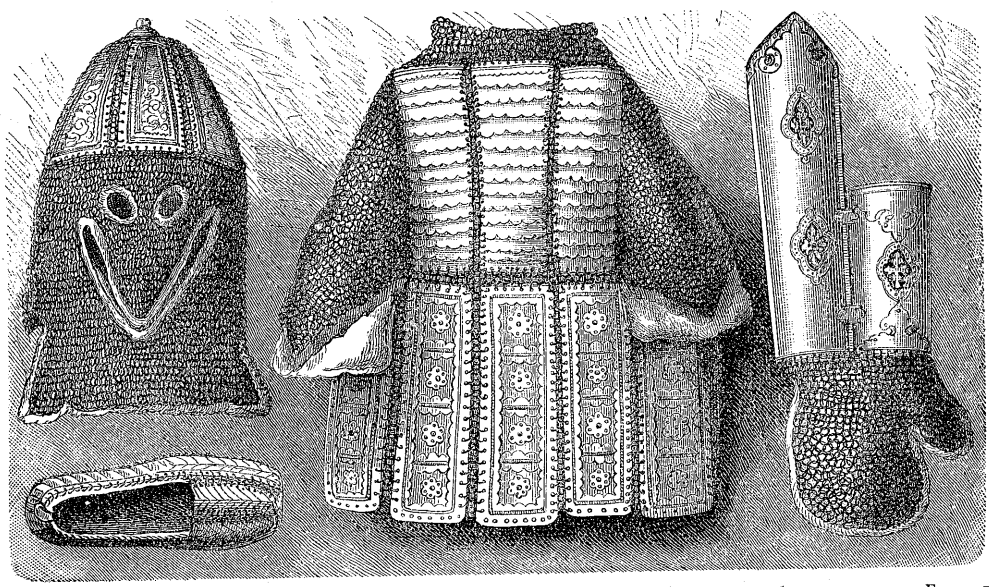
Индійское оружіе: 1) сабля изъ Пешавара; 2) боевая сѣкира изъ Колапура; 3) звѣздчатое оружіе изъ Гайдерабада. (По Эджертону.) Ср. текстъ, стр. 635.

вителямъ. Огненныя стрѣлы были извѣстны въ древнѣйшія времена, даже большого формата, спускавшіяся съ прочныхъ подставокъ. Часто возбуждавшійся вопросъ — знали-ли древніе индусы порохъ въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію, — указаніемъ этихъ огненныхъ стрѣлъ получаетъ отрицательное рѣшеніе.

Формы копій, напоминающія африканскія, были у войскъ Пора. Они отличаются боковыми зазубринами или остріями съ круглымъ загибомъ, число которыхъ у наговъ означаетъ чинъ того, кто носитъ это оружіе (см. рис., стр. 624, фиг. 22). Различительными признаками служатъ красные, щеткообразные пучки волосъ подъ клинкомъ копья, красное раскрашиванье древка и трещетки подъ клинкомъ. Многочисленные всадники во времена англійскихъ завоеваній въ прошломъ вѣкѣ были вооружены преимущественно длинными копьями, стальные наконечники которыхъ, длиною до $^2/_3$ метра, были выложены золотомъ и серебромъ и насажены на бамбуковой рукояткѣ, длиною до 4 метр. Боевая сѣкира принадлежитъ къ древнѣйшему оружію индійцевъ. Съ этимъ топоромъ и копьемъ они выступаютъ противъ страшныхъ гостей ихъ джунглей, противъ тигровъ. Баньяріи также носятъ, въ качествѣ главнаго оружія, пику и щитъ, длинный мечъ черезъ плечо, а также и боевую палицу. Вмѣсто топора, который гондамъ, незнакомымъ съ лукомъ, служитъ одновременно орудіемъ для рубки лѣса и оружіемъ, многіе народы, какъ, напримѣръ, наги, пользуются коротким мечомъ; этотъ большой ножъ, спереди нѣсколько расширенный и заканчивающійся прямолинейнымъ отрѣзомъ, является почти единственнымъ полевымъ и домашнимъ орудіемъ. Характерное вооруженіе белуджей,

состоящее изъ круглаго кожанаго щита, сабли, кинжала и ружья, широко распространено на сѣверо-западѣ Индіи.

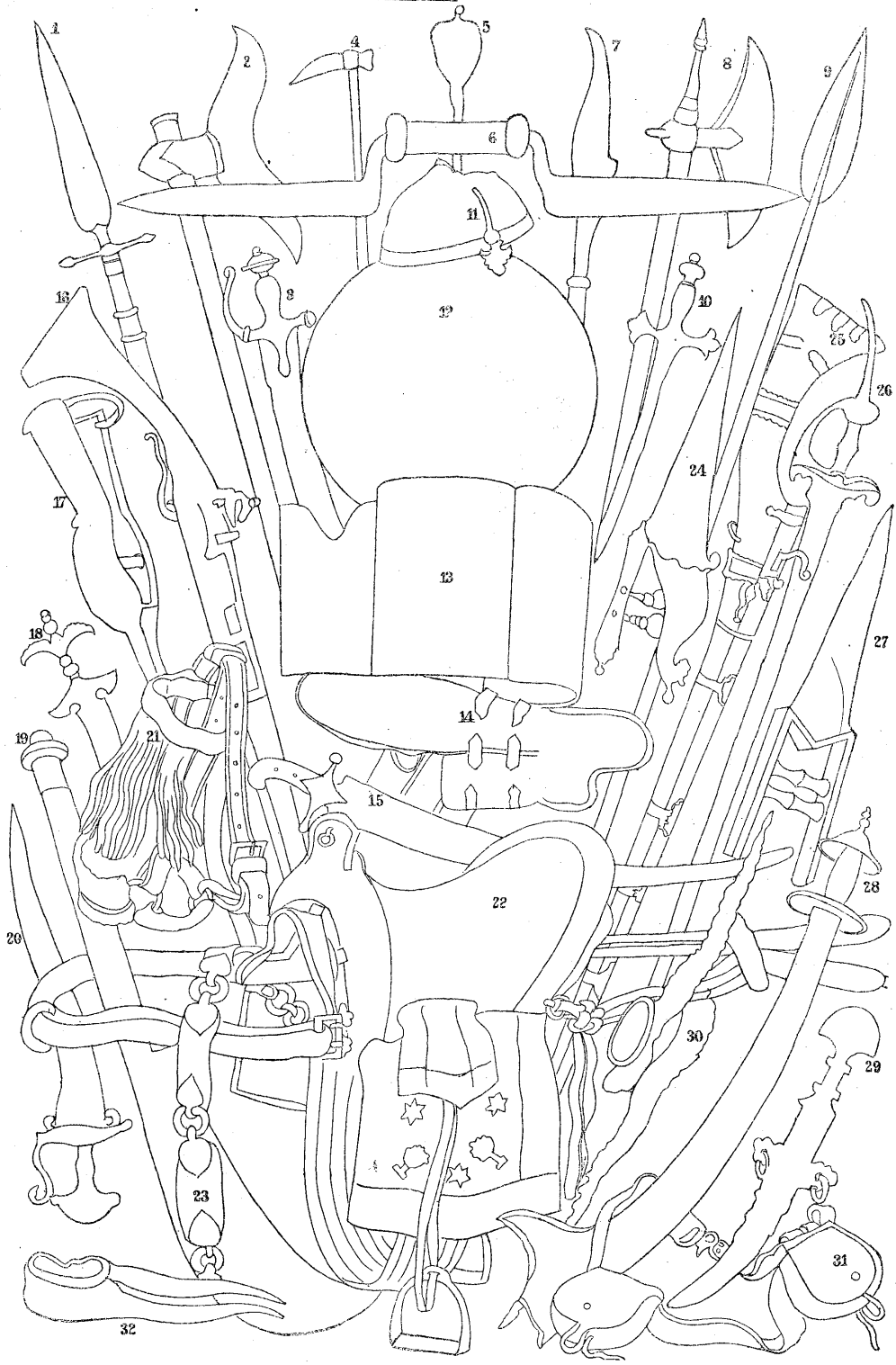
Индія породила цѣлый рядъ грубаго, фантастическаго оружія. Индійскіе писатели насчитываютъ 32 различныхъ рода наиболѣе важнаго оружія. Бумерангъ употребляютъ нѣкоторыя горныя племена; еще не очень давно имъ пользовались въ Гуджератѣ на охотѣ за птицами (см. рис., стр., 624, фиг. 18 и 19). Деревянныя палицы снабжены кусками желѣза, ввидѣ звѣзды. Факирская гвардія акаліевъ, независимыхъ сикховъ, носила плоскія метательныя кольца, съ діаметромъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ метра, такъ остро отшлифованныя на наружномъ краѣ, что, будучи пущены съ пальца или съ палки, они летѣли со свистомъ и наносили противникамъ глубокія раны. Подобные кружки связывались также цѣпями попарно. Полдюжины такого оружія иногда насаживается на остро свернутый



Полная панцырная индійская одежда — шлемъ, рубашка, рукавица и башмакъ изъ Буя въ Качѣ. (По Эджертону.) См. текстъ, стр. 625 и 635.

тюрбанъ; къ нему привѣшиваются еще когти тигра, острые, загнутые ножи, которые, будучи зажаты въ кулакъ, при раскрываніи выпускаютъ соотвѣтственное число когтей, — замѣчательно вѣрное подражаніе природѣ. Наряду съ настоящей индійской формой кинжала, прямымъ, круто заостряющимся клинкомъ, съ двойной рукояткой и поперечной дужкой, встрѣчаются длинные ножи всякаго рода и короткіе мечи, напоминающіе римскую форму. Среди многочисленнаго оборонительнаго оружія слѣдуетъ назвать щиты изъ кожи зулусской формы, шлемы съ низко свѣшивающимся панцырнымъ прикрытіемъ и ватные панцыри сикховъ, защищающіе также и затылокъ (см. рис. выше и табл. „Индійскіе и персидскіе доспѣхи и оружіе“).

Роскошное оружіе любятъ по преимуществу знатные магометане сѣверо-запада и страны маратовъ. Великолѣпную дамаскированную саблю, съ ножнами, покрытыми драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, воинъ носитъ въ рукѣ, и за поясомъ, когда онъ верхомъ. Правители также носятъ въ рукѣ великолѣпно украшенный длинный жезлъ, служащій знакомъ ихъ власти. Легко представить себѣ картину, какую фонъ-Орлихъ видѣлъ близъ Фероспура лѣтъ 50 тому назадъ: „знатный человѣкъ, въ панцырной рубашкѣ, верхомъ, сынъ его, со щитомъ и саблей, рядомъ съ нимъ на пони, передъ нимъ и около него многочисленные слуги съ соколами и



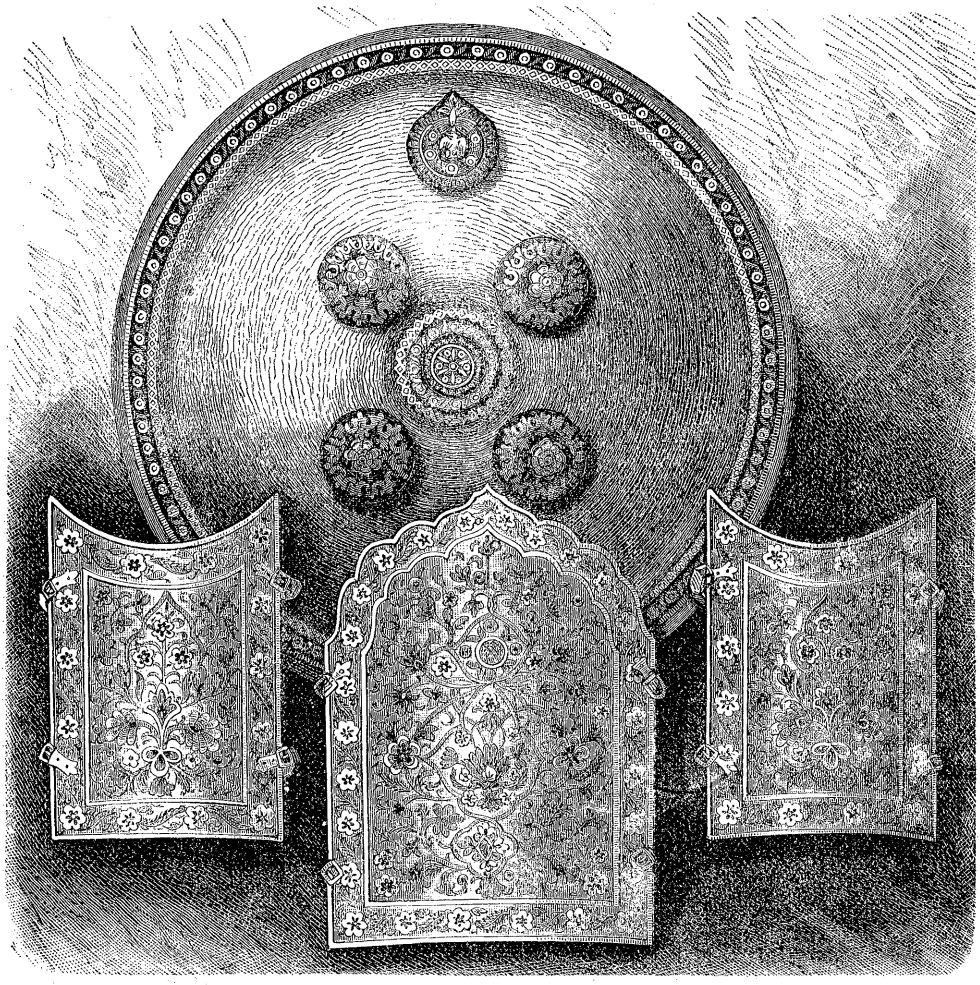
1. *Пика изъ Индостана.*
2. *Двойн. ствкира туземцевъ центральн. Индіи (головъ).*
3. *Боевой мечъ изъ Раджпутаны.*
4. *Ствкира изъ Кантака (гондовъ, вѣроятно, персидск. происхожденія).*
5. *Украшенная палица (Персія).*
6. *Старинный двойной кинжалъ.*
7. *Большой ножъ туземцевъ центральн. Индіи.*
8. *Ствкира жондовъ центральн. Индіи.*
9. *Пика изъ Раджпутаны. Могульская сабля.*
11. *Шлемъ сайковъ.*
12. *Щитъ изъ кожи носорога, сайковъ.*
13. *Панцырный нагрудникъ сайковъ.*
14. *Прикрытіе для нижней части руки сайковъ, на лѣвую руку.*
15. *Сабля изъ Пешавара.*
16. *Фитильное ружье сайковъ.*
17. *Колющій мечъ сайковъ.*
18. *„Пламенѣющій“ кинжалъ.*
19. *Жертвенный ножъ для культа кровавой богини Дурги изъ Непала.*
20. *Кинжалъ изъ Лагора.*
21. *Головной уборъ.*
22. *Сѣдло.*
23. *Нагрудн. украшен. лошади, изъ Лагора.*
24. *Кинжалъ изъ Лагора.*
25. *Кремневое ружье (Индостанъ).*
26. *Рѣжущее оружіе, персидско-индійск.*
27. *Колющій кинжалъ изъ Лагора.*
28. *Жертвенный мечъ изъ Непала.*
29. *Кинжалъ изъ Лагора.*
30. *Колющее оружіе сайковъ изъ роговъ антилопы.*
31. *Патронныя сумки.*
32. *Двойной „пламенѣющій“ кинжалъ, Индостанъ.*

1/10 настоящей величины.

Всѣ предметы изъ Этнографическаго музея въ Мюнхенѣ.

ИНДІЙСКІЕ И ПЕРСИДСКІЕ ДОСПѢХИ И ОРУЖІЕ.

ружьями, жена его, плотно закутанная, съ ребенкомъ, на верблюдѣ, и на нѣсколькихъ другихъ верблюдахъ его палатки и багажъ“ — сцена изъ средневѣковой жизни. Индійскіе оружейники, научившіеся своему искусству отъ арабскихъ и персидскихъ мастеровъ, превосходятъ своими издѣліями нарядное оружіе Персіи и Аравіи. Къ древнимъ формамъ присоединяются теперь новѣйшія украшенія. Къ серебрянымъ латамъ могъ быть присоединенъ серебряный шишакъ, обернутый шелковой шалью и нит-



Щитъ съ панцырными пластинами изъ Буя въ Качѣ, перс. работы. (По Эджертону.) Ср. текстъ, стр. 620.

ками жемчуга. Всѣ тѣлохранители лагорскаго магараджи еще въ 50-хъ годахъ были одѣты въ кольчуги и желѣзные шишаки (см. рис., стр. 626).

Съ того времени, какъ въ Индіи развились большія государства, она не могла ограничиться военными кастами. Правители собирали около себя военную свиту, и образовались большія, постоянныя войска. Кшатріи сосредоточивали ихъ въ крѣпостяхъ, которыхъ Индія, въ особенности на сѣверѣ, насчитывала болѣе всякой другой страны. О связи ихъ съ дворцами и храмами см. выше, стр. 618. Примѣненіе слоновъ къ войнѣ исходитъ изъ большихъ государствъ Индіи. Персы заимствовали слона у индійцевъ, и отъ нихъ онъ перешелъ къ селевкидамъ и пунійцамъ, слишкомъ высоко цѣнившимъ его. Въ борьбѣ съ многочисленной конницей

арабовъ и монголовъ, обнаружилась слабость тактики, основанной на массивности слоновъ, и затѣмъ наступило время верблюдовъ и лошадей.

Самымъ важнымъ питательнымъ средствомъ народовъ Индіи служитъ рисъ. Населеніе, питающееся рисомъ, исчисляется въ 67 милліоновъ. Питаніе рисомъ господствуетъ въ Ассамѣ, Бенгаліи и британской Бирмѣ; но уже направляясь изъ Бенгаліи къ западу, мы находимъ въ центральныхъ государствахъ народы, живущіе просомъ, прѣснымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, въ видѣ лепешокъ (шипато) и овощами. Нѣкоторые скотоводы, какъ, напримѣръ, богатые буйволами тоды, питаются жидкимъ и створоженнымъ молокомъ, дико растущими плодами, нѣкоторымъ количествомъ муки, съ прибавленіемъ извѣстнаго количества соли черезъ каждые три или четыре дня, что̀ напоминаетъ пастушескихъ народовъ Африки. Жители бѣдныхъ странъ обладаютъ особеннымъ искусствомъ примѣшивать древесную кору къ мукѣ своего хлѣба. Прихотливыя постановленія относительно кушаньевъ, безъ сомнѣнія, оказываютъ важное вліяніе на ежедневное питаніе; тамъ ѣдятъ яйца, но не ѣдятъ куръ. Когда индійскія войска останавливаются лагеремъ, индусъ проводитъ кругъ около своего огня и звонитъ въ колокольчикъ, чтобы предупредить приближеніе нечистыхъ людей. Жеваніе бетеля широко распространено.

Земледѣліе въ такомъ распространеніи, которое никакъ нельзя мѣрить европейскимъ масштабомъ, составляетъ основу экономической и общественной жизни индусовъ. Въ 1881 г. не менѣе 72% взрослыхъ мужчинъ занято было земледѣліемъ и скотоводствомъ. Только 9 милліоновъ отдаются ремесламъ и домашней промышленности. Земледѣлецъ составляетъ тамъ выдающійся элементъ, а поземельная подать — важнѣйшую статью государственнаго дохода. Индія въ обширномъ смыслѣ — крестьянская страна и остается таковою даже при разростаніи промышленности и быстромъ умноженіи безземельныхъ поденщиковъ и нищихъ (1881 : 7¼ мил.). Неустанная работа легкимъ плугомъ, который индійскій крестьянинъ несетъ въ поле на плечѣ и который проводитъ только легкія борозды, удобреніе наиболѣе цѣнныхъ посѣвовъ, орошеніе въ величественныхъ размѣрахъ, наконецъ, плодосмѣнная система по указанію опыта — таковы средства, которыми, при естественномъ плодородіи почвы и во многихъ мѣстностяхъ почти чрезмѣрномъ количествѣ осадковъ, вырабатываются громадныя массы питательныхъ средствъ и торговыхъ продуктовъ. Эти средства не вездѣ употребляются съ одинаковой энергіей и распространеніемъ; горныя племена часто работаютъ лишь одной заостренной палкой. Но большинство индійскихъ крестьянъ придерживаются культуры сообразно условіямъ почвы, климата и ихъ экономическому положенію, являющейся результатомъ опыта многочисленныхъ поколѣній, хотя и обремененной недальновидной рутиной чистаго эмпиризма. Значеніе орошенія выступаетъ въ раздѣленіи полевыхъ плодовъ на сухіе и мокрые. Отъ Непала, съ его обширной обработкой горныхъ склоновъ въ видѣ террасъ, на границѣ земледѣлія, до самыхъ южныхъ племенъ возвышенностей производится искусственное орошеніе въ постоянно увеличивающемся размѣрѣ, быть можетъ, даже во вредъ почвѣ отъ постояннаго пропитыванія ея солью. Каналы Синда весьма древни, и то же можно сказать о глубокихъ колодцахъ въ Пенджабѣ и Деканѣ, о десяткахъ тысячъ прудовъ въ Карнатикѣ и о распространенныхъ повсюду терасахъ орошенія, въ устройствѣ которыхъ презираемыя племена возвышенностей не уступаютъ другимъ. Въ новѣйшее время всѣ эти оросительныя средства улучшились и расширились; этому въ особенности содѣйствовало полезное для Европы распространеніе воздѣлыванья пшеницы. Полевое хозяйство Индіи, въ особенности на сѣверо-западѣ и въ Деканѣ, въ сухіе годы не можетъ доставить населенію даже необходимаго количества пищи. Послѣдствіемъ того являются опустошительныя голодовки, повторяющіяся съ извѣстной правильностью (ср. стр. 632).

Главнѣйшія плодовыя деревья на Цейлонѣ: пизангъ, кокосовая пальма и папайя.

Рисъ былъ извѣстенъ древнимъ, какъ индійскій плодъ; самое имя его исходитъ изъ Индіи. По мѣстностямъ и происхожденію, различаютъ сотни разновидностей его. Въ области Ганга съ древнихъ временъ примѣнялись самыя цѣнныя и распространенныя системы ирригаціи, благодаря которымъ были возможны зимнія жатвы. Рисъ воздѣлывается также въ большихъ размѣрахъ въ Ассамѣ, британской Бирмѣ, центральныхъ провинціяхъ Майсурѣ и Мадрасѣ. Горные народы сѣютъ рисъ въ разныхъ мѣстахъ на обводненныхъ террасахъ, а въ богатыхъ дождями полосахъ просто въ просѣкахъ. Пшеница разводится, главнымъ образомъ, въ Пенджабѣ, сѣверо-западныхъ и центральныхъ провинціяхъ. Воздѣлываніе ея все болѣе возрастаетъ, и она принимаетъ все большее участіе въ индійской вывозной торговлѣ. Если мы возьмемъ Индію въ цѣломъ, то просо окажется, какъ средство народнаго продовольствія, стоящимъ на ряду съ рисомъ. Просо отъ Мадраса на югѣ до Раджпутаны на сѣверѣ воздѣлывается въ трехъ родахъ: Sorghum, Eleusine, Pennisetum (см. рис. т. I, стр. 696) и занимаетъ гораздо болѣе половины пахотной земли въ Берарѣ, Бомбеѣ и Майсурѣ. Ячмень распространенъ въ долинахъ Гималая, такъ же, какъ и картофель. Разнообразны виды стручковыхъ плодовъ, масличныхъ сѣмянъ, среди которыхъ особенно выдаются кунджутъ и клещевина, и овощей. Индія была нѣкогда страною сахара, и теперь еще она гонитъ водку изъ сахарнаго тростника и изъ сахаристыхъ цвѣтовъ дерева магуа, вида Bassia. Въ южной Индіи воздѣлыватели пальмъ составляютъ особую низшую касту. Для Цейлона особенно цѣнны пизангъ, кокосовая пальма и дынное дерево (см. табл. „Важнѣйшія деревья на Цейлонѣ“). Къ прославленнымъ изстари произведеніямъ индійскаго земледѣлія принадлежатъ пряности. Черный перецъ ограниченъ Малабарскимъ берегомъ отъ Канары до Траванкора, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ разводится кардамонъ. Бетелевый перецъ требуетъ тщательнаго ухода и воздѣлывается особой кастой во многихъ округахъ. Но выше всѣхъ „пряностей Индіи“ стоитъ въ настоящее время, по своему экономическому значенію для страны и по глубокому вліянію на сосѣдніе народы, опіумъ, обильный и страшный источникъ дохода (1890—91 гг.: 75 мил. рублей) британско-индійскаго правительства, которое разрѣшаетъ въ большомъ размѣрѣ воздѣлываніе опіума только въ Бенгаліи и на равнинѣ Мальвы и, кромѣ того, допускаетъ его въ немногихъ мѣстностяхъ Раджпутаны, Пенджаба и центральныхъ провинцій. Хлопокъ и индиго также принадлежатъ къ произведеніямъ Индіи, давно уже возбуждавшимъ вниманіе. Первый до хлопковаго кризиса начала 60-хъ годовъ преимущественно примѣнялся въ самой странѣ; въ 1890—91 гг. вывозъ его достигъ 160 мил. рублей. Индійскія хлопчатобумажныя мѣстности представляютъ равнины Гуджерата и Катьявара, отъ которыхъ исходятъ историческія имена „Сурате“ и „Долеро“, плоскогорья Декана и глубоко врѣзавшіяся долины центральныхъ провинцій и Берара. Въ прежнія времена индиго воздѣлывалось въ большихъ размѣрахъ европейскими плантаторами, но его мѣсто заступилъ теперь чай, который растетъ въ Ассамѣ и Качарѣ въ дикомъ видѣ. Здѣсь и на южныхъ склонахъ Гималаевъ съ начала 50-хъ годахъ основаны многочисленныя чайныя плантаціи, которыя въ настоящее время распространились за Нильгири до южной оконечности полуострова и въ Пенджабъ и сдѣлали Индію второй чайной страной въ мірѣ. На Малабарскомъ берегу прижилось кофейное дерево, благодаря арабамъ. Виды Cinchona, доставляющіе хинную кору, разводятся въ правительственныхъ плантаціяхъ изъ сѣмянъ, привезенныхъ въ 1860 г. изъ Перу, на склонахъ Нильгирійскихъ горъ, и въ высокихъ мѣстностяхъ Индіи вполнѣ акклиматизировались.

Развитіе земледѣлія, обусловленное ростомъ населенія, все болѣе и болѣе ограничиваетъ мѣста пастбищъ. Рогатый скотъ находится, по большей части, въ дурномъ состояніи. Нѣкоторыя породы его превосходны,

какъ, напр., майсурская, которую Гайдеръ Али, повидимому, вывелъ для военныхъ цѣлей. Ѣздовые быки центральныхъ провинцій, которыхъ запрягаютъ въ повозки, и тяжелый гуджератскій скотъ, напоминающій своими острыми головами антилопъ, все это — отрасли породы зебу. Разведеніемъ рогатаго скота предпочтительно занимаются лишь немногіе народы, каковы джаты, которые, вѣроятно, вывели его изъ своей туранской родины. Прежде того, повидимому, разводили только буйволовъ. Какую породу привели съ собою древніе индусы мы сказать не можемъ; мы знаемъ только, что они любили стада: въ Ведахъ постоянно обращаются къ богамъ съ молитвой объ охраненіи и размноженіи стадъ. Они мѣтили свой скотъ надрѣзами на ушахъ: знакъ 卐 (по санскритски „свастика“) появился, какъ кажется, въ виду этой цѣли. Въ мѣстностяхъ дельты и другихъ низкихъ и сырыхъ странахъ мѣсто его занимаютъ буйволы. Въ британской Бирмѣ буйволы почти также многочисленны, какъ рогатый скотъ, и ежедневную пищу тодовъ, пастушескаго народа южной Индіи, составляетъ молоко особой породы буйволовъ, которая считается почти священной. Лошади довольно многочисленны только на сѣверо-западѣ; Бенгалія и Мадрасъ первоначально вовсе не имѣли ихъ. Верблюды разводятся въ большихъ количествахъ лишь въ сѣверо-западныхъ степяхъ. Нѣсколько тысячъ слоновъ распредѣляются, главнымъ образомъ, въ Бенгаліи и въ британской Бирмѣ; ловля ихъ (отъ 300 до 500 въ годъ) и прирученіе составляютъ государственную монополію. Правительство пользуется ими для перевозки тяжестей, такъ какъ они поднимаютъ впятеро больше верблюда, а мѣстная знать — для представительства. Тамъ существуютъ теперь особыя дороги для слоновъ. Козы и овцы значительно превосходятъ численностью рогатый скотъ во всей южной Индіи. Крупныя свиньи отталкивающей наружности, немногочисленныя, но широко распространенныя, употребляются только низшими людьми, не принадлежащими ни къ какой кастѣ. Индусъ съ большой кротостью относится къ животнымъ, и многія животныя тамъ добродушнѣе, чѣмъ у насъ. Быкамъ раскрашиваютъ и золотятъ рога, а слонамъ—клыки и голову. Многочисленныя собаки прозябаютъ подъ кровомъ этого пристрастія и добросердечія. Большія собранія животныхъ представляютъ гордость индійскихъ властителей: какъ разсказываютъ, Акбаръ оставилъ 5—6 тысячъ слоновъ, 12 тыс. лошадей, тысячу верблюдовъ и тысячу охотничьихъ леопардовъ; а по увѣренію грековъ, у царя Магадхаса было 9 тысячъ слоновъ. Индіи, какъ странѣ крупныхъ правителей и крупныхъ звѣрей, охота извѣстна въ величественныхъ размѣрахъ. Пока населеніе еще не было очень плотнымъ, существовали даже особые охотничьи народы. Способы охоты съ соколами, леопардами и слонами употребительны здѣсь, а, быть можетъ, здѣсь же и произошли. Въ настоящее время слонъ встрѣчается въ болѣе значительныхъ количествахъ только на сѣверо-востокѣ въ Ассамѣ и британской Бирмѣ. Вывозъ необдѣланной слоновой кости и рога носороговъ, нѣкогда значительный, теперь почти прекратился.

У индійскихъ народовъ встрѣчается всякій видъ *жилища*, всякая форма хижинъ, какая только есть на землѣ. Даже пещеры, какъ можно судить по санскритскому слову „гундъ“, служили нѣкогда горнымъ народамъ. Жилища на деревьяхъ (см. т. I, стр. 107) кадеровъ, каникаровъ и другихъ, которыя, впрочемъ, нигдѣ не служили для постояннаго жилья, необходимы для бродячихъ племенъ первобытнаго лѣса для защиты отъ дикихъ звѣрей, а, быть можетъ, и отъ лихорадокъ. Къ нимъ тѣсно примыкаютъ ульеобразныя хижины изъ соломы и прутьевъ, напоминающія жилища африканскихъ негровъ; они выработались всего полнѣе у тодовъ, хижины которыхъ, почти готическія по очертанію, болѣе длинны, чѣмъ широки и сдѣланы очень опрятно изъ бамбука съ ротанговыми вѣтвями и соломой. Въ нихъ ведетъ низкій входъ, меньше половины человѣческаго

роста. Между тѣмъ, какъ въ Бенгаліи тонкій деревянный остовъ заполняется стѣнами изъ циновокъ, въ болѣе сухихъ центральныхъ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ строятъ изъ необожженныхъ кирпичей и покрываютъ обожженной черепицей. Во дворцахъ стѣны кладутся изъ обожженныхъ кирпичей, твердость которыхъ, по народному сказанію, зависитъ отъ прибавленія молока газели. Старинный центральяно-индійскій, а также и южно-индійскій жилой домъ мы узнаемъ по очертанію: это — деревянная постройка въ одинъ этажъ, поднимающаяся обыкновенно на 2 метра надъ землей. Надъ ней возвышаются столбы съ широко выступающей крышей, конекъ которой вырѣзанъ въ видѣ извивающейся вверхъ или зигзагообразной фигуры. Между столбами развѣшивались циновки или дѣлались рѣзныя деревянныя стѣны съ рѣшетчатыми окнами. Въ заднихъ комнатахъ обитали женщины. Нѣкогда возводились большія постройки изъ дерева; это объясняется лѣснымъ богатствомъ сѣверныхъ странъ. Рѣзьба по дереву создавала величественныя произведенія, вродѣ богато вырѣзанныхъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ деревянныхъ пластинъ и изваяній храмовъ въ Бурибунѣ и Маянгъ-Бобо. Въ странахъ, подвергающихся землетрясеніямъ, какъ, напр., въ Пешаварѣ, строятъ, въ видѣ клѣтокъ, изъ дерева или черепицы. Вообще всѣ постройки тамъ недолговѣчны; даже старинный Бенаресъ содержитъ немного старыхъ кварталовъ. Современный индусскій домъ напоминаетъ своимъ расположеніемъ вокругъ двора и своимъ заломъ, украшеннымъ изображеніями боговъ, домъ древнихъ римлянъ. Интимная жизнь семьи охотно удаляется изъ перваго во второй дворъ. Въ многоэтажныхъ домахъ верхніе этажи выступаютъ надъ нижними, вслѣдствіе чего въ скученномъ городѣ въ узкихъ улицахъ всегда господствуетъ тѣнь. Верхніе этажи двухъ фасадовъ часто соединяются мостиками. Дома пристроены плотно другъ къ другу или раздѣляются высокими стѣнами, выкрашенными въ яркій цвѣтъ и разрисованными въ индусскихъ городахъ миѳологическими сценами, цвѣтами и арабесками. Въ такихъ улицахъ бываетъ такая тѣснота и такой шумъ, какіе едва-ли можно найти даже въ городахъ южнаго Китая. Западную Азію напоминаютъ богато вырѣзанные оконные ставни. Собственно Индіи принадлежатъ кровельки надъ окнами безъ подпорокъ для защиты отъ солнечныхъ лучей.

Внутреннее устройство индійскихъ домовъ на сѣверо-западѣ придерживается преимущественно арабско-персидскаго вкуса. Въ хижинахъ тодовъ постелью служитъ возвышеніе изъ земли, покрытое циновкой или шкурой, а ступкой для толченія зерна — круглое углубленіе въ глиняномъ полу.

Небольшіе поселки горныхъ народовъ лежатъ на горныхъ вершинахъ или скрываются въ складкахъ почвы. За каменной стѣной хижинъ тодовъ исчезаютъ даже гребни крышъ; въ этомъ пространствѣ около 30 кв. метр. кромѣ жилыхъ хижинъ стоятъ двѣ хижины меньшихъ размѣровъ — одна для варшали или семейнаго жреца и другая для телятъ буйволовъ; круглая изгородь окружаетъ ночью стадо буйволовъ. Такъ какъ города первоначально были окружены валомъ, то дома тѣсно скучены между собою и предпочтительно располагаются на горахъ или скатахъ. Индія представляетъ примѣръ густо населенной страны, бѣдной городами. У насъ число большихъ городовъ соотвѣтствуетъ извѣстной густотѣ населенія, и въ промышленныхъ государствахъ Европы болѣе 50% жителей живутъ въ городахъ. Напротивъ, въ среднемъ Индостанѣ только 7, а въ Нижней Бенгаліи только $5^1/_2$% принадлежатъ къ городскому населенію. Но деревни тамъ находятся такъ близко другъ къ другу и такъ велики (въ 1881 г. было почти 9 тыс. деревень съ 2—5 тыс. жителей), что жизненныя потребности ихъ не могутъ быть удовлетворяемы въ ихъ границахъ. Калькутта возникла изъ такихъ деревень, которыя въ „городѣ“ гоняютъ свои стада на пастбища. Большая измѣнчивость въ скученности жителей соотвѣтствуетъ характеру древне-ин-

дійской культуры. Первый монгольскій султанъ Индіи Баберъ говоритъ объ Индостанѣ: „Въ 24 или 36 часовъ большіе, давно уже обитаемые города, если боязнь чего либо принудитъ жителей къ бѣгству, настолько пустѣютъ, что тамъ едва можно открыть слѣдъ человѣческихъ существъ. Когда, напротивъ, населеніе изберетъ какое либо мѣсто для осѣдлости, то тотчасъ же со всѣхъ сторонъ стекаются туда массы народа, такъ какъ Индостанъ обладаетъ безчисленнымъ населеніемъ.“ Джайпуръ, быть можетъ, наиболѣе развившійся изъ всѣхъ чисто индусскихъ городовъ, занялъ мѣсто лежавшаго близъ него, покинутаго Амбера только потому, что одинъ магараджа вспомнилъ преданіе, будто ни одинъ правитель изъ его рода не долженъ жить въ одномъ и томъ же городѣ дольше опредѣленнаго времени. Недостаточная устойчивость положенія въ Индіи отражается въ измѣнчивости названій городовъ. Городъ принимаетъ имя основателя, а государство — имя города; принадлежащій къ высшему классу даетъ здѣсь имя землѣ, тогда какъ въ Европѣ заимствуетъ его отъ нея.

Въ Индостанѣ тамъ, гдѣ 90% земли занято хлѣбными полями, при каждомъ неурожаѣ долженъ наступать голодъ, при населеніи, которое на обширныхъ пространствахъ вчетверо превосходитъ среднюю плотность населенія Германіи. Уменьшеніе численности населенія, какъ, напр., въ государствѣ Майсуръ (1872—81 на 17%) говоритъ самымъ краснорѣчивымъ языкомъ объ опустошеніяхъ сухихъ и голодныхъ 1876—79 годовъ, когда населеніе потеряло 5 мил. отъ повышенія смертности и 2 мил. отъ уменьшенія рождаемости. Выселеніе лишь немного можетъ уменьшить это бѣдствіе, происходящее отъ скученности населенія Индіи. Независимо отъ высшихъ классовъ, выѣзжающихъ изъ страны въ качествѣ купцовъ, рабочіе классы Индіи въ десятилѣтіе 1878—87 гг. выслали болѣе 167 т. куліевъ, большинство которыхъ направилось въ британскую Южную Америку, въ Наталь, на о. Маврикія и Фиджи. Чайные округи Ассама, Качара и Силета привлекли въ то же время 56 т. переселенцевъ. Далѣе нѣсколько тысячъ выселилось изъ Бенгаліи въ британскую Бирму съ помощью государства. Изъ Мадрасскаго президентства 100 тыс. переселилось на Цейлонъ, гдѣ работа ихъ очень цѣнится на кофейныхъ плантаціяхъ. Число возвращавшихся обратно, которое во всякомъ случаѣ было значительно, намъ не извѣстно. Количество свободныхъ пространствъ въ самой Индіи уменьшается у насъ на глазахъ. Даже мѣстности въ Тераи, болотистомъ поясѣ на южномъ скатѣ Гималаевъ, которыя до сихъ поръ считались только разсадниками лихорадокъ и тигровъ, осушаются, воздѣлываются и заселяются.

Положеніе почти всѣхъ старинныхъ главныхъ городовъ Индіи показываетъ, насколько основатели ихъ придаютъ мало значенія сообщеніямъ. Туземные властители строили, правда, и дороги, но они часто предоставляли имъ разрушаться, потому что въ страну пріѣзжало немного чужеземцевъ. Въ XVI в. афганскій завоеватель Ширъ-Шахъ началъ постройку большой военной дороги изъ Калькутты въ конецъ сѣверо-западныхъ провинцій; она была закончена уже Остъ-Индской компаніей. Въ настоящее время сѣть желѣзныхъ и грунтовыхъ дорогъ покрываетъ всю Индію. Вмѣстѣ съ путями преобразовались и средства сообщенія. Грузовыя повозки во многихъ случаяхъ замѣнили вьючныхъ быковъ болѣе стараго времени и почтовая карета — обнаженнаго гонца, покрытаго потомъ и пылью. Но средства сообщенія, приспособленныя къ климату, вытѣсняются не такъ легко. На сѣверозападѣ можно видѣть постоянно покрытыя циновками, тяжелыя повозки, запряженныя быками, колеса которой вращаются на жерди, прикрѣпленной снаружи къ оси и къ самой повозкѣ. Невѣроятныя количества верблюдовъ постоянно поднимаютъ пыль на сухихъ дорогахъ Пенджаба. Повозки, запряженныя лошадьми съ высокимъ и живописно завѣшаннымъ сидѣньемъ и съ оглоблями, прикрѣпленными къ сѣдлу лошади, на которой сидитъ кучеръ, перевозятся выносливыми афганскими лошадьми, съ шелковистой

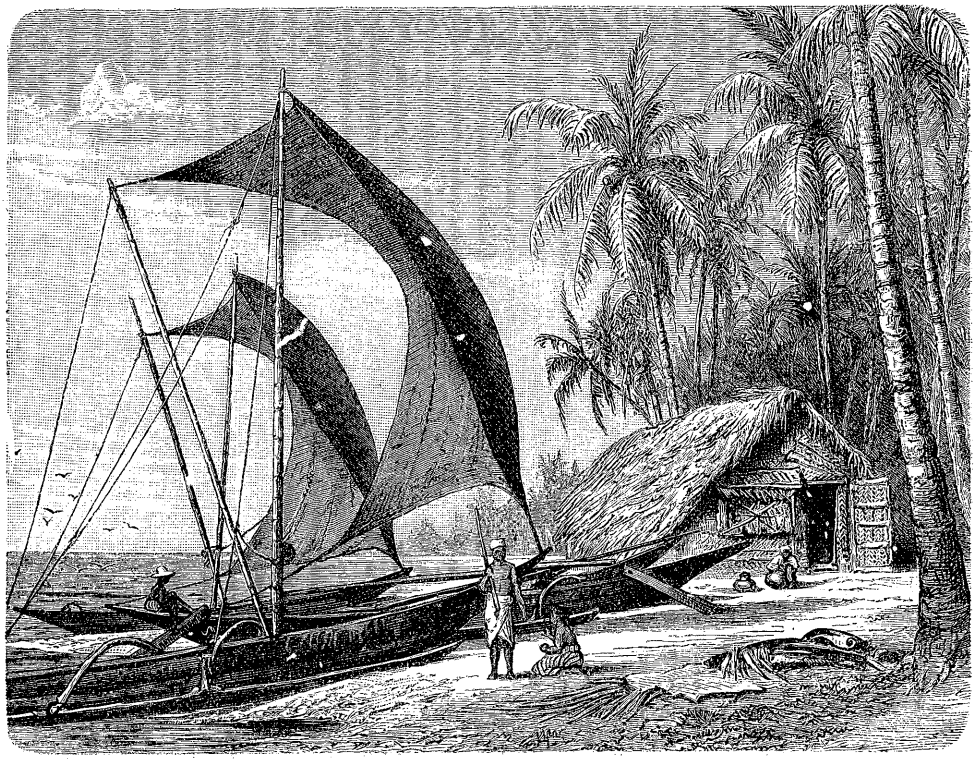
гривой, которыя ежегодно наполняютъ рынки Аттока, Пешавара и Равальпинди. Даже четырехколесныя почтовыя телѣжки, дакъ-гари Бенгаліи, до сихъ поръ еще передвигаются и перевозятся куліями, которыхъ нужно до 12 для этой цѣли.

Изъ рѣкъ только Гангъ, Индъ, Иравадди и Брамапутра могутъ имѣть значеніе, какъ пути сообщенія. На Годавери и на Нарбадѣ находятся трудно проходимые пороги. Болѣе крупныя грузовыя лодки своимъ неуклюжимъ видомъ и необычайно высокой кормой напоминаютъ китайскія джонки. Мореходство въ странѣ, которая сама могла удовлетворять своимъ потребностямъ и посѣщалась всѣми народами, мало имѣло стимуловъ для развитія. Лагуны на Малабарскомъ и Коромандельскомъ берегахъ благопріятствовали проведенію каналовъ, которые шли по длиннымъ протяженіямъ параллельно берегу. На южныхъ берегахъ съ сильнымъ волненіемъ рыбаки употребляютъ плоты изъ легкаго пробкообразнаго дерева Erythrina (Catamarans), а въ Цейлонѣ лодки (см. рис., стр. 634). Рыбная ловля, для которой примѣняются стрѣлы въ видѣ гарпунъ, выпускаемыя изъ самострѣла, значительна на сѣверо-западѣ: міаніи Синда, стоящіе близко къ джатамъ, проводятъ всю свою жизнь въ лодкахъ на рѣкахъ или озерахъ. Недостаточно просушенная на солнцѣ, соленая рыба составляетъ предметъ торговли. Въ послѣдніе годы слышатся уже жалобы на вздорожаніе рыбы вслѣдствіе неразумной эксплоатаціи.

Въ Индіи есть прекрасно образованные купцы — парсы, баньяны и обитатели Малабарскаго берега. Безчисленные караванъ-сараи, нерѣдко монументальнаго характера, составляютъ главные очаги и школы индійской торговой жизни. Обширный дворъ съ колодцемъ посрединѣ окружаютъ арки и двери, которыя ведутъ въ помѣщенія съ пестрымъ населеніемъ путниковъ, лошадей,ословъ и муловъ; кругомъ лежатъ многочисленные верблюды и лошади. На базарахъ или торговыхъ улицахъ, гдѣ направо и налѣво тянутся безконечные ряды лавокъ, нерѣдко построенныхъ по одному образцу и раздѣляющихся только перегородками, обитатель Индіи находитъ все, что̀ ему нужно, отъ самыхъ простыхъ продовольственныхъ средствъ до самаго дорогого и наряднаго оружія. Отдѣльные базары сосредоточиваютъ торговлю на окружности нѣсколькихъ миль. Такъ караваны верблюдовъ привозятъ въ Равальпинди, наряду со многими матеріями для одеждъ и металлическими издѣліями изъ Кашмира, кожаныя вещи изъ Пешавара, плоды изъ Кабула, дорожный хлѣбъ, похожій на сухари, изъ Аттока и проч.

Промышленность Индіи послѣ ослабленія туземной власти идетъ назадъ. Пересаженная извнѣ крупная промышленность создаетъ нѣчто новое безъ какихъ либо цѣнныхъ качествъ и вовсе не замѣняетъ туземныхъ промысловъ, пришедшихъ въ упадокъ. Ремесленники-индусы работаютъ до сихъ поръ болѣе простыми орудіями и иными пріемами, чѣмъ ихъ западные товарищи. Для дубленія кожи они дѣлаютъ изъ нея мѣшокъ, наполняютъ его размельченной корой дерева бабуль и оставляютъ воду просачиваться черезъ нее, пока не закончится процессъ. Столяръ работаетъ прямоугольно-загнутымъ стругомъ, вмѣсто рубанка. Кузнецъ сидитъ на корточкахъ передъ небольшой наковальней, раздуваетъ огонь опахаломъ и обдѣлываетъ короткимъ молоткомъ и грубыми щипцами желѣзо европейскаго происхожденія. И всѣ ремесленники сидятъ скорчившись такимъ образомъ, т. е. далеко не пользуются всѣми своими силами. Ткача, кузнеца, горшечника и маслобойщика можно найти въ каждой индійской деревнѣ. Потребленіе глиняныхъ горшковъ громадно, такъ какъ каждое предполагаемое нарушеніе его чистоты дѣлаетъ сосудъ негоднымъ. Касты, ремесло которыхъ наслѣдуется однимъ поколѣніемъ отъ другого, облегчаютъ передачу техники. Хлопчато-бумажныя ткани въ Магабхаратѣ уже хорошо извѣстны. Греческое названіе бумажной матеріи Sindon, а также

каленкоръ (Calico) напоминаютъ Индію. Въ началѣ прямой индо-европейской торговли въ XVI в. большіе округа въ Суратѣ, Калькуттѣ, Масулипутомѣ и Гугли и въ окрестностяхъ ихъ процвѣтали, главнымъ образомъ, благодаря ткацкой промышленности. Несмотря на фискальныя стѣсненія, ручное ткачество въ Индіи еще широко распространено, но, при постоянно возрастающемъ наводненіи страны манчестерскими издѣліями, конкуренція становится все труднѣе, при всей признанной прочности мѣстныхъ произведеній. Цѣнныя матеріи прежнихъ временъ, каковы кисея - дакка, при изготовленіи которой руки индусовъ приводили въ движеніе 126 орудій, настолько вышли изъ употребленія, что тысячи ткачей, нѣкогда про-



Цейлонскія суда съ ауслегеромъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 633.

кармливавшихся этой промышленностью, взялись за земледѣліе. Производство шелковыхъ тканей составляетъ промыселъ городовъ. Ассамъ и Бенгалія прядутъ шелкъ различныхъ червей; для той же цѣли привозится сырой шелкъ изъ Китая. Употребленіе шелковыхъ или полушелковыхъ матерій служитъ признакомъ благосостоянія. И роскошныя матеріи, каковы бархатъ, парча, затканныя золотомъ ткани, тонкія шали изъ шерсти кашмирскихъ козъ, давно уже съ большимъ совершенствомъ изготовляются въ Индіи. Если бы эта оригинальная и изящная промышленность могла выдержать борьбу съ грубой силой машинной индустріи!

Нигдѣ, даже и въ Европѣ, металлическіе сосуды не употребляются въ ежедневномъ обиходѣ въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь. Кухонная посуда или безчисленныя изображенія боговъ выковываются или выливаются изъ металла. Въ каждой не слишкомъ бѣдной деревнѣ есть свой кузнецъ, который прежде всего выдѣлываетъ и исправляетъ лемехи для плуговъ и мотыки. Но въ городахъ кузнецы стоятъ высоко въ художественныхъ стальныхъ работахъ. Даже отдаленные народы, какъ, напр., кхассіи умѣютъ добывать сталь для

оружія, выдѣляя ядро изнутри большого куска и сплавляя еще разъ такія ядра. Магнитный желѣзнякъ и желѣзистый песокъ вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ даетъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ стали. Мечи изъ закаленной стали съ художественными надписями или изображеніями, кольчуги и оружіе всякаго рода, превосходно выдѣлываются и до сихъ поръ (см. рис., стр. 625 и 626). Дамаскированные клинки исходятъ изъ Индіи и Персіи. О художественно-промышленныхъ издѣліяхъ мы говорили выше (стр. 620) и указывали ихъ связь съ персо-арабской промышленностью. Персо-индійскими можно назвать богатыя золотыя и серебряныя насѣчки и украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней. Дамаскированные клинки, которыми нѣкогда всего болѣе славилась Испагань, выдѣлываются уже не такого качества, какъ прежде. Въ большомъ распространеніи находятся мѣдныя издѣлія, особенно въ магометанскихъ областяхъ; чеканка и выкладываніе эмалью и оловомъ придаютъ имъ привлекательную наружность. Въ Кашмирѣ, такъ же, какъ и въ Персіи, мѣдникъ не менѣе необходимъ, чѣмъ кузнецъ. „Двѣ семьи и одинъ мѣдный котелъ“, такими словами обозначаютъ чужеядную эксплоатацію. Шарообразная кота, сосудъ для омовеній, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ изготовлялся такъ же, какъ и теперь. Главными мѣстами этого промысла служитъ Бенаресъ, Мадура и Танджуръ. Много красивыхъ вещей производитъ также Ахмедабадъ и Пуна. Филигранныя и чеканныя издѣлія, на ряду съ болѣе простыми, изготовляются и теперь въ большомъ количествѣ; на самомъ дѣлѣ, искусство и промышленность въ Индіи никогда не расходились такъ далеко, какъ на Западѣ. Индусы употребляютъ обыкновенно вмѣсто сосудовъ красной мѣди желтые сплавы съ чеканными украшеніями. Въ тонкихъ, частыхъ украшеніяхъ, сдѣланныхъ рѣзцомъ на желтой и красной мѣди, индійская промышленность не можетъ, пожалуй, сравниться съ персидской, но она украшаетъ такимъ образомъ и простые, дешевые предметы. Въ видѣ особаго сорта издѣлій персидскаго происхожденія въ Бидарѣ и Пурніахѣ, серебряники изготовляютъ сплавъ изъ мѣди, свинца и олова съ густой черной окраской на поверхности и выкладываютъ его узорами изъ золотыхъ и серебряныхъ нитей. Эмалевыя издѣлія пользуются во всей Индіи высокой славой. Индія, Персія и пограничныя страны превосходятъ, быть можетъ, Китай и Японію разнообразіемъ сплавовъ. Къ мѣди прибавляется золото, серебро, желѣзо, сталь, олово, свинецъ, ртуть, сурьма и цинкъ и, кромѣ того, механически примѣшиваются различными способами. Металлъ, похожій на латунь, отъ примѣси олова и свинца становится менѣе тяжелымъ и растяжимымъ, чѣмъ наша латунь. Золото и серебро отступаютъ тамъ передъ желѣзомъ и мѣдью. Промывка золота, которая до сихъ поръ еще производится въ Индіи, стала теперь одной изъ жалкихъ профессій. Серебро, игравшее роль во всемъ историческомъ періодѣ Индіи, какъ металлъ опредѣленной цѣнности, служившій въ то же время для украшенія, не добывается въ самой Индіи.

Бронзовый чайникъ изъ Кашмира. (По Уйфальви.) Ср. текстъ, стр. 620.

Положеніе женщины въ современной Индіи такое же, какъ и повсюду на Востокѣ: жена есть только естественная, а мужъ религіозная не-

обходимость; положеніе это всего ниже на югѣ и всего выше на сѣверо-западѣ, гдѣ раджпуты оказываютъ женщинѣ рыцарское уваженіе. Поэзія ихъ полна романтическихъ приключеній, предпринимавшихся для освобожденія плѣненной красавицы или для отмщенія чести дамы. И у древнихъ арійцевъ лучшее положеніе женщины локализировалось географически тамъ, гдѣ еще не выразились вліянія смѣшенія съ темными, болѣе чувственными расами. Женщина почиталась у арійцевъ, какъ помощница и спутница мужа, и на ряду съ нимъ принимала участіе въ религіозныхъ обрядахъ. Творчеству женщинъ принадлежатъ нѣкоторые изъ лучшихъ гимновъ Ведъ. Положеніе Ведъ, на которомъ впослѣдствіи основывалось сожженіе вдовъ, первоначально имѣло слѣдующій смыслъ: „Ты, женщина, поднимись въ міръ жизни. Приди къ намъ. Ты, какъ жена своего мужа, исполнила свой долгъ.“ Въ поэзіи еще долго сохранялось воспоминаніе этого высшаго положенія, и дочери лицъ правящаго класса были свободны въ выборѣ мужей. Въ законахъ Ману свободный выборъ разрѣшается, когда отецъ далъ пройти три года послѣ наступленія возмужалости и не выдалъ свою дочь замужъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе высокопоставленныхъ женщинъ чувствовалось и впослѣдствіи при дворахъ. Жена монгольскаго императора Ехангира властвовала красотой, мудростью и добродѣтелями надъ императоромъ и его совѣтниками. Въ браманскомъ правѣ положеніе женщины теоретически было довольно благопріятнымъ. Книги закона называютъ ее освѣженіемъ въ пустынѣ жизни и поощряютъ мужчинъ, мужей и братьевъ относиться къ ней почтительно, ради своего собственнаго счастья.

Заключеніе брака представляетъ многія градаціи. У биловъ, не признающихъ никакихъ кастъ, въ опредѣленный день всѣ молодые люди, достигшіе требуемаго возраста, производятъ выборъ невѣстъ изъ числа дѣвушекъ; каждый со своей избранницей отправляется въ лѣсъ и черезъ нѣсколько дней возвращается съ нею въ качествѣ законнаго мужа. Этотъ простой способъ заключенія брака и другой, посредствомъ похищенія или покоренія женщины, предоставляютъ по браманскому закону мужчинамъ военной касты. Индійское правило указываетъ дочь дяди, какъ самую желательную супругу; въ иномъ направленіи развился бракъ у кхассіевъ, у которыхъ мужчина вступаетъ въ семью жены, и дѣти считаются принадлежащими матери. Основанію семьи препятствуютъ у индусовъ сословные предразсудки, требующіе для дѣвушки опредѣленнаго класса большого приданаго и пышной свадьбы. Это вызываетъ тѣмъ болѣе рѣзкій конфликтъ, что, по религіозному закону индусовъ, отецъ долженъ заботиться о выдачѣ въ замужество своихъ дочерей; такъ, у тамульской торговой касты ваниховъ отецъ не стѣсняется предлагать свою дочь желательному для него жениху. Безбрачіе возмужалыхъ дочерей вызываетъ опасеніе возможной безнравственности, что̀ усиливается еще индусскимъ обычаемъ брака между дѣтьми, въ силу котораго обрученная дѣвушка, носящая съ ранняго дѣтства желѣзный браслетъ невѣсты, часто становится вдовою, не видѣвъ ни разу своего супруга. Отецъ предпочитаетъ своевременно отвратить угрожающій ему позоръ, прежде, чѣмъ дочь выйдетъ за кого-либо, стоящаго ниже ея сословія, или останется незамужней. Ему для собственнаго спасенія нуженъ только сынъ. Такимъ образомъ, эти неразумныя положенія составляютъ главную причину огромнаго распространенія умерщвленія дѣтей женскаго пола. Обычай этотъ примѣняется необычайно часто, въ особенности у кшатріевъ. Хотя законъ и запрещаетъ умерщвленіе дѣтей, но это ослабляетъ силу ужаснаго обычая тѣмъ менѣе, что требуется лишь легкое искупленіе, состоящее въ томъ, что на тринадцатый день деревенскій или семейный жрецъ, покрывъ коровьимъ наземомъ полъ комнаты, гдѣ былъ умерщвленъ, а часто и погребенъ ребенокъ, варитъ здѣсь пищу, доставляемую ему семьею, съѣдаетъ ее и этимъ принимаетъ грѣхъ на себя, снимая его съ

семьи. Высокая цѣна заставляетъ молодыхъ гондовъ брать невѣстъ изъ сосѣднихъ племенъ; убіеніе дѣвочекъ и здѣсь сильно распространено. Но въ общемъ это только увеличиваетъ цѣнность дочерей. Воззрѣніе на женщину, какъ на цѣнный предметъ, у южно-индійскихъ кураверовъ настолько проникаетъ въ бракъ, что мужъ можетъ заложить жену. Утонченность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и физическое вырожденіе индусской расы не безъ основанія приписывается ограниченіямъ брака, въ силу которыхъ невѣста можетъ избираться только изъ извѣстной части одной касты. Точно также въ экзогамическихъ предписаніяхъ, которымъ слѣдуютъ раджпуты, мы видимъ причину ихъ выдающихся физическихъ свойствъ.

Рука объ руку съ общею роскошью жизни, полигамія приняла большіе размѣры еще въ древнія времена. Даже и тамъ, гдѣ она не разрѣшалась, гаремная система содѣйствовала упадку индійскихъ царствъ. Воинственнымъ мараверамъ страны тамуловъ дѣти ихъ побочныхъ женъ служили свитою. Даже воинственные правители сикховъ отправлялись на войну въ колесницахъ, гдѣ было мѣсто для 20 баядерокъ. Въ Кашмирѣ женщинъ держатъ за городомъ. Вывозъ ихъ, такъ же, какъ и лошадей, находится подъ ревнивымъ наблюденіемъ. Рѣдкіе случаи полигаміи и строгое наказаніе за нарушеніе супружеской вѣрности обусловливаютъ у многихъ горныхъ племенъ высшій уровень семейной жизни; это доказываютъ и празднества при рожденіи ребенка. Но положеніе женщины этимъ не повышается, что̀ видно уже изъ описаній быта воинственныхъ сіапошей. Кастовыя дѣленія рѣдко препятствуютъ здѣсь свободному выбору супруговъ. У этого народа замѣчается и поліандрія, проникшая изъ Тибета. Несмотря на преобладаніе ислама, женщины ходятъ здѣсь непокрытыми и бываютъ всюду. У вакханцевъ всѣ полевыя работы лежатъ на мужчинахъ. Вмѣсто покупки женщинъ, существующей также у афганцевъ и патановъ, у шираніевъ отецъ снабжаетъ дочь всѣмъ необходимымъ. И поліандрія, вслѣдствіе уменьшенія потребности въ женщинахъ, благопріятствовала дѣтоубійству. Во многихъ мѣстностяхъ численность женскаго пола понизилась до половины мужского, и только округи съ магометанскимъ населеніемъ представляютъ всего чаще равное число обоихъ половъ. Поліандрію можно найти не у однихъ только „дикихъ“ горныхъ племенъ. Она является въ болѣе мягкой формѣ, которую Гёнтеръ называетъ „permissive polyandry“ (допускаемой поліандріей), даже у джатовъ. Ее напоминаютъ и нѣкоторые индусскіе законы, по которымъ нарушеніе супружеской вѣрности съ братомъ

Тарья Топанъ, богатый купецъ изъ Индостана, жившій прежде въ Занзибарѣ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 623.

мужа судится легче, и усиленное подтвержденіе обычая ужичества. Поліандрія, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, должна была имѣть чисто хозяйственные мотивы. Замѣчательно, что въ южной Индіи ее часто можно наблюдать у паріевъ, но не у низко стоящихъ пулайевъ.

Если жизнь народовъ Индіи вообще не можетъ быть понятна безъ религіи и соціальныхъ организацій, охватывающихъ, часто даже сковывающихъ ее, то для обѣихъ каста является несомнѣнно самой могучей силой и самымъ непоколебимымъ закономъ. Имѣетъ она или нѣтъ этническое происхожденіе, которое выразилось въ противоположности „дважды рожденныхъ“ арійскихъ переселенцевъ (впослѣдствіи трехъ кастъ — жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ) и покоренныхъ, не арійскихъ судръ, — во всякомъ случаѣ, въ нее вошли элементы древнѣйшихъ соціальныхъ организацій, и экономическія цѣли, которыя въ настоящее время играютъ несомнѣнно видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи и поддержаніи ея, дѣйствовали и при ея происхожденіи или образованіи. Это — такое учрежденіе, которое, опредѣляя всѣ жизненныя отношенія, обусловливается и всѣми превращеніями, какія испытала жизнь индійскихъ народовъ. Несмотря на догматическую формулировку въ законахъ Ману, говорящихъ, что Высшее существо назначило судрамъ только обязанность служить тремъ высшимъ кастамъ, развитіе кастъ не закончилось и въ настоящее время. Четыре древнія касты — жрецовъ (брамановъ), воиновъ (кшатріевъ), земледѣльцевъ (вайсіевъ) и исключенныхъ (судръ) — въ настоящее время практически имѣютъ весьма малое значеніе, если мы примемъ во вниманіе, насколько географическое положеніе ихъ областей и, наконецъ, занятія и профессіи вызвали измѣненія, вслѣдствіе которыхъ 14 милл. брамановъ распались на нѣсколько сотъ второстепенныхъ кастъ, которыя не могутъ вступать въ бракъ между собою, изъ которыхъ одна не можетъ подать пищу другой. Какъ далеко отстоятъ браманскіе пандиты Бигара, въ ихъ безукоризненныхъ одеждахъ, и гордые жрецы Бенареса отъ воздѣлывающихъ картофель брамановъ Ориссы, полунагихъ крестьянъ, которыхъ никто не счелъ-бы принадлежащими къ ихъ кастѣ, если бы это не выказывалось грязнымъ кускомъ браманской нити на шеѣ! Можно видѣть брамановъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе въ качествѣ носильщиковъ, пастуховъ, рыбаковъ и горшечниковъ, рядомъ съ такими, которые для себя и для семьи предпочтутъ смерть ручной работѣ и скорѣе умрутъ, чѣмъ примутъ пищу, приготовленную человѣкомъ низшей касты. Даже тамъ, гдѣ уже давно отошли отъ предположенія „загрязненія воздуха“, какъ въ странѣ тамуловъ, остается еще боязнь совмѣстной ѣды и питья. Лишь смѣшанный бракъ считается еще болѣе нечистымъ. Въ тюрьмахъ Нижней Бенгаліи осужденныхъ брамановъ изъ Бигара или сѣверо-западныхъ провинцій избираютъ предпочтительно для приготовленія пищи товарищамъ по заключенію, такъ какъ они могутъ удовлетворить кастовымъ требованіямъ почти всѣхъ заключенныхъ брамановъ. Если обыкновенно болѣе крупныхъ дѣленій брамановъ только десять (пять къ сѣверу и пять къ югу отъ горной цѣпи Виндія), то сельское раздѣленіе ихъ заходитъ гораздо далѣе. Шеррингъ, въ своемъ ученомъ трудѣ о племенахъ и кастахъ индусовъ, различаетъ 1886 браманскихъ классовъ. Кшатріи раздробились на 590 отдѣловъ. Этимъ дѣленіямъ много способствовали смѣшенія. Запрещеніе браковъ между принадлежащими къ той же родственной группѣ и принадлежащими къ различнымъ кастамъ не всегда строго соблюдается. Исторія прежнихъ временъ показываетъ, что браки мужчинъ высшихъ кастъ съ женщинами какой-либо низшей касты считались дозволенными и что потомство такихъ союзовъ занимало совершенно иное положеніе, чѣмъ дѣти не разрѣшенныхъ смѣшеній. По причинамъ политическимъ, цѣлые народы не-арійскаго происхожденія причислялись къ одной изъ высшихъ кастъ. Отсюда легко понять, что, несмотря на видимо строгія препятствія кастовой системы, смѣшан-

ныя расы преобладаютъ въ настоящее время и въ Индіи. Каста, какъ строго замкнутое общество, оказываетъ такое давленіе на своихъ членовъ, какого не могъ бы оказать писанный законъ. Уже въ новѣйшее время происходили случаи исключенія и обратнаго принятія, выставлявшіе тиранію кастъ въ яркомъ свѣтѣ. При обратномъ пріемѣ въ касту, кающійся закапывается въ землю до колѣнъ, волосы ему выбриваются, и надъ нимъ произносятся молитвы и формулы заклинаній. Затѣмъ онъ долженъ для своего очищенія проглотить смѣсь пяти священныхъ веществъ: растопленнаго коровьяго масла, кислаго молока, меду и двухъ родовъ коровьяго назема, и, наконецъ, уплатить пеню, сообразно своимъ средствамъ.

Цѣлые народы вздыхаютъ подъ тяжестью нечистыхъ, позорящихъ работъ, къ выполненію которыхъ они вынуждаются сосѣдями, считающими себя выше ихъ. Такъ, магары сѣвернаго Конкана живутъ въ низкихъ хижинахъ изъ хвороста вблизи деревень индусовъ и принуждаются обитателями деревни, не допускающими для нихъ никакихъ другихъ промысловъ, къ уборкѣ падали и мусора. Эти предразсудки могутъ быть обойдены лишь въ силу экономическихъ соображеній. Въ Траванкорѣ пулайи считаются низшимъ классомъ, и поэтому должны обрабатывать землю и собирать ея произведенія; такимъ образомъ, продовольственныя средства людей и жертвенные дары для храмовъ проходятъ черезъ руки тѣхъ, самая близость которыхъ считается оскверняющей. Въ прошломъ экономическія потребности еще въ большей мѣрѣ содѣйствовали образованію и преобразованію кастъ. Вайсіи древней системы заключали въ себѣ земледѣльцевъ и, слѣдовательно, при большинствѣ ихъ, — народныя массы. Но съ прогрессомъ культуры вайсіи частью поднялись въ высшія касты, частью перешли къ болѣе легкимъ и прибыльнымъ занятіямъ. Въ настоящее время они — купцы и банкиры Индіи. „Свѣтлаго цвѣта, съ тонкими чертами, проницательнымъ взглядомъ и интеллигентнымъ выраженіемъ лица, съ вѣжливымъ обращеніемъ“, — такъ описываетъ ихъ знатокъ индійскихъ кастъ, достоп. Шеррингъ, который напрасно искалъ въ вайсіяхъ чего-либо напоминающаго ихъ предковъ, пахавшихъ землю, сѣявшихъ и собиравшихъ жатву. У нихъ замѣчаются и случаи сознательнаго стремленія къ высшему положенію. Мадрасскіе золотыхъ дѣлъ мастера настойчиво сопротивлялись господству брамановъ и собственной силой наложили на себя браманскую нить. Споръ привелъ къ раздѣленію касты въ Мадрасѣ на „правую“ и „лѣвую руку“, смотря по тому, признавалось или отвергалось это притязаніе. Точно также въ Бенгаліи датты, часть касты писцовъ, старались занять мѣсто непосредственно за браманами; въ Даккѣ сословіе маслобойщиковъ поднялось съ удержаніемъ своего имени на ступень мѣнялъ и купцовъ. Подобные случаи доказываютъ, что индійское общество имѣетъ вовсе не столь противоестественно крѣпкое расчлененіе, какъ можно предположить, судя по неподвижности его внѣшней оболочки, и что повсюду, гдѣ понятія касты и цеха сливаются между собой, открывается путь для преобразовательной дѣятельности экономическихъ вліяній. Съ другой стороны, впрочемъ, связующій элементъ сохраняется въ наслѣдованіи профессіи, въ общемъ обезпеченіи отъ нужды и несчастныхъ случаевъ, въ образованіи подростающаго поколѣнія, въ награжденіи принятіемъ въ касту и наказаніи исключеніемъ изъ нея. Сходство подобной касты съ европейскимъ цехомъ усиливается попытками установленія празднествъ, выдачами пособій изъ общей кассы и т. п. Никто не скажетъ, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются границы цеха и касты въ тамульскихъ наслѣдственныхъ группахъ горшечниковъ, ткачей, принимающихъ участіе въ постройкѣ храмовъ представителей „пяти ремеслъ“, которые считаются даже достойными священнаго шнурка. Въ Суратѣ родственныя ремесла образуютъ цехи, съ совѣтомъ, старшиной и кассой, стоящіе выше расовыхъ и кастовыхъ различій. Въ деревенскихъ обществахъ высшая каста, правда, теоретически занимаетъ высшее положеніе, но на

практикѣ случается, что достоинство деревенскаго старшины достается человѣку настолько низкой касты, что въ совѣтѣ онъ не можетъ даже сидѣть подъ одной кровлей съ тѣми, которые ему подчинены.

Ни въ какой странѣ міра низменное положеніе низшихъ слоевъ общества не проведено и не выработано съ такой жестокой утонченностью и послѣдовательностью, какъ въ Индіи. Можно сказать безъ преувеличенія, что во времена, предшествовавшія уничтоженію рабства, съ ними обращались не какъ съ людьми, а какъ съ животными. О пулайяхъ Траванкора въ одномъ отчетѣ 1850 года говорится: „Ихъ прикосновеніе, даже ихъ близость считаются нечистыми и оскверняющими. Они тѣломъ и душою находятся въ распоряженіи своего господина, который покупаетъ ихъ за деньги, какъ скотъ, и можетъ ихъ наказывать, увѣчить и даже убивать. Если эти жестокости и не оправдываются закономъ, то все-таки у нихъ нѣтъ никакого средства для улучшенія своего положенія. Невѣроятныя предписанія до сихъ поръ примѣняются къ нимъ съ желѣзной послѣдовательностью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пулайи и теперь еще не могутъ пользоваться общественными дорогами; въ другихъ они, съ приближеніемъ человѣка высшей касты, должны прятаться въ лѣсную чащу, вслѣдствіе чего передвиженіе съ одного мѣста на другое бываетъ для нихъ весьма затруднительно. Когда ихъ назначаютъ на дорожныя работы, они должны подавать знаки, чтобы предостеречь другія касты отъ приближенія къ нимъ. Къ браману они не могутъ подходить ближе, какъ на 96 шаговъ. Посѣщеніе рынковъ имъ запрещено, и они не должны строить хижинъ вблизи общественныхъ дорогъ. Если они хотятъ что-либо купить, они кладутъ деньги въ извѣстномъ отдаленіи и затѣмъ громко называютъ то, что хотятъ имѣть. Даже миссія не въ силахъ была пробить сколько-нибудь значительную брешь въ этихъ постановленіяхъ; выдающійся результатъ ея дѣятельности состоитъ, впрочемъ, въ весьма цѣнномъ указаніи, что тщательнымъ воспитаніемъ изъ этихъ людей, погрязшихъ въ нечистотѣ и невѣжествѣ, можно сдѣлать такихъ полезныхъ работниковъ, какихъ только можетъ доставить любая каста Индіи. Много уже значитъ, что Траванкорское правительство въ 1875 г. не только хвалило такихъ отверженцевъ за ихъ умѣлость и трудолюбіе, но ихъ преданность и честность ставила въ примѣръ другимъ. Рабы пулайи, принявшіе христіанство, засѣкались до смерти, и христіанскія школы ихъ сжигались. Къ самымъ жестокимъ послѣдствіямъ этого притѣсненія членовъ народа, не признаваемыхъ правоспособными, принадлежитъ причисленіе всѣхъ отвергаемыхъ обществомъ по основательнымъ причинамъ къ низшимъ соціальнымъ слоямъ. Въ южной Индіи не существуетъ воровскихъ кастъ; преступники считаются тамъ въ одномъ обществѣ съ людьми, не принадлежащими ни къ какой кастѣ. На сѣверѣ, напротивъ, первые составляютъ болѣе совершенныя организаціи, которыми могло пользоваться британское управленіе для усиленія общественной безопасности: на извѣстныхъ ему главъ касты воровъ и преступниковъ оно возлагало отвѣтственность за все, что́ касалось нарушенія правъ собственности и другихъ преступленій въ извѣстной области.

Ко многимъ народамъ Индіи этнографъ приступаетъ съ чувствомъ сомнѣнія — видитъ-ли онъ передъ собой расу или классъ. Оба понятія смѣшиваются уже въ простыхъ описаніяхъ. Мы читаемъ въ трудѣ Пэнтера о пулайяхъ, что „раса“ пулайевъ считается низшимъ „классомъ“ въ Траванкорѣ, и находимъ различіе между ними и паріями выраженнымъ въ слѣдующихъ признакахъ: паріи ѣдятъ падаль, носятъ кудуми, говорятъ на языкѣ, отличномъ отъ малайялама и представляютъ собою потомковъ брамановъ, которые врагами вынуждены были ѣсть мясо и поэтому были отвергнуты своей кастой. Пулайи, напротивъ, ѣдятъ рѣдко или никогда не ѣдятъ падаль, не носятъ кудуми, говорятъ на малайяламѣ и обладаютъ преданіемъ, будто они происходятъ отъ рабовъ. Почему среди мотивовъ

этого обособленнаго положенія, наряду съ гипотезами дравидскаго, туранскаго и негроиднаго происхожденія, не указывается также выдѣленіе соціальной расы въ силу общественныхъ преградъ? Офиціальная статистика британской Индіи причисляетъ къ горнымъ племенамъ, къ кореннымъ и лѣснымъ обитателямъ всѣ племена, у которыхъ не можетъ быть доказано сліянія съ высшей арійской расой. Такимъ образомъ, они становятся антропологическимъ понятіемъ. Горное племя причисляется къ индусамъ только тогда, когда оно оставляетъ свое охотничье существованіе, свое полукочевое земледѣліе, переходящее постоянно отъ одного новаго участка къ другому, и непостоянство своего образа жизни. Вслѣдствіе того миссіонеры и усердные чиновники постоянно уменьшали число, принадлежащее къ горнымъ племенамъ, которое еще лѣтъ 30 тому назадъ колебалось между 9 и 10 милліонами. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, соціальное или культурное понятіе. Ему нельзя отказать и въ извѣстной естественной и географической основѣ, такъ какъ эти горные народы не напрасно носятъ свое имя; они населяютъ всѣ горныя и возвышенныя мѣстности Индіи, отъ страны Дели до Годавери и до южной оконечности полуострова. Случается, что часть племени попадаетъ въ рабство или въ подчиненіе высшимъ классамъ или кастамъ сосѣднихъ народовъ, между тѣмъ, какъ другая часть сохраняетъ свою свободу въ горахъ. Варалiи принадлежатъ къ той же группѣ, какъ и магары, но менѣе понизились въ общественномъ отношеніи. Вмѣсто того, чтобы признать себя рабами, они предпочли блуждать въ горахъ, гдѣ въ прежнее время индусы Конкана производили правильныя охоты на людей. Существуютъ два главныя подраздѣленія пулайевъ — восточные и западные пулайи, которые, къ удивленію, держатся такъ далеко другъ отъ друга, что никогда не ѣдятъ вмѣстѣ. Одни изъ нихъ находятся въ рабскомъ подчиненіи у своихъ сосѣдей, а другіе пользуются относительной свободой. Сравнительно высоко стоятъ и нильгирійскія племена, во главѣ которыхъ находится племя тодовъ, обитающее на плоскогорьи, тогда какъ четыре другія низшія племена живутъ на склонахъ его. Первое считаетъ себя коренными обитателями Нильгири, хозяиномъ всей земли, и взимаетъ съ земледѣльцевъ шестую часть урожая. Въ именахъ индійскихъ народовъ заключаются указанія ихъ взаимнаго положенія. Билъ или нишада означаетъ изгнанный презираемый, и таково въ дѣйствительности положеніе биловъ по отношенію къ раджпутамъ. Какое-то неизвѣстное вліяніе заставило склониться здѣсь кастовый духъ. Именно, внѣ касты раджпуты не считаютъ ихъ нечистыми: при вѣнчаніи раджпутскаго царя, билъ передавалъ властителю знаки его новаго достоинства.

Въ томъ, что нѣкоторые индійскіе народы не принадлежатъ ни къ какой кастѣ, мы видимъ не что либо первоначальное, а реакцію преувеличенныхъ раздѣленій, а въ иныхъ случаяхъ выраженіе невозможности провести какое либо дѣленіе при малочисленности и общемъ низкомъ жизненномъ положеніи. Естественно, что народы-паріи не знаютъ никакого дѣленія на касты. Но достойно вниманія, что крупные народы, каковы гонды, билы и мгаиры центральной Индіи также не имѣютъ кастъ. Все это — народы, распадающіеся на многочисленныя племена подъ властью избранныхъ ими самими вождей или подъ управленіемъ одного избраннаго совѣта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли вступить въ страну въ качествѣ воиновъ и не захотѣли соединиться въ одну организацію съ покоренными ими народами. У коловъ Нагпура господствуетъ рѣзко выраженная экзогамія, которую можно назвать системой тотемовъ.

Происхожденіе кастоваго дѣленія Индіи далеко заходитъ въ глубь исторіи народовъ, обитающихъ въ этой странѣ. Подобныя дѣленія встрѣчаются у всѣхъ народовъ на низшей ступени культуры. Достаточно припомнить древне-американское и полинезійское общества съ ихъ строго

проведенными соціальными слоями. Уже Веды различаютъ жрецовъ и воиновъ (вмѣстѣ съ правителями) отъ народа въ собственномъ смыслѣ. Когда, спустившись туда, арійцы натолкнулись на организованныя государства и общества, то изъ высокаго возраста кастъ можно заключить, что эти народы у тѣхъ, которыхъ они покорили, нашли подобныя учрежденія и тѣмъ быстрѣе усвоили ихъ, чѣмъ отношенія побѣдителей и побѣжденныхъ болѣе соотвѣтствовали энергичному проявленію общественныхъ различій. Кочевой народъ древняго времени несправедливо считали настолько энергичнымъ и первобытнымъ, чтобы онъ не могъ умѣститься въ рамкахъ кастовой системы. Туркменскій кочевникъ Средней Азіи еще и теперь съ представленіемъ о земледѣльцѣ соединяетъ понятіе о низшемъ жизненномъ положеніи: самого себя онъ можетъ отнести только къ воинамъ. Раджпуты, выступающіе въ Индіи въ качествѣ могущественныхъ завоевателей и основателей государствъ, первое появленіе которыхъ въ видѣ конныхъ копейщиковъ подъ властью военныхъ царей напоминаетъ скиѳовъ, гордятся именемъ кшатрій и до нынѣшняго дня сохранили характеръ упрямаго военнаго дворянства. Хотя ихъ притязаніе на древность происхожденія не оправдывается, такъ какъ раджпуты перешли Индъ лишь въ IV или V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, но оно показываетъ, какъ легко народъ завоеватель приписываетъ себѣ среди побѣжденныхъ преувеличенное значеніе. Даже и европейцы лишь послѣ многихъ попытокъ отказались отъ стремленія превратиться въ особую касту. Европейскіе плантаторы индиго, которые до половины нашего вѣка составляли могущественную касту въ особенности въ Бенгаліи, умѣли какъ нельзя лучше угнетать мѣстнаго крестьянина и посредствомъ ссудъ ставить его въ положеніе крѣпостного.

Законы индусовъ, правда, не чисто браманскаго происхожденія, какъ о нихъ говорятъ, и содержатъ слишкомъ много общихъ для всего человѣчества представленій и положеній, которыя составляютъ даже ихъ существенное ядро; они даже и утвердились властью духовныхъ лицъ и духомъ браманской религіи. Это придаетъ имъ сильно выступающій на видъ теологотеократическій характеръ. Насколько мало даже буддизмъ, поднявшій касты, былъ въ состояніи воспрепятствовать ихъ оживленію, настолько и правовыя положенія, передававшіяся въ оболочкѣ браманизма, мало могли измѣнить сущность ихъ. Но эта сила сопротивленія въ законы Индіи внесена не жрецами, а скорѣе тѣмъ общимъ для человѣчества достояніемъ, какое заключается въ нихъ. Это можно сказать даже объ опредѣленіяхъ и началахъ, которыя кажутся грубыми іерархическими злоупотребленіями. Граульъ разсказываетъ объ убѣжищѣ для воровъ и нарушительницъ супружеской вѣрности у брамановъ въ Малабарѣ въ храмѣ Куничери къ юго-востоку отъ Калькутты, гдѣ ихъ не могла касаться никакая власть изъ опасенія, что иначе они покинутъ это мѣсто. Безъ сомнѣнія, это должно быть причислено къ 64 аначарамамъ или злоупотребленіямъ, которые были введены туда браманами. Въ охотничьемъ правѣ индусовъ скрываются старинныя воззрѣнія, когда, напр., старшина деревни племени Мале въ Бенгаліи требуетъ себѣ половины убитой дичи, или когда умерщвленіе кошки искупается поднесеніемъ соли ребенку деревни, которой принадлежала кошка. И у цейлонскихъ веддасовъ мы находимъ строго разграниченныя охотничьи области деревень. Тотъ, кто убьетъ животное на чужой землѣ, долженъ выдать владѣльцамъ ея заднюю четверть. Варварскимъ законамъ горныхъ племенъ и другихъ раздробленныхъ обществъ соотвѣтствуетъ описаніе подобныхъ же установленій малайскаго міра: племенная вражда и кровавая месть вездѣ проявляютъ себя. Чтобы заслужить имя и татуировку мужчины, различную у каждаго племени, наги должны предъявить голову, кисти рукъ или ступни человѣка. С. Э. Пиль видѣлъ въ „моррангѣ“, гдѣ хранятся эти трофеи, не менѣе 350 череповъ, висящихъ на шнуркахъ или сваленныхъ кучами въ углахъ.

Распаденіе болѣе крупныхъ народовъ на безчисленныя мелкія племена представляетъ широко распространенное явленіе различнаго происхожденія. Въ западной части центральной Индіи вараліи, свободные соплеменники магаровъ, дѣлятся на большое число мелкихъ племенъ, каждое изъ которыхъ носитъ какое либо старинное имя. Цѣлыя и вполнѣ опредѣленныя племена состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ семей. Вѣроятно, это — роды или кланы. Такъ гонды, билы, мхаиры и, прежде всего, также джаты дѣлятся на роды, во главѣ которыхъ въ военное время стоитъ вождь, а въ мирное — каждымъ племенемъ управляетъ совѣтъ родовыхъ старшинъ. У гондовъ этотъ послѣдній, по большей части, подчиненъ распоряженіямъ верховнаго главы, такура, раджпутскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ въ этомъ раздѣленіи нѣтъ никакого расоваго начала. Во время войны съ горкхами, у нихъ было 12 большихъ и 12 малыхъ государствъ, изъ которыхъ иныя не имѣли даже номинальнаго правителя. Поэтому Фрэзеръ видѣлъ въ положеніи Непала сходство съ условіями верхней Шотландіи въ высшемъ пунктѣ феодальной системы. Еще болѣе подобнаго сходства представляли въ его время 19 раджпутскихъ государствъ въ Раджистанѣ, представляющемъ собою только географическое понятіе. На самомъ дѣлѣ, каждое изъ нихъ совокупностью своихъ подчиненныхъ и правителей представляло семью, властелинъ которой былъ только первымъ между равными. Тѣмъ не менѣе, существуетъ глубокое различіе между тѣмъ, что у насъ называется дворянствомъ, и этимъ такуромъ или набобомъ, такъ какъ здѣсь все сводится къ кровному родству, тогда какъ у насъ все, повидимому, связывается съ землею. Имущество, деревня, городъ, государство, границы — все здѣсь подвижно и перемѣщается вмѣстѣ съ кланомъ, который получаетъ свое имя не отъ земли, принадлежащей ему, а самъ даетъ ей свое имя. И внѣ Раджистана высшее сословіе пользуется независимостью въ большой мѣрѣ, вслѣдствіе чего даже въ Гайдерабадѣ, послѣ того, какъ низамъ присвоилъ себѣ единовластіе, умары или набобы держали свои войска, независимо отъ арміи низама. Усилившіяся въ новѣйшее время притязанія на управленіе индійскихъ государствъ проявляются рѣже, съ тѣхъ поръ какъ мелкіе правители замѣнились болѣе крупными.

Могущественныя и крупныя государства въ густо населенной Индіи образовывались обыкновенно вторженіями чуждыхъ властительныхъ расъ. Мы объ этомъ говорили уже выше (см. стр. 395 и 610). Въ нихъ, когда духъ военной простоты угасаетъ, восточный деспотизмъ проявляетъ фантастическій расцвѣтъ. Индійскій народъ желаетъ, чтобы его ослѣпляло проявленіе роскоши: даже англичане вынуждены окружать себя роскошью, несовсѣмъ сродною ихъ характеру. Индійскіе правители опираются на блестящія арміи, которыя, безъ сомнѣнія, рѣдко могли оказывать стойкое сопротивленіе даже небольшимъ отрядамъ европейцевъ, и стараются произвольнымъ, безсмысленнымъ возвеличеніемъ своей личности надъ массой придать больше силы своей власти. Вблизи ихъ каждый закрываетъ ротъ, чтобы изъ него не выходило оскверняющаго дыханія, и кучеръ правителя правитъ лошадьми стоя, такъ какъ никто не долженъ сидѣть въ присутствіи его. Подданный называетъ его „золотымъ богомъ“, а самого себя „рабомъ“; пища его божественна и рожденіе его есть воплощеніе. Забота правителя о благосостояніи государства, какъ сознаніе своего долга, что̀ въ Китаѣ и Японіи можно признать во многихъ случаяхъ, въ индійскихъ крупныхъ государствахъ всегда проявлялась рѣдко. Раджи и магараджи видятъ выполненіе значительной части своихъ обязанностей въ томъ, что они еженедѣльно сидятъ нѣсколько часовъ неподвижно на террасѣ, позволяя своимъ подданнымъ восхищаться ими издали. Уже во времена британскаго владычества чрезвычайно многочисленны были случаи, когда мѣстные правители вынуждались европейскими резидентами къ лучшему управленію своими государствами. Въ 1831 г. Майсуръ былъ

отнятъ у его властителя вслѣдствіе дурного управленія и только въ 1882 г. былъ возвращенъ его потомкамъ. Правительственный аппаратъ Индіи никогда не былъ такъ основательно установленъ, какъ въ восточной Азіи системой испытаній и восходящей іерархіей чиновниковъ. Развитіе благосостоянія народа не считалось задачей государства. Поэтому ни одно индійское государство не наполняло такъ прочно своихъ границъ, какъ Китай, и не выступало за нихъ съ колонизаціей по извѣстному плану.

Подъ властью деспотовъ свобода процвѣтала лишь въ кругу небольшихъ обществъ, государствъ въ государствѣ. Афганцы, сохранявшіе свою свободу въ горахъ, совѣщались о своихъ общественныхъ дѣлахъ на „тингахъ“, на которыхъ могъ говорить каждый старшина. У скотоводовъ баньяріевъ центральной Индіи (см. выше стр. 610) каждый караванъ представляетъ племя подъ предводительствомъ вождя, свободно избираемаго мужчинами. Власть наика неограниченна, но одинъ голосъ его подданнаго можетъ отнять ее. Законы и все общественное устройство баньяріевъ дышетъ такой же патріархальной простотой. Выборный судъ разбираетъ и наказываетъ проступки противъ общественныхъ интересовъ.

Въ настоящее время въ Индіи нѣтъ ни одного независимаго государства въ полномъ смыслѣ слова. Сиккимъ, Непалъ и Бутанъ принадлежатъ уже къ области тибетскихъ народовъ. То, что англичане называютъ туземными государствами (Native States), представляютъ большія и малыя государства числомъ до 300, 50-милліонное населеніе которыхъ образуетъ значительную долю общаго населенія Индіи. Являются ли они покровительствуемыми государствами, не платящими дани и не содержащими англійскихъ гарнизоновъ, или за обѣщаніе охраны отъ чуждыхъ нападеній они должны выплачивать дань, или, наконецъ, они должны, какъ союзники, размѣщать у себя и содержать британскія войска, — во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя назвать независимыми. Всѣ они отказались отъ права самозащиты, отреклись отъ самостоятельнаго представительства, и ихъ собственныя войска, ограниченныя численностью, могутъ примѣняться только къ внутренней службѣ. Правители этихъ государствъ подлежатъ порицанію чуждыхъ властителей и даже болѣе строгимъ мѣрамъ, если они даютъ поводъ къ неудовольствію, и отъ времени до времени должны чувствовать себя въ качествѣ вассаловъ вице-короля. Нѣкоторые изъ нихъ создали въ своихъ странахъ превосходныя образовательныя заведенія и благотворительныя учрежденія по европейскому образцу, но большинство ихъ ограничивается подражаніемъ одной внѣшности европейцевъ.

---

17. Иранцы и родственныя имъ народности.

Постоянное прохожденіе атмосферныхъ элементовъ, продуктовъ, товаровъ, военныхъ экспедицій и ордъ народовъ запечатлѣло страну и народъ своеобразнымъ характеромъ.

Карлъ Риттеръ.

Содержаніе: Древнеарійское населеніе Ирана. — Древность туранскаго (тюркскаго) элемента въ Иранѣ. — Таджики. — Афганистанъ. — Гальчи. — Восточный Туркестанъ. — Персія и исламъ. — Одежда, вооруженіе и жилища персовъ и др. иранскихъ племенъ. — Земледѣліе и кочевничество. Орошеніе. Скотоводство. — Персидская промышленность. — Политическія условія. — Племена Солимановыхъ горъ и Гиндукуша. — Вакханцы. — Кафиры. — Обитатели Тарима.

Не безъ основанія греки видѣли въ Восточномъ Иранѣ большое среднеазіатское царство. Въ Бактріи выступилъ Зороастръ, отсюда распространилось огнепоклонничество на западъ и на югъ, здѣсь протекали источники поэмъ Фирдуси и, послѣ завоеванія арабовъ, здѣсь можно было найти болѣе чистыя зендскія формы, чѣмъ въ персидскомъ языкѣ. Персы ны-

нѣшней центральной Азіи получили больше, чѣмъ персидскіе персы, остатковъ древняго персидскаго языка, не испорченнаго семито-туранскимъ вліяніемъ. Ни одинъ изъ знатоковъ нынѣшняго Ирана не ищетъ иранскихъ чертъ въ населеніи Персіи; Ханыковъ видитъ въ таджикахъ, Раулинсонъ въ вакханцахъ, Вамбери въ тѣхъ и другихъ, а также въ гальчахъ, джемшидахъ и персеванахъ, болѣе слѣдовъ этихъ чертъ, чѣмъ даже на рельефахъ Сассанидовъ. Въ самой центральной Азіи гальчи считаются древнѣйшими изъ иранцевъ. На сколько осѣдлая культура выступаетъ за Аму-Дарью на встрѣчу китайцамъ, тамъ можно искать иранскихъ элементовъ — до Турфана и Хотена. На сѣверъ они доходили черезъ Ходжентъ до Джаджа и Бинакета (Пенакета). Лишь потому, что по ту сторону Аму-Дарьи рядомъ съ ними жили номады, которые не всегда были туранцами, названная рѣка можетъ служить границею между Ираномъ и Тураномъ.

Въ большомъ поясѣ степей, идущемъ отъ сѣверо-западнаго берега Африки до сѣверо-восточнаго края Азіи, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, живутъ многочисленные осѣдлые народы, занимающіеся земледѣліемъ, промыслами и торговлей. Этнографически и исторически они отдѣляются отъ номадовъ, которые властвовали надъ ними въ политическомъ отношеніи или оказывали глубокое вліяніе на ихъ политическую исторію. Властители, проникшіе сюда въ качествѣ завоевателей, — по преимуществу номады тюркскаго племени, а покоренные земледѣльцы, торговцы и ремесленники — также по преимуществу потомки древнихъ персовъ и мидянъ. Обыкновенно полагаютъ, что все персидское населеніе въ древнія времена занималось земледѣліемъ и что только туранскія вторженія внесли кочевничество въ эту страну. Такому предположенію противорѣчитъ природа страны, которая на обширныхъ пространствахъ всегда властно требовала кочевого скотоводства. Обезлѣсеніе и безпечное отношеніе къ землѣ могли уменьшить плодородіе страны, но они не могли вывести Персію изъ пояса сухого климата, къ которому она принадлежитъ въ силу законовъ, неизмѣняющихся въ одно или два тысячелѣтія. Историческія свидѣтельства указываютъ для древнихъ мидянъ мѣсто среди туранскихъ кочевыхъ племенъ; иранскіе номады скрывались подъ собирательнымъ именемъ скиѳовъ и сидѣли нѣкогда отъ Чернаго моря на востокъ до Сыръ-Дарьи, отъ соколотовъ до массагетовъ. Иранскія племена задолго до начала нашего лѣтосчисленія жили въ Туркестанѣ, гдѣ въ то время земледѣліе было немыслимо безъ кочевого скотоводства. Кудатку-Биликъ, древнѣйшій мѣстный источникъ тюркской исторіи, говоритъ уже о таджикахъ и сартахъ, какъ о самостоятельныхъ націяхъ. Вамбери полагаетъ, что уже тогда языкъ таджиковъ носилъ глубокіе слѣды тюркскаго языка, и сарты, на среднемъ теченіи Сыръ-Дарьи, говорили уже, быть можетъ, нарѣчіемъ, испытавшимъ тюркское вліяніе.

Въ какомъ видѣ мы можемъ представить себѣ физическіе признаки арійско-иранскаго коренного племени Передней Азіи? Мы знаемъ одну большую вѣтвь его — индійскую. Съ нею вполнѣ сходна вѣтвь иранцевъ, какую можно найти теперь среди парсовъ Индіи, гебровъ Іезда и Кирмана, среди обитателей Ширваза и затѣмъ среди луровъ и леговъ. Различіе отъ болѣе свѣтлыхъ армянъ и евреевъ ясно выражается и въ цвѣтѣ тѣла. Примѣсь бѣлокурыхъ и каштановыхъ, свѣтлоглазыхъ индивидуумовъ у таджиковъ Туркестана, а также у узбековъ Ферганы значительнѣе, чѣмъ у иранскихъ племенъ Памира. Въ Керійскихъ горахъ живутъ бѣлокурые и голубоглазые мачины, происшедшіе, вѣроятно, отъ смѣшенія арійцевъ и монголовъ. Многіе белуджи и цѣлыя общины въ сѣверо-западной Персіи столь же темны, какъ и обитатели южной Индіи. Цвѣтъ кожи, со своимъ незначительнымъ румянцемъ, напоминаетъ жидкій молочный кофе; обильные волосы и густая борода имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ. Чистые иранскіе персы

должны, однако, встрѣчаться еще рѣже, чѣмъ чистые арійскіе индусы. Все въ ихъ жизни и положеніи благопріятствуетъ смѣшенію. У нихъ господствуетъ экзогамія и полигамія, и элементы смѣшенія ихъ исходятъ отъ племенъ киргизъ и узбековъ, съ которыми они находятся въ сношеніяхъ, во многихъ случаяхъ благопріятствующихъ смѣшенію ради политическихъ и соціальныхъ причинъ. Тамъ, гдѣ они живутъ въ болѣе защищен-

Знатный персіянинъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 648.

номъ положеніи — въ Бадахшанѣ, въ гористой верхней Кундузской области на сѣверномъ склонѣ Гиндукуша — вслѣдствіе близости Памирскихъ горъ, нападенія тюркскихъ ордъ были столь часты, что большинство населенія, равнаго приблизительно 100—150,000 душъ, говорящее по персидски, долгое время находилось подъ господствомъ узбековъ и смѣшалось съ туркменской кровью. Даже въ Сеистанѣ преобладаютъ „скиѳскія физіономіи“ (Раулинсонъ). Въ нынѣшней Персіи, рядомъ съ тѣмъ, что̀ называется потомствомъ мидянъ и персовъ, и рядомъ съ тюрками (см. рис. стр. 652) можно найти курдовъ, арабовъ, армянъ, кавказцевъ, халдеевъ (несторіанъ), евреевъ, цыганъ, афганцевъ, белуджей и индусовъ; въ качествѣ военноплѣнныхъ къ

нимъ присоединялись монголы, въ видѣ рабовъ абиссинцы и негры, и дезертировъ — русскіе и поляки. Но можно указать особенно частыя смѣшенія съ тюркской и затѣмъ кавказской и армянской кровью. Древнѣйшій слой персидскаго населенія въ Афганистанѣ составляютъ таджики, полмилліона трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ, принадлежащіе къ тѣмъ разсѣявшимся иранцамъ, какихъ можно найти отъ Инда до Сыръ-Дарьи. Отъ афганцевъ ихъ отдѣляетъ языкъ, а не суннитское вѣроисповѣданіе. Выше ихъ стоятъ въ три или четыре раза превосходящіе ихъ численностью афганцы, которые говорятъ на языкѣ пушту и своимъ наружнымъ видомъ напоминаютъ о сильной примѣси тюркской крови. Въ туранскомъ слоѣ прежде всего имѣютъ значеніе кизилбаши, вѣроятно, потомки оставленныхъ Надиръ-шахомъ военныхъ поселенцевъ, смѣшаннаго персидскаго и тюркскаго происхожденія, обладающихъ мужествомъ, благосостояніемъ и предпріимчивостью. Они говорятъ на персидскомъ діалектѣ болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ таджики. Но, въ качествѣ шіитовъ, они отдѣлены отъ нихъ глубокой пропастью. И на англійской военной службѣ въ Индіи, въ кавалеріи и въ развѣдочныхъ отрядахъ, можно найти много кизилбашей. Съ ними сходны узбеки въ афганскомъ Туркестанѣ, тюркскіе властители таджиковъ, сдерживаемые, однако, отрядами афганскихъ войскъ. Наконецъ, можно назвать принадлежащихъ также къ тюркскому племени газаровъ (газара), чисто пастушескій, бѣдный, дурно вооруженный народъ. Они, вѣроятно пришли въ эту страну вмѣстѣ съ Чингисъ-Ханомъ. По отношенію къ господствующимъ племенамъ, они удержали за собою полунезависимое положеніе, но первые презрительно относятся къ нимъ.

Свои задатки и свою естественную обстановку болѣе мелкія группы горныхъ народовъ, сохраненіемъ первоначальныхъ признаковъ, поддержали въ болѣе чистомъ и неиспорченномъ видѣ. Гальчи сильнѣе, мужественнѣе. честнѣе таджиковъ. Первые—скотоводы, послѣдніе—земледѣльцы, ремесленники и торговцы; первые малочисленны, послѣдніе исчисляются милліонами. Кафирамъ или сіапошамъ и дардамъ воздается хвала въ томъ отношеніи, что на Востокѣ мало такихъ народовъ, какъ они — безъ лести и страха съ одной, и безъ нахальнаго самомнѣнія, съ другой стороны. Шоу присоединяетъ къ дардамъ въ лингвистическомъ отношеніи народцевъ Читраля, Кунара, а, быть можетъ, и сіапошей. Болѣе отдаленное сходство соединяетъ съ ними обитателей Солимановыхъ горъ. Остатки болѣе древняго распространенія за Памиръ къ востоку, гдѣ иранскіе слѣды заходятъ за Хотенъ, представляютъ гальчи Когистана, Дарваса, Рошана, Вакхана, Бадахшана и Шигнана: это—свѣтлокожіе народы съ обиліемъ волосъ на головѣ и на бородѣ. Черный цвѣтъ волосъ переходитъ мѣстами въ каштановый и красный; здѣсь встрѣчаются каріе, сѣрые и голубые глаза. Прямо поставленные глаза, изогнутый узкій носъ, узкія губы, мелкіе зубы, овальное лицо, хотя и съ выдающимися скулами, небольшія, плотно прилегающія уши, сильныя конечности и высокій ростъ легко позволяютъ отличить болѣе чистыя племена этихъ народовъ отъ ихъ монголоидныхъ сосѣдей. Исключеніе представляютъ только верхнія горныя долины области Аму-Дарьи, гдѣ встрѣчается множество кретиновъ. Болѣе мелкія группы гальчей напоминаютъ европейскихъ горцевъ. Ихъ отдаляетъ отъ окружающихъ азіатцевъ и свободный, благородный характеръ. Таковы же бѣдные горцы, живущіе у подножія Зерафшанскаго глетчера, безъ всякаго слѣда земледѣлія, въ домахъ съ каменными стѣнами безъ извести, съ единственнымъ домашнимъ животнымъ ишакомъ, полуручнымъ осломъ. Гостепріимство, патріархальная семейная и общественная жизнь и моногамическіе браки напоминаютъ ведійскихъ предковъ индусовъ.

Уже Клапротъ и Риттеръ предполагали, что общее населеніе Восточнаго Туркестана, доходящее нынѣ почти до милліона, нѣкогда былс

арійскаго племени. Раскопки могилъ въ Черченѣ и др. оазисахъ позволяютъ видѣть, что здѣсь нѣкогда обиталъ народъ, богатый, золотомъ, который клалъ золотыя пластинки на глаза мертвецовъ. Уже въ давнее время страна эта была наводнена монголами; вскорѣ послѣ того китайцы начали основывать здѣсь колоніи, привели съ собою дунганъ, между тѣмъ, какъ изъ Западнаго Туркестана сюда переселялись кокандцы или анджаны. Индусы, кашмирцы и бадахшанцы также примѣшивались къ городскому населенію, Не рѣдко разражались войны, уничтожавшія населеніе цѣлыхъ группъ оазисовъ; затѣмъ добровольная или вынужденная колонизація вносила новые элементы, отъ смѣшенія которыхъ произошли отатарившіеся арійцы. Якубъ-бекъ перемѣстилъ послѣдній остатокъ „запамирскихъ арійцевъ“, племя въ 1000—1500 индивидуумовъ, и посадилъ на ихъ мѣсто китайцевъ. Якубъ-бекъ былъ самъ кокандецъ и заполнялъ всѣ важные посты своими соотечественниками, которые по языку и нравамъ едва ли казались туземцамъ Ярканда и Кашгара чужестранцами. Въ болѣе отдаленныхъ степныхъ областяхъ, какъ, напр., на Лобъ-Норѣ, господствуетъ скорѣе тюркско-монгольское смѣшеніе. Не слѣдуетъ забывать и арабовъ, и афганцевъ. Въ самой странѣ различаютъ въ настоящее время два главныхъ племени—мачиновъ, занимавшихъ, повидимому, первоначально большую часть страны, а теперь живущихъ преимущественно на юго-востокѣ къ югу отъ линіи Черченъ-Хотанъ, и ардбюлей на сѣверѣ, обитающихъ, главнымъ образомъ, къ сѣверу отъ линіи Аксу-Кашгаръ. Пржевальскій отмѣчаетъ въ ардбюляхъ семитическія, а въ мачинахъ—монгольскія черты. Китайскій элементъ, естественно, выступаетъ всего сильнѣе въ городахъ, гдѣ китайскіе чиновники, купцы и солдаты существовали всегда, а въ послѣдніе годы пріобрѣтали все больше и больше значенія.

Персіянинъ (см. рис., стр. 646 и 652) обладаетъ тонкостью представителя старой культуры, остроуміемъ, поэтичностью и изяществомъ, но также и хитростью въ обращеніи, позволяющей отличить его отъ многихъ. Ему свойственны художественный вкусъ въ одеждѣ, даже въ обуви, и, въ то же время, почти женская кокетливость и вообще выхоленная наружность преимущественно передъ другими единовѣрцами. Украшая свое тѣло, онъ также охотно украшаетъ свою рѣчь образами и остротами. Характеръ, который онъ самъ называетъ „фузуль“—утонченный, пронырливый, корыстолюбивый, принижающійся передъ высшими, повелительный передъ низшими, съ поверхностнымъ образованіемъ, часто встрѣчается въ Персіи, въ особенности, въ Испагани. Персіяне пользуются славой превосходныхъ дипломатовъ, комиссіонеровъ и маклеровъ. Парсы даже въ Индіи изъ всѣхъ расъ стоятъ всего ближе къ англичанамъ, и одни занимаютъ положеніе, недоступное для прочихъ туземцевъ. Часто цитируемый стихъ Сади говоритъ: „Ложь для доброй цѣли лучше истины, возбуждающей вражду.“ Персіяне заслуживаютъ похвалы своимъ искусствомъ сдерживать выраженія своей страсти, своимъ смиреніемъ въ несчастіи, своимъ врожденнымъ Nil admirari, своей умѣренностью въ ѣдѣ и питьѣ, своей склонностью угощать другихъ, своей неспособностью отказать просителю въ обѣщаніи исполнить его желаніе. Въ Центральной Азіи существуетъ поговорка: „Глаза его открыты, какъ у бухарскаго мѣнялы.“ Съ большей похвалой отзываются о вѣжливости персіянъ, хотя и въ ней много лжи; по правиламъ ея, гостю слѣдуетъ предлагать все, что̀ ему нравится, даже самое крупное и дорогое. Вѣжливость свойственна и белуджамъ, которые даже въ низшихъ сословіяхъ привѣтствуютъ другъ друга цѣлованіемъ рукъ и продолжительными взаимными разспросами о здоровьи. Низшіе передъ высшими дѣлаютъ движеніе рукою отъ колѣна до лодыжки. Честолюбіе въ Персіи необычайно распространено: мирза, „знающій писаніе“, ставится передъ именемъ, если къ нему не прибавляется ханъ или бекъ. Благочестивые люди украшаютъ себя именемъ меккскаго пилигримма, хаджи, или, по имени другихъ мѣстъ богомолья, кербелай, мешеди и т. п.

Благодаря ихъ географическому положенію, персіянамъ выпала видная роль въ распространеніи ислама, которому пришлось проникнуть между восточнымъ Римомъ и Ираномъ. Иранъ палъ всего раньше и доставилъ фанатикамъ Аравіи богатую культуру и большія средства для дальнѣйшей пропаганды. Мекка давно уже была знакома персидскимъ торговцамъ, и персіяне служили въ арміи, съ которой Магометъ одержалъ побѣду. Персидское вліяніе и въ другія страны переступаетъ за границы Ирана. Персидскій языкъ — официальный въ Кашмирѣ и Джему; индостани Пенджаба пользуется персидскими письменами, заключаетъ примѣсь многочисленныхъ персидскихъ словъ и служитъ въ торговыхъ сношеніяхъ отъ Афганистана до Восточнаго Туркестана и на западномъ берегу Индіи. Будучи оттѣснены другими націями, персіяне и теперь еще играютъ роль на рынкахъ внутренней и южной Россіи.

Одежда у горныхъ племенъ — шерстяная и темнаго цвѣта. Сіапоши носятъ это имя вслѣдствіе темнаго цвѣта своего платья. Коричневые шерстяные кафтаны и шаровары, высокіе войлочные чулки съ тяжелыми кожаными подошвами и хлопчатобумажный тюрбанъ бѣлаго или синяго цвѣта составляютъ одежду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Женщины носятъ длинныя косы. Украшенія рѣдки, и все, кромѣ тюрбана, составляетъ произведеніе домашней промышленности. Въ костюмѣ нынѣшнихъ персіянъ многое напоминаетъ первоначальныя черты горной одежды. Персіянинъ держитъ голову въ теплѣ съ помощью высокой мѣховой шапки, предоставляя въ то же время дѣйствію холода грудь и ступни ногъ. Мѣховая шапка, не вытѣснившая до сихъ поръ тюрбанъ только у курдовъ, афганцевъ и белуджей, считается каджарскимъ, слѣдовательно, тюркскимъ наслѣдіемъ; но предкамъ иранцевъ, жившимъ въ пастушескомъ состояніи на прохладныхъ возвышенностяхъ, она могла быть свойственна изстари. Всего проще въ настоящее время одежда белуджей, состоящая изъ куска ткани вокругъ бедръ, травяныхъ сандалій и шапочки, вслѣдствіе чего обиліе оружія — щитъ, мечъ, ружье, ножъ, сумка для пуль и проч., — способствуетъ прикрытію тѣла. Но при полномъ снаряженіи, одежду белуджей составляютъ крѣпкіе хлопчато-бумажные шаровары, которые ниже колѣна плотно прилегаютъ къ тѣлу и украшены красивой красной вышивкой; сверху надѣвается длинная хлопчато-бумажная рубашка, также вышитая, и, кромѣ того, большой тюрбанъ и толстая шерстяная накидка вродѣ пледа. Костюмъ персіянина составляютъ доходящая до средины живота, застегивающаяся сбоку рубашка, вамсъ, по большей части, изъ бумажной ткани (богатые люди носятъ ихъ по двѣ), широкіе шаровары и кафтанъ изъ шелковой или бумажной матеріи, облегающій бедра. Въ холодную погоду надѣвается сверху короткій плащъ, часто широко отороченный мѣхомъ, а при выѣздѣ въ гости — длинная одежда, доходящая до пятокъ, совершенно скрывающая руки. На ноги надѣваются короткіе, доходящіе только до лодыжекъ носки и широкіе разрѣзные туфли или башмаки. Персіянинъ любитъ говорить объ одеждѣ и жертвуетъ на нее большія суммы.

Жилища въ горахъ состоятъ изъ булыжника и глины, а въ мѣстахъ еще болѣе высокихъ часто изъ одного дерева, — въ Гиндукушѣ изъ бѣлаго тополя. Болѣе значительныя поселенія окружаются башнями и стѣнами. Входя въ домъ въ высокихъ горахъ Вакхана, прежде всего приходится вступать въ хлѣвъ для лошадей и коровъ и черезъ длинный узкій ходъ проникать въ жилую комнату—маленькую и грязную. Въ серединѣ ея стоитъ глиняная печь, изъ которой дымъ выходитъ въ отверстіе вверху. Куполообразная крыша поддерживается деревянными подпорками, которыя стоятъ кругомъ около очага. Со всѣхъ сторонъ открываются небольшія помѣщенія для членовъ семьи. Хароты, пастухи Солимановыхъ горъ, питающіеся отъ своихъ козъ, а зимою — сѣменами сосны, живутъ почти всегда въ шат-

рахъ. Хижины освѣщаются лучиной. Въ Персіи строятся по большей части, изъ высушенныхъ на воздухѣ кирпичей, которые быстро разрушаются, если ихъ выдѣлываютъ изъ земли или уличной грязи, какъ часто бываетъ. Тамъ пользуются и кирпичами старинныхъ построекъ, напр., въ Тегеранѣ кирпичами изъ Рая. Такъ какъ тамъ строятся часто и никто не продолжаетъ постройку, начатую другими, то эти постройки непрочны. Дома, дворцы и цѣлыя деревни покидаются изъ каприза, ради дурныхъ предзнаменованій, вслѣдствіе случаевъ смерти. Устройство жилыхъ помѣщеній въ лучшихъ домахъ слѣдуетъ общему восточному обычаю (сравн. выше, стр. 454 и 631). Украшеніе жилыхъ помѣщеній коврами не употреблялось первоначально у персовъ, а представляетъ подражаніе Европѣ или, быть можетъ, явилось подъ вліяніемъ чайныхъ домовъ Центральной Азіи. Издревле употребительнымъ было только прикрытіе стѣнъ храмовъ и надмогильныхъ зданій. Отдѣльныя жилья въ видѣ дворовъ встрѣчаются не только въ горахъ: ихъ можно найти и въ оазисѣ Черченъ.

Господство номадовъ запечатлѣло свои слѣды даже въ крестьянской жизни Персіи. Крестьяне часто оставляютъ свои деревни и со своимъ убогимъ имуществомъ переселяются на новую землю, собственникъ которой, чаще тюркскаго, чѣмъ персидскаго происхожденія, обѣщаетъ брать съ нихъ меньше повинностей. Одна изъ самыхъ обычныхъ жалобъ персидскаго землевладѣльца заключается въ томъ, что сосѣдъ настраиваетъ противъ него его деревню.

Доказательствомъ того, что предки его были культурнымъ народомъ, у перса всего больше служитъ постоянство, съ какимъ онъ держался воздѣлыванія почвы, этой основы всякой культуры, среди бурь и опустошеній. Турецкая поговорка: „гдѣ есть земля и вода, тамъ есть и персъ“ обрисовываетъ его любовь къ землѣ. Персія богата пригодной для обработки почвой, но въ большинствѣ земледѣльческихъ областей страны она нуждается въ искусственномъ орошеніи. Всѣ рѣки распредѣляются на безконечное множество каналовъ. Тамъ, куда достигаетъ вода, мы видимъ жизнь; тамъ, гдѣ ея уже нѣтъ — пустыню. Даже солончаковая почва при постоянномъ орошеніи превращается въ превосходную полевую землю. Рѣдкое населеніе, вмѣстѣ съ равнодушіемъ правительства ко всякому улучшенію участи и труда земледѣльца, является причиной недостаточнаго культурнаго развитія страны. Новѣйшихъ способовъ сообщенія тамъ не знаютъ: они не возможны вслѣдствіе угнетенности крестьянъ и тяжести правительственныхъ податей. Отыскивать источники, копать колодцы, устраивать водопроводы, все это составляетъ трудъ особыхъ ремесленниковъ, муканни; онъ хорошо оплачивается, такъ какъ опасность быть засыпаннымъ въ глубинахъ, доходящихъ до 60 м., довольно велика. На почетный постъ надсмотрщика за водою (мирабъ, по турецки субаши) всегда много охотниковъ. Подземныхъ водопроводовъ тамъ довольно много; прежде они выкладывались камнемъ, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ нѣсколько миль въ длину. Тамъ передѣлывались цѣлыя рѣчныя системы: въ Курдистанѣ одинъ изъ верхнихъ истоковъ Евфрата былъ отведенъ въ верхній истокъ Тигра. Количество воды исчисляютъ по силѣ, съ какой она ворочаетъ жерновъ, и говорятъ: источникъ въ два или три жернова и т. п. Нѣкогда старинныя правовыя опредѣленія относительно пользованія проведенной водой считались почти священными; въ настоящее время случается, что съ помощью насилія отнимаютъ воду у цѣлой деревни. Могущественные города, послѣ разрушенія ихъ каналовъ, нуждаются теперь въ водѣ; Испагань была обязана процвѣтаніемъ окружающей ее мѣстности водянымъ сооруженіямъ на Зайенде; съ упадкомъ города, разрушились и оросительныя приспособленія. Система плотинъ для задержанія снѣговой воды, вызывавшая плодородіе въ окрестностяхъ Персеполиса, пришла въ разрушеніе, и страна поражена пустынностью и засухой. Весьма несовер-

шенный плугъ безъ колеса легко замѣняется мотыкой, такъ какъ онъ можетъ только царапать землю. Странное противорѣчіе представляетъ отсутствіе удобренія въ большей части Персіи, тогда какъ существуютъ старинные рецепты для искусственнаго приготовленія его изъ отбросовъ всякаго рода въ Испагани и др. мѣстахъ, гдѣ существуютъ высокія башни для накопленія голубинаго помета. Тамъ молотятъ орудіемъ вродѣ саней, съ полозьями, обитыми желѣзомъ, прежде усаживавшимися камнями. Главный хлѣбъ тамъ пшеница; рисъ составляетъ основу питанія зажиточныхъ людей, просо и чечевица — бѣдныхъ, а ячмень служитъ кормомъ для лошадей. Рядомъ съ воздѣлываніемъ хлѣба, тамъ всего болѣе распространена культура виноградной лозы и дынь. Горное хозяйство болѣе высокихъ частей горъ примыкаетъ въ болѣе низкихъ и теплыхъ мѣстностяхъ къ полеводству террасами, которое въ Кафиристанѣ возвышается до разведенія шелковичныхъ деревьевъ и шелководства. Въ Вакханѣ можно найти на высотѣ 2700 м. дыни и абрикосы. Главными питательными растеніями на возвышенностяхъ являются повсюду ячмень, горохъ и бобы. Торговля древеснымъ углемъ прокармливаетъ нѣкоторыя группы афридіевъ и момандовъ въ Солимановыхъ горахъ. Несомнѣнно, въ прежнее время обиліе лѣсовъ было значительнѣе, чѣмъ теперь, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и обиліе воды.

Овца — почти единственное убойное животное персіянъ на ряду съ курами; одинаково съ ними, является необходимымъ, какъ вьючное животное, двугорбый или бактрійскій верблюдъ. Персы уже въ древности славились, какъ коневоды: мечъ и конь являлись аттрибутами свободнаго человѣка; но арабская и туркменская породы лошадей считаются теперь выше персидской. Богатство Бадахшана составляютъ выносливыя, невзрачныя лошади и овцы. И о жителяхъ Астора можно сказать, что они всѣ наѣздники. Въ Вакханѣ главное богатство представляютъ также лошади, а за ними коровы и овцы. Ширваріи Солимановыхъ горъ относятся къ буйволамъ съ извѣстнаго рода почитаніемъ. Наибольшимъ богатствомъ буйволами отличается жаркій и нездоровый Мазандеранъ. Рогатый скотъ, вообще, плохо развивается на короткомъ, жесткомъ, солоноватомъ кормѣ, который одинъ можетъ быть предоставленъ ему въ большей части Персіи.

Главной пищей скромнаго въ своихъ потребностяхъ перса является чилавъ, вареный рисъ, съ небольшимъ количествомъ жира; за нимъ слѣдуетъ жирный, пудингообразный рисовый пилавъ. Знаменитый афганскій пилавъ состоитъ изъ ягненка, зажареннаго съ кожей и покрытаго цѣлой горой риса. Густой рисовый супъ, съ прибавленіемъ овощей или плодовъ (ашъ), представляетъ третье національное блюдо. Ячменный хлѣбъ есть символъ непритязательной жизни дервиша. Изъ грубой муки приготовляется перебродившее или неперебродившее тѣсто, и хлѣбъ печется ввидѣ лепешекъ на горячей сковородѣ или налѣпляется на горячій глиняный цилиндръ.

Изъ ледяной воды, съ прибавленіемъ фруктовыхъ вареній и эссенцій, приготовляются разнообразные шербеты. Извѣстно, что персидскіе цари въ древности заставляли привозить себѣ для питья воду изъ нѣкоторыхъ рѣкъ, въ особенности изъ Заба. Происхожденіе правящаго класса въ Персіи отъ номадовъ объясняетъ ихъ пристрастіе къ сывороткѣ и кислому молоку. О роли вина въ жизни персіянъ мы знаемъ изъ Гафиза. Пиршество съ музыкой, танцовщицами и игрою въ кости продолжается до безчувственнаго опьяненія. Потребленію табаку, по преимуществу, въ кальянѣ (наргиле), предаются тамъ въ размѣрахъ, безпримѣрныхъ даже на Востокѣ. Въ Восточномъ Туркестанѣ встрѣчается потребленіе банга или чера (экстрактъ конопли, смѣшанной съ табакомъ для куренія или съ сахарнымъ печеньемъ для ѣды) съ потребленіемъ опіума, который изготовляется и въ Персіи. Наслажденію тѣмъ и другимъ посвящено слишкомъ большое число жалкихъ трущобъ. До подножія Памира доходитъ съ востока обычай потребленія чая, между тѣмъ, какъ по эту сторону преобладаетъ кофе.

О персидской промышленности, находящейся въ тѣсномъ сродствѣ съ индійской или арабской, такъ же, какъ и о торговлѣ, мы говорили выше (стр. 620 и 633). То обстоятельство, что она со временъ Шардена и Кемпфера пошла назадъ, имѣетъ тѣ же причины, какъ и въ Индіи. Отчасти это зависитъ отъ мѣстныхъ перемѣнъ: съ разрушеніемъ каждаго города исчезалъ извѣстный промыселъ. Средоточіемъ хлопчато-бумажной промышленности были нѣкоторыя окрестности Шираза, шерстяныхъ шалей — въ Кирманѣ и Мешедѣ, ковровъ — въ округѣ Ферагана, войлоковъ — въ Іездѣ, сукна изъ верблюжьяго волоса — въ Испагани, шелковыхъ матерій въ Кашанѣ, Іездѣ, Тавризѣ, Испагани и Мешедѣ, кожаныхъ издѣлій въ Гамаданѣ, мѣдной посуды въ Зендшанѣ, стальныхъ клинковъ въ Мешедѣ и Ширазѣ. Каменщики, которые всѣ работы сопровождаютъ пѣніемъ, всегда родомъ изъ Кашана. Фарфора выдѣлывается мало, и китайскій фарфоръ привозится въ большомъ количествѣ. Выдѣлка стекла установилась тамъ лишь около 250 лѣтъ тому назадъ. Много ковровъ и войлоковъ изготовляютъ номады. Ручные ткацкіе станки прежде можно было найти въ каждомъ домѣ, и пряденіе веретеномъ составляетъ домашнюю работу женщинъ. Еще въ настоящее время домашняя промышленность создаетъ почти все необходимое для одежды и домашняго быта.

Насръ-Эддинъ, персидскій шахъ тюркской крови (По фотографіи.)
Ср. текстъ, стр. 646.

Хотя Персія богата мѣдной и желѣзной рудой, но въ нее много ввозится металловъ. Хорасанъ доставляетъ небольшую часть значительнаго количества мѣди, потребной для Персіи. Въ Бадахшанѣ добываютъ серебро, бирюзу въ знаменитыхъ копяхъ долины верхней Кокчи и нѣкоторое количество желѣза. Добываніе золота въ восточномъ Туркестанѣ существуетъ уже давно, какъ показываютъ богатыя находки его въ могилахъ. (ср. стр. 648.)

Купечество пользуется почетомъ. Персидскій купецъ, даже богатый, отличается вообще умѣренностью и простотой; онъ всегда вѣрно держитъ слово. Бережливость его поражаетъ тюркскихъ сосѣдей: когда богатѣетъ сартъ, онъ строитъ домъ, а киргизъ въ такомъ случаѣ покупаетъ себѣ жену. Персидскихъ купцовъ можно встрѣтить отъ Китая до Египта, отъ Нижняго-Новгорода до Коломбо; наряду съ ними дѣйствуютъ на томъ же поприщѣ многочисленные индусы. Тавризъ служитъ здѣсь средоточіемъ тюркской и европейской, а Мешедъ — афганской и туркестанской торговли. Незначительную морскую торговлю производятъ арабскія барки и европейскіе пароходы.

Политическое господство въ послѣднія столѣтія доставалось въ Персіи то персидскимъ, то тюркскимъ фамиліямъ. Въ настоящее время царствуетъ въ Тегеранѣ тюркскій каджаръ. Почти каждая перемѣна правителя потрясаетъ страну; эти политическія колебанія часто бываютъ продолжительными и опасными. Царственная семья Афганистана происходитъ отъ персидскаго начальника Надира, но давно уже находится въ свойствѣ съ бухарскими эмирами. Въ Персіи только густо населенный, богатый городами, проникнутый въ значительной степени туркменскимъ элементомъ сѣверъ прочно находится въ рукахъ шаха. Въ Афганистанѣ также даже сильные правители лишь на время соединяли многочисленныя племена. Иранъ, подобно Индіи, составлялъ цѣль многихъ вторженій и переселеній, и большія раздѣленія племенъ, являвшіяся результатомъ этихъ потоковъ, происходили въ особенности въ Афганистанѣ, благодаря возможности распредѣленія по горамъ и долинамъ. Топографическія основы рѣзко выраженныхъ скалистыхъ гребней, образующихъ превосходныя линіи защиты и заключающихъ обширныя, удобныя для обработки, но доступныя для нея лишь съ помощью естественныхъ водяныхъ потоковъ (танги) пространства, содѣйствуютъ распредѣленію народа на провинціальныя массы, элементы которыхъ извлекаются изъ двухъ или изъ трехъ сосѣднихъ племенъ, сосредоточивающихся, главнымъ образомъ, въ естественныхъ укрѣпленіяхъ сосѣднихъ горъ. Такъ составились логаріи, обитатели долины Логара, изъ гильзаевъ и таджиковъ; первые говорятъ на языкѣ пушту, а послѣдніе по-персидски. Точно также въ долинѣ Лугмана живутъ подъ общимъ именемъ лугмановъ гильзаи, таджики и индусы; ихъ соединяетъ общее занятіе — земледѣліе и племенная борьба, хотя воины гильзаевъ также низко цѣнятъ таджиковъ, какъ эти послѣдніе — презрѣнныхъ газаровъ. Это провинціальное сліяніе народовъ составляетъ и силу, и слабость Афганскаго государства. На политическія отношенія отдѣльныхъ народовъ бросаетъ любопытный свѣтъ ихъ положеніе въ исторически-извѣстныхъ горныхъ проходахъ. Афридіи на юго-восточной границѣ Афганистана съ незапамятныхъ временъ присвоили себѣ власть надъ Хайберскимъ и Кухатскимъ проходами; тотъ, кто противился уплатѣ поборовъ, подвергался нападенію, разграбленію и даже умерщвленію. Этотъ дикій народъ, не знающій законовъ и никогда не признававшій зависимости отъ Афганистана, даже властителями Индіи считался охранителемъ и стражемъ этого важнѣйшаго изъ проходовъ Инда и получалъ субсидію отъ англичанъ. Но слишкомъ далеко заходящія стремленія восьми племенъ, распадающихся, въ свою очередь, на роды („хель“), не допускаютъ дальнѣйшаго существованія такого положенія вещей. Одно племя ведетъ борьбу съ другимъ; каждая семья имѣетъ къ кому-либо кровную вражду, и разбойничья жизнь укоренилась во многихъ семьяхъ. Съ ними сходны по воинственному духу живущіе нѣсколько сѣвернѣе, также независимые моманды: на западѣ сосѣди ихъ, ширваріи, тяготѣютъ къ Афганистану; далѣе къ югу идутъ также независимые ораксаи, затѣмъ мирные бангаши, повинующіеся англичанамъ. Англичанамъ покорны и живущіе къ востоку отъ афридіевъ хаттаки и халилы. Байауріи въ долинѣ верхняго Кунара, обитатели небольшой независимой страны, необходимы въ качествѣ

торговцевъ и носильщиковъ при сообщеніи черезъ Каликскій проходъ, такъ же, какъ живущіе далѣе къ западу пованді и необходимы для афганско-бухарской торговли. Если мѣстопребыванія этихъ племенъ вообще могутъ быть прочно установлены, то нельзя того же сказать объ ихъ границахъ. Въ особенности ихъ пастбища во многихъ случаяхъ перекрещиваются между собою, тѣмъ болѣе, когда нѣкоторыя племена, какъ, напр., ака-хелы спускаются зимою въ болѣе теплыя долины.

Патріархальное управленіе гальчей и сіапошей, у которыхъ имѣются только деревенскіе старшины, превращается въ деспотизмъ тамъ, гдѣ, какъ въ Читралѣ, возможны нѣкоторыя приближенія къ восточной монархіи, или гдѣ, какъ въ Бадахшанѣ, господствуютъ тюрки. Правители этихъ мелкихъ государствъ долгое время возбуждали страхъ въ своихъ подданныхъ и сосѣдяхъ охотою за рабами. Еще въ недавнее время число рабовъ, отправляемыхъ ежегодно изъ Читраля въ Бадахшанъ, опредѣлялось въ 500: едва ли можно было найти одну семью, изъ которой хотя одинъ членъ не былъ похищенъ. Вообще и демократическіе сіапоши, и чилазіи, одно изъ племенъ дардовъ, — безпощадные охотники за рабами. Несмотря на высокіе проходы Гиндукуша, Читраль находится въ торговыхъ сношеніяхъ съ Бадахшаномъ, что происходило нерѣдко и въ силу политической зависимости.

Прибавимъ въ заключеніе нѣсколько словъ о народахъ на иранско-индійской границѣ, которые въ лингвистическомъ отношеніи отчасти родственны индусамъ, а въ географическомъ и этнографическомъ — иранскимъ горнымъ племенамъ. Болѣе южныя горныя племена, которыя уже давно соединились въ большое государственное цѣлое, живутъ не богаче своихъ сѣверно-иранскихъ соплеменниковъ, хотя вторженія въ страну Инда и могли имъ доставлять богатую добычу. Несшитая одежда изъ шкуръ, грубыя мужскія сандаліи изъ буйволовой кожи, мѣшкообразная шерстяная одежда женщинъ, низкій домъ изъ булыжника, тремя сторонами врѣзывающійся въ гору, въ которомъ только прислоненная къ нему, вмѣсто двери, деревянная доска, въ Солимановыхъ горахъ соперничаетъ съ простотою жителей Гиндукуша. Бѣлый тюрбанъ распространенъ по всей горной области. Стѣна съ башенками, окружающая деревню, указываетъ на непрерывную племенную вражду. Кромѣ овецъ, составляющихъ основу домашнихъ животныхъ, здѣсь разводятся буйволы и верблюды. Большія стада верблюдовъ можно найти у племенъ, живущихъ въ наиболѣе торныхъ проходахъ, какъ, наприм., у хайберскихъ афридіевъ. Большинство вакханцевъ кочуетъ на возвышенностяхъ, надъ которыми расположено ихъ поселеніе Сархадъ на высотѣ 3350 м.; киргизы распространяли прежде сюда свои переходы съ цѣлью пастьбы скота, но съ тѣхъ поръ, какъ вакханцы, вмѣстѣ съ алайскими киргизами, шигнами и кунджутами, стали относиться къ нимъ враждебно, остаются по ту сторону горъ. Многія мѣста въ долинахъ служатъ только для зимняго обитанія; лѣто влечетъ мѣстныхъ жителей и ихъ стада на возвышенности. Языкъ сходенъ здѣсь съ дардскимъ и содержитъ въ себѣ много архаическихъ формъ. Мѣстечко Килапанджа, гдѣ живетъ правитель Вакхана, самое значительное изъ постоянно обитаемыхъ поселеній страны, своею населенностью въ 150 душъ даетъ мѣрило для условій жизни въ этой странѣ. При столь маломъ постоянномъ населеніи вопросъ о расѣ не можетъ быть разрѣшенъ. Тротгеръ говоритъ одновременно объ еврейскихъ физіономіяхъ и о греческихъ носахъ. Въ углу между Индіей и Афганистаномъ на южномъ склонѣ Гиндукуша живутъ кафиры или сіапоши [1], средняго роста, хорошо сложен-

[1] Кафиристаномъ называется эта область магометанскими сосѣдями, такъ какъ жители ея не принадлежатъ ни къ одному изъ вѣроисповѣданій, господствующихъ въ окружающихъ мѣстностяхъ. Сіапоши отличаются темной одеждой.

ные люди, свѣтлаго цвѣта кожи, съ каштановыми волосами и карими глазами, которые не могутъ быть сравниваемы ни съ афганцами, ни съ кашмирцами. Они говорятъ на ново-индусскомъ языкѣ и, будучи вытѣснены, вѣроятно, проникавшими къ югу и къ востоку мусульманскими народами, оказались только въ VIII или IX вѣкѣ въ своемъ нынѣшнемъ мѣстообитаніи, въ которомъ до сихъ поръ сохраняютъ свою независимость. Самый храбрый, зажиточный и гостепріимный выбирается у нихъ вождемъ. Охота за рабами, война и кровавая месть преимущественно наполняютъ жизнь этихъ людей; жердь съ неуклюжей человѣческой фигурой, посредствомъ воткнутыхъ въ нее кольевъ, означаетъ число убитыхъ. Одежда, состоящая изъ козьихъ шкуръ, шерстяныхъ шароваръ и чулокъ съ пришитыми кожаными подошвами, соотвѣтствуетъ суровому горному климату. Насъ не можетъ не удивлять указаніе Потагоса, будто они ѣдятъ, не сидя на корточкахъ, а на стульяхъ за столомъ.

Изъ всѣхъ степныхъ обитателей внутренней Азіи ниже всѣхъ стоятъ, быть можетъ, обитатели Тарима и Лобъ-Нора. Тѣ и другіе говорятъ на иранскомъ нарѣчіи, близкомъ къ хотанскому. Если на Таримѣ преобладаютъ арійскія, а на Лобъ-Норѣ монгольскія черты, то это неудивительно при ихъ пестромъ смѣшеніи. Тѣмъ не менѣе, у нихъ одинаково замѣтно вырожденіе, выражающееся въ ихъ наружности, благодаря болотистымъ окрестностямъ, сквознымъ камышевымъ хижинамъ и дурному питанію. Пржевальскій разсказываетъ, что, когда приходится спускаться по узкому, извилистому, окруженному высокимъ тростникомъ Тариму, можно видѣть на берегу три или четыре челнока и позади нихъ небольшое мѣстечко, гдѣ тѣснятся другъ къ другу нѣсколько квадратныхъ хижинъ изъ камыша. Это — деревня. Когда жители ея видятъ незнакомаго человѣка, они прячутся и никогда не скажутъ правды, говоря съ нимъ черезъ камышевыя стѣны своихъ хижинъ. Поднимаясь по этой странѣ, повсюду виднѣются болота, тростникъ и ничего болѣе: нигдѣ ни одного сухого мѣста. Непосредственно у самыхъ жилищъ охотятся за дикими утками и гусями, и въ одной изъ этихъ деревень, почти между хижинами, рылась въ болотѣ старая дикая свинья. Тростникъ, разсыпанный по землѣ, служитъ скуднымъ прикрытіемъ болотистой почвы. Даже въ половинѣ марта можно найти подъ этимъ прикрытіемъ зимній ледъ. Тростниковыя стѣны и крыша не защищаютъ отъ солнца, пыли и жалящихъ мухъ, не говоря уже о непогодѣ. При 20^0 холода такое жилище немногимъ лучше стоянки подъ открытымъ небомъ. Посреди хижины тлѣетъ тростникъ въ небольшомъ углубленіи, служащемъ очагомъ. Весною ѣдятъ молодые побѣги, а осенью собираютъ метелки тростника, чтобы дѣлать изъ нихъ постели; нѣкоторые вываривaютъ изъ этихъ метелокъ лѣтомъ темную, густую массу сладковатаго вкуса. Пища людей состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рыбы, которую ловятъ въ искусственныхъ омутахъ. Весною ловятъ и утокъ въ веревочные силки. Вмѣсто хлѣба тамъ ѣдятъ поджаренную муку.

Одежда изъ ткани кендыра — волоконъ растущаго во множествѣ болотнаго ласточника (Asklepiadeae), состоитъ у каракурчиновъ изъ куртки съ рукавами и шароваръ; зимою къ ней прибавляется овчинная, а лѣтомъ войлочная шапка. Въ видѣ обуви, они носятъ зимою башмаки изъ недубленыхъ шкуръ. Для холоднаго времени они кладутъ лѣтній балахонъ на подкладку изъ утиныхъ шкурокъ, которыя сохраняютъ съ помощью соли. Утиный пухъ и перья вмѣстѣ съ тростниковыми метелками служатъ для постели. Эти бѣдные люди живутъ уже въ желѣзномъ вѣкѣ, но ихъ чарчалыкскіе топоры все-таки близки къ топорамъ каменнаго вѣка, такъ какъ на клинкахъ нѣтъ отверстій для рукоятки: одно изъ реберъ ихъ загнуто вбокъ и такимъ способомъ прикрѣпляется къ рукояткѣ. Двѣ лодки и нѣсколько небольшихъ сѣтей передъ домомъ, внутри дома чугунное блюдо.

топоръ, двѣ деревянныя чашки, деревянное блюдо, ковшъ и ведро изъ тогруковаго дерева, ножъ и бритва, принадлежащіе домохозяину, нѣсколько швейныхъ иголокъ, ткацкій станокъ и веретено, составляющіе собственность хозяйки, — вотъ и все ихъ имущество.

---

18. Индокитайцы и горныя племена юго-восточной Азіи.

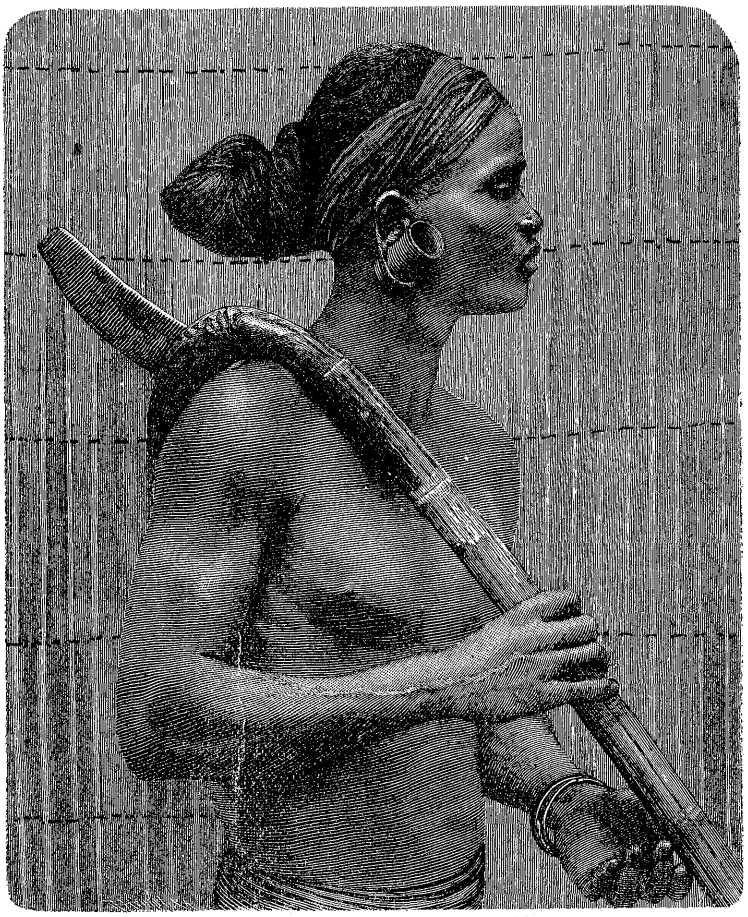
„Будемъ ли мы называть эти народы индокитайцами или малайо-китайцами, всякое наименованіе будетъ выражать недостатокъ своеобразности, который странѣ смѣшеній и вытѣсненій рядомъ съ Китаемъ и Индіей не далъ еще созрѣть и установиться.“ * * *

Содержаніе: Группа народовъ по ту сторону Ганга. — Понятіе. — Индокитай. — Индійскія вліянія на западѣ, китайскія на востокѣ полуострова. — Образованія государствъ. — Малайское и китайское переселенія. — Древне-кмерская культура. — Раса и характеръ индокитайцевъ. — Высшее положеніе китайцевъ. — Китайскій языкъ. — Индійскія художественныя вліянія. — Одежда и украшенія. Вооруженіе. — Города. — Земледѣліе. Скотоводство. Слонъ. — Ремесла. Китайскія монополіи. Вліяніе Китая въ торговлѣ и промышленности. — Индокитайское промышленное искусство. — Торговля. Судоходство. — Общество. Положеніе женщинъ. Заимствованія изъ Китая. Размноженіе народа. — Рабство. — Управленіе. — Пышность индокитайскихъ дворовъ. — Государственное образованіе и неопредѣленность границъ. — Политическая судьба такъ наз. дикарей.

Сравнительное языкознаніе показываетъ намъ, что языки Индокитая принадлежатъ къ семейству загангскихъ языковъ. Историческія преданія и географическое распространеніе позволяютъ распознать въ нихъ болѣе старые и болѣе новые слои, — первые оттѣснены къ береговой полосѣ и въ горы, а послѣдніе распространены во внутренней части и по рѣкамъ до самыхъ дельтъ. Въ Аннамѣ, Камбоджѣ и Пегу, восточныхъ и южныхъ окраинахъ Индокитая живутъ оттѣсненные народы, языки которыхъ находятся въ такомъ же тѣсномъ родствѣ между собою, какъ по другую сторону языки таевъ (сіамцевъ), бирманцевъ, тибетцевъ и китайцевъ. Большое число преданій указываетъ на сѣверное происхожденіе нынѣшнихъ индокитайцевъ. Бирманцы переносятъ свою древнюю исторію въ верхній бассейнъ Иравадди, карены — еще сѣвернѣе, въ Юннанъ, сіамцы въ Лаосъ, а аннамиты — въ Тонкинъ. Рѣки, текущія съ гористаго сѣвера, образуютъ на окраинахъ Индокитая своеобразныя области дельтъ; Тонкинъ, нижняя Кохинхина и Камбоджа, Сіамъ и Пегу — такія низменныя, наносныя области или на всемъ своемъ пространствѣ, или въ ихъ наиболѣе богатыхъ населеніемъ и городами, наиболѣе важныхъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ отдѣлахъ. Они настолько же отличаются плодородіемъ, удобствами сообщенія и населенностью, насколько остальной Индокитай — гористыми мѣстностями, лѣсистостью и рѣдкимъ населеніемъ. Эти наносныя земли, какъ географическія, историческія и политическія индивидуальности, противоположны всему остальному Индокитаю. Въ исторіи Индокитая только о нихъ и идетъ рѣчь; остальная часть полуострова, въ особенности на востокѣ и въ срединѣ, почти повсюду одинаковая, лѣсная и горная страна, безъ дорогъ, слабо населенная „дикарями“.

Въ историческое и полуисторическое время Индокитай выступаетъ то подъ китайскимъ, то подъ индійскимъ вліяніемъ. Отсюда и исходитъ его названіе. Но полуостровъ не дѣлится такъ просто: на немъ индійское и китайское вліяніе смѣняли другъ друга. Индійское началось раньше и затѣмъ ослабѣло, а китайское дѣйствовало непрерывно и въ особенности оказалось дѣйствительнымъ, благодаря экономической дѣятельности. Въ другихъ отношеніяхъ Индокитай имѣетъ сходство съ Индіей въ характерѣ своей исторіи, въ которой вторженія чужеземныхъ народовъ непрерывно чередуются съ внутренней борьбой. Передъ началомъ нашего лѣтосчисленія индійскія попытки поселенія, за-

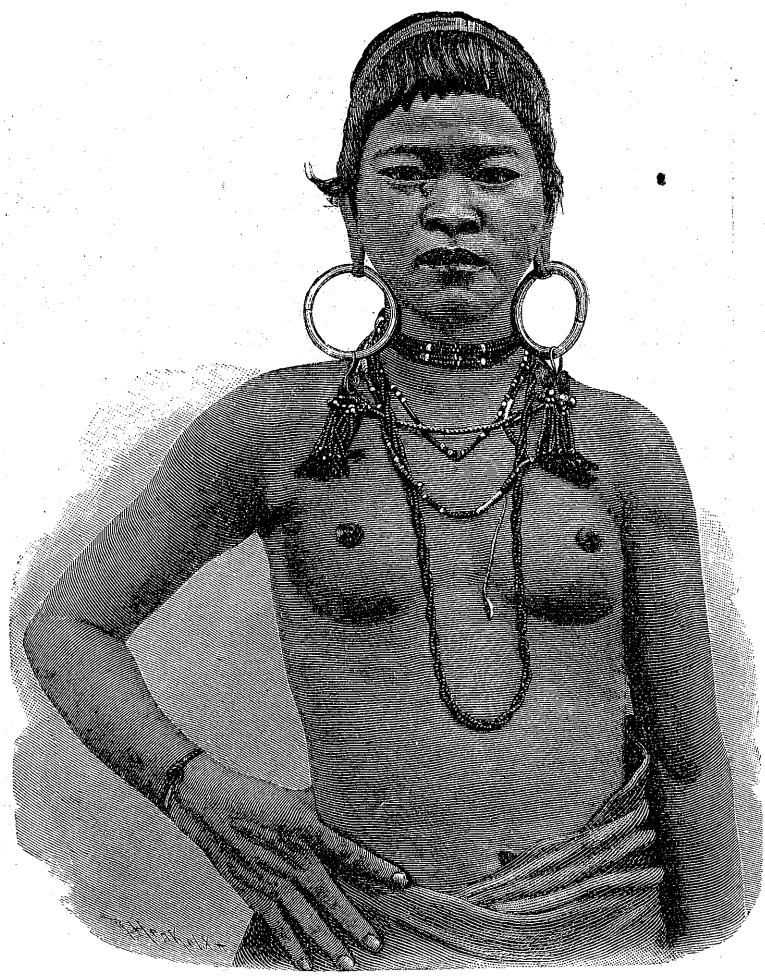
воеванія и колонизаціи въ Индокитаѣ на западѣ и на югѣ (мѣстныя имена вродѣ Манипура, Айютіи, Вайсали и проч. повторяются по обѣимъ сторонамъ Бенгальскаго залива) были увѣнчаны значительнымъ временнымъ успѣхомъ. За нимъ послѣдовало преобладаніе китайскаго вліянія, которое на востокѣ медленно подвигалось въ сторону юга, завладѣло Тонкиномъ вполнѣ, а Аннамомъ въ большей его части, и постепенно пріобрѣло перевѣсъ въ Камбоджѣ, Сіамѣ и сѣверной Бирмѣ. Если отдѣльныя культурныя вліянія перекрещивались въ нѣкоторыхъ областяхъ, то остается фактомъ, что Тонкинъ и Аннамъ пользовались китайской, а Бирма и Сіамъ индійской письменностью вмѣстѣ съ языкомъ пали. Но китайскій языкъ распространенъ и въ Сіамѣ. Вмѣшательство Китая въ индокитайскія отношенія было уже весьма значительнымъ, когда съ перенесеніемъ священныхъ книгъ Будды изъ Цейлона сингалезами и съ переселеніемъ многочисленныхъ буддистовъ, преслѣдуемыхъ браманами, сумерки надъ западной половиной острова начинали разсѣиваться. Китай уже въ III вѣкѣ до Р. Х. отправлялъ свои колоніи въ Тонкинъ и Кохинхину, и впослѣдствіи императоръ аннамскій отвелъ большому числу китайцевъ, бѣжавшихъ отъ манджуровъ, землю на югѣ своего царства. Такъ произошла Кохинхина и также произошли другія поселенія въ береговыхъ полосахъ и на островахъ: они размножились и расцвѣли въ такомъ видѣ, что общая экономическая жизнь восточнаго Индокитая въ важнѣйшихъ частяхъ основывается на дѣятельности китайцевъ. Эти послѣдніе и въ умственномъ отношеніи оказываютъ такое сильное вліяніе, что знатокъ Китая въ Тонкинѣ находитъ только „блѣдную копію его“ (Колькунъ). Каждое возстаніе, каждый неурожай выбрасывали тысячи китайцевъ въ страну съ рѣдкимъ населеніемъ, которая при этомъ значительно превосходила своимъ плодородіемъ пограничныя области Китая, въ особенности Куангъ-Си. Многочисленные китайцы, живущіе въ болѣе богатомъ Тонкинѣ, на Тай-Бинѣ, призывались тонкинскими мандаринами для борьбы съ мятежниками изъ



Моя изъ горъ юго-западнаго Аннама. (По фотогр. Россета.) Ср. текстъ, стр. 660.

Куангъ-Си. Изъ тѣхъ и другихъ набираются столь непріятные французамъ „черные флаги“ и „желтые флаги“ Сонгкѣ и Тсинхо. Во время пантайскаго возстанія въ Юннанѣ китайскіе генералы распоряжались тонкинскими чиновниками. Точно также цѣлые годы китайскіе пираты господствовали надъ береговой полосой Аннама.

Южная Кохинхина нѣкогда была частью Камбоджи, которая, съ своей стороны, послѣ паденія кмерской династіи, создавшей великолѣпныя произведенія Ангкоръ Вата (ср. выше, стр. 617), колебалась между силами востока и запада.

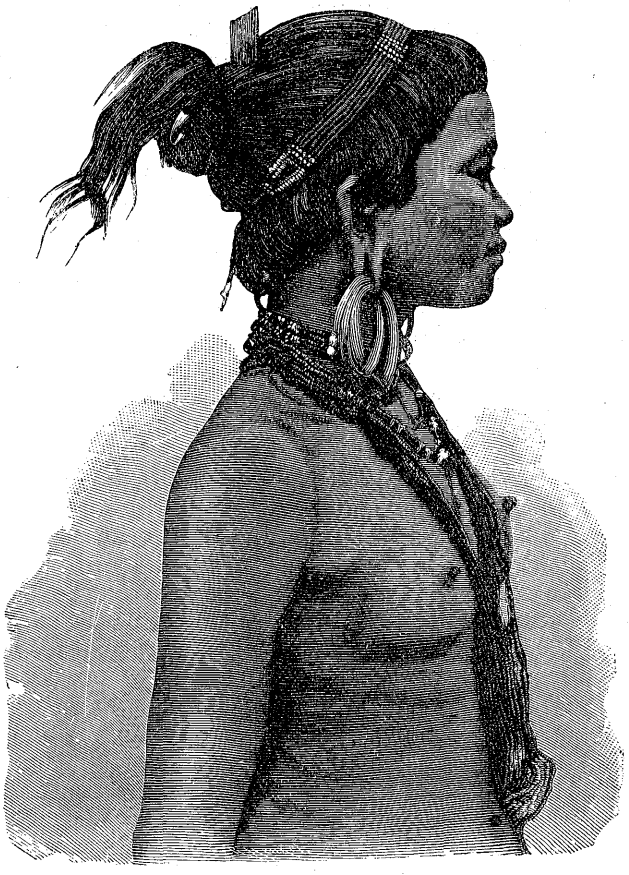


Дѣвушка изъ народа Агонгъ. (По фотографіи Россета.) Ср. текстъ, стр. 659.

Лаосъ, бывшій нѣкогда внутреннимъ царствомъ, достигавшій вдоль главной рѣки Индокитая до Луангъ-Прабана, будучи населенъ по преимуществу народами племени таи, т. е. сіамцами, въ политическомъ отношеніи былъ предшественникомъ Сіама. Онъ былъ раздробленъ между Тонкиномъ, Сіамомъ и Бирмою. Сперва на историческую сцену выступилъ Сіамъ основаніемъ главнаго города Айютіи въ 1350 году по Р. Х. Въ борьбѣ съ Камбоджей, Пегу и Бирмой, Сіамъ сдѣлался могущественнымъ царствомъ. Въ XVII вѣкѣ поднялась Бирма и въ XVIII уничтожила Сіамъ, достигшій уже высокаго процвѣтанія. Въ миѳической исторіи Сіама престарѣлый герой Фраруангъ беретъ въ жены дочь китайскаго императора и открываетъ сношенія съ Сіамомъ китайскимъ джонкамъ. Сіамская государственная печать носитъ китайскія буквы. Во всякомъ случаѣ уже монгольскіе императоры династіи Юэнъ принимали дары отъ Сіама и отвѣчали ему тѣмъ же. Впослѣдствіи сіамскіе послы каждые три года отправлялись въ Китай, и король сіамскій доставалъ изъ Пекина мѣдь, жинзенгъ, длинношерстыхъ быковъ и евнуховъ, знакомыхъ съ придворнымъ церемоніаломъ. Онъ называетъ китайскаго императора своимъ старшимъ братомъ. Далѣе онъ заимствуетъ у Китая государственный календарь, не вводя его, однако, въ своей странѣ. Сіамъ — послѣднее госу-

дарство Индокитая, еще не вполнѣ зависящее отъ восточныхъ державъ, принявшее улучшенія въ европейскомъ смыслѣ, отъ которыхъ, впрочемъ, ни сила страны не увеличилась, ни положеніе народа не улучшилось.

Бирма соприкасается съ Китаемъ въ широкомъ поясѣ государствъ Шанъ, которыя никогда не зависѣли вполнѣ ни отъ той, ни отъ другой стороны. Въ политическомъ отношеніи она прямѣе связана съ Китаемъ, чѣмъ Сіамъ, но въ торговомъ — менѣе. Китайская граница медленно выдвигалась въ область Шанъ: моміи, напр., были покорены монголами юэнской династіи для Китая. Позднѣе мы слышимъ о китайскихъ вторженіяхъ, и затѣмъ Китай опять тѣсно соединяется съ Бирмою. Въ концѣ прошлаго вѣка у китайскихъ торговцевъ былъ постоянный рынокъ близъ Авы, и они сумѣли утвердиться здѣсь, удачно дѣйствуя противъ попытокъ другихъ чужеземцевъ и въ особенности европейцевъ, при бирманскомъ дворѣ, расположеніе котораго они сумѣли снискать богатствомъ и ловкостью.



Дѣвушка изъ народа Агонгъ. (По фотографіи Россета.) Ср. текстъ на этой стр.

Оставляя въ сторонѣ слѣды на полуостровѣ Малаккѣ и на Андаманахъ, нѣсколько разсѣянныхъ индивидуумовъ не даютъ права считать первичное населеніе Индокитая негроиднымъ. Напротивъ, малайцы поселились въ Индокитаѣ еще до переселенія жителей Суматры, принявшихъ магометанство, въ Камбоджу въ XIII в. Малайскіе типы широко распространены у такъ наз. дикарей (см. рис. стр. 658 и сбоку). Въ Чампѣ говорятъ на малайскомъ языкѣ. Если, дѣйствительно, древняя Чампа или Тсіампа была береговымъ царствомъ отъ Доннаи до Тонкина, тогда она подходитъ близко къ подобнымъ же малайскимъ приморскимъ царствамъ на архипелагѣ и на Малаккѣ. У обитателей Чампы отмѣчаютъ сходства съ баттаками, даяками и настоящими малайцами и даже съ дравидскими народами, подобно тому, какъ Крауфордъ усматривалъ даже у бирманцевъ сходство съ яванцами. Такъ называемые дикари Индокитая, такъ же, какъ и народы, оттѣснившіе ихъ въ горы, принадлежатъ, по большей части, къ монгольской расѣ. Если они бѣднѣе, подчинены въ политическомъ отношеніи и подвергаются эксплуатаціи, то они вовсе не стоятъ настолько ниже прочихъ индокитайцевъ, какъ это заставляетъ предположить неумѣстное названіе „дикарей“. У стіенговъ, лаосовъ и др. указывались даже родственныя черты съ кавказской расой. Несомнѣнно, что принадлежащіе къ народу Лаосъ въ горныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ Тонкина выше ростомъ,

свѣтлѣе цвѣтомъ и съ болѣе пріятнымъ свободнымъ и простымъ характеромъ, чѣмъ обитатели низменностей, которыхъ они считаютъ ниже себя и въ нравственномъ отношеніи. Таковы боловы верхняго Меконга, по описанію Гарманда. Другіе не отличаются отъ своихъ сосѣдей и легко отрицаютъ свое происхожденіе отъ кхасовъ, пеномовъ и т. п.; и сами лаосы на лѣвомъ берегу Меконга говорятъ: кхаса можно отличить отъ лаоса только тѣмъ, что у него больше проткнуто ухо. Ихъ этнографическіе признаки указываютъ малайское вліяніе, а, быть можетъ, и малайское происхожденіе. Къ нимъ принадлежалъ народъ рыболововъ нага на Тале-Сапѣ, которому Будда съ такимъ успѣхомъ проповѣдывалъ свое ученіе. Вѣроятность, что болѣе сильные народы сѣвера раньше проникли и къ югу, увеличивается, если мы примемъ во вниманіе, что Индія имѣла подобную же судьбу и что даже въ Китай постоянно вторгались кочевники съ сѣвера и съ запада. Исторія показываетъ, что до новѣйшаго времени во всемъ восточномъ и сѣверномъ Индокитаѣ происходитъ значительная примѣсь китайскихъ элементовъ. Населеніе Тонкина производитъ впечатлѣніе почти китайскаго; береговыя мѣстности и острова до предгорій Камбоджи заселены китайцами, и населеніе Сіама на одну шестую состоитъ изъ китайцевъ. Если мы присовокупимъ къ этому, что китайскія смѣшенія, которыя указываются на Формозѣ, подобно еврейскимъ, имѣютъ ту особенность, что китайская кровь постоянно проявляется и не легко ослабѣваетъ, то распространеніе этихъ смѣшеній всегда оказываетъ сильное вліяніе на расу. Какъ болѣе дѣятельные, свободные отъ пороковъ, зажиточные и часто болѣе цивилизованные китайцы пользуются предпочтеніемъ мѣстныхъ женщинъ. Ихъ потомки, (минхуонги) впослѣдствіи присоединяются къ дѣятельности и вліянію китайцевъ. Каждый оживленный, даже незначительный городъ Индокитая, какъ напр. Пномпенхъ, носитъ китайскій отпечатокъ.

Мѣста развалинъ Индокитая не позволяютъ намъ заглядывать въ такое далекое прошлое, какъ прошлое Египта или Вавилона, но они доставляютъ намъ данныя нѣсколько болѣе отдаленной эпохи, чѣмъ эпоха въ нѣсколько столѣтій, которая называется здѣсь историческимъ временемъ. Мы находимъ дольмены въ странѣ кхасовъ. Въ мощныхъ кьёкенмединга хъ береговъ Камбоджи, въ 2500 м. длины и 800—900 м. средней ширины, найдены были бронзовыя и каменнныя орудія. Тамъ, гдѣ ютятся теперь, по большей части, жалкія мелкія племена моевъ и подобные имъ, банамы, седаны, банары и проч., остатки городовъ на рѣкахъ Аннамы, и Лаоса показываютъ, что здѣсь существовало одно или нѣсколько государствъ, граждане которыхъ обладали развитымъ художественнымъ вкусомъ. Можно ли считать моевъ, имя которыхъ значитъ просто „люди“ (см. рис., стр. 657) ихъ потомками — остается открытымъ вопросомъ. И страна Бассакъ также имѣетъ свои развалины. Развалины Айютіи принадлежатъ уже исторической эпохѣ. Ходъ развитія кмерской архитектуры въ Камбоджѣ выказываетъ индійское вліяніе даже въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Храмъ, бывшій первоначально въ одно и то же время домомъ божьимъ и укрѣпленіемъ, развивался въ орнаментальномъ отношеніи, пока не превратился въ одно большое, декоративное цѣлое. Массивныя формы становились все болѣе и болѣе стройными; ступенчатыя башни, съ ихъ вырѣзанными зубцами и украшеніями въ видѣ лотоса, становились все легче и богаче: болѣе простое и тяжелое превращалось въ болѣе богатое и легкое. Тотъ же путь мы видимъ и въ дальнѣйшемъ развитіи пирамидъ, которыя изъ ступенчатыхъ нагроможденій превратились въ холмообразныя скопленія самыхъ роскошныхъ орнаментовъ кмерскаго искусства.

Одновременное проявленіе буддійскихъ и браманскихъ символовъ показываетъ, насколько чужда была почва, на которой пересаживались эти индійскія растенія. Между тѣмъ, какъ внутренность храмовъ заключаетъ изображенія Будды, снаружи ихъ одѣваютъ браманскіе барельефы.

Надъ главнымъ входомъ, храма въ Ангкоръ-Ватѣ на кровельной балкѣ покоится Вишну на змѣѣ. То же божество повторяется въ тысячѣ орнаментовъ въ сообществѣ Сивы, сидящаго верхомъ на быкѣ. Войдя внутрь, мы видимъ множество статуй Будды, большой отпечатокъ его ноги, гробницу, въ которой онъ распростертъ, собираясь перейти въ Нирвану. Уже одинъ фактъ, что эти зданія, несмотря на свою величину и пышность, могли быть почти забыты, бросаетъ рѣзкій свѣтъ на шаткость культурной почвы, на которой они возникли. Чѣмъ больше это развитіе роскоши, тѣмъ ближе напрашивается сравненіе съ большимъ, великолѣпнымъ цвѣткомъ, который, поднимаясь изъ воды, выказываетъ такую силу растительности, что, вмѣстѣ съ своимъ увяданіемъ, исчезаетъ, какъ сонное видѣніе. Самыя изящныя изъ этихъ произведеній должны были возникнуть между VIII и XIV вв. Это согласно съ тѣмъ, что китайскія свидѣтельства сообщаютъ намъ о развитіи южнаго Индокитая. Съ половины VI в. страна стала обширной и могущественной. Столица ея насчитывала до 20 тыс. домовъ; во всемъ царствѣ было 30 городовъ со многими тысячами домовъ. Правитель опоясывалъ около поясницы ниспадавшій до колѣнъ поясъ; онъ носилъ на головѣ усаженную жемчугомъ тіару и въ ушахъ золотыя подвѣски.... Передъ дверями его резиденціи стояла на стражѣ тысяча воиновъ, одѣтыхъ въ латы и вооруженныхъ копьями.... Жители носили волосы связанными въ пучекъ и имѣли также золотыя подвѣски въ ушахъ. На ближней горѣ храмъ охранялся всегда 5-ю тысячами человѣкъ. На рельефахъ этихъ зданій, рядомъ съ дикими туземцами, аннамитами и лаосами, замѣчаются индійскіе браманы, еврейскій и приземистый, сильный монгольскій типъ и, наконецъ, благородный, тонкій, кроткій, почти классическій — идеализація древняго камбоджскаго типа.

Женщина изъ народа Агонгъ.
(По фотографіи Россета.) Ср. текстъ, стр. 665.

Если у населенія Индокитая преобладаютъ монголоидные расовые признаки (широкій черепъ и ростъ мужчинъ, немного превышающій 1,6 м.), то вообще можно отмѣтить поразительное ослабленіе его къ югу и западу. Тонкинцы, естественно, стоятъ весьма близко къ своимъ китайскимъ сосѣдямъ; четырехугольнымъ лицомъ, небольшимъ ростомъ, оливково-бурымъ цвѣтомъ лица, они всего болѣе напоминаютъ пунтовъ провинціи Куангтунгъ. Впрочемъ, носъ у нихъ уже менѣе плоскій и скулы менѣе выдаются. У аннамитовъ замѣчаются еще болѣе сильныя уклоненія, хотя китайское смѣшеніе ясно выступаетъ и въ тосахъ, пограничныхъ жителяхъ, воздѣлывающихъ стернанисъ или бадьянъ (Illicium). Въ населеніи нижней Кохинхины можно видѣть уже смѣсь китайскихъ, малайскихъ и индійскихъ элементовъ; индійское происхожденіе имѣютъ и элементы пали въ языкѣ Камбоджи. Кмеры Камбоджи часто напоминаютъ низшія касты индусовъ. Гарнье встрѣчалъ даже арабскія черты у куйевъ страны Лаосъ.

Сіамцевъ описываютъ приземистыми, похожими на малайцевъ, а лаосовъ и шановъ — похожими на китайцевъ и болѣе малорослыми, чѣмъ бирманцы, крѣпкія фигуры и рѣзкія, болѣе благородныя черты которыхъ всего болѣе напоминаютъ горныя племена сѣверо-восточной Индіи.

Темный оттѣнокъ цвѣта кожи индокитайцевъ не согласуется съ преобладаніемъ монгольскихъ чертъ лица. Цвѣтъ многихъ индокитайцевъ походитъ на старую блестящую бронзу. Приходится иногда слышать, будто къ югу они еще темнѣе, но это не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ кмеры, „черные туземцы“ Камбоджи, какъ ихъ называютъ китайскія сообщенія, фуонги, стіенги и хамы принадлежатъ къ наиболѣе темнымъ. Но аннамиты свѣтлѣе, чѣмъ сіамцы и лаосы, мои свѣтлѣе своихъ аннамитскихъ сосѣдей, а китайцы, поселившіеся въ Индокитаѣ, особенно выдѣляются свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Всего свѣтлѣе, какъ говорятъ, родехи Камбоджи, которые по этой причинѣ, а также и ради физической силы, охотно пріобрѣтаются въ видѣ рабовъ. Нѣкоторыя изъ „дикихъ“ племенъ свѣтлѣе сіамцевъ, аннамитовъ и имъ подобныхъ. И такъ мы можемъ допустить здѣсь не одно лишь простое наслоеніе болѣе древнихъ темныхъ и болѣе новыхъ, свѣтлыхъ элементовъ. Въ мѣстной классификаціи Камбоджи всего темнѣе считаются кмеры, за ними слѣдуютъ дикари востока, малайцы и хамы и, наконецъ, сіамцы. Здѣсь надо принять во вниманіе чуждыя вліянія, которыхъ исторія совершенно не знаетъ, а они могутъ быть только малайскими и индійскими. Здѣсь могутъ быть указаны и смѣшенія. Внутреннія переселенія изъ Кохинхины въ Камбоджу и Сіамъ стали въ особенности значительны подъ французскимъ управленіемъ, и на камбоджскихъ озерахъ поселилась большая аннамская колонія. Въ Камбоджѣ, вѣроятно, имѣется небольшое число темныхъ потомковъ португальцевъ. Пока Индокитай былъ еще воинственнымъ, захваченные въ видѣ рабовъ военноплѣнные вносили въ страну массу чуждыхъ элементовъ. Согласно Юлю, въ 50-хъ годахъ населеніе Авы и Амарапуры состояло, по большей части, изъ военноплѣнныхъ кассаевъ, кашаровъ и ассамцевъ.

Характеръ, умственные и нравственные задатки и развитіе позволяютъ установить три главныхъ типа, которые обусловливаются столько же расовыми различіями, сколько и развитіемъ культурнаго уровня. Менѣе испорченныя дѣти природы, живущія въ гористыхъ мѣстностяхъ Тонкина до Бирмы, мои, стіенги и шаны, изображаются въ описаніяхъ частными, трудолюбивыми, любящими свободу. Они разселены рѣдко, но на обширныхъ пространствахъ, въ величинѣ которыхъ выражается незначительная сила индокитайскихъ государствъ. Область моевъ, совершенноне извѣстная кохинхинцамъ, начинается уже въ 50 геогр. миляхъ выше устья Меконга. Ихъ разстояніе въ нравственномъ отношеніи отъ жителей низменностей и городовъ во всякомъ случаѣ очень велико. „Между тѣмъ, какъ въ колоніи, что бы ни говорили, приходится жить въ скопленіи отверженныхъ людей, бѣглыхъ невольниковъ и т. п., раздѣлившихся на племена, въ лѣсахъ мы встрѣчаемъ спокойное, бодрое, достойное уваженія и трудолюбивое населеніе.“ (Готье о мояхъ.) Тонкинцы, аннамиты, сіамцы и бирманцы въ сравненіи съ ними являются въ состояніи разложенія, причемъ культура не выражается у нихъ съ своей хорошей стороны, какъ у китайцевъ. Знатоки отличаютъ ихъ уже по большей зависимости и подчиненности. Тѣмъ не менѣе, настоящей тонкостью обращенія и достоинствомъ они стоятъ ниже китайцевъ, равняясь съ ними только скрытностью. О бирманцахъ, которые, всѣ безъ исключенія въ высшемъ и низшемъ сословіи, страстные любители театра, говорятъ, что они и въ жизни играютъ комедію. „Въ Бирмѣ каждое дѣло отъ управленія страною до посадки капусты совершается какъ то мимоходомъ, случайно, шутя и съ такою вялостью, какъ будто „безпощадное время“ есть только созданіе вооб-

раженія.... Торговля, повидимому, тѣми, кто занимается ею, также считается какой то игрой." (Арчибальдъ Форбсъ). „Легко придти, легко уйти" — любимая поговорка бирманцевъ. И сіамцевъ описываютъ, какъ мягкій, любопытный, болтливый народъ, который раньше всѣхъ вступилъ въ сношенія съ европейцами. Но объ ихъ мягкости въ поступкахъ и строгой религіозности отзываются съ похвалой. Отъ смѣшенія этой легкости съ китайской разумностью и серьезностью тонкинцы стали, быть можетъ, лучшимъ народомъ Индокитая. „У обитателей Тонкина есть болѣе развитая способность къ дѣламъ, чѣмъ у кохинхинцевъ; въ то же время они дѣятельнѣе и торгуютъ всѣмъ. Они любятъ денежную наживу, но стараются не только пріобрѣтать, но и пользоваться ею. Тонкинецъ расточителенъ; онъ — большое, беззаботное дитя и любитель развлеченій и празднествъ; онъ не жалѣетъ никакихъ денегъ на пышныя церемоніи и похороны. Въ другихъ отношеніяхъ характеръ его сходенъ съ характеромъ китайца, который, конечно, болѣе думаетъ о будущемъ и не цѣнитъ такъ мало своихъ заслугъ. Тонкинцы обыкновенно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ за столомъ (Дюпюи). Китайцы справляются быстрѣе въ практическихъ вопросахъ въ качествѣ и дѣловыхъ людей, и чиновниковъ. Камбоджанцамъ приписывается нѣсколько тяжеловѣсная честность. Часто приходится слышать, что аннамиты — французы востока, самые веселые изъ всѣхъ восточныхъ людей. „Аннамиты такъ же, какъ и французы, всегда веселы и болтливы, между тѣмъ, какъ китайцы всегда выступаютъ съ достоинствомъ и, по крайней мѣрѣ, придаютъ себѣ серьезный видъ. Сіамцы, быть можетъ, по характеру — самый мягкій народъ." (Барроу). Аннамиты — безпощадные игроки. Ни они, ни тонкинцы не имѣютъ воинственныхъ задатковъ. Французы встрѣтили рѣшительное сопротивленіе впервые тогда, когда столкнулись съ „черными флагами" китайскаго происхожденія.

Женщина народа Бенонгъ съ ребенкомъ. (По фотографіи Россета.) Ср. текстъ, стр. 665.

Превосходство китайцевъ надъ всѣми индокитайцами признается повсемѣстно. Бауринг находилъ, правда, у сіамцевъ болѣе утонченную малайскую основу, но безъ той высшей законченности, какая достигается въ Китаѣ. Это превосходство заключается нетолько въ богатствѣ и энергіи торговцевъ (первыя европейскія посольства, посѣтившія Амарапурскій дворъ, принимались только въ присутствіи китайскихъ купцовъ). Всѣ эти страны тяготѣютъ къ Китаю, какъ къ странѣ денегъ, власти, знаній и умѣнія. Правленіе въ нихъ ихъ тягостнѣе и произвольнѣе, общественная безопасность меньше, національное чувство слабѣе. Тонкинцамъ свойственно пристрастіе къ старымъ европейскимъ мундирамъ, которыхъ не хочетъ знать китаецъ, привыкшій къ своей унаслѣдованной отъ предковъ практичной одеждѣ. Различіе это доходитъ до мелочей. Мы называемъ китайца грязнымъ, но въ отношеніи опрятности аннамитъ стоитъ почти ниже всѣхъ другихъ народовъ. Изъ Китая исходитъ все, что въ восточномъ и южномъ Индо-

китаѣ можетъ быть названо наукой. Даже въ Аннамѣ все книжное богатство ученаго состоитъ изъ произведеній Конфуція и китайскихъ сочиненій по медицинѣ, астрологіи и т. п., и литературный языкъ аннамита также проникнутъ китайскими словами, какъ турецкій—арабскими. Въ сіамской беллетристикѣ встрѣчаются переводы съ китайскаго, иногда по нѣсколько разъ; китайскія вліянія замѣчаются и въ ея стилѣ. Китайскій языкъ, считающійся культурнымъ языкомъ въ Индокитаѣ, для многихъ служитъ разговорнымъ языкомъ, и еще большее число понимаетъ его и пишетъ на немъ. У кмеровъ мы вступаемъ уже въ область индійской литературы; литература ихъ состоитъ изъ философскихъ и религіозныхъ произведеній на языкѣ пали. И Бирма, языкъ которой служитъ обиходнымъ языкомъ для многихъ небирманскихъ народовъ западнаго Индокитая, пользуется индійской письменностью, и литература его питается изъ индійскихъ источниковъ.

Зодчество и ваяніе Индокитая, находясь подъ индійскимъ вліяніемъ, стояли на иной высотѣ, чѣмъ теперь. „Со времени находокъ ассирійскихъ развалинъ, открытіе разрушенныхъ городовъ Камбоджи составляетъ важнѣйшій фактъ въ исторіи искусства Востока.“ (Фергюсонъ; объ этихъ зданіяхъ ср. стр. 617 и 661). Величественные остатки обнаруживаютъ также Бирма и Сіамъ. Они находились подъ вліяніемъ стимуловъ, исходившихъ изъ индійскихъ колоній въ Камбоджѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ архитектурѣ тамъ преобладаетъ рѣзкое, жесткое, фантастическое. Болѣе древнія бирманскія постройки выказываютъ замѣчательное пристрастіе къ аркѣ, напоминающей готическую. Дикая, необузданная фантазія пробивается повсюду, гдѣ внѣшняя форма не убиваетъ мысли. Идеи, вынесенныя изъ Цейлона, угасли и въ произведеніяхъ зодчества. На ряду съ храмомъ Канди, который искуснымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣни или цѣлесообразной разстановкой нѣкоторыхъ удачныхъ изображеній производитъ торжественное, величавое и сильное впечатлѣніе, сіамскій храмъ, со своимъ обиліемъ мелкихъ предметовъ и сусальнаго золота изъ китайскихъ лавокъ, со своими сотнями фигуръ, напоминаетъ скорѣе дѣтскую игрушку, чѣмъ мѣсто молитвы. Послѣ Сіама, съ упадкомъ могущества Камбоджи, центръ тяжести культурнаго развитія перенесенъ былъ въ южный Индокитай. Не отличающіяся тонкостью исполненія, но въ общемъ производящія величественное и изящное впечатлѣніе, колоколообразныя, пирамидальныя башни Айютіи, древней сіамской столицы, напоминаютъ болѣе поздніе формы кмерской архитектуры. Хотя родство кмерскаго искусства съ индійскимъ не можетъ подлежать сомнѣнію, но все-таки для насъ достаточно темны и развитіе его на югѣ Индокитая, и путь, какимъ оно пришло изъ Индіи. Оригинальныя стороны кмерскаго искусства — величественное расположеніе входныхъ воротъ, окруженныхъ колоннами, и верхняя часть крыши, покоящаяся на пилястрахъ, а также и законченность изваяній — выступаютъ передъ нами безъ всякихъ попытокъ и промежуточныхъ ступеней приближенія къ этой законченности. Кмерское искусство, по своей сущности и по своему плану, сохраняетъ индійскій характеръ, но форма его потерпѣла нѣкоторыя превращенія. Восточно-азіатскія вліянія не могли развить чувства цвѣта у индокитайцевъ. Бирманцы, правда, пишутъ цвѣты, но остаются далеко позади своихъ китайскихъ образцовъ. Въ Сіамѣ преимущественно китайцы расписываютъ буддійскіе храмы, часто двусмысленными изображеніями наказаній и наградъ будущей жизни.

Аннамиты высшихъ сословій носятъ тюрбанообразную шапку — мужчины изъ чернаго, а женщины изъ бѣлаго крепа — и длинную тунику съ очень широкими рукавами. Эта одежда одинакова у обоихъ половъ, такъ же, какъ и широкіе шаровары. Партикулярную одежду мужчинъ составляетъ еще узкая куртка съ стоячимъ воротникомъ. На платьѣ, предписанномъ классу мандариновъ, изъ китайскихъ матерій, нашиваются, по китайскому образцу, символическія изображенія животныхъ. Высшіе мандарины Аннама

прикрываютъ себѣ голову черной шапочкой съ вызолоченными орнаментами, пряча подъ нею заплетенные длинные волосы, и придѣлываютъ сзади съ той и другой стороны узкое крылышко, вродѣ крыла стрекозы, изъ газа, стоящее горизонтально; это крылышко имѣетъ до $^1/_3$ м. длины и вышито золотыми нитями. Четыре низшіе класса носятъ подобную же шапочку безъ крыльевъ Китайскіе башмаки съ толстыми бѣлыми подошвами находятся въ общемъ употребленіи. Толстая дощечка изъ слоновой кости, прикрѣпляемая на груди, или такая же дощечка меньшихъ размѣровъ, висящая на шеѣ, считается признакомъ извѣстнаго общественнаго положенія. Для высшихъ чиновъ неизбѣжны сопровождающія ихъ лица съ необходимыми предметами, каковы трубка, коробка для бетеля, бумага, письменный приборъ и чайникъ съ чашкою. Военный мандаринъ, кромѣ того, заставляетъ нести передъ собою свою саблю въ деревянныхъ или черныхъ мѣдныхъ ножнахъ, выложенныхъ перламутромъ. На индійской сторонѣ полуострова мы находимъ у сіамцевъ бѣлые шаровары южныхъ индійцевъ и малайцевъ съ шарфомъ, кусокъ ткани, покрывающій грудь (сари индусовъ), вышитую золотомъ парчевую куртку и небольшую шлемообразную шапку изъ чернаго бархата или шелка съ вызолоченными украшеніями. Большіе тюрбаны шановъ изъ куска ткани длиною въ 15 м., темно-синяго цвѣта, какъ и вся одежда этихъ народовъ, напоминаютъ Индію. Бумажная ткань, шириною въ ладонь вокругъ бедръ мужчины, короткая юбка у женщинъ, а при тяжелой работѣ и въ жаркую погоду, только свѣшивающіеся сзади лоскутки составляютъ одежду ниже стоящихъ племенъ, каковы кхасы, мои, стіенги и друг. (см. рис. стр. 657, 661 и 663). Въ качествѣ украшенія, употребляются ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ или раковинъ, тонкія кольца изъ красной или желтой мѣди, надѣваемыя на предплечья плотно одно надъ другимъ, какъ у негровъ, и металлическій или деревянный цилиндръ въ ушахъ, которымъ не пренебрегаютъ и стоящіе еще ниже лаосы крайнихъ восточныхъ областей.

Молодая сіамка. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 666.

Небольшой камзолъ, вродѣ малайскаго, у женщинъ кхасовъ составляетъ скорѣе украшеніе, чѣмъ одежду. Ко многимъ изъ этихъ племенъ, напр., къ моямъ, золото не проникло, и серебро цѣнится едва ли выше широко распространенной мѣди, также повсемѣстно употребляемой для украшеній. Неумѣстное пользованіе европейскими мундирами проникло на югъ и западъ, но не на востокъ, гдѣ слѣдитъ за этимъ китайская культура. У лаосскихъ начальниковъ даже и внутри страны можно видѣть европейскую рубашку, надѣтую сверхъ шелковаго платья.

Тонкинцы не привыкли къ косѣ (она не считается національной даже у южныхъ китайцевъ), а связываютъ свободно растущіе волосы на темени въ пучекъ. Сіамцы коротко стригутъ ихъ, оставляя только вѣнчикъ (см. рис. 665), прикрывающій темя, а у женщинъ принимающій форму пламени съ металлической булавкой. Аннамиты увеличиваютъ этотъ хохолъ искусственнымъ утолщеніемъ, которое продается на рынкахъ. Борода у аннамитовъ растетъ, правда, не сильнѣе, чѣмъ у сіамцевъ, но когда мы, перейдя черезъ лаосскую границу, попадаемъ въ Аннамъ, мы встрѣчаемъ скудную, но выхоленную бороду и усы у китайцевъ, какихъ нельзя видѣть въ Сіамѣ и Лаосѣ.

Широко распространенное, въ особенности высоко развитое у шановъ искусство плетенія доставляетъ разнообразныя шляпы изъ соломы и луба, защищающія отъ солнца и дождя, по большей части, изъ листьевъ вѣерообразной пальмы. Коническая шляпа аннамитовъ мужчинъ прикрываетъ голову, точно гасильникъ, до самыхъ плечъ, а широкая и плоская шляпа женщинъ походитъ на крышку большой, круглой кастрюли. Съ краевъ ея свѣшиваются двѣ шелковыя ленты съ кисточками до колѣнъ, а на днѣ вставлено маленькое зеркальце, въ которое та, кто ее носитъ, можетъ видѣть свои узкіе глаза, маленькій носъ и зубы, почернѣвшіе отъ жеванія бетеля.

Украшеніе нигдѣ не бываетъ чрезмѣрнымъ. Даже зажиточныхъ аннамитокъ нерѣдко можно узнать только по двумъ янтарнымъ шарикамъ въ ушахъ или по серебрянымъ и янтарнымъ цѣпочкамъ, которымъ приписывается цѣлебная сила. Вслѣдствіе этого, и мужчина носитъ ихъ во время беременности жены. Мандарины носятъ кольца, и тамъ, гдѣ законы противъ роскоши не имѣютъ силы, и дочери бѣдныхъ людей щеголяютъ большими серебряными перстнями. Длинные ногти, въ особенности на лѣвой рукѣ, составляютъ признакъ сословнаго положенія и учености. Безчисленныя мѣдныя пуговицы туникъ въ сѣверномъ Лаосѣ также служатъ украшеніемъ. Татуировка нѣкогда имѣла широкое распространеніе. Аннамиты утверждаютъ, что они давно ужъ примѣняли ее по приказанію одного изъ своихъ царей, чтобы обмануть морскихъ чудовищъ при рыбной ловлѣ. Въ настоящее время, помимо болѣе мелкихъ народовъ, она производится только у лаосовъ полинезійскимъ способомъ, посредствомъ связанныхъ иглъ. Въ прежнее время обитателей страны Лаосъ дѣлили на нетатуированныхъ и татуированныхъ, и у этихъ послѣднихъ различали зеленую и черную татуировку. Обычай этотъ въ настоящее время исчезаетъ, но въ сѣверномъ Лаосѣ можно найти еще людей, тѣло которыхъ такъ-же покрыто татуировкою, какъ у жителей Маркизскихъ острововъ. У кайеновъ татуируются только женщины, а тахои татуируютъ себѣ лишь верхнія губы. Уродованіе ногъ по китайской модѣ въ Тонкинѣ вовсе не встрѣчается или весьма рѣдко. Обрѣзаніе, кромѣ магометанъ, производится и у хамовъ, и у нѣкоторыхъ сосѣднихъ племенъ. Подпиливаніе зубовъ съ помощью камней указывается у банаровъ и другихъ „дикихъ племенъ“ Индокитая.

Вооруженіе въ восточныхъ царствахъ имѣетъ китайскій характеръ, объясняемый тѣмъ, что китайскія войска довольно часто переходили границы (ср. выше, стр. 658). Аннамиты обмундированы по китайски; такъ-же,

какъ и въ Китаѣ, главнымъ оружіемъ служатъ для нихъ фитильное ружье и копье. Копья съ клинками, алебарды и трезубцы встрѣчаются часто. Большинство аннамитскаго войска было вооружено ими еще въ войну 1883 г. Луки и стрѣлы постепенно исчезаютъ. Еще недавно можно было видѣть отряды съ овальными кожаными щитами въ $^2/_3$ человѣческаго роста — остатокъ древняго вооруженія. По своему значенію, всякое другое оружіе превосходитъ неизбѣжная бамбуковая трость, которой солдаты вдохновляются и наказываются. Она вообще играетъ важную роль: въ Аннамѣ нѣтъ ни одного живого существа, которому свистъ бамбуковой трости не былъ бы хорошо знакомымъ звукомъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Китаѣ, не было первоначально сплоченной вооруженной силы. Неизбѣжнымъ спутникомъ воиновъ кхасовъ и моевъ, а также и другихъ племенъ, служитъ самострѣлъ; въ домахъ, гдѣ много имущества, можно найти большіе самострѣлы для слоновъ и меньшихъ размѣровъ для оленей и козуль. Миніатюрные самострѣлы употребляются въ качествѣ игрушекъ для дѣтей, а, быть можетъ, и для знахарей. Къ стрѣламъ придѣланы желѣзные наконечники, которые, повидимому, часто бываютъ отравлены. Колчанъ изъ бамбука украшается иногда красивой рѣзьбой, имѣющей у стіенговъ индійскій характеръ. По свидѣтельству Гарманда, кхасы пробиваютъ на разстояніи 15—20 шаговъ бамбуковой стрѣлой безъ желѣзнаго наконечника доску толщиной въ 1 см.; ему никакъ не удалось натянуть самострѣлъ, между тѣмъ, какъ кхасы дѣлаютъ это въ самое непродолжительное время. Саблевидный, слегка изогнутый ножъ употребляется для вырубанія кустарника, а клинки копій служатъ для военныхъ цѣлей. Большое копье примѣняется на охотѣ за крупными звѣрями; кинжалообразный ножъ меньшихъ размѣровъ съ кривой рукояткой носятъ за поясомъ.

Мотивъ защиты широко распространенъ въ расположеніи деревень и домовъ, въ особенности въ свайныхъ постройкахъ; но тамъ, гдѣ боятся пиратовъ, какъ, напр., на нижней Сонгкѣ, поселенія отодвигаются отъ воды. Аннамитъ живетъ или на водѣ, или на илѣ (Морисъ). Палисады и терновыя изгороди окружаютъ деревни. Бамбуковыя острія, спрятанныя въ травѣ, затрудняютъ доступъ къ нимъ и ставятся даже вокругъ домовъ. Въ центрѣ небольшой площади, окруженной хижинами, поднимается небольшая платформа, поставленная на срѣзанномъ древесномъ стволѣ для ночной стражи. Противъ вредныхъ духовъ на деревья и жерди вѣшаются амулеты, и тонкія хлопчатобумажныя нити, натягиваемыя вокругъ крыши для огражденія отъ духовъ, спускаются въ маленькіе кучки песку. Изъ страха занести въ деревню что нибудь дурное, тамъ отказываются даже отъ подарковъ. Жилыя мѣста дикарей заслуживаютъ только названія поселковъ. Жалкая деревня кхасовъ, хотя и окруженная палисадомъ, кажется цыганскимъ таборомъ на ряду съ деревней лаосовъ съ ея кокосовыми пальмами и манговыми деревьями и неизбѣжной пагодой посреди гладко утоптанной деревенской площади. Только укрѣпленія придаютъ ей не совсѣмъ заманчивый характеръ. Мои и кхасы живутъ часто на высокихъ шаткихъ сваяхъ или на древесныхъ стволахъ съ срѣзанной верхушкой. Хижины ихъ состоятъ изъ плохо связаннаго остова, прикрытаго листьями и камышемъ. Стѣны поставлены не прямо, а наклонены внутрь, но у лучшихъ домовъ балки покрыты рѣзьбою. У народовъ, пользующихся безопасностью и благосостояніемъ, какъ, напр., у кхасовъ Дуона, жилище строится въ видѣ большой семейной хижины, гдѣ въ заднемъ поперечномъ покоѣ находится алтарь: это — „комната предковъ“. У лаосовъ и моевъ такой домъ достигаетъ 30—40 м. длины, 15 м. ширины, и полъ лежитъ на 2—3 м. надъ землею. Вокругъ стоятъ хижины для запасовъ, изъ которыхъ многія поставлены на сваяхъ. Даже въ самомъ густомъ, отдаленномъ лѣсу неожиданно приходится встрѣчать маленькія хижины на шаткихъ сваяхъ: въ нихъ хранится самое дорогое изъ достоянія семьи или клана. Безчис-

ленныя китайскія поселенія можно узнать тотчасъ же по болѣе прочной постройкѣ изъ камня и извести.

Въ городѣ и въ городкѣ возвышается „міунгъ“, особый городокъ, въ которомъ въ четвероугольникѣ изъ досокъ высотой до 3-хъ м. и около 80 м. боковой длины стоятъ дома лучшей постройки, съ красиво вырѣзанными балками и острыми кровлями, покрытыми досками, лежащими другъ на другѣ на подобіе черепицы. Такъ, въ Аннамѣ такой четвероугольникъ посрединѣ предмѣстій представляетъ городокъ духовныхъ лицъ, чиновниковъ и солдатъ, а въ этомъ четвероугольникѣ другой представляетъ дворцовый городокъ, посрединѣ котораго остріе башни означаетъ ось царства или провинціи. Этотъ китайскій стиль выказывается въ украшеніи воротъ до Гуэ и Сайгона. Видъ цитадели Гуе, съ квадратными сторонами длиною въ 3 клм., надъ зубцами которой не возвышается ни одной пагоды, ни одного памятника, и только мѣстами гребень черепичной крыши или зелень дерева, имѣетъ совершенно китайскій характеръ. И въ Сіамѣ проводится китайское подраздѣленіе на провинціальные или окружные главные города: Бассакъ есть міунгъ, имѣющій значеніе главнаго города провинціи. Мѣстному уровню культуры соотвѣтствуетъ частое перенесеніе столицъ: Бирма въ теченіе этого столѣтія управлялась изъ трехъ различныхъ центровъ (Амарапура, Ава и Мандалай). Легко понять, что Мандалай или Паттаніапура, будучи „резиденціей, украшенной пурпуромъ и золотомъ, несмотря на весь свой блескъ, имѣетъ только видъ собранія палатокъ, которыя завтра могутъ быть сложены и перенесены въ другое мѣсто“ (Бастіанъ). Въ Индокитаѣ нельзя найти городовъ, имѣющихъ размѣры и прочность китайскихъ городовъ съ милліоннымъ населеніемъ. Въ Бангкокѣ, самомъ большомъ городѣ Индокитая, съ 400 т. жителей, наиболѣе крупные торговые дома и лавки расположены на плотахъ или стоятъ на сваяхъ на Менамѣ, каналы котораго образуютъ самыя оживленныя улицы. Но еще въ то время, когда Кемпферъ велъ дневникъ своего путешествія по Сіаму, Бангкокъ былъ только незначительнымъ собраніемъ конторъ и товарныхъ складовъ, а Айютія была главнымъ городомъ. Въ комнатѣ аннамитскаго дома одна сторона занята возвышеніемъ, служащимъ только для ея обитателей и недоступнымъ для рабовъ; на одномъ концѣ его стоитъ жертвенный столъ рядомъ съ домашнимъ алтаремъ, на другомъ—столикъ для чая и бетеля и мѣдная плевальница.

Почти всѣ народы Индокитая прилежно занимаются земледѣліемъ. Шанамъ искусственное орошеніе и разведеніе чая удается лучше, чѣмъ ихъ властителямъ бирманцамъ, и они вывозятъ даже чай въ Китай. Лаосы возложили на дикарей своей страны обязанность воздѣлывать для нихъ рисъ; они спускаются въ извѣстное время на равнину и берутъ себѣ жатву. Подобно тому, аннамитскіе эмигранты пользуются рабски подчиненными имъ моями для воздѣлыванія риса и для разведенія плодовыхъ растеній на новыхъ мѣстахъ. Воздѣлываніе риса преобладаетъ повсюду. На всемъ востокѣ приходится видѣть китайскій способъ обработки. Изъ всего вывоза нерѣдко три четверти составляетъ рисъ. Даже Сіамъ, гдѣ культура его гораздо менѣе интенсивна (ею занято въ Сіамѣ не болѣе четверти страны и только половина плодородной долины Менама), въ прежнее время значительныя количества риса отправлялъ въ Китай. Въ 1890 г. онъ составлялъ $^5/_6$ вывоза. Почвенныя условія настолько благопріятствуютъ воздѣлыванію риса, что только въ мѣстностяхъ сѣвернаго Лаоса маисъ играетъ нѣкоторую роль. Рисъ является главнымъ пищевымъ средствомъ, которому, хотя и несправедливо, приписывали вялость сіамцевъ. Въ тонкинской низинѣ разливы Сонгки часто уничтожаютъ рисовые посѣвы, несмотря на плотины высотою въ 7—8 м., которыми огораживаются сообща цѣлыя группы деревень. Особый сортъ риса, такъ наз. „клейкій рисъ“, воздѣлывается для жертвоприношеній. Земледѣліе процвѣтаетъ и въ Аннамѣ. Одинъ фран-

цузскій путешественникъ называетъ его „озаренною солнцемъ страною, полною рисовыхъ полей, насажденій бататовъ, шелковичныхъ деревьевъ, клещевины и маиса, гдѣ повсюду люди копаютъ, рубятъ, носятъ воду". Обиліе деревень въ тѣни арековыхъ и кокосовыхъ пальмъ создаетъ настоящій культурный ландшафтъ. Здѣсь маслянистый орѣхъ банкуль (Aleurites triloba) составляетъ главный предметъ хозяйственной дѣятельности. Чай воздѣлывается въ сѣверномъ Аннамѣ и Тонкинѣ, но зажиточные люди пьютъ только привозный чай. Точно также тонкинскій шелкъ цѣнится ниже китайскаго, но для извѣстныхъ цѣлей вывозится въ Китай и Японію. Здѣсь, какъ и въ Китаѣ, плотины рисовыхъ полей обсаживаются шелковичными деревьями. Сахарныя плантаціи находятся, по большей части, въ рукахъ китайцевъ, которые ежегодно въ большомъ числѣ приходятъ изъ Амоя и арендуютъ землю за незначительную годовую плату. Сахарный тростникъ, разводимый ими, они перепродаютъ китайскимъ владѣльцамъ сахарныхъ мельницъ. И разведеніе перца, кардамона и корицы въ Сіамѣ и индиго въ Тонкинѣ находится въ сущности въ рукахъ китайцевъ. Пока Сіамъ не открылся для европейской торговли, всѣ эти произведенія, а также и цѣнныя деревья отправлялись въ Китай. Къ сожалѣнію, земледѣліе края стѣснено налогами и монополіями, вслѣдствіе чего въ Сіамѣ обложены повинностями не только отдѣльныя кокосовыя пальмы, но и всѣ кокосовые орѣхи, все количество добываемаго масла, даже метлы изъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ. Дикій рисъ даютъ лошадямъ и собираютъ для людей во времена нужды, когда даже плоды лотоса идутъ въ пищу.

Важное значеніе въ хозяйствѣ этихъ народовъ имѣетъ участіе ихъ въ рубкѣ деревьевъ, принимающей большіе размѣры въ областяхъ истоковъ или на верхнемъ теченіи рѣкъ, въ особенности, Салуена и Менама. Прежде всего тиковое дерево, за нимъ черное и сандаловое и агиловое (Aguillaria Agallocha) являются предметомъ этой промышленности. Бастіанъ разсказываетъ потрясающія вещи о рубкѣ тиковыхъ деревьевъ, когда шаны и лаосы, рѣже сіамцы и бирманцы, работаютъ въ пустынномъ, дѣвственномъ лѣсу между Салуеномъ и Менамомъ, и китайцы приносятъ имъ водку, табакъ и другіе предметы роскоши, а ночью выигрываютъ у нихъ заработанныя деньги. Плугъ извѣстенъ почти повсюду. Болѣе тяжелая китайская мотыка, сходная съ европейской, распространена китайцами въ сѣверномъ Индокитаѣ: мѣстное орудіе слишкомъ легко для основательной работы. Кхасы для вырыванія углубленій для сѣмянъ и вскапыванія и размельченія почвы употребляютъ, въ видѣ полевого орудія, заостренную палицу изъ твердаго, тяжелаго дерева, которая искусно укрѣплена съ помощью поперечныхъ тяжей въ разщепленномъ концѣ бамбуковой трубки.

Буйволъ — самое важное домашнее животное въ Индокитаѣ; кромѣ цѣнности, представляемой имъ въ качествѣ вьючнаго животнаго, онъ употребляется, какъ животное, привычное къ болотистой почвѣ, для важной цѣли обработки рисовыхъ полей, что́ для него возможно при его массивномъ тѣлѣ. Всего чаще онъ встрѣчается въ Лаосѣ. Повозки, запряженные буйволами, можно видѣть въ верхнемъ Аннамѣ; въ другихъ мѣстахъ, кромѣ слоновъ, переноска тяжести возлагается на человѣка. Слѣдующее мѣсто за буйволомъ занимаетъ индійскій горбатый скотъ и небольшая тощая индійская порода рогатаго скота. Къ самымъ характернымъ звукамъ лаосской деревенской сцены принадлежитъ звонъ деревянныхъ колокольчиковъ возвращающихся домой буйволовъ и быковъ и рѣзкій крикъ отправляемыхъ для купанья ручныхъ слоновъ. Скачки на быкахъ играютъ роль важнаго спорта въ Камбоджѣ. Небольшія лаосскія лошади имѣютъ значеніе для перевозки тяжестей и для верховой ѣзды. Индокитай — страна ручныхъ слоновъ; это прирученіе особенно удается лаосамъ и ихъ дикимъ сосѣдямъ. Огромная сила этихъ животныхъ составляетъ для владѣльцевъ ихъ большую хозяйственную выгоду; неудивительно поэтому, что аннамскіе

короли монополизировали не только слоновую кость, но и ручныхъ слоновъ. У короля Камбоджи ихъ было до 300. Обширное примѣненіе слоновъ у индокитайцевъ отчасти объясняетъ несовершенство ихъ путей сообщенія. „О дорогахъ лаосы обыкновенно не заботятся: въ одно мгновенье слонъ вырываетъ съ корнемъ мѣшающія ему деревья, разрываетъ ползучія растенія, прокладываетъ себѣ дорогу въ бамбуковой чащѣ и при этомъ всегда принимаетъ во вниманіе ширину и высоту своего груза. У кого есть слонъ, тому не надо заботиться ни о дорогахъ, ни о мостахъ; онъ карабкается вверхъ и внизъ тамъ, гдѣ козы пришли бы въ затрудненіе.“ (Гармандъ.)

Питаніе индокитайскихъ народовъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ риса, а также изъ рыбы и тропическихъ плодовъ. При большей бѣдности и меньшей рабочей способности, оно гораздо скуднѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Барроу находилъ, что китаецъ въ одну недѣлю тратитъ больше на ѣду, чѣмъ сіамецъ въ два или въ три мѣсяца. Жеваніе бетеля простирается до южнаго Юннана. Въ Тонкинѣ нельзя видѣть на улицѣ ни одного чиновника или человѣка съ извѣстнымъ положеніемъ безъ сопровожденія слуги, несущаго изящный ящичекъ, содержащій бетель, табакъ, арековый орѣхъ и пр., а у ученыхъ, кромѣ того, кисть и чернила. Вмѣстѣ съ тѣмъ опіумъ, благодаря вліянію китайцевъ въ Тонкинѣ и Сіамѣ, распространился, несмотря на высокую пошлину, въ обширной области. Чай воздѣлываютъ и пьютъ въ Тонкинѣ, Аннамѣ и шанскихъ государствахъ; въ Бирмѣ его любятъ высшіе классы. Листья крупнолистнаго вида чая ѣдятъ здѣсь вмѣсто салата. Изъ спиртныхъ напитковъ имѣется легкая рисовая водка и затѣмъ перебродившій сокъ сахарнаго тростника и ананаса.

Береговая рыбная ловля до самаго Сіама находится, по большей части, въ рукахъ китайцевъ, которые при этомъ занимаются незначительнымъ каботажемъ, неискоренимыми морскими разбоями, а на китайской границѣ — громадной контрабандой. На береговыхъ островахъ въ Тонкинскомъ заливѣ живутъ исключительно китайцы. Здѣсь они собираютъ и отправляютъ въ Китай морской огурецъ (трепангъ) и водоросль „агаръ-агаръ“. На нѣкоторыхъ островахъ они поселились въ небольшомъ числѣ; къ другимъ ихъ джонки пристаютъ только на пути, чтобы запастись продовольствіемъ, помолиться и принести жертву какому-нибудь священному изображенію. Внутри страны лаосы съ искусствомъ и усердіемъ занимаются рыбной ловлей въ водахъ Меконга; у камбоджцевъ, въ ихъ низко лежащихъ, ежегодно затопляемыхъ и легко загораживаемыхъ плотинами мѣстностяхъ попадаются превосходныя рыболовныя мѣста, вслѣдствіе чего они могутъ вывозить въ большомъ количествѣ, съ помощью китайцевъ, соленую и сушеную рыбу. Ежегодно въ концѣ осени около 20 тыс. человѣкъ переселяются изъ Камбоджи и Кохинхины на берега высоко поднявшагося озера и ловятъ рыбу изъ хижинъ, поставленныхъ на сваяхъ.

Въ торговлѣ съ Индокитаемъ Китай вымѣниваетъ сырье, имѣющее цѣнность (сырой хлопокъ, соль, сахаръ, металлы, благородные камни), на шелкъ, опіумъ, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, сухіе плоды, ткани и безчисленныя мелочи, даже фарфоръ. Отсюда уже видно, что промышленность стоитъ тамъ на иной ступени, чѣмъ въ Китаѣ и Японіи. Вкусъ зодчихъ и ваятелей кмеровъ, декоративныя украшенія которыхъ французы сравнивали по общему впечатлѣнію съ своими произведеніями поздней готической эпохи, оставилъ нѣкоторые слѣды развѣ только у золотыхъ дѣлъ мастеровъ. По указаніямъ путешественниковъ производительность въ Тонкинѣ всего болѣе и всего менѣе въ Сіамѣ. Въ первомъ высоко развито тонкое столярное дѣло и рѣзьба по дереву: тонкинскія лакированныя издѣлія и перламутровыя инкрустаціи пользуются большой славой; напротивъ, металлическія издѣлія почти всѣ ввозятся изъ Китая. Согласно стариннымъ законамъ, китайцамъ не позволяется вывозить необработанныхъ

металловъ. Издѣлія, выложенныя металломъ, изготовляются особенно красиво въ Ганоѣ изъ раковинъ рѣчной улитки. Тамъ существуетъ даже особая улица, называемая „Rue des Incrustateurs“. Фарфоръ образуетъ важную часть китайскаго ввоза, въ особенности черезъ Рангунъ въ Бирму; голубой фарфоръ по японскому образцу выдѣлывается въ Аннамѣ, вѣроятно, японскими переселенцами. Многочисленные цѣнные камни Индокитая, въ особенности рубинъ, знаменитый ядеитъ изъ Могунга и янтарь изъ Гукунга разыскиваются и выкапываются шанами и какьенами и сдаются китайцамъ, арендующимъ эти копи, въ сыромъ видѣ для дальнѣйшей обработки. Къ бирманцамъ и шанамъ китайцы и лаосы ввозятъ желѣзные плуги. Въ Индокитаѣ седанги занимаются кузнечнымъ дѣломъ: въ 70 деревняхъ тамъ выплавляется и обрабатывается желѣзная руда. Во времена Крауфорда китайцы въ большомъ числѣ разрабатывали бирманскіе серебряные рудники. Китайцы прилагаютъ руки и къ много обѣщающимъ тонкинскимъ золотымъ, серебрянымъ и желѣзнымъ рудникамъ. Сіамцы доставляютъ руду къ печамъ, къ которымъ приставлены китайскіе рабочіе, продаютъ ее необыкновенно дешево, и желѣзо отправляется на судахъ въ Бангкокъ. И оловянные рудники разрабатываются, по большей части, китайскими компаніями. Въ Бангкокѣ всѣ художества и ремесла, отливка олова, кузнечное и дубильное дѣло находятся въ рукахъ китайцевъ. Бирманцы вывозили всегда значительную часть своихъ бумажныхъ матерій съ Коромандельскаго берега и изъ Китая; они мало занимаются пряжей и тканьемъ. Индокитайскіе ткачи не могутъ выдѣлывать тяжелыхъ шелковыхъ матерій, вродѣ китайскихъ. И бумагу сіамцы не могутъ дѣлать такъ хорошо и дешево, какъ китайцы, и должны предоставлять послѣднимъ и приготовленіе обуви. Въ лакированныхъ издѣліяхъ шаны пошли далѣе своихъ бирманскихъ сосѣдей. Китайскіе лакированные бамбуковые плетеные товары славятся отъ Ньюнгу до Пагана. Китайскіе выдуватели стекла работаютъ и въ Бирмѣ. Заработная плата здѣсь во много разъ ниже, чѣмъ въ Китаѣ, но и жизнь стоитъ еще дешевле. „Здѣсь работаютъ за ничто и живутъ менѣе, нежели ничѣмъ.“ Въ Китай вывозятся и шкуры, — все это проходитъ черезъ китайскія руки. „Только религіозныя обязанности сіамцы исполняютъ сами.“ (Крауфордъ.)

Искусство Сіама заключается въ подражаніи китайскимъ, рѣже индійскимъ образцамъ. Каменныя изваянія, даже громадныя гранитныя статуи ввозятся изъ Китая. Сіамцы выказываютъ менѣе самостоятельнаго вкуса, чѣмъ китайцы: ихъ храмы новѣйшаго происхожденія переполнены позолотой. Въ Бангкокѣ играетъ постоянно китайская труппа: сіамскій и аннамитскій театры стоятъ ниже китайскаго. Самостоятельнѣе поставлено бирманское промышленное искусство, пользующееся для своего орнамента преимущественно геометрическими индійскими узорами. Въ отливкѣ колоколовъ оно достигаетъ громадныхъ размѣровъ и художественнаго выполненія. Въ филигранныхъ и лѣпныхъ работахъ Бирма почти не уступаетъ Китаю.

Обитателямъ Тонкина и Аннама, такъ же, какъ и японцамъ, еще въ раннюю эпоху было воспрещено плавать на судахъ внѣ своей страны. Поэтому въ большомъ числѣ они переселялись только на сушу, напримѣръ, изъ Кохинхины въ Сіамъ и Камбоджу. Кромѣ того, имъ недоставало и денежныхъ средствъ для болѣе крупныхъ предпріятій. Китайскія джонки удовлетворяли большей части торговыхъ потребностей гаваней Аннама и Тонкина. Въ много обѣщающій Гайфонгъ, въ первое время послѣ его открытія, приходило въ шесть разъ больше китайскихъ джонокъ, чѣмъ европейскихъ судовъ, и стоимость китайскаго ввоза (европейскія и китайскія ткани, опіумъ, шелкъ, фарфоръ, чай и пр.) равнялась половинѣ всего ввоза. До недавняго времени китайцы изъ Гонконгскаго рейда были въ Тонкинѣ единственными представителями каботажа, не исключая самыхъ

важныхъ береговыхъ мѣстъ. Они работали за счетъ короля и собирали пошлины въ провинціяхъ. Упадокъ этого судоходства, которое французы сильно стѣсняли подъ предлогомъ искорененія пиратства, принесло пользу, конечно, не тонкинцамъ, а европейскимъ судамъ, въ особенности германскимъ, т. е. судамъ европейскихъ образцовъ и флаговъ съ смѣшаннымъ европейско-китайскимъ экипажемъ. Для исторіи южно- и восточно-азіатскихъ отношеній имѣетъ значеніе то обстоятельство, что на этихъ берегахъ и японцы имѣли нѣкогда торговую колонію въ портовомъ городѣ Файфо, откуда они въ концѣ прошлаго столѣтія вытѣснены были китайцами или, по другимъ извѣстіямъ, отозваны были эдиктомъ своего правительства. Еще въ 1889 г. въ Кохинхинѣ три четверти вывоза находились въ рукахъ китайцевъ. И важнѣйшая часть внѣшней торговли Сіама велась нѣкогда съ Китаемъ, въ особенности съ Кантономъ, Амоемъ и Нингпо, исключительно съ помощью тяжеловѣсныхъ джонокъ, имѣвшихъ китайскую форму и управлявшихся китайцами, но строившихся въ Сіамѣ. Въ новѣйшее время паровыя суда и прямыя связи европейскихъ торговцевъ вытѣснили китайское судоходство. Такъ какъ на бортѣ китайскаго судна каждый ведетъ торговлю всюду, куда-бы оно ни пристало, и джонка въ 600 тоннъ заключаетъ 90 человѣкъ, то легко представить себѣ массу торгующихъ китайцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособность этой торговли удовлетворить возрастающаго, требующаго вывоза производства сырыхъ продуктовъ этихъ странъ, ввидѣ риса, сахара и т. под.

Для рѣчного плаванія индокитайцы строятъ длинныя однодеревки. Крѣпкихъ деревьевъ, въ особенности тика, тамъ можно найти болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ. Наиболѣе распространенныя „лаосскія“ лодки, длинныя и узкія, съ долотообразнымъ выступомъ на обоихъ концахъ, напоминаютъ малайскія суда. Съ меньшимъ успѣхомъ производится въ Аннамѣ и Сіамѣ кораблестроеніе въ большомъ масштабѣ, по европейскимъ образцамъ.

Сухопутная торговля также состоитъ, главнымъ образомъ, въ торговлѣ съ Китаемъ. Китайцы живутъ во множествѣ въ мелкихъ внутреннихъ мѣстечкахъ и на границѣ. Между Бирмой и Китаемъ они ведутъ торговлю изъ Бхамо, на верхнемъ Иравадди, до котораго еще доходятъ пароходы изъ Рангуна. Главнымъ предметомъ торговли служитъ хлопокъ, отправляемый изъ Бирмы въ южный Китай. Китайцы скупали весь хлопокъ, кромѣ небольшого количества, потреблявшагося въ самой странѣ, пока въ 1854 г. самъ король взялъ хлопчатобумажную торговлю, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отраслями торговли, въ свои руки, и сталъ выдавать задатки такъ же, какъ китайцы. Изъ Бхамо товары перевозятся въ Китай большими караванами, заключающими 500—1000 человѣкъ. У каждаго есть нѣсколько, а у нѣкоторыхъ даже 15—20 вьючныхъ животныхъ. Уже Марко Поло упоминаетъ объ ихъ большихъ собакахъ, которыя въ преувеличенномъ видѣ сравнивались съ мулами. Большая дорога ведетъ въ долинѣ Иравадди вверхъ до Бхамо и отсюда въ Юнгчангъ въ Юннанѣ. Изъ Могунга, въ странѣ шановъ и сингфоевъ, дороги идутъ въ Ассамъ, Юннанъ и Бхамо. Далѣе, нѣкоторые пограничные торговые города лежатъ въ сѣверномъ Сіамѣ. Въ особенности въ превосходно расположенный Цимме или Хьенгмаи ежегодно является нѣсколько тысячъ китайскихъ торговцевъ, которымъ приходится цѣлые мѣсяцы ѣхать черезъ горы, чтобы доставить на вьючныхъ животныхъ шерстяныя ткани и металлическіе товары на рынки сѣвернаго Сіама. Кромѣ того, они занимаются всякаго рода мелочной торговлей и въ сіамскихъ торговыхъ городахъ играютъ также роль въ качествѣ маклеровъ и ростовщиковъ, обладателей притоновъ и спекуляторовъ горнаго дѣла. Въ Бангкокѣ имъ принадлежатъ самые большіе базары. „Сотни ихъ лодокъ снуютъ по рѣкѣ во всѣ стороны, заходятъ въ каждый каналъ, пристаютъ къ каждому дому, привозятъ всевозможныя средства

продовольствія и все нужное для ежедневныхъ потребностей. Они пользуются всѣмъ, что̀ можетъ доставить имъ прибыль; они—мастера въ искусствѣ вымогательства и эксплуатаціи, чтобы не сказать высасыванія.“ (Бауринг̀ъ.) Даже и въ Камбоджѣ китайцы своимъ распространеніемъ по деревнямъ господствуютъ надъ всей торговлей. Они вывозятъ хлопокъ, весь урожай котораго скупаютъ заранѣе, рисъ, слоновую кость, перецъ, сушеную рыбу и произведенія трудолюбія китайскихъ ремесленниковъ. Въ Тонкинѣ, пока онъ былъ независимымъ, изъ всѣхъ сосѣдей, одни китайцы имѣли право производить торговлю, въ силу покровительства Китая надъ Аннамомъ. Они пользовались ярмарками, горнымъ дѣломъ и промышленностью и помогали при этомъ королю въ осуществленіи его выгодной монополіи торговли рисомъ. Въ Тонкинѣ и въ меньшей мѣрѣ въ Аннамѣ пути сообщенія проведены по китайскому образцу: въ дельтѣ Сонгки богатая сѣть каналовъ, плотины которыхъ служатъ дорогами, а въ остальной странѣ — дурныя дороги, со станціями на опредѣленныхъ разстояніяхъ. Большая дорога ведетъ изъ Гуэ въ Сайгонъ на протяженіи 500 км. Изъ Тонкина всѣ главныя дороги направляются въ Китай. Въ Камбоджѣ можно найти остатки старыхъ дорогъ, вымощенныхъ гранитомъ.

Монополіи всякаго рода и всякаго распространенія основывались въ различныя времена правительствами индокитайскихъ государствъ и все болѣе и болѣе ослабляли способность къ работѣ и духъ предпріимчивости. Первоначальное право правителя пользоваться исключительно для себя умѣньемъ искусныхъ ремесленниковъ, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, создавало всегда лишь мелкіе пункты болѣе высокаго развитія. Въ Гуэ, кромѣ предметовъ обычнаго потребленія, выдѣлываются лишь нѣкоторыя издѣлія, выложенныя металломъ, между тѣмъ, какъ у миссіонеровъ, стоящихъ внѣ королевской монополіи, изготовляются образцовыя произведенія этого промышленнаго искусства. У нихъ промышленность дѣлала успѣхи, такъ какъ она, по мѣрѣ возрастанія спроса лучше оплачивалась. Въ Сіамѣ многочисленныя подати и монополіи составляли бо̀льшую часть государственныхъ доходовъ. Почти всѣ онѣ находятся на откупѣ у китайцевъ, и эти послѣдніе имѣютъ право проникать въ жилище неисправнаго плательщика и захватывать его имущество. Покровителемъ ихъ является „знатное лицо царства“, доставившее имъ монополію за хорошее вознагражденіе. Монополія торговли рисомъ и хлопкомъ была обычною въ Аннамѣ и Бирмѣ; въ Сіамѣ по временамъ торговлю могли производить только король и знатныя лица, что̀ вело всегда къ ослабленію народнаго хозяйства.

Монетная и вѣсовая системы Индокитая до самаго Сіама снабжены китайскими надписями, хотя ввозъ фальшивыхъ гирь часто исходитъ изъ Китая. Изъ Тонкина и Аннама далеко распространились цинковыя монеты. Шнурокъ ихъ цѣнностью въ 80 пфениговъ, вѣситъ почти 1 кгр., и такъ какъ 1 талеръ въ 4 и 5 марокъ оплачивается 3000 такихъ монетъ, то уже это составляетъ неудобную тяжесть. Кваны лаосовъ состоятъ изъ 600 цинковыхъ монетъ на одной соломенной связкѣ, что̀ равняется 80 пфен. Кромѣ того, въ Аннамѣ имѣются еще большія мѣдныя монеты, цѣнностью въ шесть разъ больше названныхъ выше. Обыкновенно онѣ хранятся въ государственномъ казначействѣ и употребляются только для подарковъ. Въ Бирмѣ для мелкихъ платежей существуютъ монеты изъ свинца, которыя здѣсь относятся къ серебру, какъ 1 къ 500. Серебромъ и золотомъ пользуются для крупныхъ платежей, по разсчету или, лучше сказать, по вѣсу китайскихъ таэлей (6,80 марокъ). Въ Сіамѣ обращаются круглыя монеты тикаль, съ именемъ короля. Со времени завладѣнія Бирмою англичанами въ обращеніе проникла и рупія. Характерно, что въ оборотѣ находятся и игорныя фарфоровыя и лакированныя марки, выпускъ которыхъ составляетъ привилегію китайскихъ арендаторовъ игорныхъ домовъ.

Положеніе женщины приблизительно такое же, какъ и въ Китаѣ; у „дикихъ“, въ особенности у кувіевъ, исключительно придерживающихся моногаміи, оно нерѣдко лучше, чѣмъ у ихъ цивилизованныхъ властителей. Аннамитовъ упрекаютъ въ безнравственности, какая, вѣроятно, не встрѣчается въ Тонкинѣ и Китаѣ. Тонкинки славятся своимъ трудолюбіемъ: онѣ ходятъ на рынокъ съ большимъ грузомъ товара, гребутъ больше мужчинъ, причемъ управляютъ рулемъ съ помощью ногъ, и при этомъ еще присматриваютъ за ребенкомъ, лежащимъ на днѣ лодки, и за горшкомъ съ рисомъ, кипящимъ надъ огнемъ. Полигамія распространена повсюду среди знатныхъ лицъ. Тамъ, гдѣ господствуетъ китайское управленіе, браки отмѣчаются офиціально. При полной строгости буддизма, напр. въ Сіамѣ или Камбоджѣ, вдовцы или вдовы часто вступаютъ въ общества бонзъ, избѣгающія браковъ. Въ Камбоджѣ вдовы неизбѣжно поступаютъ на три года въ монастырь и лишь послѣ этого срока могутъ опять выдти замужъ. Въ странахъ Индокитая, проникнутыхъ китайской культурой, съ почитаніемъ предковъ связано искренее желаніе имѣть дѣтей. За убійство родителей назначаются самыя строгія наказанія, а умерщвленіе непослушнаго ребенка остается безнаказаннымъ. Престарѣлые родители охотно принимаютъ гроба въ подарокъ отъ дѣтей. Увеличеніе населенія считается не только славой правителя и выгодой для государства въ китайской части Индокитая, но и въ Бирмѣ, гдѣ ему способствуетъ на практикѣ водвореніе многихъ тысячъ военноплѣнныхъ. Въ дѣйствительности, населеніе въ низинахъ повсюду очень густо, хотя и не такъ, какъ въ Китаѣ; напротивъ, оно крайне рѣдко во всѣхъ горахъ, заселенныхъ отъ Тонкина до Камбоджи полунезависимыми горными племенами. Оставленіе дѣтей безъ помощи не такъ употребительно, какъ въ Китаѣ; у бѣдныхъ оно замѣняется продажей дѣтей.

У лѣсныхъ народовъ Индокитая бракъ имѣетъ малайскій характеръ. Покупка ясно выступаетъ въ обычаѣ моевъ, въ силу котораго дочь только тогда оставляетъ родителей, когда будущій мужъ можетъ взамѣнъ ея дать имъ раба. Если же это ему недоступно, то онъ долженъ оставаться въ домѣ своего тестя и работать. Нѣчто подобное встрѣчается и у аннамитовъ. Но рабъ не можетъ быть проданъ. По свидѣтельству Готье, у моевъ настоящимъ господиномъ дома является ребенокъ, который пользуется самымъ тщательнымъ уходомъ и нѣжнымъ воспитаніемъ.

Общественное раздѣленіе Индокитая выработалось не въ такомъ бюрократическомъ духѣ, какъ въ Китаѣ. Важное значеніе дворянства скорѣе напоминаетъ Японію, а въ Камбоджѣ и Бирмѣ мы находимъ индійскія учрежденія, замѣтныя и въ Сіамѣ. Въ Камбоджѣ въ высшемъ классѣ, напоминающемъ касту, находится королевская фамилія, а въ слѣдующемъ — потомки прежнихъ королей страны. На третьемъ мѣстѣ стоятъ преамы (индійскіе браманы), на четвертомъ — служители Будды. Низшее мѣсто занимаетъ рабочее населеніе — земледѣльцы, рыбаки, ремесленники и торговцы, свободные по имени, но обязанные работать на господина и еще болѣе на государство. Сюда принадлежатъ еще особенно многочисленные въ Сіамѣ и Камбоджѣ рабы, въ рядахъ которыхъ находятся лучшія рабочія силы страны. Благочестивый человѣкъ беретъ нѣкоторыхъ должниковъ къ себѣ въ домъ, даетъ имъ одежду и пищу, по большей части, недостаточныя, ставитъ имъ каждый причиняемый убытокъ на счетъ по высокой цѣнѣ и считаетъ ихъ работу процентомъ за долгъ. Камбоджа и Бангкокъ принадлежатъ къ самымъ большимъ невольничьимъ рынкамъ Востока. Кромѣ лицъ, обращенныхъ въ рабство за долги, тамъ существуютъ еще государственные и пожизненные рабы, которыхъ берутъ, по большей части, изъ дикихъ племенъ. Охота за людьми распространена повсюду. У моевъ слово coman означаетъ охотника за рабами, пирата, а также и мстителя: кровавая месть заключается во многихъ случаяхъ въ поимкѣ кого либо, принадлежащаго къ враждебной семьѣ. Если подати какой либо провинціи Сіама,

испытавшей неурожай, въ особенности въ странѣ лаосовъ, не достигаютъ ожидаемой цифры, чиновники производятъ набѣгъ на пограничныя области „дикарей“ и этимъ покрываютъ дефицитъ. У моевъ рабство принимаетъ болѣе человѣчный характеръ. Зажиточный человѣкъ пріобрѣтаетъ тамъ рабовъ, покупая дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ и воспитывая ихъ вмѣстѣ съ своими почти безъ всякаго различія. Имъ угрожаетъ только отдаленная возможность быть проданными. Рабъ можетъ жениться на дочери своего хозяина, но и тогда эта угроза остается надъ нимъ. Только дѣти, родившіеся у раба въ домѣ его господина, не могутъ быть проданы. Общественное мнѣніе высказалось бы также опредѣленно противъ незаслуженно-дурного обращенія съ рабомъ, какъ оно считаетъ преступленіемъ, бѣгство раба, въ наказаніи котораго глубоко заинтересованъ каждый свободный человѣкъ, причемъ укрывательство бѣглеца сосѣднимъ племенемъ считается достаточнымъ поводомъ для кровавой мести.

Управленіе въ различныхъ государствахъ соотвѣтствуетъ глубокому различію между восточно-азіатскимъ и индійскимъ воззрѣніемъ на сущность государства. Въ государствахъ китайско-японскаго типа подданный пользуется болѣе сильнымъ покровительствомъ, бо̀льшимъ спокойствіемъ и большею свободою передвиженія; способности его не подавляются гнетомъ, превращающимъ его въ раба и выжимающимъ изъ него все, что̀ только можно выжать. Въ этихъ странахъ народъ состоитъ изъ индивидуумовъ, которые относительно свободно и самостоятельно работаютъ и добываютъ жизненныя средства для себя и государства. Строго упорядоченное образованіе чиновничества служитъ ручательствомъ за высшій уровень свойствъ ума и характера, чѣмъ бирманскій и сіамскій обычай раздавать провинціи и округа по системѣ „кормленія“, когда должности продаются сановникамъ за деньги. Облеченный въ должность кормится отъ нея и остатокъ отдаетъ правителю. Низшій чиновникъ „кормится“, въ свою очередь, частью деревни или нѣсколькими семьями и сдабриваетъ свой обѣдъ доходами отъ продажи правосудія. На самомъ дѣлѣ, тамъ не существовало ни одного преступленія, какъ бы тяжко оно ни было, за которое нельзя было бы откупиться деньгами. Попытка бирманскихъ сановниковъ умѣрить съ помощью европейцевъ излишества этой системы была оплачена виновниками ея кровавой цѣной, а странѣ не принесла никакой пользы. Въ Аннамѣ чиновникъ получаетъ ничтожное содержаніе съ опредѣленнымъ пайкомъ риса, а обыкновенный солдатъ, кромѣ нѣкотораго количества пахотной земли, ежемѣсячно получаетъ франкъ! Чиновничество въ Аннамѣ имѣло крѣпкую опору въ нижнихъ слояхъ народа, такъ какъ подъ властью гуйена (см. ниже стр. 676) состоятъ отдѣльные старшины общинъ, и во многихъ случаяхъ изъ нѣсколькихъ деревень образуется округъ. Французы вообще поддерживали эту систему; только высшихъ чиновниковъ они замѣнили своими администраторами. Старшина общины выбирается совѣтомъ стариковъ на годъ и утверждается губернаторомъ. Рядомъ съ нимъ, а въ дѣйствительности выше его, стоитъ деревенскій совѣтъ, составленный изъ наслѣдственныхъ членовъ, рѣшенія котораго долженъ выполнять старшина. Старшина общины долженъ вести два регистра. Одинъ содержитъ имена всѣхъ землевладѣльцевъ съ указаніями рода, стоимости и плодородности ихъ участковъ; второй — имена тѣхъ, которые обладаютъ какой либо другой собственностью. По даннымъ этихъ книгъ опредѣляется подушная подать. Не попавшіе въ списки составляютъ, по большей части, бродячее населеніе, которое тѣснятъ и преслѣдуютъ, но которому нечего терять и не приходится исполнять никакихъ обязательныхъ работъ. Иногда извѣстные виды доходовъ предназначаются для давно установленнаго употребленія: въ Сіамѣ 10% дохода общественныхъ домовъ употребляются для поддержанія общественныхъ дорогъ.

Прямые налоги состоятъ исключительно въ издѣльной повинности.

Какъ ни выработана система отдачи въ аренду монополій, но въ настоящее время сіамское правительство требуетъ отъ всѣхъ, за исключеніемъ индусовъ, китайцевъ и европейцевъ, кромѣ податей, личной работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, одинаково отъ мужчинъ и женщинъ отъ 16 до 60 лѣтъ. Кто неспособенъ къ работѣ, долженъ уплачивать деньгами и квитанціей служитъ шнурокъ, носимый на сочлененіи кисти руки, съ восковой печатью чиновника. Китайцы, помимо обыкновенныхъ податей, каждые три года платятъ подушныя подати. Они не подвергаются татуированью, а сіамцы всѣ снабжаются татуировкой, преимущественно на рукѣ, смотря по принадлежности ихъ къ той или другой провинціи: въ томъ случаѣ, если они принадлежатъ къ сословію рабовъ, татуировка обозначаетъ также принадлежность ихъ извѣстному господину. Прежнее правительство производило татуировку на задней части руки, а нынѣшнее—на передней.

Законы составлены по образцу китайскихъ, но еще сохранили въ себѣ жестокость кровавой мести. Въ Гуэ въ прежнее время при дворѣ держали до совершеннолѣтія мальчиковъ изъ провинцій, родители которыхъ были признаны виновными въ государственномъ преступленіи, въ видѣ остатка семьи, погибшей подъ топоромъ палача, и эти мальчики должны были быть казнены, когда для нихъ наступитъ время полнаго пониманія преступленія ихъ родственниковъ. Нельзя не усмотрѣть здѣсь слабаго развитія чувствительности у азіатцевъ; аннамитскіе преступники въ большинствѣ случаевъ предпочитали смертную казнь долголѣтнему заключенію на галерахъ Пуло-Кондора, которымъ французская гуманность замѣнила смертную казнь. Вдовы и сироты казненныхъ преступниковъ должны были проводить остатокъ жизни въ бѣдственныхъ мѣстахъ изгнанія, гдѣ они могли имѣть дѣло только съ подобными себѣ. Шпіонство, какъ средство урегулированія административной машины, официально признано и организовано. Во время своихъ посѣщеній и совѣщаній въ Аннамѣ, французы видѣли людей безъ мандаринскихъ дощечекъ, но которые всюду проникали и ходили взадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ: это были люди, приставленные къ выслѣживанію мандариновъ и, въ свою очередь, находившіеся подъ наблюденіемъ другихъ. Предпослѣдній бирманскій король, который изъ бездѣятельной, уединенной жизни монастыря возведенъ былъ на престолъ и не переставалъ поддерживать близкія сношенія съ духовенствомъ и монахами, основалъ общество изъ полумонаховъ-мірянъ, называвшихъ себя „субботними святыми“ и наблюдавшими по всей странѣ, въ качествѣ королевскихъ шпіоновъ, за чиновниками, взимавшими подати; по разсказамъ, этотъ своеобразный контроль содѣйствовалъ существенно улучшенію положенія народа.

Въ сравненіи съ деспотизмомъ Бирмы и съ самовластіемъ Сіама, ограничиваемымъ господствомъ высшаго класса, монархія въ Аннамѣ и Тонкинѣ имѣетъ болѣе демократическій характеръ: это—бюрократія съ правителемъ во главѣ. На практикѣ азіатскому деспотизму представляется, конечно, широкій просторъ; тѣмъ не менѣе, тамъ господствуетъ извѣстная степень автономіи общинъ, личной свободы и признанія заслугъ. Чиновники должны были дослужиться до извѣстнаго чина въ арміи, достигнуть извѣстной ступени образованія и выдержать экзаменъ прежде, чѣмъ могли быть назначены на извѣстную должность. Искусство владѣть кистью открываетъ (такъ же, какъ и въ Китаѣ) дорогу къ высшему служебному положенію. Китайскій характеръ имѣетъ и раздѣленіе округовъ и ихъ главныхъ мѣстъ на опредѣленныя ступени, подъ наименованіемъ фу, гуйенъ, тонгъ и тонъ (міунгъ означаетъ вообще провинцію или округъ). Гарландъ разсказывалъ о послѣднемъ властителѣ Аннама: „Тюдюкъ — король съ крѣпкой основой, по знаку котораго падаютъ головы, и бамбуковые удары сыпятся градомъ на плечи самыхъ ученыхъ людей; еще недавно король

одного изъ своихъ министровъ разжаловалъ въ обыкновенные солдаты; между тѣмъ онъ — только высшій рабъ въ своей странѣ, вслѣдствіе той замкнутости, которой онъ окруженъ". Церемоніальныя предписанія и окружающіе правителя, согласно обычаю, гаремные евнухи и женщины, правящіе рулемъ его государственнаго корабля, создаютъ пустыню вокругъ него. Европейцы напрасно боролись съ недостаточнымъ знакомствомъ съ дѣйствительной жизнью, какимъ отмѣчены рѣшенія этого правителя. Совершенно призрачны привилегіи короля Аннама, который одинъ можетъ употреблять желтый цвѣтъ въ своихъ флагахъ, одеждахъ, бумагѣ для письма, платьѣ своихъ слугъ и... своихъ слоновъ, — одинъ можетъ проѣзжать въ среднюю часть воротъ, охотиться въ провинціи Гуэ, убивать мелкихъ птицъ, строить двухэтажные дома, употребляя при этомъ желѣзное дерево, и произносить и писать нѣкоторыя священныя слова. Король Гіалонгъ (1796—1820) оставилъ послѣ своей смерти золотой ящичекъ съ нѣсколькими опахалами, которыя по очереди должны были открываться его преемниками при вступленіи ихъ на престолъ и которыя содержали священныя слова.

Монгкутъ, предшествующій король Сіама. (По фотографіи.)

На западѣ болѣе выступаетъ сходства съ индійскимъ абсолютизмомъ, которому недостаетъ примирительнаго начала — заботы, оказываемой въ Китаѣ со стороны властителя его служащимъ и народу. Таже черта господствуетъ и во внѣшней политикѣ. Наложеніе на мелкія государства непосильныхъ повинностей и военныхъ тяжестей было настоящей системой грабежа; Китай въ той же области держался болѣе разумной и умѣренной политики. Бирманскіе короли считали себя неограниченными владыками своей страны и своего народа и брали изъ его урожая и дохода столько,

сколько имъ было нужно. Правда, они вели свое происхожденіе отъ царей Сакья изъ Капилавасту, но, за единственнымъ исключеніемъ, всѣ бирманскіе короли послѣдняго столѣтія были жестокими деспотами. И въ Камбоджѣ король управлялъ самовластно и деспотично, собиралъ почти всѣ общественные доходы и распоряжался ими по своему усмотрѣнію.

И въ Гуэ есть свое вѣдомство общественныхъ церемоній, какъ въ Пекинѣ. Тамъ прежде всего обращается вниманіе на то, чтобы всѣ знаки различныхъ классовъ, въ особенности зонтики мандариновъ, строго отличались одинъ отъ другого. Носилки у высшихъ чиновниковъ дѣлаются изъ красной бумажной или шелковой ткани, у ученыхъ болѣе низкой степени—изъ голубой, и ихъ носятъ на большихъ красныхъ шестахъ съ позолотою. Визиты должностныхъ лицъ дѣлаются не иначе, какъ на носилкахъ, съ особымъ носителемъ зонтика и съ скороходами, вооруженными палками. Французы утверждаютъ, что прежде, чѣмъ ихъ послы въ 1873 г. попали въ Гуэ, мандарины употребили цѣлый мѣсяцъ на изученіе способа и порядка предстоявшаго посѣщенія. И Сіамъ, въ числѣ подарковъ, которые онъ выпрашивалъ у пекинскаго двора взамѣнъ своей дани, назначалъ евнуховъ, знакомыхъ съ придворными церемоніями.

Стремленія этихъ дворовъ въ тѣ времена, когда средства ихъ были больше, чѣмъ теперь, выказываются въ остаткахъ кмерскихъ дворцовыхъ построекъ въ Камбоджѣ. Правда, и Камбоджа была тогда другая — болѣе населенная, богатая и отчасти болѣе образованная. Воздѣлываніе риса составляло основу земледѣлія; на плотинахъ, выступавшихъ надъ мѣстностями, заливавшимися Меконгомъ, были проложены дороги; черезъ рѣки переходили по каменнымъ мостамъ изъ нѣсколькихъ узкихъ арокъ. Города представляли обнесенные стѣнами четвероугольники, въ срединѣ которыхъ возвышались зданія для поклоненія богамъ, иногда съ богатыми библіотеками, ставившимися на каменныхъ основаніяхъ или, въ виду термитовъ, на сваяхъ надъ водою. Рядомъ съ пагодами поднимались монастыри и школы для вступавшихъ въ духовное званіе, а въ непосредственной близости ихъ — дворецъ властителя, представлявшій самъ по себѣ цѣлый небольшой городъ, въ которомъ находилась даже астрологическая обсерваторія. У этихъ дворцовъ были крыши съ украшеніями изъ золота и цвѣтныхъ стеколъ и стѣны съ разноцвѣтными кирпичами. На барельефахъ Байона и Ангкоръ-Вата мы видимъ королей, предшествуемыхъ военной музыкой и копьеносными всадниками, воинами съ луками въ шлемахъ и панцырными пѣхотинцами, вооруженными копьемъ, сѣкирой и обоюдоострымъ мечемъ. За воинами слѣдовало нѣсколько сотъ женщинъ, вѣроятно, стража внутренняго дворца. За ними несли сановниковъ въ раззолоченныхъ паланкинахъ. Металлическія коробки для бетеля, которыя держали ихъ слуги, и яркокрасные зонтики надъ ихъ головами были украшены, смотря по ихъ чину. Королева и ея свита появлялись затѣмъ на драгоцѣнныхъ носилкахъ и подконецъ выступала толпа дворцовыхъ служителей съ дорогими сосудами, маленькими пагодами, изображеніями боговъ и моделями исполинскихъ храмовъ. Теперь показывался и король на разукрашенномъ слонѣ. Сзади него ѣхали воины на слонахъ, съ позолоченными клыками, съ украшеніями изъ колецъ и цѣпей на шеѣ. Король держалъ въ рукѣ „преа-ханъ“, или священную книгу кмерскихъ королей, и со всѣхъ сторонъ его окружали люди, державшіе зонтики. Безчисленная конница замыкала шествіе. Передъ королями исполнялись состязанія атлетовъ, гонки на выдолбленныхъ лодкахъ, имѣвшихъ форму дракона, борьба животныхъ, скачки на лошадяхъ и быкахъ. Короли присутствовали на представленіи браманскихъ мистерій. Танцы баядерокъ принадлежали къ ихъ любимымъ развлеченіямъ. Съ большой пышностью они выѣзжали на лодкахъ, чтобы срывать цвѣты лотоса и, вмѣстѣ съ другими жертвами, приносить ихъ въ храмы, поднимавшіеся изъ воды. Свое-

образная связь религіозныхъ и политическихъ церемоній замѣчается еще и теперь въ Сіамѣ. На „водяномъ праздникѣ“ мужчины отправляются въ пагоды, пьютъ „клятвенную воду“ и возобновляютъ присягу въ вѣрности сіамскому королю. На возвратномъ пути они опрыскиваютъ другъ друга водою, что̀ дѣлается также при посвященіи дѣтей. Астрологи и теперь составляютъ въ Камбоджѣ особую касту.

Здѣсь нигдѣ не можетъ быть рѣчи о національномъ замкнутомъ государственномъ строѣ, какой создали Китай и Японія въ большей части своихъ владѣній непрерывной культурной работой. Населеніе Сіама состоитъ изъ китайцевъ, малайцевъ, сіамцевъ, лаосовъ и камбоджцевъ. Къ нимъ примыкаютъ „дикіе“, которые въ сѣверномъ Сіамѣ, большей частью, обращены въ буддизмъ и поселились вблизи деревень лаосовъ. Въ Бирмѣ численность шановъ исчисляется въ половину общаго населенія; во всякомъ случаѣ, они занимаютъ тамъ весь сѣверъ. Господствующія расы во всѣхъ этихъ царствахъ являются лишь небольшими частями населенія, которыя съ остальными согражданами или ведутъ войну, или эксплоатируютъ ихъ, или предоставляютъ имъ полную свободу. Отсюда происходятъ неопредѣленныя географическія зоны индокитайскихъ государствъ, напр., въ области Меконга, между Аннамомъ и Сіамомъ, гдѣ остатки укрѣпленій показываютъ, что здѣсь поселились аннамиты, отграничившіе три провинціи, но оставившіе ихъ уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, или, скорѣе, установившіе нейтральную пограничную полосу между собою и сіамцами. Это отношеніе къ покореннымъ народамъ, обусловливаемое не столько силой, сколько временемъ, исходитъ отъ государственнаго искусства Китая. Рѣзкія пограничныя линіи индокитайскихъ государствъ на нашихъ картахъ и въ нашихъ книгахъ имѣютъ только теоретическое значеніе. Граница между Кха и Лаосомъ по Тамуоку и положеніе къ востоку оттуда областей, платящихъ дань Аннаму, представляютъ простыя фикціи. Когда Боккъ указываетъ Меконгъ и его притокъ Мекокъ къ югу отъ 20° сѣв. ш., какъ границы шанскихъ государствъ, онъ такъ же правъ и такъ же неправъ, какъ и другіе географы, которые проводятъ эту линію далѣе къ сѣверу.

„Курица выдаетъ свое гнѣздо кудахтаньемъ, а птица прячетъ его въ самыхъ густыхъ вѣтвяхъ“ — такова поговорка, которой сіамцы прославляютъ счастіе народа, живущаго замкнутой жизнью. Съ этимъ тѣсно связана система существованія небольшихъ полунезависимыхъ княжествъ между большими государствами. Въ особенности въ китайско-бирманской пограничной зонѣ множество мелкихъ горныхъ племенъ, имѣвшихъ каждое самостоятельнаго правителя, находилось въ крайне неясныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, Бирмѣ, Китаю и Сіаму: въ отдѣльныхъ случаяхъ они платили дань тремъ послѣднимъ, а въ другихъ, по крайней мѣрѣ, двумъ первымъ государствамъ. Къ какимъ ошибкамъ и затрудненіямъ это ведетъ — показала еще недавно трудность разграниченія области французскаго вліянія въ Сіамѣ.

Покоренные народы Индокитая раздѣлены по такой системѣ, какая дѣлаетъ честь политическому искусству большихъ державъ этой страны. Каждая деревня (а въ деревняхъ тамъ никогда не бываетъ болѣе 100 душъ) образуетъ самостоятельный центръ. Ихъ чрезмѣрное количество уменьшается тотчасъ же, если мы припомнимъ, какъ часто политическія названія принимались за этнографическія. Къ этому надо прибавить смѣшеніе именъ: Куи, Кха, Муонгъ, что̀ одинаково означаетъ, „человѣкъ“, ошибочно употреблялись, какъ политическія или этнографическія обозначенія.

19. Горныя племена юго-восточной Азіи.

„Первичныя расы, соотвѣтствующія представленіямъ, какія мы обыкновенно имѣемъ о ‚дикаряхъ‘.“
Г. Ф. Шлагинтвейтъ.

Содержаніе: Общій обзоръ. — Остатки прежнихъ населеній въ Китаѣ. — Шаны въ сѣверной Бирмѣ. — Расы. — Одежда. Украшенія. Распространеніе татуировки. — Оружіе. — Экономическая дѣятельность. — Семья. Политическая раздробленность.

Отъ восточныхъ Гималаевъ до восточнаго края Индокитая и отъ горъ, охватывающихъ среднее теченіе Иравадди, Салуена и Менама, до глубины китайскихъ провинцій Куанъ-Тунга, Куейчау, Куангси, Сечуана и Юннана — живутъ народы, похожіе на монголовъ или малайцевъ. При болѣе точномъ изслѣдованіи, они оказываются принадлежащими къ большому племени Таи или Шанъ, распространяющемуся отъ Манипура до средней части Юннана и отъ Ассама до Камбоджи; единственнымъ политически самостоятельнымъ членомъ ихъ являются въ настоящее время сіамцы, между тѣмъ, какъ преданія указываютъ на существовавшее прежде большое государство таевъ въ сѣверномъ Индокитаѣ и въ южномъ Китаѣ. За исключеніемъ кхасіевъ и палунговъ въ Ассамѣ и Бирмѣ, такъ называемыя дикія горныя племена близко родственны обитателямъ сосѣднихъ долинъ и равнинъ, культурные успѣхи которыхъ не коснулись ихъ или съ высоты которыхъ они спустились уже давно. Въ направленіи отъ запада къ востоку членами этой разсѣянной группы въ сѣверо-восточномъ Ассамѣ являются аки, дафлы, миріи, боръ-аборы, миджіи и мишміи, въ индійско-бирманской пограничной области — гары (гаро), кхасіи и наги (нага), въ Бирмѣ отъ Иравадди до Меконга и отъ китайской границы до мѣстообитанія карeновъ — настоящіе шаны, которые нѣкогда и въ Юннанѣ образовали девять государствъ, и родственные имъ салунги, наконецъ, въ Юннанѣ лолы и міаои и болѣе мелкія племена, которыя изъ этой провинціи сдѣлали наименѣе китайскую во всемъ царствѣ. Сюда же относятся міаотсы въ Куейчау и Сечуанѣ и многочисленные мелкіе остатки народовъ въ другихъ южныхъ провинціяхъ Китая, а, быть можетъ, также ліи и лаосы въ Хайнанѣ, едва ли признаваемые китайцами за коренныхъ обитателей, живущіе на плотахъ танки Куангтунга.

Многіе изъ этихъ народовъ нѣкогда имѣли широкое распространеніе. Шаны несомнѣнно въ прежнее время заходили далѣе на сѣверъ, какъ показываютъ мѣстныя названія на ихъ языкѣ въ мѣстообитаніяхъ какьеновъ на верхнемъ Иравадди и Салуенѣ. Въ Китаѣ пришлый народъ, который постепенно наложилъ на другихъ народовъ печать объединенія и создалъ, такимъ образомъ, китайскій народъ, отчасти оттѣснилъ, отчасти покорилъ и пріучилъ къ китайскому языку и нравамъ этихъ тибетскихъ, бирманскихъ и сіамскихъ народовъ. Народовъ дѣйствительно независимыхъ можно найти только въ самыхъ неприступныхъ пограничныхъ горахъ. Они дѣлятся на три главныя группы: сифаны или тангуты (ср. выше, стр. 603), тибетскій народъ на границахъ Кансу; міаотсы — народъ племени Таи, между провинціями Сечуанъ и Юннанъ и Тибетомъ, и далѣе въ небольшомъ числѣ въ неприступныхъ мѣстахъ другихъ южныхъ провинцій, и лолы, — бирманскій народъ въ горахъ Юннана. Китайцы называютъ лаосами и лавами маленькихъ народовъ на юго-восточной границѣ Юннана, и къ бирманцамъ также примѣняютъ названіе лава-минъ; повидимому сюда же принадлежатъ и лолы. Міаотсы и лолы носятъ также имена мутса и ланъ-ланъ вблизи Кіангтунга. Вполнѣ вошли въ китайское населеніе линкуинлонги въ Гупэ, которые, вѣроятно, были покорены въ IV в. по Р. Х. Безъ сомнѣнія, не-

возможно опредѣлить число народовъ, которыхъ китайцы не причисляютъ къ своей народности и поэтому не включаютъ въ свою перепись. Они не играютъ уже болѣе никакой политической роли. Мѣстообитанія ихъ и теперь еще стѣсняютъ сообщеніе, такъ какъ черезъ нихъ не отваживаются пролагать дороги ни солдаты, ни торговцы. Нельзя считать простой случайностью, что именно южныя провинціи такъ часто возмущались противъ манджуровъ. Большинство ихъ и теперь только платитъ дань Китаю, который зато даетъ имъ безсильныхъ правителей, довольствуясь формальной покорностью и возможностью эксплоатаціи съ помощью торговли и ростовщичества.

Горныя племена въ большей части западнаго Сечуана находятся на самой вѣрной дорогѣ къ тому, чтобы сдѣлаться настоящими китайцами. Многіе стали уже носить косу, какъ знакъ подчиненія Китаю, китайскій языкъ и одежда распространяются все болѣе и болѣе, и только женщины, какъ и въ другихъ мѣстахъ, дольше сохраняютъ свои особенности. Вполнѣ независимыми племенами считаются цандіи близъ Татсіанлу и лутсуи (въ числѣ ихъ 1200 человѣкъ, способныхъ носить оружіе) близъ Атенце, а зависимыми — ятсуи (ятсу), лейсуи и мосы (мосо). Китаизированныя племена имѣютъ большее распространеніе, но границы ихъ все болѣе и болѣе теряютъ опредѣленность, такъ какъ языкъ и культура Китая проникаютъ со всѣхъ сторонъ и уничтожаютъ одну особенность за другой. Обученіе чтенію и письму ведется съ помощью китайской грамоты, и древніе бирманскіе языки лоло быстро вымираютъ. Смѣшанные языки изъ китайскаго и различныхъ нарѣчій лоло широко распространены. При магометанскомъ возмущеніи въ сосѣднемъ Юннанѣ, нѣкоторыя племена, по проискамъ китайцевъ, возстали противъ магометанъ, и эти послѣдніе отступили передъ ними раньше, чѣмъ передъ китайцами. Такъ какъ китайцы умѣли возстановить одно племя противъ другого, то имъ удалось покорить нѣкогда столь сильныхъ лейсуевъ.

Всего болѣе связи и самостоятельнаго значенія эти народы сохранили въ сѣверномъ Индокитаѣ. Тамъ живутъ многообразные народы Шанъ, отъ долины Ассама до Камбоджи и отъ Манипура до Юннана, въ пограничной области Китая, Бирмы и Сіама, въ видѣ многочисленныхъ мелкихъ племенъ, подъ властью правителей (тсаубвовъ), которые находятся въ болѣе или менѣе формальной зависимости отъ одного изъ сосѣднихъ государствъ. Большая часть этой области, граничащей на востокѣ верхнимъ Меконгомъ, а на сѣверѣ, западѣ и югѣ — тремя названными царствами, находится номинально подъ властью Бирмы: это — „провинція Лаосъ“ старинныхъ географовъ. Племена юго-западнаго Юннана подчинены Китаю, а другая часть ихъ причисляется къ Сіаму. Культурный уровень этихъ раздробленныхъ, разбросанныхъ по недоступнымъ горамъ остатковъ народовъ не совсѣмъ низокъ и нѣкогда былъ еще выше. Часть промышленности и торговли Индокитая находится въ ихъ рукахъ. Шаны воздѣлываютъ хлопокъ, который доставляется въ Бирму, а палунги воздѣлываютъ чай. Кьянгхунгъ вывозитъ большія количества чая въ Китай; страна красныхъ кареновъ (которыхъ не надо смѣшивать съ каренскими народами Тенассерима) обработана на обширныхъ протяженіяхъ отъ дна долинъ до горныхъ вершинъ, склонамъ долинъ придана форма террасъ, какъ и въ Китаѣ, и дороги перекрещиваютъ страну во всѣхъ направленіяхъ. Существуетъ замѣчательная легенда, будто красные карены происходятъ отъ отряда китайскихъ войскъ, который на этомъ мѣстѣ проспалъ выступленіе другихъ отрядовъ и, такимъ образомъ, остался въ горахъ. Китайское вліяніе, дѣятельно проявлявшееся въ культурѣ этихъ горныхъ народовъ, хотя бы только путемъ торговли и сношеній, у нѣкоторыхъ обнаруживается съ такой же силой, какъ въ другихъ мѣстахъ у полу-независимыхъ народовъ Юннана и Сечуана. Кьянгхунгъ, правда, платитъ дань Бирмѣ, но болѣе подчиненъ Китаю: у высшихъ сословій тамъ преобладаютъ китайскій языкъ, одежда и обычаи. Здѣсь китайцы держатъ цѣлую толпу чиновниковъ и, кромѣ

дани серебромъ и грузами чая, которые могутъ поднять приблизительно 560 муловъ, взимаютъ еще подать, распредѣляемую согласно урожаю. Горный китайскій торговый путь въ сѣверный Сіамъ проходитъ черезъ эту область. Въ городѣ Кьянгхунгѣ дворецъ тсаубвы построенъ и украшенъ въ китайскомъ вкусѣ.

Не всѣ эти горныя племена представляютъ лишь вытѣсненныхъ коренныхъ обитателей; во всякомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо исключительно таковымъ. Въ Индокитаѣ, такъ же, какъ и въ Китаѣ, къ нимъ примѣшивались многіе политическіе и соціальные отбросы. Въ Китаѣ по закону опредѣляется вознагражденіе для „дикихъ“, которые выдадутъ бѣжавшихъ къ нимъ китайцевъ. Преданіе нѣкоторыхъ индокитайскихъ племенъ, будто они представляютъ оставшуюся часть китайскаго войска или происходятъ изъ южнаго Китая, во многихъ случаяхъ не совсѣмъ неосновательно: въ шанскія мелкія государства Кьянгхунгъ и Кьянгтунгъ пантайское возстаніе въ Юннанѣ доставило нѣсколько тысячъ обитателей этой провинціи. Пайи, на юго-восточной границѣ Юннана съ Бхамо, считаются смѣсью туземныхъ шановъ, или лаосовъ, съ поселившимися здѣсь около 500 лѣтъ тому назадъ китайцами. Пайи менѣе окитаились, чѣмъ болѣе чистые шаны Бхамо, которые говорятъ на юннанскомъ нарѣчіи и въ настоящее время составляютъ три небольшія княжества подъ верховной властью Китая. Эти народы, наконецъ, много разъ перемѣщались и въ своей области. Племя Микиръ кхассіевъ, какъ разсказываютъ, переселилось въ Ассамъ изъ болѣе южныхъ мѣстообитаній, близъ Качара. Миссіонеръ Гессельмейеръ считаетъ аковъ шанскимъ народомъ, который изъ Индокитая, въ сосѣдствѣ горной цѣпи Паткой, передвинулся въ область кхассіевъ и гаровъ, оттуда на равнину, и наконецъ, въ уголъ между Бутаномъ и рѣкою Бароли. Арійскія примѣси въ языкѣ гаро указываютъ на болѣе тѣсныя отношенія гаровъ къ народамъ равнины. Утверждаютъ, что моны въ Пегу своимъ языкомъ поразительно напоминаютъ коловъ горъ Виндья, и Фэйръ полагаетъ, что „почти всѣ“ названія ихъ мѣстностей имѣютъ дравидскій характеръ.

Описанія физическаго строенія этихъ народовъ у большинства наблюдателей не выходятъ за предѣлы общаго монголоиднаго характера. Кавказскія черты у бирманскихъ кареновъ (сѣрые глаза у палунговъ) и негроидныя черты у аковъ Ассама и т. п., указываются лишь отдѣльными наблюденіями. Лушаямъ приписывается сходство съ малайцами. Подвижность и разсѣяніе обусловливаютъ сильныя смѣшенія. Не замкнутые въ политическомъ и географическомъ отношеніяхъ, подверженные самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, эти народы не имѣли возможности выработать прочный, единый типъ. Вообще, у нихъ можно отмѣтить болѣе свѣтлый, у міаотсовъ даже свѣтло-желтый цвѣтъ кожи, коренастое, крѣпкое строеніе, прямые волосы и честный, открытый характеръ. Мужчины мужественнѣе и свободнѣе китайцевъ и сіамцевъ, женщины, уже вслѣдствіе своихъ неизуродованныхъ ногъ, подвижнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ китаянки. Въ экономическомъ отношеніи они отличаются цвѣтущимъ земледѣліемъ и оживленной промышленностью, въ общественномъ — первобытнымъ способомъ заключенія брака и малайскимъ образомъ жизни, въ политическомъ — раздробленностью, въ умственномъ — представленіями, близкими къ первичной вѣрѣ въ души и почитанію предковъ.

Племена, живущія на жаркихъ и сырыхъ восточныхъ Гималаяхъ, по одеждѣ значительно отличаются отъ племенъ сосѣднихъ съ одѣтыми китайцами и индокитайцами. Они носятъ кусокъ ткани, прикрывающій ихъ спереди, часто усаженный раковинами, а женщины — висящую на двухъ шнуркахъ длинную мѣдную дощечку, сходную съ тѣмъ, что мы находимъ у альфуровъ (см. т. I, стр. 395 и 429); въ Ассамѣ многочисленныя пластинки своимъ бряцаніемъ уже издалека возвѣщаютъ приближеніе жен-

щины. Дѣвушки носятъ эти необходимыя украшенія на обнаженномъ тѣлѣ, а женщины прикрываютъ ихъ небольшой юбкой. Названіе Линтеа, какое носитъ одно изъ племенъ гаровъ, быть можетъ, справедливо сводится къ слову „обнаженный“. Въ прохладное время года и въ болѣе пожиломъ возрастѣ, верхняя часть тѣла прикрывается шерстянымъ одѣяломъ или узкой курткой безъ рукавовъ; у микировъ, сходныхъ съ кхассіями, она дѣлается изъ бумажной матеріи съ красными полосами и по обоимъ концамъ обшита бахромой. Аки восточнаго Ассама носятъ вокругъ тѣла и бедръ платки съ длинной бахромой. Женщины наговъ, изъ которыхъ иныя носятъ также мѣдныя пластинки и, кромѣ того, обертываютъ нижнюю часть тѣла кускомъ ткани, доходящимъ отъ пояса до колѣнъ, прикрывая такой же тканью и грудь. Шаны сѣверной Бирмы носятъ полный бирманскій костюмъ, такъ же, какъ міаои и родичи ихъ въ Китаѣ — китайскій. Здѣсь выдѣляется еще одинъ отдѣлъ палунговъ, какъ „носящихъ шаровары“; точно также наговъ дѣлятъ на обнаженныхъ и одѣтыхъ. По ту сторону китайской границы широко распространенные міаои носятъ или вполнѣ китайскій, или сходный съ китайскимъ костюмъ — короткія куртки съ узкими рукавами и широкія шаровары. Они предпочитаютъ темно-синій и черный, а шаны — яркіе цвѣта. Только въ большихъ городахъ Юннана можно найти китайское однообразіе внѣшности, тогда какъ внутри страны господствуетъ пестрое разнообразіе. Оригиналенъ костюмъ ихъ женщинъ, юбки которыхъ дѣлаются со многими складками, вслѣдствіе чего на нихъ идетъ много матеріи; онѣ тяжело, не сгибаясь, опускаются до колѣнъ. Ноги обвиваются красными и бѣлыми узорчатыми матеріями, часто до несоразмѣрнаго объема. Женщины носятъ куртку съ узкими рукавами и оригинальный передникъ съ помочами. Костюмъ „черныхъ“ женщинъ міаоевъ болѣе нравится европейскому глазу. Юбки дѣлаются съ узкими складками и доходятъ до лодыжекъ; къ подолу пришивается вышитая кайма. Голова обернута повязкой изъ черной шерстяной матеріи. Куртки — короткія и съ красивыми шелковыми вышивками около кистей рукъ и украшеніями на швѣ рукавовъ. Три группы лушаевъ — лушаи, сукты и пои, — различаются между собою способомъ скручиванья волосъ на темени или на затылкѣ. У всѣхъ этихъ племенъ мы находимъ шляпы изъ луба, противоположно тибетской шапкѣ и тюрбану индусовъ и народовъ западныхъ Гималаевъ.

Обильныя украшенія отличаютъ ихъ отъ сосѣдей болѣе богатыхъ золотыми и серебряными украшеніями. Не только племена восточныхъ Гималаевъ носятъ ожерелья изъ зубовъ и сушеныхъ плодовъ и мѣдныя кольца на рукахъ и на ногахъ, часто покрывающія половину конечностей. Женщины носятъ на рукахъ и на ногахъ нерѣдко еще болѣе массивныя кольца, чѣмъ мужчины. Мужчины наговъ вкладываютъ въ уши пучки и розетки выбѣленнаго хлопка, отъ которыхъ нити свѣшиваются на шею, а на войнѣ — украшенія изъ перьевъ и иногда еще фантастическіе шлемы. У сингфоевъ ушные кружки, выложенные чернымъ деревомъ, достигаютъ большихъ размѣровъ и оттягиваютъ ухо до плеча. Они носятъ на шеѣ большую раковину на хлопчатобумажной тесьмѣ. У міаоевъ оба пола носятъ серебряныя кольца въ ушахъ почти до плечъ, нѣкоторые — браслеты и многіе, кромѣ того, три или четыре серебряныя кольца вокругъ шеи.

Татуировка употребительна у большинства этихъ народовъ; она служитъ у наговъ особымъ знакомъ для каждаго племени. Всего болѣе она развита въ Юннанѣ и на сѣверной окраинѣ Бирмы и Сіама. Воины наговъ татуируютъ себѣ лицо, какъ маорисы, а кхайены Аракана татуировку женщинъ объясняютъ тѣмъ, что ею хотѣли испугать монголовъ, когда они потребовали въ видѣ дани молодыхъ дѣвушекъ племени. Скручиваніе волосъ въ узелъ на затылкѣ считается общимъ признакомъ племенъ восточныхъ Гималаевъ. Разукрашиваніе этого узла лентами и перьями принадле-

житъ къ праздничнему наряду; изъ него у кхассіевъ образуется уже коса, которая у горныхъ племенъ Китая свидѣтельствуетъ о политическомъ и культурномъ сближеніи съ господствующимъ народомъ.

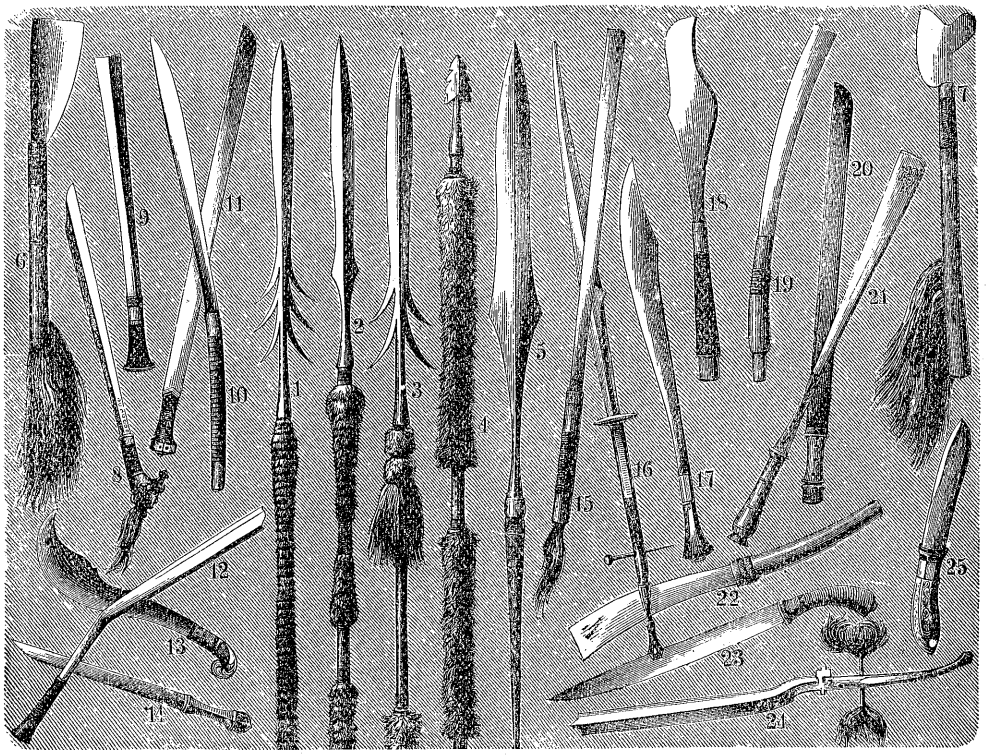
У аковъ преобладаютъ большіе луки съ отравленными стрѣлами, такъ же, какъ у чиновъ, знаменитыхъ охотниковъ за тиграми, на бирманско-китайской границѣ; шаны Тонгсана, къ востоку отъ Салуена, пользуются также лукомъ съ отравленными стрѣлами, и то же самое сообщаютъ о племени Ва, повидимому, предающемуся людоѣдству, на верхнемъ Меконгѣ. Щитъ, мечъ, копье и сѣкира составляютъ вооруженіе наговъ. У копья длинное желѣзное остріе; его нельзя ни къ чему прислонять: оно должно стоять всегда свободно и вертикально, въ виду чего нижній конецъ снабженъ желѣзнымъ остріемъ. „Дао“, служащій одновременно боевой сѣкирой и топоромъ для рубки лѣса, наги носятъ сзади за поясомъ. Сингфои и какьены носятъ длинный мечъ на короткомъ ремнѣ подъ мышкою. Ножны прикрываютъ только спинку, остріе и одну широкую сторону. Щитъ имѣетъ почти длину человѣческаго роста и ширину отъ 50 до 60 см.; рамка его состоитъ изъ бамбука и обтягивается снаружи кожей дикаго животнаго съ шерстью; верхніе концы украшены перьями и т. под. Шаны выдѣлываютъ фитильныя ружья, и какьены, покупающіе ихъ, умѣютъ даже изготовлять порохъ.

Между тѣмъ, какъ кхассіи лишь недостаточно пользуются своей землей, плодородной для риса, и гары каждые три года разрыхляютъ новый участокъ земли простой мотыкой, для воздѣлыванья риса, хлопка и проса, шаны въ сѣверной Бирмѣ разводятъ чай и хлопокъ, а лилуны Куантунга — опіумъ для торговли. Скотоводство здѣсь развито поразительно мало въ сравненіи съ западными Гималаями и Гиндукушемъ. Это зависитъ отчасти отъ системы китайскаго мелкаго хозяйства, а отчасти отъ буддійскихъ вліяній. Яйцами пользуются для предсказаній, для чего ихъ бросаютъ на полъ, и по „цвѣтнымъ кругамъ“ угадываютъ будущее. Жеваніе бетеля распространено у восточныхъ гималайскихъ племенъ. Тамъ любятъ рисовую водку, а у чинбоновъ и родственныхъ имъ племенъ китайско-бирманской границы — пиво собственнаго приготовленія. Юннанскіе міаои, противоположно китайцамъ, пьютъ его въ большомъ количествѣ. Мужчина за столомъ постоянно наполняетъ имъ свой кубокъ и передаетъ его поочереди каждому гостю. За виномъ они поютъ пѣсни, всегда по-двое. Куреніе опіума быстро распространилось среди горныхъ племенъ Китая. Маргари называетъ куэчоускихъ міаотсовъ „безнадежно погруженными въ куреніе опіума“.

Бирманскіе шаны недаромъ были всегда ближайшими сосѣдями и подчиненными самыхъ искусныхъ работниковъ Индокитая. У китайцевъ они научились лакировочнымъ работамъ и выдуванію стекла; вліяніе этихъ послѣднихъ сказывается и въ архитектурѣ шанскихъ городовъ, каковы Лабонгъ и Хіенгмай или Цимме. Желѣзныя издѣлія шановъ попадаютъ даже въ Китай. Лавы, живущіе на верхнемъ Меконгѣ, доставляютъ китайцамъ большія количества хлопка, желѣза и олова. Кхассіи выдѣлываютъ, повидимому, превосходную сталь изъ магнитнаго желѣзняка. Міаои и шаны изготовляютъ на вертикально повѣшенныхъ ткацкихъ станкахъ всѣ ткани, нужныя для дома. Палунги въ сѣверной Бирмѣ, воздѣлывающіе чай, по разсказамъ, искусные ткачи и кузнецы. Аборы доставляютъ въ Судью мускусъ и сильный ядъ для стрѣлъ. Значительная часть торговли Юннана находится въ рукахъ китайскихъ и бирманскихъ шановъ, перевозящихъ товары черезъ горы караванами на лошадяхъ (ср. стр. 672). Въ восточныхъ Гималаяхъ преобладаетъ мѣновая торговля, тогда какъ шаны — настоящіе купцы по китайскому образцу; шаны хопетики, называемые такъ потому, что они усвоили себѣ китайскіе нравы, извѣстны до самаго Рангуна.

Большая часть этихъ народовъ живетъ въ свайныхъ построй-

кахъ. Хижины большинства народовъ восточныхъ Гималаевъ стоятъ на сваяхъ или жердяхъ, и тотъ же способъ постройки мы видимъ въ сѣверномъ Индокитаѣ, хотя и въ меньшемъ распространеніи. Онъ господствуетъ въ долинѣ Иравадди. У народовъ восточнаго Гималая существуетъ особый домъ для холостыхъ, гдѣ спитъ мужская молодежь деревни, и семейный домъ въ 20 м. и болѣе длиною и въ половину менѣе шириною — одно помѣщеніе съ отдѣльными спальнями. Дома правителей гаровъ имѣютъ длину до 80 м.; кровля ихъ опирается на рѣзные столбы. Строительнымъ матеріаломъ по преимуществу служитъ бамбукъ. Охрану своихъ жилищъ они ищутъ въ возвышенномъ положеніи, въ огражденіи палисадами и въ потайныхъ входахъ.



Оружіе изъ восточныхъ Гималаевъ: 1—4) Копья изъ Ассама, 5) копье изъ Качара; 6, 7) боевыя сѣкиры наговъ; 8, 9, 11, 12, 17, 22) мечи изъ Ассама, 15) мечъ изъ верхняго Ассама, 24) мечъ агами-наговъ (Ассамъ), 13 и 18) мечъ изъ Качара; 16) мечъ изъ горъ Кхассія; 21) мечъ изъ Дарджилинга, 14) кинжалъ и 20) мечъ изъ Бутана; 10, 19, 23, и 25) мечи изъ Бирмы. (По Эджертону.)

Здѣсь повсюду можно прослѣдить процессъ вытѣсненія. Мантсы, живущіе въ Сечуанѣ вблизи Нганъ-Шуна, вытѣснены лишь лѣтъ 20 тому назадъ изъ многихъ долинъ на самыя высокія мѣста горъ, гдѣ деревни ихъ лѣпятся между скалами, какъ орлиныя гнѣзда. Гораздо ниже мы находимъ многочисленныя развалины новѣйшаго происхожденія и въ непосредственной близости ихъ китайскую деревню — краснорѣчивый знакъ вытѣсненія. Но когда въ южномъ Китаѣ, вслѣдствіе возстаній 50 и 60-хъ годовъ, города превратились въ деревни, міаотсы спустились съ своихъ горъ и мирно жили среди развалинъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Смѣшеніе съ китайцами есть также молчаливое условіе, дающее возможность туземцамъ остаться въ старыхъ мѣстообитаніяхъ, но оно происходитъ лишь медленно. Такое смѣшеніе представляютъ конгкіатсы близъ Нганъ-Шуна, но они такъ же, какъ и мантсы, далеко держатся отъ китайцевъ. Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени происходило, безъ сомнѣнія, достаточно смѣшеній; исторія

Китая, исполненная волненій, разбрасывала эти народы и ихъ побѣдителей, перемѣшивая ихъ другъ съ другомъ, по всѣмъ направленіямъ. Въ Манджуріи и теперь еще можно узнать потомковъ переселенныхъ изъ Юннана бунтовщиковъ: отсюда происходятъ „магометанскіе манджуры“. Многое, что̀ само по себѣ не имѣетъ большого значенія — дикій взглядъ обитателей Куейчоу, который Маргари встрѣчалъ у формозцевъ, демократическое настроеніе Сечуана, непокорность жителей Юннана, раздробленныхъ на многочисленные кланы, даже яркіе цвѣта въ костюмахъ Юннана показываютъ вліяніе, какому подвергался китайскій элементъ, столь разнообразный въ другихъ мѣстахъ. На самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ чуждые элементы давно уже поглощены, легенды сохранили воспоминанія о дикихъ народахъ, обитавшихъ нѣкогда въ лѣсахъ и горахъ.

Сочетаніе первобытныхъ нравовъ представляетъ семейная жизнь племенъ восточныхъ Гималаевъ. Общеніе обоихъ половъ до брака вполнѣ свободно. Бракъ опредѣляется свободнымъ выборомъ, который у гаровъ исходитъ, повидимому, отъ дѣвушки, и заключеніе брака сопровождается принесеніемъ въ жертву курицы жрецомъ и празднествомъ. Зажиточные люди живутъ въ полигаміи. Относительно аковъ извѣстно, что у нихъ дѣлаются подарки родителямъ невѣсты. Нарушеніе супружеской вѣрности строго наказывается. У аковъ наслѣдуютъ сыновья, которые должны содержать женскую половину семьи; у гаровъ, напротивъ, господствуетъ ясно выраженное право наслѣдованія по женской линіи. И у кхассіевъ мужъ вступаетъ въ домъ и родъ своей жены, къ которому принадлежатъ всѣ дѣти безъ исключенія. Если бракъ сопровождается рожденіемъ дѣтей, то первенца формально дарятъ родителямъ мужа, а второго ребенка — родителямъ жены. Мужъ долженъ лѣтъ семь, а иногда и до десяти прожить въ домѣ своего тестя; по истеченіи этого времени, ему предоставляется, если онъ захочетъ, вернуться въ домъ своего отца. Положеніе женщинъ есть положеніе усердныхъ работницъ въ домѣ и въ полѣ. И у „дикихъ“ Куангтунга юноши и дѣвушки знакомятся безъ всякихъ посредниковъ, въ особенности на ярмаркахъ, устраиваемыхъ въ новый годъ на дворахъ храмовъ, какъ въ Тибетѣ.

Наги, мелкія племена которыхъ считаются сотнями, могутъ служить типомъ политической раздробленности. Маленькое племя миджіевъ распадается на десять отдѣловъ, со столькими же начальниками. Война, въ особенности ради кровавой мести, составляетъ обыденное событіе. Символомъ объявленія ея у наговъ служатъ ружейная пуля (въ прежнее время — наконечникъ копья), обугленный кусокъ дерева и испанскій перецъ: это означаетъ главное оружіе, пожаръ, страданіе и раскаяніе, и не посылается непосредственно, а передается изъ одной деревни въ другую (ср. т. I, стр. 434). Въ Сечуанѣ насчитываютъ 18 племенъ міаотсовъ и столько же племенъ мантсовъ отъ Юннана до крайняго сѣвера Сечуана; всѣ они находятся подъ властью собственныхъ правителей или правительницъ, получающихъ доходы въ видѣ работы и полевыхъ плодовъ. Съ миніатюрнымъ правителемъ Кіангхунга, зависящимъ отъ Китая и Бирмы, находятся въ союзѣ еще 12 мелкихъ шанскихъ государствъ. Такое раздробленіе можетъ оказывать лишь мѣстное политическое вліяніе, вродѣ прегражденія горнаго прохода и т. п. Оно сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе пагубной охоты за невольниками, а у наговъ — вслѣдствіе человѣческихъ жертвъ, что̀ устраняло возможность всякаго довѣрія, и далѣе, вслѣдствіе поощренія сосѣдними державами, въ особенности Китаемъ. Все еще многочисленное первичное населеніе округа Линшана, въ провинціи Куангтунгъ, прежде имѣло даже республиканское правленіе. Каждые 100 человѣкъ составляли сотню съ избраннымъ начальникомъ, и всѣ сотники повиновались начальнику племени. Другія куангтунскія племена подчинялись всегда мѣстнымъ чиновникамъ, утверждавшимся императоромъ.

20. Историческія данныя о культурѣ Восточной Азіи.

„Въ томъ, что Китай прежде, подобно большинству европейскихъ народовъ, не исключая даже грековъ, стоялъ лишь на извѣстной ступени образованности, не можетъ быть сомнѣнія, но нельзя видѣть съ такой же ясностью, чтобы онъ шелъ дальше въ своемъ усовершенствованіи.“
Дж. Барроу.

Содержаніе: Каменный вѣкъ въ восточной Азіи. — Распространеніе и выселеніе китайцевъ. — Перенесеніе китайскихъ культурныхъ элементовъ въ Японію. — Исторія китайско-японскихъ взаимныхъ отношеній и замкнутости обѣихъ державъ. — Корея. — Манджурія и ея пріобрѣтеніе Китаемъ. — Айносы. — Распространеніе ихъ и отношенія къ японцамъ. — Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ нравовъ и обычаевъ айносовъ.

Южная и восточная Азія были обитаемы прежде, чѣмъ жители ихъ достигли исторической высшей культурной ступени. Орудія и оружіе изъ камней были находимы во многихъ мѣстахъ. Каменныя орудія, между прочимъ, круглыя, просверленныя въ серединѣ для надѣванія на палку (см. рис. т. I, стр. 87) или для прикрѣпленія къ сѣтямъ, вообще посредственной работы, грубыя гончарныя издѣлія, разбитыя кости и кучи раковинъ встрѣчаются по близости большого озера въ Камбоджѣ. Въ числѣ подобныхъ предметовъ изъ Камбоджи, въ Тулузскомъ музеѣ можно видѣть и обработанныя раковины. О томъ, что доставлено Индіей въ этомъ отношеніи, мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (ср. стр. 613). Японія богата остатками каменнаго вѣка. Айносы употребляютъ каменные наконечники стрѣлъ, и такимъ наконечникамъ даже въ настоящее время воздается поклоненіе въ японскихъ храмахъ, что представляетъ не остатокъ обычаевъ айносовъ, а уваженіе къ находкамъ древняго времени. Въ тѣхъ же храмахъ и теперь еще самый чистый огонь для жертвъ, для охраны отъ злыхъ духовъ, добывается треніемъ дерева Retinospora obtusa. Морзъ открылъ въ 1879 г. близъ Омори раковинныя кучи, подобныя нашимъ кьёккенмёддингамъ или кухоннымъ остаткамъ; въ нихъ находились орудія изъ камня, глины, оленьяго рога и кости, отчасти весьма древняго, грубаго характера. Слѣдамъ людоѣдства, найденнымъ Морзомъ, мы не придаемъ большого значенія, такъ какъ заблужденіе здѣсь слишкомъ очевидно. Долмены изъ совершенно неотесанныхъ камней найдены были на Кіу-Сіу и на южномъ Іессо, гдѣ они, повидимому, были надгробными памятниками. Одно- и двукамерные долмены, съ каменными ходами и выложеннымъ кампемъ поломъ, встрѣчаются около искусственныхъ пещеръ въ скалахъ и заключаютъ въ себѣ урны, сдѣланныя съ помощью гончарнаго колеса, каменные наконечники стрѣлъ и обсидіановые осколки; остатки желѣзныхъ мечей, вѣроятно, попали туда позднѣе. Долмены были открыты и въ Кореѣ. Каменныя вещи въ Японіи часто попадаются вмѣстѣ съ предметами болѣе поздняго времени, когда уже употреблялось желѣзо; доисторическія глиняныя издѣлія отличаются отъ нынѣшнихъ болѣе простого типа только отсутствіемъ глазури. Въ то же время въ пещерахъ находимы были въ отдѣльности оружіе и орудія изъ камня. Болѣе новыми считаютъ „мага-тамы“ (цилиндрическія бусы изъ сердолика и не замкнутыя золотыя кольца (см. рис. стр. 688), которыя самими японцами считаются весьма древними. Изъ китайскихъ лѣтописей можно вывести заключеніе, что еще за три тысячи лѣтъ до Р. Хр. была въ употребленіи только бронза, и желѣзо было введено лишь черезъ нѣсколько столѣтій позднѣе. Однако, достовѣрность этихъ лѣтописей нельзя ставить слишкомъ высоко. Обращаясь къ самимъ предметамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ человѣку, а слѣдовательно, переселяющимся вмѣстѣ съ нимъ, мы получаемъ впечатлѣніе, что Китай первоначально имѣлъ много общаго съ другими азіатскими культурными областями и что его культур-

ная сокровищница обогащалась, главнымъ образомъ, изъ южной Азіи. Мы видимъ Китай самой ранней писанной исторіи въ сѣверной и сѣверо-западной части послѣдующей великой имперіи. Оттуда онъ медленно подвигался впередъ. Основатели Китая жили на возвышенностяхъ, откуда спустились въ низины и затѣмъ „плугъ пошелъ своимъ спокойнымъ ходомъ". Появленіе миѳическихъ культурныхъ героевъ, которые осушаютъ болота, проводятъ каналы и распространяютъ земледѣліе, олицетворяетъ трудность культивированія доисторическаго Китая и радость вслѣдствіе удавшейся законченной работы. Въ низкихъ наносныхъ областяхъ Хоангъ-Хо и Янгтсе-Кіанга, гдѣ каналы образуютъ цѣлыя сѣти, люди выкопали рисовыя поля, похожія на котловины, насыпали выкопанную землю отчасти ввидѣ плотинъ и валовъ, а отчасти ввидѣ основанія, на которомъ стоятъ теперь жилые дома, и создали, такимъ образомъ, удобную для обработки и обитанія, т. е. совершенно новую страну.

Старинныя серьги и шейныя украшенія японцевъ. (Изъ коллекціи ф. Зибольда въ Вѣнѣ.) Ср. текстъ, стр 700.

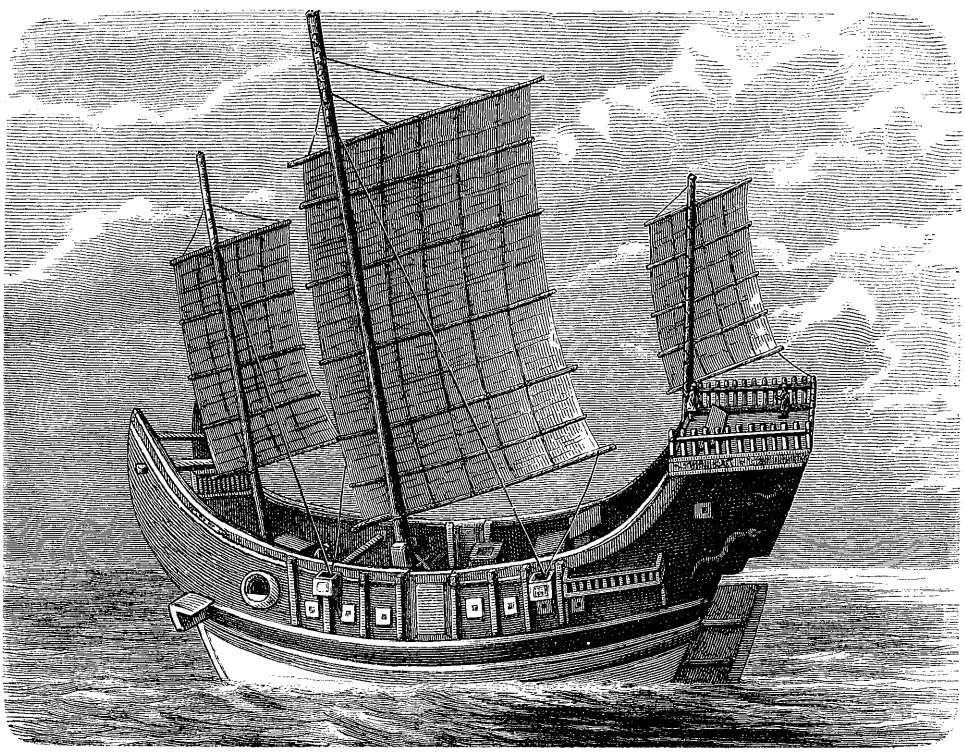
Руководящимъ началомъ китайской исторіи служитъ медленное, опирающееся на массовое давленіе и культурное превосходство побѣдоносное распространеніе народа, его нравовъ и учрежденій по всѣмъ направленіямъ. Ни одно изъ другихъ азіатскихъ царствъ не распространяло въ такой степени, какъ Китай, свою власть, а тамъ, куда она не достигала, свою культуру и языкъ. Если мы припомнимъ положеніе Японіи и Кореи, которыхъ можно назвать производными китайской культуры, по отношенію къ Китаю, то наименованіе Китая „Римомъ Крайняго Востока" окажется совершенно справедливымъ. Развитіе его легко прослѣдить къ сѣверо-западу, югу и западу: мы видимъ, какъ народы истребляются или перемѣщаются массами на сѣверъ, но, по большей части, вліяніемъ уже высоко развившейся и упорядоченной культуры, постепенно окитаиваются. За исключеніемъ Юннана, южной Манджуріи, пограничной полосы въ Монголіи и западной половины Сечуана, Китай уже 2000 лѣтъ тому назадъ занималъ ту же область, какая и теперь еще понимается подъ именемъ „собственно Китая". Тибетскіе, бирманскіе и сіамскіе народы, которые во всѣхъ этихъ странахъ (ср. выше, стр. 604 и 680) удержались до настоящаго времени, никогда не могли воспрепятствовать росту и окончательному преобладанію китайскаго элемента, который въ происходившей борьбѣ всегда выступалъ, какъ настоящій культурный элементъ. Оружіемъ его были дороги, мосты, школы, торговля и колонизація; онъ избѣгалъ, на сколько возможно, кровавой борьбы, побѣждая терпѣніемъ и хитростью.

Этотъ методъ тѣсно связанъ съ характеромъ восточныхъ азіатцевъ (и Японія медленно разросталась отъ Кіу-Сіу до Іессо) и съ естественными условіями ихъ существованія. Положеніе Китая, въ силу вещей, вело къ образованію колоній, захватывающихъ все большее и большее пространство.

Охранительное пограничное огражденіе, плодородіе почвы и благопріятныя условія сообщенія содѣйствовали росту населенія, масса котораго, несмотря на многіе случаи убыли, рано дала Китаю возможность направиться къ необузданнымъ кочевымъ народамъ на ихъ родину, пріучать ихъ къ культурѣ и разумно сдерживать ихъ. Всѣ сильныя и проницательныя правительства ставили себѣ задачей распространеніе своей власти надъ номадами, жившими по ту сторону границъ, посредствомъ военныхъ экспедицій и непрерывнаго основанія колоній. При этомъ они, какъ и каждый народъ, вынужденный защищать культурную границу отъ дикихъ народовъ, должны были предпринимать все болѣе и болѣе отдаленныя движенія, которыя разсудительный китаецъ вскорѣ обратилъ въ систему военныхъ и гражданскихъ колоній. Сами монголы, когда они достигли господства, въ качествѣ основателей колоній, не уступали прежнимъ императорамъ и перемѣщали тысячи семействъ изъ одной провинціи въ другую. Даже въ виду экспедиціи въ Японію Кублай-ханъ продовольствовалъ свои войска посредствомъ ряда колоній, которыя онъ основалъ въ Кореѣ изъ корейскихъ семействъ. Эта внутренняя колонизація, продолжавшаяся при династіи Мингъ, существенно содѣйствовала сглаженію внутреннихъ различій китайскаго народа. Заслуженнымъ основателямъ колоній ставились памятники. Процессъ происходилъ медленно, но вѣрно. Въ лучше надѣленномъ юго-западѣ только восточная половина, принадлежащая къ самымъ плодороднымъ странамъ Азіи, составляетъ настоящій Сечуанъ (страну четырехъ рѣкъ) и была покорена уже въ 316 г. по Р. Х., между тѣмъ, какъ западная, гористая половина была присоединена лишь постепенно, начиная отъ временъ Канги. Китайское народное преданіе разсказываетъ объ одномъ императорѣ, который захотѣлъ покорить Сечуанъ, когда эта страна находилась еще подъ властью правителя изъ племени Мантсе. Онъ распустилъ слухъ, что у него есть двѣ коровы, которыя все, что онѣ съѣдаютъ, превращаютъ въ золото. Онъ велѣлъ сказать князю мантсовъ, что онъ хочетъ ему подарить этихъ коровъ, но онѣ слишкомъ нѣжны, чтобы идти по непроторенным дорогамъ. Князь провелъ тогда превосходныя и трудныя дороги, существующія и до настоящаго времени, но китайскій императоръ вторгся въ его страну и покорилъ ее: такова исторія китайскаго завоеванія пограничныхъ странъ посредствомъ торговли, постройки дорогъ и хитрости.

Исторія Китая имѣетъ рѣзко выраженный характеръ внутренней страны. Онъ выраженъ еще сильнѣе только у монголовъ и тибетцевъ, которые даже на собственныхъ рѣкахъ пользуются услугами китайскихъ перевозчиковъ. Китай стремился всегда болѣе въ Азію, чѣмъ на море и къ дальнимъ берегамъ. Повидимому, онъ всегда придерживался изреченія Ши-Кинга: „когда король мудръ и любитъ добродѣтель, всѣ чужеземцы придутъ и покорятся ему.“ Возможно, что въ китайскомъ народномъ морѣ, которое становилось все болѣе и болѣе однообразнымъ, исчезли слѣды мореходныхъ народовъ, индійскаго или малайскаго происхожденія, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Японіи и Индокитаѣ. Несомнѣнно, что береговые народы южнаго Китая, которые въ настоящее время почти одни поддерживаютъ выселенія китайцевъ, направленныя къ морю, и суда которыхъ Марко Поло особенно отмѣчаетъ подъ именемъ судовъ манги (мантсе?) на ряду съ судами изъ Цайтуна, были вынуждены къ своей замкнутости сѣвернымъ Китаемъ. Замкнутость по отношенію къ чужеземнымъ народамъ есть основное начало, которое проявлялось во всѣ времена и проложило себѣ путь черезъ всю Азію, пріобрѣтая, такимъ образомъ, всемірно историческое значеніе, такъ какъ оно заставило Азію закрыть глаза на Тихій Океанъ и перенесло въ политику буддійское погруженіе въ самого себя. Но китайцы были предшественниками европейцевъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ юго-восточной Азіей. Магелланъ нашелъ китайскіе товары на Фи-

липпинахъ. И на Маріанахъ были слѣды прежнихъ сношеній съ Китаемъ. Суньига склоненъ извѣстныя части населенія Маріанъ такъ же, какъ и игорротовъ Люсона, сводить къ смѣшенію съ китайцами или японцами, вѣроятно, терпѣвшими здѣсь кораблекрушенія. И на Зондскихъ островахъ европейцы нашли китайцевъ: слѣды ихъ проникаютъ даже до берега Сѣверной Австраліи. Макризи зналъ о китайскихъ судахъ уже въ 1429 году въ Аденѣ и Джиддѣ, а Ибнъ-Батута видѣлъ китайскія суда передъ Калькутой. Съ другой стороны, повидимому, арабы и персы въ VIII столѣтіи имѣли поселенія въ Кантонѣ. Когда португальцы явились передъ Малаккой, они нашли въ китайцахъ друзей и помощниковъ, такъ

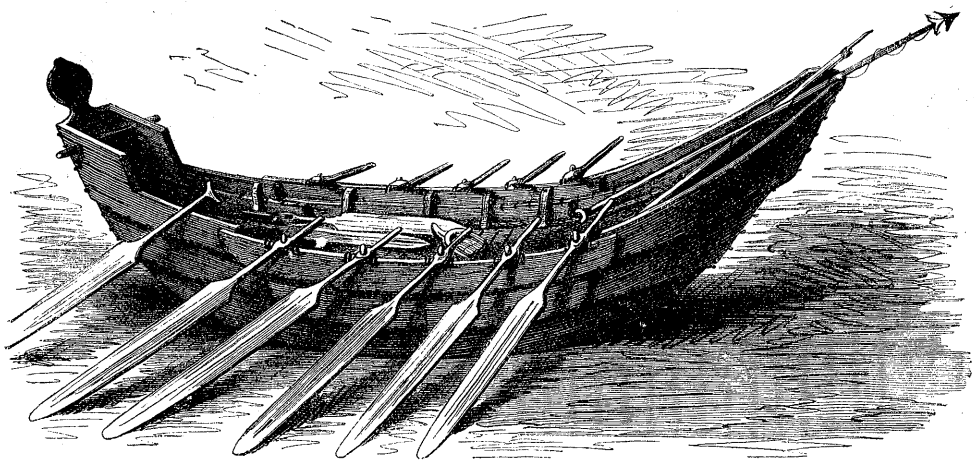


Китайская джонка. (По модели въ Музеѣ народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.) Ср. текстъ, стр. 724.

же, какъ Оливеръ фанъ Ноортъ 90 годами позднѣе на берегу Борнео. Еще въ 1712 г. китайцы скупили у голландцевъ въ самомъ Бандьермассингѣ весь урожай перца.

Китайцы ходятъ на плохихъ судахъ вдоль индокитайскихъ береговъ въ Зондское море къ островамъ, богатымъ пряностями и золотомъ. При помощи муссона, они и теперь еще совершаютъ годовые рейсы между Индокитаемъ и Китаемъ. Они учредили сильныя колоніи въ Индокитаѣ и на индійскихъ островахъ и, вмѣстѣ съ европейцами и арабами, имѣютъ преобладающее значеніе въ торговлѣ этихъ странъ. Кромѣ того, съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія началось ихъ переселеніе въ Америку, и позднѣе, со времени открытія золотыхъ розсыпей и процвѣтанія торговли куліями — въ Австралію. Численность китайцевъ за предѣлами ихъ отечества можно принять въ 3—4 милліона, и она увеличивается повсюду, за исключеніемъ Австраліи и Сѣв. Америки, гдѣ она ограничена закономъ. Сингапуръ и Бангкокъ — полукитайскіе города, Манилла съ каждымъ годомъ окитаивается все болѣе и болѣе, и странствующіе китайцы, въ видѣ ремесленни-

ковъ и разносчиковъ, встрѣчаются во всѣхъ углахъ Архипелага. Такъ какъ причины, способствовавшія усиленію китайцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченію сношеній, будутъ все увеличиваться и спросъ на китайскихъ рабочихъ, извѣстныхъ умѣренностью своихъ требованій относительно заработной платы, пищи и помѣщенія, будетъ все болѣе и болѣе возрастать, то въ будущемъ число китайскихъ эмигрантовъ будетъ все повышаться. Риттеръ высказалъ мнѣніе, что китайцы не создаютъ колоній, такъ какъ законъ не позволяетъ выселяющимся изъ страны брать съ собою женъ и дѣтей. Но не говоря уже о томъ, что у дѣтей китайцевъ отъ малайскихъ, монгольскихъ и манджурскихъ женщинъ физическіе и умственные признаки отца преобладаютъ обыкновенно надъ признаками матери, — и выселеніе китайскихъ женщинъ также фактически возрастаетъ. Переселенія цѣлыхъ семействъ въ Монголію и Манджурію сдѣлались довольно часты.



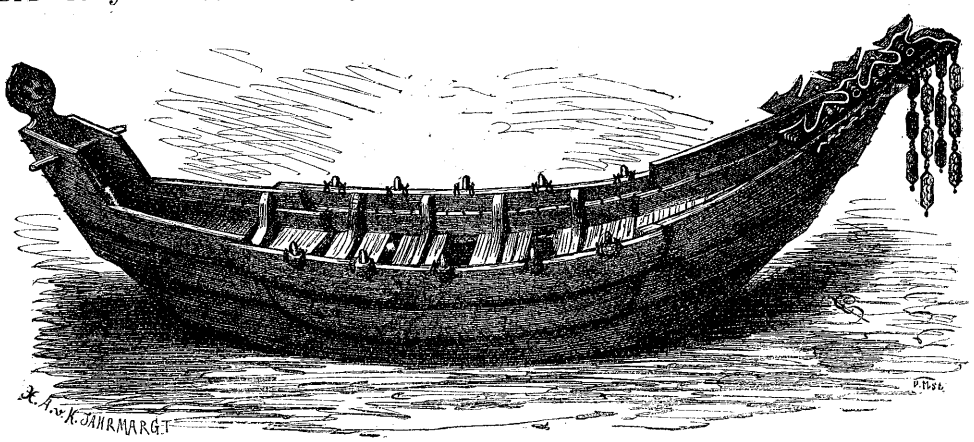
Охотничья лодка айносовъ. (По ф. Зибольду.) Ср. текстъ, стр. 695 и 701.

До начала нашего лѣтосчисленія извѣстны были только два болѣе значительныхъ торговыхъ пути изъ Китая на Западъ — южный черезъ Тибетъ въ Индію и другой черезъ Куку-Норъ и Кашгаръ въ Памиръ и Бактрію. Со времени расцвѣта внутренно-азіатскихъ колоній Китая, третій путь, болѣе военный, чѣмъ торговый, проходитъ черезъ Хами и Небесныя горы и, къ сѣверу оттуда, черезъ Кульджу къ Или. Изъ Индіи и Бактріи шелкъ распространился на Западъ. Мы находимъ его въ Вавилонѣ (Исаія, повидимому, упоминаетъ о китайцахъ, производившихъ шелкъ) и даже въ Іерусалимѣ. Индія, правда, также производитъ шелкъ, но уже въ Магабгаратѣ говорится о чужеземномъ шелкѣ.

Непосредственныя сношенія Китая съ Западомъ никогда нельзя было сравнить съ сношеніями его съ Югомъ и Востокомъ; въ этомъ заключается всемірно-историческій фактъ культурнаго развитія двухъ самыхъ обширныхъ областей. Риттера много разъ занимала мысль, насколько ходъ культурной исторіи былъ бы инымъ, еслибъ китайская и римская имперіи могли тѣснѣе соприкасаться между собою. Быть можетъ, тогда, магнитная игла, бумага, печатаніе съ досокъ и порохъ (не говоря уже о фарфорѣ и проч.) раньше достигли бы Запада. Китай въ прежнія времена могъ доставлять гораздо болѣе, чѣмъ вначалѣ своей замкнутости въ XVI столѣтіи. Христіанство въ несторіанской формѣ, исламъ, іудейская вѣра (черезъ Персію) и вся сумма результатовъ культурнаго развитія Запада проникали въ Китай съ западной стороны. Китай могъ предложить взамѣнъ чай, шелкъ, нѣкоторыя произведенія про-

мышленности и оригинальные художественные предметы, которые дѣйствовали на художественныя воззрѣнія Запада менѣе, чѣмъ японскія. Сношеніямъ болѣе тѣснымъ только теперь прокладывается путь. Мы уже чувствуемъ, что никакое соприкосновеніе двухъ большихъ культурныхъ областей не оказывалось столь дѣйствительнымъ, какъ соприкосновеніе Запада съ крайнимъ Востокомъ, съ восточной Азіей, „съ этимъ мощнымъ очагомъ дѣятельности, неисчерпаемымъ потокомъ трудолюбивыхъ людей, этимъ большимъ, бережливымъ, трезвымъ, терпѣливымъ, неутомимымъ народомъ“. (Мишель Шевалье.) И мы прибавимъ: съ культурой, которая изъ всѣхъ азіатскихъ формъ ея стоитъ всего ближе къ нашей.

Китай нуждался въ обновленіи, такъ какъ въ настоящее время онъ находится въ періодѣ упадка. Каждый шагъ въ этой странѣ доставляетъ случай сравнить нынѣшнюю бѣдность и лѣность народа съ его прежнимъ лучшимъ положеніемъ. Прошли тѣ времена, какъ — не болѣе 100 лѣтъ тому назадъ — Стаунтонъ величіе и долговѣчность китайскаго

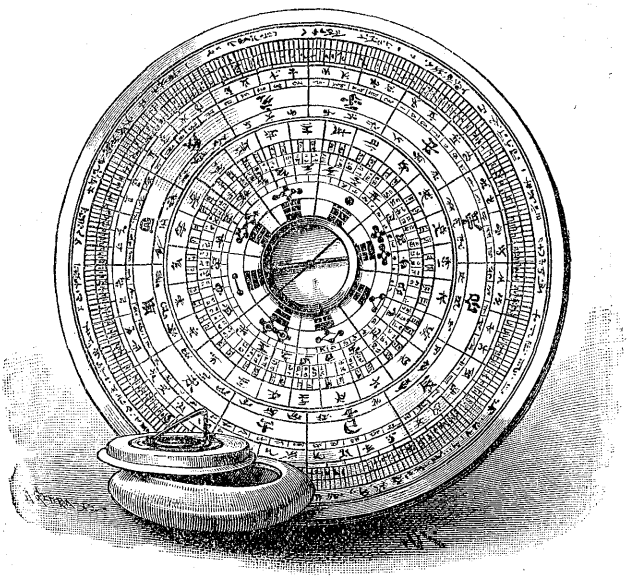


Лодка для дани айносовъ. (По ф. Зибольду.) Ср. текстъ, стр. 695 и 701.

царства считалъ самымъ возвышеннымъ предметомъ для человѣческаго размышленія. Остатки общественныхъ пышныхъ построекъ въ городахъ и деревняхъ свидѣтельствуютъ о болѣе счастливыхъ временахъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ отъ непосредственнаго дѣйствія опустошительныхъ междоусобныхъ войнъ великолѣпный Нанкинъ почти обезлюдѣлъ. Пекинъ даже и въ настоящее время является сценой продолжающагося упадка. Внутренними причинами его могутъ считаться неподвижныя формы правленія и религіи, но нельзя оставить безъ вниманія и истощеніе почвы, ухудшеніе климата (дожди становятся болѣе сильными и менѣе частыми), обезлѣсеніе, плохіе пути сообщенія и перенаселеніе, въ особенности нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 90% взрослаго населенія предаются куренію опіума. Всему этому Китай можетъ противопоставить только массу своего населенія, количество котораго, заключающееся въ предѣлахъ одного государства и проникнутое одной и той же культурой, является безпримѣрнымъ въ исторіи. На немъ прежде всего основываются надежды жизнеспособнаго Китая.

Японія по своей культурѣ — настоящая колонія Китая, но при этомъ она держалась всегда такъ самостоятельно въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, что китайцы, при всемъ коренномъ родствѣ съ японцами, никогда не достигали въ островномъ царствѣ послѣднихъ ни политическаго, ни торговаго преобладанія. Вслѣдствіе того, Японія представляетъ картину двойственнаго отношенія: будучи замкнутой отъ чужеземцевъ, она является впечатлительнѣе и воспріимчивѣе какого бы то ни было другого монголь-

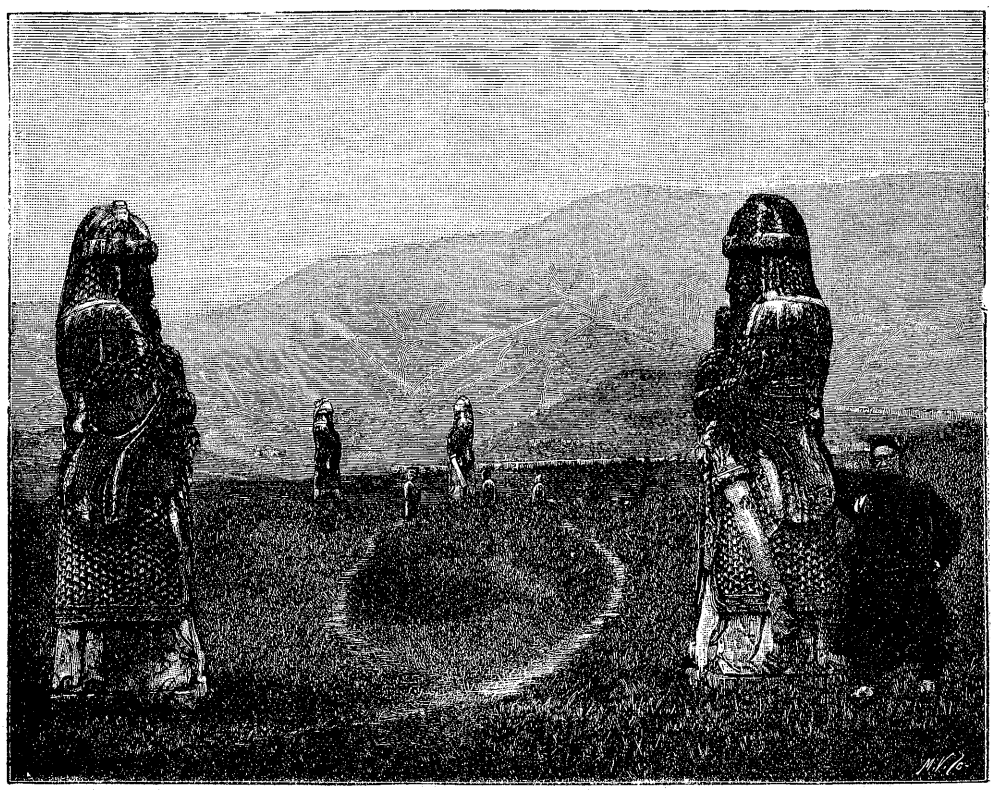
скаго племени. Уже природа помогла Японіи осуществить идеалъ государства всѣхъ восточныхъ азіатцевъ — островную замкнутость и спокойное развитіе. Самыя раннія вліянія Китая на Японію лежатъ въ томъ же мракѣ, какъ и вся древнѣйшая японская исторія. Японія въ III в. по Р. Х. отправила пословъ въ Корею, чтобы найти тамъ ученыхъ людей, и эти послы привезли съ собою Онина или Вонина, мудраго человѣка изъ китайскаго императорскаго рода, который обучилъ японцевъ письменности и культурѣ своей страны. Признательные японцы воздавали впослѣдствіи Вонину божественное почитаніе. Такое внезапно дѣйствующее китайское вліяніе, безъ сомнѣнія, имѣетъ миѳическій характеръ. Если Японія была баснословный Фузанъ, то онъ въ Китаѣ былъ уже давно извѣстенъ. И культурное состояніе японцевъ вообще, даже прежде, чѣмъ они попали въ китайскую школу, вовсе не было столь низкимъ, какъ указывается ихъ миѳической исторіографіей. Въ культурномъ достояніи Японіи мы находимъ многое, что̀ не могло исходить изъ Китая. Можно даже поставить вопросъ — повсемѣстно ли китайское вліяніе означало собой прогрессъ? Такъ, повидимому, въ Кореѣ и Японіи китайской письменности предшествовала болѣе древняя, подобная нынѣшнему буквенному письму корейцевъ; японцы называютъ ее „божественными знаками“. Въ преданіи уже въ самомъ началѣ является узловое письмо. Буддизмъ былъ, вѣроятно, введенъ въ 543 г. по Р. Х.; ученіе Конфуція, повидимому, раньше появилось въ Японіи. Толкователей Конфуція можно было найти въ числѣ придворныхъ чиновъ при дворѣ шогуна. Японскій языкъ содержитъ и китайскія слова, но ихъ не болѣе, чѣмъ арабскихъ словъ, распространившихся благодаря корану. Бо̀льшая часть культурныхъ китайскихъ вліяній, согласно преданію, проникла въ Японію черезъ Корею. Учрежденіе внутренняго управленія, которое выказываетъ китайскіе слѣды даже въ названіяхъ различныхъ чиновниковъ, такъ же, какъ медицинскія понятія и врачебныя средства и большая часть техническихъ знаній, вѣроятно, заимствованы изъ Китая. Съ теченіемъ времени постепенно выросла замкнутость послѣ долгой и плодовитой связи. Съ тѣхъ поръ, какъ великій шогунъ Тайкосама въ 1592 г. велъ безплодную войну съ Кореей и Китаемъ, оба восточноазіатскихъ культурныхъ государства не приходили уже въ фактическія столкновенія между собою, но все болѣе и болѣе обособлялись. Пути ихъ скрещивались, однако во многихъ пунктахъ отъ Сахалина до Формозы, пока ощущеніе избытка силъ въ Японіи, возродившейся подъ вліяніемъ сѣвероамериканцевъ и европейцевъ, не привело къ недавнему столкновенію, столь внезапно обнаружившему дряхлость Китая.



Китайскій компасъ по европейскимъ образцамъ. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 724.

Японія выказывала нѣкогда иную энергію, чѣмъ въ вѣка своей замкнутости; повидимому, въ прежнее время она обнаруживала болѣе оживленное стремленіе въ чужія страны, чѣмъ Китай. Японцы вели торговлю

съ Китаемъ, Кохинхиной, Явой и Камбоджей. Они появились еще въ концѣ XVI в. на Филиппинскихъ островахъ, и голландцы нашли японское поселеніе въ Кешо (Аннамъ). Японцы, повидимому, въ XVII в. сражались въ сіамскихъ войскахъ. Когда, подъ властью монголовъ и династіи Мингъ, Китай запретилъ своимъ подданнымъ дальнія морскія поѣздки съ торговыми цѣлями, японцы занимались контрабандой и грабежомъ, далеко поднимаясь по судоходнымъ рѣкамъ, и составляли язву страны, подобно норманамъ въ началѣ среднихъ вѣковъ въ Германіи. Трудно сказать—зависѣло ли отъ этого обстоятельства или отъ стремленія къ политической замкнутости запрещеніе строить другія суда, кромѣ судовъ для береговой торговли, ко-

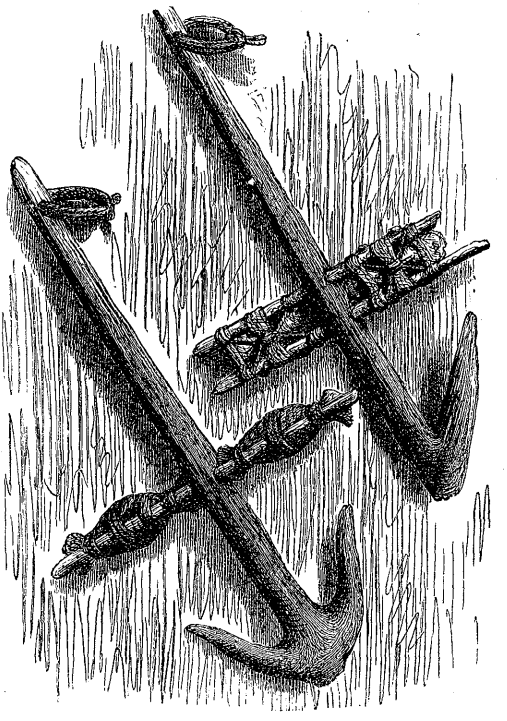


Проходъ къ императорскимъ могиламъ близъ Шеголя. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 588 и 723.

торое въ XVII в. прекратило дальнія экспедиціи и даже повело къ утратѣ острововъ Ліукіу и переходу Формозы въ руки китайцевъ. Японцы указывали на сношенія съ Америкой, такъ какъ ихъ суда относило нерѣдко къ берегамъ сѣверо-западной Америки. О возможности и вѣроятности такихъ сношеній см. т. I, стр. 152 и 162.

Основной чертой внѣшней исторіи Китая до войны 1894 г. была тѣсная **связь съ Кореей**. Исторія Японіи въ болѣе древнія времена не ограничивается вообще островами, а захватываетъ и нѣкоторыя части Кореи. Корея всегда находилась въ тѣсныхъ, хотя и не всегда мирныхъ отношеніяхъ съ Японіей. Вновь, какъ 300 лѣтъ тому назадъ, на корейской землѣ была основана значительная торговая колонія, на этотъ разъ надѣленная европейскими культурными средствами, вслѣдствіе чего Японія явилась представительницей усовершенствованій Запада. Политическимъ отношеніямъ болѣе тѣснаго свойства не могло быть мѣста при своеобразномъ отношеніи Кореи къ Китаю; Корея послѣ безуспѣшной войны Тайко-

самы (1592 г.) надѣляла Японію только доказательствами дружбы, получая взамѣнъ подобные же дары. Давленіе Китая на маленькое полуостровное государство было болѣе энергичнымъ. Корея уже два тысячелѣтія подчинена Китаю и платитъ ему дань, но во всемъ остальномъ пользуется самостоятельностью. Въ послѣдніе годы китайцы вспомнили о своей старинной формальной связи съ Кореей и заняли посредствующее положеніе между Кореей и европейскими державами, на первое время съ успѣхомъ. Нѣкогда между обѣими областями находилась нейтральная пограничная полоса въ 7—12 нѣмецкихъ миль шириною. У входа въ Китай, гдѣ запрещено было селиться подъ страхомъ смерти, находилась застава Каолимѣнъ, маленькій сторожевой домикъ, съ проѣздомъ для одной китайской повозки. Сообщенія разрѣшались здѣсь только въ 3-мъ, 5-мъ и 9-мъ мѣсяцѣ (апрѣлѣ, іюнѣ и октябрѣ). Голодъ 1897 года заставилъ множество бѣдныхъ китайцевъ выселиться изъ Печили и Шанси въ Манджурію и содѣйствовалъ заселенію этой пограничной полосы.



Деревянные, нагруженные камнями якоря айносовъ. (По ф. Зибольду.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 701.

Въ новѣйшее время неполитическія вліянія Китая, повидимому, не проникали болѣе глубоко. Тѣмъ не менѣе, въ корейскомъ населеніи нерѣдко можно встрѣтить знакомство съ китайскимъ языкомъ и почти повсюду съ китайскими письменными знаками. Первое обученіе корейской молодежи происходитъ по китайской „Книгѣ тысячи буквъ“. Корея, подобно Китаю и Японіи, по преимуществу воздѣлываетъ рисъ, но, вслѣдствіе гористой поверхности, не можетъ быть названа вполнѣ плодородной страной. Корея вывозитъ въ Китай кожи, шкуры, жинзенгъ, шелкъ дикихъ червей, шелковыя ткани, бумагу, металлы и получаетъ, главнымъ образомъ, произведенія китайской промышленности и китайскаго земледѣлія. Корея выказываетъ свою умственную зависимость отъ Китая тѣмъ, что ежегодно торжественно получаетъ календарь изъ Пекина. Когда французы производили развѣдки въ Ханьянгѣ, они нашли на островѣ Кангхао, наряду съ множествомъ оружія, библіотеку китайскихъ произведеній и карту Китая. Въ Кореѣ ученіе Конфуція глубоко укоренилось, между тѣмъ, какъ ученіе Будды свободнѣе развилось въ Японіи.

Корея, подобно Японіи, расцвѣла въ видѣ культурной колоніи Китая, но хотя и находилась ближе къ великому континентальному государству, и въ политическомъ, и въ этнографическомъ отношеніи оказалась далеко позади его. Корея, послѣ своихъ войнъ съ Китаемъ и Японіей, подобно этой послѣдней, настолько замкнулась отъ внѣшнихъ вліяній, что, когда сношенія съ Японіей опять возобновились, во всей Кореѣ можно было найти только жалкія лодки, вродѣ лодокъ айносовъ (ср. рис., стр. 691 и 692). Загражденіе отъ чужеземцевъ здѣсь проводилось послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Японіи. Поэтому Корея изъ всѣхъ варварскихъ странъ считалась самой благопристойной и добродѣтельной. Японскій посолъ Кайдцу разсказы-

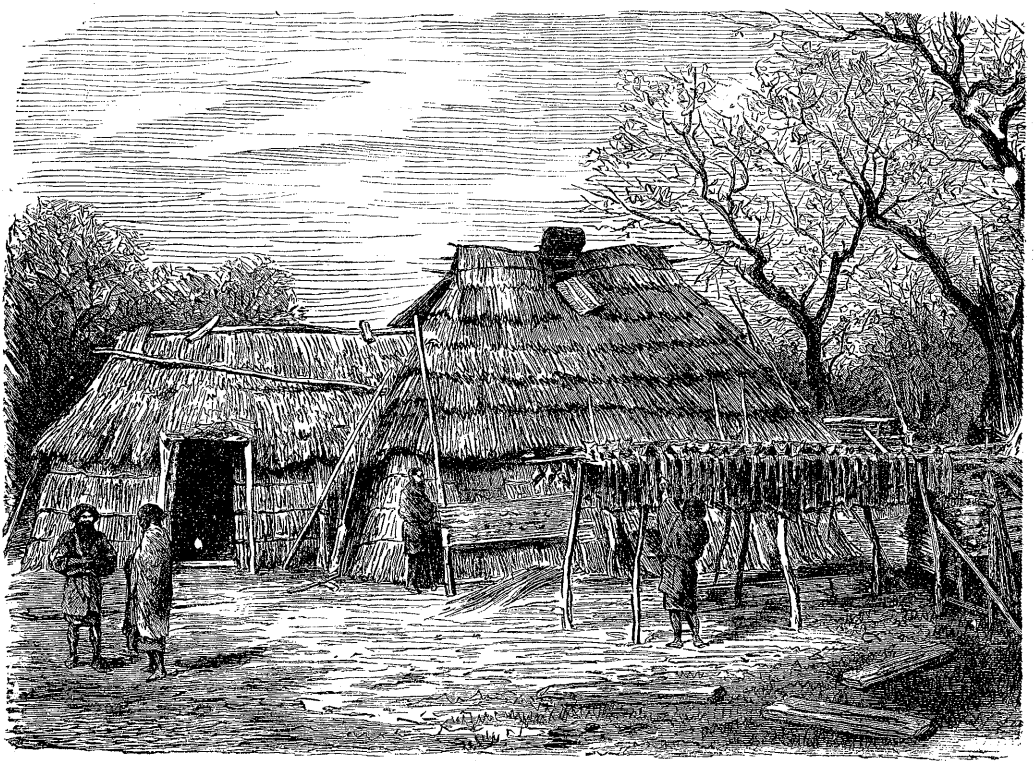
ваетъ, что по всей странѣ разставлены камни, на которыхъ высѣчены приказаніе не входить въ споры съ чужеземцами. „Если и внуки будутъ слѣдовать ему, то Корея всегда будетъ принадлежать корейскому народу.“ Интересъ, какой представляютъ для насъ Корея и корейцы, основывается, главнымъ образомъ, на томъ, что, лишь съ помощью такой окаменѣлой замкнутости, въ Кореѣ сохранился древній Китай, какимъ онъ былъ до манджурскаго владычества; все китайское въ корейцахъ сближаетъ ихъ съ устарѣлыми южными китайцами.

На сѣверѣ восточно-азіатской культурной области сохранились остатки двухъ народовъ, которые принимали то или иное участіе въ созиданіи націй и царствъ Китая и Японіи. Ихъ далеко отодвинутыя и суженныя мѣстообитанія лежатъ въ Амурской области и на островахъ, расположенныхъ передъ нею. Когда русскіе въ 1650 г. пришли на Амуръ, они нашли лѣсистую пустыню, въ которой бродили тунгузскіе охотники. Канги первый основалъ поселеніе изъ манджурскихъ и китайскихъ солдатъ на устьѣ Зеи. Русскіе тѣмъ временемъ принялись за энергичную колонизацію, которая, казалось, быстро вытѣснила около 20 тыс. тунгузовъ. Но климатъ и почвенныя условія оказались менѣе благопріятными для ихъ предпріимчивости, чѣмъ можно было думать. Вслѣдствіе того, областью этой до сихъ поръ въ сущности владѣютъ охотничьи народы. Цивилизованную вѣтвь ихъ составляютъ нынѣшніе властители Китая—манджуры, жившіе первоначально на Сунгари и ея притокахъ. На крайнемъ сѣверо-востокѣ страны живутъ гиляки (см. рис. т. I, стр. 677) въ дельтѣ Амура и на пограничныхъ берегахъ Охотскаго моря; имъ, повидимому, принадлежала и сѣверная половина Сахалина. Айносы владѣли южной половиной этого полуострова и въ то же время юго-восточной частью Амурской области, Іессо и Курильскими островами. Многочисленные доисторическіе слѣды на нижнемъ Амурѣ и на Сахалинѣ, орудія изъ обыкновеннаго камня и изъ кремня, сходныя по формѣ съ европейскими, показываютъ, что населеніе этой области нѣкогда находилось въ другихъ культурныхъ условіяхъ, чѣмъ во время встрѣчи ихъ съ европейцами, когда Китай и Японія, очевидно, уже успѣли оказать на нихъ свое вліяніе. Кремень, вѣроятно, доставлялся извнѣ; орудія изъ обсидіана служатъ свидѣтельствами отношеній къ обитателямъ Камчатки и Курильскихъ острововъ. Здѣсь также находятъ множество черепковъ простыхъ глиняныхъ сосудовъ, остатки человѣческихъ жилищъ, круглыхъ подземелій, похожихъ на жилища камчадаловъ, а около нихъ кости медвѣдей, собакъ и другихъ животныхъ, какія встрѣчаются въ настоящее время вблизи хижинъ айносовъ.

Манджуры нынѣшней Манджуріи, распространявшіеся въ прежнее время до Желтаго моря, выступаютъ въ китайскихъ лѣтописяхъ въ видѣ подвижныхъ народовъ, которые, научившись пріемамъ и средствамъ кочевой жизни у монголовъ, часто входили въ смѣшенія съ ними, и отрасли ихъ достигали до бассейна Амура. Но монголами они все-таки не сдѣлались. Прогрессъ и успѣхъ китайской колонизаціи въ Манджуріи скорѣе надо приписать тому обстоятельству, что манджуры, при всей своей грубости, просты и добродушны. Ихъ способность выучиваться и приспособляться сравнивали съ той же способностью японцевъ. Народъ Іучи, правители которыхъ воздвигли свое царство на развалинахъ хитанскаго царства, повидимому, выказывалъ уступчивость по отношенію къ китайской культурѣ. Когда, вмѣстѣ съ манджурскимъ покореніемъ Китая, наступилъ настоящій обмѣнъ народовъ, народы, широко распространившіе свою власть, такъ быстро погрузились въ тьму охотничьей и рыболовной жизни, не знающей исторіи, что неизвѣстна даже связь позднѣйшихъ манджуровъ съ распавшимся народомъ Іучи. Мы видимъ, что еще раньше китайскіе элементы перешли въ населеніе по ту сторону Ліаохо: этимъ путемъ можно объяснить быстрый ходъ окитаиванія. Уже въ X вѣкѣ, когда въ южной Манджуріи воз-

никло хитанское царство, которое впослѣдствіи охватило большую часть Китая (Катай), многочисленные китайцы, по большей части, военноплѣнные перемѣщены были въ качествѣ колонитсовъ, въ Манджурію.

Когда тунгузско-монгольскія завоевательныя орды, въ видѣ манджуровъ, въ 1644 году утвердились въ Китаѣ, тотчасъ же открылся двойной потокъ переселенія — манджуровъ въ Китай и китайцевъ въ Манджурію. Дѣйствіе его заключалоєь въ томъ, что манджуры, какъ отдѣльный народъ, быстро пошли къ своему уничтоженію, а Манджурія, напротивъ, заселилась 10—11 мил. китайцевъ. Страна, въ южной половинѣ своей равная по плодородію сѣверному Китаю, утратила большую часть своего населенія, потянувшагося къ

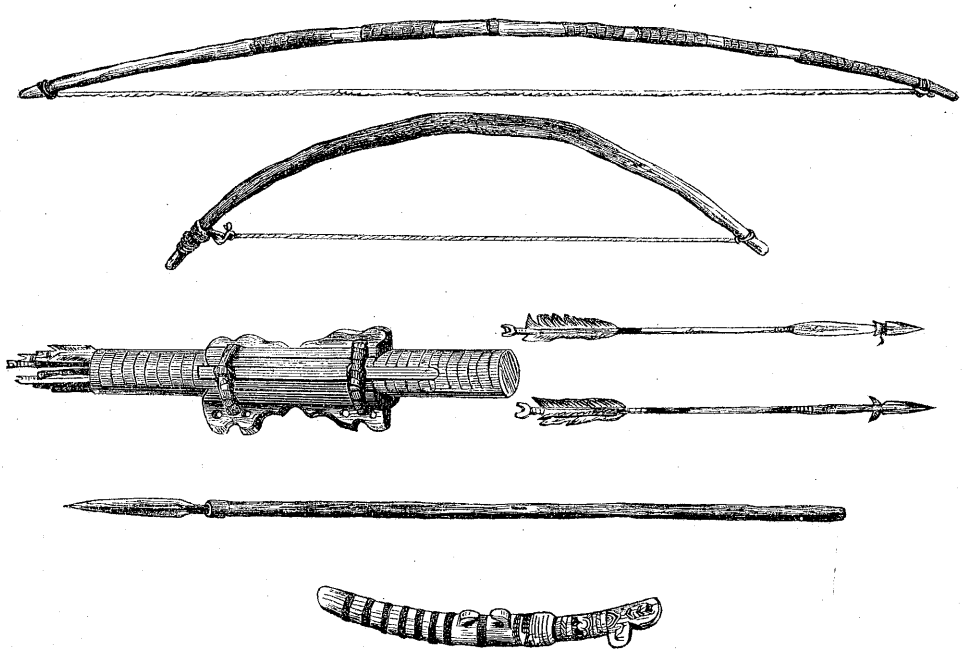


Хижины айносовъ съ подмостками для сушенія рыбы. (По фотографіи ф. Зибольда.)
Ср. текстъ, стр. 701.

солнцу новой династіи въ Китаѣ. Правительство поддерживало колонизацію только большими колоніями преступниковъ. И въ настоящее время еще можно различить потомковъ жителей Юннана, которые, послѣ прекращенія возстанія, были сосланы сюда и получили землю отчасти съ обязательствомъ содержать лошадей на почтовыхъ станціяхъ для императорскихъ курьеровъ. Манджуры вытѣснялись все далѣе и далѣе на сѣверъ, насколько они не смѣшивались съ колонистами, для которыхъ съ 1887 г. страна была уже открыта. Еще 30 лѣтъ тому назадъ въ области Мукденъ чисто манджурскія поселенія стали рѣдкими. Китайцы сумѣли занять самое вліятельное положеніе. Только аристократія пользовалась выгодами землевладѣнія и имѣла участіе въ управленіи настолько, что распространеніе необложенныхъ пошлиной манджурскихъ земель вызвало неудовольствіе китайцевъ. Но эти аристократы выучились по китайски и посылаютъ своихъ дѣтей въ китайскія школы, основанныя переселенцами и достаточно снабженныя учителями. Манджуры не заботятся ни о чемъ подобномъ. Для всѣхъ манджурскихъ

городовъ на сѣверѣ Мукдена характерно, что настоящій городъ есть скорѣе укрѣпленіе, обитаемое только солдатами и чиновниками, тогда какъ предмѣстья состоятъ изъ деревянныхъ хижинъ. Деревни здѣсь, въ среднемъ, меньше, чѣмъ въ Китаѣ.

На свободѣ отъ узъ патріархальныхъ правительствъ по обѣимъ сторонамъ въ русско-китайской пограничной зонѣ образовались совершенно особыя отношенія народовъ, которыя въ восточно-азіатскомъ видоизмѣненіи напоминаютъ независимость и отсутствіе законовъ Дальняго Запада Сѣв. Америки. Въ новѣйшее время изъ рабочихъ золотыхъ пріисковъ, не повинующихся никакимъ законамъ, и другихъ отверженцевъ образовался даже цѣлый разбойничій народецъ — хунхузы, превосходно вооруженные,



Лукъ, стрѣлы, колчанъ и охотничій ножъ. (По ф. Зибольду.) Ср. текстъ, стр. 700.

находящіеся въ тайныхъ сношеніяхъ съ осѣдлыми китайцами (манзами) между тѣмъ, какъ эти послѣдніе служатъ укрывателями, шпіонами поставщиками провизіи и скупщиками. Русскіе до сихъ поръ не могли еще искоренить этого зла, такъ какъ не имѣютъ возможности съ одинаковой энергіей преслѣдовать его по ту сторону границы, гдѣ оно всегда находитъ потайные уголки и новыя силы. Они поставили только препятствія переселенію китайцевъ въ восточную Сибирь, которое принимало угрожающіе размѣры.

Границы китайскаго распространенія къ сѣверу лежатъ у моря и на краю пустынь, покрытыхъ первобытнымъ лѣсомъ, идущихъ въ Амурской области отъ нижняго Уссури и Сунгари. Если они когда либо проникали въ эти мрачныя страны, то не ради заманчивой охоты за пушнымъ звѣремъ, которую русскіе производили во всей сѣверной Азіи, но ради такого жалкаго занятія, какъ выкапываніе кореньевъ. Если они селились у моря, то ихъ удерживало тамъ собираніе голотурій и водорослей. При этомъ, пока они владѣли Амуромъ, они никогда не простирали своихъ рукъ до Сахалина. Островъ, лежащій непосредственно передъ устьемъ этой рѣки, какъ принадлежащій къ ней, давно долженъ бы былъ казаться китайцамъ желательнымъ и необходимымъ для ея защиты, если бы ихъ колоніальная политика была настолько же энергичной и даль-

новидной, насколько она была разумной и упорной. Правда, они пытались подчинить своей власти сахалинскихъ айносовъ, но у нихъ не было ни одного постояннаго поселенія на этомъ островѣ. Японцы, напротивъ, какъ настоящіе властители айносовъ, давно уже имѣли прочныя поселенія въ южной части Сахалина.

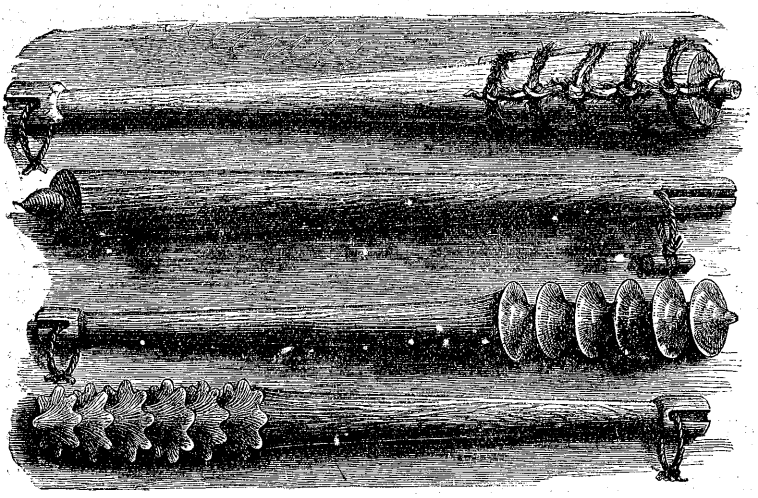
Первые европейцы нашли японскіе товары у айносовъ на Іессо, Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ. Японскія произведенія въ концѣ прошлаго вѣка черезъ Іессо доходили до Петербурга. Мы знаемъ изъ японскихъ источниковъ, что Курильскіе острова, изъ которыхъ въ 1875 г. только 5 были обитаемы (и на Сахалинѣ было не болѣе 2000 айносовъ), прежде обмѣнивали съ Японіей бобровыя и лисьи шкуры, ремни изъ тюленьей кожи, перья для стрѣлъ и т. под. на мануфактурные товары, шелковыя ткани, фарфоровую и желѣзную посуду. Іессо, настоящая страна айносовъ, по климатическимъ условіямъ, также непригодна для густого населенія. Число айносовъ исчислялось тамъ Крейтнеромъ въ 1881 г. въ 27 т., а общее населеніе острововъ въ 1891 г. — равнялось 294 т. Айносы, которые въ 70-хъ годахъ въ Сапоро еще соприкасались съ берегомъ, окружены теперь цѣпью японскихъ поселеній. Исторія, поэзія, живопись и скульптура, даже романъ въ Японіи вполнѣ ясно говорятъ о населеніи, предшествовавшемъ нынѣшнему. Сильное, мускулистое, волосатое тѣло айноса, его длинная, черная борода, его нерасчесанные волосы и грубые нравы представляютъ любимый предметъ изображеній художниковъ. Въ воображеніи японцевъ онъ служитъ представителемъ прежняго болѣе грубаго состоянія человѣчества [1]. Сознаніе, что они совершенно иные люди, заставляетъ смотрѣть на этихъ предковъ съ извѣстнымъ шутливымъ юморомъ, которому не чуждо чувство собственнаго превосходства. Распространеніе ихъ въ сѣверной Японіи, куда они уже въ историческое время (отъ II до XI в. по Р. Х.) были вытѣснены, указываетъ, что нѣкогда они жили далѣе къ югу. Даже озовъ въ Кіусіу относятъ къ айносамъ. Остатки каменнаго вѣка во всякомъ случаѣ не представили до сихъ поръ ничего характернаго для айносовъ: они одинаково могли бы быть полинезійскими, какъ это было высказано и въ самой Японіи.

Безъ сомнѣнія, айносы въ физическомъ отношеніи отличаются отъ японцевъ, но и между собою, повидимому, не представляютъ полнаго единства. Одинъ изъ ихъ типовъ — малорослый и въ сущности монголоидный; другой — болѣе высокаго роста, до 1,72 м., приближается къ кавказскимъ расовымъ признакамъ. Л. фонъ Шренкъ и другіе видятъ въ этомъ различіи смѣшеніе монголовъ съ длинноголовыми „палеазіатцами“. Цвѣтъ тѣла ихъ такой же, какъ у свѣтлыхъ японцевъ. Среди нихъ можно встрѣтить настоящія монгольскія физіономіи наряду съ чисто кавказскими. Сильная волосатость, о которой столько было говорено, вовсе не служитъ общимъ расовымъ признакомъ. Она сильнѣе, чѣмъ у европейцевъ, слѣдовательно, гораздо сильнѣе, чѣмъ у японцевъ, и именно поэтому значительно преувеличивалась послѣдними. Шпанбергъ называетъ айносовъ. „сплошь волосатыми“ и говоритъ о ихъ „волосатой кожѣ“, которою они будто бы отличаются отъ жителей Курильскихъ острововъ и Сахалина. Сходство съ айносами, кромѣ Курильскихъ острововъ и Сахалина, можно прослѣдить на нижнемъ Амурѣ и на южной оконечности Камчатки. Въ лингвистическомъ отношеніи айносы всего тѣснѣе связаны съ гольдами и гиляками на нижнемъ Амурѣ, мотивы орнаментовъ которыхъ, родствен-

[1] Названіе айно, по объясненію Пфицмайера, означаетъ людей, вооруженныхъ луками, а по толкованію Сатова, есть испорченное слово, происходящее отъ собаки (inu) и выражающее презрѣніе. Въ прежнее время японцы называли ихъ эбизу, эмишу (варвары) или просто іесо.

ные съ древне-японскими, ясно напоминаютъ айносскіе. Выдающіяся черты характера айносовъ составляютъ добродушіе и честность. Имъ не достаетъ трудолюбія, но никакъ не умственной даровитости. Они чрезвычайно неопрятны.

Татуировка распространена среди всѣхъ женщинъ айносовъ. У многихъ портитъ лицо поперечная полоса надъ переносицей, соединяющая брови. Кисти рукъ и руки татуируются всегда, причемъ ежегодно извѣстная часть ихъ, что̀ у дѣвушекъ продолжается до замужества. Орудіями татуировки служатъ японскія бритвы. Мужчины съ наступленіемъ возмужалости брѣютъ переднюю часть головы; оба пола носятъ длинные пряди на ушахъ. Японскій обычай выбривать брови и чернить зубы неизвѣстенъ у айносовъ. Женщины носятъ головныя повязки, мужчины въ торжественныхъ случаяхъ—своеобразныя короны изъ древесной коры съ привѣшенными къ нимъ, рѣзными медвѣжьими, совиными и др. головами, медвѣжьими когтями и т. п. Большія серебряныя или оловянныя серьги, серебряныя шейныя привѣски (см. рис, стр. 687) и часто также запаянные на рукѣ мѣдные обручи составляютъ украшеніе женщинъ. Платье въ теплое время года состоитъ изъ ткани, вытканной ими самими изъ луба илима, зимою—изъ шкуръ: длинный кафтанъ, подъ нимъ куртка, узкія шаровары и башмаки изъ шкуры или изъ кожи лосося. Мужчины опоясываются, выходя изъ дому, ремнемъ изъ шкуръ, изъ-за котораго торчитъ постоянно ножъ въ видѣ кинжала, съ деревянной рукояткой и въ деревянныхъ ножнахъ. Между тѣмъ, какъ въ хижинахъ дѣти ходятъ совершенно нагими, взрослые чрезвычайно опасаются, чтобы небо не увидало ихъ въ такомъ видѣ. Праздничныя одежды, въ особенности у мужчинъ, украшены оригинальными узорными вышивками, въ исполненіи которыхъ женщины выказываютъ умѣнье и вкусъ. Къ праздничному наряду мужчинъ принадлежитъ обшитый фигурами изъ голубой бумажной ткани съ красными и бѣлыми нитками длинный передникъ, прикрѣпленный на поясѣ. Женихъ даритъ невѣстѣ нарядное платье и большія серебряныя серьги. Изношенныя японскія одежды распродаются въ Іессо.



Палицы айносовъ. (По ф. Зибольду.)

Айносы стрѣляютъ отравленными стрѣлами изъ небольшихъ узловатыхъ луковъ изъ тисоваго дерева, причемъ они употребляютъ другой способъ натяженія луковъ, чѣмъ японцы, и вооружаютъ ими свои западни, похожія на самострѣлы. Ядъ заимствовался изъ корней японскаго аконита и, повидимому, умерщвлялъ раненаго медвѣдя минутъ въ 10; японское правительство запрещаетъ теперь примѣненіе его. Наконечники стрѣлъ дѣлаются обыкновенно изъ бамбука, но выковываются также изъ мѣдныхъ головокъ японскихъ табачныхъ трубокъ. Колчаны бываютъ деревянные, обтянутые корою и походятъ на пеналы (см. рис., стр. 698); мечи,

чаще изъ дерева, чѣмъ изъ желѣза, повидимому, были принесены къ айносамъ изъ Японіи.

Хижины айносовъ (см. рис., стр. 697) обыкновенно ставятся на короткихъ сваяхъ; онѣ просторнѣе и удобнѣе, чѣмъ многія хижины японскихъ крестьянъ. Остовъ невысокихъ стѣнъ снаружи и снутри одѣвается ситникомъ, такъ же, какъ высокая крутая крыша. У стѣнъ находятся на возвышеніи мѣста для спанья, покрытыя шкурами въ срединѣ, въ четырехугольномъ углубленіи, очагъ; въ хижинѣ имѣются маленькія окна и дверь, которая выводитъ наружу черезъ темныя, крытыя сѣни. Лампа изъ раковины, съ хлопчато-бумажной свѣтильней, напоминаетъ эскимосскую лампу. Огонь высѣкается теперь съ помощью камня и стального огнива; трутъ замѣняется гнилымъ деревомъ. Вблизи жилой хижины находится кладовая, встрѣчающаяся въ той же формѣ на островахъ Бонинъ и Ліукіу. Орудія и сосуды представляютъ, по большей части, грубыя подражанія японскимъ образцамъ. На самомъ большомъ изъ Курильскихъ острововъ, Эторофу, можно найти наиболѣе искусную рѣзную работу. Гончарное искусство, обработка и ковка металловъ неизвѣстны айносамъ. Вся ихъ потребность въ металлахъ покрывается ввозомъ изъ Японіи. Лодки айносовъ (см. рис., стр. 691 и 692) состоятъ изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, по бокамъ которыхъ насажены доски. Якорь ихъ деревянный крюкъ, нагруженный камнями (см. рис. стр. 695). Для рыбной ловли служатъ удочки, сѣти и гарпуны съ отравленными мѣдными наконечниками. Всѣ названія сѣтей изъ липовой мочалы и орудія для ихъ изготовленія заимствованы изъ Японіи. Рыбная ловля особенно прибыльна въ рѣкахъ, въ которыхъ лососи составляютъ почти неисчерпаемый источникъ пищи; у морскихъ береговъ обиліе рыбы такъ велико, что во время ея лова происходитъ настоящее переселеніе народовъ съ главнаго острова Японіи на Іессо, чтобы въ нѣсколько недѣль пріобрѣсти выгодный заработокъ отъ ловли и заготовки рыбы и варки рыбьяго жира. На ряду съ Іессо, Сахалинъ и Курильскіе острова особенно выгодны для Японіи, какъ рыболовныя мѣста. Охота для сѣверныхъ и горныхъ айносовъ служитъ источникомъ пропитанія. Крейтнеръ называетъ $^4/_5$ поверхности острова лѣсистыми и исчисляетъ количество ежегодно убиваемыхъ медвѣдей въ 50 тыс. (!). На охотѣ помогаетъ единственное домашнее животное — большая, желтая, косматая собака. Собаки островныхъ айносовъ, величину которыхъ прославляютъ японцы, должны быть въ близкомъ родствѣ съ тѣми, которыя возятъ сани айносовъ на нижнемъ Амурѣ. Они примѣняются на охотѣ и рыбной ловлѣ на плотахъ.

Земледѣліе еще возможно на Іессо, но, за исключеніемъ обширныхъ равнинъ Сатсуноро, воздѣлываемыя пространства земли можно найти только на морскомъ берегу. Густые, первобытные лѣса, съ частымъ подлѣскомъ и перепутанными ползучими растеніями, съ трудомъ поддаются расчисткѣ. Тамъ воздѣлываются просо и табакъ, а также бобы, огурцы, тыква и рѣпа. Земледѣльческія орудія весьма просты: деревянный плугъ, похожій на заступъ, едва ли даже заслуживаетъ этого имени. Просо въ питаніи айносовъ играетъ приблизительно ту же роль, какую рисъ у японцевъ; кромѣ того, айносы потребляютъ мясо и рыбу въ бо́льшихъ количествахъ, чѣмъ японцы. Съѣдобная водоросль, вѣроятно, морская трава, считается у нихъ однимъ изъ лакомствъ; на ряду съ нею могутъ быть названы грибы. Свою дань Японіи они прежде уплачивали шкурами и рыбой. Тамъ охотно ѣдятъ также жирную глину, приправляя ее луковицей дикой лиліи.

Женщина пользуется у айносовъ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ у японцевъ и китайцевъ. Ни одинъ мужчина не можетъ жениться раньше 21 года и долженъ получить разрѣшеніе начальника. Полигамія, повидимому, встрѣчается только у начальниковъ. Наслѣдникомъ бываетъ тотъ изъ сыновей, кого изберетъ отецъ. Гостепріимство и вѣжливость украшаютъ и облегчаютъ жизнь, высшимъ выраженіемъ которой бываютъ ча-

стыя угощенія рисовой водкой жителей своей деревни. О настоящемъ государственномъ строѣ, повидимому, здѣсь не могло быть и рѣчи, пока населеніе не превратилось въ вассаловъ Японіи. Знаковъ владѣнія айносовъ, напоминающихъ письмена, мы дали образцы въ т. I, стр. 36 (фиг. 2, а не 1, какъ тамъ ошибочно отмѣчено).

---

21. Восточные азіатцы.

„Неосмотрительный, легко оріентирующійся, идущій впередъ во всѣхъ направленіяхъ съ одинаковой послѣдовательностью, создающій новое, но сосредоточенный въ своихъ идеяхъ народъ." Сырскій.

Содержаніе: Физическіе признаки, свойства, ума и характера. — Вѣроятное единство китайскаго народа. — Сѣверные и южные китайцы. — Пунты, гакки и гоклы въ Куангтунгѣ. — Японцы: тонкій и грубый типъ. — Айносскій и малайскій элементы. — Индокитайцы. — Монгольскіе, индійскіе и малайскіе элементы. — Такъ называемые дикари Индокитая. — Переселеніе съ сѣвера внизъ и на морскіе берега.

Три восточно-азіатскія страны, Китай, Корея и Японія, на этнографическихъ картахъ окрашиваются обыкновенно однимъ цвѣтомъ съ монголами центральной Азіи. Исторія, дѣйствительно, указываетъ намъ вторженіе внутренне-азіатскихъ номадовъ въ китайскую низменность, остановившееся только у моря и отбросившее свои волны до Индокитая, Формозы и Японіи. Внимательный наблюдатель не можетъ не замѣтить, однако, что существованіе такого мореплавательнаго народа, какъ малайцы, распространяющагося до Формозы, неизбѣжно предполагаетъ и распространеніе его къ сѣверу. Такимъ образомъ, принимая въ соображеніе антропо-географическія основанія, мы можемъ говорить о двухъ источникахъ заселенія этихъ областей.

На обширномъ пространствѣ Китайской имперіи до сихъ поръ, кромѣ монгольскихъ, не было найдено другихъ расовыхъ элементовъ но ихъ почти и не искали. Съ другой стороны, ихъ и нельзя допустить въ виду однообразной массы въ 400 милл. человѣкъ, косо разрѣзанные глаза, широкія лица, прямые черные волосы, круглыя головы и ростъ средняго размѣра которыхъ исключаютъ всѣ особенности. Поэтому мы должны прежде всего поставить вопросъ: насколько единство китайцевъ выражается въ культурномъ, государственномъ, вообще въ умственномъ отношеніи. Уже цвѣтъ кожи ихъ мѣняется отъ одного пояса до другого. Въ сѣверномъ Китаѣ у дѣтей мы видимъ красныя щеки, даже лица стариковъ отчасти отливаютъ румянцемъ, а на югѣ пшенично-желтый цвѣтъ монгольской кожи переходитъ въ коричневый. На югѣ вообще живетъ болѣе малорослая раса, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ она заключаетъ большее число людей большого роста и въ отдѣльныхъ случаяхъ даже великановъ. Общій видъ обитателей Печили отличается извѣстной грубоватостью отъ болѣе добродушныхъ, малорослыхъ жителей Шанси. Путешественникъ высокаго роста съ свѣтлымъ, румянымъ цвѣтомъ кожи въ сѣверномъ Китаѣ, переодѣвшись въ китайское платье, скорѣе остается незамѣченнымъ, чѣмъ въ южномъ Китаѣ. Наоборотъ, сіамца или аннамита было бы труднѣе узнать среди южныхъ, чѣмъ среди сѣверныхъ китайцевъ. На ряду съ климатическими причинами мы должны принимать во вниманіе и соціальныя. И въ Китаѣ есть свой аристократическій типъ съ изогнутымъ носомъ, узкими глазами и тонкими губами; японецъ самаго утонченнаго типа превосходитъ его только длиннымъ лицомъ и бо́льшимъ размѣромъ глазъ. Низшее, чернорабочее населеніе выказываетъ, напротивъ, болѣе плоскія низменныя черты, напоминающія на югѣ также и малайцевъ. Но различіе заключается здѣсь почти исключительно въ культурномъ положеніи и его воздѣйствіи на физическое строеніе и выражается

въ наружности „мясника“ краснощекаго закаленнаго монгола при сравненіи съ сутуловатымъ, ослабленнымъ промышленнымъ трудомъ и опіумомъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ утонченнымъ китайцемъ. Мы должны обратить вниманіе на постоянное раздѣленіе, въ основѣ котораго лежатъ, быть можетъ, историческіе и экономическіе факты, но въ которомъ могутъ заключаться и физическія различія. Въ одной только провинціи Куангтунгѣ живутъ три племени, держащіяся по возможности въ обособленіи другъ отъ друга: пунты (мѣстные), гакки (переселившіеся) и гоклы, нарѣчія которыхъ стоятъ въ такой же взаимной связи, какъ нѣмецкое, голландское и датское. 21 милл. пунтовъ господствуютъ во всѣхъ офиціальныхъ должностяхъ, въ торговлѣ, промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Въ деревняхъ ихъ замѣчается большее благосостояніе, чѣмъ у гакковъ и гокловъ. У женщинъ ихъ ноги, по большей части, уродуются согласно китайской модѣ, а у двухъ послѣднихъ племенъ оставляются въ естественномъ видѣ. Поля ихъ расположены на плодородной равнинѣ, а поля гакковъ — болѣе на холмахъ и горныхъ скатахъ. Гакки, численность которыхъ достигаетъ приблизительно 4 милл., какъ разсказываютъ, переселились къ пунтамъ съ сѣвера и, какъ пришедшіе позднѣе, не нашли уже для себя удобныхъ мѣстъ. Но они сильнѣе и энергичнѣе и въ колоніяхъ цѣнятся выше, чѣмъ другіе; въ особенности на Формозѣ они проникли далѣе всѣхъ въ область горныхъ племенъ. Большая часть гокковъ живетъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ и нанимается на всевозможную работу. Среди нихъ христіанскіе миссіонеры находятъ самыхъ многочисленныхъ послѣдователей. Третій элементъ населенія Куангтунга, гоклы, число которыхъ доходитъ до 3 милл., переселились изъ провинціи Фукіанъ, живутъ, по большей части, на берегу моря и занимаются рыбной ловлей и полевымъ хозяйствомъ. Они самые темные и сильные изъ южныхъ китайцевъ. Къ нимъ, по китайскимъ преданіямъ, всего ближе подходятъ танки, живущіе на рѣкѣ Кантонѣ на плотахъ и въ свайныхъ постройкахъ, въ числѣ около 40 т.; мужчины занимаются перевозомъ чрезъ рѣку, работаютъ на верфяхъ и т. п., а женщины гребутъ на лодкахъ.

Молодой китаецъ. (По фотографіи.)

И въ китайскихъ колоніяхъ замѣчается раздѣленіе этой исполинской народной массы на группы, различія между которыми можетъ установить только самое изощренное наблюденіе. Въ Сингапурѣ фукіанскіе китайцы стоятъ всего выше, какъ лучшіе и наиболѣе достойные торговцы. За ними наибольшимъ уваженіемъ пользуются уроженцы Кантона. Уроженцы Макао стоятъ уже гораздо ниже; но, по крайней, мѣрѣ для колоніи, всего менѣе желательны переселяющіеся массами береговые обитатели Куангтунга. Уже на самомъ концѣ стоятъ китайскіе креолы, малайскіе метисы, которые обыкновенно говорятъ по малайски и по китайски и легче выучиваются по англійски, чѣмъ настоящіе китайцы.

Вообще у японцевъ—болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи, чѣмъ у другихъ восточныхъ азіатцевъ, и черезъ нее нерѣдко даже просвѣчиваетъ румянецъ, который бѣлые считаютъ своимъ преимуществомъ. Въ низшихъ классахъ преобладаетъ, особенно въ сѣверныхъ частяхъ Архипелага, темная окраска.

напоминающая малайскую; рядомъ съ нею идетъ рука объ руку плотное сложеніе съ широкими костями. Японецъ видитъ, однако, идеалъ своей расы въ свѣтлой кожѣ, темныхъ гладкихъ волосахъ и небольшомъ ростѣ. При болѣе сильныхъ отступленіяхъ онъ легко подозрѣваетъ чужеземную примѣсь. Такъ курчавые и даже волнистые волосы считаются чѣмъ то низшимъ, т. е. признакомъ смѣшенія съ кровью айносовъ. Но и постороннему наблюдателю японское населеніе только на первый взглядъ кажется однообразнымъ. Бордье допускаетъ не менѣе шести примѣсей для объясненія различныхъ типовъ японцевъ, въ томъ числѣ негритосовъ и „всего болѣе“ малайцевъ. Мулатообразныя черты многихъ японцевъ подтверждаются слѣдующимъ фактомъ. Брока замѣтилъ среди своихъ студентовъ небольшого, желтаго, темноволосаго человѣка, очень прилежнаго и молчаливаго. „Вы — не японецъ? — „Нѣтъ, я изъ Бразиліи, но меня въ Парижѣ часто принимаютъ за японца.“ У народа, давно уже подвергшагося строгому расчлененію, не слѣдуетъ упускать изъ вида и соціальныхъ вліяній. Высшіе классы скорѣе отличаются тонкимъ и худощавымъ строеніемъ, чѣмъ плотнымъ; но узкія, женственныя фигуры съ согнутыми колѣнями и сутуловатой спиной, которыя принимаютъ въ Европѣ за представителей японскаго народа, не должны заставлять забыть насъ, что въ среднихъ и высшихъ классахъ его преобладаетъ мускулистое, скорѣе плотное сложеніе, еще болѣе замѣтное при отложеніи жира.

Молодой японскій ученый, сопровождавшій ф. Зибольда. (По фотографіи въ Этнографическомъ музеѣ въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 705.

Іэты или іеторіи такъ же, какъ паріи браманской Индіи или южной Аравіи, живущіе внѣ кастъ, устраняются отъ общенія съ остальнымъ населеніемъ и считаются наслѣдственно нечистыми. Это зависитъ отъ того, что они колютъ домашній скотъ и снимаютъ шкуры съ палыхъ животныхъ и были исключены изъ всѣхъ освященныхъ мѣстъ, когда вліяніе буд-

дистовъ положило запретъ на потребленіе мяса домашнихъ животныхъ. Никто не хочетъ дѣлить съ ними ни мѣсто, ни огонь. Они собраны въ особыхъ деревняхъ, гдѣ проводятъ въ позорныхъ занятіяхъ свою печальную, всѣми презираемую жизнь.

Краніометрія позволяетъ распознать малайополинезійскіе элементы въ узкихъ, небольшихъ японскихъ черепахъ. Физіономическія различія болѣе осязательны. Болѣе грубый типъ съ низкимъ лбомъ, плоскимъ носомъ съ широкими крыльями, широкимъ ртомъ съ большими губами выступаетъ на ряду съ тонкимъ типомъ съ овальнымъ лицомъ, косо-поставленными и узкими глазами, тонкимъ носомъ и небольшимъ ртомъ. Въ нѣсколько манерномъ преувеличеніи этотъ послѣдній типъ встрѣчается на всѣхъ рисункахъ, изображающихъ японскихъ дамъ высшаго общественнаго круга, а первый — въ рисункахъ изъ низшихъ сферъ и, между прочимъ, въ изображеніяхъ знаменитыхъ воиновъ. Болѣе тонкій типъ мужчинъ легко соединяется съ женственностью чертъ; ему свойственно, впрочемъ, то изящное, одухотворенное выраженіе, которое въ сочетаніи съ подвижностью характерно для многихъ японскихъ физіономій (см. рис., стр. 704). Отношенія иной стороны разъясняются интереснымъ замѣчаніемъ Бельца, что японцы фотографіи аннамитовъ обыкновенно принимаютъ за своихъ соотечественниковъ.

Корейцы. (По фотографіи.)

Сходство съ малайцами въ этнографической области выражается прежде всего въ постройкѣ дома. У японцевъ такъ же, какъ у малайцевъ и полинезійцевъ, основной идеей его является свайная постройка, въ которой части остова связаны между собою. И въ японскомъ домѣ вниманіе всего больше обращено на кровлю, большую и тяжелую. На отхожія мѣста, которыя построены черезъ ручьи въ видѣ мостика и поэтому назы-

ваются „рѣчными домами“, можно указать, какъ на японскую и малайскую особенность. Рейнъ находилъ „ломе-ломе“ гавайцевъ, лѣченіе посредствомъ надавливанія, совершенно сходнымъ съ „аммой“ японцевъ, съ той разницей, что у первыхъ оно исполняется дѣвушками, а у послѣднихъ стариками. Танцу „гула-гула“ тѣхъ же полинезійцевъ „одори“, которое прежде было можно видѣть въ Нагасаки, нисколько не уступаетъ въ своей наиболѣе неприличной формѣ. И любовь къ оружію и къ роскоши, страсть къ пѣтушинымъ боямъ и вокальное богатство языка признаются малайскимъ наслѣдіемъ. Красиво выдѣланнымъ наконечникамъ стрѣлъ, въ особенности изъ обсидіана, которые находятъ въ Японіи, даже тамъ приписывалось полинезійское происхожденіе. Устарѣлый лукъ японцевъ и многія земледѣльческія и ремесленныя орудія свидѣтельствуютъ объ ихъ южномъ происхожденіи.

На этихъ фактахъ основывается допущеніе значительной доли малайскаго элемента въ японскомъ народѣ. Въ томъ, что искусные въ мореплаваніи малайцы пріѣзжали на берега Японіи, нѣтъ ничего невѣроятнаго, въ виду ихъ обширнаго распространенія между Мадагаскаромъ и островомъ Пасхи. Здѣсь они могли оказывать вліяніе на характеръ всего населенія, между тѣмъ, какъ на противулежащемъ материкѣ они исчезали въ волнахъ постоянно поднимавшихся съ запада и быстро размножавшихся въ плодородной низменности внутреннихъ народовъ. Нельзя умолчать, что въ ихъ пользу говорятъ и условія географическаго положенія: морское теченіе, которое отъ Филиппинъ изъ Кіусіу, Сикока, Нипона и Іессо соприкасается съ юго-западнымъ муссономъ, наконецъ, и цѣпь острововъ Люсонъ, Бабуянесъ, Формоза, Мьякошима и Ліукіу могли способствовать переселенію. Недобровольныя прибытія чужеземныхъ судовъ часто встрѣчаются на длинномъ протяженіи береговъ Японіи. Во времена Кемпфера въ Нагасаки существовало особое учрежденіе для пріема потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и наблюденія за ними.

Корейцы принадлежатъ также къ самымъ разнообразнымъ группамъ монгольскаго типа въ Китаѣ и Японіи. Даже среди высшихъ классовъ, не исключая и пословъ, принадлежащихъ къ королевской фамиліи Кореи, которые въ послѣднее время находились въ Токіо, тонкое китайское лицо съ выпуклымъ носомъ и скошенными глазами встрѣчалось наряду съ гуннской физіономіей и малайскимъ лицомъ (см. рис., стр. 705). Кавказскаго типа, о которомъ говорили прежніе путешественники, Бельцу ни разу не удалось видѣть, но и онъ подтверждаетъ часто высказывавшіяся японцами утвержденія, что обитатели острова Ліукіу поразительно походятъ на корейцевъ. Въ цѣлой сотнѣ этихъ островитянъ онъ всегда видѣлъ только одинъ типъ — буроватое или темно-желтое окрашиваніе, длинное лицо, толстый, длинный и, по большей части, нѣсколько выпуклый носъ и болѣе сильный ростъ бороды, чѣмъ у японцевъ.

Мнѣніе европейцевъ о культурныхъ странахъ восточной Азіи до сихъ поръ еще не вполнѣ установлено. Съ XVII в. господствовали преувеличенныя представленія о великомъ царствѣ, которое легенда всегда надѣляла баснословнымъ богатствомъ и населеніемъ, отличающимся мягкостью и справедливостью. Іезуиты, которые съ XVI в. усвоили болѣе основательныя воззрѣнія, должны были имѣть о немъ самое благопріятное мнѣніе, такъ какъ они возлагали большія надежды на обращеніе народа въ христіанство. Всѣ слои населенія относились къ нимъ съ дѣтскимъ довѣріемъ. Францъ Ксаверъ восхвалялъ постоянство въ дружбѣ, какъ главную добродѣтель японцевъ. Другіе, пріѣзжавшіе въ самыя цвѣтущія мѣста царства изъ Сибири или черезъ Кантонъ, видѣли, въ свою очередь, въ сношеніяхъ, промышленности, богатствѣ и плотности населенія многое, чего нельзя было найти въ тогдашнихъ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ Европы. Китай и Японія были, дѣйствительно, единственными циви-

лизованными внѣевропейскими странами. Эпоха, доставившая намъ первыя болѣе точныя свѣдѣнія о восточной Азіи, сама имѣла въ себѣ нѣчто китайское, ощущавшее сродство къ китайскому стилю (chinoiserie) въ жизни и въ искусствѣ. Торговцы, которые послѣ открытія гаваней по трактату 1842 г. пришли въ соприкосновеніе съ восточными азіатцами, разочаровались относительно Китая. Правда, многимъ удалось разбогатѣть тамъ; въ особенности торговля опіумомъ, „это презрѣнное занятіе, дурныя послѣдствія котораго трудно преувеличить, одинаково позорное для производителя, для купца, для таможеннаго чиновника и для покупателя“ (лордъ Эльджинъ), давало чрезмѣрные барыши. Китайцы даже въ тяжелыя времена возстанія тайпинговъ производствомъ этого продукта удовлетворяли всѣмъ требованіямъ. Но то, что они рѣшились вступить въ конкуренцію съ европейской торговлей и даже съ успѣхомъ — должно было возмущать душу всякаго торговца. Ограниченіе торговли нѣсколькими приморскими городами соотвѣтственно традиціонной самодовольной политикѣ этого „особаго міра“, затрогивавшее тибетцевъ и корейцевъ не менѣе, чѣмъ европейцевъ, усиливало ожесточеніе. Тогда высказывались самыя неблагопріятныя сужденія обо всемъ китайскомъ. Тѣ же торговыя общества Гонконга и Шанхая, какія довольно рѣзко характеризуетъ Эльджинъ, когда говоритъ, что изъ совѣщаній со своими соотечественниками онъ вынесъ общее впечатлѣніе, „что наша торговля ведется на основаніяхъ безчестныхъ по отношенію къ китайцамъ и деморализирующихъ насъ самихъ“, принимали, болѣе, чѣмъ это позволительно, прямое участіе въ политикѣ. „Невозможно“, говоритъ Эльджинъ, „не вынести убѣжденія изъ нашихъ Синихъ Книгъ, что мы часто по отношенію къ китайцамъ выказывали отношеніе, которое не можетъ быть оправдано.“ Съ 1860 г., со времени появленія разоблаченій Мидолу, Медгёрста, Олифанта, Рихтгофена и Гюбнера, стало возрастать число болѣе основательныхъ наблюдателей, болѣе безпристрастныхъ критиковъ оригинальныхъ чертъ китайцевъ. Ученые и государственные люди глубже проникли въ жизнь замѣчательнаго народа, и, наконецъ, наука въ нынѣшнихъ миссіонерахъ всѣхъ вѣроисповѣданій нашла не менѣе многочисленныхъ, воодушевленныхъ любовью къ знанію работниковъ, чѣмъ въ іезуитахъ XVII и XVIII вв. Въ ихъ рукахъ оказываются и другія орудія въ видѣ сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ успѣховъ.

Добровольное стремленіе японцевъ примкнуть къ западнымъ учрежденіямъ, повидимому, долгое время вліяло на сужденіе европейцевъ въ пользу этой гибкой, отзывчивой отрасли восточныхъ азіатцевъ. Ее называли „веселой, послушной, любезной, беззаботной и рыцарственной націей“, и самая страна находилась въ болѣе упорядоченныхъ, болѣе обѣщавшихъ условіяхъ, чѣмъ Китай. Баронъ Гюбнеръ писалъ: „При появленіи европейцевъ Японія была счастливой, довольной страною. Тамъ не было слишкомъ большого различія въ благосостояніи и обезпеченіи, мало бывало кровавыхъ вспышекъ.“ Нѣкоторое разочарованіе происходило лишь отъ того, что преобразованія совершались не слишкомъ скоро и гладко. Чрезмѣрно быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ (начало ихъ относится къ 1858 г.) заставило пожалѣть о подаркѣ небольшого желѣзнодорожнаго поѣзда президентомъ Пейрсомъ микадо. Китайцевъ находили слишкомъ неподвижными, а японцевъ слишкомъ живыми. Горячая поспѣшность, съ какою Японія стремилась впередъ, подвергалась порицанію и насмѣшкамъ. Съ медицинской точки зрѣнія, организацію японцевъ считали непригодною для быстраго измѣненія всѣхъ жизненныхъ условій; съ этимъ связывали и частые случаи самоубійства въ Японіи. Высказывавшіе подобныя сужденія не знали, что европейское образованіе давно уже спокойно развивалось въ Японіи, въ особенности, благодаря помощи голландцевъ, и что европейскіе языки и обычаи тщательно изучались не только въ Нагасаки, но и въ Іеддо, Осаки и Мійако. Японскіе государственные люди въ дѣйствитель-

ности сдѣлали съ 1854 г. большой шагъ впередъ, но масса населенія еще не послѣдовала ихъ влеченіямъ къ Западу, и можно поставить вопросъ — въ силахъ ли производительная способность страны, какова она теперь и какою останется на будущее время, удовлетворить расходамъ, требуемымъ новыми учрежденіями. Производительность Японіи мало возрастаетъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Численность ея населенія слишкомъ велика для ея поверхности, которая на большихъ протяженіяхъ не содержитъ земли, годной для обработки, что̀ составляетъ главную причину желанія стать твердой ногой въ Кореѣ и Формозѣ. Рессурсы Китая значительнѣе, и ихъ не такъ легко исчерпать. Съ его стороны было весьма практичнымъ изъ всѣхъ европейскихъ нововведеній, прежде всего и притомъ съ наибольшей строгостью, ввести таможенное управленіе. Кромѣ того, китайцы обладаютъ неоцѣнимымъ преимуществомъ численности. Въ Формозѣ, въ Монголіи, въ пограничныхъ провинціяхъ Индокитая именно смѣшанное населеніе вноситъ косу, гіероглифическое письмо и опіумъ въ кругъ туземцевъ, и постоянно притекающіе къ нему потоки переселенцевъ не даютъ возможности возврата къ старому. Соприкосновеніе этого колосса съ европейцами могло происходить только черезъ посредство отдѣльныхъ лицъ, и дѣйствія его медленно распространялись, какъ будто всасываніемъ мельчайшими отверстіями въ народномъ тѣлѣ. Неподвижность китайцевъ, поэтому, не зависитъ вполнѣ отъ ихъ воли и сознанія. Давнее чувство превосходства надъ всѣми другими азіатцами могло только укрѣплять ихъ вѣру въ жизненную силу своей культуры и удерживать отъ быстрыхъ перемѣнъ. Китаецъ, однако, какъ купецъ, не выказываетъ неподвижности тамъ, гдѣ требуется приспособленіе, а также въ выборѣ мѣстъ поселенія и круга занятій. Неподвижность есть невѣрное отвлеченіе отъ малочисленной закоснѣлой аристократіи, распространяемое на весь великій китайскій народъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ, въ Европѣ не было такого живого общенія, какое представляло бы хотя отдаленное сравненіе съ общеніемъ внутренняго Китая. Въ этомъ мы видимъ объясненіе того обстоятельства, что во всемъ Китаѣ торговля находится по преимуществу въ рукахъ уроженцевъ извѣстныхъ сѣверныхъ провинцій, такъ же, какъ и пристрастія китайца къ разносной торговлѣ, не знающей родины. Онъ совершаетъ поѣздки, продолжающіяся цѣлые мѣсяцы, черезъ суровыя пограничныя горы Юннана, чтобы предложить обитателямъ сѣвернаго Сіама и Бирмы свои шелковые и металлическіе товары. Онъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто по русскимъ областямъ Амура, несмотря на ихъ рѣдкое населеніе, со своей телѣжкой, отъ весны до того времени, когда снѣгъ пріостанавливаетъ его торговлю, а зиму проводитъ на одномъ изъ дворовъ своихъ соотечественниковъ, торгуя чаемъ, опіумомъ и промышляя азартной игрой. Въ этихъ отдаленныхъ углахъ китаецъ выказываетъ болѣе дѣятельности, чѣмъ русскій. Мы уже указывали выше (стр. 587), какое значеніе имѣетъ эта мелочная торговля для колонизаціи Монголіи. Мы видимъ, какъ быстро европейскія поселенія въ Гонконгѣ и Сингапурѣ наполняются незванными пришельцами. Можно ли этотъ народъ назвать неподвижнымъ?

Такъ же, какъ въ Японіи, и въ Китаѣ восточные азіатцы производили благопріятное впечатлѣніе на наблюдателей въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они рѣже соприкасались съ чужеземцами. Рихтгофенъ, первый европейскій естествоиспытатель, посѣтившій Сечуанъ, нашелъ тамъ самыхъ любезныхъ изъ всѣхъ китайцевъ, „вѣжливыхъ, дружелюбныхъ; они должны вскорѣ сдѣлаться нашими искренними друзьями“. О населеніи столь же рѣдко посѣщавшагося Хонана онъ говоритъ: „болѣе добродушной человѣческой породы, чѣмъ въ Хонанѣ, мнѣ, кажется, нигдѣ не существуетъ“. Подобное же мнѣніе высказывалъ Куперъ, который при очень тяжелыхъ обстоятельствахъ проѣхалъ Китай отъ Шанхая до Батанга. Онъ нашелъ, что существенная часть искусства обращенія во внутреннемъ Китаѣ съ любопытными и часто

назойливыми народными массами заключается въ своевременной шуткѣ. Частые случаи воровства въ прибрежныхъ мѣстахъ нельзя отрицать, но можно указать на честность обитателей внутренней страны и на поговорку: „Когда въ прежнее время что нибудь оставляли на улицѣ, никто этого не трогалъ.“ Въ пользу характера китайцевъ говоритъ и то, что веселость есть одно изъ ихъ характерныхъ свойствъ. Довольная улыбка почти не сходитъ съ ихъ широкихъ лицъ. Нищіе имѣютъ видъ веселой компаніи, и остальные жители дружественно обращаются съ ними (Фортюнъ).

Черезъ всѣ учрежденія этихъ народовъ проходитъ черта милосердія. Внѣшнія формы, однако, сдерживаютъ его чувства, и поэтому японецъ кажется бездушнымъ, но взаимныя отношенія различныхъ классовъ и сословій, въ особенности въ Японіи проникнуты доброжелательствомъ. Японія — страна подарковъ: подарки и отдариванья, даже въ гостинницахъ, достойнымъ образомъ замѣняютъ деньги, даваемыя прислугѣ. Даже бѣдняки въ Японіи отличаются вѣжливостью, хотя европейское вліяніе уничтожило именно скромность японцевъ. Въ Китаѣ каждый большой городъ имѣетъ нѣсколько общественныхъ благотворительныхъ учрежденій. Если многихъ богачей и заставляютъ часть ихъ избытка отдавать своимъ согражданамъ въ формѣ общественнаго благотворенія, то нельзя не признать самую форму этого послѣдняго вполнѣ достойной. Учрежденія для раздачи лекарствъ и гробовъ бѣднымъ въ большихъ городахъ дѣлаютъ много добра. Даже частныя лица учреждаютъ зернохранилища и въ голодные годы продаютъ рисъ по рыночнымъ цѣнамъ. Въ холодномъ январѣ 1893 г. частная благотворительность въ среднихъ и южныхъ провинціяхъ раздала ватнаго платья, постелей и теплой пищи почти на 4 милліона рублей. Богатые, въ своихъ завѣщаніяхъ, отказываютъ суммы на улучшеніе общественныхъ дорогъ.

Умственное развитіе китайцевъ никогда не цѣнилось такъ низко, какъ ихъ душевныя качества или ихъ нравственность. Они оставили внушительные памятники въ литературѣ, въ многочисленныхъ изобрѣтеніяхъ, въ мудрыхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Никто не отрицаетъ, что среди китайцевъ приходится имѣть дѣло съ удивительно тонкими умами, одаренными терпѣніемъ и способностью сосредоточенія, которыя въ задачахъ практическаго характера часто замѣняютъ творческую силу. Застой этой культуры это — то, чего не понимаютъ европейскіе наблюдатели, съ трудомъ переносящіеся въ положеніе китайца, японца или корейца, видящаго въ своей культурѣ недосягаемый идеалъ. И тамъ многое было прежде и теперь еще лучше, чѣмъ у насъ. Развѣ китайцы и японцы не развили утонченной роскоши совершенно особаго стиля, которая своимъ спокойствіемъ и замкнутостью далеко превосходитъ нашу, въ особенности цѣльностью и гармоніей? Какую высокую мудрость обнаруживаютъ, напр., правила японскаго чайнаго общества (Ча-но-йю), въ которомъ, среди религіозныхъ и научныхъ разговоровъ въ художественной обстановкѣ, при установленныхъ формахъ и краскахъ, восхищаются произведеніями древнихъ, но исключаютъ политику и болтовню. Еще недавно мы читали: образъ жизни японскаго народа простъ и близокъ къ природѣ и болѣе счастливаго народа не существуетъ на землѣ (Ниппольдъ). Восточному азіатцу все, чѣмъ онъ обладалъ, давно уже казалось наилучшимъ: у него не было никакого стремленія къ идеаламъ и планамъ будущаго, даже самымъ богатымъ. Въ чемъ же заключалась причина этого довольства своей судьбой? Намъ говорятъ о трезвости, о спокойствіи, и если къ этому еще прибавить перевѣсъ развитія разсудка и бѣдность творческой фантазіи, то мы, повидимому, найдемъ настоящую смѣсь, изъ которой исходитъ этотъ загадочный застой. Но мы должны, однако, объяснить, какимъ образомъ изъ этихъ сухихъ задатковъ восточныхъ азіатцевъ могла развиться ихъ богатая культура. Чтобы создать то, чѣмъ они обладаютъ только въ искусствѣ

и литературѣ, имъ нужна была богатая фантазія; нельзя не замѣтить ее въ ихъ произведеніяхъ. Японскія сказки и китайскія новеллы отличаются ароматомъ фантастичности, какъ лучшія произведенія этого рода въ западныхъ литературахъ. Японскій животный эпосъ богаче германскаго. О красочныхъ фантазіяхъ восточно-азіатскаго искусства наши колористы говорятъ съ удивленіемъ. Даже игры восточныхъ азіатцевъ тоньше и интереснѣе, чѣмъ ихъ европейскіе отпрыски: глубокомысленную игру въ домино съ 227 очками, опирающуюся на астрологическую основу, они расположили въ порядкѣ небесныхъ тѣлъ, и гобангъ стоитъ выше нашихъ шахматовъ.

Но, быть можетъ, духъ этихъ народовъ менѣе силенъ, менѣе упоренъ, опирается на болѣе слабую волю? Нисколько. По мнѣнію государственныхъ людей, каковы Эльджинъ, Олифантъ и Грантъ, западнымъ дипломатамъ слѣдуетъ привыкать считать народы восточной Азіи равными себѣ. Согласно Сырскому, съ практической точки зрѣнія, китайскій земледѣлецъ предусмотрительнѣе европейскаго; въ особенности, у тамошнихъ шелководовъ онъ замѣчалъ, что они гораздо лучше отдаютъ себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ наши. Англійскій дипломатъ Олифантъ заходитъ даже такъ далеко, что, по проницательности и дѣятельности въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ, въ умѣньѣ, выражающемся во всѣхъ ремеслахъ и торговыхъ дѣлахъ, и, наконецъ, по ихъ исключительному характеру, ставитъ ихъ всего ближе къ англо-саксонской расѣ. Ввиду этихъ сужденій, слѣдуетъ обратить вниманіе и на высокое положеніе народнаго образованія трехъ восточно-азіатскихъ государствъ. Тотъ, кто наблюдалъ японское сельское населеніе, всегда изумлялся ихъ охотѣ къ чтенію народныхъ книжекъ и героическихъ пѣсенъ и къ шахматной игрѣ, а также удовольствію, какое доставляютъ имъ картины и изваянія и вообще краски и природа. Въ нихъ живетъ умственная жизненность, какою въ Европѣ не обладаютъ многіе, стоящіе на одной ступени съ ними. Китайцы и японцы читаютъ больше, чѣмъ всѣ другіе азіатцы и въ этомъ отношеніи примыкаютъ къ европейцамъ. Не только ученыя сочиненія, какъ, напр., 105 томовъ большой Энциклопедіи, но и 59 томовъ японскаго словаря свидѣтельствуютъ о литературныхъ потребностяхъ японцевъ. У нихъ существуетъ многотомная народная литература и даже для женщинъ высшихъ сословій — множество книгъ, говорящихъ о томъ, какъ надо держать себя въ бракѣ, въ домѣ, о воспитаніи дѣтей и проч. Японскія книжныя лавки представляютъ богатый выборъ; большая часть японскихъ сочиненій, впрочемъ, состоитъ изъ переводовъ съ китайскаго.

Чего же, однако, недостаетъ восточнымъ азіатцамъ настолько, что они тамъ, гдѣ мы, люди Запада, неустанно стремимся впередъ, останавливаются на полдорогѣ? Причина заключается въ примѣненіи ихъ способностей. Китайцы никогда не улавливали того, что на Западѣ отъ временъ древнихъ грековъ составляло науку. Они наблюдаютъ природу, они даже удивительнымъ образомъ вникаютъ въ отдѣльныя части явленій, но результатами этой дѣятельности они не пользуются для исправленія ложныхъ воззрѣній. „У китайцевъ мы удивляемся безчисленному множеству изобрѣтеній, но мы не обязаны имъ ни однимъ болѣе глубокимъ взглядомъ на связь и ближайшія причины явленій“, говоритъ Пешель (по Абелю Ремюза); Л. де Рони выражается еще короче въ слѣдующихъ словахъ: „имъ недостаетъ правильнаго метода.“ Китайцы не перестаютъ повторять басни, заключающіяся въ ихъ книгахъ. Вмѣсто того, чтобы идти впередъ, они движутся по кругу. Перепела, по ихъ воззрѣніямъ, осенью превращаются въ кротовъ, а весной опять появляются въ своемъ опереніи. Весною ястреба становятся голубями, а среди лѣта возвращаютъ себѣ свой прежній видъ. Точно также осенью многія мелкія птицы превращаются въ раковъ, а фазаны зимою — въ раковины Venus. Эта тема неисчерпаема, такъ какъ неограниченная способность превращенія матеріи — такое предположеніе, которое

соотвѣтствуетъ ихъ мышленію. Не даромъ весь міръ явленій кажется имъ мыльнымъ пузыремъ! Ледъ, пролежавшій 1000 лѣтъ внутри земли, становится горнымъ хрусталемъ, и для того, чтобы посредствомъ краснаго мышьяка и олова превратить свинецъ, отецъ металловъ, въ серебро, нуженъ только четырехкратный періодъ, по 200 лѣтъ каждый. Одинъ, особенно ученый человѣкъ говоритъ: „предполагать, что перепела обращаются въ кротовъ, а рисовыя зерна — въ карповъ, было бы забавно. Доказано только превращеніе крысъ въ перепеловъ, только оно упоминается во всѣхъ газетахъ, только его я самъ постоянно наблюдалъ. Существуетъ такой же неподлежащій сомнѣнію путь для подобныхъ превращеній, какъ и для самихъ рожденій!“

Наука врачеванія, основанная на суевѣріи, одна изъ наиболѣе укоренившихся болѣзней человѣческаго духа, отъ которой онъ, быть можетъ, никогда вполнѣ не исцѣлится, у восточныхъ азіатцевъ стоитъ на такой же высотѣ, какъ въ древнее время, и производитъ такое же впечатлѣніе, какъ будто она мало измѣнилась со временъ того государя, который непосредственно послѣ изобрѣтенія письменности, 4000 лѣтъ тому назадъ, написалъ классическое сочиненіе о болѣзняхъ и о пульсѣ. Китайская фармакопея, творецъ которой, согласно преданію, въ одинъ день испробовалъ на себѣ семьдесятъ ядовъ, заключаетъ 365 врачебныхъ средствъ, по одному на каждый день, такъ какъ существуетъ 365 родовъ вліянія неба на земныя существа. Китайцамъ для правильнаго развитія врачебной науки прежде всего недостаетъ анатоміи, хотя они не сохранили буддійскихъ предубѣжденій относительно умерщвленія животныхъ и прикосновенія съ трупамъ. Японцы, которые прежде слѣпо подражали медицинѣ китайцевъ, еще задолго до 1853 г. переводили анатомическія и физіологическія сочиненія голландцевъ и нѣмцевъ.

Для наблюденія чуждыхъ странъ и народовъ китайцу препятствуетъ его національная ограниченность. Каждая географія или исторія, написанная китайцемъ, есть неизмѣнно географія и исторія Китая. Тѣмъ не менѣе, китайскія описанія путешествій для познанія странъ, лежащихъ даже вблизи Индіи, даютъ гораздо болѣе, чѣмъ описанія, исходящія изъ этой послѣдней страны. Японцы всѣ сосѣднія земли (къ сожалѣнію, за исключеніемъ острововъ на востокѣ, гдѣ находится жизненный элексиръ) и въ особенности „три страны“, Іессо, Корею и острова Ліукіу, часто описывали и изображали въ рисункахъ. Въ послѣднюю четверть вѣка появилось не малое число географическихъ сочиненій объ европейскихъ и американскихъ странахъ. Въ японской литературѣ особенно много любимыхъ народомъ произведеній, занимающихъ среднее мѣсто между исторіей и романомъ. Описанія провинцій весьма основательны въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи, на столько, что не каждая страна Европы можетъ предъявить подобное сочиненіе; ихъ путеводители и карты для туристовъ также весьма практичны. Съ того времени, какъ іезуиты XVII вѣка ввели въ Китаѣ европейскую картографію, тамъ появились карты самостоятельнаго значенія.

Въ системѣ мѣръ и вѣсовъ восточныхъ азіатцевъ мы видимъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній до-научной эпохи человѣческаго ума. Мѣры длины, ёмкости и вѣса исходятъ изъ одной и той же единицы; десятичное дѣленіе проводится почти безъ промежутковъ. Единица эта заимствована отъ музыки: это — длина бамбуковой трубки опредѣленнаго тона. Длина эта измѣряется 81 зернами, уложенными рядомъ по продольной оси, и 100 зернами, помѣщающимися одно около другого, по поперечной оси. Отсюда исходятъ системы 10×10 и 9×9. Такое зерно есть въ то же время единица вѣса. Японія приняла ее съ небольшими измѣненіями (180 момъ = 1 фунту, въ Китаѣ — 160). Измѣреніе времени песочными и водяными часами и курительными свѣчами развилось уже

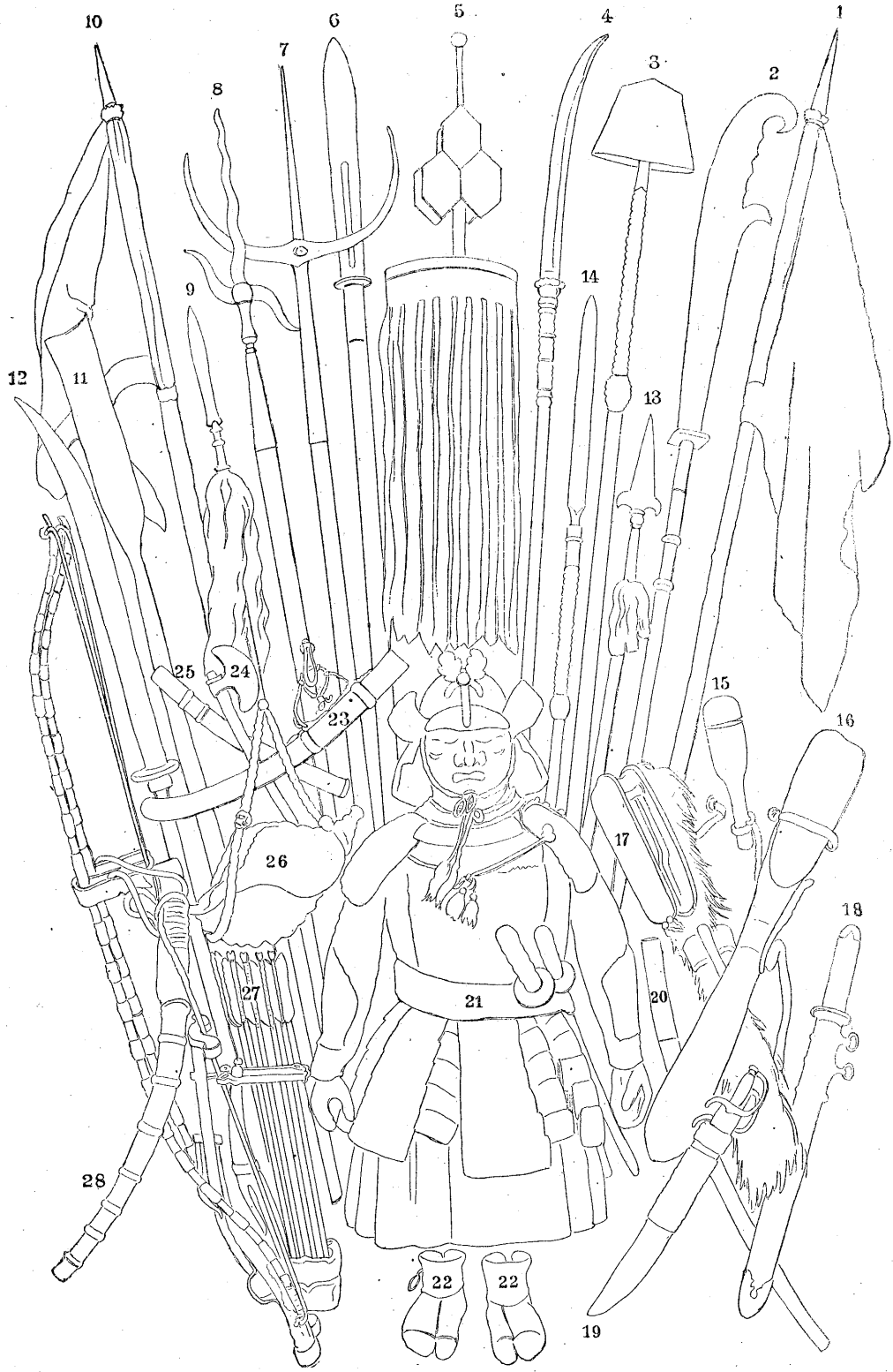
давно, и счетныя машины принадлежатъ къ обстановкѣ каждой мелочной лавки и сопровождаютъ странствующаго мелочного торговца.

Искусство восточныхъ азіатцевъ даетъ намъ доказательство глубокаго воззрѣнія на природу и тонкаго наблюденія ея. Если даже эти художники были только ремесленниками, то все-таки между ними были большіе мастера. Во многихъ произведеніяхъ приходится удивляться всего болѣе удивительно вѣрному воспроизведенію природы. Такъ же, какъ и въ рисункахъ на рисовой бумагѣ, въ произведеніяхъ японской скульптуры изъ бронзы и дерева обнаруживается тонкое наблюденіе природы, которое часто поражаетъ умѣньемъ изобразить движеніе, продолжающееся лишь одно мгновеніе. Удачныя вещи этого рода могутъ соперничать по вѣрности и тонкости съ лучшими произведеніями нашей старинной художественной промышленности. Тотъ, кто бывалъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ въ Лондонѣ, не могъ не любоваться морскимъ орломъ съ растопыренными перьями, отчасти литыми, отчасти выкованными изъ желѣза, безъ всякаго слѣда искаженія природы, или манерности; это произведеніе японскаго искусства относится къ XVI вѣку. Тамъ же можно видѣть черепаху — японскую керамику: она выходитъ изъ воды и изображена поразительно вѣрно, вмѣстѣ съ волной, стекающей съ нея. Пользующіеся предпочтеніемъ въ декоративномъ искусствѣ морскія лиліи, черепахи, журавли, лягушки, ящерицы всегда изображены въ ихъ общемъ видѣ съ поразительной вѣрностью и остроумнымъ сочетаніемъ мотивовъ. Для восточныхъ азіатцевъ все это имѣетъ глубокій смыслъ символа, такъ какъ черепаха означаетъ долговѣчность, единорогъ — совершенное добро, олень, дѣлающійся черезъ 500 лѣтъ бѣлымъ и черезъ 1000 лѣтъ голубымъ — счастливую старость, японскій соловей, съ цвѣтущей вѣткой сливы, — весну, а изящный сосудъ, усѣянный раковинами и водорослями, въ которомъ чай становится лучше, считается выросшимъ на морскомъ днѣ.

Восточные азіатцы въ искусствѣ, литературѣ и садоводствѣ выказываютъ теплое чувство къ прекрасному въ природѣ. Общее восхищеніе весеннимъ цвѣтеніемъ сливъ, цвѣтами ирисовъ и піоновъ, лотосовъ и хризантемъ создаютъ соотвѣтственное число народныхъ праздниковъ отъ февраля до поздней осени. И у китайцевъ существуетъ символическое чествованіе весны. Храмы стоятъ въ естественныхъ рощахъ старинныхъ, высокихъ или тѣнистыхъ деревьевъ, съ кустарниками, обстриженными въ видѣ извѣстныхъ фигуръ, и съ цвѣтниками, разсаженными ввидѣ картинъ. Западъ не воспользовался съ такимъ остроуміемъ, вѣрностью и колоритностью въ серьезномъ и шутливомъ отношеніи своей флорой и фауной, какъ дальній Востокъ. У японца есть большое врожденное чувство красоты; даже у земледѣльца его больше, чѣмъ у нашего крестьянина, и развитіе его зависѣло отъ обработки земли на подобіе огорода или сада. Гдѣ только возможно, онъ строитъ хижину на берегу ручья, и въ извѣстныхъ мѣстахъ кладетъ нѣсколько большихъ камней, чтобы могъ образоваться небольшой водопадъ, доставляющій ему удовольствіе, потому что онъ любитъ журчаніе воды. Онъ связываетъ нѣсколько вѣтвей молодого кедра, а другія, съ помощью дощечки, наклоняетъ надъ своимъ водопадомъ, чтобы тотъ оставался въ тѣни. Во время цвѣтенія, въ семьѣ всѣ испытываютъ настоящій восторгъ. Не только въ пейзажахъ на стѣнахъ и ширмахъ или въ оригинальныхъ вѣтвяхъ и стволахъ, которые въ естественномъ видѣ сливаются съ постройкой, — чувство природы замѣчается и въ самомъ домѣ. Горшки, корзины и этажерки съ цвѣтами, въ особенности изъ бамбука, въ Японіи дѣлаются замысловатѣе и изящнѣе, чѣмъ у насъ. Висячіе цвѣты распространены гораздо болѣе. Каждый оригинальный кусокъ дерева, коры или корня превращается въ горшокъ или сосудъ для цвѣтовъ. Осыпаніе могилъ цвѣтами составляетъ древній японскій обычай. Скалистый утесъ въ руслѣ Янгтсе выше Ичанга весь покрытъ надписями, поэ-

Японское и китайское оружіе.

(Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.)



1. *Знамя.*
2. *Ржжущ. оружіе въ видѣ косы.*
3. *Пика съ футляромъ, почетн. знакъ для высш. чиновниковъ.*
4. *Пика.*
5. *Штандартъ.*
6. *Обоюдоострая пика, употребляем. женщинами.*
7, 8. *Алебарды „плантелъ“ (изъ Кантона).*
9. *Копье.*
10. *Треугольное знамя.*
11. *Пика.*
12. *Пика въ видѣ косы.*
13. *Пика.*
14. *Военная пика.*
15. *Маленькій колчанъ.*
16. *Колчанъ съ гербомъ принца Тсикуцена.*
17. *Колчанъ, обтянутый медвѣжьею шкурой*
18. *Обоюдоострый мечъ въ ножнахъ.*
19. *Двѣ сабли въ однихъ ножнахъ.*
20. *Мечъ въ деревянныхъ ножнахъ.*
21. *Доспѣхи.*
22. *Панцырн. башмаки.*
23. *Ножны для меча.*
24. *Оѣкира.*
25. *Кинжалъ.*
26. *Военный рогъ изъ раковины.*
27. *Колчанъ съ стрѣлами и двумя луками.*
28. *Сабля верховнаго жреца культа Ками.*

(1, 2, 4, 7—11, 19, 23, 24 и 27 изъ Китая; 3, 5, 6, 12—18, 20—22, 25, 26, 28 изъ Японіи.)

тическими изліяніями по поводу красоты природы: рѣка и небо окрашены тѣмъ же цвѣтомъ, горы блестятъ, вода темна и т. п. Восточная Азія уже 1000 лѣтъ тому назадъ въ большей степени обладала чувствомъ природы, чѣмъ европейскій югъ въ настоящее время.

Выдающееся чувство красокъ восточныхъ азіатцевъ признается все болѣе и болѣе. Оно мертво только въ подражаніяхъ европейскаго характера, которыми Китай нѣкогда наводнялъ индо-китайскій рынокъ, но оно живетъ съ полной силой въ древнихъ японскихъ раскрашенныхъ рисункахъ, восхищающихъ въ настоящее время нашихъ любителей. Эта живопись стремится произвести впечатлѣніе не линіями, а цвѣтными массами. Она переноситъ на металлы такія различія между красками, какія не создавала ни одна промышленность въ мірѣ. Она отваживается на рельефное воспроизведеніе павлиновъ въ краскахъ, оставляющее

Японская виртуозка на арфѣ (геша). (По японскому рисунку.) Ср. текстъ, стр. 730.

за собою искусство Стараго Свѣта. Игру красокъ любятъ во всѣхъ кругахъ. Если въ саду, при храмѣ или свѣтлой рощѣ соберется нѣсколько веселыхъ людей, всегда появляется человѣкъ, который высыпаетъ на землю раскрашенный песокъ и дѣлаетъ изъ него фигуры, вполнѣ похожія на живыя. Японскій костюмъ изобилуетъ красками, и множество красокъ мы видимъ въ каждой народной сценѣ въ Японіи, чего нельзя сказать о болѣе скромныхъ и однообразныхъ Китаѣ и Кореѣ.

Живописный элементъ выступаетъ и въ архитектурѣ Восточной Азіи въ отвращеніи къ прямой линіи и прямому углу, пристрастіи къ преувеличеніямъ и поискахъ красиваго, технической законченности, творческой фантазіи и нѣжномъ чувствѣ природы. Дерево составляетъ самый любимый матеріалъ; любовь къ краскамъ и металлическому блеску, политура, позолота, отдѣлка фарфоромъ создаютъ сильные эффекты. Есть нѣчто величественное въ храмахъ Японіи, съ ихъ тяжелыми черепичными крышами, выказывающими въ то же время легкія изогнутыя линіи, съ изобильными подпорками и массивными колоннами. Чувство природы японцевъ выразилось и въ отдѣлкѣ мѣстъ буддійскаго культа. Богинѣ моря они строили маленькіе храмы на искусственныхъ островахъ среди обширныхъ прудовъ, покрытыхъ лотосомъ, къ которымъ ведутъ стройные

высоко изгибающіеся мосты. Храмы они окружаютъ искусственными пейзажами, смягчающими грустныя мысли о кратковременности живущаго наслажденіемъ спокойнаго, отраднаго настоящаго. Сады при храмахъ составляютъ наилучшія мѣста отдыха для каждаго. Храмы, вродѣ знаменитаго храма Никко, о которомъ сложилась поговорка „не говори о величественномъ, когда ты не видѣлъ Никко“, лежатъ въ кедровыхъ рощахъ, куда ведутъ священные мосты. Широкія аллеи указываютъ путь отъ одной святыни къ другой. Пагоды, молитвенные дома, священные колодцы, часовеньки, казнохранилища изъ камня, дерева или металла разсѣяны по священнымъ рощамъ. Даже въ Китаѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ приходится проходить мимо храмовъ, обсаженныхъ кипарисами, окруженныхъ бѣлыми стѣнами съ выступающими башнями и этимъ рѣзко отличающихся отъ голыхъ скалъ. Японская пейзажная живопись примыкаетъ къ религіознымъ мотивамъ. Фузіяма, цѣль трудныхъ паломничествъ, „мужскія и женскія скалы“ передъ берегомъ Футами, до безконечности повторяются въ изображеніяхъ.

Поэзія китайцевъ содержитъ, въ особенности въ лирическихъ пьесахъ, много прекраснаго и искренняго. „Безконечныя исторіи“ пишутся и читаются не только по годамъ, часто съ длинными промежутками, но и нѣсколькими поколѣніями.

Восточно-азіатская музыка для европейскаго уха кажется однообразнымъ шумомъ рѣзкихъ голосовъ. Она пользуется множествомъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, въ томъ числѣ такими простыми и общеизвѣстными, какъ раковинный рогъ (см. таблицу „Японское и китайское оружіе“, фиг. 26), составляющій принадлежность буддійскихъ нищенствующихъ монаховъ, и гонгъ. Священные барабаны Борнео и горныхъ племенъ Индо-Китая, а также океанійцевъ напоминаютъ своеобразный корейско-китайскій духовой инструментъ изъ тыквы, со вставленной въ нее бамбуковой дудкой, и простые барабаны корейцевъ изъ выдолбленныхъ обрубковъ дерева, а барабаны шамановъ — барабаны буддійскихъ храмовъ съ изображеніемъ барабанящаго громового бога. Теорія музыки развивалась безъ всякаго отношенія къ практикѣ. Гамму Пиѳагора мы вновь находимъ у китайцевъ; она имѣетъ у нихъ не только религіозное, но и политическое значеніе, напоминая въ этомъ отношеніи пиѳагоровскія идеи. Каждый японскій танецъ есть пантоминное граціозное представленіе какого либо дѣйствія съ участіемъ всего тѣла, мимики и, въ особенности, вѣера. Напротивъ, неестественныя, медленныя движенія актеровъ, играющихъ съ искусственнымъ паѳосомъ мужчинъ, и визгливыми голосами женщинъ, и рѣзкая, вступающая каждую минуту музыка придаетъ китайскому театру искусственное значеніе, въ чемъ съ нимъ сходится, въ сущности, и японскій театръ.

---

22. Китайцы.

„Китай есть особый міръ.“ Карлъ Риттеръ.

Содержаніе: Одежда. Украшенія. Уродованіе ногъ. — Экономическая дѣятельность. — Земледѣліе. Землевладѣніе. Скотоводство. — Питаніе. Рисъ. Опіумъ. — Города и деревни. — Пути сообщенія. Прежнее процвѣтаніе и новѣйшій упадокъ. Императорскій каналъ. Сѣть дорогъ. Рѣчное и морское судоходство. — Промышленность. Уровень ея и регрессъ. Заработная плата. Рабочіе союзы. — Торговая дѣятельность и колонизація.

Наружный видъ китайцевъ кажется однообразнымъ отъ юга до сѣвера имперіи. Даже сословныя различія не отражаются на нихъ съ такой рѣзкостью, какъ въ другихъ мѣстахъ. Широкія шаровары и куртка ввидѣ блузы, изъ одинаковой темносиней бумажной матеріи, и, въ случаѣ нужды, верхняя одежда ввидѣ куртки изъ болѣе толстой черной матеріи

составляютъ одѣяніе массы населенія. Вычислено, что каждый человѣкъ, въ среднемъ, ежегодно изнашиваетъ два костюма, которые вмѣстѣ стоятъ не болѣе 5 рублей. Шерстяное платье, матеріи для котораго въ постоянно возрастающемъ количествѣ ввозятся изъ Европы и уже выдѣлываются большими фабриками въ самой странѣ, носятъ только зажиточные люди. Въ защиту отъ зимняго холода низшій классъ надѣваетъ одну на другую нѣсколько бумажныхъ одеждъ и ватные кафтаны, а на сѣверѣ также овчинныя шубы. Богатые люди носятъ самые дорогіе мѣха Сибири, для которыхъ Китай еще сотни лѣтъ тому назадъ служилъ крупнымъ рынкомъ. Въ провинціяхъ, занимающихся шелководствомъ, въ Новый годъ можно видѣть половину населенія города одѣтой въ шелковыя матеріи. Наставленіе, которое 200 лѣтъ тому назадъ императоръ Кангхи изрекъ въ одномъ изъ своихъ правилъ: „Пусть земледѣліе и уходъ за шелковичнымъ деревомъ будутъ твоей заботой, чтобы ты не нуждался въ пищѣ и одеждѣ“, въ значительной степени утратило свое значеніе со времени возрастанія ввоза чужеземныхъ тканей. У богатыхъ мѣсто синей бумажной блузы занимаетъ верхнее платье, похожее на халатъ, доходящее до лодыжекъ и стягиваемое поясомъ; къ нему привѣшиваются кошелекъ, кисетъ съ табакомъ и т. п. Длинные рукава вполнѣ закрываютъ руки и содержатъ карманы; въ этомъ находятъ себѣ объясненіе такія выраженія китайскихъ классиковъ, какъ „выдача изъ рукава“ или „рукавъ, полный нюхательнымъ табакомъ“. Мужчины Китая оставляли волосы расти свободно, пока въ 1644 г. манджуры не ввели косу и выбриваніе передней части головы, какъ символъ подчиненія новымъ порядкамъ. Съ тѣхъ поръ отсутствіе косы считается позорнымъ, и уничтоженіе ея — знакомъ возмущенія. Переговоры о понужденіи покоренныхъ народовъ къ ношенію косы составляютъ особый отдѣлъ въ исторіи новѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. До наступленія зрѣлаго возраста мужчины борода не должна расти; поэтому профессія цирюльниковъ, которые, впрочемъ, брѣютъ безъ мыла, въ Китаѣ весьма развита и приноситъ много прибыли. Даже рабочіе жертвуютъ нѣсколькими мелкими монетами, чтобы каждую недѣлю гладко выбривать себѣ переднюю часть головы и лицо. Сѣверные китайцы, такъ же, какъ и многіе номады внутренней Азіи, носятъ короткую косу, а южные китайцы, наоборотъ, возможно длинную и толстую, съ вплетенными въ нею конскимъ волосомъ и обвивающими ее лентами. Прически женщинъ гораздо богаче формами и провинціальными отличіями. На

Китайскій мандаринъ изъ Кантона.
(По фотографіи.)

югѣ дѣвушки носятъ волосы обрѣзанными поперекъ надъ лбомъ. Замужнія женщины такъ скрѣпляютъ ихъ клеемъ, что они прилегаютъ къ головѣ и сзади выгибаются, какъ ручка чашки, а въ другихъ мѣстахъ крылообразные отростки выступаютъ надъ ушами. Булавки, бусы и въ особенности естественные и искусственные цвѣты составляютъ украшенія головы женщины (см. рис. ниже). На югѣ простой китаецъ почти никогда не покрываетъ головы; самое большее, если онъ, когда лѣтніе лучи солнца грѣютъ слишкомъ сильно, воткнетъ въ свернутую косу вѣеръ, который при ходьбѣ автоматически доставляетъ нѣкоторую прохладу. Мандарины (см. рис., стр. 715) никогда не показываются въ публикѣ съ непокрытой головой. Они не только позволяютъ себѣ роскошь, надѣвая лѣтомъ соломенныя и бамбуковыя шляпы, съ шелковой покрышкой и кисточками, и войлочныя или суконныя шапки, съ завороченными краями, съ вышивками и мѣховой опушкой, зимою: не довольствуясь этимъ, они придѣлываютъ къ своимъ шляпамъ знаки отличія, также введенные со временъ господства манджуровъ и состоящіе изъ пуговицы, которая въ восходящемъ порядкѣ дѣлается изъ слѣдующихъ веществъ — краснаго коралла, свѣтло-голубого стекла, лазореваго камня, горнаго хрусталя, бѣлаго халцедона, золота или позолоченнаго металла. Костюмъ китайскаго мандарина проложилъ себѣ путь къ чиновникамъ Тибета; роскошную одежду изъ собольяго мѣха китайскихъ тайныхъ совѣтниковъ можно видѣть даже въ Кьянгтунгѣ. Впечатлѣніе пышности, какое она должна вызывать, къ сожалѣнію, часто и неожиданно нарушается загрязненнымъ мѣстомъ и еще чаще лохмотьями неизбѣжной свиты. Въ сѣверномъ Китаѣ не румянятся только старухи и дѣти. При этомъ сперва бѣлятся, и затѣмъ на всей щекѣ дѣлается овальное пятно розовато-краснаго цвѣта.

Китаянка, съ изуродованными ногами, и китайскій ребенокъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 716 и 717.

Уродованіе ногъ бросаетъ рѣзкій свѣтъ на утонченность и неестественность крайностей китайской культуры (см. рис., стр. 716). Имѣетъ-ли этотъ обычай цѣлью привязать женщину къ дому или увеличить ея полноту,—во всякомъ случаѣ, онъ кажется намъ безсмысленнымъ и отвратительнымъ. Начиная съ пятаго года, нога ребенка сжимается такимъ образомъ, что четыре пальца, кромѣ большого, подгибаются книзу, и въ то же время пятка нажимается кверху и назадъ. У высшихъ сословій эта пытка заходитъ такъ далеко, что приходится ходить, какъ на ходуляхъ, и внѣ дома нельзя двигаться иначе, какъ на носилкахъ или на спинѣ служанки. У низшихъ классовъ женщины и въ этомъ случаѣ пользуются большей свободой. Этотъ обычай совершенно неизвѣстенъ у манджуровъ на сѣверѣ и у гакковъ на югѣ, такъ же, какъ у народовъ запада, менѣе привлекаемыхъ китайской культурой. Изображенія китайскихъ героевъ татуированными показываютъ, что обычай татуировки нѣкогда былъ распространенъ. На островахъ Ліукіу еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ женщины татуировались различнымъ образомъ въ разныхъ округахъ.

Чистота тѣла не составляетъ сильной стороны китайцевъ. Только подобіе ея придается искусствомъ цирюльника. Восточные азіатцы не чувствуютъ большой потребности въ свѣжемъ воздухѣ; даже въ японскихъ домахъ легкой постройки воздухъ довольно спертый. Накожныя и глазныя болѣзни у нихъ чрезвычайно распространены.

Мудрецы и государственные люди Китая единогласно прославляютъ земледѣліе, какъ жизненный нервъ государства. Значеніе его еще яснѣе выражается тѣмъ, что Китай почти одинъ доставляетъ пищу своему колоссальному населенію, и что при этомъ онъ еще въ изобиліи и съ полной правильностью снабжаетъ міровой рынокъ чаемъ и шелкомъ. Изъ этой денежной цѣнности, которая отчасти обусловливается сознательнымъ противоположеніемъ земледѣлія кочевничеству, выводится ошибочное заключеніе, будто въ Китаѣ повсюду распространена обработка почвы высокаго уровня. Китайцы, впрочемъ, дальше ушли въ земледѣліи, чѣмъ индусы. Во всемъ южномъ Китаѣ почва горъ довольно скудна. На рѣкѣ Минъ горы обработаны отъ высоты 1000 метр. до вершины, но во многихъ странахъ и теперь еще покрыты простымъ кустарникомъ. Даже въ плотно населенномъ среднемъ Китаѣ далеко до того, чтобы каждый клочекъ былъ воздѣланъ. Въ Кіангсу и Чекіангѣ и въ непосредственной близости жилищъ можно найти мѣста, поросшія грубой или сорной травой. Много мѣста занимаютъ кладбища и часовни. Воздѣлываніе почвы всего значительнѣе на сѣверѣ, гдѣ оно въ лёсовыхъ мѣстностяхъ поднимается до вершины горъ и оттѣсняетъ лѣсъ и кустарникъ. Китайское земледѣліе интенсивно также не въ томъ направленіи, какъ представляютъ себѣ европейцы. Плугъ и борона въ мелкихъ хозяйствахъ Китая примѣняются менѣе, чѣмъ мотыка и грабли. Плугъ, влекомый буйволомъ или быкомъ, проводитъ вовсе не глубокія борозды, и усиленное примѣненіе удобренія необходимо и по причинѣ недостаточнаго переворачиванія пашни. Хлѣбъ молотится, съ помощью животныхъ или цѣповъ, на открытомъ воздухѣ. Такъ какъ главный упряжной скотъ представляютъ буйволы, то легко понять, съ какою медленностью производятся тамъ земледѣльческія работы. Въ удобреніи китайцы выказываютъ большое мастерство. На югѣ существуетъ спросъ на человѣческіе и всякіе другіе отбросы и даже на обожженныя ракетныя трубки.

Въ настоящее время землевладѣніе въ Китаѣ чрезвычайно раздроблено. Имѣнье въ 60 гектаровъ на равнинѣ принадлежитъ къ числу большихъ. Тотъ, кто можетъ назвать своими 6 гектаровъ земли, считается зажиточнымъ. Семья вблизи большихъ городовъ можетъ жить на 1—$1^1/_2$ гект. земли, если она владѣетъ ими и сама обрабатываетъ ихъ. Дроблению собственности содѣйствуетъ не одно только дѣленіе ея путемъ наслѣдства, но и прибыль-

ность мелкой обработки при богатой прибыли садоводства и такихъ культуръ, какъ чай и шелкъ. Большую часть китайскаго земледѣлія нельзя было-бы признать выгодной, если-бы семьи съ многочисленными дѣтьми не представляли обилія самой дешевой рабочей силы. Вслѣдствіе того, половина всей пахотной земли въ Китаѣ обработывается арендаторами, и даже преимущественно мелкими. Главная часть капитала, съ которымъ такъ успѣшно работаетъ китайскій крестьянинъ, заключается въ воздержности, трудолюбіи и семейной сплоченности.

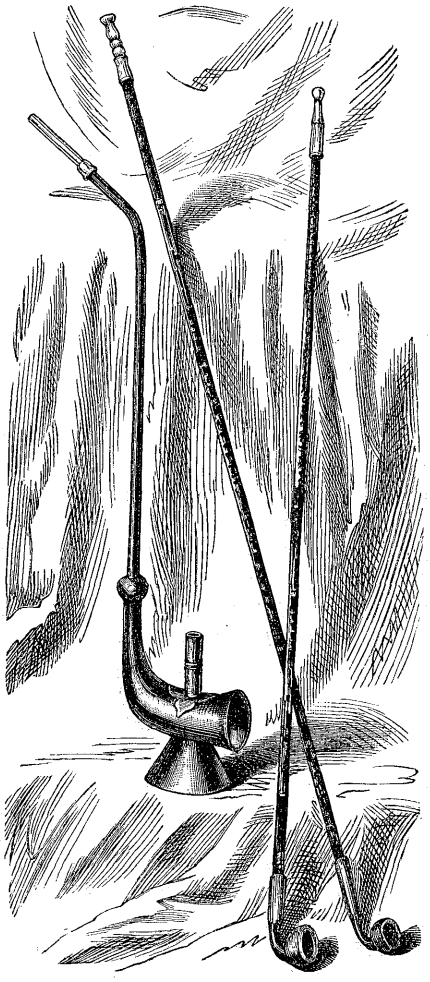
Рисъ составляетъ главный хлѣбъ Китая. Плодородіе юга и средины имперіи по отношенію къ рису при двухъ жатвахъ въ году такъ велико, что онъ остается важнѣйшей растительной пищей китайцевъ. Тѣмъ не менѣе, потребленіе его столь значительно, что ввозъ риса изъ Формозы, Маниллы, Индокитая и даже изъ Сѣверной Америки становится необходимымъ. На лёсовой почвѣ сѣвера и на жирныхъ луговыхъ поляхъ Манджуріи пшеница, просо и греча, повидимому, произрастаютъ такъ же хорошо, какъ и рисъ въ низинахъ Янтсе-Кіанга. Маисъ и картофель распространены по всей имперіи и въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ представляютъ важныя питательныя средства для народа, откуда видно, что китайскій сельскій хозяинъ не безусловно замыкается отъ всего полезнаго, что̀ можно заимствовать отъ чужеземцевъ. Менѣе достойнымъ похвалы является то обстоятельство, что культура мака ради опіума встрѣчается во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ играетъ слишкомъ большую и печальную роль. Бататы и другіе корнеплоды, а также зеленыя овощи всякаго рода весьма распространены, и еще болѣе стручковые плоды.

Такъ какъ оросительные каналы рисовыхъ полей весьма богаты рыбою, и это богатство еще увеличивается искусственнымъ разведеніемъ ея въ наводненныхъ рисовыхъ поляхъ послѣ жатвы, то одинъ и тотъ же участокъ земли лѣтомъ приноситъ рисъ, а зимою рыбу. Рыба нигдѣ не играетъ такой видной роли въ продовольствіи народа, какъ въ Китаѣ; поэтому здѣсь занимаются самыми разнообразными способами и морскимъ, и рѣчнымъ рыболовствомъ. Достаточно припомнить распространенный способъ рыбной ловли съ помощью чаекъ. Лодки для плаванья по каналамъ имѣютъ на носу приспособленіе для привѣшиванья горизонтальныхъ сѣтей, содержаніе которыхъ легко выбрасывается на палубу. Многія коренья и сѣмена растеній, которые сажаются въ стоячей и текучей водѣ, потребляются въ большихъ количествахъ. Использованіе почвы особенно облегчается полезнымъ во многихъ отношеніяхъ бамбукомъ, отростки котораго также употребляются въ пищу.

Китайцы сохранили большое искусство въ разведеніи домашнихъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что они развели домашнихъ кошекъ независимо отъ египтянъ и приспособили ласку къ ловлѣ мышей. Единственное животное, какое китайцы разводятъ въ настоящее время въ большихъ количествахъ, представляетъ неприхотливая и плодовитая свинья превосходной породы, сало и окорока которой составляютъ предметъ торговли во всей южной и восточной Азіи. Буйволовъ и рогатый скотъ примѣняютъ для перевозки тяжестей и для вращенія черпальныхъ колесъ, а буйволовъ и для обработки болотистой почвы рисовыхъ полей. На сѣверѣ овцеводство распространено на сухихъ холмахъ Шанси и Печили, и шерсть составляетъ главный предметъ ввоза изъ Монголіи. Сюда привозится всевозможная домашняя птица для разведенія и для откармливанья. Въ округахъ, гдѣ занимаются шелководствомъ, не только поля и сады, но и плотины между рисовыми грядами засаживаются шелковицей, листья которой поступаютъ въ продажу во время откармливанья куколокъ. Въ чайной мѣстности Нингпо просо и маисъ покрываютъ скаты и даютъ тѣнь многочисленнымъ чайнымъ кустамъ, которые сажаются также по нѣсколько

вмѣстѣ на плотинахъ между рисовыми полями и подъ насажденіями шелковичныхъ деревьевъ. Провинціи, занимающіяся разведеніями чаю и шелковичныхъ червей, принадлежатъ къ числу населенныхъ наиболѣе плотно.

Вообще, большое число культуръ, которыми занимается китайскій земледѣлецъ, даютъ возможность болѣе интенсивнаго пользованія почвой. Кромѣ названныхъ выше, можно назвать еще цѣлую дюжину масличныхъ растеній, бамбукъ, растительный воскъ, лаковое дерево и пр. Сечуанъ, благодаря своимъ плодовымъ деревьямъ и смоковницамъ, является одной изъ лучшихъ провинцій Китая, похожей на садъ. Воздѣлыванье овощей также пользуется усердной заботой: даже самый бѣдный поденщикъ рѣдко отказывается отъ свѣжихъ овощей. Цѣны на землю высоки, даже и въ восточной Монголіи, обработка которой только что начинается (60 рублей за гектаръ). Арендная плата составляетъ, въ среднемъ, 10% стоимости земли. Цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ при медленныхъ сообщеніяхъ подвергаются большимъ колебаніямъ. Правительственные рисовые магазины, предназначенные для пособій въ скудные годы, независимо отъ обмана, простирающагося и на нихъ, не распространяются сообразно потребности. По Симону, цѣны на рисъ колеблются болѣе, чѣмъ на 300%.



Китайская водяная трубка и корейскія трубки. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 736.

Климатическія и почвенныя условія отводятъ въ китайскомъ земледѣліи важную роль искусственному орошенію. Какъ знойному югу, такъ и сѣверу, съ его легко пропускающей воду лёсовой почвой, угрожаютъ голодные годы вслѣдствіе засухи. Уничтоженіе лѣсовъ показываетъ, что въ отношеніи лѣсного хозяйства Китай менѣе всего можно назвать культурнымъ государствомъ. Только на югѣ и западѣ сохранились еще хорошіе лѣса. Японія относится гораздо заботливѣе къ своимъ богатымъ отъ природы и разнообразнымъ лѣсамъ. Матеріалъ, находящій всего болѣе примѣненія, представляетъ бамбукъ. Вслѣдствіе своей легкости, гибкости и большой твердости, онъ одинаково пригоденъ какъ для жердей и мачтъ, такъ и въ болѣе тонкихъ сортахъ для художественной промышленности. Топятъ тамъ, по большей части, древеснымъ углемъ, который жгутъ въ глиняныхъ сосудахъ, похожихъ на грѣлки (scaldini) итальянцевъ. Китай обладаетъ самыми большими залежами каменнаго угля во всемъ свѣтѣ, но мало пользуется ими.

Китайцевъ въ Европѣ долгое время представляли себѣ какъ народъ, живущій исключительно рисомъ и, тѣмъ не менѣе, способный къ упорной и продолжительной работѣ. Въ настоящее время мы уже знаемъ, что не можетъ быть рѣчи о питаніи однимъ рисомъ. Условія, въ какихъ живетъ китайскій рабочій, немногимъ хуже, чѣмъ у большаго числа его европейскихъ собратьевъ, и въ самомъ Китаѣ исключительное питаніе ри-

сомъ считаютъ несовмѣстимымъ съ тяжелой работой, не говоря уже о томъ, что на западѣ рисъ повсюду слишкомъ дорогъ и поэтому замѣняется картофелемъ, капустой и лапшей. При обыкновенныхъ цѣнахъ рабочій, получающій въ день отъ 15 до 20 коп. заработной платы, можетъ купить килограммъ рису, полкилограмма овощей и столько же рыбы, и у него еще останется отъ 3 до 10 коп. на чай, соль, табакъ, квартиру и одежду. Китаецъ съ большимъ искусствомъ приготовляетъ свои кушанья; изъ самой простой провизіи онъ умѣетъ составить обильный завтракъ или обѣдъ. Такъ гороховый сыръ, нѣчто вродѣ экстракта изъ гороховой муки, откуда казеинъ осаждается гипсовой водой, имѣющій форму студня, представляетъ образецъ питательнаго и дешеваго кушанья. Тамъ можно найти большое число растительныхъ консервовъ. Восточные азіатцы не ѣдятъ, какъ другіе народы Востока, изъ общаго блюда и руками, а каждый ѣстъ изъ собственной лакированной чашки и съ помощью двухъ палочекъ изъ простой или слоновой кости (см. рис., стр. 721), которыя держатъ, какъ щипчики между пальцами правой руки.

Чай является національнымъ вкусовымъ веществомъ, потребляемымъ всѣми сословіями во всѣхъ его разновидностяхъ. Уже два поколѣнія, какъ опіумъ сдѣлался для китайскаго народа жизненной потребностью, не укрѣпляющей, а подрывающей жизнь. Вычислено, что ежегодно около 150 мил. рублей уплачиваются въ Китаѣ за опіумъ, три четверти котораго уходитъ заграницу. Бѣдные курятъ опіумъ, уже бывшій въ употребленіи, но многіе жертвуютъ весь остатокъ своего заработка за удовольствіе отуманивать себя опіумомъ. Уже съ самаго отдаленнаго запада и сѣвера до насъ доходятъ жалобы на постоянное усиленіе этого порока, которому англичане, виновные въ громадномъ ввозѣ опіума, подъ личиной науки, хотѣли приписать расовый характеръ; сэръ Джорджъ Кэмбель въ 1876 г. высказалъ забавное положеніе, будто монгольскіе или туранскіе народы выказываютъ самую рѣшительную склонность къ опіуму, тогда какъ арійскіе обитатели Индіи почти совершенно пренебрегаютъ имъ. Многіе переселенцы отправились въ Монголію только для того, чтобы спокойно воздѣлывать макъ и курить опіумъ. Главныя добродѣтели китайскаго народа — терпѣніе, воздержность, трудолюбіе, основы его экономическаго процвѣтанія, — подрываются потребленіемъ опіума, который своимъ гибельнымъ дѣйствіемъ значительно превосходитъ водку. Несмотря на успѣхи Китая въ послѣднія десятилѣтія, опасеніе, что потребленіе опіума ослабитъ въ народѣ силы, необходимыя для новаго культурнаго развитія, не позволяетъ смотрѣть съ довѣріемъ на будущее имперіи. Въ обѣднѣніи и разореніи, какое въ настоящее время наблюдателю столь же часто бросаются въ глаза, какъ 100 лѣтъ тому назадъ порядокъ и благосостояніе, этотъ порокъ принимаетъ немалое участіе. По мнѣнію Рихтгофена, постоянно возрастающее потребленіе опіума должно въ значительной степени препятствовать увеличенію населенія въ Китаѣ. Напитки, перегоняемые изъ проса или риса, бывшіе до введенія опіума единственными опьяняющими средствами, потребляются „съ умѣренностью, достойной подражанія“.

Китай — страна большихъ городовъ и многочисленныхъ деревень, страна скученнаго населенія. Не столько отъ недостатка земли, сколько отъ естественнаго стремленія къ скученности, населеніе занимаетъ тамъ даже воду и живетъ въ лодкахъ. Въ лёсовыхъ пещерахъ ютятся тысячи. Китаецъ прежде всего обитатель деревни, и если города тамъ многочисленны и многолюдны, то они таковы вслѣдствіе процвѣтанія китайской торговли и какъ мѣстопребываніе чиновниковъ.

Вообще, деревни въ Китаѣ населеннѣе, чѣмъ въ Европѣ: во многихъ насчитывается до 8 тысячъ и болѣе жителей. Тѣсныя и извилистыя улицы съ глиняными стѣнами весьма оживлены; мелочныя лавки попадаются часто, такъ же, какъ и чайные дома и харчевни. Тамъ часто можно

найти базары въ опредѣленное время. Въ описаніяхъ сѣвернаго Китая Унтербергера говорится: „Уже приближаясь къ стѣнамъ, слышишь шумъ, свойственный большому городу, который вскорѣ разрѣшается разговорами и криками множества людей и животныхъ, двигающихся взадъ и впередъ по улицѣ. Узкія улицы ведутъ внутрь города, настолько узкія, что двѣ повозки тамъ съ трудомъ могутъ разъѣхаться; вдоль улицъ идутъ, у самыхъ домовъ, переполненныхъ лавками, возвышенныя галлереи для пѣшеходовъ. Лакированныя поверхности выступающихъ наружу деревянныхъ частей домовъ, тяжелые и богато украшенные карнизы, пестро раскрашенные фризы, съ вызолоченной деревянной рѣзьбой, разнообразіе вывѣсокъ самыхъ стран-

Китайскія вещи для роскошнаго и обыденнаго употребленія: 1) кубокъ изъ бамбука, 2) черный лакированный кубокъ, выложенный перламутромъ, 3) фарфоровая тарелка съ выпуклымъ орнаментомъ, 4) сосудъ изъ кокосоваго орѣха, 5) лакированная тарелка, 6) бронзовый сосудъ для куренья, 7) старинная чайница, съ рѣзьбою изъ жировика, 8) чашка, лаковое издѣлье, 9) деревянная чашечка, обтянутая внутри цинкомъ, 10, 11) фарфоровыя чашки съ металлическими блюдечками, 12) чайникъ изъ кокосоваго орѣха, съ мѣдными частями, 13) поднось для чашекъ, лаковое издѣлье, 14) кубокъ изъ рога носорога, 15) столовый приборъ изъ слоновой кости и изъ стали, съ вышитымъ золотомъ футляромъ для подвѣшиванья. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 720.

ныхъ формъ, черепичныя кровли, съ выгибомъ, свойственнымъ китайской архитектурѣ, украшенныя на углахъ самыми разнородными фигурами и драконами, — все это придаетъ китайской улицѣ въ высшей степени фантастическій видъ“. У входа въ деревню стоятъ почетныя ворота, въ воспоминаніе о добродѣтеляхъ выдающихся обитателей. Города имѣютъ вообще четыреугольное расположеніе и обнесены стѣнами. Въ старинныхъ городахъ улицы обладаютъ такими извилинами и углами, какихъ даже нельзя себѣ вообразить. Въ мѣстностяхъ, перерѣзанныхъ каналами, дороги, по большей части, не шире пѣшеходныхъ тропинокъ, но вымощены, и передвиженіе по нимъ рѣдко совершается съ помощью вьючныхъ животныхъ или повозокъ. Въ холмистыхъ мѣстностяхъ, напротивъ, имѣются дороги обоихъ родовъ. Это различіе отражается и на городахъ, улицы которыхъ на югѣ и въ средней части страны узки ($1^1/_2$—4 метра), а на сѣверѣ, напротивъ, достаточно широки для повозокъ. Внутренніе дворы замѣняютъ недостатокъ наружныхъ оконъ. Только внутри можно видѣть довольство, богатство, красивыя краски и фантастическія формы китайскаго искусства. Снаружи блестятъ

высокія, ярко раскрашенныя и позолоченныя или посеребренныя доски вывѣсокъ, въ 4 метра высоты, $^1/_3$—$^1/_2$ метр. ширины, повѣшенныя по обѣимъ сторонамъ воротъ,—цѣлый лѣсъ красокъ и гіероглифовъ. Незамѣтно виситъ рядомъ съ ними символъ бдительнаго ока начальства—доска съ именами всѣхъ лицъ, живущихъ въ домѣ. На двери жилого дома нарисовано дерево счастья и лента съ нравственнымъ изреченіемъ. На углахъ улицъ, по большей части высоко, висятъ названія ихъ. Въ нихъ обыкновенно заключается нѣчто, говорящее о благодѣяніи, любви, небѣ, чистотѣ и пр. Послѣ того, какъ возстаніе тайпинговъ разорило многіе города на югѣ и въ серединѣ царства, изъ пепла и развалинъ возстали новые города, которые развились независимо отъ старинныхъ плановъ. Такъ, напримѣръ, Нанчангъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ провинціальныхъ главныхъ городовъ и послѣ Чингтуфу одинъ изъ самыхъ красивыхъ и правильныхъ, имѣетъ широкія, чистыя улицы. Дворы и поселки часто встрѣчаются только на югѣ и западѣ. Рихтгофенъ пишетъ изъ Хунана: „Это—первая провинція, гдѣ я видѣлъ значительное число привлекательныхъ усадебъ, принадлежащихъ богатымъ людямъ, удалившимся отъ дѣлъ. Они вкладываютъ деньги въ земельные участки и отдаютъ ихъ арендаторамъ. На огороженномъ, бросающемся въ глаза мѣстѣ, обыкновенно на склонѣ холма, возвышается величественный господскій домъ, окруженный группами деревьевъ.“ Кромѣ того, распространены отдѣльно стоящія на дорогѣ гостинницы, для которыхъ вывѣской служатъ большія кисти надъ дверью.

Китайцы даже на чужбинѣ сохраняютъ склонность жить какъ можно скученнѣе: въ „Китайскомъ городѣ“ (Chinatown) въ С. Франциско живутъ теперь 15,000 китайцевъ на такомъ пространствѣ, какое прежде занимало вдесятеро меньшее число американцевъ. Ихъ жилье въ низкихъ, глухихъ пространствахъ со столами и скамьями, сложенной изъ кирпичей печью, полной грязи, исходитъ, повидимому, изъ холоднаго пояса, а легкая, воздушная постройка японцевъ—изъ теплаго. У китайцевъ и японцевъ мы находимъ подпорки или скамейки для головы, сдѣланныя изъ одного куска бамбука съ подставкой, или болѣе искусной работы, съ выдвижнымъ ящикомъ, съ пестрой инкрустаціей (см. рис., стр. 732, фиг. 4). Патріархальная черта, чувствующаяся въ китайской семейной жизни, въ неиспорченныхъ сельскихъ условіяхъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ городахъ, сохранила обычай совмѣстной жизни близкихъ родственниковъ въ одномъ и томъ же домѣ. Иногда пять поколѣній отъ прадѣда до правнука живутъ подъ одной кровлей. Эта совмѣстная жизнь, часто проникающая воспоминаніями объ общемъ происхожденіи цѣлыя общины, даже группы общинъ, и одушевляющая ихъ сильнымъ племеннымъ чувствомъ, имѣетъ существенное значеніе для увеличенія населенія. Это чувство китаецъ уноситъ съ собой на чужбину и оттуда поддерживаетъ своихъ близкихъ. Быстрота, съ какою населеніе южнаго Китая послѣ погрома, связаннаго съ вторженіемъ мятежниковъ, отстраивалось вновь на опустошенной землѣ или основывалось на новыхъ мѣстахъ, всегда приводила европейцевъ въ изумленіе.

Относительно путей сообщенія Китай прежде стоялъ выше, чѣмъ теперь; упадокъ его болѣе всего обозначается въ положеніи каналовъ, нѣкогда составлявшихъ жизненныя артеріи страны. Мощная сѣть каналовъ сѣвернаго Китая въ послѣднія десятилѣтія была предоставлена разрушенію. Риттеръ назвалъ ее самой грандіозной системой каналовъ Стараго Свѣта, связывавшей средину и югъ великой имперіи съ сѣверомъ, помимо случайностей морского и рѣчного судоходства. Императорскій каналъ „отличается отъ всѣхъ европейскихъ, направляясь согласно природѣ страны, часто извиваясь и имѣя ширину иногда въ 200, а иногда въ 1000 футовъ; онъ то врѣзывается въ горы, то идетъ по возвышенной плотинѣ (до 20 ф. высоты), обложенной гранитными плитами, и тянется на огромныя протяженія черезъ озера и болота“. Съ тѣхъ поръ, какъ прорывъ плотины Хоангхо отвелъ

всю рѣку къ морю, горделивый Императорскій каналъ къ сѣверу отъ новаго рукава Хоангхо сдѣлался лишь незначительнымъ притокомъ этой бурной рѣки. Торговля Тьянтсина съ большими городами юга и средины царства направляется предпочтительно по морскому пути. Когда въ іюнѣ обмелѣвшій участокъ между Линтсингомъ и Тьянтсиномъ наполняется водою, онъ, какъ и прежде, покрывается джонками, пришедшими съ юга, дожидавшимися половодья. Перевозка соли по Императорскому каналу до сихъ поръ еще весьма значительна. Другіе каналы, при дурномъ управленіи послѣднихъ десятилѣтій, пострадали не менѣе. Нѣкоторыя лужи мѣстами и обрушившіеся мосты — вотъ все, что напоминаетъ о прежнемъ процвѣтаніи. Въ сухихъ ложахъ каналовъ теперь воздѣлывается хлѣбъ. Системы каналовъ, повидимому, и теперь еще находятся въ такомъ же удовлетворительномъ положеніи, какъ и въ старину, только въ средней части страны, настоящемъ „срединномъ цвѣткѣ“, потому что своимъ значеніемъ для орошенія и перевозки полевыхъ плодовъ онѣ для каждаго земледѣльца пріобрѣтаютъ почти личный интересъ. Здѣсь петли сѣти каналовъ отстоятъ одна отъ другой не болѣе, какъ на одинъ километръ; многіе земледѣльцы проводятъ оттуда канавы до своихъ домовъ и пользуются каналами для перевозки по нимъ сѣна въ лодкахъ.

Серьезныя улучшенія путей сообщенія тамъ рѣдко приходится видѣть. Улицы Пекина превратились въ сточныя канавы, и желоба ихъ уже лишились мраморныхъ плитъ, которыя нѣкогда покрывали ихъ. Уильямсонъ описываетъ удовольствіе, какое доставилъ ему единственный человѣкъ, котораго онъ видѣлъ исправляющимъ дорогу по ту сторону Великой Стѣны: такъ давно лишенъ онъ былъ этого зрѣлища во время своихъ далекихъ поѣздокъ по Китаю. Многія грунтовыя дороги нѣкогда были вымощены каменными плитами, но мостовая уже разрушилась; Императорская дорога превратилась въ неровный путь шириною въ 12—20 м., будучи изрѣзана колеями и прослуживъ уже цѣлыя столѣтія, часто лежитъ ниже, окружающей мѣстности (см. рис., стр. 694). Многіе мосты, изъ которыхъ иные были величественными постройками, теперь уже негодны; ихъ объѣзжаютъ или проѣзжаютъ подъ ихъ арками. Повидимому, не приноситъ большой пользы, когда отдѣльныя лица по старому доброму обычаю дѣлаютъ пожертвованія своимъ согражданамъ ввидѣ постройки дорогъ или мостовъ, или когда судьи признанныхъ виновными въ мелкихъ процессахъ приговариваютъ къ исправленію извѣстнаго участка дороги на свой счетъ. Въ среднемъ и южномъ Китаѣ, въ странѣ рѣкъ и каналовъ, дороги играютъ менѣе значительную роль, чѣмъ въ сѣверномъ. Вымощенныя тропинки идутъ вдоль каналовъ. Только въ чайныхъ округахъ часто можно видѣть дороги, идущія отъ одной рѣки до другой; отчасти онѣ особенно оживляются носильщиками, которые самые тонкіе сорта чая переносятъ на двойныхъ жердяхъ, чтобы ящикъ, даже при его опусканіи, не касался земли, а болѣе простые сорта — на обыкновенной жерди; тамъ приходится встрѣчать безконечные караваны такихъ носильщиковъ.

Сторожевые дома и башни, лежащіе на равныхъ разстояніяхъ по императорскимъ дорогамъ, находятся въ развалинахъ. Телеграфныя станціи, съ которыхъ давали сигналы дымомъ, теперь опустѣли. Уильямсонъ разсказываетъ, что онъ не могъ воспользоваться паромомъ чрезъ Ліаохо (въ Манджуріи), потому что съ него свалился багажъ одного мандарина, и паромъ долженъ былъ бездѣйствовать, пока окончится процессъ, возбужденный этимъ послѣднимъ.

Рѣчное судоходство, уже въ виду потребныхъ для него канатовъ, занимаетъ тысячи рукъ. Лодки по Янгтсе требуютъ при движеніи вверхъ отъ Ичанга при 120 тоннахъ груза отъ 50 до 60 человѣкъ. Ичангъ, на границѣ между равниной и горами, многолюденъ, благодаря множеству своихъ судорабочихъ. Такъ называемые „водяные“ люди, умѣющіе пре-

восходно плавать и нырять, должны освобождать канаты, зацѣпившіеся за скалы. Эти люди проводятъ всю жизнь на лодкахъ, заключающихъ ихъ семьи, ихъ домъ, ихъ собственность, и управляютъ своими судами съ такой ловкостью, что неуклюжія джонки проходятъ даже черезъ пороги. Еще болѣе лѣсные плоты изъ Хонана, наполняющіе Янгтсе въ январѣ, походятъ на пловучія большія деревни. На нихъ можно видѣть свиней, собакъ, куръ и часто до 20 хижинъ, и при этомъ многочисленныхъ женщинъ и дѣтей. Имъ нужно шесть мѣсяцевъ для прохода до Ханькоу, менѣе 1000 километровъ; тамъ ихъ разбираютъ, собираютъ вновь и отправляютъ въ Чингкіангъ и другія приморскія мѣста.

Распространеніе китайской сѣти каналовъ, совершавшееся по распоряженію государственной власти, быть можетъ, намѣренно отвлекало морское сообщеніе между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ почти цѣликомъ къ рѣкамъ и каналамъ и несомнѣнно значительно содѣйствовало пониженію склонности къ мореходству даже у обитателей морского берега. Во всякомъ случаѣ, для европейцевъ, тотчасъ же послѣ открытія извѣстныхъ гаваней согласно договорамъ, именно береговое судоходство сдѣлалось однимъ изъ самыхъ прибыльныхъ заработковъ. Для европейскихъ судохозяевъ плаваніе по китайскимъ морямъ является выгоднымъ промысломъ. Китайцы въ постройкѣ судовъ для плаванія по рѣкамъ и каналамъ выказываютъ большое техническое умѣнье, между тѣмъ, какъ они отстали въ постройкѣ морскихъ судовъ. Ихъ джонки (см. рис., стр. 690) все еще неуклюжи, трудны для управленія, высоки по обоимъ концамъ и замкнуты вродѣ ящиковъ. Паруса сдѣланы изъ рогожъ, и парусъ на главной мачтѣ, такъ же, какъ и руль, имѣютъ несоотвѣтственную величину. Судохозяева знакомы съ компасомъ (см. рис., стр. 693), но при плаваніи они не дѣлаютъ никакихъ другихъ мореходныхъ наблюденій. Поэтому для нихъ возможно только береговое судоходство, и задача кормчаго состоитъ въ томъ, чтобы держать курсъ по выступамъ берега или стремиться по компасу, по прямой линіи, къ опредѣленному пункту. Во время всего плаванія капитанъ не упускаетъ изъ виду берегъ и мысы, сидя на кораблѣ на сторонѣ, обращенной къ сушѣ; онъ наблюдаетъ за ними и ночью, и даже днемъ дремлетъ стоя. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ главный боцманъ, распоряжающійся парусами, далѣе торговые помощники и провіантмейстеръ и, наконецъ, жрецъ, сжигающій каждое утро передъ идолами благовонныя вещества и серебряную и золотую бумагу. Нѣкоторые матросы опытны въ морскомъ дѣлѣ, а другіе, на которыхъ лежитъ черная работа, часто не принадлежатъ къ морякамъ, прошедшимъ извѣстную школу, а просто нищіе, бѣглые и т. п., но всѣ они кричатъ и распоряжаются. Возмущенія въ такомъ пестромъ сбродѣ случаются не рѣдко, а въ опасности они легко теряютъ бодрость и находчивость. Несмотря на тайфуны китайскихъ морей, изъ которыхъ иные губятъ до 20,000 чел. на морѣ и на рѣкахъ, тамъ никогда не проявлялось стремленія къ лучшей организаціи судоходства. Китайскія джонки проходятъ путь изъ Амоя въ Сингапуръ въ 18—20, а иногда и въ 60 дней. Замѣчательно, что китайскій флотъ остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ во времена Марко Поло. Почти половина 14,500 китайскихъ судовъ, которыя въ 1892 г. перебывали въ китайскихъ гаваняхъ, были джонки съ незначительной средней вмѣстимостью въ 41 тонну. Избытокъ груза кладется снаружи. Названію судна придается величайшее значеніе; на мачтахъ и рулѣ находятся изреченія съ хорошими предзнаменованіями. Два глаза на передней сторонѣ, напоминающіе барки мертвыхъ Озириса, считаются необходимыми, такъ же, какъ и изображенія богини судоходства. На своихъ рѣчныхъ судахъ китайцы устраиваются весьма уютно. Красивая рѣзьба украшаетъ джонки снаружи, и въ каютахъ съ роскошнымъ убранствомъ можно видѣть нарумяненныхъ и разряженныхъ женщинъ, которыя забавляютъ своихъ дѣтей или курятъ, ходя взадъ и впередъ.

Вечеромъ на рѣкѣ, вродѣ Янгтсе или Сикіанга, искрятся и сверкаютъ огни и фейерверки посединѣ воды и раздаются пѣсни и игра на струнныхъ инструментахъ съ джонки съ мѣстами для курителей опіума, парикмахерами, съ актрисами и всевозможной роскошью.

Сѣверный китаецъ совершаетъ болѣе значительныя поѣздки въ повозкѣ, запряженной нѣсколькими мулами гусемъ и проѣзжаетъ въ день отъ 45 до 65 клм. Повозка — двухколесная съ деревянной осью, безъ пружинъ; сидѣнье иногда обтягивается, ввидѣ полукружія, бумажной тканью. Въ такомъ экипажѣ всякое положеніе не удобно, кромѣ того, какое принимаютъ китайцы, сидя съ крестообразно поджатыми ногами. Тачки съ высокимъ колесомъ имѣютъ по обѣимъ сторонамъ сидѣнья, изъ которыхъ каждое занимается однимъ путешественникомъ; эти телѣжки особенно употребительны въ гористыхъ мѣстностяхъ. Защиту отъ дождя и солнца представляетъ навѣсъ изъ какой нибудь ткани. Обыкновенно такая тачка двигается двумя людьми, изъ которыхъ одинъ подталкиваетъ, а другой тянетъ ее. Работа ихъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, облегчается парусомъ. На югѣ, и въ особенности въ Шанхаѣ, все болѣе и болѣе прививается японская двухколесная джинрикиша (см. ниже, стр. 741). Зимой по каналамъ, покрытымъ льдомъ, возятъ большія низкія сани (топаи), которыя проводникъ сзади быстро толкаетъ впередъ шестомъ, обитымъ желѣзомъ. Обязанности извозчиковъ во всемъ сѣверномъ Китаѣ и далеко на югѣ исполняютъ окитаившіеся монголы, которые лучше умѣютъ обходиться съ лошадьми и мулами, чѣмъ китайцы.

Несмотря на большія преимущества европейской торговли, громадное китайское населеніе до сихъ поръ еще потребляетъ по преимуществу произведенія мѣстной промышленности. Трудно сказать, однако, долго ли еще китайскій ремесленникъ, несмотря на свою трезвость, умѣлость и выносливость, въ состояніи будетъ выносить конкурренцію съ фабриками, число которыхъ въ настоящее время постоянно увеличивается на его родинѣ. Китайская промышленная дѣятельность страдаетъ отсутствіемъ крупнаго производства въ такой же степени, какъ и китайское земледѣліе. У китайцевъ мало распространены машины, сберегающія человѣческія силы. Ихъ остроуміе и изобрѣтательность занимались почти исключительно мелкими усовершенствованіями въ ручныхъ ремеслахъ и т. п. Это объясняется отчасти тѣмъ, что свойства ихъ характера и привычки весьма облегчаютъ дешевое примѣненіе рабочихъ силъ и что время не имѣетъ для нихъ почти никакой цѣны. Вѣроятно, они, какъ нѣкогда въ Европѣ, противопоставили бы введенію крупныхъ машинъ отеческія соображенія о благѣ народа. Если бы въ Китаѣ промышленность сосредоточилась въ ремесленномъ производствѣ, то при этомъ сохранилось бы большое преимущество постояннаго упражненія въ своемъ искусствѣ и, вслѣдствіе того, процвѣтаніе художественной промышленности, которое могло бы даже на Европу подѣйствовать возбуждающимъ образомъ.

Горное дѣло и добываніе металловъ стоятъ гораздо ниже обработки ихъ. Успѣхи Китая въ этой области вовсе не находятся въ прямомъ отношеніи къ его культурному возрасту. Нѣмецкое горное дѣло въ Гарцѣ и Рудныхъ горахъ, насколько оно выступаетъ въ свѣтѣ исторіи, стоитъ выше китайскаго въ настоящее время. Даже въ добычѣ металловъ беретъ вездѣ верхъ ручная работа. Впрочемъ, китайское желѣзо превосходно и при одинаковыхъ цѣнахъ предпочитается европейскому. Даже и тамъ, какъ, напр., на Бангкѣ, Малаккѣ, Борнео и проч., гдѣ китайцы выступаютъ на чужой землѣ въ качествѣ предпринимателей разработки рудниковъ, производство ихъ мелкое и ведется мелкими пріемами. Въ Калифорніи они съ успѣхомъ еще разъ перерывали своими руками пластъ, который калифорнійцы оставляли безъ вниманія, какъ невыгодный для ихъ машинъ. Страна, въ которой всѣ вѣтви первичнаго производства не заходятъ далеко въ

глубь, несмотря на древность своей культуры и численность своего населенія, говорящихъ о преклонномъ возрастѣ, должна считаться почти дѣвственной въ промышленномъ отношеніи. Добыча соли въ большихъ размѣрахъ производится на восточномъ берегу Кіангсу подъ присмотромъ мандарина высокаго ранга.

Въ восточно-азіатскихъ царствахъ мы не видимъ рабочаго класса въ европейскомъ смыслѣ. Семья, сильная патріархальной связью, пополняемая усыновленіями, защищаемая законами и обычаями, образуетъ рабочій организмъ, тѣмъ болѣе понижаемый недостаточной заработной платой, что крупныя производства во всѣхъ областяхъ составляютъ рѣдкое явленіе. Мы знаемъ и въ Японіи насколько тѣсно слуги примыкаютъ къ семьямъ, насколько тѣ и другія дѣлятъ радости и горе. Европейцы въ тамошнемъ положеніи слугъ нашли вновь идеальныя патріархальныя отношенія, которыя у насъ, по большей части, живутъ только въ преданіи. Относительно Китая мы можемъ указать законъ, что домашнія рабыни должны быть тамъ выдаваемы замужъ, и ихъ нельзя противъ воли совершенно разлучать съ семьями. Всѣ согласны въ томъ, что заработная плата въ Китаѣ чрезвычайно низка. Заработокъ работницы, въ среднемъ, равняется половинѣ мужского заработка, а между тѣмъ ею производится почти половина работы при сборѣ хлопка и чая.

Повсюду въ Восточной Азіи общераспространенное примѣненіе ручного труда благопріятствовало художественной выработкѣ произведеній промышленности. Художественные промыслы въ настоящемъ смыслѣ этого слова въ Европѣ никогда не имѣли такого примѣненія, какъ здѣсь. Достаточно припомнить фарфоровыя и лаковыя издѣлія. Восточно-азіатская художественная промышленность обрабатываетъ съ особенной охотой рѣдкіе и трудные матеріалы. Самые тонкіе сорта черепахи китайскіе торговцы вывозятъ преимущественно съ Селебеса. Тамъ оплачиваютъ высокой цѣной и нѣкоторыя рѣдкія окрашиванія ея и умѣютъ сгибать, связывать, раскрашивать и золотить ее, какъ нигдѣ въ Европѣ. Другой высоко цѣнимый матеріалъ представляетъ нефритъ, который находятъ на южномъ и сѣверномъ склонѣ Куэнлуня, въ Памирѣ и на южномъ притокѣ Яркандъ-Дарьи, Раскемъ-Дарьѣ, и только въ 1891 г. нашли между Куку-Норомъ и Нанпанемъ. Въ Сучоу имѣются большія мастерскія для работъ изъ нефрита. О лучшемъ сортѣ китайцы говорятъ, что онъ въ 40 разъ дороже своего вѣса золота. Такъ же, какъ сердоликъ и аметистъ, и твердый камень съ удивительнымъ терпѣніемъ перерабатывается въ мелкія скульптурныя вещи. Изъ блестящей бѣлой массы замочныхъ частей раковины Tridacna вырѣзываются статуэтки, которыя очень цѣнятся въ нашихъ музеяхъ, какъ работы изъ халцедона. Слоновая кость и рогъ носорога находятъ весьма большое примѣненіе. Восточно-азіатская эмаль до сихъ поръ еще не выдѣлывается въ Европѣ; работы, насчитывающія столѣтія, кажутся сдѣланными только недавно. Прежде главнымъ мѣстомъ ихъ производства считался Кантонъ, но теперь извѣстно, что небольшія мѣстечки въ Хайнанѣ (въ Хойхау находятся не менѣе 20 серебряниковъ) работаютъ еще лучше. Только въ одномъ Амоѣ сотни рѣзчиковъ трудятся надъ миніатюрными издѣліями изъ плодовыхъ косточекъ и т. д.

Современная промышленность Китая не стоитъ уже на прежней высотѣ. Художника и изобрѣтателя никто уже не поощряетъ, какъ въ старое время. Потребности растутъ, а благосостояніе не увеличивается въ соотвѣтствіи съ ними. Тамъ не замѣчается избытка, оплодотворяющаго искусство. Сюда присоединяется западная конкурренція съ ея дешевыми и худшими продуктами, дѣйствующими разлагающимъ образомъ на народный вкусъ. Даже въ значительной хлопчатобумажной промышленности Шантунга пряжей и тканьемъ занимаются, по большей части, семьи земледѣльцевъ. Немногіе посвящаютъ тому занятію все свое время; земледѣльцы ткутъ зимою, а лѣтомъ поставляютъ свои товары на рынокъ. Поэтому англій-

скіе хлопчатобумажные товары дешевле мѣстныхъ повсюду, гдѣ области производства хлопка не такъ близки, чтобы дешевая добыча и, быть можетъ, собственная посадка могли покрывать разницу. Даже фарфоровая промышленность не производитъ теперь такихъ превосходныхъ издѣлій, какъ это было еще при Кіенлунгѣ. И въ шелкоткацкомъ промыслѣ, такъ же, какъ и въ обработкѣ хлопка, господствуетъ домашняя промышленность, или работа ведется мастеромъ съ нѣсколькими помощниками. Къ сожалѣнію, именно крайне важное шелководство служитъ главнымъ источникомъ, изъ котораго правительство извлекаетъ добавочные поборы, какъ только наступаетъ оскудѣніе казны: тогда повышаютъ произвольно транзитныя пошлины на шелкъ сырецъ. Невозможно вычислить, что, кромѣ того, вымогается отъ человѣка, обогатившагося усердной, крупной работой: прибыль тѣмъ тщательнѣе утаивается, чѣмъ она больше.

Промыслы и въ Восточной Азіи сосредоточиваются предпочтительно въ отдѣльныхъ мѣстахъ или ограниченныхъ округахъ. Это естественно для металлическаго, стекляннаго и фарфороваго производства или для шерстяной и войлочной промышленности, сосредоточивающейся, главнымъ образомъ, въ пограничной полосѣ вблизи Монголіи и Тибета, такъ какъ она связана съ сырымъ матеріаломъ ограниченнаго происхожденія. Большіе заводы для плетенія корзинъ въ провинціи Шантунгъ вывозятъ ихъ массами въ Сѣверную Америку; изъ Шихіана, на верхнемъ теченіи р. Ханъ, вѣроятно, половина Китая снабжается ими. Стеклянные заводы Шантунга распространяютъ свои издѣлія по всему Китаю. Когда, до эпохи притѣсненій и преслѣдованій, въ Маниллѣ жило китайцевъ еще болѣе, чѣмъ теперь, выдѣлывавшіеся ими во множествѣ дешевые башмаки составляли предметъ вывоза въ Мексику.

Способность китайцевъ къ торговлѣ поразительна, что̀ можно уже видѣть изъ цвѣтущаго положенія торговыхъ сношеній внутри имперіи; отдѣльныя провинціи создаютъ особый типъ прирожденныхъ кущовъ, составляющихъ плотный, постоянно усиливающійся союзъ, благодаря землячеству, родственнымъ связямъ и сходству образа мыслей и намѣреній. Въ Манджуріи торговцы изъ Шенси и Шанси отъ разносчика до банкира отличаются, въ сравненіи съ другими китайцами, большой легкостью въ усвоеніи чуждыхъ языковъ. Сіантанъ (провинція Хунанъ) представляетъ главное мѣсто Китая для денежныхъ дѣлъ, находящихся преимущественно въ рукахъ жителей Шанси. Торговля опіумомъ производится, большей частью, кантонцами, такъ же, какъ и чайная торговля, хотя Кантонъ уже пересталъ быть чайнымъ рынкомъ Китая. Нѣкоторые банкирскіе дома въ Тайкухіенѣ распредѣлили свои филіальныя учрежденія по всей имперіи. Мы видимъ также въ Ханкоу, большомъ рынкѣ Янтсе Кіанга, табачную торговлю въ рукахъ переселенцевъ изъ Фукіана и торговлю тканями въ рукахъ уроженцевъ Чекіанга. Подвижности этихъ торговцевъ, по большей части, не имѣющихъ семьи и земельной собственности, отчасти приписываютъ успѣхъ въ борьбѣ ихъ съ европейскими конкуррентами. Для китайца вовсе не затруднительно перейти отъ какой либо другой человѣческой дѣятельности къ торговлѣ, такъ какъ торговый духъ глубоко таится въ крови этого народа. Путешественники удивляются множеству мелочныхъ лавокъ, украшающихъ въ Китаѣ каждый самый жалкій поселокъ. Большое число правильно повторяющихся базаровъ содѣйствуетъ тому, что стремленіе къ торговлѣ не терпитъ затрудненій. Многіе города и безъ того имѣютъ видъ большихъ рынковъ (ср. стр. 721), и въ каждомъ изъ нихъ можно найти улицы, занятыя однѣми лавками. Разносчики составляютъ большое и вліятельное сообщество. Во всѣхъ странахъ китайцы выказываютъ тѣ же наклонности. Дикій баттакъ собираетъ камфору, даякъ и альфуръ выкапываютъ золото и алмазы, обитатель Сулу ныряетъ за жемчугомъ, малаецъ выискиваетъ на своемъ скалистомъ бе-

регу съѣдобныя ласточкины гнѣзда, дѣлаетъ сборы мускатнаго орѣха и гвоздики, ловитъ трепангъ и агаръ-агаръ, бугисъ перевозитъ, въ качествѣ торговца и судовщика, эти товары изъ гавани въ гавань, суматранецъ воздѣлываетъ перецъ для половины міра, яванецъ изготовляетъ различныя изящныя вещи, — а китаецъ всѣмъ этимъ разнообразнымъ видамъ дѣятельности придаетъ импульсъ и движеніе своими болѣе высокими потребностями, своимъ умственнымъ развитіемъ и капиталомъ. Во множествѣ частей восточной, южной и внутренней Азіи китайскій купецъ является піонеромъ культуры и въ то же время дѣятельнымъ представителемъ общихъ интересовъ своихъ соотечественниковъ. Въ Сіамѣ многочисленность ихъ вноситъ оживленіе, чуждое апатичному населенію Сіама. „У нихъ есть“, говоритъ Бастіанъ, „еще то преимущество, что въ ихъ лавкахъ можно достать многіе предметы роскоши, о которыхъ никогда не думалъ туземный купецъ“. Въ отчетѣ кохинхинскаго губернатора въ концѣ 70-хъ годовъ мы читаемъ: „Китайцы, какъ прежде, такъ и теперь, полезны для насъ; они воздержны, сильны, понятливы и трудолюбивы.“

Въ теченіи исторіи выработалось многое, поддерживающее этотъ духъ торговли. Игра дѣтей начинается съ монетъ, чиселъ, цифръ, и они поразительно рано выказываютъ знакомство съ предметами мелочной торговли. Грандіозныя и тонкія мошенничества китайскихъ торговцевъ составляютъ предметъ обыденныхъ разговоровъ на улицахъ. Плотность населенія способствуетъ взаимному соприкосновенію отдѣльныхъ лицъ и вызываетъ тысячи подсобныхъ заработковъ, которыми всего легче завладѣваетъ мелкая торговля. Кромѣ того, мелочному торгу содѣйствуетъ и крайне дробное дѣленіе монетъ и крайне высокіе проценты. „Благодаря сапекамъ, въ Китаѣ торгуютъ необычайными мелочами“. Въ Китаѣ извѣстны бумажныя деньги, но у нея нѣтъ другой монеты, кромѣ мелкой, отлитой изъ бронзы. Находящіеся въ обращеніи серебряные слитки взвѣшиваются, и на нихъ накладывается штемпель фирмы. Безчисленные банки содѣйствуютъ торговлѣ и кредиту. Изъ словъ и письменныхъ знаковъ можно заключить, что въ Китаѣ и Японіи раковины нѣкогда замѣняли деньги.

---

23. Японцы и корейцы.

„Древняя Японія нашла въ Китаѣ свой идеалъ.“
Рейнъ.

Содержаніе: Одежда и оружіе. — Дома и города. — Деревянныя постройки японцевъ. — Экономическая жизнь. — Сельское хозяйство. — Процвѣтаніе и упадокъ искусства. — Сообщеніе. — Общественная жизнь.

Одежда японцевъ у всѣхъ сословій и возрастовъ въ основныхъ чертахъ одна и та же, и въ низшихъ классахъ народа мужчины часто отличаются отъ женщинъ только прической волосъ. И провинціальныя измѣненія не болѣе тѣхъ, какія требуются климатическими различіями. Основнымъ матеріаломъ одежды служатъ шелкъ, хлопокъ и пенька, а основной формой — длинные открытые спереди кафтаны. У женщинъ они длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ, и часто даже образуютъ шлейфъ, подбитый ватой; иногда также простой поясъ мужской одежды превращается въ широкую, искусно вытканную повязку, которая на спинѣ завязывается въ видѣ крыльевъ бабочки. Вытисненные знаки слоговъ и символы отличаютъ мундиръ солдатъ и военноплѣнныхъ, а вышитый простой или двойной журавль служитъ въ Кореѣ отличіемъ высшихъ и низшихъ придворныхъ. Теплое исподнее платье на груди, вмѣсто жилета, узкій передникъ у мужчинъ, кусокъ ткани вокругъ поясницы, доходящій до колѣнъ, у женщинъ, вмѣсто юбки, наконецъ, плотно прилегающія панталоны и чулки у мужчинъ,

для защиты отъ суровой погоды или отъ насѣкомыхъ и піявокъ, дополняютъ простой костюмъ. На мужчинѣ онъ производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ на женщинѣ, такъ какъ у этой послѣдней общая одежда, кимоно, такъ плотно стягивается спереди, что допускаетъ лишь затрудненную, колеблющуюся походку. Неловкая обувь изъ высокихъ деревянныхъ сандалій ульмоваго дерева не помогаетъ дѣлу, и покрывающій всю спину, отстающій отъ нея, конецъ широкаго пояса кажется болѣе грубымъ, чѣмъ красивымъ. Вмѣсто деревянныхъ сандалій, въ которыхъ приходится ходить съ трудомъ, какъ на ходуляхъ, въ сухое время употребляются соломенныя сандаліи. Для прикрѣпленія сандалій къ ступнѣ, между большимъ и вторымъ пальцемъ, пропускается шнурокъ; вслѣдствіе того, большой палецъ отдѣленъ и на чулкахъ. Мужчины корейцы въ своихъ курткахъ, коротких панталонахъ, длинныхъ плащахъ, чулкахъ и башмакахъ, походятъ на китайцевъ; только цвѣтъ платья различенъ у нихъ, смотря по общественному положенію: простой народъ одѣвается въ бѣлыя или грязно-желтыя одежды, знатныя лица — въ фіолетовыя, а король — въ красный шелкъ. Въ Кореѣ и сѣверной Японіи употребляютъ также лыжи.

Японская дѣвушка. (По фотографіи.)

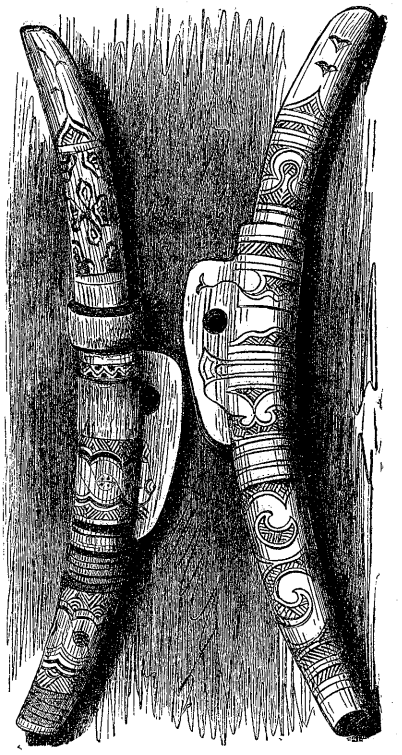
Мужчины низшихъ классовъ ходятъ съ непокрытой головой. Простой рабочій (нинсоку) обертываетъ, впрочемъ, голову нѣсколько разъ полосой голубой бумажной ткани. И корейцы носятъ головную повязку, часто цѣнной работы, вмѣсто шляпы или подъ нею, причемъ въ послѣднемъ случаѣ она прикрѣпляется къ ней кольцомъ; зимой они надѣваютъ на голову мѣховыя шапки. Широкополыя корейскія шляпы изъ чернаго, лакированнаго бамбуковаго плетенья очень красивы. Въ то же время онѣ составляютъ нѣчто своеобразное въ корейскомъ костюмѣ, слѣдующемъ во всемъ

остальномъ старинымъ китайскимъ образцамъ. Почтительное привѣтствіе у корейцевъ выражается не сниманіемъ, а сдвиганіемъ этой шляпы обѣими руками въ правую сторону. Широкія, круглыя, отгибающіяся книзу шляпы изъ ивовыхъ прутьевъ или бамбука, похожія на опрокинутыя корзины съ круглымъ дномъ, служатъ японцамъ во время путешествій защитою отъ солнца и дождя вмѣсто зонтиковъ, приготовляемыхъ изъ масляной бумаги. Дождевые плащи изъ той же бумаги составляютъ, быть можетъ, новѣйшее изобрѣтеніе, но подобные плащи изъ соломы или изъ камыша, съ длинными свѣшивающимися полосами его, давно уже находятся въ употребленіи. Японскія женщины окрашиваютъ себѣ лицо и шею пастой изъ свинцовыхъ бѣлилъ и крахмала, выбриваютъ себѣ брови и красятъ губы въ красный, а зубы въ черный цвѣтъ. Для европейца все это кажется непріятными искаженіями. „Когда эти женщины смѣялись и показывали вычерненные зубы, то я всегда со страхомъ отворачивалась. Въ числѣ дѣвушекъ попадались мнѣ очень красивыя лица; но обыкновенно носы ихъ слишкомъ малы и щеки слишкомъ одутловаты, или лицо искажено толстыми слоями пудры и окрашиваніемъ губъ въ вишневый цвѣтъ, а иногда даже позолотой ихъ.“ (Изабелла Бэрдъ.) Благородные металлы играютъ въ украшеніяхъ японокъ небольшую роль, а настоящій жемчугъ — напротивъ, очень важную. Искусно сдѣланныя прически, съ черепаховыми шпильками и гребнями и вплетенными въ волосы красными и голубыми полосками крепа, болѣе странны, чѣмъ красивы. Привѣтствіе или благодарность выражается у нихъ низкимъ наклоненіемъ всей верхней части тѣла, причемъ эффектно обозначается длинная, вытянутая, узкая фигура, представляющая идеалъ японской красоты: это напоминаетъ преувеличенно длинныя лица на японскихъ изображеніяхъ знаменитыхъ героевъ или женщинъ въ старинныхъ костюмахъ (см. рис., стр. 713). Въ этомъ заключается своеобразная грація, и еще болѣе въ сидячемъ положеніи съ подогнутыми ногами, хотя въ немъ недостаетъ спокойствія и округленности. Въ Кореѣ женщины и дѣти носятъ косу по китайской модѣ, а мужчины скручиваютъ волосы на темени и вставляютъ въ этотъ пучекъ, смотря по общественному положенію, шпильки изъ дерева, мѣди и серебра, золота или коралла; связываньe свободно растущихъ волосъ мальчика означаетъ переходъ въ возрастъ возмужалости. Вѣеръ, идея котораго возникла, вѣроятно, при видѣ летучей мыши, получилъ необычайно богатое развитіе.

Татуированный японецъ.
(По рис. въ Report on Cruise of U. S. St. Corvin.)
Ср. текстъ, стр. 731.

У жрецовъ онъ имѣетъ форму полураспустившагося цвѣтка; у чиновниковъ онъ бываетъ изъ еловаго дерева, у танцовщицъ — очень большихъ размѣровъ а у дамъ небольшой и раскрашенный. Кореецъ носитъ на поясѣ цилиндрическую коробку съ табакомъ и футляръ для зеркала, щипчиковъ и гребенки.

Татуировка, впервые введенная въ Японіи при Токугавѣ, нѣкогда была весьма распространена; теперь она обычна только для мужчинъ низшаго класса и при томъ на частяхъ тѣла, обыкновенно прикрытыхъ одеждой (см. рис. стр. 730). Въ періодѣ, предшествовавшемъ вліянію европейцевъ, она настолько выродилась, что распространеніе этого обычая, во многихъ случаяхъ принимавшаго неприличный характеръ (красивыя женскія фигуры изображались весьма охотно), было остановлено правительственными запрещеніями. И другія уродованія съ цѣлью увеличенія красоты теперь уже оставлены: только изображенія японскихъ боговъ до сихъ поръ еще имѣютъ вытянутыя въ длину уши. Японцы опрятнѣе китайцевъ и корейцевъ. Уже природа Японіи съ безчисленными теплыми источниками вездѣ доставляетъ случай для купанья, и привычка погружаться въ воду и въ здѣшнемъ прохладномъ климатѣ почти такъ же распространена, какъ у полинезійцевъ. Японцы сморкаются въ платки или бумажки, которыя носятъ въ карманахъ своихъ рукавовъ. У корейцевъ это неупотребительно.



Охотничьи ножи айносовъ. (По ф. Зибольду.) 1/3 наст. велич.

Вооруженіе японскихъ воиновъ можно видѣть на таблицѣ: „Японское и китайское оружіе“. Прежде вооруженіе состояло тамъ изъ длинныхъ луковъ, — которые, въ видѣ древностей, сохраняются въ храмахъ и нѣкогда заслужили японцамъ въ Китаѣ названіе „длиннолукихъ“, — иногда съ однимъ, а иногда съ двумя изгибами; вооруженіе дополнялось длинными пиками съ клинками различной формы, преимущественно въ видѣ трезубца, и легко сгибавшимися мечами хорошей работы, которыхъ каждый самурай носилъ по два за поясомъ. Мечъ былъ нѣкогда высшимъ достояніемъ японскаго рыцаря, никогда не покидавшимъ его; чистка мечей, которой иногда занимались сами императоры, находилась въ большомъ уваженіи. Тамъ можно найти много художественно украшенныхъ мечей различной формы. Мечъ, наряду съ зеркаломъ и драгоцѣннымъ камнемъ, считался прежде государственнымъ клейнодомъ. Въ Кореѣ до сихъ поръ еще употребляется лукъ азіатской формы, и стрѣльба изъ лука считается любимымъ физическимъ упражненіемъ. Къ полному снаряженію воина принадлежалъ желѣзный или деревянный шлемъ съ забраломъ и воткнутымъ спереди гербовымъ знакомъ. Щиты употреблялись менѣе, чѣмъ панцыри. Японскіе панцыри состоятъ въ основѣ изъ сопоставленія прямоугольныхъ, связанныхъ шелковыми шнурками, деревянныхъ, рѣже металлическихъ пластинокъ. Первоначально, повидимому, онъ былъ сплошнымъ; даже и панцыри, какіе мы видимъ теперь въ нашихъ коллекціяхъ, всѣ состоятъ изъ соединенія прямоугольныхъ крупныхъ мелкихъ пластинокъ, но эти пластинки или пришиты къ ткани, или связаны пле-

теньемъ изъ проволоки, или вообще уже не бываютъ отдѣльными, а прежнюю сплошную форму намѣчаютъ только бороздки, ребра и гвозди. Личное забрало употреблялось далеко не всегда, но къ шлему всегда придѣлывались полукруглыя лакированныя деревянныя пластинки, лежавшія другъ на другѣ въ видѣ черепицъ и служившія для прикрытія затылка; иногда они расширялись книзу на подобіе зонтика и прикрѣплялись къ шлему штифтиками и шнурками. Эти доспѣхи напоминаютъ панцырь западныхъ гиперборейцевъ (см. рис., т. I, стр. 559). Искусные оружейники Японіи, которые давно уже такъ удачно изготовляли клинки мечей, что они могли выдерживать конкурренцію съ солингенскими, быстро постигли тайны огнестрѣльнаго оружія. Ихъ фитильныя ружья, до сихъ поръ еще употребляемыя на охотѣ, — превосходной работы, и въ новѣйшее время они воспроизводили съ успѣхомъ лучшее военное оружіе Европы.

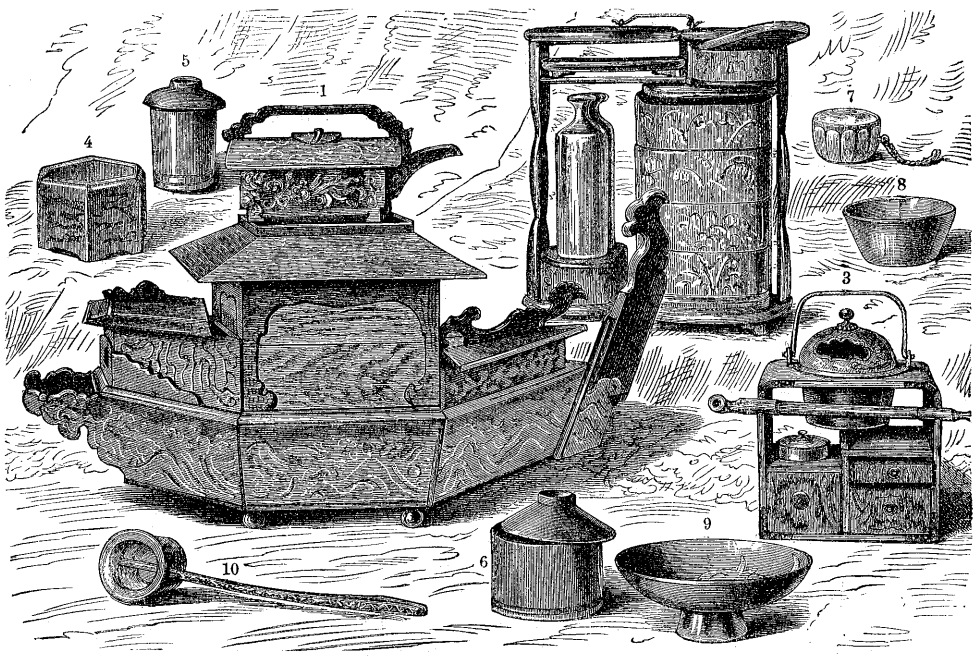
Японская утварь: 1) сосудъ для мытья рукъ, изъ лакированнаго дерева съ позолотой, 2) чайникъ для воды, изъ того же матеріала, 3) котелокъ съ посеребренной крышкой, 4) подпорка для головы женщинъ, красная, лакир. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 722, 733 и 739.

Въ богатой лѣсомъ Японіи рѣшительное преобладаніе имѣютъ деревянныя постройки, отъ чего зависитъ живописная внѣшность японскаго дома. Если не съ восторгомъ, то съ удовольствіемъ, путешественники описываютъ впечатлѣніе изящныхъ построекъ, обращенныхъ къ улицѣ острыми сторонами гребня крыши, или большихъ деревень, сѣрые отъ времени дома которыхъ съ высокими крышами живописно выглядываютъ изъ зелени садовъ. Крыши изъ драни, съ наложенными на нихъ камнями, горныхъ домовъ тѣсной постройки напоминаютъ альпійскія деревни. Впрочемъ, сторона японскаго дома, обращенная къ улицѣ, не отличается отъ цвѣта дерева или аспиднаго камня. Болѣе пестрая или раскрашенная сторона обращена въ садъ или во дворъ. Японецъ желаетъ пользоваться одинъ своимъ домомъ или своей хижиной. Возможно, что въ этой странѣ опасность частыхъ землетрясеній привела къ такимъ легкимъ и низкимъ постройкамъ, но это создало въ то же время такую опасность отъ огня, что опустошительные пожары тамъ необычайно часты. „Токіо цвѣтетъ пожарами“ говоритъ грубая игра словъ народнаго изреченія. Въ Японіи давно уже извѣстны организованная пожарная команда и пожарная стража; тамъ у каждаго дома стоятъ ведра съ водою, и купцы хранятъ цѣнности далеко отъ дома, въ особыхъ каменныхъ подвалахъ. Подпорки тяжелой

крыши, разукрашенной въ роскошныхъ постройкахъ на китайскій манеръ, опираются на неотесанные камни, которые настолько поднимаются надъ землей, что домъ имѣетъ видъ свайной постройки. Особенно много заботъ посвящается кровлѣ — все равно, покрыта-ли она соломой, какъ это и теперь еще дѣлается въ большей части страны, или тесомъ, или же черепицей. Японскій домъ есть, главнымъ образомъ, крыша, большая, низкая, тяжелая, поддерживаемая относительно тонкими столбами. Землетрясенія показываютъ, какъ легко такіе дома обрушиваются или загораются, между тѣмъ, какъ европейскія каменныя постройки лишь слегка страдаютъ отъ этихъ причинъ. Далеко выступая впередъ, крыша оставляетъ между внутренними и наружными рядами подпорокъ мѣсто въ видѣ веранды, отъ которой внутреннія комнаты отдѣлены передвигающимися деревянными перегородками. И самыя комнаты, высотой не болѣе 3 метр., отдѣлены одна отъ другой подвижными стѣнами, не доходящими до потолка и оставляющими свободное пространство для художественныхъ украшеній и т. под. Переносныя стѣны часто оклеиваются пестрой или золоченой бумагой; въ богатыхъ домахъ онѣ замѣняются ширмами, а полы покрываются циновками. Въ задней сторонѣ дома находятся лучшія комнаты, открывающіяся въ садъ, который всегда бываетъ при домѣ. Въ домѣ вообще много воздуху, и его можно скорѣе назвать дачей. Точно также и японское устройство дома, одежда и отопленіе угольными жаровнями, вызывающее головную боль, не приспособлены къ суровой зимѣ сѣверной Японіи; они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто мѣстомъ ихъ происхожденія былъ югъ. Постель, состоящая изъ головной скамейки или подставки для затылка (см. рис., стр. 732, фиг. 4), какой пользуются и корейцы, матраса и стеганаго шерстяного одѣяла, хранится днемъ въ шкапахъ и приготовляется только вечеромъ. Для согрѣванія, въ прежнее время больше, чѣмъ въ настоящее, когда широко распространились мѣдныя угольныя жаровни, дѣлалось четыреугольное отверстіе въ полу, выложенное огнеупорной глиной, и около него, какъ домашняго очага, устраивались постели. Весьма своеобразны корейскіе способы отопленія, нагрѣвающіе снизу полъ, заключающій въ себѣ пустоту. Нѣкоторыя украшенія, каковы вазы, подставки для оружія и т. п., часто ставятся на этажеркѣ, прикрѣпленной прочно къ стѣнѣ. Къ убранству дома давно уже принадлежатъ чашка съ табакомъ, вмѣстѣ съ маленькой жаровней для закуриванія, пяльцы незамужнихъ дочерей и плевальница. Вечеромъ комната освѣщается лампой или свѣчами изъ растительнаго сала, но недостаточно. Съ воспоминаніемъ объ японскомъ жилищѣ соединяется представленіе о тускло горящихъ зеленоватымъ пламенемъ, вспыхивающихъ отъ времени до времени свѣчахъ съ бумажной свѣтильней, объ угольномъ чадѣ и о запахѣ табаку, смоченнаго настоемъ опіума. Древняя Японія представляла лишь небольшія различія въ способѣ построекъ: матеріалъ, планъ и архитектурный стиль, съ незначительными исключеніями, были одни и тѣ же во всѣхъ мѣстностяхъ, въ городахъ и деревняхъ, у богатыхъ и бѣдныхъ. Рѣдко, когда бѣдность или небрежность создаютъ такія зрѣлища, какія описываются намъ въ сѣверномъ Ниппонѣ, въ окрестностяхъ Аомори, гдѣ придорожныя деревни состоятъ изъ мазанокъ самаго жалкаго вида и низкихъ домовъ, грубо сложенныхъ изъ брусьевъ, древесной коры и пучковъ соломы, разрушенныя крыши которыхъ сострадательно прикрываетъ густая зелень пышно разростающихся арбузовъ. На островахъ Ліукіу господствуетъ японскій стиль съ китайскими заимствованіями.

Высокіе и опрятные каменные дома, поднимающіеся на одинаковомъ уровнѣ надъ землею, въ большомъ числѣ, въ особенности въ Токіо, показываютъ, что японцамъ въ подражаніи чуждымъ образцамъ измѣняетъ тонкое чувство и правильное пониманіе, какое въ ихъ родномъ искусствѣ даетъ имъ возможность всегда достигать правильности и цѣлесообразности. Въ

этомъ случаѣ въ особенности американцы не оказались для нихъ лучшими учителями. Деревянная постройка преобладаетъ и въ церквахъ, стѣны которыхъ украшены снаружи большими лакированными или рѣзными и позолоченными досками, а внутри — красивыми деревянными мозаиками, или также рѣзными и позолоченными деревянными издѣліями. Постройка храмовъ сообразуется съ природой, ища для себя мѣста въ ущельяхъ и въ тѣни деревьевъ или на возвышенностяхъ. Еще больше, чѣмъ самые храмы, производятъ впечатлѣніе находящіеся при нихъ сады. Въ храмахъ вѣроисповѣданія шинто своеобразное впечатлѣніе производятъ красныя ворота, съ многочисленными буддійскими каменными

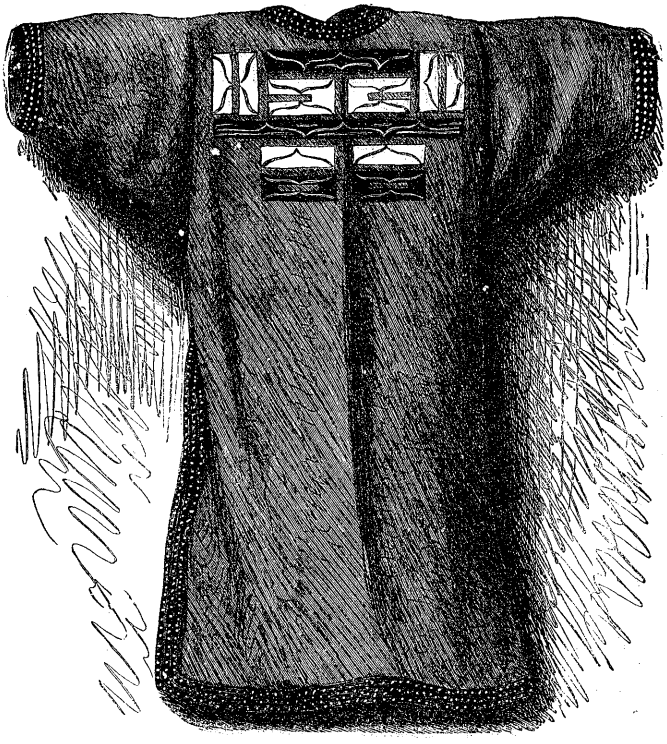


Японская столовая посуда: 1) кораблевидный погребецъ для саке, разбирающійся на нѣсколько частей, изъ позолоченнаго лакированнаго дерева; 2) переносный дорожный поставецъ для кушаньевъ и напитковъ, изъ желтаго лакированнаго дерева; 3) приборъ для куренья, изъ бураго дерева и бѣлаго металла; 4) ящичекъ для бисквитовъ, изъ краснаго лакированнаго дерева; 5) суповая чашка, изъ краснаго лакированнаго дерева; 6) чашка для риса, изъ такого же дерева, красновато-бураго цвѣта; 7) чашка изъ красно-бураго, желто-бураго и позолоченнаго лакированнаго дерева; 8, 9) чаши для саке, изъ такого же дерева краснаго цвѣта съ золотыми орнаментами; 10) черпакъ изъ чернаго лакированнаго дерева, съ золотыми орнаментами. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 739.

фонарями (см. табл. „Японскій храмъ“). Но въ нихъ никогда нѣтъ недостатка въ величественныхъ лѣстницахъ, охранительныхъ стѣнахъ и укрѣпленіяхъ, выказывающихъ большую способность къ обработкѣ и примѣненію камня, даже гранита. Постройки Кореи стоятъ далеко позади Китая и Японіи. Въ нихъ преобладаютъ глиняныя стѣны и соломенныя кровли. Во внутреннемъ устройствѣ многое, какъ, напримѣръ, деревянныя ставни и передвижныя стѣны напоминаютъ Японію. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стеклянныя окна были совершенно неизвѣстны. Въ новѣйшихъ храмахъ и дворцахъ замѣчается рабское подражаніе китайскимъ образцамъ.

Японскія деревни обыкновенно рѣзко выдѣляются на окружающихъ ихъ рисовыхъ поляхъ; при въѣздѣ въ нихъ еще часто можно найти слѣды валовъ или воротъ. Японскіе города по расположенію сходны съ китайскими; первые, правда, не всегда окружены стѣнами, но зато мѣстами надъ ними возвышаются крѣпкіе замки. Раздѣленіе городовъ, составляющихъ центры управленія, по степенямъ заимствовано изъ Китая. Тамъ, гдѣ большіе

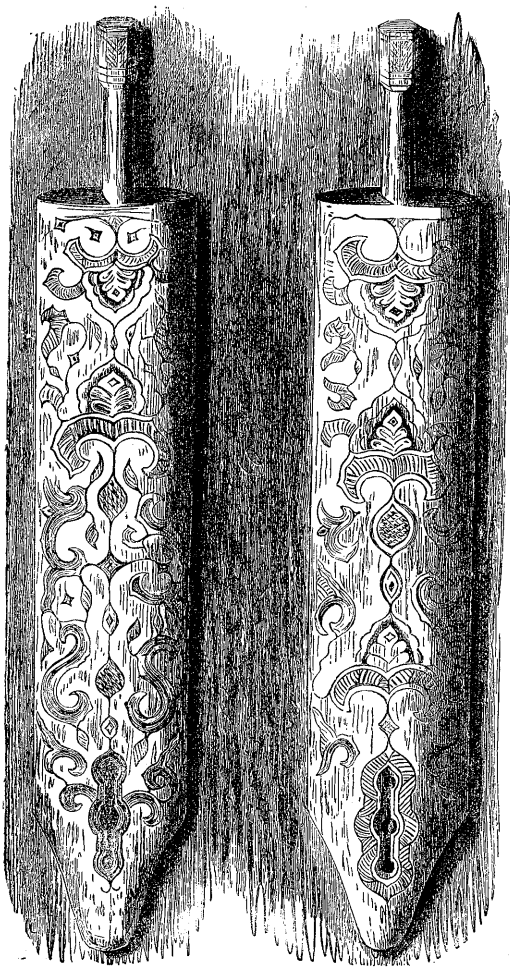
города строились по плану, улицы ихъ прямыя, проведены по главнымъ линіямъ розы вѣтровъ и обозначены цифрами, а узкія поперечныя улицы — особыми именами. Въ старомъ Кіото нѣкоторыя изъ главныхъ улицъ имѣютъ отъ 3 до 8 км. длины, при ширинѣ лишь въ 4—6 метр. Тамъ, гдѣ города медленно разростались изъ мелкихъ составныхъ частей (о Токіо говорятъ, что онъ включилъ въ себя 125 деревень), отдѣльныя части отдѣляются другъ отъ друга обширными садами, парками, кладбищами и рощами при храмахъ, даже полями. Въ старинныхъ японскихъ городахъ преобладающее впечатлѣніе опредѣляется низкими, сѣрыми домами, которые въ большихъ промежуткахъ, наполненныхъ дворами и садами, повидимому, разбросаны безъ всякаго порядка. Тамъ можно видѣть цѣлые городскіе кварталы, которые содержатъ только лавки, и обнесенные стѣнами, безопасные отъ огня магазины сверху крыша выступаетъ на улицу; внизу низкая галлерея служитъ складомъ, поддерживая такую же низкую, темную домовую крышу. Такой городской кварталъ кажется громадной черной глыбой, прорѣзанной сѣтью улицъ; въ немъ преобладаютъ черный и сѣрый цвѣта. Дѣловыя улицы Токіо напоминаютъ самыя оживленныя части большихъ европейскихъ городовъ; имъ недостаетъ только грохота экипажей и „ночной жизни“. Такъ же, какъ и въ нашихъ большихъ гаваняхъ, въ приморскихъ мѣстахъ Японіи правильныя улицы прорѣзаны широкими каналами, на которыхъ господствуетъ оживленное движеніе лодокъ и сампановъ. Въ Осакѣ 260 мостовъ проходятъ надъ рукавами устья Іодогавы.



Верхнее платье айносовъ изъ луба. (По ф. Зибольду.)
Ср. текстъ, стр. 738.

Скопленіе населенія въ самыхъ плодородныхъ частяхъ Японіи не меньше, чѣмъ въ наиболѣе населенныхъ провинціяхъ Китая. Между Фуйими и Кіото по обѣимъ сторонамъ часто извивающейся дороги, полной жизни и движенія, слѣдуютъ безъ перерыва одинъ домъ за другимъ. „Оставивъ Фуйими, незамѣтно пріѣзжаемъ въ Кіото.“ Гораздо бѣднѣе сообщенія въ Кореѣ, состоящія изъ одной проѣзжей дороги и не имѣющія ни одного значительнаго пункта, кромѣ восьми главныхъ городовъ провинціи. Въ изображеніяхъ корейскихъ городовъ поражаетъ скудное количество храмовъ; это объясняютъ борьбой между послѣдователями Конфуція и Будды, которая повела къ изгнанію этихъ послѣднихъ и къ разрушенію ихъ храмовъ въ городахъ. И Корея, по отношенію къ своей поверхности, населена не слишкомъ рѣдко, быть можетъ, не менѣе рѣдко, чѣмъ Данія или Португалія, но жители ея распредѣлены въ многочисленныхъ деревняхъ по всей странѣ.

Въ питаніи японцевъ рисъ играетъ такую выдающуюся роль, что три главныя трапезы называются утреннимъ, полуденнымъ и вечернимъ рисомъ. Бѣдные обитатели горъ, которые должны кормиться гречихой, ячменемъ и пшеницей, употребляютъ рисъ, по крайней мѣрѣ, въ видѣ ѣды для дѣтей, стариковъ и больныхъ. Въ Кореѣ болѣе нуждающіеся потребляютъ много гречихи, различные бобы и горохъ, корнеплоды (между прочимъ, тарò, Colocasia esculenta, полинезійцевъ, называемое здѣсь имо), также ямъ и, со времени сношеній съ европейцами, картофель. Но многіе японцы считаютъ рисъ лучшимъ питательнымъ средствомъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣлую рѣдьку или плоды яичнаго дерева, какъ приправу къ каждому обѣду. Изъ мѣстныхъ овощей можно назвать каки (Dyospyros kaki) и биву (Eryobotrya japonica) и затѣмъ большинство европейскихъ овощей. Животную пищу доставляетъ море, въ видѣ разнообразныхъ рыбъ, раковъ и мягкотѣлыхъ. Столъ зажиточнаго человѣка никогда не обходится безъ яицъ. Японское кулинарное искусство стоитъ на высокой ступени; его рыбныя блюда цѣнятся гастрономами выше европейскихъ. Чай, рисовая водка (саке), часто въ излишкѣ, и табакъ охотно потребляются въ Японіи. Чай заключаетъ каждый обѣдъ и предлагается при каждомъ посѣщеніи; его предлагаютъ даже въ первомъ классѣ желѣзныхъ дорогъ. Безчисленныя предписанія, гораздо болѣе утонченныя и разумныя, чѣмъ правила при нашихъ угощеніяхъ напитками, направляютъ тамъ общественное потребленіе чаю (см. выше, стр. 709). Саке пьется и передъ обѣдомъ. Вмѣсто того, чтобы давать на водку, какъ у насъ, тамъ даютъ на чай. Напитками корейцевъ, вмѣсто чая, служатъ отвары жинзенга и имбиря, а также цвѣточный чай, затѣмъ вино изъ риса и маиса, а также и водка. Японская табачная трубка состоитъ изъ металлической головки съ маленькимъ углубленіемъ, куда можно вложить только небольшой шарикъ сладкой травы. Трубки и кисеты составляютъ почти необходимую принадлежность костюма. Эта форма трубокъ и способъ куренья распространились изъ Китая и Японіи по всей средней Азіи. Въ Кореѣ воздѣлываніе табаку давно уже извѣстно. Почти каждый кореецъ носитъ при себѣ трубку, длиною въ 65 см. (см. рис., стр. 719), въ панталонахъ около колѣнъ, а позади знатныхъ лицъ носятъ длинныя нарядныя трубки, длиною въ полтора метра.



Вальки для бѣлья (гера) айносовъ.
(По ф. Зибольду.)

Несмотря на попытки ввести европейскіе пріемы хозяйства, въ особенности, дать большее распространеніе скотоводству, характеръ японскаго

сельскаго хозяйства остается въ сущности огороднымъ. Въ Іессо, гдѣ обширныя пространства еще ожидаютъ обработки, культура луговъ, скотоводство и воздѣлываніе европейскихъ хлѣбовъ и корнеплодовъ были бы возможны; но на другихъ островахъ распространеніе естественныхъ луговъ слишкомъ мало, и естественный ростъ травы на нихъ недостаточенъ. Такъ-же, какъ въ Китаѣ, разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній очень велико, что̀ уже видно въ общемъ характерѣ обычнаго ландшафта. Тамъ можно найти поля, гдѣ растутъ другъ около друга пшеница, ячмень, просо, рисъ, конопля, бобы, горохъ, арбузы, огурцы, сладкій картофель, яичныя деревья, пестрыя лиліи, видъ Coleus, листья котораго ѣдятъ, какъ у насъ шпинатъ, латукъ, небольшая желтая хризантема, тычинки которой составляютъ любимое лакомство, китайскій жинзенгъ (Panax repens, нинджинъ японцевъ) и, наконецъ, индиго. Но „годоку“, т. е. пять плодовъ злаковыхъ и стручковыхъ растеній, основа питанія народа, заключаетъ рисъ, пшеницу, ячмень, просо и бобы. Тамъ, гдѣ рисъ растетъ роскошно, народъ счастливъ: сѣверная Японія считается бѣдной, потому что она должна покупать рисъ. Чай, который въ Японіи прежде меньше фальсифицировался, чѣмъ въ Китаѣ, воздѣлывается по преимуществу въ южной и средней части ея. На берегахъ Тсугавы можно видѣть разбросанные виноградники съ горизонтальными шпалерами. Богатство овощами равнины Іонецавы, отличающейся также богатымъ шелководствомъ, вошло въ поговорку. Давно уже въ Японіи находятся въ употребленіи шпалеры для овощей изъ расколотаго бамбука. Корея приближается къ Китаю распространеніемъ воздѣлыванья различныхъ бобовъ, которые, вмѣстѣ съ кожами, составляютъ продуктъ сельскаго хозяйства, вывозимый въ количествѣ, достойномъ упоминанія. Земледѣліе ведется небрежнѣе и съ недостаточнымъ удобреніемъ, тогда какъ скотоводство распространено болѣе, чѣмъ въ Японіи, гораздо менѣе употребляющей мяса, благодаря буддійскому вліянію. Въ Кореѣ сѣютъ съ помощью тыквы съ деревянной трубкой, похожей на воронку.

Старинныя японскія бронзовыя вазы.
(Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) 1/4 наст. велич. Ср. текстъ, стр. 739.

Нѣкоторыя растенія, доставляющія сырой матеріалъ для японской промышленности, воздѣлываются въ значительныхъ размѣрахъ. Въ обширной плодородной равнинѣ Вакаматсу многочисленные деревни и города зани-

маются по преимуществу производствомъ бумаги и лакированныхъ издѣлій. Тамъ воздѣлываютъ въ большихъ количествахъ Broosonetia papyrifera (бумажная шелковица), Rhus vernicifera (лаковое дерево), а также Rhus succedanea, доставляющая растительный воскъ. Хорошее состояніе полей, содержимыхъ опрятно и въ большомъ порядкѣ, производятъ хорошее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что они не раздѣляются никакими стѣнами, изгородями или рвами.

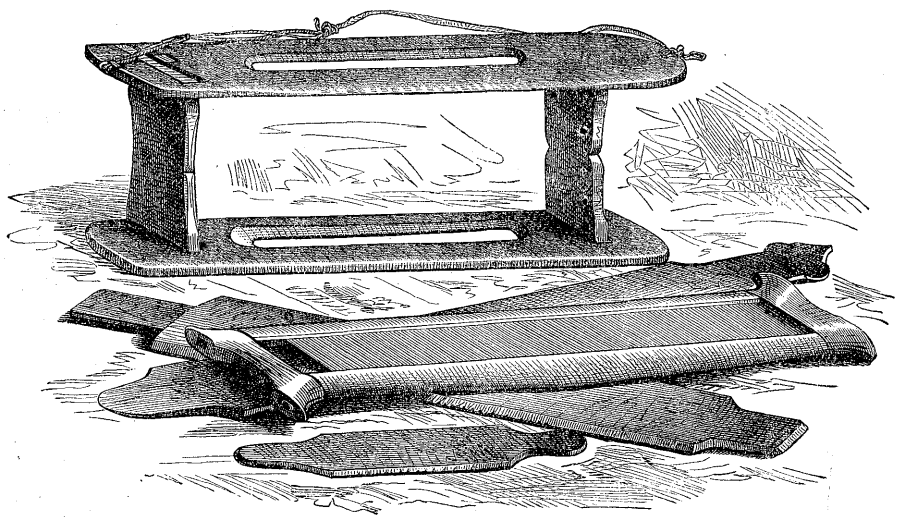
Въ прежнее время здѣшніе обитатели носили, повидимому, платья изъ луба и древесной коры, какія теперь можно найти у айносовъ (см. рис., стр. 735). Выдающимся предметомъ торговли Японіи давно уже сдѣлался шелкъ. Шелководство введено было въ Японіи, вѣроятно, въ концѣ III-го вѣка, по мнѣнію однихъ, корейскими, а другихъ — китайскими переселенцами. Въ настоящее время въ Японіи оно ограничивается главнымъ островомъ, гдѣ является самой распространенной сельскохозяйственной и домашней промышленностью. Доказательство того, что оно существенно содѣйствовало поднятію народнаго благосостоянія, мы видимъ прежде всего во внѣшнемъ видѣ странъ, по преимуществу занимающихся шелководствомъ. Ему удалось даже измѣнить казавшійся незыблемымъ стиль одноэтажныхъ японскихъ крестьянскихъ домовъ: исключительно для цѣлей шелководства, на нихъ ставится теперь второй этажъ меньшихъ размѣровъ. Къ разнообразнымъ примѣненіямъ шелка въ самой странѣ со времени открытія Японіи для европейской и американской торговли присоединился громадный вывозъ шелку, который въ послѣдніе благопріятные годы приносилъ странѣ, въ среднемъ, 35 милл. рублей. При этомъ пятая часть означенной суммы приходится на шелковичную грену, такъ какъ со времени опустошительнаго распространенія пеприны изъ Франціи въ Китай — Японія была единственной страной, которая могла доставлять здоровыя яйца для замѣщенія опустѣлыхъ мѣстъ вслѣдствіе болѣзни шелковичныхъ червей въ Европѣ. Многочисленные шелковичные черви разводятся въ Японіи помимо червей, кормящихся листьями тутоваго дерева, въ особенности живущіе на вѣчно зеленыхъ дубахъ Antherea Yama-Maï. Европейская шелковая промышленность не достигла еще до японской въ отношеніи дешевизны и тонкости продукта. Японія ввозитъ также особые сорта шелка изъ Китая.

Скотоводство въ Японіи незначительно, благодаря небольшому распространенію луговъ и мелкому земледѣлію, похожему на огородничество. Породы скота сходны съ китайскими; относительно свиньи можно сказать съ увѣренностью, что ее ввезли въ эту страну китайцы; она разводится, по большей части, вблизи болѣе крупныхъ городовъ. Лошадь мелкой породы, встрѣчающаяся также и въ Кореѣ, примѣняется преимущественно какъ вьючное животное, рѣдко какъ верховое и почти никогда какъ возовое. И рогатый скотъ употреблялся, главнымъ образомъ, какъ вьючное, и рѣже какъ возовое животное; для молока и мяса имъ совершенно не пользовались. Корейцы подковываютъ его. Козы и овцы, повидимому, мало соотвѣтствуютъ климату и растительности. Къ домашнимъ животнымъ слѣдуетъ причислить еще собаку, кошку, курицу и утку; гусь не былъ извѣстенъ. Растительное сало дѣлаетъ пчелиный воскъ. Для забавы разводятъ кроликовъ, бѣлыхъ крысъ и бѣлыхъ мышей. Существенное значеніе имѣла нѣкогда охота, захватывавшая обезьянъ и вороновъ, и еще болѣе рыбная ловля; обѣ вмѣстѣ онѣ доставляли мясную приправу для преобладающей растительной пищи. Обыкновеннаго японца ни буддизмъ, ни почитаніе священныхъ лошадей въ храмахъ Шинто не сдѣлали сострадательнѣе къ возовымъ и вьючнымъ животнымъ.

Японская промышленность основывалась въ доевропейское время почти исключительно на ручной работѣ, какъ въ Китаѣ: машины и крупное производство были неизвѣстны. Дѣло заключалось въ прирож-

денномъ талантѣ, который выказывается даже у бѣдно живущихъ айносовъ, въ терпѣніи и опытности отдѣльныхъ рабочихъ, не только проводившихъ дѣленіе труда на западный образецъ въ мертвыхъ частяхъ, но въ безконечномъ повтореніи возсоздававшихъ и цѣлое. Дѣленіе труда въ этомъ отношеніи особенно далеко заходитъ въ крупныхъ отрасляхъ промышленности — фарфоровой и лакированной. Художественный духъ проникаетъ вслѣдствіе того всю японскую промышленность; вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно китайской, она производитъ мелкія изящныя вещи, соперничающія съ послѣдней въ примѣненіи своихъ продуктовъ. Японскія игрушки, напримѣръ, необычайно разнообразны и богаты воображеніемъ и пріобрѣли обширный рынокъ въ Сѣв. Америкѣ и Европѣ. Наконецъ, произведенія ихъ (см. рис., стр. 732, 734 и 737) нѣкогда отличались удобствомъ, прочностью и дешевизной. Японская промышленность, такъ же, какъ и искусство, пошла назадъ вслѣдствіе ослабленія стараго общественнаго порядка, главнымъ образомъ, вслѣдствіе обѣднѣнія аристократіи, осыпавшей лучшихъ мастеровъ заказами. Но рѣшительное пристрастіе японца ко всему старинному поддержало многія вѣтви старой промышленности въ цвѣтущемъ состояніи. Самыя старинныя, вѣроятно, корейскія, глиняныя чашки употреблялись при торжественномъ угощеніи чаемъ. Повидимому, въ подражаніе имъ дѣлаются неглазированные, слегка обожженные глиняные сосуды, изъ которыхъ въ Новый годъ пьютъ приправленный пряностями саке (пуншъ). Въ подобныхъ чашахъ приносятся жертвы умершимъ. Въ японскихъ орудіяхъ замѣчается много своеобразнаго, чего нельзя сказать о корейскихъ, выказывающихъ бо́льшую зависимость отъ китайскихъ. Топоръ съ изогнутой рукояткой напоминаетъ полинезійскіе каменные топоры. Наибольшую оригинальность японцы выказываютъ въ деревянныхъ работахъ. Даже ихъ товарные ящики, скрѣпленные мелкими деревянными гвоздями, отличаются замѣчательной чистотой отдѣлки. Необычайно крѣпкая и въ то же время мягкая японская бумага имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ европейская; изъ нея дѣлаются платье, зонты, палатки и въ особенности шнурки. Согласно японской исторіи, горшечныя издѣлія появились изъ Кореи вмѣстѣ съ мастерами около 200 г. по Р. Х.; однако, доисторическія глиняныя издѣлія Японіи не стоятъ ниже древнихъ корейскихъ, отличающихся отъ нихъ только глазурью. Живописцы, вышивальщицы и проч., также переселились въ Японію изъ Кореи и научили своему искусству японцевъ. Среди произведеній корейскихъ художниковъ можно найти превосходную живопись въ старинномъ китайскомъ стилѣ. Японцы, впрочемъ, рано пріобрѣли самостоятельность и развили искусство, отличающееся свободнымъ духомъ и талантливостью. Лакированныя вещи, которыя изготовляются съ помощью сгущеннаго сока Rhus vernicifera, давно уже пользуются извѣстностью. Уже въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія мы слышимъ о лакированныхъ издѣліяхъ съ перламутровыми инкрустаціями, и въ Нарѣ хранятся лакированные ящички, относящіеся, какъ говорятъ, къ III столѣтію. Китайскій фарфоръ долгое время стоялъ выше японскаго, пока въ 1211 г. одинъ японскій фабрикантъ, въ сопровожденіи бонзы, не изучилъ въ Китаѣ тайнъ этого искусства, которое тамъ было извѣстно уже за 1400 лѣтъ передъ тѣмъ. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые сорта японскаго фарфора даже превосходили китайскіе. Въ новѣйшее время японскіе ремесленники съ большимъ усердіемъ отдались воспроизведенію западныхъ фабричныхъ издѣлій. Вмѣсто покупки пароходовъ, японцы ввозятъ металлъ и строятъ ихъ на родинѣ. Ввозъ обуви они замѣняютъ ввозомъ кожи. Ввозъ платья, шляпъ, ковровъ, пива, спичекъ, керосина, мыла, дождевыхъ зонтиковъ, рафинада, стекла, оружія, сундуковъ, кожаныхъ издѣлій и мебели вынужденъ бороться съ мѣстной промышленностью. Уже въ 1881 г., когда Японія устраивала вторую національную выставку въ Токіо, европейцы удивлялись аккуратности ея открытія, удовлетворительности

и отчасти изящному выполненію ея построекъ, величественности общаго вида и быстротѣ, съ какой явился каталогъ, занимавшій 400 страницъ. На ряду съ продолжающими еще дѣйствовать во многихъ отрасляхъ промышленности хорошими традиціями, вызывала удивленіе и ловкость въ усвоеніи новыхъ техническихъ пріемовъ. Корейская промышленность, бывшая нѣкогда наставницей японской, опустилась гораздо ниже ея уровня. По словамъ Готше, во всей этой странѣ „въ настоящее время не обжигается ни одного куска фарфора, дѣйствительно, заслуживающаго этого имени. Живопись и скульптура совершенно угасли“. Японская промышленность, одинаково съ китайской, пользуется самымъ разнообразнымъ сырымъ матеріаломъ. Изъ мѣстныхъ металловъ она по преимуществу мѣдь, вывозимую также въ большомъ количествѣ, перерабатываетъ въ бронзу, и затѣмъ перерабатываетъ желѣзо, серебро и золото. Изъ цѣнныхъ мине-



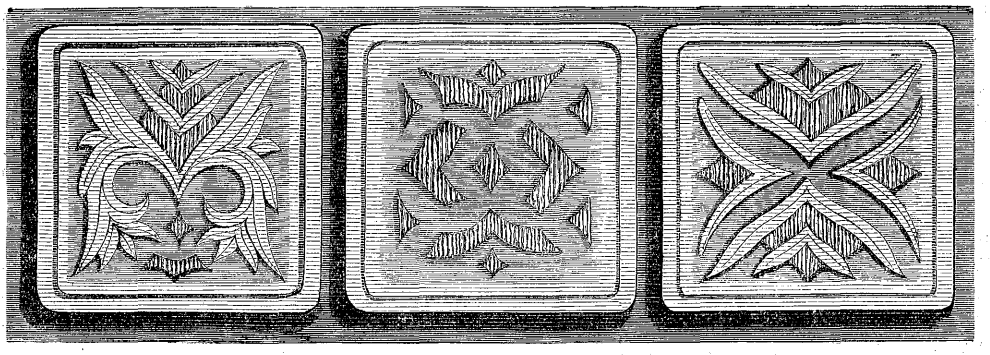
Ткацкій станокъ айносовъ съ орудіями для тканья. (Городской музей во Франкфуртѣ на Майнѣ.) Около $^1/_6$ наст. велич.

раловъ можно назвать еще каменный уголь, фарфоровую глину, нефть и сѣру. Въ сѣверномъ Ниппонѣ и Іессо находятъ особый видъ янтаря (ретинитъ), изъ котораго вырѣзываютъ фигурки, продающіяся по довольно высокой цѣнѣ.

Въ Японіи пути сообщенія были организованы такъ же, какъ и въ Китаѣ, но среди глубокаго мира, которымъ пользовалось островное государство, они сохранились въ лучшемъ состояніи. Дороги, которыя на небольшихъ разстояніяхъ скрѣплялись поперечными камнями, а часто на протяженіи нѣсколькихъ часовъ пути были вымощены (такія дороги еще и теперь существуютъ на Ліукіу), шли отъ Кіото по прямымъ линіямъ во всѣ части государства, и европейцы бывали весьма удивлены, когда въ телѣжкахъ, которыя везъ человѣкъ, они легко дѣлали въ день по 50 клм. и больше, и когда императорскіе гонцы проѣзжали такія разстоянія въ половину времени. Въ Японіи въ 1893 г. было уже около 3000 клм. желѣзныхъ дорогъ. Каналъ изъ Кіото въ самое большое изъ озеръ страны, длиной въ 11 клм. при подъемѣ въ 43 м., описывался, какъ выдающееся произведеніе инженернаго искусства. Иныя средства сообщенія, большее количество пѣшеходовъ и вьючныхъ лошадей и меньшее количество всадниковъ, наконецъ, болѣе пестрые костюмы придаютъ дорогамъ Японіи иной видъ, чѣмъ въ Китаѣ; но въ Японіи такъ же переносятъ довольно зна-

чительныя тяжести на бамбуковыхъ жердяхъ, положенныхъ на плечи двухъ, идущихъ одинъ передъ другимъ носильщиковъ. Европейцы удивлялись каждый разъ при видѣ страннаго, непрактичнаго японскаго обычая надѣвать лошадямъ на ноги легко разрывающіяся, изнѣживающія копыта соломенныя сандаліи. Японцы любятъ изображать своихъ героевъ верхомъ на лошадяхъ, но сами они хорошими наѣздниками никогда не бывали.

Курума, или, какъ китайцы называютъ ее, джинрикиша — небольшая высокая, двухколесная телѣжка, которую везетъ человѣкъ. Придуманные нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, эти характерные экипажи быстро вошли въ общее употребленіе. Въ одномъ Токіо теперь ихъ уже болѣе 20 тыс., и промыселъ такой перевозки столь выгоденъ, что ежегодно тысячи молодыхъ людей приходятъ изнутри страны въ большіе города, чтобы наняться замѣстителями возовыхъ животныхъ, хотя даже самые сильные не могутъ выдержать этой работы болѣе пяти лѣтъ. Незначительная цѣна, какая придается тамъ рабочей силѣ человѣка, выражается пере-



Рѣзныя деревянныя пластинки айносовъ. (По ф. Зибольду.)

движеніемъ всевозможныхъ тяжестей на небольшихъ, тяжелыхъ двухколесныхъ повозкахъ, которыя также возятъ на себѣ люди. Строительные матеріалы перевозятся такимъ способомъ на цѣлыя мили; два человѣка тянутъ тяжело нагруженную повозку, двое другихъ толкаютъ ее сзади, нажимая плечами, а когда она идетъ въ гору, и гладко выбритыми головами, на двѣ выступающія жерди. Эта работа сопровождается жалобнымъ однообразнымъ пѣніемъ.

Денежная система Японіи до перехода къ доллару и центу (іену и сену) была сходна съ китайской; старинныя мѣдныя и бронзовыя монеты безъ надписей восходятъ къ VIII в. нашего лѣтосчисленія; тонкіе кусочки листового серебра, болѣе похожіе на блестки, нанизанные на нитки, еще въ новѣйшее время замѣняли деньги на Ліукіу. Нѣкогда находились въ обращеніи и золотой песокъ въ бамбуковыхъ трубочкахъ и непросверленныя золотыя монеты, а также и прямоугольныя монеты, которыя чеканили нѣкоторые дайміосы. И здѣсь не чувствуется недостатка въ бумажныхъ деньгахъ.

Соціальное дѣленіе въ древней Японіи имѣло гораздо болѣе аристократическій характеръ, чѣмъ въ Китаѣ. Классы, на которые по закону дѣлилось японское населеніе, первоначально были: дайміосы, наслѣдственное дворянство, духовенство, воины, высшее, низшее и среднее сословіе, мелкіе торговцы и ремесленники, крестьяне и поденщики. Четыре первыхъ класса считались опорою государства; они имѣли привилегію носить по два меча. Дайміосы часто бывали совершенно независимыми ленными властителями; во времена слабой государственной связи, они похо-

дили на самовластныхъ членовъ стариннаго германскаго государства. Изъ среды наслѣдственнаго дворянства назначались важные правительственные и придворные чиновники. Придворное дворянство носило названіе „куге“, а меченосное — „буке“. Верхній средній классъ включалъ врачей и чиновниковъ, а нижній — крупныхъ торговцевъ. Къ мелкимъ людямъ принадлежали художники, мелкіе торговцы и ремесленники. Послѣдній классъ, который былъ приниженъ почти до степени крѣпостничества, состоялъ изъ крестьянъ, поденщиковъ, рыбаковъ и судовщиковъ. Въ настоящее время на практикѣ признаются только три сословія: капоку (благородные), сицоку (воины, самураи) и геймины (весь остальной народъ). Японія до сихъ поръ еще не совсѣмъ вышла изъ своихъ древнихъ соціальныхъ учрежденій. Несмотря на паденіе шогуна, котораго можно было назвать могущественнымъ главою военной касты скорѣе, чѣмъ свѣтскимъ властителемъ, наряду съ духовнымъ властителемъ, микадо. Дайміосы удержали или получили вліятельныя мѣста, и служившіе имъ самураи заняли мѣста чиновниковъ. Однимъ словомъ, пала лишь глава іерархіи, а сама она уцѣлѣла. Большая часть внутреннихъ затрудненій современной Японіи, въ особенности часто безсмысленныя назначенія на мѣста, сводится къ сильной связи дайміосовъ съ ихъ самураями.

Въ государственномъ устройствѣ японцевъ и корейцевъ выступаютъ повсюду китайскіе образцы; у корейцевъ оно представляетъ настоящую рабскую копію съ послѣднихъ и превосходили свой первообразъ въ рабствѣ, уничтоженномъ лишь недавно, и превосходятъ его и теперь въ приниженномъ положеніи женщины. Въ Японіи до сближенія съ европейцами многія общественныя учрежденія носили китайскій отпечатокъ. Наиболѣе глубокое различіе заключается въ непрерывности японской династіи, которая въ глазахъ людей болѣе легковѣрныхъ восходитъ къ 667 г. до Р. Х., а людей, болѣе критически относящихся къ этому вопросу — къ 585 г. по Р. Х., и которая, противоположно ряду вторженій въ Китай, выказываетъ спокойствіе островного существованія. Здѣсь обычнымъ было сохраненіе туземнаго, а тамъ вторженіе чуждаго элемента. Но въ придворномъ храмѣ въ Кіото жизнь микадо въ послѣднее десятилѣтіе передъ началомъ европейскаго вліянія производила своей замкнутостью впечатлѣніе отчужденной отъ міра, чисто духовной власти (даже высшія лица царства видѣли на аудіенціяхъ лишь край его одежды); это впечатлѣніе еще увеличивалось тѣмъ, что въ то-же время развивалась восточная столица Токіо подъ покровительствомъ бакуфу, т. е. правительства шогуна; благопріятствуемый оживленіемъ расточительныхъ дворовъ ленныхъ властителей, Токіо превратился въ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ имперіи. Закрытіе Японіи договоромъ въ Канагавѣ въ 1854 г. было дѣломъ шогуна противно волѣ микадо.

---

24. Семья, общество и государство преимущественно у китайцевъ.

„Форма правленія Китая можетъ быть названа патріархальнымъ деспотизмомъ. Императоръ — отецъ народа, котораго даже жизнь находится въ его рукахъ. Но при этомъ всегда предполагается, что между властителемъ и народомъ существуютъ взаимныя обязательства.“ Р. К. Дугласъ.

Содержаніе: Бракъ. Положеніе женщины. — Рожденіе и воспитаніе. Тѣсная семейная жизнь. Дѣтоубійство. — Перенаселеніе. Куліи и выселеніе. — Распредѣленіе имущества. Нищіе. Рабы. Соціалистическія попытки. — Общій характеръ политическаго состоянія. Застой и регрессъ. Величина населенія и государства. Императоръ. Высшія инстанціи. Вице-короли. — Чиновничество. Испорченность. Цензоры. Китайскіе государственные люди. — Судопроизводство. — Самоуправленіе. — Племена и общества.

Восточнымъ азіатцамъ въ семьѣ кажется наиболѣе цѣннымъ гарантія связи родовъ отъ одного поколѣнія къ другому. Вслѣдствіе того, высоко цѣнится и бракъ, но, въ силу связанныхъ съ нимъ обязательствъ по

отношенію къ культу предковъ, многихъ заставляетъ бояться его. Мы не можемъ признать въ обычаѣ, заставляющемъ жениха приводить невѣсту не иначе, какъ въ сумерки, въ свой домъ, гдѣ затѣмъ происходитъ свадебное торжество, — воспоминаніе похищенія невѣстъ; но запрещеніе браковъ между однофамильцами напоминаетъ нѣкогда твердо державшуюся родовую систему. Юноши и дѣвушки обыкновенно не видятся до свадьбы, а если они, благодаря какому либо счастливому случаю, сблизятся между собой, то согласіе на бракъ можетъ быть получено только черезъ посредство свата. Если юноша присылаетъ невѣстѣ нѣсколько подарковъ, то родители ихъ сходятся вмѣстѣ и, на основаніи свидѣтельствъ о рожденіи, заказываютъ составленіе гороскоповъ сочетающейся пары, чтобы, при счастливомъ исходѣ, приступить къ соединенію ея; но и въ настоящее время какія либо зловѣщія явленія (когда, напр., разбивается фарфоровый сосудъ или теряется какая нибудь вещь) могутъ заставить отказаться отъ союза. Если же не оказывается никакого препятствія, отецъ жениха посылаетъ отцу невѣсты подарки; при этомъ гусакъ и гусыня служатъ символомъ супружеской вѣрности. Тогда обмѣниваются двумя картами, обмотанными краснымъ шелкомъ, на одной изъ которыхъ женихомъ обозначены всѣ подробности союза. Онъ посылаетъ послѣдніе подарки невѣстѣ и, при помощи астрологіи, опредѣляетъ день, когда невѣста съ музыкой приводится въ домъ будущаго мужа, надъ порогомъ котораго ее поднимаютъ надъ огнемъ. Она находитъ своего жениха внутри дома сидящимъ въ креслѣ и садится у его ногъ. Онъ поднимаетъ ее, снимаетъ съ нея покрывало, сажаетъ ее рядомъ съ собой, и затѣмъ обое приносятъ жертву передъ домашнимъ алтаремъ. За общей трапезой, при которой невѣста ни до чего не дотрогивается, происходитъ обмѣнъ восхваленій. Во многихъ мѣстностяхъ гости вечерняго пира не отпускаютъ невѣсту до тѣхъ поръ, пока она всѣмъ не разгадаетъ загадку. Или она появляется въ сѣняхъ дома въ послѣдній разъ безъ своего мужа въ знакъ того, что съ этого времени внутренніе покои дома будутъ почти исключительно ея мѣстопребываніемъ. Въ Японіи и Кореѣ, повидимому, встрѣчаются подобные же обычаи, хотя и въ болѣе простыхъ формахъ. Вся эта церемонія совершенно лишена религіознаго характера. Общеніе между полами въ Японіи гораздо непринужденнѣе, чѣмъ въ Китаѣ. При общемъ купаньѣ всѣхъ половъ и возрастовъ господствуетъ естественное приличіе. Только европейцы внесли туда нѣкоторый ложный стыдъ.

Лишь богатые и знатные позволяютъ себѣ многоженство. Въ этой странѣ и безъ того отношеніе половъ вслѣдствіе дѣтоубійства таково, что большое число мужчинъ не имѣетъ возможности вступить въ бракъ. Можно сказать, впрочемъ, что китаецъ легче переноситъ всякое неравенство, чѣмъ то, которое, лишая его утѣшенія имѣть собственную семью, наполняетъ гаремъ богатаго человѣка. Многоженство принимаетъ въ Китаѣ форму разрѣшаемаго закономъ конкубината, причемъ женщины бываютъ обыкновенно рабами и ихъ дѣти — собственностью законной жены. Въ Японіи, гдѣ вообще брачные законы соблюдаются менѣе строго и усыновленіе доходитъ до излишества, этотъ институтъ угрожалъ разрушеніемъ семьѣ. Но онъ, кромѣ того, былъ облеченъ святостью закона, который давалъ микадо право на 12, дайміосу и гатамоту на 8, самураю на 2 побочныхъ женъ. Въ виду другого закона, воспрещавшаго мужчинѣ вступать въ бракъ внѣ своего сословія, въ этомъ санкціонированіи многоженства заключалось разрушеніе крѣпкихъ преградъ между гейминами, этами и самураями; но въ мирномъ положеніи Японіи численное отношеніе половъ давно уже было столь нормально, что, тѣмъ не менѣе, характеръ отношеній между полами сводился на моногамію. Даже въ доевропейское время она соблюдалась, по крайней мѣрѣ, почти у всѣхъ самураевъ. Только родители низшаго сословія продаютъ своихъ дочерей

въ увеселительные дома; но вступленіе въ эти послѣдніе не мѣшаетъ ни въ Китаѣ, ни въ Японіи возвращенію къ болѣе строгимъ нравамъ. Въ японской поэзіи отводится высокое положеніе дѣвушкамъ, которыя продавали себя на нѣсколько лѣтъ въ подобный домъ, чтобы полученной за это суммой поддержать своихъ родителей или возлюбленнаго; онѣ выставляются только героическими жертвами.

Положеніе женщины твердо установлено преданіемъ и священными книгами. Избавившіяся отъ смерти при своемъ рожденіи дѣвушки занимаютъ наряду съ братьями лишь второстепенное положеніе. Иное положеніе дѣла въ прежнія времена доказывается существованіемъ женщинъ-правительницъ Японіи и богатой женской литературой Китая, оказавшей свое вліяніе и на Японію. Но къ ученію Конфуція сводятся три главныя обязанности — повиновеніе отцу, мужу и старшему сыну. У айносовъ женщина была свободнѣе и самостоятельнѣе и то же самое мы теперь еще находимъ въ Японіи, гдѣ, правда, женщину можно видѣть за плугомъ наряду съ мужчиной. Наслѣдство достается обыкновенно сыновьямъ въ равныхъ доляхъ. О замужествѣ дочерей должны заботиться отцы по отношенію къ которымъ онѣ часто играютъ роль неодушевленнаго предмета, не имѣющаго воли. Моралисты пытались найти оправданіе низкаго положенія женщины, о непокорности которой самъ Конфуцій высказывается съ подозрительнымъ пристрастіемъ, и совѣтовали ей слѣпо повиноваться мужу и даже въ крайнемъ случаѣ дѣлать ему только легкія замѣчанія и никогда не порицать его. Законодатели санкціонировали этотъ порядокъ, разрѣшая мужчинѣ конкубинатъ, а женщинѣ, напротивъ, угрожая разводомъ за неповиновеніе родителямъ мужа, за безплодіе, непокорность, ревность, болтливость и воровство. Добровольное слѣдованіе вдовъ за первымъ мужемъ въ могилу случалось вовсе не рѣдко; до сихъ поръ еще можно видѣть памятники, поставленные такимъ мученицамъ ихъ почитателями Еще до Конфуція въ Китаѣ пользовались высокимъ уваженіемъ вдовы, отказавшіяся отъ замужества. Не меньшее число дѣвушекъ, уклоняющихся отъ брака, поступаютъ въ женскіе монастыри буддистовъ или таоистовъ. Дьяконъ Грей разсказываетъ, что въ 1873 г. восемь молодыхъ обрученныхъ дѣвушекъ изъ Кантона, связавъ себя другъ съ другомъ, бросились въ рѣку, чтобы избѣгнуть замужества. Въ Японіи уже давно признано было высшее положеніе женщины, какое создается только христіанской культурой. Между тѣмъ, какъ прежде дайміосамъ и кугамъ позволялось вступать въ бракъ лишь съ разрѣшенія правительства, въ 1870 г. были уничтожены сословныя преграды для заключенія браковъ, женщинѣ было предоставлено право добиваться развода, и можно было видѣть, какъ женщина, по примѣру императрицы, появлялась въ обществѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Женщины всего болѣе способствовали успѣхамъ христіанства.

Рождаемость въ Китаѣ должна быть велика, если въ немъ можно отмѣтить такой значительный приростъ населенія, несмотря на смертность, дѣтоубійство и эмиграцію. Точныхъ цифръ относительно этого прироста въ Китаѣ мы не знаемъ. Въ Японіи можно, правда, слышать поговорку: „у добрыхъ людей много дѣтей“, и изгнаніе плода въ хорошихъ семьяхъ считается крайне постыднымъ, но число дѣтей не можетъ быть велико, вслѣдствіе обычая кормить дѣтей до 2-го и даже до 5-го года, и вслѣдствіе недостатка разумнаго ухода за ними. Чадолюбивый китаецъ заботится до мельчайшихъ подробностей о своемъ потомствѣ, когда онъ еще только надѣется на него или ожидаетъ его. Исходя изъ воззрѣній, что каждой женщинѣ соотвѣтствуетъ дерево или цвѣтокъ въ загробномъ мірѣ, усыновленіе, какъ прививку къ плодовому дереву, считаютъ средствомъ для усиленія плодородія. Той же цѣли служитъ освященный башмакъ изъ храма богини дѣтей. Беременныя стараются опредѣлить заранѣе полъ ребенка, присчитывая къ числу своихъ лѣтъ цифры часа, дня и мѣсяца своего рож-

денія. Такимъ образомъ, онѣ получаютъ число, которое и находятъ среди 36 помощницъ богини дѣтей съ мальчикомъ или дѣвочкой на рукахъ. Молодая женщина отправляется также въ утренніе сумерки въ платьѣ своего мужа къ колодцу и переворачиваетъ его тамъ три раза слѣва направо. Если она вернется никѣмъ не замѣченная, то у нея родится мальчикъ. Слѣдуетъ съ точностью замѣтить часъ рожденія, такъ какъ онъ имѣетъ различныя значенія отъ самыхъ счастливыхъ до самыхъ безотрадныхъ. Многія дѣтоубійства совершаются потому, что дѣти родятся въ такое время, когда имъ предстоитъ умереть на эшафотѣ, убить своихъ родителей, или совершить и испытать нѣчто столь же ужасное. Каждый крикъ, каждое движеніе новорожденнаго имѣетъ свое значеніе. Только на третій день ребенка подвергаютъ омовенію и потомъ завертываютъ въ пеленки, которыя дѣлаются изъ одежды очень старыхъ людей, чтобы обезпечить ребенку долголѣтіе. Это первое омовеніе — торжественное событіе, на которое друзья и родственники приносятъ луковицы и деньги — символъ проницательности и богатства. Особыя хижины для родильницъ, какія прежде были въ Японіи, можно и теперь еще найти на Бонинскихъ островахъ. Мальчика на первый день рожденія обкладываютъ множествомъ символовъ профессій, которымъ онъ можетъ со временемъ посвятить себя; родители бываютъ чрезвычайно довольны, когда онъ схватится за бумагу и кисть или за денежные вѣсы, что̀ предвѣщаетъ изъ него будущаго ученаго или купца. Воспитаніе дѣтей должно происходить кротко по стариннымъ предписаніямъ. Европейцы называли Японію „раемъ дѣтей“. Это выказывается той любовью, съ какою старые относятся къ молодымъ, не говоря уже объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, участіемъ въ дѣтскихъ играхъ и въ снисхожденіи ко всѣмъ рѣзкимъ выходкамъ дѣтей. Воспитаніе дѣвочекъ въ высшихъ классахъ не ограничивается обученіемъ приготовленію кушаній и женскимъ работамъ (заключающимъ не малую долю художественныхъ ремеслъ, между прочимъ, и искусство, излагаемое въ японскихъ книгахъ, располагать со вкусомъ цвѣты въ вазахъ), но ихъ учатъ также чтенію и письму и отчасти счисленію; кромѣ того, по крайней мѣрѣ, въ Японіи, ихъ обучаютъ игрѣ на самомъ простомъ музыкальномъ инструментѣ, на трехструнной гитарѣ, а во многихъ случаяхъ и на „кото“ — тринадцатиструнной цитрѣ. Въ каждой образованной семьѣ въ Японіи можно слышать пѣніе. Стремленіе подчинить все извѣстнымъ правиламъ замѣчается не только въ постройкахъ, окнахъ и одеждѣ. Въ школахъ учатъ и приличію, и приготовленію чая. Главная цѣль женскаго воспитанія заключается въ твердомъ знаніи обрядовъ, почитаніи предковъ и въ покорномъ, всегда любезномъ обращеніи, которое должно обезпечить счастье въ бракѣ — главной цѣли жизни женщинъ, — однимъ словомъ, искусствѣ жить.

На шестомъ году жизни астрологъ опредѣляетъ день, который не долженъ быть днемъ смерти Конфуція или изобрѣтателя искусства письма Тсангъ-Хіэ. Послѣ сжиганія свѣчъ и дорогой бумаги предъ алтаремъ Конфуція, ученикъ начинаетъ немедленно упражненіе въ чтеніи по элементарной книгѣ, послѣ которой должны быть изучены „Четыре Книги“ (Конфуціанскіе аналекты, Великое Ученіе, Золотая Середина и изреченія Менгтсе) и пять классиковъ (Йих-Кингъ, Шу Кингъ, Чанъ Тсинъ, Ши Кингъ и Ли Ки — книга измѣненій, книга исторіи, лѣтописи весны и осени, книга пѣсенъ и книга обычаевъ). Послѣдовательность и способъ обученія одинаковы во всемъ Китаѣ; изъ этихъ предѣловъ оно не выходитъ при всей величинѣ царства и при всемъ различіи между учениками. И эта основа классическаго образованія китайцевъ оставалась неизмѣнной въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Китайцы смотрятъ на него съ гордостью, какъ нѣмцы смотрятъ на свое гимназическое образованіе; провинція считаетъ для себя почетомъ, если въ ней присуждено болѣе ученыхъ степеней, чѣмъ въ другой. Области, не вполнѣ окитаившіяся, какъ, напр., китайскую часть Фор-

мозы, старались быстрѣе ввести въ кругъ китайскаго образованія присужденіемъ бо́льшаго числа степеней. Если ученикъ, выучивъ наизусть сколько возможно изъ содержанія этихъ сочиненій, изложивъ и воспѣвъ ихъ въ прозѣ и стихахъ, желаетъ вступить на поприще чиновничества, то онъ подвергаетъ себя первому испытанію, которое ежегодно въ опредѣленное время производится въ одномъ изъ главныхъ городовъ округа и состоитъ въ провѣркѣ литературнаго образованія кандидатовъ (числомъ до 2 тысячъ) посредствомъ статей и стихотвореній на классическія темы. Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее испытаніе, въ которомъ, кромѣ классиковъ, требуется познаніе эдиктовъ Кангхи съ комментаріями Юнгчинга. Оно доставляетъ ученое званіе, равняющееся нѣмецкому доктору философіи. На третье испытаніе, на которое являются въ главный городъ провинціи высшіе чиновники изъ Пекина, допускается 6—8 тыс. кандидатовъ, остающихся въ заключеніи съ собственной пищей, книгами и письменными матеріалами въ теченіе двухъ дней. Исполнившіе свою задачу на третій день уходятъ подъ громъ пушекъ и музыки. Это испытаніе доставляетъ титулъ кю-йинъ вмѣстѣ съ новымъ костюмомъ и парой башмаковъ. Весной слѣдующаго года собираются въ Пекинъ около 6 тыс. кю-йиновъ, изъ которыхъ посредствомъ четвертаго испытанія подъ предсѣдательствомъ министра избирается 350 тсинтсе, самымъ выдающимся изъ которыхъ достаются особые титулы и милости. Японія держалась подобной же строго національной системы воспитанія, пока не приняла новой, по западно-европейскому образцу, которая стремится дать образованіе 3 милліонамъ учащихся, начиная отъ женскихъ и мужскихъ народныхъ школъ до университета въ Токіо.

Высокое уваженіе семейной связи повело къ широкому распространенію усыновленія, въ особенности въ Японіи, гдѣ организація самураевъ дѣлала наслѣдованіе по отцу предварительнымъ условіемъ пользованія сословными правами. Сюда присоединилось широко распространенное во всей восточной Азіи почитаніе предковъ, вслѣдствіе котораго старѣющимся людямъ неимѣніе сыновей казалось несчастьемъ, такъ какъ безъ нихъ нельзя было разсчитывать на жертвы, которыми умершіе питаются въ подземномъ мірѣ. Если путемъ усыновленій можно было пріостановить вымираніе фамилій, такъ какъ именно въ Японіи старинныя семьи встрѣчаются особенно часто, то съ теченіемъ времени этотъ крайне распространенный обычай сталъ дѣйствовать разлагающимъ образомъ на семью. Семья при обычномъ усыновленіи понизилась до состоянія корпораціи и, съ принятіемъ новыхъ постороннихъ лицъ, выродилась, вслѣдствіе противузаконнаго исключенія законныхъ членовъ ея.

Ограниченіе дѣтоубійства и оставленія дѣтей безъ помощи уже въ прежнія времена составляло заботу правительства, такъ же, какъ и въ настоящее время составляетъ главную задачу христіанскихъ миссіонеровъ. Еще въ наши дни въ Фукіанѣ и Кіангси дѣтоубійство было настолько обычнымъ, что на одномъ общественномъ каналѣ, по словамъ Дугласа, можно было видѣть камень съ надписью: „Здѣсь нельзя топить дѣвочекъ“. Предписанія и угрозы, повидимому, мало приносили пользы. Дома для подкидышей въ Китаѣ, вѣроятно, существовали уже давно. Въ Кантонѣ одинъ такой домъ принимаетъ ежегодно 5 тыс. дѣтей женскаго пола; самъ онъ можетъ воспитать только тысячу, и остальныя, если ихъ не разбираютъ богатые люди, чтобы сдѣлать изъ нихъ служанокъ, отдаются для воспитанія на сторону.

Тѣсную связь китайской семьи китайскіе мудрецы прославляютъ, какъ самое цѣнное благо отдѣльныхъ лицъ и государства. Эта похвала не является однимъ пустымъ звукомъ. Основаніе семьи нигдѣ не является столь общимъ, столь понятнымъ, какъ здѣсь. Правящія лица видятъ часто въ раннемъ заключеніи браковъ средство къ быстрому увеличенію населенія и думаютъ тѣмъ уменьшить число недовольныхъ. Въ числѣ

причинъ значительнаго увеличенія численности китайцевъ знатоки этого народа указываютъ важность, какую китайцы придаютъ вступленію въ бракъ ихъ дѣтей, позоръ умереть безъ потомства, усыновленіе, невозможность неравныхъ браковъ, наконецъ, распространеніе брака до послѣдняго солдата и матроса. Какъ говорятъ, Хойейти обложилъ особой податью старыхъ дѣвъ. И въ 85 г. по Р. Х. состоялся приказъ, что каждая родильница получала три мѣшка проса, а ея мужъ — освобожденіе на одинъ годъ отъ податей. Уклоненіе отъ браковъ между однофамильцами, повидимому, примѣнялось для политической цѣли произведенія многочисленнаго и крѣпкаго потомства. Семейная связь оказываетъ могущественное вліяніе на экономическую жизнь народа. Вездѣ, гдѣ это возможно, родители и дѣти составляютъ хозяйственный организмъ съ общимъ имуществомъ (см. выше, стр. 722). Китайскую семью можно назвать домашней общиной съ неотчуждаемой земельной собственностью. Стойкость, съ какою выселившіеся сыновья поддерживаютъ своихъ близкихъ, оставшихся на родинѣ, есть черта, которая даже въ Америкѣ трогаетъ многихъ противниковъ „желтой эмиграціи“ и почти примиряетъ съ нею. Фортюнъ имѣлъ однажды разговоръ въ южномъ чайномъ округѣ съ однимъ довольнымъ жизнью старикомъ, который слѣдующимъ образомъ описалъ матеріальную основу своего существованія: „Я обладаю клочкомъ земли вродѣ огорода, который обработываетъ моя жена, два сына живутъ въ работникахъ, и я стараюсь заработать денегъ, сколько могу, исполненіемъ легкихъ порученій. Всѣ трое мы приносимъ заработокъ къ матери и вмѣстѣ живемъ на него.“

Значеніе родительской любви есть любимая тема проповѣдниковъ мудрости. Впрочемъ, благонамѣренныя предписанія относительно нравственности часто доходятъ до мелочей и пошлостей. Дѣти должны подняться съ пѣтухами, тщательно умыться и одѣться, затѣмъ войти къ родителямъ и узнать объ ихъ желаніяхъ на этотъ день. Сынъ не можетъ войти въ комнату безъ приглашенія отца, уйти безъ его разрѣшенія и что либо сказать, пока его не спросятъ. Слѣдствіемъ такихъ предписаній и правилъ, глубоко вошедшихъ въ жизнь, является безусловное повиновеніе дѣтей родителямъ. Законъ настолько стоитъ на сторонѣ отца, что двери тюрьмы даже на долгое время могутъ открываться для непокорныхъ сыновей. Тотъ же законъ, впрочемъ, отца, заколотившаго кого либо изъ дѣтей на смерть, приговариваетъ къ 100 ударамъ бамбукомъ. Отецъ — полный распорядитель имущества своего сына; этотъ послѣдній даже въ зрѣломъ возрастѣ не можетъ далеко отлучаться отъ него.

Только вступленіе на общественную службу нарушаетъ неограниченную власть отца надъ сыномъ; тогда, по китайскому воззрѣнію, императоръ заступаетъ мѣсто отца. Но каждый чиновникъ, когда кто либо изъ его родителей умретъ, долженъ на 27 мѣсяцевъ оставить свою должность. Основная идея права собственности на землю у китайцевъ и у японцевъ основана на теократическомъ характерѣ ихъ государствъ: императоръ, микадо, есть собственникъ всей страны, единственный крупный землевладѣлецъ, получившій землю отъ Неба; въ Японіи его предки считаются даже творцами ея. Поэтому всякая частная собственность есть только ссуда, и нерѣдко бывали примѣры, что императоръ отбиралъ и распредѣлялъ ее иначе, если распредѣленіе ея казалось ему неудовлетворительнымъ. Въ древнее время государство не признавало собственности на землю и ежегодно вновь распредѣляло ея участки. Каждыя девять семействъ получали участокъ съ обязательствомъ обработать девятую часть его для государства и, кромѣ того, отправлять барщинную и военную службу. Каждое вторженіе и завоеваніе въ Китаѣ должно было нарушать эту систему, такъ какъ побѣдители брали землю въ свою собственность и обитателей ея заставляли работать въ свою пользу. Но ни одинъ историкъ Китая не

сомнѣвается въ томъ, что распредѣленіе земли нѣкогда было возможно равномѣрнымъ. Политическія условія должны были оказывать большое вліяніе на распредѣленіе собственности. У мятежниковъ и преступниковъ, а въ безпокойныя времена и у подозрительныхъ лицъ, земельная собственность отбиралась навсегда и отдавалась приверженцамъ временныхъ властителей. Въ особенности въ западныхъ провинціяхъ развилось цѣлое сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ. Многіе мандарины, повидимому, вышли изъ этого класса.

Въ Японіи частная собственность развивалась болѣе мирнымъ путемъ въ виду подобныхъ же цѣлей. Феодальные владѣльцы сдѣлались независимыми отъ императора, присвоивъ себѣ его права на лѣсную и пустопорожнюю землю и отчасти заняли положеніе землевладѣльцевъ по отношенію къ наслѣдственнымъ арендаторамъ-крестьянамъ. Если такой владѣлецъ желалъ свою землю улучшить, увеличить, отдать въ аренду или продать, то его связывали съ прежнимъ крупнымъ владѣльцемъ два обязательства — повинности, которыя должны были уплачиваться подъ страхомъ утраты права на землю, и обязанность держать землю въ хорошемъ культурномъ состояніи. Къ затрудненіямъ новѣйшей Японіи принадлежитъ уничтоженіе простой системы, въ силу которой крестьянинъ долженъ былъ платить подать своему дайміосу, а этотъ послѣдній — шогуну или микадо — дань, тогда какъ купцы и ремесленники были свободны отъ нея; половина государственныхъ доходовъ въ первые годы употреблялась на вознагражденіе дворянства.

Нищіе тамъ не только многочисленны, но существованіе ихъ вполнѣ допускается закономъ. Хотя милостыня обыкновенно бываетъ шестою и даже десятою частью пфенига, но собираніе ея считается законнымъ, наслѣдственнымъ промысломъ, на который не каждый имѣетъ право. Нищихъ часто можно узнать по различнымъ признакамъ ихъ костюма, вовсе не имѣющаго вида лохмотьевъ. Къ нимъ принадлежатъ не только неимущіе, но и бѣдные въ духовномъ отношеніи, сумасшедшіе и идіоты, прокаженные, калѣки и больные всякаго рода. Въ Японіи можно видѣть стыдящихся своего положенія нищихъ съ плетеными масками на лицѣ. Сообщенія о томъ, что нищіе составляютъ сообщества со своими законами и начальствомъ, не заключаютъ въ себѣ ничего преувеличеннаго; подобныя учрежденія извѣстны, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ, и повсюду они не обходятся безъ извѣстной хозяйственной организаціи. Такъ въ Пекинѣ они имѣютъ право переноски труповъ, для чего получаютъ платье, которое надѣваютъ поверхъ своей одежды. Правительство не считаетъ себя въ правѣ противиться нищенству, такъ какъ пауперизмъ вызывается не только игрой и расточительностью, но и безпечностью правящихъ лицъ. Не имѣющіе работы часто заставляютъ давать себѣ ее съ помощью насилія и мятежа. Путешествующихъ по внутреннему Китаю весьма обременяетъ множество бѣдныхъ куліевъ, предлагающихъ въ мѣстахъ остановокъ свои услуги въ качествѣ носильщиковъ за ничтожную плату. Тѣмъ не менѣе, ихъ трудъ оплачивается такъ плохо, что они едва въ состояніи, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, доставить что либо семьѣ. Соціальныя революціи и въ Китаѣ съ древнихъ временъ лежатъ въ основѣ политическихъ движеній. Временное занятіе промышленныхъ областей гарнизонами, которые должны сдерживать безпокойные элементы рабочаго населенія, встрѣчается до дальняго запада Сечуана. Измѣненіе въ заработкѣ вызываетъ всегда измѣненіе жизненныхъ условій и дѣйствуетъ непосредственно на положеніе государства. Громадный ввозъ изъ Европы и Америки и одновременное задерживаніе естественной реакціи противъ него, болѣе сильнаго развитія собственнаго умственнаго развитія и рабочей силы, съ теченіемъ времени можетъ оказаться для Китая болѣе сильнымъ несчастіемъ, чѣмъ какой бы то ни было ввозъ опіума.

Всевозможнымъ рабочимъ силамъ тамъ предпочитаютъ рабовъ, въ особенности для домашнихъ работъ. За предѣлами дома они не считаются рабами, и дѣти ихъ могутъ достигать всѣхъ степеней государственной службы. Они находятся подъ покровительствомъ закона уже настолько, насколько родителямъ запрещается продавать своихъ дѣтей противъ ихъ желанія; они могутъ жениться, и домашнія рабыни считаются несвободными только до замужества. Кромѣ домашнихъ рабовъ, въ Китаѣ есть рабы общественнаго характера, если можно такъ сказать, общественнаго происхожденія. Несчастные, которые не могутъ сами содержать себя, продаютъ свою свободу, или свободу дѣтей своихъ за хлѣбъ и помощь. Въ особенности послѣ внутреннихъ войнъ назначаются наказанія за бродяжничество и за продажу самого себя, и за это взимаются денежные штрафы. Но до настоящаго времени исторія торговли куліями ясно выказываетъ подобные случаи. Бывали и такія времена, когда многія семьи попадали въ крѣпостную зависимость, когда побѣдоносныя партіи или чужеземцы лишали ихъ свободы. Послѣ смѣны правленія, возведшей на тронъ манджуровъ, были обращены въ рабство многіе обитатели страны, пытавшіеся путемъ возстаній возвратить власть настоящему китайскому элементу. Одновременно съ тѣмъ производились офиціально и систематически похищенія людей съ цѣлью заселенія опустѣлыхъ пространствъ. Еще въ 60-хъ годахъ транспорты куліевъ, которые должны были отправиться съ южнаго берега за границу, были насильственно водворены мандаринами на Формозѣ. За китайцами въ Японіи давно уже признается репутація насильственнаго захвата людей. Въ 1879 г. главный судья Гонконга высказалъ: „мы стоимъ здѣсь на приливѣ похищенія женщинъ и дѣтей. Около пятнадцатой части китайскаго населенія Гонконга находятся въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ рабства.“

Вывозъ куліевъ въ Америку, южную Азію и Австралію былъ вначалѣ совершенно обычной торговлей. Знающіе дѣло раздѣляютъ куліевъ на три отдѣла — плѣнныхъ, взятыхъ въ Куантунгѣ во время частыхъ столкновеній клановъ, береговыхъ обитателей, уведенныхъ силою, и проигравшихъ свою свободу въ азартной игрѣ. Лордъ Эльджинъ писалъ о Сватау въ 1860 г., прежде, чѣмъ этотъ городъ открылся для европейцевъ: „поселеніе европейцевъ здѣсь противно трактатамъ; торговля опіумомъ и торговля куліями, захватывающая бѣдняковъ, перетаскивающая ихъ на суда, гдѣ оживаютъ всѣ ужасы торговли невольниками, и отправляющая ихъ съ самыми блестящими обѣщаніями на Кубу, составляетъ главное занятіе „чужеземныхъ“ купцовъ.“ Частыя возстанія на корабляхъ куліевъ, причемъ умерщвлялись капитаны и экипажи, достаточно освѣщаютъ обращеніе съ заключенными на этихъ судахъ. Въ 1871 г. куліи сожгли перуанскій корабль „Донъ-Жуанъ“ въ открытомъ морѣ, причемъ 600 изъ нихъ погибли. Черезъ годъ перуанскій корабль съ куліями былъ вынужденъ высадить ихъ въ Іокагамѣ. Зажиточный человѣкъ рѣдко покидаетъ Китай. Это случается только среди купцовъ, которые вообще образуютъ во всемъ Китаѣ полукочевой классъ. Обыкновенные рабочіе, желающіе выселиться, должны всѣ, почти безъ исключенія, для этой цѣли занять капиталъ у общества, занимающагося присмотромъ за эмигрантами и снабженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Общество сажаетъ ихъ на корабль, указываетъ имъ мѣсто назначенія, гдѣ они принимаются филіальнымъ отдѣленіемъ этого общества и предоставляются какому-либо работодателю. Эти общества заботятся, наконецъ, объ отправкѣ на родину умершихъ, такъ какъ китайская вѣра требуетъ погребенія въ родной землѣ. Всѣ китайцы, вывезенные однимъ и тѣмъ же обществомъ, образуютъ союзъ для взаимной помощи и поддержки и содѣйствуютъ его цѣлямъ денежными взносами, а часто и насильственными дѣйствіями противъ непокорныхъ членовъ или конкурентовъ. Общество при взаимной связи своихъ членовъ выхлопа-

тываетъ принадлежащимъ къ нимъ права гражданства. Достойно упоминанія, что это послѣднее не лишено реальнаго значенія и что китайцы за границей рѣдко становятся въ тягость кому-либо другому за исключеніемъ своихъ обществъ.

Желаніе когда-либо вернуться на родину свойственно всѣмъ выселившимся китайцамъ. Большинство изъ нихъ не выселялось бы вовсе, если бы общество не принимало на себя обязанности привезти ихъ живыми или мертвыми. Но смертность на транспортныхъ судахъ и въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, куда направляется выселеніе, довольно значительна; тѣмъ не менѣе, благосостояніе, какое часто ожидаетъ китайца въ чужой странѣ, и исключительная способность, какою онъ обладаетъ, — устраиваться повсюду съ китайскимъ комфортомъ — не остаются безъ вліянія. Бауринг ъ полагаетъ, что едва-ли одному изъ десяти удается вернуться на родину. Тамъ, гдѣ китайцы не терпятъ притѣсненія, они поселяются прочно, какъ, напримѣръ, во всѣхъ частяхъ Индокитая и Индійскаго архипелага. Почтительность къ родителямъ и забота о могилахъ предковъ, заставляющія ихъ стремиться на родину, исчезаютъ во второмъ поколѣніи, которое связывается тѣми же чувствами съ новой родиной. Китайцы вовсе не такъ упорно консервативны и не такъ неподатливы вліяніямъ чуждой цивилизаціи, какъ ихъ часто представляютъ. Какъ легко они, въ особенности при выгодныхъ дѣловыхъ перспективахъ, подчиняются власти окружающихъ условій, лучше всего видно изъ увеличенія числа ихъ на Филиппинахъ, гдѣ они, однако, въ высшей степени несправедливо облагаются податями и гдѣ они не могутъ основывать семьи, не будучи вынуждены принять христіанство. Забота китайскихъ властей объ ихъ выселившихся подданныхъ выразилась въ самомъ отрадномъ видѣ оффиціальными сообщеніями о положеніи куліевъ во многихъ частяхъ Азіи и Америки. Она повела къ ограниченію торговли куліями и улучшенію въ положеніи эмигрантовъ, которое, напримѣръ, на Кубѣ, съ большой энергіей выяснялось ккиайскими чиновниками.

Частаго повторенія большихъ государственныхъ переворотовъ, вродѣ перемѣнъ династій и междуцарствій, отъ этого народа, славящагося своей неподвижностью и консервативностью, можно было-бы, повидимому, ожидать тѣмъ менѣе, что восточно-азіатскія государства вообще управляются гораздо тщательнѣе и въ настоящемъ смыслѣ просвѣщеннѣе, чѣмъ всѣ другія государства этой части свѣта. Тѣмъ не менѣе, факты говорятъ другое, хотя многія династіи выдвигали не только одного, но и цѣлые ряды способныхъ правителей: достаточно вспомнить Хана, Тана, Минга и царствующую въ настоящее время манджурскую династію, которая болѣе 200 лѣтъ поддерживала государство въ сильномъ и мирномъ состояніи. Чѣмъ же объясняются эти частыя перемѣны? Государство и его населеніе уже своими размѣрами ставятъ для правителя тяжелыя задачи. Первое даже нѣсколько больше Европейской Россіи, но послѣдняя, при всѣхъ своихъ недочетахъ, легко поддается управленію, благодаря своей покорности и терпѣливости. Правительственная система, однако, страдаетъ тѣмъ же основнымъ недостаткомъ, который проникаетъ всю китайскую культуру. Такъ же, какъ всѣмъ умственнымъ продуктамъ китайцевъ недостаетъ глубины, исчерпывающей вопросы до конца, такъ же, какъ ихъ логика не достигаетъ до окончательнаго заключенія, а ихъ знанія — до науки, и ихъ способъ управленія, въ частностяхъ задуманный недурно, въ общемъ оказывается совершенно неудовлетворительнымъ и нецѣлесообразнымъ. Уже ихъ матеріальныя средства недостаточны для полнаго достиженія цѣлей государства. Финансы, армія и пути сообщенія находятся въ плохомъ состояніи. Въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій положеніе страны доставляло китайцамъ такую широкую возможность самостоятельнаго замкнутаго развитія, что уже въ раннюю эпоху не под-

нималось вопроса о состязаніи умовъ въ собственной странѣ и о конкуренціи съ другими народами. Отеческое управленіе сверху и исполненіе извѣстныхъ предписанныхъ задачъ, какъ показываетъ прежде всего замѣчательно тонко выработанная система государственныхъ экзаменовъ, которую знатоки считаютъ главнѣйшимъ орудіемъ для поддержанія умственнаго однообразія и равенства китайцевъ, замѣняютъ здѣсь мѣсто тѣхъ испытаній огнемъ, черезъ которыя у насъ борьба за существованіе заставляетъ проходить и народы, и отдѣльныя лица. Это положеніе, благопріятствующее замкнутости, только въ экономической области нисколько не препятствовало китайцамъ отовсюду присвоивать полезное безъ всякаго колебанія; но въ политическомъ отношеніи оно во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ заставляло страну оставаться на одной и той же ступени. Въ этомъ случаѣ неподвижность народа поддерживала самодовольствіе системы.

Населеніе Китая представляетъ большую, но трудно поддающуюся опредѣленію силу. Исчисленіе его сотнями милліоновъ давно уже считалось мало вѣроятнымъ, но критика не должна заходить здѣсь слишкомъ далеко. Перепись 1842 г. дала цифру населенія въ 415 м.; вслѣдствіе громадныхъ опустошеній, вызванныхъ въ населеніи возстаніями тайпинговъ и нинфеевъ и позднѣйшими голодовками, эта цифра, вѣроятно, теперь уменьшилась и доходитъ лишь до 350 или 380 милл. Слѣдуетъ принять во вниманіе и пробѣлы, оставляемые въ населеніи все болѣе и болѣе увеличивающимся потребленіемъ опіума. Населеніе Китая давно уже сдѣлалось-бы слишкомъ большимъ даже для этой обширной страны, если бы не наступали сильные и продолжительные перерывы его роста. Лучшіе спеціалисты оцѣниваютъ убыль людей вслѣдствіе названныхъ выше возстаній не менѣе, чѣмъ въ 13 милл. Вторженія манджуровъ до 1644 г. уменьшили число жителей на 37 милл., но въ продолжительную мирную эпоху и при замѣчательныхъ правителяхъ оно возростало съ почти невѣроятной быстротой.

Усиленіе прочной власти китайскаго правительства въ нынѣшнихъ предѣлахъ страны совершалось путемъ культуры и поэтому медленно и постепенно. Когда покоряли какую-нибудь область, ее охраняли съ помощью военныхъ колоній, которыя въ то же время переходили къ земледѣлію. Съ теченіемъ времени эти колоніи превратились въ чисто земледѣльческія, и правительство нерѣдко содѣйствовало присоединенію области полнымъ обмѣномъ населеній. Китайцы — такіе дѣятельные колонизаторы, что, вмѣстѣ съ передвиженіемъ политическихъ границъ въ ту или другую сторону, ихъ культура постоянно по всѣмъ направленіямъ переступала черезъ нихъ и распространялась по всей периферіи государства. Вслѣдствіе того, оно долгое время находилось въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ и царствамъ. Корея и острова Ліукіу платили одновременно дань Китаю и Японіи. И въ настоящее время мы еще находимся въ сомнѣніи, насколько можно считать китайскимъ населеніе Манджуріи, Монголіи и Тибета, государствъ, болѣе или менѣе зависящихъ отъ Китая. Большіе участки по ту сторону Шикіанга, Шенси и Шанси уже достаточно плотно населены, чтобы ихъ можно было считать „настоящимъ Китаемъ“.

Между тѣмъ, какъ китайцы по временамъ распространяли свое господство до странъ на Или и Таримѣ, до Иравадди и гималайскихъ долинъ Непала, они пытались захватить „все“, до чего могли достигнуть изъ средоточія своей власти, но, конечно, не могли удержать этого „всего“. Часть захваченнаго отпадала то здѣсь, то тамъ, хотя въ то же время завоевывалась новая область или прежняя занималась вновь. Впрочемъ, при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ происходилъ безпрерывно другой видъ завоеванія, въ которомъ участвовали не полководцы и войска, а трудолюбіе, бла-

горазумie и превосходство образованія народа; области, какія доставались Китаю, благодаря этимъ силамъ, не утрачивались. Тотъ же видъ завоеванія путемъ колонизаціи, который создалъ Китай присоединеніемъ къ нему различныхъ народовъ, еще въ историческія времена владѣвшихъ большею частью нынѣшняго Китая, а въ настоящее время сохраняющихся лишь въ раздробленныхъ остаткахъ въ горахъ крайняго юга и запада, тотъ же видъ медленнаго завоеванія пріобщилъ къ Китаю въ два послѣднія столѣтія южную и среднюю Манджурію, всѣ удобныя для земледѣлія части Монголіи, а также Формозу и другіе мелкіе острова Китайскаго моря. Далѣе онъ наполнилъ китайскимъ населеніемъ Тонкинъ и Сіамъ, и безъ вмѣшательства европейцевъ окитаеніе этихъ большихъ и богатыхъ странъ явилось бы только вопросомъ времени. Въ Восточномъ Туркестанѣ, хотя онъ и далеко лежитъ отъ настоящаго Китая, новый властитель Якубъ Бекъ не могъ уничтожить слѣдовъ китайской культуры, хотя по его приказанію и было умерщвлено 50 тыс. китайцевъ; остатокъ ихъ продолжаетъ размножаться и производить торговлю. Напротивъ, политическая власть Китая тамъ была утрачена съ перваго дня возстанія.

Размѣры царства противорѣчатъ воззрѣнію, будто китайское правленіе есть патріархальный деспотизмъ. Позади фикціи патріархальнаго правленія стоитъ дѣйствительность довольно свободной олигархіи ученыхъ бюрократовъ, подъ властью вліятельныхъ намѣстниковъ и вице-королей. Сосновскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Китай кажется ему воплощенной идеей централизаціи, но прибавляетъ тотчасъ же, противорѣча самому себѣ, что здѣсь все зависитъ отъ личныхъ отношеній и связей, и отсутствіе формъ весьма напоминаетъ азіатскія ханства. Такимъ образомъ, централизація, которая въ императорѣ, какъ единственно стоящемъ во главѣ народа, видитъ средоточіе всѣхъ народныхъ интересовъ, его желаній, цѣлей и идеаловъ, эта централизація осуществляется только тогда, когда во главѣ государства стоитъ человѣкъ высокаго ума, твердой воли и неустанной дѣятельности, однимъ словомъ, образецъ самодержца. Поддержаніе старинныхъ нравовъ, въ которыхъ видятъ также символъ поддержанія государства, принадлежитъ къ его главнымъ задачамъ. Большія заслуги Ву, одного изъ благороднѣйшихъ монарховъ древней исторіи, состояли въ возстановленіи ослабѣвшей семейной связи, въ заботахъ о лучшемъ пропитаніи народа и о точномъ соблюденіи погребальныхъ обрядовъ и жертвенныхъ обычаевъ. Въ какой степени императоръ, при благопріятныхъ условіяхъ, умѣетъ провести сознаніе своей руководящей роли даже въ мелкія подробности своей обязанности, доказывается исторіей манджурскаго царства, составленной самимъ Канги. Канги разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ однажды проходилъ въ шестомъ мѣсяцѣ мимо рисоваго поля, которое должно было дать жатву только въ девятомъ мѣсяцѣ. Онъ увидалъ растеніе, болѣе высокое, чѣмъ другія, велѣлъ его принести себѣ и произвелъ опыты съ его сѣменами. Онъ нашелъ, что они всегда созрѣвали раньше, и такимъ образомъ явился рисъ, который въ настоящее время воздѣлывается повсюду къ сѣверу отъ Великой стѣны. Улучшенія въ земледѣліи и шелководствѣ приписываются другимъ императорамъ. Безъ сомнѣнія, многіе императоры ясно сознавали обязанности, какія налагало на нихъ положеніе во главѣ культурной державы, если мы припомнимъ наставленіе Йю въ Тайюмо: „О, подумайте о томъ, что добродѣтель состоитъ въ хорошемъ управленіи, а оно выказывается въ прокормленіи народа.“ Китайскій императоръ вполнѣ сознавалъ также значеніе теократическаго элемента въ своемъ санѣ. Когда Кіенлунгъ воспретилъ въ своемъ государствѣ проповѣдь христіанства, іезуиты при пекинскомъ дворѣ просили его отмѣнить это запрещеніе. Его отвѣтъ показываетъ, что онъ опасался христіанства только потому, что оно могло подорвать его авторитетъ; онъ далъ понять, что, хотя въ настоящее время онъ не предвидитъ ничего

дурного отъ его вліянія, но „тѣ, которыхъ вы обратите въ христіанство, будутъ смотрѣть только на васъ и въ безпокойныя времена будутъ слушать только вашего совѣта.“ Преслѣдованія христіанъ въ Аннамѣ, главнымъ образомъ, вызывались Китаемъ.

Императору въ дѣлахъ правленія помогаетъ государственный совѣтъ, пять членовъ котораго ежедневно рано утромъ въ присутствіи императора занимаются государственными дѣлами. Одной изъ самыхъ важныхъ обязанностей является рѣшеніе относительно жизни и смерти преступниковъ, сидящихъ въ тюрьмахъ, имена которыхъ отъ времени до времени присылаются изо всѣхъ частей царства и въ знакъ смертнаго приговора подчеркиваются императоромъ краснымъ карандашомъ. Императоръ рѣдко показывается публично, но дѣлаетъ это, между прочимъ, ежегодно на пріемѣ кандидатовъ въ мандарины. Центральныя управленія составляютъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ (Тсунгли-Яменъ), министерство внутреннихъ дѣлъ (Липу), финансовъ (Хупу), военное (Пингпу), юстиціи (Хингпу), общественныхъ работъ (Кунгпу) и церемоній; къ нимъ присоединяются особыя центральныя вѣдомства для извѣстныхъ странъ, платящихъ дань, каковы Монголія и восточный Туркестанъ, и нѣкоторыя болѣе мелкія государственныя должности.

Выдающееся положеніе занимаютъ вице-короли. Пятнадцать провинцій соединены въ восемь вице-королевствъ, а остальныя три управляются намѣстниками. Шенси, Кансу и Кукухото, вмѣстѣ съ лежащими далѣе къ западу, платящими дань монгольскими странами, составляютъ вице-королевство, занимающее пространство великой державы и имѣющее первоклассное значеніе для Китая. Вице-король такой области практически независимъ, пока не подвергнется подозрѣнію въ противодѣйствіи пекинскому правительству; въ этомъ положеніи его поддерживаетъ давняя самостоятельность провинцій, которыя отчасти сохранили особые законы. Онъ собираетъ подати, оплачиваетъ ими армію (и флотъ) и, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, является послѣдней инстанціей въ тяжбахъ. За это на немъ лежитъ вся отвѣтственность его положенія; пекинское правительство не даетъ ему никакихъ помощниковъ и видитъ свою задачу, въ сущности, въ томъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ общихъ предписаній, направляющихъ дѣйствія этихъ высшихъ чиновниковъ. О подчиненныхъ ему чиновникахъ онъ долженъ посылать сообщенія въ Пекинъ, и эти сообщенія съ рѣшеніями, часто ведущими къ удаленію этихъ послѣднихъ отъ должности, печатаются въ правительственной газетѣ. Полновластіе вице-короля, которое, несмотря на свои ограниченія, представляется гораздо болѣе реальнымъ, чѣмъ власть отдаленнаго императора, чувствуется на всѣхъ ступеняхъ. Не только намѣстникъ, но и каждый „сянъ“ (начальникъ округа) сознаетъ себя извѣстной величиной, какъ это часто испытывали европейскіе путешественники, на которыхъ подозрительно смотрѣли всѣ мандарины. Главная забота правительства состоитъ въ томъ, чтобы держать въ разъединеніи отдѣльныхъ высшихъ чиновниковъ провинцій и вице-королевствъ, не давая имъ возможности совмѣстнаго дѣйствія противъ пекинскаго правительства. Китайская башня всегда нѣсколько колеблется. Въ крайнемъ случаѣ, такому человѣку, какъ Тсо Чунгтангъ, отдавалась во власть половина имперіи, но это, конечно, не можетъ входить въ систему центральнаго управленія, которое скорѣе стремится къ тому, чтобы оставлять за императоромъ средства вмѣшиваться въ дѣла независимо отъ высшихъ чиновниковъ. Въ важной провинціи Сечуанѣ Хенту составляетъ, правда, резиденцію вице-короля и мѣстопребываніе провинціальнаго управленія, но Чункинъ въ политическомъ отношеніи имѣетъ большее значеніе, такъ какъ въ немъ находится императорское казначейство и живетъ чиновникъ, выплачивающій жалованье западной пограничной арміи, которая во времена возстаній и отпаденій въ западныхъ областяхъ получаетъ приказа-

нія непосредственно изъ Пекина. Новѣйшая китайская исторія учитъ, что предоставленные самимъ себѣ вице-короли часто усиливали свою самостоятельность ко вреду государства. Извѣстно, что, когда Амурскій округъ былъ уступленъ тамошнимъ намѣстникомъ, Тсунгли-Яменъ лишь позднѣе, противъ своей воли, утвердилъ совершившійся невыгодный фактъ.

Преобладаніе литературнаго образованія и профессіи тяготѣетъ надъ китайскими чиновниками, которые видятъ признакъ полезной дѣятельности въ обмѣнѣ возможно большаго числа бумагъ. Характеръ, противоположный этому литературному и мало подвижному характеру китайскаго чиновника, выказываютъ цензоры или ревизоры, необходимые уже вслѣдствіе протяженія государства. Они представляютъ собою непосредственный надзоръ центральнаго правительства надъ провинціями. Оставляя безъ вниманія мелкія погрѣшности, они до немилосердія строги къ большимъ проступкамъ. Ихъ отчеты въ правительственной газетѣ безпощадно срываютъ покровъ съ глубокихъ язвъ государственнаго тѣла. Не только лѣность, ограниченность или невѣжество и куреніе опіума, но и самыя тяжкія преступленія противъ обязанностей службы раскрываются здѣсь съ полной откровенностью передъ всѣмъ народомъ. Реалистическая основа китайскаго характера проявляется и въ характерѣ чиновничества: ради пользы возвышаются элементы, являющіеся насмѣшкой надъ правильнымъ очистительнымъ процессомъ государственныхъ испытаній и одобреній цензоровъ. Даже новѣйшая исторія Китая отмѣчаетъ назначеніе прославленнаго морского разбойника генералъ-адмираломъ китайскаго флота. Такъ какъ законъ повелѣваетъ только, чтобы на службу не назначались сыновья продажныхъ женщинъ, актеровъ, палачей, служителей правосудія и тюремныхъ смотрителей, первые — вслѣдствіе низменнаго положенія, а послѣдніе — вслѣдствіе прирожденной жестокости, — то ничто не мѣшаетъ назначать преступниковъ болѣе или менѣе высокаго происхожденія начальственными лицами и т. п.

Въ Китаѣ никогда не было недостатка въ способныхъ дипломатахъ. Государственные люди, въ высшемъ смыслѣ слова, естественно, встрѣчаются не такъ часто, но въ тяжелыя времена въ Китаѣ всегда выдвигались люди, оказывавшіе полезное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. О вицекоролѣ западныхъ провинцій Сосновскій говорилъ, что онъ мало встрѣчалъ такихъ просвѣщенныхъ китайцевъ, какъ Тсо-Чунгтангъ. Онъ удивлялъ его своими разумными идеями и правильными и точными понятіями о Россіи . . Онъ въ высшей степени способный правитель и организаторъ и по природѣ человѣкъ прямой, откровенный и честный. Онъ назначалъ хорошихъ чиновниковъ, произвелъ очистку въ корпусѣ офицеровъ, основалъ оружейныя фабрики, провіантскіе магазины и арсеналы, былъ дѣятеленъ, являлся повсюду самъ, обуздывалъ этимъ способомъ мятежи и вносилъ новую жизнь въ довѣренныя ему кучи развалинъ. Вскорѣ послѣ этого описанія, Тсо-Чунгтангъ разрѣшилъ задачу подавленія возстанія въ южной Монголіи и возвращенія восточнаго Туркестана блестящимъ, хотя и нѣсколько суровымъ образомъ.

Испорченность коренится въ характерѣ китайцевъ и ихъ государства. Подкупъ и хищеніе разрушали, къ сожалѣнію, многія прекрасныя намѣренія прежнихъ законодателей и новыхъ властителей. При этомъ страдаютъ въ особенности хлѣбные магазины въ каждой провинціи, въ которой складывается часть поземельной подати, взимаемая рисомъ, которая раздается бѣднымъ или выдается ввидѣ жалованья. Остатки ея дешево продаются передъ жатвой и ежегодно возобновляются. Такъ оплачиваются десятки тысячъ иррегулярной преміи. Скудное жалованье тѣмъ болѣе ведетъ къ несправедливости, что гражданскіе чиновники должны оспаривать жалованье своихъ подчиненныхъ. Правило, по которому ни одинъ чиновникъ не долженъ давать мѣста въ своемъ вѣдомствѣ родственникамъ, проводится такъ строго, что въ пекинской правительственной газетѣ постоянно

сообщаются случаи отставки чиновниковъ по этой причинѣ; но все-таки это не можетъ обуздать молчаливыхъ соглашеній алчныхъ чиновниковъ. То же можно сказать и о правилѣ, по которому чиновникъ не можетъ назначаться въ свою родную провинцію, и о суровыхъ взысканіяхъ, доходящихъ до смертной казни. Всегда были такія провинціи и вице-королевства, во главѣ которыхъ стояли люди, работавшіе сами нечистыми руками и обогащавшіеся противозаконными стяжаніями своихъ подчиненныхъ. Народъ содѣйствуетъ этимъ несправедливостямъ тѣмъ, что допускаетъ эти вымогательства безъ ропота. Тѣмъ больше бываетъ его радость, когда онъ управляется справедливыми чиновниками; это выказывается почестями, какія достаются на долю честныхъ, заслуженныхъ чиновниковъ, покидающихъ свой постъ. Но Грей говоритъ, что въ теченіе 25 лѣтъ въ Кантонѣ онъ видѣлъ только одного мандарина, оставлявшаго свою должность при сердечныхъ сожалѣніяхъ народа и искреннихъ выраженіяхъ признательности. Это прощанье имѣло чисто китайскій характеръ. Въ длинной процессіи несли шелковые почетные зонтики, посвященные предмету шествованія, и 300 красныхъ досокъ, на которыхъ яркими золотыми буквами были написаны почетные титулы („Другъ народа“, „Отецъ народа“, „Благодѣтель старости“, „Звѣзда провинціи“ и пр.). Въ различныхъ мѣстахъ близъ храмовъ выставлены были депутаціи, произносившія рѣчи и предлагавшія различныя угощенія и прохладительные напитки. Когда въ 1861 г. префектъ Тьянтсина оставлялъ свою должность, народъ, провожавшій его толпою, выпросилъ у него башмаки, которые отнесъ съ тріумфомъ и повѣсилъ въ храмѣ божества города. Въ подобныхъ рѣдкихъ случаяхъ исчезаетъ робкое или недовольное молчаніе, сопровождающее повсюду появленіе мандарина въ публикѣ.

Конфуцій и Менцій учили оба, что повиновенію подданныхъ должна соотвѣтствовать преданность своимъ обязанностямъ правителя и его органовъ. Эти мудрецы, считавшіеся авторитетами въ вопросахъ государственной жизни, учатъ, что народъ не только имѣетъ право, но и обязанность противиться императору, когда онъ уклоняется съ пути справедливости и добродѣтели. Какъ ни послушенъ и терпѣливъ китайскій народъ, но онъ во многихъ случаяхъ осуществлялъ это основное положеніе. Каждое десятилѣтіе въ той или другой провинціи вспыхивало возстаніе; упорное пренебреженіе своими обязанностями со стороны правящихъ лицъ вызывало крупные перевороты. Китайцы не отличаются страстностью ни въ политическихъ, ни въ религіозныхъ дѣлахъ, и только тогда, когда политическія неурядицы приводятъ къ матеріальному гнету, когда онѣ сопровождаются несправедливостью, безсовѣстностью чиновниковъ и отсутствіемъ какъ заботы о населеніи, тогда поднимаются жалобы и угрозы; между тѣмъ, внутри страны недовольство выражается возстаніями, въ пограничныхъ областяхъ народъ спасается отъ гнета посредствомъ выселеній. Наиболѣе безпокойными въ политическомъ отношеніи являются не самыя населенныя области, гдѣ каждый долженъ работать усиленно для поддержанія жизни, — въ чемъ можно видѣть признакъ того, что этотъ народъ умѣетъ довольствоваться своей судьбой. Упорство, свойственное китайцу, позволяетъ, однако, предвидѣть, что зачатки противорѣчія и противодѣйствія господствующей системѣ не легко устраняются въ немъ. Менѣе 25 лѣтъ тому назадъ появилась первая китайская газета „Шуппо“ въ Шанхаѣ; въ настоящее время существуетъ уже множество газетъ на китайскомъ языкѣ. Наряду съ невѣрностями и преувеличеніями, онѣ содержатъ много справедливаго и начинаютъ оказывать свое вліяніе на письменный языкъ.

Правосудіе, вслѣдствіе присущей ему безчеловѣчности, представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ Китая. Искусство причиненія боли тамъ необычайно выработано. Удары бамбуковыми палками по пяткамъ,

лодыжкамъ и между плечами и толстыми кожаными ремнями по челюстямъ, достаются не только преступникамъ, но и свидѣтелямъ. Къ этому присоединяется пытка утонченно придуманными орудіями устрашенія и мученія. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть ввиду показанія европейскихъ хирурговъ, будто китайцы и ихъ монгольскіе соплеменники далеко не такъ чувствительны къ примѣненію ножей и щипцовъ, какъ европейцы. Безконечныя изображенія пытки, составляющія любимыя темы китайскихъ живописцевъ, въ которыхъ великіе императоры, какъ Кіенлонгъ, присутствуютъ въ качествѣ зрителей при пыткахъ и казняхъ, освѣщаютъ черту жестокости въ китайскомъ характерѣ и фактъ, весьма важный для пониманія исторіи Китая, болѣе низкой оцѣнки чужой и собственной жизни въ сравненіи съ нами. Тамъ существуютъ также самые разнообразные виды смертныхъ казней. Убійца отца или матери присуждается къ медленной смерти: его прибиваютъ къ кресту, тѣло его разрѣзывается въ 8—120 мѣстахъ, затѣмъ пронзается сердце, и, наконецъ, члены отдѣляются отъ тѣла. Въ 1877 г. пекинская государственная газета сообщила объ исполненіи десяти казней этого рода, причемъ одинъ изъ казненныхъ былъ умалишенный. Самая обычная казнь есть обезглавленіе мечомъ. Частымъ упражненіемъ палачъ пріобрѣтаетъ большое искусство, позволяющее ему казнить нѣсколько десятковъ преступниковъ въ нѣсколько минутъ. При суевѣрной боязни увѣчій, задушеніе считается менѣе тяжелой казнью; самую легкую форму ея представляетъ присылка шелковаго шнурка, означающая, что получившій долженъ самъ исполнить надъ собой казнь. Несчастнымъ позволяется пообѣдать, по возможности, съ одуряющими средствами, прежде, чѣмъ ихъ понесутъ на мѣсто казни двое въ корзинѣ на бамбуковой жерди. Положеніе китайскихъ тюремъ, вслѣдствіе темноты камеръ, сырости, чрезмѣрнаго наполненія и различныхъ насѣкомыхъ, крайне печально. Когда послѣ взятія Кантона въ 1859 г. открылся доступъ въ тамошнюю главную тюрьму, даже англійскіе солдаты не могли выносить зараженной атмосферы, въ которой, рядомъ съ живыми, избитыми до крови отягченными цѣпями и желѣзными кольцами, лежали закованные трупы. Въ пекинской газетѣ часто оповѣщаются наказанія, налагаемыя на чрезмѣрно жестокихъ или небрежныхъ тюремныхъ смотрителей. Китайскіе законы рѣзко различаютъ преступленія, сопровождавшіяся и не сопровождавшіяся насильственными дѣйствіями. Послѣднія наказываются несравненно легче, и чаще всего ударами и публичнымъ выставленіемъ преступника къ позорному столбу съ объяснительной надписью. Обычное видоизмѣненіе этого наказанія заключается въ пронзеніи ушей стрѣлами, къ которымъ привѣшены бумажные билетики съ указаніемъ преступленія.

Родъ или кланъ служитъ такимъ-же связующимъ началомъ націи, какъ онъ служилъ всегда опредѣленной единицей въ недостаточно связанномъ монгольскомъ или татарскомъ народѣ. Китайскія книги говорятъ о ста первоначальныхъ семьяхъ, которыя не погибли въ буряхъ позднѣйшей исторіи, а сохранились въ видѣ ядра націи. Всего менѣе могло сохраниться строго равномѣрное распредѣленіе земли, лежавшее въ основѣ этой организаціи. Въ XIII столѣтіи возмущенія бѣдняковъ, лишенныхъ земли, всего болѣе содѣйствовали опустошенію страны. Законодатели только въ формальномъ смыслѣ стремились поддержать древнее племенное дѣленіе, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что они сохранили племена, запретивъ имъ въ то же время браки въ собственной средѣ, чтобы доставить притокъ свѣжей крови и воспрепятствовать вырожденію. И въ настоящее время сохраняютъ крѣпкую связь многія деревенскія общины, носящія одно и то же имя, происходящія отъ одного и того же племени и образующія одинъ кланъ. Это учрежденіе усиливаетъ привязанность къ родинѣ и охраняло народъ во многихъ тяжелыхъ положеніяхъ. Философы-историки, говорившіе о стадной жизни и характерѣ этого народа, упускали изъ виду широкую

основу самоуправленія и самопомощи, на которую опирается центральное правительство. Безъ такой основы, при неудовлетворительности административной машины, правительство, а вмѣстѣ съ тѣмъ величіе и долговѣчность государства были-бы вообще немыслимы. Деревенскія общины пользуются недорого стоющимъ патріархальнымъ управленіемъ старшинъ, которые одинаково уважаются подчиненными и властями и, по большей части, избираются по жребію изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ; этихъ старшинъ можно назвать настоящими патріархами. При этомъ надо еще принять во вниманіе связь между деревнями, представляющую обязательство взаимной защиты, подобно союзу германскихъ городовъ, часто направляющуюся противъ другихъ союзовъ подобнаго же рода. Тайныя общества, связывающія выселившихся китайцевъ съ непонятною для насъ прочностью, чаще всего исходятъ отъ древнихъ племенныхъ связей. Подобно этимъ послѣднимъ, они признаютъ границы правительственной власти, но пополняютъ ихъ пробѣлы своей собственной дѣятельностью. Гюцлафъ писалъ о тайныхъ обществахъ въ Кантонѣ и его окрестностяхъ: „За исключеніемъ вугъ-вуговъ, или тройственнаго общества, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ возбудило неудавшееся возстаніе, они безусловно послушны правительству. Органы этого послѣдняго даже пользуются ими для розыска преступленій и т. п. Но нерѣдко общества берутъ эту задачу въ свои руки.“ Тайное судилище для воровъ и разбойниковъ, какимъ было, напримѣръ, въ смутное время 50-хъ годовъ общество „Стараго Быка“, повидимому, въ Китаѣ не было рѣдкостью. Привычка жить въ свободныхъ союзахъ позволяла выселявшимся китайцамъ быстро оріентироваться въ чуждыхъ для нихъ условіяхъ; поэтому они работаютъ лучше подъ руководствомъ избранныхъ ими самими старшинъ, чѣмъ чужеземныхъ. Стремленіе къ общественности порождаетъ совершенно своеобразные союзы. Многіе сходятся вмѣстѣ, каждый платитъ въ началѣ мѣсяца опредѣленную сумму, затѣмъ общая сумма платежей ежемѣсячно разыгрывается въ лотереѣ. Общества игроковъ „Для мирной наживы“, „Счастливый случай“ и т. п. встрѣчаются часто. Обѣ сферы, автономная и бюрократическая, такъ строго раздѣляются между собою, что здѣсь немыслимо самоуправленіе, основывающееся на самостоятельности сужденія и воли. Такую систему можно назвать системой двойного управленія: чиновники самовластно управляютъ массой народа, и та долго переноситъ даже дурное управленіе, пока не поднимется разомъ и не устранитъ его силою, которую народъ черпаетъ изъ своихъ древнихъ союзовъ.

Главнымъ недостаткомъ Китая (въ европейскомъ смыслѣ) является незначительность его военной силы. Вслѣдствіе того, что китайцы „передъ нашими нападеніями были такъ же безпомощны, какъ австралійцы“, въ воинственномъ XIX вѣкѣ вся китайская культура казалась мало значущей. Лордъ Эльджинъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ: „Если-бы китайцы побѣдили войска Англіи и Франціи въ открытомъ бою, пустая болтовня о недостаточной культурѣ Китая немедленно бы умолкла.“ Китаецъ не уступаетъ другимъ азіатцамъ въ мужествѣ и даже настолько его цѣнитъ, что до извѣстной степени остается людоѣдомъ: предполагая сѣдалище его въ желчи, онъ съѣдаетъ желчь казненныхъ преступниковъ, чтобы воспринять въ себя ихъ мужество. По той же причинѣ мясо тигра считается лакомымъ кускомъ. Отчаянная смѣлость китайскихъ пиратовъ, жестокость, способность переносить страданія и невысокая цѣнность человѣческой жизни — все это представляетъ свойства, которыми можно было-бы воспользоваться для военныхъ цѣлей. Гордонъ, который умѣлъ доставить побѣду деморализированнымъ китайцамъ въ возстаніи тайпинговъ, въ 1880 г., написалъ въ памятной запискѣ, какъ высшее основное положеніе: „Китай обладаетъ давно установленной военной организаціей, которую слѣдуетъ оставить неприкосновенной, такъ какъ она соотвѣтствуетъ

особенностямъ народа. Власть Китая состоитъ въ сообразной его численности военной силѣ, въ легкой подвижности отрядовъ, въ легкомъ багажѣ и въ умѣренныхъ потребностяхъ солдатъ. Извѣстно, что отрядъ, вооруженный копьями и мечами, можетъ взять верхъ надъ лучшими войсками, вооруженными ружьями, заряжающимися съ казенной части, если мѣстность трудно проходима и первый своей численностью въ 12 разъ превышаетъ послѣдній. А во сколько разъ это превосходство усилилось-бы, если-бы и первый отрядъ былъ вооруженъ такими же ружьями! Китай никогда не долженъ вступать въ правильныя сраженія; сила его заключается въ быстрыхъ передвиженіяхъ, отбиваніи обозовъ, ночныхъ нападеніяхъ, не доводя ихъ до крайностей, и въ постоянномъ доставленіи безпокойства непріятелю. Китайцы никогда не должны наступать на укрѣпленныя мѣста, а изводить врага голодомъ и тревожить его днемъ и ночью. Китай не можетъ имѣть арміи, пока генералы его будутъ выставлять 2000 человѣкъ, а получать жалованье на 5000. Такіе генералы должны быть обезглавлены.“ Здѣсь ясно указываются преимущества и недостатки китайскаго войска. И Гордонъ не считаетъ китайцевъ, въ среднемъ, за хорошихъ солдатъ въ европейскомъ смыслѣ, но указываетъ источники военной силы ихъ въ численности, способности къ обученію и воздержности; эти качества Европа не должна цѣнить слишкомъ низко.

---

25. Формы вѣрованій и религіозныя системы Азіи.

„Подтропическая Азія всегда являлась плодородными нѣдрами религій.“ Пешель.

Содержаніе: Общая почва азіатскихъ формъ вѣрованій. — Почитаніе предковъ. Культъ солнца, звѣздъ и огня. Медвѣдь у амурскихъ народовъ. — Желѣзо и кузнецы. — Внутренно-азіатская космогонія. — Религія древнихъ арійцевъ. — Браманизмъ. — Культъ свѣта и огня у иранцевъ. Заратуштра. — Буддизмъ. Родственность его съ народными воззрѣніями. Храмы и монастыри. Лхасса. Жречество. Буддизмъ народовъ восточной и внутренней Азіи. Политика Китая въ Лхассѣ.

Всѣ азіатскіе народы принимаютъ участіе въ сокровищницѣ религіозныхъ идей человѣчества. Въ Азіи, какъ и повсюду на землѣ, нѣтъ народа, лишеннаго религіи. Великія формы вѣрованій, называемыя по именамъ Брамы и Будды, коренятся въ подпочвѣ широко распространенныхъ представленій, въ которой и листья, цвѣты и сѣмена покоятся, отмираютъ, тлѣютъ, прорастаютъ, падая съ высоко поднявшихся деревьевъ вѣрованій и распространяясь широко, быть можетъ, до самыхъ дальнихъ острововъ. Съ этой почвой глубоко связаны также браманизмъ и буддизмъ своимъ происхожденіемъ и вліяніемъ; если они когда-нибудь исчезнутъ, они обогатятъ эту почву тѣмъ, что въ нихъ не подлежитъ уничтоженію. Взаимноотношеніе между растеніемъ и почвою настолько очевидно, что при истолкованіи такихъ отношеній необходима величайшая осторожность. О каждой изъ изолированныхъ, повидимому, формъ вѣрованій Азіи можно сказать то же, что говорилось о тодахъ: „Насколько можно судить, религія тодовъ состоитъ лишь изъ суевѣрій и странныхъ обычаевъ, но, быть можетъ, мы не въ состояніи понять болѣе глубокій смыслъ ея или, быть можетъ, мы видимъ здѣсь выродившееся переживаніе нѣкогда выше стоявшаго культа.“ Шифнеръ видитъ иранское вліяніе въ алтайскомъ названіи божества Кьюрмесъ и сводитъ его къ Ормузду, такъ же, какъ и монгольскаго Хурмузда. Майтере и Мандижире напоминаютъ буддійское божество Майтіейэ (монгольское Майдари) и Манджуэри. Змѣя Эрликъ, давшая совѣтъ людямъ ѣсть плоды на западной сторонѣ дерева съ семью вѣтвями, вѣроятно, исходитъ изъ ислама киргизовъ. Туда, гдѣ мы видимъ почитаніе огня,

вѣроятно, доходятъ лучи изъ очаговъ Заратуштры. Кемпферъ видѣлъ въ буддизмѣ Айютіи такъ много напоминающаго древне-египетскій культъ, что призналъ Будду за бѣглеца изъ Египта. Но при этомъ всегда возможно, что двѣ формы развитія сходны между собою, потому что онѣ выросли на общей почвѣ; возможно и то, что кажущееся намъ остаткомъ высшей формы развитія есть ростокъ, откуда возникло то, что̀ намъ знакомо въ ней.

Почитаніе предковъ выступаетъ съ одинаковой силой и вліяніемъ во всѣхъ религіозныхъ формахъ Азіи, высшихъ и низшихъ. Непрерывное, подкрѣпляемое жертвой (по возможности, чистыхъ предметовъ, въ особенности благороднаго меда) общеніе съ покинувшими жизнь предками составляетъ сущность вѣры бѣдныхъ индійскихъ горныхъ племенъ и образуетъ въ Китаѣ не ослабленную буддизмомъ и философскимъ просвѣщеніемъ основу нравственнаго воспитанія. Въ Японіи оно признается ядромъ древней государственной религіи, вѣроисповѣданія Шинто, и у островитянъ Ліукіу остается единственнымъ вѣроученіемъ. Ослѣпительно бѣлыя пещеры прежде всего бросаются въ глаза, когда эти острова открываются съ моря. У всѣхъ народовъ внутренней Азіи на томъ же началѣ основывается власть шамановъ призывать предковъ звуками барабана, пѣніемъ и плясками и, оставаясь тѣлесно на мѣстѣ поклоненія, переселяться душою въ міръ свѣта или въ темное царство Эрлика. Нѣтъ бо̀льшаго несчастья, какъ не имѣть дѣтей, которыя могли бы приносить жертвы и молиться. Императоръ аннамскій Тюдюкъ не переставалъ грустить всю свою жизнь о предстоявшей ему бездѣтной старости. Необходимой помощью въ этомъ положеніи является усыновленіе. Неохота къ выселенію, позволяющему опасаться смерти вдали отъ близкихъ, связывается съ желаніемъ принимать участіе въ почитаніи предковъ. Предки живутъ съ оставшимися послѣ нихъ, радуются и страдаютъ вмѣстѣ съ ними. Если сынъ поднимается по лѣстницѣ чиновъ, то онъ проситъ и о повышеніи предшествовавшихъ ему въ семьѣ. 18 золотыхъ таблицъ предковъ въ залѣ прародителей въ Гуэ напоминаютъ о томъ, какъ это почитаніе предковъ превращаетъ культъ душъ властителей въ нѣчто священное для всего народа. Понятно, поэтому, насколько невѣрно судитъ Финлейсонъ о кохинхинцахъ, когда говоритъ: „Они почитаютъ, подобно китайцамъ, своихъ предковъ и хранятъ воспоминаніе объ умершихъ родственникахъ, и это — почти единственное, что̀ у нихъ напоминаетъ религію.“ И у корейцевъ всего болѣе выступаетъ почитаніе каменныхъ изваяній предковъ, миріоковъ, высотою до 8 м.

Тамъ, гдѣ оболочка болѣе новой религіозной формы не скрываетъ вѣры въ предковъ, эта послѣдняя приближается къ идолопоклонству. Въ этомъ случаѣ можно сказать то же, что̀ и о траванкорскихъ пулайяхъ: они считаютъ себя стоящими слишкомъ низко, чтобы приблизиться къ высшему существу. Грубое изображеніе предка въ нишѣ простого каменнаго алтаря или у подножія большого дерева въ полѣ пользуется почитаніемъ въ качествѣ фетиша. Изображенія предковъ, въ видѣ маленькихъ металлическихъ фигурокъ, тамъ носятъ какъ амулеты. Мы слышимъ, что кхасы Индокитая ставятъ пепелъ предковъ въ изящно сплетенныхъ корзиночкахъ на домашнемъ алтарѣ, куда они кладутъ въ видѣ жертвы такія странныя вещи, какъ, напримѣръ, жгуты изъ хлопка и длинныя, скрученныя бамбуковыя стружки. На алтаряхъ Гніа-Гейна Гармандъ находилъ нанизанную на бамбуковомъ стержнѣ цѣлую коллекцію всевозможныхъ орудій въ миніатюрныхъ размѣрахъ — мѣшочекъ, маленькій самострѣлъ, съ колчаномъ, наполненнымъ крошечными стрѣлами, рисовую ступку величиною съ наперстокъ, лодку съ веслами, вершу и корзиночку для переноски тяжестей; все это увѣнчивалось куринымъ яйцомъ и пучкомъ перьевъ. Сюда же прикрѣплены были смолой или воскомъ рисовыя зерна, клочки хлопка и т. п.: все это было праздничными подарками, которые должны были при-

звать благословеніе предковъ на работы, исполнявшіяся съ помощью оригиналовъ этихъ орудій. Три заступника передъ божествомъ, которые почитались въ Кафиристанѣ въ видѣ двухъ неотесанныхъ камней и грубо вырѣзанной изъ дерева человѣческой фигуры съ серебряными глазами, производятъ впечатлѣніе изображеній предковъ. Ихъ окропляютъ кровью жертвенныхъ козъ. У внутреннихъ азіатцевъ яснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, выступаетъ роль предковъ, какъ ходатаевъ въ загробномъ мірѣ. Алтайцы полагаютъ, что всѣ боги далеки отъ человѣка и передъ ними необходимо посредничество предковъ, живущихъ въ раю. „Но не всѣ люди знаютъ, какъ обращаться къ предкамъ; этой способностью обладаютъ лишь нѣкоторые роды, въ особенности семьи шамановъ.“ (Радловъ.)

Къ почитанію предковъ примыкаютъ обычаи, спускающіеся до каннибализма. Поклоненіе черепамъ имѣетъ широкое распространеніе. Черепа предковъ андаманцы носили на шеѣ, на шнуркѣ, прикрѣпленномъ къ обѣимъ скуловымъ дугамъ. Въ тибетскихъ монастыряхъ можно видѣть чашки для сбора подаяній изъ богато раззолоченныхъ череповъ, ручные барабаны изъ дѣтскихъ череповъ, обтянутыхъ змѣиной кожей (см. рис., стр. 769), трубы съ мундштуками изъ бедряныхъ костей. Среди первобытныхъ народовъ Индіи часто трудно отличить слѣды почитанія предковъ отъ поклоненія естественнымъ предметамъ и силамъ природы. Индійскимъ народамъ также приписывается поклоненіе змѣямъ, о которомъ особенно часто приходится слышать; желтымъ кореннымъ жителямъ являлись въ видѣ змѣй духи, помогавшіе имъ въ борьбѣ съ арійскимъ вторженіемъ. Быть можетъ, сюда же относится навѣсъ изъ змѣй, подъ которымъ сидитъ Будда. О джатахъ разсказываютъ, что высшимъ божествомъ у нихъ считается луна, но въ то же время прибавляютъ: они принесли съ собою идоловъ въ человѣческихъ образахъ, на плечахъ которыхъ возвышались головы орловъ и быковъ. О гондахъ мы слышимъ: они приносятъ жертвы лихорадкѣ и тигру, ставятъ каменныя глыбы кругомъ подножія исполинскаго дерева и опрыскиваютъ ихъ кровью. Этотъ народъ, стоящій, вѣроятно, на низкой ступени, поддерживаетъ свои преданія съ помощью особыхъ священныхъ пѣвцовъ, на ряду съ шаманами; на празднествахъ тамъ поются древнія пѣсни. Поклоненіе тигру приписывается и вараліямъ; при этомъ они отъ времени до времени осыпаютъ урны надъ могилами предковъ цвѣтами и зажигаютъ въ нихъ факелы.

У киргизовъ въ прежнее время молодая новобрачная на слѣдующій день послѣ свадьбы выводилась на солнце и должна была подъ покрываломъ низко поклониться ему. Монголки никогда не продаютъ молока при облачномъ небѣ. Въ Изэ, средоточіи культа Шинто, у японцевъ сохраняется металлическое зеркало — эмблема богини солнца, и на домашнемъ алтарѣ послѣдователей Шинто, вмѣсто безчисленныхъ крупныхъ и мелкихъ изображеній буддистовъ, можно видѣть только овальное зеркало, украшенное бумажной оберткой. Въ тѣсной связи съ нимъ выступаетъ огонь, какъ средство противъ злыхъ духовъ. Женщины, находящіяся около рождающей киргизки, заботятся о томъ, чтобы не угасалъ огонь на очагѣ: иначе придетъ дьяволъ, и случится какое нибудь несчастье. Тамъ прежде, чѣмъ невѣста войдетъ въ юрту, она кланяется огню, бросаетъ въ него въ видѣ жертвы кусокъ мяса и кусокъ масла и льетъ небольшое количество водки. Айносъ называетъ солнце своимъ высшимъ, а огонь — вторымъ послѣ него богомъ. Въ утро Новаго года, до наступленія сумерекъ, въ Японіи выносится огонь изъ храма, гдѣ благоговѣйно сохраняется первобытное сверло для добыванія огня; огонь, если онъ поддерживается въ теченіе цѣлаго года, избавляетъ домъ отъ пожара. Тунгусы предсказываютъ по треску дровъ въ огнѣ. Если бадахшанецъ до настоящаго времени безъ необходимости не зажигаетъ новаго огня, то въ этомъ можно видѣть воспоминаніе объ иранскомъ огненномъ культѣ. Другія сказанія напоминаютъ легенды о Прометеѣ.

Такъ, объ одной скалистой вершинѣ Арбузъ Улы монгольское преданіе разсказываетъ, что это — наковальня великаго кузнеца, который находился въ услуженіи у Чингисхана. Онъ сидѣлъ на землѣ у подножья этой наковальни и выковывалъ могучее оружіе для великаго завоевателя и исполинскія подковы для его лошади.

Боги въ образѣ животныхъ особенно извѣстны народамъ на нижнемъ Амурѣ, Сахалинѣ, Іессо и въ Камчаткѣ. Медвѣжій богъ гиляковъ, который лѣтомъ живетъ въ видѣ медвѣдя, а зимой въ видѣ гиляка, не единственный въ своемъ родѣ; у айносовъ онъ почитается съ пѣснями и плясками; на своемъ главномъ праздникѣ они убиваютъ молодого медвѣдя, вскормленнаго женщиной ихъ племени, съ льстивыми словами, и впослѣдствіи поклоняются его черепу. То обстоятельство, что и въ настоящее время извѣстныя животныя на языкѣ айносовъ носятъ имя kamoi („богъ"), говоритъ за нѣкогда широкое распространеніе культа животныхъ; такъ волкъ называется „воющимъ богомъ", сова — „божьей птицей" и т. под. Слѣды почитанія волка встрѣчаются и въ настоящее время. Въ медвѣжьемъ черепѣ на высокомъ шестѣ по срединѣ деревень айносовъ, въ значеніи, какое придавали арійцы и ихъ индоевропейскіе предки жертвоприношенію лошади, вслѣдствіе чего при упадкѣ браманизма могло появиться вѣрованіе, что жертва коня освобождаетъ отъ всѣхъ грѣховъ, — во всемъ этомъ мы видимъ отблески обоготворенія животныхъ. Въ Персіи до настоящаго времени конюшня служитъ вѣрнымъ убѣжищемъ для преступника. Въ быкѣ Индры, въ львѣ Вишну почитаніе этихъ животныхъ выступаетъ не только, какъ поэтическій образъ. Въ немъ глубоко коренится вырожденіе индійскихъ формъ вѣрованій и въ то же время мы замѣчаемъ всю глубину индійскаго поклоненія природѣ. И теперь еще можно видѣть, вблизи священныхъ мѣстъ, индусовъ, которые кормятъ муравьевъ, ползущихъ черезъ дорогу. Ручные олени, которыхъ нельзя убивать, получаютъ отъ паломниковъ, въ садахъ при храмахъ Японіи, похожіе на облатки, нарочно для нихъ изготовляемые хлѣбы. Въ Азіи, даже въ Европѣ мы видимъ воспоминанія о поклоненіи черепамъ животныхъ, какое мы встрѣчали у малайцевъ, меланезійцевъ и индѣйцевъ (ср. т. I, стр. 300, 458, 615 и 692). На высотахъ Тавриды и на Уралѣ можно видѣть трофееобразныя жертвоприношенія изъ череповъ и челюстей лошадей, воздвигавшіяся калмыками. Весьма замѣчательно также поклоненіе буйволамъ у тодовъ, и молитвы, съ которыми они обращались къ шейному колокольчику лучшаго изъ своихъ буйволовъ. Тамъ, гдѣ устраняется олицетвореніе духовнаго божественнаго существа, тамъ эти образы съ бычачьими и собачьими головами, эти священныя обезьяны, лошади и крокодилы представляютъ собою преломленные и отраженные лучи божественнаго солнца.

Священныя рощи и деревья существовали въ Индіи такъ же, какъ и въ Китаѣ, у тюрковъ и германцевъ. Въ Кореѣ почти въ каждой деревнѣ было свое священное дерево, и въ буддійскихъ мѣстахъ паломничества прессованные листья священныхъ деревьевъ составляютъ значительный предметъ торговли. При этомъ языческія и высшія начала сплетаются между собою. Въ Тонкинѣ, правда, священная смоковница называется деревомъ Будды, но у подножія ея строятся маленькіе алтари для заклинанія кобольдовъ, живущихъ въ тѣни ея. До самой восточной Европы почитаніе деревьевъ и лѣса у монголовъ оказывало благодѣтельное охраняющее дѣйствіе. Суевѣріе алтайскихъ горныхъ калмыковъ, которые не рубятъ зеленыхъ деревьевъ, сохраняло лѣса на верхнемъ Чарышѣ еще сто лѣтъ тому назадъ какъ будто подъ присмотромъ лѣсничаго, и Шангинъ своимъ русскимъ соплеменникамъ могъ рекомендовать это суевѣріе преимущественно передъ многими другими. Наиболѣе изящное развитіе этотъ культъ боговъ природы испыталъ въ Восточной Азіи, гдѣ онъ переходитъ въ поэтически-чувствительное и художественно-изобразительное почитаніе природы.

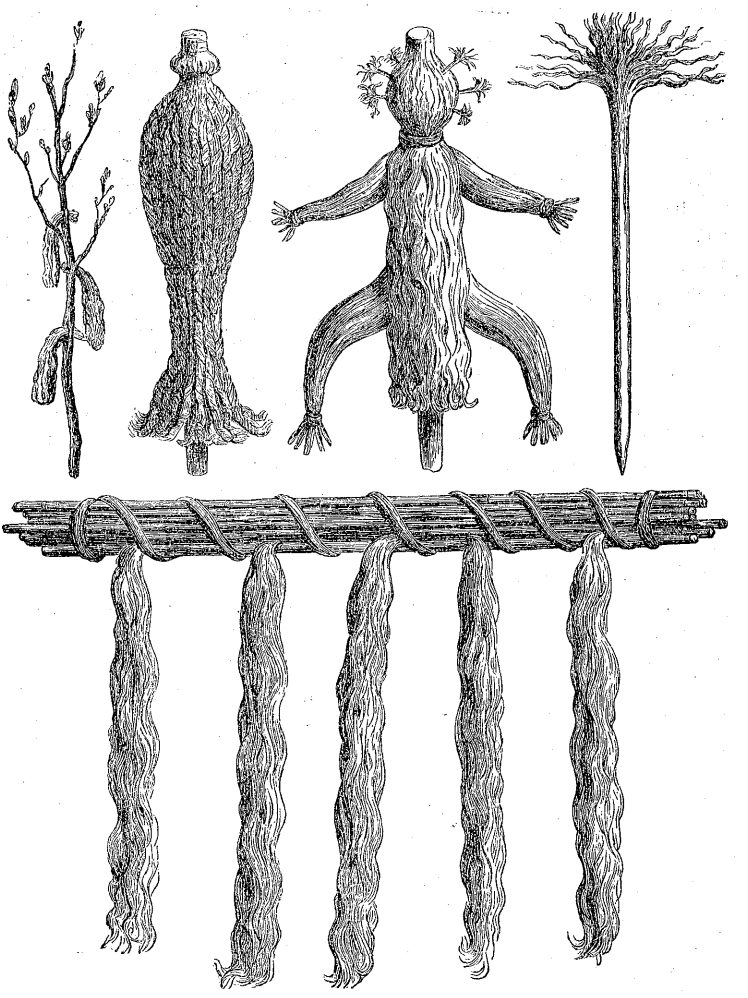
Высокія горы обладаютъ тамъ особыми духами покровителями, которымъ приносятъ жертвы на вершинахъ. Съ этимъ связывается частое изображеніе внушительныхъ горныхъ вершинъ на японскихъ картинахъ. Въ самомъ Арадо и около него находятся 14 горъ, передъ именами которыхъ ставится слово „амьё“, праотецъ, и которыя содержатъ цѣнные предметы и одинаково почитаются китайцами, тибетцами и монголами. Увѣнчанные храмами холмы и горы составляютъ цѣль безчисленныхъ паломниковъ даже и зимою. Кто въ Японіи хочетъ наслаждаться красивыми видами, тотъ долженъ подняться къ горному храму. И въ Китаѣ храмы таоистовъ смотрятся въ тихія бухты чистаго, богатаго ущельями верхняго Янтсе-Кіанга, въ самой величественной обстановкѣ. Священныя рощи храмовъ Шинто представляютъ самые красивые и наиболѣе посѣщаемые парки Японіи. Проходя въ утро Новаго года черезъ японскую деревню, можно видѣть сосны и бамбуки по обѣимъ сторонамъ дверей; надъ ними висятъ на соломенномъ жгутѣ пучекъ рисовой соломы, папоротникъ, померанецъ, морская водоросль, древесный уголь и красный ракъ, — вещи, обѣщающія счастье, въ видѣ пышнаго трофея. Въ цвѣточныхъ праздникахъ, проходящихъ черезъ Китай, Корею и Японію, въ особенности изящномъ праздникѣ хризантемъ, происходящемъ осенью, подъ дѣйствительно страстнымъ почитаніемъ изящныхъ явленій природы скрывается религіозная мысль. Но при праздникѣ хризантемъ можно еще видѣть рѣзанныя съ натуры деревянныя фигуры въ естественную величину, фигуры миѳа и исторіи героевъ, одѣтыя съ ногъ до головы въ живые цвѣты (ср. стр. 712 и слѣд.).

У азіатцевъ также распространено опасеніе, что лунное затменіе можетъ проглотить луну; поэтому его стараются прогнать шумомъ и криками. Мы находимъ повсюду вѣрованія въ счастливые и несчастные дни и въ счастливыя числа (всего чаще 9), въ нечистоту родильницы, которая у магометанъ и буддистовъ устраняется постановкой надъ нею священныхъ книгъ. Мы встрѣчаемъ широко распространенныя сказанія о долинахъ, которыя были озерами или вновь станутъ ими, какъ это разсказываютъ, между прочимъ, о верхней долинѣ Кашмира. По порученію императора, амбань Синина, въ присутствіи монгольскихъ князей, приноситъ въ жертву духамъ Куку-Нора обрѣзки серебряной бумаги, прося озеро даровать счастливое плаваніе. Точно также китайцы приносятъ жертвы морю.

Желѣзо занимаетъ особое мѣсто въ суевѣріи многочисленныхъ народовъ Азіи. Въ Индіи нѣкоторыя племена привѣшиваютъ въ видѣ жертвы наконечники копій и лемехи плуговъ къ священнымъ деревьямъ и потомъ опять приносятъ эти жертвы полевымъ плодамъ. Такъ поступаютъ, кромѣ биловъ, и гонды, шаманы которыхъ выбираются изъ состава кузнецовъ, работающихъ желѣзные топоры. Это — тѣ одержимые духами колдуны, которые посѣщаютъ человѣка, потерпѣвшаго нападеніе отъ дикихъ звѣрей, чтобы воспрепятствовать ему обратиться въ тигра. Широко распространена, вѣроятно, по всей Центральной Азіи вѣра въ цѣлительную силу и благодѣтельное знаніе кузнецовъ. Тамъ разсказываютъ, что метеорическіе камни выплевываются на землю огненными драконами.

Наиболѣе сходныя черты представляетъ космогонія. Высшее, всеобъемлющее божество, творческая птица, созданіе земли изъ морского дна, человѣческое дерево и пересозданіе божествомъ, близкимъ къ человѣку — мы все находимъ въ этой космогоніи. У японцевъ небо, земля и вода, которыя до появленія мужского и женскаго начала были сложены вмѣстѣ, какъ въ яйцѣ, раздѣляются силою собственной тяжести. Прежде всего острова всплываютъ на водѣ, какъ рыбы. Затѣмъ появляется изъ тростника духъ (ками) и далѣе шесть духовъ, господствующихъ въ водѣ, огнѣ, деревѣ, металлѣ и землѣ, между тѣмъ, какъ седьмой съ своей женой впадаетъ въ грѣхъ; въ нихъ, въ Ицаноги и Ицанами, новообращенные XVII в.

тотчасъ же узнали Адама и Еву. У языческихъ тюрковъ Алтая міровое цѣлое состоитъ изъ лежащихъ другъ надъ другомъ слоевъ, изъ которыхъ 7 или 9 образуютъ небо — царство свѣта, а нижніе — царство мрака; между ними лежитъ земля. Выше всѣхъ стоитъ самое могущественное божество Тенгере Кайраканъ: онъ безконеченъ и безначаленъ, онъ творецъ и хранитель всего живущаго. Этотъ богъ создалъ человѣка раньше неба и земли и леталъ вмѣстѣ съ нимъ по всему міру, но человѣкъ возмутился противъ него и бросился въ море, но Тенгере Кайраканъ тогда спасъ его, повелѣвъ подняться скалѣ. Человѣку этому имъ было приказано принести землю со дна моря, что́ тотъ и исполнилъ; но когда онъ еще разъ не послушался, удержавъ во рту землю, которая, будучи выплюнута, превратилась въ болото, божество прокляло его и назвало именемъ Эрликъ. Тогда творецъ создалъ дерево съ девятью вѣтвями, и изъ каждой вѣтви произошелъ праотецъ девяти народовъ, населяющихъ землю. А Эрликъ, который, будучи злымъ духомъ, старался соблазнить людей, былъ изгнанъ въ подземный міръ, и богъ далъ въ покровители людямъ добраго Майтере. Изъ разрушеннаго неба, которое воздвигъ Эрликъ и которое упало на землю, возникли горы и скалы. Но человѣку всего ближе земля и властитель Іо, который живетъ въ средоточіи земли, вблизи высокаго дерева, съ вѣнцомъ, возвышающимся до Бай-Ульгіена. Человѣкъ ищетъ помощи въ молитвахъ землѣ и 17-ти богамъ природы на горахъ и источникахъ чрезъ посредство своихъ предковъ. Злыхъ бросаютъ въ подземномъ мірѣ въ котелъ со смолою, а добрые ведутъ блаженную жизнь въ раю (акъ). Съ нѣкоторыми изъ этихъ воззрѣній мы уже познакомились выше (ср. т. I, стр. 45, 309 и 615). Семь міровыхъ слоевъ остяковъ, изъ которыхъ пятый снизу составляетъ землю, относятся сюда же. Болѣе всѣхъ выдается благодѣтель человѣчества, въ то же время доставившій ему огонь. У гаровъ онъ является сыномъ



Священныя палки (инабо) айносовъ. (По рисунку ф. Зибольда въ Вѣнѣ.)

высшаго бога Сальгонга. Землю, и притомъ изъ порожденнаго имъ самимъ яйца, создалъ Нусту съ помощью бога подземнаго міра Гирамана. Изъ тѣла Нусту произошли и рѣки.

Культъ Шинто изъ всѣхъ историческихъ религій, коренящихся во мракѣ миѳической эпохи, стоитъ всего ближе къ смѣшенію поклоненія предкамъ и природѣ. Когда этотъ культъ возвысился до государственной религіи въ Японіи и въ 1877 г. опять понизился, на него смотрѣли, какъ на простое поклоненіе изображеніямъ предковъ безъ всякаго этическаго содержанія, главнымъ образомъ, потому, что онъ признаетъ за властителями островного царства божественное происхожденіе и богоподобность. Другіе противопоставляли его буддизму, въ видѣ протестантизма Востока, такъ какъ онъ остался болѣе чистымъ отъ всякихъ примѣсей. Но эти сравненія не вѣрны. Культъ Шинто старѣе и проникнутъ буддійскими вѣяніями. Японская поговорка: „можно молиться и головѣ сардинки: все дѣло въ вѣрѣ“, вовсе не есть выраженіе большей религіозной искренности. Замѣчательнымъ внѣшнимъ проявленіемъ этого культа является жертвоприношеніе бѣлыхъ, позолоченныхъ по краямъ полосокъ бумаги, которыя по японски называются „гохей“ или императорскій подарокъ; онѣ раскладываются въ храмахъ Шинто, вѣроятно, затѣмъ, чтобы на нихъ могъ спуститься духъ божества, „ками“. Они встрѣчаются и въ Кореѣ, гдѣ есть послѣдователи шинтоизма. Какого рода символомъ служитъ эта бумага, для насъ не ясно. Повидимому, сюда же относится и широко распространенное почитаніе, какое китайцы вообще воздаютъ писаной бумагѣ. Когда китайскіе мудрецы воспѣваютъ на всѣ лады высокую цѣну письменности, то при этомъ и бумага является предметомъ почитанія, связаннаго даже съ процессіями и съ жертвами. Всѣ обрѣзки бумаги въ домахъ тщательно собираются и затѣмъ въ особомъ домикѣ передъ храмомъ предаются огню. У айносовъ воспоминанія о шинтоизмѣ замѣтны даже во внѣшнихъ формахъ. У нихъ есть только одинъ храмъ, посвященный Іошитсане, герою, вѣроятно, бѣжавшему изъ Японіи въ Іессо. Поклоненіе предкамъ и природѣ составляетъ основы ихъ вѣрованій. Въ каждой айносской хижинѣ мы видимъ въ посвященномъ домашнему богу сѣверовосточномъ углу воткнутыя въ стѣну палки „гохей“ (см. рис., стр. 763). Это — палки длиною въ 1, 2, 3—4 м. изъ опредѣленнаго дерева, ивоваго или вишневаго, верхніе слои котораго выстроганы въ видѣ узкихъ, спиральныхъ стружекъ и нерѣдко заключаютъ намеки на человѣческое лицо. Они имѣютъ такое же значеніе, какъ и бумажныя полосы шинтоистскихъ храмовъ. Этимъ инабамъ присуще нѣчто священное, чему приносятся жертвы. При слишкомъ частыхъ возліяніяхъ саке у айносовъ всегда прежде всего вспоминаютъ о нихъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто почитаніе предковъ исчезло въ культѣ инабовъ. Айносамъ извѣстно и почитаніе огня, и они видятъ нѣчто священное въ звѣздахъ, деревьяхъ, горахъ и рѣкахъ. Могиламъ они, повидимому, не воздаютъ никакого почитанія и только боятся ихъ, подобно тому, какъ сжигаютъ домъ умершаго до основанія. Миѳологическо-космогоническій элементъ изъ древней религіи Японіи, которая, повидимому, въ сущности, была и религіей Кореи, переселился въ народныя сказанія. Самый культъ ослабѣлъ вслѣдствіе развитія внѣшнихъ жертвоприношеній. До появленія Конфуція китайцы почитали также высшее существо, Хангти, которое переводится словами „небо“ или „богъ“. Они противопоставляли его землѣ, какъ нѣчто болѣе могущественное, и признавали плодотворное слияніе обоихъ въ мужчинѣ и женщинѣ, днѣ и ночи, властителѣ и народѣ.

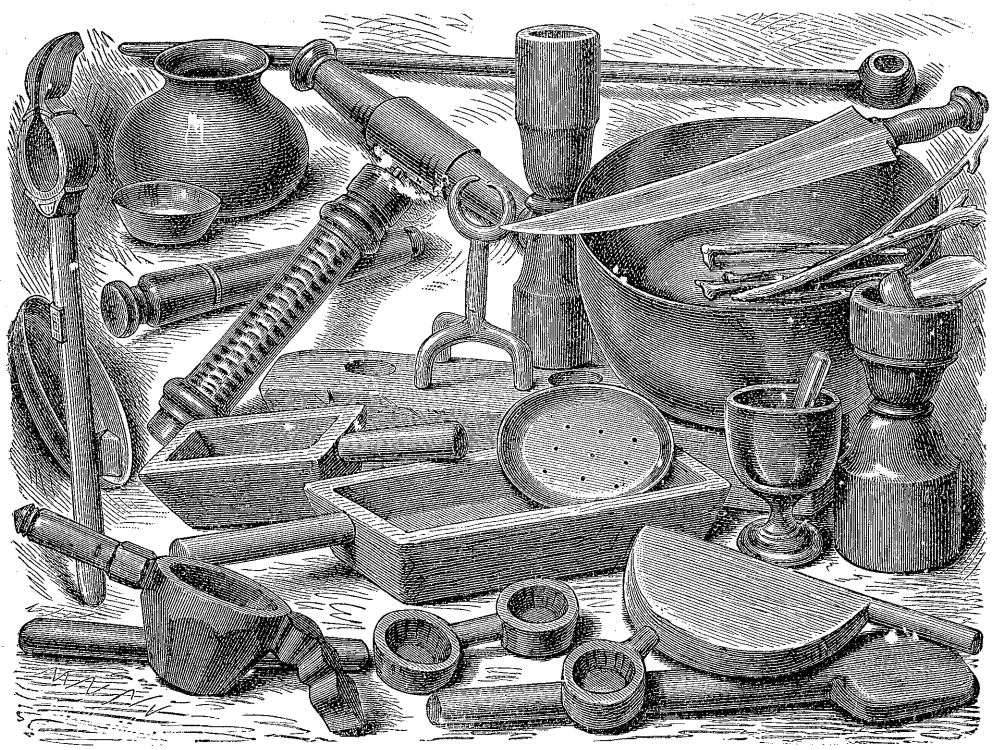
Религія древняго Египта, также глубоко преданная почитанію предковъ, выказываетъ иное развитіе. Кругъ боговъ древнѣйшихъ памятниковъ уже далеко отстоитъ отъ первоначальныхъ представленій. Многочисленные образы его выказываютъ расположеніе по извѣстной системѣ, какую жрецы могли выработать лишь весьма медленно. Египетское небо

населяли: Фта, стоявшій во главѣ всѣхъ боговъ, которыми онъ, по Манеѳону, управлялъ девять тысячъ лѣтъ, богъ начала, творецъ, устроитель, „Аммонъ“ верхняго Египта; Ра, воплощенный въ солнцѣ, поддерживающая, охраняющая сила; Нейтъ, олицетвореніе творческой силы природы въ женской формѣ, также „мать солнца“; Пахтъ или Бастъ, дочь солнечнаго бога Ра; Гаторъ, богиня любовной страсти и рожденія, и рядомъ съ ними еще многія другія мѣстныя видоизмѣненія почитанія силъ природы. Существуютъ указанія, что Фта, Ра и Шу, какъ болѣе древніе боги, противополагались группѣ болѣе молодыхъ, къ которымъ прежде всего принадлежали Озирисъ и Тифонъ, которые, будучи специфически египетскими, воплощали противоположность плодородной Нильской долины и пустыни и борьбу между созданіемъ и разрушеніемъ. Это были народные боги. Болѣе древніе, какъ будто они были чужеземными, извѣстны были только жрецамъ, которые могли сказать своему народу то, что сказали Солону, когда онъ пытался проникнуть въ ихъ тайны: „вы — не болѣе, какъ дѣти.“

Въ ту эпоху, изъ которой исходятъ древнѣйшія части гимновъ и пѣсней Ведъ, религія арійцевъ также была чистымъ поклоненіемъ природѣ. Они почитали небо, солнце, громовержца, огонь, дождь и боялись ночи, темноты, предшествующей грозѣ, засухи. Своихъ добрыхъ боговъ они называли свѣтлыми, лучезарными (девами), а злыхъ — темными. Гроза была для нихъ борьбою между тѣми и другими; мечущій молніи небесный богъ Индра, стоящій весьма близко къ греческому Зевсу, борется съ Вритрой-затемнителемъ. Въ первыхъ лучахъ солнца, бросаемыхъ утренней зарей, арійцы привѣтствовали двухъ свѣтлыхъ братьевъ — Асвиновъ, которые на трехколесной колесницѣ проѣзжаютъ по міру свѣта, воздуха и облаковъ. Сама утренняя заря — дѣвственница, къ которой обращаются, какъ къ красной коровѣ, а божества свѣта — братья и соратники Индры; среди нихъ выдѣляется богъ солнца и богъ свѣта Арьяманъ. Въ Варунѣ (Уранѣ) закругляется надъ всѣми всеобъемлющій небесный сводъ. Преимущественно передъ всѣми почитался, впрочемъ, богъ огня Агни — другъ человѣка. Агни, какъ огню, поѣдающему жертву и несущему ее въ своемъ дымѣ небу, воздавалось самое искреннее поклоненіе. Поэтому онъ являлся вѣстникомъ между богами и людьми, посредникомъ между небомъ и землей. Варуна, высшій изъ этого божественнаго круга, есть въ то же время самый отдаленный; вслѣдствіе того, человѣку кажется почти столь же важнымъ Индра, истребитель демоновъ, герой борьбы, всевластный, укрѣпляющій горы, дающій мѣру воздушному кругу, поддерживающій небо. Ему приносились огненныя жертвы, для него приготовлялся напитокъ сомо (изъ наркотическаго растенія Asclepias acida). Эти жертвы должны были радовать его, но въ то же время и подкрѣплять для выполненія великихъ задачъ. Первоначально эту жертву приносилъ глава каждой семьи. Мистическое жертвоприношеніе напитка, которое можно сравнить съ сомой, вѣроятно, совершалось при началѣ каждой трапезы, каждаго празднества, каждаго посвященія и при встрѣчѣ дружественныхъ гостей, въ видѣ возліяній на землю. Болѣе глубокій смыслъ эти жертвы, по большей части, утратили. Въ Тибетѣ можжевеловыя вѣтви сжигались на алтарѣ, и когда онѣ тлѣли, на нихъ возливалось молоко, вино и чай. У немногихъ народовъ идея жертвоприношенія напитка настолько проникаетъ всѣ вѣрованія, какъ у хевсуровъ на Кавказѣ, у которыхъ священное пиво, сваренное изъ ячменя и хмеля въ уединенныхъ хижинахъ, остающееся въ теченіе года въ хижинѣ и недоступное взору женщины или ребенка, представляетъ языческую сторону вѣрованія, проникнутаго христіанскими и магометанскими элементами. На празднествахъ, когда пьютъ это пиво, переходятъ по кругу кубки изъ липоваго дерева въ честь духа, которому принадлежатъ мѣдный котелъ и пиво.

Во время завоевательныхъ походовъ арійцевъ въ сѣверной Индіи об-

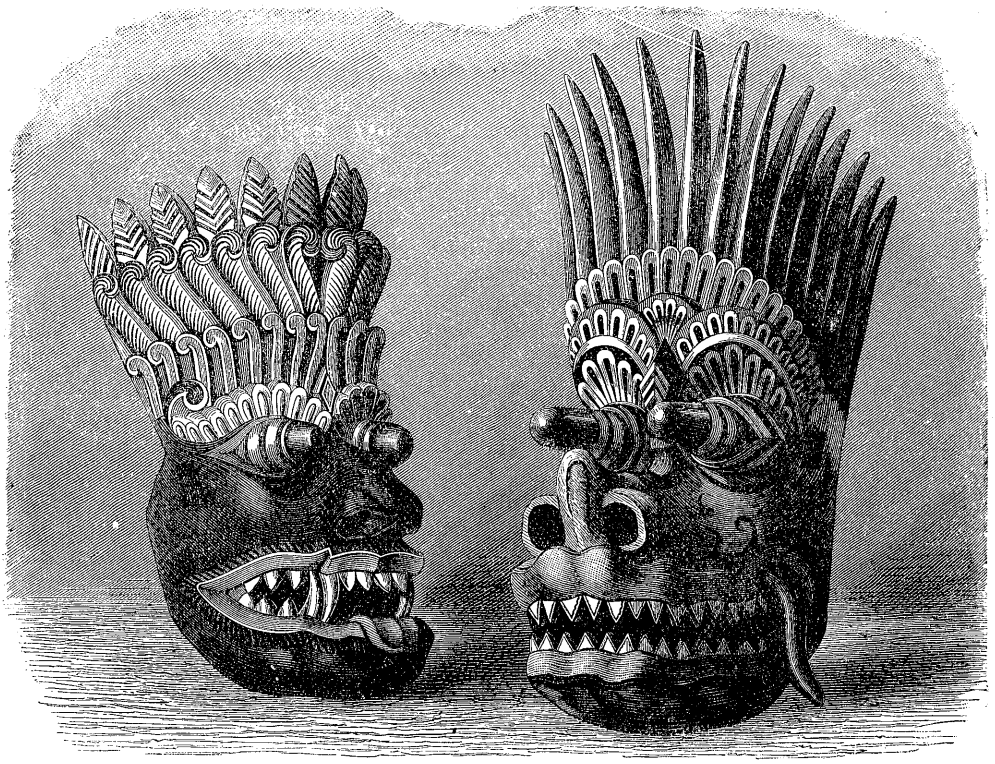
разовалась жреческая каста, вытѣснившая миѳологическую черту древнихъ вѣрованій, пластически очеловѣчивавшую божественное начало. Эта каста достигла указанной цѣли, превративъ отвлеченнаго бога молитвъ, „господствующаго надъ божествами и дающаго имъ силу“ подъ именемъ Браманаспати — въ настоящаго бога жрецовъ. Эта абстракція изъ таинствъ культа переселилась въ брахманъ, духовное начало, стоящее выше всѣхъ боговъ, въ міровую душу. Такимъ образомъ жрецы въ высшемъ полетѣ своей мысли приближались къ единобожію, между тѣмъ, какъ народъ все глубже погружался въ многобожіе и идолослуженіе и, только благодаря системѣ переселенія душъ, опять подошелъ къ Брамѣ. Но и



Орудія браманскаго жертвоприношенія и богослуженія. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) Ср. текстъ, стр. 767.

первые не возвышались до единаго божества въ его глубинѣ, и оно оставалось лишь предметомъ мышленія; когда, наконецъ, они стали смотрѣть на весь міръ, какъ на развившагося Браму, они пришли къ общему обожествленію, и спасительное единобожіе было утрачено. Отвѣтственность за преобладаніе многобожія возлагаютъ, между прочимъ, и на тропическую природу, въ которую въ индійской низинѣ перемѣщенъ былъ народъ съ прохладныхъ плоскогорій; жителямъ Индіи приписывали даже особый „множительный духъ“. Но многобожіе получило гораздо болѣе матеріала изъ того поклоненія богамъ и идоламъ, какое существовало уже въ этихъ странахъ. Въ религіяхъ Индіи болѣе низменныя мысли доарійскихъ народовъ заглушаютъ духовныя построенія арійцевъ, подобно тому, какъ кустарникъ глушитъ развалины величественнаго зданія. Здѣсь все поднялось высоко — и животные образы боговъ, и многообразіе и чудовищность ихъ, весь комплексъ кроваваго культа Шивы съ его человѣческими жертвами, вся вѣра въ предковъ и духовъ, поклоненіе змѣямъ, а быть можетъ и вѣра въ воз-

рожденіе. Здѣсь многое напоминаетъ религіи негровъ, океанійцевъ и американцевъ, являясь широкимъ фундаментомъ, изъ обломковъ котораго построены были отдѣльныя религіозныя системы. Множество амулетовъ напоминаетъ поклоненіе фетишамъ. Въ Тибетѣ и Индокитаѣ нельзя никого встрѣтить безъ амулета. Въ этомъ качествѣ особенно употребительны зубы собакъ и крокодиловъ, недоразвившіеся зубы слоновъ и клыки кабановъ. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ темнаго смѣшаннаго народа индусовъ, развитіемъ деспотизма и кастовой системы въ большихъ царствахъ происходило увеличеніе числа боговъ природы Ведъ до 33,000 божествъ. Различіе между чистымъ и нечистымъ въ тоже время прово-



Деревянныя обрядовыя маски сингалезовъ. (Музей народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.) 1/6 наст. вел.
Ср. текстъ, стр. 768.

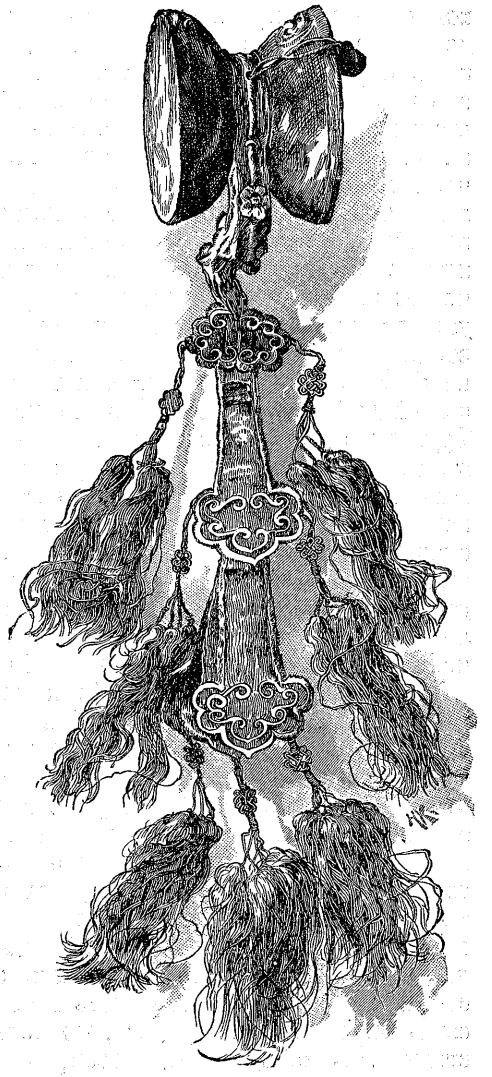
дило рѣзкую границу черезъ весь чувственный міръ и шло на встрѣчу внѣшнимъ сторонамъ культа въ видѣ запрещенія нѣкоторыхъ кушаній и т. п. Такое же дѣйствіе оказывалъ тягостный, выработанный до мелочей ритуалъ жертвоприношеній (см. рис. стр. 766) и молитвъ, не оставлявшій благочестивымъ людямъ ни одной минуты для самихъ себя. Въ этихъ внѣшнихъ предметахъ сходились жрецы и народъ; во внутренней глубинѣ проявлялось тѣмъ большее различіе. При этомъ Веды передавались и передаются до сихъ поръ лишь путемъ устнаго преданія. Рукописи и въ настоящее время печатныя книги служатъ только для обезпеченія точности. Въ Ригведѣ изложены тщательно обдуманныя правила этого заучиванія на память. Послѣ того, какъ ученикъ учится въ продолженіе восьми лѣтъ ежедневно за исключеніемъ праздниковъ, т. е. 2496 дней, подъ конецъ онъ знаетъ наизусть 944,000 слоговъ. Въ народномъ сознаніи остались, однако, лишь нѣкоторые божественные образы и во главѣ ихъ, слившіеся изъ болѣе древнихъ образовъ боговъ и героевъ, Шива и Вишну; изъ нихъ первый —

въ сухихъ западныхъ областяхъ посылалъ дождь, а послѣдній во влажной долинѣ Ганга былъ богомъ свѣта и солнца. Браманизмъ народа всегда былъ близокъ къ многобожію, къ идолослуженію. Буддизмъ даже въ испорченной формѣ не знаетъ никакихъ зрѣлищъ, какія можно видѣть въ индійскихъ городахъ, когда, напр., они имѣютъ цѣлью расположить къ щедрости путешественника. Барабаны, большіе желѣзные ящики, по которымъ колотятъ металлическими палками, двѣ громадныя литавры и рѣзкія завыванія и крики человѣческихъ голосовъ возвѣщаютъ тамъ приближеніе бога; при этомъ несутъ изображеніе божества, состоящее иногда лишь изъ нѣсколькихъ грубо вырѣзанныхъ изъ дерева головъ, въ паланкинѣ, обвѣшанномъ старыми шалями, корзину съ цвѣтами и деревянныя маски (см. рис. стр. 767) и за этимъ слѣдуютъ пляшущія и поющія, просящія милостыню, отчасти жалкія фигуры профессіональныхъ кающихся грѣшниковъ.

Арійскимъ народамъ были не чужды и человѣческія жертвы. Слѣды ихъ мы находимъ въ Греціи и Римѣ, у кельтовъ и германцевъ Въ жаркой, густо населенной низинѣ Индіи грубыя и жестокія черты древней религіи, не отвергавшей кровавыхъ жертвъ, отпечатлѣлись и въ вѣрѣ Брамы, мягкость которой была только кажущейся. Мѣстные обычаи вовсе не выказывали боязни крови. Кхондамъ и въ настоящее время приписываютъ человѣческія жертвы; офиціально засвидѣтельствовано, что они производились у гаровъ еще въ 1866 г. Братья Шлагинтвейтъ привезли жертвенный ножъ, который похожъ въ увеличенномъ видѣ на ножъ бондарей: онъ широкъ на концѣ, тяжелъ и спереди сильно отточенъ; на широкомъ концѣ клинка длиною въ 40 см. вырѣзанъ глазъ съ желтой окраской. Жертвоприношенія лошади древнихъ раджпутовъ, связанныя съ человѣческими жертвами, прекратились только тогда, когда эти воины бросились въ объятія джайнизма. Англо-индійскія власти должны были до нынѣшняго времени бороться съ нѣкоторыми формами человѣческой жертвы. Чтобы смягчить гнѣвъ боговъ, вѣрующіе приносятъ въ жертву собственныя головы: въ 1883 г. цѣлая семья баніаевъ въ Катьяварѣ принесла себя въ жертву богу Ганапати; старшій сынъ отрубилъ сперва голову обоимъ родителямъ, затѣмъ четыремъ братьямъ, тремъ зятьямъ и двумъ сестрамъ и подконецъ самъ бросился въ колодецъ. Журналъ евангелической миссіи назвалъ тогда подобныя жертвоприношенія, „камаль пуджи“, вовсе не слишкомъ рѣдкими; подобный же обычай (мансами) еще немного лѣтъ тому назадъ въ Раджпутанѣ былъ довольно обыкновеннымъ дѣломъ. Когда два человѣка спорили между собой, и слабѣйшій не могъ добиться своего, онъ угрожалъ другому мансами; онъ шелъ домой и разбивалъ голову одному изъ своихъ дѣтей для того, чтобы невинно пролитая кровь пала проклятіемъ на голову противника. Нѣкоторые браманы защищали такой видъ дѣтоубійства. Мы не будемъ уже говорить здѣсь о частыхъ случаяхъ простого дѣтоубійства. Но къ этимъ же обычаямъ относится принесеніе вдовъ въ жертву на погребальномъ кострѣ мужа (ср. выше, стр. 636).

Поклоненіе огню иранцевъ, которому остались вѣрны немногіе разсѣянные остатки древняго персидскаго народа, имѣетъ одинаковые корни съ почитаніемъ Индры и Агни у предковъ индусовъ. Впрочемъ, въ Зендавестѣ преданія безцвѣтнѣе и схематичнѣе; цѣльное, повидимому, откровеніе Заратуштры несвободно отъ остатковъ болѣе древнихъ воззрѣній. Но уже въ священныхъ книгахъ Ирана огонь, по своему происхожденію и дѣйствію, получаетъ вполнѣ точную классификацію. Самымъ священнымъ считается огонь облаковъ — молнія; но изъ 15 различныхъ огней составляется самый сильный огонь, убивающій всѣхъ демоновъ. Восхваляются и куски различныхъ деревьевъ, отъ тренія которыхъ происходитъ огонь. Отъ огня исходитъ имя жреца въ Зендавестѣ, Атраванъ. Когда со временъ древнихъ грековъ на-

зываютъ огонь богомъ персовъ, то при этомъ не надо представлять себѣ какого либо очеловѣченія его: огонь является достойнымъ почитанія, какъ полезная, могущественная сила. Правда, онъ могъ являться и въ видѣ живого бога, когда на огонь возлагалась жертва со словами: „ѣшь, владыка огонь", когда считалось грѣхомъ разводить огонь сырымъ деревомъ, когда жрецы приближались къ огню съ закутаннымъ ртомъ. И въ настоящее время парсы не задуваютъ никакого огня и даже на пожарахъ не заливаютъ огня водою. Поклоненіе огню доставляло отраду богамъ солнца, свѣта и богинѣ утренней зари. Богъ свѣта, Митра, имѣющій 10 тыс. глазъ, чтобы видѣть все несправедливое, есть въ то же время добрый богъ истины и справедливости. Въ его постоянной борьбѣ съ злыми силами мрака выражается уже противоположность Аурамазды (Ормузда) и Аримана. Окруженные степями иранцы не скупятся на похвалу водѣ. Они связываютъ дождь со звѣздами и всего болѣе прославляютъ Сиріуса, посылающаго плодотворные ливни; они почитаютъ богиню воды, которая въ то же время управляетъ опрятностью и плодородіемъ. Сому индусовъ иранцы, подъ именемъ гаомы, приносили землѣ въ видѣ возліянія. Заратуштра, который въ XIV в. до Р. Х. обновилъ пришедшую въ упадокъ, проникнутую чуждыми элементами и тѣснимую вѣру, происходилъ отъ царей Бактріи, страны, гдѣ мы видимъ самую рѣзкую противоположность плодородныхъ мѣстностей и пустынь, благодѣтельной влажности и губительной сухости, мягкихъ и суровыхъ силъ природы. Эти противоположности отражаются въ религіозныхъ представленіяхъ въ видѣ свѣта и тьмы, добра и зла. Болѣе древнее поклоненіе свѣту кажется оптимистическимъ на ряду съ строгимъ проведеніемъ противоположности и борьбы между свѣтомъ и мракомъ, которая сходитъ и на землю, чтобы помочь распространенію культурной страны насчетъ пустыни и устойчивой работы земледѣльца противъ хищничества номадовъ.



Ручной барабанъ (дамару) изъ двухъ дѣтскихъ череповъ, Сѣв. Тибетъ. (По Рокгиллю.) Ср. текстъ, стр. 760.

Жреческое сословіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ маговъ, заявило исключительное притязаніе на принесеніе жертвъ и обращеніе къ высшимъ силамъ съ молитвами, наиболѣе дѣйствительными. Въ ихъ характерѣ многое напоминаетъ шамановъ внутренней Азіи; другія черты приводятъ къ связи съ прорицающими, истолковывающими звѣзды, опредѣляющими время, охватывающими всѣ науки жрецами Вавилона. Они пользовались властью и вліяніемъ въ качествѣ посредниковъ между богомъ и людьми, хотя и не представляли строго наслѣдственной касты. Преданія, соеди-

ненныя въ Зендавестѣ, мало выказываютъ слѣдовъ искренности, отличающей древнѣйшія пѣсни Веды, много отвлеченности и формальности. Миѳологическій элементъ отодвинутъ на второй планъ. Огонь, являющійся сыномъ Аурамазды, а земля — его дочерью и т. п. выказываютъ только генеалогіи древнихъ божествъ. Аурамазда окруженъ духами, имена которыхъ — простыя отвлеченія, какъ, напр., чистая истина, совершенство, безсмертіе, безконечное время. Духи предковъ (фраваши) наполняютъ воздухъ, охраняютъ все доброе, а также и небо отъ нападенія злыхъ духовъ (девовъ). Между тѣмъ, какъ первые обитаютъ на свѣтлыхъ возвышенностяхъ и на тепломъ югѣ, все злое приходитъ съ сѣвера. Животныя также раздѣляются на добрыхъ и злыхъ; во главѣ добрыхъ стоитъ провозвѣстникъ свѣта — пѣтухъ. Жертвами, главнымъ образомъ, служатъ животныя. Труднѣе объяснить человѣческія жертвы, которыя, однако, кажутся вѣроятными по различнымъ свидѣтельствамъ. Наибольшимъ почитаніемъ пользовались загадочно вырывающіеся изъ подъ земли огни, изъ которыхъ самые знаменитые, священные огни Баку въ недавнее время получили важное промышленное значеніе: земля вокругъ нихъ пріобрѣла такую цѣнность, что на ней не можетъ уже распространяться никакое поселеніе. Sic transit! Самымъ характернымъ въ вѣрованіи персовъ казалось то, что они не имѣли никакихъ храмовъ и изображеній боговъ, и что, хотя жрецъ призывалъ на мѣсто жертвоприношеній добрыхъ духовъ, но не пользовался никакими изображеніями ихъ. Трупы не должны осквернять ни огонь, ни землю; ихъ слѣдуетъ класть въ открытую яму, выложенную камнемъ, лицомъ къ солнцу, предоставляя ихъ хищнымъ животнымъ. Эта тонко выработанная система въ концѣ концовъ не удовлетворила народъ. Духи превратились въ привидѣнія и оказывали давленіе на здравый смыслъ, который, ища помощи, наталкивался только на отвлеченія. Культъ огня парсовъ, ограничивающійся въ настоящее время немногими сотнями тысячъ послѣдователей, принадлежитъ уже исторіи, какъ самое одностороннее послѣдовательное развитіе человѣческой мысли въ почитаніи солнца и огня.

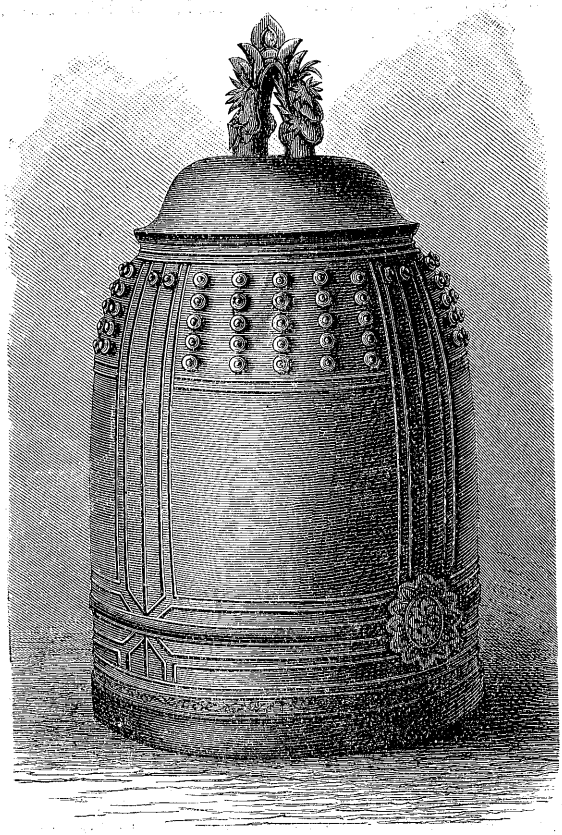
Религія Ведъ въ Индіи и послѣ своего тяжелаго низложенія буддизмомъ осталась живою. Браманизмъ въ узкихъ кругахъ жрецовъ не вполнѣ превратился въ идолослуженіе передъ Вишну, Сивой и Брамой. Глядя со стороны, можно испытать впечатлѣніе, какъ будто браманизмъ въ борьбѣ съ буддизмомъ утратилъ свои наиболѣе духовные элементы и опустился до служенія мѣстнымъ идоламъ, предшествовавшимъ браманизму, которое продолжало прозябать въ глубинахъ народныхъ вѣрованій. Но точно такъ-же, какъ строгое, подъ страхомъ смерти, послѣдованіе предписаніямъ относительно кастъ и пищи выказываетъ внѣшнее вліяніе браманизма, сохраненіе положеній Ведъ, какъ высшаго авторитета въ жизни и вѣрованіяхъ, затмевающаго даже законы Ману, позволяетъ угадывать, насколько глубоко культъ Ведъ пускаетъ все еще живые корни. Сословіе тысячъ жрецовъ, живущихъ, по большей части, въ уединеніи или въ монастырскомъ общежитіи, презирающее бенгальскій и еще болѣе англійскій языкъ, говорящее и пишущее только по санскритски и считающее первымъ долгомъ, въ силу традиціи, знать наизусть всю Ригведу, является представителемъ древней вѣры. Въ 1891 г. насчитывалось болѣе 200 милл. поклонниковъ Брамы, которые встрѣчаются только въ Индіи.

Ученіе Будды, которое около VI вѣка до Р. Х. выдѣлилось изъ браманизма, сдѣлалось религіей, имѣющей на землѣ наибольшее число послѣдователей; ей принадлежатъ вся восточная и половина южной и внутренней Азіи. Возникшій противоположно системѣ Брамы — Вишну — Сивы, застывшей въ своемъ могуществѣ и богатствѣ, буддизмъ придавалъ сперва наибольшее значеніе внутреннему міру. Браманы сковали всю жизнь народа обрядами и кастовымъ характеромъ всего религіознаго ученія, и въ концѣ концовъ это оказалось обременительнымъ. Сынъ царя небольшой страны

Капилавасту, появившійся на свѣтъ въ 623 г. до Р. Х., отпрыскъ древняго рода Сакья, на 29-мъ году жизни былъ такъ пораженъ бѣдствіями людей, о спасеніи которыхъ никто не хотѣлъ позаботиться, что тайно оставилъ царскій дворецъ и отослалъ обратно свою лошадь, оружіе и украшенія. Послѣ шестилѣтней отшельнической жизни, которая ознакомила его съ значеніемъ бѣдности для умерщвленія желаній и просвѣщенія духа, онъ изъ Сакьямуни сдѣлался Буддой, просвѣщеннымъ. Правда, браманы, изъ которыхъ многіе ранѣе его пошли по пути покаянія, проповѣдывали ему то, что они знали, но въ ихъ проповѣди не было никакого объясненія зла и никакого средства смягченія его. Будда, съ горшкомъ и посохомъ нищаго въ рукахъ, проходилъ разныя страны и проповѣдывалъ четыре главныя истины — зло, происхожденіе зла, уничтоженіе зла и путь къ его уничтоженію. Страданіе заключается въ желаніи; его побѣждаютъ, освобождая душу отъ тѣла: погибнуть въ Нирванѣ, въ ничто — значитъ спастись. Въ опредѣленныхъ выраженіяхъ Будда требовалъ отъ своихъ учениковъ жизни отреченія, бѣдности и цѣломудрія. Одѣтые въ лохмотья, съ остриженной головой, съ горшкомъ нищаго въ рукѣ, они должны были ходить по странѣ. Не всѣ, конечно, могли стремиться къ высшему образцу: для народа, о пользѣ котораго сознательно заботился Сакьямуни, практически примѣнимымъ, дѣятельнымъ результатомъ оставалось умерщвленіе страстей, достигаемое не слишкомъ труднымъ аскетизмомъ. И такъ какъ все человѣчество есть одно братство, соединенное страданіями, то люди должны оказывать помощь другъ другу, проявлять милосердіе и терпѣніе и не выказывать добрыхъ дѣлъ, а открыто обнаруживать свои пороки. Въ краткихъ формулахъ, вродѣ „ученіе Будды есть: оставлять злое, дѣлать доброе, укрощать мысли“, это ученіе для народа было ясными, простыми, спасительными нравственными понятіями и въ то же время обѣщаніями освобожденія изъ круга кастъ, законовъ чистоты и обрядности. Этотъ даръ казался настолько цѣннымъ, что народъ охотно отдавалъ старыхъ боговъ, для которыхъ не было мѣста въ Нирванѣ Будды. Уже при своей жизни, Будда пріобрѣлъ такую приверженность народа, что ученіе его восторжествовало надъ всѣми преслѣдованіями. Онъ оставилъ большое число послѣдователей и между ними довѣренныхъ учениковъ, которымъ поручилъ передъ смертью собрать его поученія и оповѣстить всему міру. Онъ умеръ въ 543 г., и послѣдними словами его были: „все непрочно“. Этотъ завѣтъ, оставленный ученикамъ, обозначаетъ начало могущественной пропаганды; но то обстоятельство, что пепелъ его

Японскій жрецъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 775 и 778 и рис., стр. 776.

былъ заключенъ въ золотой сосудъ, показываетъ быстрое пониженіе ученія его съ высоты добровольной бѣдности. Преслѣдованія поклонниками Брамы и государственными властями довершили дѣло созданія изъ высокаго ученія одного лица религіи, доступной для сотенъ милліоновъ самыхъ разнородныхъ людей. И буддизмъ, при всей высотѣ воззрѣнія и всей глубинѣ пониманія, въ глазахъ массъ сдѣлался идолослуженіемъ. Когда, послѣ столѣтій преслѣдованія, браманизмъ и буддизмъ были перенесены на чуждую почву, оказалось, какъ много послѣдній заимствовалъ изъ перваго. Въ XI в. буддизмъ былъ окончательно сметенъ съ почвы Индіи и удержался только въ Цейлонѣ, гдѣ и сохранился въ наибольшей чистотѣ; оттуда онъ совершилъ большія завоеванія въ южной и восточной Азіи.



Буддійскій колоколъ.
(Музей народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.)

Буддизмъ можно понять только, какъ развитіе браманизма; развитіе языковъ, производныхъ изъ санскрита, не случайно было одновременнымъ явленіемъ. Большая часть населенія легко могла отказаться отъ Ведъ, такъ какъ пониманіе ихъ ограничивалось лишь тѣсными кругами. Но отсюда не послѣдовало обновленія внѣшней и внутренней жизни. Говорятъ, что III вѣкъ до Р. Х. обозначаетъ для Индіи границу новаго и стараго въ языкѣ, вѣрованіяхъ и культурѣ. При царѣ Асокѣ въ Паталипурѣ былъ собранъ большой буддійскій соборъ, который запечатлѣлъ подъемъ буддизма. Отъ этого времени исходятъ первыя надписи на производныхъ языкахъ санскрита. Буддизмъ, послѣ распространенія его ученія, продолжалъ распространяться, но индійская культура была слишкомъ стара, чтобы для нея было возможно основное преобразованіе. Буддизмъ открываетъ возможность углубленія для каждаго отдѣльнаго лица, но онъ не окрылялъ умовъ, не передѣлывалъ людей, привыкшихъ молча повиноваться, глухо обдумывать свои мысли и терпѣливо повторять старое. Безъ сомнѣнія, лучшимъ вліяніемъ его въ исторіи было отсутствіе исключительнаго фанатизма, благодаря которому, быть можетъ, уже въ началѣ нашего лѣтосчисленія статуи Будды появились въ браманскихъ храмахъ. Въ Японіи можно ясно видѣть, насколько постепенно получившій склонность къ пышности буддійскій культъ поддерживалъ и возвышалъ искусство (см. табл. „Залы буддійскаго храма въ Кіото“); упадокъ искусства въ Кореѣ можетъ быть объясненъ уклоненіемъ отъ буддизма. Мы имѣемъ свидѣтельство того, что буддизмъ, наряду съ культомъ Вишну и Сивы, былъ введенъ въ Цейлонѣ малабарскими царями. Въ храмѣ Чапинью въ Бармѣ изображеніе Будды можно видѣть рядомъ съ браманскими изобра-

женіями, и народъ оказываетъ имъ одинаковое почитаніе. На землѣ старинной кмерской страны, гдѣ религіи Брамы и Будды оставили величественные памятники, религіей единственно имѣющей практическое значеніе для народа, осталась вѣра въ мѣстныхъ покровительствующихъ божествъ, соотвѣтствующихъ индійскимъ питри. Кромѣ этихъ божествъ, буддійскія представленія о загробномъ мирѣ, въ измѣненномъ и, по большей части, искаженномъ, огрубѣвшемъ видѣ, получили обширное значеніе. Помимо Нирваны или рая, многіе вѣрятъ и въ адъ съ семью ступенями, съ наказаніями, все болѣе и болѣе болѣзненными. Брама является и стражемъ рая. Ученіе о переселеніи душъ также удержалось. Но Будда почитается, какъ настоящій Будда и какъ Будда Преа-Миттай (Митрейя), важнѣйшее божество и въ то же время ожидаемый избавитель. Энгельбертъ Кемпферъ писалъ въ 1690 г. въ Айютіи: „религія сіамцевъ есть ученіе брамановъ, которое, правда, имѣетъ одно и то же происхожденіе, но по языку, нравамъ и толкованіямъ различныхъ народовъ раздѣляется на различныя секты и мнѣнія. Перваго учителя своей религіи сіамцы изображаютъ въ своихъ храмахъ въ видѣ сидящаго мавра съ курчавой головой, позолоченнаго ради почета, громадной величины“. Сіамъ въ настоящее время есть средоточіе ученія Будды, гордящагося своей чистотой. Культъ лингама нашелъ въ Индокитаѣ также обширное распространеніе. Цилиндрическій округленный сверху символъ Сивы увѣнчиваетъ сверху сіамскія постройки.

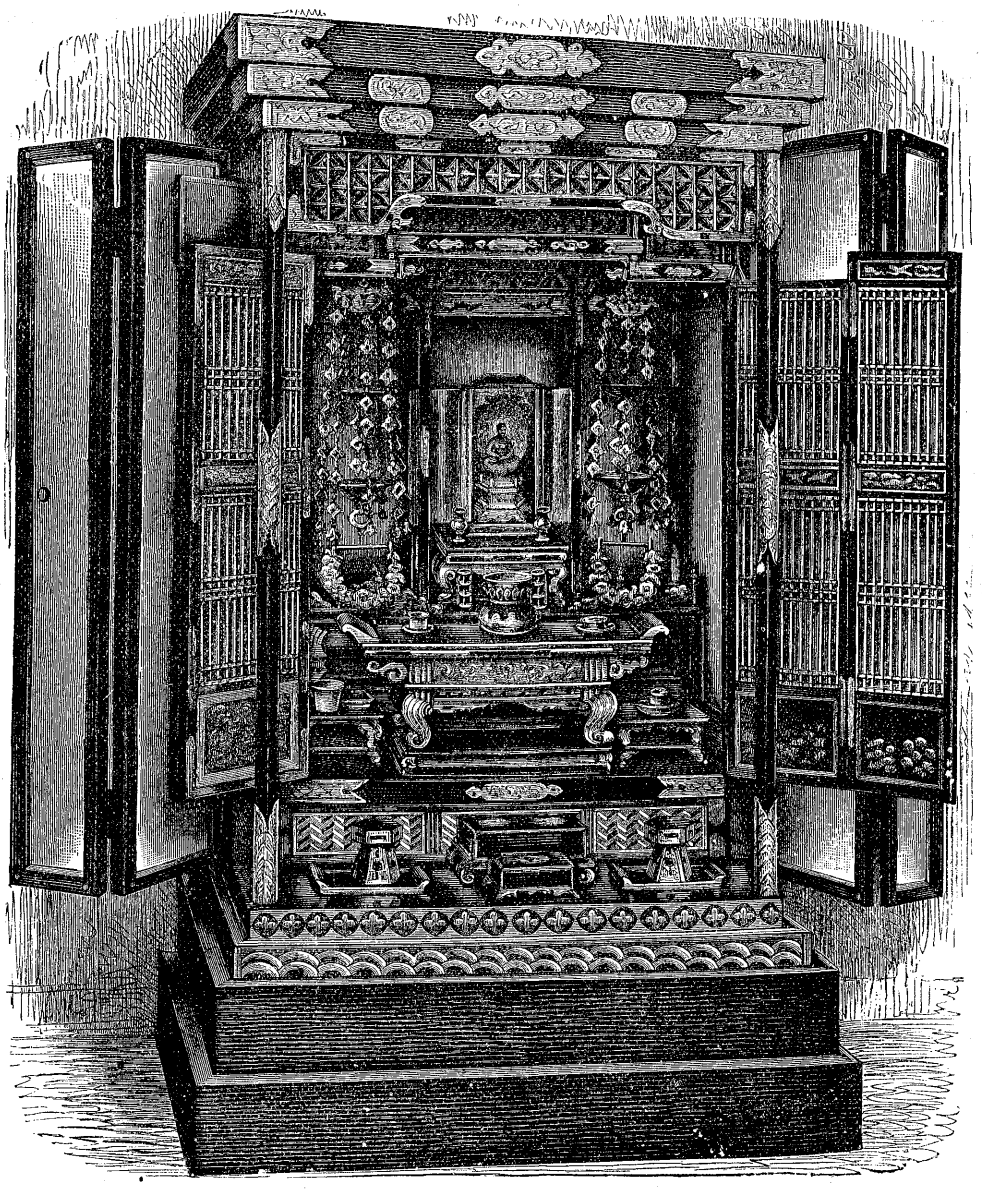
Сама Индія представляетъ примѣры размноженія религій, какъ ни одна другая страна. Мы знаемъ, что ядейи Катьявара и Куча были изгнаны изъ Сиіндіи и нашли защиту у раджпутовъ подъ условіемъ обращенія въ исламъ, но этотъ послѣдній не остался у нихъ въ первоначальномъ видѣ. Они удержали культъ Вишну и обожествленныхъ философовъ, который существовалъ у древнихъ джатовъ; отъ раджпутовъ они заимствовали культъ солнца, коня и Сивы подъ символомъ лингама и, кромѣ того, продолжаютъ почитать коранъ. Слѣды браманизма всего чаще можно встрѣтить въ религіяхъ мелкихъ самостоятельныхъ племенъ. Немногіе, какъ, напр., колы, которые причисляются даже къ кастѣ судръ, съ внѣшней стороны вполнѣ преданы этому ученію. Нѣкоторыя племена гондовъ обратились къ поклоненію Магадеве, между тѣмъ, какъ большинство ихъ считаетъ браманскихъ жрецовъ нечистыми. Мхаиры раздѣляютъ съ билами поклоненіе деревьямъ и камнямъ и отвращеніе отъ кастъ, а съ джатами — благоговѣйное отношеніе къ сказаніямъ о Вишну. Оттуда получили свою вѣру въ высшее существо и въ загробный міръ и свое жреческое сословіе аки, живущіе на границѣ между Индіей и Тибетомъ, который доставляетъ имъ изображенія Будды, считающіяся у нихъ главными богами. Шины долины верхняго Инда, быть можетъ, представляютъ примѣръ развитія религіозныхъ воззрѣній, измѣнившихся вслѣдствіе кастовыхъ предразсудковъ. Окруженные рогатымъ скотомъ, они не ѣдятъ молока и масла и не жгутъ, какъ ихъ сосѣди, коровьяго назема. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они также не ѣдятъ никакой домашней птицы. Религія джайновъ, число которыхъ въ Индіи значительно превышаетъ милліонъ, есть одна изъ формъ развитія браманизма, похожая на древній буддизмъ и превратившаяся по преимуществу въ поклоненіе извѣстнымъ святымъ. Она вся наполнена этими святыми (джинами) съ ихъ традиціонными знаками и красками.

Цейлонъ послѣ упадка буддизма на материкѣ Индіи занялъ выдающееся положеніе въ исторіи буддизма и вмѣстѣ съ тѣмъ всей южной и восточной Азіи. На этотъ островъ пріѣзжали купцы съ Востока и Запада, изъ Византіи и Китая. Отсюда распространялась дѣятельность проповѣдниковъ буддизма: въ индокитайскомъ буддизмѣ мы видимъ многіе слѣды происхожденія изъ островной страны, святыни которой до настоящаго

времени оспариваютъ у Лхассы первое мѣсто по своимъ реликвіямъ и чудеснымъ дѣйствіямъ. Слѣдъ ноги Будды на Адамовомъ Пикѣ, зубъ Будды, хранящійся внутри многочисленныхъ цѣнныхъ сосудовъ и многое другое привлекаетъ сюда ежегодно тысячи благочестивыхъ паломниковъ. Буддійское искусство въ постройкахъ храмовъ Цейлона создало наиболѣе великія и прекрасныя произведенія, какія только знаетъ Индія. Въ Индокитаѣ буддизмъ нашелъ въ Камбоджѣ второй исходный пунктъ своего распространенія. Здѣсь даже и въ высшихъ классахъ онъ не подвергся вліянію ученія Конфуція, какъ на востокѣ полуострова. Къ сѣверу отъ Индіи удалившійся оттуда буддизмъ приняла горная страна Тибетъ. Но это уже не былъ буддизмъ Гаутамы. Одновременно съ тѣмъ, какъ Сива и его демоническая свита вновь вошли въ вѣроученіе, причемъ первый, какъ судья ада, явился воплощеніемъ страшной стороны высшаго существа, суевѣріе и колдовство одержали верхъ. Это была сила, какою буддисты въ борьбѣ съ мѣстными шаманами дѣйствовали на грубый и дикій народъ „страшной снѣжной страны“. Привилегированное положеніе, какое высшее образованіе давало пришельцамъ, и сосредоточеніе вслѣдствіе борьбы съ мѣстными жрецами и правителями развило постепенно ту іерархію, которая со своими обоими великими ламами, далай-ламой въ Лхассѣ и панчериппоче въ Ташилумпо, получила, наконецъ, политическое господство надъ Тибетомъ. Буддизмъ принесъ съ собой многое, что̀ давало ему возможность дѣйствовать даже внѣшнимъ образомъ, и здѣсь онъ воспринялъ ту выработку, которая, принимая во вниманіе внѣшнія стороны, дала ему возможность уничтожить шаманство во внутренней Азіи. И въ Китаѣ рядомъ съ почитаніемъ предковъ онъ, несомнѣнно, нашелъ жрецовъ, имѣвшихъ сходство съ шаманами, подобно тому, какъ въ Камбоджѣ колдуны сохраняли власть на ряду съ жрецами. Но утвержденіе, будто „древняя религія китайцевъ была монгольскимъ шаманизмомъ (Платъ), основывается на неправильномъ пониманіи сущности этой религіи. Правда, суевѣрный народъ держится своихъ фокусниковъ и колдуновъ, которые на улицахъ и рынкахъ прокалываютъ себѣ конечности ножами и производятъ надъ собою другія истязанія, но шаманство — не религія.

Буддизму знакомы всѣ дѣтскіе или грубые пути сношеній съ высшимъ существомъ, извѣстные другимъ религіямъ даже въ высшихъ формахъ ихъ развитія. Безбрачіе и тонзура, колокола, четки и благовонныя куренія уже у наблюдателей прежняго времени вызывали сравненія съ христіанствомъ. Христіанскіе миссіонеры видѣли нѣкогда въ тибетско-монгольскомъ буддизмѣ церковь антихриста, произведеніе дьявола. Буддистъ совершаетъ паломничества съ различными подвигами покаянія. Буддійскіе монахи и монахини даже въ дѣловой Японіи насчитываются сотнями тысячъ. Многочисленныя секты позволяютъ буддизму приспособляться къ самымъ различнымъ потребностямъ. Въ буддійскихъ храмахъ божественныя изображенія съ цѣлью испрошенія небесной милости или исполненія обѣта, деревянныя руки, ноги и сердца играютъ важную роль. Тамъ можно найти повѣшенными пыльныя косы, которыя больные во время болѣзни срѣзали съ своей головы въ честь божества, и соломенныя сандаліи, которыя должны дать силу ногамъ жертвователей. Здѣсь нѣтъ недостатка и въ благодарственныхъ изображеніяхъ. на которыхъ представлены избавленія отъ смерти. Такъ же, какъ въ католическихъ странахъ, дорога къ храму, составляющему цѣль паломничества, въ буддійской Японіи ведетъ мимо рядовъ лавокъ, гдѣ продаются амулеты, четки, маленькіе идолы, которыхъ носятъ въ рукавѣ или на поясѣ, но всего болѣе изображенія веселаго Дайкоку — бога богатства, самаго популярнаго изъ домашнихъ боговъ Японіи. Буддизмъ превосходно умѣетъ держать своихъ послѣдователей въ смутномъ настроеніи полусознанія, нужномъ и полезномъ для его ученія. Священное пространство буддійскаго храма съ его исполин-

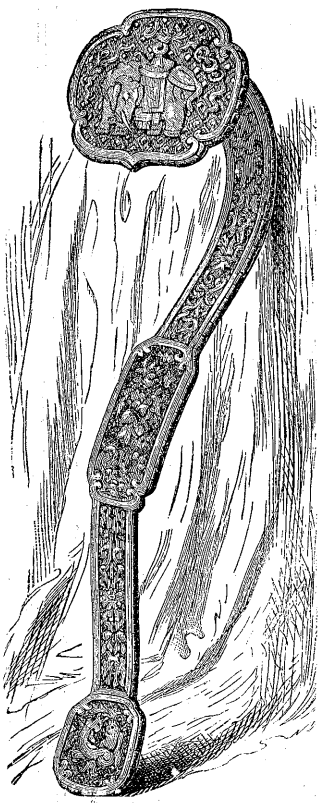
скими свѣтильниками, позолоченными и посеребренными цвѣтами лотоса, рѣдкой лакированной утварью, колокольнымъ звономъ, гонгами и барабанами, собраніемъ глубокомысленныхъ символовъ изъ дальнихъ странъ въ глазахъ образованнаго буддиста получаетъ мистическій характеръ, а



Буддійскій домашній алтарь изъ Японіи.
(Этнографическій музей въ Мюнхенѣ). 1/15 наст. велич. Ср. текстъ на этой стр.

простого человѣка наполняетъ священнымъ ужасомъ. Въ дыму благоуханныхъ куреній виднѣются жрецы съ гладко выбритыми головами (см. рис., стр. 771) въ богатыхъ одеждахъ, двигающіеся безшумно по мягкимъ циновкамъ вокругъ алтаря (см. рис. выше). Они зажигаютъ священныя свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ, бормоча молитвы и касаясь маленькихъ висящихъ кругомъ колокольчиковъ. На заднемъ планѣ вы-

ступаютъ золотыя изображенія Будды, изъ которыхъ самое большое въ Нарѣ, близъ Осаки, имѣетъ 17 м. высоты. Изъ большого ящика, предназначеннаго для жертвъ вѣрующихъ, въ праздничные дни почти безпрерывно раздается легкій звонъ падающихъ монетъ. Способъ молитвы тамъ весьма разнообразенъ; у однихъ молитва состоитъ въ упорномъ повтореніи непонятныхъ словъ на чуждомъ языкѣ, у другихъ въ поднятіи и потираніи рукъ, въ движеніи головы вверхъ и внизъ, въ отсчитываніи четокъ. Вообще поклоненіе совершается быстро. Немногіе выказываютъ благоговѣніе или бросаются въ усердной молитвѣ на землю. Но самый странный видъ молитвы представляютъ шарики жеванной бумаги, на которой написаны изреченія, обѣты или желанія: эти шарики выплевываются на изображеніе божества сквозь рѣшетку; если они прилипнутъ къ нему, желаніе будетъ исполнено.

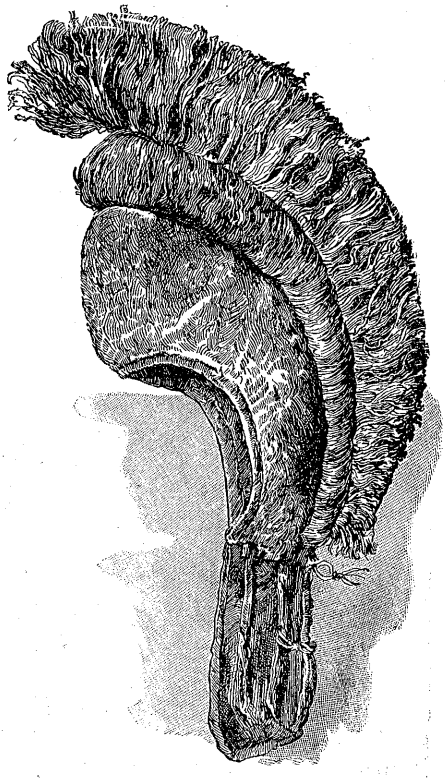


Йу-И — жезлъ изъ краснаго лакированнаго дерева, имѣющій форму цвѣтка лотоса; въ Китаѣ и Японіи его носятъ, какъ символъ неизмѣнности и счастья, въ особенности жрецы Шинто. (Этнографическій музей въ Мюнхенѣ.) ¼ настоящ. велич. Ср. текстъ, стр. 777 и рис. стр. 771.

Самыя мелкія деревни Индокитая стоятъ кругомъ храма, и пастухи внутренней Азіи возятъ съ собой палатки, замѣняющія храмы. Въ этихъ храмахъ, потому что они считаются въ то же время общинными домами, ночуютъ чужеземцы. Весьма часто храмы — не что иное, какъ открытые съ трехъ сторонъ навѣсы; съ четвертой стороны, закрытые соломой или бамбукомъ, тянутся низкія нары; посрединѣ стоитъ маленькая деревянная хижина съ нѣсколькими рѣзными украшеніями, и всѣ выступы ея обвѣшаны амулетами, молитвенными формулами и пестрыми лентами. У ладаковъ почти въ каждой деревнѣ есть свой монастырь, куда одинъ изъ сыновей каждой семьи поступаетъ въ качествѣ ламы. У входовъ стоятъ молитвенные цилиндры; дворъ украшаютъ колокола, свѣтильники и флаги. Въ маленькихъ отдаленныхъ городахъ Центральной Азіи китайцы строятъ небольшіе буддійскіе храмы, въ нишеобразныхъ придѣлахъ которыхъ стоятъ многочисленныя изображенія Будды. Передъ ними горятъ свѣчи и въ серединѣ пылаетъ вѣчный огонь. На стѣнахъ, покрытыхъ надписями, въ верхней части или карнизѣ помѣщены картины, изображающія жизнь Будды, его страданія, смерть и апоѳеозъ. Школа рядомъ съ храмомъ, съ ея длинными скамьями и столами, производитъ впечатлѣніе европейской школы. Въ большихъ селеніяхъ обширнѣе и мѣста, прилегающія къ храму, представляющія собою парки и кладбища. Въ Бассакѣ, славящемся своимъ монастыремъ во всей странѣ Лаосъ, пагода окружена многочисленными пирамидальными рвами и двумя круглыми стѣнами. Въ китайскихъ колоніяхъ въ Индокитаѣ, въ особенности въ Аннамѣ, еще и въ прежнее время бросалась въ глаза болѣе богатая и изящная отдѣлка китайскихъ храмовъ въ сравненіи съ туземными, „хотя они очевидно посвящены однимъ и тѣмъ же божествамъ“. На алтарѣ можно видѣть множество изображеній Будды изъ самыхъ различныхъ матеріаловъ и размѣровъ, начиная отъ величины ногтя до 6 м. высоты. Но всего болѣе богата храмами Японія, 3000 буддійскихъ храмовъ которой и теперь еще въ Кіото свидѣтельствуютъ о той власти, какою обладали буддійскіе шогуны въ своей резиденціи, на глазахъ

микадо, преданныхъ культу Шинто. Безчисленные храмы можно найти и въ каждомъ городѣ Китая.

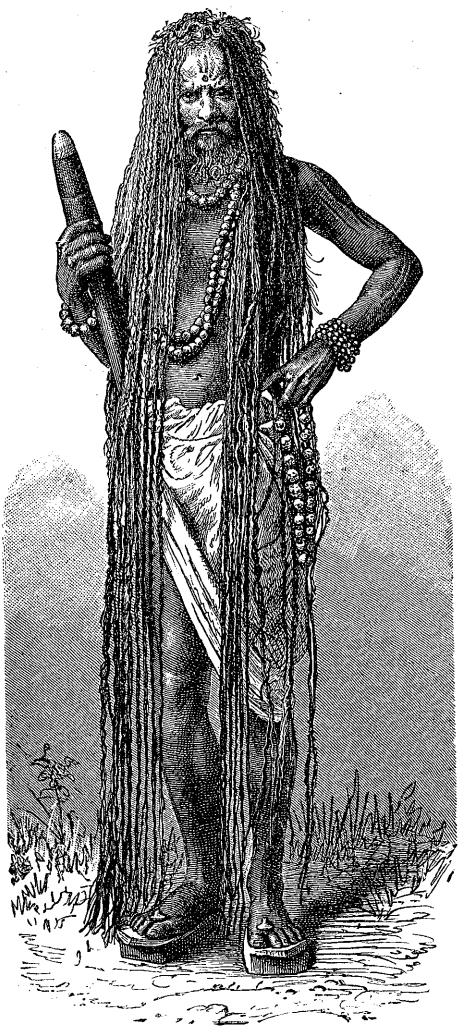
Въ буддійскихъ странахъ монастыри въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и пустынножительства наполняютъ святынями всѣ горы и ущелья. На водораздѣлѣ между Брамапутрой и рѣкою Лхассы болѣе, чѣмъ на 5 тыс. м. высоты, лежитъ храмъ Сама-Йу, считающійся построеннымъ самимъ Буддой, главный храмъ съ вызолоченными изображеніями и четыре пристроенныхъ къ нему храма. До самой Волги замѣчается предпочтеніе возвышенныхъ положеній для богослужебныхъ построекъ и для могильныхъ памятниковъ. Въ Камбоджѣ на всѣхъ холмахъ возвышаются храмы или статуи. „Многія статуи изваяны изъ находящейся здѣсь горной породы склоновъ холмовъ и скалистые утесы высѣчены также въ формѣ башенъ и зубчатыхъ уступовъ“. (Делапортъ.) Въ горахъ Куку-Нора есть мѣсто, называемое „Тысяча пещеръ“. гдѣ выкопано человѣческими руками неисчислимое множество большихъ и малыхъ пещеръ, расположенныхъ въ два и въ три яруса и соединенныхъ лѣстницами. Въ храмѣ на концѣ ряда пещеръ буддійскій монахъ охраняетъ священное мѣсто. Каждая пещера сперва выкопана, а затѣмъ выложена глиной. Потолокъ и стѣны усажены въ шахматномъ порядкѣ безчисленными мелкими идолами; въ одной изъ самыхъ большихъ пещеръ изображеніе Будды имѣетъ 25 м. высоты со ступнею въ 6 м. длины; въ другихъ находятся желѣзные колокола и особаго рода барабаны. Въ Баміанской долинѣ на высотѣ 2600 м. описываются двѣ статуи Будды въ 35 и 45 м., выдѣланныя изъ близъ лежащей скалы и окруженныя многими искусственными пещерами и нишами. Слѣды возстанія дунганъ въ Центральной Азіи оставались, между прочимъ, въ видѣ тысячъ разрушенныхъ статуй Будды.



Головное украшеніе тибетскихъ дамъ изъ желтой шерсти. (По Рокхиллю.)

Вслѣдствіе возвышенія паломничества до великаго религіозно-политическаго учрежденія, отдаленныя мѣста, каковы Цейлонъ, Лхасса, Урга и проч. сдѣлались важными центрами для большой части азіатскаго міра. Въ Лхассу отправляются ежегодно многія тысячи послѣдователей Будды съ такимъ же усердіемъ и съ такой же жаждой благодати, какъ магометане въ Мекку; въ многочисленныхъ монастыряхъ Поталы они желаютъ участвовать въ полученіи благословленія Далай-ламы. Изъ плодородныхъ низинъ Китая, изъ необозримыхъ пустынь Монголіи, изъ дикихъ ущелій Гималаевъ и Куень-Луня сюда стремятся паломники. Пожертвованія ихъ исчисляются сотнями тысячъ и даже бѣдные приносятъ свою лепту. Дворецъ Далай-ламы въ сѣверной части главнаго города Тибета, Лхассы показываетъ на каменистомъ холмѣ среди болотистой долинной равнины одинъ храмъ на другомъ, съ зубцами и башнями, отъ склона горы до вершины, гдѣ стоитъ вызолоченный дворецъ великаго божества. Порталы, осѣненные высокими деревьями, ведутъ къ 400 каменнымъ сту-

пенямъ. Передъ ними собираются вѣрующіе въ праздничныхъ одеждахъ и на пестро украшенныхъ лошадяхъ. Если десница Далай-ламы опустилась съ благословеніемъ на его голову, паломникъ осчастливленный возвращается на родину и на будущее время посѣщаетъ только еще одного возродившагося Будду меньшей степени, кутухту. Самое могущественное вліяніе этихъ центровъ заключается въ ихъ большихъ, дѣйствующимъ на далекое разстояніе школахъ, приготовляющихъ ламъ. Школы Лхассы посѣщаются даже ладакскими юношами.



Индійскій факиръ. (По фотографіи.)

Буддійскій лама съ голой головой (въ Тибетѣ онъ носитъ желтый шлемъ, похожій на шлемъ гавайцевъ (см. рис., стр. 777), въ простой, но яркой одеждѣ, смотря по сектѣ, желтой или красной, съ посохомъ и чашкой нищаго въ рукѣ — по образу Будды — производитъ довольно сильное впечатлѣніе (см. рис., стр. 771). Безбрачіе ламъ во многихъ буддійскихъ странахъ является закономъ, а въ другихъ считается богоугоднымъ дѣломъ. Тёрнеръ въ своемъ путешествіи къ тешу-ламѣ замѣтилъ, что въ Бхутанѣ нельзя жениться во второй разъ тому, кто желаетъ достигнуть высокихъ почестей, и прибавилъ слѣдующее замѣчаніе, которое можетъ относиться къ большинству буддійскихъ странъ: „высшіе слои общества признаютъ только религіозно-политическія обязанности и предоставляютъ размноженіе населенія крестьянину, пашущему свое поле, и ремесленнику, живущему работой своихъ рукъ.“ Колоніи женщинъ и дѣтей въ сосѣдствѣ монастырей принадлежатъ мірскимъ братьямъ, не налагающимъ на себя обѣты цѣломудрія. Въ самой маленькой деревенькѣ Индокитая, на самой незначительной стоянкѣ монгольскихъ пастуховъ до глубокой ночи слышится однообразное глухое пѣніе съ трубами и литаврами, и въ одни и тѣ же часы поднимаются облака жертвеннаго дыма. Въ самыхъ высокихъ горныхъ долинахъ Тибета мерцаютъ сотнями лампы изъ коровьяго масла передъ изображеніями Будды, вылѣпленными изъ того же матеріала. Ламы не составляютъ касты въ настоящемъ смыслѣ слова и званіе ихъ не переходитъ по наслѣдству. Но они составляютъ плотную массу въ тѣхъ странахъ, гдѣ каждая семья посвящаетъ одного изъ сыновей религіи безбрачія или гдѣ, какъ у калмыковъ, посвящаетъ себя служенію Буддѣ одинъ изъ шестидесяти. Въ Тибетѣ и въ Монголіи „монастырская чернь“, собираясь въ большомъ числѣ, совершаетъ хищническія экспедиціи или, какъ въ Сіамѣ, въ видѣ роя трутней, препятствуетъ экономическому процвѣтанію страны. Буддизмъ нѣкогда велъ необычайно дѣятельную пропаганду; и въ настоящее время многіе проповѣдники его, переодѣтые ки-

тайскими купцами, распространяютъ свое ученіе среди бурятъ Восточной Сибири.

Въ видѣ баксы и бакши степныхъ пастуховъ внутренней Азіи и юго-восточной Европы, служитель высокихъ идей ученія Будды и ислама опять такъ приблизился къ шаману, что различіе между ними едва можно замѣтить. Часто онъ ограничивается немногими внѣшностями обряда, лишенными какой либо высшей идеи. Скорѣе онъ служитъ суевѣрію своего собрата, стоящаго еще ниже. Радловъ называетъ киргизскихъ бакшей простыми фокусниками, которые приписываютъ себѣ особое значеніе потому, что могутъ лизать раскаленное желѣзо, втыкать себѣ ножи въ шею и иголки въ мышцы. Самое высшее знаніе, какого достигаютъ калмыцкіе бакши, заключается въ знаніи тибетскаго языка, на которомъ, сидя на пяткахъ, онъ бормочетъ свои молитвы. Главную работу его составляетъ механическое заучиваніе и повтореніе „нома“. Изъ того, что даже высшія духовныя лица калмыковъ не понимаютъ по русски, видно, насколько эта каста замкнута въ узкихъ границахъ своего преданія. Манщики, молодые служители храмовъ на низшей ступени ламайской іерархіи прислуживаютъ имъ и работаютъ на нихъ. Когда умираетъ бакши, они говорятъ о немъ: „онъ сдѣлался богомъ“, и его изображеніе почитается наряду съ изображеніемъ божества. „Бакса“ и „даргонъ“, въ качествѣ знахарей, являются наслѣдниками шамана, дѣйствовавшаго нѣкогда такими же средствами и съ такимъ же успѣхомъ. На этомъ основывается, въ сущности, его положеніе и вліяніе. Онъ долженъ играть на „кобызѣ“, на чудесномъ трехструнномъ инструментѣ, съ натянутымъ конскимъ волосомъ и всевозможными брянчащими металлическими вещами по краямъ, и легко приходитъ въ ярость, доводящую его до экстаза. Онъ долженъ предсказывать по овечьимъ лопаткамъ, что́ уже описывалъ Вильгельмъ Рубрукъ; это производится на свѣжихъ или на обугленныхъ костяхъ, причемъ онъ долженъ истолковывать находящіяся на нихъ бороздки или трещины. При этомъ онъ долженъ еще знать составленную по китайскимъ образцамъ фармакопею. Но для больного имѣетъ болѣе значеніе его собственная вѣра въ лекарства, чѣмъ вещества, изъ которыхъ они состоятъ. Характерно, что помощникомъ баксы является кузнецъ и что на празднествахъ обрученія баксѣ поручается наблюденіе за всѣми обычаями, связанными съ огнемъ (см. выше, стр. 760 и 769), являющимися остаткомъ болѣе древняго вѣрованія.

Изъ всѣхъ націй, входящихъ въ область буддійскаго ученія, китайцы отличаются наибольшей терпимостью. Это способствовало также сближенію ихъ съ европейцами. Въ Сіамѣ китайцы приспособливаются къ самому строгому буддизму и поступаютъ даже въ монастыри, что́ вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ стремленію къ дѣятельности, а на Индійскомъ архипелагѣ они участвуютъ въ сборахъ на постройку магометанскихъ храмовъ, и ихъ госпитали въ Батавіи открыты для христіанъ, евреевъ и магометанъ. Несмотря на свою устрашающую внѣшность, китайскія божества или идолы позволяютъ наименѣе почтительное обращеніе съ собой. На самомъ дѣлѣ, Китай цѣнитъ практическія выгоды своей вѣры; его религія есть всего больше искусство жить мирно, счастливо и съ пользой. Монголы потому и фанатичнѣе, что они менѣе пользуются этими выгодами; духъ великаго Акбара, который въ Индіи безпристрастно уровнялъ всѣ религіи, у нихъ, по крайней мѣрѣ, не остался живымъ. Опыты миссіонеровъ въ монгольско-китайской пограничной области привели къ наблюденію, что монголы крѣпче держатся своей буддійской вѣры, чѣмъ китайцы. Въ дѣйствительности степные пастухи принадлежатъ къ самымъ суевѣрнымъ изъ людей. Если любимымъ разговоромъ монголовъ во всякое время служатъ скотъ и пастбища, то вторымъ предметомъ его являются жрецы, ихъ врачебное искусство и способъ его примѣненія, въ особенности тайныя заклинанія и

волшебныя средства, и притомъ болѣе въ интересахъ скотскихъ, чѣмъ человѣческихъ болѣзней. Въ этомъ отношеніи монголы и тюрки сходятся между собою.

Ученіе Конфуція въ Китаѣ извѣстно всѣмъ ученымъ людямъ страны, но многіе изъ нихъ на практикѣ придерживаются буддизма, который, подобно философскому таоизму, выродился въ грубое идолослуженіе. Японія долгое время допускала одновременное почитаніе Будды, Конфуція и безчисленныхъ ками. Въ восточной части Индокитая такъ же, какъ въ Китаѣ, идолослуженіе, возникшее изъ буддизма, составляетъ вѣру низшаго класса народа, женщинъ и необразованныхъ людей, между тѣмъ, какъ выше стоящіе и образованные люди держатся ученія Конфуція. Китай изъ политическихъ причинъ лицемѣрно выказываетъ офиціальное уваженіе всему буддійскому и съумѣлъ доставить изображенію Будды въ одномъ изъ храмовъ Пекина значеніе одного изъ главнѣйшихъ изображеній его въ Азіи. Канги съ этой цѣлью повелѣлъ перевести главныя сочиненія китайскихъ классиковъ на монгольскій языкъ и распространить среди его подданныхъ, говорящихъ на монгольскомъ языкѣ. Китайское правительство выказываетъ поистинѣ необычайную офиціальную заботливость о религіи монголовъ. Оно твердо установило обрядъ доставленія Лхассѣ новаго духовнаго главы, когда ея кутухта-гигенъ умретъ, и занимается охраною каравановъ. Въ Китаѣ знаютъ, что монголы спокойны, когда спокоенъ кутухта, и весьма заботятся, чтобы они не оставались безъ духовнаго главы. Еще важнѣе то, что Китай въ выборѣ далай-ламы въ Лхассѣ давно уже обезпечилъ за собой извѣстное вліяніе, какимъ не обладала ни одна держава при выборѣ папы. Съ силою, мало ослабляемою разстояніемъ, онъ распространяетъ посредствомъ „нравственнаго“ господства въ Лхассѣ на тибетцевъ то же вліяніе, какое онъ пріобрѣлъ у внутреннеазіатскихъ номадовъ, обладаніемъ самаго священнаго изъ монгольскихъ городовъ. Это вліяніе не трудно пріобрѣсти, такъ какъ тибетцы столь же суевѣрны, сколько и бѣдны, и, проходя мимо монастыря, не только снимаютъ шляпу, но и бросаются на колѣни. Религіозные предметы служатъ любимымъ предметомъ разговора у тибетцевъ. Вѣра вполнѣ наполняетъ ихъ внутренній міръ. Разбойники ёграи тибетскихъ горъ, при всей фактической грѣховности ихъ насильственной и жестокой жизни, чрезвычайно тщательно исполняютъ внѣшнія религіозныя предписанія, и отъ нихъ постоянно можно слышать бормотаніе буддійскихъ молитвъ. Замѣчательно, что при этомъ они не признаютъ политическаго положенія далай-ламы. Въ Индокитайской области Сіамъ является теперь разсадникомъ буддійской религіозной ревности. Каждый изъ сыновей уважаемой семьи долженъ провести одинъ годъ въ монастырѣ; дѣти короля также дѣлаются монахами или монахинями, и король благоговѣйно заботится о благосостояніи многочисленныхъ монастырей.

Японія должна казаться намъ молодой страной буддизма, если мы примемъ во вниманіе, что это вѣроученіе появилось здѣсь только въ VI в. по Р. Х. (въ Кореѣ въ IV в.), но нигдѣ оно не отошло такъ далеко отъ своего первоначальнаго образа. Японецъ, который въ культѣ Шинто признаетъ только почитаніе предковъ, а въ ученіи Конфуція — лишь нравственно-философское ученіе, можетъ соединять съ тѣмъ и другимъ достаточно убѣжденное поклоненіе Буддѣ. Онъ способенъ къ политическому фанатизму, но вліянія трехъ равнозначущихъ вѣроученій подѣйствовали разлагающимъ образомъ на его религіозную искренность. Современный японецъ европейцу охотно выдаетъ себя за атеиста. Между тѣмъ секты, отчасти перенесенныя изъ Индіи, отчасти мѣстнаго происхожденія, нигдѣ не развивались въ такой мѣрѣ. Между философскимъ буддизмомъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ и литературно образованныхъ ученыхъ и между буддизмомъ народной массы въ Японіи ле-

житъ такая же глубокая пропасть, какъ въ Индіи между возвышеннымъ браманизмомъ и поклоненіемъ Сивѣ. Вульгарный буддизмъ чтитъ множество идоловъ и амулетовъ въ обрядовыхъ формахъ, которыя у нѣкоторыхъ сектъ обольщаютъ своей пышностью, а другихъ привлекаютъ притворной простотой. Наконецъ, искусственное уваженіе къ буддизму появилось вслѣдъ за преслѣдованіями христіанъ; вслѣдствіе того, онъ сдѣлался государственной религіей шогуна и его приближенныхъ; одни монашескіе ордена его, которые можно сравнить съ тампліерами, оказывали государству услуги оружіемъ, а другіе—наблюденіемъ за народомъ и за противниками правительства.

Христіанство проникло во многія мѣста южной и восточной Азіи, но нигдѣ не завоевало себѣ широкаго простора въ борьбѣ со старинными религіями, глубоко укоренившимися въ жизнь народовъ и государствъ. Съ громадными жертвами іезуиты сперва въ Японіи, затѣмъ въ Китаѣ, повидимому, привлекли на свою сторону правителей и правящіе классы, но въ томъ и другомъ случаѣ потерпѣли неудачу почти передъ самымъ достиженіемъ цѣли. Съ тѣхъ поръ проповѣдь христіанства дѣйствовала независимо въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ Китая, наиболѣе удаленныхъ отъ центра. Французы и испанцы трудились въ сосѣднемъ Тонкинѣ и Аннамѣ съ относительнымъ успѣхомъ, и въ южномъ Китаѣ и въ сѣверномъ Индокитаѣ, вѣроятно, можно насчитать около 2-хъ милл. христіанъ. Даже въ Кульджѣ Уйфальви нашелъ небольшой римско-католическій приходъ въ 70 крещеныхъ китайцевъ, обращеніе которыхъ произошло въ западномъ Китаѣ.

Изъ восьми элементовъ буддизма — земли, огня, воды, воздуха, растенія (дерева), желѣза, горы и неба — первые пять могутъ служить мѣстопребываніемъ трупа. Соотвѣтственно тому способы погребенія бываютъ различными, и въ Индіи и въ Индокитаѣ мы видимъ въ нихъ много сходства съ малайскими и полинезійскими. „Свѣжее“ погребеніе совершается у тодовъ въ древесномъ стволѣ, тотчасъ-же послѣ смерти; уже послѣ того происходитъ сожженіе трупа, а черезъ годъ „сухое“ погребеніе пепла съ жертвоприношеніемъ буйвола, въ основѣ котораго лежитъ мысль, что мертваго сопровождаетъ любимое имъ животное. У кхассіевъ трупъ кладется въ полый древесный стволъ, обливается медомъ и оставляется до окончанія періода дождей, а затѣмъ сжигается. И мурміи сжигаютъ трупъ и потомъ торжественно погребаютъ пепелъ въ глиняной кружкѣ. Такъ же поступаютъ и вараліи Передней Индіи, которые въ извѣстный день года покрываютъ мѣсто, гдѣ покоится пепелъ, цвѣтами и зажигаютъ тамъ небольшія свѣчи. Въ Тонкинѣ кости, собранныя изъ могилъ, кладутся въ маленькіе глиняные гроба съ круглыми отверстіями по бокамъ. Сожженіе труповъ въ Индіи вообще широко распространено и, какъ показываютъ древнія могилы съ урнами, существовало и прежде. Мы находимъ его и у дардовъ въ пограничной области; оно встрѣчается и въ Тибетѣ, гдѣ, впрочемъ, часто трупы просто выбрасываются въ поле. „Башни молчанія“ близъ Бомбея — не что иное, какъ исполинскіе подмостки, на которыхъ трупы парсовъ предоставляются дѣйствію солнца и коршунамъ, пока кости, лишенныя мяса, не скатятся въ глубину. Объ индійскихъ дольменахъ мы говорили уже выше (см. стр. 613). Сходство съ древне-европейскими мѣстами погребенія мы видимъ также въ глиняныхъ шарикахъ, величиной отъ лѣсного орѣха до пилюли, которые встрѣчаются во множествѣ въ могилахъ Курга. Лаосы и кхасы погребаютъ своихъ мертвецовъ или оставляютъ ихъ на открытомъ воздухѣ прикрытыми только корою; оружіе умершаго и его утварь прикрѣпляются на шестѣ у него въ головахъ, и вблизи сооружается маленькій домикъ мертвыхъ. Погребеніе въ водѣ, въ особенности въ священномъ Гангѣ, до сихъ поръ еще въ Индіи людямъ

строгаго образа мыслей кажется наиболѣе желательнымъ. Въ 1880 году въ Авѣ умерла супруга бирманскиго правителя, которая вела свое происхожденіе отъ древнихъ царей Индіи. Умирая, она взяла съ своего мужа обѣщаніе, что онъ похоронитъ ея пепелъ въ Гангѣ. Изъ золотыхъ вещей ея была изготовлена урна, въ которую, послѣ торжественнаго сожженія, былъ всыпанъ пепелъ умершей. Четыре брамана отправились съ нимъ въ священный городъ Бенаресъ и съ различными церемоніями бросили пепелъ въ Гангъ. Затѣмъ урна была наполнена водою изъ священной рѣки и возвращена въ Аву, гдѣ огорченный супругъ поставилъ ее въ храмѣ. Въ мартѣ 1881 г. въ Бангкокѣ произошло торжественное сожженіе любимой жены короля, утонувшей въ іюнѣ предыдущаго года, съ единственной дочерью, при переправѣ черезъ рѣку. Трупы, положенные въ гробы изъ сандаловаго дерева, перенесены были жрецами и придворными въ особо устроенный деревянный дворецъ и здѣсь поставлены на костеръ изъ различныхъ благовонныхъ деревьевъ. Королева была одѣта въ европейскую, а ея дочь въ туземную одежду; съ ними были положены самыя драгоцѣнныя украшенія. Въ продолженіе ночи офицеры и придворные служители стояли съ зажженными факелами на стражѣ около гробовъ. Утромъ два серебряные сосуда, наполненные водой изъ священнаго Ганга, были поставлены на костеръ, передъ которымъ жрецы молились объ умершихъ. Затѣмъ въ зданіе вступилъ король со своими братьями и министрами, произнесъ краткую молитву передъ костромъ, простился съ дорогими умершими и факеломъ зажегъ костеръ. Послѣ того, какъ всѣ оставили дворецъ, онъ былъ зажженъ съ четырехъ угловъ придворными служителями и со своимъ драгоцѣннымъ содержимымъ сгорѣлъ до самаго основанія.

Японцы хоронятъ на огороженныхъ кладбищахъ, а китайцы и корейцы, — на своихъ поляхъ и насыпаютъ конусообразный могильный холмъ, отъ 1 до 2 метр. высоты, надъ могилами императоровъ достигающій 10 метр. Болѣе зажиточные люди устраиваютъ видную издали, окрашенную въ снѣжно-бѣлый цвѣтъ гробницу, окруженную стѣнами и кипарисовыми рощами. Китайское погребеніе высокопоставленныхъ лицъ выказываетъ непонятную для насъ роскошь красокъ (въ особенности ярко-красной) въ покровахъ гроба, таблицахъ съ титулами умершаго и его предковъ, въ фонаряхъ и шумной музыкѣ, заглушающей плачъ по умершемъ. Роскошь примѣняется даже къ гробу: его дѣлаютъ изъ рѣдкаго дерева, а въ южномъ Китаѣ — изъ благовоннаго дерева Anisoptera sepulcrorum. У простого народа погребальныя церемоніи весьма просты: четыре носильщика несутъ гробъ, и за нимъ везутъ въ тачкѣ вдову, одѣтую въ бѣлое. Нѣкогда съ императоромъ погребали вмѣстѣ 150 костюмовъ для загробнаго міра; въ настоящее время въ гробъ кладется обыкновенно одна мѣдная монета. Жестокій обычай погребать вмѣстѣ съ трупомъ знатнаго лица часть его свиты, благодаря которому еще при погребеніи первой манджурской императрицы тридцать человѣкъ должны были лишиться жизни, былъ отмѣненъ императоромъ Канги. Въ Японіи онъ былъ отмѣненъ уже въ началѣ нашего лѣтосчисленія. Безъ сомнѣнія, остаткомъ его является соблюдаемый до сихъ поръ въ Китаѣ обычай класть въ гробъ „подножныхъ рабовъ“, въ видѣ бумажныхъ куколъ.

Въ Египтѣ культъ предковъ пріобрѣлъ черту неподвижнаго формализма въ безпримѣрной заботѣ о жилищахъ умершихъ и снаряженіи трупа вмѣстѣ со всѣмъ необходимымъ для вступленія въ загробный міръ, даже съ записками, которыя должны были доказывать значеніе ихъ передъ божествомъ. Никогда ни одинъ народъ не сближалъ такъ тѣсно своей собственной жизни съ загробной; если онъ не извлекалъ оттуда всего возможнаго одухотворенія, то уже большую важность имѣетъ поддержаніе этой глубокой идеи съ такою искренностью, которая навсегда

сохранила ее для человѣчества. Вообще, египтяне во многомъ обогатили человѣчество именно своими односторонними, стремившимися къ долговѣчности и подъ конецъ остановившимися стремленіями. Египтяне въ строеніи гробницъ воспроизводили свои деревянныя хижины, построенныя изъ сикоморъ и пальмъ: въ дѣйствительности жилища умершихъ походили на хижины живыхъ и были только прочнѣе послѣднихъ. Обычай сооруженія каменныхъ гробницъ проходитъ черезъ всю сѣверную Африку (см. стр. 491) совмѣстно съ хамитическими нарѣчіями; но въ особенности въ Малой Азіи мы встрѣчаемъ каменныя жилища умершихъ, выстроенныя на подобіе маленькихъ жилыхъ домовъ или даже дворцовъ, но гораздо прочнѣе; каменныя гробницы встрѣчаются также въ Индіи и въ Японіи. Но хотя въ другихъ мѣстахъ азіатскіе народы далеко отошли отъ тщательнаго сохраненія труповъ, образовавшаго въ египетскомъ культурномъ кругѣ цѣпь крайне замѣчательныхъ обычаевъ, основныя идеи въ томъ и въ другомъ случаѣ не слишкомъ отдалены одна отъ другой. Въ молитвѣ къ отошедшей душѣ выступаетъ тотъ же высоко поднятый культъ предковъ, примѣры широкаго распространенія котораго въ Азіи мы приводили выше. Насколько представленія восточныхъ азіатцевъ о душахъ умершихъ сходны съ тѣми же представленіями малайцевъ и полинезійцевъ, мы видимъ всего яснѣе изъ нѣкоторыхъ погребальныхъ обычаевъ. Поминки по умершемъ у корейцевъ начинаются призывомъ отлетѣвшей души; ее приманиваютъ, размахивая платьемъ умершаго. Трупъ одѣваютъ въ дорожное платье и кисти рукъ обертываютъ платками въ предостереженіе отъ холода. Жена, дѣти и рабы горюютъ въ теченіе трехъ дней объ умершемъ домохозяинѣ. Въ знакъ траура лицо покрывается полоской ткани, натянутой между двумя бамбуковыми палочками.

Отъ достоинства, которымъ проникнуто было погребеніе у египтянъ, всего болѣе отдалились народы ислама. Они хоронятъ быстро, почти безъ всякихъ подготовленій; кладбища ихъ не окружены стѣнами, по нимъ проходятъ дороги по всѣмъ направленіямъ, и даже въ такой странѣ, полной древними памятниками, какова Персія, стало рѣдкостью сооруженіе надъ могилой новаго памятника, отличающагося прочностью и благородствомъ формы. Въ этихъ странахъ забота объ умершемъ ограничивается тѣмъ, что голова его обращается въ сторону Мекки или Кербелаха.

D. Западные азіатцы и европейцы.

26. Кавказскіе народы.

„Своеобразный міръ, который можно будетъ обозрѣть въ цѣломъ, когда онъ будетъ понятъ въ отдѣльныхъ частяхъ."
Карлъ Нейманъ.

Содержаніе: Историческое положеніе армяно-кавказской области. — Предполагаемые остатки народовъ. — Дѣйствіе замкнутости. — Старинные нравы и обычаи. — Главныя группы: Армяне. Курды. Грузины. Черкесы. Чеченцы. Лезгины. Осетины. — Разсѣянные остатки народовъ и колоніи. — Костюмы. — Экономическія отношенія. — Политическія отношенія.

Трудно проходимыя высокія горы между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ уже въ древности служили мѣстопребываніемъ многочисленнымъ народамъ. Здѣсь скапливались народы, которые не могли сидѣть спокойно на узкой, не вездѣ плодородной землѣ. Вселенія и выселенія до послѣдней борьбы съ русскими играли важную роль. Насильственныя поселенія часто сдерживали и смиряли непокорныя племена. Уже древніе вели происхожденіе колхійцевъ отъ насильственно поселенной египетской колоніи. Армянскія и грузинскія колоніи пересаживались въ большомъ числѣ персидскими властителями на персидскую почву; со временъ шаха Аббаса въ Фериданскомъ округѣ существуетъ 17 армянскихъ деревень. Точно также черкесы перемѣщались въ Бессарабію и въ большомъ числѣ находятся во всѣхъ казацкихъ линіяхъ. По Понто-Каспійскому перешейку народы передвигались взадъ и впередъ; онъ былъ однимъ изъ воротъ Европы и Азіи, между тѣмъ, какъ въ кавказской горной странѣ, по обѣимъ сторонамъ которой проходили дороги, остатки населенія оставались ограниченными и замкнутыми. Такъ жили осетины въ тѣсномъ пространствѣ между грузинами и кабардинцами, совершенно отрѣзанные отъ болѣе низкихъ долинъ и дорогъ къ равнинѣ. Этимъ объясняется многое въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Рядомъ съ ними живутъ другіе, въ среду которыхъ проникали отступавшіе изъ равнины. Тамъ, гдѣ контрастъ характера природы такъ великъ, какъ здѣсь, гдѣ лишь нѣсколько дней пути отдѣляютъ отъ Кумской степи, „несомнѣнно, самой пустынной страны во всей Европѣ" (К. Кохъ), плодородную предгорную область Бештау, не могло быть вопроса о томъ, въ какую сторону могли направляться наступавшія орды.

Въ этомъ горномъ уединеніи сохранилось въ живомъ видѣ много древняго, а также много дикаго. Здѣсь оказывается даже нѣчто, напоминающее каменный вѣкъ; такъ, армянскіе курды увеличиваютъ тяжесть ярма молодыхъ быковъ съ помощью просверленнаго камня въ 12 фун. вѣса, съ цѣлью сломить сопротивленіе животныхъ. Развѣтвляющіяся подземныя жилища, въ которыхъ Ксенофонтъ нашелъ кардуховъ, и теперь еще служатъ зимнимъ жильемъ курдскимъ и татарскимъ пастухамъ и даже

извѣстной части армянскихъ земледѣльцевъ. На суровомъ армянскомъ плоскогорьи эта жизнь въ норахъ, на подобіе сурковъ, объясняется недостаткомъ топлива, но этого нельзя сказать о средней части Куры на краю стройныхъ лѣсовъ и вблизи укрѣпленныхъ деревень, гдѣ на каждомъ домѣ надстроена каменная башня, безопасная отъ пуль. Армяне въ Ниджѣ и Султанъ-Нухѣ предоставляютъ рождающую женщину самой себѣ; даже у магометанскихъ грузинъ, называемыхъ ингилойцами, въ Закатальскомъ округѣ, женщина, когда для нея наступаютъ муки рожденія, въ качествѣ „нечистой", изгоняется изъ жилыхъ помѣщеній; она должна отправиться въ хлѣвъ или въ амбаръ и тамъ произвести на свѣтъ ребенка безъ всякой посторонней помощи; лишь по истеченіи 5—7 дней она можетъ вернуться въ свою семью и приступить опять къ исполненію своихъ домашнихъ обязанностей. У хевсуровъ женщина рождаетъ въ хижинѣ внѣ деревни безъ всякой помощи и прежде должна была оставаться тамъ цѣлый мѣсяцъ, между тѣмъ, какъ отецъ ребенка воздерживался семь недѣль отъ всякаго участія въ празднествахъ. Кормленіе дѣтей грудью до третьяго года составляетъ на Кавказѣ вовсе не рѣдкое явленіе. Рабское положеніе замужней женщины едва-ли гдѣ-нибудь выражено рѣзче, чѣмъ у осетинъ, лезгинъ и хевсуровъ. Она носитъ зимой связки дровъ съ крайней лѣсной границы въ верхнюю долину и исполняетъ всѣ работы, за исключеніемъ пашни и косьбы сѣна. Говорятъ по этому поводу, что продолжительная военная жизнь отучила мужчинъ отъ работы; но низменное положеніе женщины тамъ слишкомъ распространено, чтобы могло произойти отъ подобной случайности. Хевсуры до сихъ поръ еще предпочтительно даютъ дѣтямъ имена, напоминающія древнее языческое прошлое: такъ, мальчиковъ они называютъ — Волкъ, Левъ, Пантера, Медвѣдь, а дѣвочекъ — Солнышко, Солнечная Дѣвушка, Роза и пр. Ласкать дѣтей при всѣхъ не принято. Брачные союзы заключаются еще въ колыбели, и покупка невѣстъ весьма распространена. Похищеніе невѣсты производится притворно передъ настоящимъ заключеніемъ брака. Повидимому, первоначально тамъ существовало единобрачіе; рядомъ съ нимъ позволялось имѣть побочныхъ женъ, дѣти которыхъ оставались въ домѣ въ качествѣ полу-рабовъ. Семейныя общины кавказскихъ иверцевъ были извѣстны римлянамъ, а подобная община грузинъ нерѣдко заключаетъ до 100 членовъ въ одномъ дворѣ. Въ священномъ пониманіи гостепріимства нельзя идти далѣе. Когда черкесъ принимаетъ кого-либо въ качествѣ гостя, онъ этимъ беретъ на себя ручательство за его безопасность и жизнь. Если ему что-либо угрожаетъ, жена хозяина даетъ ему выпить молока изъ своей груди, вслѣдствіе чего онъ признается ея законнымъ сыномъ, и на его новыхъ братьевъ возлагается обязанность защищать его, даже жертвуя жизнью, отъ его враговъ и мстить за его кровь. Гость тогда только теряетъ свои права, когда онъ при посѣщеніи той же деревни остановится у другого; тогда первый хозяинъ становится его злѣйшимъ врагомъ. Кровавая месть примѣняется обыкновенно къ преступленіямъ, которыя не могутъ быть искуплены пенею, въ видѣ коровъ. Въ Сванетіи для преступника церковь становится неприкосновеннымъ убѣжищемъ. Хевсуры выносятъ умирающаго на свѣжій воздухъ, чтобы онъ могъ тамъ испустить духъ. Въ прежнее время они сажали его въ скорченномъ положеніи, съ оружіемъ и трубкою, на каменныхъ скамейкахъ построенной надъ землею усыпальницы; въ настоящее время они хоронятъ трупы въ каменныхъ могилахъ. Поминки по умершемъ у осетинъ справляются каждую субботу въ теченіе цѣлаго года и сопровождаются играми и состязаніями; то же самое мы видимъ и у хевсуровъ. Замѣтно, что Кавказъ — страна этнографическихъ развалинъ и остатковъ не въ одномъ только лингвистическомъ отношеніи.

Если не всѣ кавказцы въ рѣзкомъ смыслѣ могутъ быть названы смѣшанными народами, какъ, напримѣръ, сваны, которые, по преданію, про-

изошли отъ бѣглецовъ грузинскаго племени, или хевсуры, „смѣшанный народъ, образовавшійся въ теченіе вѣковъ изъ сосѣднихъ населеній подъ прикрытіемъ высокихъ горъ“ (Радде), то все-таки въ такой проходной странѣ, гдѣ тѣснились народы и искали себѣ убѣжища, не можетъ быть рѣчи о чистыхъ расахъ. Въ эпоху, предшествовавшую появленію русскихъ, происходили многочисленныя скрещиванія въ Абхазской низинѣ между переселявшимися и бѣжавшими изъ Турціи турками, арабами и даже неграми и туземными женщинами. Болѣе низкіе слои черкесовъ сильно смѣшаны съ покоренными ими татарами. Уже Карлъ Кохъ описывалъ сѣверо-кубанскихъ натохуаджей въ видѣ „развалины народовъ“. Въ этомъ постоянномъ обновленіи крови онъ видѣлъ причину физическихъ преимуществъ, которыя заставили Массуди воспѣть хвалебный гимнъ черкешенкамъ, а Блуменбаха — признать кавказцевъ типомъ бѣлой расы. Сохранившіеся сравнительно въ болѣе чистомъ видѣ и въ то же время болѣе древніе сѣверные кавказцы до покоренія назывались кабардинцами; у нихъ такъ же, какъ и въ высшихъ классахъ черкесовъ, обращено строгое вниманіе на чистоту крови, быть можетъ, не безъ задней мысли о рыночной цѣнности хорошо обученныхъ рабынь.

Женщина народа курдовъ. (По фотографіи.)

Армяне (см. рис., стр. 792) внѣшностью сильно напоминаютъ евреевъ: кожа ихъ свѣтлѣе, чѣмъ у персовъ, волосы темные, но встрѣчаются и каштановые, а въ юномъ возрастѣ даже и бѣлокурые, носы рѣзко изогнутые, имѣющіе, подобно губамъ, склонность къ мясистости, и ясно выраженное расположеніе къ тучности. Многихъ армянъ можно было-бы назвать свѣтлыми и тучными сѣверными персами. Этотъ народъ, который по численности, способности и прошлому казался преимущественно передъ другими призваннымъ играть важную роль въ броженіи восточнаго вопроса,

долгое время оставался настолько спокойнымъ, что можно было сомнѣваться — можетъ-ли развиться изъ его еврейской гибкости какая-либо рѣшительность. Будучи политически зависимыми и лингвистически изолированными, что̀ вынуждаетъ ихъ къ изученію другихъ языковъ, армяне сдѣлались связующимъ звеномъ между турками и греками. Ни одинъ изъ народовъ обширной Турецкой имперіи не приблизился въ такой мѣрѣ къ туркамъ. Армяне принимаютъ участіе и находятъ выгоду въ сохраненіи турецкаго царства въ Европѣ и Азіи.

Отъ нихъ, напротивъ, далеко отстоятъ курды (см. рис., стр. 786), о которыхъ Полакъ говоритъ, что они по цвѣту глазъ, кожи и волосъ такъ мало отличаются отъ „сѣверныхъ, въ особенности, германскихъ расъ“, что ихъ легко можно принять за нѣмцевъ. Этому расовому родству не противорѣчитъ репутація честности и храбрости, какою курды, несмотря на ихъ хищническія наклонности, пользуются всюду, гдѣ оказалось возможнымъ принудить ихъ къ работѣ или военному дѣлу. Въ Персіи шахъ поручаетъ охрану своей безопасности курдскимъ офицерамъ предпочтительно передъ всѣми другими. Съ похвалой отзываются и о преданности ихъ своимъ наслѣдственнымъ вали, которую не могли поколебать ни турки, ни персы. Курдъ любитъ кочевать со своими стадами, а зимою живетъ въ подземельяхъ, подобно кардухамъ Ксенофонта. Тамъ, гдѣ курды сталкиваются съ армянами, обнаруживается противоположность кочевниковъ и осѣдлыхъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, угнетателей и угнетенныхъ; вслѣдствіе того, къ числу ранъ, истощающихъ Азіатскую Турцію, принадлежитъ притязаніе курдовъ на извѣстную часть земли и движимаго имущества армянъ, которое они осуществляютъ, несмотря на то, что эти послѣдніе также платятъ дань Портѣ. Курды — сильно смѣшанный народъ, преимущественно иранскаго типа, позволяющаго сравнивать его съ афганцами, хотя онъ и не имѣетъ цѣльности. Восточные курды, вѣроятно, болѣе восприняли турецкой примѣси, чѣмъ западные. По словамъ ф. Мольтке, курды — „земледѣльцы по необходимости, воины по склонности; арабъ болѣе воръ, а курдъ болѣе воинъ“. Ихъ можно назвать энергичными, склонными къ насиліямъ, одичавшими отъ племенной вражды и кровавой мести. Такъ какъ у нихъ не существуетъ продажи дѣтей, какъ у кавказцевъ, то они размножаются быстро; отсюда исходитъ ихъ распространеніе по странамъ армянъ и персовъ. Женщины ихъ занимаютъ болѣе свободное положеніе, чѣмъ у персіянъ и турокъ. Но лучшимъ другомъ и украшеніемъ курдъ все-таки считаетъ свое дамаскированное ружье. Въ исламѣ они стоятъ на сторонѣ семитовъ, т. е. противъ персовъ, но восприняли и несторіанскіе, и якобитскіе обычаи.

Сирійцы и месопотамцы сдѣлались смѣшанными народами, такъ какъ повсюду, гдѣ страна ихъ имѣетъ степной характеръ, проникли бедуины, а въ областяхъ осѣдлости древній сирійскій народъ, принадлежавшій къ арамейской вѣтви семитовъ, уцѣлѣлъ только въ небольшихъ остаткахъ. Арабы, турки, евреи, а въ новѣйшее время и черкесы, заняли ихъ мѣсто. Но основа народа осталась семитическою. Въ городахъ можно видѣть грековъ, испанскихъ евреевъ и неопредѣленныхъ левантинцевъ европейскаго, полу-европейскаго и даже на $^1/_{10}$ европейскаго происхожденія или смѣшенія, которые сами себя охотнѣе называютъ католиками. Глубже, чѣмъ расовыя различія, какъ и повсюду на Востокѣ, проникаютъ различія вѣроисповѣданія. Леванскимъ маронитамъ, давно уже исповѣдующимъ христіанскую вѣру и только въ новѣйшее время примкнувшимъ къ римской церкви, противополагаются друзы съ такимъ вѣроученіемъ, которое заключаетъ въ себѣ элементы христіанскіе и зороастровскіе на магометанской основѣ. Послѣ жестокой борьбы съ маронитами, большая часть ихъ въ послѣднія десятилѣтія переселилась въ Хауранъ. Особое положеніе занимаютъ также ансарибы (назаиріи) Сиріи, свидѣтельство которыхъ, какъ

отверженныхъ, не допускается на судѣ ни христіанами, ни магометанами. Повидимому, они деформируютъ свои черепа.

Грузины всего болѣе соотвѣтствуютъ идеальному представленію о кавказскихъ народахъ: высокія, сильныя фигуры, свѣтлокожіе, съ каштановыми или черными волосами, темными или сѣрыми глазами и энергичными физіономіями, съ широкимъ, низкимъ лбомъ, отчасти рѣзко выступающимъ носомъ и широкимъ лицомъ. Зобъ и кретинизмъ обезображиваютъ населеніе многихъ долинъ; въ высшихъ горныхъ областяхъ порода вообще лучше, чѣмъ въ низинѣ. Безъ сомнѣнія, не каждое лицо здѣсь можно назвать прекраснымъ. Попадаются рѣзко выраженныя примѣси татарской крови, и многіе такъ же разочаровывались въ кавказской „красотѣ“, какъ и въ колхидскомъ винѣ. Тамъ есть страны съ красивыми и менѣе красивыми обитателями. Первыми богатъ Артвинъ и бѣдна окружающая его армянская страна, такъ же, какъ и окрестности Тифлиса. Именно, грузины, историческое значеніе которыхъ давно уже принадлежитъ прошлому, черезъ посредство своихъ дочерей производили постоянное облагораживающее вліяніе на типъ сосѣднихъ народовъ. Грузинки имѣютъ многочисленныхъ и вліятельныхъ представительницъ во всѣхъ гаремахъ Востока, кровь ихъ течетъ въ жилахъ турецкихъ, египетскихъ, персидскихъ и татарскихъ знатныхъ лицъ, и въ настоящее время на нихъ часто женятся русскіе. Грузинскому характеру свойственны лѣнивыя и чувственныя черты, благодаря которымъ они отступали не передъ одними европейцами. Преимущественно армяне сумѣли завладѣть нѣкогда большими богатствами грузинъ, и въ настоящее время въ прежней столицѣ Грузіи, Тифлисѣ, задаютъ тонъ не грузины, а армяне, составляющіе тамъ 40% населенія.

Кромѣ мингрельцевъ, въ лингвистическомъ отношеніи близко родственны грузинамъ живущіе въ древней Колхидской области лазы и обитающіе къ сѣверу отъ мингрельцевъ, между ними и абхазцами, сваны или сванеты. Бывшіе независимыми одно поколѣніе тому назадъ, 12,000 „свободныхъ сванетовъ“ на истокахъ Ингера, на южной сторонѣ горъ, представляютъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ народовъ Кавказа, который живетъ только въ деревняхъ съ замкообразными домами и высокими башнями. Къ нимъ, повидимому, переселились съ юго-востока имеретины, а съ запада мингрельцы; но тѣмъ и другимъ языкъ сванетовъ, развившійся въ замкнутыхъ горахъ, остался почти непонятнымъ. Несмотря на кровавую месть и частую вражду, вспыхивающую между односельчанами, сванеты — трудолюбивый народъ, дѣятельно пользующійся четырьмя мѣсяцами произрастанія въ ихъ высокихъ долинахъ. По происхожденію имъ близко родственны живущіе далѣе къ востоку, въ Большомъ Кавказѣ, тушины, пшавы и хевсуры, также небольшіе, происшедшіе преимущественно отъ бѣглыхъ грузинъ, смѣшанные народы, обитающіе къ сѣверу отъ Тифлиса, въ рѣчной области Іоры и въ средне- и высоко-альпійской области. Бѣдные, сильные и простые, съ древними нравами и привычками, они образуютъ въ высшей степени своеобразныя народности. Ихъ религія (ср. также выше, стр. 765) выясняетъ ихъ судьбу. Такъ же, какъ у сванетовъ и осетинъ, она имѣетъ характеръ воспринявшаго многія примѣси и потерпѣвшаго отъ времени христіанства, въ которомъ, несмотря на искаженныя церковныя молитвы, идеи ислама пестро перемѣшаны съ идеями христіанства. Кромѣ того, тамъ совершается и поклоненіе природѣ на жертвенникахъ и въ священныхъ рощахъ. Сванеты всего болѣе почитаютъ царицу Тамару. Ихъ церкви — маленькія часовни, незамѣтныя на ряду съ колоссальными домами съ башнями.

Такого сродства языковъ и еще болѣе тѣснаго сродства нравовъ, какъ въ южномъ Кавказѣ, мы не находимъ у сѣверныхъ кавказцевъ. Они распадаются на большее число лингвистическихъ группъ и испытали также больше измѣняющихъ вліяній отъ окру-

жающихъ ихъ народовъ. Между ними можно различить, по меньшей мѣрѣ, три группы. Прежде всего мы встрѣчаемъ черкесовъ въ западной половинѣ Кавказской области и за ея предѣлами отъ границы Мингреліи почти до Керченскаго пролива. Въ физическомъ отношеніи эти народы всего ближе подходятъ къ грузинамъ, у которыхъ дочери черкесовъ, знаменитыя черкешенки оспариваютъ первый призъ красоты. Среди ихъ отдѣльныхъ племенъ отмѣчаютъ различія, исходящія изъ того, что отдѣльныя группы, каковы, напр., абхазцы, которымъ приписывается сильная грузинская примѣсь, болѣе смуглы, черноволосы и худощавы, между тѣмъ, какъ кубанскіе черкесы, ведущіе въ сѣверномъ предгорьи Кавказа кочевую жизнь, обладаютъ менѣе правильнымъ лицомъ и менѣе статной фигурой. Но и княжескіе роды черкесовъ и кабардинцевъ, повидимому, темнѣе по цвѣту кожи и волосъ, чѣмъ большинство ихъ подданныхъ, что̀ они сами, какъ мусульмане, съ гордостью приписываютъ арабскому происхожденію. Характеръ черкесовъ отличается болѣе благородными чертами отъ ихъ восточныхъ сосѣдей, въ особенности кистовъ и лезгинъ. Но и много татарскихъ элементовъ перешло изъ степей на сѣверный Кавказъ, какъ, напр., способъ постройки въ подражаніе войлочнымъ юртамъ, или тамъ, гдѣ уже предпочитаются прочныя постройки, сооруженіе сакли, хижины съ плетеными стѣнами, обмазанными глиной, и плоской крышей на четырехъ подпоркахъ и соотвѣтствующей ей сторожевой башенкой изъ обмазаннаго плетенья. Въ глубинѣ горъ строятъ прочнѣе. Черкесы во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ принадлежатъ къ мусульманамъ и выказываютъ въ особенности тамъ, гдѣ они живутъ среди грузинъ, многія подтвержденія того правила, что на Кавказѣ магометане трудолюбивѣе христіанъ. Они распадаются на двѣ большія группы — адиге, къ которымъ принадлежатъ настоящіе черкесы и кабардинцы, и азега и абхазцевъ; многіе изъ обѣихъ группъ послѣ недавней русско-турецкой войны переселились въ Турцію.

Чеченцы (русское названіе), которыхъ грузины называютъ кистами, и которые сами себя называютъ нахчури и нахче, т. е. народъ, живутъ приблизительно въ числѣ 140 т. человѣкъ къ востоку отъ кабардинцевъ и большой военно-грузинской дороги. Подъ Чечней подразумѣвается все пространство между Аксаемъ, Терекомъ и послѣдними террасами Кавказскаго хребта, которыя называются горами Малой Чечни. Чеченцы выселились изъ горъ въ ихъ нынѣшнее мѣстообитаніе и оттѣснили тюркскихъ кумюковъ къ востоку; нѣкоторые изъ ихъ родовъ въ борьбѣ съ русскими, которую чеченцы поддерживали всего упорнѣе, опять вернулись въ горы. Это — народъ „узденей“, свободныхъ людей, не знающихъ князей и управляющихся отдѣльными родами, которые до сихъ поръ еще носятъ наименованія деревень, принадлежавшихъ имъ въ горахъ. Преданія, нравы и обычаи указываютъ на то, что они нѣкогда были христіанами. Исламъ вторгся къ нимъ съ полнымъ успѣхомъ лишь въ концѣ прошлаго вѣка. Чеченцы считались всегда однимъ изъ самыхъ воинственныхъ и въ то же время самыхъ дикихъ и жестокихъ народовъ Кавказа.

Осетины занимаютъ въ числѣ около 111 тыс. самыя высокія обитаемыя области на Кавказѣ вокругъ Казбека. По языку они выказываютъ сходство съ персами и армянами, а по исторіи съ прежними христіанскими племенами Кавказа. Исламъ, правда, ослабилъ связь съ другими христіанскими народами, но не могъ внѣдриться самъ, и у нихъ возникла совершенно особая религія. Она не допускаетъ никакого духовнаго сословія, а только наслѣдственныхъ или избранныхъ священниковъ, которые въ точномъ смыслѣ являются настоятелями народныхъ храмовъ и называются деканоссами или папарами. Осетины и теперь еще почитаютъ Дѣву Марію подъ именемъ „Mady Mairam“, но они отводятъ ей мѣсто на возвышенностяхъ и въ пещерахъ горъ, гдѣ воздается поклоненіе и покровительствующимъ духамъ деревни, въ башняхъ и домахъ, лежащихъ выше деревни. Обязанность духовнаго

лица, приносящаго жертвы, исполняетъ у нихъ старшина общины; онъ одинъ имѣетъ право входить въ узкую дверь храма, гдѣ приносится жертва. Храмъ малъ, низокъ, теменъ, безъ оконъ и безъ какого-либо украшенія; внутри находится каменный жертвенный алтарь, на которомъ стоятъ нѣсколько сосудовъ съ пивомъ и различные амулеты. Покровительствующимъ духамъ деревень, повидимому, воздается больше почитанія, чѣмъ другимъ святымъ, къ которымъ обращаются осетины, какъ, напр., св. Иліи и св. Николаю; на ряду съ ними признаются святые, покровительствующіе всѣмъ охотничьимъ животнымъ, и осетинъ проситъ у нихъ разрѣшенія, собираясь отправиться на охоту. И у неодушевленныхъ предметовъ есть святые, покровительствующіе имъ, и въ концѣ концовъ въ жизни осетинъ нѣтъ ни одной вещи, которая не имѣла бы своего „бога“ или своего „святого“. Осетинскіе колдуны и предвѣщатели такъ же, какъ и лица, завѣдующія церемоніями при заключеніи брака и погребеніи, обращаются со своими просьбами и заклинаніями къ безчисленнымъ святымъ — къ „святому паутины“, къ „святому волосъ и ногтей“, къ „святому травъ и вѣтровъ“ и къ „святому жуковъ, червей и змѣй“. Каждый шагъ осетина окруженъ ворожбой и заклинаніями, и колдунъ есть настоящее духовное лицо. Имъ извѣстны большая часть пѣсенъ, заключающихъ своеобразную миѳологію: такъ, они воспѣваютъ населявшій въ прежнее время Кавказъ исполинскій героическій народъ нартовъ. Подвиги нартскихъ князей, надъ которыми возвышается прометеевскій образъ Батраса или Батираэса, напоминаютъ тѣ, славу которыхъ воспѣваютъ персидскія героическія сказанія. И многое другое въ правахъ и обычаяхъ осетинъ указываетъ на заимствованіе извнѣ и изъ дальняго прошлаго. Противоположно восточнымъ народамъ, они сидятъ на скамьяхъ и стульяхъ. Собраніе домохозяевъ деревни изрекаетъ приговоры, которые прежде могли быть и смертными приговорами, и домохозяинъ долженъ исполнить ихъ надъ принадлежащими къ его семьѣ. Семейная власть и гостепріимство высоко стоятъ у осетинъ. Передъ пиршествомъ съ друзьями хозяинъ произноситъ слова освященія, держа въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой кусокъ мяса. Осетинъ самъ по себѣ не знаетъ ни письма, ни чиселъ, и всѣ свои счета отмѣчаетъ на биркѣ.

Восточная группа народовъ сѣвернаго Кавказа обнимаетъ обитателей Лезгіи или Дагестана, небольшіе народы, въ общемъ около 400 тыс. душъ, говорящіе на разныхъ языкахъ и далеко оттѣсненные сосѣдями. Часть ихъ по расѣ и образу жизни составляетъ переходъ къ татарамъ пограничной низины; пася свои стада рогатаго скота и овецъ, они живутъ, какъ ихъ предки во времена римлянъ, албанцы, въ войлочныхъ юртахъ, которыя въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ удлиненную форму, или въ маленькихъ деревянныхъ домахъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ частей, чтобъ ихъ можно было переносить съ одного пастбища на другое. Самое имя ихъ указываетъ смѣшеніе; въ серединѣ Дагестана живутъ такъ наз. авары. Слово „аваръ“ тюркскаго происхожденія и означаетъ „разбойникъ“. Но у этихъ народовъ нѣтъ общаго имени, и они называютъ себя по названію главной деревни своего племени. Имя „лезгинъ“ также означаетъ „разбойникъ“. Занимающіеся земледѣліемъ кумюки или кази-кумюки этой области не имѣютъ ничего общаго съ одноименнымъ тюркскимъ племенемъ къ сѣверу отъ Терека, кромѣ неосновательно прилагаемаго къ нимъ наименованія. Здѣсь замѣчается сильное персидское вліяніе. Способъ постройки каменнаго дома съ плоской крышей и широкимъ валомъ и тщательная внутренняя отдѣлка его далеко уже отходятъ отъ черкесской простоты. Строгое послѣдованіе шіитскому толку накладываетъ на лезгинъ печать болѣе рѣзко выраженнаго мусульманства, чѣмъ на ихъ западныхъ сосѣдей, но не мѣшаетъ тому, что въ ихъ праздникѣ Байрама замѣчаются нѣкоторыя черты празднованія Пасхи у русскихъ.

Названные выше дагестанскіе авары не выказываютъ тюркскаго

Народовѣдѣніе. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ СѢВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

1. 2. Грузины. — 3. Осетинъ. — 4. Албанецъ. — 5. Исландка. — 6. Русская (Рязанской губ.). — 7. Румынка. — 8. 9. Поляки (Радомской губ.).

(1—4, 6, 8, 9 по Наули „Народы Россіи“; 5 по Бёртону „Ultima Thule“; 7 по фотографіи.)

съ тѣмъ украшалась и конская сбруя. Стрѣлы съ бѣлыми орлиными перьями высоко цѣнились, и простой народъ не долженъ былъ пользоваться ими. Стрѣльба изъ лука до новѣйшаго времени оставалась любимой игрой у черкесовъ.

Армянинъ. (По фотографіи.) Ср. текстъ, стр. 786.

Такъ какъ горныя страны и плоскія возвышенности Кавказа въ общемъ не отличаются плодородіемъ, то высоко живущіе осетины, хевсуры и родственныя имъ народности не могутъ заниматься ни достаточно распространеннымъ горнымъ хозяйствомъ, ни сколько нибудь выгоднымъ земледѣліемъ. Имъ труднѣе всего поддерживать зимою большія стада. Единственную обширную область скотоводства представляетъ прежняя турецкая Арменія, откуда давно уже производится значительный вывозъ овецъ. Извѣстную исторію о жирномъ курдюкѣ, къ которому для удобства подвязывается маленькая телѣжка, еще недавно д-ръ Арцруни въ Тифлисѣ разсказывалъ о стадахъ на Ванѣ, гдѣ разводятся также ангорскія козы. Скотоводство значительно и въ лезгинской области, собственная стройная порода овецъ которой, похожая на козъ, хорошо приспособлена къ горнымъ пастбищамъ. О кавказскихъ козахъ разсказываютъ, что они смѣшиваются съ дикими безоаровыми козами. Воинственные черкесы разводили съ большими затрудненіями чистыя конскія породы. Въ плодородныхъ низинахъ и на уступахъ Мингреліи, Имеретіи, Грузіи и Кахетіи земледѣліе, заключающееся въ воздѣлываніи риса, пошло назадъ. Виноградники и плодовые сады, о которыхъ прежніе путешественники отзывались съ восторгомъ, въ настоящее время занимаютъ гораздо меньшее пространство. Утверждаютъ, что климатъ дѣлается все болѣе и болѣе измѣнчивымъ, и болѣзнь винограда коснулась и дикой лозы мингрельскихъ лѣсовъ. Но здѣсь мѣстные жители лѣнивы и любятъ удовольствія. Вина Кахетіи пользуются славой самыхъ старыхъ и настоящихъ кавказскихъ. И грузины воздѣлываютъ лозу и... выпиваютъ бо́льшую часть вина въ безконечныхъ попойкахъ съ соблюденіемъ старинныхъ пиршественныхъ обычаевъ. Къ сожалѣнію, кромѣ того,

сюда проникло изъ Персіи куреніе опіума. На высотѣ 1000—1300 м. надъ уровнемъ моря виноградная лоза еще растетъ, и здѣсь разводятся также шелковичные черви, маисъ и итальянское просо (Setaria) вмѣстѣ съ пшеницей Жизнь здѣсь не такъ легка, какъ въ низинѣ, но на Кавказѣ трудолюбіе увеличивается вмѣстѣ съ высотою. Горнымъ хлѣбомъ можно назвать ячмень и овесъ. На сѣверо-восточномъ склонѣ хлѣбная граница поднимается почти до 2600 м. Въ болѣе низкихъ частяхъ Дагестана, гдѣ засуха напоминаетъ о близости степи, почти въ каждой деревнѣ можно найти искусственные пруды. Тамъ мало пользуются плугомъ, и зазубренный серпъ служитъ не столько для срѣзыванія, сколько для захватыванія и выдергиванія. Хлѣбъ сохраняютъ въ большихъ корзинахъ, свободно стоящихъ на подставкахъ или въ земляныхъ ямахъ. Хлѣбъ по восточному обычаю — болѣе поджаренныя, чѣмъ выпеченныя, а часто даже прѣсныя лепешки. Въ Дагестанѣ, хлѣбъ пекутъ изъ ячменной или бобовой муки. Пристрастіе къ луку и чесноку широко распространено, и во многихъ мѣстностяхъ ихъ можно назвать главными овощами; слѣдующее мѣсто за ними занимаютъ стручковыя растенія, въ особенности крупные бобы.

Насколько важно сохраненіе лѣсовъ въ этихъ высоко лежащихъ, холодныхъ и отчасти сухихъ отъ природы мѣстностяхъ — показываетъ ухудшеніе земледѣлія и даже уменьшеніе населенія Эрзерума вслѣдствіе уступки Россіи лѣсовъ на Соганлу. Легенда, будто эти лѣса были посажены армянскимъ царемъ, указываетъ на высшій уровень лѣсной культуры въ Арменіи въ прежнее время; и относительно Дагестана существуютъ указанія, что тамъ платановая роща близъ Нухи приписывалась искусственному насажденію. Лѣсной матеріалъ и прежде всего благородное буксовое (самшитовое) дерево давно уже составляетъ предметъ вывоза съ Кавказа. Изъ большого обилія дикорастущихъ растеній кавказскіе народы воспользовались многими. Въ Дагестанѣ пьютъ въ видѣ чая оконечности вѣтокъ одного вида крушины, ѣдятъ стебли многихъ видовъ Heracleum, Andropogon, Cnidium, а также листья Sempervivum pumilum.

Женщина является представительницей домашней промышленности, которая прежде болѣе всего заботилась объ одеждѣ. Грубое лезгинское полотно, дагестанскія кожаныя издѣлія, вышитыя золотомъ, шелковые кумухскіе пояса, ковры собственнаго приготовленія, покрывающіе полъ въ лезгинскихъ хижинахъ, сдѣлались предметами торговли. Пристрастіе къ деревяннымъ сосудамъ изъ одного куска дерева, повидимому, напоминаетъ болѣе древнее время; такіе же сосуды находятся въ настоящее время въ употребленіи у басковъ. На Кавказѣ изготовляются доброкачественныя гончарныя издѣлія безъ глазури. Прекрасно глазированныя и расписанныя блюда и тарелки, украшающія стѣны крестьянскихъ домовъ Дагестана, попали сюда путемъ торговли или прежнихъ набѣговъ на персидскія пограничныя провинціи. Объемистые глиняные сосуды нужны для превращенія взбалтываніемъ молока въ масло, и въ нихъ зарываютъ вино въ землю. Нѣкогда на Кавказѣ процвѣтала высоко развитая бронзовая промышленность, а въ позднѣйшее и въ настоящее время заимствована изъ Персіи выдѣлка полированной стали, выложенной благородными металлами.

Вся политическая жизнь и историческая дѣятельность кавказскихъ народовъ тѣсно связана съ ихъ обитаніемъ въ домахъ съ крѣпкими замкообразными, многоярусными башнями съ бойницами, часто отъ 20 до 25 метр. высоты; дома эти, даже соединенные въ видѣ деревни, стоятъ на горѣ каждый въ отдѣльности. Подобные дома съ башнями всего чаще встрѣчаются въ горахъ. У свободныхъ сванетовъ каждый отдѣльный дворъ снабженъ башнею. Но даже и мингрелецъ, обитатель плодородной низины, располагающей къ плотному поселенію, живетъ въ отдѣльномъ дворѣ, окруженномъ стѣнами, и въ Дагестанѣ валъ и ровъ тянутся вокругъ жилища съ толстыми каменными воротами. Здѣсь въ комнатахъ, убранныхъ часто довольно

уютно, живутъ тѣсно замкнутые роды, хозяйственной сплоченности которыхъ удивлялись уже римляне, знавшіе иверцевъ нынѣшней Грузіи. Здѣсь развилась ихъ сила для самопомощи и готовность къ борьбѣ. По отношенію къ власти отца, жена и дѣти играютъ роль рабовъ. У осетиновъ, а также и у другихъ народовъ, сынъ никогда не заговоритъ и не сядетъ въ присутствіи отца; когда этотъ послѣдній входитъ, всѣ встаютъ. Вопросъ о войнѣ и мирѣ разрѣшается собраніемъ домохозяевъ. Общіе интересы, которые у болѣе мелкихъ народовъ ясно очерчены въ географическомъ смыслѣ, придаютъ политическую связь этимъ сплоченнымъ деревенскимъ племенамъ; подобные союзы не всегда, впрочемъ, ограничивались ближайшими горами. Даже Арменія въ своей республикѣ Хоторджуръ, состоящей изъ восьми католическихъ деревень, выказываетъ замѣчательный остатокъ древней свободы; обитатели ея уже по старинному обычаю обязаны оказывать другъ другу услуги, что приводитъ ихъ къ общинному владѣнію. Живое семейное и племенное чувство армянъ по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ вызываетъ непріязненное чувство у сосѣднихъ народовъ.

Такъ же, какъ этотъ образъ правленія, и связанная съ нимъ прославленная храбрость кавказскихъ народовъ не составляетъ свойства какого либо одного племени. Она—общее достояніе всѣхъ, хотя не у всѣхъ проявляется одинаково. Армяне, послѣ недолгаго политическаго процвѣтанія, рано отстали и отвыкли отъ обращенія съ оружіемъ. Нѣкогда въ этомъ отношеніи всего болѣе выдвигались грузины, черкесы и лезгины. Ихъ воспитанію въ этомъ направленіи содѣйствовали кровавая месть и безконечныя распри деревень и кланов. Тамъ, гдѣ военная выправка проникала цѣлыя поколѣнія, какъ это было въ долгій періодъ завоеванія Кавказа русскими, совершалось болѣе тѣсное сплоченіе свободныхъ людей кланов подъ властью военныхъ вождей, самымъ выдающимся образцомъ которыхъ можетъ служить Шамиль. Начиная отъ степной границы, турецкіе беги, съ цѣлью покоренія, давно уже вмѣшивались въ независимую жизнь деревенскихъ республикъ и обращали въ крѣпостное состояніе многочисленное населеніе на сѣверномъ склонѣ; эти зависимыя отношенія разрѣшились тѣмъ положеніемъ, какое заняли ногайскія и тюркскія племена, какъ, напримѣръ, карачаи относительно горныхъ племенъ Кабарды. Горные народы остались связанными, ввидѣ свободныхъ родовъ, даже и послѣ покоренія. Въ вооруженіи и военномъ снаряженіи ихъ дѣйствовало, повидимому, персидское вліяніе, а въ нравахъ также и христіанское средневѣковой эпохи. И въ настоящее время исванъ съ рыцарской преданностью служитъ женщинѣ, груди которой онъ коснулся зубами и съ которой его связываютъ чистыя отношенія дружбы и покровительства.

Прошло уже то время, когда кавказскія береговыя племена, въ качествѣ мореплавательныхъ народовъ, появлялись, ввидѣ страшныхъ пиратовъ, на быстрыхъ галерахъ, и когда посылались большія экспедиціи, чтобъ положить конецъ этому вредному промыслу, который уже въ древности былъ связанъ съ похищеніемъ людей и торговлей рабами. Для торговли, которая тогда, какъ и теперь, была нужна для недостаточно производительной горной страны, повидимому, и въ прежнія времена служило болѣе иноземное, чѣмъ собственное мореходство. Кавказцы всегда нуждались въ соли и хлѣбѣ и отпускали съ своей стороны строевый лѣсъ, кожи, воскъ и медъ. Они не чуждались торговли, какъ ихъ сарматскіе сосѣди, которые, по словамъ Страбона, не умѣли сами обрабатывать желѣза и поэтому снабжали свои копья и стрѣлы костяными наконечниками. Въ металлическихъ работахъ они превосходили нѣкогда всѣхъ своихъ сосѣдей, и сырой матеріалъ для нихъ доставлялся имъ изъ рудниковъ Кавказа; въ формахъ многочисленныхъ древнихъ бронзовыхъ вещей проявляются иранскія вліянія, предшествовавшія исламу.

27. Европейцы.

„Европа въ настоящее время — самое удобное пространство земли для выработки народовъ съ рѣзко выраженной личностью.“
О. Пешель.

Содержаніе: Народы новой исторіи. — Семиты. — Греція и финикіяне. — Урало-алтайцы. — Происхожденіе мадьяровъ. — Германскія соприкосновенія. — Арійцы. — Культурная ступень древнихъ арійцевъ. — Древніе и новые греки. — Этруски. — Развитіе римлянъ и романцевъ. — Испанцы. — Французы. — Румыны. — Кельты, галлы и бельги. — Германцы. — Готы, скандинавы, нѣмцы и англичане. — Летто-славяне. — Русскіе.

Дойдя до порога передней Азіи и Европы, мы видимъ народы, которыхъ мы могли бы назвать историческими, если-бы не опасались подъ конецъ впасть опять въ недоразумѣніе, съ которымъ неустанно боролись на протяженіи этого сочиненія. Въ исторіи человѣчества жребія распредѣлены различно; для каждаго народа поставлена своя задача, и ни одинъ народъ не лишенъ случая внести въ великую ткань исторіи свою, хотя и весьма скромную, нить. Существуетъ, правда, новая исторія, столь тѣсно соединенная съ нашей собственной исторіей и съ настоящимъ временемъ, что мы не можемъ смотрѣть на нее иначе, какъ на часть нашего собственнаго прошлаго. Народы, начиная отъ края Малой Азіи и отъ древней границы Европы въ Скиѳской степи, чужды намъ уже не въ такой степени, какъ въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ сѣверной полярной области, въ Австраліи и въ большей части Азіи. Если они не родственны намъ въ племенномъ, то родственны въ культурномъ отношеніи, такъ какъ ихъ историческія судьбы тѣсно сплетены съ нашими, и мы знаемъ болѣе или менѣе значительную часть ихъ прошлаго. Мы стоимъ здѣсь на порогѣ нашей собственной исторіи. Народовѣдѣніе кладетъ здѣсь свое перо, и его можетъ уже взять исторіографія. Намъ остается только указать народамъ Европы мѣсто въ набросанной нами картинѣ всего человѣчества.

Европа тѣсно связана съ Азіей. Уже Гердеръ признавалъ невозможность написать исторію одной средней Европы, не имѣя постоянно ввиду средней Азіи. Напротивъ, наша часть свѣта отдѣлена Атлантическимъ океаномъ отъ Америки и Средиземнымъ моремъ отъ Африки. Поэтому мы не видимъ никакихъ вліяній, оказывавшихся Америкой на Европу, и лишь немногія, исходившія непосредственно изъ Африки. Тамъ, гдѣ можно указать первичную родину европейскихъ народовъ, она не можетъ лежать далеко за пограничною чертою Азіи и Европы. Этнографическая связь между этими двумя частями свѣта столь же тѣсна, какъ и географическая. Она проявляется черезъ посредство семитовъ въ Средиземномъ морѣ, турокъ въ Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ, кавказцевъ чрезъ кавказско-каспійскій мостъ и урало-алтайцевъ въ области Урала и Ледовитаго океана. Каждая изъ этихъ этническихъ группъ имѣетъ въ настоящее время мѣстообитаніе въ Азіи и въ Европѣ, и для двухъ изъ нихъ, для семитовъ и турокъ, азіатское происхожденіе въ высшей степени вѣроятно.

Въ западной части передней Азіи уже въ древнѣйшія времена мы встрѣчаемся съ семействомъ народовъ, которое въ физическомъ отношеніи выказываетъ много сходства съ хамитическими древними египтянами, но, быть можетъ, напоминаетъ еще болѣе отличающихся отъ нихъ въ лингвистическомъ отношеніи обитателей армянскаго плоскогорья — курдовъ, армянъ и грузинъ. Это — семиты, которые въ лингвистическомъ отношеніи находятся въ связи, далеко лежащей во времени, съ хамитами, съ которыми они находятся въ наибольшей пространственной близости. Библія и еги-

петскія преданія позволяютъ установить тѣсныя взаимныя отношенія обоихъ народовъ. Достаточно напомнить эритрейское происхожденіе финикіянъ, общія основы вавилонской и египетской культуры и позднѣйшія многочисленныя тѣсныя соотношенія между финикіянами, евреями и арабами, съ одной, и египтянами съ другой стороны. Мы видимъ одинъ изъ символическихъ фактовъ исторіи въ томъ, что древнѣйшая караванная дорога, о какой мы имѣемъ свѣдѣнія, отъ Герры на Персидскомъ заливѣ до Вавилона и Египта, на которой эдомиты и медіаниты вели торговлю миррой, бальзамомъ и пряностями Аравіи и Индіи, связывала хамитическія и семитическія области. Когда намъ говорятъ, что всѣ хамиты и семиты, какъ культурные народы, отличаются крайне объективнымъ направленіемъ ума и въ прежнее время образовали сильныя и сплоченныя государства (такъ какъ монархіи Вавилона, Ниневіи и Египта покоятся на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ), то этимъ указываются болѣе послѣдствія, чѣмъ причины.

Сирійская дѣвушка изъ Дамаска. (По фотографіи.)

Семитическіе народы были представителями трехъ великихъ факторовъ — халдейской культуры, христіанства и ислама. Халдейцы выдавали себя сами за колонію египтянъ. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться, что ихъ культура стояла въ близкомъ родственномъ отношеніи съ египетской, и они впослѣдствіи тѣсно соприкасались съ ней. Поклоненіе Ваалу, исходящее изъ Месопотаміи, распространилось въ большей части передней Азіи; то, что мы знаемъ о большихъ политическихъ движеніяхъ Египта за его предѣлами въ болѣе древнія времена, представляетъ собою борьбу съ народами передней Азіи, поклонявшимися Ваалу. Главнымъ средоточіемъ этой религіи былъ Вавилонъ, но на западѣ точкой, откуда исходили ея лучи, былъ Тиръ. Въ ней, такъ же, какъ и въ египетской религіи, сильно выражены астрономическіе и космогоническіе элементы, но въ Ваалѣ — солнцѣ, Астартѣ — лунѣ и соединеніи обоихъ въ одной системѣ они выступали яснѣе, чѣмъ въ религіи Нильской долины, имѣвшей болѣе мѣст-

ную окраску, вслѣдствіе преобладанія впечатлѣній природы. Съ мѣстными отношеніями въ теогоніяхъ и миѳологіяхъ связывается, напротивъ, всего охотнѣе подчинявшійся мѣстнымъ вліяніямъ народный духъ, который не въ силахъ былъ постичь великую и глубокомысленную сторону ученія жрецовъ. Если жрецы Ваала не могли безотносительно представить себѣ высшую божественную сущность, которая невидимо управляетъ движеніями звѣздъ, то вѣра въ Ваала несомнѣнно казалась евреямъ настоящимъ идолослуженіемъ. Въ народномъ культѣ Ваалъ былъ огонь, которому, вслѣдствіе его разрушительной силы, приносились жертвы. Ваалъ выступаетъ также ввидѣ Молоха, къ которому можно найти доступъ только черезъ посредство огня. Если и здѣсь господствовала болѣе чистая идея очищенія огнемъ, то въ дѣйствительности поклоненіе Молоху выродилось въ отвратительное человѣкоубійственное идолослуженіе, державшее души въ тупомъ подчиненіи. И когда въ лицѣ Астарты воздавалось поклоненіе первообразу Афродиты, противоположности всепожирающаго огня, знойнаго, изсушающаго солнца, сухого лѣта, рожденной изъ воды, кроткой лунѣ, расцвѣтающей веснѣ, то инстинктъ массъ и здѣсь уклонился съ прямой дороги, создавъ обычаи, принижавшіе женщину, и поставивъ жертву силамъ природы впереди нравственности, такъ какъ безъ жертвы тамъ не было никакого отношенія къ религіи.

Только монотеизмъ, вмѣстѣ съ большею утонченностью ученія жрецовъ, могъ преодолѣть низменность народныхъ вѣрованій. Вслѣдствіе того евреи, жившіе всего ближе къ Египту, „колыбели религій“, выступаютъ на передній планъ исторіи. Евреи получили историческое воспитаніе стѣсненнаго, подавленнаго народа. Подобно своимъ родичамъ въ Аравіи и Сиріи, первоначально они были номадами. Ихъ древнѣйшія книги не знаютъ прочныхъ алтарей, и въ жертву приносился только скотъ. Евреи перешли къ осѣдлости, покоривъ и раздѣливъ между собой Ханаанъ. Но ихъ обѣтованная земля была только оазисъ. Они съ трудомъ могли распространяться внутрь материка, никогда на долгое время не завладѣвали берегомъ освобождающаго и обогащающаго моря, поэтому оставались бѣдными и были оставлены на произволъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Однажды, въ эпоху наибольшаго могущества и процвѣтанія, они подвинулись къ морю, но то обстоятельство, что единственный путь къ морю чрезъ Эціонгеберъ, гавань на Акабахской бухтѣ, попалъ въ руки Тиглата Пилезара, было одной изъ главныхъ причинъ политической гибели евреевъ. Но страданія вслѣдствіе національнаго упадка привели ихъ къ очищенію, какое „въ народѣ, въ которомъ рабство уничтожило болѣе тонкую чувствительность, и который самъ по себѣ былъ умственно горделивымъ и строгимъ, установило понятіе о всевѣдущемъ и всемогущемъ, духовномъ, но въ то же время пристрастномъ и строгомъ божествѣ“ (Ветцштейнъ). Въ то же время изгнаніе повело къ соприкосновенію съ халдейскимъ и персидскимъ кругами идей, возобновившими прежнія вліянія. Объ Авраамѣ говорится, что онъ пришелъ изъ страны халдеевъ, и Іисусъ Навинъ говоритъ: „По ту сторону рѣки (Евфрата) жили ваши предки“. Къ Халдеѣ, такъ же, какъ и къ Египту, относятся высшія и низшія идеи, религія жрецовъ и народныя вѣрованія. И въ Израилѣ пророки учили лучшему, въ сравненіи съ тѣмъ, чему вѣрила и что дѣлала масса. Слѣды основныхъ различій въ воззрѣніи на божественное выступаютъ даже въ Ветхомъ завѣтѣ: предписанія всесожженія въ книгѣ Левита сильно расходятся съ словами псалмопѣвца: „Ибо жертвы ты не желаешь, — я далъ бы ее; къ всесожженію не благоволишь“ Болѣе глубокое, благородное и простое воззрѣніе, что смиренный духъ есть жертва Богу, одержало побѣду; тайна этой окончательной побѣды заключается въ историческомъ положеніи и въ семитическомъ характерѣ. Основныя черты большой простоты, стремленія все посвятить служенію Единому, этической серьезности, желанія избѣжать пышныхъ антропоморфическихъ произведеній

фантазіи, созданныхъ азіатскимъ пантеономъ, были одинаково свойственны какъ измаильтянамъ, такъ и израильтянамъ. Въ самомъ народѣ происходили измѣненія. Изреченіе Ренана: „Еврейство—не раса, а вѣроученіе“ напоминаетъ о вліяніяхъ разнообразной этнической среды. Въ соприкосновеніи съ арійскими въ основѣ, но находившимися подъ семитическими внушеніями грековъ, которые въ процессѣ собственнаго духовнаго очищенія прошли путь въ стремленіи къ правдѣ, наукѣ и красотѣ независимо отъ евреевъ, христіанство выросло въ народопреобразовательную силу, къ которой этнографъ прежде всего долженъ свести устраненіе низменнаго положенія женщины, полигаміи, рабства и кастоваго дѣленія. Даже при своемъ разсѣяніи по всему свѣту (въ Китаѣ есть такъ же евреи, какъ и въ Марокко), въ своей угнетенности и политической несамостоятельности, евреи остались вліятельными въ умственной и особенно въ экономической жизни. Они самыми различными путями приспособились къ европейскимъ культурнымъ народамъ, не отказываясь отъ своихъ своеобразныхъ чертъ, но уже изъ Азіи они принесли съ собою весьма различные расовые элементы. Правда, большія различія между германско-польскими и португальскими евреями сводятся къ вліяніямъ окружающихъ народовъ, и смѣшеніе, которому противятся нѣкоторые законы и обычаи, безъ сомнѣнія, оказало сильное дѣйствіе. Однако, значительное разстояніе, которое въ настоящее время отдѣляетъ нашихъ евреевъ отъ ихъ сирійскихъ и аравійскихъ соплеменниковъ, возникло впервые не въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыхъ чертъ мулата оно не могло устранить даже у свѣтлокожихъ, бѣлокурыхъ евреевъ.

Маронитскій священникъ. (По фотографіи.)

Торговый народъ финикіяне перенесли семитическій элементъ въ Грецію и Италію. Ихъ могущественныя колоніи въ Африкѣ оставались мертвыми въ культурномъ отношеніи въ сравненіи съ глубокими слѣдами ихъ соприкосновенія съ арійскими средиземными народами. Древняя Греція, благодаря мореходству, сознавала свою тѣсную связь съ Финикіей и ея колоніями и имѣла дѣло съ многочисленными мѣстами финикійскаго происхожденія, пользовавшимися благопріятнымъ торговымъ положеніемъ Θукидидъ называетъ финикіянъ (вмѣстѣ съ карійцами) въ числѣ самыхъ древнихъ обитателей острововъ восточной части Средиземнаго моря. По мнѣнію этого историка, Миносъ изъ Крита первый создалъ морское могущество, завладѣлъ восточной частью Средиземнаго моря и заселилъ Циклады.

Острова, каковы Критъ, Кипръ, Сицилія и Сардинія (самый сѣверный пунктъ, до котораго доходятъ египетскіе слѣды), были собирательными точками, откуда исходило вліяніе и дѣятельность финикіянъ. Значеніе этого замѣчательнаго народа для средней и сѣверной Европы, гдѣ онъ, въ соединеніи съ этрусками, является распространителемъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, въ особенности обработки руды, въ настоящее время скорѣе можно угадывать, чѣмъ рѣзко очерчивать его.

Въ характерѣ грековъ и въ быстро пріобрѣтенномъ преимуществѣ высокой оригинальности ихъ культуры заключалось побужденіе къ высшей оцѣнкѣ себя, исключавшей всякое сравненіе, ставившей собственное достояніе слишкомъ высоко, а достояніе „варваровъ“ слишкомъ низко и уже въ раннюю эпоху забывшей о своей зависимости отъ Азіи. Фактически можно прослѣдить ассирійско-малоазіатскіе элементы даже въ подробностяхъ іонійскаго и египетскіе — дорійскаго архитектурнаго стиля, а находки въ Троѣ и Микенахъ напоминаютъ намъ время, когда греки вмѣстѣ съ азіатцами поклонялись изображеніямъ боговъ съ головами животныхъ, которыя впослѣдствіи превратились въ животные символы и легкіе поэтическіе намеки. Волоокая Гера Гомера въ Микенахъ является богиней съ головой коровы на человѣческомъ туловищѣ. Варварская простота почитаемыхъ изображеній удерживалась въ скульптурѣ до временъ Фидія: икарійская Артемида изображалась неотесаннымъ чурбаномъ, самосская Гера — доской, Аѳина въ Линдосѣ — плоскимъ брусомъ, чета Діоскуровъ въ Спартѣ — двумя обрубками съ поперечной перекладиной. Воспоминаніе и остатки поклоненія животнымъ и человѣческихъ жертвъ и непристойныхъ обычаевъ могутъ быть указаны въ большомъ числѣ. Эти низменныя представленія были очищены у грековъ развившимся самостоятельно вслѣдствіе островного положенія, арійскимъ духомъ, которому мы обязаны и возвышеніемъ науки надъ суевѣріемъ и поэзіей. Но и здѣсь семитическій элементъ доставляетъ краеугольные камни и познаніе первыхъ пріемовъ. Распредѣленіе времени и мѣры грековъ были халдейскаго происхожденія. Уже древность удивлялась наукѣ о звѣздахъ у халдеевъ (см. стр. 408), которыхъ и греки считали кастой жрецовъ съ цѣнными тайными познаніями. Отъ почитанія звѣздъ, которымъ они приписывали вліяніе на все живущее, они перешли къ болѣе прочному наблюденію, изъ котораго, правда, не возникло никакой болѣе глубокой науки, но зато получились научныя основы для хронологіи, мѣры и вѣса. Но конечной цѣлью ихъ трудовъ и стараній оставалась астрологія, державшая ихъ подъ рабствомъ суевѣрія и оковывавшая европейцевъ еще во времена Кеплера. Они были убѣждены, что судьбы людей управляются неизмѣннымъ закономъ, открывающимся въ звѣздахъ. Угадать то, что предвозвѣщаетъ приближеніе событій, обусловливаемыхъ небесными вліяніями, было цѣлью ихъ мышленія и работы. Но такъ какъ и въ другихъ явленіяхъ, кромѣ явленій звѣзднаго неба, признавалось нѣчто необходимое, то и самое незначительное могло происходить лишь въ силу господствующихъ повсюду взаимодѣйствій. Историческія событія и человѣческія судьбы стали приводить въ связь съ явленіями природы, считавшимися предвѣщаніями; такимъ образомъ, создалась система опредѣленныхъ правилъ для изслѣдованія будущаго, искусство предсказанія, занимающее равноправное мѣсто наряду съ еще болѣе извѣстнымъ толкованіемъ звѣздъ. Распространенныя по всему міру искусства, каковы бросаніе жребія, предсказанія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, толкованіе сновъ, гаданія на водѣ, огнѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ выступаютъ здѣсь въ своихъ древнѣйшихъ слѣдахъ. Халдейскіе и египетскіе учителя дали грекамъ основы математики, которая оказалась способной къ высокому развитію, какъ дедуктивная наука, когда не выяснилось еще значеніе критическихъ и экспериментальныхъ методовъ. Великіе греческіе геометры, математики и астрономы древности дѣйствовали или учили въ

Малой Азіи, Египтѣ и Сициліи. Они положили основы науки, независимой отъ вѣры и суевѣрія, означающей одинъ изъ величайшихъ успѣховъ въ исторіи человѣческаго ума, новѣйшія эпохи которой должны, въ сущности, вести начало отъ Пиѳагора.

Въ бассейнѣ Средиземнаго моря можно допустить обширное распространеніе древнихъ семитическихъ вліяній, но ихъ трудно прослѣдить въ отдѣльности, въ особенности тамъ, гдѣ они сливались съ позднѣйшими мавританскими вліяніями. Сходство мальтійца, который одинъ только сохранилъ арабскій языкъ, на древне-финикійской землѣ Мелитты съ южнымъ итальянцемъ не исключаетъ семитической примѣси; подобно южному испанцу, и южный итальянецъ носитъ примѣсь семитической крови, хотя въ языкахъ того и другого сохранились лишь слабые слѣды ея. Подвижность мальтійца есть финикійское наслѣдіе. Мальта есть пчелиный улей, полный трудолюбивыхъ созданій, которыя порождаютъ кругомъ новые улья. Эти острова выпускаютъ ежегодно нѣсколько тысячъ трудолюбивыхъ людей во всѣ части береговъ Средиземнаго моря, гдѣ недостаетъ, если не людей, то творческихъ рукъ, совершенно такъ же, какъ это дѣлала нѣкогда узкая береговая область Финикіи. Мы видимъ здѣсь интересный примѣръ перемѣщенія небольшого центра въ разныя стороны. Сицилія цѣлыя тысячелѣтія, съ небольшими перерывами, находилась въ семитическихъ рукахъ. Когда еще тамъ жили иберы (ср. ниже стр. 811), финикійскія поселенія опоясывали уже ея берега, и мавританскій элементъ тамъ водворялся легче.

Хотя, вѣроятно, значительная часть восточной Европы, представляющаяся въ настоящее время степнымъ пространствомъ, прежде была покрыта лѣсомъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь, повидимому, всегда существовали благопріятныя условія для развитія нуждающихся въ просторѣ степныхъ народовъ. Насколько можетъ проникнуть взглядъ исторіи, въ сѣверо-понтійскихъ областяхъ выступаютъ номады, подъ собирательнымъ именемъ скиѳовъ. Скиѳы древности были широко распространенной группой кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ одни стояли ближе къ иранцамъ, а другіе къ тюркамъ. Изъ нихъ намъ лучше всего извѣстны савроматы, жившіе къ востоку отъ Дона до Кавказа. Среди нихъ были бѣлокурые; мнѣніе, высказанное уже Клапротомъ, что они находились въ лингвистической связи съ осетинами, получило новыя подтвержденія. Можно считать несомнѣннымъ, что и во внутренней Азіи жили скиѳы, которые были отдѣлены отъ своихъ понтійскихъ соплеменниковъ уграми восточнаго Урала; такъ было, по крайней мѣрѣ, когда греки вели торговлю съ сѣверо-восточными внутренними странами Чернаго моря. Приходившіе съ запада наталкивались тогда на сплоченныхъ тюрковъ и монголовъ, прежде всего въ Гоби, гдѣ жили обладавшіе лошадьми аримаспы, въ восточномъ Туркестанѣ, гдѣ обитали лысые агриппейцы, и между Куэнь Лунемъ и Куку Норомъ, куда были перемѣщены исседоны. Обширное распространеніе иранскихъ элементовъ въ финно-угрскихъ языкахъ выказываетъ древнее вліяніе арійскихъ, нѣкогда также кочевыхъ народовъ на номадовъ.

Если въ древнихъ описаніяхъ скиѳовъ многое напоминаетъ кочевыхъ тюрковъ нашего времени, то настоящіе тюрки выступаютъ передъ нами въ конныхъ народахъ — гуннахъ и аварахъ, малорослыхъ, съ большой головой, маленькими глазами и безбородымъ лицомъ, которые отъ сѣвернаго Понта дали толчекъ къ великому германскому переселенію народовъ. Эти народы, которые всегда кочевали и появлялись ввидѣ войска, совершенно исчезли. Мы не можемъ уже сказать съ точностью, откуда они пришли и какіе не тюркскіе элементы, финно-угрскіе и арійскіе, они захватили съ собой. Исторія переселенія народовъ ясно показываетъ въ общихъ чертахъ гунновъ, аланъ и остготовъ, что они восприняли еще другіе элементы; это надо принять во вниманіе, такъ какъ двѣ группы тюркскихъ

народовъ, оставшихся на аренѣ западной исторіи, значительно разнятся по расѣ и образу жизни отъ тюрковъ, какъ мы ихъ описали выше.

Это — османскіе турки и мадьяры. Такъ-же, какъ классическія произведенія османской литературы заставляютъ отступать турецкія слова передъ арабскими, османы и съ физической стороны выказываютъ лишь незначительные слѣды туранской расы. Тѣ турецкія семейства, которыя вмѣстѣ съ Эртогрулемъ и Дундаромъ, основателями османскаго господства, осѣли въ Малой Азіи, вполнѣ могли поглотить тамъ сельджуко-тюркскіе этническіе остатки, извѣстія о которыхъ доходятъ до середины IX вѣка. Но, въ сравненіи съ милліонами говорящихъ нынѣ по турецки османлисовъ европейской и азіатской Турціи, число ихъ ничтожно. Значительное естественное размноженіе было невозможно, такъ какъ турки всегда составляли natio militans; они должны были принимать въ свой составъ цѣлые народы. Османли — собирательное имя для смѣшаннаго народа, который воспринялъ сперва мало-азіатскіе народы и затѣмъ славянскіе, армянскіе, греческіе и арабскіе элементы. Въ странѣ, гдѣ въ каждомъ зажиточномъ домѣ есть нѣсколько негровъ и негритянокъ, нельзя упускать изъ виду и эѳіопскій элементъ. Христіане и магометане, греки и турки въ Малой Азіи во многихъ случаяхъ стали настолько сходны между собой, что различаются лишь мелкими подробностями костюма; такъ, напримѣръ, грекамъ запрещено носить зеленый тюрбанъ. Уменьшеніе числа господствующихъ османовъ облегчило приливъ этихъ элементовъ. Уже одной полигаміи было достаточно, чтобы ослабить половину турецкаго народа въ экономическомъ и умственномъ отношеніи. Сюда присоединяется еще распространенный обычай изгнанія плода. Большая часть Европы и западной Азіи, надъ которой властвовали турки, и небольшая, какую они удержали за собой, въ сущности, находились въ одинаковомъ положеніи, какова-бы ни была національность покоренной области. Турокъ и близко стоящій къ нему ренегатъ были господами, привилегированными, пользовавшимися всѣми благами; остальнымъ принадлежала только тѣневая сторона. Турокъ въ этихъ областяхъ — разрушающій и устрашающій элементъ. Народное сказаніе приписываетъ ему всѣ остатки укрѣпленныхъ замковъ на головокружительныхъ скалистыхъ возвышенностяхъ; онъ свергаетъ ни въ чемъ неповинныхъ заключенныхъ съ тарпейскихъ скалъ и похищаетъ дѣвушекъ. Въ его характерѣ заключаются сила и гордость; онъ обладалъ нѣкогда многими способностями для покоренія, но во всякое время — не многими способностями для удержанія за собою страны. Пока онъ одинъ бралъ на себя задачу защиты страны, онъ имѣлъ преимущества военной подготовки и воинственности. Кромѣ того, онъ опирался на широкую основу землевладѣнія и смотрѣлъ сверху внизъ на торговый народъ городовъ, между тѣмъ, какъ земледѣльцы должны были работать на него. Характерно для гордости господствующей расы, что наименѣе навязчивый народъ въ Малой Азіи турки, а всего болѣе отличаются этимъ порокомъ дѣятельные въ торговомъ отношеніи, подвижные армяне. Тамъ, гдѣ турокъ работаетъ, онъ выдается во всѣхъ низшихъ сферахъ въ качествѣ скотовода, земледѣльца, мелкаго ремесленника и прислужника при караванахъ; на Нижегородской ярмаркѣ татарамъ отдается преимущество, какъ носильщикамъ, и во многихъ ресторанахъ Россіи прислуга набирается изъ касимовскихъ татаръ. Для дѣятельности высшаго порядка имъ недостаетъ не столько дарованія, сколько умственнаго подъема и дальновидности. Такъ какъ теперь турокъ находится въ ближайшемъ соприкосновеніи и конкуренціи съ самыми ловкими торговцами западной Азіи, греками, армянами и евреями, то его экономическій регрессъ является неизбѣжнымъ. Трудность письма и большое различіе арабизированнаго письменнаго языка отъ обиходнаго приводятъ къ тому, что немногіе турки умѣютъ читать и писать

а греки, напротивъ, часто обладаютъ образованіемъ и имѣютъ преимущество болѣе близкаго отношенія къ жизни Европы.

Преимущества господствующаго народа были и остаются теперь необычайно значительными и очевидными — свобода отъ податей, собственный судъ и предпочтеніе во всѣхъ случаяхъ. Когда въ греческой деревнѣ Малой Азіи окажется убитый турокъ, то всѣ начальствующія лица ея сажаются въ тюрьму. Обыкновенно турокъ, убившій грека или армянина, оправдывается, а грекъ или армянинъ, убившій турка, осуждается. Результатомъ продолжительныхъ справокъ и разговоровъ Тозера въ Сивасѣ было: магометане считали себя господствующимъ классомъ и давали это чувствовать христіанамъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Просьба ихъ является приказаніемъ. Къ этому присоединяется и подкупность судей. Ихъ выборъ народомъ есть только форма; въ дѣйствительности они — креатуры мѣстныхъ властей и часто отличаются поразительнымъ невѣжествомъ. Положеніе становится вдвое тяжелѣе тамъ, гдѣ въ этомъ участвуетъ населеніе, стоящее, въ качествѣ магометанъ, на сторонѣ турокъ, причемъ они не несутъ отвѣтственность за свои дѣла и проступки, какъ, напримѣръ, курды или черкесы. Издѣльная повинность и тяжелыя беззаконныя вымогательства разнаго рода, презрительное и оскорбительное обращеніе, часто сопровождающееся ударами, наносимыми мужчинамъ, и слишкомъ часто опозореніемъ женщинъ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ повторяется въ отчетахъ о положеніи турецкихъ армянъ. На границѣ Курдистана кочевые курды становятся на зимнія квартиры въ армянскихъ деревняхъ равнины и заставляютъ христіанъ кормить ихъ самихъ и ихъ скотъ, ничего не платя имъ за это. Такъ поступали прежде на Кавказѣ сѣверо-западные номады. Этимъ объясняется то, что обитатели деревень, обильно снабженные сѣномъ, хлѣбомъ и тецекомъ (навозомъ для топлива), кажутся весьма бѣдными. Такимъ образомъ, Турецкая имперія, послѣднее государство, основанное азіатскими номадами, удержало почти безъ измѣненія характеръ завоевательнаго государства и распадается силою дѣйствія средства, которымъ она создалась. Совершенно иное положеніе тюркскаго элемента въ Русской имперіи, который давно уже воспринялъ въ себя финскіе элементы и, быть можетъ, вслѣдствіе того тѣснѣе примкнулъ къ сосѣдямъ. Въ этомъ можно искать оправданія того, почему его называютъ татарами. Сами они нѣкогда называли себя съ гордостью турками. „Золотая орда“, даже во время своего процвѣтанія, не выказывала сколько нибудь значительнаго вліянія на великоруссовъ, среди которыхъ она, въ качествѣ правящаго меньшинства, оставалась столько-же чуждою, какъ турки въ Греціи, Сербіи или Болгаріи. Когда она потеряла свою власть, она только крѣпче стала держаться своей вѣры (окрещенные въ XVIII вѣкѣ татары въ настоя-

Ижовская вотячка.
(По фотографіи.) См. текстъ, стр. 803.

щее время едва-ли могутъ быть названы христіанами, хотя официально имъ запрещено оставлять православіе), но въ христіанскомъ обществѣ татары были чуждыми, какъ и евреи. Полонизированные татары Литвы живутъ и теперь, подобно евреямъ, рядомъ съ сосѣдями, а жены крымскихъ татаръ на югѣ уже сняли покрывало. Опасность татарской пропаганды (черемисы и вотяки сѣверо-восточной Россіи легче выучиваются по татарски, чѣмъ по русски, и по своему образу жизни чаще входятъ въ сношенія съ татарами, чѣмъ съ русскими), нерѣдко указывается въ Россіи. Но обширная имперія стремится къ обрусѣнію татаръ, такъ же, какъ и другихъ національностей.

Совершенно другія отношенія выработались въ области Тейса, Самоша и Мароша, гдѣ мадьяры живутъ уже въ теченіе тысячи лѣтъ. То господствующій, то покоряемый, этотъ народъ смѣшивался, въ силу извѣстнаго плана, съ внѣдрявшимися въ его среду чуждыми, въ особенности германскими, колонистами, затѣмъ съ остававшимися или возвращавшимися, жившими раньше въ этой области славянами и румынами, вслѣдствіе чего расовые признаки его сгладились, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ у османъ. Ввидѣ пшенично-желтой кожи, темно-каштановыхъ волосъ, широкихъ скулъ, типы попадаются еще мѣстами и, быть можетъ, въ наиболѣе рѣзкомъ выраженіи у секлеровъ восточнаго Седмиградія. Финская основа языка мадьяръ и множество заимствованныхъ имъ монгольскихъ и тюркскихъ, а въ новѣйшее время славянскихъ и германскихъ словъ указываютъ на сильное смѣшеніе въ образованіи этого народа. Угры южной и восточной Европы имѣютъ всѣ болѣе или менѣе монгольскій характеръ. Но когда въ духовной сферѣ мадьяръ видятъ „чисто реалистическое, чувственно живое, воздерживающееся отъ всякой абстракціи, всегда хватающееся за конкретный образъ воззрѣніе, какъ и въ восточныхъ вѣтвяхъ“, то при этомъ слишкомъ поддаются вліянію языка, составляющаго только оболочку духа. Вогулы, вотяки (см. рис., стр. 802) и мещеряки — темноволосые, желтокожіе, широколицые люди, по большей части, крѣпкаго сложенія, расовое родство которыхъ съ монголами не подлежитъ сомнѣнію. Это можно признать еще въ большой мѣрѣ для тептерей, которыхъ называютъ смѣсью башкиръ и татаръ. Совершенно справедливо Избрандъ Идесъ, уже при первомъ вступленіи въ область мордвы, почувствовалъ себя среди „сибирскихъ татаръ“. Подобный же расовый характеръ мы приписали сѣверо-азіатскимъ вогуло-остякамъ (ср. т. I, стр. 673). И мадьяры именно въ такомъ же видѣ выступаютъ въ исторіи. Всѣ эти народы имѣли мѣстопребываніе въ области Волги и Урала и на сѣверномъ берегу Каспійскаго и Чернаго морей. Гунны и авары также пришли изъ этихъ степныхъ областей за Волгой и на Уралѣ. Ближайшіе лингвистическіе родичи мадьяръ живутъ на сѣверномъ Уралѣ: это — зыряне, пермяки и вотяки, и остяки и самоѣды на восточномъ склонѣ этого хребта. Къ югу отъ ихъ нынѣшнихъ мѣстообитаній, въ области средней Оби и Барабинской степи, слѣдуетъ, поэтому, изъ лингвистическихъ соображеній искать первичную родину мадьяръ. На ихъ пути къ западу они, повидимому, останавливались у сѣвернаго подножія Кавказа и на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ соленое озеро при истокѣ Маныча и теперь еще носитъ названіе „Маджарскаго озера“.

Финская вѣтвь урало-алтайскихъ народовъ, къ которой мадьяры стоятъ ближе въ лингвистическомъ отношеніи, заключаетъ народы сѣвера Азіи и Европы. Мы ознакомились съ ними при описаніи остяковъ, принадлежащихъ къ гиперборейской области. Народы финскаго племени, безъ сомнѣнія, нѣкогда были распространены шире. Большая часть восточной Россіи была занята ими, и почти достовѣрно, что вотяки, черемисы, мордвины, чуваши, пермяки и другіе нѣкогда находились въ сношеніяхъ съ балтійскими финнами и что корелы западной Волжской области пред-

ставляютъ остатокъ ихъ. Въ постройкѣ домовъ финскихъ племенъ простыя хижины сводятся къ шалашу изъ жердей у лопарей; подземныя хижины, съ четвероугольнымъ входомъ, закрывающимся подъемной дверью, идутъ отъ Сахалина и Камчатки до средней Волги. Доказательство того, что эсты связаны были съ мордвою, прежде, чѣмъ славяне проникли къ Ильменскому озеру, мы видимъ и въ сходствѣ расположенія ихъ домовъ и дворовъ. Предположеніе о простиравшемся нѣкогда далѣе къ югу распространеніи финно-угрскихъ народовъ до Персіи и Ассиріи трудно обосновать съ увѣренностью при недостовѣрности древнѣйшихъ извѣстій о распространеніи номадовъ во внутренней Азіи, и во всякомъ случаѣ, было-бы рискованнымъ основывать существованіе финно-угрскихъ народовъ въ западной Азіи на слѣдахъ народовъ, предшествовавшихъ халдеямъ. Изъ сказаннаго выше (см. стр. 408) можетъ быть выведено вѣроятное предположеніе объ этнографическомъ слоѣ, лежащемъ въ основѣ семитовъ западной Азіи. Въ недавнее время оно, повидимому, подтвердилось тѣми халдейскими надписями, которыя, какъ надписи на чуждомъ языкѣ, относили къ туранскому лингвистическому племени — аккадійцамъ или сумерійцамъ, предшествовавшимъ семитамъ, между тѣмъ, какъ прежде ихъ считали кушитами. Если-бы гипотеза до-семитическаго, аккадійскаго или сумерійскаго населенія подтвердилась, то оно оказалось бы первымъ представителемъ халдейской культуры; семиты получили ее отъ нихъ, т. е. изъ вторыхъ рукъ. Замѣчательно, что на многочисленныхъ рельефныхъ изображеніяхъ Халдеи мы вовсе не видимъ туранскихъ типовъ, а всегда однихъ и тѣхъ-же людей съ густыми, курчавыми бородами, курчавыми, пышными волосами, изогнутыми носами и равномѣрно красиво закругленными черепами. И простой народъ, побѣжденные, не выказываетъ яснаго сходства съ туранцами. Если въ этихъ фигурахъ слѣдуетъ искать чужеземныхъ элементовъ, то прежде всего надо обратиться къ сосѣднимъ армянамъ и южнымъ кавказцамъ.

Въ одной изъ частей финскаго семейства языковъ оказываются германскіе расовые признаки. Эсты изображаются коренастыми людьми, съ бѣлокурыми или каштановыми волосами и голубыми глазами, т. е. съ полу-германской наружностью (въ широкомъ лицѣ и въ скудной бородѣ сохраняется монгольскій признакъ); точно также и характеръ ихъ менѣе отличается отъ германскаго, чѣмъ отъ славянскаго или мадьярскаго. Они отличаются честностью и нѣкоторой неуклюжестью. Мы видимъ въ нихъ, такимъ образомъ, бѣлокурую и свѣтлоглазую расу, владѣющую урало-алтайскимъ языкомъ. Эта вѣтвь финскаго семейства, къ которой принадлежатъ всѣ балтійскіе финны (именно, тавасты, считающіеся настоящими финнами, имѣютъ наиболѣе свѣтлые волосы) и часть сѣверно-русскихъ, должна была очутиться въ мѣстообитаніяхъ, въ которыхъ испытала монгольскую примѣсь. Какія послѣдствія эта послѣдняя имѣла для расовыхъ признаковъ, показываютъ намъ продукты смѣшенія русскихъ въ Сибири съ башкирами, выказывающіе величайшее сходство съ восточными волжскими финнами (см. стр. 565). Указанные бѣлокурые финны, вслѣдствіе внѣдренія между ними и монголами другого народа, могли избѣжать значительнаго смѣшенія съ послѣдними, или же было такое время, когда монголы не жили такъ близко около нихъ, какъ въ настоящее время, хотя финны распространялись нѣкогда гораздо далѣе на востокъ. Одно изъ связующихъ звеньевъ между ними исчезло, когда болгары съ Дона и съ нижней Волги выселились на среднюю Волгу и на Дунай. Тогда финны передвинулись къ западу, но мѣста ихъ обитанія простирались далѣе къ востоку, чѣмъ теперь, такъ какъ они охватывали и Ладожское озеро. Раньше ихъ въ нынѣшней Финляндіи жили іетуны, вѣроятно, финско-угрскій народъ, который не былъ, однако, прямымъ предкомъ современныхъ намъ финновъ. Большое

число древнихъ германскихъ словъ, заимствованныхъ финскимъ языкомъ, свидѣтельствуетъ, что было такое время, когда, задолго до соприкосновенія со шведами, финны подвергались вліянію германскихъ сосѣдей въ своихъ древнѣйшихъ мѣстообитаніяхъ средней Россіи. Далѣе, до начала историческихъ сношеній исходило глубокое германское вліяніе изъ Скандинавіи, ввозившей въ страну финновъ бронзу и желѣзо. Финны, которые, кромѣ того, выступаютъ въ исторіи какъ народъ, покоренный около VI вѣка, въ числѣ другихъ, готами, по всѣмъ вѣроятіямъ, были давно уже тѣсно связаны съ германскими народами. Это соотвѣтствуетъ и тому, что ихъ языкъ и все ихъ культурное состояніе описываются въ привлекательномъ видѣ на поворотѣ перваго тысячелѣтія христіанской эры въ пѣсняхъ Калевалы (см. стр. 806).

Когда идетъ рѣчь о большихъ семействахъ народовъ нашей части свѣта, то, большей частью, говорятъ только о германцахъ, романцахъ и славянахъ. Но въ настоящее время нельзя уже оставлять безъ вниманія, что наука выдѣлила въ Европѣ четвертую группу — народовъ финскаго семейства. Идея древней взаимной связи финскихъ народовъ не можетъ не оказать своего дѣйствія на общую умственную жизнь племенъ, которыхъ она касается. Представители этой идеи — финны, эсты и мадьяры, три наиболѣе цивилизованные отпрыска упомянутаго семейства; каждый изъ этихъ народовъ изслѣдованіемъ своего прошлаго доставляетъ матеріалы для разъясненія судьбы финскаго семейства. Финны, находившіеся вначалѣ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, дѣятельно проявили себя въ доисторическомъ прошломъ Европы, внесли богатый вкладъ въ міровую литературу и развили оживленную умственную жизнь на высокомъ сѣверѣ, въ одной изъ самыхъ скромныхъ провинцій русской имперіи; они, существенно поддерживаемые живой научной работой, сумѣли создать себѣ національную обособленную жизнь, проявившую себя почти безъ борьбы и столкновеній и обѣщающую обогатить культуру и науку, если для нея будетъ возможно спокойное развитіе.

Финляндія въ теченіе столѣтій была шведской провинціей, и даже подъ русскимъ владычествомъ шведскій языкъ еще долго оставался общественнымъ и разговорнымъ языкомъ; только въ Выборгскомъ округѣ, принадлежавшемъ нѣкогда къ нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ, нѣмецкій языкъ и теперь еще остается обиходнымъ, а недавно былъ и офиціальнымъ языкомъ. Но съ начала нынѣшняго столѣтія языкъ финновъ, составляющихъ около $70^0/_0$ населенія въ $2^1/_3$ мил., значительно выигралъ въ распространеніи и значеніи; изъ предмета ученыхъ изысканій онъ превратился въ обиходный и разговорный языкъ образованныхъ классовъ и съ 1872 года заступилъ мѣсто шведскаго и въ качествѣ офиціальнаго языка. Финскія школы и финская пресса быстро разрослись, и въ университетѣ мѣстный языкъ распространяется все болѣе и болѣе. Этотъ процессъ не совершился, однако, безъ всякаго сопротивленія. Христіанство, реформація и вся культура были дѣломъ шведовъ, вліяніе которыхъ, вслѣдствіе того, было и остается весьма сильнымъ. Предположеніе, что финская обособленность менѣе будетъ возбуждать недовѣріе русскихъ, чѣмъ шведская, не оправдалось. Великоруссы предъявляютъ къ этой юной національной мирной жизни тѣ же требованія, какъ и къ нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ. Страна жила до 1890 г. въ счастливыхъ условіяхъ, въ которыхъ пользовалась обширной автономіей, съ сословнымъ управленіемъ; она не знаетъ большихъ соціальныхъ невзгодъ, такъ какъ по преимуществу имѣетъ земледѣльческій характеръ, не испытала крѣпостного права, послѣдствія котораго до сихъ поръ еще чувствуются въ Россіи, и живетъ оживленною умственной жизнью, которая поможетъ ей пережить различныя препятствія къ своему развитію.

Въ шведско-финскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ возникла

наука финскаго языкознанія, народовѣдѣнія и археологіи. Между тѣмъ, какъ нелегкія путешествія въ сѣверо-восточной Европѣ и сѣверной Азіи способствовали ближайшему изученію народовъ, родственныхъ финляндцамъ, въ средѣ ихъ собственнаго народа производились самыя тщательныя изслѣдованія. Лёнроту финны обязаны собраніемъ, критическимъ разборомъ и сопоставленіемъ ихъ національной героической поэмы Калевалы, которая безъ старанія, приложеннаго университетомъ, погибла-бы уже черезъ нѣсколько поколѣній. Этотъ эпосъ оказалъ могущественное содѣйствіе развитію финскаго національнаго сознанія. Лёнротъ съ конца 20-хъ годовъ съ величайшимъ усердіемъ посвятилъ себя собиранію такъ называемыхъ рунъ, народныхъ пѣсенъ, и нашелъ возможность составить изъ отрывковъ пѣсенъ сѣверно-русскихъ финновъ Архангельскаго и Олонецкаго края продолжающую еще жить въ народѣ героическую сагу. Борьба сыновей Калевы съ Пойей, приключенія героевъ Вейнемёйнена, Ильмаринена, Леммикейнена и др. и саги, облекающія главныя лица, образуютъ матеріалъ этой героической поэмы, которая, въ качествѣ настоящаго національнаго эпоса, занимаетъ мѣсто рядомъ съ гомеровскими поэмами, Нибелунгами и великими эпопеями индовъ и персовъ. Калевала есть названіе мѣстообитанія героевъ эпоса.

Такъ же, какъ золотыя жилы проходятъ чрезъ малозамѣтный камень, эти пѣсни проникаютъ жизнь народа, борющагося за свое существованіе въ суровомъ климатѣ и кажущагося въ одномъ мѣстѣ болѣе богатымъ и красивымъ, а въ другомъ болѣе бѣднымъ. Устарѣлый способъ исполненія, любовь народа къ пѣснямъ, историческія отношенія и поэтическія красоты одинаково привлекаютъ въ финской народной поэмѣ. Лёнротъ, „финскій Гомеръ“ разсказываетъ изъ своей жизни собирателя пѣсенъ: „Въ области С. Двины мнѣ говорилъ слѣдующимъ образомъ старый крестьянинъ Архипъ, изъ замѣчательно богатой памяти котораго я два дня записывалъ руны: „Иначе было въ моемъ дѣтствѣ, когда я съ отцомъ ходилъ ловить рыбу на озеро Лапукку; тебѣ бы надо было тамъ побывать. Нашимъ товарищемъ былъ превосходный пѣвецъ, но отецъ мой пѣлъ еще лучше. Всю ночь напролетъ они пѣли, протянувъ другъ къ другу руки, и ни одной пѣсни не повторяли два раза. Я былъ тогда еще мальчикомъ и, сидя и слушая ихъ, заучилъ мои лучшія руны. Если-бы тогда кто-нибудь захотѣлъ собирать ихъ, онъ въ нѣсколько недѣль не записалъ-бы того, что зналъ одинъ мой отецъ.“

Въ послѣднія десятилѣтія развилась небольшая эстонская литература; чувство духовной самостоятельности возросло и у эстовъ. И этотъ народецъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ почти не обращавшій на себя вниманія, постепенно вступаетъ въ ряды самообразующихъ народовъ. Въ настоящее время насчитываютъ около 650 тысячъ эстовъ: куры вымерли, ливы, въ числѣ трехъ тысячъ, сохранились въ сѣверо-западной Курляндіи, и летты (латыши), превосходящіе численностью эстовъ, несмотря на свое славянское происхожденіе, до сихъ поръ еще рѣзко отличаются отъ русскихъ. Въ началѣ XIII вѣка посланы были первые миссіонеры къ латышамъ, славянскимъ сосѣдямъ эстовъ, и впослѣдствіи рыцарскій орденъ и свѣтскія власти принимали участіе въ обузданіи упрямыхъ язычниковъ; хотя имъ и удалось быстро распространить христіанство, но они не могли вкоренить его, и мы находимъ еще въ сочиненіяхъ прошлаго вѣка утвержденіе, что изъ 20 эстовъ едва-ли одинъ знаетъ, что онъ христіанинъ. Насколько въ народѣ живо сохраняются языческія традиціи, мы видимъ — изъ героическихъ сагъ, миѳовъ и сказокъ эстовъ; ученье и поэтическіе умы благодарятъ небо за сохраненіе этихъ произведеній творческаго народнаго духа; но оно напоминаетъ, впрочемъ, и соціальное положеніе этихъ народовъ, замкнутыхъ отъ чуждой культуры низменнымъ состояніемъ, въ какомъ ихъ держали господа, слишкомъ поздно, лишь въ 1819 г. снявшіе съ эстовъ Балтійскихъ провинцій иго крѣпостничества.

Эстонская литература до новѣйшаго времени состояла почти исключительно изъ церковныхъ и школьныхъ книгъ и, кромѣ нихъ, не шла дальше календарей. Старѣйшая эстонская книга—катехизисъ, напечатанный въ 1553 году въ Любекѣ. То обстоятельство, что въ XVII вѣкѣ развились два эстонскихъ письменныхъ языка, ревельскій и дерптскій, до настоящаго времени затрудняло развитіе общепринятаго литературнаго языка эстонцевъ. Подъемъ языка до полной самостоятельности, выработка его строгимъ установленіемъ строенія и характера — до настоящаго времени на эстонскій языкъ переводились только нѣмецкія книги — относится лишь къ 1813 году, когда пасторъ Розенплентеръ обнародовалъ свои пособія для изученія эстонскаго языка. Эстонскимъ изслѣдованіямъ, которыя съ тѣхъ поръ производились съ успѣхомъ, въ особенности духовными лицами, Крейтцвальдъ воздвигъ достойный памятникъ своимъ сборникомъ Калеви-пёгъ, появляющимся съ 1857 года.

Происхожденія арійцевъ не ищутъ уже больше исключительно на плоскогорьяхъ и въ горахъ между Индіей и Ираномъ. Оно переносится въ область Чернаго моря, въ болота Рокитно, на Таунусъ и даже въ швейцарскія свайныя постройки. Географическія и этнографическія основанія поддерживаютъ воззрѣніе, видящее въ арійцахъ полукочевой степной народъ, который отъ внутренней Азіи къ югу отъ финновъ до русскаго чернозема занимался земледѣліемъ вмѣстѣ съ скотоводствомъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда недостаетъ историческихъ указаній, не слѣдуетъ искать опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи какого либо народа. Можно отмѣтить границы области, въ которой народъ перемѣщался въ древнѣйшее и въ позднѣйшее время, но безъ свидѣтельства исторіи почти никогда нельзя опредѣлить исхода, цѣли и даже пути переселенія. Возможно-ли вообще признать одно происхожденіе для всѣхъ народовъ, которые говорятъ арійскими языками? Мы должны различать происхожденіе семейства языковъ и его народовъ. Германскіе и славянскіе бѣлокурые, свѣтлокожіе и свѣтлоглазые арійцы (ср. табл. „Народные типы восточной и сѣверной Европы“) въ расовомъ отношеніи глубоко отличаются отъ темнокожихъ арійцевъ Индіи и свѣтлобурыхъ арійцевъ Ирана, которые стоятъ ближе къ арабамъ, евреямъ и египтянамъ. Между Вислой и Гангомъ должны были происходить тѣсныя и продолжительныя соприкосновенія свѣтлыхъ и темныхъ народовъ, но для этого не является необходимымъ или вѣроятнымъ предположеніе, что всѣ эти народы имѣютъ одно и то же происхожденіе. Важнѣе всего то, что тѣ наиболѣе свѣтлые люди, какихъ мы знаемъ, исторически могутъ быть прослѣжены до востока и сѣвера Европы, гдѣ ихъ характерные расовые признаки — бѣлокурые волосы и свѣтлые глаза — мы видимъ и у финскихъ народовъ и даже замѣчаемъ переходъ ихъ къ монгольскимъ (см. выше, стр. 804); важно также, что къ югу отъ кавказскихъ осетинъ подобные народы не выступаютъ въ замкнутомъ видѣ, что исторія указываетъ по преимуществу меридіональное направленіе переселенія народовъ и что свѣтлые арійцы не акклиматизировываются въ жаркихъ странахъ, слѣдовательно, не могли и образоваться тамъ. Изъ всего этого, повидимому, слѣдуетъ, что происхожденіе свѣтлыхъ арійцевъ должно быть на сѣверѣ и притомъ недалеко отъ финновъ, обитавшихъ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Европы, и что эти сильные завоеватели южныхъ царствъ перенесли свой языкъ въ болѣе теплыя страны, а не заимствовали его оттуда.

Каково было культурное состояніе арійскихъ народовъ до соприкосновенія ихъ съ вліяніями области Средиземнаго моря? Языкъ указываетъ въ культурномъ инвентарѣ древнихъ арійцевъ плугъ, изъ хлѣбовъ, по крайней мѣрѣ, ячмень, молочные продукты, домашнихъ животныхъ, повозку, ткацкій станокъ, желѣзо и другіе металлы, считая извѣ-

стнымъ первичному племени арійцевъ все, имѣющее слова одинаковаго корня въ различныхъ арійскихъ родственныхъ и производныхъ языкахъ. При этомъ не обращается вниманія на то, что при перемѣщеніяхъ въ ту и другую сторону подобное слово могло утратиться и что слова одинаковаго корня могли имѣть различное значеніе. Вѣрнѣе будетъ, если мы станемъ непосредственно придерживаться историческаго преданія. Какимъ образомъ выступаютъ арійскія племена въ исторіи? Германцы у Тацита являются ввидѣ племенъ, которыя еще недавно завладѣли своими мѣстообитаніями и только отчасти перешли тамъ къ осѣдлой жизни. Полу-номадамъ и полуземледѣльцамъ, какими они были, имъ легко было раздѣлиться на осѣдлую половину, остававшуюся дома, чтобы обрабатывать землю и охранять право собственности на нее, и на другую, отправлявшуюся искать славы и богатства. Кельты, германцы и славяне переходили съ мѣста на мѣсто еще раньше первыхъ переселеній, о которыхъ разсказываетъ исторія, и о томъ же свидѣтельствуетъ столь важная историческими послѣдствіями полу-военная организація, съ какою они появляются передъ нами. Въ нравахъ южно-славянскихъ и албанскихъ горныхъ племенъ восточно-адріатической области сохранились древнія черты, аналогіи которыхъ можно найти у осетинъ и сіапошей,—простой, узкій каменный домъ съ башней, внизу котораго находится хлѣвъ, а наверху жилище безъ оконъ, питаніе прѣснымъ хлѣбомъ и сыромъ, упорная приверженность къ родовому управленію, низменное положеніе женщины, которая, тѣмъ не менѣе, является неуязвимой посредницей между воюющими сторонами, кровавая месть, грубая простота жизни, вмѣстѣ съ высокомѣрнымъ возвеличеніемъ военнаго ремесла —все это, очевидно, не испытало съ того времени, которое значительно предшествовало соприкосновенію римлянъ съ ѳракійцами и кельтами, никакихъ существенныхъ измѣненій. Другой ключъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ мы находимъ въ успѣхахъ финскихъ народовъ по отношенію къ ихъ древнѣйшему извѣстному намъ состоянію при соприкосновеніи съ арійцами до временъ Калевалы, т. е. около 1000 лѣтъ по Р. Х. Древніе финны были по преимуществу охотники и рыболовы; они пользовались собакой, какъ важнѣйшимъ домашнимъ животнымъ, и, кромѣ того, знали сѣвернаго оленя, лошадь и рогатый скотъ, но не знали свиньи, козы и овцы. Ихъ земледѣліе, повидимому, первоначально было весьма незначительнымъ и простымъ, такъ какъ они воздѣлывали только ячмень. Жилищами имъ служили шатеръ изъ жердей съ войлочной покрышкой (кота) и вырытая въ землѣ хижина съ надземной крышей, нѣчто вродѣ искусственной пещеры (сауна). Они одѣвались въ шкуры, которыя сшивали костяными иглами, и были знакомы съ лыжами и санями, далѣе съ дубленьемъ кожъ, съ изготовленіемъ войлока, съ мѣдью и серебромъ, но желѣзо получили, повидимому, только отъ скандинавовъ. Въ такое время, которое лежитъ къ намъ ближе болѣе, чѣмъ на тысячелѣтіе, во времена пѣсенъ Калевалы, достигнуты были уже слѣдующія пріобрѣтенія: бревенчатый домъ, общитый мхомъ, безъ дымовой трубы, но съ каменной печью, съ лавками и столами (иберы и кельты также удивляли древнихъ тѣмъ, что ѣли сидя), приспособленія для сушки и молотьбы хлѣба, плугъ и борона, собака, лошадь, рогатый скотъ, свинья, овца, пчеловодство. Они ѣли хлѣбъ и пили пиво. Хлѣбнымъ растеніемъ ихъ былъ ячмень. Здѣсь не могло быть рѣчи о гречихѣ; это доказывается тѣмъ, что отъ лѣсныхъ обитателей, воздѣлывавшихъ ячмень на свѣжихъ лядинахъ, обитатели степей жили еще весьма далеко. Воздѣлыванье гречихи свойственно небрежному хозяйству, какимъ мы его представляемъ себѣ у древнихъ полу-осѣдлыхъ народовъ. Во времена Палласа въ Сибири разрыхляли сверху черноземъ, сѣяли гречиху и собирали ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ, не подсѣвая вновь, такъ какъ при жатвѣ сѣмена падали въ землю сами собою. Состояніе европейскихъ арійцевъ, какимъ мы его знаемъ изъ греческихъ и римскихъ

писателей, выказываетъ множество варварскихъ чертъ. Родъ, материнское право и экзогамія существовали у многихъ изъ нихъ. У кельтовъ Британіи человѣческія жертвы слишкомъ соотвѣтствуютъ другимъ нравамъ ихъ, чтобы нужно было предполагать введеніе этихъ жертвъ пунійцами. Человѣческая жизнь цѣнилась невысоко, въ особенности женская. Связанность личности родомъ и свободное проявленіе всѣхъ желаній и стремленій внѣ рода были опредѣляющими началами жизни германцевъ и кельтовъ въ тѣ времена, когда ученіе объ эстетическомъ воспитаніи въ Греціи и Римѣ было уже весьма давнимъ. Грабежъ и убійства служили украшеніемъ героевъ германскихъ сагъ, и месть за испытанную несправедливость распространяется на четвертаго и пятаго члена, не различая между виновнымъ и его соплеменниками.

Прежде всѣхъ другихъ народовъ Европы въ ясномъ свѣтѣ достовѣрнаго преданія выступаютъ греки. Кромѣ ихъ семитическихъ предшественниковъ, въ позднѣйшей Греціи можно предположить или доказать повсюду присутствіе первичныхъ жителей, „варваровъ“. Не всѣ греки раздѣляли лестный предразсудокъ исконнаго обитанія въ странѣ; у нихъ можно найти даже справедливое воззрѣніе на вырожденіе эллинства отъ соприкосновенія съ остатками негреческихъ, древнѣйшихъ населеній. Можно указать только предположительно на ѳрако-иллирійскую народную группу, какъ на такую, съ которой находились въ родственныхъ отношеніяхъ лелеги и другія греческія народности. Еще раньше дорійскаго переселенія мы находимъ іонійцевъ въ Аттикѣ и на Саронійскомъ заливѣ, ахейцевъ въ Пелопонезѣ и Беотіи, а, вѣроятно, также и въ западной Греціи. Тѣ, которые, подъ именемъ дорійцевъ и гораздо позднѣе македонянъ, приводили въ движеніе греческій міръ, понуждая его къ дальнѣйшему распространенію, въ то время были еще племенами области Олимпа, которыя впослѣдствіи, при большомъ переселеніи, заняли самыя южныя области Греціи, вынудили іонійцевъ къ выселенію въ Малую Азію и даже тамъ создали колоніи. Греческія колоніи были широко распространены отъ Колхиды до Массиліи, но, вслѣдствіе недостатка переселенцевъ, ограничивались островами и берегами. Такъ же, какъ береговое распространеніе финикійцевъ, и греческое держалось всегда лишь периферіи странъ, но длиною своей линіи и множествомъ опорныхъ пунктовъ было болѣе прочнымъ, несмотря на перемѣщеніе, или, скорѣе, вслѣдствіе перемѣщенія этихъ пунктовъ: когда Персія покорила Финикію, Карѳагенъ оставался независимымъ, и когда греческій элементъ варваризировался въ самой Греціи, на Геллеспонтѣ удержалась самостоятельная греческая держава. Малоазійскіе береговые и островные греки сохраняли всегда твердую опору на морѣ и отчасти сохранились въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ на материкѣ. Это можно сказать о восточной части области ихъ распространенія: Греція проявляла свою народообразовательную дѣятельность, главнымъ образомъ, на востокѣ. Ѳукидидъ говоритъ: „Іонію, такъ же, какъ и большинство острововъ, колонизировали аѳиняне, а Италію, бо́льшую часть Сициліи и нѣкоторыя мѣстности остальной Эллады — пелопонезцы.“ Но пелопонезцы въ политическомъ отношеніи никогда не были такими удачными колонизаторами, какъ іонійцы. Они основали въ западной части Средиземнаго моря цвѣтущія колоніи, но, такъ же, какъ пунійцы въ Испаніи, не создали прочныхъ государствъ, производныхъ народовъ, сохранявшихъ греческій характеръ.

Въ настоящее время въ узкомъ королевствѣ Греціи тѣснятся четыре семейства народовъ, причисляя къ нимъ румынъ. Гипотеза, будто ново-греки—славяне, говорящіе испорченнымъ греческимъ языкомъ, опровергнута. Но тѣмъ не менѣе, славянскіе поселенцы глубоко проникли въ Пелопонезъ, хотя и исчезли въ эллинско-албанскомъ смѣшеніи народовъ. Воспоминанія о нихъ сохранились въ названіяхъ мѣстностей, остаткахъ языка и обычаяхъ. Изъ бѣглыхъ албанцевъ въ худшія времена турецкаго

государства наряду съ Италіею большинство приняла Грецiя, и албанскія палатки покрывали цѣлыя полосы земли въ Мореѣ, Беотіи и Аттикѣ; даже въ Аѳинахъ албанцы долгое время составляли большинство городского населенія. Число ихъ въ небольшой Греціи опредѣляется въ 200,000 душъ.

Многочисленные народы, которые въ древности обитали на сѣверѣ Балканскаго полуострова, гдѣ они подпали греческимъ, итальянскимъ и подъ конецъ славянскимъ вліяніямъ, носятъ названіе ѳракійско-иллирійской группы. Остатки ихъ представляютъ албанцы, арнауты или, какъ они сами себя называютъ, шкипетары. Ихъ языкъ — членъ арійскаго семейства, но занимаетъ такое обособленное положеніе, что не можетъ быть и рѣчи о ближайшемъ родствѣ его съ той или другой стороной этой семьи. Въ настоящее время албанцы, раздѣляющіеся двумя группами діалектовъ еще рѣзче, чѣмъ различіемъ вѣроисповѣданій, занимаютъ узкое пространство между Антивари, Яниной, Адріатическимъ моремъ и восточными притоками верхняго Вардара. Численность ихъ опредѣляется въ 1,600,000. Разсѣянныя поселенія ихъ проникаютъ въ Сербію и Боснію, и 200,000 албанцевъ до сихъ поръ еще живутъ въ Греціи. Болѣе крупныя албанскія колоніи процвѣтаютъ въ Нижней Италіи и Сициліи, болѣе мелкія — въ различныхъ частяхъ Австріи. Албанцы представляютъ примѣръ народа съ крайне интенсивнымъ стремленьемъ къ раздѣльности; въ теченіе своей исторіи они не основали ни государства (даже Скандербекъ господствовалъ только въ одной части Албаніи), ни столицы; зато, несмотря на свое рѣзко выраженное сознаніе племенной или родовой связи, строго поддерживавшейся экзогаміей, они, вслѣдствіе своей политической энергіи, поглотили большую часть славянскихъ группъ, оказавшихся посреди нихъ. Внутри указанныхъ границъ и теперь еще живутъ около 800,000 славянъ, румынъ, грековъ и турокъ, слишкомъ разсѣянныхъ, чтобы они могли держаться противъ албанцевъ. Только большая область у Дяковы и Ипека на сѣверѣ Албаніи, граничащая съ славянскими странами, Черной Горой, Ново-Базарскимъ санджакомъ и старой Сербіей, осталась славянскою, хотя и въ нее проникло не мало албанскихъ поселеній. Албанцы въ прежнее и въ новое время отличались на государственной и военной службѣ другихъ государствъ; они такъ воинственны, что даже католическіе миридиты до новѣйшаго времени привлекали ихъ на службу полумѣсяцу.

Апеннинскій полуостровъ во времена, предшествовавшія римлянамъ, былъ населенъ народами, въ которыхъ, вслѣдствіе сходства древнихъ мѣстныхъ названій въ Лигуріи и Сициліи, слѣдуетъ признать обширно распространившихся членовъ арійскаго семейства языковъ. Соотвѣтственно географическому положенію, на востокѣ полуострова жили народы, родственные иллирійцамъ; но съ какими народами находились въ родствѣ занимавшіе западную часть полуострова сикулы и лигуры, нельзя сказать даже съ нѣкоторой степенью вѣроятности. Лигуры, занимавшіе, главнымъ образомъ, береговую страну сѣверо-западной Италіи до Роны, жили въ западныхъ Альпахъ, быть можетъ, за Монбланомъ, и въ долинѣ Роны за Изеромъ. Возможно, что они нѣкогда распространялись еще далѣе къ западу. Въ Италіи слѣды ихъ далеко заходятъ на югъ; у древнихъ существовало мнѣніе, что лигуры жили нѣкогда на почвѣ Рима. Ихъ описываютъ какъ сильныхъ, закаленныхъ, воинственныхъ людей; вѣроятно, они были короткоголовы и темноволосы. По культурѣ лигуры, жившіе внутри страны, уступали своимъ соплеменникамъ, жившимъ на берегу моря; во многихъ мѣстностяхъ они выступаютъ ввидѣ полу-дикарей, ютящихся, по большей части, въ пещерахъ, одѣвающихся въ звѣриныя шкуры, занимающихся лишь незначительнымъ земледѣліемъ, пользующихся, въ качествѣ челноковъ, однодеревками и т. под. Этруски, которые путемъ торговли пріобрѣли большое вліяніе на матеріальную культуру на-

родовъ средней и сѣверной Европы въ до-историческія времена, ясно позволяютъ намъ видѣть культурное посредничество между Востокомъ и Западомъ, между Азіей и Европой. Вопросъ о принадлежности къ какой-либо народности этого племени, которое первоначально жило въ Альпахъ и затѣмъ достигло праваго берега Тибра и разсѣяло на большомъ пространствѣ отдѣльныя, въ особенности городскія, поселенія, все еще остается подъ сомнѣніемъ; достовѣрно только, что оно соединяло и распространяло элементы ассирійской, египетской и греческой образованности.

Развитіе римскаго государства означаетъ распространеніе языка и этнографическихъ особенностей средне-итальянцевъ по южной и западной Европѣ. Группа романскихъ народовъ въ 96 мил. человѣкъ, которая господствуетъ политически на югѣ и на западѣ Европы ввидѣ двухъ великихъ державъ и многихъ вліятельныхъ государствъ средней величины, стоитъ на этой древней политической основѣ. Ни одно государство никогда не преобразовывало въ короткое время столько народовъ отъ устья Дуная до устья Тахо. Римская исторія въ первое время была узкой племенной исторіей и становилась все болѣе и болѣе міровой исторіей, захватывая географически и сливая между собою народы по мѣрѣ расширенія своего историческаго горизонта. Италія — новое этнографическое понятіе, выросшее лишь въ формахъ полуострова, опоясаннаго Альпами. Его еще не было, когда уже существовали Liguria, Gallia cispadana и Gallia cisalpina, Etruria и Graecia Magna. Тамъ, гдѣ исторія Италіи выдѣляется изъ легендарнаго тумана, передъ нами на этомъ полуостровѣ выступаютъ три народа: латиняне, италіоты, коренного происхожденія или, по крайней мѣрѣ, очень древняго поселенія, и народы, переселившіеся въ Италію въ позднѣйшее время. Латиняне стояли сперва по многимъ внутреннимъ отношеніямъ ниже римлянъ. Такъ же, какъ и они, и другіе члены географически замкнутаго народа вступили въ борьбу за расширеніе своихъ правъ. Первоначальный взглядъ римлянъ на свое положеніе относительно итальянскихъ народовъ П. Меримэ старался выяснить сравненіемъ изъ новѣйшей колоніальной исторіи: европеецъ — римлянинъ „l'être noble par excellence“, креолъ — грекъ, итальотъ или этрускъ, мулатъ и негръ — галлъ, германецъ и другіе варвары. Все бо̀льшая и бо̀льшая часть этихъ народовъ романизировалась, частью формально, получая римское гражданство, частью, примыкая только къ общности языка. Отсюда исходитъ распространеніе римскихъ производныхъ языковъ. Чувство уваженія къ древнѣйшей и родственной культурѣ заставляло римлянъ оказывать извѣстное предпочтеніе греческимъ городамъ, а позднѣе и всей Греціи. Но это не мѣшало тому, что греческій языкъ въ Италіи, такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ греческой колонизаціи въ западной части бассейна Средиземнаго моря, исчезъ изъ народнаго употребленія въ той же мѣрѣ, въ какой онъ распространился въ высшихъ слояхъ, въ качествѣ языка образованности и роскоши.

Пиренейскій полуостровъ во времена, предшествовавшія римлянамъ, былъ обитаемъ иберами, которые проникали въ область Гаронны, на южный берегъ Галліи и на ближайшіе острова, а, быть можетъ, еще далѣе. Иберы жили, по разсказамъ древнихъ, въ Сициліи прежде, чѣмъ туда вторглись сикулы изъ Италіи. Многое говоритъ за предположеніе В. ф. Гумбольдта, что иберы съ самаго начала были уже регрессировавшимъ остаткомъ нѣкогда болѣе распространенной „древнѣйшей народности“. Нельзя отрицать и возможности прежней связи этого населенія съ свѣтлыми африканцами сѣверной части материка и Канарскихъ острововъ. Остатокъ иберскаго языка сохраняется болѣе, чѣмъ у полмилліона басковъ около Бискайскаго залива. Встрѣчающіеся обычаи кувады и варки пищи съ помощью раскаленныхъ камней у басковъ на Корсикѣ и Сардиніи показываютъ намъ послѣдніе остатки древняго культурнаго слоя подъ фини-

кійскимъ, греческимъ и римскимъ господствомъ. Баски представляютъ, безъ сомнѣнія, смѣшанную расу и приближаются къ темнымъ кельтамъ и лигурамъ. Мы говорили уже о финикійскихъ поселеніяхъ на испанскомъ берегу, и Страбонъ отмѣчаетъ турдетанцевъ какъ самыхъ образованныхъ изъ иберовъ. Мы должны представлять себѣ иберовъ какъ народъ, вообще стоявшій ниже кельтовъ. Въ особенности жители горъ поднимались, вѣроятно, лишь немного выше кавказскихъ или албанскихъ горныхъ племенъ. Подробностей, сообщавшихся древними писателями о нихъ, объ ихъ исключительно черной одеждѣ, жертвоприношеніяхъ лошадей и людей и почитаніи луны, достаточно для признанія того, что, наряду со многими своеобразными элементами, въ ихъ характерѣ было много кельтскихъ вліяній. Кельты еще до римской эпохи проникли на сѣверъ и югъ полуострова; ихъ языкъ господствовалъ во многихъ областяхъ, въ особенности въ Лузитаніи. Затѣмъ римляне болѣе пяти столѣтій владѣли всѣмъ полуостровомъ. Вестготы и вандалы исчезли въ иберо-кельтскомъ, романизированномъ на поверхности населеніи „носителей тогъ“, а также и та часть мавровъ, которая съ немногочисленными евреями была изгнана съ полуострова въ XVI вѣкѣ. Вслѣдствіе того, тамъ и теперь еще господствуютъ римскіе идіомы — близко родственные испанскіе и португальскіе на западѣ, на югѣ и въ серединѣ полуострова и провансальское нарѣчіе на сѣверозападѣ. Современный гордый, воинственный и краснорѣчивый кастилецъ выступаетъ изъ образа древняго ибера. Уже древніе знали, что смѣшанные кельтъ-иберы приближаются болѣе къ иберской, чѣмъ къ кельтской сторонѣ, несмотря на политическое преобладаніе кельтовъ надъ мирными иберами.

Римъ пріобрѣлъ Галлію въ шестомъ десятилѣтіи до Р. Х. и потерялъ ее черезъ 450 лѣтъ послѣ того. Въ этотъ срокъ были заложены основы французскаго народа, который въ своемъ имени ясно указываетъ участіе германскихъ франковъ въ его развитіи. Областныя имена Бургундія и Нормандія говорятъ о присутствіи другихъ германскихъ племенъ на галльской почвѣ. И здѣсь языкъ, но не характеръ кельтовъ, преобладающей массы первичнаго населенія, подвергся измѣненіямъ. Римляне оцѣнили воинственность, краснорѣчіе и мужество, а при возобновленіи латинской литературы — и высокія умственныя дарованія этого народа. Населеніе Франціи никогда не представляло единства: на юго-западѣ жили иберы, на юго-востокѣ лигуры, и бельги діалектически и своими учрежденіями и законами отличались отъ настоящихъ галльскихъ кельтовъ. Финикіяне и греки поселились на южномъ берегу, а сарацины проникли до средняго теченія Роны. Мы говорили выше о германскихъ переселеніяхъ, въ которыхъ принимали участіе и аланы. Въ лингвистическомъ отношеніи Франція раздѣлялась на Лангедокъ и на область Langue d'oïl. Съ тѣхъ поръ, какъ политическій перевѣсъ достался на долю сѣверной Франціи, Langue d'oïl сдѣлался письменнымъ языкомъ, и Langue d'oc, провансальскій языкъ, занялъ мѣсто нижне-нѣмецкаго нарѣчія въ Германіи. Литературное возрожденіе послѣднихъ десятилѣтій пока еще ничего не измѣнило въ недостаткѣ политическаго значенія этого раздѣленія. Сѣверная граница его, которая въ нижней части совпадаетъ съ прежней границей лигуровъ и кельтовъ, проходитъ приблизительно отъ Бордо до Ліона, по линіи, изгибающейся къ сѣверу, переходящей за 46°.

Румыны появляются въ исторіи сперва какъ безпокойный пастушескій горный народъ, приходящій въ столкновеніе съ осѣдлыми сосѣдями, такъ какъ онъ гоняетъ свои стада въ долины или спускается въ низменности за добычей. Лишь въ XII и XIII вѣкѣ мы находимъ болѣе обширныя мѣстности сплошного населенія румынъ къ сѣверу и къ югу отъ Карпатъ, гдѣ и теперь еще находятся главныя мѣста ихъ обитанія. Въ Седмиградіи о нихъ упоминается въ первый разъ въ то время, когда были

призваны туда нѣмецкія земледѣльческія колоніи, давшія начало вѣрнымъ седмиградскимъ саксамъ, которые переселялись тысячами и населяли пустынныя области. Черезъ нѣсколько столѣтій послѣ того румыны выступаютъ ввидѣ разростающагося населенія, мѣшающаго распространенію другихъ. И новѣйшіе историки румынъ допускаютъ, что первоначальную родину нынѣшняго румынскаго населенія Венгріи слѣдуетъ искать на сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ возвышенностяхъ седмиградскихъ Карпатъ. Хребты Карпатской цѣпи доставляли имъ превосходныя пастбища; они поднимаются такъ отлого, что кажутся почти ровными, и поэтому румыны называютъ ихъ poiana (отъ славянскаго „поляна“). Главное богатство румынъ образуютъ здѣсь несмѣтныя стада овецъ. Румыны, спустившіеся впослѣдствіи съ горныхъ долинъ на равнину, занимаются земледѣліемъ; главную пищу имъ доставляетъ маисъ. Языкъ ихъ исходитъ отъ остатковъ нѣкогда многочисленныхъ въ Дакіи римскихъ колонистовъ. Ихъ расовые признаки, языкъ и исторія указываютъ на поглощеніе значительнаго славянскаго земледѣльческаго населенія. Этотъ процессъ произошелъ въ замкнутой Карпатской области, вдали отъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Такимъ образомъ, румыны не представляютъ собою ни потомковъ римлянъ, ни потомковъ даковъ: мы видимъ въ нихъ смѣшанный народъ, съ преобладающими иллирійскими, римскими и славянскими элементами.

Кельты являются на сцену міровой исторіи впервые, въ сущности, какъ средне-европейская народность. Галлія, и даже спеціально Celtica, лежащая между океаномъ и Альпами, Гаронной и Сеной, играетъ роль ихъ коренной области; но они обладали и Британіей, сѣверной Испаніей, Транспаданской землей этрусковъ и большою частью Верхней Германіи и Альпъ. Они выступаютъ передъ нами въ качествѣ искусныхъ земледѣльцевъ, обрабатывателей металловъ и мореходовъ на парусныхъ судахъ, у которыхъ римляне научились многому. О способѣ ихъ вторженія даетъ понятіе натискъ, какой они произвели на Римъ: это были сильные люди, съ высокими щитами и длинными мечами, подготовленные къ быстрому наступленію, но не къ осторожному, обдуманному веденію войны. Быть можетъ, римляне увидали въ нихъ въ первый разъ германскихъ воиновъ, такъ какъ среди галловъ были бѣлокурые и голубоглазые. Сочетаніе галльскихъ и германскихъ элементовъ еще вѣроятнѣе въ войскѣ кимвровъ и тевтоновъ. Продолженіе римской войны съ галлами вводило въ дѣло все новые и новые германскіе народы, еще болѣе воинственные и безпокойные, чѣмъ галлы; возможно, что и нервійцы Геннегау были германцы. Уже тогда началось смѣшеніе обоихъ элементовъ, изъ котораго позднѣе подъ римскимъ вліяніемъ образовался французскій народъ. Такимъ образомъ объясняется, быть можетъ, типъ бѣлокурыхъ сѣверныхъ кельтовъ, которыхъ французы отличаютъ, какъ кимрійскую расу, отъ своихъ короткоголовыхъ, темноволосыхъ „настоящихъ“ кельтовъ. Весьма важно, что римляне съ самаго начала обезпечили свое вліяніе въ Галліи тѣмъ, что обѣщали кельтамъ защиту отъ германцевъ. Въ дѣйствительности, начиная отъ временъ Цезаря, имъ удавалось все болѣе и болѣе удерживать германцевъ по ту сторону Рейна, и тѣмъ временемъ въ Галліи подвигалась романизація кельтовъ. Если Бретань опять стала кельтскою страной и часть Аквитаніи осталась иберскою, и еще въ концѣ II вѣка въ Ліонѣ и въ IV вѣкѣ въ Трирѣ также говорили по кельтски, то развитіе французскаго народа, кельтскаго по характеру и романскаго по языку, основывается на предположеніи, что въ теченіе этихъ пяти съ половиною столѣтій образовалось сплоченное кельто-романское населеніе, которое германцы покорили и оказали на него вліяніе, но національности котораго не могли уничтожить. Благодаря кимрійскому притоку изъ Британіи, только на полуостровѣ Бретани сохранилось болѣе милліона говорящихъ по кельтски; но среди нихъ большое число говоритъ

на двухъ языкахъ, и въ самый кельтскій языкъ вошло много французскихъ словъ.

Кельтскій языкъ, кромѣ того, является роднымъ языкомъ почти 2 мил. населенія Британскихъ острововъ. Въ 1891 г. официальная статистика опредѣлила число говорящихъ только по кельтски въ 590 тысячъ, причемъ, конечно, не были приняты во вниманіе переселившіеся въ Америку. Съ 1821 по 1890 г. въ Соединенные Штаты выселилось $3^1/_2$ мил. ирландцевъ. Общее число говорящихъ по кельтски на всемъ земномъ шарѣ надо считать никакъ не менѣе 3 мил. Кельты вытѣснены на крайній западъ Европы, въ горы, на острова и на полуострова. Бо́льшая половина ихъ говоритъ господствующимъ въ Бретани и Уэльсѣ кимрійскимъ, а меньшая — гельскимъ нарѣчіемъ. По своимъ мѣстообитаніямъ кельты принадлежатъ къ самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ, къ сельскимъ округамъ, въ соціальномъ отношеніи — къ наименѣе образованнымъ и наиболѣе бѣднымъ слоямъ. Въ Шотландіи гельская область лежитъ на сѣверѣ и на западѣ; къ ней принадлежатъ и западные острова, за исключеніемъ Аррана; богатый городами восточный берегъ имѣетъ населеніе германскаго происхожденія (за немногими исключеніями) до самаго Тёрсо, а также и Оркадскіе острова. Въ общемъ только 10% шотландскаго населенія говорятъ на гельскомъ языкѣ. Въ Ирландіи этотъ языкъ отъ временъ Генриха VIII исчезалъ сперва медленно, послѣ Кромвеля быстрѣе и особенно быстро въ послѣднія 50 лѣтъ; теперь въ восточной половинѣ онъ почти совершенно исчезъ и удержался только на западѣ и юго-западѣ, въ особенности въ Коннаутѣ, Голуеѣ и Мейо. Лишь 800,000 ирландцевъ говорятъ по гельски, и, кромѣ того, 25% обитателей близкаго оттуда острова Мэна, которые, впрочемъ, въ большинствѣ говорятъ на двухъ языкахъ. Всего болѣе процвѣтаетъ кимрійскій языкъ въ Уэльсѣ, единственной странѣ, обладающей современной кельтской литературой, гдѣ, съ причисленіемъ нѣкоторыхъ кимрійскихъ мѣстностей, охватывающихъ сосѣднія области Англіи, на этомъ языкѣ говорятъ болѣе 900,000 человѣкъ.

Германцы вначалѣ своей исторіи появляются гораздо восточнѣе своихъ нынѣшнихъ мѣстообитаній, которыя они заняли послѣ оттѣсненія кельтовъ. Бѣлокурые кельты въ Gallia belgica, бѣлокурые галаты, сходство въ способѣ веденія войны и другихъ нравахъ позволяютъ предположить въ прежнее время болѣе тѣсныя отношенія между обѣими группами народовъ; воспоминаніе о чемъ удержалось въ убѣжденіи древнихъ писателей въ бельгійскомъ происхожденій бельговъ. Такъ, Плутарховская форма „кельто-скиѳы“, какъ онъ называетъ кимвровъ и тевтоновъ, также говоритъ о восточной родинѣ и слѣдахъ кочевого образа жизни, что̀ указываетъ на раннее смѣшеніе съ кельтами. Уже въ самомъ началѣ мы встрѣчаемъ три отдѣльныя вѣтви этого племени — скандинавовъ, готовъ и тевтоновъ. Первые занимаютъ полуостровъ, называющійся ихъ именемъ, датскіе острова и часть Ютландіи; готы переселяются съ сѣверовостока нынѣшней Германіи и изъ Польши на югъ и на западъ, содѣйствуютъ, подъ именемъ ост- и вестготовъ, паденію Римской имперіи, основываютъ собственныя царства кратковременнаго процвѣтанія и, будучи покорены въ свою очередь, исчезаютъ. И тевтоны приходятъ сюда съ востока. Лонгобарды сидѣли къ востоку отъ нижней Эльбы, свевы еще восточнѣе, вандалы въ Силезіи, англы, по Тациту, въ области между Эльбой и Вислой. Проникая къ западу и юго-западу, тевтонскія племена столкнулись съ римлянами. На югѣ они первоначально едва-ли дошли до Майна: названія мѣстъ указываютъ отъ верхняго Рейна до Богеміи мѣстопребыванія кельтовъ. Тацитъ считалъ возможнымъ дѣлить тевтоновъ на три племенныя группы — ингевоновъ на морѣ, герминоновъ въ серединѣ и истевоновъ на югѣ и на востокѣ; въ дѣйствительности, уже въ его время положено было начало лингвистическому дѣленію на нижне- и

верхне-германцевъ. Нижне-германцы стоятъ ближе къ готамъ; верхне-германцы долго жили въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ кельтами и даже въ расовомъ отношеніи служатъ представителями менѣе чистаго германскаго элемента. Тѣ и другіе въ своихъ восточныхъ отрасляхъ, путемъ колонизаціи на славянской землѣ, породили смѣшанную со славянами разновидность восточно-эльбскихъ нѣмцевъ и австрійцевъ. Отъ верхне-германцевъ (франковъ) исходило завоеваніе Галліи, создавшее Францію, а отъ нижне-германцевъ (англовъ и саксовъ) — завоеваніе Британіи, которое дало британцамъ германскую основу. Скандинавы господствовали надъ сѣверными морями, заселили Исландію и Гренландію, основали собственныя государства въ западной Франціи (Нормандія) и Нижней Италіи; они вторгались въ Британію съ сѣвера и съ юга и завершили процессъ образованія британскаго народа нашествіемъ изъ Нормандіи въ XI вѣкѣ, которое внесло въ англійскій языкъ множество французско-романскихъ элементовъ, но мало измѣнило кельто-германскій характеръ народа. Наконецъ, скандинавскіе и тевтонскіе германцы оказали государствообразовательное вліяніе на финно-славянскомъ востокѣ; ихъ помощью исключительно объясняется происхожденіе власти Чехіи, Польши и Россіи.

Германцы, опираясь на высокія качества нравственной чистоты, силы и мужества, на строго проведенное родовое правленіе и связанную съ нимъ воинственность, побѣдоносно господствовали во всей Европѣ; но при этомъ они не только политически перемѣщались по лицу материка, но и смѣшивали свои физическіе и нравственные признаки съ различными народами и сами испытывали многочисленныя смѣшенія. Они выступаютъ вначалѣ какъ предпочтительно бѣлокурые, свѣтлокожіе и голубоглазые люди; эти свойства приписываются имъ въ такой степени, въ какой никогда не приписывались галламъ, которые также заключали въ себѣ свѣтлокожіе народы. Въ настоящее время большая часть германцевъ сдѣлалась темнѣе, преимущественно благодаря кельто-романской и славянской примѣси. Всего чище сохранились племена между Рейномъ, Майномъ и Эльбой. Зато мы находимъ свѣтлые народы въ значительномъ числѣ въ Британіи, Бельгіи, сѣверной Франціи, сѣверной Италіи и сѣверной Испаніи; въ особенности наибольшая, выдающаяся въ умственномъ и политическомъ отношеніи часть колоніальнаго населенія Сѣверной Америки, Австраліи и Южной Африки — германскаго происхожденія.

Летто-славяне считаются самой молодой вѣтвью сѣверно-европейскихъ арійцевъ. Но это можно сказать только объ ихъ культурѣ, такъ какъ ничто не говоритъ за то, что летто-славяне позже всѣхъ отдѣлились отъ арійскаго корня. Такъ какъ высшая культура Европы распространилась въ ней изъ средоточія древней Римской имперіи — изъ Рима и Византіи, то изъ живущихъ на востокѣ западные члены получили ее отъ Рима, а восточные отъ Византіи. Позже всѣхъ обращены были въ христіанство летты и прусы, но въ болѣе древнее время, когда ни одинъ изъ сѣверныхъ народовъ не вступалъ въ сношенія съ новой культурой, они ни въ какомъ случаѣ не стояли позади другихъ. Уже въ самомъ началѣ мы встрѣчаемъ ихъ ввидѣ земледѣльцевъ, постепенно распространяющихъ земледѣліе въ обширныхъ областяхъ. Русскіе историки признаютъ, что славяне земледѣльцы проникли отъ плодороднаго южнаго склона Валдайской возвышенности, между финскими охотничьими народами сѣвера и скиѳскими пастушескими народами юга, въ качествѣ носителей культуры, а съ теченіемъ времени — завоевателей и властителей мѣстообитаній тѣхъ и другихъ, начиная отъ верхняго теченія Днѣпра и Зап. Двины. Славяне, благодаря своей осѣдлости, обитанію въ домахъ и пѣшей военной силѣ, уже древнимъ казались народомъ, рѣзко отличающимся отъ скиѳовъ и сарматовъ. Они живутъ на востокъ отъ средней Вислы и имѣютъ опредѣленныя отличія отъ литовцевъ, живущихъ къ востоку отъ нижней Вислы.

Къ нимъ причислялись бѣлокурыя племена, отдѣлявшіяся, однако, отъ другихъ арійцевъ сильною примѣсью монгольской крови, откуда можно заключить, что они обитали на крайнемъ востокѣ Европы еще тогда, когда ихъ могли достигать и вліять на нихъ отпрыски внутренно-азіатскихъ монголовъ. Кельты и германцы, повидимому, покинули свои восточныя мѣстообитанія, прежде, чѣмъ наступила эта возможность (ср. выше, стр. 808). Но тогда славяне быстро увеличивались въ численности, принявъ въ себя финскіе народы, и, подвигались до средины Германіи, по мѣрѣ того, какъ германцы покидали страну къ востоку отъ Эльбы, направляясь къ западу и югу. Славянскіе слѣды доходятъ до области средняго Майна и даже до Инна. Между тѣмъ, какъ германскіе народы стремились вновь завладѣть этими областями, что̀ отчасти имъ удалось, произошло пестрое смѣшеніе нѣмецкихъ и славянскихъ населеній восточной Германіи и Австріи.

Славяне нашли больше простора для своего распространенія въ обширной низменности восточной Европы. Распадаясь на три вѣтви, велико-, мало- и бѣлоруссовъ, которыхъ вообще можно назвать сѣверно-, южно- и западно-русскими, русскіе распространились по всей области между Бугомъ и Ураломъ, Чернымъ и Бѣлымъ морями, смѣшавшись съ отступавшими финнами и татарами, и позднѣе — нѣмцами. Господствующій политически и сильнѣе всѣхъ увеличивающійся отдѣлъ представляютъ великоруссы, которые доставляютъ также главную массу колонистовъ Сибири и, при разрѣшеніи трудной задачи уничтоженія власти монголовъ въ Европѣ, пріобрѣли значительный массовый перевѣсъ. Смѣшеніемъ съ тюркскими народами и монголами русскій типъ сильно измѣнился, хотя въ физическомъ отношеніи не въ такой степени, какъ монгольскій. Въ самомъ населеніи, вслѣдствіе монгольской примѣси, отмѣчается уменьшеніе роста. Въ умственной области регрессъ, быть можетъ, былъ еще больше. Благопріятная для образованія политическихъ массъ способность монголовъ къ безмолвному повиновенію и безропотной выносливости (ср. выше, стр. 566 и слѣд.) перешла и къ русскимъ. Русскіе рыболовы вмѣстѣ съ енисейскими остяками признаютъ шаманство, и русскіе казаки и туруханскіе промышленники, подобно туруханскимъ тунгусамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносятъ въ жертву языческимъ богамъ соболя или бѣлку. Смѣшеніе съ тунгусами, монголами и бурятами, быть можетъ, подвинулось всего далѣе въ особенности въ Байкальской области, на Амурѣ и вообще въ юго-восточной Сибири. Крещеные буряты, женившіеся на русскихъ и живущіе въ деревняхъ, отдѣленныхъ отъ бурятскихъ поселеній, а также живущіе разсѣянно въ русскихъ поселкахъ и деревняхъ вмѣстѣ съ русскими, составляютъ выдающійся элементъ сельскаго населенія Сибири и легко могутъ быть приняты за русскихъ; однако, ближайшее изслѣдованіе позволяетъ еще легко распознать монгольскій элементъ въ этой смѣшанной расѣ, съ темной кожей, мягкими волосами и узкими глазами, которую въ общемъ нельзя назвать некрасивой и нельзя не признать очень крѣпкой. Въ деревняхъ Забайкальской области русскіе колонисты занимаются скотоводствомъ, такъ же, какъ и прирожденные буряты, и гораздо менѣе земледѣліемъ; жены ихъ выдѣлываютъ тѣ же домашнія художественныя издѣлья, какъ и бурятки. Казаки ѣдятъ, подобно бурятамъ, сырое мясо, точно также, въ случаѣ болѣзни, позволяютъ себя лѣчить шаманамъ и носятъ на груди, вмѣстѣ съ крестомъ, какую-нибудь косточку, имѣющую значеніе фетиша. И бурятскій языкъ нашелъ доступъ въ забайкальско-русскій діалектъ, который заимствовалъ особенно много бурятскихъ словъ, касающихся охоты, скотоводства и т. под. Сходныя съ этимъ черты представляетъ еще болѣе рѣзко выраженная метисація русско-якутской расы въ области нижней Лены (ср. т. I, стр. 673). Въ этихъ явленіяхъ повторяется то, что уже въ теченіе многихъ столѣтій происходило въ обширной волжской области. Вслѣдствіе тѣснаго сожительства русскихъ и финновъ,

въ христіанскую религію русскихъ проникало много языческихъ обычаевъ. Идолы чувашей ставятся рядомъ съ почитаемымъ всѣми св. Николаемъ, и образа христіанскихъ святыхъ надѣляются свойствами идоловъ: такъ, напримѣръ, вѣрятъ, что они сообщаютъ Богу — постились-ли люди въ домѣ, или нѣтъ. Легкости, съ какою русскій приспособляется къ народамъ, стоящимъ ниже его, онъ обязанъ своими завоевательными успѣхами и широкимъ распространеніемъ. Государственные люди его охотно полагаютъ эту способность въ основу азіатской миссіи Россіи. Наименѣе отатарившіеся малороссы со временъ Петра Великаго болѣе открыты западнымъ вліяніямъ и по преимуществу работаютъ для ихъ распространенія, однимъ словомъ, изъ всѣхъ русскихъ стоятъ всего ближе къ европейцамъ. Въ физическомъ отношеніи они отличаются болѣе высокимъ ростомъ и болѣе тонкими чертами; они подвижнѣе, воспріимчивѣе, но въ то же время отличаются большей мягкостью и меньшей рѣшительностью и предпріимчивостью, чѣмъ прирожденный колонизаторъ великороссъ. Въ семьѣ и общинѣ малороссъ поставленъ независимѣе, и жена его пользуется большей свободой.

У восточно-европейскихъ славянъ (и финновъ) даже больше, чѣмъ у горныхъ народовъ южной Европы, мы должны имѣть ввиду доисторическія культурныя состоянія, такъ какъ во внутреннюю часть ихъ мѣстообитаній мало проникало западныхъ вліяній. Весьма древнюю форму представляетъ собою русскій плугъ, прежде не обивавшійся желѣзомъ, безъ колеса и отвала, слѣдовательно, плоскій кусокъ дерева съ двумя жердями, въ которыхъ двигается лошадь, двумя ручками и плоскимъ лемехомъ, распространившійся по всей Сибири, хотя нѣсколько и усовершенствованный тамъ. Наряду съ нимъ стоитъ финская борона, съ расщепленными еловыми вѣтвями. Въ Пензенскомъ краѣ Палласъ нашелъ земледѣліе у татаръ въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ у русскихъ, такъ же, какъ и въ Уфимскомъ краѣ, гдѣ нерѣдко цѣлая деревня снималась съ мѣста и строилась гдѣ-нибудь вновь, вслѣдствіе уменьшенія урожая. Здѣсь не употреблялись ни удобреніе, ни тщательная вспашка, и солома сжигалась. Въ Крыму, гдѣ греки и позднѣе генуезцы были учителями татаръ въ воздѣлываніи полевыхъ и садовыхъ плодовъ, татары научились удобрять почву въ горахъ, гдѣ пользованіе ею ограничено. Но въ открытой мѣстности земледѣліе ихъ, несмотря на введеніе тяжелаго малорусскаго плуга, пошло назадъ; это выражается въ пониженіи вывоза хлѣба. Страбонъ описываетъ Крымъ, какъ настоящую житницу; позднѣе онъ игралъ такую же роль для Византіи. И другія культурныя вліянія съ юга дѣйствовали здѣсь съ перерывами, что̀ указывается уже обиліемъ благородныхъ металловъ и янтаря въ торговлѣ, нѣкогда соединявшей Черное море съ Балтійскимъ чрезъ Малороссію и Польшу.

Большая, тяжелая масса восточной Европы пріобрѣталась, начиная съ юга и запада, шагъ за шагомъ для Европы, т. е. для образованности, при чемъ, однако, обширное смѣшеніе съ финскими и нѣмецкими элементами не перевѣшивало смѣшенія съ монгольскими. Образовались западное и восточное великокняжества въ Кіевѣ и Москвѣ. Первое примыкаетъ къ литовцамъ, затѣмъ къ полякамъ и малороссамъ, а послѣднее опирается на великорусскій элементъ и принимаетъ въ себя ранѣе усвоившихъ культуру, сильно смѣшанныхъ съ нѣмецкой кровью поляковъ. Мы видимъ здѣсь этапы въ развитіи европейско-азіатской державы, которая въ этнографическомъ отношеніи стоитъ на рубежѣ и не можетъ быть измѣряема чисто европейской мѣркой. Ея сила и слабость заключаются одинаково въ однообразіи, напоминающемъ ея равнины; несмотря на свое обширное распространеніе, русскій народъ однороднѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой въ Европѣ.

Болгары жили на Дону, когда хазары, послѣ перемѣщенія гунновъ въ западномъ направленіи, основали свое большое царство на нижней

Волгѣ. Часть болгаръ передвинулась на нижній Дунай и, слившись съ славянами, образовала смѣшанный народъ нынѣшнихъ болгаръ, а другая часть направилась къ средней Волгѣ и основала великое Болгарское царство, столица котораго лежитъ въ развалинахъ вблизи Казани, а населеніе превратилось въ великороссовъ.

Южные славяне заключаютъ распространенныхъ по австрійскимъ, турецкимъ и венгерскимъ областямъ, достигшихъ самостоятельности въ Сербіи и Черногоріи сербо-кроатовъ и словенцевъ, близко стоящихъ по языку къ русскимъ и къ болгарамъ. Среди нихъ выдаются подвинувшіеся къ юго-западу народы, которые живутъ близъ Адріатическаго моря, въ смѣшеніи съ албанцами и греками. Это — болѣе рослый, сильный и воинственный народъ, чѣмъ ихъ братья на Савѣ и Дравѣ. Къ нимъ принадлежатъ кроаты, далматинцы, герцеговинцы и замѣчательные, какъ хранители древнихъ обычаевъ, черногорцы, герои Черной горы, въ которыхъ одни видятъ не дисциплинированный, не повинующійся законамъ разбойничій народъ, а другіе — героическое племя, отличающееся мужественной красотой, силой и великодушіемъ. Уже своимъ ростомъ они выдѣляются изъ прочихъ соплеменниковъ, и то обстоятельство, что они сохранили свою независимость и вѣру среди возроставшаго ренегатства босняковъ, стоя между Турціей, Австріей и Венеціей, окружаютъ ихъ ореоломъ въ глазахъ славянскаго міра. Когда великій народъ подпадаетъ власти чужеземнаго завоевателя и въ душѣ сохраняетъ кристаллизаціонный центръ стремленій къ свободѣ, ему часто предназначается большое вліяніе. По отношенію къ черногорцамъ, однако, эта перспектива должна была сузиться вслѣдствіе ихъ эксцентрическаго положенія. Къ западнымъ славянамъ причисляются поляки, вымершіе въ настоящее время полабы нижней Эльбы, чехи и словаки и сохранившіеся въ Лузаціи остатки вендовъ, или сорбовъ (150,000), народы, живущіе въ политически неблагопріятномъ, лишающемъ ихъ всякаго будущаго стѣсненіи, въ области нѣмецкаго и мадьярскаго языковъ; изъ нихъ въ теченіе 800 лѣтъ большая часть превратилась въ тѣхъ или другихъ. Они отдѣлились отъ восточныхъ и южныхъ славянъ въ такое время, когда монгольскія примѣси уже въ значительной степени измѣнили расу; частое проявленіе монголоидныхъ признаковъ такъ же тѣсно, какъ и сродство языковъ, связываетъ обѣ половины славянства.

Литовцы или литвины, которыхъ Тацитъ, вѣроятно, зналъ подъ именемъ эстійцевъ на Янтарномъ берегу, въ настоящее время оттѣснены отъ моря; они живутъ въ восточной части восточной Пруссіи и въ русскихъ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Сувалкской и Гродненской. Когда литовцевъ указываютъ и въ самой южной части Финляндіи, то это основывается на смѣшеніи ихъ съ латышами. Общая численность ихъ не должна превосходить $1^3/_4$ мил. Уже въ теченіе столѣтій они регрессируютъ, стѣсняемые нѣмцами, поляками и русскими. Въ Курляндіи и Лифляндіи живутъ около милліона леттовъ или латышей, близко родственныхъ литовцамъ. Древніе пруссы, языкъ которыхъ исчезъ уже въ XVII в., составляли нѣкогда ихъ западное продолженіе до Вислы. Тѣхъ и другихъ описываютъ какъ бѣлокурыхъ, свѣтлоглазыхъ, крѣпкихъ людей, которые раньше жили вмѣстѣ съ восточными германцами. Изъ юго-западной Курляндіи латыши распространились по крайнему сѣверо-востоку Германіи, гдѣ они, подъ именемъ куровъ, смѣшались съ нѣмцами и литвинами, вѣроятно, съ XVI вѣка жили близъ Куришгафа, а еще раньше распространялись до Замландскаго берега. Языкъ ихъ, даже въ области Мемеля и Ниммерзатта, вытѣснилъ литовскій языкъ, какъ обиходный у рыболовнаго населенія, а нѣмецкій и литовскій сдѣлались ихъ церковнымъ языкомъ.

I.

Расовая и этническая группировка человѣчества.

Различія между обитателями отдаленныхъ странъ, возрастающія по мѣрѣ взаимнаго отдаленія этихъ послѣднихъ, на столько бросаются въ глаза, что отмѣчались съ достаточной опредѣленностью еще задолго до начала научныхъ наблюденій. При этомъ принимался во вниманіе, главнымъ образомъ, цвѣтъ кожи и волосъ, и люди темнаго, желтаго и бѣлаго цвѣта различались между собою въ связи съ мѣстами ихъ обитанія. Болѣе тонкихъ различій, основанныхъ на другихъ признакахъ, первичное наблюденіе не устанавливало, и тамъ, гдѣ надо было отдѣлить другъ отъ друга представителей одной и той же цвѣтной группы, жившихъ въ различныхъ странахъ, прибѣгали уже не къ физическому, а къ умственному признаку—къ языку. „Языки“ тогда были синонимами „народовъ“.

Начало научныхъ классификацій человѣчества положено было въ 1684 г. французомъ Бернье, который, въ видѣ результата своихъ путешествій, отмѣтилъ четыре расы — бѣлыхъ въ Европѣ, желтыхъ въ Азіи, черныхъ въ Африкѣ и лопарей на сѣверѣ. Эту классификацію можно назвать лишь первой, эмпирической попыткой, и слава первой научной классификаціи справедливо признается за Линнеемъ, который подраздѣлилъ все животное царство на классы, порядки, семейства, роды и виды, отвелъ человѣку мѣсто въ порядкѣ приматовъ, къ которому отнесены были и человѣкообразныя обезьяны, и установилъ три видовыя подраздѣленія человѣческаго рода — homo sapiens, homo ferus, homo monstruosus. Подъ вторымъ изъ нихъ онъ подразумѣвалъ какого-то дикаго человѣка, лишеннаго рѣчи, поросшаго шерстью и ходящаго на четвереньках. Въ настоящее время намъ трудно рѣшить — какія наблюденія или свѣдѣнія лежали въ основѣ представленій Линнеемъ объ этомъ „дикомъ человѣкѣ“; но всѣмъ вѣроятіямъ, это были еще отголоски фантастическихъ разсказовъ различныхъ путешественниковъ о волосатыхъ, хвостатыхъ и т. п. людяхъ, будто бы видѣнныхъ ими въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности они видали лишь различные виды обезьянъ. Къ послѣднему виду „чудовищнаго человѣка“ Линней причислялъ малоголовыхъ и т. п. Наконецъ, первый видъ, „разумный человѣкъ“ подраздѣляется имъ на четыре разновидности—европеецъ съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами и бѣлымъ цвѣтомъ кожи, азіатецъ съ темными волосами, карими глазами и желтоватымъ цвѣтомъ кожи, африканецъ съ черными, курчавыми волосами, черным цвѣтомъ кожи, съ приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, и американецъ съ смуглымъ цвѣтомъ кожи, черными, длинными волосами и безбородый. Какъ мы видимъ, дѣленіе это основывалось исключительно на цвѣтѣ кожи, волосъ и глазъ. Въ 1775 г. Блуменбахъ, признаваемый отцомъ научной антропологіи, присоединилъ къ этому подраздѣленію еще пятую группу, малайскую, и установилъ для четырехъ линнеевскихъ группъ наименованія — кавказской, монгольской, эѳіопской и американской. Но впослѣдствіи (въ 1795 г.) онъ опять вернулся къ четыремъ разновидностямъ Линнея, лишь нѣсколько иначе размѣстивъ ихъ: для кавказской разновидности онъ отвелъ бо́льшую часть Европы, Азію по сю сторону Ганга и область, простирающуюся къ сѣверу отъ бассейна Амура, для монгольской — Азію по ту сторону Ганга, простирающуюся на сѣверъ до Амура, „вмѣстѣ съ островами и большей частью южныхъ земель“, эѳіопской — Африку, а американской — весь Новый Свѣтъ, за исключеніемъ сѣверныхъ береговыхъ земель, т. е. эскимосскихъ владѣній, которыя онъ причислилъ къ монгольскому отдѣлу. Около того же времени Кювье установилъ тройственное дѣленіе человѣчества на бѣлую или кавказскую, монгольскую и эѳіопскую расы. Онъ придерживался въ этомъ случаѣ библейскаго преданія о трехъ родоначальникахъ нынѣшняго человѣчества — Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, и это воззрѣніе продолжаетъ еще жить въ нынѣшнихъ наименованіяхъ семитовъ и хамитовъ, хотя подъ ними подразумѣваются уже иныя расы, а именно подраздѣленія бѣлыхъ или кавказцевъ. Для Кювье, сторонника и защитника неизмѣняемости видовъ, эти отдѣлы были только разновидностями въ естественно-историческомъ смыслѣ, и онъ допускалъ дальнѣйшія подраздѣленія для двухъ первыхъ расъ:

такъ, бѣлую расу онъ дѣлилъ на три вѣтви — индо-пелазгійскую, арамейскую (семитическую) и скиѳо-татарскую, а монгольскую — на калмыковъ, манджуровъ, китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и обитателей Микронезіи (Маріанскихъ и Каролинскихъ о—вовъ). Раздѣленія негрской расы онъ не касался и совершенно не включилъ въ свою классификацію малайцевъ, папуасовъ, лопарей, эскимосовъ и американцевъ.

Кювье допускалъ происхожденіе человѣчества отъ одной пары, исходя изъ библейскаго преданія, но для многихъ ученыхъ уже его времени эта основа казалась недостаточно научной, и въ самомъ началѣ нашего столѣтія одинъ изъ современниковъ Кювье, французскій ученый Вирей призналъ въ человѣчествѣ два отдѣльные вида, бѣлый и черный, раздѣливъ ихъ на три главныхъ расы или подвида, раздѣлявшіеся, въ свою очередь, на нѣсколько второстепенныхъ группъ. Между тѣмъ, какъ всѣ предшествующіе классификаторы стояли за видовое единство или, другими словами, за единство происхожденія человѣчества, т. е. за моногенизмъ, Вирей положилъ начало другому воззрѣнію, признававшему независимое происхожденіе для бѣлой и черной человѣческихъ группъ, иначе сказать, стоявшему на почвѣ полигенизма. Другіе ученые, вступившіе на тотъ-же путь, вскорѣ далеко оставили за собою Вирея; такъ, Демуленъ въ 1825 г. установилъ одиннадцать человѣческихъ видовъ, а въ слѣдующемъ году увеличилъ число ихъ до 16; Бори де С. Венсенъ въ 1827 г. открылъ 15 видовъ, причисляя къ нимъ такія проблематическія группы, какъ „скиѳовъ“, „нептунійцевъ“, „колумбійцевъ“ и пр. Число человѣческихъ видовъ было еще болѣе увеличено американскими учеными (Мортономъ, Ноксомъ, Глиддономъ и др.)[1]. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что открытая полигенистами возможность умноженія человѣческихъ видовъ почти до безконечности далеко не всѣхъ увлекала этимъ упрощеннымъ способомъ рѣшенія научныхъ задачъ. Уже въ то время Гамильтонъ Смитъ держался тройственнаго раздѣленія человѣчества (кавказская, монгольская и тропическая группы), Латамъ — также трехъ группъ (іафетитовъ, монголоидовъ и атлантидовъ), а Карусъ — четырехъ дѣленій съ нѣсколько фантастическими названіями „ночныхъ людей“ (негры), „денныхъ людей“ (кавказцы), „восточно-сумеречныхъ людей“ (монголо-малайо-индусы) и „западно-сумеречныхъ людей“ (американскіе туземцы).

Уже въ упомянутыхъ классификаціяхъ, какъ, напр., въ работахъ Мортона, дѣлались попытки ввести въ нихъ, кромѣ цвѣта кожи и волосъ, и форму черепа, какъ нѣкоторый постоянный расовой признакъ. Къ этому стремился уже Причардъ, считающійся основателемъ научной этнологіи, и за нимъ Ретціусъ, раздѣлившій человѣчество на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ. Между тѣмъ, какъ они опирались въ своихъ раздѣленіяхъ преимущественно на отношенія между длиной и шириной, и отчасти высотой черепа, Исидоръ Жофруа С. Иларъ принялъ во вниманіе, главнымъ образомъ, величину лицевого угла, впервые изученную П. Кампероѣ, и установилъ 4 основныхъ типа — ортогнатическій, эвригнатическій, прогнатическій и эври-прогнатическій. Къ первому, („прямозубому“, съ овальнымъ лицомъ и прямыми челюстями) онъ причислилъ кавказцевъ, ко второму („скуластому“, съ широкимъ лицомъ вслѣдствіе выступающихъ скулъ) — монголовъ, къ третьему („косозубому“, съ выдавшимися челюстями) — эѳіоповъ или негровъ, и къ четвертому („скуласто-косозубому“, съ выступающими скулами и выдавшимися челюстями) — готтентотовъ.

Въ основу классификацій человѣчества, кромѣ цвѣта кожи и волосъ, формы головного и лицевого черепа, полагалась еще и форма волосъ. Эрнстъ Геккель исключительно на ней построилъ свою классификацію. Онъ дѣлилъ человѣчество: 1) на „шерстистоволосыхъ“ (Ulotriches), въ свою очередь, раздѣляющихся на „пучковолосыхъ“ (Lophocomi) — папуасовъ и готтентотовъ — и „руноволосыхъ“ (Eriocomi) — кафровъ и негровъ, и 2) „гладковолосыхъ“ (Lissotriches), распадающихся на „прямоволосыхъ“ (Euthycomi) — малайцевъ, монголовъ, американцевъ, арктиковъ и австралійцевъ — и „курчавыхъ“ (Euplocomi) — дравидовъ, нубійцевъ и средиземноморскихъ народовъ. Гёкели признавалъ также два первичныхъ дѣленія — „шерстистоволосыхъ“ (Ulotrichi) и „мягковолосыхъ (Leiostrichi), но принималъ во вниманіе и другіе физическіе признаки — цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ и форму черепа. Признаками первой группы его были болѣе или менѣе темный цвѣтъ кожи съ различными переходами отъ желто-бураго до самаго темнаго, черные волосы и глаза и длинноголовость, съ самыми незначительными исключеніями; этотъ отдѣлъ обнималъ негровъ и папуасовъ безъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Второй дѣлился на четыре группы: 1) „австралоидную“, съ черной кожей, волосами и глазами, съ длинными прямыми волосами, съ черепомъ прогнатическаго характера и весьма развитыми надбровными дугами; въ эту группу входили австралійцы, темнокожіе обитатели Деккана и, быть можетъ, древніе египтяне; 2) „монголоидную“, съ желтой, бурой или красноватой кожей, черными глазами, длинными, черными и прямыми волосами, и среднеголовымъ черепомъ: къ ней принадлежали монголы, китайцы, полинезійцы, эскимосы и американцы; 3) „ксантохроидную“, съ бѣлой кожей, голубыми глазами, густыми волосами и среднеголовымъ черепомъ: ее составляли славяне, тевтоны, скандинавы и бѣлокурые кельты, и 4) „меланахроидную“ съ блѣдной кожей, черными волосами и глазами и длинными волосами: къ ней отнесены были иберы, кельты-брюнеты и берберы. Брока дѣлилъ человѣчество по

[1] Подробную исторію антропологическихъ классификацій читатель можетъ найти на русскомъ языкѣ въ „Антропологіи“ Топинара (пер. Мечникова) и І т. „Антропологіи“ проф. Петри.

формѣ волосъ на три группы — прямоволосыхъ, волнисто- или кудряволосыхъ и перстистоволосыхъ, подраздѣляя ихъ на второстепенныя группы, сообразно формѣ черепа и цвѣта кожи. Такъ, прямоволосыхъ онъ дѣлилъ на двѣ подгруппы — длинноголовыхъ, эскимосовъ, и короткоголовыхъ, распадавшихся на три отдѣла по цвѣту кожи — красноватыхъ, индѣйцевъ прерій, оливковыхъ, мексиканцевъ и перуанцевъ, и желтыхъ, гваранисовъ, самоѣдовъ, монголовъ и малайцевъ. Волнисто- или кудряволосые дѣлились также на двѣ подгруппы — длинноголовыхъ, раздѣлявшихся по цвѣту волосъ на бѣлокурыхъ, киммерійцевъ, скандинавовъ, англо-саксовъ, темнорусыхъ, средиземноморскихъ народовъ (басковъ, корсиканцевъ и берберовъ) и семитовъ, черноволосыхъ, австралійцевъ и индо-абиссинцевъ, и красноволосыхъ, фулаховъ, красныхъ барабровъ (нубійцевъ) — и короткоголовыхъ, съ принадлежащими къ нимъ бѣлокурыми финнами, русыми кельтами и славянами, и брюнетами, иранцами и гальчами. Перстистоволосые также раздѣлялись на длинноголовыхъ, къ которымъ отнесены были желтоватые бушмены и черные океанійцы и папуасы и кафры въ Африкѣ, и короткоголовыхъ (негритосовъ). Ученикъ Брока Топинаръ держался сперва классификаціи своего учителя, но впослѣдствіи создалъ свою, опираясь на форму носа, въ которой онъ, первый, призналъ довольно постоянный и характерный признакъ. Онъ дѣлилъ человѣчество на три отдѣла — „бѣлыя узконосыя расы“ (англо-скандинавы, финны (первый типъ, западные), средиземноморскіе народы, семито-египтяне, лапоно-лигуры, кельто-славяне, „желтыя средненосыя расы“ (эскимосы, тегуэльчи, полинезійцы, краснокожіе индѣйцы, желтые народы Азіи (включая финновъ второго типа), гваранисы или южно-американцы (исключая тегуэльчей) и перуанцы, и „черныя плосконосыя расы“ (австралійцы, бушмены, меланезійцы, негры, тасманійцы и негритосы). Фр. Мюллеръ, извѣстный вѣнскій лингвистъ, въ своемъ дѣленіи человѣчества также основывается на формѣ волосъ, устанавливая, сходно съ Геккелемъ, четыре „племени (подотдѣла), заключающія въ себѣ по два и болѣе „видовъ“ (расъ) — Lophocomi (перстистые волосы, растущіе пучками): папуасы и готтентоты; 2) Eriocomi (перстистые волосы, растущіе равномѣрно, не пучками): кафры и негры; 3) Euthycomi (прямые волосы): австралійцы, малайцы, монголы, арктическіе народы (гиперборейцы), американцы; 4) Euplocomi (кудрявые волосы): дравиды, нубійцы (эѳіопы), средиземноморскіе народы (арійцы). Къ антропологическимъ классификаціямъ, пользующимся извѣстностью въ наукѣ, мы должны присоединить еще классификацію покойнаго профессора антропологіи въ естественно-историческомъ музеѣ въ Парижѣ, Катрфажа. Онъ дѣлилъ человѣчество на три „ствола“ — 1) „негрскій“ съ „вѣтвями“ индо-меланезійской, австралійской, африканской и австро-африканской; 2) „желтый“ съ „вѣтвями“ сибирской, тибетской, индо-китайской и американской (эскимосско-бразильской); 3) „бѣлый“ съ „вѣтвями“ аллофильной (айносы, міао-тсе, кавказской, индонезійско-полинезійской и пр.), финской, семитической и арійской; кромѣ того, авторъ признавалъ двѣ „смѣшанныя расы“: 1) „океанійцевъ“ (японцевъ, полинезійцевъ и малайцевъ); 2) „американцевъ (Сѣверной, Средней и Южной Америки). Рядомъ съ классификаціей Катрфажа можно поставить классификацію извѣстныхъ англійскихъ анатомовъ Флоуера и Лидеккера, останавливавшихся также на трехъ основныхъ группахъ: 1) эѳіопской, негроидной или меланезійской: негры, негрильи, бушмены, папуасы (океанійскіе негры), австралійцы; 2) монгольской или желтой: монголы, малайцы, полинезійцы и американцы, занимающіе, впрочемъ, нѣсколько неопредѣленное или блуждающее положеніе, и 3) кавказской или эврафриканской, къ которой относятся ксантохрои и меланохрои Гёксли.

Какъ черту, общую для этихъ новѣйшихъ классификацій, мы можемъ отмѣтить, что всѣ онѣ признаютъ въ человѣчествѣ немногочисленные, по большей части, три главные или основные отдѣла, которые, по цвѣту кожи, называются бѣлымъ, желтымъ и чернымъ, возвращаясь, такимъ образомъ, къ одной изъ первоначальныхъ классификацій, къ классификаціи Кювье. Нѣкоторое разногласіе между антропологами происходитъ только по поводу туземцевъ Америки: между тѣмъ, какъ нѣмецкіе антропологи склонны причислять ихъ безусловно къ монгольской расѣ, англійскіе антропологи, въ виду многихъ отличительныхъ чертъ американской расы, считаютъ ихъ самостоятельной, какъ это дѣлаетъ, напр., Кинъ, возвращаясь такимъ образомъ къ раздѣленію Линнея.

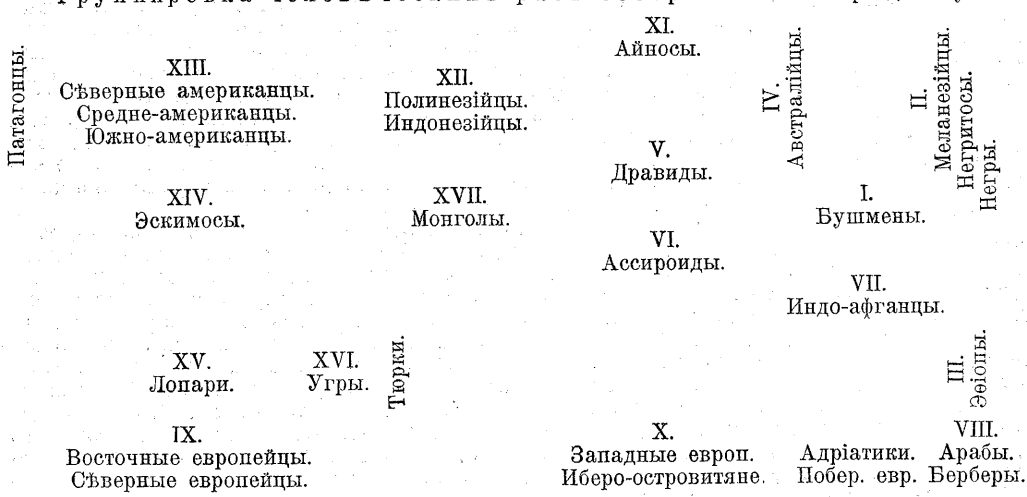
Подобно названному основателю естественно-научной систематики, всѣ эти классификаторы стоятъ на естественно-исторической почвѣ, опираясь на чисто физическіе или соматическіе признаки, по преимуществу, на окраску кожи, волосъ и глазъ, на свойство волосъ и на форму черепа, совершенно оставляя въ сторонѣ духовныя качества человѣка. Къ этимъ чисто антропологическимъ или соматологическимъ классификаціямъ относится и самая новѣйшая изъ нихъ, принадлежащая французскому антропологу Деникеру. Въ основаніе ея положены формы волосъ, и первоначально она устанавливала слѣдующія группы: ксантохроидовъ и меланохроидовъ (по классификаціи Гёксли), айносовъ, уралоалтайцевъ, индонезійцевъ, американцевъ, монголоидовъ, эѳіоповъ, австралійцевъ, негритосовъ, меланезійцевъ, бушменовъ и негровъ. Впослѣдствіи авторъ развилъ и дополнилъ ее, пользуясь всѣми новѣйшими данными антропологіи. Цѣли и пріемы его работъ выражены имъ въ слѣдующихъ словахъ: „я пытался, какъ дѣлаютъ ботаники, составить естественныя группы сочетаніемъ различныхъ признаковъ (цвѣта кожи, свойства волосъ, роста, формы головы, носа и пр.), и, такимъ образомъ, мнѣ удалось раздѣлить человѣчество на 13 расъ, которыя, съ помощью дальнѣйшаго анализа, дѣлятся еще на 29 подрасъ. Эти выводы изъ новѣйшихъ и моихъ собственныхъ изслѣдованій я расположилъ въ слѣдующей таблицѣ:

		Расы и подрасы.	
A. Шерстистые волосы. Широкій носъ.			
Желтая кожа, стеатопигія, малый ростъ, длинноголовость.		Бушмены (подрасы готтентоты и бушмены).	1
Темная кожа	Красновато-бурые, весьма малый ростъ, подкороткоголовость или поддлинноголовость.	Негритосы (подр. негрильи и негритосы).	2
	Черные, высокій ростъ, длинноголовость.	Негры (подрасы суданцы и банту).	3
	Буровато-черные, средній ростъ, длинноголовость.	Меланезійцы (подр. папуасы и меланезійцы).	4
B. Курчавые или волнистые волосы.			
Темная кожа	Красновато-бурые, узкій носъ, высокій ростъ, длинноголовость.	Эѳіопы.	5
	Шоколадно-бурые, широкій носъ, средній ростъ, длинноголовость.	Австралійцы.	6
	Буровато-черные, широкій или узкій носъ, малый ростъ, длинноголовость.	Дравиды (подр. широконосые и узконосые).	7
Смугло-бѣлая кожа, узкій, крючковатый носъ, съ толстымъ концомъ, короткоголовость.		Ассироиды.	8
C. Волнистые темнорусые или черные волосы, темные глаза.			
Свѣтло-бурая кожа, черные волосы, узкій, прямой или изогнутый носъ, высокій ростъ, длинноголовость.		Индо-афганцы.	9
Смугло-бѣлая кожа, черные волосы.	Высокій ростъ, удлиненное лицо. Орлиный носъ, выпуклый затылокъ, длинноголовость, эллиптическая форма лица.	Арабы или семиты.	10
	Прямой грубый носъ, длинноголовость, квадр. ф. лица.	Берберы (4 подрасы).	11
	Прямой тонкій носъ, среднеголовость, овальное лицо.	Прибрежные европейцы.	12
	Малый ростъ, длинноголовость.	Иберо-островитяне.	13
Смугловато-бѣлая кожа, темнорусые волосы.	Малый ростъ, сильная короткоголовость, круглое лицо.	Западные европейцы.	14
	Высокій ростъ, короткоголовость, удлиненное лицо.	Адріатики.	15
D. Бѣлокурые, волнистые или прямые волосы, свѣтлые глаза.			
Красновато-бѣлые кожа и волосы.	Нѣсколько волнистые, красноватые волосы, высокій ростъ, длинноголовость.	Сѣверные европейцы.	16
	Нѣсколько прямые, льняные волосы, малый ростъ, поддлинноголовость.	Восточные европейцы.	17
E. Прямые или волнистые волосы, темные или черные глаза.			
Свѣтло-бурая кожа, весьма волосатое тѣло, широкій и вогнутый носъ, длинноголовость.		Айносы.	18
Желтая кожа, гладкое тѣло.	Выступающій, нѣсколько изогнутый носъ, высокій ростъ, эллиптическая форма лица, длинно- или среднеголовость.	Полинезійцы.	19
	Малый ростъ, приплюснутый, нѣсколько вогнутый носъ, выдающіяся скулы, ромбовидное лицо, длинноголовость.	Индонезійцы.	20
	Малый ростъ, выступающій прямой или вогнутый носъ, средне- или длинноголовость.	Южные американцы (подр. палео-ам. и ю. амер.)	21

			Расы и подрасы.	
F. Прямые волосы.				
Желтая кожа теплаго цвѣта.	Прямой или орлиный носъ.	Высокій ростъ, среднеголовость.	Сѣверные американцы. (подр. атлант. и тихо-океан.).	22
		Малый ростъ, короткоголовость.	Средне-американцы.	23
	Прямой носъ, высокій ростъ, короткоголовость, квадр. лицо.		Патагонцы.	24
Буровато-желтая кожа, малый ростъ, круглое, плоское лицо, длинноголовость.			Эскимосы.	25
Желтовато-бѣлая кожа.	Приподнятый кверху носъ, малый ростъ, короткоголовость.		Лопари.	26
	Прямой или вогнутый носъ, малый ростъ, средне- или длинноголовость, выступающія скулы.		Угры (подр. угрская и енисейская).	27
	Прямой носъ, средній ростъ, сильная короткоголовость.		Тюрки или тюрко-татары.	28
Блѣдно-желтая кожа, выступающія скулы, монгольскій глазъ, нѣкоторая короткоголовость.			Монголы (подр. сѣверная и южная).	29

„Эта таблица, продолжаетъ Деникеръ, содержитъ перечисленіе главныхъ соматическихъ признаковъ каждой расы. Расположенная дихотомически, ради удобства изслѣдованія, она не представляетъ точной группировки расъ сообразно ихъ настоящему сродству. Выразить это сродство при линейномъ размѣщеніи таблицы было бы тщетной попыткой; въ дѣйствительности каждая раса обнаруживаетъ извѣстныя черты сходства не только со своими сосѣдями въ верхней или нижней части таблицы, но и съ другими, которые отдѣлены отъ нея вслѣдствіе техническихъ требованій построенія подобной таблицы. Съ цѣлью показать сродство, о которомъ мы говоримъ, группы слѣдовало-бы расположить по тремъ измѣреніямъ пространства или, по крайней мѣрѣ, на поверхности, гдѣ мы можемъ пользоваться двумя измѣреніями. Въ слѣдующей таблицѣ 29 поименованныхъ выше расъ соединены въ 17 группъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что расы, имѣющія наиболѣе сродства другъ къ другу, поставлены всего ближе одна къ другой. Семь изъ этихъ группъ состоятъ болѣе, чѣмъ изъ одной расы. Слѣдуя нумераціи таблицы, это—XIII, американская группа, XII, океанійцы, II, негроиды, VIII, сѣверные африканцы, XVI, эвразійцы, X, меланохроиды, IX, ксантохроиды. Изъ этой таблицы ясно видно, что, напр., бушменская раса имѣетъ сродство съ негритосами (малый ростъ) и съ неграми (свойство волосъ, форма носа), что дравидская раса имѣетъ связь и съ индонезійской и съ австралійской, что тюркская раса, по естественному сродству, занимаетъ мѣсто между уграми и монголами, что у эскимосовъ есть монголоидные и американскіе признаки, что ассироиды находятся въ близкомъ сродствѣ съ адріатиками и индо-афганцами, что эти послѣдніе темнымъ цвѣтомъ кожи напоминаютъ эѳіоповъ, а формою лица — арабовъ“.

Группировка человѣческихъ расъ сообразно ихъ сродству.



Деникеръ сопровождаетъ свою таблицу поясненіями, изъ которыхъ мы заимствуемъ относящіяся къ новымъ или не совсѣмъ яснымъ съ перваго взгляда терминамъ. Между тѣмъ, какъ въ другихъ классификаціяхъ бушмены ставятся позади готтентотовъ, какъ выродившіеся, благодаря неблагопріятнымъ естественнымъ условіямъ, родичи ихъ, назван

ный ученый выдвигаетъ ихъ на первый планъ, какъ болѣе чистую расу, и готтентотовъ признаетъ только подрасою ихъ. Меланезійскую расу онъ дѣлитъ на папуасовъ, преобладающихъ въ Новой Гвинеѣ, и меланезійцевъ, обитателей другихъ острововъ Меланезіи, и допускаетъ, что первая изъ этихъ подрасъ (папуасская) входитъ въ составъ многихъ смѣшанныхъ племенъ Селебеса, Гилоло, Флореса, Тимора и др. острововъ Азіатскаго архипелага, лежащихъ далѣе къ востоку. Самыми чистыми представителями эѳіопской расы онъ считаетъ беджасовъ и галласовъ; въ сомаліяхъ и абиссинцахъ этотъ типъ измѣненъ примѣсью арабской, а въ сандехахъ (ньямъ-ньямахъ) и еще болѣе въ фулахахъ — негрской крови, хотя у послѣднихъ можно найти еще и тонкій эѳіопскій типъ. Напротивъ, австралійцевъ, противоположно Топинару и др. французскимъ антропологамъ, онъ считаетъ одной расой, а угасшихъ тасманійцевъ — нѣсколько отличавшеюся отъ нихъ подрасою. Дравидскую расу, названіе которой онъ хотѣлъ бы замѣнить названіемъ южно-индійской (съ чѣмъ едва-ли можно согласиться), онъ, вмѣстѣ съ Э. Шмидтомъ, дѣлитъ на узконосую и длинноголовую (наировъ) и плосконосую и болѣе короткоголовую (дравидовъ въ настоящемъ смыслѣ). Веддасовъ онъ причисляетъ къ дравидскому типу, который, по его собственному указанію проникаетъ въ населеніе Индіи даже до средины долины Ганга, что противорѣчитъ предлагаемому имъ обозначенію дравидовъ южно-индійской расой. Онъ вводитъ новый терминъ „ассироидной“ расы, являющійся на ассирійскихъ памятникахъ и, хотя не совсѣмъ въ чистомъ видѣ, имѣющій до сихъ поръ такъ много живыхъ представителей, что его можно назвать характернымъ для цѣлыхъ населеній, каковы хаджемійскіе персы, айсоры, нѣкоторыя курдскія племена, и отчасти армяне и евреи. Крючковатый еврейскій носъ принадлежитъ этому типу и почти всегда соединяется съ сросшимися бровями и толстой нижней губой. Такимъ образомъ, Деникеръ распространяетъ этотъ семитическій типъ и на нѣкоторыя арійскія народности и, что еще любопытнѣе, причисляетъ къ нему отчасти и остъ-индскихъ тодовъ, относимыхъ обыкновенно къ дравидамъ и живущихъ достаточно далеко отъ области ассироидовъ. Съ другой стороны, авторъ афганцевъ объединяетъ въ одну расу съ индусами, находя типическихъ представителей ея среди афганцевъ, раджпутовъ и касты брамановъ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ случаяхъ смѣшанный характеръ ея вслѣдствіе скрещиванія съ ассироидами, дравидами, монголами, тюрками, арабами и др. Противуположно другимъ антропологамъ, онъ объединяетъ также въ одну „сѣверо-африканскую“ группу семитовъ, арабовъ, — типическихъ представителей ихъ онъ находитъ среди арабовъ и нѣкоторыхъ евреевъ и отдѣльные признаки ихъ въ населеніяхъ Сиріи, Месопотаміи, Белуджистана, Египта и Кавказа, — и эѳіоповъ, берберовъ. Вмѣстѣ съ Брокà, Катрфажемъ и др., авторъ въ своей классификаціи отводитъ вполнѣ самостоятельное мѣсто айносамъ. Въ его классификаціи терминъ малайской расы замѣненъ „океанійской“ группой, къ которой онъ относитъ полинезійскую расу, являющуюся въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ отъ Гавайскихъ острововъ до Новой Зеландіи, и индонезійскую, въ которую входятъ даяки, баттаки и другія населенія Малайскаго архипелага и отчасти Индо-Китая (никобарцы, нагасы и пр.). Въ эту расу входятъ примѣси негритосскихъ (бѣлые сакаи Малайскаго полуо—ва), индусскихъ (яванцы), монголоидныхъ (малайцы) и папуасскихъ (туземцы Флореса) элементовъ. Американская раса Деникера обнимаетъ четыре расы, перечисленныя въ его 1-й таблицѣ (21—24); одну изъ нихъ, средне-американскую, авторъ находитъ не только на тихоокеанскомъ склонѣ обѣихъ Америкъ, но и во многихъ мѣстахъ атлантическаго склона Южной Америки. Въ южно-американской расѣ онъ устанавливаетъ двѣ подрасы, изъ которыхъ одну, замѣчательную своей длинноголовостью и курчавыми волосами, онъ связываетъ съ древнѣйшими обитателями материка, называя ее, поэтому, „палео-американской“. Эскимосскую расу онъ считаетъ чистою только на восточномъ берегу Гренландіи и на сѣверѣ Канады, а въ остальныхъ мѣстахъ ея обитанія — смѣшанною съ сѣверо-американской или монгольской расой. И чистыхъ лопарей онъ видитъ лишь среди нѣкоторыхъ скандинавскихъ племенъ, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ они смѣшаны съ сѣверной и восточной расами. Наиболѣе чистую угрскую расу онъ находитъ среди восточныхъ финновъ (остяковъ, пермяковъ и черемисъ), а чистую тюркскую — среди киргизъ и астраханскихъ татаръ.

Всѣ приведенныя выше классификаціи, оставаясь на соматологической почвѣ, т. е. примыкая къ зоологическимъ классификаціямъ, имѣютъ, однако, неодинаковое систематическое значеніе, такъ какъ подъ употребляемыми ими терминами „раса“ и „подраса“ подразумѣвается не одно и то же понятіе систематики. Французская антропологическая школа до сихъ поръ еще держится полигенистическихъ воззрѣній, которыхъ держался талантливый основатель ея, Брокà, и для нея — расы, по крайней мѣрѣ, главныя, имѣютъ значеніе видовъ, появившихся на свѣтъ самостоятельно въ отдѣльныхъ центрахъ. Но, въ дѣйствительности, представители этой школы могутъ оставаться при прежнихъ воззрѣніяхъ только въ силу традиціи и изъ уваженія къ памяти своего знаменитаго учителя. Въ настоящее время споръ между моногенистами и полигенистами можетъ считаться уже достигшимъ „своего безмолвнаго конца“, какъ предсказывалъ Дарвинъ, въ 1870 г., въ своемъ „Происхожденіи человѣка“. Данныя въ пользу моногенизма настолько очевидны и неопровержимы, что уже не требуютъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Плодовитость между самыми различными человѣческими группами теперь уже не можетъ быть подвержена сомнѣнію, а въ ней и заключается самый неоспоримый доводъ въ пользу того, что самыя несходныя группы человѣчества — не виды, которые при скрещиваніи не могли бы давать плодовитаго потомства, а разновидности или расы. Едва ли можно предполагать какое нибудь

разногласіе между современными біологами относительно того, что плодовитость есть конечный доводъ въ вопросѣ о различіи между видомъ и разновидностью. Какъ опредѣляетъ Дарвинъ въ „Происхожденіи видовъ“, виды и подвиды, разновидности и подразновидности могутъ „сливаться другъ съ другомъ незамѣтными переходами“. Но эти переходы ведутъ въ концѣ концовъ къ установленію вида только въ томъ случаѣ, когда прекращается плодовитость. Различныя породы собакъ, напр., по наружному виду гораздо болѣе отличаются одна отъ другой, чѣмъ многія животныя, сходныя съ лошадью (оселъ, зебра и др.). Тѣмъ не менѣе, всѣ собаки соединены въ систематикѣ въ одинъ видъ Canidae, такъ какъ скрещиваніе самыхъ различныхъ породъ ихъ можетъ давать плодовитое потомство, а Equidae распадаются на нѣсколько видовъ, потому что въ результатѣ скрещиванья между ними является безплодный мулъ.

Доказательство плодовитости скрещиванія различныхъ группъ, примѣненное къ человѣку, не представило ни одного исключенія со времени четвертичной эпохи; слѣдовательно, мы имѣемъ право заключить, что эти группы — не что иное, какъ разновидности или что всѣ онѣ имѣютъ общее происхожденіе. Въ плодовитости скрещиваній ихъ насъ одинаково убѣждаетъ и опытъ прошлаго, и опытъ настоящаго времени. Можно сказать вообще, что для человѣческихъ группъ, гдѣ бы ихъ ни видѣли на землѣ, смѣшеніе является правиломъ, а чистота расы — исключеніемъ. Чистыя расы намъ приходится разыскивать въ замкнутыхъ горныхъ долинахъ или на отдаленныхъ островахъ, и тамъ мы не всегда можемъ ручаться за безусловную чистоту ихъ. Смѣшеніе между различными расами продолжается безпрерывно на нашихъ глазахъ. Особенно наглядно и въ крупномъ масштабѣ мы видимъ его въ Средней и Южной Америкѣ; огромное большинство населенія этихъ областей — смѣшанные народы, въ составъ которыхъ въ Бразиліи входятъ туземный и португальскій элементы съ примѣсью негрскаго, а въ другихъ мѣстахъ — мѣстный американскій и испанскій элементы. Численность этого смѣшаннаго населенія Реклю предполагаетъ въ 30 милліоновъ. Высказывавшееся нѣкоторыми учеными мнѣніе, будто эти метисы — неустойчивая раса, склонная возвращаться къ первоначальному типу индѣйцевъ, при отсутствіи свѣжаго притока крови изъ Европы, на дѣлѣ не подтверждается. Такъ называемые „паулисты“, уроженцы провинціи С. Пауло въ Бразиліи, происходящіе отъ браковъ первыхъ португальскихъ переселенцевъ съ туземными женщинами, всегда выдавались своей энергіей и предпріимчивостью. Такой же энергіей отличаются и канадскіе трапперы, ведущіе свой родъ отъ французовъ и индѣянокъ. И въ Гренландіи потомки датчанъ и эскимосокъ во многихъ отношеніяхъ превосходятъ представителей чистыхъ расъ. Новѣйшія изслѣдованія этническаго состава населенія С. Америки даютъ еще болѣе неожиданные результаты: такъ, Ф. Боасъ, изучавшій тамошнихъ метисовъ, пришелъ къ заключенію, что настоящее поколѣніе индѣйцевъ въ такой степени перемѣшано съ бѣлыми и неграми, что во многихъ областяхъ нельзя найти ни одного индивидуума чистой расы. Это можно сказать о многихъ племенахъ ирокезовъ, чирокисовъ, чиказавовъ и чоктавовъ. И вымираніе индѣйцевъ, происходящее отъ различныхъ причинъ, касается по преимуществу несмѣшанныхъ элементовъ; какъ указываетъ статистика, семьи настоящихъ индѣйцевъ имѣютъ, въ среднемъ, меньшее число дѣтей, чѣмъ полукровныя. Тотъ же фактъ, т. е. преимущество смѣшаннаго населенія надъ чистокровнымъ туземнымъ мы видимъ и въ Южной Африкѣ, гдѣ настоящіе готтентоты понемногу исчезаютъ, а такъ называемые „бастарды“, происшедшіе отъ смѣшенія голландцевъ и готтентотовъ, подъ именами „гриковъ“ образуютъ цвѣтущія колоніи. Самые энергичные народы восточной Африки къ с. отъ экватора, галласы, сомаліи и абиссинцы представляютъ смѣсь хамитовъ и негровъ, съ одной, и хамитовъ, негровъ и семитовъ, съ другой стороны. И бо́льшая часть суданскихъ народовъ — не чистые негры, а смѣсь туземцевъ съ хамитами; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., гауссы стоятъ выше представителей чистыхъ элементовъ. И западно-африканскіе негры, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказались смѣсью, по меньшей мѣрѣ, трехъ различныхъ элементовъ. Въ Азіи точно также можно указать нѣсколько народностей смѣшаннаго происхожденія, выдѣляющихся своимъ мужествомъ и крѣпостью; таковы газары и аймаки въ Афганистанѣ, происходящіе отъ монголовъ и персовъ, балтисы въ Балтистанѣ — отъ монголовъ и арійцевъ, многія племена Индіи, представляющія смѣшеніе дравидовъ и арійцевъ, минх-хуонги въ Кохинхинѣ франко-аннамскаго происхожденія, метисы различнаго, иногда довольно сложнаго смѣшенія на Филиппинскихъ островахъ и т. п. Наконецъ, въ Полинезіи и Меланезіи метисы полинезійцевъ и папуасовъ играютъ видную роль, и между тѣмъ, какъ чистокровные полинезійцы (на о—вѣ Н. Зеландіи, Гавайскихъ, Самоа и др.) исчезаютъ, они замѣщаются метисами различнаго рода.

Такую же безусловную плодовитость между различными человѣческими группами мы видимъ не только въ историческомъ, но и въ доисторическомъ прошломъ, когда всего легче могли существовать значительныя различія между ними. Всѣ найденные до сихъ поръ остатки человѣка древнѣйшихъ палеолитическихъ эпохъ выказываютъ общій для нихъ признакъ — длинноголовость; эти длинноголовые черепа отличаются сравнительно низшимъ типомъ развитія, который постепенно повышается съ переходомъ въ неолитическую и историческую эпохи. Въ неолитическую эпоху мы встрѣчаемъ въ большомъ распространеніи другой, короткоголовый типъ, но мнѣніе, существовавшее нѣкоторое время въ наукѣ, будто въ названную эпоху этотъ типъ разомъ замѣстилъ длинноголовый, не подтверждается фактами. Факты именно говорятъ намъ, что ясно выраженная длинноголовость держалась долгое время въ неолитическія времена и лишь постепенно видоизмѣ-

нялась и замѣщалась короткоголовостью въ нѣкоторыхъ областяхъ. Исторія указываетъ, что въ новокаменную эпоху въ Европѣ появилось съ востока новое населеніе короткоголоваго типа, въ видѣ кочевыхъ ордъ, не знавшихъ никакихъ каменныхъ построекъ, и съ юга, въ видѣ длинноголовыхъ строителей мегалитическихъ памятниковъ. Этимъ объясняется столь долгое присутствіе длинноголоваго элемента въ древней Европѣ. Присутствіе его особенно замѣтно въ Англіи, гдѣ, послѣ перерыва между древнимъ и новымъ каменными вѣками, когда палеолитическій человѣкъ скрывается отъ нашихъ глазъ, мы видимъ длинноголовыхъ строителей длинныхъ кургановъ и уже пришедшихъ послѣ нихъ короткоголовыхъ строителей круглыхъ кургановъ. Во Франціи, въ Бельгіи, въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ позднѣйшіе обитатели пещеръ и первые строители дольменовъ оказываются сперва длинно- потомъ средне- и подъ конецъ исключительно короткоголовыми. Повсюду, однимъ словомъ, въ доисторической Европѣ мы находимъ смѣшанное населеніе; слѣдовательно, насколько первобытные народы ея ни различались между собою, они своимъ смѣшеніемъ производили плодовитое потомство и могли быть только разновидностями одного вида, исходившаго отъ одного пліоценоваго предка [1].

Эти выводы изъ наблюденій настоящаго и прошлаго времени приводятъ насъ къ заключенію, что самыя крупныя дѣленія нашихъ классификацій представляютъ собою не виды, а подвиды или разновидности. Мы уже видѣли, что новѣйшіе систематики возвращаются къ крупнымъ группировкамъ Линнея и Блуменбаха и вмѣстѣ съ ними признаютъ три или четыре главныя дѣленія человѣчества. Разногласіе между ними выходитъ лишь относительно того — должны-ли быть установлены три или четыре главныя группы. Между тѣмъ, какъ нѣмецкіе антропологи, а отчасти и французскіе, болѣе склонны видѣть въ туземцахъ Америки членовъ монгольской группы, англійскіе (Флоуеръ и Лиденнеръ, и за ними Кинъ) готовы признать за американской группой положеніе равноправное съ кавказской, монгольской и эѳіопской. Два первые анатома, въ своемъ „Введеніи въ изученіе млекопитающихъ“, считая вопросъ о самостоятельности американской группы открытымъ, высказываютъ, однако, что древность человѣка въ Америкѣ и особые признаки туземцевъ ея, которые не могутъ быть объяснены скрещиваніемъ, говорятъ въ пользу воззрѣнія, что американцы должны быть признаны особымъ первичнымъ дѣленіемъ. Кинъ („Ethnology“, 222) полагаетъ, что это воззрѣніе поддерживается и умственными признаками, выражающимися въ независимыхъ культурахъ Новаго Свѣта. Онъ не отрицаетъ общности происхожденія монгольской и американской группъ, но, по его мнѣнію, послѣдняя достаточно отклонилась отъ первой, чтобы ее можно было считать особой разновидностью въ томъ же смыслѣ, какъ и монгольскую группу. Другими словами, онъ допускаетъ, что „доколумбійцы“, т. е. индѣйцы, какими нашелъ ихъ Колумбъ, отличаются столько же отъ азіатскихъ монголовъ, сколько эти послѣдніе отъ кавказскихъ европейцевъ. Намъ кажется, что съ такими воззрѣніями едва-ли можно согласиться, такъ какъ на подобномъ же основаніи можно бы выдѣлить и особыя группы австралійцевъ съ тасманійцами, папуасовъ, дравидовъ и готтентотовъ съ бушменами, какъ это дѣлаетъ Пешель, тѣмъ не менѣе, помѣщающій американцевъ въ одну группу съ монголоидами и малайо-полинезійцами Вопросъ объ отношеніи американскихъ туземцевъ къ народамъ Стараго Свѣта во времена, предшествовавшія нашему знакомству съ ними, такъ теменъ и сходства нѣкоторыхъ племенъ Америки, въ особенности, Южной, съ монголоидами такъ очевидны, что едва-ли было бы основательно настаивать на выдѣленіи туземнаго населенія Америки въ особую антропологическую группу.

Устанавливая три (или четыре) основныя группы человѣчества, мы должны выяснить ихъ взаимныя или генеалогическія отношенія. Возможно-ли допустить, что одна изъ нихъ предшествовала другимъ и остальныя развились изъ нея, представляя лишь ея видоизмѣненія? Существуетъ мнѣніе, поддерживаемое нашимъ знаменитымъ соотечественникомъ, проф. Мечниковымъ, что такой первичной расой была монгольская, изъ которой образовались, съ одной стороны, негрская, а съ другой, кавказская разновидность. Дѣйствительно, постепенное потемнѣніе новорожденныхъ негровъ и остающееся у нихъ на всю жизнь болѣе свѣтлое окрашиваніе ладоней и подошвъ говорятъ въ пользу того, что темный цвѣтъ негра былъ пріобрѣтенъ ими съ теченіемъ времени, но эти преходящія черты сходства скорѣе свидѣтельствуютъ объ общности происхожденія, чѣмъ о превращеніи монгола въ негра. На самомъ дѣлѣ, если такое превращеніе нельзя отрицать теоретически, то практически его доказать нельзя, и оно остается сомнительнымъ, потому что мы не видимъ въ прошломъ времени достаточнаго для такого рѣзкаго перехода. Мы знаемъ, что уже въ палеолитическую эпоху въ Европѣ обитали населенія, значительно различавшіяся въ умственномъ, а, слѣдовательно, по всѣмъ вѣроятіямъ, и въ физическомъ отношеніи. Указывая на это, Кинъ справедливо замѣчаетъ, что эти различія, обнаруживающіяся въ такомъ раннемъ періодѣ естественной исторіи человѣчества, могутъ быть объяснены только предположеніемъ, что они составляютъ результатъ процессовъ развитія, происходившихъ не постепенно въ одной области, а одновременно во многихъ областяхъ, и что они появились въ Европѣ въ видѣ послѣдовательныхъ волнъ переселенія во время теплой межледниковой эпохи. При такомъ предположеніи, оказывается достаточно времени не для превращенія негра въ монгола, или монгола въ бѣлаго, чего, вѣроятно, никогда не было, но для превращенія полу-антро-

[1] См. Ранке, „Человѣкъ“, т. II, а также Keane, „Ethnology“, 142—3, 149—55.

поидныхъ, плейстоценовыхъ предковъ, обитавшихъ въ различныхъ окружающихъ условіяхъ, въ обобщенныхъ негрскихъ, монголо-американскихъ и кавказскихъ предковъ совершенно независимо другъ отъ друга. Легко понять, что при этомъ требовались несравненно менѣе рѣзкіе переходы, чѣмъ предполагаемые обыкновенно, такъ какъ достаточно допустить, что различныя плейстоценовыя группы, представлявшія уже извѣстныя различія между собою, продолжали естественно развиваться въ направленіи этихъ различій въ разнообразныхъ физическихъ и климатическихъ условіяхъ — теплаго, умѣреннаго или холоднаго пояса, гористыхъ или низменныхъ мѣстностей, лѣсистыхъ или открытыхъ пространствъ, приморскихъ или внутреннихъ областей и т. д.... Такимъ образомъ, общая эволюція, повидимому, происходила не въ одномъ или линейномъ направленіи, но послѣдовательными боковыми развѣтвленіями общаго ствола, такъ же, какъ и человѣкъ развился не изъ какой либо спеціализированной антропоидной формы, а отъ общаго антропоиднаго ствола путемъ расхожденія, предшествовавшаго подобнымъ спеціализированіямъ. (Keane, „Ethnology“, 223—225).

Представляя себѣ генеалогическое дерево человѣка, исходящее отъ весьма сходныхъ между собою плейстоценовыхъ предковъ, мы должны допустить, что первой вѣтвью, отдѣлившейся отъ общаго ствола, былъ, какъ называетъ его Кинъ, „обобщенный негръ“ или идеальный „Homo Aethiopicus“ Линнея, утративший впослѣдствіи свою обобщенность или идеальность, но сохранившій въ измѣненной формѣ большее или меньшее число первоначальныхъ физическихъ и умственныхъ признаковъ, замѣтныхъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ въ Африкѣ, Океаніи и Австраліи. Благодаря сохраненію ихъ, мы можемъ еще отличить взаимное родство многихъ вѣтвей, хотя онѣ съ теченіемъ времени и подвергались смѣшеніямъ. Такъ, австралійская вѣтвь, выказывая близкое сходство съ вѣтвью тодовъ, позволяетъ предположить примѣсь меланохроидной кавказской крови (южно-индійской) и южной негрской въ какую либо отдаленную эпоху, когда существовала общая индо-австралійская область, нынѣ находящаяся подъ волнами океана. Послѣ негрской, отъ главнаго ствола человѣчества могла отдѣлиться монголо-американская вѣтвь, распадающаяся теперь на два отдѣла — американскихъ и азіатскихъ монголовъ; повидимому, это распаденіе произошло въ очень раннемъ періодѣ ихъ исторіи, такъ какъ иначе не могли бы выработаться ихъ особые признаки и такіе не вполнѣ опредѣленные типы, какъ эскимосы, финно-лопари и др. Наконецъ, между этими главными вѣтвями, негрской и монгольской, поднимается вверхъ обобщенный кавказскій типъ, также уже давно раздѣлившійся на три отпрыска, которые мы называемъ арійскимъ, семитическимъ и хамитическимъ [1].

Всѣ эти обобщенные или идеальные типы или расы могутъ быть представлены въ видѣ таблицъ, въ которыхъ для каждаго типа или расы соединены характерные признаки, какъ это дѣлаетъ Кинъ въ своей „Этнологіи“ (стр. 228) и мн. др. антропологи. Но эти расы и типы, понимаемые въ зоологическомъ смыслѣ, остаются еще болѣе теоретическими построеніями, чѣмъ виды и разновидности животныхъ, относительно которыхъ не всегда были согласны между собой даже старинные систематики, защитники неизмѣняемости видовъ, допускавшіе бо́льшую или меньшую опредѣленность ихъ. Животныя, несмотря на незначительныя индивидуальныя различія, легко, однако, могутъ быть сгруппированы около извѣстнаго числа типовъ, съ точно установленными признаками; среди нихъ мы всегда находимъ такихъ, которые близко подходятъ къ „типу“ своего вида, и такіе „видовые типы“ можно отыскать во всѣхъ большихъ зоологическихъ коллекціяхъ. Однимъ словомъ, въ зоологіи мы имѣемъ реальный субстратъ для опредѣленія видовъ, тѣ первичныя единицы, которыя группируются впослѣдствіи въ роды, семейства, порядки и пр. Иное представляетъ собою человѣкъ. Онъ живетъ не въ разсѣянномъ видѣ или не стадами и стаями, какъ различныя млекопитающія, а естественными группами, которыя называются народами, націями, племенами, родами и пр. Въ дѣйствительности мы знаемъ негровъ, австралійцевъ, бушменовъ, арабовъ, швейцарцевъ, англичанъ и т. п., но эти группы, очевидно, не имѣютъ одинаковаго значенія съ точки зрѣнія классификаціи. Устанавливая ихъ подраздѣленія, мы не можемъ распредѣлить эти группы въ извѣстномъ порядкѣ соподчиненія, такъ какъ онѣ — вовсе не зоологическіе виды или разновидности, а группы этническія, соединенныя общностью языка, религіи, общественныхъ учрежденій и пр., и въ нихъ могутъ входить представители различныхъ человѣческихъ разновидностей или расъ, или, по выраженію Деникера, различныя „соматологическія единицы“. Эти единицы представляютъ собою „теоретическіе типы“, образуемые извѣстнаго рода соединеніями физическихъ признаковъ. „Отдѣльное существованіе этихъ единицъ“, говоритъ названный авторъ, „можетъ быть установлено детальнымъ анализомъ физическихъ признаковъ большаго числа индивидуумовъ, взятыхъ наудачу въ любой данной „этнической группѣ“. Все это — обобщенія, теоретическія понятія, сходныя съ видами зоологіи, но вмѣсто „типовъ“ этихъ видовъ мы должны довольствоваться приближеніями къ нимъ, такъ какъ мы въ рѣдкомъ

[1] Кинъ раздѣляетъ кавказскую вѣтвь на три отрасли — индо-океанійскую, къ которой онъ причисляетъ полинезійцевъ (?), ксантохроидную, обнимающую всѣхъ бѣлокурыхъ европейцевъ, и меланохроидную, къ которой онъ, кромѣ семитовъ съ иранцами и кавказцами и хамитовъ, относитъ тодовъ, айносовъ и веддасовъ. Какъ мы видимъ, онъ совершенно устраняетъ терминъ „арійская вѣтвь“, находя его чисто филологическимъ, не могущимъ имѣть мѣста въ этнологіи.

случаѣ встрѣчаемъ индивидуума, представляющаго типъ соматологической единицы, къ которой онъ принадлежитъ. Чаще всего намъ приходится имѣть дѣло съ субъектами, формы которыхъ видоизмѣнены смѣшеніями и скрещиваніями и у которыхъ, помимо двухъ или трехъ типическихъ чертъ, мы находимъ только спутанную смѣсь признаковъ, не представляющихъ ничего характернаго. Обыкновенно, чѣмъ народы цивилизованнѣе, тѣмъ болѣе смѣшанными они являются въ извѣстныхъ территоріальныхъ предѣлахъ. Поэтому число „соматологическихъ единицъ“ тѣмъ больше, чѣмъ „этническія группы“ цивилизованнѣе, и только у народовъ вполнѣ первобытныхъ мы можемъ надѣяться встрѣтить совпаденіе между двумя этими терминами. Въ дѣйствительности же, народовъ, представляющихъ „соматологическія единицы“, которые могутъ быть сравниваемы съ зоологическими „видами“, почти не существуетъ“.

Какъ мы видѣли выше, къ видамъ во всякомъ случаѣ ихъ приравнивать нельзя, но въ нихъ нельзя признать и подвидовъ, разновидностей или расъ въ зоологическомъ или зоотехническомъ смыслѣ. Первые два термина примѣняются обыкновенно къ дикимъ животнымъ, живущимъ лишь подъ вліяніемъ естественныхъ условій, а третій терминъ, вмѣстѣ съ однозначащимъ словомъ „порода“, прилагается къ домашнимъ животнымъ, условія жизни которыхъ создаются человѣкомъ для его собственныхъ цѣлей. Какъ справедливо замѣчаетъ Деникеръ, человѣка нельзя уподоблять ни дикимъ, ни домашнимъ животнымъ. Даже на низшей ступени культуры онъ обладаетъ членораздѣльною рѣчью, сдѣланными имъ самимъ орудіями и составляетъ вмѣстѣ съ подобными себѣ зачаточныя общества; такимъ образомъ, онъ уже устраняетъ себя отъ множества вліяній, оказываемыхъ природой на дикихъ животныхъ: онъ живетъ до нѣкоторой степени въ искусственной обстановкѣ, созданной имъ самимъ. Съ другой стороны, эти искусственныя условія не налагаются на него какой-либо посторонней волей, какъ это бываетъ съ домашними животными, и поэтому физическія измѣненія его происходятъ совершенно инымъ путемъ.

Терминъ „раса“, въ естественноисторическомъ смыслѣ, какъ замѣчаетъ Деникеръ, можетъ быть примѣненъ только къ „соматологическимъ единицамъ“, встрѣчающимся въ различныхъ сочетаніяхъ въ этническихъ группахъ, и примѣненъ въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ въ зоологіи и въ зоотехникѣ. „Это — итогъ соматологическихъ признаковъ, въ одномъ случаѣ замѣчаемыхъ въ реальномъ соединеніи индивидуумовъ, въ другихъ случаяхъ разсѣянныхъ отдѣльными частями различныхъ пропорцій между нѣсколькими „этническими группами“, откуда они могутъ быть дифференцированы только процессомъ весьма тонкаго анализа“. (Deniker, „Races of man“, 8; см. также 4—7).

„Различія между расами, — говоритъ далѣе тотъ же авторъ, — обнаруживаются въ соматологическихъ признакахъ, представляющихъ равнодѣйствующую постоянной борьбы въ индивидуумѣ двухъ факторовъ — измѣнчивости, т. е. образованія различій, и наслѣдственности, т. е. упроченія сходствъ. Все это — различія во внѣшней формѣ, въ анатомическомъ строеніи и въ физіологическихъ функціяхъ, проявляющихся въ индивидуумахъ. Такимъ образомъ, изученіе этихъ признаковъ имѣетъ основаніемъ человѣка, разсматриваемаго, какъ особь зоологической группы. Съ другой стороны, различія между этническими группами составляютъ продуктъ процессовъ развитія, подлежащихъ другимъ законамъ, небіологическимъ, которые пока лишь смутно предугадываются. Они обнаруживаются въ этническихъ, лингвистическихъ или соціальныхъ признакахъ. Изученіе ихъ основывается на группировкѣ индивидуумовъ въ общества. Разсмотрѣніе обѣихъ этихъ категорій признаковъ въ ихъ общемъ видѣ, или въ послѣдовательномъ описаніи различныхъ народовъ, есть въ то же время изученіе человѣчества съ цѣлью обозначить предѣлы расъ, составляющихъ этническія группы и отмѣтить взаимныя отношенія и связь этихъ группъ между собою“ (тамъ же, 9).

Выше мы привели классификаціи расъ или соматологическихъ единицъ, представляющія попытки зоологическаго распредѣленія человѣчества чисто теоретическаго характера, такъ какъ устанавливаемыя ими группы существуютъ въ таблицахъ, а не въ природѣ. Чтобы приблизиться къ послѣдней, мы должны расположить въ какой либо системѣ этническія группы или соціологическія единицы, существующія въ дѣйствительности. При этомъ мы уже не ограничиваемся физическими признаками, а принимаемъ во вниманіе и духовныя свойства, съ какими выступаютъ передъ нами эти группы. Повидимому, самымъ удобнымъ для этой цѣли умственнымъ признакомъ могъ бы служить языкъ, обогащающійся и совершенствующійся по мѣрѣ повышенія духовнаго развитія и имѣющій, какъ показываетъ опытъ, весьма существенное свойство не смѣшиваться съ другими языками, чего нельзя сказать о расовыхъ или физическихъ признакахъ. Но, съ другой стороны, наблюденіе показываетъ намъ, что языки мѣняются гораздо скорѣе и легче, чѣмъ физическій типъ, и въ общемъ выводѣ приходится сказать, что языки и расы почти не совпадаютъ между собою. Кромѣ того, и большее или меньшее совершенство или развитіе языка не всегда соотвѣтствуетъ умственному уровню тѣхъ, для кого онъ является роднымъ. Правда, языкознаніе приходитъ теперь къ убѣжденію, что признававшійся прежде порядокъ развитія языковъ изъ моносиллабической, какъ первоначальной, въ агглютинативную и затѣмъ въ флексіонную форму не согласуется съ дѣйствительностью, которая скорѣе заставляетъ видѣть исходную форму въ агглютинативныхъ языкахъ. Это избавляетъ насъ отъ противорѣчія, какимъ являлся прежде простой по своему строенію языкъ китайцевъ, народа съ самой древней самостоятельной культурой; въ настоящее время языкъ

ихъ оказывается упростившимся изъ болѣе сложной агглютинативной формы. Но тѣмъ не менѣе, языки одинаковаго строенія свойственны народамъ, настолько разнообразнымъ, что первые мало пригодны для классификаціи послѣднихъ. Такъ, распредѣленіе ихъ по языкамъ оказалось бы въ слѣдующемъ видѣ:

Агглютинативные яз. { Большинство негроидныхъ народовъ. / Всѣ монголы, татары и финны. / Малайцы и полинезійцы. / Нѣкоторые кавказскіе народы.

Полисинтетическіе: Большинство туземцевъ Америки.

Флексіонные: Большинство кавказскихъ народовъ.

Изолирующіе: Индо-китайскіе и тибетскіе народы.

Какъ мы видимъ, три послѣднія группы заключаютъ каждая лишь одинъ отдѣлъ человѣчества, а первая обнимаетъ весьма различные отдѣлы, или, точнѣе, представителей всѣхъ трехъ основныхъ расъ приведенныхъ выше антропологическихъ классификацій. Въ прежнее время, когда моносиллабическая форма признавалась вполнѣ самостоятельною, она считалась свойственною по преимуществу монгольской расѣ, агглютинативная — негрской и флексіонная — кавказской, но въ настоящее время приходится отказаться отъ такихъ лингвистическихъ и антропологическихъ совпаденій и признать, что языки, несмотря на свою устойчивость, не могутъ быть критеріумами генетической связи различныхъ человѣческихъ группъ.

Для систематическаго распредѣленія этихъ послѣднихъ мы не можемъ руководствоваться и общей культурностью, связанной съ образомъ жизни и господствующимъ родомъ занятій. Прежняя градація культурности въ видѣ перехода отъ охотничьей стадіи къ скотоводству и затѣмъ къ земледѣлію давно уже оставлена, во первыхъ, потому, что нѣкоторые народы переходили прямо отъ охоты къ земледѣлію, такъ какъ въ ихъ странѣ не было животныхъ, годныхъ къ прирученію (народы Америки), а другіе цѣлыя тысячелѣтія оставались скотоводами вслѣдствіе неудобства ихъ страны для земледѣлія, и во вторыхъ, потому, что одинъ и тотъ же народъ можетъ быть охотникомъ или рыболовомъ, скотоводомъ или земледѣльцемъ, смотря по мѣсту его обитанія (тунгусы, занимающіеся охотой и рыбной ловлей въ высокихъ широтахъ, оленеводствомъ нѣсколько южнѣе и земледѣліемъ въ бассейнѣ Амура). Нельзя сказать, что земледѣльцы всегда выше скотоводовъ по свой культурѣ: такъ, исконные земледѣльцы негры уступаютъ арабамъ, всегда занимавшимся скотоводствомъ. Кромѣ дѣленія по образу жизни, дѣлались еще попытки раздѣленія народовъ по ихъ культурности въ связи съ развитіемъ общественности. Самымъ употребительнымъ въ этомъ случаѣ является раздѣленіе на дикихъ или первобытныхъ и цивилизованныхъ или культурныхъ народовъ, причемъ къ первымъ причислялись охотники и рыболовы, а также и нѣкоторые скотоводы, а къ послѣднимъ — земледѣльцы. Уже изъ сказаннаго выше мы видимъ, что это дѣленіе не допускаетъ точныхъ, вполнѣ установленныхъ категорій, и поэтому, чтобы имѣть сколько нибудь научное значеніе, оно должно найти другіе признаки, кромѣ образа жизни. Морганъ предложилъ раздѣлить человѣчество на дикарей, варваровъ и цивилизованныхъ людей, и отличіемъ вторыхъ отъ послѣднихъ онъ считалъ обладаніе письмомъ, но какъ отличіе вторыхъ отъ первыхъ онъ ничего не могъ указать, кромѣ гончарнаго искусства, которое свойственно многимъ низшимъ дикарямъ и отсутствуетъ у высшихъ (полинезійцевъ) слѣдовательно, никакъ не можетъ служить критеріемъ большей или меньшей культурности. На самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ человѣчествѣ не качественныя, а лишь количественныя различія культуры, только различныя ступени ея: сущность ея вездѣ одна и та же — отыскиваніе наиболѣе легкихъ средствъ для удовлетворенія потребностей и желаній. Указывая это, Деникеръ соглашается съ Гроссе, что производство, являющееся результатомъ этихъ стремленій и основою всякаго соціальнаго развитія, находится въ зависимости отъ вліянія климата, географическаго положенія и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что характеръ и развитіе самихъ потребностей и желаній зависитъ до извѣстной степени отъ „темперамента“ расы, который также долженъ быть принятъ во вниманіе. Чтобы составить правильное понятіе о степени цивилизаціи какого-либо народа, мы должны имѣть въ виду не только его матеріальную культуру, но и его душевное состояніе или психологію, опредѣлить психическія средства, находящіяся въ его распоряженіи. Такъ, низко стоящіе австралійцы и бушмены одарены въ художественномъ отношеніи, а полинезійцы, не знавшіе глиняной посуды и металловъ, тѣмъ не менѣе, стояли гораздо выше негровъ, давно освоившихся съ гончарными и металлургическими искусствами. Поэтому Деникеръ предлагаетъ слѣдующую классификацію культурныхъ состояній:

1) Дикіе народы, прогрессирующіе чрезвычайно медленно, не знающіе письменности, обладающіе иногда такъ наз. образнымъ или піктографическимъ способомъ выраженія мыслей, живущіе небольшими группами въ нѣсколько сотъ или тысячъ человѣкъ. Они дѣлятся на двѣ категоріи: охотниковъ (въ томъ числѣ и рыболововъ, и собирателей плодовъ и кореньевъ), каковы, напр., бушмены, австралійцы и огнеземельцы, и земледѣльцевъ, каковы сѣверо-американскіе индѣйцы, меланезійцы и большинство негровъ.

2) Полуцивилизованные народы, прогрессирующіе замѣтно, но медленно, образующіе общества или государства съ преобладаніемъ консервативнаго характера, съ болѣе или менѣе твердой властью, въ нѣсколько тысячъ или милліоновъ лицъ, обладающіе идеографическимъ или фонетическимъ письмомъ, но весьма зачаточной литературой. Они

дѣлятся также на двѣ категоріи — земледѣльцевъ, каковы китайцы, сіамцы, абиссинцы, малайцы, древніе египтяне и перуанцы, и кочевниковъ, каковы монголы и арабы.

3) Цивилизованные народы, быстро прогрессирующіе, отличающіеся преобладаніемъ иниціативы и нововведеній, образующіе многомилліонныя государства и обладающіе фонетическимъ письмомъ и развитой литературой; ихъ экономическое состояніе характеризуется промышленностью и міровой торговлей. Къ нимъ принадлежитъ большинство народовъ Европы и Сѣв. Америки (Races of man, 124—127).

Хотя это дѣленіе представляется болѣе разработаннымъ, чѣмъ дѣленіе Моргана, но не трудно видѣть, что и оно можетъ повести къ разногласіямъ относительно отнесенія нѣкоторыхъ народовъ къ той или другой категоріи, не говоря уже о томъ, что большинство народовъ не развиваются самостоятельно въ культурномъ отношеніи, а усвоиваютъ чужія культуры такъ же, какъ и чужіе языки. Поэтому этнологія, не отказываясь отъ помощи лингвистики и соціологіи, должна принимать во вниманіе и географическое сродство, такъ какъ соціологическія различія часто являются лишь продуктомъ различій окружающей среды. На основаніи соединенныхъ лингвистическихъ, соціологическихъ и географическихъ данныхъ, Деникеръ устанавливаетъ слѣдующую этническую группировку человѣчества, раздѣляя каждую часть свѣта на большія лингвистическія или географическія области, обнимающія нѣсколько населеній или группъ населеній:

I. Европа съ двумя лингвистическими группами — арійской и неарійской, и географической, кавказской группой.

II. Азія съ шестью большими географическими областями — Сѣверной Азіей съ тремя группами населенія, енисейцами, палео-азіатцами и тунгусами, Центральной Азіей также съ тремя группами, тюркской, монгольской и тибетской, Восточной Азіей съ тремя „націями“, японской, корейской и китайской, Индо-Китаемъ, съ пятью этническими дѣленіями, коренными обитателями (негритосами и пр.), камбоджцами, бирманцами, аннамитами и народами Таи, Индіей, съ четырьмя лингвистическими подраздѣленіями, дравидами, колами, индо-арійцами и народами съ неклассифицированными языками (веддасами, сингалезами и пр.) и Передней Азіей съ двумя большими лингвистическими группами, иранской и семитической.

III. Африка съ тремя большими отдѣлами — лингвистическимъ на сѣверѣ, семито-хамитами и двумя этническими или даже соматологическими — неграми и бушменами-готтентотами.

IV. Океанія съ четырьмя рѣзко опредѣленными этническими областями — малайской, австралійской, меланезійской и полинезійской.

V. Америка съ тремя этнографическими группами въ Сѣверной Америкѣ — эскимосами, с.-американскими и мексиканскими и средне-американскими индѣйцами, и четырьмя географическими группами въ Южной Америкѣ — индійской, амазонской, восточно-бразильской и патагонской съ огнеземельцами. Къ этимъ группамъ должны быть присоединены ввезенные негры и потомки переселившихся англичанъ на сѣверѣ и испанцевъ и португальцевъ на югѣ.

Расы Европы.

Антропологія не довольствуется установленіемъ чертъ сходства и различія у обитателей разныхъ частей земли и распредѣленіемъ ихъ въ группы согласно этимъ сходствамъ или различіямъ. Признавая крайнее разнообразіе типовъ въ населеніи той или другой мѣстности, она ищетъ у нихъ отдѣльныхъ устойчивыхъ признаковъ, обладаніе которыми служило бы отличіемъ извѣстныхъ естественныхъ группъ. Эти признаки пріобрѣтаютъ еще бо́льшую цѣну въ ея глазахъ, когда встрѣчаются въ сочетаніи съ другими столь же постоянными наслѣдственными признаками. Путемъ такого выдѣленія признаковъ въ населеніи, въ которомъ они, повидимому, разбросаны безъ всякаго порядка, антропологіи удается установить особые типы, составляющіе какъ бы основные элементы населеній, независимо отъ принадлежности этихъ послѣднихъ къ тѣмъ или другимъ классификаціоннымъ группамъ. Нѣкоторые антропологи установленіе подобныхъ типовъ считаютъ самымъ насущнымъ дѣломъ науки о человѣкѣ и признаютъ прежнія расовыя дѣленія устарѣлыми и ненужными. Такой взглядъ высказываетъ, между прочимъ, польскій антропологъ Крживицкій, въ своей „Физической антропологіи“, появившейся недавно на русскомъ языкѣ, въ переводѣ г. Романько-Романовскаго. „Учебники обыкновенно указываютъ на существованіе кавказской, негрской и монгольской расы; нѣкоторые присоединяютъ къ нимъ еще малайскую расу. Современная антропологія рѣшительно отказалась отъ этихъ взглядовъ. Мы, напримѣръ, принадлежимъ будто бы къ кавказской расѣ. Но достаточно ограничиться наблюденіемъ населенія одной нашей страны, чтобы среди него отмѣтить различныя расы. Мы имѣемъ здѣсь и высокорослыхъ блондиновъ, долихоцефаловъ (длинноголовыхъ), и низкорослыхъ брюнетовъ, съ смуглымъ тонкимъ лицомъ и съ черными глазами, точно также долихоцефаловъ; мы встрѣчаемъ здѣсь и брюнетовъ другого типа, именно, брахицефаловъ (короткоголовыхъ) съ широкимъ лицомъ. — Это не разновидности одной и той же расы, но типы совершенно различные, изъ которыхъ каждый, при отсутствіи скрещиванія,

въ силу наслѣдственности передаетъ потомству свои особенности... Мало того, типы, вошедшіе въ составъ нашего населенія и смѣшавшіеся между собой, возникли въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Долихоцефалы-блондины, по всей вѣроятности, первоначально жили въ сѣверной Европѣ, и отсюда мало по малу распространились по всему материку; родиной долихоцефаловъ-брюнетовъ является зоо-географическое пространство, окружающее Средиземное море; брахицефалы пришли въ Европу изъ Ирана или Туркестана. Въ свое время, каждый изъ этихъ типовъ жилъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ ордами, у каждаго члена которыхъ, вѣроятно, рѣзко были выражены типичные расовые признаки. Скрещиваніе этихъ типовъ между собой наступило лишь впослѣдствіи. Гдѣ прежде видѣли однородную группу, тамъ современная наука обнаружила многочисленные разновидные типы. Поэтому мы говоримъ не о кавказской расѣ, но о р а с а х ъ. А такъ какъ это названіе „кавказскія расы“ вводитъ путаницу въ терминологію, вселяя предположеніе, что подъ этимъ общимъ названіемъ кроется единство происхожденія типовъ (что наукѣ неизвѣстно), то отказались отъ этого ярлычка, который не только не приносилъ никакой пользы, но давалъ поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Вслѣдствіе этого явились новые, болѣе точные термины, а именно: длинноголовый блондинъ (homo europaeus), средиземная раса (homo mediterranaeus), альпійская короткоголовая раса (homo alpinus)“. (Физическая антропологія“, стр. 10—11).

Столь же категорично высказывается по этому поводу Риплей, авторъ обширнаго сочиненія о „Расахъ Европы“, которымъ мы будемъ широко пользоваться въ этой статьѣ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ сводъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій по занимающему насъ вопросу, строго провѣренныхъ и приведенныхъ въ систему. „Ввиду указаній нашихъ учебниковъ географіи и исторіи, утвержденіе будто нѣтъ единой европейской или бѣлой человѣческой расы, можетъ показаться ересью, а между тѣмъ оно является истиной, ввиду существующихъ фактовъ. Со временъ Линнея, наука выдвигала единый типъ Homo Europaeus albus, какъ одну изъ четырехъ великихъ расъ человѣчества. Между тѣмъ, не существуетъ ни одной континентальной группы человѣческихъ существъ съ большими различіями или крайностями физическаго типа... Вмѣсто одного европейскаго типа, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства существованія, по крайней мѣрѣ, трехъ отдѣльныхъ расъ, изъ которыхъ каждая обладаетъ своей собственной исторіей и каждая внесла свою долю въ общій продуктъ ихъ, въ населеніе, какое мы видимъ въ настоящее время. Установивъ это, мы имѣетъ возможность отдѣлаться сразу отъ ходячихъ мнѣній объ арійцахъ и до-арійцахъ и въ особенности отъ такихъ названій, какъ „кавказская“ или „индо-германская“ раса. Предполагая, что предки нѣкоторыхъ народовъ Европы могли нѣкогда жить въ виду Каспійскаго моря или Гималаевъ, мы все-таки оставляемъ безъ вниманія двѣ трети европейскихъ расъ. Откладывая до другого времени обсужденіе событій въ исторіи этихъ расъ, мы должны прежде всего установить существованіе трехъ расовыхъ типовъ въ Европѣ“. (The Races of Europe, p. 103—104).

Первую изъ этихъ расъ, наиболѣе характерную для Европы, Риплей находитъ въ сѣверо-западной Европѣ и центръ ея распространенія видитъ въ Скандинавіи. Онъ называетъ ее т е в т о н с к о й и типическими особенностями ея считаетъ значительную длину головы, длинное овальное лицо и прямой орлиный носъ. Очертанія лица могутъ быть названы мягкими; скуловыя кости въ немъ мало выдаются. Узкій носъ и склонность къ высокому росту составляютъ постоянный признакъ этой расы, такъ же, какъ и склонность къ свѣтлой окраскѣ кожи и волосъ; глаза у нея голубые или свѣтло-сѣрые, а волосы льняного, темно-желтаго, красноватаго или песочнаго цвѣта. Таковы были, по описанію древнихъ, готы, норманы, саксы и родственные имъ народы. Второй расовый типъ неизмѣнно характеризуется формою головы — короткой и въ то же время широкой. Эта округлость головы сопровождается широкимъ лицомъ, толстымъ подбородкомъ и мясистымъ носомъ. Черепъ этой расы высокій, съ прямымъ, иногда какъ будто нависшимъ лбомъ, точно онъ былъ сдавленъ спереди и сзади и вытянутъ вверхъ. Ростъ этой расы — средній, приземистый и сложеніе кажется болѣе прочнымъ, чѣмъ легкимъ. Цвѣтъ волосъ и глазъ ея не совсѣмъ опредѣленный: глаза имѣютъ болѣе или менѣе сѣрый оттѣнокъ, а волосы чаще всего каштановаго цвѣта. Эту расу часто называли кельтской, но во избѣжаніе недоразумѣній и противорѣчій, связанныхъ съ этимъ именемъ, Риплей предлагаетъ оставить за ней названіе а л ь п і й с к о й, введенное Линнеемъ и возстановленное Лапужемъ. Названіе это кажется ему вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ центромъ этой расы слѣдуетъ признать Альпы и мѣстомъ распространенія ея, главнымъ образомъ, возвышенныя части западной Европы. Во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи и Албаніи она представляетъ по преимуществу горный типъ и становится менѣе чистой по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ Карпатъ въ равнины Европейской Россіи.

Третья раса, называемая обыкновенно с р е д и з е м н о й или іберійской, преобладаетъ къ югу отъ Пиренеевъ, по южному берегу Франціи и южной Италіи, вмѣстѣ съ Сициліей и Сардиніей. Она отличается длинной формой головы, овальнымъ лицомъ и выступающимъ затылкомъ. Волосы и глаза у нея очень темные, почти черные, сложеніе болѣе легкое и стройное, чѣмъ у альпійской расы. Относительно роста мы замѣчаемъ въ ней двѣ разновидности — весьма малорослую къ сѣверу отъ Средиземнаго моря и достаточно рослую къ югу отъ него, у африканскихъ берберовъ.

Какъ характеристики, такъ и названія типовъ Риплея не новы въ наукѣ. Еще Линней отличалъ два основные типа въ населеніи Европы — европейскаго человѣка (Homo

europaeus) и альпійскаго (H. alpinus). У перваго онъ отмѣчалъ бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлые волосы и голубые глаза, а у послѣдняго — малый ростъ. Французскіе антропологи давно уже занимаются анализомъ типовъ европейскихъ населеній и выдѣляли среди нихъ бѣлокурые и черноволосые типы, съ длинной и короткой головой и болѣе или менѣе высокимъ ростомъ. Изъ нихъ, въ особенности, Лапужъ посвятилъ много труда на опредѣленіе этихъ типовъ не только съ физической, но и съ нравственной стороны. Пользуясь терминологіей Линнея, онъ указывалъ существованіе въ сѣверной Европѣ „европейскаго человѣка“, съ среднимъ ростомъ у мужчины въ 1,70 м., достигающій наибольшей величины въ Скандинавіи и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣв. Америки. Головной указатель его на живомъ — 72—76, на черепѣ, 70—74, т. е. длинноголовый. Признаки другого, альпійскаго типа, по Лапужу, — средній ростъ взрослаго мужчины, 1 м. 60—1 м. 65; средній головной указатель у живого 85—86, на черепѣ, 84—85, т. е. свойственный короткоголовому типу. Сложеніе „альпійскаго человѣка“ приземистое и окрашиваніе кожи, волосъ и глазъ темное. Лапужъ приводитъ и третій типъ, „средиземный“, придавая ему меньшее значеніе, какъ элементу европейскаго населенія, въ сравненіи съ предыдущими. Этотъ типъ отличается малымъ ростомъ, черепнымъ указателемъ 74 или 78 и нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ формъ лица и черепа, какъ будто та и другая сплющены спереди и сзади. Въ этомъ типѣ Лапужъ видѣлъ пигмеевъ, родственныхъ малорослымъ народамъ средней Африки и азіатскимъ негритосамъ, и связывалъ его съ обитателями французскихъ пещеръ конца неолитической эпохи.

Мы не послѣдуемъ за Лапужемъ въ его характеристикахъ нравственныхъ качествъ двухъ первыхъ или главныхъ типовъ, такъ какъ эти характеристики вызвали множество основательныхъ возраженій, и мы касаемся здѣсь лишь физической стороны вопроса о составныхъ элементахъ европейскаго населенія. Скажемъ только, что Лапужъ центромъ распространенія европейскаго населенія считаетъ берега Нѣмецкаго моря, находитъ его въ наиболѣе чистомъ видѣ на Британскихъ островахъ и, въ видѣ господствующаго элемента населенія, въ приморской Бельгіи, Голландіи, въ областяхъ Германіи, прилегающихъ къ Нѣмецкому и Балтійскому морямъ, и въ Скандинавіи. Въ чистомъ видѣ онъ встрѣчается и въ Исландіи, и преобладаетъ въ Соединенныхъ штатахъ, Канадѣ и Австраліи, куда проникъ въ новѣйшее время путемъ иммиграціи. Во Франціи и въ остальной части Германіи онъ имѣетъ значеніе второстепеннаго, но все таки весьма важнаго элемента въ населеніи равнинъ, но рѣдко поднимается выше 100 метровъ. По мнѣнію Лапужа, H. europaeus рѣдко попадается въ Европѣ внѣ указанныхъ областей; за ихъ предѣлами онъ нигдѣ не встрѣчается въ народныхъ группахъ, но лишь въ смѣшанныхъ формахъ. Нѣкогда, какъ думаетъ Лапужъ, область распространенія его была обширнѣе: она покрывала всю Европу, сѣверную Африку и Малую Азію; нѣкоторыя племена его, арійцы, за нѣсколько вѣковъ до нашей эры, проникали въ Персію и Индію Колыбелью европейскаго человѣка, по Лапужу, была область, покрытая въ настоящее время Нѣмецкимъ моремъ, и отчасти Британскій архипелагъ и Скандинавія. Происхожденіе его онъ приписываетъ вліянію морского климата, сырого, облачнаго и умѣреннаго, обезцвѣчивавшаго наружныя ткани, волоса и радужную оболочку глаза. Къ этому типу принадлежали завоеватели Египта отъ XV до XII вѣка, а также ливійцы, этруски, греки, галлы, германцы, славяне, готы и всѣ другіе великіе историческіе народы Европы. H. Europaeus часто описывается подъ названіемъ индо-германской или индо-европейской расы, а также бѣлокурой и длинноголовой арійской и кимрійской. Онъ, дѣйствительно, игралъ главную, быть можетъ, исключительную роль у народовъ, создавшихъ и распространившихъ индо-европейскую цивилизацію.

Типъ „альпійскаго человѣка“ Лапужъ считаетъ результатомъ скрещиванія и, быть можетъ, многократнаго; въ основѣ его, по мнѣнію названнаго ученаго, лежитъ средиземный типъ, который онъ называетъ также Acrogonus. За исключеніемъ Испаніи, южной Италіи и острововъ, H. alpinus распространенъ въ обширной области отъ Атлантическаго океана до Каспійскато моря и до Евфрата. Противоположно H. europaeus, онъ преобладаетъ на возвышенностяхъ, выше 200 метровъ и на равнинѣ встрѣчается только въ Польшѣ и нѣкоторыхъ сосѣдняхъ мѣстностяхъ. Лапужъ, признавая и физическое, и нравственное превосходство европейскаго человѣка надъ альпійскимъ, полагаетъ, что послѣдній держался возвышенныхъ мѣстъ потому только, что первый пренебрегалъ такими мѣстностями, какъ менѣе удобными для поселенія. Но какъ только населеніе типа европейскаго человѣка рѣдѣло, альпійскій человѣкъ замѣщалъ его, какъ это и случилось въ Польшѣ. За исключеніемъ населеній Италіи и Испаніи, большинство населеній Европы состоитъ изъ смѣшеній всѣхъ степеней между европейскимъ и альпійскимъ человѣкомъ, при чемъ большинство метисовъ болѣе приближаются къ послѣднему. Первымъ результатомъ скрещиванія съ H. alpinus является укороченіе черепа. Синонимами альпійскаго человѣка считаются термины кельто-славяне и туранцы, но въ этомъ сопоставленіи кроется много противорѣчій. Нынѣшняя короткоголовость славянъ зависитъ отъ смѣшенія ихъ съ короткоголовымъ элементомъ, а сами по себѣ историческіе славяне были собратья германцевъ, не имѣвшіе ничего общаго съ нынѣшнимъ Homo alpinus. То же можно сказать и о кельтахъ: на Британскихъ островахъ остатки кельтскихъ народовъ длинноголовы, такъ же, какъ остатки кимрійскихъ народовъ и англосаксовъ. Немногіе черепа галловъ изъ страны кельтовъ, какъ ее описывалъ Юлій Цезарь, могутъ считаться прекрасными образцами Homo europaeus.

Брокà называлъ средиземной расой малорослыхъ, темноволосыхъ долихоцефаловъ, распространенныхъ по всѣмъ берегамъ западнаго бассейна Средиземнаго моря, на остро-

вахъ его, въ южной Италіи и на сѣверѣ Африки. Онъ причислялъ къ этой расѣ длинноголовыя и малорослыя населенія неолитическои эпохи. По мнѣнію Лапужа, мы должны признать нынѣ существующій средиземный типъ длинноголовыхъ брюнетовъ, не задаваясь вопросами о его происхожденіи, — является-ли онъ остаткомъ того вида, насчетъ котораго развился Homo europaeus, или продуктъ параллельнаго развитія, или-же результатъ скрещиванія съ неграми (H. Afer). Описываемый типъ представляетъ такое разнообразіе формъ и роста, что его нельзя считать однороднымъ, принимая даже во вниманіе измѣнчивость и склонность къ созданію новыхъ формъ и типовъ. Онъ рѣдко встрѣчается въ средней и сѣверной Европѣ, за исключеніемъ странъ, гдѣ попадаются колоніи морисковъ, или испанскихъ евреевъ, и въ космополитическихъ городахъ. Въ смѣшеніи съ этимъ типомъ въ Испаніи и сѣверной Африкѣ попадаются представители доисторической кро-маньонской расы. (G. Vacher de Lapouge, „Les sélections sociales“, p. 10—27).

Деникеръ, о которомъ мы много разъ упоминали въ нашемъ первомъ дополненіи и пользовались тамъ его работами, видитъ въ Европѣ нѣсколько большее число расъ, а именно, двѣ свѣтловолосыхъ и четыре темноволосыхъ. Изъ двухъ первыхъ одной онъ приписываетъ признаки длинноголовости и очень высокаго роста и называетъ ее „сѣверной“, а другой — подкороткоголовость и сравнительно небольшой ростъ и называетъ ее „восточной“. Изъ четырехъ темноволосыхъ расъ двѣ низкорослы, и изъ нихъ одна (иберо-островная) отличается длинноголовостью, а другая (севенольская или западная) — короткоголовостью, и двѣ — высокорослыя, изъ которыхъ одна поддлинноголовая (прибрежная), а другая короткоголовая (адріатическая).

Первая изъ названныхъ расъ, сѣверная, отличается, какъ было уже упомянуто, свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, волосъ и глазъ, очень высокимъ ростомъ и длинноголовостью; названіе ея („сѣверная“) оправдывается тѣмъ, что представители ея живутъ почти исключительно на сѣверѣ Европы. Признаки ея — очень высокій ростъ (1,73 метра въ среднемъ), свѣтлые, иногда красноватые, волнистые волосы, свѣтлые глаза, по большей части, голубые, удлиненная, долихоцефалическая голова (головной указатель на живомъ 76—79), бѣлая кожа, удлиненное лицо, выступающій прямой носъ. Раса этого типа въ чистомъ или слегка измѣненномъ видѣ обитаетъ въ Швеціи, Даніи, Норвегіи (за исключеніемъ западнаго берега), на сѣверѣ Шотландіи, на восточномъ берегу и на сѣверѣ Англіи, въ Ирландіи (кромѣ сѣверо-запада), на сѣверныхъ Фарерскихъ островахъ, въ Голландіи (къ сѣверу отъ Рейна), въ Фрисландіи, въ Ольденбургѣ, въ Шлезвигъ-Гольштиніи, въ Мекленбургѣ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи и среди тавастовъ въ Финляндіи. Эта раса соотвѣтствуетъ кимрійской расѣ Брока, германской расѣ („расѣ рядовыхъ могилъ“) германскихъ ученыхъ и Homo europaeus Лапужа. Къ ней относится вторичная раса, бѣлокурая, среднеголовая и рослая, называемая „подсѣверной“, съ угловатымъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и прямыми волосами; она встрѣчается въ особенности въ сѣверной Германіи, среди леттолитовцевъ, въ Финляндіи и на западномъ берегу Норвегіи.

Бѣлокурая, подкороткоголовая, низкорослая или „восточная“ раса называется такъ потому, что она сгруппирована преимущественно на востокѣ Европы. Главные признаки ея — средній ростъ (1,63—1,64 метра), головной указатель 82—83 у живого, прямые свѣтло-желтые или льняные волосы, квадратное лицо, носъ часто вздернутый, голубые или сѣрые глаза. Представителями этой расы являются бѣлоруссы, полѣщуки Пинскихъ болотъ и нѣкоторые литвины. Въ смѣшеніи съ другими этотъ типъ часто попадается среди великоруссовъ сѣверной и средней Россіи, а также въ Финляндіи и восточной Пруссіи. Къ этой расѣ можетъ быть причислена бѣлокурая, среднеголовая и низкорослая („привислянская“ раса), признаки которой часто можно видѣть у поляковъ, кашубовъ и, вѣроятно, въ населеніи Саксоніи и Силезіи.

Темноволосая, длинноголовая, низкорослая раса, называемая „иберо-островной“ носитъ это имя потому, что встрѣчается преимущественно на Иберійскомъ полуостровѣ и на островахъ западной части Средиземнаго моря. Главные признаки ея — средній ростъ (1,61—1,62 м.), головной указатель 73—76 на живомъ, черные, часто курчавые волосы, очень темные глаза, смуглая кожа, прямой или вздернутый носъ. Отчасти она соотвѣтствуетъ средиземной расѣ Серджи или той же расѣ Риплея и Лапужа.

Темноволосая, очень короткоголовая, низкорослая раса носитъ названіе „западной“ или „севенольской“, вслѣдствіе нахожденія наиболѣе характерныхъ типовъ ея на западѣ Европы — въ Севеннахъ, на центральномъ плоскогорьи Франціи и въ западныхъ Альпахъ. Съ немногими измѣненіями она встрѣчается въ Бретани (за исключеніемъ Морбигана), въ Пуату, Креси, въ средней долинѣ По, въ Умбріи, въ извѣстной части Тосканы, въ Трансильваніи и, вѣроятно, въ средней Венгріи. Въ различныхъ смѣшеніяхъ ее можно найти во многихъ мѣстахъ Европы, отъ бассейна средней Луары до бассейна Днѣпра. Эта раса тождественна съ Homo alpinus, какъ называютъ ее одни ученые, и съ кельтской или ретійской расой, а также кельтославянской, лигурійской или кельто-лигурійской расой другихъ авторовъ. Характерные признаки ея — головной указатель на живомъ 85—87, средній ростъ 1,63 — 1,64 м., каштановые или черные волосы, свѣтло- или темно-каріе глаза, круглое лицо и коренастое сложеніе.

Темная, среднеголовая, рослая раса, называемая „прибрежной“ или „атланто-средиземной, встрѣчается въ чистомъ или смѣшанномъ состояніи вдоль береговъ Средиземнаго моря, отъ Гибралтара до устьевъ Тибра, и въ различныхъ мѣстахъ Атлантическаго берега отъ Гибралтарскаго пролива до устья Гвадалквивира, у Бискайскаго залива, въ

нижней долинѣ Луары и пр. Признаки ея — головной указатель на живомъ 79—80, ростъ —1,66 метр. и очень густое окрашиванье волосъ и глазъ. Она соотвѣтствуетъ кро-маньонской расѣ нѣкоторыхъ авторовъ. Возможно, что къ этой расѣ принадлежитъ вторичная, такъ называемая сѣверо-западная раса — рослая, поддлинноголовая, съ каштановыми волосами. Мѣстообитаніемъ ея служитъ, главнымъ образомъ, сѣверо-западъ Ирландіи, Уэльсъ и восточная часть Бельгіи.

Темная, короткоголовая, рослая раса, называемая „адріатической“ или „динарской“, встрѣчается въ наиболѣе чистомъ видѣ на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря и въ особенности въ Босніи, Далмаціи и Кроаціи. Ее можно найти также въ Румыніи и Венеціи, среди славянъ, тирольскихъ ладиновъ, швейцарскихъ романшей и въ населеніяхъ мѣстности, идущей изъ Ліона къ Люттиху. Повсемѣстно адріатическая раса выступаетъ со своими существенными признаками — ростомъ 1,68—1,72 мет., головнымъ указателемъ 85—86, темными или черными волнистыми волосами, темными глазами, вытянутыми лицами, тонкими прямыми или вытянутыми носами и слегка смуглой кожей. Тѣ же признаки въ нѣсколько смягченномъ видѣ мы можемъ найти среди населеній нижней долины По, сѣверо-западной Богеміи, въ Эльзасѣ, въ среднемъ бассейнѣ Луары, среди поляковъ и руссиновъ, живущихъ въ высокихъ мѣстностяхъ Карпатскихъ горъ, и, наконецъ, среди малороссовъ, а, быть можетъ, и среди албанцевъ и обитателей Сербіи. Съ этой расой мы можемъ связать вторичную, не столь рослую (средній ростъ 1,66 мет.), менѣе короткоголовую (средній головной указатель 82—85) и съ болѣе свѣтлыми волосами и глазами. Эту расу мы находимъ въ Шампани, Эльзасѣ и Лотарингіи, Зеландіи, Рейнскихъ провинціяхъ и Баваріи, на юго-востокѣ Богеміи, въ германской Австріи, въ среднихъ округахъ Тироля и части Ломбардіи и Венеціи (I. Deniker, „The races of man“, p. 325—334).

Въ своей брошюрѣ „Les races de l'Europe“, посвященной головнымъ указателямъ европейскаго населенія, тотъ же авторъ признаетъ четыре рѣзко разграниченныя области головныхъ указателей — область длинноголовыхъ, съ включеніемъ среднеголовыхъ, на сѣверѣ, область еще большей длинноголовости на югѣ, область крайней короткоголовости въ срединѣ западной Европы и область подкороткоголовости на востокѣ материка. Первая изъ этихъ областей обнимаетъ Британскіе острова, Скандинавію, побережье Ламанша и Нѣмецкаго моря и всю прибрежную часть Балтійскаго моря. Это — область сѣверныхъ долихоцефаловъ (головной указатель 76—79 на живомъ); эти длинноголовые своимъ высокимъ ростомъ и свѣтлой окраской кожи и волосъ отличаются отъ южныхъ длинноголовыхъ, занимающихъ Иберійскій полуостровъ, югъ Италіи, острова западной части Средиземнаго моря и попадающихся въ отдѣльныхъ мѣстахъ въ Аквитаніи, на побережьѣ Львинаго (Ліонскаго) залива и Лигурійскаго моря, а также въ Греціи, въ долинѣ нижняго Дуная (въ Болгаріи и Румыніи) и почти во всемъ Закавказьѣ. Въ этой области головной указатель 73—78, окраска темная и ростъ невысокій. Третья область (крайне-короткоголовыхъ, съ головнымъ указателемъ 84—88) представляется на картѣ огромнымъ треугольникомъ, съ вершиной нѣсколько усѣченной, опирающейся въ страну басковъ, и съ основаніемъ между Тюрингенскими горами на сѣверѣ (близъ Эрфурта) и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Апеннины всего ближе подходятъ къ Адріатическому морю на югѣ (близъ Анконы). Четвертую область составляетъ Россія, вмѣстѣ съ Закарпатской Галиціей, за исключеніемъ побережья Балтійскаго моря и Кавказа, гдѣ, какъ можно судить по даннымъ еще весьма недостаточнымъ, обитаютъ почти исключительно суббрахицефалы (съ указателемъ 82—83) На востокѣ и на сѣверо-востокѣ Россіи живетъ нѣсколько племенъ, финскихъ или тюркскихъ по языку (черемисы, вогулы, остяки, чуваши, мещеряки и пр.), болѣе или менѣе длинноголовыхъ, а на югѣ этой страны, среди киргизовъ и на побережьѣ Каспійскаго моря, гдѣ сидятъ различныя тюркскія и лезгинскія племена, опять замѣчается крайняя короткоголовость. Таковы четыре области, заключающія представителей извѣстныхъ головныхъ указателей, но другіе физическіе признаки даютъ возможность путемъ ихъ сочетанія установить, по мнѣнію автора, 6 главныхъ и 4 вторичныхъ расы, т. е. тѣ-же, какія мы привели выше (J. Deniker. „R. de l'Eur.“, I, L'indice céphalique en Europe, pp. 97—99).

Риплей приводитъ слѣдующее возраженіе противъ числа расъ, устанавливаемыхъ Деникеромъ, противуположно его болѣе простому тройному дѣленію, въ которомъ онъ сходится съ такими антропологами, какъ Брока, Колиньонъ, Топинаръ, Ливи и Беддо. Деникеръ отступаетъ отъ этихъ антропологовъ, комбинируя три группы отдѣльныхъ физическихъ чертъ въ шесть главныхъ расъ и четыре подрасы. Двѣ изъ его комбинацій могутъ быть приняты всѣми: это — сѣверный типъ, соотвѣтствующій тевтонскому, и западный или севенольскій, совпадающій съ кельтскимъ или альпійскимъ. За нимъ должна оставаться заслуга удачнаго наименованія (адріатическаго или динарскаго типа) рослой разновидности короткоголоваго населенія сѣверо-западной части Балканскаго полуострова. Но остальные типы его — простыя подраздѣленія трехъ классическихъ расъ. Въ дѣйствительности, схема Деникера вовсе не есть классификація расъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ принимается антропологами, а скорѣе — классификація существующихъ разновидностей. Въ его схемѣ, прежде всего, нѣтъ единства: Италія раздѣлена у него на пять отдѣльныхъ расъ, Норвегія — на четыре, не считая лопарей. Карта его даетъ живую картину населенія Европы въ его настоящемъ видѣ со всѣми осложненіями, противорѣчіями и аномаліями, но она не даетъ никакого ключа къ взаимнымъ отношеніямъ различныхъ частей, никакой идеи о возможномъ происхожденіи ихъ. Кромѣ того, его дѣленіе на „расы“ нѣсколько произвольно, даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ видѣть въ нихъ

лишь „существующіе типы“. Такъ, въ Испаніи онъ указываетъ иберо-островную и атланто-средиземную расы, сходныя по формѣ головы и окраскѣ и различающіяся только ростомъ, но такъ мало, что ростъ ниже 1,65 м. заставляетъ относить представителей его къ иберо-островной расѣ, а ростъ хотя немного выше, — къ атланто-средиземной. Не проще ли было бы предположить, что двѣ эти расы представляютъ простыя разновидности одной средиземной расы? Также легко его привислянская раса можетъ быть слита съ „восточной“. Этимъ число его расъ понижается до восьми. Если мы соединимъ его сѣверную и подсѣверную, адріатическую и подадріатическую расы, то мы легко дойдемъ до трехъ или до трехъ съ половиной, существованіе которыхъ признается большинствомъ антропологическихъ авторитетовъ.

Въ отношеніи представительства трехъ типовъ европейскаго населенія, признаваемыхъ антропологами, особенный интересъ имѣетъ для насъ Франція, такъ какъ въ ней мы находимъ всѣ эти три типа въ такой раздѣльности, что мѣстообитаніе ихъ легко различается на картѣ головныхъ указателей, составленной Колиньономъ и Гузе. Длинноголовый тевтонскій типъ можно прослѣдить отъ Фландріи до Бордо. Другая полоса длинноголоваго населенія, принадлежащая къ средиземному типу, окаймляетъ берегъ Средиземнаго моря и отчасти проникаетъ въ долину Роны. Эти двѣ области длинноголовыхъ населеній какъ будто стремятся къ сліянію къ югу отъ Ліона и раздѣляютъ, такимъ образомъ, области альпійскаго расоваго типа на два отдѣла. Одинъ изъ этихъ центровъ находится въ альпійскихъ возвышенностяхъ, выдвигаясь къ сѣверу, а другой — въ Оверни, простираясь къ испанской границѣ на юго-западѣ. Такимъ образомъ, длинноголовыя населенія мы можемъ прослѣдить въ открытыхъ мѣстностяхъ и въ рѣчныхъ долинахъ; альпійскій коротко-головый типъ, съ другой стороны, повсюду скученъ въ изолированныхъ областяхъ, непривлекательныхъ въ экономическомъ отношеніи. Этими областями являются Савойя, Овернь и Бретань. Короткоголовое альпійское племя выступаетъ отъ возвышенностей въ Оверни къ юго-западу отъ основанія Пиреней, перерѣзывая плодородныя долины Гаронны и вдаваясь въ болотистую часть Ландъ. Другими словами, мы находимъ на сѣверо-западѣ короткоголовость въ Бретани, полосу длинноголовости отъ Парижа до Бордо, а къ югу отъ этой послѣдней полосу альпійскаго типа до крайняго юго-запада. И среди этой коротко-головости мы неожиданно наталкиваемся на небольшую область длинноголовыхъ, выступающую здѣсь на подобіе острова. Она сосредоточивается около двухъ центровъ — Лиможа и Перигё. Послѣдняя область больше первой и доходитъ до Ангулема. Эти области раздѣляются между собой естественной границей, такъ называемыми „холмами Лимузена“, которые въ то же время служатъ границей между двумя антропологическими типами. Къ сѣверу и къ востоку около Лиможа признаки бѣлокураго племени пріобрѣтаютъ рѣшительное преобладаніе, въ особенности среди женщинъ; въ противоположномъ направленіи около Перигё пропорція брюнетовъ значительно возростаетъ. Въ первомъ изъ названныхъ населеній мы замѣчаемъ видную примѣсь тевтонской крови; сюда проникъ съ сѣверо-востока передовой отрядъ германскихъ завоевателей, и этимъ объясняется длинноголовость населенія. Не такъ легко рѣшить — какого происхожденія обитатели области Перигё. Они не могутъ быть потомками тевтоновъ, потому что процентъ черноволосыхъ среди нихъ больше, чѣмъ въ Испаніи и Италіи. Кромѣ того, они отличаются сочетаніемъ во многихъ случаяхъ длинной головы съ короткимъ лицомъ, что несвойственно тевтонскому типу. Всѣ попытки пріурочить этотъ темноволосый, длинноголовый типъ къ извѣстнымъ намъ типамъ южной Европы и даже сѣверной Африки не привели къ положительнымъ результатамъ, и антропологамъ остается только одинъ исходъ для объясненія происхожденія этой оригинальной расы — признать ее потомками доисторической кроманьонской расы, обитавшей на юго-западѣ Европы. Это предположеніе пріобрѣтаетъ большую достовѣрность, когда мы, сравнивая кро-маньонскіе черепа съ новѣйшими, убѣждаемся, что тѣ и другіе выказываютъ одинаковую длинноголовость и негармоничность. Кро-маньонскій типъ въ тѣ времена былъ распространенъ довольно широко; къ нему относятъ знаменитый черепъ, найденный въ Энгисѣ въ Бельгіи, и онъ встрѣчался на протяженіи отъ Эльзаса до Атлантическаго океана. Антропологи отождествляютъ съ нимъ угасшихъ гуанчей Канарскихъ острововъ и нѣкоторыя населенія сѣверной Африки. Сохраненіе его въ указанной мѣстности Франціи легко объясняется изолированностью ея положенія. Замѣчательную противоположность антропологическихъ типовъ населенія мы видимъ на сѣверѣ Франціи, въ двухъ сосѣднихъ провинціяхъ — Бретани и Нормандіи. Мы уже отмѣтили Бретань, какъ одну изъ трехъ областей изолированья, содержащихъ короткоголовый типъ. Хотя приморская полоса Бретани служила мѣстомъ распространенія различныхъ пришлыхъ типовъ, по преимуществу длинноголовыхъ, но это обстоятельство тѣмъ болѣе рѣзко установило различія населенія прибрежной и внутренней части страны. Во внутреннихъ деревняхъ мы видимъ нѣсколько смѣшанный, но достаточно характерный альпійскій типъ, съ круглымъ лицомъ, вогнутымъ носомъ и широкими ноздрями. Онъ рѣзко отличается отъ берегового типа съ длинной головой, свѣтлой окраской и болѣе высокимъ ростомъ, который въ то же время представляетъ собою типъ обитателей Нормандіи. Эта послѣдняя является одной изъ самыхъ бѣлокурыхъ областей Европы, съ несомнѣнно тевтонскимъ типомъ, длинноголовыхъ, съ высокимъ и тонкимъ носомъ.

Населеніе сѣверо-западной трети Франціи и половины Бельгіи заключаетъ въ настоящее время болѣе тевтонскаго элемента, чѣмъ южная Германія. Это не должно удивлять насъ, если мы примемъ во вниманіе почти непрерывное проникновеніе туда тевтоновъ въ теченіе всего историческаго періода — готовъ, франковъ, бургундовъ и пр.

Въ Бельгіи, лежащей на сѣверо-западномъ краѣ Арденнъ, населенныхъ альпійскимъ типомъ, также выступаетъ рѣзкій контрастъ между населеніемъ возвышенной и низменной частей страны, совпадающій и съ различіемъ языка фламандскаго и валлонскаго населеній. Валлоны, занимающіе возвышенную часть страны, болѣе короткоголовы, чѣмъ фламандцы, которымъ принадлежитъ низменная часть; первые въ то же время и ниже ростомъ. Бельгія, такимъ образомъ, рѣзко дѣлится на двѣ половины въ топографическомъ и въ этнографическомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ лингвистическомъ и бытовомъ. Валлонское населеніе въ его гористой и лѣсистой странѣ оказалось оплотомъ, о который разбивалась волна германскаго нашествія, разливавшаяся безпрепятственно по Фландріи и Эльзасу и проникшая въ Нормандію и Лотарингію.

Мы уже говорили, что тевтонская раса, въ ея наибольшей чистотѣ, находится въ Скандинавіи. Однако, населеніе Скандинавіи не является исключительно тевтонскимъ. Вдоль всего океаническаго берега, за исключеніемъ окрестностей Бергена и юго-восточнаго берега, замѣчается склонность къ преобладанію короткоголовости. Въ этой области, несмотря на чисто тевтонскій характеръ главной массы населенія Норвегіи, замѣчается несомнѣнное средство съ альпійскимъ типомъ; средній головной указатель здѣсь часто превышаетъ 83 и въ изолированныхъ мѣстностяхъ доходитъ до крайней короткоголовости, которая рѣдко встрѣчается даже въ средней Европѣ. Въ то же время это прибрежное населеніе Норвегіи имѣетъ болѣе темную окраску сравнительно съ чистымъ тевтонскимъ населеніемъ внутренней страны. При этомъ было отмѣчено, что темной окраской отличаются именно короткоголовые индивидуумы. Темная окраска и короткоголовость соединяются и съ болѣе низкимъ ростомъ. Этотъ альпійскій типъ могъ попасть въ Норвегію только изъ средней Европы, черезъ Данію, гдѣ живетъ сходный съ нимъ типъ. Названный полуостровъ оказывается въ дѣйствительности менѣе тевтонскимъ, чѣмъ Шлезвигъ-Гольштинія. Быть можетъ, вторженіе альпійскаго типа въ Данію совпадаетъ съ его распространеніемъ, которое захватило и Британскіе острова. Эта раса оставила свои слѣды и въ Голландіи, и мы можемъ, такимъ образомъ, прослѣдить весь ходъ ея переселенія къ сѣверу. Исторія заселенія Скандинавіи говоритъ о направленіи его съ двухъ сторонъ — изъ Швеціи и съ юга изъ Даніи. Этотъ послѣдній типъ, встрѣчающійся теперь лишь на морскомъ берегу, въ наименѣе заманчивой части страны, былъ оттѣсненъ тевтонами, переселившимися изъ Швеціи. Въ Швеціи мы можемъ предполагать болѣе однородный расовый составъ, чѣмъ въ Норвегіи, хотя, быть можетъ, Готландъ не избѣгъ примѣси короткоголоваго населенія Даніи. Во всякомъ случаѣ мы можемъ считать Балтійское море центромъ распространенія тевтонской расы, такъ какъ находимъ ее и на противоположномъ берегу, въ Финляндіи и Литвѣ.

Въ Германіи, на сѣверныхъ склонахъ главнаго европейскаго водораздѣла, мы встрѣчаемъ многочисленную націю, составныя части которой имѣютъ различное физическое происхожденіе. Сѣверо-западная Германія — Ганноверъ, Шлезвигъ-Гольштинія и Вестфалія — несомнѣнно родственны физическому типу шведовъ, норвежцевъ и датчанъ. Вся остальная часть имперіи, даже не исключая Пруссіи къ востоку отъ Эльбы, имѣетъ уже менѣе тевтонскій типъ, и подъ конецъ этотъ типъ совершенно исчезаетъ въ настоящихъ альпійскихъ короткоголовыхъ населеніяхъ Бадена, Виртемберга и Баваріи. Если мы направимся изъ сѣверо-западнаго угла имперіи въ сторону Даніи, мы замѣтимъ постепенное расширеніе головъ. Такъ, отъ головной формы, тождественной съ скандинавскою, мы переходимъ на югѣ къ формѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ швейцарскаго, австрійскаго и другихъ альпійскихъ типовъ во Франціи и сѣверной Италіи. Вслѣдъ за длинноголовымъ и бѣлокурымъ мы находимъ смѣшанный типъ, еще сохраняющій свѣтлую окраску глазъ, но имѣющій уже темные волосы. Эта разновидность встрѣчается вдоль всей раздѣльной линіи между горной страной и равниной и можетъ назваться коренной въ Тюрингіи и Гессенѣ. Чистая, несмѣшанная альпійская раса выражена въ плоскогорьяхъ Баваріи и Виртемберга, въ Шварцвальдѣ, въ Рауэ-Альпъ и въ Тюрингенскомъ лѣсѣ. Достойно вниманія, что головы расширяются не только отъ границы Даніи къ югу, но и къ востоку. Это расширеніе захватываетъ Пруссію и говоритъ противъ чистоты прусской крови. Мы въ особенности этого можемъ ожидать въ восточныхъ провинціяхъ Познани и Силезіи, которыя сохранили еще свои славянскія нарѣчія. Но и Бранденбургъ, окружающій Берлинъ, выказываетъ признаки смѣшенія съ короткоголовой альпійской расой. Германія на востокѣ незамѣтно сливается съ Силезіей и польскими губерніями Россіи. Ширина головы здѣсь понемногу поднимается до 83. Области свѣтлой окраски и длинноголовости являются въ то же время областями высокаго роста. Средній ростъ въ Германіи рѣдко бываетъ меньше 5 ф. 5 дм. Мѣстныя измѣненія здѣсь встрѣчаются какъ и повсюду; жизнь въ скученныхъ городахъ понижаетъ ростъ, а довольство повышаетъ его; но при всѣхъ различіяхъ высокій ростъ тевтоновъ замѣчается вездѣ, гдѣ они проникали въ мѣстности, населенныя низкорослой альпійской расой. Наиболѣе тевтонская страна Германіи Шлезвигъ представляетъ средній ростъ около 5 ф. 6½ дм. (1,69 метр.), а баварцы въ общемъ на 2 дм. меньше (1,63 метр.). Рейнъ, служившій путемъ вторженія тевтоновъ, представляетъ рослое населеніе на юго-западѣ, въ особенности въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Австрія въ собственномъ смыслѣ вмѣстѣ съ Зальцбургской провинціей образуетъ изолированный выступъ тевтонскихъ расовыхъ признаковъ, окруженный съ трехъ сторонъ населеніями чуждаго языка и весьма различныхъ физическихъ признаковъ. Мы будемъ говорить о нихъ, когда коснемся славянъ, среди которыхъ они живутъ, но здѣсь мы ука-

жемъ только сходство между баварцами и австрійскими нѣмцами. Тѣ и другіе — германизированные члены альпійской расы; послѣдней они обязаны своей короткоголовостью, а своимъ высокимъ ростомъ, которымъ они превышаютъ славянъ и венгерцевъ, и свѣтлой окраской — тевтонскому элементу. Между ними замѣчается та же негармоничность головы и лица, какъ у баварцевъ. Смягчающій тевтонскій элементъ въ настоящее время замѣчается преимущественно въ свѣтлой окраскѣ глазъ, такъ какъ волосы имѣютъ чаще темный оттѣнокъ.

Когда тевтонскія племена направились съ цѣлью завоеванія и колонизаціи въ Галлію и Римскую имперію, другая большая расовая волна надвинулась на Германію съ востока. Быть можетъ, первыми появились гунны и другія азіатскія орды, но затѣмъ и славяне начали надвигаться съ сѣверо-востока. Они не всегда вытѣсняли прежнія населенія и только заполняли обширныя мѣстности болѣе или менѣе мирнымъ путемъ, проникая въ страну безъ кровопролитія. Славянскія поселенія мы можемъ прослѣдить по ихъ названіямъ и въ Саксоніи, и въ Пруссіи. На сѣверо-западѣ они занимали Ольденбургъ и на славянскихъ нарѣчіяхъ говорили въ Килѣ, Любекѣ, Магдебургѣ, Галле, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Зальцбургѣ и Вѣнѣ. Занимая землю, они строились по одному изъ двухъ плановъ: иногда они располагали дома одной прямой улицей съ церковью по серединѣ, а въ другихъ случаяхъ поселенія ихъ имѣли округлую форму. Расположеніе германской деревни въ сравненіи съ славянской было гораздо сложнѣе. Кромѣ того, они строились отдѣльными дворами, и поэтому пейзажъ мѣстности значительно измѣняется сообразно славянскому или тевтонскому характеру поселенія.

Всѣ современные славянскіе народы сѣверной Европы приближаются къ альпійскому типу; вслѣдствіе того, примѣсь ихъ къ тевтонамъ должна вызывать пониженіе роста, потемнѣніе волосъ и глазъ и въ особенности бо́льшую короткоголовость. Эти измѣненія всего болѣе замѣтны въ Саксоніи, преимущественно около Галле. По всей Тюрингіи населеніе горъ выше ростомъ, чѣмъ населеніе долинъ; это объясняется тѣмъ, что какой-то низкорослый типъ, переселившійся туда, вытѣснилъ первоначальныхъ рослыхъ тевтонскихъ обитателей. Славянское вторженіе проникло въ Баварію съ сѣверо-востока: мѣстность къ югу отъ Байрейта долго называлась Славоніей. Тотъ же народъ мы видимъ и въ Виртембергѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Регенсбургѣ и Берлинѣ, мы можемъ прослѣдить славянское нашествіе въ различныхъ слояхъ череповъ на кладбищахъ. Вслѣдствіе этого историческаго движенія Саксонія, Бранденбургъ и Мекленбургъ относительно окраски имѣютъ менѣе тевтонскій характеръ, чѣмъ въ прежнее время. Весь востокъ Германіи болѣе широкоголовъ и незамѣтно сливается съ типами областей славянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ, различія въ обычаяхъ и преданіяхъ между восточными и западными германцами имѣютъ этническую основу. При этомъ обнаруживаются различія между сѣверными и южными германцами, могущія служить для объясненія многихъ историческихъ фактовъ.

Мы только мимоходомъ коснемся антропологическаго состава населенія Италіи и Испаніи, такъ какъ подробнѣе должны будемъ остановиться на альпійской расѣ и связи ея съ славянами. Италія естественно дѣлится на двѣ области — равнину По и полуостровъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Бассейнъ По населенъ несомнѣнно короткоголовымъ типомъ. Этотъ признакъ, характерный для альпійской расы, замѣчается съ особенной силою вдоль сѣверной границы, въ особенности, въ Пьемонтѣ, на границѣ Франціи. Здѣсь находятся самые чистые представители альпійской расы, тождественные съ савойярами, не только въ физическомъ, но и въ лингвистическомъ отношеніи. Этотъ альпійскій типъ сѣверной Италіи — наиболѣе бѣлокурый и высокорослый во всемъ королевствѣ. Волосы нерѣдко бываютъ русаго цвѣта, съ глазами соотвѣтствующаго оттѣнка, откуда, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствительно бѣлокурымъ и высокорослымъ народомъ: средній ростъ его отъ 3 до 5 дюймовъ ниже, чѣмъ у англичанъ, но для Италіи онъ довольно крупенъ. Въ самой долинѣ По всѣ эти признаки нѣсколько ослаблены, и мы здѣсь встрѣчаемся съ этническими примѣсями, которыя могли притекать съ сѣвера ввидѣ тевтонскаго элемента, а съ юга — съ самаго полуострова. Если мы будемъ, однако, искать слѣдовъ тевтонскихъ варваровъ громаднаго роста, съ свѣтлыми волосами и голубыми глазами, какъ ихъ описывали древніе писатели, спускавшихся съ горъ въ сѣверную Италію, то мы найдемъ ихъ лишь въ меньшей чистотѣ венеціанскаго типа въ сравненіи съ пьемонтскимъ, и всего болѣе въ населеніи Ломбардіи, около Милана. Здѣсь замѣчается увеличеніе свѣтлой окраски, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ короткоголовости. Но за исключеніемъ Ломбардіи, кровь тевтонскихъ завоевателей въ Италіи почти исчезла.

Этническій переходъ отъ альпійской расы въ долинѣ По къ средиземной расѣ въ настоящей Италіи наблюдается особенно рѣзко вдоль хребта Апеннинъ отъ французской границы до Флоренціи. Населеніе современной Лигуріи, между горами и Генуэзскимъ заливомъ, имѣетъ замѣтную связь съ югомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вокругъ Генуэзскаго залива, у сѣверныхъ горъ, тянется узкій поясъ населенія, выказывающаго всѣ признаки длинноголовой средиземной расы. Описываемая полоса земли носитъ офиціальное названіе Лигуріи и наводитъ насъ на вопросъ о томъ, кто были древніе лигуры или лигурійцы, упоминаемые классическими писателями. Этотъ вопросъ вызывалъ много споровъ: одни ученые видѣли въ нихъ альпійскую расу, а другіе — длинноголовую, предшествовавшую альпійской въ сѣверной Италіи. Повидимому, послѣднее мнѣніе ближе къ истинѣ, и мы можемъ видѣть въ высокорослыхъ, темноволосыхъ и крайне долихоцефальныхъ обитателяхъ нынѣш-

ней Лигуріи потомковъ древнихъ лигуровъ. Древніе умбры, въ область которыхъ мы вступаемъ, переходя въ настоящую Италію, были родственны альпійскому короткоголовому типу, занимающему среднюю Европу. Болѣе загадочнымъ является народъ этрусковъ, вообще много занимавшій историковъ и археологовъ. Мы знаемъ, что они вторглись въ территорію умбровъ и принесли съ собой болѣе высокую культуру, отъ которой развилась культура римлянъ; столица этихъ послѣднихъ, въ дѣйствительности, была основана этрусками. Одни писатели приписываютъ этрускамъ ретійское или альпійское происхожденіе, а другіе — выводятъ ихъ изъ Малой Азіи. Антропологическое изслѣдованіе этого вопроса показываетъ, что если этруски и были чуждаго происхожденія, то потомки ихъ совершенно слились съ умбрами, такъ какъ мы не можемъ открыть теперь никакого различія между прежними областями умбровъ и этрусковъ по отношенію къ формѣ головы, росту и окраскѣ. Вообще мы можемъ замѣтить, что Тоскана, подобно Умбріи, по формѣ головы скорѣе связана съ сѣверомъ, чѣмъ съ югомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, возможно даже, что умбры и этруски были одно и то же. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что короткоголовость значительно примѣшивается къ современному населенію Тосканы. Какъ доказываютъ черепа этрусковъ, дошедшіе до насъ, они были весьма смѣшаннымъ народомъ. Рѣка Тибръ служитъ границею между областью смѣшаннаго и областью изолированнаго населенія. За этой рѣкой мы уже находимъ чистую средиземную расу. Крестьянское населеніе здѣсь почти сплошь темноволосое, ненормально низкорослое и такое же длинноголовое, какъ испанцы или африканскіе берберы, что̀ въ особенности можно сказать о горахъ Калабріи, гдѣ географическое изолированіе доходило до крайняго предѣла. Греческіе колонисты, осаживавшіеся на берегахъ Италіи, принадлежали къ той же расѣ и физически не отличались отъ коренныхъ жителей этихъ мѣстностей. Но колонисты могли быть и другой расы, которая вносила иные элементы въ населеніе, какъ мы видимъ это, напримѣръ, въ короткоголовомъ населеніи Салерно, къ югу отъ Неаполя.

Населеніе Иберійскаго полуострова, отдѣленное Пиренеями отъ остальной Европы, во всѣхъ важнѣйшихъ антропологическихъ отношеніяхъ связано съ народами, населяющими Африку къ сѣверу отъ Сахары, отъ Краснаго моря до Атлантическаго океана. Эти народы, какъ извѣстно, характеризуются преобладаніемъ длинноголовости, темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ и среднимъ ростомъ, приближающимся къ низкому. Вслѣдствіе крайностей лѣтней и зимней температуръ внутренняго плоскогорья Испаніи, населеніе ея развилось преимущественно на морскихъ берегахъ. Полуостровъ представлялъ мало привлекательнаго, и хотя черезъ него двигались народы изъ Африки въ Европу, но они проходили, почти не оставляя слѣдовъ, и коренное населеніе сохраняло свой расовый типъ въ большей степени, чѣмъ всѣ другія цивилизованныя страны Европы. Всѣ авторитеты согласны въ томъ, что первоначальными обладателями территоріи нынѣшней Испаніи были иберы или иберійцы. Сюда проникли и кельты, оставивъ слѣды своего пребыванія въ короткоголовости сѣвернаго берега. Отмѣтить слѣды нашествія сарацинъ и мавровъ не такъ легко, потому что они были одного племени съ иберами.

Переходя въ Альпы, въ Швейцарію и Тироль, мы видимъ тамъ короткоголовость, доходящую почти до крайнихъ предѣловъ. Поэтому обѣ названныя страны выказываютъ рѣзкіе признаки альпійскаго расоваго типа. Въ этихъ странахъ, въ особенности въ первой изъ нихъ, дѣло не обошлось безъ смѣшенія: въ Швейцаріи чистота расоваго типа гораздо меньше, чѣмъ въ Савойѣ или Тиролѣ, и даже чѣмъ въ Баваріи. Тевтонская длинноголовость проникла въ среднюю часть страны, повидимому, черезъ Рейнъ и черезъ долину Аара. Тевтонскими племенами, нарушившими здѣсь чистоту типа, были гельветы, бургунды и другія племена, пришедшія съ сѣвера. Послѣдствіемъ этого сліянія нерѣдко бывала дисгармонія, выражавшаяся въ сочетаніи брахицефальнаго черепа съ длиннымъ и узкимъ лицомъ.

Короткоголовый типъ не только составляетъ ядро населенія во всѣхъ Альпахъ: онъ и самый первоначальный, потому что всего тѣснѣе связанъ съ почвой. Тироль — самое удобное мѣсто для изученія послѣдованія длинноголовости и короткоголовости: его можно назвать географическимъ центромъ материка. Онъ занимаетъ стратегическую позицію — Бреннерскій проходъ на большой дорогѣ между сѣверомъ и югомъ Европы. Большія рѣки, текущія отъ него, обозначали линію переселенія и служили для движенія расъ къ этому центру. По Дунаю прибывали славяне, тевтоны переходили отсюда въ долину Эча и затѣмъ въ равнину Италіи. Обратно тѣмъ же путемъ средиземная культура проникала на сѣверъ, начиная отъ временъ финикіянъ. Вслѣдствіе того, населеніе Тироля крайне смѣшанное, хотя вообще можно сказать, что сѣверная половина страны имѣетъ германскую окраску, а южная итальянскую. Какъ другое общее положеніе, мы можемъ высказать, что короткія головы увеличиваются въ числѣ вмѣстѣ съ высотою. Другими словами, широкія долины, ведущія къ большимъ рѣчнымъ системамъ Европы, сравнительно длинноголовы, а боковыя вѣтви въ Эцтальскихъ Альпахъ, изолированныхъ отъ чуждыхъ вліяній, выказываютъ явное преобладаніе короткоголовости. Двѣ большія вѣтви долихоцефаловъ, бѣлокурые тевтоны на сѣверѣ и средиземцы на югѣ, съ темными волосами и глазами, вторгались въ Альпы по всему пути отъ Франціи до Балканъ; до ихъ прихода всю горную цѣпь занимало, повидимому, короткоголовое населеніе. Эта особенность была ослаблена въ той мѣрѣ, въ какой первоначальная раса смѣшивалась съ пришельцами. Здѣсь мы видимъ примѣръ настоящаго человѣческаго наслоенія. На альпійскій типъ налегъ слой новыхъ пришельцевъ или постепенно вытѣснилъ его въ уединенныя области.

Возможно, что сюда проникали и короткоголовые славяне вслѣдъ за тевтонами: по крайней мѣрѣ, тамъ встрѣчаются и славянскіе черепа.

Нидерланды считаются обыкновенно тевтонской страной, также какъ Бельгія галльской или французской. На самомъ дѣлѣ, въ Нидерландахъ существуетъ такой же контрастъ населенія, какъ и въ Бельгіи между фламандцами и валлонами, о чемъ мы говорили выше. Этотъ контрастъ не такъ легко прослѣдить въ первой изъ названныхъ странъ, вслѣдствіе большаго географическаго однообразія Нидерландъ, но въ ней есть несомнѣнно не тевтонскій элементъ, любопытный въ томъ отношеніи, что его можно связать съ такимъ же элементомъ въ Даніи и юго-западной Норвегіи. Въ Фрисландіи и сосѣднихъ провинціяхъ мы находимъ настоящихъ тевтоновъ, съ длинной головой, овальнымъ лицомъ, высокорослыхъ и бѣлокурыхъ. Но къ югу отъ Фрисландіи населеніе становится понемногу все болѣе и болѣе темнымъ и низкорослымъ. Такимъ образомъ, сѣверные и восточные голландцы могутъ безусловно называться тевтонами, но этого нельзя сказать о населеніи Голландіи въ собственномъ смыслѣ и Зеландіи. Головной указатель здѣсь быстро повышается и указываетъ на присутствіе альпійскаго или короткоголоваго элемента. На самомъ берегу мы видимъ еще тевтонскій типъ, но внутри находимъ уже короткоголовую область, гдѣ эта форма головы соединяется съ темной окраской и приземистымъ сложеніемъ. Ближайшими родственниками этихъ южныхъ голландцевъ можно назвать валлоновъ въ Бельгіи и коренной короткоголовый элементъ въ датскомъ населеніи.

Въ населеніи Британскихъ острововъ мы замѣчаемъ любопытную черту, заключающуюся въ однообразіи головной формы. Преобладающій типъ представляетъ длинный и узкій черепъ, сопровождаемый по преимуществу овальнымъ лицомъ. Расовыя различія состоятъ здѣсь въ чертахъ лица и въ болѣе или менѣе свѣтлой окраскѣ. Гдѣ бы мы ни измѣряли головы, на островахъ около западнаго берега Ирландіи, на Гебридахъ, въ горной Шотландіи, въ Уэльсѣ или около Лондона, мы получаемъ результаты, разнящіеся между собою лишь на нѣсколько единицъ; всегда указатели заключаются между 77 и 79, за исключеніемъ средней и западной Шотландіи, гдѣ они опускаются до 76. Такимъ образомъ, неизмѣнность черепного типа выступаетъ здѣсь даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Испаніи или Скандинавіи, несмотря на разницу мѣстностей и сословій. Съ другой стороны, этотъ головной указатель говоритъ намъ о совершенномъ отсутствіи въ населеніи Британскихъ острововъ короткоголовой альпійской расы. Археологическія изслѣдованія выясняютъ, что древнѣйшіе, доисторическіе обитатели этихъ острововъ были еще больше длинноголовы, чѣмъ нынѣшніе британцы. По формѣ головы и по степени культуры они походили на эскимосовъ Сѣверной Америки. За ними послѣдовало населеніе съ болѣе высокой культурой, но съ такою же, хотя и нѣсколько меньшею, длинноголовостью. Это было такъ называемое населеніе длинныхъ кургановъ, которые оно сооружало въ качествѣ могильныхъ памятниковъ, иногда въ нѣсколько сотъ футовъ длины. Названное населеніе, съ головнымъ указателемъ, доходившимъ до 72, было низкорослo, по крайней мѣрѣ, на одинъ дюймъ ниже средняго роста англичанъ. Этотъ типъ, относящійся къ новому каменному вѣку, имѣетъ до сихъ поръ своихъ потомковъ, отличающихся сочетаніемъ невысокаго роста, темной окраски и рѣзкой длинноголовости. Надъ этимъ слоемъ мы находимъ другой слой, иного расоваго типа. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ населенія круглыхъ кургановъ, вслѣдствіе формы его могильныхъ насыпей. Кромѣ болѣе высокой культуры, выражающейся въ изящныхъ крашеныхъ глиняныхъ издѣліяхъ и предметахъ изъ металловъ, оно замѣчательно своей короткоголовостью, которою оно не уступаетъ современнымъ крестьянамъ средней Франціи: головный указатель его доходитъ при жизни до 83. Ростъ его былъ на три дюйма больше роста населенія длинныхъ кургановъ. Мы не можемъ рѣшить—пришелъ ли этотъ типъ изъ Бретани, гдѣ онъ преобладаетъ и до сихъ поръ, или онъ былъ передовымъ отрядомъ датскаго вторженія, гдѣ также могъ быть представителемъ круглоголоваго типа. Мы знаемъ, что онъ распространился по всей Англіи и отчасти по Шотландіи; слѣдовательно, онъ прибылъ туда въ значительномъ числѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря даже на свою высшую культуру, онъ оказалъ только временное вліяніе: въ началѣ историческаго періода онъ уже былъ поглощенъ прежними типами страны. Всѣ послѣдующія вторженія, уже записанныя исторіей, содѣйствовали окончательному устраненію этого короткоголоваго типа, такъ какъ они исходили изъ Германіи, Даніи и Скандинавіи и вводили въ страну только чистыхъ тевтоновъ. При одинаковости головного указателя на Британскихъ островахъ, мы замѣчаемъ усиленіе окраски отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу, выражающееся особенно въ волосахъ. Противоположно материку Европы, гдѣ горы содержатъ болѣе свѣтлое населеніе, чѣмъ окружающія равнины, въ Великобританіи и Ирландіи мы видимъ обратное явленіе: тамъ въ Грампіенахъ, въ Уэльсѣ и въ Коннемарѣ сосредоточивается наибольшее число брюнетовъ. Эта темная окраска совпадаетъ съ кельтскими нарѣчіями, сохраняющимися въ названныхъ мѣстахъ. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ областями изолированья, гдѣ могли сохраниться болѣе древніе типы. Это позволяетъ намъ заключить, что первоначальнымъ населеніемъ этихъ острововъ было населеніе съ темной окраской, на которое налегло болѣе свѣтлое. Первое было въ то же время и болѣе низкорослымъ. Будемъ ли мы называть его силурами или иберами, эти признаки одинаково относятся къ нему. Различіе между этимъ первичнымъ и позднѣйшимъ тевтонскимъ наслоеніемъ замѣчается и въ лицахъ, которое у перваго въ сравненіи съ англосаксами отличается неправильностью и грубостью; въ этихъ чертахъ особенно выдаются длинный ротъ, широкая верхняя губа и выступающія скулы.

Риплей причисляетъ славянъ къ своей альпійской расѣ на основаніи ихъ короткоголовости, которую онъ въ среднемъ принимаетъ въ 82, т. е. отводитъ ей среднее мѣсто между длинноголовостью средиземной расы въ Сардиніи (75) и короткоголовостью альпійской расы въ Пьемонтѣ (89). Среди короткоголоваго русскаго населенія, съ головнымъ указателемъ, колеблющимся въ небольшихъ предѣлахъ на всемъ пространствѣ, занимаемомъ славянской расой въ Европейской Россіи, Риплей отмѣчаетъ иной физическій типъ летто-литвиновъ и финновъ, а именно, склонность къ длинноголовости, наблюдаемую на границѣ Германіи и въ Финляндіи. Этому типу свойственна длинная и узкая форма лица, тогда какъ русскимъ, при ихъ короткоголовости, свойственна сравнительно квадратная форма лица. Риплей считаетъ для русскихъ характернымъ красновато-бѣлокурый цвѣтъ волосъ, который постепенно темнѣетъ отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку. Центромъ свѣтлой окраски въ Россіи, какъ и въ Германіи, онъ считаетъ Балтійское море. Великоруссы имѣютъ нѣсколько болѣе темную окраску, чѣмъ прибалтійское населеніе, летто-литвины и поляки, и эта окраска становится еще темнѣе у малороссовъ. Ростъ русскаго населенія Риплей считаетъ средней величины, признавая въ немъ слѣды дѣйствія окружающихъ условій, какъ и у другихъ европейцевъ. Извѣстное изслѣдованіе роста въ Россіи Д. Н. Анучина наводитъ его на слѣдующія мысли. Ростъ взрослыхъ мужчинъ въ Украйнѣ около Кіева, превышающій на два дюйма ростъ ихъ около Москвы и Казани, онъ объясняетъ вліяніемъ на первыхъ черноземной полосы, въ которой они обитаютъ. Той же причинѣ онъ приписываетъ разницу роста бѣлоруссовъ и малороссовъ. Общую низкорослость Польши онъ видитъ въ участіи евреевъ въ общей суммѣ величинъ тѣла этой области. Повышеніе роста около береговъ Балтійскаго моря онъ считаетъ связаннымъ съ указаннымъ выше центромъ распространенія высокорослаго типа, находящимся у названнаго моря. Среди русскихъ, также, какъ и вообще среди славянъ, Риплей признаетъ совмѣстное существованіе двухъ типовъ — высокорослаго, бѣлокураго и длинноголоваго и короткоголоваго, средняго роста, съ темной окраской. Первый особенно замѣтенъ среди литовцевъ и поляковъ, а второй въ Украйнѣ, тогда какъ великоруссы стоятъ въ серединѣ между ними; у южныхъ славянъ первый изъ этихъ типовъ совершенно исчезаетъ.

Риплей вполнѣ соглашается съ выводами русскихъ ученыхъ относительно полнаго замѣщенія нѣкоторой древней длинноголовой расы, жившей въ Россіи въ доисторическое время, пришлой короткоголовой расой. Отдавая должное многолѣтнимъ трудолюбивымъ изслѣдованіямъ покойнаго профессора А. П. Богданова остатковъ длинноголовой курганной расы и фактовъ постепеннаго увеличенія короткоголовости вмѣстѣ съ приближеніемъ къ нашему времени, Риплей не признаетъ объясненія нашего ученаго, будто древняя длинноголовая раса понемногу пріобрѣтала короткоголовость вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Риплей становится на сторону тѣхъ ученыхъ, которые приписываютъ короткоголовость позднѣйшихъ череповъ пришлой славянской расѣ, тогда какъ длинноголовые черепа принадлежали первичной расѣ иного происхожденія. Нѣкоторые русскіе и славянскіе ученые, Богдановъ, Зографъ и Нидерлэ, старались доказать, что длинноголовые курганные черепа принадлежали славянамъ и славяне первоначально были длинноголовой расой, но другіе ученые, гг. Анучинъ, Талько-Гринцевичъ, Таренецкій, Олехновичъ, Коперницкій, Иковъ и Янчукъ, считаютъ славянскимъ позднѣйшее короткоголовое населеніе, занявшее мѣстообитанія коренныхъ финновъ. Риплей не рѣшается высказаться категорично въ пользу того или другого мнѣнія, полагая, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ краніологическимъ путемъ, но въ то же время находитъ, что альпійскій расовый типъ западной Европы всего скорѣе могъ дать начало нынѣшней славянской расѣ (стр. 358). Если славянскій слой былъ позднѣйшимъ, налегшимъ на первоначальный слой длинноголовой расы, то мы приходимъ къ вопросу — какое этническое происхожденіе можетъ быть приписано этой послѣдней.

Въ составъ русскаго народа входятъ, какъ извѣстно, три этническихъ элемента — славянскій, финскій и монголо-татарскій. Говоря это, мы не имѣемъ, однако, вполнѣ ясныхъ представленій объ этихъ типахъ. Мы не можемъ сказать, каковъ былъ первоначальный типъ славянъ и какіе изъ нынѣшнихъ славянскихъ народовъ ближе подходятъ къ нему. Точно также и относительно финновъ существуетъ большое смѣшеніе понятій, когда соединяются въ одну группу лопари, ливы, эсты и мадьяры, на томъ лишь основаніи, что они говорятъ на финскихъ языкахъ. Мадьяры, какъ выражается Риплей, столь-же похожи на лопарей, сколько и на австралійцевъ, и такую-же разницу мы видимъ между ними и балтійскими финнами. Лопари крайне короткоголовы, низкорослы и съ очень темной, даже черной окраской волосъ и глазъ. Между тѣмъ настоящіе финны принадлежатъ къ самымъ высокорослымъ людямъ и обладаютъ свѣтлой кожей, льняными волосами и голубыми глазами. У эстовъ на Балтійскомъ берегу, у черемисовъ и у остяковъ и вогуловъ Сибири мы даже видимъ длинноголовость, не уступающую тевтонской. Такимъ-же насиліемъ надъ научной истиной было-бы причисленіе къ тюркамъ финскихъ народовъ, говорящихъ тюркскими нарѣчіями. Чуваши и черемисы приняли языкъ и религію тюрковъ, не переставъ быть въ физическомъ отношеніи финнами. Такимъ образомъ, мы можемъ составить группу долихоцефаловъ, съ указателемъ 79—80, изъ ливовъ, эстовъ, черемисовъ, чувашей и вогуловъ и остяковъ Сибири; всѣ они болѣе или менѣе свѣтловолосы, съ замѣтнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ, не исключая двухъ послѣднихъ, крайнихъ восточныхъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они и высокорослы и принадлежатъ къ тѣмъ ётунамъ, о которыхъ говоритъ Эдда.

Другой типъ коренныхъ обитателей Россіи рѣзко отличается отъ только что описаннаго; лучшими представителями его могутъ служить лопари на сѣверо-западѣ, калмыки и киргизы, соотвѣтствующіе тому типу, который называется монгольскимъ. У всѣхъ мы видимъ темные или черные волосы, съ очень смуглой кожей; всѣ они безбороды, круглолицы, круглоголовы, съ выдающимися скулами, узкими глазами и прямыми волосами. Эти признаки создаютъ изъ нихъ весьма опредѣленный типъ, который временно можетъ быть названъ монгольскимъ и который не надо смѣшивать съ тюркскимъ или татарскимъ. Ростъ мѣняется въ обѣихъ группахъ въ зависимости отъ вліянія окружающихъ условій; между тѣми и другими можно найти весьма малорослыхъ, хотя западные финны и чистые монголы выше средняго роста. Между ними происходили многія смѣшенія, къ которымъ примѣшивалась и тюркская кровь, что еще болѣе затрудняетъ антропологическій анализъ этихъ народностей. Финны также смѣшивались съ лопарями, и этому обстоятельству должна быть приписана бо́льшая короткоголовость ихъ на сѣверѣ. Если-бы мы знали лишь длинноголовыхъ балтійскихъ финновъ, то форма ихъ головы могла-бы быть приписана примѣси шведской крови, но такъ какъ ту же форму мы можемъ указать у черемисовъ, вогуловъ и остяковъ, то мы въ правѣ говорить о существованіи первичнаго длинноголоваго финскаго типа. Риплей присоединяется къ мнѣнію русскаго ученаго Д. П. Европеуса, что финны сѣверной Европы находятся въ непосредственномъ родствѣ съ первичной средиземной длинноголовой расой, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ населеній Европы. Свѣтлый цвѣтъ волосъ и кожи былъ пріобрѣтенъ финнами съ теченіемъ времени, вслѣдствіе соединенныхъ вліяній климата и естественнаго или искусственнаго подбора. Изъ той-же расы выработалась впослѣдствіи длинноголовая тевтонская раса, которая пріобрѣла подъ этимъ именемъ господство надъ сѣверной Европой.

Основываясь на этомъ предположеніи, Риплей считаетъ антропологическую исторію сѣверо-восточной Европы совершенно выясненной. Онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о первичномъ центрѣ распространенія славянскихъ языковъ и думаетъ, что славяне проникли въ Россію съ юго-запада, будучи въ физическомъ смыслѣ отпрыскомъ альпійской расы средней Европы. Они нашли первоначальный субстратъ въ видѣ финновъ, которыхъ легко оттѣснили въ менѣе удобныя мѣста, такъ какъ принесли съ собой высшую культуру, дававшую имъ преимущество надъ этимъ первобытнымъ народомъ. Но они въ то же время и смѣшались съ ними, и кровь финновъ течетъ въ жилахъ и велико- и бѣлоруссовъ. Имъ пришлось сталкиваться и съ азіатскими варварами, наступавшими на нихъ съ востока, но вліяніе монголо-татаръ на физическій типъ великоруссовъ было сравнительно невелико и скорѣе можетъ быть замѣчено въ нѣкоторыхъ чертахъ характера народа, чѣмъ въ физическомъ типѣ его. Постоянная борьба съ азіатскими варварами закалила великорусскій народъ и развила въ немъ воинственность, необходимую для защиты отъ ихъ натисковъ и для подчиненія ихъ европейской культурѣ.

Для русскихъ антропологовъ вопросъ о типѣ славянъ кажется далеко не столь простымъ, какъ для американскаго антрополога, мнѣнія котораго мы только что изложили. Новѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу, напечатанное въ первой книжкѣ „Русскаго Антропологическаго журнала“ и принадлежащее г. Воробьеву, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „главнѣйшими преобладающими чертами современныхъ великоруссовъ являются — относительная высокорослость, русый, отъ свѣтлыхъ до самыхъ темныхъ оттѣнковъ, цвѣтъ волосъ, сѣрый или сѣро-голубой цвѣтъ глазъ и умѣренно выраженная брахицефалія. Могутъ-ли означенные признаки быть дѣйствительно приписаны славянскимъ племенамъ? На нашъ взглядъ — да... Можно сказать съ увѣренностью только одно: древніе славяне по цвѣту волосъ (и глазъ) были свѣтлѣе представителей брюнетическаго типа южанъ; очень можетъ быть, что они не уходили въ этомъ отношеніи далеко отъ современныхъ великоруссовъ, поляковъ и т. д., дающихъ наибольшій процентъ именно русыхъ, а не свѣтлыхъ волосъ... Другое важное доказательство въ пользу скорѣе болѣе темнаго, чѣмъ болѣе свѣтлаго оттѣнка волосъ, общаго всѣмъ славянамъ производителя, мы видимъ въ упомянутой выше связи высокорослости и темнаго цвѣта волосъ, замѣчаемой какъ при сравненіи между собою отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, такъ и при сравненіи высокорослыхъ и низкорослыхъ группъ въ предѣлахъ одного и того-же славянскаго племени.“ (Русск. Антропол. журн., № 1, стр. 74—75).

Признавая объясненіе превращенія долихоцефаловъ въ брахицефаловъ подъ вліяніемъ культуры „большой натяжкой“, авторъ находитъ, что до сихъ поръ еще „остается открытымъ вопросъ о томъ, являются-ли предки славянъ брахицефалами, съ болѣе или менѣе темнымъ оттѣнкомъ цвѣта волосъ и глазъ, и сближаются, слѣдовательно, съ расой высокорослыхъ брахицефаловъ древней Европы, или же они могутъ быть съ бо́льшимъ правомъ названы прямыми потомками высокорослыхъ долихоцефаловъ курганнаго племени, болѣе, вѣроятно, родственнаго современнымъ германскимъ племенамъ. Изслѣдованіе физическаго типа современныхъ великоруссовъ даетъ мало фактовъ для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону. Мы знаемъ, однако, съ положительностью, что долихоцефалы представлены среди великоруссовъ небольшимъ сравнительно процентомъ всего населенія, значительно уступающимъ числу брахицефаловъ... При сравненіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ между собою оказывается, что тѣ изъ группъ, которыя отличаются бо́льшимъ ростомъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе брахицефальную форму черепа и большее распространеніе темнаго цвѣта волосъ и глазъ. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ прямой и логичный выводъ: въ сложеніи физическаго типа большинства славянскихъ группъ, оче-

видно, въ числѣ другихъ участвовалъ какой-то одинъ общій производитель, отличающійся высокимъ ростомъ, брахицефаліей и темнымъ (но не чернымъ) цвѣтомъ волосъ“ (тамъ-же, стр. 76—77).

Заключеніе русскаго ученаго близко подходитъ къ выводу Риплея о принадлежности славянскаго типа къ альпійскому, но расходится съ нимъ въ одномъ существенномъ признакѣ, а именно, по отношенію къ росту. Риплей считаетъ альпійскую расу средне- или низкорослой, и это опредѣленіе остается за нею во всемъ его трудѣ, хотя онъ и допускаетъ частные случаи повышенія и пониженія роста ниже средняго уровня подъ вліяніемъ географическихъ условій. Между тѣмъ, изъ сравнительныхъ измѣреній г. Воробьева слѣдуетъ, что предки славянъ были, въ среднемъ, высокорослы. Такимъ образомъ, они должны быть признаны особой разновидностью альпійскаго типа. Г. Воробьевъ также приходитъ къ убѣжденію, что долихоцефальная примѣсь великорусскаго типа можетъ исходить отъ тевтоновъ и финновъ, но не рѣшается высказаться за тѣхъ или другихъ, такъ какъ существующихъ изслѣдованій не достаточно для рѣшенія этого вопроса. Одинаково съ Риплеемъ онъ полагаетъ, что вліяніе монгольской и тюркской крови на центральное великорусское населеніе было не велико, хотя и не отрицаетъ, что „среди особенно широколицыхъ великоруссовъ найдутся носители и другихъ монгольскихъ чертъ“ (стр. 78).

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній мы можемъ видѣть, насколько плодотворнымъ оказывается антропологическій анализъ для пониманія расоваго состава европейскаго населенія. Мы не будемъ вдаваться въ нравственныя характеристики трехъ главныхъ типовъ этого населенія и говорить о преимуществахъ того или другого изъ нихъ, такъ какъ намѣрены ограничиться лишь выясненіемъ ихъ физическихъ чертъ и указаніемъ ихъ распредѣленія на поверхности Европы. Уже это даетъ намъ твердую основу для антропологическаго пониманія ихъ происхожденія и роли, какую они играютъ въ составѣ европейскихъ народовъ.

Д. Коропчевскій.

Указатель

этнографическихъ именъ и предметовъ.

Лана — I, 123.
„Ааямба“ — II, 224.
Абабдехи — II, 412.
Абабуи — II, 501.
Абака — I, 418. 423.
Абаки — II, 295.
Абангбы (бамбы) — II, 298. 301.
А-Банту — I, 16.
Абармбы — II, 298.
Абатоа — I, 725.
Аббана — II, 178.
Абдъ эль Кадеръ — II, 493.
— — Керимъ — II, 536.
Абенаки — I, 499.
Абеокута — I, 51; II, 350. 355. 359. 383.
Абеше — II, 530.
Абипоны — I, 522. 527. 546—549. 590. 600. 608. 622. 623.
Абиссинія и абиссинцы — I, 704. 705. 709; II, 15. 47. 70. 81. 85. 108. 169. 170. 171. 182. 428. 430. 468 и сл.
— города — II, 472.
— живопись — II, 479.
— земледѣліе и скотоводство — II, 469. 474.
— знанія — II, 480. 481.
— императорская власть — II, 483—485.
— музыка — II, 479.
— обитаемыя пещеры — II, 472.
— обрѣзаніе — II, 481. 487.
— общественныя отношенія — II, 486. 487.
— одежда и украшенія — II, 469. 470.
— охота и обиліе дичи — II, 476.
— пища и вкусовыя вещества — II, 475.
— постройка домовъ — II, 471.
— преданія — II, 439.
— рабство — II, 487.
— рыболовство — II, 476.
— солдаты — II, 486.
— судопроизводство — II, 486.
— счисленіе времени — II, 481.
— торговля, промышленность — II, 476. 477. 479.
— характеръ — II, 480. 483.
— христіанство — I, 139; II, 440. 481—483.
— церкви — II, 472. 473. 487.
— языческіе обитатели — II, 483.
Аболіи (огбоніи) — II, 359. 361. 373.
Аборы — II, 684.
Abrus precatorius — I, 401.
Абсароки — I, 503.
Абу Гаммедъ — II, 412.
Абукайи — II, 273. 295. 302.
Абупа — II, 482.
Абхазцы — II, 788.
Аваики, см. Гавайки.
Авамскіе самоѣды — I, 681. 690.
Авары — II, 790. 791. 800.
Аватимэ — II, 384.
Авеквомы (авикомы, куа-куа) — II, 387.
Авогадусъ — I, 478.
Аврора, о. — I, 123.
Австралійскіе о-ва — I, 174.
Австралія — I, 144. 149. 182. 183. 212. 255. 300. 325. 371. 379.
— животный міръ — I, 329.
— климатъ — I, 327.
— окружающіе ее острова — I, 332.
— орошеніе — I, 325.
— переселенія изъ Океаніи — I, 333.
— положеніе — I, 325.
— растительный міръ — I, 327.
— расчлененіе — I, 325.
Австралійцы — I, 7. 86. 126. 128. 148. 149. 150. 182. 183. 201. 212. 245. 325. 382.
— безволосые — I, 331.
— боги — I, 373.
— бродячій образъ жизни — I, 339.
— вкусовыя вещества — I, 354.
— воинственное настроеніе — I, 338.
— волосы — I, 331.
— дѣленіе на касты — I, 361.
— дѣтоубійство — I, 358.
— земледѣліе — I, 356.
— изъ Веллингтона — I, 376.
— колдуны — I, 377.
— кровавая месть — I, 368.
— людоѣдство — I, 354.
— миѳологія — I, 373—376.
— многоженство — I, 363.
— могилы — I, 366.
— начальникъ — I, 367.
— обитатели острововъ — I, 332.
— образованіе государствъ — I, 367.
— обычаи при родахъ — I, 357.
— одежда — I, 342.
— оружіе — I, 343.
— острота чувствъ — I, 333.
— отношеніе къ меланезійцамъ — I, 212.
— охота — I, 351.
— пища — I, 353.
— племена — I, 360.
— племенныя границы — I, 367.
— пляски — I, 338.
— погребеніе — I, 365.
— положеніе женщины — I, 362.
— посвященія — I, 369.
— постройка хижинъ — I, 348.
— похищеніе женщинъ — I, 363.
— право наслѣдованія — I, 362.
— промышленная дѣятельность — I, 360.
— пѣніе — I, 338.
— раскрашиваніе — I, 342.
— распущенность нравовъ — I, 363.
— религіозныя представленія — I, 373.
— рыболовство — I, 361.
— сватовство — I, 361.
— семейныя группы — I, 360.
— семья и общество — I, 357.
— сказанія о животныхъ — I, 375.
— сказанія о звѣздахъ — I, 374.
— сказанія о твореніи — I, 375.
— смѣшанные народы — I, 333.
— среднее положеніе между неграми и малайцами — I, 325.
— судоходство — I, 350.
— татуировка — I, 343.
— торговля — I, 357.
Австралійцы, украшенія — I, 342.
— уменьшеніе численности — I, 340.
— умственныя и душевныя качества — I, 333.
— физическія свойства — I, 329. 333.
— форма черепа — I, 330.
— цвѣтъ кожи — I, 330.
— церемоніи надъ трупомъ — I, 364.
— численность — I, 340.
— языки — I, 337.
— языкъ жестовъ и пальцевъ — I, 336.
Ага-аліи — I, 284.
Agave americana — I, 480.
— deserti — I, 480.
Агадесъ — II, 559.
Аган — II, 431.
Ага-Манапъ — II, 596.
Агами-наги — II, 685.
Аганы — II, 170.
Агаръ-агаръ — II, 670.
Агары — II, 272.
Агиловое дерево — II, 669.
Aguillaria Agallocha — II, 669.
Аглигакъ — I, 579.
Агомэ — II, 355.
— Сива — II, 355.
Агонгъ — II, 658. 659. 661.
Агуицотль — I, 616.
Агути — I, 480. 533.
Адабби — II, 485.
Адаль — II, 182.
Адамауа (Фумбина) — II, 545. 553. 554. 560.
Аделаида, полуостровъ — I, 573.
— племена — I, 335. 337. 338. 341. 356. 364. 370. 374.
Адели — II, 355. 384.
Аделобберъ — I, 243.
Адмиралтейскіе о-ва — I, 167. 225. 230. 236. 256. 284.
Адуа — II, 479.
Адума — II, 377.
Адья, см. Креджи.
Азабо — II, 169.
Азбенъ (Аиръ) — II, 520.
Азгары (аздьеры) — II, 519. 520.
Азіатско-африканскія взаимныя отношенія — II, 425.
Asimina — I, 511.
Аинъ Тарфиль, пещеры — II, 492.
Аирцы — II, 520.
Aisch er rif — II, 456.
Аито — I, 299.
Акали — II, 302.
Акасса — II, 363. 382.
Acacia albida — II, 525.
— Giraffae — II, 168.
— nilotica — II, 458.
— pendula — I, 345.
Акація сунтъ — II, 458.
Акайю — I, 478.
Акбаръ — II, 611.
Аква — II, 381. 384.
Акванимъ — II, 386. 387.
Акемы — II, 43.
Акимы — II, 386.

Акели — II, 343.
Акіи (Ака) — II, 680.
Аккары — II, 184.
Акки — I, 755. 758. 761. 762. 763; II, 682. 683. 686.
Аккоа — I, 756; II, 348.
Аккуа, король — II, 28. 370.
Акомасы — I, 606.
Акра — II, 368. 386. 387.
Acrocomia — I, 538.
Аксу — II, 565.
Аксумъ — II, 440.
Акуа — I, 40. 294. 309. 319.
Акэ — I, 652.
Алабама — I, 597.
Аладжанскіе монголы — II, 569.
Алакулуфы — I, 554.
Аламаны — II, 419.
Алаэ, птицы — I, 320.
Албанцы (шкипетары) — II, 790. 810.
Алгонкины — I, 57. 495. 499. 500. 513. 514. 516. 597. 607. 609. 611. 614.
Aleurites triloba — II. 669.
Алеуты — I, 573. 574. 578. 581. 585. 613. 621.
Алжирія — II, 494.
Али, король изъ Вадаи — II, 534.
Алинъ, сынъ Белло — II, 548.
Аллахъ — II, 449.
Аллеганскія горы — I, 475.
Аллеманы — I, 40.
Аллоръ — I, 382.
Аллукъ, о. — I, 582.
Алмазныя копи южной Африки — II, 13.
Алоа — II, 437.
Aloë perforata — I, 726.
Алойа — I, 541.
Алтай — I, 678.
Алтайскіе калмыки — II, 568.
Альберта озеро — II, 293.
Альбинизмъ у американцевъ — I, 486.
— у микронезійцевъ — I, 185.
— у полинезійцевъ — I, 185.
Альбиносы среди негровъ — II, 9. 54.
Альваджи — II, 272.
Альдавъ — I, 685.
Альпака — I, 644.
Альфуры — I, 44. 138. 146. 169. 210. 212. 383. 386. 388. 392. 395. 397. 403. 425. 426. 429. 430. 436. 438. 465. 469. 470. 471.
Алюади — II, 272.
Аляска — I, 474. 483. 499. 558. 574. 576. 577. 578. 582. 583. 585. 587. 589. 619.
— ея племена — I, 573.
Амабеле — II, 122.
Амабуту — II, 128.
Ама-Гахабэ — II, 135.
Амази — II, 122.
Амазиръ — II, 489.
Амазонка — I, 474. 475. 495. 496. 521. 524. 530—532. 535. 543. 592. 646.
Амазонки изъ Дагомеи — II, 366. 384.
Амазонскія низины — I, 496.
Амазоты — II, 150.
Амакозы, см. Козы.
Амаку — II. 370.
Амалау — I, 319.
Амамы — II, 272. 278.
Аманггванэ — II, 138.
Амандабеле — II, 144.
Амасвазіи — II, 119.
Аматель — I, 645.
Аматола, горы — II, 136.
Аматонго — II, 48.
Амаутъ — I, 576.
Амбакисты (Амбаквиста) — II, 363.
Амбачъ плотъ — II, 64. 65. 281. 476.
Амберъ — II, 632.
Амбиль-анакъ — I, 427.
Амбоина — I, 382. 386. 422.
Амбоинцы — I, 382.
Амбондромбе — I, 466.
Амбуль — I, 244.
Амбуэллы — I, 753. 754; II, 240. 375.
Аменемха — II, 403.
Америка — I, 143. 149. 389. 473.
— бухты — I, 473.
— ввезенныя растенія — I, 480.
— домашнія животныя — I, 481.
— древняя культура — I, 624.
Америка, животный міръ — I, 477. 480.
— земноводныя — I, 481.
— климатъ — I, 476.
— орошеніе — I, 476.
— открытіе — I, 9.
— пампасы — I, 475. 480.
— плоды — I, 478.
— плоскогорія — I, 474.
— положеніе — I, 473.
— полуострова — I, 474.
— преріи — I, 475.
— птицы — I, 480. 481.
— равнины — I, 475.
— растительный міръ — I, 477.
— ростъ — I, 473.
— хищныя животныя — I, 482.
Американцы — I, 473.
— барабанный телеграфъ — I, 493.
— боги бури, грома и молніи — I, 610.
— борода — I, 486.
— бракъ — I, 589.
— вещи, положенныя въ гробъ — I, 623.
— возрастъ возмужалости — I, 593.
— волосы — I, 486.
— война — I, 601.
— врачебное искусство — I, 496.
— вѣра въ безсмертіе — I, 617.
— вѣчный огонь — I, 612.
— гіероглифическое письмо — I, 493.
— государственныя учрежденія — I, 600.
— гостепріимство — I, 606.
— грабежи — I, 601.
— два типа — I, 484.
— должность судьи — I, 598.
— единство расы — I, 483.
— жестокость — I, 489.
— жреческое сословіе — I, 619.
— заботы о бѣдныхъ — I, 596.
— знахари — I, 619.
— игры — I, 495.
— исторія творенія — I, 611—614.
— краснорѣчіе — I, 489.
— левиратъ — I, 591.
— маски — I, 608.
— мины и жесты — I, 490.
— мирныя сношенія — I, 606.
— міровыя эпохи — I, 615.
— музыка и танцы — I, 493.
— мѣста соединенія — I, 603.
— народное собраніе — I, 600.
— народныя имена — I, 606.
— начальникъ — I, 598.
— нравственность — I, 488. 594.
— обращеніе съ дѣтьми — I, 592.
— общество — I, 596.
— острота чувствъ — I, 487.
— пластическое искусство — I, 493.
— погребальные обычаи — I, 620.
— покупка и похищеніе женщинъ — I, 590.
— положеніе женщины — I, 594.
— понятія о собственности — I, 595.
— почитаніе воды — I, 610.
— — животныхъ — I, 615.
— — камней — I, 617.
— — растеній — I, 616.
— — солнца и луны — I, 609.
— правленіе — I, 598.
— праздники — I, 606.
— предрасположенія къ болѣзнямъ — I, 487.
— признаки власти — I, 599.
— принесеніе огня — I, 611.
— рабство — I, 597.
— религія — I, 608.
— ростъ — I, 486.
— свадебныя празднества — I, 590.
— священное значеніе числа четыре — I, 611.
— семья — I, 589.
— система тотемовъ — I, 591. 596.
— сказанія о переселеніяхъ — I, 613.
— сказанія о потопѣ — I, 614.
— скальпированіе — I, 603.
— смѣшанные народы — I, 498.
— спиртные напитки — I, 608.
— способность къ воспитанію — I, 489.
— способы погребенія — I, 620.
— счетъ — I, 490.
Американцы, счисленіе времени — I, 490.
— умственная даровитость — I, 489.
— физіономія — I, 486.
— характеръ — I, 488.
— цвѣтъ кожи — I, 485.
— человѣческія жертвы и людоѣдство — I, 619.
— число дѣтей — I, 592.
— эндогамія — I, 591.
— языкъ знаковъ — I, 493.
American Bottom — I, 509.
Американскіе негры — II, 10—12. 16. 20.
Американскіе языки — I, 491.
Амма японцевъ — II, 706.
Аммары — II, 184.
Амокъ — I, 386.
Амонтаи, область — I, 432.
Амой — II, 672.
Ампори — I, 451.
Амулеты — I, 44.
— у бушменовъ — I, 731.
— у малайцевъ — I, 461.
— у тибетцевъ — II, 601.
Амурскіе народы — II, 696.
Амуръ — I, 670. 676.
Анагуакъ — I, 136. 475. 630. 656.
Анаи — I, 252.
Анамалайскія горы — I, 211.
Ананасъ — I, 478. 642.
Анайтеумъ — I, 223.
Ангарарду — I, 274.
Ансарибы (назаирія) — II, 787.
Азія — II, 758 и слѣд.
— христіанство — II, 781.
Ангекоки — I, 38. 575.
Ангкоръ Ватъ, развалины — I, 56; II, 617. 678.
Англійскій языкъ — I, 35.
Ангола и ангольцы — II, 14. 18. 20. 39. 46. 51. 66. 341. 350. 354. 357.
Анголяросы — II, 380.
Ангони — II, 150. 151.
Андакисы — I, 520.
Андаманскіе острова — I, 211. 213. 395. 419.
Андаманцы — I, 211.
Андево — I, 451. 452.
Ани — I, 294. 299.
Анито — I, 456.
Анкона — I, 635. 636. 639. 661.
Аннамъ и аннамиты — II, 656. 662. 664. 668. 669. 671—677. 679.
— мандарины — II, 664. 665.
Анта — I, 482; II, 137.
Антананариво — I, 442. 445.
Antiaris toxicaria — I, 381. 403.
Antias — I, 403.
Антильскіе о-ва — I, 591.
— малые — I, 520.
Антропофагія, см. Людоѣдство.
Антре-Ріосъ — I, 521.
Антуко — I, 549.
Ануй, большой и малый — I, 676.
Анцики — II, 42. 294. 362. 375.
Аньянга — II, 356.
Ао — I, 298.
Апалачи — I, 500. 505.
Апалайи — I, 593. 606.
Апачи — I, 489. 499. 604.
Апачи-могавы — I, 485.
Апельсины — I, 447.
Апи — I, 212.
Апокатекиль — I, 610.
Апосы — II, 350.
Апуреньисы — I, 538.
Арабы — I, 27. 122. 385. 442. 705. 709. 711; II, 29. 69. 85. 108. 203. 206. 428. 446. 449 и слѣд.
— дѣленіе на касты — II, 457. 466.
— жилища — II, 452. 453.
— земледѣліе — II, 455.
— искусство и литература — II, 463. 464.
— наука — II, 463.
— одежда — II, 449. 450.
— оружіе — II, 451. 452.
— осанка — II, 462.
— полигамія — II, 465.
— рабство — II, 202. 203. 466.
— роды — II, 466.
— судоходство — II, 458.
— типы — II, 430.

Арабы, умъ и образованіе — II, 463. 464. 467.
— характеръ — II, 457. 462. 467.
— въ восточной Африкѣ — II, 216. 220.
— въ Занзибарѣ — II, 217.
— въ Суданѣ — II, 533.
— и берберы — II, 492—495.
— кочующіе — II, 436.
Арабы мешагры — II, 505.
Арабы пустыни — II, 429. 446. 463.
Аравія — II, 453.
— города — II, 454.
— исторія — II, 429.
— сношенія — II, 459.
Араканъ — I, 33.
Арапаги — I, 500.
Арауканія — I, 533. 537. 539. 619.
Араукапцы — I, 495. 521. 529. 533. 545. 548. 598. 599. 665.
Araucaria Bidwilli — I, 354.
Аргентина — I, 483. 487. 521. 524. 532. 548.
Аргентинцы — I, 546. 549.
Арджижо — II, 521.
Арегъ (Эль Эргъ) — II, 515.
Арекипо — I, 650.
Арековая пальма — I, 380.
Аремолунгуй — I, 274.
Аренга-пальма — I, 380. 414.
Ареои — I, 275.
Арійцы — II, 393. 607. 608.
— культура — II, 807. 808.
— происхожденіе — II, 807.
— религія — II, 765.
— типъ — II, 608.
— человѣческія жертвы — II, 868.
Аризона — I, 499. 501. 512. 515. 534. 604. 626.
Арика — I, 621.
Арикаріи — I, 510.
Арики — I, 172. 194. 266. 282. 316.
Арикипы — I, 499.
Аринцы — I, 679.
Ариеметика — I, 64.
Арса — I, 419.
Арканзасъ — I, 538. 618.
Арктики Стараго Свѣта — I, 128. 668.
— борьба съ силами природы — I, 674.
— водка — I, 674. 678.
— выдѣлка кожъ — I, 681.
— домашняя утварь — I, 682.
— желѣзо — I, 681.
— жилища—I, 685.
— любовь къ удовольствіямъ—I, 674.
— музыкальные инструменты — I, 675.
— начальникъ — I, 688.
— номадизмъ — I, 670.
— обработка коры — I, 682.
— одежда — I, 679.
— опрятность — I, 674.
— орудія — I, 680.
— оружіе — I, 680.
— острота чувствъ — I, 675.
— охота — I, 669. 682.
— пища — I, 683.
— племена — I, 688.
— положеніе женщины — I, 687.
— почитаніе солнца — I, 689.
— почитаніе медвѣдя — I, 689.
— правовыя положенія — I, 688.
— религіозныя воззрѣнія — I, 690.
— ростъ — I, 672.
— рыболовство — I, 669. 682.
— серебро — I, 681.
— скотоводство — I, 682.
— смѣшеніе — I, 672.
— сожженіе труповъ — I, 692.
— способы погребенія — I, 691.
— суевѣрія относительно животныхъ и охоты — I, 690.
— счисленіе времени — I, 675.
— табакъ — I, 683.
— татуировка — I, 680.
— торговля — I, 684.
— умственная даровитость — I, 675.
— фетиши — I, 690.
— физическіе признаки — I, 671.
— характеръ — I, 673.
— цвѣтъ кожи — I, 672.
— челноки — I, 669.
Арктики Стараго Свѣта, чай — I, 683.
— шаманизмъ — I, 690.
Арктическая Азія и Европа — I, 668.
— животный міръ — I, 669.
— растительный міръ — I, 668.
— тундры — I, 668.
— лѣса — I, 669.
Арктическій поясъ — I, 144.
Arctostaphylos uva ursi, см. Bearberry-трава.
Arctocephalus — I, 551.
— Otaria — I, 555.
Арлакъ — I, 376.
Армяне — II, 786. 787. 792. 801.
Арнатто — I, 637.
Аригема земля — I, 183.
Ароваки — I, 520. 529. 611.
Ароозы — II, 183.
Аррау-Смитъ, рѣка — I, 342.
Артишоки — II, 498.
Artocarpus — I, 381.
— incisus — I, 238.
Arthratherum brevifolium — I, 87.
Атрумаллійскія горы — I, 213.
Ару — I, 382. 388. 407.
Аруаки — I, 597.
Арувими — II, 289. 461.
Арувини — I, 763.
Аруза-галласы — II, 174.
Арузы — II, 78. 183.
Аруша — II, 212. 214.
Арфакцы — I, 47.
Архипелагъ Шарлотты, см. Королевы Шарлотты о-ва.
Архитектура, см. Строительное искусство.
Арьянгуло — II, 211.
Асандехи (сандехи), см. Ашантіи.
Асекіа — I, 626.
Асмара — II, 486.
Асока — II, 619.
Ассагаи — I, 742. 753; II, 60. 159.
Ассамъ — II, 680. 682. 683. 685.
Ассигехи, см. Эвейцы.
Ассимы — II, 386. 387.
Ассинибойны — I, 501. 510.
Ассирійцы — II, 428.
Асса, рѣка — II, 67.
Ассоко — II, 387.
Астрологія — II, 409.
Астролябія бухта — I, 179. 216. 223. 237. 251.
Астрономическія познанія негровъ — II, 18.
Астрономія — I, 64.
Асунсіонъ — I, 527.
Асфальтъ — I, 226.
Ассійскіе самоѣды — I, 669. 688. 690.
Ата — I, 163.
Атбара — II, 488.
Атабаска — I, 476.
Атагоканъ — I, 609.
Атакама, пустыня — I, 476.
Атакаменьосы — I, 520.
Атапаски — I. 499. 609.
Атайи — I, 295.
Атеа — I, 304.
Атенце — II, 681.
Атика — II, 548.
Атитланъ — I, 642.
Атолія — I, 642.
Атоты — II, 272.
Атойякъ, Pio — I, 625.
Атуа — I, 50. 123. 273. 280. 294. 300. 308. 316.
Атуахи — I, 499.
Аубъ — I, 720.
Аугудъ — I, 50.
Аулъ — I, 594. 595. 596.
Аулядъ Солиманъ — II, 515. 527.
Аунинъ — I, 737.
Ауруъ, о. — I, 159.
Аутригеры — I, 166.
Ауэллимиды — II, 517.
Афары — II, 185.
Афганцы — II, 647.
Афридіи — II, 654.
Африка — I, 143. 224. 327. 342. 362. 695; II, 3 и слѣд.
— арабская культура — I, 711.
— горы — I, 697.
— европейское вліяніе — I, 711.
Африка, египетская культура — I, 711.
— единство народовъ — I, 702.
— желѣзо — I, 709.
— животный міръ — I, 701.
— исламъ — II, 443.
— каменный вѣкъ — I, 709.
— карликовые народы — I, 705.
— климатъ — I, 699.
— культурныя растенія — I, 700.
— населеніе — I, 702.
— негрскіе народы — I, 706.
— перемѣна мѣстъ обитанія — I, 702.
— племена Банту — I, 705.
— плоскогорья и низины — I, 697.
— положеніе — I, 695.
— растительный міръ — I, 699.
— рѣки — I, 697.
— семитическія племена — I, 705.
— смѣшанные народы — I, 705.
— форма — I, 697.
— хамитическія племена — I, 705.
— характеръ культуры — I, 712.
— численность — I, 712.
Африканеры, семья — I, 752.
Африканскіе культурные народы — II, 425 и слѣд.
Африканцы, см. Индо-африканцы.
Ахдамы — II, 180. 466.
Ахернаръ — I, 733.
Ацтеки — I, 27. 489. 501. 536. 596. 610. 615. 627. 630. 659.
Ацтланъ — I, 58.
Ачинская низина — I, 380.
Ачинцы — I, 170. 382. 388. 396. 428.
Ашанги — I, 761.
Ашантіи — I, 32. 123; II, 42. 44. 45. 48. 65. 95. 355. 367. 369. 386. 387.
Ашочины — I, 618.
Ашунга — I, 756.
Аэты — I, 212.
Айбукитъ — I, 243.
Айдего — I, 505.
Айдитъ — I, 270.
Аймары — I, 520. 622.
Айносы (эбизу, эмишу) — I, 19 48; II, 699 и сл., 736. 738. 739. 763.
— женщины — II, 701. 702.
— земледѣліе — II, 701.
— одежда и украшенія — II, 700. 735. 738.
— пища — II, 701.
— рыбная ловля — II, 701.
— утварь — II, 701.
— физическіе признаки — II, 699.
— хижины — II, 701.
— численность — II, 699.
Айтутака — I, 161. 292.
Айю (манати) — II, 556.
Айюда — II, 383.
Айютія — II, 658.
Айя — I, 689.
Айялъ Ахмедъ — II, 178.
— Юнисъ — II, 178.

Баатіи — II, 334.
Бабембы — II, 87.
Баберъ изъ Фергана — II, 611.
— султанъ Индіи — II, 632.
Бабизы — II, 192. 200. 201.
Бабонги — I, 756. 763.
Бабукуры — II, 301.
Бавеки — II, 228. 229.
Багамойо — II, 11. 67.
Багамскіе о-ва — I, 514.
Багарутсы — I, 718—719.
Багаръ — I, 460.
Баггары — II, 282. 432. 433. 454. 460.
Багирми — II, 521. 522. 524. 525. 533. 534. 535. 541. 542.
— женщины — II, 534.
Багриммы — I, 528.
Багурутцы — II, 54. 134. 142.
Багутъ-ринги — I, 436.
Бадагри — II, 383.
Бадемы — II, 197.
Бадимо — II, 48.
Бадинги — II, 331.
Бадуи — I, 419. 465.
Бадьоквы — II, 74.
Бадьосы — I, 169.
Бадью — I, 384.
Баи — I, 259.

Ваива, рыба — I, 459.
Баилео — I, 413.
Баиро-вакондіи — II, 321.
Базенги — II, 196.
Базинги — II, 301.
Вакаиріи — I, 529. 534. 537. 538. 595.
Вакалагаріи — I, 718. 720; II, 45. 110. 143.
Вакалаи — II, 343. 362.
Баканкалы — II, 375.
Вакатлы — II, 45. 142.
Баквены — II, 45. 72. 140. 143.
Баквири — II, 63. 380.
Вакены — I, 135.
Бакеты — II, 307. 316.
Вакоа — I, 756.
Вакобы (макобы) — II, 152. 162. 230. 231.
Бакоки (мвелеги) — II, 380.
Баконги — II, 303. 376.
Вакуанды — II, 375.
Вакубы — I, 36. 759. 761; II, 19. 39. 228. 290. 308.
Бакуисехи — II, 375.
Вакумы — II, 280.
Вакунды — II, 381.
Вакуты (бассонгомино) — II, 304. 305. 309. 312. 315. 316. 319.
Вакса — II, 779.
Бакши — II, 779.
Балалиіи — II, 303.
Балалы — I, 33; II, 114.
Баланты — II, 552.
Балеи — I, 413.
Балемпы — II, 146.
Баленги — II, 197.
Балиндикъ — I, 458.
Бали (африканск. карликов. племя) — I, 756.
— (малайскій о-въ) — I, 390. 403. 414. 417. 432. 433.
Балійцы (балинцы) — I, 388. 418.
Balsa peruana — I, 536.
Балтистанъ — II, 564.
Балтійскіе финны — II, 803 и слѣд.
Балты — II, 563. 567. 571. 601.
Балубы (луба) — I, 754; II, 17. 39. 80. 86. 242. 290. 306. 307. 308. 309. 311. 316.
Балумбалы — I, 376.
Балунды — II, 52.
Вамангваты — I, 718; II, 45. 73. 120. 142. 197. 223. 231.
Вамбарры — II, 555.
Вамбехи, см. Абангбы.
Вамбиры — II, 198.
Вамбуко — I, 494.
Вамбуковые плоты — I, 164. 169.
Вамбукъ — I, 380; II, 555.
Вамбы, см. Абангбы.
Банабіи, см. Баньяйи.
Банано — II, 375.
Бананы — I, 380; II, 75. 398.
Банаре — I, 606.
Банайои — II, 197.
Банвакетсе — II, 142.
Бангалы — I, 127. 712; II, 18. 39. 66. 244. 304. 310. 317. 331. 333. 335. 349. 363.
Бангаши — II, 653.
Бангвеоло, озеро — II, 200. 201. 247.
Бангкокъ — II, 668. 671. 672. 674.
Банда (городъ) — II, 253.
— острова — I, 380.
Бандійи — II, 291. 300. 312.
Бандьермассингъ — I, 407. 421.
Бандьеры — II, 152. 157.
Бандикутъ — I, 352.
Банзіи — II, 71.
Банка — I, 385. 421. 425. 431.
— проливъ — I, 169.
Банкомби — II, 375.
Banksia — I, 353.
Банксовы о-ва — I, 41. 135. 275. 276. 296. 298. 311. 313.
— ихъ обитатели — I, 296. 307. 315.
Банкулъ, орѣхъ — II, 669.
Банноки — I, 505.
Баноки — II, 380.
Банту — I, 16. 30. 33. 705 и сл.; II, 3. 94. 96. 208. 219. 373.
— границы — II, 340.
— единство языковъ — II, 291. 381.
Баньетіи — II, 77.
Баньяи (банабіа) — II, 192. 197. 198.
Баньянеки — II, 375.
Баньянги — II, 381.
Баобабъ — II, 229.
Банеды — I, 761.
Баненди — II, 197.
Баноссо — II, 385.
Бануки — II, 380.
Барабанный языкъ — II, 95 294.
— телеграфъ — II, 19.
Барабры — II, 428. 432.
Барава-сомаліи — II, 187.
Баракъ — I, 242.
Барангаи — I, 430.
Баранта — II, 419.
Бараретты — II, 183.
Барбакоасы — I, 520.
Барбарисъ — I, 550. 551.
Барбасины — II, 552.
Бардоа — II, 507.
Баримъ — I, 374.
Баринго — I, 757; II, 305.
— озеро — II, 181. 186. 215.
Баріи — I, 62. 756; II, 42. 47. 48. 50. 52. 54. 80. 81. 107. 185. 269. 272. 273. 274. 282. 284. 285.
Барка — II, 488.
Барку — I, 325. 327.
Бароки — II, 118. 146.
Баромби, станція — II, 380.
Баронды — II, 381.
Баротсы и царство баротсовъ-мабундовъ — II, 141. 191. 231 и сл.
— вооруженіе — II, 235.
— земледѣліе и скотоводство — II, 236.
— іерархія — II, 233.
— музыка — II, 236.
— одежда и украшенія — II, 234.
— плетеныя работы — II, 235.
— постройка хижинъ — II, 236.
— судопроизводство — II, 233.
Бароэквы — II, 146.
Барріо — I, 413.
Барро, мысъ — I, 577.
— о-въ — I, 159.
Барсукъ — I, 481.
Басанатаны (башапатани) — II, 230.
Басимбы — II, 375.
Баски — II, 811. 812.
Баскскій языкъ — I, 32.
Басни о животныхъ — I, 69.
— австралійцевъ — I, 375.
— арктиковъ — I, 689. 690.
— бушменовъ — I, 732.
— готтентотовъ — I, 749.
— малайцевъ — I, 389. 458. 459.
Басунты — II, 349.
Басуты и страна басутовъ — I, 37. 50. 89. 135. 711. 737; II, 16. 26. 33. 45. 47. 48. 70. 100. 101. 104. 111—114. 140. 141.
Басса — II, 387.
Бассамы — II, 527.
Бассанги — II, 37. 308.
Бассималунга — II, 308. 318.
Бассонги — I, 762.
Бассонгомины, см. Бакуты.
Бастарды-грики — I, 735. 750. 751.
Бастарды серамскіе — I, 383.
— малайскіе — I, 383.
Бастарды, южно-африканскіе — I, 714. 736. 750 и слѣд.
Батавія — I, 112. 433.
Батанга и батангскіе негры — II, 339. 362. 363. 379.
Батанги, берегъ — I, 756.
Батанесъ, о-ва — I, 402.
Батара Гуру — I, 462. 463.
Бататы — I, 250. 253. 414. 477. 539. 700; II, 13.
Батвы — I, 713.
Батекехи — II, 14. 26. 303. 306. 312. 319. 377.
Батёрстъ, мысъ — I, 573.
Батлапины — II, 13. 45. 143.
Батлоки — II, 142.
Батоа — I, 720.
Батоаны (батованы) — II, 141. 152.
Батоки (батонги) — I, 102; II, 43. 80. 145. 149. 234. 235. 236. 237.
Батокскіе кузнецы — II, 237.
Батокскій скотъ — II, 104.
Батомы — II, 380.
Батонги, см. Батоки.
Баторъ — I, 390.
Батсоэтлы — II, 118.
Баттаки — I, 127. 146. 382. 383. 386. 387. 388. 390—393. 396. 397. 401. 403. 408. 409. 412. 414. 415. 417. 420. 421. 423. 424. 425. 429. 432—434. 436. 455. 459. 461. 462. 464. 469. 470. 472.
Бату — I, 388.
Батуа — I, 754. 756. 758. 759. 762. 763; II, 39.
Бату Пангалъ — I, 432.
Батырь — II, 419.
Батьянъ — I, 465.
Бау, о-въ — I, 162.
Бау-бау — I, 255.
Баучи — II, 525. 553.
Бафіоты — II, 376.
Баффинова земля — I, 572.
Бахръ эль Джебель — II, 267. 302.
— — Газаль — II, 267. 268. 269. 276.
Башиланги — I, 759; II, 307. 308. 309. 318. 331.
Башкиры — II, 417. 568. 576. 578.
Баяги — I, 756. 763.
Баянзіи — II, 63. 303. 304. 305.
Баэли — II, 513. 515.
Байдарки — I, 584.
Байдунгъ — I, 688.
Байеи — I, 717. 720; II, 230. 231.
Байкальское озеро — I, 678.
Байонги — II, 380.
Байонъ — II, 678.
Байяманги — I, 373. 374.
Байяуріи — II, 653.
Бевораны — II, 183.
Бегара — I, 439.
Бегемотъ — I, 701; II, 523.
Бегу — I, 461.
— Налалаинъ — I, 461.
Беданіи — II, 489.
Беджасы — II, 428. 433. 437.
Бедуаны — II, 488.
Бедуины — II, 426. 435. 450. 452. 455. 457.
Безбрачіе — II, 415. 594.
Безволосые австралійцы — I, 331.
Беи — I, 278.
Беки — II, 597. 648.
Беланды — II, 269. 270.
Белладонна — II, 624.
Беллаиы — I, 33.
Белль, король — II, 28. 363. 370.
Белуджи — II, 648.
Бедуртагъ — II, 308.
Бельвю — I, 603.
Бельмонта — I, 530.
Бемба, озеро — II, 69.
Бена-буссонги — II, 308.
Бенатуазамбы — II, 311.
Бенгуэлла — II, 51. 63. 239. 341. 342. 356. 363.
Бендеръ-Марайя — II, 174.
Бенеки — II, 320.
Бени — II, 493.
— -аббесы — II, 498.
— -амеры — II, 438. 488. 489.
— -Мгиль — I, 492.
— -Месленъ — II, 491. 492.
— -мзабы — II, 499.
Бенинъ — II, 40. 367. 383.
Бенонгъ — II, 663.
Бенуэ — I, 704; II, 82. 352. 364. 522. 527.
Бенъ-Изгенъ — II, 500.
Беотуки — I, 489.
Вербера — II, 178. 180.
Берберы — II, 108. 427. 438. 489 и слѣд.
— города и деревни — II, 497. 498.
— женщины — II, 500.
— земледѣліе — II, 498.
— Кабиліи — II, 490.
— общины — II, 500.
— одежда — II, 495. 496.
— сообщества — II, 502.
— типы — II, 493.
— торговля и промышленность — II, 499. 500.
— ученость — II, 504.
— и арабы — II, 492—495.

Береговая торговля въ восточной Африкѣ — II, 364.
Береговые готтентоты — I, 743.
Береговые негры — II, 14. 342.
Береговые чукчи — I, 573. 577. 579. 582. 622. 676. 680. 683.
Беринговъ о-въ — I, 581. 588.
— море — I, 482. 581. 582. 674.
— народы — I, 582.
— область — I, 671.
— проливъ — I, 482. 573. 578. 582. 669. 672. 674.
Берсеба — I, 750.
Бертаты — II, 170.
Ветанимена — I, 453.
Ветель — I, 250. 255.
Ветсилеи — I, 440. 445. 453.
Ветсилео, страна — I, 466.
Ветсимараки — I, 441. 453.
Бечуаны — I, 21. 33. 50. 105. 106. 123. 125. 135. 719. 720. 737. 751. 753 761; II, 27. 32. 44. 46. 47. 48. 54. 59. 61. 73. 80. 88. 89. 100. 104. 109 и сл., 191.
— бракъ — II, 123.
— власть начальника — II, 126.
— войны — II, 100.
— государственная жизнь — II, 126. 140.
— земледѣліе и жатва — II, 121. 122.
— исторія — II, 140.
— одежда и украшенія — II, 114. 118.
— оружіе — II, 117.
— утварь — II, 118.
— хижины и деревни — II, 119. 120.
Бечуаны-бушмены — I, 33.
Вива (Eriobotrya japonica) — II, 736.
Виге — II, 379.
Вигеньосы — II, 239. 363. 371. 374.
Вигль, каналъ — I, 550.
Bignonia — I, 528.
Вигоръ — I, 299.
Вигэ — II, 63 239. 369.
Видда — II, 558. 561.
Викенги — II, 308.
Віха, кустарникъ — I, 539.
— orellana — I, 479.
Вилибили — I, 163. 236.
Вилитонъ — I, 385.
Вилунъ Самакъ — I, 460.
Вильма — II, 512. 515.
Вимбіи — II, 380.
Винза, колдунъ — II, 54.
Винтула — I, 407.
Вирма — I, 33. 379: II, 658. 659. 662. 670—674. 676. 683—686.
Вирманцы — II, 656.
Вирманскій языкъ — I, 32.
Виръ-эль-Варга — II, 527.
Висмаркбургъ — II, 384. 385.
Висмарковъ архипелагъ — I, 148. 156. — островитяне — I, 179. 216.
Виссагосы — II, 551. 552.
Вишарьехи — II, 431. 436.
Віакъ — I, 163.
Віамъ-Мартинъ — I, 159. 162.
Віафады — II, 552.
Віу — I, 230.
Благородные металлы у древнихъ американцевъ — I, 648.
Благородный олень — I, 480.
Блаи — I, 259.
Бланга — I, 457.
Бланшуотеръ — I, 338.
Бланшъ, бухта — I, 241.
Бліяны — I, 467.
Боберъ — I, 481.
Бобоки — II, 71.
Бобы — I, 515.
Богенъ Райверъ — I, 331.
Боги бурь у американцевъ — I, 610.
Боги грома и бурь у американцевъ — I, 611.
Боги жатвы у океанійцевъ — I, 312.
Боги полей у океанійцевъ — I, 312.
Богини малайцевъ — I, 464.
Богосы — II, 488.
Богота — I, 475. 484.
Богъ войны у малайцевъ — I, 464.
— — у океанійцевъ — I, 312.
Богъ-Райверъ — I, 369.
Божества природы у океанійцевъ — I, 297.
Божественные предки — I, 50.
Божій маисъ — I, 477. 640.
Божій судъ — I, 55.
Божій судъ у говасовъ — I, 454.
— — у малайцевъ — I, 438.
Bois brulés — I, 497.
Бокефельдъ — I, 720.
Болабола, о. — I, 50.
Болась — I, 529. 548.
Болгары — II, 817.
Боливія — I, 474. 486. 521. 532.
Боло — I, 404.
Бололы — II, 304.
Болотные бабизы — II, 200. 201.
Болоту — I, 151. 285. 294. 308. 310. 313.
Большая Рыбная рѣка — I, 721; II, 134—136.
Большая страна намаковъ — I, 736. 744. 750. 751.
Большой Никобаръ — I, 212.
Большой Ньянцъ — II, 65. 76. 189. 255.
Болѣзненныя предрасположенія американскихъ народовъ — I, 487.
Бома — II, 376.
Бомбехи — II, 298.
Бомоканди — I, 763.
Бонгалы (Монгала) — II, 296. 298. 331.
Бонги — I, 33. 44. 104; II, 3. 19. 50. 54. 62. 72. 73. 87. 88. 94. 269. 283. 285. 288. 289. 299. 302. 312. 313. 325. 326. 328. 334.
— женщины — II, 7. 302.
Бонду — II, 555.
Бонисы — I, 522. 526. 534.
Бонни — II, 363. 364.
— ея обитатели — II, 382.
Борани — II, 183. 184.
Борку (Боргу) — II, 513. 514. 515.
Борнео — I, 169. 170. 379. 381. 383—386. 388. 391—395. 397. 402. 403. 404. 407. 414. 417—424. 426. 430. 432. 433. 436. 466. 467. 469—471. 695.
Борну — II, 30. 69. 521. 524. 526. 527. 530.
— войско — II, 542.
— исторія — II, 526.
— населеніе — II, 524.
— политическія формы — II, 539.
— хозяйственныя отношенія—II, 543.
— чиновники — II, 539. 540. 541.
Борогонъ — I, 688.
Боръ-аборы — II, 680.
Боры — II, 272. 286.
Босняки — II, 818.
Ботери — I, 479.
Ботлетль — II, 143.
Ботокуды — I, 485. 486. 489. 495. 498. 521. 525. 527—529. 537. 540. 543. 590. 601.
Бофоръ, фортъ — I, 735.
Бойтиннэ — II, 386.
Бразилія и бразильцы — I, 148. 475. 477. 483. 507. 520. 521. 524. 526. 528. 530. 536. 541. 592. 597. 610. 621.
Бракъ — I, 113. 116. 120. 242; II, 552.
— у американцевъ — I, 589.
— у малайцевъ — I, 424.
— у огнеземельцевъ — I, 556.
— у океанійцевъ — I, 268.
— ради наслажденія — I, 113.
Брама — II, 660. 758. 770.
Браманизмъ и браманы — II, 619. 622. 638. 639. 661. 766.
Брамапутра — II, 633.
Брассъ — II, 382.
Братство — I, 121.
Браццавиль — II, 354. 378.
Бреры — II, 273.
Бретонскій мысъ — I, 489.
Бречіи — II, 350.
Британская Кафрарія — II, 57. 137.
— Колумбія — I, 475. 557. 564.
— Гвіана — I, 475. 527.
Бродящіе напитки лѣсныхъ индѣйцевъ Средней и Южной Америки — I, 544.
— малайцевъ — I, 420.
— океанійцевъ — I, 254.
— сѣвероамериканцевъ — I, 516.
Бромиліацеи — I, 479.
Бронги (потозы) — II, 386.
Бруни — I, 421. 456.
Broussonetia papyrifera — II, 738.
Бубы — II, 380.
Бугенвиль, о. — I, 220. 241.
Бугисы — I, 169. 170. 386—388. 394. 395. 399. 402. 414. 419. 436. 468.
Будда — I, 464; II, 407. 660. 661. 758. 771—774.
Буддизмъ — I, 39; II, 407. 443. 567. 572. 610. 619. 770 и сл.
— ламы — II, 778.
— монастыри — II, 777.
— пустынножительство — II, 777.
— способы погребенія — II, 781. 782.
Буддисты — I, 63.
Будду — II, 514.
Буддумы — II, 534.
Бузерра — I, 759.
Бузи — II, 388.
Буквенный шрифтъ — I, 37.
Букини — I, 439.
Буксовое дерево — II, 793.
Буку — I, 230.
Букъ — I, 550. 551.
Була — II, 527.
Булалы — II, 534.
Булеи — II, 379.
Булломъ — II, 388.
Булхаръ — II, 178.
Бумага — II, 764.
Бумага древнихъ американцевъ — I, 645.
Бумажная шелковица (Broussonetia papyrifera) — I, 238. 252; II, 738.
Бумерангъ — I, 345; II, 626.
Бунангъ — II, 571.
Бунга-бунга, дерево — I, 354.
Бунгау — I, 242.
Бунда — II, 374.
Бунды — II, 375.
Буніонъ — I, 376.
Бурадаликъ — II, 413.
Бурамбинъ — I, 374.
Бурбонъ, о. — I, 441.
Бургенеджи — II, 187.
Бурребурри — II, 532.
Буру — I, 146. 422. 425. 429. 433. 438.
Бурубудуръ — I, 390.
Бурунгъ Сванги — I, 461.
Буры — I, 720. 737; II, 45. 130. 139.
Бурый желѣзнякъ — 285.
Буряты — I, 673; II, 569. 816.
Бусы — I, 503.
Бусы, значеніе ихъ въ торговлѣ — II, 69.
Бутія Феликсъ — I, 573. 582.
Буту — I, 602.
Бухара — II, 418.
Бухта акулъ — I, 337.
Buceros rhinoceroides — I, 469.
Бушмены — I, 16. 17. 31. 33. 87. 105. 125. 201. 703. 705. 706. 709. 716—719. 738. 740. 745. 746. 750. 761; II, 6. 18. 22. 78. 110. 162. 228.
— амулеты — I, 731.
— внѣшній видъ — I, 721.
— вѣра въ безсмертіе — I, 731.
— даръ подражанія — I, 729.
— домашняя утварь — I, 727.
— жертвы — I, 731.
— жестокость — I, 724.
— жилища — I, 727.
— западни и силки — I, 729.
— знанія и умѣнье — I, 727.
— искусство — I, 727.
— лицо — I, 722.
— любовь къ свободѣ — I, 724.
— миссія — I, 725.
— миѳическія представленія — I, 732.
— мужество — I, 724.
— музыка — I, 730.
— небесныя тѣла, почитаніе — I, 733.
— обращеніе съ дѣтьми — I, 731.
— общественныя и политическія отношенія — I, 731.
— одежда — I, 725.
— оружіе — I, 726.
— отравленіе стрѣлъ — I, 729.
— охота — I, 723.
— охота за страусами — I, 729.
— пища — I, 727.

Бушмены, положеніе женщины — I, 730.
— религіозныя представленія — I, 731.
— семейная жизнь — I, 730.
— способность къ рисованію — I, 729.
— способы погребенія — I, 731. 732.
— строеніе черепа — I, 722.
— украшенія — I, 726.
— умственные и душевные задатки — I, 723.
— физическая энергія — I, 723.
— языкъ — I, 719.
Буйволовыя ягоды — I, 479.
Буйволъ — I, 151. 481. II: 669.
Буэа — II, 380.
Буйюву, птица — I, 459.
Бхамо — II, 672.
Бхутанъ — II, 563. 685.
Бьаггагалесъ — I, 689.
Бьютъ, островокъ (Bute Inlet) — I, 564.
Бѣлка — I, 481, 669.
Бѣлые муравьи — II, 73.
Бѣлыя Воды — II, 419.
Бѣлый Нилъ — II, 459.

Вааль, рѣка — I, 721. 738. 752.
Вабаріи — II, 303.
Вабоны — II, 175. 180. 184. 211.
Вабумы — II, 305.
Вабуи — I, 759.
Вавау — I, 160. 174. 301.
Вавилонъ — II, 408.
Вавилоняне — II, 428.
Вавиры — II, 173. 188. 189. 199. 267. 292. 293. 306. 313. 324.
Вавумба — II, 148. 305.
Ваганды (Уганда) — I, 29. 106. 712. 714; II, 9. 16. 17. 22. 28. 29. 42. 43. 45. 49. 61. 62. 65. 84. 86. 88. 91. 92. 97. 173. 188—191. 210. 249 и сл., 265. 266.
— законы — II, 263.
— земледѣліе и скотоводство — II, 255. 256.
— классы — II, 262.
— музыка и пѣніе — II, 259. 260.
— многоженство — II, 265.
— одежда — II, 251.
— оружіе — II, 257.
— охота — II, 256.
— пища и напитки — II, 255. 256.
— постройка хижинъ — II, 251.
— правленіе — II, 260. 262.
— промышленность — II, 253. 254.
— физическіе признаки — II, 249.
— флотъ — II, 259.
— характеръ — II, 258. 259.
— числовая система — II, 260.
— чужеземныя вліянія — II, 264.
— языкъ — II, 266.
Вагараганцы — II, 207.
Вагайи — II, 255.
Вагеніи — II, 280. 325. 331.
Вагинды — II, 189. 190.
Вагоги (Угого) — I, 89, 108; II, 68. 186. 203—206.
Вагоки — II, 306.
аг уги — II, 37.
Вагумбы — II, 186.
Вагумы — I, 27. 136. 704; II, 107. 169 и сл., 183. 187. 188. 189. 207. 291.
— главныя государства — II, 265. 266.
— женщины — II, 178. 188. 250.
— одежда — II, 190.
— преданія — II, 189.
— происхожденіе — II, 189.
— скотоводство—II, 173. 174. 190. 256.
— утварь — II, 190.
— характеръ, физическое строеніе и образъ жизни — II, 187.
— хижины — II, 251. 252.
Вагузны — II, 210. 214.
Вадаи — II, 521. 535. 549.
— города — II, 537.
— исторія — II, 536.
— населеніе — II, 535.
— языкъ и нравы — II, 537.
Ваджагги (джагги) — II, 21. 47. 80. 204. 209. 211—215. 296.
Ваджиджи (Уджиджи) — II, 11. 50. 66. 67. 82. 186. 204. 207. 208. 217. 221.
Вадириги — II, 205.
Вадна — I, 347.
Вадои — II, 205.
Вадумбы — II, 294. 295. 306.
Вадью — I, 383.
Вадьянга — II, 513.
Вадьяны — I, 467.
Вазагары (Узагара) — II, 40. 204—207.
Вазамбары (Узамбара) — II, 148. 210. 211.
Вазарамы (Узарамо) — II, 50. 68. 204—206.
Вазегуйи — II, 215.
Вазеги — II, 40. 205.
Вазимбы — I, 442.
Вазиндьи (Узинджа, Узиндья) — II, 189. 190 207. 249. 251. 254. 266.
Вазоги (Узого) — II, 184. 250. 251.
Вазонгары — II, 14.
Вазукумы (Узукумы) — II, 66. 206. 207. 215.
Вазунги — II, 207.
Вакамбы — I, 98. 120. 121; II, 40. 45. 68. 70. 74. 85. 108. 183. 184. 205. 208—210.
Ваканъ — I, 609.
Вакары — II, 255.
Вакаунгу — II, 177.
Вакашаны — I, 558.
Вакайя — I, 290.
Вакеа и царство Вакеа — I, 40. 47. 50. 305. 309.
Вакеросы — I, 515. 531.
Вакиди, см. Ланги.
Вакикуйи — II, 71. 187.
Вакилинды — II, 211.
Вакимбы — II, 205.
Вакинги — II, 199.
Вако — I, 259.
Вакондіи — II, 305. 314.
Вакононги — II, 207.
Вакопи — II, 262.
Вакоры — II, 546.
Вакуафы — II, 169. 171. 174. 176. 180. 183. 184. 185. 186. 187. 208. 210. 214.
Вакуи — II, 206.
Вакунгу — II, 262. 263.
Вакуссы — II, 306. 308. 317.
Вакханцы — II, 645. 654.
Валангуло — II, 211. 214.
Валгалла — I, 47.
Валегги — II, 296. 306.
Валессы — I, 759; II, 305. 306.
Валинди — II, 189.
Валлаби — I, 352.
Валунги — II, 41. 149.
Вальдубба — II, 470.
Валювакатини — I, 311.
Вамачонды — II, 150.
Вамбиликомо — I, 757.
Вамбубы — I, 759; II, 86. 291. 305.
Вамбугвы — II, 215.
Вамбуги — II, 198.
Вамбунды — II, 303.
Вамбута — I, 756.
Вамбутти — I, 763.
Вамеры — II, 213.
Вами — II, 67.
Вампумъ — I, 503. 600.
Вампфуны — II, 303.
Вамримы — II, 68. 219.
Ванау — I, 272.
Вангваны — II, 218.
Вангони — II, 148. 150. 197. 207.
Ванданы — I, 501.
Вандименова земля — I, 371.
Вандороббы — II, 174. 180. 186. 214. 215.
Ванеги — II, 216.
Ваники — II, 208—211.
Ваниль — I, 477.
Ванкуверовъ островъ — I, 162. 537. 558.
Ваньоры (Уньоро) — II, 18. 42. 45. 61. 82. 86. 97. 173. 178. 189—191. 210. 249 и сл., 265. 266. 267. 280. 281.
— гинекократія — II, 178.
— законы — II, 263.
— земледѣліе — II, 255.
— музыка — II, 259.
— одежда — II, 251.
Ваньоры, оружіе — II, 257.
— пища — II, 255. 256.
— постройка хижинъ — II, 251.
— правленіе — II, 260.
— торговля и промышленность — II, 253. 254. 263.
— уродованія тѣла — II, 251.
— характеръ — II, 258 и сл.
— языкъ — II, 266.
Ваньямвезіи (Уньямвези) — I, 29. 121; II, 11. 24. 68. 69. 97. 148. 190. 202—208.
Ваньямбы — II, 266.
Ваньятуры — II, 206. 215. 251. 255.
Ваньясса, см. Манганжа.
Вапарры — II, 214.
Вапоки — II, 190.
Вапокомы — II, 42. 45. 46. 130. 208. 211.
Варанди — I, 757—758.
Варангъ, ящерица — I, 299.
Варвары — II, 809.
Вардаи — II, 183.
Варекаури — I, 174.
Варка горячими камнями — I, 253.
Вармбадъ — I, 752.
Варонги — II, 254.
Варрана разведеніе — I, 356.
Варунди (Урунди) — II, 189. 249 и сл., 266.
Вассандауи — II, 216.
Вассаніэ — II, 180. 183. 211.
Вассиліи — II, 533.
Вассонгоры — II, 317.
Васуагеліи (суагеліи) — II, 11. 70. 183. 196. 203. 206. 218. 219.
Вассау — II, 385. 386.
Ватаветы — II, 214.
Ватакамы, — II, 207.
Ватва — I, 754. 757—759.
Ватербуръ, Ник. — I, 751.
Ватейты — II, 175.
Ватіу, о. — I, 159.
Ватонголи — II, 262.
Ватуа — I, 756. 763.
Ватудимы — II, 218.
Ватузіи — II, 110. 190. 207. 250.
Ватуи — II, 184.
Ватуты — II, 34. 147—149. 169.
Ватэ — I, 161. 166. 237. 299. 313. 323.
— островитяне — I, 254. 310.
Вау-вау, теорія — I, 31.
Вауро — I, 459.
Вафипы — II, 208. 221.
Вафіомы — II, 215.
Вашамбасы — II, 211.
Вашансаи — II, 587.
Вашаши — II, 251. 266.
Вашензи — II, 218.
Вашимба — II, 151.
Вашингтонъ — I, 598.
Ваэрота, Ваэроти — I, 173.
Ваянгскіе комедіанты — I, 389.
Вайгіу, о. — I, 255.
Вайгу — I, 300.
Вайдахъ (Видахъ) — II, 42. 355. 370. 383.
Вайео, каменныя террасы — I, 295.
Вайлакки — I, 507.
Вайники, рѣка — I, 263.
Вайтіо, рѣка — I, 300.
Вайяи (Яо) — II, 32. 50. 61. 69. 143. 146. 147. 149. 150. 192. 195. 197—199.
Вайяндоты — I, 500. 595.
Ввозъ невольниковъ въ Занзибаръ — I, 122.
Веве — I, 461.
Веве—система — I, 123. 268. 271. 272. 276.
Веды — II, 765.
Веддасы Цейлона — I, 211. 213. 382; II, 605. 606. 642.
Веи племена — II, 11. 387. 388.
Великая стѣна, китайская — II, 570. 587.
Венды или сорбы — II, 818.
Венецуэла — I, 475. 479. 493. 520. 538.
Веніи — II, 304.
Вентвортъ — I, 338.
Venus mercenaria — I, 504.
Веракрусъ — I, 651.
Верапасъ — I, 622.
Верблюдъ — I, 88. 701; II, 454. 580.
Верблюжье дерево — II, 168.

Верхнее озеро — I, 512. 601.
Верхній Аруша — II, 187.
Верхняго Нила племена — II, 81. 87. 283. 286. 290.
Верхняя Гвинея — II, 38. 440.
Верхоянскъ — I, 676.
Вестъ-Индія — I, 523. 533. 657.
Веттеръ — I, 406.
Вещи, положенныя въ гробъ, у американцевъ — I, 622.
— у древнихъ американцевъ — I, 643.
Вигвамъ — I, 516.
Видди — I, 344. 345.
Виды проса, африканскіе — I, 696. 700.
Визаи — I, 387.
Викторія — I, 327. 338. 341.
Викторія Ніанца — I, 756.
Вильяметта — I, 561.
Виммера — I, 338.
Винная лоза — I, 447. 479. 480; II, 498.
Виннебаги — I, 501. 615.
Винтуны — I, 479. 487. 496. 502. 506. 513. 514. 516. 590. 592. 599. 603. 621.
Винцентовъ заливъ — I, 348.
Виракоча — I, 629.
Виргинія — I, 618.
Вирри — I, 345.
Висконсина — I, 515. 519.
Витбой, Гендрикъ — I, 752.
Виту — II, 211.
Витунгенггуи — I, 374.
Віунгарэ — I, 375.
Вичвезіи — II, 189. 250.
Вишну — II, 770.
Виэанія (Южная Америка) — I, 744. 750.
Вкусовыя вещества, содержащія кокаинъ и алкоголь — I, 92.
— у австралійцевъ — I, 354.
— у готтентотовъ — I, 745.
— у океанійцевъ — I, 254.
Внутренная Африка и ея обитатели — II, 289 и сл.
— земледѣліе и скотоводство — II, 320. 324.
— карликовые народы — II, 302.
— кушанья — II, 322. 324.
— лѣсные народы — II, 291. 292.
— людоѣдство и охота за людьми — II, 331.
— музыка — II, 329.
— народныя движенія — II, 296—299. 335.
— одежда и украшенія — II, 310. 311. 313. 314.
— оружіе — II, 290. 314. 315.
— охота и охотничьи народы — II, 291. 296. 324.
— постройка домовъ — II, 289. 317. 319.
— прически — II, 294. 311.
— промышленность и торговля — II, 324. 325. 327—330. 558. 559.
— семья и общество — II, 332. 334.
— типы — II, 294.
— торговля рабами — II, 331.
Вогулы — I, 673. 675; II, 803.
Водка — II, 12. 347. 358. 457.
— у арктиковъ — I, 674.
— у готтентотовъ — I, 745.
— у океанійцевъ — I, 255.
Водопроводы — I, 651.
Водяной рисъ — I, 88. 477.
Водяные малайцы — I, 412.
Военноплѣнные, какъ рабы — I, 121.
Военныя и вооруженныя игры полинезійцевъ — I, 191.
Военныя суда — I, 166.
Воздѣлываніе маиса у сѣверо-американцевъ — I, 515.
Волжскіе монголы — II, 569.
Волжскіе финны — II, 804.
Волло-галласы — II, 171.
Волосы у австралійцевъ — I, 331.
— у американцевъ — I, 486.
— у африканцевъ — I, 739; II, 5.
— у готтентотовъ — I, 739.
— у мадагассовъ — I, 445.
— у малайцевъ — I, 382.
— у меланезійцевъ — I, 211.
— у микронезійцевъ — I, 184. 185.
Волосы у сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 559.
Волокнистыя вещества Америки — I, 479.
Вольта, группа народовъ — II, 384.
Воммера (вумера) — I, 344.
Вонги — I, 459.
Воолли — II, 555.
Воровство у меланезійцевъ — I, 215.
Ворожба съ частями человѣческаго тѣла — II, 372.
Вороньи индѣйцы — I, 503.
Восковой кустъ — I, 478.
Воскресная рѣка — I, 721.
Воспитаніе дѣтей — I, 119.
Воспитаніе у индѣйцевъ — I, 266.
Восточная Азія и восточно-азіатскіе народы — II, 408—410. 702 и сл., 746 и сл.
— архитектура — II, 713. 714.
— женщины — II, 744.
— искусство — II, 712.
— каменный вѣкъ — II, 687.
— культура — II, 687 и сл.
— музыка — II, 714.
— почитаніе предковъ — II, 759. 783.
— рабы — II, 749.
— расы — II, 702 и сл.
— религія — II, 758 и сл.
— семья — II, 742—747.
— умственное развитіе — II, 709. 710. 712.
— физическіе признаки — II, 705 и сл.
— характеръ — II, 708. 709.
Восточная Африка — I, 441; II, 74. 95 и сл., 202.
— Бразилія и восточные бразильцы — I, 489. 521. 531. 544.
— Гренландія — I, 567. 572. 574. 579. 586. 587.
— Меланезія — I, 240. 245. 272.
— Новая Гвинея — I, 179. 233. 255.
— Сибирь — I, 671. 676.
— Суматра — I, 383.
— Ява — I, 384.
Восточные азіатцы — I, 44.
— бамангваты — II, 142.
— бечуаны — II, 140.
— Гималаи — II, 680. 682. 685.
— гренландцы — I, 576. 577. 582. 586.
— малайцы — I, 388.
— монголы — II, 569.
— народы, недостатокъ энергіи — II, 467.
— эскимосы — I, 573.
Восточный Люсонъ — I, 402. 418.
— мысъ — I, 573. 582.
— Серамъ — I, 417.
Вотяки — II, 803.
Вочуа — I, 763; II, 301. 302.
Войлочныя юрты — I, 108.
Война — I, 133.
— у австралійцевъ — I, 338.
— у американцевъ — I, 601.
— у говаосовъ — I, 454.
— у древнихъ американцевъ — I, 632. 665. 666.
— у малайцевъ — I, 434. 436.
— у океанійцевъ — I, 287.
— у эскимосовъ — I, 572.
Врачебное искусство у американцевъ — I, 496.
— у готтентотовъ — I, 746.
— у негровъ — II, 18. 59.
— у полинезійцевъ — I, 190.
Вредныя животныя Африки — I, 701.
Всеобщая исторія культуры — I, 5.
Всеобщее одухотвореніе природы — I, 56. 302.
Вудларкъ — I, 255.
Вуи — I, 295. 296.
Вулканическіе острова — I, 153.
Vulpes fulvus — I, 482.
Вульвасы — I, 599. 622.
Вунго — II, 42.
Вурли — I, 348.
Выдра — I, 481.
Выдѣлка кожъ у арктиковъ — I, 681.
Выжженное мѣсто на темени у баловъ — II, 601.
Вызываніе дождя и вызыватели его II, 41. 54.
Вымираніе дикихъ народовъ — I, 11.
Высшее существо малайцевъ — I, 463.
Вытравленіе плода — II, 591.
Вѣра въ духовъ у австралійцевъ — I, 376.
Вѣра въ змѣй у американцевъ — I, 616.
Вѣра въ призраки — II, 442.
Вѣчный огонь индѣйцевъ — I, 612.
Вязъ Игдразиль — I, 58.

Гавайцы — I, 168. 192. 209. 235. 236. 249. 255. 257.
Гавайскіе о-ва — I, 29. 50. 156. 170—177. 187. 190—193. 195. 196. 203. 208. 224. 234. 235. 247. 253. 256. 258. 266. 269. 270. 274. 278. 279. 281—284. 292. 298. 303. 305. 307—309. 315—318. 320. 322.
Гавань Финша — I, 220. 225.
— Гатцфельда — I, 215.
Гаваики, сказаніе — I, 171. 173.
Габунъ — II, 340. 348. 351. 378.
Га — II, 385.
Гаданары — II, 520.
Гадаремы — II, 182.
Гадендои — II, 431.
Гадубангъ — I, 428.
Haematnthus toxicarius — I, 729.
Газа, страна — II, 191.
Газели, рѣка — II, 267.
Гаика — II, 135. 136.
Гаики — II, 6. 134.
Гакка — II, 703.
Галадима — II, 540.
Галапагосскіе о-ва — I, 152.
Галека — II, 135.
Галеки — II, 136. 137.
Галибисы — I, 486. 525. 526.
Halicore — II, 433.
— Dugong — I, 243.
Галласы — I, 105. 704. 757. 758; II, 3. 15. 34. 47. 62. 73. 85. 96. 102. 107. 169 и сл., 181. 182. 183. 189. 202. 203. 268. 431. 560.
— гинекократія — II, 178.
— города — II, 174.
— земледѣліе и скотоводство — II, 173. 174.
— одежда и украшенія — II, 171. 172.
— оружіе — II, 173.
— охота и охотничьи народы — II, 174. 180.
— племена — II, 183 и сл.
— правовые порядки — II, 179.
— промышленность — II. 173.
— соціальныя отношенія — II, 175. 176. 180.
— характеръ — II, 171. 178. 182.
— хижины — II, 174.
— языки — II, 184.
Галлины — II, 344. 388.
Галлы — II, 813.
Галонгало — I, 310.
Гальмагера — I, 182 212. 392. 424—427. 429. 430. 438. 459. 461. 468.
Гальчакесы — I, 533.
Гальчи — II, 645. 647.
Гамаксабіоты — II, 586.
Гамазенъ, провинція — II, 431.
Гамалангъ (гамеланъ) — I, 391.
Hamamelis — I, 479.
Гаманты — II, 431.
Гаманъ — II, 385.
Гамбари — II, 300. 301. 335.
Гамбаррагары горы — II, 190.
Гамбье, о-ва — I, 174. 322.
Гангуеллы — II, 239. 240. 375.
Гангъ — II, 633.
Гандерува — I, 461.
Ganera — I, 240.
Ганіи, см. Шулія.
Ганноверская бухта — I, 350.
Ганой — II, 671.
Гантомская бухта — I, 356.
Гаокъ — I, 610.
Гапайи — I, 172. 301.
Гапу — I, 265. 271. 272. 276.
Гараманты — I, 3; II, 505.
Гарафары — I, 212.
Гардинеровъ протокъ — I, 558.
Гаремъ — II, 465.

Гаро-н-Баучи, см. Якоба.
Гары — II, 680. 682. 683. 684. 685. 686.
Гассаньэ-арабы — II, 412.
Гассы — II, 489.
Гатамцы — I, 230. 293. 300.
Гатеросы — I, 539.
Гаттерасъ, мысъ — I, 482. 499.
Гатъ — II, 508. 517. 518. 520.
Гау — I, 244.
Гаукеровъ заливъ — I, 366.
Гауксбери, рѣка — I, 337.
Гауссы — I, 73. 704; II, 83. 352. 381. 383. 517. 528. 549. 550. 551.
— города — II, 557. 558.
— государства — II, 86.
— земледѣліе и скотоводство — II, 559.
— луки — II, 352.
Гаучосы — I, 480. 539.
Гахабэ — II, 135.
Гайдахи — I, 148. 486. 495. 508. 516. 558—563. 565. 594—597. 607. 618. 619. 623.
Гайфонгъ — II, 671.
Гайявата — I, 500.
Гвадалканаръ — I, 223. 241. 255.
Гвали — II, 134.
Гватемала — I, 475. 477. 488. 501. 520. 528. 540. 596. 597. 609. 638. 640. 648. 651. 654. 662.
Гвинея — I, 699; II, 340. 358. 381.
Гвинейскій берегъ — II, 41.
Гвіана — I, 475. 478. 479. 490. 495. 498. 520. 526—528. 530. 531. 534. 538—544. 591. 601. 610. 616. 620. 621.
— племена — I, 533.
Гвоздичное дерево — I, 380.
Гвузуонгъ — I, 459.
Гевава — I, 172.
Гевзиба (Hepyzibah) — I, 725.
Hediondilla — I, 647.
Геезъ народы — II, 183. 440.
Геліолатрія у американцевъ — I, 609.
Helmia bulbifera — II, 255.
Гетемъ — II, 438.
Гельвинкская бухта — I, 181. 247. 258. 268.
Гелькоты (гейкоты) — II, 488.
Гельскій языкъ — II, 814.
Гена — I, 429.
Genipa americana — I, 479.
— Caruto — I. 524.
Генипаба — I, 479.
Гено — I, 610.
Гёнтеръ — I, 337.
Географическое воззрѣніе въ изученіи народовъ — I, 3.
Геометрія — I, 64.
Георгія — I, 519. 596.
Гербатиръ — II, 180.
Гервеевы о-ва — I, 178. 188. 203. 287.
Обитатели Гервеевыхъ о-въ — I, 195. 206. 240.
Гереросы — I, 34. 50. 62. 125. 721. 740. 752. см. также овагереросы.
Гериръ — II, 183.
Германсбургъ — I, 361.
Германскія владѣнія въ восточной Африкѣ — II, 203.
Германцы — II, 805. 808. 811. 814. 815.
Herminiera — II, 65.
Герои океанійцевъ — I, 313.
Гейтси-Эйбибъ — I, 748.
Hibiscus — I, 525.
Гидатсы — I, 510, 623.
Гизеха пирамиды — II, 404.
— сфинксъ — II, 402.
Гиккори Таунъ — II, 40.
Гиколео — I. 308.
Гиксы — I, 27. 709; II, 408. 434. 435.
Гила, долина — I, 434. 620.
Гилигили — I, 717.
Гило — I, 247.
Гиляки — I, 48. 676; II, 696.
Гималаи — II, 563. 564.
Гиміариты — II, 468.
Гинаны — I, 402. 471.
Гиндо — II, 149.
Гинекократія — I, 119; II, 24. 178. 245.
— на Мадагаскарѣ — I, 450.
Гинеунтепэ — I. 308.
Gynerium saccharoides — I, 531.
Гинэ — I, 308.
Гиперборейцы, американскіе, см. эскимосы.
— азіатско-европейскіе, см. арктическіе народы Стараго Свѣта.
— родство съ сѣверо-западными американцами — I, 557.
Гирапирипири — I, 313.
Гиро — I, 297. 298. 299.
Gyrophora — I, 480.
Гіаги — II, 373.
Гіалонгъ, аннамскій король — II, 677.
Hibiscus — I, 167. 235. 240.
— rosea — I, 457.
Гіероглифическое письмо — I, 37.
— американцевъ — I, 493.
Гіомере — II, 387.
Гіунгну — II, 569.
Hyphaene thebaica — II, 268.
— ventricosa — II, 226.
Глиняные сосуды древнихъ американцевъ — I, 645.
— малайцевъ — I, 423.
Glyceria — I, 477.
Глицинія — I, 248.
Глухарь — I, 480.
Гнату — I, 198. 234.
Гоа — I, 431.
Гоатцокоалько — I, 87.
Гоайносы — I, 495. 527. 531. 543. 596. 597.
Гоби — II, 588.
Говасы — I, 146. 439. 441. и слѣд. 445. 446. 448. 453. 467. 470. 472.
— законы — I, 454.
— лодки — I, 167.
— страна — I, 439. 447.
Гокланы — II, 418.
Гоклы — II, 703.
Голахи — II, 388.
Голландцы — I, 247. 385.
Голль, проливъ — I, 216. 236.
Голодовки въ Океаніи — I, 163; II, 414. 632. 719.
Голонтало — I, 433. 462. 469.
Голосы — II, 74.
Голуби — I, 249.
Голубой Нилъ — II, 268.
Голубыя горы — II, 120.
Гольды — I, 676. 691.
Гомеры — I, 36.
Гомъ-гома — I, 746.
Гонаки — I, 735. 737. 753.
Гонго — II, 205.
Гонгъ — I, 391.
Гондаръ — II, 472. 484.
Гондокоро — I, 62.
Гондурасъ — I, 520. 536. 537. 539.
Гонзелло — II, 239.
Гонолулу — I, 280.
Гону — I, 123.
Гончарное искусство древнихъ американцевъ — I, 645.
— меланезійцевъ — I, 236.
— микронезійцевъ — I, 234.
— полинезійцевъ — I, 234.
— средне- и южно-американцевъ — I, 533.
— сѣверо-американцевъ — I, 509.
Гора (музыкальный инструментъ) — I, 717. 730. 746.
Гора св. Иліи — I, 557. 566.
Горамезы — I, 169.
Горамъ — I, 430.
Горбатый скотъ — II, 455.
Горностай — I, 481.
Горнъ, мысъ — I, 483. 550.
Горные дамары — I, 721. 729. 740; II, 167. 168.
— лопари — I, 680.
Горныя племена Индо-Китая — II, 680 и сл.
— иранскія — II, 654.
— племена юго-восточной Азіи — II, 86 и сл., 87 и сл.
— вооруженіе — II, 84.
— земледѣліе — II, 84.
— жилища — II, 85.
— одежда и украшенія — II, 82. 83.
— промышленность и торговля — II, 84.
— семейная жизнь — II, 86.
— физическое строеніе — II, 82.
Горныя племена Индіи — II, 641.
— — юго-восточной Азіи — II, 680 и слѣд.
— — Люсона — I, 405.
— — Ассама — I, 214.
Города пустыни — II, 518.
Гостепріимство американцевъ — I, 606.
Государства Судана, магометанскія — I, 136.
Государство австралійцевъ — I, 367.
— американцевъ — I, 601.
— древне-американцевъ — I, 663.
— мадагассовъ — I, 452.
— малайцевъ — I, 431.
— океанійцевъ — I, 6. 128. 130. 263.
— полинезійцевъ — I, 274.
Готскій языкъ — I, 32.
Готтентотскій передникъ — I, 717.
— — у бушменовъ — I, 17. 722.
Готтентоты — I, 16. 105. 706. 716—720. 722. 723. 724. 725. 735. 752. 754; II, 3. 6. 7. 44. 62. 90. 99. 135. 136.
— антропологическіе признаки — I, 738.
— бастарды — I, 736. 750.
— вкусовыя вещества — I, 745.
— волосы — I, 739.
— вооруженіе — I, 742.
— воспитаніе дѣтей — I, 747.
— врачебное искусство — I, 746.
— деревни — I, 744.
— земледѣліе — I, 745.
— изготовленіе циновокъ — I, 744.
— музыка — I, 746.
— обычаи при родахъ — I, 746.
— одежда — I, 740.
— пища — I, 745.
— племена — I, 735.
— погребеніе — I, 747.
— покупка женщинъ — I, 747.
— политическія учрежденія — I, 749.
— раскрашиваніе — I, 742.
— религіозныя представленія — I, 747.
— ремесла и искусства — I, 745.
— ростъ I, 739.
— рыболовство — I, 743.
— свадьбы — I, 747.
— сказанія и басни — I, 748.
— скотоводство — I, 744.
— смѣшеніе съ Банту — I, 717.
— строеніе черепа — I, 738.
— татуировка — I, 742.
— торговля и сношенія — I, 746.
— украшенія — I, 741.
— умъ и характеръ — I, 740.
— утварь — I, 742.
— хижины — I, 744.
— цвѣтъ — I, 739.
— черты лица — I, 739.
— языкъ — I, 719.
Готуа — I, 294.
Готы — II, 814.
Гоубби, р. — II, 522.
Гофрахъ энъ Нахасъ — II, 81.
Гоясъ — I, 534.
Грандъ Басса — II, 388.
Гранъ-Чако — I, 486. 523. 528. 546. 549.
Гребы, см. Крусы.
Грегемстаунъ — II, 136.
Греки — II, 430. 799. 809.
Гремучія змѣи — I, 482.
Гренадильясъ — I, 478.
Гренландія и гренландцы — I, 566. 567. 568. 566—572. 573. 574. 576—578. 581. 583—589.
Грецкіе орѣхи — I, 478.
Грибы — I, 480.
Грикаландъ — I, 751.
Грикатаунъ — I, 751.
Гриква — I, 135. 735—738. 750. 751.
Гриннеллева земля — I, 567.
Гріоты — II, 552. 555. 556.
Громовой богъ — I, 57.
Громовые боги американцевъ — I, 610.
Громъ — II, 49.
Грузины — II, 788.
Групповой бракъ — I, 6. 113. 114. 116.

Груссіи — II, 385.
Грутфонтейнъ — I, 752.
Гуаваканъ — I, 493.
Гуаки — I, 610. 614. 621. 649.
Гуалакисо-хиваросы — I, 593.
Гуаманчуай — I, 638.
Гуанагани — I, 143.
Гуанаки — I, 313.
Гуанако — I, 480. 481. 552.
Гуанасы — I, 592.
Гуанкавелика — I, 649.
Гуано — I, 640.
— острова Тихаго океана — I, 177. 640.
Гуанъ — II, 384.
Гуанчи — II, 489.
Гуаранисы — I, 489. 491. 521. 544. 546. 548. 622.
Гуарапо — I, 542.
Гуарайосы — I, 486.
Гуарауносы — I, 528. 535. 620. 622.
Гуассо Нарокъ — II, 186.
— Нгишу — II, 187.
— Ниро — II, 186.
Гуатавито — I, 627. 649.
Гуахарибы — I, 543.
Гуагейне — I, 50. 157.
Гуайамъ — I, 171.
Гуайкурусы — I, 521. 597.
Гуайна-Копакъ — I, 633. 664.
Гуайява — I, 478.
Губулевайо — II, 144.
Губы (племя) — II, 559.
Гуги — I, 499. 502. 516. 599.
Гудбей — I, 164. 222.
Гудзоновъ заливъ — I, 474, 499. 574. 579. 587.
„Гула-гула", танецъ — II, 706.
Гумбольдтова бухта — I, 179. 181. 255. 258.
Гумзо — II, 542.
Гумината — I, 641.
Гундехъ — II. 323.
Гунны — II, 800.
Гупэ — II, 680.
Гури — II, 505.
Гурки — II, 563.
Гуроны — I, 500. 506. 512—514. 518. 596. 607.
Гурскія горы — II, 571.
Гуру, орѣхъ — II, 76. 340.
Гурусы — I, 459. 460. 469.
Гуттаперчевое дерево — I, 645.
Гуттъ-Гайверъ — I, 356.
Гуэ — II, 668. 676—678.
Гуйенъ — II, 675. 676.

Давленіе природы — I, 14.
Дагвумба — II, 386.
Dagne — I, 406.
Дагомея — II, 41—43. 45. 55. 63. 65. 366. 367. 383.
— амазонки — II, 366.
— охота за рабами — II, 367.
Дада, королева — II, 366.
Дакоты — I, 500. 502. 507. 510. 516. 609. 610. 620.
Далай Лама — II, 603. 604. 777. 778.
Далды — II, 568. 604.
Дало, см. Таро.
Даллесъ — I, 563.
Дамель — II, 552.
Дамары — I, 21. 134. 740. 752. см. также овагереросы.
Дамарскій скотъ — II, 104.
Дамаскированные клинки — II, 452.
Данакилы — II, 81. 178, 182. 185.
Данкиры — II, 385.
Д'Антрекасто, острова — I, 180. 216. 233. 293.
Дао — II, 684.
Дарамалуну — I, 57.
Дарджилингъ — II, 685.
Дарды — II, 571. 608. 647.
— шляпы — II, 601.
Дарлингъ, рѣка — I, 335. 338. 361.
Дарфуръ — I, 699; II, 438, 526.
— исторія — II, 526.
— населеніе — II, 538.
— торговля рабами — II, 538.
— хижины — II, 529.
Дарьенъ — I, 525. 599. 604.610.
Датто (начальники) — I, 430. 431. 432.
Дауры — I, 676.
Даусонъ — I, 361.
Дафлы — II. 680.
Daphne indica — I, 255.
Даха — I, 745; II, 76.
Даяки — I, 9. 40. 44. 88. 146. 381. 382. 386. 388. 390. 391. 392. 394. 401. 402. 403. 405. 406. 408. 411. 413. 415. 416. 418—422. 425. 428. 435. 436. 438. 456. 457. 461. 462. 463. 465. 467. 469. 471.
Дайеріи — I, 116. 334. 355. 364. 365. 368. 377.
Двабинъ — II, 386.
Двоеданцы — II, 568.
Двуязычность — I, 116.
Деббе — II, 412.
Дебра Таборъ — II, 486.
Девисовъ проливъ — I, 574.
Делаваръ, р. — I, 499.
Делавары — I, 597.
Дембы — II, 270. 283.
Демъ Сулейманъ — II, 460.
Денабъ — II, 282.
Денге — I, 301. 307. 311. 312. 314. 315.
Денгесъ, дерево — I, 306.
Дендидъ — II, 42.
Деньги — I, 99.
— въ Меланезіи — I, 241. 242.
— въ Микронезіи — I, 242.
— у малайцевъ — I, 423.
— у негровъ — II, 89.
Derranis coccinea — I, 236.
Дервиши — II, 446.
Деревенскія государства малайцевъ — I, 430.
Деревенскій старшина изъ Гизехскаго музея — II, 407.
Деревни готтентотовъ — I, 744.
— древне-американцевъ — I, 658.
— малайцевъ — I, 413.
— океанійцевъ — I, 262.
— сѣверо-американцевъ — I, 518.
Дерево вау — I, 240.
— Гесперидъ — I, 58.
— Тп — I, 252.
Деревянное оружіе полинезійцевъ — I, 204. 205.
Деревянный мечъ куинслэндцевъ — I, 347.
Деревянные дома — I, 105.
— — арктиковъ — I, 685.
Дёски, бухта — I, 164.
Деспобладо — I, 474.
Деспотизмъ — I, 131.
— у океанійцевъ — I, 284.
Дехъ — II, 387.
Джагги, см. Ваджагги.
Джаммы — II, 485.
Джанамбе — II, 546.
Джайнуръ — II, 632.
Джебель Кельяминъ — II, 185.
Джеллабы — II, 526.
Дж маа — II, 498. 501. 502. 503.
Джемшиды — II, 645.
Джонъ — II, 82.
Джерма — II, 540.
Джиббы — II, 275.
Джильбертовы о-ва — I, 83. 160. 178. 185. 196. 208. 209. 235. 259. 266. 268. 277. 278. 283. 296. 299. 301. 305. 323.
— обитатели Джильбертовыхъ острововъ — I, 160. 179. 185. 196. 197. 208. 235. 287. 296.
Джинъ-Буми — I, 464.
Джинрикиша (курума) — II, 725.
Джины — I, 459. 464; II, 433.
Джоджокарта — I, 390.
Джолиба, р. — II, 422.
Джонки, китайскія — II, 690. 723—725.
Джубъ — II, 169. 183. 189.
Джунгары — II, 569.
Джуры — I, 33. 85. 99; II, 22. 27. 47. 87. 270. 271. 272. 278. 280. 283. 285. 287. 299. 324. 348.
Дзамба — II, 581. 584.
Дигеньосы — I, 506.
Дигма — II, 540.
Дикая свинья — I, 480.
„Дикіе" — I, 14.
Дикіе народы — I, 20.
— — вымираніе ихъ — I, 11.
Дикіе народы, положеніе — I, 14. 18. 22.
Дикіе языки — I, 33.
Дикое масличное дерево (Elaeagnus) — II, 589.
Диксонъ — I, 678.
Дилука, деревня — II, 239.
Динганъ — I, 120; II, 125. 129. 130. 136. 139.
Динго — I, 183. 329.
Динки — I, 34. 714; II, 22. 24. 35. 42. 44—47. 54. 71. 74. 86. 94. 97. 99. 101. 102. 107. 185. 186. 269. 271. 273. 279. 284. 285. 288. 432.
Диннль — I, 338.
Дирки — II, 531.
Діалектъ — I, 30. 32.
Діануа — I, 311.
Dioscorea — I, 328. 356.
Diospyros kaki — II, 736.
Добро и зло — I, 52.
Дождевые камни — II, 286.
Дозы, см. Донгозы.
Долганы — I, 670. 679. 685. 687.
Долина Огайо — I, 519.
Дольмены въ сѣверной Африкѣ — II, 63. 491.
Домашнія животныя въ Америкѣ — I, 481.
Домашняя утварь арктиковъ — I, 682
— — бушменовъ — I, 727.
— — древне-американцевъ — I, 643.
— — океанійцевъ — I, 260.
— — сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 562.
Домъ у австралійцевъ — I, 348.
— у американцевъ — I, 544.
— у древне-американцевъ — I, 652.
— у мадагассовъ — I, 445.
— у малайцевъ — I, 407.
— у меланезійцевъ — I, 256.
— у микронезійцевъ — I, 256.
— у полинезійцевъ — I, 256.
Донгозы — II, 514.
Донгола — II, 438.
Донголы — II, 438.
Доньоры — II, 187.
Дорадо, Эль — I, 627. 649.
Доре — I, 268. 320.
Дорейцы — I, 179.
Дравиды — II, 607.
Дравиды Южной Индіи — I, 214.
Драконовы горы — I, 721, 751; II, 134.
Dracaena terminalis — I, 252. 457.
Древесная кора, какъ матеріалъ для одежды — I, 96.
Древне-американскіе культурные народы — I, 480. 624.
— благородные металлы — I, 648.
— бумага — I, 645.
— вещи, положенныя въ гробъ — I, 643.
— водопроводы — I, 651.
— военная организація — I, 666.
— воинственный духъ — I, 665.
— вооруженіе — I, 637.
— глиняные сосуды — I, 645.
— государственный строй — I, 663.
— деревни — I, 658.
— домашняя утварь — I, 644.
— естественныя условія — I, 626.
— живопись — I, 660.
— жизненный обиходъ — I, 663.
— жилища — I, 652.
— жреческое сословіе — I, 632.
— земельная собственность — I, 662.
— земледѣліе — I, 627. 640.
— золотыя и серебряныя литыя издѣлія — I, 649.
— имущество — I, 643.
— исторія — I, 664.
— каменныя орудія — I, 647.
— колонизація — I, 664.
— культурные герои — I, 629.
— лицевыя урны — I, 646.
— напитки — I, 642.
— наслѣдованіе по женской линіи — I, 662.
— одежда — I, 635.
— организація — I, 632.
— оружіе для защиты — I, 639.
— отсутствіе домашнихъ животныхъ — I, 643.

Древне-американскіе культурные народы, отсутствіе желѣза—I, 144. 648.
— переселенія — I, 630.
— письменность — I, 632.
— пища — I, 641.
— пластическое искусство — I, 659.
— положеніе женщины — I, 661.
— постройки — I, 653.
— почитаніе предковъ — I, 664.
— проведеніе дорогъ — I, 650.
— происхожденіе древне-американской культуры — I, 624 и сл.
— пьянство — I, 642.
— разработка руды — I, 649.
— религія — I, 608 и сл.
— религіозныя правила — I, 632.
— роды — I, 662.
— рѣзьба по дереву — I, 648.
— связь культурнаго достоянія — I, 631.
— семейная жизнь — I, 661.
— система вѣстниковъ — I, 651.
— сношенія — I, 649.
— табакъ — I, 642.
— татуировка — I, 637.
— украшенія — I, 637.
— уродованіе черепа — I, 637.
— цѣнность культуры — I, 632.
— человѣческія жертвы — I, 565. 566.
Древне-вавилонское искусство — II, 408.
Древне-греческій языкъ — I, 31.
Древне-египетскій языкъ — I, 31.
Древнее Перу — I, 626. 645. 646.
Древне-перуанцы — I, 645.
Древніе европейцы — I, 45.
— мексиканцы — I, 660.
Древняя Мексика — I, 136. 479. 537. 659.
Drimys Winteri — I, 551. 554.
Дружбы острова — I, 174. 187. 195. 199. 209. 256.
Друзы — II, 787.
Дуаллы — I, 108; II, 19. 39. 43. 62. 294. 348. 364. 365. 373. 380.
DuBoisia Pituri — I, 354.
Дудинскіе дангалы — I, 670.
Дукъ-дукъ — I, 276; II, 366.
Думпасси — II, 386.
Думъ, пальма — II, 268. 514. 544.
Дунганы — II, 415. 417. 568.
Дурра — II, 173. 225. 455. 456.
Дурьянъ — I, 380. 414. 458.
Духъ — II, 455. 456.
Духовая труба средне- и южно-американцевъ — I, 402.
Духовая труба и стрѣлы малайцевъ — I, 402.
Духовное достояніе народовъ — I, 25.
Духовныя лица — I, 52—54. 66. 132.
— австралійцевъ — I, 377.
— американцевъ — I, 619.
— древне-американцевъ — I, 631.
— мадагассовъ — I, 453.
— малайцевъ — I, 428 467.
— океанійцевъ — I, 315—318.
— полинезійцевъ — I, 190.
Духъ истины у дикихъ народовъ — I, 65.
Душаны — II, 134.
Дуэллерсъ, утесъ — I, 518.
Дханги — II, 608.
Дьенгехи — II, 271.
Дьодьеріи — II, 273.
Дьолофы (джолофы) — II, 6. 546. 547. 549. 551. 552. 555.
Дьонгъ, см. Ньонгъ.
Дьюриги — I, 461.
Дьюръ-Гаттасъ — II, 18. 460.
Дьяллабы — II, 438.
Дьямби — I, 432.
Дынное дерево — I, 479.
Дѣленіе индѣйцевъ на два типа — I, 484.
Дѣлен е на тотемы — II, 165. 372.
Дѣтоубійство — I, 113.
— у австралійцевъ, I, 358.
— въ восточной Азіи — II, 743—746.
— въ Индіи — I , 637.
— у мадагассовъ — I, 450.
— у негровъ — II, 21.
— у океанійцевъ — I, 163. 266. 324.
— у полинезійцевъ — I, 293.

Ебы — II, 383.
Еве (улитка) — I, 246.
Евнухи — II, 534. 541.
Евреи — II, 428. 434. 435. 440. 459. 500. 797.
Европейцы — I, 25; II, 795 и сл.
— наука — II, 799.
— поклоненіе животнымъ — II, 799.
— человѣческія жертвы — II, 799.
— въ западной Африкѣ — II, 344, 387.
— въ Индіи — II, 614.
— въ Японіи — II, 707.
— на Малайскомъ архипелагѣ — I, 385.
Европейское вліяніе въ Африкѣ—I, 711.
Евфратъ — II, 407.
Египетъ и египтяне — I, 27. 709; II, 69. 401 и сл., 427. 433 и сл.
— исторія — II, 401—404. 437.
— колонизація — II, 406.
— культура — II, 401—403.
— пирамиды — II, 402 и сл.
— религія — II, 435. 764. 765.
Египетская культура въ Африкѣ — I, 711.
Единство человѣческаго рода — I, 8.
— американской расы — I, 483.
Elaeagnus, см. Масличное дерево.
Eleusine — II, 225. 321.
— coracana — II, 321.
Ельхъ — I, 612.
Ембы — II, 350.
Empacasseiros — II, 373.
Енгэ — I, 756.
Енисей — I, 676. 678. 685.
Енисейскіе остяки — I, 689.
Енотъ — I, 480.
Eriobotrya japonica — II, 736.
Eriodendron, см. Хлопчатобумажное дерево.
Erythrina — I, 167.
Erythroxylon Coca — I, 480.
Естественные коммунисты — I, 91.
Eugenia — I, 354.
Euchlaena — I, 640.
— luxurians — I, 477.
Euphorbia candelabrum — I, 729.
Echinochloa — I, 477.
Ешль, см. Ельхъ.

Жеваніе бетеля — I, 92; II, 670.
— у малайцевъ — I, 419.
Жеваніе коки — I, 92.
Желѣзныя украшенія — II, 291.
Желѣзо — I, 6; II, 400. 762.
— у арктиковъ — I, 681.
— въ Африкѣ — I, 709.
— у малайцевъ — I, 420.
— у эскимосовъ — I, 579.
Желтая раса — II, 562.
Желтые флаги — II, 658.
Женскія войска — I, 119.
Женскій челнокъ гренландцевъ — I, 584.
Женщина, положеніе ея у австралійцевъ — I, 362.
— у американцевъ — I, 594.
— у арктиковъ Стараго Свѣта—I, 687.
— у бушменовъ — I, 730.
— у древне-американцевъ — I, 661.
— у малайцевъ — I, 427.
— у океанійцевъ — I, 269.
— въ первобытномъ обществѣ — I, 118.
Женщины-правительницы — I, 119.
Жерновъ — I, 644.
Жертва волосъ — I, 59.
Жестокость индѣйцевъ — I, 489.
Жесъ — I, 521. 543.
Животные курганы — I, 519.
Животный міръ Австраліи — I, 329.
— — Америки — I, 477. 480.
— — Африки — I, 701.
— — Мадагаскара — I, 440.
— — Малайскаго архипелага — I, 381.
— — Океаніи — I, 149. 155.
Жизнь въ пещерахъ — I, 106.
Жилища — I, 105.
— арктиковъ — I, 685.
— бушменовъ — I, 727.
— древне-американцевъ — I, 652.
— патагонцевъ — I, 549.
— сѣверо-американцевъ — I, 516.
Жилища сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 560.
— тасманійцевъ — I, 372.
Жилища на деревьяхъ — I, 105. 110; II. 89. 319.
— у малайцевъ — I, 409.
Жители австралійскихъ о—вовъ — I, 332.
Жители Адмиралтейскихъ о—вовъ — I, 180. 220. 226. 233.
Жрицы — I, 119.
Жуатэ — I, 546.
Жужуй — I, 549.

Заботы о бѣдныхъ у американцевъ — I, 596.
Завоеваніе — I, 137.
Загангскихъ языковъ семейство — II, 656.
Загробный міръ, ученіе о наградѣ и наказаніи — I, 47.
Задачи народовѣдѣнія — I, 3.
За́друга — I, 121.
Заза-хова — I, 451.
Заклинатели дождя — I, 48. 55.
Заклинатели солнечнаго свѣта — I, 48.
Закутываніе лица — II, 516. 576.
Закъ, р. — I, 725.
Замбези и народы Замбези — I, 718. 720; II, 65. 69. 85. 109. 141. 145. 191. 192. 193. 195—197. 221. 223. 229. 236. 238. 240.
Замбы — I, 498.
Замкнутость народовъ — II, 409.
Замна — I, 628. 629.
Занзибаръ — I, 112. 447; II, 50. 69. 186. 207. 208. 216—220.
— ввозъ невольниковъ въ З. — I, 122.
Западная Австралія — I, 325. 335. 342. 355. 360.
— Азія — II, 409.
— Африка и западные африканцы — II, 18. 24. 34. 45. 46. 50. 51. 58. 75. 337 и сл.
— Амазонка — II, 366.
— Африка — II, 337.
— Божьи суды — II, 372.
— деревни — II, 354. 355.
— животный міръ — II, 340.
— земледѣліе и скотоводство — II, 355. 356.
— искусство — II, 360—362.
— климатъ — II, 339.
— лингвистическія группы — II, 373. 374.
— музыка — I, 353.
— образованіе государствъ — II, 367.
— одежда — II, 348. 349. 350.
— оружіе — II, 351.
— охота — II, 358.
— пища и вкусовыя вещества — II, 357. 358. 364 373.
— рабство и охота за рабами — II, 366.
— расовые признаки — II, 347.
— растительный міръ — II, 339.
— семейная жизнь — II, 365. 366. 371. 372.
— судостроеніе — II, 362.
— тайные союзы — II, 373.
— торговля и промышленность — II, 359. 363—365.
— цехи — II, 359.
— Гренландія — I, 584. 621.
— Меланезія — I, 240.
— Новая Гвинея — I, 181. 323.
— Флорида — I, 514.
— Ява — I, 388. 395.
Западные австралійцы — I, 329. 338. 342. 360. 365. 370. 374. 376.
— бамангваты — II, 141. 142.
— бечуаны — II, 140.
— гренландцы — I, 577. 582.
— макалаки — II, 76.
— малайцы — I, 388.
— меланезійцы — I, 255.
— монголы — II, 569.
— сакалавы — I, 454.
— эскимосы — I, 573. 574. 579.
Западный Борнео — I, 413.
— Суданъ — II, 76. 545 и сл.
Запаросы — I, 521.

Заратустра — II, 769.
Заяцъ — I, 480.
Заячьи индѣйцы — I, 495. 603. 612. 614. 615.
Зебу — II, 455.
Зебуканъ — I, 541.
Зегзегъ — II, 553.
Земледѣліе — I, 26. 87.
— у австралійцевъ — I, 356.
— у готтентотовъ — I, 745.
— у древне-американцевъ — I, 527. 640.
— у мадагассовъ — I, 443. 446.
— у малайцевъ — I, 414.
— въ Океаніи — I, 249.
— у патагонцевъ — I, 549.
— въ Средней и Южной Америкѣ — I, 539.
— у сѣверо-американцевъ — I, 514, 515.
— у сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 565.
Земледѣліе и кочевая жизнь — II, 422.
Земли Шанъ — I, 138.
Земля баттаковъ — I, 379.
— Дамара — I, 721. 740.
— императора Вильгельма — I, 241.
— короля Вильгельма — I, 582.
— короля Уильяма — 573.
— сомаліевъ — I, 695. 757.
Земляника — I, 541.
Землянки — I, 670.
Земляныя хижины эскимосовъ — I, 587.
— азіатско-европейскихъ гиперборейцевъ — I, 687.
Зимбамбійе — II, 147.
Zizania, см. Водяной рисъ.
Zizyphus — II, 433.
Змѣи — I, 300. 329. 701.
Змѣиная рѣка — I, 508.
Змѣиные индѣйцы — I, 501.
Змѣя, какъ предм. суевѣрія — II, 47.
Знаки траура у малайцевъ — I, 472.
Знахари австралійцевъ — I, 378.
Знахарки — II, 23.
Зогавы — II, 505. 515. 536.
Золотая орда — II, 802.
Золото въ Америкѣ — I, 509.
— у готтентотовъ — I, 745.
— у малайцевъ — I, 422.
— у негровъ — II, 81.
— у средне- и южно-американцевъ — I, 532.
Золотой берегъ — II, 17. 23. 40. 42—44. 46. 51. 53. 55. 367. 372. 386.
Зондцы — I, 388.
Зубы кашалота, какъ деньги и украшеніе — I, 223. 242.
Зуки — II, 187.
Зунзангъ — I, 169.
Зулусы — II, 5. 10. 22. 27. 32. 38. 44. 46. 47. 60. 63. 66. 84. 88. 92. 102. 103. 108 и сл., 191. 221. 229. 554.
— армія — II, 128 и сл.
— государственная жизнь — II, 121.
— колдуны — II, 56.
— одежда и украшенія — II, 114. 115.
— оружіе — II, 116.
— покупка женъ — II, 123.
— постройка домовъ — II, 119.
— право — II, 131.
— семейная жизнь — II, 123. 124. 130.
— утварь — II, 118.
Зыряне — I, 675. 688.

Ибаданъ — II, 383.
Иберы — II, 800. 811.
Ибосы (ибо) — II, 118. 381.
Ибрагимъ шерифъ эдъ-Динъ — II, 449.
Иви — I, 312.
Игнерсоиты — I, 617.
Игомы — II, 532.
Игорроты — I, 382. 383. 397. 401—404. 414—416. 421. 423. 428. 435. 438. 457. 464—467.
Игра топингъ у баттаковъ — I, 469.
Игры — I, 74.
— индѣйцевъ — I, 495.
— полинезійцевъ — I, 191—193.
Игглутуарзукъ — I, 572.
Идея о божествѣ — I, 49.
Идіу, см. Эйо.
Идолы изъ перьевъ у гавайцевъ — I, 320.
Идолы — I, 47.
— малайцевъ — I, 455.
— негровъ — II, 50.
— океанійцевъ — I, 319.
Изабель — I, 220. 229. 240. 255. 258. 266.
Изангу — II, 123.
Изандлана — II, 117. 139.
Избы — I, 685.
Избытокъ мужчинъ — I, 113.
Изваянія на скалахъ — II, 414.
Изготовленіе кожи у сѣверо-американцевъ — I, 512.
Изибайе — II, 119.
Изимпортло — II, 128.
Изинзисва — II, 128.
Изобрѣтеніе и открытіе — I, 75.
Изолированіе женщинъ — II, 591.
Изреченія изъ корана — II, 450.
Икты — II, 383.
Икулео — I, 298. 308.
Икунгу — II, 326.
Иламуты — I, 463.
Илапиты — I, 434.
Iex Cassine — I, 515. 607.
Или — II, 415. 417.
Илимъ — I, 511.
Иллинойсъ (индѣйское племя) — I, 579. 597.
— (штатъ) — I, 509. 604.
Илокосъ — I, 423.
Илолы — II, 27.
Илонготы — I, 391. 393. 401. 404. 408. 418. 424. 428. 434. 435. 468.
Илоринъ — II, 383. 551.
Имаджирхены — II, 520.
Имапанги — II, 520.
Имерина — I, 439. 440.
Имеретины — II, 788.
Иммеръ — I, 241.
Имохаги — II, 520.
Имохары — II, 520.
Императорскій каналъ въ Китаѣ — I, 722. 723.
Имрады — II, 520.
Инганбаны — II, 120.
Индве — II, 134.
Индивидуализмъ — I, 129.
Индиворъ, бухта (Endeavour) — I, 331.
Индигирка — I, 677.
Индиго — I, 440; II, 174. 544. 560. 629.
Indios bravos — I, 497. 604.
— pintos — I, 487.
Индіана — I, 441.
Индія и индусы — I, 210. 213. 380. 388; II, 12. 605 и сл.
— бракъ — II, 636. 637.
— буддизмъ — II, 610.
— войска — II, 627.
— горныя племена — II, 641.
— города — II, 631.
— государства — II, 643. 644.
— живопись — II, 619.
— жилища — II, 630. 631.
— жреческая каста — II, 766.
— законы — II, 642.
— зданія — II, 613. 617 и слѣд.
— земледѣліе и скотоводство — II, 628—630.
— искусство — II, 616.
— касты — II, 610. 612. 638—642.
— литература — II, 615.
— музыка — II, 621.
— народы — II, 605 и сл.
— одежда и украшенія — II, 621. 622. 623. 624.
— оружіе — II, 624—627.
— охота — II, 630. 633.
— пища — II, 628. 629. 632. 633.
— положеніе женщины — II, 635—637.
— положеніе и климатъ — II, 611.
— расы — II, 605 и сл., 610. 639. 640.
— религія — II, 766. 767.
— смѣшенія — II, 607. 608. 609.
— сообщенія — II, 632.
— способы погребенія — II,
— торговля и промышленность — II, 633. 634. 635.
— характеръ — II, 614. 615. 623.
Индо-африканцы — I, 702.
— единство — I, 702.
Индо-африканцы, историческая сила — I, 714.
— круги идей — I, 709.
— культуры — I, 711.
— легенды о звѣздахъ — I, 709.
— лингвистическія группы — I, 705.
— номадизмъ — I, 702.
— племена — I, 704.
— происхожденіе — I, 707.
— смѣшанные народы — I, 714.
— численность — I, 712.
— эѳіопскій типъ какъ ядро — I, 703.
Индо-Китай и его обитатели — I, 379; II, 656 и сл.
— вооруженіе — II, 666. 667.
— горныя племена — II, 674. 680 и сл.
— города — II, 668.
— государство и общество — II, 674. 675.
— деревня и домъ — II, 667.
— дикари — II, 659.
— законы — II, 676.
— земледѣліе и скотоводство — II, 668. 669.
— искусство — II, 664. 671.
— кожа — II, 662. 666.
— мѣста развалинъ — II, 660.
— одежда и украшенія — II, 664—666.
— первичное населеніе — II, 659. 660.
— пища — II, 668. 670.
— промышленность — II, 670. 671.
— расовые признаки — II, 661.
— религія — II, 776.
Индонезія — I, 230.
Индуку — I, 231.
Индуны — II, 125.
Индусы — II, 608.
— на Мадагаскарѣ — I, 442.
Индъ — II, 633.
Индѣйка — I, 477. 480. 481. 538. 643.
Индѣйская собака — I, 481.
Индѣйская территорія — I, 597.
Индѣйскій мысъ — I, 582.
— хлѣбъ — I, 480.
Индѣйцы — I, 17. 36. 37. 45. 88. 125. 126. 145. 150. 481 и сл. 624. 629. 630. 635. 644. 646. 647.
— См. также американцы, средне- и южно-американскіе лѣсные индѣйцы, сѣверо- и сѣверо-западные американцы.
Индѣйцы Гудзонова залива — I, 607.
— лѣсовъ и прерій Сѣверной Америки — I, 499.
— куайкересы — I, 495.
— пуэбло — I, 501.
Инки и царство инковъ — I, 49. 136. 482. 590. 599. 626—630. 636. 537. 639. 640. 642. 643. 649. 650. 654. 659. 662 и сл. 667.
Инты — II, 386.
Инфибуляція — II, 85. 251.
Иньямванга — II, 199.
Ипурины — I, 544. 606.
Иравадди — II, 633. 680.
Иракадернгель — I, 312.
Ираквай — I, 274.
Ираку — II, 216.
Иранцы — II, 644. 647.
— горныя племена — II, 653.
— духовныя свойства — II, 648.
— жилища — II, 649. 650.
— земледѣліе и скотоводство — II, 650. 651.
— одежда — II, 649.
— пища — II, 651.
— поклоненіе огню — II, 768. 769.
— политическое господство — II, 653.
— религія — II, 768—770.
— торговля и промышленность — II, 652. 653.
— физическіе признаки — II, 645.
Иренги — I, 99; II, 169. 184.
Ирокезы — I, 57. 135. 500. 502. 507. 514—517. 590. 591. 595—598. 600—603. 610. 619. 666.
Иса, р. — I, 532.
Исламъ — I, 39. 62. 385. 430. 442; II, 62. 344. 413. 428. 435. 441 и сл., 503. 534. 538. 548. 555. 572. 591.
— женщины — II, 465.
— жрецы — II, 444.
— свѣтское право — II, 448.

Исламъ, языкъ — II, 448.
— въ Африкѣ — II, 443.
— въ западной Африкѣ — II, 344.
— въ Европѣ — II, 796.
— въ Египтѣ — II, 435.
— въ Персіи — II, 649.
— въ Суданѣ - II, 526. 530. 531.
Искусство — I, 69. 71.
— у бушменовъ — I, 727.
— у готтентотовъ — I, 745.
— древне-американцевъ — I, 666 и сл.
— меланезійцевъ — I, 217. 246.
— огнеземельцевъ — I, 554.
— полинезійцевъ — I, 246.
— сѣверо-американцевъ — I, 511.
— эскимосовъ — I, 571.
— плетенія у австралійцевъ — I, 357.
Испанская Америка — I, 506.
Испанскій перецъ — I, 478.
Испанско-тагальскіе метисы — I, 385.
Испанцы — I, 385.
Исполинскій броненосецъ — I, 533.
Иссанго — I, 756.
Исси-кулъ — II, 418.
Иссини — II, 387.
Итава — II, 199.
Итанеги — I, 384.
Итонго — II, 44.
Иту-галласы — II, 183.
Итури — I, 754. 756. 762; II, 305. 306.
Ифоги — II, 520.
Ифуган — I, 406. 436. 463.
Ифэ — II, 231.
Ицамаль — I, 652.
Ишилунга — II, 116.
Ишитамбо — II, 200.
Ишоги — II, 82. 294.

Іа — II, 183.
Jacquinia — I, 537.
Іалъ — II, 183.
Іегова — II, 443.
Іеллаустонъ — I, 508.
Іеменъ — II, 430. 466.
Іерима — II, 540.
Іессо — II, 688. 699. 700. 701.
Іеты — II, 704.
Іеунды — II, 379.
Іиберы — II, 180.
Іоаннъ изъ Абиссиніи — II, 472. 485.
Іо-Дурьянъ — I, 459.
Іола — II, 528.
Іолофы, см. дволовы.
Іомуды — II, 418. 565.
Іонійцы — II, 803.
Іонкеръ Африканеръ — I, 752.
Іоркъ, мысъ — I, 337. 343. 354. 365. 366. 369. 579. 680.
— полуостровъ — I, 344. 351.
— островъ — I, 366.
Іорубы — II, 348. 383. 550. 558.
Іоскега — I, 611.
Islas de mala gente — I, 212.
— de ombres blancos — I, 212.
Juncus serratus — II, 231.
Jus primae noctis — II, 374.

Кабабишъ-арабы — II, 412.
Кабабо — I, 253.
Кабао — II, 39. 330.
Кабекель — I, 165.
Кабибъ — I, 748.
Кабига — I, 463.
Кабигатъ — I, 463.
Кабилы и Кабилія — II, 6. 489. 490. 497. 500. 502.
Кабинапеки — I, 618.
Кабинды — II 349. 374. 376.
Кабого — II, 148.
Кабощиры — II, 370.
Кабрега — II, 191. 256.
Кабуньянъ — I, 463.
Кава — I, 156. 254.
Кавалли — II, 188. 190.
Каваръ (Кауаръ) — II, 513. 515. 531.
Кавендэ — II, 208.
Кавирондо — II, 181. 266.
Кавказъ и его народы — II, 784 и слѣд.
— дома — II, 793.
— женщины — II, 793.
— земледѣліе — II, 792. 793.
— мореплаваніе — II, 794.
— нравы и обычаи — II, 785.
Кавказъ и его народы, образъ правленія — II, 794.
— одежда — II, 791.
— оружіе — II, 791. 794.
— промышленность — II, 793.
Кавы — II, 532.
Кагаянскіе даяки — II, 404. 405.
Кагиченэ — II, 163. 164.
Кагномбы — II, 63.
Кагуно — I, 316.
Каддусы — I, 507.
Кадеры — I, 211. 214.
Кади — II, 447.
Кадъякъ — I, 162. 573. 619.
Каза дель Гобернадоръ въ Ухмалѣ — I, 652.
Казака — I, 721.
Казаки — II, 816.
„Казбахъ“ — II, 497.
Казембе — II, 29. 32. 50. 247. 248.
— царство — I, 35.
Казенджа — II, 20.
Казехъ — II, 203. 206.
Казингль — I, 294.
Казонго — II, 23. 29. 50. 53. 79. 241.
Канты — I, 501.
Кака — I, 304.
Какаду — I, 249. 299.
Какао — I, 477. 480. 542. 642.
Каки (Diospyros kaki) — II, 736.
Какіены — II, 684.
Кактуса плоды — I, 642.
Какуаки — II, 273. 295.
Калабаръ — II, 381.
Калагари — I, 328. 699. 700. 720. 725.
Калагари, пустыня — II, 78. 104.
Caladium esculentum — I, 414; II, 355.
Каламба — II, 290. 307. 316.
Каламерта — I, 463.
Каланги — II, 247.
Калганъ — II, 588.
Калебуи — II, 333.
Калевала — II, 805. 806. 808.
Калеви пёгъ — II, 807.
Каледонская рѣка — I, 725.
Калликасы — II, 273. 302. 322.
Калиты — I, 294. 295. 299. 301. 305. 312. 317.
Калифорнія — I, 476. 479. 499. 501. 502. 504. 506. 507. 509. 511. 515. 516. 557. 590. 592. 619. 626.
Калифорнцы — I, 485. 495. 514. 623.
Калмыки — II, 569.
Калосы — I, 599.
Calotropis gigantea — I, 402.
Calophyllum — I, 319.
Калоэ (Калуэ) — I, 464.
Калунга — I, 50; II, 42.
Калунда, см. Лунда.
Калунда — I, 754.
Кальбукубъ — I, 243.
Кальдоиръ — I, 243.
Калькфонтенъ — I, 752.
Калькутта — II, 532.
Калькуттонъ — II, 544.
Кальпулли — I, 596. 634. 662.
Кальчакисы — I, 149. 485.
Каляпуйя — I, 491.
Кама — II, 142.
Камагереро — II, 153. 160. 165.
Камасси — II, 187.
Камбала — I, 481; II, 63.
Камбоджа и камбоджцы — II, 656—664. 669—671. 678—681. 687.
Камеамеа — I, 163. 176. 187. 280. 282. 283. 284. 286. 287. 320.
Камедевая акація — I, 700.
Камедевое дерево — I, 238. 479.
Каменныя орудія — II, 400.
— австралійцевъ — I, 347.
— американцевъ — I, 647.
— меланезійцевъ — I, 226.
— полинезійцевъ — I, 202.
Каменный вѣкъ Африки — I, 709.
Каменныя постройки въ Полинезіи — I, 258.
Каменный вѣкъ у негровъ — II, 76—79.
— въ восточной Азіи — II, 687.
Камерунская область — I, 36. 45. 704.
Камерунъ, гора — I, 44.
Камерунъ — II, 28. 42. 62. 64. 88. 337. 339. 340. 349. 353. 359. 362—364. 378—380.
Ками — II, 762.
Камиларои — I, 338. 374.
Кампиланъ — I, 403. 404.
Кампо дель Ареналь — I, 476.
Кампосскіе индѣйцы — I, 548.
Campsidium chilense — I, 553.
Камфарное дерево — I, 381.
Камчадалы — I, 579. 679. 681. 685. 686. 691.
Камчатка — I, 676. 685 687; II, 699.
Канада — I, 476, 483. 486. 497. 515. 590
Канадцы — I, 479. 619.
Канаки — I, 168.
Каналоа — I, 302. 307.
Канарезы — II, 607.
Кангалагъ — I, 688.
Канги — II, 420. 598. 696.
Кангомби — II, 369.
Кангхао — II, 695.
„Канджа“ — II, 458.
Кане — I, 50. 307.
Канембы — II, 531.
Канеты — II, 571.
Канемъ — II, 513. 526. 527. 531.
Каникаріи — I, 211.
Канинскій полуостровъ — I, 675.
Cannabis indica — II, 76.
Каннибализмъ, см. Людоѣдство.
Кано — II, 9. 544. 560.
Кантамбо — II, 387.
Кантіанакъ — I, 460.
Кантонъ — II, 672.
Кануріи — II, 68. 528. 531. 532. 533. 534.
Канья брава — I, 531.
Каньягмуты — I, 573.
Капелла — II, 191.
Капивары — I, 533.
Капилавасту — II, 678. 771.
Капская колонія — I, 719. 735. 750; II, 78.
Капскіе готтентоты — I, 750.
Капскій буйволъ — I, 701.
Капу — II, 384.
Капустная пальма — I, 328.
Карамановъ характеръ — II, 22. 67. 217. 247. 329. 363. 421. 538. 544. 588. 603.
Караваны въ пустыняхъ — II, 421.
Карагвэ — II, 188. 189. 190. 217. 266.
Караибскія области — I, 484.
Карайбы — I, 474. 478. 491. 493. 514. 520. 524. 525. 533. 534. 591. 592. 598. 599. 602. 616. 625.
Каракалпаки — II, 417. 565.
Каракиргизы — II, 417. 418. 565.
Карамойосы — II, 187.
Каратэ — I, 487.
Карай — I, 274.
Карайясы — I, 485. 491. 527. 529. 534. 535. 591. 598. 616.
Каргаулы — I, 582.
Кардухи — II, 784. 787.
Карены — II, 680—682.
Caryocar butyrosum — I, 538.
Карихоны — I, 525. 526.
Каркалла — I, 353.
Карлики Атрумаллійскихъ горъ — I, 213.
Карликовые народы Африки — I, 705. 753.
— жизнь и странствованія — I, 759.
— людоѣдство — I, 762.
— одежда, оружіе и утварь — I, 762.
— отравленіе стрѣлъ — I, 762.
— охота — I, 761.
— способъ распространенія — I, 763.
— умственныя способности — I, 761.
— характеръ — I, 761.
— хижины — I, 763.
— языки — I, 761.
Каровары — I, 47.
Кароки — I, 502, 507.
Каролинскіе о-ва — I, 153. 160. 163. 179. 194. 196. 209. 244. 305.
— ихъ обитатели — I, 171. 200.
Каросъ — I, 725. 740.
Карпентарія, заливъ — I, 350.
Каррару — I, 360.
Картети — I, 363.
Картофель — I, 477. 541. 700.
Карты океанійцевъ — I, 168.
Карши — II, 413.
Карчи, Pio — I, 626.

Касаи и область Касаи — II, 76. 303. 306. 307. 314.
Casas grandes — I, 481. 518. 610. 647. 658.
Кассава — I, 541; II, 71.
Кассаде — I, 541.
Кассанже (кассандже) — II, 245. 309. 363.
Каске, ёденіе — II, 376.
Касонки — II, 552.
Кассонъ — II, 555.
Касръ Дауанъ — II, 493.
Cassis — I, 504.
Castiloa elastica — I, 534. 645.
Casuarina equisetifolia — I, 319.
Casuarine — I, 458.
Касьюи — II, 380.
Катанбы (катавбы) — I, 500. 594.
Катанга — II, 81. 289.
Каталина, о. — I, 509.
Катамарка — I, 603.
Каталанганы — I, 397. 463.
Катамараны — I, 169.
Катай — II, 697.
Катехиба — II, 288.
Катикиро — II, 262.
Катинганъ — I, 435.
Католозы — II, 198.
Катонда — II, 42. 45.
Катсена — II, 560. 561.
Кауаи — I, 163.
Каубибъ-коинъ — I, 737.
Каука — I, 479.
Кауки, долина — I, 604.
Каумулій — I, 163.
Каури — II, 69.
Каури, сосна — I, 165.
Каучуковыя ліаны — II, 340.
Каучукъ — I, 479. 700; II, 329.
Кафиры, см. Сіапоши.
Кафрское просо, см. Сорго.
Кафры — I, 16. 45. 231. 716. 717. 724. 740. 746. 747. 752. 753; II, 108 и сл.
— государственная жизнь — II, 126. и сл.
— группы и племена — II, 109. 134. и сл.
— духовные задатки — II, 109.
— земледѣліе и ско оводство — II, 121.
— одежда и украшенія — II, 114. 115.
— оружіе — II, 116. 117.
— пища — II, 122.
— право — II, 131.
— семейная жизнь — II, 123 и сл.
— строеніе тѣла — II, 109.
— утварь — II, 118.
— хижины и деревни — II, 119. 120.
Кафузы — I, 498.
Каффа — I, 757; II, 174.
Кахамарка — I, 625. 635. 651.
Кацики — I, 598.
Качичъ — II, 309.
Качаръ — II, 685.
Кашмиръ — II, 612. 620. 621.
Каштаны — I, 479.
Каякъ — I, 584.
Кайгамма — II, 540.
Кайкайбріо — I, 721.
Кайкумъ — II, 269.
Кайсаки — II, 565. 572.
Кайюги — I, 500.
Кайяряки — I, 617.
Квагга, р. — II, 230. 237.
Квакеры Африки — II, 231.
Квакіутли, квакіулп — I, 558.
Квамбана — I, 732.
Квебекъ — I, 500.
Цветцалькугоатль — I, 628. 629. 667.
Квецаль — I, 481. 528.
Квито — I, 475. 628. 650.
Квольжа, см. Фольжа — II, 388.
Кебу — II, 385.
Кедеру, см. Митты.
Келемузу — I, 263.
Келиманэ — II, 198.
Келовіи (келуи) — II, 505. 507. 519.
Кельтскій языкъ — II, 814.
Кельты — II, 808. 812. 813.
Кема — I, 276.
Кенайцы — I, 499.
— атнахи — I, 591.
Кенгуру, островъ — I, 351.
Кенгуру — I, 329.
Кенехъ — II, 412.
Кенія — II, 185.
Кеннебекъ — I, 515.
Кепъ — I, 166.
Керепуну — I, 251.
Керибины — II, 534.
Кетэ — II, 385.
Кечуасы — I, 491. 520. 622. 632. 635. 637.
Кей — II, 134—137.
Кейли — I, 345.
Кейовесы — I, 501.
Ки — I, 733.
Кибанго — I, 754.
Кибаквэ, см. Кіоки.
Киганда, см. Ваганда.
Кизеръ — I, 385.
Кизилбаши — II, 647.
Кизумба — I, 454.
Кикасса — II, 309.
Кикеръ — I, 684.
Кикуйю — II, 179. 186.
Килауэо — I, 309.
Килиманджаро — II, 185. 186. 212. 213. 214. 215.
Килоа (Кильва) — II, 150. 198. 216.
Килуару — I, 407.
Кимбанды — II, 239.
Кимбунду — II, 356. 363.
Кимврскій языкъ — II, 814.
Кимосы — I, 442.
Кингсмильскіе острова — I, 83. 137. 156. 176. 178. 208.
Кингуву — II, 243.
Кингъ Беллтаунъ — II, 355.
Quinoa — I, 477. 541. 641.
Кинтамо, см. Леопольдвиль.
Киншаша — II, 303.
Киньоро, см. Ваньоро.
Кипу (ср. узловое письмо) — I, 633. 665.
Кинчаки — II, 568.
Киргизъ-кайсаки — II, 418.
Киргизы — II, 417. 565. 572. 573. 591. 594. 595. 596.
Киригуа — I, 629. 651.
Кирри — II, 117. 157. 158.
Киррири — I, 726. 743.
Кисса — I, 407.
Киссамы — II, 342. 375.
Кисты, см. Чеченцы.
Кисуагели — I, 442.
Китанда — II, 330.
Китай и китайцы — I, 19. 25. 27. 67. 112. 162. 169. 381. 384. 388. 420. 457. 669. 670. 676; II, 12. 407. 409. 598. 600. 603. 604. 656 и сл., 670. 680. 681. 682. 687 и сл., 751. 752.
— архитектура — II, 713. 714.
— Великая Стѣна — II, 570. 587.
— внѣшній видъ — II, 714—716.
— военная сила — II, 757.
— выселеніе — II, 697. 750.
— горное дѣло — II, 725.
— города и деревни — II, 720.
— дома — II, 721.
— залежи каменнаго угля — II, 719.
— земледѣліе — II, 410. 717. 718.
— искусство и художественные промыслы — II, 710. 726.
— исторія — II, 689, 690.
— каналы — II, 722.
— коса — II, 600, 708, 715.
— культура — II, 408. 709.
— литература — II, 710.
— мандарины — II, 715, 716.
— музыка — II, 714.
— наука — II, 710. 711.
— обиліе рыбы — II, 718.
— образъ жизни — II, 722.
— общества игроковъ — II, 757.
— одежда и украшенія — II, 714—716.
— опіумъ — II, 707. 720.
— пища и вкусовыя вещества — II, 719. 720.
— почвенныя условія — II, 717—719. 722.
— правительственная система — II, 750. 753.
— правосудіе — II, 755. 756.
— промышленность — II, 725—727.
Китай и китайцы, пути сообщенія — II, 722 и сл.
— рабочій классъ — II, 726.
— разведеніе домашнихъ животныхъ — II, 718.
— разведеніе шелковичныхъ червей — II, 719.
— расовые элементы — II, 702. 703.
— распространеніе — II, 688—690. 751 752.
— революціи — II, 748—750. 755.
— семья — II, 743. и сл.. 756.
— система мѣръ и вѣсовъ — II, 711.
— способы погребенія — II, 782.
— судоходство — II, 723. 724.
— тайныя общества — II, 757.
— театръ — II, 714.
— торговля — II, 708. 727. 728.
— умственное развитіе — II, 709 и сл.
— упадокъ — II, 692. 751. 752.
— уродованіе ногъ — II, 717.
— характеръ — II, 707. и сл., 743.
— чай — II, 718. 720.
— чиновничество — II, 746. 753—755.
— численность населенія — II, 751.
— въ Индокитаѣ — II, 657 и сл.
— въ Тибетѣ — II, 602 и сл.
— на чужбинѣ — II, 722.
— въ юго-восточной Азіи — II, 680. 681.
Китайскій драконъ — II, 620.
— фарфоръ — II, 739.
Китайцы-готтентоты — I, 753.
Китанъ, царство — II, 696.
Китовая бухта — I, 737, 743.
Китовая ловля — I, 168.
Киттара — II, 189. 266.
Киту — I, 312.
Кичесы — I, 596. 629. 630.
Кичи — II, 44. 269. 272. 281.
Кишендои — II, 488.
Киши, танецъ — II, 20.
Кіоки (кіоквэ, кибоквэ) — I, 71; II, 13. 39. 66. 240—243. 307. 355. 371.
Кіу Сіу — II, 687.
Кламаты — I, 485. 514.
Кларенсъ, о-въ — I, 555.
— портъ — I, 573.
Классификація народовъ по ихъ способу построекъ — I, 107.
Клильтъ — I, 201. 243.
Климатъ Австраліи — I, 327.
— Америки — I, 476.
— Африки — I, 699.
— Малайскаго архипелага — I, 380.
— Огненной земли — I, 550.
Клинги — I, 384.
Клинообразное письмо — I, 37; II, 408.
Клукъ — I, 243.
Кмерское искусство — II, 664. 678.
Кмеры — II, 617. 664.
Коанца, см. Куанза.
Коатль (коа) — I, 641.
Кобанъ — I, 72. 629. 638. 651. 654. 656.
Кобонгъ — I, 360. 375. 439.
Кобургъ, полуостровъ — I, 337.
Коврареги — I, 332.
Коза — II, 324. 356.
Козы — I, 701.
— (амакозы, кузы, магозы, ксозы), — I, 717; II, 27. 81. 123. 134. 135. 138.
Коикоины — I, 705.
Кока — I, 480. 543. 642.
Кокату — I, 367.
Кокономи — I, 520.
Кокосовая пальма — I, 151. 155. 250. 252. 253. 380. 478.
Кокосовый орѣхъ — I, 167. 253.
Кокъ, Адамъ — I, 750.
Кола, орѣхъ — II, 76. 302.
Коларійскія племена — II, 607.
Колдовство и колдуны у негровъ — II, 18. 33. 42. 51.
— у овагереросовъ — II, 167.
Колдуны — I, 53. 66.
— австралійцевъ — I, 377.
— американцевъ — I, 619.
— малайцевъ — I, 462.
— океанійцевъ — I, 315.
Колесбергъ — I, 725. 732.
Колобенгъ — II, 142.
Colobus guereza — II, 470.

Colocasia — II, 300.
— antiquorum — II, 255.
— esculenta — II, 736.
Колонизація американцевъ — I, 664.
— малайцевъ — I, 433.
— океанійцевъ — I, 172.
Колорадо-Чикито — I, 515.
Колоши — I, 486. 558. 573. 591. 613.
Колумбія, рѣка — I, 485. 558. 560. 561.
— I, 475. 478. 479. 481. 507. 520. 524. 528. 531. 535. 542. 544. 641. 645.
Колуши — II, 607.
Колхида — I, 32.
Колы — II, 682.
Колыма — I, 668. 670. 675. 676. 688.
Колымскъ — I, 669. 683.
Кольпа — I, 655.
Кольскій полуостровъ — I, 670. 683.
Кольца меланезійцевъ — I, 225.
— изъ гематита — II, 311.
Колючинская бухта — I, 568. 668. 669. 686.
Комали — I, 516.
Командорскіе о-ва — I, 581.
Команчи — I, 501, 604. 617.
Коммунизмъ — I, 124.
Компасъ — II, 724.
Конгенсетокиты — I, 617.
Конгкіатсы — II, 685.
Конго — I, 704. 714. 754.
— II, 18. 84. 85. 289. 292—296. 337. 339. 340. 349. 364. 367. 375.
— народы — II, 3. 42. 47. 50. 375. и слѣд.
— область — I, 669.
— царство — II, 349. 366.
Конгъ — II, 386.
Конди — II, 199.
Кондоле — I, 375.
Конзо — II, 183.
Коннектикутъ, долина — I, 509.
Конные тунгусы — I, 670. 671.
Конныя племена патагонцевъ — I, 546.
Конопля — I, 447.
Консервы — I, 167.
Конскія скачки въ центральной Азіи — II, 579.
Conus — I, 407.
Конфуцій — II, 405. 664. 695. 744. 764. 780.
Коняги — I, 613.
Копаива — I, 535.
Коптскій языкъ — I, 32.
Копты — II, 427. 436. 481.
Копье патагонцевъ — I, 548.
Копья австралійцевъ — I, 344
— малайцевъ — I, 403.
— меланезійцевъ — I, 225.
— микронезійцевъ — I, 204.
— полинезійцевъ — I, 203.
— сѣверо-американцевъ — I, 507.
Copernica cerifera — I, 477.
Кораджи — I, 43.
Коралловые о-ва — I, 153.
Кораны — I, 737. 751. 752; II, 505. 515.
Корасы — I, 501.
Кордильеры — I, 474.
Cordia — I, 319.
Кордоба — I, 476. 531.
Кордофанъ — I, 699; II, 418. 438.
Корелы — I, 675; II, 803.
Корея и корейцы — II, 407. 409. 694—696. 706 и сл., 728 и слѣд.
— вооруженіе — II, 731. 732.
— государственный строй — II, 706. 742.
— земледѣліе и скотоводство — II, 737. 738.
— одежда и украшенія — II, 729—731.
— пища — II, 736.
— промышленность — II, 740.
— сообщенія — II, 735.
— способы погребенія — II, 782.
Corypha minor — I, 404.
Королевская власть у мадагассовъ — I, 453.
Королевскіе о-ва — I, 567.
Королевская пальма — I, 478.
Королевы Шарлотты о-ва — I, 230. 495. 558. 561. 563. 565. 595.
Короля Георга, проливъ — I, 321. 337. 348. 360. 365.
— Уильяма, заливъ — I, 572.
Короско — II, 412.
Корробори — I, 335. 339.
Корроръ — I, 242. 274. 284. 299. 301.
Корюшка — I, 481.
Коряки — I, 676.
Космогонія — I, 303; II, 762. 763.
Коссо — II, 387.
Коссумалуапа — I, 657.
Костарика — I, 475. 520. 529. 537.
Кость инковъ — I, 484.
Костяныя орудія эскимосовъ — I, 585.
Котоки — II, 533.
Coteau des prairies — I, 508.
Коттонвудъ — I, 603.
Cowboys — I, 515.
Кофе — I, 380. 480; II, 76. 456. 475. 498.
Coffea liberica — II, 340.
Кохинхина — II, 657. 658. 670—672.
Коцебу, заливъ — I, 577.
Кочевники, какъ образователи государствъ — I, 130.
Кошениль — I, 477. 481.
Кошка — I, 701.
Койяно — I, 373.
Койотеросы — I, 499.
Койотъ — I, 614.
Краны — I, 495. 599.
Крао, крумены, круманосы, см. Крусы.
Красильныя деревья — I, 700.
Красная мѣдь — II, 327.
— сосна — I, 514.
Красное море — II, 439.
Краснорѣчіе индѣйцевъ — I, 489.
Краснoярскъ — I, 678.
Красный домъ Чичень-Ицы — I, 652.
Кратьжи — II, 385.
Креджи (адья) — II, 74. 302. 315.
Кремневыя орудія — II, 413.
— ружья — II, 290. 351.
Креолы — II, 811.
Крепіи — II, 384.
Крики — I, 597.
Крисъ — I, 403. 405.
Крисы — I, 500.
Кровавая месть — I, 133; II, 467.
— — у австралійцевъ — I, 368.
Кровосмѣшеніе — I, 116.
Кровохлебка — I, 684.
Кроки — I, 116.
Крокодиловый мускусъ — II, 450.
Крокодилъ — I, 151. 482. 701; II, 459. 523.
Кроликъ — I, 481.
Кру, языки — II, 387.
Крупныя государства — I, 136.
Крусы (крао, кру-мэнъ, круманосъ, гребо) — II, 11. 20. 362. 387. 388.
Крымъ — II, 817.
Крѣпостничество — I, 121.
Crescentia — I, 479.
Xanthorrhoea — I, 353.
Ксингу, см. Шингу.
Куа-куа, см. Авеквомы.
Куако Дуахъ — II, 387.
Куанго — II, 241. 336.
Куангтунгъ — II, 680. 686. 703.
Куандо — I, 753. 754.
— область — II, 240.
Куанза (Коанза) — II, 241.
Куангси — II, 680.
„Куата“ — II, 501.
Куатъ — I, 293. 307. 311.
Куба — I, 474. 514.
— ея древніе обитатели — I, 503.
Кубанго — I, 721. 754; II, 239.
Кублай ханъ — II, 420. 689.
Кувада — I, 264. 592; II, 21.
Кувіи — II, 674.
Кудинасы — I, 597.
Куейчау — II, 680.
Кузайя — I, 285. 294.
Кузеръ — II, 412.
Кузы, см. Козы.
Куи — II, 679.
Куилу — II, 378.
Куинслэндскіе австралійцы — I, 34.
Куинслэндъ — I, 170. 326. 335. 338. 339. 343. 347. 355. 361. 365. 375.
Куйсибъ — I, 736.
Кука — II, 45. 529. 534. 544.
Куктаунъ — I, 336.
Куліи — II, 749.
Кульджа — II, 417.
Культура — I, 20. 24; II, 397.
— египетская и арабская въ Африкѣ — I, 711.
— понятіе ея — I, 24.
— развитіе — I, 24.
— сущность — I, 20.
Культурныя расы — I, 16.
— сокровищница полинезійцевъ — I, 190.
Культурное достояніе тасманійцевъ — I, 372.
Культурные герои древнихъ американцевъ — I, 629.
— зоны — I, 28.
— народы — I, 14.
— — Стараго Свѣта — II, 393 и сл.
Культурныя области Стараго Свѣта — II, 411.
— земли — II, 395.
— растенія Африки — I, 700.
Культурный характеръ — I, 712.
Культъ огня — I, 48.
Культъ предковъ — I, 50. 56.
— солнца — I, 48. 57.
— у американцевъ — I, 609.
— у арктиковъ — I, 689.
— у малайцевъ — I, 464.
Кулу — II, 563.
Кумана — I, 543.
Кумандинцы — II, 568.
Кумара — I, 535.
Кумары — I, 171.
Кумасси — II, 386.
Кумберлэндскіе эскимосы — I, 582.
Кумберлэндскій заливъ — I, 570.
Кумиты — I, 116.
Кунасы — I, 520.
Кунайцы — I, 164.
Кунене — I, 720; II, 224. 239. 340 374. 378.
Купиръ — I, 376.
Купэ — I, 173.
Куравы — II, 606.
Кураре — I, 477.
Curatella americana — I, 530.
Курганы — I, 518; II, 573. 574.
— въ сѣверной Африкѣ — II, 521.
— сѣверо-американцевъ — I, 518.
Курды — II, 787.
Куреніе конопли — II, 123.
— опіума у малайцевъ — I, 420.
Курильскіе о-ва — II, 699. 701.
Курица — I, 151. 155. 249.
— гокко — I, 480.
Куркума — I, 250.
Курманъ — II, 121.
Курнайи — I, 295.
Курума, см. Джиприкиша.
Куры (народъ Индіи) — II, 607.
— II, 806.
Кутеи — I, 392. 398. 432.
Кутчи — I, 376.
Кутша — II, 565.
Кухатскій проходъ — II, 653.
Куцко (Куско) — I, 27. 475. 628. 634. 649. 651. 658. 659. 664.
Кучины — I, 499.
Кха — II, 679.
Кханды — I, 214.
Кхунды — II, 607.
Кханукъ — I, 612.
Кхассіи — II, 680. 682—884. 781.
Кхасы — II, 667.
Кхайены — II, 683.
Кшатріи — II, 642.
Кьоккенмёдинги на Андаманахъ — I, 419.
— въ Южной Америкѣ — I, 538.
Кьюрмесъ — II, 758.
Кьянгтунгъ — II, 682.
Кьянгхунгъ — II, 681. 682. 686.
Кэтъ Райверъ — I, 735.
Кэчвейо — II, 112. 127. 130. 132. 139
Кэй, архипелагъ — I, 382. 457.
— его обитатели — I, 169.
Кяхта — I, 678.

Лаби — I, 763.
Лабила, горы — II, 273.
Лабна — I, 652.
Лабонгъ — II, 684.
Лабрадоръ — I, 500. 507. 566. 573. 577 582. 583.

Набрэдоръ, племена — I, 573.
Лаврентія св., островъ — I, 674.
Lagenaria — I, 255.
Лагейлангъ — I, 305.
Лаголь — II, 571.
Лагосъ — II, 363.
Лагуль — II, 563.
Ладаки — II, 563. 567. 571.
Ладакъ — II, 564.
Ладо — II, 185. 273. 295.
Лазы — II, 788.
Лаинго — I, 445.
Лаковое дерево (Rhus vernicifera) — II, 738. 739.
Lacus Tritonis — II, 494.
Лама — I, 481. 643.
Лампонги — I, 388. 424. 430. 470. 471.
Ламуты — I, 669. 671. 675. 676. 683. 685. 686. 689. 690.
Лана — I, 524.
Ланги — I, 313.
Ланго (вакиди) — II, 169. 184. 190. 269. 274. 276. 277.
Langue d'oc — II, 812.
— d'oïl — II, 812.
Ландинъ — II, 147.
Ланеянгъ — I, 419.
Лакў, система патагонцевъ — I, 550.
Лала — I, 192.
Ланъ-ланъ — II, 680.
Лаосъ и его обитатели — II, 658. 666. 667—671. 679—682.
Лапландія — I, 673. 681.
Ла-Плата — I, 474. 476. 527. 533. 537. 538. 546. 548. 549. 631.
— страны — I, 480.
Лаптоты — II, 552.
Лара — I, 429.
Ларракіи — I, 370.
Лассо — I, 406. 529. 548.
Латинскій языкъ — I, 31.
Латтуки — II, 169. 184. 185. 269. 274. 277. 284. 285. 286. 287.
Латуамазанга — I, 123.
Лебаи Нгонко — II, 377.
Левантинцы — II, 787.
Левиратъ у малайцевъ — I, 425.
— американцевъ — I, 591.
Левуки — I, 241.
Левъ — I, 701.
Лега — II, 170.
Легенды объ Искандерѣ (Александрѣ) — II, 587.
Лезгины — II, 790.
Лелебе — II, 228.
Лема — II, 354.
Лена — I, 682.
Ленапы — I, 499. 510.
Ленгусы — II, 293. 306. 315. 328.
Ленки — I, 520.
Леонъ — I, 520.
Леопардъ — I, 701.
Леопольдвилль (Кинтамо) — II, 354.
Леперъ, островъ — I, 252. 265. 271.
Lepus americanus — I, 480.
— sylvaticus — I, 480.
Лепчи — II, 563. 571.
Летре — I, 530.
Летто-славяне — II, 815.
Летты — II, 806. 818.
Лефеко — II, 59.
Lecythis — I, 95.
Лечулатебе (городъ)—I, 42; II, 141. 231.
Лейкилія — II, 187.
Лейконы — II, 187.
Лейсуи — II, 681.
Либерія — II, 342. 344. 346. 388. 389.
Ливингстона водопады — II, 337.
Ливійская пустыня — I, 702. 714.
Ливы — II, 806.
Лигги — II, 273. 295.
Лигуры — II, 810.
Ликона — II, 51, 377.
Ликононо — II, 180.
Лику — I, 240.
Лимбы — II, 563. 571.
Лимоны — I, 447.
Лимпопо — II, 32. 146.
Лина — I, 405.
Лингвистическая связь океанійцевъ — I, 172.
Линкольнъ, портъ — I, 338. 344. 351—353. 356. 360. 363. 364. 368.
Линкольнъ, племена его — I, 332.
Линкуинлонги — II, 680.
Линшанъ — II, 686.
Лиріи — II, 185.
Лисица — I, 482.
Литература малайцевъ — I, 389.
Литературный языкъ — I, 32.
Литовцы — II, 818.
Литыя вещи изъ золота и серебра у древнихъ американцевъ — I, 649.
Лифу — I, 160. 313.
Лицевыя урны древнихъ американцевъ — I, 646.
Ліана урари — I, 530.
Libocedrus — I, 551. 554.
Ліи — II, 680.
Lingua franca въ Британской Колумбіи — I, 557.
Лоанда — II, 339. 369. 376.
Лоангва — II, 192.
Лоанго — II, 42. 46. 56. 58. 64. 65. 339. 363. 376.
— негры — II, 4. 6. 9. 340. 349. 376.
Лоба-Дафла — II, 563.
Лоба (Лобэ) — II, 42.
Лобенгула — II, 144. 147.
Лобъ-Норъ — II, 583. 655.
Ловля акулъ — I, 248.
Ловля дельфиновъ — I, 249.
Логги — II, 273. 302. 324.
Логонцы — II, 528.
Лодки мадагассовъ — I, 169.
— малайцевъ — I, 169.
— океанійцевъ — I, 164 и сл.
— эскимосовъ — I, 584.
Лодки съ аутригеромъ — I, 164. 166.
Lodoicea Sechellarum — I, 401.
Ложечная трава — I, 550.
Локи — I, 57.
Локушва — II, 200.
Лолода — I, 465.
Лолы — II, 680. 681.
Ломами — II, 296. 314.
Ломбокъ — I, 210. 379. 403. 405. 414. 423.
Ломве — II, 198.
„Ломе-ломе" гавайцевъ — II, 706.
Ломки трубочнаго камня — I, 603.
Лонгалибалеле — I, 721.
Лопари — I, 17. 670—676. 678—681. 689. 691.
Лопатка — I, 162.
Лосось — I, 481.
Лось — I, 481. 669.
Лошадь — I, 88. 151. 701; II, 578. 651.
Лохлэнъ — I, 255.
Лойяльти, острова — I, 181. 230. 242. 255.
— ихъ обитатели — I, 164. 166.
Луалаба — I, 754.
Лубаріи — II, 273. 302.
Луби — I, 754.
Лубу — II, 65.
Лубуку — II, 309.
Лубуланги — I, 463
Лубы, см. Балубы.
Луешъ-а-Нкунтъ — II, 245.
Лучзіады — I, 157.
Луи, Баротсе царство — II, 233.
Лукано — II, 242. 247.
Лукенги — II, 289. 307.
Лукенго — II, 308. 315.
Лукокеша — II, 241. 245. 369.
Лукъ и стрѣлы американцевъ — I, 529. 530.
— арктиковъ — I, 680.
— бушменовъ — I, 726.
— готтентотовъ — I, 742.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— малайцевъ — I, 402.
— меланезійцевъ — I, 229.
— микронезійцевъ — I, 209.
— полинезійцевъ — I, 209.
— сѣверо-американцевъ — I, 508.
— южно-американцевъ — I, 529.
— эскимосовъ — I, 578.
Лулео — I, 680.
Лулесы — I, 521.
Лулонго — II, 331.
Лулуа — I, 759. 763; II, 242. 243. 308.
Лундъ — I, 119.
Лунды (калунда) — II, 62. 241 и слѣд.
Лунды, государственный строй — II, 240 и сл. 246.
— земледѣліе — II, 243.
— материнское право — II, 245.
— музыка — II, 243.
— одежда — II, 241.
— оружіе — II, 242.
— пища — II, 243.
— типъ — II, 294.
— торговля — II, 247.
— утварь — II, 242.
— хижины — II, 243.
Лунныя затменія — I, 46; II, 762.
Луохъ — II, 269.
Луры — II, 269. 281. 293. 310. 312. 316.
Lutra felina — I, 555.
Лутсуи — II, 681.
Луфиджи — II, 206.
Лухацы — II, 239. 240.
Лушаи — II, 682. 683.
Лхасса — II, 602. 603. 604. 777. 778.
Лыжи — I, 577. 680; II, 729.
Лѣкари — I, 54.
Лѣнь индѣйцевъ — I, 488.
Лѣсное озеро — I, 514.
Лѣсные демоны — I, 176.
— индѣйцы средней и южной Америки — I, 519.
— гончарное искусство — I, 533.
— земледѣліе — I, 539.
— золото — I, 532.
— каменныя орудія — I, 532.
— лингвистическое раздѣленіе — I, 520.
— одежда — I, 527.
— опьяняющіе напитки — I, 541.
— орудія — I, 533.
— оружіе — I, 529.
— отсутствіе желѣза — I, 533.
— охота — I, 538.
— предметы украшенія — I, 526.
— пища — I, 540.
— пластическое искусство — I, 534.
— привычка ѣсть землю — I, 540.
— прически — I, 522.
— раскрашиваніе — I, 524.
— рыболовство — I, 537.
— свайныя постройки — I, 544.
— способъ постройки — I, 543.
— судоходство — I, 535.
— татуировка — I, 523.
— ткацкое искусство — I, 533.
— торговыя сношенія — I, 534.
— ядъ для стрѣлъ — I, 530.
Лѣсные народы Индокитая — II, 674.
— внутренней Африки — II, 291.
— обитатели Филиппинъ — I, 403.
— орѣхи — I, 479.
— тунгусы — I, 671.
Любовь къ наслажденіямъ у арктическихъ народовъ — I, 674.
Любусы — I, 383. 402. 403. 409. 414. 424. 431. 438.
Люди Викторіи — II, 380.
Людоѣдство — I, 127.
— въ Австраліи — I, 354.
— у американцевъ — I, 619.
— во внутренней Африкѣ — II, 331.
— въ восточн. Нов. Гвинеѣ — I, 180.
— у западно-африканцевъ.
— у карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— у малайцевъ — I, 386. 436.
— у маорисовъ — I, 291.
— у матабелей — II, 145.
— въ Меланезіи — I, 292.
— въ Микронезіи — I, 186. 291.
— у негровъ — II, 40.
— въ Новой Зеландіи — I, 187.
— у океанійцевъ — I, 163.
— въ Полинезіи — I, 291.
Люсонъ — I, 160. 169. 382. 391. 393. 395. 397. 399. 401. 404. 405. 406. 408. 414. 415. 418. 419. 420. 421. 424. 427. 428. 434. 457. 459. 463.
Люшё — I, 499. 614. 615.
Льянеросы — I, 480. 538.
Льяносы — I, 475. 480.
Лягушка — I, 481. 616.

Мааньяны — I, 394. 403. 417. 419. 426. 430. 465. 467. 468. 471. 472.
Мабіи — II, 384.

Мабоде — I, 756. 763; II, 301.
Мабумы — II, 380.
Мабунды — II, 232.
Мабы — II, 535. 536.
Мавеангъ — I, 465.
Мавіи — II, 199.
Мавити — II, 14. 147. 149. 150. 203.
Маврикія о. — I, 441. 447.
Мавры — I, 714; II, 381. 428. 441. 448. 489. 555.
Маву — II, 44.
Мавумбы — II, 376.
Магакаріи — I, 530.
Магараджи — II, 643.
Магадаръ Санген — I, 463.
Магди и магдизмъ — II, 432. 438. 444. 445. 449. 460. 537. 539.
Магей — I, 479. 645.
Маги — II, 769.
Магинджи — II, 149. 150. 192.
Магира — II, 541.
Магнолія — I, 551.
Магозе, см. Козы.
Магометане — II, 409. 791.
— образованіе — II, 464.
— рабство — II, 466.
Магометанскія государства въ Суданѣ — II, 521 и сл.
— племена сомаліевъ — II, 178.
— правители въ Африкѣ — II, 30.
Магометъ — II, 441. 448. 449. 464.
— Белло II, 548.
Магоми — II, 531.
Магребины — II, 441.
Мадагаскаръ — I, 224. 379. 387. 439. 695. 697. 709.
— благородное сословіе — I, 451.
— государственныя образованія — I, 452.
— животный міръ — I, 440.
— народная жизнь — I, 441.
— плоскогорье — I, 439.
— положеніе — I, 440.
— рабство — I, 451.
— растительный міръ — I, 440.
— численность населенія — I, 443.
Мадагассы — I, 150. 302. 440; II, 3.
— Божій судъ — I, 454.
— волосы — I, 445.
— война — I, 454.
— гинекократія — I, 450.
— дома — I, 445.
— духовное сословіе — I, 453.
— дѣтоубійство — I, 450.
— законы — I, 452.
— земледѣліе — I, 443. 446.
— корабельное искусство — I, 169.
— королевская власть — I, 453.
— лодки — I, 169.
— материнское право — I, 450.
— многоженство — I, 450.
— музыка — I, 444.
— обрученіе — 450.
— одежда — I, 444.
— оружіе — I, 445.
— промышленная дѣятельность — I, 448.
— пышность королевскаго двора — I, 454.
— свадьба — I, 450.
— скотоводство — I, 443. 447.
— сословія — I, 451.
— торговля — I, 449.
— украшенія — I, 445.
— физическіе признаки — I, 441.
— характеръ — I, 444.
— экзогамія — I, 450.
— языкъ — I, 442.
Маденассана — I, 720.
Мадейра — I, 521.
Мадинда — II, 259.
Мадіи — II, 14. 23. 35. 44. 47. 59. 63. 88. 117. 269. 272. 273. 274—276. 280. 282. 286. 287. 290. 302.
Мадьосы — II, 334.
Мадьяпагитъ — I, 430. 457.
Мадьяры — II, 801. 803. 805.
Мадура — I, 386. 393.
Мадурцы — I, 384. 386.
Мазаве — I, 252.
Мазази — II, 198.
Мазара Шерифъ — II, 444.
Мазарва — I, 721.
Мази — I, 238.
Мазиты — I, 137; II, 147. 148. 192. 194. 201. 203.
Мазупіи — II, 20.
Маика — I, 192.
Маисовое пиво — I, 642.
Маисъ — I, 414. 447. 477. 515. 540. 641. 700; II, 13. 122. 323. 456. 544.
Макалаки — II, 41. 43. 141. 142. 229. 234. 240.
Маканджила — II, 198.
Макараки — II, 269. 280. 295. 298—301. 320. 334.
Макараковъ страна — I, 755.
Макаріи — II, 533.
Макассаръ — I, 386. 395. 422.
Макахи — I, 590. 613.
Макайюва, пальма — I, 538.
Макваны — II, 118.
Маквата — II, 332.
Макдонелева гора — I, 336.
Макира — I, 222.
Маккари — I, 337.
— портъ — I, 366.
Маклай, рѣка — I, 347. 368.
— его берега — I, 321.
Маклюръ, заливъ — I, 227.
— папуасы — I, 221.
Макобы, см. Бакобы.
Макозіи — II, 142.
Макололы — II, 32. 35. 61. 68. 87. 103. 140—142. 195. 224. 229. 237.
Макома — II, 113. 136.
Маконды — II, 45. 204.
Maximiliana — I, 478.
Максіесъ (мазигъ) — II, 501.
Макуи — II, 69. 85. 117. 150. 198. 199. 204.
Макушисы — I, 593. 594.
Макушскіе индѣйцы — I, 478.
Макъ — II, 718.
Малагази — I, 439.
Малагарази, р. — II, 67.
Малайскій архипелагъ — I, 144. 146, 210. 212. 289. 325. 379.
— арабское вліяніе — I, 385.
— богатство фауны — I, 381.
— европейское вліяніе — I, 385.
— индѣйскія вліянія — I, 384.
— климатъ — I, 380.
— первичное населеніе — I, 382.
— растительный міръ — I, 380.
— расчлененіе береговъ — I, 379.
— формы поверхности — I, 379.
Малайцы — I, 34. 44. 49. 106. 146. 150. 209. 210. 212. 241. 246. 256. 287. 329. 331. 351. 362. 381. 424; II, 614. 705.
— амулеты — I, 461.
— богъ войны — I, 464.
— божьи суды — I, 438.
— бракъ — I, 424.
— вліянія въ Австраліи — I, 150. 329. и сл.
— въ Меланезіи — I, 181. 182.
— внутренняя торговля — I, 423.
— воинственный духъ — I, 436.
— волосы — I, 382.
— война и миръ — I, 434.
— высшее существо — I, 437.
— государство — I, 137. 431.
— деньги — I, 423.
— деревенскія государства — I, 430.
— деревни — I, 413.
— деформированіе черепа — I, 401.
— дома — I, 256. 407.
— животный и растительный міръ — I, 458.
— жреческое сословіе — I, 467.
— земледѣліе — I, 414.
— имущественныя отношенія — I, 433.
— китайское вліяніе — I, 384.
— колдовство — I, 462.
— колонизація — I, 432.
— культъ предковъ — I, 456.
— левиратъ — I, 425.
— литература — I, 389.
— людоѣдство — I, 436.
— материнское наслѣдственное право — I, 425.
— міръ духовъ — I, 459.
— музыкальные инструменты — I, 391.
Малайцы, народныя празднества — I, 392.
— настоящіе — I, 386. 388. 392.
— обычаи надъ трупомъ — I, 468.
— при родахъ — I, 428.
— одежда — I, 393.
— оружіе — I, 402.
— охота за головами — I, 434.
— переселенія — I, 159. 182.
— пиратство — I, 169. 170.
— письменность — I, 388.
— пища — I, 419.
— пластическое искусство — I, 390.
— покупка невѣстъ — I, 424.
— положеніе женщины — I, 427.
— пословицы — I, 390.
— почитаніе деревьевъ — I, 457.
— — душъ — I, 454.
— — череповъ — I, 456.
— прически — I, 395.
— рабочая сила и охота къ труду — I, 386.
— рабство — I, 433.
— религія — I, 386.
— ростъ — I, 382.
— рыбная ловля — I, 419.
— свадебныя празднества — I, 426.
— сватовство — I, 426.
— семейный союзъ — I, 429.
— скотоводство — I, 417.
— смѣшенія — I, 383. 384.
— соціальныя вліянія — I, 383.
— спиртные напитки — I, 420.
— страсть къ игрѣ — I, 392.
— строеніе тѣла и цвѣтъ кожи — I, 381. 382.
— суда — I, 169.
— судоходство — I, 169. 423.
— сущность права — I, 437.
— счисленіе времени — I, 387.
— танцы — I, 392.
— татуировка — I, 397.
— тканье и пряжа — I, 422.
— торговля на морѣ — I, 169.
— украшенія — I, 401.
— умственныя способности — I, 387.
— уродованіе зубовъ — I, 399.
— ученіе о божествахъ — I, 462.
— фетиши — I, 455.
— человѣческія жертвы — I, 472.
— языкъ — I, 388.
Малаки — I, 241.
Малакка — I, 169. 170. 210. 212. 381. 382. 383. 384. 388. 394. 404.
Малали — I, 601.
Маланти — I, 230. 231. 241.
Маланже — II, 363.
Малая земля намаковъ — I, 737. 751.
Малая цѣна человѣческой жизни у океанійцевъ — I, 163.
Малайо-полинезійцы — I, 151. 381.
Малекъ эль Гаманъ — II, 438.
Маленга, городъ — II, 201.
Маликолло — I, 211. 216. 221.
Малимбы — II, 192.
Малина — I, 479.
Малинкэ — II, 80. 555.
Мало, см. Мази.
Малорослые индивидуумы въ Африкѣ — I, 753.
— въ Меланезіи — I, 211.
Malurus — I, 295.
Малути, горы — II, 145.
Малый Тибетъ — II, 601.
Мальтійцы — II, 800.
Мальяри — I, 463.
Мамани, дерево — I, 299.
Мамбаріи — II, 228. 233.
Мамбве — II, 199.
Мамбунды — II, 330.
Мамелюки — I, 498; II, 438.
Маммеи — I, 478.
Мана (моно) — I, 282; II, 198.
Манансы — II, 230.
Манапъ — II, 597.
Манати, см. Айю.
Мангава — I, 538.
Мангалабуланъ — I, 462.
Мангандже (ваньяссы) — I, 102; II, 35. 62. 80. 192 и сл., 223.
— деревни — II, 195.
— женщина — II, 197.
— земледѣліе — II, 194.

Манганджи (ваньяссы), одежда и прически — II, 193.
— оружіе — II, 193.
— пища и вкусовыя вещества—II, 194.
— политическая организація—II, 196.
— ремесла — II, 195.
— торговля рабами — II, 196.
Мангайя — I, 322. 323.
Мангарева — I, 176. 191.
Мангати — II, 32.
Мангбатту, языкъ — II, 94.
Мангбатты (монбутты) — I, 83. 102. 106. 127. 704. 712. 755. 761—763; II, 19. 28. 42. 43. 77. 79. 81. 84—86. 89. 290. 293. 294. 295. 299—301. 310. 313. 316. 320. 321.
Мангбатты (монбутты), семейная жизнь — II, 300.
— типъ — II, 295.
Мангеты — II, 235.
Манги — II, 534.
Мангкассары — I, 388. 402. 468.
Мангрововыя деревья — I, 328.
Мангхатъ — II, 571.
Мандау — I, 405.
Манданы — I, 137. 495. 507. 510. 513. 514. 515. 516. 518. 597. 603. 613.
Мандаріи — II, 273.
Мандарины — II, 664—667. 715. 716.
Мандгара — I, 470.
Манджурія — I, 581. 676; II, 688. 695. 696.
Манджуры — I, 27. 676; II, 696. 697.
Мандинги — II, 83. 344. 353. 387. 549. 550. 551. 552. 555. 557. 559.
Мандьяги — II 552.
Мандэ, языки — II, 387.
Манигики — I, 161.
Мани (духи) — I, 376.
— (растеніе) — I, 479.
Маніокъ — I, 447. 539. 541. 700; II, 13. 75. 300. 303. 320. 321. 338. 358.
Манильская бухта — I, 384. 403. 430.
Манильская пенька — I, 380.
Манипуръ — I, 33; II, 680.
Маниту — I, 609.
Манкапэ — I, 259.
Манко-копакъ — I, 629.
Маноно — I, 173.
Мансами — II, 768.
Мансанеросы — I, 545. 546.
Мансанита, кустарникъ — I, 479.
Мантатисы — II, 13.
Мантсы — II, 685. 686. 689.
Ману — I, 298. 615.
Маньемы — I, 133; II, 27. 30. 37. 71. 74. 292. 306. 313. 317. 328.
Маньяра — II, 206.
— озеро — II, 215.
Маои (Маоли) — I, 175.
Маорисы — I 47. 127. 146. 156. 165. 172. 173. 175. 176. 178. 184. 191. 193. 195. 235. 253. 255. 257. 270. 272. 276. 287—292. 298. 300. 304. 307. 313. 316. 317; II, 85.
Мапаленги — II, 142.
Марабуты — II, 493. 503.
Марава — I, 305. 307.
Марави — II, 192. 196.
Марайе [мараи] I, 281. 319.
Марака — I, 495.
Маракаибо — I, 474. 596. 597.
Мараке — I, 495. 593.
Мараты — II, 608.
Мараунгу — II, 208.
Марга — I, 425. 429. 430.
Маргіи — II, 305.
Marginella — I, 503.
Маре — I, 181. 315.
Мареа — I, 259.
Мареале — II, 209. 214.
Марибои — I, 520.
Маримба — II, 18. 21. 37. 223. 243. 353.
Марина, пальма — I, 478.
Маріанскіе о-ва — I, 153. 163. 171. 210. 305.
Марія, рѣка — I, 365.
Маркизскіе острова — I, 164. 172. 173. 174. 178. 194—196. 206. 209. 292. 295. 316. 322.
— ихъ обитатели — I, 123. 175. 210. 287. 316.
Маронисы — I, 601.
Марониты — II, 787. 798.
Marsiliacea — I, 88. 328.
Мартапура — I, 430. 462.
Мару — I, 312.
Марунджи (марунди) — II, 304. 312.
Марутсе и царство Марутце-Мабунда, см. Баротсе.
Маршалловы о-ва — I, 156. 160. 168. 185. 194. 261. 289.
— — ихъ обитатели — I, 168. 197. 235.
Маршіи — II, 273.
Масаи — I, 89. 120. 121. 758; II, 38. 68. 74. 94. 97. 107. 169 и сл., 174. 183. 185. 186. 202. 204. 205. 208. 209. 210. 215.
— одежда — II, 171.
— оружіе — II, 173.
— охота и охотничьи народы — II, 174. 180.
— пища — II, 181.
— форма государства — II, 176.
Маски — I, 54.
— у индѣйцевъ — I, 608.
— у меланезійцевъ — I, 240.
Масличная пальма — II, 338. 339. 355.
Масло — II, 108. 579.
Массака — II, 239.
Массанинги — II, 49.
Массара — II, 545.
Массенья — II, 45.
Массина — II, 545.
Массова — II, 472.
Матабеле, царство — I, 105.
Матабели — I, 137; II, 41. 43. 45. 46. 115. 132. 142—147. 152.
Матагуайисы — I, 549.
Матакосы — I, 521. 528.
Маталанимъ — I, 157.
Матанди — II, 197.
Матебэ — II, 141.
Материнская любовь — I, 120.
Материнское право — I, 6. 114.
— у американцевъ — I, 597.
— у древне-американцевъ — I, 662.
— у мадагассовъ — I, 450.
— у малайцевъ — I, 425.
— у океанійцевъ — I, 270.
Матеріальное достояніе народовъ — I. 25.
Матерія изъ коры у меланезійцевъ — I, 238.
— у средне- и южно-американцевъ — I, 534.
Матерія изъ луба — I, 511.
— изъ пальмовыхъ волоконъ — II, 83. 314.
— изъ коры (мбугу) — II, 84. 229. 251. 254. 264. 313.
Мативана — II, 136.
Матикетикъ — I, 305.
Матіамъ — II, 240.
Матлапатланы — II, 145.
Мато Гроссо — I, 521.
Матола — II, 150.
Матотели — II, 235.
Маттири — I, 360.
Маттоали — I, 502.
Матуа-Тонга — I, 171.
Матумбоки — II, 192. 194. 195.
Матьюмэ — II, 189.
Матьянъ Кампонгъ — I, 458.
Матэ — I, 477.
Мауи — I, 50. 298. 303. 305. 307. 308. 311. 314.
— миѳы — I, 57. 172.
Маунка — I, 307.
Mauritia — I, 478.
— flexuosa — I, 542.
Мауруа — I, 50.
Maytenus — I, 551. 554.
Мауту-Мауи — I, 311. 312.
Мафуикэ — I, 308.
Мафурцы — I, 46.
Махмудъ Газнавидъ — II, 611.
Мачевы — II, 192. 194. 195. 197.
Мачета — I, 529.
Машоны — II, 41. 147. 198.
Машрикины — II, 441. 447. 448.
Машукудумбы — II, 238.
Маянанъ — I, 654.
Маясы — I, 493. 615. 618. 620. 628. 629. 630—633. 634. 637. 639. 654. 667.
Маясы, культура — I, 476.
— могилы — I, 621.
— письменность — I, 633.
Майатеа — I, 159.
Майго — II, 290. 301.
Майоссо — II, 371.
Майпуры — I, 520.
Мбалу — II, 134.
Мбанги — II, 319.
Мбангу — II, 354.
Мбаясы — I, 597.
Мбили — II, 300.
Мбогвы — II, 201.
Мболи — II, 333.
Мбому — II, 290. 300.
Мботони — I, 241.
Мбуга — II, 330.
Мбугу, см. Матерія изъ коры.
Мбулу — I, 310. 311.
Мбунды — II, 375.
Мвеллеги, см. Бакоки.
Мвенги — II, 256.
Мверы — II, 198.
Мвута Нзинге — II, 266.
Мгалэ — II, 137.
Мегинакусы — I, 534. 544.
Медвѣдь Андъ — I, 482.
— черный — I, 482.
Медвѣдь-муравьятникъ — I, 480.
Медвѣжьи ягоды — I, 480. 550.
Меджертинскіе сомаліи — II, 176. 177. 178. 181.
Медисонвилль — I, 509. 621.
Медо — II, 198.
Медовое вино — I, 354.
Медруза — II, 505.
Мезо — I, 312.
Мекинесъ — II, 498.
Мекка — II, 445. 446. 449.
Мекензи, область — I, 578.
— острова — I, 166.
— племена — I, 573. 574.
— рѣка — I, 577. 587.
Мекокъ — II, 679.
Меконгъ — II, 670. 679.
Мексика — I, 27. 28. 148. 475—477. 480. 481. 483. 491. 497. 498. 501. 508. 509. 519. 520. 523. 530—532. 538. 566. 610. 615. 617. 618. 620. 625. 626—632. 634—636. 640—644. 647—652. 654. 655. 657. 658—660. 661—667; II, 397.
Мексиканцы — I, 516. 542. 603. 613. 620. 629—631. 638—640. 642. 649. 650. 653. 662. 666. 667.
Мекэ — I, 217.
Меланезійцы — I, 41. 135. 145. 184. 210. 272. 302.
— божества природы — I, 297.
— бракъ — I, 268.
— вкусовыя вещества — I, 254.
— волосы — I, 211.
— воровство — I, 215.
— дѣятельность и процвѣтаніе — I, 216.
— земледѣліе — I, 251.
— колоніи въ Полинезіи — I, 177.
— кровавая месть — I, 133.
— людоѣдство — I, 292.
— малорослые индивидуумы — I, 211.
— маски — I, 240.
— месть — I, 215.
— мореходное искусство — I, 163.
— музыка — I, 218.
— нравственность — I, 269.
— обрѣзаніе — I, 220.
— одежда — I, 219.
— орудія — I, 246.
— оружіе — I, 225.
— отношеніе къ австралійцамъ — I, 212.
— охота — I, 247.
— письмо — I, 219.
— пища — I, 246. 253.
— пляски — I, 219.
— поклоненіе камнямъ — I, 301.
— положеніе женщины — I, 269.
— постройка домовъ — I, 256.
— постройки на сваяхъ — I, 258.
— поэзія и искусство — I, 217.
— прически — I, 221.
— промышленная дѣятельность — I, 236.

Меланезійцы, раздѣленіе на классы — I, 274.
— раскрашиванье — I, 221.
— религія — I, 294.
— роды — I, 263.
— ростъ — I, 211.
— рыболовство — I, 247.
— семья — I, 263.
— сказанія о переселеніяхъ — I, 172.
— сказанія о твореніи — I, 304.
— суда — I, 164.
— счисленіе времени и наблюданіе неба — I, 219.
— татуировка — I, 220.
— торговля — I, 241.
— украшенія — I, 219. 222.
— умственная даровитость — I, 216.
— ученіе о духахъ и богахъ — I, 311.
— форма черепа — I, 210.
— характеръ — I, 214.
— художественные задатки — I, 246.
— цвѣтъ кожи — I, 210.
— числительныя — I, 219.
— экономическая жизнь — I, 245.
— этнографическія группы — I, 181.
Меланезія — I, 149. 153. 155. 181. 210. 272. 286. 301. 310. 314. 342.
— денежная система — I, 242.
— земельная собственность — I. 277.
— обиліе обсидіана — I, 226.
— полинезійскія колоніи — I, 176.
— рабство — I, 275.
— распредѣленіе имущества — I, 277.
— священныя мѣста — I, 318.
Melithrgptes pacifica — I, 196.
Мелкія государства — I, 136.
Мельбурнъ — I, 338.
Мельвильскіе островитяне — I, 332.
Мемфисъ — II, 408.
Менабушо — I, 611. 614.
Менамъ — II, 680.
Менангкабау, — I, 381. 384. 421. 424.
Мендіи — II, 388.
Мендоса — II, 395.
Мендосины — I, 611.
Менесъ — II, 405.
Мензы — II, 488.
Менилекъ въ Шоа — II, 439. 485.
Меннитаріи — I, 510. 515. 517. 597.
Ментавейскіе островитяне — I, 327.
Ментакъ — I, 460.
Менны — II, 488.
Мераве — II, 438.
Мералава — I, 242. 251.
Мервъ — II, 417.
Мереры — II, 199.
Мерида — I, 652.
Мериландъ — I, 487. 500.
Мерисса — II, 475.
Меров — II, 22.
Меру — I, 312. 362; II, 187.
Меркани — I, 354.
Металонимы — I, 349.
Метательное оружіе — I, 531; II, 314. 315. 316. 452. 517.
— готтентотовъ — I, 742.
— меланезійцевъ — I, 231.
— эскимосовъ — I, 578.
Мескаль — I, 480.
Мескитовое дерево — I, 480.
Месопотамія и ея обитатели — II, 408. 787.
Месурадо — II, 388.
Мешра-эль-Рекъ — II, 268.
Мещеряки — II, 569. 803.
Мидгу — II, 214.
Миджіи — II, 680. 686.
Мидла — I, 344.
Микиры — II, 682. 683.
Микмаки — I, 486. 489. 621.
Микронезійцы — I, 183. 302.
— альбинизмъ — I, 185.
— божества природы — I, 297.
— веденіе войны — I, 288.
— вкусовыя вещества — I, 255.
— волосы — I, 185.
— вооруженіе — I, 193. 201.
— земледѣліе — I, 249.
— мореплаваніе — I, 166. 169.
— музыка — I, 191.
— нравственность — I, 269.
— одежда — I, 193. 200.
Микронезійцы, положеніе женщины — I, 269.
— постройка домовъ — I, 256.
— почитаніе череповъ — I, 323.
— прически — I, 195.
— промышленная дѣятельность — I, 234.
— раздѣленіе на классы — I, 274.
— рыболовство — I, 250.
— семья — I, 276.
— сказанія о твореніи — I, 304.
— суда — I, 166
— татуировка — I, 193.
— украшенія — I, 193.
— утварь — I, 203.
— физическіе признаки — I, 184.
— характеръ — I, 187.
— этнографическія группы — I, 178.
Микронезія — I, 153. 155. 157. 177. 210. 220. 285. 301. 306. 312.
— денежная система — I, 242.
— мѣста поклоненія — I, 319.
— полинезійскія вліянія — I, 177.
Миланы — I, 383. 398. 407. 469. 471. 472.
Милатъ — I, 314.
Милонга — II, 371.
Милу — I, 309.
— царство — I, 40. 47. 309.
Мильбанкскій заливъ — I, 559. 590. 619.
Мимозы — II, 224.
Минагасса — I, 389. 415. 470.
Минасъ — I, 603.
— Жеразесъ — I, 496.
Минданао — I, 395. 411. 430.
Минкопіи — I, 210. 213.
Миннезота — I, 483.
Мимика и жесты американцевъ — I, 490.
Мирамбо — II, 28. 148. 203. 207. 217.
Мираньи — I, 495. 521. 529.
Мирза — II, 648.
Миріи — II, 680.
Мирные рынки негровъ — II, 66.
Мирныя сношенія американцевъ — I, 606.
Мисіонесъ — I, 521.
Миссигиты — I, 468.
Миссіи магометанскія въ зап. Африкѣ — II, 446.
— христіанскія — I, 61.
— у бушменовъ — I, 725.
— въ западной Африкѣ — II, 376.
— въ Полинезіи — I, 188.
Миссіонеры — I, 60.
Миссисипи — I, 475. 476. 508. 509. 510. 514. 519. 603. 631.
Миссури — I, 476. 503. 512. 513. 514. 515. 519.
— племена — I, 516. 599. 601.
Митла — I, 652. 653. 657. 659.
Митты — I, 714; II, 273.
Михесы — I, 520. 620. 657.
Мицтеки — I, 620.
Мишла — I, 541.
Мишміи — II, 680.
Міаотсы — II, 680. 68.
Міаи — II, 680. 683. 684.
Milium — I, 477.
Milpa communal — I, 596. 662.
Mimosops Balata — I, 479.
Міровое дерево — I, 58. 616.
Міровой миеъ — I, 57. 189.
Міръ духовъ у малайцевъ — I, 459.
Міунгъ — II, 668. 676.
Michella — I, 458.
Мкализа — II, 199.
Мламба — II, 256.
Млекопитающія — I, 299.
Мнимые зулусы — II, 148. 149. 208.
Многобожіе — I, 60.
Многоженство, см. Полигамія.
Многомужество, см. Поліандрія.
Моа — I, 316.
Моана — I, 309.
Моболи — II, 313.
Мобеки — II, 296. 298. 304. 333.
Могавы — I, 486. 502.
Могауки — I, 500.
Могдишу — II, 216.
Могикане — I, 499.
Могила Христины около Алжира II, 491.
— Сифакса — II, 492.
Могунгъ — II, 672.
Модимо — II, 42. 44.
Модоки — I, 514.
Мозамбикскій проливъ — I, 443.
— берегъ — I, 452.
Мозамбикскіе негры — II, 11. 237.
Мозамбикъ — II, 198.
Мозарабъ — II, 448.
Мозо — I, 312.
Мои — II, 657. 660. 662. 667. 674.
Мокани — I, 377.
Мокассиновая змѣя — I, 482.
Мокисы — I, 501. 506.
Моко-Кики — I, 300.
Моксс — I, 491.
Моланъ — II, 135.
Молегойокъ — I, 274.
Молимо — I, 50.
Молитвы океанійцевъ — I, 320.
Молнія — II, 50.
Моломбва — II, 200.
Молополе — II, 142.
Молочаи — I, 684.; II, 195.
Молукскіе острова — I, 379. 382. 397. 407. 414. 420. 459.
Момаинхерклу — I, 374.
Моманды — II, 653.
Момбасъ — II, 69. 186. 189. 208. 209.
Момфу — I, 756. 759; II, 301.
Монана — I, 374.
Монбутты, см. Мангбатты.
Монахи абиссинскіе — II, 481.
Монгогуле — I, 434.
Монголія и монголы — I, 19. 676. 689; II, 417. 562 и сл., 574 и сл. 608.
— города и развалины городовъ — II, 586. 587.
— доисторическая эпоха — II, 572. 573.
— женщины — II, 590 и сл.
— жилища — II, 584—586.
— земледѣліе и скотоводство — II, 577—582.
— одежда — II, 574. 588. 589.
— оружіе — II, 576. 577. 578.
— охота — II, 582. 583.
— пища и вкусовыя вещества — II, 583. 584.
— политическое раздѣленіе — II, 593. 595—598.
— прически — II, 575. 576.
— распространеніе — II, 563. 567—571.
— семья — II, 591—594. 596. 597.
— сказанія о происхожденіи — II, 571.
— судоходство — II, 583.
— торговля и промышленность — II, 587. 588.
— характеръ — II, 566.
Монголы-цахары — II, 570.
Монданги — I, 419.
Мономотапа — I, 720; II, 162. 198.
Монополія торговли — I, 133.
Монотеизмъ — I, 60; II, 428. 441. 797.
Монреаль — I, 500. 597.
Монровія — II, 355. 388. 389.
Монтаны — I, 614.
Монтесума — I, 634. 639. 642. 651. 659. 663. 666. 667.
Моны — II, 682.
Мораби — I, 374.
Мордвины — II, 803.
Мореплавателей, о-ва — I, 164. 288.
Моресби — I, 163.
— портъ — I, 145. 164. 321. 366.
Мореходная терминологія малайцевъ и полинезійцевъ — I, 34.
Моржъ — I, 551. 568. 580.
Морича — I, 535.
Моріоріи — I, 156.
Moronobea coccinea — I, 479.
Moros iuramentados — I, 387.
Морская выдра — I, 481. 551.
Морская свинка — I, 477.
Морскіе лопари — I, 685.
— малайцы — I, 384. 414.
— демоны — I, 176.
— ласточки — I, 249.
— раковины, какъ орудія I, 508.
— черепахи — I, 151.
Морское рыболовство, см. Рыболовство.
Морской огурецъ — II, 671.

Мортлокскіе о-ва — I, 195. 196. 200. 209. 235. 245. 253. 274. 295. 302. 305.
— обитатели ихъ — I, 245.
Мортонъ, бухта — I, 337. 338. 365.
Морусы — II, 273. 274. 285. 288. 295.
Моры — I, 411.
Мосиликатсе — I, 62; II, 140. 142—144.
Москитовъ берегъ — I, 520. 592.
Москитосы — I, 528.
Мосотены — I, 521.
Моссамедесъ — II, 340. 341. 374.
Моссельбай — II, 135.
Мосы — II, 681.
Мота — I, 227. 296. 301.
Motacilla — I, 417.
Мотивъ охраны въ жилищахъ и постройкахъ — I, 105. 109.
Мотивы украшенія — I, 103.
Мотогонъ — I, 374.
Мотлумэ — II, 126.
Моту — I, 220. 221. 254. 268. 289. 321.
Мошешъ — II, 127. 140.
Моэнекусъ — II, 30.
Моэро, озеро — II, 200. 247.
Мойлахи — II, 438.
Мтеза — I, 62; II, 18. 22. 29. 43. 188. 221. 251. 252. 256. 264.
Мтута — II, 145.
Муа — I, 265.
Муанга — I, 62.
Муата-Ямво и его царство — II, 13. 29. 32. 39. 58. 223. 240. 242. 243—248.
— Казембе — II, 241.
— Кумбана — II, 247.
Мубизи — II, 256.
Мугуль — I, 438.
Мудду — II, 250.
Музгусы — I, 44, 85; II, 73. 294. 305. 534.
Музиму — I, 45.
Музыка — I, 68.
— у американцевъ — I, 493
— у бушменовъ — I, 730.
— у готтентотовъ — I, 746.
— у малагассовъ — I, 444.
— у меланезійцевъ — I, 218.
— у микронезійцевъ — I, 191.
— у полинезійцевъ — I, 191.
Музыкальные инструменты у арктиковъ — I, 675.
— — у малайцевъ — I, 391.
— — у негровъ — I, 85.
Муиски — I, 484.
Мукано — II, 371.
Мукасекеры — I, 754. 763.
Мукенге — II, 39.
Мукуза — II, 49.
Мукуру — I, 50; II, 48.
Мулаты — I, 441. 498; II, 8. 428.
Муличучу — II, 199.
Мульгравъ — I, 323.
Мундомбы — II, 375.
Мундекеты — II, 296.
Мундрукусы — I, 495. 594. 599. 602. 604.
Мундусы (Монду) — II, 84. 280. 295. 301. 319.
Мунза — I, 755; II, 29. 301. 320. 335.
Мунъ — II, 42.
Муонгъ — II, 679.
Мурзукъ — II, 508.
Мури — II, 528.
Муррей — I, 326. 335. 337. 338. 354. 366. 368. 374.
Муррумбиджи — I, 337.
Мурунди — I, 338.
Мурчисонъ, бухта — I, 331.
Musa — I, 235.
— textilis — I, 380. 418.
Мускатное дерево — I, 380.
Мускочисы — I, 500. 590. 595. 597.
Мускусная крыса — I, 481.
Муссонъ — II, 339.
Муссороиги — II, 362. 376.
Муссумба — II, 50 240. 244. 246. 247.
Мусульманскій фатализмъ — II, 449.
Мутса — II, 680.
Муха цеце — I, 701; II, 236.
Мушиконги — II, 376.
Мфва — II, 354.
Мхапры — II, 607.
Мьюапанъ — I, 652.
Мьятушъ — I, 688.
Мѣдной Руды, рѣка — I, 580. 581.
Мѣдные индѣйцы — I, 579.
— о-ва — I, 588.
Мѣдь — II, 13. 81. 327.
— въ Америкѣ — I, 509.
— у готтентотовъ — I, 745.
Мѣновая торговля огнеземельцевъ — I, 555.
Мѣста соединенія у индѣйцевъ — I, 603.
Мэнъ — I, 515.
Мюнтокъ — I, 169.
Myopotamus Coypu — I, 555.
Myrtus memmolaria — I, 550.
Mytilus — I, 555.

Наби Магометъ — I, 464.
Навага — I, 481.
Навахи — I, 499. 515. 609. 613.
Нагази — II, 437.
Нагара — I, 423.
Наги — I, 464; II, 680. 683—686.
Наго — II, 383.
Нагуализмъ — I, 65.
Нагуасы — I, 57. 608.
Нагуатль, группа нар. — I, 501.
Надгробные памятники американцевъ — I, 622.
Надиръ — II, 653.
Надовессіи — I, 597.
Назапріи, см. Ансарибы.
Найо — I, 303.
Наипы — I, 214.
Наичкай — I, 671.
Налемра — I, 523.
Налусы — II, 552.
Нама — II, 624.
— (намаки) — I, 38. 89. 134. 720. 735—738. 740. 742. 745. 747. 750—753; II, 13. 109. 152. 157. 164.
— готтентоты — II, 152.
Намаки-бастарды — I, 750. 751.
— бушмены — I, 721.
Намаландъ — I, 751.
Намока — I, 234.
Намоллосы — I, 568. 622.
Нанга — I, 263. 310; II, 259.
Нангоро — II, 228.
Нанди — II, 187.
Напматаль — I, 157.
Нантикоки — I, 500.
Напуза — I, 406.
Напитки древнихъ американцевъ — I, 642.
Напо, рѣка — I, 530.
Народное собраніе у американцевъ — I, 600.
Народные идолы — I, 47.
Народныя движенія во внутренней Африкѣ — II, 296—298.
— празднества у малайцевъ — I, 392.
Народовѣдѣніе, его задача — I, 1—2.
Народы, имѣющіе исторію — I, 21.
— не имѣющіе ея — I, 21.
— лишенные религіи — I, 39.
— полукультурные — I, 25.
Наррагансеты — I, 512.
Нарриньери — I, 335. 338. 341. 354. 360. 362. 364. 367—369. 375.
Нарумбе — I, 369.
Наслѣдованіе у океанійцевъ — I, 273.
Наслѣдственное право племянниковъ — II, 287.
Насръ-Эддинъ — II, 562.
Наталь — I, 699. 746; II, 123. 138. 139.
Натальскіе кафры — II, 109.
Нати-кага — I, 316.
Natica — I, 503.
Натуралиста мысъ — I, 366.
Натчезы — I, 500. 510. 593. 595. 609.
Наука, обладаніе ею — I, 61.
— у дикихъ народовъ — I, 67.
Наулинко — I, 625.
Нахче (нахчури), см. Чеченцы.
Наѣздники на верблюдахъ въ Сахарѣ — II, 508.
Найабеи — I, 268.
Найберы — II, 186.
Найваша — II, 179. 181. 186.
Наймасы — I, 591.
Найнумасы — I, 591.
Нгагуэ — I, 173.
Нгазиры — II, 532.
Нгами — I, 42. 716. 720. 736. 753; II, 65. 110. 141. 228.
Нгамно — I, 374.
Нганъ-Шунъ — II, 634.
Нгаргинкель — I, 307.
Нгарекобуктъ — I, 314.
Нгвана — II, 136.
Нгемба — II, 239.
Нгиваль — I, 274.
Нгильма — I, 462.
Нгири — II, 331.
Нгіа-Нгіампе, церемоніи — I, 361.
Нголы — II, 289.
Нгомбехи — II, 298. 304. 310. 326. 331.
Нгомы — II, 532.
Нгуры — II, 211.
Нгуруманъ — II, 181.
Ндентеи — I, 57. 220. 299. 310. 311.
Ндламбе — II, 29. 135—137.
Ндорума — II, 299.
Небраско — I, 603.
Небулагалла — II, 253.
Невада — I, 518.
Невоа — II, 294.
Невольничій берегъ — II, 383.
Негритосы — I, 210. 212. 383. 397. 402. 418. 430. 434. 456. 458. 459. 464.
Негрообразные народы Тихаго океана — I, 145, 210.
Негросы — II, 374.
Негрскіе народы западнаго Судана — II, 549. 552.
Негры — I, 145. 329. 695 и сл.; II, 3 и слѣд., 7. 347.
— болѣзни и уродливости — II, 8. 9. 85.
— веденіе войны — II, 35.
— вкусовыя ощущенія — II, 93.
— властители — II, 22. 26. 31. 32. 34. 64.
— волосы — II, 5. 7. 84.
— горное дѣло — II, 13. 80.
— деревни — II, 90.
— женщины — II, 7. 8. 9. 15.
— жилища — II, 86 и сл.
— жрецы — II, 53 и сл.
— запахъ — II, 5.
— земледѣліе и скотоводство — II, 71—74. 99.
— каменный вѣкъ — II, 77—79.
— колдовство — II, 18. 33. 34. 42. 53. и сл.
— людоѣдство — II, 40. 41.
— музыка и танцы — II, 15. 19.
— наука и искусство — II, 18. 82—83.
— одежда и украшенія — II, 84 и сл.
— орудія — II, 71—73. 77.
— оружіе — II, 35—38. 77.
— письмо — II, 95.
— пища — II, 74—77.
— политическія отношенія — II, 26. 33.
— происхожденіе — I, 707.
— промышленность — II, 80 и сл.
— раскрашиванье — II, 38. 85.
— религія — II, 10. 40 и сл. 58.
— ремесла — II, 77.
— семейная жизнь — II, 15. 20—25. 28. 59 и сл. 85.
— солдаты — II, 11. 34.
— суевѣрія — II, 42 и сл.
— торговля и сношенія — II, 65—70.
— торговля рабами — II, 38 и сл.
— тѣло — II, 4—8. 84. 85.
— умственная даровитость — II, 10. 16—18. 32. 33. 83. 93.
— фетиши — II, 48. 50. 51.
— характеръ — II, 13—17. 28. 33. 34. 69 и сл.
— человѣческія жертвы — II, 15. 40. 49.
— числовая система — II, 93.
— языки — II, 90 и сл.
— свободные — II, 11. 16.
— въ Америкѣ — I, 498; II, 10. 11. 15. 19. 20.
— въ рабствѣ — II, 12. 13. 16.
— въ Суданѣ — II, 525.
— подъ властью фулаховъ — II, 549.
— котсесы — II, 344.
— невольники освобожденные — I, 17.

Негры, форы — II, 80. 85. 536. 537. 538. 539.
Недостатокъ домашнихъ животныхъ у арктиковъ — I, 643.
Незнакомство съ желѣзомъ — I, 6.
— — у американцевъ — I. 143.
— — у древне-американцевъ — I, 648.
— — въ Полинезіи — I, 201.
— — у средне- и южно-американцевъ — I, 533.
Не знающіе желѣза народы — I, 144.
Нельери — I, 368.
Немпе — II, 382.
Необитаемые острова въ Океаніи — I, 177.
Непалъ — II, 563. 612.
Нёпоко — II, 301.
Нерчо — I, 684.
Нефритъ — II, 78.
Неццауалькойотль — I, 666.
Нейчилликъ — I, 573. 582.
Нзангахи — II, 334.
Нзоми — II, 335.
Нигеръ — II, 378. 522.
— страна — II, 76.
Нидерландская Индія — I, 384. 385.
Нижнеколымскъ — I, 684.
Нижняя Бенгалія — I, 214.
Нижняя Калифорнія — I, 513. 535.
Низменные о-ва — I, 164.
Никамъ — I, 51; II, 42. 47.
Никарагуа — I, 475. 501. 520. 530. 599. 642. 646.
— озеро — I, 630.
Никарагуанцы — I, 596.
Никараосы — I, 501.
Никко — II, 714.
Никобары — I, 379. 388. 404. 410.
— ихъ обитатели — I, 403.
Нильскіе негры — I, 88; II, 267 и сл.
— желѣзная промышленность — II, 278. 284.
— женщины и дѣвушки — II, 287.
— земледѣліе и скотоводство — II, 283. 284.
— музыка — II, 286.
— наслѣдственное право племянниковъ — II, 287.
— одежда и украшенія — II, 274. 277. 278.
— оружіе — II. 279 и сл.
— охота — II, 281.
— промышленная дѣятельность — II, 284.
— рыбная ловля — II, 281.
— хижины и деревни — II, 281. 282.
Нильскія страны — II, 267.
Нилъ — II, 267.
Нилъ, вытекающій изъ Викторіи — II, 269.
Нинга — II, 366.
Нинапо — II, 672.
Нингхія — II, 588.
Ниссанъ — I, 147. 225. 230.
Нифэ, см. Нупэ.
Нишинамы — I, 617.
Нищенствующіе монахи — II, 446.
Ніангве — I, 82. 112; II, 69. 220. 290.
Ніаса — I, 425. 463.
Nicotiana quadrivalvis — I, 515.
Nimphea корни — I, 328.
Nipa fruticans (пальма Нипа) — I, 380.
Ніуа — I, 161.
Ніуэ — I, 313.
Ніясъ — I, 388. 406. 415. 424. 425. 430. 458. 469.
Нкисси — II, 43.
Нколе — II, 188. 266.
Нкунга — II, 354.
Ноа — I, 265.
Нобу Эрроманго — I, 313.
Новая Англія — I, 515. 516.
— Гвинея — I. 36. 46. 153. 155. 172. 177. 179—183. 203. 211. 212. 216. 219—228. 230. 233. 236—241. 246. 247. 249. 251. 255. 256. 258. 259. 268. 270. 275. 283—286. 288. 289. 300. 301. 320. 321. 323. 332. 354. 379. 388. 402. 407. 414. 436.
Новая Георгія — I, 255.
Гренада — I. 531.
Новая Зеландія и новозеланцы — I, 29. 153. 155. 161. 165. 172. 173. 174. 175 — 178. 187. 190. 193. 195. 199. 207. 209. 246. 247. 249. 255. 258. 263. 269. 281. 282. 284. 286. 292.
— Каледонія — I, 181. 216. 220. 225 227. 229. 230. 236. 247. 251. 255. 256. 263. 276. 286. 310. 311. 316. 323.
— каледонцы — I, 164. 219. 225. 231. 240. 253. 293.
— Мексика — I, 479. 490. 495. 501. 508. 509. 512. 515. 518. 532. 533. 604. 626. 652. 658.
— Померанія — I, 166. 211. 216. 218. 219. 223. 225. 228. 230. 231. 236. 238. 240. 242. 248. 249. 251. 259. 267. 268. 269. 276. 283. 292.
— Шотландія — I, 515.
Новелле, р. — II, 294.
Новогвинейцы—I, 166. 245. 253. 254. 255.
Ново-греческій языкъ — I, 32.
— -калифорнцы — I, 532.
Новые Гебриды — I. 166. 211. 212. 220. 225—228. 230. 231. 233. 237. 240. 251. 252. 255. 259. 263. 264. 268. 270. 275. 292. 295. 299. 305. 307.
— — ихъ обитатели — I, 176. 222. 231.
Новый Брауншвейгъ — I, 515.
Новый Ганноверъ — I, 181. 222. 223. 225. 233. 259.
Новый Лауенбургъ — II, 268. 320. 323.
— Мекленбургъ — I, 148. 153. 218. 220. 222. 225. 229. 231. 233. 236. 240. 241. 255. 259. 267. 283. 323.
— — жители его — I, 231.
— Южный Уэльсъ — I, 326. 327. 335. 338. 347. 348. 351. 354. 363. 374.
Ногайцы — II, 569.
Ногейра — II, 375.
Ножъ ввидѣ сабли — II, 470.
Ноки — II, 376.
Номадизмъ арктиковъ — I, 670.
— австралійцевъ — I, 339.
Номады и номадизмъ — II, 174. 393. 396. 411. 416—418. 422. 548.
Номансландъ — I, 751.
Ноно — II, 266.
Нопиту Вуи — I, 296.
Норманны — I, 8. 28. 143.
Норманбэй — I, 255.
Норо (божество) — II, 42.
— деревья — I. 298.
Норфолькъ — I, 177. 183.
Носорогъ, птица — I, 299. 469.
Носорогъ — I, 701.
Нравственность — I, 119.
— въ религіи — I, 51.
Нуаруаки — I, 520.
Нуба — II, 432.
Нубійцы — I, 34. 35. 85. 699. 704; II, 3. 6. 15. 22. 416. 427. 431. 432. 437. 450. 452. 455 и сл.
— земледѣліе — II, 455.
— исторія — II, 431. 437.
— пища — II, 456.
— работорговля — II, 459.
— ремесла и торговля — II, — 459.
— характеръ — II, 456.
Нугерайнъ — I, 313.
Нукугива — I, 174. 286. 299. 307. 308.
Нукуоръ — I, 196. 200. 235. 301. 317.
Нулла — I, 345.
Нунивакъ, островъ — I, 621.
Нунъ — II, 363. 382.
Нупеи (Нупэ, Нифэ) — II, 550. 558. 561.
Нуррундерэ — I, 373—375.
Нутки — I, 490. 496. 558—560. 562. 564. 601. 606. 619. 623.
— заливъ — I, 562. 618.
Нутко-колумбійцы — I, 557.
Нуэры — II, 272.
Нтемба — II, 379.
Ншаша — II, 354.
Ньемба — II, 373.
Ньенбуай — I, 756.
Ньика — II, 199.
Ньонгмо — II, 44.
Ньонгъ (Джонгъ) — II, 380.
Нью-Джерсей — I, 509.
Ньюаркъ — I, 518.
Нью Іоркъ — I, 500. 596. 597. 603.
Ньюнгу — II, 671.
Ньюфаундлендцы — I, 486. 513.
Ньюфаундлендъ — I, 566. 579. 621.
Ньялла — I, 685.
Ньямбары, см. Янбарін.
Ньямби — I, 50; II, 42.
Ньяме — I, 50.
Ньямо — II, 42.
Ньямъ-ньямы — I, 103. 120. 714, см. также Сандехи.
Ньянгхупонь — II, 42. 43.
Ньясса — II, 63. 83. 109. 191—193. 203. 229.
Ньяссы, племена — II, 62. 85. 86. 191—199.
Нѣмцы на Малайскомъ архипелагѣ — I, 385.
Нѣмые (alali) Геккеля — I, 30.

Оагу — I, 309. 316.
Оаяка — I, 648.
Оба — II, 301.
Оббо — II, 185. 288.
Обезьяна — I, 88. 151. 480.
Обемпо — II. 48.
Обитатели Анахоретскихъ о-вовъ — I, 221. 231.
Обитаемыя пещеры въ Абиссиніи — II, 472.
Обозначеніе цвѣта — I, 34.
Обонго — I, 756.
Обработка камня у сѣверо-американцевъ — I, 508.
— риса у малайцевъ — I, 415.
Образное письмо — I, 36.
— австралійцевъ — I, 336.
— американское — I, 493.
— меланезійцевъ — I, 219.
Образованіе колоній и государствъ — I, 139. 140.
Обрѣзаніе — II, 24. 85. 125. 173. 192. 293. 313. 366. 443. 481. 487.
— у австралійцевъ — I, 370.
— у малайцевъ — I, 400.
Обсидіанъ — I, 226. 508. 647.
Обскіе остяки — I, 692.
Общественные дома въ Микронезіи — I, 259.
Общество — I, 6. 121.
Общинные дома — I, 259.
Обычаи при родахъ — I, 119.
— у австралійцевъ — I, 357.
— у готтентотовъ — I, 746.
— у малайцевъ — I, 428.
— у меланезійцевъ — I, 263.
— у огнеземельцевъ — I, 556.
— у полинезійцевъ — I, 263.
Обь — I, 669. 682.
Овагереросы (дамары, гереросы) — I, 735. 737; II, 5. 13. 21. 22. 25. 36. 42. 45. 48. 51. 62. 82. 86. 92. 99. 101. 102. 104. 107. 151 и сл. 156. 167. 228. 374.
— женщина — II, 155.
— земледѣліе и скотоводство — II, 163.
— музыка — II, 165.
— одежда — II, 157. 158.
— оружіе — II, 158.
— пища — II, 161.
— погребальные обычаи — II, 155.
— политическія отношенія — II, 164. 165.
— происхожденіе и исторія — II, 151.
— семья — II, 154.
— торговля — II, 162.
— характеръ — II, 153. 154. 166.
— хижины — II, 160.
Овамбы и страна Овамбо — I, 719. 720. 721. 753. 761; II, 76. 86. 162. 166. 224. и сл., 374.
— жилища — II, 225.
— земледѣліе — II, 225.
— музыка и танцы — II, 227.
— одежда — II, 227.
— оружіе и утварь — II, 226.
— пища — II, 225.
— политическія отношенія — II, 228.
— рабы — II, 228.
— характеръ — II, 227.
— языкъ — II, 225.
Овца — I, 481. 701; II, 324. 580.
Огадены — II, 185.
Огайо — I, 476. 480. 505. 508. 509. 518. 519.

Огбони, см. Абоніи.
Оваяймба — II, 224.
Огнеземельцы — I, 486. 533. 545. 550. и сл. 570. 620.
— бракъ — I, 556.
— лодки — I, 553.
— людоѣдство — I, 555.
— мѣновая торговля — I, 554.
— обычаи при родахъ — I, 556.
— одежда — I, 552.
— оружіе — I, 554.
— пища — I, 554.
— роды — I, 556.
— рость — I, 552.
— техника — I, 554.
— украшенія — I, 553.
— численность населенія — I, 552.
— хижины — I, 553.
Огненная земля — I, 486. 545. 550.
— климатъ — I, 550.
— лѣса — I, 550.
— населеніе — I, 552.
— растительный міръ — I, 550.
— фауна — I, 551.
Огнестрѣльное оружіе малайцевъ — I, 403.
Огове — I, 713. 763; II, 339. 343. 377. 378.
Одежда — I, 92.
— австралійцевъ — I, 351.
— арктиковъ — I, 679.
— бушменовъ — I, 725.
— готтентотовъ — I, 740.
— древне-американцевъ — I, 635.
— индѣйцевъ Средней и Южной Америки — I, 527.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— малайцевъ — I, 393.
— меланезійцевъ — I, 219.
— микронезійцевъ — I, 200.
— огнеземельцевъ — I, 552.
— патагонцевъ — I, 547.
— полинезійцевъ — I, 198.
— сѣверо-американцевъ — I, 505.
— сѣверо - западныхъ американцевъ — I, 558.
— тасманійцевъ — I, 372.
— эскимосовъ — I, 575.
Оджибвеи — I, 37. 485. 513. 590. 596.
Однодеревка — I, 169.
— негровъ — II, 65.
Одори — II, 706.
Одьи — II, 386.
Озаги — I, 501. 505. 590. 602.
Озера истоковъ Нила — II, 169. 187. 215.
Озеро Александры — I, 335. 355. 365.
— Альберта — II, 335. 754.
Ози — II, 184.
Озы — II, 699.
Окованго — II, 224.
Окано — I, 540.
Океанійцы — I, 8. 143. 145. 149. 150. 153. 375.
— бракъ — I, 268.
— вкусовыя вещества — I, 254.
— военный образъ жизни — I, 287.
— воспитаніе — I, 266. 324.
— государство — I, 263.
— деспотизмъ — I, 284.
— домашняя утварь — I, 260.
— домъ — I, 256.
— дѣтоубійство — I, 163. 266.
— земледѣліе — I, 249.
— карты — I, 168.
— колонизація — I, 172.
— лингвистическая связь — I, 172.
— малая цѣна человѣческой жизни — I, 163. 291.
— мужество — I, 163.
— орієнтированіе — I, 167.
— переселенія — I, 154. 155. 159. 182.
— причины ихъ — I, 163.
— пища — I, 252.
— погребальные обычаи — I, 320.
— политическія смуты — I, 163.
— положеніе женщины — I, 269.
— похищеніе женщины — I, 267.
— правовыя нарушенія — I, 286.
— работа — I, 234.
— разведеніе домашнихъ животныхъ — I, 249.
— расовое родство — I, 146.
Океанійцы, сватовство — I, 267.
— семья — I, 263. 276.
— собственность и наслѣдованіе — I, 273.
— страсти къ переселеніямъ — I, 163.
— торговля — I, 163.
— церемоніи — I, 284.
— человѣческія жертвы и людоѣдство — I, 163.
— число лицъ обоего пола — I, 266.
Океанія — I, 153.
— голодовки — I, 163.
— земельная собственность — I, 277.
— культурное развитіе — I, 158.
— необитаемые острова — I, 177.
— островныя группы — I, 153.
— распредѣленіе имущества — I, 277.
— растительный и животный міръ — I, 149. 155.
— регрессъ населенія — I, 156. 157. 170.
— сношенія — I, 158.
— торговля людьми — I, 170.
— численность населенія — I, 156.
Окоа — I, 761. 763; II, 348.
Окосинго — I, 72.
Окота — II, 344.
Окраинные народы — I, 6.
Олелонгль — I, 243.
Оленій мохъ — I, 568. 670.
Оленекъ — I, 679. 683.
Оленные тунгусы — I, 671.
— чукчи — I, 670. 676. 683. 687. 692.
Олень — I, 480. 669.
Oliva — I, 503.
Olivella biplicata — I, 504.
Оливки — I, 480.
Оллантайтамбо — I, 653. 659.
Ольмеки — I, 628.
Омаги — I, 489. 515. 603. 616.
Омаръ, калифъ — II, 467.
— султанъ въ Борну — II, 543.
Омдурманъ — II, 453.
Омеръ, мѣстность — I, 603.
Омоки — I, 671. 676. 679.
Омолоновъ — I, 676.
Оморамба — II, 168.
Омори — II, 687.
Омурангера — II, 56.
Омукуру — II, 48.
Онасы — I, 545. 552. 554. 556.
Ондангеры — II, 56.
Онейды — I, 500.
Онондаги — I, 500. 601.
Оното — I, 637.
Опіумъ — II, 220. 584. 629. 708. 720.
Опоа — I, 297. 303.
Опоссумъ — I, 480.
Опрятность — I, 104.
— американцевъ — I, 488.
— арктиковъ — I, 674.
— океанійцевъ — I, 193.
Опунція — I, 480. 627.
Оракзаи — II, 653.
Орангъ - бенуа — I, 463.
— лауты — I, 383.
— пангганги — I, 213. 382.
— пунаны — I, 402.
— сакеи — I, 409.
— семанги — I, 213. 382.
— утаны — I, 381.
Оранжевая республика — I, 721. 738. 751. 752; II, 11.
— рѣка — I, 720. 735—737. 751.
Ордосъ — I, 89.
Орегонъ — I, 518. 620.
Орехонесы — I, 527. 528. 544. 637.
Ориноко — I, 474. 532. 535. 537. 593. 610.
— дельта — I, 528. 535.
— племена — 526. 541. 542. 590. 593. 623.
Орисава — I, 625.
Орламъ — I, 736. 737. 750.
Орма (оромо) — II, 169.
Орнаментика — I, 70.
— у сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 565.
Оро — I, 50. 291. 312.
Орочи — I, 676.
Орочоны — I, 670. 673. 677. 679. 782—684. 686. 690.
Орошеніе Австраліи — I, 326.
— Америки — I, 476.
— Африки — I, 697.
Ortyx — I, 481.
Орудія негровъ — I, 90.
— древне-американцевъ — I, 647.
— меланезійцевъ — I, 246.
— средне- и южно-американцевъ 533.
— сѣверо-американцевъ — I, 507.
Орудія рѣчи — I, 29.
Оружіе — I, 135.
— австралійцевъ — I, 343.
— арктиковъ — I, 680.
— бушменовъ — I, 726.
— древне-американцевъ — I, 637.
— готтентотовъ — I, 742.
— индѣйцевъ Средней и Южной Америки — I, 529.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— мадагассовъ — I, 445.
— малайцевъ — I, 402.
— меланезійцевъ — I, 225.
— микронезійцевъ — I, 193. 203.
— огнеземельцевъ — I, 554.
— патагонцевъ — I. 548.
— полинезійцевъ — I, 201.
— сѣверо-американцевъ — I, 506. 507.
— сѣверо - западныхъ американцевъ — I, 560.
— тасманійцевъ — I, 373.
— эскимосовъ — I, 278.
— для защиты у древнихъ американцевъ — I, 639.
— у меланезійцевъ — I, 233.
— у сѣверо - западныхъ американцевъ — I, 566.
— изъ зубовъ акулы — I, 83. 208.
Орхидеи — I, 328.
Орѣхъ кола — I, 700.
Орѣшникъ — II, 498.
Оселъ — I, 701; II, 454.
Осетины — II, 789.
Османы — II, 565. 569. 801.
Остроги меланезійцевъ — I, 226.
Острота чувствъ у американцевъ — I, 487.
— арктиковъ — I, 675.
Остяки — I, 669. 671. 675. 679. 680. 682. 683. 685.
Осѣдлость — I, 88.
Отавы — I, 601.
Отатаре, птица — I, 299.
Отвимбингэ — II, 153.
Отманъ (шейхъ) — II, 548.
Отношенія между мужемъ и женой въ домашнемъ быту — I, 113.
Отолумъ, р. — I, 652.
Отомаки — I, 528.
Отомисы — I, 620.
Отравленіе стрѣлъ у бушменовъ — I, 729.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— малайцевъ — I, 403.
— меланезійцевъ — I, 230.
— южно-американцевъ — I, 533.
Отсутствіе металловъ — II, 401.
Оту — I, 123. 601.
Отумба — I, 666.
Отцовское право — I, 115.
Оугоу — I, 316.
Офиръ — II, 147.
Офлей, о. — I, 567.
Охота — I, 126.
— австралійцевъ — I, 351.
— арктиковъ — I, 669.
— бушменовъ — I, 723.
— меланезійцевъ — I, 247.
— средне- и южно-американцевъ — I, 538.
— сѣверо-американцевъ — I, 514.
— эскимосовъ — I, 580.
— за головами — I, 289. 392. 401. 434.
— за людьми во внутренней Африкѣ — II, 331.
— за страусами у бушменовъ — I, 729.
— на буйволовъ въ западной Африкѣ — II, 358.
— на нерпъ въ Беринговомъ морѣ — I, 581.
— на слоновъ — II, 198. 324. 358.
Охотники — I, 27.
Охотничій челнокъ гренландцевъ — I, 584.

Охотничьи народы внутренней Африки — II, 291. 296.
— восточной Африки — II, 180.
Оцѣнка золота — I, 101.
Оцѣнка серебра — I, 101.
Ошуба — I, 478.
Ойгобы (орлой гобъ) — II, 169. 186.
Ойо — II, 383.
Ойроты — II, 570.
Ойямписы — I, 494. 524. 529. 549. 606. 679.

Па — I, 272.
Пагода — II, 617.
Пагу — I, 205.
Пагуины, см. Фаны.
Паданги на Суматрѣ — I, 402. 415.
Падангъ — I, 407. 414. 422. 425.
Пади — I, 438.
— Аллахъ — I, 464.
Падьядьяранъ — I, 464.
Пакега — I, 175.
Палаверовый соусъ — II, 357.
Палаверъ — II, 371.
Palaeornis longicauda — I, 419.
Палаускіе о-ва — I, 153. 190. 197. 200. 205. 242—245. 250. 253. 259. 269. 270. 273. 287. 294. 298. 301. 305. 306. 309. 312. 314. 319.
— обитатели ихъ — I, 106. 156. 160. 164. 201. 205. 287. 295.
— челноки — I, 166.
Палеазіатцы — II, 699.
Палембангъ — I, 169. 407. 413. 421. 430. 431. 433.
Паленкэ — I, 33. 72. 652. 654—657. 661.
Пали — I, 438.
Палицы австралійцевъ — I, 344.
— меланезійцевъ — I, 227.
— полинезійцевъ — I, 206.
Палка для копанья у австралійцевъ — I, 348.
Паллизеровы о-ва — I, 292.
Palma brava — I, 404.
Palmetto — I, 480.
Пало — II, 135.
Палочки австралійцевъ — I, 336.
Палунги — II, 680. 681—683. 684.
Пальма карнагуба — I, 477.
— тагуа — I, 478.
— туру — I, 478.
Пальмеръ, рѣка — I, 370.
Пальмовая капуста — I, 480.
Пальмовое вино — I, 255. 380. 541; II, 195.
— масло — II, 359.
Пальмы — I, 477. 700.
Памиръ — II, 568.
Памiагдлугъ — I, 584.
Пампанги — I, 459.
Пампасскіе индѣйцы — I, 479. 480. 489. 521. 529. 546. 549.
Пампасы — I, 475. 476. 480. 522. 539. 545.
Памперосы — I, 484. 546.
Панама — I, 474.
Панамская желѣзная дорога — II, 11.
Пангани — II, 186.
Пангеланъ — I, 383.
Пангеранъ — I, 429.
Панглима — I, 432.
Пангулу — I, 429. 431.
— Балангъ — I, 455. 456. 460.
Пангунгау — I, 242.
Пандануcъ — I, 252. 253. 423.
— консервы — I, 167.
Пандиты — II, 638.
Панисы — I, 500. 597.
Panicum — I, 477.
Панои — I, 299.
Паносы — I, 521.
Паноче — I, 479.
Пантера — I, 482.
Пануко — I, 627.
Панцыри у малайцевъ — I, 406.
— меланезійцевъ — I, 222. 233.
— полинезійцевъ — I, 137. 209.
— сѣверо-западныхъ индѣйцевъ — I, 560.
Панцырные всадники въ Багирми — II, 532.
— въ Борну — II, 509. 543.
— въ Сокото — II, 554.
Панчесы — I, 621.
Паншенъ Лама — II, 604.
Папа — I, 189. 304. 308.
Папату-Ануку — I, 297.
Papaya vulgaris — I, 479.
Папайя — I, 414; II, 338.
Папайосы — I, 501. 614.
Папели — II, 551. 552.
Папирусъ — II, 195. 401.
Папоротники — I, 328.
Парра-парра, праздникъ дуалловъ — II, 373.
Папуасы — I, 106. 170. 179. 182. 210. 211. 212. 222. 241. 246. 255. 300. 320. 323. 332. 384.
Парагвай — I, 486. 489. 521. 523. 526. 530. 539. 544. 546. 547. 597.
Парамбананъ — I, 404.
Парана — I, 475. 534.
— де Ласъ-Пальмасъ — I, 539.
Парентинины — I, 604.
Парима — I, 173.
Парiи — I, 123.
Парный бракъ — I, 7. 113. 116.
Pharomacrus mocinna — I, 528.
Парсеваны — II, 645.
Парри, архипелагъ — I, 568.
Парсы — II, 770.
Парусъ — I, 157.
Парэ — I, 347.
Пасемахи — I, 437.
Пассамахи — I, 389.
Пастухи — I, 27.
— какъ образователи государствъ — I, 130.
Пастушеская и кочевая жизнь — I, 89 126.
Пастушескіе народы восточной Африки — II, 95 и сл.
— земледѣліе и скотоводство — II, 99—108.
— наслѣдственное право — II, 105.
— организація — II, 97. 104.
— оружіе — II, 97.
— пища — II, 107.
— народы — II, 396. 411 и сл.
— исторія — II, 413.
— кочевая жизнь — II, 90. 411 и сл.
— на сѣверѣ Абиссиніи — II, 488.
— нильскихъ областей — ii, 268.
— орды — II, 416.
— перемѣна въ численности населенія — II, 414. 415.
— пища — II, 414, см. также восточно-африканскіе пастушескіе народы.
Пасхи, островъ — I, 152. 157. 172. 176. 178. 193. 196. 209. 249. 250. 256. 258. 319. 388.
— обитатели его — I, 152. 162. 195. 199. 203. 234.
Пататы — I, 502.
Патагонія — I, 476. 532. 545. 549. 554.
Патагонцы — I, 484. 485. 522. 529. 533. 545.
— волосы — I, 546.
— жилища — I, 549.
— земледѣліе — I, 549.
— конныя племена — I, 546.
— настоящіе — I, 545.
— одежда — I, 547.
— оружіе — I, 548.
— пища — I, 548.
— политическая организація — I, 549.
— предметы украшенія — I, 547.
— ростъ — I, 546.
— татуировка — I, 546.
— техническое искусство — I, 549.
Patella — I, 555.
Патологическія расы — I, 17.
Patria potestas — I, 117.
Патріархальная семья — I, 7.
Paullinia — I, 537.
Паумари — I, 544.
Паумоту, острова — I, 161. 164. 177. 187. 190. 193. 194. 209. 250. 252. 287. 292.
— обитатели ихъ — I, 146. 164.
Паупау — I, 479.
Паутикъ — I, 585.
Пачакамакъ — I, 643. 655.
Пачука — I, 649.
Па-ютахи — I, 501.
Пайвари — I, 541.
Пайи — II, 682.
Паймъ Райверъ — I, 365.
Пайягуасы — I, 486. 489. 523. 526. 527. 547. 618.
Пайяскіе индѣйцы — I, 539. 544.
Пегу — I, 33; II, 656. 682.
Пегуэнчи — I, 544. 545. 546. 548. 549.
Пезина — I, 678.
Пеларунгъ — I, 432.
Пеледе — II, 193. 197.
Пеледіу — I, 163. 307.
Пелэ — I, 309.
Пеммиканъ — I, 516.
Пенбина — I, 603.
Penicillaria — II, 544.
Пенринскіе о-ва — I, 177. 187. 297.
Пенсильванія — I, 509.
Пену — I, 236.
Пепы — I, 389.
Первичное населеніе малайскаго архипелага — I, 382.
Первобытная исторія человѣчества — I, 5.
Первобытное состояніе — I, 15.
Передникъ — II, 227.
Передняя Индія, вторженіе пастушескихъ народовъ — II, 610.
Переселеніе душъ — II, 773.
— пастушескихъ народовъ — II, 411. 807.
Переселенія океанійцевъ — I, 159.
— народовъ — I, 10.
Перецъ — I, 539.
Перечный берегъ — II, 388.
Перламутръ — I, 235.
Пермяки — II, 803.
Персики — I, 447.
Персія и персы — I, 27; II, 416. 417. 582. 644 и сл.
— жилища — II, 605.
— земледѣліе и скотоводство — II, 650. 651.
— одежда — II, 649.
— охота — II, 582. 583.
— пища и вкусовыя вещества — II, 651.
— политическое господство — II, 653.
— промышленность — II, 605.
— религія — II, 649. 768—770.
— торговля и сношенія — II, 653.
— физическіе признаки — II, 645.
— характеръ — II, 648.
— языкъ — II, 649.
Перу — I, 190. 240. 474. 480. 483. 491. 493. 498. 520. 528. 532. 533. 610. 615. 617. 626—630. 632. 635. 637—648. 649—651. 654. 655. 657. 661—667.
Перуанцы — I, 484. 523. 533. 543. 620—622. 630—633. 635. 638. 640. 641—643. 648. 650. 663. 664.
Песси — II, 387.
Песчаная блоха — I, 290. 342.
Петерманна фіордъ — I, 567.
Петроглифы — I, 632.
Печили — II, 702.
Пещерные храмы брамановъ — II, 619.
Пещерный храмъ въ Эллорѣ — II, 619.
— народъ Геродота — I, 3.
Пиво — I, 643; II, 75.
— киноа — I, 541.
Пигилы — I, 501.
Пигмеи и карликовые народы — II, 9. 181. 241. 302. 605.
— баното — I, 762.
Пизангъ — I, 250. 414. 416.
Physeter macrocephalus — I, 248.
Пикія — I, 538.
Пили — I, 123.
Пилоны Эдфу — II, 405.
Пилькомайо — I, 544.
Пальстартъ, о. — I, 163.
Пимасы — I, 501. 507. 516. 603. 604. 612. 614. 620.
Пинангъ, орѣхъ — I, 380.
Пингелянъ — I, 197.
Pinguicula — I, 669.
Пинтукъ — I, 496.
Пиньонъ — I, 480.
Пирамиды — II, 401—404. 617. 618. 660.
Пиратство малайцевъ — I, 169. 170.
Пирманъ — I, 464.
Письменность — I, 36.
— древнихъ американцевъ — I, 632

Письменность малайцевъ — I, 388.
— меланезійцевъ — I, 219.
Письменные народы — I, 67.
— языки — I, 32.
Письмо знаками — I, 36.
Питкернскій островъ — I, 157.
Питлякай — I, 671.
Пища — I, 91.
— австралійцевъ — I, 353.
— арктиковъ — I, 683.
— бушменовъ — I, 727.
— готтентотовъ — I, 745.
— древне-американцевъ — I, 641.
— лѣсныхъ индѣйцевъ средней и южной Америки — I, 540.
— малайцевъ — 419.
— меланезійцевъ — I, 245.
— огнеземельцевъ — I, 554.
— океанійцевъ — I, 252.
— патагонцевъ — I, 548.
— сѣверо-американцевъ — I, 516.
— сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 565.
— эскимосовъ — I, 568. 581.
Piaa (piaxi) — I, 620.
Piedras cansadas — I, 653.
— pintadas — I, 493. 632.
Piper methysticum — I, 254.
Pisonia — I, 166.
Pistia stratiotes — II, 323.
Pitahaya — I, 480.
Плавленіе стекла у сѣверо-американцевъ — I, 510.
Пластическое искусство — I, 69.
— американцевъ — I, 493.
— древнихъ американцевъ — I, 659.
— малайцевъ — I, 390.
— средне- и южно-американцевъ — I, 534.
Платья изъ луба у айносовъ — II, 735. 738.
Племена австралійцевъ — I, 360.
— арктиковъ — I, 675.
— древнихъ американцевъ — I, 631.
— индоафриканцевъ — I, 704 и сл.
— малайцевъ — I, 388. 429.
— океанійцевъ — I, 177 и сл. 273.
— патагонцевъ — I, 545.
— средне- и южно-американцевъ — I, 520 и сл.
— сѣверо-американцевъ — I, 499. и сл.
— сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 557 и сл.
— эскимосовъ — I, 360.
„Племена кузнецовъ“ у негровъ—II, 80.
Племена невѣстъ — I, 115.
Племенные символы — I, 117.
Племенныя границы австралійцевъ— I, 367.
Плёнгге — I, 377.
Плетенія изъ перьевъ на Гавайскихъ островахъ — I, 236.
Плетеныя работы австралійцевъ — I, 357.
— меланезійцевъ — I, 238.
— обитателей Джильбертовыхъ и Маршаловыхъ о-вовъ — I, 235.
— эскимосовъ — I, 586.
Пловеръ, бухта — I, 582.
Плоды Америки — I, 478.
Плоскогорье южной Америки — I, 474.
Плоты изъ лодокъ — I, 164.
— малайцевъ — I, 412.
Плясовыя пѣсни островитянъ Банкса — I, 68.
По — I, 302. 304.
Poa abyssinica — II, 475.
Повальное смѣшеніе — I, 117.
Повандіи — II, 654.
Повѣрья — I, 55.
Повязки на лбу у меланезійцевъ — I, 223.
Погосты — I, 670.
Погребальные обычаи, см. Способы погребенія.
Погребальныя пиршества, см. Способы погребенія.
Погребеніе, см. Способы погребенія.
— живыхъ въ Океаніи — I, 324.
Подземелья — II, 585.
Подпиливаніе зубовъ — II, 85. 274. 292. 312. 313.
Подсолнечникъ — I, 515.
Пои — II, 683.
Поклоненіе горшкамъ — I, 44.
— животнымъ у американцевъ — I, 615.
— огню — II, 56. 760. 768—770.
— растеніямъ у американцевъ — I, 616.
— малайцевъ — I, 457.
— солнцу въ Азіи — II, 760.
Поклонники діавола — I, 56.
Покупка женщинъ у готтентотовъ — I, 747.
— у индѣйцевъ — 1, 590.
— у меланезійцевъ — I, 267.
— женъ — I, 117; II, 123. 365, см. также „Покупка невѣсть“.
— невѣсты — II, 23 591, см. также „Покупка женъ“.
Полабы — II, 818.
Полигамія — I, 113; II, 334. 465. 593. 637.
Полинезійцы — I, 34. 40. 44. 135. 145. 183. 212. 214. 215. 219. 220. 237. 245. 247. 302. 343. 376. 381. 382.
— альбинизмъ — I, 185.
— бракъ — I, 268. 270.
— вкусовыя вещества — I, 254.
— военный образъ жизни — I, 191. 287.
— волосы — I, 183. 195.
— вооруженіе — I, 193. 201.
— врачебное искусство — I, 190.
— государственныя должности — I, 274.
— дѣтоубійство — I, 187. 293.
— женщина — I, 187. 269.
— жрецы — I, 190.
— законы табу — I, 279.
— земледѣліе — I, 249.
— знанія — I, 189.
— игры — I, 191—193.
— изученіе звѣздъ — I, 190.
— каменныя постройки — I, 258.
— колоніи — I, 138. 176.
— кровавая месть — I, 133.
— культура — I, 190.
— людоѣдство — I, 128. 187. 292.
— мореплаваніе — I, 164. 169.
— музыка — I, 191.
— народные классы — I, 274.
— обрѣзаніе — I, 195.
— одежда — I, 193. 198.
— острота чувствъ — I, 186.
— переселенія — I, 170. 172. 176.
— пища — I, 253.
— постройка дома — I, 256. 257.
— преданіе о Паваики — I, 172. 173.
— преданія — I, 190.
— представленія о мірѣ — I, 189.
— происхожденіе — I, 146.
— промышленная дѣятельность — I, 234.
— пѣніе и танцы — I, 191.
— разнузданность — I, 187.
— раскрашиваніе — I, 195.
— религія — I, 170. 188. 294.
— родство съ сѣверо-американцами — I, 557.
— рожденіе — I, 263.
— рость и физическая сила — I, 185.
— сказаніе о твореніи — I, 304.
Полинезійцы, способность къ воспитанію — I, 188.
— суда — I, 164.
— счисленіе времени — I, 190.
— татуировка — I, 193.
— украшенія — I, 193.
— умственная даровитость — I, 186.
— утварь — I, 201.
— физическіе признаки — I, 184.
— характеръ — I, 187.
— христіанство — I, 188.
— художественные задатки — I, 246.
— человѣческія жертвы — I, 187. 291.
— этнографическія группы — I, 177.
— языкъ — I, 190.
Полинезія — I, 149. 152. 153. 155. 156. 177. 273. 299. 303. 306. 381.
— меланезійскія колоніи — I, 177.
— микронезійскія вліянія — I, 177.
— миссія — I, 188.
Полинезія, отсутствіе желѣза—I, 201.
— распредѣленіе имущества — I, 277.
Политеизмъ — I, 60.
Политическая организація — I, 128.
Политическія учрежденія — I, 20.
Поліандрія — I, 114; II, 593. 637. 638.
Положеніе женщины у австралійцевъ — I, 362.
Полу-кочевая жизнь — II, 423.
Полу-культура — I, 25.
Поля Карру въ южной Африкѣ — I, 719.
Поляки — II, 817.
Полярная лисица — I, 669.
Полярное сіяніе — I, 376.
Помали — I, 438.
Помбе — II, 256.
Помберы — II, 375.
Понапэ — I, 157. 202. 235. 255. 294. 319.
— его жители — I, 255. 301.
Понда (въ Маэро) — II, 78.
Пондомизы — II, 138.
Понды — II, 131. 136. 138.
Пенка и резервація Понки — I, 603.
Понтіанакъ — I, 432.
Понто — I, 273.
Пополуки — I, 520.
Попугаи — I, 88. 249.
Phormium tenax — I, 235.
Порошокъ дерева краснаго цвѣта — II, 306.
— изъ желтаго корня — I. 236.
Портлэндская бухта — I, 366.
Португальцы — I, 29. 385; II, 147. 381.
Порядокъ наслѣдованія у океанійцевъ — I, 273.
Пословицы малайцевъ — I, 390.
Постройка мостовъ у древнихъ американцевъ — I, 651.
Постройка пирамидъ у древнихъ американцевъ — I, 653.
Постройка хижинъ — I, 105; см. также „домъ“ и „жилища“.
Potamochoerus — II, 317. 324.
Потозы, см. Бронги.
Потребность въ языкѣ — I, 35.
Похищеніе женщинъ — I, 113. 118.
— у австралійцевъ — I, 363.
— у американцевъ — I, 590.
— у океанійцевъ — I, 267.
— невѣсты — I, 117; II, 592.
Почетные жезлы новозеландцевъ — I, 207.
Почетныя весла — I, 206.
Почитаніе воды — II, 43.
— — у американцевъ — I, 610.
— горъ — II, 762.
— деревьевъ — II, 45. 167. 761.
— — у малайцевъ — I, 457.
— душъ — I, 56. 320.
— — у австралійцевъ — I, 376.
— — малайцевъ — I, 454.
— — негритосовъ — I, 456.
— животныхъ въ древней Европѣ — II, 799.
— — у негровъ — II, 45.
— камней — I, 44; II, 442.
— луны у американцевъ — I, 609.
— — у готтентотовъ — 747.
— — у негровъ — II, 43.
— медвѣдей у арктическихъ народовъ — I, 689.
— — у сѣверо-американцевъ — I, 615.
— моря — I, 301.
— предковъ — II, 48, 50. 759. 783.
— предковъ у древнихъ американцевъ — I, 664.
— природы — II, 761.
— птицъ у американцевъ — I, 615.
— растеній — II, 761. 762.
— святыхъ въ Абиссиніи — II, 481.
— сосудовъ — I, 457.
— череповъ — I, 47.
— — у малайцевъ — I, 456.
— — въ Микронезіи — I, 323.
— череповъ — II, 760.
Поэблосы — I, 430. 501. 510. 609.
Поэзія — I, 68.
— меланезійцевъ — I, 217.
Поясной шнурокъ — II, 314.
Поясъ летучаго песку — II, 413.

Пой — I, 253.
Право — I, 133.
— арктиковъ — I, 688.
— малайцевъ — I, 437.
— океанійцевъ — I, 286.
Право наслѣдованія у австралійцевъ — I, 362.
Правосудіе жрецовъ въ Океаніи — I, 318.
Празднества жатвы у малайцевъ — I, 417.
Праздники американцевъ — I, 606.
Прау малайцевъ — I, 169.
Представленія съ тигромъ — I, 393.
Преимущество первенца — I, 117.
Преріи — I, 475.
Преторіусъ — II, 130.
Претосы — II, 374.
Приморскіе даяки — I, 456.
Примѣсь китайцевъ въ Нидерландской Индіи — I, 384.
Принесеніе въ жертву вдовъ — II, 768.
— огня у американцевъ — I, 611.
Принсипэ — I, 393.
Принца Уильяма, заливъ — I, 577. 578. 587. 680.
Принца Уэльскаго, острова — I, 332. 343. 356. 558.
— проливъ — I, 568.
Прическа — I, 102.
Прически малайцевъ — I, 395.
— меланезійцевъ — I, 221.
— полинезійцевъ — I, 195.
— средне- и южно-американцевъ — I, 522.
— сѣверо-американцевъ — I, 502.
— эскимосовъ — I, 577.
Прирученіе животныхъ у индѣйцевъ — I, 538.
— у океанійцевъ — I, 249.
Промышленная дѣятельность австралійцевъ — I, 356.
— мадагассовъ — I, 448.
— меланезійцевъ — I, 236.
— микронезійцевъ — I, 234.
— полинезійцевъ — I, 234.
Промышленные чукчи — I, 671.
Просверливанье губъ — II, 23. 85. 193. 199. 272. 274. 275. 291. 293. 313.
— носа — II, 85.
— ушей — II, 85.
Просо — II, 455. 629. 701.
Проституція — I, 120.
— въ Меланезіи — I, 269.
„Прядь пророка“ — II, 557.
Пряжа малайцевъ — I, 422.
— сѣверо-американцевъ — I, 510.
Пряности малайцевъ архипелага — I, 380.
— индѣйскія — II, 629.
Psittacus erithacus — II, 324.
Pterocarpus — II, 306.
Птицы — I, 299.
Пуа-реинги — I, 176.
Пугетовъ заливъ — I, 508.
Пукидни — I, 376.
Пукины — I, 520.
Пулайи (пулайцы) — I, 211; II, 607. 622. 640.
Пулло — II, 546.
Пуло Кондоръ — II, 676.
Пуло-Масъ — I, 384.
Пульхэ — I, 542. 642.
Пума-Цунка — I, 651. 653.
Пуналуа — I, 116.
Пунки — I, 515.
Пунта Аренасъ — I, 545.
Пунти — II, 703.
Пунтіанакъ — I, 460.
Пунтъ — I, 406.
Пунуля — I, 270.
Пуны — I, 474.
Пурисы — I, 486. 544. 603.
Пустыни и степи — II, 413. 416. 421.
Путумайо — I, 619.
Пушные звѣри — I, 669.
Пуэльчи — I, 545.
Пчела — I, 481.
Пчеловодство — I, 87; II, 357. 580.
Пшавы — II, 788.
Пшеница — I, 700.
Пѣніе у австралійцевъ — I, 338.
Пѣніе у полинезійцевъ — I, 191.
Пѣсни въ религіозныхъ церемоніяхъ океанійцевъ — I, 318.
Пѣтушиные бои у малайцевъ — I, 392.
Пѣшіе индѣйцы — I, 545.
Пэрси Пойнтъ — I, 135.
Pyrula — I, 504.

Рабахъ — II, 543.
Раббаи — II, 208.
Работа — II, 397.
Рабочіе (кулін) — I, 170.
Рабство и работорговля — I, 121; II, 12. 20. 38 и сл., 150. 175. 196. 228. 331. 366. 438. 459. 466. 487. 527. 538. 749.
— у индѣйцевъ — I, 597.
— у мадагассовъ — I, 451.
— у малайцевъ — I, 433.
— у меланезійцевъ — I, 275.
Равнины — I, 475.
Равойяля — I, 310.
Раганвины, см. Сабы.
Радакъ — I, 194. 283.
Радама I — I, 448. 451.
— II, — I, 454.
Раджи — II, 643.
Раджпуты — II, 609. 636. 642.
Радзинъ-Ачче — I, 690.
Радуга — I, 48.
Развалины, древнеамериканскія — I, 651.
— Чиму — I, 628.
Разведеніе шелковичныхъ червей въ Китаѣ — II, 718.
— въ Японіи — II, 738.
Разумъ — I, 20.
Раки-Раки — I, 314.
Раковинныя деньги — II, 560.
— въ Новой Помераніи — I, 223.
Раковины „каури“ — I, 101.
Ракумъ — I, 743.
Раликъ, острова — I, 166. 168. 276.
— ихъ обитатели — I, 160.
Рамзесъ II (Сезострисъ) — II, 403. 437.
Рами — II, 180.
Рампокъ — I, 393.
Ранаи — I, 320.
Ранги — I, 50. 297. 304. 308.
Randia malleifera — II, 310.
Рандили — II, 184.
Ранчеріо — I, 414.
Рапа — I, 174. 274.
Рапаль — I, 462.
Рапануи — I, 247.
Рарака — I, 190.
Раротонга — I, 161. 173. 174. 176. 191. 206.
Раротонганцы — I, 173. 193.
Раскрашиванье тѣла — I, 102.
— у австралійцевъ — I, 342.
— у готтентотовъ — I, 742.
— у лѣсныхъ индѣйцевъ Средней и Южной Америки — I, 524.
— у меланезійцевъ — I, 221.
— у полинезійцевъ — I, 195.
— у сѣверо-американцевъ — I, 502.
Расовыя различія — I, 6. 18.
Распредѣленіе имущества у океанійцевъ — I, 277.
Распространеніе человѣческихъ расъ — I, 7.
Растительная слоновая кость — I, 535.
Растительный міръ Австраліи — I, 327.
— — Америки — I, 477.
— — Африки — I, 699.
— — Мадагаскара — I, 440.
— — Малайскаго архипелага — I, 380.
— — Огненной земли — I, 550.
— — Океаніи — I, 149. 155.
Расъ-Алула — II, 484. 486.
Ратуленгкъ — I, 310. 362.
Ратутъямпъ — I, 457.
Рафія (Raphia) — I, 440. 470.
Раффельсъ, бухта — I, 361.
Райатеа — I, 50. 171. 173. 174. 298. 302. 307.
— его обитатели — I, 297.
Райское дерево — I, 57.
Райтубу — I, 303.
Ргогоръ — I, 274.
Rhea americana — I, 480.
Регуа — I, 308.
Редьянги — I, 388. 389. 392. 407. 428. 433. 437.
Религія — I, 20. 38. 56.
— австралійцевъ — I, 373.
— американцевъ — I, 608.
— арктиковъ — I, 690.
— бушменовъ — I, 731.
— готтентотовъ — I, 747.
— малайцевъ — I, 386. 454.
— и нравственность — I, 51.
— океанійцевъ — I, 294.
— распространеніе — I, 60.
— упадокъ ея — I, 56.
Рематы — II, 184.
Рѣпитъ, область — I, 413.
Республиканская рѣка — I, 603.
Рехки — II, 272.
Рехоботъ — I, 750. 752.
Решіаты — II, 184.
Реюньонъ, о. — I, 447.
Рей-де-ла-Куева — I, 614.
Ригведа — II, 767.
Rhyzaena — II, 324.
Риква, озеро — II, 190. 208.
Рильбалле — I, 375.
Рironгъ — I, 457.
Рисовая водка (сакe) — II, 736.
Рисунки на скалахъ у австралійцевъ — I, 336.
Рисъ — I, 151. 380. 414. 447; II, 629. 668. 682. 718. 719. 736.
Ritinospora obtusa — II, 687.
Ритфонтенъ — I, 752.
Ритъ, рѣка — I, 751.
Рифа обитатели — II, 490.
Ріадъ — II, 454.
Ріо Гранде — I, 527. 529. 538. 548.
Ріо-дель-Рей — II, 340. 381.
Ріо-Досе — I, 530.
Ріо-Негро — I, 521. 545. 548.
Ріо-Пардо — I, 544.
Ровубе — II, 67.
Ровума — II, 32. 193. 194. 196. 203.
Рогатый скотъ — I, 89. 701; II, 579.
Роггефельдъ — I, 720. 752.
Рогинда — II, 266.
Родственные языки — I, 30.
Родственныя системы — I, 116.
Родъ — I, 6.
Родъ-Айлендъ — I, 509. 631.
Роды древнихъ американцевъ — I, 662.
— огнеземельцевъ — I, 556.
Розыскъ убійцы у австралійцевъ — I, 365.
Рокингамская бухта — I, 350.
Рокомуту — I, 311.
Романскіе народы — II, 805. 811.
Романскіе производные языки — I, 32.
Ронгала — I, 318.
Ронго — I, 296. 308.
Ронгомаи — I, 171.
Рондо — I, 353.
Росъ, рѣка — I, 558.
Ротангъ — I, 151. 416.
Ротума — I, 171, 194. 319.
Ру — I, 304. 308.
Ру, божество — I, 189.
Руа — I, 50.
Руанда — II, 188. 189. 266.
Рубага — II, 17. 30. 253. 263.
Рубашечное дерево — I, 95.
Руби — II, 43.
Рубунга — I, 82.
Рубукская бухта — I, 348.
Рубцы на кожѣ у австралійцевъ — I, 343.
Рувензори (Рунзоро) — I, 755. 763; II, 40. 190.
Руга-руга — II, 207.
Рудники древнихъ американцевъ I, 649.
Рудольфа, озеро — II, 184. 187.
Рукуйены — I, 495. 523. 525. 526. 529. 534. 540. 593. 594. 606. 618. 620. 621. 624.
Рукъ, о-ва — I, 199. 200. 235. 284.
— ихъ обитатели — I, 178. 200. 245.
— праздникъ — I, 245.

Руманика — II, 30. 188. 191. 261.
Румичака — I, 626.
Румъ — I, 384.
Румыны — II, 812.
Рупулле — I, 367.
Ру-Ронго — I, 305.
Русскіе — I, 29; II, 816.
Rhus succedanea — II, 638.
— verniciféra — II, 638. 639.
Руфиджи — II, 205.
Ручныя работы эскимосовъ — I, 485.
Рыбная ловля — I, 126.
— — австралійцевъ — I, 351.
— — арктиковъ — I, 670.
— — готтентотовъ — I, 743.
— — малайцевъ — I, 419.
— — въ Океаніи — I, 247.
— — средне- и южно-американц. — I, 537.
— — сѣверо-американцевъ — I, 514.
— — западн. американцевъ — I, 564.
— — эскимосовъ — I, 580.
Рынки въ Абиссиніи — II, 479. 480.
— во внутренней Африкѣ — II, 330.
Рысь — I, 482.
Рьямбы культъ — II, 307.
Рѣзныя издѣлія сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 565.
Рѣзьба по дереву у древне-американцевъ — I, 648.
— — у меланезійцевъ — I, 240.
Рѣка императрицы Августы — I, 227.
Рѣчные готтентоты — I, 737.
„Рѣчные дома“ японцевъ — II, 706.
Рябчикъ — I, 480.

Саа — I, 292.
Сабаки — II, 174. 183.
Сабейцы — II, 438.
Сабіанъ — I, 465.
Сабы — II, 183.
Саванна, рѣка — I, 512.
Саванны — I, 475.
— въ западной Африкѣ — II, 330.
Савайи — I, 160. 173.
Саведжъ, островъ — I, 171. 187.
Саво — I, 292.
Савскіе цари — II, 181.
Савская царица — II, 439. 440.
Саги — I, 432.
Саго и саговая пальма — I, 155. 328. 380. 414. 417.
Сагу — I, 428. 468.
Сагуа — I, 720.
Sagus Raphia — I, 440.
Садоводы — I, 90.
Саидъ Баргашъ — II, 216.
— Меджидъ — II, 216.
Сакалавы — I, 441. 445. 446. 453. 470.
Саке, см. Рисовая водка.
Сакоффи — I, 500.
Саксагуаманъ — I, 659.
Сакья, короли — II, 678.
Салага — II, 363. 385.
Салатау — I, 310.
Салинасъ — I, 476. 545.
Салунги — II, 680.
Салыры — II, 417.
Сальвенъ — II, 680.
Самаръ — I, 160.
Самбасъ — I, 432.
Самбо — II, 239.
Самбуру — II, 184.
Самоа — I, 123. 164. 166. 170. 173. 174. 175. 177. 187. 188. 189. 193. 195. 199. 234. 235. 236. 249. 250. 256. 257. 261. 263. 266. 267. 277. 283. 284. 291. 305. 307. 309. 312. 315.
Самоанцы — I, 145. 163. 171. 187. 195. 197. 261.
Самострѣлъ малайцевъ — I, 403.
Самоѣды — I, 34. 671—676. 678. 679. 681. 684. 687. 688. 689. 692.
Саму — I, 310.
Самуйяль — I, 310.
Сандехи (асандехи, ньямъ-ньямъ) — I, 44. 127. 704; II, 14. 19. 35. 41. 42. 54. 62. 72. 74. 85. 285. 289. 290. 296. 309. 311. 315. 316. 323. 327. 331. 333. 334. 335. 336. 559.
— типъ — II, 305.
Сандили — II, 11. 27. 31. 57. 129. 136. 137.
Сандильеросы — I, 87.
Санга, р. — II, 295.
— рогатый скотъ — II, 174. 175. 256.
Санггіангъ — I, 459.
— Ассан — I, 463.
Сангъ, см. Тибетъ.
Sanseviera — II, 231. 314.
Санн гренландцевъ — I, 583.
Сангуру — I, 758.
Саннага — II, 379—381.
Санскритскій языкъ — II, 615.
Санъ-Курру — II, 311. 320.
Санъ-Сальвадоръ — II, 50. 356. 368. 376. 395.
Санта Катарина — I, 538. 586.
Санта Крусъ — I, 179. 228. 242. 545.
Санта Люсіа — I, 618. 651. 657.
Санта Марія — I, 68.
Санта Роза — I, 614.
Санта-Фе — I, 521.
Санталы — I, 214.
Сантана — I, 598.
Санто Доминго — I, 474.
Сапъ — I, 720.
Санъ-Кристобаль — I, 38. 229. 230 240. 264. 292. 323.
Санъ-Пабло — I, 522. 616.
Санъ Сальвадоръ — I, 501. 646.
Санъ-Фернандо — I, 476.
Сапотеки — I, 620. 649. 657.
Сапура — I, 530.
Сарапча — I, 701. 732; II, 456.
Саравакъ — I, 380. 386. 421.
Сараколеты (сонники) — II, 552.
Сараксъ — II, 417.
Сарили — II, 137.
Сарія — II, 549.
Саронгъ — I, 394.
Саръ — I, 244.
Сарыки — II, 417.
Саскачеванъ — I, 476. 480.
Сассаки — I, 403. 405.
Сасси — I, 438.
Сауйя Картесъ — II, 501.
Сахалинъ — II, 698. 699. 701.
Сахара — I, 123. 327. 328. 699; II, 70. 413. 421. 504 и сл.
— караванные пути — II, 508. 509. 511. 512.
— народы — II, 504 и сл.
— оазисы — II, 506. 507.
— поселенія — II, 508.
— сношенія — II, 511. 512.
Сахарная пальма — I, 414.
— сосна — I, 479.
Сахарный кленъ — I, 479.
— тростникъ — I, 151. 187. 250. 251. 252. 414. 447.
Сахаръ — I, 380. 479; II, 629. 669.
Сахели — II, 438.
Сахемъ — I, 595.
Саянскія горы — I, 676. 678.
Сай-Тоту — II, 369. 386.
Свадебные обычаи — I, 118.
— у американцевъ — I. 590.
— у малайцевъ — I, 426.
Сваны (сванеты) — II, 788.
Свастика — II, 630.
Сватовство у малайцевъ — I, 426.
Свайныя постройки — I, 110.
— у малайцевъ — I, 407.
— въ Меланезіи — I, 258.
— въ Южной Америкѣ — I, 544; II, 89. 195. 296. 319. 667. 684.
Свинья — I, 151. 155. 249. 299. 701.
Свирѣльный языкъ гомеровъ — I, 36.
Связь съ почвой — II, 394. 422.
Св. Лаврентія, заливъ — I, 582.
— рѣка — I, 474. 476. 483. 514.
Святилище — I, 322.
Священный драконъ — I, 57.
Священное значеніе числа четыре — I, 611.
Священныя мѣста океанійцевъ — I, 318.
— рощи и деревья — II, 761.
Священные сосуды малайцевъ — I, 457.
Себесы — II, 417.
Себитуанэ — II, 28—30. 141. 237.
Себитуне — I, 62.
Сегу — II, 545.
Седмиградіе — II, 813.
Седмиградскіе саксы — II, 813.
Секадау — I, 432.
Секелету — II, 141.
Секукуни — I, 761.
Секоми — II, 142.
Секотэ — II, 237.
Securidaca longepedenculata — II, 194.
Сельдерей — I, 550.
Сельди — I, 481.
Семейная жизнь древнихъ американцевъ — I, 661.
Семейные дома въ Микронезіи — I, 259.
— идолы — I, 47.
Семейныя группы австралійцевъ — I, 360.
— племена океанійцевъ — I, 273.
Семейный союзъ малайцевъ — I, 429.
Семинолы — I, 500. 506. 514. 517. 518.
Семитическая раса — I, 30.
— племена Африки — I, 705.
Семиты — II, 267. 426—428. 489. 795. 796.
Семлики — I, 755. 763.
Семпоалья — I, 625.
Семья — I, 113.
— австралійцевъ — I, 357.
— американцевъ — I, 589.
— и общество — I, 121.
— малайцевъ — I, 429.
— океанійцевъ — I, 263. 278.
— эскимосовъ — I, 571.
— кровныхъ родственниковъ — I, 116.
Сенегалъ — II, 340. 341. 351.
Сенегамбія — II, 41. 339. 340. 355. 356.
Сенеки (Сенека) — I, 119. 500.
Сеннааръ — I, 699; II, 412. 432. 438. 439.
Сентъ Мари, портъ — I, 553.
Сенуссіи — II, 444. 445. 537.
Сень-Луи — I, 603.
Сепопо — II, 141. 231—233. 236.
Сера (Серто) — II, 183.
Серамлаутъ — I, 407.
Серамъ — I, 179. 382. 383. 389. 397. 401. 403. 406. 417. 419. 425. 429. 433—436. 464. 470.
Серамцы — I, 383. 393. 401.
Сераянъ — I, 435.
Сердаръ — II, 597.
Серебро у готтентотовъ — I, 745.
— у арктиковъ — I, 681; II, 81.
Серери — II, 552.
Серибы — II, 460.
Серіи — I, 535.
Серна — I, 480.
Серраколеты — II, 555.
Серраніасъ — I, 653.
Серро Альто — I, 656.
— де Матросинья — I, 655.
Серто, см. Сера.
Серунасы — I, 591.
Сечели — I, 62. 718; II, 26. 30. 43. 142.
Сечуанъ — II, 680. 681. 685. 686. 708.
Сейбаи — I, 366.
Сиберъ, паша — II, 539.
Сибирь и сибиряки — I, 668. 672. 674. 676. 678. 679. 681. 683.
Сива — I, 463; II, 770.
Сиганака — I, 453.
Сигонги — I, 469. 471.
Сидней — I, 338.
Сидръ — II, 433.
Сизаль, видъ Агавы — I, 479.
Сики — I, 383.
Сикійяна — I, 163. 223.
Сикки — II. 609. 611.
Сиккимъ — II, 563. 571.
Сикулы — II, 810.
Сильета — I, 534.
Симба (музыкальный инструментъ) — II, 17.
Симбебы — II, 375.
Симбо — I, 163. 223.
Симена, горы — II, 431.
Синаны — II, 571.
Синайскіе мѣдные рудники — II, 403.
Сингалезы — I, 213.
Сингапуръ — I, 112.
Сингола — II, 237.
Сингфаи — II, 683.
Синдакъ, область — I, 413.

Sindon — II, 633.
Синингфу — II, 588.
Сирійцы — II, 428. 787. 796.
Сируэля — I, 478.
Система вейта — I, 268. 272.
Система вѣстниковъ у древнихъ американцевъ — I, 651.
Сифакса гробница — II, 492.
Сисуто — II, 232.
Си-фаны, см. Тангуты.
Сичори — II, 238.
Сичуана — I, 33.
Сіамъ и сіамцы — II, 656. 658. 664—666. 668—679. 681—683.
Сіапоши (кафиры) — II, 647. 654.
Сіоведи — I, 188.
Сіары — I, 389.
Сіулео — I, 300. 309.
Сіусы — I, 486. 500. 503. 507. 510. 609. 611.
Сказанія о богахъ у австралійцевъ — I, 373.
— у американцевъ — I, 608.
— у океанійцевъ — I, 302.
— о переселеніяхъ американцевъ — I, 613.
— древне-американцевъ — I, 630.
— меланезійцевъ — I, 171.
— полинезійцевъ — I, 170.
Сказаніе о потопѣ — I, 56; II, 47. 410.
— у американцевъ — I, 614.
— у океанійцевъ — I, 314.
Сказанія о твореніи — I, 56.
Сказка — I, 69.
Скалистыя горы — I, 603.
Скальпированіе у американцевъ — I, 603.
Скандинавы — II, 815.
Scandix australis — I, 643.
Скарбы — I, 465.
Скина, рѣка — I, 558.
Скиѳы — II, 610. 800.
Sclerocarya Schweinfurthiana — II, 225.
Скотоводство — I, 6. 86. 88.
— арктиковъ — I, 682.
— готтентотовъ — I, 744.
— мадагассовъ — I, 443. 447.
— малайцевъ — I, 417.
— отсутствіе его — I, 145.
— сѣверо-американцевъ — I, 515.
Скрелинги — I, 28. 574.
Скрубъ — I, 327.
Славяне — II, 805. 808. 815. 816.
Слендонгъ — I, 394.
Слендъянги — I, 422.
Слизняки — I, 481.
Словаки — II, 818.
Словенцы — II, 818.
Слоновая кость — II, 226. 330. 360. 459. 460.
Слоновой кости, берегъ — II, 387.
Слоновая рѣка — I, 721.
Слонъ — I, 151. 701.
— африканскій — II, 46. 459.
— индійскій — II, 627. 669.
Служеніе божествамъ у океанійцевъ — I, 315. 318.
— звѣздамъ — II, 442.
Смитовъ заливъ — I, 578. 582.
Смородина — I, 550.
Смѣшанные народы Африки — I, 705.
Смѣшанныя расы — I, 7.
Смѣшеніе языковъ — I, 35.
Снефру — II, 403.
Сношенія — I, 81.
— у древне-американцевъ — I, 649.
— мирныя, американцевъ — I, 606.
— въ Океаніи — I, 284.
Снѣговыя хижины эскимосовъ — I, 588.
Со — II, 534.
Собака — I, 88. 151. 155. 249. 701; II, 274. 324.
— американцевъ — I, 481.
— древнихъ американцевъ — I, 643.
— инковъ — I, 481. 538.
— сѣверо-американцевъ — I, 514.
— эскимосовъ — I, 582.
Собатъ — II, 267. 270.
Собачьи тунгусы — I, 671.
„Собачьи ребра", индѣйцы.
Соболь — I; 481. 669.
Собственность у океанійцевъ — I, 278.
Собственность у американцевъ — I, 595.
— у малайцевъ — I, 433.
Сова — I, 299.
Совекъ — II, 258.
Сожженіе труповъ у арктиковъ — I, 692.
Созвѣздія — I, 48.
— у австралійцевъ — I, 374.
— у африканцевъ — I, 709.
— у полинезійцевъ — I, 189.
Соконуско — I, 501.
Сокото — I, 136; II, 30. 550. 553. 554. 555.
Сокотра — II, 430.
Solanum — I, 250. 641.
— lycocarpum — I, 538.
Солнечные храмы въ Сѣверной Америкѣ — I, 618.
Соломоновы о-ва и ихъ обитатели — I, 127. 130. 156. 161. 166. 179. 180. 210. 215. 218. 220. 221. 223—233. 236. 241. 251. 256. 259. 261. 264. 267. 275. 278. 282. 284. 285. 286. 292. 300. 310. 313. 319. 323. 324.
Соломонъ — II, 440.
Солоны — I, 676; II, 415.
Соль — I, 91; II, 248. 256. 522.
Сольтѣ — I, 514.
Сома — II, 42. 765.
Сомагобо — II, 42.
Сомалы и страна сомаліевъ — I, 704; — II, 34. 97. 169 и сл., 178. 180. 181. 182. 183. 189. 202.
— города — II, 174.
— государственный строй — II, 175. 176.
— земледѣліе и скотоводство — II, 173.
— одежда и украшенія — II, 171. 172.
— оружіе — II, 173.
— охотники II, 180.
— пища — II, 181. 191.
— племена II, 180.
— промышленность — II, 173. 180.
Сомбаоны — I, 459.
Соммерсетъ — I, 366.
Сонги — II, 66. 243. 375.
Сонинки, см. Сараколеты.
Сонора — I, 501.
Сонргаи — II, 548. 560.
Соноры, берегъ — I, 535.
Сора — I, 642.
Сорбы, см. Венды.
Сорго (кафрское просо) — II, 72. 122. 236. 321. 381. 544.
Соргъ — I, 465.
Сорипада — I, 462.
Сорогъ, см. Соргъ.
Сотикъ — II, 179.
Софала — I, 716; II, 69. 216.
Софы — II, 501.
Соціальныя вліянія у малайцевъ — I, 383.
Спенсеровъ заливъ — I, 348.
Спинифексъ, трава — I, 328.
Спиртные напитки, см. Бродящіе напитки.
— — у американцевъ — I, 608.
Спиты — II, 563.
Спорады центральной части Тихаго океана — I, 177.
Способность къ воспитанію американцевъ — I, 489.
Способы погребенія — I, 44.
— — австралійцевъ — I, 365
— — американцевъ — I, 620.
— — арктиковъ — I, 691.
— — бушменовъ — I, 731.
— — готтентотовъ — I, 747.
— — малайцевъ — I, 468.
— — океанійцевъ — I, 321.
— — тасманійцевъ — I, 373.
Средиземное море — II, 800.
— — Америки — I, 474.
Средняя Австралія — I, 348.
— Бразилія — I, 484.
Сталь — II, 401.
Становой хребетъ — I, 670.
Старый Калабаръ — II, 40. 48. 363. 372. 382.
Стеатопигія женщинъ бонго — II, 7.
Стеклянныя бусы — II, 69.
Стелла, земля — I, 738.
Стенографическое письмо — I, 34.
Степени родства, см. Семья.
Степи — I, 87. 327; II, 393. 417. 418. 422.
Степная торговля — II, 587. 588.
Степные народы — II, 420.
— тунгусы — I, 671.
Степныя лошади — II, 678. 679.
Sterculia — II, 340.
Sterna — I, 249.
Стефаніи, озеро — II, 184.
Stipiturus — I, 295.
Страна бассонговъ — I, 759. 762. 763.
— бушменовъ — I, 720.
— между двумя рѣками, Евфратомъ и Тигромъ — II, 407.
Странствующій голубь — I, 481.
Страны Гудзонова залива — I, 507.
Страсть къ игрѣ у малайцевъ — I, 392.
— къ переселеніямъ океанійцевъ — I, 163.
Страусъ, африканскій — I, 701.
— южно-американскій — I, 480.
Strychnos Castelvana — I, 530.
— Crevauxi — I, 530.
— Upa Tieuté — I, 381. 403.
Строительное искусство — I, 105.
— древне-американцевъ — I, 652.
— океанійцевъ — I, 256 и сл.
— средне- и южно-американцевъ — I, 543.
— эскимосовъ — I, 587.
Strombus — I, 504.
Строители кургановъ — I, 519.
Ступеньчатыя пирамиды — II, 618.
Стыдливость — I, 94.
Стэнли-Пуль — I, 756; II, 68.
Суагеліи — I, 439. 442. 714, см. также Васуагеліи.
Суакинъ — II, 438.
Сугурты — II, 534.
Суда меланезійцевъ и полинезійцевъ — I, 164.
Суданцы — I, 714.
Суданъ и его народы — I, 27. 709; 9. 34. 63. 69. 82. 505. 521 и сл., 554.
— города — II, 529.
— государства — II, 526.
— животный міръ — II, 523.
— одежда — II, 528.
— охота за рабами и работорговля — II, 527.
— племена — II, 531 и сл.
— политическія отношенія — II, 525. 526. 542. 543.
— растительный міръ — II, 522.
— торговля и сношенія — I, 522. 544
Судостроеніе у сѣверо-американцевъ — I, 513.
Судоходство — I, 8.
— австралійцевъ — I, 350.
— малайцевъ — I, 423.
— меланезійцевъ — I, 163. 164.
— микронезійцевъ — I, 166.
— огнеземельцевъ — I, 553.
— полинезійцевъ — I, 163. 164.
— средне- и южно-американцевъ — I, 535.
— эскимосовъ — I, 584.
Суку — I, 425. 429. 430. 431. 757.
Суку (народъ) — II, 181.
Сукты — II, 683.
Сукэ — I, 50. 275.
Сулу, острова — I, 381. 384—388. 396. 403. 424. 426. 428. 430. 431. 432. 436. 458. 472.
— островитяне — I, 120. 395. 403.
Сульфуръ, портъ — I, 225. 230.
Суматра и суматранцы — I, 379. 380. 381. 383. 384. 385. 386. 389. 393—397. 403. 404. 407. 408. 409. 413. 414. 415. 418—421. 423. 424. 425. 426. 427. 429—433. 437. 470.
Сумба — I, 418.
Сумбава — I, 379. 395. 402.
Сумпитанъ — I, 402.
Сунгай Паду — I, 381.
Суньисы — I, 489. 490. 493. 516. 609 612.
Супаръ, пальма — I, 478.
Суптіабы — I, 520.
Супвэ, см. Сукэ.
Сурабайя — I, 422.

Суракарта — I, 391.
Сурин[illegible]мъ — I, 498.
Суріа — I, 463.
Сурьма — II, 559. 624.
Суэнъ-Райверъ — I, 338.
Суйясы — I, 521. 543.
Сфинксъ около Гизеха — II, 401. 402.
Сходство негровъ съ евреями — II, 8.
— человѣка съ животными — I, 18.
— — съ обезьяной — I, 18.
Счастливые и несчастные дни — II, 762.
Счетъ — I, 34.
— у индѣйцевъ — I, 490.
— у меланезійцевъ — I, 219.
— у полинезійцевъ — I, 190.
Счисленіе времени у американцевъ — I, 490. 615.
— арктиковъ — I, 675.
— малайцевъ — I, 387.
— меланезійцевъ — I, 219.
— полинезійцевъ — I, 190.
Сыръ — II, 108.
Сьенетьи — II, 180.
Сьерра Леона — I, 127; II, 340. 388. 389.
— де Лосъ Льяносъ — I, 532.
— Невада — I, 482.
— де Ріохо — I, 532.
Сѣверная Австралія — I, 351. 370.
— Африка — II, 4. 34. 489.
— Георгія — I, 509.
— Калифорнія — I, 502. 507. 518.
Сѣверные германцы — I, 45.
Сѣверный Селебесъ — I, 433.
— Перу — I, 543. 603.
— олень — I, 481. 669. 682.
— мысъ — I, 173.
— Люсонъ — I, 436.
— куреніе табаку — I, 516.
— одежда — I, 505.
— опьяняющіе напитки — I, 516.
— орудія — I, 507.
— охота — I, 514.
— пища — I, 516.
— прически — I, 502.
— раздѣленіе труда — I, 512.
— раскрашиванье — I, 502.
— рыболовство — I, 514.
— скотоводство — I, 515.
— судостроеніе — I, 513.
— татуировка — I, 502.
— тканье и пряжа — I, 510.
— торговля — I, 512.
— украшеніе — I, 503.
— укрѣпленія — I, 512.
— уродованіе черепа — I, 503.
— Девонтъ — I, 567.
— Борнео — I, 417. 435. 436. 446.
Сѣверные монголы — II, 569.
— малайцы — I, 388.
Сѣверо-американцы — I, 499. 600.
— вооруженіе — I, 506.
— гончарное искусство — I, 509.
— деревни — I, 518.
— жилища — I, 516.
— земледѣліе — I, 514.
— изготовленіе кожи — I, 512.
— искусства — I, 511.
— курганы — I, 518.
Сѣверо-западная Австралія — I, 333 343. 350.
Сѣверо-восточная Австралія — I, 344.
Сѣверо-западные американцы — I, 44. 510. 557. 574. 590. 596. 612.
— жилища — I, 560.
— земледѣліе — I, 565.
— куреніе табаку — I, 565.
— лодки — I, 562.
— меблировка — I, 562.
— мѣстообитанія — I, 557.
— одежда — I, 558.
— орнаментика — I, 565.
— оружіе — I, 560.
— — для защиты — I, 560.
— пища — I, 565.
— родство съ гиперборейцами и полинезійцами — I, 557.
— рыболовство — I, 564.
— татуировка — I, 559.
— торговля — I, 563.
— украшенія — I, 559.
Сѣрый медвѣдь — I, 482.
Сэндъ-Райверскій договоръ — I, 135.
Таавишъ — I, 560.
Таароа — I, 302.
Табакъ — I, 92. 250. 255. 354. 380. 414. 447. 477. 515. 516. 539. 700; II, 75. 122. 225. 323. 358. 584. 736.
— у арктиковъ — I, 684.
— у готтентотовъ — I, 745.
— у древнихъ американцевъ — I, 642.
— у малайцевъ — I, 419.
— у сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 565.
— у эскимосовъ — I, 582.
Табатинга — I, 476.
Табело — I, 410.
Табора — II, 169. 186. 203. 206. 217. 220.
Табу — I, 182. 274. 279. 439. 443.
— (барабанъ) — I, 391.
Табуарикъ — I, 296.
Табуеману — I, 50.
Тавагаки — I, 313.
Таванъ — I, 249.
Таварики, см. Туареги.
Тавета — II, 214.
Тавискара — I, 611.
Тагаа — I, 50.
Тагаи — I, 181. 223.
Тагалоа — I, 303.
Тагалы — I, 147. 169. 212. 386. 388. 395. 396. 418. 419. 428. 430. 434. 438.
— метисы — I, 382.
Тагуатинсую — I, 665.
Тагуна — I, 274. 316.
Таджики — II. 565. 645. 647.
Таи — II, 656.
Таити — I, 47. 50. 161. 162. 164. 165. 171. 173. 174—176. 187. 190. 193. 203. 206. 247. 253. 260. 269. 270. 271. 275. 281. 284. 285. 292. 293. 298. 299. 305. 315. 322. 323.
Таитяне — I, 120. 123. 164. 186. 187. 190. 199. 209. 287. 312. 323.
Такаунгу — II, 181.
Такивелайява — I, 310.
Такильмо — I, 491.
Такка — II, 412.
Такны — II, 488.
Taxodium — I, 511.
Такъ Фарръ — II, 288.
Талаутъ — I, 406. 458.
Талеръ Маріи Терезіи — II, 480.
Тама — II, 539.
Тамазезе — I, 277.
Таманинъ — I, 273.
Тамарана — I, 602.
Тамата, Таматэ — I, 276. 295.
Таматекапуа — I, 171.
Таматоа — I, 296.
Тамбу — I, 279.
Тамилы — I, 213; II, 607.
Тамтамъ — I, 391.
Тамулы — I, 384.
Тамуокъ — II, 679.
Тана, озеро — II, 174. 183. 211. 431.
Танала — I, 453.
Танахъ-датаръ — I, 429.
Танга — II, 215.
Танганьика — I, 754. 756; II, 110. 190. 199. 203. 206. 306.
Тангарога — I, 50. 165. 171. 189. 291. 299. 302—305. 308. 309. 313. 314. 316.
Тангена — I, 454.
Тангуты (сифаны) — II, 562. 563. 566. 568. 570. 680.
Тандрой — I, 453.
Танжангскіе даяки — I, 398.
Тани Вэ — I, 439.
Танкай — I, 453.
Танки — II, 680.
Танна — I, 161. 212. 231. 241. 254. 323.
Танне, богъ — I, 616.
Танози — I, 453.
Танцовальныя палки австралійцевъ — I, 335.
Танцы австралійцевъ — I, 338.
— американцевъ — I, 493.
— малайцевъ — I, 392.
— меланезійцевъ — I, 219.
— полинезійцевъ — I, 191. 199. 318.
Танэ — I, 50. 298. 300. 304. 308. 313.
— та Гу — I, 733.
Тас — I, 50.
Тапа — I, 70. 198. 220. 234. 238. 242. 252. 423.
Тапахосъ — I, 521.
Тапиръ — I, 481. 482.
Тапутуейя — I, 299.
Тапіока — I, 414; II, 357.
Тапу, см. Табу.
Тапуйясы — I, 521.
Тара — I, 300.
Таранду — I, 403.
Таранчи — II, 415. 417.
Тараоа — I, 50.
Тараски — I, 57.
Таримцы — II, 566.
Таримъ — II, 655.
Тарò — I, 151. 155. 250—253; II, 736.
Тарранголе — II, 185. 282.
Тарротарре — I, 375.
Тарья Топанъ — II, 637.
Таско — I, 649.
Тасманія — I, 183. 371. 376.
Тасманійцы — I, 371.
— жилища — I, 372.
— культурное достояніе — I, 373.
— наружный видъ — I, 371.
— одежда — I, 372.
— оружіе — I, 373.
— способы погребенія — I, 373.
— характеръ — I, 373.
— цвѣтъ кожи — I, 371.
— челноки — 373.
Татары — II, 415. 565. 568. 801. 802.
Тати — I, 307.
Татсіанлу — II, 566. 681.
Татуировка — I, 101; II, 84. 193. 251 274. 291. 304. 305. 306. 307. 309. 310. 350. 451. 525. 557. 624. 666. 683. 700. 717. 731.
— австралійцевъ — I, 343.
— арктиковъ — I, 680.
— готтентотовъ — I, 742.
— древне-американцевъ — I, 637.
— жрецовъ въ Океаніи — I, 316.
— малайцевъ — I, 397.
— меланезійцевъ — I, 220.
— микронезійцевъ — I, 194.
— патагонцевъ — I, 546.
— полинезійцевъ — I, 193.
— средне- и южно-американскихъ индѣйцевъ — I, 523.
— сѣверо-американцевъ — I, 502.
— сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 559.
— эскимосовъ — I, 577.
— рубцами — I, 101. 343. 397; II, 557.
Таудени — II, 512.
Тауиры — I, 308.
Тауна — I, 320.
Тайзака — I, 453.
Таймора — I, 453.
Таймыръ, рѣка — I, 690.
Тайные союзы — I, 124; II, 372. 757.
— въ Океаніи — I, 275.
Тайфази — I, 453.
Тебу, теда, см. Тиббусы.
Тевтоны — II, 814.
Тегуантепекскій перешеекъ — I, 520.
Тегуэльчи — I, 489. 544. 545. 546. 549. 550. 590. 623.
Тедуа — I, 271.
Теке — I, 756.
Теке-туркмены — II, 565.
Текинцы — II, 415. 417. 418. 568.
Текуносы — I, 530.
Телабунъ — II, 321.
Телеграфическое письмо — I, 37.
Телеуты — II, 568.
Телуги — II, 607.
Темба — II, 191.
Тембе — II, 204. 205. 206.
Тембусы — II, 136. 137.
Темнехи — II, 388.
Темпаянгъ — I, 457.
Тенгеи — I, 311.
Тенгере Кайраканъ — II, 763.
Тенда — II, 555.
Тенди — I, 367.
Тензы — I, 596.
Тенкендели — I, 376.
Тенненси — I, 508.
Тенохтитланъ — I, 27. 625. 627. 628. 648 658. 659. 665.
Теокалли — I, 519. 659

Теократія — I, 132.
Тео синта — I, 477.
Теотигуаканъ — I, **646. 655. 657.**
Тептери — II, 417.
Terebra maculata — I, 203.
Термитовые холмы — II, 201. **372.**
Термиты — I, 540.
Тернате — I, 247. 381. 412. **430.** 433. **438.** 455. 459. 462. 465. 468.
Теронго — I, 292.
Тескоко и тескоканцы — **I, 613.** 625. 651. 656. 666. **667.**
— лагуны — I, 28.
Тестэ — I, **163.** 180. **292.**
Têtes de boule — I, **503.**
Tetraoninae — I, 480.
Тетэ — II, 193. 197. **198.**
Tephrosia piscatoria — I, 255.
Техасъ — I, 497. 501.
Техническое искусство патагонцевъ— I, 549.
Течъ — II, 475.
Тиба — I, 104.
Тиббусы (Теба, Теда, Тубу) — I, 101. 123; II, 39. 411. 427. 505 и сл., 533.
— государственный строй — II, 512.
— одежда и украшенія — II, **513.**
— торговля — II, 511. 512.
— физическій характеръ — II, **513.**
— характеръ — II, 510. 511.
Тибести — II, 512—515. 531.
— изваянія **на** скалахъ — II, **414.**
Тибетіехи — II, **438.**
Тибетъ (Бодьюлъ, Тсангъ) и тибетцы — II, 418. 562 **и** сл., 599 и слѣд., 604. 656. 774.
— доисторическое время—II, 572. 573.
— земледѣліе и скотоводство—II, 602.
— одежда и украшенія — II, **599.** 600. 601.
— оружіе — II, **576.** 577. **601.**
— поліандрія — II, 593. 594.
— правленіе — II, 604.
— сказанія о происхожденіи—II, **571.**
— торговля — II, 602. 603.
— характеръ — II, 566.
Тибуронъ, о-въ — I, **535.**
Тивукаръ — I, 470.
Тигги — II, 511.
Тигре — II, 431. **469. 485.**
Тигръ, р. — II, 407.
Тигръ — I, 458.
Тидоръ — I, 170. **381. 383. 433. 465. 468.**
Тикалъ — I, 648.
Тики — I, 313. 755. **756.**
Тикоа — I, 748.
Тикопія — I, 160. **255.**
Тиктикъ — I, 458.
Тиковое дерево — II, **669.**
Тилло — I, 748.
Тимбукту — II, 520.
Тиморлаутъ — I, 382. 386. 397. **415. 424.** 426. 427. 436. 438. 463. **464.**
Тиморцы — I, 425.
Тиморъ — I, 210. 379. 382. **383.** 388. **403.** 420. 421. 425. **457.**
Тимуръ — II, 569.
Тинга — II, 379.
Тингіаны — I, **384. 401. 415. 427.** 428.
Тинне — I, 485. **489.** 505. 507. 514. 516. **574.** 592. 597. 601. 614. 615. 618. 622; II, 385.
Тино-Тогунга — **I,** 316.
Тіоге — II, 228.
Тип(п)у Тип(п)ъ — II, **78.** 221.
Титикахо, озеро — I, 28. **475. 520. 627.** 628. 651.
Typha — I, 328.
Тихій океанъ — I, 143.
Тихоокеанско - американскій кругъ народовъ — I, 143.
Tiayuanako — I, 71. **628. 651. 653. 654.**
Tierra caliente — I, **636.**
Тіи — I, **47.** 303.
Тіо — I, 748.
Ткани микронезійцевъ — I, 235.
Тканье малайцевъ — I, 422.
Ткацкое искусство средне- и южно-американцевъ — I, 533.
— сѣверо-американцевъ — I, 510.
Тласкала и тласкаланцы — I, **501.** 625. 639. 652. 659. **663. 665.**
Тлаква — I, **563.**
Тлакопанъ — I, **666.**
Тласкальтеканы — I, **501.**
Тликиты — I, 496. 508. 558. 559. 560. 562—565. 590. **592. 596. 601.** 607. 613. **618.** 619. 624.
Тоа — I, **316.**
— дерево — I, **298.**
Тоакка — I, **447.**
Тоба-баттаки — I, **393. 394. 399.** 401. 414. 423. 432. 460. 464.
Тобасы — I, 527. 528. 543. **546. 549.**
Тобе — II, 516. 517. 556. 561.
— короробжи — II, 529.
Тоби — I, 294. 302.
Товарищества, о-ва — I, 128. 161. 178. 194. 195. 199. 208. **249.** 250. 254. 287. 292. 303. 305.
— ихъ обитатели — I, **186.**
Того — II, **339. 340. 355.** 356. 384.
Тогосъ — I, **70.**
Тогунга — I, 263. **266. 316.**
То-Кабинана — I, 52.
Токаны — I, 521.
Токелау — I, 171. **177.** 196. 301. **308.**
Токіо — II, 733. 735.
Токкеры — I, 278.
То-Ковувуру — I, **52.**
Току — I, 392.
Токугава — II, 731.
Толовы — I, **615.**
Толтеки — I, **27.** 627. **629.** 632. **640. 641.** 650. **667.**
Толтековъ переселенія — I, **630.**
Тольдосы — I, **549.**
Тома — II, 388.
Томагауки — I, 508.
Томагеры — II, 531.
Томаты — I, 478. 480.
Томскіе татары — II, 565.
Томъ Уиль, король — II, 26.
Тонапа — I, 633.
Тонга и тонганцы — I, 85. 156. 160. 161. **163.** 164. 165. 171. 172. 174. 175. 177. 181. 184. 186. 187. 188. 191. 205. 206. 219. 227. 234. 235. 240. 241. 246. **249.** 254. 261. 269. 270. 273. 274. 278. 292. 298. 301. 304. 308. **313—316. 318.** 320. 322.
Тондо — I, **430.**
Тонга Леву — I, **301.**
Тонга Табу — I, 161. **197. 209. 249.** 250.
Тонги — II, 192.
Тонгсанъ — II, **684.**
Тоники — I, 500.
Тонкинъ — II, **663. 670. 671. 673.** 674. 676.
Тополь — I, 511.
Топоры изъ раковинъ у микронезійцевъ — I, 203.
Торговля австралійцевъ — **I, 357.**
— арктиковъ — I, 684.
— мадагассовъ — I, **449.**
— малайцевъ — I, 169. 170.
— меланезійцевъ — I, 21.
— океанійцевъ — I, 163.
— **средне- и южно-американцевъ** — I, **534.**
— сѣверо-американцевъ — I, **512.**
— эскимосовъ — 582.
Торговля, какъ культурная сила — II, 423.
— людьми — I, 170.
Торобы — II, **546.**
Торресовы о-ва — I, 180. 228. 255.
— ихъ обитатели — I, 183. 292.
— проливъ — I, 183. 240. 256. **332.**
Торро — I, 278.
Тору — II, 188.
Тотемизмъ — I, 48. **65.** 123. **298. 439.**
— у американцевъ — I, 591. **596.**
Тотонаки — I, **637.**
Тотума — I, **479.**
Тофа — I, 430.
Тойя-тойя — I, **266.**
Траванкоръ — I, 211.
Тракбуры — II, 153.
Трепангъ — II, 670.
Трибу — II, 355.
Трингскіе даяки — I, **427.**
Tridacna gigas — I, 203. **223.**
Тробріанъ, остр. — I, 180. 245. 255.
Trembus — I, 407.
Тростниковыя дудки — II, 286.
Трухильо — I, 520. 638. 639. 651.
Тсаубы — II, 681.
Тсетла — II, 231.
Тсіампа — I, 388.
Тсонекасы — I, 544.
Тсуигоабъ — I, 57. **748;** II, **44.**
Тсуниты — II, 570.
Тсускіа — I, 560.
Ту — I, **47.** 50. 313; **II, 531.**
Туа — I, 316.
Туалы — II, 457.
Туареги (Туарикъ, Таварикъ) — II, 79 315. **427.** 505 и сл.
— города — II, 518.
— мѣстообитанія — II, **515.**
— образованіе — II, 518.
— одежда и украшенія — II, 516. 517.
— оружіе — II, 517.
— политическій строй — II, 518.
— раздѣленіе на племена — II, 512 519. 520.
— строеніе тѣла — II, 515.
— характеръ — I, 511.
Тубу, см. Тиббусы.
Тубуаи — I, 176.
Тугела — II, 136.
Тугеры — I, 219. **289.**
Туикве — I, **748.**
Туико — I, 748.
Туи-Токелау — I, **301.**
Туи-Тонга — I, **316.**
Туканосы — I, **68.**
Тукеле — II, **438.**
Туко — I, 748.
Тукулёры — II, 545.
Тукуманы — I, 533. **621.**
Тукунуа — I, 171.
Туле — I, 624.
Тулурунгъ — I, **374.**
Тумалоды — II, 180.
Тумасы — I, 620.
Тумбесъ — I, 536.
Тунгусы — I, 582. **669—676.** 679—685. 688—690. 692; II, **415.**
Тундры — I, 668.
Тундули — I. **493.**
Тупа — I, 463.
Тупайя — I 189.
Тупинды — II, 243. **309.** 330.
Туписы — I, 493. 496. 521. 523. 527. 531. 533. 544. 593. 610.
Турканасы — II, 187. 258. **279. 281.**
Туркестанъ — II, 645.
Турки — I, **27.**
Туркмены — II, **568.**
Туры — II, 531.
Турскароры — I, 500. 601.
Тутмозисъ — I, 437; II, **413.**
Тутовое дерево — I, 511.
Тушиланги — II, 53. **85.**
Туйру — I, 523.
Тцарцы — II, 551.
Тшукоапъ — I, 748.
Тыква — I, 515.
Тьемара — I, 458.
Тьенъ-тьенъ — I, 599.
Тьеррасъ фріасъ — I, **480.**
Тьину, см. Чину.
Тьяваты — I, 394.
Тюдюкъ, король Аннамскій — II, 676.
Тюлени — I, 551. 568. 580. **669.**
Тюнджуры — II, 526. 536. 539.
Тюрбанъ — II, 556. 623. 649.
Тюрки (тюркскіе народы) — II, 417. 436. 452 и сл., 574 и сл.
— города — II, 586.
— доисторическое — II, 572. **573.**
— женщины — II, 590—593.
— жилища — II, 584—586.
— земледѣліе и скотоводство — II, 580. 581. 582.
— одежда — II, 574.
— оружіе — II, 576.
— охота — II, 582. 583.
— пища — II, 583. 584.
— политическое раздѣленіе — II, 596—598.
— прически — II, 575.
— происхожденіе — II, **572.**
— семья — II, **593—596.**

Тюрки, сказаніе о происхожденіи — II, 571.
— судоходство — II, 583.
— торговля и промышленность — II, 587. 588.
— физическіе признаки — II, 564. 565.
— характеръ — II, 566, см. также „Османы".
Тѣлесныя искаженія — I, 101.

Уадды — II, 305.
Уальпаи — I, 503.
Уальяга — I, 521. 533.
Уандоваль — I, 651.
Уайдъ, бухта — I, 338. 360.
Ауануко-Вьэхо — I, 655.
Убанги — II, 303. 314. 331.
Убійство дѣвочекъ въ Индіи — II, 636.
Убуджве — I, 763; II, 51. 318. 328.
Увеа — I, 161.
Увеличеніе женскаго элемента — I, 113.
Увинза — II, 208.
Уга — II, 190. 252. 257.
Уганда — I, 27. 45. 62. 113. 135. 136. 713, см. также Ваганда.
Уги — I, 230.
Угого, см. Вагого.
Угуга — II, 328.
Угумъ — I, 438.
Угьюлики — I, 573.
Удду — II, 189.
Уджиджи, см. Ваджиджи.
Удочки — I, 83.
— меланезійцевъ — I, 233.
Ужичество въ Индіи — II, 638.
Узагара, см. Вазагара.
Узамбара, см. Вазамбара.
Узанда — II, 206.
Узарамо, см. Вазарамо.
Узбеки — II, 565. 646. 647.
Узери — II, 214.
Узиндья, см. Вазиндья.
Узловое письмо меланезійцевъ — I, 219.
Узога, см. Вазога.
Узукума, см. Ваузукума.
Уилькамайя — I, 653.
Уильямъ Бимбіа — II, 42.
Укайяли — I, 521.
Укереве — I, 28; II, 67. 69. 83. 148. 185. 186. 203. 206. 208. 266.
Укко — I, 689.
Уконге — I, 754.
Уконинго — II, 208.
Украшенія изъ каури — II, 185.
Украшенія изъ перьевъ у полинезійцевъ — I, 196.
Украшенія у австралійцевъ — I, 342.
— бушменовъ — I, 726.
— готтентотовъ — I, 741.
— дикихъ народовъ — I, 98.
— древне-американцевъ — I, 637.
— индѣйцевъ средней и южной Америки — I, 526.
— мадагассовъ — I, 445.
— малайцевъ — I, 401.
— меланезійцевъ — I, 220. 222. 223.
— микронезійцевъ — I, 196.
— патагонцевъ — I, 547.
— полинезійцевъ — I, 193.
— сѣверо-американцевъ — I, 503.
— сѣверо-западныхъ американцевъ — I, 559.
Укулункулу — I, 50; II, 42. 44.
Укрѣпленія сѣверо-американцевъ — I, 518.
Улавэ — I, 273.
Уладъ — II, 493.
Улакуа — I, 166. 223.
Улеа — I, 190. 197. 308.
Улеросы — I, 534.
Уліэ — I, 159. 160.
Улубалангъ — I, 461.
Улусы — II, 418.
Улути, острова — I, 171.
Ульвы — I, 520.
Ульеобразная форма жилищъ — I, 106.
Улэ — I, 170.
Уманда — II, 206.
Умиро — I[r] 184.
Умственная даровитость австралійцевъ — I, 333.
— американцевъ — I, 489.
— арктиковъ — I, 675.
— бушменовъ — I, 723.
— готтентотовъ — I, 740.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 761.
— малайцевъ — I, 387.
— — меланезійцевъ — I, 216.
— огнеземельцевъ — I, 557.
— — полинезійцевъ — I, 186.
Уміакъ — I, 584.
Умпакати — II, 128. 133.
Умпкве — I, 508.
Умственный прогрессъ — I, 25.
Умула — I, 230.
Умцила — II, 32. 34.
Унакъ — I, 579.
Уналашка — I, 578.
Унгуу (Нгуру) — II, 202.
Унди — II, 192.
Ундуссума — II, 266.
Ункунгингловэ — II, 120.
Уньоро — I, 27. 119, см. также Ваньоро.
Уньямвези, см. Ваньямвези.
Уньяньембе — II, 203. 217.
Упадокъ культуры — I, 28.
Упакъ, рѣка — I, 464.
Упасъ — I, 403.
Упингтонія — II, 153.
Уполу — I, 188.
Упото — II, 304. 314.
Употребленіе въ пищу земли новогвинейцами и новокаледонцами — I, 253.
— — индѣйцами — I, 540.
Ураги — II, 520.
— красота ихъ женщинъ — II, 520.
Уральскіе самоѣды — I, 688. 689.
Урари — I, 530.
Урга — II, 598.
Уродованіе зубовъ у малайцевъ — I, 399.
Уродованіе черепа у древнихъ американцевъ — I, 637.
— у малайцевъ — I, 401.
— у сѣверо-американцевъ — I, 503.
Urostigma Kotschyana — II, 313.
Ursus ferox — I, 482.
Уру — I, 521.
Уругвай — I, 521. 548.
Уруку — I, 479. 525.
Урунди — I, 757. 763, см. также Варунди.
Урунди-ватва — I, 759.
Урусъ — I, 685.
Усога — II, 189.
Усуи — II, 189. 207. 251.
Устрицы — I, 329.
Устричное богатство Америки — I, 481.
Усть-Унга — I, 678.
Усыновленіе — I, 118.
— — у океанійцевъ — I, 266.
Утагамисы — I, 603.
Утварь арктиковъ — I, 680.
— — готтентотовъ — I, 742.
— — карликовыхъ народовъ Африки — I, 762.
— — микронезійцевъ — I, 203.
— — полинезійцевъ — I, 201.
Утки — I, 418. 481.
Уто — I, 314.
Утокама, см. Ватакама.
Уты — I, 384. 394. 402.
Уумбандьи — II, 224.
Ухмаль — I, 652. 654. 659. 661.
Ученіе о божествахъ — I, 462.
Ученіе о духахъ и богахъ у меланезійцевъ — I, 311.
Уэвесы — I, 520.
Уэлле — I, 763; II, 333.
Уэнрайтъ — II, 144. 151.

Fagus betuloïdes — I, 550.
Фадази — I, 101.
Фади — I, 439. 443. 450.
Фадьелусы — II, 273. 295.
Фазогль — II, 438.
Факаафо — I, 196. 234. 308. 312.
Факиры — II, 445. 449. 778.
Фаланстеры въ средней Америкѣ — I, 544.
Фалаша — II, 431. 440.
Фалемэ — II, 555.
Фалефэ — I, 322.
Фаллическіе символы — I, 47.
Фамаки — I, 101.
Фантіи — II, 372.
Фаны (фанги, фанки, мпонгвы, пагуины)—I, 108. 122. 756. 763; II, 87, 308. 341. 342. 345. 349—352. 373. 378—380.
Фао — I, 313.
Фараулапъ — I, 160.
Фарафра — II, 415.
Фаринья — II, 357.
Фарфоръ — II, 620.
Фасенда — II, 245.
Фауна, см. Животный міръ.
Фауро — I, 236.
Фаэтонъ, птица — I, 196.
Файфо — II, 672.
Фекани — II, 138.
Феллаты, см. Фулахи.
Феллахи — II, 433. 436.
Фернандо По — II, 380.
Ферраши — II, 454.
Фертиты — II, 285.
Феруэль, мысъ — I, 572.
Festuca irritans — I, 328.
Фетиши арктическихъ народовъ — I, 690.
— малайцевъ — I, 455.
— океанійцевъ — I, 319. 352.
Фетишизмъ негровъ — I, 43. 60; II, 33. 51. и сл. 525.
Фетишскія хижины — I, 105.
Фецціанъ — I, 3. 714.
Фецъ — II, 498.
Фиджи, о-ва — I, 153. 160. 163. 165. 172. 177. 181. 210. 212. 220—223. 226—228. 233. 236. 237. 240. 241. 247. 248. 254—256. 259. 261. 263. 266. 268. 271—273. 277. 283. 288. 290. 299—303. 307. 310. 311. 314. 321. 324.
Фиджійцы — I, 32. 57. 85. 164. 165. 167. 211. 214. 216. 219. 231. 237. 248. 287. 292. 295. 296. 299. 310. 311.
Физическія различія, врожденныя — I, 16.
Физическое строеніе и признаки австралійцевъ — I, 329.
— азіатско-европейскихъ арктиковъ — I, 672.
— американцевъ — I, 485. 486.
— бушменовъ — I, 721.
— готтентотовъ — I, 738.
— мадагассовъ — I, 441.
— малайцевъ — I, 381.
— меланезійцевъ, микронезійцевъ и полинезійцевъ — I, 183. 184.
— тасманійцевъ — I, 371.
— эскимосовъ — I, 570.
Ficus — I, 319.
— indica — II, 83.
— prolixa — I, 238.
— tinctoria — I, 238.
Филиппинскіе о-ва — I, 153. 160. 210. 212. 379—384. 386—389. 392. 393. 395. 396. 403. 407. 414. 415. 419. 430. 431. 436.
Филиппополисъ — I, 751.
Phyllobates milanorrhinus — I, 531.
Фингусы — I, 720; II, 11. 13. 137. 138.
Финикіяне — I, 37; II, 408. 428. 798. 800.
Финиковая пальма — I, 698. 700; II 514. 544.
Финистерра, горы — I, 255.
Финны и Финляндія — I, 690. 691; II, 804. 805. 806.
Финскіе народы — II, 803 и сл.
Фину — I, 187.
Фипа — II, 190.
Фиръ, мысъ — I, 499.
Флеттера, мысъ — I, 613.
Флёй, рѣка — I, 231.
Флора, см. Растительный міръ.
Флоресъ — I, 182. 395. 401.
Флорида (Сѣверная Америка) — I, 474. 483. 509. 514. 532. 597. 618.
— (Соломоновы о-ва)—I, 224. 269. 277 292. 300.
Флоридцы — I, 625.

Флюпы — II, 551. 552.
Фокусы со змѣями — II, 444.
Фольжа (Квольжа) — II, 388.
Фоно — I, 284.
Фоны (дагомейцы) — II, 384.
Форель — I, 481.
Формоза — I, 379. 381. 382. 384. 388. 392. 395. 397. 401. 404. 414. 420. 430.
— жители ея — I, 393. 397. 401. 403.
Фоссо — I, 438.
Phragmites — I, 445.
Франки — II, 430. 812.
Франмассонство Ньемба — II, 373.
Французы — I, 34; II, 812.
— на малайскомъ архипелагѣ — I, 385.
Французская Гвіана — I, 521.
Френги — II, 452.
Phrynium — I, 763.
Фритаунъ — II, 389.
Фрута-де-Лобо — I, 538.
Фрэзеръ, рѣка — I, 481. 564.
Фу — II, 676.
Фузіама — II, 714.
Фулахи (фульбе, феллата) — I, 136. 137. 704; II, 67. 523. 524. 527. 534. 535. 545 и сл.
— государство и общество — II, 554. 555. 559.
— города — II, 557.
— духовныя способности — II, 547.
— завоеванія и основанія государствъ — II, 548.
— земледѣліе и скотоводство — II, 559.
— красные или бурые — II, 547.
— образъ жизни — II, 556.
— одежда — II, 556.
— оружіе — II, 554.
— религіозные элементы — II, 553. 555. 556.
— торговля и промышленность — II, 560.
— физическій характеръ — II, 546.
— темные — II, 547.
Фулькэ, бухта — I, 567.
Фумбина, см. Адамауа.
Фунджи (фундьи, фунги) — II, 432. 438.
Фуркина — I, 528.
Fourcroya — I, 479.
Фута — II, 555.
— Джелонъ — II, 545. 547. 553—555.
— Торо — II, 554.
— Фула — II, 545.
Фэ — I, 244.

Cha no yu — II, 709.
Хабабы — II, 431. 438. 488.
Хавашъ — II, 183.
Хавійи — II, 185.
Хаггары (хоггары) — II, 519. 520.
Хаджи — II, 445. 595.
Хазары — II, 647.
Хаиль — II, 454.
Хакаресы — I, 482.
Халатъ — II, 574.
Халдей — II, 796.
Халили — II, 653.
Халхи — II, 569.
Хами, оазисъ — II, 418.
Хамитическія племена Африки — I, 705.
Хамиты — II, 426. 428. 489.
Хантаи — I, 690.
Ханы — II, 648.
Характеръ американцевъ — I, 488.
— арктиковъ — I, 673.
— бушменовъ — I, 723.
— готтентотовъ — I, 740.
— мадагассовъ — I, 444.
— малайцевъ — I, 386.
— меланезійцевъ — I, 214.
— микронезійцевъ — I, 187.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 761.
— полинезійцевъ — I, 187.
— тасманійцевъ — I, 373.
Хараръ — II, 177. 178. 185.
Хартумъ — II, 185. 270. 412. 438.
Хатангскій погостъ — I, 670.
Хатанга — I, 676.
Хаттаки — II, 653.
Хайберскій проходъ — II, 653.
Хвостатый медвѣдь — I, 480.
Хевсуры — II, 785. 788.
Хендери-Тегэ — II, 515.
Хеопсъ — II, 402.
Хива — II, 417. 418.
Хиваросы — I, 36. 486. 493, 496. 521. 603. 636. 650. 665.
Хинваны — I, 420.
Хинки — I, 520.
Хинная кора — I, 477.
Хину, см. Чину.
Хіенгмай (Цимме) — II, 672. 684.
Chicuanga — II, 303. 330.
Хламбе-кафры, крещеные — II, 12.
Хлопокъ — I, 480. 539; II, 83. 560. 561. 629.
Хлопчатобумажное дерево (Eriodendron) — II, 544.
Хлѣбное дерево — I, 154. 155. 250. 251. 253. 380. 479.
— консервы — I, 167.
Хлѣбный червь — II, 73.
Хлѣбный берегъ — II, 388.
Хлѣбъ — II, 398. 475.
Хмеры, см. Кмеры.
Хоангхо — II, 688.
Ховръ — I, 404.
Хомръ-баггары — II, 276.
Хонанъ — II, 708.
Хорассанъ — II, 418.
Храмы въ Индо-китаѣ — II, 660. 776.
— въ передней Индіи — II, 617. 619.
Храмы малайцевъ — I, 390. 468.
Храмы — убѣжища у океанійцевъ — I, 320.
Христіанство — II, 428. 774.
— въ Абиссиніи — II, 440. 481. 483.
— въ восточной Азіи — II, 781.
— въ западной Африкѣ — II, 341. 376. 388.
— въ западномъ Суданѣ — II, 552.
— въ Европѣ — II, 796.
— у негровъ — II, 10. 57.
— на нижнемъ Конго — II, 376.
Христіанскіе слѣды въ исламѣ — II, 442.
Христіанское ученіе монофизитовъ — II, 437.
Хронологія — II, 403. 481.
Хунхузы — II, 698.
Хурисы — I, 593.
Хухукото — II, 588.
Хуфу — II, 403.

Цаланъ — I. 319
Цамбалы — I, 395. 463.
Цамбіангунгу — II, 42.
Цандіи — II, 681.
Цано, рѣка — I, 753.
Цайдамскіе монголы — II, 569. 574.
Цвѣтъ кожи у австралійцевъ — I, 330.
— у американцевъ — I, 485.
— у арктиковъ — I, 672.
— у готтентотовъ — I, 739.
— у малайцевъ — I, 382.
— у меланезійцевъ — I, 210.
— у океанійцевъ — I, 183.
— у тасманійцевъ — I, 371.
Cerozylon andicola — I, 478.
Cestoria — I, 534.
Центральная Австралія — I, 363.
— ея обитатели — I, 367.
Центральный Борнео — I, 423. 434.
Центральная Суматра — I, 401. 403.
— Бразилія — I, 493.
Целебесъ (Селебесъ) — I, 160. 170. 380. 385. 386. 388. 391. 392. 394. 395. 402. 403. 406. 414. 421. 422. 423. 428. 431. 432. 455. 461.
Cervus canadensis — I, 480.
— virginianus — I, 480.
Цесарка — I, 701.
Цейла — II, 178.
Цейлонъ — II, 634. 773. 777.
— буддизмъ — II, 773. 774.
Цимме, см. Хингмаи.
Cynara humilis (артишокъ) — II, 498.
Cyrena — I, 419.
Cyttaria Darwinii — I, 551.
Цыгане — I, 123; II, 608.
— Сахары (раджаріи) — II, 507.

Чавантесы — I, 590. 594.
Чавинъ де Уантаръ — I, 651.
Чадъ, озеро — I, 28; II, 513. 522. 523.
Чака — I, 120; II, 22. 27. 29. 30. 65. 112 116. 123. 125. 130. 138. 139. 144.
Чако, см. Гранъ Чако.
— его обитатели — I, 523.
Чакъ-Маоля, статуя — I, 660.
Чалько — I, 627.
Чалько, лагуна — I, 28.
Чамакакосы — I, 532.
Чампа — II, 571. 659.
Чампаи, дерево — I, 458.
Чампаны — II, 415.
Чанасы — I, 597.
Чангосы — I, 520.
Чангъ — II, 602.
Чаньяръ, степь — I, 476.
Чапогиры — I, 676.
Чапультепеко — I, 651.
Чарруасы — I, 521.
Части умершихъ, какъ волшебныя средства — I, 315.
Частное право — I, 120.
Чата-мускогисы — I, 500.
Чаунская бухта — I, 683.
Чачи — II, 485.
Чай — II, 498. 584. 718. 720. 736.
— у арктиковъ — I, 683.
Челноки арктиковъ — I, 670.
— огнеземельцевъ — I, 553.
— сѣверозападныхъ американцевъ — I, 562.
— тасманійцевъ — I, 373, см. также лодки.
Человѣческія жертвы у американцевъ — I, 619.
— у арійскихъ народовъ — II, 768.
— у древне-американцевъ — I, 665. 666.
— у древнихъ европейцевъ — II, 799.
— у малайцевъ — I, 472.
— у негровъ — II, 15. 40. 49.
— у новозеландцевъ — I, 187.
— у океанійцевъ — I, 163.
— у полинезійцевъ — I, 291.
Челюскинъ мысъ — I, 668.
Ченье — II, 43.
Черемисы — II, 803.
Черепахи — I, 616.
Черепаховый щитъ — I, 235.
Черкесы — II, 784—786. 789.
Черногорцы — II, 818.
Черное дерево — I, 700.
Черноногіе индѣйцы — I, 500. 599.
Черные флаги — II, 658.
Черные фулахи — II, 547.
Черный напитокъ — I, 607.
Черокисы — I, 500. 519. 596. 620.
Чёрчиль — I, 579.
— фортъ — I, 572.
Четтикъ — I, 403.
Чехи — II, 818.
Чеченцы (кисты, нахче, нахчури) — II, 789.
Чейнэи — I, 500.
Чи, группа — II, 384.
Чигуагуа — I, 499.
Чика — I, 528.
Чиказавы — I, 500.
Чикитосы — I, 533.
Чикомекоатс — I, 640.
Чилео — II, 39. 330.
Чили — I, 484. 507. 521. 528. 532. 533. 541. 542. 545. 548. 549. 626. 641. 650. 665.
Чиллуласы — I, 613.
Чилоты — I, 523. 606. 611. 614.
Чилоэ — I, 534. 537. 545. 552. 618.
Чилькаты — I, 562.
— ихъ область — I, 487.
Чимизапагуа — I, 629.
Чимусы — I, 152. 628. 638. 644. 646. 648. 649. 652. 661.
Чимчіены — I, 558.
Чинамить — I, 596.
Чинбоны — II, 684.
Чинга — II, 371.
Чингамбо, горы — II, 199.
Чингизъ-ханъ — II, 567. 569. 579.
Чипосы — I, 487. 497.
Чину (тьину, хину) — II, 376.
Чинуки — I, 495. 503. 558. 559. 560. 563 565. 593. 601. 607.

Чинча — I, 649.
Чинчочо — II, 358.
Чины — II, 684.
Чиппевеи — I, 87. 499. 516. 572. 613.
Чипулумбы — II, 307.
Чипчасы — I, 520. 604. 610. 629. 638. 649.
Чирибагуи — I, 499.
Чирики — I, 44. 628.
Чиримойя — I, 478.
Чирипа — I, 547.
Численность людей — I, 10.
Читченъ-Итца — I, 109. 648. 652. 654. 657.
Чича — I, 541. 642.
Чичимеки — I, 620.
Чіи — II, 17. 64.
Чоби — I, 721.
Чобэ — II, 141. 230.
Чоколятль — I, 642.
Чоктасы (чоктавы) — I, 500. 503. 595. 620. 622.
Чолоны — I, 616.
Чолосы — I, 481.
Чолула — I, 625. 640. 655.
Чоносы — I, 490. 533. 545. 552. 554. 555.
Чонталы — I, 520.
Чонтисайя — I, 627.
Чуапа — I, 759. 762. 763.
Чуванцы — I, 671.
Чуваши — II, 803.
Чувство природы — I, 48.
Чудь — I, 678.
Чукотскій мысъ — I, 573.
— **полуостровъ** — I, 566. 574. 581. 668. 669. 676. 681.
Чукчи — I, 570. 573. 577. 582. 668. 669. 671. 674. 675. 676. 678. 679. 681. 683. 684. 685. 689. 690. 692.
Чулупа — I, 478.
Чума — II, 151.
Чумъ — I, 686.
Чунчосы — I, 534.
Чуньо — I, 642.
Чупатъ — I, 545.
Чуруна — I, 478.
Чуруйесы — I, 524. 537. 544. 622.
Чускэ коленъ — I, 548.

Шакунда — II, 149. 237.
Шаманство — II, 444. 590. 592. 774.
Шаманы — I, 43. 54. 57. 66.
— **американцевъ** — I, 619.
— **арктиковъ** — I, 690.
Шаммаръ — II, 467.
Шамоана — II, 246.
Шангаллы — II, 431.
Шанго — I, 51.
Шанси — II, 702.
Шанъ, народы — II, 681.
Шаны — II, 680—684.
Шари — II, 522.
Шарлотты архипелагъ, см. **Королевы Шарлотты о-ва.**
Шарлотъ-Уотерсъ — I, 361.
Шастасы — I, 512.
Шастики — I, 611.
Шато — II, 569.
Шатры номадовъ центральной Азіи — II, 584.
Шафеди — II, 466.
Cheveux relevés — I, 502.
Шеголъ — II, 588.
Шекваны — I, 395.
Шеклеры — II, 565.
Шелководство — II, 410.
Шелягскій мысъ — I, 668.
Шемба-шембы — II, 50.
Шендіи — II, 438.
Шербетъ — II, 651.
Шерборо — II, 388.
Шесть націй ирокезовъ — I, 135.
Шефалусы — II, 271.
Шёхи — II, 490.
Шейкіэ — II, 438.
Шейхи — II, 467.
Шибеи — II, 415.
Шидимы — II, 197.
Шиллуки — I, 33. 51. 101. 713. 714; II, 3. 8. 42. 47. 65. 94. 269—273. 276. 277. 281. 282. 288. 289.
Шиллукскій языкъ — I, 33.
Шинга — II, 245.
Шингу и племена шингу — I, 521. 529. 534. 535. 544.
Chinoiseries — II, 707.
Шинто, культъ — II, 734. 760. 764. 780.
Ширва, озеро — II, 192. 195.
Ширваріи — II, 653.
Ширэ — II, 192. 194. 195. 196.
Шкипетары, см. **Албанцы.**
Шоа и шоанцы — I, 757; II, 175. 431. 488. 533.
Шого — II, 169. 431.
Шокабы — II, 453.
Шошонгъ — I, 720; II, 122. 142.
Шошоны — II, 501. 505.
Шоэль, рѣка — I, 347.
Штаты Новой Англіи — I, 499.
Шукурехи — II, 445.
Шулій (гани) — II, 18. 45. 269. 271. 274. 275. 277. 278. 281. 282. 283. 285. 287. 288.
Шулу (Шлусы), см. Берберы.
Шумръ — II, 466.

Щавель — I, 669.
Щелкающіе звуки въ бушменскомъ и готтентотскомъ языкахъ — I, 719.
Щиты австралійцевъ — I, 347.
— **малайцевъ** — I, 406.
— **меланезійцевъ** — I, 233.
— **сѣверо-американцевъ** — I, 507.

Эвейцы (эвеи, ассигехи) — II, 17. 43. 44. 47. 370. 384.
Эгбы — II, 350. 383.
Эджкомбъ, вулканъ — I, 613.
Эдъ — II, 185.
Эквадоръ — I, 475. 489. 531. 540. 541. 622. 630. 636. 637. 641.
Эквадорцы — I, 626.
Экваторіальное семейство языковъ — II, 290.
Экзогамія — I, 6. 115; II, 24. 28. 287. 371. 591.
— **у мадагассовъ** — I, 450.
— **у малайцевъ** — I, 425.
Экономическая дѣятельность—I, 20. 25.
Элимбе — II, 353.
Эллисовы о-ва — I, 161.
Элоби — II, 379.
Эль Азаръ — II, 436.
Эльгумы — II, 187.
Элькгорнъ, рѣка — I, 603.
Элькононы — II, 180. 186.
Эльмоло — II, 187.
Эль Обеидъ — II, 453.
Эмерильоны — I, 525.
Эмишу (эбизу), см. Айносы.
Эму — I, 329.
Энарея — II, 173.
Энгано — I, 438.
Энгоро, горы — I, 721.
Эндогамія у американцевъ — I, 591.
Энонтеръ, бухта — I, 366. 369. 374.
Эннеди — II, 512. 515.
Энсада — II, 349.
Энсоне — II, 43.
Энтчаро, озеро — II, 440.
Эпу — I, 465.
Эрема — I, 688.
Эри — I, 266. 274. 275.
Эрилла — I, 367.
Эритрейскій кругъ народовъ — II, 425. и сл.
Эріи — I, 194.
Эрроманго — I, 212. 285.
Эскимосы — I, 86. 121. 126. 148. 483. 493. 556. 557 и сл. 609. 610. 615. 617—621. 631. 645. 668. 670. 671. 672. 673. 675. 680—682.
— **архитектура** — I, 587.
— **власть** — I, 572.
— **война** — I, 572.
— **желѣзо** — I, 579.
— **костяная утварь** — I, 585.
— **общая численность** — I, 572.
— **одежда** — I, 575.
— **оружіе** — I, 578.
— **охота и рыболовство** — I, 580.
— **палатки** — II, 589.
— **пища** — I, 568. 581.
— **племена** — I, 572.
— **плетеніе** — I, 586.
— **прическа** — I, 577.
— **происхожденіе** — I, 573.
— **ручныя работы** — I, 585.
Эскимосы, сани — I, 583.
— **семейная и государственная жизнь** — I, 571.
— **собака** — I, 582.
— **созданіе искусства** — I, 571.
— **соприкосновеніе съ индѣйцами** — I, 573.
— **строеніе тѣла** — I, 570.
— **судоходство** — I, 584.
— **табакъ** — I, 582.
— **татуировка** — I, 577.
— **торговля** — I, 582.
— **украшенія** — I, 577.
— **хижины изъ земли и снѣга** — I, 588. 589.
— **языкъ** — I, 574.
Эспириту Санто — I, 263. 603.
Эссекибо — I, 534.
Эссингтонъ, портъ — I, 331. 332. 339. 351.
Эстійцы — II, 818.
Эсты — II, 804—806.
Этова, горы — I, 509.
Эторофу — II, 701.
Этруски — II, 810.
Этъ-Тэми — II, 457.
Эфики — II, 381. 382.
Эчука — I, 338.
Ээіопія — II, 437.
Ээіопскій типъ, какъ ядро африканскаго населенія — I, 703.
Ээіопы — II, 514.
Эйва — I, 299.
Эйи (Идіу) — I, 382. 383.
Эйкалиптовая камедь — I, 329.
Эйкумена — I, 5.
Эйлуайнгадассакоръ — I, 312.
Эймео — I, 50.
Эймиликъ — I, 306.
Эйрай — I, 314
Эйсы — II, 185.
Эйю — I, 490.

Юго-восточная Африка — I, 134.
— **Новая Гвинея** — I, 255.
Юго-восточные австралійцы — I, 342. 709.
— **кафры** — II, 119.
Юго-восточный Борнео — I, 394. 403. 416. 457. 467.
Южная Австралія — I, 327. 339. 341. 344. 347. 363. 365. 374. 375. 377.
— **Азія** — II, 409. 410.
— **Аравія и южные арабы** — II, 180. 430. 466.
— **Бразилія** — I, 544.
— **Гренландія** — I, 583.
— **Индія** — I, 211. 213. 214; II, 612. 624.
— **Калифорнія** — I, 503. 506.
— **Каролина** — I, 514.
— **Мексика** — I, 654.
Южно-австралійцы — I, 338. 348. 365. 369. 374. 375.
Южно-австралійская водная область — I, 326.
Южно-африканцы — I, 343. 711. 715; II, 4. 221. 231.
Южное полярное сіяніе — I, 376.
Южные алтайцы — II, 565.
— **галласы** — II, 170. 174. 176. 183. 184.
— **гренландцы** — I, 574.
— **карайбы** — I, 527.
— **кафры** — II, 6. 107.
Южный Борнео — I, 394. 438. 463.
— **Люсонъ** — I, 391.
— **Целебесъ** — I, 169. 415. 422.
— **Чили** — I, 539.
Юкагиры — I, 671. 672. 676. 685. 686.
Юкатанъ — I, 474. 479. 509. 536. 626 — 628. 633. 637. 643. 651. 652. 657.
Юкисы — I, 507.
Юкка — I, 479. 480. 641.
Юконъ — I, 476. 481. 558.
Юмасы — I, 480. 501. 502. 540.
Юнана — II, 386.
Юнгчангъ — II, 672.
Юнки — I, 520.
Юнинанъ — II, 672. 680—684. 688.
Ючи — II, 696.
Юраки — I, 676.
Юринасы — I, 485.
Юрты — II, 585. 593.

Юрукаресы — I, 521.
Юрупари — I, 68.
Ютахи — I, 501.
Юто-ацтекскія племена — I, 501. 520.
Юэнъ, династія въ Китаѣ — II, 420.

Ява — I, 379—381. 384—386. 388—391. 393. 394. 403. 405. 412. 414. 415. 418. 420. 422. 423. 432. 457—460. 466. 695.
Яванцы — I, 382. 384. 388. 389. 396. 402. 430. 461. 462.
Яванаи — I, 485. 495.
Явленія погоды — I, 48.
— природы — I, 40. 47.
Яганда, дерево — I, 534.
Яганы — I, 553—555. 557.
Ягеры — I, 752.
Ягодичный жиръ у бушменовъ — I, 717. 722.
— у готтентотовъ — I, 717. 739.
Ядеитъ — I, 229.
Ядовитыя растенія Австраліи—I, 354.
Ядовитый амариллисъ — I, 729.
Яды — II, 322. 700.
Языки австралійцевъ — I, 337.
— американскіе — I, 491.
— африканскіе — I, 705.
— карликовыхъ народовъ Африки — I, 761.
— эскимосовъ — I, 574.
Языки банту — I, 719.
Языкъ барабана — I, 36. 493.
— жестовъ — I, 35.
— — и пальцевъ у австралійцевъ — I, 336.
— знаковъ — I, 35.
— у американцевъ — I, 493.
— — I, 20. 29.
— бушменовъ — I, 719.
— всемірность его — I, 31.
— вымираніе — I, 32.
— готтентотовъ — I, 719.
Языкъ, діалекты — I, 30. 32.
— жизнь его — I, 32.
— какъ первое условіе всякой культурной работы — I, 30.
— литературный языкъ — I, 32.
— мадагассовъ — I, 442.
— малайцевъ — I, 388.
— письменные языки — I, 32.
— развитіе языка — I, 31.
Языческіе народы въ западномъ Суданѣ — II, 550.
Языческіе слѣды въ исламѣ — II, 443.
Яи — I, 596. (См. также Вайяи.)
Якисы — I, 501.
Якке-Элтини — I, 613.
Якоба — II, 553—555.
Якомуши — I, 556.
Якона, растеніе — I, 252.
Якубъ Бекъ — II, 568. 648.
Якуина, бухта — I, 623.
Якутаты — I, 564.
Якуты — I, 582. 669. 671. 673. 675—677. 679. 680—683. 684—689. 692.
Якъ — II, 602. 603.
Ялуитъ — I, 160.
Ямъ — I, 250. 253. 329. 356.
Яна — I, 676.
Янбаріи (ньямбары) — II, 273. 274. 281. 295.
Янгара — I, 363.
Янгтсе-Кіангъ — II, 688. 723—725.
Янгъ — I, 459.
Янъ Африканеръ — II, 164.
Яны — I, 499.
Японія и японцы — I, 25. 37. 162. 681; II, 407. 409. 492 и сл., 728 и сл.
— архитектура — II, 713. 714.
— вооруженіе — II, 731. 732.
— города и деревни — II, 734. 735.
— государственный строй — II, 742. 747. 748.
— домъ и его устройство—II, 732. 733.
Японія и японцы, земледѣліе и скотоводство — II, 737. 738.
— искусство — II, 712. 713.
— кожа — II, 703. 731.
— музыка и танцы — II, 714.
— наука — II, 711.
— одежда и украшенія — II, 728—731.
— пища и вкусовыя вещества — II, 736. 737.
— плотность населенія — II, 735.
— промышленность — II, 738—740.
— пути сообщенія — II, 740. 741.
— расы — II, 703—705.
— религія — II, 734. 760. 762. 780. 781.
— семья — II, 743 и сл.
— соціальное раздѣленіе — II, 741. 742. 748.
— способы погребенія — II, 782.
— умственное развитіе—II, 709—711.
— чуждыя вліянія — II, 693. 694. 705. 706.
Яхура — I, 521.
Япъ — I, 160. 166. 171. 197. 205. 259. 261. 263. 305. 317. 323.
— островитяне — I, 163. 256.
Ящерицы — I, 300. 329.
Ячмень — I, 700; II, 474.
Яунды — II, 359.
Ятъ, оазисъ — II, 505.
Ятсуи — II, 681.
Ясачная — I, 676.
Ясакъ — I, 684.
Ярусныя постройки — I, 110.
Яркино — I, 674.
Ярисъ — I, 294.
Ярибандеми — I, 368.
Ярдайкины — I, 366.

Оаисъ — I, 305. 318.
Ѳеодоръ абиссинскій — II, 483. 485.
Ѳрако-иллирійцы — II, 809. 810.

Библіографическій указатель русской литературы по народовѣдѣнію.

Акаемовъ. Куявы. Историко-этнографическіе очерки. Варшава, 1895 г.

Анисимовъ, И. Кавказскіе евреи-горцы. М., 1888 г.

Анучинъ, Д. Н., проф. Великоруссы (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. X., Спб., 1892 г.).

— Лукъ и стрѣлы. М., 1887 г.

— Сани, ладья и кони, принадлежности похороннаго обряда. М., 1890 г.

— Матерьялы для антропологіи восточной Азіи. I. Племя айновъ. М., 1896 г.

— О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ (Изв. имп. общ. люб. ест., ант. и энт., XXXVIII, вып. 3, М. Труды антр. отд., VI, 1880 г.).

— О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи (Записки имп. р. геогр. общ. Стат. отд., VII, вып. 1, 1889 г.).

— О задачахъ русской этнографіи („Этн. Обозр.“, вып. I, М., 1889 г.).

Берже, А. Чечня и чеченцы. Тифлисъ, 1859 г.

Бобровниковъ, Н. А. Инородческое населеніе Казанской губерніи. Вып. I. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899 г.

Богдановъ, А. П., проф. Курганное племя Московской губерніи. М., 1865 г.

— Краніологическія замѣтки о туркестанскомъ народонаселеніи (Изв. имп. общ. люб. ест., XLIX, вып. 34, М., 1887 г.).

— Антропометрическія замѣтки относительно туркестанскихъ инородцевъ (Изв. общ. люб. ест., XXXIV, вып. 4, М., 1888 г.).

Булгаковскій, Д. Г. Пинчуки. Этнографическій сборникъ.

Вербицкій, В. Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій алтайскаго миссіонера. Подъ редакціей А. Ивановскаго. М., 1893 г.

Верковичъ, С. И. Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи. Спб., 1889 г.

— Дополненія къ этой книгѣ. Спб.

Вейсенбергъ, С. Объ антропологическомъ типѣ евреевъ (Изв. имп. общ. люб. ест., XC. Труды антр. отд., XVIII, М., 1897 г.).

Вольтеръ, Э. Матерьялы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи. Часть I, Спб., 1890 г.

— Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемайтскаго народа. Ковно, 1889.

Воробьевъ, В. В. Матерьялы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи. М., 1897 г.

— Великоруссы (Р. антр. жур. 1900 г., № 1, Москва).

Гильченко, Н. В. Матерьялы для антропологіи Кавказа. I. Осетины, II—III. Кубанскіе казаки (Изв. имп. общ. люб. ест., LXXXX. Труды антр. отд., XVIII, М., 1897 г.).

Гондатти, Н. Л. Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири (Труды этн. отд. имп. общ. люб. ест., т. VIII, М., 1888 г.).

Гродековъ, Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области, т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ, 1889 г.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Спб., 1895 г.

Добровольскій, В. Смоленскій этнографическій сборникъ (Зап. р. имп. юр. общ., Спб., 1891 г.).

Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи. Казань, 1899 г.

Дубровинъ, Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 1, 2 и 3. Спб., 1871 г.

Елисѣевъ, А. В. Антропологическія замѣтки о финнахъ (Изв. имп. общ. люб. ест., XLIX, вып. 4, М., 1887 г.).

— Антропологическія замѣтки объ обитателяхъ Малой Азіи (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII. Труды антр. отд., XII и XIII, М., 1890—91 г.).

Желѣзновъ, I. И. Уральцы. Спб., 1888 г.

Запольскій, М. Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни. Этнографическій этюдъ. Кіевъ, 1888 г.

Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1883 г.

Зографъ, Н. Ю., проф. Распредѣленіе высокаго роста среди великорусскаго населенія въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и

Ярославской (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII. Труды антр. отд., XII, М., 1890 г.).

— Антропометрическія изслѣдованія мужского великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерніи (Изв. имп. общ. люб. ест., LXXVI. Труды антр. отд., XV, М., 1892 г.).

Ивановскій, А. А. Монголы-торгоуты (Изв. имп. общ. люб. ест. LXXI, М., 1893 г.).

Иковъ, К. Н. Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико- и малоруссами (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII, М., 1890 г.).

Иностранцевъ, А. А. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Спб., 1882 г.

Ислависъ, В. Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. 1847.

Кельсьевъ, А. И. Антропологическій очеркъ лопарей (Изв. имп. общ. люб. ест., XLIX, М., 1886 г.).

Ковалевскій, М. М. Современные обычаи и древній законъ. М., 1886.

— Законы и обычаи на Кавказѣ. М., 1890 г.

Кулишеръ, М. И. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. Спб., 1887 г.

Куропаткинъ. Кашгарія. Спб., 1879 г.

— Туркменія и туркмены. Спб., 1870 г.

Леонтовичъ, Ѳ. Адаты кавказскихъ горцевъ. Вып. I и II. Одесса, 1883 г.

Лессаръ, М. П. Юго-западная Туркменія (Земли сарыковъ и саларовъ). Спб., 1885 г.

Максимовъ, Е. и **Веретеновъ,** Г. Туземцы сѣвернаго Кавказа. Вып. I. Владикавказъ, 1892 г.

— Вып. II. Чеченцы. Владикавказъ, 1892 г.

Маліевъ, Н. М. проф. Вотяки Казанской губерніи. (Труды общ. ест., Казанск. унив. IV, № 2. Казань, 1874 г.).

— Антропологическій очеркъ племени пермяковъ (Тамъ-же XVI, № 4, 1887 г.).

Маноцковъ, В. И. Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ. Архангельскъ, 1890 г.

Майновъ, В. Н. Очеркъ юридическаго быта Мордвы. (Зап. русск. геогр. общ. отд. этн., т. XIV, вып. 1. Спб., 1885 г.).

Меддоксъ, К. Инородцы въ Поволжьѣ. Саратовъ.

Мечниковъ, И. И. Антропологическій очеркъ калмыковъ. (Изв. Имп. общ. люб. ест., XX. Труды антр. отд. II, вып. I, М., 1876 г.).

Миллеръ, В. Ф. Осетинскіе этюды. 3 части, М., 1881—87 г.

Михайловскій, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографическіе очерки. (Изв. Имп. общ. люб. ест., LXXV. Труды этн. отд., XII, М., 1892 г.).

Назаровъ, П. К. Къ антропологіи башкиръ (Изв. Имп. Общ. люб. ест., LXVIII. Труды антр. отд. XII. М., 1890 г.).

Никольскій, Д. П. Этнографическо-антропологическій очеркъ восточныхъ черемисовъ (Труды антр. общ. при имп. в.-мед. акад., II, Спб., 1897 г.).

Овсяный, Н. Сербія и сербы. Спб., 1898 г.

Пантюховъ, И. И. Грузины Тифлисскаго уѣзда. (Изв. имп. общ. люб. ест., LXXX. Труды антр. отд. XVI, М., 1893 г.).

— Населеніе Кутаисской губерніи. Спб., 1892 г.

— О кумыкахъ. Антропологическіе очерки. Тифлисъ, 1895 г.

Патрановъ, К. П. Цыганы. О нарѣчіи закавказскихъ цыганъ. Спб., 1887 г.

Петковичъ, К. Ливанъ и ливанцы. Спб., 1885 г.

Петри, Э. Ю. проф. Антропологія, т. I. Спб., 1890 г.

Поджіо, М. А. Очерки Кореи. Спб., 1892 г.

Позднѣевъ, А. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Спб., 1887 г.

— Монголія и монголы, т. I. Спб., 1896 г.

— То-же, т. II. Спб., 1898 г.

— Описаніе Манджуріи. Спб., 1897 г.

Поляковъ, И. С. Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію. Спб., 1880 г.

Поповъ, К. Зыряне и зырянскій край. (Труды этн. отд. имп. общ. люб. ест., т. III, вып. 2, М., 1874 г.).

Поротовъ, М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты аларцы. (Серія докторскихъ диссертацій имп. в. мед. акад. № 20, Спб., 1895 г.).

Потанинъ, Г. Н. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Спб., 1881—83 г.

Пржевальскій, Н. М. Монголія и страна тангутовъ. Спб., 1875—1876.

Приклонскій, С. А. Народная жизнь на сѣверѣ.

Протопоповъ, Д. Д., **Андреевъ,** И. и др. Финляндія. Спб., 1898 г.

Птицынъ, Вл. Селенгинская Даурія. Спб., 1896 г.

Путята, Г. Китай. Спб., 1895 г.

Пясецкій, П. Я. Путешествія по Китаю въ 1874—75 гг. М., 1882 г.

Пѣвцовъ. Очеркъ путешествія по Монголіи Омскъ, 1883.

Равинскій, П. А. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, т. I. Спб., 1887 г.

— Т. II, часть I. Спб., 1897 г.

Радде, Г Хевсурія и хевсуры. (Зап. кавк. отд. имп. русск. геогр. общ. т. XI, вып. 2).

Самоквасовъ, Д. Я. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава, 1876 г.

Сбоевъ, Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. М., 1865 г.

Семеновъ, Н. Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа. Спб., 1895 г.

Смирновъ, И. Н. Мордва. Историко-этнографическій очеркъ (XI т. изв. общ. арх., ист. и этн. при казанск. унив. Вып. I, Казань, 1892 г.).

— Пермяки. Историко-этнографич. очеркъ. Казань, 1891 г.

— Черемисы. Казань, 1889 г.

— Вотяки. Казань, 1890 г.

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты, т. I. Спб., 1896 г.

Хангаловъ, Н. М. Матерьялы о шаманствѣ. Иркутскъ, 1890 г.

Харузинъ, А. Н. Киргизы Букеевской орды. (Изв. имп. общ. люб. ест. LXIII, LXXII, М., 1889—91 г.).

— Татары Гурзуфа (Изв. имп. общ. люб. ест. LXVIII, М., 1890 г.).

— Къ антропологіи населенія Эстляндской губ. Ревель, 1894 г.

— Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. Москва, 1895 г.

Харузинъ, Н. Н. Русскіе лопари. (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVI. Труды этн. отд. М., 1890 г.).

— Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII. Труды антр. отд. XII, М., 1890 г.).

— Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. М., 1889 г.

Шендриковскій, И. И. Матерьялы къ антропологіи бурятъ (селенгинцевъ). (Серія докт. диссертацій Имп. в. мед. акад., Спб. 1894 г.).

Шренкъ, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I. Спб., 1883 г.

Шрейдеръ, Японія и японцы. Спб., 1895 г.

Шубинскій, П. Очерки Бухары. Спб., 1892 г.

Яворскій, И. Л. Антропологическій очеркъ туркменъ (Труды антр. общ. при имп. в. мед. акад. II, Спб., 1897 г.).

Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Спб., 1891 г.

Янчукъ, Н. А. Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. М., 1889 г.

— Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ литовцевъ. (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII. Труды антропологич. отд. XII, М., 1890 г.).

— Нѣкоторыя данныя къ вопросу объ антропологическомъ типѣ бѣлоруссовъ. (Изв. имп. общ. люб. ест., LXVIII. Труды антр. отд. XII, М., 1890 г.).

Эмме, Э. В. О множественности антропологическихъ среднихъ типовъ великорусскихъ и малорусскихъ череповъ. (Изв. Имп. общ. люб. ест., XLVX; вып. 4, М., 1887 г.).

Каталогъ изданій
Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис. картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 20 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полук. пер. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собранія сочиненій лучшихъ иностранныхъ и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1. 10] Редакція *В. В. Каллаша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4. 8. 10] Редакція *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Ред. *А. И. Введенскаго.* 1 т. Цѣна 1 р., въ изящн. кол. пер.	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4 8. 10] Редакція *А. И. Введенскаго.* 15 художеств. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящ. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллаша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 рублей, въ изящн. кол. перепл.	13	50
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *И. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8. 10] Портр. и біограф. автора, составл. *И. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. [4. 8. 10] Редакція *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4. 8. 10] Редакція *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. перепл.	18	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Чарльзъ Диккенсъ. Перев. съ англ. *Ир. Ив. Введенскаго, М. А. Шишмаревой* и др., со вступит. статьей *Д. П. Сильчевскаго.* 30 томъ. по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. и вступ. статья *М. В. Лучицкой.* 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ редакціей и со вступит. статьей *С. С. Зелинскаго.* 12 том. по 75 коп.; въ изящн. коленкор. перепл.	15	—
Гюи де Мопасанъ. Перев. съ франц., со вступит. статьей *З. А. Венгеровой.* Богато иллюстриров. изданіе. 15 т. 15 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	22	50
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій, съ критико-біогр. очеркомъ *М. А. Энгельгардта.* 3 т. 3 руб., въ изящн. коленк. перепл.	4	50
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ, съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 т. 6 руб., въ изящн. перепл.	7	25

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* [4. 7] Общ. редакція *Г. Гельмольта.* Пер. съ доп. изв. русск. учен. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра *Г. Шурца.* Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова,* подъ ред. и съ пред. *Д. А. Клеменца.* 434 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полук. пер.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* [1. 2. 9.] Соч. проффъ. *Фр. Фогта* и *М. Кожа.* Переводъ проф. *А. Л. Погодина.* 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушагр. перепл.	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. полук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущаго. *Соціальные этюды.* Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* 2-е изд. Цѣна 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. *А. Л. Погодина.* Цѣна 3 р., въ изящн. перепл.	3	75
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* [8] Соч. проф. *К. Вёр-*		

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію безплатно.

	Р.	К.
мана. Пер. подъ ред. *А. И. Сомова* и *Д. В. Айналова.* 1500 иллюстр. и 130 худ. прил. — 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогр., разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ пер.	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. [4. 6] Соч. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к. или 5 т. въ пер. по 11 р.	55	—
Міровоззаніе, общедост. астрономія. [3. 4. 5. 10] Соч. д-ра ***В. Мейера,*** бывш. директ. берл. „Уранія". Пер. съ доп. и указат. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 287 рис., 41 худож. прил. — 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Исторія земли. [1. 2. 4. 6] Соч. проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. проф. *Уллигомъ* изд., съ доп. по геол. Россіи и указ. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 1129 рис., 38 худ. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полук. пер.	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. .	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	17	—
Жизнь растеній. [1. 4. 6] Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Марилауна.*** Пер. съ дополн. и библіогр. указат., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 2100 рис. и 65 худож. прил. — 30 вып. 12 р. 80 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл. . . .	15	—
Происхожденіе животнаго міра. [4. 5. 6] Соч. проф. ***Б. Гатке.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 469 рис. и 21 худ. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полук. пер.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. [4. 5. 6. 10] Пер. подъ ред. профф. ***А. С. Догеля*** и ***И. Ф. Леснафта.*** 1179 рис. и 31 худ. пр.—60 вып. по 35 к., въ 3 роск. полушагр. пер.	24	—
Человѣкъ. [1. 4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. 12 р., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к., или 2 т. въ роск. полушагр. пер.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р., и 1 доп. вып. — 50 коп.; въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8. 10] Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. *Д. А. Коропчевскаго.* 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл. . . .	8	50
Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. Харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 180 рис., 16 картъ и 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 коп., въ роск. полук. пер.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Декерта.*** Перев. проф. Варшавск. унив. *А. Л. Погодина.* 130 рис. въ текстѣ, 12 картъ и 21 худож. прилож. — 14 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. со 2-го нѣм. изд. проф. Варш. унив. *А. Л. Погодина.* 141 рис. въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 20 хромолитогр. и гравюръ. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Пер. со 2-го переработ. нѣм. изд. *Г. Г. Генкеля,* съ доп. проф. харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 198 рис. въ текстѣ, 14 картъ и 24 хромолитографіи, гравюры и автотипіи. Въ роск. полукож. перепл	8	50
Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Пер. со 2-го вновь переработ. нѣм. изд. съ доп. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 144 рис. и картъ въ текстѣ и 36 отд. прилож. (картъ, хромолит., гравюръ и автотипій). Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рисунки и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. кол. перепл.	6	—
Новый способъ лѣченія. Соч. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Прибл. 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл. . . .	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] 258 рис. ***2) по зоологіи птицъ.*** [1. 4. 6. 10] 238 рис. Текстъ проф. ***В. Маршалла.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. П. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Въ изящн. кол. перепл. . . . . по	1	75
3) по зоологіи рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалла.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. П. Зубовскаго,* 208 рис. Въ изящн. пер.	1	75
4) по зоологіи низшихъ животныхъ. [4. 8. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалла.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. пер.	1	75
5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. пер.	1	75
6) по географіи Европы. [5. 6. 7. 10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. пер.	1	50
7) по географіи внѣевропейск. странъ. [5. 6. 7. 10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Перев. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію безплатно.

	Р.	К.
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма. [8.10] *Отдѣлъ зоологіи.* 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8.10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. [6.8.10] Пер. подъ ред. проф. *И. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к, въ роск. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго, А. В. Ключарева* и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ пер.	6	—
Технологія металловъ. [8.9.10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. Н. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. [8.10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полуж. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. Н. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—

[1] *Изд.* ***рекоменд.*** *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для фунд. и уч., ст. возр., библ. ср. уч. зав. Мин.*
[2] *Изд.* ***рекоменд.*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*
[3] *Изд.* ***рекоменд.*** *Уч. Ком-томъ Мин. Земл. и Гос. Имущ. для библ. подвѣд. М-ству уч. зав.*
[4] *Изд.* ***рекоменд.*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*
[5] *Изд.* ***одобр.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учеч., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для библ. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. читал. и библ.*
[6] *Изд.* ***одобр.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд· М-ству учебн. зав.*
[7] *Изд.* ***одобр.*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Велич. К-ріи по учр. Импер. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возраст., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*
[8] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. городск. училищъ.*
[9] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. уч. зав.*
[10] *Изд.* ***допущ.*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Серія сочиненій „Библіотека Просвѣщенія“.

		Р.	К.	Въ перепл. Р.	К.
№ 1.	***Карлъ Марксъ.*** Нищета философіи	—	39	—	51
№ 2.	***В. Зомбартъ.*** Рабочій вопросъ	—	27	—	39
№ 3.	***Н. Сувировъ.*** Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи	—	49	—	61
№ 4.	***Большіе города,*** ихъ обществ., политическое и экономическое значеніе. Сборн. статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др.	—	44	—	56
№ 5.	***А. Менгеръ.*** Право на полный продуктъ труда	—	30	—	42
№ 6.	***Ф. Мерингъ.*** Объ историческомъ матеріализмѣ	—	15	—	27
№ 7.	***П. Гере.*** Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ	—	6	—	18
№ 8.	***Т. Курти.*** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи	—	7	—	19
№ 9.	***Грейлихъ.*** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса	—	8	—	20
№ 10.	***Э. Зелигманъ.*** Экономическое пониманіе исторіи	—	17	—	29
№ 11.	***А. Менгеръ.*** Гражданское право и неимущіе классы	—	45	—	57
№ 12.	***А. Бебель.*** Шарль Фурье, его жизнь и ученіе	—	42	—	54
№ 13—14.	***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I—II по	—	35	—	47
№ 15.	***П. Стрѣльскій.*** Самоорганизація рабочаго класса	—	50	—	62
№ 16, 32, 47—52.	***Фр. Мерингъ.*** Исторія герм. соц.-дем. 8 вып.	4	40	5	36
№ 17.	***Э. Виллей.*** Какъ произв. въ Зап. Европѣ выборы въ парлам.	—	15	—	27
№ 18.	***Карлъ Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.	—	25	—	37

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію безплатно.

				В перепл.	
		р.	к.	р.	к.
№ 19.	***В. Вейтлингъ.*** Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть	—	12	—	24
№ 20.	***Л. Мовичъ.*** Великое Учредительное Собраніе 1789 г.	—	45	—	57
№ 21.	***А. Шеффле.*** Квинтъ-эссенція соціализма	—	18	—	30
№ 22—23.	***Лиссагарэ.*** Исторія Коммуны; вып. I—II	1	25	1	49
№ 24.	***Г. Роландъ-Гольстъ.*** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія	—	45	—	57
№ 25—26.	***В. Либкнехтъ.*** Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Германіи, вып. I и II по	—	40	—	52
№ 27.	***В. Зомбартъ.*** Политическая экономія промышленности	—	50	—	62
№ 28.	***А. Менгеръ.*** Новое ученіе о нравственности	—	20	—	32
№ 29.	***Шарль Жидъ.*** Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія	—	55	—	67
№ 30.	***Г. Грейлихъ.*** О матеріалистическомъ пониманіи исторіи	—	7	—	19
№ 31.	***В. Либкнехтъ.*** Обоснованіе Эрфуртской программы	—	10	—	22
№ 33.	***Записки рабочаго.*** Съ предисловіемъ *П. Гере*	—	55	—	67
№ 34.	***Г. Мохъ.*** Постоянная армія и милиція	—	55	—	67
№ 35.	***К. Фроме.*** Монархія или республика?	1	-	1	12
№ 36.	***В. Зомбартъ.*** Пролетаріатъ въ Америкѣ	—	30	—	42
№ 37.	***Эм. Калеръ.*** Вильгельмъ Вейтлингъ	—	35	—	47
№ 38.	***Д-ръ Люксъ.*** Этьеннъ Кабэ и Икарійскій коммунизмъ	—	65	—	77
№ 39.	***Н. Г. Помяловскій.*** Очерки бурсы	—	75	—	87
№ 40.	***Н. Г. Помяловскій.*** Буколъ	—	10	—	22
№ 41.	***Н. Г. Помяловскій.*** Мѣщанское счастье	—	50	—	62
№ 42.	***Н. Г. Помяловскій.*** Молотовъ	—	75	—	87
№ 43.	***К. Марксъ.*** Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта	—	30	—	42
№ 44.	***Фр. Энгельсъ.*** Анти-Дюрингъ	1	—	1	12
№ 45.	***Роза Люксембургъ.*** Соціальная реформа или революція?	—	30	—	42
№ 46.	***Г. Іекъ.*** Интернаціоналъ	—	80	—	92
№ 53.	***Эд. Доллеанъ.*** Робертъ Оуэнъ	—	50	—	62
№ 54.	***Ахиллъ Лоріа.*** Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ	—	15	—	27
№ 55	***Э. Виллей.*** Избирательное законодательство въ Европѣ	—	75	—	87
№ 56.	***П. Фальбекъ.*** Современный парламентаризмъ	—	40	—	52
№ 57.	***Фр. Мерингъ.*** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Велик.	—	60	—	75
№ 58.	***І. Губеръ.*** Философія соціалъ-демократіи	—	20	—	32
№ 59.	***Павелъ Гере.*** Три мѣсяца на фабрикѣ	1	—	1	12
№ 60.	***Гартманъ.*** Народныя движенія въ Германіи въ 1848 году	1	25	1	37
№ 61.	***Каутскій.*** Анти-Бернштейнъ	1	—	1	12
№ 62—63.	***Г. Кохъ.*** Очерки по исторіи политическихъ идей и системъ государственнаго управленія, 2 вып., каждый по	1	—	1	12
№ 64.	***И. Янжулъ.*** Пьянство, какъ соц. недугъ и борьба противъ него	—	30	—	42
№ 65.	***А. Н. Островскій.*** Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4 д.	—	75	—	—
№ 66.	***А. Н. Островскій.*** Не въ свои сани не садись. Ком. въ 3 д.	—	60	—	—
№ 67.	***А. Н. Островскій.*** Бѣдность не порокъ. Ком. въ 3 д.	—	60	—	—
№ 68.	***А. Н. Островскій.*** Доходное мѣсто. Ком. въ 5 д.	—	75	—	—
№ 69.	***А. Н. Островскій.*** Гроза. Драма въ 5 д.	—	70	—	—

Манчжурія. Соч. *А. Домбровскаго и В. Ворошилова,* по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Въ кол. перепл. 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. *Кл. Оланьона,* съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 р., въ изящн. кол. перепл. 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. *Штандфусса.* Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. Въ кол. перепл. 3 р. 25 к.

Изданіе рекомендовано Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. библ. ср. уч. зав-ній, въ котор. препод. естествовѣдѣніе, а равно и учит. инст. и сем-ій.

Хрестоматія для устн. и письм. соч., съ прил. 15 картинъ. Составили преподав. *В. Н. Куницкій* и *А. Л. Погодинъ.* Цѣна 60 коп.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. *Т. А. Богдановичъ.* Составл. по новѣйш. источникамъ, съ приложеніемъ текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прилож. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. коленкоров. перепл. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. *Стэда.* Пер. съ англ. подъ ред., съ пред. и дополн. *Д. И. Шрейдера.* Цѣна 3 р. 75 коп., въ роск. пер. 5 р.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей *Архимандрита Михаила.* Цѣна 60 коп.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патронаслѣпка. Соч. *Бержъ.* Пер. съ фр. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роск. изд. Ц. 2 р.

Подробные иллюстрир. проспекты и каталоги высылаются по требованію безплатно.

Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.